ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

I

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ЯНВАРЬ

1908
СПБ

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул., № 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

Открыта подписка на 1908 годъ

на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый подъ редакціей **Вл. Г. Короленко**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Баскова ул., 9.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, Никитскія вор., д. Гагарина.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—Пассажъ; въ магазинѣ „Трудъ"—Дерибасовская ул., д. № 25.

Доставляющіе подписку книжные магазины, земскіе склады и управы, частныя и общественныя библіотеки, потребительныя общества, газетныя бюро, комитеты или агенты по пріему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., только при передачѣ сразу полной годовой платы.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ **НЕ ПРИНИМАЕТСЯ** до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

N I
ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ЯНВАРЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный пр., 17.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Русская Правда Пестеля.

У рѣдкаго народа политическая литература представлена такъ слабо и такъ односторонне въ относительно недавнемъ прошломъ, какъ у народа русскаго. За причинами ходить недалеко. Стоитъ вспомнить объ участи Радищева, о подвигахъ Аракчеева и Магницкаго, о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело подавленіе казнями и ссылками политическаго переворота, затѣяннаго декабристами, чтобы понять, почему до эпохи освобожденія крестьянъ и сопровождавшихъ его попытокъ частичнаго переустройства государства на началахъ мѣстнаго самоуправленія и равенства всѣхъ передъ закономъ и судомъ, политическая мысль русскаго народа могла быть только односторонне представлена ревнителями, такъ называемыхъ, историческихъ устоевъ: православія, неограниченнаго единовластія и офиціальной народности.

По мѣрѣ того, какъ отъ цѣпей цензуры освобождается печать, мы пріобрѣтаемъ возможность знакомиться съ рукописями, долго лежавшими подъ спудомъ и за семью печатями, рукописями людей, политическія воззрѣнія которыхъ были осуждены, а поведеніе признано преступнымъ, какъ направленное къ ниспроверженію существовавшаго въ ихъ время порядка. Изъ всѣхъ документовъ подобнаго рода, изданныхъ со дня манифеста 17 октября, центральное мѣсто принадлежитъ „Русской Правдѣ" Пестеля. Къ сожалѣнію, мы далеко не обладаемъ всѣмъ текстомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ трактата, единственнаго потому, что онъ одновременно долженъ былъ служить тремъ цѣлямъ: проповѣди извѣстныхъ соціально-политическихъ принциповъ, готовымъ проектомъ русской конституціи и наказомъ для временнаго правительства. Тѣ рукописи, которыя покойному академику Дубровину удалось добыть изъ бумагъ Слѣдственной Коммиссіи заключаютъ въ себѣ всего нѣсколько главъ „Русской Правды" и притомъ въ разновременной редакціи, да еще записку Пестеля „о государственномъ управленіи", также неполную и несомнѣнно предшествовавшую во времени „Русской Правдѣ". Особенно слѣдуетъ пожалѣть о томъ,

что третья ея глава обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ можно было ожидать, по общему плану сочиненія, перехода отъ общественнаго строя къ государственному. Издатели „Русской Правды“ нашли возможнымъ вставить въ нее „записку о государственномъ управленіи“, которая, по ихъ собственному признанію, составлена изъ черновыхъ отрывковъ и открывается словами: „итакъ, въ каждой области должны быть шесть управъ“,— начало, само указывающее на то, что мы не имѣемъ значительной части документа. При всей своей длинѣ—записка занимаетъ ровно сто страницъ изъ всего числа 244,—мы все же не обладаемъ ея концомъ. Отсутствуетъ весь отдѣлъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. О чемъ всего болѣе надо жалѣть, такъ это о томъ, что въ дошедшихъ до насъ главахъ „Рус. Пр.“ очень мало страницъ отведено изображенію политическаго устройства Россіи, какъ его замышлялъ Пестель. Глава, въ которой не столько изложены, сколько затронуты эти вопросы, не получила окончательной редакціи; она не болѣе, какъ черновой набросокъ. Въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной комиссіей Пестель утверждалъ, что кончены имъ лишь первая, вторая и большая часть третьей главы, четвертая же и пятая написаны начерно, а послѣднія пять главъ имѣются только въ отрывкахъ. Шестая глава должна была поднять рѣчь о верховной власти. Когда Пестель былъ задержанъ, онъ сказалъ Волконскому: необходимо поскорѣе уничтожить „Русскую Правду“; она можетъ насъ погубить. „Правда“ въ цѣломъ не была уничтожена. Это удалось сдѣлать лишь по отношенію къ ея отдѣльнымъ главамъ самому Пестелю или его друзьямъ. [1]) И вотъ почему намъ, по всей вѣроятности, никогда не придется узнать въ полномъ видѣ во всѣхъ подробностяхъ политическую програму того человѣка, котораго декабристы считали своимъ духовнымъ главою, и который, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ его книги, дѣйствительно обладалъ довольно цѣльной и хорошо продуманной схемой преобразованій, необходимыхъ для обращенія русской имперіи въ единую, но сильно децентрализованную, демократію, опирающуюся же на широкомъ фундаментѣ не столько индивидуальной собственности, сколько видоизмѣненнаго по коммунистическому образцу общиннаго владѣнія и пользованія.

---

[1]) Павловъ-Сильванскій въ своей монографіи „Декабристъ Пестель передъ верховнымъ военнымъ судомъ“ говоритъ: Въ серединѣ ноября 1825 г. Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги; онъ сжегъ наиболѣе опасныя главы „Русской Правды“ „о верховномъ управленіи“, а остальныя рѣшилъ скрыть. Большой пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ его бумагами соединены были бумаги его друзей—А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова — былъ зарытъ въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными при участіи Заикина недалеко отъ Тульчина, въ селѣ Карнавовкѣ (Рус. Ист. Библ., № 15, стр. 22).

Рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она издана, не помѣчена никакимъ числомъ; намъ предстоитъ, поэтому, установить, путемъ внутренней критики текста, приблизительное время составленія отдѣльныхъ главъ. Для этого у насъ есть нѣсколько показателей. Спрошенный лицами, производившими слѣдствіе по его дѣлу, о томъ, откуда онъ заимствовалъ „первыя вольнодумныя и либеральныя мысли", Пестель признался, что „сочиненіе Детю-де-Трасси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него." Книга, о которой идетъ рѣчь, носитъ заглавіе „Комментарія на „Духъ Законовъ Монтескье" и была написана ея авторомъ для сѣверо-американскаго президента Джефферсона. Она вышла первоначально на англійскомъ языкѣ въ Америкѣ въ 1811 году. Въ Европѣ французскій оригиналъ напечатанъ былъ безъ согласія автора, и, по его утвержденію, не въ полномъ видѣ сперва въ Люттихѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Та же книга выпущена была, наконецъ, въ свѣтъ самымъ Десту въ ея общераспространенной формѣ въ 1819 году. Есть основаніе думать, что Пестель знакомъ былъ съ нею именно по этому окончательному изданію, къ которому приложенъ, между прочимъ, мемуаръ того же Десту „о средствахъ создать нравственность народа". Отдѣльныя мысли этого мемуара воспроизводятся Пестелемъ въ пятой главѣ его „Русской Правды", когда онъ говоритъ о народѣ въ гражданскомъ отношеніи. Если мои догадки вѣрны, то онѣ даютъ право заключить, что эта глава „Русская Правда", написана не раньше 1819 г. Въ одномъ мѣстѣ ея, принадлежащемъ къ первымъ тремъ главамъ, есть ссылка на событіе, произошедшее въ концѣ 1824 года. Это указываетъ на то, что редакція главъ, дошедшихъ до насъ во вполнѣ обработанномъ видѣ, а таковы только первыя двѣ и часть третьей, не воспослѣдовала ранѣе, какъ за годъ до момента практическаго выступленія декабристовъ или, вѣрнѣе, въ самый годъ этого выступленія. На 75 страницѣ, въ третьей главѣ, посвященной вопросу о сословіяхъ, говоря о мѣщанствѣ, Пестель пишетъ: „непремѣнно уничтожить вышедшее въ концѣ 1824 года постановленіе, извѣстное подъ названіемъ „гильдейскаго" и заключающее въ себѣ все то, что зловластіе выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствованія всѣмъ злоупотребленіямъ и совершеннаго угнетенія бѣднѣйшихъ классовъ". Итакъ, мы имѣемъ двѣ даты — 1819 годъ и конецъ 1824 или 1825 годъ, какъ болѣе или менѣе предѣльные сроки, въ теченіе которыхъ Пестель занятъ былъ сперва составленіемъ отдѣльныхъ набросковъ своего сочиненія, затѣмъ окончательной его обработкой по частямъ [1]).

---

[1]) Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, обнародованъ 14 ноября 1824 года и отпечатанъ въ „Полномъ собраніи законовъ" т. 39. Имъ запрещается мѣщанамъ продавать хлѣбъ и другія произведенія, перевозя ихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, иначе

При бѣгломъ даже знакомствѣ съ его взглядами бросается въ глаза сильное вліяніе, оказанное на него Бентамомъ, авторомъ трактата „Теорія наказаній и наградъ". Читая все написанное Пестелемъ о законѣ и судѣ, проникаешься убѣжденіемъ, что сочиненія Бентама, и въ частности упомянутое нами, во многомъ опредѣлили его образъ мыслей на природу законовъ и установляемыхъ ими санкцій. Это вполнѣ отвѣчаетъ показанію одного изъ декабристовъ, Бестужева, о вліяніи, какое и на него имѣлъ Бентамъ. Обращаясь письменно къ судьямъ, Бестужевъ сказалъ, между прочимъ: „Послѣ школы принялся я за науки и занимался одинъ, считая свой разсудокъ лучшимъ руководствомъ. Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе, и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и Haus (sic) of commons занимали меня, какъ француза или англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ (т. е. оказывалъ) на меня вліяніе Геренъ, изъ публицистовъ—Бентамъ" [1]). Такъ какъ нѣтъ указаній на то, чтобы Пестель знакомъ былъ съ англійскимъ языкомъ, то можно думать, что онъ читалъ Бентама въ извѣстной обработкѣ Дюмона—„Трактатъ о наказаніяхъ и наградахъ". Онъ вышелъ въ Лондонѣ на французскомъ языкѣ въ 1811 году. Передача его взглядовъ Пестелемъ встрѣчается въ той части книги, которая носитъ подзаглавіе: „записки о государственномъ управленіи"; есть поэтому возможность опредѣлить приблизительно и время, раньше котораго не могла появиться эта записка. Этимъ временемъ будетъ 1811 годъ. Наша догадка вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что издатели „Русской Правды" говорятъ намъ о ея авторѣ. По ихъ словамъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ, не покладая рукъ, трудился надъ дѣломъ тайнаго общества, и въ это время значительнѣйшая часть его работы пала на обработку „Русской Правды". Пестель былъ, какъ извѣстно, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна и ранѣе другихъ присталъ къ тайному обществу, образованному въ 1816 году братьями Муравьевыми [2]). Итакъ, мы получили возможность приблизительно установить время составленія отдѣльныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ той книги, которая объединяетъ собою какъ отдѣльныя записки, такъ и главы цѣльнаго трактата, дошедшія до насъ отъ Пестеля. Мате-

какъ подъ условіемъ пріобрѣтенія права торговли уплатой за свидѣтельство 150 руб. (См. статью В. Семевскаго: „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ"—„Рус. Богатство" 1907 г. май, стр. 135 3-е примѣч.).

[1]) См. П. Котляревскій, Декабристы — кн. Одоевскій и А. Бестужевъ, 1907 г. стр. 124—125.

[2]) См. статью Герцена „La conspiration russe de 1825", отпечатанную на русскомъ языкѣ въ „Собраніи сочиненій Рылѣева", Библіотека декабристовъ, окт. 1. 1906 г.

ріалъ этотъ распредѣляется въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующимъ обра зомъ. Первой по времени надо считать „записку о государственномъ управленіи“, которая не могла быть составлена ранѣе 1811 г. и на которой, по всей вѣроятности, основана была репутація Пестеля, какъ сторонника либеральныхъ реформъ, въ то время, когда создано было Муравьевыми тайное политическое общество въ Петербургѣ, т. е. въ 1816 г., что и позволило имъ обратиться къ Пестелю съ предложеніемъ войти въ него. Къ позднѣйшему времени принадлежатъ не вполнѣ обработанныя главы „Русской Правды“, начиная съ четвертой и пятой; въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи Пестель говорилъ, что онѣ написаны только начерно. Въ этихъ главахъ изложено почти все то, что сказано имъ по поводу сословной организаціи Русской Имперіи, ея земельнаго устройства, ея политическихъ учрежденій, начиная съ низшей земской единицы—волости, переходя къ уѣзду и области и оканчивая всѣмъ государствомъ. Наконецъ, въ связи съ гражданскими правами русскихъ подданныхъ, въ этихъ главахъ, а именно въ пятой, говорится и объ ихъ публичныхъ правахъ и обязанностяхъ. Это, можно сказать, тѣ части книги, по которымъ всего легче судить о характерѣ затѣяннаго Пестелемъ преобразованія. Что же касается до первыхъ трехъ главъ, то и онѣ, повидимому, разновременнаго происхожденія. „Глава I переписана набѣло, пишетъ Павловъ-Сильванскій, на бумагѣ съ водяными знаками 1821 г. Часть главы II и III переписана на бумагѣ со знаками 1823 и 1824 г“ [1]). Въ виду сказаннаго можно согласиться съ тѣмъ же историкомъ что „Русская Правда“ вчернѣ была написана къ 1823 году, но дошедшая до насъ редакція, вѣроятно, относится къ слѣдующему году. Это вытекаетъ изъ показаній, данныхъ самимъ Пестелемъ передъ судомъ. Онъ заявилъ, что „послѣ перехода его къ республиканскому образу мыслей „Русская Правда“ не писалась уже такъ ловко, какъ прежде [2]). „Отъ меня часто требовали ею поспѣшить, и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное кое-что переправлялъ“. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Пестель говоритъ: „Нѣкоторыя статьи и краткія начертанія („Русской Правды“) написалъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, въ 1824 г.“

Ничто прямо не выдаетъ намъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля за того республиканца, какимъ онъ рисовался воображенію своихъ современниковъ и ближайшаго потомства, и какимъ изображаетъ его намъ Герценъ въ своемъ извѣстномъ очеркѣ о декабристахъ, написанномъ для францу-

---

[1]) Павловъ-Сильванскій. Пестель передъ Верховнымъ судомъ, стр. 13.
[2]) Ibid., стр. 30.

зовъ и только недавно появившемся на русскомъ языкѣ [1]). „Пестель былъ горячимъ республиканцемъ, пишетъ Герценъ... Соглашаясь съ собесѣдникомъ, что было бы очень недурно добиться англійской конституціи, онъ... тутъ же прибавлялъ, что самъ предпочелъ бы американскую, которая, по его словамъ, охраняетъ интересы всѣхъ, а не однихъ только лордовъ и купцовъ". О самомъ себѣ Пестель при допросѣ показалъ, что отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей онъ переведенъ былъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Дестю-де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него. Дестю доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей самъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ". Говоря это, Пестель, очевидно, разумѣлъ то, что Дестю-де-Траси пишетъ въ комментаріи на XI книгу „Духа Законовъ".

Въ названной части своего сочиненія этотъ французъ, пишущій для Америки, въ періодъ Наполеоновскаго владычества, полемизируетъ съ ходячимъ мнѣніемъ, что при устройствѣ исполнительной власти необходимо придерживаться единства. „Я позволяю себѣ утверждать, говоритъ онъ, что рѣшительно не слѣдуетъ сосредоточивать всей власти исполненія въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, приводимое въ доказательство обратнаго, то,—будто для производства правительственнаго акта, какъ для всякаго дѣйствія, одинъ человѣкъ болѣе пригожъ, чѣмъ нѣсколько лицъ". Дестю, очевидно, разумѣетъ извѣстный афоризмъ, l'action est le fait d'un seul: la dilibèration est le fait de plusieurs. Этотъ афоризмъ фигурируетъ въ числѣ, такъ называемыхъ, Наполеоновскихъ принциповъ, хотя и формулированъ былъ впервые никѣмъ другимъ, какъ аббатомъ Сэйесомъ, авторомъ консульской конституціи. Критикуя мысль о необходимости единаго главы исполненія, Дестю говоритъ, что цѣльность и единство существенны въ въ волевыхъ актахъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ объ одномъ проведеніи этихъ рѣшеній или этихъ актовъ. Не даромъ у насъ одна голова и нѣсколько повинующихся ей органовъ движенія. Не даромъ также нѣтъ монарха, у котораго бы не было нѣсколькихъ министровъ. Но вѣдь дѣйствительными исполнителями являются они. Монархъ ограничивается выраженіемъ извѣстныхъ пожеланій, самъ часто ничего не предпринимая. Въ самой Англіи король ничто, если не имѣть въ виду его участія въ законодательствѣ. Отнимите у него эту неподобающую ему функцію и онъ сталъ бы совершенно не нуженъ. Дѣйствительное правительство образуютъ здѣсь законодательный корпусъ и совѣтъ министровъ. Король не болѣе какъ лишнее колесо машины, только увеличивающее ея тренія и

[1]) Въ предисловіи къ полному собранію сочиненій Рылѣева.

общее количество издержекъ, связанныхъ съ управленіемъ ею“ [1]). Но король, по мнѣнію Дестю, не только не нуженъ; онъ еще опасенъ, и вотъ почему.

Въ системѣ единоначалія авторъ отмѣчаетъ, слѣдующую недопустимую по его мнѣнію, черту—ея неограниченность невозможность ввести власть, короля въ опредѣленныя рамки (c'est d'être de sanature illimité et illimitable). Этотъ недостатокъ происходитъ отъ того, что наслѣдственная власть правителя едина и нераздѣльна. Но никакая наслѣдственная власть не можетъ чувствовать себя прочно установленной, если рядомъ съ нею мы признаемъ верховенство общей воли, т. е. суверенитетъ народа. Послѣднее клонится къ тому, чтобы сдѣлать срочнымъ всякое начальствованіе, создаваемое путемъ выдачи полномочія отъ народа, полномочія срочнаго и подлежащаго взятію обратно. Неизбѣжно поэтому стремленіе этого строя къ упраздненію самаго начала народнаго суверенитета, такъ какъ съ этимъ связано ея собственное упроченіе. Эта неизбѣжность лежитъ не въ однихъ человѣческихъ страстяхъ, но въ самой природѣ вещей. Ясно, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого, ясно, что въ этомъ строѣ нельзя обойтись безъ вѣчной вражды, острой или затяжной, явной или тайной. Выходъ изъ нея можетъ быть только одинъ: рабство народа или перемѣны самого строя. Надѣяться на сохраненіе свободы и этой системы строя, это то же, что желать двухъ вещей, взаимно исключающихъ другъ друга [2]).

Этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ между народнымъ суверенитетомъ и единоначаліемъ Дестю объясняетъ и отмѣченныя Монтескье безнравственность и продажность, существующія при такомъ образѣ правленія, стремленіе его къ развитію роскоши, разврата, чванства; пристрастіе къ войнамъ и завоевательной политикѣ, разстройство имъ финансовъ народа, извращеніе нравовъ придворныхъ, приниженіе низшихъ классовъ общества, тенденцію не къ развитію знаній, а, наоборотъ, къ ихъ искорененію, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается нравственной философіи, мы бы сказали теперь общественныхъ наукъ, наконецъ, самое стремленіе режима къ поощренію легкомыслія, необдуманности и эгоизма. „Все это въ порядкѣ вещей“, пишетъ Дестю: „такъ какъ интересъ правителя отличенъ отъ общаго интереса народа, то онъ и ведетъ себя, какъ обособленная секта или партія въ государствѣ. Онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вносить раздѣленіе въ націю, дабы тѣмъ ослабить ее и облегчить для себя самого борьбу съ нею. Въ его интересахъ поддерживать противорѣчіе въ стремленіяхъ отдѣльныхъ классовъ, такъ какъ это позволяетъ ему господствовать надъ одними съ помощью другихъ. Сторонники единоначалія не могли поэтому остановиться

[1]) Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu. Стр. 185 и 186.
[2]) Ibd., стр. 197.

при устройствѣ его на другой схемѣ; помимо системы противовѣсовъ, которая, возстановляя однѣ власти противъ другихъ, обращаетъ ихъ во враждующія арміи".

Воспроизведеніе этихъ послѣднихъ мыслей можно найти въ томъ, что Пестель говоритъ о необходимости упраздненія сословій: „всякое существованіе отдѣльнаго отъ общей массы народной сословія, есть вещь пагубная по той причинѣ, что такое сословіе не долго будетъ удовлетворяться однимъ наслажденіемъ самолюбія. Оно будетъ искать существеннѣйшихъ для себя выгодъ и, отдѣлившись разъ отъ общей массы народной, будетъ жертвовать благомъ общины для проведенія своей корысти и для овладѣнія существеннѣйшими преимуществами, нарушающими равенство всѣхъ предъ закономъ—сіе первѣйшее, главнѣйшее и прочнѣйшее основаніе государственнаго благоденствія".—И, сказавъ это, Пестель прибавляетъ: „чего не дѣлали древніе козни дворянскія?" [1])—заявленіе, содержаніе котораго, какъ я полагаю, мы вправѣ распространить и на современность.

Все приведенное мѣсто очень близко по мысли, если не по формѣ, къ слѣдующимъ положеніямъ Дестю-де-Траси: „всегда безполезно или вредно, чтобы тѣ, кто имѣетъ серіозныя преимущества въ обществѣ (преимущества рожденія или богатства), имѣли возможность присоединять къ нимъ и преимущества власти. Это позволило бы имъ не столько озаботиться собственной защитой—мысль, на которой Монтескье строилъ положеніе о необходимости особой аристократической камеры,—сколько угнетать другихъ" [2]).

Какъ для Дестю, такъ и для Пестеля, ни рожденіе, ни богатство не должны служить основаніемъ къ какимъ-либо исключительнымъ правамъ и преимуществамъ. „Богатые, пишетъ Пестель въ четвертой главѣ, всегда будутъ существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять къ богатству еще другія политическія права и привилегіи за исключеніемъ (т. е. во вредъ) бѣдныхъ. А посему и возлагается непремѣнная обязанность на верховное правленіе въ полной мѣрѣ всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить [3]). Чего Пестель желаетъ, такъ это того, чтобы всѣ сословія слились въ одно общее—гражданское [4]).

Такимъ образомъ, вліянію Дестю-де-Траси надо приписать враждебность Пестеля и къ конституціонной монархіи и къ системѣ противовѣсовъ, а также его нежеланіе дать аристократіи отличное отъ народа участіе въ политической власти и представительствѣ. Ни разу во всемъ своемъ

[1]) „Русская Правда", стр. 70.
[2]) Considérations, стр. 173.
[3]) Русская Правда, стр. 214.
Ibid., стр. 199.

сочиненіи Пестель не отнесся съ похвалой къ англійскимъ политическимъ порядкамъ, столь превозносимымъ въ его время публицистами либеральной партіи съ Бенжаменомъ Констаномъ во главѣ.

Республиканизмъ Пестеля мѣшаетъ ему произносить съ похвалою, по примѣру всѣхъ современниковъ, имя Монтескье. Оно ни разу не встрѣчается въ его книгѣ, какъ нѣтъ въ ней и упоминанія о необходимости раздѣленія властей, сдѣлавшагося почти избитымъ мѣстомъ публицистики первой четверти XIX ст. Въ этомъ несомнѣнно надо видѣть вліяніе Дестюде-Траси, сведшаго всѣ различія въ формахъ правленія не къ тому, насколько въ нихъ власти обособлены, а къ тому, насколько въ нихъ верховенство, или суверенитетъ, принадлежитъ націи или, наоборотъ, одной изъ ея составныхъ частей, той или другой династіи или сословію [1]).

Для автора Русской Правды, какъ и для комментатора Монтескье, двухпалатная система является невозможностью въ виду отрицанія обоими писателями всякихъ сословій, всякаго политическаго класса, надѣленнаго особыми преимуществами въ государствѣ. Представительство должно быть основано, по ихъ мнѣнію, на началѣ равенства правъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ; ни одинъ изъ двухъ писателей не признаетъ за женщинами права участія въ политическихъ выборахъ и государственной власти.

„Всѣ россійскіе граждане должны одинаковымъ образомъ пользоваться всѣми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться ими на цѣломъ пространствѣ Государства“, читаемъ мы въ пятой главѣ Русской Правды [2]). Всѣ они по достиженіи совершеннолѣтія (т. е. 20 л.) участвуютъ въ выборахъ. „Народныя Собранія на два рода должны быть раздѣлены (гл IV, стр. 24); изъ нихъ однимъ именоваться земскими, а другимъ намѣстными (т. е. представительными). Земскимъ народнымъ собраніемъ быть по одному въ каждой волости, состоять изъ всѣхъ гражданъ, къ той волости по гражданскому списку приписанныхъ, и заниматься единственно выборомъ гражданъ въ члены извѣстныхъ народныхъ собраній... Намѣстнымъ же народнымъ собраніямъ заниматься всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными, и состоять изъ трехъ степеней такимъ образомъ, чтобы каждая волость имѣла свое намѣстное волостное собраніе, каждый уѣздъ—свое намѣстное уѣздное собраніе, а каждый округъ или губернія—свое намѣстное окружное или губернское собраніе (стр. 214 и 215). Окружныя собранія назначаютъ народныхъ представителей въ народное вѣче, образующее верховную законодательную власть (стр 217).

---

[1]) Considerations, кн. 2, стр. 12.
[2]) Стр. 200.

Въ политической схемѣ Пестеля выступаетъ то же желаніе внести широкую децентрализацію, какое мы находимъ въ проектѣ Сперанскаго насчетъ конституціоннаго устройства Имперіи. Но эта децентрализація не идетъ дальше той, какая была допущена Бенжаменомъ Констаномъ въ проектированномъ имъ преобразованіи Франціи. Подобно Констану, Пестель могъ бы сказать: „руководительство дѣлами всѣхъ принадлежитъ всѣмъ. То, что интересуетъ часть государства, должно быть рѣшено этой частью“ [1]).

Въ первой главѣ Русской Правды Пестель задается вопросомъ о различіи въ природѣ государствъ, какъ онъ выражается, нераздѣлимыхъ и государствъ федеральныхъ. Онъ справедливо видитъ его въ томъ, что право издавать законы, образовывать общественныя учрежденія и распоряжаться государственными дѣлами въ послѣднихъ, т. е. федеральныхъ, въ отличіе отъ первыхъ, раздѣлено между общей Верховной властью и частными областными властями. Изъ этихъ двухъ порядковъ онъ даетъ рѣшительное предпочтеніе тому, въ которомъ не имѣется такого раздѣленія: оно особенно нежелательно, полагаетъ онъ, въ государствѣ, составленномъ изъ столькихъ разнообразныхъ племенъ, какъ Россія. Послѣдняя должна поэтому остаться въ его глазахъ единой и нераздѣльной.

Изъ двухъ видовъ федераціи, Пестелю, повидимому, извѣстенъ былъ только тотъ, при которомъ союзная власть лишена исполнительныхъ функцій, и издаваемыя ею законы имѣютъ силу только въ случаѣ согласія на нихъ властей отдѣльныхъ государствъ союза.

„Верховная власть въ федераціяхъ по существу дѣла не законы даетъ, но только совѣты, пишетъ Пестель; ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ.“ [2]) Это тѣ порядки, какіе извѣстны были Республикѣ Соед. Нидерландъ и Швейцаріи до 1848, которые существовали одно время въ С. Америкѣ, но которымъ положенъ былъ конецъ принятіемъ нынѣ дѣйствующей конституціи, конституція 1787 г. Пестель, очевидно, не достаточно былъ знакомъ съ нею, а превратное понятіе о федераціяхъ еще болѣе содѣйствовало укорененію въ его умѣ мысли, что Россія должна остаться государствомъ нераздѣльнымъ подъ страхомъ отложенія отъ нея тѣхъ разнородныхъ частей, изъ которыхъ она составлена.

Противникъ федерализма, Пестель [3]) въ то же время, повидимому, вполнѣ раздѣляетъ взгляды Бенжамена Констана и либеральной школы на необходимость широкой административной децентрализаціи. Бенжаменъ

---

[1]) Constant Collection Complète, т. I стр. 198, du pouvoir municipal.
[2]) Русская Правда, гл. 1, стр. 22.
[3]) ibid., стр. 23.

Констанъ въ этомъ отношеніи шелъ такъ далеко, что требовалъ выдѣленія въ особую категорію муниципальной власти, какъ отличной отъ исполнительной.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что приведенными мыслями Констана, Пестель стоитъ за созданіе мелкой земской единицы въ лицѣ волости, которой одинаково можетъ быть городъ, мѣстечко, село или деревня, имѣющіе тысячу обывателей мужескаго пола или болѣе („Русская Правда", гл. I, стр. 24—25). Волость является у него не только первичной административной единицей, единицей при этомъ самоуправляемой, но и единицей имущественной. „Народонаселеніе и земельное пространство, занятое волостью, должны быть, пишетъ Пестель, въ возможномъ соотвѣтствіи. А какъ ни одна волость не должна имѣть менѣе тысячи обывателей мужескаго пола, то и земельное пространство, ею занятое, не должно ни въ единой волости заключаться въ меньшемъ количествѣ, какъ сколько нужно для тысячи человѣкъ мужескаго пола съ ихъ семействами".

Въ IV главѣ, дошедшей до насъ, какъ видно изъ словъ Пестеля, далеко не въ окончательной редакціи, волость призвана къ владѣнію на началахъ нераздѣльности пріуроченными къ ней землями. Выбираемое въ ней всѣми совершеннолѣтними мужчинами представительное, или, какъ выражается Пестель, „намѣстное" собраніе высказывается окончательно по вопросу о раздачѣ участковъ волостной земли въ пользованіе обывателямъ, каждый разъ по предложенію волостного правленія. „Любой членъ волостного общества, пишетъ Пестель, имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ. Принужденъ же къ тому никто быть не можетъ. Сіе право распространяется равнымъ образомъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя свои частныя земли и на неимѣющихъ таковыхъ, ибо они суть всѣ члены волостного общества. Когда требуется менѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда получаетъ каждый требователь желаемое число, а остальные участки могутъ отдаваться на откупъ постороннимъ лицамъ. Когда требуется болѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда остаются безъ удовлетворенія требованія тѣхъ гражданъ, кои требуютъ наибольшее число участковъ, такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равныя требованія, предпочитаются неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые такими землями обладаютъ, пропитывающіеся отъ одного земледѣлія тѣмъ, которые занимаются еще какой-нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, который бѣднѣе. Каждый участокъ долженъ быть такъ великъ, чтобы необходимое для житья одного тягла доставить могъ. Тягломъ разумѣется мужъ съ женой и тремя дѣтьми. Участки поступаютъ не въ полную собственность,

но для того, чтобы ихъ обрабатывать и пользоваться ихъ произрастаніями. Каждый участокъ отдается въ обладаніе на одинъ годъ, по истеченіи котораго переходитъ въ другія руки или опять за тѣмъ же владѣльцемъ утверждается. Земледѣльческій годъ считается съ конца одной жатвы до конца другой. Земля общественная, какъ принадлежащая всему обществу, не можетъ быть ни продана, ни заложена. Она не можетъ переходить изъ рукъ въ руки иначе, какъ въ трехъ случаяхъ: когда получившій участокъ пожелаетъ обмѣнять его на свободный, когда онъ не въ силахъ воспользоваться всѣми поступившими въ его обладаніе участками, когда онъ лишенъ права пользованія ими по приговору волости „за гласный и доказанный развратъ". Такъ какъ общественная земля должна доставить каждому необходимое для жизни, то онъ долженъ, пишетъ Пестель, заниматься своимъ участкомъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, а потому волостное общество и сохраняетъ власть за гласный и доказанный развратъ лишать права на общественные участки. Въ постороннія руки участки волостной земли могутъ поступить только тогда, когда волостное общество удовлетворило всѣ требованія на нихъ своихъ членовъ.

Этотъ проектъ устройства аграрнаго коммунизма комбинированъ у Пестеля съ системой волостного кредита и волостного обязательнаго страхованія. „Въ каждой волости, пишетъ онъ, долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ коего бы каждый гражданинъ волости могъ существованіе получить. Къ сему банку полезно присоединить страховое учрежденіе. Изъ банка граждане будутъ получать нужное количество денегъ на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ при поступленіи ими въ число землевладѣльцевъ. Такая помощь будетъ оказываема, между прочимъ, переселенцамъ. При существованіи такой системы обезпеченія каждаго общественной землей, составъ переселенцевъ, надѣется Пестель, значительно измѣнится. Ими будутъ не бѣднѣйшія семьи, какъ теперь, а тѣ, которыя не получили желательнаго для нихъ количества участковъ. Нынѣ, жалуется Пестель, переселенія производятся самыми неимущими людьми, тѣми, кто не находитъ на мѣстѣ средствъ къ пропитанію. Отъ этого происходитъ то, что большая часть переселенцевъ пропадаетъ по дорогѣ, а тотъ кто до мѣста достигнетъ, тотъ способа не имѣетъ ни себя порядкомъ водворить, ни новой своей землѣ пользу принести, такъ какъ для всего этого нужны капиталы, которыхъ онъ не имѣетъ. Но разъ станутъ переселяться люди зажиточные, послѣдствія переселенія будутъ несомнѣнно болѣе благотворны". Отъ созданія системы общественныхъ земель, раздаваемыхъ въ пользованіе на годъ участками, Пестель ожидаетъ установленія между людьми тѣснаго общенія, мы бы сказали, солидарности. Этотъ терминъ употребляется уже Пестелемъ, но въ его французской формѣ—

solidarité, надежное ручательство тому, что понятіе, имъ представляемое, еще не успѣло въ то время проникнуть въ русское общественное сознаніе. При солидарности членовъ общины, Пестель считаетъ возможнымъ и круговую поруку ихъ въ исполненіи всѣхъ падающихъ на обывателей повинностей. „Волость за каждаго вступаться будетъ, пишетъ онъ; для правительства же та будетъ неоцѣненная выгода, что оно не будетъ съ каждымъ частнымъ человѣкомъ вѣдаться особо. Оно будетъ знать только волость и волостное правленіе; отъ сего послѣдняго требовать частнаго исполненія всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и съ него требовать за всякія упущенія; въ личный же разборъ входитъ только тогда, когда волостное правленіе содѣйствія просить будетъ“.

Только что изложенная нами система любопытна, во-первыхъ, потому, что является, по всей вѣроятности, первой въ Россіи попыткой сколько-нибудь стройнаго коммунистическаго ученія. [1]) Она интересна, во-вторыхъ, потому, что заключаетъ въ себѣ одно лишь видоизмѣненіе мірской системы пользованія, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что послѣднее хорошо было извѣстно русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ, вопреки распространенному нѣмцами воззрѣнію, что мы впервые узнали о немъ изъ книги барона Гакстгаузена, наконецъ, въ-третьихъ самая, схема Пестеля, какъ не устраняющая существованія рядомъ съ мірскою личной земельной собственности, для которой онъ требуетъ неприкосновенности, является счастливымъ примиреніемъ частичной націонализаціи земли съ порядкомъ индивидуальнаго владѣнія ею. Пестель уже подымаетъ вопросъ объ образованіи земельнаго фонда не въ рукахъ государства, а въ рукахъ отдѣльныхъ его общинъ. Эта мысль заслуживаетъ быть отмѣченной особенно въ переживаемую нами эпоху, когда на очередь поставленъ вопросъ о добавочномъ надѣленіи крестьянъ съ помощью государственнаго выкупа части помѣщичьихъ земель, и мнѣнія отдѣльныхъ политическихъ партій расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ этихъ прирѣзокъ, составятъ ли онѣ личное или, по меньшей мѣрѣ, семейное достояніе тѣхъ, въ чью пользу онѣ будутъ произведены, или поступятъ къ нимъ лишь въ пользованіе, при чемъ собственность останется за общиной. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ высказываются, между прочимъ, составители программы партіи демократическихъ реформъ, и мнѣ лично трудно было бы понять пользу всей проектируемой выкупной операціи, если бы послѣдствіемъ ея

[1]) На ней несомнѣнно отразилось вліяніе той практической попытки устроить подобіе коммунистическихъ порядковъ при сохраненіи бокъ-о-бокъ частной земельной собственности, которая связана съ именемъ Роберта Оуэна и предпріятія, затѣяннаго имъ въ Нью-Ланаркѣ. Та же раздача земель въ пользованіе и та же роль банка въ ссудѣ средствъ, необходимыхъ для первоначальнаго обзаведенія колонистовъ, то же уваженіе къ трудовому началу.

было одно перемѣщеніе земли изъ рукъ нынѣшнихъ собственниковъ въ руки другихъ, хотя бы и болѣе численныхъ.

Политическая схема Пестеля, извѣстная намъ лишь въ вышеприведенномъ отрывочномъ видѣ, благодаря истребленію той главы „Русской Правды“, которая должна была касаться организаціи верховной власти, интересна тѣмъ, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ господствующимъ у декабристовъ теченіемъ, теченіемъ федералистическимъ. Читая текстъ той конституціи, которая была найдена при обыскѣ въ бумагахъ декабриста кн. Трубецкого, и того наброска, какой по памяти Сергѣй Муравьевъ долженъ былъ начертать собственноручно для слѣдственной комиссіи, выносишь то впечатлѣніе, что обширность имперіи, многообразіе племенъ, ее населяющихъ, различіе хозяйственныхъ интересовъ и культурнаго уровня отдѣльныхъ областей, внушили преобразователямъ Россіи въ царствованіе Александра I мысль приблизить ея устройство къ американскому федеральному образцу. Отсюда, между прочимъ, тѣ автономныя „державства“, т. е. области, которыя въ конституціи Муравьева являются подобіемъ штатовъ. Они имѣютъ свои отдѣльныя законодательныя собранія, или думы, построенныя по системѣ двухъ палатъ и раздѣляющія функціи законодательства съ народнымъ вѣчемъ всей имперіи, также двухчленнымъ, составленнымъ изъ верховной думы и палаты представителей. Державства или области имѣютъ свою особую отъ центральной исполнительную власть въ лицѣ, такъ называемаго, правителя, его намѣстника и совѣта. Образецъ, котораго декабристы придерживаются при федеративномъ устройствѣ Россіи, данъ, такимъ образомъ, конституціей 1787 г., вышедшей изъ рукъ засѣдавшей въ Филадельфіи конференціи американскихъ патріотовъ съ Франклиномъ и Гамильтономъ во главѣ.

При незнакомствѣ Пестеля съ дѣйствительной природой этой конституціи и допущеніи имъ лишь того типа сложнаго государства, которымъ является, такъ называемая, конфедерація, подобная той, какая держалась въ Америкѣ до 1787 года, насъ не должно поразить его утвержденіе, что „верховная власть въ федеративномъ государствѣ не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ черезъ посредство областныхъ властей; ежели же область не захочетъ повиноваться, то дабы ее къ повиновенію принудить, надо междуусобную войну завести“ (кн. I, стр. 22). Въ виду этого Пестель высказывается въ пользу устройства Россіи на началахъ политически централизованнаго государства, въ которомъ за отдѣльными областями будетъ признано только право самоуправленія, а не автономіи, точь-въ-точь какъ и за низшими земскими единицами—волостями—и посредствующими звеньями, такъ называемыми, имъ уѣздами. Только для Польши Пестель дѣлаетъ исключеніе, при-

глашая Россію даровать ей независимое существованіе, подъ условіемъ заключенія съ нею вслѣдъ затѣмъ тѣсного союза въ мирѣ и войнѣ.

Пестель не считаетъ нужнымъ дать признаніе требованіямъ отдѣльныхъ національностей, населяющихъ имперію, даже въ томъ случаѣ, если эти требованія не выходятъ изъ границъ, дѣлающихъ возможнымъ развитіе однѣхъ культурныхъ особенностей каждой. Онъ стоитъ за то, чтобы на всемъ пространствѣ Русскаго Государства дѣйствовали одни и тѣ же законы, существовалъ одинъ и тотъ же образъ управленія. Онъ противъ признанья особыхъ условій Малороссіи, Украйны и Бѣлороссіи [1]).

„Всѣ племена Россіи, пишетъ онъ, должны быть слиты въ одинъ народъ такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго Государства были всѣ русскіе. Къ этой цѣли, пишетъ онъ, ведутъ многоразличные способы: во-первыхъ, на цѣломъ пространствѣ Россійскаго Государства долженъ господствовать одинъ только языкъ русскій; во-вторыхъ, нужно, чтобы исчезли даже различія имени для отдѣльныхъ составныхъ частей Россіи; въ-третьихъ, чтобы одни и тѣ же законы и одинъ и тотъ же образъ управленія держались во всей странѣ“. Пестель надѣется, что послѣдствіемъ этого будетъ то, что всѣ обрусѣютъ [2]).

Схема Пестеля еще тѣмъ отличается отъ той, которой придерживался Муравьевъ и большинство членовъ тайнаго общества, засѣдавшаго въ Петербургѣ, что построена на началѣ полнаго равенства всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ передъ избирательной урной. „Весь народъ, пишетъ онъ, будетъ размѣщенъ по земскимъ собраніямъ для всеобщаго участія въ составленіи намѣстныхъ, или представительныхъ собраній. Намѣстныя собранія будутъ симъ способомъ весь народъ и всѣхъ онаго граждавъ въ полной мѣрѣ безъ изъятія представлять. Никто не будетъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ. А поелику участіе сіе устроено будетъ порядкомъ представительнымъ, посредственнымъ, то и будутъ въ полной мѣрѣ соглашены невозможность для гражданъ собираться въ одно мѣсто съ обязанностью даровать всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на сіе соучастіе“. Въ то время какъ Муравьевъ и большинство декабристовъ считали нужнымъ установить извѣстный земельный цензъ и для избирателей и для выборщиковъ, Пестель, высказываясь, подобно имъ, въ пользу двухстепенныхъ выборовъ, не мирится ни съ какими ограниченіями избирательнаго права. „Гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привилегіи, за исключеніемъ массы народной, будетъ совершенно уничтоженъ“ [3]), говоритъ онъ. Порабощающая сила аристократовъ и бога-

---

1) Ibid., стр. 39.
2) Гл. II, стр. 55.
3) стр. 217.

тыхъ—причина тому, что во многихъ представительныхъ государствахъ предоставлено право участія въ избраніи однимъ только богатѣйшимъ людямъ.“ Такимъ образомъ, замѣчаетъ Пестель, аристократія богатства замѣняетъ въ такихъ государствахъ аристократію феодализма.

Народы отъ этого не только ничего не выигрываютъ, но попадаютъ въ еще худшее положеніе, ибо поставлены въ насильственную зависимость отъ богатыхъ [1]). Тѣмъ, кто вздумалъ бы возразить, что демократическій составъ народнаго представительства опасенъ для внутренняго мира и спокойствія, Пестель отвѣчаетъ: „Что касается до опасенія, чтобы, такъ называемая, чернь не волновала государства, когда въ выборахъ она участвовать будетъ, то опасеніе это совершенно лишнее и напрасное; чернь производитъ безпорядки только тогда, когда ее угнетаютъ, или когда богатые въ своихъ видахъ ее подкупаютъ и волнуютъ. Сама же она пребываетъ всегда въ спокойствіи“.

Равенство, проводимое Пестелемъ въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ, примѣняется и къ пользованію гражданами, такъ называемыми, политическими вольностями или свободами. Въ духѣ публицистовъ либеральной школы, въ частности Бенжамена Констана, и нерѣдко въ тѣсномъ общеніи съ мыслью дѣятелей французскаго учредительнаго собранія и ихъ духовныхъ вождей, въ томъ числѣ физіократовъ и Тюрго, Пестель высказывается одинаково и за неприкосновенность личности, и за неприкосновенность собственности, и противъ свободы завѣщательныхъ распоряженій, совершенно въ духѣ Мирабо, и за свободу промышленности, въ частности, свободу роста, въ пользу которой написана была, какъ извѣстно, краснорѣчивая защита его учителемъ Бентамомъ, и противъ существованія цеховъ, и противъ надѣленія монополіями отдѣльныхъ товариществъ. Вліяніе на него тѣхъ предразсудковъ, какіе, вмѣстѣ съ Тюрго, раздѣлялъ и Адамъ Смитъ, по отношенію ко всякимъ частнымъ обществамъ, съ постоянной цѣлью учреждаемымъ, а въ томъ числѣ и къ рабочимъ обществамъ и торговымъ товариществамъ, побуждаетъ его высказаться за ихъ запрещеніе, все равно, будутъ ли они открытыми или тайными [2]). Та точка зрѣнія, какую еще Руссо высказывалъ на счетъ противоположенія частнаго интереса общему, въ связи съ преувеличеннымъ представленіемъ автора „Эмиля“ о роли воспитанія въ выработкѣ достойныхъ гражданъ, побуждаетъ Пестеля отказать частнымъ лицамъ въ правѣ устройства школъ. Воспитаніе—исключительное право, съ одной стороны, семьи, а, съ другой, государства. Частныя лица, пишетъ онъ, не должны заводитъ ни пансіо-

---

[1]) 214.
[2]) § 17 гл. V, стр. 237 и § 20, стр. 240.

новъ, ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане своихъ дѣтей отдавали. Коль-скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты заниматься воспитаніемъ, должно правительство ихъ мѣсто заступать и не допускать, чтобы сіе (т. е. забота о воспитаніи) было предоставлено постороннимъ людямъ [1]).

Въ вопросѣ о свободѣ совѣсти и печати, какъ и въ вопросѣ о личной неприкосновенности человѣка и его жилища, Пестель повторяетъ обычныя требованія всей либеральной школы. Свобода печати для него равнозначительна съ существованіемъ одного судебнаго контроля за нею, контроля, осуществляемаго, однако, не иначе, какъ при участіи избранныхъ отъ народа присяжныхъ. Что касается до свободы совѣсти, то она признается имъ съ оговоркой, что греко-россійская православная вѣра остается господствующей въ Россіи. Свобода проповѣди исключаетъ мысль о сохраненіи какой бы то ни было инквизиціи. Личная неприкосновенность требуетъ освобожденія отъ задержанія до истеченія 24 часовъ послѣ ареста, какъ это предписываетъ англійскій Habeas corpus актъ. „Въ домъ же гражданина никто войти не можетъ безъ его согласія; самый же арестъ происходитъ послѣ предъявленія полиціей письменнаго предписанія о немъ съ указаніемъ причинъ". И на этотъ разъ образцомъ для Пестеля остается англійская система, такъ называемая, спеціальныхъваррантовъ (warrants), требующая обозначенія внѣшнихъ признаковъ задерживаемаго и указанія, въ чемъ его обвиняютъ.

Переходя къ разсмотрѣнію обязанностей гражданъ, Пестель говоритъ объ общей воинской повинности и высказываетъ свое пристрастіе къ системѣ прямыхъ налоговъ, при которой обложено было бы недвижимое имущество гражданъ, а не капиталы или чистая прибыль и еще менѣе „душа". Конфискація имущества не должна быть допускаема даже по отношенію къ тѣмъ, кто политически признанъ судомъ умершимъ. Имѣніе осужденнаго должно быть передано его дѣтямъ [2]).

Если прибавить ко всему сказанному, что Пестель рѣшительно возстаетъ противъ смертной казни и крѣпостного права, что отмѣнѣ послѣдняго посвящена имъ краснорѣчивая страница, внушенная ему, быть можетъ, чтеніемъ „Путешествія Радищева", и что, по подобію Іереміи Бентама и Сенъ-Симона, онъ ставитъ въ обязанность государству „елико возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго количества людей" [3]), то трудно будетъ не признать, что многими сторонами своихъ воззрѣній

[1]) § 18 гл. V, стр. 239.
[2]) § § 12 и 7, стр. 233 и 225.
[3]) Гл. IV § 5.

онъ тѣсно примыкаетъ къ намъ, опережая насъ на три четверти столѣтія.

Въ одномъ еврейскомъ вопросѣ онъ не столько является сторонникомъ равноправія, сколько тѣхъ самыхъ началъ, которыя нынѣ проповѣдуются сіонистами. Онъ, какъ нельзя лучше, понимаетъ вредъ обособленнаго существованія евреевъ отъ всего прочаго населенія, ихъ тѣсной зависимости отъ раввиновъ и ихъ дружной связи, какъ онъ выражается, между собою. Послѣдней онъ объясняетъ, что „коль-скоро они въ какое-нибудь мѣсто допущены, то неминуемо становятся монополистами и всѣхъ прочихъ вытѣсняютъ. Сіе ясно видѣть можно, прибавляетъ онъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они жительство свое имѣютъ. Вся торговля тамъ въ ихъ рукахъ, и мало тамъ крестьянъ, которые бы посредствомъ долговъ не въ ихъ власти состояли, отчего и разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительствуютъ.“ Особенность евреевъ, столь невыгодную для всего россійскаго гражданства, Пестель объясняетъ ошибочностью правительственной политики, которая и освободила ихъ отъ дачи рекрутъ — порядокъ, отошедшій нынѣ, разумѣется, въ область прошлаго — и обезпечила имъ возможность судиться между собою по приговорамъ раввиновъ. Пестель желалъ бы, чтобы на евреевъ распространенъ былъ общегосударственный порядокъ, но еще болѣе полезнымъ онъ считаетъ содѣйствовать „евреямъ къ учрежденію особаго самостоятельнаго государсгва въ какой-либо части Малой Азіи.“ Для этого надо назначить имъ сборный пунктъ и дать войска. Занявъ въ Азіатской Турціи достаточныя земли, они могли бы устроить тамъ особенное еврейское государство.

Мнѣ показалось интереснымъ отмѣтить это раннее выраженіе въ русской литературѣ идей сіонизма. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Пестель предугадывалъ рѣшенія не только близкаго, но и отдаленнаго потомства, обнаруживая тѣмъ самымъ широту своего государственнаго ума и ту научную подготовленность, которую признаютъ за нимъ всѣ его современники, и никто въ большей степени, какъ Лореръ, говорящій въ своихъ запискахъ: „чего только этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку и притомъ на многихъ иностранныхъ языкахъ.“

Изъ представленнаго нами очерка его основной общественной и политической доктрины легко будетъ сдѣлать то заключеніе, что оцѣнка, данная ему его товарищемъ по „южному обществу“, кн. Волконскимъ, не можетъ считаться преувеличенной. Пестель былъ, дѣйствительно, „человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія чувства патріотизма.“ Мы можемъ также повторить вслѣдъ за другимъ декабристомъ Басаргинымъ, что онъ былъ „человѣкъ ума

высокаго, яснаго и положительнаго и излагалъ свои мысли съ такой логикой, такой послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія". Всѣ эти качества отразились и на разобранномъ нами сочиненіи. Они позволяютъ „Русской Правдѣ" Пестеля считаться самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ, написаннымъ въ Россіи въ царствованіе Александра I.

М. Ковалевскій.

МЕМУАРЪ ПЕТРАШЕВЦА [1]).

22 апрѣля 1849 года я возвратился въ свою квартиру въ Технологическомъ Институтѣ поздно, или скорѣе это случилось 23-го въ 3-мъ часу утра. Я опустилъ шторы и улегся спать. Но едва успѣлъ задремать, какъ услышалъ, что кто-то приподнимаетъ штору и тутъ же замѣтилъ какую-то черную массу, въ полумракѣ движущуюся по комнатѣ, и надъ ней развивающійся бѣлый конскій хвостъ.

Черная масса приблизилась къ моей кровати и спросила:

— Вы ли помощникъ инспектора классовъ, Ястржембскій?

Я отвѣчалъ: „да". Тогда масса объявила мнѣ, что она—полковникъ корпуса жандармовъ, добавляя, что „арестуетъ меня по волѣ Государя Императора", и тутъ же подала мнѣ какую-то бумагу, сладенько произнеся: „Творю волю пославшаго мя". Я сказалъ на это, что вижу, кто онъ, и потому не имѣю нужды читать его бумаги и попросилъ позволенія напиться чаю. Тогда онъ вышелъ въ другую комнату и послалъ кого-то за полицмейстеромъ Института.

Я послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ цѣлую полицейскую команду московской части съ частнымъ приставомъ во главѣ.

Явился полицмейстеръ и директоръ Института ген. Блай. Жандармскій полковникъ потребовалъ мои бумаги, вложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ въ портфель, велѣлъ его запечатать моею печатью, собралъ книги и куда-то ихъ уложилъ, составилъ, кажется, протоколъ и передалъ остальныя мои

---

[1]) Печатаемый мемуаръ извѣстнаго петрашевца И. Ястржембскаго сохранился въ бумагахъ покойнаго профессора Ореста Федоровича Миллера и переданъ намъ однимъ изъ ближайшихъ его родственниковъ. Авторъ этихъ записокъ И. Ястржембскій род. въ 1814 году, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, и въ 1848 году былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ въ Технологическомъ Институтѣ, кромѣ того онъ преподавалъ статистику и начатки политической экономіи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ путей сообщенія и Дворянскомъ полку. „Это былъ оригиналъ—вспоминаетъ о немъ М. И. Венюковъ—пожалуй даже эксцентрикъ, но умѣвшій возбуждать идеи самаго широкаго гуманизма въ молодыхъ головахъ. Онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи. Программа послѣдней, разумѣется, была самая непривлекательная, въ духѣ Ж. Б. Сея, т. е. теоріи своекорыстной наживы немногихъ, сильныхъ, на счетъ большинства слабыхъ, но Я., исполняя ее, умѣлъ научить насъ смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія, болѣе современной и человѣчной" („Русск. Стар." 1890, апр. 245; дальнѣйшая характеристика Я. была редакціей опущена очевидно по цензурнымъ соображеніямъ). За участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго генералъ-аудиторіатъ приговорилъ Я. къ 4-хъ лѣтней каторжной работѣ на заводахъ, но имп. Николай I увеличилъ срокъ до 6 лѣтъ. Одно время Я. находился въ Шилкинской каторжной тюрьмѣ. Я. умеръ въ 80-хъ годахъ... *Ред.*

вещи полицейстеру Института; но предварительно обшарилъ всю мебель и даже висѣвшія на стѣнахъ картинки, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя были наклеены на папкѣ, разрѣзалъ.

Мы вышли на дворъ, и тамъ я увидѣлъ карету, въ которую мы и помѣстились и поѣхали, какъ я догадывался, въ 3-е отдѣленіе.

Какъ всѣ мои знакомые молодые люди, такъ и я,—всѣ мы были такъ заняты начавшимся тогда въ Европѣ соціально-экономическимъ движеніемъ (политикой въ собственномъ смыслѣ мы не занимались), что почти не обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Россіи и въ Петербургѣ. Поэтому не удивительно, что я не догадался, по какому случаю меня арестовали, и все надѣялся, что сейчасъ послѣ объясненія въ 3-мъ отдѣленіи меня отпустятъ. Оказалось, однако, что я считалъ безъ хозяина.

Мы пріѣхали въ 3-е отдѣленіе и вошли въ большія сѣни, гдѣ я съ удивленіемъ замѣтилъ стоявшую посрединѣ большую статую Венеры Каллипиги.

Въ залѣ я замѣтилъ всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался на вечерахъ у Петрашевскаго, и его самого.

Послѣ долгаго, почти десятичасового ожиданія, меня позвали въ кабинетъ ген. Дубельта. Тотъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „Г. Ястржембскій, я вамъ отвелъ здѣсь квартиру“.

Арестовавшій меня жандармскій полковникъ сдалъ меня жандарму, и меня повели черезъ дворъ въ нумеръ арестантскаго помѣщенія. Тамъ посѣтилъ меня и графъ Орловъ и спросилъ только: „какъ ваша фамилія?“

Въ теченіе цѣлаго дня я въ окно видѣлъ въѣзжающія во дворъ почтовыя телеги, изъ которыхъ высаживались разныя лица въ сопровожденіи жандармовъ.

Наконецъ, въ 9 часовъ вечера, ко мнѣ въ номеръ вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ и велѣлъ мнѣ одѣваться и итти за нимъ.

Мы пошли опять въ кабинетъ ген. Дубельта, гдѣ я засталъ жандармскаго поручика, которому ген. Дубельтъ отдалъ какой-то толстый пакетъ, а мнѣ сказалъ: „поѣзжайте съ этимъ офицеромъ“. Мы вышли, сѣли въ карету и поѣхали.

Я недоумѣвалъ, куда мы ѣдемъ? Мосты были только что разведены, и ледъ изъ Ладоги еще не проходилъ, и притомъ былъ сильный вѣтеръ, чуть не буря. Мнѣ казалось, что мы никакъ не могли ѣхать въ крѣпость.

Однако, мостъ оказался наведеннымъ, и мы пріѣхали въ крѣпость къ комендантской квартирѣ.

Тамъ привезшій меня офицеръ сдалъ меня коменданту, а два солдата крѣпостной инвалидной команды отвели меня въ мѣсто моего содержанія, которое, какъ я узналъ впослѣдствіи, было Алексѣевскій равелинъ.

Въ равелинѣ я просидѣлъ съ 23 апрѣля по 23 декабря 1849 г., и если бы мнѣ пришлось посидѣть еще недѣлю, я, вѣроятно, не вышелъ бы изъ него живымъ.

Всѣ гигіеническія условія были тамъ удовлетворительны: чистый воздухъ, опрятность, здоровая пища и т. д. все было хорошо; доказательствомъ того можетъ служить то обстоятельство, что, хотя въ то время въ Петербургѣ была сильная холера, изъ заключенныхъ не заболѣлъ ни одинъ. Убивающее вліяніе на меня оказало одиночное заключеніе. При одной мысли, что я нахожусь „au secret“, уже черезъ двѣ недѣли заключенія со мною стали случаться нервные припадки, обмороки и біеніе сердца.

Приступлю къ спеціально теперь занимающему меня предмету,—къ допросамъ въ слѣдственной комиссіи и къ тому, что случилось со мною на, такъ названномъ, судѣ. Вспоминая теперь все это, никакъ не могу сказать „dulces est recordatio pro teritoriem“.

Въ половинѣ мая, вечеромъ, послѣ того какъ мой нумеръ заперли снаружи и вынули ключъ для отнесенія его смотрителю, опять я услышалъ, что ключъ щелкнулъ въ замкѣ; дверь отворилась; вошли солдаты и ефрейторъ и подали мнѣ мое платье, которое въ первый вечеръ моего пребыванія въ равелинѣ было отъ меня отобрано и замѣнено мѣстнымъ халатомъ и ночнымъ колпакомъ; велѣли мнѣ одѣваться и итти за ними. Я одѣлся, вышелъ въ коридоръ и увидѣлъ тамъ смотрителя, полковника Яблонскаго (фамилію, разумѣется, я узналъ гораздо позже), въ сопровожденіи котораго я и пришелъ въ квартиру какого-то чиновника комендантскаго управленія, отведенную для засѣданій слѣдственной комиссіи.

Не могу здѣсь не вспомнить, что этотъ Яблонскій, полковникъ по арміи, производилъ на меня неимовѣрно удручающее впечатлѣніе. Высокій ростомъ, кривой на одинъ глазъ, сѣдой, какъ лунь, въ то время, какъ я привыкъ видѣть самыхъ старыхъ генераловъ черноволосыми. (какъ извѣстно, тогда красить свои куафюры военнымъ было обязательно), онъ единственнымъ своимъ глазомъ всматривался въ меня такъ пристально, что мнѣ казалось, онъ такъ и хотѣлъ сказать: „знаю я тебя, голубчикъ... лучше сознайся“.

Не могу допустить, что это впечатлѣніе явилось у меня вслѣдствіе того, что онъ былъ тюремный смотритель. Вѣдь былъ же тамъ и другой офицеръ, инвалидный поручикъ, но онъ на меня ни мало не производилъ отталкивающаго впечатлѣнія. То былъ обыкновенный служака, который исполнялъ свою должность безсознательно, не сознавая рѣшительно всей ея нравственной неприглядности. Напротивъ, Яблонскій, видимо, зналъ что дѣлаетъ, онъ сознавалъ всю подлость своей обязанности и все-таки ради разныхъ выгодъ исполнялъ ее „con amore“. Въ его единственномъ взглядѣ

ясно отражались кровожадность кошки и хитрость лисицы. Съ перваго взгляда его собесѣдника могла ввести въ обманъ ленточка Георгія и петлицы, но это продолжалось недолго, въ особенности если дѣлалось извѣстно, что онъ орденъ этотъ получилъ, служа въ фельдъегеряхъ и храбро удирая на фельдъегерской телѣгѣ въ 1812 году, когда ему въ глазъ выстрѣлилъ какой-то французскій застрѣльщикъ.

Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, такое мнѣніе о полковникѣ Яблонскомъ я себѣ составилъ вслѣдствіе разстройства моихъ нервовъ.

Какъ бы то ни было, мы пришли въ квартиру, въ которой засѣдала слѣдственная коммиссія. Полковникъ Яблонскій ввелъ меня въ комнату, въ которой никого не было. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ, я ужаснулся. Прибылъ я въ равелинъ молодымъ, цвѣтущимъ здоровьемъ тридцатилѣтнимъ мужчиной,—въ зеркалѣ я увидѣлъ исхудалаго, съ помутившимися глазами шестидесятилѣтняго старика. Моя шляпа была вся покрыта зеленою плесенью. Черезъ запертую дверь въ другой смежной комнатѣ я услышалъ веселые голоса дѣтей, и черезъ щель въ двери увидѣлъ и самихъ дѣтей, весело болтавшихъ съ пришедшимъ на праздникъ братцемъ-кадетомъ. Какъ подѣйствовали эти отголоски жизни на меня, заживо погребеннаго въ мрачной могилѣ, я выразить не въ состояніи.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія мы съ полковникомъ Яблонскимъ вошли черезъ сѣни въ комнату, въ которой засѣдала слѣдственная коммиссія.

Въ этой комнатѣ, за продолговатымъ столомъ, сидѣли слѣдователи. Изъ нихъ я зналъ только генерала Набокова, коменданта крѣпости, который меня посѣщалъ въ равелинѣ, генерала Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, гдѣ я былъ преподавателемъ, и генерала Дубельта. Послѣ я узналъ имена и другихъ двухъ слѣдователей-инквизиторовъ,—то были генералъ князь Долгоруковъ, бывшій впослѣдствіи шефомъ жандармовъ, и князь Гагаринъ, впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Всѣ эти господа смотрѣли на меня въ упоръ, за исключеніемъ генерала Ростовцева, сидѣвшаго ко входной двери спиной,—и съ видимымъ любопытствомъ, особенно князь Гагаринъ, который принялъ на себя руководство веденіемъ слѣдствія, хотя предсѣдателемъ коммиссіи былъ генералъ Набоковъ.

Сначала они перемигивались между собою и посылали одинъ другому какія-то записочки, и, наконецъ, князь Гагаринъ напустился на меня.

— Вы сошлись съ заговорщиками и крамольниками и измѣнили отечеству! Мы все знаемъ. Лучше сознайтесь и раскайтесь (разумѣется: „выдайте другихъ“). Раскаяніе будетъ вамъ въ пользу.

Замѣтивъ при словѣ „отечество“ на моемъ лицѣ нѣкоторое волненіе и какъ бы желаніе возражать и протестовать противъ этого слова, онъ добавилъ:

— Да, отечеству, вами избранному.

Онъ, вѣроятно, предполагалъ, что я стану протестовать и противъ выраженія „отечество избранное“, но я, очень хорошо понимая, къ какимъ опаснымъ для меня спорамъ и препирательствамъ повелъ бы всякій съ моей стороны протестъ, и желая поскорѣе узнать, въ чемъ меня обвиняютъ, хладнокровно отвѣтилъ:

— Россію я почитаю за отечество, данное мнѣ Провидѣніемъ!

Я очень хорошо зналъ, что, если бы вмѣсто слова „Провидѣніе“ я употребилъ выраженіе „непреложные законы исторической жизни“, то почтенные члены слѣдственной комиссіи навѣрное меня бы не поняли. Это заявленіе прекратило всѣ пререканія, которыя не повели бы ни къ чему для меня хорошему.

Тогда И. Я. Ростовцевъ съ приторно сладенькой улыбкой и тономъ ben comando сказалъ: „ужели вы, г. Ястржембскій, не видѣли, что собравшіеся у Петрашевскаго были заговорщики и измѣнники“.

На это я отвѣчалъ: „что я уже во второй разъ слышу слова „заговоръ“ и „измѣна“ и категорически заявляю, что судить о томъ, заговорщики ли и измѣнники лица, которыхъ я видывалъ у Петрашевскаго, я не берусь, но что въ ихъ поведеніи ни заговора, ни измѣны я не замѣчалъ; что же касается до меня лично, то я твердо протестую, что я вѣрноподданый и никогда долга вѣрнаго подданнаго ни въ чемъ не нарушилъ“.

Тогда князь Гагаринъ напустился на меня снова:

— Какъ вы смѣете утверждать, что они не заговорщики и не измѣнники? Сознайтесь, что они именно таковы...

Я отвѣчалъ:

— Я не утверждаю ни мало, что они не заговорщики и не измѣнники, только заявляю, что объ этомъ ничего не знаю.

Тогда князь Гагаринъ, обращаясь къ сидѣвшему позади него за особымъ столикомъ какому-то чиновнику съ краснымъ воротникомъ, взялъ у него листъ бумаги и приказалъ мнѣ написать на немъ мое заявленіе о лицахъ, бывшихъ у Петрашевскаго.

Я написалъ дословно такъ: „О томъ, заговорщики или измѣнники означенныя лица, я ничего не знаю, но если господа члены слѣдственной комиссіи признаютъ ихъ таковыми, то я спорить и прекословить не смѣю“.

Когда красноворотный чиновникъ прочиталъ это, то и онъ вздумалъ

показать, что и онъ-де не послѣдняя спица въ колесницѣ, и, обращаясь къ князю Гагарину, сказалъ:

— Да вѣдь „онъ“ написалъ не то, что говорилъ.

„Онъ“ было произнесено съ невыразимымъ акцентомъ; въ этомъ акцентѣ явно слышалось: „онъ — измѣнникъ, не стоитъ суда: его бы прямо на плаху; а я, молъ,—членъ слѣдственной комиссіи, благонамѣренный чиновникъ, очевидно, заслуживаю 25 рублей награды или, по крайней мѣрѣ, Анны третьей степени, или хоть уже Станислава“.

Но эту его прыть немного посбилъ генералъ Ростовцевъ, сказавъ тономъ, поставившимъ его тотчасъ же на надлежащее мѣсто:

— Г. Ястржембскій написалъ то, что слѣдуетъ.

Тогда начались допросы. Князь Гагаринъ:

— Что вы скажете о Вильнѣ?

Я: „Въ Вильнѣ я не былъ съ 1832 года“.

Кн. Гагаринъ: „Что вы знаете о Варшавѣ?“

Я: „О Варшавѣ знаю только, подъ какимъ градусомъ широты и долготы она лежитъ“.

Тутъ члены комиссіи переглянулись между собой и опять начали другъ другу передавать записочки.

Князь Гагаринъ—человѣкъ совсѣмъ пожилой, складомъ своей рѣчи, акцентомъ и всѣми пріемами сдѣлалъ на меня впечатлѣніе бюрократа старой школы, воспитаннаго въ малороссійской семинаріи и даже въ разговорной рѣчи сохранившаго слогъ бумагъ канцелярскихъ и семинарскихъ риторикъ.

Генералъ Ростовцевъ, видимо, старался принять видъ участія и состраданія, при чемъ выказываться въ характерѣ добраго и очень вѣжливаго начальника, не очень взыскательнаго по части служебнаго этикета. Однако, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ это ему вполнѣ не удалось. Онъ мнѣ показался слабохарактернымъ и двуличнымъ человѣкомъ. Такое мое впечатлѣніе подтвердилось впослѣдствіи его дѣйствіями въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ.

Генералъ Набоковъ, видимо, въ комиссіи чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ; казалось, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ существованіи зловреднаго заговора вообще и въ моей къ нему прикосновенности—въ особенности; но въ чемъ именно состоялъ заговоръ, и какая была моя вина, онъ въ этомъ не могъ дать себѣ отчета.

Князь Долгоруковъ—почему-то и самъ не знаю—произвелъ на меня впечатлѣніе очень симпатической личности.

О генералѣ Набоковѣ скажу еще, что онъ казался непоколебимо убѣжденнымъ въ томъ, что я—республиканецъ и коммунистъ и что я

пропагандировалъ коммунистическія и республиканскія идеи. При томъ онъ нѣсколько разъ высказалъ убѣжденіе, что имѣть только образъ мыслей, несообразный съ обыкновенно принятымъ шаблономъ, уже само по себѣ составляло преступленіе, достойное казни; что если человѣкъ—арестованъ и особенно, если онъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ, то уже ему по праву нечего ожидать чего другого, кромѣ плахи, или, по крайней мѣрѣ, каторги. Онъ при всякомъ вопросѣ князя Гагарина, обращенномъ ко мнѣ, посматривалъ на меня глазами, въ которыхъ я читалъ ясно:

„Что? А вѣдь ты виноватъ!"

При всякомъ моемъ отвѣтѣ, казалось, недоумѣвалъ, какъ это я осмѣливаюсь возражать на такіе мѣткіе вопросы, а не прошу на колѣняхъ прощенія или снисхожденія. Онъ, видимо, былъ очень напуганъ появившимся тогда во Франціи и въ Европѣ, такъ названнымъ, соціализмомъ.

Вопросы же, обращаемые ко мнѣ въ слѣдственной комиссіи, какъ увидитъ читатель, были просто нелѣпы, тенденціозны и пристрастны. Они уже заключали въ себѣ прямыя обвиненія, которыхъ, однако, или нельзя было доказать, или такія, которыя, даже доказавъ, не за что fouetter les chats, а тѣмъ болѣе морить человѣка въ равелинѣ, и при томъ вопросы эти дѣлались лишь для формы, рѣшеніе же моей участи было принято давно и безапелляціонно, въ чемъ и князь Гагаринъ сознался откровенно при допросѣ Дурова.

Вотъ эти знаменитые вопросы:

Кн. Гагаринъ: „Давно ли вы сдѣлались республиканцемъ?"

Я: „Когда мнѣ было 17 лѣтъ, я было пристрастился къ республиканскому образу правленія, прочитавъ Плутарха, Тита Ливія, Тацита и др., но послѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, присмотрѣвшись къ исторіи и фактамъ жизни теперешнихъ европейскихъ народовъ, я перемѣнилъ совершенно мнѣніе и вижу, что для этихъ народовъ единственно пригодный образъ правленія—монархическій; я — твердо убѣжденный монархистъ".

Тутъ генералъ Набоковъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ наивнымъ недоумѣніемъ, что будь это при иной обстановкѣ, я бы непремѣнно расхохотался.

К. Гагаринъ: „Вы коммунистъ, послѣдователь Прудона?"

Я: „Это я отвергаю; напротивъ, на вечерахъ у Петрашевскаго я, не безъ успѣха, опровергалъ ученіе Прудона о поземельной собственности. Почитаю необходимымъ заявить, что я убѣжденный послѣдователь ученія Фурье".

Прежде чѣмъ я успѣлъ договорить это, генералъ Набоковъ услышавъ, что рѣчь идетъ о Прудонѣ, перебилъ меня и съ улыбкой не то

осужденія, не то сострадания о моемъ увлеченіи ученіемъ Прудона сказать:

— А вѣдь Прудонъ въ тюрьмѣ!

Почтенный комендантъ Петропавловской твердыни и командиръ гренадерскаго корпуса, нечаянно-негаданно превратившійся въ инквизитора, присяжнаго засѣдателя и вмѣстѣ судью по политическому дѣлу, о сущности котораго, равно какъ и объ обязанностяхъ принятой на себя роли судьи, не имѣлъ рѣшительно ни малѣйшаго понятія, былъ твердо убѣжденъ, что если уже кто посаженъ въ тюрьму, то, конечно, онъ уже тѣмъ самымъ виноватъ и заслужилъ казнь.

Въ то время, какъ извѣстно, военные почитались способными, по самой причинѣ ношенія эполетъ, на занятіе всякихъ самыхъ разнообразныхъ должностей. Такъ, Клейнмихель былъ министромъ путей сообщенія, онъ же на должность директора Института Путей Сообщенія назначилъ пѣхотнаго ступайку генерала Энгельгарда. Тогда былъ въ ходу анекдотъ объ очень характеристической остротѣ великаго князя Михаила Павловича. Сказывали, что будто одинъ разъ императоръ Николай Павловичъ сказалъ брату, что онъ находится въ затрудненіи, кого назначить на открывшуюся вакансію петербургскаго митрополита. Михаилъ Павловичъ отвѣчалъ на это будто бы: „назначьте Клейнмихеля“.

Всякаго мало-мальски мыслящаго человѣка, конечно, удивитъ и поразитъ, что для производства слѣдствія по дѣлу, въ которомъ не было и помина о какихъ-либо преступныхъ дѣйствіяхъ, а только изслѣдовались мнѣнія и тенденціи и для чего, конечно, необходимо было поручить дѣло ученымъ спеціалистамъ, назначены были круглые невѣжды. А эти невѣжды рѣшали участь многихъ молодыхъ людей и упекли ихъ въ Сибирь!

Допросъ продолжался.

Кн. Гагаринъ: „Вы насмѣхались надъ здѣшнею чиноманіею, надъ чиновниками и сравнивали Россію съ Китаемъ?“

Я: „Это не совсѣмъ вѣрно. Я сознаюсь, что не понимаю значенія теперешнихъ чиновъ, которые при ихъ введеніи Императоромъ Петромъ I-мъ соотвѣтствовали опредѣленнымъ должностямъ, а теперь составляютъ одни пустые титулы. Я понимаю то значеніе и вѣсъ, которые человѣку даютъ въ обществѣ рожденіе, знатность, богатство, заслуги государству, талантъ, но значенія чина не понимаю. Если же мнѣ иногда (чего, впрочемъ, не помню) и случалось насмѣхаться надъ нѣкоторыми чиновниками, имѣющими слишкомъ высокое или неправильное понятіе о своей чиновности, то въ этомъ я столько же виноватъ, сколько и актеры Александринскаго театра и авторы различныхъ пьесъ, въ которыхъ выставляются въ смѣш-

номъ видѣ чиновники; между тѣмъ и актеры эти и авторы не привлечены къ отвѣтственности".

Кн. Гагаринъ: „Вы въ своихъ рѣчахъ осмѣлились поносить высшихъ сановниковъ и даже дерзко отзывались о священной особѣ Государя Императора, называя его Богдыханомъ?"

Я: „Не знаю, о какихъ такихъ сановникахъ, Ваше Превосходительство, говорите и при комъ, и въ какихъ обстоятельствахъ я будто отзывался о нихъ дурно. Что же касается слова Богдыханъ, то я самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаю это обвиненіе и утверждаю, что ложно".

Кн. Гагаринъ: „Десять человѣкъ подтвердили это обвиненіе".

Я: „Надѣюсь, что мнѣ съ ними будетъ дана очная ставка".

Молчаніе.

Надо замѣтить, что никогда ни я, ни еще кто-либо другой на вечерахъ у Петрашевскаго (а что касается меня, то и ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ) даже не вспоминали имени Императора Николая Павловича. Что же касается сановниковъ, то объ одномъ изъ нихъ я говорилъ дѣйствительно и разговоръ этотъ я привожу здѣсь откровенно.

Въ то время въ цѣлой Россіи было много сильныхъ пожаровъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій по этому поводу не выдумалъ ничего лучше, какъ воздвигнуть гоненіе на зажигательныя спички. Спички были обложены пошлиной, такъ что пачка, стоившая 1 коп., продавалась по 1 рублю. Министръ финансовъ Вронченко энергически противился обложенію спичекъ пошлиной, и Перовскій воспользовался его болѣзнью для того, чтобы провести эту мѣру. Надо же было случиться, чтобы Вронченку вскорѣ послѣ этого былъ пожалованъ графскій титулъ. Это пожалованье возбудило неудовольствіе, такъ называемаго, (неизвѣстно на какомъ основаніи) аристократическаго кружка въ Петербургѣ.

Пришедши одинъ разъ къ Петрашевскому, я засталъ многихъ молодыхъ людей, желавшихъ, вѣроятно, заявить о своей принадлежности къ аристократіи, порицающихъ это пожалованье и трунящихъ надъ Вронченкомъ. Случилось такъ, что тогда же я получилъ, конечно, съ утвержденія Вронченко, награду 500 рублей. Натурально я сталъ защищать министра финансовъ. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ: „Какой онъ министръ?" Я возразилъ: „Онъ министръ, какъ и всѣ другіе, укажите мнѣ лучшаго". Мнѣ назвали Перовскаго. „Перовскій, сказалъ я, вотъ министръ! Выдумалъ пошлину на спички для избѣжанія пожаровъ. Да я предлагаю проектъ гораздо лучше. Вѣдь пожары производятъ не спички, а руки. Вотъ я предлагаю, чтобы руки всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи были всегда связаны, и чтобы они не могли употреблять ихъ иначе, какъ съ

разрѣшенія и подъ надзоромъ полиціи, для чего всякій разъ обязаны подавать прошеніе на 15-ти копеечной бумагѣ".

Если бы объ этомъ разговорѣ меня спросили въ слѣдственной коммиссіи подробно, я бы непремѣнно сознался, а можетъ быть, и повинился бы; но коммиссія сочла за лучшее умолчать объ этомъ и все-таки сюда приплела нелѣпую сказку о Богдыханѣ.

Князь Гагаринъ: „Вы сказали: я полякъ и за возстановленіе польской народности дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но я первый же отрублю этой народности голову, если ея возстановленіе будетъ противно благу человѣчества!!!" „Правда ли это?"

Я: „Да—правда. Но, во-первыхъ, я знаю, что Императоръ Всероссійскій есть въ то же время и Король Польскій, и потому, говоря это, я ни мало не нарушилъ долга вѣрноподданнаго. (Другими словами—обвинять меня за это по первымъ тремъ пунктамъ нельзя). А во-вторыхъ, вы неточно привели вторую половину сказанной мною фразы; я сказалъ: что если бы, однако, возстановленіе польской народности было сопряжено съ кровопролитіемъ, то я бы отъ него готовъ отказаться".

Князь Гагаринъ очень хорошо понялъ, что вопросъ его не болѣе, какъ ударъ шпаги въ воду, и что въ государственной измѣнѣ меня обвинять нельзя.

Это, очевидно, было ему не по душѣ.

„Вотъ и вылгался, вотъ и извернулся",—вскричалъ онъ и сейчасъ же добавилъ: „О, если бы я могъ найти какую-нибудь каверзу (дословно), чтобы его утопить, я бы употребилъ ее непремѣнно".

Я обратился къ генералу Ростовцеву.

— Ваше Превосходительство, Иванъ Яковлевичъ, вѣдь это называется пристрастнымъ допросомъ, который русскими законами не допускается. Я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ моему начальнику, прося защиты, протестую и прошу, чтобы мой протестъ былъ записанъ въ протоколъ.

Генералъ Ростовцевъ сталъ меня успокаивать:

— Не безпокойтесь, васъ не желаютъ засудить, а князь выразился такъ потому, что вы не хотите сознаться, а сознаніе было бы для васъ лучше.

Относительно только что приведеннаго сдѣланнаго мнѣ княземъ Гагаринымъ вопроса, нельзя не замѣтить, что онъ совершенно нелѣпъ. И это потому, что очевидно, что свѣдѣнія коммиссіи по поводу моего разговора были неполны. Не знаю, кѣмъ разговоръ этотъ былъ переданъ коммиссіи, но онъ происходилъ не у Петрашевскаго, и о немъ знали только Дуровъ и Пальмъ. Вкравшійся къ Петрашевскому шпіонъ Антонелли, который не-

редалъ все, что слышалъ у Петрашевскаго (конечно, съ добавленіями и варіаціями), о немъ знать не могъ.

Дѣло было такъ:

Съ Пальмомъ и Дуровымъ я бывалъ часто въ Красносельскомъ лагерѣ. Тамъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, бывшихъ моими учениками. Одинъ разъ я тамъ пробылъ съ недѣлю и тогда познакомился съ полковникомъ Даровскимъ, помѣщикомъ Петербургской губерніи, какъ и Петрашевскій, который вмѣстѣ съ Петрашевскимъ въ дворянскомъ собраніи внесъ проектъ освобожденія крестьянъ, что привело министра Перовскаго въ бѣшенство.

Бесѣдуя съ офицерами, бывшими моими воспитанниками, я, натурально, часто касался предметовъ, которые преподавалъ имъ въ классахъ, на что они меня сами вызывали. Тогда только что начала зарождаться, такъ называемая, теорія національностей, и нѣкоторыя давно придавленныя національности стали пробуждаться и заявляли о своемъ существованіи, между прочими чехи и мадьяры.

Разъ у насъ зашелъ разговоръ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили мнѣніе, „что поляки-де не заслуживаютъ возрожденія, такъ какъ они всѣ ретрограды, аристократы и клерикалы". На это я возразилъ: „Вы, господа, ошибаетесь, поляки далеко не всѣ такіе; вы берете во вниманіе Польшу до 1791 года, но съ тѣхъ поръ прошло много времени и много кой-чего измѣнилось. Если Польшѣ суждено воскреснуть, то она явится въ формѣ новѣйшаго, а не средневѣковаго государства". Воодушевляясь все больше и больше, я добавилъ: „Господа, я полякъ и за возрожденіе Польши дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но если бы я былъ увѣренъ, что Польша возродится въ формѣ государства средневѣковаго, то я бы первый принесъ топоръ, чтобы отрубить ей голову".

Конечно, рѣчь эта была слѣдствіемъ увлеченія молодости и пылкаго характера, но въ ней, по крайней мѣрѣ, былъ смыслъ; вопросъ же князя Гагарина былъ лишенъ всякаго смысла. Особенно „благо человѣчества", для котораго я (титулярный совѣтникъ, учитель) будто жертвовалъ участью Польши.

Надо замѣтить, что, произнося слова „я изрублю польскую народность, если этого потребуетъ благо человѣчества", князь Гагаринъ особенно разсвирѣпѣлъ, воздѣлъ руки и очи горѣ и бросилъ на меня взглядъ, полный негодованія. Изъ этого я заключилъ, что настоящее-то мое преступленіе и состоитъ именно въ томъ, что я взялъ на себя заботу о „благѣ человѣчества", когда благо это подлежитъ попеченію исключительно однихъ лишь высокопоставленныхъ.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, при полномъ безмысліи, представлялъ еще слѣды ехидства и подлости шпіона Антонелли, вызвавшаго его своимъ доносомъ.

Кн. Гагаринъ: „Вы сказали у Петрашевскаго, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ статистика называется *статистикою* потому, что такъ повелѣлъ великій князь Михаилъ Павловичъ“.

Чудовищная нелѣпость этого вопроса такъ меня поразила и озадачила, что я не вдругъ нашелся, что отвѣтить. Генералъ Ростовцевъ взялся опять ободрять меня:

— Не безпокойтесь, г. Ястржембскій, сознайтесь, не обращайте вниманія на то, что здѣсь упоминается имя великаго князя; Его Высочество по отношенію къ вамъ стоитъ такъ неизмѣримо высоко, что ваши слова не могутъ его обидѣть.

Несмотря на сладенькій тонъ, которымъ эти слова были произнесены, я очень хорошо замѣтилъ все ихъ инквизиторское ехидство.

— Я не могу, отвѣчалъ я, сознаться въ томъ, что я сказалъ такую нелѣпость. Я думаю о себѣ настолько хорошо, что говорить такихъ нелѣпостей не способенъ. Я сказалъ вотъ что: Однажды у Петрашевскаго я читалъ разсужденіе „о предметѣ статистики, какъ науки“. Напомнивъ о томъ, что многіе ученые отъ Ахенбаха до Кетле не только еще не выяснили значенія статистики въ области наукъ, но еще спорятъ даже о ея названіи, я замѣтилъ, что все равно какъ называть науку, а важно точно обозначить ея предметъ. Если люди живутъ въ обществѣ и государствѣ, то должна существовать и наука о законахъ общественной и государственной жизни, и ничто не мѣшаетъ назвать эту науку *статистикой;* цифры же, выражающія собою статистическія данныя, не больше, какъ формулы законовъ государственной жизни, формулы положительныя или отрицательныя, выражающія отступленія отъ этихъ законовъ и послѣдствія этихъ отступленій, формулы, взятыя изъ опыта и наблюденій, на которыхъ ученые основываютъ свои выводы. Такая наука преподается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и по програмиѣ, утвержденной великимъ княземъ, называется статистикой.

Замѣчу здѣсь, что, какъ извѣстно, такая наука народилась въ последнее время подъ названіемъ „соціологіи“.

Князь Гагаринъ опять вскрикнулъ: „вотъ и извернулся“, но о каверзѣ уже не вспомнилъ.

Наконецъ, послѣдній вопросъ:

Князь Гагаринъ: „Вы возмущали въ Петербургѣ простой народъ и проповѣдывали *извозчикамъ*, что надо убивать господъ“.

На это я отвѣтилъ, что „это просто неправда“.

Тогда князь Гагаринъ возразилъ: „вы положительно проповѣдывали эту мысль одному извозчику, съ которымъ ѣхали по Екатерининскому каналу.

Я опять отрицалъ это.

Тогда князь Долгоруковъ въ первый разъ прервалъ молчаніе и сказалъ: „Да вѣдь мы же отыщемъ этого извозчика и сведемъ васъ съ нимъ на очную ставку".

На это князь Гагаринъ съ улыбкой замѣтилъ: „онъ-де (т. е. я) очень хорошо знаетъ, что этого сдѣлать нельзя".

Во мнѣ же слова князя Долгорукова породили убѣжденіе, что его благородная натура не способна была къ роли политическаго сыщика-инквизитора.

Основаніемъ этому обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство. У меня несчастная привычка фланировать и вступать въ разговоры съ лицами знакомыми и незнакомыми, по охотниками поболтать. Въ то время привычка такая, какъ я узналъ по опыту, вела къ большой опасности. Есть у меня еще и другая не менѣе несчастная и не менѣе опасная привычка думать вслухъ.

Однажды, дѣйствительно, я торговался съ извозчикомъ; онъ запросилъ тридцать копеекъ, я же убѣждалъ его довольствоваться двадцатью. Желая отстоять свою цѣну, извозчикъ приводилъ то обстоятельство, что онъ обязанъ платить оброкъ барину. На это я въ шутку отвѣтилъ: „ну, ужъ лучше на этотъ разъ ты барину оброкъ убавь, а съ меня возьми двадцать копеекъ". Извозчикъ, хотя и согласился, но, ѣдучи со мной, все жаловался на значительность оброка, при чемъ сказалъ: „некому за насъ заступиться, Богъ высоко, Царь далеко". Въ это время я задумался и, по обыкновенію, сталъ думать вслухъ: „Вотъ французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а православные русскіе въ рабствѣ".

Этотъ случай я разсказалъ у Петрашевскаго, а мой разсказъ подслушалъ Антонелли и донесъ, куда слѣдуетъ, конечно, съ добавленіями и извращеніями собственнаго изобрѣтенія.

Въ слѣдственной комиссіи я разсказалъ откровенно, какъ было дѣло, не знаю повѣрили мнѣ, или нѣтъ, но послѣ ни въ слѣдственной комиссіи, ни въ судебной объ этомъ эпизодѣ не упоминалось.

Допросъ кончился, и князь Гагаринъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ еще разъ увѣщанія раскаяться и чистосердечно сознаться, велѣлъ мнѣ удалиться. Я опять съ полковникомъ Яблонскимъ и инвалидомъ отправился въ равелинъ.

Недѣли, кажется, черезъ двѣ, а можетъ быть, и больше, хорошо не помню, тотъ же полковникъ привелъ меня опять въ ту же квартиру въ

крѣпости. Въ прежней комнатѣ я засталъ тотъ же, что и прежде, составъ коммиссіи.

Мнѣ дали листъ бумаги, на которомъ послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о моей фамиліи, званіи, вѣроисповѣданіи и т. д. были написаны тѣ же вопросы, которые прежде мнѣ были дѣланы словесно, велѣли садиться и отвѣчать.

Я сѣлъ за столъ между генераломъ Дубельтомъ и княземъ Долгоруковымъ.

Когда я сталъ читать вопросы и взялся за перо, чтобы писать отвѣты, я былъ до того взволнованъ и мои нервы были такъ потрясены что, вѣроятно, это отражалось на моемъ лицѣ, потому что генералъ Дубельтъ началъ меня успокаивать и посовѣтовалъ быть похладнокровнѣе и обдумывать свои отвѣты.

Этотъ, можетъ быть, ничтожный знакъ, не говорю участья, но просто человѣческаго отношенія къ обвиняемому, ободрилъ меня нѣсколько, и я, замѣтивъ себѣ внутренно, что стыдно быть малодушнымъ, сталъ писать отвѣты.

Здѣсь замѣчу, что, кромѣ того, что чувствую благодарность къ генералу Дубельту за такое его со мной обращеніе, но долженъ сказать еще, что память его подвергается часто незаслуженному нареканію. Я знаю нѣсколько случаевъ, въ которыхъ онъ сдѣлалъ всевозможныя облегченія политическимъ обвиненнымъ и не знаю ни одного случая, чтобы онъ погубилъ кого-либо. Конечно, онъ былъ не герой добродѣтели, но спрашивается много ли такихъ героевъ?

На вопросы письменные я далъ дословно тѣ же отвѣты, что и на словесные.

Но прежде чѣмъ отпустить, генералъ Ростовцевъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ моей дѣятельности, какъ преподавателя въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На это замѣчаніе, котораго я не разслышалъ, генералъ Дубельтъ вполголоса сказалъ: „ему ли учить русскихъ дѣтей!"

Повторяю, я замѣчанія генерала Ростовцева не разслышалъ, но мнѣ послышались слова въ родѣ потрясенія основъ, превратныхъ толкованій и т. п. По поводу этого замѣчанія я, какъ это объясню ниже, въ моихъ письменныхъ отвѣтахъ сдѣлалъ одинъ промахъ, за который я, какъ юристъ, крѣпко себя упрекаю. Именно: я забѣжалъ впередъ, отвѣчалъ на то, о чемъ меня не спрашивали.

Надо замѣтить, что тогдашніе консерваторы и охранители, особенно высшіе члены чиновничьей олигархіи, были очень напуганы всѣми тогдашними движеніями, проявившимися уже въ Вѣнѣ и Берлинѣ и вызвавшими памятное „съ нами Богъ, разумѣйте, языцы и покоряйтесь", боялись

крестьянской даже жакеріи. А ужъ всѣ эти политико-экономическія и соціальныя разсужденія о трудѣ, капиталѣ, рабочемъ вопросѣ, пролетаріатѣ, и т. д. этимъ господамъ, получившимъ образованіе въ прежнихъ корпусахъ и семинаріяхъ, рѣшительно не лѣзли въ голову.

Какъ я, такъ всѣ, кого я встрѣчалъ у Петрашевскаго, занимались преимущественно вопросами политико-экономическими. Сверхъ того, я въ особенности, какъ убѣжденный послѣдователь ученья Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ.

Поступивъ преподавателемъ статистики въ Дворянскій полкъ и второй корпусъ, я старался исполнить программу преподаванія добросовѣстно. Программы по всѣмъ предметамъ для корпусовъ были выработаны особой комиссіей и утверждены Николаемъ Павловичемъ. Утвердивъ эти программы, Государь добавилъ: „Вмѣнить въ обязанность преподающимъ, чтобы они непремѣнно преподавали предметы такъ, чтобы ученіе прежде всего служило средствомъ развитія учащихся".

Соображая мое преподаваніе съ этой программой, я прежде всего заботился о томъ, чтобы передать научные факты истинно, не дѣлалъ самъ отъ себя никакихъ заключеній, а предоставлялъ выводить ихъ логически самимъ ученикамъ. Конечно, я не защищалъ софистовъ консервативно-буржуазной школы Молинари, Бастіа и другихъ, но и не нападалъ па нихъ, зная очень хорошо, что, сравнивъ ихъ мысленно съ изложенными ими законами общественной жизни, мои слушатели сами оцѣнятъ ихъ по достоинству.

Все это я желалъ объяснить генералу Ростовцеву, наивно полагая, что онъ пойметъ это. Объяснить это я желалъ тѣмъ болѣе, что на третій годъ моего преподаванія я получилъ отъ благосклонныхъ, хотя мнѣ незнакомыхъ лицъ, предостереженія насчетъ скользкости пути, по которому слѣдовалъ, и даже дружескія замѣчанія насчетъ моей методы наставника-наблюдателя по Дворянскому полку.

Я желалъ объясниться тутъ же въ комиссіи, но князь Гагаринъ сказалъ:

— Ступайте на ваше мѣсто, вамъ дадутъ 12 листовъ бумаги, напишите полное сознаніе—вамъ же лучше будетъ.

Такъ я ушелъ и дѣйствительно написалъ, но что—уже не помню, скажу только, что я не извинялся, не сознавался, а тѣмъ болѣе не просилъ прощенія, только юридически защищался. Худо было только то, что я защищался противъ того, о чемъ меня не спрашивали, объясняя мое преподаваніе въ корпусахъ. Кажется, я до того былъ наивенъ, что хотѣлъ обратить допрашивающій меня Синедріонъ въ ученіе Фурье.

Меня опять отвели въ равелинъ. Прошли долгіе и скучные дни, въ которые я не разъ вспомнилъ стихъ изъ слова о полку Игоревѣ: „долго ночь меркнетъ“.

Наконецъ, въ концѣ, кажется, іюля, противъ обыкновенія, мнѣ принесли мое платье днемъ и велѣли одѣваться. Мы опять пошли съ полковникомъ Яблонскимъ въ крѣпость. Меня ввели въ какой-то домъ, въ большую залу. Тамъ я замѣтилъ множество, какъ ихъ называлъ мой проводникъ, „вельможъ“, изъ которыхъ я зналъ въ лицо одного лишь графа Строганова, а посреди нихъ, на возвышеномъ нѣсколько сѣдалищѣ, какого-то „вельможу“ въ казачьемъ облаченіи, съ лежащей передъ нимъ бѣлой папахой. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ генералъ Перовскій, совершавшій побѣдоносный походъ въ Хиву.

Посреди залы стоялъ небольшой, покрытый сукномъ столикъ, похожій на аналой. На столикѣ лежало объемистое „дѣло“, а возлѣ столика стоялъ аудиторъ съ Владимирскимъ крестомъ на шеѣ.

Аудиторъ развернулъ дѣло и сталъ читать; я замѣтилъ только, что „открывшихся злоумышленниковъ Государь Императоръ велѣлъ судить по полевому уложенію“.

Чтеніе продолжалось едва нѣсколько минутъ. Когда аудиторъ остановился, генералъ Перовскій предложилъ мнѣ подписать что-то и указалъ рукою въ сторону.

Я пошелъ по указанному направленію и замѣтилъ подъ стѣною другой аналой, на которомъ лежала кипа написанной бумаги, разрѣзанной въ четверть листа, стояла чернильница и лежало нѣсколько перьевъ.

Я взялъ одинъ изъ листовъ; на немъ было написано: „Я, ниже подписавшійся, симъ свидѣтельствую, что ничего не могу привести въ свое оправданіе“.

Генералъ Перовскій, видя, что я стою въ недоумѣніи, сказалъ: „Подпишите“.

На это я возразилъ, что „подписать этой бумаги я не могу, такъ какъ не знаю даже, въ чемъ меня обвиняютъ; самъ же я виновнымъ себя не признаю“.

Генералъ Перовскій аудитору: „Прочитайте“. Ко мнѣ: „Да, вы должны признать себя виновнымъ въ томъ, о чемъ васъ спрашивали въ слѣдственной комиссіи“.

Я отвѣчалъ, что ничего не помню, что было въ комиссіи.

Генералъ Перовскій опять къ аудитору: „Прочитайте“.

Аудиторъ начинаетъ что-то бормотать, но вдругъ останавливается.

Генералъ Перовскій снова настоятельно требуетъ, чтобы я подписалъ, но я твердо отказываюсь.

Наконецъ, утомленный и раздраженный этою незаконною настойчивостью, я подошелъ къ аналою и на одной изъ бумагъ написалъ: „Я, нижеподписавшійся, симъ объявляю, что никогда злоумышленникомъ не былъ и никакой вины за собой не признаю“.

Тогда генералъ Перовскій, обращаясь ко мнѣ съ невыразимо язвительной улыбкой, сказалъ на прощанье: „Такъ вы не виноваты? Въ такомъ случаѣ ступайте и спите спокойно“. (Дословно).

Я не сомнѣваюсь, что это мое энергическое отрицаніе своей виновности было единственнымъ поводомъ того, что 4-хъ лѣтній срокъ каторжной работы (который мнѣ благоволилъ назначитъ генералъ-аудиторіатъ) былъ всемилостивѣйше замѣненъ шестилѣтнимъ. Въ этомъ отрицаніи я вижу также причину того, что мнѣ въ Сибири уже было прочитано слѣдующее: „Воля Государя Императора есть, чтобы преступникъ Ястржембскій былъ въ полномъ смыслѣ каторжнымъ арестантомъ“, вслѣдствіе чего поручено было окружному стряпчему въ Тарѣ ежемѣсячно свидѣтельствовать меня и наблюдать за исполненіемъ этого повелѣнія. Вслѣдствіе той же, я полагаю, причины, когда года черезъ два сестра моя подала было прошеніе о смягченіи моей участи, ей велѣно было отвѣтить, что „такой преступникъ, какъ Ястржембскій, не можетъ ожидать никакого помилованія“. Да и послѣ возвращенія изъ Сибири, когда уже всѣ мои товарищи по дѣлу Петрашевскаго были въ Петербургѣ, я скитался въ провинціи, подъ надзоромъ полиціи 18 лѣтъ.

Такъ кончилась эта судебная комедія, и я просидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ до извѣстной траги-комедіи на плацу въ Семеновскомъ полку.

Добавлю, что изъ вѣрнаго источника я слышалъ, что судебная коммиссія рѣшила: по недостатку доказательствъ отъ отвѣтственности насъ освободить. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ дѣлѣ о состоящихъ подъ надзоромъ лицахъ (которое было у меня въ рукахъ) о рѣшеніи этой коммиссіи не сказано ни слова. Да впрочемъ, и передавать рѣшеніе этой комиссіи на ревизію генералъ-аудиторіата не предстояло никакого юридическаго основанія, такъ какъ спеціальная судебная коммиссія, назначенная по Высочайшему именному повелѣнію, если ее и не считать верховной (которой она, однако, имѣла всѣ атрибуціи), все-таки іерархически была выше генералъ-аудиторіата.

Еще двѣ характерныя подробности.

Когда изъ судебной коммиссіи я возвратился въ равелинъ, я спросилъ у полковника Яблонскаго: нельзя ли мнѣ достать экземпляръ полевого уложенія?

На этотъ вопросъ въ единственномъ глазѣ сего почтеннаго стража

отразилось столько удивленія и недоумѣнія, что его достаточно было бы для освѣщенія нѣсколькихъ десятковъ глазъ.

— На что вамъ уложеніе?

— Да вѣдь меня,—сказалъ я,—будутъ судить по этому уложенію...

— Не нужно вамъ уложенія... Начальство само знаетъ, какъ судить...

Дуровъ говорилъ мнѣ, что князь Гагаринъ при допросѣ спрашивалъ его: называлъ ли Ястржембскій государя богдыханомъ, и правда ли, что онъ дурно отзывался о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ?

Когда Дуровъ отрицалъ это, князь Гагаринъ сказалъ:

— Convenez qu'il a dit cela par esprit de causticite...

Онъ добавилъ:

— Впрочемъ, все равно: ему и такъ не миновать Сибири.

Дуровъ сказалъ еще князю, что я только разъ какъ-то сказалъ, что дѣйствительные тайные совѣтники часто вслѣдствіе старости выживаютъ изъ ума.

Вотъ какіе въ то время были слѣдствія и суды!

Кончу торжественнымъ заявленіемъ, что все здѣсь разсказанное вполнѣ истинно и всѣ разговоры до малѣйшей подробности вѣрны.

И. Ястржембскій.

1883 г., 6 мая.
Петербургъ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю--ону.

Объяснительная замѣтка.

Первый томъ „Капитала“ Карла Маркса появился въ 1867 году. Трудъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Николая—она, что онъ тогда же сталъ подыскивать возможность познакомить съ нимъ русскую публику. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ издателей, къ которымъ онъ обращался, соглашались издать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Николай—онъ нашелъ свѣдущаго переводчика. Въ то время, какъ, впрочемъ, и теперь, задача была не изъ легкихъ. Послѣ долгихъ поисковъ, сдѣлать переводъ этого труда было предложено очень извѣстной личности, о которой въ то время въ образованныхъ кругахъ русскаго общества сложилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ знающемъ, высоко образованномъ. Если къ этому прибавить, что это лицо въ то время очень нуждалось и бѣдствовало, то, казалось, что наиболѣе подходящаго переводчика трудно было отыскать. Получивъ предложеніе, это лицо сразу, безъ всякихъ оговорокъ согласилось приняться за работу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была доставлена рукопись перевода небольшой части первой главы „Капитала“. По ознакомленіи съ нею, оказалось, что переводъ плохъ, между тѣмъ именно первая глава, наиболѣе трудная для пониманія, требовала наибольшей точности, наибольшей ясности. Присылкою перевода нѣсколькихъ страницъ первой главы, которыми такъ и не пришлось воспользоваться, дѣло съ этимъ переводчикомъ закончилось, такъ какъ самъ переводчикъ вскорѣ отказался—черезъ своихъ друзей—отъ продолженія предпринятой имъ работы при обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Такимъ образомъ пришлось искать другого переводчика, по возможности болѣе свѣдущаго.

Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1870 года, въ Лондонѣ поселился

Германъ Александровичъ Лопатинъ. Онъ еще ничѣмъ не заявлялъ себя въ то время какъ переводчикъ, но выборъ остановился на немъ какъ на человѣкѣ, очень строго относящемся къ работѣ, которую ему приходилось брать на себя. А онъ съ своей стороны взялся за переводъ, разсчитывая въ трудныхъ случаяхъ на помощь Маркса, съ которымъ онъ познакомился, и съ которымъ у него установились вскорѣ очень близкія и сердечныя отношенія.

Первая глава „Капитала" (въ послѣдующихъ изданіяхъ первый отдѣлъ), наиболѣе трудная для пониманія, особенно въ первомъ изданіи, для лучшаго усвоенія русскимъ читателемъ, требовала, по мнѣнію Г. А. Лопатина, полнѣйшей переработки. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Марксъ, обѣщавъ произвести эту работу; поэтому Г. А. Лопатинъ началъ переводъ со второй главы (въ послѣдующихъ изданіяхъ второй отдѣлъ).

Между тѣмъ дѣятельность Маркса по организаціи Международнаго Союза Рабочихъ (International), по управленію его дѣлами отвлекла его отъ научныхъ занятій, и онъ долго не могъ осуществить своего намѣренія.

Принявшись за переводъ „Капитала", Г. А. Лопатинъ во многихъ случаяхъ для выясненія себѣ облика цитируемаго Марксомъ писателя, отправлялся въ библіотеку британскаго музея и тамъ по подлиннику знакомился съ тѣмъ или другимъ изъ авторовъ, на которыхъ ссылался Марксъ. Ему случалось подмѣчать у этихъ авторовъ еще большую путаницу понятій противъ той, которую отмѣчалъ у нихъ Марксъ. Въ такихъ случаяхъ Марксъ принималъ замѣчанія Г. А. Лопатина къ свѣдѣнію и дѣлалъ соотвѣтственныя добавленія. Примѣромъ можетъ служить добавленіе, которое онъ сдѣлалъ къ 32-й выноскѣ второго отдѣла (186—187 стр. 4-го нѣмецкаго изданія) по поводу путаницы понятій Senior'а (русскій переводъ стр. 177). Это добавленіе впервые появилось именно въ русскомъ изданіи: оно было прислано въ приложеніи къ одному изъ писемъ Маркса. Иногда Г. А. Лопатинъ находилъ, что изложеніе автора можетъ ввести читателя въ заблужденіе и дѣлалъ въ этомъ мѣстѣ перевода соотвѣтственную выноску, о чемъ сообщалъ Марксу. Марксъ съ нимъ въ этомъ соглашался и въ послѣдующихъ изданіяхъ оригинала въ соотвѣтственномъ мѣстѣ появлялась такая же выноска (4-ое изданіе оригинала стр. 179, Note zur 2 Ausgabe; русскій переводъ 3-е изданіе стр. 170; въ первомъ изданіи перевода эта выноска отмѣчена какъ *примѣчаніе переводчика*).

Изъ этого видно, насколько добросовѣстно отнесся переводчикъ къ своей работѣ и насколько вникъ въ смыслъ идей переводимаго автора. Къ сожалѣнію, переведя треть перваго тома, начиная со второй главы (второго отдѣла послѣдующихъ изданій), Г. А. Лопатинъ вынужденъ былъ

бросить дальнѣйшій переводъ, такъ какъ взялся за дѣло болѣе, по его мнѣнію, неотложное и важное.

Пришлось въ третій разъ искать переводчика. Послѣ долгихъ поисковъ, не найдя подходящаго человѣка, Н.—ону пришлось волей-неволей взять трудъ перевода (кромѣ части первой главы, переведенной другимъ лицомъ) на себя, при чемъ Г. А. Лопатинъ свою работу предоставилъ ему въ полную собственность. Въ мартѣ 1872 года появилось первое изданіе русскаго перевода „Капитала".

Въ то время, когда за переводъ „Капитала" взялся первый переводчикъ, а не Г. А. Лопатинъ, Николай—онъ обратился къ Марксу съ письмомъ, въ которомъ, сообщая ему о предстоящемъ выходѣ русскаго перевода его труда, просилъ его въ то же время сообщить біографическія свѣдѣнія о себѣ и библіографическія данныя о своихъ работахъ для того, чтобы помѣстить эти свѣдѣнія въ предисловіи къ русскому переводу „Капитала".

Въ отвѣтъ Николай—онъ получилъ отъ Маркса письмо, часть котораго помѣщена въ предисловіи къ русскому изданію. Этимъ началась переписка, которая съ болѣе или менѣе значительными перерывами продолжалась до кончины Маркса.

Какъ посмотрѣлъ Марксъ на сообщеніе о предпринятомъ изданіи русскаго перевода „Капитала", можно видѣть изъ письма его къ одному изъ его друзей, Л. Кугельману, отъ 12 октября 1868 года. Въ этомъ письмѣ Марксъ, между прочимъ, пишетъ: „На дняхъ одинъ петербургскій книгопродавецъ [1]) удивилъ меня сообщеніемъ, что въ настоящее время печатается русскій переводъ „Капитала". Онъ просилъ при этомъ мою фотографію, чтобы приложить къ книгѣ снимокъ съ нея. Въ такой бездѣлицѣ я не могъ отказать моимъ добрымъ друзьямъ русскимъ. Не иронія ли это судьбы, что русскіе, на которыхъ вотъ уже лѣтъ 25 какъ я непрерывно нападалъ и притомъ не только на нѣмецкомъ, но также и на французскомъ и англійскомъ языкахъ, постоянно „благоволили" ко мнѣ. Въ 1843—1844 годахъ въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы носили меня на рукахъ. На мое сочиненіе противъ Прудона [2]), а также на книгу, вышедшую у Дункера (1859) [3]) нигдѣ не нашлось большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая „Капиталъ", это русская. Но этому большого значенія придавать нельзя. Русская аристократія воспитывается въ юности въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда

---

[1]) Не зная условій книгоиздательства въ Россіи, Марксъ принялъ Николая—она за книгопродавца.

[2]) „Misère de la Philosophie" etc. 1847.

[3]) Zur Kritik der Politischen Oekonomie.

хватается за самое крайнее, что даетъ западъ. Это такіе же сластёны, какими была часть французскихъ аристократовъ въ 18 вѣкѣ. Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers (это не для портныхъ и не для сапожниковъ), говорилъ въ то время Вольтеръ о своей собственной просвѣтительной дѣятельности. Это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, тотчасъ по поступленіи на государственную службу, становиться негодяями". (Die Neue Zeit, Band 2, 1902, стр. 224).

Первыя письма Маркса относятся, главнымъ образомъ, къ изданію русскаго перевода „Капитала". Марксъ намѣревался переработать первую главу (первый отдѣлъ) для послѣдующихъ изданій оригинала и думалъ, что въ русскомъ изданіи можно будетъ помѣстить ее уже въ обновленномъ и болѣе удобопонятномъ изложеніи. Но этому намѣренію помѣшала осуществиться его практическая дѣятельность по организаціи Интернаціонала и пропагандѣ его задачъ,—такъ что первую главу въ русскомъ изданіи пришлось помѣстить въ томъ же видѣ, какъ и въ первомъ нѣмецкомъ.

Затѣмъ, послѣ ознакомленія съ русскими хозяйственными условіями развитія, передъ Марксомъ явилось новое освѣщеніе изслѣдуемыхъ вопросовъ. Изучая русскую хозяйственную жизнь, онъ имѣлъ возможность наблюдать формы докапиталистическаго производства, а также возникновеніе и развитіе производства капиталистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ переходныхъ къ нему формъ. Николай—онъ посылалъ ему все существенное, что выходило въ то время по этому вопросу въ Россіи. На первомъ планѣ находились, конечно, земскіе статистическіе сборники, начиная съ классическаго труда Вас. Ив. Орлова по крестьянскому хозяйству московской губерніи. Н.—онъ имѣлъ при этомъ кромѣ того въ виду, что использованіе этого огромнаго, прекрасно разработаннаго статистическаго матеріала поможетъ фактическому подтвержденію нѣкоторыхъ основныхъ положеній „Капитала", а также установленію генезиса прибавочной стоимости въ капиталистической ея формѣ путемъ изслѣдованія переходныхъ ея формъ отъ барщины, черезъ испольщину, отработки, къ арендѣ. То же самое въ обрабатывающей промышленности доставляютъ данныя о кустарныхъ промыслахъ и т. п. Независимо отъ этого, у Н.—она была въ то же время надежда, что будетъ, наконецъ, съ научной цѣлью использованъ огромный трудъ сотенъ земскихъ работниковъ, что данныя, полученныя ими, явятся звеньями цѣпи, связывающей все общественное хозяйство въ одно цѣлое, и этимъ самымъ не только освѣтятъ ходъ нашего хозяйственнаго развитія, но, кромѣ того, покажутъ самимъ земскимъ изслѣдователямъ то, что есть наиболѣе существеннаго въ ихъ работѣ, что относительно мало существенно и чего въ нихъ, быть можетъ, не хватаетъ.

Къ величайшему сожалѣнію, всѣ эти надежды не осуществились.

Вся огромная работа Маркса по изученію матеріаловъ русской хозяйственной жизни пропала даромъ для науки. Второй и третій томы „Капитала" появились въ томъ видѣ, какъ они были написаны въ 60-хъ гг. Русскіе матеріалы 70-хъ годовъ остались неиспользованными... Въ кружкѣ интимныхъ друзей Маркса Н.—ону ставили въ вину то, что онъ присылками русской хозяйственной литературы отдаляетъ время появленія второго и третьяго томовъ „Капитала", такъ какъ Марксъ слишкомъ увлекался, по мнѣнію его друзей, изученіемъ богатаго матеріала, который давала русская земская статистическая литература и другія русскія работы по общественно-хозяйственнымъ вопросамъ. [1])

По мѣрѣ знакомства съ этими матеріалами у Маркса возникали вопросы, для разрѣшенія которыхъ требовались новые матеріалы изъ другихъ областей хозяйственной жизни Россіи, за которыми онъ обращался къ Н.—ону. Такъ какъ Н.—онъ въ своихъ письмахъ по большей части сообщалъ Марксу результаты своихъ работъ по тѣмъ или другимъ экономическимъ вопросамъ, то Марксъ въ одномъ изъ писемъ просилъ Н.—она, „какъ занимающагося банкирскимъ дѣломъ" (Н.—онъ находился на службѣ въ одномъ кредитномъ учрежденіи), сообщить ему о положеніи русскаго государственнаго хозяйства.

Эта просьба заставила Н.—она приняться за болѣе систематическую работу, которая имѣла цѣлью, изучивъ всѣ главнѣйшія стороны общественно-хозяйственной жизни Россіи, въ томъ числѣ и источникъ финансовыхъ средствъ государства, показать ихъ взаимную зависимость и того двигателя, который приводитъ ее въ дѣйствіе, одушевляетъ ее.

Результатъ этой работы, скомбинированный въ цифровыя таблицы, Н.—онъ послалъ при объяснительномъ письмѣ Марксу. Эти таблицы и объясненіе ихъ были опубликованы на русскомъ языкѣ въ 1880 году подъ заглавіемъ *„Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства"* („Слово", октябрь).

Въ письмахъ Маркса отъ 10-го апрѣля 1879 и 19-го февраля 1881 гг. рѣчь идетъ именно объ этой работѣ Николая—она.

II.

Переписка съ Энгельсомъ началась вскорѣ по кончинѣ Маркса. Поводомъ для нея послужили два обстоятельства. Во-первыхъ, предположеніе,

---

[1]) По словамъ Поля Лафарга, какъ-то Энгельсъ, смѣясь сказалъ Марксу: „Я бы съ удовольствіемъ сжегъ русскія изданія по земской сельско-хозяйственной статистикѣ, такъ какъ они вотъ уже сколько лѣтъ только мѣшаютъ тебѣ закончить „Капиталъ". (Die Neue Zeit, 29 Juli 1905, стр. 560).

что Энгельсъ издастъ переписку Маркса, поскольку ее можно будетъ собрать. Н.—онъ предложилъ Энгельсу переслать ему письма, полученныя имъ отъ Маркса. Во-вторыхъ, Николай—онъ изданіемъ перваго тома „Капитала" принялъ на себя передъ русской читающей публикой обязательство познакомить ее съ послѣдующими томами этого труда; чтобы имѣть возможность выполнить это обязательство, онъ обратился съ просьбой къ Энгельсу высылать листы оригинала второго тома по мѣрѣ ихъ отпечатанія. Энгельсъ съ величайшей готовностью исполнилъ его просьбу. Только вслѣдствіе этого было возможно опубликовать русскій переводъ второго тома „Капитала" въ томъ же году, когда онъ появился въ продажѣ въ оригиналѣ.

Затѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ рѣчь зашла уже объ изданіи третьяго тома „Капитала".

Кромѣ того, предметомъ переписки съ Энгельсомъ, какъ и съ Марксомъ, послужила русская общественно-хозяйственная жизнь, развитіе русскихъ экономическихъ отношеній. Н.—онъ сообщалъ ему о разныхъ явленіяхъ русской хозяйственной жизни съ тою ихъ оцѣнкой, которая представлялась ему наиболѣе правильной.

Неурожай въ Россіи въ 1891 году и сопровождавшій его голодъ, безработица послужили для Н.—она поводомъ для сводки его наблюденій и изслѣдованій въ области общественно-хозяйственной жизни и для ознакомленія русской публики съ тѣми общественными условіями, которыя привели къ такому народному бѣдствію.

По мѣрѣ хода работъ, Н.—онъ сообщалъ Энгельсу факты и выводы, слѣдовавшіе, по его мнѣнію, изъ этихъ фактовъ. Эта работа Н.—она вышла отдѣльной книгой въ 1903 году подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и начало работы, опубликованной въ 1880 году.

III.

Такъ какъ письма Маркса, а въ особенности Энгельса, касаются часто явленій русской хозяйственной жизни, о которыхъ имъ сообщалъ Н.—онъ; такъ какъ книга Н.—она составилась, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ же матеріаловъ, какъ и письма къ Марксу и Энгельсу; наконецъ, въ виду того, что эта книга, опубликованная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, давно разошлась, и современные читатели съ нею не знакомы, то будетъ умѣстно, для пониманія нѣкоторыхъ писемъ Маркса и Энгельса, намѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, главнѣйшіе результаты его работъ.

При сопоставленіи цифровыхъ данныхъ различныхъ отраслей общественно-хозяйственной жизни за цѣлый рядъ лѣтъ передъ Н.—оном объ-

наружилась опредѣленная закономѣрность этихъ явленій, ихъ взаимная зависимость: если абсолютныя цифры, относящіяся къ разнымъ сторонамъ этой жизни (урожаи; товарное и пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ; банковая дѣятельность по пассивнымъ и активнымъ операціямъ, т. е. измѣненіе суммы вкладовъ въ банки, учетно-ссудная операція, переводъ денегъ, вклады на храненіе, сумма обращающихся денежныхъ знаковъ; вывозъ хлѣба за границу; суммы государственныхъ доходовъ; долги казны и долги казнѣ, и т. д., и т. д.), обратить въ относительныя, то окажется, что эти цифры измѣняются въ строгой взаимной зависимости.

Сопоставленіе тѣхъ же цифръ не по календарнымъ, а по хозяйственнымъ годамъ,—отъ жатвы до жатвы,—обнаружило не только такую же закономѣрность, но показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что колебанія всѣхъ явленій общественно-хозяйственной жизни находятся въ непосредственной зависимости отъ величины урожая хлѣбовъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ явленій выяснилось, что, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, хозяйственная политика, направленная не на развитіе сельско-хозяйственнаго производства (для этого необходимымъ условіемъ является всестороннее образованіе развитіе самодѣятельности населенія и т. д., и т. д.), а односторонне направленное на развитіе обращенія (постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе банковаго дѣла и т. д.), въ корнѣ подрываетъ благосостояніе огромнаго большинства населенія. Все это составило предметъ работы, появившейся въ 1880-мъ году.

Прошло десять лѣтъ. Въ продолженіе этого періода началось усиленное, изъ года въ годъ прогрессировавшее таможенное, покровительство крупной капиталистической промышленности, опять-таки за счетъ бѣднѣвшаго крестьянства. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Хозяйственная политика, которая получила преобладаніе со времени отмѣны крѣпостного права, привела, наконецъ, какъ это можно было предвидѣть, къ голоду 1891 года.

Народное бѣдствіе 1891 года слишкомъ глубоко потрясло все зданіе народнаго хозяйства, чтобы можно было остаться безучастнымъ къ нему и чтобы не явилось попытки его объясненія. Голодъ 1891 года и вызвавшіе его общественно-хозяйственныя причины составили предметъ дальнѣйшей работы Николая—она. Результатомъ этой работы вмѣстѣ съ предшествующей явилась въ 1893 году его книга *„Очерки пореформеннаго хозяйства“*. Въ этой второй части Н.—онъ, путемъ опять-таки сопоставленія соотвѣтственныхъ цифровыхъ данныхъ общественно-хозяйственной жизни, показалъ, что односторонняя поддержка капиталистическаго производства и обращенія при помощи таможенной охраны, а также при помощи податей и косвенныхъ налоговъ, падающихъ, главнымъ образомъ, на большинство

населенія, на крестьянство, въ корнѣ подрывала не только благосостояніе крестьянъ, но, при обѣдненіи ихъ, повела къ сокращенію рынка для продуктовъ капиталистической промышленности, подрывая дальнѣйшее развитіе ея и затѣмъ вела къ неизбѣжному кризису.

Н.—онъ постоянно имѣлъ въ виду, что въ наукѣ никакихъ абстрактныхъ, якобы научныхъ, законовъ не существуетъ. Онъ постоянно имѣлъ въ виду, что научный законъ есть „просто общее выраженіе или утвержденіе,— основывающееся на наблюденіи или опытѣ,—что опредѣленныя явленія или совокупность ихъ неизбѣжно влекутъ за собою опредѣленный результатъ. Научный законъ не есть внѣшняя реальность, а есть только наше мысленное отношеніе къ внѣшнимъ реальностямъ... Выраженіе *законъ природы*, *законъ экономическій* можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ это выраженіе, напоминая о принудительности юридическаго закона, устанавливаемаго людьми, вызываетъ представленіе о какой-то волѣ, какомъ-то законодателѣ, о какой-то принудительности. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности принудительность надо искать не внѣ фактовъ, а въ нихъ самихъ, въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ они обнаруживаются какъ во времени, такъ и въ пространствѣ". („*Капиталъ I*". Предисловіе ко второму русскому изданію, стр. XXI—XXII).

На основаніи этихъ соображеній Николай—онъ имѣлъ въ виду выяснить условія возникновенія хозяйственнаго кризиса въ Россіи, такъ какъ по его изслѣдованію причины кризисовъ, какъ и каждаго изъ явленій общественной хозяйственной жизни страны, надо искать въ совокупности общихъ конкретныхъ хозяйственныхъ условій каждой данной страны въ отдѣльности, и что прилагать безъ всякаго отношенія къ такимъ конкретнымъ условіямъ схему кризисовъ Маркса, который излагалъ законы капиталистическаго строя, охватившаго уже всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности страны, было бы логической ошибкой, такъ какъ въ Россіи, какъ и въ С. Американскихъ Штатахъ, земледѣльческая промышленность находится почти внѣ сферы капиталистическаго производства, подчиняясь въ то же время законамъ капиталистическаго обращенія. Абстрактный законъ можетъ обнаружиться только при совокупности тѣхъ условій, при которыхъ онъ подмѣченъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ надо принимать въ расчетъ всѣ условія, какъ тѣ, при которыхъ онъ можетъ обнаружиться, такъ и тѣ, которыя затемняютъ его проявленіе. Можетъ оказаться, что въ наличности даже и совсѣмъ нѣтъ условій, при которыхъ проявляется тотъ или другой законъ.

Въ письмахъ къ Энгельсу Николай—онъ постоянно выставлялъ на видъ тѣ своеобразныя условія, при которыхъ течетъ общественно-хозяйственная жизнь Россіи. Оцѣнка этихъ условій въ нѣкоторыхъ случаяхъ у

Энгельса и Н.—она была разная. На этой почвѣ у нихъ возникъ обмѣнъ мнѣній, прерванный кончиною Энгельса.

Неурядица общественно-хозяйственныхъ отношеній, о которой шла рѣчь въ перепискѣ между Энгельсомъ и Николаемъ—ономъ, которая, обостряясь съ каждымъ годомъ, отражалась на всѣхъ классахъ населенія, подтачивая весь общественно-хозяйственный организмъ, неизбѣжно должна была рано или поздно изъ затяжной формы обратиться въ острую. Ускоренію этого поспособствовалъ внѣшній толчокъ.. Этимъ толчкомъ явилась война съ Японіей, встряхнувшая всѣ слои населенія. Пораженіе Россіи, подготовлявшееся годами, вслѣдствіе не только задержки хозяйственнаго развитія большинства населенія, но его прогрессивнаго обѣдненія, заставило всѣ классы населенія, кромѣ незначительной части его, занимающей привилегированное положеніе,—подъ угрозою гибели государства, стремиться къ пересозданію общественной жизни на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ общественно-хозяйственнымъ условіямъ государствъ, среди которыхъ приходится жить Россіи. Явленія общественной жизни послѣднихъ четырехъ лѣтъ (1904—1907 г.г.) наглядно, болѣзненно-осязательно подтвердили то, на что языкомъ нелицепріятныхъ цифръ съ такой очевидностью указывали явленія, пережитыя народомъ за сорокъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за упраздненіемъ крѣпостного права. А потому про переживаемые нами дни можно съ полнымъ правомъ сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: the time is out of joint...

Вновь возникшія общественно-хозяйственныя условія и совокупность ихъ настолько непреодолимы, что никакія силы не въ состояніи воспрепятствовать пересозданію общественныхъ отношеній, которыя основываются на нихъ и которыя требуются самою жизнью, ростомъ общественнаго организма.

По смерти Энгельса Н.—онъ обратился съ просьбой къ младшей дочери Маркса—Элеонорѣ, съ которою ему уже и раньше приходилось обмѣниваться письмами, съ просьбою присылать для перевода листы оригинала 4-го тома „Капитала“, по мѣрѣ ихъ отпечатыванія. Отвѣтнымъ письмомъ Элеоноры Марксъ-Эвелингъ заканчивается рядъ публикуемыхъ писемъ.

Отъ редакціи.

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Маркса попадаются очень рѣзкія сужденія о М. А. Бакунинѣ по поводу инцидента съ переводомъ „Капитала“ и раскола Интернаціонала. Передавая намъ эти письма, Николай—онъ совѣтовалъ выбросить этотъ инцидентъ и всѣ рѣзкости, и въ своемъ поясни-

тельномъ вступленіи онъ не назвалъ даже по имени перваго переводчика. Но мы смотримъ на эти письма, какъ на историческіе документы, не подлежащіе вообще произвольнымъ сокращеніямъ. Къ тому же инцидентъ этотъ, обсуждавшійся въ свое время въ секретномъ засѣданіи одной изъ комиссій Гаагскаго конгресса Интернаціонала, попалъ впослѣдствіи на страницы европейскихъ и русскихъ (заграничныхъ) газетъ, а потому давно не составляетъ тайны. Что же касается до пристрастности сужденій, легковѣрныхъ подозрѣній и рѣзкости выраженій по отношенію къ партійнымъ врагамъ (особенно въ частныхъ письмахъ), то явленіе это, къ сожалѣнію, слишкомъ общеизвѣстно и обычно, и о вещахъ такого рода нужно судить, считаясь съ историческимъ моментомъ, обстоятельствами времени и крайнимъ возбужденіемъ противныхъ сторонъ въ періодѣ горячей партійной борьбы на жизнь и на смерть. Вотъ почему мы печатаемъ нижеслѣдующія письма безъ всякихъ выпусковъ.

Предшествующая объяснительная замѣтка писана, по нашей просьбѣ Николаемъ—ономъ, къ которому были адресованы эти письма, а переводъ самихъ писемъ сдѣланъ Г. А. Лопатинымъ.

I.

ПИСЬМА МАРКСА.

1.

1, Modena Villas, Maitland Park
London N. W.
7 октября 1868.

Милостивый государь!

Въ отвѣтъ на ваше письмо могу сообщить слѣдующее:

1) Вамъ не слѣдуетъ дожидаться второго тома, такъ какъ появленіе его, быть можетъ, замедлится еще мѣсяцевъ на шесть. Я не могу изготовить его для печати до окончанія и появленія въ свѣтъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ разслѣдованій (enquêtes), предпринятыхъ въ теченіе прошлаго и позапрошлаго (1866, 1867) годовъ во Франціи, въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Къ тому же первый томъ представляетъ собою законченное цѣлое.

2) Соціалистической литературы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ; тамъ имѣются только рабочія газеты.

3) Прилагаю, по вашей просьбѣ, мою фотографію [1]).

4) Что касается до моихъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ и вышедшихъ въ свѣтъ въ различныхъ мѣстахъ, то я и самъ не имѣю полнаго собранія ихъ. Большинства ихъ уже не находится болѣе въ продажѣ. Итакъ, не имѣя возможности удовлетворить вашему желанію по этому пункту—La plus belle fille de France ne peut donner, que ce qu'elle a—[2]) я принужденъ ограничиться коротенькой замѣткой о моей литературно-политической дѣятельности, которой вы можете воспользоваться для предисловія къ вашему переводу.

Д-ръ Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ (Рейнская Пруссія) въ 1818 году.

1842—43: Главный редакторъ **Рейнской Газеты** (Rheinische Zeitung) въ Кельнѣ. Эта газета насильственно закрывается прусскимъ правительствомъ. Марксъ переселяется въ Парижъ и издаетъ тамъ (1844), совмѣстно съ Арнольдомъ Руге, **Нѣмецко-Французскія Лѣтописи** (Deutsch-Französische Jahrbücher). Въ концѣ 1844 года Гизо изгоняетъ Маркса изъ Франціи, вслѣдствіе чего Марксъ переселяется въ Брюссель и издаетъ оттуда, совмѣстно съ Энгельсомъ, **Святое Семейство или Критика критической критики противъ Бруно Бауэра „съ товарищи"**. (Франкфуртъ-на-Майнѣ, 1845). Это сочиненіе—также какъ и статьи Маркса въ **Нѣмецко-Французскихъ Лѣтописяхъ**—направлено противъ идеологическаго мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философіи. Затѣмъ, изъ Брюсселя же были выпущены Марксомъ: **Нищета Философіи. Отвѣтъ на Философію Нищеты П. Ж. Прудона.** (Брюссель и Парижъ, 1847).—**Разсужденіе о свободѣ торговли** (Брюссель, 1847) и, наконецъ, въ началѣ 1848 г., совмѣстно съ Фридрихомъ Энгельсомъ: **Манифестъ Коммунистической Партіи** (Лондонъ).

Вслѣдъ за взрывомъ февральской революціи, Маркса почти тотчасъ изгоняютъ изъ Бельгіи, но въ то же время онъ получаетъ приглашеніе отъ временнаго французскаго правительства вернуться во Францію, вслѣдствіе чего онъ отправляется въ Парижъ, а въ апрѣлѣ 1848 переселяется въ Кельнъ, гдѣ издаетъ **Новую Рейнскую Газету** (Neue Rheinische Zeitung) съ іюня 1848 по май 1849.

Тамъ же выпущены имъ:

Два политическихъ процесса (Кельнъ, 1849). Эта брошюра содержитъ изложеніе судебной процедуры и защитительныя рѣчи Маркса. Въ первомъ изъ этихъ процессовъ Марксъ обвинялся въ оскорбленіи королев-

---

[1]) Приложить портретъ Маркса къ русскому переводу „Капитала" цензура не разрѣшила.

[2]) Самая красивая дѣвушка во всей Франціи не можетъ дать болѣе того, что у нея есть.

скаго прокурора, а во второмъ—послѣ прусскаго государственнаго переворота (Мантейфель)—за призывъ къ возстанію. Въ обоихъ случаяхъ присяжные вынесли Марксу оправдательный приговоръ. Однако, въ маѣ 1849 г., **Новая Рейнская Газета** закрывается прусскимъ правительствомъ, а Марксъ изгоняется изъ предѣловъ Пруссіи, вслѣдствіе чего онъ отправляется снова въ Парижъ, но, будучи снова изгнанъ изъ Франціи, переселяется въ концѣ октября 1849 въ Лондонъ, гдѣ живетъ и понынѣ и откуда имъ были издаваемы:

Новая Рейнская Газета. Политико-Экономическое обозрѣніе (Гамбургъ и Нью-Іоркъ, 1850).

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (Нью-Іоркъ, 1852).

Разоблаченія касательно коммунистическаго процесса въ Кельнѣ (1853). Два изданія—одно въ Базелѣ, а другое въ Бостонѣ.

Летучіе листки противъ лорда Пальмерстона (Лондонъ, Бирмингамъ и Глазго, 1853—1854).

Къ критикѣ политической экономіи (Берлинъ, 1859).

Господинъ Фогтъ (Лондонъ, 1860).

1851—1861. Рядъ статей на англійскомъ языкѣ въ американскихъ періодическихъ изданіяхъ: New-York Tribune, Putnam's Review и New-American Cyclopaedia.

1864. Учредительная программа „Международнаго Союза Рабочихъ“ (International Workingmen's Association), изданная подъ названіемъ **Воззваніе къ рабочему люду Европы**, а также **уставъ** этого союза, окончательно принятый позже (1866) на Женевскомъ конгрессѣ Международнаго Союза Рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ Марксъ состоитъ непрерывно членомъ **Главнаго Совѣта** (General Council) этого Союза, а также секретаремъ совѣта для Германіи.

1867. **Капиталъ** и пр.

Преданный вамъ

Карлъ Марксъ.

2.

13 іюня 1871. Лондонъ.

Многоуважаемый!

Я съ удовольствіемъ займусь переработкой „первой главы“ [1]), но я не могу приступить къ этому дѣлу ранѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли. Вслѣдствіе восьминедѣльной болѣзни у меня накопилось много работъ, которыя должны быть исполнены прежде всего другого. Тогда же пришлю вамъ и списокъ разныхъ мелкихъ исправленій.

---

[1]) Капиталъ, т. I.

Что касается до продолженія моего труда, то сообщеніе нашего друга есть результатъ какого-то недоразумѣнія. Я нахожу необходимой полную переработку первоначальной рукописи. Къ тому же мнѣ не хватало до настоящей минуты нѣкоторыхъ необходимыхъ документовъ, которые, однако, должны же придти въ концѣ концовъ изъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ.

Нашъ другъ *долженъ вернуться въ Лондонъ* изъ своей торговой поѣздки. Корреспонденты той фирмы, отъ которой онъ разъѣзжаетъ, пишутъ мнѣ по временамъ изъ Швейцаріи и изъ другихъ мѣстъ. Все дѣло *рухнетъ*, если онъ отложитъ свое возвращеніе, и самъ онъ навѣки потеряетъ возможность оказывать дальнѣйшія услуги своей фирмѣ. Соперники фирмы увѣдомлены о немъ, ищутъ его повсюду и навѣрно заманятъ его въ какую-нибудь ловушку своими происками [1]).

Очень благодарю васъ за дружескую присылку разныхъ русскихъ книгъ. Все получено мною въ исправности. „Примѣчанія къ Дж. Ст. Миллю“ у меня есть, но я былъ бы радъ получить и остальныя экономическія сочиненія того же автора.

Не смотря на мою болѣзнь, я выпустилъ недавно брошюрку листа въ два. Какъ переслать ее вамъ?

Такъ какъ я много разъѣзжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу васъ направлять впредь ваши письма и посылки по нижеслѣдующему адресу одного изъ моихъ друзей безъ всякой передаточной надписи:

A. Williams, Esd. [2]). Онъ живетъ въ моемъ домѣ, а потому и адресъ его тотъ же, что мой, т. е. 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный вамъ

М.

3.

22 іюля 1871.

Любезный другъ!

Вы должны извинить меня за столь позднее полученіе отвѣта. Въ послѣднее время я до такой степени былъ заваленъ работой, что едва находилъ время для сна.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Г. А. Лопатинѣ и о его поѣздкѣ въ Сибирь за Н. Г. Чернышевскимъ.

[2]) Псевдонимъ его старшей дочери Дженни (впослѣдствіи вышедшей замужъ за коммунара Лонге), подъ которымъ она напечатала въ рошфоровской La Marseillaise рядъ корреспонденцій о жестокомъ и унизительномъ обращеніи въ англійскихъ тюрьмахъ съ осужденными феніями. Статьи эти вызвали въ Англіи взрывъ общественнаго негодованія и повели къ офиціальному слѣдствію и устраненію указанныхъ въ нихъ золъ.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ Николаю—ону Марксъ и подписывается— *А. Вильямсъ*.

Поэтому я не могъ и подумать о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь относительно „Капитала". Однако же, на будущей недѣлѣ я приступлю къ этому дѣлу и вскорѣ приготовлю все, что вамъ требуется.

Я уже давно заготовилъ *пакетъ для Берлина*, но, къ несчастію, вслѣдствіе какой-то ошибки, онъ не былъ отосланъ и до сихъ поръ еще находится у меня. Поэтому пришлите мнѣ, пожалуйста, новый адресъ для Берлина, и я отправлю тогда пакетъ безъ всякаго промедленія.

Здѣсь получены самыя тревожныя извѣстія о нашемъ „общемъ другѣ" [1]), но я надѣюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мѣрѣ, преувеличенными.

Если бы вамъ удалось найти въ Берлинѣ какого-нибудь корреспондента, который согласился бы служить посредникомъ по отношенію къ *нѣкоторой части* того торговаго дѣла, которое мнѣ приходится вести въ Петербургѣ, то это было бы очень полезно; при чемъ, по отношенію къ *нѣкоторымъ товарамъ*, этотъ кружный путь могъ бы оказаться короче, чѣмъ прямой. Прямая линія далеко не во всѣхъ случаяхъ, какъ это воображаютъ себѣ математики, есть самая кратчайшая.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

4.

9 ноября 1871.

Дорогой другъ!

Прилагаю при семъ нѣсколько измѣненій текста, представляющихъ отчасти просто исправленіе опечатокъ. Нѣкоторую важность имѣютъ только измѣненія, относящіяся къ страницамъ 192, 201, 288, 205a (сноска) и 376, такъ какъ тутъ дѣло идетъ отчасти о самомъ содержаніи текста.

Было бы безполезно *дожидаться* переработки I-й главы, такъ какъ за послѣдніе мѣсяцы все мое время до такой степени поглощено разными текущими дѣлами (да и въ ближайшемъ будущемъ мало надежды на улучшеніе по этой части), что я никакъ не могу приняться за мои теоретическіе труды. Конечно, въ одинъ прекрасный день я положу конецъ всему этому; но бываютъ обстоятельства, когда чувство долга принуждаетъ васъ заниматься вещами несравненно менѣе привлекательными, чѣмъ теоретическія изысканія и изслѣдованія. Горячо благодарю васъ за все ваше участіе ко мнѣ и моимъ трудамъ. Съ сочиненіями Добролюбова я отчасти уже знакомъ. Я сравниваю его, какъ писателя, съ Лессингомъ и Дидеро.

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

Недавно я получилъ нѣсколько курьезныхъ нумеровъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Искренно вашъ
А. В.

(A. Williams).

(При этомъ письмѣ былъ приложенъ списокъ исправленій къ I т. *Капитала*, который не помѣщается здѣсь, такъ какъ всѣ эти исправленія были приняты во вниманіе при изданіи русскаго перевода этого тома.)

5.

Лондонъ, 28 мая 1872.

Многоуважаемый!

Отвѣтъ мой запоздалъ такъ сильно собственно потому, что я все время надѣялся на возможность послать вамъ, одновременно съ письмомъ, первые выпуски 2-го нѣмецкаго изданія „Капитала“, а также перевода его на французскій языкъ (Парижъ). Но нѣмецкіе и французскіе книгоиздатели до такой степени затянули печатаніе, что я не могу долѣе откладывать отвѣта.

Прежде всего очень благодарю васъ за прекрасно переплетенный экземпляръ вашего перевода. Переводъ я нахожу мастерскимъ. Мнѣ было бы пріятно, если бы я могъ получить еще одинъ непереплетенный экземпляръ для Британскаго Музея.

Мнѣ очень жаль, что *безусловно* непреодолимыя помѣхи (въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова) не дозволили мнѣ приступить къ переработкѣ моего сочиненія для второго изданія ранѣе конца декабря 1871 г., а между тѣмъ эта переработка оказалась бы очень полезной для русскаго изданія.

Хотя французское изданіе, вышедшее въ переводѣ г. Руа, переводчика Фейербаха, и выполнено великимъ знатокомъ обоихъ языковъ, тѣмъ не менѣе онъ переводилъ временами черезчуръ ужъ буквально. Поэтому я былъ принужденъ передѣлать по-французски цѣлые отрывки, чтобы угодить литературнымъ вкусамъ французской публики. Тѣмъ легче будетъ современемъ переводить съ французскаго на англійскій и на романскіе языки.

Я до такой степени переутомленъ и встрѣчаю столько помѣхъ моимъ теоретическимъ трудамъ, что въ концѣ сентября намѣренъ покинуть наше *торговое дѣло*, которое въ настоящее время лежитъ, главнымъ образомъ, на моихъ плечахъ и которое, какъ вы знаете, имѣетъ свои развѣтвленія

по всему свѣту [1]). Est modus in rebus (во всемъ нужна мѣра); и я не могу дольше, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени заниматься заразъ двумя родами дѣлъ столь различнаго характера.

Извѣстія, сообщаемыя вами о *нашемъ общемъ другѣ* [2]), очень обрадовали меня и мою семью: есть мало людей на свѣтѣ, которыхъ я такъ люблю и такъ уважаю.

Вы очень обяжете меня, переславъ прилагаемое письмо доктору В. Баранову по такому адресу: Г-жа Багговутъ. Театральная площадь, домъ барона Кистера.

Въ надеждѣ вскорѣ услышать о васъ,

дружески преданный вамъ

А. В. (A. W.)

Одинъ изъ проживающихъ въ Швейцаріи крикливыхъ шарлатановъ Marktschreier)—М. Бакунинъ—откалываетъ такія штуки (spielt solche Streiche), что я былъ бы очень благодаренъ за всякое точное свѣдѣніе объ этомъ человѣкѣ, а именно: 1) о его вліяніи въ Россіи и 2) о той роли, которую играла его особа въ пресловутомъ (нечаевскомъ) процессѣ.

6.

15 августа 1872.

Дорогой сэръ!

Надѣюсь, что вы уже получили первую часть второго нѣмецкаго изданія, которую я послалъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ. Я вышлю вамъ также первые 6 выпусковъ французскаго изданія, которые выйдутъ на дняхъ. Нужно справляться съ *обоими изданіями,* такъ какъ я прибавилъ и измѣнилъ кое-что тамъ и сямъ во французскомъ изданіи.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвѣчу на него на этихъ дняхъ. Получилъ я также посланную вами рукопись и статью изъ „Вѣстника Европы". [3])

Пишу сегодня второпяхъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбою по одному спеціальному дѣлу *самаго неотложнаго* свойства.

Бакунинъ—бывшій руководитель въ Нечаевскомъ дѣлѣ, старавшійся всѣ эти годы подкопать своими тайными происками Интернаціоналъ, былъ въ послѣднее время до такой степени прижатъ нами къ стѣнѣ, что нашелъ себя вынужденнымъ сбросить, наконецъ, маску и *отколоться открыто*

---

[1]) Международный Союзъ рабочихъ.
[2]) Г. А. Лопатинѣ.
[3]) И. И. К—нъ: „Точка зрѣнія о политико-экономической критикѣ у К. Маркса". „Вѣстникъ Европы". Май, 1872 г.

отъ Союза вмѣстѣ съ руководимыми имъ глупцами. Такъ вотъ, этому Бакунину было какъ-то предложено перевести на русскій языкъ мою книгу, при чемъ часть денегъ за переводъ была имъ получена впередъ, но, вмѣсто того, чтобы доставить свой трудъ, онъ написалъ или велѣлъ написать къ нѣкоему Лю—ну (такъ, мнѣ помнится, звали человѣка, ведшаго съ нимъ это дѣло по порученію будущаго издателя) въ высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мнѣ громадную пользу, если бы я могъ получить его немедленно. Такъ какъ это чисто коммерческое дѣло и такъ какъ, при пользованіи этимъ документомъ, не будетъ названо никакихъ именъ, то я надѣюсь, что вы добудете мнѣ это письмо. Но не слѣдуетъ терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мнѣ это письмо, то нужно сдѣлать это сейчасъ же, потому что въ концѣ этого мѣсяца я уѣзжаю изъ Лондона на Гаагскій конгрессъ.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

7.

25 ноября 1872.

Мой дорогой другъ!

Пересланное мнѣ письмо пришло во время и сдѣлало *свое дѣло.*

Если я не написалъ вамъ ранѣе, и если, даже въ эту минуту, посылаю вамъ лишь нѣсколько строкъ, то исключительно потому, что мнѣ требуется получить предварительно отъ васъ, буде это возможно, другой, *строго коммерческій,* адресъ, по которому я могъ бы свободно писать вамъ.

Выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляютъ меня сильно безпокоиться за васъ и за нѣкоторыхъ другихъ друзей. Вѣдь эти люди способны на всякую гнусность.

Я не могу достаточно сильно выразить мою благодарность за ваше участіе къ моимъ трудамъ и за тѣ хлопоты, которыми обременяете себя вы и другіе русскіе мои друзья.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

Пожалуйста, отвѣтьте на эти строки какъ можно скорѣе.

8.

12 декабря 1872.

Дорогой другъ!

Изъ прилагаемаго вложенія вы узнаете результаты Гаагскаго конгресса. Въ засѣданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу Alliance'а, я про-

челъ письмо къ Лю—ну, подъ условіемъ строжайшей тайны и не называя имени адресата. Однако, тайна не была соблюдена, во-первыхъ, потому, что въ комиссіи засѣдалъ, въ числѣ прочихъ, бельгійскій адвокатъ Сплингардъ, который былъ въ дѣйствительности просто агентомъ альянистовъ, а во-вторыхъ, потому, что Жуковскій, Гильомъ и К° (въ предвидѣніи грядущаго и ради его предотвращенія) заранѣе разсказывали направо и налѣво это дѣло, конечно, *по своему* и съ апологетическими прибавками. Вслѣдствіе этого, комиссія, въ своемъ докладѣ конгрессу, была вынуждена сообщить относящіеся къ Бакунину *факты*, содержавшіеся въ письмѣ къ Лю—ну (при чемъ я, понятно, не назвалъ его имени; но друзья Бакунина знали уже о немъ изъ Женевы). Спрашивается теперь: имѣетъ ли право комиссія, назначенная для опубликованія протоколовъ конгресса (въ составѣ которой нахожусь и я), сдѣлать *публичное употребленіе* изъ этого письма, или же—нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, отъ Лю—на. Однако же, считаю нужнымъ замѣтить, что, со времени конгресса, эти факты, безъ всякаго нашего содѣйствія, давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этимъ дѣломъ оборотъ тѣмъ противнѣе для меня, что я разсчитывалъ на безусловную скромность и требовалъ ея самымъ настойчивымъ и торжественнымъ образомъ.

Вслѣдствіе исключенія Бакунина, а также Гильома изъ Интернаціонала, ихъ Alliance, держащій въ своихъ рукахъ наши секціи въ Италіи и Испаніи, немедленно открылъ повсюду противъ насъ клеветническую войну и, въ соединеніи со всякими испорченными элементами, стремится вызвать распаденіе на два лагеря. Однако, ожидающее его окончательное пораженіе несомнѣнно, и онъ только поможетъ намъ *очистить* Интернаціоналъ отъ неопрятныхъ и слабоголовыхъ элементовъ, вкравшихся въ него тамъ и сямъ.

Злодѣйское покушеніе друзей Бакунина на бѣднаго Утина, совершенное въ Цюрихѣ, есть несомнѣнный фактъ, и самъ Утинъ находится въ эту минуту въ очень опасномъ положеніи со стороны здоровья. Это разбойничье дѣло уже разсказано во многихъ газетахъ Союза (между прочимъ, въ мадридской Emancipacion) и будетъ фигурировать во всѣхъ подробностяхъ въ нашемъ публичномъ отчетѣ о Гаагскомъ конгрессѣ. Та же разбойничья шайка произвела еще два подобныхъ же нападенія на своихъ противниковъ въ Испаніи. Вскорѣ она будетъ пригвождена къ позорному столбу передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Судьба нашего милаго „общаго друга“ глубоко волнуетъ всю мою семью. У меня есть планъ—помочь ему путемъ дипломатическаго вмѣшательства изъ Константинополя. Можетъ быть и удастся.

Присланная вами рукопись [1]) все еще находится у меня, такъ какъ Утинъ не въ состояніи заняться ея печатаніемъ, а Элпидинъ принадлежитъ къ той же шайкѣ негодяевъ [2]). Рукопись очень интересна.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанной критики (рукописной), а также всякаго печатнаго матеріала, которымъ вы обладаете по этой части. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ моихъ друзей желаетъ написать статейку касательно пріема, встрѣченнаго моей книгой въ Россіи.

Печатаніе французскаго перевода пріостановилось вслѣдствіе одной несчастной случайности, но черезъ нѣсколько дней оно начнется снова. Готовится также итальянскій переводъ.

Въ заключеніе еще одна просьба. Мой зять, французскій эмигрантъ, докторъ медицины, Лафаргъ желалъ бы, буде это возможно, посылать въ какой-либо русскій журналъ періодическія сообщенія или по части естественныхъ наукъ, или же объ общественно-политическихъ событіяхъ въ Италіи и Испаніи (а также и во Франціи). Но его матеріальное положеніе не позволяетъ ему дѣлать этого даромъ, и, кромѣ того, онъ можетъ доставлять свои статьи лишь на французскомъ языкѣ.

Мнѣ очень хотѣлось бы увидѣть книгу кіевскаго профессора Зибера о Рикардо и его теоріи цѣнности и капитала, такъ какъ въ этомъ сочиненіи говорится, между прочимъ, и о моей книгѣ.

Дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

Во второмъ томѣ „Капитала“, въ отдѣлѣ о поземельной собственности, я намѣренъ заняться очень подробно русской ея формою.

Еще одно. Мнѣ хотѣлось бы напечатать что-нибудь о жизни и дѣятельности Чернышевскаго, чтобы вызвать сочувствіе къ нему въ Западной Европѣ. Но для этого мнѣ нужны фактическія данныя.

9.

18 января 1873.

Дорогой другъ!

Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ получилъ я Зибера, Головачева и 5 томовъ Скребицкаго. Право, мнѣ, наконецъ, совѣстно, что вы входите для меня въ такія большія издержки. Сердечно благодарю васъ за все!

Оперы тоже были получены въ свое время и доставили моей дочери большое удовольствіе [3]). Но она думала, что онѣ были высланы ей

---

[1]) „Письма безъ адреса“ Чернышевскаго.

[2]) Совершенное заблужденіе на основаніи ложныхъ слуховъ.

[3]) Рѣчь идетъ о русскихъ операхъ—„Жизнь за царя“ и „Русланъ“, пересланныхъ Николаемъ—ономъ, по просьбѣ Г. А. Лопатина, старшей дочери Маркса, Дженни, чтобы познакомить ее немного съ русской музыкой.

одной знакомой русской дамой, а теперь проситъ меня передать ея живѣйшую благодарность неизвѣстному доброжелателю [1]). „Знаніе“ еще раньше само обращалось ко мнѣ съ предложеніемъ сотрудничества, но у меня нѣтъ времени для подобныхъ работъ. Что касается до Лафарга, то онъ пошлетъ черезъ васъ свою пробную статью.

Относительно Чернышевскаго скажу, что это ваше дѣло рѣшить: долженъ ли я говорить только объ его научныхъ заслугахъ или же могу затронуть и другія стороны его дѣятельности. Во второмъ томѣ моего сочиненія онъ будетъ фигурировать, конечно, только какъ экономистъ. Значительная часть его сочиненій мнѣ извѣстна.

Что касается до нашего „общаго друга“ [2]), то вы можете быть увѣрены, что я предприму то, о чемъ уже говорилъ—пока я все еще ожидаю нѣкоторыхъ свѣдѣній по этой части изъ Константинополя—но я, конечно, не сдѣлаю ничего такого, что могло бы компрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается до Лю-па, то я предпочту скорѣе выбросить изъ готовящагося къ печати слѣдствія всю относящуюся къ нему часть, чѣмъ подвергнуть его самомалѣйшей опасности. Съ другой же стороны, смѣлость есть, можетъ быть, наилучшая политика. Къ тому же, судя по одному печатному произведенію, выпущенному Бакунинымъ въ Швейцаріи не отъ собственнаго лица, а отъ имени одного изъ его славянскихъ друзей, они намѣреваются представить публикѣ *свой собственный отчетъ* о всей этой сдѣлкѣ, какъ только *обстоятельства* позволятъ имъ сдѣлать это. Нескромность, совершенная ихъ сообщниками въ Гаагѣ, была умышленной и, какъ я предполагаю, была разсчитана на то, чтобы запугать ихъ обвинителей.

Но, съ другой стороны, я не могу судить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести опубликованіе этого дѣла, а потому я желалъ бы, чтобы нашъ другъ сообщилъ мнѣ черезъ ваше посредство свое окончательное рѣшеніе, послѣ того какъ онъ еще разъ спокойно пересмотритъ и обсудитъ этотъ вопросъ.

Второй выпускъ французскаго перевода появится только черезъ нѣсколько дней. Задержки въ выходѣ вызываются всякаго рода случайностями, которые затрудняютъ въ настоящее время всякое дѣло въ Парижѣ, при существованіи тамъ осаднаго положенія. Трудно повѣрить, сколько работы требуетъ отъ меня пересмотръ этого перевода; вѣроятно, мнѣ стоило бы гораздо меньшаго труда, если бы я съ самаго начала выпол-

---

[1]) На посылкѣ не было обозначено имя отправителя.
[2]) Г. А. Лопатинъ.

нилъ все дѣло самъ. И притомъ, благодаря всѣмъ этимъ редакціоннымъ заплаткамъ и заштопкамъ, весь переводъ носитъ характеръ незавиднаго литературнаго кропанья (Stümperwerk).

Въ послѣднихъ номерахъ парижскаго „Экономиста" за прошлый годъ имѣется критика Блоха на мою книгу, могущая служить новымъ доказательствомъ полнаго паденія теоретической мысли у научныхъ представителей средняго сословія.

Съ наилучшими пожеланіями на новый годъ, дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

10.

Лондонъ, 22 марта 1873.

Мой дорогой сэръ!

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній касательно взглядовъ Чичерина на историческое развитіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи и о его полемикѣ по этому поводу съ Бѣляевымъ. Тотъ путь, которымъ эта форма собственности вошла (исторически) въ русскую жизнь, представляетъ, конечно, второстепенный вопросъ, не имѣющій никакого отношенія къ вопросу о цѣнности этого учрежденія. Однако, нѣмецкіе реакціонеры, въ родѣ берлинскаго профессора А. Вагнера и ему подобныхъ, пользуются этимъ оружіемъ, вложеннымъ въ ихъ руки Чичеринымъ. Съ другой же стороны, всѣ историческія аналогіи говорятъ противъ Чичерина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, чтобы то же самое учрежденіе было введено въ Россіи, какъ простая фискальная мѣра,— просто какъ случайный спутникъ рабства,—тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ оно явилось путемъ самороднаго возникновенія и разростанія, и отмѣчаетъ собою необходимую фазу развитія всѣхъ свободныхъ народовъ?

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

11.

Лондонъ, 2 августа 1873.

Мой дорогой сэръ!

Въ послѣдніе мѣсяцы я много и тяжко страдалъ и мое здоровье находилось одно время даже въ очень опасномъ состояніи, вслѣдствіе постояннаго переутомленія. Въ особенности пострадала моя голова, такъ что можно было опасаться апоплексическаго удара; да даже и въ настоящее время я все еще не способенъ работать болѣе нѣсколькихъ часовъ въ сутки. Вотъ *единственная* причина, почему я не отвѣчалъ такъ долго на ваше письмо и до сихъ поръ не поблагодарилъ васъ за драгоцѣнное собраніе книгъ, которое вы имѣли любезность прислать мнѣ.

Конечно, вы уже получили—по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ ваше письмо—3 экземпляра „Капитала“, сброшюрованные въ цѣльные томы; а сегодня я посылаю вамъ послѣдній выпускъ того изданія, которое выходило отдѣльными тетрадками.

Мы печатаемъ въ настоящую минуту „Разоблаченія“ касательно Alliance'а. (Вы знаете, вѣроятно, что секта *титоталлеровъ* [1]) называетъ себя въ Англіи этимъ именемъ). Такъ вотъ я желалъ бы знать самый *дешевый* [2]) способъ отправить вамъ довольно значительное число экземпляровъ этой вещи. Что касается до письма, относящагося къ главарю этой ханжеской компаніи, [3]) то мы все еще держимъ его въ резервѣ.

Очень благодарю васъ за послѣднее длинное письмо и не премину сдѣлать изъ него въ свое время надлежащее употребленіе. Оно имѣетъ для меня большую коммерческую цѣнность.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

Примѣчаніе: Вставленная въ скобкахъ фраза о титоталлерахъ, понятно, имѣетъ единственною цѣлью ввести въ заблужденіе *посторонняго* читателя насчетъ того, о *какомъ* Alliance'ѣ идетъ тутъ рѣчь.

12.

Лондонъ, 15 ноября 1878.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня получилъ я ваше письмо, помѣченное 28 октября. Письмо, на которое вы ссылаетесь, я вовсе не получилъ. Возможно, что оно было перехвачено нѣмецкою почтою или просто затерялось: прусское правительство до такой степени тормошитъ своихъ почтовыхъ чиновниковъ, что много писемъ „исчезаютъ“ нивѣсть куда просто изъ-за безурядицы. Говоря фактически, послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ, было помѣчено 7 марта 1877 г.

Перерывъ моей переписки съ вами былъ просто результатомъ предостереженій, полученныхъ мною около этого времени отъ моихъ проживающихъ въ Россіи друзей, которые просили меня перестать на нѣкоторое время писать имъ, такъ какъ мои письма, несмотря на свою невинность, могли причинить имъ всякія непріятности и безпокойства.

Касательно второго изданія „Капитала“ позволю себѣ сдѣлать слѣдующія указанія:

---

[1]) „Чаепійцевъ“, отвергающихъ *всѣ* спиртные напитки и во всякой дозѣ.
[2]) Читай наиболѣе *надежный*.
[3]) М. А. Бакунинъ.

1) Я желалъ бы, чтобы *раздѣленіе на главы*—то же относится и къ ихъ *подраздѣленіямъ* — было сдѣлано согласно съ французскимъ изданіемъ.

2) Чтобы переводчикъ постоянно и тщательно свѣрялъ второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ, такъ какъ послѣднее содержитъ много важныхъ измѣненій и добавленій (хотя, правда, я былъ вынужденъ не разъ, особенно въ первой главѣ, дѣлать изложеніе болѣе *плоскимъ*—to „aplatir“ it—ради удобствъ передачи его по-французски).

3) Я нахожу полезнымъ сдѣлать для вашего второго изданія еще *нѣсколько измѣненій* и постараюсь изготовить ихъ вамъ не позже, какъ черезъ восемь дней, такъ, чтобы имѣть возможность выслать ихъ вамъ въ слѣдующую субботу (сегодня у насъ пятница).

Какъ только *второй томъ* „Капитала“ поступитъ въ печать—но это едва ли случится ранѣе конца 1879 г.—вы сейчасъ же начнете получать корректурные оттиски указаннымъ вами путемъ.

Я получилъ изъ Петербурга нѣсколько печатныхъ произведеній, за которыя очень благодарю васъ.

Изъ полемики Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ противъ меня мнѣ ничего не попадалось на глаза, за исключеніемъ того, что вы сами выслали мнѣ въ 1877 г. (Статья Зибера въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и еще другая—кажется, Михайловскаго—въ томъ же журналѣ). Профессоръ М. М. Ковалевскій, проживающій здѣсь въ эту минуту, говорилъ мнѣ, что статья этого курьезнаго, якобы энциклопедиста, Жуковскаго вызвала въ отвѣтъ довольно оживленную полемику касательно „Капитала“.

Англійскій кризисъ, предвозвѣщенный мною на стр. 354 французскаго изданія (сноска), наконецъ, разразился въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль. Мои друзья, теоретики и простые дѣльцы, просили меня въ то время выбросить эту сноску, потому что она казалась имъ недостаточно обоснованной; до такой степени они были убѣждены, что кризисы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Австріи должны, такъ сказать, *учесть* („escompter“) англійскій кризисъ [1]).

Первой страною, гдѣ дѣла пойдутъ вновь по *восходящей* линіи, будутъ С. А. Соединенные Штаты. Только улучшеніе наступитъ здѣсь при совершенно измѣнившихся условіяхъ и при томъ—измѣнившихся къ худшему. Тамошній народъ тщетно будетъ стараться освободиться отъ монополизирующей силы и (поскольку дѣло идетъ о *среднемъ благополучіи* массъ) отъ гибельнаго вліянія крупныхъ компаній и непрерывнаго расширенія производства, торговли, землевладѣнія, желѣзныхъ дорогъ и финансовъ,

[1]) Т. е. ослабить или даже предотвратить его, какъ бы исчерпавъ его заранѣе путемъ ряда болѣе раннихъ кризисовъ въ другихъ странахъ.

возрастающихъ все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ со времени междуусобной войны. Лучшіе американскіе писатели громко провозглашаютъ, какъ неопровержимый фактъ, что хотя агитація противъ рабства и разбила цѣпи негровъ, за то, съ другой стороны, она поработила бѣлаго производителя.

Я считаю, что наиболѣе интересное поле для изслѣдователя-экономиста представляютъ теперь именно Соединенные Штаты и въ особенности періодъ отъ 1873 (со времени сентябрьскаго кризиса) до 1878 г., т. е. до наступленія хроническаго кризиса. Тѣ перемѣны, которыя потребовали въ Англіи для своего постепеннаго развитія цѣлыхъ столѣтій, осуществились здѣсь въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ. Но наблюдатель долженъ обращать свое вниманіе не на болѣе старые штаты вдоль атлантическаго побережья, а на болѣе новые (изъ которыхъ Огайо представляетъ поразительнѣйшій примѣръ) и на самые новѣйшіе (какъ, напр., на Калифорнію). Многіе глупцы въ нашей Европѣ, вообразившіе себѣ, что корень зла кроется въ теоретикахъ, въ родѣ меня и другихъ, могли бы почерпнуть цѣлительный урокъ изъ чтенія *офиціальныхъ* американскихъ отчетовъ.

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи русскихъ финансовъ, которое должно быть извѣстно вамъ въ виду вашихъ занятій банкирскимъ дѣломъ.

Истинно вашъ

А. В.

13.

Лондонъ, *28 ноября 1878*.

Мой дорогой сэръ!

Три посланныя вами книги получилъ и очень благодарю за нихъ. Мои русскіе друзья уже подготовили меня къ тому, чтобы ожидать отъ Чичерина довольно слабаго произведенія, но дѣйствительность превзошла мои ожиданія. Онъ, очевидно, не знакомъ съ самыми начатками политической экономіи и воображаетъ, будто бы пошлости Бастіа и его школы, будучи высказаны отъ собственнаго имени, превращаются въ оригинальныя и самоочевидныя истины.

На прошлой недѣлѣ я не имѣлъ возможности взяться за пересмотръ „Капитала". Въ настоящую минуту я уже справился съ этимъ дѣломъ и нахожу, что—за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя должны быть сдѣланы переводчикомъ, послѣ сличенія второго нѣмецкаго изданія съ французскимъ,—необходимо будетъ сдѣлать еще лишь очень немного новыхъ измѣненій, которыя вы найдете далѣе въ этомъ письмѣ.

Тутъ идетъ подробное перечисленіе этихъ измѣненій, которыя всѣ были приняты во вниманіе при выпускѣ второго русскаго изданія, а потому не приводятся здѣсь.

Кризисъ и вытекающія изъ него стачки, закрытія фабрикъ и банкротства продолжаютъ бурно свирѣпствовать въ промышленныхъ графствахъ, но наши лондонскія газеты, чтобы не пугать широкой публики, употребляютъ всѣ усилія, чтобы замять и заглушить эти непріятные, но неопровержимые „инциденты". Поэтому, человѣкъ, читающій только лондонскія статьи о состояніи денежнаго рынка, получаетъ лишь очень скудныя свѣдѣнія по этому вопросу.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

14.

Лондонъ, 10 апрѣля 1879 г.

Мой дорогой сэръ!

Какъ разъ, когда я получилъ ваше февральское письмо (а вмѣстѣ съ нимъ цѣнные печатные матеріалы, благополучно дошедшіе до меня такъ же, какъ и другія упоминаемыя вами книги), моя жена заболѣла такъ тяжко, что врачи даже сомнѣвались, въ состояніи ли будетъ она пережить этотъ неожиданный припадокъ своей болѣзни. Въ то же самое время мое собственное здоровье потерпѣло серьезное потрясеніе. (Въ сущности говоря, съ того самого времени, когда измѣнившееся положеніе вещей въ Германіи и Австріи принудило меня прекратить мои ежегодныя поѣздки въ Карлсбадъ, я никогда уже не находился даже въ сравнительно-удовлетворительномъ состояніи здоровья). При такихъ обстоятельствахъ, которыя улучшились лишь очень недавно, я не могъ, конечно, изучать присланныхъ мнѣ отчетовъ. Однако, я послалъ вамъ въ это время съ однимъ нѣмцемъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ, небольшое письмецо, въ которомъ ограничился, впрочемъ, только сообщеніемъ о полученіи вашего письма, да рекомендаціей вамъ подателя. Но, къ моему великому изумленію, онъ снова появился здѣсь вчера и сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе какихъ-то случайностей онъ не проѣхалъ далѣе Берлина и отказался совершенно отъ поѣздки въ Петербургъ.

А теперь—primo—я долженъ сообщить вамъ (это совершенно конфиденціально), что, по дошедшимъ до меня изъ Германіи свѣдѣніямъ, второй томъ моего труда *не можетъ быть изданъ*, пока нынѣшній режимъ продолжаетъ держаться тамъ во всей его нынѣшней суровости. Это сообщеніе, принимая въ соображеніе status quo, ничуть не удивило меня и долженъ сознаться, даже совсѣмъ не раздосадовало по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, я ни за что не согласился бы выпустить второй томъ ранѣе того, когда нынѣшній англійскій кризисъ достигнетъ своей высшей точки, своего поворотнаго пункта (climax). Его проявленія оказываются на этотъ разъ очень своеобразными и, во многихъ отношеніяхъ, очень отличными отъ тѣхъ, которыя наблюдались въ прежнихъ случаяхъ. Это своеобразіе, помимо другихъ видоизмѣняющихъ обстоятельствъ, легко объясняется изъ того факта, что никогда еще *англійскому* кризису *не предшествовали* такіе страшные и продолжительные кризисы (тянущіеся въ продолженіе почти 5 лѣтъ) въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Австріи и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынѣшнимъ ходомъ дѣлъ до ихъ полной зрѣлости, прежде чѣмъ вы окажетесь въ состояніи „потребить“ эти факты „производительно“, т. е. *теоретически*.

Вотъ, напр., одна изъ странныхъ особенностей нынѣшняго положенія дѣлъ. Какъ вы знаете, здѣсь было множество банковыхъ краховъ въ Шотландіи, а также въ нѣкоторыхъ англійскихъ графствахъ, въ особенности въ западныхъ (въ Корнуэльсѣ и Уэльсѣ). И тѣмъ не менѣе, настоящій *центръ денежнаго рынка*, не только всего Соединеннаго Королевства, но и того *міра*, который зовется Лондономъ, потерпѣлъ до сихъ поръ очень мало Наоборотъ, за немногими исключеніями, громадные акціонерные банки, въ родѣ Англійскаго Банка, пока только выиграли отъ общаго крушенія дѣлъ. А каково это крушеніе, вы можете судить изъ полнаго отчаянія англійскихъ торговыхъ и промышленныхъ филистеровъ и изъ потери ими всякой надежды дожить снова до лучшихъ временъ. Я никогда еще не видѣлъ ничего подобнаго; никогда еще не доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой моральной растерянности, хотя я жилъ въ Лондонѣ въ 1857 и 1866 годахъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что одно изъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ лондонскому денежному рынку, заключается въ нынѣшнемъ состояніи Французскаго Банка, который, со времени недавняго расширенія торговли между обѣими странами, превратился какъ бы въ *отдѣленіе* Лондонскаго Банка. Французскій Банкъ, вслѣдствіе того, что свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ еще не возстановленъ, держитъ громадный запасъ золота въ слиткахъ и, при первомъ же признакѣ какого-либо замѣшательства на лондонской биржѣ, французскія деньги наводняютъ ее для скупки вѣрныхъ бумагъ, понизившихся на время въ цѣнѣ. Если бы прошлою осенью французскія деньги внезапно потребовались обратно, Англійскому Банку пришлось бы навѣрно прибѣгнуть къ своему послѣднему средству *въ крайнихъ случаяхъ* — *къ пріостановкѣ банковаго акта*, вслѣдъ зачѣмъ у насъ неизбѣжно разразился бы денежный крахъ.

Съ другой стороны, то спокойствіе, съ какимъ совершилось въ Соединенныхъ Штатахъ возстановленіе расплаты золотомъ, также устранило напряженныя требованія съ этой стороны на рессурсы Англійскаго Банка.

Но что и до настоящей минуты содѣйствуетъ предотвращенію краха на лондонскомъ денежномъ рынкѣ, это—кажущееся спокойное состояніе банковъ *Ланкашира* и другихъ промышленныхъ округовъ (за исключеніемъ горнозаводскихъ округовъ Запада), хотя вполнѣ удостовѣрено и несомнѣнно, что эти банки не только употребили значительную часть своихъ рессурсовъ на учетъ векселей и на ссуды невыгоднымъ предпріятіямъ разныхъ промышленниковъ, но нѣкоторые изъ нихъ,—какъ напр., Ольдгэмскій,—даже затратили значительную часть своего капитала на основаніе новыхъ фабрикъ. Въ то же самое время большіе запасы произведенныхъ товаровъ, въ особенности хлопчатобумажныхъ, накопляются день ото дня не только въ Азіи (преимущественно въ Остъ-Индіи), куда они посылаются на комиссію (on consignment), но и въ Манчестерѣ и т. п. Какимъ образомъ такое состояніе вещей можетъ пройти безъ общаго краха въ промышленной средѣ, а слѣдовательно и среди мѣстныхъ банковъ, вліяющихъ въ свою очередь прямо на лондонскій денежный рынокъ,—это трудно себѣ представить. А пока—стачки, безпорядки и замѣшательства господствуютъ повсюду.

Замѣчу мимоходомъ, что въ теченіе прошлаго года, столь неблагопріятнаго для всѣхъ другихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, желѣзныя дороги процвѣтали; но это происходило только вслѣдствіе разныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ родѣ Парижской выставки и т. п. На дѣлѣ же, желѣзныя дороги только поддерживаютъ внѣшній видъ процвѣтанія, накопляя долги и увеличивая со дня на день счетъ основного капитала.

Но какимъ бы путемъ ни пошло развитіе этого кризиса, столь важнаго во всѣхъ его подробностяхъ для наблюдательнаго изслѣдователя капиталистическаго производства и профессіональнаго теоретика,—но онъ все же пройдетъ, какъ и его предшественники, и породитъ новый „промышленный циклъ“, со всѣми его разнообразными фазами процвѣтанія и пр.

Но подъ покровомъ этого, „повидимому“, прочнаго, англійскаго общества, кроется другой кризисъ,—*земельный*, который произведетъ великія и важныя перемѣны въ соціальной структурѣ этого общества. Я вернусь къ этому предмету при другомъ случаѣ, а то въ настоящую минуту онъ завелъ бы меня слишкомъ далеко.

Во-вторыхъ, огромная масса сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ мною не только изъ Россіи, но и изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, даетъ мнѣ пріятный „предлогъ“ продолжать мои изученія, вмѣсто того, чтобы заканчивать уже сдѣланное для читающей публики.

Въ-третьихъ, мой врачъ предостерегаетъ меня отъ излишествъ въ занятіяхъ и говоритъ, что я долженъ значительно сократить мой „рабочій день“, если не желаю впасть въ то же состояніе, въ которомъ я находился въ 1874 г. и въ послѣдующіе годы, когда я испытывалъ частыя головокруженія и не былъ способенъ продолжать моихъ занятій послѣ немногихъ часовъ серьезнаго труда.

Относительно вашего крайне интереснаго и замѣчательнаго письма я ограничусь пока лишь немногимъ. Желѣзныя дороги возникли прежде всего въ качествѣ „увѣнчанія зданія“ (le couronnement de l'œuvre) въ тѣхъ странахъ, гдѣ *новая промышленность достигла наибольшаго развитія*,—въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Бельгіи, Франціи и пр. Я называю ихъ „увѣнчаніемъ зданія“ не только въ томъ смыслѣ, что въ нихъ получились, наконецъ, (наряду съ океанскимъ пароходствомъ и телеграфами) такія *средства сообщенія*, которыя пришли въ соотвѣтствіе съ новыми средствами производства, но также и потому, что онѣ сдѣлались основою для возникновенія громадныхъ акціонерныхъ компаній, начиная съ банковыхъ. Онѣ дали, однимъ словомъ, такой громадный толчекъ *концентраціи капитала*, возможности котораго никто и не подозрѣвалъ ранѣе и, въ то же время, ускорили и расширили въ громадной степени *космополитическую дѣятельность ссуднаго капитала*, охватывающаго, такимъ образомъ, весь міръ одной обширной сѣтью финансоваго плутовства и взаимной задолженности,—этой капиталистической формой „международнаго братства“.

Съ другой стороны, возникновеніе желѣзнодорожныхъ сѣтей въ передовыхъ странахъ капитализма поощряло и даже вынуждало государства, гдѣ капитализмъ ограничивался пока овладѣніемъ лишь немногими выдающимися верхами общества, къ внезапному созданію и расширенію ихъ капиталистической *надстройки* въ размѣрахъ совершенно непропорціональныхъ величинѣ и толщинѣ общественнаго организма, ведшаго до сихъ поръ великое дѣло производства въ унаслѣдованныхъ изстари формахъ. Не подлежитъ, поэтому, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ этихъ государствахъ введеніе желѣзныхъ дорогъ ускорило соціальную и политическую дезинтеграцію, подобно тому, какъ въ передовыхъ странахъ оно ускорило конечное развитіе, а слѣдовательно, и конечное преобразованіе капиталистическаго производства. Во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, правительства всегда покровительствовали желѣзно-дорожнымъ компаніямъ и обогащали ихъ на счетъ государственнаго казначейства. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, онѣ получили въ даръ значительную часть государственныхъ земель и притомъ не только ту землю, которая была необходима для проложенія дороги, но и цѣлыя мили земли по обѣимъ сторо-

намъ дороги, покрытыя лѣсами и т. п. Такимъ образомъ, онѣ стали самыми крупными землевладѣльцами въ государствѣ. Понятно, что мелкіе фермеры изъ иммигрантовъ предпочитали впослѣдствіи селиться именно на ихъ земляхъ, благодаря удобству ихъ положенія и ради обезпеченія своимъ продуктамъ легкаго способа доставки на рынки.

Система, введенная во Франціи Луи-Филиппомъ и заключавшаяся въ передачѣ желѣзныхъ дорогъ небольшой шайкѣ финансовыхъ аристократовъ, въ дарованіи имъ всяческихъ владѣльческихъ правъ, въ гарантированія имъ прибылей изъ народнаго кошелька и пр., и пр. была доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ Луи-Бонапартомъ, правленіе котораго въ дѣйствительности покоилось существеннымъ образомъ на торговлѣ желѣзнодорожными концессіями, при чемъ онъ былъ такъ добръ, что даже отдалъ въ даръ нѣкоторымъ изъ желѣзно-дорожныхъ компаній государственные каналы и пр., и пр.

Но въ Австріи, и въ особенности въ Италіи, желѣзныя дороги стали новымъ источникомъ невыносимой государственной задолженности и налогового обремененія народныхъ массъ.

Вообще, желѣзныя дороги дали, конечно, громадный толчекъ развитію иностранной торговли; но въ странахъ, вывозящихъ, главнымъ образомъ, *сырье*, эта торговля усилила нищету и бѣдствія массъ; и притомъ не только оттого, что новая задолженность, навязанная имъ правительствами ради желѣзныхъ дорогъ, увеличила *общую сумму давившихъ ихъ налоговъ;* но еще и оттого, что съ того момента, когда продукты мѣстнаго производства получили возможность превращаться въ космополитическое золото, многіе изъ этихъ продуктовъ, *бывшіе раньше очень дешевыми*, какъ, напр., фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали въ значительной степени недоступными массамъ вслѣдствіе своей *дороговизны* и были такимъ образомъ изъяты изъ потребленія народа; а въ то же время, съ другой стороны, и *самое производство* (я разумѣю нѣкоторые спеціальные роды продуктовъ) также измѣнилось, согласно большей или меньшей *приспособленности его для вывоза*, тогда какъ ранѣе оно приспособлялось преимущественно къ мѣстному потребленію. Такъ, напримѣръ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, пахотныя земли были обращены въ пастбища, такъ какъ вывозъ скота оказался выгоднѣе вывоза земледѣльческихъ продуктовъ, но за то въ то же время земледѣльческое населеніе было изгнано изъ насиженныхъ мѣстъ. Всѣ эти перемѣны оказались дѣйствительно очень выгодными для крупныхъ землевладѣльцевъ, ростовщиковъ, купцовъ, желѣзнодорожниковъ, банкировъ и т. п., но очень гибельными для дѣйствительныхъ производителей.

Чтобы закончить мое письмо, время отправленія котораго на почту

надвигается все ближе и ближе, скажу еще, что я считаю невозможнымъ провести дѣйствительную аналогію между Соединенными Штатами и Россіей. Въ С. Штатахъ государственные расходы уменьшаются съ каждымъ днемъ, и государственный долгъ ежегодно и быстро сокращается; передъ Россіей же все яснѣе и яснѣе видится почти неизбѣжное государственное банкротство. С. Штаты освободились, хотя самымъ гнуснымъ образомъ, къ выгодѣ кредиторовъ и въ ущербъ мелкому люду, отъ бумажныхъ денегъ; въ Россіи же ни одна фабрика не процвѣтаетъ въ такой мѣрѣ, какъ фабрика кредитныхъ билетовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ концентрація капитала и постепенная экспропріація массъ представляютъ не только орудіе, но и естественное порожденіе (хотя и ускоренное искусственно междуусобной войной) неслыханно быстраго промышленнаго развитія, земледѣльческаго прогресса и пр.; Россія же напоминаетъ намъ скорѣе Францію временъ Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка, или вѣрнѣе *фасадъ* общественнаго зданія (хотя все же имѣвшій подъ собою гораздо болѣе прочный фундаментъ, чѣмъ въ Россіи), представлялъ собою что-то въ родѣ сатиры надъ отсталымъ, неподвижнымъ состояніемъ главной отрасли производства (земледѣлія) и надъ голоданіемъ производителей. Соединенные Штаты въ настоящее время значительно перегнали Англію въ быстротѣ экономическаго прогресса, хотя все еще находятся позади ея по размѣрамъ накопленныхъ богатствъ; но въ то же самое время народныя массы обладаютъ тамъ болѣе живымъ темпераментомъ и имѣютъ въ своихъ рукахъ болѣе сильныя политическія средства для выраженія своего негодованія противъ той формы прогресса, которая позволяетъ ему совершаться на ихъ счетъ. Но я не вижу нужды продолжать далѣе эти антитезы.

Кстати: какое русское сочиненіе по кредиту и банковому дѣлу вы считаете болѣе всего удовлетворительнымъ?

Г. Кауфманъ имѣлъ любезность прислать мнѣ свою книгу—„Теорія и практика банковаго дѣла"; но я былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ изъ нея, что мой прежній разсудительный критикъ въ петербургскомъ „Вѣстникѣ Европы" превратился въ какого-то Пиндара новѣйшаго биржевого плутовства. Кромѣ того, разсматривая эту книгу даже только съ точки зрѣнія чисто-спеціальныхъ достоинствъ—а я вообще не ожидаю отъ книгъ этого рода ничего другого,—я нахожу ее далеко не оригинальной въ ея частностяхъ. Наилучшая часть ея, это — полемика противъ бумажныхъ денегъ.

Говорятъ, будто бы нѣкіе иностранные банкиры, черезъ посредство которыхъ нѣкое правительство пожелало заключить новый иностранный заемъ, потребовали отъ него въ видѣ гарантіи введенія у себя конституціи; я лично далекъ отъ того, чтобы вѣрить этому, такъ какъ, при ихъ

нынѣшней методѣ вести такія дѣла, они были всегда очень равнодушны къ формамъ правленія и не имѣютъ пока причинъ измѣнять этому равнодушію и въ настоящее время.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

15.

Лондонъ, 19 сентября 1879.

Мой дорогой сэръ!

Я только что вернулся въ Лондонъ послѣ почти двухмѣсячнаго деревенскаго отдыха на островѣ Джерси и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ. Я былъ вынужденъ сдѣлать эту поѣздку и пріостановить на все это время всякую работу настоятельными совѣтами врачей, вслѣдствіе моего нервнаго разстройства. По этой же причинѣ я не былъ также въ состояніи сдѣлать падлежащей чести той умственной пищѣ, которой вы имѣли любезность снабжать меня. Но теперь я чувствую себя много бодрѣе и оживленнѣе и вскорѣ примусь за работу съ новой энергіей и охотой.

Книгу Ковалевскаго [1]) я получилъ отъ него самого. Онъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей „по наукѣ" („Scientific" friends) и пріѣзжаетъ ежегодно въ Лондонъ, чтобы пользоваться сокровищами Британскаго музея.

Болѣе длинное письмо вы получите отъ меня тогда, когда я справлюсь немного хоть съ наиболѣе неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствія.

А пока желаю вамъ всего лучшаго.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

16.

Рамсгэтъ, 12 сентября 1880.

Мой дорогой сэръ!

Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я былъ бы очень счастливъ сдѣлать все, что вы считаете полезнымъ; но краткое изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я нахожусь въ эту минуту, убѣдитъ васъ, что я не способенъ въ настоящее время къ теоретическому труду. Я былъ посланъ сюда моимъ врачемъ съ строгимъ приказомъ „ничего не дѣлать" и стараться возстановить мою нервную систему посредствомъ такого „far niente"; какъ вдругъ, болѣзнь моей жены, мучающая ее уже съ давнихъ поръ, неожиданно ухудшилась въ такой мѣрѣ, которая угро-

---

[1]) Максимъ Максимовичъ.

жаетъ привести ее къ *роковому* концу. При этихъ условіяхъ все то немногое время, какое мнѣ удается урвать для труда, неизбѣжно уходитъ у меня исключительно на такія работы, которыя я *долженъ* во что бы то ни стало сбыть съ рукъ.

Кромѣ того, я могу сказать, что все наиболѣе важное для *широкой публики* вами уже исполнено; я разумѣю составленіе статистическихъ таблицъ и истолкованіе содержащихся въ нихъ *фактовъ*. Было бы жаль если бы вы отложили опубликованіе вáшего труда, котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Вы можете свободно располагать всѣмъ, что вы найдете полезнымъ извлечь изъ моихъ писемъ съ этою цѣлью. Боюсь только, что это все окажется очень немногимъ, такъ какъ я послалъ вамъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ.

Нынѣшній кризисъ есть величайшій, черезъ какой когда-либо проходила Англія со стороны его продолжительности, размѣровъ и интенсивности. Но, несмотря на крушеніе нѣкоторыхъ шотландскихъ и англійскихъ провинціальныхъ банковъ, обычное завершеніе всѣхъ прошлыхъ періодическихъ крупныхъ англійскихъ кризисовъ—я разумѣю финансовый крахъ въ Лондонѣ—на этотъ разъ „блистало своимъ отсутствіемъ". Этотъ въ высшей степени необычайный фактъ, отсутствіе собственно, такъ называемой, *денежной паники*, нужно приписать особому сцѣпленію обстоятельствъ, анализъ которыхъ завелъ бы меня въ эту миниту слишкомъ далеко. Однимъ изъ наиболѣе рѣшающихъ обстоятельствъ былъ, однако, тотъ фактъ, что громадный спросъ на золото въ 1879 г. былъ въ значительной мѣрѣ удовлетворенъ содѣйствіемъ Французскаго и Германскаго Имперскаго банковъ. Съ другой стороны, внезапное оживленіе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ—съ весны 1879 г.—отразилось сейчасъ же на Англіи, явившись для нея настоящимъ deus ex machina.

Что касается до *земельнаго* кризиса, то онъ будетъ постепенно накоплять силу, развиваться и мало-по-малу продвигаться впередъ, неся съ собою настоящую революцію въ отношеніяхъ поземельной собственности, совершенно независимо отъ цикловъ торгово-промышленныхъ кризисовъ. Даже такіе оптимисты, какъ г. Кэрдъ, уже начали „чуять крысу". Въ высшей степени характеристиченъ для англійской тупоголовости такой фактъ: вотъ уже два года, какъ въ Times и въ разныхъ земледѣльческихъ газетахъ печатается рядъ писемъ фермеровъ, дающихъ подробный разсчетъ всѣхъ издержекъ по обработкѣ ихъ фермъ, сопоставляющихъ эти издержки съ ихъ доходами отъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ по ихъ нынѣшнимъ цѣнамъ и показывающихъ, что въ заключеніе у нихъ получается положительный *дефицитъ*. И что же? Повѣрите ли вы, что ни

одному изъ этихъ спеціалистовъ, распространяющихся такъ много по поводу этихъ разсчетовъ, не приходитъ въ голову спросить себя: какой видъ получили бы эти разсчеты, если бы та расходная статья, которая именуется *рентою*, была во многихъ случаяхъ вычеркнута изъ нихъ совсѣмъ, а въ другихъ сокращена „самымъ чувствительнымъ образомъ"? Но это—тотъ щекотливый пунктъ, до котораго никто не долженъ касаться. И хотя фермеры начинаютъ уже недовѣрять шарлатанскимъ лекарствамъ (nostrums), предлагаемымъ имъ лэндлордами и преданными ихъ интересамъ писаками (plumitifs), тѣмъ не менѣе даже они не осмѣливаются стать въ позу смѣлаго мужества, въ виду того. что и сами они, съ своей стороны, подвергаются нападкамъ деревенскаго „рабочаго класса". И вообще тутъ заваривается славная каша (a nice pickle).

Я надѣюсь, что Европа не будетъ вовлечена въ общую войну; хотя въ концѣ концовъ даже война не смогла бы задержать соціальнаго развитія, разумѣя подъ этимъ словомъ развитіе *экономическое*, а скорѣе усилила бы его интенсивность, но она навѣрно послужила бы поводомъ къ безполезному истощенію силъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Пожалуйста, посылайте ваши письма попрежнему на мой лондонскій адресъ, откуда они всегда будутъ доставляемы мнѣ даже въ случаѣ моего временнаго отсутствія изъ Лондона.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

17.

Лондонъ, 19 февраля 1881 г.

Мой дорогой сэръ!

Со всею поспѣшностью тороплюсь отвѣтить хоть нѣсколькими строчками на ваше дружеское письмо.

Со времени возвращенія изъ Рамсгэта здоровье мое, въ общемъ, улучшилось; но здѣшняя отвратительная погода, продолжающаяся цѣлые мѣсяцы, благословила меня насморкомъ и кашлемъ, мѣшающимъ мнѣ спать и пр. Но самое худшее это то, что состояніе здоровья моей жены съ каждымъ днемъ становится все опаснѣе, несмотря на обращеніе къ самымъ знаменитымъ изъ лондонскихъ врачей; а кромѣ того, на меня свалилась куча всякихъ домашнихъ затрудненій и хлопотъ, о которыхъ скучно было бы разсказывать. Съ другой стороны, мнѣ приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолѣвать громадную уйму синихъ книгъ, присылаемыхъ мнѣ изъ разныхъ странъ, въ особенности же изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, такъ что все мое рабочее время оказывается едва до-

статочнымъ для выполненія этой задачи, въ особенности вслѣдствіе того, что всякая ночная работа въ послѣдніе годы безусловно запрещена мнѣ моими врачами. Отсюда встаетъ передо мною неизбѣжная перспектива страшной задолженности по части частной корреспонденціи. А тутъ еще, какъ разъ въ эту минуту, въ семьѣ моей царитъ ужасная суматоха по случаю отъѣзда моей старшей дочери, г-жи Лонге, съ ея дѣтьми изъ Лондона въ Парижъ, гдѣ ея мужъ (занимавшій во время своего эмигрантства мѣсто профессора въ Лондонской Королевской Коллегіи, а теперь подошедшій подъ амнистію) сталъ однимъ изъ издателей „Справедливости“ (La Justice). (Къ слову сказать, марсельская полусоціалистическая рѣчь Клемансо была внушена именно имъ). Вы понимаете, какой мучительной, при нынѣшнемъ состояніи здоровья моей жены, является для насъ эта разлука, такъ какъ наши внуки, три маленькихъ мальчика, служили для меня и для нея неистощимымъ источникомъ житейскихъ радостей.

Теперь, прежде всего, поговоримъ о прилагаемой рукописи. Авторъ ея, Лафаргъ, мужъ моей второй дочери и одинъ изъ моихъ прямыхъ учениковъ. Онъ просилъ меня справиться у васъ, не можетъ ли онъ черезъ ваше посредство сдѣлаться сотрудникомъ какого-либо петербургскаго журнала, напр., „Отечественныхъ Записокъ“ или „Слова“. (Мнѣ кажется, что это единственные журналы, гдѣ онъ бы могъ имѣть удачу). Если это окажется исполнимымъ, то онъ уполномочиваетъ васъ выкинуть или измѣнить все то, что окажется неподходящимъ для петербургскаго меридіана. Что касается до его „имени“, то можно будетъ ограничиться одними иниціалами. Во всякомъ случаѣ вамъ вѣрно будетъ интересно прочесть его статью.

Я съ величайшимъ интересомъ прочелъ вашу статью и нахожу ее „оригинальной“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Этимъ и объясняется ея бойкотированье. Какъ только вы прорветесь черезъ сѣти рутинной мысли, вы можете быть увѣрены встрѣтиться на первыхъ порахъ съ бойкотированіемъ, такъ какъ это единственное оборонительное оружіе, находящееся подъ рукою у *рутинеровъ* въ моментъ ихъ перваго замѣшательства, и они отлично умѣютъ владѣть имъ. Я былъ бойкотированъ въ Германіи въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, а въ Англіи меня продолжаютъ бойкотировать и теперь съ тѣмъ маленькимъ отличіемъ, что здѣсь отъ времени до времени выпускается противъ меня что-нибудь до такой степени нелѣпое, прямо-таки ослиное, что мнѣ было бы стыдно публично отозваться на подобный вздоръ. Но продолжайте итти своимъ путемъ! Ближайшая вещь, которой вамъ слѣдовало бы заняться, по моему мнѣнію, это—изумительное возрастаніе *задолженности крупнаго землевладѣнія*; при чемъ вы могли бы показать вашимъ лэндлордамъ, этому высшему классу представителей агри-

культуры, какъ они „кристаллизуются“ въ общественной ретортѣ подъ могучимъ вліяніемъ „новыхъ столповъ общества“.

Мнѣ очень хотѣлось бы прочесть вашу полемику со „Словомъ“. Какъ только мой житейскій корабль вступитъ въ болѣе спокойныя воды, я выскажусь болѣе подробно насчетъ вашихъ „*Очерковъ*“. Пока же не могу удержаться только отъ одного замѣчанія по ихъ поводу. Почва, будучи непрерывно истощаема и не получая, путемъ растительнаго, животнаго или искусственнаго удобренія, необходимыхъ для ея возстановленія элементовъ, но предоставленная лишь измѣнчивымъ вліяніямъ болѣе или менѣе благопріятной погоды и другихъ независящихъ отъ человѣка обстоятельствъ, будетъ все же продолжать приносить жатвы очень различнаго изобилія; хотя при обзорѣ цѣлаго періода лѣтъ, напр., съ 1870 по 1880 г, застойный характеръ земледѣльческаго производства выступаетъ передъ нами съ поразительной ясностью. При такихъ обстоятельствахъ, благопріятныя климатическія условія только пролагаютъ путь *голодному году*, вслѣдствіе быстраго потребленія и освобожденія еще скрывавшихся въ почвѣ минеральныхъ оплодотворителей: и наоборотъ, *голодный годъ*, а еще болѣе рядъ неурожайныхъ годовъ, позволяетъ свойственнымъ данной почвѣ минераламъ накопиться сызнова и обнаружить свое благодѣтельное присутствіе при новомъ возвращеніи благопріятныхъ климатическихъ условій. Этотъ процессъ совершается, конечно, повсюду; однако, *въ другихъ мѣстахъ* онъ сдерживается видоизмѣняющимъ вмѣшательствомъ самого земледѣльца, но онъ становится *единственнымъ регулирующимъ факторомъ* всюду, гдѣ человѣкъ пересталъ быть дополнительною „силою“ просто по недостатку средствъ.

Такъ, вы имѣли прекрасную жатву въ 1870 г., но этотъ годъ былъ, такъ сказать, *климактерическимъ* (a climax-year), за которымъ, какъ за таковымъ, немедленно послѣдовалъ очень плохой годъ—1871. Этотъ 1871 г., съ его очень плохою жатвою, можетъ разсматриваться, какъ отправный пунктъ для новаго маленькаго цикла, приводящаго насъ къ новому климактерическому году, 1874-му, за которымъ непосредственно идетъ опять голодный 1875 годъ. Затѣмъ снова начинается движеніе вверхъ, завершающееся еще худшимъ голоднымъ годомъ—1880-мъ. Сводка результатовъ отдѣльныхъ годовъ за весь этотъ періодъ показываетъ намъ, что среднее годовое производство за этотъ періодъ оставалось на одной и той же высотѣ, и что отличія въ характерѣ отдѣльныхъ годовъ и маленькихъ годовыхъ цикловъ были результатомъ исключительно однихъ только естественныхъ факторовъ.

Я писалъ вамъ нѣсколько времени тому назадъ, что крупный промышленный и торговый кризисъ, черезъ который прошла недавно Англія,

протекъ на этотъ разъ безъ обычнаго кульминаціоннаго финансоваго краха въ Лондонѣ, и что этотъ *исключительный* феноменъ объясняется только своевременнымъ наплывомъ французскихъ денегъ. Въ настоящую минуту даже англійскіе рутинеры узрѣли, наконецъ, и открыто признали этотъ фактъ. Такъ, The Statist (29 янв. 1881 г.) говоритъ: „Спокойствіе и изобиліе нашего денежнаго рынка въ теченіе прошлаго года было результатомъ *чистой случайности*, а именно того, что Французскій Банкъ въ самомъ началѣ осени рѣшился допустить сокращеніе своего запаса золота съ 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 22 милліоновъ... *Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что прошлой осенью мы едва-едва ускользнули отъ великой опасности*".

Англійскія желѣзныя дороги продолжаютъ катиться по той же наклонной плоскости, какъ и вся европейская *система государственныхъ долговъ*. Финансовые магнаты, правящіе ихъ дѣлами, въ качествѣ директоровъ разныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, не только заключаютъ непрерывно все новые и новые займы *для расширенія своихъ сѣтей*, т. е. своихъ „территорій", гдѣ они царствуютъ какъ самодержавные монархи, но и расширяютъ свои сѣти, *чтобы имѣть новые предлоги для заключенія новыхъ займовъ*, дающихъ имъ возможность уплачивать проценты держателямъ облигацій, привилегированныхъ акцій и т. п., а также выбрасывать отъ времени до времени подачку постоянно обольщаемымъ несбыточными иллюзіями рядовымъ акціонерамъ, въ формѣ нѣсколько повышенныхъ дивидендовъ. Понятно, что этотъ милый методъ рано или поздно долженъ завершиться безобразной катастрофой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзнодорожные короли становятся теперь мишенью нападокъ, не только, какъ это было раньше, со стороны фермеровъ и другихъ промышленныхъ „предпринимателей" Запада, но также и со стороны крупныхъ представителей торговли, напр., *Нью-іоркской Торговой Палаты*. Одинъ изъ такихъ желѣзнодорожныхъ королей и финансовыхъ плутовъ, чудовищный спрутъ финансоваго міра — Гульдъ съ своей стороны сказалъ нью-іоркскимъ торговымъ магнатамъ: „вы нападаете сейчасъ на желѣзныя дороги потому, что считаете ихъ наиболѣе уязвимыми, благодаря ихъ нынѣшней непопулярности; но берегитесь, вслѣдъ за желѣзными дорогами наступитъ очередь для *всякаго рода корпорацій* (на языкѣ янки это слово обозначаетъ *акціонерныя компаніи*), затѣмъ, немного позднѣе, — для *всѣхъ формъ ассоціированнаго капитала* и въ заключеніе—для *всѣхъ формъ капитала вообще*; вы прокладываете, такимъ образомъ, дорогу для *коммунизма*, стремленія къ которому уже и сейчасъ все болѣе и болѣе распространяются въ народѣ". У мистера Гульда „хорошій нюхъ".

Въ *Индіи* для британскаго правительства готовятся серьезныя затрудненія, если не всеобщее возстаніе. То, что англичане отбираютъ ежегодно у индусовъ—въ формѣ ренты, желѣзнодорожныхъ дивидендовъ отъ безполезныхъ для самихъ индусовъ дорогъ, пенсій военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, издержекъ на афганскія и иныя войны и пр., и пр.— то, что они берутъ у нихъ *безъ всякаго эквивалента* и *совершенно независимо* отъ того, что присваивается ими *въ самой Индіи,*—т. е. *цѣнность* того, что индусы должны ежегодно *отсылать* въ Англію совершенно *задаромъ,*—*превышаетъ всю общую сумму дохода 60 милліоновъ земледѣльческихъ и промышленныхъ работниковъ Индіи!* Это— кровавое, воніющее дѣло! Голодные годы слѣдуютъ тамъ одинъ за другимъ и достигаютъ неслыханныхъ донынѣ въ Европѣ *размѣровъ*. Въ населеніи складывается настоящій заговоръ противъ англичанъ, въ которомъ участвуютъ совмѣстно и индусы, и мусульмане. Британское правительство знаетъ, что въ массѣ идетъ какое-то „броженіе"; но эти неглубокіе люди (я разумѣю правительственныхъ чиновниковъ), оглупляемые ихъ собственной парламентской манерой говорить и думать, даже не желаютъ видѣть ясно передъ собою, не хотятъ реализировать весь размѣръ угрожающей имъ опасности! Обманывать другихъ, чтобы ввести подъ конецъ въ обманъ этимъ путемъ и самого себя,—вотъ вся *парламентская мудрость* въ двухъ словахъ. Тѣмъ лучше!

Не можете ли вы сказать мнѣ, переведено ли на русскій языкъ сочиненіе профессора Ланкестера *о вырожденіи*, которое вы цитируете въ своей статьѣ? Онъ—одинъ изъ моихъ друзей.

Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ было нѣсколько русскихъ посѣтителей, между прочимъ, профессоръ Зиберъ (поселившійся въ послѣднее время въ Цюрихѣ) и г. Каблуковъ (изъ Москвы). Они цѣлыми днями работали въ Британскомъ Музеѣ.

Все еще никакихъ извѣстій о нашемъ „общемъ другѣ"?

Кстати: послѣдній статистическій трудъ Янсона, сопоставляющій Россію съ Европою, произвелъ большую сенсацію. Я былъ бы радъ взглянуть на него.

Съ наилучшими пожеланіями,

истинно вашъ

Карлъ Марксъ.

Если статья Лафарга не нашла себѣ „пристанища" въ Петербургѣ, то, будьте добры, верните мнѣ ее обратно [1]).

---

[1]) Статья Поля Лафарга о хлѣбной торговлѣ и промышленности въ С.-А. С. Штатахъ была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ".

18.

Лондонъ, 18 декабря 1881.

Мой дорогой другъ!

Второго числа этого мѣсяца, послѣ долгой и мучительной болѣзни, я потерялъ мою жену. Въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ я находился при ней, въ качествѣ сидѣлки, сначала въ одномъ изъ англійскихъ приморскихъ мѣстечекъ (Истборнъ), а затѣмъ въ Аржантейлѣ, гдѣ я и она пользовались великимъ удовольствіемъ,—жить съ нашей дочерью (г-жею Лонге) и 4 ея маленькими мальчиками (самому старшему сейчасъ около 5 лѣтъ), чрезвычайно привязанными къ своимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Съ моей стороны было, конечно, очень рискованной вещью предпринять эту поѣздку въ Парижъ при ослабленномъ состояніи здоровья моей дорогой жены. Но, положившись на мнѣніе моего превосходнаго друга, доктора Донкина, я принялъ это смѣлое рѣшеніе, чтобы доставить ей это послѣднее удовольствіе!

Къ несчастью, мое собственное издавно расшатанное здоровье было болѣе или менѣе плохо все это время; а вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ Лондонъ, я совсѣмъ слегъ въ постель отъ бронхита, усложненнаго плевритомъ, такъ что въ теченіе трехъ недѣль изъ числа послѣднихъ шести недѣль жизни моей жены я не могъ видѣть ее, хотя мы лежали въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ.

Вплоть до настоящей минуты я все еще не могу покидать дома; за то одно время я былъ очень близокъ къ тому, чтобы совсѣмъ покинуть „этотъ грустный міръ". Доктора находятъ нужнымъ услать меня на югъ Франціи или даже въ Алжиръ.

Многочисленныя сочувственныя письма, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, были до сихъ поръ для меня большимъ источникомъ утѣшенія, такъ какъ во всѣхъ этихъ письмахъ (за исключеніемъ одного единственнаго *русскаго* письма) звенѣла струна непритворной симпатіи и настоящаго пониманія и признанія рѣдкихъ качествъ моей дорогой жены.

Мой нѣмецкій издатель сообщаетъ мнѣ, что требуется третье изданіе „Капитала". Это извѣстіе является въ очень неподходящую для меня минуту. Во-первыхъ, я долженъ прежде всего возстановить свое здоровье; а во-вторыхъ, я желаю окончить какъ можно скорѣе 2-й томъ (даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось издать его за границей). У меня есть теперь добавочный поводъ довести его до конца, а именно—чтобы помѣстить на первой его страницѣ посвященіе моей женѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни сложились обстоятельства, во всякомъ слу-

чаѣ я условлюсь съ моимъ издателемъ такимъ образомъ, чтобы ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ измѣненій и прибавленій къ третьему изданію; но, съ другой стороны, я потребую чтобы онъ отпечаталъ на этотъ разъ только 1000 экземпляровъ вмѣсто обычныхъ у него 3000. Когда эти 1000 экземпляровъ распродадутся, я могу внести въ книгу тѣ перемѣны, которыя я внесъ бы теперь, если бы мои личныя обстоятельства были иными.

Вѣрьте всегда моей истинной дружбѣ

А. Вильямсъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. г. „Семейству М. М. Достоевскаго", издающему журналъ „Эпоха" [1]).

М. м. Г. г.

Вы продолжаете заниматься мною (зри „замѣтки лѣтописца", октябрь), несмотря на всѣ „послѣднія сказанія", несмотря даже на то, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ ни однимъ словомъ на ваши дѣтскія упражненія, направленныя противъ моей личности. Такая настойчивость вынуждаетъ меня на отвѣтъ.

Я всего два раза въ теченіе моей недолговременной журнальной дѣятельности имѣлъ удовольствіе бесѣдовать объ васъ, и могу сказать смѣло, обѣ статьи мои имѣли „нѣкоторый успѣхъ". Я не нападалъ въ нихъ ни на ваши „идеи", ни на ваше „направленіе" (ни тѣхъ, ни другого я и до сего дня усмотрѣть не могу), но это-то, повидимому, и было причиной успѣха моихъ

---

[1]) Печатающаяся съ имѣющагося у насъ подлинника, настоящая статья М. Е. Салтыковъ Щедрина любезно передана намъ однимъ изъ сотрудниковъ „Современника" (приносимъ ему нашу искреннюю благодарность), разсказавшимъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ причины, по которымъ она до сихъ поръ не была напечатана. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: въ 1864 году Щедринъ принесъ эту статью Некрасову для помѣщенія въ „Современникѣ". Прочтя статью, Некрасовъ нашелъ ее, вслѣдствіе ея рѣзкаго по отношенію къ Достоевскимъ тона, неудобною для печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказомъ помѣстить ее въ своемъ журналѣ не хотѣлъ и обидѣть Щедрина. Откладывая подъ разными предлогами помѣщеніе статьи, Некрасовъ въ концѣ концовъ заявилъ со всякими извиненіями Щедрину, что статью онъ *потерялъ*, что онъ, конечно, въ этомъ виноватъ, но что повинную голову мечъ не сѣчетъ и т. д. Щедринъ вспылилъ, кричалъ, что возстановить статьи онъ не можетъ, такъ какъ у него не осталось копіи (а это только Некрасову и надо было) и что, какъ угодно, а статья должна быть найдена. Некрасовъ, однако, стоялъ на своемъ. Съ теченіемъ времени инцидентъ этотъ Щедринымъ былъ, конечно, забытъ, и статья его, переданная Некрасовымъ на сохраненіе одному изъ сотрудниковъ „Современника", такъ и пролежала у него до нашихъ дней. Мы печатаемъ эту статью съ разрѣшенія лицъ, имѣющихъ право на литературное наслѣдство Щедрина. *Ред.*

статей. Я отнесся къ вамъ въ художественной формѣ, я заставилъ васъ говорить самихъ за себя — и публика поняла въ совершенствѣ, что въ извѣстныхъ случаяхъ эта манера есть единственно возможная. И замѣтьте, я ни однимъ словомъ не оскорбилъ ни всѣхъ васъ въ совокупности, ни кого-либо изъ васъ въ частности: я даже не посягалъ на изображеніе какихъ бы то ни было „литературныхъ отношеній", какъ выражается вашъ семейный лѣтописецъ, я просто имѣлъ въ виду наглядно и безразлично изобразить вашу журнальную сущность, ваше журнальное міросозерцаніе — и, разумѣется, успѣлъ въ этомъ какъ нельзя лучше. Однако, вы оскорбились. Сначала, вы обозвали меня злымъ человѣкомъ, тогда какъ вся моя злость въ томъ только и заключается, что я охотно смѣюсь, когда вижу что нибудь очень смѣшное. Потомъ, ссылаясь на г. Фета, вы объяснили читателямъ, что „страусъ" — птица совсѣмъ не постыдная, а кроткая, занимающаяся ловленіемъ мухъ и даже предвѣщающая хорошую погоду (ну, не прелестны-ли всѣ эти ваши разъясненія?) — но вѣдь я и не желалъ слову „страусъ" придать какой-нибудь непохвальный смыслъ; я просто хотѣлъ сказать, что страусы не орлы — и ничего болѣе. Наконецъ, вы выпустили на мой личный счетъ цѣлую эпопею, подъ названіемъ „щедродаровъ, или расколъ въ нигилистахъ"... Говорю, положа руку на сердце, упражненіе это нимало не оскорбило меня. Прочитавши его, я ощутилъ только чувство глубочайшаго *омерзенія* къ перу, излившему за разъ такую массу непристойной лжи, и въ то же время мнѣ показалось, что я наступилъ на что-то очень ехидное и гадкое [1]). Столько лжи, клеветъ и самыхъ недостойныхъ сплетенъ, пущенныхъ въ упоръ, въ видѣ отвѣта на оцѣнку, быть можетъ, и рѣзкую, но все-таки чисто литературнаго свойства, — воля ваша, а это ужъ слишкомъ игриво! Это должно быть признано черезчуръ игривымъ, даже въ томъ случаѣ, если постоянно держать въ памяти стихот. г. Фета:

[1]) Прошу многоуважаемаго Ѳ. М. Достоевскаго (такъ какъ онъ впослѣдствіи сознался, что статья эта написана имъ) извинить рѣзкость моихъ выраженій; я полагаю, онъ самъ пойметъ, что статья его не заслуживаетъ и не можетъ заслуживать иного отзыва.

Стрижи мелькають и звенять...

Нынѣ вы, или, лучше сказать, вашъ семейный лѣтописецъ, вновь обращаетъ на меня вниманіе почтеннѣйшей публики. Онъ подвергаетъ разбору всю мою журнальную дѣятельность въ „Современникѣ“ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) къ изумленію передъ моею плодовитостью; 2) къ убѣжденію, что моя журнальная дѣятельность свидѣтельствуетъ лишь о „необыкновенной легкости въ мысляхъ“, и 3) къ недоумѣнію насчетъ моихъ отношеній къ роману „Что дѣлать?“ Постараюсь удовлетворить, на сколько могу, и изумленіямъ, и глумленіямъ, и недоумѣніямъ г. Лѣтописца.

Начну съ плодовитости. Да, я писалъ въ 1863 году очень много. Расчетливо ли я поступалъ, работая такимъ образомъ,— это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что и публика, и вы, дѣйствительно, видѣли, что я работаю много. Но почему же и вы и публика это видѣли? Почему, напримѣръ, въ то время, какъ подъ бременемъ трудовъ рукъ гг. Страхова, Косицы, Дм. Аверкіева и друг. полки въ книжныхъ магазинахъ ломятся, публика положительно убѣждена, что они совсѣмъ-таки ничего не пишутъ. Напрасно оказываютъ они безпримѣрное трудолюбіе, напрасно сочиняютъ втроемъ цѣлыя книги „Эпохи“, напрасно подъ одними статьями подписываютъ свои собственныя имена, подъ другими псевдонимы (я, напримѣръ, убѣжденъ, что „К. Бибиковъ“ есть псевдонимъ г. Косица),—но только публика, но даже литература не хотятъ знать, что пишетъ г. Страховъ и что Дм. Аверкіевъ, а просто говоритъ: все это писали „стрижи“. Откуда это явленіе? Смѣю думать, м. м. г. г., что оно оттого происходитъ, что публика имѣетъ способность различать авторскую дѣятельность, имѣющую хоть какое-нибудь значеніе для нея, отъ таковой же, представляющей собой дѣтскую стряпню изъ песку, мѣлу и слюней. И, пожалуйста, не подумайте, чтобы слова мои заключали въ себѣ самовосхваленіе, но примите ихъ единственно, какъ доказательство того, что ежели „писатель, и дѣйствительно, одержимъ страстью „прудить“ (выраженіе это принадлежитъ не мнѣ, а

„Эпохѣ“), то этотъ недостатокъ ему легко прощается, лишь бы онъ „прудилъ“ не въ собственное свое ложе.

Затѣмъ, на очереди вопросъ о „легкости въ мысляхъ“. Замѣчу мимоходомъ, что вы, м. м. г. г., и острить какъ-то не умѣете своими словами, а все съ помощью Гоголя, либо Островскаго, а не то такъ и у меня позаимствуетесь.

Слова нѣтъ, что иногда подобныя заимствованія не лишни, однако, неумѣренное употребленіе такого пріема нерѣдко свидѣтельствуетъ и о скудости собственныхъ средствъ заимствователей... Итакъ, вы находите во мнѣ сходство съ тѣмъ гоголевскимъ персонажемъ, который говоритъ о себѣ: „у меня легкость въ мысляхъ необыкновенная“. Прекрасно. Я, разумѣется, всего менѣе оспариваю у вашего журнала право относиться къ моей дѣятельности по ближайшему его усмотрѣнію, но мнѣ кажется страннымъ одно обстоятельство: какъ это вы, г. лѣтописецъ, сдѣлавши такой нелестный обо мнѣ отзывъ, забыли, что за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ сами же упоминаете о „неистовомъ терзаніи“ мною нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ, а въ одномъ изъ моихъ сочиненій усматриваете даже (шутка сказать!) *варіацію на теорію страстей, положенную въ основаніе универсальной ассоціаціи?* И еще, какъ забыли вы, что за мѣсяцъ или за два передъ тѣмъ, вы сами, и въ томъ же журналѣ, выражались такъ: „не личности насъ трогаютъ, а *идеи*, проводимыя г. г. Щедринымъ, Антоновичемъ и Пыпинымъ“? Какой смыслъ послѣ этого можетъ имѣть вопросъ вашъ: „что сказалъ или хотѣлъ сказать г. Щедринъ въ продолженіе года?“ И не имѣю ли я права отвѣчать вамъ на это такимъ образомъ: я сказалъ и хотѣлъ сказать то самое, что сказалъ и хотѣлъ сказать весь „Современникъ“, я проводилъ тѣ самыя идеи, которыя вы, купно съ прочими стрижами собирались преслѣдовать? Полагаю, что имѣю такое право, а еще полагаю одно изъ двухъ: либо вы, собираясь въ походъ противъ „идей, мною проводимыхъ“, не понимали, о чемъ говорили, либо, дѣлая послѣ этихъ сборовъ отзывъ о моемъ „легкомысліи“ и отрицая съ моей стороны всякую заслугу передъ

дѣломъ мысли, сами поступали весьма легкомысленно. И не возражайте на это, что подъ легкостью мыслей вы разумѣли именно ихъ несостоятельность; нѣтъ, это вопросъ совершенно особый— *несостоятельность моихъ идей*, ихъ антипатичность вы будете преслѣдовать, со всѣми стрижами, *потомъ;* теперь же преслѣдуете собственно мое *легкомысліе*... и, воля ваша, выставляете на показъ только легкомысліе ваше собственное. Положимъ, что „идея“ о *теоріи страсти* и т. д.—идея несостоятельная, но *легкою* ее все-таки назвать нельзя; положимъ также, что я „терзалъ неправящіеся мнѣ сюжеты“ безъ строгой связи, что я болѣе, нежели желательно, прибѣгалъ къ намекамъ, такъ вѣдь, во-первыхъ, на это есть обстоятельства, вполнѣ меня оправдывающія и вамъ совершенно извѣстныя, а во-вторыхъ, несмотря даже на темноту изложенія, читатели все-таки очень хорошо понимали, о чемъ и какъ я говорилъ. Очень можетъ быть, конечно, что я, и дѣйствительно, успѣлъ сказать немногое, но это немногое все-таки больше, нежели „мелькать“, „звенѣть“ и „предвѣщать ясную погоду“. Затѣмъ, г. Лѣтописецъ въ подтвержденіе моего легкомыслія, задаетъ себѣ еще вопросъ: почему мнѣ, Щедрину, никто не отвѣчалъ, несмотря на постоянное „терзаніе“ неправящихся мнѣ нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ? На это могу отвѣчать одно: журнальная дѣятельность обнимала 1863 и начало 1864 года, а въ это время россійскіе журналы и газеты совсѣмъ не объ „идеяхъ“ и „сюжетахъ“ заботились, а о томъ, въ комъ изъ нихъ больше пріятности; ежели же и встрѣчались въ нихъ различные „сюжеты“, то именно такіе, которыхъ въ „Современникѣ“ совсѣмъ не было... Наконецъ, хотя я и очень желаю разъяснить лѣтописцу мои отношенія къ роману „Что дѣлать?“, но успѣю ли въ этомъ, ручаться не могу.

Прежде всего, изъ чего онъ вывелъ заключеніе о враждебности моихъ отношеній къ роману? Если изъ моего отзыва о *вислоухихъ и юродствующихъ*, такъ вѣдь тамъ говорится отнюдь не о самомъ романѣ, а объ извѣстномъ на него взглядѣ и тѣхъ поученіяхъ, которыя, подъ вліяніемъ этого взгляда, изъ него из-

влекаются. Что же касается до моего собственнаго мнѣнія, то разъяснить его я могу только ссылкою на мое сочиненіе „Какъ кому угодно“. Лѣтописецъ, упоминая объ этомъ сочиненіи, усматриваетъ въ немъ извѣстное намѣреніе (*варіацiи на теорію страстей и т. д.*). Не желаю спорить съ проницательнымъ критикомъ, но утверждаю, что ежели и было подобное намѣреніе, то оно стояло на весьма отдаленномъ планѣ. Ближайшая и для всѣхъ понятная мысль заключалась въ слѣдующемъ: въ обществѣ господствуютъ нѣкоторыя идеи, на которыя всѣ ссылаются, но которыхъ сила, даже на практикѣ, весьма сомнительна; спрашивается и т. д. Мысль, какъ видится, очень скромная, гораздо скромнѣе того *намъренія*, которое приписываетъ мнѣ г. Лѣтописецъ, но не скрываюсь, имѣющая съ этимъ *намъреніемъ* ближайшее родство. Но потому-то именно, что мысль эта скромна и даже ограничена, проведеніе ея казалось мнѣ дѣломъ прямѣе ведущимъ къ цѣли. Очень возможно, что я и не правъ, но таково мое убѣжденіе, что, дѣйствуя въ извѣстномъ смыслѣ, слѣдуетъ начинать не съ намѣреній, а съ разбора самыхъ простыхъ и ходячихъ общественныхъ истинъ. Авторъ „Что дѣлать?“ полагалъ иначе, но изъ чего же слѣдуетъ, что мои отношенія къ этому роману враждебны? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, заключить, что тутъ идетъ рѣчь единственно о практическихъ путяхъ? Удовлетворивъ, такимъ образомъ, вашего Лѣтописца, считаю долгомъ обратиться къ вамъ, г. г. Семейство, еще съ однимъ разъясненіемъ. Вы не разъ обличали меня въ томъ, что я принималъ участіе во „Времени“ прежде, нежели былъ закрытъ „Современникъ“.

Да, это правда! Утверждая противное, я ошибся. Но теперь могу даже припомнить всѣ обстоятельства, при которыхъ началось мое участіе во „Времени“. Въ 1861 году я пріѣзжалъ въ Петербургъ и случайно свидѣлся съ Ѳ. М. Достоевскимъ, который, между прочимъ, *весьма убѣдительно* приглашалъ меня къ участію, даже, такъ сказать, упрекалъ въ равнодушіи къ вновь возникшему журналу. Имѣя въ виду, что „Время“ въ ту пору пи-

талось ухвостьями идей „Современника", подобно тому, какъ „Эпоха" питается нынѣ ухвостьями ухвостій „Дня", я согласился на сотрудничество и послалъ „Недавнія комедіи". Затѣмъ, по закрытіи „Современника" я послалъ во „Время" еще нѣсколько очерковъ и получилъ отъ М. М. Достоевскаго письменное приглашеніе сотрудничать далѣе, съ предложеніемъ *какихъ угодно условій*... И послѣ этакихъ-то льстивыхъ словъ вдругъ оказаться и легкомысленнымъ и негоднымъ! Впрочемъ, успокойтесь; это не первый примѣръ горькой непослѣдовательности: г. Зайцевъ въ 1863 году обращался ко мнѣ съ статьями, и когда онѣ не были приняты, ужъ костилъ же онъ меня, костилъ въ „Русскомъ Словѣ"! Г. Дм. Аверкіевъ дѣлалъ мнѣ честь поднесеніемъ нѣкоторой гишпанской трагедіи (въ родѣ „Мамаева побоища"), которая тоже не была принята — ну, и онъ попробовалъ на мнѣ свои зубы... О, ужасъ! даже въ объявленіи объ изданіи „Русскаго Слова" на 1863 годъ не усматриваю ли я своего имени въ числѣ прочихъ, долженствовавшихъ украсить своими трудами этотъ журналъ — а теперь? Вотъ гдѣ легкомысліе-то, дѣйствительное, заправское легкомысліе!

Въ заключеніе, позвольте одинъ совѣтъ: никогда не слѣдуетъ говорить неправду. Вы притворяетесь, что не прочли послѣднихъ статей „Современника", направленныхъ противъ васъ, и въ то же время называете ихъ „оправдательными". Но если вы ихъ не читали, откуда же знаете, что онѣ оправдательныя? Или опять какая-нибудь птица-вѣщунья сказала? Такъ не вѣрьте вы этой обманщицѣ и прочтите обѣ статьи съ прилежаніемъ. Увидите, что онѣ имѣютъ характеръ совсѣмъ не оправдательный, а обвинительный и даже поучительный.

Н. Щедринъ.

Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе.

(Воспоминанія и впечатлѣнія).

Посвящаю ихъ дѣтямъ.

Воспоминанія эти вызваны желаніемъ и даже какъ бы предсмертнымъ завѣщаніемъ мнѣ покойной Александры Васильевны Успенской. При жизни она не разъ высказывала это желаніе, но я не рѣшалась его исполнить— по многимъ очень важнымъ причинамъ. Личность Глѣба Ивановича слишкомъ своеобразна, сложна и порою едва уловима. Это былъ, по моему, во всѣхъ смыслахъ человѣкъ исключительный, *необыкновенный*, и мнѣ не пришло бы даже на мысль изобразить его *во всей цѣльности*. Не предполагая, что буду когда-нибудь писать мемуары, я никогда не записывала подробно и точно никакихъ разсказовъ и разговоровъ Глѣба Ивановича. Да и невозможно было въ тѣ годы вести подобныя записи — безъ риска подвергнуть другихъ и себя жестоко-произвольному преслѣдованію. Всѣ мы писали тогда больше въ головѣ, чѣмъ на бумагѣ. Многое поэтому улетучилось... И только *память сердца* сохранила въ неувядаемой свѣжести былое пережитыхъ и передуманныхъ лѣтъ...

I.

Моимъ близкимъ знакомствомъ съ Успенскими я обязана отчасти счастливой случайности.—Читая съ весны 1872 г. корректуру „Гражданина“, мнѣ приходилось по воскресеньямъ работать въ типографіи Траншеля, чтобы не задерживать набора и верстанья газеты, длившихся иногда цѣлую ночь. А съ переѣздомъ семьи редактора, Г. К. Градовскаго, на дачу, я нашла болѣе удобнымъ и въ остальные дни работать въ типографіи, а не въ столовой редактора, куда ежедневно являлся издатель— считать нумера своего изданія... Въ конторѣ у Траншеля я чувствовала

себя гораздо свободнѣе. Самъ Траншель слылъ за человѣка „съ образованіемъ". Онъ изъѣздилъ и исходилъ пѣшкомъ—по его словамъ—„всю Европу", года два или три посѣщалъ университетъ гдѣ-то „на югѣ", умѣлъ красно говорить на нѣсколькихъ языкахъ, велъ переписку съ знаменитыми фирмами за границей,—„зналъ" и Бебеля, и Лассаля, но отрицалъ соціализмъ въ Россіи, гдѣ „только дураки способны мечтать о немъ",—и вообще отличался богатой фантазіей рѣшительно во всѣхъ направленіяхъ. Заказчиковъ у него было много, а корректоромъ былъ тогда нѣкто З—скій, или „Бобоша", какъ всѣ называли его (онъ былъ заика, и когда волновался—всѣ слова начиналъ съ слога *ббо*). Это былъ недоучившійся студентъ Горнаго института, человѣкъ съ большими способностями, но совершенно неприспособленный къ какому бы то ни было „образу жизни". Онъ и работалъ, и кутилъ запоемъ, по цѣлымъ недѣлямъ пропадая въ разныхъ „общественныхъ учрежденіяхъ", и постоянно сражался съ Траншелемъ, доказывая ему, что онъ „человѣкъ свободный, а вовсе не крѣпостной, и „вправѣ" работать „не изъ-подъ палки, а когда „дѣйствительно нужно". Дѣйствительно же нужно было ему работать тогда, когда въ карманѣ не оставалось болѣе ни гроша и ни въ одно „общественное учрежденіе" его не пускали. Тогда онъ и спалъ, и обѣдалъ у Траншеля, и, не выходя изъ конторы, работалъ, не разгибая спины, цѣлыми сутками. И такъ какъ Бобоша все-таки былъ, очевидно, полезенъ своими знаніями и знакомствами въ разныхъ литературныхъ кругахъ еще со времени своего студенчества, Траншель смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ его „слабости", но, заочно жалуясь на „лѣнь и безсовѣстность этого негодяя", безцеремонно высчитывалъ у него изъ заработка всѣ прогульные дни, не брезгая иногда и процентами. А Бобоша отводилъ потомъ душу, давая ему всевозможныя клички: Пиратъ... Корсаръ... Гонзалезъ-Перейра... Шейлокъ изъ Бердичева...— Ббо... что же это вы—ремни изъ меня хотите вырѣзывать? — грозно подступалъ онъ, бывало, къ Траншелю, когда тотъ выдавалъ ему рублей двадцать-пять вмѣсто восьмидесяти. — Вы думаете, я стану даромъ для васъ работать?... Ббо... ббо... вы жестоко тогда ошибаетесь!.. Ббо.. я впередъ вамъ скажу: не на того дуралея напали!.. Ббо... чортъ васъ возьми со всѣми дѣлами... Ищите себѣ другого корректора... Ббо я... ббо я сейчасъ ухожу... Имѣю честь кланяться!—Онъ расшаркивался по военному и, хлопнувъ дверью, скрывался опять на недѣлю. А корректуры цѣлыми ворохами лежали у него на столѣ или просматривались самимъ Траншелемъ вмѣстѣ съ метранпажами.

И вотъ въ одну изъ такихъ недѣль я, ничего не подозрѣвая, заняла его должность корректора „Гражданина". И помню, въ какое смущеніе привелъ онъ меня при первой же встрѣчѣ своимъ рѣзкимъ допросомъ:

— Вы это что же, сударыня,— хлѣбъ у меня отнимать желаете? Въ конкурренцію мнѣ сюда вы пожаловали?—И онъ при этомъ строго окинулъ меня глазами съ головы до ногъ, нимало не стѣсняясь своимъ истрепаннымъ костюмомъ и грязнымъ воротникомъ и маншетами.

Видъ у него былъ очень внушительный. Высокій и статный, съ гордо закинутой головой чистокровнаго поляка-„мазура", съ пышной шапкой волнистыхъ темныхъ волосъ и ярко-голубыми глазами навыкатъ, онъ могъ бы, пожалуй, назваться красивымъ, если-бъ не красное, какъ будто всегда воспаленное лицо и крупныя пухлыя губы циника, придававшія ему что-то чувственно-наглое и отталкивающее.

Я начала, было, объяснять ему въ свое оправданіе, что приглашена редакціей, а не Траншелемъ, и ни отъ Г. К. Градовскаго, ни отъ князя М. ничего не слыхала о немъ, и очень сожалѣю, если дѣйствительно нарушила его интересы. Но онъ остановилъ меня громкимъ хохотомъ.

— Да я за васъ теперь молебенъ отслужить способенъ—за то, что избавили меня отъ этого „Гра-аж-жданина"!.. Ббо меня всякій разъ ..., съ позволенья сказать,... тошнило отъ этого глупѣйшаго и пошлѣйшаго журнала... Ббо... названіе этому журналу вовсе не „Гражданинъ", а просто-на-просто ид-діотъ!.. Честное слово даю: вы меня обязали. Траншель самъ меня бы никогда отъ него не избавилъ... Только, признаюсь, удивляюсь и вамъ: какъ это вы можете, не краснѣя, читать всѣ эти мерзости?.. Неужто вы ничего лучшаго никогда не читали?

Такимъ же точно тономъ „радикала" и „обличителя" говорилъ онъ при мнѣ А. Н. Майкову:

— Достопочтеннѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, какъ же это не стыдно вамъ: вы, знаменитый русскій поэтъ, проводникъ просвѣщенія, и вдругъ на жалованьи чиновникомъ цензурнаго комитета?! Аполлонъ Майковъ, поэтъ—и вдругъ цензоръ! Я бы, на вашемъ мѣстѣ, считалъ для себя позоромъ.

И знаменитый русскій поэтъ не безъ смущенія оправдывался передъ „Бобошей":

— Мнѣ кажется, я и теперь служу „проводникомъ просвѣщенія": благодаря именно тому, что я цензоръ, въ Россію свободно проникаютъ такія книги, которыхъ другіе цензора, можетъ быть, ни за что бы не пропустили...

— Нѣтъ, ужъ какъ тамъ хотите, а поэтъ и цензура—это позоръ!.. Стыдно, стыдно, Аполлонъ Николаевичъ!

„Обличеніе" издателя „Гражданина" вышло, пожалуй, еще эффектнѣе.

Князь М. пришелъ въ контору, когда мы спѣшно работали, и поднялъ оглушительный крикъ по поводу только-что выпущеннаго изданія его „Исторіи Севастопольской войны". Онъ требовалъ къ себѣ Траншеля, но

тотъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, спрятался у себя, а передъ княземъ стоялъ безотвѣтно трепещущій отъ испуга литографщикъ Крейтенбергъ и, тщетно пытаясь успокоить разсерженнаго издателя, робко повторялъ одно только: „Aber, Durchlaut!.. Aber, Durchlaut!..“ Князь кричалъ такъ, что стекла въ окнахъ дрожали, и я невольно заткнула пальцами уши, не шутя боясь за свою барабанную перепонку. Но и сквозь крѣпко втиснутые пальцы я слышала, какъ онъ грубо,—казарменно-грубо,—прокричалъ на весь домъ:

— Скажите вашему Траншелю, что я его притяну къ суду! Я этого такъ не оставлю! Вы все изданіе мнѣ *изгадили*! (Онъ употребилъ другое, еще болѣе вульгарное, непечатное слово).

З—скій вскочилъ и, весь багровый отъ гнѣва, проговорилъ съ трудомъ, заикаясь:

— Прошу васъ здѣсь не кричать и не ззабываться... Ббо... здѣсь рра...ббо...ботаютъ... Здѣсь общественное учрежденіе, а не кабакъ!

— Мо-олчать!—неистово завопилъ князь.—Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ, когда я васъ не замѣчаю!.. Я знаю васъ какъ пьянчужку, котораго лакей мой всегда можетъ вытолкать въ шею!..

З—скій, летавшій все время по комнатѣ съ напряженными жилами на вискахъ и сжатыми кулаками, остановился и крикнулъ въ упоръ князю М., съ великолѣпнымъ жестомъ безстрашнаго рыцаря, и даже ни разу не заикнувшись:

— Вы меня знаете какъ пьянчужку, а васъ вся Россія знаетъ— какъ ид-діота!..

Я сидѣла, не помня, гдѣ я и что со мною, и, затаивъ дыханіе, ожидала чего-то еще болѣе ужаснаго... Но въ конторѣ настала вдругъ мертвая тишина; князь отошелъ съ Крейтенбергомъ въ сторону и говорилъ ему пониженнымъ голосомъ:

— Что вы сказали? Я васъ не понялъ... Что вы сказали?..

Я взяла работу и убѣжала подальше отъ нихъ, въ факторскую. Туда же, вслѣдъ за мной, пришелъ и Бобоша.

— Нну!—говорилъ онъ, весь дрожа, какъ въ горячкѣ:—еще бы минута, и я бы спустилъ его сіятельство прямо въ окно, на Владимирскую... Пусть бы меня послали потомъ *по владимиркѣ*...

И онъ началъ тутъ же разсказывать мнѣ, какъ зимой вызывали одного „нагрубившаго“ князю студента къ шефу жандармовъ, въ III-е отдѣленіе, продержали дня три, и „самъ шефъ жандармовъ“ грозилъ выслать по этапу студента „за непочтительность къ вельможѣ“... Но не успѣлъ онъ всего досказать, какъ вошелъ князь съ корректурой своей

статьи. Стульевъ свободныхъ въ факторской не было ни одного. Князь подошелъ къ Бобошѣ и самымъ вѣжливымъ образомъ произнесъ:

— Прошу васъ, милостивый государь, уступить мнѣ вашъ стулъ: минутъ на десять!

Бобоша всталъ и отвѣтилъ въ такомъ же тонѣ, указывая на стулъ.

— Прошу садиться, милостивый государь!

Тѣмъ все и кончилось. Ни къ Шувалову, ни даже къ Трепову Бобошу не вызывали, но мнѣ за то онъ съ тѣхъ поръ не давалъ проходу.

— Рѣшительно не понимаю,—говорилъ онъ,—какъ это честная и неглупая женщина можетъ имѣть дѣло съ такимъ шутомъ гороховымъ, какъ этотъ вашъ, съ позволенья сказать, князь М...

Онъ подносилъ мнѣ печатавшiеся у Траншеля листки „Маляра", гдѣ постоянно помѣщались карикатуры на „Гражданинъ" и его издателя, изображаемаго большею частью въ образѣ Арлекина, и говорилъ съ ядовитой ироніей

— Вотъ, полюбуйтесь на вашего арлекина!.. Вотъ какъ надъ нимъ потѣшаются! А вы отъ него получаете деньги, вы зависите отъ этого арлекина!

И какъ я ни старалась доказать ему и себѣ, что деньги я получаю не за сочувствіе мое взглядамъ кн. М. и его сотрудниковъ, а за очень утомительный трудъ разбиранія его рукописей и выправленіе ошибокъ,—внутренно я тяготилась моимъ положеніемъ съ самаго перваго дня и всей душой стремилась къ освобожденію... А З—скій не унимался вплоть до тѣхъ поръ, пока не увидалъ меня однажды въ типографіи съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ", взятой по дорогѣ у Черкесова.

— Ба! Что я вижу! Да вы и хорошія книжки тоже читаете!.. Вы, можетъ быть, и пріятеля моего, Николая Михайловскаго, тоже читаете? Вѣдь это будущее наше свѣтило. Умница и большой талантъ! Это второй у насъ Писаревъ. Честное слово даю!

И тутъ—совершенно неожиданно для меня—оказалось, что З—скій близко знаетъ не только Михайловскаго, съ которымъ ихъ „вмѣстѣ изъ Горнаго за одну и ту же исторію выгнали" [1]), но и жену Михайловскаго, бывшую невѣсту свою, онъ „уступилъ, какъ другъ,—болѣе его достойному другу"... Зналъ З—скій чуть ли не всю подноготную всѣхъ современныхъ ему литераторовъ,—и братьевъ Курочкиныхъ, и Деморта, и Минаева, и Слѣпцова, и Марко-Вовчокъ—„плантаторша—тоже въ своемъ родѣ Траншель въ юбкѣ..." Я слушала его невѣроятно-„обличительные" разсказы,—„Некрасовъ—первостатейный кулакъ, картежникъ и весь сгнилъ отъ раз-

---

[1]) Не помню, въ чемъ заключалась эта „исторія"...

врата съ француженками"... „Щедринъ—кулакъ, генералъ и сквалыга", и т. д., и т. д..., слушала и не знала, что думать.

„Мнѣ было двадцать лѣтъ едва".

Я только-что пріѣхала въ Петербургъ, только-что начинала самостоятельно мыслить и жить,—литература съ дѣтскихъ лѣтъ была для меня святыней...

— И Глѣба Успенскаго тоже знаете?—не безъ страха спросила я подъ конецъ. Этотъ писатель—изъ современныхъ—былъ мнѣ всѣхъ симпатичнѣе, какъ художникъ внутренней жизни, и жизни именно *нашей*, искателей хлѣба насущнаго, свѣта и правды,—и задавая вопросъ, я уже безотчетно боялась услышать что-нибудь нехорошее.

— Глѣба Иваныча? Глѣбушку?—нараспѣвъ протянулъ Бобоша:— еще бы не знать!

И тонъ, и выраженіе лица у него замѣтно смягчились, и глаза смотрѣли не такъ уже нагло, когда онъ съ чувствомъ прибавилъ:

— Ахъ, славный онъ! Золотая душа! И младенчески чистая, долженъ прибавить. Ббо... я... чистоту души увва-ж-жаю!

— Глѣбушка теперь за границей,—продолжалъ разсказывать мнѣ Бобоша.—Онъ въ Парижѣ. Но какъ только пріѣдетъ—обязательно васъ съ нимъ познакомлю. И жена у него—великолѣпная женщина. Всѣмъ женамъ въ примѣръ ее можно поставить. Идеалъ и самоотверженіе. Представьте одно: чтобы дать возможность Глѣбу Ивановичу побывать за границей, она взяла мѣсто сельской учительницы,—и вотъ теперь сидитъ гдѣ-то въ глуши въ Орловской губерніи... А потомъ и еще: умна необыкновенно! Недавно она такое письмо прислала въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ", такое письмо, что я—какъ только ее увижу—въ ножки ей поклонюсь за него. Умная! И ка-акъ она ихъ тамъ всѣхъ пробираетъ—всѣхъ „генераловъ"-то отъ „Записокъ Отечества"... По пятидесяти рублей въ мѣсяцъ положили Глѣбу Ивановичу,—точно онъ тоже у нихъ, что я здѣсь у Траншеля,— да еще *одинъ рубль* каждый разъ у него высчитывали — за пересылку по почтѣ... Какъ вамъ это понравится? Да я бы, послѣ такого письма, какое она имъ прислала,—пулю бы въ лобъ пустилъ — себѣ или ей,— честное слово даю! — ну, а эти ихъ превосходительства поторговались промежъ себя, посчитали на счетахъ, накинули двадцать - пять рублей серебромъ, заперли лавку и разошлись по домамъ, играть въ карты. Репутація, дескать, обезпечена. Фирма не пострадаетъ. Ну, и талантъ... поддержали!.. Вообще, я вамъ вотъ что скажу,—просвѣщалъ онъ меня при этомъ:—вы, пожалуйста, эту вашу провинцію поскорѣй позабудьте, и такъ и знайте, что всѣ эти литературные „генералы"—въ сущности тѣ же

Траншели; торгуютъ чужимъ трудомъ... Пираты-рабовладѣльцы, Гонзалезъ Перейры и больше ничего. Такъ и знайте!

Какъ-то утромъ, вскорѣ послѣ этого разговора, въ контору къ Траншелю вошелъ быстрой и легкой походкой невысокій, худощавый блондинъ въ черепаховомъ пенснэ, съ бѣлокурой бородой и усами, одѣтый по лѣтнему—въ парусиновой блузѣ подъ свѣтло-сѣрымъ пальто и въ свѣтлой соломенной шляпѣ. Подъ мышкой у него былъ портфель и книжка „Отечественныхъ Записокъ“.

Не знаю почему, я сейчасъ догадалась, что это—Михайловскій.

— Здравствуйте, Бобоша!—сказалъ онъ, подходя къ столу, за которымъ работалъ З—скій.

Бобоша вскочилъ и, съ шумомъ отодвинувъ стулъ, торжественно возгласилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ! Рре-кко-мендую! Намѣстникъ св. Петра... то-бишь, Чернышевскаго, Добролюбова et tutti quanti! Клянусь честью, онъ самый!.. Ббо, знаешь, Николай Константинычъ, сія юная провинціалка не хотѣла мнѣ вѣрить, что я знакомъ съ порядочными людьми,—не то что съ знаменитыми литераторами... „Вы, говоритъ, все по трущобамъ шатаетесь, съ разными тамъ бродягами“...

Бобоша начиналъ фантазировать и совсѣмъ задыхался отъ усилія выражаться какъ можно краснорѣчивѣе.

— Отдохните немного, Бобоша!—съ улыбкой остановилъ его Михайловскій.—Я къ вамъ по дѣлу.

Онъ присѣлъ къ столу и, наклонивъ голову, началъ рыться въ портфелѣ, передавая разныя порученія отъ себя и Марьи Евграфовны (такъ звали жену Мих—го). Я съ интересомъ слѣдила за выраженіемъ его лица и движеніями. У него были тонкія, правильныя черты, свѣтлые, проницательно-умные, насмѣшливо-холодные глаза и всепобѣдная—*юпитеровская*—улыбка. Возвышенно-строгій лобъ, крутой, какъ стѣна, и эта улыбка внушали представленіе чего-то неприступнаго и несокрушимаго—какъ будто прикрытаго броней мыслительнаго арсенала. Энергіей молодого успѣха, самодовольствомъ удачника вѣяло тогда отъ этого знаменитаго впослѣдствіи „борца на славномъ посту“...

Въ манерахъ его сказывалась изысканная вѣжливость и какая-то особая, какъ бы тоже изысканная, *идейная простота.* Говорилъ онъ опредѣленно и сжато, внушительно подчеркивая иныя слова; голосъ былъ звучный, хотя несильный, и пріятный, но въ акцентѣ чувствовалось что-то слишкомъ *книжное,* сухое, теоретическое.

— Черезъ недѣлю пріѣзжаетъ Александра Васильевна,—говорилъ онъ Бобошѣ.—И пока она не найдетъ квартиры, она будетъ жить у насъ, въ

Гатчинѣ. Но квартиру необходимо найти въ этомъ мѣсяцѣ, такъ какъ Глѣбъ Иванычъ вернется—самое позднее—въ первыхъ числахъ августа. Александра Васильевна... несовсѣмъ здорова, ей будетъ вредно много подниматься по лѣстницамъ,—ей надо помочь,—внушительно заключилъ онъ,—и мы съ Марьей Евграфовной возлагаемъ надежды на васъ.

Бобоша не прекословилъ, и Михайловскій сейчасъ же заторопился на поѣздъ, или въ редакцію.

Мнѣ онъ сказалъ тогда нѣсколько привѣтливыхъ словъ, шутя посовѣтовалъ не слишкомъ полагаться на импровизаціи „нашего общаго знакомаго" и въ заключеніе любезно пригласилъ на дачу къ нимъ въ Гатчину. Узнавъ, что я только-что передъ тѣмъ читала его „Замѣтки Профана", гдѣ онъ сравниваетъ обычные пріемы журнальной полемики съ пріемомъ одной маленькой, близко знакомой ему дѣвочки, которую въ шутку называютъ колбасницей, а она отвѣчаетъ всѣмъ безъ различія пола: „*самъ* колбасница!"—Николай Константиновичъ прибавилъ тогда къ своему приглашенію:

— Тамъ у насъ вы увидите и эту маленькую дѣвочку, и услышите сами, что именно такъ она всегда отвѣчаетъ...

— Какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ"?—переспросила я.

— Точь въ точь какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ"! [1])—съ улыбкой подтвердилъ Николай Константиновичъ.

Недѣлю или двѣ спустя, въ контору пришли двѣ дамы,—З—скій предупредилъ меня, что онѣ придутъ,—одна высокая, полная брюнетка, вся въ черномъ, другая—маленькая, сухощавая и вертлявая, съ распущенными вдоль спины бѣлокурыми волосами и грубымъ загорѣлымъ лицомъ, одѣтая по дачному—въ чемъ-то легкомъ и свѣтломъ, съ небрежно наброшеннымъ на плечи синимъ ватерпруфомъ, и въ шляпѣ мужского покроя. Она звонко крикнула:

— Здѣсь господинъ З—скій? Можно его видѣть?—обратилась она ко мнѣ и прибавила:

— Михайловская.

— Успенская,—тихо проговорила вслѣдъ за ней высокая, блѣдная дама, энергически пожимая мнѣ руку.

Время было обѣденное; З—скій еще не вернулся. Я предложила имъ подождать его. Онѣ присѣли, и мы молча съ минуту разглядывали другъ друга. Я не сомнѣвалась, что З—скій успѣлъ и ихъ посвятить во всѣ подробности нашего съ нимъ знакомства.

Жены писателей представляли, повидимому, полную противоположность.

---

[1]) Не помню точно, съ кѣмъ именно полемизировалъ тогда Михайловскій, но это уподобленіе—именно изъ статей его лѣтомъ 1872 г. Это я хорошо помню.

Одна походила на школьницу-сорванца, другая—на солидную гувернантку, хотя онѣ были почти однихъ лѣтъ,—обѣимъ подъ-тридцать.

Михайловская напоминала что-то цыганское, эксцентричное и бравурное. У нея были крупныя, какъ у Бобоши, чувственныя губы; въ низкомъ грудномъ голосѣ звенѣли точно колокольчики, красивые темносѣрые глаза сверкали какимъ-то бѣшенымъ весельемъ. Но я отлично знала уже, благодаря Бобошѣ, что она изъ вполнѣ благовоспитанной семьи, кончила курсъ „съ бриллiантовымъ шифромъ“ въ одномъ изъ лучшихъ тогда институтовъ и считалась любимою ученицею Рубинштейна.

Жена Успенскаго была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Круглолицая, очень бѣлая, безъ кровинки въ лицѣ, съ мягкими очертанiями, съ тихимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, съ плавной походкой и ровными, неторопливыми движенiями, она казалась гораздо старше и въ своей черной мантильѣ, шляпѣ-капотъ на коротко остриженныхъ волосахъ и въ замшевыхъ черныхъ перчаткахъ (Михайловская была совсѣмъ безъ перчатокъ) напомнила мнѣ директрису не очень давно оставленной мною гимназiи,—и не скажу, чтобы меня отъ этого повлекло тогда къ ней (Михайловская показалась мнѣ интереснѣе). Но энергическое рукопожатiе говорило о нервной жизненной силѣ, и въ круглыхъ, какъ бусины, черныхъ глазахъ вспыхивалъ какой-то таинственный огонекъ, невольно покорявшiй этой скрытой въ ней силѣ.

З—скiй пришелъ прiодѣтый, причесанный, въ свѣжемъ бѣльѣ, и онѣ увели его съ собою—смотрѣть квартиры. Михайловская, прощаясь со мной, повторила приглашенiе побывать у нихъ въ Гатчинѣ.

— Только совѣтую прiѣзжать поскорѣе—пока еще розы цвѣтутъ, и ягоды не всѣ оборвали!—и пока насъ всѣхъ вмѣстѣ съ нашей великолѣпной дачей не унесло вѣтромъ!—со смѣхомъ крикнула она мнѣ уже на порогѣ.

22-го iюля были ея именины, и З—скiй наканунѣ категорически объявилъ мнѣ, что Михайловскiе ждутъ меня завтра въ Гатчинѣ, и ему „приказано—не прiѣзжать безъ барышни“.

— И я далъ слово. И вы, пожалуйста, не капризничайте и не выдумывайте никакихъ предлоговъ... Ббо... что это вы въ самомъ дѣлѣ ломаетесь точно Монаховъ, когда его вызываютъ на b i s!

Предлоговъ къ отказу, дѣйствительно, больше не было. „Гражданинъ“ въ то лѣто выходилъ мѣсячнымъ сборникомъ, и я была почти совершенно свободна, но ѣхать туда все-таки было „страшно“. И я всю дорогу молчала, а З—скiй потомъ разсказывалъ разные анекдоты,—какъ я „трусила“ и пыталась выскочить изъ окна,—„и непремѣнно бы выскочила“, если-бъ онъ предусмотрительно не забаррикадировалъ меня корзинами съ бакалейнымъ товаромъ—цѣлымъ грузомъ дачныхъ комиссiй Марьи Евграфовны.

Но я совсѣмъ не трусила, я только мысленно приготовлялась къ чему то очень большому и важному... Вѣдь шутка сказать!—ѣду къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Отеч. Зап.“, буду слушать самыя умныя рѣчи, увижу самыхъ настоящихъ „новыхъ людей“, о которыхъ всѣ мы тогда столько мечтали... Не „разговоровъ“ хотѣлось мнѣ и не гостепріимства или „протекціи“ литературнаго „кружка“, а чего-то въ родѣ церковнаго пріобщенія святыхъ тайнъ *новой истины*. И страшно было—оказаться вдругъ недостойной и „отлученной“, и еще болѣе страшно—подойти и разочароваться,—на „мѣстѣ святомъ“ не найти никакой святыни...

Дача Михайловскихъ была у самаго парка, и вся утопала въ зелени. Мы застали всѣхъ—и гостей, и хозяевъ—въ саду, за чтеніемъ писемъ Глѣба Иваныча изъ Парижа. Александра Васильевна жаловалась при этомъ, что не находитъ подходящей для нихъ квартиры, гдѣ было бы удобно работать Глѣбу Иванычу, и что придется оставаться опять на старой—тамъ же, гдѣ Демертъ,—въ домѣ Воронина, на Гончарной [1]). Потомъ Марья Евграфовна повела меня показывать дачу и „маленькую колбасницу“. Это была премилая нѣмочка лѣтъ пяти, которую Михайловскіе пріютили у себя на лѣто [2]), и которая поминутно безъ устали отвѣчала всѣмъ и каждому: „самъ колбасница“.

— А дача-то, дача!—кричала мнѣ Марья Евграфовна:—Обратите же, пожалуйста, вниманіе на нашу дачу!..

Помню, въ какое умиленіе привела меня эта бѣдная, тѣсная дача изъ барочныхъ досокъ, съ круглыми дырами отъ гвоздей, въ которыя свободно дулъ лѣтній вѣтеръ и брызгали золотымъ огнемъ солнечные лучи. Вся обстановка—простые, некрашенные столы, скамейки и табуреты, даже кровати, покрытыя плэдами,—вызывали во мнѣ умиленіе и восторгъ. А къ письменному столу Николая Константиновича я не смѣла и подойти—какъ будто это былъ не столъ, но алтарь, гдѣ совершалось священнослуженіе. Столъ былъ тоже простой деревянный, заваленный грудами рукописей, книгъ и газетъ. Книги лежали на полкахъ и на полу. Пара вѣнскихъ стульевъ и деревянный табуретъ у стола довершали убранство этого „кабинета писателя“. Въ комнатѣ Марьи Евграфовны была такая же первобытная простота. И помню, когда Александра Васильевна передъ обѣдомъ искала зеркала, чтобы поправить прическу, Марья Евграфовна, смѣясь, принесла ей изъ кухни осколокъ, въ которомъ можно было разглядѣть одинъ только глазъ или кончикъ носа, да и то въ исковерканномъ видѣ. Но Але-

---

[1]) Въ письмахъ изъ-за границы Гл. Ив. дѣлаетъ часто сравненія съ этимъ домомъ Воронина и съ Гончарной.

[2]) Сестра этой „колбасницы“, впослѣдствіи извѣстная оперная пѣвица, уѣзжала куда-то въ „турнэ“ съ братомъ Марьи Евграфовны, тоже прекраснымъ артистомъ.

ксандрѣ Васильевнѣ уступили самую лучшую комнату, а въ столовой—для гостей стояла привезенная изъ города удобная софа. И все, что мнѣ говорили и показывали тогда, казалось мнѣ до того плѣнительно и чудесно, что я окончательно расчувствовалась, ушла отъ нихъ въ садъ и предалась тамъ на волѣ самымъ восторженнымъ размышленіямъ о „новой жизни" и „новыхъ людяхъ". Вѣдь, собственно, новое и было вотъ именно тутъ, въ этой восхитительной простотѣ! Человѣкъ подходилъ прямо и просто какъ *человѣкъ* къ *человѣку*,—входилъ въ кругъ близкихъ, становился членомъ одной и той же семьи. Развѣ это было не ново? Не возвышенно-хорошо?..

Меня разбудилъ тогда звонкій голосъ Марьи Евграфовны:

— Бобоша, гдѣ же ваша барышня? Что это она все убѣгаетъ отъ насъ? Не знаю, какъ ее занимать!.. Зовите ее обѣдать...

За обѣдомъ Николай Константиновичъ разсказывалъ о „новыхъ талантахъ" Madame (такъ звалъ онъ жену):

— Представьте, Александра Васильевна,—говорилъ онъ,—вотъ ужъ чего бы никогда не подозрѣвалъ: Madame, оказывается, не только великолѣпная музыкантша и переводчица, но еще и гимнастка-эквилибристка. И это невольно мнѣ открываетъ новыя перспективы на будущее... Не знаю, способна ли она ходить по канату, но что она съ изумительнымъ совершенствомъ ходитъ по людскимъ головамъ—это я недавно узналъ по собственному опыту. Вчера—только-что вы уѣхали въ городъ—взялись мы съ ней вмѣстѣ за Спенсера. Мѣсто было очень трудное—Madame перевела мнѣ à livre ouvert. Я, разумѣется, по совѣсти похвалилъ... Вдругъ—бацъ!—не успѣлъ я опомниться—Madame стоитъ у меня на плечѣ,—буквально, на одныхъ носкахъ!.. „Ура! Степанида! Ура!.. Баринъ меня похвалилъ!.." Степанидѣ послышалось, что „пожаръ"... Степанида подняла крикъ: „горимъ!.." Набѣжало тутъ къ намъ народу чуть не со всѣхъ дачъ... Супъ ушелъ, жаркое перегорѣло... Съ Madame—истерика... отъ чрезмѣрнаго хохота, полагаю...

— Баринъ! Что это вы тамъ разсказываете!?—кричала изъ кухни Марья Евграфовна (она дѣлала тамъ воздушный пирогъ)—и въ тотъ же мигъ, влетая въ столовую, она съ разбѣга—непостижимо для всѣхъ—вспрыгнула на плечи къ сидѣвшему у самыхъ дверей Бобошѣ, а потомъ—совершенно какъ бѣлка—очутилась на спинѣ у Михайловскаго.

— Бобоша! Стаканъ вина! Налейте вина мнѣ!—командовала она.—Баринъ, держитесь! За здоровье присутствующихъ! Vive l'adresse!.. Да что же никто мнѣ не аплодируетъ?!..

Она собиралась продѣлать еще какую-то новую штуку,—но Александра Васильевна запротестовала:

— Не надо больше, Марья Евграфовна!—жалобно просила она.—У

меня даже голова закружилась, глядя на васъ. Бѣдному Николаю Константинычу, я думаю, тяжело. Вы вѣдь не „маленькая колбасница"... Николай Константинычъ,—правда, вѣдь вамъ тяжело?

— Что дѣлать, Александра Васильевна!.. Начинаю привыкать понемногу... Брачныя узы—все-таки узы!—философически отозвался Николай Константинычъ, и трудно было рѣшить—въ шутку это онъ говоритъ или серіозно.

Къ вечеру набралось еще много новыхъ гостей, и гатчинскихъ, и пріѣзжихъ. То и дѣло назывались болѣе или менѣе извѣстныя мнѣ имена сотрудниковъ разныхъ газетъ и журналовъ. Говорили, что Демертъ тоже пріѣхалъ, но—„весьма свирѣпъ" и бродитъ гдѣ-то по парку съ Минаевымъ. Мы тоже были въ паркѣ,—осматривали старый дворецъ,—и все время слышали гдѣ-то вдали странные звуки—не то мычаніе раненаго звѣря, не то похоронное пѣніе...

— Слышите, господа,—это вѣдь Демертъ поетъ!?—неувѣренно сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Нѣтъ, это вамъ послышалось,—говорили другіе.—Это просто вѣтеръ. Начинается, кажется, буря,—видите, какъ деревья качаются?—Сейчасъ пойдетъ дождь.

И дѣйствительно, начинало накрапывать, и слышались глухіе удары грома. Но позже, когда всѣ собрались на балконѣ, въ ожиданіи чая, изъ парка снова послышались тѣ же звуки.

— Ну, конечно, это Демертъ!—заговорили вокругъ.—Страшная сила у человѣка!.. Губитъ онъ ее только зря...

— На дуэль собирается вызвать Б—на. До бѣлаго каленія его довели...

— Удары грома заглушали слова, пѣніе замѣтно приближалось,—и по временамъ казалось, какъ будто все это вмѣстѣ—и пѣніе, и громъ, и молнія, и шумные порывы вѣтра—сливалось въ одинъ драматически-бурный аккордъ. Кто-то вспомнилъ при этомъ сцену изъ „Лира"... Наконецъ, можно было разслушать слова. Сильный, выразительный голосъ пѣлъ „Стараго Капрала" Беранже:

...„Я оскорбилъ офицера—
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ!—Для примѣра
Надо меня разстрѣлять!..."

Новый ударъ грома заглушилъ окончаніе. Въ глубинѣ сада скрипнула калитка, и въ сумракѣ ненастнаго вечера показались двѣ темныхъ фигуры, одна повыше, другая пониже. Точно электрическій токъ ударилъ по нервамъ—всѣ поднялись навстрѣчу входившимъ, и минуту спустя высокій по-

жилой господинъ съ желчнымъ угрюмымъ лицомъ, изрытымъ оспинами, въ золотыхъ очкахъ, въ мягкой войлочной шляпѣ и тепломъ осеннемъ пальто, грузно опустился на ступеняхъ балкона. Подозрительно оглядываясь вокругъ себя исподлобья на всѣхъ присутствующихъ, онъ промычалъ что-то невнятное себѣ подъ носъ:

— Мазурики... канальи!—неясно донеслось до меня.

— Здѣсь все свои, Николай Александровичъ!—говорила ему съ улыбкой Марья Евграфовна.—Вотъ и Александра Васильевна тоже здѣсь!..

— Какая такая Александра Васильевна? Не надо мнѣ никакой Александры Васильевны!..

Вокругъ послышался смѣхъ.

— Вотъ прекрасно! Вы ужъ и Александру Васильевну позабыли.... Жену Глѣба Иваныча!

Демертъ тоже расхохотался.—Матушка, Александра Васильевна!.. Не узналъ! Ее-ей, не узналъ!—бормоталъ онъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, и, ловя ея руку, цѣловалъ взасосъ пьяными поцѣлуями. А она уговаривала его своимъ тихимъ, успокоительнымъ голосомъ:

— Не надо такъ разстраивать себя Николай Александровичъ! Вы такой хорошій писатель—вамъ надо себя беречь. Что же дѣлать? У всѣхъ бываютъ свои непріятности. И у Глѣба Иваныча тоже бывали...

— Глѣбъ Иванычъ? А гдѣ онъ,—гдѣ Глѣбъ Иванычъ? Дайте мнѣ Глѣба Иваныча! Дайте Глѣбушку! Не хочу я съ мазуриками! Не хочу!—взвизгивалъ онъ и снова яростно бранилъ кого-то:—Разбойники! Палачи! Давятъ за горло... Понимаете?—душатъ... прямо за горло... „Разстрѣля-ть!“—вдругъ дико выкрикнулъ онъ, и опять запѣлъ, какъ въ лѣсу,—унылымъ, торжественно-похоронным маршемъ:

„Въ ногу, ребята, идите!
Слушай команды слова!
Разъ—два! разъ—два!“

И руки его при этомъ отбивали въ воздухѣ зловѣщую барабанную дробь... Становилось и жутко, и жалко кого-то, и мучительно-тяжело...

Марья Евграфовна отпаивала его горячимъ чаемъ съ ромомъ и совала ему въ ротъ куски своего имениннаго пирога, которые онъ тутъ же выплевывалъ съ такимъ гнѣвомъ и отвращеніемъ, какъ будто это былъ не слоеный и очень вкусный паштетъ съ бѣлыми грибами, а инквизиторскій кляпъ, орудіе возмутительной пытки.

Дождь лилъ ужъ вплотную, когда пришли сказать, что пріѣхалъ извозчикъ, заказанный Демертомъ. И какъ его ни удерживали,—онъ не захотѣлъ остаться. И даже Минаева наотрѣзъ отказался везти обратно съ собою.

— Тѣсно вдвоемъ—ну тебя совсѣмъ! Бери себѣ другого извозчика, а я поѣду одинъ.

Шатаясь, побрелъ онъ въ темнотѣ къ калиткѣ—между деревьями. Пролетка была открытая, зонтика съ нимъ не было, дождь такъ и хлесталъ его по головѣ. Но только-что застучали, отъѣзжая, колеса—раздался тоскливо-прочувствованный напѣвъ: онъ пѣлъ!

„Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день“...

На балконѣ все стихло. Всѣ слушали. Только Марья Евграфовна, какъ бы подчиняясь общему настроенію, допѣвала вполголоса эту грустную строфу:

„Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!“...

— Фу! только тоску на всѣхъ нагналъ!—проговорила она въ заключеніе, когда всѣ начали одинъ за другимъ вставать и прощаться.—А все-таки я его больше всѣхъ люблю, господа!—съ чувствомъ прибавила она тутъ же.—Онъ всѣхъ васъ оригинальнѣе.

— И вѣдь чудакъ этакій!—вставилъ, смѣясь, Минаевъ.—Зонтика никогда съ собой не беретъ. Самъ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ весной нынче разъ до того обозлился, что надо „что-то постоянно держать надъ собою“,—взялъ и бросилъ его въ Фонтанку. Новый шелковый зонтикъ,—двѣнадцать рублей при мнѣ заплатилъ въ Англійскомъ магазинѣ.

Меня оставили ночевать и уложили въ центральной столовой, на „софѣ для гостей“. Вокругъ меня всѣ размѣстились по разнымъ комнатамъ и клѣтушкамъ. Только Бобошѣ не хватило мѣста въ домѣ, и его съ другимъ гостемъ-студентомъ уложили спать на балконѣ, въ ворохахъ свѣжаго сѣна. И, кажется, только они тамъ и спали въ эту ночь, несмотря на дождь и грозу. Вокругъ меня разговаривали всю ночь напролетъ. Марья Евграфовна безъ умолку хохотала и заставляла другихъ хохотать, разсказывая остроумные анекдоты изъ жизни—своей и чужой—большею частью, разумѣется, фантастическіе.

Потомъ какъ будто затихало, и слышался только шелестъ переворачиваемыхъ страницъ изъ спальни Николая Константиновича, но минуту спустя раздавался стукъ въ тонкую стѣну и голосъ Марьи Евграфовны:

— Александра Васильевна,—вы еще не заснули? Что вы тамъ дѣлаете?

— Я перечитываю письма Глѣба Ивановича. Мнѣ не нравится, зачѣмъ это онъ пошелъ въ Bal Mabil... Это вашъ братъ его туда затащилъ, Марья Евграфовна.

— Отъ Михаила Евграфовича я всего ожидаю,—но вообще я не понимаю, какъ это вы рѣшились отпустить Глѣба Иваныча безъ себя!..

— Я не могла ѣхать съ нимъ теперь за границу. У насъ столько долговъ... Откуда же было взять денегъ на это? И потомъ я больна, я теперь устаю... Я бы только стѣснила его.

— Ну, такъ и ему совсѣмъ тогда незачѣмъ было ѣхать!..

— Ему было нужно поѣхать. Глѣбъ Иванычъ хочетъ работать. Ему надо много видѣть и знать.

— Но въ Парижъ, въ Парижъ!.. Нѣтъ, воля ваша, я бы ни за что не пустила!—Баринъ! вы слышите?—Она стучала въ дощатую перегородку „кабинета", гдѣ Михайловскій, повидимому, читалъ въ постели.—Вы отъ меня не уѣдете никуда. Предупреждаю! Повисну на шеѣ—или со мной, или никуда!.. Баринъ! Отвѣчайте же намъ: хорошо она сдѣлала, что пустила его?

— По моему, превосходно. Образцово поступила Александра Васильевна. Глѣбъ Ивановичъ не ребенокъ, и онъ прекрасно знаетъ цѣну своей женѣ.

— Но я бы дьявольски ревновала... Баринъ, какъ это вы не хотите понять! Француженки... парижанки... Канканъ въ Bal-Mabil... И Глѣбъ Иванычъ на все это смотритъ... Воображаю!—Она звонко расхохоталась.—Онѣ его тамъ начнутъ просвѣщать,—а онъ и пикнуть не смѣетъ! Смотритъ во всѣ глаза да дергаетъ себя за бороду... Воображаю!.. Нѣтъ, баринъ, вы только это представьте себѣ... Картина! (Хохотъ.) Глѣбъ Иванычъ... канканъ... И какая-нибудь Suzon-Louison башмачкомъ ему въ носъ! ...„Qu'est-ce qu'il veut de moi, ce drole-là"... (Хохотъ.)

— Я не боюсь никакихъ парижанокъ,—слышался ровный, невозмутимый голосъ Александры Васильевны.—И мы не для того сошлись съ Глѣбомъ Иванычемъ, чтобы виснуть другъ у друга на шеѣ... Я увѣрена, Глѣбъ Иванычъ вернется такимъ, какъ онъ былъ... Мнѣ просто страшно за его здоровье... И зачѣмъ же ему смотрѣть всѣ эти гадости, когда онъ знаетъ, что это гадко?!.

— Барышня! Вы не спите?—не унималась Марья Евграфовна.—Мы васъ будимъ? не даемъ вамъ заснуть? Спите завтра хоть до обѣда, но теперь подавайте свой голосъ... Что вы думаете? Говорите скорѣе!

Я еще ровно ничего не думала и не до сна мнѣ было съ такимъ обиліемъ новыхъ впечатлѣній, но я должна была что-нибудь отвѣтить, чтобы онѣ знали, что я не сплю и все слышу,—и я сказала, что, по моему, Александра Васильевна очень счастлива, если можетъ быть такъ увѣрена...

— Ну, ужъ счастье, могу сказать!—закипятилась снова М. Е.—

Мужъ полгода въ Парижѣ, а жена—здѣсь одна!.. Страсти ни капли—вотъ въ чемъ вся штука! Это отъ малокровія, Александра Васильевна,—увѣряю васъ. Баринъ, вы слышали, что я говорю? Вы согласны?..

И такъ продолжалось вплоть до разсвѣта.

Я прогостила тогда у Михайловскихъ дня два или три, и всѣ дни походили на этотъ. Было весело, интересно, но и какъ будто слегка дурманно,—благодаря бурной неугомонности Марьи Евграфовны. Все существо этой женщины какъ будто начинено было порохомъ—и отъ малѣйшаго прикосновенія вызывало взрывы—то истерическаго смѣха, то истерическихъ слезъ. Только въ часы, когда работалъ Николай Константиновичъ, она ходила на цыпочкахъ, прикладывая палецъ къ губамъ, или убѣгала вонъ изъ дому,—„чтобы не мѣшать“,—уводя при этомъ съ собой свою свиту—безпрестанно откуда-то приходившихъ и опять исчезавшихъ гостей. И чего только ни выдѣлывала она тогда! То бѣгала взапуски со студентами и колбасницей, то прыгала черезъ скамейки, канавы и изгороди, то ураганомъ носилась по парку, пуская драматическія рулады,—то просто, ни съ того, ни съ сего, кричала „ура!“, „караулъ!“, и была счастлива, какъ ребенокъ, когда на крикъ ея прибѣгалъ, запыхавшись, городовой и съ недоумѣніемъ оглядывался вокругъ на чинно сидѣвшую на скамейкахъ „чистую публику“,—не понимая, въ чемъ дѣло. Погулявъ такъ съ нами однажды, Александра Васильевна отказывалась потомъ подъ разными предлогами: или нужно было написать Глѣбу Иванычу, или—прочесть какую-нибудь статью и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ Николаемъ Константиновичемъ,—и затѣмъ встрѣчала насъ съ снисходительной улыбкой доброй наставницы, какъ неразумныхъ, но милыхъ дѣтей...

Сначала я чутко прислушивалась къ каждому слову Николая Константиновича, боясь пропустить что-нибудь очень важное,—но всѣ разговоры вертѣлись на ихъ личныхъ и редакціонныхъ, журнальныхъ дѣлахъ или на пустякахъ. На общихъ прогулкахъ онъ обыкновенно молчалъ,—вѣроятно, обдумывая свои работы,—или шутилъ съ „колбасницей“ и подтрунивалъ надъ „дамскими туалетами“. Тогда носили платья съ „panier“, и я какъ сейчасъ слышу его насмѣшливый голосъ, какимъ говорилъ онъ женѣ: „Поправьте, пожалуйста, вашу корзинку, Madame,—она у васъ совсѣмъ ни на что непохожа!“... Въ остальное же время,—т. е. за обѣдомъ и чаемъ,—писатель ѣлъ, пилъ, отдыхалъ, рѣшительно какъ всѣ прочіе люди...

Возвращалась я не то что разочарованная, а какъ бы „исцѣленная“ отъ „нелѣпаго бреда“ о „святыняхъ“, „пророкахъ“ и прочее... Даже самой мнѣ казалось тогда смѣшнымъ высокопарное настроеніе, въ какомъ я ѣхала въ Гатчину. Нимбы исчезли. Небожителей не было. Ни святыхъ, ни пророковъ—люди, какъ люди. Добрые, умные, честные и простые. Главное,—

очень простые, доступные всѣмъ, какъ будто всѣ были имъ дѣйствительно *ближніе*... Чего же еще желать?! Я какъ будто сразу „прозрѣла“ и поняла неизбѣжную разницу между „писательствомъ“ и обиходною жизнью. За письменнымъ столомъ, наединѣ съ собою и книгами, писатель и думаетъ, и живетъ для *литературы*, т. е. для всѣхъ. И кто хочетъ знать его чувства и мысли—долженъ читать, что онъ написалъ...

Такъ думалось мнѣ тогда. И только послѣ встрѣчи съ Глѣбомъ Ивановичемъ я узнала, что можно даже однимъ молчаливымъ своимъ присутствіемъ давать ощущеніе живой творческой правды и творческаго огня.

II.

— Ну-съ, Глѣбъ Ивановичъ, наконецъ, пріѣхалъ!—возвѣстилъ мнѣ З—скій. Это было въ самомъ началѣ августа, наканунѣ какого-то праздника, когда мы собирались опять ѣхать въ Гатчину.—Не желаете ли зайти къ нему сегодня со мной? Намъ будетъ какъ разъ по дорогѣ.

— Но какъ же безъ приглашенія? Онъ будетъ недоволенъ. Мы можемъ ему помѣшать... Вообще—страшно...

— Глѣбушки страшно?! Да вы не имѣете никакого понятія, что это за человѣкъ. Онъ—добрѣйшій. Однимъ словомъ—душа. И больше ничего. А помѣшать мы ему не можемъ, потому что зайдемъ на одну минуту. Можетъ быть, и ему понадобится что-нибудь передать Александрѣ Васильевнѣ... Такъ желаете?

Видѣть Глѣба Иваныча мнѣ очень хотѣлось,—я согласилась, и мы пошли на Фонтанку, въ домъ Тарасова. Съ точностью, впрочемъ, не берусь рѣшить, гдѣ это было,—но только не на Гончарной, а гдѣ-то по пути на варшавскій вокзалъ. И по разспросамъ близкихъ лицъ, и по логическимъ догадкамъ заключаю, что это было въ квартирѣ Павловскаго (второго брата Марьи Евгр., артиста, въ то время еще ученика консерваторіи), Въ Гончарной, въ квартирѣ Успенскихъ, вѣроятно, производился ремонтъ, такъ какъ и Александры Вас. тоже не было въ Петербургѣ,—она все еще оставалась въ Гатчинѣ.

Помню, что мы вошли, не стучась, въ комнату, залитую лучами заката. Лучи падали сбоку, въ растворенное окно, и освѣщали съ головы до ногъ стройную и высокую фигуру человѣка, стоявшаго передъ письменнымъ столомъ, спиною къ дверямъ. Онъ набивалъ папиросы и что-то оживленно разсказывалъ господину, сидѣвшему сбоку у стола. Не помню навѣрное, кто сидѣлъ, но, кажется, это былъ тогда Демертъ. Голосъ разсказчика былъ необыкновенно выразительный и пріятный, съ характерными

паузами и то замедленной, то ускоренной рѣчью. Я пропустила впередъ Бобошу, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ этотъ весь освѣщенный лучами заката высокій, стройный человѣкъ въ старенькомъ сѣромъ лѣтнемъ пальто и въ туфляхъ—кажется, на босыхъ ногахъ... Заслышавъ наши шаги, онъ быстро обернулся, вспыхнулъ и стыдливо запахнулся полой съ одной верхней пуговицей,—онъ былъ безъ жилета и галстуха. Густые русые волосы безпорядочными прядями падали ему на широкій лобъ, бѣлый и гладкій, какъ слоновая кость. Я не могла бы съ точностью разсказать, какія были у него черты, какіе губы и носъ, но золотисто-русая борода, ласковая застѣнчивая улыбка, и темные горячіе глаза, и все лицо, молодое и доброе, разгоряченное солнцемъ и не остывшимъ еще волненіемъ любимаго труда, симпатичное и какъ будто *родное* лицо,—все это запомнилось сразу и навсегда.

— Извините, пожалуйста!—торопливо заговорилъ онъ, здороваясь съ нами.—Тутъ у меня полнѣйшій разгромъ. Я вѣдь только-что всталъ... Всю ночь надо было писать—онъ указалъ глазами на разбросанные по столу мелко исписанные листки почтовой бумаги.—Не хотите ли чаю? Вы, я слышалъ, изъ Вильны? Чудесный городъ!.. Я проѣзжалъ... Совершенно какъ за границей... Постройки совсѣмъ такія же...

И не слушая моихъ отказовъ отъ чаю, все придерживая рукою полу пальто, другой—онъ уже наливалъ и подавалъ мнѣ стаканъ, предлагалъ папиросу, рекомендовалъ и дарилъ только-что привезенный имъ новый французскій романъ новаго романиста [1]) и, видимо, не зналъ, что ему со мной дѣлать. Я поспѣшила объяснить, что мы зашли только узнать, не дастъ ли онъ какого-нибудь порученія въ Гатчину.

— Вы ѣдете въ Гатчину? Это чудесно. Я тоже завтра пріѣду. Съ первымъ же поѣздомъ. Непремѣнно. А сегодня—никакъ не могу. Надо еще дописать и доставить въ редакцію. Александра Васильевна знаетъ... Но все-таки лучше я ей сейчасъ напишу. Обождите одну минуту, пожалуйста. Я васъ ничуть не задержу, я сейчасъ... пару словъ...

Онъ стоя писалъ записку, а мнѣ почему-то сдѣлалось вдругъ совершенно легко, точно дома, въ этой неприбранной комнатѣ, съ сапогами на столѣ и диванѣ, съ кипящимъ на окнѣ самоваромъ, съ раскрытыми чемоданами и разбросанными вокругъ вещами...

„Вотъ и пріѣхалъ Глѣбъ Ивановичъ!"—думала я, любовно оглядывая его милую растрепанную голову и нервныя, порывистыя движенія, и мы-

---

[1]) Романъ „Ventre de Paris" Zola, который онъ привезъ для Александры Васильевны, но дарилъ всѣмъ, кого ни увидитъ.—Онъ считалъ этотъ романъ самой жестокой и вѣрной сатирой на буржуазную Францію...

сленно тутъ же опредѣляя его себѣ: „чуткій и трепетный какъ струна"... И руки у него были тоже трепетныя и горячія.

— Ну что, какъ вамъ понравился Глѣбъ Ивановичъ?—спрашивалъ меня З—скій дорогой.

— Прелесть!—откровенно призналась я.—Чувствую, что уже люблю его всей душою! И вотъ странно: какъ будто я давно, давно его знаю!.

Глѣбъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Гатчину, какъ обѣщалъ—съ первымъ поѣздомъ, когда мы всѣ еще спали. Запомнилось на всю жизнь это яркое голубое утро, и тѣнисто разросшійся садикъ на дачѣ у Михайловскихъ, и пышный зеленый малинникъ, полный спѣлыхъ душистыхъ ягодъ, куда я пошла набрать для всѣхъ на дорогу малины. Сейчасъ послѣ завтрака устраивалась „научная экспедиція" въ Пулково, гдѣ вамъ обѣщали показать Венеру, „сверкающую, какъ алмазъ, въ лучахъ солнца"... Глѣбъ Иванычъ стоялъ подлѣ меня и помогалъ мнѣ находить самыя спѣлыя, крупныя ягоды, еще не тронутыя червемъ. Но совѣтовалъ класть ихъ не въ корзину, а прямо въ ротъ.

— Увѣряю васъ, что именно такъ слѣдуетъ всегда поступать. Кто хочетъ—пусть себѣ самъ собираетъ.

И вдругъ, обернувшись ко мнѣ лицомъ, онъ отрывисто вымолвилъ:— Я слышалъ,—вы пишете?

Я даже вздрогнула отъ неожиданности.

— Пробую... Но пока еще все неудачно...

— О чемъ же вы вы пишете... или хотите писать? — спрашивалъ онъ, склонивъ голову немного къ плечу, крутя кончики бороды и сосредоточенно всматриваясь въ мое лицо. И тутъ же подсказалъ мнѣ отвѣтъ на мое взволнованное молчанье:

— Ну да, я понимаю: это всегда очень трудно сказать. Обо всемъ хочется?!—Вы и пишите—о чемъ только хочется.—Только тогда и выходитъ, когда пишешь, о чемъ хочется...

Я слушала это какъ будто сердцемъ, а не ушами—такъ проникалъ его голосъ мнѣ въ душу — и понимала только одно—что рѣшительно у меня нѣтъ и не можетъ быть никакихъ тайнъ отъ этого человѣка, что этому человѣку можно все разсказать и повѣрить, — все онъ пойметъ. И если даже осудитъ—не будетъ ни больно, ни оскорбительно. Будетъ одна только *правда*.

И это чувство къ Глѣбу Ивановичу оставалось у меня неизмѣннымъ всю жизнь, и никакія позднѣйшія событія не въ силахъ были его измѣнить,—даже когда мнѣ казалось, что онъ *не понялъ* и оттого невѣрно судилъ многое, многое...

Онъ былъ въ то утро въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, и помню—

всѣ и мужчины и дамы восхищались „изумительнымъ“ покроемъ его парижскаго пальто и жакета и элегантностью его галстуха изъ настоящаго linot. И всѣ говорили, что у Глѣба Иваныча теперь видъ настоящаго „дэнди“, а совсѣмъ не автора „Разоренія“ и „Нравовъ Растеряевой улицы“.

Марья Евграфовна приколола ему даже розу въ петлицу, увѣряя, что онъ очень похожъ на Альфреда Мюссе. Глѣбъ Ивановичъ конфузливо крутилъ бороду (его любимый жестъ) и, какъ-то забавно складывая губы, изображалъ предъ нами, въ какомъ бы „по настоящему“ видѣ слѣдовало ходить этому неумытому и нечесанному, хотя вполнѣ благородно-голодному разночинцу... Выходило нѣчто подобное тому, что мы видѣли наканунѣ въ домѣ Тарасова на Фонтанкѣ.

Александра Васильевна внезапно молодѣла и хорошѣла, какъ только онъ подходилъ къ ней или издали смотрѣлъ на нее. На блѣдныхъ щекахъ ея выступала тогда нѣжная розоватая краска, а въ глазахъ теплилось что-то мягкое и счастливое, какъ материнская ласка. Они были однихъ почти лѣтъ и одного роста, и, стоя рядомъ подъ деревомъ, оба напоминали не мужа и жену послѣ пяти лѣтъ супружества, а скорѣе влюбленную институтку и влюбленнаго студента на вакаціяхъ,—говорили при постороннихъ другъ другу „вы“, называя по имени-отчеству,—но Бобоша увѣрялъ въ это утро, что онъ „собственными ушами слышалъ, какъ Глѣбъ Иванычъ сейчасъ назвалъ Александру Васильевну Alexandrine“...

Друзья-литераторы называли ихъ „четой изъ *Давида Копперфильда*“.

Въ „экспедицію“, помню, собралось насъ тогда ровно двадцать-восемь человѣкъ, и до Царскаго намъ дали отдѣльный вагонъ третьяго класса. Все устраивалось на артельныхъ началахъ, въ складчину,— всѣ были поэтому нагружены необходимыми припасами, такъ какъ до Пулкова предстояло сдѣлать верстъ семь пѣшкомъ, а въ Пулковѣ можно было достать только воду и самоваръ. По началу все сулило одно только общее благополучіе, но затѣмъ оказалось, что насъ ожидали „однѣ только глупости“—такъ выражался, по крайней мѣрѣ, Демертъ, исподлобья поглядывая на всю „компанію“. Компанія, дѣйствительно, была самая разнообразная и держала себя безъ всякихъ стѣсненій. Шумъ былъ при этомъ такой, что нельзя было разслышать даже, что говорилось рядомъ. И помню, что Михайловскій, желая сдѣлать какое-то предложеніе, долженъ былъ встать на скамейку и палкой постучать въ потолокъ, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Господа!.. Молодая Россія!.. Предлагаю на общеева ше рѣшеніе...— во весь голосъ кричалъ онъ. На минуту все стихло. Выслушали и согласились на все, видимо, ничего не понимая,—и снова подняли общій гамъ.

Кондукторъ открылъ, было, дверь, посмотрѣлъ на насъ, повертѣлъ головой—и безслѣдно исчезъ. Не знаю, что онъ думалъ при этомъ, но на лицѣ у него какъ будто стояло: „Не то сумасшедшіе, не то пьяные,—а еще *господа*!“

Помню также — всѣ очень интересовались молоденькой дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, маленькой, кругленькой и румяной, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами, въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ ученицы на акушерскихъ курсахъ.

— Сестра Нечаева!—шопотомъ называли ее другъ другу.—До сихъ поръ подъ надзоромъ...

Спутникъ ея былъ тоже маленькій, четыреугольный студентъ-ветеринаръ, съ пухлымъ ртомъ, рѣзко-угловатыми движеніями и отрывисто-повелительнымъ голосомъ. Онъ все время командовалъ ею, а она только звонко и весело хохотала.

Кромѣ Нечаевой, невольно обращалъ на себя вниманіе „заграничный“ профессоръ политической экономіи О..., говорившій неимовѣрныя глупости съ самымъ „научнымъ видомъ“... Онъ явился съ молоденькой родственницей, сестрой жены, и съ ними сейчасъ же подружился Бобоша, такъ какъ въ корзинѣ у нихъ обрѣтались бутылка коньяку и фляга экспорту.

Семь верстъ шли пѣшкомъ всѣ, кромѣ Успенскихъ, уѣхавшихъ впередъ въ таратайкѣ, но шли мы эти семь верстъ что-то очень долго.

По дорогѣ не разъ присаживались, развертывались корзины и свертки, раскупоривались бутылки, и поднималась веселая бѣготня по лугамъ. Народъ собрался здоровый и жизнерадостный, еще не извѣдавшій ни громовъ, ни бурь... И какъ сейчасъ помню одну характерную сцену, невольно бросавшуюся въ глаза. На самомъ солнопекѣ, посреди луга съ стогами и копнами, барахтались въ сѣнѣ пухленькая Нечаева и студентъ-ветеринаръ. Она, совсѣмъ еще дѣвочка, въ слегка вздернутомъ спереди платьѣ, уже замѣтно беременная, радостно взвизгивала, когда онъ зарывалъ ее съ ногами и головой, — и они перекатывались другъ черезъ друга, очевидно, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. — И только слышались по временамъ восклицанія: „Ухъ, хорошо“:—„Хорошо? Ну, такъ вотъ вамъ еще!.. А теперь что вы скажете: хорошо?“—„Хорошо!“—радостно звенѣлъ ея серебристый смѣхъ.

— Совсѣмъ какъ маленькія животныя!—съ улыбкой замѣтилъ мой спутникъ, редакторъ-издатель карикатурнаго листка „Маляръ“, А. М. Волковъ.—А вѣдь ее, бѣдняжку, чуть, было, къ каторгѣ не приговорили. Если бы не Урусовъ,—приговорили бы непремѣнно. Онъ защищалъ ее какъ несовершеннолѣтнюю, а она—уже мать!

Въ Пулково, благодаря остановкамъ, попали мы уже часовъ въ

шесть, когда тамъ всѣ инструменты заняты наблюдателями. И никакихъ свѣтилъ намъ, разумѣется, не показали. Помню, какъ всѣ мы почтительно и робко, выступая гуськомъ, подходили къ „Трубѣ“ въ круглой залѣ обсерваторіи, но вмѣсто Венеры—увидѣли только царскосельскій трактъ, усаженный липами, по которому плелись рысцой ломовые... Михайловскій, впрочемъ, сошкольничалъ, увѣряя, что *видитъ*.

— Господа, ну, право, я вижу! Блескъ и игра изумительные!

Марья Евграфовна чуть не плакала отъ огорченія, а водившій насъ астрономъ предлагалъ ей ночевать въ полѣ.

— Теперь вѣдь тепло. Сѣна дадимъ. На разсвѣтѣ можно увидѣть собственными глазами.

Въ утѣшеніе намъ отвели для отдыха цѣлую рощу и прислали сторожа съ самоварами. Среди общаго смѣха и шума „Молодая Россія“ ухитрялась вести даже споръ на принципіальныя темы—передъ лицомъ своего „учителя“. Н. К. Михайловскій лежалъ ничкомъ на травѣ, въ позѣ Зевса на Олимпѣ, положивъ бороду на руки, и внимательно слушалъ. На немъ былъ его обычный тогда костюмъ—прудоновская блуза изъ небѣленнаго холста и ремешокъ вмѣсто пояса. Мы съ В. тоже подсѣли къ ихъ группѣ, въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное изъ устъ „учителя“ и „вождя“. Но кромѣ отрывочныхъ выкриковъ нельзя было ничего разобрать. Всѣ кричали, и никто другъ друга не слушалъ...

— Грамота только тормазъ... Съ грамотой не поднимешь народъ...

— Народу нужно только одно: земля и воля...

— Я стою за народное благо!—старался перекричать обоихъ третій голосъ...

А Михайловскій только слушалъ и насмѣшливо улыбался.

— Лежитъ точно сфинксъ на Университетской набережной! Въ обществѣ онъ всегда молчитъ,—просвѣщалъ меня В—въ,—но это самый умный и талантливый теперь человѣкъ, и его ждетъ блестящая будущность.

Вокругъ насъ между тѣмъ поднималась какая-то всеобщая истерика, которую трудно и разсказать. Все слилось въ одинъ общій гулъ. Смѣхъ и крикъ стояли въ воздухѣ, какъ „ура“ на парадахъ. Марья Евграфовна, съ распущенными волосами, бѣжала съ оглушительнымъ крикомъ, спасаясь отъ коровъ, и звала на помощь Бобошу. Бобоша летѣлъ внизъ головой съ верхушки сосны и призывалъ на помощь профессора... Профессоръ приводилъ въ порядокъ туалетъ своего новаго друга и тоже кричалъ, „научно“ доказывая свое безстрашіе:

— А я *не боюсь* коровъ! Я *хочу* сѣсть верхомъ на корову! Женни, *позволь* мнѣ, пожалуйста, сѣсть верхомъ на корову! *Можно* мнѣ сѣсть верхомъ на корову? *Почему* мнѣ нельзя сѣсть верхомъ на корову?—А

Женни, свояченица, похожая на чопорную англійскую миссъ, строго и терпѣливо отвѣчала ему на каждую его паузу:—Не позволяю!—Нельзя!

И не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не было тутъ Михайловскаго.

— Господа!—внушительно провозгласилъ онъ—призываю къ порядку! Иначе мы очутимся всѣ въ участкѣ за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

И сейчасъ же всѣ безропотно послѣдовали за нимъ обратно на станцію. И только тутъ спохватились:—А гдѣ же Успенскіе? Гдѣ Глѣбъ Ивановичъ? Гдѣ Демертъ?—Никто не замѣтилъ, гдѣ и когда они отстали отъ насъ. Мы съ В—мъ шли позади всѣхъ и только-что выбрались на дорогу, онъ указалъ мнѣ глазами на группу, лежавшую на травѣ въ глубокой сухой канавѣ. Двое людей таинственно перешептывались о чемъ-то между собою. Одинъ по виду былъ просто бродяга, такъ называемый, „зимогоръ", а можетъ быть, и какой-нибудь фабричный рабочій. А рядомъ съ нимъ лежалъ тотъ самый студентъ-ветеринаръ, котораго мы видѣли вмѣстѣ съ Нечаевой. Студентъ что-то внушительно говорилъ и совалъ ему въ руки зеленую трехрублевку. Завидѣвъ насъ, они отскочили другъ отъ друга, и парень въ лохмотьяхъ, торопливо спрятавъ бумажку за пазуху, скорчивъ глупую рожу, гнусаво затянулъ какую-то нелѣпо-удалую пѣсню (я запомнила ее хорошо):

„Душа ваша проситъ наша
„Къ намъ да на фатеру"—

И онъ хлопалъ при этомъ въ тактъ рукою по колѣну въ заплатанныхъ синихъ пестрядинныхъ штанахъ. Потомъ досталъ изъ-за голенища кисетъ съ табакомъ и началъ свертывать себѣ цыгарку.

— Ахъ, жаль, что Глѣба Иваныча съ нами нѣтъ!—сокрушенно вздыхалъ Волковъ.—Какой бы это ему матеріалъ! Вѣдь это, положительно, страница изъ современной литературы!.. *Они* тамъ ратовали за „народное благо", а „народъ" лежалъ въ это время въ канавѣ и, получивъ зелененькую, сосалъ цыгарку да, поплевывая, внималъ „пропагандѣ"... „народника", „бакунинца"... кого угодно! И никакого другого „блага" этотъ народъ себѣ не желаетъ... Напрасно они самообманываются.—И куда это онъ, въ самомъ дѣлѣ, пропалъ?—опять начиналъ онъ о Глѣбѣ Ивановичѣ:—пошелъ, говорятъ, съ Демертомъ искать рессорную пролетку для Александры Васильевны, а нашелъ, вѣроятно... Съ Демертомъ вѣдь только одно и можно найти: полштофъ въ кабакѣ!

На вокзалѣ насъ ждала новая „страница". Марья Е. бѣгала взадъ и впередъ по платформѣ, перебраниваясь съ Бобошей. Бобоша говорилъ

ей дерзости, она истерически всхлипывала... Михайловскій бѣгалъ за ними, размахивая руками, и что-то гнѣвно кричалъ, но его не слушали...

— Трудно ему съ ней,—говорилъ В—въ.—Хорошій она человѣкъ, добрая, умная, образованная, но совсѣмъ больная. Всѣ прогулки у нихъ такъ кончаются.

Наконецъ, нашлись и Успенскіе.

У дверей передъ кассой стояла блѣдная и взволнованная Александра Васильевна. Глѣбъ Иванычъ, съ лихорадочными пятнами на щекахъ и судорожно сдвинутыми бровями, стоялъ передъ ней—не то оправдываясь, не то успокаивая ее.

— Уѣдемте, пожалуйста, поскорѣе отсюда!—напряженной скороговоркой прошепталъ онъ, когда мы къ нимъ подошли. И онъ подходилъ ко всѣмъ съ тѣмъ же увѣщаніемъ:—Нечего тутъ смотрѣть, господа! Разъѣдемтесь поскорѣе!

Уѣхать было нельзя, — поѣздовъ еще не было. Но всѣ смущенно отходили подальше, на другой конецъ платформы, гдѣ Демертъ, смѣясь своимъ заразительнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, журилъ и просвѣщалъ въ свою очередь моего просвѣтителя, В—ва, за послѣднія карикатуры въ „Малярѣ":

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—Ей Богу, ничего не поймешь! И совсѣмъ это даже не карикатура, а чортъ знаетъ что! Ей Богу, чортъ знаетъ что!

И В—въ простодушно каялся, что дѣйствительно неудачно:

— Сознаюсь, не вышло того, что хотѣлъ...

— Не вышло, голубчикъ, совсѣмъ не вышло. Карикатура—это вѣдь жало. Такъ надо, чтобъ оно жалило. А тутъ—ничего! Глупо—и больше ничего.

Поѣздъ въ Петербургъ, наконецъ, пришелъ. Глѣбъ Ив. посадилъ насъ съ Алекс. Вас. во второмъ, а самъ ушелъ въ третій, гдѣ собралось нѣсколько знакомыхъ ему людей, но на всѣхъ полустанкахъ онъ приходилъ узнавать, какъ себя чувствуетъ Александра В., и хорошо ли намъ тутъ сидѣть. Ал. В. тутъ же пересказывала ему все, что я успѣла ей сообщить изъ впечатлѣній этого дня, и я съ удивленіемъ слушала, какъ все у нея выходило гладко, литературно и мало похоже на то, что я думала и переживала сама. Всѣ слова мои *перерабатывались* ею, какъ „матеріалъ" для сужденія Глѣбу Ивановичу.

— Что же тутъ такого особеннаго, что бы стоило *наблюдать*?—ни къ кому не обращаясь, проговорилъ онъ съ улыбкой. — И какая же это *молодая Россія*? Какъ она тутъ попала?.. Все это—такъ, сущій вздоръ... А вотъ Нечаеву дѣйствительно жалко. Хоть бы ее пристроить

куда?—озабоченно прибавилъ онъ, уходя отъ насъ, и вернулся потомъ съ самыми точными свѣдѣніями о Нечаевой и о томъ, что знакомый присяжный повѣренный С., ѣхавшій въ этомъ же поѣздѣ, обѣщалъ ему „непремѣнно устроить Нечаеву“...

Я смотрѣла тогда на его повеселѣвшіе глаза, и мнѣ становилось понятнымъ, почему онъ ушелъ изъ нашей „развеселой компаніи“. Невольно вспомнилась Некрасовская молитва: „Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ... Уведи!“... Да, именно такъ долженъ былъ чувствовать себя, уходя отъ насъ, этотъ чуткій, сосредоточенный въ себѣ человѣкъ,—и не отъ водки горѣло тогда лихорадочными пятнами его выразительное лицо...

Дорогой тогда же Александра В—на слегка поисповѣдывала меня насчетъ моихъ „гражданскихъ чувствъ“ и житейскихъ обстоятельствъ, и узнавъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ послѣдовала примѣру героини „Разоренія“—ушла изъ дому въ поискахъ „новой жизни“ „за свой страхъ и собственными средствами“,—сейчасъ же обезпокоилась за меня.

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы жить одной. Переѣзжайте поближе къ намъ—въ Гончарную. Въ нашемъ домѣ, кажется, отдается комната—у нѣмки, гдѣ живетъ Демертъ. Я разузнаю и сообщу вамъ. Приходите къ намъ завтра вечеромъ.

III.

Комната оказалась удобной для меня во всѣхъ отношеніяхъ, и дня черезъ два я переѣхала въ домъ Воронина (теперь Дрябина,—уголъ Полтавской,—такъ называемыя, бывало, у насъ „Дрябинскія трущобы“). И въ первый же вечеръ, какъ только я переѣхала, Александра Васильевна пришла за мной и увела къ нимъ—„справлять общее новоселье“. Она ходила теперь въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, спокойная и счастливая, скорѣе похожая на невѣсту, чѣмъ на жену.

Когда я вошла, Глѣбъ Иванычъ опять стоялъ у письменнаго стола и читалъ вслухъ письмо Рѣшетникова къ какому-то знакомому или родственнику (это былъ *матеріалъ* для его будущей статьи), и я какъ сейчасъ вижу его лицо и слышу его голосъ, какимъ онъ читалъ это: „...Сдѣлайте божескую милость, пришлите съ подателемъ сего три копѣйки, а ежели можно, то семь. Клянусь честью—отдамъ при первой возможности. Теперь же надобно тятенькѣ купить соленыхъ огурцовъ и выпить имъ надо разсолу, такъ какъ они теперича вторыя сутки никакъ очухаться не могутъ“... Это читалъ онъ, когда я вошла, и особенно что запомнилось въ его голосѣ—улыбка, сливающаяся съ ядовитою горечью. Онъ подчеркивалъ *что-то*, врѣзанное ему въ самое сердце, и это *что-то* трепетало

въ лицѣ его знакомымъ ему, былымъ, давно пережитымъ, но все еще живымъ воспоминаніемъ... Онъ вспоминалъ и какъ бы приглашалъ всѣхъ насъ пережить вмѣстѣ съ нимъ и съ Рѣшетниковымъ это жестокое и мучительное воспоминаніе...

Кажется, въ тотъ же вечеръ, позднѣе, кому-то пришло въ голову прокатиться на Острова въ ландо. Поѣхали мы впятеромъ. На Невскомъ, у табачнаго магазина, Гл. И. вышелъ, чтобы купить папиросъ, что-то долго покупалъ и вернулся весь красный, смущенный и улыбающійся.

— Вотъ такъ штука со мной случилась!—заговорилъ онъ, садясь. —Только вошелъ—Звонаревъ [1]) за мной слѣдомъ, кричитъ, буквально, на всю лавку: „Глѣбъ Ивановичъ! Знаменитый писатель!" Потомъ присталъ вдругъ при всѣхъ: „Продайте мнѣ изданіе вашихъ сочиненій! Я вамъ сейчасъ пять тысячъ на столъ!"

— Ну, и что же вы ему на это? — спросилъ Демертъ.—Показали фигу, конечно? Долговъ по векселямъ не платитъ, а изданія покупаетъ!

— Что вы чушь порете, говорю: какія такія у меня сочиненія... Я ровно ничего еще не написалъ... „Нечего, нечего! — говоритъ: знаемъ мы сами, что вы написали"...

— Пронюхалъ, небось, каналья, что барышами пахнетъ!—язвительно вставилъ Демертъ. А сидѣвшій съ нимъ рядомъ Бобоша пришелъ въ такой азартъ, что завопилъ на всю улицу:—Ура-а! Глѣбъ Успенскій, ура-а! Публика Невскаго проспекта! Взирай на восходящее свѣтило! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! — какъ уличный мальчишка затвердилъ онъ, подплясывая на скамейкѣ.

Глѣбъ Ивановичъ вспыхнулъ и, судорожно вздрогнувъ отъ сдержаннаго гнѣва, быстро проговорилъ:

— Перестаньте, Бобоша! Что я вамъ за игрушка дался? Ведите себя поприличнѣе—или я выйду!

Бобоша притихъ какъ убитый. А Глѣбъ Иванычъ, видимо, долго не могъ успокоиться и всю дорогу курилъ и молчалъ.

Квартира Успенскихъ была—какъ наша, у нѣмки,—въ три комнаты: изъ мебели было только самое необходимое.

Когда собиралось много народу, брали столы и стулья отъ меня и отъ Демерта. Окна моей комнаты выходили прямо въ окна ихъ „гостиной" (служившей и столовой, и кабинетомъ, когда въ ней работалъ Глѣбъ Ивановичъ). Мы часто перекликались и разговаривали знаками изъ окна въ окно. Отъ Демерта меня отдѣляла комната какого-то архитектора, котораго никто изъ насъ никогда не видалъ, и общая передняя—на замкѣ. У-

[1]) Издатель и книготорговецъ, бывшій тогда наканунѣ банкротства.

каждаго изъ жильцовъ былъ свой ключъ отъ дверей, такъ какъ хозяйка съ прислугой помѣщались по другую сторону коридора, огибавшаго весь четвертый этажъ. Такое „self-help“ очень мнѣ нравилось,—безпокоило только по временамъ близкое сосѣдство Демерта, котораго я, признаться, немного побаивалась,—особенно, когда онъ, поздно возвращаясь домой, долго не могъ найти замочную скважину и трагически мычалъ и стоналъ отъ своей безпомощности. Александра Васильевна убѣждала меня, что онъ вовсе не страшенъ, хотя *непріятенъ*, когда *заболѣетъ*.

— Но вы тогда, самое лучшее, не выходите, или приходите къ намъ.

Совѣты эти были для меня невыполнимы, такъ какъ по роду моихъ занятій мнѣ приходилось возвращаться домой въ разное время дня и ночи. Сначала, впрочемъ, все шло благополучно. Демертъ хотя и „заболѣвалъ“ довольно-таки часто, но дичился и прятался отъ меня, запираясь у себя въ комнатѣ. А затѣмъ вскорѣ произошла и неизбѣжная встрѣча.

Какая-то барышня въ томъ же домѣ по цѣлымъ часамъ разучивала арію Вани изъ „Жизни за Царя“: „Бѣдный конь въ полѣ палъ... я едва добѣжалъ... Ото-прите!“ И вотъ однажды, — въ августѣ, когда всѣ окна стояли настежь,—Демертъ не выдержалъ, подошелъ къ окну и тоже запѣлъ—своимъ трагическимъ басомъ: „Отоприте!.. Отоприте!..“ Но такъ какъ на барышню это не подѣйствовало, и она продолжала пронзительнымъ голосомъ „тянуть изъ насъ душу“, — Демертъ высунулся по поясъ изъ окна и закричалъ на весь дворъ:—Да отоприте же вы, наконецъ! Выпустите вы ее! Что же это она какъ собака голодная воетъ!.. Душу всю вытянула!.. Отопри-и-те! Отоприте!

Успенскихъ въ тотъ день не было дома, но въ окнахъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ этажей появились любопытныя, смѣющіяся лица... Поднялся общій хохотъ и общій крикъ... Внизу, на дворѣ, лаетъ стая собакъ... Толпа мальчишекъ, указывая пальцами вверхъ, на растрепанную голову „веселаго барина“, звонкими дѣтскими голосами, съ хохотомъ тоже визжитъ „Отопри-и-те!“ Собаки начинаютъ выть... Дворники бѣгаютъ за ними съ метлой, и, наконецъ, на дворѣ выростаетъ грозно-внушительная фигура городового... Но это появленіе городового чуть-чуть не вызвало настоящую катастрофу... Изъ окна Демерта я видѣла только грозные кулаки его, мелькнувшіе въ воздухѣ, и слышала дикій крикъ: „Канальи!.. Убью!“... А изъ оконъ сосѣди въ это время махали руками и въ испугѣ кричали: „держите, Держите его!.. Онъ сейчасъ упадетъ“...

Дворники стремглавъ понеслись наверхъ, въ комнату Демерта, а ко мнѣ влетѣла перепуганная хозяйка и почти насильно потащила съ собою— „спасать *вумнаго*, хорошаго, сумасшедшаго совсѣмъ господина“.

Въ комнатѣ Демерта мы застали такую картину: дворники за ноги тянутъ его съ подоконника, голова его виситъ въ воздухѣ, кухарка изъ ковша льетъ ему воду на голову, а онъ, неистово отбиваясь руками и ногами, кричитъ нечеловѣческимъ голосомъ: „Мазурики! Канальи! Убью!“

— Aber schämen Sie doch, Николай Александровичъ!—уговаривала его хозяйка, когда его, наконецъ, удалось втянуть въ комнату.—Посмотрите, пожалуйста, какъ вы сосѣдку, молоденькую барышню, совсѣмъ напугали!..

— Барышню? Напугалъ?—бормоталъ онъ точно во снѣ, и, взглянувъ на меня исподлобья, опустился на подставленный ему стулъ и залился простодушнѣйшимъ дѣтскимъ смѣхомъ... Чудакъ!

Эта исторія повела къ тому, что меня начали звать всякій разъ, когда Демерту приходила фантазія „буйствовать“... И въ концѣ концовъ мы познакомились съ нимъ настолько, что онъ сталъ заходить ко мнѣ въ комнату, приносить мнѣ газеты и книги и, между прочимъ, далъ прочесть свою замѣчательную,—„сожженную рукой палача“,—книгу „*Воля*“, единственный экземпляръ которой сохранялся у него, какъ у автора. Это было очень талантливо и горячо написанное повѣствованіе о первыхъ дняхъ манифеста 1861 г. по непосредственнымъ наблюденіямъ очевидца. Нѣчто подобное—по силѣ языка и мысли—можно найти только у Герцена.

Моему окончательному вступленію въ эту литературную семью помогъ еще одинъ довольно забавный эпизодъ. Однажды, уже въ концѣ сентября, въ часы обѣда, когда я одна была дома, въ передней раздался звонокъ. Изъ сосѣдей никто не выходилъ, и я вышла открыть дверь, ожидая встрѣтить почтальона. Но вмѣсто почтальона стоялъ какой то почтенный господинъ, плечистый, средняго роста, съ сѣдыми волосами до плечъ, съ крупными чертами лица, въ золотомъ пенснэ и очень изящно одѣтый, въ темносѣромъ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ. Онъ спрашивалъ, дома ли Демертъ? Я указала ему на дверь,—но Демерта не было, и господинъ попросилъ позволенія написать ему нѣсколько строкъ, такъ какъ онъ только-что пріѣхалъ, и ему нужно видѣться съ Д-томъ по неотложному дѣлу.

Такихъ пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Россіи къ Д-ту ходило много, и мнѣ не впервые приходилось вступать съ ними въ объясненія. Этого господина я тоже приняла за такого пріѣзжаго изъ провинціи, и именно за одного казанскаго помѣщика, товарища Д-та по университету, о которомъ онъ мнѣ разсказывалъ. Я пригласила его войти, и онъ присѣлъ къ столу, на которомъ лежали конверты, перо и бумага. И какъ теперь помню, онъ писалъ, а я вставляла свѣчи въ подсвѣчники на консолѣ у зеркала.

Написавъ записку, господинъ попросилъ позволенія закурить папиросу, благодушно оглядывая при этомъ вокругъ мою комнату. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ—по поводу нашей общей квартиры, и мы какъ-то невольно разговорились, т. е., вѣрнѣе, я разсказывала откровенно и съ увлеченіемъ о петербургскихъ похожденіяхъ и о жизни въ кругу литераторовъ,—а онъ слушалъ меня съ тою же благодушной улыбкой.

— Значитъ, у васъ здѣсь что-то въ родѣ литературной коммуны? Вы, очевидно, знаете теперь всѣхъ сотрудниковъ „От. Записокъ"?

— Ну нѣтъ, говорю, далеко не всѣхъ. Самыхъ главныхъ—„столповъ"—до сихъ поръ не удостоилась даже видѣть... А очень бы хотѣлось, хоть бы однимъ глазкомъ, на нихъ поглядѣть.

— Т. е., это вы говорите про Некрасова и Салтыкова? Такъ вѣдь они оба больные и рѣдко бываютъ даже въ редакціи.

— А Елисеевъ? Елисеевъ вѣдь не больной, но попасть къ нему въ домъ невозможно. У него пріемы по самому строгому цензу — только люди въ чинахъ, съ отмѣнными аттестатами. А у меня ни чиновъ, ни аттестатовъ, да вдобавокъ еще это клеймо..

Онъ поднялъ брови.—Какое клеймо?

— А какъ же! Я работаю въ „Гражданинѣ", а это вѣдь тоже „печать отверженія"...

Я смѣялась и надъ собой, и надъ „столпами". Онъ тоже смѣялся и въ заключеніе, прощаясь и прося передать записку его Демерту, поблагодарилъ меня „за пріятно проведенное время" и выразилъ надежду, что мы не разъ еще увидимся.

— А вы еще долго здѣсь пробудете, извините, не знаю вашего имени-отчества и фамиліи?

— Да всю зиму, я полагаю. Я вѣдь только-что изъ Парижа.

Мнѣ послышалось, онъ назвалъ себя при этомъ *Исѣевъ*, и я окончательно утвердилась въ мнѣніи, что это—именно казанскій знакомый Николая Ал—ча. Записку я тутъ же передала хозяйкѣ, чтобы она положила ему на столъ. А на другой день вечеромъ ко мнѣ зашелъ Демертъ и въ присутствіи сидѣвшаго тогда у меня Минаева сказалъ мнѣ, буквально, слѣдующее:

— Вамъ кланяется Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать, что вы теперь у него въ долгу: визитъ за вами.

Я ровно ничего не понимала! А Демертъ, смѣясь, разсказывалъ тутъ же Минаеву, что я—точь въ точь „Капитанская дочка" у Пушкина—„приняла Екатерину Великую за барскую барыню и выложила все дѣло на чистоту"...

— Въ будущій понедѣльникъ Елисеевы ждутъ васъ къ себѣ. И ужъ

какъ себѣ хотите—надо итти. Васъ теперь всѣ у насъ называютъ „Fille du régiment",—дочь полка, а меня въ „крестные" вамъ пожаловали.

И такимъ образомъ одно изъ самыхъ задушевныхъ моихъ желаній исполнилось какъ-то само собою: я жила въ литературномъ кругу, питалась исключительно литературными интересами, или, правильнѣе говоря,—интересами того „кружка", который занимался и жилъ современной журнальной литературою. (Въ этомъ, какъ я убѣдилась потомъ, была огромная разница!)

Съ Успенскими я видалась почти ежедневно, иногда и по нѣскольку разъ въ одинъ день: то я къ нимъ зайду, то отъ нихъ кто-нибудь ко мнѣ (всѣ знакомые почти были общіе) зайдетъ съ приглашеніемъ. Безъ приглашенія я никогда не ходила,—изъ боязни помѣшать работѣ Глѣба Иваныча. Но не проходило, кажется, дня, чтобы кто-нибудь не зашелъ и къ Демерту, и ко мнѣ. То Минаевъ придетъ „въ ударѣ"—говоритъ экспромтами. То Демертъ что-нибудь интересное разсказываетъ. То возвратили Гл. Ив. неразрѣшенную цензурой статью, и онъ собирался прочесть ее вслухъ. То Бобоша досталъ что-нибудь „нецензурное"... То крикнутъ въ окно: „Прислали красное вино изъ Парижа... Цѣлую бочку! Приходите пробовать!"... Иногда и самъ Глѣбъ Ивановичъ застѣнчиво, бывало, подойдетъ къ дверямъ и спроситъ нервной скороговоркой:—Не желаете ли съ нами на выставку? Пришелъ Николай Степановичъ (Курочкинъ). Выставка, говоритъ, интересная. Онъ знатокъ—и все намъ покажетъ.

Въ первый разъ Глѣбъ Ивановичъ, помню, зашелъ ко мнѣ, чтобы взглянуть на мой альбомъ съ фотографіями Дрезденской галлереи и Лувра. Ему сказали, что у меня есть снимокъ съ Венеры Милосской,—и ему хотѣлось провѣрить свои парижскія впечатлѣнія. Но, увидавъ фотографію, онъ не хотѣлъ даже вѣрить, что это—*„она, та самая"*.

— Помилуйте!—съ волненіемъ говорилъ онъ: — тамъ это что-то просто уму непостижимое... Туда вѣдь молиться на нее ходятъ... Тамъ это дѣйствительно *богиня*... Можетъ быть, оттого, что тамъ это въ мраморѣ... и стоитъ она одна, въ отдаленіи... Но какъ есть живая... во весь человѣческій ростъ! Однимъ словомъ, не знаю отчего, но только это—совсѣмъ *не то!*—И онъ захлопнулъ альбомъ, не пожелавъ даже посмотрѣть другіе, болѣе удачные снимки.

У меня сохранилась отъ того времени такая записка Глѣба Иваныча:

„В. В.! Не хотите ли привить оспу [1])? Ничуть не больно. Если хотите, приходите теперь же. У насъ докторъ. „Г. У."

---

[1]) Тогда была эпидемія.

И, разумѣется, я шла всегда, когда меня звали: пришивала вмѣстѣ съ ними осну, пробовала красное вино, слушала Минаевскіе экспромты и смотрѣла картины... Мнѣ казалось тогда, что жизнь бьетъ ключомъ,— иногда черезъ край,—а они, писатели, жаловались тогда на тяготу, скуку, на „отсутствіе всякой жизни"... И чтобы разжечь въ себѣ хоть искру этой „жизни", имъ нужно было безпрестанно ходить другъ къ другу и взаимно заражаться общественно-политическимъ недовольствомъ... Тогда начинались у нихъ разговоры и споры, тогда возникалъ матеріалъ для „очерковъ", для статей и стихотвореній. Было ли это хорошо или дурно— судить не берусь, но оживленіе взаимной электризаціи наступало только когда собирались главные изъ сотрудниковъ. Михайловскій бывалъ рѣже другихъ, хотя и Глѣбъ Иванычъ, и Александра Васильевна дорожили особенно обществомъ Михайловскаго. Алекс. Вас. любила его больше всѣхъ.

— Онъ умница, онъ работаетъ,—говорила она.

Минаевъ, Демертъ, Максимовъ, Бобоша и прочіе многіе не понимали продолжительныхъ бесѣдъ безъ водки. Михайловскій пилъ только красное вино, да и то не всегда. Тѣ, напиваясь, кричали, выходили *изъ береговъ*. Михайловскій всегда былъ точно обведенъ вокругъ чертою,—точно въ рамкѣ. И Александра Васильевна знала заранѣе, что если Глѣбъ Иванычъ ушелъ къ Михайловскому,—значитъ, онъ скоро начнетъ работать.

Трудно представить двѣ болѣе противоположныя натуры, какъ эти два „друга"—Успенскій и Михайловскій. Это были какъ бы два полюса одной и той же силы. Оттого, можетъ быть, они и тяготѣли всегда другъ къ другу. Не подражая и ничего не заимствуя, они составляли вмѣстѣ что-то въ родѣ той самой *двояко-вогнутой призмы*, о которой говоритъ Михайловскій въ своей теоріи прогресса. Одинъ изображалъ искаженную, ненормальную жизнь искалѣченныхъ общимъ строемъ людей, другой—отвлеченіе или теорію желанныхъ „нормъ" этой жизни. Они черпали другъ у друга не мысли, а то, что *вызывало на мысль*, самый позывъ къ размышленію,—и выводы этихъ размышленій почти всегда совпадали.

Присутствуя часто при разговорахъ писателей, я мысленно сравнивала иногда характеры каждаго. Въ спорахъ характеръ сказывается ярче всего. Михайловскій никогда *не излагалъ* своихъ мыслей и никогда не доказывалъ ихъ. Его обычный пріемъ былъ тогда—наводить другихъ на доказательства, заставляя выбалтываться или сбиваться въ противорѣчіяхъ— и потомъ вдругъ окатить, точно холодной водой, однимъ коротенькимъ замѣчаніемъ: „Почему же? Я этого не понимаю". И онъ, бывало, молча ожидаетъ отвѣта, а въ глазахъ и на лицѣ мелькаетъ и нескрываемое торжество, и безпощадная насмѣшка. Такъ что порой становилось невольно и жутко, и стыдно и за того, кто спрашиваетъ такъ, и за того, кто ему

отвѣчаетъ... Мнѣ не случалось замѣчать, чтобы Михайловскій поправилъ когда-нибудь невольную ошибку неумѣлаго спорщика, облегчилъ смущенную застѣнчивость, смягчилъ остроту самолюбиваго раздраженія. Скорѣе напротивъ—вызывалъ ихъ и какъ бы тѣшился чужимъ раздраженіемъ, дававшимъ ему яркое ощущеніе собственнаго превосходства. И только разъ мнѣ довелось услышать искренно-теплые звуки его голоса, когда онъ, разойдясь въ ту же зиму съ своей женой,—обѣдалъ, вмѣстѣ со мной, у Успенскихъ. Это было годъ спустя, въ день его именинъ, и такъ какъ у него уже не было дома хозяйства, Александра Васильевна пригласила его „на пирогъ". Въ сумерки, помню, всѣ мы сидѣли вокругъ стола съ послѣобѣденнымъ самоваромъ, и всѣ жаловались, что жизнь слагается не такъ, какъ бы хотѣлось.

— Не знаю, какъ другіе,—задумчиво говорилъ Николай Константиновичъ,—но для себя я бы хотѣлъ только одного: клочокъ земли и какъ можно побольше книжекъ. И я надѣюсь современемъ устроиться именно такъ, à la Цинциннатъ: куплю себѣ десятину, выстрою избу и буду копаться въ огородѣ, да читать разныхъ Спенсеровъ, Дарвиновъ и Гексли—въ оригиналѣ...

— Неужели больше ничего не хотите?—спрашивала Александра Васильевна.—Вы еще молоды, соскучитесь одинъ...

— Такъ чувствую теперь, Александра Васильевна. А за будущее никто поручиться не можетъ.

Разговоровъ или споровъ, въ которыхъ участвовалъ бы Глѣбъ Ивановичъ, я совсѣмъ не помню. Мнѣ онъ запомнился въ одномъ положеніи: сидитъ или стоитъ гдѣ-нибудь въ углу въ тѣни, слушаетъ и думаетъ про себя... И по лицу его всегда угадаешь, бывало, когда говорятъ правду, когда—что-нибудь *вовсе ненастоящее*... Когда на вискахъ появится скорбная складка, и нервно вздрагиваютъ губы, и глаза строго впиваются въ говорящаго, и брови сжаты вплотную, точно держатъ тамъ свою крѣпкую думу—это значитъ—онъ несогласенъ и мысленно разрушаетъ хотя бы самыя краснорѣчивыя и хитроумныя построенія... А если глаза его тихо свѣтятся, и улыбаются губы, и нѣтъ складки на лбу—значитъ *правда*, и ему хорошо, слушая эту правду...

Глѣбъ Иванычъ для многихъ—и въ томъ числѣ для меня—игралъ тогда роль „эрдени" въ старинныхъ сказкахъ Востока—существа, приносящаго счастье всѣмъ, кто съ нимъ встрѣтится или залучитъ его къ себѣ въ домъ. Увидишь, бывало, его на улицѣ, обмѣняешься однимъ взглядомъ, поклономъ, а въ душѣ—впечатлѣніе чего-то хорошаго, добраго, чистаго, радостнаго... То же самое и въ толпѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Тайной невѣдомыхъ еще силъ природы у каждой души есть своя лучистая атмо-

сфера. И все, что вносятъ собою эти лучи въ мiровое теченiе жизни, никогда не остается безслѣднымъ. Часто думала я и тогда и потомъ—*въ чемъ* собственно заключалась эта тайна его обаянiя? Отчего воспоминанiе о немъ вызываетъ сейчасъ же представленiе кипучей живительной дѣятельности и сердца, и ума? Даже самые дома, гдѣ онъ жилъ, обвѣяны для меня какъ будто токами магнетической силы. И я не знаю другого отвѣта, какъ это сравненiе съ магнетическимъ токомъ его привлекательной личности. Все невѣдомое и еще неосуществленное, но уже *данное* душѣ его, уже существующее въ ней, какъ зерна *будущихъ* цвѣтенiй — весь этотъ сонмъ прочувствованныхъ образовъ и выстраданныхъ чувствъ, и сердцемъ выношенныхъ, до тла перегорѣвшихъ воспоминанiй, — всѣ его повѣсти, очерки и разсказы, написанные и ненаписанные, но уже мелькавшiе въ его головѣ, все это было неразрывно съ нимъ вмѣстѣ всегда, его душа и его бiографiя, и его всѣмъ намъ милое имя: *Глѣбъ Успенскiй*!..

Въ обстановкѣ и въ обращенiи Михайловскаго была простота *по теорiи*, по извѣстной строго опредѣленной программѣ,—у Глѣба Успенскаго простота была въ сердцѣ. Мнѣ кажется, онъ *физически* не выносилъ ничего показного, ничего прiукрашеннаго ни въ литературѣ, ни въ жизни. Вкусы его были строгiе и простые, впослѣдствiи, можетъ быть, даже аскетическiе. И даже красоту Тургеневскаго слога онъ называлъ брезгливо „фокусами сороковыхъ годовъ“.

Михайловскiй работалъ методически-правильно, изо дня въ день, заботился о гигiенѣ, занимался гимнастикой, столярничалъ или вырѣзывалъ что-то на ручномъ станкѣ. У Михайловскаго—въ ихъ крошечной квартиркѣ въ двѣ узкихъ, длинныхъ комнаты на Офицерской въ домѣ Виноградовой—все-таки былъ *кабинетъ*, настоящiй письменный столъ съ настоящими письменными принадлежностями, была библiотека...

У Глѣба Иваныча я не помню ничего подобнаго. Вмѣсто чернильницы—просто пузырекъ съ ализариновыми чернилами, простая деревянная ручка съ перомъ и пачка почтовой бумаги въ осьмушку. Писалъ онъ всегда прямо набѣло и совсѣмъ безъ помарокъ. Все вынашивалось въ головѣ,—съ помощью записной книжки вмѣсто библiотеки,—и заносилось на бумагу, какъ острiемъ гравера на камень. (И все время, пока онъ писалъ, гдѣ-нибудь подлѣ обязательно кипѣлъ самоваръ, хотя налитые стаканы оставались невыпитыми). Самый почеркъ его въ эти годы напряженнаго писательства напоминаетъ именно гравюру-офортъ. Что-то острое, сжатое и простое, какъ шпицъ готическаго *Dom*'а, и съ такими же характерно-опредѣленными очертанiями—къ *одной идеѣ* направленнаго глубокаго замысла. Ничего лишняго и все живетъ и заставляетъ задумываться, все тянетъ, увлекаетъ—вверхъ, туда, гдѣ одно единое на потребу“... Какой-то стрѣльчатый почеркъ, какъ бываетъ стрѣль-

чатая архитектура.—Напряженная внутренняя работа никогда въ немъ не прерывалась,—*мысленно* онъ писалъ, можно сказать, постоянно, но къ столу присаживался, когда все было готово внутри, и когда никто и ничто ему не мѣшали. Двери тогда закрывались для всѣхъ, и на стражѣ у этихъ дверей была Александра Васильевна. Посѣтители тогда мѣняли квартиру, собираясь у Демерта или Михайловскаго. Иногда и сама Александра Васильевна приходила ко мнѣ на цѣлый вечеръ съ книгой и „Тунькой“ [1]), и мы читали или разсказывали другъ другу свою жизнь. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я узнала подробную исторію ея знакомства и сближенія съ Глѣбомъ Иванычемъ.

Она была изъ богатой семьи фабриканта Бараева (Глѣбъ Иванычъ звалъ ее часто *Бяшечка*), рано осталась сиротой, съ мачихой и чахоточнымъ братомъ. Воспитывалась она въ Маріинскомъ институтѣ, когда тамъ былъ Вл. Як. Стоюнинъ; она была его ученицей [2]), любила серіозное чтеніе, мечтала,—„какъ всѣ мы тогда“,—о пользѣ „для человѣчества“, но ѣздила съ мачихой въ театръ, на вечера и балы, читала Шелгунова и Писарева, искала себѣ „дѣла“ и танцовала ночи напролетъ съ офицерами въ клубѣ... Братъ ея вскорѣ умеръ, она совсѣмъ осталась одна и начинала потихоньку отъ мачихи готовиться въ народныя учительницы. И вотъ, лѣтомъ, когда они жили на дачѣ въ Стрѣльнѣ, рядомъ съ ними на томъ же дворѣ поселилось нѣсколько литераторовъ. Это были Н. С. Курочкинъ, Демертъ, Кущевскій и затѣмъ Глѣбъ Успенскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Николаемъ.

— Сначала мы только молча встрѣчались на дворѣ и въ саду,— разсказывала мнѣ Александра Васильевна.—Глѣбъ Иванычъ былъ тогда совсѣмъ еще юноша и всегда ходилъ съ книжкой. Сначала онъ все отъ меня убѣгалъ,—дикій былъ онъ ужасно. А мой сводный братъ, мачихи сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти, все бѣгалъ къ нему, носилъ ему отъ насъ разныя книжки. У нашего знакомаго—Коли Долганова—была библіотека, и Глѣбъ Иванычъ все просилъ „что-нибудь почитать“. Я посылала ему книги съ выборомъ—за одну, Щапова, онъ меня поблагодарилъ, и мы начали разговаривать. Потомъ Глѣбъ Иванычъ сталъ къ намъ ходить. Я привыкла всегда съ кѣмъ-нибудь няньчиться. Сначала мой братъ... Я только имъ и

---

[1]) Объ этой Тунькѣ Г. И. вспоминаетъ въ одномъ письмѣ изъ Парижа. Это была маленькая, шарообразная, лохматая собачонка, которую онъ подобралъ гдѣ-то на улицѣ съ переломленной ногой и цѣлый мѣсяцъ лечилъ потомъ холодными компрессами—и вылечилъ.

[2]) Въ годъ его юбилея было помѣщено ея воспоминаніе о немъ въ „Сынѣ Отечества“.

жила тогда... и все Богу молилась—чтобы Богъ его спасъ. Но онъ умеръ, и я съ тѣхъ поръ перестала молиться. Если бы Богъ существовалъ, онъ долженъ былъ исполнить мою молитву,—у меня только и былъ одинъ, дорогой, близкій мнѣ человѣкъ,—я хотѣла жить для него,—зачѣмъ же онъ допустилъ, что братъ умеръ! Я не знаю,—можетъ быть, я невѣрно сужу, но съ тѣхъ поръ Богъ для меня не существуетъ. Человѣкъ совершенно одинъ на землѣ. И люди всѣ—такіе несчастные! Люди сами должны помогать другъ другу... Вотъ и Глѣбъ Иванычъ тогда былъ тоже одинъ... И никто ему не хотѣлъ помочь... И у него были такіе товарищи... Этотъ двоюродный братъ его Николай... Они бы его совсѣмъ погубили. Мнѣ было его очень жалко... За меня тогда многіе сватались. Опекуны къ тому времени насъ совсѣмъ разорили, и мачиха думала, что я „сдѣлаю партію", выйду за какого-нибудь купца или офицера... А я, бывало, гдѣ-нибудь на балу, откажусь отъ приглашеній,—скажу, что голова заболѣла, и уѣду потихоньку къ Глѣбу Иванычу. Куплю по дорогѣ сыру, краснаго вина, пирожковъ,—у Глѣба Иваныча, кромѣ долговъ, ничего тогда не было, и онъ иногда совсѣмъ голодалъ... Ну, вотъ, пріѣду, сидимъ съ нимъ вдвоемъ, разговариваемъ... И такъ намъ было тогда хорошо!.. А мачиха думаетъ, что я на балу веселюсь!..—Она тихо смѣялась, разсказывая мнѣ это взволнованно-прерывистымъ голосомъ, какимъ всегда говорила о Глѣбѣ Иванычѣ. „Даже одно это имя—*Глѣбъ*—для меня ужъ поэзія!"—признавалась она мнѣ потомъ, когда ея „Глѣба" уже не существовало въ живыхъ.

Она разсказывала и все поглядывала въ окно, откуда были видны ихъ освѣщенныя окна и въ одномъ изъ нихъ—голова Глѣба Иваныча, низко склоненная надъ столомъ. Увлеченная воспоминаніемъ и разсказомъ, она засидѣлась тогда у меня далеко за полночь. И когда мы вышли съ ней въ коридоръ,—лампы были потушены, и вокругъ была тьма египетская. Я зажгла свѣчу и пошла ее провожать. Но дорогой мы снова разговорились, и, стоя уже подлѣ дверей, она еще разъ повторяла мнѣ „исторію своего безвѣрія"...

— Бога не существуетъ!.. Люди такъ одиноки и такъ безпомощны!.. И иначе думать я не могу... Я не могу себя обманывать... Я знаю, что ничего больше нѣтъ...

Она стояла передо мной тогда какъ типическій образецъ *новой женщины*: высокая и полная, въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, съ замѣтно расширенной таліей и выдающимся спереди животомъ, но остриженная какъ мальчикъ, съ короткими черными прядями на вискахъ и на лбу, съ страдальчески-горькой улыбкой на блѣдныхъ губахъ и съ ядовитой горечью въ тихомъ взволнованномъ голосѣ... И голосъ былъ новый, и онъ звучалъ откуда-то изъ глубины давно затихшихъ, но все еще не забытыхъ страданій. И лицо

было новое: оно дышало истомой былого отчаянія, но въ то же время въ этомъ блѣдномъ и нервномъ лицѣ съ разгорѣвшимися глазами чувствовалась живая и властная сила, дающая и новую жизнь и новую вѣру...

Вѣру въ *новыхъ* людей, помогающихъ людямъ... Людямъ „такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ... безъ Бога!"

Я съ интересомъ всматривалась въ это новое для меня лицо, когда вдругъ распахнулась дверь ихъ квартиры, и на порогѣ показался самъ Глѣбъ Иванычъ, въ своемъ старенькомъ сѣромъ пальто и со свѣчкой въ рукахъ. Онъ держалъ подсвѣчникъ высоко надъ головой и, испуганными глазами всматриваясь вглубь темнаго коридора, тревожно окликнулъ:

— Это вы, Александра Васильевна? Съ кѣмъ это вы тутъ? Я слышу все время вашъ голосъ за дверями и думалъ, что-нибудь случилось... Что же это вы такъ поздно... впотьмахъ... Еще кто-нибудь подойдетъ... Гдѣ это вы до сихъ поръ?..—Въ голосѣ его послышалось что-то недовольное и ревнивое.

Счастливая улыбка затрепетала у нея на губахъ.

— Да кто же можетъ ко мнѣ подойти!.. Что это вы, Глѣбъ Иванычъ! Я была у В. В., и мы съ ней заговорились...

Я ушла отъ нихъ тогда подъ впечатлѣніемъ какой-то идилліи. Совершенно точно Аѳанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна. Счастливая пара,—только не смѣшная, а милая.

На слѣдующій вечеръ она снова пришла и, какъ обѣщала, разсказала мнѣ до конца „романъ ихъ *беззаконной* любви" съ Глѣбомъ Иванычемъ.

— Ну, а потомъ мы разъѣхались,—начала она свое „продолженіе". Глѣбъ Иванычъ кончилъ свой романъ „Разореніе" [1]) и уѣхалъ лечиться въ Тамбовскую губернію. А я поступила учительницей въ Елецкій уѣздъ, въ имѣніе Хорадиновой. Потомъ и Глѣбъ Иванычъ переѣхалъ поближе, въ Крапивну, народнымъ учителемъ. Онъ пріѣзжалъ, бывало, въ Елецъ, чтобъ повидаться со мной—урывками, гдѣ придется. Ждалъ меня разъ на вокзалѣ... И никто и не подозрѣвалъ тогда, что мы давно уже мужъ и жена,—только не вѣнчанные. Но вѣдь тогда еще на это смотрѣли не такъ, какъ теперь, особенно тамъ, въ глуши; школу бы отняли, если бы знали. А я хотѣла работать. Да и мачиха моя, женщина неразвитая,—конечно, не понимала, что Глѣбъ Иванычъ совсѣмъ не то, что другіе...

---

[1]) Повѣсть Глѣба Успенскаго „Разореніе", по словамъ А. В., во многомъ заимствована изъ жизни его семьи, а героиня повѣсти, Надя—едва ли не списана съ самой Ал. В—ны.

Состояніе ихъ къ тому времени пришло въ окончательное разстройство, и у Алекс. Вас. оставались „какіе-то гроши“,—да и для полученія этихъ грошей надо было еще хлопотать судебнымъ порядкомъ.

— А мы съ Глѣбомъ Иванычемъ не умѣемъ ни отчета требовать, ни защищать свои права,—прибавляла она.

Наконецъ, послѣ разныхъ мытарствъ и вынужденной разлуки на цѣлые мѣсяцы, они повѣнчались осенью въ Петербургѣ [1]), но только черезъ годъ потомъ могли устроить совмѣстное житье. Жить приходилось обоимъ разнаго рода работой. Она давала уроки, переводила съ французскаго и нѣмецкаго разныя легкія книжки, а Глѣбъ Иванычъ дописывалъ свое „Разореніе“, писалъ и задумывалъ новыя работы. Но всѣ труды ихъ приносили гроши, или цѣликомъ уходили на уплату прежнихъ долговъ Глѣба Иваныча, и часто не хватало рубля на чай, на свѣчи, на булку...

Деньги у нихъ вообще—и тогда и потомъ—уходили неимовѣрно легко. Это были какія-то *не свои*, а какъ бы *общія* деньги. Кому было надо, тотъ ими и пользовался. Никакихъ пріемовъ и угощеній они никогда не устраивали,—но „нельзя же было“ не дать чего-нибудь поѣсть или выпить всѣмъ этимъ людямъ, хотя и не голоднымъ по профессіи, но далеко не обезпеченнымъ въ сытости...

— Александра Васильевна, какъ бы намъ чего-нибудь закусить?—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ. И Александра Васильевна изобрѣтала закуску: она писала „Колѣ Долганову“... [2]). Совершались обычныя операціи займа, съ векселями и простыми расписками, съ залогомъ и выкупомъ... И все это тайно, безъ вѣдома Глѣба Иваныча, чтобы не безпокоить его, не отвлекать отъ работы...

Однимъ словомъ, это была именно та жена, которую надо было *выдумать* для Глѣба Успенскаго, если-бъ ея не существовало въ дѣйствительности. Именно въ ней было нѣчто подобное *власти земли*, внѣ которой гибнетъ „замученное естество человѣческое“...

Ее многіе осуждали за „ревность“—за то, что она, будто-бы, никого „не пускала“ къ Глѣбу Ивановичу... Въ то время, о которомъ я здѣсь разсказываю, женскаго общества возлѣ нихъ, дѣйствительно, я не помню. Жена Михайловскаго да я были тогда чуть не единственнымъ

[1]) Вѣнчаніе Гл. Ив. и Ал. В. совершилось 27 мая 1870 г. въ верхней церкви Владимирскаго собора (на Владим. ул.). Свидѣтелями были со стороны жениха: Д. Н. Симоновъ и Н. А. Демертъ; со стороны невѣсты—А. М. Скабичевскій и Н. А. Долгановъ. Жениху было 28 лѣтъ, невѣстѣ—25.

[2]) Этотъ „Коля Долгановъ“ долго игралъ въ ихъ жизни роль добраго генія—появлялся, когда былъ нуженъ, и исчезалъ, когда надобность въ немъ исчезала. Впослѣдствіи онъ спился, и А. В. въ свою очередь помогала ему.

исключеніемъ. Раза два появлялась какая-то молоденькая барышня,—кажется, сестра одного литератора, только что вышедшая изъ института, собиравшаяся поселиться въ деревнѣ, приносить пользу и пр.,—но и она потомъ вскорѣ исчезла. Тогда и это пытались объяснять ревностью. Хотя вѣрнѣе всего—самой барышнѣ было здѣсь скучно. Александра Васильевна интересовалась только тѣмъ, что близко касалось Глѣба Ивановича, а самъ онъ при „барышняхъ“ обыкновенно молчалъ или попросту уходилъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Меня Александра Васильевна часто сама посылала къ Глѣбу Иванычу:

— Подите, поговорите съ Глѣбомъ Иванычемъ... Разскажите это Глѣбу Иванычу,—это будетъ ему интересно.

Поводовъ же къ ревности было не мало,—и можно скорѣе удивляться долготерпѣнію и такту жены писателя, никогда не допускавшей себя ни до какихъ „семейныхъ сценъ“ и взрывовъ. Глѣбъ Ивановичъ могъ бы пользоваться полной свободой, если-бъ хотѣлъ, а для жены его существовалъ во всю жизнь только онъ.

Были и у нея, конечно, свои недостатки—напр., удивительная способность выискивать во всемъ обратную сторону, выставлять въ смѣшномъ видѣ все, что не подходитъ подъ рубрику „направленія“... Никто лучше ея не умѣлъ подхватить невзначай сорвавшееся, неумѣстное слово, оттѣнить слабую струнку каждаго. Всякое слово, поступокъ и жестъ въ этомъ родѣ („ложные жесты“!—у Михайловскаго) подчеркивались и выставлялись на судъ, какъ ошибка въ школьномъ диктантѣ, и вызывали игриво-ядовитое или критически-строгое замѣчаніе „гувернантки“, какъ я мысленно тогда называла ее. Иногда это меня возмущало, какъ возмущаетъ дѣтей замѣчаніе старшаго. Но теперь мнѣ кажется—тутъ тоже сказывалось вліяніе всеобщей нашей воспитательницы — „обличительной литературы“ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ привычками институтки-учительницы. Помню, какъ однажды она „отчитывала“ меня—ни въ чемъ неповинную—за ссору Демерта и Бобоши, едва не поведшую къ дуэли. Это было чистѣйшее недоразумѣніе между нами, но она такъ убѣдительно-краснорѣчиво внушала мнѣ обязанности женщины не раздувать никакихъ страстей и смягчать нравы всего окружающаго, что я безропотно прослушала тогда ея внушительное поученіе... Да, это была дѣйствительно наша общая гувернантка, строго слѣдившая за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ, не допускавшая ихъ „распускаться“ въ ея присутствіи. И тѣ, кто тяготились этой „опекой“ или „надзоромъ“, уходили отъ нея, раздраженные, и... „грѣшили на сторонѣ“, но близко подходить къ себѣ чему-нибудь невполнѣ чистоплотному въ физическомъ или моральномъ отношеніи Алекс. Васильевна никогда и *никому* не разрѣшала. Эта пуританская строгость

сказывалась у нея во всемъ—въ языкѣ и обращеніи съ людьми, даже въ отношеніяхъ ея къ Глѣбу Иванычу. Они оба казались влюбленными и стыдливо прятали эту влюбленность отъ всѣхъ, даже отъ самихъ себя. Иногда мнѣ случалось подмѣчать его взглядъ на нее—глубокій и нѣжно-задумчивый,—и сейчасъ оба вспыхивали и опускали глаза.

Они ждали тогда ребенка. Но онъ родился преждевременно, мертвый, и нѣсколько дней они потомъ оба очевидно страдали, чувствуя себя какъ бы виноватыми. И Глѣбъ Иванычъ началъ вдругъ ненавидѣть эту квартиру въ домѣ Воронина на Гончарной.

— Казематъ какой-то,—помилуйте!—сумрачно говорилъ онъ.—Коридоры эти кругомъ—зги не видать,—совершеннѣйшія „Трущобы" Всеволода Крестовскаго! Шорохи тамъ постоянно какіе-то за стѣною... Кто тамъ живетъ, что они дѣлаютъ?—ничего не извѣстно. Даже жутко иной разъ становится... Ни думать ни писать я здѣсь ни о чемъ не могу...—И они переѣхали на Фонтанку, опять въ домъ Тарасова, гдѣ случайно освободилась маленькая—„веселенькая"—квартирка во дворѣ, по сосѣдству съ той, гдѣ я увидѣла впервые Гл. Ив., и гдѣ жилъ теперь братъ Марьи Евграфовны, артистъ Павловскій.

Работа у Гл. И. въ то время что-то не клеилась. Объ этомъ говорили всѣ сотрудники и друзья. И то же самое говорило его лицо. Ни на одномъ лицѣ не удавалось мнѣ читать такъ выразительно и счастье и муку писательства...

Разъ вечеромъ, поздно вернувшись откуда-то, съ публичной лекціи или изъ концерта,—мы цѣлымъ обществомъ пили чай у Успенскихъ. Кто-то принесъ ему нумеръ газеты,—кажется, „Петербургскихъ Вѣдомостей",—съ рецензіей о его послѣднихъ работахъ въ „Отеч. Запискахъ",—именно о Парижѣ. Рецензентъ находилъ у автора „недостатокъ образованія", совѣтовалъ ему еще поучиться и не браться за темы, въ которыхъ прославились наши первоклассные таланты и геніи... Что-то въ этомъ родѣ,—теперь ужъ не помню. Глѣбъ Иванычъ, присѣвъ къ столу на диванѣ, читалъ, не отрываясь. Вокругъ него ходили, говорили,—а онъ все читалъ и читалъ... Я сидѣла въ тѣни, противъ него, и, украдкой глядя на его лицо, невольно угадывала,—*видѣла*,—что переживалъ онъ, читая эту рецензію. За минуту оживленно-веселое лицо его было искажено теперь глубокимъ страданьемъ. Онъ точно горѣлъ весь на медленномъ огнѣ.. Даже всегда бѣлый лобъ его какъ будто пылалъ, губы судорожно кривились и вздрагивали,—и по временамъ онъ закрывалъ рукою глаза, чтобы ничто не отвлекало его отъ этого листа газетной бумаги. Кончитъ и опять начнетъ перечитывать. Наконецъ, кто-то догадался и отнялъ у него га-

зету. Онъ не пошевельнулся и продолжалъ сидѣть, не отводя глазъ отъ стола, какъ будто жгучія строки все еще были передъ его глазами...

— Ну, что же тамъ написано, Глѣбъ Иванычъ?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.—Хвалятъ или бранятъ?—Плюньте, если бранятъ: значитъ, болванъ какой-нибудь, ничего не понимаетъ!..

Глѣбъ Иванычъ точно проснулся.

— Какъ это ничего не понимаетъ?! Что это вы говорите!.. Отлично все это у него написано... Какъ есть сущая правда!—беззвучно проговорилъ онъ, порывисто всталъ съ дивана и, никому не сказавъ ни слова, вышелъ въ переднюю. Больше въ тотъ вечеръ мы его не видали.

Александра Васильевна не спала потомъ цѣлую ночь, ожидая его возвращенія. А онъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по Фонтанкѣ... И, говорятъ, эта Фонтанка не разъ манила его въ свои мутныя волны...

Запомнилось и еще одно впечатлѣніе... въ томъ же родѣ.

Это было уже полгода спустя, въ ночь пасхальной заутрени, когда онъ зашелъ къ Демерту поздно вечеромъ—прямо отъ Некрасова. Я тоже зашла зачѣмъ-то къ Николаю Александровичу и застала ихъ вдвоемъ за столомъ, на которомъ были разставлены пасхальныя снѣди: куличъ, пасха, окорокъ, красныя яйца и красное вино. Въ церквахъ уже благовѣстили, и Демертъ предлагалъ, „отбросивъ рутину", разговѣться, прежде чѣмъ итти бродить по улицамъ. И, какъ всегда, изображая всѣхъ и вся въ комическомъ видѣ, усердно подливалъ въ стаканы и мнѣ, и Глѣбу Ивановичу.

Успенскій сидѣлъ молчаливый, сосредоточенный. Но послѣ второго стакана лицо его начинало разогрѣваться.

— А знаете, В. В.,—обратился онъ вдругъ ко мнѣ:—я сегодня долго проговорилъ съ Некрасовымъ... Какіе у него удивительные глаза! Просто заворожилъ онъ меня сегодня... Вотъ гдѣ именно можно сказать его же стихами:

„Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны!"

Онъ прочиталъ эти два стиха вполголоса, просто, какъ будто думая вслухъ и самъ задумываясь надъ глубиной сокрытой въ нихъ мысли. Ни прежде, ни потомъ, никогда не слыхала я никакихъ лирическихъ звуковъ отъ Глѣба Успенскаго. Онъ точно стыдился или пренебрегалъ поэзіей... И вдругъ стихи—моментъ лирическаго экстаза! Помню, это произвело на меня тогда впечатлѣніе молніи въ темной комнатѣ: какъ будто душа его внезапно распахнулась на мигъ и стала мнѣ еще ближе и еще понятнѣе... И эти стихи запомнились навсегда вмѣстѣ съ образомъ Глѣба Иваныча въ ту пасхальную ночь...

— Необыкновенный это человѣкъ!—задумчиво прибавилъ онъ опять о Некрасовѣ.—Я съ нимъ безъ волненія говорить не могу... И что мы такое пишемъ? Зачѣмъ? Всѣ мы, вообще?.. А вотъ онъ... Однимъ взглядомъ всю душу переверпетъ... все внутри заработаетъ!

В. Т—ва (Починковская).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Два письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову [1].

Wien Prager Strasse, № 9

I.

Я очень поздно прочиталъ ваше письмо, потому что поздно узналъ объ его существованіи, а получивъ, не могъ разобрать адреса и такъ и до сихъ поръ его не знаю. Вотъ почему отвѣтъ затянулся. Несмотря на все мое желаніе, мнѣ, можетъ быть, не удастся съ вами видѣться и потому прошу у васъ пока письменнаго собесѣдованія, а тамъ что будетъ. Главное объ журналѣ и моемъ участіи въ немъ. Откровенно говоря, это дѣло мнѣ съ самаго начала не улыбалось. Заграничный журналъ, особенно теперь, долженъ быть, по моему мнѣнію, блистателенъ или его вовсе не должно быть. Вы пользуетесь превосходной репутаціей въ извѣстной части русскаго читающаго общества, не говоря уже объ томъ, что никакая партія не можетъ отрицать вашего таланта, глубокомыслія и обширности вашихъ знаній. Это даетъ вамъ положеніе очень выгодное, но и очень отвѣтственное. Поставивъ неудачно на карту свою репутацію, вы проиграете не только ее, а и много чужого имущества. И тогда жди опять времени и людей. Зная наличныя силы литературы и зная, что изъ этихъ крохотныхъ силъ въ заграничный журналъ можно привлечь только ничтожную долю и притомъ далеко не самыхъ лучшихъ, я относился къ вашему плану скептически. Однако, свое согласіе далъ. Мало того, въ горькую минуту, тянувшуюся, впрочемъ, не одну минуту, я рѣшилъ было эмигрировать и пристроиться къ вамъ окончательно и безповоротно. Мысль эту я бросилъ по многимъ

[1]) Печатаемыя письма переданы намъ изъ парижскаго архива покойнаго П. Л. Лаврова лицами, имѣющими на то всѣ юридическія и моральныя права. Въ письмахъ этихъ, какъ видитъ читатель, содержатся отвѣты Михайловскаго Лаврову на предложеніе участвовать въ организовавшемся за границею журналѣ „Впередъ“ Это было въ 1873 году. *Ред.*

причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя разскажу. Во-первыхъ, вышеизложенное, т. е. безполезность и пожалуй даже вредность такого поступка: я—не вы, но и себя я не считаю вправѣ промѣнять 8000 читателей, обезпеченныхъ прочнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ силъ, на дѣло невѣрное и трудное. Потомъ общія основанія, по которымъ эмигрировать вообще не легко. Потомъ частности въ родѣ возмутительной исторіи Смирнова: жить въ такой мерзости противно и во всякомъ случаѣ для этого нѣтъ надобности уѣзжать изъ Россіи, гдѣ эта мерзость не такъ больно и оскорбительно колетъ глаза. Потомъ чуть-ли не самое важное. Мои литературныя замѣтки создали мнѣ положеніе, котораго я побаиваюсь, но принимаю. Ко мнѣ лично и письменно обращаются молодые люди съ изложеніемъ своихъ сомнѣній и за разрѣшеніемъ разныхъ близкихъ имъ вопросовъ. Отъ этого положенія я, во-первыхъ, не откажусь ни за что въ мірѣ, а во-вторыхъ, сомнѣнія и вопросы таковы, что, поскольку я могу вообще помочь тутъ, я могу дѣлать это въ русскомъ журналѣ, а поскольку не могу вообще— не могу и въ заграничномъ. Я не революціонеръ, всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотря такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ съ старыми богами и слѣдовательно писать и въ Россіи. Вы скажете, что я не такъ ставлю вопросъ, что незачѣмъ или быть дѣятельнѣйшимъ вашимъ сотрудникомъ здѣсь на мѣстѣ, или не принимать въ вашемъ журналѣ никакого участія. Но въ корреспонденты, въ собиратели и сообщители фактовъ, не подлежащихъ публикаціи въ Россіи, я не гожусь по свойству моихъ связей и знакомствъ. Доставить же вамъ время отъ времени статью, которая почему-нибудь не можетъ быть напечатана въ Россіи, конечно, можно, но объ этомъ не стоитъ разговаривать. Въ заключеніе мнѣ хочется сказать вамъ, что я васъ очень люблю и уважаю.

II.

Опять запаздываю отвѣтомъ, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, потому что уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Вѣны, и ваше письмо пришло безъ меня.

Между нами вышло маленькое недоразумѣніе. Говоря, что заграничный журналъ, и особенно теперь, долженъ быть блестящимъ или его вовсе не должно быть, я имѣлъ въ виду *блескъ* не въ спеціально литературномъ отношеніи. Это, конечно, дѣло второстепенное, хоть и далеко не лишенное значенія. Я говорилъ, что журналъ долженъ быть блестящимъ по своему внутреннему достоинству. И если онъ такимъ не будетъ, онъ будетъ,

не только не полезенъ, будетъ вреденъ, потому что даетъ случай порадоваться или поскалить зубы однимъ и разочароваться другимъ.

Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ о значеніи и цѣнности вашей репутаціи. Какія у васъ данныя, не считая вашей высокоуважаемой личности, въ пользу того, что журналъ будетъ дѣйствительно хорошъ? Нашъ посредникъ склоненъ смотрѣть на вещи въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, я не знаю всего добытаго имъ, можетъ быть, есть и много цѣннаго, хотя мнѣ странно, что вы отъ него до сихъ поръ ничего не имѣете. Сообщу, что я знаю. Три или четыре талантливые и подходящіе писателя (а они на перечетѣ), съ которыми я говорилъ, отказались наотрѣзъ или отозвались весьма неопредѣленно и уклончиво. Смотрите на это какъ хотите, но это фактъ. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что „Впередъ" ждутъ, но, насколько мнѣ извѣстно, не какъ сокровищницы, въ которую желательно вложить свою лепту, а какъ повелительнаго наклоненія. Эти вамъ ничего не дадутъ, а будутъ съ васъ спрашивать. Вотъ что я знаю. Затѣмъ думаю, что найдутся способы для собиранія и передачи голыхъ фактовъ, но сильно сомнѣваюсь, чтобы, не считая исключеній, вы получили изъ Россіи вещи обработанныя, я опять-таки не объ одномъ литературномъ отношеніи говорю.

Надѣюсь, вы не мечтаете направлять на путь истины правительство. Остаются двѣ цѣли: мѣсто, гдѣ можно вволю наплакаться и насмѣяться, для однихъ и повелительное наклоненіе для другихъ. Первыхъ вамъ придется искать и организовать съ большимъ трудомъ, потому что готовый человѣкъ-писатель къ вамъ не пойдетъ. Я первый не пойду, пока я живу въ Россіи. Легко сказать: высказывайте, что въ васъ накипѣло, выкрикивайте, что въ васъ наболѣло. Какъ будто человѣка, къ которому приглядѣлись, не узнаютъ съ перваго десятка строкъ и не упрячутъ въ тундры сибирскія, не лишатъ его общества и не лишатъ общества его. А ломаться, не быть искреннимъ, выкрикивать, что наболѣло, поддѣлываясь подъ чужой голосъ,—развѣ это возможно? Вотъ почему я, незадолго предъ отъѣздомъ, сказалъ нашему посреднику: или я буду принимать въ журналѣ самое близкое участіе, или никакого.

Я думалъ тогда объ эмигранствѣ. Кстати, эта мысль, въ концѣ концовъ мимолетная, неизвѣстна никому, ни даже самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ. Считаю не лишнимъ предупредить васъ объ этомъ.

Что касается до повелительнаго наклоненія, то молодежь его очень ждетъ, и голосъ „Впередъ", какъ бы онъ ни устроился, если только вы будете вести его, будетъ имѣть большой вѣсъ. Скажите же мнѣ ваше повелительное наклоненіе не въ теоретической области, а въ практической. Въ ожиданіи я вамъ скажу свое: сидите смирно и готовьтесь.

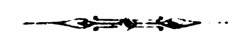
Другого я не знаю, другого, по моему, русскій соціалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію, долженъ же придти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ, и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешотомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣдуетъ, можно, и слѣдовательно должно. Въ тотъ часъ, когда это станетъ невозможнымъ,—я вашъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ.

Будемте, пожалуйста, продолжать бесѣду, отвѣтьте мнѣ на вопросъ о повелительномъ наклоненіи. Я читалъ обѣ программы, но яснаго понятія все-таки не имѣю. Можетъ быть, тогда мы столкуемся.

Глубоко васъ уважающій **Н. Михайловскій.**

Лессвичъ, можетъ быть, за границей, но адреса его я не знаю. Скабичевскій навѣрное въ Петербургѣ.

Адресуйте въ Киссингенъ poste-restante, потому что я на дняхъ ѣду.

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

По мѣрѣ того какъ обостряются общественные вопросы, съ особой силой выдвинутые на очередь современнымъ освободительнымъ движеніемъ, въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи все крѣпче и крѣпче утверждается мысль, что то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ больше всего будетъ зависѣть отъ отношенія къ нимъ преобладающей массы коренного населенія страны. Въ виду этого къ исканію опоры въ этой массѣ народа направляются въ настоящее время усилія всѣхъ нашихъ крупнѣйшихъ политическихъ и соціалистическихъ партій. Явленіе это, впрочемъ, не ново въ русской жизни. Можно утверждать даже, что оно существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская интеллигенція, задающаяся практическими цѣлями обновленія общественнаго строя. Но особенно яркое проявленіе его въ прошломъ относится къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ XIX столѣтія, когда движеніе къ народу и въ народъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ народничества, охватило самые разнообразные и наиболѣе сильные духомъ круги нашей интеллигенціи. Какова бы ни была современная оцѣнка всего народничества того времени, или только отдѣльныхъ теченій его, во всякомъ случаѣ едва ли найдется серьезный изслѣдователь, который не признаетъ за нимъ выдающагося значенія и первенствующаго вліянія на наше послѣдующее развитіе. До послѣдняго времени изъ всѣхъ направленій русской мысли, . такъ называемое, народничество несомнѣнно было самымъ сильнымъ, самымъ обширнымъ и оставившимъ наиболѣе глубокіе слѣды въ жизни страны. Цѣлый рядъ крупныхъ, среднихъ и болѣе мелкихъ общественныхъ дѣятелей и писателей, стоявшихъ въ рядахъ этого направленія, до сихъ поръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и заслуженной извѣстностью, хотя огромное большинство изъ „сей стаи славныхъ“ сошло уже съ жизненной сцены и покончило свои земные счеты. Исторія ихъ и ихъ дѣятельности, какъ и исторія всего того ученія и дѣла, которому они служили, составляетъ интереснѣйшую, полную глубокаго смысла

страницу въ общей исторіи русскаго общественнаго и интеллектуальнаго развитія и въ то же время имѣетъ не только теоретическое, но и очень важное практическое значеніе. Она уясняетъ, между прочимъ, и тотъ опытъ въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу, который можетъ быть использованъ въ интересахъ современнаго движенія; она опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ почву, на которой возможно взаимное пониманіе культурной и некультурной части населенія; она помогаетъ въ установленіи предѣловъ усвояемости идей массами населенія въ ихъ настоящемъ развитіи, въ опредѣленіи силъ, ихъ активности, организаціи и проч.

Однако, для такой полной, всесторонней, глубокой и объективной исторіи движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія еще не настало время. Еще живы многіе дѣятели этого времени, еще не улеглись страсти, еще скрыты и недоступны многіе матеріалы, еще не умерло и самое движеніе, не только въ его послѣдующихъ разветвленіяхъ, но даже и въ его едва ли не первоначальной чистотѣ. И если научная исторія его дѣло будущаго, то это не исключаетъ возможности использованія ея въ отдѣльныхъ частяхъ и въ тѣхъ матеріалахъ, которые войдутъ современемъ въ общую исторію. Слишкомъ ужъ важны эти годы для науки, слишкомъ жизнены и близки они текущимъ злобамъ дня, текущимъ интересамъ, чтобы забыть о нихъ и не обращаться къ нимъ при всякой къ тому возможности.

Этимъ, повидимому, и объясняется тотъ исключительный, по временамъ чисто жгучій, интересъ, который вызываютъ къ себѣ въ послѣднее время всевозможные мемуары, записки, воспоминанія, очерки и т. п. печатныя произведенія, касающіяся общественнаго и умственнаго движенія въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія. Этимъ же, въ значительной мѣрѣ, интересомъ руководствовались и мы, останавливаясь на мысли дать нѣсколько очерковъ жизни и дѣятельности недавно умершаго писателя и общественнаго дѣятеля Сергѣя Николаевича Кривенка.

Современной молодежи это имя говоритъ сравнительно мало. Но было время, когда его внутреннія обозрѣнія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ читала вся прогрессивная часть русскаго общества, иногда, впрочемъ, тоже не подозрѣвавшая, кто былъ ихъ авторомъ. Сергѣй Николаевичъ рѣдко подписывалъ свои статьи и совсѣмъ не подписывалъ своихъ „обозрѣній“. Тѣмъ не менѣе въ литературныхъ кругахъ его знали и цѣнили. Здѣсь пользовался онъ заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ; съ нимъ считались самые видные представители литературнаго міра, къ нему приглядывались и прислушивались. Да и трудно было не замѣтить въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени этого выдающагося, несмотря на всю, по истинѣ, замѣчательную его скромность, человѣка, импонировавшаго не только своей

стройной, мускулистой фигурой, своей красивой „львиной“ головой, съ глубокими, ясными, выразительными глазами, но и, главнымъ образомъ, той атмосферой нравственной чистоты и творческой силы, которыя невольно чувствовались всѣми сталкивавшимися съ нимъ. Недаромъ къ нему проникались искренне дружескими чувствами такіе гораздо старшіе его по возрасту крупнѣйшіе люди той эпохи, какъ Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), Некрасовъ и многіе другіе, недаромъ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. И. Успенскаго, Шелгунова, В. Гаршина и едва ли не единственно дѣйствительнымъ близкимъ другомъ Н. К. Михайловскаго. Самой крупной, выдающейся чертой Сергѣя Николаевича была удивительная, рѣдкая во всѣ времена, а особенно въ переходные историческіе моменты, цѣльность его натуры, гармоническая связь его мысли, слова и дѣла, обусловливавшая его высокую нравственную чистоту, которую признавали въ немъ даже тѣ, кто не постѣснялся бросить камнемъ въ его свѣжую могилу. Эта черта его натуры могла принять выразительныя и яркія формы, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ не случайнымъ дѣятелемъ преобладавшаго въ то время направленія, не человѣкомъ, воспринявшимъ уже готовое ученіе, а, до извѣстной степени, однимъ изъ его творцовъ, останавливавшимся на всѣхъ крупныхъ частяхъ его, глубоко изучившимъ и продумавшимъ ихъ, распространявшимъ его на незатронутыя ранѣе области и немало содѣйствовавшимъ облеченію его въ форму цѣльной и стройной системы, съ большимъ практическимъ смысломъ и значеніемъ. Если Н. К. Михайловскій, развивая и продолжая философскія мысли П. Л. Лаврова или работая въ той же области самостоятельно, давалъ идеологію народничества и его философское обоснованіе, то С. Н. Кривенко разрабатывалъ и обосновывалъ научными данными программу этого направленія и его тактику. Его творческая работа въ этой именно сферѣ, его глубокая и послѣдовательная убѣжденность, искренняя проникновенность имъ самимъ обдуманныхъ и всегда послѣдовательно развитыхъ доктринъ и выдающееся значеніе этихъ послѣднихъ въ исторіи нашего общественнаго и интеллектуальнаго развитія, наряду съ высоконравственной чистотой его самого, даютъ достаточно основаній, чтобы считать его личность достояніемъ нашей исторіи. Мыслящее общество должно знать такихъ людей, какъ Сергѣй Николаевичъ Кривенко, должно учиться у нихъ жить и работать во имя высшихъ идеаловъ, должно чтить ихъ и съ глубокимъ интересомъ изучать ихъ труды. Ибо только въ преемственно обоснованныхъ ученіяхъ, программахъ и тактикѣ, въ послѣдовательномъ развитіи и воплощеніи въ жизнь высокихъ моральныхъ началъ и кроется прочный успѣхъ общественныхъ движеній прогрессивнаго характера.

Въ этихъ именно видахъ черты изъ жизни, литературной и обще-

ственной дѣятельности Сергѣя Николаевича, въ связи съ тѣмъ направленіемъ, которому честно и убѣжденно онъ служилъ, представляютъ особый интересъ и особое значеніе. Въ этихъ именно видахъ и начата нами настоящая работа.

Къ сожалѣнію, матеріалы для біографіи его очень не полны. Частью они не разысканы и не собраны, частью еще недоступны для литературы, а частью погибли безвозвратно. Тѣмъ не менѣе и то, чѣмъ располагаемъ мы, дастъ достаточно данныхъ, чтобы отмѣтить важнѣйшие періоды въ его жизни, указать особенности, вліявшія на выработку его личности, на ростъ и развитіе его убѣжденности и на крупнѣйшія черты его творческой литературной и общественной дѣятельности. Для настоящаго момента особенно интереснымъ представляется первый періодъ его жизни, тотъ именно періодъ, когда съ наибольшей силой сказалась его практическая созидательная работа въ области направленія, которому онъ служилъ.

Теперь, когда первый натискъ освободительнаго движенія оказался отбитымъ, когда въ рядахъ его началась перестройка, провѣрка орудій борьбы, когда подъ вліяніемъ этого взоры едва ли не всѣхъ передовыхъ партій движенія обращаются къ вопросамъ организаціи и подготовки элементовъ новаго дѣла, къ органической культурной работѣ въ интересахъ послѣдняго, представитель созидательнаго народничества, какимъ, по существу, является С. Н. Кривенко, не можетъ не привлекать къ себѣ общаго вниманія. Онъ не былъ узкимъ практикомъ въ дѣлѣ насажденія и осуществленія народническихъ идеаловъ, но кто знакомъ съ его внутренними обозрѣніями въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ другихъ журналахъ, столь часто возвращавшихся къ вопросу объ интеллигенціи и народѣ и объ ихъ взаимодѣйствіи, съ его изложеніемъ ученія о физическомъ трудѣ, какъ основы соціальнаго строя, съ его описаніями „культурныхъ одиночекъ“ и „культурныхъ скитовъ“ и съ другими статьями, касающимися практической работы интеллигенціи,—тотъ не можетъ не признать, что вопросы органической культурной работы, вопросы осуществленія народническихъ идеаловъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ и ихъ группъ, вопросы подготовки послѣднихъ къ этимъ идеаламъ и вообще все созидательное дѣло въ народническомъ направленіи было для него едва ли не самымъ важнымъ. Въ немъ онъ сказался наиболѣе ярко и выпукло, и въ его лицѣ народничество семидесятыхъ годовъ, послѣ неудачъ хожденія въ народъ, имѣло едва ли не наиболѣе опредѣленнаго выразителя своихъ практическихъ путей, въ условіяхъ русской дѣйствительности.

Эта сторона дѣятельности Сергѣя Николаевича такъ тѣсно связана съ условіями его жизни въ дѣтствѣ и ранней молодости, что нѣкоторыя подробности въ этой области совершенно необходимы для правильнаго по-

вниманія и освѣщенія какъ самой личности покойнаго дѣятеля и писателя, такъ и многихъ его литературныхъ работъ. Останавливаясь теперь, пока не слеглась еще земля на его могилѣ, на этой—созидательной въ области народничества—сторонѣ его дѣятельности, мы разсчитываемъ въ будущемъ дать болѣе полный очеркъ его жизни, очерчивающій личность его по возможности всесторонне, во всѣхъ главнѣйшихъ особенностяхъ его цѣльной натуры, и выясняющій мѣсто его въ рядахъ крупнѣйшаго общественно-интеллектуальнаго движенія въ Россіи, огромное значеніе котораго сказывается до сихъ поръ съ почти неослабѣвающей силой.

I. Воспитательныя вліянія дѣтства и юности.

Сергѣй Николаевичъ Кривенко родился въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи 20 января 1847 г. въ помѣщичьей семьѣ, во время полнаго еще господства въ Россіи суроваго Николаевскаго режима и тяжкаго крѣпостничества, подъ которымъ, однако, начинала уже колебаться устойчивая почва. Отецъ его принадлежалъ по рожденію къ донскому дворянству, покинувшему родныя мѣста, и сохранялъ въ себѣ многія особенности малороссійскаго происхожденія. Въ Борисоглѣбскѣ онъ занималъ должность судьи, но, кажется, временно и во всякомъ случаѣ недолго. Какъ только былъ отстроенъ его домъ въ селеніи Никольскомъ-Кабаньемъ, онъ немедленно переѣхалъ туда на жительство со всей семьей. Маленькому Сережѣ было въ это время приблизительно года полтора. Жизни въ городѣ поэтому онъ не помнилъ, всѣ же свѣтлыя воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ пріурочивались у него къ деревнѣ.

Здѣсь Кривенкамъ принадлежала обширная усадьба, расположенная на косогорѣ, большой садъ, раскинувшійся по двумъ его сторонамъ, хорошій просторный домъ, а внизу усадьбы, по широкому лугу, протекала небольшая, чистая, извилистая рѣчонка. [1]) Здѣсь-то, близко къ землѣ и природѣ, близко къ народу и протекли первые годы дѣтства Сергѣя Николаевича, оставившіе неизгладимые слѣды во всемъ его характерѣ.

Трудно представить себѣ болѣе сильное вліяніе природы и народа на душу ребенка, чѣмъ то, которое пришлось испытать на себѣ Сергѣю Николаевичу въ раннемъ дѣтствѣ. Глубокіе слѣды этого вліянія ясно видны

---

[1]) Нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія о своемъ раннемъ дѣтствѣ изложены Сергѣемъ Николаевичемъ въ его разсказѣ „Сергѣевы игры“, помѣщенномъ въ „Дѣтскомъ чтеніи“ съ подписью „Гл—въ“ (вѣроятно, сокращенный его псевдонимъ „Глазовъ“). Литературнаго значенія этому разсказу онъ никогда не придавалъ.

были и въ Кривенкѣ-писателѣ, и въ Кривенкѣ-общественномъ дѣятелѣ, и особенно въ Кривенкѣ-человѣкѣ, простомъ, чистомъ, непосредственномъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, цѣльномъ, вдумчивомъ и скромномъ. Семья, въ свою очередь, имѣла на него немалое вліяніе и, надо сказать, что, по отношенію къ его раннему воспитанію, обстоятельства создали для него очень удачное по тому времени сочетаніе благопріятныхъ факторовъ, обусловливавшихъ развитіе его характера.

Отецъ Сергѣя Николаевича—Николай Алексѣевичъ, увлекавшійся, подобно большинству степныхъ помѣщиковъ того времени, охотой и конскимъ заводомъ, былъ человѣкъ мягкій, терпѣливый и доброжелательный. Хорошій семьянинъ и любящій отецъ вообще, онъ души не чаялъ въ своемъ первенцѣ Сережѣ, съ которымъ старался не разлучаться не только въ свободное отъ занятій время, но даже и въ свои поѣздки по хозяйству и къ знакомымъ. Онъ велъ съ нимъ серьезные хозяйственные разговоры, сообщалъ ему въ письмахъ, когда Сережа былъ кадетомъ, хозяйственныя новости и даже какъ бы совѣтовался съ нимъ.

Въ семьѣ Кривенокъ отношеніе къ крестьянамъ было добродушное и, такъ сказать, „благопопечительное“. Съ дворней, въ свою очередь, обращались гуманно, и хотя „дѣвки“ сидѣли по обыкновенію за пяльцами, но никакія издѣвательства и тѣлесныя наказанія къ нимъ не примѣнялись. Зато, во время посѣщенія съ отцомъ помѣщиковъ, крѣпостной укладъ развертывался передъ ребенкомъ во всемъ своемъ ужасѣ, тѣмъ болѣе, что тогда дѣтей не стѣснялись и безобразничали при нихъ такъ же откровенно, какъ и безъ нихъ. Иногда дѣтская душа не выдерживала и протестовала. Такъ, однажды Сережѣ довелось заночевать у какого-то помѣщика; лишней комнаты для него не нашлось, и его положили въ столовой за перегородкой. Онъ легъ, а пирушка въ столовой продолжалась. Подвыпившій помѣщикъ, грубый самодуръ, и всегда-то нехорошо обращавшійся съ женой, теперь началъ издѣваться надъ ней, приставая къ ней и требуя отъ нея чего-то чрезвычайно унизительнаго. И вдругъ, залъ огласился горькими дѣтскими рыданіями... Не выдержала дѣтская душа издѣвательства надъ человѣческою личностью. Такія слезы не проходятъ даромъ: онѣ выжигаютъ въ душѣ слѣдъ и заставляютъ ее всю жизнь содрогаться при видѣ насилія и неправды, онѣ сдѣлали то, чего не сдѣлала бы для юнаго развивающагося ума ни одна книга въ жизни. Онѣ будили въ немъ страстный протестъ противъ угнетателей, съ одной стороны, и страстную же жалость къ угнетеннымъ, съ другой.

Мать Сергѣя Николаевича, Надежда Ивановна, урожденная Страхова, характеромъ не походила на мужа, но представляла собою личность тоже не лишенную оригинальности. Она была дочь богатаго когда-то помѣщика,

большого самодура и, вѣроятно, неврастеника (одно время онъ сходилъ съ ума), но несомнѣнно даровитаго человѣка, писавшаго очень недурные стихи. Матери своей, урожденной Верстовской (родной сестры композитора), она лишилась рано и много протерпѣла отъ чудившаго всю жизнь отца. Это выработало въ ней характеръ нѣсколько замкнутый, сдержанный, несклонный къ ласкамъ и внѣшнимъ изліяніямъ; но, съ другой стороны, это была натура глубоко честная и правдивая, ненавидѣвшая всякую фальшь, ложь и наушничество. Въ домѣ у нея никто не смѣлъ сплетничать и наушничать. Если дѣти приходили жаловаться другъ на друга, она рѣзко ихъ обрывала, а если слышала какое-нибудь шушуканье, то сейчасъ же прекращала его, говоря, что шушукаются лишь о томъ, чего нельзя сказать вслухъ. Дѣтей своихъ она любила, но ласкала мало и особенно мало ласкала почему-то Сергѣя Николаевича, можетъ быть, просто боясь избаловать его, такъ какъ онъ видѣлъ слишкомъ много ласкъ отъ отца. Но Сережа, однако, глубоко чувствовалъ отсутствіе этой ласки и огорчался. „Я не могу сказать, чтобы она совсѣмъ меня не любила или не заботилась обо мнѣ“, писалъ онъ въ начатыхъ имъ когда-то воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, [1]) „но ласкъ отъ нея я не видѣлъ. Придешь, бывало, посидѣть въ ея комнатѣ, или расположишься съ игрушками въ углу, а она скажетъ: „Что ты тутъ вертишься и мѣшаешь, иди къ отцу или въ дѣтскую“. Причину этой холодности, впрочемъ, онъ видитъ въ самомъ себѣ: „изъ-за меня она не мало пролила слезъ и вынесла страданій. До $1^1/_2$ лѣтъ я былъ, говорятъ, ребенкомъ очень болѣзненнымъ, много разъ уже совсѣмъ умиралъ, много разъ кричалъ и день, и ночь, и такъ сильно, что становился синимъ и переставалъ даже на нѣкоторое время дышать“. Насколько вѣрно было это объясненіе Сергѣя Николаевича, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, что мать просто, по своей натурѣ, не была склонна къ горячимъ проявленіямъ любви и не считала это полезнымъ. Ребенокъ же, всегда ласкаемый отцомъ, ждалъ и жаждалъ и материнской ласки и, не встрѣчая ее, глубоко огорчался. Во всякомъ случаѣ, въ недостаткѣ заботъ къ себѣ Сергѣй Николаевичъ никогда не упрекалъ свою мать, да и не имѣлъ къ этому повода.

Изъ другихъ членовъ семьи Кривенко большое вліяніе на Сергѣя Николаевича, какъ и на всю семью, имѣла бабушка его—мать отца—Гла-

[1]) Эти воспоминанія начаты были имъ, когда онъ сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія для одного близкаго друга, но не кончены, потому что, какъ онъ говорилъ, „стыдно стало собою заниматься“. Вообще С. Н. не любилъ распространяться о себѣ, о своихъ чувствахъ и дѣлахъ. „Я какъ-то не чувствовалъ себя никогда“, пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ: „точно жилъ не я, а жили вокругъ меня природа и другіе люди“. Эта же характерная скромность сказывалась у него и въ томъ, что онъ очень рѣдко подписывалъ свои статьи и даже книги.

фира Васильевна. Это дѣйствительно была женщина рѣдкихъ душевныхъ качествъ, особенно въ то злополучное время, когда деспотизмъ и низменный взглядъ на женщину не давали ей возможности ни развить, ни проявить своего ума и сердца. Мужъ Глафиры Васильевны былъ врачъ. Умная и способная жена его переняла отъ него нѣкоторыя познанія и пріемы лѣченія и, оставшись рано вдовою, стала продолжать дѣло мужа, т. е. лечить крестьянъ. Буквально вся округа пользовалась ея услугами.

Глубоко религіозная, но не ханжа, она въ теченіе 40 лѣтъ своего вдовства ѣла постное, ходила всегда въ простой черной юбкѣ и гладкой кофточкѣ съ кожанными нарукавниками и всю жизнь свою проводила въ строгомъ трудѣ, сначала управляя своимъ имѣніемъ, имѣніемъ своего сына, лѣча крестьянъ, а подъ конецъ жизни только приготовляя лѣкарства изъ травъ и лѣча всѣхъ къ ней приходившихъ. Строгая къ себѣ, она была очень снисходительна къ окружающимъ, и внуки ея не помнятъ, чтобы она сказала хоть кому-нибудь изъ дворовыхъ или крестьянъ какое-нибудь грубое слово. Между тѣмъ, она умѣла внушить къ себѣ такое уваженіе крѣпостному люду, что одно ея простое ласковое слово дѣйствовало гораздо сильнѣе строгихъ приказаній. Маленькаго Сережу она очень любила, и онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ ея комнаткѣ.

Нѣкоторая, хотя бы и наружная холодность матери, служила причиной тому, что ребенокъ искалъ привѣта, житейской радости и дружескаго общенія съ людьми помимо ея. Отецъ и бабушка многое давали въ этомъ отношеніи, но они были очень заняты и часто уѣзжали и уходили изъ дому. Естественно поэтому, что Сережу влекло изъ дому въ другую обстановку, въ другую среду. За предѣлами господскаго дома его ждали широкій просторъ огромной барской усадьбы и полная свобода въ выборѣ игръ и занятій; помимо родныхъ, у него было много близкихъ людей, не только среди товарищей-сверстниковъ изъ крестьянскихъ дѣтей, многихъ изъ которыхъ онъ причислялъ къ искреннимъ друзьямъ своимъ, но и среди взрослыхъ и даже стариковъ и старухъ.

Въ воспоминаніяхъ о раннемъ дѣтствѣ онъ упоминаетъ прежде всего о своей нянѣ, которая горячо любила его. „Она говорила мнѣ“—пишетъ онъ—„и ты и вы; при старшихъ и постороннихъ всегда вы, наединѣ—ты. Обращалась всегда очень ласково, разсказывала на сонъ грядущій сказки (о жаръ-птицѣ, Иванѣ-Царевичѣ, объ Аленушкѣ, братъ которой былъ превращенъ въ козлика и др.), подъ которыя я и засыпалъ. Умѣла она всегда и игры какія-то такія придумывать, которыя занимали насъ гораздо лучше покупныхъ игрушекъ: наберетъ, бывало, у плотниковъ и столяра какихъ-то дощечекъ и чурочекъ, изъ которыхъ воздвигаются цѣлые замки, наломаетъ тоненькихъ вѣточекъ, изъ которыхъ выходятъ сады и

нарки, нарѣжетъ ржаной соломы и научитъ пускать мыльные пузыри, отливающіе всѣми цвѣтами радуги, принесетъ откуда-нибудь выпавшаго изъ гнѣзда маленькаго воробья и научитъ кормить его мухами, положитъ подъ галку, которыхъ немало гнѣздилось у насъ подъ крышей, куринное яйцо, а черезъ три недѣли принесетъ маленькаго цыпленка и т. д. Вліяніе ея на меня было самое благотворное. Всѣхъ она, бывало, разсудитъ по мирному, по хорошему, не навязывая какъ-то своего мнѣнія и не подавляя личности, но и не поступаясь справедливостью; въ горѣ—всегда утѣшитъ, никогда не жалуется и сама не сердится и только какъ-то обижается въ крайнихъ случаяхъ. Религіозность ея была какою-то житейскою, въ основѣ которой всегда лежала правда, милосердіе и живая любовь къ бѣдному, слабому, страдающему и обиженному, а не буква и сухая форма".

Кромѣ няни, Сергѣй Николаевичъ горячо любилъ пчелинца Егорыча. Онъ „былъ почти уже старикъ, съ большою, сильно уже посѣдѣвшею бородою. Онъ много гдѣ бывалъ и много кое-чего видалъ на своемъ вѣку, зналъ разныя диковенныя исторіи изъ охотничьей жизни; съ нимъ самимъ было нѣсколько случаевъ, въ высшей степени любопытныхъ и страшныхъ, отъ которыхъ просто сердце замираетъ отъ страха (у дѣтей). Какъ человѣкъ дѣловой и серьезный, онъ разговаривать много не любилъ, но всетаки, бывало, что-нибудь и разскажетъ, когда случай такой подойдетъ, что нельзя не разсказать". Затѣмъ, Егорычъ любилъ и баловалъ маленькаго Сережу

„и почти ни въ чемъ ему не отказывалъ: понадобится ли колесо у тележки починить, или новыя дрожки сдѣлать—поможетъ; встрѣтится ли нужда въ стамескѣ или рубанкѣ, чтобы подладить что-нибудь у водяной мельницы,—дастъ безъ разговора. Инструмента своего онъ никому не давалъ,—не любилъ этого, а Сережѣ давалъ. Самаго хорошаго и ему, бывало, не даетъ: „того—говорилъ онъ—и отцу родному нельзя дать"... Хорошій инструментъ, какъ утверждалъ Егорычъ, не покупается, а задается изъ тысячи одинъ, такъ что и тотъ, кто дѣлаетъ, и кто продаетъ его не знаютъ его достоинствъ, пока онъ въ дѣло не поступилъ; ну, а потомъ и ты къ нему привыкнешь, и онъ къ тебѣ привыкнетъ, вотъ и все"...

„Кромѣ того, Егорычъ былъ и охотникъ: у него было два ружья (или, какъ онъ говорилъ, „двусволка" и „односволка"), перепелиныя сѣти, всегда висѣли въ клѣткѣ два—три отборныхъ перепела, или „затѣйникъ" скворецъ; были и ястреба, которыхъ онъ по зорямъ вынашивалъ и готовилъ къ осенней охотѣ на перепеловъ" [1]).

Словомъ, Егорычъ не только былъ самъ обаятельный, интересный старикъ, но и располагалъ еще цѣлымъ арсеналомъ предметовъ, способ-

[1]) См. „Сергѣевы игры".

ныхъ плѣнить не одно дѣтское сердце. Къ тому же, жилье Егорыча и самый пчельникъ были чрезвычайно интересны.

Въ шалашѣ, гдѣ жилъ пчелинецъ, было два отдѣленія, раздѣленныхъ перегородкою: въ одномъ лежали пустые ульи и разныя принадлежности пчеловодства—сѣтки, роевни, маточники и проч.; а въ другомъ помѣщался самъ Егорычъ. Тамъ у него была устроена изъ досокъ кровать, стоялъ столикъ и небольшой сундукъ, а вмѣсто стула служилъ пенекъ.

„Хорошо было у него въ шалашѣ: всегда чисто, подметено и прибрано; ивы перекинули черезъ крышу свои вѣтви, а передъ самымъ входомъ цвѣтутъ два огромныхъ куста сирени. Пчельникъ весь видно, какъ на ладони: онъ раскинулся въ зелени, точно деревенька какая съ маленькими домиками. Въ самомъ концѣ его стоитъ громадный серебристый тополь и блеститъ на солнцѣ своею красивою листвою: а на самомъ пчельникѣ, между ульями, росли широкими, правильными рядами сливы, что нисколько не мѣшало пчеламъ работать и Егорычу ходить за ними, а между тѣмъ въ жаркіе лѣтніе дни они давали тѣнь и прохладу“.

„Впереди пчельника далеко-далеко разстилался заливной лугъ, на которомъ росло множество разныхъ цвѣтовъ и, извиваясь, протекала рѣка; влѣво тянулся садъ, занимавшій десятинъ 10—12, а вправо былъ опять лугъ, и шли поля пшеницы, ржи, овса, гречихи и другихъ хлѣбовъ“.

Маленькій Сережа очень любилъ этотъ мирный уголокъ, полный простоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудовой дѣятельности. Ему весело было смотрѣть и на работу пчелъ.

„Это не нагоняющая тоску фабричная работа, съ дымомъ, гарью, стукомъ и грохотомъ машинъ, съ усталыми, оборванными и перепачканными рабочими, а работа веселая, дружная, на чистомъ воздухѣ, подъ яснымъ солнцемъ; вездѣ кипитъ дѣятельность, вездѣ слышно жужжаніе, точно пѣсни поются. Пчела работаетъ не черезъ силу и не поневолѣ, а по собственной охотѣ. Пчельникъ тогда скорѣй на ярморку похожъ, или, вѣрнѣй, на праздничную косовицу, когда люди работаютъ съ пѣснями и веселыми лицами“...

А какъ хороша сама природа, особенно весной, когда всѣ деревья въ цвѣту,—

„просто не ушелъ бы съ пчельника; такъ и сидѣлъ бы тамъ весь день. А вечеромъ еще лучше, чѣмъ днемъ: кончится работа, и пчелы соберутся на ульяхъ кучками, отдыхаютъ и тихо жужжатъ... Деревья бросятъ длинныя вечернія тѣни, а тамъ зажгутся на небѣ звѣзды, ясный мѣсяцъ выйдетъ, серебристый тополь станетъ совсѣмъ серебрянымъ; соловей запоетъ въ вишняхъ, коростель и перепела закричатъ на лугу, лягушки заквакаютъ, дикія утки вдругъ просвистятъ надъ головой своими быстрыми крыльями и шлепнутся въ воду; лягушки испугаются и

на минуту смолкнутъ, но сейчасъ же опять начнутъ свое кваканье; гдѣ-нибудь телѣга стучитъ и погромыхиваетъ по дорогѣ, бабы поютъ, мальчишки лошадей гонятъ въ ночное, а тѣ радостно фыркаютъ въ свѣжѣющемъ воздухѣ. Сколько голосовъ и звуковъ, и въ то же время тишина стоитъ удивительная: все слышно, самый тихій шопотъ слышенъ; даже слышно, какъ кленовый листъ шелохнется на вѣткѣ" [1]).

Это полное красоты и задушевности художественное описаніе любимаго уголка лучше всего показываетъ, какъ глубоко вліяла на Сергѣя Николаевича природа вообще и въ особенности природа, окружавшая мирную, но и кипучую трудовую дѣятельность, работу „по собственной охотѣ", „съ веселыми лицами" и „съ пѣснями", „на чистомъ воздухѣ" и „подъ яснымъ солнцемъ". Такая природа не только хороша сама по себѣ, но и потому, что она составляетъ фонъ дружной, веселой работѣ, работѣ „не по неволѣ", потому что среди нея живутъ, въ ея атмосферѣ воспитываются и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ складываются такія простыя, цѣльныя и понятныя чистой дѣтской душѣ натуры, какъ Егорычъ. Къ нимъ-то, къ этимъ людямъ, близкимъ природѣ и на самое лоно природы и стремится маленькій Сережа во всякое время и особенно, когда „было горе на душѣ", или „какіе-нибудь неразрѣшимые вопросы заполняли голову", или „когда случались какія-нибудь непріятности", или просто когда „набѣгаешься и устанешь". Здѣсь на пчельникѣ мальчикъ находилъ то, что искалъ—„тишину, какой-то особый міръ—спокойный, ясный, хорошій. Душа тамъ какъ-то успокаивается, горе и непріятности забываются", а затѣмъ еще и этотъ хорошій человѣкъ—Егорычъ, „добрый и умный, который всегда ласкалъ и баловалъ Сережу, и котораго и самъ Сережа любилъ".

Ходилъ Сережа къ Егорычу по большей части вечеромъ, передъ заходомъ солнца, когда начинается или заканчивается уборка пчелъ на ночь.

„Окончивши уборку, онъ обыкновенно крестился на образъ (Зосимы и Савватія) и шелъ что-нибудь ужинать. Въ деревняхъ вѣдь рано ужинаютъ. Пища у него была самая простая: картофельная похлебка, или жидкая пшенная кашица (кулешъ), а иногда пирогъ съ гречневой начинкой, простой черный пирогъ, изъ ситной только муки. Все это стряпали ему дома жена съ дочерью и приносили на пчельникъ. А потомъ онъ по большей части питался тюрею; накрошитъ, бывало, въ чашку зеленаго луку, положитъ соли, разотретъ ложкою и нальетъ квасомъ, а не случится кваса, такъ и воды нальетъ; потомъ накрошитъ черваго хлѣба,—вотъ и все. И выходило довольно вкусное кушанье, по крайней мѣрѣ, такъ находилъ Сережа, особенно, если можно было покрошить туда свѣжихъ огурцовъ и какой-нибудь соленой рыбы. Его-

[1]) См. Тамъ же.

рычъ говорилъ, что отъ этого кушанья человѣкъ всегда „здоровше бываетъ"... А иногда Егорычъ вдругъ откуда-то приносилъ чашечку съ медомъ, съ самымъ чистымъ и душистымъ сотовымъ медомъ. Самъ онъ, какъ и большинство настоящихъ пчелинцевъ, не любилъ медъ и никогда его не ѣлъ, а „про хорошихъ гостей" всегда имѣлъ немного въ запасѣ".

Поужинать Сережѣ простыми блюдами Егорыча, въ его простой обстановкѣ, въ его интересномъ обществѣ, большое удовольствіе. Но еще большее удовольствіе пойти съ нимъ на охоту на перепеловъ... А онъ опытный и умѣлый охотникъ, и при томъ не на однихъ только перепеловъ, но и съ ружьемъ. Какъ не любить его ребенку при такихъ условіяхъ! И Сережа дѣйствительно любилъ его всей своей чистой дѣтской душею... Но кромѣ того, онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей дворней и очень дружилъ съ мальчиками-сверстниками, особенно съ тремя, помогавшими садовникамъ въ уходѣ за садомъ и пріучавшимися къ садоводству. Страстно любя птицъ, маленькій Сережа считалъ враговъ ихъ и особенно охотившихся за ними кошекъ—своими врагами, ведя съ ними, при помощи и содѣйствіи мальчиковъ-садовниковъ, непримиримую войну. Съ этими мальчиками жилъ онъ „душа въ душу"; они считали себя индѣйцами, а на котовъ смотрѣли, по меньшей мѣрѣ, какъ на тигровъ. У каждаго мальчика было самодѣльное вооруженіе, какъ и у Сережи, и прежде всего лукъ со стрѣлами.

„Все дѣлалось ими обыкновенно сообща, по заранѣе составленному плану. Жили эти мальчики все лѣто въ особыхъ шалашахъ, похожихъ на кочевыя юрты... Сережа очень любилъ своихъ пріятелей, дѣлившихъ съ нимъ всѣ опасности, горе и радости. Ему было съ ними гораздо веселѣе, чѣмъ съ сестрою и меньшимъ братомъ: сестра, какъ дѣвочка, больше всего въ куклы играла, а братъ былъ еще слишкомъ малъ для „серьезныхъ" приключеній... Мало ли что могло случиться,—садъ вѣдь былъ большой, и были въ немъ мѣста довольно глухія"...

Было, разумѣется, и много другихъ игръ и занятій. Особенно интересовали Сережу и его товарищей животныя и птицы. Они знали чуть ли не каждый кустикъ въ саду, чуть ли не каждую норку крота или ласки.

„Всѣ птичьи гнѣзда, начиная отъ вороньяго и до маленькаго гнѣздышка подкоренника, были извѣстны на перечетъ и чуть ли даже не была извѣстна каждая птица. По крайней мѣрѣ, прилетитъ, бывало, какая-нибудь птичка, которую прежде не было видно, смотришь, кто-нибудь ужъ и кричитъ: „А, знаю, это изъ большой куртины, тамъ у нея гнѣздо"... Маленькихъ птичекъ они никогда не трогали и гнѣздъ ихъ не разоряли, а напротивъ, старались беречь и охранять ихъ. Конечно, если случалось, что появлялась какая-нибудь необыкновенная птица, въ родѣ сивоворонки и свиристели, то всѣ старались поймать ее, чтобы посмотрѣть поближе, какая она такая, или если ужъ очень хороша, то

взять домой, или же старались найти ея гнѣздо и дождаться, когда она выведетъ маленькихъ, а затѣмъ взять одного и самимъ выкормить. Но, вообще, это было довольно рѣдко. Птицъ у нихъ и безъ того всегда было не мало, потому что всегда были то вывалившіеся изъ гнѣзда птенчики, то сироты, у которыхъ кошки съѣли отца и мать, то какъ-нибудь затерявшіеся и отставшіе отъ родителей, которыхъ надо было выкармливать. Во время сѣнокоса косцы всегда находили въ полѣ и приносили Сережѣ маленькихъ перепелятъ... Иногда захватывали на гнѣздѣ и мать. Тогда она ходила съ ними совершенно какъ курица: подзывала ихъ къ корму, скликала, когда онѣ далеко разбѣгались, садилась и подбирала ихъ всѣхъ подъ крылья и т. п. Жили онѣ въ особой комнатѣ около кухни, гдѣ имъ постилалось на полу сѣно, въ которомъ онѣ и прятались, точно будто въ полѣ. Въ этой комнатѣ жили и другія птицы, а зимою тамъ былъ цѣлый птичникъ: синицы, снигири, овсянки, коноплянки, щеглы и проч. летали тамъ совсѣмъ свободно безъ клѣтокъ и весело чирикали свои пѣсенки. Кромѣ птицъ у Сережи были и разные звѣри: маленькіе лисички, ласки, сурки, кролики и волченокъ. Волченокъ этотъ былъ такой ручной, что ходилъ за Сережей, какъ собаченка: куда Сережа, туда и онъ [1]).

Любовь къ животнымъ, воспитавшаяся у Сергѣя Николаевича въ раннемъ дѣтствѣ, сохранилась у него на всю жизнь. Животныя, инстинктомъ угадывая въ немъ друга, какъ-то особенно быстро привыкали къ нему и явно чувствовали себя въ его отсутствіе выбитыми изъ колеи. Однажды— по разсказамъ брата его, Александра Николаевича,—десяти-двѣнадцатилѣтній Сережа выкормилъ пару птицъ, а самъ вслѣдъ за этимъ уѣхалъ въ корпусъ. Птицъ этихъ какъ-то упустили; онѣ сѣли на вершину стараго клена и, несмотря на то, что долго оставались безъ пищи, не шли на усиленный зовъ къ корму. Тогда отцу Сергѣя Николаевича пришла мысль надѣть форменную фуражку Сережи съ краснымъ околышемъ. Замѣтя это, птицы такъ и бросились къ нему на плечи, но, разобравъ обманъ, сорвались и стали кружиться надъ нимъ и жалобно кричать, то подлетая къ нему, то отлетая назадъ.

Знакомые Сергѣя Николаевича хорошо знаютъ и помнятъ его любовь къ канарейкамъ, которыхъ онъ держалъ, впрочемъ, и для какихъ-то научныхъ наблюденій. Онѣ проживали у него въ квартирѣ даже въ Петербургѣ многими десятками. Когда въ 1884 г. Сергѣй Николаевичъ былъ арестованъ, а квартира его опечатана на нѣсколько дней, много канареекъ погибло отъ жажды и голода. Объ этой никому ненужной и возмутительной жестокости онъ говорилъ неохотно и избѣгалъ, по возможности, вспоминать о ней. Всѣ любители птицъ въ Петербургѣ знали его, а среди Ярославскихъ крестьянъ, торгующихъ канарейками, у него было много прія-

---

[1]) Тамъ же.

телей и даже искреннихъ друзей. Очевидцы разсказываютъ объ удивительно трогательныхъ сценахъ встрѣчи его, по возвращеніи изъ ссылки, съ многими изъ этихъ его друзей. Семья крестьянина-торговца М. долго не могла говорить отъ волненія, когда Сергѣй Николаевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, послѣ невольнаго отсутствія, пришелъ къ нимъ. Старикъ М., наконецъ, не выдержалъ и расплакался, а затѣмъ сталъ горячо его обнимать и цѣловать. Плакала и старуха, безъ конца крестя и цѣлуя его. Такъ встрѣчали Сергѣя Николаевича и другіе друзья его изъ числа тѣхъ, у которыхъ, по пословицѣ „шуба овечья, да душа человѣчья“. Вообще любовь къ животнымъ, къ птицамъ, къ пчеламъ, знаніе ухода за ними и умѣнье, въ связи съ этимъ, собственноручно сдѣлать необходимыя для такого ухода приспособленія создавали для Сергѣя Николаевича постоянный поводъ сближенія съ деревенскимъ простымъ людомъ, къ которому его всегда тянуло и котораго, въ свою очередь, инстинктивно влекло къ нему. Куда бы не попадалъ Сергѣй Николаевичъ, въ какой бы обстановкѣ онъ ни былъ—въ Петербургской ли редакціи, на своей ли землѣ въ Черноморьѣ, на родинѣ ли въ Тамбовской губерніи или въ далекой ссылкѣ,—у него, едва ли не прежде всего, завязывались связи съ маленькими людьми, среди которыхъ скоро находились преданные и даже самоотверженные друзья. Онъ такъ умѣлъ находить общіе съ ними интересы, такъ понималъ ихъ нужды, что они сразу, полусознательно угадывали въ немъ доброжелателя, человѣка съ чуткой душой, болѣющаго ихъ интересами, и горячо привязывались къ нему.

На этой сторонѣ характера Сергѣя Николаевича намъ придется останавливаться еще не разъ. Теперь же мы отмѣчаемъ ее съ цѣлью установить непосредственную связь этой черты его характера съ тѣми особенностями его дѣтской жизни, которыя имѣли наибольшее воспитательное значеніе для него. Въ дѣтской душѣ Сергѣя Николаевича было заложено такъ много впечатлѣній общихъ съ тѣми, на которыхъ воспитывается крестьянская масса, что онъ на всю жизнь остался близокъ къ ней по этимъ впечатлѣніямъ и связаннымъ съ нимъ интересамъ. Онъ выросъ среди деревенской природы, онъ любовался зорями и звѣздами, онъ наблюдалъ за тучами и росами, онъ слѣдилъ, откуда вѣтеръ врывается въ пчельникъ, зналъ, какъ и въ связи съ какой погодой кричатъ перепела, какъ летаютъ галки, онъ любилъ дѣятельный міръ пчелъ, понималъ наслажденіе добровольнаго труда на чистомъ воздухѣ, онъ цѣнилъ простоту обстановки пчелинца Егорыча и его умѣренность, онъ любилъ его невзыскательную пищу, а потому и эта природа, и эти наполняющіе ее звуки, и этотъ міръ животныхъ, и эта простота, и работа—все это было такъ же близко ему, какъ и любому жителю деревни, такъ же знакомо и родственно, какъ любому крестьянину, члену великой народной семьи. Народникомъ, въ смыслѣ близости къ на-

роднымъ интересамъ, сродственности вкусовъ, въ смыслѣ взаимнаго понимания и жизни на лонѣ природы, Сергѣй Николаевичъ былъ гораздо раньше, чѣмъ его коснулись вѣянія кающагося дворянства. Онъ былъ народникомъ по своему воспитанію среди деревенской природы и возбуждаемыхъ ею интересовъ, общихъ съ интересами народа; потому что росъ среди дѣтей народа, дѣлилъ съ ними свои дѣтскія радости и горести больше, чѣмъ съ людьми близкими ему по происхожденію и матеріальному достатку, потому что привыкъ видѣть въ нихъ черты достойныя любви и уваженія, потому что находилъ среди нихъ искреннее отношеніе и между собой и къ нему, словомъ, потому что и дѣти народа любили его.

Попытки объясненія народничества крылатымъ терминомъ „кающееся дворянство" далеко не все объясняютъ. Разумѣется, были народники изъ чуждой народу среды, по убѣжденію, по сознанію долга. Немногіе изъ нихъ дошли до признанія необходимости слиянія съ народомъ, опрощенія. Заложенные въ нихъ чужой, не народной средой инстинкты и влеченія не допускали до этого сознанія. Но были и народники по воспитавшейся въ нихъ съ пеленокъ близости къ народу, по органическому сродству съ нимъ, лишь впослѣдствіи освѣщенному сознаніемъ и критической мыслью. Такіе народники были стойче, послѣдовательнѣе и выдержаннѣе. Къ нимъ, какъ видно изъ приведенныхъ свѣдѣній о воспитательныхъ вліяніяхъ въ его дѣтствѣ, принадлежалъ и Сергѣй Николаевичъ Кривенко.

Тенденціи „кающагося дворянства" едва ли рано коснулись его. Отецъ и мать Сергѣя Николаевича были люди достаточные, хотя и не богатые, и не имѣли поводовъ выжимать соки изъ своихъ крестьянъ. Жестокостію они, какъ уже было сказано, не отличались. Съ этой стороны, сознаніе помѣщичьей вины передъ крестьянствомъ, по крайней мѣрѣ въ раннемъ дѣтствѣ, едва ли могло явиться у него.

Что касается тѣхъ идейныхъ вліяній, которыя въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживались уже въ интеллигентныхъ верхахъ русскаго общества, то они достигали Сергѣя Николаевича, повидимому, лишь въ самой незначительной мѣрѣ.

Въ годъ рожденія Сергѣя Николаевича Герценъ уже вынужденъ былъ оставить Россію. Кружокъ Петрашевскаго дѣятельно распространялъ уже соціалистическія ученія Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона и др. Проснулись стремленія къ политической свободѣ, и дворяне-конституціоналисты заговорили кое-гдѣ объ ограниченіи самодержавія. Однако, и конституціонная монархія уже не удовлетворяла самые передовые кружки. Политической свободы, по ихъ мнѣнію, было еще слишкомъ мало. Даже „республика", по убѣжденію Герцена, была лишь „неминуемое начало освобожденія народовъ", лишь „первый шагъ, безъ котораго не можетъ быть

второго“... А вся суть именно въ этомъ второмъ шагѣ, заключающемся въ экономическихъ преобразованіяхъ, согласныхъ съ коммунистическими взглядами русскаго народа и съ соціалистическими ученіями западныхъ мыслителей. Коммунизмъ русскихъ крестьянъ, хотя и „неразвитой“, Герценъ усматривалъ въ деревенской поземельной общинѣ и находилъ „большое счастіе“ въ томъ, что Россія сохранила общину. Этого счастья, по его мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ „не надобно выпускать изъ рукъ“, такъ какъ иначе страна погрязнетъ въ культѣ собственности и мелкаго мѣщанства, какъ это случилось уже съ Западной Европой.

Если къ этимъ взглядамъ Герцена добавить его убѣжденіе въ наличности какой-то особенной русской народной психологіи, полной неотразимаго обаянія и высоко оригинальной, и если принять во вниманіе одушевлявшее его и близкихъ ему людей „чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому складу ума“, то нужно будетъ признать, что многія крупныя черты и основы русскаго народничества въ значительной мѣрѣ уже обозначались во время ранняго дѣтства Сергѣя Николаевича. Но изъ семейнаго круга эти черты и основы не доходили до него. Его тяготѣнье къ народу пришло прежде всего прямо изъ жизни, изъ его близости въ дѣтствѣ къ народу и къ природѣ, изъ всей обстановки его ранняго воспитанія въ деревнѣ, въ семьѣ, не создавшей искусственныхъ препятствій къ сближенію дѣтей съ крестьянами и къ знакомству съ ихъ нуждами и интересами. Вліяніе освободительнаго движенія того времени на мальчика начинается нѣсколько позже, хотя все еще въ раннемъ возрастѣ, когда, согласно старымъ дворянскимъ традиціямъ, его отдаютъ въ средне-учебное заведеніе—въ кадетскій корпусъ.

„Опредѣлили“ Сергѣя Николаевича въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Но такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были только младшіе классы, то оставался онъ здѣсь не долго и, кажется, уже года черезъ два былъ переведенъ въ Воронежъ, въ преобразованную изъ корпуса военную гимназію. Приблизительно къ этому же времени относится одно небольшое событіе въ его жизни, указывающее, что на немъ уже начали сказываться вліянія времени, что онъ уже кое-что читалъ, кое о чемъ думалъ, что голова его работала не надъ одними только школьными науками. Событіе это относится ко времени, когда ему было 12—13 лѣтъ. Въ этомъ именно возрастѣ домъ отца Сергѣя Николаевича посѣтилъ извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, очевидно, сразу замѣтившій, что мысль мальчика усиленно работаетъ.

— А что—обратился онъ къ нему, подозвавъ къ себѣ,—читалъ Бюхнера Stoff und Kraft?

— Читалъ, признался мальчикъ.

— И раздѣляешь?

— Раздѣляю, не моргнувъ отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ну, а какъ же на счетъ тѣлесныхъ наказаній?—лукаво спросилъ „владыко“.—Объ этомъ мы еще съ тобой побесѣдуемъ.

Названная книга Бюхнера, какъ одно изъ первыхъ изложеній матеріалистическаго міровоззрѣнія, производила въ то время большое впечатлѣніе и считалась „запрещенной“. Усвоивъ устанавливаемое въ ней соотношеніе между матеріей и силой, мальчикъ понялъ скрытый смыслъ вопроса митрополита, который, очевидно, желалъ сказать: если ты не вѣришь въ самостоятельность духовной природы человѣка и выводишь ее изъ природы матеріальной, то долженъ признать и матеріальныя воздѣйствія, т. е. тѣлесныя наказанія. Сергѣй Николаевичъ былъ очень заинтересованъ предстоящей бесѣдой съ знаменитымъ „княземъ церкви“, плохо спалъ ночь, но на утро предполагаемая бесѣда почему-то не состоялась.

Мальчикъ читалъ въ это время не одного только Бюхнера. Жизнь въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кипѣла ключемъ и ярко отражалась въ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь устраивались чтенія, велись постоянные диспуты, учреждались библіотеки, издавались ученическіе журналы, листки и проч. Сергѣй Николаевичъ пользовался всѣмъ этимъ широко и, повидимому, жилъ полной жизнью.

Теперь трудно представить себѣ, какой огромный переворотъ происходилъ тогда въ обществѣ и народѣ, какія крупнѣйшія переживанія совершались въ нихъ. Падало, а затѣмъ и пало крѣпостное право, и приспособленіе къ новымъ условіямъ, вызваннымъ этимъ паденіемъ, шло—что называется—по всей линіи жизни. Сталкивались личные интересы, появились на сценѣ дотолѣ почти невѣдомые принципы, идеи. Переоцѣнивались всѣ понятія о народѣ, о сословіяхъ, о народномъ благѣ, объ отечествѣ, о власти, о человѣкѣ вообще, о семьѣ, о природѣ, о душѣ, о Богѣ. Во всѣ закоулки жизни проникала новая свѣжая струя, и страна бодро съ юношевскимъ молодымъ порывомъ переживала свою весну.

Въ области соціально-политическихъ теченій самымъ сильнымъ было то, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и шедшіе съ нимъ сначала рука объ руку Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе дѣятели „Современника“. Сознавая необходимость политическаго переустройства Россіи, какъ это видно изъ приведенныхъ выше словъ Герцена о переходныхъ ступеняхъ въ образѣ правленія, дѣятели эти наиболѣе важное значеніе придавали, однако, экономическимъ преобразованіямъ страны. Въ этой области они предусматри-

вали появленіе и развитіе новыхъ факторовъ: крупныхъ промышленныхъ капиталовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и вообще переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, но въ то же время сознавали, что сущность дѣла въ Россіи не въ промышленномъ капитализмѣ, а въ сельскомъ хозяйствѣ. „Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ"—писалъ Чернышевскій въ 1857 г.—„важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ, по преимуществу, земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства". Имѣя это въ виду и видя, „какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату", Чернышевскій энергично взывалъ: „да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы".

Разумѣется, доброжелательное и даже любовное отношеніе къ общинѣ Герцена, Чернышевскаго и др. основывалось прежде всего на симпатіяхъ ихъ къ русскому народу и къ его бытовымъ особенностямъ. Герценъ горячо вѣрилъ въ крестьянство, неоднократно выражалъ это и находилъ, что трудовая жизнь крестьянъ въ сельско-хозяйственной обстановкѣ представляетъ незамѣнимо благопріятныя условія для физическаго и душевнаго здоровья. Крестьянскую массу, по его мнѣнію, не только можно, но и должно было поднять до положенія господствующаго класса, чтобы пересоздать на основаніяхъ, заложенныхъ въ поземельной общинѣ, соціальный строй и осуществить политическій идеалъ Герцена—федеральную славянскую республику. Любовь его къ народу и воспитанная еще въ московскихъ кружкахъ того времени вѣра въ народъ нашли подтвержденіе, по отношенію къ экономическимъ устоямъ народной жизни, въ соціалистическихъ ученіяхъ Западной Европы, которыя онъ горячо воспринялъ, болѣе или менѣе отожествляя ихъ съ русской общиной и артелью. Чернышевскій и Добролюбовъ, въ свою очередь, стояли на народной соціалистической почвѣ. Къ нимъ примыкали Михайловъ и Серно-Соловьевичъ, тоже сотрудничавшіе въ „Современникѣ".

Сначала движеніе имѣло попреимуществу мирный характеръ. Многіе надѣялись итти рука объ руку съ правительствомъ, рѣшившимся на освобожденіе крестьянъ. Общество несомнѣнно питало большое довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Герценъ.

Молодежь была одухотворена желаніемъ учить народъ и стремилась преподавать въ воскресныхъ школахъ, которыя открывались тогда въ значительномъ числѣ и въ столицахъ и въ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальный характеръ движенія вызывалъ необходимость усиленнаго изученія народнаго быта вообще и экономической жизни въ особенности. Политическія формы были болѣе или менѣе извѣстны по европейскому опыту, собственно же соціальныя представлялись совершенно не изслѣдованными, а потому привлекали къ себѣ большое вниманіе. Вмѣстѣ съ изученіемъ экономическаго положенія народа и экономическихъ вопросовъ вообще, изучался народный бытъ: собирались народныя сказанія, пѣсни, повѣрья, обнаружился интересъ къ расколу, обычному праву и т. п.

Однако, періодъ вѣры въ то, что все обойдется просто и мирно, „по хорошему" продолжался не долго. Правительство не имѣло въ виду удовлетворить весьма многія изъ заявленныхъ тогда соціальныхъ требованій. Оно относилось отрицательно и къ чисто политической сторонѣ движенія, которое хотя и не глубоко, но существовало, особенно среди дворянства, расчитывавшаго въ передовыхъ своихъ слояхъ компенсировать конституціоннымъ образомъ правленія свои потери, обусловливаемыя отмѣной крѣпостного права. Группа дворянъ-конституціоналистовъ была, впрочемъ, не велика, такъ какъ большинство помѣщиковъ по своему умственному уровню и нравственному развитію стояло слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было политическихъ запросовъ. Передавая часть ихъ не опиралась, такимъ образомъ, ни на значительную группу дворянъ, ни на массу крѣпостного крестьянства, которое, разумѣется, не пошло бы съ ней рука объ руку. Самое главное же — передовое дворянство не могло разсчитывать на буржуазію, сыгравшую въ Западной Европѣ въ конституціонномъ движеніи рѣшительную роль. У насъ не было буржуазіи, а невѣжественное купечество не могло ея замѣнить. Поэтому, политическое движеніе у насъ, не связанное съ соціальнымъ, наиболѣе понятнымъ народу, не имѣло подъ собой почвы и не могло разсчитывать на успѣхъ. Правительство считалось съ этимъ и потому нисколько не церемонилось съ политическимъ движеніемъ. Попытки дворянъ высказаться по этому поводу, равно какъ и заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній объ ихъ конституціонныхъ вожделѣніяхъ, въ лучшемъ случаѣ, игнорировались правительствомъ, а еще чаще вызывали репрессіи. Правительство, сознававшее необходимость преобразованій, не отказывалось въ то же время и отъ реакціонныхъ дѣйствій,—что особенно обнаружилось назначеніемъ на мѣсто умершаго гр. Ростовцева Панина. Когда же выяснилось, что актъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ не удовлетворилъ ни этихъ послѣднихъ, ни интеллигенцію, реакціонное настроеніе правительства стало сказываться съ особой настой-

чивостью. Грандіозные пожары 1862 г. въ С.-Петербургѣ и въ провинціи объяснялись какъ проявленія соціальной и политической революціи, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, по которому они были частью случайными, частью актами контръ-революціонеровъ, въ своемъ родѣ черной сотни шестидесятыхъ годовъ. Боясь пропаганды революціонныхъ идей въ народѣ, правительство закрыло воскресныя школы и другія просвѣтительныя учрежденія, возникшія по частному почину передовой интеллигенціи. Начались аресты: были арестованы Чернышевскій, Писаревъ и др. Настроеніе въ пользу мирнаго разрѣшенія назрѣвшихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ все болѣе и болѣе слабѣло. На этой почвѣ между Герценомъ и Чернышевскимъ произошелъ разладъ еще, повидимому, въ 60 г. Послѣдній изъ этихъ крупнѣйшихъ вождей движенія, очевидно, не вѣрилъ въ мирный исходъ его, Герценъ же, видѣвшій въ Европѣ ужасы революціи 1848 г., отказывался вступить на путь революціонной борьбы и считалъ необходимымъ исчерпать всѣ возможныя мирныя средства, хотя и признавалъ, что освобожденіе крестьянъ не освободило, а еще болѣе закабалило ихъ въ экономическомъ отношеніи. Молодежь, однако, извѣрилась въ мирные пути и стояла на сторонѣ революціи. Она оказала поддержку польскому возстанію 1863 г. и подготовляла соціальный переворотъ внутри Россіи. Въ томъ же году возникло тайное общество „Земля и Воля“, главнымъ дѣятелемъ котораго былъ Серно-Соловьевичъ. Къ нему примкнулъ извѣстный профессоръ военно-юридической академіи П. Л. Лавровъ и многіе другіе представители интеллигенціи. Движеніе распространялось и на военную среду и на высшія военныя училища; были даже спеціально офицерскіе революціонные комитеты.

Сообщество „Земля и Воля“ особенно настаивало на организаціи революціонныхъ силъ, стремясь замѣнить стихійный характеръ движенія организованнымъ. Оно вело свое революціонное дѣло исключительно на почвѣ народныхъ интересовъ, т. е., главнымъ образомъ, трудового крестьянства, предоставленіе которому земли и воли ставилось во главу угла. Общество это желало, чтобы частной собственности на землю не было, чтобы земля принадлежала странѣ, чтобы каждое селеніе пользовалось надѣломъ на общинномъ правѣ, при которомъ передѣлы происходили бы черезъ сравнительно большіе промежутки времени. Оно желало вызвать движеніе крестьянъ и направить его на господствующій режимъ; оно желало привлеченія „образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, своихъ собственныхъ“.

Правительство поспѣшило, разумѣется, разгромить это общество. Ему помогла вспышка патріотическихъ чувствъ, вызванная польскимъ возстаніемъ, къ которому охладѣла и интеллигенція, какъ только выяснился его

узко-національный и помѣщичій характеръ. Реакція приняла крупные размѣры, распространяясь подъ вліяніемъ громовыхъ статей Каткова и на нѣкоторые общественные круги.

Таковы были общественныя теченія, когда Сергѣй Николаевичъ воспитывался въ Воронежской военной гимназіи. Общественныя движенія этого времени проникали и въ закрытыя учебныя заведенія, режимъ которыхъ уже значительно измѣнился по сравненію съ предшествовавшей эпохой. Среди воспитанниковъ чувствовался подъемъ, и шла усиленная работа мысли, а гимназическое начальство не предпринимало противъ этого рѣшительныхъ мѣръ. Сергѣй Николаевичъ или самъ издавалъ въ Воронежской гимназіи ученическій журналъ, или, заставъ его уже издающимся, принялъ въ немъ близкое участіе. Литературныя склонности, такимъ образомъ, обнаружились въ немъ довольно рано. Онъ уже тогда выдѣлялся среди другихъ и былъ центромъ кружка саморазвитія учащихся. Въ одной изъ своихъ статеекъ въ этомъ журналѣ Сергѣй Николаевичъ не особенно лестно отозвался о своемъ гимназическомъ начальствѣ и, между прочимъ, о директорѣ гимназіи, генералѣ Ватаци. Послѣдній узналъ объ этомъ, но имѣлъ достаточно такта, чтобы не сдѣлать изъ этого обычной гимназической исторіи. Онъ, повидимому, успѣлъ уже оцѣнить даровитаго и чистаго душей мальчика и послѣ его статейки не только не измѣнилъ своего хорошаго отношенія къ нему, но, напротивъ того, сталъ къ нему еще внимательнѣе. Это доброе расположеніе къ Сергѣю Николаевичу Ватаци сохранилъ до конца своей жизни, когда его ученикъ покончилъ уже счеты съ учебными заведеніями.

При такомъ директорѣ, какъ Ватаци, запрета на мысль въ гимназіи, очевидно, не было. Воспитанники жили полной жизнью и интересовались, насколько это было возможно въ закрытомъ учебномъ заведеніи, общественнымъ движеніемъ. Весьма вѣроятно, что и въ средѣ преподавателей были разные представители этого движенія. Въ то время очень часто по своему значенію для учащихся выдѣлялись учителя словесности. Въ Воронежской военной гимназіи такимъ былъ Де-Пуле, извѣстный біографъ Никитина и Кольцова. Онъ несомнѣнно игралъ нѣкоторую роль въ развитіи Сергѣя Николаевича, тепло относившагося къ нему и впослѣдствіи. Вспоминая о Де-Пуле, по поводу его смерти, въ одномъ частномъ письмѣ, относящемся къ 1885 г., Сергѣй Николаевичъ писалъ, что это былъ несомнѣнно „порядочный человѣкъ, несмотря на то, что писалъ иногда въ „Русс. Вѣстн.“ и въ „Руси“. Неправильно онъ смотрѣлъ на нѣкоторыя вещи, это правда, но кто зналъ его хорошо, тотъ зналъ также и то, что происходило это не отъ дурного какого-нибудь источника, а просто потому, что человѣкъ такъ ужъ смотрѣлъ и понималъ“. Поэтому „Москов. Вѣд.“ и „Русскій Вѣстн.“ не признавали въ немъ своего человѣка. Для нихъ онъ былъ слишкомъ

независимъ. Когда онъ умеръ, эти изданія не сказали о немъ ни единаго своего слова, ограничившись лишь перепечаткой изъ „Новаго Времени“, что вотъ умеръ-де такой-то писатель, который былъ большимъ идеалистомъ и занимался преподавательской дѣятельностью. „Ужасно мнѣ хочется—продолжалъ Сергѣй Николаевичъ—сказать объ этомъ человѣкѣ доброе слово и о тѣхъ старыхъ спорахъ, какіе онъ велъ со мною, еще мальчикомъ. Разошлись мы съ нимъ разъ совсѣмъ въ разныя стороны; я очень вспылилъ, и другой, конечно, могъ бы мнѣ повредить (онъ былъ учителемъ очень вліятельнымъ въ совѣтѣ и помощникомъ инспектора классовъ), а онъ мнѣ вотъ что сказалъ: „хоть мы съ вами и расходимся такъ далеко, что врядъ ли когда-нибудь сойдемся, но позвольте мнѣ все-таки крѣпко пожать вамъ руку“. И такъ крѣпко пожалъ руку и столько оказалъ мнѣ этимъ сочувствія, что я и теперь это помню. Тогда мнѣ, помню, это доставило удовольствіе, какъ торжество надъ учителемъ, удовольствіе чисто мальчишеское, а теперь вотъ я иное совсѣмъ удовольствіе испытываю, когда вспоминаю это и весь тотъ споръ. Темы для сочиненій онъ мнѣ давалъ очень трудныя или самому предоставлялъ выбирать, а его темы всегда вертѣлись около народа, народныхъ идеаловъ, вѣрованій, обычаевъ, взглядовъ и т. п. За занятіями моими онъ очень слѣдилъ, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ источниками, а иногда нарочно задастъ какую-нибудь скользкую тему и посмѣивается, какъ-то я съ ней справлюсь. Поспорили мы съ нимъ въ первый разъ вотъ изъ-за чего: дана мнѣ была такая тема—„Іоаннъ Грозный въ мнѣніи русскаго народа“. Я перерылъ всю исторію, всѣ пѣсни и былины и нашелъ такія двѣ былины, о какихъ онъ и не зналъ, а между тѣмъ онѣ, какъ нельзя лучше, подтверждали мой взглядъ, съ которымъ онъ никакъ не хотѣлъ согласиться. А послѣдній споръ былъ по поводу Некрасова и Чернышевскаго“. „Можетъ быть—прибавляетъ съ грустной ироніей на свой счетъ Сергѣй Николаевичъ къ этому письму—я и соберусь что-нибудь о немъ написать, а можетъ быть, только сборами и ограничусь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ“.

Дѣйствительно, Сергѣй Николаевичъ не собрался написать о Де-Пуле, но вспоминалъ его всегда съ добрымъ чувствомъ. Де-Пуле не привилъ Сергѣю Николаевичу новыхъ отношеній къ народу, такъ какъ симпатіи къ послѣднему Сергѣй Николаевичъ вынесъ еще изъ своей деревенской жизни, но онъ несомнѣнно поддержалъ эти симпатіи и, быть можетъ, научилъ его глубже заглядывать въ народную жизнь и стремиться къ ея всестороннему познанію. Съ этой стороны, Де-Пуле, не будучи народникомъ въ смыслѣ Герцена и Чернышевскаго, внесъ свою лепту въ народничество Сергѣя Николаевича, симпатіи котораго къ этому направленію несомнѣнно замѣчались уже въ Воронежской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе

на народную пѣсню, повѣрья и прочія стороны народнаго быта, Де-Пуле избавилъ, быть можетъ, Сергѣя Николаевича отъ слишкомъ односторонняго увлеченія одними экономическими вопросами и своимъ отношеніемъ къ самостоятельному ученику подалъ прекрасный примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ мнѣніямъ. Эти черты—отсутствіе узости во взглядахъ и широкая терпимость и вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ—выпукло выдѣлялись въ характерѣ Сергѣя Николаевича во всю его жизнь и составляли истинное украшеніе его духовной личности. И очень вѣроятно, что на развитіе ихъ Де-Пуле, дѣйствительно, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое вліяніе.

Вообще въ Воронежской гимназіи Сергѣй Николаевичъ уже значительно опредѣлился и въ смыслѣ характера и въ смыслѣ убѣжденій, насколько это было возможнымъ для юноши его возраста. Здѣсь же онъ началъ писать не только для учителей и ученическаго журнала, но и для себя и, быть можетъ, съ надеждой печататься. 15-ти лѣтъ отъ роду онъ написалъ уже огромную статью о современныхъ русскихъ женщинахъ-писательницахъ, главнымъ образомъ, о М. К. Цебриковой и о Е. И. Конради. Статья эта долго у него хранилась; онъ не отдавалъ ее для напечатанія, такъ какъ впослѣдствіи самъ находилъ ее слишкомъ восторженной, но въ ней уже сказались его литературныя дарованія и серьезное вдумчивое отношеніе къ литературнымъ вопросамъ.

Въ воронежскомъ же корпусѣ получили доступное для юноши обоснованіе и безсознательныя раньше, привитыя впечатлѣніями дѣтства, склонности Сергѣя Николаевича къ народу, любовь и стремленіе къ его быту и труду. Здѣсь начало складываться у него цѣльное міровоззрѣніе народника, видѣвшаго исходъ бѣдствіямъ страны въ полномъ сліяніи интеллигенціи съ народомъ, въ развитіи и въ осуществленіи совокупными ихъ силами соціальныхъ идеаловъ народа.

Въ указѣ объ отставкѣ Сергѣя Николаевича значится, что въ службу онъ „вступилъ изъ воспитанниковъ Михайловской Воронежской военной гимназіи въ первое военное Павловское училище юнкеромъ, куда и прибылъ 1865 года августа 23-го“. Начальникомъ училища въ это время былъ извѣстный затѣмъ военный министръ и, пожалуй, еще болѣе извѣстный потомъ министръ народнаго просвѣщенія—П. С. Ванновскій. Вспоминая о немъ по поводу его смерти, Сергѣй Николаевичъ въ одной изъ своихъ начатыхъ, но неоконченныхъ, къ сожалѣнію, рукописей, писалъ, что изъ множества „всякихъ начальниковъ и наставниковъ“, которымъ „ввѣряли“ его судьбу, ни отъ одного изъ нихъ „я не претерпѣлъ столько муштры, въ видѣ распеканій, наставленій и карцернаго сидѣнія, какъ отъ П. С. Ванновскаго, и тѣмъ не менѣе, когда онъ умеръ, мнѣ очень жаль его и

хочется сказать о немъ доброе слово. Не за муштру и наставленія, которыя для меня, какъ для человѣка уже сложившагося, были совершенно безполезны и тѣмъ болѣе не за карцерное пребываніе, безъ котораго можно было обойтись, а за то, что слѣдуетъ цѣнить въ человѣкѣ даже противоположныхъ убѣжденій: передъ вами была опредѣленная величина, человѣкъ твердыхъ, опредѣленныхъ убѣжденій и служебнаго долга, который, будучи требовательнымъ къ другимъ, подчиненнымъ, и самъ никогда не забывалъ своихъ обязанностей". Сергѣй Николаевичъ имѣлъ не мало тому доказательствъ и объ одномъ случаѣ, характерномъ для Ванновскаго съ этой стороны, будетъ сказано ниже. Теперь же нужно отмѣтить, что пребываніе во главѣ учебнаго заведенія человѣка вѣрнаго служебному военному долгу, понимаемому въ смыслѣ николаевскаго военнаго режима, разумѣется, не было благопріятно для развитія учащихся этого учебнаго заведенія. Ванновскій не любилъ того „вольнаго" духа, который вѣялъ въ училищѣ со всѣхъ сторонъ, и самъ, насколько это было въ его силахъ, ограждалъ юнкеровъ отъ новыхъ теченій.

Давалось это, однако, ему очень не легко. Движеніе въ пользу освобожденія личности отъ оковъ невѣжества и традицій было слишкомъ сильно, чтобы ему могли противустоять отдѣльныя лица. Сверстникъ и товарищъ Сергѣя Николаевича по первому Павловскому училищу—А. Н. Куропаткинъ, навсегда сохранившій о немъ самыя теплыя воспоминанія, удостовѣрялъ намъ о выдающемся въ то время стремленіи молодежи къ пріобрѣтенію знаній и къ чтенію. Хотя онъ и Сергѣй Николаевичъ были въ разныхъ ротахъ училища, но общая для всѣхъ библіотека сближала ихъ. Книги въ библіотекѣ имѣлись преимущественно въ единственныхъ экземплярахъ, и юнкерамъ, желавшимъ читать наиболѣе ходкія въ то время изданія, приходилось записываться въ очередь, за которой сами же юнкера ревниво слѣдили. Благодаря этому, всѣ наиболѣе интересовавшіеся самыми современными въ то время вопросами, обсуждавшимися въ печати, близко знали другъ друга, слѣдили за тѣмъ, кто—что читаетъ, сколько времени держитъ книгу, какую успѣлъ уже прочесть и т. д. При такихъ условіяхъ и А. Н. Куропаткинъ зналъ, что и какъ читалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ утверждаетъ, что этотъ послѣдній „весь ушелъ въ книгу", весь отдался чтенію, былъ увлеченъ, поглощенъ имъ. Сергѣй Николаевичъ зачитывался Оуэномъ, Прудономъ, а изъ русскихъ писателей особенно цѣнилъ Чернышевскаго и другихъ сотрудниковъ „Современника". Въ товарищеской средѣ шли нескончаемые разговоры на политическія и соціальныя темы, а подчасъ и оживленные споры. Среди юнкеровъ І-го Павловскаго училища особенно выдѣлялись нѣкто Т. и Сергѣй Николаевичъ. Первый—властная, сильная натура—представлялъ собой явно выраженный типъ вождя; второй

импонировалъ своимъ глубоко вдумчивымъ отношеніемъ къ „проклятымъ вопросамъ“, своей проникновенной добротой, чистотой своей жизни, даже своихъ помысловъ, своимъ исключительнымъ безкорыстіемъ, постоянной готовностью поступиться своими интересами, простотой и нетребовательностью и глубокой вѣрой въ правду жизни. Красивый, прекрасно сложенный, онъ сознательно развивалъ въ себѣ физическую силу и, дѣйствительно, достигъ въ этомъ отношеніи большихъ успѣховъ. Онъ признавалъ уже въ это время обязательность личнаго физическаго труда и „опрощенія“. Трудъ и опрощеніе были для него и соціальной правдой и необходимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ—путь къ моральному очищенію. Если полныхъ своихъ послѣдователей въ военномъ училищѣ Сергѣй Николаевичъ находилъ не слишкомъ много, то несомнѣнно, по словамъ мало сходившагося съ нимъ по убѣжденіямъ, но высоко цѣнившаго его А. Н. Куропаткина, онъ имѣлъ крупное и выдающееся вліяніе на расширеніе кругозора своихъ товарищей и на повышеніе ихъ нравственнаго уровня. Онъ вліялъ на отвлеченіе ихъ отъ пьянства, разгула, разврата и вообще отъ прожиганія жизни, увлекалъ ихъ къ чтенію и книгѣ и, что называется, заставлялъ ихъ вникать въ серьезные вопросы и думать надъ ними.

Онъ искренне ненавидѣлъ всѣ соціальныя перегородки и, не вдаваясь въ крайности, отрицалъ всѣ шаблонныя условности. Движеніе, извѣстное подъ названіемъ нигилизма, достигшее именно въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ кульминаціонной точки своего развитія, затронуло и его. Въ это время среднее и высшее образованіе сдѣлались доступными не только дворянству, но и другимъ сословіямъ. Отмѣна крѣпостного права, въ свою очередь, выдвинула на сцену, такъ называемыя, среднія и низшія сословія. Замкнутость дворянства была разрушена. Помѣщики и ихъ дѣти сталкивались теперь съ крестьянствомъ не только при выполненіи барщины, но и въ школѣ, и въ земствѣ, и въ торговлѣ, и иногда даже на службѣ. Появился разночинецъ, не связанный традиціями барскаго этикета, и вмѣстѣ съ „низшими сословіями“ понизилъ требованія къ тому, что называется внѣшней воспитанностью. Демократизація общества, подъ вліяніемъ новой жизни, сдѣлалась всеобщей. Стремленіе къ равенству коснулось всѣхъ сторонъ быта: и равенства въ правахъ сословій вообще, и въ правахъ на образованіе въ частности, и равенства половъ, и равенства дѣтей въ семьѣ, и лицъ, живущихъ личнымъ наймомъ и т. п. Въ такихъ рамкахъ демократизація связана съ пониженіемъ личныхъ требованій, съ самосовершенствованіемъ, съ пересмотромъ этическихъ началъ, различныхъ традицій и условностей, съ сильнымъ повышеніемъ критической мысли. Это движеніе, будучи вызвано дѣйствительными реальными условіями жизни, естественно было связано съ реализмомъ въ наукѣ вообще, съ естествознаніемъ въ

частности. Молодежь жадно читала Бюхнера, Молешота, Дарвина, Бокля, Огюста Конта, Спенсера и др. Изъ русскихъ писателей этой стороны направленія шестидесятыхъ годовъ особымъ успѣхомъ пользовались Писаревъ и Зайцевъ, писавшіе въ „Русскомъ Словѣ". Шла усиленная работа и въ области воспитанія и перевоспитанія. Дѣвушки не отставали отъ юношей и настойчиво стремились къ образованію, нерѣдко разрывая съ семьями и уѣзжая на женскіе курсы. Въ порывѣ сильнаго молодого протеста противъ традицій прошлаго молодежь не избѣгла рѣзкостей и внѣшней утрировки, но твердо стояла на идейной почвѣ. Нигилизмъ ея носилъ нерѣдко бурный революціонный характеръ, но это была революція по преимуществу въ духовной—интеллектуальной и моральной областяхъ.

На почвѣ „нигилистической" внѣшности у Сергѣя Николаевича произошелъ въ Павловскомъ училищѣ „инцидентъ" съ грозой юнкеровъ—Ванновскимъ. Какъ-то вечеромъ къ Сергѣю Николаевичу неожиданно явился въ училище старый его товарищъ и другъ по воронежскому корпусу—Ладыгинъ, исключенный изъ корпуса за сильное увлеченіе физикой и полную неуспѣшность въ другихъ предметахъ.

Это былъ крупный, выдающійся человѣкъ, изобрѣвшій нѣсколько позже электрическое освѣщеніе и предвосхитившій идею лампочекъ Эдиссона. Онъ получилъ за свое изобрѣтеніе Ломоносовскую премію и имѣлъ на него привилегію. Для эксплоатаціи изобрѣтенія образовалась даже фирма „Ладыгинъ, Козловъ и К°"; фонари ея горѣли одно время на Большой Морской у Флорана, но дѣло въ Россіи не пошло, и уполномоченный фирмы, Козловъ, продалъ изобрѣтеніе Эдиссону, который и разработалъ окончательно идею Ладыгина. Но все это было позже. Въ то же время, о которомъ идетъ рѣчь, Ладыгинъ, послѣ работы простымъ поденщикомъ-молотобойцемъ въ Тулѣ, пробрался въ Петербургъ, частью пѣшкомъ, частью на тормазахъ товарныхъ вагоновъ. Въ обычномъ костюмѣ рабочаго, достаточно-таки грязный, нечесанный и немытый явился онъ въ Павловское училище и на бѣду попался на глаза Ванновскому. Генеральское сердце послѣдняго не выдержало такого „неприличія", и онъ тутъ же началъ отчитывать дерзкаго нигилиста.

— „Въ какомъ вы видѣ?"—набросился онъ на Ладыгина—„безъ галстуха, въ простыхъ сапогахъ... Какой вы, примѣръ подаете моимъ юнкерамъ, я здѣсь хозяинъ и не потерплю"... и т. д. въ томъ же родѣ.

Ладыгину, послѣ такой хозяйской любезности, оставалось только уйти, что онъ не замедлилъ сдѣлать.

Сергѣй Николаевичъ, вынужденный, въ силу военной дисциплины, молча перенести эту безобразную сцену, бросилъ въ сторону Ванновскаго, по уходѣ Ладыгина, только одну короткую фразу:

— Это мой товарищъ,—сказалъ онъ, но сказалъ, повидимому, такимъ тономъ, что Ванновскій остановился.

— Кто такой этотъ вашъ товарищъ?—спросилъ онъ, глядя на блѣдное негодующее лицо своего подчиненнаго.

Сергѣй Николаевичъ объяснилъ, не приминувъ упомянуть, за что онъ былъ удаленъ изъ корпуса и указавъ, что Ладыгинъ спеціально занимается электро-техникой и прибылъ въ Петербургъ учиться.

Ванновскій пришелъ въ себя и въ немъ заговорила человѣческая струнка.

— Ступайте къ нему—сказалъ онъ—и передайте, что я могу быть ему полезнымъ.

— Послѣ случившагося Ладыгинъ не воспользуется вашей любезностью,—отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— А вы все-таки ступайте и передайте ему то, что я сказалъ вамъ.

— Но это безполезно...

— Прошу васъ не разсуждать и дѣлать то, что вамъ говорятъ. Съ отвѣтомъ вы явитесь ко мнѣ на квартиру.

Не имѣя права ослушаться, Сергѣй Николаевичъ отправился къ Ладыгину, и такъ какъ это было вечеромъ, да онъ еще и позамѣшкался, то вернулся уже поздно — часовъ въ 12. Ванновскій еще не спалъ и при входѣ Сергѣя Николаевича нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ

— Ну что?—встрѣтилъ онъ вошедшаго.

— Какъ я уже говорилъ вашему превосходительству, Ладыгинъ не принялъ вашего предложенія.

Отрицательное отношеніе къ нигилизму со стороны нѣкоторыхъ слоевъ общества и начальствующихъ лицъ вполнѣ соотвѣтствовало начавшейся уже въ то время реакціи не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ. Герцена, въ его вліяніи на широкіе круги болѣе или менѣе культурной части населенія, смѣнилъ уже Катковъ, гремѣвшій и о польской интригѣ, и о русской измѣнѣ. Всѣ видные дѣятели „Земли и Воли“ были арестованы, а общество взволновалось новымъ политическимъ дѣломъ Каракозова и Ишутина.

Кружокъ Ишутина возникъ въ 1865 году въ Москвѣ. Онъ ставилъ своей цѣлью соціалистическую пропаганду въ народѣ при посредствѣ школъ, артелей, потребительныхъ товариществъ и т. п. На деньги члена кружка Ермолова предполагалось купить фабрику Мальцева, чтобы широко вести на ней революціонное дѣло. Затѣмъ, въ намѣреніе кружка входило вызвать волненіе въ крестьянской средѣ. Думали, что лучшимъ средствомъ для этого

было бы, если кто-либо изъ крестьянъ, исходя изъ недовольства народа актомъ 19 февраля 1861 г., произвелъ бы покушеніе на жизнь Государя Императора. Однако, по злой ироніи судьбы, это злодѣяніе взялъ на себя неизлѣчимо больной дворянинъ Каракозовъ. Представитель же „низшихъ“ сословій, мѣщанинъ Комисаровъ, явился спасителемъ Государя. При такой постановкѣ этого покушенія народъ объяснилъ послѣднее местью со стороны дворянъ Царю за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ негодованію крестьянъ присоединилось общее отвращеніе общества къ убійству вообще, а къ цареубійству въ особенности.

Такимъ образомъ, почва для общественной реакціи несомнѣнно существовала, а правительство, пользуясь этимъ, придало ей рѣшительный и рѣзкій характеръ. Послѣ покушенія Каракозова, по распоряженію графа Муравьева, отъ женщинъ и дѣвушекъ, имѣвшихъ внѣшній обликъ нигилистокъ, отбирались полицейскія подписки, обязывавшія ихъ не стричь волосъ, не носить синихъ очковъ и маленькихъ шляпъ, а носить шиньены, кринолины и т. п. Доходило дѣло до того, что нигилисткамъ полиціей выдавали даже на жительство желтые билеты проститутокъ. Аресты все росли и росли. Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты. Репрессіи, какъ это всегда практиковалось у насъ, были обращены не только на революціонное движеніе, но и на всѣ прогрессивные элементы. Все притихло, притаилось, но, разумѣется, не замерло.

При такомъ настроеніи правящихъ сферъ, вѣроятно, не одинъ Ванновскій спасалъ отечество отъ нигилистовъ. Но всѣ они вмѣстѣ, въ концѣ концовъ, способствовали, хотя и косвенно, только тому, чтобы движеніе приняло иное направленіе, чтобы изъ области интеллектуально-моральной оно перешло къ области соціальной и политической, чтобы изъ немногочисленныхъ и замкнутыхъ кружковъ оно распространилось на болѣе широкіе общественные круги. Главнымъ же образомъ къ такому повороту вели общія условія жизни, вызвавшія извѣстныя реформы шестидесятыхъ годовъ. Относительная, хотя и весьма скромная, свобода печати все-таки оживила литературу вообще, а газетное и журнальное дѣло въ частности и увлекла не мало новыхъ силъ. Судебныя и земскія учрежденія, въ свою очередь, требовали много просвѣщенныхъ идейныхъ людей. Предстояла огромная работа въ провинціи. Нужно было создать земскую школу, организовать народную медицину, нужны были культурныя начинанія въ области промышленности и особенно сельскаго хозяйства, нужно было ближе ознакомиться съ экономическими нуждами деревни, принять мѣры къ улучшенію положенія народа, организовать кустарные промыслы, озаботиться выгоднымъ сбытомъ продуктовъ народнаго труда, нужно было устроить дороги — эти нервы промышленной жизни, озаботиться санитарнымъ благоустройствомъ и т. д. и т. д., а главное

нужно было поднять уровень сознательности въ народѣ и создать, такимъ образомъ, могучее народное движеніе, направленное къ соціальному, культурному и политическому переустройству огромной страны.

Эти дѣйствительные, реальные запросы жизни вызывали вначалѣ среди молодежи и прогрессивной части населенія теченіе попреимуществу въ пользу мирной работы для народа. Но правительство не желало ея и, по своему обыкновенію, не различая эволюціоннаго отъ революціоннаго, давило и преслѣдовало и то и другое. Благодаря этому мысль о возможности мирной работы постепенно слабѣла; активныя силы общества склонялись къ революціоннымъ путямъ, явно отдавая при этомъ предпочтеніе соціальной сторонѣ дѣла передъ политической. На почвѣ этихъ путей произошелъ, какъ было уже отмѣчено, и разладъ между Герценомъ и Чернышевскимъ.

Политическое (либеральное) теченіе того времени было наиболѣе слабо. Дѣятели его не вели пропаганды, не разрабатывали, по крайней мѣрѣ, съ постоянной и неизмѣнной настойчивостью, вопроса о примѣненіи политической свободы въ условіяхъ русской жизни и не обнаруживали другихъ активныхъ дѣйствій, свойственныхъ политическимъ партіямъ. Большая часть практическихъ выступленій ихъ сводилась къ робкимъ газетнымъ и журнальнымъ статьямъ да, время отъ времени, къ подачѣ правительству петицій и адресовъ съ кое-какими намеками на необходимость конституціи.

Молодежь, разумѣется, не была на сторонѣ такой слабой силами и дѣйствіями группы лицъ, мечтавшихъ о политической свободѣ. Полная юношескаго воодушевленія, она стремилась къ болѣе широкимъ перспективамъ, къ болѣе всестороннимъ задачамъ. Соціальныя проблемы, ясно выступившія въ Россіи со времени освобожденія крестьянъ, захватывали ее глубже и серьезнѣе. Онѣ тѣсно были связаны съ моральными теченіями нигилизма и могли служить ареной для практическаго примѣненія самоусовершенствовавшейся и морально перевоспитанной личности.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ общественное теченіе въ этой области получило обоснованіе и выраженіе въ извѣстныхъ „Историческихъ письмахъ“ Лаврова, оказавшихъ на современную интеллигенцію исключительно крупное и выдающееся вліяніе. Строго обусловливая моральную личность и ея дѣйствія въ области практической жизни научнымъ пониманіемъ этой личностью соціальныхъ вопросовъ, Лавровъ находилъ, что извѣстный запасъ у человѣка нравственныхъ силъ необходимо долженъ вести къ практической работѣ въ области соціальныхъ идеаловъ и, наоборотъ, изученіе и разработка послѣднихъ, въ свою очередь, должна приводить къ жаждѣ нравственной жизни и практической дѣятельности по перестройкѣ общества. Моральной основой такой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должно быть сознаніе общественнаго долга. „Требованіе уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы

развитой личностью". Эти послѣднія, какъ надѣялся Лавровъ, поймутъ, что онѣ именно, какъ личности, „должны своею мыслію, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившагося; что онѣ именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что онѣ именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса".

Эту горячо выраженную и послѣдовательно развитую моральную основу прогрессивной работы, работы во имя общественнаго долга, въ уплату за то, что предыдущія поколѣнія и современныя массы населенія сдѣлали для интеллигенціи, предоставивъ ей возможность за счетъ ихъ лишеній и страданій возвыситься надъ общимъ уровнемъ,—отзывчиво и искренне усвоила молодежь конца шестидесятыхъ годовъ и во имя этого долга самоотверженно понесла крестъ общественнаго служенія.

Нѣсколько позже пущенный въ обиходъ терминъ „кающееся дворянство" лишь повторялъ идею общественнаго долга, формулированную Лавровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ суживалъ высокую идейную чистоту ея до вульгарныхъ понятій объ уплатѣ по опредѣленному счету и въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Только такое конкретизированіе этической формулы объ общественномъ долгѣ и могло привести впослѣдствіи къ пошлому торгу о томъ, уплаченъ ли долгъ народу или не уплаченъ.

Воспринимая нравственную обязательность служенія прогрессу массы населенія, молодежь конца шестидесятыхъ годовъ вѣрила также, что „внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало", что безъ личной критики—какъ говорилъ Лавровъ—„не добыта ни одна истина", что „безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнья бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія". Въ виду этого, исполняя свой общественный долгъ, уплачивая его массѣ народа, молодежь шла къ этому послѣднему съ свѣточемъ „истины и справедливости" и съ твердой рѣшимостью бороться за свои идеалы, не останавливаясь ни передъ лишеніями ни даже передъ жертвами.

Что касается самыхъ идеаловъ, то Лавровъ, по условіямъ тогдашней прессы, ставилъ ихъ въ концѣ своихъ „Историческихъ писемъ" лишь въ формѣ вопросовъ [1]). Беря изъ послѣднихъ части, содержащія положительныя утвержденія, получимъ, между прочимъ, слѣдующее.

„Неудовлетвореніе экономическихъ потребностей лежитъ въ основаніи всякой общественной болѣзни", въ виду чего „экономическое переустройство есть первый и необходимѣйшій шагъ во всякомъ общественномъ лѣ-

---

[1]) См. стр. 355—357 и др., изданія „Русскаго Богатства" 1905 года.

ченіи". Характеръ этого переустройства долженъ опредѣляться необходимостью установленія „солидарности между личностями и группами". Нужно принять „опредѣленный планъ возстановленія и усиленія разрушенной теперь въ обществѣ солидарности, опредѣленный планъ роста общественнаго сознанія", а слѣдовательно, установить тѣ „политическія формы", которыя „будутъ наиболѣе соотвѣтствовать новымъ экономическимъ формамъ производства, обмѣна и распредѣленія, потребности всесторонняго развитія личности и всеобщей коопераціи для коллективнаго общественнаго развитія".

Несмотря на неопредѣленность такой формулировки, уяснявшейся, впрочемъ, въ отдѣльныхъ письмахъ, явно соціалистическая тенденція ея остается внѣ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ отношеніи направленіе, идеологами котораго были Герценъ, Чернышевскій и др., остается неизмѣннымъ, но нѣкоторыя частности и тактическіе пріемы получаютъ болѣе разнообразную постановку.

Нѣкоторые кружки, оставаясь вѣрными долгу служенія массѣ народа, признаютъ желательнымъ дѣйствовать на народъ не непосредственно, а черезъ городскихъ рабочихъ. Другіе останавливаются по преимуществу на интеллигенціи, на подготовкѣ себя къ будущей дѣятельности, на научной работѣ и изслѣдованіяхъ въ области соціальныхъ вопросовъ. Всѣ, впрочемъ, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство, остаются вѣрными соціалистическимъ и по преимуществу народническимъ тенденціямъ.

Особенно ярко было движеніе въ пользу вліянія на студенчество и городскихъ рабочихъ, путемъ распространенія преимущественно разрѣшенныхъ, а частью и нелегальныхъ книгъ и изданій. Движеніе это, сорганизовавшееся въ 1869 году въ получившіе большую извѣстность кружки чайковцевъ, удерживалось первоначально на легальной почвѣ. Распространялись книги по естествознанію и особенно по соціологіи, главнымъ же образомъ, сочиненія Маркса, Лассаля, Пфейфера (о коопераціяхъ), Флеровскаго и др. Затѣмъ, устраивались собесѣдованія, чтенія, лекцій, читальни, библіотеки, кассы взаимопомощи, артели и потребительныя товарищества. Молодежь жила небольшими квартирами, получившими названіе „коммунъ", въ которыхъ шли безконечные споры и толки какъ по принципіальнымъ, такъ и тактическимъ вопросамъ. Но такая жизнь была лишь подготовкой къ дѣлу: сидѣніе въ городахъ начинало тяготить молодежь и въ ея средѣ стала зрѣть мысль о движеніи въ народъ...

II. Начало практической дѣятельности и обоснованіе ученія о физическомъ трудѣ, какъ основѣ соціальнаго строя.

17 іюля 1867 г. Сергѣй Николаевичъ, благополучно окончившій экзамены въ военномъ училищѣ, былъ произведенъ въ офицеры. Военная служба, при его склонностяхъ и убѣжденіяхъ, разумѣется, не улыбалась ему. Несмотря на всю „муштру“ П. С. Ванновскаго, о которой упоминаетъ Сергѣй Николаевичъ въ обрывкахъ своихъ воспоминаній о послѣднемъ, несмотря на всѣ „доводы“ грознаго генерала, онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ военной карьеры. Сдѣлать это было не легко. Ванновскій пустилъ въ ходъ всѣ возможныя средства, чтобы удержать въ военной средѣ Сергѣя Николаевича, недюжинныя способности котораго онъ успѣлъ замѣтить и оцѣнить. Онъ и грозилъ, и убѣждалъ, и соблазнялъ, обѣщая свою поддержку. Но все было напрасно. Сергѣй Николаевичъ былъ не изъ тѣхъ, которые приносятъ въ жертву карьерѣ свои убѣжденія. Онъ сдѣлалъ только одну неизбѣжную уступку—временно надѣлъ офицерскіе эполеты и поѣхалъ въ Усмань, гдѣ квартировалъ 72-й пѣхотный Тульскій полкъ, въ который онъ получилъ назначеніе. Къ мѣсту службы онъ прибылъ только черезъ два мѣсяца, а еще черезъ три мѣсяца—14 ноября того же года—былъ уже уволенъ отъ службы „по домашнимъ обстоятельствамъ“, 4-го же декабря, какъ значится въ его аттестатѣ о службѣ, „выключенъ изъ списковъ полка“.

О кратковременномъ пребываніи его въ Усмани имѣются лишь незначительныя и отрывочныя свѣдѣнія.

Отецъ Сергѣя Николаевича къ этому времени уже умеръ. Мать же, нѣсколько зимъ переѣзжавшая, въ цѣляхъ обученія младшихъ дѣтей въ Тамбовъ, съ назначеніемъ Сергѣя Николаевича въ Усмань, въ свою очередь, переѣхала туда, разсчитывая, что Сергѣй Николаевичъ будетъ заниматься обученіемъ своего младшаго брата—Ивана. Этотъ послѣдній не помнитъ, однако, чтобы предполагавшіяся занятія наладились и приняли скольконибудь систематическій характеръ. Въ памяти его тѣмъ не менѣе осталося, что братъ Сергѣй пріохотилъ его къ чтенію популярныхъ книгъ по естествознанію. Подъ его вліяніемъ Иванъ Николаевичъ еще ребенкомъ, въ Усмани, прочелъ Брема и съ тѣхъ поръ получилъ склонность къ естественнымъ наукамъ.

Сергѣй Николаевичъ и офицеромъ, какъ и юнкеромъ, продолжалъ много читать и работать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Въ свободное время онъ отдавался своимъ дѣтскимъ склонностямъ—много возился съ животными, а для больныхъ собакъ завелъ чуть ли не цѣлый лазаретъ.

Ружейную охоту онъ очень любилъ, но, повидимому, сдерживалъ себя въ этой страсти и самъ никогда не устраивалъ охоты, принимая лишь участіе въ тѣхъ охотахъ, которыя устраивалъ для него братъ Александръ Николаевичъ.

Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ жилъ съ Церпицкимъ, извѣстнымъ затѣмъ корпуснымъ командиромъ въ послѣдней русско-японской войнѣ, однимъ изъ немногихъ генераловъ, съ истиннымъ геройствомъ сопротивлявшимся японцамъ въ Мукденскихъ сраженіяхъ. Церпицкій былъ его товарищемъ по корпусу и по военному училищу и, какъ сирота, часто проводилъ праздники и каникулы въ семьѣ Кривенко. Они были разные люди, но Церпицкій горячо любилъ Сергѣя Николаевича и, повидимому, служилъ въ Усмани, главнымъ образомъ, для того, чтобы быть вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Церпицкій, по разсказамъ, не вызывалъ симпатій товарищей-офицеровъ, къ которымъ онъ относился съ нескрываемымъ раздраженіемъ, свысока третируя ихъ за пустоту ихъ жизни, мелочные интересы, сплетни и т. п. Отношенія же съ солдатами были у него несравненно лучшее. Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ и Церпицкій жили особнякомъ, съ сослуживцами по полку не сходились и не участвовали ни въ ихъ попойкахъ, ни въ кутежахъ.

Объ усманской жизни Сергѣя Николаевича въ памяти брата его Ивана Николаевича, тогда еще маленькаго мальчика, сохранился одинъ эпизодъ, вызывавшій, повидимому, много толковъ въ семьѣ. Въ одинъ морозный день къ Сергѣю Николаевичу пріѣхалъ какой-то офицеръ, вѣроятно, товарищъ его по Павловскому училищу. Онъ былъ бѣдно одѣтъ, въ полушубкѣ, очень спѣшилъ и имѣлъ печальный, удрученный видъ. Потомъ оказалось, что его куда-то ссылали въ дальній гарнизонъ. Кто былъ этотъ офицеръ, Иванъ Николаевичъ не могъ припомнить.

Мать Сергѣя Николаевича очень огорчалась его рѣшеніемъ выйти въ отставку и съ большимъ трудомъ примирилась съ совершившимся фактомъ. На этой почвѣ у нея было не мало непріятностей съ сыномъ. Боясь его вліянія на Ивана Николаевича, она поспѣшила помѣстить послѣдняго въ одну изъ московскихъ военныхъ гимназій.

Съ выходомъ въ отставку Сергѣй Николаевичъ жилъ зимній сезонъ, попреимуществу, въ С.-Петербургѣ, а лѣтній—въ имѣніи Никольскомъ-Кабаньемъ. Съ августа 1869 г. онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ Николаевичемъ, поступилъ въ Технологическій институтъ, въ которомъ занимался, повидимому, мало, но числился (кажется, вольно-слушателемъ) года два. Въ это-то время и началась его литературная дѣятельность.

Къ сожалѣнію, о первыхъ литературныхъ трудахъ Сергѣя Николае-

вича свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, это были небольшія газетныя замѣтки и статьи, помѣщавшіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. Но этой работой, служившей, между прочимъ, „подсобнымъ промысломъ“ для существованія, Сергѣй Николаевичъ не ограничивался. Въ это же время онъ началъ разработку двухъ интересовавшихъ его вопросовъ о физическомъ трудѣ и о различныхъ видахъ коопераціи на русской почвѣ.

Къ этимъ же годамъ относятся и первыя попытки его практической дѣятельности въ Тамбовской губерніи.

Началась эта дѣятельность не сразу. Она подготовлялась еще съ 1867 года, когда Сергѣй Николаевичъ молодымъ офицеромъ пріѣхалъ въ имѣніе своихъ родителей. Отца его въ это время уже не было въ живыхъ, а мать очень огорчалась, что Сергѣй Николаевичъ не сдѣлалъ по пріѣздѣ обычныхъ, считавшихся до нѣкоторой степени обязательными, визитовъ мѣстнымъ дворянамъ-воротиламъ въ уѣздѣ. Сдержано отнесся онъ, по воспоминаніямъ брата Александра Николаевича, и къ либеральнымъ земцамъ. Правда, отношенія съ ними не порвались, но и не закрѣпились, оставшись въ положеніи взаимно малознакомыхъ и болѣе или менѣе чуждыхъ другъ другу. Онъ искалъ совсѣмъ новыхъ знакомствъ и новыхъ связей.

Въ это время, по сосѣдству съ Никольскимъ, было большое имѣніе князей Волконскихъ—Павловка. Въ качествѣ управляющаго въ немъ проживалъ И. М. Мальневъ,—молодой человѣкъ—по общимъ отзывамъ знавшихъ его лично—не только замѣчательной общепризнанной красоты, но и выдающихся высокихъ душевныхъ качествъ: прямой и честный до наивности, добрый, отзывчивый, нигилистъ чистѣйшей пробы, но съ манерами, по воспитанію, а можетъ быть, и по рожденію, истиннаго аристократа. Происхожденіе его было покрыто тайной. Извѣстно было только, что родился онъ въ Сибири, а воспитаніе получилъ въ домѣ декабриста кн. Волконскаго, который горячо и искренно любилъ его. По образованію онъ былъ агрономъ, но глубоко интересовался соціальными вопросами и читалъ въ этой области, что называется, запоемъ. Онъ даже обѣдать садился не иначе, какъ съ книжкой. Какъ состоялось знакомство Сергѣя Николаевича съ Мальневымъ, мы не знаемъ. Но это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ и нѣжныхъ его друзей и, вѣроятно, первый знакомый его въ Тамбовской губерніи изъ числа лицъ съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Впослѣдствіи Мальневъ женился на сестрѣ Сергѣя Николаевича—Екатеринѣ Николаевнѣ. Къ сожалѣнію, лѣтъ черезъ пять послѣ этого онъ заболѣлъ психически и умеръ въ больницѣ на Удѣльной.

Сергѣй Николаевичъ, чтобы не стѣснять мать пріемами своихъ новыхъ знакомыхъ и быть самому самостоятельнѣе, перенесъ изъ общей усадьбы

на бугоръ за садомъ надъ самой рѣкой небольшой флигелекъ въ двѣ комнатки и поселился въ немъ. Къ великому соблазну сосѣднихъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, онъ отказался пользоваться „выѣздной“ тройкой и обычно запрягалъ себѣ небольшіе бѣговые дрожки. На упреки шокированныхъ этимъ родныхъ и знакомыхъ онъ отвѣчалъ, что „такъ мнѣ удобнѣе: я никого не отрываю отъ дѣла и свободнѣе располагаю самимъ собою“.

Уѣхавъ однажды на своихъ „бѣгункахъ“, Сергѣй Николаевичъ „пропадалъ“ нѣсколько дней, а затѣмъ неожиданно для домашнихъ возвратился съ цѣлой гурьбой своихъ новыхъ знакомыхъ. Представивъ ихъ матери, онъ прошелъ съ ними въ свой флигелекъ, который съ этого времени превратился въ штабъ-квартиру мѣстной молодежи съ опредѣленными взглядами и настроеніями.

Вмѣстѣ съ Мальцевымъ пріѣзжалъ его помощникъ по управленію Павловкой, тоже агрономъ А. С. Волосовичъ, уже поплатившійся за „неблагонадежность“ и отбывшій, въ видѣ наказанія, суровую солдатчину. Это былъ человѣкъ крупнаго ума и обширныхъ знаній, но, повидимому, уже съ разбитой жизнью. Онъ готовился занять профессорскую каѳедру, но въ это именно время былъ арестованъ и отданъ въ солдаты. Каѳедра была потеряна навсегда, а изъ человѣка науки и мысли россійскіе порядки сдѣлали „пушечное мясо“.

Съ этими двумя новыми знакомыми Сергѣя Николаевича, или независимо отъ нихъ, стали появляться и другіе. Въ числѣ ихъ были агрономъ Н. Г. Фрейбергъ, ведшій впослѣдствіи съ Сергѣемъ Николаевичемъ большое практическое дѣло на Кавказѣ, и кандидатъ правъ В. К. Оленинъ, тоже участвовавшій въ этомъ дѣлѣ. Позже онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончался. Пріѣзжало и нѣсколько другихъ лицъ, какъ изъ мѣстной интеллигенціи, такъ и изъ Петербурга. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ и П. В. Засодимскій.

Сергѣй Николаевичъ тоже ѣздилъ къ своимъ новымъ мѣстнымъ знакомымъ и тогда флигелекъ за садомъ пустѣлъ, замолкалъ. Но это бывало сравнительно рѣдко. Гораздо чаще въ немъ царило оживленіе, слышались громкое чтеніе и продолжительные разговоры. По наблюденіямъ очевидцевъ, уже тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ ярко сказывалась одна изъ основныхъ чертъ его характера, опредѣленно оттѣнявшая его высокую моральную силу. Самый молодой во всемъ кружкѣ, только что скинувшій ученическій, а затѣмъ и офицерскій мундиръ, юноша двадцати одного года, онъ былъ центромъ кружка лицъ, не только получившихъ высшее образованіе, но и обладавшихъ большой начитанностью, далеко незауряднымъ умственнымъ развитіемъ и уже болѣе или менѣе значительнымъ житейскимъ опытомъ.

Эта особенность его соединять и сближать людей между собою и

группировать у одного дѣла проявлялась у него, по воспоминаніямъ братьевъ, съ ранняго дѣтства, сопутствовала ему во всей его жизни и сохранилась до послѣднихъ дней. И это при томъ условіи, что онъ никогда не былъ ораторомъ и говорилъ, въ смыслѣ ораторскаго искусства, далеко не блестяще. Въ спорахъ онъ всегда участвовалъ, но говорилъ мало, умѣя, однако, въ двухъ-трехъ фразахъ или пролить новый свѣтъ на вопросъ или поставить его на опредѣленный путь.

Поэтому принципіальные споры въ присутствіи Сергѣя Николаевича происходили рѣдко. Шли не столько споры, сколько разговоры, безконечные разговоры о проклятыхъ вопросахъ, о практическихъ выходахъ, о литературѣ. Здѣсь много читали, всѣмъ интересовались. Въ флигелькѣ получались „Отечественныя Записки“, „Дѣло“, „Недѣля“ и другія періодическія изданія. Проникала сюда и заграничная литература. По разсказамъ Александра Николаевича—брата Сергѣя Николаевича,—послѣдній, кромѣ вопроса объ артеляхъ, корпораціяхъ и физическомъ трудѣ, горячо интересовался тогда вопросами общиннаго землевладѣнія въ Россіи, а также штундизмомъ, сектанствомъ и религіозными отщепенствами вообще. По этимъ вопросамъ онъ много читалъ и собиралъ матеріалы.

Здѣсь же, въ флигелькѣ за садомъ, созрѣла и мысль о переходѣ отъ разговоровъ къ дѣлу. Съ общаго согласія былъ организованъ кружокъ. Возникъ онъ, какъ разсказывалъ впослѣдствіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ самъ Сергѣй Николаевичъ, въ началѣ 1869 года. Въ составъ его, кромѣ этого послѣдняго и богатой помѣщицы г-жи Б., входили: мѣстный мировой судья, судебный слѣдователь, докторъ, четыре агронома, два юриста, два мѣстныхъ помѣщика—кандидата на земскія должности и нѣсколько „неприсоединившихся еще вполнѣ прозелитовъ и прозелитокъ“. Кружокъ желалъ занять въ уѣздѣ положеніе, которое дало бы ему „возможность направить народную жизнь къ лучшему, къ охранѣ ея отъ бюрократическаго произвола и экономической эксплоатаціи“. Для этого онъ долженъ былъ „дѣйствовать и на экономической и на юридической почвѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ земствѣ“, долженъ былъ „имѣть своихъ докторовъ, судей, агрономовъ, школьныхъ учителей и т. д.“ Для этого же имѣлось въ виду „устраивать больницы и школы, банки и промышленныя ассоціаціи, а впослѣдствіи и фабрики“; предполагалось показать примѣръ „раціональнаго хозяйства, пользу введенія машинъ, выгодность лучшаго сѣвооборота“; проектировалось снимать землю большими участками, чтобы раздавать ее по той же цѣнѣ по мелочамъ, освобождая, такимъ образомъ, крестьянъ отъ переплатъ съемщикамъ, выдавать авансы подъ работу, чтобы избавить ихъ отъ невыгодъ зимней наемки, устраивать болѣе выгодный сбытъ ихъ произведеній, чтобы избавить ихъ отъ скупщиковъ

и т. д.“ Самому Сергѣю Николаевичу, пріѣзжавшему для работы въ кружкѣ на теплое время года, предназначалась слѣдующая роль: онъ долженъ былъ окончить Технологическій институтъ и, пригласивъ какого-нибудь товарища, организовать промышленныя артели и одинъ большой общинный заводъ, который помѣщался бы въ центрѣ нѣсколькихъ деревень въ районѣ дѣятельности кружка и давалъ бы населенію зимній заработокъ.

Работа шла успѣшно. Не жалѣли ни средствъ, которыхъ было достаточно, ни силъ. Наряду съ обычной культурной работой въ области медицинской, народообразовательной и юридической, кружокъ велъ дѣло и съ землей. Онъ завѣдывалъ имѣніями, арендовалъ ихъ и въ общемъ располагалъ болѣе чѣмъ 10-тью тыс. десятинъ. Съ такимъ земельнымъ фондомъ онъ существенно вліялъ на пониженіе арендной платы на сдаваемыя крестьянамъ земли, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ этой области началась сильная спекуляція. Пользуясь крестьянскимъ малоземельемъ, владѣльцы, арендаторы и крупные съемщики земли сильно поднимали наемную на нее цѣну. Кружокъ же немедленно понижалъ ее, благодаря чему, какъ разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ,—

„вся его земля разбиралась и спросъ на землю ослабѣвалъ, а земля тѣхъ, кто игралъ на повышеніе, оставалась неразобранной или падала въ цѣнѣ... Весьма нерѣдко крестьянинъ предпочиталъ сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ, какъ это ни тяжело и ни неудобно, лишь бы только снять землю у кружка и не переплачивать за сосѣднюю землю. Впрочемъ, тутъ играли важную роль и нѣкоторыя льготы, которыя допускались кружкомъ, а другими землевладѣльцами не допускались: дозволялось, напр., давать за землю меньшій задатокъ, дозволялось остальныя деньги разсрочивать на два срока, вмѣсто одного, или отсрочивать не до жатвы, не до перваго снопа, какъ обыкновенно дѣлалось, а до Покрова, напр., или вообще до продажи хлѣба“. [1])

Къ сожалѣнію, кружку не удалось добиться того, чтобы крестьяне сами снимали въ долгосрочную аренду землю большими участками и тѣмъ избавились бы отъ съемщиковъ-кулаковъ. Несмотря на очевидныя выгоды такой съемки, крестьяне постоянно уклонялись отъ нея. Разумѣется,—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—у нихъ были на то „свои соображенія и затрудненія, для насъ малопонятныя, а для нихъ и весьма невыгодныя, но тѣмъ не менѣе, трудно устранимыя“.

Стремясь къ регулированію поземельныхъ отношеній, кружокъ стремился также

„къ регулированію заработной платы, стараясь гарантировать ее отъ неестественнаго пониженія. Когда осенью и зимою къ крестьянину

[1]) „Отечествен. Зап.“ 1881 г., № 12. „По поводу внутрен. вопросовъ“.

приходила нужда, и онъ вынужденъ былъ продавать свой будущій трудъ вдвое, втрое, и иногда и вчетверо дешевле, то желающихъ пользоваться этимъ, конечно, всегда было не мало. Мало-по-малу, зимняя наемка сдѣлалась правиломъ обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ хозяевъ: если бы кто не запасся рабочими зимою, то лѣтомъ ему предстояло или платить много дороже обыкновеннаго, такъ какъ оставались ненанятыми только болѣе самостоятельные домохозяева, или же остаться совсѣмъ безъ рабочихъ. Если же первые рабочіе эшелоны, состоявшіе изъ болѣе нуждавшихся крестьянъ, находили нанимателя, который предъявлялъ достаточный спросъ на руки и не желалъ пользоваться ихъ положеніемъ, а выдавалъ имъ авансомъ болѣе или менѣе нормальную плату, даже хотя бы съ учетомъ ея изъ извѣстнаго %, то положеніе нѣсколько измѣнялось: менѣе нуждавшіеся, конечно, не торопились наниматься, и, во всякомъ случаѣ, уже придерживались этой цѣны, принимая ее за minimum. Цѣна труда не падала такъ быстро. Повторяю, что это возможно было, разумѣется, опять-таки только въ извѣстномъ районѣ и при условіи достаточнаго спроса на руки. Опредѣленіе размѣровъ платы и аванса было для нѣкоторыхъ любителей цѣлою процедурою: заручившись урочнымъ положеніемъ, курсами политической экономіи, цѣнами продуктовъ, цифрами наемки прежнихъ лѣтъ и т. п. данными, они высчитывали десятыя доли копеекъ съ удивительнымъ педантизмомъ; но какъ бы тамъ ни было, а кружокъ, во всякомъ случаѣ, платя гораздо дороже другихъ, никогда въ убыткѣ не былъ, потому что крестьянинъ, нанявшись прежде всѣхъ у него, къ нему первому шелъ и на работу и, получивъ настоящую плату, работалъ лучше, да и не имѣлъ такой сильной надобности нахватать работы сверхъ своихъ силъ, какъ это было въ тѣхъ случаяхъ, когда, не получивъ отъ нанимателя необходимой суммы, онъ сейчасъ же бѣжалъ къ другому, а отъ другого къ третьему нанимателю. Благодаря этому или же агрономическимъ знаніямъ, а вѣрнѣе — и тому, и другому вмѣстѣ, хозяйство кружка шло гораздо лучше, чѣмъ у другихъ, такъ что очень многіе обращались къ нему за совѣтами и справками".

Не были оставлены безъ вниманія и цѣны на хлѣбъ.

„Крестьянамъ говорилось, чтобы они не открывали цѣнъ, не продавали хлѣбъ первыми и придерживались той цѣны, которая будетъ назначена крупными продавцами. Исполненіе этого совѣта было едва ли не наиболѣе труднымъ, но мало-по-малу крестьяне стали поручать продажу своего хлѣба членамъ кружка, пристраивая свой хлѣбъ къ ихъ партіи и прося только хоть немного, хоть 1 р. на четверть „задаточку". Вообще, довѣріе крестьянъ замѣтно возрастало и отношенія становились гораздо лучше, чѣмъ были два года тому назадъ." [1])

Дѣятели кружка все болѣе и болѣе сплачивались, часто собирались вмѣстѣ и обсуждали и свои дѣла и общіе вопросы. „Говорили свободно, безъ всякихъ опасеній, что кто-нибудь сдѣлаетъ для васъ непріятность, а

---

[1]) Тамъ же, стр. 221 и 222.

для себя интересъ. Да и происходило тогда, при отсутствіи всякой цензуры, какъ-то гораздо меньше нецензурныхъ разговоровъ. На эти импровизированныя собранія приходили иногда и крестьянинъ и сельскій учитель. Каждый приходилъ съ полнымъ довѣріемъ и приносилъ и высказывалъ кто радость, кто горе, кто мучившую его мысль". Въ послѣдній разъ— разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, больше всего обсуждались и дебатировались два вопроса—объ организаціи выкупа земель, заложенныхъ въ банкахъ, для передачи ихъ крестьянамъ и объ устройствѣ постояннаго образцоваго хутора, гдѣ хозяйство было бы послѣднимъ словомъ агрономической науки, гдѣ были бы введены всевозможныя машины и могли бы работать нѣсколько новыхъ членовъ кружка, которые должны были пріѣхать и образовать *образцовую сельскохозяйную общину.* При хуторѣ предполагалась школа и практическія занятія".

Такую общину, по мнѣнію главныхъ дѣятелей кружка, удобнѣе было организовать гдѣ-нибудь въ глуши на Кавказѣ, пригласивъ въ нее побольше крестьянской молодежи изъ Тамбовской губерніи. Остановившись на этомъ, кружокъ принялъ уже мѣры къ осуществленію дѣла, но тутъ-то уѣздное и губернское воронье всполошилось, закаркало. Въ предположенной общинѣ усмотрѣли уже опасную организацію, „какую-то шайку", „какое-то развѣтвленіе" чего-то и т. д. [1]). Тамбовскій кружокъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность, не просуществовавъ даже полныхъ трехъ лѣтъ. Возродился онъ уже въ иномъ мѣстѣ, въ иной организаціи и отчасти въ иномъ составѣ.

Лица, знающія причины прекращенія дѣятельности кружка, отмѣчаютъ спеціальную роль въ его гибели одного мѣстнаго помѣщика-администратора М., имѣвшаго развязность втихомолку считать себя не только однокашникомъ, но и другомъ Герцена. Сначала онъ былъ, дѣйствительно, передовымъ человѣкомъ, всѣмъ интересовался, много читалъ и проч. Но затѣмъ, страхъ передъ начальствомъ и крѣпостническія склонности взяли перевѣсъ. Онъ даже либеральную мысль, взятую изъ подцензурнаго журнала, говорилъ не иначе, какъ шопотомъ, а слово „правительство" совсѣмъ не рѣшался произнести, а только какъ-то особо моргалъ глазами и указывалъ кивкомъ головы по направленію къ Петербургу, или таинственно произносилъ: „тамъ... такъ думаютъ, такъ хотятъ"...

Этотъ господинъ, когда дѣятельность кружка стала развиваться, вызвалъ къ себѣ Сергѣя Николаевича пригласительной запиской черезъ сотскаго и сразу показалъ свои настоящіе зубы. Онъ сталъ обвинять Сергѣя

---

[1]) Тамъ же, стр. 223.

Николаевича въ томъ, что послѣдній бунтуетъ народъ, пропагандируя какое-то переселеніе на Кавказъ, чего какъ ему извѣстно, очень не одобряютъ въ Петербургѣ. Принимая далѣе личину доброжелателя, М. „во имя своихъ добрыхъ отношеній съ покойнымъ батюшкой“ Сергѣя Николаевича предупреждалъ его, что вліятельныя особы уѣзда, если Сергѣй Николаевичъ не прекратитъ своей „вредной“ дѣятельности, заручились уже согласіемъ на его „высылку изъ края“.

Этотъ разговоръ представлялъ большой интересъ для Сергѣя Николаевича и его друзей, между прочимъ, и съ той стороны, что мысль о переселеніи на Кавказъ и о приглашеніи туда крестьянскихъ юношей, держалась ими въ большой тайнѣ. Объ этомъ намѣреніи знало всего нѣсколько человѣкъ, да стѣны флигелька за садомъ. Какъ узнали объ этой мечтѣ г. М. и его друзья—крѣпостники—это осталось, къ сожалѣнію, не выясненнымъ.

Какъ бы то ни было, Сергѣю Николаевичу пришлось покинуть свое родное село Никольское, т. е., по крайней мѣрѣ, по долгу не засиживаться въ немъ. Интересы его съ этого времени сосредоточиваются, съ одной стороны, въ Петербургѣ, а съ другой—на Кавказѣ.

Время его жизни въ Петербургѣ еще кое-кто помнитъ. Въ его маленькой квартиркѣ постоянно толпились товарищи и пріятели: „Мы не рѣдко оставались у него ночевать“—вспоминаетъ одинъ изъ очевидцевъ—и безцеремонно ложились на его кровати, на диванѣ, на стульяхъ, а онъ почти всегда на полу, съ книгами и газетами подъ головою вмѣсто подушки. Уговорить его взять подушку или одѣяло не было никакой возможности. У него это не была игра въ Рахманова или безсознательная подражательность моднымъ образцамъ. Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ былъ глубоко убѣжденный человѣкъ и на всю жизнь остался такимъ, какимъ рисуютъ его современники въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Всю жизнь свою онъ считалъ для себя нравственно обязательнымъ сводить свои потребности до minimum'a и дѣлиться съ другими послѣднимъ. Онъ отрицалъ по отношенію къ себѣ всякій комфортъ и не допускалъ какихъ бы то ни было личныхъ услугъ себѣ. Никто во всю его сознательную жизнь не чистилъ ему платья и сапогъ, никто не подметалъ и не убиралъ его комнаты. Все это онъ дѣлалъ всегда самъ, и даже передъ смертью, едва держась на ногахъ, не допускалъ никакихъ услугъ себѣ. „Вотъ, когда совсѣмъ слягу“—говорилъ онъ—„ну, тогда ужъ дѣлайте сами“...

Для людей, не привыкшихъ согласовать слово и дѣло, убѣжденіе и жизнь,—всѣ эти черты характера Сергѣя Николаевича не больше какъ „чудачества“ неисправимаго идеалиста; но для тѣхъ, кто зналъ его и былъ вообще способенъ цѣнить все значеніе моральныхъ устоевъ жизни, эти

черты представляютъ ничто иное, какъ проявленіе чрезвычайно выдержаннаго могучаго характера человѣка, замѣчательно цѣльнаго, чистаго и сильнаго духомъ.

Живя въ Петербургѣ, Сергѣй Николаевичъ нерѣдко отдавалъ обращавшимся къ нему за деньгами буквально послѣдній рубль. „Бывало и такъ"—вспоминаетъ о немъ братъ его Александръ Николаевичъ—„отдастъ Сережа все до копейки, а самъ бѣжитъ на Петербургскую сторону доставать денегъ. Если достанетъ, то принесетъ что-нибудь поѣсть, а не достанетъ, то и такъ уляжемся спать".

Вообще вопросы личной и общей морали не были для Сергѣя Николаевича звукомъ пустымъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ къ нимъ относились серьезно и строго. Въ связи съ ними общество, и особенно молодежь, глубоко интересовались вопросами личнаго самоусовершенствованія и особенно той стороной ихъ, которая ближайшимъ образомъ касалась усовершенствованія соціальнаго строя. Этой послѣдней чертой движеніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ рѣзко отличалось отъ стремленій къ тому самоусовершенствованію, выразителемъ котораго въ восьмидесятыхъ годахъ явился Л. Н. Толстой, отодвигавшій своей проповѣдью непротивленія злу и смиренія всѣ прежнія стремленія къ скорѣйшему улучшенію соціальнаго строя на самый задній планъ, пріурочивая это улучшеніе ко времени, когда нравственное перерожденіе человѣчества сдѣлается совершившимся фактомъ. Не такъ смотрѣли на этотъ вопросъ дѣятели семидесятыхъ годовъ. Въ личномъ самоусовершенствованіи они видѣли ближайшій непосредственный способъ и необходимое условіе для реализаціи своихъ соціальныхъ идеаловъ, орудіе, при посредствѣ котораго они могли немедленно приступить къ воплощенію въ жизнь началъ будущаго строя. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоялъ и Сергѣй Николаевичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ выдѣлявшійся прежде всего именно своей удивительной нравственной чистотой, рѣдкимъ безкорыстіемъ и правдивостью.

Лица, знавшія Сергѣя Николаевича въ его юности, утверждаютъ, что вопросы морали, самоусовершенствованія и воплощенія нравственныхъ идеаловъ вообще интересовали его еще въ Павловскомъ училищѣ. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ работалъ уже надъ вопросами о физическомъ трудѣ, какъ основѣ жизни и соціальнаго строя, какъ о необходимомъ элементѣ воспитанія. Идея о такомъ именно физическомъ трудѣ и о культивированіи его въ такомъ именно смыслѣ уже бродила въ передовыхъ кругахъ тогдашней интеллигенціи. Она вытекала изъ экономическихъ ученій и, въ частности, изъ преобладавшихъ у насъ ученій о производительномъ трудѣ; она напрашивалась при развитіи ученій о долгѣ передъ народомъ, о самоотверженномъ служеніи ему. Но ясно и всесто-

ронве она не была развита, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ. Сдѣлалъ это Сергѣй Николаевичъ въ двухъ полныхъ глубокаго интереса обширныхъ статьяхъ—„Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія“ и „Нѣсколько замѣчаній на сочиненія Спенсера о воспитаніи“, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1876 и 1878 гг. Статьи эти вышли въ 1879 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ первой изъ нихъ, далеко, однако, не исчерпывавшимъ содержанія этой книги, глубоко затрагивавшей не только вопросы воспитанія, но и вопросы морали, права и всего соціальнаго строя.

Живи Сергѣй Николаевичъ не въ Россіи, гдѣ интересы къ литературѣ не высоки не только вообще, но даже и въ средѣ, такъ называемаго, (вѣроятно, по недоразумѣнію) образованнаго общества, а въ какой-либо культурной странѣ, одной этой книги его было бы достаточно, чтобы имя его получило широкую извѣстность. У насъ же было не то: книгу, правда, замѣтили, почитали, похвалили, но вслѣдъ за тѣмъ совершенно забыли о ней. Между тѣмъ, она не только имѣла глубокій интересъ въ то время, но сохраняетъ этотъ интересъ до сихъ поръ. Значеніе ея теперь, когда возродились надежды на соціальное переустройство страны, пожалуй, еще больше, чѣмъ прежде, а потому напомнить о ней далеко не безполезно. Для біографіи Сергѣя Николаевича и пониманія не только его личности, но и того направленія, которому онъ служилъ, она важна, въ свою очередь, и изложеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ мыслей его, въ виду этого, совершенно необходимо.

Съ обычной ясностью въ изложеніи Сергѣй Николаевичъ устанавливаетъ, что потребность человѣческаго организма въ движеніи, хотя и не выражается такъ настоятельно, какъ потребность въ снѣ и пищѣ, но тѣмъ не менѣе есть настоятельная потребность, и отказъ въ ней всегда сопровождается вредомъ для организма. Лишить ребенка необходимой ему физической дѣятельности такъ же жестоко, какъ и лишить его пищи. Органы тѣла, оставляемые въ бездѣйствіи замедляются въ своемъ развитіи; такимъ путемъ ихъ можно довести до потери способности къ отправленіямъ. Потребность въ физической дѣятельности настолько сильна и необходима, что, отказывая въ ней, мы или вынуждаемъ ее прорываться неправильнымъ, безполезнымъ и не рѣдко даже вреднымъ образомъ, или же заставляемъ организмъ чахнуть, увядать и болѣть, что дѣйствуетъ, разумѣется, вредно и на мозговую дѣятельность, для которой необходимъ обмѣнъ матеріи, а слѣдовательно, и достаточная физическая дѣятельность. „Отношеніе между тою и другою непремѣнно должно быть правильнымъ, т. е. наивыгоднѣйшимъ для ихъ наилучшаго взаимодѣйствія въ борьбѣ человѣка за счастье“ (стр. 32 книги „Физич. трудъ, какъ необход. элементъ образов.“).

Противъ этихъ положеній въ сущности никто не споритъ, но и

чрезвычайно важнымъ значеніемъ ихъ, въ свою очередь, почти никто не проникается. Тѣмъ не менѣе для проведенія этихъ безспорныхъ требованій въ жизни кое-что уже предпринимается. Подражая древне-греческому воспитанію, въ нашихъ школахъ вводятъ гимнастику. Но въ Греціи гимнастика была дѣломъ жизни. Она раздѣлялась на діэтическую, военную, атлетическую и эстетическую. Множество проявленій жизни древнихъ грековъ, начиная отъ олимпійскихъ игръ, военныхъ походовъ и до разныхъ празднествъ, публичныхъ ученыхъ и философскихъ состязаній, сопровождались гимнастическими упражненіями. Безъ нихъ жизнь грековъ была бы не полна. У насъ же гимнастика ни въ какомъ отношеніи не связана съ жизнью. Она носитъ характеръ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ, непригодныхъ для обыденной жизни упражненій. Въ Англіи она больше связана съ жизнью и принимаетъ характеръ игръ и состязаній. Но и здѣсь она служитъ и цѣлью и средствомъ и замкнута въ узкомъ заколдованномъ кругѣ, чуждомъ дѣйствительной производительной дѣятельности. При современныхъ условіяхъ нашей жизни главными задачами послѣдней являются знаніе и трудъ, которые поэтому должны быть и главными задачами школы (стр. 41).

Современное человѣчество дѣлится на два противные лагеря. Одинъ изъ нихъ „живетъ исключительно физическими трудами и приближается къ состоянію машины, къ состоянію рабочаго животнаго, средняя продолжительность жизни котораго очень не велика“; другой лагерь живетъ преимущественно духовной жизнью, и хотя въ общемъ живетъ много лучше и дольше, но и страдаетъ отъ болѣзней тѣла и отъ слабости въ области духа. Жизнь этой части человѣчества безъ всякаго физическаго труда совершенно неразумна и неестественна, прежде всего, съ физіологической стороны. Человѣкъ, занятый исключительно умственными трудами, теряетъ здоровье или тучнѣетъ уже къ 30—35 годамъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ признаки прекращенія умственнаго роста, бодрости и энергіи. Односторонняя дѣятельность такого человѣка приводитъ къ тому, что мозгъ его развитъ неправильно и находится въ болѣзненномъ состояніи. Бываютъ, разумѣется, и исключенія, но они не опровергаютъ правила. По убѣжденію Сергѣя Николаевича, подтверждаемому ссылками на многія ученыя изслѣдованія, современному интеллектуальному работнику „слѣдовало бы поскорѣе отказаться отъ односторонней умственной дѣятельности и обратить какъ можно больше вниманія на физическое развитіе, потому что тогда онъ несомнѣнно выигралъ бы и въ умственномъ отношеніи“ (стр. 62). „Самымъ лучшимъ средствомъ для этого будетъ физическій друдъ“ (67). „Между физическимъ и умственнымъ трудомъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, такое наивыгодное соотношеніе, при которомъ они не только не будутъ взаимно исключать другъ друга, но, съ одной стороны, физическій трудъ

будетъ содѣйствовать умственному совершенствованію человѣка и большей продуктивности и доброкачественности умственнаго труда, а съ другой стороны,—умственный трудъ будетъ оказывать совершенно такое же вліяніе на физическій трудъ. Такое состояніе человѣка есть наиболѣе правильное“... (72).

Возможность такого сочетанія умственнаго и физическаго труда Сергѣй Николаевичъ доказываетъ также примѣрами и, между прочимъ, ссылается на итакскій или корнэлевскій университетъ въ Америкѣ, при которомъ устроены различныя мастерскія для студентовъ, не только съ цѣлью укрѣпить ихъ здоровье, но и предоставить имъ возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ 1868 г. этими мастерскими воспользовалась $^1/_5$ часть студентовъ, заработавшая въ нихъ 15 тыс. фр. Учебныя занятія ихъ отъ этого нисколько не пострадали. Подобныя же работы введены въ пенсильванской землевладѣльческой коллегіи, въ ленсингской коллегіи, въ штатѣ Мичиганъ и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Въ кентукскомъ же университетѣ физическій трудъ обязателенъ: всѣ студенты должны работать на фермѣ не менѣе двухъ часовъ въ сутки; желающіе же зарабатывать физическимъ трудомъ средства къ существованію должны работать 4 часа въ сутки, получая за каждый часъ отъ 20 до 50 сантимовъ (стр. 76).

Смыслъ исторіи физическаго труда совершенно ясенъ для Сергѣя Николаевича. „Патриціи и плебеи, феодалы и города, гвельфы и гибелины, фритредеры и протекціонисты, крѣпостники и либералы“—говоритъ онъ—„все это только разновидности одного и того же вида. Всѣ они враждуютъ изъ-за одного и того же вопроса о благосостояніи, изъ-за того, чтобы, съ одной стороны, не только захватить продукты чужого труда, но и поставить представителей его въ такую отъ себя зависимость, чтобы можно было ихъ эксплоатировать постоянно, а съ другой—не дать своего имущества и не стать въ зависимость. Правда, что противники часто маскируются, сообразно съ тѣми или иными историческими условіями, а основной вопросъ усложняется и затемняется другими вопросами, но сущность дѣла остается та же. Во время всѣхъ революцій и народныхъ движеній становятся обыкновенно лицомъ къ лицу только двѣ партіи, только два противника: люди, желающіе жить собственнымъ трудомъ, и люди, желающіе жить безъ труда“ (104 и 105 стр.). Какъ бы различно ни рисовали и ни истолковывали намъ историки судьбы государства, въ основныхъ чертахъ онѣ вездѣ и всегда одинаковы, разница только въ подробностяхъ: „презрѣніе къ труду и неработающіе классы, стоящіе на верху общественной лѣстницы, составляютъ одну общую и главную причину ихъ несчастій“.

„Были ли государства въ родѣ монархіи Александра Великаго, которую разодрали и погубили послѣ его смерти полководцы, или въ

родѣ номинально демократическихъ Аѳинъ послѣдняго времени, которыми вертѣли олигархи,—дѣло отъ этого не измѣнялось. Роскошь. рѣзкое неравенство состояній, военный деспотизмъ, паденіе религіозныхъ вѣрованій, развратъ, безнравственность и проч., что обыкновенно историки выставляютъ какъ причины разложенія государствъ, суть обыкновеннно только сложныя слѣдствія одной общей причины, слѣдствія, которыя только ускоряли и выражали собою уже начавшееся разложеніе" (117 стр.).

То, что было въ Аѳинахъ, въ Римѣ, повторялось болѣе или менѣе вездѣ. „Вездѣ видишь, что происходитъ какая-то вѣчная, дикая и необузданная сатурналія тунеядства надъ трудомъ". „Даже наука и искусство становятся рабами силы и капитала" (120 стр.). Христіанство, въ свою очередь, несмотря на то, что оно высоко выдвинуло человѣческую личность и осуждало тунеядство, роскошь и богатство, не ставило, однако, категорично вопросовъ труда: у него всегда имѣлся въ виду больше бѣднякъ, чѣмъ работникъ, или же ставился вопросъ слишкомъ широко" (124 стр.). Реформація не помогла въ этомъ смыслѣ. Она лишь дала возможность протестанскимъ государямъ забирать монастырскія имущества и обращать ихъ въ свою пользу. Нѣкоторыя мелкія государства проявили въ это время „стремленія къ политической независимости, но это увеличило только число господъ, нисколько не измѣнивъ къ лучшему положеніе работника. На мѣсто идеаловъ общаго согласія, идеаловъ весьма высокихъ, но которые такъ неудачно преслѣдовалъ католицизмъ, были выдвинуты національно-эгоистическіе интересы, которые причинили уже много зла человѣчеству, сузили человѣческую мысль и рано или поздно должны будутъ уступить передъ просвѣщеніемъ" (132 стр.). Въ Англіи реформація дала возможность дворянству

„захватить громадныя секуляризованныя земли (духовенству принадлежало въ Англіи $^{7}/_{10}$ всѣхъ земель) и отказаться отъ признанія обычнаго права крестьянина на обработанную имъ землю. Секуляризованныя земли, правда, попали частью и въ руки крестьянъ, но часть эта была просто ничтожна, такъ что вообще секуляризація породила крайнюю нищету. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начинается непрерывный рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ противъ бродяжничества, бѣдности и лѣности; по крайней мѣрѣ, въ Англіи съ 1549 года начался цѣлый рядъ новыхъ крестьянскихъ волненій, когда крестьяне ломали дворянскія изгороди, рядъ волненій, который все съ болѣе и болѣе слабѣющей энергіей доходилъ до конца XVIII стол., когда крестьянство было совсѣмъ побѣждено, и обезземеленіе народа сдѣлалось общимъ и непреложнымъ фактомъ" (133 стр.).

Обозрѣвая обширный историческій матеріалъ, Сергѣй Николаевичъ приходитъ въ концѣ концовъ къ извѣстному, цитируемому имъ, выводу

Ад. Смита, по которому, „опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ доказываетъ очевидно, что на повѣрку свободный трудъ обходится дешевле невольничьяго", и что „работникъ стоитъ хозяину меньше, чѣмъ рабъ".

„А послѣдующіе экономисты"—продолжаетъ Сергѣй Николаевичъ—„доказали, что невидимыя нити, привязывающія работника къ хозяину, такъ же крѣпки, какъ и цѣпи, сковывавшія римскаго раба, несмотря на юридическую фикцію свободнаго договора и на перемѣну индивидуальныхъ хозяевъ. Ни великая французская революція, ни революція 48 года, ни другія движенія, происходившія тамъ и сямъ въ Европѣ и давшія работнику нѣкоторыя политическія права, также не измѣнили его соціальнаго положенія: не избавили отъ зависимости отъ капитала и не дали возможности самостоятельно работать. Что въ особенности интересно въ эту послѣднюю эпоху, такъ это то, что работникъ заявляетъ, что его заработокъ не достаточенъ даже для самаго бѣднаго существованія, что онъ не имѣетъ возможности работать, и что ему зачастую даже негдѣ работать. Онъ требуетъ не хлѣба и зрѣлищъ, а *права на трудъ*! Онъ пишетъ (въ 1831 г. въ Ліонѣ) на знамени: „жить, работая, или умереть, сражаясь". Онъ проситъ (въ 1842 г. въ Англіи): „честной заработной платы за честный дневной трудъ" (134 стр.).

Совсѣмъ другая картина получается тамъ, гдѣ не существовало презрительнаго отношенія къ труду. Особенно поучительную картину даютъ раціональные сектанты, у которыхъ „трудъ—другъ, тѣлу—честь и душѣ—наслажденіе" (138 стр.). Чтобы ни говорили, напр., о мормонахъ—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„какъ бы даже въ дѣйствительности ни были велики ихъ недостатки, но они показали міру изумительные примѣры труда. Они поняли весьма недурно слова библіи: „сей человѣкъ искусенъ въ трудѣ своемъ и станетъ онъ превыше царей", и еще лучше истолковали ихъ, сдѣлавъ физическій трудъ однимъ изъ главныхъ принциповъ своей общественной жизни. Они смотрятъ на физическій трудъ не только какъ на актъ повиновенія волѣ Божіей, не только какъ на жертву, которою человѣкъ очищается отъ грѣха, но и какъ на *„добро само по себѣ и само въ себѣ"*, какъ на заслугу и *какъ на отраду даже для ума и сердца.* У мормоновъ всѣ работаютъ, начиная съ высшихъ служителей церкви и занимающихся литературою и наукою, до послѣдняго рабочаго, и нѣтъ „ни одного лѣнтяя и тунеядца", несмотря на всю терпимость ихъ церкви. Вотъ благодаря чему, лопата и плугъ мормона, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, создавали громадныя богатства въ теченіе самаго непродолжительнаго времени. Вотъ благодаря чему, менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ они образовали цѣлый народъ въ 200 тысячъ, заняли территорію больше Испаніи, выстроили въ пустынѣ столицу, создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою соціальную науку" (139 стр.).

Не останавливаясь за недостаткомъ мѣста на фактахъ экономическихъ, біологическихъ и моральныхъ послѣдствій односторонней умственной и физической дѣятельности, тщательно подобранныхъ и сгруппированныхъ

Сергѣемъ Николаевичемъ въ IV ой главѣ его замѣчательнаго труда, необходимо отмѣтить, однако, что онъ предвидѣлъ многія возраженія на основныя его мысли.

„Говоря о физическомъ трудѣ“—пишетъ онъ—„и возводя его на степень необходимаго условія жизни и даже на степень гражданской обязанности каждаго человѣка, я предчувствую возраженіе: не сдѣлается ли тогда жизнь еще матеріальнѣе, чѣмъ теперь, и не подчинитъ ли себѣ этотъ матеріализмъ еще больше наши духовныя потребности? Разумѣется, для человѣчества было бы громаднымъ несчастіемъ, если бы человѣческій геній, грѣющій и освѣщающій міръ, вдругъ исчезъ, если бы наука остановилась въ своемъ развитіи, знаніе очутилось въ состояніи презрѣнія и человѣчество, потерявъ свои духовные идеалы, перешло бы къ поклоненію грубой физической силѣ и матеріальнымъ благамъ... Но я думаю, что здѣсь не только не можетъ быть рѣчи о поклоненіи физической силѣ и угнетеніи нравственныхъ идеаловъ, а можетъ быть рѣчь только какъ разъ объ обратномъ. Человѣческій умъ отказывается представить себѣ большее несчастіе для человѣчества, чѣмъ то, въ которомъ оно находится въ настоящее время, когда народный геній дѣйствительно приносится въ жертву малочисленному меньшинству, когда наука и знаніе недостаточны для народа и находятся въ исключительномъ, монопольномъ пользованіи этого меньшинства, сдѣлавшаго изъ нихъ наслѣдственную статью дохода, когда сама наука становится вслѣдствіе этого безжизненною и мертвою. Давно ли нѣмецкіе ученые—историки и правовѣды—доказывали, съ научной точки зрѣнія, законность и необходимость крѣпостного права?... Повѣрьте, что на землѣ былъ и есть не одинъ Ньютонъ, не одинъ Коперникъ и Галилей, которымъ не удалось и не удастся проявить своего генія только потому, что недостаетъ научнаго образованія“ (181 и 182 стр.).

Отдѣленіе знанія отъ труда не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній и является лишь простымъ злоупотребленіемъ. Масса приводимыхъ Сергѣемъ Николаевичемъ фактовъ устанавливаетъ, что люди физическаго труда сплошь и рядомъ являлись крупными представителями науки, литературы и искусства. Въ заключеніе онъ цитируетъ Шерра, по которому, „все доброе, прекрасное, великое, все, что изъ человѣка-животнаго сдѣлало человѣка въ высшемъ смыслѣ, все, чѣмъ зиждется и держится, красится и гордится человѣческое общество—все это вышло отъ бѣдняка, и только отъ одного него вездѣ и испоконъ вѣковъ... Всѣ пророки, посланники небесъ, глашатаи новыхъ доктринъ всегда высылались только бѣднымъ людомъ“ (184 стр.).

Если въ этихъ словахъ І. Шерра и есть нѣкоторое преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что привилегированное меньшинство, живущее безъ физическаго труда и спеціализировавшееся въ умственной работѣ, не гарантируетъ правильный и достаточный интеллектуальный ростъ, что для послѣдняго крайне необходимы и силы, выходящія

изъ среды, привыкшей и, во всякомъ случаѣ, не чуждой физическаго труда, что безъ этихъ силъ человѣчеству предстоитъ крушеніе. Отсюда очевиденъ и выводъ, что обновленіе человѣчества возможно лишь при устраненіи дѣленія его на двѣ части: на людей, специализировавшихся въ умственномъ трудѣ, и на физическихъ работниковъ. Это необходимо и въ другомъ отношеніи: въ цѣляхъ исхода изъ той путаницы, которую создаетъ современный экономическій строй, сосредоточивающій колоссальныя богатства въ немногихъ рукахъ и обездоливающій огромныя массы работниковъ, на почвѣ раздѣленія интересовъ труда и капитала. Послѣдній, самозванно беря на себя привилегію умственной работы по управленію, усовершенствованію техники и даже по теоретической научной работѣ, строитъ систему ложныхъ доказательствъ въ пользу существующихъ основаній распредѣленія богатствъ и тѣмъ обрекаетъ представителей труда на нищету и вымираніе.

„Таковъ ужъ характеръ капиталистическаго порядка, таковы ужъ послѣдствія физіологическаго и экономическаго раздѣленія человѣка. Тѣмъ-то вотъ въ особенности и важно распространеніе идеи о необходимости физическаго труда для каждаго человѣка, что такимъ путемъ, и, по всей вѣроятности, только такимъ именно путемъ, и можно дать иное направленіе жизни и положить конецъ всей экономической путаницѣ, всѣмъ хитросплетеніямъ, обманамъ, лжи и лицемѣрію, которыми полна жизнь. *Взаимное дѣйствіе физическихъ и духовныхъ силъ, открывая человѣку болѣе широкій кругъ дѣятельности и цѣлый рядъ неизвѣстныхъ ему наслажденій, въ то же время связано съ цѣлыми группами совершенно особыхъ понятій, съ совершенно особымъ міросозерцаніемъ, которое, по всей вѣроятности, поведетъ къ тому, что духовная дѣятельность откажется отъ всякой прерогативы, отъ всѣхъ преимуществъ и будетъ направлена на общественную пользу съ той искренностью и безкорыстіемъ, какія рѣдко доводилось видѣть человѣчеству.* Кромѣ денегъ и конкуренціи, есть двигатели духа, двигатели болѣе высокіе. Вопросы объ услугахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, о полезной и безполезной дѣятельности, объ участіи въ производствѣ умственнаго элемента, о распредѣленіи прибылей и проч., надъ чѣмъ ломали и ломаютъ головы экономисты, могутъ сдѣлаться чрезвычайно простыми и несложными. Это упрощеніе сложныхъ понятій очень важно, потому что сложность ихъ далеко не соотвѣтствуетъ крайне простымъ отношеніямъ человѣчества, какими они были и остались до сихъ поръ, и только затемняетъ народное сознаніе" (213 и 214 стр.).

Придавая такое огромное значеніе вопросу о физическомъ трудѣ въ соціальномъ и моральномъ переустройствѣ человѣчества, Сергѣй Николаевичъ предусматривалъ, что имъ освѣщался путь борьбы съ міровымъ зломъ мѣщанства, заслоняющимъ истинный смыслъ и высшіе интересы жизни, что имъ намѣчалась возможность, если не полнаго перемѣщенія центра тяжести человѣческаго прозябанія съ погони за той или другой формой „мѣщанскаго счастья" къ возвышеннымъ идеаламъ, то во всякомъ

случаѣ болѣе правильное соотношеніе между ними. Съ этой точки зрѣнія, принципъ физическаго труда былъ не только основой соціальной философіи, но и необходимымъ элементомъ, непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго невозможно было создать даже самой почвы, благопріятствующей построенію новыхъ философскихъ системъ, имѣющихъ, быть можетъ, разрѣшить, наконецъ, смыслъ жизни, человѣческаго бытія. При такомъ значеніи вопроса, Сергѣй Николаевичъ полу-шутя, полу-серьезно говорилъ, что „если бы я былъ человѣкомъ могущественнымъ въ Европѣ или даже въ какой-нибудь отдѣльной странѣ, то я не задумался бы сдѣлать физическій трудъ обязательнымъ для каждаго гражданина и былъ бы вполнѣ увѣренъ, что страна моя скоро достигнетъ громаднаго матеріальнаго могущества, выиграетъ въ личной свободѣ и достигнетъ такой умственной высоты, какой еще не видалъ міръ“ (232 стр.).

Наиболѣе передовыя современныя ученія, въ свою очередь, признаютъ въ значительной мѣрѣ указанное Сергѣемъ Николаевичемъ значеніе физическаго труда, но та постановка, которую онъ придалъ этому вопросу, быть можетъ, и не будетъ понята всѣми такъ, какъ слѣдуетъ. Разумѣется, съ развиваемыми имъ положеніями о связи, существующей между физическимъ трудомъ и соціальнымъ строемъ, согласятся очень многіе, но многіе также скажутъ при этомъ, что дѣло нужно начинать не съ того конца, такъ какъ при господствующемъ строѣ прокормить себя физическимъ трудомъ можно только совсѣмъ отказавшись отъ умственныхъ занятій, на которыя у современнаго физическаго работника почти совсѣмъ не остается свободнаго времени. Чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе на заработокъ отъ физическаго труда, нужно прежде измѣнить соціальный строй, въ основу производительной дѣятельности котораго и будетъ положенъ физическій трудъ всѣхъ работоспособныхъ лицъ.

Однако, такое возраженіе будетъ не по адресу. Сергѣй Николаевичъ не только никогда и нигдѣ не отрицалъ необходимости работы въ цѣляхъ измѣненія соціальнаго строя, но, напротивъ того, всегда, почти во всѣхъ своихъ печатныхъ работахъ ратовалъ за это. Въ этомъ отношеніи онъ былъ противникомъ ученій Л. Н. Толстого, согласно которымъ каждый человѣкъ въ отдѣльности долженъ заниматься исключительно самосовершенствованіемъ, и когда всѣ люди достигнутъ такимъ путемъ высшей нравственной чистоты и, между прочимъ, введутъ въ свой обиходъ физическій трудъ, тогда падетъ самъ собою современный строй и водворится новый. Сергѣй Николаевичъ не стоялъ и не могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія. Особенность его убѣжденій въ этой области заключалась въ томъ, что, признавая необходимымъ энергичнѣйшую работу и даже борьбу въ цѣляхъ общаго переустройства соціальнаго строя, въ цѣляхъ ниспроверженія господствующаго капитализма и водворенія общиннаго и трудового начала, онъ считалъ

необходимымъ, чтобы коренной работѣ въ этомъ направленіи непремѣнно сопутствовала частная дополнительная и вспомогательная работа отдѣльныхъ лицъ и группъ ихъ—кружковъ, товариществъ, общинъ, артелей, направляемая къ общей цѣли и въ то же время подготовляющая, въ лицѣ этихъ отдѣльныхъ работниковъ, нравственно укрѣпившихся и воспитавшихся въ новыхъ началахъ дѣятелей новаго же строя. Своимъ глубокимъ практическимъ умомъ онъ понималъ, что новыя условія жизни въ новомъ строѣ вызовутъ среди лицъ, органически сжившихся съ старыми порядками и рядомъ поколѣній приспособившихся къ нимъ, не только неудовольствіе и протестъ, но и дѣйствительное, неподдѣльное неумѣнье приспособиться къ нимъ. Въ виду этого, онъ считалъ совершенно необходимымъ, въ прямыхъ цѣляхъ упроченія новаго строя, когда онъ поднимется надъ старымъ, заранѣе проводить въ жизнь элементы новаго строя, не исключая и такихъ, какъ физическій трудъ, которые способны создать особыя настроенія и особо благопріятныя условія для перехода къ новой жизни, и заранѣе готовить нравственно сильныхъ людей, сумѣвшихъ подчинить себя новымъ принципамъ. Съ этой же точки зрѣнія, признавалъ онъ необходимость „опрощенія“ интеллигенціи, необходимость напряженной ея работы въ народѣ и полнаго сліянія съ нимъ.

При такихъ взглядахъ на задачи интеллигенціи и при такихъ требованіяхъ къ самому себѣ Сергѣй Николаевичъ, разумѣется, не удовлетворялся дѣятельностью тамбовскаго кружка. Конечно, она была полезна для крестьянъ и въ очень многомъ поддерживала ихъ; она даже насаждала нѣкоторые элементы будущаго, давала наглядный примѣръ пользы и выгоды отъ совмѣстныхъ дѣйствій, отъ проявленій солидарности въ экономической жизни, въ земствѣ и т. п. Но для дѣятелей кружка было уже ясно, что осуществить артельную фабрику, образцовую сельско-хозяйственную общину, сорганизовать крестьянскую земскую партію и проч.— имъ не дадутъ возможности. Было ясно также, что примѣнить самимъ интеллигентнымъ дѣятелямъ кружка физическій трудъ въ условіяхъ работы въ Тамбовской губ. не только неудобно, но и въ значительной мѣрѣ безцѣльно, такъ какъ, за отсутствіемъ общины и артели, это была бы работа батрака-наемника, а не трудъ члена новой производительной организаціи.

При этихъ условіяхъ мысль Сергѣя Николаевича объ устройствѣ колоніи-общины на Кавказѣ была встрѣчена съ полнымъ и горячимъ сочувствіемъ. Она тѣмъ больше улыбалась дѣятелямъ кружка, что соотвѣтствовала во многихъ чертахъ своихъ начинавшемуся уже въ то время сильному движенію интеллигенціи „въ народъ“.

М. Слобожанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ножи въ могилѣ Шевченко.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

М. В. Д.
КАНЕВСКАГО УѢЗДНАГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА
№ 790.
Іюля 26 дня, 1861 года.
г. Каневъ.

Господину Кіевскому Губернскому Предводителю Дворянства [1]).

Зная, что все касающееся безопасности и спокойствія дворянства, составляетъ предметъ особенной заботливости Вашего Превосходительства, считаю долгомъ сообщить здѣсь слѣдующія обстоятельства:

1-е, отъ нѣкотораго времени распространились между простымъ народомъ, то есть между мѣщанами г. Канева и крестьянами сосѣднихъ селеній слухи, которые привели весь край въ уныніе и тревогу. Слухи эти заключаются въ слѣдующемъ: что въ скоромъ времени настанетъ часъ, въ который по прежнему народъ будетъ рѣзать помѣщиковъ (пановъ), и при томъ не пощадитъ ни духовенство,—которое держитъ за одно съ панами,—ни чиновниковъ,—которыхъ Дворянство оплачиваетъ для того, чтобы они скрывали права народа; скоро будетъ время, что здѣсь останется только одинъ народъ;—Царь желаетъ того; это подтвердитъ Князь Константинъ;—говорятъ о проѣзжавшемъ здѣсь, какомъ-то лицѣ, которое народъ считаетъ Княземъ. Есть разсказы о спрятанныхъ въ могилѣ надъ прахомъ Шевченка священныхъ ножахъ, для совершенія всеобщаго истребленія пановъ, жидовъ, поповъ и всѣхъ людей въ тонкихъ жупанахъ съ большими воротниками; о неизчисленномъ множествѣ казаковъ разсыпанныхъ по всей украинѣ, отъ Хортицы до Тавани—по всему Запорожу—по-надъ Днѣпромъ и въ другихъ

[1]) Печатается съ сохраненіемъ ореографіи г. Каневскаго предводителя дворянства. *Ред.*

странахъ; они соберутся въ Каневъ, совершатъ то, что проповѣдывалъ отецъ Тарасъ (:Шевченко:). Каневъ не будетъ въ состояніи обнять ихъ всѣхъ; такъ ихъ будетъ много; время ихъ прибытія назначено въ этомъ году, между пречистыми, то есть отъ 15 августа по 1-е Сентября; чтобы начать рѣзь, ожидаютъ особеннаго сигнала.

Разсказы эти повторяли многіе изъ Гг. чиновниковъ, которые сами слышали ихъ отъ мѣщанъ Каневскихъ, а также отъ крестьянъ изъ окрестныхъ селеній, и другихъ простолюдиновъ; разсказы эти повторялись на рынкѣ и торговой площади, на улицѣ и при выходѣ изъ церкви. Почти всѣ чиновники, съ коими я объ этомъ предметѣ разговаривалъ, удостовѣряли меня, что они сами слышали эти разсказы.

Слухи подобные распространяются даже и въ дальнія деревни Каневскаго уѣзда, а особенно со времени начатія слѣдствія,—разсказываетъ, на ярмаркахъ,—что ищутъ священныхъ ножовъ, присланныхъ на то, чтобъ рѣзать пановъ, и что ножи эти закопаны въ могилѣ Шевченка. Слухи выше упомянутые, хотя оные не основаны на положительныхъ доказательствахъ—что кто либо побуждалъ народъ къ истребленію помѣщиковъ,—но сами собою составляютъ важное и страшое явленіе;—а посему тревожатъ всѣхъ дворянъ помѣщиковъ. Предположивъ, что многіе изъ нихъ, для собственнаго спокойствія и безопасности, выѣдутъ изъ селеній,—неминуемымъ послѣдствіемъ того будетъ разореніе имуществъ, и совершенное разстройство, удерживаемаго въ хозяйствѣ и сельскихъ обществахъ, самимъ ихъ присутствіемъ, порядка. Тревога, какую слухи эти распространили, имѣетъ то основаніе, что подобные признаки предшествовали прежней Гайдамацкой рѣзи въ здѣшнемъ краѣ, и вообще повторились вездѣ, передъ каждою этого рода катастрофою.

2) Могила Шевченка служитъ какъ бы знаменемъ соединенія людямъ, порождающимъ ненависть народа къ здѣшнему Дворянству. Это только предлогъ; а предметомъ ненависти народа становятся: всѣ помѣщики, которые требуютъ отъ него повинностей за земли; все Начальство, побуждающее его къ исполненію обязанностей; и самое даже Духовенство, которому онъ тоже не вѣритъ, ибо оно ему не толкуетъ положенія новаго въ томъ смыслѣ, какъ его желали понимать крестьяне.

Друзья Шевченка, любители его сочиненій и, наконецъ, люди однихъ съ нимъ идей пріѣзжаютъ въ наши страны, имѣютъ частыя, непосредственныя, тайныя сношенія съ народомъ; собираютъ людей отъ работъ на могилѣ, читаютъ простому народу, изъ сочиненія Шевченка разсказы о гайдаматчинѣ, рѣзи, представляющіе столь извѣстныя здѣшнему народу имена героевъ разбойничьихъ: Гонты и Желѣзняка, какъ священныхъ героевъ—и наконецъ представляющіе самую

рѣзь священными ножами, какъ справедливое, священное дѣло, составляющее славу здѣшняго народа.

При чтеніи этихъ сочиненій, эти господа, какъ видно изъ разсказовъ,—позволяли себѣ толковъ еще болѣе возбуждающихъ народъ противу всему высшему у насъ сословію. По разсказу мѣщанина Степана Кутоха, одинъ изъ друзей Шевченка, Г. Честаховскій,—на вопросъ его Кутаха: по чему со времени похоронъ Шевченка и пріѣзда его Честаховскаго и частыхъ его съ народомъ поговорокъ, люди пришли въ тревогу и уныніе, и говорятъ объ вещахъ, о которыхъ страшо подумать? Г. Честаховскій отвѣчалъ: что такъ какъ нѣкогда по причинѣ ихъ (:т. е. пановъ:), лилась кровь и потъ изъ народа; такъ въ скоромъ времени польется кровь и потъ изъ нихъ.

Этотъ разговоръ былъ вечеромъ, послѣ того какъ г. Честаховскій читалъ сочиненіе „*Тарасова ночь*“ собраннымъ на работу людямъ.—Слова приведенныя здѣсь указываютъ, въ какомъ духѣ производились толки о читанныхъ народу сочиненіяхъ.

3-е) Сочиненія Шевченка: *Гайдамаки*, *Тарасова ночь*, *Грамотка* другаго автора, хотя и позволены цензурою, но заключаютъ въ себѣ разсказы, дышащіе неумолимою ненавистью къ Дворянству нашему, и притомъ, рѣзко изображенныя картины Гайдамацкой рѣзи: что, именно въ нашихъ сторонахъ,—гдѣ народъ и самъ по сю пору сохраняетъ преданія этихъ кровавыхъ событій,—крайне опасно для Дворянства и всѣхъ другихъ сословій общества. Пока эти сочиненія составляли предметъ чисто литературный и оставались въ сферѣ людей образованныхъ, онѣ, конечно, не могли имѣть столь пагубнаго вліянія на читателей; но введенныя между простой народъ,—какъ народныя пѣсни, какъ преданія старины, изображающія славу предковъ, крайне опасны, ибо народъ, видя въ нихъ исключительно только изображеніе мести, рѣзи, кровопролитія,—побуждается къ тому, чтобы повторить эти дѣла, столь прославляемыя.

Одно изъ этихъ сочиненій распространяемо было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ ту именно пору, когда представители нашего Дворянства въ Кіевскомъ Губернскомъ Комитетѣ, по вызову Государя Императора, приступали къ осуществленію благихъ намѣреній Монарха, въ дѣлѣ освобожденія и улучшенія быта крестьянъ, и тогда сочиненіе это, какъ возбуждающее ненависть одного класса народа къ другому, и возобновляющее преданія давно погасшей національной вражды,—почтено было главнымъ начальствомъ нашего края вреднымъ для онаго, и потому распродажа этого сочиненія у насъ воспрещена. Нынѣ, при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія,—когда болѣе всего благомыслящіе люди должны стараться о томъ, чтобы настоящая реформа осуществилась

въ духѣ міра и доброжелательства,—появилось опять это сочиненіе, и распространяется между народомъ систематически, раздачею его даромъ, или распродажею онаго по самой низкой цѣнѣ. Лица, занимающіяся въ Каневѣ продажею *граматки* и сочиненій Шевченка, продаютъ его преимущественно простолюдинамъ, дабы онѣ расходились по деревнямъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда болѣе всего нужно взаимное довѣріе помѣщиковъ и крестьянъ, во всѣхъ ихъ между собою отношеніяхъ, когда, при составленіи уставныхъ грамотъ, все Дворянство желало-бы положить прочное основаніе будущаго благополучія обоихъ землевладѣльческихъ классовъ, полагаясь на правдѣ, справедливости, взаимныхъ выгодахъ и добровольномъ обоюдномъ согласіи,—въ то именно время постороннія лица, въ непонятныхъ для насъ цѣляхъ, возбуждаютъ ненависть къ Дворянству, и возобновляютъ преданія вражды и мести. Крестьяне, которые и безъ того ожидаютъ безвозмездной отдачи имъ мірскихъ земель, не смотря на все усиліе Гг. Мировыхъ Посредниковъ—объяснить имъ слова Высочайшаго Манифеста, что было бы крайне несправедливо пользоваться землею отъ помѣщиковъ, а не нести за то никакой обязанности, теперь тѣмъ болѣе упрочиваютъ себя въ этомъ мнѣніи, и потому не желаютъ приступать ни къ какимъ съ помѣщиками добровольнымъ соглашеніямъ, не желаютъ переходить ни на оброкъ съ издѣльной повинности, ни пріобрѣтать земли въ собственность,—ожидая чего-то другаго въ будущемъ. Расходящіеся слухи о совершенномъ истребленіи помѣщиковъ, можетъ быть, не одному изъ крестьянъ наводятъ ту мысль, что ему не нужно покупать землю, когда, по выбытіи настоящихъ ея собственниковъ, вся земля останется имъ даромъ.

4) Тѣло Шевченка погребено столь торжественно, восторгъ для него возбужденъ съ такимъ искуствомъ и такою ревностію, что народъ толпами собирался на его могилѣ; идущіе на богомолье въ Кіевъ люди, приходятъ сюда, по дорогѣ, какъ къ священному мѣсту, почитаютъ Шевченка какъ бы народнымъ пророкомъ своимъ, и каждое слово его завѣтомъ для народа. Видя въ его сочиненіяхъ, что рѣзь священными ножами изображена дѣломъ составляющимъ славу здѣшняго народа, легко себѣ можно представить, какими чувствами одушевляются въ этомъ мѣстѣ прихожіе. Всѣ разсказы, выше упомянутые, распространились въ Каневѣ со времени погребенія Шевченка и прибытія туда же г. Честаховскаго, для устройства его могилы. Къ сему послѣднему пріѣзжало,—по разсказамъ мѣщанъ,—много лицъ, воодушевленныхъ вѣроятно тѣми же что и онъ идеями; между простолюдинами онъ извѣстенъ подъ именемъ *Грыцька*, его считаютъ быть внукомъ *Гонты*, или *Желѣзняка*; при встрѣчѣ съ крестьянами, онъ Честаховскій привѣтствуетъ каждаго словами „*здравствуй Гайда-*

мако/[м] не смотря на то, что слово это, до сихъ поръ, въ нашемъ народѣ значило не что иное, какъ простой разбойникъ.

Изъ лицъ, кои пріѣзжали на похороны Шевченка, были такія, кои явно провозглашали мысль, что въ здѣшнемъ краѣ не должны оставаться лица другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго; это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено начальникомъ Каневской уѣздной полиціи.

Въ заключеніе скажу, что если нѣтъ положительныхъ фактовъ, обвиняющихъ кого-либо въ прямомъ возбужденіи народа къ истребленію помѣщиковъ, то это еще не доказываетъ, чтобы заговоръ этого рода не существовалъ дѣйствительно между простымъ народомъ. Народъ здѣшній умѣетъ упрямо сохранять всякую того рода тайну. Лучшимъ доказательствомъ того, служитъ дѣло, о совершенномъ пять лѣтъ тому назадъ, убійствѣ помѣщика Гудимы-Левковича, крестьянами с. Григоровки. Преступленіе это совершено многими лицами,—безъ сомнѣнія извѣстно многимъ,—не смотря на то, долговременныя усилія производившихъ неоднократно слѣдствія къ открытію виновныхъ, остались тщетными. Если въ слухахъ есть много несообразностей, то потому, что распространяютъ ихъ люди, отвергающіе мысль всякаго заговора, и предполагаютъ даже, какъ говорятъ, удалиться во время рѣзи, еслибы таковая совершилась. Они, по тому самому, и не знали бы всѣхъ тайнъ заговора, еслибы таковой существовалъ. Можно сказать, что во всякомъ случаѣ, большинство народа не дало бы себя увлечь никакой пропагандѣ, но есть среди онаго такія лица, кои обо всемъ этомъ отзываются полусловами,—видно въ глазахъ ихъ и цѣломъ лицѣ какую-то строгость и постоянное уныніе,—они-то возбуждаютъ страхъ жителей г. Канева и его окрестностей.

Собравъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ важномъ дѣлѣ, и представляя его Вашему Превосходительсгву, такъ какъ понимаю его я самъ и все Дворянство моего уѣзда;—покорнѣйше прошу исходатайствовать у высшаго начальства все то, что почтете нужнымъ къ огражденію спокойствія и безопасности Дворянства. По моему мнѣнію, прежде всего, слѣдовало бы удалить лицъ уличенныхъ въ таковыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, коихъ вредное вліяніе на народъ доказывается уже тѣмъ, что они подали поводъ къ распространенію такихъ слуховъ; сверхъ того, воспретить распространеніе и продажу помянутыхъ здѣсь и другихъ имъ подобныхъ сочиненій;—поставить въ нашихъ сторонахъ достаточную военную силу, чтобы, въ случаѣ осуществленія заговора, недопустить разгорѣться пламени; предпринять всѣ мѣры къ убѣжденію народа въ томъ, что правительство строго будетъ взыскивать съ виновныхъ, угрожающихъ нарушить спокойствіе и общественный порядокъ; убѣдить народъ, что освященныхъ ножовъ не было и быть не можетъ, и что никакой

обрядъ не можетъ быть употребленъ на то, чтобы очистить убійство и орудіе, коимъ оно совершается. Народъ предполагаетъ, что никто не смѣетъ коснуться этихъ ножовъ, скрытыхъ въ могилѣ отца Тараса (Шевченка). Не было-ли-бы угодно начальству, разрыть эту могилу и показать народу, что этихъ ножовъ вовсе не было?

Примѣчаніе переписчика:

„Копія“ не имѣетъ никакой подписи. Писана на 10½ страницахъ въ ¼ листа сложенной бумаги. Орфографія и знаки препинанія сохранены подлинника.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Два приказа.

I.

Въ архивѣ Московскаго университета хранится слѣдующій документъ.

Циркулярно. Мин. Дух. дѣлъ и Нар. Просв. Департ. Нар. Просв. Отд. I, столъ 2. С.-Петербургъ, 30 марта 1822 г. № 1057.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы Ѣ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ Россійскаго языка, предоставляю Вашему Сіятельству предписать Московскому Цензурному Комитету о наблюденіи, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка.

Министръ Дух. дѣлъ и Нар. Просв.

Кн. Александръ Голицынъ.

Директоръ *Василій Поповъ.*

II.

Среди бумагъ Н. П. Огарева сохранился слѣдующій документъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальника Пензенской губеніи. Канцелярія 7 ноября 1849 года. № 13192.

Г. Инсарскому Уѣздному Предводителю Дворянства.

Инсарскій помѣщикъ коллежскій регистраторъ Огаревъ, какъ дошло до моего свѣдѣнія, носитъ длинную бороду.

Такъ какъ въ отношеніи неприличія для дворянъ носить бороды послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, изображенное въ предписаніи Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя Г. Пензенскаго Губернскаго Предводителя дворянства 15 апрѣля сего года и объявленное всѣмъ Гг. Уѣзднымъ Предводителямъ: то я покорно прошу Ваше Высокоблагородіе, поставивъ Г. Огареву на видъ все непри-

личіе ношенія бороды, внушить ему содержаніе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и о послѣдствіи меня увѣдомить.

Гражданскій Губернаторъ *Панчулидзевъ*.

Для поясненія этого Высочайшаго повелѣнія не лишнимъ будетъ привести аналогичный *мотивированный* циркуляръ статсъ-секретаря Танѣева губернаторамъ 1837 года, напечатанный лѣтъ пять назадъ въ „Кіевской Старинѣ“.

„Милостивый Государь, графъ Александръ Дмитріевичъ. Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

„Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобъ ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру“.

Итакъ, бороду запрещалось носить потому, что она напоминала презрѣнную еврейскую расу или французскихъ крамольниковъ, усы—потому, что они должны были оставаться монополіей военныхъ людей, вѣроятно, для приданія послѣднимъ воинственнаго вида. Запрещеніе касалось только дворянъ и чиновниковъ: „народъ“ разумѣется не шелъ въ счетъ.

Для исторіи отношеній между русской властью и обществомъ не лишены значенія и такіе мелкіе факты, въ родѣ приведенныхъ здѣсь двухъ приказовъ, какъ показатель той мелочности, до которой доходила регламентація жизни сверху.

М. Гершензонъ.

Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина.

(Изъ готовящейся къ печати книги о Салтыковѣ-Щедринѣ).

I.

„Плохая эта коммерція, если мордой отвѣчать приходится"— такъ характеризуетъ безправное положеніе представителей торговаго капитала въ эпоху крѣпостного режима одинъ изъ немногихъ представителей его, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ сатирахъ Щедрина. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ дана, можно сказать, почти исчерпывающая характеристика нашей дореформенной буржуазіи.

Правда, русское правительство, начиная съ Петра I, прилагаетъ какъ будто бы всѣ усилія къ тому, чтобы искусственно взростить и вскормить буржуазію на безплодной почвѣ натуральнаго хозяйства. Въ ея интересахъ создаются спеціальные правительственные органы—мануфактуръ и бергъ-коллегіи; частные предприниматели снабжаются безвозмездно орудіями производства и безпроцентными ссудами; для нихъ спеціально создается множество другихъ сообщеній и льготъ разнообразнаго характера. Но въ то же время эта заботливая попечительность правительства какъ бы снимала съ послѣдняго всякую обязанность какихъ бы то ни было „церемоній" по отношенію къ опекаемымъ. Поучительна въ этомъ смыслѣ исторія купца Соловьева временъ Петра I-го. За жалобу на запрещеніе вывоза зерна изъ Россіи онъ былъ колесованъ, причемъ ему поломали руки и ноги и отняли милліонъ рублей. И хотя потомъ Петръ смягчился и даже просилъ у Соловьева прощеніе, но милліона ему все-таки не вернулъ.

Такъ повелось съ Петра и до самаго дня крестьянской реформы. Правительство, отъ высшихъ и до низшихъ его агентовъ, всячески поощряло торгово-промышленную дѣятельность, что не мѣшало ему вмѣстѣ съ тѣмъ съ жестокостью расправляться съ купцами и грабить их, грабить безъ конца.

Чиновники грабили, купцы мошенничали, и на этомъ и держалась коммерція того времени. Въ одномъ отрывкѣ серіи „Губерн. Очерки“ (см. сценку „Что такое коммерція?“) купцы съ полной откровенностью говорятъ, что коммерческій расчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. И съ этой точки зрѣнія понятно, что, жалуясь на медленность и дороговизну доставки товаровъ водянымъ путемъ, всѣ эти Ижбурдины, Палахвостовы и Сокуровы съ ужасомъ открещиваются отъ проектовъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. „Для насъ,—говорятъ они—чугунки все равно, что разореніе“.—Почему? „Да потому, что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ,—какъ комментировалъ эту фразу торговца еще Чернышевскій,—затрудняется возможность обсчета рабочихъ и нарушенія контрактовъ подъ разными болѣе или менѣе фантастическими предлогами, въ родѣ потопленія судовъ или задержки каравана какими-нибудь случайными обстоятельствами.

Грубость и жадность чиновниковъ вполнѣ соотвѣтствовала такимъ же качествамъ купечества, которое тѣмъ не менѣе не могло не тяготиться своею униженной ролью. Купецъ Ижбурдинъ, въ бесѣдѣ съ товарищами по профессіи, жалуется на грубость и растущую алчность чиновниковъ. По его словамъ, русскій купецъ „тѣмъ только и живетъ, что оборачивается не столько капиталомъ, сколько изворотцемъ-съ. Ну, а по лѣсной части одни угощенія сколько стоютъ! Было время, что горское пили, а нынче горскаго-то и въ подпитіи ему не подашь, давай, говоритъ, шампанскаго, да еще за бороду тебя ухватить наровитъ. Одной обиды, да надругательства сколько на твою голову упадетъ“... Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ перепившійся чиновникъ заставилъ его бросить въ рѣку ящикъ шампанскаго. Никакія мольбы не могли остановить расходившагося буяна, желавшаго демонстрировать купцу силу своей власти надъ нимъ. „Это—говоритъ—тебѣ, значитъ, трессировка, чтобы ты зналъ, что въ моей власти и по шерсти тебя погладить и за вихорь драть“... [1]).

Это подчиненное политическое положеніе русскаго купечества, въ связи съ ничтожнымъ его значеніемъ въ соціальной жизни страны, только что начинавшей выбиваться изъ путъ натурально-хозяйственнаго режима, можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ, почему сатирикъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ удѣлилъ такъ мало вниманія классу, къ которому впослѣдствіи онъ подошелъ вплотную.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что и тогда еще, въ эпоху „Губерн. Очерковъ“, Щедринъ обнаружилъ свою пророческую прозорливость, указавъ на совершающійся и въ этой сферѣ нашей жизни переломъ. „Старые порядки къ концу доходятъ, а новыхъ мы еще не доспѣли“ — вотъ положеніе торгово-про-

---

[1]) Т. I, стр. 360.

мышленной дѣятельности, какъ она рисовалась сатирику до освобожденія крестьянъ.

Крестьянская реформа 1861 года, создавшая въ Россіи внутренній рынокъ, замѣнившая на фабрикахъ крѣпостническій трудъ вольнонаемнымъ, пустившая въ обращеніе огромную массу свободнаго денежнаго капитала, положила для русской буржуазіи начало новой эры. Ижбурдины и Палахвостовы, питавшіеся, главнымъ образомъ, отъ щедротъ казенныхъ поставокъ и находившіеся поэтому въ рабскомъ плѣненіи у чиновниковъ, ожили и начали приспособляться къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній.

Первое время, по свидѣтельству сатирика, процессъ приспособленія у русскихъ людей, свыкшихся съ формами жизни дореформеннаго строя, шелъ сравнительно туго. Разсказъ „Въ дорогѣ", открывшій въ „Отеч. Запискахъ" въ 1872 г. [1]) серію очерковъ подъ общимъ названіемъ „Благонамѣренныя Рѣчи", говоритъ о торжествѣ на русской почвѣ иноземцевъ и иноземнаго капитала.

„Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!" — вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики, всѣ лабазники, всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ. И вотъ—констатируетъ сатирикъ—ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами и чуете сердцемъ, какъ всюду—и на землѣ, и подъ землею, и на водѣ, и подъ водою—всюду ползетъ нѣмецъ. Въ этихъ коренныхъ русскихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда попирали ногами землю русскіе угодники и благочестивые русскіе цари и царицы,—въ настоящую минуту почти всевластно господствуетъ нѣмецъ. Онъ снимаетъ рощи, корчуетъ пни, разводитъ плантаціи, овладѣваетъ всѣми промыслами, отъ которыхъ, при менѣе черной сравнительно работѣ, можно ожидать болѣе прибылей... И чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Троицкому посаду и къ Москвѣ, этому средоточью русской святыни, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что нѣмецъ совсѣмъ не перелетная птица въ этихъ мѣстахъ, что онъ не на шутку задумалъ здѣсь утвердиться, что онъ устраивается прочно и надолго и вѣрною рукою раскладываетъ мрежи, въ которыхъ суждено барахтаться всевозможнымъ Трифонычамъ, Сидорычамъ и прочей неуклюжей бѣлужинѣ и сомовинѣ, заспавшейся, опухшей, спившейся съ круга" [2]).

Дальше въ разсказѣ даны многочисленныя иллюстраціи этого положенія, съ монотонными ссылками на евреевъ, французовъ, нѣмцевъ—на Адамовъ Абрамычей, Анатоліевъ Филиппычей и Крестьянъ Иванычей,—которые „изъ пятіалтыннаго наровятъ цѣлковыхъ надѣлать" и ведутъ свое дѣло съ такою настойчи-

---

[1]) „От. Зап." 1872 г., кн. X. Здѣсь разсказъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Благонамѣренныя Рѣчи (Изъ путевыхъ замѣтокъ)".

[2]) Т. IV, стр. 28.

востью и ловкостью, что „русскіе нынче только кабаками занимаются, а прочее все къ нѣмцамъ отошло“, какъ завѣряетъ автора везущій его ямщикъ.

Быть можетъ, въ этомъ черезчуръ ужъ подчеркнутомъ фактѣ „засилія“, которое нѣмцы, евреи и вообще иноплеменники „взяли“ въ области торгово-промышленной жизни нашей родины, есть нѣкоторое преувеличеніе. Но во всякомъ случаѣ основные этапы въ развитіи капиталистическихъ отношеній въ Россіи, какъ они послѣдовательно отражались въ сознаніи нашего сатирика, отмѣчены имъ вполнѣ правильно.

Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ первые свои шаги капитализмъ проходитъ при помощи иноплеменниковъ. „Пріобрѣтательскія стремленія — пишетъ В. Зомбартъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи капитализма — развились *въ сношеніяхъ съ иноплеменниками.* Только здѣсь могла пустить корни та мысль, что хозяйственными операціями можно воспользоваться съ того цѣлью, чтобы, искусно организовавши ихъ, достигнуть обогащенія. Естественно поэтому искать объясненія для быстраго развитія западно-европейской промысловой жизни въ томъ обстоятельствѣ, что въ средѣ европейскихъ народовъ внѣдрились многочисленные иноплеменные элементы (евреи). И несомнѣнно, что евреи сыграли значительную роль въ генезисѣ капиталистическаго духа“ [1]).

Въ Россіи, въ первыхъ стадіяхъ развитія у насъ товарнаго хозяйства, нашими учителями и профессорами оказались, вмѣстѣ съ евреями, также и массами хлынувшіе въ Россію послѣ эмансипаціи иностранцы, главнымъ образомъ, нѣмцы, со своими капиталами и навыками. Любопытно, что ровно черезъ годъ послѣ появленія цитированнаго нами очерка Щедрина, въ тѣхъ же „Отеч. Зап.“ (кн. 9-я 1873 г.) въ статьѣ: „Что нѣмцу здорово, то русскому смерть“ одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала снова возвращается къ отмѣченному сатирикомъ явленію, но вооруженный на этотъ разъ цифрами и фактами.

„Проѣзжая прошлымъ лѣтомъ по нагорному Поволожью и вступивъ въ самыя „пшеничныя мѣста“, мы съ удивленіемъ замѣчали—читаемъ мы въ этой статьѣ,—что около даже самыхъ зажиточныхъ селеній стояли почти пустыя гумна“. На вопросъ, обращенный къ мѣстнымъ людямъ, авторъ получилъ отвѣтъ, что пшеницу „нѣмецъ жретъ—почитай на корню... Все на крупчатку валитъ. А не отдашь ему, жидомору, за безцѣнокъ послѣдняго крестца съ поля—денегъ не дастъ, подушныя заѣдятъ“...

Изслѣдованіе подтвердило эти жалобы на нѣмца, „жрущаго“ крестьянскую пшеницу на корню. Въ Саратовѣ авторъ добылъ списокъ нѣсколькихъ десятковъ поволожскихъ крупчатыхъ мельницъ, съ показаніемъ количества размола, и на цифрахъ

---

[1]) Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ“. Изд. С. Скирмунта. М., Т. I, стр. 358.

увидѣлъ, „куда исчезаютъ крестьянскія одонья, и почему мужики многаго не досчитываются въ своихъ выручкахъ". Оказалось, что въ самомъ Саратовѣ и вокругъ него *нѣмцамъ* Зейхертамъ, Рейнеке, Шмидту, Диссендорфу, Фаренбруху и др. принадлежатъ десятки мельницъ, черезъ которыя проходитъ около трехъ милліоновъ пудовъ пшеницы.

На тему объ „иностранномъ нашествіи" трактуютъ и многія газетныя статьи и корреспонденціи того времени. Укажемъ, напримѣръ, на обширную корреспонденцію въ „Голосѣ" 1872 г. (№ 203) о „преобладаніи нѣмецкаго духа въ Поволожьѣ", гдѣ авторъ, полемизируя съ нѣмцами, ссылающимися въ своемъ „національномъ ослѣпленіи" на „германскую расовую даровитость", со своей стороны, объясняетъ нѣмецкія побѣды и одолѣнія въ Поволожьѣ только рублемъ.

Въ вопросѣ о „германской расовой даровитости" и нашъ сатирикъ остается при особомъ мнѣніи.

„Мы противъ этихъ нѣмцевъ очень ужъ просты—оттого и задачи намъ нѣтъ"—объясняютъ автору русскіе люди „засилье", взятое у насъ иностраннымъ капиталомъ.

„Нѣтъ, мы не просты" — категорически возражаетъ сатирикъ и, поставивъ на переднемъ планѣ Крестьянъ Иванычей, которые, при помощи пятіалтынныхъ, ловко выуживаютъ изъ чужихъ кармановъ рубли, онъ, въ видѣ общаго фона картины, рисуетъ измѣнившуюся психологію чистокровнаго россійскаго обывателя. Запахъ рубля, эмансипированнаго реформой 19 февраля 1861 года въ гораздо большей степени, чѣмъ самъ герой реформы—русскій мужикъ, оказался слишкомъ острымъ, слишкомъ всепроникающимъ, чтобы чистокровный россійскій обыватель могъ сохранить свою прежнюю душевную невинность. Брошенныя въ обращеніе, съ одной стороны, сотни милліоновъ выкупныхъ платежей, съ другой — освобожденный для всесторонней эксплоатаціи мужикъ—породили, какъ заразу, во всѣхъ слояхъ русскаго населенія тотъ spiritus capitalisticus, который вскорѣ овладѣлъ всѣми сердцами и помыслами массы. Отъ пышныхъ княжескихъ дворцовъ и до жалкой лачуги кое-чѣмъ промышляющаго деревенскаго прасола пріобрѣтательскія стремленія овладѣли умами и сдѣлались настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Проворство рукъ стало своего рода добродѣтелью, которая одинаково высоко цѣнилась не только игроками, не только простыми зрителями игры, но даже и тѣми, кого судьба обрекла быть постоянными жертвами игроковъ.

«Нѣтъ, мы не просты. Не простъ тотъ народъ, который къ простотѣ относится съ такой язвительностью, который такъ рѣшительно бичуетъ ее. И сатирикъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, которые, по его словамъ, смущали и преслѣдовали его на каждомъ шагу.

«Вы имѣли, напримѣръ, случай обыграть въ карты—и не обыграли:—Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!—Васъ

надули при покупкѣ, вы дались въ обманъ не потому, что были глупы, а потому что вамъ на умъ не приходило, чтобы въ странѣ, снабженной полиціей, мошенничество было одною изъ формъ общежитія:

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!

«Вы управляли чужимъ имѣніемъ и ничѣмъ не воспользовались въ ущербъ своему довѣрителю, хотя имѣли, такъ называемые, «случаи», «дѣла» и т. п.

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!» [1]).

Сдѣлавъ общую оцѣнку пріобрѣтательныхъ стремленій, овладѣвшихъ русскимъ обществомъ, Салтыковъ непосредственно вслѣдъ за этимъ перешелъ къ изображенію отдѣльныхъ типовъ, порожденныхъ новымъ теченіемъ.

II.

Надобно замѣтить, что 1872 годъ, въ который нашъ чуткій сатирикъ отмѣтилъ господствующій въ русскомъ обществѣ spiritus capitalisticus и вспомнилъ о давно покинутыхъ и забытыхъ имъ Ижбурдиныхъ и Палахвостовыхъ, находился вообще подъ знакомъ промышленности и торговли. Въ этомъ именно году русскіе журналисты разныхъ лагерей на турнирахъ журнальной и газетной полемики сломали въ честь нашего третьяго сословія не мало копій. Поводовъ для этого было болѣе, чѣмъ достаточно.

Въ 1872 г., по иниціативѣ московскихъ профессоровъ и денежныхъ тузовъ и при дѣятельномъ ихъ содѣйствіи, открыта была въ Москвѣ политехническая выставка, сопровождавшаяся интернаціональными торгово-промышленно-профессорскими торжествами. Собственно, по первоначальному плану предполагалось, что выставка будетъ преслѣдовать исключительно научныя и образовательныя задачи, что она явится чѣмъ-то въ родѣ временнаго политехническаго музея. Но передъ натискомъ частныхъ экспонентовъ-промышленниковъ пришлось уступить и вмѣсто систематизированныхъ коллекцій дать мѣсто случайнымъ экспонатамъ, никакого отношенія къ наукѣ не имѣющимъ. Въ результатѣ вмѣсто политехнической выставка вышла промышленной, и такъ какъ русская промышленность здѣсь впервые демонстрировала свои успѣхи за «десять лѣтъ реформъ», то, несмотря на всѣ дефекты, проистекавшіе отъ дѣйствительнаго характера выставки, она не могла не обратить на себя усиленнаго вниманія русской журналистики.

Затѣмъ въ томъ же 1872 г. были впервые опубликованы и сдѣланы общимъ достояніемъ «Протоколы и стенографическіе отчеты (состоявшагося въ 1870 г.) перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечествен-

---

[1]) Т. IV, стр. 38.

ной промышленностью». Съѣздъ былъ поставленъ на европейскую ногу, и наша юная буржуазія старалась во всю подражать своимъ западнымъ образцамъ. Предсѣдатель съѣзда фонъ-Бушенъ не безъ пафоса прославилъ *свободу*, какъ «первое и главное условіе для развитія промышленности», за что наши доморощенные буржуа наградили его громомъ аплодисментовъ. Не меньше любви къ свободѣ обнаружилъ съѣздъ и тогда, когда одинъ изъ правительственныхъ агентовъ внесъ предложеніе обязать желѣзныя дороги, въ цѣляхъ сохраненія лѣсовъ въ Россіи, употреблять исключительно каменный уголь. Ему отвѣтили: «пусть наши богатства лежатъ въ землѣ, если ихъ нужно вынимать съ регламентаціей». Этотъ маскарадъ словъ, всѣ эти ссылки на свободу и на благо любимой родины возобновлялись нашими промышленниками каждый разъ, когда имъ нужно было провалить то или иное стѣсняющее ихъ предложеніе.

Подъ такими именно предлогами отвергнуты были ими предложенія объ устраненіи отъ работъ дѣтей школьнаго возраста, объ облегченіи работы женщинъ и т. д. Съ такихъ же высотъ интересовъ общаго блага оглядывали они враждебнымъ окомъ нашу кустарную промышленность. Что же касается общаго вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ, то онъ даже заранѣе и, конечно, безъ всякихъ протестовъ, снятъ былъ предсѣдателемъ съ очереди на томъ основаніи, что съѣздъ призванъ рѣшать лишь вопросы «практики», а не блуждать въ темной области «абстрактныхъ и умозрительныхъ вопросовъ». Участвовавшіе на съѣздѣ представители «русской научной мысли», профессора высшихъ учебныхъ заведеній, и не подумали разоблачить это лицемѣрное прикрытіе либеральными терминами буржуазной гнусности. Напротивъ, всѣ реакціонные замыслы промышленниковъ они тутъ же закрѣпили своимъ ученымъ авторитетомъ, и, такимъ образомъ, надъ головами рабочаго люда былъ заключенъ здѣсь впервые прочный союзъ «двухъ фракцій» буржуазнаго міра.

Сопоставивъ первыя публичныя выступленія русской буржуазіи на съѣздѣ фабрикантовъ и промышленниковъ и на московской выставкѣ 1872 г. съ первыми же выступленіями Щедрина, какъ сатирика буржуазіи, я имѣю въ виду здѣсь исключительно торговую и промышленную буржуазію. Буржуазія землевладѣльческая, которая совпадала у насъ съ дворянскимъ сословіемъ, обратила на себя вниманіе сатирика гораздо раньше. Сатиры «Признаки времени» (1866—69 г.г.), «Гг. Ташкентцы» (1869—72 гг), «Дневникъ Провинціала въ Петербургѣ» (1872—73 г.г.)—посвящены были, въ значительной ихъ части, стяжательнымъ стремленіямъ дворянства послѣ эмансипаціи, и мнѣ приходилось уже въ другомъ мѣстѣ [1]) прослѣдить эволюцію этого сословія, какъ она отразилась въ Щедринской сатирѣ. Здѣсь до-

[1]) См. мою статью „Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина“. „Совр. Міръ“ 1906 г., октябрь—ноябрь.

статочно будетъ вспомнить, что «хищничество», какъ вѣянье пореформенной эпохи, было отмѣчено Щедринымъ еще въ 60-е гг., и честь иниціативы этого новаго общественнаго «теченія» сатирикъ всецѣло приписываетъ нашему россійскому рыцарству. «Обогощайтесь!»—этотъ лозунгъ принадлежалъ дворянству, оно же и демократизировало его, пустивъ его въ самыя глубины русской жизни.

Разсказавъ въ 10-ой кн. «Отеч. Зап.» 1872 г. о расползаніи хищничества по всей странѣ подъ опытнымъ руководительствомъ «иностраннаго нашествія», сатирикъ ровно черезъ годъ (въ 10 кн. 73 г., въ статьѣ «Опять въ дорогѣ») имѣетъ возможность уже констатировать самостоятельное выступленіе истинно-русскаго хищника. Да и, въ самомъ дѣлѣ, долго ли научиться такому немудрому искусству, какъ выжиманіе соковъ изъ ближняго. На что, напримѣръ, талантливъ былъ по этой части еврей Ошмянскій, выступающій въ «Совр. Идилліи»? Поступивъ въ управляющіе къ князю Рукосую-Пошехонскому, онъ не могъ говорить о мужикѣ безъ того, чтобы въ углахъ его рта не набивалась слюна, которую онъ очень аппетитно присасывалъ. Онъ въ тонкости зналъ, какъ и когда слѣдуетъ ущемить мужика для извлеченія изъ него полезныхъ соковъ, но выжимать сокъ изъ крестьянъ ему удалось только въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, потому что этого времени было съ избыткомъ достаточно для того, чтобы въ селѣ пришли въ совершенный разумъ «свои собственные евреи», въ лицѣ Астафьича, Финогеныча и Прохорыча, которые тѣмъ легче отбили у наглаго пришельца сосательную практику, что умѣли дѣйствовать и калякать съ мужикомъ по душѣ и по-божецки [1]).

Сатира «Опять въ дорогѣ» совершенно умалчиваетъ о «засильѣ», взятомъ иноплеменниками, и вводитъ насъ въ царство истинно-русскаго хищничества. Въ центрѣ сатиры поставлена фигура типичнѣйшаго русскаго кулака Хрисашки, котораго мѣстный обыватель въ глаза называетъ теперь не иначе, какъ Хрисанфъ Петровичъ господинъ Полушкинъ-съ. Еще не такъ давно Хрисашка служилъ въ приказчикахъ. Былъ человѣкомъ услужливымъ и скромнымъ; если и поворовывалъ, то потихоньку. Смерть помѣщика положила начало его новой карьерѣ. Онъ примазался къ барынѣ, «сластить» ее сталъ, обобралъ и бросилъ. Теперь онъ хватаетъ такъ, словно у него не двѣ, а четыре руки. Лѣсами торгуетъ, 12 кабаковъ держитъ и при каждомъ кабакѣ у него лавочка. И вездѣ обманываетъ. Всю окружающую мѣстность «подъ свою державу подвелъ» и чувствуетъ себя господиномъ и столпомъ. Амвонъ себѣ въ церкви устроилъ, гдѣ прежде дворяне стаивали, алымъ сукномъ обилъ—стоитъ охорашивается.

Какъ ни кратковременно еще было здѣсь хищническое хозяйничанье Хрисашекъ, но оно успѣло дать—по свидѣтельству сатирика—весьма и весьма осязательные результаты. Получилось

---

[1]) Т. II, стр. 348.

впечатлѣніе, что «никому ничего не жалко; никто не заглядываетъ въ будущее; всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно. И вотъ давно ли началась эта вакханалія, а окрестность уже имѣетъ обнаженный, почти безнадежный видъ. Пеньки, пеньки и пеньки»... [1]).

Хищники, выплывающіе изъ самыхъ нѣдръ крестьянской среды и быстро дѣлающіеся господами положенія, поражаютъ сатирика новизною своихъ пріемовъ. Они такъ неразборчивы въ своихъ средствахъ, такъ жестоки въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что вся ихъ дѣятельность представляется сатирику отрицательною даже съ точки зрѣнія ея внутренней цѣлесообразности. Не подрубаютъ ли они сами тотъ сучекъ, на которомъ только-что усѣлись? Вѣдь та непомѣрная жадность, съ какою они принялись насыщать свои аппетиты, имъ же самимъ грозитъ въ будущемъ голоданіемъ. Вѣдь тамъ, гдѣ прошлись эти хищники, вмѣсто былого богатства, остались одни почернѣвшіе пеньки,—а не на пенькахъ же будутъ они создавать свое будущее благополучіе? Этотъ вопросъ долго оставался для Щедрина загадкой. Да и сами хищники не разрѣшали ее. Ихъ выручаетъ только тотъ безсознательный оптимизмъ, который вообще присущъ любимцамъ исторіи.

Когда Разуваевъ («Убѣжище Монрепо») захотѣлъ одобрительно отозваться о «нонѣшнихъ дѣлахъ», онъ облекъ свою похвалу въ такую странную формулу: «Народъ нынче очень ужъ оплошалъ, такъ, значитъ, только случая опускать не слѣдуетъ».

Конечно, сатирикъ не могъ удовлетвориться этой своеобразной формулой. По моему—удивился онъ,—ежели народъ оплошалъ, да еще вы случаевъ опускать не будете,—вѣдь этакъ онъ, чего добраго, и вовсе оплошаетъ. Откуда вы тогда барыши свои выбирать надѣетесь?

— Ахъ, вашескородье! йёнъ доста-а-нетъ!—далъ Разуваевъ классическій отвѣтъ.

Авторъ вслухъ назвалъ Разуваева «финансистомъ», чѣмъ тотъ остался польщенъ и доволенъ. Но про себя онъ никакъ не могъ примириться съ экономической политикой кулака и мысленно сравнивалъ ее съ дикой фантазіей сказачнаго владѣльца золотой курицы. Какъ извѣстно, владѣлецъ этой курицы, наскучивъ получать по одному яйцу въ день и желая заразъ воспользоваться всѣми будущими яйцами, зарѣзалъ курицу и, разумѣется, не только обманулся въ своихъ мечтаніяхъ, но утратилъ и прежній скромный доходъ. «Глупо!»—рѣшалъ Щедринъ, отожествляя въ своемъ сознаніи героя сказки съ современнымъ ему героемъ наживы.

А между тѣмъ Разуваевы, при всей ихъ поражающей безграмотности, творили свое разбойничье дѣло, такъ сказать, по строго-научной системѣ. Экономическая наука запада, въ лицѣ

[1]) Т. IV, стр. 299.

К. Маркса, выяснила историческую роль хищниковъ въ дѣлѣ организацiи капиталистическаго хозяйства, и наши доморощенные хищники безсознательно брали на себя задачу практически демонстрировать систему великаго ученаго, показать правильность не только въ смыслѣ объясненiя фактовъ прошлаго, но и въ смыслѣ прогноза для будущаго.

Дѣло въ томъ, что Россiя вступила на путь первоначальнаго накопленiя, которое, по Марксу, есть накопленiе на одномъ полюсѣ общества богатства, на другомъ—нищеты. Эта поляризацiя является въ результатѣ мучительнаго процесса отдѣленiя производителя отъ средствъ производства,—процесса, который, съ одной стороны, превращаетъ общественныя средства существованiя и производства въ капиталъ, съ другой—непосредственнаго производителя—въ наемнаго рабочаго. Экспропрiацiя сельскаго производителя, крестьянина—или—какъ у насъ сами крестьяне называли—«раскрестьянствованiе» составляетъ основанiе всего процесса.

Процессъ мучительный и жестокiй; процессъ, повивальной бабкой котораго, по образному выраженiю Маркса, служитъ насилiе. И если западная Европа пережила его съ мучительствомъ, быть можетъ, значительно меньшимъ, чѣмъ то, какого можно было ожидать при мощномъ развитiи въ ней капитализма, то не надо забывать, что необходимой и серьезной предпосылкой экономическаго развитiя здѣсь было, какъ говоритъ Зомбартъ, «разграбленiе трехъ частей свѣта». Колонiальное хозяйство, игравшее такую огромную роль въ развитiи западно-европейскаго капитализма, развязывало хищникамъ руки и отодвигало всѣ границы въ присвоенiи произведенныхъ продуктовъ, потому что внутреннюю сущность колонiальнаго хозяйства составляютъ ничѣмъ неприкрытыя эксплоатацiя и разграбленiе чужихъ странъ и народовъ, свободныя отъ всякихъ соображенiй объ обычаяхъ и законѣ [1]).

Россiя не имѣетъ колонiй и, за отсутствiемъ ихъ, весь этотъ беззастѣнчивый грабежъ до-капиталистическаго строя направленъ былъ исключительно внутрь страны. Не было внѣшняго рынка,—надо было создавать рынокъ внутреннiй, и этотъ послѣднiй возможенъ былъ лишь при экспропрiацiи крестьянскаго населенiя страны. Надо было обездолить населенiе, чтобы сдѣлать его потребителемъ товарнаго рынка. На первый взглядъ такая постановка вопроса кажется странной. Щедрину она казалась даже глупой. Но среди противорѣчiй, создаваемыхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, это, быть можетъ, одно изъ самыхъ ничтожныхъ. Если нищающая крестьянская масса вынуждена была сокращать свое потребленiе, то вѣдь даже свои сократившiяся, сведенныя къ страшному minimum'у, потребности она, лишившись собственнаго хозяйства, могла удовлетворять все же

---

[1]) В. Зомбартъ. „Современный капитализмъ", стр. 304.

только при помощи рынка. Умаляется *потребитель*, но зато выростаетъ *покупатель*,—«йёнъ доста-а-анетъ», потому что, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ будетъ окончательно сойти съ лица земли, па чемъ, собственно, ни Разуваевъ ни законъ экономическаго развитія не настаиваютъ.

Напротивъ, Разуваевы даже заинтересованы въ томъ, чтобы экспропріируемый ими крестьянинъ плодился и множился. Гдѣ можно, они готовы, не безъ барыша для себя, конечно, предоставить своимъ кліентамъ самыя разнообразныя уступки. Осипъ Ивановичъ Деруновъ на этомъ, главнымъ образомъ, и строитъ свою теорію, по которой въ сношеніяхъ съ мужиками отдается преимущество кулаку передъ бариномъ. Баринъ—разсуждаетъ Деруновъ—не можетъ непосредственно продать свою землю мужику, потому что барину нужны наличныя деньги, которыхъ у мужика нѣтъ. Но если между бариномъ и мужичкомъ будетъ введено посредствующее звено, въ лицѣ его, Дерунова, то въ выигрышѣ будутъ всѣ трое. Баринъ получитъ деньги, мужикъ землю, а онъ, Деруновъ, хоть и сдеретъ съ мужика втридорога, но зато онъ «насчетъ взысканій»—человѣкъ покладистый и снисходительный. «Не разоряю я—разсуждаетъ Деруновъ,—а исподволь взыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ—въ работу возьму. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался, а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него вмѣсто рубля два получу»... [1]).

Ну, а если мужикъ, даже при этихъ «льготнихъ» условіяхъ, не осилитъ покупки, и земля опять очутится въ рукахъ того же кулака, такъ это, по глубокому убѣжденію Дерунова, можетъ послужить только къ мужицкой же выгодѣ. «Крестьянину дани платить надо, а не о пріобрѣтеніи думать... Такъ ему свыше написано. И по моему слабому разуму, ежели человѣкъ бѣдный, такъ чѣмъ меньше у него, тѣмъ даже лучше. Лишней обузы нѣтъ»...

III.

Разрисованный сатирикомъ во всей его кулацкой красѣ Деруновъ съ перваго же момента своего выступленія въ литературѣ (№ 1 «Отеч. Записокъ» за 1874 г.) сталъ нарицательнымъ названіемъ представляемаго имъ типа. Впослѣдствіи къ нему присоединились и даже раздѣлили съ нимъ славу Разуваевъ съ Колупаевымъ. Но они входятъ уже, собственно, въ почетную свиту Дерунова, являются варіаціями этого типа, такъ какъ мощная, словно изъ чугуна отлитая, фигура Дерунова одна могла бы служить достойнымъ памятникомъ породившей его эпохи.

Біографію Дерунова сатирикъ начинаетъ издалека со временъ крѣпостного права, когда этотъ типичный рыцарь нако-

---

[1]) Т. IV, стр. 143.

пленія и положилъ начало своей карьеры. Деруновъ по происхожденію—мѣщанинъ. Человѣкъ пріятной наружности, онъ еще въ молодости сдѣлался любимцемъ помѣщиковъ, среди которыхъ получилъ кличку министра. Въ купцы выписался до крестьянской эмансипаціи, обобравъ проѣзжаго, умершаго у него на постояломъ дворѣ. Значитъ, крѣпостное право его непосредственно не тяготило. Тѣмъ не менѣе въ тѣ времена ему было негдѣ развернуться. Можетъ быть, и скопился у него капиталецъ, да пристроить, по тогдашнему времени, было некуда. Рисковать въ то время было не въ обычаѣ; жили осторожно, прижимисто, какъ будто боялись, что увидятъ—отнимутъ. Только послѣ эмансипаціи Деруновъ пересталъ сколачивать по копеечкѣ, а принялся «орудовать». Онъ арендовалъ у помѣщиковъ винокуренные заводы, имѣлъ нѣсколько винныхъ складовъ, множество кабаковъ, торговалъ скотомъ и хлѣбомъ и всю мѣстную торговлю прибралъ къ своимъ рукамъ. Всякую чужую копейку онъ считалъ гулящей и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ ее въ свой карманъ. Такова въ основныхъ чертахъ біографія не только одного Дерунова, но и всѣхъ другихъ рыцарей первоначальнаго накопленія, выведенныхъ на страницахъ Щедринской сатиры. Выплывшіе изъ самыхъ низовъ соціальной жизни, всѣ они отъ природы надѣлены сильными челюстями, зоркимъ взглядомъ и юркостью настоящихъ хищниковъ. Происхожденіе ихъ богатства непремѣнно окружено какой-то темной легендой, въ которой глаголы—одурманить, украсть, ограбить, убить—повторяются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Наконецъ, къ какому бы моменту ни было пріурочено обогащеніе этихъ хищниковъ, молодецкую удаль свою они развертываютъ во всю лишь послѣ эмансипаціи.

Экономическая исторія Россіи показываетъ, что художественная цѣльность созданныхъ сатирикомъ типовъ совпадаетъ съ ихъ жизненной правдивостью.

Были, конечно, случаи, когда отдѣльныя лица всплывали на поверхность изъ самыхъ нѣдръ крѣпостническихъ отношеній и являлись организаторами крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій задолго до 1861 г. Таковъ, напр., Савва Морозовъ, выкупившійся изъ крѣпостного состоянія еще въ 1820 г. Сначала пастухъ, потомъ извозчикъ, ткачъ, скупщикъ, Савва Морозовъ, скончавшись въ 1862 г., успѣлъ даже и въ тѣ глухія времена оставить въ наслѣдство своимъ сыновьямъ двѣ крупныхъ фабрики. Но такихъ счастливцевъ было немного. При ничтожномъ развитіи у насъ товарнаго производства въ крѣпостную эпоху, при слишкомъ слабой имущественной дифференціаціи въ крѣпостной деревнѣ, мелкій производитель вполнѣ удовлетворялся мелкимъ же, раздробленнымъ сбытомъ. Денежныя средства, если они и оказывались въ результатѣ какой-нибудь темной исторіи или счастливаго случая въ карманахъ сѣраго мужицкаго армяка, не находили достаточнаго примѣненія. И только послѣ эмансипаціи, когда съ появленіемъ крупнаго рынка явилась потребность

и въ крупномъ, массовомъ сбытѣ, въ организаціи этого послѣдняго открытъ былъ широкій просторъ для дѣятельности деревенскихъ Ротшильдовъ. Тогда только они могли смѣло извлечь изъ потаенныхъ мѣстъ свои кубышки и, расправивъ крылья, хищными коршунами налетѣть на мирно дремавшія веси.

На первыхъ порахъ имъ предстояло разрѣшить серьезную и сложную экономическую проблему. Разрозненный, мелкій, случайный сбытъ, вызывавшійся изолированностью и неорганизованностью мелкаго производителя, имъ надо было превратить въ сбытъ концетрированный, крупный и регулярный, какой требовался условіями вновь созданнаго крупнаго рынка. Эту задачу навязывала хищникамъ исторія, и, конечно, почтенная старушка ни мало не позаботилась о томъ, чтобы выполнители ея предначертаній взялись за это дѣло чистыми руками. Вотъ когда началась у насъ вакханалія хищничества.

Въ періодъ острой марксисто-народнической полемики «ученики» не разъ ставили на видъ народникамъ, что эти послѣдніе въ оцѣнкѣ исторической роли у насъ торговаго капитала не сумѣли занять объективной позиціи ученыхъ изслѣдователей; что моральная сторона процесса концентраціи торговаго капитала заслонила отъ нихъ его экономическую природу. Въ глазахъ нѣкоторыхъ, наиболѣе ретивыхъ, «учениковъ» народники казались какими-то черезчуръ сентиментальными барышнями, готовыми источать слезы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Хорошо было «ученикамъ» посмѣиваться заднимъ числомъ надъ излишней будто бы слезливостью народниковъ, но положеніе народниковъ въ 70-е, да, пожалуй, и въ 80-е г.г. было далеко не изъ пріятныхъ.

Можно быть глубоко-убѣжденнымъ въ необходимости для вашего организма извѣстной операціи, но въ тотъ моментъ, когда ножъ хирурга впивается въ ваше тѣло, рѣжетъ и раздираетъ его, мысль о цѣлесообразности процесса поневолѣ отступитъ на задній планъ. Болевыя ощущенія завладѣваютъ вашимъ сознаніемъ, и вы будете стонать отъ боли, быть можетъ, громче, мучительнѣе какъ разъ именно въ ту минуту, когда въ глазахъ хирурга уже блеснетъ свѣтъ радости, торжествующей успѣхъ его кроваваго искусства.

А вѣдь народники и находились въ положеніи оперируемаго, потому что совершавшійся въ то время «процессъ концентраціи торговаго капитала» заполнялъ сознаніе, поражая его своей стихійной жестокостью. Не даромъ же наиболѣе чуткіе изъ свидѣтелей этого мучительнаго соціальнаго процесса съ негодованіемъ отворачивались отъ вопросовъ политики и въ мечтахъ о соціальной революціи искали отдыха отъ кошмарныхъ картинъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Сильными челюстями своими Деруновы глубоко вонзились въ тѣло народа, и не было спасенія отъ ихъ ядовитыхъ укусовъ.

Не было бѣдствія, котораго они не сумѣли бы использовать въ интересахъ своего жестокаго дѣла. Голодъ, моръ, разоренье—все это шло лишь на пользу Деруновымъ, и они не стѣснялись подчеркивать это.

— Хлѣбомъ торгуете?—спрашиваютъ Дерунова.

— „Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. Насчетъ податей строго стало, выкупные требуютъ—ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная“.

— Скотъ скупаете тоже?

— „И скотъ скупать хорошо, коли ко времю. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ—тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ.....“

— Лѣса, вино?

— „И лѣсами подобрались—дрова въ цѣнѣ стали. И вино—статья полезная, потому—воля. Я нынче фабрику миткалевую завелъ: очень ужъ народъ дешевъ...“

Жестокое дѣло требовало для своего выполненія жестокихъ людей. И этотъ истинный рыцарь наживы, Осипъ Ивановичъ Деруновъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, когда дѣло касается его интересовъ, его страстей. Ему ничего не стоитъ продать свою жену сосѣднему помѣщику, какъ ничего не стоитъ погубить родного сына Якова только потому, что ему приглянулась жена послѣдняго, интимную связь съ которой онъ даже афишируетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Таковы и всѣ остальныя фигуры хищниковъ, вынырнувшихъ изъ низовъ народной жизни.

Таковъ Николай, старшій сынъ Дерунова, помогающій старику въ дѣловыхъ операціяхъ. Тоненькій, маленькій, съ ласково улыбающимися голубыми глазами, съ вьющимися каштановыми волосами, онъ очень напоминаетъ родителя, когда тотъ былъ молодъ, напоминаетъ его всѣми ухватками, за внѣшней мягкостью которыхъ ясно чувствуются острые когти жестокаго хищника.

Таковъ Антошка Стрѣловъ, «Антошка-кабатчикъ, Антошка-прасолъ, Антошка-закладчикъ, — словомъ, Антошка homo novus, выброшенный волнами современной русской цивилизаціи на поверхность житейскаго моря». Антошку въ началѣ его карьеры звали по разному. Звали его «стрѣлой», по причинѣ его необычайной стремительности. Звали его «стальной душой», такъ какъ говорили, что онъ отца родного промѣнять готовъ. Теперь зовутъ его не иначе, какъ Антономъ Валерьяновичемъ, потому что онъ—дѣлецъ, потому что при помощи завѣдомо подложнаго векселя онъ сумѣлъ устроить и упрочить свою карьеру.

Таковъ Пантелѣй Егоровичъ, создавшій свое благополучіе на капиталахъ купца Мосягина, котораго онъ опоилъ дурманомъ, предварительно завладѣвъ его женой. Теперь онъ кабатчикъ, доноситель и даже провокаторъ. Вотъ какъ, по его

собственному наивному разсказу, онъ собиралъ факты, уличающіе будто бы мѣстнаго помѣщика Парначева въ неблагонадежности. Мѣстные кулаки сильно не взлюбили Парначева за то, главнымъ образомъ, что онъ въ разговорахъ съ крестьянами совѣтовалъ имъ противопоставить кулачеству организацію артелей и кассъ. По тому времени и это было достаточно неблагонадежно. Но для того, чтобы окончательно уличить «смутьяна», Егоровъ приспособилъ къ приходу Парначева въ трактиръ такую хитрую «штучку»: «Какъ только они на крыльцо, а я сейчасъ, значитъ, къ машинѣ: *Коль Славенъ*..... это, значитъ, въ Сіонѣ-съ!.. И что-жъ вы бы думали—докладываетъ онъ исправнику—хоть бы онъ бровью пошевельнулъ! Посѣтители сидятъ, чай пьютъ, всѣ можно сказать, въ умиленіи, а онъ какъ вошелъ въ фуражкѣ, такъ и шмыгнулъ наверхъ-съ!..» Этотъ эпизодъ сильно будто бы оскорбилъ патріотическое чувство трактирщика: «Такъ оскорбилъ, такъ оскорбилъ-съ, —даже душа во мнѣ вся перевернулась!.. Помилуйте!... Тутъ публика... Чай кушаютъ... въ умиленіи-съ..., а они въ фуражкѣ!..» [1]).

Таковъ и знакомый уже намъ Фрисанфъ Петровичъ Полушкинъ,—«усластившій», а затѣмъ и обобравшій довѣрившуюся ему помѣщицу, а теперь хватающій, «словно у него не двѣ, а четыре руки».

Эта коллекція портретовъ извлечена мною только изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Но не въ одной этой серіи сатиръ Щедринъ касается дѣятелей накопленія. И чтобы пополнить нашу галлерею, обратимся къ другимъ сатирамъ и прежде всего заглянемъ въ «Убѣжище Монрепо», вокругъ котораго вьется, подобно коршунамъ надъ стадомъ, нѣсколько новыхъ хищниковъ.

Егорка Груздевъ, выработавшій себѣ еще «въ подломъ видѣ» способность «кровопійствовать», дѣлаетъ при помощи одной этой способности блестящую карьеру. Никакихъ другихъ талантовъ у него нѣтъ. Онъ негораздъ и даже невѣжественъ, ретивъ только галдѣть, да зубы заговаривать, но, пуская въ ходъ одни лишь кровопивственные пріемы, изъ «прохвоста», какимъ считался въ молодости, превращается въ Егора Ивановича. О будущемъ онъ безпокоился мало: можетъ быть—разсуждалъ онъ—изъ него выйдетъ господинъ Груздевъ, а можетъ быть, онъ угодитъ на каторгу. Но онъ знаетъ, что и въ Сибири люди живутъ. Каторги ему, однако, какимъ-то чудомъ удалось миновать, и теперь *господинъ* Груздевъ щеголяетъ въ шитомъ мундирѣ, повсюду встрѣчаемый лестью и заискиваніями.

Антонъ Ивановичъ Разуваевъ,—авторъ классическаго изреченія: «йенъ доста-а-анетъ!»—выдѣляется изъ среды другихъ хищниковъ своей до неуязвимости доведенной наглостью. Плюнь ему въ лицо—онъ утрется. Свороти ему скулу,—онъ ее на старое мѣсто вправитъ. Потрясая своимъ бумажникомъ, онъ глубоко

---

[1]) Т. IV, стр. 94.

убѣжденъ, что въ деньгахъ скрывается сила всепобѣждающей аргументаціи. Когда-то «пользовался довѣріемъ» корнетши Отлетаевой, но съ объявленіемъ воли немедленно же бросилъ ее. Опериться, какъ слѣдуетъ, онъ еще не успѣлъ, но надежды не теряетъ и «дѣло» свое похваливаетъ. Желая во что бы то ни стало пріобрѣсти за грошъ старинную усадьбу Монрепо, Разуваевъ старается выжить ея владѣльца. Для этого онъ окружаетъ усадьбу сѣтью своихъ наблюденій и интригъ, пытаясь уличить помѣщика въ политической и даже нравственной неблагонадежности: «Правда ли—выспрашиваетъ онъ,—что баринъ живетъ въ грѣхѣ со скотницей Матреной?» «Въ обывательскихъ реестрахъ—удостовѣряетъ сатирикъ о Разуваевѣ—отмѣчено: «бывшій халуй. Занимается кабаками, а нынче сверхъ того и *интеллигенціей*».

Въ 80-е гг. сатирикъ показываетъ намъ Разуваева уже въ роли настоящаго «столпа» («За Рубежемъ»), мечтающаго даже о собственной газетѣ для пропаганды водокъ своего издѣлія («Современная идиллія»).

Сортомъ ниже будетъ кабатчикъ Колупаевъ, тоже одинъ изъ сосѣдей автора по «Монрепо». Этотъ далеко еще не постигъ тонкостей деликатнаго обхожденія,—при ѣдѣ обходится безъ помощи ножа и вилки, сморкается безъ помощи носового платка и т. д. Однако, при всемъ томъ гостепріимный домъ его является центромъ, объединяющимъ сельскую аристократію за игрой въ стуколку. Сатирикъ слѣдитъ за его судьбой съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ за судьбой Разуваева, и впослѣдствіи мы узнаемъ, что Колупаевъ точно также представляетъ «столпъ» («За Рубежемъ») и упрочилъ свое положеніе настолько, что «ѣздитъ нынѣ на мужикѣ». («Письма къ тетенькѣ»).

Мало замѣтный самъ по себѣ, Колупаевъ сталъ тѣмъ не менѣе всероссійской знаменитостью, такъ какъ, съ легкой руки сатирика, имя этого мелкаго хищника неизбѣжно ассоціируется съ именами болѣе крупныхъ представителей этого типа. И, когда рѣчь заходитъ о Деруновѣ и Разуваевѣ, названіе почтенной «фирмы» кажется неполнымъ, если вмѣстѣ съ этимъ не будетъ упомянутъ и Колупаевъ. Такова литературная традиція, установленная со временъ сатирика, и притомъ имъ же самимъ. Поэтому не будетъ здѣсь неумѣстнымъ вспомнить, что Колупаевъ—не созданіе фантазіи Салтыкова, а живой человѣкъ, быть можетъ, и понынѣ благополучно доживающій среди насъ свои старческіе годы.

По словамъ г. Е. Буринскаго, прожившаго вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ въ деревнѣ лѣто 1868 г., при нихъ въ качествѣ фактора состоялъ... самъ Колупаевъ. «Этотъ Колупаевъ—разсказываетъ г. Буринскій,—бывшій деньщикъ моего дяди, такъ умѣлъ вести свои дѣла, что тотчасъ же послѣ смерти своего барина-генерала оказался обладателемъ не одного десятка тысячъ рублей. Онъ открылъ большой табачный магазинъ, ссужалъ деньгами (и крупными суммами) подъ векселя за огромные проценты моло-

дыхъ гвардейцевъ, исполнялъ всевозможныя порученія по покупкѣ чего угодно, комиссіонерствовалъ на всѣ лады и т. п.

Салтыковъ никогда не могъ спокойно произнести фамилію нашего фактора. Скажите, Иванъ, вашъ отецъ тоже назывался Колупаевымъ, или вы сами себѣ придумали такую фамилію? Во всякомъ случаѣ, удачнѣе ничего быть не можетъ! Ко-лу-паевъ! Чертъ знаетъ, что такое!

Этотъ Колупаевъ зналъ, что фамилію его Салтыковъ обезсмертилъ, но былъ очень доволенъ и до самой смерти Салтыкова высказывалъ ему полное уваженіе и преданность. Подъ конецъ лѣта 1868 г. Салтыковъ просто не могъ обойтись безъ Колупаева: мебель ли купить, квартиру нанять, денегъ достать (было и это)— все поручалось Колупаеву, и Колупаевъ всегда оказывался на высотѣ оказаннаго ему довѣрія... конечно, не безъ выгоды для себя [1]).

Вся эта компанія Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, къ которымъ должны быть причислены кромѣ того купецъ Дрыгаловъ («Въ средѣ умѣренность и аккуратность»), Вздошниковъ («Современная идиллія»), Иванъ Ѳомичъ («Мелочи жизни»), Игнатьевъ («Сказки») и проч., и проч., очень характерна въ томъ отношеніи, что каждый изъ ея членовъ непремѣнно состоитъ въ роли «столпа» или, по крайней мѣрѣ, числится кандидатомъ на это почетное амплуа. Всѣ они находятся въ самыхъ милыхъ отношеніяхъ съ представителями власти,—съ ними вмѣстѣ пьютъ и въ карты играютъ, съ ними роднятся, имъ «содѣйствуютъ» при помощи добровольнаго вы слѣживанія и доносовъ. Не даромъ же становой Граціановъ («Убѣжище Монрепо»), великодушно извиняя автору всѣ его либеральныя прегрѣшенія, не можетъ простить ему хулы... не противъ Духа Святого, нѣтъ—противъ кабатчиковъ. «Не раздражайте!— говорилъ онъ—не раздражайте гг. кабатчиковъ, ибо въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія». И то же самое, но только въ болѣе пространной и болѣе разработанной формѣ, внушалъ Граціановъ урядникамъ, доказывая имъ, что «дѣйствительнаго и истинно-плодотворнаго содѣйствія» власть можетъ ждать по преимуществу отъ гг. кабатчиковъ. Кабатчикъ, «онъ трезвъ, потому что такова задача его занятія. Онъ одинъ имѣетъ возможность трезвенно проникать въ глубины человѣческихъ сердецъ»...

IV.

Итакъ, кабатчики—«столпы». Они призваны поддерживать и охранять «священные устои нашего дорогого отечества»— семью, собственность, государство. И они, дѣйствительно, поддерживали и охраняли эти устои не за страхъ только, а за совѣсть.

Послушайте, напримѣръ, какъ распинается за «семейное

---

[1]) „Два слова о Салтыковѣ“ г. Евгенія Буринскаго. „Новое Время“ 1900 г, № 8907.

начало» Деруновъ, этотъ старый снохачъ, собственная супруга котораго, Анна Ивановна, съ его же вѣдома, находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Глафиринымъ:

— «Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу представь— развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю! Спаси Господи! Въ семью-то придешь—ровно въ раю очутишься! Право! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ! истинный рай земной!»

Осипъ Ивановичъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Этотъ жестъ, конечно, здѣсь не совсѣмъ умѣстенъ, потому что обнаруживаетъ нѣкоторое равнодушіе фактора къ избранной имъ темѣ. Но зато вотъ Хрисанфъ Полушкинъ, тотъ самый, что въ четыре руки потрошитъ ближнихъ своихъ, тотъ не станетъ зѣвать, когда приведется ему защищать принципы собственности. Сосѣди, по крайней мѣрѣ, говорятъ о немъ: «если не только-что украсть у него, но даже если при немъ насчетъ собственности что-нибудь неладно сказать,—поди, чай, какъ завопитъ!..»

Разуваевъ, по наблюденіямъ сатирика, объ отечествѣ думаетъ, что это «падаль». На государство онъ прямо такъ и смотритъ, какъ на «расхожій пирогъ». Но когда ему надо вытѣснить конкурента, онъ и въ душу къ нему заглянетъ и горячо станетъ доказывать, что для государства, именно для государства, выгоднѣе, если чужою пустошью будетъ владѣть онъ, Разуваевъ, ибо онъ, а не признанный владѣлецъ ея, откроетъ здѣсь для правительства новые источники дохода. И доказывать это положеніе онъ станетъ съ такой убѣдительной настойчивостью, что заставитъ и мѣстнаго батюшку и станового выступить адвокатами такой «государственной» точки зрѣнія [1]).

Щедрина могло глубоко возмущать такое дерзкое отожествленіе Разуваевымъ его личныхъ своекорыстныхъ расчетовъ съ интересами государства. Но теоретически Разуваевъ былъ правъ. «Государство—говоритъ Энгельсъ—возникло изъ потребности сдерживать классовыя противорѣчія. И такъ такъ въ то же время государство возникло внутри этихъ классовыхъ противорѣчій, то обычно оно становится государствомъ сильнѣйшаго, экономически господствующаго класса, который при его помощи дѣлается и политически господствующимъ классомъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новыя средства для подчиненія и эксплоатаціи угнетеннаго класса. Являясь, слѣдовательно, въ рукахъ господствующаго класса орудіемъ эксплоатаціи, государство и должно было предоставить себя въ распоряженіе новой создавшейся внутри его силы, отожествить себя съ нею».

Разуваевъ былъ правъ. Вопросъ только въ томъ, какія же, собственно, требованія могли предъявить къ государству рыцари наживы въ жестокій періодъ первоначальнаго накопленія «Способы первоначальнаго накопленія, по замѣчанію Маркса, представляютъ все, что угодно, но только не идиллію». И рыцарямъ

[1]) См. т. VII, стр. 373.

наживы нуженъ былъ во всякомъ случаѣ не правовой порядокъ. Если, какъ утверждаетъ сатирикъ, они и мечтали одно время насчетъ «конституцiевъ», то ихъ конституцiонныя желанiя были довольно-таки своеобразны.

«Намъ—мечтали Разуваевы и Колупаевы—чтобъ «конституцiевъ» дали, а толоконниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ» [1]). И если бы Колупаеву даже во снѣ приснилась такая конституцiя, которая намекала бы на экономическое освобожденiе «толоконниковъ», то «я убѣжденъ—писалъ сатирикъ,—что Колупаевъ скорѣе самъ на себя донесъ бы исправнику, нежели допустилъ бы такую пропаганду на практикѣ» [2]).

Да, способы, которыми Разуваевы выполняли свое провиденцiальное назначенiе, ничего идиллическаго въ себѣ не заключали. Насилiе—вотъ факторъ первоначальнаго накопленiя. «Право насилiя»—вотъ вытекающiй отсюда лозунгъ, который должны были бы провозгласить рыцари накопленiя. Нѣчто подобное провозглашаетъ «чумазый» и у Щедрина, когда на вопросъ: «что есть истина?» твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: «распивочно и на выносъ!»

Само собой разумѣется, однако, что ни самъ «чумазый», ни тѣмъ менѣе покровительствующая ему власть не могли выступать публично съ такими цинично-откровенными лозунгами. Насилiе, въ какихъ бы грубыхъ формахъ оно не проявлялось, разъ оно становится орудiемъ государства или класса, нуждается въ прикрытiи,—оно должно быть замаскировано какой - нибудь, хотя бы даже и нехитрой, идеологiей.

Сатирикъ вскрылъ эту идеологiю съ удивительнымъ мастерствомъ.

Въ письмѣ къ Е. И. Утину (въ 1881 г.) Салтыковъ, объясняя основную идею «Благонамѣренныхъ Рѣчей», говоритъ, что онъ «обратился къ семьѣ, собственности и государству и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются». Сказано категорически: «ничего этого уже нѣтъ». Принципы стараго государственнаго режима отброшены, и притомъ отброшены самими же «столпами» новой слагающейся государственности. Ничего новаго на смѣну старымъ устоямъ «столпы» не выдвинули. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, голое насилiе возвести въ степень новой основы государственной жизни! Приходилось, волей-неволей, пользоваться старыми формулами и, всячески пережевывая ихъ, маскировать ими новыя отношенiя. И посмотрите, какъ ловко справляются съ этой задачей у Щедрина всѣ эти зубастые хищники и ихъ высоко и низко-поставленные покровители! Какъ искусно пустословятъ они,

---

[1]) Т. VIII, стр. 418.
[2]) Ibid.. стр. 409.

прикрывая отвратительную наготу свою пестрою тканью вывороченныхъ на изнанку пословицъ и другихъ изреченій обветшавшей мудрости. Словно самъ сатана давалъ имъ практическіе уроки діалектики по извѣстной системѣ Мефистофеля:

Für was drein geht und nicht drein geht
Ein prächtig Wort zu Diensten steht.

Деруновъ началъ практическія занятія по пустословію еще будучи содержателемъ постоялаго двора. У него всегда на готовѣ для гостей было привѣтливое слово и пустословное разсужденіе въ родѣ того, что «прежде счетъ на ассигнаціи былъ, а нынче на серебро пошелъ». Встрѣчая помѣщичьяго сынка, возвращающагося домой на каникулы, Деруновъ прямо донималъ мальчишку поучительными разговорами:

— Это хорошо, что учителямъ потрафляешь,—поощрялъ, напримѣръ, онъ юнаго собесѣдника.—Въ науку пошелъ—надо потрафлять. Иной разъ и занапрасно учитель побьетъ, а ты ему: «покорно, молъ, благодарю, Августъ Карлычъ!»

Или вотъ образецъ на тему о почитаніи родителей:

— Чти родителей, потому что безъ нихъ вашему брату дѣваться некуда, даромъ, что ты востеръ. Вотъ изъ ученья выйдешь—кто тебѣ на прожитокъ дастъ? Жениться захочешь,—кто невѣсту припасетъ?—все родители! Такъ ты и утромъ, и вечеромъ за нихъ Бога моли: спаси, молъ, Господи, папыньку, мамыньку, сродственниковъ! Всѣхъ, сударь, чти!.. Я тоже родителей чтилъ, за это меня и Богъ благословилъ. Бывало, родитель-то гнѣвается, а я ему въ ножки! Зато теперь я съ домикомъ; своимъ хозяйствомъ живу»... и т. д. и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Таковы образчики болѣе или менѣе невиннаго пустословія. Но изъ этихъ невинныхъ, на первый взглядъ, цвѣточковъ вызрѣваютъ по осени весьма ядовитаго свойства ягодки. Надобно только, чтобы задѣты были за-живое интересы самого пустослова; чтобы по пути къ чужому горлу, которое онъ вотъ-вотъ собрался перервать, встрѣтилось какое-нибудь препятствіе.

Запротестовали, напримѣръ, крестьяне противъ слишкомъ дешевыхъ цѣнъ, по которымъ Деруновъ скупалъ у нихъ хлѣбъ. Запротестовали и переѣхали на другой базаръ, въ другое село. Правда, ничего отъ этого крестьяне не выиграли. Напротивъ, задаромъ проѣздивъ тридцать верстъ, они должны были сбавить еще по 10 коп. съ пуда противъ назначенной Деруновымъ цѣны, потому что ихъ и тамъ настигли деруновскіе приказчики и накачали ихъ. И тѣмъ не менѣе Деруновъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, вскипѣлъ негодованіемъ:

— Однако, это, братъ, въ нашихъ мѣстахъ новость! Скажи, пожалуй, стачку затѣяли! Да за стачки-то нынче, знаешь ли какъ!.. Испугать вздумали! Нѣтъ, братъ, ростомъ не вышли! Бунтовать не позволено!..

— Да какой же это бунтъ, Осипъ Ивановичъ, вступился авторъ, отъ имени котораго и ведется разсказъ.

— А по твоему, баринъ, не бунтъ? Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? Самъ, что ли, экую махину съѣмъ!.. Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію хлѣбомъ продовольствую! А ну, какъ у меня изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то? По твоему, это не бунтъ?..

«На сей разъ—разсказываетъ сатирикъ—Осипъ Ивановичъ совершенно ясно и довольно нагло говорилъ мнѣ «ты». Онъ возмущался такъ искренно, что даже измѣнилъ своему обычному благодушію. Признаюсь откровенно, я и не подумалъ возразить ему. Соображеніе, что по милости мужиковъ, не соглашающихся взять *настоящую* цѣну, армія можетъ встрѣтить препятствіе въ продовольствіи, было такъ рѣшительно и при томъ такъ полно современности, что я даже самъ испугался, какимъ образомъ оно прежде не пришло мнѣ въ голову. Конечно, я понималъ, что и противъ такого капитальнаго соображенія не невозможны возраженія, но, съ другой стороны, что можетъ произойти, если вдругъ Осипу Ивановичу въ моемъ скромно выраженномъ мнѣніи вздумается заподозрить или «превратное толкованіе», или наклонность къ «распространенію вредныхъ идей»? Скажу я, напримѣръ, что при неисправности подрядчика военное вѣдомство можетъ распорядиться насчетъ его залоговъ, а онъ вдругъ растолкуетъ, что я арміи и флоты отрицаю, основы потрясаю, авторитетовъ не признаю! Развѣ этихъ примѣровъ не бывало?» [1]).

Какъ не бывать! Бывало, и даже слишкомъ много бывало. И тотъ же Деруновъ, считая себя призваннымъ читать въ сердцахъ, былъ далеко не безопасенъ не для однихъ крестьянъ. Вѣдь вотъ хотя бы исторія съ «кандауровскимъ бариномъ». Хорошо еще, что „вышнее" начальство вступилось за него,—„поступковъ ожидать" велѣло. Деруновъ не такъ терпѣливъ, чтобы ждать. Въ его глазахъ обвинительный матеріалъ противъ „кандауровскаго барина" былъ достаточно богатъ уже тѣмъ, что уличалъ барина въ чтеніе книгъ и въ нежеланіи вести компанію съ нимъ, Деруновымъ. „Не по-людски живетъ, ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ"—разсуждаетъ этотъ доброволецъ-охранитель и отсюда уже неожиданно умозаключаетъ: „А кто его знаетъ! Можетъ, онъ промежду себя революцію пущаетъ". И какъ ни счастливъ былъ „кандауровскій баринъ" заступничествомъ высшихъ властей, однако, совсѣмъ отбояриться отъ Дерунова и К° ему все же не удалось,—пришлось, таки, и „безъ поступковъ" въ Петербургъ удирать!

Хотя рѣчи Дерунова сплошь и рядомъ заключали въ себѣ угрозу, часто на дѣлѣ осуществляющуюся, но отъ этого онѣ не становились менѣе пустословными. Развѣ только-что угроза, про-

[1]) Т. IV, стр. 149.

рывавшаяся сквозь потоки пустословія, пріобрѣтала болѣе жестокія, а потому и болѣе страшныя формы. А между тѣмъ Деруновъ увлекался своимъ пустословіемъ, и собесѣднику его нерѣдко приходилось употреблять большія усилія, чтобы остановить оратора. „Не такой онъ былъ человѣкъ — вспоминаетъ сатирикъ,—чтобы скоро отстать“.

Само собою разумѣется, что Деруновъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы не придавать никакой вѣры своимъ разглагольствованіямъ, находившимся къ тому же въ полномъ противорѣчіи къ его личному поведенію. „Вслушайтесь въ тонъ, которымъ онъ произноситъ свои предики,—кажется, что онъ говоритъ серьезно и даже съ нѣкоторой пажимкой. И вдругъ прорвется нотка... ну, смѣется эта нотка, да и все тутъ! Смѣется, словно вотъ такъ и говоритъ: видишь, какія чудеса въ рѣшетѣ передъ тобой выкладываю! а ты все-таки слушай, да на усъ себѣ мотай! потому что я—столпъ“...

Я сосредоточилъ здѣсь вниманіе читателя на Деруновѣ, какъ на фигурѣ наиболѣе полно выписанной сатирикомъ.

Но приглядитесь внимательно ко всѣмъ этимъ Колупаевымъ, Разуваевымъ и иже съ ними и вы увидите въ нихъ такихъ же пустослововъ, какимъ только-что стоялъ передъ нами Деруновъ. Даже представители новой, пореформенной администраціи, эти подчищенные и подкрашенные Держиморды „добраго стараго времени“—Колотовы, Граціановы и др. — и тѣ неизбѣжно впадаютъ въ пустословіе каждый разъ, какъ только отъ безпрекословнаго выполненія „предначертаній“ переходятъ къ самостоятельнымъ разсужденіямъ на злободневныя темы. И когда присмотришься ко всѣмъ этимъ фигурамъ, силою вещей вынужденнымъ облекать свои затаенные помыслы въ совершенно несоотвѣтствующую имъ шелуху праздныхъ словъ, начинаешь понимать, изъ какихъ элементовъ сложилась и выросла классическая фигура словоточиваго „кровопивушки“—Іудушки Головлева. Человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ, невѣжда, сутяга, лицемѣръ, лгунъ и пустословъ, Порфирій Владимировичъ Головлевъ сконцентрировалъ въ себѣ всѣ отрицательныя черты своего безпринципнаго, хищническаго времени. Не даромъ же хроника семьи Головлевыхъ была задумана и писалась какъ разъ въ то время, когда писались сатирическіе очерки, посвященные „чумазому“. Случалось даже, что эта хроника переплеталась съ портретами „чумазыхъ“ и сливалась съ ними какъ бы въ одну общую картину. Нѣкоторыя главы изъ хроники семьи Головлевыхъ впервые даже и появились въ печати подъ заглавіемъ „Благонамѣренныхъ Рѣчей“ и только впослѣдствіи, въ отдѣльномъ изданіи, были поставлены на соотвѣтствующее имъ мѣсто.

Сведя Дерунова къ Іудушкѣ, я никоимъ образомъ, однако, не намѣревался сливать эти двѣ характерныя фигуры. Отъ Де-

рунова Іудушку отличаетъ его дворянскій мундиръ и званіе отставного дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эти отличительные признаки Іудушки очень существенные, и, надѣливъ ими своего трагическаго героя, художникъ поступилъ въ высокой степени благоразумно. Іудушка *могъ* пережить драму, разрѣшившуюся трагическимъ конфликтомъ. Деруновы способны были вносить трагическіе конфликты только въ чужую жизнь. Для переживанія собственныхъ трагическихъ конфликтовъ у нихъ просто не было времени. Едва ли они располагали досугомъ даже для того, чтобы подобно Молчалину, приступая къ обѣденному пирогу, вымыть руки, испачканныя ихъ кровавой работой.

V.

Во всѣхъ пореформенныхъ „вѣяніяхъ", отраженныхъ сатирою Щедрина, во всѣхъ „просвѣтительныхъ задачахъ" того времени, кѣмъ бы эти задачи не разрѣшались,—помпадурами или ташкентцами,—вездѣ и всюду чувствуется присутствіе „человѣка, питающагося лебедой". На спинѣ и бокахъ этого человѣка чертили свои скрижали всѣ историческіе дѣятели эпохи. Этотъ же человѣкъ былъ главнымъ объектомъ и деруновскихъ операцій. Деруновъ впрочемъ, даже и не чертилъ, а просто „сосалъ" человѣка и только иногда чуть-чуть скрашивалъ этотъ каннибальскій процессъ ласковыми улыбками и разговорами. Высасываемаго человѣка онъ называлъ крестникомъ и отвлекалъ его вниманіе прибаутками въ родѣ: „по-милу, да по-божески, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ"...

Однако, экспропріирующія функціи Деруновыхъ не замыкались никакими предѣлами. У нихъ были крѣпкія челюсти и хорошій аппетитъ, такъ что ограничивать свои вожделѣнія непремѣнно „человѣкомъ лебеды" не было ни основаній ни надобности. Мужикъ, такъ мужикъ, баринъ, такъ баринъ—не все ли равно? Охота на барина, правда, сопряжена съ большими трудностями, но зато и результаты ея виднѣе и осязательнѣе. И, конечно, Деруновы бариномъ отнюдь не брезговали [1]), какъ не брезговали они и пріемами выживанія баръ изъ ихъ наслѣдственныхъ усадебъ. Сатирикъ уже намекнулъ намъ мимоходомъ на печальную судьбу „кандауровскаго барина", выжитаго Деруновымъ изъ родовой усадьбы. Сатира „Убѣжище Монрепо" разрабатываетъ эту тему болѣе подробно и обстоятельно.

„Убѣжище Монрепо"—это одинъ изъ шедевровъ художественнаго мастерства сатирика. Въ этой удивительно яркой эпопеѣ дворянскаго разоренія больше всего поражаетъ искусство,

---

[1]) Профессоръ Фортунатовъ, основываясь на данныхъ земской статистики, утверждаетъ, что за періодъ со времени крестьянской реформы и до половины 80-хъ гг. ежегодная убыль дворянскихъ земель выражалась въ среднемъ цифрою трехъ процентовъ.

съ какимъ художникъ подмѣтилъ и подчеркнулъ *стихійность* процесса. Неизбѣжность рокового конца этого процесса чувствуется съ первыхъ же строкъ разсказа. „Finis Монрепо“ надвигается какъ-то самъ собою, въ силу логическаго развитія, внѣ чьей бы то ни было воли лежащихъ причинъ. Самъ владѣлецъ усадьбы отнюдь не желаетъ разстаться съ ней. Напротивъ, онъ употребляетъ какъ будто бы всѣ усилія, чтобы сохранить родовое гнѣздо и провести въ немъ остатокъ дней своихъ. Съ этимъ уголкомъ связано у него столько дорогихъ воспоминаній, и за это онъ любитъ его. Любитъ, но въ словарѣ новаго времени такія сентиментальныя слова не числятся. Разуваевъ, тотъ не любитъ,—онъ просто *облюбовалъ* „Монрепо“ и, въ интересахъ развитія своихъ хищническихъ операцій, желаетъ пріобрѣсти усадьбу. И вотъ, несмотря на явное нежеланіе разстаться съ усадьбой, несмотря даже на сопротивленіе торгашескимъ усиліямъ Разуваева, владѣлецъ чувствуетъ, что собственность ускользаетъ изъ его рукъ. Упорству его никто никакой цѣны не придаетъ, и всѣ окружающіе, начиная съ мѣстнаго „батюшки“ и становою и кончая даже вѣрными слугами бывшихъ владѣльцевъ „Монрепо“, — стараго крѣпостного Лукьяныча, садовника, Матрены-скотницы,—всѣ они видятъ въ Разуваевѣ будущаго владѣльца усадьбы. Для нихъ это дѣло рѣшенное, и вопросъ только во времени, когда, наконецъ, баринъ одумается и передастъ свои права „толстомясому“.

«Неужели же я, въ самомъ дѣлѣ, продаю?—спрашивалъ себя владѣлецъ усадьбы:—Ежели продаю, то какимъ же образомъ я какъ будто не сознаю этого?»

Дѣло дошло до того, что всякій посторонній считалъ себя въ правѣ нѣкоторымъ образомъ наблюдать, не укрываетъ ли или не расхищаетъ ли баринъ какихъ-нибудь имуществъ, принадлежащихъ усадьбѣ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

— Обои-то, кажется, новенькіе поставить сбирались?

— Сбирался.

— И купили, сударь?

— Купилъ.

— Такъ-съ. Въ сохранности, стало быть, лежатъ?

— Лежатъ.

Подъ напоромъ этого всеобщаго убѣжденія въ сознаніи неизбѣжнаго рока баринъ, наконецъ, и самъ понялъ, что «артачиться» и «хорохориться» долго нельзя, что «Монрепо», дѣйствительно, не можетъ принадлежать ему, барину, что оно все равно, рано или поздно, будетъ принадлежать Разуваеву, и покорно протянулъ руку за его бумажникомъ, которымъ тотъ давно уже дѣлалъ недвусмысленные пассы передъ носомъ барина.

Послѣднею каплею, переполнившей чашу упорства барина, было письмо, полученное имъ изъ Соломеннаго Городища отъ школьнаго товарища Ивана Косушкина («есть такая фамилія и

очень древняя»). Косушкинъ, точно также переселившiйся изъ столицы въ свое собственное Монрепо, приглашалъ прiятеля къ себѣ въ гости и, между прочимъ, разсказалъ ему одинъ эпизодъ изъ посѣщенiя его «любознательнымъ, но смирнымъ» начальникомъ.

„Прiѣхалъ ко мнѣ на новоселье, посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался. «Такъ вы,—говоритъ—къ намъ?.. А знаете, я, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совсѣмъ... что же такое у насъ?... никто къ намъ... никто, никогда... и вдругъ»...—Да вѣдь надо же гдѣ нибудь жить?—«Такъ-то такъ... а все таки... ну, какую вы здѣсь прелесть нашли! Городишка самый пустой, бѣлаго хлѣба не сыщешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!»... Это было такъ мило, что я не выдержалъ и расцѣловалъ его. И вотъ съ тѣхъ поръ мы друзья. Чтобъ окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квартиру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ выписалъ «Московскiя Вѣдомости» и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окна настежь: приди и виждь!»

Письмо это—повторяю—переполнило чашу упорства владѣльца Монрепо, потому что и онъ испыталъ на себѣ тяжесть давленiя со стороны добровольныхъ и призванныхъ разслѣдователей по части «сердцевѣдѣнiя». И онъ убѣждался, что для осуществленiя даже такой скромной претензiи, какъ неутѣснительное проживанiе въ собственной усадьбѣ, нужна *протекцiя*. «Я—разсказываетъ онъ—долженъ припомнить старинныя связи, долженъ утруждать напоминанiямъ о своемъ забытомъ существованiи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствiю. Конечно, въ этомъ содѣйствiи мнѣ не будетъ отказано и въ концѣ концовъ я получу, таки, право безнаказанно «артачиться» и «показывать кукишъ въ карманѣ»,—но, ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съ ума?» И вотъ онъ бѣжитъ изъ Монрепо. И не только самъ бѣжитъ, но и другимъ «культурнымъ людямъ» совѣтуетъ—«сокращать и суживать границы своихъ земельныхъ владѣнiй», приближая ихъ къ типу дачъ. Дача, которая можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и «усыпальницей»—вотъ что остается въ утѣху отъ старыхъ временъ «культурному человѣку». Ибо ему пришла пора умирать. «Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко», такъ какъ ему на смѣну идетъ въ лицѣ Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ новый «дирижирующiй классъ», за которымъ теперь уже тщательно ухаживаетъ, къ голосу котораго внимательно прислушивается правительственная власть.

Появленiе этой сатиры создала Щедрину поклонниковъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ до сихъ поръ имя его не произносилось безъ чувства раздраженiя и злобы. Даже «Нов. Время» привѣтствовало это новое произведенiе, отмѣтивъ, что «сатира такъ же художественно закончена, какъ художественно начата». Но для того, чтобы угодить эстетическимъ вкусамъ ор-

гановъ, подобныхъ «Новому Времени», мало быть художникомъ,—для этого надобно еще попасть въ полосу господствующаго въ данный моментъ теченія. И, очевидно, названной сатирой Щедринъ въ такую именно полосу и попалъ. О томъ, какая это была полоса, можно съ достаточной опредѣленностью судить по тѣмъ же хвалебнымъ статьямъ нововременскаго критика. Но я предпочту, оставивъ его въ покоѣ, обратиться за разъясненіями въ «Русскую Рѣчь» (№ 12 за 1879 г.), гдѣ на ту же тему дана была статья («Критическія бесѣды») болѣе яркая и болѣе откровенная.

Авторъ этой статьи, Е. Л. Марковъ, сладкозвучный пѣвецъ дворянскихъ добродѣтелей, считаетъ «Убѣжище Монрепо» однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній талантливаго сатирика. Въ Монрепо критикъ улавливаетъ обобщенное олицетвореніе «хозяйственнаго и соціальнаго міровоззрѣнія когда-то ликовавшей дворянской жизни». Самъ же владѣтель Монрепо—«только наглядная аллегорія цѣлаго сословія, интеллигенціи цѣлаго вѣка; всѣ его особенности и свойства родовыя, а не личныя». И вотъ съ этой-то точки зрѣнія, сатира Щедрина представляется критику картиной рокового вымиранія «нашего культурнаго слоя»—дворянства,—не приспособленнаго къ непривычнымъ для него условіямъ новаго общественнаго климата. И какъ ни остры брошенныя сюда сатирикомъ стрѣлы, онѣ кажутся Маркову «ласковыми толчками пробуждающаго друга, рядомъ съ другими стрѣлами сатирика, неумолимо направляемыми въ иного, болѣе сильнаго, болѣе опаснаго и болѣе новаго врага. «Сравнительно съ нимъ, отжитой міръ наивнаго эгоизма, безсилія и бездѣльничанья кажется заманчивымъ пріютомъ гуманности и свободы». Словомъ, отожествляя Монрепо съ помѣстнымъ дворянствомъ, критикъ превращаетъ сатирика въ воинствующаго защитника «всей нашей культурной Руси».

«Съ негодованіемъ оскорбленнаго собрата, съ безжалостнымъ мужествомъ Брута» сатирикъ вступилъ въ смертный бой съ нѣкіимъ чуть ли не апокалипсическаго вида звѣремъ, имѣющимъ лапы Разуваева и голову Граціанова.

Критикъ увлекся. Воинствующимъ рыцаремъ Прекрасной Дамы, именуемой Дворянствомъ, Щедринъ никогда не былъ, и въ данномъ случаѣ критикъ приписалъ художнику свои собственныя настроенія. Однако, легенда, созданная Марковымъ, оказалась живучей. И когда много лѣтъ спустя другой, но гораздо болѣе трезвый, идеологъ дворянскаго сословія, К. Ѳ. Головинъ, снова заговорилъ о той же сатирѣ Салтыкова, онъ, принимая легенду, счелъ необходимымъ вступиться за сословную честь, будто бы приниженную сатирикомъ. Г. Головинъ указываетъ именно, что Щедринъ «пересолилъ» въ своей картинѣ дворянской зависимости отъ Разуваевыхъ и Граціановыхъ. «Помѣщикамъ—укоризненно замѣчаетъ современный критикъ—приходится дрожать передъ урядникомъ только на страницахъ его разсказовъ, и если ухаживаніе за Разуваемымъ входило не разъ въ программу дворян-

ской политики, то оно было во всякомъ случаѣ добровольно и основывалось на корыстныхъ расчетахъ. Какъ бы тамъ ни было, въ этомъ противупоставленіи разореннаго помѣщика Разуваеву съ компаніей нельзя не замѣтить, что тайныя симпатіи влекли Щедрина скорѣе къ людямъ его класса, чѣмъ въ сторону вновь народившихся представителей буржуазіи и преобразованнаго чиновничества» [1]).

Возможно, что «Убѣжище Монрепо», взятое внѣ всякой связи со всѣми остальными произведеніями сатирика, и создаетъ иллюзію аппологіи помѣстнаго дворянства за счетъ буржуазіи. Возможность такой иллюзіи я допускаю потому, что экономика художественнаго строенія этой сатиры требовала отъ автора исключительнаго вниманія къ широкимъ обобщающимъ положеніямъ, которыя могли въ сознаніи извѣстнымъ образомъ настроеннаго читателя конкретизироваться въ желательномъ для него смыслѣ. Но вѣдь Маркову, когда онъ писалъ свою статью, извѣстенъ былъ цѣлый рядъ сатиръ, предшествовавшихъ «Убѣжищу Монрепо»; г. Головину знакомы были и всѣ послѣдующія произведенія Щедрина. А при такихъ условіяхъ трактовать Щедрина, какъ аппологета дворянскаго сословія, или даже говорить о «тайныхъ симпатіяхъ» его къ сословію нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Въ другомъ мѣстѣ [2]) я имѣлъ уже случай подробно выяснить точку зрѣнія Щедрина на ту роль, какую дворянство играло въ судьбахъ Россіи въ теченіе четырехъ десятилѣтій (съ 50-хъ по 80-е г.г. прошлаго вѣка). Я попытался выяснить именно совершенно отрицательное отношеніе Щедрина къ дворянству. Насколько далекъ былъ сатирикъ отъ «тайныхъ симпатій» къ дворянству можно судить потому, что даже лучшіе представители этого сословія не нашли въ немъ ни поклонника ни заступника. Онъ былъ чуждъ дворянской «романтикѣ» и въ этомъ отношеніи онъ, дворянинъ по происхожденію, былъ роднымъ по духу тѣмъ писателямъ-разночинцамъ, которые, подобно Чернышевскому, даже не могли безъ раздраженія говорить объ «этихъ лѣнтяяхъ, дармоѣдахъ, трутняхъ, бѣлоручкахъ и тунеядцахъ à la Онѣгинъ». А вѣдь однимъ изъ такихъ «бѣлоручекъ»-романтиковъ и является, собственно, владѣлецъ Монрепо.

Если Шульце-Геверницъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по изслѣдованію общественнаго хозяйства Россіи, склоненъ былъ думать, что русскій дворянинъ вообще не столько capital*ist*, сколько capital*esser*, то такими «капиталъ-ѣдоками» были именно дворяне-романтики типа владѣльца Монрепо. Совѣстливые «бѣлоручки», они съ грѣхомъ пополамъ могли вести свое крѣпостное хозяйство, потому что тамъ была «система», снимавшая съ нихъ обязанности личной инициативы и личной отвѣтственности. Но

---

[1]) К. Ѳ. Головинъ (Орловскій). „Русскій романъ и русское общество“. Изд. 2-ое. СПБ., 1904 г.

[2]) Въ статьѣ: „Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина“.

теперь, съ крушеніемъ «системы», они очутились въ самомъ нелѣпомъ положеніи. Хищническое хозяйство пореформеннаго времени требовало такого напряженія индивидуальной предпріимчивости, къ какому они не были приспособлены. И такъ какъ предпріимчивость, въ условіяхъ наступившаго момента, выражалась, главнымъ образомъ, въ умѣніи выжимать соки изъ своего ближняго, то наши романтики оказались совершенно выкинутыми за бортъ плывущаго корабля. Своимъ брезгливымъ отношеніемъ къ грязному дѣлу «сосанія дурака» они только раздражали хищниковъ. И, конечно, Деруновъ имѣлъ свои основанія отождествлять враждебную отчужденность кондауровскаго барина «съ пущаньемъ промежду себя революціи». Эта ассоціація представленій кажется неожиданной только потому, что она нелѣпо выражена суконнымъ языкомъ невѣжественнаго кабатчика. Но въ ней есть смыслъ, и смыслъ этотъ хорошо былъ усвоенъ не только Деруновыми, но и самимъ дворянствомъ, въ которомъ совѣстливые романтики считались единицами, а къ хищничеству примкнула вся его плотная масса. О кондауровскомъ баринѣ мы знаемъ только, что отъ назойливаго вниманія уѣздныхъ серцевѣдовъ онъ благополучно ускользнулъ въ столицу. Дальнѣйшее его благополучіе намъ неизвѣстно. Но зачѣмъ намъ интересоваться личною судьбою непремѣнно этого анонима, когда десятки другихъ ему подобныхъ прошли въ сатирахъ Щедрина передъ нашими глазами подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ яростно преслѣдовавшихъ ихъ дворянъ помпадурскаго, ташкентскаго и всякаго иного типа?

«Тайныя симпатіи» къ дворянству, въ которыхъ г. Головинъ заподозрѣваетъ сатирика, могли выразиться у Щедрина развѣ въ томъ только, что съ нашествіемъ «чумазаго» какъ-то черезчуръ ужъ откровенно обнажились въ обществѣ низменные инстинкты. «Безсовѣстность, заручившись союзомъ съ невѣжествомъ и неразвитостью, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили отношенія къ вещамъ и лицамъ, что, не стѣсняясь, возводятъ насиліе на степень единственнаго жизненнаго регулятора... Такого нагло-откровеннаго заявленія «принциповъ» давно не бывало. Прежде, даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей, можно было изрѣдка разслышать слова въ родѣ: великодушіе, совѣсть, долгъ; нынче эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона торжествующихъ людей» [1]).

VI.

Указать на кабакъ и базаръ, какъ на источникъ тѣхъ ароматовъ, которые наполнили теперь Россію своимъ благоуханіемъ, не значитъ еще идеализировать дворянство или симпатизировать ему. Формулировавъ это свое наблюденіе, Щедринъ и здѣсь прозорливыми глазами своими отмѣтилъ то, что пережила и вся

---

[1]) Т. X, стр. 343.

Европа. Въ цитированной уже нами работѣ Зомбарта подтверждается, какъ общее явленіе, что капиталистическій духъ вочеловѣчился среди болѣе выдѣляющихся лавочниковъ, въ сферѣ захолустныхъ ростовщиковъ. Пріобрѣтательскія стремленія въ выясненномъ смыслѣ—специфически плебейское душевное состояніе. Но потомъ сами они оказываютъ демократизирующее вліяніе и становятся настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Они дѣйствуютъ разрушительно, главнымъ образомъ, потому, что они быстро распространяются, какъ заразительная болѣзнь, и скоро охватываютъ всѣ круги населенія, даже людей болѣе или менѣе знатныхъ [1]).

Въ своихъ сатирахъ Щедринъ далъ цѣлый рядъ положеній, рисующихъ эпидемическую быстроту и неотвратимость, съ какими этотъ торгашескій духъ проникалъ въ эстетически развитыя души дворянъ. Сатирикъ заглянулъ даже въ интимную глубину самого процесса и въ образѣ «Кузины Машеньки» сумѣлъ посвятить насъ въ тайну превращенія сентиментальной барышни,—изящнаго, почти призрачнаго украшенія дворянскаго салона,—въ закоренѣлую хищницу, поглощенную исключительно однѣми стяжательными заботами. Впрочемъ, сатирикъ не любилъ останавливаться на грубо-кулацкихъ формахъ хозяйничанья мелко-помѣстнаго дворянства. Оно и понятно. На каждую кузину Машеньку въ любомъ уголкѣ Россіи приходилось по десятку Колупаевыхъ, только-что вылупившихся изъ хрупкихъ скорлупокъ, въ которыхъ замыкалась жизнь и дѣятельность «хозяйственныхъ мужичковъ». Машенька тонула въ массѣ хищниковъ, выставленныхъ самой пореформенной деревней, и особенно выдѣлять ее изъ этой массы не было никакихъ основаній.

Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ зато сатирикъ отнесся къ инымъ, болѣе сложнымъ формамъ хищничества, которыя, не требуя непосредственнаго общенія съ эксплуатируемымъ объектомъ, имѣли видъ «порядочности и даже щеголеватости». Въ противовѣсъ простому кулачеству, въ которомъ всегда можно указать на лицъ дѣйствующихъ и претерпѣвшихъ, въ сложномъ хищничествѣ—по характеристикѣ Щедрина (въ «Пестр. Письмахъ»)—«дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ, и приходится удивляться, какимъ образомъ человѣкъ, котораго незадолго передъ тѣмъ знали безъ штановъ, въ настоящую минуту ворочаетъ милліонами». Здѣсь воровство имѣетъ видъ полезнаго занятія, хищники называютъ себя дѣльцами, а хищничество представляетъ собою «порядокъ вещей—ничего больше».

Дворяне-отцы, снабженные выкупными свидѣтельствами, облюбовали этотъ видъ хищничества немедленно же вслѣдъ за крестьянской реформой. Въ «Дневникѣ Провинціала» сатирикъ показываетъ, какъ они цѣлыми губерніями двинулись въ столицу и здѣсь въ ресторанахъ ведутъ таинственныя бесѣды на темы о

---

[1]) Зомбартъ, стр. 357.

«полезнѣйшихъ предпріятіяхъ», концессіяхъ, акціяхъ и т. п. пріятныхъ вещахъ. «Какія-то оливковыя личности, не то греки, не то евреи, не то армяне, — словомъ, какіе-то иконописные люди», успѣвшіе, впрочемъ, отгуляться у Бореля и Дюссо, были первыми учителями благороднаго сословія. Наука, повидимому, оказалась не изъ трудныхъ.

По крайней мѣрѣ, въ «Благонамѣренныхъ Рѣчахъ» недавніе ученики выступаютъ уже въ роли соблазнителей, даже руководителей господъ кабатчиковъ.

Деруновъ, къ которому въ качествѣ демона-искусителя явился изъ Питера нѣкій генералъ, нѣкоторое время упирался. Генералъ получилъ какую-то желѣзнодорожную концессію и звалъ Дерунова въ учредители, обѣщая ему баснословныя выгоды. Но Деруновъ подумалъ о Сибири и усумнился. Онъ и самъ понимаетъ, что «забыть бы объ ней надо», о Сибири-то,—«еще бы вольнѣй орудовать можно было!» Но пока еще слишкомъ широкія перспективы смущаютъ его.

Повидимому, только послѣ долгаго раздумья, послѣ спросовъ и разспросовъ у бывалыхъ и знающихъ людей, Деруновъ пошелъ на соблазнительное предложеніе генерала. И ужъ разъ взявшись за пугавшее его вначалѣ дѣло, онъ вошелъ въ него цѣликомъ, съ головой окунувшись въ омутъ «сложнаго хищничества». Онъ весь преобразился. Въ отлично сшитомъ сюртукѣ, въ рубашкѣ, сверкавшей ослѣпительной бѣлизной и брилліантовыми запонками, въ собольей шубѣ и съ новенькимъ цилиндромъ на головѣ, Деруновъ и велъ и чувствовалъ себя совсѣмъ не такъ, какъ въ только-что минувшіе дни своего кулачества. Съ исчезновеніемъ старозавѣтной обстановки, исчезла и прежняя загадочность: выжиманіе гроша втихомолку смѣнилось наглымъ вожделѣніемъ грабежа, и хотя старинный юморъ по временамъ еще сказывается, но имѣетъ уже характеръ случайный, искусственный. Очевидно, что Деруновъ оставилъ уже всякую оглядку, что онъ не будетъ впередъ ни колоколовъ лить, ни пудовыхъ свѣчей къ образамъ ставить, что онъ совсѣмъ бросилъ мысль о гривенникахъ и пятакахъ и задумалъ грабить наголо̀ и въ болѣе приличной формѣ. Всѣ мелкіе виды грабежа, производимые надъ живымъ матеріаломъ и потому сопровождаемые протестомъ въ формѣ оханья и криковъ, онъ представилъ сыну Николаю, самъ же занимается исключительно грабежемъ «отвлеченнымъ», не сопряженнымъ съ криками и стонами, но дающимъ въ нѣсколько часовъ рубль на рубль. Представленіе о Сибири онъ утратилъ или, вѣрнѣе, онъ и теперь еще помнитъ о ней, но знаетъ навѣрное, что Сибирь существуетъ не для него, а для «другихъ-прочихъ».

Какъ ни отрицательно относился Щедринъ къ Дерунову-кабатчику, но Деруновъ-денди, Деруновъ, окруженный бывшими полководцами и блестящей свитой великосвѣтской, военной и штатской молодежи, «калегвардами», прямо пугаетъ его своей

развернувшейся наглостью. Вѣдь Деруновъ-денди, ворочающій милліонами и располагающій огромнымъ вліяніемъ и связями, не перестаетъ оставаться все тѣмъ же «чумазымъ». Раньше, когда онъ своими пальцами колупалъ на базарѣ сало, когда онъ съ утра и до вечера предавался безконечной хозяйственно-пріобрѣтательской сутолокѣ, это трудовое мыканье могло оправдывать его въ его собственномъ мнѣніи. Теперь онъ оголенъ; онъ ходитъ праздно и, конечно, самъ сознаетъ, что въ его новой жизни нѣтъ и тѣни «труда», а есть только „ничѣмъ не прикрытое ерничество». «Русскій чумазый — говоритъ сатирикъ въ «Мелочахъ жизни»—перенялъ отъ своего западнаго собрата его алчность и жалкую страсть къ внѣшнимъ отличіямъ, но не усвоилъ себѣ ни его подготовки ни его трудолюбія». Въ разговорѣ на эту тему съ Бѣлоголовымъ Щедринъ замѣтилъ, что, будучи самъ «рабочимъ человѣкомъ», онъ не может «не чувствовать уваженія къ той части западно-европейской буржуазіи, которая работаетъ съ утра до вечера самымъ добросовѣстнымъ образомъ и честнымъ трудомъ достигаетъ благосостоянія и обезпеченности; она обладаетъ весьма солидными познаніями и ея труды нерѣдко производительны для всего человѣчества. Не могу же я эту буржуазію ставить на одну доску съ нашей, съ какимъ-нибудь московскимъ фабрикантомъ, ворочающимъ милліонами, и который самъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о трудѣ; онъ даже въ техникѣ своего производства не имѣетъ ясныхъ понятій и не слѣдитъ за его усовершенствованіемъ, а ограничивается тѣмъ, что нанимаетъ для фабрики англичанина управляющаго, платитъ по 25.000 р. въ годъ, тотъ ведетъ дѣло, и нашъ фабрикантъ только или собираетъ деньги въ кубышку или спускаетъ ихъ въ Кунавино» [1]).

На основаніи этой бесѣды докторъ Бѣлоголовый дѣлаетъ наивную попытку доказать, что Салтыкову чуждо было соціалистическое міровоззрѣніе.

А между тѣмъ Салтыковъ отлично понималъ, что европейскій буржуа дошелъ до своего предѣла, дальше котораго ему двинуться некуда. Ни героизмъ ни идеалы ему не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобы не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобы нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Блестяще написанная въ этомъ смыслѣ характеристика французскаго буржуа (въ очеркахъ «За рубежомъ») является лучшимъ аргументомъ противъ положенія Бѣлоголоваго [2]). Что же касается особливо подчеркнутаго Бѣлоголовымъ уваженія сатирика къ работоспособности западноевропейской буржуазіи, то оно показываетъ только желаніе собесѣдника оттѣнить причины своего отрицательнаго отношенія къ невѣжественной и праздной буржуазіи россійскаго типа. Изъ

---

[1]) Н. А. Бѣлоголовый. „Воспоминанія и др. статьи“. М. 1897 г., стр. 257

[2]) Т. VIII, стр. 590—593.

этого противопоставленія для насъ ясно только одно, что Салтыковъ просто упустилъ въ разговорѣ изъ виду, что не изъ чрева же матери появился на свѣтъ европейскій буржуа, вооруженный знаніемъ и энергіей [1]). Накопленію этихъ качествъ предшествовало на Западѣ длинная исторія, въ теченіе которой европейскія государства, по выраженію Маркса, «фабриковали фабрикантовъ искусственными средствами», при помощи протекціонной системы. Покровительственныя пошлины, вывозныя преміи, монополіи,—все это, и въ большихъ дозахъ, пускалось въ ходъ прежде, чѣмъ европейскій чумазый пріобрѣлъ болѣе или менѣе приличный видъ. Для достиженія этой цѣли европейскія правительства не разъ, по примѣру Кольбера, снабжали промышленниковъ первоначальнымъ капиталомъ непосредственно изъ государственныхъ фондовъ, а то при случаѣ—не отступали и передъ такими кровавыми операціями, какъ насильственное уничтоженіе всей промышленности въ зависимыхъ сосѣднихъ странахъ, какъ поступило англійское правительство съ шерстяной мануфактурой Ирландіи.

Нашъ чумазый, чуть ли не съ перваго же момента своего публичнаго выступленія, началъ взывать къ государственному правительству. На первыхъ ступеняхъ своего соціальнаго развитія онъ способенъ лишь безтолково горланить объ этомъ.—Очеркъ «Опять въ дорогѣ» (напечатанъ въ 1873 г. въ 10 кн. „От. Зап.») даетъ, между прочимъ, живописную сценку у перевоза, возлѣ большого села, извѣстнаго производствомъ сапоговъ. Воздухъ насыщенъ сквернословіемъ. «Мать—мать—мать—ма-ать!»—словно горохъ перекатывается съ одного берега до другого. Это переругиваются съ перевозчиками мелкіе скупщики и мастера. Они жалуются на сердитыя времена: «сапогъ въ заминкѣ, совсѣмъ сапогъ остановился!» И хотя изъ разговоровъ явствуетъ, что заминка случилась, главнымъ образомъ, отъ неудовлетворительнаго качества сапога («прежде хоть кардону не жалѣли, а нынче и кардону стало жаль»), тѣмъ не менѣе все свое негодованіе чумазый обрушиваетъ на мѣшающихъ ему конкурентовъ. «Аршавскій сапогъ въ ходъ пошелъ—вотъ что!», и отсюда выводъ «надо запретить его. Извѣстно, отъ начальства поддержки не видимъ—вотъ и бѣдствуемъ!»..

Безсвязное галдѣніе внизу превращается на верхнихъ ступеняхъ чумазовской лѣстницы во властное велѣніе людей, сознавшихъ свою политическую силу. И не только изъ сатиръ Щедрина мы знаемъ, какимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ чумазаго оказалась государственная власть. Заранѣе предсказанное сатирикомъ завоевательное движеніе чумазаго превращается въ тріумфальное шествіе, запечатлѣнное цѣлымъ рядомъ блестя-

---

[1]) Въ „Убѣжищѣ Монрепо" сатирикъ, точно также изумляясь „неслыханному трудолюбію" европейскаго буржуа, говоритъ, что этотъ послѣдній завоевалъ себѣ общественное положеніе „не безъ участія кровопивства". Вл. Кр.

щихъ побѣдъ и одолѣній. Первую такую побѣду подарилъ русской буржуазіи 1877-й годъ, когда переведенныя на золото таможенныя ставки на всѣ товары сразу и огуломъ повышены были, по крайней мѣрѣ, на 50 %. И съ этого времени и до нашихъ дней вся наша таможенная политика, неуклонно прогрессируя въ одномъ только смыслѣ прогрессивнаго увеличенія тарифныхъ ставокъ, какъ будто поставила передъ собой единственную цѣль извлечь изъ потребителя всѣ соки на пользу и процвѣтаніе доморощенныхъ хищниковъ.

Вл. Кранихфельдъ.

Изъ воспоминаній участника земскихъ съѣздовъ.

Очередныя земскія собранія 1904 года встрѣтили значительныя препятствія формальнаго характера по проведенію извѣстныхъ ноябрьскихъ резолюцій съѣзда земскихъ дѣятелей. Въ то время внутренняя политика для земскихъ собраній являлась еще запретнымъ плодомъ. Губернаторы и большинство губернскихъ предводителей дворянства были поражены радикализмомъ ноябрьскихъ постановленій, и даже мнѣніе меньшинства вызывало въ нихъ страхъ и ироническія замѣчанія на тему о томъ, что мы не прочь бы получить и луну въ руки. Съ другой стороны, банкеты, устроенные по всей Россіи, принятыя на нихъ резолюціи и вообще сочувствіе всей интеллигентной Россіи положеніямъ, высказаннымъ на ноябрьскомъ съѣздѣ, заставляли многихъ изъ губернскихъ предводителей дворянства, боясь упрековъ въ обскурантизмѣ, найти такую форму постановленій земскихъ собраній, чтобы, съ одной стороны, не поплатиться лично за допущенное обсужденіе подобныхъ вопросовъ, а съ другой стороны—допустить если не обсужденіе ихъ по существу, то, по крайней мѣрѣ, принятіе такихъ резолюцій, за которыя не было бы стыдно предъ мыслящей Россіей. Исходъ былъ найденъ въ поднесеніи вѣрноподданныхъ адресовъ по случаю рожденія Наслѣдника. Первымъ этотъ путь примѣнило калужское собраніе. Среди массы любезныхъ фразъ и пожеланій были сдѣланы опредѣленныя указанія на необходимость реформъ внутреннихъ и на призывъ представителей страны къ дѣлу государственнаго строительства. Все это было сказано робко, но и это было ново и по тѣмъ временамъ смѣло. Мы съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Государя, такъ какъ отъ этого зависѣла возможность дальнѣйшаго проведенія черезъ собранія резолюцій по вопросамъ внутренней политики. Адресы слѣдующихъ губерній становились все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе, хотя по формѣ оставались тѣми же робкими. Воронежское собраніе по случаю мобилизаціи было перенесено министромъ внутреннихъ дѣлъ на январь; это въ значительной степени облегчало нашу задачу проведеніе адреса приличнаго и по существу и по формѣ, а задача

эта была нелегкая. Когда 2 ноября 1904 года въ Москвѣ на засѣданіи земцевъ-конституціоналистовъ производили опросъ, сколько въ губернскихъ собраніяхъ каждой губерніи найдется гласныхъ, готовыхъ высказаться за опредѣленную конституціонную программу, то мы воронежцы (насъ было 5) долго считали и, наконецъ, заявили, что изъ всего собранія 8 человѣкъ выскажутся опредѣленно и 4 подъ сомнѣніемъ, остальные же, навѣрное, ее отвергнутъ. Воронежское собраніе было 12 января 1905 года, т. е. тотчасъ за кровавыми событіями въ Петербургѣ 9 января; эти событія сильно взволновали земское собраніе и въ значительной степени помогли провести адресъ. Комиссія изъ 12 человѣкъ, видя, что наиболѣе вліятельные члены правой еще не пріѣхали, рѣшила выработать редакцію адреса въ первый же день, не дожидаясь прибытія главарей правой. Предсѣдатель собранія заявилъ намъ, что онъ пуститъ всякую редакцію, какъ бы рѣзка она ни была, лишь бы за нее высказалось не менѣе $^2/_3$ членовъ собранія. Предсѣдатель собранія, ознакомившись съ проектомъ редакціи, не нашелъ возможнымъ обсуждать ее въ публичномъ засѣданіи, почему и пришлось устроить предварительно закрытое засѣданіе, продолжавшееся около 4-хъ часовъ и кончившееся тѣмъ, что намъ пришлось поступиться ясностью, сохранивъ, впрочемъ, смыслъ полностью. 13 января, въ день, назначенный для обсужденія адреса, домъ дворянскаго собранія, гдѣ происходили засѣданія земскаго собранія, былъ переполненъ публикой,—не только ходы, но и мѣста за колонами представляли изъ себя сплошное море головъ; такого стеченія публики не собиралось, кажется, даже на концертъ Шаляпина. И публика, и гласные были настроены нервно, возбужденно; четырехчасовой перерывъ для закрытаго засѣданія еще болѣе приподнялъ настроеніе. Въ закрытомъ совѣщаніи рѣшено было выработанную въ немъ редакцію адреса принять въ открытомъ собраніи уже безъ преній, и только одинъ Н. А. Безруковъ заявилъ, что онъ будетъ возражать.

При гробовомъ молчаніи тысячной толпы былъ прочтенъ слѣдующій проектъ адреса: Государь! Воронежское губернское земское собраніе, приступая впервые послѣ рожденія Наслѣдника Цесаревича къ своимъ очереднымъ занятіямъ, проситъ Васъ, Государь и Государыня, принять его поздравленіе съ этимъ радостнымъ событіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по долгу принятой присяги, не можетъ не высказать совершенно открыто то, что оно считаетъ правдой по отношенію къ переживаемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ горестнымъ событіямъ, завершившимся на этихъ дняхъ зловѣщимъ кровопролитіемъ на улицахъ Вашей столицы. Глубоко потрясенное этимъ послѣднимъ, являющимся въ существѣ своемъ лишь однимъ изъ проявленій того неустройства нашего, которымъ порождены всѣ означенныя событія, неустройства офиціально признаннаго съ высоты Престола въ Вы-

сочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 12 декабря 1904 года, собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ, можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи подобныхъ же кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣяніе и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества. Сдѣлать это необходимо тѣмъ болѣе, что историческія условія, при которыхъ сложился современный нашъ строй, существенно измѣнились, внутренняя жизнь Россіи и ея задачи осложнились, общественное правосознаніе выросло. Только переустройство ея на началахъ истиннаго правового государства съ постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти позволитъ нашей странѣ итти не позади, а рядомъ съ другими культурными европейскими государствами подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества". Возраженіе Безрукова и отказъ 3-хъ членовъ собранія отъ подписи адреса были встрѣчены тоже молчаніемъ, но зато какъ только адресъ былъ принятъ большинствомъ 49 противъ 3-хъ, и предсѣдатель собранія объявилъ собраніе закрытымъ, раздался громъ аплодисментовъ и криковъ: „браво земцы!", „молодцы, честно выполнили свой долгъ!"; однако, скоро среди аплодисментовъ послышались свистки, шиканье, возгласы: „учредительное собраніе!", „не того просите!" „земцы мерзавцы!", „продаютъ!" и такъ далѣе. Гвалтъ поднялся страшный: обѣ группы демонстрантовъ стремились перекричать другъ друга. Вдругъ молодой сильный баритонъ, перекричавъ всѣхъ, провозгласилъ впервые подъ сводами дворянскаго собранія „извѣстную русскую поговорку". Крики, шумъ, свистъ, аплодисменты еще усилились. Въ это время часть публики, начавшая уже выходить на улицы, хлынула обратно въ залъ съ крикомъ: „на улицѣ полиція, арестовываетъ и бьетъ"; смятеніе увеличилось, послышались истерическія рыданія. По просьбѣ гласныхъ, губернскій предводитель дворянства попросилъ губернатора убрать полицію, что и было исполнено. Тогда присутствующіе потребовали освобожденія арестованныхъ (ихъ было три), на что тоже было получено согласіе губернатора, но тогда публика нашла необходимымъ, ранѣе освобожденія арестованныхъ, подвергнуть ихъ врачебному осмотру, чтобы выяснить вопросъ объ избіеніи ихъ при арестѣ; сейчасъ же были командированы два врача по выбору публики; произведеннымъ осмотромъ было установлено, что арестованные избиты не были. Собраніе было закрыто около пяти часовъ, а разошлась публика около 12 часовъ ночи. Демонстрація, произведенная

публикой послѣ принятія адреса, вызвала со стороны губернатора распоряженіе о закрытіи дверей, а гласные, находя это распоряженіе незаконнымъ, не подчинились ему и, отказавшись заниматься при закрытыхъ дверяхъ, разъѣхались. Адресъ въ концѣ концовъ попалъ въ руки Государя и безъ всякихъ на немъ отмѣтокъ былъ переданъ въ Комитетъ министровъ. Въ мартовскомъ экстренномъ собраніи были произведены выборы членовъ: 1) для участія въ общеземскихъ совѣщаніяхъ и въ комиссію; 2) для выработки проекта мѣропріятій по поводу рескрипта 18 февраля 1905 года. Въ составъ первой комиссіи вошли: К. К. Шуриновъ, П. Я. Ростовцевъ, А. Г. Хрущовъ и кандидатами: С. И. Шидловскій и В. Н. Томановскій. Такихъ результатовъ удалось добиться только потому, что представители правой не ожидали никакихъ милостей и благъ отъ этихъ съѣздовъ, они ясно видѣли въ тѣ времена, что здѣсь дѣло пахнетъ чѣмъ-то въ родѣ кутузки.

II.

Первый съѣздъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній происходилъ въ Москвѣ съ 22 по 26 апрѣля. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ переговоровъ бюро съ представителями московской администраціи о допущеніи съѣзда; кончились эти переговоры, конечно, категорическимъ запрещеніемъ, о чемъ мы, всѣ участники съѣзда, были предупреждены черезъ мѣстныхъ губернаторовъ съ указаніемъ на тѣ статьи закона, по которымъ мы будемъ отвѣчать въ случаѣ ослушанія, но это запрещеніе насъ не безпокоило,—ни для бюро, ни для насъ не было никакого сомнѣнія, что съѣздъ состоится. Гораздо болѣе опасеній вызывали будущія постановленія съѣзда, составъ котораго былъ въ значительной степени обновленъ и дополненъ, при чемъ участіе новыхъ членовъ было для насъ обязательно, т. к. въ совѣщаніи могли участвовать лишь тѣ, кто были избраны своими губернскими собраніями. Могли, значитъ, попасть люди совершенно иныхъ съ нами взглядовъ. А между тѣмъ во взглядахъ общества за время съ ноября до апрѣля произошла огромная эволюція. Въ ноябрѣ земцы первые громко провозгласили декларацію правъ человѣка и гражданина и, какъ на гарантію ихъ, указали на необходимость конституціоннаго образа правленія, не вдаваясь правда въ детали, не предрѣшая вопроса объ избирательномъ законѣ и другихъ основахъ будущаго строя. Ко времени же созыва апрѣльскаго съѣзда русская интеллигенція пошла значительно дальше ноябрьскихъ постановленій: она выставила необходимость всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосовъ, уравненіе въ правахъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, однимъ словомъ, выработала основу самой широкой демократической конституціи. Для насъ, сторонниковъ тѣхъ же взглядовъ,

участниковъ съѣзда, хотя и спѣвшихся уже между собой, но не рѣшившихся еще въ ноябрѣ или на земскихъ собраніяхъ провозгласить открыто свои взгляды, являлось сильное опасеніе, что взгляды эти, провозглашенные впервые въ земской средѣ, да еще столь разнородной, могутъ провалиться, а этимъ, конечно, была бы закончена историческая роль земства. Разъ же всѣ эти положенія будутъ приняты, то мы могли соглашаться и принимать резолюціи, призывающія общество къ послѣднимъ попыткамъ мирныхъ переговоровъ съ правительствомъ, ибо хотя большинство изъ насъ глубоко было убѣждено въ безцѣльности всякихъ обращеній къ правительству въ формѣ петицій и представленій, но и въ публикѣ, а главное, въ средѣ вновь избранныхъ земцевъ, многіе еще вѣрили въ возможность получить что-либо путное сверху, да и форма петицій къ правительству значительно облегчала проведеніе самыхъ резолюцій. Съѣздъ открылся и пошелъ безъ инциндентовъ со стороны полиціи. Докладъ по главному вопросу объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій былъ сдѣланъ Ф. Ф. Кокошкинымъ. Это цѣлый научный трактатъ, чтеніе котораго заняло болѣе 4-хъ часовъ. Я не нахожу возможнымъ излагать его, а ограничиваюсь только тезисами къ нему, съ отмѣткой болѣе серьезныхъ возраженій за и противъ каждаго положенія. Вступительная формула была слѣдующаго содержанія: совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля 1905 года, продолжая работу совѣщанія 6—9 ноября 1904 г. на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твердомъ убѣжденіи, что лишь правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи можетъ не только создать прочный правовой порядокъ, но и обезпечить успѣшное проведеніе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для поднятія народнаго благосостоянія, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ [1]).

1) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни, такъ называемое, представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ, или группъ населенія).

Первая часть (о сословномъ началѣ) принята единогласно. Вторая часть (о представительствѣ интересовъ)—большинствомъ противъ 17.

2) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

---

[1]) Была принята единогласно безъ преній.

а) Необходимы выборы отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ.

б) Вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

в) Наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

г) Обѣ палаты должны быть равноправны.

Первые два тезиса его приняты большинствомъ 127 противъ 8 голосовъ группы Д. Н. Шипова. Самъ Д. Н. Шиповъ, хотя не выборный московскимъ земствомъ, былъ приглашенъ, какъ членъ бюро ноябрьскаго съѣзда. Въ рѣчи, сказанной имъ противъ всеобщаго избирательнаго права, онъ доказывалъ, что нельзя пренебрегать земствомъ, такъ много сдѣлавшимъ въ теченіе своего 40-лѣтняго существованія, что земство является единственной частью русскаго общества, привыкшаго къ общественной дѣятельности и умѣщаго не только стойко отстаивать свои права, но и добросовѣстно исполняетъ предъ народомъ свои обязанности и, что, являясь учрежденіемъ всесословнымъ; оно въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ принципу всеобщности; дальнѣйшее же развитіе этого принципа можетъ лишить страну участія въ выработкѣ столь важныхъ законовъ наиболѣе организованную и подготовленную, въ смыслѣ общественной дѣятельности, группу общества. Пренія были довольно жаркія. Въ одной изъ рѣчей была даже сказана фраза: „пора вамъ, Д. Н., сбросить маску и сказать, зачѣмъ вы къ намъ пришли“, вызвавшая протестъ со стороны всѣхъ участниковъ съѣзда, потребовавшихъ объясненія; оказалось, что вызвана она была тѣмъ обстоятельствомъ, что въ газетѣ „Русь“ была напечатана записка Шипова съ указаніемъ на необходимость законосовѣщательнаго учрежденія; въ запискѣ же, розданной при входѣ на съѣздъ, вопросъ о дѣятельности будущихъ народныхъ представителей былъ обойденъ молчаніемъ. Вообще положеніе Д. Н. Шипова было не изъ легкихъ: первый инипіаторъ земскихъ организацій, колоссальный организаторскій талантъ, сумѣвшій объединить всю земскую Россію, дѣйствовавшій все время только въ силу своихъ убѣжденій, Д. Н. очутился въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Изъ всей его группы теперь остались вѣрны славянофильскому теченію онъ, М. А. Стаховичъ, да, кажется, еще Хомяковъ, хотя послѣдній пошелъ, повидимому, дальше направо. Голосованіе дало въ пользу

проекта Шипова только 8 голосовъ, и больше на засѣданіяхъ онъ уже не появлялся.

Большіе споры вызвалъ вопросъ о двухъ палатахъ, равныхъ въ своихъ правахъ. Въ концѣ концовъ было поставлено на баллотировку три предложенія; одно большинства и два меньшинства.

3) Мнѣніе большинства (71 голосъ). Первое представительное собраніе. главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ—губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ, тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями городского рабобочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ внѣземскихъ губерніяхъ (9 губерній Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійскія, Привислинскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ окраинъ.

Далѣе на съѣздѣ были приняты еще слѣдующія резолюціи:

4) Никакое правильное представительное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положенія объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5) Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6) Если окажется, что представители земства и городовъ могутъ участвовать въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и при томъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія, и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этихъ совѣщаніяхъ. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7) Задача особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина, должна заключаться въ выработкѣ: а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, которое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти; б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 августа 1881 г., широкой политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8) Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Б. По вопросу объ участіи земскихъ дѣятелей въ правительственныхъ комиссіяхъ.

9) Совѣщаніе, признавая, что въ настоящее время бюрократическая законодательная работа совершенно безплодна и нежелательна, полагаетъ, что земскимъ дѣятелямъ надлежитъ относиться отрицательно къ участію въ правительственныхъ комиссіяхъ и въ частности въ комиссіи по пересмотру земскаго положенія.

10) Совѣщаніе, относясь отрицательно къ возможности организовать борьбу съ холерой, на основаніи правилъ 11 августа 1903 г., находитъ необходимымъ настаивать на немедленной пріостановкѣ, а затѣмъ и отмѣнѣ этихъ правилъ. Всѣ мѣропріятія и работы по борьбѣ съ холерой должны быть сосредоточены въ рукахъ органовъ общественнаго самоуправленія, коимъ по закону вмѣнена обязанность заботиться о народномъ здравіи вообще и борьба съ заразными болѣзнями въ частности.

11) Совѣщаніе признаетъ невозможнымъ для общественныхъ дѣятелей принимать участіе во временныхъ уѣздныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ

на основаніи Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1905 г., о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ, торговопромышленныхъ заведеній и проч. крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, т. к. сама организація въ этихъ комиссіяхъ разбирательства дѣла о вознагражденіи потерпѣвшихъ находится въ противорѣчіи съ принципомъ права, требующимъ безпристрастнаго рѣшенія законнаго суда, не соотвѣтствуетъ нравственнымъ понятіямъ многихъ лицъ и вызоветъ не успокоеніе населенія, а новое обостреніе классовыхъ интересовъ. Для правильнаго и мирнаго разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности участниковъ вышеозначенныхъ безпорядковъ необходимо немедленное упраздненіе названныхъ комиссій и передача подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ.

В. По вопросу о проведеніи въ жизнь вышеприведенныхъ положеній совѣщаніе постановило выразить слѣдующія положенія:

1) чтобы заключенія совѣщанія черезъ посредство бюро и членовъ совѣщанія были преданы возможно широкой гласности,

2) чтобы члены совѣщанія довели его заключенія до свѣдѣнія подлежащихъ земскихъ собраній,

3) чтобы губернскими и уѣздными земскими управами были приняты мѣры для ознакомленія мѣстнаго населенія съ содержаніемъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года и Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля 1905 года,

4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ были созваны губернскія земскія собранія для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля 1905 года, и для представленій о необходимости отмѣны указа 10 апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ и торговопромышленныхъ заведеній крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

На этомъ съѣздѣ впервые былъ возбужденъ и аграрный вопросъ, разработкой котораго занималось уже и ранѣе бюро группы конституціоналистовъ, результатомъ чего былъ аграрный съѣздъ 27—29 апрѣля сего года. Такимъ образомъ, ноябрьскій съѣздъ провозгласилъ декларацію правъ человѣка и гражданина, апрѣльскій же выработалъ и установилъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ основной законъ Россійской Имперіи.

Такъ обстояло дѣло, когда послѣ Цусимскаго пораженія мы были вызваны тревожными телеграммами Ф. А. Головина въ Москву на 24 мая. Оказалось, что къ этому времени собрались въ Москвѣ городскіе головы почти изъ всей Россіи, Шиповская группа и земцы конституціоналисты; въ виду этого, бюро рѣшило собрать земскій съѣздъ для того, чтобы совмѣстно

со всѣми этими группами сдѣлать послѣднюю попытку добиться чего-либо отъ правительства. Коалиціонный съѣздъ имѣлъ еще болѣе пеструю физіономію, чѣмъ съѣзды земскіе,—здѣсь была самая разнообразная публика. Въ соединенное бюро было представлено два проекта петиціи на имя Государя, но оба они были забракованы,—одинъ, какъ слишкомъ рѣзкій, а другой, по причинѣ обратной. Тогда за составленіе петиціи взялся С. Н. Трубецкой. Весь первый день ушелъ на пренія по поводу составленнаго имъ адреса.

Взгляды членовъ собранія были до такой степени различны, что въ первый день мы начали терять надежду сговориться на чемъ-нибудь; адресъ Трубецкого былъ забракованъ, и была избрана особая коммиссія, въ составъ которой вошелъ тотъ же Трубецкой, а вечеромъ пошли сговоры; большинство доказывало, что заявленіе объединенныхъ группъ, хотя и не вполнѣ опредѣленное, должно обязательно произвести давленіе на правительство, что нѣтъ основаній спорить изъ-за редакцій, нѣтъ основаній требовать опредѣленности выраженій, такъ какъ уже самый фактъ пріема депутаціи будетъ очень важенъ, а еще важнѣе будетъ то, что скажетъ она на словахъ. Многіе открыто заявляли, что они уже извѣрились въ путь петиціи и соглашаются на нее, дабы убѣдить тѣхъ, которые надѣются еще получить что-либо этимъ путемъ. Благодаря такимъ соображеніямъ въ концѣ концовъ былъ принятъ текстъ петиціи, собственно, неудовлетворящій ни одну изъ группъ, но зато была избрана депутація исключительно изъ представителей конституціонныхъ требованій.

Пріемъ депутаціи, вся обстановка пріема и произнесеніе рѣчи, какъ все это было изложено въ газетахъ, произвели на вѣрившихъ еще въ возможность полученія чего-либо сверху, довольно пріятное впечатлѣніе и внесли нѣкоторое успокоеніе. Правда, и намъ, не вѣрующимъ, стало нѣсколько легче; уже не только гг. земскіе начальники и дворяне изъ охранителей, но и губернаторы должны были пообождать съ кличками „крамольники“, враги отечества и т. д., а уже одно это давало возможность болѣе свободно и опредѣленно вести дѣло во всякихъ собраніяхъ и прекрасно вліяло на нейтральныхъ и колеблющихся; но недолго такъ обстояло дѣло. Вслѣдъ за депутаціей городскихъ и земскихъ дѣятелей пошли депутаціи членовъ союза разныхъ „Русскихъ людей“, посыпались адресы и приговоры разныхъ обывателей просившихъ совсѣмъ иного, чѣмъ земцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромныя области объявлялись не только на положеніи усиленной охраны, но и на военномъ положеніи, начались репрессіи, положеніе печати ухудшилось, различныя правительственныя комиссіи продолжали работать по самымъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ будто никакого измѣненія курса во внутренней политикѣ не произошло

и не предстояло: усилились преданія военному суду политическихъ преступниковъ, и начались казни; все это ясно указывало на усиленіе реакціи. 1 іюля состоялось воронежское губернское собраніе, которому комиссія о государственныхъ улучшеніяхъ должна была представить свой докладъ. Уже при занятіяхъ комиссіи видно было, какъ рѣзко измѣнились обстоятельства, видно было, что вѣтеръ подулъ уже съ другой стороны; наши „генералы", благоразумно уклонившіеся отъ подписанія адреса въ январѣ, опоздавъ на день въ собраніе, говоря, что они не считаютъ себя въ правѣ подписать то, въ обсужденіи чего они не участвовали, теперь принимали самое дѣятельное участіе не только въ составленіи доклада, но и въ проведеніи его въ земскомъ собраніи. Избраніе комиссіи было по формальнымъ основаніямъ опротестовано губернаторомъ, но въ первый же день эта формальность была устранена, и докладъ былъ представленъ въ собраніе. Принятію его, правда, предшествовали частныя совѣщанія и бесѣды по гостиницамъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ единогласно при 66 членахъ, при чемъ его приняли даже тайные совѣтники въ родѣ И. А. Звегинцева, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, только-что возвратившагося изъ Курска, гдѣ онъ „усмирялъ аграрные безпорядки". Противъ него не возражалъ даже теперешній воронежскій губернаторъ М. М. Бибиковъ.

Докладъ комиссіи по усовершенствованію государственнаго благоустройства.

Приступивъ къ исполненію возложенной на нее задачи, комиссія имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе губернскаго собранія нижеслѣдующія соображенія и основанныя на нихъ выводы.

Господствующій въ Россіи приказный строй породилъ нынѣ нами переживаемый глубокій разладъ между страною и правительствомъ. Когда правительство ставитъ себя въ странѣ какъ независимая высшая сила, признающая интересы общаго блага исключительно своимъ удѣломъ и низводящая народъ до степени агломерата пассивныхъ подвластныхъ, тогда не можетъ не проявиться подобнаго разлада. Онъ разростается все болѣе и болѣе, выразившись въ самомъ возникновеніи и ходѣ настоящей войны и въ переживаемомъ ураганѣ внутреннихъ событій: январскихъ петербургскихъ дней, лодзинскихъ, варшавскихъ, кавказскихъ, либавскихъ, иваново-вознесенскихъ, одесскихъ и иныхъ безпорядкахъ, въ рабочихъ и крестьянскихъ волненіяхъ и даже въ бунтѣ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій". Никто болѣе нашего правительства не испыталъ на себѣ справедливости мудраго изрѣченія: „кто сѣетъ вѣтеръ—пожинаетъ бурю". Разладъ этотъ угрожаетъ нашему отечеству громадными опасностями, ставя на карту будущность Россіи и ея династіи, и чѣмъ долѣе онъ продол-

жится, тѣмъ большими становятся эти опасности. Необходимо не медлить ни одного дня; спѣшить, во что бы то ни стало, дабы не потерять дорогой для всѣхъ друзей порядка и прогресса надежды на мирное разрѣшеніе переживаемыхъ тяжелыхъ условій, дабы избавить Россію отъ омута западной анархіи или нашей пугачевщины.

Разрѣшеніе этихъ тяжелыхъ условій не можетъ заключаться въ какихъ-либо палліативахъ, ни тѣмъ паче въ частичныхъ реформахъ. Зло заключается въ самой основѣ господствующаго строя, какъ приказнаго, и потому должно быть устраненно ни чѣмъ другимъ, какъ замѣною этой основы другой, коренным преобразованіемъ этого строя. Нынѣшній режимъ совершенно вытѣсняетъ господство въ обществѣ закона, т. е. того, что составляетъ краеугольный камень всякой гражданственности и культуры. У общества нѣтъ никакого выхода для осуществленія своихъ легальныхъ стремленій, чѣмъ и объясняются тѣ уродливыя формы, въ которыя выливаются столкновенія между правительствомъ и обществомъ, постоянно возникающія среди окутывающаго ихъ общественно-политическаго сна. Активная борьба съ господствующимъ режимомъ сосредоточилась въ рукахъ самой крайней фракціи; партіи же среднія, всего больше дорожащія порядкомъ и прогрессивнымъ культурнымъ развитіемъ страны, очутились подъ дѣйствіемъ, съ одной стороны, террористическихъ и потому въ существѣ своемъ нигилистическихъ актовъ правительства сверху, и съ другой, такихъ же террористическихъ актовъ крайней революціонной партіи снизу. И дѣйствительно, подобный режимъ безотвѣтственной, ничѣмъ не связанной въ проявленіи своей власти бюрократіи, не можетъ не быть признанъ нигилистическимъ. А между тѣмъ, продолжается онъ въ этомъ видѣ безпрерывно уже нѣсколько десятилѣтій. Такъ далѣе жить нельзя—таковъ кличъ, единодушно раздающійся во всей измученной и растерзанной всѣми внѣшними и внутренними несчастіями странѣ, отъ верхнихъ слоевъ населенія до нижнихъ. Ничто болѣе ясно и рельефно, на ряду съ переживаемыми событіями, не учитъ, въ чемъ собственно должно заключаться предстоящее преобразованіе, какъ ужасная нынѣшняя японская война. И это неудивительно, ибо она, какъ всякая вообще война, является лучшимъ для народа экзаменомъ, вѣрнѣйшею провѣркою его культурныхъ силъ въ данный моментъ.

Отъ обстоятельствъ и событій, непосредственно вызвавшихъ эту войну, какъ и отъ всего вообще касающагося управленія государствомъ, общество держалось правительствомъ совершенно вдали. Уже по этой одной причинѣ война не могла стать въ обществѣ популярной. На этой непопулярности войны правительство само испытало дѣйствіе той инертности, которую оно постоянно и послѣдовательно воспитывало въ обществѣ дѣйствіемъ своего приказнаго строя. Общественное мнѣніе, впрочемъ, относи-

лось къ настоящей войнѣ отрицательно еще и потому, что было всецѣло поглощено вопросами внутренняго неустройства и гнета, требовавшими выхода во что бы то ни стало, и что считало дальне-восточный вопросъ затѣяннымъ бюрократіей совершенно не во время и некстати.

Японская война уже стоила Россіи многихъ тысячъ человѣческихъ жизней и многихъ милліоновъ рублей. Пока она окончится, жертвы эти будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Кромѣ того, потребуются громадныя средства для залѣченія ранъ, причиненныхъ ею государственному и народному хозяйству. А между тѣмъ народъ обѣднѣлъ; взять съ него болѣе нечего. Только организація силъ народа на началахъ свободы и правового порядка можетъ вывести насъ изъ переживаемаго тяжелаго положенія, только она одна можетъ поднять нетронутыя еще богатства страны и дать имъ производительное развитіе.

Сумѣетъ ли Россія сорганизоваться во время, пока еще не поздно, и при томъ такъ, чтобы страна въ организаціи этой нашла дѣйствительное успокоеніе—таковъ жгучій вопросъ переживаемой минуты, отъ правильнаго разрѣшенія коего зависитъ все будущее нашего отечества.

Губернскому земскому собранію невозможно заняться подробной разработкой всѣхъ вопросовъ, обнимаемыхъ предстоящей реформой. Эта задача слишкомъ сложная, требующая массы труда и времени. Но оно можетъ указать тѣ главныя начала и принципы, на которыхъ, по его крайнему убѣжденію, должна быть построена эта реформа. Дѣло идетъ о полномъ обновленіи внутренняго строя Россіи, о замѣнѣ бюрократической опеки самодѣятельностью общества и его членовъ и бюрократическаго произвола господствомъ въ странѣ закона, а также въ созданіи тѣхъ необходимыхъ гарантій, при которыхъ все это осуществлялось бы ненарушимо. Существованіе же такихъ гарантій возможно лишь тамъ, гдѣ дѣло управленія признано задачей не одного только правительства, а всей страны, и является общимъ дѣломъ всѣхъ и каждаго.

Поэтому необходимо:

Во-1-хъ, чтобы къ работѣ на государственной, общественной и экономической нивѣ были привлечены рѣшительно всѣ, чтобы каждому предоставлена была возможность развить и приложить свои способности и трудъ. Съ этой цѣлью должна быть установлена полная равноправность всѣхъ и каждаго передъ общимъ для всѣхъ закономъ съ уничтоженіемъ всякихъ существующихъ нынѣ вѣроисповѣдныхъ и сословныхъ перегородокъ; всѣ, включая, конечно, крестьянъ, должны быть подчинены общимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, построеннымъ на принципѣ раздѣленія властей. Всѣ жители страны, помимо всякаго ценза, должны быть снабжены одинаковыми политическими правами и возведены въ этомъ

смыслѣ до положенія полноправныхъ гражданъ. Ни одна группа населенія не должна быть позабыта предстоящей реформой, не должна остаться позади ея, ибо только при этомъ условіи страна избѣгнетъ новыхъ волненій и достигнетъ дѣйствительнаго успокоенія. Только такая демократическая основа новаго строя вполнѣ отвѣчаетъ и духу русскаго народа.

При этомъ необходимо предоставить крестьянамъ возможность свободнаго выхода изъ общины, такъ какъ только вполнѣ свободная личность можетъ проявить всѣ свои творческія силы и способности.

Необходимо также освободить совершенно церковь и школу отъ нынѣшняго бюрократическаго гнета, признать ихъ самоцѣльными учрежденіями, сблизить съ обществомъ и устроить на автономныхъ началахъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ та и другая въ состояніи развить свою внутреннюю мощь и силу и осуществлять на дѣлѣ все присущее имъ культурное вліяніе на общество. Первоначальное образованіе должно быть обязательнымъ и безплатнымъ, среднее и высшее доступнымъ не только для богатыхъ, но и для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Вся система школъ, не исключая народныхъ, должна быть такова, чтобы переходъ отъ первоначальнаго образованія къ среднему и высшему не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Россія для своего обновленія нуждается въ столькихъ образованныхъ работникахъ, что всякія опасенія на счетъ перепроизводства интеллегенціи должны быть оставлены совершенно въ сторонѣ.

Во-2-хъ, ввести самое широкое и независимое отъ вліянія администраціи самоуправленіе, съ образованіемъ какъ мелкой земской, такъ и болѣе крупныхъ, самоуправляющихся единицъ, ибо только при этихъ условіяхъ возможна вполнѣ интенсивная и плодотворная работа общества на пути надлежащаго поднятія и развитія культурныхъ силъ страны. Относительно мелкой земской единицы необходимо замѣтить, что у насъ нѣтъ самой первоначальной ячейки, составляющей фундаментъ всякой общественной организаціи, — той всесословной общины, которая, связывая всѣхъ, безъ сословнаго различія гражданъ, на общественно-хозяйственной почвѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ заботу о самыхъ ближайшихъ мѣстныхъ культурныхъ задачахъ, и которыя существуютъ не только во всѣхъ западныхъ европейскихъ государствахъ, но даже въ нашей Польшѣ, Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ; что же касается болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, объединеній, то необходимость въ нихъ вызывается особыми климатическими и бытовыми условіями, въ которыхъ находятся въ нашей обширной странѣ царство Польское, Прибалтійскій, Кавказскій и Закавказскій края; края сѣверо-и юго-западные и другіе и тѣмъ, что Россіи не посчастливилось до сихъ поръ развить жизнь въ провинціи и ея центрахъ, хотя бы даже приблизительно, до той степени, которая встрѣчается въ этомъ отношеніи, напри-

мѣръ, въ Германіи. Вѣчевой нашъ періодъ былъ слишкомъ непродолжителенъ и слишкомъ скоро подавленъ всемогущей московской, а затѣмъ петербургской централизаціей для того, чтобы оказать въ данномъ отношеніи надлежащее вліяніе. При объединеніи культурныхъ интересовъ и средствъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ смежныхъ губерній, могла бы проявляться въ полной мѣрѣ мѣстная иниціатива и дѣятельность.

Къ участію въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія надлежитъ допустить и женщинъ. Русская женщина въ имущественномъ, правовомъ отношеніи поставлена въ лучшее положеніе сравнительно съ западно-европейской, и уже по этой причинѣ намъ не слѣдовало бы бояться итти въ данномъ случаѣ по своему самостоятельному пути. Кромѣ того, она много содѣйствовала современному освободительному движенію, одинаково съ мужчинами привлекалась за оное къ отвѣтственности и несла таковую. Никто болѣе женщинъ не дорожитъ тѣмъ, что принадлежитъ къ культурнымъ основамъ жизни; такія области, какъ медицина, школа, призрѣніе бѣдныхъ, отъ участія женщинъ въ самоуправленіи только выиграютъ. Участіемъ этимъ умножится число интеллигентныхъ работниковъ, въ которыхъ Россія столь нуждается для своего возрожденія.

Въ-3-хъ, чтобы на стражѣ закономѣрнаго функціонированія, какъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, такъ и администраціи стояла независимая административная юстиція, съ мѣстными и центральными инстанціями, члены коихъ должны пользоваться такою же, какъ члены общихъ судебныхъ учрежденій, несмѣняемостью.

Въ-4-хъ, чтобы, наконецъ, всей странѣ былъ представленъ, въ лицѣ свободно избранныхъ представителей ея, властный голосъ въ дѣлѣ государственнаго управленія.

Такъ какъ участіе народа въ этомъ дѣлѣ, совершенно чуждое нынѣшнему государственному строю, вполнѣ имъ исключается, то очевидно, что оно можетъ быть осуществлено не иначе, какъ на выработанныхъ западно-европейской наукой и практикою началахъ конституціоннаго права. И дѣйствительно, предстоящее преобразованіе Россіи вызывается неотложною, признанною и съ высоты престола, необходимостью водворенія въ странѣ господства закона, т. е. того именно, чему власть должна подчиняться, что ограничиваетъ власть эту и что поэтому съ автократическимъ принципомъ власти совершенно несовмѣстимо. Опасаться, что Россія вступаетъ въ разсматриваемомъ отношеніи на путь позаимствованія — нечего, лишь бы позаимствованія эти были раціональны и необходимы. Есть институты и принципы права, которые составляютъ достояніе отнюдь не того или другого народа, а всего культурнаго человѣчества. Таковы, напримѣръ, позаимствованные Россіей судъ присяжныхъ и основныя начала, на кото-

рыхъ построены были судебные уставы 64 года, таковыми являются основные принципы современнаго устройства правового государства.

Для того, чтобы голосъ народа въ дѣлѣ государственнаго управленія представлялся дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы: а) законодательная власть осуществлялась совмѣстно съ Государемъ народнымъ представительствомъ, б) чтобы министры были отвѣтственны передъ этимъ правительствомъ и в) чтобы народному же представительству принадлежало право установленія государственнаго бюджета и контроля за его исполненіемъ.

Для того же, чтобы народное представительство выражало собою дѣйствительную волю народа, въ организаціи его не должно быть допущено ни сословное начало, которое бы превратило его въ представительство сословныхъ интересовъ, ни представительство классовыхъ или групповыхъ интересовъ.

Представительство это, далѣе, состоитъ изъ двухъ палатъ: изъ одной. выбираемой самимъ населеніемъ на указанныхъ ниже основаніяхъ, и другой—отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Правильное производство выборовъ немыслимо безъ предвыборной агитаціи, а потому необходимо немедленно, нынѣ же, провозгласить все то, что составляетъ основу всякой свободной гражданственности, а именно: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, право собраній и союзовъ; отмѣнить военное положеніе, а также возстановить въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія. Послѣднее необходимо тѣмъ болѣе, что оно сразу водворитъ въ первое народное представительство духъ того примиренія и прощенія, который болѣе чѣмъ необходимъ при переживаемыхъ тяжелыхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ.

Избирателями и избираемыми въ первую палату должны быть признаны, съ обычными на этотъ предметъ исключеніями, всѣ жители страны безъ различія національности и вѣроисповѣданія, достигшіе не менѣе 25 лѣтъ, имѣющіе постоянное мѣсто жительства. Что же касается самой системы выборовъ, то они должны производиться по избирательнымъ округамъ, съ выдѣленіемъ городовъ въ особые избирательные округи. Подача голосовъ должна быть тайная. Затѣмъ, въ печати и въ разныхъ собраніяхъ особенно часто раздаются голоса также въ пользу того, чтобы подача голосовъ была прямая. Система прямыхъ выборовъ имѣетъ безспорно за себя много теоретическихъ основаній, но практически она требуетъ болѣе времени для правильнаго ихъ подготовленія и, кромѣ того, можетъ надлежаще функціонировать лишь тамъ, гдѣ вышеупомянутыя основы всякой гражданственности (неприкосновенность личности и жилища, свобода

слова и печати, свобода собраній и союзовъ) уже вполнѣ усвоены и пустили глубокіе корни въ народной жизни. У насъ же даже немедленное ихъ провозглашеніе нисколько не гарантируетъ осуществленія ихъ на дѣлѣ: гарантировать водвореніе этихъ основъ можетъ только новый строй, результатомъ коего они явятся, но отнюдь не простое установленіе ихъ закономъ. По этимъ соображеніямъ слѣдовало бы для перваго народнаго собранія установить систему двухстепенныхъ выборовъ въ первую палату представителей.

Разработка всего этого великаго дѣла устроительства отечественной жизни во всѣхъ его подробностяхъ, въ отношеніи коего намѣчены выше только главныя черты, желательныя съ точки зрѣнія воронежскаго земства, должна быть поручена, конечно, самому же народному представительству. Она должна быть произведена прямо и честно безъ всякой задней мысли, не бюрократически-канцелярскимъ порядкомъ, а людьми жизни, знакомыми съ ея условіями и требованіями. Такой учредительный характеръ перваго національнаго собранія долженъ быть ясно выраженъ въ законѣ о его созывѣ, иначе правительство несомнѣнно натолкнетъ это собраніе на революціонный по существу своему актъ—самопровозглашенія себя учредительнымъ собраніемъ.

Въ-5-хъ, вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія полагаетъ, что первому же представительному собранію надлежитъ приступить къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, представляющаго нынѣ коренной и самый острый вопросъ деревенской жизни. Малоземелье, чрезмѣрный ростъ цѣнъ на землю, арендныя цѣны, несоотвѣтствующія производительности земли,—создали крайне тяжелое положеніе для значительной части крестьянъ, и принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію земельнаго обезпеченія крестьянъ стоитъ на первой очереди. Независимо отъ причинъ, связанныхъ съ особыми формами крестьянскаго земельнаго строя, во многихъ случаяхъ землевладѣніе крестьянъ настолько незначительно, что не можетъ служить источникомъ для удовлетворенія самыхъ первобытныхъ потребностей, и поэтому увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, тѣмъ или другимъ способомъ, является насущно необходимымъ. Откладывать земельный вопросъ нельзя; это грозитъ столь сильными потрясеніями всего нашего гражданскаго строя, что на разрѣшеніи аграрнаго вопроса должны сосредоточиться всѣ усилія народа въ первомъ же представительномъ собраніи.

Созыва народныхъ представителей ждетъ съ нетерпѣніемъ вся страна, всѣ партіи, за исключеніемъ развѣ крайне реакціонной, желающей задушить всякое освободительное движеніе. Только собраніе этихъ представителей, сплотившись вокругъ Государя, можетъ правильно рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, принявъ предложенныя условія мира, или сдѣлать

войну народной; только они могутъ въ согласіи съ Государемъ установить обновленный строй Россіи. О созывѣ этомъ страна возвѣщена съ высоты престола рескриптомъ 18 февраля сего года, онъ подтвержденъ вторично Государемъ, при пріемѣ въ послѣднее время общей земской и дворянской депутаціи. Но страна встревожена замедленіемъ, коимъ сопровождается осуществленіе этой необходимой мѣры. Она тревожится и тѣмъ, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ, по поводу предстоящаго созыва въ собраніе народныхъ представителей, примѣняется терминъ законосовѣщательное учрежденіе, и что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, выработанные правительствомъ проекты созыва Государственной Думы предполагаютъ къ законодательнымъ функціямъ привлечь, кромѣ нея и въ качествѣ высшаго надъ ней учрежденія, нынѣшній Государственный Совѣтъ, въ нѣсколько реформированномъ видѣ, что равносильно оставленію прежняго средостѣнія между верховною властью и народомъ неприкосновеннымъ и сведетъ ожидаемую реформу на степень полумѣры (которая никого не успокоитъ и ничего существеннаго не сдѣлаетъ въ дѣлѣ действительнаго возрожденія нашей страны). Наконецъ, страна встревожена и недоумѣваетъ еще вслѣдствіе того, что съ признаніемъ необходимости созыва народныхъ представителей и осужденіемъ тѣмъ самымъ существущаго бюрократическо-канцелярскаго строя, какъ уже отжившаго, не соотвѣтствующаго болѣе условіямъ современной жизни, не была пріостановлена впредь до упомянутаго созыва, законодательная жизнь страны, за исключеніемъ развѣ текущихъ, не терпящихъ отлагательства вопросовъ; что бюрократія и послѣ упомянутаго осужденія ея дѣятельности продолжаетъ учреждать особыя совѣщанія по крестьянскому и другимъ вопросамъ; что она, вмѣсто отмѣны усиленной охраны и исключительныхъ законовъ, ставитъ многія мѣстности на военное положеніе, прекращающее правильное теченіе въ нихъ экономической жизни, учреждаетъ нѣчто въ родѣ министерства полиціи, съ чрезвычайными, чисто диктаторскими полномочіями, преслѣдуетъ по прежнему періодическую прессу и т. п.; однимъ словомъ, ведетъ себя такъ, какъ будто никакой перемѣны курса въ ходѣ нашей внутренней политики не произошло. Все это только усиливаетъ необходимость ускоренія созыва народныхъ представителей, съ цѣлью положенія конца все усиливающемуся разладу. Только этотъ созывъ, будучи произведенъ правильно, т. е. на вышеуказанныхъ основаніяхъ, можетъ положить конецъ существующему разладу и открыть новую эру для нашей внутренней политики. Собравшись всѣми своими духовными силами, Россія проявитъ въ дѣлѣ своего обновленія всю необходимую мощь и силу“.

Когда докладъ былъ принятъ, я невольно вспомнилъ нашъ подсчетъ въ Москвѣ 2-го ноября 1904 года количества конституціоналистовъ и

нахожу, что мы тогда были правы, принятіе же доклада теперь я объясняю силою обстоятельствъ.

Всѣ остальныя постановленія земскаго собранія по чисто хозяйственнымъ дѣламъ тоже носили уже иной характеръ.

Слово „ходатайство“ уже не встрѣчается въ постановленіяхъ; всѣ они имѣютъ форму резолюцій, доводящихъ до свѣдѣнія правительства, протесты, признанные собраніемъ неправильными, постановлено обжаловать въ Сенатъ, но самыя постановленія исполнять не дожидаясь рѣшенія его. Общее настроеніе было таково, что одинъ изъ правыхъ не выдержалъ и спросилъ: „окончательно ли мы порвали съ правительствомъ, и остались ли еще вопросы, по которымъ мы должны къ нему обращаться“. Вопросъ этотъ остался безъ отвѣта, но общій духъ постановленій производилъ такое впечатлѣніе, что правительство рѣшили игнорировать.

Съѣзду 6 іюля предшествовалъ цѣлый рядъ препирательствъ организаціоннаго бюро съ московской администраціей. Послѣ нѣсколькихъ объясненій Головина съ московскимъ градоначальникомъ и генералъ-губернаторомъ, съѣздъ былъ категорически запрещенъ, и мы на мѣстахъ опять получили отъ губернаторовъ письма съ извѣстіемъ объ этомъ и съ предупрежденіемъ, чтобы мы „не трудились ѣздить въ Москву, т. к. съѣзда не будетъ“. Результатомъ всѣхъ этихъ запрещеній было то, что на съѣздъ пріѣхало около 280 человѣкъ, и только нѣкоторые представители въ очень ограниченномъ числѣ отсутствовали, зато явилось много такихъ, которымъ не пришлось даже принять участія въ засѣданіи, т. к. ихъ губернія или городъ были представлены сполна. Послѣ провѣрки полномочій и краткаго доклада Головина о тѣхъ переговорахъ, которые ему пришлось вести, и препятствіяхъ, которыя испытало бюро при созывѣ съѣзда, до протокола въ квартирѣ Головина включительно, члены депутаціи сдѣлали краткій докладъ о пріемѣ депутаціи. Сообщеніе депутаціи было закончено словами гр. Гейдена: „единственный цѣнный результатъ поѣздки депутаціи состоитъ въ томъ, что отнынѣ наши съѣзды узаконены“. Едва только эта рѣчь была кончена, какъ встаетъ товарищъ предсѣдателя съѣзда, Н. Н. Щепкинъ, и заявляетъ, что полиція, только-что распустившая засѣданіе городскихъ головъ въ московской думѣ, явилась сюда съ тою же цѣлью, и вслѣдъ за этимъ въ дверяхъ появился помощникъ полицмейстера Носковъ съ соотвѣтствующей компаніей; лѣстницы были заняты городовыми, а залъ окруженъ полицейскими и жандармскими офицерами, вошедшими во всѣ другія двери. Одинъ изъ корреспондентовъ, которыхъ вообще было много, вѣроятно, провѣдавъ, что пришла полиція, установилъ свой аппаратъ на столѣ, какъ разъ противъ двери, въ которую должна была войти полиція: первое, что бросилось въ глаза полицмейстера, былъ фотографическій аппа-

ратъ, и онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ спросилъ: „Это что?“. На это фотографъ довольно громко отвѣтилъ: „Не бойтесь я стрѣлять не буду“. Приставъ потребовалъ убрать аппаратъ, но когда ему возразили, что въ частной квартирѣ фотографическій аппаратъ вещь не запрещенная, тогда онъ запретилъ фотографу производить снимки, а самъ прочелъ предписаніе, въ которомъ указывалъ ст. ст. закона, на основаніи которыхъ градоначальникъ объявляетъ съѣздъ закрытымъ, и предложилъ намъ разойтись: на это мы отвѣтили, что добровольно не разойдемся, и что ему остается примѣнить только силу. Полицмейстеръ заявилъ, что такого полномочія онъ не имѣетъ и ушелъ писать протоколъ.

Все засѣданіе происходило въ присутствіи полицейскихъ офицеровъ и городовыхъ. Первый вопросъ, разбиравшійся съѣздомъ, былъ проектъ гоф. Булыгина, добытый бюро въ подлинникѣ и потомъ напечатанный въ „Новостяхъ“. Докладъ дѣлалъ Ф. Ф. Кокошкинъ. Въ проектѣ были отмѣчены четыре положенія, дѣлающія проектъ непріемлемымъ: 1) сословность. 2) многостепенность выборовъ, до пяти степенности включительно, 3) цензовое начало, 4) совѣщательный голосъ, а не рѣшающій. Этихъ основныхъ положеній было достаточно, чтобы, не разбирая проекта по статьямъ, признать его непріемлемымъ. Во время преній представитель Курской губерніи кн. Касаткинъ-Ростовскій въ рѣчи позволилъ себѣ употребить выраженіе: „Современное движеніе въ Россіи ведется на подкупъ жидовско-польскаго бунда“; эта фраза вызвала бурю въ средѣ собранія; когда предсѣдательскій звонокъ, наконецъ, водворилъ порядокъ, то предсѣдатель обратился къ князю Касаткину со слѣдующими словами: князь, здѣсь не принято такъ говорить, здѣсь говорятъ, соблюдая общепринятыя формы вѣжливости, а потому потрудитесь взять ваши слова назадъ. Касаткинъ, нѣсколько поломавшись, это исполнилъ, но все-таки въ слѣдующихъ рѣчахъ Кокошкинъ и особенно черниговскій Шрагъ, соблюдая формы вѣжливости, дали ему жестокую отповѣдь.

Къ концу засѣданія протоколъ былъ готовъ и взамѣнъ подписи рѣшено было вручить приставу наши визитныя карточки. Настроеніе этого дня благодаря появленію полиціи было веселое, бодрое, нѣсколько юмористическое. Обсуждался вопросъ о постройкѣ на нашъ счетъ миноноски, т. к. на основаніи положенія объ усиленной охранѣ насъ могутъ оштрафовать каждаго по 500 руб., что въ суммѣ дастъ около 140 тысячъ руб.

Вечеромъ проектъ Булыгина былъ отвергнутъ, хотя по разнымъ соображеніямъ, но единогласно.

На слѣдующій день настроеніе уже съ утра было довольно угнетенное: для огромнаго большинства съѣзда стало ясно, что съ верху ждать ничего хорошаго нельзя. Въ началѣ утренняго засѣданія первый высказалъ

это совершенно опредѣленно И. Ил. Петрункевичъ. Возражалъ на рѣчь Петрункевича только одинъ кн. Касаткинъ, который заявилъ, что онъ не ошибся вчера, говоря, что онъ попалъ въ среду революціонеровъ, и что если ему суждено выбирать между двумя, то онъ предпочтетъ умереть у ногъ нынѣшняго Государя, а не у ногъ Петрункевича, почему онъ и не считаетъ возможнымъ остаться въ этомъ революціонномъ собраніи и уходитъ. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и другой курскій представитель Говоруха-Отрокъ. Калужскій, Кошкаревъ, ушелъ по другимъ мотивамъ, но на другой день возвратился. Въ этомъ же засѣданіи былъ принятъ въ первомъ чтеніи, т. е. въ общихъ положеніяхъ, проектъ конституціи, выработанный на основаніи апрѣльскихъ постановленій (напечат. въ „Рус. Вѣд.“). Обсужденіе по статьямъ было отложено до слѣдующаго съѣзда, т. к. представители окраинъ заявили, что, не будучи уполномочены выбравшими ихъ, они затрудняются обсуждать проектъ по статьямъ.

На слѣдующій день были приняты слѣдующія резолюціи:

1) Проектъ резолюціи о мѣрахъ по отношенію къ законопроекту гофмейстера Булыгина.

Считая въ высшей степени важнымъ вызвать теперь же проявленія общественнаго отношенія къ законопроекту гофмейстера Булыгина, съѣздъ считаетъ необходимымъ организовать по всей странѣ въ теченіе іюля многолюдныя собранія,—какъ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ,—и внести на эти собранія принятое настоящимъ совѣщаніемъ заключеніе по означенному законопроекту.

Желательно, чтобы резолюціи собраній съ подписями принявшихъ эти резолюціи присылались въ бюро общаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

2) По вопросу о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ.

1) Съѣздъ признаетъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ.

2) Т. к. при теперешней организаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія народъ не можетъ видѣть въ нихъ правильнаго представительства своихъ интересовъ, то общественные дѣятели должны къ предстоящей работѣ привлечь возможно большіе круги населенія черезъ дѣйствующіе при управахъ совѣты, комиссіи, участковыя попечительства и т. п.,—а также чрезъ временные съѣзды, совѣщанія комиссіи и комитеты изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ и общественныхъ дѣятелей. Кромѣ того, къ полити-

ческой дѣятельности слѣдуетъ привлечь волостные и сельскіе сходы, товарищества мелкаго кредита и ссудо-сберегательныя товарищества, сельскохозяйственныя общества и другія самостоятельныя организаціи.

3) Для наиболѣе широкаго привлеченія народныхъ массъ къ сознательной работѣ государственнаго строительства, общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ входить въ сношенія и совмѣстно работать со всѣми видами профессіональныхъ союзовъ, соприкасающимися съ населеніемъ, и раньше всего содѣйствовать объединенію на политической почвѣ самого населенія.

4) Съѣздъ придаетъ особое значеніе немедленному привлеченію сельскаго и городского населенія къ участію въ обсужденіи избирательной системы. Въ этихъ цѣляхъ признается желательнымъ, чтобы всѣ переименованныя въ пунктахъ 2 и 3 организаціи, а также спеціально для того устраиваемые на мѣстахъ комитеты брали на себя ознакомленіе населенія не только съ техникой выборовъ, но и содѣйствовали бы выясненію и выработкѣ тѣхъ пожеланій, которыя народъ передастъ своимъ будущимъ представителямъ въ моментъ ихъ выбора.

5) Съѣздъ признаетъ желательнымъ содѣйствовать распространенію среди народа популярно изложенныхъ постановленій и резолюцій политическаго характера, на которыхъ сошлись за послѣднее время общественныя организаціи. Затѣмъ нужно содѣйствовать широкому распространенію въ ближайшемъ будущемъ популярной литературы по конституціоннымъ и соціально-экономическимъ вопросамъ и по избирательному праву въ особенности, какъ въ видѣ брошюръ и листковъ, такъ и въ видѣ дешевыхъ періодическихъ изданій.

6) Съѣздъ признаетъ также желательнымъ широко воспользоваться, напечатавъ особыми листками, Высочайшимъ указомъ Сенату и рескриптомъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля с. г., для ознакомленія населенія съ возможностью обсуждать коренные вопросы государственнаго устройства, сходиться для этого и постановлять соотвѣтственные приговоры и резолюціи. Для этой же цѣли полезно, какъ это уже и сдѣлано нѣкоторыми городскими и земскими управами, отпечатать адресъ и рѣчи депутатовъ къ Государю отъ общественныхъ дѣятелей 6 іюня с. г. и отвѣтную рѣчь Государя. Для популяризаціи этихъ актовъ желательно сопровождать ихъ напечатанными или изустными комментаріями.

III) По вопросу о нарушеніяхъ чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ гражданъ.

Въ виду часто повторяющихся въ настоящее время случаевъ нарушенія чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ русскихъ гражданъ, нарушеній, которыя стоятъ въ противорѣчіи не только съ нравственными требованіями и общественнымъ правосознаніемъ, но въ противо-

рѣчіи съ заявленіями высшей власти и даже прямо съ дѣйствующими законами, общій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей постановляетъ: выразить глубокое негодованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ безнаказаннаго проявленія произвола различныхъ представителей власти и твердую увѣренность въ томъ, что такія дѣянія своевременно получатъ должную оцѣнку и соотвѣтственное возмездіе, и просить всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, пострадавшимъ отъ указанныхъ случаевъ въ защитѣ ихъ попранныхъ правъ и въ сохраненіи слѣдовъ и доказательствъ совершенныхъ въ отношеніи ихъ незаконныхъ и самоуправныхъ дѣйствій властей, причемъ эти нарушенія остаются при нынѣшнихъ порядкахъ безнаказанными. Такого рода дѣйствія со стороны административныхъ лицъ не должны покрываться никакой амнистіей и должны подлежать судебному преслѣдованію, какъ только произойдетъ перемѣна общаго строя и установится народное представительство, о чемъ съѣздъ и считаетъ нужнымъ теперь же предупредить всѣхъ административныхъ лицъ своимъ настоящимъ постановленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ обращается съ просьбой какъ ко всѣмъ представителямъ земскаго и городского самоуправленія, такъ и ко всему населенію, чтобы по всѣмъ наиболѣе выдающимся случаямъ правонарушеній со стороны администраціи были собираемы необходимыя свѣдѣнія, и сохранялся относящійся къ нимъ матеріалъ.

IV. По вопросу о равноправности женщинъ. Вполнѣ признавая съ точки зрѣнія справедливости и находя съ практической стороны желательнымъ политическое равноправіе женщинъ при будущемъ правовомъ строѣ Россіи, съѣздъ тѣмъ не менѣе, стремясь къ наискорѣйшему осуществленію этого строя, находитъ при данныхъ условіяхъ непрактичнымъ затруднять моментъ учредительства слишкомъ сложными требованіями полнаго достиженія улучшенія всѣхъ сторонъ жизни. Для примѣра можно указать хотя бы на общепризнанную необходимость усовершенствовать мѣстное самоуправленіе и распространить его на всю Россію, на необходимость предоставленія большей самостоятельности областному устройству окраинъ, но тѣмъ не менѣе разработку и проведеніе этихъ и многихъ другихъ насущнѣйшихъ реформъ практичнѣе отложить до того времени, когда принимать участіе въ законодательной работѣ могутъ свободно выбранные народные представители и при прочно установленныхъ необходимыхъ свободахъ.

Поэтому съѣздъ полагаетъ цѣлесообразнымъ вопросъ о предоставленіи политической равноправности женщинъ не ставить при данныхъ условіяхъ русской дѣйствительности одновременно съ вопросомъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, а оставить открытымъ или до измѣненій

условій учредительства или до того времени, когда народные представители будутъ уже собраны.

Кромѣ того было постановлено:

Оказывать активное, но невооруженное сопротивленіе всѣмъ распоряженіямъ административныхъ органовъ, нарушающихъ права человѣка и гражданина.

Передъ закрытіемъ съѣзда возбуждался вопросъ, нужны ли дальнѣйшіе съѣзды, такъ какъ теоретическая сторона предстоящихъ реформъ уже выяснена окончательно, для активной же борьбы съѣздъ, какъ собраніе лицъ, выбранныхъ только земскими собраніями, является организаціей не подходящей; поэтому является вопросъ, не настало ли время прекратить его дальнѣйшее существованіе?

На это возражалъ С. А. Муромцевъ, который не возражалъ по существу, но находилъ, что закрывать съѣзды нельзя, во-первыхъ, потому, что предстоитъ еще обсужденіе двухъ важныхъ вопросовъ: 1) Отношеніе земскихъ и городскихъ дѣятелей въ будущей Государственной Думѣ и 2) Проектъ конституціи, выработанный бюро, принятъ только въ первомъ чтеніи. Главное же, съѣздъ является единственной организаціей, хотя до нѣкоторой степени выбранной населеніемъ, а въ переживаемые нами времена очень вѣроятно, что понадобятся хотя бы и такіе представители для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни.

Въ силу этихъ соображеній рѣшили съѣздовъ не упразднять. По предложенію представителей Харьковскаго земства, рѣшили обратить бюро въ постоянно дѣйствующее учрежденіе, усиливъ составъ его и давъ ему полномочія входить въ соглашеніе съ другими лицами и организаціями. Послѣ опубликованія положенія о Государственной Думѣ долженъ быть собранъ съѣздъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ этому учрежденію.

Р. Будбергъ.

Саратовскій семидесятникъ [1]).

Когда мы говоримъ о „двадцатыхъ“ или „сороковыхъ“ годахъ, мы всегда подразумѣваемъ ихъ общій духъ, носителями котораго являлись очень немногочисленныя группы интеллигенціи, почти исключительно столичной. Духъ шестидесятыхъ годовъ успѣлъ распространиться и въ провинціи, но движеніе этого періода колебало идеи и установившіяся бытовыя формы, сравнительно слабо проявляясь въ области чисто политической борьбы; поэтому типическими „шестидесятниками“ остались въ нашей памяти исключительно литераторы: Чернышевскій, Добролюбовъ, Зайцевъ,—большіе и малые, люди крупнаго таланта или просто журналисты съ бойкимъ перомъ, но всегда писатели, такъ какъ иначе какъ перомъ, какъ же они могли бы дѣйствовать въ тогдашней Россіи? Въ противоположность этому семидесятые годы составляли въ нашей общественной жизни такую пору, когда массы интеллигентной молодежи впервые попытались перейти на чисто практическую почву. Теоретическая истина, какъ казалось людямъ этого поколѣнія, уже открыта; теперь надо облечь идею въ плоть, внести ее въ сознаніе всей массы русскаго народа и перестроить жизнь по новому плану. При такомъ настроеніи передовой молодежи наступившее десятилѣтіе оказалось эпохой дѣйствія, и наиболѣе типическими „семидесятниками“ слѣдуетъ признать не столько идейныхъ вождей этого поколѣнія, сколько тѣхъ, которые съ наибольшей энергіей пытались выполнить историческую миссію русской интеллигенціи, какъ она понималась въ тотъ моментъ, и вела за собою другихъ не перомъ, а живымъ словомъ и личнымъ примѣромъ. Имена нѣкоторыхъ дѣятелей этого рода извѣстны теперь всѣмъ и каждому, но наряду съ нѣсколькими историческими личностями боевое десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ выдвинуло много другихъ, менѣе крупныхъ

---

[1]) Этотъ очеркъ составленъ мною частью по личнымъ воспоминаніямъ и частью по матеріаламъ, которые составились изъ писемъ П. С. Поливанова къ его сестрѣ, Е. С. Волковой, и воспоминаній дяди Петра Сергѣевича, Н. С. Поливанова. *Авторъ.*

по результатамъ ихъ дѣятельности, но, быть можетъ, не менѣе яркихъ и интересныхъ со стороны чисто психологической. Охвативши такую массу молодежи не только въ столицахъ, но и въ провинціи, идеи и настроенія семидесятыхъ годовъ нерѣдко и тамъ вырабатывали въ людяхъ тотъ особый душевный строй, который такъ рѣзко отличаетъ беззавѣтнаго агитатора семидесятыхъ годовъ отъ мертваго душой чеховскаго „Иванова" восьмидесятыхъ.

Въ семидесятые годы провинція не только воспринимала идейные импульсы, которые шли изъ редакцій „Современника" и „Русскаго Слова", какъ это было десятью годами раньше, но и дѣлала первые опыты выступленія на путь активной борьбы, первыя, слабыя попытки организаціи мѣстныхъ общественныхъ силъ для планомѣрной освободительной дѣятельности. Попытки эти были слабы, такъ какъ исходили изъ малочисленныхъ группъ молодежи, не имѣвшей въ тогдашнемъ обществѣ достаточнаго вліянія. Но „общество" того времени было въ своей массѣ такъ вяло и погрязало въ такой безыдейной обыденщинѣ, что духъ момента находилъ свое воплощеніе не въ зрѣлыхъ людяхъ съ перезрѣлымъ благоразуміемъ, а именно въ этихъ мечтательныхъ юношахъ, собиравшихся взгромоздить Оссу на Пеліонъ и завоевать небо.

Въ Саратовѣ идеи семидесятыхъ годовъ охватили своимъ вліяніемъ довольно широкій кругъ мѣстной молодежи. Изъ среды ея многіе примыкали къ движенію, работали въ немъ, иные въ немъ и гибли, но никто другой не рисуется мнѣ теперь такимъ типическимъ „семидесятникомъ", и по сильнымъ и по слабымъ сторонамъ своей личности, какъ Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, впослѣдствіи—шлиссельбуржецъ, еще позже—бѣглецъ изъ Сибири, и въ заключеніе—эмигрантъ, покончившій съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ глухомъ провинціальномъ городкѣ далекой Франціи.

Его имя въ настоящее время извѣстно не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а тѣмъ, что онъ выстрадалъ, а между тѣмъ это была натура прежде всего активная, не изъ типа кроткихъ мечтателей, способныхъ только страдать и гибнуть за свои идеалы, а изъ типа борцовъ и воиновъ, обладающихъ даромъ увлекать за собою толпу неугасающимъ пыломъ своего боевого одушевленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была натура удивительно цѣльная, ярко и рельефно воплощавшая въ себѣ одинъ изъ революціонныхъ типовъ, наиболѣе характерныхъ для движенія семидесятыхъ годовъ. Искренній демократъ и соціалистъ по убѣжденіямъ, Поливановъ не былъ человѣкомъ, сформировавшимся подъ исключительнымъ вліяніемъ книги. У насъ есть люди, которые и сами являются какъ бы живымъ оттискомъ той или иной книги: всѣ ихъ идеи заимствованы цѣликомъ изъ одного источника. Поливановъ же былъ

не таковъ. Слишкомъ глубоко отлагались въ его душѣ впечатлѣнія подлинной жизни, собственный умъ и собственная индивидуальность заявляли въ немъ свои требованія слишкомъ громко, чтобы можно было сполна охарактеризовать его однимъ родовымъ опредѣленіемъ, въ родѣ: „народникъ", „народоволецъ" и т. п.

Прежде всего въ личности Петра Сергѣевича бросалось въ глаза его физическое, а частью и духовное, сходство съ его отцомъ Сергѣемъ Петровичемъ. Нѣсколько восточный характеръ ихъ фамильнаго типа, быть можетъ, сохранился отъ тѣхъ временъ, когда предки этого рода - татарскіе ханы еще бились изъ-за своихъ княжествъ въ Золотой Ордѣ, откуда одинъ изъ нихъ выѣхалъ на Русь при князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Не знаю, не изъ этого ли источника вытекала и та исключительная страстность темперамента и избытокъ физической отваги, которые чистокровнаго сѣверянина своими бурными проявленіями иногда могли привести прямо въ недоумѣніе. При первомъ знакомствѣ именно эти качества прежде всего били въ глаза, и имъ Поливановъ былъ обязанъ своей юношеской кличкой „Петролей", сохранявшейся за нимъ вплоть до его послѣдняго ареста. Въ связи съ этими основными свойствами темперамента находился и особый характеръ его рѣчи: стремительной, яркой, подчасъ парадоксальной. По всему своему строю это было краснорѣчіе скорѣе французское, чѣмъ русское, и кто еще не зналъ Поливанова или слушалъ бы его изъ другой комнаты, тотъ, пожалуй, могъ подумать, что вотъ человѣкъ, который съ намѣреніемъ говоритъ красиво; но стоило взглянуть на лицо этого „Петролея", когда онъ увлекался развитіемъ захватившей его темы, чтобы убѣдиться, что онъ и на самомъ дѣлѣ „петролей", и что говорить языкомъ какого-нибудь стараго профессора для него такъ же невозможно, какъ и посвятить свои кипучія силы методическому и прилежному развитію какой-нибудь археологіи или палеонтологіи. Литературныя произведенія Поливанова, написанныя, впрочемъ, въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, послѣ многихъ лѣтъ заключенія, сохраняя характерную для его рѣчи живость и легкость, свободны, однако, отъ слишкомъ яркихъ красокъ и патетическихъ взрывовъ чувства. Въ его живой рѣчи (я говорю о юношескихъ годахъ) было гораздо меньше выдержанности тона, но зато вся она сверкала, клубилась и пѣнилась какъ горный ручей, рвущійся впередъ черезъ преграды и уступы. Его фантазія вѣчно рисовала передъ нимъ ослѣпительныя картины боевыхъ дѣйствій, отчаянно смѣлыхъ заговоровъ или грозныхъ народныхъ волненій, и революціонная жизнь провинціальныхъ и студенческихъ кружковъ представлялась ему только сѣренькой приготовительной школой къ будущей борьбѣ, захватывающей и опьяняющей по своему величію.

Стремленіе къ полнотѣ революціоннаго упоенія, къ широкому размаху всѣхъ душевныхъ силъ, жажда борьбы à outrance и чуткая воспріимчивость къ красотѣ и поэзіи такой борьбы придавала его революціоннымъ рѣчамъ блескъ и силу, которыхъ онѣ не имѣютъ у правовѣрныхъ послѣдователей какой-нибудь незыблемой догмы. Красота героизма восхищала его повсюду, гдѣ бы она ни проявлялась, и протопопъ Аввакумъ, эстетически, какъ личность, какъ яркій образъ, былъ ему такъ же близокъ и понятенъ, какъ Муравьевъ-Апостолъ. По необходимости, въ цѣляхъ болѣе разносторонняго развитія, онъ добросовѣстно прочитывалъ трактаты по политической экономіи, статистическіе сборники и громоздкіе томы по всевозможнымъ предметамъ, но его любимымъ чтеніемъ, которому онъ отдавался съ увлеченіемъ, были труды по исторіи и болѣе всего--произведенія историковъ-художниковъ: Луи Блана, Мишле, Іоганна Шерра и т. п., а наряду съ этимъ политическіе памфлетисты: Поль-Луи-Курье, Берне, Свифтъ, Герценъ, Щедринъ. Въ его превосходной памяти удерживались цѣликомъ наиболѣе яркія мѣста и мѣткія фразы изъ такихъ авторовъ, и онъ пользовался ими такъ естественно, что выдержки и ссылки совсѣмъ не производили въ его рѣчи впечатлѣнія книжныхъ „цитатъ", а казались красивыми цвѣтами, органически связанными со всѣмъ строемъ его собственной мысли.

Незаурядная начитанность, блескъ слова и бьющія черезъ край отвага и энергія уже сами по себѣ обезпечивали Поливанову видное мѣсто въ кружкахъ молодежи, но къ этимъ агитаторскимъ достоинствамъ у него присоединялись такія свойства, которыя привязывали къ нему людей, вызывая въ нихъ чувство личной симпатіи, нерѣдко переходившей въ прочную дружбу. Полная искренность и прямодушіе при чрезвычайной подвижности и общительности натуры доставляли ему быструю извѣстность и широкую популярность въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ въ Петербургѣ, въ Бѣлградѣ, въ Саратовѣ, всюду, гдѣ бы ни появлялась его сухощавая, стройная фигура съ смуглымъ лицомъ, живыми глазами и всегда горячей рѣчью.

Никто изъ знавшихъ Поливанова въ молодости не могъ сомнѣваться, что при такой пылкой жаждѣ подвига, которая составляла самую основу его души, рано или поздно онъ сложитъ свою голову въ освободительномъ движеніи, но никто не могъ бы подумать, что это произойдетъ такъ скоро и по такому случайному поводу, не въ возстаніи или широкомъ политическомъ заговорѣ, а при попыткѣ оказать дружескую услугу арестованному товарищу. Однако, случилось именно такъ. Начало восьмидесятыхъ годовъ, эпоха разгрома Народной Воли была совсѣмъ не такой порой, когда могли бы жить и дѣйствовать люди этого типа. Судьба подстерегала

ихъ на каждомъ шагу. Наступала осень, и вихрь реакціи безпощадно уносилъ ихъ одного за другимъ, какъ послѣдніе листья съ умирающаго лѣса... Для такихъ натуръ, какъ Поливановъ, осталось тогда только одно мѣсто: „тамъ, гдѣ буря на просторѣ надъ пучиною шумитъ", на каменистомъ островкѣ Ладожскаго озера, въ наглухо закрытыхъ для бѣлаго свѣта тайникахъ Шлиссельбургской крѣпости... И тамъ именно онъ и оказался...

Оттуда онъ вышелъ надорваннымъ физически, съ сѣдиной въ волосахъ, но съ прежней жаждой борьбы, неукротимый по прежнему и готовый тотчасъ же къ новымъ жертвамъ.

Однако жизнь показала, что одной готовности мало. Нужны и силы чисто физическія, которыхъ не осталось, а Поливановъ менѣе кого бы то ни было другого былъ бы способенъ propter vitam vivendi perdere causam.

Смыслъ жизни для него состоялъ въ борьбѣ, силу терпѣнія, чтобы вынести двадцать лѣтъ неволи, онъ находилъ въ надеждѣ вернуться опять подъ дорогія знамена, и если эта надежда оказалась иллюзіей, то онъ предпочелъ изъ міра иллюзій уйти въ міръ небытія и покончилъ съ собой.

Такова была судьба этого человѣка, который далъ освободительному движенію гораздо меньше того, что могъ бы дать по своимъ дарованіямъ, но вынесъ ради нея гораздо больше того, что, казалось, могъ бы вынести по своимъ силамъ.

Семья, въ которой родился Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, была помѣщичья семья средняго достатка (въ имѣніи его отца было первоначально около 1 тысячи десятинъ земли), но духъ этой семьи и та атмосфера, которая окружала мальчика съ дѣтства, имѣли въ себѣ нѣкоторыя особенности, несомнѣнно отразившіяся на характерѣ будущаго революціонера. Прежде всего выдѣлялась изъ ряда обыкновенныхъ степныхъ помѣщиковъ личность Поливанова-отца.

Сергѣй Петровичъ въ молодости былъ гвардейскимъ офицеромъ, но впослѣдствіи онъ перевелся въ кавказскую армію, принималъ участіе въ войнѣ 53—55 гг. и при штурмѣ Карса былъ весь израненъ. По выходѣ въ отставку короткое время онъ состоялъ на гражданской службѣ, но большую часть жизни провелъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Ключи, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Мать Сергѣя Петровича, урожденная Норова, была племянницей декабриста Норова; это родство было извѣстно Петѣ съ дѣтства и, сколько мнѣ помнится изъ интимныхъ бесѣдъ, онъ съ самаго ранняго возраста привыкъ благоговѣйно чтить память героическаго поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ жена Сергѣя Петровича послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака впала въ тяжелое

психическое разстройство и жила послѣ того внѣ семьи, подъ наблюденіемъ врачей, то преобладающее вліяніе на мальчика принадлежало Сергѣю Петровичу, человѣку въ высшей степени мягкому, деликатному, непрактичному, склонному не столько къ службѣ и къ сельскому хозяйству, сколько къ тихому кабинетному труду, къ изящной литературѣ и поэзіи. Любимымъ его поэтомъ былъ Викторъ Гюго, изъ котораго Сергѣй Петровичъ многое перевелъ, хотя его переводы остались только въ рукописи. Иногда онъ и самъ писалъ стихи и нѣкоторые даже печаталъ. Наряду съ французскими поэтами С. П. горячо любилъ русскую журналистику, слѣдилъ и за нелегальной литературой, и въ позднѣйшіе годы, по воспоминаніямъ его дочери, полученіе книжки „Отечественныхъ Записокъ", листка „Народной Воли" или „Чернаго Передѣла" являлось цѣлымъ радостнымъ событіемъ въ однообразной тишинѣ ихъ деревенской жизни. Понятно, что общественные взгляды такого человѣка, вначалѣ вовсе не революціонные, были, однако, широки и прогрессивны. Въ кругу семьи С. П. не скрывалъ, что себя и другихъ помѣщиковъ онъ считалъ эксплуататорами крестьянъ, но, не имѣя силъ порвать со слишкомъ привычной обстановкой, онъ старался всячески смягчить свои отношенія къ зависимымъ отъ него людямъ, постоянно оказывалъ помощь сосѣднимъ крестьянамъ, поддерживалъ сельскую школу, защищалъ учителей и учительницъ отъ доносовъ и преслѣдованій поповъ и міроѣдовъ. Особенно характерно было его отношеніе къ очень многочисленнымъ случаямъ мелкихъ порубокъ, потравъ и т. п. проявленій со стороны крестьянъ ихъ глубокаго антагонизма къ помѣщикамъ. „Однажды,—разсказываетъ его дочь,— я, будучи еще дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, очень возмутилась кражей съ гумна соломы и хвороста изъ лѣса, и отецъ доказывалъ мнѣ, что это вполнѣ естественное явленіе, и что „мы" не пойдемъ красть, такъ какъ у насъ все есть, и мы знаемъ къ тому же, что красть нехорошо, и что сердиться на мужиковъ мы „не имѣемъ права": мы обезпечены, а кругомъ нищета и невѣжество".

Повидимому, Поливановъ-сынъ сознавалъ, какъ многимъ онъ духовно обязанъ отцу, и навсегда сохранилъ къ нему глубокое уваженіе. Послѣ шестнадцати лѣтъ одиночнаго заключенія безъ всякой вѣсти о судьбѣ близкихъ, получивъ, наконецъ, возможность переписываться съ сестрой и узнавъ отъ нея сразу обо всемъ, что случилось за эти годы, онъ писалъ ей 15-го марта 98-го года: „Сегодня я получилъ извѣстіе, что отецъ умеръ еще въ 87 году, что ты неоднократно наводила обо мнѣ справки и тебѣ послано извѣщеніе относительно переписки. Ты помнишь, какъ сильно я любилъ отца, ты знаешь, какой это былъ прекрасный человѣкъ, какая чистая, благородная душа, и нѣтъ надобности говорить,

какъ страстно мнѣ хотѣлось бы хоть разъ еще увидать его, и съ какой болью я думаю, что этого уже никогда, никогда не будетъ. Напиши мнѣ подробнѣе о его послѣднихъ годахъ...“ А черезъ четыре мѣсяца послѣ этого онъ вновь пишетъ ей: „Ахъ, не могу не только писать, но и думать о смерти отца. Знаешь ли, я послѣ твоего письма ходилъ нѣсколько дней какъ въ угарѣ. Такъ было все ужасно, такъ чудовищно невѣроятно. Вмѣстѣ съ этимъ лопнула еще одна изъ тѣхъ немногихъ ниточекъ, которыя привязывали меня къ жизни и къ волѣ. Теперь, когда нѣтъ отца, будущее мнѣ представляется еще болѣе непригляднымъ и, право, лучше бы мнѣ навсегда остаться за этими стѣнами, чѣмъ выйти неизвѣстно зачѣмъ и для чего, да еще къ тому же—развалиной...“

На ряду съ интеллигентной и гуманной атмосферой родительскаго дома на душу мальчика съ самаго ранняго возраста оказала глубокое вліяніе наша русская природа, красоту которой онъ научился чувствовать еще ребенкомъ. Родившись 1859 году на Кавказѣ, когда отецъ его еще былъ офицеромъ, Петя въ слѣдующемъ же году, съ выходомъ отца въ отставку, былъ перевезенъ въ имѣніе дѣдушки Петра Николаевича, въ село Высокое, на берегу Ветлуги, въ 80 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Тамъ прошли его первые годы, а впослѣдствіи онъ каждое лѣто проводилъ или у отца, въ Ключахъ, или у дяди Николая Петровича, въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Уже четырехлѣтнимъ мальчикомъ, по воспоминаніямъ его дяди, Петя любилъ природу и просторъ полей. Не ограничиваясь постоянной бѣготней по саду, онъ часто забирался дальше, бродилъ по лугамъ, карабкался по оврагамъ, прятался во ржи и торжествовалъ, когда его долго не находили. Мальчикомъ лѣтъ одиннадцати онъ предпринималъ одинъ цѣлыя маленькія путешествія, пѣшкомъ или верхомъ, иногда съ ружьемъ, а иногда и просто ради прогулки. Впослѣдствіи онъ страстно полюбилъ охоту и, уже будучи революціонеромъ, урывалъ иногда день, чтобы, выбравшись изъ Саратова, побродить съ ружьемъ въ приволжскихъ улешахъ или въ густыхъ заросляхъ Зеленаго Острова. Изъ письма къ дядѣ, отправленнаго изъ Шлиссельбурга въ 900 г., видно, какъ глубоко запали въ дѣтскую душу впечатлѣнія той поры. „Я, какъ и ты,—пишетъ узникъ въ ожиданіи скорой отправки въ Сибирь,—горячо желаю нашей встрѣчи; хотѣлось бы еще хотя разъ обнять тебя передъ отъѣздомъ въ Сибирь и вспомнить все то, что насъ связываетъ: и моего отца, и дальніе дѣтскіе годы, нашу жизнь въ Высокомъ еще при жизни дѣда и бабушки, которые вмѣстѣ съ тобой такъ баловали меня и такъ любили. Когда я вспоминаю эти времена, то вижу все такъ отчетливо, такъ ясно, какъ будто

бы только 2—3 года назадъ стоялъ я въ саду надъ обрывомъ, любуясь Ветлугой, копая въ глинѣ пещеры или пуская въ цѣль стрѣлы изъ лука, который мнѣ сдѣлалъ Миша. Какъ сильно врѣзываются въ память впечатлѣнія дѣтства! Просто не вѣрится иногда, что съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ! Я живо представляю себѣ все: и милыя лица, меня окружавшія, и обстановку со всѣми ея мелочами. Помню и солнечные часы на дворѣ, и ломберный столъ бабушки, кабинетъ дѣда, и висѣвшую на стѣнѣ цѣпь мирового посредника, твою спальню, гдѣ на стѣнѣ было развѣшано привезенное тобою съ Кавказа оружіе: черкесскія винтовки, шашки, кинжалы, и гдѣ всегда было страшно холодно. Я проникся большимъ уваженіемъ къ тебѣ, когда разъ услышалъ, какъ ты доказывалъ отцу, что въ спальнѣ долженъ быть всегда свѣжій, даже холодный воздухъ: 8° или 10°. Спать при такой температурѣ мнѣ показалось чѣмъ-то героическимъ!—Пишу я это, а волна воспоминаній поднимается все выше и выше, и выноситъ изъ глубины души тысячи мелочей, казалось—давно уже погребенныхъ на вѣки. Вотъ сейчасъ припомнилась лиственница, посаженная мной у балкона. Ты выбралъ деревцо вышиной какъ разъ въ мой ростъ, и я часто подбѣгалъ къ ней впослѣдствіи, чтобы, по твоему совѣту, посмотрѣть, кто изъ насъ растетъ быстрѣе? Вотъ, припомнился старикъ Мартынъ и его охотничьи разсказы, которые я слушалъ съ такимъ вниманіемъ и волненіемъ, со слезами на глазахъ умоляя его взять меня на охоту, потому что „я уже большой, совсѣмъ большой: скоро минетъ 7 лѣтъ!“ Долженъ признаться, былъ я порядочнымъ сорванцемъ, много было со мной всякихъ хлопотъ и заботъ, и только теперь, когда у меня самого пробивается сѣдина въ волосахъ, я могу должнымъ образомъ оцѣнить всю доброту, все терпѣніе окружавшихъ меня лицъ, изъ которыхъ только одинъ ты остался, только тебя одного могу я поблагодарить...“

Въ другомъ письмѣ изъ крѣпости, обращенномъ къ сестрѣ, Поливановъ говоритъ ей о себѣ: „Было время, тяжелое время, когда я испытывалъ такую жгучую душевную боль, такія муки, что просто удивляюсь, какъ я не сошелъ съ ума. Мнѣ, которому городъ казался тюрьмой, которому безъ простора лѣса и степи жизнь казалась неволей,—было по временамъ особенно тяжело въ тюрьмѣ. Помню, иногда ранней весной (это съ дѣтства было мое любимое время), когда начинается ледоходъ, пробивается первая зелень, открывается перелетъ дичи,—я чувствовалъ себя одной изъ этихъ птицъ, запертой въ клѣткѣ. Свистъ кроншнеповъ, кряканье утокъ, гоготанье гусей, мелодичный трубный кликъ лебедей дѣйствовали на меня словно призывъ близкихъ, родныхъ мнѣ существъ. Ты этому не удивишься, такъ какъ помнишь, какимъ дикаремъ я былъ въ дѣтствѣ, какъ я лю-

билъ природу, какимъ былъ страстнымъ охотникомъ. А въ это же время налегали на душу мысли объ отцѣ, о сестрахъ, о всѣхъ близкихъ людяхъ, воспоминанія о прошломъ, мысли о томъ, какъ все могло бы быть, и какъ оно вышло на самомъ дѣлѣ...“

Тѣ же, запечатлѣвшіяся на всю жизнь воспоминанія дѣтства и среди нихъ не потускнѣвшія отъ времени картины родной природы, прорываются мѣстами въ литературныхъ произведеніяхъ Поливанова, а однажды они почему-то нашли свое выраженіе во французскихъ стихахъ, написанныхъ имъ въ 98 году для сестры. Въ письмѣ къ ней, отправленномъ изъ крѣпости 26-го августа, онъ говоритъ, между прочимъ:

„Стихи писать я давно бросилъ, но недавно пришла какъ-то вдругъ фантазія попробовать, не могу ли я написать стихи по-французски. Вышло не блестяще, но на стихи похоже. Посылаю ихъ тебѣ, надѣюсь, что ты будешь снисходительна, во 1) потому, что это первый и, вѣроятно, послѣдній опытъ, а во 2) потому, что я и не поэтъ, и не французъ, хотя очень люблю и хорошіе стихи, и французовъ,—хорошихъ, само собой разумѣется, и не декадентовъ, панамистовъ и антисемитовъ. Ну, вотъ тебѣ эти стихи:

Accablé des souffrauces,
Toujours pensif et seul,
Je vois mes éspérances
Le voiler d'un linceul,
Et, en couvoi funèbre,
Passant devant mes yeux,
M'envoyer des ténèbres
Leurs éternels adieux.
Mon âme triste et morne
Le tourne vers ces lieux,
Où d'un bonheur sans bornes
M'ont ébloui les cieux.
Verrai-je ces boi sombres
Des pins et des bouleaux,
Qui projettent leurs ombres
Sur la plaine de l'eau?
Et ces prairies vertes
Et ce fleuve désert,
Et les courlis alertes
Tournoyant dans les airs?
Et le vol lourd des cygnes
Dans le bleu du lointain,
Qui se voguent en lignes
Avec leur cri hautain?
Te voyerrai-je encore
Ma vie, mon amour,
Ma chère, que j'adore,
Viendra t-il ce beau jour?
Dans ma douleur je pense
Toujours à toi, mon coeur,
Et je sens ta présence,
Quoique tu es ailleur,
Et, une chose étrange,
Ce tableau d'autrefois,—
T'en souviens-tu, mon ange?—
Me hante mainte fois:
Je vois ce lac limpide,
Où j'ai chassé souvent,
Qui s'agite et se ride
Sous le souffle du vent;
Je vois les nues blanche,
D'un essor audacieux,
Comme des avalanches,
Courrir le long des cieux;
Je vois la tête blonde,
Qui penche en me raillant,
Et se refflet sur l'onde
De ton sourir charmant...
Hélas! ce cher sourire,
Li mignon et si fin,
Qui me parlait sans dire,
Le reverrai-je enfin?..

Изо всего этого видно, что дѣтство въ жизни Поливанова составляло счастливую пору, когда душевныя силы ребенка могли развиваться свободно, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Школьные годы начались для Пети съ девятилѣтняго возраста. Его помѣстили въ приготовительный классъ извѣстной въ то время въ Москвѣ частной гимназіи его родственника Л. И. Поливанова. Педагоги съ большой похвалой отзывались о способностяхъ и блестящей памяти Пети и были довольны его быстрыми успѣхами, но указывали роднымъ на пылкость характера и неровности въ настроеніяхъ, уже тогда обращавшія на себя вниманіе. Мальчикъ иногда, безъ всякихъ видимыхъ основаній, отказывался отвѣчать урокъ; по временамъ онъ искалъ одиночества, удалялся съ книгой куда-нибудь на чердакъ и тамъ проводилъ цѣлые часы; не разъ имъ овладѣвали внезапные порывы самопожертвованія, и онъ совершенно неожиданно бралъ на себя вину товарища. Отъ одной пожилой дамы, хорошо знакомой съ нашимъ семействомъ и съ семействомъ Поливановыхъ, я слышалъ еще юношей такой разсказъ: маленькіе школьники поливановской гимназіи раздѣлялись въ то время на два индѣйскихъ племени, находившихся, какъ водится, въ непримиримой враждѣ; вождемъ одного изъ этихъ племенъ былъ Петя Поливановъ. Однажды въ жизни племени Пети произошло невѣроятное событіе: одинъ „индѣецъ" измѣнилъ вождю и перебѣжалъ къ врагамъ. Послѣ этого „вождь" исчезъ. Искали его долго и нашли, наконецъ, на чердакѣ съ признаками отравленія. Оказалось, что онъ не хотѣлъ „пережить позора" и рѣшилъ уйти изъ этого презрѣннаго міра въ равнины Великаго Духа,—отъ чего, впрочемъ, его спасли надлежащими медикаментами... Нѣсколько позже у него на экзаменѣ произошло рѣзкое столкновеніе съ учителемъ греческаго языка, закончившееся тѣмъ, что мальчикъ, прервавъ отвѣты, повернулся спиной къ экзаменатору, вышелъ въ чемъ былъ изъ училища и отправился прямо на ярославскій вокзалъ. Съ 15 копейками въ карманѣ онъ сѣлъ въ вагонъ, добрался благодаря снисходительности кондуктора безъ билета до Хотькова, а отсюда нанялъ крестьянскую одноколку въ имѣніе дяди, который, какъ оказалось, какъ разъ въ это время выѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Сергіевскій посадъ и съ немалымъ удивленіемъ встрѣтилъ племянника по дорогѣ.

Роднымъ стоило нѣкоторыхъ хлопотъ уладить этотъ случай, и Петя продолжалъ образованіе въ томъ же заведеніи, пока не перешелъ въ 6 классъ, когда онъ былъ переведенъ по какимъ-то семейнымъ соображеніямъ въ Нижній-Новгородъ и помѣщенъ въ домѣ своего дяди А. П. Поливанова. Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ Сергѣй и Николай Петровичи. Повидимому, его домъ и по строю жизни, и по царившему въ немъ духу, ничѣмъ не отличался отъ другихъ домовъ тогдашняго провинціальнаго дворянства, и вольнолюбивому по природѣ, не по лѣтамъ

развитому юношѣ, съ ясно опредѣлившимися къ этому возрасту идеалистическими стремленіями, было совершенно не по себѣ въ новой средѣ. Для характеристики этой среды и отношенія къ ней юноши-Поливанова достаточно будетъ привести коротенькій діалогъ „вступившаго на опасный путь“ племянника съ его безукоризненно благовоспитанной, благопристойной и благомыслящей тетушкой. Въ письмѣ къ сестрѣ (7 декабря 98 г.) Поливановъ, вспоминая нѣкоторыхъ родственниковъ, говоритъ, между прочимъ: „Я помню, какъ тетушка старалась мнѣ внушить „des idées plus justes et plus raisonables sur la vie“ (я былъ тогда еще 15-лѣтнимъ гимназистомъ). Мнѣ вспомнился финалъ одного нашего разговора: „Петя, mon ami, vous n'arriveez jamais!“ изрекла она пророческимъ, торжественнымъ тономъ.—„Que voulez-vous, ma tante? Je ne suis pas un arriviste, moi“ отвѣчалъ я со свойственнымъ моему возрасту легкомысліемъ. „Ce que je disais toujours“— произнесла она печальнымъ, совершенно упавшимъ голосомъ, словно объявляя мнѣ смертный приговоръ...“

„Les idées justes et raisonables sur la vie“ m-me Поливановой имѣли тѣмъ менѣе шансовъ подѣйствовать на юношу, что въ нижегородской гимназіи къ тому времени „нигилизмъ“ получилъ широкое распространеніе. Изъ позднѣйшихъ бесѣдъ съ Поливановымъ я заключаю, что среди его товарищей не было человѣка, который успѣлъ бы оказать на него вліяніе и увлечь своимъ словомъ или примѣромъ, но зато общій духъ гимназіи, какъ видно, отличался вполнѣ опредѣленной революціонностью. Изъ разсказовъ Поливанова объ этомъ періодѣ мнѣ запомнился, между прочимъ, такой эпизодъ: шелъ классъ греческаго языка; учитель замѣтилъ, что многіе гимназисты что-то уже очень усердно смотрятъ подъ парты: очевидно, тайкомъ читаютъ какія-то книжки,—едва ли учебники. Съ кошачьей осторожностью подкрался учитель къ одному; хвать изъ-подъ парты книгу; смотритъ: „Исторія французской революціи“ Минье. Немного погодя улавливаетъ другого:—„Исторія жирондистовъ“ Ламартина. Еще черезъ нѣсколько минутъ захватываетъ врасплохъ третьяго:—первый томъ „Исторіи французской революціи“ Луи Блана... Тогда педагогъ пришелъ въ неистовство и закричалъ пронзительнымъ голосомъ: „господа! вы, кажется, совсѣмъ позабыли, что у насъ не классъ французской революціи, а классъ греческой грамматики!“—и вслѣдъ за тѣмъ разразился классически-ругательной рѣчью о пагубности революцій и о спасительности грамматики...

Проникнувшись оппозиціоннымъ духомъ,—по воспоминаніямъ Н. П. Поливанова,—„Петя чуждался семьи дяди и даже уроки уходилъ готовить къ товарищамъ. Когда семья дяди ѣздила въ театръ, то приглашала въ свою ложу, конечно, и Петю, но Петя отказывался и на этотъ вечеръ при-

глашалъ къ себѣ товарищей". О чемъ они бесѣдовали и какія книги читали въ опустѣвшихъ гостиныхъ аристократической тетушки,—объ этомъ легко догадаться изъ предыдущаго... Однажды тетушка убѣдилась въ томъ, что ея худшія опасенія уже оправдались: въ комнатѣ Пети нашлись... прокламаціи. Въ результатѣ такого открытія послѣдовало бурное объясненіе; отъ Пети требовали обѣщанія никогда болѣе не прикасаться къ такимъ ужаснымъ произведеніямъ, а Петя категорически отказался дать такое обѣщаніе и,—какъ можно догадываться,—наговорилъ такихъ вещей, отъ которыхъ тетушкѣ едва не сдѣлалось дурно... Кончилось все это тѣмъ, что пріѣхалъ отецъ, увезъ Петю въ Саратовъ, и перевелъ его въ тамошнюю гимназію.

Саратовская гимназія того времени (1875 г.) была по господствовавшему въ ней настроенію еще революціоннѣе нижегородской. Въ томъ классѣ, въ который поступилъ Поливановъ, сколько мнѣ теперь помнится, было 35 воспитанниковъ и изъ нихъ 22 принадлежали къ кружку, имѣвшему свою тайную библіотеку и являвшемуся какъ бы центромъ для всей молодежи среднеучебныхъ заведеній „столицы Поволжья". Въ сношеніяхъ съ этимъ кружкомъ, и до нѣкоторой степени подъ его вліяніемъ, находились и гимназисты другихъ классовъ, и семинаристы, и гимназистки, и великое множество „бывшихъ" студентовъ, семинаристовъ, гимназистовъ, по разнымъ причинамъ покинувшихъ школу и теперь, по тѣмъ или инымъ своимъ заработкамъ, связывавшихъ кружокъ со средой учителей, телеграфистовъ, мелкихъ чиновниковъ и другихъ представителей интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго пролетаріата. Жилось въ кружкѣ бойко. Студенты - саратовцы, пріѣзжавшіе въ городъ не только лѣтомъ, но и зимой, на Рождество, постоянно поддерживали связь между далекимъ, „понизовымъ" городомъ и центрами интеллектуальной жизни: Петербургомъ, Кіевомъ, Москвой, Харьковомъ и Казанью. Хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, но тѣ идеи, которыя вырабатывались въ этихъ центрахъ, доходили до Саратова и тамъ вызывали такое же броженіе, споры, а иногда и поголовное увлеченіе, какъ и всюду въ Россіи. Кромѣ того, въ 75 году молодежь находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ налетѣвшей, какъ шумный и веселый весенній дождь, пропаганды 74-го года, имѣвшей въ Саратовѣ такихъ представителей, какъ Рогачевъ, Войнаральскій и мн. др. Недолгое пребываніе этихъ агитаторовъ въ городѣ оставило въ тѣхъ, кто ихъ зналъ, яркія воспоминанія,—а знали ихъ многіе, и въ товарищескихъ бесѣдахъ не было конца разсказамъ объ этомъ періодѣ. Въ сѣрой и обыденной жизни провинціальнаго города съ его обывательской средой, въ то время совершенно безыдейной и сонной, эти люди промелькнули какими-то метеорами, залетѣвшими

изъ совершенно иного міра и открывшими проблескъ въ этотъ иной міръ. Казалось тѣмъ, кто ихъ встрѣчалъ, что раньше всѣ шли какимъ-то унылымъ и вязкимъ путемъ, не зная: куда? и зачѣмъ?, только потому, что такъ велятъ, и вдругъ эти люди точно пелену какую-то сорвали съ глазъ и ввели за собой на высокую гору, откуда открылся безграничный просторъ дѣйствительной жизни, борьбы и упованій человѣчества. Кто раньше слышалъ о человѣчествѣ? Всѣ слышали о статскихъ и о дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ, о мужикахъ и о мѣщанахъ, но человѣчество?.. его идеалы?.. его святыни?.. Это было такъ неожиданно и по своему значенію такъ огромно и радостно, что охваченный, или вѣрнѣе—озаренный пропагандою юноша чувствовалъ то же, что могъ бы почувствовать нищій, внезапно узнавшій, что онъ вовсе не нищій, а принцъ, и что назавтра его ожидаетъ не ночлегъ въ чижовкѣ, а царскій тронъ, подвиги и слава...

Недолго продолжалось общеніе молодежи съ „новыми людьми“. Уже вскорѣ почти всѣ эти „новые люди“ сидѣли въ старыхъ россійскихъ тюрьмахъ, и отрицаемая ими дѣйствительность собиралась отрицаніемъ и уничтоженіемъ ихъ самихъ утвердить себя навѣки. Имъ грозила Сибирь и каторга. Ихъ, молодыхъ и полныхъ жизни, представляли себѣ теперь блѣдными, изнуренными, а въ близкомъ будущемъ—закованными въ цѣпи, повторяющими крестный путь декабристовъ. Итти за ними, продолжать ихъ дѣло являлось необходимой нравственной потребностью, составлявшей отнынѣ основное стремленіе для многихъ только-что пробужденныхъ сердецъ. Охваченной такимъ настроеніемъ молодежи школьное задалбливаніе завѣдомыхъ ненужностей претило и вызывало въ ней озлобленіе противъ правительства, создавшаго умышленно нелѣпыя программы, и противъ школьнаго начальства, покорно проводившаго всѣ эти нелѣпицы въ жизнь. Но наряду съ отвращеніемъ къ казенной схоластикѣ,—какъ косвенный результатъ революціонной пропаганды,—въ молодежи возникъ напряженный интересъ къ естественнымъ наукамъ,—подъ вліяніемъ Писарева, Щапова и Бокля,—къ исторіи и политической экономіи,—подъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Чернышевскаго. Въ этомъ періодѣ установилось такъ, что именно юноши, наиболѣе глубоко проникнувшіеся новыми политическими идеями, оказались наиболѣе отзывчивыми и воспріимчивыми ко всякимъ идеямъ вообще; молодые революціонеры (пока еще платоническіе) по своей начитанности и развитію стояли гораздо выше товарищей, незатронутыхъ пропагандой, и это давало имъ въ своей средѣ извѣстный авторитетъ.

Поливановъ нашелъ въ кругу своихъ саратовскихъ сверстниковъ не только общее настроеніе, вполнѣ отвѣчавшее

его собственному, но и товарищей, равныхъ ему по развитію и рѣзко выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ по искренности и глубинѣ своего революціоннаго одушевленія. Всѣ они впослѣдствіи погибли. Понятно, что Поливановъ, при его склонности къ глубокимъ личнымъ привязанностямъ, не только сблизился съ ними на идейной почвѣ, но и проникся къ нимъ чувствомъ горячей любви и той, нѣсколько романтической дружбы, которая такъ легко завязывалась въ исключительныхъ условіяхъ того времени между молодыми революціонерами и часто сохранялась вплоть до эшафота. Съ друзьми Поливанова случилось такъ, что всѣ они были вырваны изъ жизни раньше его, и вотъ какъ болѣзненно онъ чувствовалъ ихъ отсутствіе въ послѣдній періодъ своего пребыванія на волѣ,—осенью 82-го года,—и въ какихъ горячихъ словахъ выразилъ онъ эти чувства еще позже въ своемъ очеркѣ „Алексѣевскій равелинъ“:

„Передо мной встаетъ памятная ночь послѣдняго времени моей жизни на волѣ. Я сижу за письменнымъ столомъ, сжимая руками горячую голову; сижу, не знаю уже который часъ, съ измученной, разбитой душой, съ туманящимся взоромъ... Я просто задыхаюсь отъ недостатка воздуха, а въ душѣ у меня жгучая, сверлящая боль, подавившая во мнѣ все, и волю, и сознаніе. Я смотрю на письменный столъ. Вотъ передо мной письмо, каждое слово котораго ложится на сердцѣ, какъ пылающій уголь. Мнѣ больно, мучительно больно читать его. Я уже знаю его наизусть отъ слова до слова, но не въ силахъ оторвать отъ него глазъ. Наконецъ, я напрягаю волю, откидываюсь назадъ, и мой взглядъ падаетъ на лежащій на столѣ альбомъ, и съ моихъ губъ готово сорваться Некрасовское четверостишіе:

„Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты:
„Пали вы жертвою злобы, измѣнъ
„Въ цвѣтѣ лѣтъ. На меня ихъ портреты
„Укоризненно смотрятъ со стѣнъ!“

„Да, мнѣ кажется, что эти милыя, безконечно дорогія лица смотрятъ на меня съ укоромъ. Мнѣ кажется, что они зовутъ меня къ себѣ, что они упрекаютъ меня за то, что они погибли, а я живъ...

„Вотъ изящное лицо красиваго блондина [1]), съ выпуклымъ, высокимъ лбомъ, съ чудными сѣрыми глазами, которые смотрятъ такъ холодно и надменно на этой фотографіи, но которые смотрѣли на меня такъ нѣжно, съ такой лаской, и кажется мнѣ, что онъ говоритъ: мои кости давно уже истлѣли въ невѣдомомъ мѣстѣ, безъ памятника, безъ креста, и въ то время, когда мое тѣло засыпали негашенною

[1]) Степанъ Ширяевъ, осужденный въ 80 году по дѣлу 16-ти террористовъ.

известью, ты весело встрѣчалъ новый годъ, ты жилъ и не отомстилъ за меня"!..

„Вотъ другое лицо,—и мнѣ становится страшно: теперь эта кудрявая голова обрита [1]), на плечахъ сѣрая куртка, на ногахъ кандалы, а впереди—долгіе годы страданій, лишеній, униженій... Рядомъ третье лицо, умное, съ выраженіемъ затаеннаго страданія. Онъ сошелъ съ ума въ тюрьмѣ [2]). Я вспоминаю то время, чистое, хорошее, когда мы, четверо, почувствовали себя связанными на жизнь и на смерть и эту горячую любовь другъ къ другу унесли съ собой каждый, уходя изъ жизни. Я вспомнилъ весну 75 года, когда мы были редакторами революціоннаго журнала, который издавалъ нашъ гимназическій кружокъ. Теперь уцѣлѣлъ только одинъ я. Вотъ и еще дорогія лица, съ которыми разлучила меня волна жизни и съ которыми никогда, никогда больше не увидишься..."

Въ числѣ этихъ дорогихъ для Поливанова лицъ нельзя не упомянуть Евгенія Дубровина, одного изъ наиболѣе близкихъ друзей Петра Сергѣевича, впослѣдствіи сосланнаго въ каторгу по дѣлу о сношеніяхъ Исполнительнаго Комитета „Народной Воли" съ заключенными Алексѣевскаго равелина; къ ихъ же кругу принадлежалъ и Валеріанъ Балмашевъ, который нѣсколько лѣтъ спустя, когда у него родился сынъ, назвалъ его Степаномъ [3]), какъ у насъ говорили, именно въ честь своего ближайшаго друга—Степана Ширяева. Принадлежало къ этому кружку и много другихъ лицъ, работавшихъ впослѣдствіи для революціи, но тѣ трое, которыхъ вспоминаетъ Поливановъ въ приведенныхъ строкахъ, были несомнѣнно наиболѣе выдающимися въ своей средѣ юношами, и ихъ дальнѣйшая судьба сложилась не менѣе трагично, чѣмъ его собственная: Степанъ Ширяевъ, приговоренный къ вѣчному заключенію, погибъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; Бобоховъ, послѣ десяти лѣтъ каторги, окончилъ жизнь, вмѣстѣ съ Калюжнымъ, Калюжной, Ковалевской и Смирницкой, протестуя коллективнымъ самоубійствомъ противъ надругательства властей надъ осужденной женщиной (Н. К. Сигидой, лично ему совершенно неизвѣстной); Шиловцевъ—погасъ еще въ тюрьмѣ и умеръ въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ...

Такая участь ожидала ихъ уже въ близкомъ будущемъ, но зато, какъ бы въ возмѣщеніе всего предстоявшаго, раннее утро ихъ недолгой жизни было озарено необыкновенно яркимъ свѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ письмѣ къ

---

[1]) Сергѣй Бобоховъ, осужденный въ 80 году военнымъ судомъ въ Архангельскѣ.

[2]) Дмитрій Шиловцевъ,—уже сумасшедшій былъ сосланъ въ Вологодскую губернію.

[3]) Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ—убійца Сипягина.

П. Л. Лаврову [1]), Степанъ Ширяевъ такъ вспоминаетъ этотъ періодъ:

„Начавшееся въ 73 году антигосударственное, антиправительственное „броженіе“ застало меня совсѣмъ мальчикомъ, ученикомъ 6-го класса гимназіи. Сначала, какъ водится, начали ходить неопредѣленные слухи „о чемъ-то“, а потомъ дѣло выяснилось и болѣе. Съ жадностью накинулись мы—я и мои товарищи—на запрещенный плодъ, сразу поглотили все, что было, ходили какъ отуманенные, какъ помѣшавшіеся,—такъ все было ново, неожиданно, и, въ то же время, просто, невыразимо увлекательно...

„... Конецъ 1874 и начало 1875 годовъ,—послѣднее время моего пребыванія въ гимназіи—было лучшимъ для меня временемъ во всю гимназическую жизнь. Гимназію я почти забросилъ,—ходилъ въ классъ раза два-три въ мѣсяцъ, отзываясь болѣзнью,—имѣлъ уроки на сумму около 30 рублей,—жить, значитъ, можно было хорошо; завелъ сношенія съ семинаристами, съ нѣкоторыми сошелся хорошо; всѣ лучшіе гимназисты были моими товарищами; собирались у меня по вечерамъ, читали, толковали...“

Поливановъ, какъ и Бобоховъ, какъ и всѣ ихъ друзья, вели такой же образъ жизни: гимназію они посѣщали только затѣмъ, чтобы встрѣчаться съ товарищами, раздавать имъ нелегальныя новинки и обмѣниваться идеями и впечатлѣніями, но зато внѣ казенныхъ стѣнъ, въ собственныхъ комнаткахъ и въ тѣсной залѣ тогдашней публичной библіотеки эти упорные школьные абсентеисты просиживали не разгибаясь за книгами долгіе часы и затѣмъ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ со страстнымъ увлеченіемъ отдавались обсужденію прочитаннаго и выработкѣ основъ, какъ показало дальнѣйшее, столь прочно ими усвоеннаго, демократическаго и революціоннаго міросозерцанія.

О характерѣ этого внѣшкольнаго труда можно составить себѣ вѣрное представленіе по автобіографической выдержкѣ изъ того же письма Ширяева къ П. Л. Лаврову, которое уже приводилось нѣсколькими строками выше; весной 76 года Ширяевъ,—въ то время уже студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института,—по его словамъ: „успѣлъ кое-что сдѣлать: занялся политической экономіей, что,—при отсутствіи всякой подготовки, при отсутствіи лицъ, могущихъ быть, нѣкоторымъ образомъ, руководителями, представляло не мало трудностей; прочелъ я нѣсколько разъ, проконспектировалъ Милля, дополненія и объясненія Чернышевскаго, прочелъ Смита, кое-какія монографіи и трактаты буржуазныхъ экономистовъ, потомъ,—въ теченіе почти полугода—„зудилъ“ „Капиталъ“ Маркса и прозудилъ основательно. Занимался

[1]) заграничное „Былое“. Выпускъ № 2.

также исторіей, преимущественно русской и исторіей революцій во Франціи; познакомился здѣсь впервые основательно съ соціально-революціонной прессой, и кромѣ того, что было важно для меня, довольно основательно познакомился съ харьковской радикальной молодежью, узналъ, какъ ведутся тамъ дѣла".

Въ описываемый періодъ, когда всѣмъ членамъ кружка было лѣтъ по 16—19, заботы о саморазвитіи стояли для нихъ на первомъ планѣ, но цѣлью этого саморазвитія въ глазахъ каждаго являлось не просто совершенствованіе собственной личности, но непремѣнно подготовка себя къ борьбѣ за народъ, выработка своихъ силъ именно для использованія ихъ цѣликомъ въ этой великой борьбѣ.

Пребываніе въ гимназіи при такомъ настроеніи являлось невыносимымъ и безцѣльнымъ, и въ 76 году всѣ четверо друзей вышли изъ 7-го класса, и трое изъ нихъ потянулись къ центрамъ тогдашняго движенія: Ширяевъ, какъ мы видѣли, уѣхалъ въ Харьковъ, а Шиловцевъ и Бобоховъ—въ Петербургъ, гдѣ они зачислились студентами на ветеринарное отдѣленіе медико-хирургической академіи. Поливановъ не послѣдовалъ за ними, такъ какъ его увлекла возможность воочію увидѣть „возстаніе" и пріобрѣсти „боевую подготовку" для будущей русской революціи.

Всколыхнувшая къ тому времени русскую интеллигенцію кровавая борьба на Балканахъ была прежде всего борьбой за свободу, и уже по тому одному она вызывала всеобщее сочувствіе; но у многихъ къ этому мотиву присоединялся и другой: на вопросъ, что должно возникнуть на мѣстѣ разрушенныхъ деспотій,—почти всякій изъ товарищей Поливанова отвѣтилъ бы не задумываясь: вольные союзы свободныхъ народовъ, т. е. федераціи—славянская, германская, романская. Анархизмъ Прудона и Бакунина усваивался молодыми прозелитами этого ученія, главнымъ образомъ, въ его критической части; послѣ статьи П. Л. Лаврова „Кому принадлежитъ будущее", производившей въ то время чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, послѣ „Системы противорѣчій" Прудона и „Государственности и Анархіи" Бакунина, ни одна изъ существующихъ государственныхъ формъ уже не казалась удовлетворительной, но и полная дезорганизація человѣческаго общества, индивидуализмъ, какъ ничѣмъ неограниченный произволъ отдѣльной личности, тоже никого не плѣняли, и ан-архія представлялась всѣмъ вовсе не анархіей (безъ тирэ), а союзомъ, гораздо болѣе совершеннымъ и прочнымъ, чѣмъ всѣ существующіе, т. к. въ основу его будетъ положено не грубое насиліе своекорыстныхъ властей, а общая польза и всеобщій подъемъ подавляемыхъ полицейскимъ и классовымъ государствомъ благороднѣйшихъ духовныхъ силъ человѣческой личности. Идеалъ этотъ былъ очень

туманенъ и въ сущности имѣлъ не политическій, а чисто моральный характеръ; но если кто-нибудь стремился облечь мечту въ болѣе конкретныя формы, то онъ почти неизбѣжно приходилъ къ мысли о федераціи народностей, наиболѣе близкихъ по языку и культурѣ, какъ о формѣ общежитія, составляющей ближайшую и неизбѣжную ступень на пути человѣчества къ тому состоянію, когда „сгинетъ зло, сгинетъ ложь навсегда, и сольются въ едино народы въ вольномъ царствѣ Святого Труда"...

Такимъ образомъ, теоретическій, офиціально признаваемый анархизмъ во многихъ головахъ не только уживался, но самъ порождалъ наклонность къ демократическому панславизму въ духѣ Шевченко и Костомарова. Благодаря этому страстные призывы Аксакова итти на помощь „братьямъ-славянамъ" нашли откликъ не только въ массѣ, отдававшейся исключительно стихійному племенному чувству, но и въ нѣкоторой части тогдашняго радикальнаго міра. Клеменцъ, Кравчинскій, Ярошенко, Далматовъ и много другихъ представителей передовой молодежи пошли тогда въ Сербію и и въ Болгарію, и нѣкоторые изъ нихъ сложили свои головы подъ турецкими пулями.

У Поливанова, какъ я хорошо помню, въ товарищескихъ спорахъ о томъ: итти или не итти въ Сербію?—очень видное мѣсто занималъ, между прочимъ, и практическій аргументъ: въ близкомъ будущемъ намъ и самимъ, у себя дома, предстоитъ перейти отъ словъ къ дѣлу и начинать возстаніе, но какіе же мы будемъ повстанцы, не имѣя ни военныхъ знаній, ни боевого навыка?—Необходимо, чтобы въ нашей средѣ были опытные воины, и Сербія должна послужить намъ военной школой.

Среди молодежи было не мало лицъ, не соглашавшихся съ тѣми доводами, какіе приводились въ пользу участія въ возстаніи, но ихъ аргументація не повліяла на Поливанова; его активный темпераментъ неудержимо увлекалъ его туда, гдѣ велась борьба не на словахъ, а на дѣлѣ, и онъ, вопреки убѣжденіямъ многихъ друзей, все-таки рѣшилъ ѣхать въ Сербію. По воспоминаніямъ Н. П. Поливанова, когда Сергѣй Петровичъ пытался отговорить сына отъ опаснаго шага, то 18-лѣтній доброволецъ прервалъ его увѣщанія словами: „отецъ, въ мои годы ты уже былъ на штурмѣ Карса съ прострѣленной головой,—почему же мнѣ не постоять за освобожденіе славянъ?" Убѣдившись въ твердой рѣшимости Пети итти противъ турокъ, С. П. воспользовался своими связями и добылъ сыну рекомендаціи отъ родственника Поливановыхъ, тогдашняго предсѣдателя Славянскаго Комитета К. Н. Бестужева-Рюмина, къ Черняеву и Дандевилю, но юноша взялъ эти рекомендаціи только для того, чтобы не огорчать отца, но на дѣлѣ ими не воспользовался, говоря:

„зачѣмъ мнѣ эти письма? я иду туда такимъ же добровольцемъ, какъ и тысячи другихъ“.

Проводили его изъ Саратова честь-честью, какъ и вообще провожали тогда добровольцевъ, и на долгое время онъ исчезъ съ мѣстнаго горизонта, давая о себѣ знать товарищамъ почти исключительно черезъ письма къ одной молодой дѣвушкѣ, А. М. Ф—вой, вращавшейся въ томъ же кружкѣ и раздѣлявшей идеи и интересы кружка. Письма эти сохранялись у нея еще много лѣтъ спустя, но въ концѣ концовъ погибли при одномъ внезапномъ обыскѣ, и это очень жаль, т. к. въ нихъ молодой доброволецъ чрезвычайно живо, со свойственной ему непосредственностью и правдивостью, описывалъ и добровольческую среду, и общую атмосферу возстанія, и особенно—внутреннюю жизнь только-что зарождавшихся тогда въ Сербіи соціалистическихъ кружковъ, съ которыми онъ быстро сблизился. По возвращеніи изъ Сербіи онъ разсказывалъ всего болѣе именно о Бѣлградѣ и о бѣлградскихъ радикалахъ; о своихъ „боевыхъ подвигахъ“ онъ вовсе не упоминалъ; но въ воспоминаніяхъ Н. П. Поливанова, со словъ одного доктора, бывшаго на войнѣ, говорится, что Петръ Сергѣевичъ участвовалъ въ сраженіи при Дюнишѣ и однажды, вмѣстѣ съ двумя товарищами, которые при этомъ погибли, пробрался по лѣсистымъ горамъ черезъ мѣстность, занятую турками, изъ Сербіи въ Черногорію, доставилъ черногорскому отряду коробку съ динамитомъ и принесъ обратно какое-то письменное сообщеніе сербамъ. Какъ бы то ни было, но того „боевого опыта“, о которомъ мечталъ Поливановъ, отправляясь въ Сербію, онъ тамъ не успѣлъ пріобрѣсти, главнымъ образомъ, благодаря тому, что вскорѣ же послѣ его прибытія было заключено довольно продолжительное перемиріе, и ему, по просьбѣ кого-то изъ вождей, чуть ли не знаменитаго въ то время Любибратича, пришлось отдать свой трудъ необходимой для дѣла, но вполнѣ прозаической канцелярской и почтовой работѣ. Съ большимъ юморомъ подсмѣиваясь надъ самимъ собой, онъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ, вмѣсто того, чтобы упиваться „грохотомъ орудій и звономъ мечей“, онъ много дней корпѣлъ надъ разборкой писемъ и бумагъ, сопоставляя про себя всю прозу своего занятія съ тѣми байроническими впечатлѣніями, которыхъ онъ ожидалъ отъ участія „въ борьбѣ народа, возставшаго за свою свободу“...

Однако, если „поле битвы“ не оставило въ немъ особенно яркихъ воспоминаній, то внутренняя борьба молодой сербской интеллигенціи со своимъ пропойцей и картежникомъ Миланомъ, успѣвшимъ въ моментъ всеобщаго одушевленія и тяжелыхъ всенародныхъ жертвъ довольно ловко обдѣлать свои королевскія дѣлишки, увлекла нашего саратовскаго радикала и втянула его въ кругъ домашнихъ серб-

скихъ интересовъ. Вмѣстѣ со своими пріятелями изъ сербовъ онъ что-то затѣвалъ противъ Милана, но, благодаря случайности, его конспирація преждевременно раскрылась. Н. П. Поливановъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Король Миланъ прислалъ добровольцамъ медальки за храбрость. При раздачѣ ихъ Петя отказался принять: не надо мнѣ благодарности вашего Милана! Не для него я пришелъ сюда; не надо мнѣ его медали! Эта выходка обратила на него вниманіе; былъ произведенъ обыскъ; нашли письменные документы... Онъ былъ арестованъ; держали его въ строгомъ заключеніи пока велось слѣдствіе объ организаціи заговора. Я видѣлъ Петю уже въ Ключахъ,—изможденный, худой,—онъ только-что пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Говорю ему: „что тебѣ за дѣло до Милана? Пошелъ ты воевать противъ турокъ,—ну, хорошо, и воюй. Что тебѣ до того, кто у нихъ король—Миланъ или Емелька?“ „Какъ что за дѣло, дядя? Если бы ты зналъ только, какой онъ негодяй!“... Много горячился, говоря про Милана и разсказывая всѣ его гадости...“

Въ кругу саратовскихъ товарищей Поливановъ появился вновь весной 77 года и нашелъ во всемъ большія перемѣны. Пока онъ былъ на Дунаѣ и увлекался борьбой прòтивъ турокъ и короля Милана, его друзья на Волгѣ сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ своемъ революціонномъ развитіи: отъ самообразованія и распространенія соціалистическихъ идей въ интеллигентной молодежи они перешли къ пропагандѣ среди рабочихъ. Въ другомъ очеркѣ [1]) я разсказывалъ вкратцѣ о дѣятельности Гераклитова [2]) и организованнаго имъ „кружка пропагандистовъ“; поэтому здѣсь я не буду повторять внѣшней исторіи этого и другихъ, позже возникшихъ, саратовскихъ кружковъ, и ограничусь лишь тѣмъ, что необходимо для связности разсказа. Въ февралѣ 77 года основанная Гераклитовымъ организація была разгромлена жандармами; самъ Гераклитовъ и Степанъ Ширяевъ успѣли на время скрыться заграницу; Бобоховъ и четверо другихъ пропагандистовъ сидѣли въ тюрьмѣ; тамъ же пребывало и нѣсколько человѣкъ изъ числа самыхъ твердыхъ и сознательныхъ рабочихъ, захваченныхъ пропагандой: рѣзчикъ Рябовъ, слесаря Нагель и Бобылевъ. Шиловцевъ, Е. Дубровинъ и много другихъ лицъ были подвергнуты кратковременному аресту и находились подъ надзоромъ полиціи. Такимъ образомъ, въ отсутствіе Поливанова его друзья получили свое „первое крещеніе“ или, какъ тогда выражались,—„побывали въ огнѣ“, и кругъ ихъ сильно порѣдѣлъ, но зато чрезвычайно поднялось и окрѣпло

---

[1]) Заграничное „Былое“, т. II. „Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“.

[2]) Вернувшись изъ-за границы, Гераклитовъ былъ арестованъ въ Москвѣ; бѣжалъ изъ тюрьмы, и вскорѣ же умеръ отъ чахотки, нелегальнымъ.

ихъ революціонное настроеніе. Воспріимчивость, которую обнаружили городскіе рабочіе къ соціалистическимъ идеямъ, послужила въ глазахъ пропагандистовъ неопровержимымъ доказательствомъ жизненности этихъ идей. Таинственный и далекій, извѣстный ранѣе только по книгамъ, міръ „труждающихся и обремененныхъ“ раскрылъ передъ взорами интеллигентныхъ друзей теоретическаго „народа“ одинъ свой уголокъ, и каждый могъ воочію увидѣть частицу этого народа и соприкоснуться хоть отчасти съ его трудовой жизнью. Эта жизнь оказалась, дѣйствительно, ужасна. Книги насъ не обманули. И эти люди изъ народа, работавшіе по 12 и 15 часовъ въ сутки въ душныхъ заводахъ и пыльныхъ мастерскихъ, такіе непохожіе на насъ съ виду, лохматые и покрытые копотью,—они оказались, дѣйствительно, живыми людьми съ чуткой душой, съ неугасшимъ стремленіемъ къ свѣту, къ свободѣ, къ мечтѣ о всеміpномъ братствѣ...

Наши книги и въ этомъ насъ не обманули. Впечатлѣніе было глубоко... И ужъ, конечно, не административными репрессіями можно было ослабить и потушить въ молодыхъ сердцахъ тотъ огонь, которымъ они пылали. Товарищи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, еще вчера были для насъ только хорошими товарищами; но теперь, когда они являлись жертвами борьбы и на дѣлѣ доказывали свою преданность народу, спокойно вынося лишеніе свободы и ожиданіе ссылки, они сразу превратились для своихъ друзей на волѣ въ героевъ и мучениковъ, ихъ образъ въ общей памяти какъ-то просвѣтлѣлъ, а въ то же время сознаніе ихъ близости къ намъ являлось могучимъ стимуломъ къ тому, чтобы не допустить ихъ жертвѣ пройти безслѣдно, не покинуть ихъ дѣла и во что бы то ни стало вести его впередъ.

Эта психологія сполна охватила только-что прибывшаго Поливанова и, вернувшись изъ поѣздки къ отцу, лѣтомъ 77-го года онъ примкнулъ къ новообразовавшемуся кружку, въ который вошли нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ членовъ кружка Гераклитова и только-что выпущенный изъ тюрьмы бывшій семинаристъ Поморцевъ. Вся эта молодежь въ своемъ революціонномъ энтузіазмѣ рѣшилась, пренебрегая всякой осторожностью, какъ можно скорѣй восполнить понесенный весной уронъ путемъ самой экстенсивной пропаганды. Поливановъ въ этихъ цѣляхъ поселился на одной квартирѣ съ двумя гимназистами-революціонерами, и вскорѣ ихъ квартира превратилась въ сборный пунктъ для всѣхъ, интересовавшихся нелегальной литературой и революціонными идеями. Матеріальная сторона жизни новыхъ друзей совсѣмъ не интересовала. Поливановъ получалъ отъ отца по 25 р. въ мѣсяцъ, одинъ изъ гимназистовъ имѣлъ стипендію въ 15 р. въ мѣсяцъ, а третій сожитель къ этому времени ушелъ отъ родныхъ съ намѣреніемъ „жить своимъ трудомъ“ и зарабаты-

валъ уроками рублей 15—20, и этихъ средствъ было совершенно достаточно для существованія—разумѣется, коммунальнаго—всѣхъ троихъ. Квартира ихъ помѣщалась въ сыромъ, холодномъ и полутемномъ подвальномъ этажѣ одного дома на Армянской; питались они богъ знаетъ чѣмъ; мебели у нихъ не было почти никакой; но зато они чувствовали себя въ своихъ трехъ пустыхъ комнатахъ полными хозяевами, и каждый вечеръ, когда затворялись ставни, эти комнаты наполнялись всевозможной молодежью: знакомыми, знакомыми знакомыхъ и совершенно незнакомыми; городскими и пріѣзжими изъ уѣздовъ; учащимися, служащими, рабочими; доступъ былъ открытъ для всѣхъ; нелегальныя изданія предлагались каждому, и рѣчи велись съ такой свободой, какъ будто никакихъ жандармовъ, шпіоновъ и прокуроровъ въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ городѣ Саратовѣ,—уже не существовало. Поливановъ при своей начитанности и краснорѣчіи принималъ въ этихъ вечернихъ дебатахъ самое живое и подчасъ руководящее участіе. Главной темой всѣхъ рѣчей являлось доказательство того, что весь существующій строй основанъ на безпощадной эксплоатаціи народа привилегированнымъ меньшинствомъ, и что только самъ народъ можетъ стряхнуть съ себя иго и основать царсто правды. Каково оно будетъ?—объ этомъ много спорили. Какими силами подготовится и совершится предстоящая, грандіознѣйшая изъ революцій?—такой вопросъ сначала казался болѣе простымъ. Весь народъ во всемъ его цѣломъ, кромѣ ничтожной по численности кучки правителей и эксплоататоровъ, подчиняется гнету лишь потому, что не имѣетъ организаціи и не знаетъ исхода. Внести въ массу организаціонное начало и дать ей знаніе,—вотъ задача соціалистической интеллигенціи. Это лавристическое пониманіе раздѣлялось всѣми членами кружка, и споры велись только о частностяхъ. Я помню всеобщее недоумѣніе и чувство какой-то растерянности, когда при публичномъ чтеніи Лассаля въ кружкѣ дошли до того мѣста, въ которомъ Лассаль отзывается о крестьянскихъ войнахъ 16 вѣка какъ о явленіи реакціонномъ. Лассаль пользовался тогда громаднымъ авторитетомъ, гораздо большимъ, чѣмъ теперь, когда его заслонилъ Марксъ. Но его взглядъ такъ рѣзко противорѣчилъ общему характеру нашихъ мнѣній, сложившихся подъ преимущественнымъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Прудона, что, послѣ горячихъ и долгихъ преній, всѣми было рѣшено, что Лассаль въ этомъ случаѣ увлекся и хватилъ черезъ край. Тѣсная связь такой оцѣнки великаго крестьянскаго движенія со всѣмъ строемъ мысли автора „Программы Рабочихъ“ осталась для насъ въ то время совершенно неуясненной.

Такъ какъ соціализмъ воспринимался интеллигентной молодежью, главнымъ образомъ, какъ нравственное ученіе,

озаряющее человѣчество свѣтомъ новыхъ идеаловъ и требующаго отъ каждаго послѣдователя совсѣмъ не того поведенія, какое рекомендовалось ему ходячей, буржуазной моралью, то вопросы чисто нравственные и тѣсно съ ними связанные —общефилософскіе также возбуждали напряженный интересъ и давали темы для оживленныхъ дебатовъ. „Логика", „Утилитаризмъ" и другія сочиненія Милля, „Основныя Начала" Герберта Спенсера, Огюстъ Контъ въ изложеніи Льюиса,— вотъ книги, служившія фундаментомъ тогдашняго философскаго образованія. Полнаго и нераздѣльнаго вліянія англійскіе позитивисты, однако, не имѣли благодаря блестящимъ статьямъ Михайловскаго противъ Спенсера, постоянно поддерживавшимъ самодѣятельность мысли и развивавшимъ критическое отношеніе къ самымъ вѣскимъ авторитетамъ.

Въ явленіяхъ текущей народной и государственной жизни съ запасомъ нѣсколькихъ общихъ идей, но безъ широкихъ свѣдѣній въ политической экономіи, статистикѣ и вопросахъ права разбираться было бы трудно, и тутъ надежнымъ руководителемъ являлся для всѣхъ Г. З. Елисѣевъ съ его „внутренними обозрѣніями" въ „Отечественныхъ Запискахъ." Эти внутреннія обозрѣнія прочитывались обыкновенно публично вслѣдъ за статьями Щедрина и Глѣба Успенскаго и формировали отношеніе всего кружка къ конкретнымъ актамъ правительственной дѣятельности.

Распространеніе нелегальной литературы и пропаганда въ своемъ кругу въ глазахъ Поливанова и его друзей являлись, однако, только междудѣльемъ; настоящимъ „дѣломъ" они считали лишь пропаганду въ народѣ и ближайшей своей цѣлью поставили возрожденіе въ Саратовѣ рабочей организаціи, разсыпавшейся послѣ весеннихъ арестовъ. Передъ ними прежде всего стоялъ вопросъ: какъ найти тѣхъ рабочихъ, которые посѣщали прежнія сходки? Развѣдки показали, что нѣкоторые изъ такихъ рабочихъ послѣ допросовъ и жандармской волокиты успѣли разъѣхаться изъ Саратова, многіе другіе струхнули и потеряли охоту къ участію въ нелегальныхъ кружкахъ, и, наконецъ, большинство было связано съ прежнимъ кружкомъ только личностью того или иного пропагандиста, и съ его исчезновеніемъ для всего круга его знакомыхъ обрывалась всякая связь съ революціоннымъ міромъ. Кое-кого, однако, разыскать удалось. Между прочимъ, возстановилась связь съ портнымъ Василіемъ Карповичемъ Карповымъ и съ плотникомъ Антономъ Федорычемъ. Оба они были люди общительнаго характера, не обладавшіе выдающимся развитіемъ или агитаторскими дарованіями, но настроенные очень революціонно. Они сослужили пропагандистамъ большую службу, заводя въ рабочей средѣ широкія знакомства, подготовляя своими рѣчами почву и намѣчая лицъ, наиболѣе интеллигентныхъ и воспріимчивыхъ къ револю-

ціоннымъ идеямъ. Среди наборщиковъ, распропагандированныхъ въ предыдущемъ году Петромъ Ширяевымъ, братомъ Степана, выдѣлились своимъ развитіемъ и убѣжденностью двое: Егоровъ и Масленниковъ, ставшіе дѣятельными членами новаго кружка; нашлось послѣ долгихъ поисковъ и еще нѣсколько человѣкъ, и къ осени пропаганда по мастерскимъ и мелкимъ заводамъ уже велась приблизительно двумя десятками лицъ изъ интеллигентной молодежи и сознательныхъ рабочихъ.

По условіямъ того времени это была, конечно, работа кустарная, производившаяся тайкомъ, съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей противъ подозрительности хозяевъ мастерскихъ или членовъ ихъ семействъ. Кто-нибудь изъ усвоившихъ соціализмъ рабочихъ заводилъ связь въ новой мастерской, разъ-другой бесѣдовалъ тамъ, возбуждалъ въ слушателяхъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ, и на слѣдующій разъ уже звалъ съ собой пропагандиста въ трактиръ или въ помѣщеніе мастерской, если зналъ, что хозяина не будетъ дома. Пропагандистъ, одѣвшись по-проще, приходилъ какъ бы случайно, и рабочій, который его привелъ, рекомендовалъ его какъ своего пріятеля, какого-нибудь слесаря, фельдшера или мелкаго конторщика. Поливанову, при его прямомъ и открытомъ характерѣ, было всегда очень не по себѣ въ чужой шкурѣ. Выдерживая свою роль, на первыхъ порахъ послѣ появленія приходилось болтать о томъ, о семъ, какъ бы невзначай сводя бесѣду къ политикѣ, и эта необходимая фальшь была для него настолько противна, что для перваго посѣщенія какого-нибудь новаго мѣста мы чаще всего отправлялись вдвоемъ, и начиналъ бесѣду обыкновенно я, но разъ дѣло налаживалось, и мастеровые втягивались въ разговоръ на животрепещущія темы, чувство неловкости оставляло нашего лже-слесаря, и онъ, мало заботясь о поддержаніи своей личины, начиналъ говорить самъ, увлекался и нерѣдко, отдаваясь своему темпераменту, произносилъ цѣлую рѣчь, по обыкновенію страстную, яркую и по формѣ вполнѣ литературную. Отдѣльныя выраженія такой рѣчи для совершенно не подготовленныхъ слушателей были не всегда понятны, но искренность чувства и глубокая вѣра въ свои слова дѣйствовали на нихъ сильно, и Поливановъ, какъ пропагандистъ, имѣлъ среди рабочихъ успѣхъ. Мнѣ часто казалось, что при этихъ качествахъ недоступность иныхъ фразъ и общая, чисто интеллигентская структура рѣчи даже нравились простымъ слушателямъ, по крайней мѣрѣ—охотно ими прощались оратору ради тѣхъ, новыхъ для нихъ, сильныхъ и возвышающихъ чувствъ, которыя возбуждала эта страстная проповѣдь. На самого Поливанова, какъ и на прочихъ пропагандистовъ, дѣятельность въ новой обстановкѣ производила сильное и въ высшей степени бодрящее впѣ-

чатлѣніе. Въ силу нѣкоторой художественности темперамента, обстановка вообще имѣла для него большое значеніе. Тутъ, въ какомъ-нибудь подвалѣ съ подслѣповатыми окнами, среди верстаковъ, пилъ, полуобструганныхъ досокъ, въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ свѣжихъ стружекъ и сырого дерева, передъ слушателями иногда босоногими, безпоясыми, съ перехваченными ремешкомъ кудрями онъ чувствовалъ себя именно тамъ, куда зоветъ соціалиста его долгъ,—съ людьми труда, въ ихъ собственномъ мрачномъ и подневольномъ мірѣ, откуда онъ укажетъ имъ путь къ свѣту и свободѣ.

По понятіямъ того времени, пропаганда среди городскихъ рабочихъ должна была служить интеллигентному соціалисту подготовительной школой для пропаганды среди крестьянъ, и Поливановъ мечталъ, поработавъ въ городѣ, непремѣнно уйти въ деревню—сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Одно новое знакомство дало его мечтамъ въ этомъ направленіи болѣе конкретную форму: сблизился съ кружкомъ почтовый чиновникъ, Николай Ивановичъ П., учившійся въ Астрахани и, послѣ окончанія гимназіи тамъ же, ходившій въ народъ: онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ чернорабочимъ на рыбныхъ ватагахъ. Эту пору онъ охотно вспоминалъ и въ его разсказахъ хорошо обрисовывалась своеобразная жизнь каспійскаго побережья, куда собираются тысячи крестьянъ на рыбный промыселъ, и гдѣ они, попадая въ капиталистическія сѣти, сами становятся добычей для рыбниковъ-милліонеровъ, въ родѣ пресловутыхъ Беззубиковыхъ, и тому подобныхъ матерыхъ щукъ надводнаго міра. Николай Ивановичъ,—волжскій малороссъ по происхожденію,—не безъ юмора, но съ большой теплотой вспоминалъ о сѣрой и темной массѣ ватажниковъ и передавалъ поразительные факты хищничества, эксплоатаціи и гнета со стороны хозяевъ,—этихъ пузатыхъ „степенствъ,“ невѣжественныхъ, безсовѣстныхъ, дикихъ и, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ власть надъ тысячами человѣческихъ существъ и являющихся въ нашемъ обществѣ „организаторами“ обширныхъ отраслей народнаго хозяйства. Горячее сердце Поливанова кипѣло при этихъ разсказахъ. „Да какъ они все это выносятъ?! Объясните вы мнѣ, какъ можетъ человѣкъ все это вынести?!“,—негодовалъ онъ, и какъ прежде, слушая о звѣрствахъ турокъ, онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и его подмывало тотчасъ же вступить съ турками въ рукопашную, такъ и теперь онъ воспламенился мыслью ближайшей же весной отправиться въ Астрахань, поступить чернорабочимъ въ какую-нибудь ватагу и подвинуть промысловыхъ рабочихъ къ борьбѣ, если не за всероссійскую свободу, то, по крайней мѣрѣ, за ихъ собственное человѣческое достоинство.

Мысль эта его сильно занимала, но ей не суждено было осуществиться: домохозяйка, вдовица Смиренномудренская,

была особа набожная, помышлявшая больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ (за исключеніемъ квартирной платы, которую взимала неукоснительно); поэтому, съ наступленіемъ зимы, въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ, добродѣтельная старушка все никакъ не удосуживалась хоть разъ протопить свой подвальчикъ и въ немъ стало сыро и холодно, какъ въ лѣсной ямѣ. На всѣ требованія начать топку вдовица, принявъ скорбный видъ, отвѣчала назиданіями: „люди вы молодые,—могли бы и потерпѣть, а вы все объ удобствахъ да о пріятностяхъ своихъ стараетесь! О томъ и не думаете, что вся-то наша жизнь есть лишь переходъ въ жизнь вѣчную. Роптать—значитъ: оскорблять Господа!..", и выходило, такимъ образомъ, что, добиваясь тепла, жильцы—ни много, ни мало—оскорбляютъ Господа, и волей-неволей приходилось терпѣть, а наименѣе выносливому изъ нихъ, Поливанову, чуть не пришлось и „перейти на жизнь вѣчную". Заполучилъ онъ тифъ въ самой тяжелой формѣ, и товарищи перемѣстили его на квартиру одного семейнаго обывателя, гдѣ можно было доставить больному хоть какія нибудь удобства. Тѣмъ не менѣе хворалъ онъ долго, выздоравливалъ медленно и вполнѣ оправился только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

За время его болѣзни произошло одно событіе, оставившее неизгладимый слѣдъ во всѣхъ, кто его пережилъ: „въ горахъ раздался первый выстрѣлъ". По всей Россіи прогремѣлъ выстрѣлъ Засуличъ. Онъ явился въ то время именно тѣмъ выстрѣломъ, который заставляетъ долго накоплявшіяся, но доселѣ неподвижныя снѣжныя массы сразу низвергаться широкой лавиной. Поливановъ встрѣтилъ извѣстіе объ этомъ выстрѣлѣ съ энтузіазмомъ. Лавризмъ его взглядовъ ни на минуту не могъ пересилить въ немъ революціонности темперамента, и точка зрѣнія его на этотъ фактъ и на всѣ подобные факты, какіе могли произойти въ будущемъ, установилась сразу. Помню я, какъ теперь, маленькую, опрятную комнатку въ квартирѣ Т., гдѣ жилъ тогда выздоравливающій Поливановъ, его восторгъ, его страстность и то негодованіе, съ которымъ онъ обрушился на меня за мои сомнѣнія. Какъ весьма юный лавристъ, напитанный лавризмомъ до конца ногтей и смотрѣвшій тогда на „Историческія Письма", какъ на завершеніе всей политической мудрости человѣчества, я, наперекоръ своему сердцу, старался удержаться на высотѣ „научнаго соціализма", какимъ представлялся тогда именно лавризмъ, а Поливановъ, при всемъ своемъ лавристическомъ правовѣріи, тѣмъ не менѣе отказывался понимать, какимъ образомъ „человѣкъ, считающій себя революціонеромъ, не видитъ, что только съ этого выстрѣла и начинается въ Россіи революція. Раньше были только мечты, разговоры, подготовленія къ революціи. А вѣдь

сама революція именно въ томъ и состоитъ, чтобы драться и низвергать враговъ народа. Не вѣкъ же все только разъяснять другимъ, что когда-нибудь надо же будетъ и подраться!..“

Горячность и опредѣленность его отношенія къ первому акту революціоннаго отвѣта на насилія сильно вліяли на товарищей Поливанова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такое же отношеніе къ подобнымъ актамъ стало среди нихъ всеобщимъ.

Другимъ факторомъ революціоннаго возбужденія для молодежи этого періода являлись отголоски процессовъ: 50-ти и 193-хъ. По процессу 50-ти былъ осужденъ саратовецъ Бѣляевскій; это былъ первый саратовецъ, которому предстояла Сибирь, и его участь возбуждала всеобщій интересъ и сочувствіе. Рѣчи подсудимыхъ, и въ особенности рѣчь Петра Алексѣева,—чуть не наизусть заучивались и создали главнымъ участникамъ этого процесса громкое имя. По дѣлу 193-хъ привлекалась цѣлая группа саратовцевъ, и одинъ изъ сожителей Поливанова, гимназистъ Лавровъ, фигурировалъ въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтеля. По возвращеніи изъ Петербурга подсудимые: Виддиновъ, П. Ломоносовъ, Палимпсестовъ и остававшійся все время на свободѣ Лавровъ своими разсказами обо всѣхъ перипетіяхъ дѣла и привезенными ими листками нелегально изданныхъ отчетовъ о судѣ возбуждали повсюду живой интересъ и являлись героями сезона. Оба эти процесса служили для всѣхъ доказательствомъ того, ранѣе все еще остававшагося подъ сомнѣніемъ факта, что революціонныя идеи не остаются болѣе достояніемъ разрозненныхъ и рѣдкихъ кружковъ, что онѣ широко разлились по всей Россіи и нашли доступъ въ рабочую среду; а значитъ,—какъ тогда казалось,—революціи ждать уже недолго. Еще нѣсколько усилій и жертвъ со стороны соціалистической интеллигенціи,—и „мускулистая рука рабочаго“, какъ предвѣщалъ сенаторамъ Петръ Алексѣевъ, поднимется и разорветъ всѣ цѣпи, сокрушитъ всѣ тюрьмы на обновленной землѣ...“

Взвинченный всѣмъ этимъ до полной невозможности сидѣть на мѣстѣ, Поливановъ, едва оправившись отъ болѣзни, принялъ на себя порученіе кружка: отправиться въ центры, т. е. въ Петербургъ и въ Москву, и привезти оттуда побольше нелегальной литературы, запасъ которой въ Саратовѣ былъ близокъ къ истощенію. По пословицѣ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“,—поѣздка эта совпала по времени съ двумя событіями, въ которыхъ Поливановъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Въ Петербургъ онъ попалъ какъ разъ къ процессу Вѣры Засуличъ и уже, конечно, не упустилъ такого случая проявить свой энтузіазмъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ

горячихъ въ толпѣ той молодежи, которая передъ зданіемъ суда устроила овацію оправданной и помѣшала жандармамъ схватить ее и вновь арестовать, какъ они коварно затѣвали, предвидя возможность оправданія, но не предвидя возможности сопротивленія.

Возбужденный петербургскими впечатлѣніями еще больше, чѣмъ прежде, Поливановъ выѣхалъ въ Москву, добылъ тамъ литературу, и уже совсѣмъ, было, собрался ѣхать въ Саратовъ, когда въ Москвѣ получилось извѣстіе, что вотъ-вотъ прибудутъ на курскій вокзалъ кіевскіе студенты, высылаемые административно въ Вологодскую губернію. Въ этой партіи находился и пріятель Поливанова, саратовецъ Иванъ Петровичъ Ювенальевъ, уже годомъ раньше проводившій въ Саратовѣ идею о необходимости для дальнѣйшихъ успѣховъ революціи публичныхъ выступленій: всякихъ овацій, демонстрацій и манифестацій. Тутъ манифестація налаживалась сама собой. Борьба кіевскихъ студентовъ за свои корпоративные интересы, какъ и всякая борьба съ высшей администраціей, въ то время и въ глазахъ правительства и въ глазахъ публики, имѣла политическій оттѣнокъ. Москвичи видѣли въ кіевлянахъ товарищей-революціонеровъ, и въ московскомъ студенчествѣ естественно явилось стремленіе встрѣтить ихъ и выразить ссыльнымъ свою солидарность. Поливановъ сдалъ увѣсистый тюкъ, пріобрѣтенный имъ для саратовцевъ нелегальщины на храненіе какому-то совершенно неизвѣстному ему студенту, а самъ вмѣстѣ съ пріятелями, отъ которыхъ онъ добылъ эту нелегальщину, тотчасъ же принялся агитировать за торжественную встрѣчу кіевлянъ. Забѣгали по Москвѣ: изъ Петровки къ техникамъ, отъ техниковъ въ университетъ, наскоро собрали человѣкъ триста, и толпой нахлынули на курскій вокзалъ. Сопротивленіе жандармовъ оказалось безсильно, встрѣча состоялась, и съ вокзала длинный рядъ конвоируемыхъ жандармами каретъ, окруженный восторженной толпой молодежи, двинулся по улицамъ Москвы,—тогдашней Москвы, далекой отъ всякой политики, сонной и отсталой. Встрѣчная публика изъ интеллигенціи смотрѣла на шествіе со смѣшаннымъ чувствомъ испуга и симпатіи, масса обывателей просто съ недоумѣніемъ глазѣла, а полиція... до поры до времени отсутствовала. Радостно возбужденный „успѣхомъ“ манифестаціи, Поливановъ шелъ рядомъ съ каретой, въ которой везли Ювенальева, дѣлясь съ пріятелемъ отрывочными фразами и весело осматривая шумную толпу сопутствующей молодежи и все болѣе увеличивающуюся массу зрителей, которой манифестанты наскоро объясняли, кого это везутъ и за что и почему этихъ ссыльныхъ слѣдуетъ чествовать.

Дошли до Охотнаго Ряда, и вдругъ что-то произошло. Процессія пріостановилась; впереди послышался какой-то

гамъ. Поливановъ бросился впередъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и неожиданно увидѣлъ побоище: множество дюжихъ охотнорядцевъ, а съ ними и всякаго сѣраго люда, остервенѣло накинулись на молодежь, сбивая съ ногъ мужчинъ и женщинъ, волоча по землѣ опрокинутыхъ и нещадно избивая всѣхъ, кто попадался подъ руку.

Годомъ позже, скитаясь „въ народѣ", я самъ слышалъ отъ двоихъ фабричныхъ, участвовавшихъ въ избіеніи студентовъ, такой разсказъ:—Пошли мы съ Митькой къ земляку; дошли до Охотнаго Ряда, а тамъ видимъ народъ собирается, шумятъ чего-то. Ну, мы подошли: что такое?..— намъ и говорятъ: студенты бунтуютъ, идутъ по улицѣ, человѣкъ тыща ихъ, кричатъ, царя ругаютъ, товарищей своихъ, которыхъ въ Сибирь шлютъ, отбить хотятъ. Въ Охотный Рядъ, — говорятъ, — сейчасъ приставъ забѣгалъ, мясниковъ упрашивалъ: „вы ихъ попотчуйте, ребята, за милу душу; они противъ государя-императора обижаются, что онъ отъ ихъ родителевъ мужиковъ отобралъ, такъ вы имъ и покажите по-своему, по-мужицки, какъ противъ императора въ Москвѣ бунтовать!.. А насъ, говоритъ, полиціи то-есть, и не будетъ вовсе, равно бы мы и не знаемъ ничего..." Ну, мы съ Митькой и остались. Какъ подошли они,—ужъ мы тутъ не разбирали: студентъ не студентъ, а кто въ господское платье одѣтъ, тѣхъ и лупимъ... Вотъ вамъ и мужики! Попомните, какіе есть мужики! какія у васъ теперь на мужиковъ права!

Увидавъ побоище, Поливановъ, конечно, ринулся впередъ, и разсказъ его о дальнѣйшемъ я до сихъ поръ помню превосходно:—только-что я выскочилъ изъ ряда и не успѣлъ еще ни одного мерзавца ударить, какъ наперъ на меня какой-то огромнѣйшій верзила въ передникѣ, да какъ ухнетъ меня по головѣ словно обухомъ, и все у меня въ глазахъ завертѣлось... чувствовалъ я только, что куда-то лечу, и больше ничего не помню (надо замѣтить, что Поливановъ былъ человѣкъ физически очень малосильный)... Очнулся,—голову ломитъ, слабость страшная, въ глазахъ мутно все какъ-то. Всталъ съ мостовой, смотрю кругомъ: на площади только кое-гдѣ остаются наши; ихъ лупятъ; они бѣгутъ; имъ вслѣдъ лабазники улюлюкаютъ и гогочутъ... Мерзко мнѣ стало невыносимо. Что же, думаю, дѣлать? Броситься опять въ драку? Я и такъ еле на ногахъ стою, а ихъ масса... Такъ,—встать, получивъ взбучку, да и пойти?.. Невозможно прямо. Тутъ еще бьютъ нашихъ, какъ же я пойду?.. Вижу: стоитъ неподалеку кучка лабазниковъ и созерцаетъ все, точно публика партера: довольны, канальи, издѣваются.. Взорвало меня. Подошелъ я къ нимъ; думаю: вѣдь не скоты же они въ самомъ дѣлѣ? поймутъ же они человѣческое слово!.. и сталъ имъ что-то такое говорить... И вотъ, хоть бы они меня вздули

опять! А то подошелъ ко мнѣ какой-то пожилой, взялъ за плечи, повернулъ легонько и говоритъ: „тебѣ уже досталось; мало что ли?.. иди, иди себѣ пока цѣлъ"... Подлѣй этого положенія ничего въ жизни не могу себѣ представить!.. Пришлось вѣдь пойти!.. Сѣлъ на перваго извозчика и уѣхалъ...

Несмотря на такой жалкій исходъ этой, первой въ Москвѣ, публичной манифестаціи, настроеніе молодежи нисколько не понизилось. Однимъ утѣшеніемъ являлась мысль, что лабазники не настоящій „народъ", а вторымъ—несомнѣнный фактъ глубокаго невѣжества нападавшей сѣрой массы и ея увѣренность въ томъ, что „студенты" это—„господа", стремящіеся возстановить крѣпостное право. Такое чудовищное заблужденіе не можетъ служить прочной опорой для администраціи. Ложь рано или поздно откроется,—это неизбѣжно, и если администраціи вынуждена поддерживать и распространять въ массахъ такія басни, то значитъ—дѣло ея плохо, и она становится похожа на тѣхъ рыбъ, которыя, чтобы скрыться отъ сильнаго врага, за отсутствіемъ другихъ средствъ самообороны, мутятъ воду, только въ этой мути и находя спасеніе. Наконецъ, возмущеніе поведеніемъ администраціи со стороны широкихъ круговъ интеллигентнаго общества всей Россіи и всеобщій подъемъ симпатій къ студентамъ являлся положительнымъ результатомъ этого побоища и наличность такого результата позволяла участникамъ манифестаціи безъ унынія и безъ потери самоуваженія пережить позоръ публичнаго избіенія яко бы тѣмъ самымъ „народомъ", во имя котораго они возставали.

У Поливанова, по возвращеніи въ Саратовъ, это настроеніе выразилось въ характерной для него формѣ шутки надъ самимъ собой. Когда, въ первое время послѣ его поѣздки, случалось надъ нимъ по-пріятельски подшутить, онъ, бывало, отвѣчалъ, принявъ комически гордый видъ:—Ваничка! питай ко мнѣ уваженіе! Я вѣдь теперь могу сказать о себѣ, какъ капитанъ Копейкинъ, что „кровь свою въ нѣкоторомъ родѣ за отечество проливалъ"... А ты? хоть разъ въ жизни, скажи: былъ ли ты за отечество свое... заушаемъ?

Такимъ образомъ, всѣ впечатлѣнія тогдашней жизни, и радостныя и тяжелыя, постоянно углубляли и усиливали въ Поливановѣ революціонное настроеніе, но нельзя сказать того же о теоретическихъ основахъ его міросозерцанія. Прежде всего тутъ имѣло значеніе естественное развитіе молодого ума и расширеніе знаній. При всей подвижности и общительности своей натуры, Поливановъ читалъ очень много. Теоретически, какъ лавристъ, онъ признавалъ для революціонера необходимымъ широкое, энциклопедическое образованіе, и выходъ изъ гимназіи, избавивъ его отъ долбежной повинности, тяготѣвшей не только надъ гимназистами, но и надъ сверстниками Поливанова, студентами первыхъ кур-

совъ, освободилъ его время для занятій тѣми предметами, къ которымъ его болѣе всего тянуло. Такимъ предметомъ была прежде всего исторія, а затѣмъ—соціологія, которая въ своихъ корняхъ тѣсно переплеталась съ антропологіей и этнографіей; эти въ свою очередь переплетались съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то, всякій вопросъ возбуждалъ рядъ другихъ вопросовъ, всякая теорія опиралась, какъ на фундаментъ, или пользовалась, какъ строительнымъ матеріаломъ, другими теоріями, и міръ знанія развертывался передъ молодымъ умомъ тѣмъ безпредѣльнѣе, чѣмъ выше поднимался этотъ умъ въ своихъ исканіяхъ. Поливановъ относился къ книгѣ такъ же страстно, какъ и къ самой дѣйствительности. У него были авторы-любимцы, къ которымъ онъ питалъ такія же горячія чувства какъ и къ личнымъ друзьямъ, и авторы-враги, которыхъ онъ презиралъ, ненавидѣлъ и осыпалъ самыми язвительными насмѣшками, какъ только заходила о нихъ рѣчь. Такими жертвами его полемическаго темперамента служили, главнымъ образомъ, представители золотой середины: Борисъ Чичеринъ изъ русскихъ, Маколей изъ англичанъ и т. п., но главнымъ bête noire для него всегда оставались нѣмцы. Они были въ его глазахъ только „семинаристами Европы“, какъ называлъ ихъ когда-то Герценъ. Поливановъ не находилъ въ ихъ исторіи никакой красоты, въ ихъ мысли никакой смѣлости, а самое ихъ пресловутое „глубокомысліе“ представлялось ему только неспособностью выражаться изящно и ясно. Къ англичанамъ онъ питалъ довольно холодное уваженіе, но восторженную симпатію вызывали въ немъ итальянцы и французы. Эта черта осталась у него навсегда, и въ одномъ изъ его шлиссельбургскихъ писемъ къ сестрѣ (16 февраля 900 года) есть такое мѣсто:

„... Знаешь ли? твое письмо явилось въ нѣкоторомъ отношеніи вызовомъ моимъ симпатіямъ, которыя рѣзко ограничены романскими народами; болѣе же всего я не люблю нѣмцевъ, т. е. собственно пруссаковъ; южныхъ нѣмцевъ я не знаю, но я бывалъ въ Вѣнѣ, и какъ самый городъ, такъ и веселые, живые, вѣжливые, жизнерадостные вѣнцы оставили у меня по себѣ самыя хорошія воспоминанія. Чтобы ты поняла, насколько я къ нимъ благосклоненъ, скажу, что ихъ можно до нѣкоторой степени сравнить съ французами. Твоя апологія,—иначе я не могу назвать твое письмо,—смягчила мое сердце: я рѣшилъ оказать пощаду Гейдельбергу и его обитателямъ, за исключеніемъ,—тутъ просьбы твои будутъ безполезны,—„буршей“-корпорантовъ, что поютъ передъ памятникомъ Бисмарка: „Deutschland über alles!“ Я заставилъ бы ихъ проѣхать въ Страсбургъ и спѣть марсельезу передъ памятникомъ Клебера,—вѣдь это изъ Гейдельберга рукой подать!“ и т. д...

Вопросы чисто отвлеченные, интересъ къ которымъ въ

этомъ періодѣ началъ возникать у нѣкоторыхъ товарищей Поливанова,—матеріализмъ или пантеизмъ въ философіи?, субъективизмъ (по Михайловскому) или объективизмъ (по Спенсеру) въ соціологіи? Милль или Кантъ въ этикѣ?,—не остались чуждыми Поливанову, но они не захватывали его такъ глубоко, какъ, напримѣръ, Шиловцева и кое-кого еще изъ его пріятелей. Зато по вопросамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ насущнымъ задачамъ революціонной тактики момента, Поливановъ являлся однимъ изъ самыхъ горячихъ и неутомимыхъ дебатеровъ. Умъ или чувства толпы должны служить основой для воздѣйствія на нее со стороны провозвѣстниковъ новыхъ идеаловъ?,—на эту тему не уставали спорить въ то время, т. к. къ такой отвлеченной формулѣ сводилась сущность разногласій между пропагандистами (лавровцами), бунтарями (бакунинцами) и только-что народившимися „народниками", въ томъ партійномъ смыслѣ этого слова, который далеко не совпадалъ съ его общелитературнымъ значеніемъ.

„Народники" въ этомъ партійномъ смыслѣ слова появились въ Саратовѣ въ 77 году, наѣздомъ изъ Петербурга и все время, пока существовало это направленіе, составляли и въ городѣ и въ губерніи особыя колоніи, члены которыхъ вели знакомство съ мѣстной молодежью, но не проявили стремленія сколько-нибудь настойчиво привлекать ее въ свои ряды. Знакомство съ десятками петербургскихъ революціонеровъ, проѣзжавшихъ черезъ Саратовъ или осѣдавшихъ въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, разумѣется, не могло пройти безслѣдно для впечатлительной натуры Поливанова. Пріѣзжіе питерцы всѣ были по возрасту значительно старше него,—лѣтъ на пять, на шесть и болѣе; нѣкоторые изъ нихъ производили впечатлѣніе людей талантливыхъ и широко интеллигентныхъ; наконецъ, всѣ они были членами самыхъ передовыхъ кружковъ самаго передового и центральнаго города во всей Россіи. Это все, конечно, не могло не импонировать провинціальной молодежи, но въ характерѣ Поливанова было достаточно самостоятельности, и убѣжденія его уже въ то время были достаточно продуманны для того, чтобы онъ не сдался передъ „знатными иностранцами" и не отказался отъ своихъ взглядовъ въ трудныхъ для юноши преніяхъ съ опытными діалектиками петербургскихъ сходокъ и заграничныхъ (женевскихъ и цюрихскихъ) собраній. Онъ горячо отстаивалъ въ спорахъ свой лавризмъ, но постоянное соприкосновеніе съ людьми другихъ взглядовъ тѣмъ не менѣе вліяло на его умъ и побуждало къ пересмотру своихъ идей съ болѣе широкихъ и разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Узкая, кружковая замкнутость и „партійность" сектантскаго оттѣнка были совершенно чужды его натурѣ,—можетъ-быть, потому, что въ немъ была слишкомъ сильна его соб-

ственная индивидуальность и что эта индивидуальность была достаточно широка для того, чтобы найти въ себѣ отзвукъ на всякое искреннее чувство... Благодаря этому никто въ тогдашнемъ Саратовѣ не имѣлъ такихъ разнообразныхъ связей въ самыхъ различныхъ кружкахъ и не былъ въ той же мѣрѣ „своимъ“ у чужихъ (въ предѣлахъ революціоннаго міра), какъ именно Поливановъ, вѣчно спорившій съ „чужими“ ожесточеннѣйшимъ образомъ. Ссоры у него при этомъ возникали что ни день, но онѣ обыкновенно и продолжались день-другой и заканчивались при первой же встрѣчѣ веселымъ смѣхомъ обоихъ „враговъ“. Характеръ этихъ ссоръ всегда былъ одинъ и тотъ же: кто-нибудь въ пылу спора выразитъ мысль, по мнѣнію Поливанова, вульгарную, „достойную какого-нибудь картофельно-пивного національ-либерала, а не русскаго революціонера“, или—еще хуже—недостаточно уважительно отзовется о комъ-нибудь изъ героевъ европейской революціи: не дай богъ—о Гарибальди, о Мадцини, о Бланки...—и ссора, самая бурная, готова. Поливановъ вскакиваетъ, громитъ, негодуетъ, язвитъ и въ концѣ концовъ просто ругается... Но проходитъ часъ-другой, и онъ сконфуженно сообщаетъ какому-нибудь пріятелю: „Чертъ его знаетъ, какъ это вышло! Выругалъ я Ваську постепеновцемъ, филистеромъ, мѣщанской душонкой... въ концѣ концовъ посовѣтовалъ ему даже открыть мелочную лавочку, а не революціей заниматься.. Онъ, кажется, обидѣлся?.. вѣдь вотъ оказія!“

Отказать какому бы то ни было соціалисту въ помощи только потому, что тотъ иного прихода, казалось Поливанову чѣмъ-то до нельзя дикимъ и неприличнымъ, а всякія проявленія кружковой нетерпимости и дипломатической неискренности въ сношеніяхъ кружка съ другими группами вызывали съ его стороны рѣзкое осужденіе. Вся ненависть этого человѣка, бывшаго революціонеромъ до мозга костей, была направлена противъ враговъ народа, а въ тѣхъ, кто искренно стремился къ народному благу, какими бы путями люди ни шли, онъ видѣлъ прежде всего товарищей, быть-можетъ,—завтрашнія жертвы правительства, людей обрекшихъ себя на гибель для освобожденія Россіи. Немудрено, что при такомъ отношеніи ко всѣмъ участникамъ движенія споры шли у него спорами, а „дѣло“ покрывало собой все разногласіе, и этотъ лавристъ сплошь и рядомъ оказывалъ всевозможныя услуги революціонерамъ другихъ направленій, часто тѣмъ самымъ, съ которыми упорнѣе всего на словахъ препирался.

Саратовецъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Декабристы.

Мелкія замѣтки и матеріалы.

1.

Письмо Е. Ѳ. Муравьевой къ М. Н. Муравьеву.

Настоящее письмо обращено къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, извѣстному впослѣдствіи графу Муравьеву-Виленскому (р. 1796 † 1866) и относится къ тому времени, когда онъ, по выходѣ въ отставку подполковникомъ изъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части (1820), проживалъ въ имѣніи своей жены Пелагеи Васильевны, рожд. Шереметевой,—селѣ Лазицахъ, Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Членъ и дѣятельный участникъ Союза Благоденствія, одинъ изъ составителей его устава (такъ называемой „Зеленой Книги"), онъ вышелъ изъ него, когда Союзъ распался и прервалъ сношенія съ товарищами, но интересовался ихъ судьбою, что видно изъ сообщеній Екатерины Ѳедоровны Муравьевой (р. 1771† 1848). Послѣдняя, его дальняя родственница, была матерью двухъ декабристовъ—Никиты и Александра Михайловичей, о которыхъ и упоминается въ письмѣ; они оба скончались въ Сибири: первый въ 1843, второй—въ 1853 г.—М. Н. Муравьевъ, арестованный послѣ 14-го декабря въ Москвѣ (12-го января 1826 г.), былъ продержанъ сперва въ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Военно-Сухопутномъ Госпиталѣ—до 3-го іюля 1826 г., когда былъ выпущенъ на свободу безъ всякихъ послѣдствій. Письмо Е. Ѳ. Муравьевой писано подъ ея диктовку, и только подпись и приписка въ концѣ сдѣланы ею собственноручно.

1825 года, Марта 6 (Петербургъ).

Я начну мое письмо тѣмъ, мой любезный Michel, чтобъ объявить тебѣ, что у Никиты Михайловича родился сынъ, котораго назвали Михайломъ [1]), то ты можешь представить, мой другъ, что все это время мнѣ нельзя было писать; Никита тебѣ очень кланяется и самъ непре-

[1]) Умеръ въ младенчествѣ.

мѣнно будетъ скоро писать; онъ чрезвычайно занятъ по должности своей: онъ долженъ писать и притомъ читать въ Штабѣ военную Исторію [1]).

Письма твои я по нумерамъ получила, но виновата, что до сехъ поръ на оныя не отвѣчала; ты не можешь себѣ представить, сколько у меня было хлопотъ, суетъ всякаго рода. Тебѣ извѣстно, что у насъ было наводненіе, о которомъ ты у меня и разспрашиваешь. Оно было ужастное, у меня на дворѣ была вода два аршина съ половиной, весь нижній этажъ былъ совершенно потопленъ, всѣ полы и печки размыты, и Саша, который жилъ внизу, до самаго Новаго года не могъ перейти въ свои комнаты, а жилъ у меня въ кабинетѣ; люди и всѣ ихъ робята также очень долго жили въ столовой, и я должна была всѣ печки и полы зимой передѣлывать, также сараи и конюшни, и ты можешь представить, какъ это было скучно и убыточно; работникамъ платили чрезвычайно дорого и съ трудомъ ихъ находили. Дача моя, о которой я теперь начинаю помышлять, чрезвычайно много пострадала; въ саду дорожки, которыя только прошлаго году были окончены и за которыя я заплатила 6.000 рублей, совершенно уничтожены; всѣ заборы унесены, всѣ оранжереи переломаны, также и печки, и теперь самыя необходимыя перепpавки будутъ стоить мнѣ болѣе 10.000 руб; но объ ономъ теперь совѣстно и говорить, ибо это бѣдствіе было общее. Mais les secours pour les pauvres éfoient immenses et prompts. L'E. étoit partout lui-méme, comme un ange Tutélaire, il secouroit tous les malheureux, il n'y a das plus de trace à Pétersbourg de l'inondation. [2])

Съ наступившимъ 25-мъ годомъ отъ души тебя поздравляю, желаю тебѣ здоровья и всѣхъ благъ; ежели тебѣ можно будетъ пріѣхать въ сентябрѣ, то я чрезвычайно буду рада тебя видѣть. По дѣлу твоему съ Бѣлоклоковымъ до сихъ поръ ничего еще не дѣлаютъ и говорятъ, что и дѣлать нечего, ибо имѣнья никакого не осталось, а долговъ множество; отъ всего сердца жалѣю обо всѣхъ твоихъ хлопотахъ, я очень знаю, какъ это непріятно; я буду стараться искать знакомыхъ Княгинѣ Любомирской, чтобы ей хорошенько разтолковали дѣло сіе, но за успѣхъ тебѣ не отвѣчаю; въ желаніи моемъ сдѣлать что-нибудь полезное я надѣюсь, что ты не сумнѣваешься; получивъ твое письмо, я намѣрена была поговорить о семъ дѣлѣ брату Княгинѣ Любомирской, Графу Толстому, но онъ уѣхалъ въ Парижъ [3])

Ты спрашиваешь, мой другъ, меня объ Матюшѣ и Сережѣ: [4]) первой въ отставкѣ и живетъ въ деревнѣ, Сережа въ полку у генерала Рота, около Кіева. Paul Pestel былъ прошедшаго году въ Петербургѣ на короткое время, ему данъ полкъ, которой находится недалеко отъ Одес-

---

[1]) Н. М. Муравьевъ былъ въ это время капитаномъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.

[2]) Но помощь бѣднымъ оказывалась въ огромныхъ размѣрахъ и быстро. Императоръ всюду былъ самъ, какъ ангелъ-хранитель, онъ помогалъ всѣмъ несчастнымъ; въ Петербургѣ болѣе не замѣтно слѣдовъ наводненія.

[3]) Графъ Алексáндръ Николаевичъ Толстой (р. 1793†1866) впослѣдствіи оберъ-шенкъ; его сестра-графиня Екатерина Николаевна (р. 1789†1870) была за-мужемъ за генералъ-лейтенантомъ княземъ Константиномъ Ксаверьевичемъ Любомирскимъ.

[4]) Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы.

сы. [1]) Вотъ, мой другъ, отвѣты на всѣ твои вопросы; новаго у насъ ничего нѣтъ, окромѣ того, что нонѣшнюю осень выстроенъ былъ Новой деревянной театръ на Фонтанкѣ у Чернышева моста, и три дни тому, какъ онъ весь сгорѣлъ; великая милость Божія, что это не на масляницѣ, а въ Великой постъ,—слѣдовательно, никого въ немъ не было [2]). Что до меня касается, я живу старое по-старому, очень часто бываю нездорова головною болью и глазами, которые теперь другую недѣлю какъ болятъ, и я сижу съ шпанскими мушками.—Недѣли двѣ я послала къ тебѣ двѣ послѣднія части Карамзина Исторіи; я не знаю, получилъ ли ты ихъ.

Никита и Александръ усердно тебѣ кланяются, Саша проводитъ все утро свое въ Манежѣ, часто бываетъ дежурной и въ караулѣ. А я, пожелавъ тебѣ всѣхъ благъ, пребуду искренно любящая

Е. Муравьева.

Catherine se plaint de vous que vous ne lui écrioez pas. [3])

2.

Н. Д. Фонвизина—Пущина.

Біографія жены декабриста М. А. Фонвизина—Натальи Дмитріевны, рожд. Апухтиной, ея стремительный, экзальтированный, полный странностей и противоположныхъ порывовъ характеръ описаны въ статьѣ В. И. Шенрока („Русское Богатство“ 1894, № 11 и 12; см. также изданіе В. И. Покровскаго „Жены декабристовъ“, М. 1906, стр. 106—213); въ статьѣ этой разсказывается, какъ тяжело ей было и какой борьбы ей стоило уѣхать въ Сибирь, разстаться съ двумя своими маленькими сыновьями—Дмитріемъ и Михаиломъ, оставленными на попеченіе бабушки—Маріи Павловны Апухтиной, рожд. Фонвизиной же (р. 1776†1842); изъ прошенія послѣдней на имя Имп. Маріи Θеодоровны видно, что, покидая Москву, Наталья Дмитріева оставляла въ ней еще свою воспитанницу Юлію, къ которой, по свойствамъ своего характера, не могла не быть привязана. Въ Сибири у Фонвизиной было также нѣсколько пріемышей, воспитанію которыхъ, на ряду съ заботами о мужѣ и его друзьяхъ, она отдавала свои силы и время. Что сталось впослѣдствіи съ Юліей, неизвѣстно.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Дочь моя, Генералъ-маіорша Наталья фонъ-Визина въ 1825-мъ году приняла къ себѣ на воспитанье бѣдную сироту, малолѣтнюю дѣвицу Юлію, дочь иностранки, за годъ до сего умершей. Означенная дочь моя, рѣшившись слѣдовать за несчастнымъ мужемъ своимъ, осужденнымъ верховнымъ уголовнымъ судомъ на ссылку въ Сибирь, отправилась въ

[1]) П. И. Пестель командовалъ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ.
[2]) Этотъ театръ былъ переведенъ изъ Петергофа (См. Ост. Архивъ, т. III, стр. 102).
[3]) Катенька жалуется, что ты ей не пишешь.

Генварѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ мѣсто его пребыванія и при отъѣздѣ своемъ просила меня помѣстить оную бѣдную сироту въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ, будучи убѣждена, что она нигдѣ не можетъ быть лучше призрѣна, какъ въ какомъ-либо воспитательномъ заведеніи, находящемся подъ благодѣтельнымъ и милосерднымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества. Но какъ по правиламъ Императорскаго Воспитательнаго Дома дѣти по 8-му году не могутъ уже быть въ оный приняты безъ особеннаго Вашего, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволенія, почему осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее мое о семъ прошеніе съ приложеніемъ подлиннаго Московской Консисторіи свидѣтельства о рожденіи и крещеніи сей дѣвицы и всенижайше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить милосерднаго воззрѣнія на сію бѣдную сироту и всемилостивѣйше повелѣть соизволить принять ее въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ.

Всеавгустѣйшая Монархиня! Благоволите включить означенную сироту дѣвицу Юлію въ число столь многихъ сиротъ, кои облагодѣтельствованы милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Марья Павловна дочь жена Апухтина капитанша. Іюля — дня 1828 года. Москва. Жительство имѣю въ Москвѣ, Мясницкой части 5-го квартала въ домѣ подъ № 322.

Императрица Марія Ѳеодоровна направила прошеніе это въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, который, постановленіемъ 3-го сентября 1828 г., принялъ Юлію „въ приготовительный классъ классическихъ воспитанницъ".

Изъ свидѣтельства, выданнаго генеральшѣ Натальѣ Дмитріевной Фонвизиной Консисторіею, видно, что 18-го января 1821 г. неизвѣстная Юлія Александрова родила дочь Юлію, которая крещена 28-го января того же года, причемъ воспріемникомъ ея былъ князь Николай Алексѣевичъ Шаховской.

Портреты Натальи Дмитріевны и Михаила Александровича Фонвизиныхъ см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій", т. II, С.-Пб. 1906, №№ 77 и 78

Наталья Дмитріевна скончалась въ Москвѣ въ 1869 г., вдовой декабриста Ивана Ивановича Пущина.

3.

М. А. Назимовъ.

Декабристъ VIII разряда Михаилъ Александровичъ Назимовъ, приговоренный Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ, въ 1837 г. былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ и, участвуя, съ отличіемъ, въ въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ 1843 г. получилъ чинъ прапорщика, въ 1845—подпоручика, а въ 1846 уволенъ въ отставку поручикомъ. Поселившись затѣмъ на родинѣ, въ Псковской губерніи, онъ принималъ

горячее участіе въ осуществленіи освободительныхъ реформъ Александра II и былъ предсѣдателемъ Губернской Земской Управы. Въ 1856 году въ своемъ селѣ Вагрецовѣ, Псковскаго уѣзда, онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей; школа эта впослѣдствіи расширилась и достигла образцоваго состоянія благодаря работамъ новаго владѣльца имѣнія— Николая Ѳедоровича Фанъ-деръ-Флита († 1896), извѣстнаго своею полезною дѣятельностью въ Псковскомъ Земствѣ; въ біографическомъ очеркѣ послѣдняго (изд. Спб. 1902) разсказывается, что Быстрецово было куплено въ 1868 году „у Михаила Александровича Нахимова, стараго декабриста, начинавшаго уже тогда терять зрѣніе. Многіе еще живо помнятъ замѣчательную личность старика, высокую, худую его фигуру, умную рѣчь, большую начитанность и юношескій пылъ, такъ красившій его сѣдины. Познакомившись съ нимъ, Николай Ѳедоровичъ записываетъ въ дневникъ: „Старикъ Нахимовъ мнѣ чрезвычайно понравился своимъ здравымъ и добросовѣстнымъ взглядомъ на дѣло. Старый и новый владѣльцы Быстрецова горячо привязались другъ къ другу, и много разъ Михаилъ Александровичъ говорилъ, какъ онъ счастливъ, что могъ передать свое родное Быстрецово въ такія прекрасныя руки. Покупка эта была рѣшена 19-го мая, въ день рожденія отца Николая Ѳедоровича, оказавшійся, по странной случайности, также днемъ рожденія старика Назимова" (стр. 18). Въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ" (М. 1906, стр. 170) сказано, что Назимовъ родился въ 1799 г., а умеръ 2-го мая 1888 г.; эти свѣдѣнія невѣрны: изъ надписи на могилѣ Назимова, видѣнной мною въ 1904 г. на Дмитріевскомъ кладбищѣ во Псковѣ, даты иныя: тамъ сказано, что онъ родился 19-го мая 1801 † 9-го августа 1888 г.; около него погребена и жена его, Варвара Яковлевна, рожд. Подкользина († 11-го сентября 1865 г., 46 л.), родная сестра второй жены друга и сослуживца Назимова по гвардейскому Конно-Піонерному эскадрону Михаила Ивановича Пущина, также декабриста (X разряда), женатаго на Маріи Яковлевнѣ Подкользиной въ 1838 г., по возвращеніи уже съ Кавказа.

Приводимое ниже прошеніе брата Назимова, Сергѣя Александровича, даетъ примѣръ той путаницы житейскихъ и дѣловыхъ отношеній, въ которую, кромѣ самихъ пострадавшихъ, катастрофа 14-го декабря ввергла огромное число ихъ родныхъ, близкихъ и знакомыхъ. О семьѣ Назимовыхъ любопытныя свѣдѣнія сообщены въ статьѣ Н. Окуличъ-Казарина о Псковскихъ декабристахъ („Русск. Арх." 1907 г., № 6, стр. 188—191), а потому не будемъ о ней распространяться; скажемъ только, что одна изъ сестеръ Михаила Александровича—Анна († 12-го сентября 1847 г.), вышедшая за Николая Александровича Набокова, была матерью бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова.

7-го сентября 1827 г. на имя министра юстиціи генерала-отъ-инфантеріи князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго поступило слѣдующее прошеніе коллежскаго секретаря Сергѣя Александровича Назимова:

„Прошлаго 1826 года, по взятіи роднаго, младшаго брата моего Михайлы Александровича Назимова, бывшаго гвардіи Конно-Піонернаго эскадрона штабсъ-капитана, подъ арестъ, были опечатаны въ квартирѣ

его всѣ вещи, бумаги и вся движимость его. Не имѣя возможности видѣться съ нимъ и узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла по имѣнію его, и какія предполагалъ онъ мѣры къ уплатѣ долговъ, на немъ состоящихъ, я утруждалъ прошеніемъ моимъ Его Сіятельство господина военнаго министра графа Александра Ивановича Татищева дозволить мнѣ писать о семъ къ брату моему и, по докладу Его Сіятельства Его Императорскому Величеству, былъ допущенъ имѣть съ братомъ моимъ открытую переписку чрезъ Слѣдственной Комитетъ, которою объяснивъ онъ мнѣ нѣсколько дѣла по имѣнію его, выдалъ мнѣ апрѣля отъ 6 числа полномочную довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ и военнымъ министромъ генераломъ-отъ-инфантеріи Александромъ Ивановичемъ Татищевымъ, утвержденную Санктъ-Петербургскою Гражданскою Палатою. Руководствуясь ею по конфирмаціи дѣла надъ братомъ моимъ, я получилъ изъ Слѣдственнаго Комитета, по вторичному прошенію моему, нѣсколько денегъ, отобранныя у брата моего, всѣ бумаги, щеты, крѣпости, планы, межевыя книги и контракты по имѣнію и дѣламъ его, равно и всю движимость, въ квартирѣ его находящуюся; усмотрѣвъ изъ нихъ приближающіеся сроки, а нѣкоторые уже и протекшіе, къ уплатѣ долговъ, я спѣшилъ взнести суммы, дабы сохранить имѣніе. Найдя между прочими бумагами, что братомъ моимъ представлено было по взысканію въ С.-Петербургское Губернское Правленіе заемное обязательство на подпоручика Голохвастова въ должныхъ имъ 800 рубляхъ, я, справясь о дѣйствительности подачи сей, подалъ въ оное отъ себя прошеніе съ приложеніемъ данной мнѣ довѣренности и просилъ о неослабномъ съ Голохвастова взысканіи, которые наконецъ онымъ взысканы и сего года въ іюлѣ мѣсяцѣ во Псковское Губернское Правленіе, по вторичной просьбѣ моей, для выдачи мнѣ присланы. Явясь въ оное для полученія ихъ и предъявя данную мнѣ довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ, получилъ отъ Губернскаго Правленія резолюцію такую, что присланныхъ денегъ оное мнѣ не выдастъ, ибо какъ означенный довѣритель Михаилъ Назимовъ не есть болѣе дворянинъ и штабсъ-капитанъ гвардіи и сосланъ на 20 лѣтъ на поселеніе, къ тому жъ какъ я имѣю еще двухъ младшихъ себѣ братьевъ: одного коллежскаго регистратора, а другого лейбъ-гвардіи Сапернаго Батальона подпоручика, то довѣренность сія не есть и не можетъ быть на дальнѣйшее время дѣйствительною и мнѣ къ руководству благонадежною. Почему, прилагая съ нея точную копію, и какъ оная мѣстнымъ правительствомъ за дѣйствительную не сознана, означенное-жъ имѣніе брата моего Михайлы состоитъ родовое, по раздѣлѣ ему со мною и другими двумя братьми доставшееся, а нѣкоторая часть собственною покупкою его пріобрѣтенная и имѣетъ на себѣ значительные казенные долги, сроки коимъ нынѣ уже приспѣли, должно оставаться безъ присмотра и безъ очистки его отъ долговъ, всепокорнѣйше прошу Вашего Сіятельства разрѣшить менѣ черезъ Псковское Губернское Правленіе, должна-ли быть данная мнѣ довѣренность черезъ 20 лѣтъ, т. е. черезъ время, назначенное брату моему быть на поселеніи или же до очистки означеннаго имѣнія отъ долговъ дѣйствительною; въ противномъ случаѣ, должно-ли имѣніе то быть взято въ продолженіе сего времени подъ присмотръ

Дворянской Опеки, или же продано съ публичнаго торга, а вырученной капиталъ за уплатою долговъ долженъ быть положенъ на имя поселенца въ Банкъ, или же раздѣлено между нами, ближайшими наслѣдниками его,—одно-ли родовое, или совокупно съ пріобрѣтеннымъ. О чемъ ожидаю отъ Вашего Сіятельства милостиваго разрѣшенія. Къ сему прошенію Коллежскій Секретарь Сергѣй Александровъ сынъ Назимовъ руку приложилъ. 1827 года августа 26 дня. Г. Псковъ".

На это прошеніе министръ юстиціи отвѣтилъ (3-го октября) Псковскому Губернскому Прокурору, что онъ „рекомендуетъ ему, черезъ кого слѣдуетъ, объявить Коллежскому Секретарю Назимову, что жалобы на дѣйствія Губернскихъ Правленій приносятся не Министру Юстиціи, но Правительствующему Сенату, куда онъ по настоящому дѣлу и обратиться можетъ".

4.

И. И. Пущинъ и И. И. Ивановъ.

Декабристы всѣхъ XI разрядовъ приговорены были къ лишенію чиновъ, а съ ними и орденовъ, полученныхъ ими во время службы [1]). Капитулъ Орденовъ, слѣдовательно, долженъ былъ сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки въ кавалерскихъ спискахъ. Относительно Ивана Ивановича Пущина и Ильи Ивановича Иванова (приговореннаго, какъ отнесеннаго къ IV разряду, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, а потомъ—на поселеніе), встрѣтились по этому поводу недоумѣнія. 17-го марта 1827 г. (за № 1131) Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, писалъ Министру Юстиціи Князю Лобанову-Ростовскому:

Милостивый государь мой, князь Дмитрій Ивановичъ!

Изъ осужденныхъ въ прошломъ 1826 году государственныхъ преступниковъ многіе были кавалерами орденовъ, почему Орденскій Капитулъ и сдѣлалъ должное распоряженіе о выключкѣ ихъ изъ кавалерскихъ списковъ; но какъ о состоящихъ въ числѣ тѣхъ преступниковъ: Пущинѣ, бывшемъ Коллежскомъ Ассесорѣ, и Ивановѣ, имѣвшемъ чинъ 10-го класса, каковыхъ фамилій въ числѣ кавалеровъ состоитъ нѣсколько, и по неизвѣстности прежнихъ мѣстъ ихъ служенія Орденскій Капитулъ не имѣетъ средства къ истребованію свѣдѣнія о томъ, имѣли-ли они ордена и когда оными пожалованы,—а потому я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о порученіи кому слѣдуетъ учинить о семъ справку изъ дѣла объ упомянутыхъ преступникахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ хранящагося, и о послѣдствіи меня увѣдомить. Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшей слугой. К. Алексѣй Куракинъ.

Князь Лобановъ поручилъ (28-го марта) навести нужную справку оберъ-прокурору 1-го Департамента Сената, д. с. с. Ивану Өедоровичу

---

[1]) Ордена были возвращены тѣмъ изъ нихъ, которые дожили до манифеста 1856 г.

Журавлеву, который, рапортомъ отъ 30-го марта (за № 828) донесъ Министру, что, „по учиненной выправкѣ съ формулярными списками, имѣющимися въ производствахъ бывшей Слѣдственной Комиссіи о Государственныхъ преступникахъ“, оказалось, что ни Пущинъ, ни Ивановъ „никакихъ кавалерскихъ орденовъ не имѣли“.

И. И. Ивановъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ провіантскимъ чиновникомъ; онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу“ и отнесенъ къ IV разряду; по словамъ барона Розена, онъ умеръ въ 1848 г. въ Каменкѣ, на Ангарѣ.

5.

Н. О. Мозгалевскій и А. Е. Мозалевскій.

Имена этихъ двухъ лицъ, вслѣдствіе созвучія ихъ фамилій, постоянно смѣшиваются,—даже самими декабристами, а между тѣмъ судьба ихъ, одинаково печальная, во многомъ различна. О Мозгалевскомъ имѣются данныя въ книгѣ А. И. Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири“ (изд. 2, Спб. 1905, стр. 110—111), а біографія и портретъ Мозалевскаго помѣщены въ изданіи „Декабристы. 86 портретовъ“ (М. 1906, стр. 141—142), при чемъ, однако, онъ ошибочно названъ подпоручикомъ и Ивановичемъ, тогда какъ былъ прапорщикомъ и по-отчеству Евтихіевичемъ. На основаніи подлинныхъ формулярныхъ списковъ и другихъ офиціальныхъ бумагъ мы можемъ сообщить объ обоихъ данныя, безусловно точныя.

Николай Осиповичъ Мозгалевскій былъ младшимъ изъ семи сыновей дворянина и помѣщика Черниговской губерніи Осипа Ѳедоровича, служившаго до капитана въ военной службѣ, а затѣмъ бывшаго засѣдателемъ Уѣзднаго Нѣжинскаго Суда (съ 1794 г.) и (съ 1797 г.) земскимъ подсудкомъ Нѣжинскаго же Повѣтоваго Суда; матерью декабриста была Викторія Карловна де-Розетъ, дочь „метрдотеля бывшаго короля французскаго“ (т. е. казненнаго Людовика XVI). Н. О. родился въ 1801 году, воспитывался Нѣжинскомъ народномъ училищѣ и разныхъ пансіонахъ, а съ 1814 г.—въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 30-го января 1821 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ *Саратовскій* пѣхотный полкъ и 4-го мая 1823 г. получилъ здѣсь чинъ подпоручика; будучи членомъ Общества Соединенныхъ Славянъ, онъ 12-го іюля 1826 г., „за принадлежность къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли“, былъ, какъ преступникъ VIII разряда, приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Жизнь его здѣсь описана въ упомянутой выше книгѣ г. Дмитріева-Мамонова; къ сказанному тамъ можемъ добавить, что потомство Мозгалевскаго существуетъ и понынѣ; одинъ изъ его сыновей, Викторъ,—нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ и имѣетъ дѣтей; внуки отъ другого сына, Александра, въ настоящее время живутъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири.

Александръ Евтихіевичъ Мозалевскій, сынъ бѣднаго дворянина—помѣщика Фатежскаго уѣзда Курской губерніи Евтихія Ивановича, ро-

дился въ 1803 году, службу началъ въ *Черниговскомъ* пѣхотномъ полку подпрапорщикомъ (3-го марта 1821 г.) и 20-го мая 1824 г. произведенъ въ прапорщики. Въ послужномъ спискѣ его, составленномъ въ началѣ 1826 г., сказано, что онъ „изъ комплекта Черниговскаго полка выступилъ, въ числѣ возмутителей, 31-го декабря 1825 г.“, причемъ отмѣчено, что по сентенціи Военнаго Суда онъ за бунтъ и измѣну подлежалъ, по силѣ законовъ и приговора суда, смертной казни — четвертованію, но Высоч. приказомъ 12-го іюля 1826 г. повелѣно было Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и преломленіи шпаги надъ его головою предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно“. Мозалевскому было поставлено въ вину его дѣятельное участіе въ мятежѣ, произведенномъ подполковникомъ Черниговскаго полка Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, и онъ, вмѣстѣ съ офицерами Сухиновымъ, барономъ Соловьевымъ и др. былъ преданъ не Верховному Уголовному Суду, судившему прочихъ декабристовъ, а Военному Суду при главной квартирѣ 1-й арміи въ Могилевѣ, а потомъ дѣло ихъ разбиралъ еще и Аудиторіатскій Департаментъ, на докладѣ котораго и положена была резолюція 12-го іюля 1826 г. Формулировка вины Мозалевскаго приведена въ изданіи „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Декабристы“. (М. 1907, изд. Саблина, стр. 148—154). Въ ноябрѣ 1832 г. срокъ пребыванія Мозалевскаго на каторжныхъ работахъ былъ ограниченъ 15-ю годами (см. тамъ же, стр. 203), но вообще и онъ, и его товарищи пострадали сравнительно болѣе другихъ декабристовъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайному обществу, а лишь въ знаніи о немъ и недонесеніи.

Перипетіи жизни Мозалевскаго въ Сибири (но лишь до 1830 года) разсказаны въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ“; по свидѣтельству барона А. Е. Розена (Записки, изд. П. Е. Щеголева, Спб. 1907, стр. 280) онъ умеръ въ 1866 г. Записанный, со словъ Соловьева, Быстрицкаго и Мозалевскаго, разсказъ о возстаніи Черниговскаго полка, подъ заглавіемъ „Бѣлая Церковь“, напечатанъ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 года въ Россіи“ (изд. 2-е, Каспровича, Лейпцигъ, s. a., стр. 79—94). Замѣтимъ еще, что въ запискахъ И. И. Горбачевскаго („Русс. Арх.“ 1882, кн. I) и въ запискахъ княгини М. Н. Волконской Мозалевскій вездѣ ошибочно названъ Мозгалевскимъ.

Б. Модзалевскій.

В. С. Любатовичъ.

(Некрологъ).

19-го декабря 1907 года скончалась въ Москвѣ *Вѣра Спиридоновна Осташкина, рожденная Любатовичъ*—одна изъ видныхъ участницъ процесса 50-ти.

Имѣя отъ роду лишь 20 лѣтъ, она была въ числѣ первыхъ русскихъ женщинъ приговорена 5-го апрѣля 1877 года судомъ на каторгу на 6 лѣтъ; это первое осужденіе женщинъ на каторгу по политическому процессу сильно взволновало въ то время общественное мнѣніе не только жестокостью своей, но и полной юридической необоснованностью; онѣ были осуждены не за какое-нибудь насиліе, а за простую пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ. Осужденныя и не хотѣли брать дѣйствующее право себѣ въ защиту, но защитники ихъ, по просьбѣ товарищей, подали кассаціонную жалобу, которая и была уважена. Вѣра Любатовичъ, какъ и другія, осужденныя съ нею, на каторгу не пошла: она была сослана на вѣчное поселеніе сначала въ Западную Сибирь, гдѣ ей, какъ и другимъ ея подругамъ, пришлось быть первыми одинокими предтечами надвигавшейся волны массоваго изгнанія въ Сибирь молодежи. Затѣмъ, безъ всякаго повода и предупрежденія ее, больную и слабую, спѣшно выслали въ Енисейскую губернію, послѣ побѣга ея сестры изъ Ялуторовска; здѣсь, затерянная долгіе годы вмѣстѣ съ мужемъ своимъ и ребенкомъ, Вѣра Любатовичъ испытала всю тягость подневольнаго житья, всю тяготу непривычнаго чернаго труда, которому она отдавалась со всей отвагой и простотой, присущей ея прямой, смѣлой натурѣ. Малый запасъ физическихъ силъ, надорванныхъ уже двухлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ, дѣлалъ ея жизнь въ ссылкѣ почти подвижнической. Несмотря на утомленіе и частыя болѣзни, всѣ товарищи помнятъ съ какой сердечностью спѣшила она всегда помочь всякой бѣдѣ, всякому горю. Даже теперь, уже стоя одной ногой въ могилѣ, она, забывая себя, еще недавно

ухаживала за прислуживавшей ей дѣвушкой, неожиданно заболѣвшей тифомъ.

Такъ прошли въ этомъ скромномъ существованіи всѣ лучшіе годы ея жизни; такъ въ заботахъ объ окружающихъ она незамѣтно, день за днемъ изливала свои силы, пока наступилъ роковой конецъ.

N.

П. А. Ефремовъ.

(Некрологическая замѣтка).

27 декабря истекшаго года скончался извѣстный библіографъ Петръ Александровичъ Ефремовъ, давно уже пользовавшійся въ нашей литературѣ почетной извѣстностью, какъ по образцовому редактированію текста многихъ русскихъ авторовъ, въ томъ числѣ и такихъ классиковъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, такъ и за свою многополезную, неусыпную 50-лѣтнюю дѣятельность въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій вообще, а въ области русской библіографіи въ особенности.

Давъ здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о П. А. Ефремовѣ и данныя объ его главнѣйшихъ литературныхъ и библіографическихъ трудахъ его, я позволю себѣ затѣмъ привести и нѣсколько личныхъ своихъ воспоминаній о Ефремовѣ, котораго я зналъ съ 1873 года.

Петръ Александровичъ Ефремовъ родился въ Москвѣ 2 ноября 1830 года, учился сперва въ тамошней 1-й гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ со степенью кандидата математическій факультетъ, Ефремовъ въ 1854 г. переселился въ Петербургъ и тогда же поступилъ на службу въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Съ 1857 по 1863 г. онъ служилъ въ канцеляріи предсѣдателя департамента удѣловъ, а въ 1863 г., съ открытіемъ сберегательныхъ кассъ по новому о нихъ уставу, Ефремовъ, по предложенію Е. И. Ламанскаго, перешелъ въ государственный банкъ по отдѣлу сберегательныхъ кассъ. Здѣсь, съ 1872 по 1889 г., онъ былъ директоромъ С.-Петербургской кассы, а въ 1889 г. былъ назначенъ директоромъ государственнаго банка и завѣдывающимъ всѣми сберегательными кассами.

Въ 1893 г. Ефремовъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, въ унаслѣдованный имъ отъ отца домъ, куда перевезъ и свою громадную (одну изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи) библіотеку и свои коллекціи портретовъ, гравюръ и пр. Но, проживя въ Москвѣ 9 лѣтъ, Ефремовъ въ 1902 г. вновь переселился въ Петербургъ, къ которому, проживъ въ немъ ранѣе такъ много, привыкъ и здѣсь уже жилъ до самой смерти.

Любовь или, прямо говоря, страсть къ книгамъ Ефремовъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, Александра Степановича, тоже имѣвшаго большую библіотеку и нѣкогда близко стоявшаго къ кружку Н. В. Станкевича, причемъ двое изъ членовъ этого кружка, поэтъ И. П. Клюшниковъ и знаменитый Бѣлинскій, даже жили одно время въ домѣ отца Ефремова. Въ дѣтствѣ и въ ранней юности П. А. Ефремовъ перечиталъ изъ биб-

ліотеки отца всѣхъ нашихъ писателей отъ Фонвизина до Лермонтова и Гоголя и тогда же пристрастился къ собиранію книгъ, старыхъ журналовъ, гравюръ, литографій и портретовъ. Онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ не разъ мнѣ разсказывалъ, какъ, будучи гимназистомъ, сперва съ отцомъ, а затѣмъ и самостоятельно ходилъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Сухаревой башнѣ, гдѣ въ тѣ времена въ Москвѣ сосредоточивался, главнымъ образомъ, торгъ всякими книгами, въ томъ числѣ и очень трудно находимыми библіографическими рѣдкостями. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ, а подчасъ и съ юморомъ, передавалъ покойный свои какъ тогдашнія, московскія, такъ и позднѣйшія, петербургскія, похожденія по лавкамъ разныхъ букинистовъ, и какъ онъ съ удовольствіемъ повѣствовалъ о томъ, какъ ему удавалось иногда за пустяки, за гроши, покупать у несвѣдущихъ букинистовъ и книжниковъ весьма цѣнныя книжныя рѣдкости. Надо здѣсь, однако, замѣтить, что Ефремовъ не принадлежалъ къ числу такихъ библіофиловъ, которые, подобно Г. Н. Геннади и Я. Ѳ. Березину-Ширяеву, пріобрѣтали *всякія рѣдкія* книги, даже самаго пустого и ничтожнаго содержанія, только единственно на томъ основаніи, что онѣ рѣдки, трудно находимы или совсѣмъ исчезли изъ продажи. Нѣтъ. Покойный Ефремовъ не такъ относился къ дѣлу собиранія и коллектированія книгъ. Онѣ интересовали его постольку, поскольку представляли собою научное, литературное или историко-литературное содержаніе. Онъ собиралъ преимущественно книги, имѣвшія отношеніе къ исторіи русскаго театра и въ особенности къ исторіи русской литературы XVIII и XIX в. Въ этомъ отношеніи его библіотекѣ, по выраженію одного знатока, „цѣны не было". Собиралъ онъ также и книги по русской исторіи, собралъ, пожалуй, единственную въ своемъ родѣ, коллекцію гравированныхъ и даже литографированныхъ портретовъ русскихъ людей и дѣятелей (какого бы то ни было рода). Много въ его коллекціяхъ было также и рукописей, неизданныхъ (по цензурнымъ или другимъ причинамъ) стихотвореній и др. произведеній русскихъ писателей XIX в. отъ Рылѣева и Пушкина до Некрасова, В. Курочкина и Буренина включительно. Обладая изумительной, феноменальной памятью, Ефремовъ зналъ исторію русской литературы и ея закулисныхъ сторонъ такъ, какъ едва ли зналъ ее кто другой и служилъ, такъ сказать, живой справочной книгой, живой энциклопедіей по части исторіи нашей литературы и нашего театра, и всякій, кто къ нему ни обращался, никто не получалъ отказа: своими знаніями и книгами онъ всегда охотно помогалъ всякому, работавшему въ наукѣ или литературѣ, кто только къ нему обращался за помощью. Онъ не дорожилъ своимъ временемъ и цѣлыми часами отдавалъ его собратамъ по литературѣ и библіографіи. Это скажу не только я, много обязанный Ефремову въ своихъ занятіяхъ, но это скажетъ и всякій изъ литераторовъ, имѣвшихъ знакомство или дѣло съ Петромъ Александровичемъ...

Но пора обратиться къ обзору его литературной дѣятельности. Дѣятельность эта продолжалась ни много, ни мало цѣлыхъ 50 лѣтъ. Началъ онъ ее въ „Современникѣ" 1857 г. (№ 5), гдѣ напечатанъ „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ". Затѣмъ непрерывно потянулась цѣлая масса рецензій, статей и замѣтокъ разнаго рода по исторіи русской ли-

тературы, критики, поэзіи и театра въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1858—61 г.г.), „Отеч. Зап." (1862—67, подъ псевдонимомъ А. Эфирова), „Искрѣ" В. С. Курочкина (1863—67), гдѣ Ефремовъ (подъ разными псевдонимами и анонимно) печаталъ весьма удачныя стихотворныя и драматическія пародіи, „Нашемъ Времени" (1863), „Голосѣ" (1863—1881), „Книжн. Вѣстн." (1864—65 г.г., когда этотъ журналъ Ефремовъ редактировалъ), „Рус. Архивѣ" (1866—1888), „Совр. Обозр." Тиблена (1868) и въ особенности же въ „Рус. Старинѣ". М. И. Семевскаго (1870—1882). Кромѣ того, рядъ статей, замѣтокъ, некрологовъ былъ имъ напечатанъ въ „С.-Пет. Вѣд." В. Корша (1871—73), „Недѣлѣ" (1875), „Всемірн. Иллюстр." (1875), „Нов. Врем." (1875—99), „Росс. Библіографіи" Гартье (1880), „Вѣст. Финансовъ" (1884), „Пантеонѣ Литературы" (1888), „Рус. Вѣд." (1895—99) и др. періодич. изд.

Обращаясь къ содержанію этихъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, можно видѣть, какъ разнообразна была дѣятельность Ефремова въ области библіографіи и исторіи русской литературы. Онъ впервые напечаталъ множество неизданныхъ до него произведеній и писемъ Рылѣева, Пушкина, Лермонтова, Фонвизина, Радищева, Языкова, Баратынскаго, Жуковскаго, Дельвига, Загоскина, Батюшкова, Я. Б. Княжнина, А. Ѳ. Воейкова, гр. А. К. Толстого, Полежаева и др. писателей. Въ числѣ этихъ статей Ефремовъ, между прочимъ, напечаталъ полные и провѣренные имъ по рукописямъ тексты сатиры Воейкова „Домъ сумасшедшихъ" („Р. Стар." 1874 г., № 3), трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій" (ibid. 1871 г., № 6), пародіи П. Н. Семенова „Митюха Валдайскій" на трагедію Озерова „Дмитрій Донской" („Библіогр. Зап." 1861 г., № 15 и „Р. Стар." 1878 г., № 10), офиціальные документы о смерти Грибоѣдова („Р. Арх." 1872 г., №№ 7 и 8) изслѣдованія о портретахъ Лермонтова („Р. Стар." 1875 г., № 9), Бѣлинскаго (ibid. 1876 г., № 2), Гоголя (ibid. 1878 г., № 5 и 1879 г., № 9) и мн. др. цѣнныхъ матеріаловъ. Отдѣльно Ефремовъ напечаталъ въ новыхъ изданіяхъ Новиковскіе журналы „Трутень" (Спб. 1865) и „Живописецъ" (1864), „Матеріалы для исторіи рус. литературы" (Спб. 1867; здѣсь, между прочимъ, перепечатанъ и Новиковскій словарь русскихъ писателей), „Библіографич. сборникъ" (Спб. 1867; сатира В. П. Петрова „Приключеніе шведскаго короля Густава III"), „Полное и обстоятельное собраніе подлинныхъ, историч., любопытныхъ, забавныхъ и поучит. анекдотовъ четырехъ увеселит. шутовъ: Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковскаго" (Спб. 1869—пародія на тогдашнія историч. „изслѣдованія Геннади, Есипова, Семевскаго съ ихъ многочисленными, часто пустячными примѣчаніями), „Сочиненія А. Н. Радищева" въ 2-хъ т. (Спб. 1872; это изданіе, по стараніямъ тогдашняго начальника главн. управл. по дѣламъ печати М. Н. Лонгинова, не разъ осмѣяннаго и уличеннаго Ефремовымъ въ неточностяхъ, было сожжено. Затѣмъ Ефремовъ въ высшей степени старательно и добросовѣстно редактировалъ полныя собранія сочиненій Фонвизина (Спб. 1866), Кантемира (1867—68, 2 т.), В. И. Майкова (1867), В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова (1868). „Пѣсню про царя Ивана Васильевича" Лермонтова (1865), 3-е, 4-е, 5-е, 6-е и 7-е изданіе сочиненій Лермонтова (1873, 1880, 1882, 1887 и 1889), 1-е и 2-е изданія сочиненій Рылѣева

(1872 и 1874), два изданія пушкинскаго „Евгенія Онѣгина“ (Спб. 1874 и М. 1882), 7-е, 8-е, 9-е и 10-е изданія сочиненій Жуковскаго (1878, 1885, 1895 и 1901), „Горе отъ ума“ Грибоѣдова (въ Суворинской „Дешевой Библіотекѣ“, выдержавшее съ 1872 г. до полутора десятка изданій), 3-е (Исакова) и 8-е (Анскаго) изданія сочиненій Пушкина, (СПБ. 1880—81 г. и М. 1882), а также и 7-томное изданіе сочиненій Пушкина, напечатанное Комаровымъ (СПБ. 1887), „Юношескія драмы“ Лермонтова (1881), стихотворенія Полежаева съ біографіей и примѣч. (СПБ. 1889), дополненный и исправленный по рукописи текстъ „Семи статей В. Г. Бѣлинскаго“ (М. 1899, вмѣстѣ съ В. Е. Якушкинымъ). Далѣе онъ редактировалъ изданные Глазуновымъ „Матеріалы для исторіи русск. книжн. торговли“ (1879), сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“ (М. 1899), „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина съ рисунками В. Я. Суреньянца (М. 1899, лучшее и роскошнѣйшее изъ иллюстр. изданій произведеній Пушкина), „Альбомъ Пушкинской выставки въ Москвѣ“ (М 1899). Кромѣ того, Ефремовъ составилъ „Систематич. роспись книгамъ прод. въ кн. маг. И. И. Глазунова“ и 3 прибавленія къ ней (1867 1896, 1871 и 1873), „Указатель къ „Правосл. Обозрѣнію“ 1860—1870“ (М. 1872), участвовалъ въ редактированіи учено-литерат. сборника въ пользу голодающихъ самарцевъ „Складчина“ (Спб. 1874) и негласно редактировалъ и помогалъ въ изданіи сочиненій Ег. П. Ковалевскаго (1866—68), полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева (изд. Н. Г. Мартынова, Спб. 1888) и др. изд. Послѣднимъ крупнымъ его трудомъ было редактированіе суворинскаго изданія сочиненій Пушкина (8 т., Спб. 1903—05). Относительно того, какъ внимательно и добросовѣстно относился Ефремовъ къ редактированію изданій нашихъ классиковъ, можетъ служить то обстоятельство, что каждое послѣдующее ихъ изданіе онъ дополнялъ и вносилъ новыя произведенія (замѣтки, письма, стихотворенія), дополняя ихъ обстоятельными комментаріями и примѣчаніями. Такъ, напр., въ послѣднее (10-е, 1901) г. изданіе сочиненій Жуковскаго имъ внесено впервые цѣлыхъ 82 неизвѣстныхъ до того времени стихотвореній этого поэта. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ писателяхъ, имъ редактированныхъ.

Чего нельзя было напечатать въ нашихъ подцензурныхъ изданіяхъ, то Ефремовъ печаталъ въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ. Такъ, имъ было напечатано дѣло братьевъ Критскихъ въ „Полярной Звѣздѣ“ Герцена (1862 г., кн. VII, вып. 1.) Въ той же „Пол. Звѣздѣ“ были напечатаны и др. доставленные имъ документы и „запрещенныя“ стихотворенія русскихъ поэтовъ.

Немало поработалъ онъ также (въ 70-хъ годахъ) и для Литературнаго Фонда, какъ членъ комитета, секретарь и казначей Фонда.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о покойномъ П. А. Ефремовѣ, какъ о человѣкѣ.

Я познакомился съ нимъ 5 сентября 1873 г., когда обратился къ нему за біографическими о немъ свѣдѣніями для „Дополненія къ Настольному Энциклопедич. Словарю“ Толля, гдѣ я редактировалъ тогда нѣсколько отдѣловъ. Ефремовъ принялъ меня въ высшей степени радушно, охотно сообщилъ мнѣ о себѣ всѣ необходимыя біографическія данныя

и любезно предложилъ мнѣ свою помощь для моей работы по Словарю. Я очень обрадовался такому предложенію. Тогда я былъ еще очень молодъ (мнѣ шелъ 23-й годъ) и еще очень неопытенъ въ дѣлѣ библіографіи и въ историко-литературныхъ розысканіяхъ. Богатѣйшія и неоцѣнимыя коллекціи библіотеки П. А. Ефремова явились для меня настоящимъ кладомъ, неисчерпаемымъ кладеземъ, откуда я, съ его просвѣщенной помощью, и черпалъ многое множество фактовъ, данныхъ и свѣдѣній біографическаго и библіографическаго характера для „Дополненія къ Словарю" Толля. Факты и свѣдѣнія эти относились къ жизни и литературной дѣятельности писателей (XVIII и XIX в.), ранѣе или вовсе пропущенныхъ въ словарѣ или же помѣщенныхъ въ немъ съ неполными свѣдѣніями. Еженедѣльно я приходилъ къ Ефремову, и мы засиживались съ нимъ до часу и двухъ ночи, перебирая его „папки", въ которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ сохранялись всевозможныя, вырѣзанныя изъ массы журналовъ и газетъ (старыхъ и новыхъ) статьи и всякаго рода данныя о писателяхъ. Цѣлыми грудами этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ снабжалъ меня Ефремовъ на домъ для ихъ использованія. Понятно, какъ я ему былъ благодаренъ...

Ефремовъ, вскорѣ послѣ нашего знакомства, пригласилъ меня бывать у него на его „вторникахъ"—литературныхъ вечерахъ. На эти вечера сходились его близкіе знакомые и собратья по литературной дѣятельности. Тутъ я встрѣчался съ братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, М. И. Семевскимъ, А. Ѳ. Горбуновымъ, Я. П. Полонскимъ, С. Н. Шубинскимъ, Д. Ѳ. Кобеко, сенаторами Г. К. Рѣпинскимъ и В. Я Фуксомъ, Н. П. Барсуковымъ, Я. Ѳ. Березинымъ-Ширяевымъ, академикомъ Я. К. Гротомъ, Д. Д. Минаевымъ, Н. А. Демертомъ и со многими другими изъ тогдашнихъ писателей и ученыхъ. Оживленная бесѣда тянулась всегда далеко за полночь, и чего-чего только нельзя было услышать на этихъ вечерахъ по части какъ литературныхъ, такъ и политическихъ фактовъ тогдашняго, равно какъ и предыдущаго времени. И хозяинъ и его гости всегда сообщали много любопытнаго другъ другу или обмѣнивались интересными литературными воспоминаніями. Я ввелъ въ это общество покойнаго поэта А. Н. Плещеева и извѣстнаго критика А. М. Скабичевскаго, привезя ихъ разъ къ Ефремову, съ которымъ они ранѣе не были знакомы. И тому и другому нужны были нѣкоторыя историко-литературныя указанія, которыя Ефремовъ и не замедлилъ имъ сообщить. Въ особенности многимъ обязанъ былъ ему А. М. Скабичевскій, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, при писаніи (въ 80-хъ годахъ) „Очерковъ по исторіи русской цензуры".

Вообще, надо опять повторить, что Ефремовъ всегда радушно и безкорыстно, а часто и съ ущербомъ для себя (рѣдкія книги терялись и зачитывались) помогалъ своими обширными знаніями и неисчерпаемыми коллекціями своей библіотеки всѣмъ и каждому, кто прибѣгалъ къ его помощи.

Онъ былъ человѣкомъ стойкихъ и честныхъ политическихъ и литературныхъ убѣжденій, а также чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ къ людямъ, попавшимъ въ бѣду. Когда я сидѣлъ (съ мая 1876 г) въ Домѣ Предвар. Заключ. по дѣлу о революціонной пропагандѣ, Ефремовъ неустанно

снабжалъ меня книгами и передавалъ мои историко-литературныя работы въ „Словарь" Толля и въ „Рус. Старину". Онъ же (вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ, лично знавшимъ тогдашняго шефа жандармовъ), пользуясь своими связями и знакомствами, выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о моемъ освобожденіи (съ отдачей лишь подъ гласный надзоръ полиціи), которое и состоялось 13 ноября 1876 г. Когда (уже по другому политическому дѣлу) меня въ февралѣ 1877 г. административно ссылали въ Олонецкую губ., Ефремовъ снова принялъ дѣятельное участіе въ моей бѣдѣ и много помогъ мнѣ, какъ тогда, такъ и послѣ, въ долгіе годы четырехъ ссылокъ, тянувшихся до 1898 г. (лишь съ однимъ небольшимъ промежуткомъ 1888—89 гг.). Въ этомъ отношеніи я всегда буду вспоминать о немъ съ живѣйшей признательностью... Помогалъ онъ, кромѣ меня, и многимъ другимъ, такъ какъ былъ человѣкъ съ истинно добрымъ сердцемъ и съ отзывчивой душой...

Вѣрный ученикъ и поклонникъ Бѣлинскаго, Ефремовъ немало гордился и ставилъ себѣ въ положительную заслугу то, что онъ первый розыскалъ (въ 1856 г.) на Волковомъ кладбищѣ могилу великаго критика, бывшую до того времени затерянною и забытою. Онъ же (вмѣстѣ съ другими лицами) принялъ горячее участіе и въ сооруженіи и постановкѣ скромнаго мраморнаго памятника на этой дорогой для Россіи могилѣ...

Д. П. Сильчевскій.

Библіографія.

Феодализмъ въ древней Руси. Н. П. Сильванскаго. *(СПБ. 1907).* Имя г. Павлова-Сильванскаго давно извѣстно довольно широкимъ кругамъ читателей, какъ имя одного изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ историковъ. Профессоръ Сергѣевичъ, столь строгій по отношенію къ своимъ современникамъ, будетъ ли то авторъ „Боярской Думы" Ключевскій, или молодой академикъ Лаппо-Данилевскій, говоря о статьяхъ Павлова-Сильванскаго и выдвигаемой имъ теоріи феодализма въ Россіи, значительно понижаетъ тонъ, относится къ автору какъ старшій товарищъ къ младшему.

На только-что изданной книгѣ, которая должна служить популяризаціи новой доктрины, легко убѣдиться въ томъ, что Павловъ-Сильванскій долго останавливался на всѣхъ тѣхъ сторонахъ древне-русской жизни, которыя представляютъ сходство съ западнымъ феодализмомъ. У французовъ имѣется предразсудокъ, что лучшіе изслѣдователи тѣ, которые въ жизнь свою написали только одно сочиненіе—„L'homme d'un livre",—такихъ у насъ не мало. Изъ современниковъ укажу хотя бы на справедливо оцѣненнаго и въ Англіи, и въ Россіи, и даже въ Германіи профессора Виноградова. Вѣдь со времени защиты его диссертаціи, т. е. за послѣднюю четверть вѣка, онъ все пишетъ одну и ту же книгу. И эта книга болѣе или менѣе занята рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какіе волнуютъ г. Сильванскаго. Виноградовъ пишетъ о зарожденіи еще въ Римской Имперіи отношеній, которыя, такъ сказать, подготовили почву для феодализма. Его интересуетъ также, и опять-таки въ тѣсномъ общеніи съ феодализмомъ, родовой бытъ скандинавскихъ народностей и племенъ древней Германіи, а равно и кельтовъ Ирландіи и Уэльса. Въ Римѣ и въ родовомъ бытѣ варваровъ Виноградовъ одинаково находитъ исходные моменты развитія того помѣстья и той несвободной крестьянской общины, судьбы которыхъ занимаютъ его въ докторской диссертаціи, а затѣмъ снова занимаютъ въ вышедшихъ на англійскомъ языкѣ книгахъ„ О крѣпостномъ правѣ" и „о помѣстьи".

Г. Павловъ-Сильванскій также написалъ уже не мало, но его статьи всѣ вращаются около вопроса о феодализмѣ въ древней Россіи.

Такое сосредоточеніе обоихъ авторовъ на одномъ вопросѣ само уже является залогомъ ихъ серьезнаго отношенія къ нему. Г. Павловъ-Сильванскій перерылъ всѣ источники и показалъ возможность, отправляясь отъ нихъ, дать новое толкованіе многимъ явленіямъ древне-русскаго быта, такимъ, напр., какъ закладничество. Вмѣсто того, чтобы подчеркивать на каждомъ шагу свою оригинальность, такъ сказать, ще-

голять ею предъ читателемъ, онъ постарался связать свою схему съ мыслями, приходившими въ голову еще Карамзину и Соловьеву. Отъ этого его книга не только ничего не потеряла, но, наоборотъ, очень много выиграла. Историческая теорія, доказывающая, что въ древней Руси, одинаково Кіевской и Московской, держались порядки, по характеру своему отвѣчающіе феодальнымъ, не является, какъ deus ex machina, всецѣло исходящей изъ его ума и объясняемой субъективными свойствами послѣдняго, а какъ результатъ вѣковыхъ усилій сближенія русскихъ судебъ съ западными, какъ естественное и необходимое завершеніе того все болѣе и болѣе глубокаго изученія генезиса и характера феодализма на протяженіи всего міра, благодаря которому должна была по необходимости измѣниться и основная точка зрѣнія на него, какъ на особенность германо-романскаго быта. И моему учителю Мэну, и мнѣ самому приходилось уже высказываться о нѣкоторыхъ сторонахъ феодализма, какъ извѣстныхъ и мусульманской Персіи или Индіи. Едва ли кого поразитъ въ настоящее время отождествленіе, такъ называемыхъ, „икта", т. е. земель, поступающихъ въ временное пользованіе на срокъ службы, съ карловинтскими бенефиціями, во всякомъ случаѣ не въ большей степени, чѣмъ уподобленіе послѣднихъ помѣстью, уподобленіе не разъ уже сдѣланное, между прочимъ, мною и повторяемое г. Сильванскимъ. Удивительнаго въ томъ, что феодализмъ былъ общимъ явленіемъ, разумѣется, нѣтъ ничего. Вѣдь стоитъ только вспомнить, что въ условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, при рѣшительномъ перевѣсѣ сельскаго быта надъ городскимъ, земля являлась тѣмъ высшимъ матеріальнымъ благомъ, которымъ вознаграждалась всякая служба: и служба военныхъ людей государю и служба крестьянъ земельному владѣльцу. Отсюда необходимо вытекло и то послѣдствіе, что личныя отношенія осложнились земельными, а земельныя пріобрѣли характеръ политическій. Кто искалъ защиты, уступалъ свою землю сильному человѣку въ собственность, удерживая за собою одно пользованіе. Такъ возникала на Западѣ коммендація, у насъ закладничество, а на мусульманскомъ Востокѣ, такъ называемая, „икбалдава". Сильный человѣкъ настолько сохранялъ свою силу, насколько могъ располагать большимъ числомъ зависимыхъ отъ него людей, а это возможно было подъ условіемъ не только оставленія за ними въ зависимомъ пользованіи того, чѣмъ они ранѣе владѣли въ собственность (на Западѣ алодъ, у насъ отчина, или дѣдина), но и нерѣдкой придачи къ этому земель, полученныхъ въ вознагражденіе за службу. Но чтобы зависимые люди дѣйствительно оставались во власти награждаемаго землею служилаго человѣка, ему необходимо было озаботиться возможно большимъ освобожденіемъ ихъ отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ и судьямъ, что, впрочемъ, было и въ ихъ интересахъ, такъ какъ избавляло отъ вымогательствъ агентовъ далеко отстоящей отъ нихъ власти. Вѣдь не у одного русскаго народа сложилась пословица: „До Бога высоко, до Царя далеко". Интересъ обѣихъ сторонъ требовалъ поэтому созданія тѣхъ порядковъ, которые на Западѣ извѣстны были подъ именемъ иммунитета, а у насъ, какъ доказалъ Павловъ-Сильванскій, передаются грамотами описательно словами „а волостели мои или намѣстники мои, тіуны, не въѣзжаютъ

или не всылаютъ къ такимъ-то владѣльцамъ, ни къ ихъ людямъ, ни почто". Иммунитетъ необходимо предполагаетъ осуществленіе тѣхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ функцій, отъ которыхъ отказались правительственные агенты, самимъ владѣльцемъ бенефиція—помѣстья, или надѣленной тѣми же правами, что и помѣстье, вотчины. Отсюда развитіе той вотчинной юстиціи, которая въ Россіи, какъ и во многихъ государствахъ Запада, въ томъ числѣ Англіи, не знаетъ другихъ ограниченій, „опричь душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ". Эту вотчинную, или патримоніальную юстицію, оговариваютъ дарственныя грамоты, упоминая о надѣленіи служилаго человѣка или церкви и монастыря „селами съ судомъ и данью" или „съ судомъ и со всѣми пошлинами".

Въ сходствѣ условій самодовлѣющаго хозяйства, неправильно называемаго до сихъ поръ многими экономистами натуральнымъ, одинаково на Западѣ и у насъ, лежитъ, разумѣется, причина и общности феодальныхъ порядковъ. Но что эти порядки нерѣдко получали одинаковое внѣшнее выраженіе, что и у насъ имѣлось, напримѣръ, какъ показываетъ Павловъ-Сильванскій, подобіе той самой церемоніи принесенія „присяги въ покорности"—„hommage", это отчасти могло быть вызвано и прямымъ заимствованіемъ съ Запада, при посредствѣ Польши и Литвы. Г. Сильванскій, какъ мнѣ кажется, съ излишней подробностью останавливается на доказательствѣ той мысли, что юридическіе символы, къ которымъ мы обращались въ древней Руси, болѣе или менѣе сходны съ тѣми, какіе встрѣчаются у германскихъ народностей. Я полагаю, что сравненіе могло бы быть распространено и на другія общества, живущія въ тѣхъ же условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, и стоящихъ на той ступени умственнаго развитія, при которой всякое отвлеченіе представляетъ необычное упражненіе мысли. Вѣдь для сравнительнаго историка права неоспоримымъ положеніемъ считается то, напримѣръ, что реальные контракты предшествовали во времени консенсуальнымъ, а для фольклориста такимъ же труизмомъ является признаніе, что на раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ соединяетъ съ частью предмета представленіе о цѣломъ, такъ что на этомъ даже построена цѣлая система магическихъ дѣйствій. Въ такихъ условіяхъ немудрено, если повсюду земельныя сдѣлки, напримѣръ, совершались путемъ реальной передачи изъ рукъ въ руки части отчуждаемаго, гдѣ глыбы земли, а гдѣ и просто соломины, т. е. взращенной на участкѣ травы. Въ сходствѣ присяги подъ дерномъ и обхода межи съ дерномъ на головѣ, практиковавшимся у насъ, съ передачей земельной собственности въ Германіи также съ дерномъ или посредствомъ травы, нельзя поэтому видѣть ничего похожаго на прямое заимствованіе, но нельзя съ одинаковой увѣренностью говорить о томъ, что употребленіе нашими грамотами выраженія „продать одерень въ полницу" не является прямымъ переводомъ латинской фразы „con cespite tradere in proprietatem".

Такимъ образомъ, при анализѣ причинъ совпаденія надо постоянно имѣть въ виду и единство условій, вызывающихъ одинаковость послѣдствій и культурное воздѣйствіе одного народа на другой.

Г. Павловъ-Сильванскій сопоставляетъ русскіе порядки съ феодаль-

выми вообще, но сколько различій въ характерѣ феодализма, если сравнивать между собою такія страны, какъ Франція, Англія, Германія. Возьмемъ хотя бы крѣпостное право. Англійскій крестьянинъ, или керлъ, въ IX вѣкѣ—такой же свободный человѣкъ, какъ и смердъ „Русской Правды". Нѣмецкій крестьянинъ теряетъ свою свободу приблизительно въ то же время, что и русскій, т. е. тогда, когда въ Англіи уже исчезаютъ слѣды крѣпостного права. А если мы зададимся вопросомъ о судьбѣ крестьянъ во Франціи, то намъ придется отмѣтить крѣпостное состояніе многихъ изъ нихъ уже во времена Карла Великаго и редактированія „Полиптика" аббатства Сенъ-Жерменъ-де-Пре монахомъ Ирминономъ. И если далеко не повсюду, то все же на нѣкоторыхъ земляхъ чернаго духовенства можно было встрѣтить крѣпостныхъ людей и въ вѣкъ Вольтера и въ моментъ созыва „учредительнаго собранія". Западно-европейскіе историки еще далеко не выяснили всѣхъ причинъ, обусловившихъ собою особенность феодальныхъ порядковъ той или другой страны. Но на одно обстоятельство уже указано какъ на несомнѣнный источникъ различіе. Это на вліяніе, какое на большую или меньшую законченность процесса феодализаціи имѣетъ устойчивость болѣе раннихъ родовыхъ порядковъ. Работами Себома болѣе или менѣе выяснено, что эти родовые порядки удержались не въ одной только Ирландіи или герцогствѣ Уэльскомъ, благодаря сохранившемуся здѣсь преобладанію Кельтовъ, но и въ Англіи. Родовые порядки несомнѣнно извѣстны были и Кіевской Руси. Достаточно напомнить порядокъ замѣщенія великокняжескаго стола старшимъ въ родѣ, совершенно сходный съ тѣмъ порядкомъ перехода власти вождя и земельнаго собственника, который удержался и въ Ирландіи, и въ Уэльсѣ, и въ шотландскихъ кланахъ, и извѣстенъ подъ наименованіемъ закона о переходѣ „Tannestry", т. е. старшинства отъ брата къ брату, а не отъ отца къ сыну. При родовыхъ порядкахъ семейная община, или нераздѣльный дворъ играетъ роль первичной общественной ячейки. Мы находимъ ее поэтому подъ именемъ „fine" въ кельтическомъ быту. Но что другое, какъ не ту же нераздѣльную семью представляетъ намъ „вервь" „Русской Правды" и упоминаемая тою же „Правдой" свобода „вложиться или не вложиться въ платежъ дикой виры" съ неизбѣжно вытекающимъ отсюда послѣдствіемъ для невложившагося, именно тѣмъ, что отнынѣ ему никто не помогаетъ въ платежѣ виры, а онъ самъ ее платитъ? Я не далекъ отъ мысли, что нашъ феодальный строй ближе всего стоитъ къ тѣмъ порядкамъ вырождающагося родового быта, какіе мы находимъ въ кланахъ Шотландіи, а также въ Ирландіи и Уэльсѣ. Вѣдь земельная зависимость, напримѣръ, поселенцевъ на родовой землѣ отъ начальника клана также осложняется зависимостью личной. Закладничество или коммендація извѣстна и въ древне-ирландскомъ быту, какъ давно указано уже Мэномъ. И возникаетъ она въ условіяхъ, довольно близкихъ къ русскому „серебреничеству". „Серебромъ", или капиталомъ, обыкновенно является ссуда коровъ. Получающій ихъ становится кліентомъ и могъ бы въ грамотахъ указать причиной своей коммендаціи, что передача себя въ руки патрона вызвана тою же нуждою, которая въ актахъ меровингской и карловинской эпохи передавалась словами: „не имѣю во что одѣться и чѣмъ обуться". Особенности

и англійскаго феодализма до эпохи норманскаго завоеванія объясняются сохраненіемъ имъ многихъ чертъ клано-родовыхъ порядковъ. Достаточно напомнить о томъ, что въ раннихъ законахъ англо-саксовъ сама смерть короля ведетъ еще къ уплатѣ головничества или выкупа. Англо-Саксонскій „танъ“ скорѣе дружинникъ при родовыхъ порядкахъ, чѣмъ феодальный сеньеръ. Меня не удивитъ поэтому, если при болѣе детальномъ изученіи русскій феодализмъ окажется ближе стоящимъ къ строю англо-саксонскаго общества временъ Эдуарда Исповѣдника, нежели къ французскому феодализму эпохи Гугона Капета.

Но разобраться во всемъ этомъ—дѣло будущаго, а пока намъ остается только привѣтствовать первую систематическую попытку показать близость нашихъ средневѣковыхъ земельно-сословныхъ отношеній съ западными.

Сочиненіе г. Сильванскаго написано для большой публики, и потому въ немъ не приведенъ тотъ цѣнный матеріалъ, на которомъ основаны главные выводы автора. Часть этого матеріала отпечатана была уже раньше, по крайней мѣрѣ, въ рядѣ извлеченій. Въ систематическомъ же видѣ и въ новой обработкѣ весь матеріалъ появится ближайшимъ образомъ въ диссертаціи нашего молодого, но уже хорошо извѣстнаго историка, которая, какъ можно думать, будетъ посвящена болѣе прочному обоснованію тѣхъ же мыслей, выраженіемъ которыхъ служитъ разобранное нами сочиненіе.

Максимъ Ковалевскій.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. Изданіе второе, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ“. Спб. 1908.

Давно ставшая, въ первомъ изданіи, библіографической рѣдкостью и теперь перепечатанная книга Пыпина о Бѣлинскомъ до сихъ поръ служитъ самымъ лучшимъ и полнымъ источникомъ для біографіи великаго критика и по необходимости замѣняетъ послѣднюю. Трудъ Пыпина и венгеровскія примѣчанія къ собранію сочиненій Бѣлинскаго, не восполняя въ литературѣ пробѣла, составленнаго отсутствіемъ біографіи Бѣлинскаго, даютъ относительно богатую сводку матеріаловъ по Бѣлинскому. Все, что писано о Бѣлинскомъ послѣ Пыпина, основывалось на его книгѣ, которая не разъ была очень щедро использована „біографами“; Е. А. Соловьевъ выкроилъ изъ нея цѣлыя страницы для своего извѣстнаго очерка. Несомнѣнно, она будетъ издаваема еще не разъ.

Покойный Пыпинъ собирался самъ переиздать свою работу и подготовилъ нѣкоторыя дополненія къ ней; они были отмѣчены имъ на одномъ экземплярѣ изданія 1876 г. и по этимъ указаніямъ внесены прямо въ текстъ. Дополненія невелики и сводятся къ вставкамъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ горячихъ тирадъ и фразъ и возстановленію именъ, которыхъ Пыпинъ тридцать лѣтъ назадъ не могъ опубликовать по цензурнымъ и инымъ причинамъ. Въ концѣ книги, особо, даны болѣе обширныя дополненія, извлеченныя изъ собранныхъ Пыпинымъ матеріаловъ; въ нихъ немало интереснаго и характернаго. Выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго, какъ все, что вышло изъ-подъ пера вѣчно горѣвшаго „Bessarione Furioso“, отражаютъ его страстный, пламенный темпераментъ; интересны отрывки изъ писемъ къ Боткину, съ

которымъ Бѣлинскій былъ дружнѣе всѣхъ, и который долго былъ для него проводникомъ идей и литературныхъ интересовъ. Многія письма Бѣлинскаго, особенно письма къ Боткину, даютъ иногда болѣе яркое представленіе о „неистовомъ Виссаріонѣ", чѣмъ его критическія статьи. Въ мрачное николаевское время Бѣлинскій, публицистъ по духу столько же, сколько и эстетическій критикъ, часто бывалъ вынужденъ сдерживать себя передъ кавдинскими фуркузами цензуры,—но зато въ перепискѣ съ друзьями онъ давалъ полную волю накопившемуся гражданскому гнѣву. Вотъ горячая филиппика противъ Николая Полевого (въ письмѣ къ Боткину—621 стр.) и по поводу его „патріотическихъ" пьесъ, которыхъ Бѣлинскій въ своихъ рецензіяхъ могъ касаться только съ „литературной" стороны: „Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого, какъ гадину,—я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлось бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protégé Греча, пріятель Кукольника, безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь—что онъ дѣлаетъ теперь?—проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары. Я могу простить ему отсутствіе эстетическаго чувства, могу простить искаженіе Гамлета, грубое непониманіе, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, глупое благоговоленіе къ риторической музѣ Державина,—но для меня уже смѣшно, жалко, позорно видѣть его фарисейко-патріотическія, предательскія драмы народныя (Иголкина и т. п.), его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь, цѣну, которую онъ даетъ вниманію и вызову срыжной публики, составленной изъ офицеровъ и чиновниковъ; но положимъ, что и это можно извинить отсталостью, старостью, слабостью преклонныхъ лѣтъ и пр.; но его дружба съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ наша литература, страждутъ истинные таланты и лишено силы все благородное и честное,—нѣтъ, братъ, если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ, и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. *Личныхъ враговъ прощу*, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подамъ ему руку отъ души". Прекрасно раскусилъ Бѣлинскій Каткова: въ началѣ 1841 г. онъ писалъ о немъ Боткину и почти предсказалъ, чѣмъ кончитъ Катковъ: „Этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему... Много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее. Это натура полная силы, энергіи, мужества, натура широкая, если еще пока не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сентиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, при его кровяномъ, животномъ организмѣ, чортъ знаетъ до чего можетъ довести его; это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такое положеніе, что отъ случая будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря, куда онъ поворотитъ, пока еще время поворачивать себя въ ту или другую сторону"... Извѣстно, куда „поворотилъ" Катковъ. Ругавшій французовъ

въ періодѣ преклоненія передъ дѣйствительностью и „прекраснодушія“ Бѣлинскій, просвѣтлѣвъ, восторженно пишетъ Боткину о Беранже:—великій, міровой поэтъ, французскій Шиллеръ, который стоитъ нѣмецкаго, христіаннѣйшій поэтъ, любимѣйшій изъ учениковъ Христа! Разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастіи непосредственности—все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексій, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ“...

Прекрасны порывы и увлеченія этого „великаго сердца“, великаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ, представляющаго въ нравственномъ отношеніи такое же великолѣпное явленіе, какъ Пушкинъ въ эстетическомъ,— и старая книга Пыпина, которая разсказываетъ о немъ, всегда будетъ интересна. Составленныя Е. А. Ляцкимъ примѣчанія нѣсколько освѣтили ее, связали съ накопившейся въ тридцать лѣтъ литературой о Бѣлинскомъ; характеръ ихъ не историко-критическій, какъ у г. Венгерова, а библіографическій. (Приводимый г. Ляцкимъ разсказъ Старчевскаго, что Краевскій радъ былъ отказу Бѣлинскаго отъ участія въ „Отечеств. Запискахъ“, нужно опровергнуть; извѣстно изъ переписки Бѣлинскаго, что Краевскій всячески удерживалъ его и разстался съ нимъ очень неохотно). Въ пополненномъ г. Ляцкимъ спискѣ книгъ и статей о Бѣлинскомъ указаны важнѣйшіе матеріалы, появившіеся съ 1877 г. по 1907; списокъ могъ бы быть полнѣе: такъ, не отмѣчены статьи и брошюры Б. Цинскаго, Ч. Вѣтринскаго (1907 г.), Линниченко, Алферова, Острогожскаго, Плеханова и многія другія, явившіяся въ послѣдніе годы. Составленная С. А. Венгеровымъ библіографія литературы о Бѣлинскомъ („Источники словаря русскихъ писателей“, I) кончается 1898 годомъ; при третьемъ изданіи книги Пыпина г. Ляцкій сможетъ дать продолженіе работы Венгерова.

Н. Л.

М. Гершензонъ. *П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908. Стр. IV+320. Ц. 1 р. 25 коп.*

Авторъ книги разсказываетъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка и излагаетъ систематически плоды его мышленія; авторъ вдвигаетъ въ рамки историческаго объясненія необыкновенное явленіе русскаго духа, всегда бывшее нѣсколько непонятнымъ для спеціалистовъ. Г. Гершензонъ ниспровергаетъ ходячія мнѣнія о Чаадаевѣ и главнѣе всего—о его политической революціонности. Чаадаевъ послѣ 25 года—неисправимый политическій реакціонеръ, но надо подняться выше этихъ оцѣнокъ: Чаадаевъ служилъ большей, чѣмъ политическая, вѣчной истинѣ, внутренней свободѣ, подчиняющей себѣ внѣшнюю. Съ этой точки зрѣнія Чаадаевъ неустранимъ изъ исторіи освободительнаго движенія. Г. Гершензонъ очень хорошо намѣчаетъ внутреннее развитіе Чаадаева отъ вольнодумства 20-хъ годовъ черезъ глубокія нравственныя и интеллектуальныя страданія и исканія къ полнѣйшему мистицизму. Авторъ книги удачно связываетъ этотъ мистицизмъ съ крушеніемъ политическихъ надеждъ общества. Ученіе Чаадаева—„своеобразный плодъ мистической идеи на почвѣ исключительно-соціальнаго настроенія русскаго

передового общества 20-хъ годовъ; это міровоззрѣніе декабриста, ставшаго мистикомъ". Мистицизмъ Чаадаева соціаленъ. Г. Гершензонъ въ очень доступной и заинтересовывающей формѣ излагаетъ философскую систему Чаадаева и спеціально его историческую философію Несомнѣнно, это самое цѣльное и стройное и въ то же время легко воспринимаемое изложеніе чаадаевской философіи. Разсказывая объ историческихъ взглядахъ Чаадаева, г. Гершензонъ разрушаетъ довольно распространенное представленіе объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева. Переходя къ изложенію взглядовъ Чаадаева въ тридцатыхъ годахъ, г. Гершензонъ видитъ въ нихъ столь же стройное и логическое развитіе системы „Философическихъ писемъ". Центральный пунктъ мышленія этого періода—объ историческихъ судьбахъ Россіи. Въ „Философическихъ письмахъ" съ вершины своей мистической философіи Чаадаевъ рѣшительно осудилъ прошлое Россіи, а обличенія ея настоящаго не оставляли мѣста никакимъ надеждамъ. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаевъ считаетъ безплодность и пустынность нашего прошлаго залогомъ особенныхъ судебъ Проведѣнія, особенныхъ историческихъ путей Россіи. Въ то же время мѣняются его взгляды на православіе. Отрицаніе смѣнилось признаніемъ православія за одинъ изъ полюсовъ христіанской церкви. Мы не согласны съ авторомъ изслѣдованія какъ въ томъ, что міровоззрѣніе тридцатыхъ годовъ развито у Чаадаева съ тѣмъ же единствомъ исходной точки зрѣнія и съ тою же логикой, какъ философія „писемъ", такъ и въ томъ, что оно является логическимъ завершеніемъ всей системы. Намъ кажется, что во второй половинѣ 30-хъ годовъ системѣ „писемъ" наносятся удары вынужденнымъ стремленіемъ примириться съ русской дѣйствительностью. Намъ кажется нѣсколько преувеличенной общая историческая оцѣнка вклада Чаадаева въ мышленіе человѣчества.

Оставляя открытымъ вопросъ о своевременности напоминанія о Чаадаевѣ, рекомендуемъ интересную и доступно написанную книгу г. Гершензона всѣмъ интересующимся судьбами русскаго мышленія, или вѣрнѣе, всякому, кто считаетъ себя и хочетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ. Стыдно такому человѣку не знать философіи Чаадаева, а, т. н., большая публика поистинѣ не знаетъ ея.

Было бы грѣшно не сказать, что въ приложеніяхъ къ книгѣ данъ переводъ „Философическихъ писемъ", апологіи сумасшедшаго, трехъ писемъ къ А. И. Тургеневу, письма къ Сиркуру и къ неизвѣстному Такимъ образомъ читателю представлена возможность прочесть мало доступныя сочиненія Чаадаева въ хорошемъ переводѣ. Книжка г. Гершензона является и изслѣдованіемъ и собраніемъ сочиненій Чаадаева. Кромѣ того, приложенъ и прекрасно выполненный фототипическій портретъ Чаадаева.

П. Щ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Францъ Лютгенау. Естественная и соціальная религія. Спб. 1908 г. Пер. В. Величкиной. Ц. 1 р.

Ф. Купчинскій. Портъ-Артурскіе „герои". Ц. 1 р.

А. Өедоровъ. Стихотворенія. Изд. С. В. Бунина. Ц. 1 р.

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами. Изд. С. В. Бунина. Ц. 3 р. 50 к.

Эрнестъ Унтерманъ. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго. Пер. съ нѣм. И. Г. Наумова. Подъ ред. П. Дауге. Изд. П. Г. Дауге. М. 1907 г. Ц. 60 к.

Ю. Волинъ. Разсказы. 2-ое доп. изданіе. Из—во „Прометей". Спб. Ц. 1 р.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. 3-е, т. I. Исторія развитія русской фабрики въ XIX в. Ц. 2 р. 50 к.

С. Мельгуновъ. Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. Ц. 15 к. Складъ изд. въ маг. Т—ва И. Д. Сытина.

Изданія Т—ва „Знаніе":

П. Кропоткинъ. Т. VII. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Перев. съ англ. В. Батуринскаго подъ ред. автора. Ц. 1 р. Спб. 1907 г.

С. Найденовъ. Т. I. Пьесы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Гюставъ Флоберъ. Искушеніе св. Антонія. Пер. съ фр. Бориса Зайцева. Ц. 30 к.

Семенъ Юшкевичъ. Король. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 60 к. Спб. 1908 г.

Изданія М. М. Зензинова:

Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Памяти декабристовъ. 40 фотогр. рисунковъ. Ц. 3 р.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1907 г.

П. П. Черненковъ. Аграрная программа партіи Народной Свободы и ея послѣдующая разработка. Спб. 1907 г. Безпл. приб. въ „Вѣстнику Нар. Свободы". 1907 г.

Н. С. Русановъ (Кудринъ) Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. 2 тома. Ц. 3 р. изд. 2-е дополн.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое махаевщина? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. Изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 50 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Кн. III. Тифлисъ 1908 г. Ц. 50 к.

П. Бирюковъ. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ прилож. избр. духоборч. псалмовъ. Съ рисунками и портретами. Изд. Посредника. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Н. А. Рожковъ. Отъ самовластія къ народовластію. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. 1908 г. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р.

Э. Геккель. Естественная исторія міротворенія. Общепонятное научное изложеніе ученія о развитіи. Ц. 2 р. К—во „Мысль". 1908 г. Спб. Соціалистическая исторія 1789—1900 г. Подъ ред. Жана Жореса, т. I. Учредительное Собраніе 1789—1791 г. Жана Жореса. Пер. Е. Бартеневой, М. Львовой, Н. Тютчева. Кн во „Даль". 1908 г. Ц. 2 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Герценъ (характеристика). Т—во „Издательское Бюро". 1908 г. Спб. Ц. 20 к.

С. Лозинскій. Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. Кн—во „Серпъ". 1907 г.

„Серпъ" сборникъ первый. Книгоизд. „Серпъ". Кіевъ. Ц. 50 к.

„Серпъ" сборникъ второй. Ц. 1 р.

Т. Осадчій. Борцы за землю и правду. Ц. 1 р. 1908 г. Романъ-былое изъ соц. жизни на Украйнѣ.

Л. Ш—гъ. Трагедія шестимилліоннаго народа. Ц. 10 к. 1908 г.

Б. В. Добрышинъ. Задачи современной интеллигенціи. 1908 г. Ц. 25 к.

Протоколы Конференціи Россійскихъ Націон. Соц. Партій. Кн—во „Сеймъ" 1908 г. Ц 60 к.

„Вѣрьте себѣ" Л. Н. Толстого.

Ш. Бодлэръ. Исканія рая. Пер. В. Лихтенштадтъ. Ц. 1 р.

Щукинскій сборникъ. Вып. 7-ой. Изд. Отд. Импер. Росс. Ист. Музея имени Имп. Алекс. III. Музея П. И. Щукина.

Дѣло о выборгскомъ воззваніи. Стенографическій отчетъ о засѣд. особ. присут. Спб. суд. палаты 12—18 декабря 1907 г.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ
при
НИКОЛАЕВСКОМЪ
кавалерійскомъ училищѣ
ПАМЯТНИКА
М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ.
29 Сентября 1907 года.
№ 10/4381
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Ново-Петергофскій, 24.

Милостивый Государь.

Въ 1914 г. настанетъ столѣтіе со дня рожденія (2 октября 1814 г.) поэта **М. Ю. Лермонтова.**

Николаевское кавалерійское училище, въ стѣнахъ коего поэтъ воспитывался и въ которомъ имѣется уже музей **Лермонтова,** взяло на себя починъ открыть подписку на сооруженіе памятника поэту въ С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ соизволилъ **Всемилостивѣйше** разрѣшить произвести повсемѣстно сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника, который долженъ служить украшеніемъ столицы.

Памятникъ этотъ предполагается поставить на Ново-Петергофскомъ проспектѣ передъ зданіемъ училища.

Для сбора пожертвованій, разработки проекта памятника и его сооруженія при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ образованъ особый комитетъ.

Комитетъ надѣется на сочувствіе всей Россіи, такъ какъ имя поэта **Лермонтова** составляетъ гордость всей страны.

Пожертвованія просятъ присылать на имя Комитета въ г. С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, 24.

Не откажитесь, Милостивый Государь, помѣстить настоящее мое письмо на страницахъ Вашего уважаемаго изданія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Предсѣдатель Комитета **Л. Девидъ.**

Комитетъ проситъ всѣ провинціальные газеты и журналы перепечатать это письмо.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы и торговли

„Орловскій Вѣстникъ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

на 11 мѣс. 6 р 50 к., на 10 мѣс. 6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 2 мѣс. 1 р. 70 к., на 1 мѣс. 90 к., на $^{1}/_{2}$ мѣс. 50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

ДЛЯ УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платой не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—„въ разсрочку", иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Подписка въ разсрочку принимается только на годъ или полгода.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за каждую строку петита въ 33 буквы, въ 1 столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. а въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка 10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%. За адресы въ 5 строкъ на 1-й страницѣ газеты 20 руб. въ годъ—150 разъ; 12 руб за 75 разъ, 8 руб. за 38 разъ и 4 руб. за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 руб. съ 1000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 коп., при чемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

ВЪ ОРЛѢ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника", Зиновьевская улица, домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

Въ отдѣленіяхъ конторы: ВЪ ЕЛЬЦѢ—книжномъ магазинѣ З. П. Залкинда. **ВЪ БРЯНСКѢ**—Авиловская улица, домъ Сурнина. А. К. Федоровъ. **ВЪ БОЛХОВѢ**—Карачевская улица, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты: ВЪ ЕЛЬЦѢ—Торговая ул., кн. маг. Залкинда и маг. Пузевскаго. **ВЪ КАРАЧЕВѢ**—въ маг. К. А. Хализевой и Ясковскаго. **ВЪ БРЯНСКѢ**—въ библ. г. Ѳедорова **ВЪ ТРУБЧЕВСКѢ**—магаз. И. И. Гамова—Сафьянова. **ВЪ ЛИВНАХЪ**—библіотекѣ г. Крафтъ. **ВЪ ЛИПЕЦКѢ**—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго. **ВЪ МЦЕНСКѢ**—магаз. Половнева и въ кн. маг. Иванова. **ВЪ ДМИТРОВСКѢ**—въ гал. маг. Антокольскаго.

Издатель **А. И. Аристовъ**. Отв. Редакторъ **М. Я. Андреевъ**.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ 2

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ФЕВРАЛЬ

1908
СПБ

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул.*, *№ 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

Digitized by Google

N 2

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ФЕВРАЛЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типолитографія „Энергія", Загородный, 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРИСТЫ-МАСОНЫ.

Русское масонство въ XVIII в. изслѣдовано очень подробно трудами Ешевскаго, Лонгинова, Пыпина, Пекарскаго, А. Попова, Тихонравова и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Гораздо меньше сдѣлано для изученія масонства въ Россіи въ первой четверти XIX в. До самаго послѣдняго времени этой эпохѣ нашего масонства были посвящены изслѣдованія почти одного А. Н. Пыпина. Меньшее вниманіе нашихъ ученыхъ къ исторіи новѣйшаго періода русскаго масонства объясняется отчасти болѣе видною ролью масоновъ въ общественномъ движеніи въ царствованіе Екатерины II сравнительно съ эпохою Александра I, частью же меньшею доступностью матеріаловъ этого послѣдняго времени. И теперь большая коллекція масонскихъ документовъ, хранящаяся въ архивѣ департамента полиціи, оказывается недоступною для изслѣдованія.

Въ самое недавнее время появилась интересная книга Т. О. Соколовской („Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія"), посвященная преимущественно изученію эпохи Александра I, хотя авторъ дѣлаетъ значительные экскурсы и въ XVIII вѣкъ. Матеріалами для г-жи Соколовской, кромѣ печатныхъ источниковъ, послужили документы многихъ архивовъ и хранилищъ рукописей, и ея трудъ, несмотря на его сравнительно небольшой объемъ, значительно подвигаетъ впередъ изученіе русскаго масонства въ первой четверти XIX вѣка. Но, не говоря уже о томъ, что нельзя согласиться со всѣми взглядами автора, нѣсколько идеализирующаго масонство эпохи Александра I, Т. О. Соколовская сама ограничиваетъ задачу своего очерка и „намѣренно оставляетъ безъ разсмотрѣнія" связь русскаго масонства съ заграничнымъ, исторію масонскихъ системъ и отдѣльныхъ ложъ, подробности ритуала, мистической и филантропической дѣятельности, масонскихъ законоположеній, внутренней жизни ложъ; по ея справедливому замѣчанію, все это еще требуетъ „самостоятельнаго изслѣдованія". По нѣкоторымъ изъ указанныхъ вопросовъ г-жею

Соколовской напечатано въ послѣдніе годы не мало матеріаловъ въ „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“ и издаваемомъ въ Кронштадтѣ журналѣ „Море“, но все же мы еще не скоро будемъ имѣть полную исторію русскаго масонства въ первой четверти XIX вѣка.

А между тѣмъ масонство этого времени представляетъ значительный интересъ для исторіи нашего общественнаго движенія, какъ это видно уже изъ того, что нѣсколько десятковъ членовъ нашихъ тайныхъ обществъ были нѣкоторое время масонами. Участіе декабристовъ въ масонскихъ ложахъ составляетъ основную задачу нашего очерка, но, при всей ограниченности нашей темы мы не нашли возможнымъ обойтись безъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ экскурсовъ. Относительно XVIII в. я ограничиваюсь лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о политическомъ міросозерцаніи масоновъ этого времени. Переходя въ XIX вѣкъ, я разсматриваю правительственную регламентацію нашего масонства, нерѣдкіе случаи гоненія на него и, наконецъ, окончательное закрытіе масонскихъ ложъ во всей Россіи. Затѣмъ я займусь основнымъ вопросомъ моего очерка о декабристахъ-масонахъ и постараюсь выяснить причины ихъ охлажденія къ масонству; наконецъ, я предполагаю коснуться нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ, западныхъ вліяній на нашихъ масоновъ. Въ виду неполной доступности матеріаловъ по этимъ вопросамъ я отнюдь не могу претендовать на полноту изложенія и въ указанныхъ границахъ, но все же надѣюсь нѣсколько пополнить имѣющіяся въ нашей научной литературѣ свѣдѣнія о масонствѣ первой четверти XIX вѣка.

I.

Въ масонскихъ ложахъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ участвовали нѣкорыя лица съ либеральными политическими взглядами. Такъ, напримѣръ, по полицейскому дознанію, произведенному около 1756 года, оказался масономъ извѣстный впослѣдствіи историкъ кн. М. М. Щербатовъ, который въ своихъ сочиненіяхъ (правда, позднѣйшихъ и въ свое время не напечатанныхъ) высказался за ограниченіе самодержавной власти. Къ числу послѣдователей англійскаго масонства принадлежалъ въ 1775 г. Н. И. Панинъ, который мечталъ о преобразованіяхъ государственнаго строя, основанныхъ на введеніи дворянскаго представительства. Но это не должно вызывать предположенія, что и масонскія ложи, въ которыхъ они участвовали, проявляли какія-либо стремленія къ политическимъ реформамъ.

Н. И. Новиковъ, сдѣлавшійся масономъ въ половинѣ 1770-хъ годовъ, иногда въ издаваемыхъ имъ журналахъ помѣщалъ статьи, очевидно, имѣвшія цѣлью проведеніе либеральныхъ идей и обличеніе высшихъ правительственныхъ сферъ. Въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, который издавался въ

Петербургѣ, въ 1777—80 годахъ помѣщена переведенная (съ небольшими сокращеніями) изъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескье притча о троглодитахъ (небольшомъ племени, живущемъ въ Аравіи), прославляющая гражданскія доблести, духъ братства и солидарности, почти коммунизма въ этой маленькой республикѣ. Когда они задумываютъ избрать „царемъ“ самаго справедливаго изъ нихъ, онъ несочувственно относится къ этому, говоря, что умретъ отъ горести, видя „въ подданствѣ“ троглодитовъ, „рожденныхъ въ свободѣ“ [1]). Авторъ статьи „Путешествіе добродѣтели“ (ч. III, 160—162) восторженно отзывается объ англійскомъ государственномъ устройствѣ: отъ англійскаго короля, говоритъ онъ, отнято „могущество вредити чрезъ наисовершеннѣйшее законодательство“. Въ Англіи „наипослѣднѣйшій изъ народа разсуждаетъ, имѣя власть сообщать мысли свои и каждому побужденію ко благу безпрепятственно слѣдовать, ученые не опасаются ни притѣсненія, ни изгнанія, всѣ науки процвѣтаютъ... Типографіи были повсюду свободны и печатали безчисленное множество различныхъ сочиненій“.

Въ „Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи“ [2]) было помѣщено письмо „О государяхъ“ съ отвлеченными обличеніями несправедливости, жестокости государей, описаніями ненависти къ нимъ подданныхъ, если государи не пользуются хорошими совѣтами и слѣдуютъ дурнымъ. Но, несомнѣнно, намекъ на современныя условія русской жизни представляло довольно подробное указаніе на то, какъ вредна для государства излишняя страстность государя въ любви, а также, быть можетъ, и цитата изъ одного писателя, выражающаго удивленіе по поводу того, что обыкновенно „чѣмъ болѣе государь царствуетъ, тѣмъ менѣе умѣетъ управлять“. Въ передовой статьѣ (того же журнала) нѣмецкаго богослова Іерузалема указывается на заблужденіе тѣхъ „великихъ людей“, которые все свое величество видятъ „въ страхѣ сосѣдей и въ невольничествѣ подданныхъ“ (II, 6). Государь долженъ отдалить отъ себя роскошь: только тамъ въ народѣ изобиліе, гдѣ нѣтъ роскоши при дворѣ (I, 312). Въ одной статьѣ „Московскаго Ежемѣсячнаго Изданія“ проповѣдуется даже право сопротивленія: „если жъ, отвергая даруемое намъ небомъ, вмѣсто пастыря народа“ сдѣлается монархъ „расхитителемъ онаго, то покорность сему тирану учинится измѣною противъ рода человѣческаго“ (III, 1781 г., 261—262). Въ статьѣ „Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона“, напечатанной въ „Прибавленіи къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1784 года, сказано, что Ва-

---

[1]) „Утренній Свѣтъ“ 1778 г., IV, 208—221; ср. *Монтескье* „Персидскія письма“, Спб. 1892 г., стр. 20—30; *Lichtenberger*, Le socialisme au XVIII siècle, P. 1895, p. 85—86.

[2]) 1781 г., ч. II, 247—258.

шингтонъ „основалъ республику, которая, вѣроятно, будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“ (стр. 372). Но приведенныя цитаты вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы редакція журнала обладала опредѣленнымъ политическимъ міросозерцаніемъ, такъ какъ въ другихъ статьяхъ „Московскаго Ежемѣсячнаго Журнала“ проводятся взгляды консервативные. „Царскимъ законамъ повинуйся и ихъ волю почитай за твердѣйшій законъ“, совѣтуетъ „Рѣчь Исократа къ Демонику“ (I, 151). „Не наслаждается ли добродѣтельный, если, впрочемъ, онъ не бываетъ невольникомъ ни у какого мучителя, во *всякомъ* государствѣ равною свободой?“ говоритъ Стратонъ въ „Письмѣ къ сыну“ (III, 166). Тутъ есть вылазка противъ крѣпостного права, но сказывается равнодушіе къ формѣ правленія.

Недавно было высказано предположеніе, что извѣстный масонъ, московскій профессоръ Шварцъ, „едва ли не былъ *иллюминатомъ*“ [1]); но приведенныя въ пользу этого преположенія соображенія совершенно недостаточны для такого вывода. Орденъ иллюминатовъ, основанный въ 1776 г. проф. Вейсгауптомъ въ г. Ингольштадтѣ въ Баваріи, одною изъ своихъ задачъ ставилъ противодѣйствіе всякаго рода деспотизму; Вейсгауптъ мечталъ о томъ, что государи и раздѣленіе на отдѣльные народы исчезнутъ безъ всякаго насилія; поэтому иллюминатовъ стали обвинять въ стремленіи къ потрясенію престоловъ и алтарей, въ томъ, что они называютъ государей узурпаторами, сохраняющими свою власть лишь благодаря поддержкѣ со стороны духовенства [2]). Въ 1784 г. всѣ ложи масоновъ и иллюминатовъ въ Баваріи были закрыты, а въ слѣдующемъ году Вейсгауптъ лишился каѳедры и бѣжалъ оттуда [3]). Въ 1781 г. московскіе масоны дали Шварцу полномочіе искать степеней и статутовъ древняго истиннаго масонства, а не актовъ системы „строгаго наблюденія“ (основанной въ Германіи Hund'омъ) [4]) или французской, или же вообще имѣющей политическій характеръ. Въ Берлинѣ пасторъ Вёльнеръ увлекъ его въ отличающуюся особенно мистическимъ характеромъ вѣтвь масонства—розенкрей-

---

[1]) *Сиповскій*. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“, прилож. стр. 9—12.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, 2 Aufl. 1865, II, 14, 26; Vollständige Geschichte der Verfolgung der Illuminaten in Bayern, 1786, (сочиненіе Вейсгаупта), I, 259; ср. объ иллюминатахъ въ ст. Пыпина „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ“, „Вѣстн. Евр.“, 1867 г., IV, 39.

[3]) Любопытно, что членомъ ордена иллюминатовъ былъ Бонневилль въ Парижѣ (*Findel*. Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl., s. 311), сочиненія котораго имѣли вліяніе на М. А. Дмитріева-Мамонова, предполагавшаго вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ въ 1814—17 гг. учредить общество русскихъ рыцарей. См. мою статью „Очерки изъ исторіи политическихъ и обществ. идей декабристовъ“. „Рус. Богат.“ 1907 г., № 12.

[4]) См. о ней *Findel*. Geschichte der Freimaurerei, 7-te Aufl, 1907, I, 5—56.

церство—и далъ ему полномочіе составить изъ избранныхъ братьевъ кругъ розенкрейцеровъ. Заключать о принадлежности Шварца къ ордену иллюминатовъ только потому, что онъ, по одному позднѣйшему и очень неопредѣленному свидѣтельству [1]), „съ большою смѣлостью, не взирая ни на что, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія“, совершенно невозможно [2]), тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе розенкрейцеры, и Вёльнеръ въ томъ числѣ, весьма враждебно относились къ иллюминатамъ [3]). Правда, гр. Растопчинъ въ запискѣ о мартинистахъ, представленной имъ въ 1811 г. вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ [4]), утверждаетъ слѣдующее: „пока кн. Прозоровскій старался обнаружить замыслы мартинистовъ и добыть противъ нихъ вѣрныя улики, было перехвачено письмо отъ баварскихъ иллюминатовъ къ Новикову, написанное мистическимъ слогомъ и на ясное истолкованіе котораго невозможно было его склонить... Императрица“, продолжаетъ Растопчинъ, „хранила у себя нѣкоторыя важныя бумаги по дѣлу о мартинистахъ, въ томъ числѣ письменные ихъ списки, письмо мюнхенскихъ иллюминатовъ къ Новикову, допросы главныхъ членовъ общества, показанія и повинныя нѣкоторыхъ изъ лицъ, метавшихъ между собою жребій, кому посягнуть на ея жизнь. Всѣ эти бумаги заключались въ бѣлой картонкѣ, которая находилась въ ея рабочемъ кабинетѣ въ Петербургѣ съ надписью „Дѣла о мартинистахъ“. Растопчинъ сдѣлалъ и словесный доносъ имп. Павлу на мартинистовъ, сообщилъ ему о письмѣ изъ Мюнхена, „объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій“ и проч. Несмотря на эти подробности, приводимыя Растопчинымъ, слѣдуетъ рѣшительно отрицать правдивость его показанія, такъ какъ въ напечатанныхъ уже нынѣ допросахъ Новикова и его товарищей [5]) нѣтъ ни упоминанія о письмѣ къ Новикову отъ баварскихъ иллюминатовъ, ни тѣмъ болѣе указанія на метаніе жребія относительно убійства императрицы. Новиковъ рѣшительно утверждаетъ, что среди нихъ не было иллюминатовъ [6]). О полной неосновательности смѣшенія иллюми-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., т. I, 1035.

[2]) О дѣйствительномъ содержаніи лекцій Шварца можно найти указанія въ статьѣ *А. В. Семеки* „Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства“. „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1902 г.

[3]) Allgem. Handb. der Freimauretei II, 27; Vollständ. Geschicte der Verfolgung der Illuminaten I, 266—270.

[4]) „Русскій Архивъ“ 1875 г., № 9, стр. 76.

[5]) *Лонгиновъ*. „Новиковъ и московскіе мартинисты“ 1867 г., прилож. стр. 072—0146. „Сборн. Истор. Общ.“ II, 96—158.

[6]) Лонгиновъ. Прилож. стр. 0105—0106, ср. „Сборн. Истор. Общ.“ II, 116—128. Впрочемъ, Новикову не удалось убѣдить слѣдователя въ непричастности къ ихъ обществу иллюминатовъ. Въ возраженіи (вѣроятно, Шетковскаго) на его показаніе повторяется увѣреніе, что „повелѣніе, писанное рукою (Новикова), точно говоритъ, чтобъ ихъ (иллюминатовъ) терпѣть и не обличать, а посему можно ли уже вѣрить, чтобы у нихъ сборища иллюминатовъ не было, буде они и сами не тѣ-жъ“. „Сбор. Истор. Общ.“ II, 128. Новиковъ же заявилъ,

натовъ съ мартинистами говоритъ также въ своихъ запискахъ Руничъ [1]).

Одинъ изъ выдающихся русскихъ розенкрейцеровъ, И. В. Лопухинъ, въ составленномъ имъ „Катехизисѣ истинныхъ франкмасоновъ" [2]), говоритъ, что истинный франкмасонъ „долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому... Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти" [3]).

Подъ вліяніемъ размышленій о несправедливости обвиненій, взводимыхъ на розенкрейцеровъ, Лопухинъ напечаталъ въ 1791 г. въ ограниченномъ числѣ экземляровъ и безъ всякаго разрѣшенія сочиненіе подъ заглавіемъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости", гдѣ устанавливаетъ, между прочимъ, слѣдующія правила, которымъ долженъ слѣдовать „каждый Духовный Рыцарь": 1) „непоколебимая вѣрность и покорность своему государю, съ особливою обязанностью охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства, и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное, тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ". 2) „Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ". 3) „Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми" [4]). Правда, есть преданіе, будто остальные розенкрейцеры не одобряли изданія

что совершенно не понимаетъ, о какомъ его собственноручномъ повелѣніи относительно необличенія иллюминатовъ идетъ дѣло. Лонгиновъ, 0105. Предписаніе о недѣланіи иллюминатамъ „никакого явнаго препятствія" по неуличеніи ихъ, но о сохраненіи добрыхъ думъ отъ ихъ злыхъ когтей см. *Пыпинъ* „Матер. для истор. масонскихъ ложъ". „Вѣст. Евр." 1872 г., № 1, 193—194.

[1]) „Русская Старина" 1896 г., № 11, стр. 316. Курьезно, что аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій въ Россію при Павлѣ, обвиняетъ самого Растопчина въ сношеніяхъ съ главами иллюминатовъ. „Древняя и новая Россія" 1878 г., № 10, стр. 167.

[2]) Онъ былъ изданъ въ 1790 г. первоначально во французскомъ переводѣ самого Лопухина подъ заглавіемъ „Catéchisme moral pour les vrais F. M." и какъ бы сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ за границею.

[3]) Записки И. В. Лопухина. „Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос." 1860 г., т. II, 26.

[4]) „Духов. Рыцарь", 5791, стр. 3—4. Тѣмъ не менѣе Лопухинъ позднѣе указалъ на такія причины французской революціи: „Злоупотребленія власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій". Записки, стр. 22.

„Духовнаго Рыцаря“, и что Лопухинъ напечаталъ его въ противность ихъ желанію, между прочимъ, потому, что онъ высказалъ въ этомъ сочинени нѣсколько мыслей, не вполнѣ согласныхъ съ истиннымъ духомъ розенкрейцерскаго ученія [1]), но нѣтъ основанія думать, что неодобреніе товарищей относилось къ приведеннымъ мѣстамъ сочиненія Лопухина.

Въ 1794 г. Лопухинъ издалъ въ Калугѣ, подъ псевдонимомъ Россіянинъ, книжку, направленную противъ революціонеровъ, подъ заглавіемъ „Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій“. Здѣсь авторъ также является сторонникомъ самодержавной власти и указываетъ на то, что „всѣ искуснѣйшія въ наукѣ градочинія признали, что единоначаліе есть лучшій образъ правленія, наипаче для пространныхъ областей“. Авторъ негодуетъ на „нечестивыхъ татей философскаго имени“ за проповѣдуемыя ими идеи равенства и буйной свободы и утверждаетъ, что равенства и быть не можетъ. Свобода же состоитъ въ слѣдованіи святому уставу добродѣтели или устраненію отъ зла [2]).

Въ XVIII и первой четверти XIX вѣка среди русскихъ масоновъ былъ очень распространенъ „Уставъ Вольныхъ Каменьщиковъ“, утвержденный на конвентѣ масоновъ въ Вильгельмсбадѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Конвентъ былъ собранъ въ 1782 г., но въ одной русской рукописи есть указаніе, что уставъ былъ утвержденъ въ Петербургѣ въ 1787 г. Въ немъ мы находимъ такія постановленія объ обязанностяхъ масоновъ относительно государей: „Высочайшее Существо ввѣрило положительнѣйшимъ образомъ власть свою на землѣ государю; чти и лобызай законную власть надъ удѣломъ земли, гдѣ ты обитаешь: твоя первая клятва принадлежитъ Богу, вторая Отечеству и Государю... Ты чтишь родителей своихъ, чти равно съ ними и отцовъ Государства. Они суть особы, представляющія Божество на землѣ сей. Если они ошибаются, сами они отвѣчать будутъ предъ Судьею Царей; но твое собственное разсужденіе, по часту несправедливое, не можетъ уволить тебя отъ повиновенія. Молись о ихъ охраненіи... Ежели сердце твое не будетъ болѣе отъ радости трепетать при нѣжномъ имени Отечества и Государя твоего, то Каменьщики извергнутъ тебя изъ нѣдра своего, яко противника общаго порядка, яко недостойнаго быть участникомъ въ преимущественныхъ вы-

---

[1]) *Лонгиновъ*, 306; *Ешевскій*. Сочиненія III, 425.
[2]) О Лопухинѣ см. ст. *А. Суровцева*: „И. В. Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность“. „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1900 г., №№ 3—6.

годахъ такого общества, которое заслуживаетъ довѣренность и уваженіе государей..." [1]).

Можно ли однако рѣшительно утверждать, что „иллюминатовъ въ Россіи вовсе не существовало", какъ это дѣлаетъ П. Н. Милюковъ? [2]). Мнѣ кажется, что было бы осторожнѣе воздержаться отъ такого категорическаго утвержденія. Геттнеръ въ главѣ объ иллюминатахъ въ своей „Исторіи литературы XVIII в." утверждаетъ, что они были въ Россіи такъ же, какъ и въ Даніи и Швеціи, но не приводитъ никакихъ доказательствъ [3]). Сохранился дневникъ на нѣмецкомъ языкѣ одного москвича-розенкрейцера (1784—87 гг.), посѣтившаго Петербургъ, Дерптъ, Ригу и пріѣхавшаго въ Берлинъ, гдѣ и ведена большая часть дневника. Во время пребыванія въ Ригѣ авторъ его замѣчаетъ: „Бергманъ считаетъ Шварца" (московскаго профессора) „и другихъ за сумасбродовъ (für Schwärmer); переписывается съ иллюминатами, которыхъ акты у него въ большой книгѣ [4]). Кромѣ того, въ сочиненіи Маркарда о врачѣ и философѣ Циммерманѣ, съ которымъ переписывалась Екатерина II, приводится письмо придворнаго врача императрицы Вейкарда въ февралѣ 1786 г. „о томъ, что кн. Репнинъ получилъ иллюминатскую степень (Provincial der Illuminaten in Russland) отъ герцога Брауншвейгскаго". Сопоставляя это извѣстіе съ показаніемъ Новикова, Пыпинъ признаетъ возможность иллюминатскихъ сношеній князя Репнина, но все же полагаетъ, что извѣстіе Вейкарда о полученіи иллюминатской степени вызвано недоразумѣніемъ. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы въ Россіи вовсе не было иллюминатовъ, но во всякомъ случаѣ Пыпинъ совершенно правъ, когда говоритъ, что „масоны Новиковскаго кружка не только были неповинны въ какомъ-либо иллюминатствѣ, но по наставленіямъ своихъ берлинскихъ „отцовъ" простодушно считали иллюминатовъ извергами человѣческаго рода", хотя Новиковъ замѣчаетъ, что, по словамъ самихъ „отцовъ", въ иллюминатствѣ „набрано много добраго", только оно служитъ „для прельщенія". Они утверждали, что это тайное общество „происходитъ изъ *ада*, хотя великолѣпнымъ именемъ *свѣта* одѣваетъ себя" [5]). Лопухинъ въ письмѣ къ Кутузову въ Берлинъ въ ноябрѣ

---

[1]) *Т. Соколовская.* „Уставъ Вольныхъ Каменьщиковъ XVIII—XIX вѣковъ". „Море" 1907 г., № 25—26.

[2]) „Очерки изъ исторіи русской культуры", ч. III, вып. 2. стр. 164.

[3]) „Literaturgeschichte des XVIII Iahrhunderts", III Th., II Buch, 2 Aufl. 1872, s. 349.

[4]) *Пекарскій.* „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи", стр. 81.

[5]) *Пыпинъ.* „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ". „Вѣстн. Евр.", IV, 40, 46—47; *Лонгиновъ*, прилож. стр. 091, 0100, ср. 077. Другою статьею Пыпина недоразумѣніе относительно Н. В. Репнина разъясняется: онъ былъ принятъ въ члены авиньонскаго общества „Новаго Израиля", члены котораго назывались Illuminés d'Avignon. *Пыпинъ.* „Матер. для истор. мас. ложъ". „Вѣст. Евр." 1872 г., № [illegible], 203—207.

1790 года изъ Москвы писалъ: „здѣсь..., *кажется,* ихъ“ (иллюминатовъ) „нѣтъ слава Богу, въ Москвѣ же, *кажется,* можно сказать увѣрительно, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ. Дай Богъ, чтобы они здѣсь и не заводились“. Впрочемъ, письмо это было написано съ цѣлью оправдать масоновъ предъ правительствомъ въ полной увѣренности, что письма подвергаются перлюстраціи. Тѣмъ важнѣе, что Лопухинъ не отрицаетъ рѣшительно существованія иллюминатовъ въ Россіи [1]).

Вліяніе иллюминатства въ Россіи, быть можетъ, болѣе сказалось въ эпоху Александра I. Есть указанія въ запискѣ, представленной Чернышевымъ Александру I, на вліяніе уставовъ иллюминатовъ на уставъ Союза Благоденствія, хотя эти вліянія могли объясняться и не непосредственнымъ заимствованіемъ, а, быть можетъ, вліяніемъ произведеній иллюминатовъ на нѣмецкій Тугендбундъ, уставъ котораго былъ использованъ учредителями Союза Благоденствія. Грибовскій въ своей запискѣ объ этомъ обществѣ (1821 г.) утверждаетъ, что Н. И. Тургеневъ „настаивалъ преобразовать (тайное) общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ называться между собою другими именами“ [2]). Наконецъ, мы увидимъ, что капитанъ Левшинъ былъ при Александрѣ I членомъ общества иллюминатовъ во Франкфуртѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при Александрѣ I слово „иллюминатъ“ стали употреблять въ весьма неопредѣленномъ смыслѣ, обозначая имъ, каждый съ своей точки зрѣнія, вообще людей неблагонамѣренныхъ [3]).

II.

Въ 1792 году съ заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость, ссылкою въ ихъ деревни кн. Н. Трубецкого и И. П. Тургенева и отдачею подъ надзоръ И. В. Лопухина розенкрейцерство было совершенно подорвано. Авторъ записки о масонствѣ (1817 г.), составленной въ

---

[1]) „Русская Старина“, 1874 г., № 2, стр. 271. Т. О. Соколовская совершенно напрасно причисляетъ къ масонамъ шлиссельбургскаго узника Кречетова и пользуется его мнѣніями для характеристики масонства. Одно нахожденіе у него книги, полемической относительно масоновъ, — „Масонъ безъ маски“—не даетъ для этого никакихъ основаній. См. „Русское Масонство“, стр. 35, 42, 72; о Кречетовѣ см. статью М. Королькова въ журналѣ „Былое“ 1906 г., № 4, стр. 59; о книгѣ „Масонъ безъ маски“ (1784 г.) см. въ статьѣ А. Н. Пыпина „Вѣст. Евр.“ 1867 г., IV, 16—17. „Русскій Архивъ 1891 г. № 12, стр. 546—548; *Семека* „Рус. Розенкрейцеры“, отд. отт., 27—28.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1875 г., т. III, 427. Тургеневъ былъ въ сношеніяхъ по дѣлу объ учрежденіи общества „Русскихъ Рыцарей“ съ М. Ѳ. Орловымъ, на сотрудника котораго по этому дѣлу, гр. Дмитріева-Мамонова, какъ было упомянуто выше, повліяли сочиненія парижскаго иллюмината Бонневиля.

[3]) См. *Пыпинъ*. „Общественное движеніе“, изд. 3, стр. 290 — 293. Образецъ такого злоупотребленія словомъ иллюминатъ можно найти въ доносѣ Магницкаго, поданномъ имп. Николаю I въ 1831 г., см. „Рус. Стар.“ 1899 г., №№ 1—3.

особенной канцеляріи министерства полиціи, увѣряетъ, будто бы послѣ „приключенія съ Новиковымъ въ 1792 году... прочія ложи, не взирая на то, продолжали имѣть публичныя свои собранія въ Петербургѣ, Ригѣ и прочихъ мѣстахъ до 1794, а въ Москвѣ до 1797 года". Нѣсколько далѣе въ запискѣ сказано, что „всѣ почти правильныя ложи прекратили свои работы въ С.-Петербургѣ, однако же въ 1797 г. еще собирались ложи Аполлона и Александра" [1]). Между тѣмъ извѣстный масонъ Бёберъ полагалъ, что „въ концѣ 1794 г. всѣ ложи прекратили работы", такъ что при его возвращеніи въ 1796 г. „о масонствѣ не было и помину" [2]). Вышеупомянутая записка особенной канцеляріи сообщаетъ, что при Екатеринѣ II въ Петербургѣ „нѣкоторымъ управляющимъ ложами... подъ рукою сообщаемо было, что правительство желаетъ, дабы они, въ уваженіе тогдашнихъ обстоятельствъ, прервали свои собранія, что тотчасъ и исполнено" [3]).

О прекращеніи масонскихъ ложъ дано было знать и въ Ригу, какъ видно изъ слѣдующаго письма оттуда барона фонъ-деръ-Палена гр. П. А. Зубову отъ 28 марта 1794 года. Онъ писалъ, что тамъ съ давняго времени находились три масонскихъ ложи, но собранія ихъ уже давно были прекращены по приказанію генер.-губернатора кн. Н. В. Репнина. Въ январѣ 1796 года Паленъ донесъ изъ Митавы имп. Екатеринѣ II и сообщилъ гр. П. А. Зубову, что тамъ существовало большое общество масоновъ въ трехъ ложахъ, которыя до присоединенія Курляндіи къ Россіи состояли въ тѣснѣйшей связи съ иностранными, особенно же съ шведскими ложами и признавали своимъ гроссмейстеромъ герцога Зюдерманландскаго. Для уничтоженія не только этой „связи, но и всякаго сообщенія съ иностранными ложами" Паленъ воспользовался собраніемъ дворянства, призвалъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ масонскаго общества и успѣлъ склонить ихъ къ уничтоженію ложъ и распущенію всѣхъ членовъ. Чтобы доказать прекращеніе дѣятельности масонскаго общества, ландратъ Фирксъ и и оберъ-егермейстеръ Сасъ (sic) явились къ бар. Палену и просили принять каменный масонскій домъ въ Митавѣ и библіотеку, которые стоили не менѣе 10.000 талеровъ, въ казну въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія для употребленія на пользу общую. Паленъ испрашивалъ согласія императрицы на принятіе пожертвованія [4]). Ложа Изиды въ Ревелѣ въ

---

[1]) „Сборн. ист. мат., извлеч. изъ Арх. Собств. Е. В. Канц.", XI, 303—304.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, 2 Aufl., 1867, III, 614.

[3]) „Сборн. мат. Арх. собств. Е. В. Канц.". XI, 303.

[4]) Гос Арх., XI, № 962. Согласіе это было получено Паленомъ уже при имп. Павлѣ, который велѣлъ объявить курляндскимъ масонамъ его благоволеніе за то, что они прекратили свои собранія, и за пожертвованіе, которое велѣно было принять въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. „Сбор. матер. собств. Е. В. Канц.", XI, 303.

октябрѣ 1794 г. также прекратила свои работы „вслѣдствіе неблагопріятныхъ современныхъ обстоятельствъ“ [1]).

Въ 1786—88 гг. московскіе розенкрейцеры чрезъ архитектора Баженова имѣли сношенія съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и пересылали ему нѣкоторыя, особенно уважаемыя ими, книги. Въ Берлинѣ масонскимъ властямъ было сдѣлано даже предложеніе о назначеніи цесаревича великимъ мастеромъ русской провинціи ордена, но оно было отклонено, „потому что великій князь не былъ масономъ“ [2]). При этихъ сношеніяхъ съ Павломъ Петровичемъ розенкрейцеры не преслѣдовали политическихъ цѣлей. Однако, когда это сдѣлалось извѣстнымъ имп. Екатеринѣ, сношенія масоновъ съ цесаревичемъ показались ей особенно подозрительными. Павелъ на запросъ Екатерины отрицалъ то, что было написано о немъ въ запискѣ Баженова, и признавалъ только, что могъ спрашивать извѣстій „о сектѣ, къ которой онъ, конечно, не принадлежалъ“ [3]). Позднѣе, зимою 1791—92 гг., Павелъ Петровичъ запретилъ даже Баженову упоминать ему что-либо о Новиковѣ и его друзьяхъ.

Тѣмъ не менѣе, вступивъ на престолъ, Павелъ немедленно освободилъ Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, а Лопухина изъ-подъ надзора и послѣдняго даже на нѣкоторое время приблизилъ къ себѣ, дозволилъ Тургеневу и Трубецкому жить, гдѣ они пожелаютъ, и нѣсколько разъ посѣтилъ въ Обуховской больницѣ въ то время психически больного Невзорова (одинъ разъ даже съ императрицею и наслѣдникомъ [4]). Архитектора Баженова Павелъ наградилъ чинами, деревнею въ 1000 душъ и, наконецъ, въ 1799 г. сдѣлалъ вице-президентомъ академіи художествъ [5]). Однако, масонскимъ ложамъ не было дано позволенія собираться. Въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи находимъ объ этомъ слѣдующій разсказъ: въ 1797 г., пріѣхавъ для коронаціи въ Москву, Павелъ велѣлъ объявить профессору Маттеи, управлявшему ложею Трехъ ечей [6]), чтобы онъ созвалъ въ назначенный день всѣхъ главныхъ масо-

---

[1]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, III, 60; *Ernst Friedrichs* Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, Berl. 1904, s. 90.

[2]) *Пекарскій*, 201—202; *А. Поповъ*, „Дѣло Новикова и его товарищей“. „Вѣст. Евр.“, 1868 г., № 4.

[3]) „Сбор. Ист. Общ.“ XXVII, 398. Однако, въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи есть извѣстіе, будто бы цесаревичъ Павелъ былъ „келейно“ принятъ въ масоны сенаторомъ Елагинымъ въ собственномъ его домѣ въ присутствіи гр. Панина и будто бы онъ участвовалъ въ масонскихъ собраніяхъ во время заграничнаго путешествія по Германіи. Тогда въ свитѣ его было два масона: кн. А. Б. Куракинъ и С. И. Плещеевъ.

[4]) „Библіогр. Записки“, 1858 г., т. I, 653.

[5]) „Сенатскій Архивъ, т. I, 1888 г., стр. 2, 22, 82, 238, 502.

[6]) Она была основана въ 1773—74 гг. Елагинымъ. *Пыпинъ*. „Хронологическій указатель русскихъ ложъ“, стр. 10.

новъ. Павелъ пріѣхалъ на это собраніе и сказалъ присутствующимъ, что онъ не какъ государь, а какъ братъ, спрашиваетъ ихъ, не признаютъ ли они за лучшее при распространившихся со времени французской революціи правилахъ „и продолжающихся покушеніяхъ на мнѣніе общее" вовсе прекратить масонскія собранія. Всѣ отвѣчали, что не видятъ въ этомъ надобности, такъ какъ считаютъ свои собранія полезными для противодѣйствія современнымъ вреднымъ вліяніямъ. Только лифляндскій ландратъ бар. Унгернъ-Штернбергъ, провинціальный великій мастеръ рижскихъ ложъ, къ которому послѣ всѣхъ другихъ обратился Павелъ съ вопросомъ, отвѣчалъ, что онъ съ сожалѣніемъ долженъ высказать противоположное мнѣніе и полагаетъ, что мѣра, предложенная государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, гдѣ появляются люди всякаго рода, которые могутъ распространять правила, вредныя для общаго спокойствія, и воспламенить умы слабые и безпокойные. Государь остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ и, обратясь къ проф. Маттеи и другимъ, сказалъ: „не собирайтесь болѣе до моего особаго повелѣнія". Московскіе масоны тотчасъ увѣдомили петербургскихъ, вслѣдствіе чего обѣ существовавшія здѣсь ложи Аполлона и Александра совершенно прекратили свои собранія. Нѣкоторые почему-то полагали тогда, что рѣшеніе Павла было внушено митрополитомъ Платономъ [1]). Рейнбекъ, издавшій въ 1806 г. книгу Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau... nach Deutschland, сообщаетъ преданіе, будто бы Павелъ намѣревался дозволить открытое существованіе масонства, но что этому помѣшало вліяніе гр. Литты и установленіе въ Россіи Мальтійскаго ордена (II, 180). Растопчинъ приписываетъ себѣ нанесеніе „смертельнаго удара" вліянію масоновъ на Павла [2]), а въ иностранныхъ масонскихъ источникахъ запрещеніе масонства при Павлѣ объясняется вліяніемъ іезуитовъ [3]).

Въ одномъ иностранномъ изданіи есть указаніе, будто бы Александръ I по вступленіи на престолъ возобновилъ запрещеніе собраній масоновъ, но затѣмъ въ 1803 г. уничтожилъ его. Объ этомъ со словъ пол-

---

[1]) Сборн. мат. Арх. Соб. Е. В. Канц. XI, 304. „Съ нѣкоторыми варіантами разсказъ о совѣтѣ, данномъ Унгерномъ-Штернбергомъ, повторяетъ и Неттельбладтъ въ его работѣ о русскомъ масонствѣ, напечатанной въ „Мекленбургскомъ масонскомъ календарѣ". Этотъ разсказъ приведенъ въ книгѣ: Ernst'a Friedrichs'a Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, Berl. 1904, s. 92—93.

[2]) „Русскій Архивъ", 1875, III, 78.

[3]) Acta Latomorum, P. 1815, I, 199. Въ запискѣ особенной канцеляріи сказано: „Изъ переписки губернатора Репьева видно, что... въ царствованіе императора Павла послѣдовало на счетъ масонскихъ ложъ повторительное и строжайшее запрещеніе. Однако, высоч. о семъ указа не находится".

ковника Брозина [1]), флигель-адъютанта Александра I, разсказано въ Acta Latomorum слѣдующее: „Бёберъ, статскій совѣтникъ и директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, рѣшился разрушить предубѣжденіе имп. Александра I противъ франкмасоновъ. Онъ получилъ аудіенцію у государя и просилъ объ отмѣнѣ всѣхъ повелѣній противъ нихъ Павла I и его самого. Императоръ задаетъ ему множество вопросовъ о цѣли масонства и обрядахъ посвященія въ него. Бёберъ излагаетъ ему все это и объясняетъ, что франкмасоны вѣрные подданные, непоколебимо преданные государю и отечеству и пользующіеся покровительствомъ почти во всѣхъ большихъ европейскихъ государствахъ. Вслѣдствіе разсказа Бёбера Александръ соглашается на отмѣну распоряженій, изданныхъ противъ масоновъ, и прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: „то, что вы говорите мнѣ о масонствѣ, обязываетъ меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня въ число франкмасоновъ. Считаете ли вы это возможнымъ?"—„Государь,—отвѣчалъ Беберъ,—я не имѣю права самъ дать отвѣтъ Вашему Величеству; я соберу масоновъ вашей столицы, объявлю имъ о Вашемъ желаніи и убѣжденъ, что они поспѣшатъ исполнить его". Вскорѣ послѣ этого императоръ былъ посвященъ въ масоны, и русское масонство было возстановлено въ своемъ прежнемъ блескѣ. Къ этому времени относится основаніе Великаго Востока всей Россіи, котораго великимъ мастеромъ былъ сдѣланъ Бёберъ, исполняющій еще и теперь эти обязанности". Несмотря на то, что Тори, французскій масонъ, составившій книгу Acta Latomorum [2]), ссылается на увѣреніе Брозина [3]), что этотъ разговоръ Бёбера съ Александромъ I, „столь памятный всѣмъ русскимъ масонамъ, переданъ слово въ слово въ донесеніи, представленномъ Бёберомъ въ собраніи петербургскихъ масоновъ черезъ нѣсколько дней послѣ его бесѣды съ государемъ [4]), все же это извѣстіе и прежде возбуждало весьма сильныя сомнѣнія. Во-первыхъ, Бёберъ не упоминаетъ о немъ въ „Нѣсколькихъ замѣчаніяхъ о масонствѣ въ Россіи", которыя были

---

[1]) Брозинъ въ 1814 г. былъ принятъ въ Парижѣ въ число тамошнихъ масоновъ. „Русская Старина", 1900 г., № 9, стр. 640.

[2]) Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, III, 378.

[3]) Въ „Спискѣ бывшимъ членамъ Великой Провинціальной ложи" въ Петербургѣ 1816 года среди отсутствующихъ членовъ упомянутъ Брозинъ — въ свитѣ Его Величества. Въ печатномъ спискѣ членовъ той же ложи на французскомъ языкѣ 1818 года названъ „Павелъ Брозинъ въ Парижѣ, генералъ-маіоръ и кавалеръ въ свитѣ Е. И. В—ва". Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 608-а. При отобраніи подписокъ въ 1822 году генералъ-маіоръ Брозинъ 2, „свиты Его Величества по квартирмейстерской части" заявилъ, что онъ, „принадлежалъ къ нѣсколькимъ ложамъ внутри Россіи и внѣ оной, но наименованія ихъ не помнитъ". „Матеріалы по исторіи масонства прежней русской арміи". „Русская Старина", 1907 г., № 6, стр. 668.

[4]) Acta Latomorum I, 218.

сообщены имъ въ 1815 году ложѣ Амаліи въ Веймарѣ [1]). При этомъ онъ какъ и составитель „Записки о масонскихъ ложахъ“ (25 января 1816 г.), находящейся въ одномъ официціальномъ дѣлѣ [2]), относитъ возобновленіе масонской дѣятельности къ 1805 году (въ нѣмецкой запискѣ „около 1805 года“ [3]). Кромѣ того, въ томъ же официціальномъ дѣлѣ находится сдѣланный въ 1816 г. на французскомъ языкѣ разборъ относящихся до Россіи извѣстій Тори.

Разборъ этотъ начинается такъ: „Масонскій трудъ, недавно изданный въ Парижѣ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ Acta Latomorum, одинъ экземпляръ котораго выписали по почтѣ, заключаетъ, среди кучи ложныхъ извѣстій и нелѣпостей, также слѣдующія, относящіяся къ Росссіи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, страница 218 [4]) должна быть уничтожена, тѣмъ болѣе, что, не заключая въ себѣ ни малѣйшей капли истины, она имѣетъ видъ сказки, нарочно выдуманной для того, чтобы произвести впечатлѣніе на легковѣрныхъ“. Далѣе въ дѣлѣ находятся печатныя страницы изъ перваго тома Acta Latomorum, гдѣ извѣстія о русскомъ масонствѣ, считаемыя авторомъ замѣчаній невѣрными, отмѣчаются или словомъ „faux“, или восклицательными знаками. Въ извѣстіи относительно запрещенія имп. Павломъ въ 1797 г. „тайныхъ обществъ и именно масонства въ Россіи“ (1,199) слово „notamment“ (именно) подчеркнуто и написано „faux“ (вѣроятно, при этомъ разумѣютъ отсутствіе прямого указа по этому предмету). Точно также въ извѣстіи о возобновленіи Александромъ I въ 1801 г. запрещенія Павла I „секретныхъ ложъ и особенно масонства“ слово particulierement (особенно) подчеркнуто и названо ложнымъ. По поводу страницы 218, заключающей въ себѣ разсказъ о бесѣдѣ Бёберя съ Александромъ въ 1803 г., замѣчено: „Во всей этой сказкѣ нѣтъ ни *одного* [5]) слова правды. Въ 1803 г. петербургскіе масоны и не думали о г. Бёберѣ, который сдѣлался членомъ ложи только въ 1809 году“.

Дѣйствительно, самъ Бёберъ разсказываетъ въ „Замѣткахъ о масонствѣ въ Россіи“, представленныхъ имъ Веймарской ложѣ Амаліи въ 1815 г.: „Около 1805 г. вздумалось немногимъ старымъ братьямъ сдѣлать попытку вновь оживить масонство, и такъ какъ министръ полиціи, извѣщенный объ этомъ, какъ только была основана первая ложа подъ именемъ Благотво-

---

[1]) Allg. Handbuch der Freimaurerei III, 614.

[2]) Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 1021-а, л. 3 и слѣд. За этой запиской (л. 10—11) находится записка Бёбера.

[3]) Въ русской запискѣ сказано: „Въ 1805 г. нѣсколько членовъ древнихъ масонскихъ ложъ учредили вновь ложу въ С.-Петербургѣ, гдѣ уже 10 лѣтъ ни одной таковой не существовало“. Это невѣрно, такъ какъ въ 1802 г. была учреждена ложа „Соединенныхъ Друзей“ (Les Amis Réunis). *Пыпинъ.* „Указатель“, стр. 30.

[4]) Здѣсь изложенъ разговоръ Бёбера съ Александромъ I.

[5]) Подчеркнуто два раза.

рительности къ Пеликану, ничего не имѣлъ противъ этого, то они продолжали свои работы, но весьма таинственно и съ небольшими затратами, не желая значительно увеличивать число членовъ. Эта ложа существовала уже болѣе 2 лѣтъ [1]), а я не слышалъ о ней рѣшительно ничего, хотя многіе члены ея были моими знакомыми и очень хорошо знали мои прежнія отношенія къ ордену и обществу масоновъ. Только случайно узналъ я о существованіи этой ложи, и настоятельныя уговариванія побудили меня вступить въ нее въ 1808 году" [2]).

Относительно полковника Брозина въ замѣчаніяхъ, находящихся въ упомянутомъ дѣлѣ, сказано, что онъ былъ принятъ въ члены ложи Соединенныхъ Друзей Жеребцовымъ. Далѣе по поводу соотвѣтственныхъ словъ на стр. 218 I т. Acta Latomorum замѣчено, что Бёберъ не сообщалъ собранію петербургскихъ масоновъ о своемъ разговорѣ съ государемъ, и что и такого собранія вовсе не было. Въ заключеніе сказано: „Если полковникъ Брозинъ сообщилъ столь интересныя и мелочныя подробности,— откуда онъ взялъ ихъ и съ какою цѣлью онъ ихъ выдумалъ?" [3]).

Въ масонской энциклопедіи приведено извѣстіе Acta Latomorum о принятіи императора Александра I въ число масоновъ въ Петербургѣ и добавлено, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ принятъ въ масоны въ Эрфуртѣ въ 1808 г. въ присутствіи Наполеона, а по словамъ другихъ—въ Парижѣ въ 1813 (т. е. въ 1814 г.) вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III [4]). Есть извѣстіе, что Фридрихъ Вильгельмъ былъ принятъ въ походную русскую ложу Александромъ I-мъ въ Парижѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 года. [5]). Хотя въ мемуарахъ современника мы

---

[1]) Она была основана 11 октября 1805 года. *Пыпинъ.* „Указатель", стр. 31.

[2]) Бёберъ еще въ 1776 г. сдѣлался членомъ ложи Аполлона. Allg. Handb. der Freimaur. III, 613.

[3]) Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 1021—а, л. 19-22. Эрнстъ Фридрихсъ въ своей книгѣ Geschichte der einstigen Maurerei in Russland (Berl. 1904) основательно сомнѣвается въ справедливости извѣстія Acta Latomorum о принятіи Бёберомъ Александра I въ масонство, но неизвѣстно, на какомъ основаніи утверждаетъ, будто бы одно время онъ былъ иллюминатомъ (стр. 17, 155).

[4]) Allg Handbuch der Freimaurerei I, 15.

[5]) *Askenazy*, Walerian Lukasin'ski Biblioteka Warszawska 1906, Lipiec 23,25 на основаніи непоступившей въ продажу книги Flohr'a Geschichte d. gross. Loge Royal York. Berl. 1898.—*Шустеръ.* „Тайныя общества, союзы и ордена" пер. съ нѣм. подъ ред. А. Погодина С.-П.Б. 1907 г. т. II, 24. Приношу искреннюю признательность проф. Д. В. Айналову, обратившему мое вниманіе на то, что это извѣстіе встрѣчается и въ книгѣ *Dr. Kühn'a* Entwicklungs-Geschichte der Freimaurerei (1864, 149—152). Здѣсь сказано, что Фридрихъ Вильгельмъ III былъ принятъ въ ложу въ Парижѣ въ 1814 г., двѣ недѣли послѣ пасхи, въ собраніи, на которомъ предсѣдательствовалъ имп. Александръ" и гдѣ первымъ надзирателемъ былъ прусакъ гр. Лоттумъ, а вторымъ русскій офицеръ фонъ-Бремеръ. Присутствовалъ канцлеръ кн. Гарденбергъ и многіе прусскіе и русскіе масоны (но не французы), всѣмъ имъ было повелѣно не сообщать объ этомъ собраніи не масонамъ, и особенно прусскимъ подданнымъ.

находимъ извѣстіе, что государь покровительствовалъ во время Отечественной войны учрежденію войсковыхъ масонскихъ ложъ [1]), но все же личное его участіе въ собраніи масонской ложи въ Парижѣ требуетъ еще дальнѣйшихъ разысканій.

Если такимъ образомъ принадлежность къ масонству Александра I остается еще сомнительною, то несомнѣнно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ масономъ. Въ Acta Latomorum (I,223) подъ 1804 г. есть такое извѣстіе: „Старинныя русскія ложи возобновляютъ свои работы въ теченіе этого года... придворные вельможи преобразуютъ свои частныя ложи; въ числѣ этихъ послѣднихъ ложи вел. кн. Константина и гр. Потоцкаго отличались избранностью своихъ членовъ, любезностью къ иностранцамъ и галантностью относительно дамъ, которыхъ они приглашали на свои праздники". Въ разборѣ извѣстій о Россіи книги Тори, который мы уже цитировали, отмѣчено, что изъ старыхъ ложъ возстановлена была только ложа Александра къ Пеликану. Она дѣйствительно была основана, но не въ 1804, а 11 октября 1805 года въ Петербургѣ нѣсколькими старыми масонами, причемъ ея названіе (Alexander zur Mildthätigkeit des gekrönten Pelikans) было заимствована у старой ложи Благотворительности къ Пеликану, основанной въ 1780 году [2]). Относительно ложи Потоцкаго сдѣлано замѣчаніе, что „она никогда не существовала" [3]). Подчеркнуты также слова о „галантности относительно дамъ" и сдѣлано по поводу ихъ слѣдующее замѣчаніе: „самая послѣдняя новость и столь же

Бремеръ разсказалъ объ этомъ фактѣ въ собраніи масонской ложи въ Гумбиненѣ въ 1816 г., но въ связи съ этимъ упоминаются сомнительныя подробности. О пріемѣ въ члены ложи „русскаго генерала von-Teslaff, впослѣдствіи генералъ-губернатора Финляндіи" (?), по удостовѣренію, выданному ему Сперанскимъ „вслѣдствія отсутствія кн. Голицына" (?). Нужно замѣтить, что именъ ни полковника генеральнаго штаба фонъ-Бремера, ни майора Фрейданка (также упоминаемаго въ связи съ собраніемъ 1816 г.) въ спискахъ масоновъ русской арміи не встрѣчается, не извѣстна и ложа Минерва въ Петербургѣ, членами которой они названы. Von-Teslaff—это, очевидно, Теслевъ 1-ый, см. „Рус. Стар." 1907 г., № 6, стр. 663; ср. *Ernst Friedrichs*, 117. Нужно замѣтить, что въ 1822 г. Фридрихъ Вильгельмъ III чрезъ масона Вибеля обнадежилъ прусскихъ масоновъ въ своемъ покровительствѣ. Соч. Ешевскаго III, 456; ср. *Kühn*, 173.

[1]) Въ Acta Latomorum (1, 257) со словъ Брозина сообщается извѣстіе, что въ 1813 году берлинскою ложею Трехъ Глобусовъ была основана ложа Желѣзнаго Креста, какъ походная ложа „для прусскихъ и русскихъ офицеровъ, числящихся въ великой арміи союзныхъ державъ". Сочувственныя воспоминанія о посѣщеніи этой ложи русскими офицерами см. въ воспоминаніяхъ Михайловскаго Данилевскаго. „Русская Старина", 1900 г., № 9, стр. 638, 641. Она превратилась потомъ въ постоянную ложу.

[2]) *Пыпинъ*. „Указатель" 19, 31.

[3]) Но, быть можетъ, составитель Acta Latomorum имѣлъ въ виду основанную въ 1802 году по французской системѣ ложу Соединенныхъ Друзей, членомъ которой былъ графъ Станиславъ Костка Потоцкій, бывшій позднѣе министромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и гросмейстеромъ Варшавскаго Великаго Востока съ 1812 года.

достовѣрная, какъ и другія". Но извѣстіе относительно масонской ложи цесаревича Константина Павловича оставлено безъ всякаго возраженія [1]). Дѣйствительно, изъ письма Константина Павловича къ Лагарпу видно, что онъ сдѣлался масономъ съ разрѣшенія государя и оставилъ масонство съ запрещеніемъ тайныхъ обществъ. [2]).

III

Учрежденіе нѣсколькихъ масонскихъ ложъ въ 1805—1810 годахъ не встрѣтило препятствій со стороны правительства [3]): онѣ были не только терпимы, но правительство вовсе не вмѣшивалось въ ихъ дѣла [4]). Однако, въ 1810 г., со вступленіемъ Балашова въ управленіе министерствомъ полиціи, руское масонство было отдано подъ бдительный полицейскій надзоръ.

А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что именно къ этому моменту относится составленіе записки, представленной имп. Александру, авторъ которой предлагалъ нѣкоторыя мѣры „для устройства масонства" согласно намѣреніямъ государя. „Хорошее устройство масонства", по мнѣнію составителя записки, должно было „остановить увеличеніе испорченности нравовъ" и помѣшать учрежденію „всякаго другого общества, основаннаго на вредныхъ началахъ, и такимъ способомъ образовать родъ постояннаго, но незамѣтнаго надзора, который, по своимъ тайнымъ сношеніямъ съ министерствомъ полиціи, доставилъ бы ему, такъ сказать, залогъ противъ всякой попытки, противной предполагаемой цѣли". Для этого рекомендовалось, насколько возможно, скрывать полицейскій надзоръ, такъ чтобы даже члены ложъ не знали,

[1]) Слѣдовательно Эрнстъ Фридрихсъ напрасно сомнѣвается (стр. 102) въ существованіи ложи цесаревича Константина Павловича.

[2]) „Сборникъ русск. историч. общества", 1870 г., т. V, 73. О принадлежности къ масонству лицъ, приближенныхъ къ цесаревичу, см. *Соколовская* „Русское Масонство", 160. Въ дѣлахъ Константина Павловича, хранящихся въ Архивѣ Соб. Е. В. Канц., есть рукопись „Изъ путешествія Шторха во Францію", гдѣ говорится о женской ложѣ Новыхъ Сестеръ въ Парижѣ, куда согласился было вступить членомъ Вольтеръ, но онъ вскорѣ умеръ, и ложа торжественно чествовала его память.

[2]) *Пыпинъ*. „Указатель 31—32; *Ernst Friedrihs* Geschichte der einstigen Maurerei, 104—108. О ложѣ Палестины, открывшей свою работу 4 марта 1810 г., см. статью *Соколовской* въ „Рус. Стар." 1907 г., № 10.

[4]) Въ запискѣ о масонствѣ, составленной въ 1817 г. особенною канцеляріей министерства полиціи, сказано: „въ 1804 (1805) г. ложа Александра къ Пеликану начала здѣсь вновь свои работы подъ управленіемъ д. с. с. Сергѣева, который увѣрялъ, что въ бытность его директоромъ канцеляріи при рижскомъ военномъ губернаторѣ полученъ отзывъ „государя" на счетъ открытія въ Ригѣ общества подъ названіемъ Евфонія, что общество, клубы, братства или ложи, буде не предпринимаютъ ничего противнаго законамъ, не должны быть возбраняемы. Сергѣевъ тогда же объявилъ о существованіи своей ложи оберъ-полицмейстеру и военному губернатору и поручилъ оную въ ихъ покровительство, отправляясь въ 1805 г. въ армію, на что получилъ отвѣтъ, что Е. В—ву сіе не противно. „Сбор. Мат., извлеч. изъ Арх. соб. Е. В. Канц." XI, 305.

что „они находятся подъ присмотромъ или покровительствомъ правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали въ этой тайнѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на необходимость устроить „центръ соединенія"—„ложу-мать", съ которою должны быть связаны всѣ ложи, устраиваемыя въ имперіи, если онѣ желаютъ, чтобы правительство терпѣло ихъ. „Эти учрежденія", говоритъ авторъ записки, „сдѣлались бы единственнымъ предохраненіемъ противъ зла, которое могло бы проникнуть въ страну путями, удаленными отъ присмотра, установленнаго въ столицѣ, и сдѣлались бы удобствомъ надзора для общей полиціи нравовъ, которое трудно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ средствомъ. Эти мѣры, государь, проводимыя благоразумно и тайно, обезпечили бы успѣхъ предположеннаго плана, такъ что намѣреніе В. В—ва было бы совершенно исполнено" [1]).

Въ 1810 г. четверо управляющихъ ложами были призваны къ министру полиціи, который отъ имени государя спросилъ ихъ, желаютъ ли они, чтобы масонство было подъ покровительствомъ правительства [2]), или только терпимо, что въ первомъ случаѣ оно будетъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ министра полиціи, во второмъ потребуютъ лишь свѣдѣній о дѣятельности ложъ. Управляющіе ими выразили желаніе, чтобы масонство было терпимо. Масоновъ обязали представить на разсмотрѣніе всѣ свои уставы, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было временно пріостановить пріемъ новыхъ членовъ и сохранять въ совершенной тайнѣ не только отъ постороннихъ, но и отъ членовъ ложъ сношенія съ начальствомъ [3]). Съ боль-

---

1) „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ". „Вѣстникъ Европы", 1872 г., № 2, 562—563.

2) Во Франціи при Наполеонѣ I, его братъ Іосифъ, король неаполитанскій, съ согласія императора, принялъ званіе великаго мастера Великаго Востока, управлявшаго признанными правительствомъ ложами, а помощниками его были государств. канцлеръ Камбасересъ и Мюратъ. Камбасересу это масонское званіе было предоставленно по прямому требованію Наполеона. Однимъ изъ высшихъ чиновниковъ Великой символической ложи былъ министръ полиціи Фуше. Камбасересъ не разъ спасалъ французскія масонскія ложи отъ грозившаго имъ запрещенія. Но нужно замѣтить, что во Франціи было много и тайныхъ ложъ. ср. *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 7 Aufl., II, 282—283.

3) Въ комитетѣ по разсмотрѣнію масонскихъ дѣлъ участвовалъ Сперанскій, принятый въ масонство, по его словамъ, Феслеромъ. *Пыпинъ* „Общественное движеніе", изд. 3, стр. 308. Если вѣрить Магницкому, Сперанскій еще „около 1807", служа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, посѣщалъ масонскую (или по выраженію Магницкаго, „иллюминатскую") ложу, устроенную полякомъ гр. Грабянкою и собиравшуюся въ комнатахъ гофмаршала цесар. Константина Павловича, Озерова, въ мраморномъ дворцѣ, куда ѣздили Мар. Антоновна Нарышкина, жившая въ ея домѣ m-me Attigny, секретарь гр. Кочубея Лубяновскій и др. „Рус. Стар". 1899 г., № 2, стр. 296. Лубяновскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ только о своихъ четырехъ посѣщеніяхъ гр. Грабянки. „Рус. Арх." 1872, I, 476—478. Грабянка былъ главою мистическаго общества „Новаго Израиля", основаннаго въ Авиньонѣ. Въ Петербургѣ собранія, гдѣ проповѣдывалъ Грабянка, посѣщалъ А. Ѳ. Лобзиновъ. Въ 1807 г. Грабянка былъ арестованъ и умеръ въ крѣпости. *Пыпинъ* „Матеріалы", „Вѣстн. Евр." 1842 г. № 1,

шимъ трудомъ удалось получить обратно представленныя правительству масонскія бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дозволено принимать новыхъ членовъ, но съ обязательствомъ великаго мастера Бёбера (главнаго руководителя директоріальной ложи Владимира къ Порядку) представлять правительству ежемѣсячно краткіе отчеты о всемъ, происходящемъ въ ложахъ, что и позднѣе исполнялось всѣми великими мастерами.

Въ то же время министръ полиціи Балашовъ сообщилъ Бёберу проектъ постановленія о ложахъ не какъ указъ или законъ, а именно, какъ проектъ предполагаемаго устава. Такимъ образомъ, масонскія ложи находились подъ давленіемъ опасенія, что въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ администраціей проектъ этотъ получитъ силу закона.

Въ началѣ проекта были приведены изъ полицейскаго устава, изданнаго при Екатеринѣ II 8 апрѣля 1782 г., [1]) постановленія о томъ, что управа благочинія охраняетъ „закономъ утвержденное общество, товарищество, братство или подобное установленіе“, не утвержденное же закономъ „не признаетъ за дѣйствительное“, а если оно приноситъ „вредъ, ущербъ или убытокъ“ общему благу или хотя бы безполезно, то „подлежитъ уничтоженію и запрещенію“. На основаніи этого постановленія полицейскаго устава предполагалось запретить: 1) тѣ общества и собратства, „которыхъ главныя или побочныя занятія состоятъ въ томъ, чтобы съ какою бы то ни было цѣлью разсуждать“ о предполагаемыхъ въ государственномъ правленіи перемѣнахъ или о средствахъ, которыми могутъ быть осуществлены эти перемѣны, или о мѣрахъ, уже предпринятыхъ съ этою цѣлью; 2) въ которыхъ „безъизвѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ послушаніе клятвою, или поднятіемъ руки, словесно, письменно или какимъ бы то ни было образомъ; 3) въ которыхъ извѣстнымъ начальникамъ обѣщаютъ какимъ-либо образомъ неограниченное послушаніе, не исключая даже всего, относящагося къ государству и нравственности; 4) которыя требуютъ обѣта молчанія относительно тайнъ, открываемыхъ сочленамъ; 5) которыя имѣютъ тайную цѣль или которыя для достиженія извѣстной цѣли употребляютъ тайныя средства или „сокровенныя таинственныя іероглифическія формы“.

Все это заимствовано изъ указа прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, 20 октября 1798 г., противъ тайныхъ обществъ [2]).

203—207; *Лонгиновъ* „Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка“, „Рус. Вѣстн.“ 1860 г., т. 28. Письмо *М. Муромцова* въ „Рус. Вѣстн.“ 1860 г., т. 30, совр. лѣтоп. стр. 19—21. Въ 1804—6 гг. Сперанскій, какъ видно изъ писемъ къ нему Лопухина, очень интересовался мистическими сочиненіями. „Рус. Арх.“ 1870 г., стр. 609—622.

[1]) Полн. собр. законовъ XXI, № 15379, стр. 64, 65.

[2]) Jahrbuch der Freimaurerei, III. 163; французскій переводъ въ Acta Latomorum; русскій въ „Сборн. истор. матеріаловъ соб. Е. В. Канц.“ XI, 320—324.

Изъ всѣхъ масонскихъ ложъ была признана терпимою въ Петербургѣ ложа Владимира къ Истинѣ [1]). Военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ не дозволялось устраивать запрещенныя общества и союзы или участвовать въ нихъ подъ угрозой доведенія о нихъ до свѣдѣнія государя. Устраивающимъ запрещенное общество или продолжающимъ дѣятельность его послѣ запрещенія грозило наказаніе за ослушаніе. Если запрещенное общество имѣло цѣль, пагубную для государства, то съ соучастникомъ преступленія должно было быть поступлено по законамъ. Также грозило преданіе суду и тѣмъ, кто будетъ терпѣть запрещенныя общества въ своемъ домѣ „или приметъ отъ нихъ порученія". Соразмѣрнымъ наказаніемъ грозили даже тѣмъ, кто, имѣя „основательное подозрѣніе" относительно подобныхъ преступленій, не предувѣдомитъ правительство, и имѣющіе несомненныя свѣдѣнія о запрещенномъ обществѣ должны были подвергаться за недонесеніе министру полиціи двухгодичному заключенію. Всѣ члены ложи Владимира обязаны были увѣдомлять того же министра о противорѣчащихъ этому постановленію дѣйствіяхъ членовъ ордена. Начальники ложъ, состоящихъ подъ управленіемъ ложи Владимира, должны были ежегодно подавать министру полиціи списки, какъ всѣхъ зависящихъ отъ нихъ ложъ, такъ и всѣхъ членовъ съ указаніемъ званія и лѣтъ подъ угрозою штрафа въ 200 рублей или лишенія покровительства. Въ члены запрещалось принимать людей моложе 25 лѣтъ. Мѣсто собраній каждой ложи должно было быть извѣстно министру полиціи. Всѣхъ членовъ, нарушающихъ это постановленіе, слѣдовало исключать, а имена ихъ сообщать министру полиціи. Ложа Владимира должна была имѣть бдительное наблюденіе надъ ложами-дочерями. Выполненіе этихъ правилъ возлагалось на великаго мастера (гроссмейстера) соединенныхъ ложъ.

Всѣ эти правила были заимствованы, хотя и съ измѣненіями, изъ названнаго выше указа прусскаго короля [2]).

Ложа Соединенныхъ Друзей, въ которой было 50 дѣйствительныхъ членовъ, и ложа Палестины съ 75-ю членами въ 1811 или 12-мъ году присоединились къ союзу директоріальной ложи Владимира. Въ первой участвовалъ, между прочимъ, Александръ Бенкендорфъ (шефъ жандармовъ въ царствованіе имп. Николая), въ ложѣ Палестины — гувернеръ министра полиціи.

---

[1]) Это неточно.—слѣдовало сказать „Владимира къ Порядку"; гроссмейстеромъ ея былъ Бёберъ; эта ложа управляла тремя соединенными ложами: Александра, Елизаветы къ Добродѣтели и Петра къ Истинѣ. Пыпинъ. „Хрон. Указ.", стр. 31—32. Въ этихъ трехъ соединенныхъ ложахъ было 114 членовъ. Въ нихъ, между прочимъ, участвовали семеновскіе и преображенскіе офицеры. „Вѣст. Евр." 1872 г., № 2, стр. 565—567.

[2]) „Сборн. истор. матеріаловъ, извлеч. изъ Архива Соб. Е. В. Канц.", XI. 306—307, 311—314, 320—324.

Де-Сангленъ, будучи директоромъ особенной канцеляріи министра полиціи, вступилъ въ основанную въ 1810 году ложу Петра къ Истинѣ съ цѣлью „наблюдать, чтобы ложи соотвѣтствовали общей государственной цѣли—безопасности". Въ позднѣйшемъ письмѣ (1826 г.) къ императору Николаю де-Сангленъ заявляетъ, что всѣ протоколы ложъ были доставлены чрезъ него начальству. „Члены, найденные въ противномъ расположеніи духа, по повелѣнію государя императора, высланы въ отдаленныя губерніи" [1]). Извѣстный масонъ, профессоръ петербургской духовной академіи Феслеръ, выписанный изъ-заграницы, былъ удаленъ изъ академіи, получилъ званіе корреспондента при комиссіи составленія законовъ, которою управлялъ Сперанскій и уѣхалъ въ февралѣ 1811 г. сначала въ Вольскъ для занятій въ частномъ учебномъ заведеніи, основанномъ Злобинымъ, а потомъ поселился въ Саратовѣ [2]).

По поводу ареста Сперанскаго въ 1812 г., принятаго въ масонство за два года передъ тѣмъ, по его словамъ, Феслеромъ „съ вѣдома правительства" [3]), Александръ I собственноручною запискою Бёберу подтвердилъ свою волю, чтобы масонскія ложи были чужды „всякихъ политическихъ стремленій" [4]).

28 марта 1812 г. управляющій министерствомъ полиціи Вязьмити-

---

[1]) Въ 1812 г. Де-Сангленъ былъ отправленъ съ тайною инструкціей въ армію, и съ этого времени прекратились его офиціальныя сношенія съ масонскими ложами.

[2]) *Н. Поповъ*. Игнатій-Аврелій Феслеръ. „Вѣстн. Евр." 1879 г., № 12. Замѣчанія епископа рязанскаго Ѳеофилакта на конспектъ философіи наукъ, представленный Феслеромъ, см. въ „Чтеніяхъ об. ист. древн. Рос." 1859 г. II, 115—123. Феслеръ былъ приглашенъ въ Духовную Академію Сперанскимъ по повелѣнію государя для преподаванія еврейскаго языка въ 1809 году, началъ лекціи въ февралѣ 1810 г. и, кромѣ еврейскаго языка, преподавалъ и философію и одно время церковныя древности; студенты были въ восхищеніи отъ его лекцій. Въ началѣ іюня Феслеръ уже былъ уволенъ по прошенію. „Сбор. ист. мат. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц." XII, 441—444. *И. Чистовичъ*. „Истор. С.-Петербургской духовн. акад." 1857 г., стр. 182—183, 192—198, 214, 218—219, 249—250, 256. „Рус. Стар." 1899 г., № 2, стр. 302. *Пыпинъ*. „Общественное движеніе", 301, 303—310; „Вѣстн. Евр." 1872 г., № 2, стр. 568—573; Allgem. Handb. der Freimaurerei; *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl., 529—544.

[3]) Магницкій въ своемъ доносѣ имп. Николаю I разсказываетъ, что Феслеръ „въ саду комиссіи законовъ" учредилъ ложу „Полярной Звѣзды", въ которой, кромѣ него, участвовали Сперанскій, Дерябинъ, Пезаровіусъ, Злобинъ, Гогеншильдъ, Розенкампфъ и Магницкій, и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о бесѣдахъ о религіи Сперанскаго съ Феслеромъ. „Рус. Стар." 1899 г., № 2. стр. 297—298. Въ своихъ воспоминаніяхъ Феслеръ очень кратко говоритъ объ этомъ пребываніи въ Петербургѣ. Dr. Fessler's Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft. Breslau. 1824, s. 351—355. О религіозныхъ, философскихъ и другихъ взглядахъ Феслера см. его книгу Dr. Fessler's. Resultate seines Denkens und Erfahren. Breslau. 1826. Имена Сперанскаго, Феслера, Магницкаго, Злобина и др., какъ членовъ ложи „иллюминатовъ", называются и въ запискѣ полковника Полева, найденной въ кабинетѣ Александра I послѣ его смерти. Гос. Арх., I. В., № 12, л. 27. Дерябинъ посѣщалъ собранія Грабянки.

[4]) „Рус. Стар." 1883 г., № 1, стр. 42.

новъ призвалъ къ себѣ одного изъ великихъ мастеровъ масонскихъ ложъ Эллизена и сказалъ ему: „я васъ призвалъ къ себѣ, дабы просить васъ содѣйствовать къ общему благу; государь императоръ убѣдился по представленіямъ моимъ, что ложи никакъ сомнительны быть не могутъ. Нельзя ихъ актомъ акредитовать, но мнѣ государь приказалъ васъ удостовѣрить въ своемъ благоволѣніи. Я сожалѣю,—прибавилъ Вязьмитиновъ,—что такъ долгое время самъ внушеніямъ нѣкоторыхъ людей вѣрилъ“ [1]).

Принявъ, такимъ образомъ, всѣ мѣры для того, чтобы ложи не могли преслѣдовать какихъ-либо политическихъ цѣлей, имп. Александръ ничего не имѣлъ тогда противъ участія въ нихъ офицеровъ [2]). Во время заграничнаго похода 1813—14 гг. многіе офицеры были приняты въ иностранныя масонскія ложи и числились ихъ членами и позднѣе [3]).

Въ 1813 г. масоны въ Кронштадтѣ пожелали возобновить ложу, существовавшую тамъ при Екатеринѣ II. Управляющій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ обратился за разрѣшеніемъ къ государю, и онъ далъ свое согласіе подъ условіемъ точнаго соблюденія существующихъ по этому предмету постановленій [4]).

Въ донесеніяхъ, составляемыхъ въ 1813 г. для государя де-Сангленомъ, бывшимъ правителемъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ заглавіемъ „С.-Петербургскіе слухи, извѣстія, новости“, авторъ старался возбудить мысль объ опасности масонства. „Усиливающіяся ежедневно франкъ-масонскія ложи“, говоритъ онъ, „долженствовали бы обратить на себя вниманіе правительства, тѣмъ болѣе, что люди, обязанные по мѣстамъ своимъ имѣть надзоръ за оными“ (намекъ, вѣроятно, на Вязьмитинова) „не довольно посвящены въ мистеріяхъ ордена“ различныхъ вѣтвей его, равно и измѣненій, чтобы всегда умѣть искусно не только укрощать порывы подобной іерархіи, но даже почерпать ту пользу (можно сказать многоразличную и важную) для государства, каковую поистинѣ изъ сихъ обществъ извлечь бы можно было. Многолѣтніе труды, опыты могутъ

---

[1]) *Дубровинъ.* „Письма главнѣйшихъ дѣятелей“, 168.

[2]) По словамъ Мирковича, Александръ I „негласнымъ образомъ разрѣшалъ и даже поощрялъ“ (вѣроятно, во время войны) „учрежденіе масонскихъ ложъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ“. „Рус. Арх.“ 1890 г., № 3, стр. 403.

[3]) „Рус. Стар.“ 1904 г., № 4, стр. 28. Ср. о полезномъ значеніи масонства для военныхъ во время войны книгу *Соколовской* „Русское масонство“, 82, 83. См. ниже списокъ иностранныхъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ участвовали русскіе офицеры. Разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго о принятіи его въ масоны въ Парижѣ и дарованіи ему высшихъ масонскихъ степеней, см. „Рус. Стар.“ 1900 г., № 9, стр. 638—643. О русской полевой ложѣ Александра къ Вѣрности 1814 г. (въ Германіи, въ Ортельсбургѣ и потомъ въ Гумбиненѣ), составленной изъ офицеровъ свиты гр. Витгенштейна, см. Ernst Friedrichs, 116—117.

[4]) „Сборн. мат. изъ Архива соб. Е. В. Канц.“ XI, 307; *Пыпинъ.* „Указатель“, стр. 33; „Русская Старина“ 1877 г., т. XVIII, 469; *Соколовская.* „О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ“ въ журналѣ „Море“ 1907 г., № 8.

единственно познакомить человѣка съ тѣмъ, что сіе общество произвесть можетъ полезнаго или вреднаго, а потому люди, не вникшіе... въ сію часть, могутъ сами, безъ вѣдома ихъ увлеченные родомъ фанатизма, быть орудіями зла. Должно бы, кажется, избѣгнуть ошибку тѣхъ правительствъ, которыя, пренебрегая такими обществами, полагая, что они собираются единственно для увеселеній, раскаялись въ легковѣріи своемъ, но поздно". Это „тѣмъ болѣе нужно, что истребить сихъ обществъ нѣтъ силъ. Имъ можно запретить собираться въ большомъ количествѣ, но тѣмъ зло лишь увеличено будетъ". Феслеръ казался де-Санглену не безопаснымъ даже и въ Саратовѣ [1]).

Въ крайней опасности масонства желалъ убѣдить высшія власти и полк. бар. Дибичъ въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ изъ Мейссена въ февралѣ 1816 г. фельдмаршалу кн. Барклаю-де-Толли и своему брату начальнику Главнаго Штаба Дибичу. Онъ также не одобрялъ „терпимость и покровительство", которыя „государства" оказываютъ тайнымъ обществамъ. Онъ указывалъ на вербовку офицеровъ въ тайные союзы во Франціи, Германіи, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ; не мудрено, что при этомъ среди офицеровъ нашей арміи распространенъ такой же духъ, какъ среди офицеровъ прусской королевской гвардіи, которые, какъ утверждаютъ, открыто говорятъ, что короли не нужны, и что состояніе мірового просвѣщенія настоятельно требуетъ учрежденія республикъ. Дибичъ увѣрялъ, что подобныя же выраженія приходилось слышать отъ офицеровъ свиты фельдмаршала Барклая-де-Толли. Въ донесеніи брату Дибичъ говоритъ: „Случай и хитрость доставили мнѣ уже во Франціи многія свѣдѣнія все объ одномъ и томъ же, какъ я полагаю, союзѣ, окружающемъ себя тайною, но дѣйствующемъ совершенно открыто. Очень значительное число русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ завербовали, наблюденіе за рѣчами этихъ новыхъ членовъ, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюденіе за всѣми махинаціями во Франціи, тенденція, такъ называемаго, Тугендъ-бунда, распространяемые слухи, равнодушіе прусскихъ офицеровъ къ своему государю, превосходно усвоенное нашими офицерами во Франціи, связи этихъ обществъ съ Франкфуртомъ, Берлиномъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Бамбергомъ, Мюнхеномъ, Варшавою [2]) и С.-Петербургомъ, вѣчно

---

[1]) *Дубровинъ*. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей", стр. 107, 109 — 110, ср. 375.

[2]) Что русскіе офицеры посѣщали варшавскія ложи, видно, напримѣръ, изъ того, что въ засѣданіи одной изъ нихъ былъ въ октябрѣ 1815 г. Михайловскій-Данилевскій. „Русская Старина" 1900 г., № 9, стр. 643. Русскіе офицеры (П. Ермоловъ, А. Лобановъ и др.) дѣлались членами заграничныхъ польскихъ ложъ. *Zaleski*. O masonii w Polsce od r. 1742—1822. Krakow, 1889, 57, 176—177. О русскихъ членахъ варшавскихъ ложъ см. прилож. къ книгѣ Залескаго, стр. XX—XXIII, XXV, XXVIII.

возобновляющееся стремленіе вездѣ вербовать нашихъ офицеровъ, а также и содержаніе повременныхъ изданій, все это заставляло меня предугадывать нѣчто большее, чѣмъ просто нравственныя цѣли. Напримѣръ, особенно старались привлекать въ эти общества офицеровъ, состоящихъ при штабѣ императора и при генералахъ, командующихъ отдѣльными частями. Одинъ офицеръ изъ штаба фельдмаршала утверждалъ, что не нужно было бы болѣе ни императоровъ, ни королей, ни князей".

Въ особомъ приложеніи къ донесенію, отправленному его брату, баронъ Дибичъ пытается дать общую характеристику тайныхъ обществъ, преимущественно масонскихъ, указываетъ на то, что, кромѣ работы въ ложахъ, они ведутъ частную пропаганду, и приводитъ даже примѣрную бесѣду между мастеромъ и просвѣщаемымъ ученикомъ, въ которой мастеръ стремится подорвать въ ученикѣ чувство патріотизма, религіозность и уваженіе къ религіознымъ обрядамъ, уваженіе къ собственности, феодальному (т. е. крѣпостному) праву и праву наслѣдства. Мастеръ учитъ, что „настанетъ время, когда не будетъ никакой собственности, кромѣ вознагражденія за трудъ... Тогда народъ не будетъ нуждаться въ государѣ; тогда наиболѣе заслуженный, лучшій изъ людей, не называясь государемъ..., будетъ посвящать себя на служеніе человѣчеству исключительно изъ любви къ нему; великая же цѣль рода человѣческаго не будетъ уже раздѣлена границами и расчленена на отдѣльныя звенья, а, руководимая любовью, станетъ жить въ любви и согласіи" [2]). Французская революція, по мнѣнію этого мастера, была необходимымъ зломъ, и въ результатѣ ея является великое благо для слѣдующаго поколѣнія. Эта характеристика масонства является довольно фантастическою (нѣкоторыя черты ея, какъ, напр., слова о государяхъ, болѣе приложимы къ иллюминатству), но она указываетъ на идеи, распространявшіяся среди молодежи, которая соединялась въ разнообразныя тайныя общества. Эти идеи вліяли и на нашу военную молодежь и подталкивали ее ко вступленію въ различные тайные союзы. Начавъ съ масонства, она кончила тайными обществами съ чисто революціонными задачами. Донесеніе Дибича было написано въ то время, когда множество русскихъ офицеровъ вступило въ иностранныя масонскія ложи; есть указанія и на непосредственныя отношенія съ нѣкоторыми тайными обществами во Франціи и Швейцаріи другого рода, но въ Россіи въ то время, когда Дибичъ писалъ свои донесенія (февраль 1816 г.), были, повидимому, лишь масонскія ложи. Первое же серьезное политическое общество, Союзъ Спасенія, былъ основанъ лишь въ концѣ этого года.

---

[1]) Записки бар. Дибича напечатаны Н. М. Затворницкимъ въ „Русской Старинѣ" 1907 г., №№ 4 и 5.

Въ 1814—15 гг. между семью петербургскими ложами произошли разногласія: однѣ изъ нихъ требовали уничтоженія высшихъ степеней масонства (или, по крайней мѣрѣ, желали, чтобы онѣ не имѣли преобладающаго значенія), другія на это не соглашались. Кончилось чѣмъ, что Бёберъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ обратились къ правительству съ просьбою, чтобы имъ было позволено для прекращенія постоянныхъ ссоръ и несогласій раздѣлить масонскія ложи на два разряда, изъ которыхъ одинъ, не признавая высшихъ степеней, оставался бы подъ управленіемъ и отвѣтственностью гр. Мусина-Пушкина-Брюса, а другой — съ высшими степенями — находился бы въ зависимости отъ Бёбера подъ его отвѣтственностью. Управляющій министерствомъ полиціи согласился на это, „тѣмъ болѣе", какъ сказано въ официальной запискѣ 1817 г. особенной канцеляріи министерства полиціи, „что въ сей мѣрѣ видѣлъ не только устраненіе докучливыхъ состязаній, но и удобный способъ наблюденій за дѣяніями сего общества". Ложи Петра, Палестины, Изиды въ Ревелѣ и Нептуна (въ Кронштадтѣ), избравъ своимъ великимъ мастеромъ гр. Мусина-Пушкина-Брюса и составивъ между собою основной договоръ, учредили 30 августа 1815 г. великую, или директоріальную ложу Астреи, о которой Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ ежемѣсячно представлялъ правительству отчеты. Въ октябрѣ къ союзу Астреи присоединилась и ложа Александра. Ложи Елизаветы и Соединенныхъ Друзей оставались довольно долго безъ особой директоріи и только въ ноябрѣ 1816 г. учредили „Великую провинціальную ложу" (во главѣ ея стоялъ г. м. Жеребцовъ) и также обязались представлять правительству всѣ требуемыя имъ свѣдѣнія [1]).

30-го августа 1816 г. была учреждена въ Москвѣ содержателемъ косметическаго магазина Розенштраухомъ, который былъ впослѣдствіи въ Одессѣ пасторомъ, ложа подъ названіемъ „Александра Тройственнаго Спасенія". Когда московскій ген.-губ. гр. Тормасовъ просилъ государя разрѣшенія открыть эту ложу, Александръ I сказалъ: „Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго, и потому предоставляю на твою волю". И ложа была открыта [2]).

---

[1]) Подробности объ этомъ переходномъ времени нашего масонства см. *Пыпинъ* „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ", „Вѣстн. Евр." 1872 года, № 2, стр. 576—589. Въ договорѣ Астреи и Великой Провинціальной ложи было постановлено не признавать законною ложу, непризнанную правительствомъ, и не допускать ея членовъ къ работамъ своего союза.

[2]) „Общественныя движенія въ первой половинѣ XIX в." изд. Пирожкова, т. I, стр. 397, 487; „Рус. Стар.", т. XVIII, 663, XXXVI, 66. Членами этой ложи были между прочими ректоръ университета Геймъ, декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ и въ то же время полицмейстеръ Бибиковъ. Есть извѣстіе, что Александръ I однажды посѣтилъ петербургскую ложу Трехъ Добродѣтелей. Александръ

Въ февралѣ 1817 г. директоріальная ложа Астреи учредила, съ вѣдома государя, военную ложу Георгія Побѣдоносца въ Мобёжѣ при нашемъ корпусѣ, находившемся во Франціи. Не останавливаясь долѣе на перечисленіи вновь учреждаемыхъ ложъ, а также и на переходѣ ихъ изъ одного масонскаго союза въ другой, я упомяну только о томъ, что въ офиціальной запискѣ 1817—18 гг., между прочимъ, говорится объ учрежденіи масонскихъ ложъ въ Тамбовѣ, Ярославлѣ, въ Вазѣ и Або, о чемъ мы не знаемъ изъ другихъ источниковъ.

Въ той же запискѣ 1817—18 гг. сказано, что въ Москвѣ у сенатора Кутузова, а въ Петербургѣ у Лабзина и Мартынова бываютъ, такъ называемыя, „мартинистскія сходбища“ (о ложѣ Лабзина см. въ слѣдующей статьѣ).

Одновременно съ составленіемъ офиціальной записки о масонствѣ 1817—18 гг. былъ нѣсколько передѣланъ проектъ постановленія о ложахъ 1810 г., сообщенный тогда великому мастеру. Вѣроятно, этотъ новый проектъ былъ доведенъ до свѣдѣнія управляющихъ обѣими великими ложами. Отмѣтимъ въ немъ нѣкоторыя новыя черты. Признавая „терпимыми двѣ главноуправляющія ложи, Астрею и Великую Провинціальную, новыя правила требовали, чтобы ложи, отъ нихъ независимыя, немедлено присоединились къ одной изъ нихъ, въ противномъ же случаѣ будутъ закрыты. Правило это распространилось и на тѣ ложи, которыя „нынѣ подчинены какой-либо иностранной ложѣ. Каждой изъ директоріальныхъ ложъ вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять министру полиціи списокъ всѣхъ членовъ зависящихъ отъ ихъ управленія ложъ съ указаніемъ степени и масонскаго чина каждаго. Кромѣ того, великіе мастера должны были ежемѣсячно представлять министру полиціи отчетъ о всемъ происходившемъ въ ложахъ, о чрезвычайныхъ же событіяхъ доносить немедленно. Управляющіе отдѣльными ложами были обязаны „безотговорочно“ доставлять великимъ мастерамъ всѣ требуемыя свѣдѣнія подъ угрозою закрытія ихъ собраній. Сохранено было правило, чтобы каждая ложа заявила полиціи о томъ, гдѣ она собирается, но прибавлено, что полиціи будетъ предписано не препятствовать собраніямъ и не входить въ нихъ „безъ особаго на то приглашенія отъ самой ложи“.

Директоріальнымъ ложамъ запрещено было заводить новыя ложи гдѣ бы то ни было безъ разрѣшенія министра полиціи, который, „по

Ник. Муравьевъ разсказывалъ своимъ братьямъ, что во время этого посѣщенія государь попросилъ его что-то разъяснить ему, и онъ въ своемъ отвѣтѣ обращался къ императору по масонскому обычаю на „ты“. Это, видимо, произвело на государя неблагопріятное впечатлѣніе, и Муравьевъ утверждалъ, что съ этого времени началось неудовольствіе противъ него Александра I. *Кропотовъ*. „Жизнь графа М. Н. Муравьева“ 1874 г., т. I, 187. Быть можетъ, это посѣщеніе государемъ масонской ложи подало поводъ къ слухамъ, что онъ масонъ. „Русская Старина“ 1886 г., II, 198; Завалишинъ. „Записки декабриста“ I, 221.

соизволенія на то высшаго правительства", даетъ знать начальству того города, гдѣ ложа учреждается. „Новыя ложи вообще не должны быть учреждаемы легкомысленно и безъ нужды, ибо отъ сего порождаются злоупотребленія, вредныя не только общественному порядку, но и самой цѣли братства". Оба великіе мастера обязаны были разослать во всѣ подвѣдомственныя ложи списки съ этого постановленія для храненія въ архивахъ и непремѣннаго руководства [1]).

Очень печально то, что среди масоновъ находились лица, подстрекавшія правительство къ репрессивнымъ мѣрамъ относительно масонства. Такъ, извѣстный масонъ А. Ѳ. Лабзинъ, самъ подвергшійся преслѣдованію со стороны цензурнаго вѣдомства, а впослѣдствіи за смѣлое слово отправленный даже въ ссылку, писалъ 28 мая 1816 г. министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ А. Н. Голицыну: „Нынѣ правительствомъ дозволены или терпимы масонскія ложи. Развелось множество ложъ, и каждая ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только принимаетъ новыхъ членовъ, которыхъ напринимано теперь уже болѣе тысячи. Что въ этомъ? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за что, ни про что? Кажется, либо не позволять ложи, либо поставить ихъ на хорошую ногу, а то... есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только невѣрующіе, но и нескрывающіе своего невѣрія. За что же давать развращать молодыхъ людей, вступающихъ иногда туда и не съ худымъ намѣреніемъ? Не разсудите ли... представить о семъ государю, хотя не какъ о дѣлѣ, а между разговоромъ?" Правда, Лабзинъ оговаривался, что его цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы „побудить опять запретить ложи", такъ какъ онъ опасался, чтобы, „исторгая плевелы, иногда не повредить и пшеницу" [2]), но такія внушенія министру, а чрезъ него и самому государю должны были, конечно, вредить масонамъ.

Кромѣ общаго бдительнаго надзора надъ масонскими ложами, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ принимались и запретительныя мѣры. Ген.-губ. Остзейскаго края маркизъ Паулуччи, другъ извѣстнаго реакціонера, сардинскаго посланника въ Россіи графа де-Мэстра, [3]) узнавъ въ 1816 г. предъ отъѣздомъ за границу о предложеніи возстановить масонскую ложу въ Ригѣ, закрытую въ 1794 году, выразилъ, какъ видно изъ позднѣйшаго донесенія государю, такое мнѣніе по этому предмету, что больше о томъ не было и рѣчи [4]). Въ ноябрѣ 1815 г. директоріальная ложа

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ изъ Архива соб. Е. В. Канц." XI. 307, 315—319.

[2]) Н. Дубровинъ. „Наши мистики-сектанты". А. Ѳ. Лабзинъ и его „Сіонскій Вѣстникъ". „Рус. Стар." 1894 г., № 12, стр. 101.

[3]) *Cogordan.* Ioseph de-Maistre. P. 1894, p. 97.

[4]) Однако, въ запискѣ 1817 г. особенной канцеляріи министерства полиціи упоминается о масонскихъ собраніяхъ въ Ригѣ.

Астреи постановила возобновить ложу Трехъ Коронныхъ Мечей въ Митавѣ, что и было исполнено въ концѣ января 1816 года. Паулуччи, узнавъ о томъ по возвращеніи изъ Италіи и, по его словамъ, утвердясь еще болѣе въ своихъ убѣжденіяхъ о вредѣ всякихъ тайныхъ обществъ, запретилъ собранія митавской ложи, что было одобрено государемъ. Въ мартѣ 1817 г. Жеребцовъ въ письмѣ къ Віельгорскому выразилъ сожалѣніе, что эта ревностная ложа, состоящая въ союзѣ Провинціальной ложи, и которой онъ считаетъ себя членомъ, была исключена изъ союза безъ всякаго извѣщенія. Хотя маркизъ Паулуччи и не далъ ей разрѣшенія, но это не должно было изгладить ее изъ памяти Великой Провинціальной ложи. Вѣроятно, вслѣдствіе этого недоразумѣнія митавская ложа перешла въ союзъ Астреи. Но Паулуччи не позволялъ ей работать еще и въ 1821 году [1]).

Симбирскій губернаторъ Магницкій не согласился въ 1817 г. разрѣшить своею властью открытіе масонской ложи въ Симбирскѣ, а представилъ это дѣло на усмотрѣніе графа Вязьмитинова [2]).

Вслѣдствіе репрессивныхъ мѣръ администраціи гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ въ январѣ 1819 г. обратился къ управляющему министерствомъ полиціи гр. Вязьмитинову, съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Нынѣ масонство не имѣетъ уже счастья пользоваться покровительствомъ правительства... Губернаторы нѣкоторыхъ провинцій, изъ коихъ наименую только симбирскаго гражданскаго и рижскаго военнаго губернатора... отъ самихъ себя запрещаютъ открытіе такихъ ложъ, за коихъ великая ложа приняла на себя отвѣтственность предъ министерствомъ полиціи. Во многихъ другихъ мѣстахъ ложи существуютъ нынѣ равномѣрно только потому, что настоящіе мѣстные начальники разсудили за благо позволить ихъ. Но частная терпимость сія значитъ въ отношеніи къ великой ложѣ то, что и самое запрещеніе; ибо достоинству масонства отнюдь неприлично испрашивать позволенія у нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ, и работающія нынѣ ложи находятся въ опасности быть закрытыми при вступленіи въ должность другихъ губернаторовъ. Сіе нетвердое положеніе ложъ имѣетъ на масонство самое вредное вліяніе. Многіе изъ лучшихъ членовъ оставляютъ ложи, полагая, что масонство подозрѣваемо и презираемо правительствомъ. Великая ложа и великій мастеръ ежедневно болѣе и болѣе лишаются уваженія и власти, ибо состоящія подъ ихъ управленіемъ ложи не могутъ находить у нихъ защиты

---

[1]) Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 531а (11); „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, стр. 585, 592; „Русская Старина“, т. XVIII, 664; „Сборникъ матеріаловъ Соб. Е. В. Канц.“ XI, 309—310.

[2]) Гос. Арх. I, № 481 и 484; „Рус. Стар.“ 1899 г., № 2, стр. 299.

и у мѣстныхъ начальствъ должны искать и испрашивать позволеній въ существованіи своемъ, какъ, напримѣръ, ложи въ Москвѣ, Житомірѣ, Полтавѣ и Бѣлостокѣ. Ложамъ невозможно было привести въ дѣйство никакого благотворительнаго заведенія, ибо никому неизвѣстно, доколѣ начальство того мѣста будетъ позволять существованіе оныхъ. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ Россіи при семъ положеніи вещей составились ложи, независящія отъ великой ложи, и о коихъ министерство полиціи не имѣетъ и не можетъ имѣть свѣдѣній. Многочисленныя ложи въ литовскихъ губерніяхъ, учредившіяся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, подчинялись не С.-Петербургской, а Варшавской Великой ложѣ, такъ какъ если министерство полиціи или губернаторы виленскій, гродненскій и минскій станутъ требовать у нихъ отчетовъ, то они обратятся въ Варшаву, что было бы совершенно противно порядку и обычаямъ, наблюдаемымъ во всѣхъ странахъ, имѣющихъ, подобно Россіи, монарха просвѣщеннаго и благочестиваго... Въ случаѣ продолженія сего порядка вещей мнѣ невозможно будетъ отправлять съ честью и совѣстью званія великаго мастера въ отношеніи къ правительству и къ самимъ ложамъ. По совѣщаніи съ многими старѣйшими членами масонскаго ордена" Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ просилъ Вязьмитинова „отклонить сіи неудобства, защитить ложи, зависящія отъ Великой ложи, отъ притѣсненій губернаторовъ и не позволять, чтобъ въ Россіи существовали ложи, независящія отъ Великой ложи въ С.-Петербургѣ", если же Вязьмитиновъ затруднится сдѣлать это, то Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ просилъ представить о томъ государю и увѣрить его, что если правительство „сомнѣвается въ пользѣ и безвредности масонства, то... всѣ истинные масоны, при самомъ первомъ о томъ извѣщеніи", прекратятъ свои собранія [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что, жалуясь на репрессивныя мѣры относительно масонства, Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ въ то же время желалъ, при помощи правительства, сдѣлать масонскія ложи въ Литвѣ зависимыми отъ великой ложи Астреи.

Министерство полиціи дало на записку Мусина-Пушкина-Брюса уклончивый отвѣтъ. Тогда онъ подалъ другую записку кн. А. Н. Голицыну. Объяснивъ въ ней основныя правила масонства, онъ просилъ довести его записку отъ 3 февраля 1819 г. до свѣдѣнія государя; въ ней онъ ходатайствовалъ, чтобы „истинное масонство" было въ Россіи не только терпимо, но и находилось подъ покровительствомъ государя. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ указывалъ, что 1) масонство дѣлаетъ людей „вѣрнѣйшими гражданами", потому что „истинный масонъ, прежде всего обязующійся

---

[1]) „Сборн. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Его В. канц." XI, 282—284

быть вѣрнымъ своему правительству, познаетъ въ свѣтѣ писанія, что онъ... долженъ повиноваться съ любовью и даже страдать, если то необходимо“ и 2) „масонство дѣлаетъ людей надежнѣйшими подпорами государствъ, потому что истинный масонъ стремится къ преобразованію *самого себя*, ибо онъ знаетъ, что безъ основательнаго внутренняго самоисправленія никакое истинное *внѣшнее* исправленіе производимо быть не можетъ“. Записка оканчивалась просьбою отъ имени союза о покровительствѣ со стороны государя или опредѣленнаго въ томъ отказа“; въ этомъ послѣднемъ случаѣ всѣ ложи союза Астреи немедленно прекратятъ свои работы [1])

Однако, и это ходатайство Мусина-Пушкина-Брюса успѣхомъ не увѣнчалось: правительство продолжало принимать репрессивныя мѣры противъ нѣкоторыхъ ложъ.

30 апрѣля 1818 г. въ Полтавѣ была основана въ союзѣ Астреи ложа Любви къ Истинѣ, въ которой мастеромъ стула былъ членъ Союза Благоденствія Мих. Ник. Новиковъ, правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Г. Репнина. 12 марта 1819 г. состоялось повелѣніе государя закрыть эту ложу. Репнинъ, исполнивъ это, донесъ начальнику главнаго штаба кн. П. М. Волконскому, что другихъ масонскихъ ложъ въ Малороссіи (т. е. въ той ея части, которая была ввѣрена его управленію) не находится. Репнинъ нашелъ нужнымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: „чуждъ будучи по совѣсти и правиламъ моимъ всякаго тайнаго сообщества, я никогда не покровительствовалъ масонскимъ ложамъ, но не воспрещалъ здѣсь нѣсколькимъ членамъ открыть таковую, потому что она учреждалась съ дозволенія петербургской главной ложи (Астреи), подвѣдомственной министерству полиціи, слѣдовательно и съ вѣдома онаго“.

Репнинъ сообщалъ, что, по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ при „безпрестанномъ надзорѣ“ надъ полтавскою ложею, „въ ней ничего противозаконнаго не происходило“, тѣмъ не менѣе, „зная на сей предметъ высочайшую волю“ онъ увѣрялъ, что, пока онъ будетъ управлять Малороссіею, въ ней не откроется ни одной ложи [2]).

По словамъ донесенія „высшей полиціи“, закрытіе ложи въ Полтавѣ и неполученіе Мусинымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ отвѣта отъ кн. Голицына произвело, „какъ изъявленіе воли государя“, удручающее впечатлѣніе на нѣкоторыхъ масоновъ, и они стали покидать свои союзъ. Пер-

[1]) „Сборн. мат. изъ Архива Соб. Е. В. Канц.“ II, 282—291; „Русская Старина“, т. XXXII, 675.

[2]) „Рус. Арх.“ 1906 г., т. III, 476. О полтавской ложѣ мы будемъ еще говорить подробно.

вый вышелъ изъ него кн. Лобановъ. Полиція увѣряла, будто бы лучшія (т. е., вѣроятно, болѣе знатные) „члены оставятъ общество; останутся только съ одной стороны сволочь (т. е. разночинцы), которая превратитъ ложи „въ сборища разврата (?), а съ другой стороны—закоренѣлые мечтатели, кои окружаютъ себя мнимою таинственностью и будутъ искать свѣта во тьмѣ“. Впрочемъ, полиція облыжно увѣряла, будто бы и „до сего времени всѣ“ (?) петербургскія ложи „болѣе могутъ быть уподоблены клубамъ, нежели нравственнымъ какимъ собраніямъ“.

Въ донесеніи полиціи было сообщено, что петербургскія директоріальныя ложи имѣли сношенія съ варшавскимъ Востокомъ о подчиненіи имъ литовскихъ ложъ, но согласія на это не послѣдовало. Въ этомъ, болѣе раннемъ, донесеніи полиція давала петербургскимъ масонамъ аттестацію, какъ людямъ вполнѣ благонамѣреннымъ [1]).

Однако, то тамъ, то здѣсь масонскія ложи продолжали подвергаться гоненіямъ.

Въ 1820 г. кн. П. М. Волконскій сообщилъ маркизу Паулуччи какое-то повелѣніе государя относительно масонской ложи, будто бы существовавшей въ Ригѣ. Тотъ отвѣчалъ въ письмѣ къ государю отъ 19 декабря 1820 г., что онъ еще въ 1816 г. не разрѣшилъ возстановленія существовавшей тамъ при Екатеринѣ II ложи, но это заставило его обратить вниманіе на двѣ ложи въ Ревелѣ, учрежденныя съ дозволенія министерства полиціи, относительно которыхъ на основаніи собранныхъ свѣдѣній онъ прежде приходилъ къ заключенію, что онѣ совершенно безвредны, тѣмъ болѣе что Эстляндская губернія по своему положенію не имѣетъ прямыхъ сношеній съ Пруссіею и Польшею, и ограничился надзоромъ за ними. Теперь, по полученіи письма кн. Волконскаго, онъ потребовалъ отъ директоровъ ревельскихъ масонскихъ ложъ, чтобы они пріостановили свои занятія впредь до разрѣшенія и не разглашали объ этомъ запрещеніи [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Паулуччи положительно заявилъ государю,

---

[1]) „Русская Старина“ 1881 г., № 11, стр. 674. Это не помѣшало, однако, правительству преслѣдовать проявленіе масонства въ литературѣ. 29 іюня 1821 г. состоялось повелѣніе государя, чтобы „масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію, вовсе печатаемы не были“. „Рус. Стар.“ 1901 г., № 8. стр. 425.

[2]) Быть можетъ, вслѣдствіе этого въ вѣдомости ложъ Союза Астреи ревельская ложа Трехъ Сѣкиръ значится дѣйствующею (въ ней былъ членомъ извѣстный писатель Августъ Коцебу, убитый Зандомъ, Tableau general de la grande Loge Astrée, Spb. 5817; Idem, 5818—5819, p. 140), а другая ложа Изиды—закрыта въ 1820 г. Астреею за принятіе двухъ недостойныхъ членовъ вопреки сдѣланному ей великою ложею запрещенію. „Рус. Стар.“, т. XVIII, 663; указатель Пыпина № 120; *Пыпинъ* „Общ. Движ.“, стр. 321; „Вѣстн Евр.“ 1872 г., № 2, стр. 593.

что въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ нѣтъ открытыхъ масонскихъ ложъ, и если бы онѣ даже и существовали, то, при томъ настроеніи умовъ какое существуетъ въ остзейскомъ краѣ, онѣ никогда не могли бы обратиться въ ложи карбонаровъ (а между тѣмъ онъ закрылъ, какъ мы видѣли митавскую ложу). Однако, въ то же время Паулуччи высказалъ мнѣніе, что многіе ученые, и особенно иностранцы, пріѣзжающіе искать счастья въ Россіи, если бы существовали открытыя ложи, не упустили бы случая для распространенія космополитическихъ идей. Въ письмѣ Волконскаго, очевидно, упоминалось о свѣдѣніяхъ, полученныхъ черезъ посольство о карбонаріяхъ [1]), такъ какъ Паулуччи опять повторяетъ: „я могу съ полною увѣренностью поручиться, что общества, которыя надѣются посредствомъ своихъ козней постепенно распространить принципы карбонаріевъ, не будутъ въ настоящее время имѣть никакого вліянія". Паулуччи не допускалъ возможности существованія въ Остзейскомъ краѣ „миссонеровъ" карбонаризма и столь вредныхъ обществъ, однако, онъ полагалъ, что вся Европа переполнена тайными обществами, членовъ которыхъ можно встрѣтить между людьми всѣхъ классовъ, начиная отъ ремесленника и кончая министрами. Онъ отрицателно относился къ масонамъ вообще и мартинистамъ въ частности, къ гимнастическимъ обществамъ, сыгравшимъ, какъ извѣстно, политическую роль въ Германіи, и къ Союзу Добродѣтели (Tugend-Bund'у), по его мнѣнію даже библейскія общества были орудіемъ иллюминатовъ. Въ заключеніе Паулуччи предлагаетъ: 1) запретить на всемъ пространствѣ имперіи всѣ тайныя общества и союзы, не подвергая преслѣдованію ихъ теперешнихъ членовъ и 2) установить самыя дѣйствительныя мѣры для внимательнаго наблюденія за всѣми собраніями съ цѣлью молитвы, чтобы они не могли стремиться къ религіознымъ новшествамъ и не могли проникнуться стремленіями политическими [3]).

Какъ внимательно слѣдило правительство за дѣятельностью масоновъ, видно изъ слѣдующаго факта. Въ ноябрѣ 1820 г. кн. Волконскій находившійся вмѣстѣ съ имп. Александромъ I въ Троппау, писалъ И. В. Васильчикову: „съ нѣкотораго времени государь замѣчаетъ, что много офицеровъ разныхъ полковъ ѣздятъ въ Кронштадтъ. Такъ какъ тамъ существуетъ масонская ложа..., то весьма можетъ быть, что, будучи подъ присмотромъ въ Петербургѣ, не ѣздятъ ли они туда, чтобы участвовать въ засѣданіяхъ безъ всякаго стѣсненія" [3]).

---

[1]) Въ донесеніяхъ нашихъ дипломатовъ изъ Италіи осенью 1820 г. указывалось на чрезвычайное увеличеніе числа карбонаріевъ.

[2]) Военно-ученый Архивъ, отд. I. № 531 - A, л. 1—10.

[3]) Русскій Архивъ 1875 г., т. II, 53. Другой примѣръ надзора за масонами находимъ въ письмѣ того же Волконскаго въ іюнѣ 1821 г. Онъ сообщалъ Васильчикову, что государь, замѣтивъ отъѣздъ д-ра Эллизена въ Торо-

Въ письмѣ къ государю отъ 10 апрѣля 1821 г. маркизъ Паулуччи опять повторяетъ свои нападки на франкмасоновъ, иллюминатовъ и общества, преслѣдующія религіозныя цѣли. Затѣмъ онъ говоритъ: „я измѣнилъ бы правдѣ, если бы... скрылъ отъ васъ, государь, что въ Прибалтійскихъ провинціяхъ есть лица, умы которыхъ до того возбуждены распространенными повсюду конституціонными идеями и извѣстіями о революціяхъ на югѣ Европы, что они одобряютъ поведеніе солдатъ, присвоившихъ себѣ право быть законодателями ихъ отечества. Но ихъ мнѣнія могли бы принять другое направленіе, если бы были разрушены тѣ очаги, гдѣ они проникаются этими идеями". Въ заключеніе Паулуччи опять предлагаетъ, чтобы всѣ собранія тайныхъ обществъ, каковы бы ни были ихъ цѣль и названіе, были закрыты и распущены съ „примѣненіемъ мѣръ умѣренности, снисхожденія и доброты".

Александръ I отвѣчалъ Паулуччи, что онъ согласенъ съ его мнѣніемъ, за исключеніемъ сказаннаго о библейскихъ обществахъ, которыя, по мнѣнію государя, не могутъ вести къ опаснымъ послѣдствіямъ.

Однако, Паулуччи въ письмѣ къ Александру I изъ Царскаго Села отъ 14 іюля 1821 г. настаиваетъ, что всѣ тайныя общества стремятся къ политическимъ реформамъ, и вновь указываетъ на опасность союзовъ, желающихъ измѣнить религіозные принципы различныхъ исповѣданій, и на опасность всякихъ мистическихъ братствъ, причемъ рекомендуетъ установить въ столицѣ перлюстрацію писемъ, которая и безъ того существовала [1]).

Быть можетъ, вліяніе совѣтовъ Паулуччи сказалось въ слѣдующемъ фактѣ: въ 1821 г. масоны избрали великимъ мастеромъ великой ложи Астреи гр. Мусина-Пушкина-Брюса, который письменно извѣстилъ о томъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея. Тотъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя и, изготовивъ письменный отвѣтъ Мусину-Пушкину, испрашивалъ разрѣшенія государя. Однако, Александръ I не захотѣлъ, „чтобы письменно о семъ было объявлено". Послѣ этого гр. Кочубей не получалъ уже никакихъ извѣщеній „отъ масонскаго управленія", но имѣлъ съ нимъ сношеніе только вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго княземъ П. М. Волконскимъ, по поводу ложи, учрежденной въ Кишиневѣ [2]).

пецъ на воды (въ имѣніе Кушелева), поручилъ ему навести секретно справки, не имѣетъ ли онъ сношеній съ находившимися тамъ кавалергардами. Рус. Арх. 1875 г., т. II, 96.

[1]) Военно-ученый Архивъ, Отд. 1, № 531—А, л. 11—35, 61—68.

[2]) Секретное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ начальнику Главнаго Штаба 9 января 1826 г. „Русская Старина" 1907 г., № 2, стр. 345. О кишиневской ложѣ см. ниже.

IV.

Новосильцевъ въ донесеніи изъ Варшавы отъ 12—24 мая 1821 г., подобно Паулуччи, совѣтовалъ уничтожить масонство, какъ „главный, прямой или непрямой источникъ всѣхъ тайныхъ обществъ“, служащій имъ „образцомъ и прикрытіемъ“, уничтожить какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи вообще или, по крайней мѣрѣ, въ польскихъ ея губерніяхъ. Въ донесеніи отъ 21 августа (3 сентября) того же года онъ вновь настаивалъ на необходимости запретить въ Россіи тайныя общества, „которыя составляютъ главный источникъ всѣхъ проявляющихся демагогическихъ происковъ“. Ссылаясь на свои прежнія донесенія о масонскихъ ложахъ въ Царствѣ Польскомъ, онъ находилъ въ нихъ сходство съ студенческими союзами и утверждалъ, что „масоны и университетскіе бурши —одно и то же, что они преслѣдуютъ ту же цѣль и только по имени отличаются отъ карбонаріевъ“.

Настоянія Новосильцева не остались безъ результата: масонскія ложи Царства Польскаго были закрыты 25 сентября новаго стиля 1821 г. Намѣстникъ Царства Польскаго Заіончекъ далъ такой приказъ высшему масонскому капитулу въ Варшавѣ: „нынѣшнія обстоятельства таковы, что они могутъ возбудить подозрѣнія противъ всякаго тайнаго общества, если бы даже оно собиралось съ наилучшею цѣлью. По этой причинѣ мы приглашаемъ высшій капитулъ масонства въ Польшѣ закрыть свои работы, а также закрыть работы всѣхъ ложъ на неопредѣленное время. Вслѣдствіе этого всѣ масонскія собранія въ Варшавѣ послѣ перваго, а въ губерніяхъ послѣ 15 октября текущаго года будутъ считаться противозаконными“. 17/29 сентября Новосильцевъ донесъ государю, что цесаревичъ по возвращеніи въ Варшаву вполнѣ одобрилъ принятую мѣру, и при этомъ сообщилъ, что подъ управленіемъ варшавскаго Великаго Востока [1]) находилось 44 ложи, изъ которыхъ 5 или 6—въ Литвѣ. Считая въ среднемъ по ста членовъ на ложу, [2]) онъ полагалъ общее число членовъ около 4.400 [3]).

---

[1]) Востокомъ называлось высшее управленіе масонствомъ въ странѣ.

[2]) Въ нѣкоторыхъ ложахъ бывало и больше членовъ. Такъ, въ ложѣ Сѣвернаго Щита въ 1818 году было 194 дѣйствительныхъ и отсутствующихъ членовъ *Zaleski.* O masonii W Polsce. 1889, прим. стр. XV—XXI.

[3]) Однако, изъ вѣдомости, составленномъ въ Варшавскомъ Великомъ Востокѣ, видно, что въ Литвѣ находилось подъ его управленіемъ не 5-6, а гораздо болѣе ложъ: въ Вильнѣ—4 ложи и два капитула (изъ которыхъ одинъ работалъ въ четвертой и пятой степени, а другой въ шестой и седьмой степени), одна ложа въ Росіеннахъ, въ Несвижѣ одна ложа и одинъ капитулъ (четвертой и пятой степени), одна ложа въ Новогрудкѣ, одна въ Слуцкѣ, въ Минскѣ одна ложа и одинъ капитулъ (шестой и седьмой степени), двѣ ложи въ Дубно, одна ложа въ Рафаловкѣ и еще необъявленная ложа въ Гродно,

2 января 1823 г. намѣстникъ Заіончекъ, въ исполненіе его постановленія отъ 6 ноября 1821 г. о воспрещеніи въ Царствѣ Польскомъ всякихъ тайныхъ обществъ, постановилъ, что „вся движимость и недвижимость, остающаяся послѣ уничтоженныхъ... тайныхъ масонскихъ и другихъ обществъ, переходитъ въ управленіе и опеку правительства“. Для отысканія и отобранія этихъ капиталовъ и завѣдыванія ими была учреждена центральная комиссія изъ 10 членовъ, которая должна была привести въ порядокъ архивы уничтоженныхъ обществъ, а объ употребленіи капиталовъ представить проектъ. 29 іюня того же года Новосильцевъ донесъ цесаревичу Константину Павловичу, что исполненіе этого предписанія намѣстника идетъ крайне медленно [1]). Пока отъ всѣхъ остальныхъ ложъ Царства Польскаго не будутъ отобраны „принадлежащія имъ вещи и бумаги“, доносилъ Новосильцевъ Константину Павловичу, „нельзя почитать масонское общество за совершенно уничтоженное“; и потому онъ настаивалъ, что слѣдуетъ отобрать у бывшихъ ложъ всякую собственность и, давъ „наличнымъ деньгамъ соотвѣтственное назначеніе“, такимъ образомъ „пресѣчь дальнѣйшія совѣщанія бывшихъ масоновъ объ употребленіи сихъ суммъ“.

Въ іюнѣ 1822 г. была оглашена, съ согласія Александра I, папская

итого 13 ложъ и 4 капитула. Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, № 1028-А. Постановленіемъ намѣстника 6 ноября 1821 г., обнародованнымъ 16 декабря 1821 г., были запрещены въ Царствѣ Польскомъ всякія тайныя общества. *Askenazy* Rosya-Polska, 98.

[1]) А именно приняты архивы (а у нѣкоторыхъ—вещи и капиталы): 1) у бывшаго верховнаго масонскаго капитула, 2) бывшаго великаго польскаго Востока, 3) быв. высшаго варшавскаго капитула, 4) быв. въ Варшавѣ нижняго капитула Ѳемиды, 5) быв. въ Варшавѣ символической ложи Славянское Единство и 6) быв. въ Варшавѣ символической ложи Постоянство. Не отобраны же вещи и архивы въ Царствѣ Польскомъ (со включеніемъ Варшавы) у четырехъ низшихъ капитуловъ и двадцати символическихъ ложъ. Вмѣстѣ съ тѣми, у которыхъ были уже отобраны архивы и капиталы, мы получаемъ всего въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ бывшаго управленія Великаго Польскаго Востока, семь капитуловъ и двадцать двѣ символическихъ ложи. Если присоединить къ этому четыре капитула и тринадцать ложъ польскихъ губерній Россіи, то получимъ всего 47 учрежденій, а не 44, какъ доносилъ Новосильцевъ государю 17/29 сентября 1821 г. Извѣстный польскій историкъ, проф. Аскенази, полагаетъ, что въ масонскихъ ложахъ Царства Польскаго было до 5000 членовъ. *Askenazy*. Rosya-Polska, Lwów, 1907, 95. Впослѣдствіи Новосильцевъ въ запискѣ 12 января 1828 г. писалъ, что въ Царствѣ Польскомъ „всѣ масонскіе архивы, масоническія украшенія ложъ, знаки, приборы и самыя книги были собраны въ одно мѣсто подъ наблюденіемъ особо учрежденной комиссіи, которая, продавъ то, что могло итти въ общую продажу, соединила вырученныя деньги съ наличными капиталами ложъ, отданными по распоряженію правительства вмѣстѣ съ недвижимымъ масонскимъ имуществомъ на богоугодныя заведенія. Прочія собственно масонскія вещи или истреблены подъ надзоромъ комиссіи, или хранятся въ вѣдѣніи правительства, какъ-то архивы для могущихъ впредь случиться справокъ“. Архивъ Главнаго Военносуднаго управленія, дѣло II отд. Аудиторіатск. департ. о маіорѣ Королевскомъ, л. 24, об.—26. Въ Польшѣ много говорили о расхищеніи суммъ, отобранныхъ у масоновъ.

булла Пія VII Ecclesiam Iesu Christo 13 сентября 1821 г., проклинающая тайныя общества вообще и карбонаріевъ въ особенности [1]).

Въ ноябрѣ 1821 г. шляхтичъ Мицканевскій подалъ въ виленскій главный судъ прошеніе съ заявленіемъ, что въ Вильнѣ есть масонская ложа, дѣйствія которой противны религіи и народу, и просилъ о взысканіи съ этой ложи взятыхъ у него въ разное время въ складку 75 р. сер., прибавляя, что онъ принадлежалъ къ ложѣ около 3 лѣтъ и вышелъ изъ нея въ 1820 году. Главный судъ нашелъ, что дѣло это подлежитъ разбору не суда, а полиціи, и препроводилъ прошеніе Мицканевскаго въ губернское правленіе, которое представило его военному губернатору Римскому-Корсакову. Одновременно съ этимъ и самъ Мицканевскій подалъ губернатору просьбу такого же содержанія, какъ и въ судъ.

Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ получилъ увѣдомленіе отъ Новосильцева, что намѣстникъ Царства Польскаго приказалъ закрыть тамъ масонскія ложи; объ этомъ сообщено было потому, что въ Вильнѣ находились ложи, зависимыя отъ варшавскихъ, которыя еще прежде полученія увѣдомленія отъ Новосильцева были закрыты. Онъ потребовалъ документы ложъ и, „не найдя въ нихъ ничего противнаго правительству и религіи“ (какъ онъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ), все же предписалъ полиціи имѣть строгое наблюденіе, чтобы „впредь никакія секретныя собранія дозволяемы не были“.

Получивъ доносъ Мицканевскаго, Римскій-Корсаковъ приказалъ управляющему губерніей и губернскому прокурору потребовать отъ Мицканевскаго подробнаго поясненія, въ чемъ состоитъ вредъ, приносимый масонскими ложами. Тотъ отвѣчалъ, что „система франкмасоніи угрожаетъ опасностью народамъ и хулитъ противу Бога. Главная тайна масоніи состоитъ въ томъ,—учредить между всѣхъ состояній людей *вольность и равенство*, а истребить деспотизмъ или самодержавное правленіе“; масонство клонится „къ революціи подобной“ (той), „какія были во Франціи, Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и Туринѣ, а потому очевидно“ угрожаетъ „потрясеніемъ народовъ“. „Что поступки масоновъ противны самому Богу— утверждаю, ибо они намѣрены вѣру христіанскую вовсе истребить и завести общую, такъ сказать, антихристіанскую, отринувъ обряды Спасителя нашего Іисуса Христа, не признавая его Богомъ, а мечтая вмѣсто него о нѣкоемъ великомъ строителѣ міра или иначе называемомъ еврейскомъ Богѣ Іеговѣ“. Мицканевскій жаловался на то, что масоны постановили денегъ ему не отдавать и лично его презирать, сообщалъ слова присяги масоновъ, грозящей въ самыхъ страшныхъ выраженіяхъ смерью за раскрытіе

---

[1]) *Zaleski*. O masonii w Polsce, стр. 43—44.

масонскихъ тайнъ, перечислялъ пять существовавшихъ въ Вильнѣ ложъ: одна провинціальная и четыре символическія [1]).

Когда объ этомъ было доложено государю, онъ приказалъ „взять всѣ бумаги масонской ложи“, о которой „доноситель показываетъ“, разсмотрѣть ихъ, и тѣ изъ нихъ, которыя могутъ заслуживать вниманія, доставить въ Петербургъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Изъ этихъ бумагъ оказалось, что когда петербургскіе масоны получили извѣщеніе въ 1817 г. о началѣ и положеніи масонства въ Литвѣ, то петербургская ложа Астреи предлагала въ слѣдующемъ году литовской ложѣ вступить въ зависимость отъ нея, но та отвѣчала, что не можетъ принять этого предложенія, такъ какъ рѣшилась остаться въ союзѣ съ Варшавскимъ Востокомъ. Остальныя бумаги касались сношеній литовскихъ ложъ съ Варшавскимъ Востокомъ и между собою. Въ одномъ письмѣ литовской провинціальной ложи было обращено вниманіе на слѣдующее мѣсто: „судя по событіямъ свѣта, въ настоящее время благо и счастіе народное не иначе можетъ быть обезпечено, какъ утвержденіемъ отечественности“ (т. е. народности, національности), „что сіе великое начало содѣлывается, съ одной стороны, натуральнымъ оплотомъ насиліямъ и неправдѣ и, съ другой, служитъ священною причиною къ распространенію между людьми всѣхъ состояній тѣхъ совершенствъ, которыя бы могли облагородить существо человѣка,—вотъ предметъ масонства, а потому намъ, польскимъ масонамъ, должно соединяться и сообразовать желанія и намѣренія наши, не ослабляя отнюдь узла существующаго, не нарушая и не истребляя единства, на снисхожденіи законнаго правительства основаннаго“. Изъ взятыхъ бумагъ видны были также сношенія литовскаго масона Наркиза Олизара, брата Густава Олизара, участвовавшаго въ кіевской масонской ложѣ (см. ниже), съ заграничными ложами и Варшавскаго Востока съ ложами Голландіи и Батавіи. Обращено было также вниманіе на печатный экземпляръ рѣчи, произнесенной 2 іюня 1817 г. въ Варшавской ложѣ Казиміръ Великій гр. Людвикомъ Платеромъ [2]). Рѣчь эта была посвящена разсмо-

---

[1]) Сообщая объ этомъ 1 февраля 1822 г. министру внутреннихъ дѣлъ, Римскій-Корсаковъ добавилъ, что Мицкаевскій, бывшій передъ этимъ членомъ виленской квартирной комиссіи, состоитъ подъ судомъ за злоупотребленія по этой должности и растрату денегъ.

[2]) Обращено было еще вниманіе на то, что въ отзывѣ Варшавскаго Великаго Востока литовской провинціальной ложѣ 1818 года по случаю представленія послѣдней, что петербургская ложа не желаетъ входить съ нею въ братскія сношенія, варшавская ложа обнадеживаетъ ее въ покровительствѣ государя императора, *какъ сочлена.* Очевидно, къ этому же инциденту относится слѣдующее мѣсто въ донесеніи Новосильцева цесаревичу Константину Павловичу отъ 3 мая 1823 г. Въ письмѣ Великой масонской мастерской великаго польскаго Востока въ великую провинціальную Виленскую ложу изъ Варшавы отъ 12 декабря 1818 г., подписанномъ гр. Платеромъ, масонское начальство

тренію равенства „одного изъ первѣйшихъ и существеннѣйшихъ началъ" масонскаго общества, равенства, которое служитъ „основаніемъ всему зданію, о коемъ великая ложа ежедневно слышитъ и которое выражается во всѣхъ обрядахъ".

„Уставы равенства", говорилъ ораторъ, „процвѣтутъ нѣкогда по истеченіи другихъ столѣтій и по наступленіи опредѣленнаго часа возсіяютъ въ возрожденіи своемъ и возвратятъ намъ первобытную невинность, добродѣтель и счастіе". Но, чтобы достигнуть этой цѣли, нужны „ясное и основательное понятіе о равенствѣ и безпрерывное примѣненіе" его „какъ въ ложѣ, такъ и внѣ ея.—Все подтверждаетъ намъ, что свободные каменьщики суть и были всегда между собою равны... Мы не признаемъ другого властелина, кромѣ закона". Но недостаточно „видѣть брата въ каждомъ свободномъ каменьщикѣ", нужно еще „чтобы мы во всѣхъ людяхъ почитали наравнѣ человѣка,—человѣка въ багряницѣ или въ рубищѣ, за плугомъ, съ перомъ, съ орудіемъ, съ пилою, со скипетромъ или съ аршиномъ въ рукахъ, ибо онъ вездѣ есть одно и то же существо..." Въ сношеніяхъ съ высшими „должно чтить достоинство человѣка въ самомъ себѣ"; въ сношеніяхъ съ низшими—„уважать достоинство сіе въ нихъ. Не должно обольщать первыхъ подлостью, пресмыканіемъ, уничиженіемъ и отреченіемъ отъ мнѣнія своего, дабы не подвергнуться отвѣтственности предъ Богомъ и совѣстью за чинимыя ими преступленія. Не должно гордостью, надменностью и властолюбіемъ отнимать у низшаго свободу мыслить, но должно просвѣщать его, защищать и нравственно возвышать и усовершать благоразумнымъ поведеніемъ и примѣромъ. Всякъ изъ насъ имѣетъ своего слугу; многіе, проходя военное или гражданское поприще, имѣютъ подчиненныхъ; многіе также владѣютъ землями, трудолюбивыми крестьянами населенными; свободный каменьщикъ не долженъ забывать, что частный его слуга, что воинъ, подобно ему, но съ большею заслугою отечеству служащій, ибо безъ всякаго самолюбія жертвуетъ отечеству жизнью, что земледѣлецъ, тяжкими трудами котораго онъ пользуется, суть люди ему подобные, совершенно ему равныя. Небо для того допустило васъ быть свободными каменьщиками, чтобы вы съ рачительностью пеклись о благосостояніи существъ, вашему попеченію ввѣренныхъ. Трудитесь же

въ Варшавѣ старается прекратить опасенія масонскаго начальства въ Вильнѣ, возникшія по поводу учиненнаго однимъ изъ масоновъ государю императору Александру Павловичу доноса и состоявшія въ томъ, что россійское правительство намѣрено запретить масонскія ложи въ Литвѣ, на каковой конецъ здѣшнее масонское начальство увѣряетъ, „что сіе не можетъ случиться въ царствованіе государя императора Александра Павловича, однако-жъ если, паче чаянія, таковое запрещеніе послѣдуетъ, то упомянутая великая мастерская увѣщеваетъ не противиться силѣ, прекратить на время свои работы и, ожидая благопріятнѣйшихъ временъ, сохранить мастерство въ своемъ сердцѣ, оставаться между собою въ связи и слѣдовать въ семъ примѣру поляковъ, какъ послѣ гибели своего отечества, постоянствомъ и твердостью содѣйствовали къ спасенію имени и чести Польши и къ ея возстановленію». Арх. Главн. Военн-Судн. Управленія, 2 Отд. Аудит. Департ., св. 1, л. 22 об.—23 об.

въ просвѣщеніи ума, въ облагородствованіи сердецъ ихъ, поступайте съ ними ласково, если же необходимо употребить строгость, то умѣряйте ее кротостью и справедливостью. Помните всегда, что въ ту самую минуту, когда вы увлекаетесь неприличнымъ человѣческому достоинству гнѣвомъ, вы нарушаете обѣты и присягу и перестаете быть масонами. Ибо человѣкъ, свирѣпствующій надъ человѣкомъ, учинившись извергомъ, можетъ ли быть масономъ, витяземъ добродѣтели, жрецомъ въ святилищѣ человѣколюбія?.. Будемъ трудиться для человѣчества, будемъ трудиться единодушно и повсемѣстно. Будемъ уважать всѣхъ людей безъ изъятія, будемъ служить имъ безъ различія изъ одного уваженія къ человѣчеству и равенству". Но вслѣдъ затѣмъ ораторъ спѣшитъ оговориться, что „развращать порядокъ общественный, производить насильственно перевороты въ ономъ не есть намѣреніе наше, не есть обязанность наша. Общество наше... дѣйствуетъ силою чувствъ, силою убѣжденія".

Такимъ образомъ ораторъ высказывается противъ всякихъ революцій [1]). Мало того, онъ не рѣшается даже совѣтовать отказываться отъ исполненія велѣній власти, противныхъ совѣсти масона, требуя только, чтобы онъ не совершалъ преступленія по собственной волѣ. Тѣмъ не менѣе проповѣдь равенства не юридическаго и экономическаго, а, такъ сказать, нравственнаго, въ смыслѣ одинаковаго человѣческаго достоинства, показалась русской администраціи слишкомъ либеральною. Рѣчь гр. Платера была переведена директоромъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ фонъ-Фокомъ, и переводъ этотъ былъ представленъ государю въ приложеніи къ запискѣ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланского о бывшихъ литовскихъ масонскихъ ложахъ [2]).

20 мая 1822 года Мицканевскій послалъ и на имя государя доносъ, въ которомъ говорилъ, что „подъ предлогомъ требованія денегъ раскрылъ правительству тайную цѣль секты" масоновъ, показалъ, что вообще она стремится къ уничтоженію христіанской религіи, къ низверженію троновъ и правительствъ, къ политическимъ революціямъ у различныхъ народовъ и къ великому пролитію крови. Мицканевскій умолялъ государя издать указъ, который гласно уничтожилъ бы секту масоновъ, какъ это уже сдѣлано его именемъ въ Варшавѣ въ 1821 г., а также и другими правительствами. Онъ увѣрялъ, что вслѣдствіе измѣны масонству жизни его, Мицканевскаго, грозитъ опасность, и заявлялъ, что просилъ у правительства защиты, но не получилъ ея.

На этотъ разъ послѣдствія были болѣе общаго характера. Ново-

[1]) Между тѣмъ въ представленной Новосильцевымъ цесаревичу Конст. Павл. описи присланныхъ изъ Вильны масонскихъ бумагъ сказано, будто въ этой рѣчи ораторъ называетъ „французскую революцію святымъ предпріятіемъ".

[2]) На запискѣ этой есть надпись гр. Аракчеева: получено отъ государя 14 декабря 1823 г. „Рус. Стар." 1907 г., № 3, стр. 542—549.

сильцевъ 23 іюля 1822 г. донесъ Константину Павловичу, что, „вслѣдствіе доноса и жалобы, поданной отъ одного изъ сочленовъ на общество вольныхъ каменьщиковъ въ Вильнѣ" (шляхтича Мицканевскаго), государь повелѣлъ „закрыть масонскія ложи, въ литовскихъ губерніяхъ существовавшія, и принять въ разсмотрѣніе орденскія бумаги и архивы" [1]). Въ донесеніи отъ 28 августа 1822 г. цесаревичу Новосильцевъ обращалъ уже его вниманіе на масонскія ложи Волынской губерніи; изъ нихъ ложа въ Житомірѣ находилась въ зависимости отъ петербургскаго союза Астреи, а относительно трехъ остальныхъ—въ Дубнѣ [2]), Острогѣ и въ мѣстечкѣ Рафаловкѣ—ему было неизвѣстно, принадлежатъ ли онѣ къ Великому Востоку петербургскому или варшавскому (онѣ принадлежали къ послѣднему). Новосильцевъ предлагалъ, если онѣ числятся за несуществующимъ уже варшавскимъ Востокомъ, то ихъ упразднить, за находящимися же въ союзѣ съ петербургскимъ Востокомъ усилить надзоръ; но гораздо полезнѣе было бы ихъ совершенно закрыть.

16 августа 1822 г. Мицканевскій получилъ извѣщеніе отъ генералъ-губернатора Корсакова, что по указу государя вице-губернатору Горну поручено разсмотрѣть бумаги франкъ-масоновъ. Тогда Мицканевскій 7—19 сентября 1822 г. послалъ доносъ Константину Павловичу, въ которомъ утверждалъ, что масоны имѣютъ ту же цѣль, что и неаполитанскіе карбонаріи, communeros въ Испаніи [3]) и иллюминаты въ Германіи, и что всѣ они составляютъ одно цѣлое франкмасонство. Онъ доносилъ, что вице-губернаторъ Горнъ благопріятствуетъ масонамъ, какъ объ этомъ онъ уже предупреждалъ ген.-губернатора Корсакова, и поручилъ разсмотрѣніе этого дѣла другимъ лицамъ, имена которыхъ онъ называлъ, и просилъ, чтобы ему было дозволено осмотрѣть, всѣ ли захвачены масонскія дѣла, вещи (сабли, шпаги и разные символическіе знаки) и печатные списки ложъ.

Доносъ Мицканевскаго не остался безъ послѣдствія: къ вице-губернатору Горну и мѣстному прокурору для разсмотрѣнія масонскихъ бумагъ были прикомандированы еще два лица изъ числа названныхъ Мицканевскимъ. Однако, изъ донесеній вице-губернатора и прокурора въ январѣ и февралѣ 1823 г. видно, что всей этой комиссіи не удалось найти въ бумагахъ виленскихъ масоновъ ничего существенно новаго. Упомянемъ только о черновомъ отзывѣ реформированной ложи къ братьямъ масонамъ

---

1) „Въ донесеніи цесаревичу отъ 23 августа 1822 г. Новосильцевъ говоритъ: „изъ переписки литовскихъ ложъ съ другими польскими оказывается вообще стремленіе къ національному соединенію, которое представляется высочайшимъ благомъ и которому стараются они подчинить масонскія свои распри".

2) Мастеромъ Провинціальной ложи въ Дубнѣ былъ Густавъ Олизаръ.

3) Объ этомъ тайномъ обществѣ communeros, или „сыновья Падильи", основанномъ въ 1821 г. см. *Шустеръ* „Тайныя общества, союзы и ордена", 1907 г., II, 206—208.

по случаю постановленія, изданнаго королемъ португальскимъ и бразильскимъ съ выраженіемъ соболѣзнованія масонамъ этого королевства [1]), а также и находящимся въ Италіи [2]) и Испаніи [3]); составители отзыва утверждали, что члены общества свободныхъ каменщиковъ заслуживаютъ не преслѣдованія и ненависти, а, напротивъ, любви и благодарности народовъ.

11 мая 1823 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ далъ знать Римскому-Корсакову, что тайно „съ большими предосторожностями" въ литовскихъ губерніяхъ „опять начались производиться масонскія работы". Обѣщая употребить всѣ старанія для раскрытія этого, Римскій-Корсаковъ сообщилъ, что всѣ „декораціи" уничтоженныхъ масонскихъ ложъ, сложенныя секретно въ Вильнѣ въ лютеранской церкви, онъ приказалъ сжечь, „чтобы и памяти отъ нихъ не осталось", а также велѣлъ отобрать масонскіе знаки у всѣхъ бывшихъ членовъ ложъ [4]).

V.

Въ 1822 г. настала очередь закрытія масонскихъ ложъ и во всей Россіи. Къ сожалѣнію, среди самихъ масоновъ находились люди, взывавшіе къ правительству съ предложеніемъ принять рѣшительныя мѣры относительно масонства. Таковъ былъ ген.-лейт. сенаторъ Кушелевъ, выбранный въ 1820 г. великимъ мастеромъ Астреи. Онъ находилъ, что новыя масонскія системы не соотвѣтствуютъ истинному масонскому ученію и грозятъ сдѣлать ложи гнѣздомъ атеизма и своеволія; онъ также былъ крайне недоволенъ раздѣленіемъ управленія ложами между Астреею и Великою

---

[1]) Въ 1818 году Іоаннъ VI издалъ въ Бразиліи эдиктъ противъ всѣхъ тайныхъ обществъ, включая и франкмасонство. Въ 1823 г. онъ запретилъ масонство въ Португаліи подъ угрозою пятилѣтней ссылки масоновъ въ Африку. *Гекерторнъ* „Тайныя общества", С.-Пб. 1876, 1, 287; *Findel* Geschichte der Freimaurerei, 2 Aufl, 763.

[2]) Въ Церковной Области 15 августа 1814 г. былъ изданъ эдиктъ кардинала Пакка противъ преступныхъ обществъ. „Онъ былъ направленъ преимущественно противъ франкмасонства, которое Римъ первоначально преслѣдовалъ, какъ протестанское изобрѣтеніе". Многіе масоны бѣжали, другіе были заключены въ темницы, пытка сохранилась исключительно для масоновъ. *Гервинусъ* „Исторія XIX вѣка", т. II, изд. 2-ое, стр. 39. О папской буллѣ Пія VII 1821 года противъ масоновъ и карбонаріевъ уже было упомянуто.

[3]) Съ возращеніемъ Фердинанда VII, возстановившаго инквизицію, возобновились гоненія на масоновъ; съ 1814 года лицъ, подозрѣваемыхъ въ масонствѣ, арестовывали, отводили въ цѣпяхъ въ тюрьмы инквизиціи, и нѣкоторые изъ нихъ пропадали безслѣдно. *Findel*, 584; *Гекерторнъ* I, 286. Въ 1820 г. всѣ арестованные масоны по приказанію правительства были освобождены и закрытыя ложи открыты, но 1 августа 1824 г. Фердинандъ VII вновь запретилъ масонство. *Findel*, 761.

[4]) О польскомъ масонствѣ см. книгу *Zaléski* O masonii w Polsce. Krakow 1889; въ ней можно рекомендовать только фактическую часть, а не оцѣнку масонства.

Провинціальною ложею. Онъ желалъ преобразованія масонскаго ордена и въ іюнѣ 1821 г. отправилъ имп. Александру обширную записку, въ которой изложилъ свои взгляды. Онъ совѣтовалъ или преобразовать ложи согласно предложенной имъ программѣ, или закрыть ихъ, но не вдругъ, а постепенно [1]).

Изъ другой, позднѣйшей, записки Кушелева на имя государя видно, какъ онъ подалъ свою первую записку: „Вѣдая, что нынѣ по всѣмъ частямъ и начальствамъ имѣется множество масоновъ, и опасаясь, чтобы его донесеніе «не могло быть кѣмъ-либо открыто», причемъ онъ, Кушелевъ, легко могъ бы «заплатить» за него своею жизнью, желая также, чтобы его донесенія «вѣрнѣе и скорѣе прямо доставлено было втайнѣ въ руки государя, надѣясь, наконецъ, что его немедленно могутъ потребовать къ императору для личнаго объясненія, Кушелевъ 11 іюня 1821 г. отправился въ Царское Село и вручилъ свою записку, для передачи государю, дежурному камердинеру, но тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ и долженъ доложить кн. Волконскому. Послѣдній объявилъ Кушелеву, что никто пакета отъ него принять не можетъ и предложилъ подать его чрезъ статсъ-секретаря или послать по почтѣ. Кушелевъ немедленно сдалъ его на почту въ Царскомъ Селѣ, адресовавъ въ собственныя руки государю «при нарочной эстафетѣ» и возвратился въ Петербургъ. На другой день онъ получилъ чрезъ Волконскаго выговоръ отъ Александра I за врученіе пакета камердинеру. Въ письмѣ по этому поводу къ Волконскому Кушелевъ выразилъ надежду, что по прочтеніи его записки государь перемѣнитъ выговоръ въ „монаршее вниманіе“ къ нему, однако, онъ не удостоился «получить никакого изъявленія высочайшей воли» [2]).

Записка Кушелева, если и могла усилить недовѣрчивое отношеніе правительства къ масонству, то, во всякомъ случаѣ, рѣшающаго значенія не имѣла. Это видно изъ слѣдующаго факта: въ декабрѣ 1821 г. была запечатана ложа „Умирающій Сфинксъ“ Лабзина; когда петербургскій губернаторъ Милорадовичъ докладывалъ объ этомъ государю, то онъ замѣтилъ, что напрасно полиція входила и запечатывала ложу и вещи. Увидя, что это не что иное, какъ обыкновенная масонская ложа, полиція должна была оставить все въ покоѣ, и приказалъ возвратить взятую книгу про-

---

[1]) См. записку Кушелева въ „Рус. Стар.“ 1877 г., т. XVIII, стр. 456—479, 641—650, 661—664. Составленіе записки, быть можетъ, было вызвано тѣмъ, что послѣ избранія его ве..кимъ мастеромъ въ 18..0 г. на испрошенной имъ аудіенціи у управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея ему пришлось выслушать какіе-то упреки, которые Кочубей сдѣлалъ ему, „руководствуясь предшествующими приказаніями“ государя. „Сборн. ист. мат., извл. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“ II, 36..

[2]) Гос. Арх. I В, № 12, л. 50.

токоловъ и тетрадь съ масонскими уставами, замѣтивъ, что «бумаги сіи имъ нужнѣе, нежели полиціи» [1]).

Вѣроятно, гораздо большее значеніе въ дѣлѣ закрытія масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ играли настоятельныя представленія о необходимости этого со стороны Новосильцева, которыя относились къ масонскимъ ложамъ не только западныхъ губерній, но и Россіи вообще. Нѣкоторую роль могло сыграть и представленіе Чернышевымъ въ мартѣ 1822 г. Александру I сопоставленія отдѣльныхъ параграфовъ устава Союза Благоденствія съ постановленіями иллюминатовъ. А. Н. Пыпинъ высказалъ предположеніе, что поводомъ къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи могла послужить записка, поданная въ 1822 г. на Веронскомъ конгрессѣ бывшимъ прусскимъ министромъ графомъ Гаугвицемъ, нѣкогда ревностнымъ масономъ, императорамъ Александру и Францу и королю прусскому о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія [2]), но это предположеніе неосновательно, такъ какъ ко времени Веронскаго конгресса, происходившаго осенью 1822 года [3]), масонскія ложи уже велѣно было закрыть и въ Царствѣ Польскомъ, и во всей Россіи. Александръ I повелѣлъ закрыть не только масонскія ложи, но и тайныя общества вообще. Это можетъ объясняться тѣмъ, что правительство, имѣвшее точныя свѣдѣнія о Союзѣ Благоденствія, получавшее доносы объ участіи въ тайномъ обществѣ тѣхъ или другихъ лицъ, называло и членовъ тайнаго общества масонами, частью, быть можетъ, потому, что многіе изъ декабристовъ участвовали въ масонскихъ ложахъ, хотя почти всѣ они современемъ охладѣли къ нему. Такъ, напримѣръ, во время слѣдствія надъ бывшимъ офицеромъ Семеновскаго полка Вадковскимъ, по поводу волненія въ немъ въ 1821 г., желая разузнать, не участвовалъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ тайномъ обществѣ, его спрашивали, не принадлежалъ ли кто изъ офицеровъ Семеновскаго полка къ обществу масоновъ [4]). Лица впервые услышавшія о тайномъ обществѣ, также смѣшивали его съ масонствомъ. Такъ, Гангебловъ, когда его товарищъ по корпусу Свистуновъ

---

[1]) „Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1869 г.“, стр. 26. Однако, 19 ноября 1821 г. кн. П. М. Волконскій сообщилъ секретно главнокомандующему 2-ю арміей гр. Витгенштейну волю государя, чтобы онъ обратилъ вниманіе на учреждаемыя и уже открытыя ложи въ Бессарабіи, „дабы никто изъ чиновъ 2-й арміи въ оныя не входилъ, зачѣмъ и имѣть строжайшій надзоръ“. *Н. К. Кульманъ.* „Къ исторіи масонства въ Россіи“. „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1907 г., № 10, стр. 359.

[2]) *Пыпинъ* „Матеріалы“. „Вѣстн. Евр. 1872 г., № 7, стр. 245; ср. Сочиненія Ешевскаго, III, 456—457.

[3]) *Гервинусъ* IV, 264—269.

[4]) Имп. Александру изъ записки Грибовскаго было извѣстно, что одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, которые оба были офицерами Семеновскаго полка во время его волненія, былъ членами тайнаго общества. „Русскій Архивъ“ 1877 г. III, 426.

пригласилъ его въ 1825 г. вступить въ тайное общество, давъ на это согласіе, полагалъ, что онъ становится масономъ. Онъ считалъ масонство дѣломъ недурнымъ, такъ какъ «на масоновъ смотрятъ, какъ на людей высшей интеллигенціи, какъ на людей передовыхъ» [1]).

Могло имѣть нѣкоторе значеніе и то, что, незадолго до запрещенія масонскихъ ложъ во всей Россіи, Кушелевъ отправилъ государю новую записку (отъ 22 іюня 1822 г.). Изъ нея видно, что 4-го февраля 1822 г. онъ подавалъ вновь какое-то прошеніе на имя государя, но 3-го марта черезъ гр. Аракчеева опять получилъ выговоръ. Однако, ничто не могло ни «охладить», ни «погасить» его усердія, и онъ все сомнѣвался, дошло ли до государя его первое донесеніе, такъ какъ ему казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы на него не обратили вниманія. Поэтому въ своей новой запискѣ онъ кратко повторялъ содержаніе первой. При этомъ онъ добавилъ, что поводомъ для принятія имъ на себя управленія масонскимъ союзомъ великой ложи Астреи было то, что въ одной иностранной газетѣ онъ прочелъ слѣдующее: «Карбонаріи въ Италіи, радикалы въ Англіи, либералы во Франціи, иллюминаты въ Германіи представляютъ разновидности, измѣненныя сообразно мѣстнымъ условіямъ, но всѣ они—члены одного семейства, того семейства, которое совершило одно за другимъ убійства Коцебу, герцога Беррійскаго и желало задушить англійскихъ министровъ. Эти секты совершенно тождественны, и ихъ цѣль одна и та же—разрушать, чтобы создать заново». Подъ вліяніемъ этой статьи онъ увидѣлъ въ призваніи его къ управленію Астреею промыслъ Божій и, обрадованный такимъ случаемъ, условно принялъ предложеніе.

Сомнѣнія Кушелева, дошло ли до государя его первое донесеніе, подтверждалось, по его мнѣнію, тѣмъ, что послѣ этого донесенія „допущенъ быть великимъ мастеромъ допустившій въ ложѣ важные безпорядки, и сочинитель конституціи [2]) повышенъ производствомъ въ чинъ". Кушелевъ въ своей новой запискѣ умолялъ государя повелѣть отыскать посланныя имъ прежде бумаги и обратить на нихъ вниманіе ради собственнаго спокойствія государя и блага отчества. Затѣмъ онъ говоритъ: „послѣ отправленія мною изъ царскосельской почты къ В. И. В—ву тѣхъ донесеній моихъ, нога моя не была ни въ одной ложѣ: на всѣ ихъ приглашенія въ оныя отзываюсь занятіемъ по гражданской обязанности моей".

Кушелевъ нашелъ нужнымъ донести государю о слѣдующихъ фактахъ: „великая ложа Астрея получила прошеніе о позволеніи и о привилегіи на

[1]) „Русскій Архивъ" 1886 г., II, 197—198.
[2]) Т. е. „Уложенія великой масонской ложи Астреи на В. С.-Петербурга" (1815 года). Первымъ подписалъ это уложеніе „именемъ великой ложи Астреи" графъ Василій Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, великій мастеръ.

учрежденіе и открытіе въ гор. Кишиневѣ масонской ложи подъ названіемъ Овидія. Я, не бывая уже болѣе въ ложахъ, не оставилъ однако послать великой ложѣ черезъ секретаря оной Вевеля письменно слѣдующее предложеніе: 1) прежде испрашиваемаго позволенія нужно подробно узнать о просителяхъ, имѣютъ ли они требуемое масонствомъ отличное качество и пользуются ли какъ отъ тамошняго правительства, такъ и отъ общества своего совершенной довѣренностью уваженія. 2) о возстановленіи существовавшей уже прежде въ Кронштадтѣ ложи Нептуна нужно было испрашивать высочайшее позволеніе, то тѣмъ паче вновь открывать ложу безъ высочайшаго соизволенія я почитаю невозможнымъ и, наконецъ, 3) какъ просители безъ позволенія, открывали уже самовольно ложи, сдѣлавъ имъ должное за сіе замѣчаніе, собираться и открывать ложи впредь до полученія отъ великой ложи испрашиваемаго на открытіе ложи позволенія и привилегіи запретить.—Но тотъ же секретарь Вевель, явясь ко мнѣ потомъ и увѣдомляя меня, что великая ложа Астрея опредѣлила позволить въ Кишиневѣ учредить и открыть ложу Овидія, вмѣстѣ съ тѣмъ поднесъ по предмету тому для подписанія моего и привилегію; хотя оная всѣми уже чиновниками великой ложи Астреи и великимъ мастеромъ была подписана, однако я объявилъ секретарю, что, за предложенными отъ меня черезъ него великой ложѣ замѣчаніями, позволить открытіе новой ложи, и на границѣ, я не нахожу себя въ правѣ, и потому той привилегіи я не подписалъ и не утвердилъ.—По представленному же мнѣ послѣ того тѣмъ секретаремъ о всѣхъ ложахъ союза великой ложи Астреи списку значится уже и вновь открытая ложа Овидія въ Кишиневѣ 25-ою".

Прилагая къ своему донесенію государю этотъ списокъ ложъ союза Кушелевъ Астреи, обращалъ его вниманіе на то, что со времени представленія прежней записки прибавилось въ этомъ союзѣ 372 члена, что въ союзѣ Астреи получено предложеніе объ открытіи новой ложи въ Динабургѣ, и что такимъ образомъ масоны не перестаютъ „день ото дня болѣе распложаться". Сколько членовъ въ союзѣ Великой Провинціальной ложи, Кушелеву было не извѣстно, но онъ все же замѣтилъ: „кажется, что въ томъ союзѣ имѣется много гвардейскихъ чиновниковъ; съ возвращеніемъ гвардіи возвратится много масоновъ и молодыхъ людей, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ еще не малое пріумноженіе масоновъ". Наконецъ, онъ обращалъ вниманіе государя на то, что существуютъ тайныя масонскія собранія, или „независимо отдѣльныя ложи". Въ видѣ примѣра онъ указалъ на тайную масонскую ложу Умирающаго Сфинкса Лабзина, въ которой онъ прежде и самъ участвовалъ, но гдѣ „ничего необыкновеннаго или вреднаго не замѣтилъ".

Въ заключеніе Кушелевъ говоритъ, что если не установить относи-

тельно масонства правилъ, предложенныхъ имъ въ прежней запискѣ [1]), то „полезнѣе будетъ, государь, всѣ масонскія въ Россіи ложи закрыть, какъ и были онѣ закрыты при имп. Екатеринѣ II, ибо отъ нынѣшняго ихъ положенія и образа управленія и дѣйствій... не можно ничего полезнаго ожидать, кромѣ толико же гибельныхъ послѣдствій, каковыя уже раскрылись и безпрестанно раскрываются въ прочихъ европейскихъ государствахъ, разрушая древнія мудрыя правленія, потрясая и престолы монарховъ, отцовъ и благотворителей народовъ и повергая самые народы въ неисчислимыя бѣдствія.—Но сіи же самыя ложи по предначертаннымъ правиламъ могутъ быть весьма полезны.—Всего, государь, описывать неудобно, а ежели всемилостивѣйше соизволите удостоить меня, вѣрнѣйшеподданнаго вашего, лично выслушать, я свободнѣе могу... изъяснить словесно. А какъ я при настоящемъ положеніи масонскихъ ложъ быть въ оныхъ не могу, всеподданнѣйше прошу высочайшаго вашего соизволенія мнѣ всѣ масонскія ложи закрыть, т. е. оставить" (выйти изъ нихъ), „и въ теченіе отъ сего 8 дней самое молчаніе принять мнѣ знакомъ высочайшаго вашего на оное соизволенія, что за симъ и исполнить я не премину" [1]).

Возможно, что донесеніе Кушелева было однимъ изъ послѣднихъ толчковъ, побудившихъ правительство закрыть масонскія ложи во всей Россіи. О роли, которую сыграло учрежденіе въ 1821 г. масонской ложи въ Кишиневѣ, мы будемъ говорить ниже.

1-го августа 1822 года былъ данъ именной указъ гр. Кочубею о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ. Въ началѣ указа правительство ссылается на событія въ иностранныхъ государствахъ, и это заставляетъ думать, что онъ отчасти былъ вызванъ вліяніемъ реакціонныхъ мѣръ въ западной Европѣ. Но что въ этомъ же направленіи производили на имп. Александра давленіе и мѣстные обскуранты, видно изъ того, что императоръ Александръ велѣлъ сообщить указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ архимандриту Фотію, которому въ этотъ же день былъ пожалованъ алмазный крестъ [3]).

„Безпорядки и соблазны" (сказано было въ указѣ), „возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, впослѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить".

Въ виду того, что „отъ умствованій, нынѣ существующихъ, про-

---

[1]) См. „Русская Старина" 1877 г., № 4, стр. 645—649.
[2]) Госуд. Арх. I В, № 12, л 46—54.
[3]) *Шильдеръ* IV, 251.

истекаетъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія", Александръ I предписалъ: 1) „Всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскихъ ложъ или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять". 2) „Всѣхъ членовъ этихъ обществъ обязать подписками, что они впредь не будутъ составлять ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ". 3) „Отъ находящихся на государственной службѣ потребовать откровеннаго объявленія, не принадлежатъ ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ въ имперіи или внѣ ея, и отъ участвующихъ въ нихъ взять подписку, что они впредь принадлежать къ нимъ и никакихъ сношеній съ ними имѣть не будутъ. Нежелающіе же дать подписку должны быть удалены со службы" [1]).

По полученіи именного указа о закрытіи ложъ и другихъ тайныхъ обществъ, Кочубей извѣстилъ о содержаніи его великаго мастера Великой ложи Астреи графа Мусина-Пушкина-Брюса и великаго намѣстнаго мастера Великой Провинціальной ложи Серг. Степ. Ланского.

11 августа петербургскій военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ донесъ государю, что 6 августа онъ получилъ отъ Кочубея копію съ рескрипта объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ, а 9 августа у него былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и заявилъ, что находитъ нужнымъ устроить собранія въ ложахъ для дачи подписокъ и производства разсчета по денежнымъ суммамъ союза. Милорадовичъ согласился лишь съ условіемъ, чтобы на этомъ собраніи не было допущено употребленія никакихъ „масонскихъ выраженіевъ, знаковъ и церемоніевъ". Милорадовичъ увѣрялъ государя, будто бы „масоны приняли объявленіе объ уничтоженіи ихъ ложъ равнодушно" [2]), однако добавилъ къ этому: „иные" (масоны) „говорятъ, что связь ихъ никогда рушиться не можетъ. Есть такіе слухи, что нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ имѣть собранія на дачахъ. Все сіе, а особливо неожиданное равнодушіе, заставляетъ меня усугубить мое вниманіе на общія ихъ дѣйствія. Всѣ же вообще непринадлежащіе къ масонскимъ ложамъ", увѣрялъ Милорадовичъ, „чрезвычайно довольны распоряженіемъ правительства". 11 августа гр. Мусинъ-Пушкинъ извѣстилъ Милорадовича, что Великая ложа Астрея и 8 зависящихъ отъ нея въ Петербургѣ ложъ закрыты. На слѣдующій день полиція донесла, что Про-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., XXXVIII, № 29151.

[2]) Изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ указаній можно заключить, что это заявленіе Милорадовича несправедливо. Другъ Милорадовича, очень популярный въ Петербургѣ художникъ Олешкевичъ, мастеръ стула работавшей на польскомъ языкѣ ложи Бѣлаго Орла, былъ „сильно огорченъ закрытіемъ ложъ". См. характеристику Олешкевича въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго. „Рус. Стар." 1876 г., № 7, стр. 559—566.

винціальная ложа съ четырьмя принадлежащими къ ней ложами также закрыты. Извѣщая объ этомъ государя, Милорадовичъ добавилъ, что бывшій начальникъ ея д. с. с. Серг. Степ. Ланской обнаружилъ большое огорченіе и неудовольствіе. Впрочемъ, происходило все спокойно. Собравшіеся разстались съ взаимными увѣреніями, что навсегда останутся друзьями [1]).

Въ послѣднемъ засѣданіи ложи Астреи она ликвидировала свои денежныя дѣла, какъ по исполненію своихъ обязательствъ, такъ и по дѣламъ благотворительнымъ. Мусину-Пушкину-Брюсу было поручено озаботиться воспитаніемъ двухъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ Годеніуса, другой, повидимому, также въ пансіонъ. Съ этой цѣлью для одного питомца былъ положенъ въ банкъ капиталъ въ 7000 рублей, для другого—5000 р.

С. Ланской, управляющій союзомъ Великой Провинціальной ложи, въ письмѣ къ Кочубею послѣ закрытія ложъ нашелъ нужнымъ пояснить, что въ ложахъ ихъ союза „не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему правленію свойственныхъ. Сношенія же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось“.

Декабристъ Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Петропавловской крѣпости говоритъ: „Внезапное уничтоженіе масонскихъ ложъ повело къ тайному огорченію многихъ“. Не одобряли этой правительственной мѣры даже и нѣкоторыя лица, державшіяся весьма умѣренныхъ взглядовъ, какъ, напримѣръ, Михайловскій-Данилевскій, уже совершенно охладѣвшій къ масонству. „Масонство“, говоритъ онъ, „не имѣло въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры, потому что у насъ нѣтъ теперь общества, въ которомъ бы карты не составляли главнаго или, лучше, исключительнаго занятія. Мы еще такъ несвѣдущи въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры о нихъ могли сдѣлаться цѣлью масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами [2]); ложи были обыкновенно наполнены „людьми

---

[1]) Военно-ученый Архивъ, Отд. I, № 1021—А.; „Рус. Стар.“ 1877 г., № 4 стр. 650—652.

[2]) Однако, изъ числа членовъ государственнаго совѣта въ разное время принадлежали къ масонскимъ ложамъ кн. Петръ Лопухинъ, кн. Куракинъ, адмиралъ Мордвиновъ, гр. Кочубей, гр. Гурьевъ, Ланской, кн. Голицынъ, гр. Потоцкій, Сперанскій, бар. Кампенгаузенъ, но всѣ они въ послѣднее время предъ закрытіемъ ложъ не посѣщали ихъ и не были ихъ членами. Участіе этихъ лицъ, вѣроятно, относится къ первой половинѣ царствованія Александра I.

средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко (?) купцами, а болѣе всего (?) литераторами... Въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слыхалъ никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и объ искусствахъ. Масонство, сближавшее особъ различнаго состоянія, было въ семъ отношеніи благодѣтельно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отмѣнно много препятствуетъ развитію просвѣщенія" [1]).

Другой современникъ, Пржецлавскій, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ по поводу закрытія масонскихъ ложъ: „Ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго офиціальнаго застоя. Въ нихъ всякій могъ быть самимъ собою, могъ дышать и высказываться свободно; въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія служебныя и сословныя различія". Очевидно, вовсе не освѣдомленный въ то время, какъ и Михайловскій-Данилевскій, о томъ, что извѣстная часть петербургской интеллигенціи объединилась въ тайномъ обществѣ, Пржецлавскій продолжаетъ: „Масонство составляло едва ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени, едва ли не единственный центръ сближенія между личностями даже одинаковаго общественнаго положенія. Внѣ этого круга общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ друга, да и не было такихъ центровъ, гдѣ можно было бы свести хотя случайное знакомство". По словамъ Пржецлавскаго, „петербургскихъ масоновъ распоряженіе правительства поразило, какъ громомъ. Они не могли привыкнуть къ мысли, что общество ихъ рушилось... Масоны собирались преимущественно между собой для бесѣдованія и сѣтованія о прошедшемъ; но кружки эти не имѣли ни характера, ни обстановки тайнаго сборища. Только прежняя солидарность между членами сохранилась, и бывшіе масоны продолжали всячески покровительствовать бывшимъ собратамъ" [2]).

Принимались нѣкоторыя мѣры для того, чтобы не допускать послѣ

---

[2]) „Русс. Стар." 1900 г., № 9, стр. 634—635.

[2]) „Русская Старина" 1874 г., т. XI, 466—468. Военный министръ 17 августа 1822 г. предписалъ командующему гвардейскимъ корпусомъ, чтобы чинами корпуса даны были требуемыя подписки; при этомъ онъ прибавилъ: „государь императоръ надѣется, что всѣ гг. военные чиновники поступятъ въ семъ случаѣ съ тѣмъ чистосердечіемъ и праводушіемъ, какія приличны воинамъ, знающимъ правила чести, и обратятъ свое вниманіе на то, что, учинивъ присягу его величеству, они уже не свободны дать какую-либо другую присягу". Это распоряженіе должно было быть отдано не приказомъ по корпусу, а особыми извѣщеніями на имя командующихъ частями, т. е. болѣе скрытнымъ образомъ. Подписки отбирались весьма ревностно. Отобрана была подписка и отъ вел. кн. Михаила Павловича, какъ бригаднаго командира. „Русская Старина" 1907 г., № 5, стр. 270.

запрещенія масонскихъ ложъ тайныхъ собраній масоновъ. Такъ, въ сентябрѣ 1822 г. государь, хотя онъ находился въ это время за границей, изъ рапортовъ о пріѣзжающихъ замѣтилъ, что двое офицеровъ весьма часто ѣздятъ въ Кронштадтъ, и велѣлъ гр. Милорадовичу секретно разузнать, зачѣмъ они тамъ бывали. Такъ какъ въ Кронштадтѣ существовала прежде масонская ложа, то государь приказалъ „поразвѣдать, не собираются ли туда тайнымъ образомъ члены прежнихъ ложъ, или нѣтъ ли какихъ свиданій съ разными иностранцами, въ портъ сей на корабляхъ прибывающими или отъѣзжающими и къ разнымъ сектамъ принадлежащими“.

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Исповѣдь.

Вмѣсто предисловія.

Милостивый государь! Вы выразили желаніе пріютить на страницахъ своего журнала „Исповѣдь" Ивана Гавриловича Прыжова. Считая себя лишь случайной обладательницей этого единственнаго въ своемъ родѣ документа, я бы хотѣла сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ попалъ въ мои руки. Покойный Николай Ильичъ Стороженко много разъ мнѣ разсказывалъ исторію трехъ своихъ пріятелей, трехъ русскихъ неудачниковъ, учителя Р—а, филолога, историка и философа А. Г—аго и чиновника Управы Благочинія, Ивана Прыжова.

Это были люди даровитые, горячо любившіе науку и преданные своей родинѣ. По логикѣ вещей они, казалось, могли надѣяться совершить свой жизненный „циклъ" благополучно, а, можетъ быть, и не безъ блеска. На бѣду они попали подъ колесо россійской Джагерпаттовой колесницы, которая „очень просто" стерла ихъ въ порошокъ. Р—инъ спился, Г—ій въ своей неутомимой жаждѣ счастья и воли бѣжалъ, куда глаза глядятъ. На письмахъ его къ Николаю Ильичу красуются штемпеля всевозможныхъ городовъ Европы, Америки, Мексики, Индіи. Полупомѣшанный, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, онъ вернулся на родину, чтобы умереть „ничего не сдѣлавъ".

Печальная судьба Прыжова извѣстна немногимъ. Запутанный въ Нечаевскомъ дѣлѣ, онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Пока была жива его жена, одна изъ тѣхъ невѣдомыхъ русскихъ героинь, жизнь которыхъ представляетъ сплошное самоотверженіе, — Прыжовъ, несмотря на крайнюю нужду, еще кое-какъ держался. Послѣ ея смерти онъ окончательно палъ духомъ, запилъ и умеръ (на Петровскомъ заводѣ въ Забайкальской области 27 іюля 1885 г.)—одинокій, больной, озлобленный не только противъ враговъ, но и противъ друзей. О его кончинѣ Н. И. Стороженко извѣстилъ управляющій Петровскаго завода, горный инженеръ Аникинъ.

Н. И. очень „жалѣлъ" Прыжова въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово народъ. Онъ считалъ, что въ лицѣ Прыжова варварски загублена крупная научная сила Н. И. никогда не забывалъ Прыжова, старался, чѣмъ могъ, облегчить его горькую долю, поддерживалъ съ нимъ переписку, посылалъ ему въ Сибирь книги, деньги и все собирался написать его біографію. Болѣзнь и постоянныя срочныя работы помѣшали этому желанію осуществиться.

Года за два до своей кончины, Н. И. отдалъ мнѣ груду рукописей Г—аго и старую, пожелтѣвшую тетрадь, исписанную своеобразнымъ почеркомъ, во многихъ мѣстахъ перечеркнутую, кое-гдѣ протертую, полную вставокъ и сносокъ. Это и была „Исповѣдь“, написанная Прыжовымъ, какъ матеріалъ для его защитника въ Нечаевскомъ процессѣ.

— Сдѣлайте изъ этого романъ, статью, драму, что хотите, — сказалъ мнѣ Н. И. — только не дайте моему бѣдному Прыжову пропасть безслѣдно.

Вмѣстѣ съ „Исповѣдью“, Н. И. передалъ мнѣ и сохранившіяся у него письма Прыжова и его жены изъ Петровскаго завода.

Ознакомившись съ этимъ матеріаломъ, я рѣшила, что лучше всего исполню желаніе моего покойнаго друга, предоставивъ самому Прыжову повѣдать русскому обществу свою мученическую жизнь.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Р. Хинъ.

* * *

Вся жизнь моя была „собачья“. Сынъ я дворянина, но отецъ мой, благороднѣйшій человѣкъ, былъ прежде крестьяниномъ въ селѣ Середниковѣ, въ 25 верстахъ отъ Москвы. (Описаніе моей поѣздки въ это село „Спб. Вѣд.“ 1861, послѣ Пасхи, статья: „Изъ деревни“). Въ этомъ селѣ барскій домъ на горѣ, а самое село подъ горой, и вотъ, когда на этой горѣ Лермонтовъ воспѣвалъ мадригалы нѣкоей Хвостовой (Зап. Хвостовой, изд. Семевскаго),

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила и т. д.

тогда въ селѣ, подъ горой, дѣло шло совсѣмъ не о „лилейномъ челѣ“, а о кнутѣ: кнутъ гулялъ еще по плечамъ моей тетки и дяди — крестьянъ, здравствующихъ и доселѣ. Говорю это къ тому, что первыя пѣсни, баюкавшія мое бѣдное дѣтство, были разсказы родныхъ о прелестяхъ крѣпостного кнута. Въ спальнѣ, гдѣ я, только-что рожденный, лежалъ съ матерью, было приготовлено для меня молоко, но оно отъ холода замерзло, и я плакалъ съ голоду, и тѣмъ началась моя жизнь. Воспитанье получилъ я по разнымъ причинамъ, нисколько не зависѣвшимъ отъ отца, самое отвратительное — хуже сына самаго послѣдняго дворника въ Петербургѣ. Отецъ мой служилъ въ Московской Марьинской больницѣ вмѣстѣ съ своимъ добрымъ пріятелемъ, докторомъ Достоевскимъ, отцомъ покойнаго Ѳ. Достоевскаго. Послѣдняго я помню немного, когда мнѣ было еще лѣтъ шесть-семь. Итакъ, изъ Марьинской больницы суждено итти въ Сибирь двоимъ. Достоевскому и мнѣ. Не знаю есть ли еще такая счастливая больница! Жертвы человѣчьи валятся здѣсь!—какъ говорилъ Гете:

Opfer fallen hier
Weder Lamm, noch Stier,
Aber Menschenopfer uberhört.

Болѣзненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малѣйшаго развитія, я былъ отданъ въ гимназію (1-ю Московскую), по-истинѣ лбомъ прошибъ себѣ дорогу и въ 1848 году кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ, съ правомъ поступленія въ Университетъ безъ экзамена. Просьбу мою о поступленіи на словесный факультетъ возвратили, объявивъ, что не принимаютъ по Высочайшему повелѣнію о сокращеніи числа студентовъ. Извѣстіе это было для меня убійственнѣе милліона арестовъ, и, дѣлать было нечего, я рѣшился поступить на время на медицинскій факультетъ, гдѣ и пробылъ одинъ годъ. Несмотря на это, я все-таки посѣщалъ Университетъ сряду три года, въ первые два года—третій и четвертый курсъ словеснаго факультета, а въ 3-й—разные курсы юридическаго факультета. Связи съ Университетомъ я не покидалъ долгое время и еще лѣтъ восемь назадъ прослушалъ у Буслаева курсъ древней русской словесности. Послѣднія отношенія мои къ Московскому Университету, окончательно оподлѣвшему, ограничились тѣмъ, что я написалъ злющую брошюру подъ заглавіемъ: „Смутное время и воры въ Московскомъ Университетѣ“. (Рукопись запрещена и удержана въ Спб. Ценз. комитетѣ въ 1867 г.). Ну, что-жъ!—сказалъ я— коли не даютъ учиться въ Университетѣ, будемъ учиться дома. И вотъ учился, выучился и достигъ высшихъ степеней науки — Петропавловской крѣпости!

Чтобы было чѣмъ питаться, я отыскалъ себѣ легкую службу и возможность работать и не умерегь съ голоду (я видѣлъ очень многихъ, которые лучше меня и умирали съ голоду). Я поступилъ въ Московскую гражданскую палату, гдѣ въ теченіе 14 лѣтъ за двѣ классныя должности (экзекутора и регистратора) получалъ 23 р. въ мѣсяцъ. На это я жилъ, одѣвался, покупалъ книги и даже въ концѣ-концовъ составилъ себѣ историческую библіотеку, какую рѣдко встрѣтишь у любого профессора исторіи. Нѣкую помощь давали мнѣ статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ газетахъ. Начало 50-хъ годовъ было самое жестокое для умственнаго развитія,—то было время,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо.

(Къ несчастью, благодаря московской реакціи, время это повторилось еще разъ во всей своей жестокости). Ни одной книги изъ-за границы, ни одного живого слова въ литературѣ, ни одного пріятеля, чтобы отвести душу, и если мы встрѣчались, такъ на однихъ лишь похоронахъ

Грановскаго, его жены, Кудрявцева, Гоголя и т. д, встрѣчались и дивились, что еще живы.

Занятія мои за это время шли такимъ путемъ:

Сначала я засѣлъ за европейскіе языки и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ бытъ народа, ходя по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ губ. Московской, Тверской, Владимирской. (Однимъ изъ послѣдствій этого хожденія по народу остались у меня цѣлыя тысячи похабныхъ сказокъ про поповъ и монаховъ; я ихъ уничтожилъ наканунѣ ареста). Тогда мнѣ страшно хотѣлось написать три вещи—а) Попъ и монахъ, какъ первые враги культуры человѣка, б) Исторію крѣпостного права, преимущественно по свидѣтельству народа и в) Исторію свободы въ Россіи. Первая была уже написана и отдана (по невинности души) въ цензуру, откуда насилу ее воротилъ. Это „Алеша Поповичъ", историческое изслѣдованіе; черновая цѣла еще. Отъ второго я отказался, какъ отъ вещи немыслимой, а третью оставить не могъ и уже кое-что написалъ, предполагая со временемъ хорошенько обдѣлать и напечатать за границей. Мой братъ, тогда учившійся рисованію (теперь архитекторъ), нарисовалъ, по моей мысли, слѣдующую виньетку къ первой тетради исторіи свободы: кругомъ шелъ бордюръ изъ цѣпей, а по четыремъ угламъ были нарисованы висѣлица, топоръ и плаха, кандалы и плети, и... Петропавловская крѣпость. Исторію эту я сжегъ въ печи въ 1862 г., ожидая обыска по случаю ареста моихъ пріятелей Алексѣя Козлова, Челищева, Котляревскаго (Сіи господа тогда демократничали, теперь холопствуютъ). Виньетку мой братъ, вѣроятно, помнитъ еще. Съ этихъ поръ, т. е. начала 50-хъ годовъ, ученье мое и потомъ работы продолжались неустанно въ теченіе 15 лѣтъ, могу сказать шли день и ночь. И на случай, если-бъ какая-нибудь тварь, никогда ничего не дѣлавшая, осмѣлилась замѣтить: а что-жъ онъ ничего хорошаго послѣ себя не оставилъ, — отвѣчаю подробно, тѣмъ паче, что г. адвокатъ, вѣроятно, потребуетъ не мѣшать ему говорить, ибо, если ужъ судить—такъ судить, разоблачать—такъ ужъ разоблачать со всѣхъ сторонъ до-нага.

Съ той минуты, какъ я узналъ, что всякій дикій звѣрь, всякая былинка,—извините меня—всякій дуракъ имѣетъ свою исторію, и одни народы, создавшіе европейскую культуру лишены такой исторіи, а съ этой стороны, они положительно ограблены позднѣйшими представителями умственнаго движенія, и даже такими хорошими людьми, какъ Бокль [1]),—я составилъ себѣ слѣдующій планъ работъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ рус-

[1]) Бокль въ этомъ случаѣ просто запутался. Ограничивъ всю исторію однимъ лишь умственнымъ развитіемъ (о соціальномъ—ни слова), онъ въ то же время открываетъ законъ, что всѣ новыя реформы есть простое возвращеніе къ старой культурѣ, когда-то подавленной. Да чортъ ли ему въ этой культурѣ, не знавшей ни Ньютона, ни Уатта, ни Галилея!

ской наукѣ даже и словомъ не упоминалось о культурѣ русскаго народа (вѣрнѣе—славянъ) да и теперь нѣтъ ничего, да совсѣмъ не видно, чтобы скоро явилось что-либо, — тогда какъ германская наука успѣла по культурѣ славянъ накопить, а отчасти собрать (Боппъ, Поттъ, Шлейхеръ) матеріалъ, необыкновенно богатый, и я рѣшился изложить исторію моего народа, воспользовавшись всѣмъ, что по этому сдѣлали нѣмцы, и дополнивъ это своими знаніями въ русской археологіи и въ реальной жизни народа. Предполагался трудъ громадный: „Изслѣдованіе о русской (славянской) культурѣ, сравнительно съ культурой Греко-Римлянъ, Кельтовъ и Германцевъ“. Было время, когда матеріалъ у меня настолько уже былъ собранъ, что я могъ приняться за изложеніе. Цѣлью моихъ трудовъ совсѣмъ не была популярность, — я объ ней и не думалъ, такъ какъ я представлялъ ее другимъ,—цѣль моя была гораздо сложнѣй и глубже, именно, на основаніи законовъ историческаго движенія—о которыхъ скажу сейчасъ — прослѣдить всѣ главныя явленія народной жизни, и каждое изъ нихъ съ первыхъ слѣдовъ ихъ существованія и вплоть до нынѣшняго дня, слѣдовательно, въ первый разъ, первому дать возможность государству опознаться, оріентироваться въ томъ, что было, что есть и чему должно быть, на основаніи умственно-соціальнаго уровня. Позволю себѣ думать, что подобная смѣлость не только была по силамъ мнѣ, но даже отчасти была исполнена. Матеріалъ у меня собранъ былъ настолько, что я уже могъ его распредѣлить, именно на шесть большихъ томовъ (отъ 40 до 50 печат. лист.), именно: въ 1) народныя вѣрованія (въ первые дни культуры, въ среднихъ вѣкахъ, теперь); 2) соціальный бытъ (хлѣбъ и вино, община и братство, поэзія, музыка и драма); 3) исторія русской женщины; 5) секты, ереси, расколы и 6) Малоросія. Мысль, которая проходила сквозь эти труды, выработана была изъ долговременнаго изученія фактовъ. Честное изученіе фактовъ историческихъ само собою привело къ изученію міра естественнаго, для того, чтобы—по словамъ Фохта—„ближе изслѣдовать человѣческую природу и въ изученіи ея найти прочное основаніе для дальнѣйшаго прогресса“. (Ф. „О человѣкѣ въ мірозданіи“, стр. 1). Извѣстно ходячее мнѣніе, особенно у насъ, что прогрессъ исторіи управляется единственно умственнымъ развитіемъ и больше ничѣмъ, — это — оптическій обманъ, заблужденіе, хотя и совершенно понятное въ Англіи, странѣ умственной аристократіи, возникшей при особыхъ условіяхъ, но ужъ никакъ не приложимое къ реальной исторіи міра. Движеніе человѣчества управляется тѣми же законами, какъ и жизнь остальнаго животнаго міра. Изслѣдуя міръ животныхъ, мы находимъ въ немъ не только развитіе умственныхъ способностей, но еще другую, совершенно особую отъ нихъ, самостоятельную, дѣятельную силу, — именно соціальное направленіе,—въ

общихъ чертахъ прирожденное какъ животному, такъ и человѣку. Но оба эти двигателя животнаго міра, каждый отдѣльно, находятъ представителя въ извѣстной особи—въ одной особи рѣдко соединяются: они соединяются въ первый разъ въ человѣкѣ. Вникая въ первоначальное возникновеніе исторической жизни, мы видимъ рѣшительно у всѣхъ историческихъ племенъ, будетъ ли это сплошное, цѣлое племя, какъ славянское, или обломокъ какого-нибудь племени, какъ, напримѣръ, часть сѣверныхъ германцевъ, заселившихъ Исландію, или, наконецъ, это племя, подавленное съ самаго начала судьбами исторіи, какъ прекрастное племя Кельтовъ, у всѣхъ у нихъ мы встрѣчаемъ одно, именно, что они открываютъ свою историческую жизнь и вырабатываютъ свою культуру, управляясь двумя непремѣнными дѣятелями,—умственнымъ развитіемъ и соціальнымъ движеніемъ, дѣятелями совершенно независимыми другъ отъ друга, но взаимно помогающими человѣку въ его культурѣ, дающими равновѣсіе текущей жизни. Это законъ историческаго движенія человѣка. Обойти его, миновать — нельзя, иначе уродство: доказательство — современная Европа и Россія (судъ). Поэтому-то и всякая первобытная культура, несмотря на всю простоту своей основы, представляетъ намъ необычайно полное и цѣльное, свободное и здоровое развитіе жизни, и если бы мы не знали, что человѣкъ осужденъ итти прогрессивно впередъ (не идетъ — такъ потащутъ силой!), мы назвали бы эту жизнь идеально прекрасной. Затѣмъ подъ этимъ первымъ періодомъ культуры, хотя и совершено первобытнымъ, создавшимъ, однако, почти всѣ главныя основы, на которыхъ зиждется послѣдующая жизнь народа, можно провести черту (и она вездѣ проведена), за которой эта первобытная жизнь является разгромленной, подавленной деспотизмомъ [1]) того или другого сорта, утратившей всякое равновѣсіе, и здѣсь открывается новый періодъ развитія—средневѣковая борьба съ деспотизмомъ. Кто же ведетъ эту борьбу? Такъ какъ соціальная жизнь народа въ это время совершенно подавлена и почти не существуетъ, то борьбу ведетъ умственное развитіе, которое, при случаѣ, находитъ опору въ взволнованныхъ массахъ народа (революц. бунтъ). Эта борьба, предводимая умственнымъ развитіемъ, къ которому потомъ присоединился соціализмъ, исписала страницы исторіи безсмертными подвигами, но она все-таки была явленіемъ случайнымъ, нисколько не нормальнымъ, а потому безвыходнымъ, такъ какъ соціальная жизнь тутъ участвовала не какъ дѣятель, а какъ мертвое орудіе. (Отсюда ругательства радикаловъ на народъ, что это—подлая толпа). Гервинусъ, напримѣръ, прямо сознается, что вся задача 19 столѣтія,—это какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ среднихъ вѣковъ, т. е. отъ времени,

[1]) Подъ „деспотизмомъ“ вездѣ разумѣются, конечно, различныя преграды, которыя задерживаютъ народную жизнь, какъ-то: обычай, рутина и т. д.

когда, среди раздавленной соціальной дѣятельности народовъ, борьбу съ деспотизмомъ ведетъ одно лишь умственное развитіе съ его дѣтищемъ—соціализмомъ, т. е. соціальнымъ ученіемъ. Періодъ этотъ, т. е. возстановленіе соціальной работы, малъ, приближается или долженъ приближаться... Благодаря позднѣйшему великому умственному (и соціальному) развитію, которому старая исторія человѣка не представляетъ ничего подобнаго,—прошедшая жизнь человѣка освѣщена; открылось, что умственная сила, какъ единственный дѣятель, какъ господинъ прогресса, должна сложить съ себя всѣ знаки власти и больше ужъ не мѣшаться въ соціальное движеніе массъ, такъ какъ опыты ея устроить человѣческую жизнь — неудобоисполнимы (совр. Франція), потому что неестественны, потому что насколько высоко соціальное ученіе съ умственной стороны, настолько же вредно, когда оно обращается къ практикѣ, — это тотъ же деспотъ, который вертитъ по своему народную жизнь, безсильный сдѣлать что-либо доброе, на основаніи закона природы, что все соціальное (въ народѣ и въ животномъ мірѣ) вырабатывается не иначе, какъ общею соціальною жизнію тѣхъ или другихъ дѣятелей... Итакъ, рано или поздно, а долженъ быть возстановленъ поруганный законъ о равновѣсіи умственной силы (соціализмъ, ересь, вѣра или деспотизмъ—все равно) и соціальнаго движенія массъ. Внѣ этого—одна лишь вѣчная канитель, безплодная борьба, внѣ этого не могутъ существовать ни правительства, ни народы, ни само умственное развитіе во всей его полнотѣ. Европейское сознаніе къ этому и пришло, и Бокль съ свойст. ему геніемъ указалъ уже законъ позднѣйшей европейской цивилизаціи: всякая мѣра относительно народа, всякая реформа должна быть ничѣмъ инымъ, какъ честнымъ возвращеніемъ къ тому, что нѣкогда выработалось въ свободномъ союзѣ умственнаго развитія и соціальнаго движенія—разума и свободы. Ergo: разумъ и свобода жизни. (Иначе—бѣда всѣмъ. Неправильная жизнь влечетъ за собой и всѣ неправильныя послѣдствія... (судъ), и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, тѣмъ безвыходнѣе. Герценъ, столь страшный нѣкогда, въ послѣднее время совершенно отсталъ съ своимъ націонализмомъ, такъ какъ успѣло вырасти новое ученіе радикальное. Послѣдствія его—теперешній судъ. Ученіе это страшно и, пожалуй, скверно, но если дѣла пойдутъ по старому, то оно, въ свою очередь, явится невиннымъ, а на мѣстѣ его будетъ что-нибудь пострашнѣе. Итакъ, казнить теперешнихъ радикаловъ—такое же преступленіе, какъ Николай, показнившій Герцена: то и другое было создано не ими самими; такъ чѣмъ же они виноваты? Такъ нельзя ли, вмѣсто того, чтобы только бить, отнестись по-человѣчески, и это пора: передовые радикалы скоро перещеголяютъ Нероновъ. Между тѣмъ, будь живъ Герценъ, онъ, пожалуй, могъ опять поступить на Русскую службу...) Это ученіе—мое. Многіе, какъ,

напр., Кери или почтенный авторъ книги „о свободѣ печати“, стр. 25—163—4 по 2 изд., кругомъ вертятся около этого ученія, но выговорить его не въ силахъ. Изъ него видно, что по основнымъ убѣжденіямъ своимъ я не радикалъ, даже не соціалистъ. (Хотя отъ этого деспотизму нисколько не теплѣй). Ученіе очень просто и потому-то оно непонятно, и потому только я одинъ ему слѣдую—другого такого указать не могу.

Но и такой суровый трудъ, предлагавшій одни лишь памятники прошедшей и настоящей жизни, оказался для цензуры дѣломъ не подходящимъ,—такъ страшно одно простое прикосновеніе къ народу. Изъ этого въ рукописяхъ Прыжова кое-что осталось, но въ печати онъ не оставилъ почти ничего. Причины этому слѣдующія. Знанія, которыми въ эту минуту обладаетъ Прыжовъ, необыкновенно велики, — разумѣется, относительно русскихъ ученыхъ, а никакъ ужъ германской науки. Достались ему эти знанія страшно дорогой цѣной, такъ какъ въ настоящее время, чтобы быть историкомъ, надо для этого имѣть по-истинѣ громадныя средства, быть богатымъ, какъ Бокль или лордъ Маколей, а иначе—и не мечтай что-либо сдѣлать; но Прыжовъ вѣчно былъ нищъ, вѣчно боялся завтра умереть съ голоду, а отсюда, по милости занятія наукой, милліоны оскорбленій, униженій, какихъ и каторжный подчасъ не испытывалъ. Я всегда писалъ только ради хлѣба. Сколько могу припомнить, я помѣщалъ статьи у Каткова, въ (прежнихъ) „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (К—ка, уволеннаго тогда изъ университета, какъ вольнодумца), въ „С.-пб. Вѣд.“ у Краевскаго, потомъ въ „Современномъ Словѣ“ (газета) и затѣмъ въ „Голосѣ“ (постоянно), въ „Нашемъ Времени“ (Павлова), въ „Развлеченіи“ (Миллера), въ „Московской Газетѣ“ (Бочарова). Изъ журналовъ: въ „Филологическихъ Запискахъ“ и въ „Вѣстникѣ Европы“. Изъ одной статьи, помѣщенной въ газетѣ Павлова, образовалась брошюра: „Житіе Ивана Яковлевича“ (нѣтъ въ продажѣ), которая помогла мнѣ открыть цѣлый міръ неслыханнаго фанатизма, невѣжества и разврата, какого не найдешь и у дикарей, и все это на лонѣ московскаго православія. Я и прежде зналъ много кое-чего, но теперь ужаснулся, и чтобы окончательно изслѣдовать этотъ міръ, я облекся въ рубище, въ суму и съ цѣлой ордой ханжей (штукъ 150), и въ томъ числѣ дѣвочекъ, сманенныхъ ханжами для продажи, пошелъ въ походъ по монастырямъ. (Указано кратко въ книжкѣ 26 юрод., стр. 68). Тутъ было жесточайшее пьянство, богохульство, явная торговля невинностями, фанатическія рыканія, пѣсни, молитвы, истерики, чтенія писаній и колдовскія заклинанія. Послѣдствіемъ этого была книжка о юродивыхъ, о которой скажу далѣе...

Какъ-то нечего было мнѣ ѣсть: я собралъ свои замѣтки о нищихъ, накиданныя на клочкахъ, большихъ и малыхъ, взялъ клею, склеилъ эти

замѣтки и такимъ образомъ (ей Богу не вру) сочинилъ книжку „Нищіе на Святой Руси“. Рукопись продалъ я на Никольской типографщику Смирнову за 25 руб.; онъ напечаталъ 2000 экземпляровъ, можетъ, и больше, пустивъ каждый по 50 к. Изданіе распродано все. Другой разъ случилось голодать (на госуд. службѣ!): я собралъ свои замѣтки о юродивыхъ, помѣщенныхъ (безъ моей фамиліи) въ „Развлеченіи“, и у меня образовалась книжка: „Двадцать шесть московскихъ юродивыхъ“. Рукопись предложилъ купить Салаеву, просилъ 15 руб. — не даетъ; просилъ 10 руб. — не даетъ, просилъ 5 р. — не даетъ (онъ былъ въ числѣ озлобленныхъ за поношеніе великаго угодника Ивана Яковлевича). Тогда, бѣшеный отъ досады, я пошелъ въ книжную лавку Прѣснова и подарилъ ркп. приказчику его Николаю Баркову. — „Пожалуйте рюмочку, что вы мнѣ дарите“, просилъ Барковъ. Я далъ. Книжка отвратительно издана въ 2000 экз., пущена по 1 руб. сер., вся распродана, и я, конечно, не получилъ ни гроша. (Книжку эту при семъ прилагаю). Работы мои по исторіи все-таки подвигались дальше и дальше, преодолѣвая всякія невзгоды и затрудненія. Работать можно, когда есть „досугъ, необходимый для психическаго развитія“, когда мысль можетъ спокойно развиться и созрѣть; этого досуга я никогда не зналъ. Работать еще можно, когда есть подъ руками историческіе журналы, какъ въ Германіи (безчисленные Jährburcher, Zeischriften), где можно-бъ помѣщать свои работы по мѣрѣ движенія ихъ;—когда есть покрайности люди, съ которыми можно было посовѣтоваться, объясниться—споро идетъ одинъ трудъ соціальный,— у меня этого ничего не было. Правда, имѣлъ я дѣло съ нѣкоторыми московскими археологами, которые, идя за исторіей народа, сбираютъ разный навозъ, да няньчаются съ своими несчастными самолюбьицами, но они мнѣ, кромѣ зла, ничего не дали: тупоуміе этихъ людей выше всякой мѣры... Одинъ, самый лучшій изъ нихъ, увидавъ, что я ссылаюсь на Дрэпэра (Ист. Умств. Разв.) замѣтилъ: „какъ это не стыдно мнѣ“. Наконецъ, не легко давался самый трудъ, гдѣ предметомъ была вѣчно-страдальческая участь народа, особенно великорусскаго, не видавшаго въ своей жизни ни единаго свѣтлаго дня, ни единой свободной минуты, почему понятна и тяжелая доля, постигавшая всѣхъ русскихъ историковъ, которые хоть чуточку касались исторіи народа. Пассекъ—сосланъ, Надеждинъ—сосланъ, Костомаровъ—едва не погибъ въ ссылкѣ, Павловъ—погибъ, Щаповъ—сосланъ, Потебня—погибъ, пришлось погибнуть и Прыжову. Боже, что это за несчастіе виситъ надъ Россіей! (Проговорите поскорѣй, чтобы прокуроръ не успѣлъ схватиться). Неимовѣрно тяжело было работать тѣмъ болѣе потому,—говорю искренно—что я хотѣлъ собрать въ одно цѣлое не только археологическіе факты, но и всѣ слезы, всю кровь, весь потъ,

пролитые когда-либо народомъ,—собрать и высчитать, на сколько вынесетъ это наука счисленія! Что это не фраза—доказательствомъ выписки и вырѣзки о разныхъ родахъ, способахъ и видахъ людей, умершихъ отъ пьянства съ 1863 года (они остались у нѣкоего Мих. Ник. Лаврова, управляющаго Университетской типографіей въ Москвѣ. Я ему продавалъ мою исторію кабаковъ, но онъ испугался). При этомъ должно принять къ свѣдѣнію, что все, что бы ни писалъ я до нынѣшняго времени, не имѣло бы ровно никакого успѣха, именно потому, что я не радикалъ. На ярмаркѣ тщеславія шло только радикальное, а потому о многихъ добрыхъ книгахъ, напр., „о законахъ печати“, едва упоминали и то съ насмѣшкой. При такомъ положеніи опустились бы руки у самаго геніальнаго человѣка (упомяните о семъ). Посмотримъ, какъ отнеслась бы ко мнѣ сторона правительственная... Она отнеслась еще хуже. Хуже всего было то, что многія изъ работъ Прыжова были какъ бы отвѣтомъ на реформы и перевороты настоящаго царствованія, и за каждый изъ нихъ, касавшійся народа, Прыжовъ слѣдилъ по памятникамъ, мечтая — говорю вамъ, какъ истинно вѣрноподданный—внести посильную пользу въ общее благо... Когда только еще приготовлялось польское возстаніе, Прыжовъ рѣшился прослѣдить исторію Польши и Руси, со стороны народовъ, и внести хоть нѣсколько свѣта въ путаницу польско-русскихъ отношеній; но послѣ исторіи съ „польскимъ вопросомъ“, это оказалось невозможнымъ, и отъ всей работы осталась замѣтка о ляхахъ, вошедшая въ мою исторію питейныхъ откуповъ. Задумали земскія учрежденія, и Прыжовъ отправился въ Петербургъ, чтобы въ Публич. Библіотекѣ дополнить мои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и изложить исторію земства, отъ перваго появленія этого слова на Руси и, пожалуй, до закрытія петербургскаго земскаго собранія, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ даже „День“ славянофиловъ и тотъ не могъ говорить объ этомъ свободно, и отъ всего труда осталась одна лишь „Исторія мѣщанъ“, но и она запрещена московской цензурой, гдѣ удержана самая рукопись, такъ что трудъ пропалъ окончательно. А къ чему пришли земскія учрежденія—извѣстно! Моя „Исторія питейныхъ откуповъ“ была почти готова ко времени питейной реформы 1863 года, но никто не рѣшался ее издать, и только въ 1858 году, сокративъ книгу (изуродовавъ) почти на половину, я нашелъ возможность продать ее Вольфу за 250 р. Онъ напечаталъ 2000 экз. (можетъ, и болѣе), цѣной за каждый по 2 р., а со времени моего ареста по 2 р. 50 к. Въ послѣднемъ свидѣтель жена. Проданъ Вольфу одинъ томъ, осталось еще два. Они касались кабацкаго быта, т. е. жизни въ этихъ народныхъ клубахъ, жизни, описанной съ мельчайшими подробностями, гдѣ начинались всевозможные бунты и волненія съ Разина и до 19 февр. 1861 г. Но пе-

чатать теперь такую книгу—значитъ донести на народъ, значитъ отнять у него послѣдній пріютъ, куда онъ приходитъ съ горя—и я сжегъ эти два тома. Остались нѣкоторыя черновыя замѣтки. Между тѣмъ отъ этого труда я разсчитывалъ нажить громадныя деньги, даже и тогда, если бы изъ полмилліона (sic) русскихъ кабаковъ 1000-я доля купила мою книгу. Неудача эта подорвала меня окончательно, и книга издана во всемъ безобразіи черновой рукописи, подъ именемъ „Исторія кабаковъ въ Россіи". Прочесть ее—нѣтъ средствъ. Но за то—говорю вамъ—это былъ первый у насъ капитальный трудъ, указывавшій на царственную иниціативу реформъ настоящаго времени... Къ чему привела эта реформа — извѣстно. Понятно теперь, почему ни Прыжовъ, или кто-нибудь другой (такихъ не было) въ послѣдніе 20 лѣтъ не издали ничего по исторіи народа. Это было невозможно, такъ какъ исторія народа крайне некрасива, а уровень нашихъ общественныхъ воззрѣній такъ низокъ или дошелъ до крайняго предѣла (радикализмъ), что онъ ничего не имѣетъ общаго даже съ самыми нетребовательными воззрѣніями Джона Стюарта Милля. Такимъ образомъ труды, предпринятые для пользы всего государства, запрещались чисто сдуру, что ставило Прыжова въ глубоко-безвыходное и крайне-оскорбительное положеніе. Напрасно стали бы указывать на нѣкоторыя (одинъ или два) довольно свободно написанныя сочиненія о положеніи русскаго народа, хоть, напр., на трудъ Флеровскаго о состояніи рабочихъ сословій: но это трудъ чисто политико-экономическій, въ немъ собраны одни лишь результаты, правда, всѣ крайне печальные, но попробуй кто-нибудь разсказать, какъ, откуда и благодаря чему произошло и развилось все это,—сочиненіе было бы преступнымъ. Изъ всего, что только было напечатано Прыжовымъ, цѣлая половина была урѣзана цензурой, или имъ самимъ, другая же половина являлась исковерканной. Наконецъ, живи Прыжовъ въ Петербургѣ, ему несравненно легче было бы печатать, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ цензура была и осталась ужасною. Въ Моск. Ценз. Ком., вѣроятно, помнятъ еще борьбу Прыжова, изо дня въ день въ теченіе первыхъ годовъ его дѣятельности, а затѣмъ пришлось махнуть рукою. (Нѣсколько свѣдѣній о послѣднемъ жестокомъ походѣ цензуры, см. „Библіографъ„. 1869, конецъ статьи о цензурѣ). Но цензуру Прыжовъ не обвиняетъ: она не вѣдала что, кого и за что давитъ и что можетъ выдавить. Все это вмѣстѣ ставило Прыжова между двухъ огней—радикализма и правительства: ни ему, ни сотнямъ, подобнымъ ему, выхода не было. Все это мало-по-малу убивало у Прыжова энергію дѣла (наконецъ, и убило), силы его мало-по-малу подламывались, хотя въ частности каждое оскорбленіе, каждая преграда дѣйствовала необыкновенно возбудительно. Въ концѣ всего обстоятельства довели до того, что, можетъ быть, цензура и пропу-

стила, но она навела такой страхъ, что на каждомъ шагу можно было ждать ея козней, а потому опускались руки и у автора, и у издателей. (См. Законы о печати, изд. 2, стр. 77). Послѣднимъ большимъ трудомъ, который предпринялъ (въ 1866) Прыжовъ, была „Исторія малорусской словесности съ 11-го вѣка до настоящаго дня". Цѣлью ея было внести въ исторію русской словесности указаніе на такія благодарные и могущественные элементы, которыхъ наши ученые и не подозрѣвали. Предметъ былъ отлично извѣстный Прыжову, совершенно новый, истинно завлекательный свѣжестью идей, необыкновенно важный: автору онъ долженъ былъ принести извѣстность и деньги. Но трудъ оказался невозможнымъ, и Прыжовъ ограничился тѣмъ, что сухой конспектъ первыхъ главъ помѣстилъ въ журналѣ „Филологическія Записки", но и этотъ сухой конспектъ былъ почти на половину урѣзанъ цензурой. Захваченный этимъ, какъ говорится, за живое, Прыжовъ все урѣзанное вставилъ снова въ печатный оттискъ своей статьи и отослалъ во Львовъ (Lemberg) для помѣщенія въ малорусской газетѣ Prawda. Прыжовъ счелъ долгомъ откровенно указать на это при слѣдствіи.—Затѣмъ Прыжовъ больше ничего не писалъ, исключая того времени, когда, поступивъ въ контору желѣзныхъ дорогъ и имѣя въ виду, что придется, м. б., объѣхать весь югъ, онъ рѣшился (была нужда) послать статью въ Моск. Вѣд. (1868), которая и помѣщена въ „Современной Лѣтописи", подъ заглавіемъ „Отъ Петербурга до Москвы"; но вторую статью Катковъ не только не пропустилъ, но сожралъ. Наконецъ, (наконецъ-то!) самой послѣдней статьей, хотя и нигдѣ не напечатанной, Прыжовъ считаетъ свое письмо о Тургеневѣ, которое онъ послалъ уже изъ крѣпости на имя предсѣдателя общества вспомоществованія литераторамъ... Хорошаго Прыжовъ не оставилъ ничего—не дали. Все, напечатанное имъ, ничто иное, какъ „пѣсня подобная стону". Чувствуя, что ужъ долго не маяться на свѣтѣ, Прыжовъ въ 1867 г. съ помощью писца собралъ часть своихъ замѣтокъ, отчасти нѣсколько отдѣльныхъ, отчасти—въ сыромъ видѣ, подъ именемъ „Быта русскаго народа". Онъ теперь у его жены. Рукопись эта вмѣстѣ съ картонками и другими бумагами была внимательно просмотрѣна московскимъ прокуроромъ (неизвѣстно кѣмъ), — не сочтетъ ли нужнымъ г. адвокатъ попросить этого прокурора сообщить о рукописи свое искреннее мнѣніе... Поэтому напрасно почтенный авторъ „Законовъ о печати" плачется, что „реформы не вызвали въ достаточномъ числѣ къ дѣятельности энергическихъ и умственно-сильныхъ людей, что очень рельефно обнаружилось во время польскаго возстанія" (стр. 141—2, по 2 изд.). Люди эти были задавлены.

Между тѣмъ Прыжовъ продолжалъ служить въ гражданской па-

латѣ до тѣхъ поръ, пока не закрыли. Сначала, чтобы имѣть средства работать, онъ ежегодно ѣздилъ въ Петербургъ для занятія въ Публичной Библіотекѣ. По поводу одной изъ такихъ поѣздокъ онъ помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1861) статью „Петербургъ и Москва“, гдѣ, обозрѣвъ тогдашнее блестящее состояніе Публ. Библ., университета въ Спб. и отчасти академіи, съ торжествомъ предсказывалъ будущее широкое движеніе русской мысли... (статья, крайне испорченная въ корректурѣ, а прежде въ редакціи, вышла отд. оттискомъ; есть въ Публ. Библ.). Отвѣтъ на эту статью барона Корфа въ „Сѣв. Пчелѣ“ того же года... Но подобныя поѣздки далеко были не по карману, но Прыжовъ рѣшился найти мѣсто въ Петербургѣ, чтобъ быть поближе къ Публ. Библіотекѣ. Поэтому одна дама—благороднѣйшая женщина, хорошо знавшая Прыжова, именно фрейлина Евгенія Лачинова—дала ему изъ Москвы письмо въ Петербургъ къ своимъ близкимъ роднымъ—къ Ланскому (мин. вн. дѣлъ), къ министру финансовъ (не помню фамилію—кажется, Шихматовъ) и къ гр. Толстому (прок. свят. син.), но первый, продержавъ въ ноябрѣ три часа въ холодной залѣ на Аптекарск. Островѣ, хлопнулъ дверью и ушелъ, — второй сдѣлалъ почти то же, а третій послалъ его къ своему правителю дѣлъ, но сей безцеремонно потребовалъ за мѣсто 1000 рублей... Чтобъ получить побольше средствъ къ жизни хотя бы въ Москвѣ, Прыжовъ однажды попробовалъ явиться на моск. дворянскіе выборы; больше половины дворянъ знали его съ хорошей стороны, но его не выбрали,—выбрали вмѣсто него человѣка, поставлявшаго барышенъ разнымъ высокимъ лицамъ и вора казенныхъ денегъ (нѣкоего Герасимова, теперь умершаго). Статья Прыжова объ этихъ выборахъ запрещена въ мин. вн. дѣлъ, но корректурный листъ, исписанный всевозможными запретительными надписями, отданъ, какъ курьезъ, на храненіе Бартеневу, въ моск. чертковскую библіотеку. Во время этихъ выборовъ на ступенькахъ лѣстницы, около избирательнаго стола, такимъ милымъ человѣкомъ сидѣлъ извѣстный Михаилъ Петровичъ Погодинъ; Прыжовъ, по невинности своей души, попросилъ его содѣйствія, но Погодинъ, ходя по залѣ, говорилъ всѣмъ: „не выбирайте—это негодяй“.—Такъ потомъ разсказывали Прыжову.

Работа Прыжова между тѣмъ шла, но трудъ пропадалъ, особенно начиная съ 1862 года. Въ прежнее время онъ постоянно писалъ въ „Голосѣ“, давая отчеты о новыхъ книгахъ, по его предмету, и объ университетскихъ диспутахъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе дѣлались вопросы общественной жизни, такъ что, наконецъ, совсѣмъ пришлось прекратить корреспонденцію въ „Голосъ“. То была новая потеря, потому, если счесть статьи, которыя хоть каждый день Прыжовъ могъ посылать въ газету, да прибавить къ нимъ брошюры, постоянно готовыя у него по разнымъ предме-

тамъ (исключая уже цѣлыя книги), все это могло составить, по самой крайней мѣрѣ, сто журнальныхъ статей въ мѣсяцъ по 20 руб. за каждую; и онъ могъ получать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 20 т. руб. сер. въ годъ. Эти суммы не существуютъ для него! Кто ему отдастъ ихъ!—Финансовыя и другія дѣла Прыжова были плохи, и, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ въ Москву и утопился. Началось дѣло объ этомъ, но прекращено по ходатайству его знакомыхъ. (Все это дѣло сохранялось у меня до ареста, теперь не знаю гдѣ. Спросите у жены). Въ послѣдніе годы Прыжову явилась громадной поддержкой дѣвушка, на которой онъ женился,—украинка, урожденная Мартосъ, рѣдкая женщина, какихъ Прыжовъ не встрѣчалъ въ теченіе всей своей жизни. Вмѣсто его неустроенной квартиры, гдѣ, кромѣ книгъ, почти ничего не было, жена устроила добрую хату, радостно вбивая гвоздики въ стѣну, въ полной надеждѣ, что строитъ домъ мужу и себѣ,—мужу и себѣ пріобрѣтаетъ покой... Между тѣмъ надежда на «Исторію кабаковъ» лопнула окончательно съ продажей книги Вольфу въ 1867 г.; Прыжовъ вошелъ въ долги, даже разсчитывая на будущія выгоды—истратилъ чужія деньги (нѣкоего Новосильцова). Ему предлагали взять какое-нибудь мѣсто въ Мин. Нар. Просв., но патріоты туда пихали только своихъ, или въ земскихъ учрежденіямъ, гдѣ должны быть дороги люди, но здѣсь уже господствовала своего рода цѣлая голодная армія, кричавшая: „жрать!“ Тогда Прыжовъ рѣшился кинуть пока науку и заняться только добычею хлѣба. Онъ сложилъ свою библіотеку въ анбаръ гостинаго двора, а самъ въ концѣ 1867 г. поступилъ въ частную контору по желѣзнымъ дорогамъ. Дѣла по желѣзнымъ дорогамъ были самыя горячія, шла работа необыкновенно сложная; черезъ руки Прыжова ежедневно проходили десятки тысячъ рублей и болѣе; простая ошибка его могла совершенно погубить все состояніе его хозяина,—а Прыжовъ едва зналъ ариѳметику: онъ отказался отъ мѣста. На другой день, какъ онъ оставилъ занятія по желѣзнымъ дорогамъ, онъ по обычаю всталъ рано, какъ привыкъ вставать въ теченіе 20 лѣтъ, тотчасъ принимаясь за работу, но работы не было,—не было ни книгъ, никакого занятія, въ цѣломъ мірѣ дѣлать ему было нечего, а между тѣмъ дома нужда, невыносимо-тяжелое положеніе относительно жены безъ средствъ, но важнѣе всего тяжкая потребность имѣть дѣло—безъ дѣла онъ не могъ пробыть ни единаго дня, ни единаго часа. [Тюрьма, говоритъ авторъ „О законахъ печати“ вовсе не болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ невозможность зарабатывать себѣ хлѣбъ (154)]. И вотъ по привычкѣ ежедневно вставать рано, торопясь одѣться, онъ торопился уйти и уходилъ... невѣдомо куда. На вопросъ своего адвоката, куда уходилъ Прыжовъ и гдѣ бывалъ съ этихъ поръ и до ареста, адвокатъ узналъ слѣдующее:

Въ это время у Прыжова, несмотря на то, что у него знакомыхъ было половина Москвы, въ цѣломъ городѣ ни одного не было близкаго человѣка, и тогда онъ рѣшился итти къ народу, такъ какъ „на міру и смерть красна". Съ тѣхъ поръ ежедневно, обманывая жену, что идетъ по дѣламъ, что идетъ на работу, онъ каждый день уходилъ въ дальнѣйшіе концы Москвы, сплошь населенные фабричными, такъ называемыя, села (теперь городскія слободы) Красное, Преображенское, Покровское, Семеновское и т. д., здѣсь заходилъ въ харчевни, читалъ газеты, пилъ чай и велъ бесѣды съ рабочимъ народомъ (фабричнымъ). Эти фабричныя харчевни были ему хорошо извѣстны еще со времени Московскихъ молебновъ послѣ 4 апрѣля, когда народъ, помолившись за царя на Красной площади (толпа тысячъ до ста), и опьяненный молитвой, пѣньемъ и музыкой, растерзавъ на клочки штукъ пять жуликовъ, заставилъ портретъ Государя войти въ часовню къ Иверской и приложиться, пронесясь потомъ съ этимъ портретомъ по Кремлю, и мимо главныхъ трактировъ возвращался назадъ; тогда же съ тридцатитысячной толпой, которая оканчивала день въ этихъ харчевняхъ, говоря рѣчи, собирая зачѣмъ-то деньги, шелъ и распивалъ тамъ Прыжовъ. Онъ имъ почему-то казался своимъ,—чужому была бы бѣда. (Прокуроръ долженъ имѣть свѣдѣнія, куда я ходилъ цѣлый годъ каждое утро, и гдѣ я оставался до поздней ночи,—иначе, какъ же обвинять, не зная меня). Названій этихъ харчевенъ (и кабаковъ) нѣтъ въ спискѣ, который Прыжовъ далъ Успенскому. Прыжовъ объ нихъ даже и никому не говорилъ. (Въ списокъ, данный Успенскому, попалъ—помню хорошо—совершенно нечаянно одинъ изъ народныхъ пріютовъ—голубая харчевня за красноходмскимъ мостомъ, гдѣ собираются лѣсники, но повторяю нечаянно). Являлся Прыжовъ туда подъ именемъ комиссіонера по торговлѣ лѣсомъ и хлѣбомъ; лѣса онъ, къ сожалѣнію, не купилъ и не продалъ (дѣло ему хорошо знакомое), а хлѣба успѣлъ продать (помогъ дешевле купить) нѣсколькимъ съ соколничьяго поля (главная хлѣбная пристань всѣхъ южныхъ жел. дор.), за что получилъ на чай 50 к. сер., которыя онъ принесъ женѣ. Тутъ въ бесѣдахъ онъ собралъ дорогія свѣдѣнія о кулакахъ, завладѣвшихъ народомъ вмѣсто господъ, и часть этихъ свѣдѣній послалъ въ Берлинъ г. Баллину, который просилъ у Прыжова подобныхъ свѣдѣній черезъ публикацію въ одной моск. газеты („Современ. Обозрѣніе"). Когда Прыжовъ не находилъ, чему бы могъ поучиться у собесѣдниковъ, онъ самъ училъ ихъ, знакомя съ общими соціальными положеніями, смотря на этотъ предметъ съ чисто государственной стороны, именно, что ни одинъ дикарь не можетъ существовать безъ извѣстнаго соціальнаго устройства, что самыя нeродовыя государства тѣ, гдѣ больше всего соціальной основы. За все это Прыжова поили чаемъ, иногда подносили водки (а съ

собой онъ не бралъ больше 10—15 к. сер. на цѣлый день), а иногда, въ ожиданіи отъ него будущихъ услугъ, напр., продать черезъ него лѣсъ, даже кормили. Тамъ оставался онъ до поздняго вечера и потомъ усталый возвращался домой. Такъ, за нѣкоторыми исключеніями, повторялось каждый день почти въ теченіе цѣлаго года. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже ходилъ, т. к. не было силъ, ибо дѣлался боленъ, а верстъ 7-10—не шутка. Прыжовъ ходилъ туда иногда, но очень рѣдко, только въ самыя грустныя минуты, въ то время, когда уже знакомъ былъ съ Нечаевымъ, но онъ 1) ни прежде, ни теперь никогда не говорилъ, кто онъ, 2) никогда ни единымъ словомъ не проговорился о намѣреніяхъ Нечаева, 3) тѣмъ больше — никогда не давалъ прокламацій, хотя легко могъ ихъ имѣть—стоило пойти и взять у Успенскаго. (Доказательство послѣдняго—самъ Прыжовъ: вести народъ даромъ на муку—не въ его природѣ, не въ его убѣжденіяхъ). Конечно, относительно Нечаева это былъ подлый обманъ,—но Прыжовъ не могъ иначе поступить: на обманъ Нечаева онъ долженъ былъ дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ... (Всего этого я не говорилъ на слѣдствіи, т. к. объ этомъ не было вопроса; не желалъ бы, чтобы и вы разсказывали это на защитѣ, такъ какъ это можетъ обратиться въ новую улику противъ меня. Но если бы пришлось, что на васъ нападутъ жестоко,—такъ бросьте имъ эти свѣдѣнія, какъ послѣднее доказательство!). Для устройства своихъ дѣлъ Прыжовъ поѣхалъ въ Петерб., чтобъ продать тамъ свою библіотеку; о продажѣ была публикація (въ „Голосѣ“), многіе любовались каталогомъ, но купить некому было: историческое дѣло на рынкѣ стояло низко. Тогда онъ рѣшился ѣхать въ Прагу, тамъ уже продать библіотеку и рукописи или самому издать и этимъ какъ-нибудь устроить свои дѣла въ Россіи. Но ужъ было поздно! По возвращеніи изъ Петербурга, Прыжовъ нѣкоторое время находился въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Черкесова, на мѣстѣ, которое прежде занималъ Болховскій. Цѣлью его было —чѣмъ-нибудь заняться и только, ибо все погибло, словно кто выметалъ метлой все прошедшее.—Домъ (квартира) разрушенъ, библіотека погибла, удержанныя за долги тысячи замѣтокъ погибли во время обысковъ,—и снова нищъ.

Все пропало,
А ні щітінкі не зосталось,
Пропавъ й я,
Та не въ шинку,
А на кобылі...

Теперь, кажется, и объяснять не нужно: кто я? и что я? Я былъ чисто труженикъ; былъ еще честный человѣкъ; я по самой природѣ не былъ агитаторомъ, хотя не разъ рука зудѣла, но въ агитаторы меня

выдвинули, вымучили, выдавили... Ну, сказалъ я—коли такъ, с—ны дѣти, такъ, пойдемъ! Деспотизмъ спекъ яичко, а теперь его съѣстъ... (На фактъ невольнаго выдавливанія прошу удѣлить долю судейскаго вниманія и вашего настойчиваго напора, и если-бъ оказалось, что судъ прерветъ слово адвоката, и я останусь безъ защиты, то—клянусь—не буду на это плакаться). Мнѣ предстояло два пути: правительство и радикалы. Обратись я къ первому, оно бы плюнуло на меня. Я обратился ко второму, но условія мои къ нему не подошли, и мы должны были разойтись. Вотъ и все преступленіе Прыжова!

Прокуроръ, вѣроятно, будетъ имѣть неосторожность разсказать исторію нашего общества. Этимъ онъ убьетъ себя, т. к. исторія эта даже совсѣмъ неизвѣстна мнѣ, а извѣстна, и то отчасти, Нечаеву. (Нечаевъ не зналъ, что дѣлалъ я). Поэтому, вмѣсто прокурорской поэзіи, выставьте на видъ реальность, какую, напр., можно найти въ исторіи ареста...

Передъ арестомъ было у меня два обыска,—одинъ нечаянный, сдѣланный полицмейстеромъ Полемъ, другой передъ самымъ арестомъ—и въ оба раза ничего не нашли... Арестовали вечеромъ. Добрый другъ, не покидавшій меня цѣлую жизнь, была моя собака Лепорелло, старая и слѣпая, подарокъ добраго пріятеля Виктора Касаткина, запутаннаго Кельсіевымъ и умершаго изгнанникомъ (невѣдомо за что) въ Женевѣ. (Что онъ погибъ—не бѣда: люди будутъ, но жалко, что съ нимъ погибла его дорогая библіотека по исторіи Россіи). Лепорелло спалъ за печкой. Частный приставъ (Арбатск. части, если не ошибаюсь) вытащилъ его оттуда за шиворотъ и со всего размаха кинулъ его середь комнаты. Собака болѣзненно завыла и ушла; вой ея съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ меня день и ночь, а собаку я больше не видалъ: она безъ меня умерла. Взяли меня, не сказавши, куда ведутъ, безъ халата, безъ бѣлья, безъ чаю... Привезли въ Срѣтенскую часть; въ канцеляріи вдругъ, по знаку частнаго пристава, бросился на меня неизвѣстный человѣкъ въ сюртукѣ, вѣроятно, писарь и, приговаривая: „мы цырульники, дѣлаемъ всякія операціи“, разорвалъ у меня застегнутую шубу и началъ все рвать на мнѣ и обыскивать... Больного, въ жару, и совершенно мокраго отъ пота, меня заперли (въ концѣ ноября) въ мерзлый и никогда не топленный номеръ. Я звалъ частнаго, сказали—дома нѣтъ. Вмѣсто постели черная лепешка, вся покрытая вшами; керосиновая лампа безъ стекла меня стала душить; я просилъ вынести—нельзя; адски спертый воздухъ совершенно отравляла парашка (судно), стоявшая въ углу, но я умолилъ на другой день вынести ее и на свои деньги купилъ, вмѣсто нея, кувшинъ. Скинувъ въ уголъ лепешку съ постели, я въ шубѣ подъ утро уснулъ; пришелъ частный и закричалъ, чтобъ топили... Трое сутокъ, день и ночь, меня рвало и несло; давали опіумъ, но меня снова рвало; чувствуя, что вотъ

5*

задохнусь отъ керосиноваго чада и умру, я кое-какъ вырвался изъ части, убѣдивъ частнаго, что имѣю сообщить Слезкину важныя вещи; но въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ объяснить, что умираю, но, къ ужасу моему, придя къ Слезкину совсѣмъ забылъ, зачѣмъ пришелъ, и несъ всякій вздоръ. Въ квартирѣ генерала Слезкина тоже меня рвало и несло. На другой день (пятый) я уже былъ безъ памяти. Частный, несмотря на то, что при части есть докторъ и даже жалованье получаетъ, говорилъ: „это притворство". Гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе былъ одинъ квартальный, который еще до времени моего безпамятства, говорилъ жандарму: „ну, ужъ привезли человѣка, трое сутокъ не спитъ, не жретъ ничего; все его несетъ, и все-таки не околѣлъ—вотъ такъ подлецъ!" Затѣмъ не помню ничего, кромѣ того, что была жена, что жандармскій офицеръ, увидавъ меня, испугался и старался снять у меня галстухъ съ шеи и очки, но я его гналъ; затѣмъ ровно ничего не помню, пока не очнулся въ острожной больницѣ. Знаю вѣрно, что если бы меня случайно не навѣстила жена и не убѣдила со слезами отвести меня въ больницу, я бы умеръ... (Слезкина и частнаго пристава, которыхъ я предлагалъ вызвать для подтвержденія факта, что я былъ боленъ, и что вслѣдствіе этого могъ путать на допросѣ, хотя вообще ни отъ чего не намѣренъ отказываться, кромѣ, разумѣется, путаницы,—теперь вызывать не желаю и прошу адвоката принять противъ этого всѣ мѣры: виду ихъ я не вынесу, я слишкомъ слабъ, будетъ дурно со мной, слѣдов., сцена.—Видѣть ихъ не желаю, да и не нужны они очень. Желалъ бы, если можно, вмѣсто нихъ, видѣть одного—служителя въ острожной больницѣ Яковлева: онъ могъ разсказать, въ какомъ видѣ меня привезли, что я дѣлалъ всю ночь, что онъ хотѣлъ со мной дѣлать, — надѣть горяч. рубашку). И въ части и въ острогѣ докторами были какіе-то дураки, хотя послѣдніе и спасли меня сильнѣйшимъ слабительнымъ, но думаю, что вмѣстѣ съ признаками горячки у меня было что-то въ родѣ нервнаго удара, по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что я во время болѣзни позабылъ рѣшительно все до послѣдней мелочи, что пережилъ въ послѣднее время, и вмѣсто этого долго жилъ совершенно новою, фантастической жизнію, которую—важный фактъ для физіологіи—помню ясно и до сихъ поръ. Во все время былъ боленъ, поправился только въ крѣпости и то черезъ 6 мѣсяцевъ, благодаря особой заботѣ начальства, но здоровье осталось разбитымъ окончательно. (Попросите другихъ адвокатовъ, что, если будетъ нужно спросить меня, то не требовали бы объясненій, а простого да или нѣтъ: нервы поражены, и я опять сталъ заикаться). Даже пишу теперь съ величайшимъ трудомъ... (Въ крѣпости 6 марта 1870 меня посѣтилъ—нарочно былъ у меня—Е. В. Вел. Кн. Ник. Ник.—вѣроятно, по желанію Государя).

Явясь къ допросу, я далъ себѣ слово говорить съ полной откровенностью, не скрывать ничего, касавшагося меня; такъ какъ я самъ ничего не могъ припомнить, то отвѣчалъ на то, о чемъ спрашивали; изложить все дѣло мое, какъ это сдѣлали мои товарищи и какъ предлагалъ мнѣ прокуроръ, я былъ не въ силахъ, а, вѣроятно, потому, обвинит. актъ противъ меня основанъ не на моихъ показаніяхъ, а на противорѣчащихъ показаніяхъ моихъ товарищей. Моя откровенность пропала даромъ. Обв. актъ не додумался даже отдѣлить мое дѣло отъ дѣла Нечаева и все, принадлежащее послѣднему, приписалъ первому. Какое онъ имѣлъ право—варить эту кашу? А между тѣмъ онъ отлично зналъ, „что такое Нечаевъ", и мнѣ говорили объ этомъ сами прокуроры. Гдѣ-жъ правда?

№ 1) (Къ № 1 на листѣ, что у адв.). Во время предполагаемаго приготовленія къ убійству Нечаевъ такъ велъ дѣло, что говорилъ одинъ онъ, а всѣ молчали. Николаевъ помнитъ, вѣрно, послѣднее собранье, гдѣ я убѣждалъ Иванова уступить Нечаеву. По всѣмъ признакамъ, убійство совершено Нечаевымъ тогда, какъ онъ убѣдился, что его дѣло нейдетъ, что я его обманываю, и онъ рѣшился посредствомъ убійства Иванова, — убійства, для котораго приложено все стараніе—совершить его не тайно гдѣ-нибудь, не одному, замѣшать всѣхъ, особенно Прыжова, совершенно ему чуждаго, и этимъ сдѣлать громадный скандалъ и поднять на ноги своихъ пріятелей. (Крайне важны показанія другихъ). Наконецъ, яснымъ доказательствомъ тому, что съ убійствомъ Иванова была замѣтна и месть Прыжову, служитъ выстрѣлъ въ него. Иначе, какъ прикажутъ понять, что послѣ убійства, вмѣсто того, чтобъ быть благодарнымъ Прыжову, онъ стрѣляетъ въ упоръ; а потому ясно, что если Нечаевъ рѣшился осудить Прыжова, такъ ужъ судьямъ судить Прыжова за то же самое не приходится: Нечаевъ былъ правъ, когда стрѣлялъ; судьи будутъ неправы, когда за то же еще разъ убьютъ Прыжова... (По поводу приготовленія къ убійству придется по возможности отдѣлаться отрицаніемъ и возможнымъ умолчаніемъ—дѣло скользкое). „Я согласія не давалъ"—говорю прямо—это фактъ, упритесь на него и не уступайте его ни за что.

№ 3. Участіе въ народѣ (Дополненіе къ этому на полъ-листѣ). Когда прокуроръ одолѣетъ тогда дѣлать нечего—дать вышеизложенныя подробности о харчевняхъ, неизвѣстныя Нечаеву.

№ 5. Прокламація. Обвиненію Прыжова, что все злобное въ прокламаціяхъ (ножи), не его,—должно вѣрить, доказательствомъ его труды—„Исторія питейныхъ откуповъ", гдѣ говорится о настоящемъ царствѣ, какъ благодѣтельномъ своими реформами. Несмотря на различныя ученія (Бокль), онъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ (просмот. послѣд. главу), съ необыкновенною любовью указываетъ въ ученомъ трудѣ и первый сколько извѣстно, и въ первый разъ, что все это сдѣлала Высочайшая воля. По-

этому крайне невѣроятно, чтобы мысли его, высказанныя въ 1868, совершенно измѣнились въ 1869, а если-бъ это и было, то нужно предположить необычайно-сильныя причины, но таковыхъ не было.

№ 6. Вмѣсто Женевы хотѣлъ ѣхать въ Прагу и еще разъ обмануть Нечаева, потому что Прыжовъ былъ бездѣйствительный членъ — это несомнѣнно, но что, по оговору Успенскаго, онъ близокъ былъ къ Нечаеву, то какая близость, когда онъ совсѣмъ и не зналъ, что это Нечаевъ, и никогда не проговаривался объ этомъ на допросѣ, и что онъ узналъ это только послѣ того, какъ Николаевъ первый указалъ на слѣдствіи, что это былъ Нечаевъ. Наконецъ, что это за близкіе люди, въ которыхъ стрѣляютъ! Вѣрнѣе всего здѣсь то, что Прыжовъ обязанъ былъ а) собирать деньги, в) устроить кружки изъ знакомыхъ. То и другое, особенно послѣднее, было легко—у него знакомыхъ полъ Москвы, но онъ не сдѣлалъ ни шагу. Вопросъ: съ какою цѣлью я вступилъ въ Общество? Съ цѣлью чисто соціальной, но и то въ смыслѣ моихъ убѣжденій, т. е. не навязывать свои соціальныя убѣжденія, а пробуждать соціальную жизнь, для полной самодѣятельности. Ясно, что это также близко къ Нечаеву, какъ небо и земля.

Полагаю, что если вы во второй разъ будете публично защищать политическое дѣло, то это будетъ несравненно труднѣе, потому что прокуроры и судъ приглядятся, освоятся съ дѣломъ, а теперь, вѣрно, будутъ трусить, какъ струсили они при началѣ слѣдствія. Цѣль ихъ ясна: не судъ, а скандалъ. Ваша громадная опора—въ заграничной и русской прессѣ и публикѣ. Такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ, по окончаніи вашей рѣчи, пресса разнесетъ по цѣлому міру и извѣстіе о вашей борьбѣ, и о томъ, дѣйствительно ли либеральна Высочайшая воля, давшая вдругъ публичный судъ политическому дѣлу (чего давно не было въ Парижѣ), и дѣйствительно ли она умѣла выдержать свою либеральность до самаго конца (отвѣта этого ждутъ вездѣ!), т. е. разомъ покончить старые счеты, старые грѣхи, такъ, чтобы этотъ судъ былъ послѣднимъ судомъ, чтобы онъ не могъ повториться, а иначе—только пища реакціи, и снова старыя пѣсни, бейте на ихъ либеральность: сами же они хотятъ по ней выѣхать, такъ пусть и выѣзжаютъ! A la guerre comme à la guerre! Силъ еще много, хотѣлось что-либо сдѣлать, хотѣлось доѣсть враговъ и тогда умереть,— вырвите же мнѣ возможное облегченіе жизни; но извиняться передъ ними, но просить, просить прощенія, но сознаваться виноватымъ, когда преступники — они: никогда!!! Прилагаю двѣ книжки: Юродивыхъ и Малороссію. Ихъ, вмѣстѣ съ этой запиской (и съ листомъ, который у васъ), передайте послѣ женѣ, а мои кабаки прошу васъ почтительнѣйше принять отъ меня на память.

Чего бы я желалъ? Оставаться въ Великороссіи—не хочу, никогда. Жить въ глуши, хоть въ Иркутскѣ, только имѣть средства работать, т. е. не умереть съ голоду: будь только это, а ужъ работать буду. Но боюсь, что и этого не будетъ, т. е. сошлютъ на голодную смерть. Поэтому не сочтете ли приличнымъ заявить, что вы совсѣмъ не защищаете меня отъ ссылки, или чего подобнаго; напротивъ, я ее самъ хочу. Вы защищаете меня, какъ человѣка, вы, принимая во вниманіе нашу ученую нищету и самую постыдную, желаете сберечь меня, чтобы я могъ сдѣлать что-либо доброе, а не умереть въ ссылкѣ съ голоду и безплодно.

Заявивъ судьямъ дважды и прямо (на допросѣ), что „не виноватъ“, я затѣмъ пускаюсь въ подробности, конечно, не для того, чтобы разжалобить ихъ, а отыскать настоящаго преступника.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

Историческіе очерки. [1]

I.

Конецъ царствованія императора Николая I.—Новыя вѣянія въ 1853 г.—Рукописныя записки о нуждахъ того времени.—Политическія письма М. П. Погодина.—Переломъ въ настроеніи наслѣдника Александра Николаевича.—Настроеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Впечатлѣніе, произведенное смертью императора Николая на современниковъ.

Императоръ Николай I умеръ 18 февраля 1855 года.

Къ моменту его смерти выяснилось до очевидности, что система его никуда не годится, и что именно благодаря ей Россія оказалась въ самый важный моментъ разстроенной и ослабленной и, несмотря на все видимое свое матеріальное могущество, несмотря на героизмъ войскъ, не была въ состояніи вынести съ успѣхомъ того испытанія, которое ей послала судьба.

Сознаніе необходимости кореннаго измѣненія и внѣшней и внутренней политики вполнѣ созрѣло еще при Николаѣ. Н. И. Тургеневъ (декабристъ) предсказывалъ еще въ 1847 году неизбѣжность разгрома Россіи при первомъ же столкновеніи съ Западомъ [2]. Близкое наступленіе кризиса ясно почувствовали всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только началась война съ Турціей въ 1853 году.

Многіе радовались этому.

Искренніе и глубокіе патріоты признавали тогда, что если измѣненіе правительственной системы можетъ быть достигнуто только цѣною внѣшняго пораженія, то слѣдуетъ считать и пораженіе за благо.

---

[1]) Очерки эти были напечатаны за границей въ 1905 г. Въ настоящее время они печатаются въ нѣсколько переработанномъ видѣ, въ особенности во второй своей части. *Авторъ.*

[2]) „La Russie et les Russe", т. III, стр. 13 и слѣд. На русскій языкъ до сихъ поръ переведенъ только I томъ этого сочиненія.

Правительство само смутно сознавало, что пробилъ часъ той системы деспотизма и гнета, которую оно довело до апогея и вмѣстѣ до абсурда въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, и хотя императоръ Николай въ началѣ войны выказывалъ большую самонадѣянность, однако, по мѣрѣ того, какъ войска наши терпѣли неудачи, а тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ вокругъ Россіи, все сгущались, его самоувѣренность стала замѣтно падать. Внѣшняя гроза тотчасъ же сдѣлала правительство болѣе кроткимъ и терпимымъ внутри Россіи.

Правда, никакихъ спеціальныхъ распоряженій въ этомъ направленіи сдѣлано не было, всѣ орудія полицейскаго и бюрократическаго гнета продолжали существовать по-прежнему, и ни одна изъ ненавистныхъ реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г., не была отмѣнена; но, несмотря на это, люди чуткіе уже въ 1853 году почувствовали приближеніе оттепели. «Казалось—пишетъ въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ,—что изъ томительной мрачной темницы мы какъ-будто выходимъ, если и не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніи Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ». [1])

Первыя колебанія системы правительственнаго гнета выражались въ слѣдующихъ фактахъ. Министромъ Народнаго Про-

[1]) *„Записки Александра Ивановича Кошелева“*, Берлинъ 1884 г., стр. 82.—*А. С. Хомяковъ* 31 января 1854 г. писалъ другу своему А. Н. Попову: „... Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12 году“... (*Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 35) — А вотъ что писалъ *Ю. Ф. Самаринъ* уже послѣ паденія Севастополя, но до заключенія мира: „Съ самаго начала Восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи *гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство*. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его *какъ достойное* вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки“. (Сочиненія *Самарина*, т. II, стр. 17.)— Ив. Аксаковъ жалѣлъ, что въ Севастополѣ не было вождя искуснѣе Горчакова не изъ желанія побѣды, а для того, чтобы еще яснѣе подчеркнуть фатальную неизбѣжность пораженія. Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т. е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа“... (*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ, т. III, стр. 180.)

свѣщенія вмѣсто кн. Ширинскаго-Шахматова (покорнаго слуги гр. Бутурлина, предсѣдательствовавшаго въ негласномъ цензурномъ комитетѣ) былъ назначенъ въ половинѣ 1853 г. Авр. Серг. Норовъ — человѣкъ не особенно опредѣленныхъ воззрѣній, но который на юбилеѣ московскаго университета, по свидѣтельству *Грановскаго*, «произвелъ на всѣхъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе... [1])»; да и самое празднованіе юбилея, принявшее характеръ настоящаго торжества друзей просвѣщенія въ Россіи, уже не гармонировало съ мрачной эпохой реакціи 1848—1854 годовъ. Въ это же время Норовъ разрѣшилъ, вопреки мнѣнію Мусина-Пушкина, держать экзаменъ въ университетахъ вольнослушателямъ. [2]) Изъ «Дневника» Никитенко мы видимъ даже, что тотъ же Норовъ отваживался мечтать тогда объ упраздненіи негласнаго бутурлинскаго комитета [3]).

Правда, цензура оставалась по-прежнему невыносимой; но среди литераторовъ появились уже какія-то неясныя надежды и упованія. Западники, группировавшіеся въ Москвѣ около Грановскаго, мечтаютъ купить въ это время журналъ и поставить во главѣ его Евг. Корша. [4]) Чернышевскій дѣлаетъ въ «Современникѣ» первыя попытки воскресить въ критикѣ опальные и, казалось, уже забытые принципы и завѣты Бѣлинскаго, не называя его, впрочемъ, по имени. [5]) Нѣкоторые изъ сосланныхъ литераторовъ получаютъ разрѣшеніе вернуться: Тургеневу разрѣшено, по ходатайству наслѣдника (въ ноябрѣ 1853 г.), жить въ столицахъ, [6]) Салтыкову дозволено взять отпускъ и съѣздить изъ Вятки (гдѣ онъ служилъ противъ воли) въ свое имѣніе въ тверской губерніи. [7])

Такъ какъ цензура не пропускала тогда никакихъ политическихъ статей, то взамѣнъ ихъ, въ качествѣ суррогатовъ, являются рукописныя записки. Эти записки, по свидѣтельству современниковъ, обращаются среди читающей публики въ значительномъ числѣ экземпляровъ. [8]) Правда, онѣ никѣмъ не подписаны, но авторы важнѣйшихъ изъ нихъ всѣмъ извѣстны и даже не считаютъ нужнымъ скрывать своего авторства, тогда какъ за годъ, за два передъ тѣмъ мало кто рѣшился бы не только пи-

---

[1]) „*Т. Н. Грановскій* и его переписка“, т. II, стр. 437 (письмо къ Фролову въ январѣ 1855 г.)

[2]) „Первое собраніе писемъ *И. С. Тургенева*, стр. 8 (письмо къ Е. Я. Колбасину отъ 29 окт. 1854 г.).

[3]) „Дневникъ и записки А. *В. Никитенко*“, т. I, стр. 578.

[4]) „*Т. Н. Грановскій*, т. II, 470 (письмо къ Евг. Ф. Коршу 1854 г.).

[5]) „Объ искренности въ критикѣ“. („Современникъ“ за 1854 г., № 7. Изд. М. Н. Чернышевскаго „Критическая статья“, стр. 202 — 228, особенно стр. 219, 222 и 223).

[6]) „Первое собр. писемъ“, стр. 7 (письмо къ П. Н. Тургеневу).

[7]) Сочиненія *М. Е. Салтыкова* (изд. 1890 г.), т. IX. „Матеріалы для біографіи“, стр. XLIV, примѣчаніе.

[8]) „Вѣст. Евр.“ за 1903 г. № XI, стр. 64 и слѣд. статья *А. Н. Пыпина* о Некрасовѣ.

сать, но даже и читать подобныя вещи. Одна изъ такихъ записокъ приписывалась Грановскому. [1]) Кошелевъ составляетъ въ это время записку о финансахъ для представленія ея правительству и въ ней высказываетъ мысль о необходимости созванія представителей земли русской! [2]) Самаринъ пишетъ записку о смягченіи и постепенномъ упраздненіи крѣпостного права, о чемъ съ 1849 г. было строжайше запрещено упоминать [3]). Но самыя замѣчательныя изъ этихъ записокъ были безспорно политическія письма Погодина. Они замѣчательны столько же по своей необыкновенной смѣлости, сколько и потому, что они были написаны не кѣмъ инымъ, а именно Погодинымъ, т. е. человѣкомъ, который всегда былъ далекъ отъ вполнѣ безкорыстныхъ увлеченій и вовсе не принадлежалъ къ типу ученыхъ «не отъ міра сего», а скорѣе напоминалъ типъ хитраго и ловкаго дѣльца и практика— человѣкомъ, имѣвшимъ даже среди близкихъ къ нему славянофиловъ довольно двусмысленную репутацію. Если Погодинъ рѣшился приняться за составленіе подобныхъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ откровенно и безпощадно осуждалъ всю внѣшнюю и внутреннюю политику Николая, то это уже само по себѣ служило несомнѣннымъ признакомъ того, что времена должны перемѣниться. Замѣчательно при этомъ, что онъ не только не скрывалъ своего авторства, но представлялъ свои письма черезъ статсъ-секретаря Прянишникова и гр. Адлерберга наслѣднику и государю. Характерно, что въ то же время онъ мечталъ то о постѣ посланника въ Вѣнѣ, то о мѣстѣ оберъ-прокурора Синода, а вовсе не думалъ о возможности внезапнаго путешествія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Но всего поразительнѣе тотъ фактъ, что, ознакомившись съ содержаніемъ первыхъ его писемъ, Николай Павловичъ не только не разгнѣвался и не приказалъ его схватить, посадить или сослать, но объявилъ ему свое благоволеніе за «откровенность» и даже снизошелъ до объясненій, при чемъ высказалъ только, что Погодинъ не во всемъ правъ, потому что многое ему «снизу» не видно, что видно «сверху» людямъ, посвященнымъ по всѣ тайны политики. Получивъ «благоволеніе», объявленное ему офиціально черезъ Адлерберга и Прянишникова, Погодинъ набрался смѣлости еще больше. Въ первыхъ письмахъ своихъ онъ писалъ о безразсудности и унизительности нашей внѣшней политики, о невыгодности для насъ нашей полицейской роли въ Европѣ; въ слѣдующихъ онъ обратился къ критикѣ нашего внутренняго строя, обличая съ замѣчательной рѣзкостью несостоятельность и безмысліе правительственной системы, убивающей всякую самостоятельность въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Дописана была уже весной 1855 г. Напечатана въ приложеніи къ „Запискамъ *А. И. Кошелева*“, прил. IV, стр. 33. Ср. текстъ „Записокъ“, стр. 83.

[3]) „Сочиненія *Ю. Ф. Самарина*, т. II, стр. 17—136. Дата составленія записки указана въ примѣчаніи на стр. 17.

подданныхъ, упразднившей совершенно просвѣщеніе и гласность и основанной всецѣло на офиціальной лжи.

«Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ— писалъ Погодинъ — вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля...» Изъ министровъ каждый, по словамъ Погодина, «представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. *Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ.* Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку; какъ мухи на медъ, налетаютъ онѣ въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка...»

А между тѣмъ «дѣла—продолжаетъ Погодинъ—становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно прошедшаго времени не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое въ лохмотьяхъ...»

Отъ власти Погодинъ переходитъ къ народу. Онъ уже и раньше высказалъ свои мысли о невозможности у насъ революціи въ западномъ смыслѣ и здѣсь повторяетъ, что «революція произошла на Западѣ изъ своихъ сѣмянъ, что этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ началѣ нашего государства, а потому революціи такой у насъ не будетъ и не можетъ (быть); что мы испугались ея понапрасну и что напрасно мы начали (послѣ 1848 года) останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность,

гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству...»

«... О народѣ—замѣчаетъ Погодинъ—о народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ и, между тѣмъ, дышетъ любовью, самою чистою преданностью царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты!»

«Къ вамъ обращу я рѣчь свою—восклицаетъ Погодинъ,—милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачовъ. Ледрю-Роленъ со всѣми комунистами (sic!) не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перейдетъ никто, а Стенька Разинъ—лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы;—перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ...»

«Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасенье—въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина,—будьте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь—не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобы получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!..»

Указавъ на безразсудность угнетенія раскольниковъ и поляковъ, Погодинъ переходитъ къ указанію мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, по его мнѣнію, въ устраненіе всѣхъ очерченныхъ имъ опасностей; на первый планъ онъ выставляетъ *гласность* и *образованіе*.

Представляя эту записку при письмѣ къ министру двора Адлербергу, Погодинъ писалъ ему, между прочимъ: *Большая часть сужденій и даже выраженій въ моей запискѣ не принадлежитъ собственно мнѣ, а принадлежитъ обществу и слышана была мною въ Петербургѣ и въ Москвѣ.* Я не хотѣлъ ихъ ни

смягчать, ни измѣнять, ни полировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны правительству для его высшихъ соображеній...»

Въ виду рѣзкости этой записки, Адлербергъ не рѣшился представить ее государю; [1]) но Погодинъ отправился въ Петербургъ лично и тамъ былъ принятъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ какъ нельзя лучше. Его полюбопытствовала видѣть императрица Александра Федоровна; наслѣдникъ Александръ Николаевичъ принималъ его дважды, и содержаніе ихъ разговоровъ видно отчасти изъ слѣдующаго письма Погодина къ цесаревичу изъ Москвы (тотчасъ по возвращеніи):

«Слова, Вами мнѣ сказанныя,—писалъ Погодинъ—запечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Пошли имъ Богъ исполненія къ славѣ отечества и государя. Да обратится Россія, вразумленная несчастными опытами послѣдняго времени, къ самой себѣ, да возложитъ она впредь надежду только на Провидѣніе и на свой великій народъ, его высокій духъ; да устремитъ все свое вниманіе на воздѣланіе духовныхъ даровъ, въ такомъ обиліи ему свыше ниспосланныхъ, этихъ десяти талантовъ, съ которыхъ потребуется лихва; да убѣдится тверже и тверже въ истинѣ святой пословицы Петровой, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма...»

«Прошу Вашего позволенія—прибавляетъ онъ въ концѣ—представить прямо къ Вашему Императорскому Высочеству послѣднія мои политическія записки, служащія продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ, кои удостоились Вашего столь драгоцѣннаго для меня вниманія». [2])

Незадолго передъ тѣмъ выступилъ и Хомяковъ со своими извѣстными стихами:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ...,

---

[1]) Извѣстная гр. А. Д. Блудова—эта „Іоанна славянъ“, какъ звали ее нѣкоторые славянофилы (она же „трикотёза Зимняго дворца“, по злому выраженію Герцена)—тоже не одобряла этой записки и горько упрекала за нее Погодина, увѣряя, что въ ней есть „что-то болѣзненное и необдѣланное“. Погодинъ же, разсерженный непредставленіемъ своей записки, писалъ по этому поводу статсъ-секретарю Ф. И. Прянишникову: „Хладнокровныя петербургскія разсужденія свели домъ на ниточку! Во всѣхъ васъ, петербургскихъ сановникахъ, страшно понизился духъ, страшно ослабло сознаніе человѣческаго достоинства, а о гражданскихъ добродѣтеляхъ и говорить нечего. Вы всѣ сами этого не замѣчаете, какъ больные, привыкшіе къ госпитальному воздуху... Говоря безъ церемоній съ Николаемъ Павловичемъ, я позволяю себѣ говорить откровенно и съ его министрами. А такъ какъ вы вмѣстѣ и добрый человѣкъ, то на меня не разсердитесь. Тридцать лѣтъ призывалъ я къ своему столу то Петра, то Екатерину, то Ивановъ, а о Рюрикѣ и говорить нечего. Не мудрено, что получилъ я тонъ за панибрата съ сильными міра сего!..“ (*Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XII, стр. 171).

[2]) *Барсуковъ*, XIII, особенно стр. 163—173.

распространившимися въ рукописи по всей Руси. Въ этихъ стихахъ особенно обращали на себя общее вниманіе слѣдующія необычныя по тому времени строфы, относившіяся (какъ и все стихотвореніе) къ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ, заканчивавшемся прямымъ воззваніемъ къ Николаю, [1]) Погодинъ, между прочимъ, писалъ, очевидно намекая на эти стихи: „... ложь *тлетворную* отгони далече отъ Твоего престола и призови суровую грубую истину. Отъ *безбожной лести* отврати Твое ухо и выслушай горькую правду...»

«...Составь около себя—писалъ онъ тамъ же—постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую турецкую войну, на который возложились бы всѣ попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ съ отвѣтственностью передъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ, какъ одинъ день, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работая такъ, Ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя...»

«...Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобы рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленныя на Твое Высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положитъ, а захламащивать (sic) ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты—мало ли ихъ на святой Руси?.. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*. Не книги опасны, а событія...»

Въ этомъ письмѣ Погодинъ совѣтовалъ возстановить Польшу, Венгрію, Италію, Грецію, Славянскія страны и проч., но оно

[1]) „Возстань русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ!..“ и проч. (*Барсуковъ* XIII, стр. 193 и слѣд.)

показалось Прянишникову настолько опаснымъ, несмотря на обильно разсѣянныя въ немъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, что онъ не рѣшился даже показать его Адлербергу и упрашивалъ Погодина не распространять этихъ мыслей...

Одной изъ характерныхъ чертъ тогдашняго правительственнаго настроенія было, между прочимъ, все увеличивавшееся вліяніе и участіе въ дѣлахъ наслѣдника, который въ это время все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ непригодности тогдашней правительственной системы. Еще недавно онъ самъ былъ охваченъ— подъ впечатлѣніемъ политическихъ бурь 1848 года—вмѣстѣ со своимъ старымъ воспитателемъ Жуковскимъ самыми реакціонными стремленіями, ярко выразившимися въ письмахъ Жуковскаго того времени и отразившимися, безъ сомнѣнія, и на взглядахъ Александра Николаевича на крестьянскій вопросъ и на многое другое. [1]) Извѣстно, что въ началѣ 50-хъ годовъ онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ Бибикова по вопросу объ инвентаряхъ въ литовскихъ губерніяхъ и защитникомъ неприкосновенности дворянскихъ привилегій, т. е. крѣпостного права. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно подъ вліяніемъ опасеній, внушенныхъ 1848 годомъ, и отвращенія ко всякому демократическому движенію. Но положеніе, въ которое приведена была Россія политикой, основанной на реакціонныхъ принципахъ, и тотъ крахъ, который грозилъ ей въ 1854 году, радикально перевернули его правительственные взгляды. Онъ понялъ, что система гнета и обскурантизма никуда не годится и ведетъ къ гибели...

Таково было настроеніе передовыхъ слоевъ общества и правительственныхъ сферъ въ концѣ Николаевскаго царствованія. Народъ тоже далъ о себѣ знать. Съ одной стороны, онъ показалъ, что умѣетъ умирать, когда нужно, съ замѣчательнымъ героизмомъ; но, съ другой—онъ ясно выразилъ свое убѣжденіе, что и царь не долженъ позволять долѣе помѣщикамъ властвовать надъ крестьянами. Сигналомъ послужили указъ и манифестъ объ ополченіи (сперва о морскомъ ополченіи 3-го апрѣля 1854 г., потомъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г.). Вспыхнувшія по этому поводу во многихъ губерніяхъ волненія какъ будто оправдывали то предсказаніе въ одномъ изъ писемъ Погодина, гдѣ говорилось о возможности новаго народнаго возстанія въ родѣ пугачевщины. [2]) Они, очевидно, навѣвали на правительство мрачныя думы, резюмированныя впослѣдствіи въ знаменитыхъ словахъ Александра II московскому дворянству о томъ, что лучше начать освобожденіе сверху, нежели ждать, чтобы оно само собой началось снизу. Правительство чувствовало себя въ

---

[1]) „Русскій Архивъ“ за 1885 г., кн. 1—VIII.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ приведены въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“. Берлинъ 1860 г., I, стр. 80—97. Ср. также *И. И. Игнатовичъ*: „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, стр. 174.

большомъ затрудненіи по отношенію къ бунтовавшимъ во многихъ губерніяхъ, но проникнутымъ патріотическимъ чувствомъ крестьянамъ: велѣно было принимать всѣ нужныя мѣры къ усмиренію возставшихъ, однако-жъ, «не охлаждая проявляющагося въ крестьянахъ чувства преданности престолу и отечеству» [1]).

Въ запискѣ, составленной въ 1857 году, А. И. Кошелевъ разсказываетъ, какъ въ 1855 г. многіе отъявленные крѣпостники «готовы были согласиться на большія пожертвованія и на *всякое*, самое для нихъ убыточное, прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы». «Мнѣ случилось тогда — вспоминаетъ онъ — видѣть нѣсколько поборниковъ крѣпостного права, уговаривавшихъ меня какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ объ освобожденіи крестьянъ [2]).

Смерть императора Николая, которой никто не ожидалъ, произвела въ разныхъ слояхъ общества весьма различное, но, въ сущности, однозначущее впечатлѣніе.

«Какъ ты можешь о немъ плакать—сказала императрица Александра Федоровна дочери своей Маріи Николаевнѣ—Господь его взялъ, *чтобы его избавить отъ ужасныхъ вещей!*» [3]).

«Ужасная вѣсть, конечно, уже дошла до васъ писалъ князь Д. А. Оболенскій Погодину.—Сегодня началось новое царствованіе. Богъ послалъ Россіи новое испытаніе! Какая ужасная минута. Хотя я самъ сегодня прикасался къ останкамъ покойнаго государя, но, признаюсь, до сихъ поръ не вѣрится, что его уже нѣтъ. Воображаю, какъ изумлена будетъ Москва, вся Россія. Здѣсь только вчера весьма немногіе узнали, что государь серьезно боленъ—большинство не вѣдало ни о чемъ. Повѣритъ ли народъ тому, чему мы, очевидцы, не можемъ привыкнуть вѣрить?» [4]).

«Каковы громовые удары задаетъ намъ ходъ исторіи!—писалъ С. Т. Аксаковъ—государя Николая Павловича нѣтъ на свѣтѣ! Англійская конституція трещитъ и ломается (sic!). Страшно жить въ такое время, страшно чувствовать присутствіе высшей силы!.. *Какъ легко бы теперь, при общемъ сочувствіи, пріобрѣсть любовь прочную*» [5]).

«Важная миновалась эпоха—пишетъ Хомяковъ своему другу А. Н. Попову—*что бы ни было, а будетъ уже не то.* Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ Вы сами знаете; я винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ» [6]).

---

[1]) „Матеріалы“, т. 1, стр. 86.
[2]) Приложеніе къ „Запискамъ *А. И. Кошелева*“, стр. 78.
[3]) *Барсуковъ* XIII, стр 392.
[4]) Тамъ же, стр. 395.
[5]) *Барсуковъ*, XIII, стр. 396.
[6]) Тамъ же, стр. 397.

Всего спокойнѣе отнеслись къ этому событію въ Москвѣ въ англійскомъ клубѣ. «Въ клубѣ — записалъ Погодинъ въ своемъ лаконическомъ дневникѣ—холодное удивленіе. Послѣ обѣда всѣ принялись играть въ карты. Какое странное невѣжество!» [1]).

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ—писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Никитенко—смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. *Для Россіи, очевидно, наступаетъ новая эпоха.* Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца» [2]).

Герценъ описываетъ въ «Быломъ и Думахъ», съ какимъ необузданнымъ восторгомъ встрѣчена была вѣсть о смерти Николая въ Лондонѣ вообще и, въ особенности, въ кругу политическихъ refugiers того времени. «На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это . . . .

«Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ письмо къ императору Александру и рѣшился издавать «Полярную Звѣзду».

«Да здравствуетъ разумъ!»—невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы. *Полярная Звѣзда* (Рылѣевская) скрылась за тучами Николаевскаго царствованія; Николай прошелъ, и «Полярная Звѣзда» явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями...» [3]).

Послѣ смерти императора Николая фонды наши на биржѣ разомъ поднялись вслѣдствіе всеобщей надежды на близкое окончаніе войны [4]).

При всемъ безконечномъ разнообразіи въ отношеніи къ личности императора Николая, выразившемся въ вышеприведенныхъ отзывахъ, во всѣхъ ихъ сквозитъ одно и то же сознаніе неизбѣжности коренного измѣненія всей политики, всей административной системы, всего строя русской государственной и общественной жизни, измѣненія, которое обусловливалось не только перемѣной личности Государя, но болѣе могущественнымъ дѣйствіемъ грозныхъ историческихъ обстоятельствъ. Сознаніе и ощущеніе этихъ обстоятельствъ заставило содрогнуться слабое сердце старика Аксакова и наполнило восторгомъ и радостью боевое сердце А. И. Герцена.

---

1) Тамъ же, стр. 394.
2) „Записки и дневникъ А. В. Никитенко“, I, стр. 352.
3) *Герценъ*. „Былое и Думы“, т. IV, стр. 401.
4) Кн. *О. Трубецкая*. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I. стр. 54.

II.

Обстоятельства, въ которыхъ началось царствованіе императора Александра II.—Положеніе Россіи.—Отмѣна реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г.—Оптимизмъ и единодушіе общества.

При такихъ обстоятельствахъ пришлось Александру II принять бразды правленія.

«Команда» досталась ему, дѣйствительно, не въ добромъ порядкѣ. Прежде всего приходилось такъ или иначе закончить несчастную войну, которая уже разорила наши финансы, исчерпала до дна всѣ наши военные рессурсы и могла — если бы затянулась—грозить цѣлости Россійской державы.

Севастополь стойко противился соединеннымъ силамъ англичанъ и французовъ, но каждый день уносилъ массу жертвъ; войска наши таяли, ихъ приходилось замѣнять новыми и новыми баталіонами. Австрійцы еще при Николаѣ стали грозить съ тыла нашей Дунайской арміи, и ей пришлось снять осаду съ Силистріи и отступить, очистивъ Молдавію и Валахію, которыя были тотчасъ же заняты австрійскими войсками. Но и отсюда войска наши нельзя было перевести въ Крымъ, потому что австрійцы, грозившіе объявить намъ съ новаго года войну, если мы не поспѣшимъ заключить миръ съ англичанами и французами, могли вторгнуться здѣсь въ наши предѣлы. По той же причинѣ приходилось держать наготовѣ сильный корпусъ и на самой австрійской границѣ и цѣлую армію въ Польшѣ, не говоря о Закавказьѣ, куда можно было опасаться вторженія турокъ весной. Берега Балтійскаго моря охранялись также отдѣльнымъ корпусомъ. Берега Бѣлаго моря и Тихаго океана оставались не защищенными. Между тѣмъ созывомъ ополченія наши боевыя силы были напряжены до крайности...

Патріоты совѣтовали кликнуть кличъ, сдѣлать войну народной и поднять славянъ, подвластныхъ Турціи и Австріи. Но могло ли рѣшиться на такую революціонную мѣру правительство, державшее народъ въ рабствѣ и привыкшее даже въ чужихъ странахъ поддерживать однѣ реакціонныя партіи и правительственный гнетъ противъ возставшихъ народовъ?

Только крайнее разстройство финансовъ въ Австріи да геройское упорство нашихъ войскъ въ Севастополѣ спасли насъ отъ войны съ соединенными силами почти всей Европы [1]).

[1]) Ср., между прочимъ, *Татищева*: „Императоръ Александръ II. его жизнь и царствованіе“ I, 139 — 173; *Барсукова*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, XIV; кн. *Васильчикова* (В. И.): „Воспоминаніе объ очищеніи Севастополя“ („Русь“ за 1880 г., № 2, стр. 17) Замѣчательно, что кн. Васильчиковъ, полагавшій, что если бы Паскевичъ не оказалъ систематической обструкціи передвиженію двухъ корпусовъ съ юго-западной границы въ Крымъ, то союзникамъ пришлось бы дорого поплатиться за свое рискованное предпріятіе, оканчиваетъ свою любопытную статью слѣдующими характерными словами: „свыше было рѣшено

Миръ былъ заключенъ менѣе обидный и невыгодный для Россіи, нежели можно было разсчитывать.

Теперь приходилось подумать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Необходимость ихъ была ясна каждому здравомыслящему человѣку. «Хорошо, что мы заключили миръ,—сказалъ государю кн. М. Д. Горчаковъ, возвратившись изъ Крыма—*дальше воевать мы были не въ силахъ.* Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ» [1]).

Это было справедливо, Александръ самъ понималъ это, но какъ за это приняться — этого онъ не зналъ, и никто изъ его приближенныхъ не могъ ему этого сказать. Гораздо легче было начать отмѣну разныхъ реакціонныхъ и обскурантныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 48 года. Съ этого и начали. Раньше всего поворотъ къ лучшему замѣтенъ сталъ въ области печати: здѣсь перемѣна до извѣстной степени была возможна безъ законодательныхъ мѣръ [2]). Прежде всего перемѣна сказалась на допущеніи новыхъ, значительно дополненныхъ, изданій Пушкина и Гоголя, предпринятыхъ, впрочемъ, еще въ предшествующее царствованіе. Намъ теперь трудно понять все *общественное* значеніе этого факта, но вотъ какъ объ немъ отзывался Добролюбовъ три года спустя, когда самъ онъ уже сильно охваченъ былъ скептицизмомъ: «Всѣ еще помнятъ, вѣроятно,—писалъ онъ въ 1858 г.— какой живой восторгъ возбудило три года тому назадъ во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, это изданіе было событіемъ не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій. достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто повѣяла еще разъ жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе «Мертвыхъ душъ», потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіей его, написанной Бѣлинскимъ... Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе и общеизвѣстные факты; до-

---

иначе; *вѣроятно, для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ*".

[1]) Барсуковъ. „Жизнь Погодина", т. XIV, стр. 207, письмо К. Д. Кавелина къ М. П. Погодину отъ 30-го января 1856 г.

[2]) *К. К. Арсеньевъ.* „Законодательство о печати", С.-Петербургъ 1903 г., стр. 5 и 6.

вольно сказать, что со времени изданія Пушкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, наша литература оживилась замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войной» [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ періодической печати предоставленъ былъ большій просторъ въ сужденіяхъ. Лѣтомъ 1855 г. было разрѣшено, по ходатайству «Современника», печатаніе корреспонденцій съ театра войны, составлявшее до тѣхъ поръ монополію «Русскаго Инвалида». Вскорѣ, съ легкой руки Каткова, право касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики, предоставленное до тѣхъ поръ только четыремъ газетамъ, было распространено на всѣ періодическія изданія [2]). Наконецъ, осенью 1855 г. послѣдовало разрѣшеніе Каткову издавать въ Москвѣ по обширной программѣ «Русскій Вѣстникъ», а вслѣдъ затѣмъ и славянофиламъ—«Русскую Бесѣду», при чемъ со славянофиловъ снято было запрещеніе печатать статьи безъ особаго разрѣшенія Бутурлинскаго комитета, который и самъ былъ, наконецъ, упраздненъ въ концѣ 1855 г. [3]).

На ряду съ этими мѣрами университетамъ разрѣшено было (въ ноябрѣ 1855 г.) принимать на всѣ факультеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ, а заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на вторичную службу, возвращены были пенсіи, отнятыя у нихъ указомъ 1852 г. Рѣшено въ Сибири открыть университетъ, въ Варшавѣ возстановить Медицинскую Академію и юридическіе курсы, а въ началѣ 1856 вновь разрѣшено посылать за границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Словомъ, какъ мѣтко выразился Кавелинъ, вытаскивались «послѣдніе камни, набросанные Ширинскими» [4]), и возстановлялось положеніе дѣлъ при Уваровѣ. Къ числу подобныхъ же благодѣтельныхъ отмѣнъ разныхъ стѣснительныхъ постановленій Николаевскаго царствованія слѣдуетъ причислить: 1) отмѣну всеобщаго запрещенія выѣзда русскихъ подданныхъ за границу и уничтоженіе огромныхъ пошлинъ съ заграничныхъ паспортовъ; 2) отмѣну принудительной отдачи въ военную службу дѣтей разночинцевъ, а также нѣкоторыхъ постановленій о кантонистахъ; 3) отмѣну нѣкоторыхъ жестокихъ постановленій о рекрутствѣ евреевъ и 4) отмѣну стѣснительныхъ законовъ о службѣ уроженцевъ западныхъ губерній. Всѣ эти отмѣны и об-

---

[1]) Сочиненія *Н. А. Добролюбова*, т. I, стр. 419.

[2]) *К. К. Арсеньевъ* н. с., стр. 6. „Къ этому времени — пишетъ г. Арсеньевъ—относится явленіе, небывалое ни прежде, ни послѣ: широкая популярность нѣкоторыхъ цензоровъ (въ особенности Бекетова и Крузе), скоро сходившихъ съ офиціальной сцены, но оставившихъ по себѣ добрую память, до сихъ поръ соединенную съ ихъ именами“.

[3]) Подробности см. у *Барсукова*, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIV стр. 255—288 и 312—343.

[4]) Кн. Ширинскій-Шахматовъ, министръ Народнаго Просвѣщенія съ 1849 по 1853 г., Уваровъ—его предмѣстникъ.

легченія послѣдовали въ первые $1^1/_2$ года царствованія Александра [1]).

Настрадавшееся за послѣдніе годы общество съ восторгомъ и благодарностью принимало извѣстія объ этихъ мѣрахъ и терпѣливо ожидало болѣе серьезныхъ коренныхъ преобразованій. Всякій пустякъ вызывалъ горячее одобреніе. Такъ, напримѣръ, Норовъ въ годовомъ отчетѣ за 1855 г. по Министерству Народнаго Просвѣщенія употребилъ фразу: «На этой почвѣ, столь тщательно приготовленной (!) и нынѣ согрѣваемой царственной благостью, могутъ произростать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія». Государь противъ этихъ словъ, столь обычныхъ въ отчетахъ, написалъ: «Дай Богъ!» И этого было достаточно, чтобы привести въ умиленіе Чернышевскаго, который весь отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія перепечаталъ въ «Современникѣ» въ той увѣренности, какъ онъ самъ пояснилъ, что «читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которымъ такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій (1855) годъ» [2]). Послѣ такой выходки Чернышевскаго—этого будущаго «желчевика» — неудивительны восторги московскихъ славянофиловъ или такого благодушнаго западника, какимъ былъ К. Д. Кавелинъ.

Всякое слово, сказанное Александромъ, истолковывалось въ это время въ сторону общественнаго возрожденія.

Это чувство наступившей весны, послѣ долгой, суровой зимы Николаевскаго царствованія, порождало во всѣхъ—на ряду съ рѣзкимъ осужденіемъ только-что пережитой эпохи—какой-то безграничный оптимизмъ, переходившій у многихъ въ настоящее опьяненіе... [3])

Въ виду этой желанной и такъ долго жданной весны, всѣ передовыя группы тогдашняго общества забыли свои партійные раздоры и междоусобія и прониклись свѣтлымъ и единодушнымъ стремленіемъ къ свободѣ, къ обновленію всего быта:

«Время теперь такое—писалъ Кавелинъ Погодину 3-го ноября 1855 г.,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и отставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а па первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Норова за 1855 годъ, пропечатанный въ „Современникѣ“ за 1856 г., № 8; письма Кавелина къ Погодину у Барсукова, т. XIV, стр. 218; дневникъ П. А. Валуева („Русская Старина“ за 1901 г., № 5, стр. 512).

[2]) „Современникъ“, августъ 1856 г. „Замѣтки о журналахъ“. Перепечатано въ изданіи М. Н. Чернышевскаго: „Замѣтки о современной литерарурѣ 1856—1862 гг.“, С.-Петербургъ 1894 г., стр. 81.

[3]) Художественное описаніе этого момента, хотя и подернутое довольно ѣдкой ироніей, далъ Л. Н. Толстой въ первыхъ страницахъ своего неоконченнаго романа „Декабристы“.

Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, можетъ быть,—столько же, столько въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій».[1]) И едва ли справедливо упрекать Кавелина за это, конечно, вполнѣ искреннее письмо, какъ это сдѣлалъ одинъ современный намъ писатель [2]). Во-первыхъ, тогда самъ Грановскій многое простилъ Погодину за его политическія письма и нѣкоторыя статьи того времени; во-вторыхъ, если считать излишнимъ ребяческимъ довѣріемъ поступокъ Кавелина, то вѣдь придется и Чернышевскаго счесть за младенца, еще болѣе довѣрчиваго, нежели Кавелинъ [3]). Особенное сочувствіе выражалъ въ это время Чернышевскій лучшимъ изъ московскихъ славянофиловъ и ихъ журналу «Русской Бесѣдѣ». Привѣтствуя первую книжку «Русской Бесѣды», онъ писалъ въ маѣ 1856 г.: «Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть «Русская Бесѣда», и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ, противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды—«Русская Бесѣда» также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго—«Русская Бесѣда» также; мы считаемъ коренным врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лживую мишуру —«Русская Бесѣда» также. И, каковы бы ни были разногласія, мы увѣрены, что «Русская Бесѣда» въ сущности точно такъ же понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. *Согласіе* въ *сущности стремленій* такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та, и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

«Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ?—увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; *разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д...*» Подъ «разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ» разумѣлось, конечно, упраздненіе

---

[1]) Барсуковъ, н. с., XIV, стр. 202.

[2]) „Русское Богатство" за 1902 г., № 9, статья В. А. Мякотина, стр. 71.

[3]) Кавелину его благодушное настроеніе не помѣшало дать должный отпоръ В. В. Григорьеву за его скверную статью о Грановскомъ, а Чернышевскій даже и объ этой статьѣ отозвался уклончиво. Срав. „Современникъ" за 1856 г. № 24 назв. изд. Чернышевскаго, стр. 173).

крѣпостного права, о чемъ говорить открыто въ печати еще не разрѣшалось въ 1856 году.

«Мы увѣрены—продолжаетъ Чернышевскій,—что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и «Русскою Бесѣдой», какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего, напримѣръ, требуетъ «Русская Бесѣда» въ сферѣ научной дѣятельности? Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою; [1]) усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающейся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и «Русская Бесѣда», конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами?—*Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время—служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей.* Эти вовопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни,—вопросы, ведя споръ о которыхъ (насколько у насъ возможенъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины" [2]).

Такъ писалъ этотъ будущій «желчевикъ» Н. Г. Чернышевскій въ 1856 г. Единственный сотрудникъ (онъ же и номинальный редакторъ) «Русской Бесѣды», котораго Чернышевскій не выносилъ и тогда—и, конечно, вполнѣ основательно, — былъ Тертій Филипповъ, общественные взгляды котораго не вполнѣ гармонировали, впрочемъ, и со взглядами главнѣйшихъ вожаковъ славянофильства [3]).

Столь же дружелюбно отношеніе «Современника» вообще и Чернышевскаго въ частности къ Каткову и его «Русскому Вѣстнику» и къ талантливому критику этого журнала Н. Ф. Павлову [4]).

---

[1]) Тутъ Чернышевскій обращаетъ вниманіе читателя „Современника" на то, „что въ статьяхъ лучшихъ участниковъ „Русской Бесѣды" это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука?—вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, изъята ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства,—этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ".

[2]) „Современникъ" за 1856 г., № 6, „Замѣтки о журналахъ", перепечатано въ названномъ изданіи М. Н. Чернышевскаго, стр. 31—33. Славянофилы придавали большое значеніе столь дружественнымъ отзывамъ „Современника". (Срав. письмо Кошелева къ Черкасскому въ „Матеріалахъ" для біографіи послѣдняго, I, стр. 75).

[3]) Ср. мнѣніе о немъ И. С. Аксакова (письма, III, 327). Повидимому неважнаго мнѣнія о Филипповѣ были и С. Т. и К. С. Аксаковы (тамъ же, стр. 239). Скептически относился къ нему и кн. Черкасскій („Матеріалы", стр. 77).

[4]) Недавно въ воспоминаніяхъ А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы" за

И не одинъ Чернышевскій былъ тогда въ такомъ розовомъ и благодушномъ настроеніи. Таково же было настроеніе и Аксаковыхъ, которые согласились выставить свои имена рядомъ съ именами западниковъ въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» Каткова. Таково же было настроеніе Погодина, желавшаго одно время передать редактированіе «Москвитянина» другу Грановскаго, Е. Ф. Коршу.

Таково было настроеніе всего передового русскаго общества, отставившаго на второй планъ всѣ свои внутреннія несогласія передъ великими и жизненными вопросами данной минуты...

III.

Неподготовленность Александра II. Отношеніе его къ министрамъ Николая Павловича.—Вел. кн. Константинъ Николаевичъ. — Я. И. Ростовцевъ.—Вел. кн. Елена Павловна.—Записки Константина Аксакова, Кошелева и др.—Броженіе въ провинціи.—Арестъ Н. А. Мордвинова.—Первыя перемѣны министровъ осенью 1855 г.—Рѣчь государя московскимъ дворянамъ.

Къ молодому царю во всѣхъ классахъ общества и въ народѣ проявлялось въ то время единодушное и нелицемѣрное сочувствіе. Но, несмотря на это сочувствіе, шумно и восторженно выражавшееся, положеніе Александра Николаевича было трудное. Онъ не былъ рожденъ реформаторомъ; еще менѣе могъ подготовить его къ этой миссіи суровый режимъ Николаевскаго царствованія. Онъ получилъ, правда, недурное образованіе: Жуковскій съ дѣтства успѣлъ внушить ему кое-какіе гуманные принципы.

1903 г. № 11) мы прочли, что первымъ поводомъ къ раздору между знаменитыми беллетристами сороковыхъ годовъ (Григоровичемъ, Тургеневымъ и др. и Чернышевскимъ послужила шуточная замѣтка послѣдняго въ № 3 „Современника“ за 1855 г. подъ заглавіемъ: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей“. Едва ли это такъ. Стоитъ перечитать „Замѣтки о журналахъ“ въ № 9 за 1856 г. и въ №№ 1 и 2 за 1857 г. „Современника“, чтобы убѣдиться, что иронія статьи „Новыя повѣсти“ не могла относиться къ Григоровичу или Тургеневу, а развѣ къ ихъ безталантнымъ подражателямъ, особенно къ подражателямъ первому изъ нихъ, и потому для нихъ не могло быть въ то время и повода обижаться на эту замѣтку. Если же они приняли ее на свой счетъ, то Чернышевскій, безъ сомнѣнія, разъяснилъ имъ ихъ ошибку, а послѣдующими своими отзывами о Григоровичѣ онъ постарался уничтожить послѣдніе слѣды этого недоразумѣнія. Подтвержденіемъ моему мнѣнію служитъ письмо И. С. Тургенева къ Дружинину отъ 30 октября 1856 г., въ которомъ онъ защищаетъ Чернышевскаго и даетъ замѣчательно вѣрное опредѣленіе тогдашняго его литературнаго значенія. (См. „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“, стр. 26). Мало того, даже къ Дружинину, направленіе и вкусы котораго еще меньше могли гармонировать со вкусами и направленіемъ Чернышевскаго, этотъ послѣдній относился въ 1856 г. вполнѣ дружественно и выразилъ даже увѣренность, что „Библіотека для чтенія“ сразу станетъ въ ряду лучшихъ нашихъ журналовъ, разъ руководительство ею принялъ на себя такой писатель, какъ А. В. Дружининъ. Даже Погодину, по поводу возобновленія „Москвитянина“, Чернышевскій высказалъ нѣсколько комплиментовъ и выразилъ ему живѣйшую и несомнѣнно искреннюю признательность за опубликованіе писемъ Гоголя.

Но послѣдующая придворная жизнь и мелочная фрунтовая военная служба отразились на его характерѣ очень замѣтно. Съ 48 года онъ пережилъ мрачное реакціонное настроеніе, охватившее его вмѣстѣ со всѣми близкими ему людьми. Какъ разъ въ это время Николай пріобщилъ его къ дѣламъ управленія, и Александръ Николаевичъ получилъ возможность довольно близко познакомиться съ тогдашней правительственной рутиной. Но и это знакомство съ рутиной, конечно, ни мало не могло приготовить его къ предстоявшей ему великой исторической роли.

Неудачная война открыла ему, какъ и многимъ, глаза на негодность существующаго строя. Онъ сознавъ необходимость преобразованій и явно рѣшился быть преобразователемъ, но приняться за нихъ окозалось дѣломъ нелегкимъ. Нужно было имѣть опредѣленный планъ, а у него не было ни плана, ни даже ясно усвоенныхъ руководящихъ принциповъ. Онъ понялъ необходимость простора и свѣта, но не умѣлъ ихъ дать и часто боялся даже ихъ допустить. Представлявшійся ему вновь назначенный попечитель Московскаго округа высказываетъ ему, что гласность необходима. «*И я такъ думаю*—отвѣчаетъ ему Александръ,—*только у насъ дурное направленіе*». Въ другой разъ онъ говоритъ одному изъ представителей цензурнаго вѣдомства: «*Есть стремленія, которыя не согласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать... Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ*». (!) [1]) Эти фразы, заключающія въ себѣ внутреннее противорѣчіе, чрезвычайно характеристичны для Александра. Послѣ паденія Севастополя Александръ Николаевичъ отправился къ арміи; онъ многое осмотрѣлъ со вниманіемъ и самъ воочію убѣдился, какое ужасающее воровство тамъ процвѣтало. Тѣмъ не менѣе, онъ не выносилъ, чтобы при немъ свободно говорили объ этомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у императрицы Пирогова, который, не стѣсняясь, высказалъ правду объ этомъ щекотливомъ предметѣ. «Государь—передаетъ современникъ—не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: «*неправда, не можетъ быть!*» и возвышалъ голосъ. А Пироговъ, также возвысивъ голосъ, отвѣчалъ: «*Правда Государь, когда я самъ это видѣлъ*».—«*Это ужасно!*» воскликнулъ, наконецъ, царь и едва удержался отъ слезъ...»

При дворѣ въ началѣ новаго царствованія высшіе сановники всѣ чувствовали себя чрезвычайно растерянно. «Когда говоришь о чемъ-либо графу Л. А. Перовскому, онъ отвѣчаетъ: «*Помилуйте, до того ли теперь?*» Графъ Д. Н. Блудовъ не подписываетъ ни одной бумаги, говоря: «*Помилуйте, теперь не до того!*» Хорошо—прибавляетъ отъ себя тотъ же современникъ—что они чувствуютъ всю знаменательность настоящаго положенія, да жаль, что при этомъ нѣмѣютъ у нихъ руки и головы...» [2])

Всѣ думали только о томъ, какъ бы при такихъ чрезвы-

---

[1]) Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. II, стр. 127 и 141.
[2]) Барсуковъ, XIV, 121. Письмо Савельева къ Погодину.

чайныхъ обстоятельствахъ удержать или улучшить свое положеніе. Около Александра не было тогда человѣка, который могъ бы явиться надежнымъ совѣтникомъ. Въ обществѣ возлагали надежды на отжившихъ свой вѣкъ стариковъ гр. Киселева и гр. Блудова и съ ужасомъ думали, что же будетъ, когда и они умрутъ [1]). Режимъ обскурантизма и гнета не могъ приготовить свободныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей съ широкими идеями и свѣтлымъ взглядомъ.

Въ моментъ смерти императора Николая камарилья, управлявшая судьбами нашего отечества, состояла изъ слѣдущихъ лицъ. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ старый канцлеръ гр. Нессельроде, назначенный на эту должность еще въ 1814 г. Это былъ представитель принциповъ Священнаго Союза, превратившагося, какъ извѣстно, въ союзъ государей противъ волнующихся народовъ. Александръ до 1854 г. тоже раздѣлялъ эти взгляды—и не мудрено: онъ былъ воспитанъ на нихъ. Но восточная война и, въ особенности, «австрійская измѣна» заставили поколебаться въ нихъ даже самого Николая, а Александръ, повидимому, совершенно усвоилъ себѣ на внѣшнія дѣла ту точку зрѣнія, которую проводилъ въ своихъ письмахъ Погодинъ. Тѣмъ не менѣе уволить Нессельроде онъ рѣшился лишь послѣ Парижскаго мира. Во главѣ военнаго министерства стоялъ недальновидный царедворецъ и закоренѣлый обскурантъ кн. В. А. Долгорукій, вскорѣ назначенный начальникомъ 3-го Отдѣленія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ честный человѣкъ, но ужаснѣйшій самодуръ Д. Г. Бибиковъ. Ближе всѣхъ къ Николаю стояли: начальникъ 3-го Отдѣленія, шефъ жандармовъ, которымъ былъ въ то время кн. А. Ф. Орловъ, и министръ двора—гр. В. А. Адлербергъ. Оба они были личные друзья Николая, и потому къ нимъ Александръ Николаевичъ сохранялъ особенный піететъ. Такъ же относился онъ къ намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ кн. Паскевичу и къ бывшему главнокомандующему крымской арміей кн. М. Д. Горчакову, занявшему постъ намѣстника въ Польшѣ послѣ смерти Паскевича въ январѣ 1856 г. Остальныя министерскія мѣста занимали: гр. Киселевъ и гр. Блудовъ, считавшіеся либералами, но враждовавшіе между собой, педантъ и самодуръ гр. Панинъ, стяжавшій себѣ всеобщую ненависть гр. Клейнмихель и совершенно безличные люди, какъ Норовъ, Брокъ, Анненковъ и т. п.

Ко всѣмъ имъ Александръ Николаевичъ относился съ величайшей бережностью. Даже бездарнаго Брока, министра финансовъ, онъ рѣшился уволить только въ 1858 г., когда обнаружилось, что онъ въ своихъ отчетахъ выдавалъ за сбереженья не выполненные расходы; а между тѣмъ финансы были послѣ Крымской войны въ отчаянномъ положеніи, и для управленія ими требовались особыя дарованія и основательная подготовка [2]).

---

[1]) Барсуковъ, XIV, стр. 211. Письмо Кавелина отъ 17 марта 1856 г.

[2]) Ср. Татищева. „Александръ II", т. II, стр. 194, а также записки А. И. Кошелева, стр. 83 и приложеніе стр. 33.

Единственнымъ новымъ человѣкомъ, приближеннымъ къ императору, въ которомъ завистливые царедворцы усматривали будущаго временщика и уже называли „нашимъ Мазарини", былъ Я. И. Ростовцевъ. Только на него, да на брата своего Константина могъ опереться молодой императоръ при проведенiи въ жизнь какихъ бы то ни было преобразованiй. Важная историческая роль, которую довелось этимъ двумъ лицамъ сыграть въ началѣ царствованiя Александра, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на ихъ характеристикѣ.

Великiй князь Константинъ Николаевичъ былъ на 9 лѣтъ моложе Александра (онъ род. въ 1827 г.). Николай хотѣлъ сдѣлать изъ него моряка, и онъ получилъ соотвѣтственно этому суровое военное воспитанiе и довольно скудное, главнымъ образомъ спецiальное, образованiе. Но свѣтлый умъ и огромное честолюбiе помогли ему многое усвоить и переработать самостоятельно. Его блестящiя дарованiя обратили на себя вниманiе еще при Николаѣ; едва достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, онъ былъ поставленъ (въ 1853 г.) во главѣ морского министерства. Понявъ послѣ Крымской кампанiи вмѣстѣ со всѣми образованными людьми необходимость преобразованiя всего государственнаго строя, онъ сталъ стремиться къ осуществленiю преобразованiя гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе своего брата. Благодаря этому онъ вскорѣ сдѣлался при дворѣ наиболѣе сильной опорой и самымъ рѣшительнымъ двигателемъ всѣхъ либеральныхъ начинанiй. Къ сожалѣнiю, свѣтлая память о его дѣятельности въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ была омрачена впослѣдствiи рѣзко проявившимися въ немъ чертами самовластiя и своекорыстiя [1]). Но въ пятидесятыхъ годахъ друзья прогресса видѣли въ немъ защитника всего добраго, а приверженцы отживавшаго строя искренно ненавидѣли его и, выставляя на видъ его честолюбiе и рѣзкость, ехидно называли его—разумѣется, шепотомъ—герцогомъ Орлеанскимъ.

Личность Ростовцева, стоявшаго близко къ Александру по своей службѣ въ главномъ управленiи военно-учебныхъ заведенiй (которыми Александръ завѣдовалъ, будучи наслѣдникомъ), была сильно запятнана въ глазахъ современниковъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ доносчиковъ на декабристовъ. Поэтому даже его благотворное участiе въ крестьянскомъ дѣлѣ разсматривалось, какъ слѣдствiе какого-то чудеснаго перерожденiя его личности, и объяснялось легендами въ родѣ сказанiя о какой-то клятвѣ, данной имъ умиравшему сыну [2]). Но ходячее представленiе о Ростовцевѣ едва ли справедливо. Въ нашихъ глазахъ его должно бы было обѣлять, не говоря о дѣятельности его по крестьянскому дѣлу,

---

[1]) Срав. записки А. И. Кошелева. стр. 190—192. Много весьма неблагопрiятныхъ отзывовъ и слуховъ о Константинѣ Николаевичѣ ходило въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ кругу моряковъ по поводу постройки круглыхъ судовъ и т. п.

[2]) „Матерiалы для исторiи упраздненiя крѣпост. состоянiя", т. II, стр. 15 и слѣд., а также Джаншiева „Эпоха великихъ реформъ", 7 изд. стр. 33.

уже и то отношенiе, которое сохранили къ нему Рылѣевъ и кн. Е. П. Оболенскiй послѣ того, какъ онъ заявилъ имъ о своемъ намѣренiи предупредить Николая о грозящей ему опасности. Обстоятельство это—въ свое время совершенно неизвѣстное Герцену—документально подтверждается и разъясняется перепиской Ростовцева съ Евгенiемъ Оболенскимъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1873 годъ [1]). Ростовцевъ былъ, несомнѣнно, неглупый, исполнительный, добродушный и дѣйствительно преданный Александру Николаевичу человѣкъ; но, разумѣется, онъ никогда не готовилъ себя къ той государственной роли, которую ему пришлось играть и которую онъ сыгралъ съ честью. За время многолѣтней совмѣстной службы Александръ Николаевичъ привыкъ къ нему, какъ привыкаетъ ребенокъ къ нянькѣ. Онъ привыкъ пользоваться его совѣтами и разсчитывать на его исполнительность и личную преданность. Съ самаго вступленiя на престолъ онъ тотчасъ ввелъ Ростовцева въ Государственный Совѣтъ и въ Комитетъ Министровъ и еще до начала крестьянской реформы назначалъ его въ такiе комитеты, къ участiю въ которыхъ Ростовцевъ былъ, пожалуй, еще менѣе подготовленъ, нежели къ участiю въ крестьянскомъ дѣлѣ [2]). И, благодаря своей неподготовленности и полной неопытности въ государственныхъ дѣлахъ, Ростовцевъ дѣлалъ на первыхъ порахъ грубыя ошибки, полагаясь на такихъ темныхъ дѣятелей, какъ Позенъ, который ослѣплялъ его своими финансовыми познанiями и смѣлыми комбинацiями. Благодаря увлеченiю Ростовцева, Позенъ, отставленный за какiя-то темныя продѣлки при Николаѣ, повидимому, имѣлъ одно время шансы занять мѣсто министра финансовъ. Впослѣдствiи Ростовцевъ глубоко въ немъ разочаровался [3]).

Съ передовымъ обществомъ у Ростовцева, благодаря его репутацiи, не было никакихъ связей, и онъ поэтому не могъ помочь Александру въ главномъ—не могъ указать ему подходящихъ дѣятелей для замышлявшихся преобразованiй.

Въ этой нуждѣ государю могла бы оказать гораздо больше содѣйствiя великая княгиня Елена Павловна (тетка Александра, вдова его дяди Михаила Павловича), которая постоянно старалась открыть и привлечь все талантливое и даровитое, что являлось въ русской общественной жизни, въ средѣ писателей, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Она выхлопотала въ

---

[1]) „Русскiй Архивъ“ за 1873 г., № 1, стр. 510.

[2]) Таково, напр., участiе Ростовцева въ комитетѣ, учрежденномъ въ 1856 г. для разсмотрѣнiя Кокоревскихъ проектовъ о золотопромышленности. (Срав. Барсуковъ, т. XIV, стр. 465). Немаловажную роль игралъ Ростовцевъ и въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенiя. (Ср. Никитенко, т. II, ст. 38 и слѣд.).

[3]) О Позенѣ см. въ „Матерiалахъ для исторiи упраздненiя крѣпост. состоянiя въ Россiи“, т. II, стр. 87 и въ „Запискахъ А. В. Никитенко“, т. II, стр. 51 и 57. Въ оправданiе себя самъ онъ напечаталъ нѣкоторые документы подъ заглавiемъ: „Бумаги М. П. Позена“, Дрезденъ 1864 г., но въ нихъ можно вѣрить подлиннымъ документамъ, а отнюдь не его комментарiямъ.

свое время командировку Пирогова въ Севастополь, она старалась познакомиться и завязать дружественныя сношенія съ Грановскимъ и съ другими московскими профессорами, она всячески выдвигала и поддерживала въ ихъ общественной дѣятельности Дмитрія и Николая Милютиныхъ, Кавелина, Юрія Самарина, кн. Черкасскаго, В. А. Арцимовича, Ивана Аксакова и др. Но Александръ, питая къ ней искреннее уваженіе, все же не всегда полагался на ея отзывы и не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ нашептываній и инсинуацій на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ ему рекомендовала Елена Павловна, но которыхъ вовсе не одобряла окружавшая его камарилья. Такова извѣстная исторія съ Николаемъ Милютинымъ, которому чуть-чуть не пришлось выйти въ отставку въ 1857 году изъ-за нелѣпыхъ обвиненій его въ какихъ-то демократическихъ замыслахъ и симпатіяхъ, будто-бы выразившихся въ составленіи имъ въ 1846 году новаго городового положенія для г. Петербурга,—положенія, утвержденнаго самимъ императоромъ Николаемъ [1]).

Изъ среды общества съ первыхъ же дней царствованія стали поступать къ Государю записки, проекты и планы преобразованій, изъ которыхъ нѣкоторые были весьма замѣчательны. Александръ Николаевичъ читалъ эти записки, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, но боялся довѣриться людямъ изъ чуждой и неизвѣстной ему среды и все продолжалъ надѣяться выйти на новую дорогу при помощи тѣхъ старыхъ орудій управленія, которыя были у него въ наличности.

Въ числѣ проектовъ, поданныхъ Александру въ первые дни его царствованія, была замѣчательная записка Константина Аксакова, формулировавшая впервые оригинальную славянофильскую теорію государственнаго управленія: сила власти—царю, сила мнѣнія—народу. По этой теоріи царю оставлялась вся полнота самодержавной власти, но отъ него требовалось, чтобы онъ предоставилъ обществу неограниченную свободу совѣсти и слова и упразднилъ всякое полицейское вмѣшательство въ частную, общинную и общественную жизнь народа. Признавая, что государственная власть и народъ должны быть въ отношеніи «взаимнаго невмѣшательства», Аксаковъ указывалъ, однако, что правительство должно существовать для народа, а не наоборотъ. Вредъ «угнетательной системы» Аксаковъ видѣлъ въ ея тенденціи, приводящей по необходимости къ отрицанію совѣсти и вѣры въ человѣкѣ, къ низведенію человѣка въ животное параллельно съ возведеніемъ царя въ Бога. Съ особою силою онъ ратовалъ въ этой запискѣ за свободу мнѣнія, свободу слова. Истина, по его мнѣнію, при свободѣ всегда восторжествуетъ; не вѣрить въ это—есть безбожіе. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что правитель-

[1]) A. Leroy-Beaulieu. „Un homme d'état russe—Nicolas Milutine", p. 22 et cet. Біографія вел. княгини Елены Павловны, составленная А. Ф. Кони, помѣщена въ „Галлереѣ русскихъ дѣятелей", изданной въ видѣ прилож. къ „Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія" за 1903 г., стр. 11 и слѣд.

ство само, по собственной инициативѣ, должно въ важныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ народу, для чего въ прежнія времена и созывались земскіе соборы; но въ 1855 году онъ находилъ созваніе земскаго собора безполезнымъ, такъ какъ разобщенныя со времени Петровской реформы, благодаря правительственному гнету, сословія не могли, по его мнѣнію, дать голоса всей земли. Пока же онъ находилъ болѣе удобнымъ спрашивать по отдѣльнымъ вопросамъ мнѣнія отдѣльныхъ сословій [1]). Эта записка была представлена Александру черезъ гр. Д. Н. Блудова и потому, вѣроятно, была имъ прочитана. О томъ, какое она произвела впечатлѣніе въ придворныхъ кругахъ, можно судить по замѣткамъ одного изъ куртизановъ, В. А. Муханова, который, отдавая справедливость благородству автора, спѣшилъ прибавить, что совѣщаніе съ сословіями излишне, такъ какъ по положенію Государственнаго Совѣта при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ и безъ того могутъ быть вызываемы спеціалисты. «Гласность—по мнѣнію Муханова—возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно» [2]).

Въ маѣ того же 1855 года А. И. Кошелевъ представилъ Государю записку «О денежныхъ средствахъ Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ» [3]). Подробно разобравъ въ этой запискѣ и доказавъ недостаточность наличныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство для продолженія войны, Кошелевъ въ противоположность Аксакову признавалъ единственнымъ выходомъ изъ того положенія, въ какомъ находилось правительство, немедленное собраніе представителей всей русской земли. Судьба этой записки, по свидѣтельству самого Кошелева, была «печальна и комична»: въ концѣ іюня онъ получилъ извѣщеніе «черезъ станового пристава» о томъ, что его «всеподданнѣйшее прошеніе» препровождено «по принадлежности къ министру финансовъ», и больше уже объ этомъ ничего не слышалъ [4]).

Такая судьба записки, однако же, ни мало его не расхолодила, и въ письмѣ къ Погодину отъ 9 іюля 1855 г. онъ пишетъ, что уговаривалъ Хомякова написать записку о лжи церковной, а Самарина—о лжи правительственной. Самъ же собирался написать о лжи помѣщичьей, т. е. о крѣпостномъ правѣ, что и исполнилъ черезъ $1^1/_2$ года. Кирѣевскаго онъ хотѣлъ уговорить написать о лжи общественной и частной [5]). Писаніе такихъ записокъ было сильно распространено въ это время. Наиболѣе замѣ-

---

[1]) Записка эта напечатана полностью въ „Руси“ за 1881 г., №№ 26—28 (отъ 9, 16 и 26 мая).

[2]) „Русскій архивъ“ за 1896 г., № 10, Записки В. А. Муханова.

[3]) Напечатана полностью въ приложеніяхъ къ запискамъ А. И. Кошелева, стр. 33 и слѣд.

[4]) Записка А. И. Кошелева, стр. 83.

[5]) Барсуковъ. т. XIV, стр. 49.

чательныя изъ этихъ записокъ, принадлежавшія перу Ю. Ф. Самарина и К. Д. Кавелина, были посвящены крѣпостному праву. Но о нихъ рѣчь впереди. Погодинъ тоже представилъ Государю записку «о царскомъ времени» [1]). Она написана очень оригинально и умно, но въ сравненіи съ прежними политическими письмами Погодина она представляетъ не болѣе, какъ ихъ перепѣвъ. Составляли и пускали въ оборотъ свои записки и нѣкоторые изъ служащихъ или отставныхъ чиновниковъ, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. И такія надежды нерѣдко осуществлялись. Къ числу такихъ записокъ принадлежатъ разнообразные проекты, представленные М. П. Позеномъ, и «Дума русскаго», написанная П. А. Валуевымъ, въ то время лифляндскимъ губернаторомъ [2]). Эта послѣдняя обратила на себя особое вниманіе Константина Николаевича и дала ему мысль издать особый приказъ по морскому вѣдомству, въ которомъ онъ требовалъ искорененія лжи въ офиціальныхъ отчетахъ и донесеніяхъ [3]). Всѣ такія записки распространялись среди публики во многочисленныхъ копіяхъ и вызывали разнообразные толки. Общество, видимо, пробуждалось отъ долговременнаго сна. «Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ Кавелинъ въ началѣ 1856 г.—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая, солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится... [4])».

Таково было настроеніе Петербургскаго общества; въ провинціи тоже наступило сильное броженіе, впечатлѣніе котораго ярко передаютъ намъ тогдашнія письма Ивана Аксакова къ роднымъ. Самъ онъ въ это время путешествовалъ по югу Россіи, служа сперва въ ополченіи, а потомъ приглашенный кн. В. И. Васильчиковымъ въ составъ комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій въ арміи. Настроеніе его, въ противоположность настроенію Кавелина, было вовсе не розовое. «Ахъ, какъ тяжело порою жить въ Россіи—восклицаетъ Аксаковъ въ письмѣ отъ 23-го ноября 1855 г.—въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ-мерзавцевъ, хлѣбосоловъ-взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ-отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ!.. Чего ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобъ сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы посту-

---

[1]) Тамъ же, стр. 24 и слѣд.

[2]) „Русская Старина" за 1891 г., № 5, стр. 350.

[3]) Тамъ же, стр. 359.

[4]) Барсуковъ, т. XIV, стр. 210, Письмо Кавелина къ Погодину отъ 17 марта 1855 г.

пить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго!» [1]).

Несмотря однако же на тонъ горечи и скептицизма, въ особенности по отношенію къ славянофильству, насквозь проникающій эти письма Аксакова, мы можемъ найти и въ нихъ яркое указаніе на пробужденіе въ провинціи всего мыслящаго: «Много я ѣздилъ по Россіи — пишетъ Аксаковъ 9 октября 1856 г.,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые не знали бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозитъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. *Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью петербургскаго практицизма (?), но порицаніе и отрицаніе ихъ понятно. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя,—ищите такихъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго...» [2]).

Среди этого броженія провинціальное начальство, такъ же, какъ и высшее, во многихъ мѣстахъ потеряло голову. Съ одной стороны, въ обществѣ шли самые свободные разговоры, повсюду передавали и съ жадностью прочитывали многочисленные въ то время рукописные памфлеты и записки и первые выпуски «Полярной Звѣзды» Герцена, только-что проникшіе изъ-за границы. Съ другой, вдругъ неожиданно проявлялись вспышки усердія цензуры и Николаевской жандармеріи. Такъ, среди самыхъ свободныхъ разговоровъ въ концѣ 1855 г. въ Петербургѣ вдругъ арестованъ былъ и отвезенъ въ III Отдѣленіе молодой человѣкъ

---

[1]) Письма, III, стр. 207.
[2]) Письма, III, стр. 290.

изъ высшаго столичнаго общества (сынъ сенатора) Николай Мордвиновъ. Вскорѣ оказалось, что онъ арестованъ въ связи съ арестами цѣлаго ряда другихъ лицъ въ Тамбовѣ. Предлогомъ послужили кое-какія рукописи и брошюрки. Но полиція усиливалась доказать существованіе въ Тамбовѣ общества для пропаганды между крестьянами соціалистическихъ идей. «Подробности домашнихъ обысковъ въ Тамбовѣ отвратительны. Такъ и чуешь—писалъ Кавелинъ,—что тайная полиція, имѣя крайнюю надобность заявить о своемъ существованіи, алчетъ и жаждетъ добычи. Точно возвратились 1849 и слѣдующіе года. На долго ли?» [1]). Въ «Дневникѣ» П. А. Валуева указано, что Мордвиновъ былъ авторомъ рукописной записки: «Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія». На этой запискѣ Государь будто бы написалъ: «дѣльно, но желчно» и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Флигель-адъютантъ, привезшій Валуеву эти свѣдѣнія изъ Петербурга (очевидно, не вполнѣ точныя), увѣрялъ, что въ числѣ арестованныхъ по этому дѣлу былъ даже Н. А. Милютинъ, въ то время директоръ хозяйственнаго департамента [2]).

Эти преувеличенные слухи показываютъ, какой переполохъ произвели эти аресты въ обществѣ.

Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное на общество этимъ дѣломъ, вскорѣ улеглось, а самое «дѣло», повидимому, не имѣло серьезныхъ послѣдствій.

Осенью 1855 г. послѣдовали первыя перемѣны министровъ. Отставлены были *Бибиковъ* (министръ внутреннихъ дѣлъ), замѣненный *Ланскимъ*, и *Клейнмихель* (главноуправляющій путями сообщенія, когда-то ближайшій сотрудникъ Аракчеева), замѣненный *Чевкинымъ*.

Отставку Клейнмихеля всѣ праздновали, какъ первую побѣду надъ врагами внутренними. Но замѣна Бибикова Ланскимъ многимъ показалась странной. Ланской считался приверженцемъ помѣщичьей партіи, а Бибиковъ былъ извѣстенъ, какъ защитникъ крестьянскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ [3]). Недоумѣніе усилилось, когда Ланской опубликовалъ свой первый циркуляръ предводителямъ дворянства, въ которомъ онъ заявлялъ, между прочимъ, что Государь повелѣлъ ему «ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». «Считаю себя счастливымъ—прибавлялъ министръ—передать о столь высокой милости Государя въ лицѣ вашемъ всему (такому-то) дворянству и вмѣстѣ съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ удостовѣряю, что, по собственному, глубоко

---

[1]) Барсуковъ, XIV, стр. 204, 207.

[2]) „Русская Старина" за 1891 г., № 5, стр. 346—347.

[3]) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", I, 57. Барсуковъ, XIV, стр. 122 и слѣд.

въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся, убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества» [1]). Для чего понадобились эти кудреватыя фразы—неизвѣстно. Но впечатлѣніе онѣ произвели большое. Крѣпостники раскупали этотъ циркуляръ нарасхватъ, такъ что пришлось отпечатать его вторымъ изданіемъ. Либералы были имъ очень смущены [2]). Но вскорѣ назначеніе особой комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій военныхъ властей въ Крыму по продовольственной части и особенно заключительныя слова манифеста о мирѣ опять подкрѣпили всеобщія надежды на то, что правительство не отступится отъ необходимыхъ преобразованій.

Вслѣдъ за заключеніемъ мира Александръ Николаевичъ прибылъ въ Москву и совершенно неожиданно для всѣхъ — въ томъ числѣ и для Ланского—сказалъ дворянамъ свою извѣстную рѣчь о томъ, что «лучше начать уничтожать крѣпостное право *сверху*, нежели ждать того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться *снизу*». Теперь уже въ намѣреніяхъ правительства не могло быть никакихъ сомнѣній — Государь прямо сказалъ дворянскимъ депутатамъ: «*Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія*». Вопросъ теперь заключался лишь въ томъ, устоитъ ли на этомъ Государь, и какъ и въ какомъ видѣ совершится преобразованіе. Многіе не теряли надежды свести все дѣло на нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, растянуть его на долгій срокъ.

IV.

Начало подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ.—Настроеніе дворянства.—Негласный комитетъ по освобожденію крестьянъ.—Докладъ Левшина.—Рескрипты 20 ноября и 5 декабря 1857 года.

Послѣ московской рѣчи Александра II Ланской рѣзко измѣняетъ свой образъ дѣйствій, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинается спѣшная подготовительная работа по крестьянской реформѣ. На первое время она сосредоточивается въ рукахъ Левшина (товар. министра), человѣка безспорно доброжелательнаго, но нерѣшительнаго и очень недальновиднаго.

Императоръ твердо рѣшилъ освободить крестьянъ, но ему хотѣлось повести эту реформу не по-диктаторски, а такъ, чтобы иниціатива шла по возможности со стороны самихъ дворянъ. Но дворянство не заявляло своихъ желаній по этой части и не спѣшило отвѣчать на прямой вызовъ императора... Теперь странно,

[1]) Татищевъ, I, стр. 302.

[2]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 104.

конечно, было бы утверждать, что мысль объ освобожденіи крестьянъ была дворянству совершенно чужда. Историческія разслѣдованія послѣдняго времени разъяснили постепенное подготовленіе реформы въ умахъ передовыхъ представителей помѣщичьяго сословія и указали и тѣ матеріальные и нематеріальные факторы, которыми обусловливалось въ разныхъ мѣстахъ сознаніе необходимости упраздненія крѣпостного права [1]). Здѣсь не мѣсто подробно на нихъ останавливаться. Напомнимъ только, что развитію освободительнаго движенія въ дворянской средѣ, довольно сильно проявившемуся въ сороковыхъ годахъ, помѣшала наступившая послѣ 1848 г. реакція, когда Николай не только самъ отступился отъ всякой мысли объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, но и строжайше воспретилъ поднимать этотъ вопросъ кому бы то ни было. Въ мрачный періодъ конца его царствованія всѣ толки объ этомъ вопросѣ дѣйствительно смолкли, но, когда во время крымской кампаніи начались повсемѣстныя волненія крестьянъ, и передъ умственнымъ взоромъ многихъ помѣщиковъ возстала картина народнаго бунта и рѣзни, въ родѣ пугачевщины, въ случаѣ иноплеменнаго нашествія на Россію,— вопросъ этотъ возникъ съ новой силой. Объ этомъ мы имѣемъ прямыя и весьма компетентныя указанія А. И. Кошелева.

Вознамѣрившись предпринять реформу крѣпостного строя и желая опереться на иниціативу самихъ дворянъ, правительство рѣшило воспользоваться для этого съѣздомъ предводителей дворянства на коронацію лѣтомъ 1856 г. Левшину поручено было вести со съѣхавшимися предводителями дворянства соотвѣтствующіе переговоры. Но дворяне и тутъ отмалчивались, и Ю. Ф. Самаринъ такъ объяснялъ тогда упорство дворянъ въ запискѣ, представленной имъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: «дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются *одинаково* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства». [2]) Дворяне не вѣрили бюрократіи, представителемъ которой являлся Левшинъ. Они боялись говорить откровенно и особенно связать себя какими-либо обѣщаніями, потому что привыкли вообще ожидать отъ правительства дѣйствій самовластныхъ, иногда совершенно неожиданныхъ и для нихъ вовсе невыгодныхъ. Къ тому же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ это время не было выработано еще никакого опредѣленнаго плана реформы, а министръ и его товарищъ, какъ

[1]) Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на капитальный трудъ *В. И. Семевскаго* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія". СПБ. 2 т. Изъ числа позднѣйшихъ работъ можно отмѣтить книжку *И. И. Игнатовича* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", изд. 1900 г. Срав. также мои статьи „Губернскіе комитеты въ 1858—1859 годахъ" въ сборникѣ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи" и книгу мою „Крестьянская реформа", изданную въ 1905 г. въ Петербургѣ въ серіи „Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ".

[2]) *Самаринъ*, Сочиненія, т. II, стр. 139.

огня, боялись всякихъ финансовыхъ операцій. Между тѣмъ въ большинствѣ губерній, гдѣ дворяне склонны были приступить къ упраздненію крѣпостного права, они ставили условіемъ sine qua non выкупъ крѣпостныхъ съ землей или безъ земли, но непремѣнно съ гарантіей правительства.

На всѣ намеки и прямыя обращенія Ланского и самого Государя къ предводителямъ, являвшимся въ Петербургъ послѣ коронаціи, они или отмалчивались, или уклончиво отвѣчали, что дворяне «не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ». [1])

Пробовала было вел. кн. Елена Павловна начать агитацію среди помѣщиковъ Полтавской губерніи, гдѣ у нея было имѣніе, но и отсюда ничего существеннаго не вышло.

Нѣкоторую склонность пойти на встрѣчу неяснымъ намекамъ и предложеніямъ правительства обнаружили лишь представители литовскихъ губерній, надѣявшіеся при помощи *личнаго* освобожденія крестьянъ *безъ земли* отдѣлаться отъ инвентарей, которые они считали для себя въ высшей степени стѣснительными и невыгодными. Вновь назначенный виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ взялся добиться отъ нихъ офиціальнаго заявленія о желаніи освободить крестьянъ.

Это и было ему поручено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по докладу Ланского рѣшено было образовать для обсужденія мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ негласный комитетъ, по образу и подобію такихъ же комитетовъ Николаевскаго царствованія. Членами этого комитета назначены были тѣ же лица, которыя входили въ составъ камарильи, управлявшей дѣлами государства, и которыхъ Александру Николаевичу не удалось замѣнить свѣжими людьми. Это были почтенные старцы, хранители отжившихъ традицій, съ кн. Орловымъ во главѣ, причемъ среди нихъ не оказалось даже того единственнаго сановника Николаевскихъ временъ, котораго Николай назвалъ когда-то шутя начальникомъ своего штаба по крестьянской части: гр. Киселевъ былъ незадолго передъ тѣмъ отправленъ посломъ въ Парижъ. [2])

Мы не будемъ слѣдить за сонными дѣйствіями этого комитета, тѣмъ болѣе, что они уже неоднократно были описаны въ нашей исторической литературѣ. [3]) Всѣ они, какъ извѣстно, не

---

[1]) Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 29 декабря 1856 г. Срав. *Левшина* „Достопамятныя минуты моей жизни". „Русск. Архивъ" за 1885 г., № 8.

[2]) Въ составъ комитета вошли: предсѣд. Государственнаго Совѣта кн. Орловъ; министры: внутреннихъ дѣлъ - Ланской, двора и удѣловъ—гр. Адлербергъ, финансовъ—Брокъ, государственныхъ имуществъ — Муравьевъ; главноуправляющіе: вторымъ отд. Соб. Его Величества канцеляріи—гр. Блудовъ, путями сообщенія—Чевкинъ. шефъ жандармовъ—кн. Долгоруковъ и члены государственнаго совѣта: кн. Гагаринъ, баронъ Корфъ и Ростовцевъ. Завѣдующимъ дѣлами назначенъ былъ государственный секретарь Бутковъ („*Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. состоянія*", Берлинъ 1860 г., т. I, стр. 121, 122)

[3]) Кромѣ вышеуказанныхъ „*Матеріаловъ*", сдѣлавшихся большой би-

имѣли, въ сущности, никакого значенія и клонились болѣе или менѣе къ оттяжкѣ и ослабленію эмансипаціонныхъ видовъ правительства. Гораздо болѣе значенія имѣли подготовительныя работы министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя продолжались независимо отъ работъ комитета. Эти работы имѣли болѣе значенія потому, что впослѣдствіи послужили въ значительной мѣрѣ основаніемъ для указаній, данныхъ губернскимъ комитетамъ въ рескриптахъ 1857 и 1858 гг. Общіе выводы, къ которымъ пришло министерство внутреннихъ дѣлъ, были резюмированы въ докладѣ 26 іюля 1857 г. Главныя положенія доклада были заимствованы Левшинымъ изъ различныхъ записокъ, составленныхъ тогда такими представителями дворянской мысли, какъ Самаринъ, Черкасскій, Кавелинъ, Кошелевъ и др. Впрочемъ, и самъ Левшинъ былъ помѣщикомъ разныхъ губерній и хорошо понималъ, напр., разницу въ положеніи промышленныхъ нечерноземныхъ и хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній; но по свойственной ему робости онъ не рѣшился послѣдовать за наиболѣе радикальными проектами, въ родѣ Кавелинскаго или Кошелевскаго, и для соглашенія выгодъ помѣщиковъ разныхъ мѣстъ изобрѣлъ чисто бюрократическую уловку. Понимая, съ одной стороны, что безвозмездное упраздненіе крѣпостного права на людей, вовсе неразорительное для помѣщиковъ черноземныхъ губерній, гдѣ главную цѣнность имѣній составляла земля, будетъ весьма разорительно для помѣщиковъ промышленныхъ, оброчныхъ губерній, весь доходъ которыхъ зависѣлъ не отъ земли, а отъ заработковъ крестьянъ, онъ, вмѣсто того, чтобы прямо признать это основное различіе, предложилъ ввести замаскированный выкупъ личности подъ видомъ высокой оцѣнки усадебъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ впослѣдствіи весьма ловко воспользовались многіе дворянскіе комитеты.

Видя бездѣятельность негласнаго комитета, Александръ начиналъ раздражаться и лѣтомъ, по возвращеніи вел. кн. Константина изъ заграничнаго путешествія, назначилъ его въ составъ комитета, надѣясь, что его энергія сдвинетъ, наконецъ, корабль съ мѣста. Великій князь ревностно принялся за дѣло, но неопытность его и обструкція высшихъ сановниковъ привели къ тому, что на первый разъ возлагавшіяся на него надежды не оправдались. Послѣдовавшія бурныя засѣданія комитета не привели къ существеннымъ результатамъ. Гора родила мышь, и хотя Александръ Николаевичъ благодарилъ комитетъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ за первый трудъ его, однако вопросъ не двинулся съ мѣста, пока, наконецъ, не явился Назимовъ съ вынужденнымъ у литовскихъ дворянъ ходатайствомъ. Ходатайство это тоже не отвѣчало намѣреніямъ и видамъ прави-

---

бліографической рѣдкостью, можно указать *Иванюкова* „Паденіе крѣпостного права", 2-е изд. 1903 г., а также Записки *Левшина* („Рус. Арх." 1885 г., № 8) и *Соловьева* („Рус. Стар." 1880, 81 82 гг.) и біографія Александра II Татищева, т. I, стр. 304 и слѣд.

тельства: Литовскіе дворяне желали освободить своихъ крестьянъ безъ земли и *съ сохраненіемъ вотчинныхъ правъ помѣщика.* Получивъ его, въ Петербургѣ не сразу нашлись, что съ нимъ сдѣлать. Судили и рядили недѣли три сряду и все не приходили ни къ какому выводу. Наконецъ, Александръ потерялъ терпѣніе и приказалъ Ланскому составить въ *три дня* рескриптъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были приняты въ докладѣ 26-го іюля 1857 г. Многіе изъ числа приближенныхъ къ Императору лицъ пришли отъ такого внезапнаго рѣшенія въ ужасъ, въ томъ числѣ и Левшинъ, назвавшій знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 г. такимъ salto mortale, отъ котораго, по его мнѣнію, «все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ». [1]) Впрочемъ, и Левшина и другихъ окружавшихъ Александра сановниковъ ужасалъ не столько самый рескриптъ, данный на имя Назимова, сколько послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ разсылка его ко всѣмъ губернаторамъ и опубликованіе его во всеобщее свѣдѣніе, дѣлавшее немыслимымъ для правительства всякое отступленіе съ пути реформъ.

Въ рескриптѣ указаны были главныя начала, на которыхъ правительство предоставляло дворянству въ губернскихъ комитетахъ, составленныхъ изъ выборныхъ его представителей (по два отъ каждаго уѣзда и подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя), устроить бытъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Основанія эти были слѣдующія:

«1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на *всю землю*, но крестьянамъ остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ *пользованіе* крестьянамъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, *за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.*

«2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, *помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція* и

«3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ».

Для выработки положеній на изложенныхъ основаніяхъ повелѣвалось открыть дворянскіе губернскіе комитеты въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской.—5-го декабря послѣдовалъ такой же рескриптъ петербургскому дворянству (на имя генералъ-губернатора Игнатьева). Хотя петербургское дво-

---

[1]) „Достопамятныя минуты моей жизни“ („Рус. Архивъ“ за 1885 г., № 8, стр. 524).

рянство объ этомъ не ходатайствовало вновь, но правительство воспользовалось ранѣе представленнымъ этимъ дворянствомъ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему установить свои отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ на началахъ феодальнаго эмфитевтическаго права.

24 ноября рескриптъ генералу Назимову былъ разосланъ въ печатныхъ копіяхъ при циркулярѣ Ланского ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Сохранилось преданіе, что разсылку эту кн. Орловъ и др. сановники пытались остановить, но не успѣли во время. 17 декабря рескрипты Назимову и Игнатьеву вмѣстѣ съ сопроводительными циркулярами Ланского были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Съ этого момента крестьянскій вопросъ вынесенъ былъ изъ канцелярскихъ и комитетскихъ дебрей и вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Воспоминанія.

ГЛАВА I.

Неожиданная встрѣча на станціи и сватовство.—Мой дѣдъ и его жена Марія Ѳедоровна.—Ея изгнаніе въ ссылку.—Свадьба моей матери.

Моя мать, урожденная Гонецкая, очень рано вышла замужъ. Вотъ что она разсказывала по этому поводу намъ, своимъ дѣтямъ, когда мы были уже взрослыми.

По окончаніи курса въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ въ 1828 г., будучи тогда 16-ти лѣтней дѣвушкою, она возвращалась весною со своимъ отцомъ въ его имѣніе, деревню Бухоново, П—скаго уѣзда С—ской губ. Подъѣзжая къ одной изъ почтовыхъ станцій, уже недалеко отъ своего помѣстья, они встрѣтили господина лѣтъ 37—38, который только-что пріѣхалъ туда же. Оба путешественника, т. е. мой дѣдъ (отецъ моей матери) и господинъ, отрекомендовавшій себя Николаемъ Григорьевичемъ Цевловскимъ, тотчасъ разговорились между собою. Оказалось, что оба они не только уроженцы С—ской губ., но что дѣдушка прекрасно былъ знакомъ съ покойными родителями Николая Григорьевича, нерѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ и зналъ его, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло: мой дѣдъ во время этой встрѣчи былъ уже старикомъ, а Николай Григорьевичъ только-что оставилъ военную службу и ѣхалъ въ свое имѣніе Погорѣлое, находившееся очень недалеко отъ Бухонова.

Не только въ ту отдаленную пору, о которой я говорю, но еще совсѣмъ недавно, когда уроженцы С—ской губ. встрѣчались между собой, они немедленно задавались вопросомъ, не состоятъ ли они въ родствѣ между собою. Въ концѣ концовъ обыкновенно выходило такъ, что они, дѣйствительно, оказывались хотя бы отдаленными, но все же родственниками.

— Позвольте,—говорилъ кто-нибудь изъ нихъ,—какъ же мы-то съ вами другъ другу приходимся? Не знавали ли вы Анну Петровну Скарятину, двоюродную тетку моей жены?—Боже мой,—отвѣчалъ ему другой съ радостнымъ волненіемъ,—дѣйствительно мы съ вами родня!.. Скарятина троюродная сестра моего двоюроднаго племянника.

Ошеломленная такимъ «близкимъ родствомъ» я обыкновенно слушала, не прерывая своего собесѣдника, но уже дальнѣйшее происхожденіе нашихъ родственныхъ узъ было для меня совершенно темно. Такъ было и въ данномъ случаѣ между дѣдушкою и Николаемъ Григорьевичемъ. Только послѣ этихъ счетовъ и пересчетовъ родни они приступили къ другимъ темамъ разговора.

Когда мужчины поболтали между собою и напились чаю, дѣдушка выразилъ желаніе «соснуть». Матушка, до дикости конфузливая институтка, такъ испугалась, что она останется съ глазу на глазъ съ незнакомымъ человѣкомъ, съ которымъ она ни одного слова не проронила во время чая и не знала о чемъ говорить, схватила ломоть хлѣба и отправилась на крыльцо кормить куръ. За нею скоро послѣдовалъ и молодой помѣщикъ.

— Господи Боже мой!— разсказывала мать.—Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, а я все помню, что было сказано тогда между нами, помню каждое слово Николая Григорьевича, каждый его жестъ, точно все это случилось только вчера. Вышелъ онъ на крыльцо и начинаетъ разспрашивать меня о томъ и другомъ. А я въ отвѣтъ только «да» и «нѣтъ», да и это-то насилу могу выдавить изъ горла, продолжаю крошки курамъ бросать, пошевельнуться боюсь, обернуться въ его сторону не смѣю,—такими мы потѣшными дикарками изъ институтовъ выходили. Вѣрите ли, конфузливость въ большомъ обществѣ у меня нерѣдко доходила просто до потери сознанія, а между тѣмъ по натурѣ я была очень живая и даже пребойкая.

— Да что же это, mademoiselle Alexandrine, вы меня такъ дичитесь?.. Вѣдь тутъ нѣтъ вашихъ классныхъ дамъ! Скажите же что-нибудь? Ну... любите ли вы танцы или нѣтъ?

— Да, очень,—отвѣчала я, не оборачиваясь.

— Ахъ вы, бѣдная, бѣдная дѣвочка! Вѣдь ваше имѣніе Бухоново—настоящій медвѣжій уголокъ! Рѣдко кто туда заглядываетъ! Потанцовать-то вамъ врядъ ли когда придется!.. Въ вашихъ краяхъ образованной молодежи совсѣмъ нѣтъ. Помѣщики и ихъ супруги говорятъ «нѣтути», «надысь», «намеднись» и т. п., а ихъ сынки лазятъ по голубятнямъ, бѣгаютъ съ борзыми по лѣсу, ну, а танцуютъ они, если только танцуютъ, пожалуй, не лучше медвѣдей, на которыхъ они охотятся... Да, обидно за васъ!.. И какъ вы будете рѣзко выдѣляться среди всего этого общества!.. Точно распустившійся розанчикъ среди чертополоха!

Мнѣ очень понравились эти слова. Думаю, вѣрно поэтъ, попросить бы его стишки почитать, можетъ быть, онъ даже самъ ихъ пишетъ... Да куда тутъ! Вѣдь я въ первый разъ въ жизни съ постороннимъ мужчиною разговаривала! Вотъ я и стою, какъ пень, продолжаю курамъ крошки бросать и съ ужасомъ думаю: ломоть кончается, куда же я тогда свои руки дѣну?

— Да бросьте вы куръ вашихъ кормить! Это-то занятіе отъ васъ не уйдетъ! Ахъ, сказалъ бы я вамъ одинъ секретъ...

Только боюсь довѣрить! Еще, пожалуй, папенькѣ все разболтаете. Ужъ и не знаю... умѣете ли вы тайны хранить?

Это меня сразу задѣло за живое,—я обернулась къ нему и говорю: «если вы меня такой «мовешкой» считаете,—намъ нечего и разговаривать!..

— «Мовешкой!» Ха, ха, ха... ха, ха, ха...—хохоталъ онъ,—что это значитъ? Это, вѣроятно, у васъ въ институтѣ такъ называли тѣхъ, кто не умѣлъ себя держать?

— Что вы, что вы! Это гораздо хуже! Мовешками у насъ называютъ безнравственныхъ дѣвицъ, которыя доносятъ на подругъ начальству, или не умѣютъ беречь серьезныхъ секретовъ... А я никогда, понимаете, во всю свою жизнь ни одного секрета не выдала!..—Попалъ онъ на институтскую тему, вотъ я конфузливость свою и забыла, стала болтать, какъ сорока.—А знаете ли вы—говорю ему,—какъ трудно не выдать секретъ, когда подруги знаютъ, что именно тебѣ его довѣрили. Онѣ вѣдь просто тогда осаждаютъ, умоляютъ назвать хотя первую букву, съ которой секретъ начинается! Иная долго, долго крѣпится, но, наконецъ, скажетъ первую букву, а у нея мало-по-малу догадками и хитростями вымотаютъ и все остальное. Но со мною этого, слава Богу, никогда не случалось... Я во всю свою жизнь ни одного секрета не выдала!

— Вѣрю, вѣрю! И чтобы вамъ доказать, что я васъ не считаю ни мовешкой, ни безнравственной, я вамъ, пожалуй, открою мой секретъ...

Хотя онъ все говорилъ съ шутками и прибаутками, съ хохотомъ и улыбками, потѣшаясь надъ моею институтскою наивностью, но все это я поняла гораздо позже, а въ ту пору я была совсѣмъ глупой, — мнѣ казалось, что онъ ведетъ со мной серьезный разговоръ, а его шутки я приписывала тому, что свѣтскому человѣку такъ и подобаетъ говорить съ молодой дѣвушкой.

— Мой секретъ вотъ въ чемъ: такъ какъ вы любите танцовать, а въ нашей трущобѣ вамъ это никогда не удастся, я и задумалъ устроить для васъ балъ... Понимаете, настоящій блестящій балъ! На этомъ балу будетъ гремѣть великолѣпнѣйшій оркестръ музыки... Приглашены будутъ настоящіе танцоры—кавалеры со шпорами... Не только дамы будутъ въ цвѣтахъ, но стѣны залы и музыкальные инструменты будутъ украшены ими!.. И среди этихъ цвѣтовъ, среди самыхъ хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ всей нашей губерніи, вы будете царицею бала, красивѣйшимъ цвѣткомъ, лучшимъ украшеніемъ!.. А я передъ вами... на колѣняхъ съ гитарою въ рукахъ буду воспѣвать васъ, прелестное созданіе, дивная красота которой, какъ пышная роза, цвѣтетъ въ нашемъ убогомъ захолустьѣ!.. Такъ вотъ все это я устрою для васъ, но съ однимъ условіемъ...

— Съ какимъ? Говорите, говорите, пожалуйста, скажите!—Я съ такимъ наслажденіемъ слушала, какъ онъ меня воспѣвалъ, такъ онъ меня раззадорилъ предстоящимъ баломъ, и мнѣ такъ

досадно стало, что онъ вдругъ остановился,—самъ смотритъ на меня и улыбается, а не продолжаетъ. Я ему и говорю: если вы, дѣйствительно, устроите для меня такой балъ, то я напередъ согласна на всѣ ваши условія...

— Видите ли въ чемъ дѣло: вѣдь не могу же я пріѣхать къ вашимъ родителямъ и сказать: «я хочу устроить балъ для вашей дочери». Вы понимаете, что такъ никто не посмѣетъ сказать... Ваши родители могли бы принять такое предложеніе за личное оскорбленіе, могли бы просто выпроводить меня изъ своего дома съ великимъ скандаломъ.

— Если такого бала нельзя устроить—прервала я его, вспыхнувъ отъ досады,—зачѣмъ же вы мнѣ все это расписывали? Значитъ, вы хотѣли только посмѣяться надо мной?

— Боже мой! Что вы говорите? Я слишкомъ уважаю васъ, чтобы смѣяться надъ вами!.. Подождите сердиться... Я вѣдь хотѣлъ только объяснить вамъ, что въ такой формѣ нельзя сказать вашимъ родителямъ о балѣ... Какъ устроить такой балъ,—у меня есть мысль... Но не знаю, согласитесь ли вы?.. Какъ бы это сказать... боюсь, что вы опять на меня разсердитесь!..

— Даю вамъ слово, что не разсержусь, только говорите скорѣе, не мучьте меня! — Тутъ ужъ я смѣло-пресмѣло стала разговаривать съ нимъ, точно съ институтской подругой.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Однако, знаете ли, mademoiselle Alexandrine,... мнѣ трудненько сказать вамъ это... Очень я боюсь васъ... Увѣряю... Ну, будь, что будетъ! Слушайте же... Пріѣду я въ вашъ домъ... такъ черезъ недѣльку-другую,—вашъ батюшка, вѣроятно, пригласитъ меня. Побываю у васъ нѣсколько разъ, а потомъ... потомъ... сдѣлаю вамъ предложеніе... буду просить у вашего батюшки позволенія жениться на васъ... И вотъ тогда на нашей свадьбѣ я и буду имѣть возможность устроить блестящій балъ, устрою его даже гораздо лучше, только согласитесь быть моей женой.

— А вы навѣрно, навѣрно устроите тогда блестящій балъ?

— Если вы умѣете хранить секреты, то я умѣю держать свое слово... А въ этомъ случаѣ я буду считать это своею святѣйшею и пріятнѣйшею обязанностью...

И вдругъ я, какъ дура, начала хлопать въ ладоши, скакать, хохотать... А онъ, вѣроятно, не могъ даже сообразить въ первую минуту, что это во мнѣ глупое институтство брызжетъ изо всѣхъ поръ, и совсѣмъ оторопѣлъ отъ моего хохота, подумалъ, что я издѣваюсь надъ его скоропалительнымъ предложеніемъ, и говоритъ:

— Что же вы смѣетесь, почему вы такъ странно принимаете мое предложеніе?

— Да вѣдь „наши“-то, т. е. мои институтскія подруги, тогда совсѣмъ провалятся со своимъ пророчествомъ! Поймите... У насъ въ каждомъ классѣ подруги сообща рѣшали,—кто первый, кто второй по красотѣ... Я числилась только девятой. Вотъ онѣ и

были увѣрены, что первая по красотѣ выйдетъ замужъ раньше другихъ, затѣмъ вторая и т. д., слѣдовательно, я должна была выйти замужъ девятой,—и вдругъ я первая!

— Какъ, онѣ васъ ставили только девятой по красотѣ? Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что женщина не можетъ судить о красотѣ другой женщины... Вы всегда и вездѣ будете первой красавицей!

— Вы не можете этого знать... Вы не видали моихъ подругъ!

— Нѣтъ, я знаю... Вы самая лучшая, самая красивая, самая прелестная на всемъ земномъ шарѣ!

— Вы просто льстите мнѣ!—говорю я ему, а сама до смерти рада, что онъ такъ расхваливаетъ меня, что онъ говоритъ мнѣ такіе пріятные комплименты.

— А теперь прошу васъ объ одномъ, — сказалъ Николай Григорьевичъ.—Ни одного слова не говорите вашимъ родителямъ и рѣшительно никому о моемъ предложеніи. Скажу вамъ только одно, что я очень, очень счастливъ, въ высшей степени доволенъ, что вы согласились на мое условіе. Не раздумаете? Нѣтъ? Ну, такъ по рукамъ.

Я и тутъ, ни о чемъ не думая, подала ему руку, точно соглашалась итти съ нимъ на туръ вальса.

— Теперь вы моя невѣста! Настоящая невѣста, хотя и *тайная*. Помните,—нужно крѣпко держать слово... хранить тайну до гробовой доски.

— Я прекрасно это понимаю, — съ гордостью отвѣчала я ему,—только и вы помните, что должны устроить блестящій балъ съ настоящими кавалерами, а то мнѣ до смерти надоѣли танцы „шерочки съ машерочкой",—вѣдь у насъ въ институтѣ подруга съ подругой танцуютъ... Только бы скорѣе наступилъ этотъ балъ,—говорила я ему, уже совершенно не конфузясь его, не понимая всей наивности, всего непроходимаго легкомыслія своего тогдашняго поведенія. Только уже послѣ замужества я начала сознавать все это и, бывало, спрашивала мужа, какъ онъ посмотрѣлъ тогда на то, что я не только тотчасъ же согласилась на его предложеніе, но даже я торопила его свадьбой... Не показалась ли я ему слишкомъ наглой, не подумалъ ли онъ тогда обо мнѣ, что я слишкомъ нетерпѣливо стремилась къ замужеству? Но онъ въ такихъ случаяхъ всегда отвѣчалъ мнѣ...

Но матушка не передала намъ отвѣта нашего отца, она вдругъ сразу сконфузилась, опустила голову и, улыбаясь счастливой улыбкой, густо покраснѣла. Несмотря на то, что въ то время, когда она намъ разсказывала этотъ эпизодъ своей жизни, ей было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, она вполнѣ сохранила какую-то цѣломудренную дѣвичью стыдливость и застѣнчивость, и при ней никогда никто не смѣлъ разсказывать ни о чемъ двусмысленномъ и игриво-пошломъ, не выносила она и разговоровъ объ адюльтерахъ съ пикантными приключеніями,—даже намеки на

эти вещи до глубокой старости вызывали густую краску стыда на ея щеки.

— Конечно—кричали мы со всѣхъ сторонъ,—на ваши вопросы отецъ отвѣчалъ вамъ, что онъ не могъ подумать о васъ ничего дурного, такъ какъ вы были чисты, какъ ангелъ, божественно-прекрасны, прелестно-наивны, что относительно васъ у него и въ головѣ, и на языкѣ былъ только одинъ восторгъ... Вѣдь такъ?

— Да, ну, отстаньте!—махала она на насъ рукой, желая заставить насъ прекратить перечисленіе эпитетовъ, будто бы даваемыхъ ей отцомъ...

— Да,—говорила она, помолчавъ, — невѣроятно наивны и глупы были мы, выходя изъ институтовъ... Просто преступно и жестоко было въ такомъ видѣ бросать дѣвушку въ житейскій водоворотъ! Но все же были и хорошія стороны въ этомъ отсутствіи знанія жизни: теперешняя барышня сейчасъ замѣчаетъ, если она кому-нибудь нравится, и давай кокетничать, и глазами стрѣлять, и штучки разныя откалывать, чтобы еще больше обворожить, ну, а мы по выходѣ изъ института были совсѣмъ неопытны въ кокетствѣ.

Нужно замѣтить, что семья моей матери въ тотъ періодъ ея жизни, когда она только-что кончила курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, состояла изъ ея отца, мачехи и двухъ братьевъ: Ивана и Николая. Своей родной матери матушка лишилась очень рано, а мачехи своей, когда она возращалась изъ института, она никогда не видала. Ея отецъ, уже будучи въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, женился вторымъ бракомъ на очень молоденькой дѣвушкѣ въ то время, когда его дочь Александра (моя мать) была еще въ институтѣ. Вторая жена дѣдушки была лишь на четыре года старше своей падчерицы. Своихъ братьевъ, Ивана и Николая, моя мать не видала давнымъ давно; ихъ отдали въ корпусъ еще до поступленія ея въ институтъ, такъ какъ она была младшей въ семьѣ. Въ эпоху, описываемую мною, они были офицерами и написали отцу, что пріѣдутъ лѣтомъ въ деревню. Такимъ образомъ, вторая жена дѣдушки, Марья Ѳедоровна, урожденная Кочановская, совсѣмъ не была знакома съ дѣтьми своего мужа; своихъ же собственныхъ дѣтей у нея не было.

Когда дѣдушка написалъ въ институтъ своей дочери о томъ, что онъ вторично женился, моя матушка, тогда еще дѣвочка-подростокъ, страшно испугалась, что у нея будетъ мачеха. Когда она ѣхала съ отцомъ въ деревню, и чѣмъ ближе подъѣзжала къ дому, тѣмъ тяжелѣе становилось у нея на душѣ при мысли, что ее встрѣтитъ не родная мать, а мачеха, которую она представляла себѣ не иначе, какъ въ видѣ злой, сварливой, старой классной дамы, которой ничѣмъ нельзя угодить, съ ненавистью относящейся къ своей падчерицѣ. Отецъ не говорилъ ей даже о томъ, какихъ лѣтъ была ея мачеха, не говорилъ, какъ она догадалась потомъ, вѣроятно, потому, что его жена была

втрое моложе его, къ тому же онъ былъ человѣкомъ властолюбивымъ, старозавѣтнымъ и весьма крутого нрава. Онъ и для того времени слишкомъ строго расправлялся со своими крестьянами и сурово относился къ домочадцамъ. За все время воспитанія въ институтѣ моей матери, онъ не только ни разу не навѣстилъ ее, но, будучи человѣкомъ весьма зажиточнымъ, не посылалъ ей даже ни гостинцевъ, ни денегъ, хотя по натурѣ вовсе не былъ скупымъ. Онъ не выказывалъ ни женѣ, ни дочери никакихъ чувствъ, такъ какъ находилъ, вѣроятно, что простыя человѣческія отношенія къ близкимъ могутъ уронить въ ихъ глазахъ его авторитетъ главы семейства,—идеи Домостроя еще не совсѣмъ исчезли въ русскомъ обществѣ въ то время, т. е. въ первой половинѣ XIX столѣтія. Хотя дѣдушка не видалъ своей дочери во все время ея воспитанія, но, какъ только онъ отправился съ нею въ дорогу, такъ сейчасъ же начиналъ обрывать ее каждый разъ, когда она живо заговаривала съ нимъ о чемъ-нибудь, наставительно и торжественно внушалъ ей, что она обязана видѣть въ немъ *только* отца, а не свою „подружку-милушку“, и что потому-то для нея и неприлично трещать съ нимъ, какъ трещетка: она должна лишь почтительно и благопристойно обращаться къ нему. Ни малѣйшаго спора не только съ дочерью, но и съ женою онъ не допускалъ, усматривая въ этомъ унизительную для себя фамильярность. Уже самъ по себѣ его наставительный тонъ отталкивалъ отъ него ту и другую, и мѣшалъ имъ просто, по-человѣчески относиться къ нему.

До возвращенія моей матери подъ родительскій кровъ отношеніе между ея отцомъ, Степаномъ Петровичемъ, и его женою, Маріею Ѳедоровною, были болѣе или менѣе миролюбивыми,—по крайней мѣрѣ, у нихъ не выходило между собою никакихъ ссоръ и недоразумѣній. Да и не могло быть иначе: Марья Ѳедоровна, существо замѣчательно кроткое, безпрекословно выполняла всѣ требованія мужа. Несмотря на живость своего темперамента она скоро пріучила себя отвѣчать ему только на его вопросы, а если и разговаривала съ нимъ, то въ «мѣру» и «благопристойно»,—какъ онъ этого требовалъ. Но какъ только въ домѣ появились его дѣти отъ перваго брака, такъ отношенія между мужемъ и женою совершенно испортились.

Матушка разсказывала, что, когда она впервые увидала свою мачеху, ее такъ поразили ея молодость и красота, удивительная стройность ея стана, грація ея симпатичной фигуры, ея живыя и естественныя манеры, ея привлекательная улыбка, что она съ словами «мамашечка, какая вы чудная красавица!» бросилась душить ее въ своихъ объятіяхъ. Но отецъ тотчасъ же строго замѣтилъ дочери, что она должна цѣловать у матери только руку, а не вѣшаться ей на шею, какъ на «подружку-милушку», говорить ей всегда «вы» и твердо помнить, что она для нея прежде всего мать.

Послѣ этого мачеха въ присутствіи мужа разговаривала со

своею падчерицею очень сдержанно. Но когда кончился обѣдъ и Степанъ Петровичъ отправился отдохнуть въ свою комнату, мачеха бросилась цѣловать падчерицу. Она разсказала ей, какъ она мечтала о ея пріѣздѣ, какъ изнываетъ въ тоскѣ въ этомъ захолустьѣ. Гости рѣдко бываютъ, а если и пріѣзжаютъ въ торжественные дни, то обыкновенно садятся за карты. И это еще самое лучшее, такъ какъ Марья Ѳедоровна, приготовивъ все, что слѣдуетъ для ихъ угощенія, могла тогда уходить къ себѣ. Гораздо непріятнѣе для нея разговоры гостей: одинъ похваляется передъ другимъ, какъ ему удалось надуть пріятеля, взявъ за негодную лошадь дорогую цѣну, другой объясняетъ, какую «штуку» онъ придумалъ, чтобы мужики и бабы не лѣнились. Но Марья Ѳедоровна не стала на первыхъ порахъ разсказывать падчерицѣ, въ чемъ состоятъ эти «штуки», говоря, что она сама скоро все увидитъ и узнаетъ. Теперь имъ вдвоемъ будетъ весело: онѣ будутъ гулять, читать и работать вмѣстѣ... Она конфузливо прибавила, что для этого, конечно, нужно будетъ улучать время, когда Степана Петровича не будетъ дома, такъ какъ онъ, видимо, желаетъ, чтобы она (Марья Ѳедоровна) разыгрывала роль почтенной матери семейства, а она этого не умѣетъ...

Падчерица съ мачехою быстро сблизились между собою и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сдѣлались самыми большими друзьями.

Матушка не только съ горячею любовью, но съ истиннымъ восторгомъ до конца своихъ дней вспоминала мачеху, говорила, что рѣдко родная мать относится съ такою нѣжною лаской и вниманіемъ къ своему дитяти, какъ она къ ней, что и ея братья, т. е. пасынки Марьи Ѳедоровны, тоже искренно привязались къ ней, хотя жили съ нею очень недолго. Несмотря на это, падчерица всегда называла ее «мамочкою» и «вы», а та ее — «Шурочкою» и «ты».

Моей матери такъ нравилась мачеха, она съ такимъ обожаніемъ смотрѣла на нее, что порой, бросаясь душить ее въ своихъ объятіяхъ, она съ энтузіазмомъ и въ то же время съ оттѣнкомъ горечи восклицала: «ахъ, мамочка, отчего я не могу родиться во второй разъ? Вѣдь тогда вы были бы моей настоящей, родной матерью!»

На это Марья Ѳедоровна неизмѣнно отвѣчала ей что-нибудь въ такомъ родѣ: «не понимаю, Шурочка, почему такъ хочется тебѣ этого?.. Видитъ Богъ, что и тогда я не могла бы любить тебя больше».

Требованія дѣдушки, предъявляемыя имъ къ дочери и женѣ, были такъ несложны, что обѣ онѣ скоро приноровились къ нимъ, и старику не за что было журить ни жену, ни дочь: обѣ женщины чинно разговаривали между собою въ его присутствіи и съ почтительнымъ смиреніемъ относились къ нему. Но какъ только Степанъ Петровичъ уходилъ со двора, онѣ начинали болтать, пѣть и возиться между собой. Чуть кто-нибудь изъ нихъ

заслышитъ его шаги, онѣ моментально разбѣгались въ разныя стороны и садились за свою работу.

Но вдругъ на нихъ посыпались напасти. Дѣдушка то и дѣло заставалъ ихъ на мѣстѣ преступленія: то онъ неожиданно входилъ въ комнату въ ту минуту, когда онѣ, схвативъ другъ друга за талію, носились по комнатѣ въ какомъ-нибудь танцѣ, то ловилъ ихъ на томъ, какъ онѣ съ хохотомъ бѣгали въ перегонку по аллеѣ сада. Онъ тутъ же рѣзко бранилъ дочь за то, что она осмѣливается за панибрата обращаться съ матерью, а жену—за то, что она забываетъ свое почтенное положеніе матери семейства и ребячится съ дѣвченкой, какъ равная съ равной.

Судя по тому, какъ Степанъ Петровичъ радовался гостямъ, какъ усердно зазывалъ ихъ къ себѣ, какъ оживленно бесѣдовалъ и шутилъ съ ними, видно было, что и его по временамъ одолѣвали скука и однообразіе деревенской жизни, но его домостроевскіе взгляды и деспотическій нравъ не давали ему возможности устроить человѣческія отношенія съ своими домашними. И вотъ, вѣроятно, вслѣдствіе этого онъ сталъ враждебно относиться къ тому, что обѣ женщины такъ весело проводили время безъ него. Но, когда пріѣхали его сыновья, молодые офицеры, отношенія между мужемъ и женой въ конецъ испортились.

Степану Петровичу не приходилось давать наставленія своимъ сыновьямъ, какъ обращаться съ мачехою,—они для этого были вполнѣ вышколены: они почтительно расшаркивались передъ нею, подходили къ ея ручкѣ, называли ее chère maman, умѣли вести бесѣду съ отцомъ безъ излишней живости, однимъ словомъ, въ точности исполняли всѣ требованія свѣтской вѣжливости и сыновняго почтенія по этикету того времени. Однако, послѣ нѣсколькихъ дней своего пріѣзда, увлеченные привлекательностью и добротою мачехи, молодые люди стали все чаще искать ея общества. Этому сближенію помогало и то, что усадьба Бухоново лежала въ сторонѣ отъ большой дороги и еще далѣе отъ какого бы то ни было, хотя бы даже маленькаго, уѣзднаго городишки; сосѣдей было мало, да и тѣ лѣтомъ рѣдко заглядывали въ помѣстье дѣда. И вотъ оба брата, Иванъ и Николай, ихъ сестра Саша (моя мать) и ихъ мачеха, безъ предварительнаго соглашенія между собою, стали вмѣстѣ собираться каждый разъ, когда хозяинъ дома уѣзжалъ по дѣламъ или уходилъ на охоту. Тогда они весело проводили время вчетверомъ и точно такъ же прерывали оживленный разговоръ на полуфразѣ и разбѣгались по разнымъ комнатамъ, когда раздавались шаги дѣда или еще издали звенѣлъ колокольчикъ, напоминавшій о его возвращеніи.

Но это невинное времяпрепровожденіе было внезапно грубо нарушено. Въ домѣ былъ органъ: когда однажды хозяинъ кудато уѣхалъ, Марья Өедоровна приказала горничной вертѣть ручку

органа, и молодые люди такъ увлеклись танцами, что не замѣтили его возвращенія. Разыгралась отвратительная сцена: мужъ въ неистовствѣ топалъ ногами на жену, кричалъ, что «она отняла у него родныхъ дѣтей, что она обольщаетъ пасынковъ», и уже бросился къ ней съ поднятыми кулаками, но сыновья загородили ее отъ него, упали передъ отцомъ на колѣни, цѣловали его руки, умоляя пощадить ее. Но это только вызвало въ дѣдушкѣ неистовый взрывъ ревности и негодованія, и онъ началъ осыпать непечатною бранью и сыновей, и жену. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ эту минуту не раздались подъ окнами звонъ бубенцовъ и колокольчика. Пріѣхавшимъ гостемъ оказался Николай Григорьевичъ Цевловскій.

Дѣдъ былъ до крайности любезенъ съ моимъ покойнымъ отцомъ и упросилъ его погостить у него нѣсколько дней; рады этому были и остальные, такъ какъ понимали, что отвратительныя семейныя сцены при немъ не могутъ возобновиться.

Николай Григорьевичъ, только что поселившійся въ имѣніи своихъ покойныхъ родителей, въ селѣ Погорѣломъ, оказался самымъ близкимъ сосѣдомъ дѣдушки. Послѣ перваго своего визита въ Бухоново, Цевловскій посѣтилъ еще нѣсколько разъ дѣдушку и очень скоро сдѣлалъ формальное предложеніе его дочери. Получивъ согласіе, онъ сталъ торопиться со свадьбой, говоря, что онъ желаетъ, чтобы на ней присутствовали братья невѣсты, которые уже начали поговаривать о своемъ отъѣздѣ. Спѣшка со свадьбой вполнѣ совпадала и съ желаніями дѣдушки, вѣроятно, потому, что онъ хотѣлъ поскорѣе сбыть съ рукъ всѣхъ своихъ дѣтей, нарушившихъ заведенный въ домѣ порядокъ.

— Ну что же, мамашечка, блестящій балъ былъ на вашей свадьбѣ? Все такъ происходило, какъ вамъ было обѣщано?—спросила я матушку.—И онъ съ гитарою въ рукахъ и на колѣняхъ передъ вами воспѣвалъ вашу красоту?

— Ахъ, ты, дрянь,—закричала на меня мать, хотя у меня уже были въ то время свои дѣти.—Какъ ты смѣешь говорить *онъ*, когда дѣло идетъ о твоемъ покойномъ отцѣ!

Хотя изъ воспоминаній матушки о старинѣ видно было совершенно ясно, что она весьма и весьма не одобряла поведенія дѣдушки и отношенія его къ дѣтямъ и женѣ, хотя она уже въ значительной степени прониклась идеалами 60-хъ годовъ, но она до конца жизни сохраняла многое изъ старинныхъ понятій и взглядовъ. Одно изъ главныхъ житейскихъ правилъ, которымъ она всегда руководилась, состояло въ томъ, чтобы немедленно «обрывать» своихъ дѣтей, когда кто-нибудь изъ нихъ, по ея понятію, «забывался», т. е. говорилъ и дѣлалъ не такъ, какъ она находила это нужнымъ. При этомъ она ни малѣйшаго вниманія не обращала на то, были ли ея дѣти малолѣтними или совсѣмъ немолодыми людьми, происходило ли это въ кругу домашнихъ или въ большомъ обществѣ. Матушка была убѣждена въ томъ, что такое зло нужно пресѣкать немедленно. Но рѣзко оборвавъ кого-нибудь

изъ дѣтей, она послѣ этого не дулась на насъ, не ворчала, а продолжала разговаривать съ нами, какъ ни чемъ не бывало, въ самомъ благодушномъ тонѣ. И мы, ея дѣти, совершенно привыкли къ этому вздергиванiю насъ отъ времени до времени. Будучи взрослыми и сказавъ что-нибудь не такъ, какъ у насъ это допускалось домашними обычаями, кто-нибудь говорилъ ей: «Ну, мамашечка, а разносъ?.. Вы и забыли? раскатайте-ка его хорошенько!..» Если матушка была въ веселомъ настроенiи,—это сходило намъ съ рукъ, а если въ дурномъ, то за этимъ слѣдовали нотацiи продолжительнѣе обыкновеннаго, и тогда уже доставалось не только тому, кто провинился, но и тому, кто осмѣливался учить ее, какъ поступать съ провинившимся.

— Дорогая, не сердитесь... разскажите же про вашу свадьбу,— приставали мы къ ней.

— Что же, свадьба была богатая! За недѣлю верховые разосланы были съ приглашенiями. Но не было ни гитары, ни «опытныхъ танцоровъ со шпорами, кромѣ моихъ братьевъ-офицеровъ. Мы съ Марьей Ѳедоровной много танцовали и веселились, но только все почти въ своей компанiи, т. е. съ моими братьями и Николаемъ Григорьевичемъ. Когда наѣхали гости, я просто была поражена: увальни какiе-то, медвѣди! Свадьба моя и дорого обошлась моему отцу и принесла ему только однѣ непрiятности: огорчали его гости, огорчали жена и сыновья, да и мы съ Николаемъ Григорьевичемъ не доставили ему особеннаго удовольствiя... Ахъ, дѣтушки, не понравились бы и вамъ помѣщики того времени! Конечно, вы не стали бы, можетъ быть, винить ихъ за то, что они были совсѣмъ какими-то неотесанными... А я просто не могла смотрѣть на нихъ безъ смѣха. Но они поражали меня не только своею неуклюжестью. Хотя я до тѣхъ поръ совсѣмъ не бывала въ обществѣ, но все же поняла, что большая часть ихъ были люди грубые, необразованные, а шутки, остроты и намеки ихъ были до невѣроятности неделикатны и даже грязны. Николай Григорьевичъ рѣзко выдѣлялся среди нихъ и своими манерами, и своими разговорами. Нужно вамъ сказать, что, несмотря на свою застѣнчивость, я уже до свадьбы перестала дичиться своего жениха и разболтала ему обо всѣхъ своихъ институтскихъ дѣлишкахъ. Потомъ-то я, конечно, поняла, что онъ выказывалъ интересъ къ моимъ росказнямъ только для того, чтобы возбудить мое довѣрiе къ нему,—вѣдь ни о чемъ другомъ я и говорить-то тогда не могла... Онъ зналъ фамилiи моихъ любимыхъ подругъ, каждой классной дамы, зналъ характеристику и прозвище каждой изъ нихъ, запомнилъ различiе между «мовешками» и «парфетками», «подлипалами» и «славнушками», «отвратками» и «подхалимками».

— Смотрите, смотрите,—говорилъ онъ мнѣ, указывая на помѣщичью пару очень непрезентабельнаго вида, видимо желавшую къ намъ подойти,—къ намъ приближается «змѣя подколодная» (прозвище одной моей классной дамы),—скорѣй убѣжимъ

отъ нея на другой конецъ...—И онъ, не прекращая танца, несся со мной на другой конецъ залы. Я хохотала до упаду... Подходитъ мой отецъ и, обращаясь къ Николаю Григорьевичу, спрашиваетъ его: «чему мы такъ смѣемся?» Тотъ былъ въ такомъ веселомъ настроеніи, что, не мѣняя тона, отвѣчалъ ему: «да за нами неслась цѣлая стая «мовешекъ», «фурій» и «змѣй»...

— Что же это значитъ?..

— Это все Шурочкины институтскія пріятельницы.—И, не обращая вниманіе на моего отца, онъ продолжалъ шутить въ такомъ же родѣ. Я отъ удовольствія прыгала, смѣялась и тоже забыла о батюшкѣ. Сердито пожимая плечами, онъ уходилъ отъ насъ недовольный и подходилъ къ другой группѣ, гдѣ его жена, оживленно болтая, танцовала съ однимъ изъ его сыновей, или отдыхала послѣ танца, окруженная гостями, которые засыпали ее своими глупыми комплиментами. Но вотъ пробирается онъ къ наиболѣе почтеннымъ гостямъ, а кто-нибудь изъ нихъ кричитъ ему: «ишь ты, старый грѣховодникъ, какую себѣ кралю подцѣпилъ!» Или: «ахъ ты, старый хрѣнъ, поди, какъ у тебя подъ сердце-то подкатываетъ... всѣ около твоей молодухи увиваются!»... А то вдругъ кто-нибудь его окликнетъ, точно за дѣломъ, а самъ закричитъ ему на всю залу: «а вѣдь жонка-то отъ тебя, стараго, сбѣжитъ, какъ пить дастъ, сбѣжитъ!»

Когда мы потомъ съ мачехой вспоминали о свадьбѣ, мы много толковали о томъ, какъ все это было тяжело для отца. Не даромъ послѣ этого онъ такъ круто измѣнился къ своей женѣ.

— «Мамашечка!»—вдругъ спросила матушку одна изъ моихъ сестеръ. — «Ко времени вашей свадьбы вы уже, конечно, успѣли влюбиться въ отца?».

— Никогда въ жизни я не задавала себѣ такихъ глупыхъ вопросовъ! Всѣ эти ваши слова о страстной любви, о неземныхъ увлеченіяхъ,—только однѣ пошлости и больше ничего... Начитались вы глупыхъ романовъ, вотъ такія фразы и сыплются у васъ, какъ горохъ изъ мѣшка. Вы считаете даже, что счастливый бракъ не можетъ быть безъ страстной любви, а я нахожу ее только помѣхою. Достаточно я видала браковъ по страсти... Вотъ хотя бы взять Марью Васильевну (наша дальная родственница). Родители отказали ея жениху. Она отчаянно убивалась и въ концѣ-концовъ обвѣнчалась тайкомъ. А черезъ полтора года муженекъ уѣхалъ по дѣламъ, да и былъ таковъ, она же съ ребенкомъ осталась безъ куска хлѣба и возвратилась въ родительскій домъ. Я очень глупо вышла замужъ, сознаюсь, вышла замужъ только изъ-за бала, и что же? Прожила съ мужемъ двадцать лѣтъ душа въ душу, до самой его смерти... Насъ чуть не вся губернія знала, и всѣ говорили, что другую, болѣе счастливую пару, чѣмъ мы съ Николаемъ Григорьевичемъ, трудно найти въ нашей мѣстности.

Это было вполнѣ справедливо: помѣщики и помѣщицы, хорошо знавшіе моихъ родителей, вспоминая прошлое, а слѣдова-

тельно, и тотъ развратъ, который повсемѣстно царилъ среди нихъ во время господства крѣпостного права, указывали, какъ на совершенное исключеніе, на жизнь моихъ родителей.

Лично я не знала ни дѣдушки, ни его второй жены,—оба они умерли гораздо раньше моего появленія на свѣтъ. Все, что я описываю здѣсь о нихъ, я узнала отъ близкихъ мнѣ лицъ, и болѣе всего отъ моей матери.

Дѣдушка, Степанъ Петровичъ Гонецкій, былъ помѣщикомъ средней руки: онъ имѣлъ два имѣнія и, кромѣ того, владѣлъ еще маленькимъ фольваркомъ, Васильковымъ, находившимся въ верстахъ въ 18-ти отъ Бухонова; крѣпостныхъ у него было болѣе ста душъ. Жилъ онъ по тогдашнему времени въ очень большомъ домѣ, но такъ плохо поддерживалъ постройку, что она послѣ его смерти совсѣмъ развалилась, а скоро затѣмъ была растаскана по бревнамъ. Несмотря на это, онъ велъ хозяйство на широкую ногу, держалъ огромный штатъ прислуги: «дѣвокъ», лакеевъ, казачковъ, кучеровъ, имѣлъ онъ и выѣздныхъ лошадей, нѣсколько экипажей и свору охотничьихъ собакъ, но свободныхъ денегъ, какъ это было тогда и съ другими помѣщиками, у него никогда не было. Какъ только въ нихъ являлась необходимость, такъ приходилось экстренно продавать что-нибудь изъ имѣнія: какой-нибудь лѣсокъ, нѣсколькихъ лошадей или коровъ и крестьянъ цѣлыми семьями. За второю женою дѣдушка не взялъ никакого приданаго, кромѣ домашней обстановки.

Марья Өедоровна лишилась матери въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Когда ей исполнилось лѣтъ 8—9, отецъ отдалъ ее въ интернатъ одного изъ самыхъ модныхъ московскихъ пансіоновъ. Онъ и раньше велъ безпутный образъ жизни, а сдѣлавшись вдовцомъ, сталъ такъ кутить, что привелъ въ полное разстройство свое когда-то хорошее имѣніе. Послѣ его внезапной смерти опекуномъ Марьи Өедоровны, въ то время еще не кончившей пансіонскаго курса, назначенъ былъ мужъ ея двоюродной сестры. Онъ гораздо болѣе заботился о себѣ, чѣмъ объ опекаемой имъ сиротѣ. Ко времени окончанія воспитанія Марьи Өедоровны у нея уже не было ни имѣнія, ни даже дома: все было продано съ молотка, всѣ вырученныя деньги, по словамъ опекуна, пошли какъ на покрытіе громадныхъ долговъ ея отца, такъ и на необходимыя траты по ея воспитанію. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что имѣніе и домъ были проданы подставному лицу и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлались собственностью опекуна.

По выходѣ изъ пансіона Марьи Өедоровны, ее, какъ бы изъ милости, взялъ къ себѣ опекунъ. Какъ на величайшую свою заслугу онъ указывалъ на то, что сохранилъ для сироты прекрасную, по тѣмъ временамъ, обстановку ея родительскаго дома и платья ея матери. Степанъ Петровичъ Гонецкій, встрѣтивъ нѣсколько разъ молодую дѣвушку, сдѣлалъ ей предложеніе, но она отказала ему.

Мѣстные обыватели упорно говорили, что послѣ того, какъ

Гонецкій получилъ отказъ отъ Марьи Өедоровны, онъ вошелъ съ опекуномъ въ такую сдѣлку: если тотъ постарается склонить молодую дѣвушку на бракъ съ нимъ, онъ, Гонецкій, не потребуетъ отъ него отчета по опекѣ, за который ему приходилось сильно побаиваться, не подниметъ дѣла о незаконной продажѣ родового имѣнія Марьи Өедоровны. Состоялось ли такое соглашеніе между дѣдушкою и опекуномъ, осталось неизвѣстнымъ даже и для Марьи Өедоровны, но она разсказывала моей матери, что съ тѣхъ поръ, какъ она отказала дѣдушкѣ въ своей рукѣ, жизнь въ домѣ опекуна сдѣлалась для нея невыносимой. Его жена, т. е. ея двоюродная сестра, ихъ взрослыя дочери и самъ опекунъ чуть не ежедневно настойчиво убѣждали ее принять предложеніе дѣдушки. Такъ какъ она не соглашалась на это, то они стали возмутительно обращаться съ нею и попрекали ее каждымъ кускомъ. Наконецъ, опекунъ объявилъ ей, что онъ нашелъ мѣсто въ губернскомъ городѣ и не можетъ взять ее со своею семьею, такъ какъ находится въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Впослѣдствіи оказалось, что онъ никуда не собирался уѣзжать, но молодая дѣвушка пришла въ отчаяніе, не зная, что ей дѣлать съ собой. Кромѣ двоюродной сестры—жены опекуна, у Марьи Өедоровны не было на свѣтѣ ни одного близкаго лица, съ кѣмъ бы она могла посовѣтоваться, и она не нашла никакого другого выхода изъ своего положенія, какъ принять предложеніе Гонецкаго, когда тотъ повторилъ его.

Разсказывая моей матери о своей двухлѣтней брачной жизни, Марья Өедоровна говорила ей, что Степанъ Петровичъ, до пріѣзда его дѣтей, никогда не былъ съ нею ни жестокъ, ни грубъ; напротивъ, онъ старался окружить ее полнымъ довольствомъ, а когда отлучался въ городъ, привозилъ ей щедрые подарки. Но, несмотря на это, жизнь съ мужемъ становилась для нея все невыносимѣе. Пока она ожидала ребенка, она кое-какъ еще мирилась съ своимъ положеніемъ, но когда она потеряла и эту надежду, она рѣшилась уйти въ манастырь. Однако она боялась приступить съ этой просьбой къ мужу, и ее стала душить тоска, которую она не могла скрыть даже отъ него. Степанъ Петровичъ сталъ часто заставать ее въ слезахъ и журилъ ее, говоря, что каждая на ея мѣстѣ только радовалась бы, живя въ такомъ довольствѣ, что пусть она скажетъ ему, чего она еще хочетъ, и онъ все сдѣлаетъ, лишь бы она не тосковала. Эти утѣшенія совсѣмъ не утѣшали ея, и всю надежду она возлагала на пріѣздъ мужниной дочери Александры, которая скоро выйдетъ изъ института, на то, что она будетъ жить вмѣстѣ съ ними въ Бухоновѣ, и ея жизнь такимъ образомъ скрасится присутствіемъ молодой падчерицы, которой она постарается быть родною матерью. Но, какъ уже извѣстно, и эти мечты несчастной женщины не осуществились.

Поспѣшныя приготовленія къ свадьбѣ моей матери, частыя посѣщенія Бухонова моимъ отцомъ въ качествѣ жениха,—все это

сдерживало домашнія сцены между мужемъ и женою. Впрочемъ, онѣ не могли происходить и потому, что дѣдушка въ это время рѣдко бывалъ дома. Чтобы дать хотя самое скромное приданое дочери и сыграть свадьбу, соотвѣтственную съ его положеніемъ, ему часто приходилось ѣздить какъ въ городъ, такъ и въ свое другое имѣніе. Это дало возможность молодежи по цѣлымъ днямъ оставаться вмѣстѣ. Хотя дѣдушка теперь мало сидѣлъ дома, но онъ не могъ не замѣтить, что и мой отецъ, самъ по себѣ не будучи въ то время уже молодымъ человѣкомъ, примкнулъ къ кругу молодежи, и что всѣ они одинаково относились къ Марьѣ Ѳедоровнѣ съ большимъ вниманіемъ. Матушка, разсказывая о М. Ѳ., обыкновенно прибавляла, что каждый, кто хотя нѣсколько сближался съ нею, проникался къ ней необыкновенною симпатіею. Такъ относились къ ней и помѣщики, и крестьяне, и близкіе, и дальніе, и свои, и чужіе. Ея привлекательная внѣшность вполнѣ гармонировала съ ея душевными и умственными качествами. Будучи по натурѣ чрезвычайно кроткой, но живой, она въ то же время была умна, находчива и внимательна къ каждому.

После свадьбы моей матери, крутой и властный нравъ дѣдушки настолько обострился, что онъ уже началъ не только придираться ко всякому пустяку, но и давать волю рукамъ. Жизнь молодой женщины сдѣлалась настоящей каторгой, и она однажды бросилась на колѣни передъ своимъ мужемъ, умоляя его отпустить ее въ монастырь. Но это-то окончательно и взбѣсило дѣдушку. Его ненависть къ монастырямъ была всѣмъ извѣстна: въ разговорахъ съ сосѣдями онъ обыкновенно приравнивалъ ихъ къ «непотребнымъ домамъ». Просьба жены показалась ему неслыханною дерзостью, презрѣніемъ къ его взглядамъ. Онъ тутъ же избилъ ее за это до полусмерти и объявилъ, что, вмѣсто монастыря, онъ на другой же день отправитъ ее въ Васильково.

Въ фольваркъ Васильково дѣдушка ссылалъ всѣхъ, чѣмъ-нибудь провинившихся передъ нимъ крестьянъ, которые должны были, смотря по времени года, заниматься рубкою дровъ, или выкорчевываніемъ корней деревьевъ. Простой народъ называлъ Васильково „Выселками“ или „Ссыльнымъ поселкомъ“. Надъ опальными крестьянами, которые въ наказаніе были поселены здѣсь безъ своихъ семействъ, надзиралъ особый староста, тоже простой крестьянинъ, единственный неопальный человѣкъ среди Васильковскаго люда, а потому и жившій здѣсь съ своею семьею. Этотъ пустынный и жалкій поселокъ состоялъ изъ сѣнныхъ сараевъ и построекъ для лошадей, нѣсколькихъ избъ, въ которыхъ жили опальные крестьяне, и изъ конторы—тоже простой хаты, только нѣсколько побольше остальныхъ, которая служила жилищемъ старосты и его семьи. Больше ничего не было въ этомъ фольваркѣ — ни огорода, ни сада, не было по близости и другихъ жилищъ: болота, безконечныя болота и топкія лужайки тянулись вокругъ. Дѣдушка приказалъ поселить свою молодую жену въ конторѣ этого поселка.

Итакъ, жена зажиточнаго помѣщика, жившая до тѣхъ поръ въ довольствѣ и холѣ, должна была поселиться въ болотистой мѣстности и жить безъ всякихъ средствъ, такъ какъ мужъ ни при ея отъѣздѣ, ни впослѣдствіи не далъ ей ни денегъ, ни провизіи, ни скота, ни прислуги. Чтобы сдѣлать для жены это изгнаніе еще болѣе унизительнымъ и чувствительнымъ, дѣдушка въ день ея отъѣзда всталъ съ разсвѣтомъ и, увидавъ на дворѣ телѣгу, въ которой обыкновенно вывозили навозъ, закричалъ на весь дворъ такъ, чтобы его могли услышать всѣ крестьяне, находившіеся тамъ: «въ этой телѣгѣ вы вывозите навозъ изъ хлѣвовъ, а сегодня будете вывозить навозъ изъ моего дома». И онъ приказалъ запречь въ навозную телѣгу рабочую лошадь и везти свою жену въ Васильково. Затѣмъ, подозвавъ къ крыльцу двухъ дворовыхъ, которые должны были везти Марью Өедоровну, онъ, подъ угрозою строгаго наказанія, запретилъ имъ класть на подводу какія бы то ни было вещи, кромѣ ея двухъ сундуковъ съ одеждою. Когда одна изъ дѣвокъ пробѣжала мимо него съ подушками, не зная, что и это запрещено класть на возъ, дѣдушка ударилъ ее со всей силы, вырвалъ у нея подушки и бросилъ ихъ на землю.

Только-что этотъ печальный кортежъ, т. е. Марья Өедоровна, сидящая на сѣнѣ въ навозной телѣгѣ съ крестьяниномъ вмѣсто кучера, и сзади подвода съ ея сундуками, сдѣлали нѣсколько верстъ по скверной осенней дорогѣ, какъ ихъ догналъ верховой съ приказаніемъ отъ барина немедленно вернуться назадъ. Это извѣстіе было принято за знакъ того, что баринъ положилъ гнѣвъ на милость и позволяетъ своей ни въ чемъ неповинной женѣ возвратиться снова къ нему. Оба крестьянина, сопровождавшіе Марью Өедоровну, соскочили съ телѣгъ и бросились цѣловать ея руки. Выходили изъ хатъ и крестьяне на встрѣчу своей госпожѣ, плакали отъ радости и крестились, приговаривая: „слава Богу, слава Богу“. Но когда Марья Өедоровна подъѣхала къ дому, дѣдушка вышелъ на крыльцо и закричалъ женѣ, чтобы она не смѣла ни на шагъ никуда отлучаться изъ Василькова, чтобы она безвыѣздно проживала тамъ, что, если она осмѣлится нарушить его приказаніе, онъ отправитъ ее туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ.

Вторичный отъѣздъ Марьи Өедоровны, видимо, вызвалъ въ крестьянахъ душевное сокрушеніе о своей бывшей барынѣ, которая была съ ними всегда привѣтлива и добра; они выходили изъ своихъ хатъ съ образами, крестили и благословляли ее, рыдая навзрыдъ, цѣловали ея руки, кланялись земно. Бабы связывали ноги и крылья курицъ и совали ихъ въ телѣгу, ставили туда лукошки съ яйцами, узелки съ ковригами хлѣба. Одна баба выбѣжала съ подушкою въ рукѣ и, подсовывая ее подъ голову полуживой Марьи Өедоровны, сказала: «она у меня чистенькая, барынька, не побрезгуй... Дочкѣ въ приданое готовила»... А старуха, снявъ съ шеи кипарисовый крестикъ на снуркѣ и надѣ-

вая его Маріи Өедоровнѣ, проговорила, обливаясь слезами: «Не обезсудь, болѣзная... Ничего нѣтути у самой... отъ покойнаго сынишки, младенца Ванюши... онъ тебя сохранитъ своими чистыми молитвами».

Помѣщичій домъ въ Бухоновѣ стоялъ на невысокой горѣ, внизу которой разстилалось прекрасное озеро на десять верстъ въ длину, а въ серединѣ, на самомъ его узкомъ мѣстѣ, въ ширину была лишь верста съ небольшимъ. На противоположномъ берегу этого озера, нѣсколько наискось, тоже на возвышенномъ мѣстѣ, стоялъ домъ моихъ родителей Цевловскихъ. Изъ Бухонова въ Погорѣлое нужно было сухимъ путемъ ѣхать въ объѣздъ верстъ пятнадцать, а по озеру крестьяне въ своихъ душегубкахъ переѣзжали изъ одного имѣнія въ другое часа въ полтора. Мѣщанинъ, бывшій по своимъ дѣламъ въ Бухоновѣ въ моментъ изгнанія Марьи Өедоровны, возвращался въ свою лавку, находившуюся недалеко отъ Погорѣлаго и завернулъ къ моей матери, чтобы разсказать ей все, что только-что произошло съ ея мачехою. Такимъ образомъ мои родители очень скоро узнали о случившемся въ Бухоновѣ. Мой отецъ сталъ сейчасъ же торопить людей, чтобы они запрягали бричку и приготовляли подводы подъ вещи, а матушку просилъ какъ можно скорѣе укладывать вещи и провизію для Марьи Өедоровны, необходимыя въ хозяйствѣ на первыхъ порахъ. Но вдругъ, въ самый разгаръ этихъ сборовъ, матушкѣ пришло въ голову, что родной отецъ можетъ проклясть ее за помощь мачехѣ. Тогда эти родительскія проклятія были въ большомъ ходу, и каждый боялся пуще смерти накликать ихъ на себя. Она бросилась къ мужу и передала ему свою мысль. Но онъ началъ стыдить ее за то, что она въ такую тяжелую для Марьи Өедоровны минуту болѣе думаетъ о себѣ и проклятіяхъ взбалмошнаго старика, чѣмъ о невинно-погибающей женщинѣ, которая выказала ей столько любви и ласки.

— Да, — говорила намъ при этомъ матушка, — хотя я во многихъ взглядахъ расходилась съ вашимъ отцомъ при его жизни, но всегда понимала, особенно же ясно сознаю это теперь, что я и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи была ниже его. Вамъ трудно повѣрить, но клянусь вамъ всѣми святыми, что вашъ отецъ уже въ 30-хъ и 40-хъ гг., слѣдовательно, въ эпоху злѣйшаго крѣпостничества, проводилъ тѣ же гуманныя идеи, какимъ слѣдуете и вы. Когда я что-нибудь начинаю дѣлать, я всегда думаю: а какъ бы Николай Григорьевичъ взглянулъ на это, что бы онъ сказалъ?.. Да, онъ былъ лучшій изъ людей, которыхъ я знала!

И вотъ, матушка съ отцомъ торопили людей, чтобы они скорѣе клали на подводы все, что имъ было приказано: посуду, перины, подушки, провизію, и сами, не медля ни минуты, отправились въ дорогу. Изъ Погорѣлаго въ Васильково дорога была короче и лучше, чѣмъ изъ Бухонова; къ тому же мои родители ѣхали быстро и не останавливались, а Марью Өедоровну везли

шагомъ, и ее приходилось выносить изъ телѣги и класть на лавку въ нѣсколькихъ попадавшихся по дорогѣ хатахъ,—такъ плохо чувствовала она себя. Вслѣдствіе этого, когда телѣженка Марьи Ѳедоровны въѣхала на дворъ Василькова съ одной стороны, съ противоположной—внеслась туда же бричка моихъ родителей, запряженная тройкой.

Марью Ѳедоровну на рукахъ перенесли въ экипажъ родителей, пока на скорую руку приготовляли для нея комнаты, точнѣе сказать избу или контору, перегороженную на три клѣтушки.

Ссылка на болото потрясла молодую женщину своею неожиданностью, проводы же крестьянъ тронули ее до глубины души, и ей стали приходить мысли, которыя раньше не посѣщали ея. Она горько упрекала себя за то, что никогда не думала хотя чѣмъ-нибудь облегчить жалкое положеніе крестьянъ, и, по ея словамъ, выходило, что она «задаромъ приняла ихъ ласку, жалость и любовь къ себѣ. Правда я не могла многаго сдѣлать для нихъ, но должна была пытаться хотя защищать ихъ. Конечно, Степанъ Петровичъ человѣкъ суровый», разсуждала она, «но до послѣдняго времени онъ любилъ меня по своему... Можетъ быть, если бы я стала просить его за ссыльныхъ въ минуты, когда проходили его вспышки, онъ, пожалуй, и не разлучалъ бы ихъ съ семьями, либо прощалъ бы ихъ черезъ мѣсяцъ-другой. Если бы онъ даже только обругалъ меня за то, что я суюсь не въ свое дѣло, все же у меня на сердцѣ не было бы такъ тяжело... А я думала только объ одномъ, чтобы не перечить ему, чтобы лишній разъ не слышать его наставительнаго тона, значитъ, дѣлала только то, чтобы мнѣ самой было спокойнѣе».

Мысль, что къ ней, которая ничего не сдѣлала хорошаго крестьянамъ, они отнеслись съ такимъ сочувствіемъ,—жила въ ней всю жизнь. На свое изгнаніе она стала смотрѣть, какъ на перстъ Провидѣнія, который указывалъ ей быть матерью, утѣшительницею и помощницею ссыльныхъ крестьянъ, съ которыми судьба ее столкнула. Будучи женщиной религіозной, она придавала чудотворное значеніе кипарисовому крестику, который надѣла ей на шею старуха, когда ее отправляли въ ссылку; она вѣрила, что покойный младенецъ Ванюша передъ престоломъ Всевышняго дѣйствительно будетъ ходатайствовать за нее. Какъ на явный признакъ такого заступничества, она указывала на то, что мои родители, мало знавшіе ее до этого несчастія, и которымъ она собственно и родней-то настоящей не приходилась, явились ея истинными благодѣтелями и друзьями.

— Вы знаете, дѣтушки,—говорила намъ мать,—я въ павлиныя перья наряжаться не люблю, представлять себя лучше, чѣмъ я была и есть,—не въ моемъ характерѣ, а потому и скажу вамъ, что нерѣдко, когда вашъ отецъ заводилъ разговоры съ М. Ѳ. на серьезныя темы, я не все понимала, а когда они говорили о помѣщикахъ, о крѣпостныхъ, о воспитаніи дѣтей, мнѣ

не все было понутру. Мачеха въ ту пору какъ-то больше, чѣмъ я, подходила къ его взглядамъ. Я же всѣ эти идеи воспринимала мало-по-малу, медленно, многія изъ нихъ усвоила только послѣ его смерти, а кое-что мнѣ стало ясно уже изъ споровъ и разговоровъ съ вами и вашими знакомыми, когда вы повыросли. При жизни же вашего отца я частенько огорчала его непониманіемъ многаго, оскорбляла его чистые помыслы, его великую душу.—И при этомъ воспоминаніи матушка вдругъ залилась слезами.

— Мамашечка, вѣдь вы же хорошая!—утѣшали мы ее, тронутые ея искренностью.—Вѣдь если васъ всю жизнь любилъ такой человѣкъ, какъ отецъ, значитъ, онъ видѣлъ, что вы по натурѣ—человѣкъ очень хорошій, только у васъ были нѣкоторыя привычки того времени...

— Вотъ именно, привычки... Да, привычки были дурныя, по нынѣшнимъ временамъ даже постыдныя,—говорила она, утѣшенная нашими словами, зная, что мы говоримъ искренно и скорѣе можемъ быть грубоватыми съ нею, но неспособны льстить въ угоду ей.

— Разскажите же, голубчикъ, въ чемъ и какъ выражались у васъ идейныя размолвки съ отцомъ?

— А вотъ, бывало, М. Ѳ. говоритъ ему что-нибудь въ такомъ родѣ: „Какъ это обидно, что для насъ, помѣщиковъ, нужно какое-нибудь тяжелое горе для того, чтобы мы рѣшились быть людьми“...

— Да не всѣхъ этому и горе научаетъ,—отвѣчаетъ ей Николай Григорьевичъ,— наши помѣщики глубоко убѣждены въ томъ, что только они одни люди, а крестьяне—скоты, и что съ ними, какъ со скотами, и поступать надо.

Подобныя разсужденія ихъ обоихъ меня всегда злили, и я начинала доказывать имъ, что крестьяне дѣйствительно часто поступаютъ, какъ скоты, приводила примѣры, какъ они звѣрски убили того или другого помѣщика, какъ надули, обокрали и т. д.

— А отъ кого ты все это слышишь?—возражалъ мужъ— отъ тѣхъ же помѣщиковъ! Но тебѣ не безызвѣстно какъ они до смерти засѣкаютъ крестьянъ, какъ въ наказаніе надѣваютъ имъ рогатки на шею? Ну, и доводятъ себя до того, что крестьяне звѣрски убиваютъ своихъ тирановъ.—А то, бывало, съ сердцемъ прибавитъ: „удивительно, Шурочка, что въ тебѣ, именно въ тебѣ такъ крѣпко засѣла крѣпостная закваска! Съ ранняго возраста ты воспитывалась въ институтѣ, крестьяне лично не сдѣлали тебѣ ничего дурного, ты еще и теперь ребенокъ, жизни совсѣмъ не знаешь, а разсуждаешь, какъ заправская помѣщица!»

Передъ отъѣздомъ изъ Василькова мои родители обѣщали часто навѣщать М. Ѳ. и ее умоляли пріѣзжать къ нимъ въ Погорѣлое. Но она испугалась даже этой мысли, утверждая, что Степанъ Петровичъ не запретилъ и не можетъ запретить моимъ родителямъ бывать у нея (хотя они могутъ уже и этимъ навлечь

его гнѣвъ на себя), а ей онъ прямо приказалъ безвыѣздно жить въ Васильковѣ, объявилъ, что, если она нарушитъ его волю, онъ выполнитъ свою угрозу и еще болѣе ухудшитъ ея положеніе.

Всѣ эти разговоры шли въ крошечныхъ комнатахъ, въ которыхъ съ утра до вечера толклись люди, занятые отдѣлкою и чисткою жилища М. Ѳ., слѣдовательно, они слышали все, о чемъ говорили господа. Въ день отъѣзда, когда уже былъ поданъ экипажъ моихъ родителей, всѣ «ссыльные», а также семья старосты и люди отца, привезенные имъ для услугъ, собрались на дворѣ и, при появленіи моихъ родителей, бросились на колѣни передъ ними, упрашивая ихъ, чтобы они пріѣзжали къ М. Ѳ. и чтобы она навѣщала ихъ, при этомъ они клялись, что никто изъ нихъ никогда не проговорится объ этомъ «старому барину».

Хотя Марія Ѳедоровна была увѣрена въ томъ, что крестьяне свято сдержатъ свое слово, но она не сомнѣвалась, что ея мужъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, когда она стала часто ѣздить въ Погорѣлое, зналъ объ этомъ, но не показывалъ вида, что это ему извѣстно, и держалъ себя такъ, точно жены его не существовало; онъ никогда не писалъ ей, не дѣлалъ относительно ея никакихъ распоряженій, ничего не посылалъ ей. Но о своемъ несчастномъ фольваркѣ онъ не забывалъ: онъ попрежнему ссылалъ туда провинившихся крестьянъ, а нѣкоторымъ изъ раньше сосланныхъ приказывалъ возвратить. Вообще дѣдушка съ момента изгнанія своей жены ни разу не видалъ ее вплоть до самой кончины ея.

До первыхъ родовъ моей матери мои родители часто посѣщали М. Ѳ., но она долго не рѣшалась навѣщать ихъ. Когда они пріѣзжали въ Васильково, большая часть времени проходила у нихъ въ совмѣстномъ чтеніи. Отецъ читалъ вслухъ Пушкина, а также сочиненія Руссо и Вольтера въ подлинникѣ, такъ какъ всѣ трое прекрасно знали французскій языкъ.

Разсказывая намъ о совмѣстномъ чтеніи втроемъ, матушка при этомъ чистосердечно сознавалась, что какъ это чтеніе, такъ и разсужденія отца по поводу прочитаннаго, несравненно болѣе живо воспринимались ея мачехою, чѣмъ ею, такъ какъ она сама была еще очень молода. Къ тому же институтское воспитаніе того времени, не давая ни знаній, ни малѣйшаго умственнаго развитія, въ то же время притупляло наблюдательность, а М. Ѳ. была и старше ея на четыре года, и воспитывалась не въ закрытомъ заведеніи, а въ хорошемъ пансіонѣ и имѣла возможность думать и наблюдать все, ее окружающее.

М. Ѳ., по словамъ моей матери, была въ неописанномъ восторгѣ отъ этихъ чтеній, которыя открыли ей, какъ она говорила, новый міръ. Когда отецъ уѣзжалъ, она на время удерживала у себя книги, переписывала то, что ей особенно нравилось и, обладая замѣчательною памятью, произносила наизусть съ необыкновеннымъ выраженіемъ большіе отрывки изъ названныхъ писателей. Она вообще вела въ Васильковѣ дѣятельный образъ жизни:

серьезно занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, желая извлечь изъ него наибольшую выгоду, въ то же время постоянно посѣщала ссыльныхъ крѣпостныхъ, съ которыми сроднилась душой, прекрасно ознакомившись съ нуждами каждаго изъ нихъ, шила имъ рубахи, лѣчила ихъ, дѣлилась съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могла, призывала всѣхъ ихъ къ себѣ каждое воскресенье, зажигала восковыя свѣчи у образовъ и лампадку и читала имъ вслухъ молитвы и евангеліе.

Не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ водворенія на новомъ мѣстѣ М. Ѳ., какъ она стала убѣждать моихъ родителей навѣстить ея мужа. Отправляясь къ дѣдушкѣ, мои родители думали, что онъ или не приметъ ихъ за участіе ихъ къ судьбѣ М. Ѳ., или что послѣ этого визита имъ уже не придется болѣе навѣщать его. Но дѣдушка встрѣтилъ ихъ чрезвычайно радушно и въ продолженіе всего дня, который они пробыли у него, не проронилъ ни одного слова о своей женѣ.

Матушка на другой же день отправилась къ мачехѣ, поджидавшей ее съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Когда она на этотъ разъ вошла въ горницу къ мачехѣ, она, къ крайнему своему удивленію, застала у нея мѣстнаго священника, весьма добраго и умнаго человѣка. Этотъ визитъ бѣднаго деревенскаго попа, находившагося въ матеріальной зависимости отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, былъ смѣлымъ и благороднымъ поступкомъ съ его стороны, а потому М. Ѳ. сказала падчерицѣ, чтобы она не стѣснялась присутствіемъ батюшки и разсказала при немъ все, какъ было. Когда матушка увѣряла ее, что о ней не было произнесено ни слова, М. Ѳ. вытащила свой завѣтный крестикъ, перекрестилась, поцѣловала его съ благоговѣніемъ и произнесла: «Это меня защищаетъ покойный младенецъ Ванюша своими чистыми молитвами»... Священникъ замѣтилъ при этомъ: «Степану Петровичу не безызвѣстно, что порядочные люди этой мѣстности очень полюбили М. Ѳ. за ея смиреніе и кроткое обхожденіе со всѣми; онъ знаетъ и то, что Николай Григорьевичъ не послѣдній человѣкъ: хотя онъ и очень недавно поселился у насъ, но зарекомендовалъ себя, какъ образованный помѣщикъ; къ тому же онъ состоитъ въ большой дружбѣ съ предводителемъ дворянства и съ живущимъ за границей княземъ Г., — богатѣйшимъ человѣкомъ съ большими связями. Вотъ Степанъ Петровичъ и принимаетъ все это въ разсчетъ и боится еще болѣе тѣснить свою супругу, чтобы не нажить себѣ «исторіи».

Съ появленіемъ въ домѣ моихъ родителей маленькаго существа, жизнь М. Ѳ. получила для нея новый интересъ. Какъ только ей дали знать о наступившихъ родахъ падчерицы, она уже болѣе не могла думать объ угрозахъ своего мужа и въ первый разъ отправилась въ Погорѣлое. Къ тому же, на ея счастье, Степанъ Петровичъ наотрѣзъ отказался быть крестнымъ отцомъ своего перваго внука. Его обязанность долженъ былъ взять на

себя кто-то другой, но зато М. Ѳ. могла быть, вслѣдствіе этого, крестною матерью.

Своего крестника и внука она стала обожать съ момента его появленія на свѣтъ божій. Она не отходила отъ него и была въ восторгѣ, когда ей приходилось спать съ нимъ въ одной комнатѣ, подбѣгая къ нему каждый разъ, когда тотъ начиналъ пищать, хотя въ дѣтской находилась и кормилица новорожденнаго. Съ тѣхъ поръ М. Ѳ. стала часто бывать у родителей и гостила у нихъ по недѣлямъ, такъ какъ страстно привязалась къ новорожденному, а когда тотъ впервые произнесъ «баба» (бабушкѣ въ это время шелъ 21-й годъ), ея восторгамъ не было предѣловъ.

Послѣ родовъ перваго ребенка матушка скоро опять забеременѣла, и М. Ѳ. стала умолять моихъ родителей отдать ей на воспитаніе ихъ первенца. Но отецъ не согласился на это прежде всего потому, что находилъ болотный воздухъ Василькова вреднымъ для здоровья ребенка. Число внуковъ М. Ѳ. увеличивалось почти съ каждымъ годомъ, и она всѣхъ ихъ обожала, нянчила, обшивала, забавляла.

М. Ѳ. умерла очень молодою, а именно 27—28 лѣтъ, проживъ въ Васильковѣ лишь семь лѣтъ. Случилось ли эта преждевременная смерть отъ болотнаго воздуха поселка, или отъ того, что неудачный бракъ истерзалъ ея душу, отъ того ли, что, посѣщая Погорѣлое, она не разбирала погоды, но скорѣе всего отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ она уже черезъ 3—4 года послѣ своей ссылки стала замѣтно хирѣть, кашель все усиливался, и она таяла, какъ свѣчка.

Еще въ то время, когда М. Ѳ. только-что разошлась со своимъ мужемъ, мой отецъ извѣстилъ объ этомъ ея пасынковъ, Ивана и Николая Гонецкихъ. Они немедленно, тотъ и другой, стали писать ей нѣжныя письма, посылали ей подарки и деньги, и эти добрыя отношенія къ ней съ ихъ стороны не прекращались до ея смерти. Мало того: года черезъ два послѣ разрыва мачехи съ мужемъ они пріѣхали лѣтомъ въ Бухоново и прежде, чѣмъ отправиться къ отцу, заѣхали къ ней. Не желая, вѣроятно, чтобы отецъ узналъ объ этомъ отъ другихъ, они сами сказали ему, что заѣзжали въ Васильково. Они передавали сестрѣ (т. е. моей матери), что отецъ съ удивленіемъ взглянулъ на нихъ, ничего не сказалъ и сейчасъ же перевелъ разговоръ на другую тему. А когда моя мать написала своимъ братьямъ, что на выздоровленіе М. Ѳ. нѣтъ никакой надежды, они, несмотря на военную службу, на ужасающую осеннюю распутицу, несмотря на отсутствіе тогда желѣзныхъ дорогъ, выхлопотали себѣ короткій отпускъ и пріѣхали навѣстить свою мачеху, но застали ее уже въ гробу.

Передъ своей кончиной Марья Ѳедоровна подозвала къ себѣ матушку и просила ее, послѣ смерти, не снимать съ ея шеи кипарисоваго крестика, говоря, что онъ принесъ ей большое счастье, далъ ей возможность сродниться съ семьею моихъ родителей,

прожить человѣческою жизнью послѣдніе годы. Когда она скончалась, мой отецъ отправилъ верхового къ Степану Петровичу съ извѣстіемъ о кончинѣ его жены, но лишь только успѣли «обрядить» покойницу, какъ пріѣхали ея пасынки, прискакавшіе въ Васильково на перекладныхъ. Скоро послѣ нихъ въ комнату усопшей вошелъ и ея мужъ, Степанъ Петровичъ. Первое, что онъ увидалъ,—всѣхъ своихъ троихъ дѣтей, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ покойной и горько рыдавшихъ, а ссыльные крестьяне окружали ея маленькій домикъ снаружи и набожно молились. Дѣдушка подошелъ ко гробу, сдѣлалъ земной поклонъ, поцѣловалъ руку усопшей и, ни съ кѣмъ не разговаривая, ничего не разспрашивая, не здороваясь и не прощаясь, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Онъ не былъ на похоронахъ и пересталъ куда бы то ни было выѣзжать изъ своего помѣстья. Очень скоро послѣ смерти Маріи Өедоровны пожаръ уничтожилъ всѣ постройки Василькова: ссыльные крестьяне были возвращены на свои мѣста и больше туда никого не ссылали.

Дѣдушка пережилъ свою вторую жену лишь на нѣсколько мѣсяцевъ.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Первый Съѣздъ Россійской С.-Д. Р. Партіи.

Соціалдемократическое движеніе въ Россіи возникло какъ естественный продуктъ общественной жизни; оно не было создано какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ или отдѣльною группою лицъ; оно проявилось одновременно и самостоятельно въ разныхъ концахъ Россіи, какъ новая фаза въ развитіи стараго, почти полувѣкового соціалистическаго движенія. Объективно возможность его развитія несомнѣнно опредѣлялась появленіемъ и усиленіемъ рабочаго класса среди другихъ слоевъ русскаго народа, субъективно же представители новаго соціалистическаго ученія почерпали теоретическіе тезисы своихъ взглядовъ частью изъ опыта предшествующей дѣятельности революціоннаго народничества—въ этомъ отношеніи соціалдемократическое движеніе было уже цѣликомъ и полностью подготовлено къ концу семидесятыхъ годовъ [1])—частью же изъ нѣмецкой и польской литературы. Реакція первой половины восьмидесятыхъ годовъ, создавъ грань между этими двумя направленіями соціалистической мысли,—народовольческимъ и соціалдемократическимъ—переломила линію прямого ея развитія, и новый подъемъ соціалистическаго движенія совпалъ съ перемѣною самихъ формъ его.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. ко времени окончательной гибели народовольческихъ организацій, мы находимъ уже цѣлый рядъ соціалдемократическихъ группъ въ Россіи, а именно: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Минскѣ и др.; кромѣ того, въ Швейцаріи образовалась русская соціалдемократическая группа „Освобожденіе Труда", ставшая теоретическимъ выразителемъ этого движенія. Такъ какъ она одна могла говорить среди наступившей въ самой Россіи тишины послѣ пораженія „Народной Воли", то многіе, и въ томъ числѣ она сама, считали ее родоначальницей всего соціалдемократическаго движенія въ Россіи.

---

[1]) Это обстоятельство часто забываютъ, а между тѣмъ многія изъ первыхъ соціалдемократическихъ группъ назывались даже ново-народовольческими.

Начало новаго подъема общественнаго движенія, послѣдовавшее за голоднымъ 91-мъ годомъ, застало въ наличности оба эти направленія, старое и новое, приблизительно равными по силѣ и уже вступившими въ горячую борьбу. Это была идейная борьба въ ея чистомъ видѣ, такъ какъ ни то ни другое направленіе не было организовано и не могло одолѣть противника иначе, какъ силою доводовъ. Аргументы въ этомъ спорѣ жизнь дала, какъ извѣстно, соціалдемократіи, и черезъ десять лѣтъ послѣ возникновенія разрозненныхъ соціалдемократическихъ группъ, къ серединѣ девяностыхъ годовъ, марксизмъ сдѣлался господствующимъ теченіемъ среди соціалистовъ въ Россіи. Тогда создалась возможность и появилась необходимость приступить къ организаціонному объединенію дѣятельности отдѣльныхъ соціалдемократическихъ группъ, и эта идея естественно возникла у наиболѣе сильныхъ изъ нихъ.

„Московская организація—сообщаетъ М. Лядовъ—уже въ 94-мъ году, на одномъ изъ своихъ засѣданій возбудила вопросъ о необходимости выпустить манифестъ съ изложеніемъ основной точки зрѣнія организаціи по главнѣйшимъ вопросамъ. Инициаторы этой идеи въ самомъ фактѣ изданія манифеста видѣли первый шагъ къ созданію единой партіи. Московскій Союзъ, говорили они, послужитъ ядромъ для группировки всѣхъ единомыслящихъ. Географическое положеніе Москвы прямо навязываетъ ей роль центра рабочаго движенія. Тогда эта идея была оставлена. Весною 95-го года организація снова поднимаетъ вопросъ объ изданіи манифеста, но теперь она уже знаетъ о самостоятельномъ существованіи цѣлаго ряда организацій, работающихъ въ другихъ мѣстахъ; было бы желательно издать этотъ манифестъ отъ имени всѣхъ наличныхъ дѣйствующихъ организацій, чтобы этотъ манифестъ былъ результатомъ коллективнаго опыта всѣхъ соціалдемократовъ-практиковъ. Поэтому необходимо, чтобы манифестъ былъ выработанъ на съѣздѣ. Но этотъ съѣздъ не долженъ ограничиваться выработкой одного манифеста: онъ долженъ создать партію, а съ этой цѣлью нужно, чтобы онъ утвердилъ въ качествѣ центральной организаціи одну какую-нибудь наиболѣе старую и опытную организацію". Но въ августѣ 95-го года группа была арестована [1]).

[1]) М. Лядовъ. Исторія Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи, часть II, стр. 26. Книжкою М. Лядова приходится пользоваться съ величайшею осторожностью, такъ какъ авторъ совершенно не считаетъ себя обязаннымъ доказывать свои сужденія ссылками на факты, на документы, на даты или на имена. Критику даже трудно указывать на тѣ или иныя фантастическія страницы „Исторіи" Лядова, потому что фантастичность составляетъ самую основу его книги, а не отдѣльныя ея ошибки Вопросъ, составляющій тему настоящей статьи, является лишь эпизодомъ въ исторіи нашей партіи, но ему посвящена пятая часть книжки Лядова; въ дальнѣйшемъ, излагая факты, я отмѣчу во многихъ мѣстахъ легенды Лядова о первомъ съѣздѣ с.-д. партіи. Насъ раздѣляютъ съ Лядовымъ глубокія принципіальныя разногласія, и невозможно надѣяться, чтобы мы сошлись съ нимъ *въ объяс-*

Точно также и въ Петербургѣ, совершенно независимо отъ Москвы, зрѣла мысль о созывѣ съѣзда и объ организаціонномъ объединеніи партіи. Какъ я уже писалъ въ „Очеркахъ развитія соціалдемократіи въ Россіи“ [1]), этою мыслью была занята „Группа 4-го Листка“ [2]), предлагавшая передать въ распоряженіе партіи, долженствовавшей сорганизоваться на съѣздѣ, свою прекрасно устроенную типографію. Наиболѣе вліятельные члены этой группы, Е. А. Прейсъ и А. С. Бѣлевскій, пріѣзжали въ Вильну для переговоровъ съ мѣстною группою объ объединеніи. Черезъ виленскихъ товарищей о планахъ группы стало извѣстно и кіевской организаціи, которая рѣшила вступить въ непосредственныя сношенія съ „Группою 4-го Листка“; точно также шли переговоры съ Москвою. Но группа и ея типографія были арестованы 13-го іюля 1896 г.

Уже въ декабрѣ того же года двѣ другія группы обсуждали новый планъ для созыва Всероссійскаго Соціалдемократическаго съѣзда. Съѣздъ былъ очереднымъ этапомъ на пути движенія, и точно такъ, какъ на войнѣ, когда нужно взять во что бы то ни стало позицію, одинъ отрядъ за другимъ идетъ къ ней на приступъ, идетъ и погибаетъ на пути, не достигнувъ цѣли, сраженный врагомъ, а на смѣну ему идутъ все новыя и новыя силы,—такъ точно и здѣсь наша партія, еще не обрамленная единою организаціей, но уже единая по духу своему, посылала одну за другою свои лучшія организаціи на трудный путь осуществленія очередной своей задачи; ни одна изъ нихъ погибла на этомъ пути, но задача была осуществлена!

Осенью 96-го года въ Петербургъ пріѣхалъ А. К., одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей виленской группы, и велъ переговоры съ Петербургскимъ Союзомъ Борьбы объ установленіи правильныхъ сношеній между виленской, петербургской и кіевской организаціями.

Въ Вильнѣ давно сознавалась насущная потребность объединенія съ русскими соціалдемократическими организаціями, во 1-ыхъ, потому, что виленская группа чувствовала себя въ силахъ и желала оказать содѣйствіе группамъ въ другихъ городахъ въ одной изъ самыхъ главныхъ нуждъ

неніи историческихъ фактовъ. Но самые факты должны быть столь неоспоримо констатированы, чтобы съ ними нельзя было спорить. Въ этомъ казалось бы мы могли сойтись съ М. Лядовымъ, разъ онъ взялся писать „исторію“, но, очевидно, мы и въ этомъ расходимся, какъ я покажу дальше.

[1]) Изданіе О. Н. Поповой, 1906 г.

[2]) Эта группа называлась народовольческою, и ея Листокъ былъ озаглавленъ такъ: „Летучій Листокъ Группы Народовольцевъ“. Но послѣ арестовъ 19-го апр. 94 г группа явно измѣнила свое направленіе, а № 4 Листка былъ уже составленъ въ чисто соціалдемократическомъ духѣ; поэтому и стали называть эту группу „Группою 4-го Листка“.

ихъ—въ дѣлѣ доставки нелегальной литературы изъ-за границы, во 2-хъ, и еще въ силу чисто групповыхъ, такъ сказать, мѣстныхъ соображеній.

Нелегальная литература получалась виленскою группою изъ-за границы уже съ самаго начала 90-хъ годовъ. Когда приходилъ транспортъ, надо было спеціально ѣхать въ Москву, Петербургъ или Кіевъ, чтобы ее туда доставить; постоянныхъ связей не было; часто приходилось ѣхать только для того, чтобы установить эти связи и просить мѣстную организацію прислать своего человѣка для полученія литературы; дѣло, такимъ образомъ, страшно осложнялось; кромѣ того, всю тягость расходовъ по транспорту приходилось выносить самой виленской группѣ и лишь впослѣдствіи возмѣщать ихъ по мѣрѣ доставки литературы организаціямъ; такого рода возмѣщеніе было дѣломъ далеко не обезпеченнымъ и во всякомъ случаѣ очень долгимъ.

Мѣстные же интересы заключались въ потребности имѣть нелегальную соціалдемократическую газету. Еврейское рабочее движеніе было уже настолько развито, что крайне нуждалось въ литературномъ органѣ; группы существовали уже, кромѣ Вильны и Минска, въ Варшавѣ, Витебскѣ, Ковнѣ, Сморгони, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Поневѣжѣ; однако же своими силами эти группы не могли осуществить это начинаніе, хотя и дѣлали къ тому попытки; такъ, напр., въ Минскѣ какъ разъ въ это время, въ концѣ 96 года, вышло нѣсколько номеровъ „Минскаго Листка", а въ Вильнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышли два или три номера рукописной газетки, составленной цѣликомъ однимъ изъ товарищей—Вл.; тамъ былъ отдѣлъ о русской печати, о заграничной печати, о стачкахъ въ Россіи; но такая „газета" могла изготовляться въ самомъ ограниченномъ числѣ копій и потому очень мало достигала цѣли. Впрочемъ, съ конца 95 года за границею сталъ издаваться на жаргонѣ „Judischer Arbeiter"—„Еврейскій Рабочій",—составлявшійся и редактировавшійся цѣликомъ въ Вильнѣ, но силъ не хватало, чтобы сдѣлать его программу шире рамокъ мѣстной работы [1]).

Былъ, впрочемъ, и еще одинъ мотивъ, побудившій виленскую группу заботиться о созывѣ общероссійскаго соціалдемократическаго съѣзда. Дѣло въ томъ, что дѣятельность еврейскихъ соціалдемократическихъ группъ, интернаціональныхъ по своимъ принципамъ, безусловно стала принимать нѣкоторыя своеобразныя, національныя черты: отъ русскаго языка пришлось перейти къ жаргону, пришлось выдвинуть впередъ вопросъ о національномъ равноправіи евреевъ и, наконецъ, идею о самостоятельной еврейской соціалдемократической организаціи; такъ какъ, однако, всѣ дѣя-

---

[1]) Только впослѣдствіи, осенью 97-го года, удалось осуществить эту задачу, когда началъ выходить „Голосъ Рабочаго", „Arbeiterstimme".

тели виленской группы были сильно руссифицированы, то они не совсѣмъ спокойно относились къ этимъ перемѣнамъ, ими самими внесеннымъ въ ихъ дѣятельность. У нихъ не было увѣренности въ томъ, что русскіе товарищи отнесутся къ этому сочувственно, тѣмъ болѣе, что и въ ихъ средѣ не всѣ были согласны съ новою тактикой; такъ, напр., Іодихесъ („Левка"), очень влiятельный въ свое время и очень способный и энергичный дѣятель—въ это время, впрочемъ, уже эмигрировавшій—находилъ, что всѣ эти новшества совершенно не соотвѣтствуютъ принципамъ ортодоксальнаго марксизма. Насколько основательны были опасенія виленскихъ товарищей, показала впослѣдствіи долгая борьба Бунда за самостоятельное существованіе сначала съ Польскою Соціалистическою Партіей, а затѣмъ и съ Россійскою Соціалдемократической Рабочей Партіей.

Итакъ, у виленской группы была совершенно опредѣленная надобность въ общесоціалдемократической организаціи силъ въ Россіи, и она поручила одному изъ самыхъ влiятельныхъ своихъ членовъ, отправлявшемуся по своимъ личнымъ дѣламъ въ Петербургъ, переговорить объ этомъ съ петербургскими товарищами.

Въ Петербургѣ А. К. встрѣтился съ Якубовой, присутствовалъ на собраніи Союза Борьбы, сообщилъ о ходѣ работъ въ Вильнѣ, предлагалъ начать сообща издавать газету и перевозить литературу изъ-за границы. Члены Союза отвѣчали, что они уже и сами обсуждали эти вопросы и уже готовятъ первый номеръ своей газеты; дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого вышелъ „Листокъ Союза Борьбы", изданный на миміографѣ [1]). По вопросу о томъ, какъ бы связать соціалдемократическія организаціи Россіи, бесѣда велась очень долго и было рѣшено, что петербургскій Союзъ пошлетъ одного изъ товарищей за границу, чтобы ближе познакомиться съ группою „Освобожденіе Труда" и привлечь ее къ дѣлу объединенія. Однако, группа „Освобожденіе Труда" была—несмотря на широко распространенныя и популярныя сочиненія Плеханова—таинственнымъ незнакомцемъ и для виленцевъ и для петербуржцевъ; поэтому было рѣшено, что при переговорахъ необходимо точно опредѣлить условія объединенія группъ, съ тѣмъ, чтобы группа „Освобожденіе Труда" не имѣла права вмѣшиваться во внутреннія дѣла организацій въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. К. взялся съѣздить въ Кіевъ и переговорить съ тамошними товарищами.

Въ Кіевѣ виленцы имѣли связи съ группою „Рабочее Дѣло", издававшей газету „Впередъ". На предложенія А. К. кіевляне отвѣтили

---

[1]) № 2 этого листка вышелъ уже только за границей, печатный, онъ былъ доставленъ въ Россію въ весьма ограниченномъ количествѣ и затѣмъ пересталъ выходить.

совершенно то же, что и петербужцы: они тоже подготовляли изданіе газеты, которая могла бы стать общепартійною, а не только мѣстною, каковою была „Впередъ“; кіевлянамъ дѣйствительно удалось черезъ полъ года выпустить первый номеръ „Рабочей Газеты“; вопросъ объ объединеніи соціалдемократическихъ группъ тоже уже обсуждался группою „Рабочее Дѣло“. На собраніи, гдѣ присутствовалъ А. К., было рѣшено, что кіевская группа пошлетъ товарища въ Петербургъ для того, чтобы сблизить и взаимно ознакомить петербургскую и кіевскую группы; относительно же за границы кіевская группа совершенно раздѣляла взгляды виленчанъ и петербуржцевъ и предложила самому А. К. тотчасъ же отправиться въ Швейцарію, на что онъ согласился.

Пріѣхавши въ Цюрихъ, А. К. засталъ уже тамъ петербургскаго делегата, Тахтарева [1]). Изъ членовъ заграничнаго Союза въ Цюрихѣ въ это время были П. Б. Аксельродъ, В. И. Засуличъ и Д. Кольцовъ. Въ виду пріѣзда А. К. и Тахтарева по столь важному дѣлу рѣшено было вызвать изъ Женевы Г. В. Плеханова. Вызвали также изъ Брюсселя представителя Литовской Соціалдемократической Организаціи К—на, но онъ опоздалъ и пріѣхалъ только черезъ нѣсколько дней.

Когда пріѣхалъ Плехановъ, всѣ шестеро отправились въ лѣсъ, на Zürichberg, чтобы побесѣдовать. Пріѣхавшіе изъ Россіи изложили свои планы, при чемъ особенно настойчиво проводили мысль о невмѣшательствѣ Заграничнаго Союза во внутреннія дѣла организацій въ Россіи въ случаѣ объединенія, что вызвало нѣсколько саркастическихъ замѣчаній Плеханова, и разговоръ скоро принялъ острый характеръ. Тахтаревъ и А. К. ставили на видъ группѣ „Освобожденіе Труда“, что ея издательская дѣятельность не удовлетворяетъ запросамъ движенія, и выражали удивленіе, что заграничный „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ“ не издаетъ мелкія брошюрки, необходимыя для пропаганды среди широкихъ слоевъ рабочаго класса [2]). Имъ отвѣчалъ Плехановъ. Онъ указалъ на то, что члены группы „Освобожденіе Труда“, какъ старые борцы,

[1]) Тахтаревъ долженъ былъ скрыться изъ Петербурга въ январѣ 1897 г., чтобы предупредить свой арестъ. Онъ побывалъ въ Брюсселѣ, Парижѣ и пробылъ нѣкоторое время въ Женевѣ, гдѣ побывалъ у Г. В. Плеханова; въ Цюрихъ пріѣхалъ для переговоровъ съ П. Б. Аксельродомъ.

[2]) Въ 89 году группа „Освобожденіе Труда“ организовала „Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ“, въ составъ котораго вступила какъ самостоятельная группа. У союза была „турецкая конституція“, отдававшая всѣ дѣла Союза въ полное и безконтрольное распоряженіе группы. Въ сущности Союзъ былъ только организаціей сборщиковъ денегъ и продавцевъ литературы при издательствѣ группы. Это продолжалось до осени 98-го года, когда, послѣ долголѣтней борьбы „за конституцію“, Союзъ былъ реорганизованъ на демократическихъ началахъ, а группа отстранилась отъ его дѣлъ. Только съ этихъ поръ Союзъ пріобрѣлъ оригинальную физіономію „такъ называемаго экономизма“, и противъ него началась борьба со стороны, такъ называемыхъ, ортодоксальныхъ соціалдемократовъ.

пережившіе болѣе трудныя времена, чѣмъ настоящее, не могутъ стать въ положеніе лишь исполнителей воли молодыхъ товарищей и не желаютъ выслушивать упреки въ бездѣятельности, потому что дѣлали все отъ нихъ зависящее даже и тогда, когда имъ грозили за это самыя суровыя кары; „впрочемъ, закончилъ онъ свою рѣчь, такъ какъ вы у насъ—гости, то я не хочу вамъ отвѣчать такъ рѣзко, какъ должно бы было вамъ отвѣтить“. Онъ стоялъ и говорилъ возбужденно; окончивъ, повернулся и сталъ удаляться. Тогда встали также сидѣвшіе на травѣ В. И. Засуличъ, П. Б. Аксельродъ и Д. Кольцовъ и тоже удалились, не говоря ни слова. Остались тамъ, на Zürichberg'ѣ, только делегатъ петербургской и делегатъ виленской организаціи. Такимъ образомъ переговоры были порваны.

На другой день Кольцовъ пришелъ къ А. К. и сказалъ, что Плехановъ очень сожалѣетъ о происшедшемъ столкновеніи и надѣется, что товарищи не откажутся, въ интересахъ общаго дѣла, снова прійти на свиданіе въ Café. Въ то же время, рано утромъ, еще до 8-ми часовъ, Г. В. Плехановъ пришелъ въ гостиницу на Limatquée, гдѣ остановился Тахтаревъ, и говорилъ ему, что прерванные переговоры необходимо возобновить; онъ предложилъ для этого отправиться въ Café, что и было сдѣлано; скоро туда же пришли Кольцовъ и А. К. Тахтаревъ и А. К. горячо упрекали Г. В. Плеханова за его несдержанность въ разговорахъ наканунѣ и заявляли, что, признавая и цѣня революціонное прошлое группы „Освобожденіе Труда“, они, однако, могутъ съ нимъ разговаривать о дѣлахъ лишь какъ равные съ равными. Г. В. Плехановъ соглашался съ тѣмъ, что на девять десятыхъ онъ виноватъ во вчерашнемъ разрывѣ, но просилъ своихъ противниковъ признать, что хотя бы на одну десятую и они виноваты въ томъ, что бесѣда приняла рѣзкій тонъ. Послѣ этого было рѣшено возобновить переговоры, и новое собраніе было назначено въ квартирѣ П. Б. Аксельрода.

На этомъ собраніи былъ выработанъ проектъ объединенія петербургской, виленской, кіевской группъ и заграничнаго Союза въ единую соціалдемократическую партію. Это было въ маѣ или іюнѣ 1897 года.

Вскорѣ послѣ этого въ Цюрихѣ былъ полученъ № 1 „Рабочей Газеты“ изъ Кіева. Онъ вызвалъ общій восторгъ. Самая газета была торжественно показана засѣдавшему въ это время въ Цюрихѣ международному конгрессу „Законодательной защиты рабочихъ“ и была встрѣчена аплодисментами.

Между тѣмъ кіевская группа въ свою очередь работала надъ осуществленіемъ идеи съѣзда. Въ январѣ въ Петербургъ поѣхалъ Петрусевичъ послѣ того, какъ въ Кіевѣ было получено воззваніе, выпущенное петербургскою группою „молодыхъ“ и призывавшее въ ряды петербургскаго Союза новыхъ товарищей въ виду сильно осложнившейся работы.

Петрусевичъ пришелъ на квартиру, служившую явкою Союза (въ книжный складъ). Въ это время во главѣ Союза стояли нѣсколько товарищей, уцѣлѣвшихъ отъ арестовъ и 95-го и 96-го годовъ, а потому называвшихся „стариками"; это названіе тѣмъ легче за ними укрѣпилось, что они не раздѣляли новыхъ тактическихъ взглядовъ Союза и потому стояли совершенно въ сторонѣ отъ фактической дѣятельности; въ ихъ рукахъ, однако, оставались всѣ „прерогативы", печать и „явка", т. е. внѣшнія сношенія Петербургской Организаціи съ другими группами. Поэтому и Петрусевичъ попалъ по явкѣ не въ ту группу, съ которою за два-три мѣсяца передъ тѣмъ велъ переговоры делегатъ Вильны, А. К., и которая призывала къ себѣ на помощь новыя силы, а въ группу „Стариковъ" и именно къ С. Петрусевичъ настаивалъ, чтобы С. ввелъ его въ мѣстную организацію, но „Старики" были „въ контрахъ" съ дѣйствующею группою „молодыхъ" Союза, да и самъ Петрусевичъ не произвелъ на нихъ впечатлѣнія человѣка, на котораго они могли бы положиться въ смыслѣ отстаиванія „правильной" позиціи, т. е. той, которую занимали старики. Петрусевичъ прожилъ въ Петербургѣ цѣлый мѣсяцъ, не добившись никакихъ результатовъ.

Въ то же время [1]) другой членъ кіевской группы „Рабочее Дѣло", Эйдельманъ, былъ посланъ группою повидаться съ виленскою, петербургскою и московскою организаціями. Цѣль поѣздки была намѣчена въ трехъ пунктахъ: во 1-хъ, просить эти организаціи, чтобы они признали за группою „Рабочее Дѣло" право издавать ея газету „Впередъ" отъ имени всѣхъ этихъ группъ; во 2-хъ, просить регулярно освѣдомлять газету „Впередъ" корреспонденціями о событіяхъ борьбы и рабочаго движенія, и въ 3-хъ, просить прислать своихъ делегатовъ въ Кіевъ для совѣщанія.

Въ Вильнѣ было уже извѣстно о желаніяхъ группы „Рабочее Дѣло", но тамъ считали невозможнымъ согласиться на первое предложеніе: „вы издали одинъ листокъ (№ 1 „Впередъ") и хотите, чтобы мы на этомъ основаніи признали васъ компетентными говорить отъ имени всѣхъ соціалдемократовъ!" Виленцы соглашались послать своего делегата въ Кіевъ и считали, что именно на такомъ съѣздѣ делегатовъ можетъ быть дано полномочіе опредѣленнымъ товарищамъ издавать общую для всѣхъ группъ газету.

Въ Петербургѣ по просьбѣ Эйдельмана было созвано собраніе Союза Борьбы. На немъ присутствовало пять человѣкъ: Якубова, Б. Г., Бемъ и еще двое, мнѣ неизвѣстныхъ. Предсѣдателемъ былъ Б. Г.; онъ просилъ

[1]) Возможно, что это было мѣсяцемъ раньше, до пріѣзда Петрусевича въ Петербургъ.

Якубову сдѣлать докладъ о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ; въ свою очередь, Эйдельманъ сообщилъ о работахъ въ Кіевѣ. Петербуржцы присоединились къ мнѣнію виленчанъ по поводу проекта кіевлянъ.

Вѣроятно, по выслушаніи отчета Эйдельмана объ этой поѣздкѣ, группа „Рабочее Дѣло" приняла рѣшеніе созвать на 17 марта делегатовъ въ Кіевъ на съѣздъ, или, какъ тогда называли, на коллоквіумъ. По крайней мѣрѣ, на масленицѣ группа послала Н. снова съѣздить въ Вильну, Петербургъ и Москву. Самъ онъ не помнитъ о цѣли этой поѣздки, но такъ какъ онъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не останавливался долѣе, чѣмъ на сутки, то надо думать, что онъ только передалъ всюду пароли, явки и сообщилъ окончательно установленную дату коллоквіума.

Однако къ назначенному дню виленскій делегатъ не явился въ Кіевъ; товарищи не помнятъ, почему это случилось; они предполагаютъ, что считали коллоквіумъ разстроившимся; возможно, что они признавали преждевременнымъ этотъ съѣздъ, въ виду тѣхъ переговоровъ, которые въ это время велись за границею и въ виду мѣстныхъ интересовъ, о которыхъ я упомяну позже. Москвичи прислали делегата, назвавшагося Ильинымъ, но онъ не могъ достаточно засвидѣтельствовать свою личность, и кіевляне не рѣшились вступить съ нимъ въ переговоры; а въ то же время изъ Петербурга явился отъ Союза Б. Г. Въ виду всего этого было рѣшено считать съѣздъ не состоявшимся, но устроить частное совѣщаніе по вопросу о подготовкѣ съѣзда.

Коллоквіумъ имѣлъ мѣсто 17-го и 18-го марта 1897 г. На немъ присутствовали четыре лица: делегатъ изъ Петербурга, Б. Г., делегатъ группы „Рабочее Дѣло", Н., делегатъ отъ кіевской польской соціалдемократической группы, Петрусевичъ, и неизвѣстный мнѣ делегатъ отъ кіевской группы, примыкавшей къ Польской Соціалистической Партіи. Рѣчь шла исключительно объ условіяхъ созыва общероссійскаго съѣзда. Рѣшено было, что организаціонную работу по созыву съѣзда возьметъ на себя группа, начавшая издавать „Рабочую Газету"—это была все та же группа „Рабочее Дѣло". Приглашать на съѣздъ рѣшено было всѣ Союзы Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса и равноцѣнныя имъ организаціи [1]). Былъ намѣченъ порядокъ дня съѣзда: I, о названіи партіи; II, объ отношеніи мѣстныхъ организацій къ Центральному Комитету; III, о газетѣ;

[1]) Коллоквіумъ хотѣлъ хотя бы единствомъ наименованія заявить о единствѣ внутреннемъ между разрозненными соціалдемократическими организаціями. Въ силу этого постановленія всѣ кіевскія группы, объединившіяся черезъ два мѣсяца послѣ коллоквіума, въ маѣ 1897 г., назвались Кіевскимъ Союзомъ Борьбы. Осенью того же года вновь возникшая въ Москвѣ организація назвалась Московскимъ Союзомъ Борьбы, и тогда же въ Екатеринославѣ, куда переселился Петрусевичъ, слившіяся группы признали себя Екатеринославскимъ Союзомъ Борьбы.

IV, о пропагандѣ и агитаціи. Въ порядокъ дня былъ также внесенъ вопросъ о партійной программѣ, но тутъ же было предрѣшено, что первый съѣздъ не будетъ этимъ заниматься въ виду недостатка подготовки. Кромѣ того, было постановлено, что делегаты всѣхъ организацій явятся на съѣздъ съ выработанными отвѣтами на всѣ вопросы порядка дня и съ императивными мандатами—это была дань недовѣрія мѣстныхъ организацій къ идеѣ централизаціи.

Коллоквіумъ происходилъ на квартирѣ Стоянова, теперь умершаго. Какъ разъ въ это время, 17-го марта, въ Кіевѣ предполагалась демонстрація по поводу гибели Маріи Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости. Соціалисты-революціонеры выпустили прокламацію, призывавшую рабочихъ къ демонстраціи, соціалдемократы высказались противъ демонстраціи и издали свое „Письмо къ сознательнымъ рабочимъ", убѣждая ихъ не итти на демонстрацію. Надъ составленіемъ, редактированіемъ и печатаніемъ этой прокламаціи товарищи работали всю ночь напролетъ. Вопросъ былъ сложный, трудный, дни тревожные; вся полиція была на ногахъ и войска наготовѣ; возможно было крупное по тому времени столкновеніе, а тутъ четыре человѣка сидѣли и вели долгую, двухдневную бесѣду, требовавшую спокойствія и такта! И эта бесѣда имѣла большое моральное значеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ дѣлѣ созыва съѣзда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дѣлѣ развитія всего соціалдемократическаго движенія.

Группа „Рабочей Газеты" горячо принялась за работу [1]). Эйдельманъ дважды объѣхалъ главнѣйшія центры соціалдемократическаго движенія. Н., Р. и Т. были заняты составленіемъ брошюръ и „Рабочей Газеты", Петрусевичъ переѣхалъ въ Екатеринославъ для упроченія связи съ тамошними группами, Полякъ взялъ на себя работу въ тайной типографіи.

Петербургскій Союзъ Борьбы принялъ рѣшенія коллоквіума сочувственно: вѣдь эти рѣшенія были выработаны при участіи его делегата. Но объ этомъ ничего не знали активныя группы, на рукахъ которыхъ лежала вся фактическая работа Союза. Я не буду здѣсь описывать состояніе внутренней работы и борьбы въ Петербургскомъ Союзѣ этого времени, потому что мною это уже сдѣлано въ „Очеркахъ Развитія Соціалдемократіи въ Россіи"; отмѣчу только, что делегатъ на съѣздъ былъ избранъ на собраніи одной только группы „Стариковъ". Всѣ переговоры Эйдельманъ велъ черезъ С., послѣдній разъ онъ пріѣзжалъ на Рождествѣ 97 г., прожилъ въ Петербургѣ цѣлую недѣлю, однако собраніе Союза для выслушанія его сообщенія о подготовительныхъ къ съѣзду работахъ созвано не было. Въ январѣ

---

[1]) Группа „Рабочаго Дѣла" формально прекратила свое самостоятельное существованіе послѣ сліянія всѣхъ кіевскихъ группъ въ Кіевскій Союзъ Борьбы. Однако, фактически она только переименовалась въ группу „Рабочей Газеты".

или февралѣ состоялось собраніе Союза, на которомъ С. былъ уполномоченъ ѣхать на съѣздъ, но на этомъ собраніи опять-таки присутствовали только „Старики“, а именно: С., Б-ая, К-ая, Саммеръ и Альб. Никакихъ инструкцій делегату дано не было; никакихъ проектовъ резолюцій или устава тоже не было составлено.

Въ Москвѣ въ это время дѣйствовалъ Московскій Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса; онъ сформировался осенью 97-го года, хотя составъ его въ значительной части намѣтился уже весною, послѣ того какъ передъ Пасхой былъ разгромленъ Зубатовымъ „Московскій Рабочій Союзъ“. Позднею осенью, кажется, въ ноябрѣ, Союзъ выпустилъ прокламацію, извѣщавшую объ его образованіи. Во главѣ Союза стоялъ Викторъ Ванновскій, черезъ котораго, главнымъ образомъ, и велись переговоры о съѣздѣ. Союзъ обсуждалъ рѣшенія кіевскаго коллоквіума, проектъ порядка дня съѣзда, выслушалъ сообщенія делегатовъ „Рабочей Газеты“— сначала Эйдельмана, а затѣмъ Теслера. Приглашеніе на съѣздъ было принято, и делегатомъ былъ избранъ Александръ Ванновскій, младшій братъ Виктора.

Иваново-Вознесенскъ считался однимъ изъ районовъ дѣятельности Московскаго Союза, и потому отъ него не былъ приглашенъ отдѣльный делегатъ. Это было несправедливо и вредно для дѣла объединенія; по отношенію къ Иваново-Вознесенскимъ товарищамъ Московскій Союзъ поступилъ такъ же недемократично, какъ представители Петербургскаго Союза, группа „Стариковъ“, по отношенію къ группамъ „Молодыхъ“. Это тѣмъ болѣе было ошибочно, что въ Иваново-Вознесенскѣ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была устроена прочная соціалдемократическая организація, вскорѣ послѣ съѣзда, осенью 98-го года, признавшая себя комитетомъ партіи. Москва всегда имѣла съ Иваново-Вознесенскомъ прочныя связи, а въ послѣднее полугодіе передъ съѣздомъ эти связи были прочнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и Москвѣ не трудно было привлечь мѣстныхъ дѣятелей къ участію въ съѣздѣ черезъ особаго представителя: уже совсѣмъ незадолго передъ съѣздомъ, въ январѣ или февралѣ 98-го года, по поводу вспыхнувшей въ Иваново-Воснесенскѣ крупной стачки ткачей, Московскій Союзъ послалъ туда Солодуху-Перарича, который послѣ конца стачки благополучно вернулся въ Москву.

Въ Екатеринославѣ шла борьба между нѣсколькими соціалдемократическими группами. Туда поэтому былъ посланъ Петрусевичъ въ маѣ 97-го года. Онъ засталъ тамъ двѣ интеллигентскихъ группы, одну изъ четырехъ человѣкъ, другую изъ пяти, расходившихся въ вопросѣ объ организаціи рабочихъ кассъ; у каждой изъ этихъ группъ было по 2—3 рабочихъ кружка; скоро возникъ еще кружокъ польскихъ рабочихъ въ селѣ Каменскомъ; кромѣ того, совершенно особнякомъ держалась группа

еврейскихъ рабочихъ, высланныхъ изъ З. К. Въ іюлѣ, послѣ провала двухъ рабочихъ кружковъ (арестовано 9 человѣкъ), удалось объединить обѣ интеллигентскія группы, но внутри объединенной организаціи возникли горячіе споры по вопросу о переходѣ отъ кружковщины къ агитаціи на экономической почвѣ. Первоначально за агитацію стояли только Петрусевичъ изъ Кіева и Франкфуртъ изъ Вильны; остальные члены обѣихъ группъ были мѣстные дѣятели (кромѣ супруговъ Лолоянцъ, высланныхъ въ Екатеринославъ изъ Казани), и потому для нихъ методъ агитаціи былъ новымъ, и они не сразу рѣшились къ нему перейти; когда же доводы товарищей и событія жизни екатеринославскихъ рабочихъ убѣдили ихъ въ раціональности метода агитаціи на экономической почвѣ, то исчезъ и поводъ къ разногласіямъ съ группою еврейскихъ рабочихъ, принесшихъ съ собою еще изъ Западнаго Края эту тактику. Кружокъ польскихъ рабочихъ, подъ руководствомъ Петрусевича, съ самаго начала признавалъ агитацію основнымъ методомъ дѣятельности. Поэтому произошло объединеніе всѣхъ екатеринославскихъ соціалдемократическихъ группъ, и отъ объединенной организаціи былъ посланъ на съѣздъ делегатомъ П.

Кіевскій делегатъ Эйдельманъ велъ также переговоры съ нѣкіимъ Гандеромъ изъ Одессы, оказавшимся впослѣдствіи провокаторомъ. Гандеръ произвелъ на Эйдельмана впечатлѣніе человѣка способнаго и очень энергичнаго; онъ успѣлъ убѣдить его въ томъ, что онъ является представителемъ сильной и вліятельной въ Одессѣ соціалдемократической группы; самъ Эйдельманъ въ Одессѣ не былъ и, вопреки своему обыкновенію, лично съ одесскою группою не ознакомился. Поэтому онъ сдѣлалъ ошибку и на совѣщаніи въ группѣ „Рабочей Газеты“ предлагалъ пригласить на съѣздъ также и одесскую группу. Къ счастью, товарищи отнеслись къ словамъ Гандера недовѣрчиво, и вопросъ объ участіи одесской организаціи въ съѣздѣ былъ рѣшенъ отрицательно.

Совсѣмъ по инымъ причинамъ не удалось привлечь къ участію въ съѣздѣ харьковскихъ товарищей. Тамъ въ это время работала „Харьковская Соціалдемократическая Организація“, заслуживавшая полнаго довѣрія и имѣвшая право на вліяніе въ дѣлѣ объединенія партіи. Но организація сама отказалась принять участіе въ съѣздѣ и прислала краткую объяснительную записку по поводу этого своего рѣшенія. По мнѣнію харьковцевъ, главный мотивъ, выставляемый инціаторами съѣзда былъ неоснователенъ: состояніе соціалдемократической дѣятельности въ данный моментъ не нуждается въ централизаціи; напротивъ того: съѣздъ явился бы очень опаснымъ въ конспиративномъ отношеніи экспериментомъ; но, кромѣ этого, въ запискѣ были высказаны и принципіальныя соображенія, побуждавшія организацію высказаться противъ съѣзда: съѣздъ былъ бы механическимъ объединеніемъ мало вліятельныхъ мѣстныхъ организацій—такъ не можетъ

создаваться партія. Для дѣйствительнаго объединенія партіи необходимо, чтобы предварительно создалась группа, особенно высоко стоящая морально и авторитетная для всѣхъ другихъ соціалдемократическихъ группъ; только такой естественно создавшійся центръ соціалдемократическаго движенія могъ бы собрать вокругъ себя всѣ реальныя силы, являясь ихъ душою. Саму записку мнѣ не удалось разыскать; можетъ быть, она погибла, какъ и столько другихъ цѣнныхъ документовъ нашего движенія; но я старался возстановить точный смыслъ ея по указаніямъ четырехъ товарищей. Она впервые формулировала тотъ планъ строительства партіи, который впослѣдствіи былъ разработанъ и приведенъ въ исполненіе группою „Искры". Въ другомъ мѣстѣ я постараюсь выяснить черты различія, столь же глубокія, какъ и черты сходства, у плана группы „Искры" и у плана „Харьковской Соціалдемократической Организаціи".

Приглашеніе на съѣздъ было передано также и Литовской Соціалдемократической Партіи; она согласилась прислать своего делегата, но вслѣдствіе произошедшихъ незадолго передъ съѣздомъ арестовъ не смогла это сдѣлать.

Литовская Соціалдемократическая Партія образовалась на съѣздѣ 95 г. изъ соединенія двухъ группъ—Виленской и Сувалкской.

Виленская группа была основана въ 93 г. и сначала носила полусоціалдемократическій, полу-народовольческій характеръ. Уже весною 94 г. группа, готовясь къ празднованію Перваго Мая, выпустила четыре гектографированныхъ листка, въ которыхъ излагалась программа группы; листки издавались въ 50 экземплярахъ и раздавались рабочимъ въ кружкахъ пропаганды. Въ день перваго мая было устроено собраніе, на которомъ присутствовало около 50 человѣкъ рабочихъ. Группа дѣйствовала тогда въ полномъ соотвѣтствіи съ Польской Соціалистической Партіей и боролась съ тенденціями Еврейской Соціалдемократической Организаціи. Скоро, однако, развитіе литовскаго рабочаго движенія заставило группу измѣнить свою тактику, она порвала съ Польскою Партіей и пошла „въ ногу" съ еврейской группой. Уже съ осени 94 г. листки группы приняли чисто экономическій характеръ, а организація перестроилась и имѣла въ своей основѣ кассы рабочихъ. Ко времени съѣзда 95 года у группы было около 80 организованныхъ въ кассы рабочихъ и 4 или 5 интеллигентовъ. Пропаганда велась и листки издавались на польскомъ языкѣ.

Сувалкская группа состояла тоже изъ 5-ти интеллигентовъ, разбросанныхъ въ близлежащихъ приграничныхъ городкахъ и мѣстечкахъ Сувалкской губерніи: въ Маріамполѣ, Вержболовѣ, Владиславовѣ, Пильвишкахъ. Это были коренные литовцы, и пропаганду они вели на литовскомъ языкѣ преимущественно среди сельскихъ рабочихъ. Кромѣ того, эта группа зани-

малась издательствомъ нелегальной литературы на литовскомъ языкѣ, печатавшейся за границей и перевозившейся контрабанднымъ путемъ, а также перевозила и польскую литературу для Польской Соціалистической Партіи, черезъ посредство которой и сблизились эти двѣ литовскія группы.

Съѣздъ происходилъ въ Вильнѣ (какъ кажется, 1-го мая стараго стиля) и продолжался три дня. На немъ была выработана программа, которая въ своей принципіальной части являлась передѣлкою Эрфуртской програмы, а въ практической—программы Польской Соціалистической Партіи съ требованіемъ самостоятельности литовской организаціи, а также національной автономіи Литвы.—Въ организаціонномъ и тактическомъ отношеніи уже на этомъ съѣздѣ проявилась двойственность, показывающая, что эта маленькая организація уже тогда стояла на довольно высокой стадіи развитія, на которой дифференцируются задачи и составъ группъ: базисомъ организаціи были экономическія группы, и они строились „снизу", демократически; но въ то же время существовала и строго законспирированная группа политически сознательныхъ товарищей, которая стремилась проводить свои рѣшенія „сверху" до низовъ организаціи. Это—то самое, что рано или поздно пережили всѣ соціалдемократическія организаціи Россіи.

Второй съѣздъ Литовской Партіи произошелъ въ слѣдующемъ, 96-мъ году, въ февралѣ. Програмка была пересмотрѣна, изъ нея выброшены ея националистическія элементы, позаимствованныя у Польской Партіи. На съѣздѣ много говорилось объ усиленіи русскаго рабочаго движенія и было рѣшено дѣйствовать въ соотвѣтствіе съ русскими соціалдемократическими организаціями; тутъ же было постановлено издавать газету „Эхо жизни рабочихъ", которая и на самомъ дѣлѣ стала выходить и носила характеръ, такъ называемаго, экономизма. Въ томъ же году были устроены группы въ Ковнѣ и мелкихъ городахъ Ковенской губерніи, а также въ Либавѣ и Ригѣ; въ Петербургѣ и Москвѣ образовались группы содѣйствія партіи.

При такихъ-то обстоятельствахъ Литовская Соціалдемократическая Партія узнала о готовящемся Всероссійскомъ Соціалдемократическомъ съѣздѣ. Партія охотно согласилась принять участіе въ этомъ съѣздѣ и взяла на себя хлопоты по постановкѣ общепартійной типографіи; она предполагала доставить изъ-за границы шрифтъ, типографскій станокъ и послать своихъ товарищей наборщиковъ въ эту тайную типографію. Но осенью 97 года Сувалкская группа потерпѣла сильный уронъ отъ арестовъ, а затѣмъ и двумъ главнымъ дѣятелямъ виленской группы пришлось отстраниться отъ работы: одинъ изъ нихъ былъ арестованъ, а другой, К—нъ, уѣхалъ за границу для постановки дѣла издательства. Въ виду всего этого Литовская Соціалдемократическая Партія не могла послать своего представителя на Всероссійскій Соціалдемократическій Съѣздъ.

Самъ собою выдвигался вопросъ о томъ, какъ должны отнестись организаторы съѣзда къ Польской Соціалистической Партіи. Эта Партія слишкомъ тѣсно соприкасалась и съ еврейскими и съ литовскими группами, а также имѣла свою организацію въ Кіевѣ; черезъ ея посредство Партія вступила въ переговоры съ группой „Рабочей Газеты" и оказывала ей нѣкоторыя услуги. При переговорахъ Кіевская Группа Польской Соціалистической Партіи постоянно ссылалась на авторитетъ и инструкціи своей Партіи, тогда какъ група „Рабочей Газеты" должна была отвѣчать лишь какъ мѣстная организація; тѣ мотивировали свои требованія общепартійными соображеніями, а эти могли имъ противопоставить лишь свои чисто практическіе интересы. Это ставило группу „Рабочей Газеты" въ невыгодныя условія и демонстрировало преимущества существованія общепартійной организаціи. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Польская Соціалистическая Партія имѣла полезное вліяніе на группу „Рабочей Газеты".

Соглашаясь на оказаніе услугъ организующейся Россійской Партіи, Польская Соціалистическая Партія требовала взамѣнъ этого отъ русскихъ организацій исполненія опредѣленныхъ условій. Вопросъ этотъ былъ спеціально обсужденъ на четвертомъ съѣздѣ этой Партіи, состоявшемся въ декабрѣ 97-го, или въ январѣ 98-го года. Съѣздъ принялъ резолюцію, согласно которой Польская Соціалистическая Партія вступитъ въ тѣ или иныя отношенія съ русскими соціалдемократическими организаціями лишь при томъ условіи, если предварительно ей будетъ гарантировано, что имѣющая организоваться партія признаетъ два обязательства по отношенію къ Польской Соціалистической Партіи, а именно: Всероссійская Партія внесетъ въ свою программу, какъ свое собственное требованіе, отдѣленіе Польши отъ Россіи и не вступитъ въ сношенія ни съ какою революціонною организаціей, дѣйствующей на территоріи Царства Польскаго, иначе, какъ съ вѣдома и согласія Польской Соціалистической Партіи.

Польская Соціалистическая Партія ссылалась при этомъ на историческій прецедентъ, на договоръ между партіей „Народной Воли" и Польской Партіей „Пролетаріатъ". Въ этомъ договорѣ говорилось, что Польская Партія „Пролетаріатъ" не будетъ призывать къ возстанію до тѣхъ поръ, пока не получитъ на это полномочій отъ Партіи „Народной Воли", послѣ чего она, наоборотъ, обязуется приложить всѣ усилія къ тому, чтобы поднять вооруженное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ. Взамѣнъ этого Партія „Народной Воли" обязалась не вмѣшиваться въ дѣятельность Польской Партіи „Пролетаріатъ".

Однако, организаторы соціалдемократическаго съѣзда никоимъ образомъ не могли принять этихъ условій ни по существу, ни формально. Они уже состояли въ сношеніяхъ съ двумя организаціями, дѣйствовавшими на

территоріи Царства Польскаго въ тѣхъ его широкихъ—историческихъ, а не этнографическихъ—границахъ, какъ опредѣляла ихъ Польская Соціалистическая Партія, а именно, съ Литовскою Соціалистическою Партіей и съ „Группою Еврейскихъ Соціалдемократовъ“. Главнѣйшія кружки этихъ организацій находились въ Вильнѣ, но ихъ связи простирались и на коренныя польскія губерніи и даже на Варшаву. Что же касается вопроса объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, то это требованіе представлялось организаторамъ съѣзда, можетъ быть, пріемлемымъ для Всероссійской Соціалдемократической Организаціи лишь какъ терпимый пунктъ програмы Польской Соціалистической Партіи, но отнюдь не какъ собственное требованіе Всероссійской Соціалдемократической Партіи, и, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ могъ быть рѣшеннымъ только на самомъ съѣздѣ, и никакихъ предварительныхъ обязательствъ на этотъ счетъ не могли взять на себя организаторы съѣзда. При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о приглашеніи Польской Соціалистической Партіи на Всероссійскій съѣздъ былъ снятъ съ обсужденія.

Объ отношеніи организаторовъ съѣзда къ николаевской соціалдемократической группѣ Б. Л. сообщаетъ въ своей, помѣщенной въ Историческомъ Сборникѣ, статьѣ, слѣдующее: „О Николаевѣ мы знали, что тамъ имѣется маленькая, живая група, которая за очень короткое время успѣла проявить большую энергію въ агитаціи массъ. Къ намъ доходила газета, издаваемая этой групиой, „Наше Время“. Въ Николаевѣ у насъ былъ одно время ученикъ изъ школы-мастерской Ю. Д. Мельникова, кончившій жизнь самоубійствомъ. Николаевскую групу мы считали мало конспиративной—група была наканунѣ провала, поэтому група не получила приглашенія на съѣздъ“.

Въ той же статьѣ Б. Л. сообщаетъ о сомнѣніяхъ, бывшихъ у групы „Рабочей Газеты“ о томъ, приглашать или нѣтъ на съѣздъ групу „Рабочаго Знамени“. Такъ какъ група „Рабочей Газеты“ считала групу „Рабочаго Знамени“ не соціалдемократической, то и рѣшено было не вступать съ нею въ переговоры о съѣздѣ. Група „Рабочаго Знамени“ представляетъ безусловно большой интересъ для исторіи нашего движенія, и очень жаль, что ея делегатъ не присутствовалъ на съѣздѣ; противопоставивъ свое мнѣніе мнѣнію довольно однороднаго состава съѣзда, онъ могъ бы создать тотъ choc des opignions, изъ котораго если не всегда „брызжетъ истина“, то зато всегда выясняется истинное настроеніе и взгляды спорящихъ. Вопреки заявленію во 2-мъ номерѣ „Рабочаго Знамени“, что група—„судя по манифесту“—ни въ чѣмъ не расходится съ другими групами, пославшими своихъ делегатовъ на съѣздъ [1]), представляется не-

[1]) Газета объясняетъ свою обособленность отъ объединившихся групъ все тѣми же пресловутыми „полицейски[ми] условіями“. Что это фактически невѣрно—это уже указалъ Б. Л. Да и [во]обще „полицейскія условія“ никогда

сомнѣннымъ, что у нея были существенныя отличія отъ другихъ группъ, именно она являлась выразительницей, такъ называемой, „оппозиціи“, возникшей противъ господствующаго теченія и повсемѣстно въ Западномъ Краѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ; эта „оппозиція“ нашла себѣ поддержку у „Харьковской Соціалдемократической Организаціи“, а когда эта организація сама примкнула къ тогдашнему „большинству“, то она тоже создала противъ себя „оппозицію“ въ средѣ харьковскихъ рабочихъ. Это теченіе выдвинуло нѣсколько выдающихся дѣятелей, относившихся очень враждебно къ господствующему теченію. Сознавали ли это организаторы съѣзда? Устраняли ли они въ лицѣ „Рабочаго Знамени“ своего фракціоннаго противника отъ общепартійнаго дѣла? Б. Л.—весьма компетентный въ этомъ вопросѣ,—отрицаетъ это, точно такъ же, какъ и его товарищи по организаціи. Повидимому, и сама группа „Рабочаго Знамени“ не сознавала своей роли въ общемъ развитіи идей движенія: по крайней мѣрѣ, вышеуказанное заявленіе въ № 2 ея газеты не вызвало возраженія со стороны членовъ группы. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе относительно неучастія въ съѣздѣ группы „Рабочаго Знамени“ было принято группою „Рабочей Газеты“ послѣ долгихъ обсужденій и близкаго знакомства съ представителемъ отстраненной группы.

Но особый интересъ представляетъ для насъ подготовительная къ съѣзду работа виленской группы. Какъ уже было сказано, Всероссійскій Съѣздъ представлялъ для виленской группы живѣйшій интересъ, и она была прекрасно освѣдомлена о ходѣ подготовительныхъ работъ, ея делегатъ побывалъ и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, и за границею. Въ то же время соціалдемократическое еврейское движеніе создало группы въ Минскѣ, Варшавѣ, Витебскѣ, Ковнѣ, Сморгони, Поневежѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ и для всѣхъ ихъ виленская группа являлась центральною по своей дѣятельности и авторитетности; но эта фактическая гегемонія виленской группы, однако, нуждалась въ формальномъ признаніи, потому что сношенія съ другими городами мало-помалу очень осложнялись, требовали отъ виленской группы большого напряженія силъ и средствъ, и для выполненія всѣхъ этихъ обязанностей она нуждалась въ формальныхъ правахъ Центральнаго Комитета. Успѣшная дѣятельность кіевской группы по созыву Всероссійскаго Съѣзда побудила виленскую группу поторопиться съ созывомъ съѣзда еврейскихъ соціалдеморатическихъ группъ для того, чтобы выступить на Всероссійскомъ Съѣздѣ уже въ качествѣ объединенной Еврейской Соціалдемократической Организаціи и тѣмъ укрѣпить шансы на признаніе своей автономіи въ партіи.

не могли отвратить того, что создавалось ходомъ вещей; они тяжело давили *только* людей, а событія совершались надъ людьми, выше ихъ, часто внѣ ихъ воли и почти всегда внѣ ихъ сознанья.

Именно эти соображенія я имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что коллоквіумъ въ мартѣ 97 г. долженъ былъ представляться виленской группѣ преждевременнымъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

Съѣздъ еврейскихъ соціалдемократическихъ организацій собрался 25 сентября 1897 г. въ г. Вильнѣ, на Лукишкахъ, въ маленькой грязной комнаткѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ товарищей, приказчикъ изъ магазина Сегаля. Присутствовало человѣкъ пятнадцать. Чтобы не обратить вниманіе сосѣдей, старались не расходиться лишній разъ и потому здѣсь же ѣли и пили чай: отъ этого было еще болѣе неуютно и душно въ маленькой комнаткѣ переполненной людьми. Вотъ при какой обстановкѣ произошелъ съѣздъ, положившій основаніе организаціи Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза, столь знаменательной и въ исторіи общероссійскаго рабочаго движенія и въ исторіи общееврейскаго національнаго обновленія!

Съѣздъ открылся длинною вступительною рѣчью предсѣдателя, мотивировавшаго необходимость объединенія созванныхъ на съѣздъ организацій. Съѣздъ призналъ это объединеніе необходимымъ и прежде всего обсудилъ вопросъ о названіи объединенной организаціи. Не назваться ли Еврейскою Соціалдемократической Партіей? Съѣздъ рѣшилъ, что это названіе не соотвѣтствовало бы дѣйствительности и оттолкнуло бы отъ новой организаціи многихъ рабочихъ: вѣдь съѣздъ стремился создать организацію, которая охватила бы *всѣхъ* еврейскихъ рабочихъ, но большинство рабочихъ—несоціалдемократы [1]); партіей же съѣздъ не хотѣлъ назвать новую организацію потому, во-первыхъ, что это имя казалось слишкомъ громкимъ по сравненію со скромными силами тогдашнихъ организацій, и потому, во-

[1]) Эти соображенія чрезвычайно интересны, а потому я привожу здѣсь мотивировку ихъ изъ передовой статьи № 6 Arbeiterstimme. Тамъ же приведена почти цѣликомъ рѣчь предсѣдателя съѣзда. Переводъ этой статьи съ еврейскаго сдѣлалъ для меня тов. Американецъ.

„Съѣзду предложенъ былъ цѣлый рядъ названій, изъ которыхъ мы остановимся только на двухъ: „Союзъ Еврейскихъ Соціалдемократическихъ Группъ Россіи" и „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи". Первое не было принято съѣздомъ и вотъ почему. Соціалдемократическая группа—это лишь горсть людей, придерживающихся принциповъ соціалдемократіи и являющихся руководителями рабочаго движенія того или иного города, того или иного района; союзъ подобныхъ группъ представлялъ бы собою союзъ „верховъ", объединеніе нѣсколькихъ руководящихъ группъ рабочаго класса; для всей же рабочей массы тамъ мѣста не было бы, а это нежелательно, ибо силу и мощь союзъ пріобрѣтетъ лишь тогда, когда въ него войдетъ вся борющаяся рабочая масса, а не кучка руководителей, тогда каждый борющійся за свои повседневные интересы рабочій будетъ знать и чувствовать, что онъ членъ этого союза. Поэтому съѣздъ первое названіе отвергъ, остановившись на второмъ; оно болѣе подходитъ къ типу организаціи, которую имѣлось въ виду учредить. „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ" въ буквальномъ смыслѣ означаетъ, что союзъ включаетъ въ себя *весь* еврейскій борющійся пролетаріатъ, широко раскрывая двери каждому рабочему, присоединяющемуся къ борьбѣ пролетаріата за лучшую жизнь. Всякій, жаждущій борьбы, чувствующій необходимость въ ней—да грядетъ въ союзъ: онъ станетъ истиннымъ и полноправнымъ членомъ этой организаціи".

вторыхъ, что еврейская организація желала быть частью Всероссійской партіи; поэтому было рѣшено назваться „Всеобщимъ Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ въ Россіи и Польшѣ“. Для краткости это названіе въ разговорной рѣчи сокращалось до одного слова: „Союзъ“, по-еврейски — какъ и по-нѣмецки—Бундъ.

О выработкѣ теоретической программы Бунда на съѣздѣ не было и рѣчи. Всѣ организаціи, принявшія участіе въ съѣздѣ, были признаны мѣстными комитетами Бунда. Относительно Центральнаго Комитета было принято слѣдующее рѣшеніе: Центральнымъ Комитетомъ Бунда избирается та группа лицъ, которая и до съѣзда руководила движеніемъ. Фактически въ Центральный Комитетъ вошли три члена виленской группы: А. К., Вл. и Гл. Мѣстомъ пребыванія Центральнаго Комитета былъ избранъ г. Минскъ. Газета Arbeiterstimme, 4 номера которой вышло до съѣзда, была объявлена Центральнымъ Органомъ Бунда, и редактированіе ея передано Центральному Комитету. Съѣздъ постановилъ, что Бундъ приметъ участіе въ Общероссійскомъ соціалдемократическомъ съѣздѣ и вступитъ въ имѣющую образоваться партію, какъ единая и автономная организація. Обо всемъ этомъ тотчасъ послѣ съѣзда была увѣдомлена кіевская группа „Рабочей Газеты“, и ей была передана подробная записка о еврейскомъ рабочемъ движеніи и о мотивахъ созданія самостоятельной еврейской рабочей организаціи. Записка эта предназначалась для всѣхъ организацій, долженствовавшихъ принять участіе въ съѣздѣ, и дѣйствительно была имъ доставлена кіевскою группою.

Группа „Рабочей Газеты“ не преминула послать своего делегата также и за границу къ группѣ „Освобожденіе Труда“. Въ октябрѣ 97-го года извѣстный кіевскій украйнофилъ, Ковалевскій, просилъ соціалъ-демократа Т. съѣздить въ Львовъ для переговоровъ съ Павликомъ и Франкомъ по поводу изданія газеты „Жытье и Слово“, начавшей выходить вмѣсто „Народа“. Группа „Рабочей Газеты“ воспользовалась поѣздкою за границу своего члена и поручила ему отправиться изъ Львова въ Швейцарію исключительно для того, чтобы переговорить съ Группою „Освобожденіе Труда“. Именно, ему было поручено узнать, какое впечатлѣніе произвелъ за границею опытъ изданія „Рабочей Газеты“, просить сотрудничества въ дальнѣйшихъ номерахъ ея и затѣмъ взять на себя составленіе и изданіе всякаго рода популярныхъ брошюръ для массоваго распространенія.

Еще въ Львовѣ Т. встрѣтился съ членомъ цюрихскаго соціалдемократическаго студенческаго кружка, Ч., вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Цюрихъ и направился прямо къ П. Б. Аксельродъ. Прежде всего онъ освѣдомился о мнѣніи Группы „Освобожденіе Труда“ относительно № 1 „Рабочей Газеты“. Но тутъ оказалось, что Аксельродъ даже не прочиталъ

этого номера. Самый номеръ оказался у студенческаго кружка, гдѣ его переписывали. Относительно просьбы кіевлянъ о брошюрахъ Аксельродъ сказалъ, что Группа „Освобожденіе Труда“ не можетъ удовлетворить ее, такъ какъ у нея нѣтъ для этого ни времени ни средствъ. Аксельродъ находилъ, что въ Россіи есть силы, которыя могли бы сами выполнить эту работу; это, во-первыхъ, товарищи, находящіеся въ ссылкѣ, и, во-вторыхъ, молодые литераторы, какъ, напр., Николай Бердяевъ. Кіевская группа считала Н. Бердяева совершенно не компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ человѣкомъ. Но къ разсказамъ Т. о работѣ въ Кіевѣ Аксельродъ отнесся съ большимъ интересомъ, подробно разспрашивалъ о томъ, сколько имѣется кружковъ и гдѣ именно; онъ удивлялся, что нѣтъ связей съ арсеналомъ, гдѣ онъ когда-то самъ велъ пропаганду.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Т. съѣздилъ въ окрестности Цюриха къ Кольцову, который, какъ оказалось, „Рабочую Газету“ читалъ и отозвался о ней сочувственно, но насчетъ изданія брошюръ за границею также находилъ желанія кіевлянъ неосуществимыми.

На другой день Т. намѣренъ былъ отправиться въ Женеву къ Г. В. Плеханову и просилъ Аксельрода тѣмъ временемъ прочитать „Рабочую Газету“. Но Аксельродъ посовѣтовалъ ему взять ее съ собою, потому что Плехановъ ее еще не читалъ и не видѣлъ. Пришлось исполнить этотъ совѣтъ.

Въ противоположность Аксельроду, Плехановъ показался Т. очень далекимъ отъ практическихъ интересовъ пропаганды и агитаціи въ Россіи. Плехановъ тутъ же при Т. бѣгло просмотрѣлъ № 1 „Рабочей Газеты“, обратилъ вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ говорилось о политическихъ задачахъ соціалдемократіи и отозвался о нихъ одобрительно. Что касается до брошюръ, то онъ заявилъ, что у него и его товарищей по группѣ совершенно нѣтъ времени заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ они должны и по матеріальнымъ соображеніямъ, и въ интересахъ теоретическаго развитія соціалдемократическихъ принциповъ работать въ легальныхъ марксистскихъ органахъ. Опять-таки эта постановка вопроса—или легальные журналы или популярныя брошюры — была совершенно непріемлема ни для Т. ни для пославшихъ его.

Затѣмъ Плехановъ перевелъ разговоръ на теоретическіе вопросы и на философскій споръ, который тогда вели П. Б. Струве и Булгаковъ. Хотя Т. былъ человѣкомъ начитаннымъ и съ хорошею научною подготовкою, однако рѣчь Плеханова показалась ему до того далекою и отвлеченною, что онъ ушелъ съ сознаніемъ „бездны премудрости“ старѣйшаго теоретика соціалдемократической партіи и — какъ выразился о немъ другой товарищъ — „съ піэтетомъ“, но въ то же время и съ убѣжденіемъ,

что отвѣтовъ на текущіе вопросы и помощи въ практической работѣ нельзя получить отъ группы „Освобожденіе Труда“.

Переночевавъ въ Женевѣ, Т. вернулся въ Цюрихъ, побывалъ снова у Аксельрода и въ тотъ же день уѣхалъ въ Россію. На этомъ послѣднемъ свиданіи съ Аксельродомъ присутствовалъ Кольцовъ и В. И. Засуличъ. По поводу замѣчанія Т., что у насъ нѣтъ брошюръ на политическія темы, Аксельродъ сказалъ, обращаясь къ Кольцову: „вотъ, видите, они насъ обвиняютъ уже въ томъ, что мы мало пишемъ о политикѣ; а „тѣ“ говорятъ, что у насъ слишкомъ много „политики“! Вотъ и пойди тутъ, разберись!“ Далѣе Аксельродъ развивалъ идею объ общенаціональныхъ задачахъ соціалдемократіи, взгляды, изложенные въ его брошюрѣ „Соціальная и Либеральная Демократія“. Эти идеи показались Т. совершенно чуждыми.

Вернувшись въ Кіевъ, Т. далъ отчетъ группѣ о своей поѣздкѣ. Группа многаго ожидала отъ этого доклада, но впечатлѣнія Т. всѣхъ разочаровали; они доказали, что группа „Освобожденіе Труда“ не только не связана съ Россіей, но и не желаетъ быть связанной.

Вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ 97 г., въ Кіевъ пріѣхалъ членъ цюрихскаго студенческаго кружка Теслеръ. Онъ привезъ съ собою статьи Плеханова, Аксельрода и Кольцова для № 3 „Рабочей Газеты“. Плехановъ, между прочимъ, писалъ, что привѣтствуетъ отреченіе Группы отъ прежняго узкаго экономизма и переходъ къ политической борьбѣ. Эту фразу редакція „Рабочей Газеты“ рѣшила выбросить, потому что не могла понять, что именно тутъ имѣлъ въ виду Плехановъ, такъ какъ редакція и раньше придерживалась тѣхъ самыхъ убѣжденій, какъ и въ это время, и всегда сознавала политическія задачи нашего движенія. Вообще же эти статьи должны были появиться въ № 3 „Рабочей Газеты“, но были конфискованы при арестахъ въ Екатеринославѣ въ мартѣ 1898 года [1]).

Теслеръ вступилъ въ Кіевскій Союзъ и оказывалъ содѣйствіе группѣ „Рабочей Газеты“ по созыву съѣзда. Онъ предлагалъ представить мандатъ отъ группы „Освобожденіе Труда“ и явиться ея делегатомъ на съѣздъ. Но кіевская группа отклонила это предложеніе потому, что въ этомъ случаѣ представительство группы „Освобожденіе Труда“ было бы лишь формальностью и сводилось бы къ посылкѣ лишняго делегата отъ Кіева, который и безъ того былъ представленъ на съѣздѣ гораздо сильнѣе другихъ городовъ.

---

[1]) Фактъ, сообщенный мною въ „Очеркахъ Развитія Соціалдемократіи въ Россіи“ со словъ доклада Кіевскаго Комитета Второму Съѣзду Партіи, будто бы статьи Плеханова и Аксельрода предполагалось не печатать за ихъ политическую умѣренность, оказался невѣрнымъ.

Я тщательно разспрашивалъ участниковъ съѣзда о томъ, какъ могло случиться, что группа „Освобожденіе Труда“ отсутствовала на съѣздѣ, отсутствовала не только въ томъ смыслѣ, что тамъ не было ея делегата, но и—такъ сказать — духовно, такъ какъ нигдѣ въ работахъ съѣзда не проявлялось ея вліяніе. Точно не знала она о томъ, что въ теченіе болѣе чѣмъ года главнѣйшія соціалдемократическія организаціи Россіи готовились къ съѣзду! А между тѣмъ она хорошо объ этомъ знала: и Петербургская, и Виленская, и Кіевская группы посылали къ ней по этому поводу своихъ делегатовъ. Почему же не было ея на съѣздѣ ни тѣломъ ни духомъ? Приведенное мною выше подробное описаніе переговоровъ съ группою „Освобожденіе Труда“ Тахтарева, А. К. и Т., можетъ быть, до нѣкоторой степеои объясняютъ этотъ фактъ.

Наконецъ, необходимо здѣсь отмѣтить подготовительныя къ съѣзду работы Кіевскаго Союза Борьбы, только часть котораго—и при томъ негласно для другихъ членовъ—составляла группа „Рабочей Газеты“. Союзу было сообщено, что группа „Рабочей Газеты“, существованіе которой предполагалось внѣ Кіева [1]), предлагаетъ ему выбрать делегата на имѣющій быть съѣздъ и, согласно рѣшенію коллоквіума 1897 г., выработать для него инструкціи. Администрація Союза созвала по этому поводу полное собраніе Союза, произошедшее въ февралѣ 1898 г. на Кузнечной улицѣ. На немъ присутствовало около 30 человѣкъ. Шуляковскій былъ секретаремъ и велъ протоколы о томъ, что именно долженъ защищать делегатъ Кіевскаго Союза на съѣздѣ. Были намѣчены тезисы, предлагаемые для внесенія въ уставъ партіи. Администрація предполагала прочитать на этомъ собраніи также и проектъ деклараціи съѣзда—это называли „программою“, впослѣдствіи объ этомъ говорилось какъ о проектѣ „манифеста“, но текстъ, составленный Т., показался неудачнымъ, поэтому самъ Т. предложилъ собранію просить съѣздъ поручить написаніе деклараціи Г. В. Плеханову. Это предложеніе было принято. Делегатомъ былъ избранъ Т. Союзъ предоставилъ Рабочему Комитету избрать своего собственнаго делегата на съѣздъ, но Рабочій Комитетъ остановилъ свой выборъ на томъ же лицѣ, и Т., такимъ образомъ, имѣлъ оба мандата [2]).

Такимъ образомъ, организаторы съѣзда поддерживали сношенія съ тринадцатью группами: въ Петербургѣ, Москвѣ, (косвенно) Ивано-Вознесенскѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Николаевѣ, Одессѣ, съ еврейской,

---

[1]) Такъ, напр., однажды на собраніи Союза было объявлено, что по полученнымъ отъ группы „Рабочей Газеты“ свѣдѣніямъ въ Кіевъ долженъ скоро прибыть транспортъ съ № 2 „Рабочей Газеты“.

[2]) Т. былъ членомъ Рабочаго Комитета въ качествѣ представителя отъ Союза. Впрочемъ, и весь Комитетъ состоялъ не изъ выборныхъ рабочихъ, а изъ отобранныхъ Союзомъ членовъ кружковъ пропаганды.

литовской, польской, заграничной и группой „Рабочаго Знамени“. Лядовъ пишетъ, что „группа инициаторовъ волей-неволей должна была отказаться отъ мысли о полномъ съѣздѣ всѣхъ соціалдемократическихъ организацій и должна была остановиться на единственно въ то время возможномъ созывѣ представителей болѣе или менѣе спѣвшихся въ важнѣйшихъ вопросахъ организацій“ [1]). Это рѣшеніе вопроса о составѣ съѣзда Лядовъ доказываетъ чисто схоластически на протяженіи шести страницъ, но этотъ историкъ не счелъ себя обязаннымъ привести хотя бы одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, каковы были взгляды на этотъ счетъ у самихъ „инициаторовъ“ съѣзда; онъ только разсуждаетъ о томъ, каковы бы *должны были быть* эти взгляды по его, Лядова, мнѣнію. Здѣсь было бы не умѣстно спорить съ Лядовымъ, должны или не должны были организаторы съѣзда такъ поступить, какъ полагаетъ Лядовъ, но я обязанъ отмѣтить, что историческій фактъ не имѣлъ ничего общаго съ разсужденіями нашего историка. На самомъ дѣлѣ „инициаторы“ стремились создать именно *полный* съѣздъ *всѣхъ* соціалдемократическихъ организацій, т. е.—само собою разумѣется—всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ; о томъ же, чтобы собрать на съѣздъ только „болѣе или менѣе спѣвшихся“, не было даже и рѣчи, не было даже и мысли, потому что тогда еще въ рядахъ соціалдемократіи не возникалъ вопросъ о принципіальныхъ разногласіяхъ, тактическія же разногласія—вопросъ о пропагандѣ и агитаціи,—какъ уже было сказано, коллоквіумъ предполагалъ поставить на обсужденіе съѣзда, но ко времени съѣзда жизнь сгладила и эти разногласія. Можетъ быть, единственной „не спѣвшейся“ съ другими была Харьковская Организація, но и она была приглашена на съѣздъ. Самостоятельную позицію занимала группа „Рабочаго Знамени“, но она сама не только не смогла поставить на принципіальную почву свои разногласія, но даже, какъ мы видѣли, отрицала ихъ. Неприглашеніе группы „Рабочаго Знамени“ на съѣздъ было безусловно крупною ошибкою организаторовъ съѣзда, но именно потому-то это и можно назвать ошибкою, что это шло въ разрѣзъ съ желаніемъ организаторовъ созвать на съѣздъ *всѣ* соціалдемократическія группы. Группу „Рабочаго Знамени“ организаторы съѣзда ошибочно считали несоціалдемократической [2]).

---

[1]) М. Лядовъ. Ист. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Часть II, стр. 34.

[2]) Объ этомъ пишетъ Б. Л. въ своей статьѣ слѣдующее: „Ко времени основанія Кіевскаго Союза Борьбы“ (т. е. лѣтомъ 1897 года) въ рабочей средѣ появляется оппозиція, недовольная дѣятельностью соціалдемократовъ; она была поддержана группою Народовольцевъ, обвинявшихъ соціалдемократовъ въ игнорированіи политической борьбы, и кіевскимъ членомъ Бѣлостовской группы „Рабочихъ Революціонеровъ“ (Бѣлостокская организація „Рабочаго Знамени). „Бѣлосточенинъ наклонялся, какъ мнѣ кажется, по линіи идеализма-индивидуализма-анархизма, надѣясь на знаніе, какъ на источникъ нравственнаго совершенствованія“.

Съѣздъ состоялся въ Минскѣ въ день 1-го марта 1898 года. Когда намѣтилось приблизительно время съѣзда, день этотъ былъ выбранъ сознательно, какъ годовщина извѣстнаго событія въ борьбѣ предшествующей соціалдемократизму соціалистической партіи съ существующимъ режимомъ. Делегаты начали съѣзжаться немного ранѣе; нѣкоторые останавливались въ гостиницахъ, записывались подъ вымышленными именами,—паспортовъ тогда при этомъ не требовалось—другихъ помѣстили на квартирахъ у товарищей. Наканунѣ назначеннаго для съѣзда дня пріѣхали уже всѣ делегаты, кромѣ петербургскаго и московскаго. Вечеромъ того же дня, 28-го февраля, они собрались на предварительное совѣщаніе въ комнатѣ одного изъ делегатовъ Бунда, Гл. Въ этой частной бесѣдѣ, за чаемъ, разговоръ шелъ о порядкѣ дня съѣзда и бѣгло касался поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ. Настроеніе было приподнятое, чувствовалось, что дѣлается важное дѣло: делегаты считали подготовительную работу удавшейся и съѣхавшихся дѣйствительными представителями всѣхъ значительныхъ соціалдемократическихъ организацій того времени. Бесѣда продолжалась не долго, и къ 11-ти часамъ вечера всѣ разошлись.

На другой день собраніе началось въ 10 час. утра на квартирѣ, доставленной Женей Гурвичъ. Московскій делегатъ явился уже къ началу собранія, петербургскій делегатъ пришелъ немного позже. Всѣхъ участниковъ собранія было девять: отъ Петербурга—С., отъ Москвы—Александръ Ванновскій, отъ Бунда—А. К., Гл. и рабочій Исаакъ, отъ Кіева—Т., отъ группы „Рабочей Газеты" Б. Л. и Н., отъ Екатеринослава—П. Собраніе было открыто безъ всякой торжественности, предсѣдатель выбранъ не былъ, но работою руководилъ Б. Л; секретарями взялись быть Т. и Н., но они не вели протоколовъ и записывали лишь резолюціи съѣзда.

Прежде всего былъ поставленъ вопросъ о томъ, своевременно ли создавать объединенную соціалдемократическую партію. Это, впрочемъ, было только формальностью, такъ какъ вопросъ былъ уже предрѣшенъ: собраніе отвѣтило на него утвердительно. С. заявилъ, что въ Петербургѣ особенно сильно чувствуется потребность въ объединеніи партіи, во 1-хъ, для того, чтобы была авторитетная для всей Россіи организація, отъ имени которой могъ бы Петербургскій Союзъ Борьбы обращаться къ петербургскимъ рабочимъ, во 2-хъ, для объединенія усилій ради созданія техническихъ условій развитія соціалдемократической литературы: постановки типографіи, организаціи транспорта изъ-за границы и проч. Послѣднее соображеніе было дружно поддержано всѣми присутствующими, такъ какъ нигдѣ не удалось мѣстными силами прочно поставить технику—кромѣ Бунда,—и всѣ надежды возлагались на Центральный Комитетъ партіи.

Затѣмъ былъ на очереди вопросъ о названіи партіи. Было предло-

жено названіе „Всероссійскій Союзъ Борьбы за освобожденіе Рабочаго Класса“. За это имя была широкая популярность, которою уже пользовались Союзы Борьбы въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ; но это названіе было слишкомъ громоздко и неудобопереводимо на иностранные языки, а потому оно было отвергнуто. Тогда предложили назваться „Русская Соціалдемократическая Партія“; но противъ термина „русская“ возражали бундовцы,— они находили болѣе подходящимъ слово „россійская“, потому что эта партія должна объединить не только русскихъ рабочихъ, но и рабочихъ другихъ національностей Россіи; на эти соображенія бундовцевъ никто не возражалъ, и потому терминъ „Россійская“ былъ принятъ; но и поддерживалъ въ этомъ вопросѣ бундовцевъ только Т., который взялъ слово, чтобы высказаться въ защиту этого выраженія; онъ подробно остановился на своихъ мотивахъ; при этотъ сказалось вліяніе федералистскихъ взглядовъ Драгомановской организаціи, къ которой принадлежалъ Т. лѣтъ за пять передъ тѣмъ и въ которой онъ получилъ свое политическое воспитаніе. Противъ термина „партія“ никто не возражалъ. Точно также не вызвало преній названіе партіи „соціалдемократической“; не возражали противъ этого и бундовцы, которые, однако, какъ я это уже отмѣтилъ, нашли неудобнымъ принять это названіе для своей собственной организаціи; бундовцы, такимъ образомъ, не смогли перенести на принципіальную почву рѣшеніе, къ которому они пришли на основаніи своихъ мѣстныхъ, практическихъ соображеній; это невмѣшательство Бунда въ принципіальную постановку дѣла партіи, къ несчастью, пріобрѣло впослѣдствіи силу традиціи, и делегаціи Бунда на второмъ (въ Брюсселѣ), на третьемъ (въ Стокгольмѣ) и даже на четвертомъ (въ Лондонѣ) съѣздахъ партіи не могли занять принципіально-самостоятельной позиціи, хотя на практикѣ, въ тактическомъ отношеніи, Бундъ все время шелъ самостоятельнымъ путемъ, какъ авангардъ пролетарскаго движенія въ Россіи.

Дебаты нѣсколько затянулись по вопросу о томъ, включать ли въ названіе партіи слово „Рабочая“. Нѣсколько делегатовъ высказались противъ этого названія, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что фактически въ соціалдемократическія организаціи входитъ очень мало рабочихъ, и было бы самозванствомъ назвать партію „рабочею“. Мнѣнія раздѣлились почти пополамъ, но большинствомъ одного голоса было рѣшено не вносить слово „Рабочая“ въ наименованіе Партіи, и если въ настоящее время Россійская Соціалдемократическая партія называется „Рабочею“, то это—вопреки рѣшенію перваго съѣзда Партіи, по причинамъ, которыя я ниже отмѣчу.

Далѣе были выслушаны доклады делегатовъ о положеніи дѣлъ на мѣстахъ. Только бундовцы и кіевляне сообщили объ историческомъ развитіи движенія въ ихъ районахъ. Московскій Союзъ Борьбы былъ по своему со-

ставу организацией новой, действовавшей, какъ сказано, всего съ осени 97 г., и его делегатъ не излагалъ исторіи предшествующихъ группъ въ Москвѣ; онъ сообщилъ, между прочимъ, что Московскій Союзъ сдѣлалъ попытку созывать массовки въ нѣсколько сотъ человѣкъ, но рѣчь московскаго делегата не вызвала сочувствія собранія, и описанная имъ попытка была признана нераціональной.

Кіевскій делегатъ спеціально остановился на организаціи рабочихъ кружковъ пропаганды; по этому поводу были высказаны мнѣнія, что не слѣдуетъ такъ долго вести кружковыя занятія, что необходимо выработать болѣе краткую программу курса, чтобы провести черезъ кружки возможно больше рабочихъ, систематическія же занятія вести только съ рабочими, подающими надежду стать самостоятельными агитаторами.

Делегатъ отъ Екатеринослава описалъ борьбу мнѣній внутри его организаціи по вопросу о стачечныхъ кассахъ: хотя объединенная Екатеринославская Организація и вступила на путь экономической агитаціи, однако же ея делегатъ считалъ ошибочными или преувеличенными надежды, которыя возлагала на кассы группа высланныхъ въ Екатеринославъ еврейскихъ рабочихъ; собраніе согласилось съ докладчикомъ, что въ рамкахъ конспиративной дѣятельности невозможно прочно поставить кассы, а при несовершенной постановкѣ они ведутъ къ проваламъ и потому ихъ не слѣдуетъ рекомендовать; делегаты Бунда и по этому вопросу не остались при особомъ мнѣніи, хотя въ районѣ ихъ дѣятельности кассы получили уже въ то время очень широкое развитіе; делегатъ Екатеринослава привезъ съ собою всѣ 8 прокламацій, вышедшихъ къ тому времени въ его городѣ и составленныхъ въ чисто „экономическомъ“ духѣ; съѣздъ отнесся къ нимъ вполнѣ сочувственно и призналъ, что такъ и надо писать прокламаціи для того, чтобы пріучить къ нимъ широкіе круги рабочихъ. Петербургскій делегатъ не возражалъ противъ этого, хотя въ Петербургскомъ Союзѣ его группа относилась рѣзко отрицательно къ аналогичному явленію.

Съ особеннымъ интересомъ всѣ ждали сообщенія петербургскаго делегата. Когда онъ явился на собраніе, немного запоздавъ, его всѣ обступили и внимательно слушали каждое слово: помимо значенія Петербургскаго Союза Борьбы всѣ заочно знали и интересовались личностью С. Сообщая о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, С. говорилъ съ важностью человѣка, хорошо освѣдомленнаго въ „высшей политикѣ“ и съ достоинствомъ представителя первой по важности организаціи въ Россіи. Говорилъ онъ тихо, подозрительно посматривая на стѣны и двери, какъ старый конспираторъ. Однако, его разсказъ не удовлетворилъ слушателей: въ немъ не было точныхъ указаній на положеніе дѣлъ и методы

борьбы въ петербургскомъ союзѣ. Въ этомъ недостаткѣ рѣчи С. самъ онъ, впрочемъ, мало былъ повиненъ: онъ и его группа были тогда совершенно не въ курсѣ дѣлъ.

Съѣздъ сознавалъ, что отсутствіе делегата заграничной организаціи составляетъ пробѣлъ. А. К. разсказалъ о своихъ переговорахъ съ группою „Освобожденіе Труда" и выразилъ увѣренность, что члены этой группы могутъ и должны быть уполномочены представлять за границею партію. Онъ отмѣтилъ, что лично ему кажутся ошибочными нѣкоторые взгляды группы, но что она безусловно является компетентною вести сношенія отъ имени партіи съ соціалдемократическими партіями Западной Европы и слѣдить за европейскою прессою въ интересахъ революціоннаго движенія въ Россіи. При этомъ А. К. изложилъ проектъ объединенія Петербургской, Виленской и Кіевской группъ съ Союзомъ Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, выработанный при его участіи на собраніяхъ въ Цюрихѣ. Т. вполнѣ поддерживалъ предложеніе А. К. На основаніи всего этого съѣздъ принялъ рѣшеніе, уполномочивающее заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ, частью котораго была группа „Освобожденіе Труда", называться Заграничнымъ Комитетомъ Партіи и быть заграничнымъ представителемъ Партіи.

Делегаты Бунда, дѣлая свой докладъ съѣзду и ссылаясь на составленную ими еще до съѣзда записку, доказывали необходимость автономнаго существованія въ партіи самостоятельной еврейской рабочей организаціи; при этомъ они рѣзко критиковали дѣятельность Польской Соціалистической партіи и ея притязанія считаться единственною революціонною организаціей на территоріи Царства Польскаго. Вопросъ объ участіи въ партіи Бунда рѣшался самъ собою въ виду популярности среди всѣхъ соціалдемократическихъ организацій виленской группы и ея непосредственнаго участія въ дѣлѣ созыва съѣзда. Но тѣмъ самымъ отклонялось одно изъ ультимативныхъ требованій Польской Соціалистической партіи, и вопросъ о какихъ бы то ни было обязательственныхъ отношеніяхъ между нею и Россійскою партіей снимался съ очереди. Въ частности и второе требованіе ультиматума о признаніи Россійскою партіей принципа отдѣленія Царства Польскаго отъ Россіи не было подвергнуто обсужденію [1]).

Офиціальные доклады делегатовъ, однако, не удовлетворили участниковъ съѣзда, и послѣ закрытія собранія, вечеромъ, еще долго продолжались бесѣды и разспросы о положеніи дѣлъ на мѣстахъ; эти частныя бесѣды

[1]) Немогшая прислать на съѣздъ своихъ делегатовъ Литовская Соціалдемократическая Партія тоже не желала признать гегемоніи Польской Соціалистической Партіи на территоріи Царства Польскаго. Вскорѣ послѣ съѣзда она издала за границею рѣзкую полемическую брошюру по этому вопросу.

гораздо болѣе чѣмъ самые доклады выяснили делегатамъ общую картину социалдемократической дѣятельности въ разныхъ городахъ и сблизили самихъ участниковъ съѣзда.

На слѣдующій день, 2-го марта, оба собранія были заняты, главнымъ образомъ, дебатами объ организаціи партіи. Во всѣхъ рѣчахъ было замѣтно опасеніе придать уставу слишкомъ централистическій характеръ. Екатеринославскій делегатъ имѣлъ даже императивный мандатъ, требующій внесенія въ уставъ ограничительнаго параграфа, по которому мѣстныя организаціи являются самостоятельными въ своей мѣстной работѣ и даже имѣютъ право, если найдутъ нужнымъ, не приводить въ исполненіе постановленія Центральнаго Комитета, представивши лишь объясненія этого своего поступка. Это требованіе Екатеринославской Организаціи было, однако, принято съѣздомъ, какъ вполнѣ естественное, и внесено въ уставъ.

При такихъ условіяхъ требованіе Бунда автономныхъ правъ внутри общепартійной организаціи не могло встрѣтить возраженій, и оно безъ всякихъ споровъ было такъ же принято, какъ особый пунктъ устава.

Остальные пункты вошли въ уставъ изъ проекта кіевской организаціи. Самый проектъ, къ сожалѣнію, не сохранился. Оригиналъ его, писанный рукою Шуляковскаго, былъ взятъ жандармами при арестѣ Теслера. Жандармскій ротмистръ Беклемишевъ, на допросѣ Шуляковскаго, сравнивая этотъ проектъ съ уставомъ партіи, замѣтилъ: „Вы не имѣете основаній жаловаться на съѣздъ: онъ внесъ въ уставъ партіи цѣликомъ выработанный вами проектъ“.

Гораздо труднѣе выяснить тѣ тенденціи, которыя, не отразившись на уставѣ, однако же проявлялись на съѣздѣ. По воспоминаніямъ А. К., совершенно оригинальный планъ организаціи партіи былъ развитъ Б. Л. По его проекту, организація партіи сводилась къ организаціи Центральнаго Комитета, дѣйствующаго на мѣстахъ черезъ посредство своихъ агентовъ; самъ же Центральный Комитетъ избирался бы на съѣздахъ „социалдемократическихъ дѣятелей“. По словамъ А. К., этотъ планъ вызвалъ указанія на его внутреннюю противорѣчивость: „социалдемократическіе дѣятели“, съ одной стороны, являются, по проекту агентами Центральнаго Комитета и, слѣдовательно, зависятъ отъ него и даже имъ самимъ возводятся въ званіе „дѣятелей“, съ другой стороны, они избираютъ Центральный Комитетъ и контролируютъ его.

По словамъ делегатовъ Бунда, этому рѣзко централистическому проекту они противопоставили свой, который они только-что провели въ жизнь по отношенію къ еврейскимъ социалдемократическимъ организаціямъ. Однако же никто изъ остальныхъ участниковъ съѣзда не помнитъ, чтобы принятый проектъ былъ противопоставленъ какому-либо другому; кромѣ того, какъ

я уже указалъ, всѣ или почти всѣ пункты устава были заранѣе выработаны мѣстными—главнымъ образомъ, кіевскою—организаціями. Тѣмъ не менѣе воспоминанія делегатовъ Бунда о проектѣ Б. Л., при всей ихъ неясности, представляютъ большой интересъ, потому что этотъ проектъ очень близокъ къ тому, который впослѣдствіи былъ выдвинутъ группою Искры и который намѣчался Харьковской Организаціей.

Самъ Б. Л. сказалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Я не помню, чтобы я излагалъ кому-нибудь такой планъ организаціи партіи; едва ли я могъ тогда рекомендовать этотъ путь для укрѣпленія центра, потому что я считалъ, наоборотъ, необходимымъ показать мѣстнымъ организаціямъ, что существованіе центра не опасно даже и для самыхъ молодыхъ изъ нихъ. Но въ вашемъ разсказѣ я узнаю приблизительно тѣ идеи, которыя я излагалъ на собраніяхъ Центральнаго Комитета, какъ средство борьбы съ партикуляризмомъ отдѣльныхъ городовъ, въ смыслѣ воздѣйствія центра на периферію, и въ частности для прекращенія расколовъ въ Союзахъ Борьбы. Этотъ планъ былъ бы удобенъ также по отношенію къ вновь возникающимъ группамъ въ новыхъ районахъ дѣятельности, но въ старыхъ приходилось мириться съ тѣмъ, что есть“.

Одинъ изъ ближайшихъ товарищей по дѣятельности Б. Л. объяснилъ мнѣ воспоминанія А. К. слѣдующимъ образомъ: „Хотя я не помню, чтобы Б. Л. когда-нибудь развивалъ такой планъ, однако онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ его сильной и властной натурѣ; весьма возможно, что въ частныхъ бесѣдахъ съ бундовцами, предшествовавшихъ дебатамъ на съѣздѣ, или въ бесѣдахъ въ частности съ А. К., какъ членомъ Центральнаго Комитета, Б. Л., самъ того не замѣчая, проявлялъ эти тенденціи. Въ своей мѣстной работѣ онъ часто подчинялъ себѣ людей силою своего темперамента и беззавѣтной преданности дѣлу. Когда чего-нибудь требовали интересы дѣла, онъ не считался ни съ трудностями, ни съ усталостью, ни съ настроеніемъ и относился часто сурово и рѣзко къ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, не проявлялъ достаточной энергіи и поспѣшности. Это не рѣдко вызывало протесты со стороны его товарищей. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что и уставъ Кіевскаго Союза Борьбы, явившійся прототипомъ устава партіи, былъ противопоставленъ тенденціямъ группы „Рабочее Дѣло“—главнымъ образомъ, именно въ лицѣ Б. Л.—подчинить своему руководству всю мѣстную работу“.

Въ виду всего этого мнѣ представляется, что въ воспоминаніяхъ А. К. о планахъ Б. Л. имѣется вполнѣ реальная основа. И такъ какъ эти планы представляютъ большой интересъ и съ исторической точки зрѣнія—потому что впослѣдствіи они долго волновали с.-д. партію—и съ теоретической—потому что таящееся въ нихъ здоровое ядро навѣрное еще

не разъ поставить ихъ въ той или иной формѣ на очередь дня,—то я и счелъ необходимымъ изложить ихъ здѣсь.

Точно также въ высшей степени интересно отмѣтить, что бундовцы считали уставъ партіи выработаннымъ въ духѣ ихъ собственнаго устава; на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, всѣ пункты устава были созданы безъ всякаго вліянія Бунда, но, очевидно, во время дебатовъ на съѣздѣ, для насъ, къ сожалѣнію, утраченныхъ, бундовцы выступали съ субъективною увѣренностью, что они защищаютъ именно свой планъ въ противовѣсъ какому-то возможному иному. Между тѣмъ этотъ планъ диктовался жизнью также и въ другихъ организаціяхъ, а потому онъ былъ очень сочувственно встрѣченъ съѣздомъ, даже и тѣми, кто лишь „мирился съ тѣмъ, что есть", считая это лишь временной мѣрой для укрѣпленія централистскихъ принциповъ. Такимъ былъ среди делегатовъ не одинъ Б. Л.; петербургскій делегатъ, С., вѣроятно, такъ же смотрѣлъ на дѣло, судя по тактикѣ его группы въ Петербургѣ; возможно, что и московскій делегатъ былъ ближе къ этимъ тенденціямъ, чѣмъ къ восторжествовавшимъ на съѣздѣ, судя по его дальнѣйшей дѣятельности.

Въ характеристикѣ *общихъ* принциповъ организаціи партіи, существовавшихъ у делегатовъ на съѣздѣ, мнѣ пришлось отступить отъ строго фактическаго изложенія событій и высказать гипотетическія сужденія, потому что документальныхъ данныхъ на этотъ счетъ, къ сожалѣнію, уже никто и никогда не сможетъ дать исторіи.

Въ члены Центральнаго Комитета были избраны три лица: А. К., С. и Б. Л. Это было уже задолго до съѣзда предрѣшено, и члены будущаго Центральнаго Комитета совѣщались нѣсколько разъ въ перерывахъ между засѣданіями съѣзда о ходѣ своей дальнѣйшей работы. „Рабочая Газета" была объявлена Центральнымъ Органомъ партіи; ея изданіе было поручено Центральному Комитету, при чемъ редакцію предполагалось перенести въ Петербургъ. Былъ поднятъ вопросъ объ изданіи принципіальной деклараціи партіи; нѣкоторые делегаты имѣли при этомъ въ виду программу партіи, другіе же лишь манифестъ съѣзда. Т. доложилъ съѣзду, что Кіевскій Союзъ Борьбы желалъ бы, чтобы эту декларацію было поручено написать Плеханову; тогда А. К. сказалъ, что Петербургскій Союзъ Борьбы готовъ взять на себя составленіе этой деклараціи; С. подтвердилъ, что у нихъ „есть такой человѣкъ, который можетъ выполнить это порученіе". Кто это именно— С. не сказалъ, что, впрочемъ, и было естественно по правилу конспираціи: „говори то, что нужно сказать, а не то, что можно сказать". Не нужно же было говорить, кто именно предполагался быть авторомъ манифеста потому, что имя автора могло бы и не говорить многаго участни-

камъ съѣзда, суть же его деклараціи отдавалась на отвѣтственность Центральнаго Комитета. Предложеніе петербургскаго делегата было принято.

Всѣ эти заключительныя рѣшенія были постановлены съѣздомъ на пятомъ и послѣднемъ засѣданіи 3 марта, продолжавшемся дольше обыкновеннаго, отъ 10 часовъ утра до 4 или 5 часовъ вечера.

Вечеромъ делегаты собрались въ послѣдній разъ для прощальнаго свиданія въ квартирѣ Р. и устроили маленькую пирушку. Вечеръ прошелъ въ живой и дружеской бесѣдѣ; делегаты желали другъ другу счастливаго возвращенія къ своимъ организаціямъ и выражали горячую увѣренность, что вновь созданная организація не будетъ мертворожденнымъ дѣтищемъ. Т. напомнилъ, что въ этомъ году исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ первой соціалдемократической книжки Г. В. Плеханова—„Соціализмъ и Политическая Борьба“ и предложилъ по этому поводу послать Плеханову привѣтствіе; это было, конечно, принято всѣми присутствующими.

Затѣмъ делегаты разъѣхались. Для многихъ изъ нихъ уже были сочтены дни ихъ политической дѣятельности и только петербургскій делегатъ, С., и одинъ изъ делегатовъ „Рабочей Газеты“, Н., такъ и остались не узнанными до сихъ поръ полиціей и не были арестованы въ связи со съѣздомъ [1]).

Московскій делегатъ повезъ съ собою нелегальную литературу и черезъ нѣсколько дней былъ арестованъ въ Москвѣ; при этомъ была арестована большая часть членовъ Московскаго Союза Борьбы, всего 53 или 57 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Нѣсколькихъ членовъ Союза, за которыми несомнѣнно слѣдили, Зубатовъ оставилъ на волѣ съ явнымъ намѣреніемъ продолжать слежку, и потому они были вынуждены уѣхать изъ Москвы. Но ихъ замѣстители продолжали ихъ дѣло и назывались Московскимъ Комитетомъ Партіи.

Въ ночь съ 11-го на 12-ое марта и въ слѣдующую ночь въ разныхъ городахъ Россіи были произведены массовые аресты, при которыхъ было взято около пятисотъ человѣкъ; въ одномъ Кіевѣ арестовали 175 человѣкъ, въ томъ числѣ тов. Т.

Въ это время Кіевская типографія, заново оборудованная, была уже перевезена въ Екатеринославъ, гдѣ помѣщалась на квартирѣ Поляка, кіевскаго рабочаго, бывшаго члена перваго Кіевскаго Рабочаго Комитета;

---

[1]) Лядовъ со свойственною ему смѣлостью заявляетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что въ центръ попалъ провокаторъ и при его содѣйствіи полиціи удалось разгромить всю только-что созданную партійную организацію“ (стр. 78). Все это совершеннѣйшій вздоръ. Всѣ девять участниковъ съѣзда намъ такъ же хорошо извѣстны, какъ они были извѣстны другъ другу. Ни о какой провокатурѣ или предательствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

съ нимъ имѣлъ дѣло одесскій провокаторъ, знавшій о работѣ Поляка; благодаря этому провалилась и вся Екатеринославская организація; при этомъ были арестованы и П. и Б. Л.; въ типографіи былъ захваченъ готовый къ выходу № 3 „Рабочей Газеты" и рукопись брошюры „Новая побѣда пролетаріата", написанной Н. по поводу закона 3-го іюня 1897 г., а также и еще нѣсколько рукописей. Но возстановленные вскорѣ затѣмъ организаціи въ Кіевѣ и Екатеринославѣ стали называться Комитетами партіи.

А. К. ожидалъ въ Минскѣ вѣстей отъ Б. Л., который, устроивъ дѣла въ типографіи, долженъ былъ выѣхать въ Петербургъ, гдѣ на собраніи Центральнаго Комитета долженъ былъ обсуждаться проектъ манифеста, составленный согласно предположеніямъ С.—Но обѣщанныя вѣсти отъ Б. Л. не получались въ Минскѣ, взамѣнъ ихъ приходили только со всѣхъ концовъ Россіи смутные слухи о массовыхъ арестахъ, и въ Минскѣ наступила тревожная тишина, какъ только разъѣхались всѣ делегаты. Наконецъ, былъ посланъ на югъ Россіи товарищъ, который скоро разъяснилъ, почему уѣхавшіе не исполнили взятыхъ на себя обязательствъ; онъ увѣдомилъ минчанъ: „все погибло! Всѣхъ забрали и все разрушено!"

Тогда А. К. отправился въ Петербургъ, чтобы получить текстъ манифеста и напечатать его въ типографіи Бунда.

Еще до съѣзда С. обратился къ П. Б. Струве съ предложеніемъ взять на себя составленіе манифеста партіи. П. Б. Струве незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ-за границы, гдѣ, между прочимъ, видѣлся и съ Плехановымъ и съ Аксельродомъ и долго бесѣдовалъ съ ними о русскихъ дѣлахъ, при чемъ вынесъ впечатлѣніе, что въ вопросахъ русской дѣйствительности у него никакихъ разногласій съ ними не было. Поэтому онъ считалъ, что можетъ формулировать совершенно объективно господствующія въ средѣ русскихъ соціалдемократовъ воззрѣнія или, какъ онъ выразился, сообщая мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія о составленіи имъ манифеста, „традиціи соціалдемократической церкви".

С., прося П. Б. Струве составить текстъ манифеста, не далъ съ своей стороны никакихъ указаній относительно его содержанія и формы, предоставивъ это цѣликомъ на усмотрѣніе самого П. Б. Струве. По воспоминаніямъ Нины Александровны Струве, ея мужъ отнесся къ взятой имъ на себя работѣ съ большимъ вниманіемъ и сознаніемъ важности этого заявленія: онъ долго и тщательно обдумывалъ планъ этого своего произведенія, прежде чѣмъ принялся за его написаніе; онъ посвятилъ этому цѣлый вечеръ, видимо, волновался, прерывалъ работу и долго ходилъ по комнатѣ. Когда текстъ былъ написанъ, П. Б. Струве прочиталъ его М. И. Туганъ-Барановскому, которому имѣлъ обыкновеніе прочитывать всѣ свои произведенія; но ни въ

самомъ составленіи текста манифеста ни въ его обработкѣ М. И. Туганъ-Барановскій никакого участія не принималъ.

Вернувшись со съѣзда, С. вмѣстѣ съ Альб. пришелъ къ П. Б. Струве и просилъ его прочитать имъ свою рукопись. Они одобрили этотъ проектъ манифеста, но нашли нужнымъ усилить выраженія въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать небольшую вставку въ другомъ. П. Б. Струве нашелъ эти измѣненія вполнѣ соотвѣтствующими общему развитію мысли въ манифестѣ и вставилъ послѣ словъ: „Вездѣ рабочій классъ становится тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ больше ему даютъ“ — слѣдующую фразу: „Тоже будетъ и съ русскимъ пролетаріатомъ. Ему давали до сихъ поръ лишь тогда, когда онъ *требовалъ*, и впредь будутъ давать лишь то, чего онъ *потребуетъ*“. Далѣе, въ виду того, что С. сообщилъ о желаніи съѣзда, чтобы въ манифестѣ было спеціально отмѣчена преемственная связь между соціалдемократическимъ и народовольческимъ движеніемъ, П. Б. Струве передѣлалъ соотвѣтствующія строки въ своемъ проектѣ; въ результатѣ этой переработки появилась слѣдующая фраза: «Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествующаго революціоннаго движенія въ Россіи; ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли“».

Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, все осталось неизмѣненнымъ въ проектѣ П. В. Струве. И когда въ Петербургъ пріѣхалъ А. К. и спросилъ, выполнила ли Петербургская организація обѣщаніе составить манифестъ, С. передалъ ему готовый текстъ его. А. К. остался, однако, очень неудовлетвореннымъ этимъ проектомъ и находилъ его совершенно неудачнымъ. Но С. заявилъ ему, что манифестъ написанъ очень компетентнымъ лицомъ, обсужденъ и принятъ Петербургскимъ Союзомъ Борьбы и потому безусловно можетъ быть принятъ Центральнымъ Комитетомъ и опубликованъ. Въ свою очередь С. спросилъ, имѣетъ ли А. К. предложить взамѣнъ этого какой-нибудь другой проектъ манифеста. А. К. никакого иного проекта не имѣлъ и былъ принужденъ согласиться принять выработанный текстъ. Никакихъ другихъ дѣлъ Центральнаго Комитета въ этотъ пріѣздъ А. К. не обсуждалось, во 1-хъ, вслѣдствіе полной неопредѣленности положенія дѣлъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Екатеринославѣ, во 2-хъ, потому, что непосредственной и неотложной задачей было напечатать и распространить манифестъ и „рѣшенія съѣзда“, или уставъ партіи.

Вернувшись въ Минскъ, А. К. прочиталъ проектъ манифеста своимъ товарищамъ по Центральному Комитету Бунда. Они отнеслись къ нему еще болѣе отрицательно, чѣмъ А. К., признали его совершенно непріемлемымъ

и настояли, чтобы А. К. отправился вторично въ Петербургъ, просилъ бы С. устроить ему свиданіе съ авторомъ манифеста и настаивалъ на переработкѣ манифеста. Это и было исполнено. Свиданіе произошло на квартирѣ у Альб. Присутствовали—П. Б. Струве и С., А. К. и Альб.

Прежде всего А. К. указалъ на то, что въ наименованіи партіи, вопреки рѣшенію съѣзда, вставлено слово „Рабочая". На это первымъ возражалъ П. Б. Струве; онъ указалъ, что по ходу изложенія манифеста съ неизбѣжностью вытекаетъ, что рѣчь идетъ именно о „рабочей" партіи, и эта мысль, проникающая весь манифестъ, формулирована въ немъ слѣдующими словами: „Нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только *самъ*"; было бы поэтому страшнымъ противорѣчіемъ издавать подобный манифестъ отъ имени какой бы то ни было партіи, кромѣ рабочей. П. Б. Струве спросилъ, находятъ ли товарищи изъ Бунда эту идею устранимою изъ манифеста? Съ своей стороны С. указалъ, что за внесеніе въ наименованіе партіи термина „Рабочая" была почти половина съѣзда и было бы излишнимъ формализмомъ, если бы Центральный Комитетъ не рѣшился, въ виду соображеній, высказанныхъ П. Б. Струве, на это „незначительное" измѣненіе въ названіи партіи. Точно также по поводу всѣхъ другихъ возраженій А. К. ему отвѣчалъ П. Б. Струве, защищавшій свой проектъ, а С. и Альб. во всемъ его поддерживали. Въ заключеніе П. Б. Струве заявилъ, что во всякомъ случаѣ онъ считаетъ свою работу оконченной и что отъ Центральнаго Комитета зависитъ принять или не принять его текстъ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, иного же онъ дать не можетъ. С. добавилъ, что въ случаѣ отклоненія проекта, составленнаго П. Б. Струве, Петербургскій Союзъ Борьбы вообще не могъ бы исполнить взятаго имъ на себя передъ съѣздомъ обязательства. При такихъ обстоятельствахъ А. К. приходилось выбирать одно изъ двухъ: или вообще не издавать манифеста партіи или издать предлагаемый проектъ. Онъ выбралъ послѣднее.

Въ чемъ именно товарищи изъ Бунда видѣли недостатки манифеста? Это, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. П. Б. Струве говоритъ, что А. К. не нравились политическія тенденціи манифеста. Это объясненіе, несомнѣнно, будетъ встрѣчено очень сочувственно всѣми, кто въ тѣ времена одобрялъ манифестъ, и въ качествѣ „ортодоксальныхъ" par exellence „революціонныхъ" соціалдемократовъ противоставлялъ себя, „такъ называемымъ экономистамъ", „высказывавшимся противъ признанія манифеста". Но одно обстоятельство вноситъ яркій свѣтъ въ этотъ вопросъ и осложняетъ отвѣтъ на него.

Незадолго передъ поѣздкою А. К. въ Петербургъ, изъ Кіева пріѣхалъ въ Минскъ Р., пользовавшійся въ Кіевѣ большимъ вліяніемъ,

но уцѣлѣвшій отъ разгрома членъ группы „Рабочей Газеты". Онъ привезъ съ собою проектъ майской прокламаціи, которую онъ предлагалъ выпустить отъ имени партіи. Прокламація была составлена въ духѣ майскихъ листковъ предыдущаго года, съ осторожными указаніями на политическія задачи рабочаго движенія. Центральный Комитета Бунда нашелъ ее политически слишкомъ умѣренной и просилъ Р. переработать ее; послѣ этой переработки прокламація приняла совершенно опредѣленный, рѣзко политическій характеръ. Этотъ текстъ А. К. привезъ съ собою въ Петербургъ и предложилъ С. принять его и выпустить отъ имени партіи. С. одобрилъ эту прокламацію и къ первому мая она, дѣйствительно, была издана [1]).

Это показываетъ, что Центральный Комитетъ Бунда вовсе не былъ въ это время противникомъ выставленія рѣзко политическихъ требованій *даже и въ прокламаціяхъ*, а потому онъ ни коимъ образомъ не могъ быть противъ „политическихъ тенденцій" въ такомъ актѣ, какъ выпускъ перваго манифеста партіи. Очевидно, не нравился ему не самый фактъ наличности „политическихъ тенденцій", но то мѣсто, которое было отведено въ манифестѣ политическимъ задачамъ пролетаріата, и та точка зрѣнія, съ которой эти задачи разсматривались. Говорю: очевидно—потому что и на самомъ дѣлѣ таковы были возраженія противъ манифеста его противниковъ.

Какъ бы то ни было А. К. примирился съ этимъ проектомъ манифеста и, въ виду ареста типографіи „Рабочей Газеты", отвезъ его въ Бобруйскъ, гдѣ въ это время была типографія Бунда, и гдѣ онъ былъ тотчасъ же напечатанъ вмѣстѣ съ „рѣшеніями съѣзда" сначала на еврейскомъ языкѣ, затѣмъ на русскомъ. Одновременно съ этимъ тамъ же была напечатана и общепартійная майская прокламація. Впослѣдствіи манифестъ и „рѣшенія съѣзда" были напечатаны въ изданіи „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ" за границею, въ „Листкѣ Работника", а затѣмъ и на нѣмецкомъ языкѣ, въ Vorwärts'ѣ.

Лядовъ, очевидно, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ, кѣмъ и когда былъ составленъ манифестъ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Прежде всего съѣздъ занялся составленіемъ манифеста. Это была важнѣйшая задача съѣзда. Всѣ остальные вопросы могли быть рѣшены лишь послѣ того, какъ будетъ выяснено, что между собравшимися существуетъ принципіальное единство" (стр. 72). „Единственно, что сохранилось отъ трудовъ съѣзда,

---

[1]) Объ этой прокламаціи я уже сообщалъ болѣе подробно въ статьѣ „Первое мая въ Россіи", но я ошибочно приписывалъ ея составленіе группѣ „Стариковъ"; она была лишь одобрена представителемъ этой группы, С., и затѣмъ распространена въ Петербургѣ членами этой же группы.

это выработанный имъ манифестъ“ (стр. 78). Какъ видно изъ изложеннаго выше, это заявленіе Лядова есть лишь новая его выдумка. По своему обыкновенію Лядовъ не указываетъ ни одного точнаго факта, когда именно и въ чемъ именно заключались работы съѣзда надъ составленіемъ манифеста. На этомъ, впрочемъ, не стоило бы останавливаться, такъ какъ вся „Исторія“ Лядова есть одна сплошная сказка [1]). Но одно обстоятельство заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Не подозрѣвая того, что текстъ манифеста былъ составленъ П. Б. Струве, Лядовъ очень сочувственно анализируетъ „заявленіе съѣздомъ общихъ принциповъ“, на почвѣ которыхъ, по словамъ Лядова, якобы объединились на съѣздѣ различныя организаціи въ единую партію; онъ находитъ, что „манифестъ 1-го съѣзда выражалъ настроеніе всѣхъ первыхъ русскихъ соціалдемократовъ“, и онъ не находитъ въ немъ ни одного недостатка, но, наоборотъ, признаетъ, что въ манифестѣ „проведена та же мысль“, что и въ сочиненіяхъ Аксельрода, и что именно такъ, какъ указано въ манифестѣ, „поступали соціальдемократы-практики“, къ которымъ Лядовъ относится съ полнымъ сочувствіемъ и которыхъ ставитъ въ примѣръ „экономистамъ“. Лядовъ прочиталъ произведеніе П. Б. Струве, подъ которымъ, впрочемъ, не было подписи автора и принялъ это произведеніе за квинт-эссенцію ортодоксальнаго марксизма.

Я это вовсе не для того отмѣчаю, чтобы посмѣяться надъ Лядовымъ; въ защиту его я долженъ отмѣтить, что съ такою же проницательностью отнесся къ этому Credo безъ подписи автора и Плехановъ, который въ своемъ „Vademecum для редакціи Рабочаго Дѣла“ ставитъ въ примѣръ заблудившейся редакціи манифестъ перваго съѣзда, и Мартовъ, который, выставляя сильнѣйшее обвиненіе противъ петербургскихъ „экономистовъ“, воскликнулъ въ Парижѣ на митингѣ—въ отвѣтъ на рѣчь Л—ва: „Вы сжигали въ Петербургѣ манифестъ перваго съѣзда!“ [2]).

Многіе и многіе склонны будутъ объяснять это лишь „ошибками“, „недоразумѣніями“, принять какъ забавный курьезъ, какъ иронію судьбы. Я, наоборотъ, вижу въ этомъ симптомъ родства политическаго радикализма, а затѣмъ и политическаго оппортунизма, выразителемъ котораго впослѣдствіи явился составитель манифеста перваго съѣзда, и того „ортодоксальнаго“ соціалдемократизма, къ разнымъ фракціямъ котораго при-

---

[1]) Я дѣлалъ ссылки на книжку Лядова лишь потому, что онъ единственный историкъ партіи, и я обязанъ считаться съ литературою вопроса, о которомъ я пишу, какъ бы эта литература ни была бѣдна и жалка.

[2]) Самый фактъ невѣренъ,—Петербургскій Союзъ не сжигалъ манифеста; но вѣрно то, что онъ ему не сочувствовалъ и не хотѣлъ его распространять; а такъ какъ всѣ связи въ рабочей средѣ были въ рукахъ у „молодыхъ“, то группа „стариковъ“ была принуждена распространять манифестъ и майскую прокламацію первобытнымъ способомъ: они раздавались на улицахъ прохожимъ на Пескахъ, за Невскою заставою и на Васильевскомъ островѣ.

надлежатъ и Плехановъ, и Мартовъ, и С., и Лядовъ. И, въ противоположность этому, конечно, не случайно всѣ организаціи и всѣ видные дѣятели другого соціалдемократическаго теченія, такъ называемые экономисты, и Бундъ, и Петербургскій „Молодой" Союзъ, и „Молодой" заграничный Союзъ—были неудовлетворены манифестомъ и недовольны имъ.

Какъ бы то ни было манифестъ былъ распространенъ по всей Россіи. Издавъ въ своей типографіи манифестъ и „рѣшенія съѣзда" и доставивъ ихъ всѣмъ организаціямъ, имѣвшимъ своихъ делегатовъ на съѣздѣ, товарищи изъ Бунда выполнили миссію съѣзда, взявъ на себя добровольно работу, которую уже не могли совершить арестованные въ Кіевѣ и Екатеринославѣ товарищи, уполномоченные на это съѣздомъ. И судьба точно ждала только того, чтобы эти сильные и активные участники съѣзда осуществили эту историческую его задачу. Дамокловъ мечъ уже давно висѣлъ надъ Центральнымъ Комитетомъ Бунда. Агенты Зубатова пріѣхали въ Минскъ за московскимъ делегатомъ и за Б. Л. Совершенно независимо отъ мѣстнаго жандармскаго управленія и отъ мѣстной полиціи они начали свою „работу". За Гл. филеръ поѣхалъ въ Лодзь, за Дж. въ Варшаву, за А. К. въ Брянскъ, а оттуда въ Гродно, куда предполагали перевести типографію Бунда. Во всѣхъ этихъ городахъ агенты устроили узлы своей раскинутой сѣти. Въ это время Бундъ получилъ изъ-за границы 10 пудовъ еврейскаго шрифта; его перевезли съ большими предосторожностями и, наконецъ, доставили въ Минскъ; тутъ на его слѣдъ напали шпіоны и выслѣдили его при перевозкѣ въ Бобруйскъ. Агенты московскаго охраннаго отдѣленія сняли себѣ квартиру противъ дома тайной типографіи и въ теченіе мѣсяца слѣдили за нимъ. Когда товарищи хотѣли увезти типографію изъ Бобруйска въ Гродно, ихъ арестовали и одновременно произвели аресты во всемъ районѣ дѣятельности Бунда. Это было въ ночь на 26 іюля 1898 года. Всего было взято и отвезено въ Москву около 70 человѣкъ.

Въ этой статьѣ я сдѣлалъ первую попытку реставрировать картину подготовки и работъ перваго съѣзда. Въ нашей партійной литературѣ нѣтъ на этотъ счетъ совершенно никакихъ матеріаловъ [1]). Въ теченіе многихъ лѣтъ я старался разспрашивать товарищей, хорошо освѣдомленныхъ въ общемъ ходѣ нашего движенія, объ этомъ событіи въ жизни нашей партіи и убѣдился, что оно совершенно неизвѣстно въ нашей средѣ не только въ деталяхъ, но и въ общихъ чертахъ. Въ настоящее время я разыскалъ и посѣтилъ всѣхъ участниковъ съѣзда—къ сожалѣнію, за

[1]) За исключеніемъ вышецитированной статьи Б. Л., которою я имѣлъ возможность пользоваться лишь въ рукописи.

исключеніемъ одного—и разспрашивалъ ихъ объ этомъ дѣлѣ. Ни одинъ изъ нихъ не отказался содѣйствовать выясненію этой страницы нашей исторіи, и я старался быть лишь прилежнымъ записчикомъ въ этой нашей коллективной работѣ. Теперь, когда я скомпоновалъ мой эскизъ, пусть они постараются возстановить или исправить детали. Если моя статья побудитъ ихъ къ этому, она будетъ уже небезполезна. Если даже не сама она, а лишь ея ошибки и пробѣлы побудятъ ихъ къ этому, то авторъ будетъ радъ своимъ ошибкамъ: онѣ и неизбѣжно должны были вкрасться, потому что сами участники съѣзда не сохранили въ своей памяти всѣхъ подробностей его и мнѣ приходилось сопоставлять и провѣрять отдѣльныя показанія.

„Пусть вновь созданная партія не будетъ мертворожденнымъ дѣтищемъ!“ Этотъ тостъ на нашемъ прощальномъ собраніи мнѣ часто вспоминался, когда нѣсколько дней спустя послѣ нашего съѣзда насъ почти всѣхъ арестовали..., сказалъ одинъ изъ моихъ разсказчиковъ о съѣздѣ. „Въ сущности изъ всѣхъ рѣшеній съѣзда было выполнено только одно: былъ опубликованъ манифестъ“.

Только одно! Это *одно* было выполнено совсѣмъ не такъ, какъ того хотѣлъ съѣздъ; но это *одно*, независимо отъ самаго содержанія манифеста, было единственно необходимымъ и единственно возможнымъ на той стадіи развитія партіи! Велѣніе исторіи царило надъ событіями и надъ дѣйствіями людей и цѣлыхъ группъ! Партія создалась не 1-го марта 1898 года, какъ это думали участники съѣзда: она слагалась давно и медленно и ко времени съѣзда была уже крупнымъ фактомъ русской общественной жизни. Это нужно было только *сказать*. Это необходимо было сказать для того, чтобы многочисленные члены этой, уже фактически существующей, партіи сознали себя таковыми и этимъ сознаніемъ руководствовались бы въ своей разрозненной дѣятельности. Центральный Комитетъ и Центральный Органъ партіи не могли бы существовать въ то время, какъ это показали безрезультатныя усилія партіи создать ихъ въ послѣдующіе годы. Борьба могла вестись тогда только партизанская, но и для этой борьбы нужна была общая, хотя бы и не оформленная организаціей, идея единства движенія. Голосъ одного человѣка, голосъ физической личности—будь она даже головою выше всѣхъ своихъ современниковъ—былъ бы слишкомъ слабъ для провозглашенія этого единства. Нужна была фикція коллективнаго голоса всей партіи, которая бы сказала самой себѣ: „Я—партія“. И эта фикція, этотъ призракъ партіи былъ созданъ первымъ съѣздомъ. Сотни товарищей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самоотверженно работали надъ созданіемъ этой фикціи и они достигли цѣли: моральное значеніе перваго съѣзда было огромно—это испытали на себѣ всѣ участники дальнѣйшей работы.

Но этотъ призрачный характеръ подобныхъ историческихъ событій, создаваемый бьющими въ глаза противорѣчіемъ между простотою, несложностью физическаго акта и его объективнымъ значеніемъ, моральнымъ вліяніемъ на послѣдующія событія, побуждаетъ историковъ впадать въ двоякаго рода ошибки.

Одни, склонные признавать проявленіе въ этихъ событіяхъ иныхъ силъ, чѣмъ тѣ, которыя создали видимую структуру акта, усматриваютъ въ этомъ противорѣчіи вмѣшательство въ естественный ходъ вещей таинственныхъ, мистическихъ силъ, проводящихъ въ жизнь при помощи ничтожныхъ и случайныхъ событій свои добрыя или злыя велѣнія, предначертанныя въ планѣ мірозданія. Слѣдствіе въ этихъ событіяхъ является совершенно непропорціонально великимъ по сравненію съ видимыми его причинами, а потому эти видимыя причины кажутся столь ничтожными, что заслуживають быть игнорируемыми, какъ безконечно малая величина. Какъ въ жизни Эдипа его собственные поступки, желанія и усилія не играютъ никакой роли въ исполненіи рока, такъ и въ исторіи, съ этой точки зрѣнія, не конкретныя обстоятельства опредѣляютъ фактъ, но судьба личности, народа или всего человѣчества. „Нѣкто въ сѣромъ“ рѣшаетъ въ послѣднемъ счетѣ событія и у Метерлинка, и у В. Соловьева, и у Побѣдоносцева—чтобы назвать, для примѣра, имена наиболѣе различныхъ людей мистиковъ.

Огромное большинство читателей, несомнѣнно, столь далеки отъ этого взгляда, что имъ покажется, можетъ быть, неумѣстнымъ даже и указаніе на него, какъ на одинъ изъ возможныхъ взглядовъ. Но авторъ этихъ строкъ, какъ бы онъ ни былъ самъ далекъ отъ мистицизма, считаетъ еще въ несравненно большей степени ошибочнымъ противоположный, весьма распространенный матеріалистическій взглядъ на этого рода явленія.

Люди, считающіе себя чуждыми всякому идеализму въ пониманіи историческихъ событій, не видя никакихъ иныхъ причинъ и силъ, создавшихъ крупное историческое явленіе, кромѣ конкретныхъ наблюденныхъ фактовъ, признаютъ, что именно эти ничтожные факты при благопріятныхъ случайныхъ обстоятельствахъ способны вызвать наблюдаемое слѣдствіе, а потому даже слабая силами горстка лицъ можетъ совершить огромное дѣло, если сумѣетъ воспользоваться подобными случайностями. То, что мистики считаютъ за quantité negligeable, матеріалисты признаютъ рѣшающимъ факторомъ; а то, что мистики признаютъ сущностью явленія, матеріалисты считаютъ не существующимъ.

Такъ, напримѣръ, что представляется на первый взглядъ наблюдателю и историку въ связи съ описаннымъ въ этой статьѣ историческимъ фактомъ? Горсточка людей, девять человѣкъ, бесѣдовала въ теченіе трехъ

дней о томъ, чтобы создать организацію единой соціалдемократической партіи. Часть изъ нихъ была тотчасъ послѣ этого арестована, другая часть была арестована вскорѣ затѣмъ, не успѣвъ сдѣлать ничего или почти ничего для осуществленія этой идеи, третья часть вынуждена была отстраниться отъ дѣла тотчасъ послѣ съѣзда. О работахъ съѣзда исчезли всякія данныя; выпущенное отъ имени съѣзда заявленіе было составлено безъ вѣдома и согласія съѣзда чуждымъ ему по духу однимъ лицомъ. Каковы же были результаты этихъ маловажныхъ обстоятельствъ? Сотни и сотни лицъ во всѣхъ концахъ Россіи, погибая и смѣняя другъ друга, стали признавать себя на основаніи манифеста перваго съѣзда членами единой Партіи, добивались чести называть свои организаціи комитетами этой партіи, ожесточенно боролись за это право. Такъ продолжалось въ теченіе пяти лѣтъ, когда, наконецъ, на второмъ съѣздѣ, создалась общепартійная организація.

Если такъ, то самый съѣздъ представляется лишь формальностью; кажется, что самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого значенія и такихъ же результатовъ съ равнымъ успѣхомъ могъ бы достигнуть тотъ, кто бы устроилъ „комедію" съѣзда или даже „сочинилъ съѣздъ" и именемъ такого, никогда не существовавшаго, съѣзда объявилъ бы партію существующей.

Этотъ взглядъ имѣетъ много сторонниковъ и въ значительной степени опредѣляетъ собою современную тактику партіи, хотя и противорѣчитъ марксистскому пониманію исторіи. Мнѣ представляется онъ не только болѣе вреднымъ, ведущимъ къ революціонному авантюризму, но и болѣе наивнымъ, чѣмъ первый.

Если съѣздъ былъ фикціей, то только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется фикціей равнодѣйствующая физическихъ силъ и юридическая личность; если партія была въ моментъ перваго съѣзда призракомъ, то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ „такъ говоритъ Заратустра: больше чѣмъ людей и вещи люблю я призраки". Въ этомъ смыслѣ фикціи не менѣе реальны, чѣмъ физическія силы; въ этомъ смыслѣ „призраки" не мнимая математическая величина и не мнимое оптическое изображеніе, они являются такимъ же реальнымъ бытіемъ, какъ и матеріальныя вещи.

Для того, чтобы выяснить себѣ всѣ причины того или иного событія общественной жизни, необходимо познать не только видимыя условія, при которыхъ оно совершилось, но и невидимыя историческія силы, превратившія конкретный фактъ въ историческое явленіе.

Эти силы соціологически, являются лишь абстракціями, законами общественнаго развитія, но онѣ пріобрѣтаютъ санкцію этическихъ нормъ въ инстинктахъ, въ волѣ, въ сознаніи дѣйствующихъ въ исторіи лицъ и потому психологически становятся реальными силами.

Міръ людской полонъ призраковъ минувшаго, призраковъ грядущаго; они вселяются въ насъ, становятся душою нашею, облекаясь плотью, они живутъ между нами и являются строителями новыхъ общественныхъ формъ. Наличность этихъ невидимыхъ причинъ общественнаго явленія часто позволяетъ сказать, что „вначалѣ было слово“ и лишь затѣмъ это слово стало дѣломъ; потому что только тотъ фактъ пріобрѣтаетъ историческое значеніе, который—формально—соотвѣтствуетъ абстрактной нормѣ закона, а реально — отвѣчаетъ „запросамъ общества“, „идеямъ вѣка“, словомъ, диктуется „призракомъ“ исторіи. Но этотъ „призракъ“—уже не „нѣкто“ для историка-реалиста.

Вл. Махновецъ-Акимовъ.

Письмо Т. Г. Шевченко къ Марко-Вовчку.

25 маія.

Спасыби тобі моя доню любая моя единая що ты мене хочъ у Дрездени згадала. Я ще й доси тутъ, не пускають до дому. Печатать не дають. Не знаю що й робить. Чи не повисыця часомъ?

Ни не повишусь, а втичу на Украину, оженюсь и вернуся якъ умитый въ столыцю.

Колы ви вернетесь до насъ? Якбы черезъ рикъ то дуже добре булобъ. Съ Кожанчиковымъ я бачився позавчора, и винъ мени ничого не казавъ про *Ледащицю.* Серденько мое! не посылайте поки що ничого отымъ книгарямъ — поки васъ лыхо не прискрипало. Бо воны не бачать, а носомъ чують наши злы дни. А втимъ робить якъ сами знаете. Въ осены буде у мене свій журналъ подъ редакціей Бѣлозерскаго и Макарова. Пидождить трошки. А поки що нехай вамъ Богъ помогае на все добре.

Трichи цилую васъ и вашего Богдася, аминь.

Т. Шевченко.

Якъ часъ то пишить до мене черезъ Каминецкаго бо винъ знатымо де я повертаюсь.

Автографъ посвященія поэмы Шевченко „Неофиты“ Марко-Вовчку.

НЕОФИТЫ.

(Поэма).

Любій моій единой дони

Маруси Марковичъ.

На память 3 апреля 1859.

Т. Шевченко.

На оборотной сторонѣ листика написано:

Сія глаголетъ господь: сохраните судъ и творите правду, прибли спасеніе мое прийти и милость моя открыется.

Исаія, глава, 56 с. 1.

Изъ моего прошлаго.

Эти мои воспоминанія посвящены тому періоду моей дѣятельности, когда я послѣ раздѣла „Земли и Воли“ отправился въ Кіевъ.

Но прежде я еще разъ остановлюсь на моментахъ предъ раздѣломъ „Земли и Воли“ и сейчасъ послѣ совершившагося раздѣла.

Относительно моихъ воспоминаній мнѣ были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія О. В. Аптекманомъ и Н. А. Морозовымъ о томъ, что я нѣсколько не такъ передаю и освѣщаю факты, вызвавшіе раздѣлъ „Земли и Воли“.

Возражать я не буду, ибо мы, очевидно, смотримъ подъ угломъ того настроенія, которое мы переживали всякій по своему въ этотъ моментъ освободительнаго движенія 70-хъ годовъ.

Но я осмѣливаюсь настаивать на томъ, что мое освѣщеніе фактовъ и настроеній для многихъ и многихъ столь же вѣрно, какъ и для меня. Въ самомъ дѣлѣ, психологически уже вѣроятно, что не всѣ сразу могли сдѣлать внезапный скачекъ отъ одной программы дѣятельности къ другой. Съ другой стороны, зная настроеніе и наличный составъ мнѣній людей, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ революціонной фаланги, легко понять,—почему одни изъ нихъ пошли впередъ другихъ въ нароставшемъ новомъ революціонномъ настроеніи, а другіе составляли, такъ сказать, арріергардъ въ идущемъ на смѣну старому новомъ настроеніи.

Посмотримъ, кто были тѣ, которые, по словамъ Морозова, придавали больше,—а, по моему, почти все значеніе,—борьбѣ за гражданскую свободу.

Вотъ они, и ихъ было не много. М. Н. Ошанина всегда, какъ я ее и зналъ, стояла за политическую борьбу, ибо она принадлежала къ партіи „Набата“. Если въ послѣднее время Ошанина примкнула къ партіи „Земля и Воля“, то отчасти потому, что эта партія была единственной дѣятельной революціонной партіей въ Петербургѣ, къ тому же партіей организованной, чему она придавала большое значеніе; отчасти же, быть можетъ,

и потому, что „Земля и Воля“ все больше и больше расширяла рамки для борьбы политической.

Зунделевичъ былъ по убѣжденіямъ соціалдемократъ и большой поклонникъ програмы дѣятельности соціалдемократовъ германскихъ; онъ считалъ, что задача русскихъ соціалистовъ состоитъ въ томъ, чтобъ завоевать для Россіи политическую свободу, и тогда русскіе соціалисты пойдутъ тѣмъ путемъ, какимъ идутъ германскіе соціалдемократы.

Желябовъ и Морозовъ предъ этимъ просидѣли годы въ тюрьмѣ. Старая ихъ дѣятельность прервалась. Относительно Желябова извѣстно, что онъ по выходѣ изъ тюрьмы такъ же, какъ и многіе изъ его товарищей по процессу 193-хъ, отнесся къ программѣ „Земли и Воли“ отрицательно, потому что эта программа, по ихъ мнѣнію, была только на чувства, а не на умъ и сознаніе массъ и тѣмъ самымъ предоставляла народнымъ массамъ пассивно-стихійную роль въ революціи. Извѣстно и то, что Желябовъ по выходѣ изъ тюрьмы пытался вновь возвратиться къ прежней програмѣ дѣятельности, практиковавшейся въ Россіи до его ареста. Но то, что было уже отвергнуто революціонной практикой за время его пребыванія въ тюрьмѣ, невозможно было вновь рекомендовать съ успѣхомъ, и Желябовъ, не имѣя живыхъ связей съ дѣятельностью партіи „Земли и Воли“, легко и свободно прошелъ мимо програмы землевольцевъ къ програмѣ „Народной Воли“.

Остается А. Д. Михайловъ. Но я уже не разъ говорилъ въ предыдущихъ моихъ воспоминаніяхъ, что въ эволюціи „Земли и Воли“ въ „Народную Волю“ играла значительную роль месть правительству за всѣ тѣ жестокія и беззаконныя средства, которыми оно оперировало противъ каждаго, кто осмѣливался руководиться въ своей дѣятельности своимъ умомъ и совѣстью и въ высшей мѣрѣ противъ представителей освободительнаго движенія 70-хъ годовъ.

А. Д. Михайловъ больше, чѣмъ кто-либо другой былъ захваченъ такимъ чувствомъ мести, и этимъ я отчасти могу объяснить себѣ, почему А. Михайловъ такъ рѣшительно и круто примкнулъ къ чисто политической дѣятельности.

Часто Н. А. Морозовъ рядомъ съ собой и А. Михайловымъ ставитъ Квятковскаго. Я не такъ смотрю на Квятковскаго, какъ Морозовъ. Квятковскій человѣкъ боевого темперамента и потому самъ не замѣчалъ разницы между той дѣятельностью, на которую влекъ его темпераментъ и тѣми его убѣжденіями, которыя прочно залегли въ его душѣ. Вотъ почему я рѣшительно утверждаю, что Квятковскій глубоко былъ искрененъ на судѣ,—какъ и вообще всегда онъ былъ искрененъ—когда онъ заявилъ суду, что по убѣжденіямъ своимъ онъ народникъ.

Все это я говорю не съ цѣлью кого-либо убѣдить въ томъ, что нароставшее настроеніе, которое потомъ отлилось въ программу „Народной Воли", было дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ. Скажу больше, я, переживавшій это возникавшее въ то время настроеніе, ясно предвидѣлъ, что революціонное движеніе грозитъ превратиться въ политическую борьбу. Вотъ почему, когда на Воронежскомъ съѣздѣ Желябовъ предлагалъ временно совершенно отказаться отъ соціалистической программы и всѣ силы и средства партіи употребить исключительно на политическую борьбу, я возражалъ ему такъ: лиха бѣда начать, но разъ завертѣвшееся въ одну сторону колесо трудно будетъ остановить и поворотить въ другую.

Я хочу только представить читателю вѣрную картину прошлаго, вѣрно дѣйствительности передать эволюцію „Земли и Воли" въ „Народную Волю". Если бъ рѣчь шла о томъ, что я теперь думаю, я, какъ непосредственно участвовавшій въ дѣятельности партіи „Земли и Воли", то я сказалъ бы безъ колебанія, что даже если бы Соловьевъ не поставилъ своимъ покушеніемъ на очередь тотъ вопросъ, который круто толкалъ партію „Земли и Воли" въ сторону до сихъ поръ постепенно происходившей эволюціи взглядовъ и настроеній, принимая во вниманіе мѣры репрессій со стороны правительства,—эволюція партіи „Земли и Воли" пришла бы къ тому же концу, т. е. къ борьбѣ за гражданскую свободу. Но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, что я думаю теперь, а о томъ, что я видѣлъ тогда.

Итакъ, что касается меня, то я скажу, что я не переживалъ болѣе труднаго и тяжелаго момента во весь мой революціонный періодъ жизни, чѣмъ тотъ, который я пережилъ предъ и послѣ раздѣла „Земли и Воли". Самое тяжелое душевное состояніе—колеблющееся состояніе. Быть можетъ, это было такъ потому, что предъ раздѣломъ въ той поселенческой группѣ (въ Воронежской группѣ), въ которой я участвовалъ, были задуманы широкіе планы насчетъ поселенія, съ которыми, въ виду наступившаго новаго революціоннаго настроенія въ городахъ, приходилось покончить.

„Продайте все, что можно продать,—писалъ намъ А. Михайловъ—и поспѣшите въ Петербургъ! Мы разгромлены. Нѣтъ ни людей, ни средствъ"... Приходилось бросить начатое уже дѣло. А не такъ-то легко бросить начатое и заставить работать мысли въ другомъ направленіи, чѣмъ то, въ которомъ они работали до сихъ поръ. Это разъ. Съ другой стороны, по темпераменту я совсѣмъ не былъ склоненъ удовлетвориться дѣятельностью въ деревнѣ потому только, что это деревенская дѣятельность. Мнѣ часто приходилось защищать дѣятелей городскихъ предъ тѣми, кто рѣшительно отвергалъ такую борьбу во имя дѣятельности въ деревнѣ.

Вотъ почему на Воронежскомъ съѣздѣ я такъ рѣшительно не на-

ставилъ на раздѣлѣ, какъ, напр., Г. В. Плехановъ. Точно также я, вѣроятно, и въ Петербургѣ, если-бъ раздѣлъ совершился и вопреки моему желанію, не перешелъ бы во фракцію „Чернаго передѣла". Но тутъ меня увлекли надежды, внушенныя мнѣ Стефановичемъ, что въ Чигиринскомъ уѣздѣ можно вновь начать дѣятельность среди крестьянъ.

О. В. Аптекманъ, въ замѣткѣ, помѣщенной имъ въ октябрьской книжкѣ журнала «Современная Жизнь», указываетъ на то, что я много придаю значенія случайному пріѣзду Стефановича и Дейча въ дѣлѣ раздѣла «Земли и Воли» и не ясно говорю о принципіальномъ разногласіи террористовъ и народниковъ; между тѣмъ какъ, по словамъ Аптекмана, даже изъ моего не совсѣмъ яснаго изложенія слѣдуетъ, что „террористы" стремились къ чисто политической дѣятельности, а народники къ дѣятельности въ народѣ, т. е. чисто экономической". Совершенно вѣрно,—отвѣчаю я. Но вѣдь раньше всѣ наличные члены партіи „Земли и Воли" стояли за дѣятельность въ деревнѣ, хотя, по моему, дѣятельность въ деревнѣ по программѣ «Земли и Воли» предполагала борьбу не на одной только экономической почвѣ; но пусть будетъ такъ. Я хочу сказать, что часть партіи, которую Аптекманъ называетъ террористами, перемѣнила одну программу на другую не случайно, а потому что убѣдилась въ невозможности борьбы въ деревнѣ при наличныхъ политическихъ условіяхъ и рѣшилась на борьбу съ этими политическими условіями. Вопросъ, слѣдовательно, ставился такъ: возможна или нѣтъ при наличныхъ условіяхъ революціонная дѣятельность въ деревнѣ? И въ этомъ вопросѣ голоса Стефановича и Дейча имѣли свой вѣсъ, тѣмъ болѣе, что они, опираясь на свѣдѣнія, полученныя имъ изъ Кіева, сами вѣрили, что въ Чигиринскомъ уѣздѣ возможно организовать дѣятельность среди крестьянъ.

Предо мной именно стоялъ этотъ вопросъ и, мнѣ кажется, не предо мной однимъ. Я во всякомъ случаѣ находился подъ обаяніемъ той мысли, что дѣятельность въ деревнѣ можно отстоять не словами и убѣжденіями въ необходимости такой дѣятельности, а только самой дѣятельностью тамъ. Я думалъ: только крупной величины фактъ среди крестьянства можетъ отвлечь начавшееся уже настроеніе умовъ,—бороться всѣми средствами съ абсолютизмомъ—въ сторону дѣятельности въ деревнѣ.

Вотъ почему знавшіе меня изъ тѣхъ, кто примкнулъ къ организаціи «Народной Воли», обращались ко мнѣ съ такими словами: „Больше всѣхъ вы, Родіоновичъ, пожалѣете о томъ, что уходите отъ насъ". —Слова сказанныя мнѣ въ моментъ раздѣла Тихомировымъ. Затѣмъ, когда я пришелъ въ день моего отъѣзда въ Кіевъ проститься со старыми товарищами по дѣлу, М. Н. Ошанина, удерживая мою руку, поданную ей на прощаніе, сказала: «оставайтесь, Родіоновичъ, съ нами».

Все это я говорю для того, чтобъ было понятно, почему я такъ быстро въ Кіевѣ перемѣнилъ свои взгляды и меня потянула народовольческая дѣятельность. Надежды на дѣятельность въ Чигиринѣ рухнули. Надежды эти были основаны на настроеніи крестьянъ-чигиринцевъ, сидѣвшихъ въ Кіевской тюрьмѣ. Не таково было настроеніе крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, избѣжавшихъ участи своихъ земляковъ и оставшихся на волѣ. Послѣдніе были рѣшительно того мнѣнія, что въ настоящій моментъ, когда поставлена на ноги вся уѣздная полиція, когда по ярмаркамъ и базарамъ рыщутъ исправники и становые, дѣятельность въ Чигиринѣ не возможна.

О. В. Аптекманъ этотъ нашъ неуспѣхъ въ Чигиринѣ приписываетъ неудачному выбору лица, посланнаго на развѣдки въ Чигиринъ. Я такъ не думаю. Разъ дѣйствительно Чигиринскій уѣздъ былъ такъ настроенъ, какъ то казалось намъ со словъ крестьянъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по дѣлу Стефановича, то что мѣшало намъ послать на новыя развѣдки болѣе опытнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка? Мнѣ кажется, что можно было и напередъ знать, что такое, а не иное должно было быть настроеніе крестьянъ послѣ тѣхъ правительственныхъ репрессій, которыми правительство обрушилось на чигиринцевъ. Особенно, если помнить, что крестьяне шли за Стефановичемъ, какъ за посланцемъ царя, а не въ силу того, что они сознательно были организованы для борьбы за свои крестьянскіе интересы. По крайней мѣрѣ, я вѣрилъ тогда и продолжаю вѣрить и въ настоящее время, что П—въ, который и былъ на развѣдкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, передалъ мнѣ то, что онъ тамъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами. Кромѣ того, я имѣлъ довольно ясное представленіе о настроеніи умовъ въ крестьянствѣ въ то время, чтобъ сознательно отнестись къ тѣмъ впечатлѣніямъ и свѣдѣніямъ, съ которыми возвратился изъ своей экскурсіи въ Чигиринскій уѣздъ П—въ. Во всякомъ случаѣ, повязка съ глазъ моихъ спала.

Я потерялъ надежды что-либо сдѣлать въ Чигиринѣ, и мнѣ нужно было рѣшить, что дѣлать. Мнѣ стало ясно, что раздѣлъ „Земли и Воли“ былъ крупной ошибкой, и въ первую же встрѣчу со Стефановичемъ въ Кіевѣ я повелъ рѣчь о томъ, что нужно начать переговоры о соединеніи вновь расколовшейся на двѣ фракціи „Земли и Воли“. Мнѣ казалось, что Стефановичъ не былъ противъ моего предложенія, по крайней мѣрѣ, онъ не возражалъ въ этотъ разъ, и мы рѣшили обсудить вновь мое предложеніе въ Одессѣ.

Пока что,—до моего отъѣзда въ Одессу, я рѣшилъ перезнакомиться съ революціонными представителями Кіева.

Кіевъ передъ моимъ появленіемъ въ немъ пережилъ два погрома:

въ декабрѣ 78 г. арестованы были Осинскій, Волошенко, Лешернъ и другіе. Въ январѣ 1879 г. арестованы были во флигелѣ Косоровской, такъ называемые, панковцы (д. Косоровской былъ на углу улицъ Панковской и Желянской—отсюда Панковцы). Оба эти погрома послѣдовали быстро одинъ за другимъ и вычеркнули изъ рядовъ Кіевскихъ революціонеровъ многихъ энергическихъ представителей революціонныхъ организацій юга. Достаточно сказать, что въ числѣ погибшихъ были: Осинскій, Дебагорій-Мокріевичъ, Волошенко и другіе видные революціонеры.

Осинскій пользовался большой популярностью на югѣ Россіи даже среди людей, не раздѣлявшихъ его взглядовъ. Помню по пріѣздѣ въ Кіевъ мнѣ пришлось быть въ одной почтенной семьѣ украинофиловъ Ж—кихъ, и меня, какъ друга Осинскаго, въ высшей степени тронуло то уваженіе, съ которымъ относились въ этой семьѣ къ памяти Осинскаго. Хозяйка дома, принимая меня, рекомендованнаго ей, какъ близко знавшаго Осинскаго, указала со слезами на глазахъ на одинъ изъ подоконниковъ въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, и сказала: „вотъ на этомъ мѣстѣ въ послѣднее свое посѣщеніе нашего дома сидѣлъ Валерьянъ Андреевичъ и это мѣсто въ нашемъ домѣ считается священнымъ мѣстомъ, на которое я не позволяю никому садиться. Пусть тѣнь этого самаго благороднаго и гуманнаго изъ извѣстныхъ мнѣ людей присутствуетъ съ нами на этомъ мѣстѣ“.

Итакъ, какъ я уже сказалъ, Кіевъ передъ моимъ пріѣздомъ былъ разгромленъ. Но Кіевъ въ наше время былъ городомъ, въ которомъ революціонеры не переводились и убыль однихъ быстро замѣнялась новыми революціонерами.

Первымъ моимъ знакомымъ въ Кіевѣ былъ Буцынскій. Онъ принадлежалъ къ партіи „Народной Воли“, когда я познакомился съ нимъ, и жилъ въ Кіевѣ въ качествѣ представителя этой партіи. Ему первому я изложилъ ту революціонную программу, которую я находилъ соотвѣтствующей въ тотъ моментъ.

Моя программа въ общихъ чертахъ была такова. Въ данный моментъ революціонеры всѣхъ оттѣнковъ должны объединиться для общей борьбы. Раздѣлъ „Земли и Воли“ въ это время казался мнѣ крупной ошибкой, такъ какъ раздѣломъ организованной партіи на двѣ фракціи революціонеры обезсилили себя и стали еще болѣе слабыми въ неравной борьбѣ съ правительствомъ. Предложилъ ему, если онъ раздѣляетъ такое мнѣніе, принять участіе въ объединеніи наличныхъ революціонныхъ силъ въ Кіевѣ въ одну общую организацію, не придавая значенія тому, что одни склоняются болѣе къ старой программѣ „Земли и Воли“, а другіе—къ программѣ партіи „Народной Воли“. Ставилъ ему на видъ, что революціонная тактика въ тотъ или иной историческій моментъ опредѣляется сложнымъ соціальнымъ и

политическимъ состояніемъ страны, что въ самой борьбѣ революціонные дѣятели объединяются, и сама борьба указываетъ средства для дальнѣйшей борьбы. „Поэтому,—говорилъ я,—если намъ удастся объединить наличныя революціонныя силы въ Кіевѣ въ одну группу, которая охотно будетъ брать на себя дѣятельность обѣихъ группъ расколовшейся „Земли и Воли“ посвящать такую свою дѣятельность, ведущую къ одной цѣли—защитѣ экономическихъ нуждъ трудового люда, то наша дѣятельность не будетъ стоять въ противорѣчіи ни съ той ни съ другой програмой этихъ фракцій“.

Тенденція, какъ читатель видитъ изъ этой, намѣченной въ общихъ штрихахъ программы, состояла въ томъ, чтобъ сохранить за Кіевской группой, которая, какъ позволительно всякому самообольщаться, должна была послужить первой ячейкой общей русской революціонной организаціи и предупредить превращеніе этой группы въ партію борющихся лишь за буржуазные принципы. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что большинство революціонеровъ именно этого боялось.

Буцынскій зналъ о планахъ народовольцевъ въ связи съ проѣздомъ Александра II-го изъ Крыма въ Петербургъ и намъ предстояло опредѣлить дѣятельность Кіевской группы революціонеровъ на случай удачи предпринятыхъ народовольцами плановъ. Мы рѣшили, что Кіевская революціонная группа должна будетъ выяснить народу, что партія „Земля и Воля“, встрѣчая препятствіе въ осуществленіи завѣтнаго желанія народа—дать ему землю и волю, рѣшила устранить это препятствіе.

Въ реальномъ своемъ осуществленіи это должно было произойти такъ. На одной изъ площадей Кіева (было потомъ рѣшено—на Житнемъ базарѣ) Кіевская группа во всемъ составѣ должна была поднять красное знамя съ девизомъ „Земля и Воля“, и ораторъ въ своей рѣчи долженъ былъ выяснить народу необходимость совершеннаго факта. Наканунѣ демонстраціи предполагалось распространять среди городскихъ рабочихъ прокламацію, въ которой тоже выяснялся бы имъ совершенный фактъ.

Намъ предстояло обратиться къ партіи „Народной Воли“ съ просьбой напечатать достаточное количество экземпляровъ прокламаціи, нами составленной, отъ партіи „Земли и Воли“.

Затѣмъ, зная хорошо, какъ правительство расправляется съ демонстрантами изъ предыдущихъ случаевъ, напр., на Казанской площади и во время демонстраціи въ Москвѣ, когда чрезъ Москву высылались на сѣверъ студенты Кіевскаго университета за волненія въ этомъ университетѣ, было рѣшено, что на демонстрацію должны были нѣсколько человѣкъ явиться съ бомбами и расположиться вокругъ собравшейся толпы, чтобы въ случаѣ натиска со стороны казаковъ и полиціи предупредить таковой метаніемъ бомбъ.

Буцынскій отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ организаціи такой группы революціонеровъ въ Кіевѣ, и мы приступили къ выполненію нашего проекта.

При помощи Буцынскаго я познакомился съ другими лицами, примыкавшими къ программѣ „Народной Воли", которые тоже отнеслись симпатично къ такому плану организаціи. То были: Поликарповъ, Лозьяновъ, Дьяковскіе, Жуковъ и др.

Затѣмъ, я познакомился и съ представителями старой программы „Земли и Воли". Среди нихъ въ лицѣ Иг. Кир. Иванова, Н. И. П—го и И. Н. П—цкаго нашлись выдающіеся по уму и энергіи работники.

Благодаря энергіи и согласной дѣятельности этихъ лицъ, Кіевская организація быстро росла и крѣпла, и въ какой-нибудь мѣсяцъ—другой наша революціонная Кіевская группа располагала значительными силами и достаточными средствами для предначертанной нами дѣятельности.

Буцынскій отправился для переговоровъ по поводу намѣченной нами дѣятельности съ представителями организаціи „Народной Воли" въ Одессу. Одесскіе представители „Народной Воли" отнеслись сочувственно къ нашимъ планамъ создать въ Кіевѣ такую организацію, какъ мы задумали, и обѣщали снестись съ Петербургомъ по поводу напечатанья прокламаціи нами составленной, обѣщали снабдить насъ всѣми средствами борьбы, имѣющимися въ ихъ распоряженіи и снабдить насъ техническими свѣдѣніями, необходимыми для пользованія этими средствами.

Петербургскіе народовольцы охотно напечатали нашу прокламацію, отказались только, въ силу договора при раздѣлѣ „Земли и Воли", напечатать предполагавшійся нами заголовокъ прокламаціи отъ „Земли и Воли", оставивъ, впрочемъ, мѣсто для заголовка чистымъ и заявивъ, что они—народовольцы ничего не будутъ имѣть противъ, если мы его сами напечатаемъ.

Такимъ образомъ кіевскій кружокъ не встрѣтилъ препятствій со стороны „народовольцевъ" и больше того, народовольцы обѣщали намъ помощь въ нашихъ планахъ, разсчитывая на таковую и съ нашей стороны—ихъ дѣятельности.

Кіевскій кружокъ сталъ дѣятельно готовиться къ событію, предполагавшемуся на одномъ изъ желѣзнодорожныхъ путей изъ Крыма въ Петербургъ. Было приготовлено красное знамя со словами на немъ „Земля и Воля", выработана программа рѣчи. Словомъ къ 19 ноября у нихъ было приготовлено все, что нужно было для предположенной демонстраціи на Житнемъ базарѣ.

Нашему кіевскому кружку, что называется, везло вначалѣ, точно такъ же, какъ подъ конецъ его ровно покинулъ геній хранитель и на его голову посыпались неудачи со всѣхъ сторонъ.

Что касается личнаго состава кружка, то въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно былъ счастливъ. Людей энергичныхъ и преданныхъ дѣлу въ немъ было много.

Въ числѣ членовъ кружка центральной фигурой былъ Иг. К. Ивановъ, въ высшей степени дѣятельный, съ желѣзнымъ характеромъ и талантливый ораторъ. Жаль, право, что Иг. Ивановъ палъ жертвой такъ рано, не успѣвъ развернуть всѣ силы своей богатой души. И сколько погибло въ движеніи 70-хъ годовъ такихъ талантливыхъ и богато одаренныхъ природой людей! Въ нашемъ кружкѣ Игнатій Кириллович Ивановъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Лойолы и не потому только, что онъ носилъ имя одинаковое съ Лойолой. Иг. Ивановъ обладалъ всѣми данными, нужными организатору,—логическій сильный умъ, умѣнье проникнуть въ душу человѣкъ, искреннюю преданность дѣлу, которому онъ посвятилъ себя, и выдающійся ораторскій талантъ.

Все это помогало ему быстро завоевать себѣ уваженіе среди людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Среди студентовъ онъ былъ любимцемъ всѣхъ. Его отмѣтилъ, какъ выдающагося по дарованіямъ студента, Бунге, въ то время ректоръ кіевскаго университета, а потомъ министръ финансовъ. Когда Иванова арестовали, Бунге по своей инициативѣ отправился къ генералъ-губернатору Черткову хлопотать о немъ. Но черствая душа бюрократа отвѣтила на ходатайство Бунге такъ, какъ она и могла только отвѣтить. Чертковъ обѣщалъ Бунге смягчить участь Иванова въ томъ лишь случаѣ, если онъ, Ивановъ, выдастъ всѣхъ и все. Конечно, честный Бунге считалъ такое условіе позорнымъ для чести Иванова и не предложилъ Иванову сдѣлать такъ.

На судѣ хозяйка квартиры, гдѣ жилъ Ивановъ, заурядная чиновница низшаго ранга, на вопросъ прокурора Стрѣльникова: „не внушалъ ли Ивановъ ей своимъ поведеніемъ подозрѣнія о неблаговидности его дѣяній и въ частности готовности на тѣ преступленія, за которыя, какъ вамъ теперь извѣстно, онъ попалъ на скамью подсудимыхъ?"—отвѣтила суду такъ: „я женщина простая и ничего въ такихъ дѣлахъ не понимаю, но я всегда, видя доброту г. Иванова, его готовность всякому оказать помощь, всѣмъ сдѣлать только хорошее, говорила, глядя на моихъ дѣтей: дай Богъ, чтобъ мои дѣти были такими!" Судьи съ предсѣдателемъ улыбнулись, и предсѣдатель сталъ дѣлать ей наставленіе въ томъ родѣ, что, молъ, вы, конечно, раньше могли ошибаться въ вашихъ взглядахъ на подсудимаго Иванова, но теперь, когда вы знаете, что Ивановъ судится за государственное преступленіе, желать не умѣстно матери своимъ дѣтямъ преступнаго будущаго. На это внушеніе предсѣдателя простая женщина отвѣтила: „я знаю Иванова только съ хорошей стороны и благодарна ему, что онъ, зная мою бѣдность, безвозмездно за-

нимался съ моими дѣтьми, помогалъ имъ готовить уроки и дѣти мои обращались къ нему съ вопросами, какъ къ старшему брату...", на этомъ предсѣдатель прервалъ свидѣтельницу.

Даже у предсѣдателя суда, генерала Слуцкаго, Ивановъ пробудилъ лучшія чувства его души и приковалъ его вниманіе своей рѣчью: „Въ рѣчи г. прокурора—сказалъ Ивановъ—я замѣтилъ одно лишь желаніе во что бы то ни стало взвести меня на эшафотъ и мнѣ остается одно: понять его и простить ему. Г. прокуроръ въ продолженіе долгой своей практики развивалъ только эту единственную способность своей души и такимъ образомъ весь запасъ своихъ духовныхъ силъ израсходовалъ на эту функцію, а для остальныхъ движеній человѣческой души въ его душѣ ничего не осталось".

Когда И. Ивановъ сказалъ эти слова, Стрѣльниковъ вскочилъ съ прокурорскаго кресла и зло прошипѣлъ: „прошу г. предсѣдателя занести слова подсудимаго Иванова въ протоколъ",—Слуцкій, очевидно тугой на уши, остался въ прежнемъ положеніи, именно съ ладонью надъ ухомъ въ полуоборотѣ по направленію къ Иванову, говорившему рѣчь.—Ивановъ продолжалъ свою рѣчь, предсѣдатель по прежнему слушалъ. Это заставило прокурора вновь вскочить и почти прокричать: „прошу еще разъ г. предсѣдателя занести слова подсудимаго Иванова въ протоколъ, а также и дѣйствіе предсѣдателя послѣ перваго моего заявленія!"

Эти слова прокурора и, вѣроятно, раздраженный тонъ, которымъ они были сказаны, вызвали волненіе среди судей. Судьи стали тихо переговариваться между собой. До нашихъ скамей донеслись слова судьи Бойко: „Самъ же позволяетъ себѣ оскорблять ихъ!" Предсѣдатель, махнувъ лѣвой рукой по направленію секретаря суда, сказалъ: „запишите!" и, приставивъ вновь ладонь къ уху, предложилъ Иванову продолжать рѣчь.

Я остановился на этихъ эпизодахъ нашего суда въ связи съ именемъ Иванова, чтобы воздать должное памяти Иванова и вмѣстѣ съ тѣмъ дать понять читателю, какую крупную величину въ кіевскомъ кружкѣ представлялъ И. К. Ивановъ.

Въ лицѣ Н. И. П—го нашъ кружокъ имѣлъ всесторонне образованнаго члена, слушавшаго въ это время уже 3-й факультетъ кіевскаго университета, человѣка начитаннаго во всѣхъ отрасляхъ знанія. Онъ читалъ публикѣ рефераты по программѣ „Земли и Воли", какъ представитель нашего кіевскаго кружка и назначался редакторомъ предполагавшагося нами органа „Земля и Воля".

Границы вліянія нашего кружка раздвигались за предѣлы г. Кіева. Въ полтавской губерніи у насъ были связи, благодаря И. К. Иванову и И. Н. П—цкому.

Однажды Ивановъ сообщилъ мнѣ, что на дняхъ пріѣзжала дама изъ курской губерніи и поручила ему подготовить ея младшую сестру на высшіе женскіе курсы. И вотъ что ему разсказала его ученица. Мужъ ея сестры, артиллерійскій офицеръ Стаховскій, участвовавшій въ только-что окончившейся войнѣ за освобожденіе болгаръ, очень интересуется революціоннымъ движеніемъ, готовъ и лично, и своими средствами принять участіе въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, наготу котораго онъ видѣлъ на войнѣ своими глазами, и желалъ бы видѣться съ представителями этой борьбы. До сихъ поръ ему не встрѣчались люди, близко стоящіе къ этой борьбѣ, которымъ онъ могъ бы предложить и себя, и свои средства въ распоряженіе революціонной организаціи.

„Моя ученица можетъ дать письмо къ этому офицеру и, мнѣ кажется,— говорилъ Ивановъ—было бы полезно вамъ съѣздить къ нему въ имѣніе въ качествѣ представителя нашего кружка“.

Имѣніе Стаховскаго, помнится Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, находилось не далеко отъ одной изъ станцій Курско-Кіевской желѣзной дороги. Я отправился туда.

Стаховскій дѣйствительно оказался человѣкомъ, жаждавшимъ принять участіе въ дѣятельности революціонной. Онъ думалъ, что уже давно наступила пора для Россіи раздѣлаться съ абсолютизмомъ, и послѣдній существуетъ все еще въ Россіи, несмотря на то, что онъ уже давно прогнилъ насквозь, только благодаря нашей русской политической неразвитости и что еще больнѣе, что онъ давитъ все живое, гдѣ бы это живое ни проявилось.

— Знаете, говорилъ мнѣ Стаховскій, до войны я былъ слѣпъ, но война открыла мнѣ глаза и я понялъ все ничтожество нашего абсолютизма. Я далъ себѣ клятву по окончаніи войны выйти въ отставку. Стыдно, право, стыдно служить! И это, закончилъ онъ, только и есть то хорошее, что остается въ моей памяти объ этой войнѣ.

Онъ предложилъ въ распоряженіе нашего кружка себя и сказалъ: „все, что имѣется у меня, и мой домъ въ вашемъ распоряженіи“.

Мнѣ среди офицеровъ русской арміи въ лицѣ Стаховскаго пришлось встрѣтить второго офицера, беззавѣтно отдававшаго себя освобожденію родины. Первый былъ поручикъ Дубровинъ, и Стаховскій напомнилъ мнѣ его, уже въ то время умершаго за идею борьбы во имя освобожденія родины.

Я сказалъ Стаховскому, что пока нахожу его имѣніе удобнымъ для помѣщенія типографіи, въ которой кружокъ будетъ печатать нужную ему литературу. „Какъ угодно, такъ и используйте мой домъ,—сказалъ Стаховскій,—мое условіе одно: только для борьбы съ ненавистнымъ абсолютизмомъ“.

Это было кстати. Въ нашемъ кружкѣ въ это время стоялъ на очереди вопросъ объ устройствѣ типографіи, и вотъ все въ этомъ отношеніи благопріятствуетъ намъ.

Я былъ знакомъ въ Кіевѣ съ единственнымъ, можно сказать, энергичнымъ представителемъ украинофиломъ—Р. Ж—кимъ. Программа нашего кружка и украинофиловъ имѣли мало общаго между собой. Украинофилы нашего времени были не только узкіе націоналисты, но и помимо того они были скорѣе эволюціонистами, чѣмъ революціонерами. Въ средствахъ же борьбы между революціонерами и украинофилами не было ничего общаго. Они собирали малороссійскія пѣсни, ставили своей задачей знакомить малороссовъ съ прошлой исторіей Украйны, создавали кружки изъ учащейся молодежи для таковой дѣятельности. Словомъ, дѣятельность украинофиловъ носила характеръ культурной работы. Кончалось дѣло обыкновенно тѣмъ, что молодежь, сорганизованная украинофилами въ кружки, или, какъ украинофилы называли ихъ, курени, не находя удовлетворенія стремленіямъ своей молодой души, уходила отъ украинофиловъ и примыкала къ революціоннымъ организаціямъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ дѣятельность украинофиловъ сводилась къ тому, что ихъ кружки были подготовительными курсами для будущихъ революціонеровъ. Тѣмъ не менѣе при всеобщемъ тогда гоненіи на всѣхъ, кто выходилъ изъ граней жизни, предначертанныхъ правительствомъ русскому обывателю: жить, ѣсть и плодиться,—гонимые сходились другъ съ другомъ и помогали другъ другу.

Р. Ж—кій задался планомъ въ 1879 году устроить на Украйнѣ типографію, чтобы въ ней печатать литературу на малороссійскомъ языкѣ. Имъ была пріобрѣтена за границей типографія, перевезена въ Россію и хранилась у одного помѣщика, сочувствующаго украинофиламъ. Но Р. Ж—кому не удалось довести до конца задуманное имъ дѣло. Онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку.

Какъ-то я зашелъ къ его женѣ, остававшейся до весны въ Кіевѣ, и она сообщила мнѣ совершенно неожиданную пріятную новость. Она прочла мнѣ полученное ею письмо отъ мужа, въ которомъ онъ рекомендуетъ украинофиламъ такъ распорядиться типографіей: передать ее въ распоряженіе нашего Кіевскаго кружка.

Итакъ, незадолго предъ поѣздкой къ Стаховскому мы получили даромъ типографію. Теперь Стаховскій предлагаетъ въ наше распоряженіе свой домъ, гдѣ мы можемъ найти пріютъ для нашей типографіи и работающихъ въ ней. Уединенный домъ въ имѣніи, недалеко отъ станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги,—чего же лучше? Мысль Кіевскаго кружка завести свою типографію,—превратилась въ реальность съ неожиданными удобствами.

Стаховскій, узнавши о моемъ намѣреніи воспользоваться его домомъ для типографіи, выяснилъ мнѣ всѣ удобства для осуществленія такого намѣренія. Предложенный имъ планъ былъ таковъ: купить пару лошадей съ экипажемъ, что легко сдѣлать при его посредствѣ, и помѣстить своего человѣка въ ближайшемъ селѣ отъ станціи въ качествѣ извозчика, развозящаго со станціи пассажировъ, который этимъ же промысломъ съ небольшой субсидіей отъ кружка прокормитъ и себя, и лошадей, и будетъ провозить на станцію изъ имѣнія Стаховскаго литературу, куда въ условленный день въ недѣлю кто-нибудь будетъ пріѣзжать изъ Кіева забирать ее для распространенія.

Эта-то не понятная для провокатора Забрамскаго покупка лошадей и отправка куда-то съ ними Ильяшенко, переданная имъ, очевидно, Судейкину уже потомъ, была объяснена послѣднимъ, какъ подготовленіе къ экспропріаціи полтавскаго казначества, о чемъ нашъ кружокъ и не помышлялъ. Судейкинъ такъ цѣпко держался за это свое измышленіе, что когда на слѣдствіи была ясно установлена цѣль покупки лошадей для перевозки литературы изъ имѣнія Стаховскаго, онъ не хотѣлъ разставаться со своимъ дѣтищемъ, и мы были судимы, а Севастьянъ Ильяшенко только за это былъ приговоренъ къ 15 годамъ каторги.

Въ этотъ же мой пріѣздъ я познакомился и съ товарищемъ Стаховскаго, Успенскимъ, о которомъ я уже говорилъ въ предыдущихъ моихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ упорно стоялъ за пропаганду крестьянъ и какъ сами же, спропагандированные имъ, крестьяне высказались въ присутствіи его и насъ за программу, предложенную партіей „Земля и Воля", т. е. нашимъ кіевскимъ кружкомъ.

Среди кіевскихъ рабочихъ никогда не прерывались связи революціонеровъ. Намъ же удалось чрезъ кіевскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ завести связи почти на всѣхъ крупныхъ пунктахъ по линіи желѣзныхъ дорогъ отъ Кіева до Одессы.

Давно это было и въ моей памяти изгладились имена и фамиліи рабочихъ, съ которыми мы имѣли дѣла. Остался въ памяти одинъ интеллигентъ, превратившійся въ рабочаго, черезъ котораго мы вели дѣла среди рабочихъ, человѣкъ очень дѣятельный и очень хорошо симулировавшій заправскаго рабочаго. Но особенно врѣзался въ моей памяти желѣзнодорожный рабочій, смазчикъ Ромась, типичный малороссъ, настоящій представитель этой русской народности, характерная черта котораго то, что онъ подумаетъ—да подумаетъ прежде, чѣмъ возьмется за то или другое дѣло, но разъ онъ ужъ возьмется, то не остановится ни передъ чѣмъ. Таковъ былъ и Ромась. По внѣшнему виду онъ былъ чистой крови малороссъ, съ неизмѣнной трубкой во рту, дѣлавшій все неспѣшно, сопровождавшій всякое

дѣло пословицами своихъ земляковъ и малороссійскимъ юморомъ, но всегда съ разсчетомъ, навѣрняка.

Этотъ-то Ромась и завелъ связи среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ по всей линіи желѣзной дороги отъ Кіева до Жмеринки. Чрезъ Ромася нашъ кружокъ распространялъ революціонную литературу среди рабочихъ по этой линіи.

У насъ пока не было опредѣленнаго взгляда на рабочихъ въ связи съ общей дѣятельностью нашего кружка. Вообще нужно сказать, что такъ какъ нашъ кружокъ только еще начиналъ жить, что называется, то мы вербовали адептовъ своихъ среди всѣхъ слоевъ населенія избраннаго нами района,—будетъ ли то культурная среда или представители физическаго труда. Пока, такъ сказать, собирался матерьялъ для организаціи.

Не помню сейчасъ, по какому поводу къ намъ въ Кіевъ пріѣхалъ Г. В. Плехановъ. Съ Плехановымъ по рабочему вопросу мы были по взглядамъ близки со времени нашей совмѣстной дѣятельности среди петербургскихъ рабочихъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ работали среди рабочихъ на Торнтоновской фабрикѣ во время стачки на этой фабрикѣ. Понятно у насъ съ нимъ зашелъ разговоръ о дѣятельности Кіевскаго кружка. Плехановъ сообщилъ мнѣ, какіе планы имѣются въ виду у нихъ въ Петербургѣ среди рабочихъ. Отъ него я узналъ впервые, что въ Петербургѣ среди рабочихъ возникла мысль объ организаціи Сѣверо-Русскаго рабочаго союза; онъ познакомилъ меня съ программой Сѣверо-Русскаго рабочаго союза и рекомендовалъ по такому же плану организовать на югѣ Южно-Русскій рабочій союзъ. Мнѣ планъ и программа Сѣверо-Русскаго рабочаго союза, съ которыми познакомилъ меня Плехановъ, показались отвѣчающими запросамъ рабочаго населенія Россіи, и я рѣшилъ по этому же плану организовать Южно-Русскій рабочій союзъ.

Но нашему кружку удалось только начать работу среди рабочихъ въ этомъ направленіи, ибо скоро нашъ Кіевскій кружокъ былъ разгромленъ. Мнѣ ужъ потомъ на Карѣ пришлось узнать о продолженіи дѣятельности въ этомъ направленіи на югѣ отъ Щедрина, Ковальской, Кашинцева и другихъ, которые и были нашими преемниками въ Кіевѣ, и они по праву могутъ назвать себя творцами Южно-Русскаго рабочаго союза.

Проникъ нашъ Кіевскій кружокъ и въ ту среду, въ которую, насколько я знаю, до сего времени Кіевскія революціонныя организаціи не пытались проникнуть.

И. Н. П—кій познакомилъ нашъ кружокъ съ вольноопредѣляющимся, который отбывалъ воинскую повинность въ саперной бригадѣ, находившейся въ это время въ Кіевской крѣпости. Вольноопредѣляющійся этотъ велъ занятія въ школѣ саперовъ; офицеры были очень рады, что попался интел-

лигентный человѣкъ, и свалили съ своихъ плечъ все дѣло по школѣ на Ваничку, какъ назывался этотъ вольноопредѣляющійся среди насъ. Саперная школа такимъ образомъ была въ полномъ распоряженіи нашего Ванички, и онъ былъ въ ней полнымъ хозяиномъ и пользовался любовью своихъ учениковъ-саперовъ.

Такое положеніе Ванички среди саперовъ дало ему возможность спропагандировать нѣсколько рядовыхъ среди саперовъ и образовать революціонный кружокъ среди нихъ. Нѣкоторыхъ изъ членовъ сапернаго кружка онъ познакомилъ съ тремя членами нашего кружка—Иг. Ивановымъ, съ И. Н. П—кимъ и мной.

Изъ предосторожности было рѣшено въ казармы никому изъ насъ не ходить, а по праздникамъ и воскресеньямъ Ваничка съ двумя солдатами-делегатами отъ кружка саперовъ приходили на квартиру, для этой цѣли заведенную, гдѣ эти члены кружка саперовъ сообщали намъ о результатахъ ихъ недѣльной дѣятельности, обсуждали вмѣстѣ съ ними дальнѣйшій ходъ работы по организаціи, получали отъ насъ литературу.

Пропаганда среди саперовъ шла довольно удачно, благодаря энергіи Ванички и тому обстоятельству, что въ кружокъ былъ привлеченъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ; послѣднее, кромѣ моральнаго значенія, было важно и потому, что не приходилось прибѣгать къ большимъ конспираціямъ, что, конечно, очень много значило. Съ каждой недѣлей кружокъ среди саперовъ увеличивался, и мы, ободряемые успѣхомъ, работали болѣе энергично въ надеждѣ перешагнуть за предѣлы саперовъ и повести пропаганду и среди другихъ родовъ войскъ, находившихся въ Кіевѣ.

Въ средѣ нашего Кіевскаго кружка ставился уже вопросъ,—какъ мы используемъ кружокъ саперовъ? Трудно сказать, какъ бы мы использовали кружокъ саперовъ потомъ, если бы нашему кружку судьбой было опредѣлено болѣе долговѣчное существованіе. Но пока этотъ вопросъ оставался открытымъ. Для дѣятельности въ Кіевѣ мы не предрѣшали этотъ вопросъ напередъ, держась того принципа, что потомъ время само укажетъ, какую роль военный кружокъ долженъ будетъ занять въ общей дѣятельности нашего кружка. Пока же въ виду того, что въ слѣдующую осень трое изъ образовавшагося кружка саперовъ оканчивали срокъ военной службы и выходили въ запасъ, мы на нихъ смотрѣли, какъ на дѣятелей по программѣ нашей на своей родинѣ, и въ этомъ смыслѣ вели съ ними разговоры, подготовляли ихъ къ будущей ихъ роли агитаторовъ среди крестьянъ, агентовъ „Земли и Воли“ въ деревняхъ, куда они уходили, зная хорошо, что солдатъ—единственный человѣкъ въ деревнѣ,

снабжающій ее свѣдѣніями о томъ, что дѣлается за околицей ихъ деревни и за предѣлами того города, куда крестьянинъ ѣздитъ на базаръ.

Но червь уже сидѣлъ въ самомъ сердцѣ нашей организаціи и всѣмъ нашимъ планамъ ставился предѣлъ долговѣчности.

Несомнѣнно, спропагандированные нами саперы имѣли потомъ въ извѣстномъ направленіи вліяніе въ деревнѣ. Вѣдь было констатировано въ 1902—1903 гг. работающими въ деревняхъ Саратовской губерніи, что пропаганда 70-хъ годовъ оставила слѣды въ деревняхъ и облегчила ихъ послѣдующую дѣятельность. Можетъ быть, и наши саперы, говоря о насъ, нашей дѣятельности и о той карѣ, которую мы понесли за эту дѣятельность, заронили въ тѣхъ деревняхъ, куда они попали по отбытіи воинской повинности, сомнѣнія въ справедливости тѣхъ традицій и взглядовъ, которыми были загромождены умы деревенскихъ обитателей, не понимавшихъ всего того, что совершалось вокругъ нихъ и во всей жизни Россіи.

Пока же намъ наши саперы сослужили службу, когда мы были арестованы и сидѣли въ тюрьмѣ. Чрезъ нихъ, когда они были въ караулѣ въ тюрьмѣ, мы получали свѣдѣнія съ воли. Мнѣ въ первые же дни моего пребыванія въ тюрьмѣ посчастливилось, и я получилъ отъ часового, стоящаго у оконъ нашей тюрьмы, письмо отъ Ванички, карандашъ и бумагу. Слышу ночью зоветъ меня Ромась и начинаетъ шифровать мнѣ что-то. Оказалось, что въ окно его камеры, находившейся въ нижнемъ этажѣ, часовой сообщилъ ему, что ему нужно знать, гдѣ сидитъ Василій Николаевичъ, и передать ему съ воли письмо и еще кое-что. Ромась, сообщивъ мнѣ эту новость, посовѣтовалъ мнѣ спустить коня часовому, по-просту говоря, веревку, при помощи которой каждый изъ насъ снабжался всѣмъ тѣмъ, въ чемъ онъ нуждался, а также снабжалъ и другихъ. Я спустилъ часовому веревку, и онъ привязалъ къ концу ея карандашъ, бумагу и письмо отъ Ванички.

Относительно того, что нашъ кружокъ завелъ связи среди саперовъ Кіевской крѣпости жандармы рѣшительно ничего не знали и, когда Судейкинъ по окончаніи нашего процесса конвоировалъ насъ во Мценскъ, откуда мы должны были слѣдовать далѣе—на Кару, и мирно съ нами бесѣдовалъ, его самолюбіе сыщика было задѣто, когда нашъ поѣздъ, проѣзжая мимо крѣпости, былъ встрѣченъ собравшейся группой солдатъ, которые, махая краснымъ флагомъ, привѣтствовали насъ криками: „да здравствуетъ русская революція". Какъ разъ только Судейкинъ началъ съ нами откровенную бесѣду о томъ, какъ онъ насъ всѣхъ выслѣживалъ, и на лицо—неопровержимое доказательство, что и ему все же не все извѣстно.

„Вотъ гдѣ даже имѣются у васъ друзья,—вырвалось у Судейкина. Признаюсь, этого я не подозрѣвалъ".

Неудача 19-го ноября заставила насъ все приготовленное для демонстраціи до поры до времени припрятать.

Все это я предпринималъ не отъ имени партіи „Чернаго передѣла", къ которой я принадлежалъ послѣ раздѣла „Земли и Воли", а на свой личный страхъ и такимъ образомъ фактически вышелъ изъ этой партіи.

Но въ виду того, что мы съ Стефановичемъ въ Кіевѣ не пришли къ опредѣленному рѣшенію о возсоединеніи „Земли и Воли" и уговорились встрѣтиться вновь съ нимъ въ Одессѣ для того, чтобъ покончить съ этимъ вопросомъ такъ или иначе, я, помнится, въ концѣ ноября, если уже не въ декабрѣ,—ибо въ день казни Малинки, Дробязгина и Майданскаго, 3-го декабря, я былъ въ Одессѣ,—отправился въ Одессу. И уже потомъ, когда эти переговоры съ Стефановичемъ и Дейчемъ ни къ чему не привели, и Стефановичъ съ Дейчемъ рѣшительно высказались въ томъ смыслѣ, что такіе переговоры могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда народовольцы откажутся отъ той дѣятельности, которую они ставятъ во главу угла или, какъ характерно выражался Дейчъ,—лишь въ томъ случаѣ, когда народовольцы откажутся отъ борьбы за конституціи г.г. Варшавскихъ et tutti quanti [1]),—уже послѣ этого только я вошелъ въ переговоры отъ Кіевскаго кружка съ представителями „Народной Воли" въ Одессѣ объ объединеніи дѣятельности нашего кіевскаго кружка съ дѣятельностью одесскихъ народовольцевъ.

Въ это время партію „Народной Воли" въ Одессѣ представляли: В. Н. Фигнеръ, Кибальчичъ, Колоткевичъ и Левъ Златопольскій. У нихъ на очереди въ это время стоялъ вопросъ о борьбѣ съ южными генералъ-губернаторами: Тотлебенымъ въ Одессѣ и Чертковымъ въ Кіевѣ, которые наиболѣе тормозили дѣятельность революціонеровъ на югѣ Россіи.

Нашему Кіевскому кружку былъ предоставленъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Чертковъ. Съ такимъ предложеніемъ я и явился въ Кіевъ.

Въ нашемъ обвинительномъ актѣ, со словъ все того же Забрамскаго, говорится о томъ, что у насъ шли приготовленія къ покушенію на жизнь генералъ-губернатора. Это совершенно вѣрно. Но планъ нападенія на Черткова чрезъ посредство подкопа изъ какой-то гостиницы,—планъ не нашъ, а планъ Судейкина, измышленный имъ въ сотрудничествѣ съ Забрамскимъ. Планъ нашъ былъ другой, именно: штабсъ-капитанъ Стаховскій съ Сер. Д—кимъ думали застрѣлить его изъ берданокъ и мѣстомъ засады былъ избранъ оврагъ, откуда было и удобно и безопасно напасть на Черткова, предварительно выслѣдивъ, въ какіе часы дня онъ проѣзжаетъ липками мимо этого оврага.

---

[1]) Варшавскій въ то время желѣзнодорожный и банкирскій тузъ.

Такимъ образомъ, нашъ кружокъ взялъ на себя еще это новое дѣло.

Затѣмъ, въ виду того, что переговоры въ Одессѣ съ Стефановичемъ и Дейчемъ о возсоединенiи „Земли и Воли“ окончились не такъ, какъ то думалъ нашъ кружокъ, мы-кiевляне рѣшили отправить кого-либо изъ членовъ кружка въ Петербургъ для переговоровъ съ обѣими фракцiями расколовшейся „Земли и Воли“ объ образованiи единой революцiонной организацiи въ Россiи.

Выборъ палъ на И. Н. П—цкаго. Ему было поручено сначала повести переговоры съ фракцiей „Чернаго Передѣла“ по этому поводу, а затѣмъ, узнавши какъ къ этому отнесется эта фракцiя, вступить въ переговоры съ народовольцами.

Миссiя И. Н. не дала опредѣленныхъ результатовъ. Почему?—отвѣтить на этотъ вопросъ не могу, ибо забылъ подробности его отчета нашему кружку по поводу его поѣздки въ Питеръ. Но помнится, что чернопередѣльцы не совсѣмъ охотно отозвались на наше предложенiе и потомъ еще, кажется, что народовольцы въ это время были разбросаны по разнымъ концамъ Россiи и были все еще поглощены тѣмъ дѣломъ, изъ-за котораго главнымъ образомъ, по мнѣнiю моему, произошелъ расколъ партiи „Земли и Воли“. Очень можетъ быть, что въ виду этого дѣла народовольцы не желали вводить въ свою организацiю такую группу, какой была наша Кiевская группа, группа, состоявшая изъ людей не отказавшихся отъ дѣятельности въ деревнѣ, хотя и не отрицавшая дѣятельности народовольцевъ. Въ общемъ я не погрѣшу противъ правды, если скажу, что миссiя нашего делегата кончилась только тѣмъ, что онъ заручился обѣщанiями обѣихъ фракцiй—помогать Кiевскому кружку въ его дѣятельности и обѣщалъ такую же помощь обѣимъ фракцiямъ.

Не знаю, потому ли, что П—кiй условился въ Питерѣ, что отъ нашего кружка вновь явится уполномоченный для продолженiя переговоровъ по этому поводу, или потому, что нашъ кружокъ остался неудовлетвореннымъ расплывчитыми обѣщанiями петербургскихъ представителей обѣихъ фракцiй, отъ кiевскаго кружка, спустя немного времени, вновь отправился делегатъ, на этотъ разъ М—ловъ. Чѣмъ кончились переговоры съ петербуржцами?—не знаю. М—ловъ возвратился изъ Петербурга наканунѣ начавшагося разгрома нашего кружка, какъ разъ въ то время, когда насъ занималъ вопросъ о личности Забрамскаго или, какъ мы его называли съ легкой руки Стаховскаго, идолъ № 1-й.

Стали появляться признаки предательства этого провокатора.

Случился такой эпизодъ. Намъ нужно было послать въ Одессу С. Д—го, чтобы получить оттуда въ Кiевъ кое-какiя довольно нелегальныя вещи. Мы

рѣшили сдѣлать это подъ прикрытіемъ мундира офицера артиллеріи. Стаховскій былъ въ Кіевѣ въ это время и, хотя былъ въ отставкѣ, но еще не снялъ военнаго мундира. Мы и рѣшили переодѣть въ военный мундиръ С. Д—го. Такъ какъ дѣло было чрезвычайной конспираціи, то объ этомъ знали немногіе, именно, только тѣ, чья помощь нужна была въ устройствѣ этого дѣла. Рѣшено было такъ, что Стаховскій на дверяхъ той гостиницы, гдѣ онъ остановился, вывѣситъ объявленіе о продажѣ военнаго мундира и шинели въ такомъ-то № гостиницы. Д—кій же зайдетъ къ Забрамскому и скажетъ, что, проходя мимо такой-то гостиницы, прочелъ на дверяхъ объявленіе о продажѣ военнаго костюма, и пошлетъ Забрамскаго справиться о цѣнѣ и, если цѣна будетъ подходяща, скажетъ, чтобъ онъ купилъ этотъ военный костюмъ. Забрамскій въ это время еще не зналъ Стаховскаго, значитъ, и Забрамскій узнаетъ лишь то, что нами пріобрѣтено у какого-то офицера военное платье на всякій случай.

Забрамскій по профессіи былъ портной, сходилъ и купилъ, по его мнѣнію, очень недорого всѣ эти вещи.

На другой день С. Д—кій въ этомъ военномъ костюмѣ уѣхалъ въ Одессу. Вечеромъ того же дня собирался уѣхать къ себѣ домой и Стаховскій, но вмѣсто этого на другой день онъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, что съ нимъ вчера произошло на вокзалѣ. Произошло же вотъ что: какъ только онъ пріѣхалъ на вокзалъ, подошелъ къ нему Судейкинъ и пригласилъ его въ жандармское управленіе, гдѣ у нихъ произошелъ такой разговоръ. Судейкинъ сначала спросилъ, кто онъ и куда собрался ѣхать, и послѣ того, какъ на эти вопросы отвѣтилъ Стаховскій, спросилъ у него документы, чтобы провѣрить сказанное ему Стаховскимъ. Послѣ всего этого извинился предъ нимъ и сказалъ, что такъ поступить съ нимъ его заставило слѣдующее. „Вы продали вчера военный мундиръ?“ „Продалъ,—отвѣтилъ Стаховскій,—ибо мнѣ онъ теперь не нуженъ, такъ какъ я вышелъ въ отставку“. „Все это теперь я понимаю“,—сказалъ ему Судейкинъ. „Но одно обстоятельство, о которомъ я не могу вамъ сообщить по долгу службы, навело на нѣкоторыя подозрѣнія относительно васъ. Къ моему удовльствію, подозрѣніе мое теперь разсѣено, и мнѣ остается только извиниться и сказать вамъ, что вы свободны“.

Конечно, мы всѣ были встревожены этимъ обстоятельствомъ и думали такъ, что если С. Д—скаго арестуютъ по пути въ Одессу, то бѣда еще не такъ велика. Но будетъ совсѣмъ ужъ плохо, если Судейкинъ окажется умнѣе и, пропустивъ С. Д—го въ Одессу, арестуетъ его на обратномъ пути.

Въ тотъ же день поэтому мы рѣшили послать въ Одессу Буцынскаго, чтобъ сообщить Д—му, что о его отъѣздѣ въ Одессу въ военномъ мун-

дирѣ извѣстно. Буцынскій уѣхалъ. Но въ тотъ же день Забрамскій сообщилъ намъ, что на станціи Казятинъ С. Д—кій арестованъ, а еще чрезъ 2—3 дня, что также арестованъ на станціи Жмеринка и Буцынскій.

Это обстоятельство вызвало впервые подозрѣніе относительно Забрамскаго.

Кто такой Забрамскій и какъ онъ сблизился съ Судейкинымъ? По словамъ Судейкина на судѣ, дѣло было такъ, какъ будто бы. Когда Забрамскій выходилъ изъ тюрьмы, куда онъ попалъ по приговору мирового судьи за какое-то дѣло по своей профессіи, по какому-то иску на него заказчика, то у Забрамскаго тюремное начальство отобрало рекомендательную записку отъ Избицкаго къ Клименко. Тогда-то, по словамъ Судейкина, у него состоялось съ Забрамскимъ соглашеніе, что Забрамскій съ этой запиской отправится по данному ему изъ тюрьмы адресу и сообщитъ ему, Судейкину, что ему на это скажетъ тотъ, кому адресована записка. Забрамскій такъ и сдѣлалъ, но, говорилъ Судейкинъ, онъ замѣтилъ, что Забрамскій скрылъ отъ него правду и на его вопросъ, что ему отвѣтили тамъ, куда онъ ходилъ съ запиской, сказалъ, что отвѣта ему никакого не дали, а только поблагодарили за записку. „Въ виду этого я,—сказалъ Судейкинъ,—Забрамскаго отпустилъ, но установилъ за нимъ негласный надзоръ".

Если правда, что сказалъ на судѣ Судейкинъ, то тогда непонятно,—почему Забрамскій не сообщилъ о томъ Клименко. Съ другой стороны, Забрамскій приблизительно вышелъ изъ тюрьмы въ іюнѣ и до января среди кіевской группы не было арестовъ. А между тѣмъ были моменты въ продолженіе этого промежутка времени, когда многихъ изъ этой группы могли накрыть съ солидными уликами налицо. Такъ, въ одной изъ квартиръ приготовлялись бомбы и многое другое въ этомъ родѣ, и происходило это въ квартирѣ Забрамскаго, но тѣмъ не менѣе это осталось неизвѣстнымъ Судейкину и на судѣ нашемъ объ этомъ не было и рѣчи. Затѣмъ, Забрамскій былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Жуковымъ, у котораго на квартирѣ часто бывалъ и зналъ, что Жуковъ завѣдывалъ паспортнымъ столомъ, и опять-таки Жукова оставляли въ покоѣ.

Въ декабрѣ только мы начали узнавать отъ Забрамскаго, что онъ имѣетъ сношенія съ жандармами. Первое сообщеніе Забрамскаго Жукову было то, что онъ, Забрамскій, познакомился съ писаремъ жандармскаго управленія и думаетъ, что за деньги у этого писаря можно будетъ получать свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ кіевскомъ жандармскомъ управленіи. Мы пожелали Забрамскому успѣха и обѣщали субсидію писарю. Забрамскій въ это же время, якобы со словъ этого писаря, указалъ нѣкоторымъ изъ насъ переодѣтыхъ жандармовъ, исполнявшихъ роль сыщиковъ, назвалъ ихъ фамиліи, что на судѣ подтвердилось.

Еще немного времени спустя Забрамскій къ нашему общему изумленію сообщилъ намъ однажды, что сегодня вечеромъ онъ будетъ имѣть свиданіе съ Судейкинымъ въ такой-то гостиницѣ, и что на этомъ свиданіи Судейкинъ предложитъ ему быть агентомъ жандармскаго управленія.

Сообщеніе это намъ казалось, съ одной стороны, заманчивымъ, ибо, конечно, было бы хорошо быть въ курсѣ дѣлъ учрежденія, которое исключительно имѣло въ виду насъ, революціонеровъ, съ другой стороны, и опасное, такъ какъ Забрамскій для такой роли, по нашему, не годился, былъ слишкомъ простъ, какъ выразился, не помню, кто изъ насъ. Во всякомъ случаѣ мы не отговаривали отъ такого опыта Забрамскаго, но предупреждали его не особенно полагаться на себя и безъ предварительнаго совѣта съ нами ничего не предпринимать, ибо Судейкинъ, говорили ему мы, опытный сыщикъ. Кончилось во всякомъ случаѣ тѣмъ, что Забрамскій отправился на свиданіе съ Судейкинымъ.

Лозьяновъ и, кажется, С. Д—кій рѣшили прослѣдить за этимъ свиданіемъ и провѣрить самаго Забрамскаго.

Результаты наблюденія дали слѣдующее. Забрамскій дѣйствительно въ назначенный часъ прошелъ въ гостиницу, но точно опредѣлить, кто былъ съ Забрамскимъ,—Судейкинъ или кто другой,—имъ не удалось.

Переговоры Забрамскаго съ Судейкинымъ кончились такимъ соглашеніемъ. Забрамскій долженъ будетъ нанять квартиру, которую будетъ оплачивать жандармское управленіе, оно же ее и меблируетъ. Вывѣска на этой квартирѣ съ нарисованнымъ на ней офицеромъ будетъ гласить: „Спеціальный военный портной Забрамскій". Таково было назначеніе квартиры для публики, не посвященной въ тайные планы Судейкина, намъ же Забрамскій сообщилъ, что, по плану Судейкина, онъ Забрамскій предоставитъ эту квартиру для нашихъ собраній, а также для храненія въ ней всякой нелегальщины. Условлено было между Забрамскимъ и Судейкинымъ, что эта квартира предлагается намъ нѣкоторой, сочувствующей нашей дѣятельности, особой, которая желаетъ остаться неизвѣстной.

Цѣль Судейкина ясна безъ всякихъ поясненій. Онъ желалъ поставить намъ западню. Онъ разсчитывалъ на то, что Забрамскій скроетъ отъ насъ, кто такая особа, которая предлагаетъ намъ такія удобства, и что мы, довѣряя Забрамскому, примемъ съ благодарностью предложенную намъ квартиру, расположимся въ ней, какъ у себя дома, и онъ Судейкинъ накроетъ насъ въ этой квартирѣ со всѣмъ поличнымъ.

Но что имѣлъ въ виду Забрамскій, каковъ былъ планъ его и для какой цѣли, онъ откровенно сообщилъ намъ, что эта особа никто иной, какъ Судейкинъ? Ясно, что, открывъ намъ все это, Забрамскій разбивалъ въ дребезги всю затѣю Судейкина.

Я много надъ этимъ думалъ въ тиши казематовъ, которые выпали на мою долю въ продолженіе четверти вѣка съ лишнимъ, и мнѣ кажется возможно сдѣлать два предположенія наиболѣе вѣроятныхъ. Одно предположеніе то, что у Забрамскаго была своя собственная цѣль—не наша и не Судейкина. Онъ просто имѣлъ въ виду взять, что можно, у насъ и еще больше у Судейкина и затѣмъ исчезнуть изъ Кіева. Онъ такъ думалъ вначалѣ: тамъ, какъ вамъ угодно, гг. революціонеры и г. Капитанъ Судейкинъ, такъ и считайтесь между собой; мнѣ же нужно отъ васъ лишь одно—разжиться немного денжонокъ и зажить потомъ гдѣ-нибудь мирно въ Могилевской губерніи. Второе предположеніе то, что потомъ, кода онъ увидѣлъ, что Судейкинъ окружилъ его жандармами, онъ волей-неволей долженъ былъ выдавать тѣхъ, кого жандармы видѣли вмѣстѣ съ нимъ. Возможно и то, что оба эти предположенія вѣрны и что вторая коньюнктура обстоятельствъ вытекала вопреки намѣреніямъ Забрамскаго изъ первой, т. е. Забрамскій хотѣлъ перехитрить Судейкина, но въ концѣ-концовъ Судейкинъ перехитрилъ Забрамскаго.

Въ пользу этого говоритъ вотъ что. Когда Забрамскій устраивалъ квартиру, предложенную намъ особой, желавшей остаться въ неизвѣстности, т. е. Судейкинымъ, онъ еще думалъ, что Судейкинъ вполнѣ довѣряетъ ему. Устроивши квартиру, онъ явился и сказалъ намъ: «не желаете ли, пока безопасно, пойти и посмотрѣть, какъ я на средства жандармовъ обставилъ квартиру, ибо тогда уже будетъ поздно, когда я отправлюсь съ докладомъ къ Судейкину, что у меня все готово и что пора начать кампанію». Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ обойдетъ Судейкина и заразилъ и насъ такой вѣрой, что нашлось человѣкъ 10-ть дамъ и мужчинъ, которые отправились къ нему на новоселье. Очевидно, объ этомъ нашемъ осмотрѣ квартиры, приготовленной на деньги жандармскаго управленія, Судейкину осталось неизвѣстнымъ, ибо большинство изъ участвовавшихъ въ этомъ осмотрѣ не попали вмѣстѣ со мной въ тюрьму.

Но когда, послѣ ареста С. Д—го, я рѣшилъ отправиться къ Забрамскому въ эту квартиру переночевать тамъ, чтобъ попытаться,—нельзя ли что-либо открыть, что помогло бы разгадать самого Забрамскаго, который послѣ ареста Д—го сталъ внушать подозрѣнія,—то достигъ этимъ лишь того, что у Забрамскаго открылись глаза, и онъ, наконецъ, понялъ, что онъ окруженъ шпіонами.

Я зашелъ къ нему часовъ въ 9 вечера, и мы занялись съ нимъ чаепитіемъ. Разговоры шли о Судейкинѣ и его планахъ. Забрамскій былъ въ настроеніи, шутилъ насчетъ затѣй Судейкина. Вдругъ звонокъ. Забрамскій вышелъ къ дверямъ, предложивъ мнѣ войти въ другую темную комнату, чтобъ меня нельзя было увидѣть въ окно, и сказалъ тихо мнѣ: „это

они". Минутъ черезъ 10 онъ возвратился, смущенный, сконфуженный и, сказавъ тихо „меня зовутъ", ушелъ.

Мнѣ пришлось подождать его часа полтора. Возвратился онъ домой съ такимъ убитымъ видомъ, что достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что случилось что-то для него неожиданное. По лицу его ясно можно было заключить, что ему нужно что-то мнѣ сказать, но онъ не зналъ, какъ приступить къ разговору со мной.

Очевидно, онъ самъ теперь понималъ, что онъ запутался въ собственной лжи на обѣ стороны. На мой вопросъ,—что случилось?—онъ сталъ убѣждать меня чуть не со слезами на глазахъ немедленно уѣхать изъ Кіева.

— Васъ прослѣдили,—сказалъ онъ мнѣ,—и на дняхъ арестуютъ, если вы останетесь въ Кіевѣ.

— Гдѣ же меня прослѣдили и гдѣ они намѣрены меня арестовать?—спросилъ я.

— На вашей квартирѣ. Ваша квартира открыта, и у вашей квартиры стоятъ переодѣтые жандармы,—отвѣтилъ Забрамскій.

На мой вопросъ,—сказали ли ему, гдѣ моя квартира?—онъ отвѣтилъ утвердительно. Гдѣ же они сказали вамъ,—я квартирую?—Онъ назвалъ мнѣ улицу и домъ, гдѣ я не только не жилъ, но и не помнилъ, что бывалъ тамъ.

Для меня стало ясно, что Забрамскій вретъ и, вѣроятно, потому, что онъ растерялся, вретъ неискусно. Ибо врать мнѣ,—гдѣ я живу, конечно, нелѣпо: кому же лучше знать, гдѣ я живу, какъ не мнѣ. Но я не далъ ему повода думать, что я понимаю его хорошо. Я сталъ его успокаивать и сказалъ ему: напрасно вы преждевременно такъ пали духомъ, жандармы вамъ соврали, я тамъ не живу, и, очевидно, они просто хотѣли выпытать у васъ мою квартиру.

— Все равно, вамъ нужно завтра же уѣхать,—убѣждалъ меня Забрамскій,—при томъ вы должны уѣхать не по желѣзной дорогѣ, а, если можно, на лошадяхъ до какой-нибудь ближайшей станціи въ ту или другую сторону, въ крайнемъ случаѣ идите до ближайшей станціи пѣшкомъ.

Я поблагодарилъ его и рѣшилъ было уйти отъ него, такъ какъ сталъ подумывать,—не рѣшили ли меня сегодня арестовать здѣсь? Но Забрамскій сталъ убѣждать меня остаться ночевать у него. Онъ сказалъ мнѣ: „жандармы простоятъ у этой квартиры часовъ до 2-хъ, самое большее, въ ожиданіи вашего ухода, а затѣмъ рѣшатъ, что вы останетесь здѣсь ночевать и уйдутъ. Завтра же вновь придутъ не раньше 7—8 часовъ утра, а вы уйдете часа въ 4—5-ть, такимъ образомъ они потеряютъ васъ изъ виду".

Это убѣждало меня, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Забрамскій не желаетъ, чтобъ меня арестовали сегодня же въ его квартирѣ, и я принялъ его совѣтъ. Потушивъ огонь, Забрамскій сталъ жаловаться на усталость и сонъ и легъ спать, сказавъ, чтобъ я разбудилъ его, когда буду уходить. Я не противорѣчилъ ему, ибо понималъ, что ему просто неловко дольше оставаться со мной съ глазу на глазъ, и, кромѣ того, ему, очевидно, не о чемъ было больше говорить со мной.

Я просидѣлъ до 5 часовъ, разбудилъ Забрамскаго, сказалъ ему, что ухожу. На прощанье, когда я уходилъ, Забрамскій вновь сталъ уговаривать меня, чтобъ я завтра же уѣхалъ. Я обѣщалъ ему исполнить его совѣтъ и вышелъ.

Послѣ всего случившагося въ эту ночь, я, конечно, оглядывался во всѣ стороны и не замѣтилъ, чтобы кто-либо, кромѣ меня, проходилъ по тѣмъ улицамъ, по которымъ я прошелъ отъ квартиры „военнаго портного Забрамскаго“ до Крещатика, откуда, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, пришелъ къ И. Н. П—кому на квартиру.

Конечно, я засталъ И. Н. П—го еще дома и разсказалъ ему все, что я въ эту ночь пережилъ въ квартирѣ Забрамскаго. Сообщилъ ему также и о томъ, что, по словамъ Забрамскаго, меня на дняхъ Судейкинъ намѣренъ арестовать и что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ нужно будетъ на время, по крайней мѣрѣ, уѣхать изъ Кіева. Я высказалъ мое убѣжденіе, выстраданное, можно сказать, въ эту ночь у Забрамскаго, что Забрамскій играетъ въ двойную игру и что такъ или иначе съ нимъ нужно раздѣлаться или, по крайней мѣрѣ, отдѣлаться отъ него.

„Сегодняшняя ночь,—говорилъ я,—не оставляетъ у меня ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Забрамскій съ нами не во всемъ искрененъ, хотя, принимая во вниманіе, какъ онъ неожиданно былъ встревоженъ и какъ убѣдительно просилъ меня поскорѣе уѣхать, можно думать, что онъ не злостный провокаторъ. Но вѣдь для цѣлости и безопасности нашего кружка—это безразлично“.

Ясно было для меня и до суда, что Судейкинъ, не довѣряя Забрамскому, окружилъ его своими агентами и потому, когда агенты замѣчали кого-либо въ сообществѣ съ Забрамскимъ, Судейкинъ немедленно допрашивалъ о томъ или другомъ замѣченномъ лицѣ и, вѣроятно, Забрамскій, когда къ нему приставалъ съ пристрастіемъ Судейкинъ, выдавалъ ему таковаго. Такое предположеніе доказываютъ аресты: С. Д—го, Ильяшенко и Н. Петрова. Всѣ эти лица арестованы вслѣдъ затѣмъ, какъ Забрамскій побывалъ у нихъ, какъ это было съ Сер. Д—кимъ, или шелъ съ ними по городу (Ильяшенко, Н. Петровъ и Буцынскій).

Во время же суда это еще стало яснѣе. Судейкинъ на судѣ гово-

рилъ, что, главнымъ образомъ, онъ не терялъ изъ виду Забрамскаго, такъ какъ „я рѣшительно убѣдился, подчеркнулъ на судѣ Судейкинъ, что Зибрамскій меня обманываетъ“.

Послѣ показанія въ такомъ родѣ Судейкина на судѣ, капитанъ Скандраковъ, второй помощникъ начальника жандармскаго управленія полковника Новицкаго въ то время, во время перерыва суда говорилъ намъ, что Забрамскій причинялъ имъ столько хлопотъ, какъ никто другой изъ насъ, и что имъ часто приходилось весь наличный составъ агентовъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, ставить на ноги, чтобъ не упустить его изъ виду.

Мнѣ нужно было въ виду этого уѣхать изъ Кіева и я уѣхалъ бы въ тотъ же день. Но меня задержало дѣло съ типографіей.

Послѣ того, какъ случился такой неожиданный инцидентъ со Стаховскимъ, до полнаго уясненія его, взять у украинофиловъ типографію и перевезти ее въ имѣніе Стаховскаго было рисковано. Поэтому, послѣ этого случая со Стаховскимъ на вокзалѣ, я отправился въ Харьковъ, пригласилъ Н. Петрова взять на себя устройство типографіи временно въ Нѣжинѣ. Н. Петровъ согласился, прибылъ со мной въ Кіевъ и затѣмъ отправился въ Нѣжинъ, чтобы тамъ подыскать хоть временно квартиру, гдѣ бы можно было пріютить типографію. Жуковъ, положительно довѣрявшій Забрамскому, свелъ Забрамскаго съ Петровымъ, и они вмѣстѣ поѣхали въ Нѣжинъ отыскать квартиру. Но когда Петровъ изъ Нѣжина поѣхалъ въ Харьковъ, его по дорогѣ туда арестовали.

Оставалось одно,—перевести временно типографію въ имѣніе У—го. Вступили въ переговоры по этому поводу съ У—скимъ. Онъ согласился самъ пріѣхать за нею. И вотъ мнѣ необходимо было подождать его пріѣзда.

На это время я пока принялъ только одну предосторожность, именно, сбрилъ бороду.

Наконецъ, пріѣхалъ У—кій, ему предстояло отправиться въ имѣніе, гдѣ находилась типографія. На нашу бѣду У—кій явился въ военномъ мундирѣ, каковой послѣ недавняго ареста Д—го мы считали подозрительнымъ. Я отправился съ У—кимъ въ магазинъ готоваго платья, чтобъ переодѣть тамъ его въ костюмъ подходящій, въ которомъ появленіе въ имѣніи, гдѣ хранилась типографія, не вызвалъ бы подозрѣнія. По окончаніи процедуры переодѣванія въ магазинѣ, У—кій уѣхалъ, я же остался въ магазинѣ подъ предлогомъ посмотрѣть еще черную пару для себя, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ не выходить вмѣстѣ съ У—кимъ.

Минутъ 10-ть спустя, какъ уѣхалъ У—кій, я вышелъ изъ магазина заявивъ, что зайду какъ-нибудь въ другой разъ.

По выходѣ изъ магазина, я замѣтилъ, что за мной идутъ два подозрительныхъ субъекта, и рѣшилъ для провѣрки подозрѣнія перейти на другую сторону Крещатика, но только дошелъ до половины улицы и остановился въ ожиданіи проѣзда экипажа, пересѣкавшаго мнѣ дорогу, какъ меня схватили за руки и арестовали эти два субъекта.

И это случилось какъ разъ тогда, когда я покончилъ съ тѣмъ, что меня задерживало въ Кіевѣ и мнѣ оставалось отправиться, куда я наканунѣ рѣшилъ вмѣстѣ съ И. Н. П—кимъ уѣхать.

Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ нужно было на время уѣхать изъ Кіева. Мѣсто, куда я могъ уѣхать было и притомъ не только для того, чтобы не попасть въ руки жандармовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать дѣло, которое отлагалось только въ виду спѣшности дѣла съ типографіей.

И. Н. П—кій предложилъ мнѣ недѣли за двѣ до моего ареста увезти изъ одного имѣнія Полтавской губерніи дочь владѣльца этого имѣнія, которая послѣ одного дѣла въ Москвѣ, въ связи съ именемъ Качки, дѣла въ то время довольно извѣстнаго въ Москвѣ, была отдана на поруки своему отцу. Между тѣмъ дочь этой помѣщицы горѣла желаніемъ принять участіе въ той борьбѣ за освобожденіе Россіи, которая въ это время достигла своего зенита.

Планъ былъ такой. Я въ качествѣ мельника поселюсь на мельницѣ въ этомъ имѣніи, что при достаточной уже старости помѣщика, который уже не разъ настаивалъ на томъ, чтобы сынъ его взялъ на себя заботы по управленію имѣніемъ, сдѣлать было не трудно.

Значитъ, мнѣ предстояло познакомиться съ плѣнницей своего отца, при посредствѣ брата увезти ее и, перевѣнчавшись съ ней, тѣмъ самымъ освободить отъ поруки отца.

Не будь такой спѣшности съ типографіей, я бы на другой же день, послѣ той ночи, которую я провелъ въ квартирѣ военнаго портного Забрамскаго, выѣхалъ бы по этому дѣлу изъ Кіева.

Не суждено было свершиться другому. 22 февраля я былъ арестованъ и предсталъ предъ Судейкинымъ въ Старо-Кіевскомъ участкѣ. Первыя слова, съ которыми Судейкинъ обратился ко мнѣ, былъ вопросъ,—съ кѣмъ я шелъ вмѣстѣ сегодня по направленію къ вокзалу? Я отвѣтилъ ему—со Стефановичемъ, ибо зналъ, какъ Судейкинъ жаждалъ изловить Стефановича. „Со Стефановичемъ?—превратившись въ слухъ, переспросилъ Судейкинъ.—А вы,—вы не Бохановскій?“—Я подтвердилъ его догадку.

Онъ быстро вскочилъ со стула, сбѣгалъ въ отдѣльную комнату, очевидно, чтобъ посмотрѣть фотографію Бохановскаго и, возвратившись съ лукавой улыбкой, сказалъ: „вы, очевидно, любите пошутить. Нѣтъ, серьезно, будьте любезны, сообщите намъ,—кто вы таковъ?“

— У васъ же мой паспортъ въ рукахъ, — отвѣтилъ я,—чего же еще вамъ?

При мнѣ былъ взятъ мой паспортъ, на дняхъ полученный мной изъ Екатеринославской консисторіи и, значитъ, скрывать,—кто былъ я—не было смысла. Тѣмъ не менѣе Судейкинъ не повѣрилъ мнѣ. „Знаю,—сказалъ Судейкинъ,—въ вашемъ распоряженіи такихъ паспортовъ много. Вотъ, напримѣръ, и въ этомъ паспортѣ вы называетесь Михаиломъ Родіоновичемъ Поповымъ. Признаюсь, вашей фамиліи не знаю, но знаю, что васъ зовутъ Василіемъ Николаевичемъ. Такъ пока я васъ и буду называть. Намѣрены ли вы, Василій Николаевичъ, дать мнѣ какія-либо показанія?“

— Кто я такой, гдѣ былъ предъ моимъ арестомъ, я вамъ сказалъ, а больше пока ничего не намѣренъ сказать, ибо еще много времени впереди, и мы съ вами, надѣюсь, не въ послѣдній разъ видимся.

Послѣ этого Судейкинъ, составивъ протоколъ и распорядившись о снятіи съ меня фотографіи, сказалъ частному приставу: „въ складъ!“

Ясно, что меня только въ этотъ день встрѣтили жандармы и, очевидно, получивъ отъ Судейкина распоряженіе арестовать меня при первой встрѣчѣ, они безъ разрѣшенія Судейкина не рѣшились арестовать вмѣстѣ со мной и Фроленко, котораго я проводилъ нѣсколько по направленію къ вокзалу, и У—го, съ которымъ они несомнѣнно меня видѣли.

Мнѣ думается, что Забрамскій въ моемъ арестѣ въ этотъ день не оказалъ услугъ жандармамъ, ибо онъ все это время среди нихъ не показывался и этимъ только можно объяснить, что не былъ арестованъ вмѣстѣ со мной И. Н. П—кій, у котораго я ночевалъ наканунѣ.

На другой день меня отправили въ тюрьму. Вскорѣ въ тюрьмѣ получились вѣсти объ арестѣ Иванова, который былъ арестованъ, когда вмѣстѣ съ Забрамскимъ переносилъ динамитъ, находившійся на старой квартирѣ его, которую занимала въ это время его жена.

Очевидно, въ это время Забрамскій рѣшилъ такъ: будь, что будетъ. И другого ему ничего не оставалось. Съ одной стороны, онъ былъ бдительно сопровождаемъ агентами и поэтому не могъ избѣжать рукъ Судейкина, съ другой стороны, онъ понялъ, что потерялъ довѣріе и среди насъ и боялся насъ до того, что оказался въ кольчугѣ, когда пытался убить его Поликарповъ, пригласивъ его для этой цѣли въ свою квартиру. Благодаря этому Поликарповъ при помощи кинжала и не могъ его убить.

Въ тюрьмѣ мы получили вѣсти о неудачномъ покушеніи Поликарпова на Забрамскаго. Арестъ Иванова не оставлялъ уже сомнѣнія ни въ комъ, что Забрамскій предаетъ насъ, и рѣшено было отдѣлаться отъ него, на что не соглашались еще въ то время, когда я послѣ проведенной у него ночи, предложилъ это.

Попытка Поликарпова кончилась неудачей, такъ какъ Забрамскій былъ въ кольчугѣ, и Поликарповъ только нанесъ ему нѣсколько ранъ въ шею уже въ борьбѣ съ Забрамскимъ, когда разсчитанный неожиданный ударъ кинжаломъ былъ прегражденъ кольчугой. Раненный Забрамскій выскочилъ изъ квартиры Поликарпова и началъ звать на помощь. Поликарповъ въ виду этого застрѣлилъ себя.

Свѣдѣнія о неудачномъ покушеніи Поликарпова и самоубійство его самого сопровождалось сообщеніемъ о томъ, что Забрамскій, получившій нѣсколько ранъ въ шею, лежитъ въ больницѣ и, по слухамъ, дошедшимъ изъ больницы, сказалъ будто бы доктору или кому другому — не помню сейчасъ, — „до сихъ поръ я скрывалъ отъ жандармовъ все, что я зналъ, но теперь, послѣ того, какъ они со мной поступили, я открою все, что мнѣ извѣстно".

Въ сущности Забрамскій зналъ о нашихъ дѣлахъ немного, или, правильнѣе, у него были обо всемъ отрывочныя свѣдѣнія, обрывки того или другого предпринимаемаго нами дѣла, схваченные на лету, что ясно подтверждаетъ и обвинительный актъ нашего процесса. Напримѣръ, Забрамскій зналъ, что у насъ шла рѣчь о покупкѣ лошадей, и что Ильяшенко съ этой цѣлью куда-то уѣхалъ. Передалъ онъ объ этомъ Судейкину уже послѣ того, какъ онъ рѣшилъ говорить все, что ему извѣстно о нашихъ дѣлахъ. Такъ заставляетъ думать то, что едва ли Судейкинъ если бы онъ зналъ куда и зачѣмъ ѣдетъ Ильяшенко, арестовалъ его раньше, чѣмъ Ильяшенко сдѣлалъ то, зачѣмъ ѣхалъ.

И вотъ Судейкинъ, на основаніи полученныхъ съ опозданіемъ отъ Забрамскаго свѣдѣній, задаетъ себѣ вопросъ, — зачѣмъ имъ понадобились лошади? — и рѣшаетъ — лошади нужны для ограбленія полтавскаго казначейства. Это онъ внушаетъ Забрамскому и, послѣ ареста Ильяшенко, заявляетъ Ильяшенко, что ему, Судейкину, извѣстно изъ показаній арестованныхъ его сообщниковъ, что лошади, которыхъ ему поручено было купить, нужны были именно для этой цѣли. Ильяшенко, не разбиравшійся въ юридическихъ тонкостяхъ и у котораго не хватило мужества совсѣмъ отказаться отъ дачи показаній, полагалъ, что такое показаніе дали другіе, чтобъ отвести глаза отъ имѣнія Стаховскаго, куда (онъ хорошо зналъ) ѣхалъ онъ, — поддакиваетъ Судейкину [1]).

Затѣмъ Забрамскій зналъ, что у насъ имѣется динамитъ и бомбы, но для какой цѣли — не зналъ. Судейкинъ опять рѣшаетъ за насъ, что бомбы, нами приготовленныя, предназначались для покушенія на генералъ-губернатора Черткова, между тѣмъ, какъ уже читателю извѣстно изъ

[1]) На судѣ Ильяшенко отказался отъ этого показанія.

предыдущаго, бомбы были предназначены для другой цѣли. И такъ далѣе, сплошь и рядомъ.

Такъ что дѣятельность, за которую насъ судили, была не наша дѣятельность, а дѣятельность фантазіи Судейкина.

Нашъ процессъ одна изъ яркихъ демонстрацій, что слѣдственный матеріалъ, на основаніи котораго оперируютъ военные судьи, въ большинствѣ случаевъ чистѣйшей воды фантазія жандармовъ, и нашъ обвинительный актъ самый лучшій образчикъ тѣхъ обвинительныхъ актовъ въ наше время, какіе готовились для военныхъ судей жандармами. Люди обвинялись за такія дѣянія, о которыхъ они и не помышляли, и отправлялись на эшафотъ и въ каторгу.

Разовскій отправленъ на эшафотъ ни за что. Онъ рѣшительно не принималъ ни малѣйшаго участія въ революціонныхъ дѣлахъ, если не считать его знакомство по университету съ Иг. Ивановымъ, который привелъ къ нему на ночлегъ С. Д—го. Кромѣ сочувствія къ гонимымъ правительствомъ, за Разовскимъ не было никакихъ преступленій.

Точно также Ильяшенко по нашему процессу приговоренъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ за намѣреніе ограбить казначейство полтавское, о чемъ онъ и не помышлялъ.

Другіе, правда, по нашему процессу были виновны предъ закономъ, если и не въ томъ въ чемъ ихъ обвиняли, но за ними все же были поступки, хоть и не обнаруженные слѣдствіемъ, но, конечно, степени караемые закономъ. За Ильяшенко же не было такихъ поступковъ, за которые бы его слѣдовало осудить на 15 лѣтъ каторги.

Какъ бы то ни было, но наша группа, такъ успѣшно начавши свою дѣятельность и за короткое время привлекшая въ свои ряды столько способныхъ и энергичныхъ лицъ и сосредоточившая въ своихъ рукахъ достаточно матерьяльныхъ средствъ, была такъ же быстро разгромлена, какъ сначала успѣшно организовалась. Скоро очутились подъ тюремнымъ замкомъ всѣ почти члены кіевскаго кружка.

Трагическаго характера новости слѣдовали одна за другой. Только-что мы въ тюрьмѣ пережили полученныя вѣсти о покушеніи Поликарпова на Забрамскаго, кончившееся его самоубійствомъ, какъ намъ сообщили съ воли о трагическомъ событіи въ имѣніи Стаховскаго.

М. Н. Стаховскій жилъ въ имѣніи своей жены въ Курской губерніи. Отецъ же его съ матерью жили въ своемъ имѣніи въ Полтавской губерніи.

Отецъ Стаховскаго былъ кутила и картежный игрокъ и послѣ, кутежей въ какомъ-нибудь изъ картежныхъ притоновъ въ Полтавѣ, часто возвращался къ себѣ домой въ имѣніе въ пьяномъ видѣ и раздраженный неудачей въ игрѣ въ карты. Какъ это не въ рѣдкость на Руси, особенно

когда еще такъ свѣжи были традиціи крѣпостного права, онъ вымещалъ эти неудачи на женѣ и позволялъ себѣ грубое обращеніе съ ней. Въ такихъ случаяхъ мать Стаховскаго искала защиты и покоя отъ грубости мужа въ семьѣ М. Н. Стаховскаго.

Такъ было и въ этотъ разъ. Она пріѣхала къ сыну въ курское его имѣніе. Но вслѣдъ за ней пріѣхалъ и отецъ Стаховскаго. М. Н. Стаховскій встрѣтилъ своего отца на порогѣ своего дома и сказалъ ему: „Вотъ что, отецъ, я рѣшилъ сказать тебѣ! ты такъ грубъ и несправедливъ съ моей матерью, что я принужденъ отказать тебѣ въ гостепріимствѣ и прошу тебя оставить и мать, и меня въ покоѣ". Послѣ этого Стаховскій направился въ комнату, на порогѣ которой онъ встрѣтилъ своего отца. Въ это время отецъ вынулъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ спину сына. М. Н. Стаховскій послѣ этого недолго прожилъ и умеръ, ибо пуля прошла позвоночникъ.

Что за субъектъ отецъ Стаховскаго—это достаточно объясняетъ характерная исторія пріобрѣтенія имъ револьвера, которымъ онъ убилъ своего сына. По пути къ сыну онъ кутилъ съ какимъ-то жандармскимъ чиномъ на станціяхъ пути его въ имѣніе сына. Слѣдствіе выяснило, что револьверъ, которымъ онъ убилъ своего сына, онъ уворовалъ у этого жандармскаго чина, ѣхавшаго съ нимъ въ одномъ вагонѣ. Похитилъ ли на самомъ дѣлѣ Стаховскій револьверъ, или завладѣлъ имъ съ согласія этого чина, какъ о томъ ходили тогда слухи,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ эта исторія о револьверѣ довольно говоритъ о нравственномъ обликѣ отца Стаховскаго.

Въ это время у Стаховскаго проживалъ Юрковскій, или инженеръ Сашка, кличка, подъ которою онъ былъ извѣстенъ послѣ надѣлавшаго въ свое время много шуму дѣла съ „конфискаціей" (по выраженію на судѣ Юрковскаго) херсонскаго казначейства. Нѣтъ нужды говорить, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвела эта трагическая смерть Стаховскаго на мать и жену его, единственныхъ двухъ женщинъ, оставшихся въ домѣ Стаховскаго. Юрковскій посмотрѣлъ на все случившееся на его глазахъ, какъ на семейную драму, находилъ для себя безопаснымъ оставаться въ домѣ, тѣмъ болѣе, что убитыя горемъ жена и мать нуждались въ присутствіи человѣка, на помощь котораго они могли разсчитывать.

Но дѣло приняло неожиданный характеръ для всѣхъ и въ томъ числѣ для Юрковскаго, характеръ политическій. Отецъ Стаховскаго заявилъ на слѣдствіи, что убилъ сына, потому что онъ узналъ, что сынъ его примкнулъ къ революціонной партіи, чего онъ, какъ дворянинъ, не могъ простить своему сыну и рѣшилъ убить его.

Конечно, такой мотивъ убійства подсказала Стаховскому трусливая, эгоистическая душа кутилы и прожигателя жизни.

Въ домъ Стаховскаго нагрянули жандармы съ обыскомъ, а Юрковскій, до выясненія личности, былъ арестованъ и заключенъ въ курской тюрьмѣ. Выяснилось, что задержанный въ домѣ Стаховскихъ никто другой, а именно Юрковскій, котораго такъ тщательно въ то время разыскивали во всѣхъ концахъ Россіи.

Юрковскаго сначала отправили въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ, признавъ въ немъ одного изъ членовъ нашего кружка.

Такимъ образомъ нашъ Кіевскій кружокъ былъ разгромленъ, и Судейкинъ со Стрѣльниковымъ принялись за составленіе обвинительнаго акта противъ насъ. Пока что я коснусь обвинительнаго акта мимоходомъ, надѣясь современемъ дать болѣе подробный отчетъ о судѣ. Теперь же скажу, что весь обвинительный актъ построенъ на показаніи одного лишь свидѣтеля Забрамскаго, который къ тому же на судѣ не присутствовалъ; по откровенному заявленію суду Стрѣльниковымъ, потому, что Забрамскій слишкомъ не самостоятельная и мягкая натура и могъ поколебаться, представъ на судѣ лицомъ къ лицу съ подсудимыми, къ нѣкоторымъ изъ которыхъ,—„я не скрою этого отъ суда", прибавилъ Стрѣльниковъ,— „Забрамскій и послѣ того, что съ нимъ эти г.г. продѣлали, питаетъ симпатіи и жалѣетъ объ ожидающей ихъ участи". „Всего только на дняхъ онъ, Забрамскій,—сказалъ прокуроръ,—былъ у меня и просилъ о снисхожденіи и милосердіи къ нѣкоторымъ изъ сидящихъ предъ вами подсудимымъ".

Трудно сказать,—сколько правды въ томъ, что откровенно повѣдалъ Стрѣльниковъ суду. Но вѣрно то, что Стрѣльниковъ и Судейкинъ, послѣ того какъ на судѣ подвелъ ихъ Богуславскій, выставленный ими противъ насъ свидѣтель, боялись положиться на Забрамскаго.

Богуславскій былъ приговоренъ незадолго предъ нашимъ процессомъ къ смертной казни. Стрѣльниковъ и Судейкинъ, создавшіе себѣ карьеру нашимъ судомъ, обѣщали ему отмѣну казни, если онъ согласится выступить свидѣтелемъ противъ насъ. Богуславскій дрогнулъ и обѣщалъ. Стрѣльниковъ такимъ образомъ, какъ казалось ему, имѣлъ противъ насъ страшнаго свидѣтеля. Онъ инспирировалъ Богуславскаго, какъ разоблачителя нашей „революціонной подоплеки", и рекомендовалъ предъ приводомъ Богуславскаго въ залу засѣданія суда, какъ хорошо знающаго „закулисную сторону г.г. русскихъ революціонеровъ". „Я попрошу судъ, говорилъ прокуроръ, позволить мнѣ, быть можетъ, не разъ обратиться къ свидѣтельству Богуславскаго, котораго показанія,—судъ сейчасъ увидитъ,—такъ драгоцѣнны для меня, какъ обвинителя". Стрѣльниковъ на показаніяхъ Богуславскаго предполагалъ въ полной наготѣ представить безнравственность русскихъ революціонеровъ.

Ввели Богуславскаго. Стрѣльниковъ съ сіяющей улыбкой потираетъ

руки. Новицкій и Судейкинъ вошли тоже въ залу. Богуславскій стоитъ предъ судомъ, опустивъ глаза къ полу.

„Свидѣтель!—обратился къ Богуславскому Стрѣльниковъ. Вы близко стояли къ русскимъ революціоннымъ кругамъ и даже сами примыкали къ нимъ. Разскажите суду все, что вамъ извѣстно о безнравственности этой среды такъ же откровенно, какъ откровенно о томъ вы разсказывали мнѣ!"—Богуславскій молчитъ. Новицкій переглянулся съ Судейкинымъ, ровно спрашиваетъ,—что это значитъ?

Стрѣльниковъ вновь обращается къ Богуславскому. „Вы ярко развернули предъ моими глазами закулисную сторону вотъ этихъ господъ, которые ждутъ возмездія за свои преступныя дѣянія, познакомьте и судъ также точно со всѣми тайнами революціи".—Богуславскій вновь молчитъ. Судейкинъ у дверей залы стоитъ сконфуженный и, по привычкѣ, въ досадѣ грызетъ верхней челюстью край лѣвой губы.

„Напримѣръ,—продолжаетъ наводить Богусловскаго Стрѣльниковъ,—начните съ того, что толкаетъ на беззаконный путь нашихъ революціонеровъ? Вы мнѣ говорили, что господъ подобныхъ тѣмъ, которые сидятъ предъ судомъ, толкаютъ на революціонный путь, главнымъ образомъ, корыстныя цѣли—такъ ли?"—Богуславскій опять ни звука.—Наконецъ, вмѣшивается предсѣдатель суда и повторяетъ вопросъ прокурора Богуславскому: „что толкаетъ русскую молодежь на революціонный путь?"— Богуславскій отвѣчаетъ предсѣдателю: „Любовь къ народу"—Что?—переспросилъ тугой на ухо предсѣдатель.—„Любовь къ народу!"—громко повторилъ Богуславскій.

Публика сочувственно посмотрѣла въ нашу сторону. Прокуроръ переглянулся съ Новицкимъ, Судейкинъ вышелъ изъ залы суда.

Предсѣдатель, очевидно, понялъ, что время вывести изъ неловкаго положенія прокурора и жандармовъ и дѣлаетъ распоряженіе объ уводѣ свидѣтеля Богуславскаго. Жандармы торопливо исполнили распоряженіе предсѣдателя, и Богуславскій исчезаетъ за дверью залы на все время процесса и потомъ въ тюрьмѣ умираетъ.

Послѣ того, конечно, что называется,—обожгись на молокѣ и на на воду станешь дуть.—Стрѣльниковъ и Судейкинъ рѣшили, что будетъ надежнѣй, если Забрамскій заочно будетъ показывать, справедливо разсуждая, что бумага все вытерпитъ, а Забрамскій,—кто его знаетъ?—можетъ и измѣнить.

Намъ оставалось одно—сидѣть и ждать праваго и милостиваго суда. Планъ побѣга изъ тюрьмы Иг. Иванова и меня провалился, благодаря другому провокатору, извѣстному среди украинофиловъ подъ кличкой Пана. Онъ попалъ въ тюрьму и, чтобъ выкарабкаться изъ нея, доводилъ до

свѣдѣнія Судейкина о всемъ, что Судейкину было интересно. Планъ задуманъ былъ удачно. Павелъ Ивановъ, поступилъ въ качествѣ ассенизатора въ обозъ, который вѣдалъ Кіевскую тюрьму. Явился въ качествѣ ассенизатора въ тотъ дворикъ, гдѣ мы гуляли и въ которомъ въ сторонѣ находилась сточная яма, условился, что на слѣдующій день явится съ спеціально приготовленной бочкой для двоихъ, и чтобъ мы были готовы къ побѣгу. Я распрощался со всѣми товарищами въ томъ числѣ и съ Паномъ. Послѣдній, конечно, не замедлилъ о томъ предупредить Судейкина. Прежде всего сдѣлано было распоряженіе о бдительномъ надзорѣ за ассенизаціонными бочками, которыя были въ день тревоги и должны были явиться завтра. Намъ оставалось быть довольными хоть тѣмъ, что успѣли предупредить объ этомъ на волѣ. Удалось же это благодаря вотъ чему.

Мы не знали, что начальству уже извѣстно о предположенномъ нами побѣгѣ. Но начальство распорядилось, чтобъ надзиратели строго слѣдили за бочками, которыя завтра пріѣдутъ въ тюрьму, осмотрѣли бы ихъ всѣ, когда ассенизаторы будутъ ѣхать во дворъ тюрьмы и когда будутъ выѣзжать обратно. Между тѣмъ надзиратели наши подъ предводительствомъ Алексѣя были посредниками между нами и вольными товарищами нашими. Узнавши обо всемъ этомъ отъ смотрителя, Алексѣй отправился по тому адресу, по которому онъ всегда носилъ корреспонденцію изъ тюрьмы и гдѣ бралъ таковую для насъ въ тюрьму, и сообщилъ тамъ, что о предположенномъ завтра побѣгѣ изъ тюрьмы начальству извѣстно и приказано обратить особенное вниманіе на бочки ассанизаціоннаго обоза.

Благодаря только этому Павелъ Ивановъ не попалъ въ руки начальства. Благодаря же этимъ тремъ надзирателямъ у насъ съ волей были самыя правильныя сношенія.

Вечеромъ, когда тюрьма закрывалась послѣ вечерней повѣрки, у насъ начиналась жизнь. Подходилъ къ форточкамъ нашихъ дверей Алексѣй, сообщалъ о томъ, что повѣрка въ тюрьмѣ кончилась и тюрьма закрыта. Затѣмъ отправлялся и ставилъ самоваръ, при чемъ для предосторожности, чтобъ внезапный контроль не услышалъ шума самовара, отпускались въ клозетахъ краны, и у насъ устраивалось чаепитіе, во время котораго намъ сообщались новости съ воли и передавались газеты вплоть до нелегальныхъ.

До какой степени Алексѣй честно исполнялъ взятую на себя роль по сношенію насъ съ вольными товарищами, свидѣтельствуетъ то, что чрезъ посредство его мы получили съ воли 700 руб. денегъ, которыя были доставлены намъ въ томъ разсчетѣ, что, можетъ быть, по пути на Кару комунибудь подвернется случай бѣжать.

Былъ у насъ въ тюрьмѣ бунтъ изъ-за того, что одного изъ насъ,

В. Позена, посадили въ карцеръ. Бунтъ выразился тѣмъ, что мы побили окна въ нашихъ камерахъ и погасили огни. Кончился этотъ бунтъ тѣмъ, что насъ сначала перевязали, а потомъ явившійся Судейкинъ распорядился развязать насъ и поставить въ коридорѣ часовыхъ съ ружьями.

Это нимало не смутило, Алексѣя и какъ только тюрьму заперли, онъ точно такъ же, какъ и всегда, поставилъ самоваръ и сталъ угощать чаемъ и насъ, и часовыхъ. Предложивъ чай первому часовому, который сталъ было отказываться на томъ основаніи, что онъ поставленъ на часы и, значитъ, ни ѣсть, ни пить не можетъ, Алексѣй сказалъ ему: „А ты не разсказывай, а бери и пей, коли даютъ! Знаю, самъ я тоже былъ солдатомъ какъ и ты, и больше твоего видѣлъ, и скажу тебѣ—какъ исполнять все, что требуетъ отъ солдата начальство, такъ и отъ голода помрешь и на морозѣ замерзнешь! Слыхалъ, не бось, какъ на Балканахъ нашъ братъ солдатъ замерзалъ, ну, а я не только слыхалъ, но и глазами своими видѣлъ. Бери—не бось! Тутъ, братъ,—продолжалъ тихо уже Алексѣй, чтобъ показать солдатамъ, что онъ не все говоритъ, чтобы мы слышали,—тутъ, братъ, никто начальству не донесетъ, это только нашего брата пугаютъ,—еще тише заговорилъ Алексѣй,—государственные преступники! Такъ и я думалъ сначала. А вотъ теперь вижу, что люди эти никому зла не желаютъ, а всѣмъ добра“.

Солдатъ поставилъ ружье, а другой уже безъ всякихъ возраженій взялъ хлѣбъ и чай, и вступили въ разговоры то у одной, то у другой форточки нашихъ камеръ.

Въ довершеніе ироніи судьбы этотъ самый Алексѣй былъ вызванъ на судъ Стрѣльниковымъ въ качествѣ свидѣтеля противъ насъ. Стрѣльниковъ поставилъ себѣ задачей увѣрить судъ въ томъ, что и разбои въ Россіи все тѣ же плоды революціонной пропаганды. Въ то время въ Кіевской тюрьмѣ сидѣли два выдающихся разбойника Тышкевичъ и Адамюкъ, на которыхъ уголовные смотрѣли не какъ на обыкновенныхъ разбойниковъ, а какъ на народныхъ защитниковъ. На судѣ военномъ они держались тоже не какъ обыкновенные разбойники и, когда ихъ приговорили къ смертной казни, то одинъ изъ нихъ—кажется, Адамюкъ—считалъ унизительнымъ для своего достоинства просить о помилованіи. Это-то обстоятельство Стрѣльниковъ хотѣлъ использовать на нашемъ процессѣ и предупреждалъ судъ, что это явленіе нужно приписать вліянію русскихъ революціонеровъ. Онъ на нашемъ судѣ обратилъ вниманіе суда на то, что мы и въ тюрьмѣ ведемъ противоправительственную пропаганду. Въ доказательство этой своей мысли онъ и вызвалъ на судъ Алексѣя, чтобъ тотъ подтвердилъ, что мы ведемъ среди уголовныхъ сношенія, чрезъ нихъ мы сносимся съ революціонерами на волѣ, а отсюда, по его взглядамъ, уже само собой понятно, что мы ведемъ пропаганду среди уголовныхъ.

„Скажи суду, унтеръ-офицеръ“,—обращался къ Алексѣю на судѣ прокуроръ, — ты постоянно съ ними въ тюрьмѣ, не думаешь ли ты, что вотъ эти подсудимые получали свѣдѣнія съ воли чрезъ уголовныхъ?“— „Не иначе, ваше высокоблагородіе, какъ черезъ нихъ“. „Трудно услѣдить за уголовными, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ давать свои показанія Алексѣй,—конечно, замѣтишь,—велишь имъ, т. е. уголовнымъ не подходить къ окнамъ политическихъ. Но развѣ за ними услѣдишь. Одного прогонишь,—другой ужъ тутъ! Долго ли нужно, чтобъ бросить въ окно записку или, скажемъ, что другое тамъ“. „Совершенно вѣрно, унтеръ-офицеръ“, подтверждаетъ Стрѣльниковъ.—„Но не иначе,—продолжаетъ Алексѣй,—какъ чрезъ уголовныхъ политическіе имѣютъ дѣла съ волей, ваше высокоблагородіе“.

„Довольно, унтеръ-офицеръ! Служи такъ же вѣрно, исполняй долгъ присяги, какъ ты всегда исполнялъ!“—сказалъ торжественно Стрѣльниковъ.

— „Радъ стараться, ваше высокоблагородіе“, не менѣе торжественно отвѣтилъ Алексѣй.

М. Поповъ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону [1]).

II.

ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА.

1.

Лондонъ, 11 февраля 1885 г.

Мой дорогой сэръ!

Я съ удовольствіемъ готовъ высылать вамъ корректурные листы II-го тома, какъ только вы сообщите мнѣ, куда я могу направлять ихъ, или подъ бандеролью (какъ печатныя произведенія), или въ закрытыхъ конвертахъ, въ формѣ обыкновенныхъ писемъ. Дѣло въ томъ, что если хотя одинъ изъ нихъ затеряется на почтѣ, то я уже не буду въ состояніи замѣстить утраченнаго вплоть до полнаго завершенія печатанія. А пока придетъ вашъ отвѣтъ, я надѣюсь припасти для васъ два или три листа.

Очень благодарю васъ за сдѣланное вами нѣсколько времени тому назадъ предложеніе—предоставить въ мое распоряженіе письма къ вамъ А. Вильямса [2]). Въ настоящую минуту все мое время и вниманіе поглощены разборомъ его рукописей, но, несомнѣнно, наступитъ моментъ, когда я охотно воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ.

Не имѣете ли вы какихъ-нибудь извѣстій о нашемъ „общемъ другѣ" со времени того несчастнаго приключенія, которое случилось съ нимъ нѣсколько времени тому назадъ [3])?

Пожалуйста, посылайте мнѣ впредь свои письма по приложенному ниже адресу.

Искренно вашъ

Ф. Рошеръ.

Mrs Rosher
6, Richmond villas, Messina avenue.
West Hampstead

London. N. W.

---

[1]) См. „Минувшіе годы" за январь 1908 г.

[2]) Т. е. К. Маркса, самъ Энгельсъ „для отвода глазъ" подписывается тоже не своимъ именемъ, а фамиліей мужа своей пріемной дочери, адресъ которой онъ даетъ ниже.

[3]) Дѣло идетъ объ арестѣ Г. А. Лопатина 6 октября 1884 г.

2.

Лондонъ, 23 апрѣля 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваше любезное письмо отъ 9—21 марта и очень обязанъ вамъ за содержащіяся въ немъ крайне интересныя свѣдѣнія. Что законъ обратной пропорціональности между высотою заработной платы и продолжительностью рабочаго времени подтверждается также и въ Россіи, это дѣйствительно очень интересный фактъ. Столь же интересно и быстрое разложеніе „міра“, съ прогрессомъ новой промышленности и финансовъ, обнаруживающееся въ возрастающемъ числѣ „безхозяйственныхъ хозяевъ“. Всѣ такіе факты имѣютъ для меня величайшую важность, и я буду очень обязанъ вамъ, если вы будете время отъ времени сообщать мнѣ имѣющіяся у васъ свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи и развитіи вашей великой страны. Къ несчастію, въ настоящую минуту все мое время занято изданіемъ рукописей (Маркса) и притомъ до такой степени, что я долженъ былъ прервать не только всякую независимую работу, но даже мои собственныя изученія, и едва нахожу время для писемъ; изъ чего вы можете видѣть, что въ настоящую минуту я не въ состояніи воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ—высылать мнѣ оригинальные русскіе труды экономическимъ вопросамъ. У меня дѣйствительно не нашлось бы времени пользоваться ими. Но я надѣюсь, что вы не будете бранить меня, если когда-нибудь послѣ, при первой благопріятной возможности, я возьму на себя смѣлость напомнить вамъ о вашемъ любезномъ предложеніи. А пока эти безцѣнныя рукописи служатъ для меня источникомъ высочайшаго научнаго *наслажденія*, и я ничуть не сомнѣваюсь, что такое же наслажденіе доставятъ вамъ высылаемые мною корректурные листы. Изъ нихъ № 5—9 высланы мною вамъ недѣли три тому назадъ (27 марта); № 10—14 посланы вчера; а вскорѣ я отошлю вамъ еще нѣсколько листовъ, какъ всегда, заказнымъ порядкомъ. Весь II-й томъ займетъ около 39 листовъ и выйдетъ въ концѣ мая. Въ настоящую минуту я занятъ III-мъ томомъ, представляющимъ заключительную и завершительную часть, которая затмитъ даже I-й томъ. Я диктую съ оригинала, который положительно не читаемъ ни для одной живой души, кромѣ меня; и я не успокоюсь пока онъ весь не будетъ превращенъ мною въ такую рукопись, которая будетъ, по крайней мѣрѣ, удобочитаемой для всякаго. Тогда только я займусь, уже не торопясь, окончательной редакціей, которая тоже представитъ не легкую задачу, принимая во вниманіе несовершенное состояніе оригинала. Но какъ бы то ни было, если бы даже мнѣ не суждено было дожить до ея окончанія, во всякомъ случаѣ оригиналъ будетъ, по крайней

мѣрѣ, спасенъ отъ полной утраты и, въ случаѣ нужды, можетъ быть изданъ кѣмъ-либо другимъ хотя бы въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Этотъ третій томъ—самая поразительная вещь, какую я когда-либо читалъ, и нельзя не пожалѣть, что автору не довелось дожить до того, чтобы обработать и издать его самому и увидѣть лично тотъ эффектъ, который онъ предназначенъ произвести. Послѣ такого яснаго изложенія, всякое искреннее несогласіе съ авторомъ дѣлается просто невозможнымъ. Самые трудные пункты распутаны и выяснены съ такою легкостью, какъ будто они были просто дѣтскою игрою, и вся система получаетъ тутъ совсѣмъ новый и простой видъ. Боюсь, что эту третью часть придется разбить на два тома. Кромѣ того, у меня имѣется еще одна старая рукопись автора, которая посвящена исторіи его теоріи и которая тоже потребуетъ отъ меня много труда. Итакъ, вы сами видите, что у меня дѣла полны руки.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

3.

Лондонъ, 3 іюня 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваше письмо отъ 26—6 мая и надѣюсь, что и вы, въ свою очередь, получили листы 21—26, посланные вамъ 13 мая. Сегодня я посылаю листы 27—33, т. е. конецъ тома, а черезъ нѣсколько дней я надѣюсь выслать вамъ предисловіе и пр. Изъ этого предисловія вы увидите, что оригиналъ III-го тома былъ написанъ еще въ 1864—66 годахъ, т. е. значительно раньше того періода, когда авторъ, благодаря вашей добротѣ, получилъ возможность такъ основательно ознакомиться съ системой землевладѣнія въ вашей странѣ. Въ настоящую минуту я работаю надъ главою о поземельной рентѣ и до сихъ поръ не встрѣтилъ ни малѣйшаго намека на русскія условія. Какъ только вся рукопись автора будетъ переписана удобочитаемымъ почеркомъ, мнѣ придется обрабатывать ее путемъ сличенія съ другими, оставшимися послѣ автора матеріалами, въ числѣ которыхъ—по части ренты—имѣются обширныя извлеченія изъ разныхъ статистическихъ трудовъ, получавшихся имъ отъ васъ; но найдутся ли при этихъ выпискахъ какія-либо критическія замѣтки, которыми можно было бы воспользоваться для этого тома, этого я не могу еще пока сказать. Но, конечно, я использую самымъ совѣстливымъ образомъ все, что тамъ можетъ оказаться. Дѣло переписки займетъ меня, во всякомъ случаѣ, до поздняго августа и, такъ какъ оригиналъ содержитъ до 600 страницъ въ листъ, то его, пожалуй, опять придется раздѣлить на два тома.

Анализъ ренты теоретически такъ полонъ, что вы непремѣнно найдете въ немъ много интереснаго и для спеціальныхъ условій вашей страны;

но все же оригиналъ исключаетъ изложеніе докапиталистическихъ формъ поземельной собственности, и авторъ лишь намекаетъ на нихъ тамъ и сямъ только ради сравненій.

Искренно вашъ
Ф. В. Рошеръ.

4.

Лондонъ, 8 августа 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я обсудилъ ваше предложеніе написать спеціальное предисловіе для русскаго изданія, но рѣшительно не вижу, какъ я могу сдѣлать это сколько-нибудь удовлетворительно.

Если вы считаете, что было бы лучше совсѣмъ не касаться Родбертуса, то я предложилъ бы вамъ выкинуть цѣликомъ всю вторую часть предисловія. Какъ опредѣленіе мѣста автора въ исторіи экономической науки, она слишкомъ неполна и можетъ быть оправдана только тѣми спеціальными обстоятельствами, при которыхъ она была написана,—т. е. нападками со стороны приверженцевъ Родбертуса. Эта клика очень вліятельна въ Германіи, производитъ тамъ пропасть шума и, безъ сомнѣнія, скоро станетъ извѣстна и въ Россіи. Вѣдь это такой дешевый и удобный способъ порѣшить съ вопросомъ, объявивъ, что нашъ авторъ просто копировалъ Родбертуса, что этотъ пріемъ непремѣнно будетъ повторенъ всюду, гдѣ читаютъ и обсуждаютъ трудъ Маркса. Но вы сами—лучшій судья во всемъ этомъ дѣлѣ, а потому я отдаю его вполнѣ въ ваши руки, тѣмъ болѣе, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что можетъ и что не можетъ быть пропущено вашей цензурой.

Здѣсь распространились недавно довольно благопріятные слухи о судьбѣ нашего „общаго друга"; не можете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь о немъ?

Искренно вашъ
Ф. В. Рошеръ.

5.

Джерси, 25 августа 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваши письма отъ 6—18 и 9—21 августа, но отвѣчу на нихъ только послѣ моего возвращенія въ Лондонъ, а пока прилагаю письмо для издателя „С. В." [1]). Я полагаю, что отвѣтъ [2]) уже имѣется

---

[1]) „Сѣвернаго Вѣстника".
[2]) Рѣчь идетъ о возраженіи Маркса критику „Отечественныхъ Записокъ" (Н. К. Михайловскому).

у васъ. Если же нѣтъ, то напишите, пожалуйста, по прежнему адресу въ Лондонъ и, какъ только я вернусь туда—дней черезъ 14,—я тотчасъ же вышлю вамъ другой экземпляръ.

Истинно вашъ

Ф. В. Р.

31, Roseville st., Jersey.

6.

Лондонъ, 13 ноября 1885 г.

Дорогой сэръ!

Я получилъ ваши письма отъ 6—18 и 9—21 августа, когда я жилъ на островѣ Джерси, и, согласно вашему желанію, немедленно послалъ вамъ письмо для издателя „Сѣвернаго Вѣстника". Послѣ того постоянный гнетъ неотложной работы все мѣшалъ мнѣ обстоятельно отвѣтить на эти письма, такъ же, какъ и на письмо отъ 25 авг.—6 сент.

Я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что II-й томъ доставитъ вамъ такое же удовольствіе, какъ и мнѣ. Содержащіяся въ немъ развитія теоріи представляютъ дѣйствительно разсужденія столь высокаго порядка, что обыкновенный, рядовой читатель не дастъ себѣ труда измѣрить всей ихъ глубины или прослѣдить ихъ до конца. Таково дѣйствительно отношеніе къ нимъ въ нынѣшней Германіи, гдѣ историческая наука, со включеніемъ политической экономіи, пала такъ низко, что едва ли она можетъ пасть когда-либо еще ниже. Наши „катедеръ-соціалисты"—съ точки зрѣнія ихъ теоріи—всегда были немногимъ больше, чѣмъ слегка-филантропическими „вульгарными экономистами"; теперь же они спустились до уровня простыхъ апологетовъ Бисмарковскаго государственнаго соціализма; а потому II-й томъ всегда останется для нихъ запечатанною книгой. И развѣ это не прекрасный образчикъ того, что Гегель называетъ „ироніей всемірной исторіи", когда мы видимъ, что германская историческая наука, самимъ фактомъ возвышенія Германіи на ступень первой европейской державы, низводится снова къ тому жалкому состоянію, до котораго она была доведена глубочайшимъ политическимъ униженіемъ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны? И вотъ, германская „наука" таращитъ глаза (stares) на этотъ новый томъ, не будучи въ состояніи понять его; но благоразумный страхъ передъ послѣдствіями мѣшаетъ имъ раскритиковать его публично и, вслѣдствіе этого, офиціальная экономическая наука соблюдаетъ по отношенію къ нему осторожное молчаніе. Однако, III-й томъ принудитъ ихъ высказаться.

Касательно этого III-го тома скажу, что я окончилъ уже превращеніе неразборчиваго оригинала въ удобочитаемую рукопись. Три четверти его почти годны для печати въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Но послѣдняя чет-

верть, а, может быть, и третья, потребуют много редакціоннаго труда: а именно, первый отдѣлъ (отношеніе нормы прибавочной стоимости къ нормѣ прибыли); затѣмъ, слѣдующій отдѣлъ о кредитѣ, а отчасти также и отдѣлъ о земельной рентѣ,—не считая разныхъ малообработанныхъ мѣстъ почти во всѣхъ другихъ отдѣлахъ. Въ послѣдніе два мѣсяца я былъ вынужденъ заняться множествомъ другихъ работъ, сильно запущенныхъ мною вслѣдствіе исключительнаго вниманія къ II-му и III-му томамъ. Это будетъ продолжаться еще нѣкоторое время, а затѣмъ, быть можетъ, пересмотръ англійскаго перевода I-го тома, почти уже оконченнаго, займетъ меня еще на мѣсяцъ; но послѣ этого я снова приступлю къ III-му тому и доведу это дѣло до конца. Возможно, что его придется выпустить въ двухъ частяхъ, такъ какъ онъ займетъ около 1000 страницъ.

Очень благодаренъ вамъ за выписки изъ писемъ нашего автора отъ 1879 по 1881 г. Я не могъ читать ихъ безъ печальной улыбки. Увы! всѣ мы такъ хорошо знакомы съ этими оправданіями по поводу незавершенія его труда! Всякій разъ, когда состояніе его здоровья дѣлало для него невозможнымъ двигать свой трудъ впередъ, эта невозможность тяжко давила его душу, и онъ, конечно, былъ чрезвычайно радъ, когда могъ найти хоть какое-нибудь теоретическое оправданіе или объясненіе тому, почему его трудъ не можетъ быть заканчиваемъ въ данную минуту. Всѣ эти аргументы онъ приводилъ въ свое время и мнѣ,—они, повидимому, облегчали упреки его собственной совѣсти.

Окончивъ III-й томъ и выбравъ изъ остальныхъ рукописей автора все, что пригодно для печати, я, вѣроятно, постараюсь собрать тѣ частныя письма автора, которыя представляютъ научную важность, и, въ этомъ случаѣ, письма его къ вамъ займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ вотъ, когда это время, наконецъ, наступитъ, я непремѣнно воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ—предоставить въ мое распоряженіе копіи съ этихъ писемъ.

У меня часто является желаніе послать вамъ нѣкоторые памфлеты и пр.—а также новыя переизданія прежнихъ сочиненій нашего автора и моихъ собственныхъ,—но я не знаю, насколько было бы безопасно адресовать ихъ прямо вамъ. Вы очень обязали бы меня, сообщивъ мнѣ, какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ.

Надѣюсь, что здоровье нашего „общаго друга“ можетъ еще улучшиться, несмотря на дурныя предсказанія его врачей. Всякое извѣстіе о немъ всегда будетъ встрѣчено здѣсь съ радостью.

Тотъ кризисъ, о которомъ говоритъ авторъ въ своихъ письмахъ, былъ дѣйствительно исключительнымъ. Въ дѣйствительности онъ продолжается еще и теперь: вся Европа и Америка терпятъ отъ него вплоть по

нынѣшній день; и отсутствіе финансоваго краха есть одна изъ причинъ такой продолжительности. Но, конечно, главная ея причина кроется, безъ всякаго сомнѣнія, въ совершенно измѣнившемся состояніи міровового рынка. Съ 1870 года Германія и, въ особенности Америка, стали соперниками Англіи въ сферѣ новѣйшей промышленности, и въ то же самое время большинство остальныхъ европейскихъ странъ настолько развили свои собственныя мануфактуры, что перестали зависѣть отъ Англіи. Послѣдствіемъ всего этого было распространеніе процесса перепроизводства на гораздо болѣе обширное пространство, чѣмъ въ тѣ времена, когда онъ ограничивался, главнымъ образомъ, только Англіею; а потому процессъ этотъ принялъ вмѣсто остраго, хроническій характеръ, какъ мы это и видимъ теперь. Вслѣдствіе такого ослабленія грозы, очищавшей прежде атмосферу каждые десять лѣтъ, это непрерывное угнетенное состояніе промышленности должно подготовить мало-по-малу такой крахъ, который по своимъ размѣрамъ и силѣ превзойдетъ все, что мы когда-либо видѣли по этой части. И это тѣмъ неизбѣжнѣе, что и тотъ земледѣльческій кризисъ, о которомъ говоритъ авторъ, также продолжается до настоящей минуты и даже распространился почти на всѣ европейскія страны; и онъ долженъ продолжаться и далѣе, пока остается неистощеннымъ дѣвственный черноземъ западныхъ американскихъ прерій.

Истинно вашъ

Ф. В. Р.

7.

Лондонъ, *8 февраля 1886 г.*

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 18—30 ноября, 19—31 декабря, 26—7 января и 8—20 января, а также 4 экземпляра вашего перевода,[1]) изъ которыхъ одинъ отданъ въ Британскій Музей, другой— полковнику,[2]) а третій—хорошо вамъ извѣстной дамѣ,[3]) также переведшей нѣсколько трудовъ нашего автора на вашъ языкъ. Если бы вы имѣли любезность послать еще одинъ экземпляръ нашему нѣмецкому издателю, Отто Мейснеру въ Гамбургѣ, то вы этимъ очень обязали бы меня.

Я прочелъ ваше превосходное предисловіе съ большимъ удовольствіемъ и очень внимательно. Въ подтвержденіе послѣдняго увѣренія, могу указать вамъ, что на стр. X, 17-я строка, наборщикъ, повидимому, пропустилъ одно слово. Не правда ли, что эту строку слѣдуетъ читать такъ: „что и перемѣнная часть *капитальной* стоимости"? Положимъ, что этотъ

---

[1]) Второго тома „Капитала"
[2]) П. Л. Лаврову.
[3]) Вѣроятно, В. И. Засуличъ.

пропускъ не имѣетъ большой важности для того, кто хорошо знакомъ съ терминологіей автора, но менѣе привычнаго къ ней читателя онъ можетъ, пожалуй, привести въ замѣшательство.

Очень благодаренъ вамъ за ваши замѣтки по поводу экономическаго состоянія вашей страны. Всѣ такія вещи всегда очень интересуютъ меня. Послѣдніе 30 лѣтъ показали на примѣрахъ изо всѣхъ частей свѣта,—въ какое ничтожное время громадная производительная сила новѣйшей промышленности можетъ быть пересажена даже въ такія страны, которыя были до того чисто земледѣльческими, и какъ быстро она пускаетъ тамъ прочные корни; причемъ сопровождающія этотъ процессъ явленія повторяются рѣшительно повсюду. То, что вы говорите о расплатѣ досрочными купонами, имѣло мѣсто по всей Германіи лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ и можетъ при случаѣ повториться снова; но въ особенности, передъ введеніемъ новой монетной системы, эти жалобы на досрочные купоны, пущенные прежде всего въ ходъ для расплатъ съ рабочими, были, можно сказать, всеобщими. Быстрое развитіе германскихъ мануфактуръ переросло теперь эту стадію; и если этотъ фактъ и повторится еще отъ времени до времени, то это будетъ исключеніемъ, но пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ правиломъ, въ особенности въ Саксоніи и Тюрингіи. Но мнѣніе вашихъ экономистовъ, видящихъ въ этомъ доказательство недостатка въ средствахъ обращенія, и это при наличности бумажнаго обращенія и при паденіи стоимости бумажекъ, по крайней мѣрѣ, на 36%, можетъ быть поставлено на одну доску только со взглядами американскихъ гринбекеровъ, [1]) которые тоже вѣдь требовали усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, опираясь на то, что бумажки стояли уже наравнѣ съ золотомъ, а слѣдовательно, очевидно, выпускались въ недостаточномъ количествѣ!

Я радъ слышать, что нашему „общему другу“ совѣтуютъ перемѣну климата; полагаю, что его направятъ туда же, куда онъ и раньше посылался врачами, и гдѣ мѣстныя условія оказывались, повидимому, очень благопріятными для его здоровья. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ въ моихъ глазахъ, что всякая опасность внезапнаго кризиса въ его болѣзни уже миновала. [2])

Наконецъ-то, я имѣю въ своихъ рукахъ всю рукопись англійскаго перевода I-го тома („Капитала“) и могу съ будущей недѣли приступить къ ея пересмотру. Какъ только я составлю себѣ понятіе о томъ, когда этотъ пересмотръ можетъ быть оконченъ, я сейчасъ же заключу сдѣлку

[1]) Прозванныхъ такъ по причинѣ „зеленыхъ спинокъ“ (green backs) американскихъ кредитокъ.

[2]) Писано по поводу какихъ-то неосновательныхъ слуховъ того времени объ измѣненіи въ благопріятную сторону дѣла Г. А. Лопатина и о завершеніи его простою административной ссылкой.

съ издателемъ. Переводчиковъ двое. Одинъ—мѣстный адвокатъ изъ нашихъ друзей (онъ и вы—единственные двое людей, знающіе эту книгу вполнѣ); но его профессіональныя занятія не дозволили ему выполнить цѣликомъ эту задачу съ желательной для насъ скоростью; а потому докторъ Эвелингъ, мужъ самой младшей дочери автора, предложилъ свои услуги по этой части; но какъ экономическія теоріи, такъ и языкъ автора не совсѣмъ привычны для него, и я знаю заранѣе, что выполненная имъ часть доставитъ мнѣ болѣе труда. Во всякомъ случаѣ, какъ только англійскій переводъ будетъ достаточно обработанъ для печати, я сейчасъ же примусь снова за III-й томъ и доведу это дѣло до конца, не дозволяя никакой другой работѣ помѣшать мнѣ въ этомъ.

Здѣшній промышленный кризисъ идетъ къ худшему, а не къ лучшему, и люди начинаютъ видѣть все яснѣе и яснѣе, что промышленная монополія Англіи приходитъ къ концу. И дѣйствительно,—съ выступленіемъ Америки, Франціи и Германіи ея соперниками на міровомъ рынкѣ, съ введеніемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, посредствомъ которыхъ другія страны съ развивающейся промышленностью стремятся изгнать изъ своихъ рынковъ иностранные товары,—опредѣленіе момента потери ею своей прежней монополіи становится дѣломъ простого разсчета. Но если одна великая промышленная страна-монополистъ вызывала кризисъ каждые десять лѣтъ, то что должно произтечь изъ совокупной дѣятельности четырехъ такихъ странъ? Говоря приблизительно, мы должны теперь имѣть кризисъ черезъ каждые 10 : 4 лѣтъ, т. е. съ практической точки зрѣнія,—одинъ безконечный кризисъ. Для насъ-то съ вами это, пожалуй, все равно...

Истинно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

8.

Лондонъ, 9 ноября 1886 г.

Дорогой сэръ!

Все это время я былъ занятъ отдѣлкою англійскаго перевода I-го тома („Капитала“), который—я надѣюсь—будетъ готовъ черезъ нѣсколько недѣль, такъ какъ я прочелъ уже *первую* корректуру всего тома и мнѣ остается теперь только прочесть 2-ю и 3-ю корректуры послѣднихъ 10 листовъ. Это былъ очень тяжелый трудъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ отвѣтственность за текстъ ляжетъ на меня. Понятно, что все это время я не имѣлъ возможности заняться ничѣмъ другимъ; вслѣдствіе чего у меня накопилась куча другихъ мелкихъ работъ, которыя мнѣ нужно сбыть съ рукъ, прежде чѣмъ вернуться къ III-му тому. Помнится, я уже сообщилъ вамъ, что я продиктовалъ его съ оригинальной рукописи, чтобы

придать ему удобочитаемый видъ. Большая часть его не потребуетъ для отдѣлки значительнаго труда; но глава о превращеніи нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли и глава о банковомъ капиталѣ, а также— до нѣкоторой степени—и глава о поземельной рентѣ потребуютъ еще много работы. Я надѣюсь справиться съ этимъ дѣломъ въ будущемъ году, но не сдамъ въ печать ни одной строчки, пока не окончу обработки всего тома.

Что касается до сбыта II-го тома, то по мартъ 1886 онъ достигъ 1300 экземпляровъ.

Какъ только англійскій переводъ выйдетъ въ свѣтъ, я сейчасъ же пришлю вамъ экземпляръ этого изданія.

Обзоры II-го тома, появившіеся въ нѣмецкой прессѣ, были необычайно глупы. Одинъ изъ нихъ, писанный докторомъ Гроссомъ (Вѣна), былъ очень приличенъ по тону, но авторъ его просто идіотъ. Другой, писанный бреславльскимъ профессоромъ Лексисомъ, очень недуренъ въ своемъ родѣ; авторъ отлично понимаетъ книгу и знаетъ, что ему нечего сказать противъ нея, но онъ—т. н. „Streber“, а потому прикидывается „вульгарнымъ экономистомъ“. Обзоръ этомъ помѣщенъ въ Hildebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, XI Band, 1885, 5-tes Heft (5 Dec. 85).

Я понятно буду очень радъ, когда выпущу, наконецъ, III-й томъ, потому что, какъ вы говорите, только тогда вся система автора будетъ понята вполнѣ и многія глупыя возраженія, дѣлаемыя противъ нея теперь, падутъ тогда сами собою.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

9.

Лондонъ, 19 февраля 1887 г.

Дорогой сэръ!

Я былъ радъ полученію вашего письма отъ 22—3 февраля, такъ какъ изъ него я увидѣлъ, что издатель—вмѣсто того, чтобы послать вамъ экземпляръ англійскаго „Капитала“—отправилъ вамъ только объявленіе о немъ. Такихъ неправильностей съ его стороны было уже не мало, и онѣ причинили уже намъ много досады, а главное, неувѣренности относительно того, что сдѣлано и что—нѣтъ. Впрочемъ, я сейчасъ же послалъ вамъ (12 февр.) по почтѣ, *заказнымъ* порядкомъ, экземпляръ англійскаго перевода и надѣюсь, что онъ дошелъ до васъ благополучно. Я радъ сообщить вамъ, что продажа книги идетъ чрезвычайно хорошо. Высокая цѣна *перваго* изданія представляетъ неизбѣжное зло; но такъ какъ книга

стереотипирована, то черезъ нѣкоторое время будетъ выпущено второе, дешевое изданіе по цѣнѣ, равной приблизительно одной трети первоначальной. Въ настоящую минуту высокая цѣна книги не представляетъ *здѣсь* большой помѣхи ея сбыту, хотя въ Америкѣ она, можетъ быть, и препятствуетъ до извѣстной степени ея распространенію.

Я думаю, что вы дѣлаете хорошее дѣло, указывая публикѣ вашей страны на приложимость теоріи нашего автора къ *ихъ* обстоятельствамъ. Но, можетъ быть, вамъ было бы лучше—какъ вы говорите и сами—подождать до окончательнаго завершенія всего труда. Глава о рентѣ—хотя и написанная ранѣе, чѣмъ авторъ получилъ возможность изучить русскія экономическія условія, хотя и не содержащая никакого упоминовенія о нихъ—все же совершенно необходима для васъ. Я возьмусь за III-й томъ, какъ только справлюсь съ другими накопившимися работами наиболѣе неотложнаго свойства. За исключеніемъ трехъ отдѣловъ, большая часть этого тома почти готова для печати.

Очень благодаренъ вамъ за „Сказки" Щедрина и непремѣнно прочту ихъ при первой возможности. Въ настоящую минуту мнѣ мѣшаетъ читать легкій конъюнктивитъ лѣваго глаза, а русскій шрифтъ всегда требуетъ отъ меня усиленнаго напряженія зрѣнія.

До настоящей минуты не появилось еще никакихъ рецензій на англійское изданіе. Профессіональные рецензенты, очевидно, не знаютъ, что имъ дѣлать съ этой книгой и боятся обжечь себѣ пальцы.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

10.

Лондонъ, *24 апрѣля 1887 г.*

Дорогой сэръ!

Пишу лишь нѣсколько строкъ, чтобы поскорѣе сообщить вамъ о благополучномъ прибытіи двухъ заказныхъ пакетовъ съ письмами (Маркса), а также вашего письма отъ 7 апрѣля, извѣщающаго о ихъ отправленіи. Въ сущности, вамъ не было нужды такъ торопиться съ ихъ доставкою; но все же я очень благодаренъ вамъ за то, что ввѣрили мнѣ эти драгоцѣнные документы, которые я прочту съ величайшимъ интересомъ и употреблю въ дѣло тамъ, гдѣ они окажутся полезными, сохранивъ подлинники для возвращенія ихъ вамъ по первому вашему требованію.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

11.

Лондонъ, 5 января 1888 г.

Дорогой сэръ!

Я перемѣнилъ квартиру и мой адресъ теперь таковъ: M-rs Rosher. Cottesloe, Burton Road, Kilburn, London. N. W. Номера нѣтъ никакого, потому что Cottesloe—это названіе дома.

Я сейчасъ же заказалъ моему книжному поставщику сочиненіе доктора Кейслера. Если даже первые его томы покоятся на неполныхъ матеріалахъ, то я достаточно знакомъ съ трудами вашихъ земствъ, чтобы быть увѣреннымъ, что résumé этихъ трудовъ должно заключать чрезвычайно цѣнный матеріалъ и, будучи написано по-нѣмецки, должно оказаться настоящимъ откровеніемъ для западныхъ европейцевъ. Я приму всѣ мѣры къ тому, чтобы эти матеріалы были использованы.

Боюсь, что вашъ дворянскій земельный банкъ приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ привели прусскіе земельные банки. Здѣсь дворянство заключало займы подъ предлогомъ улучшенія своихъ помѣстій; но на самомъ дѣлѣ тратило большую часть полученныхъ денегъ на поддержаніе привычнаго образа жизни, на картежную игру, на поѣздки въ Берлинъ и главные города своихъ провинцій и т. п. Потому что дворянство считало своимъ первымъ долгомъ—жить сообразно достоинству своего сословія („standgemäss“), а первымъ долгомъ государства — помогать имъ выполнять эту задачу. Такимъ образомъ, несмотря ни на какіе банки, ни на какія громадныя, прямыя и непрямыя, денежныя подачки имъ со стороны государства, прусскіе дворяне находятся по уши въ долгахъ у евреевъ и никакое повышеніе вывозныхъ пошлинъ на земледѣльческіе продукты не спасетъ ихъ. Я вспоминаю, какъ одинъ хорошо извѣстный русскій изъ полу-нѣмцевъ, связанный незаконными узами съ русскимъ дворянствомъ [1]), находилъ, что эти прусскіе дворяне живутъ все еще слишкомъ прижимисто. Прибывъ „отъ того берега къ другому“ и ознакомившись съ ихъ жизнью у себя дома, онъ восклицалъ: „Эти люди стараются копить деньги, тогда какъ у насъ человѣка считаютъ жалкимъ скрягой, если онъ не тратитъ, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше своего годового дохода“. Если принципы русскаго дворянства дѣйствительно таковы, то я могу только поздравить ихъ съ ихъ земельнымъ банкомъ.

Вашъ крестьянскій банкъ также кажется мнѣ похожимъ на прусскіе крестьянскіе банки, и мнѣ представляется почти непонятнымъ, какъ это

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о Герценѣ.

нѣкоторые люди рѣшительно не видятъ, что всѣ новые источники кредита, предоставляемые къ услугамъ землевладѣльцевъ (крупныхъ или мелкихъ), должны неизбѣжно повести только къ ихъ порабощенію побѣдоноснымъ капиталистамъ.

Мои глаза все еще требуютъ пощады и осторожности; но какъ бы то ни было, я все же надѣюсь черезъ короткое время—скажемъ, съ будущаго мѣсяца—снова приступить къ работѣ надъ III-мъ томомъ; только, къ несчастью, я все еще не могу пока дать никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно времени его окончанія.

Англійскій переводъ продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги этого сорта и этого размѣра, такъ что издатель его просто въ восхищеніи отъ своей спекуляціи. За то критики его стоятъ ниже—даже много, много ниже—обычнаго, средняго, и безъ того низкаго, уровня. Единственная хорошая статья появилась въ The Athenaeum; остальныя же по большей части даютъ только извлеченія изъ предисловія; тѣ же, которыя пытаются затронуть и самую книгу, оказываются невыразимо жалкими. Самой модной теоріей считается здѣсь въ настоящую минуту теорія Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость опредѣляется *полезностью*, т. е. мѣновая стоимостъ = потребительной, а также, съ другой стороны, предѣломъ предложенія (т. е. издержками производства), что есть просто непрямой и запутанный способъ сказать, что стоимость опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Вульгарная экономія вездѣ и повсюду! Второй изъ нашихъ крупныхъ литературно-критическихъ органовъ—The Academy—еще не высказался.

Продажа нѣмецкаго изданія I-го и II-го томовъ идетъ очень хорошо. Появилось множество статей относительно книги и ея теорій. Изъ нихъ сочиненіе Каутскаго—„Экономическія ученія Карла Маркса"—представляетъ подробный экстрактъ, или, вѣрнѣе, самостоятельное изложеніе этихъ теорій, очень недурное, хотя и не всегда вполнѣ вѣрное; я пришлю вамъ его. Затѣмъ, нѣкій жалкій ренегатъ изъ евреевъ, Георгъ Адлеръ, приватъ-доцентъ Бреславльскаго университета, написалъ большущую книгу (заглавіе ея я позабылъ), чтобы доказать заблужденія Маркса; но это просто грубый и смѣшной памфлетъ, изданный съ цѣлью обратить на себя вниманіе министерства и буржуазіи и доказать собственную важность. Я просилъ всѣхъ моихъ друзей не упоминать о немъ въ печати ни однимъ словомъ. И въ самомъ дѣлѣ, теперь всякій мелкій, безсильный субъектъ, чтобы создать себѣ рекламу, спѣшитъ напасть на нашего автора.

Парижскіе друзья усумнились въ точности вашихъ печальныхъ со-

общеній касательно нашего „общаго друга“ [1]). Не можете ли вы доставить тѣмъ или инымъ путемъ какія-нибудь подробности относительно постигшаго его несчастія?

Прилагаю одну маленькую вещицу, изданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

12.

Лондонъ, 15 октября 1888 г.

Дорогой сэръ!

Мнѣ помѣшала отвѣтить на ваши любезныя письма отъ 8—20 января и 3—15 іюня прежде всего слабость моихъ глазъ, которая лишила меня возможности просиживать за письменнымъ столомъ болѣе двухъ часовъ въ сутки и повела, такимъ образомъ, почти къ полной запутанности моей дѣловой корреспонденціи; а затѣмъ—моя поѣздка въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ въ Америку, откуда я только-что вернулся. Моимъ глазамъ теперь лучше; но такъ какъ я обязанъ приняться теперь за III-й томъ и окончить его, то я все еще долженъ быть остороженъ съ глазами, чтобы не повредить имъ чрезмѣрнымъ трудомъ. А поэтому моимъ друзьямъ приходится извинить мнѣ, если мои письма окажутся не слишкомъ частыми и не слишкомъ длинными.

Ваши разсужденія въ первомъ письмѣ—насчетъ отношенія между нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли въ высшей степени интересны и, безъ сомнѣнія, очень цѣнны для группировки статистическаго матеріала; но это не тотъ путь, которымъ нашъ авторъ подходитъ къ рѣшенію этой задачи. Въ вашей формулѣ вы исходите изъ предположенія, будто бы всякій предприниматель удерживаетъ въ свою пользу всю ту прибавочную стоимость, которую онъ присвояетъ въ процессѣ производства. Но, при такомъ предположеніи, торговый и банковый капиталы не могли бы существовать, ибо они не приносили бы никакой прибыли. Слѣдовательно, прибыль предпринимателя не можетъ представлять *всей* суммы прибавочной стоимости, извлекаемой имъ изъ своихъ рабочихъ.

Съ другой стороны, ваша формула, *быть можетъ*, и пригодна для приблизительнаго исчисленія состава различныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, при условіи общей и одинаковой нормы прибыли. Я говорю *быть можетъ* потому, что не имѣю въ эту минуту подъ рукою матеріаловъ, которые дозволили бы мнѣ провѣрить установленную вами теоретическую формулу.

[1]) Г. А. Лопатинъ.

Вы удивляетесь, почему политическая экономія въ Англіи находится теперь въ такомъ жалкомъ состояніи. Но то же самое мы видимъ теперь повсюду. Даже классическая экономія,—нѣтъ, даже самые вульгарные приверженцы и глашатаи (Hausirburschen) свободной торговли—встрѣчаютъ теперь лишь высокомѣрное презрѣніе со стороны еще болѣе вульгарныхъ „высшихъ" существъ, занимающихъ нынѣ университетскія кафедры политической экономіи. И въ этомъ виноватъ въ значительной степени нашъ авторъ, который открылъ глаза заинтересованнымъ людямъ на опасные выводы классической экономіи; и вотъ, они находятъ теперь, что, по крайней мѣрѣ, въ этой области, всего безопаснѣе не терпѣть совсѣмъ *никакой* науки. И имъ удалось такъ хорошо ослѣпить обыкновенныхъ филистеровъ, что въ настоящую минуту имѣется въ Лондонѣ четверо человѣкъ, называющихъ себя „соціалистами" и въ то же время увѣряющихъ, будто бы они совершенно опровергли теорію нашего автора, противопоставивъ ей ученіе Стенли Джевонса!

Парижскіе друзья настаиваютъ на томъ, что нашъ „общій другъ" [1]) вовсе не умеръ; но я не имѣю никакой возможности провѣрить ихъ сообщенія.

Я прочелъ съ большимъ интересомъ ваши физіологическія разсужденія объ истощеніи, вслѣдствіе чрезмѣрно продолжительнаго рабочаго времени, и о количествѣ потенціальной энергіи, въ формѣ пищи, требующемся для возмѣщенія такого истощенія. Къ словамъ Ранке, котораго вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужнымъ сдѣлать одну маленькую оговорку: если 1.000.000 килограммометровъ, въ формѣ пищи, замѣщаетъ только сумму развитой теплоты и исполненной механической работы, то такое количество пищи еще не можетъ считаться достаточнымъ, такъ какъ оно не возмѣщаетъ траты мускуловъ и нервовъ; вѣдь для этого требуется не одна только тепло-производящая пища, но и *бѣлки*, которые не могутъ быть измѣряемы только въ килограммометрахъ, такъ какъ животный организмъ не обладаетъ способностью строить ихъ прямо изъ элементовъ.

Я не знаю двухъ упоминаемыхъ вами книгъ—Эдуарда Юнга и Филиппа Бевана,—но въ ихъ утвержденіи, будто бы прядильщики и ткачи въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ получаютъ отъ 90 до 120 долларовъ въ годъ, должна скрываться какая-то ошибка. Вѣдь это составитъ около 2 долларовъ въ недѣлю, номинально равняющихся 8 шиллингамъ, но, по своей покупательной силѣ въ Америкѣ, представляющихъ менѣе 5 шиллинговъ въ Англіи, а между тѣмъ—на основаніи всего, что я слышалъ—заработки прядильщиковъ и ткачей въ Америкѣ номинально выше, а въ

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

дѣйствительности совершенно одинаковы съ заработками ихъ въ Англіи, вслѣдствіе чего они должны равняться приблизительно 5 — 6 долларамъ въ недѣлю, соотвѣтствующимъ 12 — 16 шиллингамъ въ Англіи. Что же касается до данныхъ Каутскаго, то онъ просто сдѣлалъ ошибку, принявъ доллары за фунты стерлинговъ, вслѣдствіе чего — при переводѣ ихъ на нѣмецкія марки — онъ множилъ не на 5, а на 20 и получилъ такимъ образомъ цифры вчетверо большія настоящихъ. Цифры, почерпнутыя изъ данныхъ десятаго ценза [1]), таковы:

Рабочіе и служащіе	174.659
Вычитая конторщиковъ, управителей и пр.	2.115
Одни рабочіе	172.544
Изъ нихъ: мужчинъ (старше 16 лѣтъ)	59.685
Мальчиковъ (моложе 16 лѣтъ)	15.107
Женщинъ (старше 15 лѣтъ)	84.539
Дѣвушекъ (моложе 15 лѣтъ)	13.213
	172.544

Всего 172.544 рабочихъ, получающихъ въ общемъ 42.040,510 долларовъ заработной платы, т. е. по 243,06 доллара въ годъ на человѣка, что хорошо сходится съ моею вышеприведенною оцѣнкою, такъ какъ болѣе высокая заработная плата мужчинъ уравновѣсится въ среднемъ выводѣ болѣе низкими заработками дѣвушекъ и мальчиковъ.

Чтобы показать вамъ, до какихъ глубинъ паденія дошла экономическая наука, укажу на Луйо Брентано, издавшаго лекцію о классической политической экономіи (Лейпцигъ, 1888), въ которой онъ провозглашаетъ такія вещи: общая или теоретическая экономія ничего не стоитъ; вся сила лежитъ въ спеціальной или практической экономіи. Какъ въ естествознаніи (!), мы должны ограничиваться лишь *описаніемъ* фактовъ, такія описанія безконечно выше и цѣннѣе, чѣмъ всѣ выводы a priori. „Какъ въ естествознаніи!“ Это *неподражаемо*! И это въ вѣкъ Дарвина, Майера, Джоуля, Клаузіуса и пр., въ вѣкъ эволюціи и превращенія энергіи!

Благодарю васъ за номеръ „Русскихъ Вѣдомостей“ съ интересной статьею о вмѣшательствѣ правительства въ статистическія работы земствъ. Было бы очень прискорбно, если бы эти цѣнные труды были прерваны вслѣдствіе подобныхъ вмѣшательствъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

[1]) Compendium of the 10-th Census of the U. S., 1880. Washington, 1883, p. 1124, Specific Cotton Manufacture.

13.

Лондонъ, 4 іюля 1889 г.

Мой дорогой сэръ!

Я передалъ Лафаргу и Каутскому все, что вы имѣли любезность сообщить насчетъ ихъ статей, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Вслѣдствіе этого Лафаргъ прислалъ мнѣ новую статью — объ эволюціи собственности — съ просьбою переслать ее вамъ, въ надеждѣ, что вы не откажетесь передать ее редактору „Сѣвернаго Вѣстника" на прежнихъ условіяхъ относительно гонорара и пр. Итакъ, посылаю ее вамъ сегодня заказной бандеролью.

Сообщаемыя вами извѣстія о состояніи здоровья нашего „общаго друга" [1]) очень утѣшительны и вполнѣ согласны съ тѣмъ, что мы слышали изъ другихъ источниковъ. Человѣкъ съ такой несокрушимой натурой навѣрное преодолѣетъ всѣ испытанія, а потому мы можемъ не терять надежды въ одинъ прекрасный день снова увидѣть его здѣсь въ полной силѣ его прежняго, юношескаго здоровья.

Въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ III-й томъ лежалъ безъ всякаго движенія, вслѣдствіе множества разнообразныхъ и неизбѣжныхъ помѣхъ; а такъ какъ лѣтній сезонъ всегда представляетъ время усиленной праздности, то я боюсь, что мнѣ едва ли удастся много поработать надъ нимъ ранѣе сентября или октября. Та часть его, въ которой рѣчь идетъ о банкахъ и кредитѣ, представляетъ значительныя трудности. Руководящіе принципы выражены и тутъ довольно ясно; но весь контекстъ ея таковъ, что предполагаетъ у читателя хорошее знакомство съ главными трудами изъ относящейся сюда литературы—какъ напримѣръ, съ сочиненіями Тука, Фуллертона и пр., — а такъ какъ этого обыкновенно не бываетъ, то здѣсь потребуется много пояснительныхъ примѣчаній и т. п.

Кстати: у меня есть лишній экземпляръ Фуллертона: „регулированіе денежнаго обращенія",—важнѣйшаго труда по этому вопросу; если у васъ нѣтъ этой книги, то я буду очень счастливъ, если вы позволите мнѣ прислать вамъ ее.

Послѣдній отдѣлъ — о земельной рентѣ,— насколько я помню, требуетъ только формальнаго пересмотра: такъ что, какъ только отдѣлъ о банкахъ и кредитѣ будетъ оконченъ (а онъ занимаетъ около трети всего тома), то работа надъ послѣдней его третью (рента и разные классы дохода) не займетъ уже много времени. Но такъ какъ этотъ завершительный томъ представляетъ такое великолѣпное и совершенно неопровержи-

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

мое произведеніе, то я считаю себя обязаннымъ представить его публикѣ въ такой формѣ, въ которой вся цѣпь аргументовъ выступала бы ясно и выпукло передъ читателемъ. А при наличномъ состояніи оригинальной рукописи—представляющей просто первый набросокъ, писанный съ частыми перерывами и оставшійся незаконченнымъ—такая задача не очень-то легка.

Я хлопочу теперь надъ заключеніемъ сдѣлки съ двумя компетентными лицами, могущими, послѣ надлежащей подготовки, расшифровать и переписать для меня содержаніе IV-го тома съ авторской рукописи, которую мои глаза едва ли позволятъ мнѣ разобрать и продиктовать самому. Если это удастся мнѣ; если я научу ихъ расшифровкѣ этихъ рукописей, представляющихъ въ настоящее время запечатанную книгу для всѣхъ, кромѣ меня, привыкшаго къ почерку и сокращеніямъ автора,—тогда и остальныя рукописи его станутъ доступными для пользованія, совершенно независимо отъ моей жизни или смерти. Я надѣюсь, что эта сдѣлка тоже можетъ состояться нынѣшней осенью.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

Англійскій переводчикъ большей части I-го тома, мистеръ Муръ, только-что уѣхалъ въ Африку, гдѣ онъ получилъ мѣсто главнаго судьи въ территоріи, принадлежащей Нигерской Компаніи. Такимъ образомъ, III-й томъ — если не весь, то частью—будетъ переводиться на берегахъ Нигера!

14.

Лондонъ, 15 іюля 1889 г.

Мой дорогой сэръ!

Извините, что, по странному до смѣшного недосмотру, я не сообщилъ вамъ адреса Лафарга. Вотъ онъ:

M-r Lafargue 10, Avenue des Champs Elysées
Le Perreux
Seine,
France

Книга (Фуллертона) такъ же, какъ и другое важное сочиненіе по этому вопросу, книга Тука, случайно имѣющаяся у меня тоже въ двухъ экземплярахъ, будутъ отправлены вамъ завтра.

Искренно вашъ

Ф. В. Р.

15.

11, Burton Road, Kilburn, N. W.

Лондонъ, 5 декабря 1889 г.

Дорогой сэръ!

Тотчасъ по полученіи вашего письма отъ 14—26 ноября я сообщилъ Лафаргу его содержаніе. Онъ отвѣчаетъ, что онъ самъ уже написалъ вамъ, что онъ не получилъ никакого письма отъ издательницы „Сѣвернаго Вѣстника“, что онъ предлагаетъ ей 5 статей съ правомъ помѣстить ихъ всѣ или которую-либо изъ нихъ по ея желанію. Что касается до выпуска нѣкоторыхъ мѣстъ изъ той статьи, которая находится сейчасъ въ ея рукахъ, то въ письмѣ *ко мнѣ* онъ не говоритъ ничего по этому поводу. Если и въ письмѣ къ вамъ не содержится никакого отвѣта по этому пункту, то мнѣ кажется яснымъ, что онъ предоставляетъ это усмотрѣнію самой издательницы. Его адресъ прежній.

Посылаю вамъ *заказнымъ* порядкомъ книгу Тука „Объ Основахъ Денежнаго Обращенія“ (Лондонъ, 1884). Я купилъ ее изъ вторыхъ рукъ, т. е. уже подержанной, а потому вы найдете въ ней замѣтки карандашемъ прежняго владѣльца, представляющія по большей части довольно туманный вздоръ; кромѣ того, въ ней вложена пара вырѣзокъ изъ старыхъ газетъ, причемъ одна—относящаяся къ кризису 1847 года—не лишена нѣкотораго интереса.

За это время я успѣлъ изготовить 4-е нѣмецкое изданіе I-го тома, находящееся въ эту минуту въ печати. Я внесъ въ него два или три новыхъ прибавленія изъ французскаго изданія и снова пересмотрѣлъ цитаты при помощи англійскаго изданія. Я прибавилъ также нѣсколько собственныхъ примѣчаній, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ замѣтка о биметаллизмѣ. Какъ только книга выйдетъ изъ печати, я немедленно вышлю вамъ экземпляръ этого изданія.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

16.

Лондонъ, 10 іюня 1891 г.

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также и статью Лафарга, возвращенную ему обратно изъ редакціи. Я сообщилъ ему, что вы писали ему дважды—въ мартѣ и апрѣлѣ,—но не имѣете пока положительныхъ свѣдѣній о полученіи

имъ этихъ двухъ писемъ. Его жена, находящаяся въ эту минуту здѣсь, не могла сказать мнѣ по памяти ничего положительнаго на этотъ счетъ. Она очень сожалѣетъ о переходѣ „Сѣвернаго Вѣстника" въ другія руки и проситъ меня передать вамъ отъ нея и ея мужа искреннюю благодарность за ваши любезныя хлопоты въ ихъ интересахъ.

Что касается до 4-го изданія I тома „Капитала", то я уже сдалъ въ печать корректурные листы 39—42. Во всемъ томѣ будетъ менѣе 50 листовъ, такъ какъ шрифтъ на этотъ разъ хотя и крупнѣе, но строчки тѣснѣе. Какъ только весь томъ окончится печатаніемъ, я сейчасъ же вышлю его вамъ.

Я снялъ копіи посредствомъ пишущей машины со всѣхъ писемъ къ вамъ нашего автора, такъ любезно предоставленныхъ вами въ мое пользованіе. Дѣло это было выполнено его младшей дочерью. Поэтому я могу вернуть ихъ вамъ теперь же заказнымъ письмомъ, если вы ничего не имѣете противъ этого способа отправки.

Очень благодарю васъ за ваши постоянныя, интересныя сообщенія объ экономическомъ положеніи вашей великой страны. Подъ гладкой поверхностью политическаго спокойствія въ ней совершается такая же великая и такая же важная экономическая перемѣна, какъ и во всякой другой европейской странѣ, и наблюдать за ходомъ этой перемѣны представляетъ высокій интересъ. Рано или поздно, послѣдствія этой экономической перемѣны непремѣнно разовьются и въ другихъ направленіяхъ.

Мы слышали здѣсь съ большимъ огорченіемъ и сочувствіемъ о смерти Н. Г. Ч. (Чернышевскаго). Но, можетъ быть, для него это было лучше.

Большое спасибо за ваши поздравленія съ 24 февраля, событіе этого дня порадовало здѣсь не одного человѣка. [1])

Я былъ такъ чрезмѣрно занятъ, и мое зрѣніе, хотя и улучшающееся, такъ сильно утомляется чтеніемъ русской печати, что я все еще не могъ прочесть указанной вами статьи въ „Ежегодникѣ", но я непремѣнно сдѣлаю это въ первую свободную минуту. Неправильное употребленіе экономическихъ терминовъ, на которое вы указываете, представляетъ обыкновеннѣйшій недостатокъ во всѣхъ литературахъ. Здѣсь въ Англіи слово *рента* прилагается одинаково какъ къ той наемной платѣ за землю, которую отсчитываетъ своему лэндлорду англійскій фермеръ-капиталистъ, такъ и къ той платѣ, которую вноситъ за землю ирландскій фермеръ-нищій, тогда какъ эта послѣдняя представляетъ настоящую дань, слагающуюся, главнымъ образомъ, изъ вычетовъ изъ его продовольственнаго фонда,

[1]) Выборъ въ германскій парламентъ нѣсколькихъ десятковъ представителей рабочей партіи.

зарабатываемую его собственнымъ трудомъ и состоящую лишь въ самой ничтожной степени изъ настоящей ренты. Точно также и въ Индіи англичане превратили поземельный налогъ, платившійся райотами (крестьянами) государству, въ „ренту“ и вслѣдствіе этого—по крайней мѣрѣ, въ Бенгалѣ—превратили земиндара (сборщика налоговъ въ пользу индійскаго государя) въ лэндлорда, владѣющаго землей въ силу номинальнаго леннаго пожалованія отъ короны; точь-въ-точь какъ въ Англіи, гдѣ корона тоже вѣдь считается номинальнымъ собственникомъ всей земли, а крупные дворяне, ея дѣйствительные собственники, въ силу юридической фикціи, считаются лишь ленными ея владѣльцами по пожалованію отъ короны. Подобнымъ же образомъ, когда—въ началѣ 17-го вѣка—Ирландія была подчинена непосредственному господству англичанъ, и когда англійскій юристъ сэръ Джонъ Дэвисъ—найдя здѣсь деревенскую общину съ общимъ владѣніемъ землею, передѣлявшейся періодически между членами клана, платившими извѣстную подать главѣ своего клана—сразу же объявилъ эту подать „рентою“, то и шотландскіе лерды (lairds)—т. е. главы клановъ—послѣ возстанія 1745 года поспѣшили воспользоваться этимъ юридическимъ смѣшеніемъ подати, платимой имъ ихъ сородичами по клану, съ рентою, якобы уплачиваемой ими за воздѣлываемую землю, для того, чтобы превратить всю территорію клана, его общую собственность, въ свою личную собственность, въ частную собственность лердовъ, потому что, говорили ихъ юристы, если бы они не были лэндлордами, то какъ бы они могли получать ренту за эти земли? Такимъ образомъ, это смѣшеніе подати съ рентою послужило основою для конфискаціи всѣхъ общинныхъ земель въ шотландскихъ горныхъ округахъ въ пользу немногочисленныхъ главъ клановъ, которые очень скоро согнали своихъ сородичей по клану съ ихъ земель и замѣстили ихъ овцами, какъ это описано въ „Капиталѣ“,—глава 24, 3 (стр. 754 III изданія).

Съ глубокимъ почтеніемъ

искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

17.

Лондонъ, 2 сентября 1891 г.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня я возвращаю вамъ еще 6 писемъ, т. е. все, что было писано вамъ Марксомъ до 1878 и въ 1878 г. Остальныя письма будутъ высланы вскорѣ.

Ваше предсказаніе насчетъ голода оправдалось даже слишкомъ скоро. Здѣсь, въ Англіи, намъ тоже предстоятъ тяжелыя испытанія. Жатва въ

общемъ казалась прекрасною; но дней 10 тому назадъ, какъ разъ къ началу жатвы въ нашихъ южныхъ округахъ, наступила ужасная погода, произведшая страшное опустошеніе и между сжатыми и между несжатыми хлѣбами. Говорятъ, отъ 20 до 30 процентовъ жатвы сильно повреждено или совсѣмъ пропало. Есть лишь одна выгода, связанная съ этимъ бѣдствіемъ, а именно та, что оно дѣлаетъ невозможной какую-либо войну въ продолженіе ближайшихъ 20 мѣсяцевъ; а при нынѣшнемъ состояніи всеобщихъ вооруженій и взаимнаго недовѣрія, это—настоящее благословеніе.

Вы позволите мнѣ возвратиться при другомъ случаѣ къ вашимъ крайне интереснымъ сообщеніямъ отъ 1 мая. А сегодня я нахожусь наканунѣ отъѣзда, и главная цѣль этихъ строкъ заключается лишь въ томъ, чтобы попросить васъ посылать впредь ваши письма черезъ г-жу Каушкую, по такому адресу:

M-rs Kautsky, 122, Regents Park Road, N. W. London.

Письма будутъ пересылаться мнѣ нераспечатанными, а потому нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ двойнымъ конвертамъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ придется теперь очень часто отлучаться изъ Лондона, и я боюсь, чтобы письма, адресованныя обычнымъ способомъ, не стали затериваться, такъ какъ мнѣ пришлось бы положиться въ этомъ случаѣ на сообразительность и аккуратность прислуги.

Мое здоровье въ общемъ превосходно; но оно требуетъ отъ меня однажды въ годъ полнѣйшей праздности недѣль на восемь и основательной перемѣны воздуха. Морское путешествіе всегда оказывается для меня самымъ лучшимъ лекарствомъ. Если черезъ мѣсяцъ я буду чувствовать себя такъ хорошо, какъ я ожидаю, то я немедленно засяду за III-й томъ, который *долженъ* быть доведенъ до конца. Но, пожалуй, лучше не дѣлать никакихъ обѣщаній касательно срока.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

18.

29 октября 1891 г.

Дорогой сэръ!

Когда ваше письмо отъ 21 сентября прибыло сюда, я путешествовалъ по Шотландіи и Ирландіи, и только сегодня я нашелъ время и досугъ, чтобы отвѣтить на него.

Ваше письмо отъ 20 января дѣйствительно пропало, о чемъ я сожалѣю вдвойнѣ: во-первыхъ, потому, что содержавшіяся въ немъ интересныя свѣдѣнія такъ долго не доходили до меня, а во-вторыхъ, потому, что эта пропажа заставила васъ взять на себя трудъ написать его для меня еще разъ. Очень благодарю васъ за это.

„Разведеніе милліонеровъ“ [1])—какъ выражается Бисмаркъ—повидимому, дѣйствительно идетъ въ вашей странѣ гигантскими шагами. Такіе барыши, какіе обнаруживаетъ ваша офиціальная статистика, просто неслыханы въ наши времена въ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ текстильныхъ мануфактурахъ. 10, 15, самое большое 20 процентовъ средней прибыли— а въ очень, очень исключительные годы преуспѣянія 25—30%—считаются здѣсь *хорошей* прибылью. Только во времена дѣтства современной промышленности нѣкоторыя предпріятія съ самоновѣйшими и наилучшими машинами, производившія свои товары съ значительно меньшими затратами труда, чѣмъ требовалось соціальными условіями того времени, были способны доставлять такія нормы прибыли. Въ настоящее время такіе барыши создаются иногда только въ удачныхъ, спекулятивныхъ предпріятіяхъ, при эксплуатированіи какого-нибудь новаго изобрѣтенія,—да и то въ одномъ такомъ предпріятіи изъ ста, тогда когда остальныя оказываются по большей части жалкими неудачами.

Единственная страна, въ которой такія или приблизительно такія прибыли возможны и въ настоящее время, и притомъ въ главныхъ и постоянныхъ отрасляхъ промышленности, это—С.-А. Соединенные Штаты. Здѣсь покровительственный тарифъ, введенный послѣ междуусобной войны, а теперь Макъ-Кинлеевскій тарифъ, привели къ подобнымъ же результатамъ, а потому здѣшнія промышленныя прибыли должны быть и дѣйствительно бываютъ, просто чудовищными. Тотъ фактъ, что это положеніе вещей зависитъ исключительно отъ тарифнаго законодательства, которое можетъ неожиданно измѣниться во всякую данную минуту, вполнѣ достаточенъ, чтобы помѣшать вторженію въ эти отрасли промышленности *иностраннаго* капитала въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ (обширныхъ по сравненію съ размѣромъ вложеннаго въ нихъ отечественнаго капитала), а съ этимъ вмѣстѣ устраняется главный источникъ конкурренціи и пониженія прибылей.

Ваше описаніе перемѣнъ, произведенныхъ этимъ ростомъ новѣйшей промышленности въ жизни народныхъ массъ, а именно,—постепенной гибели домашнихъ промысловъ, покоившихся на *непосредственномъ потребленіи продуктовъ самими производителями*, а затѣмъ мало-помалу и тѣхъ промысловъ, которые велись въ расчетѣ на скупщиковъ-капиталистовъ,—живо напоминаетъ мнѣ главу нашего автора „о возстановленіи внутренняго рынка“, равно какъ и то, что имѣло мѣсто въ большей части Центральной Западной Европы между 1820 и 1840 годами. Французскій и нѣмецкій крестьянинъ-собственникъ живучъ и долго бо-

[1]) Die Züchtung von Millionairen.

рется со смертью; онъ упрямо прозябаетъ еще два или три поколѣнія въ рукахъ ростовщика, прежде чѣмъ достаточно созрѣетъ для того, чтобы продать окончательно свою землю и домъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыми еще не овладѣла вполнѣ новѣйшая промышленность. Въ Германіи крестьянство поддерживаютъ на поверхности воды всякаго рода мелкіе кустарные промыслы, ведущіеся за счетъ капиталистовъ, вродѣ производства трубокъ, игрушекъ, корзинъ и т. п. Крестьянинъ считаетъ ни во что то досужее время, которое остается у него послѣ обработки его маленькаго поля; а потому всякая копейка, получаемая имъ за добавочный трудъ въ это досужее время, кажется ему чистымъ барышемъ; отсюда — разорительно низкія заработныя платы и баснословная дешевизна продуктовъ такихъ промысловъ въ Германіи.

У васъ имѣется сопротивленіе общины внѣшнему натиску (хотя мнѣ сдается, что это сопротивленіе должно значительно ослабѣвать въ постоянной борьбѣ съ новѣйшимъ капитализмомъ); затѣмъ, у васъ имѣется лишній рессурсъ въ арендѣ земель отъ сосѣднихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ это описывается въ вашемъ письмѣ отъ 1 мая; правда, эта аренда обезпечиваетъ землевладѣльцу полученіе прибавочной стоимости, но въ то же время она помогаетъ продолженію прозябанія крестьянина, его дальнѣйшему существованію *какъ крестьянина*; наконецъ, у васъ имѣются кулаки, которые—насколько я вижу—тоже предпочитаютъ держать крестьянина въ своихъ когтяхъ, *какъ предметъ эксплуатаціи*, чѣмъ разорить его разъ навсегда и пріобрѣсть себѣ принадлежащую ему землю; изъ этого я заключаю, что русскій крестьянинъ—тамъ, гдѣ онъ не требуется въ качествѣ рабочаго на сосѣднюю фабрику или въ городъ—тоже очень живучъ и тоже долго и упорно борется со смертью, такъ что нужно долго и много колотить его прежде, чѣмъ онъ рѣшится, наконецъ, умереть.

Громадные барыши, обезпеченные молодой русской буржуазіи, и зависимость этихъ барышей отъ благопріятной жатвы, такъ хорошо выясненная въ вашемъ изслѣдованіи, объясняютъ мнѣ много вещей, которыя иначе казались бы очень темными. Такъ напримѣръ, какъ долженъ былъ бы я растолковать себѣ нижеслѣдующее утвержденіе, прочитанное мною сегодня утромъ въ корреспонденціи изъ Одессы въ одну изъ лондонскихъ газетъ: русскіе коммерческіе классы, повидимому, находятся въ эту минуту подъ властью одной господствующей идеи, а именно — что война есть единственное дѣйствительное лекарство отъ того состоянія угнетенности и недовѣрія, которымъ страдаютъ въ эту минуту всѣ отрасли русской промышленности. Какъ долженъ былъ бы я понять и объяснить себѣ эту фразу, если бы я не зналъ этой полнѣйшей зависимости, искусственно

созданной тарифами промышленности отъ внутреннихъ рынковъ, а слѣдовательно, и отъ характера жатвы въ земледѣльческихъ округахъ, такъ какъ отъ нея зависитъ покупательная сила единственныхъ пріобрѣтателей продуктовъ этой промышленности! А разъ, что этотъ рынокъ ускользаетъ, вслѣдствіе плохого урожая, то что можетъ быть естественнѣе для наивныхъ людей, какъ не добиваться расширенія рынка путемъ успѣшной войны?

Очень интересны ваши замѣтки по поводу того кажущагося противорѣчія, что у васъ хорошая жатва *не всегда* означаетъ необходимымъ образомъ пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Когда мы изучаемъ такимъ образомъ реальныя экономическія отношенія въ различныхъ странахъ и на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся намъ раціоналистическія обобщенія XVIII-го вѣка,—хотя бы, напримѣръ, добраго стараго Адама Смита, который принялъ условія, господствовавшія въ Эдинбургѣ и окрестныхъ шотландскихъ графствахъ, за нормальныя для цѣлой вселенной! Вашъ Пушкинъ уже зналъ это, какъ и то, почему

Не нужго золот ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ.

Искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

Въ будущій понедѣльникъ я снова приступлю къ III-му тому и надѣюсь не отрываться больше отъ этого дѣла, пока не покончу съ нимъ совсѣмъ. Это письмо затянулось до сегодня, 31 октября, вслѣдствіе случайнаго перерыва.

19.

Лондонъ, 15 марта 1892 г.

Дорогой сэръ!

Мнѣ почти стыдно отвѣчать на ваши любезныя и интересныя письма отъ 17 и 21 ноября прошлаго года. Но я былъ такъ сильно заваленъ работой! Къ тому же я нахожу, что писать при свѣтѣ газа все еще вредно для моихъ глазъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ они продолжаютъ еще служить мнѣ довольно удовлетворительно. Итакъ, этотъ избытокъ работы и краткость дневного свѣта во время нашей зимы пусть послужитъ мнѣ извиненіемъ въ вашихъ глазахъ.

Ваша страна дѣйствительно проходитъ теперь черезъ очень важный періодъ, полное значеніе котораго трудно оцѣнить въ достаточной степени. Мнѣ кажется изъ вашихъ писемъ, что вы смотрите на нынѣшній неурожай не какъ на несчастную случайность, но какъ на нѣчто необходимое и неотвратимое, какъ на одинъ изъ неизбѣжныхъ спутниковъ того экономическаго развитія, которое началось въ Россіи съ 1861 г. Это также и мое мнѣніе, поскольку я имѣю право судить изъ такой дали. Съ 1861 г. въ Россіи начинается развитіе новѣйшей промышленности по масштабу, достойному великой страны. Во всемъ образованномъ мірѣ давно уже созрѣло убѣжденіе, что въ настоящее время никакая страна не можетъ занять приличествующаго ей мѣста въ кругу цивилизованныхъ націй, если она не обладаетъ промышленными машинами, приводимыми въ движеніе паровою силою, и если она не способна удовлетворять сама—по крайней мѣрѣ, въ очень значительной мѣрѣ—всѣмъ своимъ нуждамъ по части мануфактурныхъ товаровъ. И вотъ, Россія принялась дѣйствовать, исходя изъ этого убѣжденія, и дѣйствовала все время съ великой энергіей. Что она окружила себя оградою покровительственныхъ пошлинъ, это должно считаться лишь слишкомъ естественнымъ, такъ какъ англійское соперничество принудило къ такой политикѣ почти всѣ великія страны; даже Германія, гдѣ *крупная промышленность* успѣшно развилась при *почти полной свободѣ торговли*, присоединилась къ общему хору и перешла въ лагерь протекціонистовъ, только чтобы ускорить тотъ процессъ, который Бисмаркъ называлъ „разведеніемъ милліонеровъ“ (Die Züchtung von Millionairen). Но если Германія вступила на этотъ путь, даже безъ прямой необходимости, то кто же можетъ порицать Россію за то, что *было* для нея безусловной необходимостью, разъ что она порѣшила итти путемъ новѣйшаго промышленнаго развитія?

До нѣкоторой степени, нынѣшнее положеніе вашей страны кажется мнѣ представляющимъ не мало аналогій съ положеніемъ Франціи при Людовикѣ XIV. И тамъ также мануфактуры были приведены въ состояніе усиленнаго оживленія покровительственной системой Кольбера; и тамъ также, черезъ 20 или 30 лѣтъ, пришли къ убѣжденію, что національная мануфактурная промышленность, при существовавшихъ тогда условіяхъ, могла быть создана только насчетъ крестьянства. Натуральное хозяйство крестьянъ было разрушено и замѣщено денежнымъ; внутренніе рынки были созданы и, въ то же самое время, вскорѣ были снова разрушены почти совсѣмъ, по крайней мѣрѣ, на время, путемъ этого же процесса: путемъ того неслыханнаго насилія, съ которымъ новая экономическая необходимость навязывала себя жизни, а также путемъ возрастанія налогового обложенія деньгами и людьми, ставшаго неизбѣжнымъ тогда вслѣдствіе

введенія постоянныхъ армій и рекрутчины; все равно какъ въ настоящее время оно неизбѣжно вызывается у васъ въ Россіи введеніемъ системы всеобщей воинской повинности. И вотъ, какъ только наступила одна или двѣ неудачныхъ жатвы, такъ тотчасъ же возникло по всей странѣ то состояніе всеобщаго разстройства, тревоги и недовольства, которое мы находимъ въ описаніяхъ Буагильбера и маршала Вобана.

Но тутъ есть также и громадная разница, а именно разница между старинною „мануфактурою“ и современною „крупной промышленностью“, которая (со стороны вліянія на крестьянина, на мелкаго земледѣльческаго производителя, владѣющаго собственными средствами производства) соотвѣтствуетъ разницѣ между старинпымъ, гладкоствольнымъ, кремневымъ мушкетомъ 1680 года и современнымъ, магазиннымъ, малокалибернымъ (7,50 миллиметровъ) штуцеромъ образца 1892 года. И кромѣ того, въ то время, какъ въ 1680 году мелкое земледѣліе все еще было нормальнымъ способомъ производства, а аренда крупныхъ имѣній только исключеніемъ, — правда, все *возраставшимъ* исключеніемъ, но все же лишь исключеніемъ, — въ настоящее время арендованіе крупныхъ участковъ, съ примѣненіемъ въ хозяйствѣ разныхъ машинъ, дѣлается правиломъ и все болѣе и болѣе становится почти единственно возможнымъ способомъ земледѣльческаго производства; такъ что крестьянинъ въ настоящее время, повидимому, оказывается осужденнымъ на неизбѣжную гибель.

Помните, что сказалъ нашъ авторъ въ своемъ письмѣ по поводу статьи Жуковскаго? „Если Россія будетъ настойчиво итти по тому пути, на который она вступила въ 1861 году, то русская крестьянская община должна погибнуть“. И вотъ, мнѣ кажется, что какъ разъ теперь его предсказаніе начинаетъ исполняться. Повидимому, приближается моментъ, когда—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ округахъ—вся совокупность старыхъ соціальныхъ устоевъ русской крестьянской жизни не только теряетъ свою цѣнность для отдѣльнаго, индивидуальнаго крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-въ-точь какъ это случилось въ прежнія времена въ Западной Европѣ. И я боюсь, что намъ скоро придется разсматривать вашу общину, какъ мечту о невозвратномъ прошломъ, и считаться въ будущемъ уже съ капиталистической Россіей. Несомнѣнно, что при этомъ теряется великій шансъ [1]), но противъ экономическихъ фактовъ нѣтъ и не можетъ быть никакой помощи. Курьезенъ тутъ только тотъ фактъ, что тѣ самые люди у васъ въ Россіи, которые никогда не устаютъ выхвалять безцѣнное превосходство первобытныхъ русскихъ учрежденій, по сравненію съ учрежденіями гнилого Запада, эти же самые люди

[1]) Оригинальнаго, соціальнаго обновленія.

употребляютъ всѣ усилія, чтобы разрушить эти первобытныя учрежденія и замѣстить ихъ учрежденіями гнилого Запада!

Но если русскій крестьянинъ осужденъ превратиться современемъ въ промышленнаго или земледѣльческаго пролетарія, то русскій помѣщикъ, повидимому, тоже осужденъ на гибель. Поскольку простираются мои свѣдѣнія, этотъ классъ земледѣльцевъ обремененъ долгами даже въ еще большей степени, чѣмъ крестьянство, и вынужденъ распродавать понемногу свои владѣнія. Между этими двумя сословіями протискивается, повидимому, въ послѣднее время новый классъ землевладѣльцевъ—деревенскіе кулаки и городскіе мѣщане, которымъ предстоитъ, быть можетъ, стать отцами будущей русской земельной аристократіи?

Неурожай прошлаго года вынесъ все это на яркій дневной свѣтъ, и я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что скрывающіяся тутъ причины имѣютъ вполнѣ соціальный характеръ. Что касается до обезлѣсенія страны, то, наравнѣ съ разореніемъ крестьянства, оно представляетъ въ сущности одно изъ неизбѣжныхъ жизненныхъ условій буржуазнаго общества. Нѣтъ ни одной „цивилизованной“ европейской страны, которая не ощущала бы его въ свое время; а Америка [1]) и также, безъ сомнѣнія, Россія ощущаетъ его въ настоящій моментъ. Такимъ образомъ, обезлѣсеніе, въ моихъ глазахъ, въ своей существенной основѣ есть соціальный факторъ, такъ же, какъ и соціальный результатъ. Но въ то же время это есть одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ предлоговъ для заинтересованныхъ сторонъ избѣгнуть порицанія за экономическія неудачи, сведя ихъ къ такой причинѣ, за которую, повидимому, никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности.

Неблагопріятный урожай, по моему мнѣнію, только сдѣлалъ *очевиднымъ* то, что, въ *скрытомъ* состояніи, находилось уже и ранѣе. Но онъ страшно ускорилъ быстроту совершающагося тутъ процесса. Нынѣшней весною, въ моментъ посѣва, крестьянинъ будетъ безконечно слабѣе, чѣмъ онъ былъ прошлою осенью, въ моментъ осенняго сѣва, и онъ будетъ призванъ возстанавливать свои силы при условіяхъ гораздо болѣе неблагопріятныхъ, чѣмъ прежнія. Нищій, по уши въ долгахъ, растерявшій свой скотъ, что можетъ онъ подѣлать даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему удалось перезимовать, не покидая своей земли? Поэтому, мнѣ кажется, что потребуются цѣлые годы, чтобы справиться вполнѣ съ результатами нынѣшняго бѣдствія; ну, а когда этотъ пунктъ будетъ достигнутъ, Россія окажется совсѣмъ иною страною, чѣмъ она была даже еще 1 января 1891 г., а

[1]) Въ Америкѣ я наблюдалъ его самъ 4 года тому назадъ. Тамъ сдѣланы и дѣлаются великія усилія, чтобы бороться съ его послѣдствіями и исправить совершенныя ошибки.

пока намъ приходится утѣшать себя мыслью, что всѣ эти бѣдствія и пр. въ концѣ-концовъ неизбѣжно должны послужить дѣлу общечеловѣческаго прогресса.

Прошлою осенью я послалъ вамъ маленькую книжку—„Происхожденіе Семьи" и пр., 4 изданіе. Я сдалъ ее заказнымъ порядкомъ и выставилъ мой адресъ на обложкѣ. Такъ какъ она не вернулась ко мнѣ обратно, то я надѣюсь, что вы получили ее.

Очень благодарю васъ за множество высланныхъ мнѣ статей, матеріаловъ и журналовъ, — причемъ статья Менделѣева оказалась особенно интересною, но, повторяю, благодаря массѣ тяжелаго труда, я не могу какъ разъ въ настоящее время посвятить имъ всего того вниманія, какого они заслуживаютъ. До какой степени я былъ заваленъ дополнительной работой, вы поймете и сами, когда я скажу вамъ, что, начиная съ новаго года и вплоть до настоящей минуты (обыкновенно, самое спокойное для меня время), я не имѣлъ возможности посвятить III-му тому ни одного момента!

Ваши поздравленія были переданы въ Парижъ въ свое время.

С наилучшими пожеланіями

Вашъ.

Ф. В. Рошеръ.

Что, все еще никакихъ свѣдѣній о нашемъ „общемъ другѣ"?

20.

Лондонъ, 18 іюня 1892 г.

Мой дорогой сэръ!

Благодарю васъ за ваши очень интересныя письма отъ 24 марта, 30 апрѣля и 18 мая и приношу вамъ мои извиненія за то, что не отвѣчалъ на нихъ раньше. Но я былъ чрезвычайно занятъ и притомъ до такой степени, что не могъ даже удѣлить ни одного момента для III-го тома. Впрочемъ, я надѣюсь вернуться къ нему съ будущей недѣли.

Я убѣжденъ, что оба мы совершенно согласны относительно фактовъ и даже относительно значенія этихъ фактовъ, выражающихъ нынѣшнее экономическое состояніе вашей страны. Но только мнѣ кажется, что нѣкоторыя *ироническія* выраженія моего послѣдняго письма были приняты вами въ серьезномъ смыслѣ и, въ особенности, то, что я сказалъ о нѣкоторыхъ вещахъ, служащихъ въ концѣ-концовъ дѣлу человѣческаго прогресса. Вѣдь въ дѣйствительности нѣтъ ни одного факта въ исторіи, который не послужилъ бы тѣмъ или инымъ путемъ дѣлу человѣческаго про-

гресса, но только путь этотъ бываетъ иногда страшно окольнымъ и кружнымъ. То же можетъ случиться и съ нынѣшнимъ экономическимъ преобразованіемъ вашей страны.

Фактически я желалъ указать съ особенною силою на то, что прошлогодній „неурожай" — употребляя офиціальное его названіе — вовсе не есть изолированное и случайное явленіе, а совершенно необходимое и неизбѣжное послѣдствіе всего развитія Россіи съ окончанія крымской войны; что это есть результатъ перехода отъ общиннаго земледѣлія и патріархальныхъ, домашнихъ промысловъ къ современной промышленности; и что, по моему мнѣнію, это преобразованіе должно въ концѣ-концовъ сдѣлаться опаснымъ для самаго существованія земледѣльческой „общины" и ввести капиталистическую систему даже въ земледѣліе.

Я заключаю изъ вашихъ писемъ, что относительно самихъ этихъ фактовъ вы совершенно согласны со мною; ну, а что касается до вопроса о томъ, нравятся ли они намъ или нѣтъ, то это ужъ совсѣмъ другое дѣло! Вѣдь нравятся ли или не нравятся намъ эти факты, они все равно будутъ продолжать существовать. И чѣмъ полнѣе мы сумѣемъ отрѣшиться отъ вопроса о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, тѣмъ способнѣе мы окажемся къ вѣрному сужденію о самихъ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ.

Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что нынѣшній внезапный ростъ новѣйшей *крупной промышленности* въ Россіи былъ вызванъ искусственными средствами,—запретительными пошлинами, правительственными субсидіями и т. п. То же самое имѣло мѣсто во Франціи, гдѣ покровительственная система дѣйствовала уже со временъ Кольбера, въ Испаніи, въ Италіи, а съ 1878 года даже въ Германіи; хотя эта страна почти завершила свое промышленное преобразованіе, когда, въ 1878 г., она ввела у себя покровительственныя пошлины съ тою цѣлью, чтобы ея капиталисты могли принудить своихъ внутреннихъ потребителей платить имъ за ихъ товары такія высокія цѣны, которыя дозволили бы имъ продавать эти же товары за границей по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ собственныя издержки производства. И американцы сдѣлали у себя то же самое, чтобы сократить тотъ періодъ, въ продолженіе котораго американскія мануфактуры достигнутъ возможности соперничать въ равныхъ условіяхъ съ Англіей. Что Америка, Франція, Германія и даже Австрія достигнутъ современемъ такого состоянія, при которомъ онѣ окажутся способными къ успѣшному соперничеству съ Англіей на открытомъ міровомъ рынкѣ (по крайней мѣрѣ, относительно большинства важнѣйшихъ товаровъ), это не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Уже и теперь Франція, Америка и Германія сломили въ извѣстной мѣрѣ промышленную монополію Англіи, и это чувствуется здѣсь очень сильно. Но окажется ли и Россія

способною достигнуть такого состоянія? Относительно этого я имѣю свои сомнѣнія, такъ какъ Россія, подобно Италіи, страдаетъ отъ недостатка каменнаго угля въ наиболѣе удобныхъ для промышленности мѣстностяхъ, а кромѣ того—какъ вы сами такъ хорошо развиваете это въ своемъ письмѣ отъ 12/24 марта, — ей приходится бороться съ совершенно отличными историческими условіями. Но затѣмъ мы должны поставить себѣ здѣсь еще другой вопросъ: могла ли Россія въ 1890 г. продолжать существовать и занимать свое положеніе въ европейскомъ мірѣ, какъ чисто земледѣльческая страна, живущая исключительно вывозомъ зерна и покупающая за него всѣ иностранные промышленные продукты? И я убѣжденъ, что мы съ увѣренностью можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ — *нѣтъ*. Нація въ 100 милліоновъ душъ, играющая такую важную роль въ исторіи міра, не могла, при нынѣшнихъ экономическихъ и промышленныхъ условіяхъ, продолжать пребывать въ томъ состояніи, въ которомъ она коснѣла вплоть до крымской войны. Введеніе паровыхъ двигателей и рабочихъ машинъ, попытка изготовлять текстильные и металлическіе продукты при помощи новѣйшихъ средствъ производства, хотя бы только для отечественнаго потребленія, *должна* была быть совершена раньше или позже, но во всякомъ случаѣ *въ какой-то* промежутокъ времени между 1856 и 1880 годами. Если бы такая попытка не была сдѣлана, то ваша отечественная патріархальная промышленность все-равно погибла бы, вслѣдствіе соперничества съ англійскимъ машиннымъ производствомъ, и въ конечномъ результатѣ получилась бы Индія, страна экономически подчиненная великой центральной фабрикѣ,—Англіи. Но даже Индія реагировала покровительственными пошлинами противъ наплыва англійскихъ хлопчатобумажныхъ товаровъ; что же касается до остальныхъ британскихъ колоній, то какъ только которая-нибудь изъ нихъ достигала до самоуправленія, такъ сейчасъ же принималась ограждать свои мѣстныя мануфактуры противъ подавляющей конкурренціи метрополіи. Англійскіе, ослѣпленные отечественными интересами, писатели никакъ не могутъ взять въ толкъ, почему поданный Англіей примѣръ свободы торговли такъ упорно отвергается повсюду и вытѣсняется принципомъ покровительственныхъ пошлинъ. Конечно, они просто *не осмѣливаются* видѣть, что эта—нынѣ почти всеобщая—покровительственная система есть просто болѣе или менѣе разумное (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безусловно глупое) средство самозащиты противъ этой самой англійской свободы торговли, которая довела англійскую промышленную монополію до ея наибольшей высоты. (Глупымъ, напримѣръ, это средство является въ случаѣ Германіи, которая стала великой промышленной страной при свободѣ торговли, и гдѣ таможенное покровительство распространено теперь на земледѣльческіе продукты и сырые матеріалы, что

увеличиваетъ издержки промышленнаго производства!). Я не смотрю на это всеобщее обращеніе къ покровительственной системѣ, какъ на простую случайность, но какъ на реакцію противъ невыносимой промышленной монополіи Англіи. *Формы* этой реакціи, какъ я уже сказалъ, можетъ быть неудачной, неподходящей и даже хуже, но историческая необходимость такой реакціи кажется мнѣ вполнѣ ясной и очевидной.

Всѣ правительства, хотя бы самыя абсолютныя, *въ конечномъ счетѣ* суть только осуществители (executors) экономическихъ необходимостей даннаго національнаго положенія. Они могутъ выполнять предлежащую имъ задачу разными путями, хорошо, худо или посредственно; они могутъ ускорять или замедлять экономическое развитіе съ его политическими и юридическими послѣдствіями, но въ концѣ-концовъ они должны слѣдовать за нимъ. Были ли тѣ средства, съ помощью которыхъ осуществилась промышленная революція въ Россіи, наилучшими для своей цѣли, это совсѣмъ особый вопросъ, обсужденіе котораго завело бы насъ слишкомъ далеко. Для моей цѣли вполнѣ достаточно и того, если я могу доказать, что эта промышленная революція—сама по себѣ—была совершенно неизбѣжна.

То, что вы говорите касательно необходимыхъ спутниковъ такихъ громадныхъ экономическихъ перемѣнъ, совершенно вѣрно, но оно прилагается въ большей или меньшей мѣрѣ ко всѣмъ странамъ, которыя прошли или проходятъ черезъ тотъ же самый процессъ. Истощеніе почвы,—vide (смотри) Америку; обезлѣсеніе страны,—vide Англію, Францію, а въ настоящій моментъ также Германію и Америку; измѣненіе климата, обмелѣніе и усыханіе рѣкъ, вѣроятно, сильнѣе въ Россіи, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, по причинѣ равниннаго характера страны, снабжающей водою эти громадныя рѣки, и вслѣдствіе отсутствія альпійскихъ запасовъ снѣга и льда, вродѣ тѣхъ, что питаютъ Рейнъ, Дунай, Рону и пр. Разрушеніе старыхъ условій земледѣлія, постепенный переходъ къ капиталистической обработкѣ обширныхъ арендныхъ участковъ, все это—процессы, которые завершились уже въ Англіи и въ Восточной Германіи и происходятъ въ настоящее время повсюду. И мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, что крупная промышленность въ Россіи убьетъ земельную общину, если только не произойдутъ иныя великія перемѣны, которыя могутъ сохранить эту вашу „общину“. Весь вопросъ въ томъ, имѣется ли еще въ запасѣ время для такой перемѣны въ общественномъ мнѣніи Россіи, которая сдѣлала бы возможнымъ привить къ общинѣ новѣйшую промышленность и новѣйшее земледѣліе и въ то же самое время видоизмѣнить самую общину такимъ образомъ, чтобы она могла стать подходящимъ и удобнымъ орудіемъ для этой новѣйшей промышленности и для превращенія ея производства изъ капиталистической въ социализованную форму? Вы должны признать, что

для того, чтобы провести даже въ мысли такую перемѣну, долженъ сначала совершиться громадный прогрессъ въ общественномъ мнѣніи вашей страны. Найдется ли время для совершенія такого прогресса прежде, чѣмъ капиталистическое производство, при содѣйствіи послѣдствій нынѣшняго кризиса, подкопаетъ „общину" черезчуръ глубоко (для ея позднѣйшаго оживленія)? Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что во многихъ округахъ община оправилась отъ того удара, который она получила въ 1861 г. (какъ это описано у В. В.). Но будетъ ли она способна сопротивляться непрерывнымъ ударамъ, наносимымъ ей промышленнымъ переворотомъ, ежедневно подкрадывающимся къ ней капитализмомъ, разрушеніемъ домашнихъ промысловъ, отсутствіемъ общинныхъ правъ на пастбища и лѣса, переходомъ натуральнаго крестьянскаго хозяйства въ денежное, возростаніемъ богатства и власти „кулаковъ" и „міроѣдовъ"?

Мнѣ нужно еще поблагодарить васъ за тѣ книги, которыя вы имѣли любезность прислать мнѣ, въ особенности за Каблукова и Карышева [1]). Въ настоящій моментъ я до такой степени заваленъ работой, что не имѣлъ возможности въ теченіе 6 мѣсяцевъ прочесть цѣликомъ ни одной книги ни на какомъ языкѣ; поэтому я берегу ваши книги до наступленія моего времени отдыха, въ августѣ мѣсяцѣ. То, что вы говорите о Каблуковѣ, кажется мнѣ совершенно вѣрнымъ, поскольку я могу судить, не прочитавъ самой книги. Земледѣльческій рабочій, не имѣющій ни собственной, ни наемной земли, находитъ себѣ занятіе только на извѣстную часть года, и если ему платятъ *только за этотъ трудъ*, то ему приходится голодать все незанятое время, если только онъ не найдетъ какого-либо иного рода труда на это время; но новѣйшее капиталистическое производство отнимаетъ у него всякій шансъ на такую вспомогательную работу. Это затрудненіе преодолѣвается насколько это возможно въ Западной и центральной Европѣ слѣдующимъ образомъ: 1) Капиталистъ фермеръ или землевладѣлецъ держитъ часть земледѣльческихъ рабочихъ круглый годъ на своей фермѣ и кормитъ ихъ, насколько это возможно, собственными продуктами фермы, такъ, чтобы свести дѣйствительные денежные расходы до наименьшей степени. Такъ дѣлается въ очень значительной степени въ сѣверо-восточной Германіи и въ меньшей степени здѣсь, въ Англіи, хотя здѣшній климатъ допускаетъ выполненіе значительной части земледѣльческихъ работъ въ зимнее время. Кромѣ того, при *капиталистическомъ фермерствѣ* имѣется всегда много работъ, производящихся на фермѣ даже зимою. 2) То, что требуется еще сверхъ этого для поддержанія жизни

[1]) *Н. Карышевъ. „Крестьянскія вненадѣльныя аренды"*. Эта книга представляетъ II томъ *„Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики"*, Дерптъ, 1892. *Н. А. Каблуковъ: Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ*. М. 1884.

земледѣльческаго рабочаго за время зимы—но именно только для поддержанія жизни, а не болѣе—довольно часто добывается трудомъ женщинъ и дѣтей въ новыхъ отрасляхъ домашней промышленности (См. „Капиталъ“, гл. 13, 8, д.). Такъ стоитъ дѣло на югѣ и западѣ Англіи, а по отношенію къ мелкому крестьянству,—въ Ирландіи и Германіи. Понятно, что пока преобразованіе хозяйственной системы не совершилось еще вполнѣ, а находится въ процессѣ приспособленія, пагубныя слѣдствія отдѣленія земледѣлія отъ патріархальной, домашней мануфактуры выступаютъ особенно поразительно, что мы какъ разъ и видимъ у васъ, въ Россіи, именно въ данное время.

Это письмо и безъ того уже становится слишкомъ длиннымъ, чтобы я могъ еще пуститься въ подробности по поводу вашего письма отъ 18 мая, но мнѣ кажется, что и въ этомъ письмѣ ваши факты доказываютъ разореніе крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ истощеніе почвы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что оба эти процесса совершаются въ настоящее время съ непрерывно возрастающей быстротой. Если нынѣшняя система будетъ продолжаться и далѣе, то она должна будетъ завершиться разореніемъ и помѣщиковъ, и мужиковъ, и возникновеніемъ на мѣсто ихъ новаго класса землевладѣльцевъ изъ буржуазныхъ слоевъ. Но этотъ вопросъ имѣетъ еще одну сторону, и я боюсь, что вашъ „Вѣстникъ Финансовъ“ не видитъ нужды много распространяться о ней. Эта сторона есть состояніе государственныхъ финансовъ. Послѣдній парижскій заемъ (1891) долженъ былъ принести 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Заемъ этотъ былъ покрытъ подпискою нѣсколько разъ, но здѣсь ходитъ слухъ, будто бы только 12 милліоновъ были дѣйствительно выплачены русскому правительству, а 8 милліоновъ такъ никогда и не достигли петербургскаго казначейства. Если это случилось во Франціи послѣ Кронштадскихъ демонстрацій, то что же должно случиться, когда начнутся переговоры о заключеніи слѣдующаго займа. А можно ли отложить надолго заключеніе этого новаго займа послѣ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя были навязаны государственному казначейству послѣднимъ неурожаемъ? Вышнеградскій окажется ли вторымъ Калонномъ и явится ли послѣ него второй Неккеръ?

искренно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

21.

Лондонъ, 22 Сентября 1892 г.

Мой дорогой сэръ!

Итакъ, мы согласны пока хотя въ этомъ одномъ пунктѣ: что Россія въ 1892 г. не могла существовать, какъ исключительно земле-

дѣльческая страна, что она должна пополнять свое земледѣльческое производство еще и производствомъ промышленнымъ.

Такъ вотъ, я утверждаю теперь, что промышленное производство означаетъ въ настоящее время непремѣнно крупную промышленность, съ приложеніемъ пара, электричества, самодѣйствующихъ прядильныхъ и ткацкихъ станковъ и, наконецъ, съ машиннымъ производствомъ самихъ машинъ. Съ того момента, какъ Россія ввела у себя желѣзныя дороги, введеніе всѣхъ этихъ новѣйшихъ средствъ производства стало для нея предрѣшеннымъ вопросомъ. Вы *должны* имѣть возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, желѣзныя дороги и пр.; а чтобы дѣлать это дешево, вы должны быть способны *строить* дòма всѣ тѣ вещи, которыя вамъ придется исправлять и чинить. Съ того момента, какъ военное дѣло стало одною изъ отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарѣзная артиллерія, скорострѣльныя и магазинныя пушки, магазинныя ружья, пули со стальною оболочкою, бездымный порохъ и пр.), крупная промышленность, безъ которой всѣ эти вещи не могутъ изготовляться, стала и для васъ политической необходимостью. Всѣ эти вещи не могутъ быть изготовляемы безъ высоко-развитаго металлургическаго производства, а металлургическое производство не можетъ развиваться безъ соотвѣтственнаго развитія всѣхъ другихъ отраслей мануфактуры и, въ особенности, текстильной.

Я совершенно согласенъ съ вами, когда вы утверждаете, что началомъ новой промышленной эры для вашей страны слѣдуетъ считать приблизительно 1861 годъ. Крымскую войну дѣйствительно можно характеризовать, какъ безнадежную борьбу націи съ первобытными способами производства противъ націй съ новѣйшими его формами. Русскій народъ прекрасно понялъ это. Отсюда этотъ переходъ къ новымъ формамъ,—переходъ, сдѣлавшійся неустранимымъ и невозвратнымъ послѣ освободительнаго акта 1861 года.

Но разъ мы согласимся съ этой необходимостью и неизбѣжностью перехода отъ первобытныхъ методовъ производства, господствовавшихъ до 1854 г., къ новымъ его методамъ, начинающимъ господствовать теперь, то для насъ становится очень второстепеннымъ вопросъ о томъ, былъ ли выгоднымъ или даже необходимымъ для государства этотъ тепличный процессъ споспѣшествованія промышленной революціи путемъ покровительственныхъ и запретительныхъ пошлинъ, или же лучше было бы дѣйствовать тутъ какъ-нибудь иначе.

Эта тепличная атмосфера въ области промышленности придала совершавшемуся тутъ процессу его острую форму, тогда какъ въ противномъ случаѣ онъ долго еще удерживалъ бы болѣе хроническій характеръ. Это

обстоятельство втѣснило въ краткій періодъ какихъ-нибудь двадцати лѣтъ такое развитіе, которое, при другихъ условіяхъ, заняло бы, быть можетъ, шестьдесятъ лѣтъ или болѣе. Но быстрота развитія ничуть не повліяла на самую природу этого процесса, который, какъ вы говорите, ведетъ свое начало съ 1861 года.

Одна вещь не подлежитъ сомнѣнію: если для Россіи дѣйствительно требовалась собственная крупная промышленность, и если она твердо рѣшилась имѣть ее, то она *не могла* получить ее иначе, какъ при помощи хотя бы *нѣкоторой* степени правительственнаго покровительства (какъ вы допускаете это и сами). Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о покровительствѣ становится только вопросомъ о *степени*, а не о принципѣ; самый же принципъ былъ неизбѣженъ.

И еще одна вещь столь же несомнѣнна: если для Россіи послѣ крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь въ *одной* формѣ, т. е. *въ капиталистической*, а ни въ какой-либо иной. Ну, а вмѣстѣ съ этой формой она обязана была принять также и всѣ тѣ послѣдствія, которыя обыкновенно сопровождаютъ капиталистическую крупную промышленность во всѣхъ другихъ странахъ.

Такъ вотъ, я рѣшительно не вижу, чтобы результаты промышленной революціи, совершающейся на нашихъ глазахъ въ Россіи, отличались въ чемъ-нибудь отъ того, что мы видимъ или видѣли въ Англіи, Германіи и Америкѣ. (Впрочемъ, въ Америкѣ условія земледѣлія и землевладѣнія довольно своеобразны, что дѣйствительно вызываетъ нѣкоторыя различія).

Вы сѣтуете на медленность возрастанія числа рабочихъ въ текстильной промышленности, по сравненію съ возрастаніемъ количества произведенныхъ продуктовъ. Но то же самое имѣетъ мѣсто повсюду. Иначе откуда бы бралось чрезмѣрное изобиліе „промышленнаго резерва“? („Капиталъ“, гл. 23, отд. 3 и 4).

Вы доказываете постепенное вытѣсненіе мужского труда трудомъ женщинъ и дѣтей. Но этого и слѣдовало ожидать заранѣе. („Капиталъ“, гл. 13, отд. 3, а).

Вы сѣтуете, что товары машиннаго производства вытѣсняютъ продукты домашней промышленности и, такимъ образомъ, губятъ дополнительное, вспомогательное производство, безъ котораго крестьянинъ не можетъ жить. Но мы имѣемъ въ этомъ безусловно необходимое послѣдствіе капиталистической крупной промышленности: созданіе домашняго (внутренняго) рынка („Капиталъ“, гл. 24, отд. 5), т. е. то, что происходило въ Германіи уже въ мое время и на моихъ собственныхъ глазахъ. Даже то, что вы говорите далѣе касательно того, что вторженіе хлопчато-бумажныхъ

товаровъ губитъ не только домашнее пряденье и тканье крестьянъ, но также и крестьянскую *культуру льна*, даже это имѣло мѣсто и въ Германіи между 1820 г. и нынѣшнимъ временемъ. И вообще, что касается до этой стороны дѣла, т. е. до уничтоженія домашней промышленности и тѣхъ вѣтвей земледѣлія, на которыя она опирается, то мнѣ кажется, что истинный вопросъ стоитъ здѣсь такъ: русскіе должны рѣшить—будутъ ли ихъ домашнія мануфактуры уничтожены *ихъ собственной* крупной промышленностью, или же это дѣло будетъ выполнено путемъ *ввоза англійскихъ товаровъ. При участіи* покровительственныхъ пошлинъ задача эта будетъ исполнена самими *русскими: при отсутствіи* покровительства—*англичанами*. Мнѣ лично все это кажется вполнѣ очевиднымъ.

Ваше исчисленіе,—что общая сумма текстильныхъ продуктовъ какъ крупной, такъ и домашней промышленности не возрастаетъ, а остается тою же самою или даже уменьшается,—не только совершенно вѣрно, но оно было бы невѣрнымъ, если бы вы пришли къ другому результату. Пока русская промышленность ограничена только своимъ внутреннимъ рынкомъ, ея продукты могутъ покрывать только внутреннее потребленіе. А это послѣднее можетъ возрастать лишь очень медленно; и мнѣ даже кажется, что, при нынѣшнихъ условіяхъ русской жизни, оно должно скорѣе уменьшаться.

Потому что одно изъ необходимыхъ послѣдствій развитія крупной промышленности заключается именно въ томъ, что она разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ путемъ того самаго процесса, которымъ она создала его. Она создаетъ его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но безъ домашней промышленности крестьянство не можетъ жить. Крестьяне разоряются, *какъ крестьяне*; ихъ покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обоснуются въ новыхъ условіяхъ существованія, въ качествѣ *пролетаріевъ*, они будутъ представлять лишь очень жалкій рынокъ для вновь возникшихъ фабрикъ и заводовъ.

Капиталистическое производство, будучи переходною экономическою фазою, преисполнено внутреннихъ противорѣчій, которыя развиваются и становятся очевидными лишь по мѣрѣ его собственнаго развитія. Это стремленіе—создавать себѣ рынокъ и въ то же самое время разрушать его—представляетъ какъ разъ одно изъ такихъ противорѣчій. Другое такое противорѣчіе, это — то „безвыходное положеніе", къ которому оно ведетъ и которое наступаетъ скорѣе въ странѣ безъ внѣшняго рынка— какова Россія,—чѣмъ въ странахъ болѣе или менѣе способныхъ къ соперничеству съ другими на открытомъ міровомъ рынкѣ. Это положеніе безъ всякаго видимаго исхода находитъ, однако, себѣ исходъ у послѣднихъ странъ въ героическихъ средствахъ торговой политики, т. е. въ насиль-

ственномъ открытии себѣ новыхъ рынковъ. Послѣдній новый рынокъ, открывшійся этимъ путемъ для англійской торговли и оказавшійся способнымъ вызвать временное оживленіе благосостоянія, это—Китай. Поэтому-то англійскій капиталъ такъ настаиваетъ на постройкѣ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но китайскія желѣзныя дороги означаютъ разрушеніе всей основы мелкаго китайскаго земледѣлія и домашней промышленности; причемъ здѣсь это зло не будетъ даже уравновѣшено хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ развитіемъ собственной крупной промышленности, а потому сотни милліоновъ народа будутъ поставлены тутъ въ полную невозможность жить. Послѣдствіемъ этого будетъ такая массовая эмиграція, какой свѣтъ еще не видывалъ раньше и которая затопитъ Америку, Азію и Европу ненавистными китайцами. Этотъ новый соперникъ въ области труда начнетъ соперничать съ американскимъ, австралійскимъ и европейскимъ трудомъ на основѣ китайскихъ понятій объ удовлетворительномъ уровнѣ жизни; а какъ извѣстно, китайскій уровень жизни есть самый низшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ уровней. И вотъ, если вся система производства въ Европѣ не успѣетъ перемѣниться ранѣе наступленія этого момента, то ей придется приступить тогда къ этой перемѣнѣ.

Капиталистическое производство непрерывно работаетъ надъ своей собственной гибелью, и вы можете быть увѣрены, что то же самое оно будетъ дѣлать и въ Россіи. Оно можетъ произвести,—а если оно продолжится достаточно долго, то даже несомнѣнно произведетъ—коренную аграрную революцію,—я разумѣю революцію въ условіяхъ землевладѣнія, которая разоритъ и помѣщика, и мужика, и замѣститъ ихъ новымъ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, вышедшихъ изъ деревенскихъ кулаковъ или изъ городскихъ мѣщанъ-спекуляторовъ. Во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ, что почтенные консерваторы, насаждавшіе въ Россіи капитализмъ, будутъ въ одинъ прекрасный день страшно изумлены неожиданными послѣдствіями ихъ собственныхъ дѣлъ.

Истинно вашъ

Ф. В. Рошеръ.

22.

Лондонъ, 24 февраля 1893 г.

Мой дорогой сэръ!

Простите мое долгое молчаніе. Оно было недобровольно. Мнѣ было нужно сдѣлать усиліе — послѣднее и величайшее усиліе,—чтобы окончить III-й томъ этою зимою и весною. Для достиженія этой цѣли я долженъ былъ воспретить себѣ всякій посторонній трудъ и отказаться даже отъ всякой корреспонденціи, кромѣ безусловно необходимой, а иначе, ничто не удер-

жало бы меня отъ продолженія бесѣды съ вами по поводу такого въ высшей степени интереснаго и важнаго вопроса.

Въ настоящее время я уже окончилъ—за исключеніемъ кое-какихъ, чисто формальныхъ исправленій—*редакцію* V-го отдѣла (банки и кредитъ), наиболѣе труднаго изъ всѣхъ, какъ по степени разработки самого предмета, такъ и *по состоянію оригинальной рукописи.* Теперь у меня остаются еще только два отдѣла, составляющіе около $^1/_3$ всего тома, при чемъ одинъ изъ нихъ—о земельной рентѣ—посвященъ тоже очень трудному предмету, но за то относящаяся сюда рукопись, насколько я помню, гораздо болѣе закончена, чѣмъ рукопись V-го отдѣла, а потому я все еще не теряю надежду справиться съ своею задачею въ отведенное мною на это время. Великая трудность состояла въ томъ, чтобы обозпечить себя 3—5 мѣсяцами безусловной свободы отъ всякихъ перерывовъ, такъ, чтобы посвятить все свое время отдѣлу V-му, и вотъ эта-то трудность можетъ считаться теперь счастливо преодолѣнной. Работая надъ этимъ томомъ, я часто думалъ о томъ громадномъ удовольствіи, которое онъ доставитъ вамъ, когда появится, наконецъ, въ свѣтъ. Я буду высылать вамъ отдѣльные листы, по мѣрѣ ихъ выхода, какъ я это дѣлалъ со вторымъ томомъ.

Ну, а теперь вернемся къ прерванной бесѣдѣ (Maintanant revenons a nos moutons).

Повидимому, мы согласны во всѣхъ пунктахъ, за исключеніемъ одного, который вы затрогиваете въ обоихъ вашихъ письмахъ, отъ 3 октября и 27 января, хотя каждый разъ съ иной точки зрѣнія.

Въ первомъ письмѣ вы спрашиваете: была ли та экономическая перемѣна, которая съ 1854 г. стала совершенно неизбѣжною, перемѣною такого рода, которая, по самой своей природѣ, должна была не содѣйствовать дальнѣйшему развитію историческихъ учрежденій Россіи, а, наоборотъ, подрывать ихъ въ самомъ ихъ корнѣ? Или, говоря иными словами, не могла ли русская сельская община быть взята за основу новаго экономическаго развитія Россіи?

А 27 января вы выражаете ту же идею въ такой формѣ: крупная промышленность сдѣлалась необходимостью для Россіи, но было ли неизбѣжнымъ, чтобы она развивалась непремѣнно въ капиталистической формѣ?

Хорошо. Въ 1854 году или около того Россія тронулась съ мѣста, съ своей сельскою общиною, съ одной стороны, и съ необходимостью въ крупной промышленности, съ другой. Такъ вотъ, если вы возьмете во вниманіе все состояніе вашей страны, какимъ оно было въ этомъ періодѣ, видите ли вы тамъ хоть какую-нибудь возможность привить крупную промышленность къ крестьянской общинѣ, и притомъ въ такой формѣ, которая, съ одной стороны, дѣлала бы возможнымъ развитіе крупной промышлен-

16*

ности, а съ другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня соціальнаго учрежденія, далеко превосходящаго все то, что міръ видѣлъ до сихъ поръ по этой части? И это въ то время, когда весь европейскій Западъ все еще продолжаетъ жить подъ властью капиталистическаго режима? Что касается меня, то мнѣ кажется яснымъ до очевидности, что такая эволюція, превосходящая все, что намъ извѣстно изъ предыдущей исторіи, требовала для своего осуществленія совсѣмъ иныхъ экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ условій, чѣмъ тѣ, какія имѣлись въ то время въ Россіи.

Несомнѣнно, что земельная община и, до нѣкоторой степени, артель заключали въ себѣ нѣкоторые зародыши, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы развиваться и спасти Россію отъ необходимости пройти черезъ муки капиталистическаго режима. Я вполнѣ подписываюсь подъ письмомъ нашего автора по поводу статьи Жуковскаго. Но и по его мнѣнію и по моему, первое условіе, требовавшееся для этого, заключалось въ наличности нѣкотораго *толчка извнѣ*,—въ измѣненіи экономической системы Европейскаго Запада, въ уничтоженіи капиталистической системы въ тѣхъ странахъ, гдѣ она получила свое начало. Нашъ авторъ, въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ извѣстному старому манифесту, въ 1882 году, отвѣчая на вопросъ о томъ,—не могла ли бы русская община послужить отправнымъ пунктомъ для новаго, болѣе высокаго, соціальнаго развитія,— выразился такъ: „Если измѣненіе экономической системы въ Россіи совпадетъ съ измѣненіемъ экономической системы на Западѣ, такъ, чтобы онѣ пополняли другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ новаго общественнаго развитія".

Если бы мы, люди Запада, двигались поживѣе въ дѣлѣ нашего собственнаго экономическаго развитія; если бы мы оказались способными опрокинуть капиталистическій режимъ лѣтъ десять или двадцать тому назадъ, ну тогда Россія имѣла бы еще передъ собою время, чтобы сократить путь прогресса и остановить стремленіе ея собственной эволюціи въ направленіи къ капитализму. Къ несчастію, мы движемся слишкомъ медленно и тѣ экономическія послѣдствія капиталистической системы, которыя должны привести ее къ критическому пункту, только начинаютъ развиваться въ настоящее время въ различныхъ окружающихъ насъ странахъ: въ то время какъ Англія быстро утрачиваетъ свою промышленную монополію, Франція и Германія приближаются къ промышленному уровню Англіи, а Америка обѣщаетъ изгнать ихъ всѣхъ съ міроваго рынка какъ по части промышленныхъ, такъ и по части земледѣльческихъ продуктовъ. Перемѣна экономической политики Америки, въ формѣ введенія хотя бы относительной свободы торговли, навѣрное довершитъ гибель англійской промышленной

монополіи и убьетъ въ то же самое время промышленную вывозную торговлю Германіи и Франціи; а затѣмъ долженъ наступить кризисъ—tout ce qu'il y a de plus *fin de siécle* [1]). А пока у васъ община все больше и больше увядаетъ, и намъ остается только надѣяться, что переходъ къ лучшей системѣ на Западѣ совершится достаточно скоро, чтобы спасти—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ вашей страны—тѣ учрежденія, которыя при этихъ новыхъ обстоятельствахъ могутъ оказаться призванными для осуществленія великаго будущаго. Но факты суть факты, и мы не должны забывать, что число благопріятныхъ шансовъ этого рода становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше.

Что касается остального, то я охотно соглашаюсь съ вами въ томъ, что, исходя изъ того факта, что Россія есть *послѣдняя* великая страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, а также изъ того обстоятельства, что она есть въ то же время страна съ *несравненно болѣе многочисленнымъ крестьянскимъ населеніемъ*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, мы должны признать, что потрясеніе, произведенное этимъ экономическимъ переворотомъ, должно оказаться здѣсь, уже въ силу только этихъ двухъ обстоятельствъ, гораздо болѣе сильнымъ и острымъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Процессъ замѣщенія около 500000 помѣщиковъ и около 80 милліоновъ крестьянъ новымъ классомъ землевладѣльцевъ буржуазнаго типа не можетъ быть выполненъ безъ страшныхъ страданій и потрясеній. Но исторія, пожалуй, самая жестокая изъ всѣхъ богинь, влекущая свою тріумфальную колесницу черезъ кучи труповъ, не только во время войны, но и въ періоды „мирнаго" экономическаго развитія. А мы всѣ, мужчины и женщины, все еще такъ глупы, что никакъ не можемъ собраться съ мужествомъ сдѣлать какой-нибудь дѣйствительно прогрессивный шагъ, пока насъ не принудятъ къ этому наши страданія, кажущіяся по временамъ внѣ всякой пропорціи съ достигнутыми цѣлями.

Всегда вашъ

Ф. В. Р.

Пожалуйста, адресуйте г-жѣ К., а не г-жѣ Р.

23.

Лондонъ, 17 октября 1893 г.

Мой дорогой сэръ!

Когда я получилъ ваше письмо отъ 20 іюля, сообщавшее о вашемъ возвращеніи домой, я самъ собирался отправиться на два мѣсяца за гра-

---

[1]) Въ такой формѣ, къ которой дѣйствительно подойдетъ модное названіе „конецъ вѣка".

ницу и только теперь вернулся изъ этой поѣздки. Въ этомъ и заключается причина моего долгаго молчанія.

Очень благодаренъ вамъ за нѣсколько экземпляровъ вашихъ „Очерковъ", три изъ нихъ я отправилъ друзьямъ, способнымъ судить о такихъ трудахъ. Я былъ радъ видѣть, что ваша книга вызвала значительное вниманіе и даже прямо-таки сенсацію, какъ она дѣйствительно того заслуживала. Между русскими, съ которыми я встрѣчался въ послѣднее время, она служила главнымъ предметомъ разговора. Не далѣе, какъ вчера, одинъ изъ нихъ пишетъ мнѣ: „у насъ на Руси идетъ споръ о „судьбахъ капитализма въ Россіи". Въ берлинскомъ Socialpolitische Centralblatt [1]), Струве напечаталъ большую статью о вашей книгѣ, и я долженъ согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что и для меня также нынѣшняя капиталистическая фаза развитія въ Россіи представляется неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ историческихъ условій, которыя были созданы крымскою войною, способомъ измѣненія взаимныхъ отношеній землѣдѣльческихъ классовъ въ 1861 г. и, наконецъ, общимъ политическимъ застоемъ во всей Европѣ. Но Струве рѣшительно не правъ, когда онъ сравниваетъ положеніе Россіи съ положеніемъ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью опровергнуть то, что онъ называетъ вашимъ пессимистическимъ взглядомъ на будущее. Онъ говоритъ, что бѣдственныя послѣдствія новѣйшаго капитализма въ Россіи будутъ побѣждены съ такою же легкостью, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ совершенно забываетъ при этомъ, что Соединенные Штаты представляютъ новое, буржуазное государство съ самаго своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бѣжавшими отъ европейскаго феодализма съ цѣлью установить чисто-буржуазное общество. Тогда какъ въ Россіи мы имѣемъ основной фундаментъ первобытно-коммунистическаго характера, такъ сказать, предшествующее цивилизаціи родовое общество (Gentilgesellschaft),— правда, разсыпающееся теперь въ прахъ, но все еще служащее тѣмъ фундаментомъ, тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ оперируетъ и дѣйствуетъ капиталистическая революція (потому что это— дѣйствительно соціальная революція). Въ Америкѣ денежное хозяйство установилось вполнѣ болѣе столѣтія тому назадъ, тогда какъ въ Россіи натуральное хозяйство было еще недавно чуть не общимъ правиломъ почти безъ всякаго исключенія. Поэтому всякому должно быть ясно, что въ Россіи занимающая насъ перемѣна должна имѣть гораздо болѣе насильственный и рѣзкій характеръ и сопровождаться несравненно большими страданіями, чѣмъ въ Америкѣ.

Но при всемъ этомъ, мнѣ все же кажется, что вы смотрите на дѣло

---

[1]) III Jahrgang, № 1, Oct. 1, 1893.

мрачнѣе, чѣмъ можетъ быть оправдано фактами. Несомнѣнно, что переходъ отъ первобытнаго, земельнаго коммунизма къ капиталистическому индустріализму не можетъ произойти безъ ужаснаго перелома внутри общества, безъ исчезновенія цѣлыхъ классовъ и ихъ превращенія въ другіе классы; а какія громадныя страданія, какая растрата человѣческихъ жизней и производительныхъ силъ необходимо предполагается такими перемѣнами, это мы видѣли уже—хотя и и въ меньшемъ масштабѣ—въ исторіи Западной Европы. Но отъ этого еще очень далеко до полной гибели великаго и высоко-одареннаго народа. Быстрое возрастаніе народонаселенія, къ которому вы такъ привыкли, можетъ пріостановиться; беззаботное обезлѣсеніе, въ соединеніи съ экспропріаціей старыхъ помѣщиковъ, такъ же, какъ и крестьянъ, можетъ причинить колоссальную растрату производительныхъ силъ; и все же послѣ всего этого населеніе болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ душъ доставитъ въ концѣ-концовъ очень значительный отечественный рынокъ для очень почтенной *крупной промышленности*; и у васъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, дѣло кончится тѣмъ, что вещи придутъ понемногу въ равновѣсіе,—конечно, если капитализмъ продержится достаточно долго въ самой Западной Европѣ.

Вы сами признаете, что „соціальныя условія въ Россіи послѣ крымской войны не были благопріятны для развитія той формы производства, которую мы унаслѣдовали изъ нашей прошлой исторіи“. Я пошелъ бы еще дальше и сказалъ бы, что ни въ Россіи, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ невозможно развить изъ первобытнаго земельнаго коммунизма какую-либо болѣе высокую соціальную форму, если эта болѣе высокая форма *не существуетъ уже* въ дѣйствительности въ какой-либо другой странѣ и не служитъ такимъ образомъ какъ бы образцомъ для подражанія. Такъ какъ эта болѣе высокая форма—всюду, гдѣ она исторически возможна—является необходимымъ слѣдствіемъ капиталистической формы производства и создаваемаго имъ соціальнаго дуалистическаго антагонизма, то она никакъ не можетъ развиться прямо изъ первобытной земельной общины, иначе какъ въ видѣ подражанія примѣру, уже существующему въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Если бы Западъ Европы былъ достаточно зрѣлъ въ 1860—1870 годахъ для такого преобразованія; если бы это преобразованіе было предпринято тогда Англіей, Франціей и пр.,—ну тогда русскіе были бы дѣйствительно призваны показать, что можетъ быть сдѣлано изъ ихъ „общины“, которая въ то время оставалась еще болѣе или менѣе нетронутой. Но Западъ пребывалъ въ застоѣ и даже не пытался произвести такого преобразованія, а капитализмъ, напротивъ того, развивался все быстрѣе и быстрѣе. Итакъ, Россіи не оставалось никакого иного выбора, кромѣ слѣдующаго: или развить свою „общину“ въ такую форму произ-

водства, отъ которой ее отдѣляло еще много промежуточныхъ историческихъ ступеней и условія осуществленія которой не созрѣли еще тогда даже на Западѣ,—задача, очевидно, невозможная—или же развиваться въ направленіи капитализма. Спрашивается: какой путь могла избрать Россія, кромѣ послѣдняго?

Что касается до „общины“, то она остается возможною только до тѣхъ поръ, пока ея члены отличаются другъ отъ друга богатствомъ лишь въ ничтожной степени. Какъ только эти различія станутъ большими; какъ только нѣкоторые ея члены станутъ должниками-рабами другихъ более богатыхъ членовъ,—такъ община не можетъ долѣе жить. Аѳинскіе кулаки и міроѣды передъ появленіемъ Солона разрушили аѳинскій *родъ* (gens) съ такою же неумолимостью и безпощадностью, съ какими кулаки и міроѣды вашей страны разрушаютъ вашу общину. Я боюсь, что это учрежденіе уже осуждено на гибель. Но, съ другой стороны, капитализмъ открываетъ новыя перспективы и новыя надежды. Посмотрите на то, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ на Западѣ. Великая нація, подобная вашей, переживетъ всякій кризисъ. Не существуетъ ни одного великаго историческаго бѣдствія, которое не уравновѣшивалось и не вознаграждалось бы какимъ-либо историческимъ прогрессомъ. Только modus operandi (способъ дѣйствія) постоянно измѣняется. Que les destinées s'accomplissent! (пусть предопредѣленный жребій исполнится!)

Вашъ

Ф. В. Р.

Какъ только III-й томъ поступитъ въ печать, я озабочусь немедленной высылкой вамъ готовыхъ листовъ по мѣрѣ ихъ отпечатанія.

24.

Лондонъ, *2 марта 1894 г.*

122, Regent's Park Road, N. W.

Мой дорогой сэръ!

Сегодня я посылаю вамъ *заказнымъ* порядкомъ 1—6 листъ III-го тома (до 96-й страницы), содержащей большую часть 1-го отдѣла. Дальнѣйшіе листы послѣдуютъ за этими по мѣрѣ того, какъ они будутъ попадать въ мои руки.

На ваши письма отъ 4 и 23 ноября, а также и на только-что полученное письмо отъ 24 февраля отвѣчу при первой возможности.

Искренно вашъ

Ф. Р.

25.

Лондонъ, 1 іюня 1894 г.

Мой дорогой сэръ!

На прошлой недѣлѣ я выслалъ вамъ 7—16 листы III-го тома и надѣюсь, что вы получили ихъ. Они были сданы заказнымъ порядкомъ и имя отправителя (L. K.) было выставлено на оборотѣ бандероли.

Я радъ слышать объ успѣхѣ вашихъ „Очерковъ" и надѣюсь, что новое изданіе ихъ уже поступило въ печать. Я былъ бы очень радъ, если бы могъ найти нѣмецкаго переводчика для этой книги, но, къ несчастію, большинство переводовъ съ русскаго на нѣмецкій исполняется женщинами, которыя обыкновенно оказываются не особенно хорошо подготовленными для передачи экономическихъ трудовъ.

Премного благодаренъ вамъ за высылку русскаго перевода „Происхожденія Семьи" и пр. Переводъ, поскольку я успѣлъ просмотрѣть его, показался мнѣ очень хорошимъ, да и цензура, повидимому, обошлась съ моей книжкой очень снисходительно.

Листы III-го тома посланы вамъ нѣсколько поздно, но это вина издателя, который очень долго задерживалъ ихъ. Чтеніе корректуры такой книги, какъ эта, представляетъ очень тяжелый трудъ. Вы найдете въ посланныхъ вамъ листахъ рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ различныя нормы прибавочной стоимости выравниваются въ одну и ту же среднюю норму прибыли; а также изложеніе закона, согласно которому норма прибыли стремится непрерывно понижаться; и, наконецъ, объясненіе того способа, посредствомъ котораго торговый или купеческій капиталъ участвуетъ въ распредѣленіи прибавочной стоимости. Все это заканчивается на листѣ 21-мъ, съ котораго открывается 5-й отдѣлъ: распаденіе прибыли на процентъ и „предпринимательскій доходъ"; о денежномъ капиталѣ вообще; банки и кредитъ. Этотъ отдѣлъ заполняетъ цѣлую треть книги, и стоилъ мнѣ болѣе труда и хлопотъ, чѣмъ все остальное. Послѣдняя треть книги состоитъ изъ отдѣла VI: Поземельная рента, и отдѣла VII:—Три рода дохода: рента, прибыль (процентъ), заработная плата.

Въ настоящую минуту уже весь оригиналъ находится въ рукахъ типографщика: и я только теперь вижу, какая громадная масса невыполненныхъ работъ скопилась у меня на рукахъ за это время, такъ какъ, ради окончанія III-го тома, я отодвигалъ въ сторону рѣшительно все, что не было безусловно необходимымъ для данной минуты. Это обстоятельство да послужитъ мнѣ извиненіемъ за то, что я не возвращаюсь сейчасъ къ нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ, обсуждавшимся раньше въ нашей съ вами переискѣ. Мнѣ сдается, что въ эту минуту у обоихъ насъ

полны руки дѣла, а потому обоимъ намъ удобнѣе отложить обсужденіе этихъ вопросовъ до другого времени.

Искренно вашъ

L. K.

Отчеты о промышленности и земледѣльческомъ развитіи Россіи (выставка въ Чикаго) получены мною. Примите мою сердечную благодарность за нихъ. Они дѣйствительно очень полезны, особенно при сопоставленіи съ вашими „Очерками".

26.

41, Regent's Park Road, N. W.

Лондонъ, 24 ноября 1894 г.

Мой дорогой сэръ!

Я получилъ ваши любезныя письма отъ 7 и 11 іюня, отъ 15 октября и 12 ноября.

Изъ работъ Струве мнѣ извѣстна только его статья въ Braun's Centralblatt, а потому я ничего не могу сказать касательно тѣхъ утвержденій, которыя онъ могъ высказать при какихъ-либо другихъ случаяхъ. Если въ моихъ письмахъ вы найдете какіе-либо *факты*, которые покажутся вамъ полезными для вашего возраженія, то вы можете воспользоваться ими какъ вамъ будетъ угодно. Но что касается до моихъ *мнѣній*, то я боюсь, что ваши оппоненты—если не самъ Струве, то другіе представители русской прессы—могутъ воспользоваться ими такимъ образомъ, который совсѣмъ не оправдывается ихъ дѣйствительнымъ смысломъ. Мои русскіе друзья чуть не ежедневно и еженедѣльно пристаютъ ко мнѣ съ просьбами выступить съ моими возраженіями противъ русскихъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ слова нашего автора подвергаются не только ложнымъ истолкованіямъ, но и неправильной передачѣ; причемъ эти друзья увѣряютъ, что моего вмѣшательства будетъ достаточно, чтобы привести дѣло въ надлежащій порядокъ. Но я постоянно и неизмѣнно отклоняю всѣ такія предложенія потому, что не могу я, не покидая настоящаго и серьезнаго труда, дозволить втянуть себя въ полемику, происходящую въ отдаленной странѣ, на языкѣ, на которомъ я все еще не могу читать такъ легко и свободно, какъ на лучше извѣстныхъ мнѣ западныхъ языкахъ, и въ литературѣ, отъ которой въ лучшемъ разѣ доходятъ до меня лишь кое-какіе случайные отрывки, и гдѣ мнѣ рѣшительно невозможно слѣдить за споромъ сколько-нибудь настойчиво и близко, во всѣхъ его фазахъ и подробностяхъ. Повсюду имѣются люди, которые, занявъ однажды извѣстную позицію, ничуть не стѣсняются, ради ея защиты, прибѣгать къ иска-

женію чужихъ мыслей и ко всякимъ нечестнымъ уловкамъ; и если это имѣло мѣсто по отношенію къ трудамъ нашего автора, то я боюсь, что и со мною обойдутся не лучше и, такимъ образомъ, принудятъ меня въ концѣ-концовъ вмѣшаться въ споръ ради защиты сначала другихъ, а потомъ и себя самого. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мои мнѣнія, высказанныя въ частныхъ письмахъ, появились въ русской прессѣ, съ моего предварительнаго согласія, то я не имѣлъ бы послѣ этого никакого оправданія въ глазахъ моихъ русскихъ друзей—здѣсь и на континентѣ,—которые настойчиво побуждаютъ меня къ дѣятельному вмѣшательству въ русскіе споры съ цѣлью исправить мнѣніе того или другого писателя по тому или другому пункту. У меня не будетъ тогда никакихъ вѣскихъ отговорокъ для отклоненія подобныхъ предложеній, такъ какъ они всегда будутъ вправѣ сказать мнѣ: но вы *уже вмѣшивались* однажды въ русскіе споры; вы должны сознаться, что данный случай совершенно также важенъ, какъ и случай г. N., а потому обойдитесь съ нами, пожалуйста, такъ, какъ вы обошлись съ нимъ. И тогда мое время перестанетъ быть моимъ, а мое вмѣшательство въ русскіе споры все же окажется въ концѣ-концовъ весьма неполнымъ и малоуспѣшнымъ.

Вотъ тѣ причины, которыя принуждаютъ меня, къ моему глубочайшему сожалѣнію, просить васъ не настаивать на вашемъ желаніи цитировать мои *мнѣнія* или, по крайней мѣрѣ, приводите ихъ *не какъ мои.*

Я постараюсь выслать вамъ продолженіе того, что вы уже получили.

Истинно вашъ

L. K.

27.

41, Regent's Park Road. N. W.

Лондонъ, *9 января 1895 г.*

Мой дорогой сэръ!

Ваше письмо отъ 1 декабря получено мною исправно. Что хочетъ сказать Струве, говоря, что Marx *дополняетъ* теорію народонаселенія Мальтуса, а *не опровергаетъ* ее, этого я не понимаю [1]). Мнѣ кажется, что замѣтка о Мальтусѣ—въ I-мъ т., примѣчаніе 75 къ гл. XXIII, 1—должна была показаться достаточно ясною для каждаго. Кромѣ того, я рѣшительно не вижу, какимъ образомъ кто бы то ни было можетъ говорить о *дополненіи* теоріи Мальтуса въ настоящее время, когда мы знаемъ, что

[1]) „Теорія населенія Маркса дополняетъ, но не опровергаетъ теоріи Мальтуса—таково наше мнѣніе“. *П. Струве*: „*Критическія замѣтки*“ СПБ. 1894, стр. 184, выноска.

теорія эта покоится на утвержденіи, что *населеніе постоянно переростаетъ средства существованія*, а между тѣмъ пшеница продается сейчасъ въ Лондонѣ по 20 шиллинговъ за квартеръ, т. е. болѣе чѣмъ на половину дешевле средней ея цѣны отъ 1848 до 1870 г., и когда, по всеобщему признанію, *средства къ существованію переростаютъ теперь населеніе*, которое недостаточно велико, чтобы потребить ихъ! И если въ Россіи крестьянинъ вынужденъ продавать тотъ хлѣбъ, который онъ долженъ бы былъ ѣсть самъ, то, конечно, онъ дѣлаетъ это не подъ давленіемъ размножившагося населенія, а подъ давленіемъ сборщика податей, землевладѣльца, кулака и пр. Поскольку мнѣ извѣстно, низкая цѣна аргентинской пшеницы имѣетъ большее вліяніе на бѣдствія земледѣлія по всей Европѣ, включая сюда и Россію, чѣмъ что бы то ни было другое.

Я только что услышалъ, что одинъ изъ вашихъ петербургскихъ ученыхъ получилъ офиціальное увѣдомленіе, что онъ можетъ получить III-й томъ безъ всякихъ помарокъ, если самолично обратится за нимъ въ цензурное вѣдомство. Я счелъ не безполезнымъ сообщить вамъ этотъ фактъ на тотъ случай, что онъ можетъ побудить васъ дать мнѣ какія-нибудь особыя указанія насчетъ доставленія вамъ остальныхъ листовъ этого тома, которые я держу наготовѣ для васъ.

Истинно вашъ

L. K.

Обратите, пожалуйста, вниманіе на перемѣну номера дома.

28.

41, Regent's Park Road, N. W..

Лондонъ, 5 марта 1895 г.

Мой дорогой сэръ!

Мнѣ очень прискорбно сообщить вамъ, въ отвѣтъ на ваше любезное письмо отъ 29 января, что въ бумагахъ нашего автора не оказалось никакихъ замѣтокъ касательно его взглядовъ на положеніе земельной собственности въ Россіи и его выводовъ и заключеній по этому предмету. Все, что я нашелъ по этой части, были просто многочисленныя и обширныя выписки изъ русскихъ источниковъ—статистическихъ и вообще экономическихъ—выписки, даже не пересыпанныя на этотъ разъ, *въ противность* всегдашнимъ привычкамъ автора, его собственными замѣчаніями и разсужденіями.

Я влагаю въ этотъ конвертъ письмо, полученное для васъ изъ Берлина, причемъ упоминаемый въ немъ г. Э. [1]) проситъ меня прибавить

---

[1]) Т. е. самъ же Энгельсъ.

слѣдующія свѣдѣнія: Нѣсколько времени тому назадъ г. Э. получилъ отъ доктора Люкса, пишущаго по экономическимъ предметамъ, запросъ, заслуживаютъ ли ваши „Очерки" перевода на нѣмецкій языкъ, и если да, то не согласенъ ли г. Э. посодѣйствовать чѣмъ-нибудь изданію такого перевода? На это г. Э. отвѣтилъ, что онъ былъ бы очень радъ увидѣть нѣмецкій переводъ этой книги и что онъ не только согласенъ рекомендовать Дицу издать ее, но охотно напишетъ о ней статью въ Neue Zeit, въ которой укажетъ на важность результатовъ вашихъ изслѣдованій, но въ то же самое время заявитъ, что онъ не совсѣмъ согласенъ съ нѣкоторыми изъ заключеній, къ которымъ вы пришли. При этомъ г. Э. прибавилъ, что онъ, Э., не имѣетъ такого права разрѣшать или не разрѣшать перевода этой книги, а потому посовѣтовалъ будущему переводчику, другу доктора Люкса, обратиться за дозволеніемъ прямо къ вамъ. Чтобы избѣжать всякой нескромности, г. Э. настаивалъ, чтобы это письмо было послано вамъ черезъ его посредство.

Говорятъ, что переводчикъ — проживающій въ Берлинѣ молодой русскій—вполнѣ способенъ выполнить этотъ трудъ (такъ говоритъ жена доктора Люкса, русская родомъ), а самъ докторъ Люксъ обѣщалъ просмотрѣть нѣмецкій текстъ, чтобы обезпечить достоинство языка. Говорятъ также, что переводчикъ самъ занимается экономическими предметами, а потому не чуждъ содержанію вашей книги.

Прилагаемое письмо, повидимому, исходитъ изъ *увѣренности заранѣе* въ вашемъ согласіи, которое какъ бы уже дано; по крайней мѣрѣ, я не нахожу въ немъ никакого слѣда формальной просьбы къ вамъ по по этому поводу. Я знаю, что *нѣкоторые* изъ молодыхъ русскихъ держатся того мнѣнія, что такая просьба есть чистая формальность, въ которой нѣтъ никакой необходимости. но не таково мое мнѣніе; а потому, если вы склонны вообще вступить въ переговоры съ г. К. по поводу его предложенія, то мнѣ кажется, что легкій намекъ въ въ этомъ направленіи могъ бы принести молодому человѣку только пользу.

Что касается до меня лично, то я не знаю ровно ничего о предполагаемомъ переводчикѣ.

Если вы пожелаете отправить вашъ отвѣтъ г. К. черезъ меня, то я озабочусь, чтобы онъ пошелъ далѣе безъ всякой потери времени.

Искренно вашъ

L. K.

29.

41, Regent's Park Road, N. W.

Лондонъ, 4 іюня 1895 г.

Мой дорогой сэръ!

Я не совсѣмъ здоровъ въ настоящее время (хотя болѣзнь моя и не серьезна), а потому я принужденъ ограничиваться въ дѣлѣ переписки лишь безусловно необходимымъ.

Я препроводилъ г. Конову присланныя вами дополненія и измѣненія и попросилъ его переписываться впредь непосредственно съ вами, для чего и сообщилъ ему вашъ адресъ. Его же адресъ таковъ:

Andrei Konow

Augsburgerstrasse, 37-III Berlin.

Въ надеждѣ имѣть вскорѣ возможность сообщить болѣе благопріятныя свѣдѣнія о себѣ, остаюсь

Искренно вашъ

L. K.

5-го августа 1895 года Энгельсъ скончался.

Письмо дочери Маркса—Элеоноры.

The Den,
Jews Walk,
Sydenham
London.
17. 12. 96.

Мой дорогой сэръ!

Не могу выразить съ какимъ удовольствіемъ я получила ваше письмо: оно напомнило мнѣ, какъ радовался всегда мой дорогой отецъ всякому извѣстію о васъ.

Переводъ еще не пришелъ, но когда онъ получится, я буду очень дорожить имъ, хотя онъ навсегда останется для меня... русскимъ [1]).

Конечно, я позабочусь о томъ, чтобы вы получили готовые листы IV-го тома по мѣрѣ ихъ выхода изъ печати. Только я побаиваюсь, что

---

[1]) Т. е. непонятной тарабарщиной. „Капиталъ“, т. III.

пройдетъ еще долгое время, прежде чѣмъ они могутъ быть готовы. Работа надъ ними *очень* трудна. Я ввѣрила ее Каутскому, такъ какъ и *я*, и моя сестра чувствуемъ обѣ, что это—единственный человѣкъ, могущій справиться съ этой задачей удовлетворительнымъ образомъ. Я знаю, что также думалъ и Энгельсъ.

А пока я желаю послать вамъ недавно вышедшее новое изданіе „Нищеты Философіи", а также только-что выпущенный мною томъ, заключающій перепечатку статей моего отца изъ „Нью-Іоркской Трибуны" [1]). Книжка подъ заглавіемъ „Революція и контръ-революція въ Германіи" представляетъ въ высшей степени цѣнный pendant къ „18 Брюмера". Всѣ эти книги у меня уже готовы, но я все колеблюсь насчетъ того, *какъ* всего лучше доставить ихъ вамъ. Не будете ли вы настолько любезны, чтобы написать мнѣ пару строкъ по этому поводу?

Повидимому, у васъ не имѣется никакихъ новыхъ свѣдѣній о состояніи здоровья нашего дорогого „общаго друга"? [2]). Изъ всего того, что я слышу, я вывожу печальное заключеніе, что нѣтъ почти никакихъ шансовъ, чтобы онъ поправился вполнѣ отъ постигшей его болѣзни.

Съ искреннимъ привѣтомъ и всякими добрыми пожеланіями

остаюсь

преданная вамъ

Элеонора Марксъ-Эвелингъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгѣ. изданной фирмой Swan Sonnenschein въ Лондонѣ: *The Eastern Question, A reprint of Letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean War.* By Karl Marx. 1897. Большой томъ въ 656 страницъ.

[2]) Г. А. Лопатинъ.

Отрывки изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Больте и другимъ [1]).

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ у насъ письмамъ Маркса и Энгельса къ Николаю—ону, помѣщаемъ нѣкоторые отрывки, относящіеся къ Россіи, русскимъ личностямъ и дѣламъ, изъ писемъ Маркса и Энгельса къ Зорге, Больте и другимъ. Помѣщаемъ мы эти отрывки отчасти для полноты картины, а отчасти для того, чтобы показать, что мы были правы, не желая выбрасывать рѣзкихъ мѣстъ, касающихся Бакунина, Нечаева и пр. Какъ видитъ читатель, эти рѣзкости давно уже обращаются въ иностранной прессѣ и не могутъ быть уничтожены нашими умолчаніями. Переводъ этихъ отрывковъ сдѣланъ также Г. А. Лопатинымъ.

Редакція.

I.

ИЗЪ ПИСЬМА К. МАРКСА КЪ Ф. БОЛЬТЕ

от 23 ноября 1871.

2. Я былъ въ высшей степени удивленъ, видя, что нѣмецкая секція № 1 заподозрѣла генеральный совѣтъ въ какомъ-то пристрастіи къ буржуазнымъ филантропамъ и разнымъ политическимъ сектантамъ и аматерамъ съ ихъ группами, тогда какъ дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ.

Интернаціоналъ былъ учрежденъ именно для того, чтобы на мѣсто соціалистическихъ и полусоціалистическихъ сектъ поставить дѣйствительную организацію рабочаго класса для предстоящей борьбы. Первоначальные статуты и вступительное обращеніе (Inauguraladresse) обнаруживаютъ это съ перваго же взгляда. Съ другой стороны, приверженцы Интернаціонала не могли бы укрѣпиться и устоять, если бы ходъ исторіи не разбилъ уже сектантства. Развитіе соціалистическаго сектантства и дѣйствительнаго рабочаго движенія стоятъ всегда въ обратномъ отношеніи одно къ другому. До тѣхъ поръ, пока существованіе сектъ оправдывается исторіей, рабочій

[1]) Briefe und Auszüge aus Briefen von J. Ph. Becker, J. Dietzgen, F. Engels, K. Marx u. A. an F. Sorge und Andere.—Stuttgart, 1906.

классъ еще не дозрѣлъ до самостоятельнаго историческаго движенія. Какъ только онъ достигаетъ до такой зрѣлости, всѣ секты становятся существенно реакціонными. Между тѣмъ, въ исторіи Интернаціонала повторилось то же, что мы видимъ повсюду въ исторіи: устарѣвшее постоянно стремится воскреснуть и укрѣпиться вновь посреди новосозданныхъ формъ.

И потому исторія Интернаціонала была *непрерывной борьбой генеральнаго совѣта* противъ сектъ и аматерскихъ попытокъ укрѣпиться внутри самого же Интернаціонала противъ дѣйствительнаго движенія рабочаго класса. Эта борьба велась и на конгрессахъ, но всего больше путемъ частной переписки и переговоровъ генеральнаго совѣта съ отдѣльными секціями.

Такъ какъ въ Парижѣ приверженцы Прудона (мютюалисты) были въ числѣ основателей Международной Ассоціаціи, то естественно, что въ первые годы они стояли тамъ у кормила правленія. Но позднѣе здѣсь естественно сложились и другія группы: коллективистовъ, позитивистовъ и проч.

Въ Германіи имѣлась клика Лассаля. Я самъ въ продолженіе двухъ лѣтъ переписывался съ пресловутымъ Швейцеромъ и доказалъ ему неопровержимымъ образомъ, что Лассалевская организація есть чисто сектантская организація, и что она, какъ таковая, враждебна той организаціи дѣйствительнаго рабочаго движенія, къ которой стремится Интернаціоналъ. Но Швейцеръ имѣлъ свое „основаніе“ (Grund) не понимать меня.

Въ концѣ 1868 года вступилъ въ Интернаціоналъ русскій Бакунинъ съ тою цѣлью, чтобы образовать внутри его, подъ собственнымъ главенствомъ, *второй Интернаціоналъ* подъ именемъ Союза Соціалистической Демократіи (Alliance de la Democratie Socialiste). Онъ—человѣкъ безъ всякихъ теоретическихъ познаній—заявлялъ претензію представлять въ этой особенной группѣ *научную* пропаганду Интернаціонала и даже сдѣлалъ изъ этой пропаганды спеціальное призваніе этого *второго Интернаціонала* въ нѣдрахъ первоначальнаго основного Интернаціонала.

Его программа представляла просто безпорядочно нахватанную отовсюду мѣшанину:—*равенство классовъ* (*!*), *уничтоженіе права наслѣдованія*, какъ *исходный пунктъ* соціальнаго движенія (сенсимонистская глупость), *атеизмъ*, какъ заранѣе предписанное всѣмъ сочленамъ ученіе, и, наконецъ, какъ главный догматъ (прудонистскій),—*воздержаніе отъ политической дѣятельности*.

Эта ребяческая проповѣдь нашла сочувствіе (а отчасти пользуется имъ и до сихъ поръ) въ Италіи и Испаніи, гдѣ реальныя условія рабочаго движенія еще мало развиты, а также и у нѣкоторыхъ честолюбивыхъ, тщеславныхъ и пустыхъ доктринеровъ романской Швейцаріи и Бельгіи.

Для Бакунина его ученіе (т. е. весь этотъ вздоръ, понадерганный изъ Прудона, Сен-Симона и др.) представляло и представляетъ очень второстепенный интересъ и служитъ только средствомъ для его личнаго возвеличенія. Будучи нулемъ, какъ теоретикъ, онъ, какъ интриганъ, находится вполнѣ въ своей стихіи.

Генеральному совѣту приходилось цѣлые годы бороться съ этимъ заговоромъ, при чемъ французскіе прудонисты, а именно въ Южной Франціи, поддерживали его до извѣстной степени въ этой борьбѣ. Наконецъ, посредствомъ постановленій Лондонской конференціи — I, 2 и 3, IX, XVI и XVII—ему удалось нанести своимъ противникамъ давно подготовлявшійся рѣшительный ударъ [1]).

Само собой разумѣется, что Генеральный Совѣтъ не можетъ поддерживать въ Америкѣ то, противъ чего онъ боролся въ Европѣ. Постановленія I, 2 и 3, а также IX даютъ теперь нью-іоркскому комитету законное оружіе, чтобы положить конецъ всякому сектантству и аматерскимъ группамъ, а, въ случаѣ нужды, даже исключить ихъ изъ Ассоціаціи.

3. Нью-іоркскій комитетъ хорошо сдѣлаетъ, если выскажетъ свое полное согласіе съ постановленіями конференціи *въ офиціальномъ письмѣ* по адресу *Генеральнаго Совѣта.*

Бакунинъ—угрожаемый лично XIV-мъ постановленіемъ, требующимъ опубликованія въ Egalité Нечаевскаго процесса, вслѣдствіе чего его гнусныя русскія дѣла вынырнутъ на дневной свѣтъ, — употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы съ остатками своихъ приверженцевъ возбудить протестъ противъ конференціи.

Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ съ нравственно опустившейся частью французской эмиграціи въ Женевѣ и Лондонѣ (впрочемъ, численно очень незначительной ея частью). Данный имъ лозунгъ заключается въ увѣреніи, будто бы въ Генеральномъ Совѣтѣ царствуетъ *пангерманизмъ* (или, что тоже, Бисмаркизмъ). Этимъ указывается на тотъ *непростительный* фактъ, что я по происхожденію нѣмецъ и дѣйствительно

---

[1]) Постановленія I, 2 и 3 Лондонской конференціи запрещаютъ отдѣльнымъ вѣтвямъ, секціямъ и пр. Интернаціонала именовать себя какимъ-либо сектантскими названіями и предписываютъ имъ называться просто секціями, вѣтвями, и пр. Международной Ассоціаціи Рабочихъ, съ присовокупленіемъ имени своей мѣстности. Постановленіе IX настаиваетъ на необходимости политической дѣятельности рабочаго класса и заявляетъ, что его экономическое движеніе и политическая дѣятельность связаны между собою неразрывнымъ образомъ. Постановленіе XVI объявляетъ вопросъ о Союзѣ Соціалистической Демократіи упраздненнымъ послѣ того, какъ секретарь этого союза Жуковскій объявилъ его распущеннымъ. А постановленіе XVII разрѣшаетъ юрскимъ секціямъ Швейцаріи принять имя Юрской Федераціи и высказываетъ порицаніе ихъ органамъ „Прогрессъ“ и „Солидарность“.

имѣю рѣшительное умственное вліяніе на Генеральный Совѣтъ. (Замѣтьте себѣ, что *нѣмецкій* элементъ въ совѣтѣ *численно* на двѣ трети слабѣе, чѣмъ *англійскій*, и на столько же слабѣе *французскаго*. Значитъ, грѣхъ заключается въ томъ, что англійскіе и французскіе элементы *теоретически* подчиняются (!) нѣмецкому, да еще находятъ это подчиненіе, т. е. нѣмецкую науку, очень полезнымъ и даже неизбѣжнымъ).

Въ Женевѣ эти люди выпустили, подъ патронажемъ буржуазки г-жи Андре Лео (имѣвшей безстыдство на Лозанскомъ конгрессѣ донести на Ферре его версальскимъ палачамъ), газетку „Соціальная Революція", которая полемизируетъ съ нами почти буквально въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ Journal de Genève, самая реакціонная газета въ Европѣ.

Въ Лондонѣ они попытались основать французскую секцію, образчикъ дѣятельности которой вы найдете въ прилагаемомъ при семъ 42-мъ нумерѣ газеты Qui Vive. (Прилагаю также тотъ нумеръ, который содержитъ письмо нашего французскаго секретаря Серралье). Эта секція, состоящая изъ двадцати душъ (между которыми много сыщиковъ), не признана Генеральнымъ Совѣтомъ, который утвердилъ другую, болѣе численную, французскую секцію.

На дѣлѣ, несмотря на интриги этой св....., мы ведемъ очень успѣшную пропаганду во Франціи и даже въ Россіи, гдѣ умѣютъ цѣнить Бакунина по его достоинству и гдѣ какъ разъ теперь печатается по-русски моя книга о Капиталѣ.

Секретаремъ только-что названной (не признанной нами и находящейся въ полномъ разложеніи) французской секціи былъ тотъ самый Дюранъ, котораго мы исключили изъ Ассоціаціи, какъ тайнаго полицейскаго агента (mouchard). Бланъ и Альберъ Ришаръ изъ Ліона, проповѣдующіе бакунистское воздержаніе отъ политики, состоятъ теперь *платными бонапартистскими агентами*. Доказательства этому у насъ въ рукахъ. Корреспондентъ изъ Безье (въ южной Франціи) Бурне (принадлежащій къ той же Женевской шайкѣ), по донесенію намъ тамошней секціи, тоже оказывается полицейскимъ агентомъ.

II.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 23 мая 1872 г.

Любезный Зорге!

Пишу со всею поспѣшностью лишь нѣсколько строкъ, потому что я чрезмѣрно занятъ.

Помимо дѣлъ по Интернаціоналу—а ихъ у меня выше головы и

все спѣшныхъ—мнѣ приходится исправлять ежедневно корректурные листы второго нѣмецкаго изданія „Капитала“ (оно выходитъ выпусками) и корректуры французскаго перевода, выходящаго въ Парижѣ, причемъ мнѣ часто приходится передѣлывать эти послѣднія совсѣмъ заново, чтобы сдѣлать предметъ яснымъ для французовъ; да, кромѣ того, имѣются еще корректуры нашего „Манифеста по поводу междоусобной войны“, который мы издаемъ въ Брюсселѣ на французскомъ языкѣ. Вы будете, конечно, постоянно получать отъ насъ и нѣмецкіе и французскіе выпуски. Въ Петербургѣ появился превосходный русскій переводъ („Капитала“). Русская соціалистическая газета „Новое Время“ [1]) (я перевожу заглавіе на нѣмецкій, самая же газета издается, понятно, по-русски) напечатала недавно похвальную передовицу въ цѣлыхъ пять столбцовъ по поводу моей книги, причемъ эта передовица должна была служить лишь введеніемъ къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ статей. Но газета вскорѣ получила за это полицейское предостереженіе съ угрозою закрыть ее совсѣмъ.

III.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 21 іюня 1872 г.

Что касается моего „Капитала“, то первый нѣмецкій выпускъ его появится на слѣдующей недѣлѣ; тогда же выйдетъ въ Парижѣ и первый французскій выпускъ. Вы будете непрерывно получать отъ меня, какъ лично для себя, такъ и для кое-кого изъ вашихъ друзей, по нѣскольку экземпляровъ этихъ выпусковъ—на томъ и другомъ языкѣ—по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ. Французское изданіе (на заглавномъ листѣ котораго стоитъ совсѣмъ не для фразы—entièrement révisée par l'auteur [2]), потому что мнѣ пришлось чертовски потрудиться надъ нимъ) отпечатано въ 10000 экземпляровъ, изъ которыхъ 8000 уже запродано еще ранѣе выхода перваго выпуска.

Въ Россіи представляются въ цензуру уже совсѣмъ отпечатанныя книги, прежде ихъ выпуска въ публику; причемъ, если цензура не желаетъ допустить выхода ихъ въ свѣтъ, она обязана обжаловать ихъ передъ судомъ.

Такъ вотъ, мнѣ пишутъ изъ Россіи насчетъ русскаго перевода моей книги (который выполненъ мастерски): „Въ цензурномъ комитетѣ дѣло просмотра взяли на себя двое цензоровъ, которые и представили комитету свои

---

[1]) Газета „Новое Время“, издававшаяся Ѳ. Устряловымъ подъ редакціей И. Сухомлина. Передовица въ № 106 отъ 23 апрѣля (5 мая) 1872 г.

[2]) Совершенно переработанное авторомъ.

заключенія по этому поводу. Еще ранѣе разсмотрѣнія книги было постановлено принципіально не задерживать книги изъ-за одного только имени автора, но изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ, насколько она дѣйствительно соотвѣтствуетъ своему заглавію. Вотъ вкратцѣ сущность заключенія, единогласно принятаго цензурнымъ комитетомъ и представленнаго имъ на усмотрѣніе главнаго управленія по дѣламъ печати:

„Хотя сочинитель по своимъ убѣжденіямъ совершенный соціалистъ и хотя его книга носитъ вполнѣ опредѣленный соціалистическій характеръ, однако же, принимая въ соображеніе, что изложеніе ея отнюдь не можетъ быть названо общедоступнымъ и понятнымъ для всякаго, и что, съ другой стороны, способъ доказательства автора облеченъ повсюду въ строго математическую, научную форму, комитетъ находитъ невозможнымъ подвергнуть это сочиненіе судебному преслѣдованію“. Послѣ такого постановленія книга получила разрѣшеніе на выходъ въ свѣтъ. Она напечатана въ 3000 экземпляровъ. Поступила она въ продажу 27 марта, а 15 мая было уже распродано 1000 экземпляровъ.

Дико-первобытный и глубоко-невѣжественный неучъ Гейнценъ, въ своемъ извѣщеніи о выходѣ моей книги, очень потѣшался надъ стоящею на ея заглавномъ листѣ фразою: „издатель удерживаетъ за собою право на переводъ“. Кому придетъ въ голову переводить такую безсмыслицу. Вѣдь книга ясно написана лишь съ тою цѣлью, чтобы ея не понялъ Карлъ Гейнценъ.

IV.

ИЗЪ ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 21 сентября 1872 г.

Люкенъ увезъ бумаги коммиссіи въ Брюссель и приводитъ тамъ теперь въ порядокъ свидѣтельскія показанія; какъ только мы получимъ эти бумаги, обѣщанныя намъ, самое позднее, къ концу этого мѣсяца, такъ мы сейчасъ же изготовимъ и отпечатаемъ обвинительный актъ противъ Бакунина и Альянса. Мы получили еще очень интересные документы, но не могли даже представить ихъ на разсмотрѣніе комиссіи, такъ какъ они пришли слишкомъ поздно [1]).

---

[1]) Все это относится опять-таки къ Бакунину и Альянсу. Какъ извѣстно, Бакунинъ и Гильомъ были изгнаны изъ Интернаціонала на гаагскомъ конгрессѣ, а Генеральный Совѣтъ былъ перенесенъ изъ Лондона въ Нью-Іоркъ по предложенію Маркса, который опасался, что, оставаясь въ Лондонѣ, онъ попадетъ въ руки бланкистовъ.

V.

ИЗЪ ПИСЬМА МАРКСА КЪ ЗОРГЕ

отъ 27 сентября 1877 г.

...Барри [1]) здѣсь—мой фактотумъ; онъ же руководилъ сообщеніями [2]) корреспондента газеты „Times" (которая уже отставила Эккаріуса). Черезъ него также я поддерживалъ *инкогнито* въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, бѣглый огонь противъ руссомана Гладстона въ великосвѣтской лондонской прессѣ („Vanity Fair" и „White Hall Review"), а также во многихъ провинціальныхъ англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ газетахъ, разоблачая его шашни (Mogelei) съ русскимъ агентомъ Новиковымъ, съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ и т. д. Наконецъ, черезъ него же я вліялъ и на англійскихъ парламентаріевъ нижней и верхней палаты, которые всплеснули бы отъ изумленія и ужаса руками, если бы узнали, что ихъ суфлеръ (Ohrenbläser) по восточному кризису есть никто иной, какъ *докторъ краснаго террора* (Red Terror Doctor), какъ они называютъ меня.

Этотъ кризисъ есть новый поворотный пунктъ европейской исторіи. Россія,—положеніе которой я изучалъ по оригинальнымъ источникамъ, какъ неофиціальнымъ, такъ и офиціальнымъ, доставленнымъ мнѣ моими петербургскими друзьями и доступнымъ лишь очень немногимъ—давно уже стоитъ на порогѣ переворота, всѣ элементы котораго уже готовы. Бравые турки ускорили взрывъ на цѣлые годы тѣми ударами, которые они нанесли не только русской арміи и русскимъ финансамъ, но и самой царствующей династіи, въ лицѣ тѣхъ августѣйшихъ особъ, которые командовали русской арміей. Переворотъ начнется secundum artem (по общимъ правиламъ искусства) конституціонными забавами и закончится съ большимъ трескомъ (et il y aura unbeau tapage). Если мать-природа не будетъ особенно сурова къ намъ, то мы, можетъ быть, еще доживемъ до этого радостнаго торжества [3])! Глупые безпорядки, производимые русскими студентами, представляютъ лишь простой симптомъ и не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. Но все же это симптомъ. Всѣ слои русскаго общества—экономически, морально, интеллектуально—находятся въ полнѣйшемъ разложеніи.

---

[1]) Нѣкій лондонскій адвокатъ ирландскаго происхожденія.

[2]) Изъ Гента о тамошнемъ конгрессѣ Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціонала).

[3]) Хорошо освѣдомленные люди,—между прочимъ, Энгельсъ—утверждали, что Александръ II намѣревался провозгласить въ Россіи конституцію чуть не въ тотъ самый день, когда его поразила бомба.—Примѣчаніе нѣмецкаго издателя этихъ писемъ.

Революція начинается на этотъ разъ съ Востока, представлявшаго до сихъ поръ неодолимый оплотъ и резервную армію контръ-революціи.

Бисмаркъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на наносимые Россіи удары, но онъ не желалъ, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Черезчуръ ослабленная Россія не могла бы, въ случаѣ нужды, снова сдерживать Австрію, какъ во время франко-прусской войны. А если бы дѣло дошло въ Россіи до революціи, то куда дѣвалась бы послѣдняя опора и гарантія Гогенцолнерской династіи?

Въ настоящую минуту всего важнѣе, чтобы поляки (въ Царствѣ Польскомъ) держали себя какъ можно смирнѣе. Только бы никакихъ возстаній и мятежей въ эту минуту! А то Бисмаркъ тотчасъ же вмѣшается, и русскій шовинизмъ снова станетъ на сторону царя. Напротивъ, если поляки спокойно дождутся того, когда Петербургъ и Москва будутъ охвачены внутреннимъ пожаромъ, то тогда, если бы Бисмаркъ вздумалъ выступить въ роли спасителя, Пруссія нашла бы въ Россіи свою Мексику!

Я каждый день снова и снова стараюсь вдолбить это въ голову тѣмъ полякамъ, съ которыми я нахожусь въ сношеніяхъ и которые имѣютъ хоть какое-нибудь вліяніе на своихъ соотечественниковъ.

Французскій кризисъ—совершенно второстепенное событіе по сравненію съ кризисомъ восточнымъ. Однако, слѣдуетъ надѣяться, что буржуазная республика побѣдитъ; не то старая игра начнется опять сначала; а никакая нація не можетъ повторять слишкомъ часто тѣхъ же самыхъ глупостей.

Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе.

(Воспоминанія и впечатлѣнія).

Посвящаю ихъ дѣтямъ.

(Окончаніе [1]).

IV.

Потребность въ общественной жизни проявлялась тогда въ разнаго рода собраніяхъ, пикникахъ, вечеринкахъ. Собирались чаще всего у Михайловскихъ и Елисеевыхъ.

У Елисеевыхъ я была раза два или три. Тамъ бывали обычные „редакціонные" рауты—съ разговорами на современные мотивы, съ болѣе или менѣе оживленными спорами, съ прекрасными ужинами, а иногда—для молоденькой ихъ племянницы—устраивались и танцы.

У Михайловскихъ такія вечеринки принимали характеръ болѣе разнообразный и болѣе... ураганный. Тутъ собиралась большею частью молодежь—изъ консерваторіи и изъ банка, педагоги, любители-театралы и доктора, поэты, художники, пѣвцы, студенты и адвокаты. Бывало тѣсно, шумно и всегда очень весело. Иногда импровизировалось катанье куда-нибудь за городъ, иногда—самый увлекательный плясъ. Бобоша иногда позволялъ себѣ даже слегка канканировать, а Николай Константиновичъ лихо откалывалъ мазурку. Онъ вообще любилъ танцы и въ кадриляхъ всегда дирижировалъ и шелъ въ первой парѣ. И мнѣ до сихъ поръ слышится его голосъ ротнаго командира: „Grand rond! A rebours!—Chaîne des dames, s'il vous plait!"—и при этомъ у него, несмотря на небольшой ростъ, было такое воинственно-побѣдоносное выраженіе на лицѣ и въ глазахъ, что я однажды, въ разсѣянности, спросила Бобошу: „А въ какомъ полку онъ прежде служилъ?"... Наплясавшись до упаду, онъ са-

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Январь.

дился иногда за рояль и съ серьезнымъ лицомъ сосредоточенно наигрывалъ веселый маршъ жрецовъ изъ „La belle Hélène“. Сама Марья Евграфовна садилась играть только, когда ее очень просили и когда оставались немногіе, самые близкіе. Какъ истинная музыкантша, она не любила играть „на ярмаркѣ“. Играла она не только мастерски, но съ огнемъ, съ вдохновеніемъ. Никогда не забуду, какъ однажды играла она Шопена, и какъ удивительно при этомъ мерцали ея прекрасные большіе глаза! Я смотрѣла на нее и невольно думала про себя: „Какая, должно быть, чудесная душа у этой взбалмошной женщины!“—Она играла, и какіе-то стоны слышались мнѣ изъ-подъ ея огненныхъ пальцевъ.

— Что это вы играете... такое чудесное?—спросила я.

— Этюдъ Шопена. Онъ называется „Les adieux“: это прощанье его съ Жоржъ-Зандъ. Правда,—въ немъ точно слезы, рыданія слышатся? Я очень люблю этотъ этюдъ!—говорила она, и мнѣ показалось тогда, что на рѣсницахъ у нея тоже сверкнули слезы, когда она это говорила. Никто изъ насъ и не подозрѣвалъ тогда, что, недѣлю или двѣ спустя, мы пойдемъ провожать ее на вокзалъ, и она разстанется съ нами навѣки... Странная и несчастная женщина,—она смѣялась тогда сама надъ собою...

— Изгоняюсь за дурное поведеніе... Отпѣтая! И слезы, и смѣхъ слышались въ этомъ голосѣ съ колокольчиками...

Угадывалась семейная драма, но никто ни о чемъ не разспрашивалъ, и я не рѣшалась тогда оглянуться на Михайловскаго.

Вѣчно увлеченная и увлекающая, расточительная, безпечная, умная, добрая, поминутно способная на гнѣвную вспышку и смѣхъ, она была „enfant terrible“ съ самаго дѣтства—въ семьѣ, въ институтѣ и замужемъ...

У Михайловскихъ было проще и веселѣе, но это веселье дѣлало изъ ихъ жилища какой-то „заѣзжій домъ“, и въ самый разгаръ „сезона“ Николай Константиновичъ жаловался не разъ, что работать дома совсѣмъ невозможно. „Хоть нанимай отдѣльную комнату!“ И въ результатѣ этихъ жалобъ „веселье“ переносилось въ другія мѣста—къ брату Марьи Евграфовны, жившему en petit menage, въ ихъ *atelier*, какъ всѣ называли комнату съ альковомъ въ домѣ Тарасова... А Михайловскій чаще всего „эмигрировалъ“ къ Курочкину, къ Елисеевымъ или въ „номера“. И эти вынужденные „набѣги“ (или „убѣги“) послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ устройству „нейтральнаго пункта“—чего-то въ родѣ клуба писателей и ихъ родныхъ и знакомыхъ.

Глѣбъ Иванычъ любилъ веселыя, оживленныя сборища, но на такихъ вечерахъ стоялъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ углу и, покручивая бороду, о чемъ-то выразительно думалъ,—такъ выразительно, что, если замѣтишь,

бывало, на себѣ его взглядъ—сейчасъ станетъ совѣстно и захочется поскорѣе уйти... Можетъ быть, ему вспоминался при этомъ Парижъ, *Bal Mabil*, и его тянуло опять въ прохладныя залы Лувра, къ Венерѣ Милосской,— чтобы отряхнуть съ себя эту „пыль“ и очиститься...

Впрочемъ, однажды, помню, и Глѣбъ Иванычъ протанцовалъ кадриль съ „своей“ Александрой Васильевной. И онъ былъ очень забавенъ въ этой роли танцора,—уморительно бралъ *за шею* свою даму, уморительно притопывалъ ногами и такъ путалъ всѣ фигуры, что оставалось одно— хохотать до упаду. И всѣ хохотали. А онъ съ удивленіемъ оглядывался и просилъ „продолжать все какъ слѣдуетъ по порядку“...

Это было на встрѣчѣ Новаго года у Михайловскихъ, послѣ ужина съ шампанскимъ и братскими поцѣлуями,—„съ агапой“, какъ выражался Минаевъ, увѣряя, что это—„совсѣмъ à l' Огюстъ Контъ и Фурье“...

— Это поцѣлуи не грубой физіологіи,—возвѣщалъ онъ:—это поцѣлуи культа великихъ и вѣчныхъ идей—свободы, равенства и братства!

Не помню, кто именно придумалъ тогда эту „агапу“,—вѣрнѣе, что тотъ же Минаевъ,—но помню хорошо, что поцѣлуйный обрядъ à la Фурье не обошелся безъ протестовъ женщинъ..., „еще не посвященныхъ въ культъ великихъ идей богочеловѣчества“. И Александра Васильевна была первой изъ протестующихъ.

Помню, тогда же, одна молоденькая барыня, жена адвоката Б..., съ прелестнымъ личикомъ малороссійскаго типа, румяная и смуглая, распѣвая чувствительные романсы подъ аккомпаниментъ своего супруга, впивалась томными глазами въ тотъ уголъ, гдѣ стоялъ „Глѣбъ Успенскій“, и соблазнительно улыбалась ему ярко-пунцовыми губками, которыя онъ только-что принужденъ былъ поцѣловать „во имя великихъ идей“, сидя съ ней рядомъ за ужиномъ. А „Глѣбъ Успенскій“ смотрѣлъ на нее серьезно и строго и точно съ упрекомъ,—точно спрашивалъ: „И какъ это вамъ не совѣстно—такія все глупости вы поете?!“

Можетъ быть, именно подъ вліяніемъ этой „агапы“ у меня вышло потомъ странное объясненіе съ этой барыней. Но это было уже лѣтомъ, когда Александра Васильевна гостила въ деревнѣ у сестры Глѣба Иваныча, а онъ сидѣлъ у себя на Фонтанкѣ, дописывая статью для „Отеч. Записокъ“.

Работаю дома утромъ — тоже приготовляю мою „хронику“ въ „Искру“,—вдругъ звонокъ, и въ комнату ко мнѣ входитъ госпожа Б.,— красивая, нарядная, какъ всегда, но какъ будто слегка въ лихорадкѣ: глаза возбужденно горятъ, губы сухія, голосъ вздрагиваетъ.

— Можно къ вамъ на минуту, поговорить по душѣ?

— Сдѣлайте милость!—Прошу садиться, но на лицѣ у меня—невольный вопросъ и недоумѣніе: зачѣмъ это она ко мнѣ припожаловала?

— Меня къ вамъ прислалъ Глѣбъ Ивановичъ. Я сейчасъ отъ него... Я у него ночевала сегодня. Вчера была такая гроза. Онъ боится грозы, какъ ребенокъ...

Я продолжала вопросительно смотрѣть на нее, ровно ничего не понимая.

— Подождите, я вамъ сейчасъ объясню... Но прежде скажите по совѣсти: вы такъ часто видитесь съ Глѣбомъ Иванычемъ,—неужели вы не влюбились въ него до сихъ поръ?

Я невольно пожала плечами.

— Да вѣдь это такъ естественно! Можно ли видѣть и не влюбиться въ этакую прелесть! Я отъ него безъ ума! И я знаю,—мнѣ остается теперь одно—утопиться... Мужъ зоветъ меня къ себѣ,—онъ получилъ теперь мѣсто на югѣ, нанялъ чудную дачу, пишетъ, что дѣти тоскуютъ, а я вотъ здѣсь сижу въ духотѣ и даже дѣтей мнѣ не жалко. Можетъ быть, это безнравственно, я не знаю... Мнѣ всѣ говорятъ, что я безнравственная женщина. Но что такое эта „нравственность“? Скажите, пожалуйста! По моему, что естественно, то и нравственно.—Я была уже замужемъ и влюбилась въ локоть мужчины... Вы мнѣ не вѣрите?—Въ *мужской локоть!* Лица никогда не видала,—видѣла только локоть, и по цѣлымъ часамъ просиживала на окнѣ, думая о томъ, *чей* это локоть... Это было въ Ялтѣ, на берегу моря, комната его была рядомъ съ моей, и я видѣла только локоть... Ну, и тогда я тоже хотѣла топиться... А тутъ... такой человѣкъ!.. Я такихъ людей отродясь не видала...

— Я все-таки не понимаю, почему Глѣбъ Иванычъ прислалъ васъ именно ко мнѣ?

— Я тоже не понимаю! Но разъ онъ меня къ вамъ послалъ,—я не смѣла ослушаться. Если-бъ онъ велѣлъ мнѣ выпрыгнуть изъ окна—я бы ни на мигъ не задумалась.

— Можетъ быть, онъ считаетъ васъ психологомъ?—прибавила она, помолчавъ,—и думаетъ, что вы можете на меня повліять. Но это едва ли. И вѣдь это просто смѣшно—чѣмъ вы можете повліять? Я замужняя, а вы—нѣтъ,—и развѣ вы не знаете, что страсть имѣетъ свои законы... Скажите мнѣ только одно—вы хорошо его знаете:—неужели нѣтъ никакой надежды?..

Мнѣ думалось, что Глѣбъ Иванычъ просто хотѣлъ куда-нибудь сбыть ее съ рукъ, и, чувствуя что-то вздорное и капризное во всѣхъ ея признаніяхъ, я отвѣтила первое, что пришло тогда въ голову:

— Думаю, что ни малѣйшей надежды...

— Но почему же, скажите!?—Вѣдь я красива,—я красивѣе и моложе его жены... И вы знаете—я осталась у него ночевать,—онъ меня *самъ* оставилъ!—въ надеждѣ его соблазнить. Всѣ говорятъ: онъ никогда не измѣнялъ своей женѣ... Я не вѣрила. Я хотѣла его испытать... Ну и вотъ мы вдвоемъ съ нимъ въ квартирѣ... Жаркая, душная ночь, молніи такъ и сверкаютъ... „Глѣбъ Иванычъ,—говорю,—я не могу, дышать нечѣмъ, я сниму лифъ".—„Ну, говоритъ, снимите,—я вамъ сейчасъ принесу что-нибудь полегче". Принесъ полотенце и накинулъ мнѣ на голую шею... Потомъ самоваръ началъ ставить... Меня лихорадка колотитъ, а онъ меня чаемъ съ лимономъ отпаиваетъ!.. Честное слово вамъ говорю!—Она звонко расхохоталась.—Такъ вся ночь у насъ и прошла. Всю ночь только чай вдвоемъ пили! Отъ роду никогда я столько чаю не выпила!.. Что же это по вашему: уродъ онъ или святой?

— По моему?—человѣкъ правды и совѣсти.

— Нѣтъ, онъ святой!—съ увлеченіемъ подхватила она.—Иначе я его не понимаю! И знаете, что я вамъ скажу: потомъ, когда я осталась одна,—мнѣ стало такъ потомъ стыдно, такъ стыдно... Въ ноги бы, кажется, упала ему... И сама я себѣ опротивѣла, и жизнь опротивѣла... И все, все!.. Однимъ словомъ, остается теперь одно: утопиться!

— Вы не утопитесь, а уѣдете къ мужу и дѣтямъ, и потомъ будете очень довольны собой... Увѣряю васъ!

И ужъ не знаю, повѣрила она мнѣ тогда или нѣтъ, но больше съ ней я никогда не встрѣчалась и уже осенью однажды спросила у Минаева: „А гдѣ же эта хорошенькая барыня, которая у Михайловскихъ, помните, „Крошку" все пѣла?"

„Приходи, моя милая крошка,
„Приходи посидѣть вечерокъ!.."

— Какъ гдѣ?—съ неудовольствіемъ отвѣчалъ онъ.—Съ мужемъ, на югѣ (онъ назвалъ мнѣ городъ)—гдѣ же ей больше быть?

Съ Глѣбомъ Иванычемъ мы никогда по этому поводу не говорили, и весь этотъ эпизодъ я оставляю всецѣло на отвѣтственности г-жи Б. [1]).

Но отъ другой влюбленной въ него особы Глѣбъ Иванычъ не такъ легко могъ отдѣлаться. Я помню, весь кружокъ тогда принималъ участіе въ этой загадочной или нелѣпой комедіи.

Было это уже въ слѣдующую зиму (1874), когда только-что осно-

---

[1]) Все это было уже написано, когда мнѣ—совершенно случайно—довелось услыхать отъ лица, близко знавшаго Б—цкую, слѣдующее: послѣ многихъ бурныхъ эпизодовъ того же характера, эта несчастная женщина трагически закончила свои дни, бросившись подъ поѣздъ, которымъ ее перерѣзало пополамъ, послѣ чего она жила еще нѣсколько времени. И мужъ, и дѣти ея погибли... Изъ этого можно заключить, что и эпизодъ ея съ Г. И. заслуживаетъ полнаго вѣроятія.

вался *«итальянскій»* клубъ (на Малой Итальянской, въ квартирѣ покойнаго А. А. Ольхина) съ вечеринками по субботамъ, съ выборомъ членовъ и разовой платой по два рубля (на буфетъ). Все выдающееся въ мірѣ литературы, музыки и художествъ перебывало тамъ хотя по разу, изъ любопытства. Михайловскій тогда уже разошелся съ женой; Глѣбъ Иванычъ ходилъ одинъ, такъ какъ Александра Васильевна была опять *въ ожиданіи.* Меня ввелъ туда Демертъ, но пріѣзжала я обыкновенно поздно, прямо изъ типографіи, гдѣ работала тогда съ Ѳ. М. Достоевскимъ. И вотъ всякій разъ, бывало, найдешь гдѣ-нибудь въ углу Глѣба Иваныча и рядомъ съ нимъ очень эффектную молодую дѣвицу совершенно отличнаго отъ насъ вида. Это была изящная пепельная блондинка съ лицомъ матовой бѣлизны и темнокоричневыми бархатными глазами. Тонкія и правильныя черты, эффектная парикмахерская прическа, всегда въ черномъ кружевномъ платьѣ, съ воротникомъ Медичи, съ бриллiантами въ ушахъ, на груди и на пряжкахъ ботинокъ... Ее провелъ, кажется, Максимовъ—тогда еще морякъ и блестящій танцоръ, танцовавшій съ ней гдѣ-то въ клубѣ. Говорили, что она—пріѣзжая издалека, что въ Петербургѣ у нея дѣдъ или дядя—„изъ высокопоставленныхъ"... Пріѣзжала она съ великосвѣтскихъ (или „маловѣтскихъ") баловъ въ соболяхъ, въ сопровожденіи ливрейнаго лакея и на своихъ лошадяхъ. Протанцовавъ вальсъ или польку, она обыкновенно приглашала потомъ Глѣба Иваныча проводить ее домой или прокатиться за городъ. Потомъ начала убѣждать его бросить жену и ѣхать съ ней за границу... Ее всѣ называли „загадочною дѣвицей". Демертъ разсказывалъ мнѣ—со словъ самого Глѣба Иваныча,—какъ она озадачила всѣхъ и его своимъ рѣзкимъ сужденіемъ о сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго, только-что передъ тѣмъ прочитавшаго въ клубѣ свой послѣдній разсказъ. Она открыто предъ всѣми призналась, что вообще „не можетъ" его читать,—всѣ его сочиненія кажутся ей „скучны, пошлы и непонятны"... Это было *ново* и давало поводъ къ заключенію о выдающемся умѣ и вкусѣ строгой цѣнительницы. Глѣбъ Иванычъ, совсѣмъ обезкураженный, сталъ давать на прочтеніе ей свои статьи въ корректурѣ, прося высказывать откровенное мнѣніе. И она писала на поляхъ корректуры: „Глупо!"... „Ничего не понимаю!"... „Вульгарное выраженіе" и т. п.

Не знаю, катался ли съ ней Глѣбъ Иванычъ на тройкахъ, но помню, какъ онъ стоялъ передъ нею съ видомъ глубоко потрясеннаго человѣка, который не знаетъ, *что* ему *надо* думать и чувствовать... Она что-то быстро-быстро говорила ему, а онъ смотрѣлъ въ ея прекрасное лицо и, наслаждаясь, можетъ быть, невольно гармоніей этого лица,—думалъ съ тоскою: „Зачѣмъ мнѣ эта красивая ложь?!.." Но раздавались звуки ритурнели мазурки, Михайловскій вдохновенно кричалъ: „A vos places, mes-

dames et messieurs!", къ барышнѣ подлеталъ ея кавалеръ Максимовъ, и она улетала... Глѣбъ Иванычъ оставался одинъ съ тѣмъ же выраженіемъ тоски и недоумѣнія. Мимо него неслись вихремъ по комнатамъ веселыя пары, Михайловскій лихо пристукивалъ каблуками, ухаживая за другой молоденькой и хорошенькой барышней,—а онъ все стоялъ и думалъ въ углу—совершенно разстроенный...

Такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ. Наконецъ, однажды всѣ увидали его въ иномъ настроеніи. Онъ весь сіялъ счатливой улыбкой и рано уѣхалъ, прежде чѣмъ появилась „загадочная дѣвица".

Я входила, когда онъ уже одѣвался въ передней.

— У Александры Васильевны вчера сынъ родился, — шепнулъ онъ мнѣ, здороваясь и прощаясь.—Здоровый такой,—большой. И носъ у него— не какъ у дѣтей—совсѣмъ настоящій. Приходите, пожалуйста, посмотрѣть.

Въ тотъ же вечеръ „загадочная дѣвица" обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы хорошо знаете жену Глѣба Успенскаго? Правда ли, что они живутъ очень счастливо, и что она—очень умная, хорошая женщина?

Я, разумѣется, подтвердила.

Послѣ этого въ клубѣ начали уже умышленно „разводить" ее съ Глѣбомъ Иванычемъ. Такъ было однажды на святкахъ, когда почти всѣ клубисты явились костюмированные, и одинъ извѣстный и очень популярный (теперь) писатель, нарядившись городовымъ, въ полной формѣ и со свисткомъ, потѣшалъ все общество цѣлый вечеръ безпрестаннымъ свистомъ и строго-повелительнымъ окрикомъ: „Разойдитесь, господа, разойдитесь!.." И вотъ, какъ только завидитъ, что Глѣбъ Иванычъ опять съ этой барышней —моментально подлетитъ и—въ свистокъ!.. Всѣ сбѣгутся и начинается хохотъ. Побесѣдовать имъ въ тотъ вечеръ такъ и не удалось. Но Глѣбъ Иванычъ началъ получать за то какія-то странныя анонимныя письма съ загадочными эмблемами: цѣпь, кнутъ, эшафотъ, съ категорической подписью: „Ты спишь, Брутъ, а Римъ—въ цѣпяхъ!.." Подъ Новый годъ онъ, Демертъ, Минаевъ и Максимовъ получили не менѣе загадочное приглашеніе отъ той же барышни—пріѣхать къ ней (куда-то на Морскую, въ номеръ гостиницы)—выпить бокалъ шампанскаго *по случаю ея смерти...*" Не всѣ воспользовались этимъ приглашеніемъ (Гл. Ив. тогда не поѣхалъ), но прибывшихъ гостей ожидалъ пріятный сюрпризъ: шампанское было подано, а барышня не застрѣлилась. Ея жизнь оказалось нужна „дѣлу". Съ тѣхъ поръ она стала являться въ клубъ съ желѣзной цѣпью на рукѣ вмѣсто браслета, гладко причесанная, въ простыхъ черныхъ платьяхъ, съ видомъ „идейной женщины". Всѣ мы разсматривали тогда эту цѣпь—символъ ея

превращенія: это былъ—говорила она—девизъ ея жизни. „Эту цѣпь раскуетъ только смерть“.

Съ тѣхъ поръ Глѣбъ Ивановичъ рѣшительно не зналъ покоя ни ночью, ни днемъ. За нимъ постоянно слѣдили. Иногда къ нему на улицѣ подходила старуха съ406 лоткомъ—съ папиросами или съ почтовой бумагой,—взглянетъ поближе—„загадочная дѣвица“! Мальчикъ со спичками—тоже она! Это походило на кошмаръ или галлюцинацію. Но я сама была разъ свидѣтельницей, какъ Глѣбъ Иванычъ опрометью бросился отъ насъ на улицѣ (мы шли компаніей куда-то всѣ вмѣстѣ), сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и помчался домой, потому что замѣтилъ на углу странно притаившуюся фигуру въ платкѣ, низко надвинутомъ на глаза, и подъ дождевымъ зонтомъ, хотя дождя совсѣмъ не было. И фигура эта сейчасъ же понеслась слѣдомъ за нимъ на извозчикѣ.

Сама Александра Васильевна не разъ потомъ разсказывала и мнѣ, и другимъ, какъ „мучила“ Глѣба Иваныча эта барышня своими мистификаціями.

— Глупая она, должно быть, — замѣчала при этомъ Александра Васильевна.—Неужели она думала, что Глѣбъ Иванычъ способенъ на такія пошлыя интриги и увлеченія! Онъ пріѣдетъ, бывало, домой и все мнѣ разсказываетъ... Все, все!

И она смѣялась своимъ тихимъ смѣхомъ съ увѣренностью искренно любимой женщины-друга.

Но дѣло не ограничилось однѣми мистификаціями. Была и другого рода попытка насильно добиться желаемаго... Однажды, въ отсутствіе Глѣба Иваныча, въ квартиру къ нимъ пришла съ чернаго хода какая-то торговка съ апельсинами и настойчиво добивалась увидѣть „самое барыню“. Александра Васильевна вышла къ ней въ кухню. Но торговка, съ виду молодая женщина, настойчиво добивалась переговорить о чемъ-то наединѣ. Ничего не подозрѣвая, Александра Васильевна провела ее въ свою комнату, гдѣ спалъ въ то время малютка ихъ „Сашечка“... И вотъ именно это довѣріе и ласковый тихій голосъ произвели такое неотразимое впечатлѣніе на „загадочную дѣвицу“, что она тутъ же откровенно призналась во всемъ: она пришла, по ея словамъ, съ умысломъ отравить жену и ребенка Глѣба Успенскаго, а уходила съ сознаніемъ, что даже и преступленіемъ она ничего не добьется... Съ тѣхъ поръ эта „странная особа“ больше нигдѣ не показывалась. И только въ началѣ 80-хъ годовъ я неожиданно встрѣтилась съ ней у одной нашей общей знакомой. Она, повидимому, окончательно превратилась тогда въ радикалку-народницу: ходила въ какомъ-то мужскомъ пальто, войлочной шапкѣ и сапогахъ, съ огрубѣлымъ лицомъ и руками. Даже походка ея совершенно была мужская и неуклюжая, какъ

у деревенскаго парня. Гдѣ она была и что дѣлала всѣ эти годы—не знаю, но желѣзная цѣпь попрежнему звенѣла у нея на рукѣ...

Судя по этимъ примѣрамъ, можно думать, что женщины—или „бабы“, какъ называетъ ихъ въ письмахъ къ женѣ и друзьямъ Глѣбъ Ивановичъ,— не мало досаждали и портили жизнь и ему самому, и близкимъ къ нему лицамъ. Недаромъ онъ многократно, въ письмахъ, предупреждаетъ Александру Васильевну „держаться подальше“ и избѣгать „бабьихъ сплетенъ“ и пр. „Устрой ее“,—пишетъ онъ А. В. объ одной изъ общихъ знакомыхъ,—„но и только. Въ близкія отношенія, пожалуйста, не входи— иначе непремѣнно начнутся *исторіи*“...

Увидѣть тогда ихъ новорожденнаго первенца мнѣ такъ и не удалось. И клубъ, и всякія собранія прекратились вскорѣ сами собой. Говорили, что, несмотря на строгіе выборы, проникла все-таки одна „шпіонка“, и начались аресты и обыски. А потомъ, весной, начали всѣ разъѣзжаться по дачамъ. Александра Васильевна, заручившись приглашеніемъ редакціи „Общественной Библіотеки“ для переводовъ съ французскаго, уѣхала работать въ Парижъ; — за ней послѣдовалъ вскорѣ туда же и Глѣбъ Ивановичъ,—и я надолго потеряла обоихъ изъ виду.

V.

Прошло года три. Весной 1876 г., въ концѣ мая или въ самомъ началѣ іюня, я ѣхала въ Тверскую губернію, къ роднымъ на лѣто. Поѣздъ долго стоялъ на станціи Валдайка на запасномъ пути, выжидая ухода встрѣчнаго поѣзда изъ Москвы—съ добровольцами Черняевскаго отряда— въ Болгарію, на войну. Это было на самомъ разсвѣтѣ, часу въ 5-мъ утра. Я не могла спать въ душномъ вагонѣ и вышла подышать чистымъ воздухомъ на платформу; не успѣла я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидала идущаго мнѣ навстрѣчу Глѣба Ивановича.

— Здравствуйте, В. В.! Куда вы это ѣдете? Можетъ быть, съ нами, сестрой милосердія?

Я сказала—куда.

— А я на Дунай, въ Болгарію. Корреспондентомъ отъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

Онъ былъ по виду веселый и оживленный и похожъ на „туриста“— въ дорожной шелковой фуражкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Въ боковомъ карманѣ пальто виднѣлась новенькая записная книжка. И сейчасъ же сталъ дѣлиться со мной дорожными впечатлѣніями:

— Какая тутъ мѣстность чудная! Вы, пожалуйста, посмотрите. За-

мѣчательно живописная. Горы, овраги, зелени масса... И все это теперь въ цвѣту! Вотъ, пойдемте сюда, я вамъ сейчасъ покажу!..

Но сколько онъ меня ни водилъ, чтобы показать красоты Валдайки— увидѣть ничего не пришлось: безконечная цѣпь вагоновъ закрывала всю площадь зрѣнія.

— Это ничего,—говорилъ онъ,—вы увидите, какъ только мы тронемся... Непремѣнно, пожалуйста, посмотрите!.. Да отчего же вы ничего не напишете? Пишите, пожалуйста!..

Онъ держалъ одной рукой меня за руку, другой—крутилъ бороду и ласково заглядывалъ мнѣ въ лицо.

— Глѣбъ Ивановичъ! — окликнулъ его кто-то изъ окошка вагона третьяго класса:— Идите потомъ сюда, въ этотъ вагонъ—здѣсь Гаршинъ!..

Я боялась его задержать и вмѣсто отвѣта только махнула рукой: я отбывала мою безсрочную каторгу по разнымъ типографіямъ Петербурга,— и не до писанья мнѣ было тогда! Но слова Глѣба Ивановича, это напоминанье о „счастьѣ писательства“ — точно благодатнымъ огнемъ обожгли мою душу. Я провожала глазами ихъ поѣздъ, и когда онъ тронулся, и Валдайка открылась предо мною, вся утопая въ зелени, сверкая въ лучезарномъ туманѣ разсвѣта, мнѣ вспомнилось невольно другое такое же лучезарное утро, душистый малинникъ на дачѣ у Михайловскихъ и стоявшій подлѣ меня молодой писатель, „чуткій и трепетный какъ струна“, и моя собственная юность, сверкавшая тогда безоблачнымъ небомъ и ощущавшая всю жизнь впереди—какъ дорогу на солнце...

Съ Александрой Васильевной мы встрѣтились на улицѣ въ началѣ сентября того же 1876 года. Она только-что вернулась изъ-за границы, проживъ лѣто въ деревнѣ у родныхъ Гл. Ив., хлопотала въ земской управѣ о мѣстѣ народной учительницы и на время остановилась въ гостиницѣ Сорокина, на Обуховскомъ.

— Приходите ко мнѣ. Я живу одна съ Сашечкой. Глѣбъ Иванычъ уѣхалъ въ Болгарію... Приходите, я вамъ все разскажу.

Дѣла оказались очень плохія. Журналъ, въ которомъ она работала, пересталъ выходить. Цензура преслѣдовала статьи Глѣба Ивановича, и имя Глѣба Успенскаго исчезло со страницъ „Отеч. Зап.“,—его замѣнилъ псевдонимъ *Г. Ивановъ*. Долги ихъ „измучили“, жить стало нечѣмъ, и Глѣбъ Иванычъ принялъ, было, какое-то мѣсто (если не ошибаюсь, въ самарскомъ земствѣ), а теперь путешествуетъ по Дунаю, пишетъ корреспонденціи и статьи...

Проживать долго въ гостиницѣ для Александры Васильевны было бы

затруднительно, и я уговаривала ее переѣхать туда же, гдѣ жила я сама— въ меблированный домъ Цезаря Альбертовича Кавоса (№ 6 по Столярному пер.). Управляющей этимъ домомъ была моя хорошая знакомая, П. М. Р—на, сама не чуждая интересамъ наукъ и искусства, и имя Глѣба Успенскаго обезпечивало временный кредитъ и относительныя удобства для Александры Васильевны. Побывавъ у меня, она вскорѣ переѣхала къ намъ туда съ мальчикомъ. Заботъ и хлопотъ у нея было тогда черезъ край. Помимо долговъ и ребенка, за которымъ, кромѣ нея, некому было присмотрѣть, тяготили и разныя затрудненія со статьями Глѣба Иваныча въ редакціи „Отеч. Записокъ". Особенно удручала ее исторія съ возвращеніемъ одной рукописи. Глѣбъ Иванычъ былъ недоволенъ одной своей статьей (о крестьянской общинѣ) и поручилъ ей непремѣнно взять эту статью обратно. Чуть не каждый день получались отъ него телеграммы, и каждое утро она отправлялась въ редакцію. Разсказъ объ этихъ ея „мытарствахъ" привожу дословно, какъ слышала отъ самой Александры Васильевны.

— Глѣбъ Иванычъ сначала написалъ Михайловскому, прося не печатать этой статьи и обѣщая выслать другую. Михайловскій почему-то до сихъ поръ ему не отвѣтилъ. Глѣбъ Иванычъ, разумѣется, безпокоится, телеграфируетъ мнѣ. Иду къ Михайловскому. Не застаю его дома. Ѣду въ редакцію. Говорю, что мнѣ надо видѣть Н. К. Михайловскаго. Мнѣ отвѣчаютъ, что сегодня день не редакціонный, и Михайловскій не принимаетъ. Пишу записку—сижу и жду. Приглашаютъ, наконецъ, въ кабинетъ. Михайловскій встрѣчаетъ меня *редакторомъ*: „Александра Васильевна, что вамъ угодно?"—Мнѣ угодно получить статью Глѣба Иваныча, о которой онъ вамъ писалъ, но вы почему-то не отвѣчали.—„Александра Васильевна, я этого сдѣлать не могъ, такъ какъ это отъ меня не зависитъ... Статья сдана"... тамъ не знаю, кому-то у нихъ... „Она внесена уже въ книги и за нее уже выданъ авансъ. Обратитесь, пожалуйста, къ Григорью Захарычу. Это по его части". Иду къ Елисееву. Тотъ посылаетъ меня къ Салтыкову. Салтыковъ—опять къ Михайловскому. А Михайловскій опять увѣряетъ, что это отъ него не зависитъ.

— Что же это, говорю, у васъ здѣсь, точно въ III-мъ Отдѣленіи—изъ канцеляріи въ канцелярію пересылаютъ?

— „Александра Васильевна, возьмите ваши слова обратно!"

— Не могу взять обратно, Николай Константинычъ! Вы такъ со мной поступаете—точно мы съ вами впервые здѣсь видимся... Слава Богу, сколько лѣтъ знаете Глѣба Иваныча, знаете, какъ ему теперь трудно писать,—и вы ничѣмъ не хотите облегчить его положеніе!.. Я этого отъ васъ не ожидала!..

— Александра Васильевна, увѣряю васъ, это отъ меня не зависитъ.

Если вы желаете, я дамъ вамъ записку... (къ кому-то—не помню)... Вы поѣдете къ нему...

— Я никуда больше не поѣду, Николай Константинычъ! Я устала. Я здѣсь посижу, а вы съ этой запиской потрудитесь послать посыльнаго, я ему заплачу.

Пошелъ самъ куда-то—и возвратилъ статью [1]).

Однажды ее спросили при мнѣ (М. А. Кавосъ):

— А вѣдь, пожалуй, не очень весело быть женою писателя, даже такого милѣйшаго человѣка, какъ вашъ Глѣбъ Иванычъ?

— Что же,—конечно, мнѣ иногда не легко. Все приходится быть одной. Когда Глѣбъ Иванычъ пишетъ—ему ни до кого и ни до чего. И нельзя ему мѣшать. А когда онъ не можетъ писать,—онъ такъ этимъ мучится, что я не могу на него глядѣть... И онъ отъ меня уходитъ.

И сейчасъ же сама искала ему оправданіе:

— Конечно, Глѣбъ Иванычъ не можетъ писать какъ Тургеневъ. Я видѣла, какъ тотъ пишетъ. Передъ отъѣздомъ сюда, я пошла съ нимъ проститься. Подхожу къ дому, гдѣ онъ жилъ съ Віардо,—у подъѣзда стоитъ экипажъ. Выходитъ Иванъ Сергѣичъ съ портфелемъ, а за нимъ—лакей съ пледами и баулами. „Александра Васильевна! Какъ мнѣ жаль! (Она представляла его какъ бы умирающій нѣжный голосъ съ туманными переливами.) Я *долженъ* сейчасъ уѣхать“...—Куда же это вы уѣзжаете, Иванъ Сергѣевичъ?—„Въ Буживаль—писать мою новую вещь. И вернусь не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ или три. Мнѣ, право, о-чень, о-чень жаль!“... Это онъ тогда „Клару Миличъ“ писалъ. Три недѣли писалъ, и никто къ нему въ комнаты близко даже не смѣлъ заглянуть. Буфетъ ему заранѣе тамъ приготовляли.

И она прибавляла съ легкой ироніей „пролетарія“:

— Тургеневъ, конечно, очень хорошій, я его очень люблю, только немножко у него всего много, а у насъ съ Глѣбомъ Иванычемъ—совсѣмъ ничего!

Въ концѣ сентября она получила мѣсто учительницы въ школѣ И. М. Сибирякова, въ той же самарской губерніи, гдѣ „служилъ“ Глѣбъ Ивановичъ, и, несмотря на послѣдній періодъ беременности, энергично работала тамъ, пока не начались гоненія мѣстнаго начальства—по циркулярамъ изъ Петербурга. Пришлось бросить дѣло, возвращаться опять въ Петербургъ—и снова перебиваться изо дня въ день, въ постоянной тревогѣ за дѣтей и за Глѣба Иваныча, не одолѣвшаго ни своей „службы“ въ земствѣ,

[1]) Въ письмахъ Гл. Ив. къ женѣ, относящихся приблизительно къ этому времени, есть такая фраза: „Встрѣтилъ сегодня на улицѣ Михайловскаго и не поклонился ему. Это его очевидно поразило. Такъ и надо“.

ни роли присяжнаго корреспондента на берегахъ Дуная. До Болгаріи, какъ извѣстно, онъ такъ и не доѣхалъ,—а на возвратномъ пути былъ задержанъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ на русской границѣ, какъ „лицо подозрительное" и бывшее въ сношеніяхъ съ „подозрительными".

Вернувшись въ Петербургъ, Глѣбъ Ивановичъ поселился тоже у насъ, и опять начались у нихъ многолюдныя сборища, опять появились знакомыя лица и Н. С. Курочкинъ, и Максимовъ, и Якушкинъ, и много новыхъ—изъ тѣхъ, съ которыми они познакомились, живя два года въ Парижѣ. Былъ при мнѣ одинъ разъ и Михайловскій. Онъ сталъ какъ будто еще болѣе сдержанъ въ манерахъ и на словахъ. Черепаховое pince-nez смѣнило теперь золотое, а вмѣсто зимней его суконной прудоновской блузы на немъ былъ строгодоктринерскій сюртукъ. Высокій лобъ его сталъ какъ будто еще выше и круче, и на немъ явственно прорѣзались уже двѣ—три морщины; въ глазахъ свѣтился попрежнему холодъ остраго, проницательнаго ума, но безъ оживлявшей ихъ прежде веселой улыбки.

Да и самъ Глѣбъ Ивановичъ теперь уже былъ не тотъ. Онъ былъ не такъ застѣнчивъ, какъ прежде, онъ, такъ сказать, возмужалъ и *оформился*, но сталъ болѣе молчаливъ или замкнутъ,—точно думалъ о чемъто *особо*,—и не всѣхъ посвящалъ въ свои думы. Когда появлялись неинтересные или ненужные для него посѣтители и начинались „несуразные", ненужные разговоры,—онъ безцеремонно вставалъ и уходилъ изъ дому на весь вечеръ, а иногда и на цѣлую ночь уѣзжая къ Каменскому въ Чудово.

Вообще въ эту зиму я не видала его такимъ *яснымъ*, какъ прежде. И общественныя, и личныя его дѣла были тогда въ самомъ критическомъ положеніи. Кредиторы требовали уплаты, съ изданіемъ его сочиненій встрѣтились какія-то неожиданныя препятствія, печатаніе журнальныхъ статей тормозилось цензурой, и все это не могло не вліять на нервную впечатлительность писателя, съ его мучительнымъ воображеніемъ и болѣзненной мнительностью.

— Да о чемъ теперь можно писать, помилуйте!—отрывисто восклицалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и безпрестанно дергая себя за бороду.—Теперь надо совсѣмъ другое... Въ ошейникахъ всѣ—на цѣпочкахъ насъ водятъ... Помилуйте, какіе теперь могутъ быть литераторы!..

Съ самаго возвращенія изъ-за границы онъ былъ подъ надзоромъ. На квартиру къ нимъ часто являлись то приставъ, то околоточный—понавѣдаться, гдѣ Глѣбъ Иванычъ и что онъ подѣлываетъ. Глѣбъ Иванычъ дружелюбно всегда разговаривалъ съ ними, угощалъ ихъ и водкой, и краснымъ виномъ, и папиросами, сокрушался о „скучномъ" ихъ при немъ состояніи, всячески самъ помогалъ имъ надзирать за собою и пользовался

ихъ полнымъ довѣріемъ—и никогда не обманывалъ. Но однажды—разсказывала Александра Васильевна—онъ двѣ недѣли проносилъ у себя въ карманѣ пакетъ изъ участка, позабывъ опустить его въ почтовый ящикъ. Приставу некогда было самому итти на Фонтанку, къ Цѣпному мосту, а Глѣбу Иванычу было туда по дорогѣ—въ редакцію „Отеч. Зап.“ (на Литейную). И вотъ, двѣ недѣли спустя, горничная, чистившая пальто, нечаянно вытряхнула истертый по краямъ, но нераспечатанный казенный пакетъ съ печатью полицейскаго участка, адресованный въ канцелярію (или Управленіе) III Отдѣленія,—и только распечатавъ его, Глѣбъ Иванычъ вспомнилъ, какимъ образомъ этотъ пакетъ очутился у него въ карманѣ. Это было „донесеніе“ приставу „о писателѣ Глѣбѣ Успенскомъ“ и его добропорядочномъ поведеніи.

Въ ту же зиму начались его проекты и планы о переселеніи на житье въ деревню — за Чудовомъ, гдѣ странный другъ Глѣба Ивановича, Андрей Васильевичъ Каменскій, уступалъ десятину земли и старую постройку. Для осуществленія этого плана Глѣбъ Иванычъ рѣшался опять принять мѣсто—кажется, въ калужскомъ земствѣ, — чтобы заработать денегъ на постройку дома. Александра же Васильевна съ дѣтьми переѣзжала къ Каменскимъ, въ деревню Лядно. Другого выхода для нихъ тогда не было.

V.

Незадолго до Рождества (12 декабря) Успенскіе праздновали, кажется, новую продажу изданія И. М. Сибирякову и семейное торжество,—рожденіе „Сашечки“. Съ утра до поздней ночи, помню, толпился у нихъ народъ. Со столовъ весь день не снимались вино и холодныя блюда. Самовары подавались одинъ за другимъ. Александра Васильевна наканунѣ еще просила меня помочь ей хозяйничать, т. е. наливать безконечное число разъ безконечное число стакановъ.

— Кстати и вамъ, я думаю, интересно будетъ посмотрѣть и послушать—у насъ завтра соберется много интересныхъ людей—радикаловъ,—предупредительно сообщила она.

Среди гостей въ этотъ день особенно выдѣлялся одинъ плотный, широкоплечій блондинъ высокаго роста съ свѣтлыми бакенбардами и свѣтлоголубыми глазами, сверкавшими металлическимъ блескомъ. Что-то неумолимое и непреклонно-суровое, какъ Немезида, было въ этихъ глазахъ. Онъ говорилъ о предстоящемъ литературномъ вечерѣ въ пользу „Синяго Креста“ и предлагалъ всѣмъ билеты. Предложилъ въ томъ числѣ и мнѣ. Но я отказалась, безотчетно подчиняясь непріязненному впечатлѣнію, которое онъ производилъ на меня.

— Не желаете?—переспросилъ онъ, сверкнувъ на меня глазами и держа раскрытую пачку билетовъ передо мною.

Я отрицательно покачала головой,—и онъ сейчасъ же отошелъ, предлагая билеты другимъ.

Александра Васильевна не назвала мнѣ тогда его имени.

Говорилъ онъ необыкновенно внушительно, и въ рѣзко-звучномъ, какъ лязгъ желѣза, голосѣ, въ плавной, ясной и правильно построенной рѣчи сказывалась какая-то необычная у насъ, русскихъ, властная и разсудительная, желѣзная сила—мысли и воли.

Послѣ горячаго пирога и стерляжьей ухи (кто-то прислалъ тогда въ подарокъ эту стерлядь Глѣбу Иванычу) съ обильными возліяніями, разговоры становились шумнѣе и возбудительнѣе. Всѣ раздѣлились на группы,—и самый для меня интересный, необыкновенно одушевленный, жаркій споръ велся въ глубинѣ, за драпировкой, раздѣлявшей комнату на двѣ равныя половины. Тамъ сидѣлъ на оттоманкѣ, поджавъ подъ себя калачикомъ ноги, сѣдой и страдавшій одышкой Н. С. Курочкинъ, а вокругъ него—на креслахъ и стульяхъ—возсѣдали еще не всѣмъ пока извѣстные „дѣятели". Споръ вели двое: представитель сороковыхъ годовъ, „другъ" Маццини и Герцена, Бакунина и Лаврова—Н. С. Курочкинъ и молодой блондинъ съ видомъ диктатора. А по другую сторону сидѣлъ „будущій Пугачевъ", какой-то степной помѣщикъ, ухлопавшій все свое состояніе на пропаганду „въ народѣ",—черноволосый, тучный, лохматый, съ черными огневыми глазами и совершенно пьяный. Сзади него помѣстился верхомъ на стулѣ сотрудникъ „Дѣла", все время хмурившій брови и презрительно хмыкавшій, видимо не удовлетворенный доводами обѣихъ сторонъ,—какъ недостаточно „радикальными"...

Видя, что я все поглядываю туда, за драпировку, Глѣбъ Иванычъ принесъ мнѣ стулъ и поставилъ такъ, чтобы мнѣ, оставаясь для нихъ незамѣтной, можно было и слушать, и наблюдать за выраженіемъ лицъ.

— Только, увѣряю васъ, совсѣмъ тутъ нечего слушать!—говорилъ онъ при этомъ.—Все это—онъ выразительно сдвинулъ брови—это *не настоящіе*. И говорятъ они... тоже не настоящее...

— Ну, хорошо, министровъ всѣхъ по боку,—говорилъ Николай Степановичъ,—вмѣсто нихъ у васъ комитетъ,—это все мнѣ понятно... И это уже извѣстно... Но какъ же вы будете поступать съ ослушниками вашихъ декретовъ? Мои убѣжденія, напр., не во всемъ совпадаютъ съ вашими, и я не соглашусь исполнить какой-нибудь вашъ приказъ... Какъ же вы со мною тогда?

— Если вы намъ безвредны, мы отъ васъ ничего не потребуемъ,— внятно и громко, желѣзнымъ голосомъ говорилъ блондинъ съ „желѣзнымъ“ лицомъ.

— Вы меня просто тогда игнорируете? Понимаю!

— Мы васъ тогда игнорируемъ.

— Ну-съ, а если я для васъ не безвреденъ—моими убѣжденіями, конечно?..

— А если эти ваши „убѣжденія“—онъ иронически подчеркнулъ это слово—вы употребите во зло *противъ насъ*, тогда извините—церемониться мы не станемъ. Тогда мы васъ уберемъ—онъ сдѣлалъ жестъ рукой въ сторону—прочь съ дороги!

— То-есть, какъ же это? Пришлете повѣстку съ девизомъ: красный крестъ и топоръ?

— Мы потребуемъ васъ къ себѣ.

— А я не пойду! Съ какой стати?! Я васъ не признаю. Вы для меня совсѣмъ не правительство.

— Мы вамъ докажемъ, что *мы—правительство*. Мы васъ *заставимъ* придти.

— Благодарю покорно!—Excusez du peu! (Они другъ передъ другомъ раскланялись).—Какая же разница съ тѣмъ, что творится теперь? Теперь тоже насилія...

— У насъ не будетъ „насилія“! У насъ будетъ постоянный трибуналъ изъ лицъ избранной корпораціи, людей точной науки, и потому вполнѣ компетентныхъ въ вопросахъ права и правосудія.

— И эти „вполнѣ компетентные“ люди приговорятъ меня къ висѣлицѣ, и меня повѣсятъ по всѣмъ правиламъ вашей точной науки... И вы полагаете это для меня утѣшительнымъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же висѣлицы!.. Мы вѣшать не будемъ. Это старо, неудобно... Мы заведемъ гильотины...

Все время хмыкавшій недовольно сотрудникъ „Дѣла“ мгновенно успокоился при упоминовеніи гильотины, обезпечивавшей, вѣроятно, для него судьбы новогрядущаго строя...

Глѣбъ Иванычъ нѣсколько разъ подходилъ сюда—постоитъ, посмотритъ на нихъ исподлобья, послушаетъ молча, подергивая бороду,—и опять отойдетъ. Но по нахмуренному лицу его видно было, что онъ и волнуется, и не мирится.

Не знаю, чѣмъ кончился тогда этотъ разговоръ—мнѣ подали новый самоваръ, и я, съ внутреннимъ облегченіемъ, принялась за разливаніе чая. Глѣбъ Иванычъ тоже помогалъ мнѣ, подливая красное вино прямо въ чайникъ и увѣряя, что это—„самое чудесное дѣло“.

— Ну, что же, понравилось вамъ? Интересно они тамъ говорятъ? — спрашивалъ онъ при этомъ.

— Интересно и... противно! — невольно вырвалось у меня.

— Увѣряю васъ, что это не настоящіе... Настоящіе — тѣ совсѣмъ другое...

Наливъ еще съ дюжину стакановъ, я подошла опять послушать „радикаловъ“, но „желѣзнаго“ блондина уже не было, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Николай Степанычъ за что-то „благодарилъ“ и „превозносилъ“ нашу „прекрасную, благородную молодежь“, и, картавя по-барски, какъ истый романтикъ-идеологъ сороковыхъ годовъ, закончилъ свои восхваленія высокопарнымъ возгласомъ:

— И я даю пощечину всѣмъ, кто осмѣливается нападать на нашу молодежь!

— Что? что даете?.. Кому вы даете пощечину?.. — надтреснутымъ пьянымъ басомъ спрашивалъ его вдругъ очнувшійся „будущій Пугачевъ“.

— Я даю пощечину всѣмъ, кто оскорбляетъ молодежь! — тономъ рыцаря изъ Ламанчи повторилъ добрѣйшій Николай Степановичъ.

„Пугачевъ“ низко нагнулся къ нему, — можно было подумать, что онъ хочетъ облобызать его руку, — руку дающаго пощечину оскорбителямъ молодежи, — но вмѣсто лобызанія онъ только сипло захохоталъ и вдругъ неожиданно рявкнулъ:

— Ахъ, ввы... глупый старый меринъ!.. Старый и глупый... и больше ничего!

Вокругъ молчали. Бѣдный Николай Степановичъ сидѣлъ сконфуженный и хлопая глазами, какъ обиженный школьникъ, получившій несправедливо дурную отмѣтку вмѣсто хорошей, и видимо не зналъ, какъ умнѣе ему поступить: остаться или уйти...

И какъ всегда — гдѣ незаслуженно наносилась безсмысленная обида человѣку — на выручку подоспѣлъ Глѣбъ Ивановичъ. Быстро раскупоривъ новую бутылку лафита, онъ подошелъ къ Курочкину и налилъ ему стаканъ черезъ край.

— Выпейте, пожалуйста, Николай Степановичъ. Чудесное вино, доложу я вамъ. Это будетъ получше того, что мы пили съ вами тогда у Каменскаго. Куда лучше!

Уже поздно вечеромъ вошелъ еще одинъ странный гость: ни съ кѣмъ не здороваясь, подошелъ прямо къ столу — и ѣлъ и пилъ съ такой жадностью, какъ будто недѣлю передъ тѣмъ голодалъ и провелъ ночь на улицѣ. Онъ былъ въ одномъ короткомъ легкомъ пальто, застегнутомъ наглухо, съ рукавами, не доходившими до кисти, — какъ будто съ чужого

плеча,—но лицо у него было очень умное и хорошее, лицо человѣка вполнѣ „образованнаго“. Никто съ нимъ не заговаривалъ, и только Глѣбъ Иванычъ пододвигалъ къ нему безпрестанно тарелки и блюда, наливалъ вина чаю и угощалъ папиросами. Это [illegible] очевидно, такъ называемый, „нелегальный“, котораго загналъ сюда моро[illegible]ли сыщикъ. Удовлетворивъ, сколько надо, свой аппетитъ, онъ всталъ и, молча пожавъ руку одному Глѣбу Иванычу, не поднимая глазъ, быстро вышелъ изъ комнаты.

Помню тогда же и другого юношу—съ дѣтски-розовымъ лицомъ и золотистымъ пушкомъ на губахъ и на подбородкѣ, съ золотистыми кудрями и жизнерадостною улыбкой. Это былъ несчастный К. Онъ только-что вернулся тогда изъ Болгаріи, гдѣ былъ санитаромъ, и привезъ Глѣбу Иванычу два флакона съ пирофосфорнокислымъ желѣзомъ, наставляя его, какъ слѣдуетъ принимать порошокъ и какіе отъ него благотворные результаты.

Глѣбъ Иванычъ все время, повидимому, слушалъ его со вниманіемъ и все повторялъ: „Чудесно!“—а потомъ взялъ отъ него пузырьки и тутъ же отдалъ ихъ мнѣ:—„Вотъ кому дѣйствительно слѣдуетъ принимать желѣзо! А мнѣ оно совсѣмъ безполезно“,— съ добродушной улыбкой пояснилъ онъ.

Послѣдній мѣсяцъ передъ отъѣздомъ Глѣба Иваныча въ Калугу Успенскіе жили въ деревнѣ Лядно—за Чудовомъ,—у Каменскихъ, и только Александра Васильевна наѣзжала по временамъ въ Петербургъ съ разнаго рода дѣлами и порученіями. Какъ разъ тогда я окончила мою первую (въ печати) повѣсть [1]), и Александра Васильевна сама предложила мнѣ свезти ее на просмотръ Глѣбу Иванычу. Вернувшись черезъ нѣсколько дней, она привезла мнѣ самый ободряющій отзывъ и вмѣстѣ желаніе Глѣба Иваныча лично повидаться и поговорить со мною наканунѣ его отъѣзда. И въ назначенный день, вечеромъ, Глѣбъ Иванычъ пришелъ ко мнѣ, присѣлъ у письменнаго стола и, куря папиросу за папиросой, сейчасъ же заговорилъ своимъ прежнимъ тономъ—съ искреннимъ жаромъ, отрывисто, напрямикъ. Привожу—какъ образчикъ его манеры—все, что запомнилось изъ сказаннаго имъ тогда:

— Все это отлично у васъ написано... Талантъ у васъ несомнѣнный,—и объ этомъ намъ съ вами нечего говорить... Я буду говорить о другомъ.—Напримѣръ, почему это у васъ только одинъ человѣкъ живетъ, а другіе совсѣмъ не живутъ?.. Надо чтобы всѣ жили... И что это за дѣвушка, что все хотѣла, какъ бы лучше, а выходило все хуже?.. Лѣтъ

---

[1]) „Идеалистка“—напечатана въ журналѣ „Слово“, апр.—май 1878 г.

черезъ десять такихъ дѣвушекъ больше не будетъ... И еще: почему у васъ этотъ Крамской,—мы съ вами знаемъ, конечно, *кто* этотъ Крамской,—почему это онъ все пьетъ, а работа у него не выходитъ по настоящему?.. Развѣ вы не знаете, отчего у насъ работать нельзя по настоящему?.. Все это надо вамъ показать. Чтобы поняли всѣ какъ слѣдуетъ: какая работа, отчего не выходитъ... И вообще мой совѣтъ—вы это подождите печатать. Все это у васъ затронуто такъ, слегка... А это надо поглубже... Надо чтобы это—ножомъ прямо въ сердце! Вотъ какъ надо писать...

Многое и другое совѣтовалъ онъ тогда—въ смыслѣ *духа* и *направленія*, и я слушала его, затаивъ дыханіе, внимательно и благодарно (хотя по временамъ и не соглашаясь), какъ слушаютъ всегда истиннаго, настоящаго друга,—и въ первый разъ замѣтила тогда, что глаза у него—*страдальческіе*.

Потомъ, уже совсѣмъ поздно, пришла Александра Васильевна съ просьбой уступить ей съ Глѣбомъ Ивановичемъ на эту ночь мою комнату. Въ гостиницу ѣхать ей не хотѣлось, свободной комнаты въ домѣ не было, а имъ надо было о многомъ переговорить передъ долгой, быть можетъ, разлукой. Съ виду она была какъ будто совершенно при этомъ спокойна, но жившій рядомъ со мною студентъ спрашивалъ потомъ нашу общую горничную:

— Что это такое было сегодня у моей сосѣдки? Съ кѣмъ это она всю ночь говорила и горько-горько такъ плакала?..

Объ этихъ „горькихъ“ слезахъ, „не дававшихъ всю дорогу покоя“ Глѣбу Ивановичу, говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Александрѣ Васильевнѣ.

Въ августѣ или сентябрѣ 1878 года, когда Успенскіе вернулись опять въ Петербургъ,—какъ „неблагонадежные“,—жили они уже не у насъ, въ Столярномъ, а гдѣ-то по близости,—кажется, въ Демидовомъ переулкѣ,—зашли мы какъ-то днемъ съ П. М. Р—ной навѣстить больную Александру Васильевну. Имъ нужно было свести свои денежные счеты, и Александра Васильевна послала меня „повидаться“ съ Глѣбомъ Ивановичемъ.

Я вошла въ небольшую, биткомъ набитую комнату. Сидѣли, помню, даже на окнахъ, за неимѣніемъ стульевъ. Глѣбъ Ивановичъ стоялъ по срединѣ, въ облакахъ табачнаго дыма, и, оживленно жестикулируя, разсказывалъ „въ лицахъ“ впечатлѣнія своего путешествія по Дунаю. Не ожидая, что попаду въ такое многолюдное общество, я смутилась и хотѣла сейчасъ же уйти. Но онъ удержалъ меня за руку и тутъ же, при всѣхъ, ни съ того, ни съ сего, началъ вдругъ уговаривать, чтобы я по-

ѣхала корреспондентомъ въ Бухарестъ и Рущукъ или куда-то еще тамъ, не помню...

— Я вамъ дамъ туда письма, рекомендацію, все, что хотите. У меня теперь тамъ знакомыхъ видимо-невидимо... всякаго рода!

Я, разумѣется, отказалась:—Что вы, Глѣбъ Иванычъ! Какой же я корреспондентъ, да еще въ Болгаріи!

— Да помилуйте,—убѣждалъ онъ,—сколько вы тамъ разныхъ типовъ увидите!.. На всевозможныхъ нарѣчіяхъ... столпотвореніе вавилонское... Вотъ жаль—Демерта уже нѣтъ! Вотъ бы ему туда! Онъ бы ихъ нанизалъ всѣхъ на нитку... Коллекція, я вамъ скажу, богатѣющая. Просто сейчасъ подъ стекло! Если ихъ всѣхъ описать и представить—въ лучшемъ видѣ, какъ надо,—всѣ ахнутъ! Однимъ словомъ, все тамъ есть, что угодно: тамъ и штатскіе, и военные, и всевозможныя дамы... Говорю вамъ, чу-у-десныя корреспонденціи написали бы... А какой я вамъ сейчасъ портретъ Демерта подарю—превосходнѣйшій!—закончилъ вдругъ онъ и началъ, было, что-то искать у себя въ бумагахъ, но я заторопилась поскорѣе уйти, совершенно переконфуженная, и онъ обѣщалъ мнѣ прислать его непремѣнно,—и прислалъ или занесъ самъ въ тотъ же день вырѣзанный изъ „Нивы“, дѣйствительно очень хорошо исполненный снимокъ.

VI.

Еще одно свиданіе глубоко врѣзалось въ мою память. Было это весною въ первые дни послѣ страшнаго для Петербурга марта 1881 года.

П. М. Р—на получила записку отъ Александры Васильевны такого, приблизительно, содержанія: „Лежу больная. Ребенокъ тоже боленъ [1]). Въ домѣ нѣтъ ни копѣйки. Нечѣмъ заплатить акушеркѣ. Пришлите, если можно, рублей десять, но только чтобы Глѣбъ Иванычъ объ этомъ не зналъ,—лучше всего съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ“. И при этомъ она просила не звонить, а повертѣть ручкой замка, такъ какъ звонки напоминали безпрестанно являющуюся съ обысками полицію, и раздражали Глѣба Иваныча, и пугали дѣтей.

Я взялась отвезти деньги, и такъ какъ весь день была занята—поѣхала поздно вечеромъ, послѣ 9-ти. Ѣхать, помню, пришлось что-то очень долго, и все больше какими-то закоулками, въ глухой конецъ города. Успенскіе жили тогда въ домахъ Сивкова, неподалеку отъ Обводнаго, но городъ былъ на военномъ положеніи, весь оцѣпленъ „охранительными заставами“, и, вѣроятно, во избѣжаніе непріятныхъ задержекъ извозчикъ повезъ меня кружнымъ путемъ. Вечеръ былъ мозглый, пасмур-

[1]) Младшая дочь Ольга, род. 25 марта.

ный, совсѣмъ не весенній. Безлюдье и мракъ вокругъ были полные. Мы ѣхали одиноко через какой-то угрюмый пустырь—между какихъ-то высокихъ и слѣпыхъ стѣнъ. Мѣстность эта мнѣ была совсѣмъ незнакома, но что-то мрачное, жуткое, какъ кошмаръ, сжало мнѣ душу... и вдругъ мнѣ вспомнилось что-то *ужасное*... происходившее именно здѣсь... недавно...

— Гдѣ это мы ѣдемъ?—спросила я у извозчика, чувствуя странную холодную дрожь во всѣхъ членахъ.

— Семеновскій плацъ... гдѣ преступниковъ вѣшали!—глухо и какъ бы нехотя отвѣтилъ извозчикъ.

Мы подъѣхали, наконецъ, и къ домамъ Сивкова. Дверь отворила мнѣ акушерка, и сейчасъ же рядомъ, изъ кухни въ переднюю высунулась, какъ мнѣ показалось, круглая, по-солдатски остриженная голова— быть можетъ, городового, приставленнаго сторожить Глѣба Ивановича. Въ спальнѣ у Александры Васильевны приготовлялись мыть ребенка, и акушерка, попросивъ меня подождать, открыла дверь налѣво, съ словами:

— Пройдите пока къ Глѣбу Иванычу.

Я вошла въ большую, почти совсѣмъ пустую и полуосвѣщенную комнату. Единственная свѣча подъ абажуромъ стояла на столѣ у правой стѣны, подлѣ самыхъ дверей. На противоположномъ концѣ, въ глубинѣ, на диванѣ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, а по бокамъ у него, свернувшись калачикомъ, спали дѣти. Онъ поднялся навстрѣчу мнѣ и, указавъ рукой на диванъ, рядомъ съ крѣпко спавшимъ „Сашечкой“, прошепталъ озабоченно:

— „Присядьте, пожалуйста... У Александры Васильевны теперь тамъ возня...—и снова принялъ прежнюю позу: скрестивъ на колѣняхъ руки, опустивъ голову низко на грудь, о чемъ-то глубоко задумываясь,—такъ глубоко, что, видимо, не слыхалъ и не замѣчалъ ничего вокругъ.

И мы промолчали такъ, сидя рядомъ, что-то около часа. Вокругъ была полная и какая-то тягостная, зловѣщая тишина. Изрѣдка доносился черезъ закрытыя наглухо двери, изъ третьей комнаты, болѣзненный плачъ ребенка—Глѣбъ Иванычъ устало поднималъ глаза—въ направленіи къ этому плачу,—и снова все погружалось въ молчаніе, какъ въ могилу. Даже дѣти не шевелились во снѣ,—спали какъ мертвыя.

И сама не знаю, почему,—мнѣ припомнилось тогда одно впечатлѣніе ранняго дѣтства... Это было въ эпоху севастопольской войны. Мы жили безвыѣздно въ нашей деревнѣ. И вотъ разъ кто-то изъ нашихъ дворовыхъ-охотниковъ по оброку, стрѣляя дичь въ лѣсу, поймалъ тамъ невзначай раненаго орла (рѣдкость въ Тверской губерніи!) и принесъ показать его господамъ. Начинало уже смеркаться. Орла посадили въ залѣ на круглый столъ по срединѣ, и мы, дѣти, ходили вокругъ, разсматривая эту дико-

вику.—Большая и грузная птица, съ блестящими черными перьями, неподвижно сидѣла, угрюмо свѣсивъ острую голову между сжатыми крыльями. И только когда мы дотрагивались до перьевъ, орелъ медленно раскрывалъ круглый и томный глазъ, въ которомъ намъ видѣлось почти человѣческое страданіе. Но теплота его блестящаго оперенія напоминала, что это не чучело, а живая птица, и всѣмъ намъ хотѣлось дотронуться, чтобы убѣдиться, что орелъ живъ.

— Не трогайте его, дѣти!—останавливала насъ мать.—Онъ раненъ, и ему больно, когда его трогаютъ. Онъ привыкъ быть одинъ на вершинахъ... Это—царь между птицами... Ему у насъ душно. Пожалѣйте его!

И мы съ состраданіемъ и почтеніемъ смотрѣли на этого раненаго „царя между птицами", бережно, на цыпочкахъ ходили вокругъ стола, подставляя ему чашку съ водой, кусочки сырого мяса и хлѣба, сѣмена и червей... Но онъ ничего не ѣлъ—и въ ту же ночь умеръ.

И взглядывая по временамъ на сидѣвшаго подлѣ меня Глѣба Ивановича, я вспоминала этого орла. Очертанія его крупной темной фигуры на сумрачномъ фонѣ комнаты навсегда запечатлѣлись въ моихъ воспоминаніяхъ вмѣстѣ съ образомъ подстрѣленнаго орла. То же впечатлѣніе производитъ на меня его портретъ, снимокъ съ работы его сына, Александра Глѣбовича [1]), который виситъ надъ моимъ рабочимъ столомъ, когда я гляжу на него издалека, въ полумракѣ. Темная фигура на темномъ фонѣ; устало поникшія плечи, какъ упавшія крылья; опущенная на грудь голова и это больное, страдальческое лицо, — этотъ взглядъ, полный мысли и муки, устремленный куда-то въ темную даль—какъ будто видящій тамъ передъ собою собственный свой *конецъ*, трагическую судьбу всякаго русскаго генія...

VII.

Позже, той же весною, Успенскіе переселились на житье въ Сябренцы, гдѣ былъ уже подновленъ старый домъ, сдѣланы необходимыя пристройки и разведенъ небольшой садъ. О жизни ихъ тамъ въ эти годы (1881—86) я знаю только по разсказамъ дѣтей и Александры Васильевны. Тамъ дѣти росли и подготовлялись къ учебнымъ заведеніямъ и самой Александрой Васильевной, и приглашенными учителями и учительницами. Тамъ Глѣбъ Иванычъ работалъ и отдыхалъ отъ своихъ ежегодныхъ поѣздокъ по Россіи, которую исколесилъ онъ изъ конца въ конецъ на пароходахъ, на лошадяхъ и въ вагонахъ третьяго класса. Въ Сябренцы ѣздили къ нимъ тогда, какъ

---

[1]) То же впечатлѣніе невольно вынесла я 26 марта 1907 г., когда вошла въ пустую квартиру этого сына и увидала два гроба рядомъ на столахъ,—а на стѣнѣ этотъ самый портретъ—въ натуральную величину—черной тушью... Израненный жизнью орелъ и жизнью убитыя его дѣти...

ѣздятъ до сихъ поръ въ Ясную Поляну—повидать Глѣба Иваныча, поклониться Глѣбу Иванычу, спросить у него совѣта, какъ жить и что дѣлать, ѣздили отдохнуть отъ „сидѣнья" гдѣ-нибудь въ „предварилкѣ" или въ „Крестахъ"... Тамъ именно, въ *голодный* годъ,—фатальный годъ для писателя, такъ какъ именно съ этого года начинаются его „ненормальности",—этотъ добрый и деликатнѣйшій человѣкъ, раздававшій все, что имѣлъ, первому встрѣчному, на свой счетъ воспитывавшій дѣтей швейцара, когда его собственныхъ дѣтей исключали за неплатежъ изъ гимназіи,—тамъ онъ однажды закричалъ на студента-учителя, положившаго себѣ на тарелку больше, чѣмъ слѣдуетъ:

— Зачѣмъ это вы себѣ столько кладете? Вѣдь вы всего не съѣдите! Какъ вамъ не стыдно: народъ теперь съ голоду мретъ, а вы за троихъ ѣсть хотите!

Тамъ онъ раздѣлъ себя разъ до-нага, чтобы одѣть замерзающаго прохожаго...

Слухи объ этихъ „странностяхъ" проникали иногда и въ печать, но никто еще не придавалъ имъ клиническаго значенія. Всѣ близко знавшіе Глѣба Иваныча приписывали все это чрезмѣрной впечатлительности своеобразнаго и чуткаго таланта и называли его „чудакомъ"...

За всѣ эти годы память моя сохранила только одно свиданіе и одинъ разговоръ съ А. В. Успенской. Кажется, осенью 1885 (или 1886) года П. М. Р—на попросила меня „побывать у Успенскихъ и спросить *осторожно* у Александры Васильевны, что такое вышло у нихъ съ Сибиряковымъ"...

— Узнайте, пожалуйста, хорошенько, въ чемъ дѣло,—говорила она;—я очень безпокоюсь за Александру Васильевну... Говорятъ, Сибиряковъ отказывается отъ изданія, и Глѣбу Иванычу угрожаетъ уголовный процессъ, такъ какъ онъ будто бы не имѣлъ права продавать этого изданія. „Что-то ужъ очень невѣроятное!"—прибавила тутъ же она.

Мнѣ тоже не вѣрилось.

Я поѣхала,—кажется, на Васильевскій Островъ. Смутно, какъ во снѣ, припоминается мнѣ темная квартира въ нижнемъ этажѣ, съ окнами во дворъ или въ полисадникъ. Бѣдно одѣтыя дѣти играли въ садикѣ съ бонной. Александру Васильевну я застала одну въ необычайно подавленномъ настроеніи. Она просматривала какія-то дѣловыя бумаги. Тутъ же, подлѣ нея, на столѣ, на окнахъ и на полу, лежали связки томовъ сочиненія Глѣба Успенскаго: „Разореніе"...

Я объяснила, какъ могла лучше, цѣль моего посѣщенія.

— У насъ теперь большая бѣда,—глухо сказала она:—Глѣбъ Иванычъ—подъ судомъ. Ему предстоитъ уголовщина...

Я подумала—она шутитъ: какъ-то не вязалось въ головѣ: Глѣбъ Иванычъ и—„уголовщина"!..

— Нѣтъ, я не шучу,—озабоченно говорила она.—Глѣбъ Иванычъ поступилъ необдуманно... Его всю зиму увозили отъ меня куда-то разные господа... все уговаривали его продать сочиненія... Ну, и онъ продалъ *всѣ* свои сочиненія Сибирякову и позабылъ или не зналъ, что „Разореніе" у Карбасникова еще не распродано... И теперь Глѣба Иваныча обвиняютъ въ мошенничествѣ... И если приговоръ состоится,—его посадятъ въ тюрьму, а потомъ сошлютъ въ Сибирь, съ лишеніемъ правъ... *за мошенничество!* — Она съ какой-то болѣзненной горечью повторила это ужасное слово.

— Но этого, разумѣется, никогда не будетъ!—невольно вырвалось у меня.—Я не могу этого переварить даже въ мысляхъ...

— Вотъ и Глѣбъ Иванычъ... тоже не можетъ...

Она не договорила,—какъ будто ей внезапно захватило дыханіе,—и на безкровно-блѣдномъ лицѣ у нея отразилось такое страданіе, какъ будто приговоръ уже состоялся, и ее *приговорили* къ лишенію правъ и въ Сибирь вмѣстѣ съ Глѣбомъ Иванычемъ.

Никакой „уголовщины", разамѣется, не послѣдовало, но эта „исторія" ждетъ еще своего лѣтописца, и я позволю себѣ упомянуть о ней только потому, что теперь вижу ясно именно здѣсь *поворотный моментъ,* роковое начало всѣхъ позднѣйшихъ событій въ жизни несчастнаго Глѣба Ивановича.

VIII

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ тоже пришлось поселиться на Васильевскомъ Островѣ, неподалеку отъ Успенскихъ, и мы опять начали видѣться,—съ каждымъ годомъ все чаще и чаще, все ближе и дружественнѣе.

Жилось имъ тогда, повидимому, не плохо. Дѣла понемногу наладились, и ни о какихъ „процессахъ" и „уголовщинѣ" не было больше и рѣчи. Глѣбъ Ивановичъ, повидимому, оправился отъ пережитаго потрясенія и пользовался уже громкой извѣстностью. Его чествовали юбилеями, ему подносили адреса. Всякій разъ, когда я заходила къ нимъ зимой (на 7-й линіи, домъ, гдѣ помѣщался частный ломбардъ), у Глѣба Иваныча сидѣлъ кто-нибудь изъ сотрудниковъ, издателей и редакторовъ. Михайловскій, игравшій роль третейскаго судьи и свидѣтеля въ распрѣ его съ издателями, былъ съ нимъ теперь неразлученъ; я нерѣдко встрѣчала ихъ вмѣстѣ на улицѣ. Помню также, какъ передъ Глѣбомъ Ивановичемъ расклани-вался Вуколъ Лавровъ, упрашивая его „дать имъ" свою статью... Но въ раз-

говорахъ Александры Васильевны иногда проскальзывала не совсѣмъ понятная мнѣ тогда еще фраза:

— Я такъ рада, что у насъ теперь въ Сябренцахъ домъ. Все-таки можно будетъ жить, когда Глѣбъ Иванычъ не въ состоянiи будетъ больше работать...

И эта фраза повторялась все чаще и чаще.

— Но вѣдь вы попрежнему счастливы и дружно живете съ Глѣбомъ Иванычемъ?—спросила я однажды ее.

Она не сразу отвѣтила.

— Мы теперь какъ-то ссоримся больше,—призналась она, наконецъ.—Глѣбъ Иванычъ какъ будто не хочетъ понять... Я говорю: нельзя же мнѣ все одной да одной... А Глѣбъ Иванычъ меня упрекаетъ: „Что же это вы, Александра Васильевна, хотите, чтобы я съ вами подъ-ручку ходилъ?!." Совсѣмъ не того я хочу! Но вѣдь не одна же я заводила семью... Оба мы заводили ее. И у насъ теперь пять человѣкъ дѣтей. Надо же подумать о дѣтяхъ. И обо мнѣ тоже надо немного подумать...

Ничего подобнаго прежде я отъ нея не слыхала. Это былъ взрывъ какого-то еще непонятнаго мнѣ отчаянiя,—это былъ не упрекъ и не обвиненiе,—это было только горькое и безотрадное напоминанiе себѣ и другимъ, что вѣдь и она—*живая*, и ей надо жизни и хоть немного вниманiя и участiя... Она цѣлыми годами сидѣла въ глуши, одна, въ деревнѣ и въ городѣ, въ отсутствiе Глѣба Иваныча ходила въ старыхъ его фуфайкахъ,—платила долги,—приготовляла къ ученью дѣтей и, оставаясь одна въ глухую осень съ больными скарлатиной дѣтьми, посылала Глѣбу Иванычу успокоительныя телеграммы: „Будь покоенъ. Все хорошо".—„Всѣ здоровы".—„Прошу Глѣба Ивановича не безпокоиться—все хорошо"... И здѣсь, мнѣ думается, можно найти поясненiе тѣхъ „ссоръ" и „неладовъ", о которыхъ не разъ упоминаетъ въ письмахъ къ ней Глѣбъ Ивановичъ. Здѣсь же кроется и причина его мучительныхъ поисковъ „правды" въ разрѣшенiи вопроса *о женщинѣ и семьѣ*—въ статьяхъ его и письмахъ къ близкимъ друзьямъ и знакомымъ. Семья начинала тяготить писателя, какъ эгоистическое начало, призывающее къ узкому *своему*... Его тянуло на просторъ общечеловѣческой мысли и дѣятельности, въ высь и глубь безпредѣльнаго идеала, гдѣ не было ни тягостныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ни еще болѣе тягостныхъ непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчiй. Его горячее сердце не въ силахъ было оторваться отъ дорогихъ ему, милыхъ образовъ друга-жены и дѣтей... Онъ бы желалъ *увѣрить*, *убѣдить* жену, что она *можетъ* обойтись безъ него, что онъ ей вовсе не нуженъ,—какъ не нужны мужья въ статьѣ его „Женщины-крестьянки",—но, видя ея страданiя, онъ только мучился самъ вмѣстѣ съ нею и обвинялъ во всемъ самого себя...

Бывая у нихъ въ эти годы, я рѣдко видала его, или видѣла только мелькомъ. „Глѣбъ Иванычъ работаетъ"... „Глѣбъ уѣхалъ",—скажетъ, бывало, Александра Васильевна, когда спросишь о немъ. „У Глѣба Ивановича теперь Гольцевъ и Михайловскій... Имъ не надо мѣшать"...

Однажды вечеромъ мы сидѣли съ Александрой Васильевной въ ея комнатѣ, разговаривая о разныхъ статьяхъ въ журналахъ, когда за плотно прикрытою дверью раздались мужскіе шаги.

— Это Глѣбъ Ивановичъ къ намъ идетъ!—замѣтила Александра Васильевна, и, взявъ изъ ящика пузырекъ съ духами, торопливо вытерла себѣ руки.

— У Глѣба Ивановича галлюцинація обонянія—шепотомъ пояснила она:—ему кажется, что вездѣ дурно пахнетъ...

Глѣбъ Ивановичъ вошелъ, мы поздоровались, я сказала ему:

— Что это, вы какъ будто похудѣли, Глѣбъ Ивановичъ?

— Да вѣдь это всегда такъ бываетъ: то худѣешь, то полнѣешь,—съ улыбкой отвѣтилъ онъ и сейчасъ же куда-то опять ушелъ. Въ другой разъ Александра Васильевна почему-то сама послала меня къ нему [1]).

— Подите, поговорите съ Глѣбомъ Ивановичемъ. Онъ одинъ. Онъ скоро уѣдетъ надолго... (кажется, она сказала: „къ переселенцамъ",—не помню хорошо).

Я вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ читалъ газету—но, повидимому, болѣе по привычкѣ, такъ какъ въ то же время внимательно занимался чисткой своихъ ногтей перочиннымъ ножикомъ. И я невольно при этомъ замѣтила, что ногти у него на мизинцахъ необычайной длины,—не менѣе какъ *въ вершокъ*. А говорилъ онъ со мной такъ разсѣянно, что мнѣ стало неловко, и я поспѣшила уйти.

Я приписала это тогда нашему обоюдному сосредоточенію на противоположныхъ концахъ міросозерцанія... „Вѣра" у насъ давно была разная. *Они* попрежнему читали и почитали свой „Римъ", а мнѣ этотъ „Римъ" давно представлялся тѣсной и душной клѣткой съ ярлыкомъ: *радикальное направленіе*...

И оттого ли, что я отвыкла отъ нихъ и духовно мы разошлись, шли разными путями,—меня какъ-то и не тянуло тогда къ сближенію. При всей дружественности нашихъ отношеній, чувствовалось взаимное не пониманіе и взаимная рознь. Сближало и заставляло дорожить этими отношеніями только общее наше прошлое, все пережитое вмѣстѣ, воспоминанія прежнихъ лѣтъ, обвѣянныхъ чарами молодости. Дѣти ихъ,—эта вы-

---

[1]) Это было вскорѣ послѣ его перваго леченія у Фрея, гдѣ ему дѣлали операцію.

роставшая новая семья, жужжавшая какъ веселый улей, была мнѣ милѣе и ближе... Она еще не вѣдала ферулы и тисковъ „направленія“, хотя уже прислушивалась къ голосамъ „друзей“ и „враговъ“, чутко различая въ нихъ звуки *лжи* и *правды*,—вражды и искренняго сочувствія...

Но, несмотря на эту рознь иновѣрія, или, вѣрнѣе, именно потому, что сознавалась рознь и хотѣлось объединенія по душѣ и по совѣсти, я рѣшила обратиться опять къ Глѣбу Ивановичу за литературнымъ совѣтомъ по поводу моей новой работы. И вотъ что я получила въ отвѣтъ на мое письмо (привожу отрывокъ):

„*15 февр. 89 г.*

„Я сейчасъ только вернулся изъ Москвы и прочиталъ ваше письмо... Если вы думаете, что мое мнѣніе о вашемъ новомъ романѣ (я очень этому радъ) будетъ для васъ что-нибудь значить—я съ удовольствіемъ его прочитаю. Какъ у насъ въ домѣ ни тяжело и мучительно [1]),—*я даже и права не имѣю бросать или хоть отстать отъ литературнаго дѣла.* Часовъ до 11 утра и часовъ до 7 вечера я всегда дома“.

На слѣдующее утро я пошла къ Глѣбу Ивановичу съ моей рукописью. Онъ самъ открылъ мнѣ дверь и, поздоровавшись съ обычною теплотою, какъ добрый старый знакомый, провелъ къ себѣ въ комнату,—маленькую и темную, съ окнами въ слѣпую стѣну, или, какъ онъ тутъ же выразился тогда, „чортъ знаетъ куда“. Усадивъ меня рядомъ съ собою у письменнаго стола, онъ заговорилъ какъ будто попрежнему, какъ будто мы видѣлись только вчера и никакой „розни“ не было никогда... Но что-то въ немъ было уже для меня туманное. Какъ выцвѣтшая фотографія сохраняетъ блѣдныя очертанія снимка, но лишена уже былыхъ слѣдовъ минутно-схваченной жизни, такъ и во всей наружности его было теперь что-то обезцвѣченное, говорившее о невозвратно канувшемъ въ вѣчность... Трудно сказать, что это было,—и было ли это въ немъ, или во мнѣ самой,—но я сейчасъ же почувствовала, что *не туда* пришла, куда думала, и знала уже напередъ, что никакого „объединенія“ между нами не будетъ.

Я знала, что онъ мысленно всю жизнь *писалъ про себя*, и потому, когда съ нимъ заговаривали нежданно для него,—имѣлъ видъ человѣка, котораго будятъ. И отвѣты его часто походили на отвѣты въ полуснѣ—замедленные, отрывочные, неясные. Чѣмъ дальше былъ вопросъ отъ того, о чемъ онъ думалъ, тѣмъ несвязнѣе и туманнѣе былъ отвѣтъ. Иногда онъ

---

[1]) Александра Васильевна была при смерти послѣ несчастнаго случая на Николаевскомъ мосту. Она упала изъ саней и попала подъ лошадь, копытомъ разбившую ей голову.

отдѣлывался односложными звуками... Все это я знала давно и все это составляло его оригинальную психологію. Но теперь разсѣянность его производила совсѣмъ не то впечатлѣніе.

У меня записанъ *послѣдній* (въ буквальномъ смыслѣ) разговоръ мой съ Глѣбомъ Ивановичемъ, и я передаю его здѣсь почти безъ измѣненій, какъ онъ записанъ у меня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Разговоръ велся полушепотомъ—чтобы не потревожить только-что начинавшую оправляться больную. Онъ сидѣлъ тутъ—въ полутьмѣ—совершенно одинъ (дѣти были увезены къ знакомымъ), окруженный ворохами газетъ,—отъ одного вида которыхъ у него „душу воротитъ",—и какъ-то пассивно, безъ былого одушевленія соглашался со всѣмъ, что я ему говорила.

— Смыслъ жизни потерянъ,—сказала я въ поясненіе моихъ жизненныхъ выводовъ.

— Никакого нѣтъ смысла!—повторилъ онъ за мной.—Какой тутъ можетъ быть смыслъ, когда ежеминутно приходится ожидать—вотъ-вотъ, сію минуту, ни съ того, ни съ сего, придутъ и начнутъ шарить въ столѣ... А это жизнь теперь каждаго русскаго литератора...

— Но, Глѣбъ Ивановичъ, недавно праздновался вашъ юбилей. Значитъ, васъ цѣнятъ и понимаютъ...

— И теперь въ Москвѣ, когда всѣ перепьются—сейчасъ мнѣ адресъ пришлютъ!—съ добродушной улыбкой вставилъ онъ.

Я спрашивала его о журналахъ, интересующихся *идеями* общечеловѣческаго значенія, а онъ увѣрялъ, что такихъ журналовъ не существуетъ совсѣмъ!

— Неужели вездѣ только коммерція? Купцы и лавки?

— Вездѣ то же самое, увѣряю васъ!

— Но вѣдь это ужасно, Г. И.! Вѣдь тогда зачѣмъ же и писать!

— Вотъ именно и я про то же вамъ говорю! Невозможно писать!— Но вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же началъ совѣтовать мнѣ писать очерки о пошехонскихъ дѣвицахъ и дамахъ и приводилъ при этомъ въ примѣръ одну свою знакомую писательницу, которая „отлично написала (онъ загибалъ пальцы, считая): 1) мои три маленькіе воришки; 2) мои двѣ нищенки; 3) мои шалуны... и еще что-то въ этомъ же родѣ"...

Я заговорила о статьяхъ одного писателя-публициста и замѣтила, что „либераламъ" тоже вѣрить нельзя:

— И у нихъ только одни пустыя слова... ратуютъ и защищаютъ они...

— На пустопорожнемъ мѣстѣ!—подхватилъ онъ, точно обрадовался.— Какіе же у насъ теперь либералы, помилуйте! Вотъ Герценъ, Тургеневъ—

вотъ это были либералы... Ну, да вотъ подождите немного: скоро въ Европѣ кое-что случится—тогда и нашъ гипнотизмъ пропадетъ.

И вмѣсто заключенія онъ далъ мнѣ на прощанье прочитать фельетонъ московскаго критика о Чеховской пьесѣ „Ивановъ“.

— Вотъ, возьмите, прочитайте, пожалуйста... Посмотрите, какую онъ тутъ чепуху напоролъ!..

Но, прочитавъ потомъ, я не могла не согласиться съ авторомъ „чепухи“: мои впечатлѣнія были тѣ же самыя.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушла я тогда отъ Глѣба Ивановича и сожалѣла, что оставила ему рукопись. Зачѣмъ?—Все равно не пойметъ. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Отъ этого свиданія и разговора у меня осталось впечатлѣніе какого-то *застѣнка*, гдѣ не было ни воздуха, ни свѣта, ни стремленія выйти на волю... Замуравилъ себя человѣкъ добровольно—и сидитъ въ испуганномъ ожиданіи: вотъ-вотъ придутъ и начнутъ шарить у него—и въ ящикахъ, и въ душѣ! Въ мысляхъ станутъ рыться и доискиваться, о чемъ онъ тутъ думаетъ и что *замышляетъ*?.. А онъ давно-давно ни о чемъ не думаетъ... живетъ какъ автоматъ, по привычкѣ,—машинально повторяя себѣ и другимъ когда-то затверженныя проблемы... И сердце невольно сжималось отъ ужаса за эту жизнь „застѣнка“ и „автомата“...

Это были, разумѣется, только мимовольныя летучія впечатлѣнія, и они исчезли потомъ такъ же безотчетно, какъ появились. Онъ ждалъ „*кое-чего*“ отъ Европы, а я—отъ насъ самихъ, отъ внутренняго нашего перерожденія. Только въ этомъ и была разница между нами. И ужъ, конечно, онъ, чуткій сердцемъ и умомъ, пойметъ—какъ никто,—что мы хотимъ одного и того же...

И Глѣбъ Ивановичъ, дѣйствительно, былъ такъ добръ и внимателенъ ко мнѣ,—онъ не только прочиталъ тридцать печатныхъ листовъ моей рукописи, но и прислалъ мнѣ лѣтомъ, изъ Чудова, обстоятельный разборъ моего труда. Не буду здѣсь приводить возникшей между нами по этому поводу переписки (копіи этихъ писемъ, по желанію Александры Васильевны, отданы мной въ полное распоряженіе семьи и появятся, вѣроятно, когда-нибудь въ общемъ собраніи писемъ Глѣба Успенскаго). Приведу лишь нѣсколько строкъ изъ одного письма его, умилявшихъ меня до того, что мысленно хотѣлось цѣловать ту руку, которая ихъ начертала. И всякій разъ, читая эти строки, мнѣ слышится какъ будто *прежній*—напряженный, горячій и задушевный—голосъ Глѣба Ивановича,—голосъ человѣка, отдавшаго всю свою жизнь на служеніе тому дѣлу, въ которомъ для него,

какъ и для меня, заключалась вся цѣль и весь смыслъ человѣческаго существованія...

Вотъ эти строки:

„Нѣтъ, В. В., мнѣ кажется, что мое письмо къ вамъ не произвело на васъ никакого другого впечатлѣнія, кромѣ непріятнаго. Между тѣмъ, желаніе мое, чтобы трудъ вашъ не пропалъ даромъ, и, во-вторыхъ, чтобы матеріалъ, которымъ вы располагаете, задачи, которыя преслѣдуете,—были бы выражены въ формахъ—какъ бы сказать?—*въ формахъ наиболѣе внимательныхъ къ читателю* [1]). Вы пишете, что желаете сказать людямъ то-то и то-то, желаете освѣжить ихъ сухія сердца и темныя мысли свѣтлой идеей вѣры. *Потрудитесь же, примите на себя трудное дѣло* войти въ положеніе читателя и, принимая это положеніе во вниманіе,—скажите ему то, что вы думаете, *такъ* [2]), чтобы слова ваши подѣйствовали на него. Вы пишете для общества, которое утратило вѣру. *Надо крѣпко думать о немъ, чтобы ваши слова подѣйствовали на него*“...

Это писалъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ лѣтомъ 1889 года. А четыре года спустя (въ 1893) я вдругъ нежданно-негаданно узнала глубоко поразившую меня новость. Дѣти часто заходили ко мнѣ—то съ запиской отъ Александры Васильевны, то съ какимъ-нибудь порученіемъ, а то и просто, чтобы доставить мнѣ удовольствіе своимъ милымъ искреннимъ лепетомъ. И вотъ, помню, вечеромъ,—дѣло было уже въ сентябрѣ,—приходитъ ко мнѣ младшая дѣвочка, Ольга,—ей было тогда лѣтъ девять,—блѣдная и разстроенная. Спрашиваю у нея, что случилось?

— Ахъ, В. В., какъ у насъ теперь дома нехорошо!—трепетнымъ голосомъ прошептала она.

— Да въ чемъ же дѣло, голубушка ты моя?!..

Но у нея дрожали губы, и она, видимо, боролась съ собою: страшно было выговорить роковое, жестокое слово... И, наконецъ; я угадала скорѣе по движенію ея губъ, что она говоритъ:

— Папа у насъ... совсѣмъ больной... Богъ знаетъ, что говоритъ!..

И слезы градомъ посыпались у нея по щекамъ. Это было какъ разъ въ то лѣто, когда Глѣбъ Ивановичъ приходилъ пѣшкомъ изъ Колмова [3]) въ Чудово, и тамъ у него былъ припадокъ раздраженія, вызванный появленіемъ доктора, пріѣхавшаго за нимъ. Въ припадкѣ онъ разбилъ себѣ камнемъ голову и билъ всѣхъ, кто подходилъ къ нему...

— Только тутъ я впервые узнала отъ Алекс. Вас., что Глѣбъ Ива-

---

[1]) Курсивъ Глѣба Ивановича.
[2]) Курсивъ Гл. Ив.
[3]) Больница для душевно-больныхъ въ Новгородской губ.

новичъ давно страдаетъ „разстройствомъ нервовъ“, что онъ лечился у Фрея, а теперь второй годъ живетъ въ Колмовѣ и домой наѣзжаетъ только по временамъ.

И всѣ эти годы,—мрачные, полные тревогъ и мучительныхъ ожиданій еще бо́льшаго ужаса,—годы одиночества, тоски и отчаянія,—Александра Васильевна проводила одна, безъ друзей и помощниковъ, скрывая отъ всѣхъ то, что уже терзало давно ея душу... Ея Глѣбъ, ея „поэзія“, радость и слава, разрушался постепенно на ея глазахъ,—онъ уходилъ отъ нея въ какую-то безпросвѣтную тьму, откуда не было никакого возврата... не жизнь и не смерть...

Вотъ когда я поняла и оцѣнила вполнѣ эту женщину. Цѣлые годы такого существованія—съ вспышками надежды, съ проблесками чего-то похожаго на выздоровленіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе... И тутъ же подлѣ—подростающія дѣти, требующія ухода и попеченія, нуждающіяся въ свѣтѣ и радости, чтобы выросги и окрѣпнуть для жизни... И эти дѣти были вѣдь дѣти Глѣба Ивановича, такія же чуткія, любящія, боготворившія отца и писателя, переживавшія сердцемъ всю эту скорбную драму семьи...

Прошло десять лѣтъ,—и я еще разъ увидала его... въ гробу, въ церкви Волкова кладбища. И чудное дѣло: лицо его опять преобразилось. Когда сняли крышку гроба,—какъ снимаютъ футляръ съ драгоцѣннаго инструмента,—онъ лежалъ какъ будто нетлѣнный,—по прежнему гармоничный и ясный, но уже холодный, нѣмой, безъ жаркаго трепета своихъ чуткихъ, теперь навсегда неподвижныхъ струнъ...

... Церковь, улица, кладбище—все было полно. И какая странная, какъ будто на подборъ стекавшаяся толпа!.. Нервныя, одухотворенныя, но болѣзненно-усталыя или угрюмо-ожесточенныя лица, — изможденныя, блѣдныя... и какъ-то царственно-горделивыя... Фигуры надломленныя... Мужчины и женщины безъ цвѣта лица и безъ возраста, но безъ робкихъ движеній... Одѣты всѣ одинаково въ черномъ и темномъ, простомъ, безъ притязаній на моду и безъ заботы о томъ, какъ и во что одѣты. Разговоры тоже какъ будто бы странные: воспоминанія о Сибири, тайгѣ и тюрьмѣ... Толпа какихъ-то разночинцевъ—изъ „благородно-голодныхъ“, какъ тотъ, котораго хоронили, безъ чиновъ и безъ титуловъ, но съ отмѣткой полиціи: „неблагонадежный“, „административно - сосланный“, „помилованный“... преступникъ въ прошедшемъ и, можетъ быть, снова въ будущемъ... не узнанный бѣглый, безстрашно явившійся отдать послѣдній долгъ „печальнику горя народнаго“, подъ угрозой поимки и задержанія,—вотъ изъ кого, главнымъ образомъ, состояла эта многотысячная толпа!—Точно особая какая-то *нація*,—съ своимъ культомъ, съ своими завѣтами и преданіями,

съ своимъ таинственнымъ языкомъ, непонятнымъ для непосвященыхъ въ ихъ тайны...

Это было „царство Глѣба“... А „у Глѣба-то царство огромное...“ [1]) Всѣ „труждающіеся и обремененные“ въ Россійской имперіи принадлежатъ къ этому царству.

IX.

Возвращаясь съ кладбища, я думала съ тревогой о томъ, какъ переживетъ эту смерть Александра Васильевна. Мнѣ трудно было даже представить ее существующею *безъ* Глѣба Ивановича,—до того они нераздѣльно сливались въ моемъ сознаніи. Бывая у нихъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ, я постоянно слышала однѣ и тѣ же рѣчи: всѣ чувства, всѣ помыслы этой женщины вращались, какъ земля вокругъ оси, вокругъ Глѣба Ивановича и журналовъ, гдѣ онъ работалъ. Она жила только имъ и черезъ него—какъ же станетъ она теперь жить? И если она не умерла сейчасъ вслѣдъ за нимъ, такъ это потому, что всѣ эти годы его жизни она медленно умирала *вмѣстѣ* съ нимъ...

... „О себѣ сказать нечего,—пишетъ она мнѣ мѣсяцъ спустя послѣ похоронъ.—Встаю и ложусь съ мыслью, что нѣтъ ни здороваго, ни больного Глѣба Ивановича—и холодно, холодно...“

... „Я уѣзжаю въ Сябренцы,—пишетъ она въ другомъ письмѣ,—все-таки тамъ жилъ и работалъ Глѣбъ Ивановичъ...“

И, наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ (въ концѣ 1905):

... „Я очень плоховато себя чувствую. Даже на Волковомъ давно не была. Ну, старость настоящая. И то долго продержалась. Всѣхъ дѣтей выростила“.

Жила она теперь поочередно съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, дольше всѣхъ, кажется, у своего любимаго „Сашечки“... Онъ больше всѣхъ напоминалъ ей Глѣба Ивановича. И по словамъ ея дочери (Маріи Глѣбовны Кричинской)—„если мама начинаетъ, бывало, жаловаться, что на дачѣ у насъ дуетъ,—я уже такъ и знаю, что надо писать Сашѣ, чтобы пріѣзжалъ поскорѣе... Какъ онъ только побываетъ у насъ,—сейчасъ перестанетъ дуть, и дача окажется превосходная...“ Иногда поселялась она и одна,—нанимала квартиру, прислугу, заводила свое хозяйство,—какъ было это въ прошломъ году,—но обыкновенно не выдерживала долго своего одиночества и переѣзжала опять къ кому-нибудь изъ дѣтей.

Всякій разъ, приходя къ ней, я заставала ее въ одномъ и томъ же

[1]) Изъ воспоминаній о Глѣбѣ Успенскомъ,—слова его больной души, „вспомнившіяся“ одному изъ его почитателей тамъ же, на Волковомъ кладбищѣ, въ день похоронъ писателя.

положенія: сидитъ у себя въ комнатѣ, окруженная портретами и письмами Глѣба Ивановича. Всѣ его письма, начиная съ самой первой записки, полученной изъ рукъ въ руки—въ 1867 году—и до послѣдняго письма изъ больницы—отъ 1893 г.,—все это было всегда неразлучно при ней. Она ихъ читала и перечитывала, плакала и цѣловала... Одно письмо такъ часто читалось ею, что распалось уже на клочки и буквы стерты ся слезами и поцѣлуями... Это было самое дорогое для нея письмо. Глѣбъ Ивановичъ написалъ его десять лѣтъ спустя послѣ ихъ сближенія, и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда она его только-что получила,—она давала мнѣ прочитать изъ него одну строчку: ... *„все вздоръ, ничего мнѣ не нужно. Ты мой настоящій и дорогой другъ—одна, больше никого“*.

Она приводила всѣ эти письма въ порядокъ, пронумеровывала, ставила числа и годы (не всегда, впрочемъ, вѣрно) и собиралась писать мемуары. Всѣ воспоминанія о немъ она собирала и переписывала. Но ни одно не удовлетворяло ее вполнѣ.

— Все не то они пишутъ, — говорила она. — Нигдѣ я *не вижу Глѣба Ивановича, его самого*...

Лучшими—„больше похожими и прочувствованными“—она считала воспоминанія В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевскаго и неизвѣстнаго автора въ „Сибирской Газетѣ“.

Не разъ она и другіе члены семьи высказывали мнѣ желаніе, чтобы я написала мои воспоминанія. Но я искренно увѣряла, что это очень трудно, что я совсѣмъ не такъ близко знала Глѣба Ивановича, и онъ— такой своеобразный, неподдающійся описанію, человѣкъ...

— Я дамъ вамъ прочитать его письма,—говорила она,— и вы отлично его поймете.

Содержаніемъ всѣхъ разговоровъ ея были воспоминанія ея жизни съ Глѣбомъ Ивановичемъ, и всѣ подробности этой жизни передавались ею въ живыхъ очертаніяхъ. Она жила своимъ прошлымъ, когда живы были вокругъ нея всѣ знакомые литераторы, и живъ былъ ихъ центръ и душа— Глѣбъ Ивановичъ. Но этотъ кругъ съ каждымъ годомъ рѣдѣлъ, воспоминанія блѣднѣли, изглаживались. Она съ горечью говорила порой, что ее „забыли...“ „Это значитъ, и Глѣба Ивановича уже позабыли!..“ и съ торжествующимъ видомъ показывала присланный Н. К. Михайловскимъ экземпляръ его сочиненій съ прочувствованной надписью.

— Точно помолодѣла теперь... Такъ это мнѣ старое время напомнило... Хорошее было время тогда!..

Дѣти всегда съ интересомъ прислушивались къ ея разсказамъ. Вообще, я не знаю ни одной литературной семьи, гдѣ такъ ревниво и свято

чтили бы культъ отца-литератора. Его духомъ жила и дышала семья—какъ при жизни, такъ и потомъ. Не разъ доводилось мнѣ быть свидѣтельницей, какъ Александра Васильевна наводила на путь истинный кого-нибудь изъ „пришлыхъ“, чужихъ, однимъ напоминаніемъ имени Глѣба Ивановича. Среди молодежи, нетерпѣливой и шумной, бравшей жизнь съ бою, она сидѣла, какъ строгая, умная воспитательница, внимательно прислушиваясь къ бесѣдамъ и спорамъ новаго поколѣнія. Она улыбалась, довольная, когда въ этихъ бесѣдахъ слышались отзвуки знакомыхъ и близкихъ ея сердцу рѣчей. Она хмурилась, когда эти разговоры принимали характеръ ненавистнаго ей образа мыслей и чувствъ. Она вставала и уходила къ себѣ, въ свою комнату,—всегда строго-простую, опрятную и прохладную, съ отсутствіемъ всего лишняго,—и, вмѣсто споровъ и осужденія, говорила присутствующимъ:

— Ну, я не привыкла къ такимъ разговорамъ. Мы съ Глѣбомъ Ивановичемъ думали иначе, и такъ и прожили нашу жизнь. Я не готовила моихъ дѣтей къ житью въ *свое удовольствіе*. Глѣбъ Ивановичъ всю жизнь страдалъ за людей и чужія страданія и всѣ эти удовольствія называлъ *зоологіей*. Мои дѣти носятъ имя *Глѣба Успенскаго*. Они должны беречь это имя.

Не дальше какъ въ прошломъ (1906) году, на Пасхѣ, когда я была у нея, она мнѣ разсказывала опять о томъ, какъ Глѣбъ Ивановичъ „ненавидѣлъ всегда разговоры *о себѣ*“, и какъ однажды, живя въ Парижѣ, русскіе литераторы устроили пикникъ гдѣ-то въ Champs-Elysées или въ Булонскомъ лѣсу.

— Н. С. Курочкинъ, любившій поѣсть, притащилъ съ собой цѣлый коробъ всякихъ закусокъ—устрицъ, паштетовъ, вина, какихъ-то необыкновенныхъ пирожковъ; другіе тоже—фруктовъ, конфетъ... „Зоологія“, однимъ словомъ, была въ полномъ ходу. И вотъ, когда выпили, начали хвастаться, говорить о себѣ. Были тутъ и Максимовъ, и Якушкинъ, и Р., и Л., и Г., вся русская колонія тогда, однимъ словомъ. И вотъ, оказывалось, всѣ они знатнаго рода и благороднаго происхожденія—всѣ столбовые дворяне, всѣ потомственные; одинъ—бояринъ тринадцатаго, другой двѣнадцатаго вѣка... У одного было столько-то тысячъ душъ, у другого—еще того больше... Глѣбъ Ивановичъ, помню, лежалъ на травѣ, слушалъ, какъ они говорятъ... Слушалъ ихъ, слушалъ, потомъ этакъ посмотрѣлъ на меня,—мы всегда понимали другъ друга съ перваго взгляда,—и на нихъ посмотрѣлъ,—приподнялся и говоритъ: „Я тоже очень благородный человѣкъ! Увѣряю васъ, господа: *о-чень* благородный!“—Такъ онъ ихъ тутъ и уложилъ!—съ улыбкой закончила Александра Васильевна.

И мучило, и заставляло негодовать ее, когда о Глѣбѣ Ивановичѣ

молчали или говорили *„не то“*,—когда, напримѣръ, писали, что онъ впалъ въ нервное разстройство оттого, что онъ „пьянствовалъ“, что семья позабыла его, что могила его въ небреженіи...

Жестоки и грубы кажутся знающимъ близко семью Успенскихъ тѣ отзывы и толки, которые появлялись тогда въ газетахъ и до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста!.. И непонятно, что побуждало авторовъ этихъ замѣтокъ—якобы почитателей покойнаго писателя — набрасывать тѣнь на тѣхъ, кому всѣхъ ближе и всѣхъ дороже этотъ писатель!

Александра Васильевна и дѣти *постоянно* (насколько позволяли ихъ моральныя и матеріальныя средства) навѣщали больного. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ Александра Васильевна постоянно упоминаетъ, когда она была „счастлива“—когда могла побывать у Глѣба Ивановича—въ больницѣ или на кладбищѣ.

...„Наканунѣ отъѣзда (въ Сябренцы) была у Глѣба Ивановича. Разскажу вамъ, когда пріѣдете.

„У Глѣба Ивановича двѣ комнаты, хорошо меблированныя; есть картины и цвѣты. Я была съ Шульгиной [1]), и мы пробыли долго, пили чай и разговаривали; иногда приходилось и бредъ слушать; но разъ Глѣбъ Ивановичъ боленъ,—такъ что же дѣлать, и бредъ послушаешь, чтобы съ нимъ побыть немного“.—И тутъ же прибавляетъ порадовавшее ее извѣстіе:—„Въ Бернѣ открыта библіотека и читальня имени Глѣба Ивановича“...

Письма врача ярко рисуютъ сочувственное отношеніе его къ больному писателю и къ пораженной горемъ семьѣ. Въ нихъ лучше всего поясняется и причина, почему больного невозможно было оставить дома. Опыты, производимые этимъ врачемъ,—возвращеніе больного въ домашнюю обстановку,—вызывали *усиленіе болѣзни* и... болѣзненно отражались на *всѣхъ* членахъ семьи. Мыслима ли была такая жестокая жертва? И къ чему повела бы она?—надъ этимъ стоитъ задуматься тѣмъ, кто рѣшается на подобные упреки и обвиненія... Упрекать можно бы развѣ тѣхъ, кто въ состояніи былъ помочь и во-время поддержать истомленнаго труженика, доведеннаго до отчаянія напрасными усиліями выбиться изъ житейскихъ оковъ...

Сочиненія его были изъяты изъ народныхъ и ученическихъ библіотекъ, какъ „вредныя“ для незрѣлаго юношества. А между тѣмъ эти сокровища языка, чувства и мысли — эта кунсткамера народнаго творчества—должны бы изучаться, какъ отдѣльная отрасль познанія Россіи 60-хъ—90-хъ годовъ.

---

[1]) **Наталья Александровна Шульгина—старинная знакомая Ал. В—ны.**

X.

Въ разговорахъ съ Александрой Васильевной мы не разъ касались и вопроса о самой *болѣзни* Глѣба Ивановича.

Она не признавала его недугъ безнадежнымъ душевнымъ разстройствомъ и до послѣдняго дня старалась увѣрить себя и другихъ, что онъ „еще можетъ поправиться", что ему надо только „хорошенько отдохнуть" и „лечиться".

— Просто Глѣбъ Ивановичъ надорвался!—съ сокрушеніемъ г она.—Вѣдь онъ не то что другіе. Онъ никогда не могъ такъ писать, какъ пишутъ теперь... Глѣбъ Ивановичъ такъ всегда мучился, когда ему что-нибудь не удавалось... Убить себя былъ готовъ. Сколько разъ бывалъ онъ на волосокъ!.. Сколько разъ говорилъ: „Камни бы лучше таскать хотѣлъ, чѣмъ это писанье изъ-подъ палки!" А какъ же было ему не писать?!.. Вѣдь Глѣбъ Ивановичъ за всѣхъ за насъ мучился. Столько дѣтей! Всѣхъ нужно одѣть, накормить, научить... Я бы рада работать, да не могу... Силъ уже нѣтъ. А ему—передохнуть никогда не давали!.. Я непремѣнно все это когда-нибудь напишу. Надо же, чтобы понимали Глѣба Иваныча какъ слѣдуетъ!—съ волненіемъ доканчивала она.

Но желанію этому такъ и не удалось осуществиться. Жизнь не щадила никого въ послѣдніе годы,—и на ея долю снова выпало тяжелое душевное потрясеніе.

Живя на дачѣ (въ Шуваловскомъ паркѣ) у второй своей дочери, она пережила второй нервный ударъ. Легкая простуда и неожиданное извѣстіе о смерти любимаго перваго внука доконали ее.

Осенью, 12 октября, ея не стало.

Я видѣлась съ ней въ послѣдній разъ въ іюлѣ, на дачѣ. Она уже спала, когда я пріѣхала къ нимъ.—„Мама все теперь спитъ",—говорила Марья Глѣбовна.—„Очень она ослабѣла". Я ночевала у нихъ и, уѣзжая утромъ, не надѣялась уже повидать Александру Васильевну. Марья Глѣбовна съ дѣтьми пошла провожать меня до парохода, и мы подходили уже къ калиткѣ, когда за нами издалека раздался голосъ Александры Васильевны.

— Мама зоветъ васъ,—сказала мнѣ Марья Глѣбовна.

Я обернулась—Александра Васильевна стоитъ на высокомъ крыльцѣ и протягиваетъ ко мнѣ руки.

— Куда же это вы отъ меня уходите? Дайте же мнѣ повидать васъ еще разокъ! Можетъ быть, больше никогда не увижу... Можетъ быть, я скоро умру,—говорила она, покрывая крѣпкими поцѣлуями все лицо мое.. Неблагополучно у насъ,—съ печалью прошептала она.—Знаете... мужъ Вѣры... Не вынесу я этого... Скоро умру...

Меня удивила тогда и эта трогательная нѣжность ко мнѣ, и эти слова о близости ея смерти. Видъ у нея былъ вполнѣ здоровый и крѣпкій, хотя она похудѣла и волосы были совсѣмъ уже бѣлые.

Я попыталась успокоить ее,—пошутить.

— Зачѣмъ умирать, Александра Васильевна! Еще помучаемся и порадуемся... Мы съ вами вмѣстѣ умремъ. А я еще и не собираюсь.

— Нѣтъ, вы живите!.. Я вамъ дамъ прочесть всѣ письма Глѣба Ивановича... На домъ вамъ дамъ!—шептала она,—и вы хорошо напишете... ваши воспоминанія о Глѣбѣ Ивановичѣ.

Мы еще разъ крѣпко съ ней обнялись—и разстались,—какъ оказалось потомъ—навѣки. Навѣстить ее въ городѣ мнѣ такъ и не удалось. Увидала уже въ гробу. Лицо ея стало такое маленькое, такое смиренное и безропотное... точно снова сдѣлалась она невѣстой Глѣба Ивановича...

И вотъ, 14-го октября мы снова были на Волковомъ кладбищѣ. Вопреки ожиданію, постороннихъ не было ни души. Два литератора изъ „Русскаго Богатства" и самые близкіе друзья и родные. Или забыли, или не знали совсѣмъ, кто такая была эта *Александра Васильевна Успенская*. А между тѣмъ, не будь ея—не было бы, можетъ быть, и *Глѣба Успенскаго*—такимъ, какимъ его знаетъ теперь *Россія*.

Когда открыли склепъ, выложенный кирпичомъ и покрытый хвойными вѣтками, сохранившими свою душистую зеленую свѣжесть,—изъ-подъ нихъ въ глубинѣ блеснулъ другой металлическій гробъ...

— А тамъ... Глѣбъ Ивановичъ?—тихо спросила я Александра Глѣбовича.

— Тамъ Глѣбъ Ивановичъ!—глухо, какъ бы черезъ силу, отвѣтилъ онъ мнѣ.

Ихъ положили тамъ рядомъ—какъ будто въ сказкѣ—на ложе безмятежнаго покоя, отдохновенія,—въ неразрывномъ соединеніи по завѣту вѣковъ: что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ!—И мнѣ видѣлось, какъ она лежитъ тамъ, спокойная и какъ будто бы торжествующая: она отдыхаетъ теперь *отъ жизни*, подлѣ своего „милаго Глѣба",—и онъ уже отсюда не уйдетъ отъ нея никуда... Не надо ему больше ѣздить въ грязныхъ и душныхъ вагонахъ, питаться всякой буфетной дрянью, согрѣваться губительной водкой, мучиться за села и города съ ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ безобразіемъ, за истощенныя поля и вырубленные лѣса, за безграмотнаго, голоднаго и обманутаго, пьянаго и избитаго мужика... и за то, что къ сроку *опять* не выйдетъ статья въ „Русское Богатство" или „Русскія Вѣдомости"...

Пока насыпали могилу, я разсматривала вѣнки. На одномъ красуется надпись: „Мученику своего таланта"... Едва ли это справедливо

написано. Нѣтъ, талантъ не мучилъ Глѣба Успенскаго. Талантъ—всегда счастье. Недаромъ и въ народѣ талантъ и счастье—синонимы. Онъ и погибъ потому, что утратилъ талантъ—силу *самовозобновленія*... Чтеніе его писемъ утвердило меня еще болѣе въ этой мысли. „Пропалъ талантъ... отлетѣла душа“,—съ тоской говорилъ онъ *въ бреду*. И вотъ въ этой-то преждевременной „пропажѣ“ и разгадка, и трагедія его душевной болѣзни. Исчезла своеобразная сила, способность видѣть и чувствовать—какъ не видитъ, не чувствуетъ *никто, кромѣ него*. Исчезли чары творческаго постиженія, нарушилась безконечная кристаллизація самотекущихъ мыслей и образовъ... „Только тѣло осталось“. А тѣло-то было больное, безсильное,—и оно только давило его своей *безцѣльной*, безсмысленной тяжестью, — оно только держало его (заставляло держать) подъ замкомъ, за рѣшеткою... И онъ ненавидѣлъ въ себѣ это терзавшее его *никому не нужное* тѣло,—до того ненавидѣлъ, что наносилъ себѣ побои и колотился головой объ стѣну.

Я прочла его письма, и, читая, мнѣ казалось—я присутствую при *прохожденіи* небеснаго свѣтила: восходъ, апогей, закатъ и затмѣніе, т. е. возвращеніе въ то состояніе, изъ котораго онъ вышелъ когда-то съ тяжелыми усиліями.

Вся жизнь Глѣба Ивановича какъ будто протекала передъ моими глазами.

Лишенный таланта, онъ пытается разсказать свое путешествіе въ монастырь,—и ничего не выходитъ, кромѣ дѣтскаго лепета. Это какъ будто ученическая задачка, проба пера. И почеркъ, и слогъ измѣняются въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся психо-физическимъ строемъ. Яркіе періоды таланты и здоровья выражаются слогомъ и почеркомъ энергически-сжатымъ; буквы съ острыми линіями перпендикулярнаго рисунка, точно готическія крыши средневѣковыхъ церквей. Почеркъ *въ концѣ* какъ бы снова первоначальный, юношескій,—почеркъ „начинающаго“ двадцатилѣтняго автора „Нравовъ Растеряевой улицы“: такой же крупный и круглый, но уже съ пропусками цѣлыхъ слоговъ, съ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, съ преобладаніемъ чувства надъ мыслью, съ неудержимымъ порывомъ тоски и унынія,—совершенно какъ въ началѣ его писемъ къ невѣстѣ и будущей женѣ.

Письма эти прочтутъ современемъ многіе. И каждый навѣрное вынесетъ изъ нихъ что-нибудь *свое*, для себя интересное и себя утерждающее. Я вынесла изъ нихъ одно только—главное: глубокое, ни разу не прерванное, нигдѣ не нарушенное *единство этическаго духа*. Больной и здоровый—онъ *вѣренъ* себѣ самому. Онъ—все тотъ же. Но въ послѣднихъ письмахъ изъ Колмова (1891—93 г.) появляется нѣчто *какъ будто*

бы новое, чего прежде не замѣчалось. Это новое—восторженность религіознаго чувства. Психіатры опредѣлили: *психозъ*; для нихъ это—болѣзнь, ненормальное состояніе.—Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое,—какъ понимать? Водки онъ больше не пьетъ, а экстазы испытываетъ?!.. „Глубокая любовь къ Богу и ко всей твари"—вотъ *новый* видъ этого ненормальнаго состоянія.

Но дѣйствительно ли было тутъ что-нибудь *новое*? „Я впечатлителенъ"... „я боленъ",—часто говоритъ о себѣ онъ вначалѣ. Не есть ли эти „новыя" религіозно-восторженныя признанія—только не сдержанный никакимъ „направленіемъ", *свободный* голосъ души его, всю жизнь носившей въ себѣ этотъ властный авторитетъ и критерій, которымъ вѣрнѣе всего, *правосуднѣе* всего оцѣниваются и люди, и дѣла людскія?.. Не тѣмъ ли же чувствомъ продиктованы самыя горячія, самыя вдохновенныя страницы его писаній?

А теперь, когда писать онъ не можетъ, ему слышится *тотъ же голосъ*—какъ будто ангеловъ съ неба,—какъ будто самъ Богъ ведетъ бесѣды съ его душой, и душа эта вся преисполнена счастья, восторга, любви ко всему живущему! *Здоровый*, онъ никогда не говорилъ ни о Богѣ, ни о религіи. Но, можетъ быть, во всей русской литературѣ не найдется писателя болѣе *религіознаго*, чѣмъ онъ. Богъ какъ будто всегда *стоитъ передъ нимъ*, когда онъ пишетъ. И вѣчной правдой Божіей повѣряетъ онъ всѣ правды житейскія, всѣ отношенія свои къ людямъ и къ себѣ самому.

Жизнь и писанія Глѣба Успенскаго—это единый и неразрывный міръ, подчиненный одному и тому же закону. Это—неустанный подъемъ на высоту, въ поискахъ идеала, имя которому—*правда*. И не его вина, если вмѣсто „идеала" онъ нашелъ только „крестъ"... Нося въ груди любовь къ этому идеалу, спачала и до конца онъ испытывалъ какое-то физическое даже отвращеніе ко всякимъ „ухищреніямъ", къ „фокусамъ людей сороковыхъ годовъ" и къ „выдумкамъ на всевозможныхъ діалектахъ"... Во имя того же идеала отметалъ онъ прочь отъ себя все „соблазнявшее", „ненастоящее", неправдивое,—все, что сбивало и отвлекало его отъ пути въ страну обѣтованную. Какъ вѣрный и трудолюбивый пахарь, шелъ онъ за своимъ тяжелымъ плугомъ,—шелъ, ни разу не оглянувшись назадъ,—пока силы не измѣнили ему, и манящій призракъ „обѣтованной страны" не исчезъ въ безобразномъ туманѣ безумія... Но и тогда, по временамъ, сверкали для него ея сіяющіе чертоги, и разверзались небеса, и слышались хоры ангельскіе, звучали гимны гармоніи... Что это было?—„Безуміе или осіявшая истина"?.. Или—*въ самомъ безуміи осіянная истина*?—Для меня тутъ нѣтъ никакого вопроса. Я вѣрю по слову апостола: *вси будутъ научены Богомъ*.

За эту-то совершеннѣйшую, единую истинную науку, которая одна не измѣняетъ человѣку, Глѣбъ Успенскій заплатилъ всей своей жизнью. Душу свою положилъ за нее. И народъ русскій никогда не забудетъ его. Народъ всегда будетъ учиться у него и любить его...

Бывала не разъ я и въ Сябренцахъ, гдѣ „жилъ и работалъ" Глѣбъ Ивановичъ. И въ первый же мой пріѣздъ была такъ счастлива, что ночевала въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ *писалъ*, гдѣ стоялъ запечатанный его столъ, на той самой кушеткѣ, на которой онъ спалъ когда-то, — у стѣны, увѣшанной лавровыми вѣнками, съ надписями на лентахъ: „отъ рабочихъ"... „отъ благодарныхъ учениковъ дорогому учителю"... и пр. Комната Глѣба Ивановича—внизу, первая отъ входа. Домъ небольшой, двухъ-этажный, стоитъ на проѣзжей дорогѣ между Москвой и Петербургомъ... „Живой матеріалъ" проходилъ ежедневно мимо писателя.

По этой дорогѣ брели мимо него „герои" его разсказовъ и очерковъ—безработные и не помнящіе родства, странники и убогіе, „административные", высланные и иные...

Здѣсь однажды Александра Васильевна услыхала у себя наверху голосъ Глѣба Ивановича: „Дайте мнѣ что-нибудь надѣть! Я все ему отдалъ"...

Снялъ съ себя все до нитки и отдалъ замерзающему бродягѣ, вмѣстѣ съ послѣднимъ рублемъ, который былъ у него въ карманѣ.

Въ домѣ самая безхитростная обстановка,—только все самое необходимое для житья; пышно цвѣтущій розовый кустъ въ небольшомъ саду—единственная роскошь этого писательскаго пріюта. Садъ разведенъ самимъ Глѣбомъ Ивановичемъ, а чудесная ярко-зеленая лужайка за нимъ—у крыльца—составляла предметъ заботы Александры Васильевны. Она любовно берегла ее, продавая каждое лѣто на выкосъ крестьянамъ. На скатѣ этой лужайки, на крутомъ берегу чистой маленькой рѣчки, подъ тѣнью молодыхъ березокъ, чудесно поставлена скамейка... За рѣкой—какъ привольная степь—стелются зеленыя, желтыя нивы, курятся синія дали... А надъ нивами, — въ „райской тишинѣ" [1]), не умолкая, весною журчатъ пѣсни жаворонковъ... А поздно вечеромъ, въ сиреняхъ и липахъ, щелкаютъ въ саду соловьи... И хорошо тамъ сидѣть на этой скамейкѣ, чувствуя эту „райскую тишину" и райскую правду... Понимаешь тогда всѣмъ сердцемъ, какъ стремился сюда Глѣбъ Ивановичъ, измученный петербургскою сутолокой, ожиданіемъ „чего-то позорнаго и ужаснаго",—

---

[1]) Изъ письма ко мнѣ Александры Васильевны.

какъ влекло его „къ тишинѣ, къ одиночеству, къ книгѣ“ и... къ правдѣ. Но находилъ онъ ее, эту правду, только въ собственномъ сердцѣ своемъ...

Рядомъ стоитъ теперь другой—новый домъ,—народная школа... Давнишняя мечта Александры Васильевны и Глѣба Ивановича осуществилась вполнѣ: трудами сына и вѣрныхъ друзей его созданъ памятникъ живой и наглядный о народномъ писателѣ—и любви къ народу писателя.

Всѣ крестьяне вокругъ помнятъ и любятъ Глѣба Ивановича, какъ и всю близко знакомую имъ семью Успенскихъ.

— Ахъ, хорошій былъ человѣкъ! — помню говорилъ мнѣ дорогой везшій меня къ Успенскимъ со станціи пожилой крестьянинъ съ сосѣдняго съ ними двора, возившій всегда Глѣба Ивановича.—Со всякой бѣдой пойди къ нему—лучше не надо: все тебѣ обсудитъ, разскажетъ, а съ нуждой придешь—и способіе дастъ. Папиросъ только больно много курилъ онъ. Почитай, сотню въ сутки, коли не больше. Нездорово это, я такъ полагаю.—Ужъ такъ его намъ тогда жалко было!—прибавлялъ онъ.—Кажется, лучше бы самому помереть, нежель его потерять. Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ.

Этимъ коротенькимъ воспоминаніемъ „простыхъ“ людей закончу и я мои воспоминанія объ Успенскихъ.

В. Т—ва (Починковская).

7 мая 1907 г.

Указъ Его Императорскаго Величества 1825 г. о князѣ Сангушко.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

Копія.
Февраля 7.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго— изъ Волынскаго Губернскаго правленія—Заславскому Земскому Суду.

По Указу Его Императорскаго Величества Волынское Губернское Правленіе слушавъ предложеніе Г. здѣшняго Губернатора и Кавалера Михайла Фадѣевича Бутовтъ Андржейковича отъ 29 числа сего Генваря за № 2377, въ которомъ прописываетъ — Главно командующій Литовскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ, Его Императорское Высочество Цесаревичъ въ повеленіи отъ 25 сего Генваря за № 158. къ Его Превосходительству послѣдовавшимъ изъяснить изволилъ—по дошедшимъ до Его Высочества свѣденіямъ открылось: Что Житомирскаго Пѣхотнаго полка Поручикъ Стржельницкій пріехавши во 2. день сего Генваря въ М. Славуту, принадлежащее Князю Евстафію Сангушкѣ, по приглашенію Его сына, первоначально получалъ приказаніе чрезъ управителя отъ туда выехать, по подозрѣнію перепуганія яко бы Стржельницкимъ въ Бердичевѣ въ 1819 году дочери Князя Евстафія Сангушки; а между тѣмъ какъ Стржельницкій оправдивался несправедливости такого подозрѣнія; пришелъ самъ Князь Евстафій Сангушко, и нежелая слушать никакихъ оправданій, оскорбилъ Стржельницкаго самыми поносными и площадными выраженіями—а затѣмъ приказалъ запречь въ повозку его лошадей, и вывесть оную изъ Мѣстечка — и что въ послѣдствіи времени Князь Евстафій Сангушко возчувствовалъ всю несправедливость, и неприличіе таковаго поступка; въ присутствіи Адьютанта Генералъ-Лейтенанта Гогеля, и двухъ Князей Яблоновскихъ, просилъ у Поручика Стржельницкаго двукратно въ винѣ своей прошеніе — изъ таковаго произшествія Его Императорское Высочество усматриваетъ—1-е—

Что нанесеніе Князѣмъ Евстафіемъ Сангушкою Стржельницкому обидъ, сопровождалось нарушеніемъ тишины и спокойствія благочинія, и даже буйственнымъ насиліемъ—а по тому одно изъпрошеніе имъ у обиженнаго прощенія не есть еще для закона удовлетворительнымъ, ибо обиженный въ правѣ простить только свою обиду, а буйство яко нарушеніе благоустройства и общаго спокойствія, не можетъ оставаться ненаказаннымъ— 2-е Сверхъ личной обиды Поручику Стржельницкому и нарушенія благочинія въ дерзкомъ поступкѣ Князя Евстафія Сангушки оказывается пренебреженіе вмѣсто уваженія, которымъ объязанъ всякой, къ воинскому званію, а въ особенности къ Россійскимъ. За всѣ сіи дерзкіе поступки Его Высочество приказать изволилъ; отправленному вмѣстѣ съ тѣмъ, на щетъ Князя Евстафія Сангушки Фельдегерскаго корпуса Поручику Блументалю, арестовать его Князя Евстафія Сангушку, доставить къ Его Превосходительству въ Житомиръ по Высочайше предоставленной Его Императорскимъ Величествомъ Его Высочеству власти, предписываетъ Его Превосходительству въ присутствіи сего правленія и при бытности присланнаго отъ Генералъ Лейтенанта Адьютанта Гогеля сдѣлавъ Князю Евстафію Сангушкѣ строгій выговоръ, потвердить чтобы впредъ отъ всякихъ подобныхъ сдѣланному имъ буйственныхъ поступковъ воздержался, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по всей строгости Законовъ—по томъ выдержавъ его въ городѣ Житомирѣ въ верхней вѣже восѣмъ дней, отправить съ Поручикомъ Блюменталемъ обратно въ М. Славуту, со внушеніемъ притомъ, что за поступки его слѣдовало бы предать Уголовному Суду—но Его Высочество ограничивается выговоромъ и арестомъ единственно по тому, что изъпрошеніемъ у обиженнаго прощенія доставилъ Его Высочеству возможность облегчить мѣру заслуженнаго наказанія. Поручику Блюменталю имѣетъ Его Превосходительство вручить на обратномъ слѣдованіи Его въ Варшаву, исполнительный Его Превосходительства о семъ предписаніи Его Высочества рапортъ вмѣстѣ съ прогонными въ оба пути деньгами, по взысканіи оныхъ съ Князя Сангушки—о сдѣланномъ же Князю Евстафію Сангушкѣ въ присутствіи Губернскаго Правленія выговоръ и арестъ его, опубликовать по всей Губерніи.

Въ слѣдствіе чего предваряя Губернское Правленіе что Его Превосходительство прибудетъ въ присудствіе онаго 30. числа для исполненія воли Его Императорскаго Высочества Цесаревича въ разсужденіи сдѣланія выговора Князю Евстафію Сангушкѣ, посаженія его на восѣмъ дней въ верхней вѣже, и учиненія ему повелѣннаго внушенія, предлагаетъ по сдѣланію Князю Сангушкѣ выговора въ присудствіи сего Правленія, опубликовать о томъ, и объ арестѣ Его по всей Губерніи сходно повеленія Государя Цесаревича—приказали по здѣланію Г. здѣшнимъ Гражданскимъ

Губернаторомъ и Кавалеромъ Князю Евстафію Сангушкѣ выговора въ присудствіи сего правленія при бытности присланнаго отъ Г. Генералъ Лейтенанта Гогеля адютанта, и сполненіи прочаго порученнаго Г. Губернатору опубликованіи о томъ, и объ арестѣ, Его Князя Евстафія Сангушки по всей Губерніи сходно повеленію Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича предписать отъ сего Правленія Градскимъ и Земскимъ поліціямъ Указами, а къ свѣденію о семъ къ дѣламъ Г. Гражданскаго Губернатора и кавалера передать съ сего журнала копію—Февраля 3. д. 1825 года. На подлинномъ подписано. Совѣтникъ Рюль. Губернскій секретарь Харчевскій.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Библіографія.

В. Ключевскій. *Курсъ русской исторіи. Часть III.* 1908.

Сухое, учебное названіе „Курсъ" не подходитъ къ этой научно-цѣльной и художественно-живописной исторіи Россіи. Здѣсь—все наше историческое развитіе, въ его основныхъ явленіяхъ, начиная съ варяговъ, и теперь—въ III-емъ томѣ—уже до кануна петровской реформы; блестящія историческія картины, характеристики общества и общественныхъ движеній. Автору этого замѣчательнаго труда и извѣстной „Боярской думы" принадлежитъ мѣсто въ первомъ ряду нашихъ историковъ, въ одномъ ряду съ Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Извѣстенъ старый споръ, недавно еще острый, но теперь уже рѣшенный, чѣмъ должна быть исторія, наукой или искусствомъ, соціологическимъ изученіемъ развитія или художественнымъ описаніемъ? Ключевскій ставитъ себѣ задачей исторію-науку, онъ начинаетъ свой „Курсъ" соціологическимъ введеніемъ и заявляетъ, что въ основу историческаго изученія имъ положено изученіе жизни общества, въ процессахъ политическомъ и экономическомъ. Онъ самъ, видимо, очень дорожитъ своими выводами въ этой области знанія, выдвигаетъ впередъ свои сложныя формулы взаимодѣйствія различныхъ элементовъ развитія, не разъ проситъ своихъ слушателей запомнить ихъ, какъ ключъ къ пониманію исторіи, и въ печати подчеркиваетъ ихъ курсивомъ.

Но съ авторами часто случается, что они неправильно цѣнятъ самихъ себя и дорожатъ не болѣе сильной стороной своего таланта. Въ книгахъ В. О. Ключевскаго, формулы развитія, хотя онѣ и напечатаны курсивомъ, совершенно заслоняются его мастерскими историческими картинами. Исторія-искусство у него заслоняетъ исторію-науку.

Ключевскій, прежде всего, историкъ-художникъ и большой мастеръ въ этомъ трудномъ искусствѣ. Когда внимательно вчитаешься въ его книгу, остается впечатлѣніе, какъ будто что-то видѣлъ и кого-то слышалъ, какъ будто видѣлъ и слышалъ живыхъ московскихъ людей XVI и XVII вѣка, начиная съ царя Ѳеодора Ивановича и Бориса Годунова, до царевны Софіи, въ особенно патріархальной Москвѣ. Изъ ряда этихъ красочныхъ портретовъ выдѣляется, по мастерству письма, тишайшій царь Алексѣй:

„Это былъ добрѣйшій человѣкъ, славная русская душа. Онъ любилъ, чтобы вокругъ него всѣ были веселы, и довольны; всего невыносимѣе ему была мысль, что кто-нибудь имъ недоволенъ, ропщетъ на него, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ былъ образцомъ набожности, того чиннаго, точно размѣреннаго и твердо разученнаго благочестія, надъ которымъ такъ долго работало религіозное чувство древней Руси. Съ любымъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ молиться и поститься. Въ церкви онъ стоялъ иногда часовъ по пяти и по шести кряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ иные дни и до полторы тысячи. Но ни доброта природы, ни мысль о достоинствѣ сана,

ни усилія быть набожнымъ и порядочнымъ ни на вершокъ не поднимали царя выше грубѣйшаго изъ его подданныхъ. Отъ природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексѣй страдалъ вспыльчивостью, легко терялъ самообладаніе и давалъ излишній просторъ языку и рукамъ. Однажды въ любимомъ своемъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго царь праздновалъ память св. основателя монастыря и обновленіе обители въ присутствіи патріарха антіохійскаго Макарія. На торжественной заутренѣ чтецъ началъ чтеніе изъ житія святого обычнымъ возгласомъ: „Благослови, отче". Царь вскочилъ съ кресла и закричалъ: „Что ты говоришь, мужикъ,... сынъ: Благослови, отче? Тутъ патріархъ. Говори: Благослови, владыко!" Религіозно-нравственное чувство царя Алексѣя разбивалось о неблаговоспитанный темпераментъ, и даже добрыя движенія души получали непристойное выраженіе; онъ былъ мастеръ браниться той изысканной бранью, какой умѣетъ браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушіе.—Современники, даже иностранцы, признавали въ царѣ Алексѣѣ богатыя природныя дарованія; воспріимчивость и любознательность помогли ему пріобрѣсти замѣчательную по тому времени начитанность не только въ божественномъ, но и въ мірскомъ писаніи. Онъ любилъ писать и писалъ много больше, чѣмъ кто-либо изъ древнихъ царей послѣ Грознаго. Всего больше оставилъ онъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ письмахъ много простодушія, веселости, подчасъ задушевной грусти, и просвѣчиваетъ тонкое пониманіе ежедневныхъ людскихъ отношеній, мѣткая оцѣнка житейскихъ мелочей и заурядныхъ людей, но не замѣтно ни тѣхъ смѣлыхъ и бойкихъ оборотовъ, ни той ироніи,—ничего, чѣмъ такъ обильны посланія Грознаго. У царя Алексѣя все мило, многорѣчиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Авторъ, очевидно, человѣкъ порядка, а не идеи и увлеченія, готоваго разстроить порядокъ во имя идеи; онъ готовъ былъ увлекаться всѣмъ хорошимъ, но ничѣмъ исключительно, чтобы ни въ себѣ, ни вокругъ себя не разрушить спокойнаго равновѣсія. Складъ его ума и сердца съ удивительной точностью отражался въ его полной, даже тучной фигурѣ, съ низкимъ лбомъ, бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красивой бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами, съ кроткими чертами лица и мягкими глазами.—Этому-то царю пришлось стоять въ потокѣ самыхъ важныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній. Онъ былъ отцомъ преобразователя и въ немъ отразился первый моментъ преобразовательнаго движенія, когда вожди его еще не думали разрывать со своимъ прошлымъ и ломать существующее. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ преобразовательномъ движеніи позу, соотвѣтствующую такому взгляду на дѣло: одной ногой онъ еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи".

Я очень сократилъ эту блестящую характеристику царя Алексѣя. Ее надо прочесть цѣликомъ, чтобы оцѣнить вполнѣ. Но вотъ другой портретъ, весь въ четырехъ строкахъ, которыя врѣзываются въ память. Царевна Софія. „Эта тучная и некрасивая полудѣвица, съ большой неуклюжей

головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ".

Въ этой исторической живописи и смѣлые мазки реализма, и вмѣстѣ какая-то старомодная, условная манерность; острыя линіи антитезъ и прихотливые зигзаги фигуральныхъ сравненій. Тутъ и симпатія къ „славной русской душѣ", и иронія надъ „грубостью изысканной брани"; „въ высшей степени привлекательное сочетаніе вѣрности старинѣ и наклонности къ новшествамъ" и неудобнѣйшая поза царя, который одной ногой упирается въ православную старину, а другую занесъ за ея черту. Въ рисункѣ фигуръ часто видна схематическая условность, какъ въ рисункахъ миніатюръ старыхъ „лицевыхъ" лѣтописей. Авторъ беретъ изъ древнихъ памятниковъ условныя и манерныя черты, потому что, какъ и слѣдуетъ въ исторической живописи, онъ часто изображаетъ лица не въ ихъ исторической реальности, а въ томъ представленіи, какое о нихъ создалось у современниковъ, чтобы этими условными портретами лицъ характеризовать воззрѣнія современнаго общества. Онъ изображаетъ царя Ѳедора, сына Грознаго, какъ блаженнаго на престолѣ, и тутъ же замѣчаетъ о своихъ источникахъ, что въ нихъ чувствуется „доля каррикатуры"; но онъ сохраняетъ преувеличенныя черты, потому что въ нихъ „мысль русскихъ современниковъ пыталась сдѣлать изъ царя Ѳедора знакомый и любимый ею образъ подвижничества особаго рода"—юродства Христа ради. Такую же оговорку надо было бы сдѣлать и въ характеристикѣ боярина Ртищева, которая вся выдержана въ далекомъ отъ жизни стилѣ „житія".

Съ характеристиками лицъ сливаются въ книгѣ столь же блестяще-живописныя характеристики общественныхъ движеній московской эпохи: смуты, раскола и западничества, подготовлявшаго Петровскую реформу. Здѣсь много широкихъ обобщеній, въ которыхъ связываются концы и начала народныхъ движеній на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Такъ, предвѣстниковъ западничества и славянофильства Ключевскій находитъ уже въ эпоху смуты, когда дьякъ Тимофѣевъ писалъ о людяхъ, „овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу". Оба эти направленія уже съ XVII вѣка—говоритъ авторъ—„развиваясь и осложняясь, мѣняя цвѣта, названія и пріемы дѣйствія, проходятъ двумя параллельными струями въ нашей исторіи. То скрываясь куда-то, то выступая наружу, какъ рѣчки въ песчаной пустынѣ, они всего болѣе оживляютъ вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая съ нѣкоторыми свѣтлыми перерывами томительно длилась до половины XIX вѣка".

Гораздо меньше удается В. О. Ключевскому, какъ я уже замѣтилъ, соціологическое изученіе русскаго развитія, въ основахъ хозяйства и права. Онъ всегда не только говоритъ, но и мыслитъ антитезами и образами. Они придаютъ чрезвычайный блескъ его исторической живописи, но порой мѣшаютъ ему при изученіи учрежденій юридическихъ и экономическихъ, гдѣ нужна только точность, отчетливость мысли и рѣчи. Во многихъ его „формулахъ развитія" находимъ мы вмѣсто точныхъ терминовъ неясную игру словъ, и иногда вмѣсто строгой логики ту са-

мую „струйку лирической діалектики“, которую авторъ ставитъ въ упрекъ нѣкоторымъ нашимъ писателямъ. Онъ подчеркиваетъ, что наше развитіе шло всегда „въ обратномъ порядкѣ“, въ сравненіи съ западнымъ, что къ нашей древности не подходятъ даже такія элементарныя положенія науки народнаго хозяйства, какъ то́, что „рабскій трудъ не можетъ равняться въ энергіи съ трудомъ свободнымъ“, что у насъ это было „не совсѣмъ такъ“, и неясно пытается объяснить эти отступленія отъ исторической закономѣрности въ слѣдующихъ словахъ: „Изложенные процессы, полные такихъ противорѣчій, не были *аномаліями*, отрицаніемъ исторической закономѣрности; назовемъ ихъ лучше (?) историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ исторической жизни, произведеніями своеобразнаго мѣстнаго склада условій, который, однако, разъ образовавшись, въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи (?) повинуется уже общимъ законамъ человѣческой жизни, какъ организмъ съ растроенной нервной системой функціонируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія“. Это, прежде всего,—правильно оно или нѣтъ—какъ-то темно сказано. „*Своеобразный* мѣстный складъ условій, разъ образовавшись, въ *дальнѣйшемъ* своемъ дѣйствіи повинуется уже общимъ законамъ“. Казалось бы, разъ мы имѣемъ „*своеобразный* мѣстный складъ условій“, то и дѣйствіе его всегда должно быть своеобразнымъ. И съ какихъ же поръ начинается это повиновеніе его общимъ законамъ, въ „дальнѣйшемъ дѣйствіи“, ежели отъ времени варяговъ до XVII вѣка мы видимъ все только дѣйствіе его „въ обратномъ порядкѣ“? И образное сравненіе съ разстройствомъ нервной системы не только не подходяще, но и очень тускло, рядомъ съ яркими образами исторической живописи на другихъ страницахъ книги.

Курсъ проф. Ключевскаго пользуется успѣхомъ, какой рѣдко выпадаетъ на долю историческихъ сочиненій. Первая часть выдержала съ 1904 года уже три изданія, не считая старыхъ, литографированныхъ, и чьей-то воровской перепечатки безъ имени автора. Новая третья часть будетъ имѣть еще большій успѣхъ, потому что въ ней сильныя стороны таланта рѣдкаго автора нашли себѣ полный просторъ.

Историкъ С.

Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).—Соціалисты Запада и Россіи. Цѣна 1 руб. 25 коп. С.-Петербургъ. 1908 г.

Новая книга г. Кудрина является сборникомъ статей, предварительно печатавшихся авторомъ въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Книга не представляетъ единаго цѣлаго и собранные этюды не равноцѣнны. Г. Кудринъ далекъ отъ идеала объективнаго изслѣдователя и въ изученіе прошлаго онъ вноситъ боевые лозунги и формулы современности; иногда это приводитъ къ извѣстнымъ крайностямъ, но въ общемъ даетъ интересной книгѣ опредѣленный и яркій колоритъ.

Книга дѣлится на двѣ половины; первая заключаетъ рядъ этюдовъ о соціалистахъ Запада, вторая посвящена тремъ соціалистамъ Россіи. Особый интересъ и цѣнность представляетъ вторая половина; въ ней авторъ гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ въ первой части своихъ статей. Несомнѣнно, о выдающихся теоретикахъ и вождяхъ за-

падно-европейскаго соціализма трудно сказать что-нибудь новое; жизнь ихъ и труды изучены и разработаны въ мельчайшихъ деталяхъ. Дѣятельность великихъ русскихъ людей нуждается часто лишь въ самыхъ общихъ обзорахъ (наглядный примѣръ приводитъ г. Кудринъ въ дѣлѣ изученія Н. Г. Чернышевскаго). Изъ этюдовъ о соціалистахъ Запада обращаетъ вниманіе ярко написанная статья о Жюлѣ Валлэсѣ—интересномъ и оригинальномъ боевомъ писателѣ, прошедшемъ стадіи „отщепенца“, виднаго члена Коммуны и вліятельнаго политическаго публициста. Очень обстоятельна статья о Вилліамѣ Моррисѣ подъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ „Красота на служеніе человѣчеству“. Здѣсь авторъ даетъ характеристику англійскаго эстета-художника, уносившагося мечтой въ средневѣковье, но болѣвшаго „проклятыми“ вопросами современности, причудливаго фантазера и въ то же время оригинальнѣйшаго соціалистическаго мыслителя. Этюды о Фурье и, особенно, о Марксѣ, Энгельсѣ и Лассалѣ не представляютъ такого же интереса и являются обобщеніями, резюмирующими новѣйшія работы, и опубликованіемъ новыхъ матеріаловъ.

Въ статьяхъ, посвященныхъ русскимъ соціалистамъ, г. Кудринъ даетъ много новаго и интереснаго; особенно любопытны тѣ страницы, гдѣ авторъ оперируетъ надъ неизданнымъ матеріаломъ, пользуясь личными встрѣчами и впечатлѣніями, воспоминаніями своими и другихъ... Здѣсь авторъ часто очень субъективенъ, иногда даже рѣзко-одностороненъ, но это сглаживается искренностью и глубокой убѣжденностью автора; г. Кудринъ-Русановъ прежде всего публицистъ настоящаго, но ему дороги и цѣнны чары недалекаго прошлаго, сердечно близки образы ушедшихъ учителей и друзей...

Первый этюдъ трактуетъ о жизни и дѣятельности П. Л. Лаврова; эта статья является едва ли не самой интересной въ сборникѣ. Дружеской и любящей рукой набрасываетъ г. Кудринъ портретъ одного изъ интереснѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ русскихъ мыслителей; шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за развитіемъ дѣятельности Лаврова и все время ведетъ изложеніе на общемъ фонѣ историческихъ событій. Г. Кудринъ говоритъ и о Лавровѣ-теоретикѣ, одномъ изъ создателей русской субъективной соціологической школы (заслуживаетъ вниманіе здѣсь, какъ мимоходомъ оброненное авторомъ, замѣчаніе о соединенномъ и оригинально комбинирующемся вліяніи на Лаврова при выработкѣ, такъ называемаго, „субъективнаго метода въ соціологіи“ субъективизма Конта, антропологизма Фейербаха и теоріи человѣческой личности Прудона [1]), и о Лавровѣ-политикѣ, практикѣ, одномъ изъ властителей думъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ. Авторъ былъ близко знакомъ и связанъ узами дружбы съ Лавровымъ, и статья часто носитъ личный, интимный отпечатокъ; г. Кудринъ дѣлится интересными и характерными воспоминаніями о почившемъ учителѣ-другѣ, приводитъ любопытныя мѣста изъ частной переписки. Вторая статья „Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ“ также представляетъ интересъ, но здѣсь авторъ уже менѣе свободно опери-

[1]) Эти любопытныя соображенія г. Кудрина нуждаются въ развитіи и обосновааніи.

руетъ надъ темой, обладая меньшимъ матеріаломъ. Надо замѣтить, что и поставленная тема значительно превосходитъ рамки журнальной статьи и не можетъ быть разрѣшена съ достаточной полнотой на немногихъ страницахъ. Но все же въ предѣлахъ поставленной задачи г. Кудринъ справился съ своей темой и далъ очеркъ развитія общественныхъ взглядовъ Чернышевскаго въ связи съ общими историческими условіями того времени. Интересно отмѣтить мнѣніе автора о „бланкизмѣ" Чернышевскаго, объ извѣстномъ сходствѣ соціально-политическихъ взглядовъ русскаго мыслителя съ настроеніями знаменитаго французскаго революціонера. Послѣдній этюдъ посвященъ Н. К. Михайловскому, какъ публицисту-гражданину. Этотъ этюдъ, написанный единомышленникомъ и соратникомъ крупнаго русскаго публициста, даетъ очень удачную общую характеристику славнаго писателя—гражданина, долго и съ честью стоявшаго „на славномъ посту". Г. Кудринъ удачно комбинируетъ развитіе общественныхъ взглядовъ Михайловскаго съ общимъ ходомъ общественнаго движенія въ Россіи; онъ настолько отмѣчаетъ мѣткія характеристики и также пониманіе „момента" у Михайловскаго, чутко реагирующаго на каждое общественное проявленіе. Менѣе удаченъ и какъ-то скомканъ конецъ, трактующій о послѣднихъ годахъ публицистической дѣятельности Михайловскаго. Г. Кудринъ очень неясно и неопредѣленно говоритъ объ отношеніи къ марксистамъ, причемъ не договариваетъ до конца; рѣзко несправедливъ авторъ и по отношенію къ новѣйшимъ литературнымъ теченіямъ.

Книга издана опрятно и цѣна невысока. Портитъ впечатлѣніе рядъ грубыхъ опечатокъ. **И. Бороздинъ**

С. В. Рождественскій.—Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX вѣка. Цѣна 25 коп. С.-Петербургъ, 1907 г.

Настоящая брошюра г. Рождественскаго, извѣстнаго изслѣдователя исторіи нашего просвѣщенія, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ „Журн. мин. нар. просв." Г. Рождественскій разсматриваетъ, какъ ставился сословный вопросъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ правленіе Александра I; и здѣсь, на основаніи любопытнаго матеріала, доказываетъ, какъ неясна и неустойчива была правительственная политика по высшему образованію. Эта политика ярко отражала въ себѣ всю неустойчивость начинаній Александровской эпохи. Съ одной стороны не рѣшались сдѣлать университетъ вполнѣ свободнымъ для всѣхъ (что было такъ громко провозглашено въ университетскомъ планѣ, выработанномъ при Екатеринѣ II), съ другой не рѣшались перейти къ той рѣзко классовой политикѣ, которая господствуетъ въ правленіе Николая I. Интересно отмѣтить, что дворянство, которое правительство старалось привлечь въ университеты, очень индефферентно и пассивно относилось къ отечественнымъ разсадникамъ высшаго образованія. И изъ правительственныхъ начинаній, направленныхъ къ ограниченію доступа въ университетъ лицъ непривилегированныхъ сословій, ничего не вышло; вполнѣ правъ авторъ, приводя въ концѣ своего интереснаго по собранному фактическому матеріалу этюда слова профессора В. О. Ключевскаго—„общественныя силы переливались снизу вверхъ" въ широкія двери университетовъ. **И. Б.**

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826 — 1855 г.г. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ 7 портретами. Изд. С. В. Бунина. Спб. 1908. Стр. XV+614. Ц. 3 р. 50 к.

Огромная книга г. Лемке является результатомъ его занятій въ архивѣ III Отдѣленія, что нынѣ архивъ департамента полиціи. Г. Лемке собралъ въ ней свои статьи, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ, сдѣлалъ сводку имѣвшихся уже въ печати матеріаловъ о роли III Отдѣленія, провѣривъ ихъ по подлинникамъ, и ввелъ въ книгу не мало архивныхъ данныхъ, ранѣе имъ не использованныхъ. Задача книги—„дать ясный отчетъ о ходѣ борьбы Третьяго Отдѣленія и Николая I съ обществомъ и литературой“, выяснить размѣры отрицательнаго вліянія этого учрежденія въ жизни общества и литературы. Заранѣе скажемъ, да и самъ авторъ книги не станетъ отрицать того, что имъ использованы далеко не всѣ матеріалы, хранящіеся въ архивѣ III Отдѣленія, да и не всѣ, уже обнародованные. Никто, знакомый съ условіями работы въ архивѣ департамента полиціи, не поставитъ въ упрекъ г. Лемке пробѣловъ въ использованіи архивнаго матеріала, но все-таки нужно указать, что рядъ фактовъ, по большей части мелкихъ, но иногда весьма характерныхъ, опущенъ въ лѣтописяхъ воздѣйствія III Отдѣленія на литературу. Вотъ далеко не полный и не въ хронологическомъ порядкѣ перечень дѣлъ, оставшихся неизвѣстными г. Лемке: это—о братьяхъ Влад. и Александрѣ Шишковыхъ, о Мих. Погодинѣ, о Шишковѣ и Рогачевѣ, о Рѣдкинѣ и Карелинѣ, о Полежаевѣ, о Грановскомъ, объ Островскомъ („Свои люди—сочтемся“), о сужденіяхъ по поводу стихотвореній Рылѣева, о возмутительныхъ или пасквильныхъ стихахъ и многія другія. Дѣла о пасквильныхъ стихахъ—ихъ много — особенно важны для характеристики нашей общественной жизни. Не касается г. Лемке нѣкоторыхъ эпизодовъ, уже освѣщенныхъ въ пачати: исторія, напр., высылки Салтыкова и исторія запрещенія перевода Флетчера были бы недурными иллюстраціями къ общей картинѣ.

Но можно согласиться съ г. Лемке въ томъ, что матеріалъ, данный имъ, богатъ и совершенно достаточенъ для характеристики роли Третьяго Отдѣленія въ жизни литературы и общества. Будемъ судить только о томъ, достаточно ли умѣло и искусно использовалъ онъ бывшій у него въ рукахъ матеріалъ, насколько ярко и выразительно охарактеризована роль Третьяго Отдѣленія, насколько вѣрно понята связь этого института со всѣмъ укладомъ жизни страны и государства? Утвердительные отвѣты на эти вопросы придется дать только послѣ весьма большихъ оговорокъ. Книга г. Лемке не есть сводъ сырого матеріала, но и не есть изслѣдованіе; скорѣе всего—это матеріалы, очень неравномѣрно и непланомѣрно комментированные. Въ этомъ главнѣйшій недостатокъ книги г. Лемке. Если бы читатель былъ обращенъ непосредственно къ матеріаламъ, безъ посредниковъ, то онъ получилъ бы несомнѣнно болѣе цѣльное и яркое впечатлѣніе и представленіе о дѣятельности Третьяго Отдѣленія, чѣмъ то, которое у него создается послѣ чтенія г. Лемке. Такое представленіе является результатомъ той полнѣйшей безсистемности, въ которой авторъ располагаетъ свои матеріалы, а безсистемность вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ вмѣсто того, чтобы продумать, систематизиро-

вать и объединить имѣющійся у него матеріалъ, сдѣлалъ механическій сводъ своихъ журнальныхъ статей, механически же сдѣлавъ къ нимъ кое-какія добавленія. На самомъ дѣлѣ, что за порядокъ въ книгѣ? Раздѣляется она на отдѣлы. Первый отдѣлъ, озаглавленный „Третье Отдѣленіе и литература 1826—1855 года", казалось бы, долженъ былъ исчерпывать избранную авторомъ тему, но, нѣтъ, во второмъ отдѣлѣ онъ излагаетъ особо исторію сношеній Булгарина съ III Отдѣленіемъ. Но развѣ можно раздѣлять эти отдѣлы, разъ Третье Отдѣленіе безъ Булгарина не было бы самимъ собой: вѣдь это же значитъ вынуть у него сердце. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ взялъ только сравнительно мелкіе факты, а крупные, какъ, напр., исторію телескопа или исторію Пушкина въ Третьемъ Отдѣленіи онъ вынесъ въ особые отдѣлы. Это разъединеніе матеріаловъ, это совершенно искусственное ихъ выдѣленіе больше всего препятствуетъ выполненію поставленной авторомъ задачи: „дать ясный отчетъ о ходѣ борьбы Третьяго Отдѣленія и Николая I съ обществомъ и литературой". Только отрывочныя сообщенія объ этой борьбѣ мы получаемъ отъ г. Лемке, *отчета же о ходѣ борьбы* именно и не находимъ въ его книгѣ. И тутъ приходится винить только автора, ибо то, что было въ его рукахъ, совершенно достаточно для отчета.

Дѣлая совершенно механическій сводъ матеріала, авторъ не пытается или, вѣрнѣе, не даетъ себѣ труда хоть сколько-нибудь синтезировать матеріалъ и сдѣлать выводы, которые сами напрашиваются. Далъ ли онъ общую характеристику Третьяго Отдѣленія? Правда, онъ не ставитъ себѣ этой задачи; но онъ начинаетъ съ этой характеристики и не находитъ ничего лучшаго, какъ повторить, что „въ лицѣ Третьяго Отдѣленія вступала въ жизнь припомаженная, завитая и вычищенная древняя тайная канцелярія". Институтъ, созданный Николаемъ I, былъ безконечно шире, сложнѣе и разностороннѣе, чѣмъ тайная канцелярія; отдѣленіе и канцелярія отнюдь не тожественны; первое учрежденіе покрываетъ второе. Третье Отдѣленіе — любопытнѣйшій институтъ и съ юридической, и съ соціальной точки зрѣнія; пожалуй, на всемъ протяженіи русской исторіи не найдется института, который съ большимъ правомъ могъ бы быть опредѣленъ, какъ аттрибутъ самодержавной власти, и который съ большей яркостью обнажалъ всю духовную сущность самодержавнаго феодала. Достаточно, напр., посмотрѣть на кругъ дѣлъ, входившихъ въ область вѣдѣнія III Отдѣленія. Не было ни одной области, которую не вѣдало бы это отдѣленіе. Просматривая описи дѣлъ, мы найдемъ необыкновеннѣйшія дѣла: о злоумышленныхъ обществахъ, никогда не существовавшихъ въ дѣйствительности и созданныхъ лишь во славу отдѣленія; о театралахъ; объ игрокахъ; о допущеніи жандармскихъ офицеровъ къ слѣдствіямъ; объ академикахъ Травинѣ и Грековѣ, представившихъ изображенія Николая угодника новымъ способомъ; о персидскомъ посольствѣ; о предосудительной связи іеромонаха Антонія съ дочерью Прокоповича-Антонскаго; о шумѣ въ Михайловскомъ театрѣ; о нѣкоемъ политическомъ мнѣніи С. Р. Воронцова; о письмахъ къ актрисамъ M-me Glorge и M-elle Pauline; о дочери Пугачева; о шляпѣ, надѣтой на бюстъ Николая I; о случаяхъ мужеложства и скотоложства и т. д. Вѣнецъ же всего представляютъ „дѣла III Отдѣленія о переворотахъ въ

западно-европейскихъ государствахъ". Дѣятелямъ революцій 1830 и 1848 г. и въ голову не приходило, что о нихъ въ далекой Россіи ведется „дѣло", а сами они занесены въ „списокъ канальямъ". Но это фактъ: пишущему эти строки приходилось держать подобныя дѣла въ своихъ рукахъ такъ же, какъ, напр., и дѣло III Отдѣленія о „Мацциви".

Ставя специальной задачей характеристику дѣйствій Отдѣленія по отношенію къ литературѣ, г. Лемке останавливается на его руководителяхъ и прежде всего на личности имп. Николая I. Онъ ограничивается характеристикой царя изъ вторыхъ рукъ, не давъ себѣ труда обобщить свой же матеріалъ и извлечь изъ него отмѣтки и резолюціи Николая I по дѣламъ о литературѣ и литераторахъ. Да вѣдь эти отмѣтки, сведенныя вмѣстѣ, есть лучшая и убійственная оцѣнка Николая I, какъ покровителя и знатока литературы; ихъ-то и нужно было ставить во главу угла. Точно такъ же вмѣсто того, чтобы компилировать характеристику Бенкендорфа, г. Лемке могъ продѣлать и относительно шести жандармовъ то же, что мы рекомендовали ему сдѣлать о Николаѣ I. Вообще изображеніе Бенкендорфа не удалось г. Лемке. Не отчетливо выяснена имъ роль Бенкендорфа въ слѣдственной комиссіи по дѣлу 14 декабря, а въ ней и въ томъ или иномъ отношеніи лицъ къ слѣдственному процессу узелъ полицейскихъ отношеній 20 и 30 годовъ, отсюда пошли репутаціи, оцѣнки и т. д. Г. Лемке грѣшитъ противъ исторической перспективы, характеризуя нетерпимое отношеніе общества къ акту жандармовъ и допуская, что и въ 20-хъ годахъ существовало такое же рѣзко нетерпимое отношеніе общества къ тайной полиціи, какъ теперь. Г. Лемке забываетъ и то, что Бенкендорфъ былъ сановникъ, и то, что переходъ отъ сферъ тайно-полицейскихъ къ публикѣ, нынѣ рѣдкій, тогда былъ менѣе замѣтенъ при существованіи Греча или Булгарина. Г. Лемке готовъ даже думать, что болѣзнь Бенкендорфа, во время которой онъ получалъ отовсюду знаки вниманія, выдумана самимъ Бенкендорфомъ. Кстати замѣтить, что психологическія наблюденія не даются г. Лемке.

Блѣдны и характеристики помощниковъ начальниковъ III Отдѣленія М. Я. Фока, Л. В. Дубельта. Совсѣмъ не касается г. Лемке ни А. О. Ивановскаго, ни М. М. Попова, а между тѣмъ эти господа играли не ничтожную роль въ III Отдѣленіи, и для ихъ характеристики есть печатные матеріалы. Обладая литературными вкусами и склонностями, они вели непосредственныя сношенія съ литераторами и давали литературныя оцѣнки. Вообще стоило бы особо отмѣтить и формулировать критическіе и эстетическіе взгляды III Отдѣленія. Еще разъ можно пожалѣть о томъ, что г. Лемке выдѣлилъ исторію сношеній Булгарина съ III Отдѣленіемъ, а не вдвинулъ ее въ общую лѣтопись хода борьбы учрежденія съ литературой. Булгаринъ—поистинѣ вдохновитель III Отдѣленія и по своему значенію далеко оставляетъ за собой и А. О. Ивановскаго и М. М. Попова. Но если ужъ Булгарину посвящать особую статью, то тогда слѣдовало не дробить и Булгарина, а разсмотрѣть его литературную дѣятельность. Булгаринъ—это одинъ цвѣтокъ; для обонянія — это доносчикъ, для зрѣнія—литераторъ. Важно несомнѣнно знать, на какую литературную дѣятельность опиралось Третье Отдѣленіе. Большимъ пробѣломъ въ характеристикѣ фигуръ Третьяго Отдѣленія является отсут-

ствіе даже попытокъ характеризовать, быть можетъ, центральную фигуру всего института—доносителя съ фамиліей или безымяннаго, а изображеніе его духовной физіономіи имѣло бы даже значеніе для *литературной* исторіи этого типа. Кругъ „сотрудниковъ“ даже приблизительно не намѣченъ. Г. Лемке въ соотвѣтствіи съ своей задачей долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, остановиться на разновидности этого типа—на литературномъ доносителѣ.

Г. Лемке не попытался подвести итоги своимъ наблюденіямъ надъ матеріаломъ, формулировать всѣ функціи Третьяго Отдѣленія, которое гнало литературу и поощряло ее, преслѣдовало писателей и благодѣтельствовало имъ (не Булгарину только, а и Гоголю), уничтожало книгу и само создавало ее. Всѣ эти разсыпанныя детали слѣдовало бы собрать и разъяснить въ цѣломъ съ общей точки зрѣнія на сущность института, т. е. съ той, которая какъ разъ отсутствуетъ у г. Лемке.

Въ книгѣ г. Лемке нѣтъ синтеза, а есть отдѣльныя наблюденія, не лишенныя по временамъ оригинальности. Таково, напр., объясненіе доносительства съ классовой точки зрѣнія и доносителей, какъ бойцовъ дворянскаго класса. Г. Лемке дѣлаетъ исключеніе для Булгарина, Ѳедорова (въ нихъ онъ не видитъ классовыхъ дѣятелей), но какъ же онъ объясняетъ наиболѣе распространенный родъ доносительства дворянъ на дворянъ же. Любопытно заявленіе г. Лемке: ознакомившась съ записками историка С. М. Соловьева, недавно напечатанными, онъ нашелъ, что Соловьевъ обнаруживаетъ талантъ въ распознаваніи людей. Недурны афоризмы въ родѣ „Полевой сумѣлъ удержаться, между прочимъ, и въ силу факта своего существованія“; или „отъ требованій цензуры на свои собственныя произведенія, отъ сознанія необходимости ея въ видахъ государственныхъ одинъ шагъ... до доносительства всякаго рода“. Въ доносической части комментарія г. Лемке есть невѣрности. Характеризуя нашего заграничнаго тайнаго агента и шпіона Як. Ник. Толстого, забываетъ упомянуть, что онъ былъ членомъ тайныхъ обществъ. Вообще его характеристика на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ могла бы быть и полнѣе и точнѣе. Невѣрно изложены отношенія кн. П. А. Вяземскаго къ „Московскому Телеграфу“ и къ Полевому, а объ этомъ самъ Вяземскій разсказалъ совершенно точно.

Кромѣ перечисленныхъ нами отдѣловъ въ книгѣ г. Лемке найдемъ спеціально написанный имъ для книги этюдъ о Пушкинѣ и не имѣющія прямого отношенія къ темѣ книги главы, отрѣзанныя авторомъ изъ своихъ статей объ эмигрантахъ П. В. Долгоруковѣ и В. В. Головинѣ и относящіяся къ николаевской эпохѣ отношеній этихъ лицъ къ III Отдѣленію. Этюдъ о Пушкинѣ носитъ заглавіе: „Муки великаго поэта“ и не даетъ ни новыхъ матеріаловъ, ни результатовъ новаго углубленія въ старые матеріалы. Заглавія отдѣльныхъ главъ этого этюда рѣжутъ ухо и совершенно непростительны въ серьезномъ историческомъ изслѣдованіи. „I. Прощеніе, „милость“ и неудовольствіе. III. Стараются приблизить. IV. „Снова неучи надо мною“. VI. „Пускай ослиное копыто знаетъ“. VII. Изобиліе милостей. VIII. Подъ тяжестью безденежья. IX. Въ борьбѣ съ самимъ собой. X. Доконали...

Но все же до поры, до времени за книгой г. Лемке сохранится

значеніе, хоть и нелегко въ ней разбираться, все-таки это—единственное собраніе матеріаловъ, трактующихъ о борьбѣ Третьяго Отдѣленія съ литературой и обществомъ. Матеріалы плохо систематизированы, но изданы вполнѣ исправно. Они достаточно полны и, пользуясь ими, можно будетъ дать хорошую характеристику литературныхъ заслугъ этого учрежденія. **П. Щ.**

Н. А. Котляревскій. „Литературныя направленія Александровской эпохи“ (Библіотека „Свѣточа“ подъ редакціей *С. А. Венгерова.* №№ 71—75). 4 ненумер. + XI + 275 стр. in-8°. Спб. 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ своей небольшой, но очень содержательной, книгѣ проф. Н. А. Котляревскій даетъ весьма обстоятельную исторію русской литературы первой четверти XIX-го столѣтія, т. е. за все время царствованія императора Александра I-го. Книга эта ни въ какомъ отношеніи не похожа на наши учебники, которые обыкновенно загромождаются часто ненужными подробностями и объ исторической литературѣ, и о переводной, и о критикѣ, и о публицистикѣ. Г-нъ Котляревскій даетъ исторію одной только чисто художественной литературы Александровскаго времени и въ 10-ти главахъ исчерпываетъ ея главнѣйшихъ представителей, причемъ больше всего мѣста удѣлено, конечно, Жуковскому и Пушкину, затѣмъ Батюшкову, Грибоѣдову и Крылову.

Но, давши очень много мѣста въ своей книгѣ Жуковскому и, въ особенности, Пушкину, г. Котляревскій, какъ намъ кажется, удѣлилъ, сравнительно, очень мало мѣста Баратынскому и Рылѣеву и совсѣмъ пропустилъ Карамзина (какъ беллетриста), Бестужева-Марлинскаго, Дельвига и Нарѣжнаго. А между тѣмъ о нихъ слѣдовало бы поговорить: о Карамзинѣ, какъ о непосредственномъ предшественникѣ Жуковскаго, о Бестужевѣ и Дельвигѣ, какъ поэтахъ Пушкинской „плеяды“, а объ Нарѣжномъ, какъ о *первомъ,* по времени, нашемъ реальномъ романистѣ, предшественникѣ и, такъ сказать, предтечѣ Гоголя. Его романы „Бурсакъ“ (1824 г.) и „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ (1825 г.) были первыми, хотя и несовершенными, попытками русской реальной беллетристики. На это указалъ еще Бѣлинскій („Сочиненія“ по изд. Венгерова, т. VIII, стр. 373), и это указаніе совершенно вѣрно. Замѣтимъ кстати, что романъ „Бурсакъ“ и въ наше время постоянно печатается все новыми изданіями (въ Суворинской „Дешевой Библіоѳекѣ“) и находитъ себѣ десятки тысячъ читателей.

Надо полагать, что эти пробѣлы будутъ пополнены въ новомъ изданіи книжки г. Котляревскаго, которая несомнѣнно заслуживаетъ всякаго успѣха. Хотя эта книжка и назначается преимущественно для самообразованія, но ее съ удовольствіемъ прочтетъ и всякій, занимающійся исторіей русской литературы XIX-го вѣка. Написанная прекраснымъ литературнымъ языкомъ, интересная и увлекательная по изложенію, книга г. Котляревскаго совершенно чужда шаблонной сухости, схоластики и безжизненности разныхъ нашихъ учебниковъ, руководствъ и всякихъ „пособій“ по исторіи литературы. Наконецъ, въ книжкѣ г. Котляревскаго приведено (частью цѣликомъ, частью въ обширныхъ выдержкахъ) много стихотвореній Жуковскаго, Пушкина и др. поэтовъ Александровской эпохи, а въ концѣ книжки, въ особой (11-й) главѣ, указаны не-

обходимыя пособія и книги для чтенія, способствующія болѣе полному и ясному пониманію нашей литературы первой четверти XIX-го вѣка.

Д. П. Сильчевскій.

„Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“. Въ двѣнадцати томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова.* Томъ VIII. 535+9 ненумер. стр. in-8°. Спб. 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

Задуманное г. Венгеровымъ предпріятіе дать русской публикѣ первое, дѣйствительно *полное* собраніе сочиненій великаго критика, хотя и медленно, но неуклонно продолжается. Доказательствомъ же того, что изданіе г. Венгерова дѣйствительно является полнымъ, можетъ служить, подобно прежнимъ томамъ, и вышедшій теперь VIII-й томъ сочиненій Бѣлинскаго. Изъ числа 112 вошедшихъ въ него критическихъ статей, рецензій и литературныхъ и театральныхъ замѣтокъ Бѣлинскаго 1843 и 1844 годовъ, 66 статей являются воспроизведенными въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго или совершенно *впервые*, или же въ полномъ, а не урѣзанномъ текстѣ, въ какомъ онѣ напечатаны были до сихъ поръ во всѣхъ рѣшительно изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго.

Въ VIII-й томъ вошли статьи Бѣлинскаго изъ „Отеч. Записокъ“ 1843 и 1844 гг. Въ числѣ этихъ статей имѣются и нѣсколько очень крупныхъ („Рус. литература въ 1842 г.“, 2 большихъ статьи о сочиненіяхъ Державина, статьи о сочиненіяхъ Гоголя, о „Парашѣ“ И. С. Тургенева, сочиненіяхъ Зенеиды Р—вой (Ганъ), „Парижскихъ тайнахъ“ Эженя Сю, „Антологіи“ Жанъ-Поля, русской литературѣ въ 1843 г. и др.). Эти статьи Бѣлинскаго и до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ, несмотря на то, что прошло уже болѣе 60-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были написаны. Такова сила великаго таланта.

Большимъ недостаткомъ вышедшаго теперь VIII-го тома сочиненій Бѣлинскаго слѣдуетъ считать отсутствіе къ нему примѣчаній. Всѣ предыдущіе семь томовъ обильно снабжались г. Венгеровымъ пояснительными примѣчаніями и обстоятельными (иногда весьма обширными) комментаріями. Но примѣчанія къ VIII-му тому г. Венгеровъ отложилъ до XII-го тома, который появится, надо полагать, еще очень не скоро, можетъ быть, года черезъ четыре, судя по ходу всего настоящаго изданія, первый томъ котораго вышелъ еще въ началѣ 1900 г. Значитъ, читатели VIII-го тома Бѣлинскаго обречены ждать нѣсколько лѣтъ необходимыхъ имъ теперь же, при чтеніи VIII-го тома, примѣчаній и поясненій къ его тексту. Это мы считаемъ ошибкою со стороны г. Венгерова. Можно было не торопиться съ выходомъ VIII-го тома и выпустить его въ свѣтъ лишь тогда, когда были бы готовы къ нему примѣчанія. Повторяемъ, что для нынѣшнихъ читателей Бѣлинскаго положительно необходимы примѣчанія къ разнымъ мѣстамъ его текста, въ которыхъ разсѣяны намеки на разныя дѣла и обстоятельства литературы и критики, а равно и ихъ представителей въ сороковыхъ годахъ, — дѣла и обстоятельства, бывшія понятными для читателей того времени, но непонятныя и неясныя для читателей нашего времени, не изучавшихъ спеціально нашу литературу и журналистику тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Д. П. С.

Книги, поступившія въ редакцію.

П. Милюковъ. Вторая Дума. Публицистическая хроника. Изд. Т—ва „Общественная Польза". Ц. 2 р. Спб. 1908 г.

І. Т. Сэндэрлэндъ. Библія, ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. Пер. съ англійск. подъ ред. В. Черткова. Изд. „Посредника". М. 1908 г. Ц. 50 к.

Тимоковичъ. Какой системы винтиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.

Изданія А. Н. Заруднаго:

Вл. Ад. Скиндеръ. Протоевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ въ ихъ исторіи.

П. Торгашевъ. Потребительныя общества на Западѣ. Англія, Франція, Бельгія, Германія. Спб. 1908 г. Ц. 30 к.

Перотовъ. Страна свободныхъ земель. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Луи Проаль. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Психологическій и соціологическій этюдъ. Пер. А. Г. Ц. 1 р.

И. Ганкокъ. Джю-Джицу. Съ 19-ью рис. Система физическаго развитія у японцевъ. Ц. 1 р. 20 к.

С. Мельгуновъ. Студенческія организаціи 80—90 г.г. въ Московскомъ университетѣ (по архивнымъ даннымъ). Ц. 50 к. М. 1908 г. Изд. „Свободной Россіи".

Дж. Стюартъ Милль. Представительное правленіе. Полный переводъ К. И. Дебу. Изд. „Популярно-научной библіотеки". 1907 г. Ц. 75 к.

Ив. Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣткѣ. Этнографическій очеркъ. Спб. 1907 г.

А. А. Николаевъ. Кооперація. (О томъ, какъ сообща можно выгоднѣе устраивать свои хозяйственныя дѣла). 2-ое перераб. изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 30 к.

Н. Кузьминъ-Вьюговъ. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908 г. Ц. 35 к.

Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Изд. 2-ое, дополн. Спб. 1908 г. Ц. 60 к.

А. С. Гринъ. Шапка невидимка. Спб. Изд. кн. маг. „Наша Жизнь". 1908 г. ц. 80 к.

М. И. Фридманъ. Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Т. I. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ I. Печать, тюрьма, казни, карательные отряды. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ II. Внѣ закона. Хроника. Апрѣль—іюль 1906 г. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.

Опечатки въ статьѣ „Декабристы-масоны".

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
6	17 снизу	по неуличеніи	и о неуличеніи
6	16 „	думъ	душъ
11	15 „	ечей	мечей
18	2 „	Лобзиновъ	Лабзинъ
32	14 сверху	„миссонеровъ"	„миссіонеровъ"
38	5 снизу	мастерство	масонство
42	6 „	мастеромъ	намѣстнымъ мастеромъ

Digitized by Google

Открыта подписка на 1908 годъ.

III-й годъ изд. **ВѢСТНИКЪ** III-й годъ изд.

НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ К.-Д.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи **В. Д. НАБОКОВА** и **А. И. КАМИНКА**, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „Вѣстника Народной Свободы" помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующіе авторы: А. Ю. Блохъ, Н. А. Бородинъ, А. В. Вергежскій, І. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескулъ, А. П. Гроссеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Іорданскій, прив.-доц. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милюковъ, М. М. Могилянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ф. И. Родичевъ, Л. Родіоновъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, Л. С. Таль, А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доц. М. И. Фридманъ, Н. Н. Черненковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Швиттау, А. И. Шингаревъ, Л. И. Шифъ, профессоръ Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ, Л. Яснопольскій и др.

Кромѣ статей въ „Вѣстникѣ Народной Свободы" отводится много мѣста сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящійся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к., циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ, отчеты о дѣятельности состоящихъ при ц. к. комиссій: аграрной, рабочей, церковной и т. д.

Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к.-д. партіи въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинціальный отдѣлъ: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ жизни другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій—лѣвыхъ и правыхъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются, между прочимъ, отчеты о съѣздахъ и всѣ важнѣйшія постановленія и резолюціи партійныхъ организацій Россіи.

Особое вниманіе удѣлено **Государственной Думѣ** и дѣятельности парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Въ „Вѣстникѣ" печатаются, между прочимъ, всѣ **законопроекты партіи**, предназначенные для внесенія въ Государственную Думу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб. Разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и къ 1 мая 2 руб.

За границу вдвое. **Отдѣльные №№** продаются въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Дума", Карбасникова, Мелье, Митюрникова, Попова и „Право" и въ кіоскахъ Пташникова **по 15 к.** Перемѣна адреса 20 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала—Кирочная, № 30, отдѣленіе конторы для городскихъ подписчиковъ при конторѣ газеты „Рѣчь", Невскій пр., № 13 (въ кн. маг. Вольфа; 2) въ Москвѣ: при книжномъ складѣ „Народное Право", Б. Никитская, Чернышевскій пер., домъ Пустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціонно-демократической партіи.

Пробный № высылается главной конторой за одну 7 коп. марку.

Адресъ редакціи и главной конторы: пб., **Кирочная, 30, кв. 34.**

Издатель: **В. Д. Набоковъ.** Редакторъ: **А. Ю. Блохъ**

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

3

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

МАРТЪ

1908
СПБ

СОДЕРЖАНІЕ.

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 3

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

МАРТЪ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

---

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул., № 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ.

(По архивнымъ даннымъ).

Счастливая случайность доставила въ мое распоряженіе архивное дѣло якутскаго областного управленія (по I архивной описи № 96) „О государственномъ преступникѣ Николаѣ Чернышевскомъ“, начатое 4 января 1879 года и оконченное 16 декабря 1886 года.

Этотъ промежутокъ времени обнимаетъ, собственно, лишь вторую половину пребыванія Чернышевскаго въ Вилюйскѣ, и въ дѣлѣ содержатся подлинные документы, касающіеся лишь этого промежутка; документы же, касающіеся первой половины пребыванія Чернышевскаго въ Вилюйскѣ, сгорѣли въ архивѣ якутскаго областного управленія въ ночь съ 27 на 28 декабря 1879 года; но, къ счастью, въ дѣлѣ имѣются копіи со всѣхъ важнѣйшихъ документовъ за время отъ 2 декабря 1871 года по 1879 годъ, снятыя съ подлинниковъ, хранящихся въ вилюйскомъ окружномъ полицейскомъ управленіи.

Такимъ образомъ является полная возможность возстановить всю хронологію событій со 2 дек. 1871 г. по день отъѣзда Чернышевскаго въ Астрахань.

I.

Первымъ по времени документомъ (всѣ документы этого дѣла помѣчены „секретно“ и „совершенно секретно“) является предписаніе обл. упр. отъ 2 декабря 1871 г. за № 104 вилюйскому окружному исправнику о томъ, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири распорядился о причисленіи Чернышевскаго по окончаніи имъ срока каторжныхъ работъ къ одному изъ ближайшихъ къ гор. Вилюйску селеній (наслеговъ) и о помѣщеніи его въ то зданіе (тюрьму), въ коемъ помѣщался ранѣе арестантъ № 11 (Огрызко), подъ особо строгимъ надзоромъ; распоряженіе это „послѣдовало на основаніи журнала Комитета Министровъ по настоящему

дѣлу и послѣдовавшей по оному Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи".

Неослабное и бдительное наблюденіе за Чернышевскимъ возложено было на вилюйскаго исправника, коему вмѣнялось въ обязанность „наблюдать съ особенною тщательностью и въ случаѣ проявленія какихъ-либо неблаговидныхъ и преступныхъ со стороны Чернышевскаго дѣйствій неуклонно и безотлагательно принимать къ прекращенію ихъ мѣры".

Для непосредственнаго же наблюденія за Чернышевскимъ назначены жандармскій унтеръ-офицеръ Ижевскій (прим. 1 [1]) и урядники якутскаго казачьяго полка Афанасій Поповъ и Левъ Гатиловъ.

Порядокъ наблюденія изложенъ въ слѣдующемъ документѣ:

Совершенно секретно.

ИНСТРУКЦІЯ

для наблюденія за государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ.

1.

Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, и значеніе, которымъ пользуется онъ въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особыя мѣры для отстраненія Чернышевскому возможности побѣга и отклоненія его вреднаго вліянія на общество. Въ этихъ видахъ для поселенія Чернышевскаго по случаю окончанія опредѣленнаго ему срока каторжныхъ работъ назначается отдаленное и уединенное мѣсто Якутской области, именно г. Вилюйскъ, въ которомъ Чернышевскій долженъ помѣщаться въ томъ зданіи, гдѣ и раньше его помѣщались важные преступники.

2.

При пріемѣ Чернышевскаго отъ Нерчинскаго коменданта слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на спабженіе этого преступника вполнѣ теплою одеждою на дорогу, чтобы за недостаткомъ послѣдней не приходилось дѣлать въ пути частыхъ и продолжительныхъ остановокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

3.

Чернышевскій долженъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ лошадяхъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ подъ наблюденіемъ

---

[1]) Эти примѣчанія см. въ концѣ настоящей статьи.

офицера. Одинъ изъ конвоирующихъ его жандармовъ долженъ постоянно быть бдительнымъ и въ пути сидѣть на козлахъ и во время остановокъ безотлучно находиться при преступникѣ, а другой же сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ повозкѣ.

4.

Офицеру, назначенному для наблюденія, постоянно слѣдовать за повозкой и во время остановокъ на станціяхъ помѣщаться въ одной съ Чернышевскимъ комнатѣ.

5.

Строго наблюдать, чтобы Чернышевскій ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ не имѣлъ сообщенія и не передавалъ имъ писемъ для доставки помимо установленнаго для сего порядка.

6.

Обходиться съ Чернышевскимъ кротко и вѣжливо, но въ случаѣ явнаго со стороны его непослушанія дозволяется употреблять законныя мѣры для приведенія его въ повиновеніе.

7.

Если во время дороги Чернышевскій захвораетъ, то стараться доставить его до мѣста, гдѣ ему можетъ быть оказана медицинская помощь. Въ этомъ случаѣ помѣщать Чернышевскаго не на станціи, а на особой квартирѣ, въ которую кромѣ медика никого не допускать и при которой безотлучно находиться офицеру и, по очереди, жандармамъ.

8.

Посѣщеніе медика допускать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, предложивъ первому о ходѣ болѣзни Чернышевскаго вести скорбный листъ.

9.

Въ проѣздѣ до Иркутска въ случаѣ затрудненія испрашивать указанія по телеграфу, донося депешею о прибытіи въ Иркутскъ, Читу и Посольскъ.

10.

По прибытіи въ Иркутскъ представить преступника губернатору и, получивъ отъ него наставленіе, слѣдовать дальше.

11.

Въ Вилюйскѣ передать г. исправнику и помѣстивъ затѣмъ въ указанномъ домѣ наблюдать, чтобы Чернышевскій не выходилъ изъ своей квартиры безъ сопровожденія жандармскаго унтеръ-офицера, чтобы посторонніе лица посѣщали Чернышевскаго не иначе, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера или исправника, чтобы въ ночное время одинъ изъ конвойныхъ, по очереди, постоянно наблюдалъ Чернышевскаго, не обращая на это его вниманія, и чтобы домъ въ продолженіе ночи былъ запертъ.

12.

Вся корреспонденція Чернышевскаго, какъ подлежащая къ надзору, не можетъ быть отправляема непосредственно имъ, а должна поступать черезъ исправника на осмотръ губернатору. Изъ писемъ, адресованныхъ на имя Чернышевскаго, выдаются ему только тѣ, кои, пройдя установленную цензуру, поступятъ въ офиціальномъ порядкѣ.

13.

Въ случаѣ болѣзни пользовать Чернышевскаго на его квартирѣ черезъ мѣстнаго врача.

14.

Для содержанія Чернышевскаго имѣетъ быть назначена особая денежная сумма, размѣръ коей долженъ быть представленъ мѣстнымъ исправникомъ, сообразно съ цѣнами предметовъ продовольствія. Утвержденіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ генералъ-губернатора.

15.

О поведеніи Чернышевскаго и его здоровьи доносить каждой почтой генералъ-губернатору и отъ него же получать разъясненія по всѣмъ случаямъ, настоящей инструкціей непредусмотрѣннымъ.

16.

Приставленный для постояннаго наблюденія за Чернышевскимъ жанд. унт.-офицеръ долженъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ и сопровождать его въ прогулкахъ и вообще при отлучкахъ изъ дому, но этотъ надзоръ онъ долженъ устроить незамѣтно, чтобы не раздражать Чернышевскаго и не придавать ему вида арестанта. Урядники даже обязаны исполнять порученія Чернышевскаго, но одинъ изъ нихъ долженъ быть всегда дома.

17.

Унтеръ-офицеръ при сопровожденіи Чернышевскаго можетъ быть въ партикулярной одеждѣ.

Подлинное подписалъ: генералъ-губернаторъ *Синельниковъ.*

Вѣрно: управляющій областью *Мацкевичъ.*

Чернышевскаго конвоировалъ адъютантъ Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія шт.-капитанъ Зейфертъ съ двумя жандармами (пр. 2). Въ Вилюйскѣ онъ оставилъ урядникамъ (за № 11 отъ 20 янв. 1872 года) слѣдующее наставленіе:

Секретно.

Урядникамъ Якутскаго казачьяго полка Льву Гатилову и Афанасію Попову.

Согласно предписанія генералъ-губернатора Восточной Сибири препровожденнаго ко мнѣ при предписаніи начальника Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія 14 ноября 1871 г. я, независимо личныхъ наставленій, предписываю Вамъ, во-первыхъ: Постоянно безотлучно одному по очереди оставаться въ домѣ при государственномъ преступникѣ Чернышевскомъ, а если не находится въ домѣ жанд. унт.-оф. Ижевскій, то вы обязаны оба быть дома и дожидаться его возвращенія и только по приходѣ его одинъ изъ васъ можетъ быть свободенъ. 2) Вести между собой очередь, кто дежурный, по днямъ, передавая жандармскому унтеръ-офицеру объ этомъ. 3) Ночью поручаю очередному дежурному заходить въ комнату, гдѣ спитъ Чернышевскій, осторожно, всегда подъ предлогомъ того—если онъ обратитъ на это вниманіе—что будто бы вы заходите убрать что-нибудь, или посмотрѣть за огнемъ, дѣлая видъ, что это случайно такъ, чтобы не подавать повода, что вы заходите для наблюденія за нимъ ночью. 4) Лицъ, съ которыми Чернышевскій будетъ вести знакомство и кто будетъ его навѣщать, конечно, только съ разрѣшенія жанд. унтеръ-офицера Ижевскаго—иначе его посѣщать никто не можетъ—записывать фамиліи этихъ знакомыхъ съ тѣмъ, чтобы жанд. унт.-оф. Ижевскій и вы всѣхъ знали, кто пожелаетъ, получивъ отъ вышеуказанныхъ лицъ на знакомство и посѣщеніе квартиры Чернышевскаго разрѣшеніе на это. 5) Вы можете исполнять порученіе Чернышевскаго, если онъ будетъ къ вамъ обращаться для закупки мелкихъ принадлежностей, съѣдобнаго, и вообще быть съ нимъ въ обращеніи предупредительными и вѣжливыми. 6) Обращать особое вниманіе на Чернышевскаго съ наступленіемъ лѣта, потому что съ наступленіемъ теплой погоды Чернышевскій, вѣроятно, захочетъ дѣлать про-

гулки по городу,—за городъ выходить для гулянья не можетъ и потому прогулки въ лѣсъ и поле въ окрестностяхъ гор. Вилюйска дѣлать воспрещается; при прогулкахъ въ городѣ съ Чернышевскимъ обязанъ ходить гулять и въ гости, если онъ будетъ заходить, исключительно унтеръ-офицеръ Ижевскій. Подлинное подписалъ: штабсъ-капитанъ *Зейфертъ*.

Денежное содержаніе Чернышевскому опредѣлено въ 12 руб. въ мѣсяцъ, причемъ оно могло быть выдаваемо лишь въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ имѣть присылокъ денегъ изъ дому или частнаго заработка.

Только успѣлъ прибыть Чернышевскій въ Вилюйскъ (день прибытія, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ; надо думать—11 января 1872 г.), какъ губернаторъ сообщаетъ [1]) исправнику, что „Чернышевскій обладаетъ способностью располагать въ свою пользу лицъ, приставленныхъ къ нему для наблюденія", и потому исправникъ обязанъ наблюдать за жандармомъ и урядниками.

Въ апрѣлѣ 72 г. Чернышевскому, по перепискѣ исправника, увеличено содержаніе генералъ-губернаторомъ до 17 руб. 12 коп. въ мѣсяцъ.

Имѣя въ рукахъ такого „важнаго преступника", какъ Чернышевскій, администрація страшно боялась, чтобы онъ какъ-нибудь не ускользнулъ изъ Вилюйска, и поэтому зорко слѣдила за всѣми появлявшимися въ генералъ-губернаторствѣ „подозрительными лицами"; даже о слухахъ сообщалось въ Вилюйскъ.

Такъ, 7 апрѣля 72 г. за № 14 якутское областное управленіе сообщаетъ исправнику, что, по извѣстіямъ свыше, „извѣстный революціонный дѣятель швейцарецъ Бенгаръ отправился черезъ Америку въ Сибирь для сбыта фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а, можетъ быть, и съ другими преступными цѣлями. Примѣты Бенгара: ростъ малый, совершенно лысый, этотъ Бенгаръ за участіе въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ былъ сосланъ въ каторжныя работы и помилованъ въ 1867 году. Онъ знакомъ съ государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ, у котораго учился русскому языку и владѣетъ имъ хорошо". Предлагается исправнику принять мѣры къ задержанію Бенгара въ случаѣ его появленія въ округѣ.

Въ великомъ рвеніи исправникъ и охрана, очевидно, пересолили, результатомъ чего явилась крайняя нервность—„умопомѣшательство" Чернышевскаго,—и вотъ губернаторъ отъ 4 авг. 72 г. за № 44 предписываетъ исправнику, согласно инструкціи, принять мѣры, чтобы охрана относилась къ Чернышевскому возможно „кротко и вѣжливо" и вела себя незамѣтно, не напоминая Чернышевскому своимъ поведеніемъ, что онъ—арестантъ; урядникамъ даже ставится въ обязанность исполнять порученія Чернышев-

---

[1]) 15 дек. 71 г. № 125; губернаторомъ былъ тогда Де-Витте (пр. 3).

скаго, если они не заключаютъ ничего противузаконнаго. Но въ общемъ предписывается „строгость“ и „благоразуміе“.

Виновникомъ поднятія нервности Чернышевскаго явился, повидимому, жандармъ Ижевскій; съ послѣднимъ у Чернышевскаго происходили столкновенія: Чернышевскій требовалъ отъ жандарма вѣжливости („фронта“— по выраженію исправника) и того, чтобы дверь тюрьмы не запиралась ночью на замокъ; отпирали, повидимому, поздно; одинъ разъ, 14 іюля 72 г., рано утромъ (въ іюлѣ здѣсь ночи совершенно бѣлыя) Чернышевскій сталъ ломать замокъ, но не сломалъ: сторожъ проснулся; это и есть, очевидно, „умопомѣшательство“. Исправникъ, впрочемъ, выгораживаетъ Ижевскаго.

Не успѣлъ исправникъ успокоиться по поводу бумаги о Бенгарѣ, какъ отъ 21 сентября 72 г. за № 59 губернаторъ пишетъ, что 7 августа въ Иркутскѣ изъ своей квартиры скрылся коллежскій секретарь Германъ Александровъ Лопатинъ (освобожденный изъ Иркутской тюрьмы въ началѣ 72 г. подъ надзоръ). Лопатинъ именовался Любовинымъ и былъ заподозрѣнъ въ намѣреніи освободить Чернышевскаго (пр. 4).

Чтобы парализовать дѣйствія Лопатина командируется въ Якутскую область адъютантъ генералъ-губернатора штабъ-ротмистръ кн. Голицынъ для провѣрки надзора за находящимися тамъ преступниками, въ томъ числѣ Чернышевскимъ и Вячеславомъ Шагановымъ [1]) (въ Сунтарскомъ улусѣ Вил. окр.). Предписывается содѣйствовать кн. Голицыну. Исправникъ доноситъ, что Лопатина въ округѣ не оказывается и бѣжать Чернышевскому нѣтъ никакой возможности.

31 іюля 73 г. за № 70 губернаторъ А. Юрьевъ опять извѣщаетъ исправника, что Лопатинъ, пойманный въ Томскѣ, вновь бѣжалъ изъ Иркутскаго окружнаго суда 13 іюля съ той же цѣлью — освобожденія Чернышевскаго. Предписывается усиленіе надзора за Чернышевскимъ. Описаны примѣты Лопатина: 26 лѣтъ, волосы русые, росту 2 арш. 6 вер., говоритъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

Исправникъ заводитъ переписку съ инородческими властями о Лопатинѣ и предписываетъ стражѣ усилить надзоръ за Чернышевскимъ.

Отъ 7 августа 73 г. за № 78 губернаторъ подтверждаетъ объ усиленіи надзора за Чернышевскимъ и принятіи мѣръ къ разысканію Лопатина. Сообщаются болѣе подробныя примѣты послѣдняго: „26 лѣтъ, лицо круглое, чистое; волосы на головѣ, бородѣ и усахъ русые, борода небольшая окладистая, волосы на головѣ зачесываетъ назадъ безъ пробора; глаза сѣрые, близорукіе, носитъ очки; ротъ и носъ небольшой, послѣдній

---

[1]) См. примѣчаніе 5.

острый; походка скорая..." Принимаются „мѣры" и разсылаются секретныя предписанія инородческимъ властямъ.

28 августа 73 г. за № 110 губернаторъ сообщаетъ исправнику, что въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) Чернышевскій пишетъ, что онъ „бродитъ по всѣмъ мѣстамъ доступнымъ для его ногъ только въ то время, когда нѣтъ снѣга. Пойдетъ снѣгъ — и ходить можно будетъ только вдоль по улицѣ и по двумъ-тремъ дорогамъ, по которымъ возятъ снѣгъ или дрова". Губернаторъ, напоминая о Лопатинѣ, рекомендуетъ неослабное наблюденіе за Чернышевскимъ; осторожность подчеркивается.

Затѣмъ больше года никакой переписки нѣтъ, — только предлагается доносить съ каждой почтой о здоровьи и поведеніи Чернышевскаго.

24 декабря 74 года за № 4 особымъ секретнымъ письмомъ лично на имя исправника [2]) губернаторъ сообщаетъ, что Лопатинъ, находящійся уже за границей, при производствѣ дѣла сознался (пр. 6) въ намѣреніи освободить Чернышевскаго, а изъ переписки генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Фредерикса и начальника III Отдѣленія ген.-ад. Потапова видно, что „заграничная партія лицъ, сочувствующихъ Чернышевскому составила подробный планъ для попытокъ къ освобожденію сего преступника; злоумышленники, какъ оказывается, намѣрены прибыть въ Сибирь настоящею зимою и въ числѣ отчаянныхъ мѣръ къ достиженію своей цѣли они предполагаютъ воспользоваться бланками бумагъ отъ разныхъ присутственныхъ учрежденій и даже подписями начальствующихъ лицъ, преимущественно въ Якутской области" (пр. 7).

Предписываются строжайшія мѣры, „неусыпный и ежечасный" надзоръ за Чернышевскимъ съ примѣненіемъ разумныхъ и практическихъ мѣръ и съ соблюденіемъ строжайшей тайны во всѣхъ предпріятіяхъ.

12 января 75 г. за № 2 губернаторъ предписываетъ, чтобы даже на случай пожара въ городѣ охрана Чернышевскаго не отлучалась изъ острога.

20 марта 75 г. за № 1210 губернаторъ пишетъ исправнику дословно слѣдующее: „Изъ письма государственнаго преступника Чернышевскаго 8 сего марта, адресованнаго въ С.-Петербургъ Александру Николаевичу Пыпину, видно, что съ половины февраля онъ, Чернышевскій, началъ вести корреспонденцію, имѣющую денежный характеръ; Пыпину извѣстно начало ея. *Но довольно вотъ почему:* онъ не считаетъ полезнымъ, чтобы объ этой корреспонденціи зналъ кто-нибудь, кромѣ лицъ обязанныхъ знать. Здѣсь ни одного такого лица нѣтъ, здѣшніе люди не могутъ нести

---

[1]) Вся переписка Чернышевскаго шла через „инстанціи" вплоть до III Отдѣленія.

[2]) Ив. Андр. Жиркова.

на себѣ отвѣтственность за вещи, значеніе которыхъ выше ихъ привычекъ и обязанностей, приходящихся по ихъ силамъ. Въ Якутскѣ есть одно лицо, на которомъ лежитъ отвѣтственность за такіе его, Чернышевскаго, поступки, которые не относятся къ формальностямъ его, Чернышевскаго, жизни. Онъ не считаетъ полезнымъ для его денежнаго дѣла, чтобы оно было знакомо кому-либо въ Якутскѣ, кромѣ этого одного лица. Онъ не знаетъ, въ Якутскѣ ли оно, спрашивать объ этомъ не хочетъ. Онъ вообще никого ни о чемъ не спрашиваетъ, но когда услышитъ—не услышать невозможно, — что это лицо въ Якутскѣ, тогда онъ адресуетъ на имя Пыпина, что адресовалъ прежде на имя одной очень почтенной фигуры, которая едва ли въ состояніи обходиться въ подобныхъ вещахъ безъ Пыпина, хотя бы для поправленія ошибокъ въ корректурныхъ листахъ. Это будетъ приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія нынѣшняго его письма".

Поручается исправнику тщательно слѣдить за перепиской Чернышевскаго, чтобы таковая не шла мимо губернатора.

8 апрѣля 75 г. за № 1513 губернаторъ сообщаетъ исправнику, что генералъ-губернаторомъ обнаружены сношенія одного изъ государственныхъ преступниковъ съ заграницей.

Предписывается строгій надзоръ за корреспонденціей Чернышевскаго.

24 мая 75 г. за № 4 якутскій губернаторъ извѣщаетъ исправника для руководства, что, согласно Высочайшаго повелѣнія, въ видѣ временной мѣры, нельзя допускать къ политическимъ арестантамъ никого, кромѣ лицъ обязанныхъ къ посѣщеніямъ по закону.

Въ іюнѣ 75 г. за № 16 губернаторъ лично исправнику сообщаетъ, что, по ходатайству иркутскаго губернатора, разрѣшено ст. сов. Падерину уволить кол. асс. Александра Чекановскаго и Сигизмунда Венгловскаго для геологическихъ изслѣдованій по Якутской области. Предписывается слѣдить, чтобы означенныя лица не входили въ сношенія съ Чернышевскимъ, и принять надлежащія мѣры.

II.

12 іюля 75 года исправникъ доноситъ губернатору о прибытіи въ Вилюйскъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова (Мышкина).

Въ дѣлѣ якутскаго областного управленія „о государственномъ преступникѣ Николаѣ Чернышевскомъ" [1]) имѣются крайне интересныя, донынѣ, какъ кажется, еще неопубликованныя подробности о „предпріятіи" Мышкина — его покушеніи увезти Чернышевскаго изъ вилюйской тюрьмы.

---

[1]) По I архивной описи № 96.

Остановлюсь на этомъ эпизодѣ, причемъ предваряю, что замѣтка составлена точно на основаніи документовъ помянутаго дѣла.

11 іюля 1875 г. вечеромъ вилюйскій исправникъ (и. д.) сотникъ Ив. Жирковъ получилъ отъ письмоводителя Сунтарской [1]) инородной управы письмо отъ 8 іюля, въ каковомъ письмѣ сообщается, что въ Сунтаръ прибылъ изъ Олекминска на наемныхъ лошадяхъ, безъ сопровожденія казака [2]), нѣкто г. Мещериновъ; изъ словъ Мещеринова было видно, что онъ былъ въ Олекминскѣ, и его тамъ никто не видалъ. Одновременно исправникъ получилъ и письмо отъ своего помощника Поротова, сообщившаго, что онъ встрѣтилъ Мещеринова верстахъ въ 10 отъ Верхне-Вилюйской управы [3]); Мещериновъ разспрашивалъ у Поротова о времени отхода почты изъ Якутска въ Вилюйскъ и сообщилъ, что вернется изъ Вилюйска не одинъ, но не знаетъ какимъ путемъ: на Якутскъ или на Олекму.

12 іюля въ $^3/_4$ третьяго пополудни въ Вилюйскъ явился къ Жиркову самъ Мещериновъ и, предъявивъ документы, потребовалъ выдачи Чернышевскаго, переведеннаго якобы въ Благовѣщенскъ.

Документы были слѣдующіе [4]):

1) Предписаніе Ирк. Губ. Жанд. Управленія отъ 4 іюня 1875 г. за № 418 унтеръ-офицеру Агею Ѳомину [5]). Предписывается исполнить въ точности и безъ малѣйшаго замедленія всѣ приказы поручика корпуса жанд. Мещеринова, относящіеся до перевода *посаженнаго* въ г. Вилюйскѣ Николая Чернышевскаго во вновь назначенное для него мѣсто жительства. Подписано И. д. Нач. Жанд. Упр. Капит. Соколовымъ, адъютантомъ поручикомъ Буровымъ и приложена печать.

2) Отношеніе того же Управленія за № 419 Вилюйскому исправнику. Препровождается телеграмма (помѣщ. ниже) и просится содѣйствіе Мещеринову по исполненію возложеннаго на него порученія. Подписи, какъ и на № 418.

3) Телеграмма слѣдующаго вида (копія):

---

[1]) Сунтаръ—центръ густонаселеннаго якутскаго улуса въ Вил. окр. на половинѣ пути между Олекминскомъ и Вилюйскомъ, верстахъ въ 300 отъ Вилюйска.

[2]) По Як. обл. всѣ чиновники тогда разъѣзжали съ однимъ или двумя казаками; таковъ былъ обычай.

[3]) Верстахъ въ 100 отъ Вилюйска.

[4]) Всѣ они только въ копіяхъ; подлинники, вѣроятно изъ Вилюйска пересланы по инстанціямъ въ III Отдѣленіе.

[5]) Сторожившему тогда Чернышевскаго (см. пр. 8).

Телеграфъ (М. П.) въ Иркутскѣ.

4 іюня мѣсяца 1875 г.

Изъ Благовѣщенска № 317.

Разрядъ.	Счетъ словъ.	Подана.				Служебныя отмѣтки.
П.	20	3	2	15	4	

Иркутскъ. Жандармское Управленіе. Вилюйскому Исправнику. Предписываю оказать необходимое содѣйствіе поручику корпуса жандармовъ Мещеринову, командированному сопровождать Чернышевскаго въ Благовѣщенскъ. *Баронъ Фредериксъ*. Вѣрно: *Пекко.*

Исправникъ сразу сообразилъ, что дѣло неладно: прибылъ Мещериновъ безъ конвоя, безъ подорожной, въ бумагахъ не сказано „государственнаго преступника", имѣется такое чуждое офиціальному стилю слово „посаженнаго", вмѣсто „находящагося въ заключеніи", отъ губернатора изъ Якутска нѣтъ ничего (а былъ строгій приказъ въ декабрѣ 74 г. беречь Чернышевскаго, т. к. его попытаются освободить иностранные революціонеры)... Рѣшилъ исправникъ Чернышевскаго не выдавать, караулъ въ острогѣ усилилъ и Мещеринова до свиданія съ Чернышевскимъ не допустилъ, заявивъ, что безъ предписанія губернатора не пуститъ къ Чернышевскому даже ген.-губ. Фредерикса и шефа жанд. Потапова. Мещериновъ выразилъ желаніе ѣхать въ Якутскъ. Исправникъ былъ очень обрадованъ, быстро устроилъ Мещеринову все нужное къ поѣздкѣ и даже далъ двухъ казаковъ (для наблюденія, конечно, за Мещериновымъ), съ которыми отправилъ губернатору подробное донесеніе.

Мещериновъ поѣхалъ въ Якутскъ. На первомъ станкѣ отъ Вилюйска онъ переодѣлся въ частную одежду, а форменную „сдалъ на сохраненье" казаку Семену Бубякину; при этомъ казаки замѣтили, что у Мещеринова въ поясу брюкъ и двухъ кошелькахъ было много денегъ 5, 10 и 25 р. кредитками и много бумагъ; двѣ изъ нихъ онъ положилъ къ себѣ въ карманъ, а остальныя отдалъ вмѣстѣ съ форменной одеждой Бубякину.

Съ сопровождавшими его казаками Мещериновъ велъ себя странно: разспрашивалъ названіе улусовъ, наслеговъ, имена инородческихъ головъ по

дорогѣ отъ Олекминска до Вилюйска и отъ Вилюйска до Якутска; обнаружилось, что еще раньше пріѣзда въ Вилюйскъ онъ спрашивалъ у ямщиковъ, „какъ можно пріобрѣсти лодку“, „можно ли по рѣкѣ Вилюю попасть на городъ Якутскъ“.

Все это больше и больше укрѣпляло исправника въ мысли, что Мещериновъ самозванецъ и явился съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Объ этомъ исправникъ, здорово трухнувшій, доноситъ губернатору и проситъ команду 10 солдатъ при 2 унтерахъ, горько жалуясь на слабость казачьей команды и опасаясь, что если его, исправника, революціонеры убьютъ и Чернышевскаго увезутъ, то будетъ большая „безпомощность гор. Вилюйску и всему казенному интересу“.

19-го іюля утромъ исправникъ получаетъ донесеніе, что около станціи Тюгюнняхской, въ 330 верстахъ отъ Вилюйска и 290 отъ Якутска, Мещериновъ, выстрѣливъ 4 раза въ сопровождавшихъ его казаковъ и ранивъ одного изъ нихъ (Бубякина), скрылся. Немедленно были разосланы съ гонцами примѣты Мещеринова (росту выше средняго, сухощавъ, лицо смуглое, говоритъ картаво, „взлизываетъ“, волоса съ просѣдью, среднихъ зубовъ нѣтъ) и поднята на ноги вся окружная и улусная администрація предписаніемъ поймать „загадочную личность“, причемъ рекомендовалось стараться взять его живьемъ и лишь въ крайности стрѣлять „по ногамъ“. Изъ Якутска спеціально командированъ исправникъ Бубякинъ съ 2 казаками.

Одновременно съ розысками велось и слѣдствіе.

Оказалось, что еще въ февралѣ 75 г. вилюйскій городской староста получилъ письмо, подписанное енисейскимъ гор. головой Фунтусовымъ отъ 25 ноября 74 г. за № 80; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, разспрашивалось о торговыхъ дѣлахъ и путяхъ сообщенія, особенно водяныхъ. Мнимый Мещериновъ тоже интересовался этимъ вопросомъ, а также вопросомъ о торговлѣ мамонтовой костью—и, по мнѣнію исправника, могъ бы лучше всего использовать эти пути: изъ р. Енисея пройти въ Нижнюю Тунгузку, съ пороговъ и волокомъ на верховья Чаны и въ Вилюй... Этотъ путь отличный для увоза Чернышевскаго (пр. 9), и исправникъ боится, что революціонеры (3—4 вооруж. человѣка) могутъ имъ воспользоваться... Путь этотъ, какъ видно изъ показанія одного изъ инородческихъ письмоводителей Зедгенизова, былъ извѣстенъ М., только съ тѣмъ варіантомъ, что М. предполагалъ изъ окрестностей Киренска вьюкомъ пробраться на Н. Тунгузку, спуститься по ней до подхода вершинъ Чаны, а оттуда—въ Вилюйскъ...

25 августа 75 г. губернаторъ извѣщаетъ исправника, что мнимый Мещериновъ пойманъ въ Якутскомъ округѣ; назвался онъ при поимкѣ

свящ. сыномъ Михаиломъ Петровымъ Титовымъ, но затѣмъ, при сличеніи со списками секретно-разыскиваемыхъ, оказался домашнимъ учителемъ и стенографомъ Ипполитомъ Никитинымъ Мышкинымъ...

Дѣйствовалъ ли Мышкинъ единолично или съ сообщниками — изъ дѣла не видно. Вѣроятнѣе, впрочемъ, полагать, что подготовка была при участіи организаціи: объ этомъ намекаетъ телеграмма ген.-губернатора якутскому губернатору (отъ 27 авг. 1875), гласящая, что мнимый, по свид. III Отдѣленія, Мещериновъ есть отставной подпоручикъ Николай Грибоѣдовъ (пр. 10), съ которымъ находится вдова подпоручика Зинаида Ажентова и др. помощники..., которыхъ и предписывается арестовать.

Такъ окончилось покушеніе идеалиста, не сумѣвшаго побороть практическія препятствія...

Наблюденіе было доведено до абсолютнаго изолированія Чернышевскаго въ предѣлахъ тюремнаго частокола подъ присмотромъ солдатской команды (1 ефрейторъ и 6 человѣкъ солдатъ). Исправникъ просилъ даже о *переводѣ* Чернышевскаго въ Якутскъ, не надѣясь на своихъ казаковъ. Насколько строго берегли Чернышевскаго отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, ясно видно изъ слѣдующаго курьезнаго факта.

Въ 77 году ссыльный Владиміръ Кошкаревъ передалъ Чернышевскому поклонъ отъ полит. ссыльнаго Михаила Оссовскаго, находившагося тогда въ Верхоленскомъ округѣ Иркутск. губ. Какими-то путями объ этомъ узнаетъ губернаторъ—идетъ строгое разслѣдованіе, Кошкарева берутъ подъ строгій надзоръ, таскаютъ почти четыре года по разспросамъ, и лишь въ началѣ 81 года исправникъ, которому, по всѣмъ видимостямъ, надоѣло возиться съ этимъ дѣломъ, проситъ о снятіи надзора съ Кошкарева, аттестуя послѣдняго, какъ хвастуна и пустозвона, желавшаго „хвастнуть своей начитанностью и знаніемъ дѣятельности всѣхъ литераторовъ, даже и тѣхъ, которые издавали антиправительственныя статьи, а также своими либеральными выходками, не понимая даже значенія слова „либерализмъ“ [1]). Чѣмъ окончились мытарства Кошкарева—изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно.

Въ 78 году 4 января берутъ въ люстрацію и письма стражниковъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени покушенія Мышкина никакой значительной переписки о Чернышевскомъ нѣтъ. Таковая появляется съ конца 78 года. 27 ноября 78 г. за № 176 губернаторъ [2]) напоминаетъ исправнику, что, на основаніи правилъ, Чернышевскій „имѣетъ право въ письмахъ своихъ къ роднымъ лишь извѣщать о своемъ положеніи въ приличныхъ формахъ и

---

[1]) 15 февр. 1881 г. № 39.
[2]) Черняевъ.

выраженіяхъ, не касаясь разсказовъ о предметахъ постороннихъ“. Дается предупрежденіе, что письма, содержащія что-либо лишнее, не будутъ пересылаться, и предлагается Чернышевскому адресовать свои письма лишь на имя г. Терсинскаго, „какъ уже давно установившійся адресъ“. Въ письмахъ позволяется включать привѣтствія роднымъ и знакомымъ и домашнія семейныя распоряженія.

Это предписаніе и недопущеніе свиданія съ частнымъ врачемъ Капелло переполнило мѣру терпѣнія Чернышевскаго; подъ вліяніемъ минуты, онъ, повидимому, рѣшилъ порвать сношенія съ мѣстными властями и обратиться непосредственно къ верхамъ: онъ возвращаетъ въ полицію присланныя было ему изъ Якутска лѣкарства и пишетъ письмо къ шефу жандармовъ; письма этого, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ, но изъ дальнѣйшей переписки видно, что Чернышевскій предполагалъ чье-то намѣреніе отравить его...

Пошла писать губернія. Губернаторъ 23 дек. 78 г. за № 208 поручаетъ объяснить Чернышевскому, что „слухи о чьемъ-то намѣреніи отравить его суть клевета, происходящая скорѣе отъ глупости и неразвитости, нежели отъ злого умысла“, успокаиваетъ Чернышевскаго, что будетъ произведено слѣдствіе о слухахъ, и рекомендуетъ писать письма къ шефу жандармовъ черезъ него, губернатора, но при условіи помѣщать „строго-провѣренную правду въ выраженіяхъ, подобающихъ высокопоставленной особы“. Эта бумага, по оплошности, была предъявлена Чернышевскому полиціей въ подлинникѣ. Чернышевскій надписалъ на ней слѣдующее: „Замѣчу лишь одинъ пунктъ въ этой бумагѣ: ни разрѣшать, ни запрещать мнѣ писать къ г. шефу жандармовъ Якутскій губернаторъ не имѣетъ права. Онъ будетъ поступать хорошо, если прежде, чѣмъ подписывать относящіяся ко мнѣ бумаги, сочиняемыя въ областномъ Якутскомъ правленіи, будетъ отдавать ихъ на просмотръ людямъ болѣе свѣдущимъ въ законахъ, нежели чиновники этого управленія, очевиднымъ образомъ плохо знающіе законы. Содержаніе этой бумаги послужитъ содержаніемъ письма моего къ г. Терсинскому, которое напишу, когда найду то нужнымъ. *Н. Чернышевскій*“. „P. S. Исправникъ, потрудитесь отослать эту бумагу Якутскому губернатору. Н. Чернышевскій“.

Прочтя эту надпись, губернаторъ взъѣлся. Полетѣли запросы, на какомъ основаніи секретная бумага предъявлялась въ подлинникѣ преступнику, какимъ образомъ ведутся и хранятся въ полицейскомъ управленіи секретныя дѣла и т. д.

Въ результатѣ исправникъ получилъ нагоняй за „несоблюденіе тайны“, а Чернышевскій—„за то, что въ писаніи своемъ допустилъ лож-

ныя и крайне неприличныя выраженія"—былъ лишенъ права выхода за ворота тюремнаго замка въ теченіе 3 дней [1]).

Не лишнимъ считаю упомянуть о слѣдующемъ характерномъ для того времени эпизодѣ. Осенью 78 года губернаторъ сообщаетъ исправнику, что въ харьковской тюрьмѣ двумя лицами, переодѣтыми въ жандармскую форму и снабженными подложными документами, была сдѣлана попытка освободить госуд. преступника Фомина,—поэтому рекомендуется бдительность и стѣсненіе свиданій Чернышевскаго съ пріѣзжими...

На этомъ кончаются документы, касающіеся первой половины времени жительства Чернышевскаго въ Вилюйскѣ.

III.

„Дѣло" о второй половинѣ, представляющее собой громадный томъ въ 770 листовъ, содержитъ, главнымъ образомъ: 1) Ежемѣсячныя, а впослѣдствіи—третныя донесенія о „поведеніи и здоровьи преступника Чернышевскаго", причемъ всѣ эти донесенія крайне шаблонны: „Чернышевскій ведетъ себя спокойно и здоровье его въ нормальномъ состояніи" или „Чернышевскій здоровъ и спокоенъ". На какую-либо болѣзнь или вспышку нѣтъ ни одного указанія.

2) Препроводительныя бумаги и корреспонденціи отъ Чернышевскаго и къ нему. Изъ нихъ видно, что всѣ письма адресовывались Чернышевскимъ исключительно къ Ив. Григ. Терсинскому; имѣется также нѣсколько десятковъ расписокъ Чернышевскаго въ полученіи писемъ, журналовъ и газетъ. По подсчету оказалось, что съ конца 79 г. до выѣзда изъ Вилюйска Чернышевскій получалъ журналы „Отечественныя Записки" и „Вѣстникъ Европы", за 81 и 82 годы—газ. „Порядокъ" и за 81—83 гг. „Сибирскую Газету"; писемъ за все время ссылки Чернышевскій получилъ до 50; отъ кого были эти письма—изъ препроводительныхъ бумагъ не видно. Корреспонденція приходила въ Вилюйскъ неправильно, вперебивку, и тогда Чернышевскій заводилъ переписку съ почтовымъ вѣдомствомъ о разысканіи и досылкѣ недостающихъ №№; почта всегда добросовѣстно исполняла требованія и досылала затерянное. Чернышевскій въ такихъ случаяхъ благодарилъ почту въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ.

Вотъ текстъ записки отъ 29 іюля 81 г.: „Принося мою искреннюю благодарность Якутскому почтовому управленію за то, что оно потрудилось разыскать и прислать недоставленный мнѣ прежде № 75 газ. „Порядокъ", прошу почтительнѣйше это уважаемое мною вѣдомство разыскать и при-

---

[1]) Предписаніе губерн. отъ 23 февр. 79 г. № 680.

слать мнѣ теперь № 131 той же газеты „Порядокъ“. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою Якутскаго почтоваго вѣдомства *Н. Чернышевскій.* 29 іюля 1881“.

Вся переписка Чернышевскаго находилась, конечно, подъ строжайшимъ контролемъ, но случаевъ конфискаціи писемъ въ областномъ управленіи было лишь два. Именно, въ іюнѣ 81 года получено письмо изъ Нью-Іорка на англійскомъ языкѣ; за неимѣніемъ переводчика губернаторъ отправилъ письмо къ генералъ-губернатору. Послѣдній вернулъ его съ переводомъ для выдачи Ч.; но губернаторъ не нашелъ нужнымъ выдать и отправилъ все въ деп. полиціи. Затѣмъ, въ началѣ 82 г. получился въ Вилюйскѣ съ почтой изъ Якутска необозначенный въ описи № 748 газ. „Gaulois“, со штемпелемъ Курганской почтовой конторы; № былъ задержанъ полиціей и препровожденъ въ обл. управленіе. Тамъ усмотрѣно, что передовая этого № посвящена Чернышевскому, вслѣдствіе чего № былъ отправленъ въ департаментъ полиціи на благоусмотрѣніе, и начато новое „секретное“ дѣло, очевидно, о томъ, кто именно адресовалъ Чернышевскому этотъ №. Чѣмъ окончилась переписка и получилъ ли Чернышевскій американское письмо и этотъ № „Gaulois“—неизвѣстно.

3) Переписка о назначеніяхъ и перемѣнахъ жандармской и казачьей стражи. Изъ нея видно, что жандармскіе унтера—по одному—и казачьи урядники—по два въ годъ—мѣнялись ежегодно. Стражники жили при тюрьмѣ, въ оградѣ же, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; отношенія у Чернышевскаго со стражей были, повидимому, не дурныя,—такъ, напр., одного изъ унтеровъ, Якова Захарова, онъ въ началѣ 80 г. уговорилъ переслать, помимо губернатора, непосредственно къ начальнику Ирк. жанд. управленія большую корреспонденцію: а) письмо на имя Государя Императора, b) письмо на имя шефа жандармовъ съ объяснительной запиской на 8 листахъ и с) письмо отъ находящихся въ Вилюйскѣ подъ строгимъ надзоромъ ссыльныхъ Чистоплюевыхъ [1]).

Только въ концѣ 82 года вышло столкновеніе. Для надзора за Чернышевскимъ былъ командированъ пятидесятникъ (Евтропій) Бродниковъ, грубая скотина и кляузникъ. Онъ сразу замѣтилъ „безпорядки“ и сталъ строчить доносы, безграмотные, жалкіе, въ которыхъ изъ-за каждаго слова сквозитъ кляуза

---

[1]) Эта корреспонденція была переслана Нач. Ирк. жанд. управленія губернатору, а послѣднимъ—вмѣстѣ со вторымъ письмомъ Чернышевскаго къ шефу корпуса жандармовъ, къ каковому письму приложена объяснительная записка на 45 листахъ—препровождена шефу жандармовъ. О чемъ, собственно, была корреспонденція—изъ препроводительной бумаги отъ 6 марта 80 г. за № 199 не видно. Губернаторъ замѣчаетъ лишь, что письма по формѣ и содержанію не соотвѣтствуютъ назначенію, а объяснительныя записки составляютъ одно цѣлое — „разсказъ, отдѣланный для печати“. Это и есть та всеподданнѣйшая записка Чернышевскаго по дѣлу Чистоплюевыхъ, которая теперь напечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій Чернышевскаго“, т. X, ч. 2.

и ненависть къ Чернышевскому. По этимъ доносамъ оказалось, что въ „литиратномъ мести“ (sic!) выпилено бревно съ явной цѣлью побѣга,—что сторожъ-истопникъ выбрасываетъ головешки на дворъ ради поджога тюрьмы; что исправникъ и проч. власти попустительствуютъ Ч., который ходитъ версты за 4 въ лѣсъ, такъ что углѣдить за нимъ трудно; что Чернышевскаго ночью не запираютъ, и онъ ходитъ „внужникъ“; что свѣчей „для надзору“ не выдаютъ, и онъ, Бродниковъ, свои расходуетъ — на цѣлый рубль купилъ; что онъ, Бродниковъ, требовалъ изъ полиціи „ливергеръ снорядомъ“, т. к. „пистолетъ кримневый другой расъ невыпаливаетъ зоряда“—въ выдачѣ револьвера отказано... и т. п., и т. п., о чемъ онъ, Бродниковъ, подробно доложитъ слѣдователю.

Этими доносами были сильно задѣты мѣстныя власти, особенно помощникъ исправника, Александръ Гавриловичъ Кокшарскій, самъ достаточно въ кляузѣ смыслящій. Контръ-доносомъ, въ которомъ Бродниковъ смѣшивается съ грязью, а Чернышевскій аттестуется съ лучшей стороны, Бродниковъ былъ раздавленъ: его быстро убрали изъ Вилюйска. Жандармскій унтеръ Филиппъ Волковъ тоже былъ на сторонѣ Чернышевскаго и своимъ доносомъ тоже способствовалъ удаленію Бродникова.

4) Денежная переписка, изъ коей видно, что Чернышевскій получалъ въ годъ 205 руб. 44 коп., т. е. 17 руб. 12 коп. въ мѣсяцъ, и, кромѣ того, 23 дек. 80 года $1^1/_2$ пуда свѣчей и 27 янв. 83 г.—1 пудъ изъ какихъ-то остаточныхъ кредитовъ областного управленія. Лѣтомъ 83 г., по докладу ревизовавшаго Вилюйскъ столоначальника областного управленія Преловскаго и смѣтѣ полиц. управленія, затѣялась переписка объ увеличеніи содержанія Чернышевскому до 24 руб. въ мѣсяцъ, но переписка эта ничѣмъ не кончилась, т. к. Чернышевскій въ концѣ этого года былъ увезенъ въ Астрахань.

Изъ прочихъ документовъ вообще видно, что за 79—83 годы отношеніе администраціи къ Чернышевскому наладилось въ благопріятномъ для него смыслѣ: напоминаній о непомѣщеніи въ письмахъ „постороннихъ“ вещей почти нѣтъ, прогулками его не стѣсняютъ, на ночь не запираютъ и даже оказываютъ любезности, выходящія изъ предѣловъ инструкціи. Такъ, въ іюлѣ 82 года изъ Вилюйска въ Якутскъ отправлялся на ярмарку купецъ Лаврентій Алексѣевичъ Кондаковъ, которому Чернышевскій далъ порученіе пріобрѣсти кое-что, въ томъ числѣ мѣховыя вещи. Денегъ у Чернышевскаго не хватило, и вотъ онъ черезъ пом. испр. Кокшарскаго проситъ губернатора о выдачѣ Кондакову авансомъ, за счетъ его, Чернышевскаго, содержанія сколько нужно будетъ для исполненія заказа. Губернаторъ [1])

---

[1]) Черняевъ.

распорядился о выдачѣ Чернышевскому ссуды въ 100 руб. изъ благотворительныхъ капиталовъ съ погашеніемъ въ годъ изъ 6%. Еще ранѣе, въ срединѣ іюня 81 г., любезность администраціи была прямо-таки рискованной. Рѣшили отремонтировать всю вилюйскую тюрьму, проконопатить снаружи, обмазать и выбѣлить внутри. На конопатку своей комнаты Чернышевскій согласился, а на обмазку и побѣлку—нѣтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что известка, когда просохнетъ, будетъ сыпаться и пылить, что вредно для его слабаго зрѣнія. По докладу исправника губернаторъ [1]) предложилъ разспросить Чернышевскаго, не найдетъ ли онъ возможнымъ оклеить свою комнату обоями и какого цвѣта обои ему желательны. Ч. съ удовольствіемъ согласился на предложеніе и самъ составилъ подробный расчетъ комнаты. Въ дѣлѣ имѣется собственноручная записка его такого вида:

Длина комнаты 9 арш. 14 вершковъ.

Ширина „ 8 „ 10 „

Итакъ, длина всѣхъ четырехъ стѣнъ (9 арш. 14 вершк. + 8 арш. 10 вершк.) $\times$ 2 = 37 арш.

Вышина комнаты 4 арш. 6 вершк.

Итакъ, вся площадь стѣны = 37 $\times$ $4\frac{6}{16}$ = $161\frac{11}{16}$ кв. арш.

Изъ того вычитается:

Печь. Вышина 4 арш., шир. $1\frac{1}{2}$ арш.; площадь = 6 кв. арш.

Дверь. Вышина 3 арш., шир. 18 вершк.; площадь = $3\frac{6}{16}$ кв. верш.

Два окна. Вышиною по 26 вершк., шириною по 18 вершк.; площадь обоихъ . . . $3\frac{21}{32}$ кв. арш.

Итакъ, вычитается 6 + $3\frac{12}{32}$ + $3\frac{21}{32}$ = $13\frac{1}{32}$ кв. арш.

Остатокъ = площадь стѣнъ за вычетомъ мѣстъ, не идущихъ въ счетъ для обоевъ = $148\frac{21}{32}$ кв. арш. или круглымъ счетомъ около 150 кв. арш.

О потолкѣ Чернышевскій забылъ, но любезный архитекторъ обл. управленія, составлявшій смѣту на приведеніе комнаты въ жилой видъ, назначилъ для потолка 86 арш. бязи, обои назначилъ не одноцвѣтныя, а съ панелью свѣтлосѣраго колера и бордюромъ,—словомъ, всего на сумму 35 руб. 20 коп. Въ августѣ 81 года матеріалъ былъ высланъ въ Вилюйскъ, и къ началу сентября комната была оклеена; при этомъ оказалось, что матеріи на потолокъ не хватило, и полиція израсходовала 5 руб. 68 коп. изъ собственныхъ, каковыя деньги были ей возвращены изъ казенныхъ суммъ. Т. о. „любезность“ стоила казнѣ 40 руб. 88 коп.

Любезности — любезностями, а формально берегли Чернышевскаго строго: къ надзору за нимъ допускали лишь казаковъ, снабженныхъ собственноручнымъ письмомъ губернатора (въ февралѣ 83 года каз. Павелъ

---

[1]) Черняевъ.

Пермяковъ допущенъ не былъ на смѣну), а когда лѣтомъ 83 года пятидесятникъ Поповъ потерялъ инструкцію о наблюденіи за Чернышевскимъ, то поднялась цѣлая буча, прекратившаяся лишь по случаю отбытія Чернышевскаго въ Астрахань.

Переводъ Чернышевскаго въ Астрахань состоялся, какъ извѣстно, по указу сената отъ 15 іюня 1883 года. Содержаніе этого документа достаточно извѣстно, и приводить его не буду.

Когда именно выѣхалъ Чернышевскій изъ Вилюйска—изъ дѣла не видно; вывезли его, кажется, секретно, въ серединѣ августа 83 г. подъ конвоемъ жандармскихъ унтеровъ Шигорина и Мошкова, а 2 сентября подъ конвемъ тѣхъ же лицъ—изъ Якутска въ Иркутскъ.

Невольно останавливается вниманіе на томъ, что между днемъ указа сената и днемъ вывоза Чернышевскаго изъ Вилюйска прошло не болѣе мѣсяца. Объяснить это легко: изъ Петербурга шифромъ дана была телеграмма губернатору,—телеграмма эта въ дѣлѣ сохраниться, конечно, не могла (шифры хранятся совершенно особо),—губернаторъ шифромъ же сообщилъ исправнику, а послѣдній такимъ же порядкомъ отвѣтилъ о днѣ выѣзда Ч. изъ Вилюйска. Телеграфъ тогда шелъ лишь до Витима. Расчетъ дней примѣрно такой: телеграмма изъ Петербурга въ Витимъ—дня 3, нарочный изъ Витима въ Якутскъ—дней 10, нарочный изъ Якутска въ Вилюйскъ—дней 7. Времени, слѣдовательно, хватило.

Когда прибылъ Чернышевскій въ Иркутскъ—изъ дѣла не видно. Видно только, что везли его спѣшно.

Остальные документы дѣла—отъ конца 83 года до 16 дек. 86 г.—касаются, главнымъ образомъ, досылки корреспонденціи Ч. въ Астрахань и денежной ликвидаціи дѣла: расчетовъ съ казаками за суточныя, жандармами за прогоны и т. п.

N. N.

Примѣчанія къ статьѣ „Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ“.

Пр. 1 (къ стр. 2). Это тотъ самый жандармскій унтеръ-офицеръ Ижевскій, въ дежурство котораго Г. А. Лопатинъ бѣжалъ изъ тюремной камеры при иркутской жандармской казармѣ, гдѣ онъ содержался въ 1871 г. Какъ извѣстно, жандармскіе унтеръ-офицеры, наблюдавшіе за Н. Г. Чернышевскимъ въ Вилюйскѣ, смѣнялись ежегодно, причемъ въ первые годы назначались туда только такіе, которые состояли раньше въ Иркутскѣ при Лопатинѣ и хорошо знали его въ лицо. Самымъ первымъ былъ посланъ туда именно Ижевскій, относившійся къ Лопатину съ пылкой ненавистью за учиненный имъ побѣгъ и чуть не зарубившій его при задержаніи (объ этомъ когда-нибудь послѣ). Повидимому, часть этой ненависти, выразившейся въ грубости обращенія, онъ перевелъ и на Чернышевскаго, зная духовную связь этихъ двухъ лицъ. Посылка въ Вилюйскъ бывшихъ сторожей Лопатина прекратилась только тогда, когда всѣ они, одинъ за другимъ, окончили сроки своей службы.

Пр. 2 (къ стр. 5). Адъютантъ иркутск. жанд. правленія, штабсъ-капитанъ Зейфертъ имѣлъ при себѣ двухъ жандармовъ для Чернышевскаго и одного собственно для себя, въ качествѣ деньщика или вѣстового для услугъ, какъ онъ самъ говорилъ потомъ Лопатину.

Пр. 3 (къ стр. 6). Это тотъ губернаторъ, который сошелъ съ ума, занимая свою должность, и чуть ли не два года управлялъ якутской областью въ состояніи помѣшательства, пока подчиненные отважились, наконецъ, снестись съ кѣмъ слѣдуетъ и принять нужныя мѣры.

Пр. 4 (къ стр. 7). Лопатинъ *зналъ*, что его будутъ сторожить въ Вилюйскѣ. Къ тому же онъ былъ совсѣмъ безъ денегъ и нужныхъ бумагъ и пр. Поэтому, отложивъ свои планы, онъ уплылъ въ душегубкѣ внизъ по Ангарѣ до Енисея, перебрался тайгою изъ Усть-Тунгузки на старо-ачинскій трактъ и достигъ уже до Томска, гдѣ былъ узнанъ по карточкѣ на улицѣ и задержанъ частнымъ приставомъ Лешковымъ, весьма извѣстнымъ мѣстнымъ сыщикомъ того времени, о чемъ когда-нибудь послѣ.

Пр. 5 (къ стр. 7). Одинъ изъ каракозовцевъ первой категоріи.

Пр. 6 (къ стр. 8). Формальнаго *сознанія* на слѣдствіи и судѣ *не было*, вслѣдствіе чего Лопатинъ былъ *оправданъ* судомъ отъ обвиненія въ намѣреніи освободить Чернышевскаго, не будучи даже *оставленъ въ подозрѣніи* по этому пункту, хотя въ то время царствовалъ еще въ Сибири старый, письменный „судъ по формѣ". Но, конечно, всѣ были *морально убѣждены* въ существованіи у него этого намѣренія, а съ генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ онъ говорилъ даже объ этомъ прямо „на чистоту", о чемъ, впрочемъ, тоже послѣ.

Пр. 7 (къ стр. 8). Весь этотъ матеріалъ былъ дѣйствительно доставленъ Лопатинымъ въ Петербургъ и за границу, равно какъ и разныя полезныя для дѣла свѣдѣнія и указанія. Но въ тѣ времена отсутствія прочныхъ и сильныхъ людьми и средствами организацій поиски нужной (очень скромной) суммы поглотили столько времени и потребовали столько разговоровъ, что слухи о новыхъ затѣяхъ успѣли, повидимому, достигнуть до ушей заинтересованныхъ лицъ.

Пр. 8 (къ стр. 10). Чуть ли это былъ не послѣдній изъ жандармовъ, знавшихъ лично Лопатина. По крайней мѣрѣ, помнится, что жандармъ съ этой фамиліей былъ въ числѣ тѣхъ, которые караулили его въ ирк. жанд. казармѣ.

Пр. 9 (къ стр. 12). Между прочимъ, этотъ путь рекомендовалъ Лопатину Щаповъ и даже составилъ для него подробный маршрутъ на основаніи разспросныхъ свѣдѣній у остяковъ, которые кочуютъ между Туруханскомъ и Вилюйскомъ, совершая каждый годъ одинъ походъ въ одну сторону и одинъ обратно.

Пр. 10 (къ стр. 13). Отставной артилл. подпоручикъ Н. А. Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцомъ, отправились въ Иркутскъ (ничего не зная о существованіи и планахъ Мышкина) для подновленія привезенныхъ Лопатинымъ свѣдѣній (смотри примѣчаніе 7-е) и для пріобрѣтенія подписей нѣкоторыхъ новыхъ чиновниковъ, успѣвшихъ смѣнить старыхъ. Упоминовеніе пріятельницы Грибоѣдова, даже не покидавшей Петербурга, и вообще вся редакція этого пункта показываютъ, что свѣдѣнія администраціи объ этой затѣѣ были очень отдаленны и смутны.

Изъ воспоминаній о „Рабочемъ Союзѣ" и священникѣ Гапонѣ.

(Предисловіе).

До сихъ поръ въ разныхъ кругахъ нашего общества возникаютъ разговоры и иной разъ жаркіе споры относительно личности бывшаго руководителя „Собранія Русскихъ Фабрично-Заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга", священника Георгія Гапона. Этою, какъ называютъ, „загадочною личностью" еще недавно интересовались очень многіе не только въ Россіи, но и за границей. Но какъ въ разговорахъ и спорахъ, такъ и въ томъ, что писалось о Гапонѣ, масса недосказаннаго, неопредѣленнаго, неяснаго. Самъ Гапонъ, какъ личность, какъ-то ускользнулъ отъ объективной оцѣнки.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣло въ томъ, что само появленіе Гапона на историческомъ пути, съ одной стороны, въ качествѣ священника, съ другой—руководителя рабочихъ массъ,—какъ-то не совмѣщалось въ представленіи россійскаго обывателя; затѣмъ, его дѣятельность на два фронта и нахожденіе между двумя классовыми полюсами была такъ ограничена именно сферами этой спеціальной дѣятельности, а тогдашнія цензурныя условія печати создавали такое положеніе, что на долю русскаго общества того времени выпадали лишь неясныя догадки. Наконецъ, и самъ Гапонъ, въ силу своей дѣятельности, долженъ былъ для лучшаго успѣха дѣла по возможности держаться въ тѣни.

Отсюда и получилась та дымка таинственности, которая окутала личность Гапона.

Такъ какъ, благодаря особой случайности, мнѣ пришлось быть въ курсѣ всего дѣла рабочаго движенія, приведшаго къ 9-му января 1905 года, и, такъ сказать, продѣлать съ Гапономъ всю кампанію 1903 и 1904 г. г., то у меня объ этой личности сложилось нѣсколько иное представленіе, чѣмъ обыкновенно приходится слышать. Поэтому въ оцѣнкѣ Гапона мнѣ часто

приходится занимать особую позицію и приводить такія доказательства, которыхъ у другихъ не имѣется.

Приступая къ своимъ воспоминаніямъ, я считаю необходимымъ предпослать нѣсколько замѣчаній, которыя считаю весьма важными. Во 1-хъ, я совсѣмъ не литераторъ; никакихъ претензій въ этомъ смыслѣ не имѣю, и даже, наоборотъ, считаю, что литературность моя должна находиться подъ большимъ сомнѣніемъ.

Во 2-хъ, я пишу лишь воспоминанія, основываясь отчасти на запискахъ, сдѣланныхъ мною своевременно о тѣхъ или иныхъ, производившихъ на меня впечатлѣніе, отдѣльныхъ фактахъ, но главнымъ образомъ на своемъ личномъ убѣжденіи, основанномъ на близкомъ знаніи всей организаціи, и

въ 3-хъ, я считаю, что задача моя заключается не въ хронологическомъ изложеніи извѣстныхъ фактовъ, а въ освѣщеніи той ихъ внутренней стороны, которая мнѣ могла быть болѣе извѣстна, чѣмъ другимъ.

I.

Начну свои воспоминанія съ описанія моего знакомства съ супругами К—ми. Знакомство состоялось въ 1901 или 1902 г. при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Проживъ въ провинціи на одномъ изъ крупнѣйшихъ южныхъ металлургическихъ заводовъ около 20 лѣтъ, сжившись совершенно съ рабочимъ людомъ и затѣмъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, оторвавшись отъ привычной среды, я никакъ не могъ приспособиться къ новымъ для меня условіямъ чисто буржуазной жизни и буржуазной атмосферы того общества, въ которомъ мнѣ пришлось вращаться. Скучища и тоска были страшныя.

Однажды какъ-то жена сказала мнѣ, что у нея есть хорошая знакомая, вышедшая замужъ за умнаго и развитого рабочаго, и предложила мнѣ познакомиться съ ними, какъ съ очень интересными людьми.

При первомъ удобномъ случаѣ мы съ женой отправились къ этой четѣ.

К—на была росту немного выше средняго, нѣсколько полновата, шатенка, слегка сутуловата; черты смугловатаго лица можно признать некрасивыми, но въ общемъ выраженіе лица было пріятное, а гдѣ-то въ глубинѣ глазъ таилась серьезная мысль и еще глубже, почти совсѣмъ незамѣтной, мерцала теплота чуткой души. Встрѣтивъ ее на улицѣ, можно спокойно пройти мимо, совершенно не обративъ на нее никакого вниманія, но при ближайшемъ знакомствѣ про нее можно было сказать: вотъ человѣкъ, съ которымъ можно хорошо себя чувствовать и которому можно все довѣрить. Что касается ея мужа, то онъ на первый взглядъ совсѣмъ не производилъ никакого впечатлѣнія: средняго роста, худощавый, съ клино-

образной бородкой, тоже слегка сутуловатый, съ неправильными чертами лица, жиденькими свѣтловатыми волосами, застѣнчивый—онъ дичился посторонних и незнакомыхъ и вслѣдствіе этого казался сѣренькимъ. Но, вовлеченный въ интересный для него разговоръ, онъ оживалъ, и его свѣтлые глаза становились выразительными и почти красивыми.

Расшевелить рабочаго временъ до 9-го января и вызвать его на откровенность для интеллигента было трудно, но такъ какъ К—ны жену мою очень любили, то и ко мнѣ отнеслись довѣрчиво, а К—на даже ласково. Я замѣтилъ, что меня разсматриваютъ очень внимательно. Очевидно, я произвелъ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ даже недовѣрчивый К—нъ къ концу вечера совсѣмъ развернулся и принималъ оживленное участіе въ разговорѣ.

Разговоръ для насъ былъ очень интересный. Я совсѣмъ изголодался и съ мѣста въ карьеръ пустился описывать бытъ рабочаго люда на южныхъ заводахъ, а также разспрашивать о томъ, какъ живутъ и что думаютъ рабочіе Петербурга. Въ то, теперь далекое по событіямъ время, рабочіе еще и не думали о грандіозныхъ выступленіяхъ. У насъ на югѣ въ политическомъ отношеніи была тишь да гладь. Послѣ извѣстныхъ холерныхъ бунтовъ, когда были дѣлаемы одни изъ первыхъ попытокъ внести въ рабочее движеніе чуть-чуть политической организаціи помощью робкой агитаціи и разбрасыванія прокламацій, на южныхъ заводахъ политическія партіи повели глухую подпольную работу. Дѣло шло медленно, туго захватывая лишь самые передовые рабочіе элементы, организуемые въ строгіе конспиративные кружки, куда попадать могли лишь избранные. Въ крупныхъ же промышленныхъ центрахъ рабочее движеніе уже начинало намѣчаться и уже обратило на себя вниманіе правительства, которое, предчувствуя для себя недоброе, дѣлало попытки превратить это недоброе въ доброе. Появилась знаменитая Зубатовщина, бурей пронесшаяся въ рабочемъ мірѣ и всколыхнувшая дотолѣ казавшуюся спокойной поверхность пролетарскаго моря.

К—нъ превосходно зналъ положеніе дѣла не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Вообще же онъ произвелъ на меня своею настоящею интеллигентностью большое и хорошее впечатлѣніе. Мнѣ и раньше приходилось встрѣчать между рабочими, въ особенности между молодежью, отдѣльные превосходные экземпляры, сильные, бодрые, способные на все и отмѣченные печатью болѣе крупной индивидуальности, чѣмъ въ другихъ слояхъ нашего общества. Но К—нъ отличался огромною начитанностью вообще, а по рабочему вопросу въ особенности, общимъ высокимъ уровнемъ развитія и способностью къ глубокому анализу совершающагося. Онъ ясно, опредѣленно зналъ, что надо рабочему классу у насъ въ Россіи,

такъ какъ отлично зналъ весь историческій ходъ вещей по рабочему вопросу во всемъ мірѣ. Вообще по рабочему вопросу онъ былъ настоящимъ спеціалистомъ.

Г-жа К—на не имѣла теоретическихъ знаній своего мужа, но въ то время, какъ онъ былъ иногда слишкомъ разсудоченъ, жена была гораздо теплѣе, чутче, сердечнѣе,—и этимъ часто приближалась къ существу дѣла ближе своего мужа.

Въ общемъ я увидѣлъ, что эти два человѣка были дѣйствительно замѣчательно интересными людьми, и я былъ очень радъ этому знакомству, которое мы съ удовольствіемъ поддерживали, водя „хлѣбъ-соль".

Въ августѣ или сентябрѣ 1903 года ко мнѣ пришелъ К—нъ и повелъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія.

„Послѣ знаменитой „зубатовщины" самые лучшіе и самые сознательные рабочіе были выброшены за бортъ не только въ Москвѣ, но и кругомъ въ провинціи. Одни изъ нихъ угодили въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, другіе сидятъ и посейчасъ по тюрьмамъ, а третьи, успѣвшіе избѣжать россійскаго правосудія, перешли или на нелегальное положеніе въ отечествѣ или даже бѣжали за границу. Изъ рядовъ рабочихъ были насильственно вырваны лучшіе ихъ представители. Повидимому, начавшееся пробужденіе въ рабочихъ массахъ должно было остановиться. Но несмотря на полный разгромъ и казавшуюся на первый взглядъ безсознательность рабочихъ, мысль рабочаго на самомъ дѣлѣ, именно благодаря этому разгрому, значительно прояснилась. Зубатовская организація такъ или иначе, но показала рабочимъ, что пути для рабочихъ организацій существуютъ и помимо подпольныхъ-конспиративныхъ дѣйствій. Съ другой стороны, и само правительство, получивъ зубатовскій опытъ, также увидѣло, что какъ тамъ ни стѣсняй рабочихъ, какъ ни прижимай, какъ ни огораживай, тѣмъ не менѣе рабочій вопросъ долженъ стать неминуемо на очередь. Наведя панику на рабочія массы, правительство понимало, что долго такой порядокъ продолжаться не можетъ и что выходъ все же придется дать. Почти одновременно съ организаціей „зубатовщины" въ Москвѣ у насъ въ Петербургѣ также стало намѣчаться аналогичное же движеніе. Уже около года и у насъ толкуютъ рабочіе объ организаціи, причемъ замѣтны различныя теченія: одни по московскому рецепту Зубатова, а другіе, не имѣя пока опыта, предлагаютъ видоизмѣненія, имѣя въ виду завѣдомую провокацію. Самъ Зубатовъ бывалъ на собраніяхъ и, конечно, онъ бывалъ тамъ не для того, чтобы дать возможность рабочимъ составить свою собственную организацію. Тѣмъ не менѣе, очевидно, Зубатову въ Петербургѣ не везетъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, у насъ „зубатовщина" не прививается, да и не можетъ привиться, такъ какъ результаты „зубатовщины" уже всѣмъ стали

извѣстны. Но вотъ съ недавняго времени попытки открытой организаціи, повидимому, вступаютъ въ новую фазу. На горизонтѣ рабочаго движенія появилось лицо, въ высшей степени интересное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ рабочее движеніе втискивается посторонній ему элементъ—съ одной стороны, противный рабочему движенію въ корнѣ, съ другой—несмотря на его положеніе противорѣчащее вообще позиціи рабочаго движенія, могущій сыграть крупную роль въ немъ,—это священникъ, а зовутъ его—Георгій Гапонъ. Держится онъ такимъ образомъ, что разгадать его нѣтъ никакой возможности. Говорятъ, что онъ въ душѣ революціонеръ и революціонеръ яростный. Но говорятъ также, что завѣдомые зубатовцы (У—въ, П—въ и др.) тоже считаютъ его своимъ. Далѣе, довольно опредѣленно утверждаютъ, что агентъ охраннаго отдѣленія, зубной врачъ Михайловъ, находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гапономъ и, наконецъ, носятся слухи, что если бы рабочіе захотѣли организоваться подъ командой Гапона, то правительство охотно разрѣшило бы такую организацію. Пока еще хорошенько неизвѣстно, во что выльется настоящее движеніе, но, пожалуй, можно предположить, что ту или иную форму въ концѣ концовъ оно приметъ, такъ какъ ужъ слишкомъ велико общее движеніе въ сторону открытой организаціи. Мы съ женой пока стоимъ нѣсколько поодаль, не принимая слишкомъ активнаго участія въ этомъ движеніи, но безусловно, какъ только оно приметъ мало-мальски опрятный видъ, мы не сумѣемъ удержаться въ сторонѣ и войдемъ въ него, а тогда милости просимъ и васъ принять участіе въ нашемъ дѣлѣ“.

Спустя нѣкоторое время, вѣроятно, около ноября-декабря, К—нъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что организація рабочихъ, о которой онъ говорилъ, подъ главенствомъ Гапона на пути къ осуществленію, что они съ женой рѣшили примкнуть къ этой организаціи и всѣми силами содѣйствовать ея развитію, и поэтому онъ пришелъ переговорить со мною и пригласить меня участвовать въ этомъ дѣлѣ.

— Но какъ же съ опасеніями за новую, уже теперь Гапоновскую, провокацію? спросилъ я.

— Мы его изслѣдовали самымъ подробнымъ образомъ и вынесли самое благопріятное впечатлѣніе. Гапонъ по своему внутреннему существу не только не провокаторъ, но, пожалуй, такой страстный революціонеръ, что, можетъ быть, его страстность въ этомъ отношеніи нѣсколько излишня. Онъ безусловно преданъ идеѣ освобожденія рабочаго класса, но такъ какъ подпольную партійную дѣятельность онъ не находитъ цѣлесообразной, то онъ считаетъ неизбѣжно необходимымъ открытую организацію рабочихъ массъ по извѣстному плану и надѣется на успѣшность своей задачи, если отдѣльныя группы сознательныхъ рабочихъ сомкнутся около него и дадутъ

ему свою поддержку. Такимъ образомъ онъ думаетъ организовать, ведя дѣло возможно осторожнѣе, рабочее общество, въ которое должно войти возможно большее число членовъ. Насчитывая въ обществѣ нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, и сотенъ тысячъ, можно организовать такую пролетарскую армію, съ которой въ концѣ концовъ правительству и капиталистамъ придется считаться въ силу необходимости... Вотъ планъ Гапона, и мы полагаемъ, что планъ этотъ имѣетъ будущность.

— Но позвольте, какъ отнесутся къ вашему рабочему обществу соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры? Вѣдь должны же вы считаться съ тѣмъ, что партіи имѣютъ глубокіе корни въ рабочемъ классѣ, несмотря на свою подпольную дѣятельность, и что самые передовые элементы рабочаго класса, самые развитые рабочіе прямо-таки состоятъ членами партій. А такъ какъ будетъ казаться, что ваша организація—наслѣдіе зубатовщины, то нѣтъ никакого сомнѣнія, вы встрѣтите самый энергичный отпоръ со стороны партійныхъ организацій и, слѣдовательно, со стороны самыхъ лучшихъ своихъ товарищей.

— Да, къ несчастію, это, вѣроятно, такъ и произойдетъ. Хотя мы и имѣемъ надежду на то, что соціалисты-революціонеры къ намъ будутъ нѣсколько снисходительнѣе, но соціалъ-демократы (а вѣдь мы считаемъ себя ихъ кровными родственниками) встрѣтятъ насъ враждебно—это мы уже знаемъ. Конечно, соціалъ-демократы настоящіе учителя рабочихъ; соціалъ-демократія есть непосредственная выразительница нуждъ рабочаго класса—мы это не только признаемъ, но въ основу своихъ дѣйствій ставимъ программу партіи. Между нами имѣются и соціалъ-демократы настоящіе, т. е. или бывшіе партійными работниками или готовые сейчасъ стать таковыми, но расходящіеся въ тактическихъ мелочахъ, имѣющихъ иногда существенное значеніе. Мы поэтому не только не будемъ мѣшать дѣятельности партій, но, наоборотъ, стараться по возможности помогать имъ. Наша дѣятельность будетъ сосредоточена, главнымъ образомъ, въ тѣхъ кругахъ рабочихъ, куда партійнымъ работникамъ доступъ будетъ затрудненъ или куда ихъ совсѣмъ не пускаютъ—именно въ самыхъ малосознательныхъ массахъ. Конечно, мы всѣми силами желаемъ, чтобы наша работа шла совмѣстно, дружно, но такъ какъ, благодаря прямолинейности и непримиримости партій, въ особенности с.-д., на такую работу разсчитывать нельзя, то—что подѣлаешь—мы приготовились повести борьбу за свое существованіе. Намъ будетъ очень трудно, мы это сознаемъ, такая борьба отниметъ у насъ, вѣрнѣе, не дастъ намъ возможности привлечь къ участію болѣе сознательныхъ рабочихъ, что должно отразиться на успѣшности нашей дѣятельности, но несмотря на это, мы разсчитываемъ, что болѣе темныя массы рабочихъ пойдутъ съ нами, а тамъ мало-по-малу и болѣе

сознательные рабочіе станутъ къ намъ примыкать и такимъ образомъ мы перекинемъ мостъ къ партійнымъ организаціямъ. Пусть насъ считаютъ вначалѣ провокаторами, пусть поносятъ, издѣваются, но дѣло само покажетъ, кто мы такіе. Впрочемъ, извѣстныя тренія должны быть неминуемо со всѣхъ сторонъ, и намъ предстоитъ не малая работа: съ одной стороны, мы должны быть самыми благонамѣренными въ глазахъ правительства и не подавать и повода къ подозрѣньямъ со стороны полиціи—это беретъ на себя Гапонъ и съ этой стороны онъ является провокаторомъ и, конечно, будетъ провоцировать, но не насъ рабочихъ..., съ другой—мы во всякомъ случаѣ должны быть тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ есть, т. е. рабочими и, какъ таковые, обязаны защищать интересы рабочаго класса безъ всякихъ натяжекъ. Задача такая, которая можетъ быть разрѣшена лишь при самыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ. Вотъ мы и считаемъ, что такія обстоятельства въ настоящее время у насъ въ наличности имѣются. Начало уже сдѣлано и остается продолжать его такимъ же образомъ. Помните, я говорилъ вамъ про завѣдомыхъ зубатовцевъ (У—ва, П—ова и К.) ихъ уже въ наше учредительской группѣ нѣтъ, ихъ Гапонъ сумѣлъ выставить.

— А можетъ быть, этимъ Гапонъ сдѣлалъ шахматный ходъ, чтобы снискать ваше довѣріе?

— Можетъ быть и такъ. Чужая душа потемки, и въ сущности Гапонъ это такой чортъ, котораго раскусить невозможно... Но для насъ важно уже то, что между нашими въ нашей теперешней группѣ провокаторовъ нѣтъ, въ этомъ можно поручиться, за исключеніемъ, конечно, самого Гапона... И, наконецъ, мы надѣемся держать его въ рукахъ, а ему во всякомъ случаѣ въ руки не даваться... Словомъ, я вамъ скажу слѣдующее: вы вѣрите мнѣ и женѣ?

— Конечно, вѣрю.

— Ну,—а мы вѣримъ въ наше дѣло. Въ настоящее время для насъ не такъ существенно, Гапонъ или кто другой стоитъ у насъ во главѣ; для насъ необходимо выйти изъ подполья на свѣтъ, найти новые пути для организацій при современномъ положеніи вещей. Рабочій классъ задыхается, какъ и вообще весь русскій народъ, и выходъ необходимъ—тотъ или иной,—и даже само правительство дѣлаетъ попытки растворить окно, но мы обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы въ окно ворвалась свѣжая здоровая струя воздуха и съ нашей стороны было бы преступленіе не вдохнуть эту здоровую струю. Куда мы придемъ такимъ образомъ—въ настоящее время предрѣшить нельзя, но та, на первый взглядъ, зубатовская окраска съ внѣшней стороны во всякомъ случаѣ далеко не зубатовщина, такъ какъ въ основѣ у насъ заложены совсѣмъ другіе принципы, которые неминуемо

скажутся сами собою... Мы, слѣдовательно, будемъ работать главнымъ образомъ ради общенія и сплоченія массъ, медленнаго, осторожнаго развитія ихъ на основахъ с.-д. партіи. Но мы будемъ это дѣлать въ высшей степени осмотрительно, не зарываясь впередъ, но и не пятясь назадъ. Намъ нужны люди, лишь бы они могли быть полезны для насъ. И вотъ я такимъ образомъ формулирую свое предложеніе: можете ли вы найти у себя время и охоту вложить и вашу лепту въ наше дѣло?

— Но что же я долженъ дѣлать?

— Для нашего будущаго „Рабочаго Союза“ мы уже подыскали помѣщеніе на Выборгской сторонѣ, по Оренбургской ул., д. № 23. Гапонъ далъ 350 р., которые ему далъ какой-то купецъ-благотворитель [1]), и мы, оплатили квартиру, сдѣлали себѣ обстановку: шкафъ для буфета, столы стулья и т. п. Мы тамъ устроили залъ, вмѣщающій человѣкъ 50—60, но если потискаться покрѣпче,—рабочій народъ не требовательный,—то можно помѣстить и 150—200. Вы устроите намъ музыкальный вечеръ, а недѣли черезъ двѣ другой,—вотъ намъ и окупится помѣщеніе, а, можетъ быть, и барышъ получится... Идетъ?

Я согласился.

— А затѣмъ, вамъ надо будетъ познакомиться съ нашимъ будущимъ руководителемъ, который уже знаетъ о васъ кое-что отъ меня и отъ жены.

Когда-то я былъ регентомъ церковныхъ и другихъ хоровъ,—еще раньше, въ дѣтствѣ, пѣвалъ въ хорахъ архіерейскихъ, живалъ въ монастырѣ,—мнѣ потому на протяженіи болѣе 20 лѣтъ приходилось имѣть дѣла съ нашимъ православнымъ духовенствомъ. Приходилось встрѣчать много священниковъ и глупыхъ, и умныхъ, и высоко нравственныхъ съ внѣшней стороны, и совершенно безнравственныхъ; случались между ними даже искренно вѣрующіе въ то, чему они служатъ, преимущественно же они были комедіанты и въ большинствѣ безталанные,—но революціонеровъ встрѣчать не приходилось. Меня поэтому Гапонъ интересовалъ въ высшей степени. Со словъ К—на я представлялъ себѣ внутреннюю сторону Гапона и мнѣ интересно было провѣрить свои соображенія личнымъ впечатлѣніемъ.

Черезъ нѣкоторое время, условившись съ К—н, я отправился въ квартиру, которая затѣмъ стала историческою, на свиданіе съ человѣкомъ, имя котораго потомъ привлекло къ себѣ вниманіе всей Россіи.

Въ квартирѣ „Рабочаго Союза“, какъ предполагалось назвать будущее общество, Гапона не было. Намъ сказали, что онъ пошелъ къ У—ну, за-

[1]) Фактъ передачи денегъ купцомъ, а не поддержкой правительства, ближайшіе сотрудники Гапона подтверждаютъ и въ настоящее время.

вѣдующему квартирой и живущему здѣсь рядомъ. Придя къ У—у, въ глубинѣ комнаты, на диванѣ, за большимъ столомъ, я увидѣлъ лежащую фигуру въ черной рясѣ, поднявшуюся при нашемъ входѣ. Это и былъ Гапонъ. Росту онъ былъ средняго, худощавъ, сложенія нѣжнаго, женственнаго; смуглый брюнетъ, съ тонкими продолговатыми, довольно правильными чертами лица, обрамленнаго пушистыми волосами, съ пушистыми небольшими усами и небольшой бородкой—Гапонъ могъ считаться очень красивымъ и во всякомъ случаѣ оригинальнымъ и интереснымъ съ внѣшней стороны. Но лучше всего у него были глаза—глубокіе, казавшіеся черно-темными, какъ ночь,—они были замѣчательно выразительны, если въ нихъ всмотрѣться попристальнѣе... Мнѣ ясно было видно, что онъ хотѣлъ произвести на меня какое-то особенное впечатлѣніе: глаза его прямо загорѣлись и впились въ меня. Не ожидая такого психическаго воздѣйствія, я чуть было не смутился, но черезъ мгновеніе, овладѣвъ собою, я спокойно сталъ его разсматривать въ свою очередь. Когда нужно, я вообще хорошо выдерживаю взгляды, но тутъ былъ моментъ, когда я чувствовалъ, что, пожалуй, не выдержу; однако, вижу, что у него рябятъ, какъ будто дрожатъ вѣки, еще мгновеніе и стала показываться влага, и тотчасъ же, переведя взоръ, Гапонъ самымъ простымъ, задушевнымъ тономъ, какъ будто никакого состязанія взглядами не было, заговорилъ:

— Ну, здравствуйте, П. П., я ждалъ васъ и очень радъ познакомиться съ вами; я уже хорошо знаю васъ и хочу, чтобы и вы меня хорошенько разузнали, и надѣюсь, что мы съ вами станемъ большими друзьями, тѣмъ болѣе, что мы, пожалуй, съ вами земляки—вы вѣдь малороссъ,—з хохливъ, земляче?“

Хотя, собственно, по происхожденію я великороссъ, но родившись и выросши въ Малороссіи, я считалъ себя больше хохломъ, чѣмъ кацапомъ, и при томъ хорошо говорилъ простымъ деревенскимъ малороссійскимъ языкомъ. У Гапона былъ тоже сильно малороссійскій акцентъ, съ неуловимой примѣсью какого-то посторонняго специфическаго налета, пахнувшаго на меня чѣмъ-то давно знакомымъ, когда онъ закончилъ свои слова по-малороссійски.

— Бувайте здорові, батю... Гопонъ, Гопонъ... что-то вспоминалось мнѣ...

— Не Гопонъ, а Гапонъ,—поправилъ онъ меня.

— Эге, такъ... А вы, батю, не з цыганіевъ?

— Може и з цыганіевъ, та тильки я цёго не знаю. Мій батько вже настоящій украинець и казавъ міні, шо мій дідъ бувъ якъ будто съ Запорожья... А може и брехалы люды...

Глаза Гапона радостно, привѣтливо свѣтились... Я не помню хоро-

шенько, съ кѣмъ я тогда былъ, съ мужемъ или женой К—ми, но мнѣ помнится замѣчаніе потомъ моего спутника, что онъ никогда раньше не видалъ у Гапона такого хорошаго лица. У насъ съ Гапономъ зашелъ простой житейскій разговоръ о томъ, о семъ, о природѣ южной, о нравахъ и т. п. Повидимому, я очень понравился Гапону; онъ сейчасъ же послалъ за пивомъ, которое онъ очень любилъ (и во мнѣ также нашелъ добропорядочнаго компаньона). Гапонъ курилъ, и курилъ запоемъ, какъ рѣдко кто куритъ,—зажигая папиросу о папиросу. Глядя на его хотя и упругое, но далеко не крѣпкое сложеніе и узковатую грудь, я замѣтилъ, что не мѣшало бы курить поменьше.

— Э, чего тамъ стѣснять свои такія скромныя желанія, все равно придется скоро умирать...

Въ тонѣ этой фразы слышалось какое-то значеніе.

Насъ потомъ оставили вдвоемъ и за стаканомъ пива, въ клубахъ дыма мы непринужденно, весело бесѣдовали. Отъ того Гапона, вѣрнѣе отъ перваго его взгляда, которымъ онъ встрѣтилъ меня, ничего не осталось... Рѣчь его пересыпалась малороссійскимъ юморомъ; онъ, повидимому, и вообще, былъ весь нараспашку. Я тоже охотно вошелъ въ тонъ; охотно отвѣчалъ его настроенію, но у меня передъ глазами все время стоялъ его первый огненный взглядъ... И думалъ я: „а и ловокъ же ты"... Мои мысли тотчасъ же подтвердились.

— А что вы, П. П., думаете обо мнѣ?"—сказалъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно Гапонъ.

— Я думаю... думаю...—Что же въ самомъ дѣлѣ сказать ему?—раздумывалъ я усиленно, застигнутый врасплохъ и, осѣненный мыслью самому перейти въ наступленіе, я отвѣтилъ:

— Я думаю: а ловокъ же ты, батя!

Онъ, дѣйствительно, оказалось, совсѣмъ не ожидалъ такого отвѣта, нѣсколько смутился и примолкъ; наступило молчаніе. Видно было по его лицу, что онъ въ данную минуту что-то серьезно обсуждаетъ. Я въ свою очередь всѣми силами старался проникнуть въ его мысли.

— Да, вы правы,—сказалъ, наконецъ, Гапонъ,—вы именно, вѣрнѣе, именно вы должны были такъ думать...

— Почему именно я?

— Мнѣ говорили о васъ, какъ о простомъ, искреннемъ человѣкѣ. Оказалось, что мнѣ говорили мало, и я встрѣтилъ, повидимому, гораздо большее, чѣмъ предполагалъ... И... и къ тому же мнѣ кажется, что вы изъ тѣхъ, съ которыми надо считаться... да...

— Бросьте, батя, комплименты, а еще, лучше бросьте со мною...

— Дипломатію, хотите вы сказать?

— Если хотите, дипломатію... а по моему, бросьте со мною хитрить.

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Пойдемъ на чистоту. Но вы будете мнѣ вѣрить, если я вамъ буду говорить такъ, какъ говоритъ вѣрующій человѣкъ на исповѣди, какъ говорятъ понимающіе другъ-друга отецъ съ сыномъ, возлюбленная возлюбленному и обратно?

— Не знаю, можетъ быть, повѣрю, можетъ, и нѣтъ...

— И вотъ, вся моя жизнь такъ идетъ!—съ глубокой горечью сказалъ Гапонъ,—никогда еще въ жизни у меня не было и близкаго по духу и равнаго по силѣ человѣка, съ которымъ я могъ бы по душѣ поговорить, которому я могъ бы повѣдать всѣ тѣ мысли, которыя бурно толпятся въ моей головѣ, и высказать тѣ чувства, которыя кипятъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ иногда страстно хочется высказаться передъ кѣмъ-либо другимъ, способнымъ понять меня, хотя бы для того, чтобы въ самомъ процессѣ разговора провѣрить самого себя, хотя бы для того, чтобы услышать слово критики, не той критики, отъ которой становится еще больнѣе, а разумной и сочувственной критики, въ которой находишь опору для дальнѣйшаго. Я иногда, въ безысходной тоскѣ, запираюсь, разговариваю самъ съ собою, вызывая въ своемъ воображеніи ликъ совершеннѣйшаго человѣка, повѣряя ему все накопившееся въ моей душѣ, всю чувствуемую мною скорбь человѣчества, обездоленнаго и обдѣленнаго въ своихъ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ, человѣчества, которому я считаю себя обязаннымъ служить и за нужды котораго я всѣ свои силы, всего себя готовъ отдать хоть на сожженіе. Я, матеріалистъ по всему своему существу, революціонеръ, безразлично какой по убѣжденіямъ, — говорю самъ съ собою передъ образомъ Христа—и образъ этотъ я помѣстилъ у своего письменнаго стола—и дохожу до изступленія, иногда заканчивающагося религіознымъ экстазомъ, который мнѣ потомъ приноситъ внутреннія страданія, такъ какъ я ясно потомъ вижу, что, уклоняясь отъ спокойнаго объективнаго положенія вещей, я рискую стать душевно-больнымъ. Никто никогда меня не понималъ: одни меня любили, но боялись, другіе ненавидѣли и совершенно незаслуженно обвиняли меня въ томъ, въ чемъ я не могъ быть виновенъ. Но никто не задумывался о томъ, что вѣдь и у меня обыкновенная человѣческая душа, что вѣдь и я такой же человѣкъ, какъ и другіе люди, что и у меня такія же слабости, какъ и у другихъ.

— Вся жизнь моя съ самаго ранняго дѣтства идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ критически относиться къ окружающему, я нигдѣ и ни въ комъ не находилъ себѣ отзвука: юношей меня считали опаснымъ революціонеромъ, далѣе я сталъ подозрительнымъ человѣкомъ, затѣмъ священство, какъ результатъ моихъ поисковъ истины, и, наконецъ, въ данное время я провокаторъ... Но кто вошелъ въ

мою душу, кто ласково глянулъ въ мои глаза, кто попытался поддержать, утѣшить меня въ моихъ скрытыхъ внутреннихъ страданіяхъ, кто помогъ мнѣ подняться послѣ многихъ паденій, кто раздѣлилъ бы со мною ту бурю негодованія, кипящую и клокочущую во мнѣ, при видѣ общаго страданія угнетеннаго люда? Никто не отзывался искренно, просто. Всѣ, съ которыми я мало-мальски сходился поближе, видѣли во мнѣ темнаго человѣка,—одни по однимъ причинамъ, другіе по другимъ, и никто не хотѣлъ признать во мнѣ обыкновеннаго, простого человѣка, кипящаго негодованіемъ и готоваго положить всего самого себя за други своя...

Онъ рѣзко оборвалъ. Въ глазахъ его были слезы, и весь онъ какъ-то поблекъ, сжался, потемнѣлъ въ лицѣ и, видимо, жестоко страдалъ.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ тише и спокойнѣе—я самъ виноватъ и это я сейчасъ сознаю ясно и опредѣленно. Вотъ, напр., вы—я чувствую это—изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ понимать другихъ. Вы на первый взглядъ человѣкъ мягкій, деликатный, но въ то же время чувствуется въ васъ и такое сопротивленіе, что я впервые пассую, несмотря на сильное желаніе подчинить васъ себѣ, какъ это я всегда дѣлаю со всѣми, которые мнѣ были нужны, кто бы они ни были.—Говорю вамъ это искренно...— Такъ вотъ, не ожидая васъ такого, я попалъ на ложный путь и началъ не такъ съ вами, какъ слѣдовало бы... Не знаю, удастся ли мнѣ загладить первое впечатлѣніе, но говорю вамъ, какъ передъ самимъ собою, что съ вами я хотѣлъ бы быть въ самыхъ дружескихъ, родственныхъ отношеніяхъ. Пойдемъ ли мы вмѣстѣ съ вами или нѣтъ, но вѣрьте мнѣ всегда, вѣрьте въ мое искреннее чувство полной солидарности съ угнетеннымъ классомъ и мое горячее желаніе быть ему полезнымъ во что бы то ни стало. Какъ бы дѣла ни повернулись, что бы со мною ни случилось,—эту мысль никогда, никто и ничто во мнѣ не вытравитъ. Я раскрываю передъ вами свое внутреннее „я“, вѣрите ли вы мнѣ теперь, и примете ли вы мою руку, какъ искренняго друга?

Рука его была холодна, и самъ онъ былъ блѣденъ и какъ бы омертвѣлъ.

Мнѣ въ началѣ его горячей рѣчи и затѣмъ во все продолженіе ея было тяжело, такъ тяжело, что я хотѣлъ встать и обнять его, приласкать, какъ милаго, обиженнаго ребенка—и не знаю, почему я этого не сдѣлалъ... У меня въ глазахъ также были слезы, какъ и у него. Я былъ убѣжденъ, что передо мною дѣйствительно страдающій человѣкъ, который, въ случаѣ надобности, не задумается и на костеръ пойти за идею, а идея его была безусловно та, про которую онъ только-что говорилъ — это освобожденіе угнетенныхъ.—Но связь его съ охранкой страшно смущала меня, я не могъ логически примирить абсолютную преданность идеѣ, какъ я ее понималъ,

съ этой проклятой связью. Разспрашивать про эту связь сейчасъ было не удобно: нужно было опять растравлять его больныя раны,—и на его призывъ я могъ отвѣтить только тѣмъ, что сказалъ:

— Хорошо, батя, я постараюсь вѣрить вамъ.

— Спасибо и на этомъ,—съ горечью и съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, и здѣсь вы правы,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Мои чувства вылились преждевременно: вамъ извѣстны нѣкоторые факты, которые не мирятся съ только-что сказаннымъ... Да, это сложная, длинная исторія... Всю ее разсказывать—много займетъ времени, — скажу вамъ поэтому вкратцѣ. Еще юношей я попалъ въ тюрьму, тамъ я многое узналъ и тамъ я получилъ, какъ и всѣ, попадающіе туда, практическое политическое воспитаніе. Я увидѣлъ, что обыкновенными путями, т. е. честными, ничего не подѣлаешь. По моему, путь, т. е. тактика нашихъ революціонныхъ партій слишкомъ прямолинейна, слишкомъ прозрачна, такъ прозрачна, что сквозь нее все видно, какъ на ладони. Правительство же въ достиженіи своихъ цѣлей совсѣмъ не церемонится и никакими средствами не брезгаетъ. Къ тому же и аппаратъ для борьбы въ видѣ полиціи и пр. въ распоряженіи правительства имѣется неизмѣримо лучшій, чѣмъ у всѣхъ партій вмѣстѣ взятыхъ; силы далеко не равны,—ихъ надо уравнять. Помимо организаціи массъ, необходимо еще кое-что... Созданію этого кое-что я посвятилъ всѣ свои силы, и мнѣ кажется, что въ настоящее время я располагаю такими данными, которыя неминуемо дадутъ желанный результатъ. Вѣроятно, мнѣ придется не мало выстрадать, прежде чѣмъ достигну мало-мальски положительныхъ результатовъ... быть можетъ, придется погибнуть не только безславно, но и съ позоромъ... но я надѣюсь достигнуть такихъ результатовъ, что исторія потомъ выяснитъ...

Я чувствовалъ себя нѣсколько смущенно. Мнѣ казалось, что Гапонъ уже слишкомъ забѣгаетъ впередъ, слишкомъ придаетъ большое значеніе своей будущей работѣ, даже до исторіи добирается,—это я и высказалъ.

— А что-жъ вы думаете,—разумѣется, дѣло идетъ такимъ образомъ, что приведетъ къ такимъ событіямъ, которыхъ исторія не можетъ игнорировать,—отвѣтилъ Гапонъ. — Никто и представить себѣ не можетъ, что получится изъ нашего будущаго „Рабочаго Союза“. Черезъ два-три года всѣ 200000 человѣкъ петербургскихъ рабочихъ будутъ членами союза,— а провинція?—Мы разовьемъ дѣятельность во всей Россіи: всѣ промышленные центры, всѣ даже отдаленные закоулки будутъ нами втянуты въ „Союзъ“, мы всю Россію покроемъ сѣтью нашихъ организацій; это будетъ колоссальная организація, какой еще свѣтъ не видѣлъ... у насъ будетъ такая сила, что все должно будетъ подчиняться рабочему и вообще трудовому люду, и тогда...

Глаза его опять заблестѣли, въ нихъ выражался восторгъ, и весь Гапонъ преобразился—онъ сталъ прекраснымъ. Нельзя было, не было возможности ему не вѣрить въ данный моментъ. Но все же меня не покидала мысль: „а и ловокъ же ты, батя“. Тѣмъ не менѣе, я уже рѣшилъ помогать Гапону, по мѣрѣ силъ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы всегда быть на-чеку. Я вѣрилъ, что у него на первомъ планѣ идея принести себя, въ случаѣ надобности, въ жертву освобожденія угнетеннаго люда, но я также и сомнѣвался въ немъ, — сумѣетъ ли онъ пойти надлежащимъ путемъ. При его сильной экзальтированности, при его политической неустойчивости, онъ въ тактическомъ отношеніи могъ надѣлать столько непоправимыхъ ошибокъ, что весь пылъ могъ принести не пользу, а вредъ тому дѣлу, которому онъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Я поэтому заявилъ ему, что, соглашаясь съ нимъ сотрудничать, я хочу всегда быть совершенно освѣдомленнымъ обо всемъ, и освѣдомленность эта должна исходить не изъ того, что могъ мнѣ передавать Гапонъ или его сотрудники, а чтобы мнѣ былъ разрѣшенъ свободный входъ на всѣ собранія и чтобы о собраніяхъ этихъ мнѣ всегда аккуратно сообщалось. Далѣе я ему кратко формулировалъ слѣдующее свое условіе: „смотрите же, батя, со мною, значитъ, никогда не хитрить“. Обмѣнявшись рукопожатіемъ, мы перешли къ чисто практическимъ разговорамъ о томъ, какъ бы начать музыкальное дѣло попрочнѣе. Мы намѣтили приблизительный планъ нашей будущей музыкальной дѣятельности. Сначала, пока дѣло не установится и пока не наберется такого числа членовъ будущаго „Рабочаго Союза“, которое потребуетъ открытія дальнѣйшихъ отдѣленій, „Союзъ“ будетъ находиться въ уже приспособленномъ помѣщеніи на Оренбургской улицѣ. Музыкальная часть должна быть въ полномъ моемъ вѣдѣніи и будетъ заключаться пока лишь въ устройствѣ музыкальныхъ вечеровъ съ приглашаемыми артистическими силами, при чемъ, если бы оказалось, что въ числѣ членовъ „Союза“, т. е. настоящихъ рабочихъ, нашлись бы мало-мальски подходящія лица для публичнаго выступленія, то привлекать ихъ къ участію въ вечерахъ самымъ усиленнымъ образомъ. Направленіе музыки должно быть серьезное, чтобы отъ нашихъ музыкальныхъ вечеровъ получалось не только развлеченіе, но, по возможности, и извѣстное музыкальное развитіе. Въ программу рѣшили включать и чтеніе, но также серьезнаго направленія: разсказы, стихотворенія, небольшія сцены изъ лучшихъ русскихъ драматическихъ и др. произведеній. Оказалось, что у Гапона для этой части еще кое-кто имѣлся въ виду: онъ указалъ на одну извѣстную въ Петербургѣ артистку, пѣвицу, его хорошую знакомую, г-жу Т., на милаго, въ высшей степени симпатичнаго полковника К., прекраснаго чтеца-декламатора, и еще на одну очень извѣстную антрепре-

нершу г-жу Н., которая, по мнѣнію Гапона, должна была живо откликнуться на рабочее дѣло, и на которую, когда дѣло разовьется, предполагалось возложить литературную часть. Въ дальнѣйшемъ предполагалось устроить хоръ и оркестръ изъ рабочихъ и затѣмъ открыть музыкальные курсы съ болѣе широкими задачами.

Гапонъ, повидимому, охотно согласился на мои условія и одобрилъ предложенный мною планъ [1]). Такимъ образомъ музыкальная сторона дѣла была устроена; кромѣ того, Гапону обѣщали содѣйствіе еще нѣкоторыя лица по устройству лекцій.

Лекціи предполагались по различнымъ отраслямъ науки, и для организаціи этой части нужно было потрудиться не мало. Прежде всего необходимо было привлечь такое лицо или такихъ лицъ, которыя дѣйствительно могли бы взять на себя организацію такого сложнаго дѣла. Очевидно, въ этомъ отношеніи Гапону или не повезло, т. е. онъ не могъ подыскать подходящихъ людей, или же обѣщавшіе свое содѣйствіе гг. М—въ и М—нъ не нашли возможнымъ работать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія ихъ ставилъ Гапонъ. Послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ указанныя лица, начавъ было дѣло, скоро отказались; я слыхалъ, что Гапонъ вмѣшивался въ подробности организаціи и этимъ мѣшалъ самому дѣлу. Гапонъ много разъ просилъ меня указать такихъ лицъ, которыя могли бы быть полезными этому дѣлу, и я потомъ предлагалъ ему обратиться къ нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ представителямъ науки, съ которыми я уже предварительно велъ переговоры, но Гапонъ все время собирался и такъ-таки и не собрался пригласить ихъ. Между тѣмъ, ему нужно было только побывать у нихъ, выяснить свой взглядъ на постановку дѣла, сговориться о деталяхъ и пр., а принципіальное согласіе съ ихъ стороны уже было

---

[1]) Въ развитіе этого дѣла въ началѣ 1904 г. я имѣлъ предварительные переговоры съ бывш. управляющимъ придворной капеллы г. Кленовскимъ. Онъ отнесся вполнѣ сочувственно къ моему плану о развитіи хорового пѣнія, который заключался въ слѣдующемъ.—Въ каждомъ Отдѣлѣ открывается классъ хорового пѣнія для мужчинъ, женщинъ и дѣтей; при чемъ предполагалось всѣ усилія направить къ тому, чтобы въ классъ этотъ поступало возможно большее количество учащихся; занятія ведутся строго придерживаясь общей для всѣхъ программы и по одному методу. Учащіеся разбиваются на группы, соотвѣтственно успѣхамъ, и изъ подготовленныхъ въ каждомъ Отдѣлѣ составляется свой хоръ.

Я уже имѣлъ раньше довольно обширную практику въ устройствѣ такихъ хоровъ изъ рабочихъ же, у меня имѣется свой собственный методъ веденія занятій, и по опыту я зналъ, что рабочіе идутъ въ хоръ съ величайшею охотою, прекрасно усваиваютъ хоровую дисциплину и благодаря этому въ успѣшности далеко оставляютъ за собою своихъ сотрудниковъ-интеллигентовъ. А въ данномъ случаѣ, присматриваясь къ настроенію рабочихъ, можно было ожидать выдающихся благопріятныхъ результатовъ. Вопросъ могъ быть осложненъ лишь вслѣдствіе недостатка въ преподавателяхъ, но, благодаря любезности г. Кленовскаго, все могло быть налажено самымъ желательнымъ образомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ въ каждый Отдѣлъ для хоровыхъ занятій командировать столько учащихся въ

дано. Меня очень занимало такое уклончивое отношеніе Гапона къ данному вопросу, я пытался выяснить причины его, такъ какъ вопросъ объ устройствѣ лекцій до самаго конца не былъ урегулированъ, но уяснить себѣ этого я никакъ не могъ.

Первый музыкальный вечеръ былъ данъ въ декабрѣ 1903 г. Я не считалъ нужнымъ особенно торопиться, не устроивъ всего дѣла такимъ образомъ, чтобы оно могло итти безостановочно. Для этого я обратился къ нѣкоторымъ знакомымъ артисткамъ и артистамъ, заручился ихъ согласіемъ пѣть и читать для рабочихъ; нѣкоторые согласились взять на себя трудъ и по организаціи дѣла. Такимъ образомъ, начавъ въ декабрѣ, мы уже могли давать вечера регулярно каждую недѣлю, но такъ какъ помѣщеніе нужно было все первое время на устройство и вообще организацію самого „Рабочаго Союза", то рѣшено было давать музыкальные вечера два раза въ мѣсяцъ, чтобы сборомъ съ нихъ окупались расходы для уплаты за квартиру. Цѣль эта легко достигалась, и даже получался избытокъ, такъ какъ въ эти вечера буфетъ (чай, фрукты, конфекты) торговалъ на славу, хотя цѣны были установлены наивозможно дешевыя.

Общія собранія рабочихъ бывали по средамъ вечеромъ и по воскресеньямъ днемъ; на нихъ обыкновенно предсѣдательствовали кто-нибудь изъ рабочихъ, такъ называемыхъ, „штабныхъ", и иногда, въ случаѣ надобности, а также и для того, чтобы поучить предсѣдателя руководить собраніемъ, Гапонъ самъ присутствовалъ или предсѣдательствовалъ на нихъ. Впрочемъ, это было въ первое время, а въ дальнѣйшемъ „штабные" наладились и сами умѣли управляться. По субботамъ вечеромъ бывали, такъ называемыя, „кружковыя" собранія, входъ на которыя имѣли сравни-

---

регентскихъ классахъ при Придворной Капеллѣ, сколько бы ни понадобилось. Мое предложеніе встрѣтило сочувствіе у г. Кленовскаго главнымъ образомъ потому, что для учащихся въ регентскихъ классахъ наши Отдѣлы, давая хоровую практику, являлись находкой, тѣмъ болѣе, что примѣняющіеся обыкновенно у насъ методы хорового пѣнія крайне неудовлетворительны, а незадолго до этого г. Кленовскій былъ въ Парижѣ, гдѣ изучилъ совершенно новый методъ, по его словамъ, дающій тамъ поразительные результаты, и этотъ методъ можно было провѣрить въ Отдѣлахъ въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Мы имѣли въ виду впослѣдствіи собирать эти хоры вмѣстѣ, что при занятіяхъ по одной программѣ не представляло никакихъ затрудненій и въ такомъ случаѣ можно было создать совмѣстный и дисциплинированный хоръ не въ одну тысячу человѣкъ.

Но такъ какъ Отдѣлы открывались съ осени 1904 г. почти безпрерывно (въ теченіе 4 мѣсяцевъ—10), то начать хоровое дѣло я просто не успѣвалъ; была необходимость въ деньгахъ и нужно было ихъ добывать музыкальными вечерами; къ тому же было желательно, чтобы хоровое пѣніе было начато одновременно, по возможности, во всѣхъ отдѣлахъ. Къ концу 1904 г. почти весь Петербургъ уже былъ окруженъ отдѣлами и дальнѣйшаго открытія ихъ не предвидѣлось, поэтому начало хорового пѣнія было отложено на январь 1905 г.

Однако, въ январѣ также не удалось открыть хорового класса, — пѣніе пошло другого характера.

тельно немногіе даже изъ рабочихъ, а посторонніе „интеллигенты" совсѣмъ не допускались. Бывали и еще болѣе интимныя собранія только однихъ „штабныхъ"; именно на послѣднихъ собраніяхъ, главнымъ образомъ, и намѣчались всѣ тѣ планы и дѣйствія, которые затѣмъ проводились на кружковыхъ собраніяхъ и уже послѣ этого сообщались въ готовомъ видѣ и безъ всякаго труда распространялись на общихъ собраніяхъ и, наконецъ, въ массахъ. Въ штабныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ у кого-либо на квартирѣ, въ видѣ „гостей" участвовали почти все одни и тѣ же лица, новое лицо рѣдко встрѣчалось и то для какого-либо сообщенія, какъ свѣдущеее лицо, но не для рѣшенія. Это были: самъ Гапонъ, А. Е. К., В. М. К., Н. М. В—въ, Васильевъ [1]), И. М. Х—въ, В. И—въ, Хайко [2]), Я. И—въ., У—въ. Бывали тутъ иногда еще два совсѣмъ молодыхъ человѣка—Степанъ Сергѣевъ [3]) и Сережа.

Знаменитаго У—ва, П—ва и другихъ завѣдомыхъ зубатовцевъ живо выставили, не знаю ужъ какимъ образомъ, но я ихъ ни разу не встрѣчалъ. Эта выброшенная группа образовала почти одновременно съ „Рабочимъ Союзомъ" второе общество, которое влачило довольно жалкое существованіе—и не мудрено: оно, только-что открывшись и не расчитывая на свои собственные соки для питанія, нашло себѣ помимо всего прочаго еще и теплое мѣстечко подъ крылышкомъ „Русскаго Собранія", откуда, повидимому, нѣкоторое время черпало и матеріальную поддержку... Послѣ того, какъ дѣла этого общества сосѣмъ упали, такъ какъ рабочіе совсѣмъ не хотѣли итти въ него (за годовое существованіе было что-то около 300 членовъ), У—въ, какъ извѣстно, перенесъ свою дѣятельность въ Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Ораторы изъ Гапоновскаго Общества бывало частенько отправлялись къ У—вцамъ на ихъ собранія для обличенія ихъ руководителей и очень успѣвали въ этомъ...

Я уже сказалъ, что главное направленіе дѣятельности шло изъ „штаба", здѣсь же вырабатывался и уставъ „Рабочаго Союза" и настолько успѣшно, что въ декабрѣ 1903 г. онъ былъ законченъ, а въ февралѣ 1904 т. уставъ этотъ съ значительными измѣненіями былъ утвержденъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ названіе „Рабочаго Союза" показалось слишкомъ многозначительнымъ, и поэтому пришлось дать другое названіе: „Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга". Съ измѣненіемъ устава, дѣятельность „Собранія" на всю Россію, какъ предполагалъ Гапонъ и его сотрудники, сразу парализовалась, и имъ оставался только Петербургъ. Это обстоятельство вызвало

---

[1]) Убитъ въ Петербургѣ 9 января.
[2]) Убитъ въ Тулѣ.
[3]) Убитъ въ Саратовѣ въ октябрьскіе дни.

было порядочное волненіе рабочихъ, но затѣмъ, пораздумавъ, рѣшили пока примириться съ этимъ, а дѣятельность въ провинціи пока развивать нелегально... Но попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Съ утвержденіемъ устава „Собранія“ энергія руководителей все усиливалась, члены стали быстро прибывать, и членскіе взносы стали поступать довольно исправно.

У Гапона уже появилась мысль объ изданіи самостоятельной газеты.

II.

Теперь я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о настоящей роли Гапона въ „Собраніи“. Мы такъ привыкли, что Гапонъ былъ руководителемъ всего, такъ, повидимому, неожиданно вспыхнувшаго и такимъ яркимъ пламенемъ разгорѣвшагося рабочаго движенія, что по невѣдѣнію одни приписываютъ ему всякія небывалыя у него достоинства, другіе же, наоборотъ, въ его лицѣ видятъ чуть ли не антихриста... Одна очень умная и милая губернаторша, узнавъ (послѣ 9-го января), что мы съ Гапономъ были пріятели и что я до извѣстной степени былъ его сотрудникомъ, такъ перепугалась, что даже отодвинулась отъ меня; въ ихъ кругу о Гапонѣ говорили съ ужасомъ и ненавистью, и такихъ круговъ мнѣ приходилось встрѣчать очень много и не только въ провинціи, но и здѣсь въ Петербургѣ. Сюда относится весь офиціальный чиновный Петербургъ, все купечество, духовенство, служащіе разныхъ учрежденій и т. п. Болѣе правые изъ нихъ называютъ Гапона мерзавцемъ, подлецомъ, христопродавоемъ и др. не менѣе лестными эпитетами, основываясь на томъ соображеніи,—какъ, молъ, онъ могъ забыть Бога, церковь, царя и продаться жидамъ и революціонерамъ. Идя далѣе влѣво, встрѣчаешь другую оцѣнку Гапона. Здѣсь говорятъ о немъ изрѣдка сочувственно, но въ огромномъ большинствѣ считаютъ его форменнымъ провокаторомъ. [1])

---

[1]) Къ сожалѣнію, никто не далъ до сихъ поръ какъ настоящаго облика Гапона, такъ и его роли въ „Собраніи“.

Прекрасное, сдѣланное на основаніи анкеты, изслѣдованіе Л. Я. Гуревичъ (Былое, январь 1906 г.) даетъ точную и яркую картину „Народнаго движенія 1905 г.“, вѣрнѣе 9 января. Но о томъ, какимъ образомъ создалось это движеніе, какъ оно зернышкомъ было брошено въ землю, затѣмъ разросталось, произведенная анкета ничего не говоритъ, да и не могла сказать, ибо анкета была произведена въ широкихъ слояхъ, которые въ самой начальной организаціи участія не принимали и были втянуты въ движеніе позднѣе.—Къ тому же о сущности организаціи меньше всего знали на Шлиссельбургскомъ тракту, гдѣ производилась анкета. Въ этомъ районѣ рабочіе въ общемъ наиболѣе сознательны и вначалѣ на „гапоновщину“ тамъ смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ и уже только тогда, когда „Собраніе“ стало принимать совершенно опредѣленное направленіе былъ открытъ „Невскій Отдѣлъ“—это, если не ошибаюсь, было не раньше октября 1904 г. Въ этомъ районѣ, благодаря болѣе высокому уровню развитія рабо-

Въ началѣ дѣятельности „Собранія“ средній, тогда еще не дифференцировавшійся обыватель относился къ „Собранію“ и къ его руководителю, Гапону, болѣе чѣмъ сочувственно; были попытки къ пожертвованіямъ, которыя отклонялись, но въ общемъ о дѣятельности „Собранія“ въ широкихъ кругахъ мало знали.

Со стороны партіи с.-д. „Собраніе“ встрѣтило рѣзкое противодѣйствіе. Трудно сказать, откуда именно, но на собранія по средамъ вечеромъ, по воскресеньямъ днемъ часто приходили лица, пытавшіяся выступать съ довольно рискованными по тогдашнему времени рѣчами. Очень часто видѣли въ этомъ провокацію, но иногда бывали, повидимому, и настоящіе парт. работники съ горячими головами. Направленіе „Собранія“ было въ высшей степени лойяльное съ виду; было рѣшено въ политику пускаться осторожно, боялись преждевременно раскрыть карты и сорвать все дѣло... И неопытнымъ еще председателямъ бывало очень трудно руководить преніями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда провокаторскія выступленія бывали несомнѣнны, съ такими „ораторами“ не церемонились и живо ихъ обрывали и выставляли, но въ случаяхъ, когда дѣло касалось ораторовъ партійныхъ, здѣсь оно принимало тяжелый оборотъ... председатель чувствовалъ себя иногда въ безвыходномъ положеніи: оборвать оратора почти все равно, что обрывать самого себя, а между тѣмъ партійные ораторы не церемонились

чихъ, созданному толковой партійной пропагандой, почва для рабочаго движенія была наиболѣе подходяща, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Что касается труда г. Симбирскаго „Правда о Гапонѣ и о 9 янв“., то его можно было бы назвать довольно обстоятельнымъ, если бы г. Симбирскій сразу не занялъ такой позиціи, съ которой можно смѣло пускаться лишь въ область сомнительной метафизики, не менѣе сомнительной психологіи, совсѣмъ сомнительнаго анализа и примитивной критики партій и ихъ дѣятельности. Онъ посадилъ даже Гапона прямо въ лидеры с.-д. партіи. Словомъ, онъ высказалъ столько примитивнаго пониманія и такой же оцѣнки Гапона и его отношеній къ партіямъ, что вся его книжка, въ частностяхъ безусловно интересная, въ цѣломъ теряетъ всякое значеніе.

Г. Феликсъ въ своей брошюрѣ „Г. А. Гапонъ и его общественно-политическая роль“, подвергнувъ справедливой въ общемъ и страшно ѣдкой критикѣ Гапона, по моему мнѣнію, нѣсколько ошибается: у него Гапонъ выходитъ авантюристомъ и карьеристомъ, а я думаю—и увѣренъ въ этомъ,—что Гапонъ, благодаря своей политической неустойчивости и недостаточной опредѣленности только авантюристъ, но совсѣмъ не карьеристъ. Мнѣ приходилось видѣть Гапона въ различныхъ положеніяхъ общественной и домашней жизни, и, какъ ни хитри, а карьеристъ скажется на протяженіи 2 лѣтъ въ какой-либо мелочи въ смыслѣ личныхъ удобствъ и потребностей, а за такой промежутокъ времени я видѣлъ въ Гапонѣ строжайшій фанатическій аскетизмъ въ отношеніи къ самому себѣ и благожелательное отношеніе къ удобствамъ другихъ.

Г. Петровъ („Правда о Гапонѣ“) касается дѣятельности Гапона лишь самаго послѣдняго періода и, будучи совершенно правъ съ наружной формальной стороны, въ сущности слишкомъ субъективенъ; къ тому же Гапона онъ узналъ сравнительно поздно, должно быть, около сентября-октября 1904 г., когда Гапонъ только и зналъ, что открывалъ Отдѣлы, а затѣмъ въ дѣятельности Гапона, послѣ 9 января 1905 г. наступилъ переломъ, который въ концѣ концовъ и далъ право г. Петрову усумниться въ своемъ идолѣ.

и вопросы ставили прямо, такъ прямо, что являлась опасность за существованіе „Собранія", если такія рѣчи будутъ въ немъ допускаться.

Происходили тягостные инциденты, когда ораторъ не хотѣлъ подчиняться предсѣдателю. [1]) Въ концѣ концовъ получилось враждебное отношеніе партіи къ „Собранію" и обратно. Такимъ образомъ и появилось со стороны с.-д. отношеніе къ „Собранію", какъ къ учрежденію провокаторскому. Здѣсь также Гапона называли мерзавцемъ и подлецомъ. А такъ какъ болѣе проницательные люди съ самаго начала видѣли, что дѣятельность и направленіе „Собранія" идетъ изъ какого-то опредѣленнаго источника, а идеи выбрасывались на общихъ собраніяхъ рабочихъ уже совершенно готовыми къ воспринятію, въ популяризированномъ видѣ, то, естественно, всѣмъ, не знавшимъ организаціи, на видъ бросался прежде всего Гапонъ. На самомъ же дѣлѣ Гапонъ далеко не игралъ той роли, какая ему приписывается. Душею всего дѣла были супруги К.; къ нимъ непосредственно примыкали: Х—въ, И—въ, Я. И—въ и др.—это была прямая оппозиція Гапону—вплоть до 9-го января.

Къ названнымъ лицамъ тяготѣли, какъ къ своимъ товарищамъ рабочимъ, почти всѣ замѣтные рабочіе организаціи. Кажется, только Васильевъ и вступившій гораздо позднѣе Кузинъ были приверженцами Гапона. В—въ иногда бывалъ съ Гапономъ, иногда примыкалъ къ оппозиціи. Для характеристики взаимоотношеній я попытаюсь сдѣлать такое сравненіе.

Надо представить себѣ оркестръ, но безъ дирижера. Дирижера нѣтъ, и его совсѣмъ не полагается. Въ этомъ оркестрѣ Гапонъ игралъ первую скрипку и являлся коммерческимъ представителемъ оркестра. Когда надо о чемъ условиться съ нанимателями оркестра и вообще вести переговоры, тогда первый скрипачъ шелъ и велъ переговоры, согласно съ полученными отъ оркестра условіями. Возвратившись и сѣвъ за пюпитръ, скрипачъ долженъ былъ держать тотъ темпъ, который ему давалъ весь оркестръ. К—нъ игралъ на контрабасѣ, жена его на кларнетѣ, Х—въ на тромбонѣ, У—въ на барабанѣ,—словомъ, главные инструменты были въ рукахъ своихъ музыкантовъ, и какъ только бывало Гапонъ захочетъ взять свой темпъ, не подходящій остальнымъ, тотчасъ кто-нибудь заявлялъ: „ну, товарищи, давайте свой темпъ держать". И они такъ нажимали скрипку, что она волей-неволей должна была итти темпомъ, которымъ шелъ оркестръ. Эти оркестровые музыканты были простые рабочіе, настолько развитые, что имъ могли позавидовать не мало людей, считающихъ себя образованными, умными и стоящихъ во главѣ дѣлъ, требующихъ дѣйствительно большого ума.

---

[1]) Утвержденія, что были случаи арестовъ послѣ смѣлаго выступленія въ отдѣлахъ, не имѣютъ основаній, такъ какъ фактически ни одинъ такой случай, сколько мнѣ извѣстно, ни разу не былъ подтвержденъ.

Да, это были рабочіе, но какіе рабочіе! Бывало, послѣ какого-нибудь штабнаго собранія отправишься куда-нибудь къ „умнымъ людямъ“ изъ нашего общества и диву даешься, видя, какими маленькими, пошленькими кажутся эти умные, образованные и ученые люди, сравнительно съ тѣми рабочими. Между тѣмъ, никому неизвѣстные, никѣмъ непризнанные эти рабочіе, вѣрнѣе, группа рабочихъ, безусловно держали Гапона въ рукахъ. Самымъ глубоко преданнымъ Гапону былъ Васильевъ [1]), и онъ скоро совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе Гапона, чему никто не противодѣйствовалъ,— до того это было не важно; затѣмъ и Кузинъ также тяготѣлъ сюда же, но и это не имѣло значенія, потому что главное ядро было замѣчательно солидарно.

Гапонъ видѣлъ это и вначалѣ не пытался бороться, но уже въ концѣ 1904 года ему, очевидно, надоѣло находиться въ зависимости отъ этой группы, и онъ сталъ подготовлять почву, чтобы освободиться, развязать себѣ руки... Оппозиціонная группа, въ свою очередь, видѣла, что Гапону хочется выскочить изъ подъ ея опеки, и также готовила почву или связать Гапону руки еще крѣпче, или совершенно изолировать его отъ дѣлъ. Но тутъ случился инцидентъ съ Путиловскимъ заводомъ, повлекшій за собою 9-го января 1905 г. и все дальнѣйшее. Не случись этого, крупная междуусобная война въ „Собраніи“ была неизбѣжна, если бы Гапонъ не подчинился оппозиціонерамъ, а это могло случиться, т. к. его самолюбіе частенько страдало.

Далѣе, о самой личности Гапона. Мнѣ случалось и читать и слышать, что Гапонъ былъ прекрасный ораторъ. Совсѣмъ нѣтъ—онъ былъ плохой ораторъ. У него, какъ у человѣка, когда-то готовившагося къ проповѣдничеству, были восприняты изъ семинаріи и академіи нѣкоторые шаблонные пріемы ораторскаго искусства, которыми онъ до извѣстной степени пользовался, а въ отношеніи интонаціи, т. е. пониженія и повышенія голоса, даже злоупотреблялъ. Логика не всегда ему сопутствовала, да для тѣхъ случаевъ, когда ему приходилось говорить, въ ней особенной нужды и не было. Начиналъ онъ обыкновенно глухимъ голосомъ, отрывисто, несвязно, повторяя послѣднія слова предыдущей фразы, потомъ немного разогрѣвался, начиналъ „комбинировать“ интонаціи и постепенно повышалъ голосъ, а послѣднія фразы почти выкрикивалъ. Это производило извѣстное впечатлѣніе на нетребовательныхъ слушателей, что, собственно, и требовалось доказать.

---

[1]) Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Правленія, такъ сказать, Центральнаго Комитета, не потому, чтобы тамъ нужна была сильная личность—руководителемъ вѣдь оставался Гапонъ, — а потому, что нуженъ былъ добросовѣстный, аккуратный работникъ, каковымъ и былъ покойный Васильевъ.

Что касается его внутреннихъ качествъ, то здѣсь, вѣроятно, придется остановиться подольше, чтобы разобраться въ этой, во всякомъ случаѣ, интересной личности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Гапонъ былъ уменъ. Но это былъ не широкій всеобъемлющій, во все проникающій философскій умъ; у него умъ былъ острый, живой, быстро схватывающій суть дѣла и лишь догадывающійся о подробностяхъ почему и что; ему и не было надобности додумываться, почему и что, ему нужно было установить, что оно такъ и что для этого нужно было дѣйствовать вотъ этакъ; онъ былъ ловокъ, изворотливъ, хитеръ, онъ скорѣе догадывался инстинктомъ, что если онъ въ данномъ положеніи поступитъ такъ, то это будетъ не то, что нужно,—а если поступить вотъ этакъ, то это, пожалуй, и выйдетъ или то, что нужно, или около этого что-нибудь; ему трудно было остановиться подольше мысленно на какомъ-либо вопросѣ, онъ торопился поскорѣе раздѣлаться съ нимъ такъ или иначе; онъ могъ допускать какіе угодно компромиссы, лишь бы достигнуть ближайшей цѣли, и въ этомъ именно пунктѣ и была его самая слабая сторона; у него не было устойчивости взгляда: сегодня ему казалось такъ, потому, что онъ не обдумалъ хорошенько положенія, а завтра не потому, что онъ завтра обдумалъ—онъ и забылъ бы объ извѣстномъ фактѣ,—но потому, что жизнь сама указала, что вчерашнее рѣшеніе вопроса было неправильно,—а завтра онъ переходилъ къ другому положенію, быть можетъ, не менѣе ошибочному. Но благодаря ловкости и изворотливости онъ всегда выкручивался болѣе или менѣе удовлетворительно. Конечно, такая ловкость была очень желательна, но еще было болѣе желательно, чтобы руководитель рабочаго дѣла не нуждался въ такой изворотливости. Ближайшіе сотрудники Гапона хорошо его понимали, считались съ его и желательными и нежелательными сторонами. До самаго 9-го января они не только не довѣряли вполнѣ Гапону, но даже самымъ форменнымъ образомъ слѣдили за нимъ и за всѣми его дѣйствіями. Ему было предложено прекратить сношенія съ охранкой, онъ это обѣщалъ, но, очевидно, эта операція не легко ему давалась, такъ какъ сношенія все же продолжались... Съ своею готовностью итти на компромиссы онъ, вѣроятно, и тамъ такъ запутался, что порвать сразу не было возможности. На встрѣчающихся съ нимъ въ первый разъ Гапонъ производилъ, если ему нужно было, самое лучшее впечатлѣніе, а на женщинъ—обаятельное; но это было не впечатлѣніе серьезнаго, глубокаго ума, а милаго, обаятельнаго, смѣтливаго и, пожалуй, смѣлаго человѣка. Мужчины обыкновенно говорили приблизительно: „а онъ славный, ловкій, повидимому, дѣльный и умный“,—а женщины: „какой онъ славный, милый, красивый...“

Въ отношеніи нравственныхъ основъ Гапонъ не успѣлъ проявить

себя во всей полнотѣ своего „я“. Тотъ фактъ, что онъ взялъ изъ пріюта молоденькую дѣвушку и жилъ съ нею, какъ съ женою, фактъ, поднявшій столько шуму въ нѣкоторыхъ „высокопоставленныхъ кругахъ“, по моему мнѣнію, говоритъ лишь въ пользу Гапона [1]).

Молодой вдовецъ, хотя бы и священникъ, былъ прежде всего человѣкъ, и можно ли ставить ему въ вину его привязанность или любовь и во всякомъ случаѣ искреннія чувства къ дѣвушкѣ. Правда, съ точки зрѣнія условной морали, ему не слѣдовало этого дѣлать, такъ какъ въ расположеніи „высокопоставленныхъ“ женщинъ у него недостатка не могло быть. Поговаривали тогда его приближенные, что нѣкоторыя изъ дамъ патронессъ и благотворительницъ очень благоволили къ нему, доказательствомъ чему служили чуть ли не ежедневно присылаемые букеты цвѣтовъ... Потомъ эти дамы, главнымъ образомъ, первыя и подняли шумъ о безнравственности Гапона. Интересно было для меня вотъ что. Сашу [2]) привезъ онъ уже во время нашего знакомства, но объ этомъ фактѣ онъ мнѣ рѣшительно ничего не говорилъ и даже старался не показывать мнѣ своей жены; и видно было, что для переговоровъ онъ съ большею охотою приходилъ ко мнѣ; такъ я ее никогда и не видѣлъ, несмотря на то, что бывалъ у него довольно часто. Онъ, впрочемъ, и вообще ее неохотно показывалъ. Была ли тутъ со стороны Гапона неувѣренность въ моемъ одобреніи его поступка или еще что другое, я не знаю, но, видя его нежеланіе касаться этого предмета, я никогда не старался вызвать его на откровенность въ этомъ отношеніи. Гапонъ вообще очень любилъ красивыхъ женщинъ и всегда готовъ былъ за ними поухаживать; онъ становился въ такихъ случаяхъ ловкимъ кавалеромъ и, видимо, производилъ на женщинъ сильное впечатлѣніе, но никогда я не слышалъ ни о какой исторіи въ амурномъ стилѣ. Во всякомъ случаѣ по тому, что я знаю о Гапонѣ, я призналъ бы его нравственнымъ, если бы не было какой-то общей его неустойчивости, дающей право сказать, что и въ этомъ отношеніи онъ могъ бы пойти въ случаѣ надобности на всевозможные компромиссы.

На женщинъ Гапонъ смотрѣлъ глазами современнаго культурнаго человѣка; онъ стоялъ за равноправіе женщины и за полное освобожденіе отъ власти мужчины, но это въ теоріи,—на практикѣ же у него иногда проскакивали словечки въ родѣ „волосъ длиненъ“... и т. п., что опять-

---

[1]) Имѣющіяся въ печати указанія на случаи взятія нѣсколькими родителями своихъ дѣтей изъ пріюта можно истолковывать различно и даже въ пользу Гапона: какъ протестъ противъ его ухода, такъ какъ дѣтей брали послѣ этого. Затѣмъ недочеты и плохая денежная отчетность никакимъ образомъ не можетъ быть поставлена въ укоръ Гапону,—онъ въ деньгахъ толку не зналъ и вести денежныя дѣла совершенно не былъ способенъ.

[2]) Такъ звали обыкновенно вторую жену Гапона, г-жу Уздалеву.

таки объясняется его неустойчивостью и горячимъ темпераментомъ. По отношенію же къ одной женщинѣ, К., онъ проявлялъ самое глубокое уваженіе и, кажется, онъ никого такъ не уважалъ и не съ чьимъ мнѣніемъ такъ не считался, какъ съ мнѣніемъ К.

На еврейскій вопросъ Гапонъ смотрѣлъ также такъ, какъ подобаетъ современному человѣку и въ особенности соціалисту, но также лишь въ теоріи, а на практикѣ онъ евреевъ не любилъ и проводилъ тенденцію, что въ „Собраніе" евреевъ допускать не слѣдовало, хотя и оговаривался, что до поры до времени. И въ этомъ отношеніи, надо правду сказать, онъ оказался болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, такъ какъ, когда „Собраніе" уже стало развертывать свою широкую дѣятельность,—это спустя уже около года своего существованія,—онъ не разъ говорилъ, что наступила пора привлекать евреевъ къ общей работѣ и что теперь общія усилія очень желательны,—это онъ говорилъ безъ всякаго посторонняго понужденія [1]).

Ничего нѣтъ мудренаго, что Гапонъ вообще не чувствовалъ себя хорошо съ евреями. Уроженцы западной и южной Россіи изъ русскаго простонародья, можно сказать, всѣ проходятъ въ этомъ отношеніи извѣстную полосу антисемитизма. Насъ окружаютъ такою затхлою націоналистскою атмосферою, что мы иными и быть не можемъ. Мои, напр., родители, уроженцы центральной Россіи, никогда не имѣли никакого дѣла съ евреями, не могли знать ни хорошихъ, ни дурныхъ свойствъ евреевъ, а, между тѣмъ, я вспоминаю такой случай изъ моего ранняго дѣтства: какъ-то, играя со сверстникомъ, такимъ же малышемъ, какъ и я,—я придавилъ ему дверью палецъ до крови. Перепугавшись, я прибѣжалъ домой и, какъ ребенокъ, съ которымъ церемониться не станутъ за его проказы, я впередъ сталъ плакать и кричать: „мама, я не хотѣлъ придавить Ицику пальчикъ..."—„А, жиденку,—сказала мать спокойно и равнодушно,—это ничего..." Я уже, слѣдовательно, съ дѣтства поощрялся къ нанесенію евреямъ непріятности, а, когда мнѣ было лѣтъ 10—14, я уже считалъ своей обязанностью при случаѣ отколотить „жиденка" и бывало колотилъ безъ жалости за то, что они Христа распяли...

Всосавъ съ дѣтства такія понятія,—а русское простонародье именно такія понятія и всасываетъ,—много ли изъ насъ попадаютъ въ настолько благопріятныя условія, при которыхъ было бы возможно отрѣшиться отъ искусственно привитой до силы инстинкта національной непріязни? Гапонъ также изъ простонародья и также прошелъ эту житейскую школу и, конечно, не въ семинаріи же ему было перевоспитывать самого себя. Въ

[1]) Въ концѣ 1904 г. въ Отдѣлахъ уже были евреи членами „Собранія".

дальнѣйшемъ, по мѣрѣ развитія и расширенія умственнаго кругозора, онъ дошелъ до теоретическаго отрицанія національной вражды, но въ тайникахъ души часть непріязни еще не вытравилась и иногда давала себя знать.

Что касается религіи, то въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ данныхъ для опредѣленныхъ заключеній. Однажды я задалъ Гапону вопросъ: „а вы вѣрите въ Бога?—„Я... я его ищу“... отвѣтилъ Гапонъ. Надобно сказать, что вопросъ былъ заданъ мною не съ глазу на глазъ. Были въ это время и близкіе Гапону сотрудники и два три человѣка рабочихъ, не вполнѣ своихъ.

III.

Я уже сказалъ, что послѣ утвержденія устава „Собраніе“ стало шире развертывать свою дѣятельность и что приливъ новыхъ членовъ сталъ сильно рости. Идея объединенія проникала въ рабочія массы, а возможность собираться и обсуждать свои нужды для болѣе сознательныхъ, и для нѣкоторыхъ, въ особенности для женщинъ, возможность полученія извѣстнаго удовольствія отъ музыкальныхъ вечеровъ, послѣ которыхъ рабочая молодежь преисправно заводила самые модные танцы,—очень способствовала популярности новаго учрежденія въ широкихъ рабочихъ кругахъ.

Начало было удачное.

Съ одной стороны, спокойный и увѣренный тонъ руководителей „Собранія“, постоянно снимавшихъ рискованные вопросы съ публичнаго ихъ обсужденія, но во время перерывовъ не скрывавшихъ, что такая осторожность вынужденная и временная, съ другой — органическая потребность въ рабочихъ массахъ того или иного выхода изъ подпольнаго обсужденія своихъ нуждъ на болѣе широкій просторъ,—создавали въ высшей степени подходящую атмосферу, полную живой, интересной, захватывающей и увлекающей борьбы. По средамъ и воскресеньямъ выступать могли всѣ пришедшіе, при чемъ при входѣ контроля не было никакого. Рабочіе до сихъ поръ только иногда слышали партійныхъ ораторовъ, а теперь имъ явилась возможность и самимъ выступать, высказывать тѣ же мысли, по своимъ собственнымъ языкомъ. Обсуждаться могли любые вопросы; порядокъ дня хотя и намѣчался, но лишь въ отношеніи, такъ сказать, лозунговъ, которые должны были быть бросаемы въ массу. При этомъ старались по возможности бросать лозунги эти такимъ образомъ: такъ какъ всякій присутствующій на собраніи могъ потребовать слова поднятіемъ руки или вставаніемъ (при чемъ могли говорить и съ мѣста), то пренія носили простой домашній характеръ, не было и тѣни какой-либо офиціальной натянутости. Конечно, выступали со своими мнѣніями люди болѣе или менѣе развитые, но иногда

не обходилось и безъ того, что иной несъ ахинею... Тѣмъ не менѣе, и въ этой ахинеѣ, покопавшись, можно было найти такое, что давало пищу для серьезнаго обсужденія. И часто бывало, что изъ такой, на первый взглядъ, безсмыслицы, болѣе толковый рабочій выводилъ очень интересныя подробности, освѣщая и доказывая ихъ примѣрами. Простой, мало развитой рабочій заводитъ, напр., рѣчь, что у нихъ въ мастерской мастеръ больно бойкій, какъ бы его и нельзя ли его „остепенить малость, а то дѣвкамъ-то не въ терпежъ"... А ему тутъ и выводили тотчасъ же, что для того, чтобы остепенить мастера, надобно, чтобы онъ зависѣлъ не отъ хозяина, а отъ рабочихъ, иначе хозяинъ его всегда будетъ защищать съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ; сводилось къ тому, что рабочіе и въ особенности работницы находятся въ кабалѣ у хозяевъ-капиталистовъ и что для противодѣйствія и защиты своихъ интересовъ рабочіе должны организоваться... Тенденція была опредѣленная, но высказывалась очень осторожно и присутствовавшіе на собраніи мало развитые рабочіе каждый разъ выносили новыя освѣщенія фактовъ въ духѣ желательномъ для „Собранія".

Послѣ того, какъ открывались новые отдѣлы и увеличивалось количество членовъ, а слѣдовательно, усиливалось и само „Собраніе", какъ матеріально, такъ и въ смыслѣ популярности въ рабочихъ массахъ, руководители стали допускать обсужденіе рабочихъ нуждъ въ болѣе широкомъ объемѣ. Но дѣлалось это въ высшей степени осторожно. Внѣшнія событія—японская война—также давала обильную пищу для разговоровъ и оцѣнки тогдашняго положенія Россіи.

Вскрытая войной и широко развернувшаяся неурядица въ россійскихъ дѣлахъ служила, конечно, главнымъ предметомъ разсужденій въ отдѣлахъ. Поднявшаяся также въ печати критика, въ то время еще робкая и неувѣренная, въ Отдѣлахъ принимала уже болѣе опредѣленный характеръ, а появленіе газеты „Нашей Жизни" и въ особенности „Нашихъ Дней" нигдѣ такъ не привѣтствовалось, какъ въ Отдѣлахъ; здѣсь каждый вечеръ собирались рабочіе и, за стаканомъ чая перечитывая эти газеты и обсуждая затрагиваемые ими вопросы, добирались до самой сути вещей. Эти газеты оказывали большое содѣйствіе „Собранію" своимъ по тогдашнему времени рѣзкимъ оппозиціоннымъ направленіемъ. Онѣ давали ежедневную пищу и этимъ въ Собраніи очень толково воспользовались. Былъ намѣченъ кружокъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ, который выработалъ, подъ руководствомъ Гапона, цѣлый планъ дѣйствій. На обязанности этого кружка лежало внимательно слѣдить за газетными статьями и отмѣчать самыя животрепещущія и наиболѣе отвѣчающія моменту. Затѣмъ статьи эти сообща обсуждались, распредѣлялись роли и по намѣченному плану съ надлежащимъ освѣщеніемъ или прочитывались цѣликомъ, или излагалось ихъ со-

держаніе на рабочихъ собраніяхъ во всѣхъ Отдѣлахъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу посѣщая Отдѣлы, публика пріучалась къ разбору и пониманію газетныхъ статей въ желательномъ для „Собранія“ смыслѣ. И дѣйствительно, за это время развитіе малосознательныхъ рабочихъ массъ было двинуто впередъ съ поразительной быстротою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благодаря отчасти „газетной тактикѣ“, въ развившемся позднѣе выступленіи рабочихъ на открытую сцену не только не встрѣчалось никакихъ треній, но, наоборотъ, все шло совершенно гладко, какъ по писанному... Поднявшаяся въ то время въ русскомъ обществѣ волна протеста въ Отдѣлахъ принимала огромные размѣры, хотя пока и скрытые или скрываемые отъ бдительныхъ глазъ полиціи. На обыкновенныхъ собраніяхъ по средамъ и воскресеньямъ протестъ этотъ уже часто прорывался наружу, и предсѣдателямъ становилось все труднѣе и труднѣе удерживать собраніе въ тонѣ обычной умѣренности, а такъ какъ эти предсѣдатели были и наиболѣе развитыми и сознательными рабочими, то умѣренность и осторожность ихъ была простымъ рабочимъ вполнѣ понятна: было видно, что пока не пришло еще время; создавалась атмосфера внутренняго единенія между вожаками и массой,—получился всѣмъ понятный массовой заговоръ... Къ ноябрю и декабрю волна общаго протеста поднялась такъ высоко, что руководители стали подумывать о присоединеніи „Собранія“ къ тогдашнему всеобщему протесту мыслящей Россіи, но зная, что рабочія массы не захотятъ или не сумѣютъ ограничиться однѣми словесными или письменными резолюціями, и опасаясь болѣе активныхъ, но необдуманныхъ и преждевременныхъ шаговъ, руководители „Собранія“ рѣшили задерживать проявленія все болѣе и болѣе накоплявшейся энергіи.

Такимъ образомъ появлялись вопросы и создавался новый матеріалъ для обсужденія въ мастерскихъ въ теченіе рабочей недѣли. Уже съ самаго начала видно было, что успѣхъ Общества въ рабочихъ массахъ вполнѣ обезпеченъ. Если „Собраніе“ и встрѣтило противодѣйствіе со стороны партійныхъ организацій и наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, которые главнымъ образомъ упирали на то, что во главѣ дѣла стоитъ священникъ и что поэтому можно скорѣе не ожидать отъ него настоящей защиты рабочихъ, а грандіозной провокаціи, то наименѣе сознательнымъ и совсѣмъ темнымъ рабочимъ того времени это именно обстоятельство и было очень по душѣ: „самъ, молъ, батюшка тамъ говоритъ проповѣди и не о церковныхъ или божественныхъ дѣлахъ, а о нашемъ рабочемъ дѣлѣ и такъ это хорошо говоритъ“. Съ этой стороны ряса Гапона имѣла огромное значеніе, такъ какъ въ то время рабочая масса была именно мало сознательная.

Для семействъ же членовъ „Собранія“, въ особенности для женщинъ и дѣвушекъ, возможность бывать на вечерахъ „Собранія“ достав-

ляла, повидимому, огромное наслажденіе; здѣсь онѣ имѣли возможность болѣе культурнаго общенія между молодежью, здѣсь онѣ слушали пѣніе, музыку и чтеніе, въ довольно хорошемъ исполненіи, и, что самое главное, все это было ихъ собственное, рабочее. Хотя участвующіе артисты и артистки были люди посторонніе, но мы старались, чтобы и они становились членами-соревнователями „Собранія“, а чтобы не стѣснять г.г. артистовъ взносами, рѣшили членскіе взносы за нихъ вносить изъ общихъ суммъ. Такимъ образомъ и исполнители были до нѣкоторой степени свои... Это обстоятельство очень нравилось рабочимъ [1]).

Что касается пониманія рабочими пѣнія и музыки, то я считаю себя обязаннымъ сказать, что такой внимательной и даже болѣе—я скажу такой интеллигентной публики, по общему признанію участвовавшихъ артистовъ и артистокъ, въ другихъ мѣстахъ нельзя было встрѣтить. Сначала мы было дѣлали попытки „примѣняться“, но потомъ оказалось, что въ этомъ не было никакой надобности. Исполнялись въ „Собраніи“ передъ рабочими такія пьесы, которыя въ обыкновенныхъ концертахъ ставить было опасно,— „большая образованная“ публика скучала бы... А рабочіе не только внимательно слушали, но и замѣчательно толково разбирались во всемъ слышанномъ, и, обыкновенно, легкая банальщина и пошлятина успѣха не имѣла. Очень толково разбирались рабочіе и въ чисто музыкальныхъ красотахъ. Пересматривая теперь программы нашихъ вечеровъ, я поражаюсь ихъ серьезностью. Наши музыкальные вечера также давали обильную пищу для различныхъ музыкальныхъ разговоровъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, создавало великолѣпную атмосферу общей дружной энергичной работы. Но въ то же время стало замѣчаться, что на болѣе темную массу Гапонъ началъ имѣть большее, чѣмъ слѣдовало вліяніе, заставившее позднѣе его сотрудниковъ очень безпокоиться...

Такъ прошелъ конецъ 1903 и начало 1904 г.г.

Лѣтомъ дѣло носило чисто организаціонный подготовительный характеръ; собранія рабочихъ становились все рѣже и рѣже, а музыкальные вечера совсѣмъ прекратились.

Но съ конца лѣта 1904 года муравейникъ опять зашевелился, дѣло пошло еще шибче, еще энергичнѣе.

Къ этому времени стало выясняться, что „Собраніе“ за предыдущее время успѣло пустить глубокіе корни, и ростки стали показываться тамъ, гдѣ ихъ и не ожидали.

Въ сентябрѣ было созвано первое „общее собраніе“ всѣхъ членовъ,

---

[1]) Мнѣ часто приходилось слышать такого рода разговоры: „ишь ты, какъ это у насъ хорошо“, или: „поди-ка, и у аристократовъ не лучше, чѣмъ у насъ“ и т. п.

и теперь ихъ уже нельзя было вмѣстить въ собственное помѣщеніе, пришлось для этого нанять залъ Павловой, да и здѣсь едва-едва помѣстились, такъ какъ въ это время уже было свыше 1000 членовъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ Петербурга. Къ этому „общему собранію“ члены-учредители усиленно готовились; были распредѣлены между ними роли для представленія различныхъ докладовъ членамъ-рабочимъ. Гапонъ работалъ, какъ волъ: онъ, помимо общей организаціи, задавалъ темы и помогалъ разбираться въ нихъ своимъ сотрудникамъ; онъ перечитывалъ, поправлялъ, расширялъ доклады,—словомъ, энергія его была изумительна. Къ этому же времени выяснилось, что явилась насущная потребность въ открытіи „Отдѣловъ Собранія“ въ другихъ частяхъ города. Надобно было весь матеріалъ по этому вопросу хорошенько подготовить къ „общему собранію“, чтобы тутъ же и рѣшить всѣ такіе вопросы, такъ какъ собирать такія многочисленныя собранія было и трудно и дорого. Штабные и Гапонъ просто разрывались на части. И надо имъ отдать справедливость—такъ могутъ работать только рабочіе: все было подготовлено въ полномъ порядкѣ. Общее собраніе состоялось днемъ, за время отъ 12 до 4 часовъ былъ выслушанъ отчетъ, цѣлый рядъ докладовъ, рядъ рѣчей ораторовъ; вся дѣятельность, какъ предыдущая, такъ и намѣченная впредь, была одобрена, произведены были различные выборы, и все это совершалось удивительно стройно, спокойно и сознательно [1]).

После „общаго собранія“ рабочіе разошлись для того, чтобы, передохнувъ, собраться вечеромъ и теперь уже съ семьями на большой музыкальный вечеръ.

Когда мы явились на концертъ, то глазамъ нашимъ представилось рѣдкое зрѣлище. Типичная масса рабочихъ—мужчинъ, женщинъ—сплошь занимала весь залъ и всѣ корридоры и все, что можно было занять. Стулья стояли на мѣстахъ, но почти никто не сидѣлъ,—мѣста не было, всѣ стояли плотной стѣной, и при этомъ тишина была полная. Въ залѣ было свыше 2000 человѣкъ. Расчитанъ же былъ около 500. Полиція протестовала было, но намъ съ Гапономъ удалось убѣдить ее въ томъ, что тутъ не болѣе 700—800 человѣкъ... Несмотря на такую массу народа, порядокъ былъ образцовый, и мнѣ потомъ говорилъ управляющій заломъ, что такого многолюднаго вечера въ этомъ залѣ и такого образцоваго порядка онъ еще не видѣлъ.

---

[1]) Въ другой разъ приблизительно такой же порядокъ я видѣлъ, когда уполномоченные отъ рабочихъ г. Петербурга избирали своего члена во вторую Государственную Думу въ 1907 г., но, къ сожалѣнію, здѣсь г.г. интеллигенты чуть было не испортили всего дѣла, желая сорвать вопросъ о понужденіи отколовшихся тогда меньшевиковъ присоединиться къ „лѣвому блоку“.

Послѣ „общаго собранія“ отдѣлы стали рости какъ грибы, и съ средины сентября по конецъ декабря, т. е. за три съ половиной мѣсяца „собраніе“ имѣло уже 11 отдѣловъ: Выборгскій, Коломенскій, Василеостровскій, Петербургскій, Московскій, Рождественскій, Нарвскій, Невскій, Гаваньскій, Колпинскій и на Обводномъ каналѣ. Весь Петербургъ былъ оцѣпленъ тѣсно связанными между собою рабочими организаціями.

До этого момента у Гапона съ его штабомъ не происходило сколько-нибудь замѣтныхъ разногласій: раньше дѣятельность сосредоточивалась въ одномъ мѣстѣ, и Гапонъ все время шелъ въ ногу со своими сотрудниками, все время находясь подъ контролемъ, но когда пришлось разбрасываться по разнымъ Отдѣламъ, явилось много поводовъ для разногласія. Прежде всего, въ каждый Отдѣлъ нужно было посадить своего надежнаго предсѣдателя и двухъ его помощниковъ. Оказались разногласія между Гапономъ и штабомъ въ оцѣнкѣ людей. И часто случалось, что споры принимали горячій оборотъ, и здѣсь начиналъ играть свою мелодію указанный мною ранѣе оркестръ въ своемъ темпѣ. Гапонъ обыкновенно, сдавался но вдругъ оказывалось, что иногда должностныя лица проходили не тѣ, на которыхъ останавливался оркестръ, а тѣ, на которыхъ настаивалъ Гапонъ. Извѣстный Петровъ, сдѣлавшій потомъ сенсаціонное разоблаченіе о 30000 руб., прошелъ какъ кандидатъ Гапона въ Невскомъ Отдѣлѣ. Ненадежнымъ также съ точки зрѣнія штабныхъ считался и самый многочисленный Отдѣлъ Нарвскій (насчитывалъ свыше 2000 чел.), гдѣ также прошли гапоновскіе кандидаты. Замѣтно было также, что именно въ болѣе сильныхъ числомъ членовъ Отдѣлахъ какъ-то проходили гапоновскіе кандидаты. Стало замѣтно, что Гапонъ началъ гнуть свою линію.

Нелады начинались серьезные. Учредители „Собранія“, главные сотрудники Гапона, съ самаго основанія составили какъ бы штабъ, принявъ на себя отдѣльныя обязательства по Отдѣламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда считали это нужнымъ. Самъ же Гапонъ былъ утвержденъ „представителемъ Собранія“, съ особыми, довольно широкими правами. Изъ всѣхъ окружающихъ Гапона онъ могъ опереться на Васильева и Кузина и иногда на В—ва, но первый изъ нихъ, отличаясь удивительною преданностью дѣлу и такою же удивительною работоспособностью, хотя и пользовался общею любовью, но не пользовался никакимъ вліяніемъ, а второй считался просто ловкимъ и дѣльнымъ, но на дѣла вліянія не имѣлъ. Между тѣмъ, когда г-жа К., повидимому, какъ бы не принимавшая участія въ дѣлѣ, на самомъ дѣлѣ пользовалась огромнымъ вліяніемъ на все направленіе и дѣятельность „Собранія“.

Я готовъ утверждать, что вліяніе К. между штабными было ничуть не меньшее, чѣмъ вліяніе самого Гапона, пожалуй, даже большее. Ея

искренность и непосредственность, ея свѣтлый взглядъ на дѣло создали ей такое положеніе между штабными, что они невольно заражались отъ нея ясностью пониманія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда штабные расходились съ Гапономъ. К. вѣрила въ Гапона, какъ въ неизбѣжный рокъ, и, тѣмъ не менѣе, только она одна смѣло и открыто вступала съ Гапономъ въ состязанія и всегда заставляла его соглашаться съ защищаемой ею точкой зрѣнія и, слѣдовательно, подчиняться мнѣнію штабныхъ. Но К. была удивительно скромнымъ человѣкомъ—такой она, впрочемъ, и осталась,—и поэтому, она сама и тогда не сознавала всего своего значенія въ дѣлѣ и позднѣе едва ли будетъ въ состояніи понять его... Благодаря этой скромности и тактичности, и всѣ ея единомышленники, штабные, также не замѣчали такого сильнаго вліянія ея на направленія дѣла и въ особенности на взаимныя между ними отношенія. Если сказать кому-либо изъ штабныхъ, что главнымъ двигателемъ у нихъ была К., что она представляла собою тотъ центръ, около котораго всѣ они такъ согласно группировались, то онъ будетъ пораженъ и сразу самымъ искреннимъ образомъ станетъ отрицать такое заключеніе, но если онъ обратится къ своей памяти, возстановитъ картины прошлаго, то неминуемо придетъ къ тому, что скажетъ: „а вѣдь и вѣрно, оно было такъ...“ Въ то время, когда штабная оппозиція почти признала Гапона за провокатора (декабрь 1904 г.) и создалось такое положеніе, при которомъ могли произойти совсѣмъ неожиданныя рѣзкія внутреннія столкновенія, К., состоя также въ оппозиціи, только одна продолжала непоколебимо вѣрить въ честность Гапона по отношенію къ рабочимъ и сильно смягчала взаимныя отношенія Гапона и штабныхъ.

Когда же при „Собраніи“ было параллельно учреждено женское отдѣленіе, во главѣ котораго и стала К., значеніе ея еще болѣе усилилось.

Гапонъ, мнѣ кажется, признавалъ значеніе К. и признавалъ безъ всякой зависти, безъ непріязни,—напротивъ, онъ въ К. видѣлъ искренняго друга и ни передъ кѣмъ онъ такъ не раскрывалъ своей души, какъ передъ нею.

К. также имѣлъ большое значеніе въ штабѣ, но это было не такое вліяніе, какъ его жены; въ немъ признавали въ высшей степени дѣльнаго и знающаго человѣка, глубоко преданнаго общему дѣлу и для дѣла необходимаго своимъ превосходнымъ знаніемъ рабочаго вопроса. Но въ немъ не было пламени или хотя той искры, которая была способна освѣщать путь и чѣмъ такъ богаты были К—а и Гапонъ.

Такимъ образомъ, чета эта составляла центръ, около котораго группировались всѣ главные двигатели „Собранія“, которымъ всѣ безусловно вѣрили и съ которыми Гапону неминуемо нужно было считаться. И не-

смотря на то, что къ концу 1904 г. „Собраніе" насчитывало около 7—8000 платящихъ членовъ, огромное большинство которыхъ, можетъ быть, и не знало настоящихъ вдохновителей и готово было куда угодно двинуться по первому знаку Гапона, послѣдній отлично понималъ, что тронься только онъ безъ своего штаба, масса недолго бы шла за нимъ, т. к. ихъ ближайшіе руководители отошли бы отъ Гапона и пошли бы съ оппозиціей.

Какъ только стало замѣтно стремленіе Гапона къ самостоятельности, штабъ повелъ также свою линію. Предполагая со стороны Гапона интриги, они повели свои контръ-интриги и старались Гапоновскихъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ хотѣлъ создать себѣ опору, перетягивать на свою сторону, что, повидимому, имъ и удавалось. Но все же штабныхъ очень безпокоило растущее вліяніе Гапона на малосознательныхъ членовъ, которыхъ было подовляющее большинство, такъ какъ болѣе сознательные рабочіе туго шли въ члены „Собранія". Причины тому были все тѣ же: недовѣріе изъ-за сугубой лойяльности „Собранія" къ личности руководителя. Недостатокъ въ развитыхъ рабочихъ сказывался въ высшей степени ощутительно, и самъ Гапонъ не только признавалъ это, но и принималъ мѣры къ привлеченію ихъ. Но въ особенности много въ этомъ отношеніи работали штабные: они всѣми силами старались привлекать болѣе сознательные элементы рабочаго міра въ члены „Собранія". Привлеченныхъ такимъ образомъ или вообще интересующихся и заходившихъ на собранія Гапонъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ и тамъ наединѣ или въ тѣсномъ кругу раскрывалъ карты. Въ большинствѣ случаевъ его бесѣды увѣнчивались успѣхомъ, и мало-по-малу число развитыхъ рабочихъ увеличивалось. На привлеченныхъ такимъ образомъ Гапонъ хотѣлъ опереться, какъ на своихъ, но въ концѣ-концовъ оказывалось, что они принимали сторону штабныхъ.

Внутренняя борьба, очевидно, сильно угнетала Гапона и мѣшала ему спокойно работать: онъ сталъ видѣть оппозицію тамъ, гдѣ ея и быть не могло. Около того времени Гапонъ сталъ относиться съ нѣкоторою враждебностью и ко мнѣ.

Такъ какъ меня рабочіе часто встрѣчали на собраніяхъ, помимо того, что я былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ устроитель музыкальной части, то ко мнѣ привыкли и считали меня совершенно своимъ. Нелегкая меня дернула два-три раза разойтись съ Гапономъ по нѣкоторымъ совсѣмъ несущественнымъ вопросамъ, при чемъ рабочіе оказались на моей сторонѣ. Этого было достаточно, чтобы Гапонъ увидѣлъ во мнѣ чуть ли не соперника. Результатомъ этого вдругъ оказалось, что однажды, явившись на кружковое собраніе, я получилъ заявленіе отъ Гапона, что настоящее мое посѣщеніе считается послѣднимъ, т. к. состоялось постановленіе, что по-

стороннимъ присутствовать на кружковыхъ собраніяхъ нельзя. Это было и раньше всѣмъ извѣстно, и въ дѣйствительности никто изъ посторонних и не бывалъ на кружковыхъ собраніяхъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особыхъ приглашеній самого Гапона для какого-либо спеціальнаго дѣла,—по просьбѣ Гапона, я нѣсколько разъ приводилъ лицъ, готовыхъ оказать то или иное содѣйствіе. Что, думаю, за штука? Я обратился къ нѣкоторымъ изъ штабныхъ за разъясненіемъ такого казуса. Оказалось, что на одномъ изъ засѣданій самъ Гапонъ поднялъ вопросъ о подтвержденіи стараго правила, котораго никто не нарушалъ. Тогда всѣ нѣсколько подивились возбужденію этого вопроса, но, конечно, охотно съ нимъ согласились; теперь же вышло, что этотъ вопросъ касался своею формальною стороной именно меня, ибо изъ интеллигентовъ свободный входъ имѣлъ только я. Возмущеніе штабныхъ было не малое; высказывалось намѣреніе сейчасъ же вывести батю на чистую воду, но я предложилъ не возбуждать сейчасъ дѣла, не желая обострять уже и безъ того тогда натянутыхъ общихъ отношеній.

Случались у насъ и еще столкновенія. Въ одномъ изъ нихъ Гапонъ довольно ярко обрисовывается, и хотя столкновеніе само по себѣ не интересно, но для характеристики Гапона я приведу его здѣсь. Несмотря на то, что всѣ предсѣдатели отдѣловъ хорошо знали меня лично, съ нѣкоторыми изъ нихъ у насъ были даже хорошія, почти дружескія отношенія, но порядокъ извѣщенія о назначаемыхъ музыкальныхъ вечерахъ былъ таковъ: я извѣщалъ Гапона, а онъ уже отъ себя извѣщалъ предсѣдателей. Но такъ какъ устройство музыкальныхъ вечеровъ начиналось съ найма каретъ и организаціи поѣздокъ за артистами, то Гапонъ очень часто перепутывалъ мои распоряженія: за одними артистами заѣдутъ, за другими нѣтъ, привезутъ не въ тотъ отдѣлъ и т. п., слѣдствіемъ чего у меня возникали недоразумѣнія съ участниками концертовъ; бывали также и такіе случаи: пріѣзжаютъ исполнители своими средствами въ указанный отдѣлъ, а тамъ не имѣютъ никакого понятія о томъ, что здѣсь будетъ музыкальный вечеръ. Оказывалось, что Гапонъ совсѣмъ забывалъ или не успѣвалъ сообщить объ этомъ. Для избѣжанія подобнаго рода недоразумѣній, крайне вредно отражавшихся на дѣлѣ, я рѣшилъ самъ сговориться съ предсѣдателями и однажды увѣдомилъ всѣхъ предсѣдателей отдѣловъ о днѣ собранія и просилъ пріѣхать ко мнѣ для обсужденія этого пустого, но въ то же время важнаго вопроса. Гапона я также увѣдомилъ. Къ моему удивленію, только одинъ предсѣдатель пріѣхалъ самъ, а остальные прислали своихъ помощниковъ. Оказалось, что въ этотъ день и на этотъ же часъ Гапонъ назначилъ собраніе предсѣдателей отдѣловъ у себя, якобы для очень важнаго дѣла. Важнаго дѣла не оказалось, но всѣмъ имъ Гапонъ разъяснилъ, что на мои приглашенія они не только не обязаны были

отзываться, но даже должны ихъ игнорировать [1]). Это разъясненіе произвело очень тягостное впечатлѣніе на всѣхъ предсѣдателей, такъ какъ они увидѣли, что разрывъ нашъ съ Гапономъ неизбѣженъ. Еще ранѣе, въ сентябрѣ, за нѣсколько дней до большого концерта, у насъ съ Гапономъ произошла рѣзкая размолвка.

Гапонъ дѣлалъ попытки вмѣшаться въ програму, а такъ какъ это мнѣ мѣшало, то я по-товарищески, но категорически заявилъ ему, что до програмы ему нѣтъ никакого дѣла, словомъ, сказалъ по-малороссійски: „засть“ (смыслъ: „не ваше дѣло“).

Тѣмъ не менѣе, составленную мною програму онъ переиначилъ. Это поставило меня въ глупое положеніе и такъ взбѣсило, что я просилъ передать ему, чтобы онъ во время концерта не показывался за кулисы, иначе я его выгоню. Гапонъ дѣйствительно не только не явился, но даже не поблагодарилъ участвовавшихъ артистовъ.

Далѣе, по мѣрѣ открытія новыхъ Отдѣловъ обслуживаніе ихъ музыкой потребовало не малыхъ затратъ труда: нужно было имѣть въ виду, что въ каждомъ Отдѣлѣ необходимо было устроить не менѣе двухъ музыкальныхъ вечеровъ въ мѣсяцъ, иначе не окупалась бы квартира. Уже было такое время, когда каждое воскресенье наша музыкальная комиссія устраивала по три-четыре вечера въ разныхъ Отдѣлахъ. Въ нашей музыкальной комиссіи числилось 52 участника: пѣвцы, пѣвицы, музыканты, критики и др. сочувствующія лица, но активныхъ работниковъ было не столько ужъ много, приходилось выдумывать различныя комбинаціи, а тутъ Гапонъ лѣзетъ бывало со своими требованіями, похожими на приказанія...

Мнѣ кажется, что Гапонъ еще въ теченіе лѣта въ отношеніи меня намѣтилъ планъ, который бы далъ возможность полегоньку совсѣмъ меня вытѣснить, такъ какъ рѣзко сдѣлать это было неудобно, въ виду нѣкоторой моей популярности. На первомъ „Общемъ собраніи“ я былъ избранъ предсѣдателемъ музыкальной комиссіи, но тогда же была избрана предсѣдательницей литературной комиссіи и В. А. К—о, антрепренерша, насадительница оперетки и т. п. увеселеній, очень извѣстная подъ псевдонимомъ Н—и. Какимъ образомъ г-жа Н—и попала въ ряды сочувствующихъ рабочему движенію,—для меня осталось загадкой... Но дѣло въ томъ, что свое участіе она понимала нѣсколько своеобразно. На мое извѣщеніе о желательности выработать общій планъ дѣйствій она не отвѣтила; затѣмъ,

[1]) Точно такъ же Гапонъ странно поступилъ съ милѣйшимъ полковникомъ К—вымъ, постояннымъ чтецомъ на вечерахъ и общимъ любимцемъ рабочихъ. Гапонъ сказалъ какую-то грубость, послѣ которой полковникъ долженъ былъ оставить участіе въ музыкальныхъ вечерахъ.

когда мы въ своей музыкальной комиссіи выработали планъ самостоятельно, и я нѣсколько разъ сообщалъ ей о томъ, что тогда-то и тамъ-то состоится вечеръ, на который просилъ ее дать литературныя силы, таковыхъ силъ она не давала. Музыкальная комиссія рѣшила обходиться безъ нея, и мы стали привлекать литературныя силы сами. Какъ вдругъ оказалось, что г-жа Н—и устроила сама полный музыкальный вечеръ на Петербургской сторонѣ. Черезъ нѣсколько времени другой и третій. Оно бы, конечно, было бы даже хорошо, если бы работа шла объединенно, но дѣло въ томъ, что общности не было, а бывали случаи, когда на одинъ и тотъ же день назначали музыкальный вечеръ и комиссія и г-жа Н—и въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Два раза мнѣ удавалось предотвратить инциденты. Къ тому же, въ то время, когда музыкальная комиссія работала для самой работы, г-жа Н—и дѣлала себѣ рекламу. Такъ, напр., она устраивала всего 3 вечера и обо всѣхъ вечерахъ бывали помѣщаемы въ газетахъ хвалебныя рецензіи, и даже г-жа Н—и успѣла получить отъ градоначальника Фулона благодарность и попала въ фотографическую съ нимъ группу... Между тѣмъ, музыкальная комиссія устроила свыше 40 музыкальныхъ вечеровъ, и мы ни о какой подобной „чести“ и не помышляли.

Создалось ненормальное положеніе, и въ дѣло вносилась дезорганизація. Музыкальная комиссія требовала, чтобы ей не мѣшали, а Гапонъ, очевидно, тоже не могъ или не хотѣлъ ничего подѣлать... По его просьбѣ пошелъ я самъ къ г-жѣ Н—и улаживать конфликтъ. Кончилось тѣмъ, что она меня выгнала... Пришлось поставить Гапону ультиматумъ: или я и музыкальная комиссія, бывшая со мною вполнѣ солидарной, или г-жа Н—и, не успѣвшая организовать своей литературной комиссіи. [1]) Гапонъ увильнулъ отъ прямого рѣшенія, и вопросъ остался открытымъ, вслѣдствіе чего музыкальная комиссія въ концѣ декабря 1904 г. пріостановила свою дѣятельность, впредь до удовлетворенія Гапономъ всѣхъ ея требованій. На Рождественскихъ праздникахъ музыкальная жизнь въ Отдѣлахъ замерла, такъ какъ г-жа Н—и и не думала обслуживать ихъ музыкальными вечерами.

Въ моемъ разладѣ съ Гапономъ оппозиціонная часть штаба была безусловно на моей сторонѣ, а въ дружбѣ Гапона съ г-жей Н—и видѣли авантюру. И дѣйствительно,—Гапонъ разсчитывалъ на то, что эта многоопытная барыня вдругъ изъ-за его прекрасныхъ глазъ раскошелится и дастъ возможность начать постройку „Рабочаго Дома“. У Гапона была

---

[1]) Она мнѣ, впрочемъ, заявила, что въ ея комиссіи принимаютъ участіе крупные литературные и театральные дѣятели, напр., Евт. Карповъ, кажется, г. г. Далматовъ и Давыдовъ и др., но, вѣроятно, участіе ихъ было только на словахъ, такъ какъ на дѣлѣ его не было видно.

смѣлая мысль оттягать отъ Попечительства о Народной Трезвости Народный Домъ, но такъ какъ онъ самъ не вѣрилъ въ осуществимость этой мысли, то у него появилась другая—собрать около „Собранія" денежныхъ людей революціоннаго или, по меньшей мѣрѣ, оппозиціоннаго оттѣнка и на ихъ капиталъ выстроить „Рабочій Домъ", по болѣе широкому плану, чѣмъ Народный. Не знаю, какимъ образомъ онъ могъ надѣяться на поддержку въ этомъ дѣлѣ г-жи Н—и, но надежда нѣкоторое время у него держалась и для осуществленія этой надежды онъ не прочь былъ пожертвовать мною. Но его сотрудники смотрѣли иначе. Какъ только у насъ начались съ Гапономъ болѣе натянутыя отношенія, въ особенности послѣ конфликта съ г-жей Н—и, штабные мнѣ прямо заявили, чтобы я ни на іоту не уступалъ Гапону и категорически требовалъ возстановленія правъ музыкальной комиссіи... 26 или 27 декабря пришелъ ко мнѣ К—ъ и сообщилъ общее положеніе дѣла съ назрѣвающимъ конфликтомъ между штабомъ и Гапономъ. Предвидя полный разрывъ, штабъ готовилъ почву свалить Гапона съ его пьедестала „рабочаго вождя", т. к. въ это время Гапонъ совсѣмъ потерялъ довѣріе своихъ сотрудниковъ. Предполагалось, въ случаѣ необходимости, отстранить Гапона и вести все дѣло по старой же дорогѣ, но съ охранкой считали необходимымъ порвать всякія сношенія, которыя Гапонъ продолжалъ еще и въ то время поддерживать.

И. Павловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Письмо А. И. Герцена къ Марко-Вовчку.

24 Нояб. Park House
Fulham.

И такъ вы рѣшительно, Марія Александровна, поселились въ нѣмцахъ. Русскіе терпѣть не могутъ нѣмцевъ—а любятъ ихъ. Какъ это разобрать. Изъ Брюсселя никакого отвѣта не было, они вѣрно (чтобы не оставлять документа)—сообщили въ посольство, а я не хочу идти, да и ѣхать невозможно. Къ горести нашихъ доктринеровъ—Западъ еще осунулся и еще ближе къ смерти. Наглое вмѣшательство Наполеона въ дѣла Италіи и отставка Гарибальди—это такіе два шага, отъ которыхъ не поздоровится. Читали ли вы прокламаціи Гарибальди? Какъ я угадалъ этого человѣка—назвавъ его въ Полярн. З. античнымъ героемъ, лицомъ изъ исторіи Корнелія Непота. Здѣсь все готовится къ войнѣ. Англія съ 1860 будетъ покрыта вольными стрѣлками.

Все валится, мы предвидѣли, но отъ этого не легче. Лошадь звѣрь, а храпитъ при видѣ мертвеца. Живой не любитъ смерти. Право, бываютъ минуты такой устали—что такъ бы и бѣжалъ изъ полка—но въ сторону слабость—маршъ, маршъ.

Изъ Россіи—сумбуръ. (A propos не посылайте бюлетеней Ростов. до 52; у насъ они есть).—Ростов., говорятъ, сошелъ съ ума. Въ Петерб. университетѣ изъ 300 студ. приняли 75 человѣкъ.

Строгановъ просилъ Государя драть крестьянъ шпицрутенами — ну уже я отодралъ его сіятельство за это. Прочтите въ слѣдующемъ Колоколѣ.

Что дѣлаетъ Татьяна Петр.? Получили ли мое письмо?

Скажите Богдану, что онъ хорошо дѣлаетъ что помнитъ что въ Брюсселѣ солдаты—дураки, но чтобы онъ не забывалъ, что и во всѣхъ другихъ странахъ они тоже дураки. Кланяюсь дружески А. П. (или А. В.?)

Прощайте.

Огаревъ и дѣти кланяются, Огаревъ написалъ прекрасное и предѣльное письмо объ общинномъ владѣніи въ Кол. и потомъ уѣхалъ въ Дувръ—писать стихи. Завтра воротится.

Жму вашу руку крѣпко.

А. Герценъ.

Какъ я бѣжалъ изъ Якутки.

(Страничка изъ воспоминаній).

Кучка одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ на берегу многоводной Лены, погребенныхъ подъ снѣгомъ во время безконечной зимы и тонущихъ въ навозной жижѣ во время быстротечнаго лѣта,—такова картина города Якутска, центра области, по пространству втрое превосходящей всю Францію. Въ эту яму я прибылъ въ мартѣ 1896 г. Такъ какъ я подлежалъ отбыванію воинской повинности (совершеннолѣтіе исполнилось мнѣ въ тюрьмѣ, изъ которой я не выходилъ свыше двухъ лѣтъ), то я былъ временно оставленъ въ Якутскѣ. Товарищи же мои по дѣлу были усланы въ Верхоянскъ и Колымскъ, самыя гиблыя мѣста Якутской области. Ссылкѣ въ Колымскъ подлежалъ и я.

Въ апрѣлѣ 1896 г. я былъ подвергнутъ освидѣтельствованію въ воинской комиссіи „на предметъ годности“ къ воинской службѣ и получилъ годичную отсрочку. Немедленно послѣ этого полиція принудила меня выѣхать изъ города; я поселился въ Багаратсатѣ Батурусскаго улуса въ 10 верстахъ отъ Якутска, прожилъ тамъ лѣто, а къ осени захватнымъ путемъ снова перебрался въ городъ. Зимой моя жена, добровольно послѣдовавшая за мною въ ссылку, возвратилась въ Россію; послѣ этого меня снова выселили въ улусъ, но черезъ недѣлю я опять водворился въ городѣ, и на меня махнули рукой.

О побѣгѣ я началъ помышлять съ первыхъ же дней пребыванія въ Якуткѣ. Но осуществить эту мысль оказалось не такъ-то легко. Сильно мѣшало то обстоятельство, что среди ссыльныхъ товарищей къ тому времени укрѣпилось убѣжденіе въ физической невозможности побѣга изъ Якутской области. Послѣдніе удачные побѣги (Кашинцева и Федорова въ 1885 г., Паули въ 1888 г.) имѣли мѣсто задолго до моего прибытія въ этотъ заброшенный край; послѣдующія же попытки систематически кончались неудачей.

Трудности такого предпріятія были многочисленны. Во-первыхъ, вы-

/

ѣхать изъ города на почтовыхъ было почти невозможно, такъ какъ бѣглецъ сразу былъ бы опознанъ ямщиками, и такимъ образомъ преступное покушеніе было бы пресѣчено въ зародышѣ; о томъ, чтобы лѣтомъ сѣсть въ городѣ на пароходъ, нечего было и думать, такъ какъ полиція тщательно слѣдила за всѣми пассажирами, а нашего брата—ссыльнаго полицейскіе знали, конечно, на перечетъ. Приходилось въ виду этого брать вольныхъ ямщиковъ, но черезъ три перегона все-таки нужно было обращаться къ почтовымъ—и вотъ тутъ-то и обнаруживалась самая щекотливая сторона побѣга изъ Якутской области. Дѣло въ томъ, что между Иркутскомъ и Якутскомъ имѣется одинъ лишь почтовый трактъ. Движеніе по этому тракту (въ то, по крайней мѣрѣ, время, о которомъ я говорю) было крайне слабымъ: изрѣдка проѣзжалъ чиновникъ, купецъ, да раза два въ годъ „прогоняли" политическую партію. Поэтому ямщицкое населеніе станковъ, помѣсь инородцевъ и русскихъ, обладающая всѣми недостатками варварства и цивилизаціи, не могло не замѣтить сразу всякое новое, появившееся на тракту лицо. А память на лица у этихъ дикарей поразительная: черезъ десять лѣтъ онъ узнаетъ человѣка, проѣзжавшаго по этой дорогѣ, а, слѣдовательно, проведшаго на ихъ станкѣ нѣсколько часовъ. Вдобавокъ, политическіе, какъ замѣтили сибиряки, отличаются какими-то особыми признаками, по которымъ туземцы почти безошибочно узнаютъ ихъ, даже сибирскія собаки скоро научаются отличать политическихъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ, хотя бы они были одѣты, какъ и всѣ; по особому запаху, что ли... [1])

Какъ бы то ни было, проѣхать свыше трехъ тысячъ верстъ на почтовыхъ, не будучи узнаннымъ ямщиками, считалось почти невозможнымъ. А погоня? Допустимъ, что удалось бы преодолѣть всѣ вышеуказанныя затрудненія и двинуться по тракту. Но вѣдь дорога до Иркутска должна была продолжаться двѣ-три недѣли и столько же—отъ Иркутска до Москвы; а тѣмъ временемъ полиція неминуемо должна была бы хватиться и замѣтить отсутствіе бѣглеца. Правда, телеграфная линія въ то время не доходила еще до Якутска, а только до Витима. Но отправленный изъ Якутска нарочный, мѣняя верховыхъ лошадей, могъ бы доскакать до Витима въ пять сутокъ и оттуда дать телеграмму въ Иркутскъ, такъ что бѣглецъ

[1]) Забѣгая впередъ, приведу слѣдующій примѣръ. Вывезшій меня изъ Якутска офицеръ, пріѣхавъ въ Олекминскъ (я уже успѣлъ проѣхать впередъ), остановилъ проходившаго по улицѣ человѣка и, выскочивши изъ саней, шепотомъ сообщилъ ему на ухо: „Юрій Михайловичъ бѣжалъ!" Остановленный господинъ дѣйствительно оказался политическимъ ссыльнымъ, тов. Г.; но одѣтъ онъ былъ, какъ всѣ остальные олекминскіе жители. Когда тов. Г. замѣтилъ офицеру, что онъ поступилъ крайне неосторожно, такъ какъ легко могъ ошибиться и наткнуться вовсе не на политическаго ссыльнаго, поручикъ увѣренно отвѣтилъ: „Ну, васъ всѣхъ сразу узнаешь... какъ спиртоносовъ!"

рисковалъ быть схваченнымъ если не по дорогѣ, то при самомъ въѣздѣ въ столицу Восточной Сибири. Если бы, наконецъ, ему даже удалось благополучно проскочить этотъ пунктъ, то вѣдь дальше начиналась полоса уже настоящей цивилизаціи: желѣзная дорога, телеграфъ и жандармскія управленія. Однимъ словомъ, выходило: куда ни кинь—все клинъ!..

Такія приблизительно соображенія представляли мнѣ тѣ старые ссыльные, къ которымъ я обращался за совѣтомъ. Одинъ изъ нихъ, старый ссыльный М., сосланный въ Якутку административнымъ порядкомъ въ срединѣ 80-хъ годовъ и исколесившій по своимъ торговымъ дѣламъ чуть ли не всю Якутскую область, рекомендовалъ мнѣ испробовать обходный путь на Аянъ и даже обѣщалъ оказать посильную помощь, пріискать проводниковъ, раздобыть паспортъ и пр. Но затѣмъ онъ уѣхалъ, и проектъ этотъ какъ-то заглохъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ разсматриваемое время, ссыльная колонія состояла преимущественно изъ стариковъ, обломковъ героическаго періода революціоннаго движенія—70-хъ и 80-хъ годовъ. Все это были прекрасные товарищи и милые люди; но издерганные жизнью, измученные продолжительнымъ сидѣніемъ по тюрьмамъ, карійской каторгой и долголѣтней ссылкой, они испытывали естественную потребность въ нѣкоторомъ покоѣ, позволявшемъ имъ хоть нѣсколько вытянуть усталые члены, пожить на склонѣ лѣтъ какой ни на есть, но все же личной жизнью. Правда, покой этотъ былъ относительный, удобства жизни въ проклятой Якуткѣ были минимальныя, горькій хлѣбъ изгнанья приходилось добывать въ потѣ лица своего и чуть ли не съ бою, но истрепанные нервы властно требовали отдыха. И эти въ общемъ энергичные, активные и смѣлые люди пассивно принимали на вѣру утвержденія о полной безплодности всякихъ попытокъ къ побѣгу, которыя способны только ухудшить положеніе остальныхъ товарищей. Кто знаетъ? Быть можетъ, инстинктивно нѣкоторые изъ нихъ видѣли въ такихъ порывахъ признакъ малодушія, страха передъ продолжительной ссылкой... Быть можетъ, здѣсь сказывалась психологія, явившаяся результатомъ мрачнаго безвременья 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, эпохи ужасной реакціи, незамѣтно отравлявшей сознаніе самыхъ сильныхъ ядомъ скептицизма и невѣрія... Какъ бы то ни было, осуществленіе моего плана сдѣлалось возможнымъ лишь съ возникновеніемъ молодой, новой ссылки. Послѣднія партіи политическихъ предшествующей полосы пришли въ Якутскую область къ концѣ 80-хъ годовъ: это были главнымъ образомъ представители группъ, мечтавшихъ о возстановленіи „Народной Воли“. Затѣмъ въ исторіи Якутской ссылки наступаетъ перерывъ, продолжавшійся лѣтъ 5—6. Въ срединѣ 90-хъ годовъ появляются въ Якутскѣ снова партіи политическихъ ссыльныхъ. Партія, въ которой пришелъ я, была второй по счету.

Въ апрѣлѣ 1897 г. я былъ принятъ на военную службу и зачисленъ рядовымъ въ Якутскую мѣстную команду. Въ силу какихъ-то циркуляровъ политическимъ ссыльнымъ не полагалось служить въ гарнизонныхъ частяхъ, и я долженъ былъ отправиться въ Иркутскій стрѣлковый батальонъ. Но для меня было сдѣлано почему-то исключеніе; послѣ переписки съ главнымъ штабомъ, тянувшейся 5 мѣсяцевъ, я былъ оставленъ въ Якутской командѣ, причемъ въ „особенно секретной" бумажкѣ приказано было ни подъ какимъ видомъ не производить меня въ какіе-либо „чины". Послѣднее распоряженіе меня смѣшило, но зато крайне огорчало моихъ начальниковъ, которые хотѣли сдѣлать меня, какъ лучшаго „фрунтовика" въ ротѣ, унтеръ-офицеромъ или хотя бы ефрейторомъ! Впрочемъ, фактически я ходилъ начальникомъ караула, дежурилъ по ротѣ, завѣдывалъ ротной школой и вообще „сполнялъ должность" унтера.

Теперь мысль о побѣгѣ волей-неволей приходилось на время оставить; по цѣлому ряду соображеній мнѣ не хотѣлось бѣжать съ военной службы. Но зато здѣсь мнѣ удалось завести такія знакомства, которыя впослѣдствіи очень и очень мнѣ пригодились.

Вскорѣ послѣ моего поступленія въ команду у насъ смѣнились командиры, ротный и полуротный. На мѣсто ротнаго командира прибылъ капитанъ изъ нѣмцевъ Гляссъ, честный и добродушный человѣкъ. Стараясь держаться въ рамкахъ офиціальныхъ отношеній, онъ въ то же время не стѣснялъ меня, хотя въ глубинѣ души, вѣроятно, не сочувствовалъ моимъ политическимъ воззрѣніямъ. Аккуратный и исполнительный человѣкъ, онъ, видимо, избѣгалъ всякихъ осложненій, какъ въ смыслѣ сближенія съ крамольнымъ солдатомъ, такъ и въ смыслѣ ненужныхъ къ нему придирокъ. Зато полную противоположность ему представлялъ поручикъ Н. М. Темниковъ—нашъ полуротный. Высокій и худощавый, съ большимъ кадыкомъ и маленькими усиками, онъ живо напоминалъ того отчаяннаго поручика, съ которымъ Гоголь сравниваетъ Ноздрева, вошедшаго въ азартъ. Искренно увлекавшійся военнымъ дѣломъ, но представлявшій его себѣ въ обстановкѣ временъ очаковскихъ, онъ бредилъ знаменитыми героями русской военной исторіи и силился привить такое же настроеніе солдатамъ—сброду изъ объякутѣвшихъ ямщиковъ, татаръ и т. п. Понятно, что изъ этого, кромѣ комическихъ курьезовъ, ничего не выходило, но солдаты страшно любили поручика, въ то время какъ исполнительнаго капитана, почти искоренившаго у насъ въ казармѣ мордобитіе, но холоднаго и не выходившаго изъ рамокъ офиціальности, не очень-то долюбливали.

Между ротнымъ командиромъ и поручикомъ, вслѣдствіе глубокаго различія ихъ характеровъ, постоянно существовалъ нѣкоторый скрытый антагонизмъ. Бывало, во время ротнаго ученія придетъ капитанъ въ казарму,

молча постоитъ нѣсколько минутъ, присматриваясь своими близорукими глазами къ не совсѣмъ обычной тренировкѣ солдатъ, и, наконецъ, спокойно скажетъ:

— Вы что жъ это, Николай Михайловичъ, какимъ-то странными пріемамъ ихъ обучаете?

— А это,—отрывисто отвѣчаетъ поручикъ, задирая голову и какъ бы выправляя шею изъ воротника,—это я обучаю ихъ Суворовской тактикѣ... Суворовъ говорилъ...

— Знаете, Николай Михайловичъ, оставимъ лучше Суворова и давайте заниматься по уставу, — добродушно прерываетъ капитанъ, къ величайшему негодованію поручика, дергающаго головой съ удвоенной энергіей.

Крайне симпатичный и отзывчивый человѣкъ, Темниковъ не отличался особенной политической сознательностью, но его инстинктивно тянуло къ „политическимъ“. Врядъ ли онъ зналъ даже хорошо, за что собственно я попалъ въ ссылку, но онъ сочувствовалъ мнѣ отъ всей души и сразу, по прибытіи въ Якутскъ, поспѣшилъ со мной сблизиться. Постепенно его взгляды болѣе оформились, и туманный протестъ противъ безобразій русской жизни превратился у него въ болѣе или менѣе сознательное отрицаніе господствующихъ порядковъ. Но все это отрицаніе до конца оставалось главнымъ образомъ въ области чувства. Что губило его и часто отдаляло насъ другъ отъ друга, такъ это его пагубное пристрастіе къ алкоголю; временами онъ пилъ запоемъ и тогда становился прямо невозможенъ. Но когда на него находило просвѣтлѣніе, онъ стыдился своей пагубной страсти и съ конфузливой улыбкой обѣщалъ больше не пить. Конечно, изъ этого ничего не выходило.

Капитанъ Гляссъ былъ недоволенъ тѣми отношеніями, которыя установились у меня съ Темниковымъ, и неоднократно отечески выговаривалъ ему за это.

— Не доведетъ васъ до добра эта дружба съ Н.,—говорилъ онъ ему. — Кто бы онъ ни былъ, — я самъ его глубоко уважаю, — но вы не должны забывать, что вы офицеръ... и притомъ, вѣдь вы сами знаете, что онъ поднадзорный. Конечно, въ предѣлахъ возможнаго я самъ понимаю... но вѣдь это подрываетъ дисциплину и т. д.

На это поручикъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Никакихъ особенныхъ отношеній у насъ нѣтъ. Въ казармѣ у насъ чисто офиціальныя отношенія. Что же касается моего поведенія внѣ службы, то за это отвѣчаю я самъ.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки помяните мое слово: все это до добра васъ не доведетъ.

На этомъ разговоръ кончался, а затѣмъ мы съ поручикомъ добродушно подшучивали надъ честнымъ, но робкимъ командиромъ.

Приведу къ характеристикѣ поручика еще одинъ фактъ.

На вечеринкѣ у одного чиновника Темниковъ встрѣтился съ нѣкоторыми политическими. Обычный на захолустныхъ пирушкахъ разговоръ вращался около самыхъ прозаическихъ предметовъ. Вдругъ, послѣ основательнаго возліянія, поручикъ наклоняется къ одному ссыльному и конфиденціально ни съ того, ни съ сего сообщаетъ ему на ухо:

— Въ случаѣ чего, возстанія тамъ или чего-нибудь подобнаго будьте увѣрены, я со своей ротой перейду на сторону народа...

Видно, этотъ вопросъ сильно занималъ его, хотя я бесѣдъ въ такой конкретной формѣ съ нимъ не велъ.

Незадолго до моего побѣга Темниковъ допился до бѣлой горячки. Интересно, что во время своей болѣзни онъ бредилъ революціей: ему казалось, что я, возмутивъ команду, арестовалъ капитана и хочу убить также и его. Поэтому онъ порывался въ казарму, чтобы обратиться къ солдатамъ со словомъ увѣщанія, а ко мнѣ съ просьбой не предавать смерти ротнаго командира. Когда послѣдній явился къ нему въ лазаретъ, поручикъ съ удивленіемъ спросилъ его:

— Какъ, Эдуардъ Карловичъ, Н. васъ еще не убилъ?

Добрый капитанъ былъ сильно смущенъ, тѣмъ болѣе, что подобный разговоръ могъ ввести въ соблазнъ присутствовавшихъ при этомъ нижнихъ чиновъ.

Вдобавокъ, я въ это время уже не находился въ ротѣ, такъ какъ кончилъ службу 15 августа 1899 г. и мирно проживалъ въ городѣ на своей квартирѣ. Обо всей этой исторіи, происходившей въ сентябрѣ, я узналъ только мѣсяца черезъ два со словъ Темникова, который съ конфузливой улыбкой разсказалъ мнѣ про свои чудачества. Замѣчу кстати, что никогда я не велъ съ нимъ разговоровъ, которые дали бы ему поводъ заподозрить меня въ столь кровожадныхъ замыслахъ.

Во время этого визита мы бесѣдовали о томъ положеніи, которое неожиданно создалось для меня послѣ увольненія моего въ запасъ. Этотъ разговоръ не остался безъ вліянія на мою дальнѣйшую судьбу.

II.

Къ тому моменту, о которомъ идетъ рѣчь, я прожилъ въ ссылкѣ свыше $3^1/_2$ лѣтъ, успѣвъ попривыкнуть къ товарищамъ, къ мирному житію съ вечеринками, нескончаемыми спорами, пикниками и охотничьими экскурсіями: я, нѣсколько отяжелѣвъ, сдѣлался отцомъ семейства и такъ

или иначе почти примирился съ мыслью о томъ, что мнѣ придется до конца прожить назначенные мнѣ Особымъ Совѣщаніемъ 10 лѣтъ ссылки (это за с.-д. пропаганду среди рабочихъ!), если не случится какихъ-либо экстраординарныхъ событій въ Россіи. Но одно непредвидѣнное обстоятельство сразу выбило меня изъ колеи и заставило снова задуматься о побѣгѣ, мысль о которомъ постепенно подернулась дымкой забвенія и почти вышла у меня изъ головы.

Вице-губернаторомъ въ Якутскъ лѣтомъ 1899 г. назначенъ былъ нѣкій Миллеръ изъ чиновниковъ департамента полиціи. Это было маленькое злое, сухопарое существо. Привыкши въ департаментѣ къ сыску и войнѣ съ крамолой, этотъ господинъ пріѣхалъ въ нашъ богоспасаемый Якутскъ съ самыми высокими понятіями о задачахъ „твердой власти", которыя, по его мнѣнію, лучше всего выражались въ учиненіи всяческихъ пакостей политическимъ ссыльнымъ. И. д. якутскаго губернатора, Скрипицынъ, сухой чиновникъ-формалистъ, но въ общемъ человѣкъ неглупый и не злой, никогда не унижался до сознательнаго и систематическаго преслѣдованія невольныхъ обитателей Якутки. При немъ ссылка нѣсколько вздохнула и начала пользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ, конечно, въ предѣлахъ закона и циркуляровъ. Для Миллера это былъ ножъ острый. И какъ только, съ отъѣздомъ Скрипицына въ отпускъ, онъ дорвался до власти и сдѣлался „исполняющимъ должность начальника губерніи", тотчасъ началась политика мелкихъ, кляузническихъ придирокъ къ ссыльнымъ.

Меня Миллеръ особенно возненавидѣлъ. Во-первыхъ, мы жили съ нимъ въ одномъ домѣ, такъ что намъ приходилось часто сталкиваться; онъ вообразилъ, что я буду съ нимъ раскланиваться; я же игнорировалъ его, и невѣжливость моя глубоко его возмущала. Во-вторыхъ, ко мнѣ захаживали въ гости мировой судья и полицейскій врачъ, чего Миллеръ никакъ не могъ переварить. Пробовалъ было онъ прочитать имъ по этому поводу нотацію, но тѣ резонно отвѣтили ему, что до ихъ внѣслужебныхъ дѣлъ и знакомствъ ему нѣтъ никакого дѣла. Вдобавокъ, я однажды имѣлъ возможность наблюдать его въ прекомичномъ положеніи, когда во время прогулки его собачки, къ которымъ онъ относился, какъ къ дѣтямъ, разбѣжались, и ему никакъ не удавалось поймать ихъ и снова усадить въ колясочку. Онъ бросилъ на меня взглядъ, полный ненависти, и этотъ взглядъ, отъ котораго я не могъ не улыбнуться, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Наконецъ, Миллеру представился удобный случай устроить мнѣ хорошую пакость. До тѣхъ поръ политическіе ссыльные, отбывшіе въ Сибири воинскую повинность, оставлялись обыкновенно на мѣстѣ службы, а то и вовсе освобождались. На послѣднее я, причисленный жандармами къ лику „закоренѣлыхъ" и „опасныхъ" преступниковъ, расчитывать не могъ, но

зато я не сомнѣвался въ томъ, что буду оставленъ въ Якутскѣ. Между тѣмъ Миллеръ предписалъ полиціи немедленно отправить меня на мѣсто назначенія, т. е. въ Колымскъ, куда я первоначально былъ высланъ (не знаю, департаментомъ полиціи или генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Горемыкинымъ). Мои протесты не привели ни къ чему. Миллеръ заявилъ мнѣ, что меня оставятъ въ Якутскѣ лишь въ томъ случаѣ, если я подамъ объ этомъ прошеніе генералъ-губернатору. Объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Конфликтъ назрѣвалъ. Вся колонія была страшно возмущена произволомъ Миллера, который категорически отказывался запросить Горемыкина относительно того, какъ быть со мной по отбытіи мною воинской повинности.

Путешествіе въ Колымскъ далеко мнѣ не улыбалось—главнымъ образомъ, въ виду болѣзненнаго состоянія жены и двухлѣтней дѣвочки, за недѣлю до того пережившей тяжкую болѣзнь и успѣвшей уже два раза схватить воспаленіе легкихъ. Мы съ женой были почти увѣрены, что живымъ мы ребенка до Колымска не довеземъ. Приходилось проѣхать 3,000 верстъ по тундрѣ, при самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, при морозѣ, доходящемъ до 55°, при полномъ отсутствіи жилья, при недостаткѣ провизіи и т. д. У двухъ моихъ товарищей, Шифа и Берейши, дѣти погибли въ дорогѣ. Только безграничный произволъ бюрократіи могъ придумать ссылку въ Колымскій край въ административномъ порядкѣ. Не забудемъ, что именно на этой почвѣ разыгралась знаменитая первая Якутская исторія въ мартѣ 1889 года, кончившаяся убійствомъ шести ссыльныхъ, повѣшеніемъ троихъ и ссылкой въ каторгу около двадцати человѣкъ, а отчасти также и вторая, „Романовская“ исторія (въ 1904 г.).

Посовѣтовавшись съ женой и съ группой молодыхъ товарищей, я рѣшился попытать счастья и бѣжать. Предполагалось, что жена останется съ ребенкомъ въ Якутскѣ до открытія навигаціи и затѣмъ свободно уѣдетъ въ Россію. Но для осуществленія нашего плана приходилось преодолѣть цѣлый рядъ препятствій. И вотъ машина заработала во всю.

Прежде всего необходимо было раздобыться „артеріей войны“, такъ какъ поѣздка на почтовыхъ до Иркутска въ распутицу, когда приходилось платить за тройку лошадей, должна была стоить большихъ денегъ. Функціонировавшая среди группы молодыхъ ссыльныхъ касса для побѣговъ и иныхъ революціонныхъ цѣлей отпустила мнѣ 200 рублей. Но этого было слишкомъ мало. Нашелся добрый человѣкъ, состоявшій въ то время на государственной службѣ, который ссудилъ меня 400-ми рублей и револьверомъ на всякій случай (не называю этого прекраснаго человѣка, чтобы не повредить ему неосторожнымъ словомъ, но пользуюсь случаемъ, чтобы послать ему въ дальніе края горячую благодарность). Итакъ, денежный

вопросъ былъ рѣшенъ. Оставалось найти попутчиковъ, выгадать время и обмануть бдительность полиціи.

Прежде всего надлежало устроить такъ, чтобы въ моемъ распоряженіи оказалось полтора-два мѣсяца свободнаго времени. Къ разсматриваемому моменту въ Якутскѣ собралось пять-шесть паръ, подлежавшихъ ссылкѣ въ Верхоянскъ и Колымскъ; необходимо было поставить меня въ послѣднюю очередь. И вотъ я съ двумя товарищами отправились въ областное правленіе для объясненій съ Миллеромъ. Дѣло въ томъ, что по заведенному за послѣдніе годы обычаю политическимъ предоставлялось самимъ устанавливать очередь слѣдованія на сѣверъ. Этотъ порядокъ былъ въ сущности очень выгоденъ для полиціи: онъ избавлялъ ее отъ излишнихъ преній и нареканій; для нея важно было лишь одно, а именно, чтобы къ назначенному сроку всѣ подлежащіе удаленію въ полярный адъ убирались туда безъ лишнихъ скандаловъ, такъ сказать, добровольно. И эта цѣль прекрасно достигалась своеобразной автономіей подлежащихъ закланію. Для ссыльныхъ же этотъ порядокъ былъ существенно важенъ, ибо давалъ имъ возможность при распредѣленіи очередей сообразоваться съ здоровьемъ, средствами, душевнымъ состояніемъ отъѣзжающихъ товарищей.

Миллеръ рѣшилъ посягнуть на установившееся обычное право. Возможно, что онъ инстинктивно догадывался о моемъ желаніи бѣжать. Во всякомъ случаѣ, послѣ довольно бурнаго объясненія, сопровождавшагося болѣе или менѣе прозрачными угрозами съ обѣихъ сторонъ, онъ уже согласился было на наше требованіе признать существующій обычай; но когда мы удалялись изъ его кабинета, довольные одержанной побѣдой, онъ снова позвалъ товарища Е. и вдругъ выпалилъ ему въ лицо:

— Само собою разумѣется, что мое согласіе не относится къ Н—у: онъ долженъ поѣхать первымъ!

Е. готовъ былъ броситься на самодура и вцѣпиться ему въ горло. Но пересиливъ себя и подавляя внутреннюю брезгливость, онъ обратилъ вниманіе вице-губернатора на болѣзнь моего ребенка, отъ которой тотъ еще не успѣлъ оправиться, и объяснилъ ему, что въ виду этого товарищи рѣшили отправить меня послѣднимъ. Послѣ долгихъ пререканій Миллеръ согласился отсрочить мой отъѣздъ, если я представлю ему бумагу за подписью областного врачебнаго инспектора, удостовѣряющую, что немедленная высылка грозитъ опасностью для жизни моей дочери.

Врачебнымъ инспекторомъ въ Якутскѣ былъ тогда В., человѣкъ не злой, но бюрократъ и трусъ, боявшійся всякаго начальства и не любившій никакихъ „осложненій“. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ онъ согласился выдать свидѣтельство (замѣтьте—ничуть не расходившееся съ дѣйстви-

тельностью), и Миллеру ничего другого не оставалось, какъ согласиться на требованіе моихъ товарищей.

Итакъ, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи мѣсяца полтора. Но тронуться немедленно въ путь я не могъ, такъ какъ Лена еще не стала, а по сухопутью движеніе уже прекратилось. Приходилось пережидать распутицу, а тѣмъ временемъ искать попутчиковъ. Чтобъ не возбуждать подозрѣнія ямщиковъ при пересадкѣ съ вольныхъ лошадей на почтовыхъ, лучше всего было выѣхать изъ города сразу на почтовыхъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего побѣга изъ Якутска бѣжало двое товарищей, Гожанскій и Пріютовъ. Ихъ вывезъ изъ города товарищъ на собственной лошади, а на второмъ или третьемъ станкѣ они пересѣли на почтовыхъ лошадей и этимъ сразу возбудили подозрѣніе ямщиковъ; въ результатѣ оба они были арестованы послѣ неудачнаго вооруженнаго сопротивленія, но отдѣлались въ концѣ концовъ пустяками.

Итакъ, необходимо было найти вѣрнаго человѣка, который бы согласился записывать свое имя въ почтовыхъ книгахъ (подорожныя были уже тогда отмѣнены, и расплачиваться приходилось на каждой станціи) и увезти меня съ собой. Темниковъ долженъ былъ выѣхать изъ Якутска по первому санному пути въ Олекминскъ (верстъ 600 отъ Якутска) для засѣданія въ окружномъ воинскомъ присутствіи при пріемѣ новобранцевъ. Объ этомъ онъ сообщилъ мнѣ при послѣднемъ визитѣ; онъ собственно и заходилъ ко мнѣ попрощаться... И вдругъ меня осѣнила блестящая мысль: предложить Темникову вывезти меня изъ города.

Слѣдуетъ замѣтить, что онъ близко принялъ къ сердцу непріятности, постигшія меня при столкновеніи съ Миллеромъ. Какъ человѣкъ военный, онъ первымъ долгомъ хотѣлъ было поѣхать лично объясняться съ вице-губернаторомъ и въ случаѣ возраженій зарубить его шашкой. Я отговорилъ его отъ этой затѣи, и онъ безъ моего вѣдома поѣхалъ объясняться съ Гляссомъ, но послѣдній резонно посовѣтовалъ ему не соваться въ это дѣло, хотя лично мнѣ сочувствовалъ.

Итакъ, я отправился къ Темникову. Мы потолковали о томъ, о семъ, а затѣмъ, когда я собрался уходить, онъ вышелъ меня проводить. На дворѣ стояла чудная осенняя ночь; морозный, бодрящій воздухъ крѣпилъ нервы и вливалъ энергію въ жилы. Я повелъ аттаку съ фронта.

— Николай Михайловичъ, у меня къ Вамъ большая просьба.

— Юрій Михайловичъ, все, что могу, сдѣлаю для васъ.

— Я рѣшилъ бѣжать. Вывезите меня отсюда.

Наступило минутное молчаніе. Темниковъ, видимо, колебался. Думалъ ли онъ въ это мгновеніе о своемъ офицерскомъ „долгѣ“, не знаю. Только, помолчавши немного, онъ сказалъ неувѣреннымъ, слегка дрожавшимъ голосомъ:

— А вѣдь это... каторжныя работы.

— Я не хочу скрывать отъ васъ, что вы рискуете, соглашаясь на мое предложеніе. Могу сказать вамъ только одно: я, съ своей стороны, приму всѣ мѣры, чтобы уменьшить вашъ рискъ до минимума.

Онъ какъ будто устыдился своего минутнаго колебанія и рѣшительно протянулъ мнѣ руку.

— Юрій Михайловичъ, конечно, я согласенъ, — сказалъ онъ на этотъ разъ болѣе веселымъ голосомъ. — Чортъ съ нимъ, съ рискомъ! Только изложите свой планъ.

Планъ былъ довольно простъ. Съ помощью отыскавшагося въ колоніи и состоявшаго изъ нѣсколькихъ фальшивыхъ печатей „паспортнаго бюро", заключеннаго въ круглую жестяную коробочку изъ-подъ монпансье и нѣсколько лѣтъ провалявшагося безъ употребленія, мы смастерили два фальшивыхъ документа: проходное свидѣтельство на мое собственное имя, якобы выданное мнѣ якутской полиціей по окончаніи ссылки для свободнаго слѣдованія въ Херсонъ, и паспортъ-книжку на имя миѳическаго инженеръ-технолога II разряда (существуютъ ли такіе, мы, впрочемъ, хорошенько не знали), какого-то Ивана Алексѣева. Недостающія печати вырѣзалъ для насъ шлиссельбуржецъ Мартыновъ, въ то время находившійся въ Якутскѣ. Кромѣ того, одинъ чиновникъ далъ мнѣ свой настоящій паспортъ, которымъ я могъ пользоваться лишь въ случаяхъ крайней необходимости, напримѣръ, при пропискѣ въ большихъ центрахъ Европейской Россіи. Проходное свидѣтельство на мое имя было сдѣлано настолько удачно, что Темниковъ, увидавши его, пришелъ въ восторгъ и просто ахнулъ отъ изумленія: до того ловко была поддѣлана подпись полицмейстера [1]). Это свидѣтельство я имѣлъ въ виду предъявлять въ тѣхъ случаяхъ, если бы меня узнали по дорогѣ. А узнать было нетрудно, такъ какъ по станкамъ жили многіе бывшіе мои сослуживцы по ротѣ. Мое возвращеніе въ Россію не могло ихъ удивить, такъ какъ по ихъ простецкому разсужденію человѣкъ, отбывшій службу „престолъ-отечеству", безусловно подлежалъ освобожденію отъ полицейскаго надзора; многіе изъ нихъ, увольняясь въ запасъ, сочувствено предсказывали мнѣ, что скоро и мнѣ придется „оборотиться въ Рассею".

Лошадей долженъ былъ заказать Темниковъ; моя задача заключалась въ томъ, чтобы незамѣтно сѣсть въ сани за нѣсколько минутъ до отъѣзда. Для того, чтобы меня не видѣли слишкомъ часто по дорогѣ, необходимо было пріобрѣсти собственный крытый возокъ, „кибитку"; перепряжка ло-

---

[1]) Между прочимъ, за это свидѣтельство впослѣдствіи совершенно безвинно пострадалъ письмоводитель при полицейскомъ управленіи, заподозрѣнный въ передачѣ мнѣ казенной печати!

шадей на станкахъ должна была производиться такъ, чтобы мы не вылѣзали изъ кибитки, которая спереди завѣшивалась войлокомъ. Выходить изъ возка предполагалось рѣдко—лишь для того, чтобы подкрѣпляться пищей и чаемъ.

— Ну, а если полиція хватится васъ въ городѣ?—спросилъ Темниковъ.

— Это предусмотрѣно, и противъ такой случайности приняты мѣры.

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ. Для предупрежденія побѣговъ полиція завела особаго надзирателя, который разъ или два въ недѣлю являлся на квартиру политическихъ ссыльныхъ; послѣдніе расписывались въ его книгѣ. Мы исподволь и систематически начали пріучать его къ тому, что одинъ товарищъ расписывался за другого. Дальше порога передней его не пускали; провѣрить, находится ли въ квартирѣ лицо, за которое расписываются, онъ не могъ; жаловаться на это не смѣлъ. И такимъ образомъ, съ этой стороны недѣли на двѣ-три мы были обезпечены.

— Все это прекрасно,—сказалъ Темниковъ, выслушавши мою повѣсть,—но вѣдь я ѣду только до Олекминска. А дальше вамъ остается сдѣлать еще 2500 верстъ. Какъ же вы тамъ проѣдете?

— Ясно,—отвѣтилъ я,—что необходимъ еще одинъ попутчикъ.

— А гдѣ его взять?

— Вотъ это-то, Николай Михайловичъ, вы и должны устроить. Такого человѣка я намѣтилъ. Но сразу раскрывать передъ нимъ свои карты я не хочу. Вы же можете поговорить съ нимъ, нащупать почву, и если увидите, что онъ соглашается, посвятить его въ наше дѣло.

— Хорошо—протянулъ Темниковъ.—Но кто же этотъ человѣкъ?

— Это—Чистяковъ.

Моего собесѣдника такъ и передернуло.

— Чистяковъ!—вскричалъ онъ.—Но развѣ я могу съ нимъ разговаривать?

Я хорошо понималъ затруднительное положеніе Темникова. Дѣло въ томъ, что съ Чистяковымъ, нѣкогда также служившимъ по военному вѣдомству, онъ находился въ смертельной враждѣ; между ними однажды произошло крайне непріятное столкновеніе, которое съ трудомъ удалось замять. Поручикъ считая себя жестоко обиженнымъ, не могъ простить Чистякову этой исторіи. И вдругъ я предлагаю ему дружески объясниться съ своимъ обидчикомъ... Но подумавъ немного и признавши справедливость моихъ доводовъ, онъ переломилъ свою гордость и согласился пригласить къ себѣ своего непримиримаго врага для переговоровъ. Я понялъ, какую жертву приноситъ для меня этотъ благородный человѣкъ, и горячо пожалъ его руку.

Но разыскать Чистякова оказалось не такъ-то легко. Оставивъ службу, онъ никакъ не могъ пристроиться и страшно бѣдствовалъ. Типичный представитель тѣхъ „среднихъ“ людей, о которыхъ говоритъ Чеховскій мировой судья, съ проснувшимся чувствомъ собственнаго достоинства, онъ страдалъ извѣстнымъ русскимъ національнымъ порокомъ. Мы познакомились съ нимъ во время моего пребыванія въ казармѣ и были въ хорошихъ отношеніяхъ. Иногда онъ давалъ мнѣ на сохраненіе часть своего жалованья съ тѣмъ, чтобы я выдавалъ ему деньги по частямъ, когда онъ, пропивши все остальное, явится ко мнѣ требовать ввѣренную мнѣ сумму. Въ тотъ моментъ, къ которому относится мой разсказъ, Чистяковъ, перебивавшійся случайной медицинской „практикой“, не имѣлъ квартиры, ютился по какимъ-то притонамъ, ночевалъ иногда на улицѣ. Съ большимъ трудомъ удалось напасть на его слѣды и передать ему приглашеніе явиться къ Темникову для какихъ-то переговоровъ о мѣстѣ.

Я присутствовалъ при ихъ свиданіи, спрятавшись въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Чистяковъ вошелъ въ столовую робко, повидимому, подозрѣвая со стороны поручика какую-нибудь каверзу, быть можетъ, желаніе свести съ нимъ старые счеты. Видъ у него былъ угрюмый и печальный. Несмотря на морозъ, жестоко щипавшій кожу, онъ былъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ, одѣтомъ прямо на рубашку, и въ стоптанныхъ калошахъ безъ сапогъ. Мрачно поздоровавшись съ Темниковымъ, онъ покосился на столъ, гдѣ пріятно бурлилъ самоваръ, дымились горячія котлеты и стояла бутылка водки.

— Вы звали меня по какому-то дѣлу,—сказалъ онъ глухо, присѣвши на край стула.

— Да, да,—заторопился поручикъ.—Но не закусить ли намъ и не пропустить ли до разговора по маленькой?

Лицо у Чистякова просіяло.

— Это можно,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Пропустили по одной и т. д. Закусили. Закурили по папироскѣ.

Бѣдняга явно ожилъ и повеселѣлъ. Очевидно, онъ убѣдился, что никакой каверзы опасаться нечего, и что его пригласили дѣйствительно по дѣлу.

— Ну-съ, разскажите, какъ вы живете?—обратился къ нему поручикъ, очевидно, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Сами видите, какъ я живу,—уныло отвѣтилъ Чистяковъ, указывая на свой костюмъ.—Вотъ ужъ прямо можно сказать: ни кола, ни двора, пальто—весь пожитокъ. Перебиваюсь съ хлѣба на квасъ или, вѣрнѣе сказать, на водку. Уѣхать бы изъ этой проклятой ямы, да никакъ не вырвешься...

— А скажите, отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не уѣхать въ Иркутскъ?

— Да какъ же уѣдешь!—грустно возразилъ Чистяковъ.—На это нужно рублей 200. А у меня нѣтъ и двухъ копеекъ. Взаймы никто не повѣритъ. А я и такъ весь въ долгу, какъ въ шелку... И главное, что досадно,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Вѣдь тамъ въ Иркутскѣ я долженъ получить рублей 300—400. Мнѣ дядя наслѣдство оставилъ. Только для этого я долженъ лично туда явиться.

— Ну, а что бы вы сказали, если бы я для васъ нашелъ человѣка, который согласился бы ссудить васъ деньгами... или даже повезъ бы васъ въ Иркутскъ на свой счетъ?—бацнулъ Темниковъ.

Чистяковъ поднялъ опущенную голову.

— Вы не шутите?—сказалъ онъ.—Да я бы... да я бы вѣкъ васъ помнилъ... Вѣдь я бы жизнь наново началъ...

— Только,—прибавилъ Темниковъ нерѣшительно,—это связано съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ сказать...

— А чортъ съ нимъ! все равно,—отвѣтилъ Чистяковъ.—Хуже теперешняго не будетъ. Только,—протянулъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—я собственно не понимаю, при чемъ тутъ рискъ и какой рискъ?

— Гмъ,—промычалъ смущенно поручикъ. Видите ли... здѣсь такое дѣло... Словомъ, одному человѣку нужно ѣхать въ Иркутскъ... и онъ ищетъ попутчика...

Чистяковъ не сводилъ глазъ съ собесѣдника.

— Я знаю этого человѣка?—наконецъ спросилъ онъ.

— М—да,—протянулъ Темниковъ,—вы его знаете.

— Николай Михайловичъ,—вдругъ сказалъ Чистяковъ.—Юрій Михайловичъ хочетъ бѣжать?

— Да,—отвѣтилъ Темниковъ, застигнутый врасплохъ.

— И вы меня спрашиваете?—сказалъ Чистяковъ и даже всталъ.—Да я съ величайшимъ удовольствіемъ... И если бы даже мнѣ не нужно было ѣхать...

— Ну, я радъ, что такъ хорошо вышло,—сказалъ Темниковъ.

— А гдѣ же Юрій Михайловичъ?—спросилъ Чистяковъ.

— Я здѣсь,—отвѣтилъ я, выходя изъ другой комнаты.

Чистяковъ улыбнулся.

— Не довѣряли мнѣ?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не то,—отвѣтилъ Темниковъ, — но знаете... въ такомъ дѣлѣ...

— Ну, ну, конечно,—успокоительно заключилъ Чистяковъ.—Юрій Михайловичъ, но какъ же вы могли во мнѣ сомнѣваться? Да я готовъ на что угодно...

Съ этого момента и вплоть до отъѣзда Чистяковъ былъ взятъ мною подъ строжайшій надзоръ; на добровольный арестъ онъ, впрочемъ, сразу добродушнѣйшимъ образомъ согласился, зная свою слабость. Мы водворили его на моей квартирѣ, экипировали его съ ногъ до головы, кормили и поили въ волю, но въ городъ безъ меня выходить онъ не могъ. Опасались, чтобы онъ не загулялъ и въ пьяномъ видѣ не проболтался. Впрочемъ, этотъ суровый карантинъ продолжался лишь два-три дня. Рѣка стала, и мы рѣшили, не мѣшкая, двинуться въ путь.

III.

Сборы кончены. Послѣдніе поцѣлуи, пожатія руки, торопливые совѣты и напутствія. Чистяковъ ушелъ впередъ къ поручику; онъ сядетъ въ возокъ открыто; ему не нужно скрываться... Я выхожу со двора въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, это—странная смѣсь душевнаго подъема и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣпенѣнія. Позади осталось все близкое и дорогое: семья, товарищи, друзья, какая бы то ни было, но все же такъ или иначе налаженная жизнь. Впереди—неизвѣстность, полный мракъ, а главное—рискъ неудачи. Если меня схватятъ, снова подтвердится убѣжденіе въ невозможности бѣгства изъ проклятой Якутки, въ безплодности всякихъ попытокъ вырваться изъ этой ямы. Итти трудно: я въ барнаульской шубѣ, надѣтой поверхъ пальто, подъ которымъ меня жметъ костюмъ изъ заячьихъ шкурокъ, на ногахъ заячьи чулки и катанки, не разношенные, твердые какъ камень. Они жмутъ ногу; скандалъ! по дорогѣ ноги будутъ мерзнуть. Это самая ужасная сторона путешествія, вѣдь придется не выходить изъ возка по цѣлымъ суткамъ... Вотъ и площадь. Отсюда я пойду одинъ. Послѣднее братское рукопожатіе вѣрнаго друга, пожелавшаго меня проводить... И вотъ я неуклюже подвигаюсь впередъ, перехожу мостикъ. Вотъ и домъ Темникова. Въ одну секунду я незамѣтно юркнулъ въ дверь, предусмотрительно оставленную для меня открытой. Во дворѣ тройка нетерпѣливо перебираетъ ногами. Милые кони! благополучно ли вы вывезете меня отсюда? выдадите или нѣтъ? Вотъ я въ спальнѣ за занавѣской. Жду рѣшительнаго сигнала. А тамъ будь, что будетъ. Vogue la galère!..

Ямщиковъ зовутъ на кухню пить водку. Это обычай. Одинъ ямщикъ взошелъ, другой остался сторожить коней. „Эй, иди и второй!“—„Кони уйдутъ“.—„Ничего, затворяй ворота, да шевелись—водки не останется!“ Пришелъ и второй. Ну, Господи благослови! Выхожу. Во дворѣ живетъ цѣлая орда татаръ; что, если кто-нибудь изъ нихъ торчитъ у возка? Никого? Разъ-два три! Быстрѣе молніи скользнулъ я въ кошевку.

Какъ душно, какъ неудобно! Не успѣваю распрямить члены. Идутъ. Теперь нельзя шевелиться. Темниковъ садится съ правой стороны. Чистяковъ вваливается прямо на меня. Я задыхаюсь, но говорить и громко ворочаться нельзя. Ямщики возятся у возка. Тутъ же денщикъ, солдаты, высыпали татары, бабы. Все готово. „Счастливый путь! Съ Богомъ!" „Готово?" „Есть".—„Ну, открывай ворота!" Ухъ, какъ дернули застоявшіеся кони! Полозья заскрипѣли по снѣгу. Поѣхали. Вдругъ... что это? галлюцинація слуха? За нами бѣгутъ, слышатся яростные крики: „стой! стой!" Ямщикъ осаживаетъ коней. Неужели конецъ? Не можетъ быть! Это было бы такъ глупо... въ самомъ началѣ. „Что за дьяволъ!"—тихо ворчитъ поручикъ. „Развязались постромки". Только-то? Ну, слава Богу. „Готово?"—„Съ Богомъ". Пошелъ! Кони вырвались на просторъ.

— Выѣхали изъ города!—радостно шепчетъ Темниковъ и толкаетъ меня локтемъ въ бокъ.

— Тшш...—шиплю я.—Дайте вздохнуть!

— Все обойдется!—философски замѣчаетъ Чистяковъ, плотнѣе усаживаясь на мнѣ. У, дьяволъ!

— Ямщикъ, пошелъ живѣй!—кричитъ поручикъ. Онъ возбужденъ. Чистяковъ, прямой потомокъ Діогена, хладнокровенъ и увѣренъ въ благополучномъ исходѣ. Я тоже спокоенъ, хотя не такъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Первый станокъ проѣхали молча. Ямщикъ не долженъ знать, что насъ въ возкѣ трое, а не двое. Перепрягаютъ лошадей. „Пойдемъ согрѣться",—предлагаетъ Темниковъ.—„Да, не мѣшало бы",—поддерживаетъ его Чистяковъ, зная, что у насъ бутылокъ припасено въ дорогу много. Но я не разрѣшаю. Мои товарищи съ ропотомъ подчиняются. Тронулись. „Эй, милыя, пошевеливай!" Второй станокъ. Снова перепрягаютъ лошадей. „Выйдемъ!"—говорятъ Темниковъ и Чистяковъ. Но я безжалостенъ. Снова ѣдемъ. Колокольчики заливаются. Теперь я могу показаться и ссадить съ себя Чистякова. Ямщикъ не обращаетъ на насъ никакого вниманія. Да и то сказать: съ нами офицеръ въ Николаевской шинели. Какая чудная ночь! Какой бодрящій воздухъ! Какъ прекрасно свѣтитъ луна! Хорошо...

Мысли проносятся вихремъ въ головѣ. Что-то теперь подѣлываютъ жена, товарищи? Спятъ ли спокойно или волнуются, прислушиваясь къ каждому шороху, вздрагивая при стукѣ ставня, захлопнутаго вѣтромъ? А моя маленькая Маруся? Она безмятежно спала, раскинувшись въ своей колыбелькѣ, когда я подошелъ, чтобы запечатлѣть на ея раскраснѣвшейся щечкѣ прощальный поцѣлуй. Какъ она удивится утромъ, не видя своего папки!.. Но прочь всякія мысли! Предадимся на волю стихіи, и пусть капризный случай вывозитъ. Летите впередъ, быстрые кони. Ямщикъ, погоняй—

получишь на чай! И кони мчатся, вѣтеръ обвѣваетъ пылающее лицо, снѣжные комья летятъ въ возокъ...

— Проѣхали больше 60 верстъ,—замѣчаетъ Темниковъ...

Наконецъ, остановились. Зашли въ станціонный домъ выпить чаю и закусить. Пришелъ староста съ мѣдной бляхой и сталъ въ дверяхъ. Замѣчаю, пристально смотритъ на меня своими инородческими, узкими и черными глазами. Узнаетъ, каналья! Снимаю пальто и нарочно роняю на полъ увольнительный солдатскій билетъ характернаго зеленаго цвѣта. Староста подскакиваетъ и услужливо подаетъ книжку. Вижу: успокоился. Мои попутчики тѣмъ временемъ прикладываются къ бутылочкѣ, раньше чѣмъ я успѣю наложить свое строгое „вето". Довольно! Уговоръ дороже денегъ. Напиваться въ дорогѣ запрещено. Только трезвость спасетъ насъ. Ворчатъ, но повинуются. Подкрѣпились? Баста! Въ дорогу! Ночевать до самаго Иркутска нигдѣ не будемъ. Каждая минута дорога. И опять несемся по снѣжной дорогѣ. Ночь скоро кончится. Колокольчики звенятъ. Дремлемъ кое-какъ въ полусидячемъ положеніи. О, дорогая свобода!..

Такъ прошло трое сутокъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ станковъ до Олекминска, я рѣшилъ разстаться съ поручикомъ, для того чтобы, во-первыхъ, пріучить дальнѣйшихъ ямщиковъ къ тому, что насъ ѣдетъ двое, и лошадей беретъ Чистяковъ, а во-вторыхъ, чтобы хотя отчасти замести слѣды, и чтобы въ Олекминскѣ, гдѣ имѣется исправникъ и полицейское управленіе, не знали, что меня провезъ офицеръ. Кстати, подвернулся удобный случай, позволившій намъ разстаться, не возбуждая этимъ ничьихъ подозрѣній. Содержателями одной почтовой станціи оказалась семья, сплошь состоявшая въ мужской своей части изъ бывшихъ солдатъ (одинъ изъ нихъ былъ моимъ сослуживцемъ); какъ люди военные, они сочли своимъ долгомъ хорошо насъ угостить и убѣдили поручика остаться у нихъ на нѣсколько часовъ. Этимъ я и воспользовался, убѣдивши Темникова принять приглашеніе, къ негодованію Чистякова, который бросалъ умильные взгляды на стоявшую на столѣ четвертную бутыль, опорожненную только на половину. На крыльцѣ мы поцѣловались и дружески распрощались съ поручикомъ; разставаясь со мной, онъ заплакалъ... Больше мнѣ не привелось его увидѣть [1]).

Итакъ, теперь мы ѣхали вдвоемъ, останавливаясь уже только разъ въ сутки. На остановкахъ мы пили чай съ коньякомъ и сдобными булками и варили пельмени, которыхъ у насъ въ замороженномъ видѣ имѣлся

[1]) Впослѣдствіи, благодаря отчасти стараніямъ добровольнаго сыщика купца А. раскрылось участіе Темникова въ моемъ побѣгѣ. Противъ него и моей жены (!) возбуждено было преслѣдованіе, которое не кончилось ничѣмъ, кажется, благодаря вмѣшательству ген.-губернатора Горемыкина.

цѣлый мѣшокъ. Ну, и надоѣли же мнѣ за дорогу эти пельмени; впослѣдствіи я нѣсколько лѣтъ не могъ ихъ видѣть! За двадцать часовъ ѣзды въ самомъ неудобномъ положеніи члены до того затекали, что трудно было стоять на ногахъ. Послѣ долговременнаго пребыванія на морозѣ температура почти нетопленой комнаты казалась нестерпимо высокой; лицо пылало, зато мы быстро подвигались впередъ.

Днемъ мы грызли въ возкѣ мерзлые пирожки съ мясной начинкой. Вѣрнѣе, грызъ ихъ я; мой же спутникъ предпочиталъ питаться болѣе духовнымъ образомъ, если такъ можно выразиться. Послѣ долгихъ споровъ и упрековъ за мой деспотизмъ онъ выговорилъ себѣ право на полбутылки водки въ день. Сначала (т. е. первые два дня) онъ строго держался установленной нормы, при которой онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя человѣкомъ, а не тряпкой; затѣмъ онъ началъ выпивать свою бутылку за одинъ день и, наконецъ, выпивалъ ее въ полчаса—часъ, заваливаясь съ 11 часовъ утра спать вплоть до остановки, которую мы дѣлали обыкновенно вечеромъ часовъ въ 8—9. По этому поводу у насъ происходили укорительныя пререканія.

— Василій Петровичъ, это неудобно, что вы вѣчно спите... Мало ли съ кѣмъ придется объясняться, а вѣдь вы знаете, что мнѣ неудобно часто показываться.

— Пустяки, батенька, все обойдется прекрасно, увѣряю васъ,— невозмутимо отвѣчалъ Діогенъ.

Однажды (это было уже недалеко отъ Киренска) по дорогѣ послышался приближающійся звукъ колокольчика. Чистяковъ спалъ по обыкновенію.

— Кто это?—спросилъ я у ямщика.

— А это засѣдатель ѣдетъ.

— Зачѣмъ? Куда?

— А кто его знаетъ! Должно, ловить кого собрался...

Невѣжливымъ толчкомъ въ бока я разбудилъ своего товарища.

— Ну, что такое?—недовольно пробурчалъ онъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и попросилъ не спать, на случай, если засѣдатель пожелаетъ остановить нашъ возокъ и вступить съ нами въ разговоръ.

— Пустое!—пробормоталъ Діогенъ, прехладнокровно поворачиваясь на другой бокъ.

И дѣйствительно, оказалось пустое. Засѣдатель проѣхалъ благополучно; видимо, онъ „ловилъ“ не насъ...

Мои страхи передъ случайной встрѣчей съ бывшими сослуживцами оказались совершенно неосновательными. Нѣсколько разъ я наталкивался въ станціонныхъ домахъ на знакомыхъ отставныхъ солдатъ, но такъ какъ, съ

ихъ точки зрѣнія, я, по отбытіи воинской повинности, получалъ право на полное освобожденіе, то они нисколько не удивлялись моему возвращенію въ Россію [1]). Напротивъ, я встрѣчалъ съ ихъ стороны самый теплый пріемъ; Чистякова они также любили—и въ результатѣ ямщики съ этихъ станковъ везли насъ съ удвоенной быстротой, не за страхъ, а за совѣсть. Впрочемъ, мы вообще обнаруживали щедрость, и волшебныя слова „на чай" и „на водку" окрыляли ямщиковъ и коней. Кое-гдѣ Чистяковъ для приданія намъ пущей важности не останавливался передъ угрозами и конфиденціально сообщилъ ямщикамъ, медлившимъ съ перепряжкой:

— Торопись, паря; вишь баринъ сердится.

„Баринъ" это былъ я, сурово молчавшій, забившись въ уголъ возка и запрятавши лицо въ воротникъ шубы. Неудивительно, что среди ямщиковъ пошелъ слухъ, будто ѣдетъ прокуроръ. А нѣкоторые изъ нихъ даже прибавляли:

— Какой тамъ прокуроръ! Самъ членъ...

„Членъ" окружного суда, незадолго передъ тѣмъ введеннаго въ Якутской области, по представленіямъ станочнаго населенія, занималъ самую верхушку чиновнаго Олимпа. Разубѣждать ямщиковъ мы не считали нужнымъ, такъ какъ ихъ наивное заблужденіе ускоряло быстроту нашего передвиженія. Впрочемъ, по Ленѣ вообще прекрасныя лошади.

Мы ѣхали по рѣкѣ, выбираясь иногда на трактъ, такъ какъ Лена не вездѣ стала. Случалось иногда темной ночью ѣхать на самомъ краю зловѣще чернѣвшей въ сторонѣ полыньи. Чувство не совсѣмъ пріятное. Ямщики иногда рѣшительно отказывались везти насъ по ночамъ, и съ трудомъ удавалось убѣдить ихъ пуститься въ дорогу. Они боялись не за насъ и не за себя, а за лошадей. И для того, кто знаетъ, какую роль въ хозяйствѣ этихъ несчастныхъ играетъ „тройка", эти опасенія не за собственную жизнь, а за лошадей, вполнѣ понятны. Для приленскаго населенія почтовая гоньба составляетъ основной, чтобы не сказать единственный, источникъ существованія. Сѣрый камень не родитъ хлѣба, темный лѣсъ стоитъ предъ ними мрачной угрозой и сковываетъ ихъ безпросвѣтную жизнь. На одномъ станкѣ, когда мы въ ожиданіи перепряжки сидѣли въ почтовомъ домѣ и бесѣдовали о нашествіи медвѣдей, на середину избы вдругъ выступилъ бородатый мужикъ въ распоясанной рубахѣ и босой, до того молча сидѣвшій въ углу, и отчаянно заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, котораго онъ принималъ за власть имущаго.

[1]) Ожидая перепряжки лошадей на Мачинской пріисковой резиденціи, я совершенно не замѣтилъ, что изъ сѣней станціоннаго дома за мной внимательно наблюдаетъ одинъ мой бывшій сослуживецъ. Какъ человѣкъ интеллигентный, онъ сразу понялъ все, но не подалъ виду и долго никому не сообщалъ о моемъ проѣздѣ. Обо всемъ этомъ я узналъ гораздо позже.

— Баринъ, помоги!... Медвѣдь заѣлъ... Тайга насъ задавила... Что-же это будетъ?

Мнѣ показалось, что онъ былъ слегка выпивши. Возможно, что я ошибался...

— Ну, ну, оставь!—сказалъ присутствовавшій отставной солдатъ, отводя его рукой. Бородатый мужикъ замолчалъ и уныло поплелся обратно въ свой уголъ.

Я уѣхалъ съ этого станка съ тяжелымъ чувствомъ. Какими средствами можно улучшить жалкое положеніе заброшеннаго населенія приръчныхъ станковъ?..

Зато хорошо живется въ Восточной Сибири купцамъ. Не могу безъ смѣха вспомнить курьезную встрѣчу съ однимъ изъ представителей этого почтеннаго сословія. Это было подъ самымъ Олекминскомъ. Къ станціонному дому, гдѣ мы ожидали, пока намъ подадутъ лошадей, подкатила тройка, разукрашенная лентами, и въ комнату ввалился одѣтый въ дорогую доху высокій красивый мужчина—настоящій купецъ Калашниковъ. Оказалось, что онъ „гулялъ", т. е. въ теченіе цѣлой недѣли переѣзжалъ изъ дома въ домъ, распивая водку и наливки со всякимъ встрѣчнымъ. Обычное сибирское времяпрепровожденіе. Поздоровавшись съ нами, онъ сразу засыпалъ насъ кучей вопросовъ.

— Кто? откуда? куда?

Мы постарались кое-какъ удовлетворить его чисто-сибирскому любопытству. Я отрекомендовался приказчикомъ Поповымъ, Чистяковъ предъявилъ свое настоящее званіе; ѣдемъ мы изъ Якутска на новыя земли, въ Портъ-Артуръ.

— Какого жъ чорта васъ понесло такъ далеко?

Мы начали объяснять купцу, что тамъ нуждаются въ служащихъ, заработки прекрасные, можно быстро сдѣлать карьеру и т. д. Но это его не убѣждало. Тогда я выставилъ рѣшающій доводъ.

— Развѣ вы не слыхали, что тамъ порто-франко?

— Ну?

— И что тамъ коньякъ прямо ничего не стоитъ? Въ Портъ-Артурѣ пьютъ его, какъ квасъ!

Купецъ просіялъ.

— Вотъ такъ край!—сказалъ онъ.—Ей-богу, и я туда поѣду. Коньякъ, говоришь, даромъ? Вотъ, право слово, возьму и прикачу къ вамъ въ Портъ-Артуръ въ гости. Примете?

— Помилуйте. Почтемъ за честь...

Разстались мы съ нимъ, какъ старые пріятели...

Возокъ нашъ летитъ впередъ. Вотъ и Витимъ; въѣзжаемъ въ Ир-

кутскую губернію. Отсюда уже идетъ телеграфъ. Значитъ, опасность увеличилась. Проѣхали Киренскъ... Ничего, не трогаютъ. Неужели удастся проскользнуть счастливо? Подъ Верхоленскомъ мы принуждены были разстаться съ нашимъ возкомъ, съ которымъ я такъ сроднился. Дальше пришлось поѣхать на перекладныхъ въ тарантасѣ, ибо снѣжная дорога въ этихъ мѣстахъ еще не установилась. Вотъ и послѣдній станокъ передъ Иркутскомъ. Пока запрягаютъ лошадей, я торопливо сжигаю въ печкѣ свое проходное свидѣтельство; здѣсь оно уже мнѣ не нужно, а можетъ только послужить лишней уликой. Вотъ мы взобрались на гору. Иркутскъ лежитъ передъ нами, какъ на ладони. Черезъ полчаса мы въѣзжаемъ въ столицу Восточной Сибири. Четыре года тому назадъ я выѣхалъ отсюда подъ конвоемъ на сѣверъ; теперь я возвращаюсь сюда свободнымъ человѣкомъ... Свободнымъ? погоди еще, мой другъ, торжествовать побѣду.

Всю дорогу изъ Якутска въ Иркутскъ мы сдѣлали въ 14 сутокъ. При распутицѣ это блестящая скорость: мы побили рекордъ!

Ямщикъ повезъ насъ въ знакомыя меблированныя комнаты крайне подозрительнаго вида. Номеръ взялъ на свое имя Чистяковъ. Я же рѣшилъ отправиться къ товарищамъ, условившись съ Чистяковымъ, что ночью или на другое утро приду за вещами. И вотъ я *хожу* по улицамъ Иркутска, какъ свободный гражданинъ; вѣдь до сихъ поръ я только *ѣхалъ* свободно.

Одному изъ товарищей, жившихъ въ Иркутскѣ, дано было знать посредствомъ шифрованнаго письма о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ. Но такъ какъ адреса его я не зналъ, то прежде всего я направился на квартиру другого стараго ссыльнаго, у котораго надѣялся навести справки. Сначала онъ не узналъ меня въ темной передней; но когда разглядѣлъ, страшно смутился и засуетился; въ комнату, впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ меня пригласить...

— Какими судьбами?—спросилъ онъ растерянно.

— Возвращаюсь по собственной волѣ,—такъ же шопотомъ отвѣтилъ я.

— Ну да, я такъ и догадался... Что же собственно вамъ нужно?

— Будьте такъ добры,—сказалъ я, чтобы успокоить моего взволнованнаго камарада,—укажите мнѣ адресъ такого-то, и больше ничего.

— Постойте, я самъ васъ провожу,—заторопился онъ, очевидно, не желая оставить меня ни одной лишней минуты въ своей прекрасно обставленной квартирѣ, которую я могъ разсматривать изъ передней, а послѣ пятнадцатидневнаго сидѣнія въ полусогнутомъ положеніи въ возкѣ мнѣ, признаться, такъ хотѣлось вытянуться на мягкомъ креслѣ, которое заманчиво улыбалось мнѣ изъ зала... Да и отъ стакана чая я бы не от-

казался: холодно было чертовски. Но мой товарищъ поспѣшно накинулъ пальто и шапку и уже открывалъ дверь на улицу...

Только на свѣжемъ морозномъ воздухѣ онъ нѣсколько опомнился. Итти пришлось недалеко.

— Ну, вотъ мы и пришли,—сказалъ онъ, остановившись передъ чистымъ и новенькимъ двухэтажнымъ деревяннымъ домомъ.—Поднимитесь на лѣсницу и позвоните.

Съ этими словами мой проводникъ исчезъ.

Я позвонилъ. Сверху послышались шаги, и на порогѣ показался со свѣчей въ рукахъ товарищъ, котораго я разыскивалъ. Увидѣвши меня, онъ, подобно женѣ Лота, мгновенно превратился въ соляной столпъ.

— Это вы? Такъ скоро? Ну, ну, входите,— прибавилъ онъ, замѣтивъ, что и я начинаю теряться при видѣ его изумленія.

Оказалось, что письмо наше задержалось гдѣ-то въ дорогѣ; N (будемъ такъ называть пріютившаго меня товарища) получилъ его за часъ до моего пріѣзда и засѣлъ за расшифровываніе; онъ успѣлъ прочесть только: „Къ вамъ ѣдетъ Н.“—и въ этотъ именно моментъ я позвонилъ. Вотъ почему онъ встрѣлъ меня такимъ смутившимъ меня восклицаніемъ.

Послѣ обмѣна нѣкоторыми дѣловыми вопросами, N пригласилъ меня въ столовую выпить и закусить и познакомилъ меня съ своей миловидной женой. Ея теплое и мягкое обращеніе нѣсколько разогрѣло мою душу, которая начала было уже застывать и озлобляться подъ вліяніемъ офиціальнаго холодка первыхъ встрѣчъ. Спасибо тебѣ, чуткое и привѣтливое женское сердце.

Я переночевалъ у N. Рѣшено было, что я уѣду изъ Иркутска на слѣдующее же утро. N снабдилъ меня на дорогу одѣяломъ и подушкой, жена его завязала мнѣ въ узелокъ сдобный хлѣбъ и нѣкоторыя другія прелести, необходимыя для души и тѣла. Утромъ я простился со своими гостепріимными хозяевами и отправился по лавкамъ, такъ какъ для ѣзды по желѣзной дорогѣ слѣдовало нѣсколько преобразиться. Купилъ бѣлье, галстухъ, русскую фуражку съ козырькомъ, галоши, башлыкъ. Съ помощью этихъ предметовъ я пріобрѣлъ въ извѣстной степени европейскій видъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ. Въ Варшавѣ, впрочемъ, публика нашла, что я похожъ на настоящаго варвара, выбѣжавшаго изъ степей, и что мнѣ безусловно необходимо измѣнить свою наружность, если я не хочу, чтобы меня повсюду принимали за русскаго шпика...

Въ меблированныхъ комнатахъ меня ожидалъ непріятный сюрпризъ.

Чистяковъ, ушедшій накапунѣ вечеромъ въ баню, еще не возвращался; очевидно, онъ „загулялъ“. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ выручить свой чемоданъ съ вещами у недовѣрчиваго хозяина. Я написалъ моему

вѣрному попутчику дружеское прощальное письмо и оставилъ его на столѣ. Получилъ ли онъ его, вернулся ли въ гостиницу, и вообще что съ нимъ сталось, я такъ и не знаю...

Ну, вотъ я и на станціи. Ахъ, чортъ возьми! У кассы торчитъ жандармъ. Что если изъ Якутска уже дана телеграмма о моемъ задержаніи? „Билетъ до Варшавы",—говорю я увѣренно и въ то же время думаю: „глупо, однако, мнѣ посовѣтовали брать прямой билетъ". Ну, такъ и есть: жандармъ насторожился, придвинулся и не сводитъ съ меня глазъ. Я направляюсь къ вагонамъ съ чемоданомъ въ рукахъ, жандармъ, позвякивая шпорами, идетъ за мной.

— А позвольте узнать, господинъ...

Я останавливаюсь. Къ удивленію, волненія никакого, только легкая дрожь въ пальцахъ. Сознаніе работаетъ совершенно отчетливо. Вниманіе!..

— Позвольте васъ спросить: вы ѣдете въ Варшаву?

— Да.

— А собственно зачѣмъ, то-есть, я хотѣлъ спросить, какъ?..

Не находитъ приличнаго повода, каналья,—думаю я и говорю хладнокровно.

— Да такъ, по своимъ дѣламъ... Съ родными повидаться...

— Вы какъ же?—продолжаетъ жандармъ свой допросъ—давно въ Сибири живете?

— Такъ, лѣтъ пять... на службѣ... а теперь вотъ повидаться захотѣлось...

Лицо жандарма расплывается въ улыбку.

— Не узнаете вы теперь Варшаву. Такъ она измѣнилась, прямо сказать, до чрезвычайности... Памятникъ Мицкевичу поставили... Вѣдь я тамъ 12 лѣтъ служилъ, въ Варшавѣ-то. Что за городъ чудесный, просто, можно сказать важнѣющій городъ... Будете тамъ, поклонитесь ей отъ меня, дескать, изъ Иркутска жандармъ посылаетъ поклонъ... Да, вамъ какой вагонъ желателенъ? Позвольте, я пособлю...

Фу, чортъ! Гора свалилась съ плечъ. Вотъ тоже россійскій типъ: сентиментальный жандармъ! Вѣдь онъ въ Варшавѣ 12 лѣтъ „тащилъ и не пущалъ", да и при открытіи памятника Мицкевичу, должно быть, здорово „поработалъ". А съ какимъ умиленіемъ объ этомъ говоритъ, разбойникъ! Да еще поклонъ посылаетъ... „Такъ русская печь печетъ,"— какъ говаривалъ Погодинъ...

Вагонъ набитъ биткомъ. Примоститься негдѣ. Къ счастью, возвращающаяся въ Россію съ желѣзнодорожныхъ работъ артель землекоповъ,

занявшая полъ-вагона своими мѣшками и нескладными тѣлами, любезно очищаетъ мнѣ мѣсто. Какіе могучіе организмы, какія открытыя лица и дѣтски-наивные голубые глаза, какъ пріятно пахнетъ отъ нихъ здоровымъ рабочимъ потомъ! Толстой правъ: это милый запахъ. Скоро я узналъ всю ихъ исторію, всѣ біографіи ихъ самихъ и ихъ семей, оставшихся въ россійскихъ деревушкахъ. Одинъ изъ нихъ, хохлатый мрачный мужикъ, получивши расчетъ, загулялъ и очнулся съ пустыми карманами. Товарищи купили ему въ складчину билетъ и рѣшили продовольствовать его всю дорогу на общій счетъ, но денегъ на руки не давать. Теперь онъ сидитъ, опустивши голову, и уныло думаетъ. О чемъ? Вѣроятно, о томъ, что дома ждетъ его исхудавшая жена, голодные ребятишки, покосившаяся избенка. А денегъ ни гроша! И это послѣ полуторалѣтней каторжной работы... Тоже продуктъ „русской печи“.

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Проползетъ черепашьимъ шагомъ нѣсколько верстъ и остановится на полчаса. Пассажиры спокойно говорили, что инженеры здорово наворовали и построили отвратительную расползающуюся насыпь, но мнѣ отъ этого судаченья, въ которомъ русскій человѣкъ отводитъ душу, было не легче. За границей почтовые поѣзда движутся со скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое большей. Зато вагоны у насъ гораздо удобнѣе; на каждаго пассажира приходится скамья, на которой можно вытянуться и выспаться. Да и то сказать: при нашихъ разстояніяхъ самый крѣпкій организмъ не выдержалъ бы передвиженія во французскихъ клѣтушкахъ. Мнѣ, напримѣръ, приходилось ѣхать 11 сутокъ.

Медленность нашего поѣзда меня раздражала. Вѣдь, думалъ я, въ удачѣ моего побѣга заинтересована въ извѣстномъ смыслѣ вся якутская ссылка,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ товарищи, которые посвящены были въ это предпріятіе и принимали участіе въ его подготовленіи. Успѣхъ его былъ бы прекраснымъ отвѣтомъ на безсмысленный произволъ мѣстной администраціи; для Миллера это было бы личнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что ему должно было за это достаться. Зато какъ бы его полицейская душа торжествовала, если бы меня привели подъ конвоемъ обратно въ Якутскъ, какъ были бы удручены товарищи!..

А между тѣмъ съ того момента, какъ я сѣлъ въ поѣздъ, опасность провала возрасла до высочайшей степени. Я очутился всецѣло во власти желѣзнодорожныхъ жандармовъ и телеграфа. Съ какой ненавистью я иногда поглядывалъ на телеграфную проволоку, мелькавшую, поднимаясь и опускаясь, за окнами плавно покачивавшагося вагона.

Сначала я старался не выходить изъ вагона, чтобы не попадаться на глаза станціоннымъ жандармамъ, среди которыхъ могли оказаться и

старые знакомцы. Но затѣмъ сидѣть въ вагонѣ надоѣло, и я рѣшилъ пренебречь излишней осторожностью. Все единственно, если есть телеграмма, то синіе мундиры придутъ за мной въ вагонъ.

Въ Челябинскѣ поѣздъ стоялъ долго, часа два-три. Пошелъ въ буфетъ I-го класса обѣдать. На платформѣ торчалъ на вытяжку жандармъ, который пристально началъ въ меня всматриваться. Гм! Твердыми шагами направляюсь прямо къ нему. „Когда уходитъ поѣздъ“—„Въ 3 ч. 20 м.“. Въ дверяхъ буфета оглядываюсь: жандармъ не сводитъ съ меня глазъ. Странно! Заказалъ обѣдъ. Въ ожиданіи обѣда, прошелъ отъ скуки въ буфетъ третьяго класса. Мой жандармъ здѣсь; показываетъ на меня глазами другому жандарму, стоящему у кассы; тотъ также начинаетъ пялить на меня свои буркалы. Подозрительно! Возвращаюсь, сажусь за столъ. Недалеко отъ меня, за отдѣльнымъ столикомъ, расположилась группа пьянствующихъ офицеровъ, изъ нихъ два жандармскихъ. Вдругъ въ залъ входитъ солдатъ, судя по нашивкамъ, унтеръ. „Ваше высокородіе, прикажете сейчасъ его арестовать?“—„А бумага готова?“—„Готова, вашбродіе!“—„Арестовать немедленно!“—Ну, думаю, плохо дѣло. Попался, голубчикъ! Однако, не подаю вида; продолжаю спокойно ѣсть и читать газету. Проходитъ нѣсколько минутъ. Унтеръ возвращается. „Уже арестованъ, вашбродь!“—доносится до меня:—„сидитъ въ карцу“ (предложный падежъ отъ слова „карецъ“, т. е. карцеръ!). Прекрасно! Значитъ, весь предыдущій разговоръ относился не ко мнѣ, а къ какому-то солдату. Меня и то удивило, что унтеръ обращался не къ жандармскому офицеру, а къ армейцу. Но чѣмъ же объяснить странное поглядываніе жандармовъ?

Впослѣдствіи, я догадался, въ чемъ дѣло. Жандармовъ просто привлекалъ мой ростъ. Полицейскіе и военные, среди которыхъ всегда царитъ и будетъ царить культъ грубой физической силы, испытываютъ неодолимую слабость ко всѣмъ признакамъ такой силы, въ томъ числѣ и къ огромному росту, впрочемъ, при случаѣ они съ особеннымъ наслажденіемъ избиваютъ именно крупныхъ людей. Позже я имѣлъ возможность убѣдиться, что эта черта свойственна не только россійскимъ Держимордамъ. Въ Парижѣ полицейскіе, довольно грубо обращающіеся съ публикой во время уличныхъ скопищъ, никогда меня не трогали, а иногда даже пропускали черезъ свою цѣпь. Однажды знакомый земскій врачъ, попытавшійся пройти черезъ цѣпь лениновскихъ младочиншцъ вслѣдъ за мной, получилъ такого леща по шеѣ, что съ легкостью пушинки улетѣлъ въ боковой переулокъ и отыскалъ меня только на слѣдующее утро...

IV.

Вотъ мы и въ Россіи. Все идетъ благополучно. На какой-то станціи недалеко отъ Смоленска покупаю коробку вяземскихъ пряниковъ и ѣмъ ихъ съ наслажденіемъ; вѣдь столько лѣтъ я ихъ не видалъ! Въ Вязьмѣ приходится долго ждать поѣзда. Минутъ черезъ 10 пройдетъ курьерскій, но въ немъ нѣтъ вагоновъ третьяго класса... И вдругъ мнѣ приходитъ въ голову маленькая идея. Я, незамѣтно отъ привязавшихся ко мнѣ дорожныхъ знакомыхъ, отправляюсь къ кассѣ, доплачиваю за мѣсто во второмъ классѣ и черезъ пять минутъ качу въ Варшаву въ уютномъ купэ скораго поѣзда. Кстати. Эта пересадка можетъ на короткое время сбить съ толку жандармовъ въ случаѣ преслѣдованія.

Купэ переполнено. На противоположномъ диванѣ сидитъ симпатичный юноша съ темными кудрями, непокорно выбивающимися изъ подъ мягкой шляпы, и разсказываетъ о студенческихъ волненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто среди воспитанниковъ московскаго университета. Изъ разговора заключаю, что юноша уволенъ за участіе въ безпорядкахъ и ѣдетъ учиться заграницу. Примѣчаю: парень славный. Простонароднымъ языкомъ (я не былъ одѣтъ, какъ подобаетъ настоящему „барину“ и могъ сойти за приказчика) задаю ему нѣсколько вопросовъ, притворяясь человѣкомъ, не понимающимъ цѣлей студенческаго движенія. Юноша сначала охотно объясняетъ, но затѣмъ, принявши меня за гнуснаго реакціонера, умолкаетъ и, наконецъ, взобравшись наверхъ, отворачивается къ стѣнѣ и засыпаетъ. Я слѣдую его примѣру, и скоро наше купэ превращается въ сонное царство.

Ночью я проснулся отъ сильнаго стука, произведеннаго какъ будто ударомъ металлическимъ предметомъ по дереву. Думаю, не выпалъ ли какъ-нибудь мой револьверъ? Нѣтъ, револьверъ на мѣстѣ. Въ купэ нѣтъ никого, кромѣ меня и студента, спящаго безмятежнымъ сномъ юности. Очевидно, мнѣ померещилось, и я снова укладываюсь на боковую.

Когда я проснулся, сердитый юноша еще спалъ. За чаемъ я началъ раздумывать о своемъ положеніи. Поѣздъ долженъ былъ притти въ Варшаву часовъ въ 9 вечера. У меня имѣлся адресъ одной знакомой польской семьи изъ сочувствующихъ революціонерамъ; но являться туда прямо съ вокзала съ чемоданомъ значило жестоко подводить добрыхъ людей въ случаѣ провала. Приходилось поэтому заѣхать въ гостиницу и, можетъ быть, переночевать тамъ. Предъявлять въ Варшавѣ фальшивый паспортъ и притомъ сдѣланный довольно скверно, было бы безуміемъ; слѣдовательно, приходилось пустить въ ходъ паспортъ, довѣренный мнѣ въ Якутскѣ пріятелемъ на крайній случай. Но помимо того, что мнѣ не хотѣлось вводить въ рискъ человѣка, которому я былъ многимъ обязанъ, этотъ пас-

портъ имѣлъ еще то неудобство, что недвусмысленно свидѣтельствовалъ о прибытіи его носителя изъ Восточной Сибири. А вѣдь я могъ предполагать, что о моемъ побѣгѣ варшавской полиціи уже извѣстно, такъ какъ со дня моего отъѣзда изъ Якутска прошло 26 дней [1]).

Студентъ тѣмъ временемъ проснулся. Я предложилъ ему чаю. Сначала онъ, припоминая мои вчерашніе вопросы, отнѣкивался, но затѣмъ согласился принять мое приглашеніе. Мы разговорились, и юноша съ каждой минутой нравился мнѣ все сильнѣе. Желая съ своей стороны выказать мнѣ любезность, онъ захотѣлъ угостить меня хорошей папиросой и полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ. Но тщетно онъ обшарилъ всѣ свои карманы; портсигаръ исчезъ безслѣдно.

— Гмъ!—пробормоталъ онъ,—дорогая вещь, и главное—подарокъ! Куда бы онъ могъ запропаститься?

Я вспомнилъ про стукъ, разбудившій меня ночью, и сообщилъ объ этомъ инцидентѣ Вольскому (назовемъ такъ моего новаго попутчика). Мы съ Вольскимъ внимательно осмотрѣли полъ, искали подъ диванами и во всѣхъ уголкахъ. Портсигаръ не находился. Не поднялъ ли его кондукторъ? Вольскій позвалъ кондуктора; тотъ ничего не зналъ, такъ какъ прежняя кондукторская бригада незадолго до того смѣнилась, но посовѣтовалъ позвать жандарма и подать заявленіе. При этомъ онъ прозрачно намекнулъ на то, что стащить портсигаръ могли и пассажиры. Разсказъ о моемъ ночномъ пробужденіи только усилилъ подозрѣнія кондуктора.

Положеніе мое становилось критическимъ. Глупѣйшая случайность, не имѣвшая никакого отношенія къ моему побѣгу, грозила погубить все дѣло и гдѣ?—у самой пристани... Если жандармъ вздумаетъ порыться въ моихъ вещахъ, то онъ найдетъ у меня два паспорта, револьверъ и т. п. Принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, я рѣшилъ убѣдить Вольскаго не поднимать исторіи и предать дѣло забвенію. Правда, это было нѣсколько неудобно; мои слова могли вѣдь натолкнуть моего попутчика,—совершенно меня не знавшаго и принимавшаго меня, какъ впослѣдствіи оказалось, за дорожнаго мастера или желѣзнодорожнаго техника,—на подозрѣніе о моей заинтересованности въ замятіи дѣла. Но у меня не было иного выхода, и я рѣшилъ въ крайнемъ случаѣ открыть симпатичному юношѣ свою тайну.

Къ моему удивленію, юноша сразу согласился плюнуть на всю эту исторію. Онъ призналъ справедливость моего довода, что если кондукторъ даже укралъ портсигаръ, все-таки не стоитъ губить рабочаго человѣка изъ-за такого пустяка. Это насъ сблизило. Изъ завязавшагося разговора

---

[1]) Такъ оно, вѣроятно, и было. И почему меня не арестовали въ Польшѣ, я до сихъ поръ не понимаю. Впрочемъ, извѣстно, что наши жандармы въ большинствѣ случаевъ даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ.

я узналъ, что Вольскій симпатизируетъ революціонерамъ, что его знакомые и родственники пострадали за правду (онъ назвалъ пару именъ, довольно извѣстныхъ въ революціонныхъ кругахъ). И я рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ.

— Скажите,—обратился я къ Вольскому,—вы не думаете ли остановиться въ Варшавѣ?

— Нѣтъ, я хочу прямо проѣхать въ Берлинъ черезъ Александрово.

— Ну, а если бы васъ *попросили* остаться на ночь въ Варшавѣ, если бы это было необходимо?—продолжалъ я настаивать.

Юноша внимательно посмотрѣлъ на меня. И вдругъ понялъ сразу.

— Я знаю, кто вы,—улыбнулся онъ, вы—политическій и бѣжали изъ ссылки...

Я не счелъ нужнымъ скрывать. Онъ охотно согласился занять номеръ въ гостиницѣ и взять съ собой мои вещи; если бы мнѣ не удалось устроиться въ польской семьѣ, я долженъ былъ тайкомъ пробраться въ номеръ и попытаться переночевать тамъ безъ прописки.

Вотъ и Варшава. У Вольскаго оказалось двѣ скрипки; каждый изъ насъ взялъ по футляру для того, чтобы насъ приняли за двухъ музыкантовъ. Но если мой спутникъ дѣйствительно походилъ на артиста, то про меня этого ужъ никакъ нельзя было сказать, даже въ видѣ комплимента. Но ничего, все идетъ прекрасно. Жандармы не обращаютъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Садимся на извозчика, ѣдемъ—ничего! Вотъ и мостъ черезъ Вислу, вотъ и польская столица. Подъѣзжаемъ къ воротамъ гостиницы; я незамѣтно выскакиваю изъ экипажа и ухожу на поиски, предварительно хорошенько намѣтивши номеръ дома, названіе улицы и пр.

Вотъ я на Новомъ Свѣтѣ (лучшая варшавская улица). Сразу чувствуешь, что находишься въ европейскомъ городѣ. Несмотря на порядочный морозъ, не видишь отвратительной, тяжелой, азіатской одежды россійскихъ городовъ. Люди въ короткихъ пальто и котелкахъ не ходятъ, а почти бѣгутъ въ припрыжку; поневолѣ самъ начинаешь ускорять шагъ, чтобы не отставать отъ людского потока. Завидую этимъ людямъ: у каждаго изъ нихъ есть свой домъ, куда они стремятся, свой уголъ, а ты шатаешься безпріютный въ громадномъ чуждомъ муравейникѣ, не вполнѣ даже понимая рѣчь его обитателей... Кстати, про эту рѣчь. Съ русскими городовыми я, конечно, объяснялся по-русски; зато при разговорахъ съ поляками я своимъ ужаснымъ ломанымъ польскимъ языкомъ, которому я научился въ Сибири отъ пе-пе-эсниковъ, невольно обращалъ на себя вниманіе и возбуждалъ естественное подозрѣніе. Это неудобство не замедлило съ перваго же моего шага въ Варшавѣ сказаться самымъ плачевнымъ образомъ.

Вотъ я и у разыскиваемаго дома. Квартира въ глубинѣ двора. Стучу, звоню—гробовое молчаніе. Поднятый мною шумъ встревожилъ обитателей сосѣднихъ квартиръ; изъ одного пріоткрывшагося окна высунулась какая-то сердобольная голова и посовѣтовала мнѣ постучать съ задняго хода къ кухаркѣ, такъ какъ хозяевъ нѣтъ дома. Я послѣдовалъ этому совѣту. Дверь, запираемая цѣпью, пріоткрылась немного, и сердитая старуха со свѣчей въ рукѣ спросила меня черезъ образовавшуюся щель, чего мнѣ нужно. Я, ничтоже сумняшеся, отвѣтилъ, что мнѣ нужна панни Марія... и чуть было не погубилъ себя этимъ отвѣтомъ. Я спуталъ слова *панна*—барышня и *панни*—мадамъ.

— Никакой панни Маріи здѣсь нѣтъ,—недовѣрчиво пробурчала старуха.—Есть панни Феликса и панна Марія...

— Ну, вотъ, ее-то я и ищу, этой панни...

— Никого нѣтъ дома,—рѣзко произнесла старуха.—А кто вы такой и что вамъ надо?

— У меня есть дѣло до панни Маріи,—продолжалъ я настаивать.

— Теперь одиннадцатый часъ,—сказала старуха, смотря на меня крайне подозрительно.—И никакой панни Маріи тутъ нѣтъ...

Я хотѣлъ уже отретироваться, но не тутъ-то было. Старая вѣдьма, очевидно, принявшая меня за мазурика, не отставала отъ меня ни на шагъ. Она послѣдовала за мной во дворъ, подняла адскій шумъ и вызвала дворника. Если дворникъ тогда не задержалъ меня и не отправилъ въ участокъ, то съ его стороны это было прямымъ бездѣйствіемъ власти и упущеніемъ по службѣ. Насилу я вырвался изъ этого проклятаго дома. Забѣгая впередъ, скажу, что, когда впослѣдствіи старуха узнала, „какой человѣкъ“ (Іезусъ—Марія!) чуть было не провалился изъ-за нея, она горько скорбѣла и просила прощенія...

Я отправился въ гостиницу, гдѣ остановился Вольскій. Никто не видѣлъ, какъ я соскочилъ съ извозчика у воротъ гостиницы, и по этому я расчитывалъ проскользнуть въ номеръ незамѣтно. Но къ моему удивленію, какъ только я вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ привѣтливо крикнулъ мнѣ:

— № 84, второй этажъ направо!

Этакіе примѣтливые канальи,—размышлялъ я, поднимаясь по лѣстницѣ. Черезъ полчаса раздался стукъ въ дверь. „Пожалуйте паспортъ второго господина“.

— Мы уже легли спать,—отвѣтилъ Вольскій.—Паспортъ получите завтра утромъ.

Нечего и объяснять, что на слѣдующее утро я изчезъ изъ гости-

ницы безслѣдно. Вещи мои Вольскій отвезъ къ своему знакомому, откуда ихъ взялъ мой пріятель—полякъ.

Въ польской семьѣ, къ которой меня направили изъ Сибири, меня ждалъ самый радушный пріемъ. Наши обрусители въ Польшѣ достаточно потрудились надъ тѣмъ, чтобы рѣшительно возстановить польскій народъ противъ „москалей“, но по отношенію къ гонимымъ и преслѣдуемымъ поляки въ большинствѣ своемъ проявляютъ свое традиціонное гостепріимство и рыцарство. Я пробылъ въ Польшѣ 14 дней (изъ нихъ 12 сутокъ въ Варшавѣ); за это время мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній; я находилъ пріютъ у чиновника окружного суда, у актера, врача, рабочихъ, студентовъ, фармацевтовъ и т. д.— и повсюду меня встрѣчали „улыбкой ласковой привѣта“, повсюду старались по мѣрѣ силъ своихъ скраситьмое не приглядное положеніе человѣка слоняющагося безъ крова и своего угла.

А положеніе мое было довольно-таки непріятное. Каждый лишній день, проведенный мною въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ, конечно, безъ прописки, увеличивалъ опасность ареста и рискъ провала. Польская Партія Соціалистическая, къ которой я имѣлъ рекомендацію, переправляла въ это время черезъ границу транспортъ нелегальной литературы. Въ виду этого мнѣ приходилось дожидаться, пока путь очистится. Въ революціонномъ дѣлѣ отдѣльный человѣкъ значитъ гораздо меньше, чѣмъ хорошій транспортъ „нелегальщины“; поэтому волей-неволей приходилось мириться съ задержкой. Во время моихъ шатаній по ночевкамъ не обходилось безъ курьезовъ.

Такъ, однажды меня направили въ студенческое общежитіе. Прихожу и сразу замѣчаю, что попалъ въ конспиративную берлогу. Говорю одному студенту:

— Знаете, вашъ дворникъ очень подозрительно на меня посмотрѣлъ, когда я входилъ во дворъ.

— Пустяки,—отвѣчаетъ мнѣ собесѣдникъ,—онъ привыкъ. Здѣсь каждую недѣлю бываетъ, по крайней мѣрѣ, хоть два обыска.

Я превратился въ восклицательный знакъ. Но юноша хладнокровно прибавилъ:

— Впрочемъ, вамъ безпокоиться нечего. Обыскъ былъ два дня тому назадъ, значитъ—полиція явится сюда не раньше, чѣмъ дня черезъ два...

Это философское замѣчаніе меня успокоило, и я заснулъ сномъ праведника. Вообще, я замѣтилъ, что во время такихъ передрягъ въ человѣкѣ развивается какое-то фаталистическое настроеніе. Все равно: чему быть, тому не миновать! Или, какъ говаривалъ Чистяковъ, все обойдется.

Наконецъ, мнѣ сообщили, что я могу ѣхать на границу. Въ спутники мнѣ назначили славнаго молодого рабочаго. Впослѣдствіи, онъ былъ

приговоренъ къ смертной казни Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ и сосланъ въ каторжныя работы. Но въ тотъ моментъ онъ былъ полонъ жизненной энергіи и надеждъ, и мы всю дорогу весело болтали de rebus omnibus et quibusdam aliis. Съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ онъ меня про русское рабочее движеніе, и я замѣтилъ, что этотъ выдающійся рабочій не имѣлъ никакого понятія о растущихъ успѣхахъ юнаго движенія русскаго пролетаріата. Впрочемъ, въ то время среди польскихъ рабочихъ это было явленіемъ довольно обычнымъ...

Подъ вечеръ прибыли въ Домброво (Сосновицы). Здѣсь меня ждала новая непріятность. Контрабандистъ, который долженъ былъ перевести меня черезъ границу, за день до моего пріѣзда, въ пьяномъ видѣ разодрался съ полиціей и „досталъ до козы", т. е. былъ посаженъ въ холодную на пять сутокъ. Ждать его освобожденія на самой границѣ, гдѣ жандармско-полицейскій надзоръ особенно силенъ, да еще въ конспиративной квартирѣ, куда меня помѣстили, я счелъ неудобнымъ. Поэтому на военномъ совѣщаніи быстро былъ выработанъ новый планъ. Я съ двумя рабочими, охотно согласившимися съѣздить на мой счетъ къ роднымъ на праздники (Рождества), долженъ былъ отправиться въ ихъ деревню, расположенную на самой австрійской границѣ недалеко отъ Кракова, и тамъ попытаться какъ-нибудь перейти границу.

Сказано—сдѣлано. На слѣдующее утро мы втроемъ сѣли въ поѣздъ, идущій къ Мѣхову. Меня непріятно поразило, что мои спутники перекрестились, какъ самые темные крестьяне, когда тронулся поѣздъ. Впослѣдствіи, мнѣ пришлось убѣдиться, что религіозные предразсудки уживаются въ головѣ рабочихъ рядомъ съ самыми крайними политическими взглядами. Такъ, нѣкоторые члены Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ „Крестахъ", возвращаясь съ прогулки, крестились на икону, находящуюся въ тюремномъ коридорѣ. Я утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь и іюньскіе баррикадные бойцы 1848 г. не были свободны отъ религіозныхъ суевѣрій...

Проѣхавши верстъ 40 по желѣзной дорогѣ, мы пересѣли на лошадей. Какой унылый пейзажъ, какой бѣдный край! Прежде я представлялъ себѣ Польшу въ видѣ культурной страны на европейскій ладъ, воображалъ увидѣть веселыя деревни съ крытыми черепицей домиками. На самомъ же дѣлѣ мнѣ попадались навстрѣчу убогія мазанки, согбенные крестьяне, тощій скотъ. Въ одной избѣ, гдѣ мы остановились переночевать, не было ни крошки хлѣба, ни капли молока. Убитый нищетой и преданный церкви хлопъ, высокая тощая жена, золотушные дѣти съ гноющимися глазами— печальная картина! Съ какой радостью дѣтишки набросились на хлѣбъ и молоко, которымъ мы ихъ угостили! Мать со скорбью отвернулась...

По дорогѣ молодой возница вдругъ повернулся къ намъ и, указывая кнутовищемъ на чернѣвшую въ сторонѣ отъ дороги рощу, сказалъ:

— Въ этомъ лѣсу собралась первая банда повстанцевъ!

Воспоминанія 1863 г. живы среди польскаго народа; это проявится при первомъ удобномъ случаѣ. Національная боль штыками вогнана внутрь, но не исцѣлена, и рана сочится кровью...

Наконецъ, мы прибыли въ деревню, которая должна была послужить операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій. Проѣхали мимо кордона пограничной стражи. Одинъ изъ ѣхавшихъ со мной рабочихъ сказалъ:

— Солдаты замѣтили, что насъ трое. Когда мы поѣдемъ обратно, они обратятъ вниманіе, что насъ только двое.

— Ничего,—замѣтилъ второй,—забудутъ...

Странная это деревня: половина ея принадлежитъ Россіи, половина—Австріи. Населеніе обѣихъ половинъ, связаное дружескими и родственными узами, раздѣлено пограничнымъ барьеромъ. Обѣ части деревни отдѣлены другъ отъ друга ложбиной, по которой прогуливается русскій часовой; съ австрійской стороны граница не охраняется.

Переходя изъ дома въ домъ подъ предлогомъ визитовъ, мы постепенно добрались до крайней избы, расположенной шагахъ въ двадцати отъ границы. Отсюда я могъ любоваться свободной землей: австрійская часть лежала передо мною какъ на ладони. Изба, стоявшая на пригоркѣ, принадлежала старому контрабандисту. Но когда мы пришли къ нему, то нашли его въ постели.

Старый контрабандистъ умиралъ. Слабѣющимъ ухомъ слушалъ онъ нашъ разсказъ. Вдругъ, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе, онъ приподнялся на локтѣ; угасающими глазами посмотрѣлъ онъ черезъ грязное окно на разстилавшуюся внизу австрійскую землю и прохрипѣлъ:

— Если-бъ могъ встать... проводилъ бы... Тутъ недалеко... Иди, благословляю... Жена поможетъ...

И упалъ на подушку. Я вышелъ въ сѣни. Жена его, старая, но энергичная и могучая женщина, стала на улицѣ передъ дверью. Она слѣдила за движеніями часового и должна была подать мнѣ сигналъ, когда солдатъ отвернется и зашагаетъ въ противоположную сторону. Револьверъ мои спутники у меня отобрали; они указывали на то, что если побѣгъ не удастся, и я буду схваченъ, то револьверъ послужитъ серьезной противъ меня уликой; безъ револьвера же какъ-нибудь можно выпутаться. Итакъ, я остался совершенно беззащитнымъ. Вдобавокъ, крестьяне мнѣ разсказывали, что за послѣднее время солдаты начали стрѣлять въ переходящихъ границу людей, даже если они успѣли уже очутиться на иностранной

землѣ; затѣмъ часовые будто перетаскивали трупы убитыхъ на пограничную межу и такимъ образомъ избавлялись отъ отвѣтственности. Все это было непріятно. Вдобавокъ, стояла отвратительная гололедица, такъ что трудно было сдѣлать два шага, не поскользнувшись; скажу еще, что дѣло происходило часа въ 4 пополудни, такъ что было совершенно свѣтло.

Часовой въ полушубкѣ и башлыкѣ прогуливался по ложбинѣ; онъ дѣлалъ шаговъ 70—80 въ одну сторону и затѣмъ возвращался. По временамъ онъ останавливался и задумывался. О чемъ онъ думалъ? Вспоминалъ ли свою Самарскую губернію, родную деревню, колосящуюся ниву, отчій домъ, изъ котораго онъ былъ вырванъ и поставленъ на эту чуждую землю?.. Если онъ замѣтитъ меня, выстрѣлитъ непремѣнно. И выстрѣлитъ безъ всякой злобы, просто изъ страха. Но будь, что будетъ. Стою за дверью и не свожу глазъ со старухи. Вдругъ она махнула рукой. Это сигналъ: надо итти.

Я выхожу изъ своего угла. Часовой спокойно расхаживаетъ по лощинѣ. Медленно направляюсь къ границѣ. Сначала иду тихо, затѣмъ невольно ускоряю шагъ. Калоши кажутся страшно тяжелыми и стѣсняютъ. Вдобавокъ проклятая гололедица заставляетъ употреблять отчаянныя усилія, чтобы не поскользнуться. Вдругъ я срываюсь и съ грохотомъ лечу внизъ: въ оврагъ. Все погибло!

Но нѣтъ, ничего. Закутанный въ башлыкъ часовой ничего не слышитъ. Моментально я вскакиваю на ноги, перебѣгаю узкую пограничную полосу и лѣзу черезъ заборъ, окружающій въ этомъ мѣстѣ австрійскую часть деревни. Вотъ, я уже на заборѣ, остается спрыгнуть, и я спасенъ. Проклятіе! я зацѣпилъ пальто за колъ и безпомощно повисъ, тщетно усиливаясь достать ногами до земли. Теперь, если часовой обернется, все кончено: онъ сниметъ меня съ забора просто штыкомъ. Дѣлаю отчаянное усиліе, дергаюсь разъ, два, три. Трахъ! пальто треснуло, я оторвался и стою ногами на твердой землѣ.

Все это продолжалось меньше минуты.

Теперь нужно побѣжать, чтобы удалиться отъ русской границы на порядочное разстояніе. Часовой, который съ секунды на секунду долженъ обернуться, не посмѣетъ стрѣлять, если я буду далеко. Но въ этотъ моментъ мною овладѣло странное упорство. Не побѣгу, да и только! И я спокойно, не оглядываясь, медленнымъ размѣреннымъ шагомъ направился къ галиційскимъ избамъ, расположеннымъ шагахъ въ полутораста отъ забора. Шелъ я по совершенно открытому мѣсту. Испытываю какое-то безпокойное ощущеніе въ спинѣ. И вдругъ мнѣ страшно захотѣлось оглянуться: этакая шаловливая мысль! Остановился, повернулся лицомъ къ Россіи. Стоитъ мой солдатикъ, выпучивъ глаза, ружье въ рукахъ держитъ и на

меня упорно смотритъ. Постоялъ я, посмотрѣлъ, потомъ повернулся и спокойно пошелъ дальше. Въ послѣдній разъ оглянулся на Россію, поклонился и исчезъ за плетнемъ.

Черезъ полчаса я ѣхалъ на крестьянской телѣгѣ въ Краковъ. На дворѣ стоялъ изрядный морозъ, но мнѣ было страшно жарко и душно; снялъ пальто, разстегнулъ пиджакъ—все жарко. Такимъ образомъ разрядилось первное настроеніе послѣдняго дня...

Вотъ и предмѣстье Кракова. Здравствуй, желанная свобода!

Ю. Стекловъ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

(*Продолженіе* [1]).

V.

Стѣсненія гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса до опубликованія рескриптовъ.—Записки Самарина, Черкасскаго и др.—Отношенія къ рескриптамъ Аксакова, Герцена и Чернышевскаго.—Участіе въ реформѣ возвращенныхъ изъ ссылки декабристовъ и петрашевцевъ.

До опубликованія рескриптовъ печать не могла принимать въ этомъ дѣлѣ никакого участія, потому что, несмотря на относительно большій просторъ, предоставленный печати въ новое царствованіе, всякое обсужденіе крѣпостного вопроса было строжайше воспрещено до начала 1858 г. Въ журналахъ, конечно, проскальзывали иногда контрабандой тѣ или иные намеки и мысли, въ родѣ выраженія сочувствія «вольнонаемному труду» и т. п., и допускалась полемика по вопросу о преимуществахъ общиннаго землевладѣнія передъ системой личной собственности— между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ» въ Петербургѣ, между «Русской Бесѣдой» и «Русскимъ Вѣстникомъ» въ Москвѣ, — но всякое прямое порицаніе крѣпостного строя и всякое указаніе на необходимость его упраздненія запрещалось строжайшимъ образомъ. Какъ строго преслѣдовалось нарушеніе этого запрещенія, показываетъ инцидентъ съ газетой «Молва», основанной въ 1857 г. славянофилами. Когда Константинъ Аксаковъ въ передовой статьѣ, помѣщенной 23 августа 1857 г. въ этой газетѣ, попробовалъ провести ту мысль, что «трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ», и высказалъ, что его огорчаетъ примѣръ негровъ въ Америкѣ, «работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ», и при этомъ порицалъ людей, «которые нарушаютъ

[1]) См. „Минувшіе Годы". Февраль.

законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ...», то статья его произвела бурю въ Москвѣ и Петербургѣ, а князь Вяземскій (тов. м—ра нар. просв.) счелъ нужнымъ послать ему длинное письмо, наполненное упреками. Вяземскій, между прочимъ, писалъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ безусловно изъятъ изъ обсужденія въ печати, такъ какъ правительство взяло этотъ вопросъ на свое рѣшеніе и «такъ сказать подъ свою отвѣтственность»; а «въ чужихъ дачахъ— шутливо прибавлялъ князь—охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ» (!) За слѣдующую статью «Публика и народъ», написанную въ строго славянофильскомъ смыслѣ, но многими признанную чуть не за революціонную, «Молва» была закрыта. И замѣчательно, что не только враги, но и друзья, въ родѣ Погодина, Черкасскаго и Аполлона Григорьева, набросились на Аксакова же съ упреками, причемъ Черкасскій (въ письмѣ къ Кошелеву) упрекалъ Аксакова не за то, что онъ погубилъ «Молву», а за то, что онъ своими статьями «вводитъ власть въ такія дѣла» [1]).

Но хотя правительство и устраняло печать отъ участія въ обсужденіи крестьянской реформы, было бы въ высшей степени ошибочно думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ могло обойтись, хотя бы только въ первыхъ стадіяхъ этого дѣла, одними своими средствами, безъ всякой помощи общественной мысли.

За невозможностью выражаться въ печати мысль эта нашла себѣ выраженіе въ массѣ памфлетовъ, записокъ и проектовъ по крестьянскому дѣлу, въ огромномъ числѣ ходившихъ по рукамъ и представлявшихся авторами ихъ частью открыто, частью анонимно правительству. И правительство ухватилось за эти проекты и записки обѣими руками; безъ нихъ оно едва ли въ состояніи было придумать что-либо путное. Ими пользовался Левшинъ при составленіи своихъ докладовъ, и они же были переданы въ негласный комитетъ, въ числѣ болѣе 100, какъ самый существенный матеріалъ для соображенія его членамъ. Негласный комитетъ началъ свою дѣятельность съ ихъ изученія. Самъ Я. И. Ростовцевъ изъ нихъ почерпнулъ свое первое знакомство съ крестьянскимъ вопросомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ были составлены самыми талантливыми представителями русской общественной мысли и лучшими современными знатоками дѣла.

Но наличность этихъ записокъ не могла вполнѣ замѣнить свободнаго и гласнаго обсужденія вопроса въ печати или, по крайней мѣрѣ, въ собраніяхъ ученыхъ обществъ — въ одномъ отношеніи. Какъ бы ни были дѣльны и основательны взгляды, выраженные въ этихъ запискахъ, они не были между собой какъ слѣдуетъ соглашены и сопоставлены; поэтому причины разногласія по многимъ важнымъ вопросамъ реформы между различными авторами этихъ записокъ, коренившіяся главнымъ образомъ въ

[1]) *Барсуковъ*. „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XV, стр. 279 и слѣд.; „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", I, стр. 95.

различіи мѣстныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій—не были выяснены и не могли быть должнымъ образомъ поняты людьми, отдаленными отъ дѣйствительной жизни. При гласномъ обсужденіи все это, конечно, выяснилось бы само собой, и правительству не пришлось бы впослѣдствіи измѣнять и перетолковывать самимъ имъ преподанныя «главныя начала» реформы, потому что эти начала могли бы быть сразу же сообразованы съ дѣйствительными потребностями жизни. Но правительство слишкомъ привыкло бояться свѣта и гласности, чтобы рѣшиться сразу пойти по такому пути, а высокопоставленные крѣпостники и интриганы, въ родѣ Орлова, Муравьева и Долгорукова, старались еще болѣе запугать его.

Изъ записокъ, переданныхъ въ негласный комитетъ, самыя замѣчательныя принадлежали Ю. Ф. Самарину, князю Черкасскому, Кавелину, Кошелеву и Унковскому. Мы не излагаемъ здѣсь ихъ содержанія, потому что всѣ онѣ въ настоящее время уже напечатаны; [1]) скажемъ только вкратцѣ, чѣмъ онѣ разнились одна отъ другой.

Записка Самарина и въ особенности Черкасскаго были проникнуты болѣе консервативнымъ духомъ и выдвигали на первый планъ частичныя, хотя и существенныя, мѣры ограниченія крѣпостного произвола, не считая, очевидно, возможнымъ немедленный приступъ къ полной отмѣнѣ крѣпостного права во всей Россіи или въ какой-либо ея части. Они и въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованія рекомендовали большую постепенность и выдержанность. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, Самаринъ признавалъ необходимымъ, наравнѣ съ Кошелевымъ и Кавелинымъ, освободить крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. Записки Кавелина и Кошелева, а тѣмъ болѣе записка А. М. Унковскаго, были болѣе радикальны и имѣли въ виду полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Разница въ этихъ запискахъ отчасти обусловливалась тѣмъ, что Самаринъ и Черкасскій обдумывали и сочиняли свои проекты въ то время, когда радикальная и немедленная отмѣна крѣпостного строя, никому еще не представлялась осуществимой въ ближайшіе годы; но главнымъ образомъ тутъ отразилась разница въ положеніи помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ, съ одной стороны, и въ губерніяхъ нечерноземныхъ-промышленныхъ — съ другой. Самаринъ и Черкасскій имѣли въ виду, главнымъ образомъ, первыя изъ этихъ губерній; Кавелинъ и Кошелевъ принимали во вниманіе положеніе дѣла какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ; Унковскій же приспособилъ свой проектъ всецѣло къ нуждамъ губерній промышленнаго района.

[1]) Записка *Самарина*—въ I т. его сочиненій; записка *Черкасскаго* — въ матеріалахъ для его біографіи, изд. кн. О. Трубецкой; записка *Кавелина*—во II т. его сочиненій; записка *Кошелева*—въ приложеніяхъ къ его мемуарамъ, изд. въ 1884 г въ Берлинѣ, и, наконецъ, записка *Унковскаго*—въ книгѣ Джаншіева „А. М. Унковскій“, М. 1894 г.

Эта существенная разница была не сразу и не вполнѣ усвоена правительственными лицами, стоявшими во главѣ дѣла [1]).

Впрочемъ, и современная печать, когда ей была, наконецъ, предоставлена возможность высказаться, не сразу оцѣнила практическую важность этого коренного различія интересовъ. Мракъ, такъ долго окутывавшій этотъ вопросъ, не могъ сразу разсѣяться, и печать не могла въ первую же минуту вполнѣ оріентироваться въ столь сложныхъ и мало изученныхъ обстоятельствахъ. Первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе рескриптовъ Назимову и Игнатьеву на всѣхъ мыслящихъ передовыхъ людей въ Россіи, было безпредѣльное чувство радости, безъ примѣси какихъ бы то ни было критическихъ соображеній.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна. . . .

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ много лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и превозмогъ.

Слышишь новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благоволенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

---

[1]) Ср. вышеназванныя мои статьи о губернскихъ комитетахъ въ сбор. „Очерки по исторіи обществ. движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи".

Такъ привѣтствовалъ зарю занимавшагося дня Иванъ Аксаковъ, и подъ этимъ стихотвореніемъ въ ту минуту свободно могли подписаться и Герценъ, и Чернышевскій. Герценъ писалъ въ то время свою знаменитую статью съ эпиграфомъ «*Ты побѣдилъ, Галилеянинъ*!» — «Имя Александра II — писалъ онъ — принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось— все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ — пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону...» «Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?...» [1]). А Чернышевскій въ это время писалъ свою статью «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» съ эпиграфомъ «*Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помазалъ тя Богъ твой* (Псаломъ XLV, стих. 8)». Статья эта начиналась такими словами: «Высочайшими рескриптами, данными 25 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г., благополучно царствующій государь императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ» [2]). Далѣе онъ писалъ: «Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы — счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ» [3]).

Въ статьѣ этой Чернышевскій не обратилъ никакого вниманія на то, что вотчинная полиція оставлялась по рескрипту помѣщикамъ, а первый пунктъ рескрипта о томъ, что крестьянамъ отводится въ пользованіе необходимое для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщиками количество земли, онъ истолковалъ въ смыслѣ послѣдователя Фурье, не отдавая, повидимому, себѣ яснаго отчета въ томъ, что за эту землю крестьяне будутъ попрежнему отбывать барщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не замѣнена оброкомъ.

Столь же единодушно выразился восторгъ всѣхъ мыслящихъ людей въ Москвѣ на обѣдѣ, данномъ по случаю опубликованія рескриптовъ 28 декабря 1857 г. Обѣдъ этотъ много разъ былъ описанъ, и мы не будемъ поэтому на немъ останавливаться. Лучшая рѣчь на этомъ обѣдѣ принадлежала Каткову.

Въ числѣ фактовъ, знаменовавшихъ обновленіе жизни въ то время, здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить одинъ, имѣвшій хотя и второстепенное, но несомнѣнное вліяніе на ходъ крестьянскаго

---

[1]) „Колоколъ“ отъ 15 февраля 1858 г. № 9—„Черезъ три года“.
[2]) „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 393.
[3]) „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 398.

дѣла. Я имѣю въ виду то участіе, которое приняли въ крестьянской реформѣ возвращенные изъ ссылки въ 1856 и 1857 гг. *декабристы и петрашевцы.* Возвращеніе ихъ составляло и само по себѣ крупный общественный фактъ. Еще знаменательнѣе было то отношеніе, которое проявила къ нимъ и публика, и даже разные помпадуры и лукавые царедворцы, вплоть до петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева включительно, хотя трусливо и лицемѣрно, но все же пожелавшаго выразить свое сочувствіе А. В. Поджіо [1]). Волконскій и его семья по пріѣздѣ въ Москву сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія и даже оваций со стороны такихъ лицъ, которыя еще недавно не считали возможнымъ упомянуть о декабристахъ безъ сопровожденія этого упоминанія соотвѣтствующими порицаніями, а иногда и ругательствами [2]).

Возвращеннымъ изъ ссылки декабристамъ и петрашевцамъ запрещено было жить въ столицахъ, и потому имъ пришлось размѣститься въ провинціи. Здѣсь они и приняли дѣятельное, отчасти негласное, отчасти же и открытое, иногда даже офиціальное участіе въ работахъ по крестьянской реформѣ. Такова была благотворная дѣятельность Евг. Петр. Оболенскаго, П. Н. Свистунова и Н. С. Кашкина въ Калугѣ; М. И. Муравьева-Апостола и Европеуса въ Твери и ранѣе возвращенныхъ А. Н. Муравьева и Ив. А. Анненкова въ Нижнемъ. Въ 1858 г. тверскіе крѣпостники подняли даже гвалтъ, увѣряя, что работы тверского комитета приняли опасное и крамольное направленіе, благодаря именно присутствію декабристовъ и петрашевцевъ въ Твери [3]). Это было, конечно, совершенно вздорное утвержденіе; напротивъ, можно сказать, что у правительства въ дѣлѣ крестьянской реформы не было болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ слугъ въ то время, нежели декабристы и петрашевцы.

Особенно важно и знаменательно было вліяніе Евг. Петр. Оболенскаго на друга его юности Я. И. Ростовцева. Въ крестьянскомъ дѣлѣ вліяніе Оболенскаго было значительно и благотворно и въ прямомъ смыслѣ: такъ, напримѣръ, онъ указалъ Ростовцеву на полную несостоятельность мысли о необходимости повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ; онъ требовалъ, опираясь на мнѣніе знакомыхъ ему помѣщиковъ, надѣла крестьянъ землей въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они владѣли ею при крѣпостномъ правѣ, и

---

[1]) Воспоминанія д-ра Бѣлоголоваго, 2-е изд., стр. 97. Самъ князь А. Ф. Орловъ не только видѣлся въ это время съ Николаемъ Тургеневымъ въ Парижѣ, но даже выхлопоталъ ему, независимо отъ общей амнистіи, полную реабилитацію съ возвращеніемъ ему даже чиновъ и орденовъ. Срав ст. *В. И. Семевскаго* о Тургеневѣ въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

[2]) Записки *С. Г. Волконскаго*, издан. его сыномъ, 1-ое изд. Отношеніе публики къ возвращеннымъ декабристамъ прекрасно и вполнѣ исторически вѣрно описано въ неоконченномъ романѣ *Л. Н. Толстого* „Декабристы", глава I-ая.

[3]) *Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій и проч.", стр. 89.

при этомъ утверждалъ, что только выкупъ можетъ удачно рѣшить этотъ вопросъ [1]).

Но главное значенiе влiянiя Оболенскаго заключалось въ той нравственной силѣ, которую онъ представлялъ собой въ глазахъ Ростовцева. Ростовцевъ, вознесенный въ то время на самую вершину государственной службы и дѣятельности, считалъ своимъ долгомъ по собственному побужденiю *исповѣдываться* въ буквальномъ смыслѣ слова во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ и помыслахъ своему старому товарищу—возвращенному изъ ссылки государственному преступнику. Какъ только Оболенскiй вернулся изъ Сибири, Ростовцевъ нарочно съѣздилъ въ Калугу, чтобы повидаться съ нимъ и оправдаться отъ тѣхъ обвиненiй, которыя взводилъ на него въ это время «Колоколъ» Герцена. По поводу этихъ обвиненiй, касавшихся главнымъ образомъ дѣятельности Ростовцева по управленiю военно-учебными заведенiями, онъ считалъ нужнымъ давать Оболенскому письменный отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ и подробныя объясненiя своихъ поступковъ и дѣйствiй. И Оболенскiй выслушивалъ эти объясненiя спокойно, нелицепрiятно и благодушно и затѣмъ давалъ своему товарищу дѣльные и умные совѣты, которые тотъ принималъ съ глубокой благодарностью...

VI.

Значенiе опубликованныхъ въ 1857 г. рескриптовъ.—Общественное возбужденiе.—Работа губернскихъ комитетовъ.—Причины различiя въ постановленiяхъ комитетовъ и въ настроенiи дворянства въ разныхъ губернiяхъ.—Колебанiя правительства. — Работы редакцiонныхъ комиссiй.

Опубликованiе рескриптовъ справедливо разсматривается въ нашей исторической литературѣ, какъ самый важный поворотный пунктъ въ исторiи крестьянской реформы. Этимъ шагомъ правительство Александра II не только отрѣзало самому себѣ отступленiе, но оно вынудило имъ и дворянство всѣхъ губернiй волей-неволей просить объ открытiи у нихъ комитетовъ и о разрѣшенiи заняться вопросомъ «объ улучшенiи быта» своихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что если бы дворянство какой-либо губернiи отказалось отъ этой реформы, то отказъ его послужилъ бы сигналомъ къ возстанiю и бунту крестьянъ. Разумѣется, въ дворянской средѣ были отдѣльныя свѣтлыя личности, которыя встрѣтили вѣсть о реформѣ съ искренней радостью, даже съ энтузiазмомъ, какъ зарю новой жизни, но они составляли меньшинство, и имъ было бы трудно привлечь на свою сторону

---

[1]) Отвѣтъ Е. П. Оболенскаго отъ 1 января 1859 г. на письмо къ нему Я. И. Ростовцева отъ 18 ноября 1858 г. „Рус. Арх.“ за 1873 г. № 1, стр. 509 и слѣд.

остальныхъ, если бы эти остальные не почувствовали надъ своими головами довольно ясно Дамоклова меча...

Правительство, предпринявъ свой смѣлый шагъ, не безъ страха ожидало послѣдствій. Придворные крѣпостники старательно запугивали Александра, и Ланской нетерпѣливо торопилъ губернаторовъ и предводителей сообщеніемъ ему свѣдѣній о томъ, какъ приняло дворянство его циркуляръ отъ 24 ноября. Нѣкоторые изъ предводителей попробовали поторговаться на счетъ обязательности главныхъ началъ, другіе (Унковскій) представляли на нихъ дѣльную и смѣлую критику, но никто не рѣшился выразить сомнѣнія въ необходимости такъ или иначе приступить къ самой реформѣ.

Въ іюлѣ 1858 г. уже не было ни одной губерніи, не заявившей о своей готовности содѣйствовать «великодушнымъ стремленіямъ обожаемаго монарха».

Комитетамъ положенъ былъ шестимѣсячный срокъ, въ который они обязывались окончить свое дѣло, и дана была программа занятій. При этомъ крѣпостники успѣли таки (при помощи Позена) воспользоваться недостаточной освѣдомленностью Ростовцева и включить въ эту программу два очень невыгодныхъ для крестьянъ пункта. Во-первыхъ, здѣсь проведена была мысль, что надѣлъ долженъ быть отведенъ крестьянамъ *лишь на время переходнаго срочно-обязаннаго періода*; во-вторыхъ, тщательно развита и схематизирована въ особой главѣ (IX) *идея вотчинной полицейской власти* помѣщиковъ. Первая мысль была выражена, впрочемъ, не вполнѣ ясно, и ею воспользовались лишь тѣ комитеты, для которыхъ она была особенно привлекательна по мѣстнымъ условіямъ. Для искорененія же второй Ростовцеву и редакціоннымъ комиссіямъ пришлось впослѣдствіи потратить не мало усилій и испытать много непріятностей...

Открытіе губернскихъ комитетовъ, ихъ шестимѣсячные лихорадочные труды, осложнившіеся почти вездѣ жестокими спорами, а кое-гдѣ и настоящими скандалами, и на ряду съ этимъ разрѣшеніе, данное печати, разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ,—все это чрезвычайно всколыхнуло все русское общество. Вотъ что писалъ, побывавши въ Петербургѣ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ гр. Киселеву въ Парижъ 5-го іюня 1858 г.: «Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отсталые скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работой, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-по-малу старую рутину, которая прежде—даже и во время войны—не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своей глупостью.

И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но вездѣ то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится [1])».

Еще ярче обрисовывается общественное настроеніе того времени и особенно въ связи съ дѣятельностью губернскихъ комитетовъ въ передовой статьѣ (1 янв. 1860 г.) «Сѣверной Пчелы», которая перешла тогда отъ Булгарина и Греча къ Мельникову (Печерскому). Губернскіе комитеты представляли—писалъ Мельниковъ—«небывалое явленіе въ провинціи. Комитетамъ предстояло разрѣшеніе такихъ вопросовъ, которые, близко касаясь интересовъ земледѣльцевъ, не могли быть обсуждаемы, а тѣмъ менѣе рѣшаемы безъ основательнаго знанія современной политической экономіи и мѣстной статистики, предметовъ, немного лѣтъ тому назадъ во многихъ провинціяхъ извѣстныхъ только по наслышкѣ и большинствомъ людей почтенныхъ лѣтъ причисленныхъ къ «фантазіямъ молодости». Оттого въ комитетахъ тотчасъ выдвинулись на первый планъ лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившія современныя понятія образованнаго міра объ экономическихъ отношеніяхъ и проникнутыя духомъ гуманности, который съ конца тридцатыхъ годовъ столь благотворно повѣялъ на молодое русское поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій. Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались стѣнами комитета: ими были заняты не только все безъ исключенія сословіе земледѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія собственности, изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ, вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ...

«Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ «фантазіями молодости» и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки; журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ; имѣть у себя книги сдѣлалось потребностью этихъ городовъ. Вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три, четыре передъ симъ,—глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину. Вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность, и

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. Киселевъ и его время". Т. II, стр. 341.

проснувшаяся русская земля въ величавомъ спокойствіи задумывается о себѣ самой [1])».

Такъ описывалъ современный публицистъ тотъ подъемъ духа, который вызвала работа губернскихъ комитетовъ въ провинціальномъ обществѣ. Это умственное пробужденіе и стремленіе къ разумной дѣятельности и къ свѣту охватило не одни передовые дворянскіе круги. Зашевелилось и купечество. Не говоря о томъ широкомъ общественномъ подъемѣ, который сказался въ замѣчательныхъ рѣчахъ Кокорева и смѣлыхъ предпріятіяхъ, отчасти коммерческихъ, отчасти филантропическихъ, которыя онъ затѣвалъ въ это время и въ которыя втягивалъ и другихъ купцовъ и некупцовъ [2]), здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ щедрыхъ пожертвованіяхъ, которыя посыпались въ это время со стороны провинціальнаго купечества на различныя просвѣтительныя и общественныя начинанія, какъ, напр., женскія гимназіи, промышленныя училища, городскіе и общественные банки и проч. [3]). Даже среди духовенства обнаружились симпатіи къ освободительнымъ реформамъ и къ просвѣщенію; нѣкоторые архіереи заговорили тамъ и сямъ по человѣчески, и въ рѣчахъ по случаю открытія губернскихъ комитетовъ высказали истинно христіанскія мысли и пожеланія [4]), чѣмъ не мало смутили такихъ представителей обскурантизма, такъ московскій митрополитъ Филаретъ и синодальный оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой, которые тотчасъ забили тревогу и начали перекликаться между собой о томъ, какъ прекратить въ средѣ духовенства это недостойное, по ихъ мнѣнію, движеніе [5]).

Въ постановленіяхъ губернскихъ комитетовъ сказалось прежде всего и ярче всего отчетливое и ясное пониманіе помѣщиками своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ. Поэтому и проекты губернскихъ комитетовъ различныхъ губерній отличались между собой главнымъ образомъ въ зависимости отъ различія въ мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ и третьестепенныхъ различій, также отражавшихся болѣе или менѣе на работахъ губернскихъ комитетовъ,—самую важную и, можно сказать, рѣшающую роль при этомъ играла принадлежность однѣхъ губерній къ числу хлѣбородныхъ черноземныхъ, а другихъ къ числу нечерноземныхъ промышленныхъ. Въ первыхъ изъ нихъ главную, иногда исклю-

---

[1]) „Сѣверная Пчела“ за 1860 г. № 1. Перепечатано въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. II, стр 331—346.

[2]) См. объ этомъ у Барсукова назв. соч. томы XV и XVI passim.

[3]) Таковы учрежденія, основанныя въ это время нѣкоторыми сибирскими купцами въ Иркутскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ; таковы пожертвованія купца Малютина въ Калугѣ (Моя статья „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи“ въ сборникѣ въ память В. А. Арцимовича).

[4]) Такова, напр., рѣчь калужскаго архіерея Григорія, приведенная у Хрущева „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I, стр. 287.

[5]) См. переписку между Филаретомъ и гр. Толстымъ у Барсукова, т. XVI.

чительную цѣнность помѣщичьихъ имѣній составляла земля, во-вторыхъ, доходъ помѣщика обусловливался, главнымъ образомъ, сторонними неземледѣльческими заработками и промыслами крестьянъ, и потому главную цѣнность имѣній составляли крѣпостныя души. Въ первыхъ губерніяхъ было много имѣній, гдѣ процвѣтала собственная помѣщичья запашка, и, слѣдовательно, огромное значеніе имѣла барщина; во вторыхъ крестьяне были большей частью на оброкѣ, земля находилась чаще всего въ полномъ ихъ распоряженіи, но благосостояніе и ихъ самихъ, и господъ ихъ зависѣло отъ заработковъ и промысловъ, большею частью отхожихъ. Въ первыхъ губерніяхъ помѣщики очень боялись сразу уничтожить барщину и потому желали переходнаго срочно-обязаннаго періода; въ то же время они охотно соглашались на безземельное, хотя бы и безвозмездное, освобожденіе крестьянъ съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи срочно-обязаннаго періода, вся земля осталась въ полномъ распоряженіи помѣщика. Но такъ какъ они знали, что правительство, больше всего опасавшееся бунтовъ, не согласится на безземельное освобожденіе крестьянъ, то они обнаружили стремленіе елико возможно урѣзать надѣлы, даже и тѣ, которые они хотѣли отвести на время срочно-обязаннаго періода. Опасаясь сразу лишиться барщины и потому настаивая на необходимости срочно-обязаннаго періода, они понимали, какъ трудно будетъ заставить крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, отбывать повинности въ пользу помѣщика, и потому требовали сохраненія, по крайней мѣрѣ, на весь срочно-обязанный періодъ крѣпкой вотчинной власти, права безотчетно наказывать временно-обязанныхъ крестьянъ и т. п. По отношенію къ правительству въ этихъ губерніяхъ обнаружилось оппозиціонно-аристократическое направленіе и стремленіе къ мѣстному самоуправленію на *аристократическихъ* началахъ.

Комитеты промышленныхъ губерній боялись, главнымъ образомъ, одного: какъ бы съ уничтоженіемъ крѣпостного права не лишиться тѣхъ доходовъ, которые помѣщики этихъ губерній имѣли отъ заработковъ и промысловъ крестьянъ. Заработки эти при крѣпостномъ правѣ были такъ значительны, что благодаря имъ цѣнность промышленныхъ имѣній вообще была выше, нежели земледѣльческихъ. Помѣщики этихъ губерній, не заинтересованные въ большинствѣ случаевъ въ сохраненіи барщины, опасались, что во время срочно-обязаннаго періода имъ трудно будетъ уже получать со своихъ крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, прежніе оброки. Они не безъ основанія полагали, что въ этомъ имъ не поможетъ и сохраненіе въ ихъ рукахъ вотчинной полицейской власти. Поэтому они предпочитали единовременную и полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но не иначе, какъ при условіи полученія денежнаго выкупа за потерю цѣнности принадлежащихъ имъ имѣній. Поэтому они требовали прежде всего выкупа не за землю, отдаваемую крестьянамъ, которая цѣ-

нилась въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ очень дешево, а за личность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Когда же правительство провозгласило принципъ безвозмездной отмѣны личнаго крѣпостного права, то они естественно стали стремиться вознаградить себя либо неимовѣрно преувеличенной оцѣнкой усадебъ, либо назначеніемъ повышенныхъ оброковъ. Земельный надѣлъ они охотно соглашались оставить крестьянамъ, но размѣръ его старались опредѣлить такъ, чтобы крестьянамъ нельзя было обойтись впослѣдствіи безъ дополнительныхъ заработковъ или безъ арендованія у помѣщиковъ занадѣльныхъ участковъ. Къ вопросу о вотчинной власти помѣщики этихъ губерній относились гораздо равнодушнѣе, и многіе изъ нихъ охотно поступались своими вотчинными правами. Въ политическомъ отношеніи здѣсь преобладали стремленія либерально-демократическія, выражавшіяся въ требованіи ограниченія полицейскаго и бюрократическаго произвола и въ проектированіи *всесословнаго* волостного, уѣзднаго и губернскаго самоуправленія.

Во многихъ губернскихъ комитетахъ не состоялось, какъ извѣстно, единогласнаго рѣшенія, и отъ большинства членовъ въ нихъ отдѣлились болѣе прогрессивныя меньшинства, которыя представляли свои собственные проекты. Извѣстно, что эти послѣдніе послужили главнымъ основаніемъ для работъ редакціонныхъ комиссій. Однако необходимо имѣть въ виду, что не всѣ меньшинства такъ рѣзко разнились отъ большинства, какъ это обыкновенно думаютъ, и отнюдь не всѣ меньшинства могутъ быть признаны безусловно прогрессивными [1]). Въ нѣкоторыхъ комитетахъ разница между проектами большинства и меньшинства обусловливалась вовсе не большей или меньшей прогрессивностью взглядовъ, а просто различіемъ мѣстныхъ условій и интересовъ въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же губерніи [2]).

Правительство, какъ мы видѣли, приступая къ реформѣ, далеко не вполнѣ овладѣло вопросомъ во всей его сложности. Вначалѣ, питая суевѣрный страхъ передъ всякими сколько-нибудь сложными финансовыми операціями, министерство внутреннихъ дѣлъ безусловно отрицало выкупъ, какъ общую финансовую мѣру, и потому считало неизбѣжнымъ и срочно—или даже безсрочно—обязанный періодъ съ сохраненіемъ барщины или оброка въ опредѣленномъ размѣрѣ; въ связи съ этимъ предложено было сохранить и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ. Но какъ только правительство убѣдилось, что выкупъ возможенъ, такъ оно, сознавая ненормальность и даже опасность

---

1) Ср. упомянутыя статьи „Губернскіе комитеты въ 1858 и 1859 гг.“, въ моей книгѣ „Очерки по исторіи обществ. движ. и крест. дѣла въ Россіи“, стр. 170 и слѣд.

2) Такова, напримѣръ, разница между проектами, составленными большинствомъ и меньшинствомъ Нижегородской губерніи, между проектами, составленными представителями бѣлорусскихъ и лифляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи и др.

срочно-обязаннаго періода, стало стремиться если не къ полному его упраздненію, то къ значительному сокращенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришло къ убѣжденію въ необходимости упразднить съ самаго же начала и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ [1]). Когда губернскіе комитеты приступили къ своей работѣ, то въ правительственныхъ кругахъ царили еще всецѣло взгляды, положенные въ основаніе Позеновской программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ (въ апрѣлѣ 1858 г.), а предубѣжденія противъ всякой финансовой операціи были настолько сильны, что тверскому комитету удалось лишь съ бою получить разрѣшеніе составить, вмѣсто срочно-обязаннаго, проектъ выкупного положенія, подъ угрозой, что если ему это не будетъ разрѣшено, то онъ разойдется и не станетъ писать никакого проекта [2]).

Но редакціоннымъ комиссіямъ пришлось начать свою дѣятельность уже въ то время, когда Ростовцевъ вполнѣ усвоилъ себѣ возможность допущенія общей выкупной операціи и неудобства срочно-обязаннаго положенія, и когда въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ нерѣшительный и недальновидный Левшинъ былъ замѣненъ умнымъ и энергичнымъ Милютинымъ.

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Милютину и князю Черкасскому вскорѣ удалось раскрыть глаза Ростовцеву и на истинное значеніе интригъ и ухищреній тайнаго крѣпостника Позена, который до этихъ поръ выдавалъ себя за либерала и имѣлъ на Ростовцева огромное вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ все направленіе работъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ рукахъ Милютина, кн. Черкасскаго, Соловьева и отчасти Самарина [3]). Изъ нихъ Милютинъ и Соловьевъ, хотя и принадлежали по происхожденію къ помѣстному дворянству, были чиновниками по профессіи и, несмотря на всю просвѣщенность и либерализмъ своихъ убѣжденій, нерѣдко проявляли наклонности и взгляды настоящихъ бюрократовъ. Кн. Черкасскій плотно примкнулъ къ нимъ. Самаринъ являлся въ редакціонныхъ комиссіяхъ выразителемъ славянофильскихъ взглядовъ. Къ бюрократіи онъ относился безусловно отрицательно,

---

[1]) Эти перемѣны во взглядахъ правительства очень ярко отразились въ извѣстныхъ письмахъ къ Государю *Ростовцева* изъ-за границы, въ замѣнѣ Левшина Н. А. Милютинымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ, наконецъ, въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г. и въ предложеніи, данномъ редакціоннымъ комиссіямъ Ростовцевымъ въ первыхъ же засѣданіяхъ комиссій. Все это изложено подробно у *Семенова* „Освобожденіе крестьянъ при имп. Александрѣ II“, т. II, у *Иванюкова* „Паденіе крѣпостного права“ и въ моихъ статьяхъ упомянутыхъ выше.

[2]) Ср. *Джаншіева* „А. М. Унковскій“.

[3]) Говоримъ *отчасти*, потому что главное и самое плодотворное участіе Самарина выразилось въ работахъ хозяйственнаго отдѣленія (по вопросу о надѣлѣ и повинностяхъ крестьянъ); что же касается административнаго устройства крестьянъ, то здѣсь онъ далеко не во всемъ сходился во взглядахъ съ Милютинымъ и Черкасскимъ (срав. у *Семенова* „Освобожденіе крестьянъ“, passim).

иногда онъ бралъ на себя защиту и истолкованіе реальныхъ помѣщичьихъ интересовъ, но главнымъ образомъ и съ особенной настойчивостью онъ отстаивалъ неприкосновенность народныхъ устоевъ: поземельную общину и независимость крестьянскаго міра отъ различныхъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и полицейскихъ вліяній и притомъ постоянно стоялъ за сохраненіе по возможности полнаго земельнаго надѣла и пониженіе повинностей, которое признавалъ главнымъ основаніемъ «улучшенія быта».

Члены редакціонныхъ комиссій, раздѣлившись на три отдѣленія:—юридическое, административное и хозяйственное, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ,—ревностно принялись за изученіе постановленій и проектовъ губернскихъ комитетовъ, но при этомъ они смотрѣли на нихъ, какъ на полезный матеріалъ, изъ котораго многое можно было заимствовать, но который вовсе не давалъ имъ руководящихъ и обязательныхъ для нихъ указаній. Съ *волею* дворянства, выраженною въ этихъ проектахъ, редакціонныя комиссіи, въ сущности, почти не считались. А такъ какъ труды ихъ печатались и разсылались повсюду (въ 3000 экземпляровъ), то дворянство, ознакомившись съ такимъ направленіемъ комиссій, естественно признало въ нихъ главнаго своего врага.

Между тѣмъ, императоръ Александръ во время путешествія своего лѣтомъ 1858 г. по разнымъ губерніямъ нѣсколько разъ пообѣщалъ членамъ губернскихъ комитетовъ (въ Твери, въ Костромѣ и др. мѣстахъ), что по окончаніи ихъ работъ выработанные ими проекты поступятъ на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, причемъ отъ каждаго комитета «для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ» будутъ приглашены по два депутата по избранію комитетовъ. Эти слова императора, тогда же записанныя и опубликованныя съ разрѣшенія правительства, подали дворянамъ надежды, которыя впослѣдствіи не осуществились. Дворянскіе депутаты на самомъ дѣлѣ приглашены были не въ главный комитетъ, а въ редакціонныя комиссіи и не для обсужденія и исправленія составленныхъ тамъ проектовъ, какъ они надѣялись, а лишь для представленія своихъ замѣчаній на эти проекты и для сообщенія своихъ отзывовъ на предложенные имъ — каждому депутату порознь—самими редакціонными комиссіями вопросовъ.

VII.

Записка Милютина о работахъ губернскихъ комитетовъ и о необходимости дать отпоръ стремленіямъ дворянскихъ депутатовъ.—Желанія депутатовъ 1-го приглашенія.—Вражда къ бюрократіи.—Адресы депутатовъ.—Отвѣтъ правительства.—Записки М. Безобразова и др. крѣпостниковъ.—Событія въ тверскомъ и владимирскомъ дворянскомъ собраніяхъ 1859 г. — Мнѣнія депутатовъ 2-го приглашенія. — Назначеніе Панина вмѣсто умершаго Ростовцева и произведенное этимъ назначеніемъ впечатлѣніе.

Работы редакціонныхъ комиссій раздѣлены были на три періода. Въ первомъ періодѣ онѣ изучали проекты губернскихъ комитетовъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, и, по выраженію Ростовцева, «оболванивали» свой собственный проектъ. Когда эта работа была окончена и положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, было выработано вчернѣ (къ августу 1859 года), то въ Петербургъ были вызваны депутаты отъ 19 комитетовъ, ранѣе другихъ успѣвшихъ окончить свои занятія, почему они и назывались впослѣдствіи депутатами перваго приглашенія. Передъ прибытіемъ депутатовъ, Милютинъ, убѣжденный, что крестьянскую реформу можно провести лишь диктаторіальными мѣрами, и очень опасавшійся оппозиціи депутатовъ, составилъ записку подъ названіемъ: «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время». Ланской представилъ ее отъ своего имени государю. Въ этой запискѣ была не только откровенно, но и весьма сурово разобрана дѣятельность губернскихъ комитетовъ, а по поводу предстоявшаго прибытія депутатовъ въ Петербургъ указывалось на опасность допущенія ихъ къ образованію *«разноцвѣтныхъ партій»*. Упомянувъ, что депутаты вызываются «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои *оно* признаетъ нужнымъ имѣть», составитель записки писалъ: «Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы *не о коренныхъ началахъ*, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены приглашаются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ... Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ: осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какимъ оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства». Александръ написалъ на этой запискѣ, что находитъ взглядъ этотъ

совершенно правильнымъ и согласнымъ со своими собственными убѣжденіями, и для депутатовъ была составлена соотвѣтствующая инструкція, которая повергла ихъ въ крайнее разочарованіе. Въ отчаяніи они было составили адресъ, въ которомъ указали, что комитеты выбирали своихъ депутатовъ, согласно царской волѣ, для засѣданія въ главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія составленныхъ комитетами проектовъ, а не для дачи отвѣтовъ на вопросы редакціонныхъ комиссій. «Прискорбіе наше, Государь,— писали они въ этомъ адресѣ—невыразимо!.. Мы видѣли неоднократно въ теченіе нынѣшняго дѣла, какъ высочайшія повелѣнія противопоставлялись одно другому или нарушались, но никогда смѣлость не доходила до такой степени, какъ она нынѣ представлена.

«Во всемъ ходѣ этого дѣла административная власть постоянно попирала законность и справедливость; но это совершалось въ губерніяхъ, въ темнотѣ канцелярскихъ переписокъ, тогда какъ нынѣ это ею творится передъ государемъ и Россіею воочію для всѣхъ». Въ заключеніе они просили, чтобы имъ было разрѣшено собраться въ главномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ самого государя или одного изъ членовъ царской фамиліи [1]).

Адресъ этотъ офиціально не былъ представленъ, а сообщенъ Александру лишь въ видѣ проекта Ростовцевымъ по соглашенію съ депутатами. При этомъ противъ словъ, что депутаты вызваны для засѣданія въ главномъ комитетѣ, Александръ написалъ карандашемъ: «Никогда». Послѣ этого депутаты пошли на уступки и вмѣсто адреса, не принятаго царемъ, обратились съ письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ уже скромно ходатайствовали, чтобы имъ было разрѣшено имѣть между собой общія совѣщанія, и чтобы всѣ ихъ соображенія, какъ по представленнымъ имъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ высшаго правительства. По поводу просьбы о совѣщаніяхъ Александръ написалъ: «не должно быть допускаемо», но затѣмъ, послѣ обсужденія этого вопроса съ Ростовцевымъ, депутатамъ было сообщено, что совѣщаться они могутъ, но что «подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера офиціальнаго», чѣмъ отнималась у нихъ возможность дѣлать какія-либо общія постановленія. Что же касается соображеній, какія будутъ ими представлены, то имъ было обѣщано отъ имени государя, что таковыя будутъ всѣ разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ и дойдутъ и до царя. [2]).

Этимъ депутаты, скрѣпя сердце, удовлетворились на время и приступили къ разсмотрѣнію работъ редакціонныхъ комиссій,

---

[1]) Этотъ адресъ приведенъ полностью у *Семенова*, т. I, стр. 615; но *Кошелевъ* въ извѣстной заграничной брошюрѣ „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу", изд. въ 1860 г. въ Берлинѣ, почему-то объ адресѣ этомъ совершенно умалчиваетъ.

[2]) Тамъ же.

которыя они подвергли суровой и безпощадной критикѣ. Они исписали болѣе 2000 листовъ бумаги, и въ печатномъ видѣ ихъ замѣчанія составили 3 толстыхъ тома. Уже одинъ этотъ объемъ дѣлалъ почти неисполнимымъ обѣщаніе, данное имъ отъ лица государя. По окончаніи этой работы депутаты были приглашаемы по 3, по 4 человѣка въ засѣданія редакціонныхъ комиссій, гдѣ съ ними велись пренія, которыя, впрочемъ, не оставляли никакихъ офиціальныхъ слѣдовъ и потому не безъ основанія признавались многими депутатами за простую бюрократическую уловку [1]).

Замѣчательно, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія стояли не только за освобожденіе крестьянъ, но и за освобожденіе ихъ съ землей. Но они сильно возражали противъ отвода крестьянамъ земли въ *безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности.* Они хорошо понимали, что сколько-нибудь исправное отбываніе барщины безъ удержанія всей полноты крѣпостной помѣщичьей власти совершенно невозможно, установленіе же умѣренныхъ оброковъ безъ права увеличивать ихъ впослѣдстіи они признавали за прямое нарушеніе правъ собственности помѣщиковъ на землю. Поэтому большая часть депутатовъ требовала немедленнаго обязательнаго выкупа надѣловъ правительствомъ, которое приэтомъ само бы взяло на себя всѣ расчеты съ крестьянами. Нѣкоторые (немногіе) депутаты предпочитали отводъ надѣловъ въ вѣчное пользованіе крестьянъ, но съ правомъ періодической переоброчки, и лишь совершенно ничтожная часть стремилась къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ. Это были депутаты черноземныхъ губерній, считавшіе себя монополистами цѣннаго товара чернозема, какъ выразился о нихъ кн. Черкасскій. Многіе депутаты возстали также противъ максимальныхъ и минимальныхъ надѣльныхъ нормъ, выработанныхъ комиссіями; депутаты промышленныхъ нечерноземныхъ губерній (особенно ярославскіе) яростно отстаивали выведенныя ими нормы оброковъ, значительно отличавшіяся отъ нормъ редакціонныхъ комиссій. Но единодушнѣе и сильнѣе всего были нападки депутатовъ перваго приглашенія на проектъ административнаго устройства крестьянъ.

Въ этихъ нападкахъ, въ высшей степени рѣзкихъ и раздражительныхъ, вылилась вся вражда и ненависть къ бюрократіи и чиновничеству, накопившаяся вѣками. Въ нихъ высказано было много дѣльнаго и справедливаго, что и теперь, черезъ 50 лѣтъ, не потеряло значенія и интереса. Часть этихъ мыслей и соображеній получила примѣненіе въ послѣдующихъ реформахъ 60-хъ годовъ, но основныя руководящія воззрѣнія, какъ и особая теорія государственнаго устройства, выставленная депутатами перваго приглашенія, такъ и остались втунѣ; между тѣмъ, въ этихъ воззрѣніяхъ заключалось зерно будущаго земскаго либерализма,

[2]) „Записки“ А. И. Кошелева. Приложенія, стр. 181 и слѣд.

которое, впрочемъ, не получило, какъ мы ниже увидимъ, правильнаго развитія, вслѣдствіе чрезвычайно неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Прежде всего, депутаты перваго призыва возстали противъ сельскаго административнаго устройства, проектированнаго редакціонными комиссіями. Свое оружіе депутаты брали при этомъ преимущественно изъ славянофильскаго арсенала, но внутреннимъ, при томъ наиболѣе общимъ всѣмъ имъ, мотивомъ было, безъ сомнѣнія, оскорбленное сословное чувство. Въ постановленіяхъ редакціонныхъ комиссій они ясно увидѣли открытое стремленіе устранить дворянство отъ всякаго дѣйствительнаго вліянія на крестьянское общественное управленіе съ замѣной его бюрократической административной опекой уѣздныхъ полицейскихъ властей. До нихъ доходили смутные слухи, что особая правительственная комиссія о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, составленная изъ однихъ чиновниковъ, выработала планъ уѣзднаго и губернскаго управленія на чисто бюрократическихъ основаніяхъ. Трудовъ этой комиссіи имъ не показывали, несмотря на прямыя ходатайства нѣкорыхъ изъ нихъ, и это усиливало ихъ подозрѣнія и увеличивало раздражительность. По тому отношенію къ своимъ заявленіямъ, которое они встрѣчали въ средѣ редакціонныхъ комиссій и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, депутаты догадывались, что заключенія ихъ не будутъ имѣть практическаго значенія, и что вообще вызовъ ихъ въ Петербургъ превратился, благодаря коварству бюрократіи, въ простую комедію. Это не могло ихъ не бѣсить, и безсильный ихъ гнѣвъ ярко отразился въ написанныхъ ими отзывахъ. Ясно и отчетливо видя, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если она не будетъ сопровождаться преобразованіемъ всего правительственнаго строя, депутаты сочли своимъ долгомъ указать правительству на необходимыя реформы, которыя должны были, по ихъ мнѣнію, слѣдовать тотчасъ за упраздненіемъ крѣпостного права. Нѣкоторые изъ нихъ представляли даже подробныя соображенія о желательномъ административномъ и судебномъ устройствѣ страны и о тѣхъ необходимыхъ гарантіяхъ, которыя защищали бы каждаго гражданина отъ злоупотребленій и произвола чиновниковъ. Большинство депутатовъ требовали: свободы печати и уничтоженія канцелярской тайны; права для всякаго частнаго лица привлекать къ судебной отвѣтственности чиновниковъ за ущербъ, причиненный неправильными ихъ дѣйствіями по службѣ; правильнаго судебнаго устройства (причемъ большая часть желала введенія суда присяжныхъ); наконецъ, мѣстнаго самоуправленія для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ населенія съ участіемъ въ нихъ всѣхъ классовъ общества. Замѣчательно, что при этомъ въ основныхъ взглядахъ на государственное устройство сошлись между собой какъ славянофилы, такъ и западники. Всѣ они желали гарантировать общество отъ бюрократическаго произвола и гнета, но всѣ они полагали тогда, что при этомъ можетъ и

должна быть сохранена самодержавная власть государя. Всѣ они, повидимому, искренно думали, что между самодержавіемъ и бюрократическимъ строемъ нѣтъ органической роковой связи и что можно оставить неприкосновеннымъ первое, совершенно упразднивъ или ограничивъ послѣдній. Эта точка зрѣнія, подкрѣпленная славянофильской исторіософіей, держалась у насъ замѣчательно долго, несмотря на постоянныя обнаруженія своей полной несостоятельности на практикѣ. Но въ то время въ возможности и цѣлесообразности такого государственнаго устройства были убѣждены далеко не одни славянофилы. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что совершенно такого же взгляда послѣ Іенскаго погрома придерживались и многіе германскіе патріоты, въ томъ числѣ и знаменитый баронъ Штейнъ...

Исписавъ кипы бумаги и понимая, что не только государь, но и члены главнаго комитета не будутъ имѣть возможности прочесть всѣ ихъ отзывы, депутаты рѣшились передъ выѣздомъ изъ Петербурга подать императору адресъ, въ которомъ просить о томъ, чтобы имъ было разрѣшено собраться вторично для разсмотрѣнія окончательныхъ работъ и проектовъ редакціонныхъ комиссій и личнаго представленія своихъ возраженіи въ главномъ комитетѣ. Проектъ адреса, составленный Кошелевымъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, былъ принятъ и даже подписанъ 21 депутатомъ, но на другой день нѣкоторые изъ нихъ струсили и рѣшили замѣнить этотъ адресъ другимъ, въ которомъ уже не было ходатайства о допущеніи самихъ депутатовъ въ главный комитетъ, а содержалась одна только просьба, чтобы имъ было дозволено представить въ комитетъ свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій. Этотъ адресъ подписали 18 человѣкъ, а пятеро, смотрѣвшихъ на дѣло болѣе смѣло и трезво и видѣвшихъ, что вторично ихъ все равно собирать не будутъ, рѣшились выразить въ особомъ адресѣ свой взглядъ на необходимыя, по ихъ мнѣнію, измѣненія въ предположеніяхъ редакціонныхъ комиссій и на наиболѣе неотложныя преобразованія въ гражданскомъ и административномъ строѣ страны.

«Вѣруя въ благодушіе вашего величества,—писали они въ этомъ адресѣ, — зная волю вашу, государь, чтобы Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, государь, всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о нижеслѣдующемъ:

«1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ *немедленнаго выкупа*, по цѣнѣ и условіямъ неразорительнаго для помѣщиковъ.

«2. Образовать *хозяйственно-распорядительное управленіе*, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

«3. Учредить *независимую судебную власть,* т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и

«4. Дать возможность обществу путемъ *печатной гласности* доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

«Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе ваше, государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ уповаціи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любовью къ престолу и отечеству».

Этотъ адресъ былъ подписанъ двумя харьковскими, двумя ярославскими депутатами и тверскимъ—А. М. Унковскимъ. Къ сожалѣнію, во вступительной части этого адреса была вставлена очень нехорошая фраза о предположенномъ будто бы редакціонными комиссіями увеличеніи существующаго надѣла крестьянъ землей и крайнемъ пониженіи повинностей въ большей части губерній. Предположенные редакціонными комиссіями надѣлы, отнюдь не превышавшіе ранѣе существовавшихъ, не понравились харьковскимъ депутатамъ, а установленная комиссіями норма повинностей не удовлетворяла ярославскихъ; но какъ согласился на включеніе этой фразы въ адресъ А. М. Унковскій, самъ отстаивавшій тотъ самый надѣлъ и тѣ самыя нормы повинностей, которыя приняты были въ редакціонныхъ комиссіяхъ,—совершенно непонятно. Александръ призналъ этотъ адресъ *«ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности»* [1]).

Кромѣ этихъ двухъ адресовъ, государю было представлено еще всеподданнѣйшее письмо симбирскаго депутата Шидловскаго, въ которомъ тотъ среди множества высокопарныхъ словъ старался доказать, что дворянство оклеветано передъ монархомъ, что отечество въ опасности и что для спасенія его отъ этой опасности государю слѣдуетъ созвать «къ подножію своего престола» нарочито уполномоченныхъ дворянствомъ лицъ и съ ними окончить дѣло подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Это довольно нелѣпое посланіе показалось Александру тоже опаснымъ, и онъ возвратилъ его министру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: «вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ» [2]).

Всѣ эти адресы были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ 5 ноября 1859 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ Александра,

---

[1]) *Семеновъ*, т. II, стр. 128. Самый адресъ въ приложеніяхъ, стр. 937.
[2]) Тамъ же, стр. 937.

причемъ обсуждался одинъ только вопросъ, какія мѣры обузданія принять по отношенію къ дерзновеннымъ ихъ подателямъ. Въ результатѣ пять депутатовъ, подавшихъ одну общую просьбу, получили «*замѣчаніе* за неправильныя и неумѣстныя свои домогательства» съ разъясненіемъ, что они не имѣли права подавать прошенія за общимъ подписомъ. *Восемнадцать* депутатовъ получили отъ начальниковъ губерній отношенія «съ разъясненіями», по высочайшему повелѣнію, «что, имѣя въ виду высочайшей властью одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ».

По поводу этихъ рѣшеній Кошелевъ писалъ тогда же въ упомянутой выше заграничной брошюрѣ, что «они глубоко огорчили всѣхъ людей, искренне преданныхъ государю и великому дѣлу имъ предпринятому». «Упомянутыя губернаторскія отношенія,— писалъ онъ тамъ же,—распространенныя во множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни «Колоколъ», ни всѣ прочіе запрещенныя книги и листки не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи...»

«... И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу, но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ, ибо нечего сказать въ оправданіе власти. Сама она дѣйствуетъ почти революціонно, отъ другихъ же требуетъ слѣпого, безотвѣтнаго повиновенія... Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи въ Петербургѣ, Москвѣ и во внутренности Россіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства; нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ...» [1]).

Такъ оно и случилось въ дѣйствительности. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію этихъ инцидентовъ въ губерніяхъ, намъ необходимо остановиться на поданной одновременно съ вышеупомянутыми адресами депутатовъ запискѣ камергера М. А. Безобразова, которая, сильно раздраживъ императора Александра, способствовала, повидимому, неблагопріятному отношенію его и къ адресамъ депутатовъ. Безобразовъ былъ аристократъ, племянникъ кн. Орлова и принадлежалъ къ помѣстному дворянству Петербургской губерніи, но самъ депутатомъ не былъ. Записка его важна, какъ по тому впечатлѣнію, которое она произвела на Александра, такъ и сама по себѣ, какъ наиболѣе яркое выраженіе олигархическихъ стремленій, проявившихся въ то время среди многихъ вліятельныхъ крѣпостниковъ. Тонъ записки, представленной черезъ помощника шефа жандармовъ Тимашева, чрезвы-

1) „Записки“ Кошелева. Прилож., стр. 187 и слѣд.

чайно развязенъ и смѣлъ, почему и неудивительно, что онъ взбѣсилъ Александра, испещрившаго всю записку гнѣвными и рѣзкими резолюціями и замѣтками, въ родѣ: «вздоръ», «непомѣрная наглость», «хорошъ софизмъ!» и т. п. [1]).

Въ началѣ записки Безобразовъ доказывалъ, что при вызовѣ и пріемѣ депутатовъ царская воля была искажена бюрократіей, затѣмъ онъ старался представить дворянство несправедливо оклеветаннымъ, а на самомъ дѣлѣ самой лучшей и прочной опорой престола. Въ стремленіи своемъ очернить высшую бюрократію и, въ особенности, министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ не останавливается даже и передъ весьма неблаговидными намеками, имѣвшими значеніе доносовъ, и обвиняетъ въ неблагонадежности и цензуру, и передовые наши журналы, и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и членовъ редакціонныхъ комиссій; обвиняетъ правительственныя учрежденія въ сообществѣ съ заграничными памфлетистами и увѣряетъ при этомъ, что корень крамолы «глубоко зарытъ въ замыслахъ иностранныхъ»; тутъ же бросаетъ тѣнь на нѣкоторыхъ депутатовъ, называя ихъ «сочинителями конституцій, по образцамъ Запада».

Послѣ цѣлаго ряда такихъ выходокъ онъ приглашаетъ правительство исполнить первоначальное повелѣніе государя и собрать въ главномъ комитетѣ *настоящихъ* выборныхъ отъ комитетовъ (не признавая таковыми уполномоченныхъ отъ комитетскихъ меньшинствъ), а затѣмъ «обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонную комиссію въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ» [2]).

«Безъ всякаго сомнѣнія,—писалъ Безобразовъ далѣе,—несравненно лучше было бы потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ. Тогда бы было полное *право* на предложеніе нужныхъ мѣръ и опредѣленіе, *законнымъ образомъ*, потребныхъ отъ дворянства пожертвованій. Но какъ надѣяться, чтобы правительство, *шедшее все это время разными извилистыми тропами*, избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ, безъ немедленнаго обличенія?»

Утверждая затѣмъ, что «собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія»,—противъ чего Александръ не преминулъ замѣтить: «хорошъ софизмъ!»,—Безобразовъ развиваетъ любопытную теорію самодержавнаго государственнаго строя. «Дабы достигнуть возможности исполнять обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность — писалъ онъ — слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эту силу примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе само-

---

[1]) Записка Безобразова помѣщена у *Семенова*, т. II, стр. 940.

[2]) Противъ этого мѣста Александръ написалъ: „надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать“.

державія; безъ нихъ она имѣетъ характеръ *своеволія*, несмотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіей, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ. Право земли руской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно—право, первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать; мысль о нихъ можно затемнять, но вырвать самое право—внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть, когда-либо случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ такъ же, какъ она ихъ при государственныхъ опасностяхъ собирала. Прискорбно будетъ дожить до такого времени; но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ государственный порядокъ, вновь воздвигнетъ «*уроненное своеволіемъ самодержавіе!*»

Пораженный этими словами, Александръ въ двухъ мѣстахъ поставилъ на поляхъ по три восклицательныхъ знака. Въ концѣ записки, противъ того мѣста, гдѣ Безобразовъ писалъ, что онъ желалъ бы убѣдить государя въ патріотизмѣ и безкорыстіи дворянства, Александръ отмѣтилъ: «*Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе*».

Поступокъ Безобразова разсмотрѣнъ былъ по высочайшему повелѣнію въ главномъ комитетѣ, причемъ князь Орловъ, какъ родственникъ обвиняемаго, уклонился отъ участія въ этомъ засѣданіи. Безобразовъ былъ уволенъ въ отставку, высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Записка Безобразова была въ то время далеко не единственная въ своемъ родѣ [1]). Подобная же записка, съ многочисленными ссылками на Токвиля, была пущена на орловскомъ дворянскомъ собраніи извѣстнымъ въ то время заводчикомъ-магнатомъ ген. С. И. Мальцевымъ. Къ той же категоріи принадлежитъ и извѣстное французское письмо гр. В. П. Орлова-Давыдова къ ген. Ростовцеву (анонимное). Нельзя также не видѣть прямой идейной связи между запиской Безобразова и вышеупомянутымъ посланіемъ Шидловскаго. Самъ Безобразовъ старательно отгораживалъ себя какъ отъ либеральной оппозиціи, представителемъ которой среди депутатовъ являлся Унковскій, такъ и отъ славянофильской «Русской Бесѣды», которую онъ обвинялъ даже въ разсылкѣ эмиссаровъ съ цѣлью бунтовать народъ, намекая на довольно нелѣпое происшествіе, случившееся въ то время съ писателемъ Якушкинымъ въ Псковѣ. Но правительство смѣшивало

[1]) Самъ М. А. Безобразовъ еще въ 1856 г. представилъ записку о значеніи самодержавія, въ которой проводилъ тѣ же мысли. Въ маѣ 1859 г. онъ и его братъ Николай составили и пустили въ ходъ матеріалы для адреса, въ которомъ помѣщены были тѣ же соображенія, что и въ запискѣ. (Ср. „Матеріалы для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи", т. II, стр. 97 и слѣд., особенно 104—109).

всѣ такія заявленія, записки и адресы въ одну кучу, не разбирая того, имѣли ли они демократическія или олигархическія тенденціи, отчего впослѣдствіи и въ публикѣ всѣ они—и либеральные, и крѣпостническіе—разсматривались многими, какъ проявленія одной и той же дворянской фронды.

Депутаты перваго приглашенія разъѣхались (въ ноябрѣ 1859 г.) по своимъ губерніямъ въ крайнемъ раздраженіи противъ правительства, дворянство же устраивало имъ повсюду оваціи, чествовало ихъ обѣдами, адресами и т. п., въ пику правительству. Это движеніе особенно усилилось, когда Ланской разослалъ по высочайшему повелѣнію циркуляры съ запрещеніемъ предстоявшимъ въ разныхъ губерніяхъ очереднымъ дворянскимъ собраніямъ касаться въ своихъ сужденіяхъ крестьянскаго вопроса. Это распоряженіе фактически отмѣняло 112 ст. IX т. свода зак., дававшую дворянству права свободнаго обсужденія ихъ пользъ и нуждъ. Собственно такіе же циркуляры были разосланы и въ 1858 году въ губерніи, гдѣ въ то время происходили выборы. Тогда они вызывались желаніемъ защитить отъ враждебной критики и возможныхъ насилій членовъ губернскихъ комитетовъ и мотивировались тѣмъ, что крестьянское дѣло обсуждается въ этихъ именно комитетахъ. Дворянство подчинилось тогда этому распоряженію довольно спокойно; нѣкоторыя изъ происходившихъ въ 1858 г. собраній послали лишь адресы о введеніи гласнаго судопроизводства и о необходимости другихъ реформъ [1]). Но въ 1859 г. дворянство рѣшило оказать сопротивленіе, не сходя, впрочемъ, съ законной почвы. Мы не будемъ описывать всѣхъ инцидентовъ и всѣхъ ходатайствъ, представленныхъ дворянами въ Рязани, Ярославлѣ, Вологдѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Орлѣ. Они описаны подробно въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія», изданныхъ въ 1860 г. въ Берлинѣ сенаторомъ Д. П. Хрущовымъ (т. II, стр. 260 и слѣд.) и перепечатанныхъ съ нѣкоторыми лишь сокращеніями въ книгѣ проф. Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» (2-ое изд. 1903 г., стр. 381 и слѣд.) Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Твери и во Владимирѣ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму и произведшихъ въ публикѣ большую сенсацію.

Тверское дворянство, руководимое Унковскимъ, Европеусомъ и Головачевымъ, выказало при этомъ замѣчательную выдержанность и стойкость, соединенную съ полнымъ сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и интересовъ. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ, петрашевецъ, незадолго передъ тѣмъ возвращенный изъ ссылки, сумѣлъ сочетать въ своей рѣчи, которая сдѣлала бы честь любому парламентскому оратору, самое полное уваженіе къ закону съ самымъ рѣзкимъ и краснорѣчивымъ осужденіемъ всего существовавшаго— и увы! существующаго донынѣ—бюрократическаго строя. Находя

---

[1]) „Матеріалы“ Хрущова, II, 258.

высочайшее повелѣніе, объявленное въ циркулярѣ министра, противорѣчащимъ дѣйствующему закону, нѣкоторые изъ членовъ собранія предложили на основаніи 77 ст. основныхъ законовъ, «не чиня исполненія», начать говорить о крестьянскомъ вопросѣ. На это Европеусъ сказалъ: «Господа! по прочтеніи 77 статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи министру, *не чиня исполненія*, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора... Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими, и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать офиціальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому, принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX тома, я, на основаніи 72, 73 и 77 статей I тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77 статьи, телеграфируя г. министру; а предложеніе это прошу баллотировать». Предложеніе Европеуса было принято 184 голосами противъ 54, а 43 члена отказались отъ баллотировки, находя предложеніе незаконнымъ. Вслѣдствіе отказа губернатора переслать министру заявленіе дворянскаго собранія, большинствомъ голосовъ было рѣшено, уже 231 голосомъ противъ 56, «составить прошеніе въ собственныя руки государя», которое и было отправленно съ экстреннымъ поѣздомъ. Отвѣтъ не замедлилъ. Въ немъ было сказанно: «имѣя въ виду, что твер-

ской губернскій предводитель и означенные выше дворяне не должны были ходатайствовать объ отмѣнѣ высочайшей воли, такъ положительно выраженной, его императорское величество изволилъ повелѣть: всеподданнѣйшее прошеніе ихъ оставить безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно повелѣть: тверского губернскаго предводителя дворянства кол. асс. Унковскаго, допустившаго составленіе прошенія дворянства и даже перваго подписавшаго его, немедленно уволить отъ должности губернскаго предводителя...» Въ концѣ этой бумаги Ланской сообщалъ, что объ удаленіи Унковскаго уже объявлено въ приказѣ по мин. внутр. дѣлъ. Дворянамъ приказано было произвести выборы непремѣнно въ положенный срокъ. Они исполнили это безропотно, но въ 8 уѣздахъ изъ 12 никто не пожелалъ баллотироваться въ уѣздные предводители; въ губернскіе баллотировалось двое, и оба были забаллотированы. Въ честь Унковскаго тутъ же состоялось подписка на 12 стипендій его имени при Московскомъ Университетѣ.

Этимъ преслѣдованія однако же не кончились. Правительство, раздраженное противъ Унковскаго и Европеуса, воспользовалось совершенно нелѣпымъ доносомъ о томъ, что будто бы тверскіе либералы затѣваютъ дать волю крестьянамъ, не ожидая правительственныхъ распоряженій, и даже заготовили печатныя прокламаціи объ этомъ. Для разслѣдованія посланъ былъ въ Тверь генералъ Ефимовичъ и, хотя доносъ, разумѣется, не подтвердился, однако же Ефимовичъ доложилъ государю, что присутствіе въ Твери Унковскаго, Европеуса и Головачева волнуетъ умы дворянства.

Это сочли достаточнымъ, чтобы безъ суда сослать Унковскаго въ Вятку, а Европеуса въ Пермь. Съ этихъ поръ духъ оппозиціи прочно укоренился въ тверскомъ дворянствѣ.

Хрущовъ разсказываетъ въ своихъ «Матеріалахъ», что даже «народъ провожалъ Унковскаго съ знаками сожалѣнія». «Во всей Россіи рѣшеніе, его постигшее, произвело глубокое, тяжелое впечатлѣніе. Общественное мнѣніе не могло никакъ согласить упраздненія крѣпостного права, предпринятаго самимъ государемъ, съ самовольнымъ, безъ суда, распоряженіемъ свободою людей, когда вся вина ихъ состояла въ томъ, что они съ полной самостоятельностью и съ полной душой защищали свободу свою и своего сословія. Ссылка Унковскаго и Европеуса—заключаетъ Хрущовъ—была огромная политическая ошибка, нанесшая нынѣшнему царствованію неисцѣлимый вредъ» [1])...

На владимирскомъ дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ январѣ 1860 г., нашли способъ довольно остроумно обойти циркуляръ Ланского.

Ковровскій предводитель дворянства, бывшій членъ меньшинства владимирскаго комитета и депутатъ перваго призыва,

[1]) „Матеріалы“ Хрущова, т. II, стр. 271—295.

П. С. Безобразовъ, сказалъ въ своей рѣчи: «Нисколько не касаясь крестьянскаго вопроса, для разрѣшенія котораго правительство, вѣроятво, находитъ достаточными свѣдѣнія, доставленныя ему отъ насъ, а потому и останавливаетъ дальнѣйшее разсужденіе, я прошу вниманія вашего, господа, къ изображенію будущаго *нашего* положенія». «По желанію добродушнаго монарха Россія вызывается къ другой жизни, и дворянство, проникнутое новыми началами, не колебаясь, отрекается отъ крѣпостного владѣнія 22 милліонами людей и, для благоустройства ихъ благосостоянія, (отъ своей) собственности. Поступокъ, достойный русскаго дворянина! Но при общемъ стремленіи нашемъ къ благоденствію страны и къ осуществленію желаній нашего благодушнаго государя, не лежитъ ли на насъ, господа, еще обязанность подумать о томъ, что ожидаетъ Россію при новомъ порядкѣ дѣлъ?

«Способъ управленія въ нашемъ любезномъ отечествѣ, наше судопроизводство—всѣмъ намъ хорошо извѣстны. Кто изъ васъ, господа, не испыталъ на себѣ тяжелаго гнета чиновничьяго произвола и не убѣдился въ вопіющей несправедливости судопроизводства? И все это тяготѣло надъ нами тогда, когда значеніе дворянства было неприкосновенно, когда дворянское сословіе считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ и, обладая средствами, имѣло возможность противостать насилію!... Что же будетъ теперь, м. г-ри!... Новое управленіе и судопроизводство будутъ ли настолько справедливы и правосудны, чтобы мы сами и остатокъ нашей собственности были достаточно ограждены отъ произвола и всякаго насилія?..

«Гдѣ залогъ этого желаемаго будущаго?.. Что, ежели за радушныя жертвы дворянства его исключатъ изъ общаго самоуправленія, оставятъ одинокимъ, отнимутъ возможность слиться съ народомъ и добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлѣ управленія доказать своимъ собратамъ постоянную готовность трудиться для пользы общей? Что, ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его?

«Наконецъ, если уменьшеніе права выбора изъ среды дворянства должностныхъ лицъ отнимаетъ у насъ окончательно участіе въ управленіи страной?

«Господство чиновниковъ подавитъ все, и русское дворянство, столько вѣковъ бывшее опорой трона и не щадившее жизни для блага своего отечества, исчезнетъ въ хаосѣ новаго управленія?.. Ропотъ и справедливое негодованіе обоихъ сословій неизбѣжны и повлекутъ за собой самыя гибельныя послѣдствія!

«Неужели, господа, предвидя общія бѣдствія, мы будемъ колебаться и правдивымъ задушевнымъ словомъ не выскажемъ нашему доброму Государю всей истины, которую могутъ скрывать отъ него одни только враги Россіи и человѣчества!...

«Проникнутый этимъ желаніемъ и руководимый чувствами

душевной скорби, я въ своихъ отвѣтахъ правительству, въ качествѣ депутата отъ Владимирской губерніи, высказалъ все, что тяготило меня. Теперь, м. г-ри, передавая вамъ свои убѣжденія, я ищу вашего сочувствія... Ежели вы свой сильный голосъ присоедините къ моему, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, ходатайствуя передъ нашимъ возлюбленнымъ монархомъ о благѣ отечества, мы успѣемъ отвратить грозящую всѣмъ опасность!...»

Послѣ рѣчи П. С. Безобразова—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцами М. А. и Н. А. Безобразовыми—сказалъ длинную и краснорѣчивую рѣчь помѣщикъ Протопоповъ. «Нынѣ, господа,—сказалъ онъ, между прочимъ,—пользы и нужды наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а, слѣдовательно, цѣлаго государства.

«Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ (?) судомъ присяжныхъ!

«Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде еще избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!»

Собраніе вполнѣ раздѣлило стремленія и настроеніе обоихъ ораторовъ и поручило тутъ жеособой комиссіи выработать проектъ адреса. Комиссія представила два проекта: въ одномъ, краткомъ, выражалось лишь сожалѣніе, что послѣдовалъ такой циркуляръ министра, ограничивающій права дворянства; въ другомъ, болѣе пространномъ и рѣзкомъ, послѣ обстоятельной и откровенной критики существующаго строя, основаннаго на возмутительномъ чиновничьемъ произволѣ, правительству предлагался рядъ коренныхъ преобразованій въ либерально-демократическомъ духѣ въ послѣдующихъ восьми пунктахъ:

«1. Строгое *раздѣленіе властей*: административной, судебной и полицейской.

2. *Управленіе общее для всѣхъ сословій.*

3. Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій (*всесословное земство*), *отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ,* причемъ выборныя лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избранія.

4. *Полицейское управленіе* правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, *дѣйствующее только на основаніи закона.*

5. Руководимое только закономъ, гражданское *судопроизводство гласное,* уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. *судъ присяжныхъ.*

6. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

7. *Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ* за неисполненіемъ ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита» [1]).

Хрущовъ разсказываетъ, что въ Петербургѣ на этотъ адресъ сильно злились, и что рѣчи Безобразова и Протопопова признаны были революціонными; но на этотъ разъ дѣло ограничилось лишь замѣчаніемъ губернскому предводителю дворянства.

Пока эти инциденты происходили въ разныхъ губерніяхъ, редакціонныя комиссіи подошли къ окончанію *второго* періода своихъ занятій и, разсмотрѣвъ проекты остальныхъ 24 дворянскихъ комитетовъ и пересмотрѣвъ свой собственный проектъ, онѣ вызвали въ Петербургъ депутатовъ отъ этихъ 24 губерній, прозванныхъ депутатами второго призыва. Большая часть этихъ депутатовъ принадлежала къ комитетамъ хлѣбородныхъ губерній и къ комитетамъ западныхъ губерній (литовскихъ, бѣлорусскихъ и юго-западныхъ). Ихъ взгляды еще болѣе отличались отъ взглядовъ редакціонныхъ комиссій, нежели взгляды депутатовъ *перваго* приглашеніи. Тѣ признавали, по крайней мѣрѣ, что крестьяне должны быть освобождены съ землей, и спорили лишь о размѣрахъ надѣловъ и повинностей и въ большинствѣ желали немедленной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи кредитной выкупной операціи. Депутаты 2-го приглашенія почти всѣ были противъ надѣленія крестьянъ землей и требовали, по миновании срочно-обязаннаго періода, возращенія всей земли въ полное распоряженіе помѣщика, а на ряду съ этимъ желали сохраненія вотчинной власти въ возможно широкихъ размѣрахъ. Они рѣзко нападали на редакціонныя комиссіи и за проектированное ими административное устройство крестьянъ; но въ то время, какъ депутаты перваго приглашенія обвиняли комиссію главнымъ образомъ за сказавшіяся въ ихъ проектѣ бюрократическія тенденціи, за предоставленіе слишкомъ большой власти чиновничеству и полиціи во вредъ самоуправленію обществъ,—депутаты 2-го призыва старались главнымъ образомъ указать въ трудахъ редакціонныхъ комиссій присутствіе радикальныхъ демократическихъ, республиканскихъ и даже коммунистическихъ стремленій. Въ извѣстномъ «письмѣ депутата 1 призыва къ депутатамъ 2-го приглашенія», А. И. Кошелевъ [2])

---

[1]) „Матеріалы“ Хрущова II, 313 и слѣд. Перепечатано и у Иванюкова, 387 (2-е изд.).

[2]) Это письмо напечатано въ „Матеріалахъ“ Хрущова, II, 396—426. Самъ Кошелевъ въ своихъ запискахъ о немъ не упоминаетъ, но по содержанію его едва ли можно сомнѣваться, что оно принадлежитъ именно его перу. Никто другой изъ депутатовъ перваго приглашенія его написать не могъ.

давалъ депутатамъ очень разумные совѣты, какъ имъ вести себя въ Петербургѣ. Прежде всего онъ рекомендовалъ имъ сплотиться и достигнуть возможно полнаго единодушія. Кошелевъ предлагалъ имъ сойтись на почвѣ признанія необходимости освобожденія крестьянъ съ землей, съ полными надѣлами, примѣнительно къ существовавшимъ въ дѣйствительности, при помощи обязательнаго выкупа и съ сохраненіемъ народной самобытности и общинной организаціи. Сойдясь на этомъ, они должны были, по мнѣнію Кошелева, всѣми силами напасть на бюрократическія тенденціи редакціонныхъ комиссій и отстоять, во что бы то ни стало, *идею самоуправленія.* «Всѣ мы глубоко убѣждены, — писалъ онъ,—что въ обширной Россійской имперіи одно самодержавіе можетъ удержать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ: и потому мы всѣ за самодержавіе; но по той же самой причинѣ мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ (сословіямъ) и неумѣньемъ вести дѣло просто, хорошо и быстро... Для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственному окружающему ихъ народонаселенію»... При этомъ Кошелевъ совѣтывалъ депутатамъ не полагаться «на слова и увѣренія бюрократіи», а обращаться непосредственно къ самому Государю.

Въ этомъ письмѣ особенно знаменателенъ былъ совѣтъ Кошелева бросить всякія мечты о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и даже объ уменьшеніи существующихъ надѣловъ [1]) и сосредоточить всѣ свои силы на отстаиваніи идеи народнаго самоуправленія противъ чиновничьяго бюрократическаго режима. Но какъ разъ въ этомъ отношеніи депутаты 2-го приглашенія и не послушались Кошелева. Они, правда, оказались довольно единодушны между собой и по всѣмъ почти вопросамъ подали отзывы за общимъ подписомъ 36 — 40 лицъ, но сошлись они на принципахъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые имъ рекомендовалъ Кошелевъ. Всего сильнѣе они обрушились на надѣленіе крестьянъ землей, на образованіе крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ и очень поверхностно и слабо отстаивали принципы самоуправленія, притомъ въ чисто аристократическомъ смыслѣ. На труды редакціонныхъ комиссій они написали очень рѣзкую и крайне несправедливую критику, но на Высочайшее имя никакихъ заявленій не рѣшились направить.

Они собрались въ Петербургѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда умеръ Ростовцевъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Панинъ,

[1]) „Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли—непозволительно, скажу болѣе—преступно“. (Стр. 406).

имѣвшій репутацію тупого и завзятаго консерватора и крѣпостника.

Есть мнѣніе, что именно это обстоятельство, сопровождавшееся упорными слухами о поворотѣ во взглядахъ правительства на крестьянскій вопросъ и даже о распущеніи редакціонныхъ комиссій и объ уничтоженіи ихъ трудовъ, окрылило крѣпостническими надеждами депутатовъ второго призыва, чѣмъ и объясняется отличіе поданныхъ ими отзывовъ отъ таковыхъ же, представленныхъ депутатами перваго приглашенія. Въ этомъ мнѣніи есть, вѣроятно, значительная доля правды, но во всякомъ случаѣ, основными мотивами дѣятельности депутатовъ служили тѣ мѣстныя матеріальныя условія, которыя направляли дѣятельность и губернскихъ комитетовъ. Что же касается замѣны Ростовцева Панинымъ, то фактъ этотъ, возбудившій страшное негодованіе въ однихъ и слишкомъ неосновательныя надежды въ другихъ, заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія.

Извѣстно, какъ отнеслись къ этому факту друзья эмансипаціи, всѣ передовые представители общества, члены редакціонныхъ комиссій, Милютинъ, Елена Павловна и проч. Всего рѣзче негодованіе и страхъ, охватившіе тогда общество, отразились, разумѣется, въ «Колоколѣ» Герцена. Извѣстіе о назначеніи Панина напечатано было въ № 65 (отъ 15 марта 1860 г.) *съ чернымъ бордюромъ*. „Невѣроятная новость о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ во главѣ освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно. Наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки освобожденіе крестьянъ... Истина прежде всего, истина, какая бы она ни была. Что касается до насъ, наша дорога ясна. Объ ней мы поговоримъ въ другое время...»

«Это назначеніе — записалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко—поразило, какъ громомъ, всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей гр. Панина извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ?! Нельзя не признаться, что съ Ростовцевымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе... Бѣдное отечество! Такъ шатки всѣ благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ." Такія же тревожныя мысли высказывались въ частной перепискѣ Кошелева, Аксакова, Самарина, Погодина и другихъ.

Милютинъ приготовился подать въ отставку. Но вся эта тревога оказалась преждевременной и преувеличенной: слишкомъ ужъ много значенія привыкли у насъ придавать отдѣльнымъ лицамъ, стоящимъ у власти. «Вы не знаете графа Панина—сказалъ Александръ II великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ,—его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній!» И, повидимому, онъ имѣлъ основаніе это сказать.

Теперь, когда всѣ обстоятельства назначенія гр. Панина извѣстны,—особенно благодаря книгѣ Н. П. Семенова,—до мельчайшихъ подробностей, можно съ увѣренностью сказать, что это назначеніе было въ то время изъ возможныхъ золъ меньшимъ. По крайней мѣрѣ, со стороны Александра оно являлось безспорно плодомъ глубокихъ и зрѣлыхъ размышленій, отнюдь не легкомыслія и не лицемѣрія, какъ думалъ Герценъ. Александръ Николаевичъ въ эту трудную для себя минуту трезво взвѣсилъ всѣ окружавшія его обстоятельства и свои собственныя силы, несомнѣнно уже ослабѣвшія послѣ четырехлѣтняго непрерывнаго напряженія. Онъ понялъ, что если назначить вмѣсто Ростовцева Милютина или даже Ланского, какъ тотъ самъ предлагалъ, то это вызоветъ такую травлю, такую массу открытыхъ нападеній и подпольныхъ интригъ въ близкой ему придворной средѣ, которыхъ превозмочь онъ, Александръ, будетъ не въ состояніи, особенно опираясь лишь на слабаго и нерѣшительнаго Ланского. То же самое и еще въ большей степени могло грозить при назначеніи на этотъ постъ Н. Н. Муравьева-Амурскаго, который къ тому же былъ горячъ и неостороженъ. Мих. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи Виленскій) пошелъ бы охотно и далъ бы всякія обѣщанія, но, несомнѣнно, обманулъ бы Александра при первой возможности. Чевкинъ могъ испортить все дѣло своимъ необыкновеннымъ упрямствомъ. Другихъ кандидатовъ не было...

Между тѣмъ Панинъ и самъ говорилъ про себя, что считаетъ своимъ священнымъ долгомъ поступать *вопреки* своимъ убѣжденіямъ, разъ ему извѣстно, что они расходятся съ опредѣленной волей монарха. Назначая Панина, Александръ поставилъ ему условіемъ ничего не измѣнять въ томъ направленіи дѣла, какое было дано Ростовцевымъ. «Я увѣренъ,—прибавилъ онъ,—что вы меня не обманете!» Намъ кажется, что Александръ въ этомъ случаѣ не ошибся въ своихъ расчетахъ, и, хотя, разумѣется, гр. Панинъ пользы дѣлу не принесъ и даже дѣлалъ довольно серьезныя попытки его испортить, но это ему не удалось, и въ рѣшительный моментъ онъ долженъ былъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, даже защищать работы редакціонныхъ комиссій, такъ что крѣпостники въ концѣ концовъ не только перестали радоваться его назначенію, но признали его очень скоро отступникомъ.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письмо С. В. Ковалевской къ П. Л. Лаврову.

Штокгольмъ.
Kommändörskagatan.
Hos Fru Vidmark.

Многоуважаемый Петръ Лавровичъ!

Вы вѣрно въ большой претензіи на меня за то, что я не отвѣтила на Ваше милое письмо; но я получила его незадолго до моего отъѣзда изъ Берлина и была въ это время такъ по уши погружена въ математику, что никакъ не собралась отвѣтить. Ну, а потомъ изъ Россіи ужъ неудобно было отвѣчать. Пожалуйста, не сердитесь на меня и простите великодушно.

Ну, вотъ я, наконецъ, и въ Штокгольмѣ. Послѣ новаго года начну читать лекціи въ университетѣ о „дифференціальныхъ уравненіяхъ“; на нихъ записалось уже довольно много слушателей. Вообще и профессора и публика (по крайней мѣрѣ, та часть ея, съ которою мнѣ приходится встрѣчаться), относятся ко мнѣ не только дружелюбно, но даже иногда и восторженно. Для смѣха переведу Вамъ, что написала обо мнѣ одна очень распространенная здѣсь демократическая газета на другой день послѣ моего пріѣзда сюда. „Сегодня намъ предстоитъ сообщить нашимъ читателямъ не о пріѣздѣ какого-нибудь пошлаго принца крови или т. н. высокаго лица; нѣтъ, дѣло идетъ о совершенно другомъ и несравненно важнѣйшемъ: принцесса науки, г-жа Ковалевская, прибыла въ нашъ городъ и будетъ читать лекціи въ нашемъ университетѣ и т. д.“.

Всѣ шведы, съ которыми мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь, народъ довольно либеральный. Вопросъ о равноправности женщинъ ужасно живо интересуетъ шведское общество въ данную минуту. Соціальный вопросъ тоже стоитъ на очереди. До сихъ поръ мнѣ не удалось еще узнать какое дѣйствительное положеніе соціализма въ Швеціи; по крайней мѣрѣ, въ обществѣ къ соціализму въ теоріи относятся съ большимъ сочувственнымъ интересомъ. Даже люди, занимающіе здѣсь очень высокое положеніе въ

обществѣ, дерзаютъ открыто признаваться въ сочувствіи къ соціализму. Говорятъ, что и самъ король не относится къ нему съ ужасомъ. Впрочемъ, я не берусь еще сказать утвердительно, насколько этотъ интересъ и сочувствіе искренни и насколько тутъ играютъ роль въ разговорахъ со мною желаніе сказать что-нибудь подходящее къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя мои собесѣдники предполагаютъ во мнѣ.

Норденшильдъ—извѣстный путешественникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые всего живѣе относятся къ этому вопросу, въ особенности желалъ бы знать положеніе соціализма и нигилизма въ Россіи. Я была бы Вамъ очень благодарна, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, если бы вы нашли возможнымъ указать мнѣ на тѣ изданія русской револю̈іонной партіи, которыя появились за это послѣднее время, и по которымъ иностранецъ могъ бы составить себѣ понятіе о цѣляхъ и положеніи русской революціонной партіи въ настоящее время. Я думаю, что это очень полезно распространять здѣсь всѣми способами сочувстіе къ нигилизму, тѣмъ болѣе, что Швеція такая естественная и удобная станція для всѣхъ желающихъ покинуть матушку Россію нѣсколько внезапно.

О томъ, что дѣлается у насъ на родинѣ, могу Вамъ сообщить мало интереснаго; я была тамъ короткое время и совершенно была поглощена устройствомъ личныхъ дѣлъ и приготовленіемъ къ моему отъѣзду. Общее впечатлѣніе родины на меня было далеко не отрадное—апатія, общее недовѣріе и у всѣхъ одно откровенное желаніе, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Я не могла даже разузнать въ Россіи, точно ли Чернышевскаго вернули, и въ какомъ онъ находится положеніи. Никому и въ голову не приходитъ серьезно интересоваться этимъ. „Вернули—ну, пусть вернули; здоровъ онъ или съ ума сошелъ, это не наше дѣло!“. Да, впрочемъ, пожалуй, если бы общество отнеслось иначе, то его бы бѣднягу и еще подальше услали.

Прощайте, многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Пожалуйста, не полѣнитесь и сообщите о всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ въ Парижѣ. Какъ поживаетъ Никитина, гдѣ теперь Луцкій? Пожалуйста, сообщите его адресъ; я какъ-нибудь соберусь и напишу ему.

Преданная Вамъ

Софья Ковалевская.

ДЕКАБРИСТЫ—МАСОНЫ.

(*Продолженіе* [1]).

VI.

Изъ статистической таблицы, составленной мною на основаніи отчетовъ союза Астреи, видно, что въ 1817 г. въ этомъ союзѣ состояло 12 ложъ, въ которыхъ было 910 членовъ, въ томъ числѣ въ 6-ти ложахъ въ Петербургѣ 724 члена [2]). Въ слѣдующемъ 1818 г. въ союзѣ состояло уже 24 ложи, но въ одной изъ нихъ, митавской, не было собраній. Въ нихъ было всего 1300 членовъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ въ 9-ти ложахъ 882 члена. Затѣмъ, въ виду закрытія нѣкоторыхъ ложъ правительствомъ, общее число членовъ почти не увеличилось, а въ Петербургѣ даже сократилось, а именно въ 1820 г. числилось въ союзѣ Астреи 20 ложъ [3]) (кромѣ четырехъ ложъ, въ которыхъ работа была прекращена или самими масонами, или по требованію правительства). Въ этихъ 20-ти ложахъ было 1323 члена, въ томъ числѣ въ Петербургѣ въ восьми ложахъ 755 человѣкъ. Изъ приведеннаго выше указанія видно, что сокращеніе числа членовъ масонскихъ ложъ въ Петербургѣ объясняется выходомъ изъ нихъ многихъ членовъ послѣ закрытія правительствомъ масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ. Въ 1821 г. общее число числящихся въ ложахъ союза Астреи членовъ равнялось 1406, но нужно имѣть въ виду, что въ трехъ ложахъ, число членовъ которыхъ обозначено (въ Митавѣ, Ревелѣ и Ямбургѣ) давно не было засѣданій; число членовъ въ Петербургѣ (въ 8 ложахъ) нѣсколько увеличилось (797 чел., вмѣсто 755-ти). Въ 1822 г. числилось 20 ложъ союза Астреи, но изъ нихъ въ двухъ работъ не было. Въ 20 ложахъ числилось почти столько же членовъ, какъ и въ предыдущемъ году,—1403, въ однихъ же петербургскихъ—806. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что до 1818 г. включительно замѣтно увеличеніе

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Февраль.

[2]) Почетные члены вездѣ въ счетъ не включены.

[3]) Въ томъ числѣ въ ревельской Трехъ Сѣкиръ и митавской работъ не было.

числа ложъ союза Астреи, а съ этого времени оно уменьшилось. Общее число членовъ съ 1817 г. значительно увеличилось (на 55%), а въ Петербургѣ—въ гораздо меньшей степени (всего на 10%).

Изъ 25-ти ложъ, значащихся въ спискѣ Астреи, 8 ложъ работало на нѣмецкомъ языкѣ, 5—на русскомъ, 4—на французскомъ и одна—на польскомъ. Нѣкоторыя ложи работали на двухъ языкахъ: три ложи на русскомъ и французскомъ, одна—на польскомъ и французскомъ, одна на польскомъ и нѣмецкомъ, наконецъ, двѣ ложи—на трехъ языкахъ: одна—на русскомъ, польскомъ и французскомъ и одна—на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Въ союзѣ Великой Провинціальной ложи, если взять все время ея существованія, числилось 10 ложъ, но изъ нихъ три перешли въ союзъ Астреи. Въ 1816 г. въ пяти ложахъ этого союза числилось 397 членовъ, а 1822 г. въ семи ложахъ—230 членовъ. Изъ нихъ три работали на русскомъ языкѣ, двѣ на нѣмецкомъ, одна на французскомъ и одна на двухъ языкахъ—на русскомъ и французскомъ. Такимъ образомъ союзъ Великой Провинціальной ложи былъ гораздо малочисленнѣе союза Астреи [1]).

Въ 1822 г. въ 27 ложахъ обоихъ союзовъ—Астреи и Провинціальной ложи (кромѣ шотландскихъ и тайныхъ ложъ, въ томъ числѣ ложи Лабзина Умирающаго Сфинкса) числилось всего 1633 члена (кромѣ почетныхъ).

Изъ всѣхъ 32-хъ ложъ, числившихся въ спискахъ союзовъ Астреи и Великой Провинціальной ложи, 10 работало на нѣмецкомъ языкѣ, 8—на русскомъ, 5—на французскомъ, одна—на польскомъ; на двухъ языкахъ: 4—на русскомъ и французскомъ, 1—на польскомъ и французскомъ, 1—на польскомъ и нѣмецкомъ; наконецъ, на трехъ языкахъ: 1—на русскомъ, польскомъ и французскомъ и 1—на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ.

Въ Союзѣ Провинціальной ложи было еще нѣсколько, такъ назыв., шотландскихъ ложъ Святого Андрея для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени. Это были: ложи Александра—Златого Льва, Сфинкса и Святого Георгія. Въ 1818 г. начиналось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была носить названіе Трехъ Царствъ Природы. Для управленія шотландскими ложами существовало особое собраніе „Шотландская директорія"; другимъ высшимъ учрежденіемъ былъ Капитулъ Феникса [2]).

---

[1]) Ложа Сѣверной Звѣзды, открытая Провинціальною ложею въ Вологдѣ въ февралѣ 1817 г., совсѣмъ не работала и въ 1820 г. была закрыта. Матеріалы о ней напечатаны Т. О. Соколовскою въ „Рус. Арх." 1906 г. т. II, стр. 114—125.

[2]) „Вѣст. Евр." 1872 г. № 2, стр. 596, № 7, стр. 253; „Рус. Арх." 1905 г. № 12, стр. 531.

Существовала еще ложа Умирающаго Сфинкса въ Петербургѣ подъ управленіемъ извѣстнаго масона и мистика Лабзина, независимо отъ другихъ ложъ и также отъ Астреи и Провинціальной ложи. Она была основана до 1808 года [1]). Сенаторъ Кушелевъ въ донесеніи своемъ 22 іюня 1822 г. императору Александру I говоритъ о ложѣ Лабзина:

„За нѣсколько передъ симъ лѣтъ сказано было мнѣ, что въ Петербургѣ есть одна скрытно работающая масонская, а нѣкоторыми называемая мартинистская ложа, не открывающая себя другимъ ложамъ и потому не вошедшая въ общій союзъ ихъ, и что управляетъ ею д. с. с. Лабзинъ. Я, единственно по вѣроподданнической приверженности своей къ высочайшей вашей особѣ желая видѣть ту ложу, чтобы узнать то, что въ ней происходитъ, нарочно познакомился съ Лабзинымъ, но при всемъ моемъ о томъ стараніи весьма долго скрывалъ онъ отъ меня, что имѣетъ ложу; наконецъ, однако, открылся въ томъ и пригласилъ меня въ оную. Ложа сія, называемая Умирающаго Сфинкса, была на Васильевскомъ Островѣ въ разные наемные домики перемѣщаема, собиралась въ мѣсяцъ разъ, иногда чаще, а иногда рѣже... Предполагая, не имѣется ли у нихъ чего, скрываемаго отъ меня въ тайнѣ, какъ отъ посѣтителя, не принадлежащаго имъ члена, и желая во все проникнуть, равно какъ и въ причины, для чего они не вошли и не вступаютъ въ общій союзъ извѣстныхъ масонскихъ ложъ, изъявилъ я имъ желаніе мое вступить къ нимъ въ ложу дѣйствительнымъ членомъ и съ удовольствіемъ всѣхъ принятъ былъ въ оную, а черезъ нѣкоторое время сами они избрали меня намѣстнымъ мастеромъ, и былъ онымъ я до вступленія моего въ Великую ложу Астрею, а по вступленіи моемъ въ оную оставилъ я управляемую Лабзинымъ ложу и просилъ изъ членовъ ея меня выключить... Во все время бытности моей въ той ложѣ и намѣстнымъ мастеромъ я... никакихъ другихъ, кромѣ масонскихъ, правилъ не видалъ и ничего необыкновеннаго или вреднаго не замѣтилъ. Число членовъ, составляющихъ ее,—малое изъ небольшихъ гражданскихъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ купцовъ. Были въ ней нѣкоторыя и духовныя особы. Учредитель и мастеръ ея Лабзинъ. Онъ Библію почти всю знаетъ на память, но кажется слишкомъ самолюбивъ и свойства неосновательнаго. Причиной же тому, что ложа его скрытно работаетъ, не входя въ союзъ извѣстныхъ ложъ, есть единственное самолюбіе мастера ея Лабзина, которое не допускаетъ его согласиться быть по ложѣ его подвластнымъ и зависимымъ отъ которой-либо главной ложи; но ежели бы онъ избранъ былъ въ управляющіе тѣмъ союзомъ, тогда безъ сомнѣнія присоединилъ бы въ оный и онъ управляемую имъ ложу“ [2]).

Сохранились протоколы ложи Умирающаго Сфинкса (хотя и не всѣ) за

---

[1]) Пыпинъ. Хронол. Указ. № 105.

[2]) Гос. Арх. I В. № 12, л. 52, 53. Срав. характеристику Лябзина въ запискахъ акад. А. Л. Витберга. „Рус. Стар.“ 1872 г. т. V, 549—551.

1815—1822 г. [1]). Въ торжественномъ собраніи этой ложи ученической степени 11 декабря 1821 г., кромѣ великаго мастера ложи А. Ѳ. Лабзина, вице-президента академіи художествъ, присутствовало 14 членовъ; изъ нихъ было 12 чиновниковъ, 1 художникъ и 1 купецъ. Членомъ ея былъ, между прочимъ, священникъ Сперанскій. Масонъ Поздѣевъ, вопреки утвержденію Н. Ѳ. Дубровина [2]), членомъ ея не былъ, какъ это прямо сказано въ протоколѣ собранія ложи въ мастерской степени 12 іюня 1820 г. въ память смерти Поздѣева. Членами ложи были, между прочимъ, начальникъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ Абрамъ Вас. Романовскій, описанный С. Т. Аксаковымъ подъ именемъ Рубановскаго, [3]) и Александръ Петровичъ Мартыновъ, также чиновникъ, 2-й надзиратель ложи, выведенный Аксаковымъ подъ его настоящимъ именемъ. Кн. П. Г. Гагаринъ, управлявшій въ 1820—21 ложею Россійскаго Орла, не былъ членомъ ложи Умирающаго Сфинкса, а только посѣщалъ иногда ея собранія. Въ протоколахъ ея не встрѣчаются имена графа Л. К. Разумовскаго [4]), Звѣрева, Граббе, пастора 2-го кадетскаго корпуса Эвенгофа и законоучителя морского кадетскаго корпуса Іова, а также отца-декабриста Бѣляева, которые названы въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина (Бѣляевъ — на основаніи записокъ его сына) членами ложи Лабзина; но нужно обратить вниманіе на слѣдующія слова Магницкаго, когда онъ говоритъ о масонскихъ связяхъ Лабзина: „нѣкоторые изъ важныхъ лицъ духовныхъ здѣсь не именуются потому, что были въ связи съ Лабзинымъ не формально, ибо онъ освобождалъ ихъ отъ пріемовъ и посѣщенія обрядовыхъ собраній“ [5]).

Извѣстный изувѣръ, юрьевскій архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи утверждаетъ, что витіею (ораторомъ) въ ложѣ Лабзина одно время состоялъ законоучитель второго кадетскаго корпуса Ѳеофилъ, а когда онъ уѣхалъ въ Одессу на мѣсто законоучителя лицея, то 7 (а по другому свидѣтельству — 14) мая 1818 г. въ ложу Умирающаго Сфинкса былъ

---

[1]) Рукописн. Отд. Публ. Библ. F III, №№ 64—69; ср. „Отчетъ Публ. Библ.“ за 1869 г., стр. 13-26, 28—51. Изъ протоколовъ ложи видно, что въ теченіе года, съ 24 іюня 1814 г. по 27 іюня 1815 г., было 28 собраній ложи, въ томъ числѣ въ ученической степени 21, въ товарищеской 1, въ мастерской 5 и одна совѣтная по экономическимъ дѣламъ; въ другой годъ, съ 12 іюня 1818 г. по 24 іюня 1819 г., было собраній ученическихъ 14, товарищескихъ — 4, мастерскихъ — 5, совѣтныхъ — 3, а всего 26.

[2]) См. ст. его: „Наши мистики-сектанты. А. Ѳ. Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“, „Рус. Стар.“ 1894 г. № 12, стр. 99.

[3]) Въ очеркѣ „Встрѣча съ мартинистами“, „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“, т. III. Москва 1895 г.

[4]) О масонскихъ связяхъ Разумовскаго см. *А. Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ“ II 115, 162. Разумовскій посѣщалъ ложу Елизаветы къ Добродѣтели. *Соколовская*. „Русское масонство“, 180.

[5]) „Русская Старина“ 1899 г. № 2, стр. 300.

введенъ законоучитель морского корпуса іеромонахъ Іовъ [1]), который черезъ нѣсколько дней послѣ того сошелъ съ ума. Фотій, не только лично знавшій Іова, но и исповѣдовавшійся у него послѣ отъѣзда Өеофила, сообщаетъ, что Іовъ въ припадкѣ сумасшествія разрѣзалъ ножемъ написанный на холстѣ во весь ростъ образъ Божьей Матери въ церкви морского корпуса и испустилъ въ алгарѣ урину [2]). Іовъ пытался выброситься на улицу изъ окна 4-го этажа, но былъ удержанъ и отвезенъ подъ строжайшій присмотръ въ Александро-Невскую лавру [3]). Фотій приписываетъ сумасшествіе Іова вступленію его въ масонскую ложу и вліянію Лабзина, въ чемъ будто бы каялся и Іовъ.

О принадлежности къ масонству іеромонаха Іова свидѣтельствуетъ и воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ декабристъ Завалишинъ, который утверждаетъ, что по тайному вліянію масоновъ старались въ то время назначить преподавателями закона Божія въ учебныя заведенія людей причастныхъ къ масонству. По его словамъ, іеромонахъ Іовъ, „очень умный человѣкъ“, находился „прежде при нашемъ посольствѣ, кажется, въ Испаніи“. Если это вѣрно, то въ міросозерцаніи Іова могло сказаться и вліяніе заграничнаго масонства. Завалишинъ сообщаетъ, что найдена была исповѣдь Іова, „обличавшая страшныя душевныя муки человѣка, колеблющагося между вѣрою и сомнѣніемъ, и содержавшая признаніе въ участіи въ масонствѣ“. По словамъ Завалишина, синодъ потребовалъ у воспитанниковъ морского корпуса тетради, въ которыхъ они записывали лекціи Іова, но никто ихъ не отдалъ, отвѣтивъ, что такихъ тетрадей нѣтъ. На экзаменѣ по богословію не обнаружилось никакихъ неисправностей съ православной точки зрѣнія въ религіозномъ міросозерцаніи воспитанниковъ, хотя синодальные члены замѣтили, что отвѣты давались „съ необычнымъ для дѣтей разумѣніемъ“. Лекціи Іова заронили во многихъ сѣмена мистицизма [4]).

---

[1]) „Рус. Старина“ 1894 г. № 7, стр. 213, 220—221.

[2]) Кн. С. А. Ширинскій-Шахматовъ въ письмѣ о томъ же событіи прибавляетъ: „и на прочихъ иконахъ положилъ знаменіе своего хуленія“. *В. Жмакинъ*. „Иннокентій, еп. Пензенскій и Саратовскій“. Спб. 1875 г., стр. 156.

[3]) Въ карманѣ у него нашли масонскіе знаки, а въ бумагахъ подробное описаніе принятія его въ ложу и переписку съ Лабзинымъ. *Жмакинъ*, 156.

[4]) „Записки декабриста Завалишина“ т. I, Мюнх. 1904 г., стр. 55 — 57. О сильномъ вліяніи Іова на кадетъ-моряковъ и о томъ, что онъ изрѣзалъ иконы, см. также въ запискахъ декабриста Бѣляева. „Рус. Стар.“ 188? г. № 9, стр. 39 — 41. Іовъ сошелъ съ ума 18 мая 1818 г. *Н. Дубровинъ*: „Наши мистики-сектанты. А. Ө. Лабзинъ и его журналъ Сіонскій Вѣстникъ“. „Рус. Старина“ 1894 г. № 12, стр. 99. *В. Жмакинъ*. „Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій“. Спб. 1885 г., стр. 156. Значительно позднѣе Іову дано было мѣсто учителя въ новгородскомъ архіерейскомъ училищѣ, но такъ какъ онъ высказывалъ взгляды, несогласные съ православіемъ, то былъ уволенъ, а затѣмъ въ Архангельскѣ, по собственному его желанію, съ него былъ снятъ санъ священническій

9*

Связи Іова съ Лабзинымъ были установлены и, вѣроятно, вызвали нѣкоторыя непріятности для послѣдняго. Это можно заключить изъ письма Лабзина къ попечителю харьковскаго учебнаго округа Карнѣеву (тоже масону) отъ 20 января 1821 г., которое представляетъ любопытное свидѣтельство и о вліяніи Лабзина въ совершенно иной области—среди нижнихъ чиновъ: „Ко мнѣ начали уже приходить и фельдфебели, — писалъ Лабзинъ.—*Мнѣ была уже нагонка за монаховъ:* для чего я къ себѣ принимаю прибѣгающихъ ко мнѣ монаховъ? Какъ бы не дождаться другой за фельдфебелей; скажутъ: я военную дисциплину перепортилъ, ибо внутренній христіанинъ плохой будетъ фельдфебель“ [1].

Когда сенатору Кушелеву, намѣстному мастеру ложи Лабзина, было предложено принять званіе великаго намѣстнаго мастера союза Астреи, сдѣлавшееся вакантнымъ по смерти Бѣбера, то Кушелевъ заявилъ объ этомъ въ собраніи ложи Умирающаго Сфинкса 13 августа 1820 г., сообщилъ свой отвѣтъ, что могъ бы принять это предложеніе лишь съ тѣмъ, чтобы „стараться соединить всѣ ложи въ одну истинную“, и просилъ совѣта братьевъ ложи Лабзина и его самого. Прочтено было и письмо секретаря Астреи, Ег. Рейнеке, по этому предмету. Члены ложи Умирающаго Сфинкса поздравили Кушелева съ избраніемъ въ новое званіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просили остаться у нихъ намѣстнымъ мастеромъ. Но когда въ собраніи ложи 24 іюня 1821 г. было прочитано письмо Кушелева, въ которомъ онъ заявлялъ, что занятія по службѣ не позволяютъ ему продолжать работы въ ложѣ Умирающаго Сфинкса, которую поэтому онъ и „закрываетъ“, т. е. выходитъ изъ ложи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ позволенія бывать въ ней иногда посѣтителемъ, то Лабзинъ заявилъ, что онъ освобождаетъ его отъ должности перваго намѣстнаго мастера, „но вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ его навсегда изъ членовъ ложи и не можетъ дозволить ему бывать даже и посѣтителемъ“. Члены ложи, какъ видно изъ разсказа Аксакова, съ большимъ почтеніемъ и даже страхомъ относились къ Лабзину и, судя по протоколу, не потребовали у него объясненія причинъ неисполненія просьбы Кушелева [2].

и монашескій. Автобіографія Фотія. „Рус. Стар.“ 1894 г. № 7, стр. 223 — 224. По словамъ Фотія, членомъ ложи Лабзина былъ и „священникъ второго кадетскаго корпуса Евенховъ“ (вѣроятно, пасторъ Эвенгофъ). Ibid. № 9, стр. 217.

[1]) „А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка“. „Рус. Архивъ“ 1892 г. № 12, стр. 365. Магницкій утверждаетъ, что существовала еще ложа въ Казани „подъ предсѣдательствомъ стараго масона Романовскаго, друга Лабзина и Попова“. „Рус. Стар.“ 1899 г. № 2, стр. 299—300.

[2]) Ранѣе въ засѣданіи 18 апрѣля 1820 г. былъ исключенъ изъ числа членовъ ложи извѣстный обскурантъ Дмитрій Руничъ, котораго многіе поступки показали „болѣе отвращеніе, нежели любовь къ братству“. Исключено было и еще нѣсколько человѣкъ, но на этотъ разъ относительно всѣхъ была указана причина исключенія.

Въ первой статьѣ было упомянуто о кратковременномъ закрытіи полиціею ложи Лабзина. Изъ протокола ея собранія 11 декабря 1821 г. видно, что причиною этой мѣры было слѣдующее обстоятельство. Крѣпостной слуга брата ученика Ив. Алексѣев. Эверса, жившаго въ квартирѣ ложи, замѣтивъ, что въ комнатахъ, занимаемыхъ его господиномъ и другимъ братомъ-ученикомъ, Петерсономъ, собираются по нѣсколько человѣкъ и проводятъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ при затворенныхъ дверяхъ, захотѣлъ узнать, чѣмъ занимается это общество. Онъ подобралъ ключъ къ дверямъ, отперъ помѣщеніе ложи и, отворивъ одинъ изъ ящиковъ, увидѣлъ человѣческіе скелеты. Тогда онъ рѣшилъ, что общество, собирающееся у его господина, убиваетъ людей и донесъ объ этомъ военному генералъ-губернатору Милорадовичу, а тотъ предписалъ полиціи изслѣдовать дѣло. 5-го декабря она осмотрѣла помѣщеніе ложи, взяла ея книгу протоколовъ и „Общія учрежденія свободныхъ каменщиковъ", видѣла искусно сдѣланные изъ дерева человѣческіе скелеты и запечатала дверь и одинъ изъ шкаповъ съ вещами. На другой день взятые документы были возвращены Лабзину, и наложенныя печати сняты. Какъ мы уже знаемъ, имп. Александръ I былъ недоволенъ дѣйствіями полиціи. Члены ложи въ собраніи 11 декабря рѣшили ежегодно праздновать день 6 декабря, въ который они „получили успокоеніе", и 12 декабря, день рожденія государя, „дозволившаго" имъ „безпрепятственно производить мирныя свободно-каменщицкія работы". Намѣстный мастеръ, купецъ Маркеловъ, предложилъ просить Эверса, чтобы онъ простилъ своего человѣка, донесшаго на ихъ ложу, а также ходатайствовалъ бы о прощеніи его и предъ правительствомъ. Предложеніе было принято, и Эверсъ изъявилъ готовность исполнить его.

Въ 1823 г., на основаніи данныхъ офицерами 1-й арміи подписокъ о непринадлежности впредь къ масонскимъ ложамъ, составленъ былъ списокъ о 226 офицерахъ масонахъ первой арміи съ указаніемъ, къ какой ложѣ они принадлежали. Въ этомъ спискѣ упоминается одна русская ложа, которой нѣтъ въ спискахъ ложъ союзовъ Астреи и Провинціальной ложи, а именно ложа Нептуна Голенищева-Кутузова. [1]) Многіе офицеры были членами ложъ въ Варшавѣ и западномъ краѣ—Вильнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ и въ мѣстечкѣ Буцневцахъ, Подольской губерніи; многіе были членами и иностранныхъ ложъ, болѣе всего въ Германіи—въ городахъ: Гамбургѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Геттингенѣ, Нюренбергѣ, Кёльнѣ; во Франціи—въ Парижѣ, Реймсѣ, Шалонѣ, Валансьенѣ; въ Швейцаріи—въ Базелѣ и Бернѣ и, наконецъ, въ Эдинбургѣ въ Шотландіи. [2])

[1]) Ср. *Соколовская*. „Русское масонство". 127; „Рус. Стар." 1907 г. № 8, стр. 428; „Рус. Арх". 1901 г. № 6, стр. 303.

[2]) Архивъ Канц. воен. министерства св. 25 по описи №16; въ этомъ дѣлѣ

Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ наши офицеры вступали въ иностранныя ложи во время заграничныхъ походовъ русской арміи.

Есть особый списокъ о 54 масонахъ, служившихъ во второй арміи. Кромѣ русскихъ ложъ, были принадлежавшіе къ двумъ ложамъ Пруссіи, затѣмъ въ Льѣжѣ (въ Голландіи), въ Парижѣ, Тулѣ, Нанси, Реймсѣ, Авенѣ и Викѣ во Франціи. Кромѣ того, д-ръ Шлегель принадлежалъ къ тайному ученому обществу Единство въ городахъ Іенѣ, Лейпцигѣ и другихъ.

Въ 1826 г. на основаніи подписокъ бывшихъ масоновъ былъ составленъ болѣе полный списокъ военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ до закрытія ихъ и вслѣдствіе повелѣнія Александра I въ 1822 г. Всего въ этомъ спискѣ значится 517 человѣкъ. [1]) Первымъ стоитъ имя цесаревича Константина Павловича, который названія своей ложи не обозначилъ. Генераловъ въ спискѣ находится 61 человѣкъ, въ томъ числѣ гр. Ланжеронъ, генералъ-адъютанты: Шуваловъ, Бороздинъ, А. Х. Бенкендорфъ, кн. Меншиковъ, главный попечитель и предсѣдатель комитета о колонистахъ южной Россіи Инзовъ, ген.-ад. Сипягинъ, начальникъ московскаго училища для колоновожатыхъ Н. Муравьевъ, декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ, свиты Е. В. Брозинъ 2 и другіе. Портупей-прапорщиковъ, юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ перечислено всего 9 человѣкъ.

Списокъ этотъ даетъ возможность пополнить перечень городовъ, гдѣ находились иностранныя ложи, членами которыхъ были наши офицеры. Это были: Казале въ Пьемонтѣ, Аннеси въ Савойѣ, во Франціи—Орлеанъ, Седанъ, Люръ, Кёльнъ, Страсбургъ, въ Германіи—Ганноверъ, Веймаръ, Маннгеймъ, Оффенбахъ, Тильзитъ, Потсдамъ, Берлинъ, Познань и Торнъ, вольный городъ Краковъ, въ Голландіи—Лейденъ, въ Даніи—Копенгагенъ, въ Англіи—Лондонъ. Въ Царствѣ Польскомъ—Люблинъ и крѣпость Замостье; въ Зап. Россіи—Слуцкъ, Несвижъ и Полоцкъ.

Командиръ конноартиллерійской роты кап. Левшинъ заявилъ въ своей роспискѣ, что онъ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Французовъ и Поляковъ въ Познани и принадлежалъ *къ тайному обществу иллюминатовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ*. [2])

есть еще указаніе на принадлежность къ масонству нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, но безъ указанія ложъ, къ которымъ они принадлежали.

[1]) Сравнивъ общую численность членовъ масонскихъ ложъ съ числомъ офицеровъ-масоновъ, мы видимъ, что огромное большинство масоновъ не принадлежало къ военному званію.

[2]) Списокъ этотъ, хранящійся въ Военно-ученомъ Архивѣ (Отд., 1 № 608-а, л. 179—238), напечатанъ *Т. О. Соколовской* въ „Русской Старинѣ“ 1907 г. №№ 6—9; въ подлинникѣ къ нему есть особый алфавитный указатель.

Н. И. Тургеневъ вмѣстѣ съ его товарищемъ по геттингенскому университету А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и полковникомъ Брозинымъ (двое послѣднихъ не были декабристами) въ 1814 г. посѣщали въ Парижѣ масонскія ложи и „получали также вмѣстѣ высшія степени“. Такъ какъ Михайловскій-Данилевскій въ своемъ разсказѣ объ этомъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о масонскихъ отношеніяхъ, завязанныхъ русскими во Франціи, то я считаю нужнымъ привести его въ извлеченіи.

„Дружескій пріемъ, сдѣланный русскимъ офицерамъ въ Парижѣ и удивленіе, съ какимъ смотрѣли на насъ парижане, облегчили мнѣ чрезвычайно ходъ въ масонскія ложи и знакомство съ членами. Первая ложа, гдѣ я былъ, именуется St. Jean de Iérusalem. Тамъ, какъ впослѣдствіи и во всѣхъ ложахъ, встрѣтили меня съ привѣтствіями и посадили на... почетное мѣсто. Увидя, что я былъ только ученикомъ, предложили въ тотъ же вечеръ возвести меня на степень товарища и мастера безъ всякихъ испытаній... и на другой же день, 14 апрѣля, прислали мнѣ дипломъ на званіе мастера. 18 числа того же мѣсяца меня сопричислили къ ложѣ Des frères unis. Вслѣдъ за симъ я былъ почти въ 20 ложахъ; вездѣ меня принимали самымъ отличнымъ образомъ...

„Одно изъ любопытныхъ засѣданій происходило въ „Великомъ французскомъ Востокѣ“...

„Насъ пригласили въ засѣданіе, имѣвшее цѣлью рѣшеніе вопроса, смѣнить ли Іосифа Бонапарта, великаго магистра французскихъ ложъ, или возвести въ сіе званіе кого-либо изъ дома Бурбоновъ. Разумѣется, вопросъ былъ предложенъ изъ одного только обряда и былъ рѣшенъ со времени паденія Наполеона. Предсѣдатель ложи открылъ засѣданіе приличною случаю рѣчью, и потомъ начали собирать голоса. Всѣ единодушно были въ пользу Бурбоновъ, какъ вдругъ..., вставъ съ своего мѣста, я сказалъ:

— Мнѣ кажется, что Іосифъ Бонапартъ, лишенный теперь царскаго сана и подпоры бывшаго недавно всемогущаго брата его, не только съ сими несчастіями не потерялъ право на уваженіе масоновъ, но еще болѣе долженъ привязать къ себѣ благородныя сердца братьевъ. Неужели въ то время, когда великій магистръ масонства французскаго постигнутъ бѣдствіями, долженъ еще, къ довершенію своего благополучія видѣть себя оставленнымъ тѣмъ орденомъ, который смотритъ не на мірскія почести, а единственно на добродѣтель. Масону должно быть все равно, находится ли Іосифъ въ изгнаніи или на престолахъ Неаполя, Испаніи и Америки.

„Рѣчь моя произвела самое живое впечатлѣніе на слушателей. Французы, еще за нѣсколько минутъ подавшіе голоса противъ Іосифа, единодушно начали мнѣ апплодировать. Казалось удивительнымъ, что русскій офицеръ, въ русскомъ мундирѣ въ то время, когда пала династія Наполеона, сокрушенная русскими штыками, защищалъ права брата Наполеона.

„Въ скоромъ времени сдѣлали мнѣ предложеніе вникнуть далѣе въ масонство. Я согласился.

„Предварительно 22 апрѣля возвели меня на степени между мастеромъ и Rose Croix (розенкрейцеромъ), а именно les grades d'Elu, du grand Ecossais et du chevalier d'Orient (степени избранника, великаго Шотландца и кавалера Востока) [1]).

„29 апрѣля было назначено для пріема моего въ Rose Croix (розенкрейцеры)... [2]) Мы были приняты въ эту степень; она есть восемнадцатая... Насъ было въ то время трое русскихъ, большихъ охотниковъ до масонства. Мы посѣщали ложи всегда вмѣстѣ и получали также вмѣстѣ высшія степени: полк. Брозинъ и гёттингенскій мой товарищъ Тургеневъ... Я не могу вспомнить безъ нѣкотораго удовольствія о веселости французовъ, рѣчахъ и пѣсняхъ ихъ. Почти всегда прославляли они нашего государя, какъ защитника Франціи и благотворителя человѣчества...

„Между тѣмъ парижскіе масоны пригласили меня вступить въ самыя великія степени шотландскаго масонства. Начиная съ ученическаго чина, ихъ считается 33. 33-ю степень даютъ весьма рѣдко. Она есть званіе управляющаго (grade administratif).

„1-го мая пришелъ ко мнѣ господинъ Желенъ-Виленевъ (Geslin de Villeneuve) съ полномочіемъ сообщить мнѣ высшія степени. Дѣло было кончено въ одно утро; онъ произвелъ меня въ 30-й чинъ, подъ названіемъ Chevalier Kadosch, учрежденный издавна для отомщенія за уничтоженіе рыцарей храма и за гоненія, претерпѣнныя ими и великимъ магистромъ ихъ Яковомъ Молэ, погибшемъ на кострѣ въ 1314 году. Съ сею присягою сопрягаютъ гораздо важнѣйшій обѣтъ: *„ненавидѣть Бурбоновъ“*, и когда я возразилъ г. Желену, что на такой обѣтъ не могу согласиться..., онъ отвѣчалъ мнѣ: „это дѣлается только для соблюденія обряда, изстари принятаго“.

„21 мая я получилъ дипломъ на 32-ю степень или Prince Souverain du Royal secret, на французскомъ и англійскомъ языкахъ.—Такимъ образомъ въ 6 недѣль я былъ произведенъ изъ учениковъ въ высшій масонскій чинъ...

„Въ парижскихъ ложахъ я находилъ людей средняго состоянія, словоохотливыхъ и привѣтливыхъ; одни были привержены къ Бурбонамъ, другіе—Наполеону, а иные республикѣ... Однажды пили за славу Клебера, Дезэя и героевъ, положившихъ животъ свой во время революціонной войны“. [3])

Мы видимъ такимъ образомъ, что во французскомъ масонствѣ шотландскаго обряда наряду съ монархическими были и республиканскія те-

---

[1]) 11-я степень Sublime chevalier élu, 14-я grand écossais de la voûte sacrée de Iacque VI, 15-я—chevalier d' Orient.

[2]) 18-я степень—Souverain prince Rose Croix.

[3]) „Изъ восоминаній Михайловскаго-Данилевскаго“. „Рус. Стар.“ 1900 г. № 9, стр. 638—643.

Высшія степени Михайловскій-Данилевскій получилъ отъ членовъ масонской системы шотландскаго обряда (rite écossais ancien et accepté). Перечень всѣхъ 33 степеней этой системы см. *Clavel* Histoire pittoresque de la Franc-Maçonnerie, P. 1844. p. 64; *Findel*, 2 Aufl., 495—496, Allgem. Handb. der Freimaurerei, 2 Aufl. III, 172.

ченія, которыя могли оказать свое вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ. (Ср. приведенное въ первой статьѣ свидѣтельство бар. Дибича).

Было указано также на то, что многіе русскіе офицеры сдѣлались членами и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ложъ: такъ, Н. И. Тургеневъ, Михайловскій-Данилевскій и Брозинъ были приняты въ Парижѣ въ прусскую ложу Желѣзнаго Креста. [1])

Нѣкоторыя русскія масонскія ложи пережили общее запрещеніе ихъ Въ 1823 г. Александръ I узналъ, что существуютъ еще масонскія ложи въ Дерптѣ и Кіевѣ (см. ниже); о причинахъ этого государь велѣлъ спросить комитетъ министровъ. Оказалось, что гр. Кочубей считалъ себя обязаннымъ взять подписки только въ столицахъ, а въ провинціи, по его мнѣнію, объ этомъ должны были позаботиться главноуправляющіе и гражданскіе губернаторы. Комитетъ велѣлъ взять подписки (вѣроятно, лишь съ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія) черезъ попечителей округовъ. [2])

VII.

Многіе изъ декабристовъ участвовали нѣкоторое время въ масонскихъ ложахъ, и вліяніе масонства сказалось особенно сильно при устройствѣ перваго тайнаго общества, союза Спасенія.

Въ ложѣ Соединенныхъ Друзей (Amis Réunis), основанной въ 1802 г. по французской системѣ, вывезенной изъ Франціи Жеребцовымъ, участвовали въ 1816 г. гвардейскіе офицеры: Пестель, гусаръ П. Я. Чаадаевъ въ 1817—18 г. въ степени мастера, принадлежавшій впослѣдствіи къ Союзу Благоденствія, А. С. Грибоѣдовъ, также гусаръ, близкій со многими членами тайнаго общества (но, повидимому, не бывшій его членомъ), въ 1817—18 г. въ степени товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ ложи былъ генералъ-майоръ Александръ Бенкендорфъ, представившій къ 1821 г. Александру I доносъ Грибовскаго на тайное общество. Въ 1816 г. въ этой ложѣ участвовали также декабристы кн. Шаховской и Мих. Митьковъ.

---

[1]) Во время конгресса въ Вѣнѣ (въ Австріи масонство было запрещено въ 1794 г.) Тургеневъ, Брозинъ и Михайловскій-Данилевскій приняли (въ комнатѣ послѣдняго, находившейся въ императорскомъ дворцѣ) въ масоны секретаря нашего посольства въ Туринѣ Гассе.

[2]) „Сборникъ матеріаловъ, извлеч. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц“ т. VI, 184; *Середонинъ*. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“. I 585. Рескриптомъ имп. Николая I министру внутреннихъ дѣлъ 21 апрѣля 1826 г. повелѣно было вновь потребовать по всему государству подписокъ отъ всѣхъ находящихся на службѣ и отставныхъ чиновниковъ. Однако наиболѣе ревностные масоны не переставали собираться тайно. Постановленіемъ 10 Сентября 1827 г. масоны установили строгое подчиненіе масонскому начальству, обязали членовъ присягой не выдавать цѣли собраній и ихъ участниковъ и стали осторожнѣе въ разрѣшеніи членамъ союза списывать масонскія правила. *Соколовская* „Русское масонство“, стр. 20—21; „Русская Старина“ 1907 г. № 11, стр. 352.

Пестель въ своемъ первомъ показанiи въ Тульчинѣ говоритъ: Въ началѣ 1812 г. вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названiемъ Amis Réunis. Въ 1816 г. перешелъ я въ ложу Трехъ Добродѣтелей [1]), потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой—французскій. Въ концѣ сего же 1816 г. или первыхъ числахъ 1817 г. оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданiя происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшемся" [2]).

Въ концѣ 1816 г. было положено основанiе Союзу Спасенiя, который окончательно организовался въ январѣ или февралѣ слѣдующаго года. Шестью учредителями его были: Александръ Ник. и Никита Мих. Муравьевы, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкинъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились П. И. Пестель, кн. П. П. Лопухинъ, кн. Ѳ. П. Шаховской, Ник. Мих. Новиковъ, Ѳ. Н. Глинка [3]), кн. Илья А. Долгорукій, М. А. Фонъ-Визинъ и нѣкоторые другiе [4]). По показанiю Лунина, онъ присоединился къ Союзу Спасенiя въ Москвѣ въ маѣ 1817 г., по возвращенiи изъ-за границы. Точное установленiе всего личнаго состава Союза Спасенiя затруднительно, вслѣдствiе того, что многiе декабристы во время слѣдствiя старались умышленно не отличать въ своихъ показанiяхъ Союза Спасенiя отъ Союза Благоденствiя [5]).

---

[1]) Вѣроятно, въ концѣ 1816 г., такъ какъ въ спискѣ членовъ этой ложи, составленномъ 15 октября 1816 г., имени Пестеля нѣтъ. Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 608-а, л. 165.

[2]) *Н. П. Павловъ Сильванскій.* „Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", стр. 125. Въ Государственномъ Архивѣ хранятся три масонскихъ рукописи, найденныя въ бумагахъ Пестеля: Loix, Prérogatives et Privilèges des Maitres Ecossais, La Maitrise Ecossaise и Quatrième grade. Часть первой изъ нихъ напечатана въ переводѣ Т. О. Соколовскою въ журналѣ „Море" 1907 г. №№ 25 и 26. Въ архивѣ хранятся также дипломы Пестеля на французскомъ языкѣ изъ ложи Amis Réunis (1 марта 1812 г.) и другой на латинскомъ языкѣ, данный ложею Сфинкса (12 февраля 1817 г.) и масонскiе знаки. По поводу сохраненiя имъ этихъ послѣднихъ Пестель показалъ: „Въ запретительномъ повелѣнiи верховной власти о существованiи масонства не читалъ я приказанiя истребить знаки и патенты масонскiе. Впрочемъ, остались сiи вещи у меня безъ истребленiя по забвенiю о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣны, ни важности". Н. И. Новосильцевъ въ донесенiи цес. Константину Павловичу въ 1828 г. совѣтовалъ повсемѣстно въ Россiи отобрать „масонскiе вещи, знаки и снаряды". Архивъ Главн. воен.-судн. Управ., дѣло 2 отд. ауд. депарг. о майорѣ Королевскомъ, св. I, л. 25—26.

[3]) Глинка былъ введенъ въ Союзъ Спасенiя Новиковымъ, который познакомился съ нимъ въ 1816 г. въ ложѣ Избраннаго Михаила.

[4]) Записки И. Д. Якушкина, Москва. 1805 г. стр 6—7, 9; ср. „Записки кн. С. П. Трубецкого". Спб. 1907 г. стр. 12; Г. А. I В. № 82, л. 14 Трубецкой называетъ членомъ Союза Спасенiя и Илью Бибикова, но, если вѣрить показанiю послѣдняго, онъ былъ лишь членомъ Союза Благоденствiя.

[5]) Такъ И. Шиповъ говоритъ, что онъ былъ принятъ Пестелемъ въ Союзъ

Кромѣ Пестеля, еще 9 членовъ Союза Спасенія были членами ложи Трехъ Добродѣтелей, основанной 26 ноября 1815 г., приступившей къ работѣ 11 января 1816 г. и состоявшей въ союзѣ Великой Провинціальной ложи. П. И. Пестель былъ присоединенъ къ 3 степени 6 февраля 1817 года.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ былъ ревностнымъ масономъ еще до похода 1812 года, чѣмъ и вызывалъ насмѣшки и издѣвательства своего брата Николая [1]). Въ 1814 г. онъ былъ принятъ во Франціи въ Мелюнѣ въ систему Гередона (съ высшими степенями) въ 7-ю степень [2]); въ Россіи уже въ 1816 г. былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей. 17 апрѣля 1817 г. былъ избранъ въ ней во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 г. по августъ 1818 г. былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ. На слѣдствіи онъ заявилъ: „въ Москвѣ я ложи не держалъ".

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторую и третью степень 26 декабря 1816 г. и 11 января 1817 г., затѣмъ числился отсутствующимъ и 3 мая 1820 г. оставилъ ложу.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ принятъ 2 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во 2-ю (товарища) и 3-ю степень (мастера) 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. Съ 14 іюня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи и 22 декабря 1818 г. „закрылъ работы", т. е. вышелъ изъ ложи.

Никита Михайловичъ Муравьевъ принятъ 30 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во 2-ю и 3-ю степени 27 февраля и 12 апрѣля 1817 г.; съ 14 іюня 1817 г. былъ риторомъ этой ложи и 22 октября 1817 г. закрылъ работы.

Кн. С. П. Трубецкой принятъ 25 января 1816 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень товарища 4 января 1817 г. и въ третью мастера 8 февраля того же года; былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 г. до 28 апрѣля 1819 г. и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ. Во время слѣдствія по дѣлу

Благоденствія въ 1816 году, тогда какъ въ это время существовалъ лишь Союзъ Спасенія. Ѳ. Н. Глинка также умышленно смѣшиваетъ оба эти союза въ своихъ показаніяхъ.

[1]) См. разсказъ объ этомъ въ запискахъ Н. Н. Муравьева. „Рус. Арх." 1885 г., т. III, 27.

[2]) См. объ этой системѣ *Findel.* Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. 1866. S. 475–479, 494 (есть русскій переводъ этой книги); *Clavel,* 65. На основаніи этого 17 марта 1817 г. капитулъ Феникса постановилъ утвердить его въ шестой степени, но съ условіемъ, что онъ будетъ предварительно избранъ последовательно въ шотландской ложѣ Александра въ 4 и 5 степени.

декабристовъ Трубецкой почему-то утверждалъ, что онъ никогда не былъ масономъ.

Кн. Илья Андр. Долгорукій принятъ былъ въ 1814 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 г. до 17 апрѣля 1817 г. былъ въ Ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ; „закрылъ работы“ 22 декабря 1818 г. [1]).

По свидѣтельству М. Муравьева-Апостола, членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей былъ въ 1817 г. и кн. Ѳ. П. Шаховской.

Кн. Пав. Петр. Лопухинъ, сынъ члена государственнаго совѣта Петра Васильевича, былъ сначала надзирателемъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, а затѣмъ управлялъ ею.

Однимъ изъ учредителей ея былъ кн. С. Г. Волконскій (см. ниже). По свидѣтельству Вигеля, членомъ ея былъ и Лунинъ [2]).

Такимъ образомъ въ 1817 г., годъ окончательной организаціи Союза Спасенія, 10 членовъ ея были въ то же время членами масонской ложи Трехъ Добродѣтелей. Новиковъ и Ѳ. Глинка были также масонами, а именно членами ложи избраннаго Михаила, названной такъ въ память избранія перваго Романова [3]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ 1820 г. числился отсутствующимъ членомъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

Александръ Ник. Муравьевъ первоначально желалъ воспользоваться масонскою ложею для прикрытія политическихъ цѣлей Союза Спасенія. По показанію Трубецкого, А. Н. Муравьевъ доказывалъ, что тайное „общество только и можетъ существовать посредствомъ ложи“. Во время слѣдствія Муравьевъ заявилъ: „Хотя я и не былъ начальникомъ ложи Трехъ Добродѣтелей“ (какъ показалъ Трубецкой), „а былъ онымъ кн. Лопухинъ, я же былъ вторымъ по немъ въ ложѣ сей, но сознаюсь, что имѣлъ... намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества, почему и старался привлечь въ нее членовъ... Сіе происходило въ Петербургѣ прежде выступленія гвардейскаго отряда въ Москву“ [4]).

---

[1]) *Пыпинъ.* „Мат. для исторіи масон. ложъ“. Вѣстн. Евр. 1872 г. № 2, стр. 601—602.

[2]) Вигель, очевидно, по ошибкѣ ложу Трехъ Добродѣтелей называетъ именемъ Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей. Вигель въ 1816 г. былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей.

[3]) Госуд. Арх. I, В. № 82, л. 14.

[4]) Гвардейскій отрядъ былъ отправленъ въ Москву (по случаю поѣздки туда государя) въ августѣ 1817 г. Ср. свидѣтельство о томъ же въ показаніи М. И. Муравьева-Апостола. „Александръ Муравьевъ *въ 1817 году* хотѣлъ, чтобы общество, которое онъ составилъ, дѣйствовало черезъ масонскую ложу, почему и была основана ложа Трехъ Добродѣтелей (послѣднее не точно, такъ какъ ложа эта основана была въ ноябрѣ 1815 г., и большинство членовъ Союза Спасенія вступило

Кн. С. П. Трубецкой въ своемъ показаніи о Союзѣ Спасенія говоритъ: „Тогда масонство было въ большомъ ходу. Александръ Муравьевъ, бывшій тогда молодымъ человѣкомъ съ пламеннымъ воображеніемъ, пылкою душой, видѣлъ въ немъ какое-то совершенство ума человѣческаго“ и „предлагалъ вступить всѣмъ въ масоны, но его предложеніе не было принято“. Однако большинство извѣстныхъ членовъ Союза Спасенія были масонами, и масонство оказало сильное вліяніе при составленіи устава этого союза. По показанію самого Трубецкого, уставъ требовалъ при принятіи членовъ и повышеніи ихъ въ каждую высшую степень нѣкоторыхъ обрядовъ, заимствованныхъ изъ масонскихъ ложъ. Никита Муравьевъ въ своемъ показаніи говоритъ: „обряды пріема должны были быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ“, хотя бы это и не было „согласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву“. Трубецкой показалъ, что никакихъ обрядовъ во время собраній опредѣлено не было, въ запискахъ же своихъ говоритъ нѣсколько иначе: Пестель „имѣлъ пристрастіе къ формамъ масонскимъ“ и хотѣлъ, чтобы нѣкоторыя, „имъ подобныя, были введены для торжественности“. Масонскія формы, опредѣленныя статутомъ относительно засѣданій, а также и для принятія членовъ, „затрудняли дѣйствіе общества и вводили какую-то таинственность, которая противорѣчила характеру большей части членовъ. „Къ сожалѣнію, уставъ Союза Спасенія не сохранился, а онъ могъ бы много содѣйствовать выясненію связи масонскихъ ложъ съ тайными обществами. Извѣстно, однако, что уставъ Союза Спасенія заключалъ въ себѣ угрозы за измѣну и разглашеніе тайны, заимствованныя изъ масонскихъ статутовъ [1]). Нѣкоторые члены, какъ, напримѣръ, Якушкинъ, отрицательно относившійся къ масонству, энергично возставали противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ требовалъ отъ членовъ первыхъ степеней Союза Спасенія относительно членовъ высшей степени—бояръ [2]). Когда

въ нее лишь въ концѣ 1816 или въ 1817 г.). „Но онъ оставилъ скоро сію мысль, потому что все время засѣданія ложи занято масонскими работами и что всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу. Князь Лопухинъ, Александръ Муравьевъ, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой кн. Ѳ. Шаховской, Никита Муравьевъ, братъ мой и я принадлежали сей ложѣ. Это самое заставило меня вспомнить, что кн. Ѳ. Шаховской принадлежалъ обществу прежде, нежели гвардейскій отрядъ пришелъ въ Москву“. Г. А. І. В № 397, л. 117 об.

[1]) Текстъ страшной масонской присяги при посвященіи въ ученики по редакціи, приведенной въ книгѣ „Масонъ безъ маски“, см. въ ст. *Соколовской* „Обрядность прежняго русскаго масонства“. „Рус. Стар.“ 1907 г. № 12, стр. 357.

[2]) Требованіе слѣпого повиновенія, вѣроятно, было заимствовано изъ масонской системы строгаго наблюденія (die strikte Observanz), основанной Гундомъ въ Германіи въ 1764 г. *Findel*. Geschichte der Freimaurerei, 1907, 7 Aufl., 1, 37. О Союзѣ Спасенія см. въ моей статьѣ о декабристѣ М. А. Фонъ-Визинѣ въ изд. „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.“ Спб., 1905 г., т. I.

А. Н. Муравьевъ пожелалъ привлечь къ обществу своего брата Михаила, Бурцева и Петра Колошина, то они согласились вступить въ него не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы „уставъ, проповѣдующій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ".

Членъ Военнаго Общества, основаннаго въ 1817 году и предшествовавшаго Союзу Благоденствія, Влад. Ос. Гурко, впослѣдствіи полковникъ и начальникъ штаба 5-го пѣх. корпуса, былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила.

Въ Союзѣ Благоденствія также до извѣстной степени чувствовалось вліяніе масонства. Якушкинъ разсказываетъ объ одномъ совѣщаніи членовъ этого союза у Никиты Муравьева въ Петербургѣ въ 1818 г., на которомъ присутствовали кн. Лопухинъ, впослѣдствіи начальникъ уланской дивизіи при гренадерскомъ корпусѣ (мы уже встрѣтили его среди членовъ Союза Спасенія), Петръ Колошинъ, кн. Шаховской и мн. другіе. „Сама формальность этого совѣщанія", говоритъ Якушкинъ, „давала ему видъ плохой комедіи... впродолженіе всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступавшихъ въ Союзъ Благоденствія и о томъ, какъ приносить самую присягу—надъ Евангеліемъ или надъ шпагой... Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховской и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны [1]); они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ союзъ Благоденствія" [2])

На печати союза Благоденствія былъ изображенъ улей съ пчелами та же эмблема часто употреблялась и на масонскихъ виньеткахъ [3]).

Членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, Ѳ. Н. Глинка какъ уже было упомянуто, сдѣлался въ 1816 г. членомъ ложи Избраннаго Михаила, работавшей на русскомъ языкѣ. Мастеромъ стула въ ней въ 1817—21 гг. былъ гр. Ѳ. П. Толстой, художникъ, прославившійся своими медалями въ память 1812 года, впослѣдствіи также привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ [4]).

---

[1]) Петръ Ив. Колошинъ, прапорщикъ генеральнаго штаба, былъ принятъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей 18 апрѣля 1817 г., повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817 г.; затѣмъ членомъ болѣе не числится.

[2]) Бар. В. И. Штейнгель также отрицательно относился къ масонству. Насмѣшки товарищей удержали морского офицера, декабриста А. П. Бѣляева, отъ вступленія въ масонскую ложу въ Петербургѣ, которую онъ однажды уже посѣтилъ по приглашенію С. С. Ланского. „Рус. Стар.". 1885 г, т. 29, 833—835. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, членъ Южнаго Общества, не одобрялъ масонства съ религіозной точки зрѣнія. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ утверждаетъ, будто бы масонскія ложи, начавъ христіанствомъ, кончали безбожіемъ.

[3]) *Соколовская*. „Рус. масонство", 176.

[4]) Толстой былъ почетнымъ членомъ нѣкоторыхъ русскихъ и одной варшавской ложи Полуночнаго Щита.

Въ этой ложѣ участвовало нѣсколько декабристовъ: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), братья Кюхельбекеры М. К. и В. К.; въ 1818 г. въ числѣ отсутствующихъ членовъ показанъ и Гавр. Ст. Батеньковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ членомъ ложи Восточнаго Свѣтила, основанной тамъ 30 августа 1818 г. Въ ложѣ Избраннаго Михаила Батеньковъ упомянутъ и въ спискѣ 1820 года [1]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что члены Тайнаго Общества „учредили двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ Союза Благоденствія“. Фонъ-Визинъ, вѣроятно, разумѣетъ ложи Трехъ Добродѣтелей и Избраннаго Михаила, хотя дѣйствительное большинство члены тайнаго общества могли составлять развѣ только въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.

Членъ Союза Благоденствія Александръ фонъ-деръ-Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, былъ членомъ ложи Петра къ Истинѣ въ 1817 г.

Членъ Союза Благоденствія Илья Бибиковъ означенъ въ 1820 году отсутствующимъ въ спискѣ членовъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

П. Я. Чаадаевъ, членъ того же тайнаго общества, былъ въ 1816—1818 гг., какъ мы видѣли, членомъ ложи Соединенныхъ Друзей. Онъ прекратилъ съ нею сношенія, когда, выйдя въ отставку въ 1821 г., выѣхалъ изъ Петербурга [2]).

Во время ареста его въ Варшавѣ, при возвращеніи изъ-за границы въ іюлѣ 1826 г., у него найденъ былъ патентъ восьмой степени общества тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ. Чаадаевъ на допросѣ заявилъ, будто бы „закрытая ложа Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ принадлежала къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому. Названіе же Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ присвоено одной восьмой степени“ [3]).

Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества Янтальцевъ былъ членомъ масонскихъ ложъ Елизаветы къ Добродѣтели (въ 1816 г.) и Трехъ Добродѣтелей [4]).

Зубковъ, привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ, показалъ, что

---

[1]) Г. А. І. В. № 232. Вильг. Карл. Кюхельбекеръ былъ членомъ этой ложи съ 1820 г. до самаго закрытія ложъ въ Россіи. „Рус. Стар.“ т. VI, стр. 470. Отмѣтимъ, что членомъ этой ложи былъ и П. Я. Фокъ, начальникъ тайной полиціи („Рус. Стар.“ 1900 г., № 9, 643), не пропускавшій ни одного засѣданія.

[2]) Въ 1818 г. онъ былъ вторымъ надзирателемъ въ ложѣ Сѣверныхъ Друзей.

[3]) „Рус. Стар.“ 1900 г. № 12, стр. 584, 587—588. Быть можетъ, тутъ дѣло идетъ о шведскомъ масонствѣ, въ которомъ 8-я степень носила названіе: Frère favori de St. Jean, ou du Cordon blanc. *Clavel*. 66.

[4]) Списокъ чиновъ второй арміи, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ. Дѣло второй арміи 1828 г. Арх. Гл. Штаба, № 115; Военно-ученый Архивъ, 608-а, № 151, 167.

въ 1821 г. онъ вступилъ въ Петербургѣ въ ложу Соединенныхъ Славянъ (вѣроятно, Соединенныхъ Друзей)[1]).

Членъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества Семенъ Краснокутскій, когда онъ еще служилъ въ военной службѣ, былъ въ 1816—18 г.г. членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели [2]).

Н. И. Тургеневъ, по словамъ Вигеля, былъ единственнымъ не военнымъ въ ложѣ „Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей". Но такъ какъ онъ говоритъ, что членами этой ложи были братья Муравьевы-Апостолы и Никита Муравьевъ, и что она состояла подъ управленіемъ кн. П. П. Лопухина, то, очевидно, что дѣло идетъ о ложѣ Трехъ Добродѣтелей, хотя въ ней были и нѣкоторые другіе невоенные члены. По словамъ Вигеля, названные имъ члены ложи скоро перестали посѣщать ее: „масонство имъ наскучило" (V, 57). Дѣйствительно, мы видѣли, что большинство членовъ Союза Спасенія оставили масонскія ложи не позже 1818 года.

Н. И. Тургеневъ также разочаровался въ масонствѣ. 11 февраля 1818 г. онъ писалъ брату Сергѣю: „Кн. Баратаевъ пишетъ мнѣ, что завелъ въ Симбирскѣ ложу Ключъ Добродѣтели и предлагаетъ мнѣ титло почетнаго члена и представителя ихъ ложи у здѣшней директоріальной. Я отъ всего отказался, видя, что масонство у насъ процвѣтать теперь не можетъ... Въ здѣшнихъ ложахъ я также не бываю, да онѣ того въ теперешнемъ ихъ церемоніальномъ ничтожествѣ и не стоятъ" [3]).

Затѣмъ Н. Тургеневъ, повидимому, заинтересовался иллюминатствомъ. По крайней мѣрѣ, Грибовскій въ своемъ доносѣ на членовъ Союза Благоденствія увѣряетъ, что Тургеневъ „настаивалъ" на томъ, чтобы преобразовать этотъ союзъ „совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами" [4]).

С. И. Тургеневъ, братъ Ник. Ивановича, не бывшій членомъ Тайнаго Общества (Н. И. вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 г. [5]), сдѣлался членомъ ложи Георгія Побѣдоносца, учрежденной въ 1817 г. въ Мобёжѣ при главной квартирѣ русскаго корпуса во Франціи. Въ апрѣлѣ 1818 г. Н. И. писалъ ему изъ Петербурга: „мнѣ здѣсь вѣрно сказывали,

---

1) „Записки В. П. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1826 г. съ предисловіемъ и примѣчаніемъ Б. Л. Модзалевскаго". Спб. 1906 г., стр. 4.

2) Списокъ членовъ этой ложи 1818 г., Военно-уч. Арх., Отд. I, № 608-а, л. 166—169.

3) М. И. Муравьевъ-Апостолъ разсказывалъ впослѣдствіи, что декабристы пытались поступать въ масонскія ложи въ надеждѣ завербовать въ нихъ членовъ для тайнаго общества, но, убѣдившись, что нечего и надѣяться на сочувствіе масоновъ, вышли изъ ложъ. „Рус. Арх." 1897 г. № 4, стр. 583. Однако, многіе декабристы были масонами ранѣе вступленія въ Тайное Общество.

4) „Рус. Арх." 1875 г., т. II, 427.

5) La Russie et les Russes I, 181.

что государь когда-то показывалъ неудовольствіе, какъ на масонство вообще, такъ и на духъ свободомыслія, показывающійся будто бы чрезъ масонство въ корпусѣ вашемъ... Если ваша ложа дѣлаетъ какое-нибудь истинное добро въ нашемъ смыслѣ, то надобно, хотя и съ великою осторожностью, лелѣять ее и ею заниматься, не взирая ни на что. Если нѣтъ, то не надобно ничего дѣлать. Здѣсь нѣтъ середины" [1]).

Кромѣ всѣхъ названныхъ лицъ, были масонами слѣдующіе, менѣе видные, члены Союза Благоденствія, не привлекавшіеся къ слѣдствію: 1) Вас. Мих. Бакунинъ, гвардейскій поручикъ. Въ 1820 г. онъ числился среди отсутствующихъ членовъ петербургской ложи Орла Россійскаго; 2) бар. Корфъ, служившій до января 1823 г. въ лейбъ-гв. Егерскомъ полку, а затѣмъ вышедшій въ отставку, былъ членомъ ложи Пламенѣющей Звѣзды въ Петербургѣ. 3) Мейеръ, служившій въ томъ же полку, адъютантъ гр. Ланжерона, былъ членомъ ложи Евксинскаго Понта въ Одессѣ. 4) Александръ Ант. Скалонъ, служившій въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ.

Было уже упомянуто объ адъютантѣ вел. кн. Михаила Павловича, служившемъ въ л.-гв. артиллерійской бригадѣ, Ильѣ Гавриловичѣ Бибиковѣ. Онъ былъ членомъ ложи Александра Тройственнаго Благословенія въ Москвѣ. Къ слѣдствію его не требовали, но онъ самъ заявилъ имп. Николаю, что былъ членомъ Союза Благоденствія [2])

Полковникъ Митьковъ былъ принятъ въ Тайное Общество Н. И. Тургеневымъ въ 1821 г. [3]). Въ 1816—21 гг. онъ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей.

Рылѣевъ, самый энергичный членъ Сѣвернаго общества, въ 1820 г. вступилъ въ ложу Пламенѣющей Звѣзды, которая состояла въ то время въ союзѣ Астреи и работала на нѣмецкомъ языкѣ, и числился въ ней въ 1820 и 1821 годахъ мастеромъ [4]).

---

[1]) Письма Н. И Тургенева въ Тургеневскомъ архивѣ, въ отдѣленіи рукописей I Отд. Библ. Акад. Наукъ.

[2]) Вас. Алексѣев. Перовскій (незаконный сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, адъютантъ вел. кн. Николая Павловича), привлекавшійся къ слѣдствію о Тайномъ Обществѣ, былъ масономъ, но принадлежалъ къ ложѣ Кеннгетъ Кильвинингъ въ Эдинбургѣ въ Шотландіи. Лореръ, членъ Союза Благоденствія и Южнаго Общества, былъ принятъ въ иностранную масонскую ложу въ г Оффенбахѣ. Привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ подполковникъ квартирмейстерской части Гвоздевъ заявилъ въ своей подпискѣ, что за границей въ походѣ былъ принятъ въ сообщество масоновъ, „но ни къ какой ложѣ собственно не принадлежалъ“.

[3]) Изъ показанія объ этомъ Митькова видно также разочарованіе Н. И. Тургенева въ масонствѣ: „Прежде всего—говоритъ Митьковъ,—я неоднократно отъ него слышалъ, что есть, кромѣ масонскихъ, другія тайныя общества, куда не съ тѣмъ принимаютъ, чтобы только брать деньги, и не всякаго, и разсматриваютъ поведеніе человѣка, заслуживаетъ ли онъ быть принятъ“. Г. А. I. В. № 357, л. 10.

[4]) Ст. Н. И. Котляревскаго о Рылѣевѣ въ „Рус. Бог.“ 1905 г., № 7, стр. 44.

Членъ того же общества Батеньковъ былъ членомъ петербургской ложи Избраннаго Михаила въ союзѣ Астреи, а потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818 г.

Членомъ ложи Орла Россійскаго въ Петербургѣ былъ декабристъ, членъ Сѣвернаго Общества, Епаф. Степ. Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ 1-го гв. экипажа. По приговору верховнаго уголовнаго суда онъ былъ разжалованъ въ солдаты съ выслугою.

Членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели въ Петербургѣ и Ищущихъ Манны въ Москвѣ былъ Ив. Юрьев. Поливановъ, присужденный верховнымъ судомъ въ каторжныя работы, но умершій въ госпиталѣ до ссылки, 5 сентября 1826 г. [1]).

VIII.

Связь Союза Благоденствія съ масонствомъ проявилась, между прочимъ, въ основаніи въ союзѣ Астреи масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ, объ учрежденіи которой въ 1818 и о закрытіи въ слѣдующемъ году было уже упомянуто въ первой статьѣ. Управляющимъ мастеромъ ея былъ племянникъ извѣстнаго масона Н. И. Новикова, М. Н. Новиковъ, членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, который въ Петербургѣ въ 1816 г. былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила, а въ 1817—18 г. числился въ ней отсутствующимъ членомъ. Намѣстнымъ мастеромъ полтавской ложи былъ богатый малороссійскій помѣщикъ, имѣвшій болѣе 6000 душъ крестьянъ, дѣлавшій ранѣе не мало пожертвованій на общественныя нужды, С. М. Кочубей [2]), первымъ надзирателемъ Влад. Вас. Тарновскій, служившій въ генеральномъ судѣ, витіею—майоръ И. П. Котляревскій, уже извѣстный въ то время украинскій писатель, прославившійся своею „Енеидою, на малороссійскій языкъ пере-

---

[1]) См. дѣла о названныхъ декабристахъ въ Гос. Архивѣ, „Списокъ офицеровъ русской арміи, признавшихъ свою принадлежность къ масонству“, изданный Т. О. Соколовскою въ „Рус. Стар.“ 1907 №№ 6—9, печатные списки (Tableau de la grande Loge Astrée) членовъ Вел. ложи Астреи 1817—18, 1818—19 и 1820—21 гг., и списокъ членовъ Великой Провинціальной ложи 1816 г. въ Воен.-уч. Арх. Отд. 1 № 608-а, л. 149—165.

[2]) Однако, этотъ же Кочубей продавалъ своихъ крестьянъ на своз и этимъ вызвалъ ихъ волненія. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ“ I, 408—410; *Середонинъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, I, 339—343. „Рус. Стар.“ 1904 г., стр. 503—504. Записка по крестьянскому вопросу, составленная имъ въ 1818 г. по волѣ Александра I, секретно объявленной ему малороссійскимъ губернаторомъ Н. Г. Репнинымъ, вызвала по докладу Новосильцева замѣчаніе государя, что многія правила представленнаго Кочубеемъ проекта „не токмо не доставятъ крестьянамъ выгодъ, но, можетъ быть, послужатъ еще къ стѣсненію нынѣшняго ихъ состоянія“. „Сборн. мат. Арх. соб. Е. В. Канц.“, VII, 165—175, XI, 269—273; Гос. Арх. I. В. № 193, л. 17 об.

лиціованною“ [1]) членами помѣщикъ Вас. Лукичъ Лукашевичъ, котораго 18 лѣтъ избирали переяславскимъ маршаломъ, т. е. предводителемъ дворянства, артиллерійскій подполковникъ Влад. Андр. Глинка, членъ Союза Благоденствія, губ. маршалъ екатериносл. губ. Д. Л. Алексѣевъ, хорольскій предводитель дворянства Ст. Лар. Алексѣевъ, и др. Всего въ ложѣ было 21 дѣйствительный членъ и два отсутствующихъ [2]). Трехъ изъ этихъ лицъ (Лукашевича, Кочубея и С. Л. Алексѣева) арестовали во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ въ концѣ января 1826 г. и отвезли въ Петербургъ [3]).

Относительно себя Лукашевичъ показалъ: „Получивъ нѣкоторое образованіе“ (онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ), „вышедши 17 лѣтъ въ отставку и живя на свободѣ въ достаткѣ, предавался тому броженію ума, которое безъ путеводителя въ молодыхъ лѣтахъ свойственно. Я ревностно порывался озариться тѣмъ свѣтомъ, который, по мнѣнію моему, отдѣлялъ меня отъ общаго класса людей, и все мистическое и таинственное имѣло въ глазахъ моихъ несказанную прелесть. Я полагалъ, что общества, образуя сердце человѣка, рождаютъ братскую связь и поучаютъ взаимнымъ обязанностямъ“.

Относительно Новикова Лукашевичъ заявилъ, что онъ „ни довѣріемъ, ни уваженіемъ въ Малороссіи не пользовался“ и что „по несогласію съ Новиковымъ, съ коимъ особенной пріязни не имѣлъ“, онъ, Лукашевичъ, „перешелъ въ кіевскую ложу“. Не благопріятно отозвался о Новиковѣ и С. П. Трубецкой: „мы узнали“, говоритъ онъ, „что онъ завелъ масонскую ложу, но какъ дѣйствовалъ для общества, мнѣ осталось неизвѣстнымъ; только слышали мы послѣ, что онъ по званію своему велъ себя дурно, стараясь нажиться, отчего по обществу мы не желали имѣть съ нимъ сношеній“. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, адъютантъ малорос-

---

[1]) Кочубей выхлопоталъ Котляревскому мѣсто директора дома воспитанія бѣдныхъ въ Полтавѣ и напечаталъ на свой счетъ въ его пользу 3-е изд. „Енеиды“ въ 1809 г. Первое изданіе этого произведенія вышло въ свѣтъ въ 1798 г. въ 3-хъ частяхъ, и такъ же, какъ и второе, 1808 г., было издано помѣщикомъ М. Парпурою безъ согласія автора; изданіе 1809 г.—въ 4-хъ, съ посвященіемъ С. М. К..ю; въ 1842 г., уже по смерти автора, въ 6 частяхъ. Одно изъ новѣйшихъ изданій, съ текстомъ, провѣреннымъ подъ ред. И. Стешенко, вышло въ Кіевѣ въ 1899 г. (оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“). У Котляревскаго было 6 душъ крестьянъ, которыхъ онъ отпустилъ на волю —И. Стешенко. Ив. Петр. Котляревскій, авторъ украинской „Энеиды“. Кіевъ 1902 г., стр. 35.

[2]) Военно учен. Архивъ отд. I, 608, А., л. 172—173.

[3]) Лукашевичъ былъ заточенъ въ Петропавловскую крѣпость въ февралѣ 1826 г. Николай I приказалъ посадить его, „гдѣ лучше, и содержать хорошо“. Ему разрѣшено было писать. Тарновскій, тяжко больной во время слѣдствія, состоялъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Новиковъ умеръ ранѣе, и сынъ сжегъ его бумаги. Нѣкоторые бумаги Тарновскаго были также сожжены передъ обыскомъ. „Труды полт. учен. арх. комиссіи“, 1905 г. I, 71—72.

сійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина, также говоритъ: „Замѣтя, что Новиковъ позволялъ себѣ многія злоупотребленія, несовмѣстныя съ моими мыслями, я отъ него совершенно отсталъ. Въ 1822 г. кн. Репнинъ по симъ же причинамъ его отдалилъ отъ себя, и онъ тогда сталъ жить у Кочубея“.

М. Муравьемъ-Апостолъ говоритъ въ своемъ показаніи на слѣдствіи: „Новиковъ въ Полтавѣ составилъ ложу, которая служила разсадникомъ тайнаго общества“. Онъ принималъ въ нее „дворянство малороссійское, изъ числа коихъ способнѣйшихъ помѣщалъ въ общество, называемое Союзъ Благоденствія [1]). Значущіе члены онаго были Лукашевичъ, помѣщикъ переяславскаго уѣзда, живущій въ Боришполѣ... [2]). Еще членами ложи были Тарновскій, бывшій губернскій судья Алексѣевъ, Сем. Мих. Кочубей и мн. др... Общество сіе имѣло сношенія съ сѣверною директоріею и, полагаю, съ Тургеневымъ“. Вѣроятно, эта связь полтавской ложи съ Союзомъ Благоденствія сдѣлалась извѣстною правительству и послужила причиною ея закрытія. Кн. С. Трубецкой на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ заявилъ, что Новикову было поручено завести управу, но исполнилъ ли онъ это—неизвѣстно. Послѣ закрытія полтавской ложи Новиковъ, по словамъ М. Муравьева-Апостола, „совершенно прекратилъ свои дѣйствія“. Пестель пріѣзжалъ въ Полтаву въ 1821 г. съ гр. Витгенштейномъ и ничего не нашелъ [3]).

Лукашевичъ, по показанію Бурцева, былъ членомъ Союза Благоденствія. Въ первомъ показаніи онъ заявилъ, что его принялъ въ этотъ союзъ въ 1817 (?) или 1818 г. Новиковъ, но потомъ онъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что принятъ былъ артиллерійскимъ полковникомъ Владиміромъ Глинкою, который далъ ему взятый отъ Новикова и привезенный послѣднимъ изъ Москвы уставъ Союза Благоденствія и взялъ съ него расписку, что онъ, Лукашевичъ, избравъ для своей дѣятельности въ обществѣ „отрасль просвѣщенія“, будетъ во всемъ сообразоваться съ постановленіями Союза Благоденствія. Но, если вѣрить Лукашевичу, этимъ и ограничилось участіе

---

[1]) Точно также, будучи членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ, Новиковъ въ 1816 г. завербовалъ въ Союзъ Спасенія другого члена этой ложи Ѳ. Н. Глинку, указавъ ему на то, что „въ масонствѣ только теоріи, а что есть другое общество избранныхъ молодыхъ людей, которые положили, образуя себя, дѣйствовать въ своихъ кругахъ по своимъ силамъ и возможностямъ“... Гос. Арх. I. В. № 82.

[2]) Борисполь—мѣстечко Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда въ 48 в. отъ г. Переяслава.

[3]) Пестель въ своемъ показаніи 13 января 1826 г. говоритъ: „Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить: по крайней мѣрѣ, не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія“. Но затѣмъ онъ сообщилъ, что слышалъ отъ поляковъ о малороссійскомъ обществѣ, во главѣ котораго стоитъ Лукашевичъ (см. ниже).

въ обществѣ его и В. Глинки, такъ какъ по долгомъ ожиданіи Новиковъ объявилъ ему, что оно не состоялось.

Относительно Лукашевича на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ явились указанія не только на его масонскія, но и на національныя украинскія симпатіи. По словамъ кн. С. Г. Волконскаго, подполковникъ Хотяинцевъ, бывшій членомъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, сообщилъ ему, что Лукашевичъ предлагалъ ему вступить въ общество, учрежденное въ Малороссіи и бывшее въ связи съ польскими тайными обществами. Хотяинцевъ сказалъ Волконскому, что въ этомъ обществѣ „есть катехизисъ на подобіе употребляемаго въ масонскихъ ложахъ“ при ихъ открытіи и закрытіи и что по этому катехизису на вопросъ: „гдѣ восходитъ солнце“, отвѣчаютъ: „въ Чигринѣ“ (т. е. въ Чигиринѣ,—уѣздный городъ Кіевской губерніи). Лукашевичъ на допросахъ категорически утверждалъ, что въ Малороссіи не существуетъ никакого общества: „вымыселъ полк. Хотяинцева... оставляю на совѣсти его! Что же относится до словъ „солнце взошло въ Чигринѣ“, то оныя составляютъ древнюю казацкую пословицу, знаменующую то счастливое событіе, по которому они, собравшись къ Хмѣльницкому въ Чигринѣ, пошли войною на поляковъ и, свергнувъ иго ихъ, присоединились къ державѣ россійской; могъ я говорить о сей пословицѣ, могъ хвалить ее и могъ даже считать приличнымъ каждому малороссіянину имѣть имя Богдана Хмѣльницкаго въ своемъ катехизисѣ, яко мужа, оказавшаго знаменитую намъ услугу; но чтобы образовалось общество подъ симъ окликомъ, то это совершенная клевета, которое, ежели бы и существовало, то вѣрно состояло бы изъ однихъ только малороссіянъ, почему самому и не могъ бы предлагать или открыться о семъ Хотяинцеву“. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи заявилъ, что слышалъ отъ Волконскаго и гр. Ходкевича о существованіи малороссійскаго общества, управляемаго Лукашевичемъ, о томъ, что управа его находится въ мѣстечкѣ Бориснолѣ, что большая часть этого общества—въ Черниговской губерніи и въ самомъ Черниговѣ, и что Лукашевичъ стремился соединить Малороссію съ Польшею [1]). Лукашевичъ и Ходкевичъ рѣшительно отрицали существованіе малороссійскаго общества.

Пестель относительно этого общества показалъ: „о существованіи и цѣли малороссійскаго общества говорили мнѣ д-ръ Плесель (sic), кн. Яблоновскій и Гродецкій, съ коими послѣдними двумя имѣлъ я сношенія отъ лица русскаго тайнаго общества. Сіи два послѣдніе говорили о томъ при кн. Волконскомъ, почему и было нами отъ нихъ требовано, чтобы они ни-

[1]) В. Л. Давыдовъ слышалъ отъ кн. Волконскаго, что есть малороссійское общества, цѣль котораго—независимость Малороссіи отъ Россіи, и что Лукашевичъ—членъ его.

какихъ сношеній съ другими русскими тайными обществами, а также малороссійскимъ не имѣли, а только съ однимъ нашимъ, дабы не произошло отъ того какихъ-либо замѣшательствъ въ сношеніяхъ и предметахъ оныхъ. Докторъ же Плесель мнѣ еще сказывалъ, что въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года былъ отъ польской директоріи особый членъ посланъ, который удостовѣрился, что малороссійское общество значительно. Членовъ же сего отказался онъ мнѣ назвать, когда о томъ его я спрашивалъ. Я о семъ разговорѣ съ Плеслемъ нѣкоторымъ членамъ сообщилъ тогда же, между прочимъ, Лореру и Юшневскому.—Гродецкій и Плесель мнѣ сказывали, что начальникъ малороссійскаго общества есть Лукашевичъ; лицъ же, черезъ коихъ происходили упомянутыя сношенія, никто изъ нихъ не назвалъ: ни Плесель, отказавшійся отъ того, ни кн. Яблоновскій и Гродецкій" [1]). Лореръ по поводу показанія Пестеля заявилъ: „дѣйствительно, полк. Пестель мнѣ разсказывалъ о Малороссіи слѣдующее: что Малороссія желаетъ присоединиться охотнѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, что польское тайное общество всѣми силами старается преклонить на свою сторону, и что Польша имѣетъ своихъ агентовъ или членовъ, кои имѣютъ сношенія съ тамошними помѣщиками..., и что южное общество желаетъ узнать навѣрное, есть ли въ Малороссіи тайное общество и на какихъ правахъ, что нѣкоторые помѣщики въ Малороссіи имѣютъ сношенія съ польскимъ обществомъ,—вотъ все, что я слышалъ о Малороссіи".

Кн. Волконскій, Хотяинцевъ [2]) и Лукашевичъ на очныхъ ставкахъ остались при своихъ показаніяхъ [3]).

Слѣдственная комиссія признала обвиненіе относительно устройства Лукашевичемъ малороссійскаго общества недоказаннымъ [4]). Впрочемъ, стре-

[1]) Пестель также слышалъ отъ поляковъ о многочисленномъ малороссійскомъ обществѣ, съ которымъ они, будто бы, находятся въ союзѣ; что они желаютъ независимости Малороссіи и готовы принять покровительство Польши, когда она достигнетъ независимости. Объ этомъ Пестель говорилъ Майбородѣ и назвалъ главою этого общества Лукашевича, замѣтивъ при этомъ, что онъ „очень умный человѣкъ". С. И. Муравьевъ-Апостолъ показалъ: „О малороссійскомъ обществѣ знаю только то, что будто бы тамъ начальникъ маршалъ Лукашевичъ, и что цѣль онаго присоединить Малороссію къ Польшѣ".

[2]) Нужно замѣтить, что Хотяинцевъ былъ масонъ, членъ ложи Іордань въ Ѳеодосіи. Онъ привлекался къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ и 10 января былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, причемъ Николай I велѣлъ содержать его строго, и писать ему дозволено не было. Приказомъ 7 іюля 1826 г. государь велѣлъ выдержать его еще три мѣсяца и затѣмъ перевести въ Ладожскій пѣх. полкъ. *Базилевскій (Богучарскій)*, „Государств. преступленія въ Россіи", 1,68.

[3]) Гос. Арх. I В, № 70.

[4]) Боровковъ, дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи, пришелъ къ слѣдующему выводу относительно этого общества: его „намѣревались образовать изъ масонскихъ ложъ—въ Полтавѣ бывшій правитель канцеляріи военнаго губернатора Новиковъ и въ Полтавской губ. маршалъ Лукашевичъ и предположили цѣлью независимость Малороссіи, но остались при попыткахъ, и общество не осуществилось". „Рус. Стар." 1898 г. № 11, стр. 345.

мленія къ автономіи не совсѣмъ замерли въ Малороссіи. Такъ въ сентябрѣ 1825 г. Н. А. Маркевичъ писалъ Рылѣеву: „Могу ли я хладнокровно читать „Войнаровскаго“ и „Наливайку“? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка... Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на униженіе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы,—и они ему платятъ презрѣніемъ“ [1]). Къ числу такихъ малороссійскихъ патріотовъ, очевидно, принадлежалъ и Лукашевичъ [2]). Дѣло о немъ кончилось тѣмъ, что въ началѣ сентября 1826 года Николай I повелѣлъ ему жить въ деревнѣ, гдѣ онъ выберетъ, подъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора. Его отдали подъ надзоръ полиціи и обязали жить безвыѣздно въ его имѣніи Борисполѣ съ тѣмъ, чтобы онъ занимался только хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей и ни съ кѣмъ не входилъ въ какія-либо „постороннія отношенія“. Переяславскій коммисаръ долженъ былъ каждую недѣлю доносить о поведеніи Лукашевича кн. Репнину, а послѣдній ежемѣсячно доводить до свѣдѣнія императора, что продолжалось до ноября 1828 г., а затѣмъ онъ всетаки былъ оставленъ подъ наблюденіемъ полиціи. Кочубей и Алексѣевъ были освобождены отъ всякаго подозрѣнія въ принадлежности къ тайному обществу, въ подтвержденіе чего имъ были выданы аттестаты. Въ іюнѣ было получено извѣщеніе объ освобожденіи отъ всякаго подозрѣнія и Тарновскаго [3]). На какія-то стремленія къ самостоятельному существованію Малороссіи намекаетъ и И. В. Капнистъ въ разговорѣ съ Пестелемъ: „Если бы вы имѣли дѣло съ Англіей или Франціей“, сказалъ онъ Пестелю, „вы дѣйствовали бы успѣшно; но для Россіи ваша система не мыслима, она чужда ея народному строю (?). Вы можете совершить вашъ переворотъ, но вы не предусмотрѣли народный бунтъ, который ему послѣдуетъ. Вы создадите смутное время въ Россіи, а разъединя Малороссію и Россію, вы ослабите обѣ стороны и бросите ихъ въ добычу внѣшнимъ врагамъ“ [4]].

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1888 г. т. 60, стр. 599.

[2]) Въ это время усилилось стремленіе къ изученію малороссійской исторіи, распространялись списки „Исторіи Руссовъ“ мнимаго Конисскаго; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, служившій при Репнинѣ, печаталъ свою исторію Малороссіи, вышедшую въ свѣтъ въ 1822 г.

[3]) *Павловскій*. „Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Н. Г. Репнина“. „Труды полт. уч. арх. комиссіи“ 1905 г. В. I, 71—74. О Лукашевичѣ еще въ 1807 году производилось дѣло, по донесенію переяславскаго маршала о томъ, будто бы онъ предложилъ тостъ за здоровье Бонапарта. „Кіевская Старина“ 1903 г., № 12, стр. 137.

[4]) „Сочиненія гр. П. И. Капниста“, М. 1901 г., т. I, стр. XXXIII.

Имя Лукашевича напоминаетъ о другой масонской ложѣ, мастеромъ которой онъ былъ, а, именно, о ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ' основанной 12 марта 1818 года въ союзѣ Астреи; она работала по системѣ Великаго Востока Варшавы на русскомъ и французскомъ языкахъ [1]). Очевидно, о ней доносилъ позднѣе въ 1824 г. военный генералъ-полицеймейстеръ Эртель, что въ 1819 г. во время контрактовъ (т. е. ярмарки) въ Кіевѣ открыта масонская ложа подъ названіемъ Бѣдные Славяне [2]) стараніемъ флигель-адъютанта кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Съ каждаго брата масона брали въ общую казну ежегодно по 20 р., а богатые давали по 100 и болѣе рублей; число вкладчиковъ во время контрактовъ простиралось будто бы до 1000 человѣкъ. Собранныя суммы, по донесенію Эртеля, назначались на усиленіе братіи и „подстреканія революціи“ (?) [3]).

Число дѣйствительныхъ членовъ въ ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ 1820—21 г. г. было 53, кромѣ того 9 отсутствующихъ и 19 почетныхъ. Дѣйствительные члены раздѣлялись, какъ и въ другихъ масонскихъ ложахъ, на „чиновниковъ ложи“, т. е. ея администрацію, и братьевъ трехъ степеней. По показанію одного изъ членовъ ложи, подполк. Шварценберга, дѣйствительнымъ основателемъ ложи и первымъ ея правителемъ былъ губернскій маршалъ Валентинъ Росцишевскій. Въ 1820—22 гг. управляющимъ мастеромъ былъ Францъ Харлинскій, предсѣдатель главнаго суда, а намѣстнымъ мастеромъ столь знаменитый впослѣдствіи при Николаѣ I въ званіи начальника штаба корпуса жандармовъ, а тогда полковникъ Леонтій Дубельтъ [4]).

Извѣстный намъ уѣздный маршалъ Василій Лукашевичъ въ 1820—21 г. значился въ числѣ братьевъ третьей степени. Членами ложи были также губернскій маршалъ Шимановскій, васильковскій уѣздный маршалъ Іосифъ Проскура, уѣздный маршалъ Феликсъ Росцишевскій и многіе помѣщики поляки. Въ числѣ почетныхъ членовъ ложи въ 1820 г. были кн. С. Г. Волконскій, кн. П. Трубецкой и Густавъ Олизаръ. Знакомъ Кіевской масонской ложи былъ крестъ съ польскою надписью „Jedność słowiańska“ (славянское единство) [5]). Въ ложѣ были членами многіе поляки, русскіе

[1]) „Рус. Стар.“ XVIII, 664, XXXVI, 67, Указатель Пыпина № 132.
[2]) Должно быть: Соединенные Славяне.
[3]) „Рус. Арх.“ 1906 г., т. III, 412—413.
[4]) Нужно замѣтить, что Дубельтъ пристраивался къ масонскимъ ложамъ въ разныхъ мѣстахъ: кромѣ названной кіевской ложи, онъ былъ членомъ ложи Эммануила въ Гамбургѣ, Палестины въ союзѣ Астреи въ Петербургѣ и Золотого Кольца въ Бѣлостокѣ.
[5]) „Рус. Стар.“ 1878 г. XXI, 187—189. (Приложенъ снимокъ знака этой масонской ложи). Подъ такимъ же польскимъ названіемъ одновременно (въ 1818 г.), была учреждена ложа и въ Варшавѣ, преобразованная изъ ложи Соединенные Братья Поляки, основанной въ 1807 г. послѣ учрежденія герцогства Варшав-

и малороссы, и самое названіе ея показываетъ стремленіе къ установленію дружественныхъ отношеній между этими тремя составными частями мѣстнаго населенія. Декабристъ Волконскій, членъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, родной братъ малороссійскаго генералъ-губернатора Н. Г. Репнина, былъ принятъ въ масонство въ 1812 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ, а также былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей, въ которой, какъ мы видѣли, участвовало такъ много членовъ Союза Спасенія. Къ этому союзу Волконскій не принадлежалъ, но въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей онъ, повидимому, былъ дѣятельнымъ членомъ, судя по тому, что въ 1816—17 гг. онъ былъ въ ней сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ надзирателемъ. Волконскій былъ принятъ еще 30 іюля 1814 г. въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса [1]) и съ февраля 1817 г. состоялъ въ пятой степени шотландской ложи Александра.

Принявъ званіе почетнаго члена въ ложѣ Соединенныхъ Славянъ, кн. Волконскій въ „пріемномъ" по этому случаю засѣданіи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ, какъ велики будутъ послѣдствія добровольнаго соглашенія между поляками и русскими съ цѣлью „составить одно нераздѣльное цѣлое". „Рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ, выраженнымъ обычнымъ" у масоновъ „перстничнымъ рукоплесканіемъ, повтореннымъ три раза въ знакъ высшаго всеобщаго одобреніи" [2]). Почетнымъ членомъ ложи былъ также кн. Петръ Трубецкой, представитель ложи Соединенныхъ Славянъ въ Великой ложѣ Астреѣ, членъ Союза Благоденствія.

Третій почетный членъ ложи, а ранѣе ораторъ и затѣмъ „мастеръ стула" ложи Соединенныхъ Славянъ былъ богатый польскій помѣщикъ Густавъ Олизаръ, кіевскій губернскій маршалъ, человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей, поэтъ, близкій знакомый семьи генерала Раевскаго. Онъ стремился къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ и предлагалъ просить правительство объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права съ замѣною барщины оброкомъ за землю и опеку крестьянъ помѣщиками; какъ на поводъ къ такому ходатайству, онъ указывалъ на крестьянскую реформу въ Остзейскомъ краѣ, осуществленную, впрочемъ, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Онъ желалъ, чтобы помѣщики выбрали изъ своей среды

скаго, въ зависимости отъ французскаго Востока. Однимъ изъ девизовъ на печати этой послѣдней ложи были также двѣ соединенныя руки. Załęski, 149—150, 158.

[1]) См. замѣтку Т. О. Соколовской въ „Рус. Стар." 1907 г., іюнь, стр. 480—481. Мы видѣли, что членомъ ложи Сфинкса былъ и Пестель.

[2]) Записки Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 403. Даже Шварценбергъ, рѣзко отозвавшійся о многихъ членахъ ложи, сказалъ о Волконскомъ только то, что онъ былъ „прилежнымъ масономъ и, кажется, почтенною особою".

людей, знающихъ мѣстныя экономическія условія, которые могли бы установить нормы оброка въ различныхъ мѣстностяхъ. Но изъ уѣздныхъ предводителей дворянства только двое выразили согласіе съ предложеніемъ Олизара [1]).

Членами ложи Соединенныхъ Славянъ были и многіе представители мѣстной интеллигенціи: докторъ философіи дерптскаго университета Гаусманъ, главный докторъ госпиталя Кнотъ, штабъ-лекарь кіевскаго военнаго госпиталя Чичкинъ, профессоръ нѣжинской гимназіи Шапелинскій, врачъ Сааръ, учитель кіевской гимназіи Кульчицкій, учитель нѣжинской гимназіи французъ Ландраженъ, чиновникъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ Александръ Бакунинъ [2]), врачъ Гиршфельдъ, учитель музыки Леманъ, учитель математики въ кіевской гимназіи Аврамовъ, докторъ медицины и хирургіи Михельсонъ, книгопродавецъ французъ Ленуаръ и др. По показанію Шварценберга, всего членовъ было около 70 человѣкъ [3]).

Лукашевичъ былъ, однако, недоволенъ кіевскою ложею и вообще нашимъ масонствомъ, такъ какъ, по его словамъ, „въ составѣ сего общества занимались болѣе количествомъ, нежели качествомъ", что, вѣроятно, означаетъ—стремленіе привлечь возможно большее число членовъ, недостаточно строго разбирая ихъ достоинство. Когда чрезъ Борисполь проѣзжалъ капитанъ польской службы Маѣвскій и останавливался у Лукашевича, послѣдній высказывалъ ему свое недовольство масонствомъ; Маѣвскій предложилъ ему вступить въ высшія масонскія степени, и когда Лукашевичъ на это согласился, далъ ему степень тампліера [4]). Затѣмъ они поѣхали вмѣстѣ въ Кіевъ, гдѣ Маѣвскій выдавалъ его за стараго тампліера. По одному показанію Лукашевича, это было въ 1822 г., по другому въ январѣ 1821 г. [5]). Послѣ того лѣтомъ они снова увидѣлись, и Маѣвскій, по словамъ Лукашевича, сказалъ ему, что они хотятъ составить общество храмовниковъ и намѣреваются выписать изъ Эдинбурга тампліерскій статутъ, но Лукашевичъ отказался принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ другомъ же показаніи Лукашевичъ заявилъ, что Маѣвскій предлагалъ ему

---

[1]) Pamiętniki G. Olizara, Lwów 1892, 132—134..

[2]) Шварценбергъ назвалъ его легкомысленнымъ и вообще человѣкомъ „невыгодныхъ качествъ". Бакунинъ служилъ прежде въ Семеновскомъ полку, былъ адъютантомъ ген. Н. Н. Раевскаго, а въ 1820 г. перешелъ въ гражданскую службу и принадлежалъ въ Москвѣ къ кружку декабриста И. И. Пущина. „Записки В. П. Зубкова", стр. 5, 84.

[3]) Арх. Гл. Штаба, бумаги по Выс. порученію ген. ад. Демидову 1826 г. Дѣло № 4, л. 87—88, 22, 35, 101—102; Арх. канц. воен. мин. св. 25, дѣло № 5.

[4]) О польскомъ обществѣ тампліеровъ см. въ „Донесеніи слѣдственнаго комитета" въ Варшавѣ. Базилевскій I, 78—81, 91—93.

[5]) Судя по донесенію варшавскаго слѣдственнаго комитета, это было именно въ январѣ 1821 г. (стр. 79).

вступить въ тайное политическое общество, но онъ на это не согласился [1]). Послѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи Лукашевичъ уничтожилъ всѣ имѣвшіеся у него масонскіе ритуалы и патенты, а также и уставъ Союза Благоденствія, Маѣвскій же при свиданіи съ нимъ сообщилъ ему, что тампліерство рушилось.

Маѣвскій, допрошенный 28 іюня 1826 г. въ Варшавѣ, показалъ, что Лукашевичъ дурно понялъ его: онъ „вовсе не говорилъ ему о сформированіи особаго общества", а о томъ, что „учреждаемое ими общество тампліеровъ должно считать ложею, для устройства которой онъ „аккредитованъ въ Эдинбургѣ" (чего, по его показанію на слѣдствіи, вовсе не было) и обѣщалъ написать туда о высылкѣ „постановленія" ложи. Маѣвскій утверждалъ, что Лукашевичъ „смѣшиваетъ разныя, временемъ отдѣленныя, обстоятельства". Когда въ 1821 г. онъ предлагалъ ему войти въ общество тампліеровъ, то самъ еще „весьма мало зналъ о существованіи патріотическаго общества и не принадлежалъ" къ нему, а потому не могъ и предлагать ему вступить въ него [2]). Въ 1824 г., узнавъ отъ Карвицкаго, что въ Россіи существуетъ тайное общество и что патріотическое общество входитъ съ нимъ въ сношенія, онъ просилъ Лукашевича что-нибудь узнать объ этомъ. Тотъ обѣщалъ и, пріѣхавъ однажды ночью, посовѣтовалъ ему не мѣшаться въ это дѣло [3]). Кн. Яблоновскій на допросѣ 29 іюня заявилъ, что говорилъ кн. Волконскому и Пестелю объ

---

[1]) Въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета сказано, что, по мнѣнію многихъ, Лукашевичъ „былъ членомъ патріотическаго общества; однако же достовѣрно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное" (стр. 87).

[2]) О патріотическомъ обществѣ см. въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета и въ статьѣ извѣстнаго польскаго историка проф. Аскеназы Walerian Lukasin'ski. Biblioteka Warszawska, 1906, t. III. Краткій біографическій очеркъ Лукасинскаго, принадлежащій перу того же автора, см. въ „Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ", СПБ., 1907 г.

[3]) Въ другомъ показаніи Маѣвскій заявилъ о Лукашевичѣ: 1) что онъ познакомился съ нимъ въ Полтавской губ. и нашелъ его уже масономъ; 2) что однако онъ далъ ему масонскую степень chevalier d'Orient (15-я степень шотландскаго масонства во Франціи); 3) „что по заведеніи имъ, Маѣвскимъ, ордена тампліеровъ въ южныхъ польскихъ губерніяхъ, однажды въ Кіевѣ, послѣ принятія Пулавскаго въ тампліеры, они пригласили и Лукашевича къ своему обѣденному масонскому столу; 4) что онъ предлагалъ Лукашевичу войти въ орденъ тампліеровъ, но тотъ не принялъ его предложенія, утверждая, что сіе несогласно съ благоразуміемъ и данною имъ россійскому правительству присягою; 5) что онъ отнюдь не знаетъ, распространялъ-ли Лукашевичъ въ Малороссіи какой-либо орденъ; наконецъ, 6) что Карвицкій, узнавъ о сношеніи нѣкоторыхъ поляковъ съ тайнымъ россійскимъ обществомъ, просилъ его развѣдать о томъ обстоятельнѣе чрезъ Лукашевича (по причинѣ знакомства сего послѣдняго съ русскими генералами: Раевскимъ, кн. Волконскимъ и пр.), и что Лукашевичъ, исполнивъ просьбу сію, убѣждалъ только не входить ни въ какое сношеніе, удаляться русскихъ заговорщиковъ, дабы не попасть въ бѣду и вообще не заводить никакихъ обществъ". Карвицкій показалъ, что Маѣвскій изъ хвастливости увѣрялъ о существованіи въ Малороссіи обширной отрасли тампліеровъ подъ начальствомъ Лукашевича, но послѣ оказалось, что, „кромѣ Лукашевича, не было тамъ никого

обществѣ тампліеровъ, которое, какъ онъ слышалъ отъ Карвицкаго, существовало въ Малороссіи, имѣло много членовъ, и во главѣ его стоялъ тамошній повѣтовый маршалъ, на что Волконскій и Пестель сказали, что это долженъ быть Лукашевичъ.

Члены русскаго южнаго общества также хотѣли привлечь Лукашевича въ свою среду. Съ кн. С. Г. Волконскимъ Лукашевичъ познакомился у его брата кн. Н. Г. Репнина, а съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ— у Волконскаго. По словамъ Лукашевича, они считали его не только членомъ Союза Благоденствія, но и членомъ польскаго общества. Лукашевичъ сказалъ ему, что къ послѣднему онъ не принадлежитъ и считаетъ „не по сердцу русскаго вступать съ поляками въ связи"; на это С. Муравьевъ-Апостолъ возразилъ, что „ненависти народныя основаны" на „уѣздномъ патріотизмѣ (patriotisme de province)" и „что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о счастьѣ народномъ, всѣ должны быть одного племени". По словамъ Муравьева, Лукашевичъ согласился съ нимъ. Муравьевъ убѣждалъ его также признать, что „одна только конституція можетъ упрочить счастье народное, и что мѣры, обезпечивающія право собственности и личную свободу, въ нашемъ вѣкѣ извѣстны". Лукашевичъ возразилъ: „счастье народное есть слова пространнаго и сложнаго значенія, о коемъ положительно излагаться есть нѣсколько самонадѣятельно". Бесѣда скоро оборвалась. Съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ Лукашевичъ болѣе не видѣлся, а Волконскій совершенно охладѣлъ къ нему.

18 мая 1823 г. Александръ I въ именномъ указѣ комитету министровъ поставилъ ему на видъ, что, какъ дошло до свѣдѣнія государя, масонскія ложи въ Кіевѣ еще существуютъ, но тайно, и повелѣлъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, произведя изслѣдованіе, о результатахъ его доложить чрезъ комитетъ министровъ [1]).

Военный генералъ-полиціймейстеръ Эртель 30 марта 1824 г. донесъ главнокомандующему 1-ю арміею, что послѣ закрытія тайныхъ обществъ въ 1822 г. кіевская ложа прекратила существованіе, но членъ ея ген.-майоръ Бѣгичевъ „прибѣгъ къ отрасли масонскаго заговора", т. е. съ

болѣе". Арх. гл. штаба, секретная опись 1826 г. № 63. Извѣстный польскій историкъ Лимановскій говоритъ о польскихъ тампліерахъ: „независимо отъ національнаго масонства" (главнымъ организаторомъ котораго былъ Валеріанъ Лукасинскій) „уланскій капитанъ Маѣвскій, который былъ принятъ въ союзъ Тампліеровъ въ Шотландіи, когда находился тамъ въ качествѣ военноплѣннаго, при содѣйствіи полковника Лаговскаго и военнаго чиновника Заблоцкаго основалъ въ 1820 г. на Волыни союзъ тампліеровъ. Въ третьей степени этого союза объявлялась цѣль патріотическая. Отличительною чертою его было то, что въ союзъ принимались также и женщины. Главная ложа была организована въ Кіевѣ въ 1821 г. Маѣвскій былъ выбранъ управляющимъ ею". *Limanowski.* Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Zurych, 1901, 131.

[1]) „Сборн. ист. мат. изъ Архива соб. Е. В. канц." VI, 184.

гр. Ходкевичемъ открылъ магнетизмъ, которому послѣдовалъ и ген. Раевскій со всѣмъ усердіемъ, даже многихъ особъ въ Кіевѣ самъ магнетизировалъ, равно и его адъютанты: „членъ Союза Благоденствія Капнистъ [1]) и членъ сѣвернаго общества Мухановъ. По увѣренію Эртеля, это дѣлалось съ тою цѣлью, „чтобъ имѣть лучшій способъ... обязывать паціентовъ всѣмъ тѣмъ, что только масонскія правила требуютъ". Увлеченіе кіевскаго общества магнетизмомъ продолжалось около года [2]).

Главнокомандующій первою арміею гр. Сакенъ препроводилъ донесеніе Эртеля со спискомъ кіевскихъ масоновъ генералъ-адъютанту барону Дибичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба первой арміи обратилъ вниманіе Дибича на то, что состоящій въ числѣ кіевскихъ масоновъ гр. Олизаръ проѣхалъ въ Петербургъ, на тотъ случай, если бы признано было полезнымъ „имѣть его въ наблюденіи или даже взять предосторожности по искательствамъ его". Заподозрили, что Олизаръ поѣхалъ въ Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы стараться отвратить мѣры, которыя будутъ приняты противъ кіевскихъ масоновъ вслѣдствіе донесенія Эртеля [3]). Въ то же время отъ цесаревича Константина Павловича были получены свѣдѣнія, что Олизаръ во время дворянскихъ выборовъ въ 1824 г., когда онъ былъ вновь избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, обращался къ дворянамъ съ польскими патріотическими рѣчами, опасными для общественнаго спокойствія. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, кн. П. М. Волконскій объявилъ ему, что государь желаетъ, чтобы онъ не представлялся ни ему, ни кому-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи. Олизаръ написалъ письмо государю, прося приказать объявить ему, въ чемъ состоитъ его вина. Тогда онъ былъ вызванъ къ ген.-губерн. гр. Милорадовичу, который сообщилъ ему повелѣніе государя (данное 25 апрѣля 1824 г.) немедленно оставить Петербургъ. Милорадовичъ сказалъ ему, что если Олизаръ не сдѣлаетъ этого, то будетъ вывезенъ въ 24 часа съ жандармами, и на вопросъ о причинѣ высылки упомянулъ о произнесенныхъ Олизаромъ въ Кіевѣ рѣчахъ [4]).

---

[1]) Алексѣй Вас., просидѣвшій въ крѣпости три мѣсяца по дѣлу декабристовъ. „Воспоминаніе С. В. Скалонъ". „Ист. Вѣст." 1891 г. № 6, стр. 620—624. См. о немъ дѣло Госуд Арх. I В. № 115.

[2]) Эртель счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія начальства даже и то, что на масляной недѣлѣ 1824 г., съ четверга до субботы, были „масонскіе блины" въ Кіевѣ, а отъ субботы до среды первой недѣли поста въ мѣстечкѣ Борисполѣ у уѣзднаго маршала Вас. Лукашевича. Все лѣто 1823 г. „масонская братія" собиралась на окраинахъ Кіева въ хуторѣ Бѣгичева. Въ спискѣ членовъ „тайнаго общества", которое генералъ Эртель „открылъ" въ Кіевѣ, значатся и ген. отъ кавал. Раевскій, и ген. М Ѳ. Орловъ, но, по печатнымъ спискамъ членовъ ложи Соединенныхъ Славянъ, они не состояли даже въ числѣ почетныхъ членовъ.

[3]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 412—415.

[4]) Во время пребыванія Олизара въ Петербургѣ его встрѣтилъ въ трактирѣ Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому тотъ сказалъ, что на него сдѣ-

На этотъ разъ донесеніе Эртеля о кіевскихъ масонахъ осталось безъ болѣе тяжкихъ послѣдствій, но послѣ событія 14 декабря, чрезъ нѣсколько дней оно было препровождено преемнику Н. Н. Раевскаго въ командованіи четвертымъ корпусомъ, кн. Щербатову, причемъ гр. Сакенъ сообщилъ ему повелѣніе государя „принять самыя дѣятельныя, но осторожныя мѣры къ открытію дальнѣйшихъ отраслей союза", цѣль котораго „клонилась къ ниспроверженію законной императорской власти и части коего существуютъ точно въ 4-мъ пѣх. корпусѣ" [1]). Такимъ образомъ власти прямо связывали тутъ масоновъ съ декабристами. Въ концѣ января 1826 г. въ Кіевѣ производилъ допросы о масонахъ генералъ-адъютантъ Демидовъ. На основаніи донесенія Эртеля считалось доказаннымъ, что и послѣ запрещенія тайныхъ обществъ масонская ложа существовала въ Кіевѣ. 12 января 1826 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ подп. Капнистъ, бывшій адъютантъ генерала Раевскаго. Въ Кіевѣ ходили слухи, что ген. Бѣгичевъ жегъ свои бумаги. Здѣсь же былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ гр. Олизаръ.

Заподозривъ, на основаніи показанія кн. С. П. Трубецкого, что Олизаръ принадлежитъ къ польскому обществу въ Варшавѣ, слѣдственный комитетъ по дѣлу декабристовъ 2 января 1826 г. исходатайствовалъ разрѣшеніе государя арестовать Олизара [2]). Кромѣ того, въ самомъ концѣ декабря 1825 г. на Олизара былъ посланъ доносъ находившимся въ Кіевѣ „для общаго наблюденія" адъютантомъ гл. штаба 1-й арміи капитаномъ Сотниковымъ, въ которомъ указывалось на „участіе гражданской части въ заговорѣ", выразившееся въ томъ, что „губернскій маршалъ" (Олизаръ) „съ нѣкоторыми повѣтами" (уѣздами) „медлитъ присягою" и что въ полякахъ будто бы замѣтна „большая преданность цесаревичу". Олизару во время допросовъ не трудно было опровергнуть этотъ доносъ. Подозрѣніе возбудило также его знакомство съ Бестужевымъ-Рюминымъ,

лали доносъ, будто бы въ собраніи дворянства онъ „говорилъ о свободѣ крестьянъ". На запросъ, сдѣланный по повелѣнію государя кіевскому гражданскому губернатору, послѣдній отъ 26 апрѣля, т. е. уже послѣ высылки Олизара изъ Петербурга, донесъ, что во всѣхъ его поступкахъ никакихъ „вредныхъ намѣреній и ничего предосудительнаго... не замѣчается", а также, что во время послѣднихъ дворянскихъ выборовъ въ Кіевѣ такихъ безпорядковъ, кои бы могли влечь за собою какія-либо вредныя послѣдствія, не замѣчено". Изъ этого видно, что Олизаръ былъ высланъ изъ Петербурга на основаніи ложнаго доноса. Тѣмъ не менѣе Константину Павловичу было повелѣно государемъ продолжать за нимъ наблюденіе, и 9 января 1826 г., т. е. незадолго до ареста Олизара, цесаревичъ (очевидно, не зная о донесеніи кіевскаго губернатора) сообщилъ барону Дибичу, что „имѣлъ невыгодное на счетъ образа мыслей его донесеніе еще въ 1824 г." Pamiętniki Olizara, 144.–149; „Рус. Вѣстн." 1893 г. № 8, стр. 37—40; „Сборн. Мат. Арх. соб. Е. В. канц." VI, 206—208. Арх. гл. штаба, секретная опись 1827 г, № 154. Гос. Арх. I В. № 316, л. 18, № 397, л. 100.

[1]) Госуд. Арх. I В. № 17, л. 1—3.

[2]) Госуд. Арх. I. В. № 25, л. 29 об.

С. Муравьевымъ-Апостоломъ, кн. Волконскимъ и Давыдовымъ. Олизаръ содержался въ Петропавловской крѣпости, куда былъ посаженъ 21 января 1826 г., причемъ императоръ Николай приказалъ содержать его „строго, но хорошо". Бестужевъ-Рюминъ полагалъ, что онъ членъ польскаго общества, но кн. Яблоновскій и гр. Мошинскій рѣшительно отрицали это. По предложенію слѣдственнаго комитета (12 февраля 1826 г.), императоръ Николай приказалъ выпустить Олизара. Но съ нимъ случилось несчастье. На пути на югъ, въ Тульской губ., онъ потерялъ мѣшокъ съ бумагами, между которыми оказались дипломы на французскомъ языкѣ „тайнаго общества подъ названіемъ Алкивіадъ". Въ одномъ изъ нихъ объявлялось, что Олизаръ принятъ подъ именемъ Вашингтона и съ достоинствомъ рыцаря-меченосца, а въ другомъ рыцарю-меченосцу Вашингтону давалось спеціальное порученіе: учрежденіе египетскихъ горъ на Волыни, Подоліи, Брацлавѣ и Украинѣ по даннымъ ему секретнымъ инструкціямъ съ правомъ назначать старѣйшинъ горъ и принимать членовъ. На дипломахъ не помѣчены ни время, ни мѣсто ихъ выдачи. Въ засѣданіи петербургской слѣдственной коммиссіи 17 іюня 1826 г., куда присланы были эти документы, было постановлено: „названіе рыцарей храмовыхъ и меченосцевъ, кои въ сихъ дипломахъ усматривается, даютъ поводъ думать, что они относятся къ обществу тампліеровъ, о коихъ производится слѣдствіе въ Варшавѣ", и потому бумаги эти были отправлены къ цесаревичу для дальнѣйшаго изслѣдованія. Олизаръ былъ вновь арестованъ въ Кіевѣ и 20 іюля отправленъ въ Варшаву. Но онъ и Малаховскій показали, что документы эти были изготовлены ими въ 1817 г. въ Петербургѣ съ цѣлью мистификаціи. Олизаръ былъ очень скоро освобожденъ съ учрежденіемъ надъ нимъ тайнаго надзора, подъ которымъ онъ состоялъ 7 лѣтъ [1]).

Названіе ложи Соединенныхъ Славянъ напоминаетъ о тайномъ обществѣ Соединенныхъ Славянъ, которое, по предложенію Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, по прямой связи между этою ложею и обществомъ Соединенныхъ Славянъ прослѣдить нельзя. Основатель этого общества артиллерійскій подпоручикъ Борисовъ 2-й первоначально на допросѣ заявилъ, что въ маѣ 1818 г. онъ вступилъ въ Одессѣ въ масонскую ложу Друзей Природы, по предложенію французскаго купца Ольвіера [2]) и что былъ членомъ ложи до самаго запрещенія тайныхъ обществъ въ 1822 г.; Горбачевскому же онъ говорилъ, что состоитъ членомъ масонской ложи Друзей Природы въ Малороссіи. Но затѣмъ Борисовъ 2-й показалъ,

[1]) Гос. Арх. I В. № 71; Pamiętniki G. Olizara, Lwów. 1892. Извлеченіе изъ нихъ см. въ „Рус. Вѣст.". 1893 г. №№ 8 и 9; въ 1818 Г. Олизаръ былъ членомъ ложи Палестина въ Петербургѣ.

[2]) Въ Одессѣ въ томъ же году начинала устраиваться шотландская ложа Трехъ Царствъ Природы.

что оба эти заявленія ложны, а что въ 1818 г., находясь въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила „питагоровой секты [1]), усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба“. Затѣмъ къ прежней цѣли были присоединены „усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи отъ предразсудковъ“, а также „основаніе извѣстной республики философа Платона“. Такъ было устроено общество „Друзей Природы“, которое просуществовало недолго. Затѣмъ онъ основалъ въ 1823 г. общество Соединенныхъ Славянъ, члены котораго должны были давать слѣдующую клятву:

„Вступая въ число Соединенныхъ Славянъ для избавленія себя отъ тиранства и для возвращенія свободы, столь драгоцѣнной роду человѣческому, я торжественно присягаю на семъ оружіи на взаимную любовь, что для меня есть Божествомъ и отъ чего я ожидаю исполненія всѣхъ моихъ желаній. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли и соблюдать глубочайшее молчаніе. Самый адъ со всѣми своими ужасами не вынудятъ у меня указать тиранамъ моихъ друзей и ихъ намѣренія. Клянусь, что уста мои тогда только откроютъ названіе сего союза предъ человѣкомъ, когда онъ докажетъ несомнѣнное желаніе быть участникомъ онаго; клянусь до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Особенная дѣятельность будетъ первою моею добродѣтелью, а взаимная любовь и пособіе—святымъ моимъ долгомъ. Клянусь, что ничто въ мірѣ тронуть меня не будетъ въ состояніи. Съ мечемъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствій,—пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то пусть угрызенія совѣсти будутъ первою местью гнуснаго клятвопреступленія, пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердцѣ моемъ и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣдняя, пусть отъ сей гибельной минуты, когда я забуду свои обѣщанія, существованіе мое превратится въ цѣпь неслыханныхъ бѣдъ [2]). Пусть

---

[1]) О союзѣ пиѳагорейцевъ см. *Шустеръ* „Тайныя общества, союзы и ордена“, т. I, 1905 г., стр. 100—106. Объ ученіи Пиѳагора часто упоминали французскіе масонскіе писатели. Allgemeines Handb. der Freimaurerei, 3 Aufl. 1865, III, 210.

[2]) Отсюда до конца клятвы въ текстѣ ея, находящемся въ дѣлѣ другого члена общества Соединенныхъ Славянъ, Выгодовскаго, иначе: „Пусть увижу все близкое къ моему сердцу отъ сего оружія посреди страшныхъ мученій издыхающимъ, а сей мечъ, достигая виновнаго, пускай покроетъ его ранами и безславіемъ и, собравши на главу того всѣ тягости физическихъ и нравственныхъ золъ, напечатлѣютъ на семъ челѣ печать отверженія отъ цѣлой природы“.

увижу все любезное моему сердцу издыхающимъ отъ сего оружія въ ужасныхъ мученіяхъ, и оружіе сіе, достигая меня, преступнаго, пусть покроетъ меня ранами и безславіемъ, собравъ на главу мою цѣлое бремя физическаго и моральнаго зла, выдавитъ на челѣ печать юродливаго сына сей природы [1])".

Я полагаю, что клятва эта навѣяна правилами карбонаріевъ. Вотъ, напр., какую клятву приносили карбонаріи 2-й товарищеской степени, въ ложѣ въ Неаполѣ, носившей названіе *Свободныхъ Пиѳагорейцевъ*. „Я клянусь предъ великимъ архитекторомъ вселенной и даю мое честное слово на этомъ оружіи, которое мститъ клятвопреступникамъ, самымъ строжайшимъ образомъ, ненарушимо хранить тайну достопочтенной ложи и никогда не открывать ее постороннимъ, а также и ученику тайну степени товарища. Я клянусь питать дружбу и вѣчную привязанность ко всѣмъ моимъ братьямъ, помогать имъ въ нуждѣ и всегда оказывать имъ поддержку даже цѣною своей крови... Я клянусь въ вѣчной ненависти къ тиранамъ и всѣмъ ихъ приспѣшникамъ и въ томъ, что буду изыскивать всѣ случаи для ихъ искорененія. Клянусь, что не буду принадлежать ни къ какому обществу, враждебному этому. Наконецъ, клянусь, что если я когда-либо окажусь клятвопреступникомъ, то буду готовъ на то, чтобы мое тѣло было разорвано на куски, брошено въ огонь, обращено въ пепелъ и разсѣяно по вѣтру, наконецъ, чтобы мое имя вызывало омерзеніе у всѣхъ братьевъ, разсѣянныхъ по поверхности земли". Названіе ложи неаполитанскихъ карбонаріевъ („Свободные Пиѳагорейцы"), быть можетъ, не случайно совпадаетъ съ желаніемъ Общества Друзей Природы, основаннаго Борисовымъ 2-мъ въ 1818 г., стремиться къ осуществленію правилъ „Питагоровой секты". У неаполитанскихъ Свободныхъ Пиѳагорейцевъ были брошюрки съ правилами ихъ ложи (на итальянскомъ языкѣ), и онѣ могли сдѣлаться Борисову 2-му извѣстными въ Одессѣ чрезъ французскаго купца Ольвіера. Впрочемъ, карбонарскія вліянія могли проникать въ Россію и черезъ Польшу [2]).

Въ донесеніи агента изъ Кіева отъ 15 февраля 1822 г. (на французскомъ языкѣ) было сказано: „масонскія ложи со дня на день все болѣе укрѣпляются во всей странѣ; дѣло идетъ уже не о масонствѣ, — это секретное собраніе людей злоумышленныхъ. Наиболѣе знаменита ложа въ Житомірѣ. Есть тайная ложа въ Кременцѣ, а также въ Волынской губ. въ Рафаловкѣ, у Нарциза Олизара, который, какъ говорятъ, въ сношеніяхъ съ Краковомъ, главнымъ центромъ польскихъ злоумышленниковъ" [3]).

---

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 431, л. 10.

[2]) *Askenazy* Rosya—Polska, Lwów, 1907, 96, 97, 99.

[3]) Это донесеніе было найдено въ кабинетѣ Александра I послѣ его

Если въ этомъ доносѣ и есть обычное шпіонское преувеличеніе, то все же связь польскаго масонства съ политическимъ освободительнымъ движеніемъ несомнѣнна.

Въ Житомірѣ находилась принадлежавшая къ союзу Астреи ложа Разсѣяннаго Мрака, многіе члены которой были въ сношеніяхъ съ членами Южнаго общества, какъ это видно изъ того, что послѣ 14 декабря 1825 г. было арестовано до 20 помѣщиковъ Волынской губ., принадлежавшихъ большею частью къ Житомірской ложѣ: волынскій губернскій предводитель дворянства Петръ Мошинскій, Станиславъ Карвицкій и др. [1]). Въ Житомірѣ находились и многіе члены общества Соединенныхъ Славянъ [2]).

IX.

7 іюля 1821 г. въ Кишиневѣ образовалась масонская ложа, принявшая названіе Овидія и рѣшившая работать на французскомъ языкѣ. Учредителями ея были 13 человѣкъ. Управляющимъ ложею былъ генералъ-майоръ П. С. Пущинъ. Онъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку [3]). Кн. С. П. Трубецкой во время слѣдствія показалъ, что Пущинъ былъ членомъ Общества (Союза Благоденствія), но уже давно ни съ кѣмъ изъ членовъ его сношенія не имѣетъ. Комаровъ по слухамъ также назвалъ его членомъ Общества. Въ Кишиневѣ онъ былъ бригаднымъ командиромъ и до пріѣзда М. Ѳ. Орлова временно командовалъ 16-ю дивизіею. Уже въ это время приступлено было къ учрежденію ланкастерской школы въ Кишиневѣ, въ которую нѣсколько позднѣе преподавателемъ былъ назначенъ Влад. Ѳеод. Раевскій, извѣстный членъ Тайнаго Общества [4]). Киселевъ считалъ П. С. Пущина „офицеромъ дѣятельнымъ и полезнымъ въ службѣ", но когда на него поднялось гоненіе, нашелъ его человѣкомъ „слабымъ", т. е., очевидно, неспособнымъ къ поддержанію жестокими сред-

---

смерти. „Гос. Арх." I. В. № 12, л. 19. Какъ было упомянуто выше, ложа въ Рафаловкѣ находилась подъ управленіемъ варшавскаго Великаго Востока. Этотъ доносъ могъ сыграть извѣстную роль и въ дѣлѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи вообще а также отчасти объяснить и раздраженіе Александра I въ 1824 г. противъ брата Нарциза Олизара, Густава.

[1]) „Древняя и новая Россія" 1879 г., октябрь, стр. 153 — 154. Къ слѣдствію въ Петербургѣ привлекались члены этой ложи Станиславъ Проскура, который былъ освобожденъ („Госуд. Арх." I. В. № 182) и гр. Мошинскій („Гос. Арх." I. В. № 321) Любопытно, что, когда Станиславу Проскурѣ было предложено вступить въ польское тайное общество, онъ отвѣчалъ, что только тогда вступитъ въ него, когда члены его отпустятъ на волю своихъ крестьянъ.

[2]) Записки декабриста Горбачевскаго. „Рус. Арх." 1882 г., т. I, стр. 476.

[3]) Записки Вигеля VII. 183; „Рус. Арх." 1866 г., 1126. Въ 1817 — 18 г. онъ былъ отсутствующимъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ.

[4]) „Рус. Арх." 1866 г., стр. 1429.

ствами тогдашней суровой дисциплины [1]). Генералъ Сабанѣевъ писалъ Закревскому изъ Бендеръ въ 1817 г.: „служившій въ гвардіи полковникъ Пущинъ малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ, прекраснѣйшій“ [2]). Онъ былъ большимъ пріятелемъ М. Ѳ. Орлова [3]).

Въ числѣ остальныхъ 12 учредителей ложи были еще 4 офицера: ген.-майоръ Сергѣй Тучковъ, бывшій членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ и почетнымъ членомъ ложи Сѣвернаго Свѣтильника въ Минскѣ, майоръ Максимовичъ, членъ ложи Золотого Шара въ Гамбургѣ, подполковникъ Бароцци, членъ закрытой уже ложи Георгія Побѣдоносца, бывшей при нашемъ отдѣльномъ корпусѣ во Франціи, и подполковникъ Кюрто, витія (ораторъ) ложи Озириса къ Пламенѣющей Звѣздѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Остальными учредителями были естествоиспытатель Тарданъ, писатель Бранковичъ, докторъ медицины и хирургіи Гирлянда, адвокатъ Флёри, бывшій французскій офицеръ баронъ Шамбонно, бояринъ Бернардо, купецъ Драгушевичъ и, наконецъ, баронъ Луи Треска, бывшій испанскій масонъ, мастеръ мадридскаго Востока. Послѣдній имѣлъ хорошее прошлое. 27 ноября 1816 года кн. Вяземскій писалъ о немъ изъ Москвы А. И. Тургеневу: „на-дняхъ пріѣдетъ къ тебѣ съ письмомъ отъ меня гишпанецъ, несчастный изгнанникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые бились за свободу, независимость отечества и законнаго царя“ (Фердинанда VII), „который изъ благодарности пустилъ ихъ по міру. Судьба его бросила въ Россію. Въ Одессѣ видѣлъ онъ великаго князя Николая Павловича, который пригласилъ его въ Петербургъ, куда онъ и ѣдетъ. Онъ—баронъ Треска, и мнѣ рекомендованъ Плещеевымъ“ [4]).

Великая ложа Астрея вполнѣ сочувственно отнеслась къ просьбѣ кишиневской ложи и въ собраніи 17 сентября 1821 г. включила ее въ число ложъ своего союза подъ № 25, уполномочивъ своего великаго мастера выслать ей патентъ, какъ только онъ найдетъ это нужнымъ. Мы видѣли въ первой статьѣ, что сенаторъ Кушелевъ, намѣстный мастеръ

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 78, стр. 59, 95.

[2]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 73, стр. 672.

[3]) Неудивительно, что Вигелю онъ не нравился. Записки Вигеля VI, 115, VII, 183.

[4]) „Остафьевскій Архивъ“ I, 64, ср. 65, 38. Онъ былъ въ крайней нуждѣ, такъ что кн. Вяземскому пришлось позаботиться о снабженіи его одеждою и деньгами. Крайне нуждался онъ и въ Кишиневѣ (Пущинъ собралъ для него до 150 рублей), но тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній называть его „личностью темною“, „подозрительною“, какъ это дѣлаетъ Н. К. Кульманъ. Это видно изъ того, что изъ Кишинева онъ поѣхалъ въ Варшаву „для заведенія“, какъ донесли правительству, „въ польскихъ войскахъ масонской ложи“. Быть шпіономъ онъ не могъ уже потому, что говорилъ только по-испански, а по-французски объяснялся съ большимъ затрудненіемъ“. *Кульманъ*. „Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа“. „Журн. мин. нар. просв.“ 1907 г. № 10, стр. 354—355, 372.

Астреи, возражалъ противъ немедленнаго признанія кишиневской ложи, предлагая „подробно узнать о просителяхъ, имѣютъ ли они требуемыя масонствомъ отличныя качества и пользуются ли какъ отъ тамошняго правительства, такъ и отъ общества своего совершенной довѣренностью уваженія". Однако 7 октября „чиновники" ложи Астреи подписали грамоту ложи Овидія, но Кушелевъ отъ этого отказался.

Составъ ложи Овидія не ограничился одними учредителями. Извѣстно свидѣтельство А. С. Пушкина въ письмѣ къ Жуковскому (1826 г.), что онъ былъ членомъ этой ложи [1]). Пушкинъ не значился въ числѣ учредителей ложи, но есть показаніе ея члена д-ра Шуллера [2]) 20 декабря 1826 г. о томъ, что, кромѣ извѣстныхъ уже намъ генерала Пущина, д-ра Гирлянда, Максимовича и Брачини (вѣроятно, Бранковича), членами этой ложи были „Александръ Пушкинъ", помѣщикъ Алексѣевъ, состоявшій по особеннымъ порученіямъ при ген.-лейт. Инзовѣ, [3]) и аптекарь Майглеръ. Другихъ членовъ ложи Шуллеръ не помнилъ. Шуллеръ показалъ, что цѣль ложи Овидія была благотворительная, такъ какъ во время собраній собирались деньги въ пользу бѣдныхъ [4]). Изъ документа, напечатаннаго Н. К. Кульманомъ видно, что членами ложи были также декабристъ и поэтъ майоръ В. Ѳ. Раевскій и швейцарецъ Миттергоферъ. Что касается Іосифа Розенберга, чрезъ котораго захотѣлъ втереться въ ложу полицейскій агентъ, то это былъ „братъ-служитель", т. е. лакей [5]).

Уже одного имени В. Ѳ. Раевскаго достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что въ ложѣ Овидія разговаривали не объ одной благотворительности. Извѣстны слова Пушкина въ уже упомянутомъ выше письмѣ Жуковскому: „Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ майоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ кишиневской ложи, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи." Изъ первой статьи нашей видно, что причины закрытія масонскихъ ложъ были очень сложны и что запрещеніе у насъ масонства подготовлялось постепенно; поэтому слова Пушкина о томъ, что изъ-за кишиневской ложи были уничтожены всѣ ложи въ Россіи, не могутъ быть признаны вполнѣ соотвѣтствующими истинѣ, но тѣмъ не менѣе очень важно опредѣлить, почему кишиневская

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка, подъ редак. В. И. Саитова, т. I, 318.

[2]) Онъ былъ также членомъ ложи Parfait Réunion, находившейся подъ управленіемъ Великаго Востока въ Парижѣ.

[3]) О дружественныхъ отношеніяхъ Н. С. Алексѣева съ Пушкинымъ см. статью г. *Бартенева*. „Пушкинъ въ южной Россіи" и замѣчанія на нее Липранди въ „Рус. Арх." 1866 г. Тамъ же см. о д-рѣ Шуллерѣ.

[4]) Архивъ главнаго штаба, секретная опись 1826 г. дѣло № 438. Это показаніе, какъ и нѣкоторыя другія бумаги изъ архива генеральнаго штаба, извѣстно намъ по копіи Н. Ѳ. Дубровина.

[5]) Статья Н. К. Кульмана, стр. 365.

ложа была такъ скоро закрыта, почему Александръ I проявилъ такую строгость относительно П. С. Пущина и запретилъ всѣмъ военнымъ участвовать въ масонскихъ ложахъ Бессарабіи.

Поводомъ къ этимъ репрессіямъ является, повидимому, документъ 1821 г. о „кишиневскихъ новостяхъ“, составленный по донесеніямъ секретныхъ агентовъ, который начинается такимъ образомъ: „въ ланкастеровой школѣ, говорятъ, что, кромѣ грамоты, учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины говорятъ: „дивизіонный командиръ“ (М. Ѳ. Орловъ) „нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ“. 16-ю дивизію называютъ орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство. Охотниковъ [1]) поѣхалъ въ Кіевъ просить дивизіоннаго командира, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣе“. [2]) Далѣе говорится о томъ, что Липранди обѣщаетъ солдатамъ свою защиту при помощи дивизіоннаго командира и приведены слова рядового съ выраженіемъ сочувствія Орлову и нелюбви къ корпусному командиру Сабанѣеву. Нужно имѣть въ виду, что эти донесенія изъ Кишинева были получены въ 1821 г. и находятся въ одномъ дѣлѣ съ документами, касающимися кишиневской ложи. [3]) Послѣдствія этихъ донесеній сказались очень скоро послѣ того, какъ конституировалась кишиневская ложа; эти донесенія окрасили особымъ свѣтомъ другія, дошедшія до свѣдѣнія Александра I, донесенія о томъ, что будто бы въ Измаилѣ учреждается масонская ложа подъ управленіемъ ген.-м. Тучкова, а въ Кишиневѣ подъ управленіемъ прибывшаго изъ Молдавіи кн. Суццо. Въ февралѣ этого года Ипсиланти провозгласилъ греческое возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ, которое тамъ было окончательно подавлено лишь къ октябрю. Въ томъ же 1821 г. была представлена Александру I записка Грибовскаго о тайномъ обществѣ, закрыты масонскія ложи въ Царствѣ Польскомъ и проч. Рѣшено было дѣйствовать въ Бессарабіи весьма рѣшительно. 19 ноября 1821 г. кн. Волконскій сообщилъ генералу Инзову, который самъ былъ масономъ (онъ состоялъ членомъ ложи Золотой Шаръ въ Гамбургѣ), повелѣніе государя немедленно закрыть всѣ существующія въ Бессарабіи масонскія ложи „и впредь имѣть неослабное наблюденіе“, чтобы ихъ не было въ этомъ краю подъ страхомъ строгой отвѣтственности. Сдѣлалось извѣстнымъ и участіе Пушкина въ масонской ложѣ, почему Инзову велѣно

---

[1]) Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества. См. отзывы о немъ Липранди („Рус. Арх.“ 1866 г., стр. 1252) и М. Ѳ. Орлова („Былое“ 1907 г. № 10, стр. 307—308). Онъ умеръ до слѣдствія о дѣлѣ декабристовъ.

[2]) „Рус. Стар.“ 1883 г. т. 40, стр. 657—8; Военно-ученый Архивъ, отд. 1, № 1018. Вѣроятно, этотъ документъ составляетъ одно изъ тѣхъ „приложеній“, присланныхъ П. М. Волконскимъ къ Витгенштейну, которыя послѣдній переслалъ къ Киселеву. Ср. ст. Кульмана, стр. 20.

[3]) Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 1018.

было донести государю, „въ чемъ состоятъ и состояли занятія“ Пушкина „со времени опредѣленія его“ къ нему, „какъ онъ велъ себя“ и почему не было обращено вниманія на занятія его по „масонскимъ ложамъ?“ При этомъ повторено было предписаніе „имѣть за поведеніемъ и дѣяніями его самый ближайшій и строгій надзоръ“. [1]) Въ тотъ же день кн. П. М. Волконскій секретно передалъ главнокомандующему 2-й арміи гр. П. Х. Витгенштейну волю государя, „чтобы и онъ обратилъ вниманіе на учреждаемыя или уже открытыя масонскія ложи въ Бессарабіи, и чтобы никто изъ чиновъ 2-й арміи въ нихъ не вступалъ, за чѣмъ и имѣть строжайшій надзоръ“. Волконскій добавилъ, что, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до государя, „полагается быть причастнымъ“ къ нимъ генералъ-майоръ Пущинъ, котораго и предписано было „взять въ особенное замѣчаніе“ [2]).

Добрякъ Инзовъ старался по возможности защитить членовъ кишиневской ложи, какъ и подобало масону относительно братьевъ-масоновъ. Онъ отвѣчалъ 1 декабря, что г.-м. Пущинъ показывалъ ему бумагу, полученную имъ отъ Астреи, которою дозволяется ему „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ“ открыть символическую ложу (т. е. обыкновенную іоанновскую ложу, состоящую изъ братьевъ трехъ степеней) „на правилахъ, извѣстныхъ правительству“, причемъ показалъ и списокъ членовъ-основателей; на это онъ, Инзовъ, отвѣчалъ, что не можетъ разрѣшить устройства ложи, пока не получитъ соизволенія государя, чѣмъ „и выполненіе остановлено“. Въ Измаилѣ, доносилъ Инзовъ, никакихъ ложъ не существуетъ, а ген.-м. Тучковъ подписался въ числѣ учредителей кишиневской ложи. Инзовъ заявлялъ, что хотя онъ „самъ былъ масонъ“, но, несмотря на то, никогда не допустилъ бы подобныхъ учрежденій „безъ воли государя“, увѣрялъ, будто бы „масонскихъ ложъ въ Бессарабіи нѣтъ“ и что не имѣетъ причины что-либо скрывать отъ государя. Что касается Пушкина, то онъ „ведетъ себя изрядно“, масономъ же быть не можетъ, хотя бы и желалъ, такъ какъ ложа не открыта. [3])

Гр. Витгенштейнъ препроводилъ письмо кн. Волконскаго къ начальнику штаба 2-й арміи П. Д. Киселеву и поручилъ ему разузнать о масонскихъ ложахъ и объ участіи въ масонствѣ Пущина. По требованію Киселева, Пущинъ составилъ записку (до сихъ поръ неразысканную), представилъ списокъ учредителей масонской ложи и изъявилъ готовность отказаться отъ участія въ ней. Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ Витгенштейну Киселевъ далъ одобрительный отзывъ о Пущинѣ и майорѣ Максимовичѣ, какъ офицерахъ, относительно же подполковника Кюрто замѣтилъ, что у

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1883 г. № 12, стр. 654—655.
[2]) Сг. Н. К. Кульмана, стр. 359.
[3]) Рус. Стар. 1883 г. № 12, стр. 655—657.

него 9 человѣкъ дѣтей, и что онъ „масонствомъ мало занимается". Въ письмѣ къ Сабанѣеву Киселевъ сообщалъ желаніе Витгенштейна, чтобы всякія масонскія учрежденія были извѣстны начальству, чтобы за ними было „неослабное смотрѣніе" и о нихъ немедленно доносилось бы главнокомандующему. Пущинъ извѣстилъ Киселева, что прекратитъ сношенія съ масонами, прежде же не думалъ, чтобы въ этомъ было что-либо „противное начальству". [1]) Витгенштейнъ ходатайствовалъ предъ государемъ о прощеніи Пущина, Кюрто и Максимовича.

16 декабря Киселевъ сообщилъ ген. Рудзевичу волю Александра I, чтобы офицерамъ не дозволялось вступать въ ложи, и что считается полезнымъ негласно составить списокъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ или и теперь числящихся масонами, чтобы надзоръ за ними могъ быть успѣшнѣе. Рудзевичъ изъ Одессы 8 января 1822 г. отвѣчалъ, что пока существованія ложъ не замѣчено, графъ же Ланжеронъ, бывшій членомъ одесской ложи Понта Евксинскаго и почетнымъ членомъ многихъ другихъ ложъ, отвѣчалъ 16 января, что въ масонской ложѣ, существующей въ Одессѣ, нѣтъ ни одного изъ чиновъ 2-й арміи, и такъ какъ онъ самъ состоитъ членомъ этого общества, то, „присутствуя всегда" въ его собраніяхъ, можетъ удостовѣрить, что „въ ложѣ не происходитъ ничего предосудительнаго и что о политическихъ дѣлахъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не разсуждаютъ".

Вслѣдствіе словъ Инзова въ отвѣтѣ Волконскому, что Астрея дозволила Пущину открыть ложу съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, по повелѣнію государя, былъ сдѣланъ 22 декабря 1821 г. запросъ управляющему министерства внутреннихъ дѣлъ Кочубею, а тотъ снесся съ управленіемъ союза Астреи [2]). Затѣмъ былъ сдѣланъ новый запросъ по этому дѣлу Инзову, на который онъ 15 января 1822 г. отвѣчалъ кн. Волконскому, что не могъ получить отъ Пущина подлиннаго разрѣшенія Астреи на открытіе ложи въ Кишиневѣ, такъ какъ выдача его лицу, не принадлежащему къ этому союзу, „было бы со стороны его нарушеніемъ обязательства и сдѣланной ему довѣренности". При этомъ Инзовъ пояснилъ, что въ бумагѣ Астреи нѣтъ словъ, что ложа учреждается „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, да и не могло быть", такъ какъ „существованіе масонскихъ ложъ не входитъ въ твердыя постановленія правительства, но токмо терпимо" имъ, слѣдовательно, и формальнаго до-

---

[1]) Изъ донесенія агента видно, что 9 декабря ночью Пущинъ приказалъ перенести всѣ украшенія ложи въ свою квартиру и помѣщеніе ея сдать въ наемъ.

[2]) „Рус. Стар." 1907 г. № 2, стр. 345.

зволенія не бываетъ. Что же касается употребленныхъ Инзовымъ въ его первомъ отвѣтѣ словъ „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ“, то они объясняются тѣмъ, что въ бумагѣ, полученной Пущинымъ отъ Астреи, было сказано, что она работаетъ съ согласія правительства, и въ § 60 ея Уложенія есть указаніе на то, что она можетъ „съ свѣдѣнія и дозволенія правительства“ устраивать ложи во всей Россіи. Этотъ отвѣтъ Инзова, доложенный Волконскимъ государю, очень повредилъ Пущину. Александръ I приказалъ объявить ему, чтобы онъ „непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ“, доставилъ оригинальную бумагу Астреи, такъ какъ „никто и никакая ложа въ Россіи не можетъ противиться высочайшему повелѣнію, которое должно всѣми и во всякомъ случаѣ исполняться безъ прекословія и малѣйшаго разсужденія“, въ случаѣ же какого-либо сопротивленія, Инзову разрѣшалось употребить даже силу. Воля государя была исполнена, и въ письмѣ отъ 22 февраля Инзовъ оправдывался тѣмъ, что въ первомъ предписаніи Волконскаго ему велѣно было „постараться“ достать бумагу, присланную Астреею, почему онъ и не рѣшился тогда потребовать ее именемъ государя.

Гнѣвъ Александра I на Пущина сказался въ томъ, что когда онъ, будучи дѣйствительно больнымъ, попросился въ отпускъ, чтобы ѣхать на воды за границу, то Волконскій передалъ гр. Витгенштейну волю государя, что такъ какъ 2-я армія „находится въ готовности къ походу, то отпусковъ давать не время“, и потому Пущина велѣно было вовсе уволить отъ службы за болѣзнью. Мало того, когда, живя въ Одессѣ, Пущинъ, уже въ отставкѣ, пожелалъ уѣхать за границу, то на просьбу Ланжерона о выдачѣ ему паспорта былъ полученъ отказъ. Тогда Пущинъ написалъ Волконскому письмо, въ которомъ говоритъ: „правда, что я былъ масономъ уже давно и что участвовалъ въ намѣреніи основать масонскую ложу въ Кишиневѣ, но до той минуты, покуда генералъ Киселевъ не объявилъ мнѣ, что государю императору то неугодно, я никакъ не полагалъ, что тѣмъ дѣлаю что-либо противное волѣ Е. И. В-ва, и коль скоро я узналъ, что на сіе нѣтъ высочайшаго соизволенія, то тогда же и отрекся отъ всякаго участія. Слѣдственно вина моя состояла въ одномъ только невѣдѣніи; но, зная въ точности, что единственная цѣль масонскихъ ложъ была благотвореніе, и что оныя съ дозволенія правительства терпимы во всей имперіи, могъ ли я думать, что обстоятельство столь маловажное будетъ имѣть такія вредныя для меня послѣдствія? Полагая, что могу дѣлать все то, что не запрещено никакимъ постановленіемъ и что не клонится ни къ какому злу, я не отказался участвовать въ основаніи масонской ложи въ Кишиневѣ по примѣру другихъ городовъ, но ложа сія никакъ не имѣла назначенія принадлежать къ арміи“. Странно только утвержденіе Пущина,

что никто изъ чиновниковъ арміи, т. е. офицеровъ, не былъ принятъ въ Кишиневскую ложу и что „и предположенія на сіе никакого не было“.

До свѣдѣнія правительства еще дошло, что баронъ Треска былъ отправленъ Пущинымъ въ Варшаву для заведенія ложи въ польскихъ войскахъ. Пущинъ отвѣчалъ, что у него не было этого и „въ помышленіи“, что Треска былъ въ Кишиневѣ очень короткое время и находился въ такомъ крайнемъ положеніи, что онъ собралъ для него 100 или 150 руб. Къ тому же Треска показался Пущину „нѣсколько тронутымъ въ умѣ“, съ трудомъ объяснялся по-французски, а такъ какъ Пущинъ по-испански не говорилъ, то и не могъ находиться съ нимъ въ „очень пространныхъ сношеніяхъ“. При отъѣздѣ Треска дѣйствительно сказалъ, что ѣдетъ въ Варшаву, но отъ него, Пущина, онъ никакихъ порученій не получалъ. Пущинъ просилъ изслѣдовать его поведеніе въ этомъ дѣлѣ, но Александръ I приказалъ оставить его письмо безъ отвѣта [1]).

Во время слѣдствія о декабристахъ показанія Трубецкого и Комарова обратили на Пущина вниманіе слѣдственной комиссіи, но Николай I велѣлъ оставить его въ покоѣ, вѣроятно, потому, что онъ уже былъ въ это время въ отставкѣ.

Такъ закончилась исторія кишиневской ложи. Незабвенный памятникъ ей воздвигъ Пушкинъ экспромтомъ, обращеннымъ къ Пущину:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа,—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода!“

Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменьщикъ почтенный!
О, Кишиневъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный!“ [2])

Серьезнѣе, чѣмъ Пущинъ, пострадалъ другой членъ масонской ложи въ Кишиневѣ, маіоръ Влад. Ѳеодос. Раевскій, хотя и не по дѣлу масонской ложи, а за пропаганду среди нижнихъ чиновъ. 5 февраля 1822 г. Пушкинъ предупредилъ его, что, какъ онъ слышалъ своими ушами, Сабанѣевъ говорилъ, что его нужно арестовать. Пушкинъ прибавилъ: „нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо“. На другой день Раевскій былъ взятъ и отвезенъ въ Тираспольскую крѣ-

---

[1]) Документы кишиневской ложи, хранящіеся въ Военно-ученомъ Архивѣ, кромѣ напечатанныхъ ранѣе, помѣщены въ приложеніяхъ къ ст. Н. К. Кульмана.

[2]) Соч. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, I, 1903 г., стр. 440.

пость. Въ „Посланіи къ друзьямъ въ Кишиневъ", написанномъ тамъ въ 28 марта 1822 г.[1]), есть прямой совѣтъ Пушкину:

„Оставь другимъ пѣвцамъ любовь,—
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ[2]) съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой".

Въ другомъ стихотвореніи, „Пѣвецъ въ темницѣ", написанномъ спеціально для Пушкина, Раевскій упоминаетъ о Новгородѣ и Псковѣ, о Марѳѣ Посадницѣ и Вадимѣ. Стихотвореніе это произвело на Пушкина очень сильное впечатлѣніе, и онъ прочелъ изъ него Липранди (который принесъ его отъ Раевскаго) отрывокъ, его сильно поразившій.

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бичей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнитъ на плахѣ[3])".

Раевскій пробылъ въ заключеніи въ разныхъ крѣпостяхъ 5 лѣтъ и $8^1/_2$ мѣсяцевъ и затѣмъ, въ 1827 г., былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь[4]).

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Русская Старина" 1890 г. № 5, стр. 365—368.

[2]) Палачъ.

[3]) „Рус. Арх." 1866 г., 1451, „Рус. Стар.", 1887 г. № 10, стр 133 134, „Вѣстн. Евр." 1874 г., № 6, стр. 857. *И. Ѳомин*, „Собр. стихотв. декабристовъ", т. II, М. 1907 г, стр. 117—8.

[4]) См. о немъ книжку *П. Е. Щеголева* „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій". Спб. 1905.

Саратовскій семидесятникъ.

(*Продолженіе* [1]).

Сношенія мѣстной молодежи съ пріѣзжими и проѣзжими, помимо умственныхъ возбужденій, вносили въ ея жизнь много разнообразія, а нѣкоторые эпизоды неожиданныхъ встрѣчъ и невольныхъ qui pro quo не лишены были комическаго оттѣнка. Разъ, напримѣръ, произошелъ такой случай:

Въ кружкѣ пріѣзжихъ народниковъ состояла, между прочимъ, акушерка Марія Антоновна Брещинская, у которой была явочная квартира для вновь прибывающихъ въ городъ пропагандистовъ. Осенью 77-го года Брещинскую арестовали, подержали немного и выпустили, установивъ за нею самый назойливый надзоръ. Являться на квартиру къ Брещинской въ этотъ періодъ было нельзя, и самый адресъ свой она сообщала неохотно, находя нужнымъ выдержать своего рода карантинъ. Въ этотъ именно моментъ въ подвальчикъ на Армянской, гдѣ жилъ тогда Поливановъ съ друзьями, заявилась однажды молодая, румяная и полная дѣвушка въ крестьянскомъ костюмѣ и удивила всѣхъ просьбой сообщить ей адресъ Маріи Антоновны. „Пропагандистка или шпіонка? кому другому можетъ понадобиться конспиративный адресъ?",—такое сомнѣніе было очень естественно, и дѣвушку подвергли довольно недовѣрчивому разспросу: кто она? откуда? зачѣмъ ей Марья Антоновна? Гостья сначала отвѣчала на всѣ эти вопросы довольно храбро, хотя и не совсѣмъ правдоподобно, но мало-по-малу увѣренности въ ея тонѣ становилось все меньше, а неправдоподобія въ отвѣтахъ становилось все больше, и въ концѣ концовъ, чуть не плача отъ смущенія, она призналась, что вовсе она не деревенская и никакой барыни, интересующейся Марьей Антоновной, у нея нѣтъ, а что есть у нея только фальшивый паспортъ и старый адресъ М. А—ны, по которому она и являлась, но, конечно, никого тамъ не нашла. Какъ же она очутилась на

---

[1]) См. Минувшіе годы. Январь.

Армянской? Кто ее сюда направилъ?—Тутъ пришлось выслушать такое трагикомическое повѣствованіе:

Гостья наша—дѣвица Т., петербургская курсистка, дочь помѣщика —ской губерніи. Рѣшила она пойти въ народъ, уѣхала изъ Петербурга и поступила работницей на одну фабрику въ Самарѣ. Работа ее не пугала, и она готова была бы оставаться въ этомъ положеніи и дольше, но... тутъ молодая особа краснѣла, не договаривала и выражалась больше намеками, но изъ этихъ намековъ было совершенно ясно, въ чемъ дѣло. Въ увлеченіи идеей служенія народу наша пропагандистка совсѣмъ позабыла, что вѣдь она женщина, и притомъ молодая, миловидная женщина,—а разные „чины" фабричнаго персонала именно это и примѣтили, какъ только она появилась на фабрикѣ, и въ то время какъ она собиралась проповѣдывать любовь къ человѣчеству, тѣ стали ей предлагать „любовь" совсѣмъ иного рода. О возможности такихъ предложеній, собираясь въ народъ, дѣвица Т. и не думала; ей просто и въ голову не приходило, что разъ она изъ барышни превратится по внѣшности въ деревенскую дѣваху, то всякій начальствующій хамъ будетъ глядѣть на нее, какъ на свою законную добычу, что хамъ не преминетъ ее и облапить и чмокнуть, и сказать ей въ видѣ любезности невозможнѣйшую сальность. Такого рода „любезности" сдѣлали для Т. пребываніе на фабрикѣ невыносимымъ, и она рѣшила уѣхать въ Саратовъ, куда имѣла явку на адресъ Брещинской. Денегъ у ней только и было, что на проѣздъ въ третьемъ классѣ до Саратова, и явилась она въ чужой городъ безъ гроша, прозябшая, усталая, но далекая отъ тревоги, т. к. знала, что у Марьи Антоновны найдетъ, наконецъ, отдыхъ. Съ увѣренностью въ томъ, что это уже послѣднія минуты ея скитаній она входила на крыльцо деревяннаго домика, который розыскала по своей записи, позвонила и ждала, когда ее впустятъ, и она окажется опять въ знакомой обстановкѣ, не какой-то „Дунькой" или „Акулькой", а настоящей Катей Т., которую друзья уже давно ждутъ и, быть можетъ, совсѣмъ заждались... Отворилась дверь, появилась на порогѣ какая-то старуха: „Кого тебѣ, матушка?"—„Марью Антоновну"—„Э! милая, она давно съѣхавши!"—„Куда? не знаете ли ея адреса?"—„Да кто ее знаетъ! говорила она тогда, да ужъ теперь не помню право: то ли на Камышенскую, то ли на Царицынскую... врать не стану"... Оглушенная такой неожиданностью, Т. просила хозяйку припомнить кого-нибудь изъ посѣтителей М. А—ны; не знаетъ ли она хоть какого-нибудь адреса?—но хозяйка на всѣ разспросы отвѣчала безнадежно: „Да кто же ихъ тамъ знаетъ: много всякаго народа бывало... вотъ одинъ, знаю, съ почты бывалъ... Николай Иванычъ зовутъ... съ рыженькой бородкой, кудреватенькій такой... а то, кто ихъ упомнитъ!.." Пріѣзжая ухватилась за

это,—хоть какая-нибудь нить находится!,—и стала добиваться, какъ фамилія этого почтоваго чиновника?—но тутъ всѣ свѣдѣнія хозяйки окончательно обрывались: „Съ почты онъ... бородка у него рыженькая“...—больше отъ нея ничего нельзя было добиться.—Пришлось тогда барышнѣ пуститься еще на одно мытарство: отправиться въ городской почтамтъ и тамъ разспрашивать чиновниковъ, гдѣ она можетъ увидѣть „Николая Иваныча съ рыженькой бородкой“,—а тотъ какъ разъ занимался не по пріемкѣ корреспонденціи, а въ канцеляріи почтамта, въ комнатахъ верхняго этажа, такъ что найти его сразу было не легко. Понятно, что появленіе интересной пейзанки съ ея странными разспросами произвело среди почтамтской молодежи маленькую сенсацію. Пейзанку окружила цѣлая толпа молодыхъ чиновниковъ, для которыхъ этотъ случай явился неожиданнымъ развлеченіемъ; посыпались шуточки и намеки, чуть не каждый увѣрялъ, что онъ-то именно и есть искомый Николай Ивановичъ, и барышня, вся пунцовая отъ смущенія, стояла въ этой толпѣ, какъ потерянная, когда на ея счастье узналъ, наконецъ, о посѣтительницѣ и настоящій Николай Иванычъ,—тотъ самый, разсказы котораго объ Астрахани такъ заинтересовали Поливанова. Не зная новаго адреса М. А—ны, онъ направилъ Т. на Армянскую, увѣренный въ томъ, что П. или кто-нибудь изъ его сожителей поможетъ гостьѣ розыскать всѣхъ, кого ей надо... Такимъ-то образомъ очутилась она у совершенно незнакомыхъ ей гимназистовъ, которые, конечно, готовы были сдѣлать для нея все, что только возможно, но для этого требовалось извѣстное время, т. к. адреса Марьи Антоновны никто изъ нихъ въ этотъ моментъ тоже не зналъ. Волей-неволей приходилось нелегальной гостьѣ остаться на день, на два въ гостепріимномъ подвальчикѣ, т. к. дѣвать ее было рѣшительно некуда. Поливановъ, конечно, тотчасъ же уступилъ ей свою комнату,—наименѣе холодную изъ трехъ, составлявшихъ квартиру,—сожители постарались окружить свою неожиданную гостью всѣмъ, доступнымъ для подвальчика „комфортомъ“ (о, если бы матушка m-elle Т. увидѣла ее среди такого „комфорта“!), а прежде всего, т. к. гостья была голодна, „заклали для нея лучшаго тельца отъ стадъ своихъ“, т. е. сбѣгали въ ближайшую лавочку и добыли колбасы и вѣсового хлѣба.

Пристроить у себя дѣвушку было нетрудно, но какъ объяснить ея присутствіе высокодобродѣтельной, и,—какъ водится у добродѣтельныхъ особъ,—весьма любознательной къ дѣламъ ближнихъ, подозрительной и склонной къ обличенію ихъ пороковъ хозяйкѣ, вдовѣ Смиренномудренской, которая ежедневно по нѣсколько разъ спускалась въ подвальчикъ то съ самоваромъ, то со щеткой для водворенія въ безалаберной холостой квартирѣ хоть какого-нибудь по-

рядка?—Рѣшено было, что Лавровъ, сынъ священника изъ города Камышина, скажетъ Аннѣ Дмитріевнѣ, что пріѣхала въ городъ изъ камышинскаго уѣзда его родственница, супруга сельскаго діакона, а барышнѣ было внушено, какъ она должна держать себя въ роли діаконицы. Сначала это измышленіе удалось. День-другой все шло хорошо. Но случилось такъ, что въ силу разныхъ мелкихъ осложненій пребываніе Т. у гимназистовъ затянулось дней на пять, на шесть, и однажды, вернувшись къ себѣ на квартиру послѣ обычной утренней бѣготни по разнымъ дѣлишкамъ, сожители увидали свою гостью взволнованной и разстроенной. „Въ чемъ дѣло? кто ее обидѣлъ?!“. Произошло вотъ что:

Анна Дмитріевна, въ первый день встрѣтившая гостью весьма благосклонно, охладѣла къ ней очень быстро и что ни день становилась все подозрительнѣй; на этотъ разъ добродѣтельная вдовица рѣшилась, наконецъ, объясниться. Въ обычное время, когда всѣ разошлись, спустилась она внизъ со своей щеткой и сначала подметала и прибирала въ комнатахъ въ глубокомъ молчаніи, совершенно игнорируя присутствіе хорошенькой „дьяконицы“. Потомъ она начала вздыхать и нѣтъ-нѣтъ пронизывать дьяконицу пристальными и горестными взорами. Наконецъ, неторопливо отставивъ щетку въ уголъ, сложила руки на груди и обратилась къ ней въ упоръ, безъ всякихъ предисловій, съ торжественнымъ назиданіемъ:

— Посмотрю я на тя: — дѣвка ты молодая... работать могла бы... А ты?—по емназистамъ шляешься!

Напрасны были всѣ протесты и увѣренія „дьяконицы“. Анна Дмитріевна, какъ вдова священника, знала свой міръ, видала на своемъ вѣку много всякихъ дьяконицъ, и просвиренъ, и попадей, и дьячихъ, но въ этой гостьѣ рѣшительно отказывалась признать какую бы то ни было прикосновенность къ особамъ духовнаго званія. Самозванство было очевидно, а значитъ... Обличительное краснорѣчіе Анны Дмитріевны нашло въ этомъ случаѣ такую благодарную пищу, что несчастная барышня дошла чуть не до истерики, и понадобилось много хлопотъ, чтобы ее потомъ нѣсколько успокоить и заставить взглянуть на весь этотъ эпизодъ съ юмористической точки зрѣнія. Однако, этимъ однимъ дѣло не могло ограничиться. Надо было реабилитировать гостью въ глазахъ хозяйки, и сначала эту миссію, какъ родственникъ, взялъ на себя Лавровъ, но не имѣлъ успѣха. Проницательная вдовица на всѣ его доводы сурово отвѣчала:

— Знаю я этакихъ „дьяконицъ“! Ты еще скажешь, пожалуй,—игуменья?... Много ихъ, этакихъ дьяконицъ да игуменій, по Липкамъ бѣгаетъ... съ такими вотъ дьяконами, какъ ты!

Неудача Лаврова взбѣсила Поливанова не на шутку, и

онъ стремительно полетѣлъ наверхъ, въ украшенную образами и лампадками обитель добродѣтельной вдовы, и обрушился на нее съ такимъ негодованіемъ, что той пришлось отъ наступленія перейти къ защитѣ и, наконецъ, смириться, заявивъ унылымъ тономъ: Ну, ну!.. ужъ я и не знаю... Ну! можетъ и дьяконица...

Послѣ этого Т. оставалась на квартирѣ еще дня два или три, а Анна Дмитріевна, входя къ жильцамъ ограничивалась тѣмъ, что принимала видъ сокрушенный и на уста свои, обыкновенно столь наставительно многорѣчивыя, налагала нерасторжимую печать самаго угрюмаго молчанія.

Другой эпизодъ не совсѣмъ обычнаго характера произошелъ почти годомъ позже и героемъ его явился человѣкъ, съ которымъ Поливанову впослѣдствіи пришлось провести годы бокъ-о-бокъ въ крѣпостныхъ казематахъ.

Одинъ изъ кружковыхъ рабочихъ, слесарь Талаевъ, забѣжалъ однажды къ своему пріятелю - пропагандисту и попросилъ у него совѣта: заявился къ Талаеву въ мастерскую какой-то мужикъ, съ виду—обыкновеннѣйшій бурлакъ, и спросилъ у него, не знаетъ ли онъ какого-то А—скаго?— а когда получилъ отвѣтъ, что никакого А—скаго Т. не знаетъ, то сталъ настойчиво добиваться, чтобы Т. указалъ ему какого бы то ни было соціалиста, т. к. мужику, видите ли, А—скаго до зарѣза нужно, а соціалисты почему-то должны этого А—скаго знать... Все это показалось Талаеву въ высшей степени подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что на вопросъ: откуда этотъ мужикъ явился? и кто его къ Талаеву направилъ? — тотъ сослался на фельдшера Юнеева, жившаго въ одномъ селѣ, верстахъ въ 15 отъ Саратова, тогда какъ изъ разговора было ясно, что мужикъ не знаетъ даже, какъ зовутъ Юнеева по имени-отчеству, а вѣдь у насъ, въ кружкѣ, извѣстно, что за Юнеевымъ слѣдятъ и что жандармерія всячески старается установить связь Ю. съ городскими радикалами... Такъ ужъ не подосланный ли шпикъ этотъ любознательный бурлакъ?.. Изъ понятной при такихъ обстоятельствахъ осторожности Талаевъ отговорился, что никакихъ онъ соціалистовъ не знаетъ и съ Юнеевымъ вовсе незнакомъ; но въ виду того, что у мужика „рожа ужъ очень добродушная, и вообще онъ на шпика какъ-то не смахиваетъ, скорѣе такъ себѣ бурлачишко... можетъ быть, распропагандированный?",—проникнувшись къ нему нѣкоторой симпатіей, Талаевъ велѣлъ ему дожидаться въ Липкахъ, на опредѣленной скамеечкѣ, полуобнадеживъ, что тѣмъ временемъ онъ самъ поразспроситъ у знакомыхъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ какого ни на есть соціалиста? — Пропагандистъ посовѣтовалъ Т—ву итти въ Липки и тамъ дожидаться вмѣстѣ съ мужикомъ, предупредивъ, что вскорѣ онъ пройдетъ мимо нихъ какъ бы случайно, какъ совер-

шенно незнакомый человѣкъ, подсядетъ и заведетъ какой-нибудь разговоръ, а тамъ по тому впечатлѣнію, которое произведетъ на него этотъ мужикъ, либо встанетъ и пойдетъ дальше, либо поведетъ рѣчь на чистоту. Конспирировать, однако, пришлось недолго. Когда „случайный фланеръ" подошелъ къ Талаеву, онъ увидалъ рядомъ съ нимъ на лавочкѣ русоволосаго мужичка съ бѣлымъ, слегка веснушчатымъ лицомъ и песочнаго цвѣта бородкой, голубоглазаго, съ виду чрезвычайно добродушнаго и совершенно простого. Никакой юркости, пронырливости, однимъ словомъ, ничего рѣшительно шпіонскаго въ его манерахъ не было. Держалъ онъ себя просто, говорилъ просто, нарочито народныхъ словечекъ или оборотовъ въ свои рѣчи не вклеивалъ, но только послѣ двухъ-трехъ минутъ какой-то, совершенно незначительной по содержанію, бесѣды, въ его голубыхъ глазкахъ начали проскальзывать искорки затаеннаго смѣха, и въ словахъ послышались нотки добродушно-лукаваго юмора, а еще черезъ нѣсколько минутъ положеніе „случайнаго фланера" начало становиться достаточно глупымъ, т. к. „мужичекъ", очевидно, прекрасно понималъ, что это за „фланеръ", и тонкія,—какъ казалось пропагандисту, — и осторожныя нащупыванія мужичковой души самому мужичку были ясны, какъ день. Пришлось пропагандисту гораздо раньше, чѣмъ это предполагалось вначалѣ, скинуть свою маску и заявить напрямки:

— Ну, знаете,—довольно намъ другъ друга морочить! Говорите-ка лучше: кто вы такой? и зачѣмъ это вамъ понадобился Иванъ Ефимычъ?

Оказалось, что новый гость—студентъ медико-хирургической академіи Егоръ Ивановичъ Минаковъ, сынъ бывшаго инспектора херсонской гимназіи. Онъ затѣялъ пройти бурлакомъ весь путь отъ Рыбинска до Саратова, а въ Саратовъ, по указанію Шиловцева, имъ еще изъ Петербурга данъ адресъ для высылки ему денегъ на имя Ив. Ефимовича А—скаго, причемъ, однако, свою запись этого адреса Минаковъ въ пути затерялъ и очутился, такимъ образомъ, въ критическомъ положеніи: куда ему дѣваться безъ денегъ и безъ явки? На его счастье гдѣ-то на пароходѣ совершенно случайно услышалъ онъ разговоръ какихъ-то неизвѣстныхъ ему людей, очевидно, радикаловъ, и изъ этого разговора вывелъ заключеніе, что существуетъ въ селѣ N (ужъ не помню теперь названіе села) нѣкій фельдшеръ Юнеевъ, и что этотъ Юнеевъ имѣетъ, повидимому, какое-то отношеніе къ мѣстнымъ кружкамъ. Отсюда М сдѣлалъ и другое заключеніе: что черезъ Ю. онъ, можетъ быть, и разыщетъ какъ-нибудь своего „банкира" А—скаго и, такимъ образомъ, получить возможность закончить свой бурлацкій путь и вернуться къ себѣ на югъ. Разузнавъ дорогу на Увекъ (Ю. служилъ, если

не въ самомъ Увекѣ, то гдѣ-то неподалеку), М. пѣхтурой двинулся туда, разыскалъ Ю. и, очевидно, смутилъ того своими подозрительными разспросами не мало, но въ концѣ концовъ добился отъ него довольно неопредѣленнаго указанія на то, что есть въ Саратовѣ слесарь Талаевъ, работающій тамъ-то, и что, можетъ быть, хотя и ненавѣрно, этотъ Талаевъ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ А—скаго и встрѣчался, но что, впрочемъ, ни онъ, Юнеевъ, ни Талаевъ, и никто изъ ихъ знакомыхъ никакихъ соціалистовъ не знали, не знаютъ и знать не желаютъ... Оцѣнивъ какъ должно эти благонамѣренныя заявленія, М. опять зашагалъ въ Саратовъ, а тамъ ему ничего больше не оставалось, какъ пристать къ несчастному Талаеву съ ножомъ къ горлу: хоть роди, а подавай ему соціалиста!..

Случилось такъ, что А—скаго въ это время не было въ городѣ; онъ долженъ былъ вернуться недѣли черезъ двѣ-три, и опять молодежи пришлось закопошиться, пріискивая для гостя пріютъ и все необходимое.

Гость оказался человѣкомъ интереснымъ. Прежде всего,—онъ ни на кого не былъ похожъ. Поливанову и его друзьямъ уже пришлось за послѣдній годъ перевидать не мало пропагандистовъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, и преобладавшій въ то время типъ революціонера былъ имъ достаточно знакомъ; какъ я уже говорилъ, почти всѣ пріѣзжіе имъ нѣсколько импонировали; за весьма рѣдкими исключеніями все это были люди серьезные; разговоры ихъ съ молодежью всегда носили идейный характеръ; какихъ-нибудь мелкихъ слабостей, при знакомствѣ не вполнѣ близкомъ, въ такихъ людяхъ нельзя было сразу же примѣтить; а съ этимъ Минаковымъ какъ-то такъ вышло, что съ первой же встрѣчи установились такія отношенія, словно бы онъ былъ нашъ однокашникъ и старый пріятель. Какое бы то ни было желаніе импонировать было ему не только чуждо,—оно ему прямо претило, несовмѣстимо было съ его не укладывающейся ни въ какія рамки натурой. Костюмъ босяка къ нему очень шелъ, и босяцкій образъ жизни тяготилъ его очень мало. Ни къ какимъ организаціямъ онъ, кажется, никогда въ жизни не принадлежалъ и не могъ бы принадлежать, никакихъ точно формулированныхъ программъ не признавалъ и не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшей надобности. Это былъ, если можно такъ выразиться, революціонеръ-импрессіонистъ; но какъ импрессіонистъ, не подчиняясь никакой школѣ, можетъ быть тѣмъ не менѣе истиннымъ художникомъ, такъ и этотъ, въ своемъ родѣ „вольный сынъ эфира“, былъ революціонеромъ всѣмъ своимъ существомъ, стихійнымъ и непосредственнымъ революціонеромъ и народникомъ. Его тянуло къ массѣ. Въ удобствахъ культурной жизни онъ, повидимому, ничуть не нуждался, а ея

внутренняя подтянутость и неизбѣжный даже въ самомъ вольнолюбивомъ обществѣ шаблонъ поведенія приводилъ его въ уныніе. Когда молодежь доставила ему возможность спокойно и безъ лишеній дожидаться своего „банкира“, онъ недолго пользовался отдыхомъ и уже дня черезъ два-три придумалъ для себя особое дѣло. Молодежь сближалась съ рабочими мѣстныхъ мастерскихъ и заводовъ, а Минаковъ облюбовалъ для себя другую среду: съ утра онъ отправлялся на Волгу, слонялся тамъ по берегу, подсаживался на какомъ-нибудь бревнѣ или на обломкѣ якоря тамъ, гдѣ было побольше народа, и начиналъ балагурить,—а въ этомъ онъ былъ великій мастеръ. Вскорѣ вокругъ веселаго оборванца собиралась подъ открытымъ небомъ соотвѣтственная аудиторія: босяки, „галаховцы“, безработные мужички, ожидающіе на берегу найма, приземистые татаре, стройные кавказцы, бабы-лоточницы въ платочкахъ,—вся эта разношерстная волжская толпа періода навигаціи. Тамъ было весело; молодой мужиченко съ песочнаго цвѣта бородкой, безъ всякихъ усилій надъ собой и безъ малѣйшаго поддѣлыванія подъ вкусы этой толпы, былъ ей понятенъ и интересенъ, а въ его шуткахъ и въ забавныхъ разсказахъ фигурировали, конечно, то „господа“ и всякое начальство, то анекдотическій „попъ съ попадьей“, то „купецъ богатѣйшій,—не хуже нашего Парусинова“ [1]), и вся эта компанія оказывалась смѣхотворно-нелѣпой, прожорливой, праздной и катающейся верхомъ на мужикѣ, который возитъ ихъ по своей непроходимой глупости... Считалъ ли самъ Минаковъ такую пропаганду настоящимъ дѣломъ?—сомнѣваюсь. Но онъ чувствовалъ себя прекрасно въ этой толпѣ, „надрывающей животики“ надъ его забористыми анекдотами. Передъ нимъ синѣла Волга съ ея серебрянными далями; лопоча своими красными колесами, бѣгали вверхъ и внизъ всѣхъ мастей пароходы; гудѣли, пыхтѣли, прорѣзывали своимъ пронзительнымъ свистомъ струйчатый воздухъ жаркаго полудня и наполняли шумомъ своей бѣготни всю громадную панораму,—красочную, залитую яркимъ солнцемъ волжскаго лѣта, обвѣянную крѣпкимъ воздухомъ чудной рѣки,—и Минакову дышалось вольно на этомъ просторѣ, и его художественная фантазія легко и свободно создавала сценки и цѣлые разсказики, полные тонкой наблюдательности, мѣткихъ словечекъ и неизсякаемаго юмора, съ виду совершенно беззаботнаго и невиннаго... Такъ онъ балагурилъ, или, если угодно, пропагандировалъ, nach Vogel singt, мало заботясь о результатахъ и отдаваясь лишь требованіямъ своей натуры художника-беллетриста и революціонера-этнографа, какимъ онъ былъ прежде всего.

---

[1]) Мѣстный купецъ, весьма нелюбимый рабочими.

Проголодавшись, онъ завертывалъ въ какую-нибудь мерзѣйшую харчевню или просто въ кабачекъ и тамъ находилъ себѣ новыхъ слушателей. Заработокъ для удовлетворенія его ничтожныхъ потребностей подвернулся ему самъ собой, безъ всякихъ поисковъ съ его стороны: въ кабачкахъ и харчевняхъ онъ писалъ для безграмотныхъ сотрапезниковъ письма въ деревню или прошенія въ судъ, не отказываясь получать за это семишники или „гонораръ натурой“ въ видѣ угощенія какимъ-нибудь заплѣсневѣлымъ студнемъ или изсохшей, какъ дерево, воблой. Это дѣло натолкнуло его на новый родъ пропаганды,—уже не устной, а письменной: въ городъ въ то время вернулись войска съ Дуная, и Минаковъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Саратовѣ окончательно спеціализировался на солдатскихъ письмахъ къ деревенской роднѣ; кліенты его были очень довольны усердіемъ этого грамотея, не лѣнившагося не только за семишникъ, но даже и даромъ исписывать по нѣсколько листковъ родственныхъ поклоновъ и традиціонныхъ пожеланій: „тетушкѣ Неонилѣ Федоровнѣ добраго здоровья и дядюшкѣ Никитѣ Арефьевичу добраго здоровья и въ дѣлахъ успѣха“ и т. п. Въ какой редакціи М. читалъ солдатамъ эти письма, я ужъ не знаю, но писалъ онъ ихъ съ полной свободой отъ цензурныхъ соображеній, раздѣлывая при такой оказіи весь генералитетъ и вообще правительство на всѣ корки.

Помимо этого, въ короткое время онъ чуть не опустошилъ весь запасъ мелкихъ прокламацій и агитаціонныхъ брошюрокъ, имѣвшихся у молодежи, захватывая съ собой такого рода литературу при своихъ экскурсіяхъ и разсѣивая ее куда-то въ пространство чуть не на глазахъ полиціи, что его не мало потѣшало. О рискѣ, которому онъ самъ подвергался, онъ, конечно, не думалъ. Будетъ ли онъ арестованъ сегодня, или днемъ, или годомъ позже, ему было совершенно безразлично. Пока онъ на свободѣ, онъ хотѣлъ, чтобы это была свобода полная: и отъ назойливыхъ обязанностей, и отъ регулярнаго труда, и отъ всякихъ заботъ и опасеній. И онъ отдавался своимъ революціоннымъ, художественнымъ и этнографическимъ влеченіямъ съ беззаботнымъ благодушіемъ человѣка, вполнѣ довольнаго своей судьбой и чувствующаго себя chez soi, даже ночуя подъ заборомъ.

Поздно вечеромъ, а иногда уже подъ утро приходилъ Минаковъ на ночлегъ къ какому-нибудь молодому пріятелю изъ мѣстнаго кружка и за утреннимъ чаемъ вспоминалъ вчерашній день или болталъ о томъ о семъ безъ всякаго стремленія поучать и куда бы то ни было „вести за собой“ своихъ новыхъ знакомыхъ. Онъ просто дѣлился впечатлѣніями и былъ при этомъ всегда интересенъ, въ своей манерѣ

разсказывать, какъ и въ своей манерѣ жить и дѣйствовать, оставаясь ни на кого не похожъ, все тою же „беззаконною кометой въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“, какою онъ представлялся молодежи по сравненію со всѣми другими пропагандистами.

Получивъ, наконецъ, свои деньги, онъ отъ насъ уѣхалъ въ Одессу и тамъ продолжалъ почти такую же вольную, безсистемную и экстенсивную пропаганду, какъ и на Волгѣ, пока не былъ арестованъ и осужденъ на двѣнадцать лѣтъ каторги. Съ пути, а затѣмъ изъ Карійской каторжной тюрьмы онъ дѣлалъ попытки побѣга; его ловили; срокъ его каторги удлиняли; наконецъ, упрятали его въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ таялъ и задыхался быстрѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ другихъ заключенныхъ. Финалъ—умышленное нарушеніе тюремной дисциплины и желанная смерть-освободительница въ глухую предутреннюю пору, на пустынномъ тюремномъ дворикѣ, подъ пулями взвода солдатъ...

Иная судьба ожидала агитатора, побывавшаго въ Саратовѣ лѣтомъ 77-го года, остававшагося тамъ тоже не долго, тоже сближавшагося съ рабочими, но совсѣмъ по иному, чѣмъ Минаковъ, какъ иной была и вся его личность. Появился онъ не случайно и нѣсколько странно, а съ соблюденіемъ всѣхъ требованій конспиративнаго этикета. У одного изъ друзей Поливанова была въ то время квартира, удобная для ночевки или для пребыванія дня на два—на три нелегальныхъ гостей. Этимъ часто пользовались и мѣстные и пріѣзжіе радикалы; послѣднихъ чаще всего приводилъ скрывавшійся въ Саратовѣ нелегально послѣ участія въ Казанской демонстраціи (6-го декабря 76 года) петербургскій рабочій Григорьевъ, онъ же Яковлевъ (а можетъ быть, Яковлевъ, онъ же Григорьевъ,—ужъ не помню хорошенько, какая изъ этихъ фамилій настоящая, а какая псевдонимъ). Однажды заявился на эту квартиру Григорьевъ вмѣстѣ съ кѣмъ-то другимъ и спросилъ у хозяина: можетъ ли его другъ провести здѣсь день-другой? Хозяинъ отвѣтилъ утвердительно, и тогда новоприбывшій выступилъ впередъ и, протягивая руку, отрекомендовался:

— Николай Ивановичъ Набатовъ.

— Ого!,—подумалъ молодой человѣкъ, услыхавъ такую многознаменательную фамилію,—ужъ конечно псевдонимъ,—и оглядѣлъ гостя съ любопытствомъ, послѣ чего тотчасъ же заключилъ: „должно быть, птица не изъ малыхъ“.

Гражданинъ Набатовъ былъ гражданинъ весьма красивый. На видъ лѣтъ 26—27-ми, средняго роста, стройный, прилично одѣтый. У него было чрезвычайно интеллигентное лицо ровнаго, матоваго цвѣта, умные каріе глаза, густые и длинные темнокаштановые волосы, заброшенные прямо назадъ, à la Помяловскій или Чернышевскій (на старыхъ кар-

точкахъ); окладистая каштановая борода придавала гражданину Набатову видъ солидный, а въ общемъ онъ производилъ впечатлѣніе столичнаго литератора или молодого адвоката. Держался этотъ красивый господинъ просто, свободно, по-товарищески, но съ неуловимымъ оттѣнкомъ чего-то такого, что постоянно какъ бы напоминало, что вотъ вѣдь,—какой человѣкъ!, — а держитъ себя и просто и по-товарищески. Григорьевъ, очевидно, любовался своимъ другомъ, а тотъ, столь же очевидно, привыкъ, что имъ любуются, и оставался простъ и дружески-милъ съ Григорьевымъ. О чемъ велся разговоръ въ первыя минуты знакомства, теперь не помню, но какъ-то очень скоро собесѣдники свернули на злободневныя въ то время теоретическія темы, и тутъ гражданинъ Набатовъ вполнѣ оправдалъ тѣ ожиданія, которыя возбуждала его интересная внѣшность. Онъ былъ уменъ, разносторонне начитанъ, говорилъ оживленно, но съ полнымъ самообладаніемъ, легко, плавно и красиво. Хотя слушателей на этотъ разъ было только двое, но его стройная и литературная рѣчь напоминала скорѣе лекцію молодого профессора, который держится на товарищеской ногѣ со студентами, чѣмъ обычные безпорядочные и пылкіе дебаты, какіе велись въ то время повсюду на студенческихъ квартирахъ. Узнавъ, что мѣстная молодежь имѣетъ сношенія съ рабочими, Набатовъ выразилъ желаніе вступить въ рабочій кружокъ, членами котораго еще раньше уже были введены изъ пріѣзжихъ народниковъ двое: Григорьевъ и Н. Мощенко.

На слѣдующее утро Поливанову уже было извѣстно, что въ городъ прибылъ кто-то изъ видныхъ народниковъ; интересно: кто бы такой? Вращаясь чаще всѣхъ другихъ товарищей среди пріѣзжихъ пропагандистовъ, Поливановъ вскорѣ же дополнилъ первоначальныя наблюденія и нашелъ, что не только Григорьевъ смотритъ на этого Набатова, какъ на человѣка, который имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы явиться однимъ изъ вождей предстоящей революціи; повидимому, и всѣ землевольцы и народники, какіе были въ то время въ Саратовѣ, какъ бы молчаливо уступали ему первое мѣсто рядомъ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, производившей на насъ, наблюдателей со стороны, впечатлѣніе центральной фигуры въ ихъ кругу.

Вслѣдъ затѣмъ вскорѣ же молодежи стало извѣстно и еще нѣсколько данныхъ, постепенно уяснявшихъ личность интереснаго посѣтителя: оказывалось, что среди своихъ товарищей онъ не назывался Николаемъ Ивановичемъ, а носилъ кличку „Жоржъ“, и чуть ли не онъ именно былъ тѣмъ избѣгнувшимъ ареста ораторомъ, который на Казанской площади произносилъ рѣчь къ толпѣ во время демонстраціи...

Эти свѣдѣнія, конечно, создали Набатову извѣстный ореолъ какъ среди молодежи, такъ и среди рабочихъ. Рань-

ше, бывало, Федоръ Ермолаевичъ Гераклитовъ (или попросту—„Ермоланчъ"), Степанъ Ширяевъ и прочіе мѣстные пропагандисты, послѣ недолгаго знакомства, сближались съ рабочими за панибрата, и черезъ короткое время рабочій, прочитавшій тогдашнія нелегальныя брошюрки и двѣ—три ходячія книжки: „Эмму" Швейцера, „Хронику села Смурина" Засодимскаго и т. п., становился ихъ товарищемъ не только идейно, но и въ обыденной жизни и чувствовалъ себя въ революціонномъ кружкѣ, какъ дома. Примкнувшіе къ этому кружку народники Григорьевъ и Мощенко были люди простые: Григорьевъ — дѣйствительно рабочій, хотя и очень интеллигентный; Мощенко, занимавшійся сапожнымъ ремесломъ, по костюму, по манерамъ, по всей повадкѣ—производилъ впечатлѣніе заправскаго сапожника, хотя и былъ собственно интеллигентомъ. Теперь въ первый разъ среди саратовскихъ рабочихъ засіяла такая революціонная звѣзда, какъ начинавшій въ то время пріобрѣтать громкую извѣстность „Жоржъ", онъ же—гражданинъ Набатовъ. Я помню, какое впечатлѣніе производила его красивая фигура, появляясь на сходкахъ рабочаго кружка, гдѣ оппонентами его могли выступать только такіе зеленые-презеленые юноши, какими были тогда Поливановъ, я, Лавровъ и два—три нашихъ сверстника.

Особенно запомнилась мнѣ одна сходка, происходившая въ одномъ изъ овраговъ за гребнемъ Соколовой горы. Набатовъ взялъ своей темой на этотъ разъ именно тѣ вопросы, которые возбуждали въ то время наиболѣе острые споры среди революціонной интеллигенціи: нужно ли соціалисту серьезное образованіе? и — полезны ли стачки и частные бунты? Среди саратовскихъ рабочихъ эти темы ранѣе совсѣмъ не затрагивались, т. к. всѣмъ пропагандистамъ казалось ясно, что безъ знанія ни въ революціи, ни въ чемъ другомъ далеко не уйдешь, а для возбужденія стачекъ или бунта въ тогдашнемъ Саратовѣ, повидимому, не имѣлось ни малѣйшей почвы. Набатовъ, однако, нашелъ нужнымъ поставить именно эти общіе вопросы и разсматривалъ ихъ въ своей рѣчи съ чисто бунтарской точки зрѣнія. Въ виду позднѣйшей дѣятельности этого лица не лишена нѣкоторой пикантности такая частность: одинъ изъ оппонентовъ, въ подтвержденіе своихъ лавристскихъ взглядовъ на затронутые вопросы, сослался на германскую соціалъ-демократію, и эта ссылка дала поводъ Набатову обрушиться на несчастныхъ нѣмцевъ со всѣмъ пафосомъ его краснорѣчія и со всей язвительностью его остроумія. Нѣмцамъ досталось!—за ихъ медлительность, за ихъ тяжеловѣсность, за буржуазность ихъ нравовъ и за отсутствіе въ нихъ истинно революціоннаго духа... за все то, что впослѣдствіи въ устахъ основателя россійской соціалъ-демократической партіи превратилось въ положительныя чер-

ты нѣмцевъ и получило совсѣмъ другое наименованіе: „яснаго пониманія зависимости политики отъ экономики, вытекающаго отсюда отсутствія въ ихъ тактикѣ „революціоннаго авантюризма“ и т. п.

Читая статьи Плеханова въ девяностыхъ годахъ, а тѣмъ болѣе въ послѣднее время, я всегда вспоминалъ эту сходку и эту одушевленную, горячую и красивую рѣчь тогдашняго Плеханова, который былъ тогда и самъ молодъ, красивъ и полонъ революціоннаго пыла... „То было раннею весной“—давнею весной!—а по законамъ природы—tempora mutantur et nos mutamur in illis...

Безъ аллегорій, эта сходка происходила не весной, а гораздо позже, и слушатели, какъ я помню, расположились кружкомъ среди блекнущей зелени унылой осени, но ораторъ былъ такъ красивъ, и рѣчь его была такъ красива, и такъ ярки были перспективы Новаго Міра, на завоеваніе котораго онъ звалъ „народъ“ (тогда еще народъ, а не классъ), что сѣрый осенній день какъ бы преображался въ свѣтлую весеннюю зарю, а желтѣющія травы въ ландыши и розы. Ораторъ призывалъ не смущаться жертвами, неизбѣжными въ борьбѣ, и неудачами отдѣльныхъ актовъ, а неустанно итти впередъ, протестуя, бунтуя, заражая инертную массу примѣромъ своего „будто бы безплоднаго“ героизма..., и, конечно, рѣчь его звучала въ молодыхъ сердцахъ какъ призывный колоколъ, оправдывая его громкій псевдонимъ.

Не знаю, въ какомъ духѣ продолжалъ бы Плехановъ свои занятія въ рабочемъ кружкѣ и къ какимъ практическимъ цѣлямъ онъ направилъ бы его дѣятельность въ ближайшее время, но руководить этимъ кружкомъ ему довелось недолго, такъ какъ въ ноябрѣ среди народниковъ произошли аресты, и Плеханову пришлось поспѣшно скрыться изъ города. Ближайшую помощь въ этомъ ему оказалъ реалистъ Кирхнеръ, отдавшій для спасенія отечества свой единственный капиталъ — рублей сорокъ, скопленныхъ имъ за лѣто грошевыми уроками.

Этотъ Кирхнеръ и еще два-три молодыхъ человѣка подъ вліяніемъ Плеханова откололись на время отъ мѣстнаго кружка, но Поливановъ остался твердъ въ своемъ лавризмѣ и продолжалъ дѣйствовать среди рабочихъ въ прежнемъ духѣ.

Въ то же время онъ не переставалъ усиленно заниматься серьезнымъ чтеніемъ, пользовался всякимъ случаемъ расширить свои знакомства въ городской интеллигенціи, внося во всѣ круги, въ которыхъ появлялся рѣзкую, революціонную струю и поддерживалъ съ землевольцами и народниками настолько тѣсную связь, насколько это было возможно для молодого радикала, не принадлежащаго къ ихъ организаціи.

Среди членовъ этихъ организацій было нѣсколько лицъ,

которымъ въ самомъ близкомъ будущемъ суждено было сыграть крупную историческую роль и ввести широкое, но безформенное движеніе передовой интеллигенціи въ прямое и глубокое русло борьбы за Народную Волю. Среди нихъ были люди исключительной по своей твердости воли, яснаго практическаго ума и широкихъ организаторскихъ способностей: но, какъ ни совѣстно въ этомъ сознаться,—не только при первомъ же появленіи, какъ эффектный гражданинъ Набатовъ, — но даже и послѣ болѣе продолжительнаго, но не близкаго знакомства, ихъ истинный характеръ и скрытая въ нихъ сила во всемъ ея объемѣ не били въ глаза, не ослѣпляли, а лишь постепенно выяснялись для Поливанова и для другихъ юныхъ саратовцевъ, вступавшихъ съ ними въ сношенія. На первое время отдѣльныя лица этого круга выдѣлялись не особенно рѣзко, и нужно было время, чтобы почувствовать и сознать, какъ могущественно было ихъ незамѣтное вліяніе на мѣстную молодежь и какое воспитательное значеніе имѣлъ самый фактъ ихъ пребыванія, ихъ ежеминутнаго риска своей свободой и неустанной дѣятельности для народа, выполнявшейся изо дня въ день такъ просто и спокойно, какъ будто это была обыкновеннѣйшая работа, не имѣющая въ себѣ рѣшительно ничего героическаго. Эта черта совершенной простоты и невозмутимой душевной ясности честнаго работника, спокойно дѣлающаго свое обычное дѣло, теперь, когда прошли десятки лѣтъ, особенно поражаетъ меня въ личности Александра Михайлова, но тогда этотъ „Александръ Андреевичъ“, — такъ онъ, кажется, назывался въ Саратовѣ, — внушалъ къ себѣ уваженіе какъ умный и дѣльный человѣкъ,—но развѣ приходило въ голову Поливанову, мнѣ, кому бы то ни было изъ насъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ для Россіи значеніе ничуть не меньшее, чѣмъ блистательный „Жоржъ“?

Когда конспиративная квартира землевольцевъ помѣщалась у Василія Филипповича Трощанскаго [1]), то, бывало, какъ ни зайдешь туда, почти всегда застанешь въ отдѣльной комнаткѣ или въ дальнемъ углу довольно большой залы этого „Александра Андреевича“, о чемъ-то разговаривающимъ à part съ однимъ-двумя пропагандистами; разговоръ ведется, очевидно, конспиративный; люди не спорятъ, а о чемъ-то столковываются; въ другомъ углу залы тѣмъ временемъ живой, рѣчистый и подвижной южанинъ Трощанскій уже успѣваетъ завязать общую бесѣду; Поливановъ съ горячностью подхватываетъ тему, мимолетно затронутую Трощанскимъ въ какой-нибудь колкой шуткѣ; неутомимая въ

---

[1]) Трощанскій впослѣдствіи былъ осужденъ въ каторгу, по окончаніи которой вышелъ на поселеніе въ Якутскую область, гдѣ и умеръ въ половинѣ девяностыхъ годовъ.

дебатахъ Ольга Александровна Натансонъ тотчасъ же выступаетъ противъ Поливанова; голоса поднимаются, „словесный бой“ кипитъ; а тамъ, въ другомъ углу, точно не слыша разгорѣвшагося спора, „Александръ Андреевичъ“ неторопливо и убѣдительно внушаетъ что-то своимъ собесѣдникамъ. Потомъ они встаютъ, уходятъ, а „Александръ Андреевичъ“ подходитъ къ спорящимъ и такъ же неторопливо и убѣдительно, какъ въ той бесѣдѣ à part, начинаетъ излагать свой взглядъ на спорный вопросъ, и оказывается, что онъ изъ своего отдаленія успѣлъ какъ-то уловить не только общую нить спора, но и слабые пункты аргументаціи отдѣльныхъ спорщиковъ, и сразу же, минуя всѣ частности, онъ сводитъ споръ къ сущности вопроса и говоритъ только по существу, успѣшно побѣждая свой физическій порокъ—легкое заиканье, которое не позволяло ему стать ораторомъ для толпы, но не мѣшало вести бесѣду въ частномъ кругу.

Избравъ своей спеціальностью пропаганду среди сектантовъ, Михайловъ жилъ въ Саратовѣ „на горахъ“, подъ видомъ мелкаго торговца, и носилъ соотвѣтствующій костюмъ: чистую синюю поддевку и картузъ, и этотъ костюмъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ его типически русскому лицу: очень бѣлому, опушенному густой русой бородой; зачесанные по-русски длинные, желтовато-русые волосы и выраженіе лица: открытое, прямое и твердое, — дополняли впечатлѣніе, покрывая въ этомъ лицѣ индивидуальныя черты его общей типичностью.

Пятью годами позже и съ этимъ человѣкомъ Поливанову пришлось встрѣтиться въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, но ни перемолвиться живымъ словомъ, ни даже видѣть другъ друга имъ было нельзя. Самъ Поливановъ въ своемъ очеркѣ „Алексѣевскій равелинъ“ передаетъ объ этомъ такъ:

„Очень скоро я убѣдился въ справедливости того, что здѣсь ничего не услышишь. Одна стѣна моей камеры выходила въ подворотню, а за другой была поддежурная комната (№ 2), гдѣ дѣлали ванну мнѣ и А. Михайлову, сидѣвшему въ № 1. Мы съ нимъ были, такимъ образомъ, совершенно изолированы другъ отъ друга; но разъ,—помню, это было уже въ мартѣ,—я услыхалъ его голосъ и сейчасъ же узналъ. Къ нему заходилъ докторъ, и я отчетливо разслышалъ слова: „главное дѣло — катарръ желудка и кишекъ...“, сказанныя знакомымъ мнѣ, слегка волнующимся голосомъ. Боже! какъ заколотилось мое сердце, какъ страстно хотѣлось крикнуть ему: „Дворникъ!“ (такую кличку онъ носилъ, когда мы познакомились съ нимъ въ 77 году).... я, Поливановъ, здѣсь же сижу, въ № 3“.

„Какъ бы дорого я далъ тогда за возможность, не скажу уже увидѣться, но только быть съ нимъ рядомъ, поговорить

хотя бы черезъ стѣну. Я зналъ еще на волѣ, что онъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ, и думая, что, быть можетъ, онъ сидитъ уже цѣлый годъ въ одиночествѣ,—какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, — я почувствовалъ такой приливъ любви къ нему и нѣжности, что цѣлый день не могъ успокоиться"...

Въ числѣ пріѣзжихъ было еще три лица, съ которыми Поливановъ впослѣдствіи дѣлилъ заключеніе въ стѣнахъ Шлиссельбурга, но тогда никто изъ нихъ не предполагалъ, что вотъ этотъ смуглый, живой и экспансивный юноша скоро окажется ихъ товарищемъ по тяжелому и длительному подвигу, который сдѣлаетъ ихъ имена навсегда дорогими для тѣхъ, кому дорога свобода Россіи. Поливановъ чаще всего встрѣчался съ этими лицами не на дѣловой почвѣ, а совершенно частнымъ образомъ, въ одномъ семейномъ домѣ, „за самоварчикомъ"; и потому ихъ образы и въ моей памяти рисуются до сихъ поръ на фонѣ этой мирной, но вполнѣ своеобразной домашней обстановки тогдашняго „сочувствующаго" обывателя.

Тутъ прежде всего надо замѣтить, что „личной жизни" у Поливанова въ этотъ періодъ почти совсѣмъ не было. Какая „личная жизнь" могла быть у двадцатилѣтняго юноши, всецѣло охваченнаго идейнымъ энтузіазмомъ и чуждаго всякихъ житейскихъ заботъ? Отъ отца онъ продолжалъ получать по 25 рублей въ мѣсяцъ и занималъ довольно приличную, по студенческой мѣркѣ, комнатку, въ которой читалъ и ночевалъ. Внѣ своего жилья онъ почти все время проводилъ съ товарищами: посѣщеніе мастерскихъ, бесѣды съ рабочими, мелкія конспираціи провинціальнаго кружка,—все это обыкновенно дѣлалось сообща, въ компаніи. Компаніей же вечеромъ шли въ Липки и тамъ гуляли группами по аллеямъ или на время разбивались по одиночкѣ и подсаживались то на той, то на другой скамеечкѣ, встрѣчаясь со множествомъ знакомыхъ, отъ однихъ получая прочитанную нелегальщину, другимъ передавая свѣженькую; съ иными тутъ же столковывались о какихъ-нибудь маленькихъ кружковыхъ дѣлишкахъ, съ другими обмѣнивались новостями или перекидывались злободневными шутками. Грѣшнымъ дѣломъ,—заглядывались немножко на хорошенькихъ женщинъ, но тщательно скрывали это другъ отъ друга, т. к. въ кружкѣ всякіе „сентименты" этого рода подвергались безпощадному издѣвательству. Идеаломъ для всѣхъ служилъ Рахметовъ, и это побуждало каждаго если не быть, то, по крайней мѣрѣ, казаться хоть сколько-нибудь похожимъ на сей великій образецъ недоступнаго никакимъ слабостямъ гражданина. Если Поливановъ (что несомнѣнно) вовсе не былъ Рахметовымъ и имѣлъ какія-нибудь увлеченія, то во всякомъ случаѣ таилъ ихъ про себя, т. к. помимо кружковыхъ понятій о револю-

ціонной этикѣ, при всей своей экспансивности въ чемъ-нибудь другомъ, онъ по самой своей натурѣ не сталъ бы профанировать своихъ интимныхъ чувствъ „дружескими изліяніями“, почти всегда нѣсколько смѣшноватыми для „друга“, передъ которымъ изливаются. Пріятельская компанія Поливанова была исключительно холостая, и притомъ, по крайней мѣрѣ, на девять десятыхъ — мужская; нѣкоторыя дѣвушки были болѣе или менѣе близки къ кружку; но съ ними быстро устанавливались отношенія чисто товарищескія, исключавшія всякій флиртъ, хотя бы и замаскированный „идейной дружбой“. Такимъ образомъ, когда, бывало, стемнѣетъ, „дѣлъ“ никакихъ на текущій день больше не останется, въ Липкахъ порѣдѣетъ пестрая толпа гуляющихъ и вмѣсто изящныхъ, интеллигентныхъ женщинъ начнутъ все чаще появляться фигуры особъ съ „безпокойною ласковостью взгляда“,—куда было дѣваться? — Чаще всего шли всей гурьбой къ кому-нибудь изъ „своихъ“ и тамъ, въ тѣсной комнаткѣ, примостившись кто какъ за какимъ-нибудь подозрительной прочности столикомъ, продолжали общую болтовню и споры, по очереди ставя самовары и разливая чай. Но это было такъ обыденно!.. Иногда, случалось, для разнообразія шли не къ себѣ, а въ болѣе или менѣе приличный ресторанчикъ, но Поливановъ къ ресторанному времяпрепровожденію не проявлялъ ни малѣйшей склонности и, если заглядывалъ изрѣдка туда, то только для компаніи. Знакомые семейные дома у него были, но это были дома помѣщиковъ, представлявшіе для молодого революціонера слишкомъ мало интереса: тамъ можно было поболтать по-французски, послушать плохенькую музыку и наслушаться,—болѣе, чѣмъ достаточно,—дрянныхъ разговоровъ,—грубо крѣпостническихъ или, въ лучшемъ случаѣ, дрябло-либеральныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ полнаго безсилія тогдашняго россійскаго либерализма,—тѣхъ самыхъ разговоровъ, которые такъ неподражаемо воспроизведены въ щедринскихъ сатирахъ того времени („Годить надо!“, „съ одной стороны надо сознаться, съ другой—нельзя не признаться“ и т. п.). Поливановъ посѣщалъ это общество очень рѣдко; можно сказать безъ особой натяжки,—почти никогда въ немъ не бывалъ. Если ему прискучивало сегодня, какъ и вчера, какъ и позавчера, итти все съ тѣми же и все туда же: отъ „Рауля Риго“ (кличка Поморцева) къ „Гражданину Грантерру“ [1]) (кличка Лаврова), или къ кому-нибудь изъ другихъ „гражданъ“ своего кружка, то при выходѣ изъ Липокъ онъ бралъ меня подъ руку и говорилъ: „а знаешь, Ваничка?—завернемъ-ка мы сегодня къ Старому Гофу!?“— и мы, распрощавшись со своими, шли къ „Старому Гофу“.

[1]) Изъ романа Гюго „Les misérables“—студентъ, революціонеръ, гуляка и добрый малый.

„Старый Гофъ“ представлялъ собою фигуру въ своемъ родѣ очень типичную. По внѣшности это былъ настоящій малороссъ: плотный; съ большимъ почти массивнымъ лбомъ; съ пристальнымъ взглядомъ большихъ, сѣрыхъ глазъ; безъ бороды, но съ густыми, сѣдыми усами, придававшими его открытому, для старика еще очень свѣжему лицу почти суровый видъ „добраго казака“ въ стилѣ соратниковъ Тараса. Къ удивленію, этотъ старый казакъ носилъ нѣмецкую фамилію, которая къ нему такъ же шла, какъ къ какому-нибудь деревенскому попу китайская. Его отецъ, обрусѣлый нѣмецъ, женатый на обрусѣлой полькѣ, служилъ на югѣ, гдѣ сынъ родился, выросъ, получилъ образованіе и проникся насквозь всѣми стихійными вліяніями родины, навсегда сохранивъ глубокую любовь къ Украйнѣ (безъ всякой тѣни, однако, узкаго украйнофильства или склонности къ „отторженію окраинъ“). Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ еще въ сороковыхъ годахъ, этотъ украинецъ съ нѣмецкой фамиліей поступилъ на службу по министерству финансовъ и всю дальнѣйшую жизнь провелъ въ постоянныхъ кочеваніяхъ изъ Петербурга въ Курскъ, оттуда въ Москву, оттуда въ Черниговъ и т. д., чуть ли не по всѣмъ губернскимъ городамъ Европейской Россіи, куда начальство „для пользы службы“ находило нужнымъ его перемѣстить. При всѣхъ этихъ странствованіяхъ, осѣвъ на время въ какомъ-нибудь городѣ, нашъ Гофъ (какъ его называли, сокращая его длинную нѣмецкую фамилію) тотчасъ же заводилъ близкое знакомство съ молодежью: студенты, гимназисты, семинаристы, все, что было въ ихъ средѣ интеллигентнаго и живого, толклись на его квартирѣ цѣлыми днями, перехватывали у него въ трудные моменты рублевки и трешницы, иные изъ нихъ вступали съ нимъ въ дружескія отношенія, повѣряли ему свои юношескія скорби, дѣлились съ нимъ надеждами на будущее, и всѣ вообще, чувствуя себя на его анархически-безпорядочной квартирѣ совершенно свободно, отдавались горячимъ преніямъ по вопросамъ, послѣдовательно волновавшимъ молодежь со временъ Бѣлинскаго до временъ Михайловскаго. Многіе изъ этихъ юношей впослѣдствіи становились литераторами или учеными, многіе другіе черезъ два—три года отдавались всецѣло революціонной дѣятельности, и въ результатѣ такого многолѣтняго общенія съ молодежью на югѣ и на сѣверѣ, въ западномъ краѣ и на Волгѣ у Гофа оказалось огромное знакомство и множество пріятельскихъ связей въ литературномъ и въ революціонномъ мірѣ. Самъ онъ, однако, за всю жизнь, какъ кажется, ни одной статьи не написалъ и ни одного „государственнаго преступленія“ не совершилъ,— если только не считать систематическаго „укрывательства“ нелегальныхъ, которые по старой памяти, сблизившись съ

нимъ еще когда-то раньше, при случаѣ продолжали навѣщать его и на новыхъ мѣстахъ.

Въ Саратовъ Гофъ явился, когда ему было уже лѣтъ шестьдесятъ, отцомъ довольно многочисленнаго семейства: у него было два сына и двѣ дочери, все молодежь въ возрастѣ отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ. Такъ какъ „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ“, то былъ у Гофа чинъ,—не такой, чтобы квартальные вытягивались передъ нимъ въ струнку, но и не такой, чтобы можно было произвести у него обыскъ такъ же безцеремонно, какъ у какого-нибудь поднадзорнаго студента. Гофъ занималъ приличную должность и два—три раза въ годъ, облачившись въ надлежащій костюмъ, дѣлалъ визиты тѣмъ чинамъ, передъ которыми квартальные трепещутъ, причемъ дома, заканчивая свой туалетъ, смѣясь говорилъ: „отдай кесарево кесарю“. Этими визитами по высокоторжественнымъ днямъ его даянія кесарю вполнѣ исчерпывались. Все остальное время, кромѣ опредѣленныхъ часовъ пребыванія на службѣ, самъ Гофъ, его кошелекъ, его квартира, его вниманіе и его участіе принадлежали сполна молодежи. Была въ его домѣ только одна комната, недоступная для гостей, — комната его жены, особы нѣсколько болѣзненной, къ которой всѣ члены семьи, начиная съ самого старика, относились съ какой-то трогательной и почтительной заботливостью; m-me Г. появлялась изъ своего святилища очень рѣдко, только при самыхъ близкихъ друзьяхъ, обыкновенно же оставалась у себя, и благодаря ея отсутствію казалось, что въ домѣ нѣтъ хозяевъ; шестидесятилѣтній отецъ и его младшій, всего шестнадцатилѣтній сынъ держались совершенно по-товарищески, и тотъ же товарищескій тонъ имѣли отношенія братьевъ къ сестрамъ, гостей къ членамъ семьи и всѣхъ вообще посѣтителей другъ къ другу, какъ будто сюда,—какъ въ магометанскую мечеть не иначе, какъ босикомъ,—можно было входить не иначе, какъ отрѣшившись отъ всѣхъ преимуществъ возраста, образованія и общественнаго положенія и оставаясь вполнѣ и безусловно равнымъ среди равныхъ. Внѣшняго порядка тутъ было мало, комфорта еще меньше; на ужинъ подавалась классическая селедочка съ лучкомъ, за чаемъ не всегда хватало стакановъ или вдругъ оказывалось, что сахаръ вышелъ, и кому-нибудь изъ гостей приходилось, схвативъ второпяхъ чужую фуражку, нестись въ ближайшую лавочку; но всѣ эти прорѣхи въ хозяйственномъ благоустройствѣ до того гармонировали съ полнымъ отсутствіемъ всякаго хозяйственнаго благочинія и принужденности, что безъ нихъ, вѣроятно, домъ Стараго Гофа не имѣлъ бы въ глазахъ молодежи всей своей привлекательности.

Главнымъ образомъ тяготѣніе къ этому дому вызывалось, однако, не такими, почти студенческими черточками

быта, которыхъ и въ нашей собственной жизни было болѣе, чѣмъ достаточно. Какъ на вратахъ греческой академіи было начертано: „сюда нѣтъ доступа не знающимъ геометріи", такъ и надъ дверями этого жилища можно было бы написать: „сюда нѣтъ доступа не имѣющимъ идейныхъ интересовъ". Лавристъ или народникъ, бунтарь или якобинецъ, матеріалистъ или мистикъ,—для Стараго Гофа это было все равно; но всякій, кто былъ принятъ въ его домѣ, непремѣнно былъ тѣмъ или инымъ „истомъ", и нигдѣ въ Саратовѣ нельзя было встрѣтить въ одномъ домѣ, за однимъ самоварчикомъ такого разнообразнаго въ идейномъ смыслѣ общества; и нигдѣ самые несходные соціальные идеалы, философскія системы и литературныя направленія не обсуждались такъ страстно и въ то же время такъ свободно отъ партійныхъ пристрастій и отъ кружковой однобокости. Старый Гофъ недаромъ окончилъ университетъ въ сороковыхъ годахъ. Онъ и въ семидесятыхъ оставался чистымъ гуманистомъ и эстетикомъ, для котораго люди дѣлились всего на двѣ категоріи: стремящихся къ истинѣ и равнодушныхъ къ истинѣ. Послѣдніе были для него совершенно не интересны; первые были интересны всѣ, безъ различія оттѣнковъ. Гофъ любилъ широкія и красивыя идеи, любилъ тонкую и находчивую діалектику, удачную шутку, мѣткое словечко, во время приведенную строфу изъ Байрона или изъ Гейне; еще больше онъ любилъ молодыя лица и сіяющіе энтузіазмомъ глаза, одушевленную рѣчь, проникнутую нетронутой молодой вѣрой; всего же больше онъ любилъ, всюду искалъ и выискивалъ среди молодежи сильные, чистые и твердые характеры, которыми эстетически любовался, какъ древній грекъ могъ любоваться мощью Милона или красотой Антиноя. Среди своихъ безчисленныхъ знакомыхъ онъ выдѣлялъ троихъ, къ которымъ питалъ глубокую, почти нѣжную любовь; называлъ онъ ихъ по-хохлацки: „три Дмитрà"; это были: Дмитрій Рогачевъ, Дмитрій Клеменсъ и Дмитрій Лизогубъ,— особенно послѣдній. Въ живыхъ и тонкихъ характеристикахъ стараго эстетика и въ его интересныхъ разсказахъ о всякой бывальщинѣ они выступали изъ окружающей среды какъ герои греческой трагедіи изъ хора и какъ бы вмѣщали въ себѣ и олицетворяли собой все лучшее, самое чистое и благородное, что было въ революціонномъ движеніи Близко къ нимъ въ его симпатіяхъ стоялъ Сергѣй Кравчинскій, докторъ Орестъ Веймаръ и Глѣбъ Ивановичъ Успенскій (въ частной жизни большой пріятель Веймара). Этотъ подборъ любимцевъ Стараго Гофа въ то время, кромѣ Успенскаго и отчасти Рогачева,—извѣстныхъ только въ тѣсныхъ конспиративныхъ кружкахъ,—можетъ служить мѣриломъ морально-эстетическихъ идеаловъ этого „человѣка сороковыхъ годовъ", единственнаго, какого я зналъ въ его поколѣніи, имѣвшаго

возможность наблюдать революціонную молодежь позднѣйшаго времени не изъ парижскаго салона m-me Віардо и не изъ оконъ аристократической родовой усадьбы, а непосредственно въ самой жизни, какъ въ общественной, такъ и въ самой интимной... Понятно, что среди саратовской молодежи личность Поливанова сразу остановила на себѣ вниманіе старика и получила отъ него вѣрную оцѣнку. Въ интимномъ кругу, когда заходила рѣчь о „Петролеѣ", Старый Гофъ не разъ повторялъ:

— Экое золотое сердце! Онъ весь огонь... кипитъ... сверкаетъ... Но долго ли такой уцѣлѣетъ?.. Въ богоспасаемой-то Россіи, гдѣ никакихъ кипѣній не полагается, и вдругъ—„петролей"! Угрюмъ-Бурчеевъ, какъ только замѣтитъ, сейчасъ же скажетъ: „зачѣмъ петролей?"... и затушитъ.

Поливановъ, какъ это само собой ясно, въ атмосферѣ, царившей въ домѣ Стараго Гофа, чувствовалъ себѣ какъ рыба въ водѣ. Зимою въ невысокомъ, продолговатомъ залѣ, а лѣтомъ на открытомъ балконѣ съ видомъ на Волгу и Заволжье, тамъ собиралось довольно многочисленное общество, и разговоръ не умолкалъ, переходя отъ серьезныхъ темъ къ шуткамъ и остротамъ, а подчасъ перемежаясь чтеніемъ стиховъ какого-нибудь мѣстнаго поэта (такихъ было тогда хоть отбавляй) и безпощадной критикой этихъ стиховъ тутъ же, въ присутствіи автора.

Въ этомъ-то именно домѣ, и чаще всего на этомъ-то именно балкончикѣ, Поливановъ и встрѣчалъ въ числѣ прочихъ посѣтителей троихъ своихъ будущихъ товарищей по заключенію.

Первый—былъ представительный мужчина лѣтъ подъ тридцать: русый, съ длинной, свѣтлой бородой, съ пріятнымъ, но серьезнымъ лицомъ. Въ его спокойныхъ и мягкихъ манерахъ чувствовалась дворянская школа, но молодежь знала, что этотъ благовоспитанный человѣкъ былъ и кузнецомъ, и чернорабочимъ, что жизнь его отдана сполна трудовому народу. Его ровная и мягкая манера обращенія, въ связи съ его репутаціей выдающагося дѣятеля, создало ему въ глазахъ юношей (не только въ Саратовѣ, но, какъ кажется, и въ Самарѣ) какое-то особое обаяніе. Ничего блестящаго и поражающаго воображеніе въ его личности не было. Но къ нему тянуло. Именно къ нему зеленые мѣстные революціонеры охотнѣе всего шли за совѣтомъ по поводу своихъ кружковыхъ дѣлъ, и онъ терпѣливо выслушивалъ всѣ ихъ запросы и дѣлился съ ними своимъ опытомъ, и выходило это у него такъ просто и хорошо, что послѣ такого разговора чувствовалась какая-то особая душевная легкость и ясность пониманія.

Это былъ Юрій Богдановичъ.

Въ обществѣ, собиравшемся у Гофа, Богдановичъ пред-

ставлялъ одну изъ самыхъ крупныхъ, но отнюдь не самую яркую фигуру. Когда разговоръ,—что такъ часто бывало,—сводился на литературу, на поэзію, или принималъ шутливый и веселый характеръ, то первое мѣсто въ живой словесной перестрѣлкѣ занималъ молодой человѣкъ лѣтъ 23—4, стройный, хорошенькій, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ ясными глазами, въ которыхъ самый опытный сыщикъ не увидѣлъ бы ничего, говорящаго о томъ, что вотъ это—„заговорщикъ" и будущій террористъ. Въ литературно-философски-шутливомъ causerie Николай Ивановичъ Полозовъ, — псевдонимъ этого нелегальнаго, — напоминалъ скорѣе какого-нибудь беззаботнаго виконта до-революціонной эпохи, чѣмъ русскаго „нигилиста", которому, по шаблону реакціонныхъ романовъ того времени (Маркевичъ, Авсѣенко, Крестовскій, Мещерскій и т. д.), полагалось быть неотесаннымъ циникомъ, отрицающимъ эстетику и носовые платки. Этотъ „нигилистъ" не только признавалъ эстетику, но и былъ проникнутъ эстетическимъ чувствомъ до конца ногтей. Онъ былъ изященъ и по внѣшности, и по ходу своихъ мыслей,—живому, свободному, почти всегда нѣсколько своеобразному, и по легкой, искристой формѣ своей рѣчи, съ прорывающимися въ ней по временамъ нотками лиризма, тотчасъ же спѣшившаго замаскироваться веселой шуткой. Тонкій и строгій критикъ чужихъ стиховъ, Николай Ивановичъ самъ писалъ очень недурно, и на него смотрѣли съ надеждой, ожидая, что онъ и другой, жившій въ Кронштадтѣ, очень юный и только-что начинавшій въ то время свои первые опыты поэтъ—Надсонъ, явятся выразителями чувствъ и настроеній русскихъ революціонеровъ въ новѣйшей русской поэзіи. Старый Гофъ за глаза любовно называлъ его „нашъ Поэтикъ" и вѣрилъ въ его поэтическое будущее... Чего, однако, ни Старый Гофъ, ни его юные друзья никакъ ни ожидали, это того, что когда-нибудь фантазія ихъ „Поэтика" проникнетъ въ таинственную область гетевскихъ „матерей", что лиризмъ его чувства обратится на вселенную, и его неутомимо работающая мысль въ лишенной красокъ и звуковъ кельѣ Шлиссельбурга возстановитъ передъ нимъ со всей ихъ яркостью грандіозные образы „Откровенія въ грозѣ и бурѣ" и вскроетъ ихъ тысячелѣтнюю загадочность. Прошло много лѣтъ, и дѣйствительность показала, что эта крылатая мысль была достаточно могущественна, чтобы унести заживо погребеннаго плѣнника изъ тѣсныхъ стѣнъ тюрьмы въ міръ безконечнаго и открыть передъ его умственнымъ взоромъ единство и послѣдовательность въ хаотическомъ, повидимому, разнообразіи сочетаній, разложеній и внутреннихъ перерожденій мірового вещества...

Въ обществѣ, собиравшемся на балкончикѣ Стараго Гофа, объ Апокалипсисѣ рѣчь никогда не заходила. Въ лунную ночь, въ виду серебрящейся далеко внизу Волги съ

сотнями мерцающихъ надъ ней повсюду красныхъ огоньковъ, въ тѣ часы, когда затихшія улицы Саратова, бѣлѣя въ лунной мглѣ, пересѣкались длинными тѣнями стройныхъ тополей и имѣли такой красиво-умиротворенный и задумчивый видъ, мрачныя фантазіи о кончинѣ міра совсѣмъ не шли на умъ. Тамъ больше мечтали о возрожденіи человѣчества къ новой жизни, искали путей къ такому возрожденію и, чувствуя въ себѣ силы итти въ своихъ исканіяхъ навстрѣчу всѣмъ бѣдамъ и напастямъ, какія можетъ послать судьба, беззаботно отдавались красивымъ настроеніямъ, когда они являлись естественно и охватывали сразу всѣхъ, какъ это иногда бываетъ въ хорошей компаніи. Въ такіе моменты Морозовъ являлся самымъ пріятнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ. По своей любви къ шуткамъ онъ нерѣдко старался поддѣть насъ, юношей, на нашей юношески прямолинейной и необузданной революціонности и разъ сочинилъ съ этой цѣлью особые стихи сверхъ-ультра революціонные; не только содержаніе, но и самыя рифмы въ этихъ стихахъ состояли сплошь изъ самыхъ сакраментальныхъ или жупельныхъ для революціонера словъ: „жандармы“ — „казармы“, „троны“ — „стоны“ (конечно, народные), „тираны“ — „подъ игомъ рабства гибнущія страны“ и т. п. Съ совершенно серьезнымъ видомъ и съ немалымъ пафосомъ онъ прочелъ передъ нами это дивное произведеніе революціонной Музы, ожидая, что юнцы не разберутъ и придутъ въ восторгъ отъ столь пламеннаго „прославленія Свободы“; но въ этой гипотезѣ будущій философъ ошибся, и дѣло закончилось дружнымъ смѣхомъ автора и его критиковъ...

Въ разговорахъ на текущія политическія темы, на мимолетныя „злобы дня“ всегда бывалъ интересенъ, изрѣдка появлявшійся въ этомъ обществѣ А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Онъ жилъ тогда нелегально въ одномъ изъ уѣздовъ Саратовской губерніи, занимая должность волостного писаря, и его наблюденія надъ крестьянами, ихъ жизнью и складомъ ихъ мыслей казались очень цѣнными для молодыхъ слушателей, знавшихъ крестьянъ только по очеркамъ Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, освѣщавшихъ тогдашняго „сфинкса“ каждый по своему. Частой гостьей у Стараго Гофа бывала Наталья Армфельдтъ [1]), всегда простая и серьезная, но окруженная въ глазахъ молодежи нѣкоторымъ обаяніемъ благодаря извѣстной намъ по литературѣ близости ея семьи къ выдающимся дѣятелямъ сороковыхъ годовъ. Много бывало у Гофа и другихъ представителей революціоннаго міра, но одно лицо въ этомъ мірѣ занимало какое-то особое положеніе, не поддающееся никакому опредѣленію на словахъ, но очевидное для всякаго, даже посторонняго наблюдателя. Ли-

[1]) Впослѣдствіи умерла въ каторгѣ.

цомъ этимъ была женщина. Въ чемъ состояла ея сила, сказать трудно, т. к и Поливановъ, и всѣ мы стояли тогда не достаточно близко къ ея кругу. Она была очень красива, она была умна, была внучкой извѣстнаго партизана 12-го года,—но все это были частности, мелочи, совершенно терявшіяся въ общемъ впечатлѣніи ея личности. Мы чувствовали, что всѣ эти люди, окруженные такимъ ореоломъ въ нашихъ глазахъ:—и Богдановичъ, и Морозовъ, и Армфельдтъ, и всѣ, шедшіе съ ними по тому же пути, безмолвно признаютъ ея преимущество въ чемъ-то очень важномъ, быть можетъ, въ самомъ существенномъ для революціоннаго дѣла, и чувство какого-то смутнаго почтенія охватывало и насъ, ничего не теряя отъ того, что раза два намъ случалось видѣть Вѣру Николаевну веселой, шутливой, почти расшалившейся въ дружеской средѣ. Строгая красота лица и строгая красота характера сливались въ ней такъ гармонически, а съ ними такъ гармонировалъ ея властный, металлическій голосъ, что ея образъ представлялся намъ цѣльнымъ и чистымъ, какъ мраморное изваяніе, и почти такимъ же символическимъ, какъ статуя Свободы, съ порога Новаго Свѣта указывающая путнику, что за нею лежитъ страна свободы.

Въ этомъ обществѣ и подъ такими вліяніями революціонное настроеніе Поливанова углубилось, окрѣпло, слилось со всѣми его помыслами и навсегда залегло въ его душѣ какъ ея лейтъ-мотивъ, неизмѣнно побуждающій къ борьбѣ и дѣйствію. Несомнѣнно, что уже въ это время, въ 78 году, двадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ бы способенъ взять на себя самое отвѣтственное дѣло и твердо вынести всѣ его послѣдствія. Такъ, повидимому, смотрѣла на него и саратовская администрація. За это говоритъ такой фактъ.

Въ домѣ одного моего родственника бывалъ иногда запросто жандармскій полковникъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, котораго мы шутя называли „Нашъ Крестный“. Это былъ типичнѣйшій представитель той классической жандармской школы добраго стараго времени, родоначальникомъ которой былъ, какъ кажется, самъ Бенкендорфъ. По канону этой школы жандармскій офицеръ—и чѣмъ выше онъ былъ по рангу, тѣмъ въ большей мѣрѣ—долженъ былъ снискать себѣ въ мѣстномъ обществѣ репутацію милѣйшаго, добрѣйшаго и любезнѣйшаго человѣка и либерала въ душѣ. И Петръ Ивановичъ былъ въ обществѣ милъ и любезенъ, а либерализмъ его былъ таковъ, что онъ самъ о себѣ, въ моемъ присутствіи, однажды выразился: „я, конечно, не красный, но я немножко... красненькій“. Этотъ „красненькій“ полковникъ, при несомнѣнныхъ дипломатическихъ способностяхъ, былъ въ то же время и вообще человѣкъ очень неглупый, наблюдательный и тонкій. Однако подчасъ ему случалось заходить въ своей дипломатіи такъ далеко, что сквозь розовое кру-

жево его либеральныхъ словъ просвѣчивали синія нити жандармской паутины. Такъ случилось и на этотъ разъ. Поливановъ незадолго передъ этимъ уѣхалъ изъ Саратова. Черезъ нѣсколько дней газеты принесли извѣстіе объ убійствѣ въ Петербургѣ шефа жандармовъ Мезенцева. По газетнымъ сообщеніямъ скрывшимся убійцей былъ молодой человѣкъ съ черненькими усиками. И вотъ Гусевъ, воспользовавшись случайной встрѣчей со мной, какъ-то незамѣтно свелъ разговоръ съ моимъ дядюшкой на Поливанова. „Прекрасный молодой человѣкъ, такой способный но... только—увлекающійся. Это наше великое горе, что гибнутъ именно лучшіе, способнѣйшіе молодые люди“ и т. д., и т. д. Это была прелюдія. А за ней послѣдовали очень тонкіе и осторожные подходы, смыслъ которыхъ тотчасъ же заставилъ меня насторожиться и съ любопытствомъ слѣдить за дальнѣйшими профессіональными пріемами нашего „красненькаго“ Крестнаго. А онъ дѣйствовалъ по всѣмъ правиламъ тогдашняго жандармскаго искусства. Голосъ его звучалъ такимъ теплымъ участіемъ къ Поливанову, и изъ любви „къ талантливому юношѣ“ онъ такъ искренно интересовался его судьбой и тѣмъ, гдѣ онъ теперь, и какъ онъ поживаетъ, — что мнѣ было ясно, какъ божій день: Гусевъ подозрѣваетъ, что Мезенцева убилъ Поливановъ. „Отечески любящій молодежь“, полковникъ, очевидно, разсчитывалъ выудить изъ меня какія-нибудь свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, дадутъ ему нить для дальнѣйшихъ заключеній; но мнѣ было тѣмъ легче увернуться отъ закинутой надо мной шелковой сѣти, что Поливановъ и на самомъ дѣлѣ не имѣлъ къ убійству Мезенцева ни малѣйшаго отношенія, и если Гусевъ подозрѣвалъ его въ этомъ, то такое подозрѣніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какой взглядъ установился на Поливанова въ саратовскомъ жандармскомъ управленіи уже въ то время.

Жандармы упредили событія. Въ дѣйствительности въ 78 году помыслы Поливанова были умстремлены не къ террору, а все еще къ пропагандѣ, и прежде всего—къ пропагандѣ среди крестьянъ. Со времени своихъ сборовъ въ Астрахань онъ все искалъ случая окунуться въ народное море и собственными руками пощупать загадочнаго „мужика“, который, какъ слонъ въ восточной баснѣ, по словамъ однихъ знатоковъ, трогавшихъ ноги, похожъ на бревно, а по словамъ другихъ, державшихъ въ рукахъ хвостъ, похожъ на змѣю. Возможность для Поливанова побывать въ деревнѣ не бариномъ, а какъ-нибудь попроще, лѣтомъ, наконецъ, представилась. Была близка къ кружку одна учительница, которая однажды пріѣхала изъ села и сообщила радикаламъ, что ею нѣсколько подготовлена почва для пропаганды, но т. к. она сама недостаточно опытна, то не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ пропагандистовъ отправиться къ ней на побывку? Она,

въ ожиданіи того, что отъ этого приглашенія не откажутся, заранѣе предупредила крестьянъ, что у нея есть въ городѣ братъ, мастеровой, которому доктора велѣли отдохнуть въ деревнѣ, и что онъ, быть можетъ, пріѣдетъ къ ней погостить. Понятно: предложеніемъ воспользовались. Возникъ вопросъ: кому пойти?—и Поливановъ настоялъ на томъ, чтобы отправили именно его.

Сборы происходили на квартирѣ Поморцева. Приготовили мы тамъ заранѣе костюмъ: поддевку, картузъ, высокіе сапоги, неизбѣжную котомочку и все необходимое, включая и брошюрки. Поливановъ непремѣнно хотѣлъ дойти до Песчанки (Аткарскаго уѣзда) пѣшкомъ, чтобы лучше присмотрѣться къ окружающему и при случаѣ пропагандировать и распространять книжки уже на дорогѣ. Возможность осуществить, наконецъ, давно лелеянную мечту и нѣкоторый рискъ предпріятія взвинтили его, и онъ былъ веселъ какъ прапорщикъ, въ первый разъ по праву надѣвшій на свои плечи офицерскій мундиръ. Стараясь скрыть всю полноту своихъ чувствъ, онъ дурачился и острилъ надъ собой и надъ своимъ видомъ въ непривычномъ для него нарядѣ: примѣривая картузъ и поддевку, принималъ таинственный видъ оперетачнаго заговорщика, оглядывался по сторонамъ и съ многозначительной миной, какъ бы поучая насъ конспиративной мудрости, торжественнымъ полушепотомъ декламировалъ:

Quand on conspire, il faut avoir,
Une perruque blanche et collet noir...

Потомъ вдругъ, утрируя, начиналъ изображать, какъ онъ станетъ говорить съ мужиками „шибко—дюже по народному“: „таперича... ужъ оно вѣстимо дѣло... коли ежели попервоначалу...“ и т. п. Его настроеніе заразило и насъ, и Поморцевъ, обладавшій способностью импровизаціи, въ грубоватыхъ виршахъ предрекалъ исходъ путешествія и, кивая мнѣ на „Петролея“, рифмачилъ:

Пробирался онъ бочкомъ,
Во поддевочкѣ...
А вернется—бычкомъ
На веревочкѣ... и т. п.

Было бы очень плоско видѣть въ этомъ благерствѣ легкомысліе и недостатокъ серьезнаго отношенія къ дѣлу, имѣющему идейное значеніе. Это значеніе и Поливановымъ, и его друзьями не только сознавалось, но и чувствовалось прекрасно, но таковъ былъ кружковый обычай, что именно чѣмъ глубже чувство, тѣмъ меньше человѣкъ долженъ былъ его обнаруживать. Быть можетъ, въ противовѣсъ широкой коммунальности средствъ, идей, текучихъ настроеній, каждый

ревниво оберегалъ глубину своего сердца, и считалось положительно неприличнымъ распахиваться передъ другими, какъ итальянецъ въ своемъ жилищѣ, въ которомъ видно все, какъ на ладони, любому уличному прохожему.

Съ полной увѣренностью можно догадываться, что едва Поливановъ остался одинъ и выбрался послѣ часовой ходьбы изъ невзрачныхъ, сѣренькихъ улицъ городской окраины въ чистое поле, какъ его сполна охватило то настроеніе, которое онъ умышленно подавлялъ въ себѣ до тѣхъ поръ, чтобы не показаться друзьямъ напыщеннымъ и позирующимъ въ своей роли „апостола". Какія чувства онъ при этомъ испытывалъ и какое впечатлѣніе вынесъ отъ этого, единственнаго въ его жизни случая „хожденія въ народъ", мы теперь можемъ узнать изъ его беллетристическаго очерка „Кончился", написаннаго много лѣтъ спустя, уже въ крѣпости, и имѣющаго, лишь съ очень мелкими отклоненіями отъ дѣйствительности, почти всецѣло автобіографическій характеръ. Герой этого разсказа, умирая въ безнадежномъ одиночномъ заключеніи, отдается воспоминаніямъ прошлаго, и прежде всего передъ нимъ встаютъ такія картинки:

„... Это было давно, много уже лѣтъ тому назадъ, но какъ ярко, какъ живо встаетъ передъ нимъ этотъ памятный день: точно вчера все это было.

„Онъ видитъ себя среди приволжской степи въ чудный, ясный и жаркій лѣтній день. На небѣ ни тучки. Солнце поднялось уже высоко, и его жгучіе лучи давно пропекаютъ плечи одинокаго путника сквозь легкую казинетовую поддевку, но онъ только теперь, когда отмѣрилъ уже верстъ 15, почувствовалъ жажду и усталость. Онъ остановился, снялъ картузъ, вытеръ вспотѣвшій лобъ и осмотрѣлся.

„Кругомъ—ровная, гладкая, какъ скатерть, степь, покрытая ковылемъ, и его пушистые султаны серебрятся, купаясь въ потокахъ солнечнаго свѣта, заливающихъ степь. Время отъ времени по ней проносится богъ вѣсть откуда взявшійся легкій, едва ощутительный вѣтерокъ, и тогда по этому серебристому морю пробѣгаетъ дрожь и султаны ковыля, наклоняясь другъ къ другу, точно шепчутъ на ухо какую-то важную, таинственную вѣсть; она бѣжитъ все дальше и дальше до самаго горизонта, вмѣстѣ съ милліонами сверкающихъ искръ, которыя вспыхиваютъ по мѣрѣ движенія волнъ, пробѣгающихъ по поверхности травъ. Налѣво отъ дороги виднѣется лощина, надъ которой вьется пара чибисовъ съ рѣзкимъ, звучнымъ крикомъ кувыркаясь въ воздухѣ и каждый разъ сверкая при этомъ на солнцѣ своимъ бѣлоснѣжнымъ брюшкомъ. По этой лощинѣ прихотливо извивается степная рѣчка, то суживаясь въ еле замѣтный ручеекъ, то расширяясь въ небольшія, продолговатыя озерца,

что придаетъ ей, сверкающей подъ лучами солнца, видъ ожерелья, брошеннаго среди изумрудной травы.

„Онъ подошелъ тогда къ этой рѣчкѣ, снялъ съ плечъ котомку, опустилъ ее на траву и, раздвинувъ тальникъ, которымъ густо заросли берега рѣчки, зачерпнулъ картузомъ воды. Боже, какой вкусной показалась ему тогда эта мутная, тепловатая вода. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ глоткомъ въ него вливается новый запасъ энергіи и бодрости. Напившись, онъ повѣсилъ картузъ для просушки на вѣтку тальника, опустился на траву около своей котомки и задумался.

„Да и было надъ чѣмъ... Вѣдь-то были его первые шаги на поприщѣ революціонной дѣятельности, это были первые дни „хожденія въ народъ".

„... Его первый опытъ произошелъ при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Село, въ которомъ онъ началъ свою дѣятельность, послѣ голодовки, вызванной неурожаемъ прошлаго года, вынесло незадолго передъ его пріѣздомъ нашествіе станового, выбивавшаго недоимку, продававшаго послѣднюю скотинку. Бунтовскія рѣчи вызывали полное сочувствіе въ людяхъ и безъ того озлобленныхъ, чтеніе книжекъ слушалось съ жаднымъ вниманіемъ, и, когда начиналась бесѣда, онъ не разъ думалъ: да ужъ не излишни ли всѣ эти книжки, всѣ эти разговоры при такомъ революціонномъ настроеніи народа. Онъ слышалъ рѣчи, полныя негодованія, въ которыхъ доставалось не только помѣщику, попу, становому..."

„Да, это были счастливыя минуты, способныя вызвать увлеченіе и подъемъ духа, энергіи, вѣры въ свое дѣло даже у болѣе знакомаго съ жизнью, пожилого и трезваго человѣка,—онъ же былъ чуть не мальчикъ, наивный и увлекающійся, глубоко вѣрившій въ силу книги, силу слова и мало считавшійся съ реальными условіями жизни. Все казалось тогда такъ ясно, такъ просто, вѣра въ непреодолимую силу истины была тогда такъ велика, что казалось,—и казалось не ему одному, желторотому юнцу,—будто стоитъ лишь сказать людямъ это слово истины, и они повѣрятъ ему такъ же страстно, такъ же глубоко, какъ вѣритъ самъ пропагандистъ, и будутъ также энергично распространять его. 2—3 года пропаганды—и тогда остается только развернуть красное знамя. Да, именно, только развернуть. Одного его вида достаточно будетъ, чтобы старый порядокъ вещей, съ его насиліемъ и ложью, рухнулъ, разсѣялся, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, при первомъ дуновеніи вѣтерка.

„Накануне его ухода, вечеромъ, въ избу, гдѣ онъ остановился, пришло нѣсколько человѣкъ, чтобы проститься съ нимъ и въ послѣдній разъ послушать „о правдѣ", какъ

выражался одинъ изъ нихъ. Какъ врѣзался въ его память упорный и мрачный взглядъ парня съ красивымъ цыганскаго типа лицомъ, и та глубокая, накопившаяся годами ненависть, которая звучала въ его голосѣ, когда онъ воскликнулъ: „Ну, не долго имъ теперь надъ нами куражиться, кровь пить“. Съ какимъ радушіемъ просили его побывать еще, прислать къ нимъ, коли самому не удосужится, когонибудь изъ товарищей,—книжекъ новыхъ, да побольше... Какъ тронула его въ этотъ день, утромъ, заботливость старухи, матери хозяина, которая напекла ему ржаныхъ лепешекъ на дорогу, и онъ никакъ не могъ отъ нихъ отказаться,—„бери, бери, касатикъ, ты—человѣкъ дорожный“. Славные, добрые люди. Эти первыя впечатлѣнія еще болѣе укрѣпили въ немъ фантастическую вѣру въ народъ, который воображеніе юношей надѣляло всѣми возможными и невозможными добродѣтелями. Понятно, думалъ онъ, что буржуазія, привилегированные, правящіе классы не могутъ вмѣстить новаго ученія; но народъ, съ его общиннымъ духомъ, съ его выработанными десятками поколѣній устоями, на которые такъ легко возвести зданіе новаго соціальнаго строя,—народъ будетъ чутокъ и отзывчивъ къ нашей пропагандѣ. Безумно счастливъ былъ онъ въ ту минуту, когда чувствовалъ всѣмъ сердцемъ приближеніе величайшаго момента исторіи, съ котораго начнется новая эра—эра всеобщаго братства, счастья, мира...

...И въ тотъ памятный день, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего перваго опыта пропаганды, онъ почувствовалъ сознаніе исполненнаго долга. И счастье, безумное счастье, передъ которымъ ничто все то, что люди обыкновенно называютъ этимъ словомъ, охватило его Да, величайшее счастье—это служеніе великой идеѣ.—И ему вдругъ стало невыразимо жалко тѣхъ слѣпцовъ, которые не видятъ, не понимаютъ этого... И съ глазами, полными радостныхъ, восторженныхъ слезъ, онъ смотрѣлъ тогда на уходящее въ безконечную даль море серебристаго ковыля“...

Деревенскія впечатлѣнія освѣжили Поливанова, и черезъ нѣсколько недѣль онъ вернулся къ намъ радостный, бодрый и преисполненный всякихъ бунтовскихъ замысловъ. Однако, раньше, чѣмъ приниматься за что-нибудь широкое, надо было справиться съ маленькой насущной задачей. Наши товарищи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ по дѣлу Гераклитова, со дня на день ждали приговора, а частнымъ образомъ уже было извѣстно, что семерымъ изъ нихъ не миновать ссылки. Съ отправкою законченнаго дознанія въ Петербургъ, на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и шефа жандармовъ (такая процедура тогда требовалась для административной высылки), положеніе заключенныхъ улучшилось: ихъ перевели изъ одиночекъ въ двѣ общихъ камеры—на три и

на четыре человѣка, и обѣ группы по очереди переводились на нѣкоторое время въ тюремную больницу, на больничное положеніе. Возможны стали свиданія. Выяснились ихъ нужды, и надо было озаботиться снаряженіемъ людей въ путь-дорогу, куда-нибудь въ тѣ края, откуда одинъ изъ высылаемыхъ, слесарь Нагель, большой шутникъ, обѣщалъ прислать намъ въ презентъ „маринованную эскимоску". Стали производить въ городѣ сборы: деньгами, платьемъ, книгами. Жандармы объ этомъ, конечно, узнали, и тутъ произошелъ одинъ эпизодъ, едва ли возможный въ теперешнее время: жандармскій майоръ, Латухинъ, получившій густые эполеты именно за дѣло Гераклитова, встрѣтился въ одномъ обществѣ съ молодымъ человѣкомъ изъ радикальнаго міра и завелъ съ нимъ разговоръ „по душѣ": онъ знаетъ, что собираются деньги въ пользу ссыльныхъ... Что же,—пусть... Онъ, майоръ, исполнилъ долгъ службы, но, „какъ человѣкъ", онъ не желаетъ молодымъ людямъ никакого зла; онъ даже проситъ не отказать и ему помочь, чѣмъ можетъ, и принять отъ него „маленькую лепту",—и великодушный майоръ извлекъ изъ кармана двадцатипятирублевку и былъ удивленъ и не мало обиженъ, когда молодой человѣкъ, хотя и вѣжливо, но весьма рѣшительно отказался отъ такого даянія... Сидящимъ въ тюрьмѣ передачи производились офиціально, черезъ тюремную контору, но съ тѣми, которые, дождавшись своей очереди, пользовались льготами больничнаго положенія, дѣло устраивалось проще. Тюремная больница въ то время находилась не при тюрьмѣ, а далеко отъ нея, на Митрофаньевской площади. Высокой деревянной стѣной там было отдѣлено отъ сосѣднихъ владѣній обширное мѣсто, внутри котораго находилось нѣсколько деревянныхъ построекъ разной величины; въ одномъ домикѣ, поближе къ площади, была квартира доктора, въ другихъ помѣщались больные и стража; въ отдѣльной постройкѣ, въ которой было всего двѣ камеры, содержались наши и одинъ очень красивый господинъ, интеллигентный и вполнѣ приличный, осужденный въ уголовномъ порядкѣ по дѣлу романическаго характера, закончившемуся кровавой катастрофой; никакой грязной подкладки дѣло не имѣло; наоборотъ, по всему, что выяснилось на процессѣ, личность убійцы внушала къ себѣ симпатію; присяжные оказали ему очень большое снисхожденіе, а наши относились къ нему съ участіемъ, на которое тотъ отвѣчалъ вполнѣ корректнымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ нимъ. Пользуясь всѣмъ этимъ, мы и попробовали разъ проникнуть безъ всякаго разрѣшенія прямо къ своимъ, въ ихъ помѣщеніе. Ключнику при входной калиткѣ мы сказали, что идемъ къ доктору, и такимъ образомъ проникли во дворъ, а тамъ, при помощи нѣкоторыхъ хитростей и подачекъ кому слѣдуетъ, неожиданно для заключенныхъ товарищей, очутились

среди нихъ. „Какъ!.. Что такое? уже къ намъ?...“—„Не безпокойтесь, къ вамъ-то къ вамъ, но безъ всякаго содѣйствія „Крестнаго“... Послѣ первой удачи послѣдовалъ и второй и третій визитъ, и въ теченіе нѣкотораго времени прогулки въ тюрьму служили для насъ пикантнымъ развлеченіемъ, а для заключенныхъ такія, немножко рискованныя свиданія „явочнымъ порядкомъ“ съ товарищами съ воли, конечно, являлись праздникомъ. Съ собой мы, обнаглѣвъ, захватывали цѣлыя корзинки не только съ фруктами, но и съ нелегальщиной и въ арестантской камерѣ располагались почти какъ дома. Стражъ помѣщенія сторожилъ, чтобы насъ не застигъ обходъ или какой-нибудь непреклонной души „фараонъ“ изъ другихъ надзирателей; онъ же приносилъ въ камеру самоваръ; мы раскладывали на столѣ „дары Колхиды“—виноградъ и т. п. и „дары Петрограда“—листки и брошюрки, и бесѣдовали съ такимъ увлеченіемъ, какое рѣдко случалось испытывать „на волѣ“.

При такихъ условіяхъ устроить кому-нибудь изъ заключенныхъ побѣгъ было бы, вѣроятно, не особенно трудно, и Поливановъ никакъ не могъ примириться съ мыслью о томъ, что ихъ все-таки вырвутъ отъ насъ, ушлютъ въ хмурую даль, вышвырнутъ въ какой нибудь тундрѣ, и наступитъ для нихъ мракъ очень мало извѣстнаго тогда на міру ссыльнаго существованія, тогда какъ мы будемъ жить себѣ да поживать на вольной волѣ. Особенно возмущало его отпустить въ ссылку, не сдѣлавъ никакой попытки освобожденія, Бобохова, котораго онъ, быть можетъ, по полной противоположности ихъ натуръ, не только любилъ, но и ставилъ необыкновенно высоко какъ человѣка и какъ революціонера. Въ этой оцѣнкѣ личности Бобохова, впрочемъ, не было разногласій и среди его позднѣйшихъ товарищей по карійской каторгѣ. Несмотря на свои 20 лѣтъ, Бобоховъ былъ всегда сдержанъ, почти всегда серьезенъ и погруженъ въ свои думы. Въ Поливановѣ била ключемъ его горячая, полувосточная кровь; онъ былъ ярокъ и замѣтенъ въ любой толпѣ. Блондинъ Бобоховъ по внѣшности не выдѣлялся ничѣмъ, кромѣ своихъ удивительныхъ кудрей; онъ часто молчалъ, когда кругомъ все кипѣло, но, вступивъ въ споръ, этотъ сосредоточенный мечтатель не любилъ обрывать рѣчь или отклоняться къ другой темѣ, пока не разовьетъ свою мысль до конца, съ прямолинейностью математика и съ неустрашимостью чистокровнаго „идеолога“, для котораго, какимъ бы матеріалистомъ онъ себя ни считалъ, въ глубинѣ души реальный міръ всегда представлялся лишь отраженіемъ той или иной „саморазвивающейся идеи“. Этотъ юноша съ пытливымъ умомъ натуралиста и съ чистой душой какой-то Катарины Сіенской, облачившійся въ красную рубаху русскаго „нигилиста“, въ глазахъ Поливанова былъ чистѣйшимъ

образцомъ „соціалиста“ и притомъ — образцомъ недосягаемымъ, т. к. самъ Поливановъ по своей натурѣ былъ и сознавалъ себя только воиномъ, а никакъ не монахомъ революціи. Спасти этого человѣка для „дѣла“, — такая мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ Поливанова, и онъ всячески убѣждалъ Бобохова согласиться съ нашимъ планомъ освобожденія, причемъ бѣжать должны были двое: Бобоховъ и Петръ Ширяевъ. Однако, никакія убѣжденія не поколебали Бобохова въ его рѣшимости бѣжать уже съ мѣста ссылки, а не раньше. „Тамъ я никого не подведу. Изъ-за меня никто не погибнетъ. А тутъ, какъ вы ни разсчитывайте, а впередъ всего не предугадаешь, – рискъ для освобождающихъ всетаки великъ. Рѣшительно не хочу, и не допущу никакихъ попытокъ“,—на этомъ онъ сталъ какъ на якорѣ, а сорвать его съ якоря, уже разъ онъ успѣлъ на немъ укрѣпиться, какъ мы знали, было невозможно. И пришлось отступиться. День насталъ, и товарищей увезли [1]), а пробудившаяся однажды освободительная энергія въ Поливановѣ не заглохла и вскорѣ же нашла, было, для себя другое примѣненіе.

Къ кружку народниковъ принадлежала пріѣзжая курсистка Александра Андреевна Богомазъ. Она была арестована, и ей предстояла ссылка. Почему-то въ продолженіе нѣкотораго періода ее держали при одной изъ саратовскихъ частей, временно помѣщавшейся не въ казенномъ домѣ, а въ наемномъ, на углу двухъ улицъ: Константиновской и Провіантской; рѣшетокъ въ окнахъ тамъ не было; и на этомъ Поливановъ построилъ цѣлый планъ освобожденія: двое рабочихъ, поздней ночной порой проходя мимо части, изобразятъ пьяныхъ и заведутъ ссору; этимъ они отвлекутъ вниманіе стража, обыкновенно дремавшаго у входа въ участокъ; пользуясь этимъ, двое освободителей наиболѣе ловкихъ и физически сильныхъ подступятъ съ другой улицы, на которую выходила комната Богомазъ, быстро высадятъ оконное стекло, одинъ изъ нихъ вскочитъ внутрь и спуститъ барышню товарищу, который подхватитъ ее снизу, а Поливановъ, одѣтый по-кучерски, приметъ ее на заранѣе приготовленную телѣжку и умчитъ въ надежный пріютъ... Начались подготовленія. Нашелся пріютъ; нашлась лошадь и экипажъ; нашлись и участники предпріятія, которое мы шутя называли: глава изъ рыцарскаго романа „Спасеніе Прекрасной Мелизинды“. Для развѣдокъ и разнаго рода услугъ хозяйственнаго характера намъ служилъ при этой затѣѣ одинъ

[1]) Изъ этихъ семерыхъ одинъ—Нагель—умеръ въ ссылкѣ, двое—Благовѣщенскій и Щербина—вскорѣ же бѣжали; а Бобоховъ и Ширяевъ при попыткѣ бѣжать были взяты, причемъ Б. сдѣлалъ демонстративный выстрѣлъ; его судили, приговорили къ смерти, уже построили для него висѣлицу, но черезъ двѣ недѣли послѣ суда замѣнили смерть двадцатилѣтней каторгой. Ширяева сослали въ Якутскую область.

обыватель,—сѣренькій человѣчекъ среднихъ лѣтъ изъ міра мелкихъ служащихъ; онъ былъ гордъ своей ролью необычайно; сообщеніе о томъ, что хомутъ и возжи по осмотру оказываются доброкачественны, онъ передавалъ не иначе, какъ шепотомъ, и, отправляясь покупать какой-нибудь кнутъ, на прощанье пожималъ руку такъ крѣпко и многозначительно, точно хотѣлъ сказать: „Что бы тамъ ни было,—но я вернусь съ кнутомъ или на кнутѣ“. Этотъ „заговорщикъ“ вносилъ въ дѣло элементъ комизма, но Поливановъ относился къ своему замыслу вполнѣ серьезно и торопилъ со сборами. Хотя предполагалось, что дѣло обойдется безъ борьбы и успѣхъ будетъ обезпеченъ „быстротой и натискомъ“, но на случай осложненій рѣшено было всѣмъ вооружиться. Наканунѣ послѣдней ночи, когда „Прекрасную Мелизинду“ предполагалось похитить, назначенъ былъ осмотръ оружія и, такъ сказать, генеральная репетиція или послѣдняя считка этой героической драмы нашего собственнаго (хотя и весьма подражательнаго) сочиненія. Въ назначенный часъ собрались всѣ; на столѣ сложили оружіе: револьверы и кинжалы. Осмотрѣли ихъ; ничего—годятся... Серьезный моментъ приближался, и это отразилось на общемъ настроеніи. Шутокъ уже не было. Смотришь на этакій револьверчикъ: маленькій онъ, новенькій. Лежитъ себѣ тутъ, рядомъ съ чернильницей,—хорошимъ былъ бы прессъ-папье,—а завтра?... Не давая себѣ воли предаваться элегическимъ размышленіямъ, всѣ переговаривались только о практическихъ деталяхъ завтрашняго дѣла, когда отворилась дверь и на порогѣ появился нашъ уморительный „заговорщикъ“, озабоченный и таинственный болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Сейчасъ онъ былъ на развѣдкѣ: осматривалъ улицу и даже подъ какимъ-то предлогомъ проникъ въ часть... Событіе чрезвычайное!—въ части какое-то невиданное скопленіе полицейскихъ; уличный караулъ усиленъ; горятъ огни тамъ, гдѣ ихъ раньше никогда не бывало... Готовятся ли итти куда-нибудь съ обыскомъ? или ужъ не ждутъ ли нападенія?... Отправились мы съ Поливановымъ провѣрить эти наблюденія, оказалось: правда; народа что-то много и караулъ усиленъ. Чѣмъ это было вызвано, я и теперь не знаю, но произошла заминка, а тамъ и отъ самой „Мелизинды“ получилось письмо съ убѣдительной просьбой отказаться отъ затѣи, т. к. она не ожидаетъ чего-нибудь больше двухъ-трехъ лѣтъ административной ссылки [1]).

Дѣло кончилось ничѣмъ и въ заключеніе къ этому эпизоду остается развѣ добавить, что никакой особенной близости или исключительныхъ симпатій къ Богомазъ у

[1]) А. А. Богомазъ была выслана на сѣверъ и тамъ года черезъ два, какъ я слышалъ, умерла.

Поливанова не было, и принялся онъ съ жаромъ за подготовку ея побѣга только потому, что, если не Бобохова, то ее, или хоть кого-нибудь, его такъ и подмывало вырвать изъ пасти Минотавра послѣ того, какъ на нашихъ глазахъ было только-что проглочено семеро товарищей.

... Въ Саратовъ пріѣзжали и уѣзжали оттуда дальше землевольцы и народники; ихъ рѣчи звучали все тверже и тверже. Изъ Петербурга доходили вѣсти, что тамъ лавристовъ собственно уже не остается,—есть платоническіе соціалисты этого толка, но вся сила революціи уже не въ нихъ и не въ ихъ противникахъ—бунтаряхъ; пожалуй, даже и не въ чистыхъ народникахъ. Что-то зрѣетъ въ тамошнихъ кружкахъ. Движеніе несомнѣнно растетъ. Даже либеральное общество, недовольное исходомъ войны, какъ-то встряхнулось и теперь отъ какихъ-нибудь адвокатовъ или земцевъ приходится слышать подчасъ такія рѣчи, которыхъ раньше и въ поминѣ не было... Дѣло явно идетъ къ развязкѣ...

Какіе-то неуловимые электрическіе токи пронизывали тогдашнюю атмосферу и поднимали нервы. Поливанову стало душно въ провинціи. Его потянуло въ Петербургъ, къ самой колыбели того нарождавшагося, что заставляло такъ чутко прислушиваться ко всякимъ слухамъ изъ центра въ неопредѣленномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ блеснутъ какія-то молніи и откуда-то загремитъ первый громъ начинающейся революціи...

Чтобы имѣть предлогъ жить въ столицѣ, онъ рѣшилъ, по примѣру Е. Дубровина и Шиловцева, зачислиться студентомъ Медико-Хирургической Академіи, и осенью саратовцы проводили своего „Петролея"; какъ оказалось—надолго.

Въ Петербургѣ въ близкой къ революціоннымъ сферамъ студенческой средѣ напряженность момента ощущалась, конечно, еще острѣе, чѣмъ въ провинціи. Къ тому же правительство, испытывая смутную тревогу передъ непонятнымъ для него ростомъ въ странѣ оппозиціоннаго духа, съ завязанными глазами нащупывало свою ладью: гдѣ же тутъ течетъ?—и, по обыкновенію, приходило къ успокоительному для себя заключенію, что течетъ не со дна, а изъ самой верхней щелки,—неладно въ университетахъ: „агитаторы" подбиваютъ незрѣлую молодежь, та, безчинствуя, пошатываетъ борта, и отсюда вся течь; вотъ на эту самую щелку еще немножечко конопати,—и ладья обсохнетъ, и будетъ опять и спокойно и безопасно. По пословицѣ „одна у волка пѣсня",—превосходительные умы, погрузившись въ вопросъ, нашли рѣшеніе:—подтянуть!—и начали усиленно конопатить самую верхнюю щелку. На Медико-Хирургическую Академію обратили особенное вниманіе,—очагъ крамолы!—и потому съ самаго начала семестра стали акаде-

мистовъ подтягивать. Это еще болѣе повысило температуру; пошли сходки, волненія, исканіе наиболѣе дѣйствительныхъ формъ протеста. Понятно, что гдѣ происходила самая бурная сходка, гдѣ звучали рѣчи самыя боевыя и подмывающія, тамъ и Поливановъ былъ всегда тутъ какъ тутъ. Въ студенчествѣ онъ быстро выдѣлился. Избрали его библіотекаремъ студенческой библіотеки, и онъ тотчасъ же внесъ въ библіотечное дѣло новшества: раньше нелегальщину тамъ продавали и распространяли въ большомъ количествѣ, но съ нѣкоторой опаской, онъ же прямо выложилъ большія стопки „Земли и Воли" и продавалъ ихъ (въ пользу организацій, конечно) совершенно открыто, какъ открыто, со всѣми точками надъ і, высказался и на сходкахъ, и на частныхъ квартирахъ. Въ результатѣ—вскорѣ этого подвижного брюнета знали чуть не всѣ студенты и положительно всѣ академическіе сыщики. Его легко было запомнить. По улицѣ онъ несся въ наскоро надѣтомъ пальтишкѣ, съ карманами, неизмѣнно оттопыренными отъ обилія ихъ нелегальнаго вложенія; въ любую квартиру появлялся стремительно и прямо съ порога начиналъ сыпать остротами, сразу поднимавшими настроеніе и вызывавшими дружный привѣтъ этому веселому, живому, интересному посѣтителю, всегда богатому самыми животрепещущими новостями политическаго и литературнаго характера. Существовало тогда въ Петербургѣ большое общежитіе студентовъ-саратовцевъ; тамъ и жило много народа, а еще больше всегда толклось и временно пребывало; общежитіе въ шутку именовалось „Коммуной", и эта „Коммуна" сыграла крупную роль въ тогдашнемъ студенческомъ движеніи. Поливановъ являлся однимъ изъ ея столповъ и вдохновителей. Тамъ именно назрѣвалъ и вырабатывался проектъ: выйти всей гурьбой на улицу и двинуться къ Аничкову дворцу для подачи петиціи наслѣднику о сохраненіи студенческихъ корпоративныхъ учрежденій. Смыслъ этого движенія предполагался не въ томъ, чтобы наверху были услышаны мольбы вѣрноподданнаго студенчества, а, конечно, въ томъ, чтобы уличнымъ движеніемъ и, быть можетъ, свалкой съ полиціей, привлечь вниманіе общества, и возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на студенческую массу другихъ заведеній, а пожалуй, при удачѣ, и другихъ городовъ.

Когда практическая цѣль агитаціи была ясна и близка, тогда энергія Поливанова поднималась до максимума, и онъ становился неутомимъ и незамѣнимъ, какъ агитаторъ. Тутъ онъ развернулся во всю и весь ушелъ въ подготовку движенія. Наканунѣ назначеннаго для выступленія дня состоялась вечеринка, на которой присутствовали въ числѣ гостей и нѣкоторые изъ вожаковъ молодежи. Въ ожиданіи событій всѣ были оживлены и возбуждены. Вечеринка шла пре-

красно... Но бдительное начальство, надѣясь предупредить этимъ подготовлявшуюся демонстрацію, тутъ какъ-разъ и нагрянуло [1]). Какъ водится въ такихъ случаяхъ, закинувъ свою сѣть, оно выловило не только Поливанова и кое-кого еще изъ интересной для него „красной“ рыбы, но и самыхъ невинныхъ лягушатъ и головастиковъ студенческаго міра, посѣщавшихъ всякія вечеринки исключительно по мотивамъ пѣсни „проведемте, друзья, эту ночь веселѣй“ и проявлявшихъ свою революціонность только тѣмъ, что прибавляло къ этой пѣснѣ строфы:

Выпьемъ мы за того,
Кто „Впередъ“ издаетъ,
Кто, лишенный всего,
На чужбинѣ живетъ... и т. п. ...

Однако, и невиннѣйшимъ пискарикамъ и занозистымъ ершамъ пришлось итти въ одну уху: кого въ Пинегу, кого въ Мезень... Поливанову въ поддерживаемой попеченіемъ начальства безпроигрышной лоттереѣ, именуемой административной ссылкой, выпалъ билетъ—Кадниковъ...

И вотъ и ему, какъ тысячамъ до того и несчетнымъ тысячамъ послѣ него, пришлось испытать это чувство, періодически постигающее мечтательныхъ россіянъ уже полстолѣтіе: опера не окончилась. Все обрывается для упоеннаго музыкой слушателя вдругъ. Тамъ, въ театрѣ, оркестръ еще гремитъ въ самомъ мажорномъ тонѣ; тамъ могучій Марсель и пламенный Рауль еще потрясаютъ сердца и вызываютъ восторгъ; душа еще полна героическимъ призывомъ: „Кто любитъ славу, любитъ бой,—всѣ за мной. Я поведу васъ стезей кровавой. Покрою мечь вашъ дивной славой“...

... А тутъ гдѣ-то вдали однообразно трещитъ въ свою трещетку ночной сторожъ. Темно. Скользко. Не то дождь, не то снѣгъ холодитъ лицо и залѣпляетъ глаза... Изъ міра яркихъ образовъ и захватывающихъ драмъ многомятежной исторіи, изъ міра красивыхъ звуковъ, красивыхъ чувствъ, красиваго существованія, изволь-ка вмигъ перенестись подхваченный, какъ Людмила Черноморомъ, какимъ-то внезапнымъ вихремъ въ мрачную и холодную пещеру Полифема, изъ которой всѣ выходы завалены камнями.

... Кадниковъ не Петербургъ. Темно. Тихо. Даже сторожъ не трещитъ въ свою трещетку. Спитъ, вахлакъ, гдѣ-нибудь на лавочкѣ. Собаки, и тѣ всѣ спятъ. О ночи и говорить нечего, но выходи хоть утромъ: снѣжокъ на улицѣ чистый-пречистый; никто по нему не прошелъ, не проѣхалъ...

Пришлось Поливанову въ 12 часовъ дня протаптывать

[1]) На слѣдующій день демонстрація тѣмъ не менѣе состоялась; она закончилась избіеніемъ студентовъ нагайками, что подѣйствовало возбуждающе на молодежь не въ одномъ Петербургѣ.

первый слѣдъ по этимъ безмятежнымъ улицамъ, вмѣсто концовъ съ Васильевскаго острова къ Лѣсному, и оттуда къ технологамъ, переходить къ товарищу со своей улицы въ ближайшій переулокъ, а оттуда къ другому товарищу—насупротивъ... По тому же крохотному масштабу пришлось перекраивать и свои интересы: помирился ли исправникъ съ отцомъ-протопопомъ?—Если помирились, то настанетъ въ полицейскомъ мірѣ радость и веселіе, пойдетъ сплошная гулянка, и тогда, пожалуй, можно будетъ раннимъ утромъ выйти съ ружьишкомъ въ сосѣдній лѣсокъ на охоту безъ опасеній, что тебя за это схватятъ, посадятъ въ тюрьму и начнутъ дѣло о побѣгѣ; а если расколовшая весь Кадниковъ ссора все еще тянется, то, значитъ, исправникъ изъ опасенія ехидныхъ протопоповскихъ доносовъ держитъ ухо остро, и тутъ ужъ въ лѣсокъ не сунешься,—какъ разъ самъ, вмѣсто зайца, попадешь въ полицейскій капканъ... Вотъ „иностранная политика" невольныхъ обитателей Кадниковыхъ и Мезеней... А ихъ „внутренняя политика"?—Товарищъ Ивановъ завелъ знакомство съ мѣстнымъ докторомъ; самъ по себѣ этотъ докторъ ничего—человѣкъ; но у него бываетъ въ гостяхъ протопопъ,—тотъ самый, по доносамъ котораго товарищъ Петровъ былъ высланъ въ Вельскъ... Прилично ли соціалисту бывать въ одномъ домѣ и даже играть въ проферансъ,—съ доносчикомъ?... Сходка. Бурные споры: за Иванова, противъ Иванова... „Политическій ссыльный долженъ высоко держать знамя идеи. Онъ долженъ являться въ глазахъ обывателей представителемъ высшей правды. Не только съ доносчикомъ, но и съ кѣмъ бы то ни было играть въ преферансъ соціалисту недопустимо. Это пошлость! Это значитъ—опускаться до уровня обывателей. Колонія должна единогласно выразить Иванову порицаніе".—„Позвольте! Какимъ же образомъ вліять на обывательскій міръ, если съ нимъ не сближаться? Чтобы поднять этихъ людей, надо поневолѣ къ нимъ нѣсколько нагнуться. Кое съ чѣмъ тутъ приходится на время примириться. Преферансъ..."—„А! примиреніе! компромиссъ! Только-что попалъ человѣкъ въ ссылку, и уже „примиреніе"... Вотъ „внутренняя политика". На ея вопросахъ люди ссорятся, объявляютъ другъ другу „неговореніе", дѣлятся на партіи... Тоска.

Засасывающая тина этихъ крохотныхъ интересиковъ, конечно, не могла поглотить Поливанова сполна. Иначе, проживъ годъ-другой въ такой атмосферѣ, онъ вернулся бы измельчавшимъ, пришибленнымъ, утратившимъ всякую способность отличать міровое отъ кружкового, — что съ иными и бываетъ. По живости своей натуры онъ, однако, не могъ, да, пожалуй, и не считалъ себя въ правѣ держаться въ сторонѣ отъ кружковой жизни своей колоніи; во всѣхъ

столкновеніяхъ съ мѣстной администраціей онъ принималъ самое горячее участіе и благодаря этому за время своей ссылки былъ еще два раза высылаемъ: изъ Кадникова въ Вельскъ, оттуда—въ Никольскъ (или, можетъ быть,—въ Никольскъ, и оттуда въ Вельскъ, не скажу навѣрно). Кромѣ того, онъ поддерживалъ обширную переписку съ товарищами, попавшими въ другія мѣстности. Въ то время ссылка въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ составляла одинъ цѣльный пластъ: почти сплошь студенчество съ общими идеями, настроеніями и непремѣнно хоть съ какими-нибудь общими знакомыми на волѣ. Положеніе для большинства было ново, и новички спѣшили установить другъ съ другомъ связь и подѣлиться впечатлѣніями своего новаго бытія. Все это, однако, поглощало лишь малую часть времени и энергіи. Главнымъ спасеніемъ отъ одуряющаго бездѣлья и безсодержательности ссыльной жизни тогда и позже, на сѣверѣ, какъ и въ Сибири, для вырваннаго изъ реальной жизни человѣка являлась книга,—и Поливановъ съ упоеніемъ отдался чтенію; а я уже говорилъ, какъ онъ умѣлъ читать даже на волѣ: погружаясь въ міръ идей съ такой же страстностью, съ какой въ Петербургѣ рвался на улицу.

Этотъ же періодъ полуторагодового пребыванія въ ссылкѣ ознаменовался для Поливанова событіемъ, важнымъ въ его личной жизни: въ одномъ изъ городишекъ Вологодской губерніи находилась, тоже въ ссылкѣ, дѣвушка, съ которой онъ сблизился и отъ которой впослѣдствіи имѣлъ сына. По разнымъ практическимъ соображеніямъ союзъ ихъ оставался негласнымъ, и, получивъ свободу, они жили въ разныхъ городахъ, но по временамъ Поливановъ посѣщалъ свою подругу, выѣзжая для этого на короткое время изъ Саратова... Черезъ двадцать два года послѣ своего осужденія, уцѣлѣвшій въ шлиссельбургской неволѣ, отецъ, вырвавшись на свободу изъ сибирской ссылки, встрѣтилъ своего сына уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ, похожимъ на отца и готовымъ итти съ нимъ рука объ руку въ битвахъ новаго времени...

Саратовецъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи введенія уставныхъ грамотъ.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

Къ журналу Хорольскаго мирового съѣзда 1-го апрѣля 1862 года приложено слѣдующее любопытное мнѣніе одного изъ посредниковъ:

„Въ журналахъ Хорольскаго мирового съѣзда, выѣзжавшаго для введенія уставной грамоты въ с. Багачку, изложены обстоятельства дѣла и тѣ пониманія крестьянъ, какія ставятъ ихъ противъ уставной грамоты. Если-бъ это было исключительнымъ явленіемъ въ Багачанскомъ сельскомъ обществѣ—обязанность исполнителя была бы только выполнить законъ; но члены мирового съѣзда, не отступая отъ истины, могутъ свидѣтельствовать, что тѣ же затрудненія сопровождаютъ во всѣхъ сельскихъ обществахъ переходъ и даже приготовленія къ уставнымъ грамотамъ. Чтобы противъ совѣсти и долга гражданства не скрывать причину общаго недовольства, члены мирового съѣзда вмѣстѣ съ исполнительностью должны высказать предъ правительствомъ со всею откровенностью и ту правду, которая молча лежитъ на душѣ большинства. Поэтому слѣдуетъ:

Исполняя законъ, уважая его, какъ начало и основаніе общественнаго блага, безотлагательно ввести въ Багачкѣ уставную грамоту въ ея сущности, то-есть уменьшеніи повинностей, соразмѣрно пользованію крестьянами землей; но во имя тѣхъ же закона и общественнаго блага не слѣдуетъ закрывать глаза предъ затрудненіями, соединенными съ выполненіемъ закона, а честно высказать ихъ, вникнувъ въ ихъ причины.

Противорѣчія, высказываемыя крестьянами относительно новаго для нихъ порядка, вездѣ однѣ и тѣ же; въ основаніи всѣхъ лежитъ одно начало: „мы хотимъ быть свободными—говорятъ они; намъ объявлялся въ церквахъ и самими же помѣщиками царскій манифестъ, по которому мы только два года должны оставаться на прежнемъ положеніи; мы волю царскую исполнимъ въ точности, а послѣ что Богъ дастъ. Но посудите сами, сказалъ разумнѣйшій изъ крестьянъ Багачки, говорившій отъ всѣхъ—якъ

бы то я пидлицовався [1]) на девять литъ и самъ себе закрипощалъ на урочну работу".—„Спасибо Богу,—прибавилъ другой,—что исправники да становые стали рѣже ѣздить; а съ урочной работой опять начнутъ звонить колокольчики становыхъ", потому что опять начнутся взысканія за работу. Когда члены мирового съѣзда объясняли, что эта работа будетъ гораздо легче настоящей, слѣдовательно, отъ работника будетъ вполнѣ зависить точно выполнять ее, крестьяне говорили: „Що то уже за воля, коли гонять на урокъ".

На объясненіе, что свобода не праздность и не произволъ, что всякій совершенно свободный человѣкъ все-таки платитъ за землю, которую нанимаетъ, отвѣтъ былъ прямой: „коли вже намъ придется наймать, то мы наймемъ якъ кому схочется: чи за гроши—за гроши; чи за копу; чи съ снопа станемъ у пана жать", и будетъ каждый работать по своимъ силамъ, не связываясь барщиннымъ урокомъ.

Напрасны были всѣ убѣжденія, что этотъ новый порядокъ есть та же воля царская, которую *они же сами хотятъ въ точности исполнять*; что это положеніе уже цѣлый годъ въ ихъ рукахъ и могли они, читая его, убѣдиться, что по истеченіи года обязательно уже для мирового посредника введеніе новаго порядка, хотя бы и владѣльцы не просили. Мысль крестьянъ та, что они *должны повиноваться только первому Царскому Манифесту*, *а положеніе написано не царемъ*; *а уроки выдуманы въ губерніи панами.*

Изъ 100 съ лишнимъ уставныхъ грамотъ, представленныхъ въ Хорольскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ только три подписаны крестьянами, какъ добровольная сдѣлка на оброкъ; подписавшіе ихъ и до грамоты были знакомы съ оброчнымъ положеніемъ, но и подача этихъ грамотъ сопровождалась большими затрудненіями. Всѣ остальныя безъ согласія, безъ подписи крестьянъ, которые ждутъ чего-то другого и думаютъ о другомъ.

Чего ждутъ и что будетъ на концѣ этихъ ожиданій, трудно отгадать; но, вникая въ смыслъ того, что ими высказывается, нельзя, не нарушая правды, сказать, что крестьяне въ чемъ-нибудь виновны; ихъ мысль и ихъ слова логичны и еще, во имя той же правды—ихъ надежда логично складывается въ простотѣ сердца, потому что слишкомъ было бы несправедливо требовать, чтобы простой и темный человѣкъ, освобождаясь изъ подъ рабства, больше вѣрилъ положенію для него стѣснительному и не доступному, по его безграмотности, нежели напередъ того заявленному въ церкви короткому слову, которое сказало ему свободу отъ имени царя. Развитіе крестьянина таково, что онъ совершенно теряется въ пониманіи большой

[1]) То-есть лицо свое добровольно отдалъ бы.

книги, во многомъ не понятной и для образованнаго человѣка, которому доступны издаваемые на нее комментаріи [1]).

Между тѣмъ работникъ видитъ, что работа его все-таки сохраняетъ крѣпостной характеръ, а землевладѣлецъ видитъ, что при всемъ желаніи вести работу на основаніи вольнаго труда онъ этого не можетъ. Рождаются недоумѣнія и сокрытыя надежды на будущее. Среди такого положенія дѣла полезнѣе было бы, хоть поздно, но взяться за просмотръ затрудненій настоящаго и ошибокъ прошлаго, чѣмъ вести доброе дѣло насиліемъ, которое оставитъ только недовольство во всѣхъ и каждомъ.

При этомъ не нужно забывать, что враги государственнаго порядка работаютъ усердно; что все, чѣмъ можно пользоваться среди невѣжественной массы, ловится на лету; что всякая частная сплетня, при расположеніи толпы вѣрить ей—получаетъ общій толкъ и общій характеръ. До насъ постоянно доходятъ слухи о разныхъ письмахъ и грамоткахъ; о какомъ-нибудь проѣзжемъ солдатѣ или купцѣ, который привезъ ту или другую новость. Противники государственнаго порядка, поклонники коммунизма подъ видомъ *общины* горячо ведутъ свою пропаганду; молчать ли намъ и не давать имъ отпора свободнымъ голосомъ гражданина? Болѣзненные толки коммунистовъ потеряли бы большую часть своей заманчивости предъ толпами людей несвободныхъ, если-бъ этимъ людямъ законъ далъ всѣ права лично свободныхъ; а теперь, при настроеніи необразованнаго народа къ ожиданіямъ, будто бы обѣщаннымъ ему, теперь эти толки все больше и больше развиваютъ въ немъ недовольство и раздраженіе. Конечно, правительство такъ сильно, что можетъ силой задавить всякую выходку, явно направленную противъ закона; но при размноженіи враговъ государственнаго порядка эти силы будутъ истощаться на поддержаніе его, въ ущербъ положительной государственной дѣятельности; до какихъ поръ станетъ ихъ? Нужно сознаться, что законъ, объявленный дѣйствующимъ годъ тому назадъ, не исполняется каждую минуту на практикѣ, и силъ нѣтъ у мировыхъ учрежденій слѣдить за исполненіемъ его на двойномъ основаніи и свободы, и обязательнаго труда. [2])

Мы крѣпко вѣримъ, что общественное и государственное благо требуетъ, чтобы зорко высматривать, куда идутъ стремленія общества; если

---

[1]) Напримѣръ: до сихъ поръ еще не установилось между помѣщиками однообразное пониманіе, что значитъ *коренной надѣлъ*; или напримѣръ, что значитъ *семейный участокъ* у насъ, когда вообще въ хозяйствахъ нашихъ работникъ получалъ ежегодно участокъ по мѣрѣ работъ своихъ въ трехъ поляхъ, которые такъ же мѣнялись по усмотрѣнію землевладѣльца! *Прим. автора.*

[2]) Это мнѣніе, высказанное въ засѣданіи 26 марта, оправдалось 1-го апрѣля: правительство въ лицѣ мирового съѣзда оказалось безсильнымъ и отступило предъ криками и угрозами толпы, отвергнувшей принятіе закона 19 февраля 1861 года. *Прим. автора.*

противъ закона и свободы—удалять ихъ; если за нихъ—пусть правительство спѣшитъ имъ навстрѣчу; Государство не боится свободы, потому что оно есть учрежденіе, основанное для охраненія свободы всѣхъ и каждаго. Мы положительно можемъ сказать, что у насъ эти стремленія идутъ къ законной личной свободѣ, и что правительство, удовлетворяя имъ, отстранитъ не только много общественныхъ колебаній, но и много насилій въ будущемъ.

Приложеніе закона къ высказанному—въ рукахъ правительства, которое для избѣжанія ошибокъ и повѣрки буквы съ фактомъ, имѣетъ больше средствъ, чѣмъ каждый изъ насъ; но въ помощь ему, мы можемъ сказать, что *все облегчится даже однимъ расширеніемъ* нѣсколькихъ статей положенія 19 февраля. Пускай только крестьянинъ, который считаетъ себя обязаннымъ и связаннымъ, по собственному желанію своему—по волѣ—можетъ отказаться отъ того, что ему въ тягость или не по его личному характеру. Пускай за помѣщикомъ останется обязанность, если крестьянинъ не отказывается отъ обязательнаго труда, удовлетворить его, чѣмъ слѣдуетъ по положенію; но вмѣстѣ съ тѣмъ стать съ нимъ въ отношенія свободнаго договора. Пускай, если крестьянинъ неграмотенъ и боится дать свое согласіе, отъ него этого не требуютъ, и пока онъ увѣрится въ ошибкѣ своей, не заставляютъ его насильно становиться въ отношенія, которыхъ онъ не хочетъ; иначе всегда останется у него убѣжденіе, что его вовлекаютъ въ какой-то обманъ; а на душѣ всегда останется недовольство съ безнадежностью, залогъ вѣрный не для реформъ, а для возмущеній".

Мировой Посредникъ 1-го участка Хорольскаго уѣзда.

Кн. П. Цертелевъ.

Въ журналѣ Хорольскаго съѣзда положено было ввести уставную грамоту съ пособіемъ военной силы.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

III. Кавказская колонія-община въ связи съ отношеніемъ къ кооперацiямъ и артелямъ.

Продолженіе [1]).

Хлопоты о полученіи на Кавказѣ земли начались съ того, что въ 1871 году Сергѣй Николаевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по тамбовскому кружку агрономомъ Фрейбергомъ, отправились въ Сочинскій отдѣлъ Черноморскаго округа для личнаго осмотра и выбора подходящихъ земельныхъ участковъ. Это было время,—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ въ одной изъ своихъ неоконченныхъ, а потому и не попавшихъ въ печать рукописей,—когда край только что начинали заселять чехи, греки, армяне, а также частныя лица и компаніи изъ русскихъ предпринимателей и помѣщиковъ, покупавшіе у казны землю по 10 р. за десятину или бравшіе ее на особыхъ основаніяхъ. Здѣсь съѣзжались и сходились люди самыхъ разнообразныхъ положеній, самыхъ различныхъ слоевъ населенія. Рядомъ съ предпринимателями, „тутъ не мало было людей, искавшихъ душевнаго успокоенія", людей интеллигентныхъ и даже выдающихся по своему умственному развитію. Здѣсь можно было встрѣтить „и несчастнаго мужа, брошеннаго аристократкой женой, и безроднаго солдата, котораго недружелюбно приняли въ родномъ селѣ, куда онъ пошелъ было послѣ отставки, и настоящаго нигилиста, съ котораго, утрируя черты, рисовалъ Гончаровъ своего Марка Волохова и который, разошедшись во взглядахъ съ Нечаевымъ, ушелъ подальше отъ „грѣха", и идеалиста, скорбѣвшаго о мірѣ и его неправдѣ и искавшаго мирныхъ путей къ человѣческому счастью [2]), и человѣка, у котораго было нѣчто безпокоившее его

---

[1]) См. „Минувшіе Годы", № 1.

[2]) Въ Черноморскомъ округѣ уже тогда были попытки основать интеллигентные поселки и колоніи.

на душѣ, что онъ хотѣлъ забыть, а можетъ быть, и самъ хотѣлъ быть скорѣе забытымъ, и простого богомольца, ушедшаго въ молитву и суровое религіозное подвижничество. Въ какой-нибудь глухой пещерѣ находили только кости такого неизвѣстнаго отшельника, о которомъ раньше никто не зналъ". Людей всѣхъ этихъ типовъ Сергѣй Николаевичъ встрѣчалъ лично, а нѣкоторыхъ даже зналъ совсѣмъ близко. Встрѣчалъ онъ здѣсь, какъ и другіе поселенцы Черноморскаго округа того времени, и много другихъ лицъ въ весьма оригинальномъ положеніи: то французскаго графа, недовольнаго наполеоновскимъ режимомъ, то „турецко-подданнаго Ивана Степановича, котораго всѣ знали, какъ уроженца Орловской губерніи", вынужденнаго, однако, принять турецкое подданство (вѣроятно, въ видахъ огражденія себя отъ преслѣдованій за религіозное сектантство), то настоящаго турка—старика Измаила, который, будучи однимъ изъ самыхъ искусныхъ шкиперовъ, весь свой заработокъ употреблялъ на прокормъ бродячихъ собакъ, ходившихъ за нимъ стаями, то „нѣкогда блестящаго и богатаго артиллерійскаго офицера, которому почему-то не повезло въ жизни, хотя дурного онъ ничего не сдѣлалъ, и отъ котораго въ минуту откровенности можно было узнать, что въ дѣтствѣ онъ пользовался особымъ попеченіемъ извѣстной Орловой (пріятельницы Фотія),—о домашней жизни которой могъ разсказать небезынтересныя вещи,—что потомъ ему пришлось уйти въ Турцію и такъ же, какъ и Ивану Степановичу, пытаться принять турецкое подданство, и т. д."

Весь этотъ людъ, такъ или иначе не помирившійся съ жизнью или, вѣрнѣй, съ существующимъ режимомъ, шелъ сюда „по какому-то инстинкту и, казалось, лучше себя тутъ чувствовалъ, хотя никакихъ благъ не пріобрѣталъ, а сплошь и рядомъ жилъ очень плохо. Такъ раненый звѣрь уходитъ въ лѣсную чащу, гдѣ ему спокойнѣе; такъ закоченѣвшую отъ холода муху тянетъ къ теплу и свѣту"...

По наблюденіямъ Сергѣя Николаевича, да и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, жилось здѣсь человѣку какъ-то иначе, дышалось какъ-то вольнѣе. Обыватель здѣшнихъ мѣстъ могъ быть очень бѣденъ, но бѣдность тутъ „не принижаетъ его, какъ въ большихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ. Потому, вѣроятно, и встрѣчаются на Кавказѣ оборванцы съ гордымъ взглядомъ, съ осанкою и походкою королей. Богатые люди также, несмотря на то, что жизнь неблагоустроена и, что имъ приходится испытывать не мало культурныхъ лишеній, чувствуютъ себя хорошо. Можетъ быть, это потому, что здѣсь мало стѣсненій и слишкомъ много простора, а можетъ быть, таково ужъ свойство самой южной природы—живой и ласковой, то радующей человѣка обиліемъ свѣта, красокъ, жизни, то погружающей его въ тихую грусть и мечтательность". Наряду съ этимъ Сергѣй

Николаевичъ отмѣчалъ, „что здѣсь, благодаря ли малолюдству или какимъ инымъ причинамъ, съ самаго начала выработалась удивительная простота жизни и отношеній, простота, снимающая съ васъ путы разныхъ свѣтскихъ обязанностей, привычекъ, ненужныхъ и стѣснительныхъ приличій, подозрительности, недовѣрія къ людямъ и т. д“. „Я не скажу“,— продолжаетъ онъ,—„чтобы это было проявленіемъ какой-нибудь особенной кавказской доброты и благодушія, нѣтъ, всего вѣроятнѣе, это было просто слѣдствіемъ неустроенности жизни и сиротливости, какую испытывалъ всякій на новомъ мѣстѣ: каждый думалъ не столько о взаимныхъ счетахъ и борьбѣ, которые еще не начались, сколько о выгодахъ общенія и потому какъ-то радовался и шелъ навстрѣчу другому человѣку, кто бы онъ ни былъ, предполагалъ въ немъ сначала хорошее, а не наоборотъ; людей же мало-мальски подходящихъ взглядовъ и характеровъ скоро начинало связывать настоящее расположеніе“.

Эта особенность кавказской жизни была выпуклой, характерной особенностью и самого Сергѣя Николаевича. Пріобрѣлъ ли онъ ее на Кавказѣ или—что вѣроятнѣе—имѣлъ всѣ задатки ея еще съ дѣтства, но, благодаря именно ей, Сергѣй Николаевичъ, несмотря на полную опредѣленность своихъ склонностей и взглядовъ, никогда не былъ узкимъ партійнымъ человѣкомъ, никогда не относился къ людямъ съ партійной исключительностью и всегда видѣлъ въ человѣкѣ хорошія качества и подчеркивалъ ихъ. Люди—говоритъ онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ—встрѣчались здѣсь прежде всего, „какъ люди, и это было очень хорошо. Уже это одно улучшало плохихъ людей“... Обстоятельства и нужда уравнивали ихъ. „Если полковнику случалось иногда постирать себѣ бѣлье, агроному мѣсить и печь хлѣбы, писателю браться за заступъ, то этому никто не удивлялся и никого это не шокировало, потому что каждому приходилось дѣлать нѣчто подобное, въ силу необходимости“.

Съ этой стороны, для идейнаго дѣла, задуманнаго Сергѣемъ Николаевичемъ, Кавказъ представлялъ чрезвычайно удобное, вполнѣ соотвѣтствующее мѣсто. Къ нему какъ-то невольно тянуло всѣхъ побывавшихъ здѣсь. „Въ этомъ отношеніи“—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—„нерѣдко приходилось видѣть просто удивительные примѣры. Рабочіе, напримѣръ, попадавшіе изъ степныхъ, равнинныхъ мѣстъ въ горы или изъ городского многолюдства и веселья въ глушь, лишенную не только развлеченій, но и самыхъ необходимыхъ удобствъ, сразу чувствовали себя нерѣдко плохо и роптали, а если къ этому приходилось еще прихворать лихорадкой, то и начинали бранить Кавказъ и собираться домой или въ другія мѣста. Нѣкоторые и уходили... Но смотришь, проходилъ годъ-другой, и они снова оказывались тутъ“... У Сергѣя Николаевича на глазахъ было въ этомъ

смыслѣ нѣсколько самыхъ разительныхъ примѣровъ, а потому онъ твердо былъ увѣренъ въ возможности прочной колонизаціи Черноморскаго побережья Кавказа.

Правда, правительство вело какъ разъ такую политику, при которой можно было развить спекуляцію землей, а не прочную колонизацію. Оно продавало за безцѣнокъ драгоцѣнныя земли людямъ, которые завѣдомо не могли удержаться на хозяйствѣ и только ждали случая перепродать ихъ. Но эта политика была такъ завѣдомо нелѣпа, невыгодна ни для правительства, ни для дѣйствительно хозяйственнаго населенія, что нельзя было не надѣяться на ея измѣненіе. Сергѣй Николаевичъ очень разсчитывалъ на это, очень добивался упорядоченія и развитія переселенія сюда крестьянъ, которые, встрѣтивъ здѣсь примѣры такихъ организацій, какъ задуманная имъ колонія-община, и сами могли бы устроиться по иному, на иныхъ началахъ и основаніяхъ. Подавая начальнику Черноморскаго округа докладную записку объ ошибкахъ, допущенныхъ въ правительственномъ планѣ колонизаціи края, Сергѣй Николаевичъ убѣдительно доказывалъ, что хозяйственную жизнь въ немъ могутъ развить не частные землевладѣльцы-капиталисты, а только крестьяне и крестьяне. Слѣдуетъ сознаться—писалъ онъ въ этой запискѣ,—что „ни въ одномъ изъ частныхъ имѣній округа, которыя мнѣ приходилось видѣть, нѣтъ такого количества скота, воздѣланныхъ полей и вообще слѣдовъ экономическаго прогресса, какъ около деревень поселянъ, далеко не располагавшихъ такими капиталами, какъ частныя лица“. По убѣжденію Сергѣя Николаевича, „надежда на то, что землевладѣльцы все сдѣлаютъ здѣсь при настоящихъ условіяхъ своими капиталами—весьма сомнительна“. Охотниковъ заграчивать огромныя средства, необходимыя для здѣшняго хозяйства, съ гадательными надеждами на полученіе доходовъ, разумѣется, найдется у насъ очень и очень немного. Поэтому г.г. землевладѣльцевъ-капиталистовъ нужно оставить въ покоѣ и обратить все вниманіе на переселеніе въ край крестьянъ, пребываніе которыхъ въ немъ совершенно необходимо, какъ для правительства, такъ и для осѣвшихъ уже здѣсь частныхъ лицъ. Переселеніе желательно организовать при обоюдномъ участіи и землевладѣльцевъ, и администраціи и производить „какъ на земли, принадлежащія первымъ, такъ равно и на тѣ свободныя казенныя земли, которыя еще остались въ округѣ и имѣютъ отойти въ казну отъ частныхъ лицъ по разнымъ обстоятельствамъ. Надѣлъ крестьянъ изъ земель, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, долженъ производиться на основаніяхъ выкупа, причемъ желательно, чтобы оцѣнка земель не превышала той, по которой ихъ продавала казна, и чтобы платежъ денегъ былъ также разсроченъ. Водвореніе переселенцевъ на земляхъ казенныхъ можетъ производиться... или на основаніи дѣйствовавшихъ

до сихъ поръ узаконеній о поселянахъ или же также на основаніяхъ выкупа, причемъ желательно, чтобы земли, лежащія во второй полосѣ округа, оцѣнивались дешевле и отводились въ большемъ количествѣ противъ первой полосы, какъ земли менѣе удобныя". Затѣмъ, по отношенію къ частно-владѣльческимъ землямъ, отводимымъ крестьянамъ, необходимо установить порядокъ выкупа, опредѣлить нормы наименьшаго надѣла и т. п. Сергѣй Николаевичъ зналъ, что о разрѣшеніи переселенія крестьянъ на земли частныхъ владѣльцевъ хлопочутъ сами владѣльцы, но онъ справедливо опасался эксплоатаціи крестьянъ послѣдними и потому настаивалъ на регулированіи этого переселенія закономъ. Съ проведеніемъ его могло не встрѣтиться препятствій и къ переселенію сюда тамбовскихъ крестьянъ, о чемъ онъ давно мечталъ и въ чемъ ему препятствовала администрація Тамбовской губерніи.

Для поселенія крестьянъ, очевидно, нуженъ былъ большой участокъ земли на Кавказѣ. Исходя изъ этого, Сергѣй Николаевичъ и Фрейбергъ, осмотрѣвши много такихъ участковъ, остановились на одномъ, кажется, наибольшемъ, расположенномъ въ Сочинскомъ отдѣлѣ Черноморскаго округа (нынѣ губернія), верстахъ въ 18-ти по морю южнѣе посада Туапсе. Для пріобрѣтенія его и для полученія денежныхъ средствъ на устройство хозяйства и веденіе его было организовано товарищество, въ которое вошли, съ одной стороны, состоятельные люди—„москвичи", какъ ихъ называли въ товариществѣ,—а съ другой, тѣ, которые должны были составлять въ немъ рабочую силу. Первая группа организовалась изъ родственниковъ почтенныхъ дѣятельницъ тамбовскаго кружка О. А. Олениной и сестры ея Е. А. Филомофитской. Въ нее входили А. Н., А. А. и В. А. Нѣмчиновы и нѣкто П. А. Евреиновъ. Вторую группу составили Сергѣй Николаевичъ, зять его и другъ И. М. Мальневъ, В. П. Оленинъ, Фрейбергъ, а нѣсколько позже А. Н. Ладыгинъ и другіе. Фрейбергъ, примыкая ко второй группѣ, былъ въ то же время представителемъ „москвичей" и ихъ довѣреннымъ. Онъ былъ наиболѣе свободнымъ человѣкомъ, и при томъ агрономомъ, а потому на него пала обязанность ѣхать на участокъ, жить тамъ и вести дѣло до времени окончательнаго переселенія туда всѣхъ тѣхъ участниковъ, которые имѣли это въ виду. По товарищескому договору, весь участокъ, какъ предполагалось тогда въ 1000 десятинъ земли, распредѣлялся такъ, что на долю „московской" группы приходилось 0,6 всей площади, а на долю группы Сергѣя Николаевича остальные 0,4 площади. Москвичи обязывались уплачивать Фрейбергу за веденіе дѣла, въ сущности—на прожитіе, по 1 рублю съ десятины, расходы же по веденію хозяйства должны были погашаться въ пропорціональныхъ, по расчету на десятины, доляхъ всѣми участниками товарищества.

Здѣсь необходимо коснуться нѣкоторыхъ формальныхъ подробностей отвода участка и его границъ, такъ какъ тѣмъ и другимъ пришлось сыграть рѣшающую роль въ судьбѣ колоніи-общины.

Земельный участокъ былъ предназначенъ Сергѣю Николаевичу съ товарищами и отведенъ имъ въ натурѣ для немедленнаго начала хозяйства и устройства жилья. Обычно на право пріобрѣтенія такихъ участковъ писались особые договоры съ правительствомъ, по которымъ пріобрѣтатели обязывались уплачивать въ назначенные сроки положенныя деньги за землю въ казну, и имъ предоставлялось право приступать къ хозяйству до окончательнаго отмежеванія и выкупа земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе договоры писались не сразу при отводѣ участка, а черезъ нѣкоторое время. Такъ именно было и съ Сергѣемъ Николаевичемъ: договора при передачѣ ему участка составлено не было. Участки отводились по заранѣе составленнымъ планамъ, на основаніи сдѣланныхъ съемокъ и подсчетовъ. Но такъ какъ это были лишь предварительные съемки, въ которыхъ могли вкрасться ошибки, то въ договорахъ обычно писалось, что отводится столько-то десятинъ земли—„болѣе или менѣе того“, „сколько окажется“ въ указанныхъ границахъ при окончательномъ отмежеваніи. Само собой разумѣется, что такія оговорки предусматривали только небольшія ошибки, въ нѣсколько десятинъ, пожалуй, даже въ нѣсколько десятковъ ихъ, такъ какъ предварительныя съемки были довольно точны и составлялись землемѣрами-спеціалистами.

Границы участка, отведеннаго Сергѣю Николаевичу съ товарищами, были указаны вполнѣ опредѣленно: отъ моря по водораздѣлу рѣченокъ Неожиданной и Упаковки по невысокимъ, по острымъ и крутымъ хребтамъ, затѣмъ по межѣ съ однимъ частнымъ владѣніемъ и, обогнувъ верховья рѣки Неожиданной, опять по направленію къ морю по вершинѣ одного изъ хребтовъ горныхъ отроговъ. Здѣсь граница проходила по холмистой мѣстности и включала во владѣнія товарищества едва ли не единственный во всемъ участкѣ кусокъ хорошей, удобной для усадебной осѣдлости, земли, ради котораго послѣ осмотра Сергѣй Николаевичъ съ Фрейбергомъ и согласились взять весь участокъ. Въ этой части отведенная имъ земля граничила съ прекраснымъ казеннымъ участкомъ въ триста съ чѣмъ-то десятинъ, имѣвшимъ огромную береговую полосу. На этотъ завидный во всѣхъ отношеніяхъ участокъ было много претендентовъ, но его очень берегли въ министерствѣ, а затѣмъ, года черезъ два-три, предоставили нѣкоему г. С.

Въ такихъ границахъ и при такихъ условіяхъ вступили во владѣніе участками Сергѣй Николаевичъ съ товарищами. Дѣло имъ предстояло огромное, а затрудненій было столько, что и перечислить трудно.

Прежде всего пришлось отказаться отъ мысли переселить сюда, по крайней мѣрѣ, въ ближайшіе годы крестьянъ изъ Тамбовской губерніи, такъ какъ администрація послѣдней рѣшительно не допускала этого. Участники колоніи-общины далеко не всѣ разсчитывали поселиться въ ней и работать, или, по крайней мѣрѣ, имѣли въ виду сдѣлать это позже, когда колонія приметъ болѣе или менѣе благоустроенный видъ, а жизнь въ ней и порядки такъ или иначе наладятся. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, самая важная и наиболѣе трудная работа предстояла именно въ началѣ существованія колоніи. Дѣло началъ И. Г. Фрейбергъ, затѣмъ, несмотря на всѣ трудности, его лично повелъ Сергѣй Николаевичъ, къ которому присоединились нѣсколько позже Ладыгинъ и нѣкоторые другіе идейные люди. Но размѣры дѣла были такъ грандіозны, что нечего было и думать обойтись силами этихъ лицъ, особенно на первыхъ порахъ, когда только для того, чтобы кое-какъ устроиться, необходимо было преодолѣть неисчислимыя затрудненія. Мѣстныхъ рабочихъ не было, и приходилось довольствоваться совершенно случайными. Пароходы при хорошей погодѣ заходили въ Туапсе одинъ разъ въ недѣлю, а при плохой проходили мимо. Чтобы изъ внутренней Россіи добраться до имѣнія, нужно было, прибывъ по желѣзной дорогѣ въ Ростовъ н/Д., ѣхать дальше на маленькомъ пароходѣ до Керчи, оттуда, послѣ нѣсколькихъ иногда дней ожиданія, выѣзжать на рейдъ и тамъ уже пересаживаться на плохенькій морской пароходикъ. На немъ и ѣхали до Туапсе, и если волна позволяла не утонуть, то съ него бросались въ лодки (фелюги), на которыхъ и слѣдовали до берега, часто выбрасываясь на него и нерѣдко падая въ воду. Изъ Туапсе на участокъ отправлялись берегомъ, чаще всего пѣшкомъ, если, разумѣется, это позволяло состояніе шести рѣкъ, по пути впадавшихъ въ море. Наименьшая изъ этихъ рѣкъ—Неожиданная, находившаяся уже въ самомъ участкѣ, разливалась во время дождей до такой степени, что совершенно прерывала сообщеніе одной части имѣнія съ другой. Разливы этихъ рѣкъ, случающіеся чуть ли не послѣ каждаго дождя, причиняли массу всякихъ бѣдъ: топили лошадей, скотъ, а иногда и людей. Сколько разъ первымъ піонерамъ края приходилось переправляться черезъ эти рѣки, рискуя жизнью, сколько разъ во время неожиданно сорвавшагося ливня сидѣли они у моря на камняхъ между двумя бушующими рѣками, не имѣя возможности переправиться ни на ту, ни на другую сторону—этого и не сосчитать! Былъ случай, когда Сергѣй Николаевичъ спасся, что называется, чудомъ. При переправѣ какъ-то черезъ рѣку Туапсинку верхомъ, онъ вмѣстѣ съ лошадью былъ снесенъ теченіемъ далеко внизъ. Лошадь утонула, а Сергѣя Николаевича спасла кавказская бурка, образовавшая на немъ нѣчто въ родѣ водолазнаго колокола. Но этимъ не ограничивались „прелести“ жизни черноморскихъ піонеровъ.

Нужно было видѣть ту борьбу съ природой, которую вели они, чтобы понять, какъ великъ былъ ихъ трудъ, какъ тяжела жизнь. Заросли множества колючихъ растеній—ежевики (ажины), такъ называемаго, въ просторѣчьи „держи дерева“ или „чертъ-дерева“, бучинника, дикой груши, кизила и другихъ кустарниковъ представляли собою сплошныя непроницаемыя стѣны. На огромныхъ пространствахъ перепутывались между собой корни, стволы и вѣтви и образовывали такую непроходимую чащу буйной растительности, что передъ ней безсильно опускались руки лучшихъ работниковъ. Запутывавшихся въ этихъ заросляхъ лошадей и коровъ приходилось буквально вырубать топорами, расцарапывая руки такъ, что изъ нихъ сочилась кровь. Платье рвалось въ клочки, а обувь горѣла, какъ въ огнѣ. Приходилось носить изъ свѣже-снятой съ дикаго кабана кожи особые посталы, вонючіе, липкіе, мокрые. Ежедневно ночью, а очень часто и днемъ, хуторъ нашихъ колонистовъ осаждали шакалы, дикіе коты, появлялись кабаны, рыси, медвѣди, а иногда жаловалъ и барсъ. Но все это еще ничего, пока человѣкъ здоровъ. Между тѣмъ изъ колонистовъ рѣдко кто избѣгъ ужасныхъ кавказскихъ лихорадокъ. У самого Сергѣя Николаевича были такіе приступы этой болѣзни, что онъ по полтора сутокъ, какъ трупъ, лежалъ безъ памяти.

Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и домашнія животныя. Очень часто коровы и волы, пригнанные сюда изъ другихъ не лихорадочныхъ мѣстъ получали здѣсь маллярію и въ большинствѣ случаевъ гибли отъ нея. Выдерживали приступы этой болѣзни только самые сильные экземпляры, успѣвшіе уже нѣсколько акклиматизироваться въ Черноморьѣ.

Матеріалы, необходимые для построекъ и хозяйства, а также и предметы потребленія добывались съ трудомъ и за огромныя цѣны. Сергѣй Николаевичъ сообщалъ въ „Отечествен. Запискахъ“, что за бѣлую муку имъ приходилось платить по 2 р. 80 к. и по 3 р. 20 к. за пудъ, за пшеничную—размолъ—1 р. 80 к. и 2 р. 40 к., за картофель 60—80 к., за сѣно же даже до одного рубля за пудъ. „Къ этому“—писалъ онъ—„присоединялась еще дороговизна и другихъ необходимыхъ предметовъ, если только можно было еще достать ихъ на мѣстѣ; не только плуги и другой инвентарь приходилось выписывать изъ Москвы, Одессы, но мы знаемъ, что выписывались изъ Одессы даже гвозди“ [1]).

Въ такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ пришлось работать здѣсь Сергѣю Николаевичу и его немногимъ идейнымъ товарищамъ. И тѣмъ не менѣе, онъ не отказался отъ этой работы. При всѣхъ огромныхъ затрудненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на Кавказѣ, здѣсь было одно исключительно

---

[1]) „Отечествен. Записки“. 1878 г. № 3.

важное, по сравненіи съ внутренней Россіей, преимущество: здѣсь можно было устроиться болѣе или менѣе по своему желанію, соотвѣтственно съ своими идеалами. Здѣсь не было установившихся шаблоновъ въ отношеніяхъ между собой мѣстныхъ жителей вообще, а землевладѣльцевъ въ частности и традицій въ области помѣщичьяго времяпрепровожденія. Систематическій и усиленный физическій трудъ „барина“, постоянное общеніе его съ рабочими, жизнь вмѣстѣ съ ними, пища съ одного общаго котла и т. п. способны были вызвать гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи цѣлую бурю въ мѣстномъ дворянскомъ болотѣ, нескончаемые доносы и обвиненіе въ неблагонадежности. Здѣсь же, на Черноморскомъ побережьѣ, если все это и не было дѣломъ заурядным, то во всякомъ случаѣ было знакомо многимъ и никого не шокировало. Здѣсь понимали, что каждый можетъ устраиваться, какъ ему было лучше, „сподручнѣе“. Поэтому здѣсь можно было разсчитывать не только осуществить для себя новую форму хозяйственной организаціи, но, при удачѣ, распространить ее и на другихъ мѣстныхъ обывателей, при полной почти увѣренности, что ни сосѣди, ни начальство не будутъ мѣшать въ этомъ и во всякомъ случаѣ не усмотрятъ въ такихъ организаціяхъ потрясенія государственныхъ основъ. Эта особенность жизни на Черноморскомъ побережьѣ была такъ важна и такъ необходима, что Сергѣй Николаевичъ и его идейные товарищи, всѣ уже такъ или иначе знакомые съ полицейскимъ гнетомъ во внутренней Россіи, охотно мирились ради нея со многими трудностями жизни піонеровъ въ новомъ краю. Для такихъ сильныхъ натуръ, какъ Сергѣй Николаевичъ, Ладыгинъ и др., эти трудности были даже до нѣкоторой степени завлекательны. Онѣ давали возможность, что называется, попробовать свои силы, перевоспитать себя къ новой жизни, воплотить теорію въ практику и нести на своихъ плечахъ высокій моральный подвигъ ради счастья народа, человѣчества.

Задача, стоявшая передъ нашими колонистами, распадалась на двѣ части. Прежде всего нужно было подготовить самое поселеніе: расчистить и привести въ пригодное для болѣе или менѣе правильнаго хозяйства состояніе земельный участокъ, соорудить необходимыя постройки, обзавестись живымъ и мертвымъ инвентаремъ и попутно готовить самыхъ дѣятелей колоніи-общины. А затѣмъ, когда эта подготовительная стадія будетъ пройдена,—наладить и жизнь самой колоніи-общины такъ, чтобы въ ней возможно полно осуществились высшія начала народнической общественности, чтобы общинныя, артельныя и трудовыя тенденціи русскаго народа нашли здѣсь разностороннее приложеніе и примѣненіе.

Для осуществленія первой части этой задачи предназначался Фрейбергъ. Сначала онъ энергично принялся за дѣло, но очень скоро обстоя-

тельства для него измѣнились: онъ надолго отлучался въ Поти и въ Тифлисъ и оставался тамъ продолжительное время. Между тѣмъ, на участкѣ требовалась болѣе или менѣе постоянная работа. И. М. Мальневъ въ это время служилъ по удѣльному вѣдомству, В. К. Оленинъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, А. Н. Ладыгинъ усердно работалъ надъ электрическимъ освѣщеніемъ. Другіе были не менѣе заняты. Постоянной работы не имѣлъ только главный иниціаторъ дѣла—Сергѣй Николаевичъ, который, какъ въ виду такихъ обстоятельствъ, такъ и слѣдуя своему влеченію, и принялъ на себя главную заботу по устройству колоніи.

Серьезно, добросовѣстно и любовно принялся онъ за новое дѣло. Прежде всего здѣсь, на Черноморскомъ побережьѣ, осуществилъ онъ вполнѣ свою идею о примѣненіи физическаго труда, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ это требовалось самой его же теоріей.

Вообще физическій трудъ былъ для него не только результатомъ теоретической мысли, но и страстно любимымъ дѣломъ, пожалуй, потребностью его мускулистаго сильнаго организма. По разсказамъ его близкихъ, стоило ему только попасть въ провинцію, будь то Кавказъ или Сибирь, какъ онъ тотчасъ же начиналъ возиться съ какой-нибудь ручной работой, поправлять мебель, постройки, превращать пустыри въ огороды, сады и цвѣтники. Во время ссылки въ Сибирь онъ имѣлъ унавоженный и разработанный его же руками большой огородъ съ хорошими и рѣдкими тамъ овощами. Во дворѣ его былъ разбитъ большой цвѣтникъ, а домъ былъ буквально заполненъ цвѣтами и растеніями, изъ которыхъ плющъ густо покрывалъ стѣны комнатъ. При этомъ онъ и недурно столярничалъ, и хорошо косилъ, и ходилъ за скотомъ и лошадью. Никогда, кажется, не бывалъ онъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ наработавшись вволю, умывшись и смѣнивъ бѣлье, приходилъ онъ домой и садился за чай. Живя въ Петербургѣ и уставъ отъ рукописей, корректуръ и всякой кропотливой редакторской работы, онъ не разъ говорилъ: „вотъ если бы мнѣ здѣсь верстачокъ поставить, я знаю, что чувствовалъ бы себя много лучше“.

Интересный разговоръ былъ у него однажды по поводу этой любви его къ работѣ съ однимъ изъ сибирскихъ поселенцевъ, работавшимъ у него во дворѣ.

— Скажи, пожалуйста, Сергѣй Николаевичъ—спросилъ онъ его—изъ какихъ ты будешь: изъ купцовъ, мѣщанъ, или изъ духовнаго званія?

— Я тамбовскій дворянинъ,—отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Тэкъ...—протянулъ рабочій—дворянинъ, значитъ. Чудно мнѣ только, какъ же это ты все самъ работаешь и въ работѣ все понимаешь. Сапоги тебѣ вычистить—не моги, за лошадью самъ ходишь, и колешь, и строгаешь, и все по домашности дѣлаешь. Какой же ты баринъ? Вотъ у

насъ Д. А. (одинъ изъ ссыльныхъ товарищей)—такъ тотъ ужъ истинно, что баринъ: ничего онъ не знаетъ, ничего сдѣлать не понимаетъ...

При такой склонности къ физической работѣ, которая была у него всю жизнь, онъ отдался ей на Черноморскомъ участкѣ съ полнымъ самоотверженіемъ. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера онъ работалъ не покладая рукъ, не только наравнѣ со всѣми рабочими, но и впереди ихъ. Особо избранныхъ работъ для него не было: онъ и корчевалъ пни, и рубилъ деревья, и косилъ, и пахалъ, и плотничалъ, и столярничалъ и т. д. Обладая большой физической силой, онъ воспиталъ въ себѣ и ту выносливость въ физическомъ трудѣ, на которую способенъ только русскій человѣкъ. Несмотря на то, что на участкѣ работало нерѣдко по 20 и больше человѣкъ, съ увѣренностью можно сказать, что этотъ дикій и пустынный уголокъ Черноморскаго побережья ожилъ, принялъ, если и не вполнѣ благоустроенный видъ, то во всякомъ случаѣ видъ жилого мѣста, дѣятельнаго хозяйства, прежде всего, благодаря трудамъ Сергѣя Николаевича. Онъ лично сдѣлалъ болѣе 1500 прищепъ плодовыхъ деревьевъ и насадилъ цѣлую плантацію миндалей и персиковъ, которые позже, во время войны, почти сплошь были вырублены казаками.

Когда въ концѣ концовъ усадьба была устроена, въ ней находились: законченный постройкой домъ, отдѣльно отъ него кухня, сарай, конюшня, птичникъ; затѣмъ, была выкорчевана часть лѣса, былъ заведенъ большой огородъ, садъ, виноградникъ, пчельникъ и, наконецъ, начались посѣвы. Какого это стоило труда, можно судить потому, что подобная же постановка хозяйства всего на 50 десятинахъ обходилась тогда на Черноморскомъ берегу частнымъ владѣльцамъ въ 20—30 тыс. руб. [1]) У нашихъ колонистовъ денегъ было немного, а потому недостатокъ ихъ пополнялся прежде всего и больше всего трудомъ ихъ идейныхъ руководителей. Что же касается собственно Сергѣя Николаевича, то можно утверждать, что на всемъ участкѣ не было ни одного крупнаго дѣла, къ которому онъ не приложилъ бы въ значительной мѣрѣ своего труда.

Работая, какъ простой рабочій, онъ и жилъ какъ рабочій—въ общемъ съ ними помѣщеніи, питаясь отъ общаго для всѣхъ стола. Пуританизмъ его доходилъ до того, что даже во время болѣзни, когда его трепала жестокая кавказская лихорадка, онъ не позволялъ себѣ пользоваться какими-либо особыми удобствами или особой пищей и ѣлъ обычно то, что ѣли остальные рабочіе. Общая для всѣхъ стряпка, называвшаяся хозяйкою и охотно пользовавшаяся правами хозяйки, не имѣла времени, да, повидимому,

---

[1]) См. тамъ же, статья „Кавказскій берегъ Чернаго моря“ стр. 47.

и желанія готовить что-нибудь спеціально для него. И Сергѣй Николаевичъ безропотно подчинялся этому.

О работѣ Фрейберга и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ колоніи, со времени переселенія въ нее Сергѣя Николаевича, свѣдѣній почти не сохранилось. Но говоря о Сергѣѣ Николаевичѣ, нельзя не упомянуть также и о А. Н. Ладыгинѣ, хотя и примкнувшемъ къ колоніи нѣсколько позже, но не мало поработавшемъ для нея. Благодаря особой оригинальности своей одаренной натуры, онъ легко и, повидимому, безъ какихъ-либо усилій приспособлялся къ совершенно новымъ условіямъ, совершенно противуположнымъ старымъ. Совсѣмъ не думая, что приноситъ какія-то жертвы, онъ отказался въ одинъ прекрасный день отъ выгоднаго положенія изобрѣтателя въ области электрическаго освѣщенія и переѣхалъ въ Черноморскую колонію. Его жизнь была полна такими приключеніями. Изъ моднаго тогда отеля „Викторія“ съ роскошной обстановкой А. Н. Ладыгинъ вдругъ переѣзжалъ въ мансардъ на Васильевскомъ островѣ и начиналъ ходить на патронный заводъ, чтобы отливать грунтовую воду ведрами за 60 коп. поденной платы, нисколько, повидимому, не огорчаясь и не рисуясь этимъ. На Кавказъ онъ поѣхалъ съ полными чемоданами и въ I-мъ классѣ, а приступивъ тамъ къ дѣлу, онъ все это забросилъ, надѣлъ старую матроску, сколотилъ кое-какъ изъ досокъ балаганъ на берегу моря и поселился здѣсь, бодрый, довольный и жизнерадостный. Здѣсь онъ занялся главнымъ образомъ рыболовствомъ: купилъ двѣ фелюги (лодки), снасти, сѣти, бочки и проч., заготовилъ соль и организовалъ для самаго промысла артель. Какъ и Сергѣй Николаевичъ, онъ ѣлъ то, что ѣла артель, спалъ тамъ, гдѣ спала и она; на ловлю, уборку сѣтей, посуды и на всѣ другія работы онъ шелъ впереди всѣхъ и возвращался послѣднимъ. Къ сожалѣнію, ему, какъ и всѣмъ другимъ пробовавшимъ заняться здѣсь рыбной ловлей, эта послѣдняя не далась въ руки. Не то, чтобы условія были неудачны— нѣтъ, они достигали иногда ста пудовъ заразъ, а просто условія неблагопріятствовали промыслу. Не было льда для сохраненія рыбы, не было и другихъ приспособленій, обычныхъ въ болѣе культурныхъ мѣстахъ. А главное: не было сбыта и при рѣдкихъ посѣщеніяхъ Туапсе пароходами (небольше одного раза въ недѣлю) не было возможности отправлять рыбу въ торговые центры.

Вмѣсто I-го класса на обратномъ пути съ Кавказа А. Н. Ладыгинъ свыше 1000 верстъ прошелъ съ рабочими пѣшкомъ за единственной при партіи подводой и вернулся въ Петербургъ такимъ же веселымъ и бодрымъ, какъ и прежде.

Ладыгинъ замѣнялъ Сергѣя Николаевича и въ то время, когда послѣдній уѣзжалъ изъ колоніи „въ отхожій промыселъ“ въ Петербургъ, гдѣ

у него сложились уже прочныя литературныя связи въ „Отечествен. Зап.“. Хозяйство въ колоніи налаживалось, и дѣло складывалось, вслѣдствіе чего отъѣзды „въ отхожій промыселъ“, особенно при такомъ замѣстителѣ, какъ Ладыгинъ. были возможны.

Въ данныхъ о колоніи остается не вполнѣ выясненнымъ вопросъ объ организаціи въ ней стороннихъ, т. е. не принадлежавшихъ къ учредителямъ, рабочихъ. Извѣстно, что они были до нѣкоторой степени наемными, т. е. получали условленную плату, которой вели даже особый счетъ на стѣнахъ дома. Но извѣстно также, что Сергѣй Николаевичъ не мирился съ такой организаціей, и что имъ предпринимались попытки къ устройству артели. Тѣмъ не менѣе, въ какой именно формѣ вылились эти попытки, какая и какъ организовалась артель—установить это теперь невозможно. Во всякомъ случаѣ, не только предполагалось, что рабочіе сдѣлаются участниками предпріятія, войдутъ въ него равноправными членами и образуютъ, вмѣстѣ съ интеллигентными сочленами, одну общину-артель, въ которой осуществятся высшіе принципы русскаго трудового начала, но къ этому были сдѣланы практическіе шаги, и рабочіе были поставлены въ совершенно новыя условія и подготовлялись, особенно молодые изъ нихъ, къ полному осуществленію новой жизни.

Въ это именно время, когда, казалось, многолѣтніе тяжелые труды должны были успѣшно завершиться полнымъ расцвѣтомъ новаго дѣла, случилось событіе, которое, даже при условіи россійской административной неурядицы, было неожиданнымъ и необычнымъ. О событіи этомъ Сергѣй Николаевичъ извѣстилъ своихъ членовъ товарищей, проживавшихъ въ Петербургѣ, въ краткомъ спѣшно писанномъ письмѣ. „За нѣсколько дней до моего пріѣзда“—писалъ онъ, возвратившись на участокъ послѣ кратковременнаго отсутствія, въ теченіе котораго дѣла въ колоніи велъ Ладыгинъ—„здѣсь былъ землемѣръ съ г-омъ С. для отмежеванія его участка [1]) и отрѣзалъ въ пользу послѣдняго всю нашу усадьбу, т. е. домъ, всѣ постройки, садъ, огороды и проч.“. Межа прошла не по хребту, какъ указывалось при отводѣ участка, „а по нижнему его склону, точно нарочно обходя все отрѣзанное, а затѣмъ уже вышла на хребетъ“. Новый владѣлецъ С. „осаждаетъ насъ письмами и полуофиціальными требованіями черезъ попечителей, чтобы мы отдали ему всѣ постройки за 250 р., а въ противномъ случаѣ“ грозитъ все снести. „Возбуждаетъ также вопросъ о порубкѣ лѣса для постройки“.

При такихъ условіяхъ, создавшихся совершенно неожиданно, нужно

[1]) Того самаго прекраснаго участка въ триста слишкомъ дес., на который, какъ упомянуто выше, было много претендентовъ и который, наконецъ, былъ отведенъ казной г-ну С.

было какъ можно скорѣе ѣхать въ Новороссійскъ и хлопотать тамъ о выясненіи дѣла, предварительно обмѣривъ, по соглашенію съ г. С., оба участка. Но у г. С., повидимому, начиналась уже та нервная болѣзнь, отъ которой онъ впослѣдствіи и умеръ; онъ былъ въ сильно возбужденномъ состояніи, и переговоры съ нимъ ни къ чему не приводили. Въ то же время стояла отвратительная мартовская погода, на морѣ свирѣпствовали бури, и сообщеніе съ Новороссійскомъ было прервано. Несмотря на это, Сергѣй Николаевичъ поѣхалъ туда, но добиться толку въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ такъ-таки и не удалось. Дѣло было, очевидно погублено.

Но даже въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда рушились плоды многолѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ и по истинѣ геройскихъ усилій, Сергѣй Николаевичъ не унывалъ, не падалъ духомъ и не оставлялъ мысли о колоніи-общинѣ. Въ письмахъ къ сочленамъ товарищества онъ рекомендуетъ продать всю оставшуюся землю или часть ея продать, „хоть по 15 р. (за десятину) или даже дешевле“ и купить другую. „Здѣсь же неподалеку“—пишетъ онъ—продается земля, „которая будетъ лучше нашей и будетъ совершенно чистою землею“. Нужно спѣшить съ продажей и устраиваться какъ-нибудь иначе, „потому что время уходитъ, тянешь какую-то глупѣйшую канитель и ничего не дѣлаешь“... Мнѣ—добавляетъ Сергѣй Николаевичъ—„все больше и больше становится невыносимымъ находиться на перепутьи“.

Между тѣмъ, дѣла съ участкомъ затягивались и благопріятнаго исхода, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, не предвидѣлось. Порѣшили поэтому покончить съ г. С. Онъ согласился дать 400 р. за все, что было сдѣлано, за очистку мѣста, за постройки, за все то, что стоило многихъ, многихъ тысячъ и еще большихъ трудовъ. На этомъ и кончили, а позже продали и землю, при содѣйствіи Гл. Ив. Успенскаго, К. М. Сибирякову. Продали дешево, даже чрезвычайно дешево, но тогда стояли такія именно цѣны и взять больше не было возможности, тѣмъ болѣе, что война съ Турціей внесла новыя разрушенія въ хозяйствѣ. Печальную и нелегкую обязанность ликвидировать дѣло взялъ на себя братъ Сергѣя Николаевича—Александръ Николаевичъ. Несмотря на всѣ чрезвычайныя затрудненія, на разгромъ хозяйства за время войны, ему удалось выплатить московскимъ членамъ товарищества не менѣе какъ по 70 к. за рубль. Сергѣй же Николаевичъ, Ладыгинъ и Мальневъ потеряли почти все.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда производилось уже окончательное отмежеваніе казенныхъ участковъ, перешедшихъ въ частную собственность, выяснилось, что отмежеваніе г-ну С. усадьбы, принадлежавшей Сергѣю Николаевичу съ товарищами, было сдѣлано дѣйствительно неправильно. У

одного сосѣда земли оказалось 340 десятинъ, вмѣсто 200, а у г. С., кажется, 500 десятинъ, вмѣсто трехсотъ съ чѣмъ-то. Наслѣдникамъ его пришлось доплачивать приблизительно за 170 излишне находившихся въ ихъ владѣніи десятинъ. Въ участкѣ же Сергѣя Николаевича съ товарищами оказалось только 625 дес., вмѣсто 1000, и казна возвратила ему взносы его за ненашедшіеся у него 375 дес. Кто, въ какой мѣрѣ и въ чемъ именно виноватъ въ этой своеобразной ошибкѣ межеванія, разорившей товарищество и погубившей одинъ изъ интереснѣйшихъ соціальныхъ опытовъ, до сихъ поръ остается невыясненнымъ.

Новое поселеніе, о которомъ заговаривалъ уже Сергѣй Николаевичъ въ письмахъ вслѣдъ за катастрофой въ колоніи, не состоялось, хотя онъ и купилъ, между прочимъ, въ этихъ цѣляхъ небольшой участокъ земли въ 48 десятинъ. Война съ Турціей, возстаніе горцевъ, крахи хозяйствъ и промышленности исключали въ это время возможность мирной культурной работы. Мѣстное начальство настаивало на выѣздѣ русскаго населенія, и живописный, богатый дарами южной природы, берегъ Чернаго моря опять надолго заглохъ и запустѣлъ.

Однако, о С. Н. Кривенко здѣсь не забыли. Какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ и мѣстахъ, онъ игралъ здѣсь, даже помимо своего желанія, крупную, выдающуюся, центральную роль, и память немъ пережила его. Живя на Кавказѣ, онъ не замкнулся въ самомъ себѣ, въ своихъ дѣлахъ, въ своемъ кружкѣ. Его правдивая, любвеобильная и чистая натура постоянно реагировало на все окружавшее и невольно привлекала къ себѣ, съ одной стороны, всѣ живыя силы края, а съ другой, все слабое, нуждавшееся въ поддержкѣ и защитѣ. Съ одной стороны, къ нему шла интеллигенція, а съ другой—народная масса. Несморя на то, что жизнь загнала въ семидесятыхъ годахъ на Черноморскій берегъ немало крупныхъ и оригинальныхъ людей, немногіе изъ нихъ заняли тамъ такое положеніе, какъ Сергѣй Николаевичъ. Въ немъ было что-то такое, что тянуло и привлекало къ нему всѣхъ, въ комъ не угасла еще искра Божія. Къ нему льнули и доктора, и фельдшера, и учителя и торговцы, и культурщики, и всякаго рода живые люди. Всѣхъ ихъ онъ умѣлъ втянуть въ общественные интересы и сгруппировать у общественныхъ дѣлъ. Но особенно трогательно было отношеніе къ нему простого люда. Рабочіе никогда не видѣли въ немъ хозяина, никогда не стремились прижать или обмануть его. Напротивъ того, относясь къ нему просто и откровенно, но въ то же время любовно, по-братски, они точно берегли его, какъ нѣчто стоящее выше окружающаго и заслуживающее особаго уваженія.

— Сергѣй Николаевичъ—нерѣдко говорили они окружавшимъ его—особенный человѣкъ, думается, что другихъ такихъ и на свѣтѣ нѣтъ.

Исключительно хорошія отношенія установились у него съ мѣстными черкесами. Хотя большинство тѣхъ изъ нихъ, которыхъ зналъ онъ лично, сошло уже теперь съ жизненной сцены, тѣмъ не менѣе, память о Сергѣѣ Николаевичѣ живетъ и среди ихъ дѣтей. Въ этомъ онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ самые послѣдніе годы, когда пріѣхалъ въ Туапсе уже нося въ себѣ смертельный недугъ. Но были встрѣчи и съ стариками. Какъ то гуляя у моря въ послѣднюю передъ смертью зиму, Сергѣй Николаевичъ встрѣтилъ почтеннаго въ чалмѣ (значитъ, посѣтившаго Мекку) старика черкеса, который вдругъ радостно бросился къ нему и сталъ цѣловать его руку. Сергѣй Николаевичъ страшно сконфузился и разволновался. Оказалось, что это одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые знали и высоко цѣнили его еще въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ много помогалъ имъ совѣтомъ, заступничествомъ у начальства, продуктами и деньгами. Его любили черкесы уже и тогда, а позже, во время войны и жестокаго разоренія черкесскихъ ауловъ нашими войсками, когда Сергѣй Николаевичъ давалъ пріютъ, поилъ и кормилъ женщинъ и дѣтей, толпами бѣжавшихъ отъ своихъ разоренныхъ пепелищъ на берегъ, — черкесы готовы были молиться на него. Тогда въ Туапсинскомъ округѣ впервые была сказана фраза—„безъ Кривенка черкесы пропадай“,—которую и теперь можно слышать у черкесовъ этихъ мѣстъ. Прежде его чтили отцы, теперь чтутъ дѣти. Они рыдали у его гроба и издалека приходили къ осиротѣвшей семьѣ выразить ей свою глубокую печаль и искреннее соболѣзнованіе.

Возращаясь опять къ колоніи-общинѣ, нужно признать, что приведенными о ней данными, къ сожалѣнію, не устанавливается ея значеніе, какъ соціальнаго опыта, и ея роль въ дѣлѣ распространенія и насажденія артельныхъ и кооперативныхъ началъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Для этого нѣтъ достаточно полныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ практически осуществлены были въ ней эти начала. Пополнить ихъ теперь же невозможно, но для установленія общаго характера того, что было предпринято въ этомъ отношеніи Сергѣемъ Николаевичемъ, интересно ознакомиться съ его взглядами на артели и коопераціи, изложенными имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, именно во время его кавказскихъ опытовъ.

Кооперативнымъ движеніемъ во всемъ его объемѣ Сергѣй Николаевичъ интересовался еще со школьной скамьи. Спеціально же за изученіе попытокъ насадить въ Россіи кредитныя коопераціи Шульце-Деличевскаго типа, т. е. ссудо-сберегательныя товарищества, онъ взялся нѣсколько позже. Учрежденіямъ этого рода онъ посвятилъ двѣ статьи, подъ заглавіемъ „Нашъ народный кредитъ“, полныя значенія и глубокаго интереса до нашихъ дней. Первая изъ этихъ статей была помѣщена въ № 7-мъ „Отечествен. Запис.“ за 1874 г. Въ ней подробно разсмотрѣнъ и обслѣдованъ первый „Отчетъ

комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ", и обстоятельно выяснены фальшь и раздутость неумѣренныхъ восторговъ составителей отчета, по поводу якобы чрезвычайныхъ успѣховъ этихъ товариществъ. Во второй статьѣ, вошедшей въ № 11-й „Отечествен. Зап." того-же года, разсматриваются уже принципіальныя основы этихъ учрежденій.

Хорошо знакомый съ ученіемъ, по которому въ ассоціаціяхъ усматривалось одно изъ средствъ борьбы съ капитализмомъ, Сергѣй Николаевичъ, какъ противникъ послѣдняго, съ особымъ вниманіемъ отнесся къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, горячо пропагандируемыхъ именно, какъ средство концентрировать капиталъ мелкихъ работниковъ для борьбы съ предпринимательскимъ капиталомъ. Онъ, прежде всего, не вѣрилъ въ успѣшность такой борьбы. Чтобы быть въ состояніи конкурировать съ предпринимательскимъ капиталомъ и крупной промышленностью и въ то же время успѣшно развиваться, ассоціаціи—по мнѣнію Сергѣя Николаевича—

„должны сами организовать свои предпріятія въ большихъ размѣрахъ, должны сами направить свою дѣятельность на большую промышленность, что невозможно достигнуть путемъ пресловутаго принципа Selbsthülfe, путемъ сбереженій изъ заработной платы, которая держится въ рабочемъ классѣ на minimum'ѣ средствъ существованія. Невозможно этого достигнуть, вспомогая ассоціаціи и кредитомъ, основаннымъ на томъ же принципѣ, потому что такой кредитъ всегда будетъ слабъ и недостаточенъ"... [1]).

Точно также и крестьяне, чтобы открыть ссудо-сберегательныя товарищества, основанныя на принципѣ самопомощи, должны имѣть деньги, — не могутъ же банки „питаться вѣтромъ, подобно эзоповой собакѣ",—а денегъ-то у крестьянъ и нѣтъ. „Большинство крестьянъ такъ бѣдно, что не можетъ даже дѣлать членскихъ взносовъ". Поэтому они привлекаютъ къ себѣ только сравнительно зажиточныхъ крестьянъ и рабочихъ, и слѣдовательно, доступны „далеко не всѣмъ и каждому, какъ объ этомъ вѣщали міру народные дѣятели", въ родѣ князя А. И. Васильчикова, а только очень немногимъ. Для большинства же населенія кредитъ путемъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ совершенно недоступенъ. Въ Германіи, въ свою очередь, Шульце-Деличевскіе народные банки „служатъ только имущимъ и отвертываются отъ неимущихъ, вслѣдствіе чего первые поднимаются еще выше, а послѣдніе опускаются еще ниже". То же наблюдается и въ Англіи. Поэтому „надежда залечить ссудо-сберегательными товариществами язву пролетаріата, свирѣпствующую въ Западной Европѣ и угрожающую Россіи", должна быть отнесена къ числу самыхъ неоснователь-

[1]) „Отеч. Зап." 1874 г. № 11-й, стр. 14.

ныхъ надеждъ". Это тѣмъ болѣе вѣрно, что ссудо-сберегательныя товарищества, долженствовавшія, по словамъ ихъ защитниковъ, содѣйствовать образованію сырьевыхъ обществъ и производительныхъ товариществъ, на практикѣ не оказались пригодными для этого, а напротивъ того, гораздо болѣе приспособлены „къ одиночной, индивидуальной жизни, чѣмъ къ ассоціонной дѣятельности".

Въ условіяхъ современнаго производства кредитъ, разумѣется, необходимъ, но прежде всего для борьбы съ крупнымъ капиталистомъ. Для этого онъ долженъ быть широкимъ, такимъ широкимъ, какой можетъ предоставить только государство, затѣмъ онъ долженъ быть производительнымъ, чего можно достигнуть, главнымъ образомъ, сдѣлавъ его общиннымъ. Кредитъ—перефразируетъ Сергѣй Николаевичъ слова И. Кауфмана—„внѣ всякой производительности, которой онъ служилъ бы и которая его поддержала бы, становится безсмыслицею, съ точки зрѣнія теоріи, и разореніемъ, съ точки зрѣнія практики. Только въ производительности кредитъ находитъ свою настоящую опору, свое разумное содержаніе, свою разумную цѣль и основу своего существованія". Развивая далѣе эту мысль, Сергѣй Николаевичъ говоритъ, что

„подъ кредитомъ есть только одна почва—производительность, основанная на трудѣ. Къ этой почвѣ кредитъ постоянно и тяготѣетъ, ею поддерживается, ею и обезпечивается. Все равно, надѣлены представители труда собственностью или не надѣлены, дѣло отъ этого не измѣняется: все равно имъ, представителямъ труда, имъ, труженикамъ и никому другому принадлежитъ весь ростъ производительности, а слѣдовательно, они и никто другой представляютъ собою, т. е. своимъ текущимъ трудомъ, своею текущею дѣятельностью, и обезпеченіе кредита"... „Работнику, а тѣмъ болѣе группѣ работниковъ, связанныхъ круговою порукою и занятыхъ дѣйствительнымъ производствомъ, невыгодно и гораздо меньше возможности злоупотреблять кредитомъ, чѣмъ человѣку, занятому разными коммерческими аферами, реализаціей новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій и вообще рискованными предпріятіями. Мы скажемъ даже больше, а именно, что злоупотребленіе кредитомъ, направленнымъ на непосредственное служеніе трудящимся классамъ, въ особенности организованнымъ въ извѣстныя промышленныя и бытовыя экономическія группы съ круговою отвѣтственностью всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, даже невозможно"... [1]).

Такой именно кредитъ и признавалъ Сергѣй Николаевичъ. Цѣль его дать возможность трудящемуся населенію организоваться въ производительные и другіе промышленные и бытовые союзы съ круговою отвѣтственностью, въ тѣхъ видахъ, чтобы ему, этому трудовому населенію, а

---

[1]) Тамъ же, стр 34—36.

не кому-либо другому принадлежалъ весь ростъ народной же производительности, и чтобы такимъ образомъ современныя выгоды капитализма были уничтожены.

Отъ изученія ссудо-сберегательныхъ товариществъ и вопросовъ мелкаго кредита вообще Сергѣй Николаевичъ перешелъ къ потребительнымъ обществамъ. Первыя двѣ статьи его объ этихъ обществахъ появились въ „Отеч. Запискахъ", подъ общимъ заглавіемъ „Кооперація на русской почвѣ", раньше, чѣмъ онъ имѣлъ возможность познакомиться съ матеріалами, собранными объ этихъ обществахъ С.-Петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Отдѣленіе это разослало потребительнымъ обществамъ свои вопросные пункты о положеніи этихъ обществъ весной 1872 г. Отвѣты на нихъ поступали очень туго, и въ концѣ концовъ изъ 80 существовавшихъ тогда обществъ отвѣтило только 9. Составить по этимъ отвѣтамъ картину дѣла не представлялось возможнымъ. Поэтому Отдѣленіе осенью 1873 г. рѣшилось добыть необходимыя для него свѣдѣнія путемъ выборокъ всѣхъ свѣдѣній о потребительныхъ обществахъ изъ повременныхъ изданій. Первая же статья Сергѣя Николаевича объ этихъ обществахъ была сдана имъ въ „Отечест. Зап." въ маѣ 1873 г., передъ отъѣздомъ его на Кавказъ. Работа Отдѣленія по собиранію выборокъ изъ газетъ и журналовъ была закончена только „въ теченіе 1874 года", когда обѣ статьи Сергѣя Николаевича не только были написаны, но и появились уже въ свѣтъ.

Это были первыя въ Россіи статьи, серьезно, съ научной обоснованностью трактовавшія вопросъ по даннымъ русскихъ обществъ. Онѣ были замѣчены, и С.-Петербургскому Отдѣленію комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ ничего не оставалось другого, какъ просить молодого автора ихъ—С. Н. Кривенко принять на себя разработку собранныхъ Отдѣленіемъ матеріаловъ для третьяго выпуска издаваемаго имъ „Сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи". Съ этой просьбой обратился къ нему князь А. И. Васильчиковъ, и Сергѣй Николаевичъ принялъ предложеніе, но при условіи, что ему будетъ принадлежать общее руководство работой и редактированіе ея. Первые 5—7 отчетовъ потребительныхъ обществъ для сборника были разработаны братомъ Сергѣя Николаевича—Александромъ Николаевичемъ, а остальные отчеты, въ виду отъѣзда послѣдняго, разрабатывались нѣкоторыми другими лицами. Общее освѣщеніе отчетовъ въ предисловіи къ „Сборнику" написалъ Сергѣй Николаевичъ, причемъ статьи его, помѣщенныя въ „Отеч. Зап.", вошли въ нѣкоторыхъ частяхъ и въ это предисловіе.

Въ немъ Сергѣй Николаевичъ хотя и высказывается отрицательно объ иллюзіяхъ Муро, считавшаго кооперацію „радикальнымъ средствомъ

противъ нищеты", но вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаетъ ея полезнаго и даже важнаго значенія. „У кооперативныхъ обществъ"—говоритъ онъ—

„есть очень крупные недостатки, которые собственно и внушаютъ къ нимъ недовѣріе, но недостатки эти не исключаютъ все-таки и многихъ хорошихъ сторонъ и не составляютъ такихъ глубокихъ, органическихъ пороковъ, которые не могли бы быть уничтожены, и уничтоженіе которыхъ влекло бы за собою уничтоженіе самаго начала этихъ обществъ. Не надо вмѣстѣ съ Муро, Верономъ, Пфейферомъ, Д'Андримономъ и другими экономистами боготворить кооперативныя ассоціаціи и увлекаться ими до слѣпоты, до того, чтобы не видѣть ихъ дурныхъ сторонъ; но не надо точно также впадать и въ противуположную крайность и не видѣть изъ-за ихъ недостатковъ ихъ хорошихъ сторонъ. Гораздо лучше употребить всѣ зависящія отъ насъ усилія для того, чтобы парализировать ихъ дурныя стороны и развить хорошія" [1]).

Что же касается собственно потребительныхъ обществъ, то недостатковъ у нихъ меньше, чѣмъ въ другихъ ассоціаціяхъ вообще и въ кредитныхъ обществахъ въ особенности. Многія нападки на потребительныя общества объясняются, какъ полагаетъ Сергѣй Николаевичъ, „неудачнымъ ихъ примѣненіемъ у насъ и поверхностнымъ отношеніемъ къ вопросу". Между тѣмъ, у нихъ есть крупныя достоинства, которыми необходимо пользоваться.

Основное изъ такихъ достоинствъ Сергѣй Николаевичъ выясняетъ, сравнивая потребительныя общества съ акціонерными вообще. Экономическія и юридическія условія тѣхъ и другихъ совершенно различны, „и смѣшивать ихъ значитъ дѣлать грубую ошибку. Въ акціонерномъ обществѣ, чѣмъ акціонеръ имѣетъ больше акцій, тѣмъ больше получаетъ и выгодъ; въ потребительномъ же обществѣ главнымъ агентомъ, главнымъ дѣятелемъ, создающимъ успѣхъ общества, является не капиталистъ, а потребитель, и потому прибыли дѣлятся пропорціонально потребленію, т. е. больше получаетъ выгоды тотъ, кто больше забиралъ въ обществѣ товаровъ". Сближая потребителя съ производителемъ — продолжаетъ Сергѣй Николаевичъ— „потребительное общество не ограничивается только такимъ пониженіемъ цѣнъ на товары, при которомъ торговый барышъ низводится до minimum'a, не ограничивается только опредѣленіемъ процента на капиталъ, оно въ принципѣ совсѣмъ устраняетъ всякіе проценты за посредничество, а слѣдовательно, становится противникомъ капитала, занятаго въ торговлѣ; тогда какъ акціонерное общество только о процентахъ на свой капиталъ и заботится" [2]), стараясь извлечь ихъ изъ рукъ не акціонеровъ, изъ внѣшняго

---

[1]) Сборникъ матер. объ артеляхъ въ Россіи. Потребител. товарищества. Изд. Спб. Отдѣленія Ком. о сел. ссудо-сберегат. и пром. товар. Вып. 3-й. Спб. 1875 г., стр. 23.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

міра. Потребительное общество никого не эксплоатируетъ; „оно доставляетъ членамъ только выгоды соединенныхъ усилій, причемъ каждый, помогая себѣ, помогаетъ и другимъ“ [1]). Дальнѣйшія выгоды потребительныхъ обществъ Сергѣй Николаевичъ формулируетъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ:

„они доставляютъ своимъ членамъ необходимые имъ предметы дешевле и лучше, чѣмъ они могли бы получить таковые отъ частныхъ торговцевъ, при чемъ, сверхъ того, въ общественной лавкѣ нѣтъ ни обмѣриванія, ни обвѣшиванія, ни поддѣлки товаровъ. Затѣмъ, товарищества помогаютъ своимъ членамъ, какъ каждому въ отдѣльности, такъ и всѣмъ вмѣстѣ, скопить изъ сбереженій нѣкоторый капиталъ, на который и является возможность давать дѣтямъ образованіе, выписывать газеты и книги, лѣчить заболѣвшихъ, кормить стариковъ, поддерживать цѣну на трудъ, а также устраивать банки и переходить къ производительнымъ обществамъ, т. е. вообще освобождать себя отъ давленія экономическихъ условій и улучшать свою жизнь и въ другихъ отношеніяхъ“ [2]).

Далѣе: потребительныя общества содѣйствуютъ сближенію людей между собою. Общія собранія, на которыхъ обсуждаются доклады, производятся выборы должностныхъ лицъ, происходитъ ревизія дѣлъ и проч.

„служатъ членамъ отличною школою самоуправленія. Кромѣ того, ставя девизомъ общественной торговли строгую честность и постоянно наблюдая за строгимъ исполненіемъ этого девиза, потребительныя общества преслѣдуютъ безчестные поступки и со стороны своихъ членовъ“ [3]).

Уставы и отчеты, особенно заграничныхъ обществъ, даютъ этому много доказательствъ.

Признавая огромную важность всѣхъ этихъ побочныхъ цѣлей, Сергѣй Николаевичъ, имѣя въ виду огромныя неудачи потребительныхъ обществъ, ошибки и гибель почти всѣхъ ихъ въ Россіи, рекомендуетъ, при устройствѣ и веденіи этихъ обществъ, сосредоточиться на преслѣдованіи ихъ главной цѣли и не разбрасываться „преждевременно“ на другія задачи. Сергѣй Николаевичъ признаетъ, „что онѣ непремѣнно должны стремиться къ самому всестороннему освобожденію своихъ членовъ изъ зависимости отъ капитала и, при первой возможности, должны устраивать кредитныя и, преимущественно, производительныя общества“. Но именно, въ интересахъ послѣднихъ, онъ находитъ, „что было бы гораздо лучше, если бы производительныя общества не сливались съ потребительными, а устраивались

---

[1]) „Отечествен. Зап“ 1874 г. № 3, стр. 44.
[2]) Сборн. мат. объ артел. въ Россіи. Потреб общ. вып. 3-й, стр. 12.
[3]) Тамъ же, стр. 13.

особо. Конечно, никто не мѣшаетъ и потребительному обществу устраивать производительное, пусть только при этомъ послѣднее имѣетъ особые уставы, особую организацію и въ выгодахъ ся принимаютъ участіе одни только участвующіе въ ней работники; пусть только сліяніе производителей съ потребителями происходитъ на почвѣ производительнаго общества, на почвѣ труда, а не потребленія". Въ будущемъ условія, быть можетъ, измѣнятся, но въ настоящей нашей дѣйствительности производительному обществу невыгодно поставлять свои произведенія потребительному обществу, ему гораздо выгоднѣе имѣть дѣло непосредственно съ потребителями посторонними, т. е. минуя всякое посредничество, доставлять товаръ прямо на рынокъ, гдѣ заплатятъ за него дороже, чѣмъ платятъ потребительныя общества, стремящіяся покупать товары возможно дешевле". Потребительному обществу, для достиженія своихъ цѣлей, „надо вѣдь доставлять своимъ членамъ сбереженія, тогда какъ постороннему потребителю все равно, кому ни платить за товаръ, купцу или самому производителю".

Главный смыслъ и значеніе потребительныхъ обществъ Сергѣй Николаевичъ видитъ въ разрушеніи ими капиталистическаго строя современной торговли и, слѣдовательно, въ борьбѣ ихъ съ капиталомъ. „Назначеніе кооперативныхъ ассоціацій"—говоритъ онъ—„есть борьба съ капиталомъ всѣми средствами" [1]). При этомъ условіи, онъ не могъ не сознавать, что и сами потребительныя общества въ современной дѣйствительности не могутъ избѣжать вполнѣ вліянія капитала. Отмѣчая поэтому принципъ распредѣленія прибылей въ такихъ обществахъ по размѣрамъ потребленія, онъ указываетъ, что и при осуществленіи этого принципа „больше выгоды получитъ все-таки человѣкъ богатый, какъ человѣкъ больше потребляющій". Противъ этого недостатка только и можетъ служить всестороннее развитіе коопераціи и прежде всего развитіе производительныхъ обществъ. Иначе значеніе кооперативнаго движенія вообще значительно бы сузилось, и польза его была бы односторонней и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сомнительной. И въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ:

„предположимъ на минуту, что человѣчество увлекается одними только потребительными обществами, не заботясь объ устройствѣ другихъ, и что потребительныя общества охватываютъ собою весь міръ, дѣлаются полными властителями всѣхъ рынковъ и устраняютъ на нихъ всякое постороннее посредничество. Прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ, конечно, удешевленіе жизни, удешевленіе средствъ существованія; весь тотъ барышъ, который прежде получался торговцами, будетъ оставаться въ рукахъ самихъ потребителей. Но удешевленіе жизни неминуемо вызываетъ пониженіе заработной платы. Это за-

[1]) „Отеч Зап". 1874 г. № 3, стр. 54.

конъ, который признаютъ экономисты всѣхъ странъ, всѣхъ лагерей и всѣхъ оттѣнковъ. Цѣна труда, слѣдовательно, падетъ, и вся выгода, которая получалась отъ устраненія торговаго посредничества въ пользу обществъ, будетъ уже переходить въ руки хозяевъ, у которыхъ работаютъ работники, будетъ переходить до тѣхъ поръ, пока трудъ не начнетъ опять получать minimum'а жизненныхъ издержекъ. Таковы могутъ быть послѣдствія односторонняго развитія однихъ только потребительныхъ обществъ" [1]).

Разумѣется, картина эта нѣсколько сгущена въ своихъ краскахъ. Сергѣй Николаевичъ оговариваетъ это и напоминаетъ, что даже при такомъ одностороннемъ развитіи потребительныхъ обществъ польза отъ устраненія ими торговаго посредничества будетъ значительна: „люди, занятые въ торговлѣ, перейдутъ въ промышленность и перенесутъ туда свои способности, прозиводство возрастетъ, продукты станутъ дешевле". Но все же одностороннее развитіе потребительныхъ обществъ не дастъ тѣхъ результатовъ, которые можно было бы ожидать при одновременномъ развитіи съ ними другихъ ассоціацій.

Устраивая послѣднія, нужно имѣть въ виду, что предназначаются онѣ для массы бѣднаго населенія, а не для богатыхъ классовъ. Это нужно не только въ цѣляхъ поднятія благосостоянія массы, въ цѣляхъ широкой демократизаціи и соціализаціи производства и потребленія, но и въ цѣляхъ успѣха самой техники ассоціаціи. Замѣчательно—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—„что почти всѣ лучшія заграничныя товарищества обязаны своими громадными успѣхами бѣдному человѣчеству; даже самая идея коопераціи родилась и окрѣпла въ его средѣ. Эти люди обладаютъ всѣми необходимыми качествами хорошихъ потребителей: дорожа каждымъ трудовымъ грошомъ и больше, чѣмъ кто-либо, страдая отъ злоупотребленія рынка, они съ радостью вступили бы въ общество, которое избавляетъ ихъ отъ эксплоатаціи лавочниковъ, удешевляетъ ихъ жизнь и даетъ возможность составить еще нѣкоторый капиталъ, и безъ всякаго сомнѣнія, понесли бы въ общество всѣ свои копейки" [2]).

Эта мысль повторяется теперь всѣми изслѣдователями вопроса, и, напр., Г. Давидъ, статья котораго „Соціализмъ и кооперативное движеніе" была переведена на русскій языкъ съ рукописи только въ декабрѣ 1906 г., говоритъ, что „бельгійскіе потребительные кооперативные союзы являются, въ большинствѣ случаевъ, ясно выраженными классовыми организаціями рабочихъ. Принадлежность къ нимъ ставится въ зависимость отъ принадлежности къ соціалистической партіи".

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ и т. д., стр. 14 и 15.
[2]) Отеч. Зап. 1874 г. № 3, стр. 52.

Трезво и вдумчиво относясь къ западно-европейскимъ кооперацiямъ „на русской почвѣ", Сергѣй Николаевичъ послѣдовательно отмѣчалъ и ихъ идейные недостатки и практическiя ошибки при ихъ осуществленiи въ Россiи. Съ тѣмъ же критическимъ отношенiемъ подошелъ онъ и къ русскимъ артелямъ въ статьѣ своей „Русскiя народныя артели", помѣщенной въ № 1-мъ „Отеч. Зап." за 1874 г. Эта статья его имѣетъ особый интересъ для выясненiя и истиннаго отношенiя его къ кооперацiямъ и всего его цѣльнаго мiровоззрѣнiя.

Понятiе объ артели—говоритъ Сергѣй Николаевичъ въ этой статьѣ—одни ученые совершенно отожествляютъ съ западной ассоцiацiей, а другiе разсматриваютъ, какъ „нѣчто совершенно особенное". Разнорѣчiе это объясняется, по его мнѣнiю, чрезвычайнымъ разнообразiемъ формъ русскихъ артелей.

„Нашъ народъ называетъ артелью и простыхъ рабочихъ поденщиковъ, часто нанятыхъ порознь однимъ хозяиномъ и связанныхъ между собою только совмѣстностью труда, и лицъ, добровольно соединившихся въ общество для самостоятельнаго преслѣдованiя одной общей экономической цѣли и выработавшихъ ясную и опредѣленную организацiю совмѣстнаго сотрудничества и рацiональной совмѣстной жизни. Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ *артель можетъ быть отожествленiемъ западной ассоцiацiи и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря большому развитiю принциповъ равноправiя и круговой поруки, болѣе совершеннымъ видомъ ея*, въ другомъ—будетъ смахивать на цеховыя учрежденiя, въ третьемъ—будетъ выражать собою простое собранiе людей только для совмѣстнаго процесса труда и т. д. Русскiй человѣкъ любитъ жить обществомъ и дѣйствовать „сообща", „за единъ человѣкъ", „голова въ голову", и называетъ артелью всякое соединенiе людей съ общею цѣлью" [1]).

Симпатiи Сергѣя Николаевича вполнѣ на сторонѣ этой жизни обществомъ, на сторонѣ артели вообще и особенно тѣхъ формъ ея, которыя онъ считаетъ выше западной ассоцiацiи. „Основное понятiе артели"—говоритъ онъ дальше,—„какъ это можно видѣть изъ первыхъ свѣдѣнiй объ артеляхъ, непремѣнно предполагало равенство членовъ и круговую поруку", т. е. то именно, что и возвышало ее надъ ассоцiацiями. Распространенiе такихъ артелей въ древней Россiи было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Съ водворенiемъ же крѣпостного права, артели „какъ бы исчезаютъ: дѣятельность крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, ограничивалась земледѣлiемъ въ пользу помѣщиковъ; помѣщики же заводили своихъ плотниковъ, кузнецовъ, слесарей и проч. и не дозволяли крестьянамъ самостоятельно зани-

---

[1]) „Отеч. Зап." 1874 г. № 1-й, стр. 3 и 4.

маться промыслами. Тамъ, гдѣ крѣпостное право оказывало меньше вліянія, артели сохранились больше".

Разсматривая дальше данныя, приведенныя въ I-мъ вып. „Сборн. мат. объ артел. въ Россіи", изданномъ С.-Петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудосберегат. и пром. товарищ., Сергѣй Николаевичъ отмѣчаетъ и другія вліянія, разрушавшія высшія начала русскихъ артелей. Важнѣйшее значеніе среди нихъ получилъ капиталъ. Въ сѣверныхъ артеляхъ, составлявшихся для охоты за моржами, сначала всѣ участники вносили въ предпріятіе и трудъ и капиталъ поровну, а потому и „раздѣлъ добычи былъ основанъ на принципѣ полнаго равенства". Но въ концѣ XVII вѣка, наряду съ такими артелями, поражавшими изслѣдователей „своею стройностью и законченностью", стали встрѣчаться и другія—съ предпринимателемъ-капиталистомъ во главѣ. Однимъ изъ первыхъ предпринимателей былъ архіепископъ холмогорскій и важскій—Аѳанасій, отправлявшій артели на Новую Землю „ради поживленія архіерейскаго дому на покупку церковныхъ потребствъ". Затѣмъ, ватаги и артели были боярскія, другихъ духовныхъ лицъ и вообще богатыхъ людей. Въ такихъ артеляхъ прибыль дѣлилась уже неравномѣрно: на капиталъ приходилась львиная часть, а на промышленниковъ остатки. При Елизаветѣ Петровнѣ сѣверные морскіе промыслы были отданы въ монополію, а промышленники-артельщики вынуждены были перейти въ разрядъ едва ли не простыхъ наемныхъ рабочихъ.

Къ счастью, артельныя начала не погибли совсѣмъ въ народѣ. Изслѣдованія указываютъ, что и теперь они возникаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Сергѣй Николаевичъ описываетъ такія вновь возникающія артели старателей на Уралѣ, нижнетуринскія артели Гороблагодатскаго округа и др. Для пробужденія артельныхъ организацій—говоритъ онъ—иногда требуется самый незначительный толчекъ, самая ничтожная поддержка. Въ иныхъ случаяхъ бываетъ достаточно хорошаго урожая, въ другихъ—возможности купить неводъ, въ третьихъ—достаточно „кликнуть кличъ", и артели возникаютъ, какъ организаціи, хорошо знакомыя и привычныя народу. И если бы не препятствія, которыя постоянно ставятъ артелямъ, то онѣ давно покрыли бы страну. А препятствій этихъ очень и очень много. Мѣшаетъ возникновенію артелей

„крайняя бѣдность крестьянъ и недостатокъ свободы дѣйствій. Когда не на что купить невода и орудій производства, когда безъ паспорта нельзя отлучиться даже въ другую деревню, когда мало земли и другой занять нельзя, то, понятное дѣло, артелямъ составляться трудно. Не менѣе этихъ причинъ мѣшаютъ артелямъ и необезпеченность ихъ въ юридическомъ отношеніи: хотя наше законодательство и допускаетъ

артели и круговую поруку,... тѣмъ не менѣе артели часто не могутъ составляться единственно потому, что недостаточно обезпечены въ легальномъ отношеніи... Какъ крѣпостное право, такъ и другія не менѣе вредныя вліянія, въ родѣ монополіи... и подчиненія артелей начальству, значительно повліяли на артельную организацію: подъ этими вліяніями исказились лучшія артельныя понятія—равенство и круговая порука,... подъ этими вліяніями явились въ артеляхъ хозяева и подрядчики, а капиталъ сталъ пользоваться особыми правами и преимуществами, подъ этими вліяніями вкралось въ артель развращеніе—многія артели стали нанимать работниковъ и поденщиковъ.

А между тѣмъ артели были особенно цѣнны, по мнѣнію Сергѣя Николаевича, своимъ высокимъ моральнымъ значеніемъ. Артельщики очень часто обязывались вести себя другъ съ другомъ „ласково, дружелюбно и честно", „возможно больше заботиться объ общемъ интересѣ", все добытое „вносить въ артель, ничего не скрывая въ свою пользу". Правила эти, всеобщія въ сѣверныхъ артеляхъ, нерѣдко переходили даже къ распространеннымъ въ старину союзамъ артелей, къ, такъ называемымъ, котлянамъ, роммамъ, бурсамъ и др. Въ этихъ союзахъ, сильныхъ не только экономической, но и моральной связью, подготовлялся новый строй, пока не былъ подавленъ капиталомъ и безвластіемъ. „Если бы—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—наша промышленность была организована на артельныхъ началахъ, то навѣрное можно сказать, что быстро достигла бы громаднаго развитія и не нуждалась бы, конечно, въ покровительственномъ тарифѣ" [1]).

Сергѣй Николаевичъ никогда не былъ узкимъ „самобытникомъ". Высоко цѣня свое народное и самобытное, предпочитая высоко развитую русскую артель западно-европейской ассоціаціи, онъ, однако, не только не отрицалъ послѣдней, но настойчиво рекомендовалъ примѣненіе ея во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ соотвѣтствующія народныя артельныя формы не могли быть примѣнены или по ихъ примитивности, или по ихъ необслѣдованности, или даже по отсутствію соотвѣтствующихъ формъ. Но свое народное, отражавшее въ себѣ высшую идею, высшую мораль, онъ предпочиталъ и занимался своимъ народнымъ чаще и охотнѣе.

Въ организаціи Черноморской колоніи-общины онъ надѣялся прежде всего осуществить русскія артельныя начала и несомнѣнно сдѣлалъ въ этомъ отношеніи серьезные практическіе шаги. Съ полнымъ заселеніемъ колоніи предстояла и общинная организація земельнаго хозяйства, но практически дѣло до этого не дошло, вслѣдствіе разгрома колоніи передъ такимъ именно ея заселеніемъ. Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть, такъ какъ, помимо нравственнаго удовлетворенія самого народника-строи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.

теля, болѣе всесторонній опытъ колоніи-общины несомнѣнно имѣлъ бы важныя послѣдствія и для успѣха идеи созидательнаго народничества. Эта послѣдняя такъ опредѣленно вытекала изъ преобладавшихъ въ то время народно-соціалистическихъ ученій, искавшихъ въ своихъ практическихъ программахъ революціонныхъ путей и терпѣвшихъ на нихъ неудачи, что при успѣхѣ въ жизни, на предпринятомъ Сергѣемъ Николаевичемъ опытѣ, она, если и не измѣнила бы революціоннаго характера движенія, то во всякомъ случаѣ удержала бы немало силъ на творческой созидательной работѣ и на практическомъ, опытномъ уясненіи народно-соціалистическихъ идеаловъ. Тогда, быть можетъ, и современное освободительное движеніе имѣло бы иную поддержку, иную опору въ народныхъ массахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ дѣятеляхъ, тѣхъ „сознательныхъ центрахъ“, которые готовили народники-строители семидесятыхъ годовъ.

М. Слобожанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Интересный документъ.

Въ Туринскихъ рудникахъ, на Уралѣ въ Пермской губерніи, Верхотурскаго уѣзда, у запертыхъ желѣзныхъ дверей одного изъ помѣщеній въ Старомъ Гостиномъ Дворѣ, съ незапамятныхъ временъ стоялъ часовой. По какому случаю онъ былъ поставленъ никто не зналъ, а изъ года въ годъ онъ ставился и что-то караулилъ.

Предполагали, что въ этомъ помѣщеніи сложены архивные документы.

Въ апрѣлѣ 1907 года, когда перестраивали Гостиный Дворъ, вскрыли помѣщеніе и тамъ на полкахъ нашли дѣла до 1802 года (до сихъ поръ не разобраны), а въ углу сложенными 2000 шпицрутеновъ и кучу аллебардъ.

Для чего стоялъ цѣлое столѣтіе часовой—неизвѣстно. Вѣроятно, караулилъ шпицрутены.

По поводу этой находки навели справки въ Музеѣ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, одномъ изъ лучшихъ музеевъ въ Россіи по количеству и цѣнности собранныхъ предметовъ.

Въ Музеѣ въ числѣ предметовъ, относящихся къ жизни старыхъ заводовъ Урала, имѣется пучекъ „розогъ", а въ библіотекѣ—обширной и цѣнной—между бумагами нашли любопытный документъ, хотя и позднѣйшей эпохи, но происхожденіе его, вѣроятно, современно шпицрутенамъ. Документъ этотъ,—копія департаментскаго циркуляра, тѣхъ блаженныхъ временъ, когда чиновники заботливо вымѣривали даже розги, заботясь о добромъ поведеніи и благонамѣреніи гражданъ Россійской Имперіи.

Приводимъ его цѣликомъ:

Копія.

27 Ноября 1873 года

Наставленіе о заготовленіи и употребленіи розогъ, коими должны быть наказываемы преступники, на основаніи судебныхъ приговоровъ.

1) Розги для наказанія преступниковъ, должны состоять изъ тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длиною $1^1/_4$ арш., а числомъ отъ 10 до 15,

такъ, чтобы общій объемъ ихъ въ нижнемъ концѣ послѣ соединенія въ пучекъ имѣлъ $1^3/_4$ вершка.

2) Прутьи сіи должны быть перевязаны въ трехъ мѣстахъ тонкою бичевкою, такъ, чтобы разстояніе отъ нижняго конца до послѣдней верхней перевязки составляло 6 вершковъ.

3) Тонкія отросли прутьевъ, идущія къ верхнему концу пучка, отъ третьей бичевки, не срѣзываются, а оставляются въ натуральномъ ихъ видѣ, лишь безъ листьевъ.

4) Послѣ 10 ударовъ розги признаются негодными къ дальнѣйшему употребленію и должны быть замѣняемы другими.

5) Розги надлежитъ имѣть не изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ, а изъ прутьевъ нѣсколько уже лежалыхъ, но отнюдь не сухихъ; на сей конецъ заготовляемыя единовременно розги стараться хранить въ сыромъ мѣстѣ, дабы онѣ имѣли надлежащую тягость и гибкость.

6) Тамъ, гдѣ нѣтъ березовыхъ прутьевъ, выписывать оные изъ другихъ мѣстъ.

Подлинное подписалъ: Директоръ *Оржевскій*; сѣрилъ за Начальника Отдѣленія *К. Поповъ*.

Сообщилъ **Н. А. Глущукъ**.

Воспоминанія [1].

ГЛАВА II.

Мой отецъ: его военная служба.—Вліяніе на его развитіе заграничныхъ походовъ, жизни въ Варшавѣ и любви къ чтенію.—Жизнь моихъ родителей въ уѣздномъ городѣ.—Няня и ея значеніе въ нашей семьѣ.—Холера 1848 г.—Появленіе чужого ребенка.—Смерть отца.—Разореніе семьи и ея несчастія.—Окончательный переѣздъ въ деревню. „Чортовъ мостъ" и дорожныя приключенія.

Когда моя мать, Александра Степановна Гонецкая, въ 1828 г. вышла замужъ, ей было 16 лѣтъ, а мой отецъ, Николай Григорьевичъ Цевловскій, былъ болѣе, чѣмъ вдвое старше ея,— ему шелъ 38-й годъ.

Члены моей семьи — мать, няня, мои старшіе братья и сестры вспоминали покойнаго отца не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и съ горячею любовью, вторая же моя сестра Саша (во время смерти отца она была еще подросткомъ) чуть не умерла отъ горя, лишившись его. Это благоговѣніе передъ памятью отца крайне удивляло многихъ нашихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе сосѣдей по имѣнію, такъ какъ фактъ разоренія отцомъ своего семейства былъ у всѣхъ на лицо. Изъ всей нашей семьи только самый младшій ея членъ, то есть я одна, долго скептически относилась къ восторгамъ, съ которыми у насъ говорили о покойномъ отцѣ. Это происходило отчасти отъ того, что послѣ смерти отца я осталась 4-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ, совсѣмъ его не помнила и лишь смутно представляла себѣ даже его внѣшній обликъ, а отчасти и потому, что когда я стала доискиваться причинъ культа его памяти, я была еще очень молодой дѣвушкой. Я только что тогда кончила свое образованіе въ Петербургѣ и, послѣ долгой разлуки съ семьей, пріѣхала домой. Это было въ освободительную эпоху 60-хъ годовъ, когда молодежь особенно критически относилась къ людямъ крѣпостническаго періода. Съ юнымъ жаромъ и задоромъ, вся по-

---

[1]) См. „Минувшіе годы". Февраль.

груженная въ стремленія и идеи этой кратковременной, но лучезарной эпохи, не зная еще ни жизни, ни людей, не получивъ достаточно солиднаго образованія, а, слѣдовательно, и не имѣя возможности выработать настоящей историческої перспективы, я недовѣрчиво спрашивала и себя, и другихъ: гдѣ и какъ могъ отецъ пріобрѣсти и сохранить лучшіе идеалы своего времени, какъ это особенно настойчиво утверждала моя любимая сестра Саша. Вѣдь онъ съ ранней юности до женитьбы былъ военнымъ, военная же среда того времени едва ли могла этому содѣйствовать? Я высказывала даже увѣренность (рѣдко кто въ молодости лишенъ самонадѣянности), что жизнь въ полку должна была наталкивать отца лишь на кутежи и попойки или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его свѣтскимъ человѣкомъ, чему могли содѣйствовать его представительная наружность (это было видно по его дагеротипу), и независимыя прекрасныя средства за все то время, пока онъ былъ холостымъ. Но болѣе всего мой скептическій взглядъ на отца поддерживался тѣмъ, что онъ владѣлъ крѣпостными: въ освободительную эпоху мы, молодежь, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣли на всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ рабствомъ и лишь по волѣ правительства порвавшихъ съ нимъ. Истинно идейный и гуманный человѣкъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ освободить крестьянъ по собственной иниціативѣ, а не по приказанію правительства.

Какъ-то однажды сестра Саша попросила меня разобрать съ нею старый сундукъ, наполненный книгами, оставшимися послѣ отца и испещренными на поляхъ его замѣчаніями, нѣсколькими тетрадями и рукописями, исписанными его рукою. Когда я перечитала все, что оказалось у меня подъ руками, я могла задавать относительно отца уже болѣе опредѣленные вопросы своимъ близкимъ. Собранныя мною свѣдѣнія вполнѣ совпадали съ тѣмъ, что я нашла въ его набросках и разсужденіяхъ по поводу того или другого явленія жизни, а также и съ его служебнымъ формуляромъ, сохранившимся у меня до настоящей минуты.

Мой отецъ былъ православный, какъ и его отецъ, но его мать была католичка и истая полька. Овдовѣвъ уже въ ранней молодости и имѣя хорошія средства, она вложила всю душу въ воспитаніе трехъ своихъ сыновей: Максима (прозваннаго Максомъ), Андрея и младшаго Николая (моего отца). Подъ ея бдительнымъ надзоромъ съ ними занимались гувернеры-иностранцы. Оба старшіе сына не обнаруживали любви къ занятіямъ, и она отдала ихъ въ корпусъ, младшаго же, своего любимца Николая, она оставила дома и дала ему блестящее, по понятіямъ того времени, первоначальное образованіе, для чего на первомъ планѣ требовалось тогда усвоеніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ. Сама же лично она болѣе всего старалась привить ему страстную любовь ко всему польскому и къ чтенію книгъ. Она вполнѣ достигла своей цѣли.

Мой отецъ, родившійся въ 1790 г., лишился матери, когда ему было 14 лѣтъ, послѣ чего онъ вступилъ юнкеромъ въ петербургскій уланскій полкъ; лишь черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры и несъ военную службу почти до самой женитьбы. Хотя его служебный формуляръ испещренъ упоминаніями о походахъ и войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ въ продолженіе всей своей 24-лѣтней военной карьеры, но это не мѣшало ему много читать и тратить не мало денегъ на покупку лучшихъ произведеній польской, французской и русской литературъ. Его разсужденія и замѣтки, которыя мнѣ удалось прочесть на русскомъ и французскомъ языкахъ (большая ихъ часть была набросана имъ на польскомъ языкѣ, котораго я не знала), вполнѣ убѣдили меня въ томъ, что онъ не только усвоилъ лучшія идеи французскихъ энциклопедистовъ XVIII и писателей XIX вв., въ родѣ Мицкевича (который, судя по восторженнымъ отзывамъ отца, оказывался его любимымъ поэтомъ), но что онъ былъ и страстнымъ поклонникомъ гуманныхъ идей, и по своему образованію стоялъ цѣлою головою выше того общества, среди котораго вращался. Въ его отзывахъ о только что прочитанныхъ имъ книгахъ меня поражали не только его вдумчивость, но для того времени даже оригинальность мыслей, живость впечатлѣній и наблюдательность, которыя особенно сказывались въ его разсужденіяхъ по поводу общественныхъ и политическихъ явленій западно-европейской жизни, а нерѣдко остроумное сопоставленіе ихъ съ фактами изъ русской дѣйствительности. Его широкій кругозоръ и живой интересъ къ общественнымъ вопросамъ, были не только результатомъ чтенія серьезныхъ сочиненій, но и слѣдствіемъ его преисполненной разнообразія военной службы, которая, на протяженіи почти четверти вѣка, то и дѣло бросала его то въ одну, то въ другую европейскую страну. Онъ посѣтилъ не только Турцію и Молдавію, но и Пруссію, Саксонію, Австрію, Францію, два раза въ продолженіе нѣкотораго времени жилъ въ Парижѣ и еще гораздо больше времени провелъ въ Польшѣ.

Мой отецъ начинаетъ участвовать въ походахъ и битвахъ съ ранней молодости. Уже въ 1805 г., т. е. 15 ти-лѣтнимъ юношей, онъ былъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ въ Моравіи, а черезъ два года—въ двухъ сраженіяхъ: при Прейсишъ-Эйлау и при Фридландѣ. Съ 1809 по 1811 г. включительно онъ участвовалъ въ кампаніи противъ турокъ и находился при осадѣ Браилова, Шумлы, Рущука и при взятіи въ плѣнъ войскъ турецкаго визиря. Въ 1812 г. его полкъ преслѣдовалъ полчища Наполеона при ихъ отступленіи, а затѣмъ совершилъ походъ черезъ Пруссію въ Саксонію и участвовалъ въ знаменитой четырехдневной битвѣ при Лейпцигѣ противъ Наполеона; въ 1814 г., послѣ нѣскольких сраженій съ французами, онъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, вступилъ въ Парижъ, гдѣ и пережилъ низложеніе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ на правахъ конституціонныхъ монарховъ. Обратный походъ отецъ совершилъ черезъ Гер-

манію въ Польшу, но вслѣдствіе того, что въ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и появился во Франціи, онъ долженъ былъ снова совершить походъ съ русскими войсками черезъ Германію въ Парижъ. Во время обратнаго похода отцу пришлось побывать въ Варшавѣ въ то время, когда уже были объявлены сначала основы польской конституціи, а затѣмъ подписана и самая конституція царства Польскаго. Но и послѣ этого, раньше, чѣмъ выйти въ отставку, онъ жилъ въ Варшавѣ около двухъ лѣтъ.

Особенное значеніе въ его умственномъ развитіи, безъ сомнѣнія, сыграли походы 1814 и 1815 годовъ, а также позднѣйшая жизнь въ Варшавѣ: на его глазахъ, съ одной стороны, совершилось обращеніе наполеоновской Франціи въ государство конституціонное, съ другой—развитіе конституціонной жизни въ Царствѣ Польскомъ.

Прекрасно владѣя польскимъ и французскимъ языками, мой отецъ былъ принятъ въ средніе кружки польскаго общества, гдѣ онъ встрѣчалъ писателей, художниковъ и вообще, какъ показываютъ его замѣтки, велъ знакомство не только съ весьма образованными мужчинами, но и съ женщинами высоко развитыми въ умственномъ отношеніи, попадавшимися тогда среди полекъ. Его наброски и разсужденія за этотъ періодъ его жизни показываютъ, съ какимъ живымъ интересомъ онъ относился къ общественнымъ вопросамъ и политикѣ.

Въ то время, когда жизнь въ Россіи была въ полномъ застоѣ, поляки Царства Польскаго имѣли уже конституцію. Хотя она была неудовлетворительна во многихъ отношеніяхъ, но все же польское общество было оживлено выборами въ сеймъ и разговорами о нихъ.

«Въ польскомъ обществѣ», говорится у отца въ одномъ изъ его набросковъ, «постоянно обсуждаютъ рѣчь имп. Александра, сказанную имъ при открытіи сейма въ 1818 г., а также рѣчи депутатовъ въ сеймахъ, ведутъ политическіе и философскіе споры, а у насъ можно слышать развѣ, какъ Никифоръ Сидоровичъ подкузмилъ своего пріятеля при продажѣ ему коня, либо какъ помѣщикъ именитаго рода, знатный своими связями и богатыми маетностями растлѣваетъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, либо какъ нѣкій почтенный мужъ, отецъ многочисленнаго семейства, дабы оттягать поемный лужокъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ позоритъ родную сестру, возводя одну клевету срамнѣе другой. И уже во всѣхъ гостиныхъ непрестанно раздаются розсказни о томъ, какъ такой-то помѣщикъ за проступокъ одного крестьянина выдралъ всѣхъ мужиковъ и бабъ своего фольварка отъ старика-дѣда до 5-ти-лѣтней внучки. Почтенные гости внимаютъ сему не съ омерзеніемъ, а съ веселіемъ дѣтской души, съ апробаціей, точно имъ повѣствуютъ о подвигахъ древнихъ героевъ».

Сильное вліяніе оказалъ на моего отца и варшавскій театръ.

Нужно помнить, что онъ былъ въ то время для поляковъ не только любимымъ развлеченіемъ, но и искусствомъ, имѣющимъ громадное образовательное значеніе, однимъ изъ наиполезнѣйшихъ средствъ для ихъ служенія страстно любимой отчизнѣ. Варшавскій театръ былъ лучше обставленъ и поставленъ, чѣмъ русскій столичный театръ, и имѣлъ огромное вліяніе на всю жизнь моего отца. Будучи женатымъ и имѣя большую семью, онъ всегда проводилъ мысль, что изъ всѣхъ просвѣтительныхъ вліяній наибольшее имѣетъ театръ, какъ первѣйшее средство для воспитанія въ молодежи благородныхъ чувствъ. Эта мысль, всецѣло овладѣвшая имъ, заставила его впослѣдствіи, несмотря на свои скромныя матеріальныя средства, устроить свой собственный театръ. Хотя онъ не построилъ для него особаго зданія, и представленія происходили въ квартирѣ, занимаемой его семьей, хотя все было устроено такъ просто, какъ теперь на домашнихъ дѣтскихъ спектакляхъ, и артистами являлись прежде всего собственныя дѣти и крѣпостные, но все же этотъ театръ въ концѣ концовъ помогъ окончательному разоренію моего отца.

Театральная обстановка и доспѣхи нашихъ доморощенныхъ артистовъ (изъ 11-ти человѣкъ крѣпостныхъ, исключительно предназначенныхъ для театра, 6 человѣкъ были актерами, а 5 музыкантами) оказывались крайне незамысловатыми. Короны были склеены изъ золоченой бумаги и украшены фольгою и цвѣтными бусами; шпаги, латы, сабли и т. п. сдѣланы изъ папки и дерева, раскрашены или обклеены разноцвѣтной бумагой; туалеты артистокъ смастерены изъ самой дешевой матеріи съ бумажными блестками,—однимъ словомъ, все было приготовлено домашнимъ способомъ, руками моихъ сестеръ и горничныхъ.

Если бы кто-нибудь теперь взглянулъ на всѣ эти театральныя принадлежности, то навѣрно бы подумалъ, что такимъ театромъ могли забавляться лишь дѣти въ небогатой семьѣ, никто бы не повѣрилъ, что образованный, серьезный человѣкъ могъ отдавать ему всѣ свои силы душевныя и матеріальныя. Конечно, причиною полнаго разоренія моей семьи былъ не только театръ, а вообще безпечность отца, который жилъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ позволяли ему его скромныя средства, но сильно помогали этому и наши театральныя представленія. Особенно обременительны были пріемы гостей, съѣзжавшихся на нихъ иногда издалека, и не только съ членами своей семьи, но и съ своими гувернантками, горничными и лакеями,—всѣхъ ихъ приходилось угощать ужинами, а нѣкоторыхъ содержать съ лошадьми и челядью въ продолженіе нѣсколькихъ дней. И то еще хорошо, что не всѣ оставались гостить: театральныя представленія были устроены въ уѣздномъ городѣ (гдѣ тогда жили мои родители), и на нихъ являлись не только городскіе знакомые, но и знакомыя помѣщичьи семьи, живущія въ своихъ деревенскихъ помѣстьяхъ. Гости, пріѣхавшіе издалека—за верстъ 30, 40—не

могли пуститься ночью въ обратный путь при тогдашнихъ ужасающихъ дорогахъ. Да и чего имъ было торопиться? Спѣшной, обязательной работы у помѣщиковъ не бывало. Разъ пріѣхали изъ своего захолустья, нужно воспользоваться случаемъ! На другой день послѣ спектакля одни изъ гостей садились за карты, другіе предпринимали увеселительное катанье куда-нибудь за городъ или отправлялись на охоту за нѣсколько верстъ, а вечеромъ молодежь устраивала танцы, игры и пѣніе.

Несмотря на то, что моя мать послѣ смерти своего мужа осталась въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, она свято чтила его память и вспоминала о немъ не иначе, какъ съ трогательнымъ благоговѣніемъ.

Когда кто-то изъ близкихъ однажды при насъ, уже взрослыхъ ея дѣтяхъ, выразилъ ей свое удивленіе, какъ она, при большой семьѣ, могла допускать жизнь не по средствамъ, вотъ какъ она оправдывала себя и мужа, вотъ что поразсказала она по этому поводу:

«Послѣ нашего брака Николай Григорьевичъ точно обозначилъ роли въ хозяйствѣ каждаго изъ насъ: я должна была заботиться о дѣтяхъ, завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ, скотнымъ дворомъ, прислугою, а въ его распоряженія относительно крѣпостныхъ и сельскаго хозяйства я не имѣла права вмѣшиваться. Я была очень молода, довѣряла ему во всемъ, думала, что онъ лучше меня знаетъ, какъ это должно быть, а потому и не обращала вниманія на остальное. Конечно, съ годами я все болѣе сознавала, что, при нашей громадной семьѣ, слѣдовало бы жить поскромнѣе, не вводить у себя такихъ затѣй, какъ театръ... Но вѣдь мужъ устроилъ его не для своей забавы, а для пользы дѣтей. Ему самому ничего не нужно было: ему хотѣлось только, чтобы его дѣти, какъ пчелы, жужжали вокругъ него, чтобы ихъ интересы были чище и выше интересовъ окружающей среды... Подумайте только, что мы видѣли въ то время кругомъ! Безшабашный разгулъ, грязь, развратъ, взяточничество, истязанія крестьянъ, отчаянный картежъ!.. Совсѣмъ другое было у насъ. Бывало, мужъ только что прибѣжитъ изъ должности, сейчасъ начинаетъ учить дѣтей, или устраиваетъ репетицію, а то сидитъ и переводитъ Мольера для своего театра, много переводилъ съ польскаго, ставилъ пьесы Фонвизина и Грибоѣдова. Многіе помѣщики нашего уѣзда впервые изъ представленій нашего театра познакомились съ произведеніями русскихъ писателей, даже съ комедіею «Горе отъ ума».

«Никогда, ни въ одной семьѣ не встрѣчала я человѣка, который бы такъ страстно любилъ своихъ дѣтей, какъ вашъ отецъ: онъ всю свою жизнь готовъ былъ отдать на то, чтобы сдѣлать васъ людьми болѣе просвѣщенными и гуманными. Онъ то и дѣло открывалъ какія-нибудь способности то у одного, то у другого изъ васъ и находилъ, что нѣтъ больше преступленія, какъ зарыть въ землю талантъ, не постараться развить его. Узнаетъ

бывало, что кто-нибудь изъ знакомыхъ хорошо рисуетъ, и попроситъ его обучать дочь или сына, да при этомъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, дѣлаетъ ли его ребенокъ успѣхи. Вторая дочурка наша, покойница Манюня, любила въ саду копаться... Онъ прискалъ ей хорошаго садовника, который ее садоводству обучилъ. И какія она стала разводить георгины, штокъ-розы, гіацинты, научилась прививать фруктовыя деревья, сажать и сѣять всевозможные цвѣты, ухаживать за ними! На вечеринкѣ увидитъ барышню, которая хорошо протанцуетъ характерный танецъ, онъ сейчасъ же подсядетъ къ ней и попроситъ показать ее его той или другой своей дочкѣ».

«Во время нашихъ театральныхъ спектаклей въ антрактахъ (вѣдь онъ самъ всему училъ актеровъ и всѣмъ распоряжался) мужъ выйдетъ къ публикѣ, посадитъ къ себѣ на плечи Петюню (забавный былъ мальчишечка) и заставитъ его говорить съ жестами какое-нибудь стихотвореніе или басенку. А послѣ окончанія спектакля дочери должны были протанцовать качучу или выйти къ публикѣ въ русскихъ нарядахъ. Вотъ и явятся онѣ, мои доченьки, въ сарафанахъ, кокошникахъ или въ дѣвичьихъ повязкахъ со множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ, падающихъ на спину вмѣстѣ съ косой, съ нитками разноцвѣтныхъ бусъ на шеѣ, и отхватываютъ весело-превесело русскую съ своими братьями, которые тоже одѣты въ кумачевыя рубахи и черные плисовые штаны. А послѣ разудалой русской мужъ прикажетъ оркестру играть «По улицѣ мостовой», и старшія дочки наши, помахивая бѣлыми платочками, плывутъ, какъ лебедушки.

«Счастливыя, счастливыя», крикомъ кричатъ посторонція барышни моимъ дочерямъ! «Какъ вамъ хорошо, весело живется при такомъ отцѣ!»

«Но эти представленія вызывали и зависть: завидовали тому, что къ намъ всѣ стремились, что у насъ было такъ весело, какъ нигдѣ. Иная барыня, бывало, вся изстрадается, что ни я, ни мои дочери не обращаемъ вниманія на пересуды, и ужъ какъ-нибудь ввернетъ мнѣ: «А какъ васъ Анна Павловна осуждаетъ за вашъ театръ! Говоритъ, что при такомъ небольшомъ имѣніи, какое у васъ, это должно быть крайне разорительно!..» А я, бывало, сейчасъ и перебью ее просьбою передать этой самой Аннѣ Павловнѣ, что я больше ее на свои спектакли не позову. И какъ этого боялись! Послѣ нѣсколькихъ сплетней, переданныхъ мнѣ, уже никто ни гу-гу... Сама знала я, что эта затѣя не по нашему карману, но настоять на томъ, чтобы мужъ уничтожилъ ее, не могла... Какъ сравню, бывало, свою семью съ другими, подумаю, какая у меня семейная жизнь и какая у другихъ, какіе разговоры ведутъ мои дѣти и какіе у нихъ интересы,—и скажу себѣ: нѣтъ, трогать нельзя, а то, пожалуй, изломаешь и все хорошее.

«Особенно укрѣплялась я въ этой мысли потому, что видѣла любовь дѣтей къ отцу... Бывало кто-нибудь изъ моихъ дѣвочекъ во время вечера отойдетъ въ сторонку и надуетъ губы...

«Чего еще тебѣ не хватаетъ?» спрошу ее. «Мамашечка, попросите папу, что бы онъ со мной потанцовалъ,—а то онъ со всѣми уже по два раза прошелся, а со мной только разъ». Имъ ничего не нужно было, только бы отецъ былъ съ ними, и Николай Григорьевичъ безъ нихъ нигдѣ не бывалъ, никуда не ходилъ... Что же, думаю, бывало, если, по холодности характера, я сама не могу внушить дѣтямъ горячей любви, пусть любятъ отца, — онъ болѣе меня достоинъ этого...

«По чистой совѣсти могу сказать: хотя послѣ смерти мужа я и осталась безъ всякихъ средствъ, пожалуй что и по его винѣ, но если я могла вынести всевозможныя лишенія, страшную тяготу, если я сумѣла поставить хозяйство такъ, что у меня есть теперь кусокъ хлѣба, — всѣмъ этимъ я исключительно обязана ему.

«Вы, современное поколѣніе,—люди безъ предразсудковъ, а ко мнѣ многіе изъ нихъ крѣпко прицѣпились, — вы будете смѣяться, если я скажу вамъ, что я до сихъ поръ глубоко вѣрю въ то, что мой мужъ и теперь все видитъ, все знаетъ, что со мною происходитъ, поддерживаетъ меня въ тяжелыя минуты, даетъ мнѣ совѣты и за гробомъ... Да и подумайте сами,—если бы этого не было, могла ли бы я вынести то, что мнѣ пришлось вынести? Скажу больше: если бы мнѣ приходилось снова начинать жизнь и уже сознательно выбирать себѣ мужа, я бы вышла замужъ только за него, даже если бы знала, что впереди меня ждутъ тяжкія лишенія изъ-за его легкомыслія!

«Вы, молодежь, презираете насъ за то, что мы владѣли крѣпостными, но, если бы вы хорошенько знали моего мужа, вы сдѣлали бы для него исключеніе... Служилъ онъ уѣзднымъ судьею, жалованье получалъ маленькое-премаленькое... Другіе-то во много разъ увеличивали его, а иной такъ и просто наживался... Вѣдь тѣ времена были такія, что съ живого и съ мертваго драли и деньгами, и натурой... А онъ и взятками брезговалъ, и добровольныхъ приношеній не допускалъ. По своему образованію онъ тоже стоялъ выше другихъ: въ подлинникѣ лучшихъ писателей и мыслителей читалъ...»

— Какъ же это случилось, — спросилъ одинъ изъ моихъ братьевъ,—что отецъ, человѣкъ образованный, сумѣвшій въ такое жестокое время, въ самый разгаръ крѣпостничества, сохранить свѣтлый умъ и гуманное отношеніе къ окружающимъ, не додумался до того, что крѣпостное право—самое позорное безправіе, самая жестокая несправедливость?

«Ужъ не знаю, право, какъ тебѣ это объяснить!.. Можетъ быть, онъ и думалъ, да молчалъ потому, что ничего не могъ сдѣлать: вѣдь онъ же зналъ, что его громадной семьѣ безъ крестьянъ нечѣмъ будетъ жить!.. А можетъ быть, онъ въ разсужденія объ этомъ не хотѣлъ вступать со мною,—я далеко не всѣ мысли его тогда понимала и раздѣляла. Признаюсь,—иное мнѣ казалось просто сумасбродствомъ съ его стороны. Не терплю

хвастать да выказывать себя лучше, чѣмъ я есть, а потому откровенно сознаюсь вамъ, дѣтушки, очень часто огорчала я его: многія его мысли благородныя я поняла гораздо позже, а кое-что даже только теперь, когда вы повыросли, изъ вашихъ разговоровъ и споровъ... Теперь я иногда даже сама себѣ удивляюсь, какъ это тогда, въ крѣпостное время, мнѣ насчетъ многаго не приходили въ голову самыя элементарныя мысли. Въ примѣръ приведу хотя вотъ что: вѣдь здоровѣе меня трудно было найти другую женщину. Я неизмѣнно пользовалась такимъ прекраснымъ здоровьемъ, что у меня за всю мою жизнь никогда даже голова не болѣла... Хотя при мужѣ мы жили открыто, но я и въ то время не любила модничать: слишкомъ была большая семья, чтобы думать о своихъ нарядахъ, а между тѣмъ своихъ дѣтей грудью не кормила, брала для всѣхъ васъ кормилицъ изъ крѣпостныхъ. А почему? Кругомъ всѣ такъ дѣлали, и я поступала, какъ другіе. Меня теперь самое поражаетъ, что я не могла додуматься до такой пустой и немудрящей вещи. А вѣдь я не была ни умственно убогою, ни нравственною идіоткою! Доподлинно справедливы слова, что человѣкъ—продуктъ своего времени.

«Что же касается вашего отца, то скажу, что хотя онъ и не освободилъ своихъ крестьянъ, но никогда не злоупотреблялъ своимъ помѣщичьимъ правомъ. О вопіющихъ жестокостяхъ помѣщиковъ относительно крестьянъ онъ то и дѣло подавалъ жалобы и предводителю дворянства, и въ разныя учрежденія, старался устроить въ своемъ имѣніи такъ, чтобы въ каждой крестьянской семьѣ была и лошадь, и корова, и чтобы крестьянину оставалось время для обработки его крестьянской земли. Правда, не всегда выходило такъ, какъ онъ этого желалъ,—временами сильно бѣдствовали наши крестьяне, но нужно помнить и то, какая у насъ жалкая земля, какъ часты у насъ недороды, да и его не хочу обѣлять—плохой онъ былъ хозяинъ, тратилъ изъ хозяйства больше, чѣмъ оно могло выдержать, но что онъ заботился о своихъ подданныхъ, относился къ нимъ болѣе человѣчно, чѣмъ кто бы то ни было въ нашей округѣ, въ этомъ завѣряю васъ, какъ передъ Богомъ».

По разсказамъ людей, близко знавшихъ моего отца, это былъ человѣкъ веселый, живой, въ высшей степени мягкій; особенно бросалась въ глаза каждому, кто видѣлъ его въ семьѣ, его страстная любовь къ своимъ дѣтямъ. Если онъ невзначай заставалъ матушку въ ту минуту, когда она кому-нибудь изъ нихъ давала трепку или тумака, то онъ начиналъ дрожать, видимо чувствуя органическое отвращеніе къ подобному педагогическому воздѣйствію. Онъ приходилъ въ отчаяніе, какъ отъ того, что его нѣжно любимая жена прибѣгаетъ къ такой грубой расправѣ, такъ и за своихъ дѣтей, которыхъ онъ обожалъ. Вслѣдствіе этого матушка остерегалась при немъ прибѣгать къ своему обычному способу воспитанія, но въ его отсутствіе она рѣдко могла удержаться отъ своей привычки.

Если отецъ не былъ на службѣ, онъ занимался съ дѣтьми или поднималъ съ ними возню, которою самъ увлекался, какъ ребенокъ. Матушка, выведенная изъ терпѣнія шумомъ и визгомъ, выскакивала тогда изъ своей комнаты, гдѣ она занималась счетами или хозяйственными распоряженіями, и расталкивала въ разныя стороны дѣтей и расшалившагося мужа. Чтобы задобрить ее, отецъ цѣловалъ ея ручки или хваталъ ее за талію и начиналъ бѣшено вальсировать. И матушка моментально смягчалась.

Отецъ съ матушкой, несмотря на діаметрально противоположные вкусы и характеры, относились другъ къ другу съ полнымъ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью. Но это не исключало маленькихъ домашнихъ сценъ и ссоръ, происходившихъ въ большинствѣ случаевъ изъ-за воспитанія дѣтей. Матушка и серьезно, и въ шутку укоряла отца за баловство дѣтей, за то, что онъ не умѣетъ соблюдать съ ними отцовскаго авторитета, а отцу не нравилась ея холодность въ обращеніи съ ними. Матушка оправдывалась тѣмъ, что женщина, которая, какъ она, носитъ каждый годъ ребенка подъ сердцемъ, не можетъ быть страстною матерью.

Однако, изъ слышаннаго мною объ отцѣ я не все находила прекраснымъ и въ его воспитаніи. Будучи для своего времени человѣкомъ передовымъ и сознавая весь вредъ предразсудковъ, господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ, онъ всѣми силами старался искоренять ихъ въ своихъ дѣтяхъ. Онъ строго запрещалъ стращать ихъ мертвецами, оборотнями, вообще говорить имъ что бы то ни было, несообразное съ здравымъ смысломъ. Къ числу предразсудковъ онъ относилъ боязнь темной комнаты и грома,—страхъ передъ тѣмъ и другимъ онъ старался уничтожать несвойственными его мягкой натурѣ суровыми мѣрами, отъ которыхъ самъ страдалъ и которыя иной разъ приносили его дѣтямъ не менѣе вреда, чѣмъ самые предразсудки. Одна изъ моихъ сестеръ, 10—11-ти лѣтняя дѣвочка, особенно болѣзненно относилась къ грому и грозѣ. Когда небо заволакивалось свинцовыми тучами, она бросалась въ постель и накидывала на голову, что попадало подъ руку. Но отецъ насильно тянулъ ее на дворъ: дѣвочка билась у него въ рукахъ, кричала, плакала... У отца при этомъ текли слезы изъ глазъ, онъ нѣжно укутывалъ ее въ платокъ, но крѣпко держалъ и оставлялъ подъ открытымъ небомъ. Однажды онъ вытащилъ ее во время сильной грозы. Сестра умоляла пустить ее въ комнаты, кричала, тряслась, вдругъ упала на землю, и съ ней сдѣлался припадокъ, въ родѣ падучей. Отецъ былъ въ отчаяніи, но въ первый же разъ, когда снова разразилась гроза, опять началъ уговаривать ее и тащить съ собой, пока этой педагогической мѣрѣ не положила конецъ матушка. Ея здравый смыслъ восторжествовалъ: она вырвала у мужа трепещущую дѣвочку и рѣзко накричала, что она ни за что болѣе не позволитъ ему сводить съ ума своихъ дѣтей.

Мой отецъ старался и въ своей женѣ развить любовь къ

серьезному чтенію и ко всему польскому. Хотя матушка, за множествомъ домашнихъ обязанностей, не часто располагала свободнымъ временемъ, но она все-таки выучилась этому языку, что давало возможность отцу читать ей вслухъ польскія книги. Мало того, онъ самъ училъ старшихъ дѣтей по польски и разговаривалъ съ ними не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Но какъ только умеръ отецъ, всѣ въ домѣ стали говорить исключительно по-русски. Мои братья и сестры, не имѣя практики въ польскомъ языкѣ, начали постепенно его забывать; я же, оставшись послѣ смерти отца маленькимъ ребенкомъ, когда у насъ воцарился исключительно русскій языкъ, не запомнила отъ ранняго дѣтства ни одного польскаго слова.

Послѣ брака мои родители лишь нѣсколько лѣтъ прожили въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи Погорѣломъ, а затѣмъ переселились въ П... уѣздный городъ С—ской губ., переѣзжая въ деревню только на лѣтнее время. И такъ моя семья большую часть года проводила въ городѣ для того, какъ говорилъ матери покойный отецъ, «чтобы не погрязнуть въ захолустныхъ дебряхъ, среди людей звѣрнаго образа».

Но едва ли такой жалкій уѣздный городишко, какъ П..., былъ въ то время болѣе приспособленъ для жизни культурнаго человѣка, чѣмъ наше захолустное помѣстье. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, я думаю, что къ переселенію въ городъ отца побудило прежде всего желаніе увеличить средства своей многочисленной семьи.—онъ получилъ въ немъ мѣсто уѣзднаго судьи, а затѣмъ желаніе устроить собственный театръ, что, конечно, удобнѣе было осуществить въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Окончательному рѣшенію переселиться въ городъ содѣйствовало болѣе всего то, что моему отцу неожиданно представился случай купить въ городѣ П.... большой деревянный домъ со службами, надлежащими пристройками и хорошимъ садомъ чуть не задаромъ, а именно за 700 руб. ассигнаціями.

Семья наша увеличивалась съ каждымъ годомъ. Довольно сказать, что матушка, проживъ съ отцомъ 20 лѣтъ (отъ 1828 до 1848 г.) имѣла по ея *собственному счету* 16 человѣкъ дѣтей. Я указываю на ея *собственный счетъ* потому, что онъ не согласовался со счетомъ сосѣдей. У матушки была какая-то болѣзненная ненависть къ точному опредѣленію количества своихъ дѣтей. Однажды она сказала при сосѣдкѣ-помѣщицѣ что-то въ такомъ родѣ: «когда у женщины было такъ много дѣтей, какъ у меня»... Собесѣдница перебила ее словами: «Да, порядочная была у васъ семья! Вы-то считаете, что у васъ было 16 дѣтокъ, а всѣ кругомъ говорятъ, что ихъ у васъ было 19: вы ни выкидышечковъ, ни мертворожденненькихъ въ счетъ не берете»...

Матушка, крайне вспыльчивая по натурѣ, вышла изъ себя при этихъ словахъ и наговорила большихъ рѣзкостей сосѣдкѣ, которая не переставала подзадоривать ее словами: «Чего же стыдиться этого? Господи, Боже мой! Вѣдь это же благодать!

Отъ воли Божіей... Къ тому же у васъ всѣ они законпорожденные»...

Однако, если остановиться и на матушкиной статистикѣ, т. е. на томъ, что у нея было 16 человѣкъ дѣтей, то въ 1848 г., т. е. передъ холерою, ихъ оставалось уже 12, такъ какъ четверо изъ нихъ умерли еще до этого злосчастнаго года: двое изъ умершихъ были моложе меня, такъ что я уже передъ смертью отца была самою младшею въ семьѣ.

Въ жизни моего семейства няня играла выдающуюся роль. Мы, дѣти, крѣпко были привязаны къ ней, а я и моя сестра Саша любили ее даже больше матери. Вотъ потому-то я и считаю необходимымъ объяснить, какъ она у насъ появилась. Всѣ служащіе у насъ люди были нашими крѣпостными, кромѣ няни, которая была изъ мѣщанскаго состоянія, слѣдовательно, могла свободно располагать собою. Но въ то время, какъ у низшаго, такъ и у высшаго класса русскаго общества, понятія были чисто крѣпостническія, рабскія. Няня до глубины души оскорблялась каждый разъ, когда кто-нибудь изъ домашнихъ напоминалъ ей о томъ, что она человѣкъ свободный. Она считала себя настоящей рабой моихъ родителей и всего моего семейства.

— Нянюшечка, — кричалъ иногда кто-нибудь изъ моихъ братьевъ, чтобы посердить ее.—Ты не наша крѣпостная! Если ты убѣжишь отъ насъ, становой не будетъ тебя разыскивать...

— Что я тебѣ сдѣлала, Заринька (Захаръ),—отвѣчала она съ горечью.—Чѣмъ не угодила, что ты меня такъ обижаешь?

Но тутъ со всѣхъ сторонъ поднимались возмущенные голоса дѣтей. «Зарька! Какъ ты смѣешь обижать няню!» И всѣ мы, какъ по мановенію волшебнаго жезла, бросались къ ней со словами: «Няня наша, наша собственная! Она не смѣетъ уйти отъ насъ!»

— Конечно не смѣю! — отвѣчала она, уже совершенно успокоенная.

Вотъ какъ эта совершенно свободная женщина сдѣлалась нашею, по ея мнѣнію, неотъемлемою собственностью. Родители няни были зажиточными мѣщанами. Ея отецъ держалъ постоялый дворъ, и вся его семья, состоявшая изъ жены и дочери Маши (впослѣдствіи нашей няни), должна была работать, не покладая рукъ. Онъ былъ человѣкъ крутого нрава и за ничтожную оплошность жестоко расправлялся съ женою и дочерью.

Маша и въ дѣтствѣ не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, а когда мать ея внезапно умерла, это такъ потрясло дѣвочку, которой въ то время было четырнадцать лѣтъ, что она захворала послѣ похоронъ, а когда встала съ постели, очень долго не могла вполнѣ оправиться. Отецъ нанялъ на время работницу, но скоро объявилъ дочери, что ей уже время работать, а такъ какъ она взрослая, то и можетъ все дѣлать сама. Но Маша плохо справлялась съ хозяйствомъ, за что тяжелая рука отца обрушивалась на нее съ такой силою, что нерѣдко оставляла кровавый

слѣдъ. Такъ прожила она съ полгода послѣ смерти матери, какъ вдругъ узнала, что отецъ ея собирается жениться во второй разъ, да еще на сварливой бабѣ. Тогда Маша рѣшила, что положеніе ея въ домѣ при мачехѣ еще ухудшится и задумала бѣжать раньше, чѣмъ отецъ женится. Случай помогъ этому.

Какъ-то весною она вышла изъ дому и сѣла на заваленку. Мимо нея прошли нищіе и недалеко отъ ея дома сдѣлали привалъ. Ихъ пѣніе и разсказы такъ прельстили дѣвочку, что она открыла свою тайну одной изъ нищенокъ, которая и пригласила ее странствовать вмѣстѣ съ ними, питаться подаяніемъ, «прославляя имя Господне и вымаливая у Всевышняго прощеніе людямъ ихъ грѣховъ». Это предложеніе понравилось дѣвочкѣ, и она сдѣлалась нищенкою.

Но бродячая жизнь въ холодъ и непогоду, ночевки на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ очень скоро подорвали ея здоровье. Къ ея все большему недомоганію и къ жестокимъ лишеніямъ, которыя ей пришлось выносить, присоединилось еще отвращеніе къ нищимъ, съ которыми столкнула ее судьба. Приближаясь къ деревнѣ, они обыкновенно ловко загоняли въ сторонку куръ съ цыплятами и утокъ и сворачивали имъ головы, вытаскивали узелокъ у спящаго на дорогѣ человѣка, вообще оказывались опасными товарищами.

До города Владимира, куда нищіе направлялись, оставалось уже нѣсколько верстъ, когда они замѣтили деревенскую избу, а на изгороди, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, развѣшанное бѣлье. Старшій въ этой компаніи нищій рѣшилъ тутъ сдѣлать привалъ, а Машѣ приказалъ осторожно стащить все съ изгороди. Дѣвочка стала умолять его не давать ей этого порученія, но при этихъ словахъ нищій уже поднялъ свою клюку, чтобы ее ударить, какъ вдругъ издали раздался стукъ колесъ и звонъ колокольчиковъ, и онъ успѣлъ только толкнуть ее изо всей силы и грозно закричать ей, что онъ убьетъ ее, если она попадется ему на дорогѣ.

Долго пришлось Машѣ бродить по городу, не получая подаянія. Мой отецъ, который по своимъ дѣламъ находился въ это время во Владимирѣ, случайно натолкнулся на дѣвочку, упавшую безъ чувствъ отъ голода, утомленія и слабости, свезъ ее въ больницу, узналъ отъ нея всю ея исторію, пришелъ ее навѣстить и, когда она оправилась, далъ ей денегъ и отправилъ съ письмомъ къ своему знакомому, управлявшему поблизости фабрикою. Но, прежде чѣмъ разстаться съ дѣвочкою, мой отецъ далъ ей адресъ своего помѣстья и сказалъ ей, что, если она черезъ годъ-другой забредетъ туда, онъ непремѣнно устроитъ ее.

Плохое здоровье Маши не дало ей возможности долго прожить на фабрикѣ. Поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, она отправилась искать мѣста, но, прежде чѣмъ найти его, ей долго пришлось перебиваться поденной работой, то и дѣло впадая въ жестокую нищету. Наконецъ, она нашла мѣсто няни во Влади-

мирѣ, въ домѣ богатаго купца Сидорова, гдѣ ее полюбили не только дѣти и хозяйка, но и жестокосердый хозяинъ, у котораго до нея никто не уживался. Она прожила у нихъ болѣе пяти лѣтъ, могла бы прожить и всю жизнь, такъ какъ Сидоровы ни за что не хотѣли разстаться съ нею. Но, испытавъ участіе, которое выказалъ ей мой отецъ, Маша рѣшила, что она обязана всю свою жизнь, всѣ свои силы отдать на служеніе ему. И это стремленіе во что бы то ни стало отыскать моего отца уже никогда не покидало ее. Если она не явилась раньше къ нему, то только потому, что ей не съ чѣмъ было двинуться въ дальній путь. Прежде, чѣмъ окончательно уйти отъ Сидоровыхъ, она объявила имъ, что желаетъ оставить ихъ, но тѣ всячески задерживали ее. Вотъ какъ она передавала это намъ сама: «Вы, дѣтушки, часто спрашиваете, отчего я такая дряхлая да старая, а мамашечка ваша однихъ со мною лѣтъ, а выглядитъ куда моложе меня... А отъ того, сердечные мои, что жизнь моя, почитай съ самыхъ ребячьихъ лѣтъ, больно тяжкая была. А какъ я убѣжала изъ родительскаго дома, такъ у меня сразу и вся молодость пропала!... Проживу годъ,—точно десять лѣтъ прошло, изъ лица на десять лѣтъ постарѣю... Отъ горькаго ли одиночества, отъ жизни ли моей скитальческой, только все, что людей въ молодости радуетъ, у меня точно огнемъ выжгло: ни о нарядахъ я не помышляла, ни о женихахъ на умѣ у меня не было... Втемяшилась въ меня одна думка: къ благодѣтелю моему,—къ вашему батюшкѣ добраться, въ ноги ему броситься, послужить ему за доброту его ко мнѣ, что меня злосчастную изъ грязи вытянулъ. И ничего другого въ головѣ у меня не было. Какъ только моимъ господамъ, купцамъ Сидоровымъ, надоѣло меня улещать еще маленько пожить у нихъ, такъ я черезъ недѣльки двѣ ужъ и у васъ объявилась. Мамашенькѣ-то вашей я ровесницей пришлась: ей было о ту пору, какъ и мнѣ, 23 года. Сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, а я и тогда немногимъ моложе выглядѣла: старая-престарая, точно черносливина сморщенная, а мамашенька-то ваша, что маковъ цвѣтъ, цвѣла: бѣлая, румяная, полная, на видъ еще моложе своихъ лѣтъ. У нея уже пятеро дѣтокъ было, да все крошки-погодки,—вотъ я и стала ихъ няньчить. Такъ съ тѣхъ поръ и живу у васъ, дастъ Богъ, у васъ и кости сложу".

Всю любовь, всю преданность своего добраго сердца, няня отдала нашей семьѣ. У нея не было своей жизни: ея радость и горе были исключительно связаны съ нашей жизнью. За то только, что отецъ когда-то свезъ ее въ больницу, навѣстилъ ее во время болѣзни, далъ нѣсколько рублей на то, чтобы она могла перемѣнить нищенскія лохмотья на обычную деревенскую одежду, душа этой молоденькой дѣвушки преисполнилась къ нему безграничной благодарностью, благоговѣніемъ, доходившимъ до поклоненія. Она дала слово Богу отдать свою жизнь на служеніе моему отцу и его близкимъ и, несмотря на всѣ преврат-

ности судьбы, сдержала свое слово. Дѣтей своего «благодѣтеля», какъ называла она отца, она любила, какъ можетъ только любить страстно любящая мать. Несмотря на безконечную массу дѣла въ домѣ, она не только съ утра до ночи зорко слѣдила за нами, но и по нѣскольку разъ ночью подходила къ каждому изъ насъ, закрывала того, кто разметался на постели, внимательно осматривала, крестила. Во время ѣды она тщательно слѣдила за наиболѣе болтливыми, чтобы они не остались голодными. Она совсѣмъ отбивалась отъ ѣды и сна, когда заболѣвалъ кто-нибудь изъ насъ, но если больной начиналъ поправляться, она, еще изнуренная уходомъ и безсонными ночами, отъ радости не знала, что дѣлать: показывала выздоравливающему всякіе фокусы, разсказывала сказки и приключенія изъ своей жизни, пѣла, даже плясала.

Мать считала няню своей главной помощницею и всегда говорила, что безъ нея она ни за что не могла бы справиться со своей огромной семьей и со своимъ сложнымъ хозяйствомъ. Что же касается того времени, когда она осталась одна послѣ смерти мужа, она признавалась, что безъ няни совсѣмъ бы пропала. Мои братья и сестры, поступавшіе въ учебныя заведенія, обыкновенно писали ей письма, которыя были для нея предметомъ восторга и культа, ея гордостью и величайшимъ счастьемъ. Она, какъ святыню, бережно складывала ихъ въ шкатулку и въ свободное время перечитывала ихъ, но чаще намъ поручала это. Хотя она умѣла читать (постоялый дворъ, который держалъ ея отецъ, требовалъ нѣкоторой грамотности, что и заставило ея отца обучить ее читать и кое-какъ писать, еще болѣе подучилась она и отъ своихъ питомцевъ), но она любила наслаждаться чтеніемъ писемъ въ обществѣ дѣтей, оставшихся дома. Читаетъ ей, бывало, сестра то одно, то другое письмо чуть не въ сотый разъ, она набожно крестится, при нѣжныхъ же эпитетахъ въ родѣ слѣдующихъ: «дорогая, золотая, брилліантовая, любимая нянюшечка» и т. п., проливаетъ потоки слезъ. При этомъ она обыкновенно приговаривала: «ахъ, голубчикъ мой дорогой, да развѣ я это заслужила?»

Для насъ, дѣтей, она положительно была ангеломъ-хранителемъ, и мы всѣ обожали ее. Матушка была съ нами скорѣе сурова, чѣмъ нѣжна, няня же обращалась съ нами удивительно ласково, употребляя всѣ усилія, чтобы предупреждать вспышки матушкинаго гнѣва. Но въ тѣ крѣпостническія времена ни одно чувство не выражалось по-человѣчески: господа и рабы, свободные и крѣпостные выражали свои чувства по-холопски, вытравляя и въ дѣтяхъ всѣ зародыши истинно честныхъ и свободныхъ инстинктовъ.

— Нянюшечка,—и при этихъ словахъ моя сестра Саша такъ трясетъ за рукавъ няню, что ея вязальныя спицы разлетаются въ стороны.—Слушай, нянюшечка, я тебѣ на ушко секретъ скажу...

— Ахъ, ты, шалунья! Видишь всѣ спицы на полу.—И няня нагибается ихъ поднять, но сестра предупреждаетъ ее.— Петлю то въ чулкѣ подними,—говоритъ ей няня наставительно и строго, не давая ей нагибаться за вязальными стицами,—а по полу ёрзать не твое дѣло. Ты—барышня, и такъ себя понимать должна,—значитъ для холопки своей не смѣешь спину гнуть! Вотъ если бы я очень больна была, съ постели не могла подняться, ну, тогда другое дѣло, ты бы, значитъ, милосердіе свое показала. А дѣлать это безъ надобности для тебя должно быть довольно стыдно... Ну, теперь, Шурочка, говори свой секретъ.

— Нянюша! Очень моя славная, дорогая, любимая!... Я тебя люблю больше всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ!.. Даже больше мамашеньки!

— Никогда не смѣй этого говорить, Шурочка,—ни при мамашенькѣ, ни безъ нея,—сердито выговаривала она сестрѣ.— Развѣ можно кого-нибудь любить больше матушки родимой? Грѣхъ это, дѣвочка, ухъ, какой грѣхъ!

— Грѣхъ, говоришь? А что же мнѣ дѣлать, нянюша, когда я тебя люблю больше мамашеньки? И отчего же это грѣхъ?

— Ну, Шурочка, ты не малолѣтка!.. Могла бы ужъ понимать, что родную матушку Богъ велитъ больше всѣхъ любить! Да опять же ты настоящаго дворянскаго рода, а я твоя раба, какъ же ты можешь меня къ матушкѣ приравнивать?.. Большой грѣхъ, дидятко, такъ говорить!

— Но если это такой грѣхъ, какъ ты говоришь, такъ скажи нянечка, должна я это на исповѣди сказать?—допытывалась сестра совершенно серьезно.

Няня въ первую минуту, видимо, растерялась, но тотчасъ же нашлась.—Какіе ты пустяки, Шурочка, спрашиваешь! Вѣдь этого нѣтъ, и ты этого вовсе не думаешь! Это только сейчасъ и въ головенку-то твою взбрело! Пустяки это все, и не зачѣмъ этого батюшкѣ на духу сказывать! Нечего его глупостями утруждать! И какъ это у тебя языкъ поворачивается такъ про матушку говорить? Вѣдь она день-деньской съ вами-то бьется! Подумай сама, сколько васъ-то всѣхъ! Она васъ и обшиваетъ, она и по хозяйству, она васъ и наукамъ обучаетъ,—гдѣ-жъ ей время взять, чтобъ еще съ вами забавляться? Мамашенька-то у насъ первая голова во всей округѣ, чай не пристало ей съ вами телелёшиться, сказки сказывать, да глупости всякія нести, какъ я!

Наиболѣе яркое впечатлѣніе изъ моего отдаленнаго дѣтства во время нашей городской жизни оставили у меня дни доставки провизіи изъ деревни.

— Возы, возы пріѣхали!—вдругъ начинали кричать братья и сестры. При этихъ крикахъ мы, дѣтишки, стремглавъ бросались къ окнамъ, и намъ было видно, что узенькая уличка, на которой стоялъ нашъ домъ, вся запружена нашими деревенскими возами. Если была мало-мальски сносная погода, мы второпяхъ

надѣвали наши пальтишки, гурьбой высыпали на улицу и начинали шмыгать между возами, выхватывая узелки и ящики поменьше, чтобы вносить ихъ въ домъ. Для насъ, малышей, это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни, но далеко не безъ шиповъ, и требовала отъ насъ большой выдержки и силы воли. Если во время этой суматохи мы какъ-нибудь неловко подвертывались подъ руку старшимъ или, Боже упаси, роняли какой-нибудь горшокъ, насъ безцеремонно толкали и колотили, чѣмъ попало, и не только матушка, но даже горничныя и лакеи считали эту минуту самою удобною, чтобы сводить съ нами различные счеты. Иная горничная и не рѣшалась дернуть или толкнуть, но умѣла отомстить еще чувствительнѣе: ей стоило только закричать такъ, чтобы услышала матушка.

— Да что вы, барышня, такъ кидаетесь? Чуть съ ногъ не сшибли! Банку бы съ вареньемъ выронила!—И этого было достаточно: матушка, какъ ястребъ, бросалась на оговоренную, и за руку, а то и за уши тащила несчастную въ домъ, вталкивала въ первую попавшуюся комнату и замыкала на ключъ. То же самое было съ тою изъ моихъ сестеръ, которая, не стерпѣвъ обиды, вскрикивала отъ толчка горничной или лакея: не разбирая, въ чемъ дѣло, матушка наказывала ее, какъ и предыдущую. Такіе оговоры во время суматохи горничныхъ и лакеевъ всегда оставались неразслѣдованными потому, что доставка провизіи на нѣсколько дней вносила много работы для всѣхъ служащихъ, и матушка не имѣла времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ какъ о приведеніи въ порядокъ своего деревенскаго добра. Для дѣтей же просидѣть взаперти, въ отдѣльной комнатѣ, въ столь оживленное и любимое время, было величайшимъ несчастьемъ, и каждый изъ насъ готовъ былъ проглотить всякія обиды, лишь бы не быть исключеннымъ изъ всеобщей суматохи. Но этимъ наказаніямъ мы подвергались очень рѣдко: нашъ ангелъ-хранитель—няня, зная настроеніе матушки въ такое время, выбѣгала вмѣстѣ съ нами на улицу, если только это было для нея возможно, и, какъ насѣдка относительно своихъ цыплятъ, зорко наблюдала, чтобы во время охранить насъ отъ толчковъ и пиньковъ старшихъ и чтобы не дать намъ что-нибудь уронить. Но тотъ, кто во время этой суматохи ускользалъ отъ ея бдительнаго надзора и получалъ трепку отъ матушки, молча утиралъ слезы, боясь проронить хотя одинъ звукъ.

Шумно и торжественно вносили крестьяне въ домъ кадки, бочки и боченки съ квашеной капустой, съ солониной, маслом, творогомъ, сметаной, съ замороженными сливками. Наконецъ, все разставлено по полу во всѣхъ комнатахъ, которыя принимаютъ видъ безпорядочнаго базара самой разнообразной снѣди. Выходныя двери закрываютъ, и начинается распаковка: ящики взламываютъ, узлы и мѣшки развязываютъ, рогожи разрѣзаютъ и оттуда извлекаютъ банки съ вареньемъ, горшки съ маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбою, съ медовыми со-

тами, съ солеными и маринованными грибами и огурцами, вытаскиваютъ мороженныхъ куръ, поросятъ, индѣекъ, гусей и всякую дичину. Затѣмъ постепенно начинаютъ все это сортировать, что относятъ въ погребъ, что въ кладовушки и боковушки, распарываютъ мѣшки съ орѣхами, съ сушеною малиною, земляникою, съ яблоками и всякой всячиной. При этомъ всѣхъ насъ щедро одѣляютъ деревенскими гостинцами,—и мы цѣлый день грыземъ, сосемъ, жуемъ, однимъ словомъ, наслаждаемся.

Если бы наша семья не могла получать изъ деревни провизіи, а также холста и кожъ, если бы крѣпостные не обшивали бы насъ съ ногъ до головы, если бы мы не жили въ деревнѣ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году, мы не могли бы существовать, а тѣмъ болѣе жить на барскую ногу, какъ это было при отцѣ.

Мои личныя воспоминанія дѣлаются нѣсколько болѣе отчетливыми и рельефными съ 1848 г., но и тутъ, вѣроятно, я могла бы вспомнить лишь нѣкоторые выдающіеся факты нашей семейной жизни, да и то безъ всякой логической связи. Но различныя событія этого невыразимо злосчастнаго года, который такимъ роковымъ образомъ отозвался на нашей судьбѣ, такъ часто и съ такими подробностями вспоминали близкіе мнѣ люди—мать, братья, сестры, няня и наша прислуга,—что я уже и сама не знаю, что изъ происшедшаго за это время я запомнила по личнымъ наблюденіямъ, что узнала отъ другихъ.

Раннею весною 1848 года мы часто стали слышать, какъ взрослые разговаривали о томъ, что у насъ на Руси много народа умираетъ отъ холеры. Вслѣдствіе этого мои родители рѣшили переѣхать въ деревню раньше обыкновеннаго. Но вышло наоборотъ: какія-то дѣла задержали ихъ, и мы въ первый разъ встрѣтили пасху въ городѣ. Вдругъ въ концѣ страстной недѣли разнеслась вѣсть о томъ, что холера появилась и въ нашемъ городѣ. Рѣшено было собраться въ деревню послѣ первыхъ дней Пасхи. Между тѣмъ какъ разъ въ это время прислуга то и дѣло вбѣгала въ столовую и сообщала, что въ томъ или другомъ домѣ, недалеко отъ насъ, или у нашихъ знакомыхъ кто-нибудь заболѣлъ или умеръ. Но насъ, дѣтей, это нисколько не заботило: мы были поглощены куличами, пасхами, но болѣе всего разноцвѣтными яйцами, которыя мы весело катали по полу, примостивъ въ уголкѣ или къ стѣнѣ свои лубки. На третій день Пасхи, выбѣжавъ съ утра веселою гурьбой въ залу, гдѣ стоялъ столъ, убранный пасхальными явствами, мы усѣлись закусывать.

— Отправляйтесь-ка въ садъ забавляться,—сказала намъ няня, входя.—Сегодня погода чудесная, а мы съ мамашенькой будемъ здѣсь вещи убирать... Въ денька два справимся,—и въ деревню...

Она помогла намъ одѣться, и мы выбѣжали на крыльцо. Но каково же было наше удивленіе, когда мы увидали незнакомую намъ дѣвочку лѣтъ 3—4, одѣтую, какъ одѣвались тогда дѣти средняго помѣщичьяго достатка. Незнакомка, нисколько не

стѣсняясь тѣмъ, что находилась въ чужомъ домѣ, спокойно возила по крыльцу нашу игрушечную телѣжку. Мы сейчасъ же подбѣжали къ ней, стали спрашивать, какъ ее зовутъ, откуда и зачѣмъ она пришла къ намъ. Она отвѣтила, что ее зовутъ Лелею, но на дальнѣйшіе вопросы не обращала ни малѣйшаго вниманія, выхватывая изъ нашихъ рукъ лубки и яйца и бросая все въ телѣжку. Мы, вѣроятно, тоже нашли дальнѣйшіе вопросы излишними, и стали помогать ей тащить нагруженный возъ, затѣмъ всѣ вмѣстѣ побѣжали въ садъ, гдѣ мы съ нею бѣгали, играли и катали яйца, какъ со старой знакомой. Когда насъ позвали къ обѣду, родители наши очень удивились появленію незнакомаго ребенка, а когда отецъ, схвативъ ее на руки, просилъ ее показать, откуда она пришла, она неопредѣленнымъ жестомъ махнула куда-то рукой и нетерпѣливо закричала: «ѣсть хочу, скорѣе ѣсть». Послѣ обѣда няня взяла дѣвочку за руку, чтобы вмѣстѣ съ нею прогуляться мимо домовъ и, можетъ быть, такимъ образомъ узнать, откуда она, но Леля стала плакать и кричать, вырвалась изъ ея рукъ и побѣжала съ нами въ садъ. Тогда матушка отправила горничную справиться по сосѣднимъ домамъ, не ищетъ ли кто своего пропавшаго ребенка. Но поиски оказались напрасными, и Леля осталась у насъ ночевать. На другой день отецъ съ утра отправился въ городъ за тѣми же свѣдѣніями, но, возвратившись домой, высказалъ только предположеніе, что дѣвочка должно быть прибѣжала изъ противоположнаго конца города, изъ одного дома, стоявшаго нѣсколько въ сторонѣ отъ города, такъ съ версту отъ него, и въ которомъ въ нѣсколько дней вымерла вся семья Онъ говорилъ, что дошелъ до этого дома, но двери его и дворъ оказались заколоченными; полиція обѣщала ему немедленно навести справки и доставить необходимыя свѣдѣнія. При этомъ отецъ подтвердилъ, что въ городѣ за послѣдніе дни заболѣваетъ и умираетъ очень много народу.

Леля играла съ нами и во второй день и мы вмѣстѣ съ ней отправились спать въ дѣтскую, гдѣ съ маленькими дѣтьми спала и наша няня. Вдругъ, уже подъ утро, проснулась Саша и съ крикомъ стала звать няню, которая не откликалась. Этимъ крикомъ она разбудила насъ всѣхъ: когда она зажгла свѣчу, мы увидѣли, что кровать няни не была даже смята. Въ то же время мы услыхали какой-то шумъ, бѣготню и суету въ домѣ. Тогда Саша открыла дверь и громко стала звать няню, которая тотчасъ вбѣжала къ намъ. Но, Боже мой, какой у нея былъ ужасный видъ! Руки тряслись, изъ глазъ текли слезы, она растерянно смотрѣла на насъ, но ничего не говорила. Мы вскочили съ кроватокъ и бросились ее обнимать.

— Нянюшечка, что съ тобой, отчего ты плачешь?

— Папашенька захворалъ, папашенька...—говорила она, рыдая и отчаянно ломая руки.—Молитесь Богу, чтобъ онъ васъ пожалѣлъ, не оставилъ сиротами,—и мы вмѣстѣ съ нею, въ однѣхъ рубашонкахъ, бросились на колѣни и, ошеломленные

внезапною новостью, повторяли за нею то, что она произносила рыдая: «Боже, пожалѣй насъ, Боже, не оставь насъ сиротами».

Но въ эту минуту въ коридорѣ раздался голосъ матери, которая звала няню.

— Ложитесь въ кроватки и лежите смирно,—и съ этими словами няня выбѣжала изъ комнаты. Но Леля сейчасъ же привстала и, закрывъ рученками лицо, начала плакать, все сильнѣе и громче съ каждой минутой. Какъ мы ни уговаривали ее, какъ ни утѣшали, какъ ни разспрашивали, о чемъ она плачетъ, она ничего не отвѣчала, но продолжала рыдать и вздрагивать всѣмъ тѣломъ. Ея рыданія перешли въ крики, раздирающіе душу. Тутъ вбѣжала моя старшая сестра, взрослая молодая дѣвушка, которая тоже не раздѣвалась въ эту ночь, схватила на руки ребенка, помочила ей голову холодной водой, дала ей напиться и стала носить ее на рукахъ по комнатѣ. Можетъ быть, сообщеніе о болѣзни дало толчекъ для пробужденія грустныхъ воспоминаній и въ ея дѣтскомъ мозгу, и она, вѣроятно, только при этомъ вспомнила, что не видитъ своихъ родителей,—она ничего не говорила. Когда же сестра положила ее въ постель и, гладя по головкѣ, нѣсколько минутъ посидѣла у ея кровати, она быстро заснула. Но мы спать не могли: какъ только разсвѣло, сестра приказала намъ вставать и какъ можно тише сидѣть въ комнатѣ, противоположной той, въ которой находился больной отецъ. Черезъ нѣкоторое время сестра ввела къ намъ Лелю: она была очень весела, и ея тяжёлое настроеніе послѣ сна совсѣмъ разсѣялось. Да и всѣ мы, малыши, быстро забыли о томъ, что у насъ дѣлалось въ домѣ: мы скоро такъ расшумѣлись и развозились, что къ намъ вбѣжала старшая сестра и рѣзко стала бранить насъ.

Положеніе отца быстро ухудшалось: докторъ приходилъ черезъ каждые 2—3 часа. Когда няня внесла намъ обѣдъ, она была такъ измучена, что не могла даже раскладывать кушаній по тарелкамъ, присѣла на стулъ и попросила кого-то изъ сестеръ сдѣлать это за нее. Нѣсколько успокоившись, она сказала, что отцу теперь гораздо легче, и что онъ крѣпко заснулъ. Заснула и матушка, такъ какъ въ предыдущую ночь никто изъ старшихъ не раздѣвался.

Мы, дѣти, на этотъ разъ легли спать очень рано. Чуть стало свѣтать, какъ Саша опять вскочила съ кровати и стала громко кричать: «Вставайте, вставайте!» Мы быстро приподнялись съ постелей и стали спрашивать у нея, зачѣмъ она насъ разбудила. «Тише... Тише... Слушайте!...» зашикала она на насъ. Мы стали прислушиваться и были поражены еще болѣе ужаснымъ шумомъ и переполохомъ, чѣмъ въ предыдущую ночь: дверями комнатъ хлопали то и дѣло, въ коридорѣ шла ужасающая бѣготня, что-то безпрерывно вносили и выносили, громко звали по имени то одного, то другого изъ служащихъ; съ противоположнаго конца дома доносились крики, рыданія... Но вотъ на минуту все стихло, затѣмъ послышался топотъ многихъ людей

сразу, точно вносившихъ что-то громоздкое. Когда шумъ нѣсколько стихъ, Саша сказала намъ, что она потихоньку посмотритъ, что все это значитъ.

— Я ни за что не останусь безъ тебя!—кричали мы на всѣ лады, вскочили съ кроватей и кинулись къ ней въ полутемнотѣ. Толкая другъ друга, падая и вновь вставая, мы, наконецъ, поприцѣпились, кто за Сашину рубашку, кто за ея руку, и босые, въ однѣхъ рубашкахъ, выбѣжали въ коридоръ. Дверь залы была закрыта, но снизу изъ-подъ нея блестѣла полоска свѣта. Саша распахнула дверь настежъ, мы вошли и остолбенѣли. Посреди комнаты, на столѣ, уже одѣтый, лежалъ усопшій отецъ, окруженный зажженными восковыми свѣчами. Кто-то изъ насъ пронзительно вскрикнулъ, а за нимъ и всѣ остальные.

Трудно повѣрить, что уже болѣе полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, а эта сцена такъ врѣзалась въ моей памяти, что стоитъ передъ моими глазами, точно это было нѣсколько дней тому назадъ! Мы, босые, въ однѣхъ рубашенкахъ, сбились въ кучу около сестры Саши, кричимъ, рыдаемъ. Въ ту же минуту къ намъ вбѣжала няня и, увидавъ насъ, всплеснула руками; стараясь захватить всѣхъ насъ въ свои распростертыя объятія, она стала рыдать вмѣстѣ съ нами, причитая: «Несчастные вы мои... Сиротки... Горемычныя вы крошки! Молитесь Богу!..» И, падая на колѣни, она увлекла и насъ съ собою. «Ахъ ты, Господи, да вѣдь вы въ рубашенкахъ, босые!.. Идите къ себѣ, идите скорѣе!»... спохватилась она и повела насъ къ двери.

Возвращусь немного назадъ и разскажу о послѣднихъ минутахъ жизни отца. Когда, на другой день послѣ болѣзни, у него снова появилась рвота со всѣми другими признаками холеры, они непрерывно продолжались нѣсколько часовъ сряду и съ такой ужасающей силой потрясли весь организмъ больного, что докторъ нашелъ необходимымъ объявить матери о его крайне опасномъ положеніи. Однако, послѣ продолжительныхъ приступовъ болѣзни, наступило успокоеніе: отецъ сразу почувствовалъ себя лучше и пожелалъ уснуть. До самаго вечера онъ спалъ крѣпко и спокойно, какъ здоровый человѣкъ, такъ что у матери явилась надежда, что докторъ ошибся. Отецъ проснулся часовъ въ 10 вечера, объявилъ, что долженъ имѣть серьезный разговоръ съ матушкою и нянею, и что онъ имѣетъ для этого достаточно силы. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя теперь настолько хорошо, что если бы онъ не видѣлъ сна, то подумалъ бы, что болѣзнь его приняла благопріятный оборотъ. Но онъ видѣлъ сонъ, предвѣщающій ему немедленную кончину, слѣдовательно, матушка не должна питать несбыточныхъ надеждъ на его выздоровленіе.

Предсмертный разговоръ отца няня много разъ передавала намъ и всегда кончала его горькими рыданіями, съ гордостью и умиленіемъ прибавляя, что онъ ее благодарилъ за ея любовь и преданность къ нему и его семейству. Затѣмъ онъ просилъ «не

терзать его попами», такъ какъ часы его жизни сочтены, и онъ обязанъ матушкѣ выяснить ея положеніе.

Отецъ былъ человѣкъ въ высшей степени деликатный: будучи невѣрующимъ, онъ никому не говорилъ объ этомъ, кромѣ матери, и особенно скрывалъ это отъ няни, зная ея глубокую религіозность, а потому, вѣроятно, и въ послѣднюю минуту, не желая призывать къ себѣ священниковъ, объяснилъ это недостаткомъ времени. Затѣмъ онъ обратился къ матушкѣ и сталъ благодарить ее за счастье, которое она ему дала въ продолженіе 20 лѣтъ. Въ эту минуту, по словамъ няни, матушка стала рыдать и, осыпая его руки поцѣлуями, умоляла его сказать ей, почему онъ думаетъ о смерти теперь, когда подкрѣпился сномъ, когда прекратились всѣ болѣзненныя явленія. Тогда онъ разсказалъ ей свой пророческій сонъ: онъ, въ видѣ птицы, леталъ по кладбищамъ, посѣтилъ могилы близкихъ ему людей, а когда опустился на могилу своей матери, оттуда раздался ея голосъ: «Не успѣетъ пѣтухъ прокричать трижды, какъ мы уже свидимся съ тобой, мой любимый сынъ! Приготовь свою жену на горе и лишенія, все разскажи ей откровенно и выпроси у нея прощенье». Тутъ уже и матушка не могла болѣе сомнѣваться въ томъ, что ея любимый мужъ уходитъ отъ нея навсегда, и, рыдая, упала передъ нимъ на колѣни.

Нечего удивляться тому, что видѣнный отцомъ сонъ поколебалъ послѣднюю надежду матушки на его выздоровленіе. Если отецъ, человѣкъ весьма образованный для своего времени, вѣрилъ въ сны, то тѣмъ болѣе такая вѣра понятна въ матушкѣ, которая, хотя и была женщиною съ большимъ природнымъ умомъ, но получила лишь институтское воспитаніе.

Отецъ, потрясенный отчаяніемъ матушки, долго не могъ говорить. Но когда ея раздирающія душу вопли стихли, онъ наконецъ, изложилъ то, что считалъ необходимымъ, т. е. раскрылъ передъ нею картину ея настоящаго матеріальнаго положенія. Оно оказалось крайне плохимъ и запутаннымъ: нѣсколько отдѣльныхъ фольварковъ съ наиболѣе плодородною землею, наилучшія части лѣса, нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ,—все пришлось отцу продать, чтобы покрыть долги. Такимъ образомъ, состояніе наше, которое никогда не было значительнымъ, уменьшилось теперь болѣе чѣмъ вдвое. Кромѣ того, послѣ него оставались долги, матушка должна была уплатить ихъ, слѣдовательно, ей и впредь предстояло продавать по частямъ имѣніе, чтобы удовлетворить кредиторовъ. Отецъ объяснилъ, что послѣ этого у матушки останется лишь имѣніе Погорѣлое—усадьба съ 700 десят. земли и, приблизительно, 70—80 душъ крестьянъ. Онъ не забылъ указать матушкѣ и на то, что тяжелое матеріальное положеніе, въ которомъ она очутится, не дастъ ей возможности нанять опытнаго управляющаго: такому необходимо платить изрядное жалованье, а денегъ у нея совсѣмъ не будетъ. Слѣдовательно, съ этихъ поръ всѣмъ хозяйствомъ матушка должна управлять

сама съ помощью старосты изъ крестьянъ. Обращаясь къ нянѣ, отецъ сказалъ, что онъ разсчитываетъ на то, что она будетъ не только ангеломъ-хранителемъ его дѣтей, но и его жены, что она сдѣлается ея первою помощницею. Въ эту предсмертную минуту отецъ вполнѣ ясно сознавалъ, какое тяжкое бремя онъ оставляетъ въ наслѣдство своей семьѣ, но увѣрялъ матушку, что, какъ только она примется за управленіе помѣстьемъ, ея практическій умъ и дѣловитость подскажутъ ей, что дѣлать, и она навѣрно лучше поведетъ хозяйство, чѣмъ онъ, который растратилъ дѣтское достояніе. Его собственныя слова такъ потрясли его, что онъ долго не могъ говорить и, наконецъ, обратился къ матушкѣ съ послѣднею просьбой: «Дай дѣтямъ образованіе, дай даже въ томъ случаѣ, если бы для этого тебѣ пришлось продать все имущество, а другой мой предсмертный завѣтъ—будь милостива къ крестьянамъ, не унижай своего человѣческаго достоинства до экзекуцій и до жестокихъ расправъ съ ними, никому не позволяй обижать ихъ,—пусть среди нихъ изъ-за тебя не раздаются стоны и проклятія!...»

Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе внятно говорилъ отецъ, останавливался, повторялъ сказанное, наконецъ, помолчавъ довольно долго, точно прислушиваясь къ чему-то, онъ вдругъ приподнялъ руку и, блѣднѣя, съ ужасомъ прошепталъ: «Пѣтухъ, пѣтухъ кричитъ!» Няня съ матушкою стояли подлѣ кровати, боясь пошевелиться, а когда онѣ наклонились надъ умирающимъ, онъ уже не дышалъ.

Если бы я писала повѣсть или романъ, я бы остановилась здѣсь, а не описывала бы другихъ ужасовъ и несчастій, послѣдовавшихъ за смертью моего отца, такъ какъ уже одна эта смерть внесла много горя и лишеній въ жизнь моей семьи. Чувство мѣры, такта и художественнаго чутья помѣшали бы мнѣ изобразить тѣ жестокіе удары судьбы, которые, какъ изъ рога изобилія, одинъ за другимъ, безъ всякой пощады, даже почти безъ передышки, посыпались на голову моей матери. Но моя задача не повѣсть писать, а дать правдивое описаніе жизни моей семьи, а потому я не буду и не желаю смягчать жестокой дѣйствительности.

Еще усопшій отецъ лежалъ на столѣ, когда холера уложила въ постель двухъ моихъ старшихъ сестеръ, изъ которыхъ одной было 19, а другой 18 лѣтъ, и ихъ хоронили одну за другою. Затѣмъ въ три послѣдующія недѣли холера унесла еще четырехъ дѣтей изъ нашей семьи. Итакъ, въ продолженіе мѣсяца съ небольшимъ, у насъ было семь покойниковъ. Впослѣдствіи многіе спрашивали матушку, почему послѣ смерти отца она не уѣхала тотчасъ же въ имѣніе: такимъ отъѣздомъ она, вѣроятно, прервала бы жестокую холерную эпидемію. На это, конечно, былъ одинъ отвѣтъ: съ момента болѣзни отца во весь послѣдующій періодъ не было 3—4 дней безъ тяжелыхъ больныхъ, которыхъ немыслимо было везти по тряской деревенской дорогѣ.

Очень вѣроятно, что развитію холеры въ нашемъ домѣ и тому, что она приняла у насъ такой угрожающій характеръ, помогало то, что за дѣтьми въ тѣ времена былъ вообще весьма плохой уходъ, а въ тотъ періодъ времени, который я описываю, въ нашей семьѣ господствовалъ такой невыразимый безпорядокъ, который сдѣлался причиною воровства и еще новаго величайшаго несчастія для матушки, но о томъ и другомъ разскажу нѣсколько ниже.

Старшіе члены моей семьи были совершенно поглощены уходомъ за больными и хлопотами о похоронахъ, а потому на насъ, здоровыхъ дѣтей, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Мы свободно сообщались съ заболѣвавшими, вбѣгали въ ихъ комнаты, входили къ покойникамъ. До чего присмотръ за нами былъ плохъ, видно уже изъ того, что Леля, этотъ вѣстникъ смерти нашей семьи, такъ внезапно появившійся у насъ, такъ же внезапно и навсегда исчезла съ нашего горизонта. Въ послѣдній разъ ее видѣли въ моментъ выноса тѣла покойнаго отца, а затѣмъ у насъ хватились ее только вечеромъ, когда ложились спать. Нужно помнить, что въ эту минуту холерою заболѣли двѣ мои старшія сестры. Вѣроятно, потому-то и объ исчезновеніи Лели дали знать полиціи лишь черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ это было обнаружено. Какія свѣдѣнія были получены по этому поводу, — у насъ, кажется, объ этомъ никто въ домѣ не справлялся. Тяжкія невзгоды и жестокіе сюрпризы, которые судьба преподносила матушкѣ, могутъ служить оправданіемъ ея индифферентизма къ ребенку, такъ неожиданно посланнаго ей судьбою и относительно котораго она должна была бы быть особенно заботливою.

Кратковременная, но мучительная болѣзнь то одного, то другого члена нашей семьи, смерть и похороны одного за другимъ, не только ошеломили всѣхъ домашнихъ своею неожиданностью, но физически и морально истерзали ихъ. За всѣ эти 4—5 недѣль никто въ домѣ не проспалъ, какъ слѣдуетъ, ни одной ночи; матушка и няня еле передвигали ноги отъ усталости и отчаянія, и всѣ служащіе въ домѣ, истомленные хроническими безсонницами, бѣготнею съ утра до вечера и напряженнымъ уходомъ за больными, бродили измученные и сонные до невѣроятности.

До чего матушка была потрясена горемъ и отчаяніемъ, до чего растеряна и убита, видно изъ слѣдующаго эпизода. Только уже послѣ послѣднихъ похоронъ матушка подозвала няню и спросила ее, откуда доставала она деньги на лѣкарство для больныхъ и на похороны. Она только тутъ вспомнила, что въ ея карманѣ, еще передъ началомъ болѣзни мужа, было очень немного денегъ. Няня сказала ей, что послѣ смерти Николая Григорьевича она пришла къ ней просить денегъ, необходимыхъ, чтобъ заказать могилу, купить гробъ и пригласить духовныхъ лицъ. Матушка вытащила изъ кармана кошелекъ съ нѣсколькими де-

сятками рублей и, подавая ей, сказала: «Дѣлай, какъ знаешь, у меня больше рѣшительно ничего нѣтъ!» Послѣ этого никто ничего не могъ добиться отъ матушки, которая временами не могла даже хорошенько сообразить, о чемъ ее спрашиваютъ. Вслѣдствіе этого за всѣми свѣдѣніями и распоряженіями обращались къ нянѣ, которая волею-неволею все взяла въ свои руки.

Хотя нянѣ удалось упросить поставщиковъ отпускать намъ все въ кредитъ до отъѣзда въ деревню, но оказалось такъ много расходовъ, за которые необходимо было платить немедленно, что ей скоро пришлось подумать о займѣ. Она побѣжала было просить въ долгъ у кого-то изъ нашихъ знакомыхъ, но хозяйка дома, въ открытое окно замѣтивъ ея приближеніе, закричала ей на всю улицу, чтобы она не смѣла близко подходить къ ней, такъ какъ всѣ боятся заразы отъ членовъ нашей семьи. «Точно прокаженные какіе-то сдѣлались! Даже на базарѣ сторонятся нашихъ людей»... жаловалась няня. Когда она потеряла надежду занять деньги у знакомыхъ, она рѣшилась отправиться къ священнику и просить его одолжить хотя небольшую сумму, но увѣрена была въ его отказѣ, такъ какъ онъ за свои услуги и безъ того обѣщалъ ждать, пока матушка сама не найдетъ возможнымъ уплатить ему. Но вдругъ, на улицѣ, она неожиданно столкнулась съ сыномъ купца Сидорова, въ домѣ котораго она служила до поступленія къ намъ и няньчила его младшихъ братьевъ и сестеръ. Хотя онъ былъ тогда еще подросткомъ и съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но они тотчасъ узнали другъ друга. Молодой Сидоровъ зазвалъ ее въ лавку своей жены. Няня узнала отъ него, что онъ женился на дочери одного изъ нашихъ городскихъ купцовъ, получилъ за женою лавку въ нашемъ городѣ, куда только что и переѣхалъ. Жилъ онъ пока у родственниковъ жены, но рѣшилъ купить здѣсь домъ для себя. Ему уже говорили о томъ, что матушка будетъ продавать свой домъ, онъ хотѣлъ начать переговоры съ нею по этому поводу, но, въ виду холеры въ нашей семьѣ, его уговорили подождать. Такимъ образомъ, прежде даже, чѣмъ моей матери могла придти мысль о продажѣ собственнаго дома, обыватели города уже рѣшили за нее, что это будетъ ею сдѣлано. Няня подтвердила, что, вѣроятно, это такъ и будетъ, но пока просила его ссудить ей небольшую сумму, увѣривъ его, что, если онъ не сойдется съ матушкою въ цѣнѣ, онъ все-таки сполна получитъ свои деньги, такъ какъ въ такомъ случаѣ на уплату долговъ будетъ что-нибудь продано изъ имѣнья. За честность матушки ему поручились въ лавкахъ, гдѣ мы забирали провизію, и онъ далъ денегъ взаймы, разсчитывая, что матушка изъ-за этого будетъ уступчивѣе при продажѣ ему дома.

Разсказывая все это, няня не упустила случая, чтобы, по своему обыкновенію, не указать на милосердіе Господа Бога, «который все же не оставилъ насъ въ такую тяжелую минуту». Но матушка при этомъ пришла въ такое негодованіе, разрази-

лась такимъ потокомъ богохульствъ и проклятій судьбѣ, что няня, успокаивая ее всѣмъ, чѣмъ только могла, наконецъ, начала стращать ее тѣмъ, что она накличетъ новую бѣду. И причину новаго несчастія, разразившагося надъ моею семьей, при томъ черезъ нѣсколько часовъ, няня, хотя и не высказывала этого въ глаза матушкѣ, очевидно, приписывала ей, какъ тяжко провинившейся передъ Богомъ своими богохульствами и проклятіями.

— Чѣмъ пугать меня такими страстями, поди-ка лучше поспи,—вѣдь ты на ногахъ еле держишься!...—сказала матушка совершенно измученной нянѣ, на долю которой напряженной работы за больными, бдѣнія по ночамъ, бѣготни, заботъ и хлопотъ выпадало всегда больше, чѣмъ другимъ.

Шелъ третій или четвертый день послѣ послѣднихъ похоронъ: больныхъ въ домѣ не было, и старшіе рѣшили хорошенько отдохнуть, чтобы немедленно начать укладку для окончательнаго переѣзда въ деревню.

Въ Погорѣлое уже былъ отправленъ верховой, чтобы дать знать крестьянамъ о пріѣздѣ съ телѣгами для перевозки всего нашего городского имущества. Няня, прежде чѣмъ уйти въ свою комнату, распорядилась, чтобы горничная затопила всѣ печи. Несмотря на то, что наступилъ уже Іюнь, въ этотъ день было очень холодно. Горничная получила приказаніе не выходить ни на минуту изъ комнатъ, не бѣгать въ людскую и присматривать за младшими дѣтьми; то же должны были дѣлать и мои старшія сестры. Двое моихъ братьевъ ушли изъ дому, а мы, дѣвочки, усѣлись въ одной комнатѣ. Но мои сестры, Аня 13-ти и Саша 12-ти лѣтъ, которыя оказывались теперь старшими, прилегли на постель и скоро уснули. Тогда я и моя семилѣтняя сестра, Нина, стали бѣгать по незанятымъ комнатамъ. Когда горничная увидала, что матушка и няня спятъ, что заснули и мои старшія сестры, она, несмотря на приказанія, преспокойно ушла въ людскую. Мы съ Ниной надумали дѣлать стирку бѣлья для нашихъ куколъ: достали чашку, налили въ нее воды и принялись за дѣло. Но вотъ Нина объявила, что уже кончила мытье бѣлья и будетъ его сушить. Придерживая руками свои мокрыя тряпочки, она стала сушить ихъ у открытой печки, пылавшей въ ту минуту яркимъ огнемъ. Вдругъ она отчаянно закричала. Когда я подняла голову отъ своей работы, легкое бумажное платье сестры пылало на ней, и она съ пронзительнымъ крикомъ понеслась въ другую комнату. Я побѣжала за ней и упала безъ чувствъ. Въ сознаніе я пришла уже на кровати, какъ мнѣ казалось тогда, отъ страшной боли въ желудкѣ, которая сводила всѣ мои члены. Затѣмъ послѣдовала рвота и появились другіе признаки холеры. Ускорилъ ли появленіе злостной эпидеміи испугъ, или она уже раньше таилась въ моемъ организмѣ и проявилась сама собой, не съѣла ли я чего-нибудь неудобоваримаго въ ту минуту, когда мы съ сестрой оставались

безъ присмотра,—неизвѣстно; только съ этой минуты я сильно занемогла. Отчаянно заболѣвшая Нина лежала въ другой комнатѣ.

По разсказамъ матушки и няни, когда обѣ онѣ, пробужденныя нашими криками, вбѣжали въ залу, мы съ сестрой лежали на полу: одна у одной, другая—у противоположной двери; я была безъ чувства, а Нина захлебывалась отъ рыданій, но была въ сознаніи,—платье на ней продолжало тлѣть, а кое-гдѣ и вспыхивало искорками. Хотя докторъ явился немедленно, но Нина получила такіе тяжелые ожоги, а испугъ такъ потрясъ ея организмъ, что она въ концѣ того же дня уже стала бредить и не приходила въ сознаніе до самой смерти, наступившей черезъ нѣсколько дней.

Послѣ похоронъ Нины, этихъ уже восьмыхъ похоронъ въ нашемъ семействѣ меньше чѣмъ за полтора мѣсяца, я продолжала лежать въ кровати въ крайне опасномъ положеніи.

Не знаю, какъ въ то время лечили отъ холеры въ другихъ домахъ, но нашъ докторъ, между прочимъ, практиковалъ у насъ такой способъ: изъ постели вынимали перины и подушки и больного, обернутаго въ одну простыню, клали на раму кровати, затянутую грубымъ полотномъ. Сверху больного укрывали множествомъ нагрѣтыхъ одѣялъ и перинъ, въ ноги и по бокамъ его клали бутылки съ кипяткомъ, крѣпко закупоренныя и обернутыя въ тряпки, а подъ кроватью, т. е. подъ полотномъ рамы кровати, въ огромномъ мѣдномъ тазу лежалъ раскаленный кирпичъ, который то и дѣло поливали кипящею водою съ уксусомъ. Такимъ образомъ больной вдыхалъ горячій уксусный паръ, который вмѣстѣ съ теплыми покрышками долженъ былъ согрѣвать его холодѣющее тѣло.

Не помню, какъ долго продолжалась моя болѣзнь, забыла и то, мучительны или нѣтъ были мои страданія, но у меня остался въ памяти только вотъ какой моментъ: на меня вдругъ напало какое-то оцѣпененіе, такъ что я не могла пошевельнуться, не могла отвѣчать на вопросы няни. Вдругъ я почувствовала, что она растираетъ мнѣ то ноги, то руки, безпрестанно наливаетъ на раскаленный кирпичъ кипятокъ съ уксусомъ, и ея горячія слезы падаютъ мнѣ на лицо. Она умоляетъ меня сказать хотя одно слово, умоляетъ хотя кивнуть головой, если я ее слышу, а я все слышу, что она говоритъ, все вижу, что она дѣлаетъ, но остаюсь неподвижною, нѣмою и равнодушною. Не помню, молчала ли я потому, что немогла исполнить ея просьбы, или не хотѣла этого сдѣлать по упрямству. Тогда она, не отходя отъ меня, громко позвала матушку, которая быстро вошла въ комнату, присѣла къ моей кровати, положила руку на мой лобъ и проговорила: «умираетъ!»

— Боже упаси!—закричала няня въ какомъ-то изступленіи.—Мы ее ототремъ... Какъ же такъ? Непремѣнно ототремъ!... Зовите, зовите доктора, зовите же, матушка-барыня, поскорѣе!

— Ахъ, не кричи ты, пожалуйста!—съ досадой проговорила

матушка и затѣмъ въ какомъ-то раздумьѣ, покачивая головой, нѣсколько разъ повторила: «девятый покойникъ! девятый покойникъ! Что же... Пусть умираетъ! и оставшихся нечѣмъ кормить!»

О, зачѣмъ, зачѣмъ были произнесены слова: «пусть умираетъ!» Зачѣмъ они дошли до моего слуха! Они надолго остались выгравированными въ моемъ мозгу и, какъ раскаленные уголья, жгли мое сердце. Во всѣ моменты не только моей дѣтской, но даже отроческой жизни, какъ только случалась со мной какая-нибудь невзгода, я припоминала ихъ и еще болѣе чувствовала себя несчастною. Эти слова, до глубины значенія которыхъ я такъ долго не могла додуматься, то и дѣло приходили мнѣ на память, окрашивали всѣ обстоятельства моей жизни въ еще болѣе мрачный цвѣтъ, заставляли меня отыскивать индифферентизмъ матери ко мнѣ даже тамъ, гдѣ его не было и слѣда, порождали въ моей душѣ настоящую зависть къ окружавшимъ меня дѣтямъ нашихъ сосѣдей: мнѣ всегда казалось, что каждаго изъ нихъ любятъ больше, чѣмъ меня, и это заставляло меня мучительно страдать. Чѣмъ болѣе я подрастала, тѣмъ чаще съ невыразимою тоскою и болью въ сердцѣ, точно жалуясь кому-то на величайшую несправедливость, на незаслуженное горе, мои уста шептали, помимо моей воли: «моя мать, моя родная мать желаетъ моей смерти! Моя мать, моя родная мать меня не любитъ!» Мое дѣтство вообще роковымъ образомъ сложилось въ высшей степени печально, а эти неосторожныя слова лишь усиливали его горечь, толкали мою дѣтскую фантазію на изобрѣтеніе неимовѣрно нелѣпыхъ исторій, что причинило не только мнѣ, но и моей матери не мало огорченій. Я придала словамъ «пусть умираетъ» несравненно болѣе узкій, жестокій смыслъ относительно меня, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности. И это натурально: я была въ то время слишкомъ мала и совсѣмъ еще не понимала того, что они могутъ вырываться и изъ материнскаго сердца, переполненнаго любовью... Очень возможно, что у матушки эти слова сорвались отъ страха за новую утрату, но я не понимала и не могла понять въ то время этого. Не могла я понять и всей глубины горя, постигшаго мою мать, всего ужаса ея положенія.

Доказательство неосновательности моей обиды я могла бы найти хотя въ томъ, что во время моей болѣзни ко мнѣ постоянно ходилъ докторъ, между тѣмъ въ то время для матушки былъ дорогъ каждый грошъ, что для моего спасенія были приняты всевозможныя мѣры... Но я ни въ ту минуту, ни гораздо позже ничего не хотѣла слышать, ни о чемъ не хотѣла думать, кромѣ тѣхъ роковыхъ словъ, и даже изъ нихъ брала только одну фразу: «пусть умираетъ!», а послѣдующую: «мнѣ ихъ нечѣмъ кормить!» я опускала, не понимая ея значенія, да она и не нужна была мнѣ для моихъ горькихъ размышленій и душевныхъ терзаній, для моихъ гнѣвныхъ чувствъ, для злобныхъ вспышекъ противъ матери, разрывавшихъ на части мое сердце. Своими неосторожными

словами матушка нанесла мнѣ смертельную обиду, которая во времена моего злополучнаго дѣтства нерѣдко не только давила мнѣ грудь, но плодила между нами множество недоразумѣній, которыя проявлялись бы въ еще болѣе безобразной формѣ, если бы безконечно добрая няня не употребляла всевозможныхъ средствъ, чтобы смягчать наши взаимныя отношенія.

Однако, пора возвратиться къ изложенію семейныхъ событій.

Наконецъ, докторъ объявилъ, что моя болѣзнь не представляетъ болѣе опасности для моей жизни, но я была еще очень слаба и не могла ходить: меня выносили въ другую комнату и усаживали на диванъ среди подушекъ. Дѣлали это, вѣроятно, для того, чтобы я не скучала одна, безъ няни: въ домѣ у насъ началась лихорадочная укладка для окончательнаго переѣзда въ деревню.

Когда въ первый разъ меня перенесли въ залу и усадили, меня поразили монотонные звуки, раздававшіеся изъ кабинета покойнаго отца. Няня объяснила мнѣ, что «божественное» читаютъ по «дорогимъ нашимъ покойничкамъ», что на дняхъ будетъ уже 6 недѣль послѣ смерти моей старшей сестры, и что тогда чтица будетъ отпущена. Она сообщила, что у насъ не одна, а двѣ сестры чтицы для того, чтобы смѣнять одна другую: когда одна уставала, спала или обѣдала,—ее замѣняла другая, чтобы чтеніе по усопшимъ продолжалось непрерывно день и ночь. Няня говорила все это отрывочно, такъ какъ постоянно выбѣгала изъ комнаты, чтобы внести для укладки ту или другую вещь. Вдругъ нѣсколько нашихъ слугъ съ крикомъ «воровство! воровство!» вбѣжали въ залу, а за ними то и дѣло входили другіе. Когда матушка, привлеченная шумомъ, вошла къ намъ, они заявили, что, прежде, чѣмъ укладывать вещи, они стали кое-что провѣрять. Оказалось, что раскрадена не только огромная часть серебра и золотыхъ вещей, но не хватало многаго изъ бѣлья и верхней одежды. Наши служащіе высказали подозрѣніе на чтицъ, двухъ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей пономаря, приглашенныхъ для чтенія по усопшимъ. Когда въ домѣ поднялась суматоха, одна изъ чтицъ читала, а другая въ это время у насъ же спала въ людской. Люди сами распорядились, чтобы онѣ какъ-нибудь не вышли изъ дому, а няня немедленно отправилась доложить объ этомъ полицмейстеру, который принялъ ее очень ласково и просилъ передать матушкѣ, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ дворяне города и окрестныхъ мѣстностей, если она можетъ ихъ принять, немедленно пріѣдутъ выразить ей соболѣзнованіе о постигшихъ ее великихъ несчастіяхъ, что раньше они не могли этого сдѣлать, чтобы не разносить эпидемію, а что теперь всюду какъ у насъ, такъ и въ городѣ холера прекратилась. Чтобы доказать свою готовность помочь матушкѣ, онъ, пригласивъ съ собою няню и полицейскихъ, отправился въ домъ пономаря. Очень скоро кое-что изъ украденнаго было найдено въ сундукѣ моло-

дыхъ дѣвушекъ, а когда туда же съ полицейскимъ привели и двухъ сестеръ, онѣ немедленно сознались во всемъ и объяснили, что ежедневно уносили что-нибудь изъ нашего добра, но что большую часть украденныхъ вещей онѣ уже сбыли на базарѣ, на который въ то время съѣзжался всякій людъ: и крестьяне, и мелкіе торговцы. Родители дѣвушекъ прибѣжали къ матушкѣ и бросились передъ нею на колѣни, умоляя ее не губить семью. Матушкѣ не было даже смысла преслѣдовать ихъ, такъ какъ украденное въ то время очень рѣдко находилось. Матушка во всемъ обвиняла только себя: отецъ ни во что не вѣрилъ, слѣдовательно, ни для него, ни для усопшихъ ея дѣтей не зачѣмъ было выполнять этого обряда.

Наконецъ, злой рокъ, казалось, утомился вырывать изъ нашей семьи то одну, то другую жертву, и всѣ несчастія на время прекратились. Домъ былъ проданъ купцу Сидорову, и проданъ безъ убытка, т. е. за ту же цѣну, за которую его пріобрѣлъ покойный отецъ. Если бы не деньги, полученныя за него, намъ немыслимо было бы выѣхать изъ города, столько у насъ накопилось долговъ за это время болѣзней и смертей. За уплатою городскихъ долговъ, у матушки оставалось лишь нѣсколько десятковъ рублей, съ которыми она должна была начать новое хозяйство. Укладка вещей продолжалась нѣсколько дней, и при этомъ всѣ были заняты съ утра до поздняго вечера,—приходилось все забирать съ собою, такъ какъ мы навсегда разставались и съ городомъ, и съ нашимъ городскимъ домомъ.

Наше помѣстье Погорѣлое находилось въ 70 верстахъ отъ города, въ которомъ мы проживали. Чтобы перевезти нашихъ лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, горничныхъ, прачекъ, а также насъ самихъ, все наше добро и городскую обстановку, намъ прислано было множество телѣгъ съ лошадьми. Хотя штатъ нашей прислуги, какъ мнѣ говорили, всегда былъ меньше, чѣмъ у другихъ, но, по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ, онъ все таки былъ чрезвычайно многолюденъ. Лошадей и людей было много прислано и оттого, что дороги въ то время вообще были крайне плохи, вслѣдствіе этого нельзя было слишкомъ тяжело нагружать возы, да и сами по себѣ они были крайне малы. Нужно имѣть въ виду и то, что домашній скотъ въ С . . . ской губ. отличался малорослостью и слабосиліемъ: когда я уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого проѣзжала по захолустьямъ этой губерніи, я принимала коровъ за телятъ, а рабочихъ лошадей за жеребятъ: такой жалкій, захудалый, малорослый домашній скотъ встрѣчала я всюду въ нашихъ краяхъ.

Для путешествія «господской семьи» былъ присланъ изъ деревни дормёзъ, представлявшій нѣчто въ родѣ громаднѣйшей, первобытной кареты: на огромныхъ высокихъ колесахъ стоялъ неуклюжій ящикъ чуть не исполинскихъ размѣровъ. Снаружи онъ былъ обтянутъ побурѣвшею и растрескавшеюся кожею, прибитою къ доскамъ простыми гвоздями, проржавѣвшими отъ времени, а по бокамъ дормёза, или, какъ мы его называли, «Ноева

ковчега», были сдѣланы отверстія. Въ дурную погоду эти отверстія или окна закрывались сукномъ, а въ хорошую погоду тяжелыя суконныя полосы прикрѣплялись надъ отверстіями. Внутри этотъ экипажъ былъ обитъ (конечно, руками доморощенныхъ обойщиковъ изъ крестьянъ) сѣрою матеріею, положенною на вату и простеганною въ пяльцахъ руками крѣпостныхъ дѣвушекъ.

Какихъ только мѣшечковъ, кармашекъ и отдѣленій не было прикрѣплено къ обивкѣ этого экипажа внутри! Въ немъ были устроены карманы для полотенецъ личныхъ и чайныхъ, помѣщенія для бутылокъ съ квасомъ и молокомъ, для кружекъ, для спичечницы, мыльницы, гребешковъ, щетокъ; большіе мѣшки предназначались для провизіи. Несмотря на то, что объемистые бока дормёза были унизаны помѣщеніями для дорожныхъ принадлежностей и провизіи, во всѣхъ углахъ еще стояли ящики съ провизіей, а узелки и мѣшечки съ разнообразнымъ жаркимъ и печеньемъ подвѣшивались къ потолку экипажа. Тамъ, гдѣ дорога была убійственно плоха, этотъ экипажъ встряхивало до основанія, и тогда съ верха и боковъ дормёза срывались съ своихъ мѣстъ бутылки и узлы, и все это летѣло на головы путешественниковъ. Низъ экипажа внутри былъ устланъ сѣномъ, а сверху лежали перины и подушки. Лежать въ этомъ экипажѣ было удобнѣе, чѣмъ сидѣть, такъ какъ даже взрослый мужчина могъ вытянуться въ немъ во всю длину. Но не каждому удавалось вылежать всю дорогу. Когда чувствовалась потребность посидѣть, приходилось изобрѣтать новый порядокъ: узлы, ящички и картонки отодвигались въ сторону, а сидѣнье устраивалось изъ подушекъ и одѣялъ.

Къ невообразимой суматохѣ, господствовавшей въ нашемъ домѣ во время сборовъ въ деревню, присоединились еще хлопоты по заготовкѣ провизіи на дорогу: 70 верстъ до деревни мы должны были сдѣлать въ два дня, но для этого заготовляли цѣлые вороха всякой снѣди, какъ будто предназначенной для прокормленія огромнаго полка, выступавшаго въ походъ. Наканунѣ, уже съ ранняго утра, то поваръ вносилъ въ залу готовые бисквиты въ бумажныхъ коробкахъ, и по комнатамъ проносился запахъ жженой бумаги, то горничная входила съ блюдомъ булочекъ разнообразной формы или съ жареными гусями, курами, цыплятами. А какихъ только пирожковъ не заготовляли для этого случая! Тутъ были и пирожки съ морковью, картофелемъ, фаршемъ, и пирожки, въ которыхъ запекалось по цѣлому маленькому цыпленку.

Несомнѣнно, что въ прежнія времена «господа» ѣли гораздо больше и гораздо чаще, но даже, если и это принять въ разсчетъ, все же непонятно, зачѣмъ все это дѣлалось въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ, особенно въ нашей семьѣ, въ то время, когда въ домѣ былъ такой недостатокъ въ деньгахъ. Матушка разрѣшала этотъ вопросъ очень просто: «всѣ такъ дѣлали», къ тому же, кромѣ ѣды, и дѣлать-то въ прежнее время помѣщи-

камъ нечего было, а главное нужно помнить и то, что птица, масло, сметана и другія деревенскія сбереженія или не имѣли сбыта, или цѣнились такъ дешево, что ихъ не стоило продавать.

Наступилъ и день отъѣзда. Все запаковано и уложено; вся улица передъ нашимъ домомъ запружена подводами съ сидящими уже на нихъ людьми и съ возами нашихъ вещей; дормёзъ у крыльца. Городская квартира совершенно пуста; торопливо ставятъ въ уголъ нарочно принесенный откуда-то столикъ, покрываютъ его чистой салфеткою, въ уголъ прилаживаютъ образъ, прикрѣпляютъ къ нему восковую свѣчу, и няня подводитъ нась, дѣтей, къ нему со словами: «Помолитесь боженькѣ, помолитесь на дорожку!». Въ эту минуту вошла матушка, встала сзади насъ и вдругъ со стономъ упала на колѣни.

— Боже! за что же, за что все это? — отчаянно рыдая, вскричала она, ломая руки, затѣмъ быстро поднялась и направилась въ кабинетъ мужа, перешла въ комнату только-что умершихъ дочерей и сыновей, и отовсюду раздавались ея разрывающіе душу не то вопли, не то отчаянные крики, вылетавшіе изъ глубины сердца, возмущеннаго несправедливостью судьбы. Мы, дѣти, прижались къ нянѣ и плакали вмѣстѣ съ нею. Но вотъ безумныя рыданія матушки стихли, она вошла къ намъ съ лицомъ, искаженнымъ душевною мукою, покрытымъ багровыми пятнами, съ глазами, опухшими отъ слезъ и разсѣянно блуждавшими; ея грудь судорожно подымалась отъ внутренняго волненія, и она прислонилась къ стѣнѣ, но вдругъ схватилась рукою за сердце, нечеловѣческій крикъ вырвался изъ ея груди, и она рухнула на полъ безъ чувствъ.

Жгучая, страстная любовь къ матери обожгла мое дѣтское сердце, я хотѣла было броситься къ ней, чтобы цѣловать ея ноги, просить у нея прощенія за то, что еще такъ недавно я не любила ее, ее — такую несчастную, но мои слабыя отъ болѣзни ноги покачнулись, и няня еле подхватила меня. О, отчего я не могла тогда рыдать на груди моей несчастной матери! Эти слезы, можетъ быть, заставили бы меня забыть навсегда тѣ роковыя слова, я скорѣе поняла бы всю глубину ея несчастья, поняла бы, что, будучи еще молодой, здоровой, красивой женщиною 36 лѣтъ, она уже навѣки прощалась со счастьемъ всей своей личной жизни, и моя обида противъ нея скорѣе бы улеглась!.. Но этого не случилось: я была слишкомъ слаба, чтобы подойти къ ней, да и около нея уже суетилось нѣсколько человѣкъ. Откуда-то достали кровать, уложили на нее матушку, давали ей что-то нюхать, обливали ее водою, но не могли привести въ чувство, и няня послала за докторомъ. Но и его старанія оказались такъ же безуспѣшными, и матушка не приходила въ себя. Тогда докторъ отправилъ къ себѣ за кресломъ, усадилъ въ него, съ помощью людей, безчувственную матушку, обнажилъ ея руку и пустилъ ей кровь. Матушка открыла глаза и пришла въ себя. Когда кровопусканіе было окончено и рука забинтована, докторъ

приказалъ положить ее на постель и присѣлъ къ ея кровати. Онъ объявилъ ей, что она не должна предпринимать путешествіе въ деревню ранѣе нѣсколькихъ дней, въ продолженіе которыхъ онъ долженъ слѣдить за ея здоровьемъ, и посовѣтовалъ ей, во избѣжаніе подобныхъ обмороковъ, ежегодно пускать себѣ кровь.

Къ несчастью, матушка послушалась этого совѣта и стала ежегодно пускать себѣ кровь, сначала разъ въ годъ, а потомъ и два. Нужно замѣтить, что она, несмотря на свой 36-лѣтній возрастъ, несмотря на множество рожденныхъ ею дѣтей, неизмѣнно отличалась превосходнымъ здоровьемъ. Она не только никогда не хворала, но каждый разъ даже послѣ родовъ, какъ она намъ сказывала, не лежала въ постели болѣе 2—3-хъ часовъ, и въ тотъ же день продолжала прерванную дѣятельность, т. е. шила для дѣтей или учила кого-нибудь изъ нихъ, однимъ словомъ, дѣлала все то, что и въ обыкновенное время. Этотъ обморокъ случился съ нею въ первый и послѣдній разъ въ жизни, но какъ только она стала прибѣгать къ кровопусканіямъ, она, несмотря на въ высшей степени дѣятельную жизнь въ деревнѣ и большой моціонъ, стала чрезмѣрно толстѣть. Черезъ лѣтъ десять она уже выглядѣла старухою и стала чрезвычайно толстою, такъ что расхаживать по полямъ и лугамъ, какъ дѣлала это въ первые годы своей самостоятельной жизни въ деревнѣ, уже не могла и ѣздила въ карафашкѣ. Когда приближался срокъ кровопусканія, у ней начинались приливы крови къ головѣ, и она чувствовала недомоганіе. Только послѣ многихъ лѣтъ такого способа леченія одинъ докторъ убѣдительно доказалъ ей вредъ для нея кровопусканія, и она, наконецъ, рѣшилась покончить съ нимъ.

Продолжаю прерванный разсказъ. Какъ только докторъ удалился, матушка не позволила распрягать лошадей, а, полежавъ очень недолго, приказала всѣмъ выходить на крыльцо, чтобы отправляться въ дорогу.

Нашъ переѣздъ въ деревню скорѣе походилъ на «великое переселеніе народовъ», чѣмъ на переселеніе семьи въ деревню за 70 верстъ. До 20 телѣгъ, нагруженныхъ нашимъ имуществомъ, были разставлены другъ за другомъ. Послѣднія изъ нихъ были заняты служащими съ привязанными позади городскими коровами. Лошади дормёза были увѣшены бубенцами, а къ дугѣ коренника подвѣсили большой и звонкій колоколъ; три лошади этого экипажа были запряжены къ ряду, тройкой, и ими управлялъ кучеръ; но едвали одна тройка могла бы стащить такую махину, какъ «Ноевъ ковчегъ», а потому въ него были впряжены еще двѣ лошади впереди, и ими управлялъ крестьянинъ, сидѣвшій верхомъ на одной изъ нихъ. Можно себѣ представить, какой раздался шумъ, визгъ, трескъ, звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ, когда всѣ лошади тронулись въ путь.

Низъ нашего первобытнаго экипажа былъ устланъ перинами, подушками и покрытъ одѣялами. Матушка улеглась съ одного края; подлѣ нея положили меня, возлѣ примостилась няня,

а противъ насъ усадили двухъ братьевъ и двухъ сестеръ. Моему старшему брату Андрюшѣ было въ то время 14 лѣтъ,—онъ былъ кадетомъ полоцкаго корпуса и пріѣхалъ домой на лѣтніе каникулы; сестрѣ Аннѣ было 13 лѣтъ, Сашѣ—12, Зарѣ (Захару)—9 лѣтъ, я была самою младшею. Такимъ образомъ у матушки было теперь всего 5-ть человѣкъ дѣтей.

Вначалѣ дорога шла весьма сносная, и мы подвигались довольно быстро. Няня всѣхъ одѣлила орѣхами: братья и сестры щелкали и перегрызали ихъ собственными зубами, выбрасывая шелуху за оконца, открытыя по случаю прекрасной лѣтней погоды. Матушка лежала неподвижно, не произнося ни одного слова и не обращая на окружающихъ никакого вниманія; я тоже лежала покойно около нея на своей перинѣ. Вѣроятно, чтобы вознаградить меня за то, что я не могла грызть орѣховъ—занятіе весьма любимое всѣми нами, няня то и дѣло наклонялась ко мнѣ съ вопросомъ: «не хочешь ли булочки?... А пирожка?» и прежде, чѣмъ получить на это мое согласіе, клала у моего рта какую-нибудь снѣдь со словами: «Попробуй-ка, такъ во рту и таетъ!» Но, замѣтивъ, что я не льщусь ни на пирожки, ни на булки, она стала подкладывать тянушки—неотразимый соблазнъ для всѣхъ насъ-дѣтей и приготовленіемъ которыхъ славился нашъ поваръ. Чтобы избѣжать ея угощеній, я перевернулась на другой бокъ, но, такъ какъ въ эту минуту экипажъ покачнулся, я стукнулась головою о забинтованную руку матушки.

— Возьми ты ее прочь отъ меня,—сказала она нянѣ, которая тотчасъ отодвинула меня и положила подушку стоймя между нами.

Но вотъ кочки и выбоины стали чаще попадаться по дорогѣ, и мы то и дѣло получали толчки. Матушка, только что перенесшая внезапный обморокъ и кровопусканіе, вѣроятно, сильно страдала, такъ какъ у нея отъ времени до времени вырывались тяжелые стоны. Няня, всегда опасавшаяся ея вспышки, все чаще останавливала старшихъ дѣтей, громко разболтавшихся между собой. Но это не подѣйствовало на Андрюшу, который сталъ увѣрять, что тряска экипажа только помогаетъ ему разгрызать орѣхи. Въ эту минуту экипажъ сталъ сотрясаться безъ передышки. Андрюша, желая на дѣлѣ показать справедливость своихъ словъ, вскочилъ съ своего мѣста, продолжая щелкать орѣхи. Вдругъ «Ноевъ ковчегъ» встряхнулся до основанія, Андрюша схватился рукой за тесьму, придерживавшую бутылку съ квасомъ, нечаянно сорвалъ ее съ мѣста, она разбилась, и квасъ выплеснулся на наши ноги. Матушка гнѣвно приподнялась съ своего мѣста, приказала кучеру остановиться и вкатила брату тяжеловѣсную оплеуху со словами: «Болванъ! Разучился благопристойно держать себя въ присутствіи матери! Маршъ на телѣгу съ людьми».

Возвратившись изъ корпуса на каникулы, братъ Андрей старался держать себя уже взрослымъ. Помогало этому то, что, вслѣдствіе смерти старшихъ братьевъ и сестеръ, онъ оказывался

теперь старшимъ членомъ семьи, а можетъ быть, уже такой возрастъ пришелъ, когда подростки любятъ казаться болѣе взрослыми, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, но онъ началъ покрикивать на людей, командовать ими, давать свои приказанія болѣе авторитетно, чѣмъ это дѣлали у насъ взрослые, и тономъ, недопускающимъ возраженій, что такъ ненавидѣла матушка. Очень возможно, что она замѣчала это уже въ городѣ, и ея неудовольствіе на поведеніе сына все расло, но ей было не до того, чтобы каждый разъ рѣзко обрывать его, что было главнымъ правиломъ ея воспитанія. Я только этимъ и могу объяснить матушкину пощечину и изгнаніе на людскую телѣгу 14-лѣтняго юноши,—то и другое даже для нея было слишкомъ безцеремонно и до сихъ поръ не практиковалось въ нашемъ домѣ.

Однако, оплеуха сама по себѣ, какъ много разъ послѣ этого вспоминалъ братъ, еще не была для него особенно оскорбительною, такъ какъ она нанесена была въ присутствіи только членовъ своего семейства: ужаснѣе для него было приказаніе ѣхать въ одной телѣгѣ съ крѣпостными. У кого же въ то время съ раннихъ лѣтъ не было дворянскаго гонора? Братъ много разъ впослѣдствіи вспоминалъ объ этой непріятности, полученной имъ въ дорогѣ, и всегда удивлялся себѣ, что онъ, въ то время заносчивый и задорный, могъ выполнить такое приказаніе. Но матушка была натурой въ высшей степени властной, и едвали возможно было даже и Андрюшѣ, который былъ ея первымъ любимцемъ, не повиноваться ей.

Когда экипажъ, уже безъ брата, пустился въ путь, мы поѣхали рысцой. Однако, кучеръ скоро слѣзъ съ козелъ, подбѣжалъ къ окошечку, около котораго лежала матушка, и просилъ позволенія перемѣнить двухъ уставшихъ лошадей, привязанныхъ сзади къ одной изъ телѣгъ.

Наконецъ, день сталъ склоняться къ вечеру, и мы, чтобы не тратить денегъ за ночлегъ на станціи, остановились при въѣздѣ въ одну деревню и вышли изъ экипажа. Люди вынесли изъ хаты скамейки и столъ, отправились ставить самоваръ, который мы везли съ собой, развязывали провизію и разставляли на столѣ. Когда мы покончили съ чаемъ и закусками, въ виду теплаго вечера, матушка приказала отыскать для братьевъ сѣновалъ для ночлега, а мы всѣ съ матушкою и нянею улеглись въ дормёзѣ. Люди, бывшіе съ нами, устроили между собою смѣну: одни изъ нихъ оберегали лошадей и насъ, другіе спали въ это время, а затѣмъ вставали и дежурили въ свою очередь. Какъ только разсвѣло, насъ разбудили, мы вылѣзли изъ экипажа, началось чаепитіе, и мы снова отправились въ путь. Хотя мы выѣхали очень рано, и всей дороги оставалось верстъ тридцать, но на этотъ разъ предполагалось кормить лошадей въ пути, и насъ ожидалъ знаменитый «Дѣдовъ мостъ», который многіе совершенно правильно называли «Чертовымъ мостомъ». Онъ никогда не былъ мостомъ или былъ имъ въ давно прошедшія вре-

мена, такъ какъ не только въ тотъ періодъ времени, который я описываю, но и черезъ лѣтъ двѣнадцать послѣ этого онъ былъ мало чѣмъ лучше. «Чертовымъ мостомъ» называли извѣстную часть дороги, или, точнѣе сказать, совершенное ея отсутствіе на пространствѣ 3—4 верстъ.

Когда мы рано утромъ тронулись въ путь, справа и слѣва дороги потянулись топкія болотистыя мѣстности, поросшія жалкимъ кустарникомъ; дорога становилась все хуже, и, наконецъ, передъ нами, во всемъ своемъ ужасающемъ величіи, предсталъ «Чертовъ мостъ». Его нельзя было назвать ни мостомъ, ни дорогою, — это просто былъ какой-то непостижимый хаосъ. Иначе трудно опредѣлить эту невыразимую путаницу кое-какъ набросанныхъ и переломанныхъ засохшихъ вѣтвей, щебня, самаго разнообразнаго мусора, камней, всевозможныхъ обрубковъ, дранокъ, палокъ и грязи, грязи безъ конца. Здѣсь и тамъ на этой дорогѣ, называемой «Чертовымъ мостомъ», появлялись то углубленія, то огромныя, топкія лужи, въ которыя проваливались лошади по самое брюхо и вязли колеса экипажа. Здѣсь торчкомъ высовывались оголенные тонкіе стволы обрубленныхъ деревьевъ, тамъ на выдающихся грязныхъ кочкахъ торчали камни, а тутъ же подлѣ зіяла мутная колдобина, блестя на солнцѣ своею зеленоватою грязью. Этотъ хаосъ, эта невообразимая путаница лужъ, трясинъ и гніющихъ древесныхъ массъ образовались потому, что въ этой сырой, топкой и низменной мѣстности никогда не устраивали надлежащей дороги, а подлѣ не было даже канавъ для стока болотной грязи. Когда становой узнавалъ, что тутъ скоро придется проѣзжать архіерею или какому-нибудь важному чиновнику, онъ сгонялъ крестьянъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которымъ принадлежали эти болота, и тогда наскоро чинили «Чертовъ мостъ». Но вся починка состояла въ томъ, что крестьяне привозили къ означенному мѣсту возы хвороста, песку, камней, щебня, наваливали все это по всему пространству и нѣсколько утрамбовывали сваливаемое. И при проѣздѣ важнаго лица эта дорога была очень плоха, но все же лошади не вязли на ней по брюхо, и, хотя съ грѣхомъ пополамъ, тутъ можно было проѣхать. Но черезъ мѣсяцъ - другой послѣ починки, особенно послѣ ливней или зимнихъ оттепелей, «Чертовъ мостъ» принималъ свой обычный видъ. Къ тому же по нашимъ дебрямъ и захолустьямъ важныя лица проѣзжали чрезвычайно рѣдко; чаще это случалось въ зимнее время, когда массы снѣга заметали всѣ ухабы и выбоины, когда замерзали всѣ лужи, — тогда снѣжный покровъ выравнивалъ всю эту адскую мѣстность; только въ такое время года и можно было проѣзжать по «Чертову мосту», не опасаясь вытрясти всѣ внутренности или погубить лошадей и экипажъ.

Прежде чѣмъ нашъ дормёзъ вступилъ въ область «Чертова моста», кучеръ остановилъ лошадей и подошелъ къ окошечку, у котораго лежала матушка. Онъ отрапортовалъ, что лошадь съ первой телѣгою, которую онъ отправилъ впередъ, чтобы испро-

бовать дорогу, уже завязла, что намъ, вѣроятно, долго придется простоять на одномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ долженъ вмѣстѣ съ другими людьми вытаскивать телѣги и поправлять дорогу для проѣзда нашего экипажа. Всѣ бывшіе съ нами люди выскочили изъ телѣгъ, схватили палки и начали вымѣрять ими глубину болотныхъ лужъ и проваловъ, по которымъ предстояло проѣзжать. При этомъ, нѣсколько человѣкъ уже обрубали топорами кустарники и тонкія деревца по бокамъ дороги и наваливали ихъ въ колдобины и лужи; затѣмъ, еще нѣсколько человѣкъ, взявъ длинный брусъ и ставъ съ двухъ сторонъ увязнувшаго воза, запускали его подъ провалившуюся телѣгу, вытаскивая ее изъ грязи, а другіе тащили увязнувшую лошадь. Когда это было окончено, то, прежде чѣмъ тащиться дальше, рѣшено было пустить впередъ всѣ возы, одинъ за другимъ: какъ только одному изъ нихъ приходилось двинуться впередъ по особенно опасному мѣсту, къ нему подбѣгало двое людей и тянули лошадь подъ устцы, направляя ее то вправо, то влѣво. Сами люди все это время оставались въ топкой грязи, безпрестанно проваливаясь по колѣно и даже по поясъ. Такъ какъ передъ нашимъ экипажемъ другъ за другомъ продефилировали до 20 нашихъ возовъ, то все это продолжалось очень долго. Наконецъ, тронулись и мы. И вотъ заскрипѣлъ, завизжалъ и отчаянно застоналъ нашъ «Ноевъ ковчегъ!»... Впереди насъ люди насыпали хворостъ въ углубленіе, такъ какъ предыдущія телѣги при своемъ проѣздѣ уже нѣсколько испортили только что произведенную поправку. Каждую изъ пяти лошадей дормёза держалъ подъ устцы особый человѣкъ, который вытаскивалъ ее при первой попыткѣ увязнуть. А другіе крестьяне, чтобы облегчить тяжесть труда лошадей, схватились за брусья, на которыхъ укрѣпленъ былъ экипажъ, и тащили его впередъ. Общія усилія крестьянъ не остались тщетными, и мы, наконецъ, выпутались изъ перваго затрудненія. Но вся эта «чертова дорога» была убійственная, а такихъ мѣстъ, на которыхъ приходилось набрасывать хворостъ и вытаскивать лошадей, было нѣсколько.

Боже мой! Чего только не было съ «Ноевымъ ковчегомъ» во время этихъ особенно тяжелыхъ переѣздовъ: то онъ вдругъ выкидывалъ удивительное сальто-мортале и при этомъ высокомъ для себя скачкѣ вверхъ онъ трясся, точно живое существо отъ страха передъ чѣмъ-то страшнымъ, то онъ накренялся въ одну сторону, то въ другую, то начиналъ трещать и скрипѣть въ такой степени, что, казалось, мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ разбиты вдребезги. При этомъ мы ударялись о безчисленныя металлическія скрѣпы и гвозди съ внутреннихъ его боковъ. Сильно разбили мы себѣ спины о его брусья сзади, исколотили головы, перебудоражили всѣ внутренности отъ жестокой тряски. Дорожныя вещи, укрѣпленныя по внутренней обивкѣ экипажа, безпрестанно срывались со своихъ мѣстъ и падали на головы сидящихъ.

Наконецъ, адская дорога кончилась: лошади и люди были

измучены до послѣдней степени, а матушка, чтобы дать возможность отдохнуть послѣ этого ада, приказала остановиться у первой деревни, хотя до Погорѣлова намъ оставалось не болѣе 10—12 верстъ.

Мы въѣзжали въ наше помѣстье уже подъ вечеръ. Я совсѣмъ забыла деревню, вѣроятно, потому, что годъ тому назадъ была еще слишкомъ мала, чтобы удерживать что-нибудь въ памяти. Какъ только показались наше огромное, чудное озеро у подножія горы и нашъ, въ то время еще красивый, большой деревенскій домъ, няня приподняла меня съ моего ложа.

— Смотри, смотри, вотъ и наше озеро! А нашъ-то домъ, ишь какъ блеститъ на солнышкѣ,—сущій дворецъ!

Когда меня вынесли изъ дормёза, я встала на ноги и уже больше не ложилась. На крыльцѣ стояли нѣсколько бабъ и крестьянъ съ приношеніями и съ своими ребятами: крестьяне подносили матушкѣ хлѣбъ-соль, бабы—яйца, ихъ дѣти подавали сестрамъ и мнѣ букеты полевыхъ цвѣтовъ, живыхъ зайчиковъ, чуть оперившихся птичекъ.

Матушка, несмотря на свою дѣятельную натуру и на то, что въ первый день пріѣзда у каждой хозяйки много хлопотъ, расхаживала безъ дѣла по комнатамъ, точно въ первый разъ разсматривая ихъ, и слезы градомъ катились по ея щекамъ. Щемило ли ея душу сознаніе, что она впервые, и уже навсегда, вошла въ этотъ домъ одна, безъ мужа, котораго она такъ любила, ужасала ли ее перспектива того, что теперь исключительно на одни ея плечи свалились и тяжесть воспитанія дѣтей, и обязанность привести въ порядокъ совершенно разстроенное хозяйство, это ли или и еще что тревожило ее, но она разсѣянно давала распоряженія и отправилась въ «боковушку»—маленькую комнату дома въ одно окно, а затѣмъ стала звать туда меня и няню. Когда мы вошли, она схватила меня на руки, но я такъ не привыкла къ ея ласкамъ, у меня такъ оторвалось отъ нея сердце изъ-за роковыхъ словъ, что я не закричала только отъ неожиданности. Хотя я не выразила радости отъ того, что она схватила меня на руки, а, напротивъ, силилась соскочить на полъ, но матушка начала осыпать меня поцѣлуями, между тѣмъ какъ неудержимыя слезы падали изъ ея глазъ на мои руки и голову. Она сказала намъ, что предназначаетъ эту комнату для меня съ нянею; такъ какъ я теперь самая младшая въ семьѣ и хворая, то няня и нужна для меня больше, чѣмъ для другихъ, и приказала перенести сюда только наши двѣ кровати. Какъ я была счастлива при мысли, что я буду теперь всегда съ моею милою нянею! Я поняла слова матушки такъ, что она дарила мнѣ няню въ мою полную и неотъемлемую собственность, и что няня съ этихъ поръ должна была принадлежать только мнѣ и мнѣ одной.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ размышленій въ Шлиссельбургѣ.

Предлагаемый этюдъ написанъ пять лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургѣ. Подъ нимъ значится точная дата: 16 октября 1902 года.

Лѣтомъ того года В. Н. Фигнеръ, по просьбѣ нѣкоторыхъ товарищей, набросала нѣсколько своихъ воспоминаній. Такъ какъ въ это время мы проводили на воздухѣ цѣлые дни, и такъ какъ мой огородъ былъ смежнымъ съ огородомъ В. Н., и раздѣлявшая насъ рѣшетка забора не мѣшала намъ находиться въ постоянномъ общеніи, то мы условились, что я буду въ огородѣ писать подъ ея диктовку.

И такъ мы начали. Характеризуя движеніе 70-хъ гг. В. Н. выразилась, что оно было политическое, но съ первыхъ же шаговъ „приняло яркую экономическую окраску". Объяснять его происхожденіе не входило въ ея планы. Тѣмъ не менѣе, попутно она удѣлила вниманіе и вліянію литературы, и особенно вліянію заграничной учащейся молодежи.

Это совершенно не вязалось съ моими собственными взглядами на то, что во всякомъ политическомъ движеніи главенствуетъ надо всѣмъ экономическій базисъ. А потому я точно записалъ то, что мнѣ диктовалось, самъ же тѣмъ временемъ обложилъ себя знакомыми мнѣ статистическими справочниками и сталъ строить свою собственную схему происхожденія движенія 70-хъ годовъ.

Въ текстѣ читатель встрѣтитъ кое-гдѣ слѣды того, что я кому-то возражаю. И теперь онъ пойметъ, куда направлялись эти возраженія.

Предавая гласности этотъ этюдъ, написанный въ свое время вовсе не для широкой публики, я самъ прекрасно сознаю всѣ его литературные и тѣмъ болѣе научные недостатки. Еще яснѣе я сознаю и предвижу тѣ возраженія, которыя мнѣ сдѣлаютъ мои идейные противники. Тѣмъ болѣе, что такія возраженія мнѣ уже дѣлались лично еще въ томъ же 1902 году. Досуга у насъ тамъ было много, и пренія на подобныя темы, можно сказать, никогда не прекращались.

Тѣмъ не менѣе я остаюсь при томъ же убѣжденіи и льщу себя надеждой, что будущій историкъ обставитъ ту же мысль болѣе солидно и сдѣлаетъ ее всеобщей и общепризнанной истиной.

Такъ какъ моя статья тогда была слишкомъ перегружена цифрами, то въ интересахъ читателя теперь я выбрасываю все то, что не имѣетъ прямого отношенія къ поставленной въ заголовкѣ задачѣ. Отъ этого статья сократилась на цѣлую треть. Въ остальномъ я по возможности оставляю текстъ безъ перемѣнъ, хотя теперь я могъ бы вооружить себя болѣе богатой аргументаціей.

Изъ области статистики.

(Къ вопросу о происхожденіи движенія 70-хъ годовъ).

„Горячка реформъ заразительна въ революціонныя времена и овладѣваетъ какъ разъ тѣми классами общества, которымъ угрожаетъ гибель ихъ имущества.
(Зола, „Трудъ", стр. 159)

I.

Для уясненія размѣровъ движенія, а отчасти и причинъ, породившихъ ихъ, весьма полезно сдѣлать нѣсколько статистическихъ справокъ. Попутно я думаю отмѣтить въ цифрахъ также ростъ нѣкоторыхъ сторонъ русской соціальной жизни за истекшее тридцатилѣтіе.

„Движеніе 70-хъ гг. приняло яркую экономическую окраску". Иначе и не могло быть въ эпоху, только что произведшую великую экономическую революцію. Крѣпостное *право* пало въ 61 году. Власть помѣщиковъ прекратилась со дня публикаціи манифеста. Крѣпостное же *хозяйство* еще надо было перестроить, а такія вещи не дѣлаются ни въ одинъ день, ни даже въ одинъ годъ. До какой степени медленно исчезаютъ старыя хозяйственныя формы и отношенія, показываетъ, между прочимъ, такой фактъ.

Еще въ 75 г. въ кредитныхъ учрежденіяхъ числилось заложенными около 1 мил. „душъ". Эти души уже 15 лѣтъ были свободными, а давніе владѣльцы ихъ, когда-то заложившіе ихъ въ банкъ, продолжали, какъ ни въ чемъ ни бывало, вносить за нихъ соотвѣтственные проценты.

Послѣ 61 года нужно было не только размежевать владѣнія крестьянина и помѣщика,—нужно было заново устроить все владѣльческое хозяйство на 82 (или 86) м. дес. А громадное большинство помѣщиковъ не имѣло къ тому ни охоты, ни умѣнья. Вотъ почему, несмотря на тотчасъ же объявленныя условія выкупа, громадное большинство предпочло сохранить „временно-обязанныя" отношенія съ крестьянами и только исподволь приступало къ выкупу. Такъ, по истеченіи 5 лѣтъ послѣ реформы, къ вы-

купу приступила едва $1/3$ часть бывшихъ крѣпостныхъ, а къ 1871 г. едва половина, и только къ 78 г. на выкупъ перешло ихъ уже $2/3$.

Понятно, что такая операція, какъ разверстка владѣній, да еще съ принудительнымъ отчужденіемъ, не могла происходить гладко и все время держала обѣ заинтересованныя стороны въ напряженныхъ или обостренныхъ отношеніяхъ. Понятно, что господами положенія были все-таки бывшіе „господа“. А потому, они постарались не въ единичныхъ только, а въ массовыхъ случаяхъ наградить бывшихъ своихъ кормильцевъ землями никуда негодными. Недаромъ же болѣе 10 лѣтъ функціонировалъ спеціально въ виду этого созданный цѣлый институтъ „мировыхъ посредниковъ“, не остававшійся, конечно, безъ дѣла. Моя статистика молчитъ о количествѣ „дѣлъ“, бывшихъ на разбирательствѣ этого института. Но имѣется характерное указаніе, относящееся уже къ 72—77 гг., что за эти 6 лѣтъ въ 14-ти губ. и въ 49 имѣніяхъ были форменные отказы крестьянъ отъ надѣловъ, мотивированные негодностью земли, дороговизной выкупа и черезполосностью владѣній.

Все это время, пока длился переходъ главнаго орудія труда—земли въ руки крестьянъ, на помѣстное сословіе изливался непрерывный золотой дождь, врачевавшій его раны, нанесенныя ему реформой. Это былъ такой *грандіозный наплывъ капиталовъ*, такой осязательный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному (вѣрнѣе—замѣна натуральныхъ доходовъ единовременной денежной выдачей), подобный которому не часто встрѣчается въ исторіи народовъ. По количеству полученная помѣщиками сумма не равнялась, напримѣръ, германской контрибуціи, взятой съ Франціи. Но не нужно забывать, что для страны бѣдной вообще, и бѣдной капиталами въ частности, сумма въ три раза меньшая 5,000 мил. фр. была все еще огромной суммой. Она не могла произвести какого-нибудь переворота въ промышленности только потому, что назначалась прямо въ руки, безусловно неподготовленныя къ производительной дѣятельности, и затѣмъ выдача ея растянулась на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Но въ экономическомъ подъемѣ страны она все же сыграла огромную роль.

Къ 79 году въ руки дворянъ перешло 733 мил. руб. За вычетомъ того, что получили помѣщики 9-ти западныхъ губерній, для коренныхъ русскихъ останутся 573 мил. руб. Здѣсь въ 61 г. считалось 103,158 помѣщиковъ. Но такъ какъ на выкупъ перешло, какъ сказано, только $2/3$ крестьянъ, то взявши ту же долю и для помѣщиковъ, можно заключить, что сумму въ 573 мил. руб. получили 68,000 лицъ. Въ среднемъ, это выходитъ только по 8,500 руб. на брата. Но сдѣлаемъ расчетъ болѣе частный.

Такъ какъ эта выкупная сумма (573 м. руб.) дана въ ссуду 5,538,503

крестьянамъ, то каждая крестьянская душа стоила, значитъ, около 103 руб. А по 10-й ревизіи (передъ реформой) почти $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ (3 мил. изъ $10^1/_2$ мил.) были въ рукахъ 1382 владѣльцевъ (по 2,207 душъ на чел.). Если бы всѣ они поспѣшили къ разсматриваемому времени получить выкупныя свидѣтельства, то они составили бы весьма внушительную группу капиталистовъ въ 1382 чел., изъ коихъ каждый получилъ разомъ по 227,000 руб. (103 $\times$ 2207). Конечно, всѣ они и получили постольку, но мы не можемъ сказать, одновременно, или нѣтъ. Вторую группу составляли 2421 помѣщикъ, владѣвшихъ каждый по 648 душъ и получившихъ, значитъ, по 66,744 руб. Обѣ эти группы владѣли 4,619 т. душъ (изъ $10^1/_2$ мил.).

Отношенія эти, сказать кстати, пережили крестьянскую реформу и существуютъ навѣрное и понынѣ, только опредѣляются не числомъ душъ, а числомъ десятинъ. Такъ, въ 77—78 гг. у насъ числилось 2,386 чел. (сословіе не обозначено), у коихъ было 37,107 тыс. дес. изъ 91,6 мил. всей владѣльческой земли (не только дворянской). Изъ нихъ 1444 чел. владѣли каждый по 5—10,000 дес., а 944 чел.—по 29,000 дес. на чел. (Въ Англіи только 4 пэра владѣютъ по 30,000 десятинъ; всѣ остальные меньше нашихъ будущихъ пэровъ).

Хотя эти расчеты и распредѣленіе полученныхъ суммъ только приблизительны, но они хорошо иллюстрируютъ ту мысль, какую прекрасную почву для насажденія у насъ капитализма представляла ликвидація крѣпостного права съ надѣломъ земли. Конечно, не всѣ эти деньги попали помѣщикамъ на руки. И напримѣръ, изъ 733 мил. руб. почти 299 мил. руб. пошло въ кредитныя учрежденія на уплату помѣщичьихъ долговъ. Конечно, злые языки прибавляли, что и полученныя на руки деньги были прокучены по заграницамъ. Но первое указываетъ только, что вмѣсто единовременной получки въ 299 мил. руб. помѣщики получили возможность удерживать у себя ежегодно около 18 м. руб., которые они должны были платить въ банкъ въ видѣ % за долги въ 299 мил. руб. Второе же—заграничныя траты—не могутъ подлежать учету. Да при томъ бывали онѣ и прежде, бываютъ и теперь.

Но что нѣкоторая и при томъ значительная доля выкупныхъ суммъ была помѣщена въ промышленныя предпріятія, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. 70-ые годы (начало ихъ), годы революціоннаго подъема, были въ то же время годами небывалаго подъема экономическаго. Тутъ впервые расцвѣла учредительская горячка, встряхнула самые застоявшіеся мозги и показала самымъ заядлымъ домосѣдамъ, какъ легко и скоро при новыхъ порядкахъ можно наживать деньгу, если взяться за дѣло съ умомъ и со „связями“.

Объ этомъ можно судить на основанiи данныхъ объ акцiонерныхъ компанiяхъ въ Россiи, которыя я привожу полностью.

Нарицательный капиталъ всѣхъ К°, открывшихся

въ	1799—1854	гг.	=	27,177	т.	руб.
„	55— 59	„	=	53,240	„	„
„	60— 64	„	=	18,069	„	„
„	65— 69	„	=	32,035	„	„
„	70— 74	„	=	254,161	„	„
„	75— 79	„	=	138,839	„	„
„	80— 84	„	=	231,575	„	„
„	85— 89	„	=	175,360	„	„
„	90— 94	„	=	236,775	„	„
„	1895	„	=	129,363	„	„
„	96	„	=	232,640	„	„
„	97	„	=	239,324	„	„
въ 9 мѣс.	98	„	=	225,000	„	„

Отсюда безъ всякихъ поясненiй видно, что въ годы 70—74 учредительская дѣятельность сразу достигла такихъ размѣровъ, до какихъ не достигала за все послѣдующее 20-тилѣтiе, вплоть до конца 90-хъ годовъ.

Большая часть этихъ капиталовъ ушла па постройку желѣзныхъ дорогъ. Изъ 17,658 верстъ, бывшихъ въ 75 году, 14,092 версты были выстроены въ одно десятилѣтiе 66—75 гг. Стоимость всей этой сѣти = 1,366 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ только 240 мил. руб.

Правда, въ большой энциклопедiи все дѣло представлено въ такомъ видѣ, что вся эта желѣзнодорожная предпрiимчивость была раздута правительствомъ, что желѣзныя дороги строились, главнымъ образомъ, на заграничные капиталы, и что акцiонерныя компанiи учреждались съ единственной цѣлью заполучить отъ правительства выгодныя концессiи, на которыя оно было необыкновенно щедро. Но здѣсь я не вхожу въ разсмотрѣнiе причинъ явленiя (оговорюсь только, что такое освѣщенiе дѣла въ энциклопедiи считаю тенденцiознымъ), а просто констатирую фактъ усиленной учредительской дѣятельности, направленной, главнымъ образомъ, на желѣзныя дороги. Извѣстно вѣдь, что эта отрасль промышленности до самаго послѣдняго времени остается ареной, на которой „предприниматели", и при томъ съ громкими именами, входятъ въ интимное соприкосновенiе съ казеннымъ сундукомъ. Не мудрено, что тогда правительство особенно расположено было *потопить политическое недовольство экспропрiированнаго сословiя въ выгодныхъ денежныхъ аферахъ.*

Другимъ пунктомъ, куда больше всего направлялась въ это время учредительная предпрiимчивость, было банковое дѣло.

Въ 64-мъ году открылся первый у насъ акцiонерный банкъ коммерческаго кредита:

въ 71 году ихъ было уже	20	
„ 73 „ „ „ „	29	
„ 76 „ „ „ „	36	съ капит. въ 108 м. р.

Обществъ взаимнаго кредита было:

въ 73 г.	46
„ 74 „	73
„ 75 „	84
„ 76 „	91

Первый земельный банкъ открылся въ 64 году, другой въ 66, а въ 71—73 гг. учредилось разомъ 11 акцiонерныхъ банковъ и нѣсколько городскихъ кредитныхъ обществъ.

И общества взаимнаго кредита (въ 73 г.), и поземельные банки (въ 78 г.) давали уже по 3 мил. руб. чистой прибыли. Поземельными банками за 14 лѣтъ (64 — 78) было выдано ссудъ 747 мил. руб., изъ коихъ 415 подъ сельскую и 332 подъ городскую недвижимость. Фактъ этотъ показываетъ, какъ велика была жажда въ кредитѣ и какой спросъ на денежный капиталъ существовалъ въ это время.

Третiй пунктъ, на который я сошлюсь для характеристики экономическаго подъема 70-хъ гг., это—внѣшняя торговля. Размѣры ея видны изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Въ частности вывозъ хлѣба.
1868	240 м. р.	210	12,2 мил. четв.
69	319 „ „	247	10,2 „ „
70	309 „ „	343	21 „ „
71	345 „ „	352	23 „ „
72	408 „ „	313	15,9 „ „
73	412 „ „	346	20,7 „ „
74	440 „ „	411	26,8 „ „
75	449 „ „	361	22,4 „ „
76	443 „ „	379	25,4 „ „
77 (война)	292 „ „	508	30,5 „ „
78	558 „ „	596	42,2 „ „

Для внѣшней торговли это десятилѣтiе было, можно сказать, совершенно исключительнымъ. Это особенно бросается въ глаза, если сравнить насколько выросла торговля въ слѣдующее затѣмъ 20-тилѣтiе.

Такъ въ 99 г.	ввозъ былъ	594 мил. руб.	вывозъ	601	мил. руб.
„ 900	„	572	„	688	„
„ 902	„	527	„	825	„

т. е. она осталась почти на той же высотѣ, какой тогда достигла. Даже хлѣбный экспортъ въ общемъ увеличился немного.

Всѣхъ хлѣбовъ въ	98	г. было вывезено	457	мил. п.
„	99	„	344	„
„	900	„	418	„
„	902	„	578	„

т. е. около 40—50 мил. четв.

Очевидно, быстрая постройка жел. дорогъ сдѣлала свое дѣло, т. е. поставила Россію сразу въ связь съ международнымъ рынкомъ и дала ей возможность вдругъ развернуть всѣ свои покупательные рессурсы. Правда, эти цифры до нѣкоторой степени номинальны и для точнаго сравненія нужно бы сдѣлать поправку на курсъ рубля тогда и теперь, да на размѣры таможеннаго обложенія, благодаря которому за ввозъ въ 600 мил. рублей нынѣ населеніе на самомъ дѣлѣ уплачиваетъ 800 мил. руб. Но и безъ такихъ поправокъ эти данныя имѣютъ свое значеніе.

— „Пускай все это такъ,—скажутъ мнѣ,—но какое же отношеніе имѣетъ это къ революціонному движенію?"

И дѣйствительно, историкъ въ родѣ столь популярнаго Сеньобоса, набросаетъ совершенно изолированно очеркъ развитія идей и политическихъ движеній и спокойно замѣтитъ потомъ, что съ этимъ совпали *случайно* такія-то и такія-то явленія въ экономической сферѣ. Я держусь совершенно другого взгляда и думаю, что если происходитъ соціальное броженіе, и мысль фиксируется на экономическихъ вопросахъ, то таковое броженіе и такая фиксація не могутъ быть экспортированы изъ-за границы или навѣяны литературой. Почва для этого должна быть дома, корни должны быть въ нѣдрахъ самой жизни, и эту почву нужно такъ или иначе вскрыть, и эти корни явственно обнаружить.

Когда надъ руководящимъ дотолѣ сословіемъ повисъ во всей своей неприглядной реальности вопросъ: чѣмъ жить? и какъ жить? когда цѣлое десятилѣтіе тянулось своеобразное перераспредѣленіе благъ: одни получали землю и выражали на это свое неудовольствіе, а другіе брали деньги и тоже этимъ довольны не были; когда пущены были въ оборотъ всѣ денежные и умственные рессурсы для реорганизаціи хозяйства и отысканія новыхъ источниковъ скорѣйшаго обогащенія; когда масса лицъ руководящаго сословія, имѣвшаго дотолѣ постоянную и прочную ренту, была выбита изъ колеи и помышляла только объ одномъ — какъ бы обезпечить свое существованіе;—мудрено было бы, чтобы молодежь оставалась совершенно пассивной къ этому, или увлекалась при этомъ метафизическими вопросами, какъ одно время при Бѣлинскомъ. Что она рѣшила вопросъ о жизни по своему, что пути ея не только не совпадали, но шли въ явный разрѣзъ съ путями, на которые становились отцы,—въ этомъ ничего нѣтъ

удивительнаго: на то она и была молодежью, а этотъ возрастъ, какъ извѣстно, характеризуется отвращеніемъ ко всякому своекорыстію и грубой наживѣ. *Важно, что она была взбудоражена и охвачена соціальными интересами.* Ее захватывала (въ массѣ) не литература, не заграничныя соціальныя идеи: въ той же Швейцаріи одновременно съ русской молодежью вояжировали десятки тысячъ англійскихъ туристовъ разнаго возраста, совершенно не замѣчавшихъ ни тѣхъ идей, ни тѣхъ волненій, которыя заражали русскую молодежь, принесшую воспріимчивость къ заразѣ изъ дому. Ее захватывала своя родная жизнь, которая перемалывала только-что совершившуюся экономическую революцію и была богата общимъ недовольствомъ, экономическимъ и политическимъ.

Радикальная реформа сельскаго хозяйства не могла удовлетворить всѣхъ, даже болѣе—удовлетворяла только немногихъ. Роптали крестьяне, наполовину „фиксировавшіе" свои угодья, наполовину только-что приступавшіе къ этой фиксаціи, которая не сулила имъ въ будущемъ привычнаго простора. И ропотъ этотъ широкой волной разливался по Руси, только-что сдѣлавшейся проѣзжей: по новымъ дорогамъ тронулись всѣ рабочіе, ставшіе вдругъ свободными и лишними на урѣзанныхъ надѣлахъ, тронулись въ поискахъ за вольной копейкой, на которую новый денежный строй жизни предъявлялъ усиленный спросъ. Роптали помѣщики, особенно мелкопомѣстные (имѣвшихъ менѣе 21 души было 41,216), бросая насиженныя усадьбы и пускаясь въ бурныя волны житейскаго моря, обыкновенно въ столицы, гдѣ находили, что всѣ видныя мѣста давно уже заняты ихъ болѣе счастливыми собратьями. Тѣ осѣли здѣсь еще до реформы поближе къ руководящимъ сферамъ и придворнымъ милостямъ, которыя обѣщались (по словамъ князя Васильчикова) обиженнымъ сановитымъ лицамъ еще въ моментъ реформы; въ этихъ сферахъ долго и упорно (по словамъ того же свидѣтеля) держалась мысль, что „все, что сдѣлано, можетъ быть и передѣлано". Но и ропщущіе, и довольные, всѣ были выбиты изъ привычной колеи жизни и искали новыхъ условій, новаго строя жизни, новыхъ жизненныхъ укладовъ — въ самомъ обыденномъ матеріальномъ смыслѣ.

Въ результатѣ такихъ исканій со стороны массы лицъ какъ съ рабочими руками, такъ и со свободными капиталами, нежданно свалившимися съ неба, и долженъ былъ получиться, съ одной стороны, тотъ экономическій эффектъ, который я показалъ выше въ цифрахъ, а съ другой— соотвѣтственный этому подъемъ идей, настроеній и волненій, словомъ, подъемъ „духа", вмѣстѣ съ расцвѣтомъ соціальнаго творчества и соціальныхъ фантазій.

Нужды нѣтъ, что эти идеи и волненія на первыхъ порахъ, повиди-

мому, не были злободневными, и кружились не возлѣ наличныхъ и ближайшихъ экономическихъ нуждъ или реальныхъ правительственныхъ преградъ всякаго рода, а возлѣ „государственности и анархіи", „служенія народу" и прочихъ идеальныхъ темъ. Всегда вѣдь такъ бываетъ, что познаніе дѣйствительности приходитъ гораздо позже, чѣмъ иллюзіи и фантазіи. А въ революціонныя времена реальные интересы почему-то непремѣнно проходятъ сквозь какія-нибудь отвлеченныя формулы, будь то Contrat social, или Евангеліе, или другая наиболѣе растяжимая доктрина, въ которую, благодаря ея общности, такъ легко всякій неподготовленный умъ можетъ уложить любое содержаніе. И точно также *дѣятелямъ этихъ временъ всегда кажется, что они дѣлаютъ не то, что на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ*. Революціонное время есть время дѣйствія, а не познанія, время бурь и страстей, а не спокойнаго наблюденія окружающей жизни. Задача историка — показать, откуда взялись революціонныя дѣйствія, страсти и настроенія, а не революціонныя идеи. Идеи могутъ быть взяты напрокатъ, могутъ быть заимствованы, могутъ быть чужими, могутъ передаваться по завѣщанію изъ столѣтія въ столѣтіе. А настроеніе можетъ быть только свое, должно родиться въ родной почвѣ и развиться въ условіяхъ окружающей жизни. Идеи всегда будутъ, разъ для нихъ есть почва и родилось настроеніе. Взятыя же сами по себѣ изъ постороннихъ источниковъ, онѣ не создадутъ ни настроеній, ни дѣйствій, и замрутъ къ огорченію и разочарованію своихъ адептовъ, какъ замираетъ звукъ, не нашедшій тысячекратнаго эхо. Это и доказали гонители идей,— которые думали потушить общественное недовольство—запрещеніемъ выражать его словами.

Нужды нѣтъ также, что эти идеи и сопровождавшее ихъ движеніе возникло, повидимому, поздно, а не тотчасъ послѣ 19 февраля. Необходимо было время, пока это голое 19 февраля развернетъ, такъ сказать, во всю ширь свое экономическое содержаніе и наложитъ свою властную руку на оба затронутыя сословія. И не въ теоріи или перспективѣ, а на самомъ нутрѣ покажетъ тому и другому, каковъ это строй жизни, о которомъ они доселѣ читали и слышали въ манифестѣ, уставныхъ грамотахъ, положеніи о крестьянахъ, владѣнныхъ записяхъ и выкупныхъ актахъ. Все это время жизнь перестраивалась на новыхъ началахъ, созидая новые соціальные уклады и новые источники существованія, и воспитывая новое, мыслящее уже поколѣніе въ соціально-революціонной атмосферѣ, разлитой повсюду, заражавшей всѣхъ и сознаваемой немногими.

Однако, обратимся снова къ статистикѣ.

Развитіе экономическихъ сношеній съ другими государствами сдѣлало болѣе частыми поѣздки за границу. Понятно, что чѣмъ шире общій между-

народный обмѣнъ, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе происходитъ обмѣнъ идей, понятій, вкусовъ и потребностей. Размѣры этого движенія видны изъ таблицы:

Годы.	Русскихъ уѣзжало за границу.	Возвращалось.	Иностранц. пріѣзд. въ Россію.
1868	102 тыс.	98 тыс.	350 тыс.
69	137 „	156 „	287 „
70	168 „	147 „	397 „
71	144 „	119 „	382 „
72	199 „	189 „	514 „
73	236 „	204 „	586 „
74	286 „	252 „	568 „
75	329 „	297 „	585 „
76	347 „	303 „	557 „
77	331 „	285 „	560 „
	Увеличеніе въ 3 раза.		въ 1½ раза.

Всего за это 10-лѣтіе съѣздило за границу и вернулось русскихъ 2,050 т. челов. (Конечно, это число нужно сократить, такъ какъ многіе ѣздили неоднократно). За предыдущее же десятилѣтіе (57—68 г.г.) не болѣе 800 т. чел. Но въ это число вошли и пограничные жители, дѣлающіе (легально) кратковременныя поѣздки за границу для заработковъ и проч. Въ настоящее время ихъ считаютъ отдѣльно. Такъ, съѣздило за границу и вернулось русскихъ:

Годы.	По паспортамъ.	По легитимац. билетамъ.	Всего.
1896	128 тыс.	1,238 тыс.	1,366 тыс.
97	133 „	1,385 „	1,518 „
98	136 „	1,672 „	1,808 „
99	142 „	1,875 „	2,017 „
900	195 „	1,885 „	2,080 „

Иностранцевъ къ намъ пріѣхало въ 900 году по паспорту 248 тыс., по легитимац. бил. 1,563 тыс., а всего 1,811 человѣкъ.

Сравнительно съ 75 г. поѣздки русскихъ за границу увеличились въ 11 разъ, число же пріѣзжающихъ къ намъ иностранцевъ только въ $3^1/_2$ раза. Благодаря этому, теперь русскіе чаще ѣздятъ за границу, чѣмъ иностранцы къ намъ; въ 70-ые же годы было наоборотъ. Это, между прочимъ, нужно имѣть въ виду тѣмъ нашимъ націоналистамъ, кто думаетъ и говоритъ о наводненіи Россіи иностранными предпринимателями.

Въ то время, какъ заграничное движеніе содѣйствуетъ международному обмѣну идей, внутреннее движеніе населенія (насколько оно опредѣляется регистраціей желѣзныхъ дорогъ) содѣйствуетъ внутреннему обмѣну идей и, такъ сказать, соціализаціи населенія. Ростъ этого движенія виденъ изъ слѣдующей таблицы, которая не нуждается въ комментаріяхъ. Перевезено пассажировъ:

1866 г.	7,7 мил. чел.	1889 г.	42,8 мил. чел.
67 „	8,9 „	90 „	44,3 „
68 „	10,0 „	91 „	48,1 „
69 „	11,0 „	92 „	49,3 „
70 „	15,3 „	93 „	51,5 „
71 „	18,3 „	94 „	53,6 „
72 „	21,5 „	95 „	58,6 „
73 „	23,5 „	96 „	65,4 „
74 „	26,1 „	97 „	74,7 „
75 „	26,6 „	98 „	83,7 „
		901 „	112,7 „

Любопытно, что продолжительность поѣздки одного пассажира за это время не измѣнилась. Какъ въ 1-й, такъ и во 2-й періодъ она = 100—110 верстамъ.

Болѣе въ слабой степени сплачиванію населенія содѣйствуетъ развитіе почтовыхъ сношеній. Обратно даже, оно можетъ свидѣтельствовать, что населеніе вынуждено разбредаться врозь и поддерживать старыя связи перепиской.

За 32 года число пассажировъ увеличилось въ 10 разъ, число же писемъ только въ 9 разъ.

Посылалось писемъ:

1866 г.	42,6 м. шт.	1892 г.	227 мил. шт.
74 „	61,8 „	93 „	241,9 „
77 „	87,6 „	94 „	255,3 „
82 „	118,7 „	95 „	278,5 „
88 „	170,6 „	96 „	302,6 „
90 „	195,8 „	97 „	340,3 „
91 „	212,5 „	98 „	363,6 „
		99 „	400,3 „

Періодическихъ изданій перевозилось почтой:

1874 г.	38,1 м. шт.	1890 г.	122,5 м. шт.
77 „	76,6 „	95 „	152,7 „
82 „	93,6 „	99 „	203,7 „
88 „	113,7 „		

Всѣхъ почтовыхъ отправленій	92 г. . .	439,9	тыс.
„ „ „	901 „ . .	947,5	„
„ „ „	902 „ . .	1,006,8	„

Какъ и слѣдовало ожидать, ростъ періодическихъ изданій отстаетъ отъ роста писемъ. Но все-таки въ настоящее время одинъ Комаровъ дастъ на почту больше экземпляровъ своего „Свѣта", чѣмъ всѣ газеты и журналы вмѣстѣ взятые въ 74 году. Да Суворинъ около половины того (21 мил. экземпляр.)—Свѣдѣній о числѣ подписчиковъ на нѣкоторые журналы тогда и теперь я не привожу.

II.

Какъ извѣстно, „хожденіе въ народъ" охватило въ видѣ эпидеміи всѣ высшія учебныя заведенія. Чтобы опредѣлить сравнительные размѣры этого движенія, полезно припомнить количество всѣхъ студентовъ, хотя бы университетскихъ. Приводимъ для этого таблицу:

Студентовъ универс. было:

1823 г.	2,965	1882 г.	10,600 [1]
48 „	4,566	83 „	12,415
54 „	3,551	85 „	12,939
64 „	4,323	88 „	13,033
68 „	6,198	90 „	12,495
69 „	5,985	94 „	13,144
72 „	7,251	97 „	16,326
73 „	6,145	98 „	16,582
74 „	5,300	99/900 „	16,520
78/79 „	6,901		
80 „	8,193		

Въ томъ числѣ въ Спб. унив.

1869 г.	1,070	1898 г.	3,788
71 „	1,168	99 „	3,612
72 „	1,418		
76 „	1,149		
81 „	1,825		
82 „	2,165		
83 „	2,323		
88 „	1,697		
90 „	1,815		
91/92 „	2,351		
94 „	2,634		

Эта таблица краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о всѣхъ пертурбаціяхъ, которыя случались съ нашими университетами. Она показываетъ также, что, несмотря на всѣ разгромы въ 70-хъ гг., за періодъ 64 — 83 г. (18 лѣтъ) число студентовъ почти утроилось, тогда какъ за слѣдующія 18 лѣтъ (84—1902) оно даже не удвоилось. Если прибавить студентовъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то въ 72 году ихъ было едва 13,000 человѣкъ (7,251+5,236), а въ 99 г. уже не менѣе 30,000 челов.

Изъ этой таблицы также можно заключить, что къ „эпохѣ великихъ реформъ" все николаевское тридцатилѣтіе оставило едва ли 20,000

[1]) Приблизительно, ибо свѣдѣнія были безъ Варшавскаго университета.

лицъ съ университетскимъ образованіемъ на всю Россійскую имперію. Въ настоящее время однихъ врачей считается около 20,000.

Но для насъ интереснѣе всего данныя о среднемъ образованіи, потому что они показываютъ сословный составъ учащихся.

Болѣе полныя свѣдѣнія, дающія возможность прослѣдить его исторически, имѣются только о гимназіяхъ.

Ихъ было:

	Гимназій.	Учащихся.
1809 г	54	5,569
15 „	56	7,682
36 „	68	15,475
45 „	75	19,744
46 „	76	20,668
47 „	77	20,372

Затѣмъ число гимназій остается то же въ теченіе всего слѣдующаго десятилѣтія, число же учениковъ идетъ на умаленіе и въ 53 году = 16,207, а до 20,000 опять доходитъ только въ 57 году. Еще въ 45 году была возвышена плата съ учениковъ „съ цѣлью удержать стремленіе юношей къ образованію въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій“. И затѣмъ высочайше повелѣно „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ“, каковые способы тогдашній министръ Уваровъ и представилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ въ особой запискѣ, и, какъ показываетъ статистика, очевидно осуществилъ.

Эту довольно старую исторію я привелъ сюда съ цѣлью показать, что чисто-сословный составъ учащихся въ нихъ образовался благодаря сознательно проводимой политикѣ правительства. Продолжимъ исторію далѣе.

Годы.	Гимназій.	Учащихся.
1858	81	22,272
61	85	29,913
62	87	27,252 [3])
64	92	30,316
66	101 [1])	31,410
68	110	32,600
70	126	39,071
72	136 [2])	45,971

[1]) Съ 66 года появляются прогимназіи и входятъ въ общій счетъ.

[2]) Въ томъ числѣ 12 гимназій реальныхъ и 36 прогимназій.

[3]) Не взяли ли обратно этихъ почти 2,000 мальчугановъ ихъ родители, лишившіеся съ освобожденіемъ крестьянъ средствъ содержать ихъ?

Годы.	Гимназіи и прогимназіи.	Прогимназіи отдѣльно.	Учащихся въ тѣхъ и другихъ.
1874	—	—	42.176
76	—	—	47,639
78	206	—	53,072
83	233	78	71,357
88	235	68	59,771
91	239	59	61,079
94	235	58	63,420
97	235	58	58,092
99	240	44	77,635

Изъ таблицы мы видимъ, какой крупный скачекъ внизъ дѣлаетъ число учащихся въ царствованіе Александра III.

Очевидно, „кухаркины дѣти“, противъ которыхъ началось тогда гоненіе, составляли около 15,000 человѣкъ. И Деляновъ недаромъ заслужилъ „графа“, изгнавши ихъ вонъ въ такомъ числѣ. Въ общей сложности, гимназистовъ и реалистовъ будетъ:

Годы.	Человѣкъ.	Годы.	Человѣкъ.
1872	45,971	1888	79,590
76	58,519	94	87,411
78	65,835	97	87,364
83	93,222	99	111,691
85	93,109		

Эти суммы и нужно поставить въ историческую связь съ данными до 1872 года.

Возвращаясь къ сословному составу гимназистовъ, я привожу прямо характерную таблицу:

	1833.	1864.	1869.	1871.	1875 [1]).	1884.	1892.
Дворяне	78%	70	64	60	52,8	49,2	56,2
Городск. сосл. . . .	17%	20	26	28,7	33,6	35,9	31,3
Сельскія	2%	4	5	5,8	6,9	7,9	5,9
Духовн.	2%	3,5	3	4,8	1,4	2	1,9

Въ свою очередь въ реальныхъ училищахъ дворянамъ принадлежало изъ 100 только . . 80 г. 84 г. 92 г.
44 40,7 38 мѣстъ.

Очевидно, Деляновская политика очищенія гимназій отъ неблагородныхъ элементовъ принесла свои плоды. И въ 92 году, какъ видно изъ таблицы, дворяне снова заняли въ гимназіи преобладающее мѣсто. Конечно, это только на короткое время. Затѣмъ для нихъ останутся на-

[1]) По отчетамъ 77 г., городскія сословія преобладали въ низшихъ классахъ, а дворяне—въ высшихъ, что объяснялось тѣмъ, что первыя не считали необходимымъ для своихъ дѣтей полное гимназическое образованіе. Это можетъ быть приложено и къ другимъ годамъ.

долго главнымъ убѣжищемъ военныя училища разныхъ категорій, гдѣ (напримѣръ, въ кадетскихъ корпусахъ) одни потомственные дворяне занимаютъ 63 — 67 мѣстъ изъ 100, а вмѣстѣ съ личными 84 — 89 (въ 94—95 учебн. году). Только въ юнкерскихъ училищахъ число и тѣхъ и другихъ не превышаетъ 60%.

Но меня интересуетъ, главнымъ образовъ, составъ гимназій въ 64—71 г.г., т. е. въ годы, давшіе ту молодежь, которая разнесла сѣмена революціи по русской землѣ. Какъ видимъ, она состояла на $^2/_3$ изъ дворянъ. И это еще общія цифры для всей Россіи. Если же отбросить Дерптскій и Варшавскій учебные округи, которые меньше всего были причастны къ революціонному броженію и гдѣ въ 71 году % дворянъ былъ только 45 и 48%, то для остальныхъ русскихъ гимназій онъ еще больше возвысится. Въ Московскомъ и С.-П.-Бургскомъ учебномъ округѣ онъ еще въ 71 году = 70%, а въ 64 году долженъ былъ быть близокъ къ 80%.

Къ сожалѣнію, наша статистика сословій въ гимназіяхъ не различаетъ дворянъ потомственныхъ отъ личныхъ и служащихъ, такъ что мы лишены возможности опредѣлить точнѣе размѣры первой группы. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что потомственные, т. е. дѣти помѣщиковъ, образовали наиболѣе крупную сословную группу изъ всѣхъ другихъ въ гимназіи. Такой составъ учащихся былъ очень благопріятенъ для того, чтобы соціально-политическіе вопросы, висѣвшіе въ воздухѣ, нашли здѣсь благопріятную почву для своего развитія: вѣдь для доброй половины этой молодежи чуялось здѣсь что-то родное и знакомое. Этой-то половинѣ по всей справедливости и нужно приписать роль *вдохновителя* и иниціатора движенія. Что эта молодежь потомъ преслѣдовала не дворянскіе классовые интересы (напротивъ, относилась къ нимъ совершенно отрицательно), и что къ ней примыкали безъ разбора всякіе разночинцы, это ничего не говоритъ противъ того, что иниціатива движенія принадлежитъ именно ей. Вездѣ и всюду къ народнымъ движеніямъ примыкаютъ самые разнородные элементы, недовольные существующимъ порядкомъ и ищущіе лучшаго будущаго, но они *примыкаютъ только къ готовому*. Создать же что-нибудь вновь можетъ только сплоченное ядро, сплоченное не организаціей, которая является уже потомъ, а единствомъ происхожденія или рода жизни и, значитъ, единствомъ чувствъ, настроеній, симпатій и антипатій и вообще—предрасположеній.

Эта молодежь, у которой первые проблески сознательности на 7-мъ году ея жизни совпали со вздохами ихъ родителей и горькими жалобами на порядки, или съ негодованіемъ на попраніе ихъ священныхъ владѣльческихъ правъ (вѣдь крѣпостниковъ дворянъ было тогда громадное большинство), эта молодежь, можно сказать, всосала интересъ къ соціальнымъ

явленіямъ съ молокомъ матери. Ни для кого не были тайной дворянскія желанія—получить новую политическую власть взамѣнъ утраченной 19-го февраля. Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что болѣе умные изъ дворянъ мечтали объ этой власти не исключительно только для своего сословія, а—какъ бываетъ часто—отожествляли свои интересы съ интересами всего русскаго народа. Эти желанія высказывались въ частныхъ кружкахъ и бесѣдахъ все время, пока длилась выработка крестьянской реформы. И тотчасъ же вышли на улицу въ видѣ революціонныхъ листковъ, какъ только крестьяне получили волю, а дворяне, взамѣнъ утраченныхъ правъ—ничего.

Но иное дѣло, конечно, высказывать желаніе, иное—добиваться ихъ осуществленія. Отцы все-таки были людьми опытными, т. е. понимали, что простымъ требованіемъ ничего не получишь, а силой взять они не въ состояніи. Дѣти же, зараженныя тѣми же желаніями еще въ безсознательномъ возрастѣ, въ силу своего возраста не могли считаться съ дѣйствительностью, а руководились исключительно своими чаяніями. Эта „безсознательность" держалась такъ долго, что, уже будучи юношами и печатая о „свободной федераціи свободныхъ общинъ", они наивно думали, что этимъ прямого вызова правительству они не дѣлаютъ.

Къ этому времени „меньшій братъ" не только успѣлъ войти во вкусъ полученной имъ „воли", но и выразить громогласно свое полное недовольство полученнымъ удѣломъ. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были повинны „отцы", и при томъ настолько повинны, что во многихъ случаяхъ дѣло походило на простое ограбленіе, то понятно, дѣти не могли не внести сюда серьезной идеалистической поправки. Выйдя изъ среды сословія революціонизированнаго реформой, они не могли въ сознательномъ возрастѣ остаться глухими и къ интересамъ простого народа: недаромъ же они были вскормлены крѣпостнымъ хлѣбомъ и вынянчены крѣпостными няньками. Даже болѣе: я бы сказалъ, что стремленіе въ народъ было тогда неизбѣжнымъ, разъ люди отъ простыхъ желаній переходятъ къ дѣлу. Соціальныя блага берутся съ бою, а чтобы выйти на бой, нужно организовать силу, способную на это. Эта попытка и была сдѣлана хожденіемъ въ народъ. Насколько она была планомѣрна и цѣлесообразна—это другой вопросъ. Массовыя явленія, совершающіяся стихійно, никогда не подчиняются никакимъ маршрутамъ. И какъ только оказалось, что отъ народа нельзя ожидать активной поддержки, боевая организація приняла совсѣмъ другое направленіе...

Все это, конечно, мало соотвѣтствуетъ тому, что писалось на знамени и говорилось промежъ себя. Но историки давно уже научились оцѣнивать истинный характеръ историческихъ явленій независимо отъ словъ,

сопровождавшихъ ихъ. Недаромъ же такая оцѣнка устанавливается только послѣ того, какъ большинство очевидцевъ событій смолкнетъ навѣки. Если бы дѣятели великой французской революціи дожили до того времени, когда историки опредѣлили характеръ ея, они бы съ негодованіемъ отвергли такое опредѣленіе и сослались бы на свои знамена и свои идеальныя цѣли, а также и на то, что среда ихъ состояла отнюдь не изъ одной буржуазіи.

— „Помилуйте,—вскричали бы они,—какая тамъ буржуазія, когда у насъ даже аббаты играли активную роль. А вотъ вамъ еще имена маркизовъ и графовъ“!

Но умный историкъ осторожно проходитъ мимо именъ и учитываетъ только соціальныя категоріи.

III.

Посмотримъ, что стоитъ дворянство (въ американскомъ смыслѣ слова), какъ землевладѣльческій классъ, въ настоящее время. Каковъ его экономическій, а значитъ, и политическій вѣсъ?

До реформы дворянамъ принадлежало $10^1/_2$ мил. душъ. Доходность имѣній тогда зависѣла почти исключительно отъ количества крѣпостныхъ и, по Васильчикову, какъ общее правило, опредѣлялось въ 10 рублей съ души. Большинство помѣщиковъ (55 тыс. изъ 103) владѣло отъ 20 до 500 душъ и, значитъ, имѣло доходъ отъ 200 руб. до 5,000. Десятина воздѣлываемой земли (судя по оцѣнкамъ ея при выкупѣ) давала немного менѣе $2^1/_2$ руб. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ доходы помѣщика повышались на счетъ другихъ источниковъ (кромѣ земледѣльческаго труда), каковы: продажа лѣса, эксплоатація нѣдръ, рыбныхъ ловель и пр. Но такъ какъ и этотъ доходъ обусловливался въ концѣ концовъ величиной затрачиваемаго труда (т. е. количествомъ крѣпостныхъ рукъ), то опредѣленіе нормы дохода числомъ душъ болѣе близко къ дѣйствительности. Земли же незаселенныя совсѣмъ не считались цѣнностью, и еще въ 51 г. Уставъ о Земскихъ повинностяхъ выдѣлялъ ихъ и оставлялъ свободными отъ налоговъ. Въ среднемъ, значитъ, для всего сословія чистый доходъ едва превышалъ 100 мил. руб.

Велики или малы были такіе доходы сами по себѣ, но они обладали однимъ существеннымъ недостаткомъ — неспособностью къ увеличенію. Производительность подневольнаго труда всегда ничтожна и не можетъ быть повышена никакими мѣрами. А значитъ, ростъ дохода отъ имѣнія всецѣло обусловливается ростомъ населенія, т. е. размноженіемъ крѣпостныхъ. Какъ бы они ни плодились, но удвоеніе ихъ числа едва ли могло совершиться ранѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, а, слѣдовательно, каждый владѣ-

лецъ могъ разсчитывать на увеличеніе своего дохода вдвое только въ 50 лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ число крѣпостныхъ въ 30-ые и 50-ые г.г. не только не увеличивалось, но даже уменьшалось: по 8-ой ревизіи (36 г.) ихъ было 10,7 мил., а по 10-ой (58 г.)—10,5 мил. душъ. Вѣроятно, зависѣло это больше отъ сдачи въ солдаты (во 2-ой половинѣ 40-выхъ г.г подъ ружьемъ состояло болѣе 1 мил. нижнихъ чиновъ), чѣмъ отъ добровольнаго освобожденія нѣкоторыми помѣщиками, число коихъ считали единицами. Впрочемъ, такихъ вольноотпущенниковъ въ 50 г. было 223 тыс. чел.

Сравнительно съ тѣмъ, какъ растутъ доходы теперь, такое экономическое царство представляется намъ полнымъ застоемъ. Конечно, этому вполнѣ соотвѣтствовалъ мертвый застой во всей психической сферѣ. Ни одна мало-мальски порывистая натура не могла мириться съ этой неподвижностью, но не могла и выскочить изъ рамокъ ея. И всякая умная голова должна была понимать, что всѣ ея мечты о расширеніи хозяйственныхъ операцій натыкаются на крѣпостныя узы, какъ на неодолимую преграду, и что страна можетъ развернуть свои производительныя силы, только разорвавши ихъ.

Поэтому, дальновидному помѣщику не трудно было сообразить, что разрушивши царство такого застоя, можно только выиграть въ экономическомъ отношеніи. И если бы дѣло шло только о выпускѣ крестьянъ на волю безъ земли,—операція прошла бы весьма гладко и къ общему удовольствію помѣщиковъ. Выкупъ же для нихъ былъ наиболѣе больнымъ мѣстомъ, и не потому только, что отнималъ у нихъ распаханныя уже земли, а главное потому, что грозилъ имъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни, если бы на оставшуюся у нихъ землю не нашлось рабочихъ рукъ. На самомъ дѣлѣ страхи оказались преувеличенными и, убытки были не такъ велики, какъ они вздыхали. Конечно, этому помогло то, что въ моментъ реформы, потерявши надежду удержать за собой всѣ земли, дворяне успѣли добиться того, чтобы удержать ихъ какъ можно больше, а крестьянамъ выдѣлить minimum, необходимый для ихъ существованія. Часть этихъ убытковъ могла быть возмѣщена сейчасъ же. Если бы владѣлецъ 2207 душъ, получившій 227,000 выкупныхъ, внесъ всю полученную сумму въ государственный банкъ, то при 5% только онъ получилъ бы оттуда 11.300 руб. въ годъ. Слѣдовательно, половину своего прежняго дохода онъ могъ вернуть въ тотъ же годъ безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Но стоило ему найти помѣщеніе своему капиталу съ дивидендомъ въ 10%, и онъ уже ровно ничего не терялъ. Такое помѣщеніе не тотчасъ же, но вскорѣ и нашлось, какъ объ этомъ говорилось вначалѣ.

Но этого мало. Крестьянамъ были выдѣлены не всѣ земли, находив-

шіяся у нихъ въ обработкѣ до реформы, а со значительными урѣзками. Ясно было, что этого имъ мало уже въ настоящую минуту, а черезъ 10 лѣтъ, съ увеличеніемъ населенія на 15$^0/_0$ ихъ спросъ на землю поднимется на столько же. Ясно было, значитъ, что земли, оставшіяся за помѣщиками и бывшія при крѣпостномъ правѣ бездоходными (п. ч. онѣ не воздѣлывались), очень скоро не только получатъ цѣнность и будутъ давать ренту, но и рента эта въ состояніи будетъ покрыть всѣ понесенныя потери. Практика и показала, что уже въ 70-хъ годахъ аренда непомѣрно возвысилась, и на голыя помѣщичьи земли открылся огромный спросъ. Уже въ 72 г. Де-Ливронъ писалъ: „крестьяне жадно покупаютъ землю и часто платятъ за нее весьма дорого". Значитъ, все дѣло было только въ томъ, чтобы переждать какое-нибудь десятилѣтіе, и потери (взятыя въ цѣломъ) будутъ вознаграждены, даже при полномъ отсутствіи предпріимчивости самихъ владѣльцевъ. Не прошло, далѣе, и 30 лѣтъ, какъ цѣнность земель почти утроилась (въ 99 г. средняя цѣна десятины, купленной черезъ крестьянскій банкъ = 78 руб.), а, значитъ, соотвѣтственно возросла и рента. Выходитъ, что помѣстное сословіе, у котораго въ перспективѣ было удвоеніе земельнаго дохода только въ 50 лѣтъ, почти утроило его уже въ тридцать лѣтъ, и это благодаря реформѣ съ надѣломъ земли, вызвавшей въ свое время „плачъ и скрежетъ зубовный".

Въ настоящее время, чѣмъ больше дорожаетъ земля, (независимо отъ ея доходности), тѣмъ больше соблазновъ для владѣльца не-хозяина отказаться отъ нея совсѣмъ. Если его имѣніе не находитъ арендаторовъ, а собственное хозяйничанье, какъ всегда, даетъ ему какихъ-нибудь 2—3 рубля съ десятины, то не лучше ли за эту десятину получить 78 руб. и положить ихъ въ банкъ, дающій 5$^0/_0$ и, значитъ, получать за бывшую десятину по 3 руб. 90 коп. А тѣмъ болѣе, если это не банкъ, а „вѣрное предпріятіе" съ перспективой до 40$^0/_0$ дивиденда. Мы и видимъ теперь постоянно, что въ числѣ учредителей почти каждой акціонерной компаніи фигурируетъ и дворянинъ такой-то. Даже проще: имѣніе можно заложить въ дворянскомъ банкѣ, а полученную сумму цѣликомъ помѣстить въ акціи. Банкъ требуетъ ежегоднаго платежа 6$^0/_0$, а самая плохенькая акція даетъ 7$^0/_0$. Разность въ 1$^0/_0$ будетъ чистымъ барышомъ владѣльца, который сумѣлъ и имѣніе сохранить, и капиталистомъ стать.

Что именно такія операціи практикуются часто, объ этомъ можно судить по отчетамъ дворянскаго банка, въ которыхъ преобладаютъ ссуды подъ крупныя имѣнія. И, напримѣръ, въ 99 г. средній размѣръ ссуды (изъ всѣхъ 1900 ссудъ) = 28,800 руб. Въ 91 г. изъ 1931 лицъ, взявшихъ ссуды, 102 лица получили выше 100,000 руб. каждый, изъ нихъ 6 человѣкъ выше 500,000 руб. На долю этихъ 102 лицъ изъ всѣхъ выдан-

ныхъ въ этомъ году 56 мил. руб. досталось въ среднемъ около 22 мил. руб. (39%).

Если бы мы приняли этотъ годъ за норму (о другихъ годахъ у меня нѣтъ такихъ отчетовъ), то оказалось бы, что къ 98 году изъ всѣхъ 22,275 кліентовъ банка, получившихъ 711 мил. руб. 1172 лица получили въ общей сложности 277 мил. руб., каждый свыше 100,000 руб. Весьма сомнительно, чтобы такіе куши разомъ брали съ цѣлью пускать ихъ въ трубу, а не давать болѣе выгодное помѣщеніе. Въ Россіи стонъ стоялъ бы отъ оргій и кутежей, если бы такъ было въ дѣйствительности.

Общее количество земель, оставшихся теперь у дворянъ, можно опредѣлить въ 65 мил. дес. Послѣ реформы у нихъ оставалось 86 мил.; въ 92 г. считалось только 73 мил., но за одинъ 93 г. они утратили почти 1 мил. дес. (продали 2,091 тыс. дес., купили 1,104 тыс. дес., разность = 987 тыс. д.). Если такъ продолжалось и далѣе, то теперь должно оставаться не болѣе 65 мил. дес.

До реформы у помѣщиковъ было 120 мил. дес. Примемъ, что всѣ онѣ стоили по 30 руб. (хотя это невѣрно, ибо такъ оцѣнены были только культурныя земли, которыхъ было меньше $^1/_3$). Тогда все имущество помѣстнаго сословія, вся его экономическая мощь выразится въ размѣрѣ *3600 мил. руб.* Можно смѣло сказать, что не больше этого. Въ настоящее время, при цѣнѣ даже 70 руб. за десятину, всѣ 65 мил. дес., оставшихся у дворянъ, будутъ стоить *4,550 мил. руб.* И этотъ расчетъ менѣе преувеличенъ, потому что теперь сельскохозяйственная площадь у нихъ = $^1/_2$, а не $^1/_3$, какъ было тогда.

По Мюльгаллю, цѣнность всего сбора со всей сельскохозяйственной площади нынѣ у насъ не превышаетъ 3,000 мил. руб., вмѣстѣ съ соломой. Изъ нихъ около 1,200 мил. отъ зерновыхъ хлѣбовъ. Сельскохозяйственная площадь теперь опредѣляется въ 180 мил. дес., изъ коихъ около 110 мил. подъ пашней. Въ среднемъ приходится, значитъ, по $16^1/_2$ руб. валового дохода съ десятины (считая и паръ). Такъ какъ у частныхъ владѣльцевъ сельскохозяйственная площадь = $^1/_2$ всѣхъ ихъ владѣній (другая $^1/_2$—лѣсъ и неудобная земля), то доходность дворянскихъ земель мы опредѣлимъ помноживъ $16^1/_2$ руб. $\times$ $32^1/_2$ мил. (половина 65), а это дастъ всего *536 валового дохода.* Вотъ всѣ обороты дворянскаго землевладѣнія. Сколько тутъ чистаго дохода, судить не берусь, да это для насъ и не такъ важно. Съ этой суммой ежегодно дворяне выступаютъ теперь на экономическую арену и, какъ землевладѣльческій классъ, вѣсятъ на современномъ рынкѣ ровно столько, не болѣе. Какова эта величина по сравненію съ другими, фигурирующими на томъ же рынкѣ въ качествѣ „цѣнностей“, мы увидимъ ниже, а пока постараемся опредѣлить сравнительное

значеніе дворянскаго хозяйства передъ реформой въ экономической жизни всей страны.

Цѣнность дворянскихъ земель тогда я уже указывалъ. Производительность всей тогдашней культурной площади Тенгоборскій опредѣлялъ въ 52 году въ 1,658 мил. руб. Эта площадь тогда = 90 мил. дес., изъ коихъ обрабатывалось крѣпостными около 35 мил. дес. Значитъ, на долю помѣщиковъ изъ всей суммы въ 1658 мил. руб. приходилось *около 643 мил. руб.* Сама по себѣ эта цифра немного больше той, которую я выше опредѣлилъ для нынѣшняго времени. Но относительное значеніе ея тогда и теперь—совершенно измѣнилось.

Я разсматриваю экономическую роль дворянства исключительно, какъ землевладѣльческаго класса. И тогда, и особенно теперь, оно входило въ предпріятія, ничего или почти ничего общаго съ землевладѣніемъ не имѣющія, и опредѣлить эту долю его хозяйственной дѣятельности въ цифрахъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности.

Но вся тогдашняя промышленность, сравнительно съ земледѣльческимъ производствомъ была совсѣмъ ничтожна. Такъ, въ 50 году вся „индустрія" цѣликомъ оцѣнивалась въ 480 мил. руб., считая здѣсь даже все домашнее ткачество для собственнаго потребленія. Производство же чисто фабрично-заводское опредѣлялось въ 51 г. *въ 160 мил. руб.*

Что же касается торговли, то она тогда исключительно имѣла дѣло съ продуктами и почти вовсе не знала бумажныхъ цѣнностей, роль коихъ въ нашей экономической жизни впервые сказывается въ 70-хъ гг., а процвѣтаніе ихъ относится уже къ текущимъ днямъ. Всю же совокупность продуктовъ, поступавшихъ на рынокъ, Тенгоборгскій оцѣнивалъ въ 880 мил. руб., изъ коихъ 380 мил.— продукты земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ и ископаемыми), а 500 мил.—продукты индустріи. Прибавивъ къ этому „интересы" торговли, онъ опредѣлялъ всѣ торговые обороты въ 1260 мил. руб. Капиталы же, помѣщенные въ торговлю, въ 485 мил. руб. Полагая, что торговый капиталъ даетъ 10% прибыли, Тенгоборгскій заключалъ, что весь торговый классъ получалъ *48 мил. руб.* Теперь съ него идетъ налоговъ въ казну не менѣе этого, хотя выдѣлить это изъ общей суммы промысловаго налога невозможно.

Еще мизернѣе значеніе торговаго класса представится намъ, если мы сравнимъ число лицъ занимавшихся торговлей:

		1-ой гильдіи	2-ой	3-ей	Всего
Купцы	38 — 40 г.г.	917	1,871	33,516	36,304
	50 — 52 „	924	2,391	42,327	45,645
Крестьяне	38 — 40 г.г.	4	20	3,154	5,408
	50 — 52 „	4	25	4,395	7,215

Въ 50—52 г.г. занималась торговлей въ Россіи (безъ Польши) всего *52—53 тыс. лицъ*, ровно вполовину меньше, чѣмъ было тогда помѣщиковъ.

Вывозъ за границу, какъ и подобаетъ, составлялъ едва $^1/_{10}$ часть всего внутренняго торговаго оборота, и до Крымской войны перевалилъ за 100 мил. руб. только 4 раза по вывозу и 2 по ввозу.

Обокъ съ такой торговлей и такой промышленностью дворянство со своимъ валовымъ оборотомъ почти въ 650 мил. руб. и чистымъ доходомъ въ 100 мил. руб. должно было быть звѣздой первой величины на нашемъ тогдашнемъ экономическомъ небосклонѣ. Затѣмъ эта звѣзда постепенно стала меркнуть, и не потому, что реформа разорила его въ корень, а потому, что кругомъ него засіяли новыя звѣзды, земельное богатство, какъ источникъ дохода, отступило на второй планъ и дало мѣсто такимъ головокружительнымъ перспективамъ въ этой области, на которыя всякій николаевскій крѣпостникъ промѣнялъ бы свои прерогативы, если бы показать ему это воочію.

Чтобы дополнить экономическую картину того времени, нужно указать еще на размѣры всего государственнаго хозяйства, кредитныхъ и фондовыхъ операцій.

Государственные расходы только передъ самой Крымской войной достигли 250 мил. руб., причемъ $^2/_3$ ихъ поглощались войскомъ и процентами по долгамъ. Въ 42 г. они = 192 мил. руб., въ 37 г. = 150 мил.

Потребности въ кредитѣ покрывались казенными кредитными учрежденіями (коммерческій банкъ, сохранныя, ссудныя казны). Правда, были уже городскіе общественные банки, и къ 60 г. ихъ считалось 19 (теперь ихъ 241), но операціи ихъ были весьма незначительны. Да и всѣ вообще потребности въ кредитѣ были невелики, если онѣ удовлетворялись 2—3 кредитными учрежденіями на всю Имперію. Къ 59 г., когда появился на свѣтъ Государственный Банкъ, числилось по вкладамъ въ нихъ 725 мил. руб. и по ссудамъ около 500 мил. руб. А эти послѣднія почти всѣ безъ исключенія были взяты помѣщиками подъ залогъ $5^1/_2$ мил. душъ.

Такимъ образомъ и всѣ бумажныя цѣнности, обращавшіяся тогда, могутъ быть исчислены, если мы къ этимъ 725 мил. (банковые билеты) прибавимъ около 27 мил. руб. акцій, и, наконецъ, нѣкоторую долю государственныхъ бумагъ. Всѣхъ внутреннихъ займовъ въ 57 году считалось $198,_9$ мил. руб. Если этотъ перечень и не полонъ, то все-таки смѣло можно утверждать, что количество цѣнныхъ бумагъ тогда не превышало 1,000 мил. р.

Въ настоящее время количество этихъ цѣнностей по крайней мѣрѣ *удесятерилось*, хотя подвести имъ точные итоги, конечно, невозможно. Нѣкоторымъ довольно точнымъ показателемъ количества бумажныхъ цѣнностей служитъ $^0/_0$-ный сборъ съ этихъ бумагъ. Сборъ этотъ по росписи 901 г. опре-

дѣленъ въ 17,316 тыс. руб., и такъ какъ онъ взимается въ количествѣ 5% съ дохода, то значитъ чистый доходъ отъ бумагъ нужно опредѣлить *въ 340 мил. руб.* Полагая, что эти 340 мил. руб. есть 4% доходъ (по крайней мѣрѣ большинство этихъ бумагъ не выше), мы получимъ сумму капитала, который даетъ его, въ *8,500 мил. руб.* Но этимъ сборомъ обложены далеко не всѣ % бумаги.

Прибавивши сюда около 2,000 мил. руб. векселей (о нихъ—ниже), да около 1,500 мил. руб. денежныхъ знаковъ, мы получимъ приблизительное понятіе о всей суммѣ движимаго капитала, оперирующаго теперь на рынкѣ. Неудивительно, что Государственный Банкъ нынче такъ развернулъ свои операціи, что въ 99 году его обороты выразились въ 97,665 мил. руб. Его обороты въ 60 г. = только 1,816 мил. руб., изъ коихъ 1,015 мил. были торговые, а остальные—казенные. Къ 77 году обороты его достигали уже 24,360 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ 1,175 мил. руб.

Въ частности, о развитіи денежнаго оборота и спроса на капиталъ могутъ свидѣтельствовать двѣ статьи банковыхъ операцій—учетъ векселей и вклады на текущій счетъ. Въ 60—64 г.г. за 5 лѣтъ было учтено векселей на 341 мил. руб. (по 68 м. въ годъ). Въ 99 году всю сумму учтенныхъ векселей, замѣняющихъ часто въ торговыхъ дѣлахъ деньги и цѣнныя бумаги, нужно опредѣлить не менѣе какъ въ 2,000 мил. руб. Вкладовъ на текущій счетъ въ 60-хъ г.г. стояло въ пассивѣ Государ. Банка отъ 18—41 мил. руб. въ годъ. Въ 900 году ихъ было во всѣхъ банкахъ около 1,000 мил. руб.

Всѣ эти разнородные бумажные капиталы оперируютъ, очевидно, не возлѣ пустого мѣста и не иначе, какъ для наживы. Съ одной стороны, они свидѣтельствуютъ о большомъ количествѣ лицъ, имѣющихъ свободныя денежныя средства и помѣщающихъ ихъ въ процентныя бумаги. Съ другой, они говорятъ о большомъ числѣ доходныхъ предпріятій, нуждающихся въ этихъ свободныхъ средствахъ, и удовлетворяющихъ эту нужду, благодаря широко раскинутой банковой дѣятельности.

Къ исчисленію этихъ доходныхъ предпріятій мы сейчасъ и приступимъ.

Данныя о торговопромышленныхъ предпріятіяхъ относятся еще къ 95 году, и на нихъ, между прочимъ, основывала свои расчеты коммиссія, выработавшая новый законъ о промысловомъ налогѣ (при участіи, конечно, самой заинтересованной стороны). Число предпріятій и ихъ доходность видна изъ таблицы:

Годы.	Гильдійскія предпріятія.	Не гильд. предпр.	Прибыль первыхъ.	Приб. вторыхъ.	Въ частн. прибыль.		
					1-ой гильдіи.	2-ой гильдіи.	Мелочныхъ торгов.
85	123,205	нѣтъ	183 м. р.	—	—	—	—
89	142,981	250,624	218 „ „	61,8	—	—	—
95	159,177	293,006	316 „ „	94,2	109,9	206,6	102,2
98	156,911	291,034	493		—	—	—

Здѣсь перечислены только платившія налогъ. Вмѣстѣ же съ неплатившими въ 95 г. числилось:

Гильдійскихъ предпріятій 167,382 | всего **487,675**.
Негильдійскихъ „ 320,293 |

Какая часть изъ нихъ принадлежитъ собственно промышленнымъ предпріятіямъ, а какая—торговымъ, изъ таблицы не видно. Но судя по даннымъ 87 года, первыхъ должно быть не болѣе 48,000.

Сверхъ того, акціонерныхъ предпріятій паевыхъ, кредитныхъ и пр., дающихъ отчетность, платившихъ налогъ, было:

85 годъ	802,	ихъ прибыль=	70,236 т. руб.
95 „	1136.	„ „	138,335 „ „
98 „	1395,	„ „	179,000 „ „

Какъ и въ первой таблицѣ, эта прибыль не всѣхъ предпріятій, а только платившихъ налогъ.

Все фабрично-заводское производство (вмѣстѣ съ добычей ископаемыхъ) =

въ 87 году 1,334 милл. рубл.
„ 97 „ 2,839 „ „

Такъ какъ въ 87 году есть данныя о 10,077 предпріятіяхъ съ производствомъ въ 591,000 т. рубл., гдѣ ихъ прибыль исчислена въ 4.6% отъ всего ихъ производства, то, взявши ту же норму и за 97 годъ, мы опредѣлимъ чистую прибыль всего промышленнаго производства въ 130 мил. руб. Изъ нихъ, вѣроятно, около 60 мил. руб. принадлежитъ промышленнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Обороты собственно торговли въ 98 г. опредѣлялись въ 9.903 мил. руб. Болѣе крупныя отрасли ея слѣдующ.:

Банкирское дѣло, операціи съ деньгами и $^0/_0$ бумагами	4,017	м.	р.
Торговое посредничество	1,001	„	„
Мануфактур., галантер. и суровск. тов.	923	„	„
Хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ	880	„	„
Колоніальн. и бакалейн. тов.	612	и пр.	

Сводя вмѣстѣ доходы капитализма, мы имѣемъ въ 98 году *672 мил. предпринимательской прибыли,* изъ коихъ около 130 мил. руб.—отъ промышленнаго капитала и около 540 мил. руб.—отъ торговаго. Такъ какъ на 901 годъ промысловый налогъ по росписи исчисленъ въ 62,7 мил. руб., то полагая даже, что онъ составлялъ уже 7$^0/_0$ съ прибыли, мы должны принять всю предпринимательскую прибыль этого года уже *въ 890 мил. руб.*

Сюда не входитъ еще прибыль предпріятій, не обложенныхъ налогомъ, и прибыль отъ $^0/_0$ бумагъ, исчисленная ранѣе (340 мил. руб.).

Выходитъ, что торговый капиталъ съ 52 года увеличилъ свои барыши разъ въ 12-ть. Числа лицъ, ведущихъ торговлю, къ сожалѣнію, мы не можемъ точно опредѣлить. Общее же число хозяевъ у всѣхъ 487,000 предпріятій нужно принять *не менѣе 400,000 чел.* Къ этому можно прибавить 278 тыс. приказчиковъ, ведущихъ то же дѣло болѣе или менѣе самостоятельно. (Примѣч. 1908 г. Насколько недооцѣнены были эти величины, видно изъ того, что по переписи 1897 г. лицъ, ведшихъ самостоятельную торговлю въ однѣхъ 50 губ., было 985 т. муж. и 244 т. женщ.).

Наконецъ, остается совершенно неизвѣстнымъ число лицъ, которыя раздуваниваютъ промежъ себя акціонерную прибыль въ 179 мил. руб. Есть ли это тѣ же предприниматели, которые уже выше перечислены, увеличивающіе свои доли изъ этого источника, или новый наростающій классъ лицъ „свободныхъ профессій“ съ представителями нашей администраціи во главѣ, или, наконецъ, эта прибыль растекается въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества вплоть до держателей по 1-ой только акціи—объ этомъ можно строить однѣ догадки. Во всякомъ случаѣ, число лицъ, наживающихся отсюда, должно быть очень значительнымъ. Если бы ихъ было только 10,000, то они получали бы по 18,000 руб. каждый. Навѣрное ихъ больше.

Всѣ эти представители крупнаго капитала (купцы 1-ой гильдіи съ среднимъ доходомъ въ 20,000 руб.) и крупной земельной собственности (по 15,000 дес.) въ общей сложности должны дать не менѣе 10,000 лицъ. Это весьма замѣтный зачатокъ будущей русской плутократіи и готовый уже контингентъ для образованія *обѣихъ палатъ русскаго парламента.*

IV.

Резюмирую свои мысли.

Исходной точкой я взялъ брошенное мимоходомъ изреченіе Зола, котораго, кажется, еще никто не упрекалъ въ „марксизмѣ". Такой опытный наблюдатель и знатокъ жизни имущественныхъ классовъ хорошо знаетъ, что главную пружину всякихъ реформъ нужно искать въ имущественныхъ интересахъ. У всѣхъ народовъ отъ политическаго переворота (не дворцоваго, конечно) первые выигрывали наиболѣе богатые классы. Они первые (и часто только они одни!) пожинали плоды переворота и ухитрялись тотчасъ же занять мѣста ближайшія къ кормилу правленія."

Это всѣ признаютъ. Но что обратно, они же такъ или иначе и подготовляютъ переворотъ, столь имъ выгодный и желательный, объ этомъ почему-то спорятъ, хотя изъ перваго неизбѣжно вытекаетъ и второе. Они создаютъ общественное мнѣніе, они задаютъ тонъ жизни, они держатъ въ своихъ рукахъ издательство и печать, у нихъ на жалованьи интеллигенція или же сами они и составляютъ то, что называется „интеллигенціей". Словомъ, они вездѣ въ жизни имѣютъ значеніе и вѣсъ, и благодаря этому, многочисленными видимыми и невидимыми путями проводятъ въ сознаніе широкихъ круговъ общества отрицательное отношеніи къ существующему политическому строю и дѣлаютъ участниками своихъ разрушительныхъ тенденцій массу самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Изъ этой разнообразной массы люди, обладающіе большей импульсивностью, большимъ самоотверженіемъ, или просто избыткомъ энергіи, не находящей приложенія, порываются скорѣе и дальше всѣхъ впередъ и становятся главарями движенія.

Нѣтъ надобности, чтобы цѣли были выдвинуты ясно и пути къ перевороту начертаны рѣшительно и опредѣленно. Напротивъ, послѣдніе нужно еще отыскать, а нѣкоторая туманность и отвлеченность съ идеалистической окраской весьма благопріятствуютъ привлеченію адептовъ. И самые горячіе изъ нихъ не есть еще самые разсудительные и дальновидные.

Къ тому же необходимость проводить идеи въ легальной и подназорной печати заставляетъ не высказывать всего и высказывать не такъ, какъ нужно. Самые же горячіе всегда и вездѣ высказываются больше всѣхъ. И чѣмъ больше страстности и одушевленія, чѣмъ строже надзоръ за печатью, тѣмъ меньше шансовъ уложить словесный потокъ въ то же русло, по которому пошло движеніе, повинуясь начальнымъ импульсамъ. А потому легковѣрные историки, судящіе по словамъ современниковъ, до сихъ поръ представляютъ историческія событія въ превратномъ видѣ. И

только недавно принялись за серьезный пересмотръ всего этого багажа съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ „двигательныхъ пружинъ“.

Выходя изъ этихъ общихъ идей и зная, что въ эпоху реформъ дворянство было единствѣннымъ сильнымъ имущественнымъ классомъ, и что имущественные интересы его были поколеблены освобожденіемъ крестьянъ, я вывожу все остальное: оно-то и было вдохновителемъ революціоннаго движенія. Движеніе это имѣло чисто политическія цѣли, но приняло на первыхъ порахъ исключительно экономическую окраску подъ впечатлѣніемъ переживаемаго экономическаго переворота и въ силу тѣхъ естественныхъ *несовпаденій идеологіи съ фактами дѣйствительности*, которыя такъ обычны въ эпохи общественнаго возбужденія.

Прошло десятилѣтіе. Дворянство скоро почувствовало, что его потери не такъ велики, какъ казалось ранѣе. Наиболѣе вліятельная часть его успѣла съ избыткомъ вознаградить себя за эти потери на счетъ „концессій“, а остальная масса—на счетъ усилившагося спроса на землю со стороны бывшихъ крѣпостныхъ. Къ тому же времени заканчивается процедура выкупа, и неопредѣленность положенія для обѣихъ сторонъ прекращается. Наконецъ, новый авансъ правительства въ видѣ дворянскаго земельнаго банка далъ возможность извернуться и приспособиться къ новому строю жизни и самымъ отставшимъ изъ дворянъ. [1])

Изсякло у него возбужденіе, вызванное реформой, остылъ пылъ негодованія и раздраженія на правительство, прекратилось одновременно съ съ этимъ и движеніе. Прекратилось оно не потому, что выловлены были всѣ наличные элементы, бывшіе въ организаціи. Только прокуроры думаютъ, что они этимъ уловленіемъ что-то прекращаютъ.

Если бы движеніе получало прежніе импульсы, если бы корни его не засохли, на мѣсто погибшей организаціи явилась бы вторая, а на мѣсто второй—3-ья, и т. д. И въ такихъ случаяхъ никакое разочарованіе, никакой „опытъ“ предшественниковъ не имѣетъ ни малѣйшей силы. Когда дебатировалось „хожденіе въ народъ“, и когда революціонное настроеніе крестьянъ считали доказаннымъ исторіей, въ этой исторіи искали и находили только примѣры, благопріятствующіе общему самообольщенію, а отнюдь не тѣ, которые могли бы расхолаживать его, хотя такихъ примѣровъ въ исторіи и больше.

Такъ и всегда: аргументація въ соціальныхъ дебатахъ со ссылкой на исторію идетъ на буксирѣ у настроенія, а не создаетъ самаго настроенія. Въ эпохи подъема „духа“ безсильны трезвенные голоса. Если же

[1]) Банкъ былъ открытъ въ 85 г. по ходатайству орловскаго дворянства отъ 83 года, на которомъ Александръ III написалъ: „дѣйствительно, пора, наконецъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы помочь дворянству“.

доводы благоразумія и расчета начинаютъ имѣть вѣсъ, это значитъ, что воодушевленіе потухаетъ само по себѣ и отъ другихъ причинъ, а не отъ уроковъ недавняго прошлаго.

Минуло еще 10 лѣтъ. Поѣздки за границу вообще увеличились противъ прежняго въ 10 разъ. Число учащейся за границей молодежи—во столько же. Удесятерилось навѣрное и знакомство съ политическою жизнью Запада. Соціалъ-демократія въ Германіи выросла до такихъ размѣровъ, о которыхъ, можетъ быть, не мечтали при Лассалѣ. А идеи заграничнаго соціализма, увы, не вдохновляютъ удесятеренное число русской молодежи на подвиги въ цѣляхъ совершенія „переворота". Происходитъ шатаніе мысли и разбродъ идейной обосновки дѣятельности,—какъ разъ параллельный колебанію и неустановленности классовыхъ интересовъ. Дворяне сошли съ главной сцены, но перевоплощаются въ новыя соціальныя формы. Промышленники еще не доросли до размѣровъ первенствующаго класса, а купцы утучнѣли еще больше и, пользуясь благопріятной „конъюнктурой", не успѣваютъ загребать барыши. Продолжается еще процессъ накопленія капитала, и какъ бы ни были велики его обороты, онъ еще остается въ фазѣ торговаго капитала, чувствуя, что здѣсь ему выгоднѣе, и только частію обращается къ производству.

Во всякомъ случаѣ, новое увлеченіе соціальными вопросами (послѣ застоя 80-хъ г.г.) какъ разъ „совпало" съ новымъ подъемомъ учредительской дѣятельности и расцвѣтомъ экономической предпріимчивости. Въ этомъ совпаденіи, какъ я уже упоминалъ, нужно видѣть причинную зависимость. Но что послѣдуетъ тотчасъ за этимъ увлеченіемъ, т. е. въ настоящую минуту, я предсказывать не берусь: и побольше насъ были пророки, да не могли предначертать ближайшаго хода событій.

Считаю, однако, вѣроятнымъ, что дворянство, какъ земельный классъ, будетъ все больше и больше клониться въ сторону консерватизма, подчиняя себѣ народъ и сознавая, что его эксплоататорскіе интересы, основанные на безправіи народа, тѣсно связаны съ неприкосновенностью самодержавія. Наиболѣе прогрессивные элементы его, не мирясь съ такими тенденціями будутъ уходить изъ деревни и увеличивать собою предпринимательскій классъ, куда они внесутъ присущую имъ интеллигентность и не потухавшую никогда жажду власти и потребность въ расширеніи правъ. Такимъ образомъ здѣсь они могутъ послужить ферментомъ, изъ котораго разовьется сознательная потребность въ свободѣ и во всемъ классѣ капиталистовъ.

Тѣмъ временемъ Витте, поднявшій, какъ кажется, обложеніе ихъ до 9 % съ прибыли, не остановится, конечно, на этомъ и не разъ дастъ имъ доказательство того, что ихъ прибыли наилучше будутъ гарантированы тогда, когда они сами станутъ у власти.

Настало ли теперь это время? Десять лѣтъ раньше или 10 лѣтъ позже—для такого огромнаго государства, какъ Россія,—мигъ одинъ. Но рано ли, поздно ли отсюда будетъ данъ толчокъ. И, быть можетъ, первый серьезный кризисъ съ массою банкротствъ вложитъ въ уста нашихъ капиталистовъ весьма зажигательныя рѣчи и дѣйственное сочувствіе ко всѣмъ, кто будетъ громче повторять эти рѣчи и примѣнять ихъ къ дѣлу...

Для тѣхъ, кто захотѣлъ бы провѣрять фактическій матеріалъ, привожу списокъ источниковъ, съ которыми я справлялся (кромѣ собственныхъ статистическихъ выписокъ, нахватанныхъ отовсюду)

Тенгоборгскій. О производительныхъ силахъ Россіи (на франц.), I—III т.
Де-Ливронъ. Статистика Россіи.
Статистическій сборникъ за 1882 г.
» » » 1883 г.
Васильчиковъ. О землевладѣніи, I—II т.
Iear book за 97 годъ.
Гюбнеръ. Статистическія таблицы (на нѣмец.).
Календарь Суворина (10 или 11 томовъ).
Научный словарь Филиппова.
Энциклопедія—нѣсколько томовъ.
„Вѣстникъ Финансовъ“ за 98 годъ.

* * *

Послѣсловіе.

Январь 1908 г.

Какъ ни покажется теперь, post factum, наивной эта попытка предсказывать въ 1902 г. исходный толчокъ для переворота, я просилъ бы читателя не дѣлать скороспѣлыхъ выводовъ. Происшедшая революція далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. И какъ ни внушительно было выступленіе на авансцену „самодержавнаго“ пролетаріата, историкъ не долженъ забывать, что строить баррикады и устилать улицы своими трупами—было всегда исконной „привилегіей“ 4-го сословія всѣхъ народовъ. Этотъ *наружный* фактъ еще ничего не говоритъ о *внутреннихъ* пружинахъ. И когда рѣчь идетъ о революціонныхъ организаціяхъ, дальновидные люди никогда не забываютъ, что ни богатство духа, ни избытокъ героизма въ нихъ не могутъ сдѣлать ихъ дѣятельными, если изсякли питавшіе ихъ *денежные* рессурсы, и если остыло широкое сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ слоевъ.

М. Новорусскій.

Библіографія.

Т. Соколовская. *Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія.* (XVIII и первая четверть XIX стол.). Изданіе Н. Глаголева, Спб., ц. 80 коп.

Заглавіе этой книги чрезвычайно интересное и многообѣщающее для всякаго, кто интересуется исторіей общественнаго движенія въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой четверти XIX в.в., къ сожалѣнію, не соотвѣтствуетъ содержанію. Г-жа Соколовская, избравшая предметомъ своихъ изысканій масонство въ Россіи, работала въ цѣломъ рядѣ архивовъ, въ столицахъ и въ провинціи, въ казенныхъ и въ частныхъ, ознакомилась съ матеріалами, которые были неизвѣстны историкамъ русскаго масонства (Пыпину, Лонгинову, Ешевскому и др.); часть ея трудовъ печаталась уже въ видѣ отдѣльныхъ статей въ „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, въ кронштадтскомъ журналѣ „Море“ и т. п. Такимъ образомъ, можно признать, что г жѣ Соколовской русское масонство должно быть извѣстно лучше, чѣмъ многимъ другимъ историкамъ общественнаго движенія. Естественно также, что, раскрывая книгу г-жи Соколовской, читатель ищетъ въ ней отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ, возникающихъ у него при мысли о масонствѣ. Читатель желаетъ, во-первыхъ, знать, что такое было масонство, въ чемъ заключалась сущность этого общественнаго движенія; во-вторыхъ, каковы были причины возникновенія и развитія этого движенія; въ-третьихъ, въ чемъ заключались характерныя черты русскаго масонства, что внесло русское общество специфически своего, новаго въ установившуюся схему общеевропейскаго масонства; въ-четвертыхъ, каковы характерныя черты русскаго масонства во второй половинѣ XVIII-го вѣка, и чѣмъ отличается отъ него масонство первой четверти XIX-го вѣка; въ-пятыхъ, какую роль сыграло масонство въ исторіи русскаго общественнаго движенія и каковы были причины его гибели. Такимъ образомъ, читатель ставитъ вопросы: „что такое было масонство въ Россіи и каковы были причины его возникновенія, развитія и исчезновенія?“ Заглавіе книги, увы, только обѣщаетъ дать отвѣты на эти вопросы, но ихъ не даетъ.

Правда, г-жа Соколовская оговаривается, что она „намѣренно“ исключила изъ своей работы и не разсмотрѣла: „исторію масонскихъ системъ и отдѣльныхъ ложъ; подробности ритуала, мистической и филан-

тронической дѣятельности, масонскихъ законоположеній, внутренней жизни ложъ и т. п." Мы не упрекнемъ ее въ этихъ исключеніяхъ; перечисленныя области ученія и жизни масонства требуютъ спеціальнаго изслѣдованія и не имѣютъ ближайшаго отношенія къ темѣ разсматриваемой нами книги. Но мы должны сказать, что г-жа Соколовская почти ничѣмъ не отвѣтила на поставленные выше вопросы. Въ самомъ дѣлѣ: излагая основы ученія *русскихъ* масоновъ, г-жа Соколовская цитируетъ также произведенія нѣмецкихъ масоновъ, особенно нѣмецкія пѣснопѣнія. Для насъ вовсе не убѣдительно заявленіе автора, что многія ложи „работали" въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ, авторъ смѣшиваетъ воедино масоновъ XVIII и XIX вв., тогда какъ между ними, какъ это понимаетъ и самъ авторъ, разница весьма и весьма значительная. Такимъ образомъ, читателю остается неизвѣстно, въ чемъ же эта, признаваемая авторомъ въ принципѣ, но не проводимая на практикѣ, разница. Мало того, въ XVIII и въ XIX в.в. въ средѣ масонства есть нѣсколько теченій, довольно таки разнообразныхъ. Авторъ и не пытается установить основныя черты этихъ теченій. Не указываетъ авторъ и на то, что именно восприняло русское общество съ Запада, и что привнесло своего въ масонское ученіе. Въ предисловіи авторъ оговаривается, что будетъ пытаться соблюсти „возможно полную объективность". Оказывается на дѣлѣ, что это обозначаетъ полное отсутствіе критическаго отношенія къ масонству, полное отсутствіе философскаго объясненія русскаго масонства. „Объективность" ведетъ къ тому, что авторъ, знакомясь со словами („хорошими словами") масоновъ, приходитъ въ чрезвычайный восторгъ отъ этого „ученія всемірнаго братства, равенства, солидарности", идеализируетъ масоновъ, отводитъ имъ видное мѣсто въ подготовкѣ освободительнаго движенія XIX-го вѣка [1]). Автору кажется, что масоны явились проповѣдниками въ Россіи идеи равенства, но самъ же онъ приводитъ противоположные примѣры. Такъ, не было случая, чтобы въ масоны былъ принятъ *не*-христіанинъ, а по увѣренію г-жи Соколовской для масоновъ „нѣтъ разницы между іудеемъ и грекомъ" и т. д. (с. 66). Масоны говорили о вредѣ и преступности войны, о необходимости смягченія „излишнихъ" жестокостей; г-жа Соколовская, забывая, что все это было только на словахъ, въ теоріи, закрываетъ глаза на кровожадные призывы Поздѣева и не менѣе кровавую практику масона Репнина при усмиреніи крестьянскихъ волненій (при Павлѣ I). Нужно признать, что въ крестьянскомъ вопросѣ масоны указывали иногда на тяжелое положеніе крестьянства, но никогда не ставили вопроса о необходимости отмѣнить крѣпостное право. Наоборотъ, изъ среды масоновъ вышли ярые панегиристы крѣпостничества. Максимумъ того, на что рѣшались масоны—это призывы, обращенные къ помѣщику, бросить городъ, жить въ деревнѣ, облегчить тяжкое положеніе своего живого инвентаря, стать „милостивымъ, благодѣтельнымъ христіаниномъ-господиномъ" (!!). Но этого мало! По увѣренію г-жи Соколовской, не кто иной, а именно масоны „клали первый камень въ литературу о рабочемъ вопросѣ" (!), ибо авторъ статьи въ „Другѣ Юношества"

---

[1]) Для Италіи это, пожалуй, и правильно, но не для Россіи.

(1809 г., февр.) слезливо воззвалъ къ капиталистамъ: „фабрикантъ и заводчикъ! не жадничай къ излишнему прибытку и собранію золота и серебра и не имѣй пустого тщеславія величаться отъ крови другихъ нажитымъ имѣніемъ, а вмѣсто того будь умѣренъ въ своихъ издержкахъ, освидѣтельствуй тяжкія работы для тебя на фабрикахъ и заводахъ трудящихся и вмѣсто кровопійца сдѣлайся для нихъ благодѣтелемъ не обременяй ихъ выше мѣры (!) работою, приказывай повѣреннымъ своимъ и приказчикамъ не быть звѣрями, а знать человѣчество (!), удвой, утрой и, смотря по нуждамъ, обстоятельствамъ и дороговизнѣ времени еще болѣе, умножь окладъ и жалованье ихъ. Помогай имъ всячески и не слѣдуй тиранамъ хозяевамъ, которые покупаютъ для работниковъ своихъ хлѣбъ и продаютъ имъ изъ барышей, платя притомъ за работу деньги очень малыя“... Восхищеннымъ взорамъ г-жи Соколовской рисуется въ этомъ пустомъ морализированіи цѣлая программа разрѣшенія рабочаго вопроса. Не было въ русскомъ масонствѣ и равенства между самими масонами за порогомъ ложи. Въ политическомъ отношеніи русское масонство было вполнѣ на сторонѣ установившагося порядка; максимумъ либерализма масонскаго—это секретно освѣдомлять власть о существующихъ злоупотребленіяхъ. Вопреки мнѣнію г-жи Соколовской, масонство не только не подготовило почву для развитія республиканскихъ и конституціонныхъ идей, не только не было предтечей декабристовъ, но, наоборотъ, оно было движеніемъ реакціоннымъ. Декабристы только тогда стали активными политическими борцами, когда распростились съ масонствомъ. Вообще, въ книгѣ г-жи Соколовской читатель найдетъ *много* матеріала, но разбираться въ немъ, часто опровергая выводы автора, читателю придется собственными силами. „Объективность“ же автора (на самомъ дѣлѣ необузданная идеализація авторомъ масонства) только внесетъ путаницу въ головы мало подготовленныхъ читателей.

С. Сватиковъ.

Итоги Лондонскаго Съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Сборникъ статей **Д. Л—о, Н. Ленина, Вячеслава, М. Новоселова, Лядова, Г. Зиновьева.** *СПБ. 1907 г. Ц. 40 к. 134 стр.*

Ф. Данъ. *Соціалдемократія въ резолюціяхъ Лондонскаго съѣзда. (Мысли и замѣтки) Изд. „Гудокъ“. СПБ. 1907 г. Ц. 50 к. стр.* 106.

Г. В. Плехановъ. *Мы и они. Изд. „Гудокъ“. СПБ. 1907 г. Ц. 40 к. стр. 64.*

Череванинъ. *Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. Съ приложеніемъ принятыхъ резолюцій и ихъ проектовъ. Изд. „Борьба“. СПБ. 1907 г. Ц. 60 к. стр. 102.*

Лондонскій съѣздъ, являющійся своего рода Одиссеей нашей отечественной с-демократіи и въ подлинномъ и въ переносномъ смыслѣ этого слова, оставилъ послѣ себя цѣлую литературу газетныхъ и журнальныхъ статей и брошюръ. Ему удѣляли вниманіе и друзья и враги, но больше всего, конечно, сами с-демократы. Выше приведенныя четыре брошюры какъ разъ принадлежатъ перу самихъ участниковъ съѣзда.

Первая изъ нихъ, являясь коллективнымъ трудомъ литераторовъ

большевизма, отражаетъ взгляды побѣдившаго на съѣздѣ теченія; три же остальныя принадлежатъ меньшевикамъ.

Прагматической исторіи самого съѣзда читатель, однако, не найдетъ ни въ одной изъ этихъ работъ, такъ какъ главное вниманіе ихъ авторовъ обращено на обоснованіе своихъ собственныхъ позицій и критику положеній противоположнаго теченія. Нѣкоторое вниманіе самому съѣзду, его организаціи, составу и т. п. удѣляетъ Череванинъ, но это лишь бѣглыя замѣтки, по которымъ трудно возстановить дѣйствительную картину. Вопросу о составѣ съѣзда посвящена также отдѣльная статья М. Лядова и въ большевистскомъ сборникѣ „Итоги"... Цифры, приводимыя въ ней, представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ показатель тѣхъ условій, въ которыхъ приходится дѣйствовать въ Россіи с-демократіи, но тенденція автора, использовать даже эти цифры для торжества фракціонной догмы, не выдерживаетъ серьезной критики. Все же остальное содержаніе брошюръ посвящено пресловутымъ разногласіямъ, изъ трясины которыхъ партія не можетъ вылѣзти со времени второго съѣзда.

За истекшій періодъ эти разногласія успѣли довольно рельефно опредѣлиться не только въ главномъ, но и въ деталяхъ, и Лондонскій съѣздъ, бывшій, въ сущности, первымъ всероссійскимъ съѣздомъ партіи, можетъ служить, дѣйствительно, удобнымъ моментомъ, чтобы подвести итогъ пережитому и этимъ создать основу для ликвидаціи фракціонныхъ распрей.

Что же въ этомъ отношеніи даютъ перечисленныя брошюры? Изъ нихъ на первое мѣсто приходится поставить работу Г. В. Плеханова. Въ ней приведены его рѣчи на съѣздѣ, и имъ предпослано вступленіе, въ которомъ авторъ ярко и выпукло вскрываетъ основныя ошибки большевизма. Частныхъ разногласій онъ почти не касается, оперируя главнымъ образомъ съ методомъ мышленія и построенія большевиками своей тактики. Установивъ затѣмъ общность ихъ воззрѣній со взглядами Бланки и Бакунина, авторъ видитъ ихъ коренную ошибку въ томъ, что „они считаютъ *уже достигнутой* народомъ ту ступень революціоннаго сознанія, на которую его еще *надо поднять* съ помощью его собственнаго политическаго опыта". И этотъ выводъ—не голая фраза; онъ продиктованъ не политическимъ задоромъ, но добытъ авторомъ въ результатѣ тщательнаго анализа позицій противника по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, обсуждавшимся на Лондонскомъ съѣздѣ. Въ каждой резолюціи большевиковъ Г. В. Плехановъ умѣло вскрываетъ все ту же утопическую предпосылку, которая роднитъ ихъ съ послѣдователями Бакунина; ею же онъ объясняетъ и ихъ вѣру въ магическую силу громкихъ словъ.

Такого серьезнаго анализа „итоговъ" Лондонскаго съѣзда читатель не найдетъ ни въ одной изъ остальныхъ работъ. Въ нихъ преимущественное вниманіе обращается на обоснованіе собственной тактики обоихъ теченій; взаимная же полемика; не проникая вглубь, скользитъ больше по поверхности разногласій, касается частностей, размѣнивается часто на мелочи, а въ итогѣ даетъ очень мало не только для взаимнаго уразумѣнія, но и просто для уясненія вопроса.

Для читателя, не посвященнаго во всѣ тонкости великаго спора между большевиками и меньшевиками, разобраться во всѣхъ деталяхъ и взаимно исключающихъ другъ друга положеніяхъ весьма затруднительно. Даже по болѣе существеннымъ вопросамъ онъ принужденъ будетъ не разъ становиться въ тупикъ. Размѣры нашей рецензіи не позволяютъ намъ иллюстрировать это положеніе примѣрами, которыхъ мы могли бы привести немало.

Переходя теперь къ отдѣльнымъ вопросамъ, мы отмѣтимъ лишь самое существенное. Самый жаркій бой на съѣздѣ шелъ по вопросамъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, къ Государственной Думѣ; имъ же отведено преимущественное вниманіе и въ разбираемыхъ нами брошюрахъ. Въ работѣ Ф. Дана читатель найдетъ достаточно полное обоснованіе тактической линіи меньшинства; критика противоположной тактики у этого автора также болѣе серьезна, чѣмъ у Череванина. Данъ чувствуетъ себя въ борьбѣ съ большевизмомъ вполнѣ въ родной стихіи; онъ не даетъ противнику укрыться подъ защиту „фразы", преслѣдуетъ его по пятамъ, уличаетъ въ противорѣчіяхъ... Мѣстами онъ даже подходитъ къ тому же самому выводу, который, какъ мы уже указывали, Плехановъ считаетъ центромъ тяжести, напр., когда говоритъ о „потустороннемъ характерѣ" большевистской тактики, которая отвлекается отъ міра реальности, (стр. 57) или когда разбираетъ большевистскій проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ (стр. 90); но онъ не концентрируетъ на этихъ выводахъ своего вниманія, а просто роняетъ ихъ мимоходомъ, какъ бы не замѣчая ихъ внутренней важности. Но что безусловно цѣнно въ работѣ Дана, такъ это, съ одной стороны, его критика оправданія бойкота, а съ другой стороны—умѣлое констатированіе внутренняго разложенія большевистской теоріи. Статьи Ленина и Вячеслава, посвященныя этимъ же вопросамъ въ „Итогахъ...", хотя и блещутъ не меньшимъ полемическимъ задоромъ, но по существу не даютъ ничего новаго. Аргументація Ленина противъ меньшевистской тактики построена по обычному у этого автора типу—путемъ историческихъ датъ доказать оппортунизмъ противника и собственную вѣрность революціоннымъ завѣтамъ. Она лишь характерна, какъ типичный образчикъ революціонной метафизики съ ея окаменѣлыми понятіями.

Вопросъ о рабочемъ съѣздѣ разбирается только у Череванина и Дана. Хотя оба автора и принадлежатъ къ одному направленію, но подходятъ къ этому вопросу нѣсколько разно. Череванинъ болѣе остороженъ и болѣе бережно относится къ цѣнности нынѣшней партійной организаціи, тогда какъ Ф. Данъ не видитъ вреда и въ болѣе коренной ломкѣ организаціонныхъ формъ партіи, если этого требуетъ потребность массового движенія. У него же недурна характеристика позиціи большевиковъ по этому вопросу, заключающейся въ стремленіи отстоять узко-цеховые интересы профессіональнаго революціонизма. Небольшую рѣчь по этому же вопросу читатель найдетъ и у Г. В. Плеханова.

Наконецъ, обсужденіе отчетовъ Ц. К. и с-дем. думской фракціи затронуто у Череванина, въ статьяхъ Д. Л—о и Вячеслава, и ему же посвящена блестящая рѣчь Плеханова (стр. 29–50).

Таково содержаніе всѣхъ четырехъ брошюръ; дополняя одна дру-

гую, онѣ дадутъ читателю достаточный матеріалъ для сужденій о томъ,—что далъ партіи Лондонскій съѣздъ: былъ ли онъ шагомъ впередъ, какъ говоритъ побѣдившее на съѣздѣ теченіе, или это только „шагъ на мѣстѣ", какъ его характеризуетъ Ф. Данъ?...

А. Ельницкій.

Szymon Askenazy, Rosya-Polska 1815—1830. Lwów 1907.

Wl. M. Kozlowski, Autonomia Królestwa Polskiego (1815—1832), Warszawa 1907 г.

Названныя книги изслѣдуютъ главные моменты политической и соціальной жизни Герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго до 1831 года. Большинство данныхъ, приведенныхъ авторами, намъ хорошо извѣстны изъ трудовъ Skarbek'a, Księstwo Warszawskie i Królestwo Polskie od początku swego dorewolucyi listopadowej (3 г.), и А. Rembowsk'аго, Z zycia Konstytucyjnego w Księstwe Warszawskiem, Warszawa 1905, но тѣмъ не менѣе научное значеніе трудовъ г.г. Аскенази и Козловскаго несомнѣнно, ибо названные авторы оригинально освѣщаютъ нѣкоторые факты на основаніи новыхъ, добытыхъ ими архивныхъ документовъ. Это особенно относится къ книгѣ профессора Аскенази, появившейся сначала на англійскомъ языкѣ въ коллективномъ изданіи Cambridge Modern History. Имѣя въ виду англійскую публику и считаясь съ характеромъ изданія, авторъ придалъ своему труду форму справочной книги, знакомящей просто, но исторически вполнѣ вѣрно и точно съ главными фактами политической жизни Россіи и Польши отъ 1815—1830 г. О Россіи въ книгѣ говорится всего на 60 страницахъ, и поэтому тамъ помѣщены лишь самыя необходимыя свѣдѣнія. Остальная часть книги (110 страницъ) посвящена обзору политическихъ, общественныхъ и административныхъ учрежденій Царства Польскаго и сосѣднихъ съ ними областей Россіи, Австріи и Пруссіи, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой. Несмотря на сжатость изложенія, авторъ даетъ очень яркую картину политической дѣятельности сеймовъ, печальной памяти дѣятельности Новосильцева, возникновенія тайныхъ обществъ и отношенія Александра и Николая I къ конституціонному Царству Польскому. Всю эпоху авторъ раздѣляетъ на три періода: конституціонный (1815—1820), реакціонный (1820—1825) и періодъ „кризиса" или, какъ намъ кажется, его лучше было бы назвать,—періодъ подготовленія къ возстанію (1825—1830). Можно не согласиться съ раздѣленіемъ указаннаго промежутка времени на пятилѣтніе періоды, такъ какъ историческое развитіе наврядъ ли удобно дѣлить на рѣзко отличающіяся между собой эпохи, но въ общемъ теченія, господствовавшія во всѣхъ этихъ періодахъ, отмѣчены авторомъ съ достаточною полнотой и ясностью. Живо выступаетъ личность вел. кн. Константина Павловича, мало популярнаго и враждебно относящагося къ конституціонному режиму въ началѣ своей дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ, но затѣмъ настолько съ нимъ свыкшагося, что онъ сильно противился передачѣ разслѣдованія дѣятельности обнаружившихся въ 1826 польскихъ тайныхъ обществъ слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу декабристовъ. Въ то время, какъ

судъ вадъ декабристами былъ горькой насмѣшкой надъ самыми примитивными требованіями справедливости, сеймовый судъ Царства Польскаго, назначенный для разбора дѣла о польскихъ тайныхъ обществахъ, поступилъ закономѣрно и справедливо по отношенію къ подсудимымъ, дозволяя имъ защищаться (стр. 111 и сл.). Въ обзорѣ губерній, принадлежавшихъ прежде Польшѣ, авторъ отмѣчаетъ, что до 1820 г. когда Александръ I думалъ о присоединеніи литовскихъ губерній къ Царству Польскому, администрація состояла преимущественно изъ поляковъ, тогда какъ послѣ 1820 года, когда Александръ оставилъ эту идею и думалъ о раздѣленіи Россіи на большія области, согласно положеніямъ Новосильцевскаго проекта конституціи [1]), началась постепенная руссификація литовскихъ губерній. Говоря о положеніи поляковъ въ Галиціи, Аскенази подчеркиваетъ зарожденіе еще въ 20 годахъ польско-русинскаго вопроса, принявшаго въ наше время такую обостренную форму. Самое цѣнное въ книгѣ проф. Аскенази—это приложенія, въ которыхъ приводятся новые документы преимущественно изъ архива Государственнаго Совѣта. Важнымъ документомъ является Essai d'introduction pour la Charte (1820), это проектъ манифеста по поводу Новосильцевской конституціи, опубликованной проф. Шиманомъ (La Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie, Berlin 1903). Документъ начинается чрезвычайно характерными словами: „La Charte constitutionnelle qu'il nous plait de donner à Nos bien aimés et fidèles sujets, *n'apporte point d'innovation, ni de changement dans l'Etat*". Затѣмъ идетъ краткое изложеніе главныхъ положеній конституціонной хартіи Новосильцева. Для освѣщенія польскаго вопроса, горячо обсуждавшагося на Вѣнскомъ конгрессѣ, проф. Аскенази приводитъ Supplément à la Réponse au Memorandum anglais (du 30 octobre 1814), написанный княземъ Чарторыйскимъ (это дополненіе къ возраженію на извѣстную записку лорда Кестльри (Castlereag) по польскому вопросу), и записку барона Штейна, въ которой этотъ выдающійся государственный дѣятель выступаетъ противъ учрежденія автономнаго Царства Польскаго и введенія въ немъ конституціи. Первое, по мнѣнію барона Штейна, создало бы границу, всегда угрожающую Австріи и Пруссіи, а второе было бы немыслимо совмѣстить съ существующимъ монархическимъ строемъ въ Россіи. Штейнъ полагалъ, что было бы полезно ввести въ губерніяхъ, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, лишь d'Etats provinciaux, дабы дать возможность полякамъ участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи. Эти взгляды Штейна охарактеризовалъ весьма вѣрно близкій его сподвижникъ въ 1813—1815 г.г., Н. И. Тургеневъ, въ La Russie et les Russes (I, 59—60) [2]).

Книга проф. Аскенази описываетъ историческое развитіе Царства Польскаго отъ 1815—1830 г. въ хронологическомъ порядкѣ. Въ изслѣдованіи Козловскаго, „Автономія Царства Польскаго", мы находимъ систематическій разборъ конституціи 3 мая 1791 г., конституціи Гер-

---

[1]) См. въ приложеніяхъ къ кн. Аскинази интересную по этому поводу записку Новосильцева.

[2]) См. мою книгу, Die Universität Zöttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland in ersten Viertel des 1907. Berlin, 1907, стр. 68.

цогства Варшавскаго и конституціи Царства Польскаго, ихъ оцѣнку современниками и исторіею, и проведеніе этихъ конституціонныхъ началъ въ жизнь. Краткое, но исчерпывающее содержаніе своей книги Козловскій опубликовалъ въ „Русской Мысли“ за 1906 г. (кн. 4 и 5). Въ книгѣ, вышедшей годомъ позже, авторъ существенно пополнилъ и развилъ статьи, появившіяся въ журналѣ. Новыми въ ней являются глава I „О конституціи 1791 г. и революціи 1794 г.“ и глава VI, „Оцѣнка конституціи 1815 г. современниками и послѣдующими поколѣніями; вліяніе ея за предѣлами Царства“. Конституція 1815 г. повліяла на проектъ Новосильцева 1819 г., а многія статьи греческой конституціи 1827 г. дословно изъ нея взяты. На основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ американскихъ архивахъ, Козловскій утверждаетъ, что Александръ I въ юности восхищался учрежденіями американской республики, и обѣщаетъ скоро опубликовать соотвѣтствующую переписку Александра съ Джефферзономъ. Предполагаемое въ проектѣ Новосильцева раздѣленіе Россіи на большія области, пользующіяся извѣстной самостоятельностью, является такимъ образомъ желаніемъ учредить въ Россіи штаты на подобіе американскихъ. Въ приложеніяхъ къ своей книгѣ Козловскій разбираетъ литературу, касающуюся легенды о Наполеонѣ, какъ о реставраторѣ исторической Польши (I), сравниваетъ конституціи герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго съ прежнимъ политическимъ строемъ Польши и съ современными имъ французскими конституціями (II и III), и, наконецъ, разсматриваетъ интересный вопросъ: „Что сдѣлало Герцогство и Царство для крестьянъ?“ (IV). Четвертая статья конституціи Герцогства Варшавскаго гласила, что всѣ граждане страны равны передъ закономъ. Дальнѣйшія попытки и обѣщанія правительства обезпечить матеріальное состояніе крестьянъ оставались безуспѣшными. Не помогла и записка популярнаго борца за независимую Польшу, генерала Костюшки, представленная имъ кн. Чарторыйскому; въ запискѣ этой подчеркивается, что одной личной свободы крестьянъ недостаточно, и необходимо озаботиться объ ихъ матеріальномъ положеніи и о надѣленіи ихъ землей. Но ни Герцогство Варшавское, ни Царство Польское не предприняли существенныхъ аграрныхъ реформъ. Они и еврейское населеніе лишили гражданскихъ и политическихъ правъ, что подчеркивается авторами разбираемыхъ книгъ.

М. Вишницеръ.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. „Собраніе сочиненій“. Единственное разрѣшенное вдовою автора изданіе. *Часть IV*: *„Андрей Кожуховъ“*. Нереводъ съ англійскаго *Ф. М. Степнякъ* подъ редакціей и съ предисловіемъ *П. А. Кропоткина.* Со статьей *Георга Брандеса* и фототипическимъ портретомъ Степняка. XVI+6 ненумер.+306 стр. Цѣна 1 р.— *Часть V*: *„Эскизы и силуэты“*. Съ 3-мя фототипіями. 204+8 ненумер. стр. Цѣна 1 р. Спб. 1908. (Библіотека „Свѣточа“ подъ редакціей *С. А. Венгерова.* №№ 66—70 и 76—80).

Мнѣ приходилось уже въ свое время въ другомъ мѣстѣ (см. „Былое“ 1907 г., №№ 2 и 9) говорить о первыхъ трехъ томахъ сочиненій

С. М. Кравчинскаго-Степняка. Теперь вышли въ свѣтъ 4-й и 5-й томы. Весь 4-й томъ занимаетъ романъ въ 3-хъ частяхъ „Андрей Кожуховъ", переведенный со 2-го англ. изданія г-жей Степнякъ подъ редакціей П. А. Кропоткина. Этотъ романъ, несомнѣнно, лучшее изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Степняка. Вполнѣ справедливо говоритъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ „Сергѣй Степнякъ", предпосланной этому роману, что „эта книга—не только совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ. Она содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой тонкій и проницательный анализъ, какого не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентную русскую молодежь въ тотъ періодъ, при Александрѣ II, когда нигилизмъ (т. е. революціонное движеніе—*Д. С.*) достигъ полнаго своего расцвѣта и когда смѣлыя выступленія молодежи, къ несчастію, не принесшія непосредственной пользы, совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью" (стр. VIII). Точно также правъ Брандесъ, указывая, что въ этомъ романѣ есть много автобіографическихъ, характерныхъ для Степняка чертъ. На то же самое указываетъ и П. А. Кропоткинъ въ спеціально-написанномъ для настоящаго изданія предисловіи (датированномъ августомъ 1907 г.). Отмѣчая рядъ сценъ и положеній въ началѣ романа, носящихъ явно автобіографическій отпечатокъ, Кропоткинъ говоритъ далѣе (стр. XII—XIII): „Автобіографическій элементъ составляетъ сущность романа и въ дальнѣйшемъ его развитіи, хотя сами событія, заставляющія Андрея переживать тѣ или другія чувства (особенно въ третьей части) взяты не изъ личной жизни автора. Здѣсь поэтическому творчеству отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ въ началѣ романа, и оттого его третья часть составляетъ, въ литературномъ отношеніи, лучшую его часть. Эпизодическій характеръ первыхъ двухъ частей исчезаетъ; тутъ уже чувствуется творчество поэта, и оттого вся третья часть—помимо своего трагическаго содержанія—читается съ захватывающимъ интересомъ".

Въ 5-й томъ сочиненій Степняка вошло 6 небольшихъ разсказовъ, очерковъ и характеристикъ: „Ольга Любатовичъ", „№ 39", „Жизнь въ городишкѣ", „Степанъ Халтуринъ", „Волшебнику" и „Гарибальди". Кромѣ послѣдняго очерка, пять остальныхъ очерковъ и разсказовъ являются совершенной новинкой для русской публики и на русскомъ языкѣ появляются еще впервые, такъ какъ часть изъ этихъ очерковъ недавно только найдена въ оставшихся послѣ Степняка бумагахъ, а часть была написана и напечатана по-англійски. Въ настоящемъ изданіи они являются въ переводѣ Ф. М. Степнякъ (вдовы автора) и М. О. Розова.

Изъ этихъ очерковъ очень удачными вышли характеристики Ольги Любатовичъ и Степана Халтурина. Небольшой очеркъ „№ 39" интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ очень живо обрисованы нравственныя муки и страданія молодой дѣвушки, за ничто томящейся въ одиночной кельѣ дома предварит. заключенія; но этотъ очеркъ—только набросокъ, небольшой эскизъ, лишь кратко намѣчающій характеръ молодой узницы. Разсказъ „Жизнь въ городишкѣ"—очень интересное въ бытовомъ отношеніи описаніе горькаго и злосчастнаго житья-бытья политическихъ

административныхъ ссыльныхъ, заброшенныхъ въ одинъ изъ городковъ Архангельской губ., на прибрежье полярнаго моря. Этотъ разсказъ исполненъ глубокой жизненной правды. Это скажетъ всякій, кому случалось побывать въ административной ссылкѣ на сѣверѣ Россіи, въ особенности въ эпоху семидесятыхъ годовъ....

Д. П. Сильчевскій.

Книги, поступившія въ редакцію.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, ч. V. Эскизы и силуэты. Съ 3-мя фототипіями. Ц. 1 р. Библіотека „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова.

Катранъ. Отставной помѣщикъ. Повѣсть. 1907. Ц. 50 к.

С. Д. Дрожжинъ. Стихотворенія 1866—1888 г.г. 3-ье испр. и дополн. изд. съ портретомъ автора. М. ц. 1 р. 50 к. 1907.

Герой нездороваго творчества („Санинъ“ романъ Арцыбашева). Рефератъ д-ра *А. П. Омельченко.* К—во „Посѣвъ“. Спб. 1908 г. Ц. 35 к.

Ф. Оппенгеймеръ. Отвѣтъ на книгу Г. Ст. Чамберлена „Основы девятнадцатаго вѣка“ (Евреи) Пер. съ нѣм. Спб. 1908 г. Ц. 15 к.

Бѣлоруновъ. Въ старомъ домѣ. М. 1908 г. Ц. 1 р.

А. О. Оливетти. Проблеммы современнаго соціализма. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1908 г. Ц. 80 к.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ т. XII, кн. 4-я. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т—ва М. О. Вольфъ:

Пр. П. И. Ковалевскій. Мірозданіе. Естественно-историческій очеркъ. Ц. 80 к.

Н. Н. Фирсовъ. Пр. казан. унив. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Ц. 30 к.

Э. Пименова. Въ странѣ вѣчныхъ льдовъ. Библ. „Юнаго Читателя“.

Изд. П. А. Артемьева:

П. Роновъ. Религіозныя воззрѣнія китайцевъ. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Д—тъ. Прошлое Портъ-Артура. Воспоминанія до войны 1904 г. Спб. 1908 г. Ц. 70 к.

Библіотека еврейскаго рабочаго. Вып. I. Тов. Зяма. Основы пролетарскаго сіонизма и „критика“ Бунда. М. 1907. Ц. 3 к.

Я. Лещинскій. Еврейскій рабочій въ Лондонѣ. К—во „Перевалъ“. М. 1907. Ц. 20 к.

Алексѣй Илстневъ. Принципы будущаго соціальнаго строя. Спб. 1907. Ц. 35 к.

Въ февральской книжкѣ въ ст. г-жи Починковской „Гл. Ив. и Ал. Вас. Успенскіе“ вкралась опечатка: на стр. 277, 14-я строка сверху напечатано—*странный* другъ; слѣдуетъ читать: *старинный* другъ.

Отдѣльные №№ въ Петербургѣ-2 к., въ провинціи-3 к.

За 6 р.-12 мѣс., 3 р.-6 м., 1 р. 50 к.-3 м., 55 к.-1 м.

Подписчики газеты

„РЕФОРМА"

получаютъ ежедневно большую культурно-политическую прогрессивную внѣпартійную газету.

Особое вниманіе „**РЕФОРМА**" удѣляетъ всѣмъ формамъ культурной и экономической самодѣятельности Россіи и выдающимся явленіямъ въ области литературы, науки и искусства.

Читатели этой газеты найдутъ въ ней обиліе извѣстій изъ провинціи, ежедневные фельетоны, оригинальную и переводную беллетристику, каррикатуры на злобы дня, библіографич. отдѣлъ, отвѣты на вопросы читателей, свѣдѣнія о фондовой и товарной биржахъ и подробные отчеты о засѣд. Госуд. Думы (отдѣльнымъ приложеніемъ).

Адресъ конторы:

Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Вышла февральская (вторая) книга.

Содержаніе:—I. Мережковскій Д. С.—Павелъ I. Драма въ 5 дѣйст.—II. Василевскій Л. М.—Стих.—III. Нѣмоевскій Андрей—Евнухи. пер съ польс. В. М. Л. Оконч.—IV. Малахіева-Мировичъ В. Стих.—V. Сигурдъ Женская доля. пер. съ шведс. М. П. Благовѣщенской. Продолж.—VI. Кожевниковъ П. Луга.—VII. Томасъ Маннъ Тристанъ. Новелла. пер. съ нѣм. А. Полоцкой.—VIII. Стражевъ В. Стих.—IX. Вальтеръ В.—Рихардъ Вагнеръ, къ 25-лѣтію со дня его смерти. Оконч.—X. Лисенко С. Черная сотня въ провинціи.—XI. Дверницкій К. Годъ консервативно-либеральной эры (письмо изъ Германіи).—XII. Смирновъ-Кутачевскій А. Иванушка-дурачекъ въ художественной литературѣ.—XIII. Зѣлинскій Ѳ. Ф. Характеръ античной религіи въ сравненіи съ христіанствомъ.—XIV. Пругавинъ А. С. Суздальская крѣпость или арестантское отдѣленіе Спасо-Ефиміевскаго монастыря. Оконч.—XV. Яснопольскій Л. Н. Русскій государ. бюджетъ 1908 года.—XVI. Шингаревъ А. И. Новая дума и старыя думы.—XVII. Гиппіусъ З. Н. Изъ дневника журналиста.—XVIII. Струве Петръ. На разныя темы.—XIX. Линдъ В. Н. Законодательство и жизнь.—XX. Котляревскій С. А. Иностранная политика.—XXI. Изгоевъ А. С. О душѣ холопа (политич. замѣтка).—XXII. Библіогр.—XXIII. Объявленія.

Продолжается подписка на 1908 годъ.

	Годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
Съ достав. и перес.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
за границу	14 „	10 р. 50 к.	7 „	3 р. 50 к.	1 р. 50 к.

Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ полнаго экземпл. Подписка принимается: въ Москвѣ—контора жур. Воздвиженка, Ваганьков. пер., д. Куманина; въ С.-Петерб., Вильнѣ, Варшавѣ—въ кн. магаз. Карбасникова. Въ Кіевѣ—въ кн. магаз. Оглоблина; въ Одессѣ—въ книж. магаз. „Трудъ".

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СЕРІЯ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ,

издаваемая при Комиссіи по организаціи домашняго чтенія.

подъ редакціей:

Прив.-доц. **Н. Д. Виноградова** (философскій отдѣлъ). **М. О. Гершензона** (литератур. отдѣлъ). Прив.-доц. **П. П. Ганзеля** (экономич. отд.). **Б. А. Кистяковскаго** (юридич. отд.) Прив.-доц. **Н. К. Кольцова** (естествен.-научн. отд.). Проф. **Д. М. Петрушевскаго** (историч. отд.).

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: 1) **Систематическіе обзоры** научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2) **Критическіе отзывы** о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія. а также и по беллетристикѣ 3) Библіографическія свѣдѣнія. 4) Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5) Почтовый ящикъ.

Въ приложеніи будутъ печататся програмы, составленныя Комиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4 до 6 печ. листовъ, отъ 25 до 50 коп. за книжку.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица: М. П. Авсаркисовъ, Ю И. Айхенвальдтъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, пр.-д. Е. В. Аничковъ, С. М. Барацъ, М. В. Бернацкій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, пр.-д. М. П. Бобинъ, пр.-д. М. И. Боголѣповъ, пр.-д. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, пр.-д. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлорусовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. Б. Весоловскій, пр.-д. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, пр.-д. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, проф. Г. Н. Вульфъ, Б. П. Вышеславцевъ, пр.-д. П. П. Ганзель. пр.-д. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ проф. П. В. Гидуляновъ, В. Я. Гинцбергъ, Н. Б. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ѳ. М. Гольдштейнъ, пр.-д. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдтъ, пр -д. Ю. В. Готь, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, пр.-д. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Е. Денъ, проф. Г. В. Демченко, В. К. Дмитріевъ, А. М. Долматовскій, Н. А. Дубровскій, пр.-д. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельяшевичъ, пр.-д. Е. Н. Ефимовъ, пр.-д. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, пр.-д. М. Д. Загряцковъ, Г Я. Закъ, А. В. Заремба, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій. пр.-д. А. А. Ивановскій, пр.-д. В. Н. Ивановскій, Вяч. И. Ивановъ, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ пр.-д. Н. А. Иванцовъ, пр.-д. В. Е. Игнатьевъ, И. А Ильинъ, проф. Н. А. Каблуковъ. А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, пр.-д. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, пр.-д. А. А. Кизеветтеръ, пр.-д. И. А. Кистяковскій, М. Н. Коваленскій. П. С. Коганъ, А. П Коптева, проф. В. А Косинскій, А. Н Котельниковъ, пр.-д. С. А. Котляревскій. Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, пр -д. В. А. Краснокутскій, пр.-д. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, пр.-д. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л С. Мееровичъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, пр.-д. М. И Назаревскій, пр.-д. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, К М. Оберучевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. Н. И. Пиліенко, проф. В. К. Пискорскій. В. И. Печета, пр.-д. С. В. Познышевъ, пр.-д. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. А. А. Раевскій, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ. пр.-д. В. А. Савальскій, пр -д. А. Н Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, пр.-д. П Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. А. Свавицкій, Н. П. Павловъ Сильванскій, А. П. Семенненко, пр.-д. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. П. П. Соколовъ, пр.-д. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, пр.-д. П. П. Сушкинъ, пр.-д. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Ѳ. В Тарановскій, пр.-д Е. В. Тарле, пр.-д. Л. Я. Тауберъ, пр.-д. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, пр.-д. В. М. Устиновъ, пр -д М. А. Фатѣевъ, пр.-д. А. Ѳ Флеровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, пр.-д. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, К. И. Чуковскій, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, пр.-д. Н. Н. Шапошниковъ, пр.-д. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, пр.-д. В. Н. Ширяевъ, Г. Н. Шмелевъ, Г. Г. Шпеттъ, С. А. Шумаковъ, Ю. Д. Энгель П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, пр.-д. А. И. Яковлевъ. Л. Н. Яснопольскій, пр.-д. А. С. Ященко.

Книгопродавцамъ 30% скидки.—Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаюся по цѣнѣ въ 10 руб. за страницу.

Складъ изданія—въ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 56. Для Петербурга въ кн. складѣ „Прометей", Пушкинская, 15.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

4

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

АПРѢЛЬ

1908
СПБ

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул., № 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 4

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

АПРѢЛЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Окончаніе статьи В. И. Семевскаго „Декабристы-масоны“ будетъ напечатано въ іюньской книжкѣ.

Изъ писемъ Г. И. Успенскаго къ А. В. Бараевой, впослѣдствіи Успенской.[1])

1.

(Записка—переданная изъ рукъ въ руки А. В—нѣ, у нея въ домѣ, въ Спб., зимой 1867 г.)

„Я быть у васъ не могу. Мнѣ страшно грустно и горько. Если можно, пріѣзжайте въ 10 ч. веч. ко мнѣ. Если меня не будетъ—погодите немного. Среди толкучки, которая идетъ у васъ, я не могу васъ видѣть и не хочу. Это глупо, но иначе я поступить не могу. Ни вы, ни я въ этомъ не виноваты. Но я болѣю отъ тоски"...

2.

Петербургъ. Вторникъ 18 марта (1868 ? [2]).

Сегодня въ 6 ч. утра я, наконецъ, кончилъ свое „Раззоренье" и уже передалъ Некрасову. Дня черезъ два-три я буду совсѣмъ свободенъ и уѣду [3]). Но, Господи, до чего мнѣ скучно безъ васъ! Я буквально боленъ, и д. б. вслѣдствіе моей болѣзни мнѣ въ голову лѣзутъ разныя безобразныя вещи.—Мнѣ представляется, что вы разлюбили меня и бросили, пот. ч. множество найдете людей лучше меня въ сотни разъ. Впрочемъ, извините меня, я просто нездоровъ. Я выпилъ у Коли [4]) однажды бутылку краснаго вина, поѣхалъ домой и простудился. Теперь лучше, но все-таки я боленъ—боленъ.

О моемъ „Раззореніи" пошли толки по Петерб. самые оживленные. Прилагаю вамъ три отзыва изъ разныхъ газетъ. Все это мнѣ пріятно—

---

[1]) Печатаются съ разрѣшенія дѣтей Г. И. и А. В. Успенскихъ. *Ред.*

[2]) Писано въ то время, когда Ал. В—на была учительницей въ народной школѣ Орловск. губ., Елецкаго у., въ имѣніи помѣщицы Херадиновой.

[3]) Лечиться—въ Липецкъ.

[4]) Долганова.

только нѣту васъ, и мнѣ до того скучно, что, кажется, все равно, ѣхать ли въ провинцію, оставаться ли все лѣто въ Петерб., рѣшительно одно и то же. Но я поѣду.

... Голубчикъ мой, какъ я люблю васъ, сколько вы дали мнѣ ума и силъ, ангелъ мой. Я боленъ, не могу писать ни о чемъ. Только не забывайте меня. Милая, хорошая, родная.

Г. Усп.

3.

Петербургъ—(68 г. ?.).

Голубчикъ, 5 часовъ утра. Я работалъ отлично цѣлый вечеръ и не спускалъ глазъ съ милаго лица вашего, которое предо мною. Только это умненькое личико, только эта вѣра въ наше будущее „вмѣстѣ" опять держитъ меня теперь. Иначе бы умеръ, п. ч. на волосокъ отъ страшной тоски.

У насъ, къ счастію, опять снѣгъ и морозъ; мнѣ такъ и кажется, что зима, и что придетъ Бяшечка. Знаете, я до того привыкъ работать возвратясь отъ васъ, что сегодня, ей Богу, нанялъ извозчика до воротъ вашего дома и назадъ. И отлично—весело, хорошо.

Рука устала, пишу скверно,—но все-таки еще двѣ строчки. Я вамъ писалъ въ Москву, и по моимъ расчетамъ вы должны были получить его во вторникъ. Я удивляюсь, отчего вы не получили? „Отеч. Зап." и „Раззореніе" послалъ сегодня въ Елецъ... Прочиталъ письмо Аркадія (?) къ Аннѣ Вас. [1]). Онъ пишетъ съ полстраницы и начинаетъ „Мил. Гос.". Но какъ онъ любитъ васъ! Мнѣ кажется, что я не могу такъ пламенно любить; по кр. мѣрѣ я на письмѣ не могу передать вамъ, какъ я люблю васъ, птичка моя, ласточка!...

Часы у меня перестали бить; хотя обѣ гири висятъ, какъ слѣдуетъ. Это они по васъ.

Повѣсть окончу къ 25 числу, а можетъ, и раньше, и въ апрѣлѣ или въ началѣ (мая?) уѣду въ Крапивну. Скучно мнѣ здѣсь невыносимо, даже Деммертъ какъ будто надоѣлъ.

Босикомъ не хожу и осенью. Впрочемъ, вчера утромъ зашелъ въ одинъ трактиръ выпить пива... Въ комнатѣ и на столѣ у меня все по старому. Щетки, окурки, „Современникъ" (старый), лоскутки... На шкапу виситъ сѣрое пальто, которымъ я подметаю полъ... Все по старому—только васъ нѣтъ и скучно-скучно мнѣ, сиротинушкѣ... ...Видѣлъ я, что Анна Вас. посылаетъ вамъ изъ химической лабораторіи какія-то штуки, надо быть, для туалета. Милая, зачѣмъ такая роскошь для народной школы?!

---

[1]) Сестра Алекс. В—ны.

Голубчикъ мой! Красавица! Ангелъ мой! Ваши часики бьютъ сію минуту. Господи! Зачѣмъ васъ нѣтъ... и зачѣмъ эти духи пачули!

4.

(Изъ Ельца—68 г.)

Вечеръ 9 ч. Пятница 21 марта.

(Въ комнатѣ у Коли Долганова.)

Милая, дорогая моя, ты меня вводишь въ искушеніе. По чистой совѣсти мнѣ бы не слѣдовало брать 25 р. Мнѣ прислали 49 р. [1]).

5.

9 мая. Липецкъ (68).

... Съ этого дня я буду писать тебѣ самыя подробныя письма, миленькая моя,—только, ради Бога, давай согласимся осенью, хотя къ концу, жить вмѣстѣ, а то подумай, что же впереди, не на что надѣяться, не хочется работать... Во избѣжаніе какого-ниб. скандала въ вашемъ скуко-церковномъ французскомъ замкѣ [1]) не то, пожалуй, начнете переводить на 77 языковъ и окажется, что я хотѣлъ мужика зарѣзать—чего добраго!—скажу слѣдующее: когда въ послѣдній разъ пришелъ ко мнѣ мужикъ вашъ, то я спросилъ у него, „получаетъ ли онъ газеты".—„Со мной есть газеты", сказалъ онъ, и я попросилъ его развязать сумку. Это дѣлалось съ цѣлью узнать, получаешь ли ты „Голосъ", а не съ какимъ-либо другимъ намѣреніемъ.

6.

Липецкъ 2 іюня.

... И во всякомъ случаѣ, право, мы будемъ жить. Ты заботишься обо мнѣ? Ты больна, худенькая, мученица, дѣвочка, безпокоишься за меня... Думалъ ли я когда-нибудь! Я думалъ, что кромѣ ругательствъ за неотдачу 3 р. как.-ниб. Сорокину—ничего не будетъ въ моей жизни. Ты, милый, хорошій другъ мой! Люблю тебя всей душой и не уйду отъ тебя никуда и никогда. Ангелъ мой и другъ дорогой. Я объ томъ только и просилъ тебя, чтобы ты не думала, что будешь (нуждаться?) въ Петербургѣ. Чтобы ты разъ навсегда рѣшилась. Какъ ни велико сквалыжничество писателей-редакторовъ—они все-таки сами придутъ ко мнѣ и во всякомъ случаѣ не дадутъ умереть съ голоду...

[1]) Щедринъ вычиталъ 1 рубль за почтовые расходы изъ 50 р. ежемѣсячныхъ отъ редакціи „От. Зап.".

[2]) Такъ, называетъ Глѣбъ Ив. домъ помѣщицы Херадиновой, у которой жила тогда Ал. В—на, занимаясь въ школѣ и давая уроки ея сыну.

... Нервы твои расшатаны хуже моего. И я смѣю еще болѣе мучить тебя! Твои блѣдныя губы, блѣдное личико твое, славная моя, добрая, безцѣнная, моя умница. Господи! Если-бъ мнѣ поздоровѣть нервами и тѣломъ—какъ бы я берегъ каждую минутку твою! Я готовъ заплакать теперь отъ этого—вѣрь мнѣ,—но у меня слезы во всемъ лицѣ, глаза рѣжетъ, а не плачу. Прости меня, крошка, голубчикъ, въ послѣдній разъ!

Твой всегда Глѣбъ.

7.

Липецкъ, 1868, іюнь.

Милая! Я люблю тебя всей душой безконечно и искренно! Не сердись на меня и не пускай въ свою душу невзгоды, когда я сморожу как.-ниб. чушь и невольно огорчу тебя! Это просто болѣзнь.—Недаромъ одинъ адвокатъ на желѣзной дорогѣ сказалъ мнѣ: „зачѣмъ вамъ лечиться? Вы совсѣмъ здоровы, только воображеніе у васъ больное".—И клянусь тебѣ, что съ этимъ воображеніемъ, изувѣченный ради барышей Некрасовыхъ и Благосвѣтловыхъ, я бы горько пилъ, если-бъ не ты...

... На мое уныніе не обращай вниманія—я такая унылая скотина... И за что это выпало на твою долю страдать изъ-за такой дубины, какъ я?

8.

(Безъ числа—тоже изъ Липецка.)

... Я не знаю, какъ мнѣ назвать тебя, какъ мнѣ лучше передать тебѣ, какъ я люблю тебя! Ради Бога напиши мнѣ какъ можно скорѣе, когда вы пріѣдете [1]),—я встрѣчу. И какъ бы было хорошо, если-бъ ты выпросила у Херадиновой позволеніе походить со мной вдвоемъ по саду. Любопытнымъ она можетъ сказать, что я твой родственникъ или братъ двоюродный.

9.

(Изъ Москвы—въ годъ смерти Рѣшетникова—69 г.)

... По пріѣздѣ, не пойду ни къ кому и ни съ кѣмъ не скажу ни слова. Буду читать и работать и во что бы то ни стало выбьюсь изъ поганыхъ долговъ...

---

[1]) Александра Васильевна съ г-жей Херадиновой пріѣзжала въ Липецкъ брать ванны.

10.

(Съ дороги въ Парижъ—апрѣль 1872 г.?)

... Вся страна эта [1]) покрыта фабриками и заводами. Если я говорю *вся*, то это просто буквально (изъ окна вагона). Нѣтъ уголка, чтобы не было трубъ, дыма, свиста паровиковъ, и все это до того ужасно, что кажется—подъ землей гдѣ-то все это идетъ, задыхается. Массы, милліоны людей. Дѣйств., въ Бельгіи, повидимому, полное безлюдье—весь народъ на работѣ, деревень нѣтъ, а около фабрикъ—длинныя казармы, выстроенныя фабрикантами для рабочихъ. Кое-гдѣ сушатъ на солнцѣ тряпье,—самое нищенское; кое-гдѣ въ полѣ работаютъ бабы, грязныя, грязнѣе нашей бабы. Вотъ сторожиха при жел. дорогѣ,—она босикомъ, въ грязнѣйшемъ платьѣ, лицо ея худое, противное. Бѣдность тутъ ужасная, какъ мнѣ кажется, а кругомъ каменныя глыбы—букв. выше Исакіевскаго собора. Камень напоминаетъ слоновую кость, и въ щеляхъ люди, какъ мухи, бьютъ этотъ камень. . . . . Чѣмъ ближе къ Парижу, тѣмъ нищенства больше.

Темная ночь. 10 часовъ. До Парижа осталось нѣсколько верстъ, но въ окно видна цѣлая гора огоньковъ—это Парижъ. Эти огоньки на безконечное пространство разсыпаны по горѣ, а передъ нами—въ массѣ, отъ которой рябитъ въ глазахъ,—другая масса огней—красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, синихъ, бѣлыхъ,—буквально въ невѣроятномъ количествѣ—это для желѣзныхъ дорогъ, которыхъ тутъ находится несмѣтное число. Все ближе и ближе. Вотъ проѣхали форты, на которыхъ умирали люди... Это видно...

Все освѣщено блистательно. Народу масса. Велятъ всѣмъ ждать, осматриваютъ вещи. Всѣ пьяны—прислуга, кучера. Носильщикъ, который несъ мой чемоданъ, уронилъ его, отъ него несло водкой. Кучеръ тоже пьяный, когда мы сѣли,—спьяну вкатилъ нашъ [2]) фіакръ задомъ на тротуаръ... Но потомъ, послѣ всей бѣдности—русской, бельгійской и французской,—что это за прелесть! Мы съ жел. дороги прямо вкатили по отличнѣйшей мостовой въ такія великолѣпныя улицы, что дѣйствительно можно съ ума сойти... Вездѣ великолѣпіе, свѣтъ, говоръ, смѣхъ, кафе отворены, и троттуары, которые шире троттуаровъ Невскаго пр. въ 3 раза, полны народомъ, все уставлено маленькими столиками, пьютъ пиво или вино съ водой...

---

[1]) Бельгія.
[2]) Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ въ Парижъ вмѣстѣ съ братомъ М. Е. Михайловской—М. Е. Павловскимъ, знавшимъ языки и служившимъ ему переводчикомъ.

Въ Баль-Мабилѣ.

... Нѣтъ, здѣсь дѣйствительно народъ самъ хозяинъ себѣ. Это веселье намъ кажется глупостью, и долго его, по своей глупости и забитости, переносить не можемъ: все неприлично, нехорошо, не такъ [1]). Вальсъ, напр., танцуютъ тихо-тихо, почти на одномъ мѣстѣ... Словомъ, для насъ это нисколько не интересно, какъ для француза нисколько не интересно наше идольское сидѣнье на одномъ мѣстѣ. Мы можемъ только поглядѣть, как ъ дикари, да пойти домой спать, и участвовать въ этомъ для насъ невозможно [2])...

... Чаще всего хожу въ Лувръ. Вотъ гдѣ можно опомниться и выздоровѣть. Тутъ собрано столько искусства и такого дорогого, что каждая песчинка стоитъ не милліоновъ, а слезъ. Тутъ больше всего и святѣе всего Венера Милосская. Есть сотни Венеръ, т. е. голыхъ бабъ въ разныхъ видахъ. Чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ хуже. Изображаются дѣвочки лѣтъ по 13-ти—съ наивнѣйшимъ выраженіемъ лица шепчутъ на ухо сатиру что-то, д. б., скабрёзное, пот. что тотъ улыбается самымъ подлымъ образомъ. Когда я смотрѣлъ всю эту мерзость запустѣнія, мнѣ вдругъ необыкновенно полюбилась Венера Милосская, которую я, признаться, видѣлъ, но не понялъ сначала... Съ лицомъ полнымъ ума, глубокаго, скромная, мужественная, мать—словомъ, идеалъ женщины, который долженъ быть въ жизни. Вотъ бы защитникамъ женскаго вопроса смотрѣть на нее...

... Но ужъ если есть безукоризненно пріятное зрѣлище, такъ это—Нотр-Дамъ.

... Для посторонняго, какъ, напр., для меня, знающаго, какъ молятся у насъ въ деревняхъ и городахъ простые люди, подъ напѣвы безголосаго дьячка,—для меня въ Нотр-Дамъ было что-то рѣшительно необыкновенное. Органъ, пѣніе, музыка,—все это до того выразительно, что передать я не могу. Мастера были молиться, и съ такими средствами можно было морочить народъ [3]).

11 [4]).

Петербургъ (1874 г.).

Другъ мой дорогой! Милый мой другъ Бяшечка. Я до сихъ поръ еще въ той же гостиницѣ, пот. что послѣ твоего отъѣзда я не могу

---

[1]) Гл. Ив. вспоминаетъ при этомъ „Бобошу": „Вотъ бы здѣсь Бобошѣ понравилось"...

[2]) И вслѣдъ затѣмъ онъ отмѣчаетъ безнравственное спаиванье дѣтей и обыгрываніе ихъ въ лотереи-аллегри на народныхъ гуляньяхъ.

[3]) И тутъ же отмѣчаетъ другого рода примѣчательную подробность: „сѣсть на стулъ стоитъ 15 сантимовъ".

[4]) Александра Васильевна уѣхала въ Парижъ съ сыномъ.

опомниться и притти въ себя. Я чувствую, что такое состояніе мнѣ очень полезно. Я очнусь и примусь за дѣло. Ахъ, дорогой мой другъ, сколько я передумалъ насчетъ нашихъ ссоръ, и какъ я виноватъ въ нихъ... Ты только прости меня. Я и до сихъ поръ, какъ вспомню, что тебя и Саши нѣтъ, такъ у меня и рванетъ въ сердцѣ. Но, можетъ быть, потомъ намъ всѣмъ будетъ лучше. А главное, забудь ради Бога всякую гадость, которую я дѣлалъ тебѣ, и отдыхай, и учись, и гуляй,—я же буду стараться работать какъ можно больше и черезъ мѣсяцъ, пожалуй, пріѣду къ вамъ... Что мой дорогой Сашурочка? Коть-коть, милый мой мальчикъ!...

12.

30 октября.

... Пожалуйста, будь спокойна и береги Сашурочку моего милаго. Какъ вспомню, что у насъ есть Саша, такъ и станетъ весело и легко. А то все гадость и скука. Надо теперь немного потерпѣть, чтобы все потомъ пошло лучше, и ужъ не сбиваться съ пути. Портреты ваши мнѣ просто необходимы...

13.

(1874 г.—изъ Москвы.)

.... Милый и дорогой другъ Бяшечка и Саша! Простите меня, други милые, что такъ долго оставляю васъ безъ писемъ. Я знаю, какъ это скучно и обидно. Но безтолочь, которая идетъ кругомъ, до того туманитъ мнѣ голову, что просто не рѣшаешься взяться за перо. Я пріѣду въ скоромъ времени непремѣнно, но не знаю, скоро ли,—это все зависитъ отъ денегъ, а Надѣинъ заставилъ меня просидѣть въ деревнѣ у Саши [1]) почти мѣсяцъ и только теперь выслалъ. Я въ Москвѣ проѣздомъ и думаю сегодня же ѣхать въ Петерб., и тамъ засѣсть за работу, чтобъ ѣхать къ вамъ,—къ тебѣ, милая моя Бяшечка, и къ Сашѣ... Я ужасно радъ, что кругомъ Саши такъ много русскихъ—онъ, можетъ быть, не будетъ говорить по-французски. Хоть это и глупость, а мнѣ всегда ужасно больно почему-то, когда я вспомню, что онъ будетъ болтать по-фр. и не узнаетъ и не пойметъ меня. Другъ мой Бяшечка, не сердись на меня,—я молчу, потому что усталъ, а не потому, что забылъ тебя; тебя и Сашу я не забываю никогда ни на минуту—повѣрь этому, я люблю васъ, мои милые, безконечно...

---

[1]) Братъ Глѣба Ивановича.

14.

12 декабря (1874 г.—Петерб.?)

Дорогой, дорогой другъ мой Бяшечка. Я пріѣду, пріѣду къ тебѣ, милая моя, какъ только достану денегъ. Я хочу къ тебѣ давно и каждый день собираюсь ѣхать, но ты себѣ представить не можешь, сколько у меня непріятностей и зацѣпокъ. Писать я тебѣ не пишу, пот. что каждый день думаю уѣхать завтра—и нельзя. Теперь я уѣду скоро, непремѣнно черезъ нѣсколько дней,—если можешь, погоди спокойно,—а то я мучаюсь, читая 2 послѣднія письма твои. Милый другъ, какъ тебѣ худо и какъ я глупъ и скотъ, что пришлось устроить житье врозь... Могу ли я взяться за перо и о чемъ-ниб. тебѣ писать, когда я хочу тебя видѣть? А Саша,—идетъ ли онъ съ ума у меня? Милый другъ, если можно, погоди нѣсколько дней—теперь скоро я пріѣду и останусь до апрѣля. Неужели ты думаешь, что сидѣть одному, когда Сашѣ годъ,—хорошо? Могу ли я писать въ такую минуту что-ниб. толково и подробно? Ты поймешь это и простишь меня.

... Я ужасно радъ, что ты познакомилась съ Тургеневымъ—это отлично. Ты узнаешь, что значитъ и что такое настоящій писатель, а не та с......., которая пишетъ теперь вмѣстѣ со мной... Впрочемъ, Забѣлло вылѣпилъ мой бюстъ, который будетъ на выставкѣ въ Акад. Худ. Я къ нему ѣздилъ отъ тоски 5 разъ по 2 часа. Это просто отъ тоски, у меня перо валилось изъ рукъ все время,—а что я буду разсказывать тебѣ о томъ, что пишу, когда я пишу чушь. Я на 10 лѣтъ впередъ зналъ каждый свой теперешній день, и знаю, что будетъ. Что же мнѣ писать тебѣ и говорить тебѣ объ такомъ вздорѣ. Увѣряю тебя—все это вздоръ—и бюсты, и похвала, и книги, и писанья мои—отъ этого я и не говорилъ тебѣ объ этомъ ничего никогда. И такъ, ради Бога, какъ это ни странно кажется тебѣ—все, что я дѣлаю,—если даже и злюсь,—все это исходитъ изъ любви къ тебѣ, настоящей любви, пойми ты это и вѣрь... безъ всякихъ дурныхъ мыслей о себѣ (такъ какъ ты о себѣ плохо думаешь)...

15.

(Изъ Калуги—1875?)

Другъ ты мой милый Бяшечка!

Что же ты не пишешь мнѣ? Ровно 10 дней нѣтъ отъ тебя ни строчки. Ужъ все ли у васъ хорошо? Здоровъ ли Саша и не бѣситъ ли тебя Юлія—[1]), которой до сихъ поръ не заплачено?.. Не хочешь ли ты

[1]) Кормилица, привезенная изъ Петербурга.

воротиться въ Россію; я бы нанялъ въ деревнѣ домъ въ 3-хъ верстахъ отъ Калуги, такъ что могъ бы ѣздить каждый день. Если хочешь, если скучно жить тамъ за границей, то напиши. Право, я теперь не буду ни бѣсноваться, ни злиться. Я убѣдился, что? не одинъ я ничего не могу сдѣлать въ данную минуту, и что можно просто и спокойно собирать матеріалъ. Ничего бы не было, если-бъ я давно взялъ такую должность, какъ эта [1]). Правда, все это довольно скучно и глупо, но ужъ пусть будетъ лучше просто глупо, чѣмъ зло, котораго во мнѣ оказалась бездна. Но объ этомъ лучше не будемъ ни вспоминать, ни говорить. На Рождество-то я пріѣду къ тебѣ непремѣнно. Пожалуйста, пиши мнѣ... Я пишу въ тотъ день, какъ имѣю отъ тебя письмо...

... Въ Калугѣ съ этими „хорошими людьми" жестокая скука. Въ Россіи можно жить только въ деревнѣ. Это цивилизованное общество— скука ужасная.

... Мнѣ пишутъ Кам. [2]) и Григ. [3])—но несмотря на ихъ похвалы, я знаю, что все вздоръ, ничего мнѣ не нужно. Ты—мой настоящій и дорогой другъ—одна, больше никого. Пожалуйста же, не бросай меня такъ, безъ твоихъ писемъ я ничего путнаго не сдѣлаю.

16.

Отъ А. В. Успенской—ея двоюродному брату.

Изъ Парижа—1875.

... Глѣбъ работаетъ много, но при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ трудно—и часто не проходитъ. Приходится биться и долговъ много и есть тяжелые и пренепріятные... Н. А. Ш.—[4]) чуть не ссорится—мы ей должны. Да и Ульянины [5]) деньги меня измучили, да и за васъ сердце болитъ. Иногда доходишь чуть не до отчаянія.

Я удивляюсь, какъ Глѣбъ работаетъ. Не напечатаютъ — пишетъ снова. А письма и требованія уплатъ не даютъ вздохнуть.—Въ апрѣльской книжкѣ напечатаны „Неплательщики", „Люди и нравы" и „Книжка чековъ" и подписано: Г. Ивановъ. Онъ давно не подписываетъ своего имени—не пропускаютъ. Да и эту статью всю ободрали въ цензурѣ. И хотя ему платятъ

---

[1]) Статистика въ земствѣ?
[2]) Каменскій.
[3]) Григорьевъ.
[4]) Шульгина.
[5]) Кухарка въ Петербургѣ.

150 р. съ листа—все-таки плохо приходится изъ-за цензуры.

Сама я рѣшила вторую половину жизни провести иначе, чѣмъ первую, что прожита какъ-то необдуманно и даромъ, особенно первые годы, какъ я кончила учиться.

Ты спрашиваешь, какъ моя работа. Я перевела съ тѣхъ поръ какъ здѣсь болѣе ста (печатн.) листовъ, но послѣдній мѣсяцъ была безъ работы. (Журналъ [1]) лопнулъ). Теперь, кажется, опять возобновится, и мнѣ писали, что за мной будутъ франц. переводы опять. Я перевела разсказы изъ народной жизни [2]), и Тургеневъ Ив. С. написалъ предисловіе. Если бы издать самимъ, можно бы получить много денегъ. Но придется продать, и я переписываюсь съ издателемъ. Елисеевы и Салтыковъ предлагаютъ мнѣ работать въ „Отеч. Зап.“.

17.

Отъ Глѣба Ивановича къ Ал. Вас.

(1876—съ дороги въ Болгарію)

... Я хочу много писать и желалъ бы хоть 2 мѣсяца думать только о работѣ, зная, что ты живешь спокойно и безъ нужды.

Я чувствую себя хорошо, п. ч. надѣюсь выработать много денегъ и прожить зиму въ деревнѣ. Если я этого добьюсь, тогда, повѣрь, между нами не будетъ никакихъ непріятностей, какъ теперь, когда между мной и тобой замѣшана моя потребность литературной работы, у которой есть свои настоятельныя требованія. Не удовлетворивъ имъ, что я могу дѣлать, о чемъ говорить, чѣмъ жить?—Остается распроститься съ литературой, пойти въ чиновники—и тогда, м. б., жизнь выйдетъ ровной. Но я служить не могу. Стало быть, вмѣсто того, чтобы терпѣть нужду, непріятности, безъ которыхъ нельзя обойтись ни мнѣ, ни тебѣ (не сочиняю же я ихъ!)—потерпи нѣкоторое время въ глуши [3])... Только не волнуйся и знай, что мое отсутствіе есть та же самая работа, что я точно такъ же на заработкахъ, какъ и плотникъ...

---

[1]) „Общ. Библіотека“— изд. Трубникова.
[2]) Армана Кладеля.
[3]) Ал. В.—на жила въ деревнѣ у родныхъ Гл. Ив.

18.

(1876?)

(*Гостиница „Афонское подворье“—Константинополь*).

Ѣхать сюда было совсѣмъ незачѣмъ. Никакого толку нѣтъ. Только въ глазахъ рябитъ—и въ головѣ шумитъ отъ толкучки улицъ, гдѣ не понимаешь ни одного слова.

19.

Нижній, 4 іюля.

(1888—?)

... Какое бы мнѣ это было дѣло превосходное, если-бъ я такъ не былъ измученъ чортъ знаетъ чѣмъ,—безсмыслицей, и не поставленъ въ необходимость куда-то постоянно ѣхать. Не знаю, какая это будетъ поѣздка. Теперь мнѣ невыносимо скучно. Все номера да трактирные половые всю жизнь. Если мнѣ будетъ еще хуже на душѣ, то я возвращусь и возьму мѣсто въ новомъ крест. банкѣ.

20.

Саратовъ 26 (кажется).

... Жизнь трактирная дорогà, главное—утомительна и дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ.

Прощай, голубчикъ мой глупенькій (умная, милая!)

... до Нижняго Волга гнусна и подла, какъ самая купеческая рѣка. Ни кожи, ни рожи, одна вода.

... Опять поганая музыка, стукъ, гомонъ, громкіе разговоры какихъ-то уродовъ... Въ этой погани и пыли, гдѣ люди задыхаются или ворочаются въ грязи... Хорошо ѣхать одному, безъ знакомыхъ, на палубѣ, читая лекціи (русской) исторіи [1]) и, право, здорово, а главное для души хорошо. Надо какъ-ниб. пристроиться осенью. Надоѣло это шатанье на волоскѣ...

21.

(По дорогѣ въ Сибирь—къ переселенцамъ) (1888?)

Казань, на пароходѣ.

Ѣду въ Бійскъ, оттуда въ Семипалатинскъ... если только скука меня не заточитъ... А ужасно скучно. Все какъ-то противно и вовсе не интересно. Старость пришла...

---

[1]) Гл. Ив. думалъ держать экзаменъ на кандидата унив., для учительской профессіи.

22.

(іюль 1888?)

Въ Перми на вокзалѣ.

... Я вовсе не скучаю, что Саша не выдержалъ (экзаменъ), но Сашѣ-то скучно... Но вы не волнуйтесь, а подумайте спокойно.. Мало-ли денегъ ушло за зиму. Вѣдь ихъ надо заработать.

Будьте же внимательны къ этому и не говорите, что „мнѣ ничего не нужно". Вамъ не нужно (да и это неправда), да Саша остается не по моей винѣ. Надо учить хорошо, такъ же, какъ мнѣ хорошо и добросовѣстно писать, а не строчить, очертя голову.

... Пожалуйста, давайте устроимъ нынче осенью жизнь нашу поумнѣе, а пока не сердитесь и подумайте обо всемъ хладнокровно... и выкиньте изъ головы несуществующія обиды. Помогите, чтобъ съ осени жизнь наша стала поумнѣе и помягче...

... И тебѣ надо непремѣнно поѣхать куда-нибудь надолго пожить одной и посмотрѣть, какъ живутъ люди, кто такіе есть настоящіе обманщики и обманщицы, а кто хороши и совѣстливы. Сидѣть на одномъ мѣстѣ чистая бѣда: можно съѣсть другъ друга.

23.

(Съ дороги въ Сибирь.)

... Въ Сибири любопытно, но мрачно, чортова яма, холодъ, и вообще я поусталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась.

24.

(1889—1891? Дорогой въ Крымъ и на Кавказъ къ сектантамъ [1]).

... Они не писатели, а умѣютъ забирать писательскіе барыши, именно потому, что къ нимъ лѣзутъ за рублемъ, что имъ выпадаетъ на долю репутація благодѣтелей. Меня это и убило. Я всегда хотѣлъ безъ благодѣтелей жить и могъ, заставивъ ихъ моими работами платить мнѣ большія деньги,—и вотъ почему за послѣднее время, когда нельзя было все-таки стать на ноги... я пришелъ

[1]) Путешествіе „для леченья"—на деньги, выдававшіяся Сибиряковымъ, послѣ операціи геморр. и пребыванія у Фрея.

въ отчаяніе. Я, дѣйствительно, не сумѣлъ воспользоваться, когда во мнѣ нуждались, какъ въ писателѣ, и боюсь, что теперь моя минута прошла. Я утомленъ, я часто бѣсновался, п. что я знаю этотъ кругъ и его обычаи, и что тутъ надо очень искусно себя держать, чтобы не кончить смертью Левитова и т. п., и вотъ почему я пришелъ въ отчаяніе: въ послѣднее время мнѣ показалось, что все пропало,—долговъ тысячи,—и ужъ не любезности слышу я, а прямую вражду со стороны издателей, и все хуже и хуже, пот. что силъ меньше и отъ жизни сильно отсталъ. Когда я ѣхалъ, то мной овладѣлъ какой-то непробудный сонъ, точно я пошелъ ко дну... Смотрю и не вижу; говорю—еле-еле ворочается языкъ. Говорятъ—не слышу...

25.

Смоленскъ 16 февраля.

... болѣзнь-то моя прошла, но слабость въ головѣ, въ памяти, вообще ослабленіе вниманія и жизни не прошло. Въ этомъ-то и бѣда, что меня перестаетъ безпокоить жизнь...

26.

Ростовъ-на-Дону.

... что-то мнѣ скверно и все такія гадости припоминаются...

27.

Воронежъ:

... И чего прежде никогда не бывало—поѣздка по жел. дор. въ однѣ сутки утомляетъ меня до невозможности.

... Однако я скоро ворочусь и прямо въ Чудово—о чемъ никому не слѣдуетъ говорить. Сибиряковъ тогда не будетъ давать денегъ помѣсячно; если я возвратился—стало быть выздоровѣлъ...

... И радъ бы написать что-нибудь хорошее, да не могу—поѣздка скучная, да и нездоровъ я... Хорошо только одно, что я не вынужденъ работать. Если-бы мнѣ теперь писать—я бы пропалъ совершенно. Отъ однихъ лекарствъ голова у меня ослабѣла и постоянно тяжела.

Я выѣхалъ изъ Петерб. подъ впечатлѣніемъ подлаго поступка „Р. Мысли“, которая меня расшибла и не очувствовался долго... Оттого и поѣздка моя какая-то безцѣльная...

28.

(?) іюня 93 г. Колмово [1]).

Дорогая моя Александра Васильевна.

Давно я ничего не писалъ. Каюсь, мнѣ было скучно, что я скоро не возвратился домой поклониться тебѣ въ ноги и просить прощенія...

Твой **Глѣбъ Успенскій**

твой Глѣбъ, вѣрный и неизмѣнный
твой Глѣбъ вѣковѣчный...

29.

13 іюля 93 года [2]).

Дорогая моя Александра Васильевна!

Глубоко виноватъ передъ тобою и передъ дѣтьми, что до сихъ поръ не возвратился домой: каждый Божій день ожидаю возможности выйти изъ Колмова: святая обязанность быть въ семьѣ и дѣлать дѣло, заботиться и видѣть далекую будущность нашихъ дѣтей—вотъ что лежитъ на моей душѣ. Скоро - скоро я возвращусь домой совершенно здоровымъ и начнемъ съ тобой, дорогая моя Александра Васильевна, новую радостную жизнь. Къ именинамъ я надѣюсь пріѣхать и навсегда остаться дома.

30.

15 іюля.

... Чувствую крайнюю необходимость какъ можно скорѣе возвратиться въ Чудово. Давно-давно, съ первыхъ дней пріѣзда, я опомнился и чувствую крайнюю необходимость писать.—Въ Чудово думаю пѣшкомъ ходить по Тихвинскому тракту и по близости. Надѣйся на меня, дорогая моя Александра Васильевна,—всѣ надежды на меня оправдаю.

(Приписка доктора Синани:)

Если-бъ я считалъ Глѣба Ивановича выздоровѣвшимъ настолько, чтобы выписать его изъ Колмова въ Чудово, я, само собою, написалъ бы вамъ объ этомъ. Послѣ предыдущаго опыта надо быть крайне осторожнымъ въ его выпискѣ. Если онъ считаетъ себя здоровымъ, то только на основаніи кратковременныхъ моментовъ, когда онъ чувствуетъ себя веселымъ. Это онъ самъ говоритъ. Слѣдовательно, въ остальное время онъ самъ чувствуетъ себя не вполнѣ нормальнымъ.

---

[1]) Писано, вѣроятно, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ дому, гдѣ у него былъ нервный припадокъ гнѣва, при видѣ доктора, пріѣхавшаго за нимъ.

[2]) Изъ Колмова,—гдѣ больница для душевно-больныхъ,—въ Новгор. губ.

31.

29 іюля 1893.

(Колмово, больница Новг. губ.)

Дорогая моя Александра Васильевна!

Съ каждымъ днемъ я чувствую себя все лучше и лучше. Каждый Божій день я думаю—какъ бы мнѣ поскорѣе возвратиться домой и здоровымъ, и радостнымъ, и веселымъ, и писать, писать, писать. Слава Тебѣ, Господи! Глубокая любовь къ тебѣ, дорогая моя, ко всѣмъ нашимъ дѣтямъ и любовь ко всему бѣлому свѣту—вотъ начало моей новой жизни въ семьѣ и въ обществѣ. Радость и счастье жить и жить долго зрѣетъ во мнѣ съ каждымъ днемъ и часомъ. Скоро-скоро веселымъ и счастливымъ возвращусь я домой.

Твой **Глѣбъ.**

... Вижу впереди много счастливыхъ лѣтъ—глубокая любовь уравновѣшивается во мнѣ, даетъ мнѣ возможность много писать и понимать жизнь глубже, чѣмъ я понималъ... ... Я знаю, мнѣ необходимо поправиться такъ, чтобъ оправдать всѣ надежды моихъ дѣтей и твои, дорогая,—оправдать надежды на меня, какъ писателя. Я ни на минуту не забываю этой священной обязанности... я проживу долго... ... а работать я буду много.

32.

7 августа 93.

... Со дня моихъ и Бориинькиныхъ именинъ я много пережилъ (пережилъ всѣ 25 лѣтъ моей жизни съ тобой), и во мнѣ начался переломъ—къ глубокой любви: я весь глубокая любовь. Не могу выразить... то(го) глубочайшаго счастія, глубочайшей любви, ко(то)рыя зрѣютъ во мнѣ съ каждой минутой, съ каждымъ днемъ и сулятъ радость жизни въ счастіи и любви на долгіе годы. Въ этомъ глубокомъ счастіи любви воскресаетъ твой мужъ и писатель. Прійду домой—скоро-скоро—неузнаваемый,—глубокая любовь ведетъ меня домой и „въ люди". Вѣрь мнѣ, дорогая моя. Вѣрьте моей любви, всѣ дорогія мои дѣти.

Поѣздка въ Юрьевъ монастырь [1]).

(Сію минуту пережилъ удивительное событіе въ моей жизни: весь объятъ глубокою любовью къ Господу Богу я и воскресаю, а талантъ данъ

[1]) Среди необычно пространнаго описанія поѣздки,—правильнѣе—перечисленія участниковъ и сборовъ къ ней,—въ скобахъ написано имъ.

мнѣ Богомъ будетъ явленъ мной удивительнымъ образомъ—я могу записать и записываю объ удивительныхъ явленіяхъ моей жизни каждый день).

... Каюсь тебѣ, дорогая моя, что я повредилъ голову [1]) послѣ того, какъ воскресъ въ любви къ Богу. Никто рѣшительно не можетъ представить себѣ этого великаго событія въ моей жизни: вѣруя въ Господа Бога, въ его всемогущество (взятъ на небо—а Богъ вездѣ). Такъ вотъ, дорогая моя Александра Васильевна,—устойчивость въ моемъ характерѣ, крайности—уныніе и восторженность—выяснились въ одномъ словѣ—Богъ и любовь къ Богу, и я весь воскресъ, каждая капля моего горячаго се(р)дца свидѣтельствовала о величіи Бога, и я моментально былъ потрясенъ, испытывая глубочайшее счастіе быть охваченнымъ горячею любовію къ Богу. Такимъ то воскресшимъ въ Богѣ, обновленно (ымъ) свѣтомъ истины и правды—я и являюсь къ тебѣ, ко всѣмъ любящимъ меня. А обновленный душой, глубокой любовью ко всему свѣту начну новую жизнь писателя.

Скоро-скоро... Скорѣе домой...

Изъ письма брата Глѣба Ивановича, Якова Ивановича Успенскаго, къ *А. В. Успенской* [2]).

... Дорогая наша, пусть подкрѣпитъ васъ въ этомъ горѣ та добрая память, которая живетъ и будетъ жить, и въ которой есть и ваша доля—ваша неотъемлемая часть въ этомъ безсмертіи.

Сообщила **В. Т—ва (Починковская)**.

[1]) Кампемъ разсѣкъ себѣ черепъ.
[2]) Въ отвѣтъ на извѣщеніе о болѣзни Глѣба Ивановича.

Владивостокъ въ 1905 году.

(Изъ наблюденій очевидца).

I.

Печальную картину представлялъ гарнизонъ владивостокской крѣпости въ послѣдніе мѣсяцы русско-японской войны. Долгое ожиданіе внезапнаго появленія врага утомило всѣхъ. Военное напряженіе ослабѣло. Систематическія пораженія и катастрофы на всѣхъ—сухопутныхъ и морскихъ—театрахъ войны привели войска и населеніе къ потерѣ вѣры въ себя, въ свою способность защищаться. Наступилъ полный духовный маразмъ.

Яркой иллюстраціей и документальнымъ доказательствомъ сказаннаго можетъ служить, напримѣръ, слѣдующій „Приказъ Коменданта по Владивостокской крѣпости отъ 2 апрѣля 1905 года за № 246—2“:

„Во время моихъ неоднократныхъ объѣздовъ позицій и батарей въ теченіе марта я убѣдился, что во Владивостокской крѣпостной артиллеріи не только не существуетъ никакого общаго порядка въ размѣщеніи и обученіи, но даже нѣтъ никакого намека на элементарныя требованія, кои должны быть предъявляемы къ благоустроенной воинской части въ періодъ нахожденія крѣпости на военномъ положеніи. Мои замѣчанія были сдѣланы въ присутствіи начальника артиллеріи крѣпости и ему же указаны главнѣйшія требованія, для немедленнаго ихъ исправленія.

„Каково же было мое удивленіе, когда сегодня 2-го апрѣля въ полдень, посѣтивъ безымянную батарею, я не нашелъ на ней не только какого-либо исправленія ошибокъ, кои мною были указаны раньше, но увидѣлъ нѣчто совершенно невѣроятное“.

Чтобы оцѣнить зловѣщій смыслъ цитируемаго документа, читатель долженъ помнить, что дѣло происходило въ то время, когда Рождественскій уже вступилъ въ восточно-азіатскія воды съ цѣлью прорваться во Владивостокъ, что повлекло бы за собою перенесеніе театра морской войны

къ берегамъ Муравьевскаго полуострова. И вотъ въ это-то самое время, когда казалось бы напряженіе защитниковъ должно было подняться до высшей ступени, комендантъ крѣпости констатируетъ слѣдующее.

„На батареѣ, вооруженной значительнымъ количествомъ прекрасныхъ береговыхъ орудій съ дорого стоющими бетонными постройками и наблюдательными инструментами, примыкающей къ центру города, населенному преимущественно китайцами, я засталъ у воротъ лишь одного часового; внутри—ни одной души. Другіе два часовые выползли на валъ откуда-то послѣ нѣкотораго времени. Дежурныхъ нѣтъ. Вскорѣ изъ караульнаго помѣщенія, лежащаго шагахъ въ 50 отъ форта, по свисту, поданному по моему приказанію, пришли разводящіе: одинъ рядовой, назвавшій себя надсмотрщикомъ, и фейерверкеръ. На мой вопросъ: „какъ мнѣ сдѣлать тревогу?“ послѣдній отвѣтилъ: „можно; я сейчасъ побѣгу въ казарму и позову людей“. Желая убѣдиться въ порядкѣ, принятомъ на батареѣ, я разрѣшилъ сбѣгать за людьми, и приблизительно минутъ черезъ 15 пришла команда съ офицеромъ, какъ оказалось, командиромъ роты, капитаномъ —никовымъ. Фейерверкеръ остался въ казармѣ.

„По моему приказанію: „тревога“, капитанъ растерялся; составили ружья, и только послѣ повтореннаго мною приказанія стали дѣлать расчетъ по орудіямъ. Номера у орудій перепутались, не знаютъ своего назначенія. Для провѣрки знанія службы при орудіяхъ я приказалъ открыть огонь (примѣрно) по двигавшемуся по заливу крейсеру. При этомъ оказалось:

1) Командиръ батареи не зналъ, какъ приступить къ командованію. 2) Таблицы стрѣльбы были взяты имъ въ руки лишь по моему напоминанію. 3) О наблюдателяхъ капитанъ доложилъ, что ихъ нѣтъ, между тѣмъ какъ три наблюдателя и одинъ телефонистъ находились на своихъ мѣстахъ. 4) Орудія и лафеты содержатся въ грязномъ видѣ и при малѣйшемъ поворотѣ скрипятъ; видно, не смазываются. 5) Прислуга совершенно не обучена. Ни одинъ номеръ не знаетъ своихъ обязанностей. 6) Батарейный командиръ тоже не знаетъ обязанностей номеровъ. 7) Наблюдатели давали показанія наугадъ и то только по вопросамъ, имъ предлагавшимся мною. 8) Командиръ батареи не имѣетъ понятія о производствѣ стрѣльбы по движущейся цѣли и показалъ полное незнаніе значенія наблюдательныхъ станцій и дальномѣровъ. 9) Подаваемыя команды были неправильны. 10) Въ строю люди не умѣли стоять и имѣли полное разнообразіе въ обмундированіи (папаха, валенки, свѣтло-сѣрыя шинели, несмазанные сапоги). 11) Ротный командиръ показалъ, что онъ ничего не знаетъ о состояніи ротнаго имущества и даже о личномъ составѣ роты (не знаетъ, сколько запасныхъ). 12) При вздваиваніи рядовъ перепутался весь строй.

13) Многіе изъ людей, назначенныхъ на батарею, не вышли по тревогѣ, и ротный командиръ не могъ представить мнѣ объясненій о причинахъ ихъ отсутствія.

Все мною видѣнное убѣждаетъ меня, что Безымянная батарея, какъ боевая сила, не существуетъ; поэтому предписываю:

a) Капитана —никова, какъ неспособнаго командовать ротой и батареей, немедленно отрѣшить отъ должности и причислить младшимъ офицеромъ въ одну изъ другихъ ротъ крѣпостной артиллеріи. b) Командиру баталіона, полковнику --ницкому, объявить строгій выговоръ за недопустимо дурное состояніе ввѣреннаго ему баталіона. c) Начальнику Владивостокской крѣпостной артиллеріи, полковнику —нову, объявляю выговоръ за бездѣйствіе власти и требую, чтобы онъ личнымъ своимъ участіемъ водворилъ порядокъ во ввѣренной ему части и въ самый короткій срокъ довелъ ее до требованій, предъявляемыхъ нынѣшнимъ положеніемъ крѣпости. d) Поручаю состоящему въ моемъ распоряженіи ген.-майору Лаймингу немедленно начать провѣрку службы и готовности всѣхъ батарей въ крѣпости и о результатахъ провѣрки доносить мнѣ не меньше двухъ разъ въ недѣлю. Подписалъ *ген. Казбекъ*.

Это было до Цусимы. Послѣ нея духъ защитниковъ подняться, конечно, не могъ.

Въ началѣ іюня во Владивостокъ пожаловалъ главнокомандующій морскими силами адмиралъ Б. Пріѣздъ этотъ, вполнѣ понятный съ подъемнопрогонной точки зрѣнія, вызвалъ во Владивостокѣ общее недоумѣніе: чего-ради собственно пожаловалъ онъ сюда? Чтобы выйти изъ смѣшного положенія главнокомандущаго безъ команды, въ которое онъ попалъ, благодаря своему предусмотрительному маршруту, онъ сдѣлалъ формально-казенный смотръ жалкимъ остаткамъ флота, смиренно пріютившимся въ уютной обстановкѣ Золотого Рога. При этомъ было обнаружено, между прочимъ, столь неблестящее состояніе судовыхъ машинъ, что адмиралъ въ приказѣ назвалъ отношеніе къ дѣлу начальника механической части флота „преступнымъ“, а такъ какъ преступникамъ не мѣсто быть въ крѣпости, коей угрожаетъ осада, то „онаго начальника“ онъ приказалъ выселить изъ крѣпости въ теченіе 3-хъ сутокъ.

Много было злорадныхъ разговоровъ въ сухопутно-офицерской средѣ по поводу этой ревизіи. Говорили, что на орудіяхъ не оказалось какой-то весьма существенной части, приспособленія для точнаго прицѣла и т. п. „Доносили объ этомъ?“—спросилъ адмиралъ. „Такъ точно, телеграфировали!“ „Сколько разъ?“ „Одинъ разъ“. „Надо было ежедневно телеграфировать объ этомъ“.

Увѣряютъ, что номера снарядовъ не подходили къ номерамъ орудій,

ибо перепутали гдѣ-то вагоны, и владивостокскіе снаряды уѣхали въ Портъ-Артуръ, а мы были богаты портъ-артурскими. Говорили, что на ученіи рѣдкій снарядъ попадалъ въ цѣль. Не берусь судить, сколько правды въ этихъ разговорахъ. Я привожу ихъ въ качествѣ показателя настроенія тѣхъ, кто были непосредственными руководителями и вдохновителями солдатскихъ массъ.

Впрочемъ, я имѣлъ случай наблюдать точность нашей артиллерійской стрѣльбы 5 августа, во время параднаго артиллерійскаго спектакля, который комендантъ крѣпости устроилъ въ присутствіи принца Генриха Гогенцоллерна, посѣтившаго Владивостокъ.

По Амурскому заливу медленно двигались на буксирѣ двѣ китайскихъ шаланды, которымъ приданъ былъ видъ трехъ-трубныхъ броненосцевъ. Палили непрерывно 45 минутъ изъ всѣхъ орудій всѣхъ шести батарей амурскаго фронта. Масса боевыхъ снарядовъ легла на дно залива. Но „древоносцы“ воротились домой на Чуркинъ цѣлы и невредимы. Ни одинъ снарядъ не попалъ въ цѣль. Если съ такимъ беспримѣрнымъ успѣхомъ мы подвизались противъ медленно ползшихъ мирныхъ шаландъ, то можно вообразить, какой блестящій результатъ получился бы, если бы это были быстроходные крейсера, осыпавшіе насъ снарядами.

Впрочемъ, „беззавѣтнаго азарта“ мы обнаружили болѣе, чѣмъ требовалось. Такъ, когда былъ отданъ сигналъ и приказъ по телефону „прекратить стрѣльбу“, и гость съ начальствомъ уѣхали съ Безымянной батареи, то закусившіе удила артиллеристы продолжали съ тѣмъ же успѣхомъ громить заупрямившуюся шаланду еще цѣлыхъ 15 минутъ, такъ что уѣхавшій было въ свитѣ ген. Лаймингъ прискакалъ взбѣшенный обратно на батарею и со страшной руганью набросился на телефонистовъ.

Б., конечно, не напрасно трудился, проѣхавъ такую даль, чтобы заглянуть въ Золотой Рогъ. Онъ осмотрѣлъ пару крейсеровъ и пятокъ миноносокъ, и со спокойной совѣстью, что онъ все, что могъ, совершилъ для спасенія дорогого отечества, укатилъ обратно въ Петербургъ.

Но и осмотръ миноносцевъ не пошелъ въ прокъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Б. случилось перелетать черезъ Амурскій заливъ на воздушномъ шарѣ одному офицеру воздухоплавательнаго парка. Погода была вѣтренная. Аэронавтъ потерпѣлъ аварію. Замѣтили это съ сигнальной станціи и дали знать дежурному миноносцу: „итти на помощь“. Дежурный миноносецъ оказался неисправнымъ и не могъ тронуться. Приказъ очередному слѣдующему. Тотъ снялся съ якоря только черезъ 1 $^1/_2$ часа. Несчастный воздухоплаватель, пробившись часъ, утонулъ.

А вотъ еще характерный документъ. Начальникъ воздухоплавательнаго парка письмомъ въ мѣстной газетѣ (частной, неофиціальной) покорнѣйше

просить гг. начальниковъ фортовъ отдать приказъ командамъ, чтобы въ случаѣ появленія воздухоплавательныхъ апаратовъ солдаты не поднимали по нимъ любительской стрѣльбы, потому что это летаютъ русскіе. Не курьезъ ли? Не говоритъ ли это о полной дезорганизаціи?.. Въ оборудованной по послѣднему слову военной науки крѣпости, опутанной телефонной-телеграфной сѣтью, при усовершенствованіи сигнализаціи, свои, среди бѣла дня, стрѣляютъ по своимъ же.

И такое неустройство царило во всѣхъ отдѣлахъ военнаго вѣдомства.

Взять, напримѣръ, медицинское дѣло. Когда я служилъ больничнымъ врачемъ въ захолустнѣйшемъ сибирскомъ городкѣ Канскѣ, я былъ убѣжденъ, что нѣтъ на свѣтѣ вѣдомства отвратительнѣе пресловутаго „Приказа Общественнаго Призрѣнія", но, побывавши теперь въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, я убѣдился, что есть нѣчто неизмѣримо худшее—область русской военной медицины. Геркулесовы столбы приказного формализма, канцелярщины, заскорузлости оставлены этимъ вѣдомствомъ далеко позади... Здѣсь шагу нельзя ступить безъ „рапорта", „требованія"... Нельзя даже больного вымыть въ ваннѣ безъ написанія о томъ бумаги. Для подобнаго бумагомаранія нужна масса людей. И они имѣются. Они несутъ свой крестъ, согнувшись 16 часовъ въ сутки надъ письменными столами, скребутъ перьями по бумагѣ, подшиваютъ ихъ въ огромныя „Дѣла", опять скребутъ...

Больныхъ кормили преотвратительно. Въ палатахъ вѣчный ропотъ.

„Я дома былъ пастухомъ и то лучше ѣлъ..." говорили больные. „Что это за щи? Одна вода... Сквозь нихъ Петербургъ видно". Острота, не лишенная двусмысленности...

За приготовленіемъ пищи никто не смотрѣлъ. Оно было всецѣло предоставлено поварамъ, артельщику, смотрителю. Кухонныя сестры и дежурные врачи относились къ обязанностямъ по осмотру пищи чисто формально. Дежурить обязаны только младшіе врачи, занимающіе слишкомъ подчиненное положеніе по отношенію ко всякого рода властямъ, чтобы подымать свой голосъ по поводу даже очевидныхъ злоупотребленій. Бороться съ ними въ военномъ вѣдомствѣ, особенно для новичковъ, какими были мы, врачи запаса, было невозможно. Напишешь не по формѣ, или подашь не такъ, какъ полагается—тебѣ же влетитъ. Это я испыталъ на своей практикѣ. Назначенный старшимъ ординаторомъ въ 1-ый крѣп. госпиталь и неся обязанности по дежурству, я имѣлъ много поводовъ бороться со смотрителемъ Безсоновымъ, задававшимъ тонъ въ госпиталѣ. Борьба эта казалась мнѣ особенно пикантной въ виду особой беневоленціи, которой пользовался г. Безсоновъ у инспектора госпиталей, генер. Езерскаго. Излишне передавать подробности этой мелочной борьбы изъ-за негоднаго черстваго хлѣба съ живыми червями, изъ-за шеины и воловьихъ копытъ, идущихъ въ

котелъ въ качествѣ мяса, изъ-за нелуженной мѣдной посуды, вѣчно-грязныхъ передниковъ у поваровъ, изъ-за нехватки половины положеннаго по вѣсу количества мяса и т. п. Извелъ я много бумаги на рапорты, еще больше— нервной энергіи и добился... отчисленія отъ госпиталя.

Чисто лечебная область стояла въ полной гармоніи съ „питательной". Въ аптекѣ 21 госпиталя не было необходимѣйшихъ лекарствъ, какъ, напр., іодистаго калія, бензину (для очистки ранъ). Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я упорно, ежедневно выписывалъ ихъ въ рецептахъ, и главный врачъ также систематично вычеркивалъ мои назначенія. Въ этомъ госпиталѣ, расчитанномъ на нѣсколько сотъ хирургическихъ больныхъ, не было вовсе стерилизатора. Раны перевязывались нестерилизованной марлей, въ количествѣ 10 аршинъ ежедневно отпускаемой изъ аптеки, гдѣ она въ растрепанномъ видѣ валялась на полкѣ. Эту марлю, оплодотворенную грязными руками вѣчно пьянаго провизора, мы съ д-ромъ Грудингеромъ обезпложивали погруженіемъ въ растворъ сулемы и въ мокромъ видѣ запихивали въ раны. Перевязочные инструменты не кипятились за неимѣніемъ исправной лампы. Стерилизаторъ ежедневно вычеркивался изъ требованій, пока, наконецъ, старшая сестра, г-жа Ренгартенъ, богатая женщина, не купила небольшой кипятильникъ на собственныя средства.

Назначенія добавочнаго молока, яицъ, бѣлаго хлѣба, вина—безцеремоннѣйшимъ образомъ вычеркивались главными врачами, которые контролируютъ всѣ назначенія ординаторовъ. „Они, мерзавцы, притворяются, лодырничаютъ, а вы имъ потакаете. Подымайте, коли нужно, питаніе рыбьимъ жиромъ". Это мы слышали ежедневно.

Здоровыхъ солдатъ кормили... впрочемъ, ихъ не кормили. Ихъ буквально морили голодомъ. Читатель убѣдится сейчасъ, что это не преувеличеніе.

Къ концу лѣта все замѣтнѣе сталъ ощущаться недостатокъ въ пищевыхъ запасахъ вообще, и доброкачественныхъ, въ особенности. Въ 1904 г. было заготовлено для крѣпости 5 милліоновъ пудовъ сыромолотной муки, которая тогда же, послѣ доставки, осматривавшей ее комиссіей была признана негодной для продолжительнаго храненія: во владивостокскомъ удивительно сыромъ климатѣ она неминуемо должна была испортиться. Но что же оставалось дѣлать? Пять милліоновъ—дѣло не шуточное. Постановили завести сушилки и сдѣлать муку овинной. Изъ этой затѣи ничего, конечно, не вышло. Мука совершенно протухла, и въ описываемое время, для приданія питательности и маскировки вкуса, къ ней прибавляли 10—15 % бобовой муки. Я жевалъ этотъ хлѣбъ, но проглотить не могъ. Протухшій, скверно вымѣшанный, комковатый, полусырой кусокъ буквально застрѣвалъ въ горлѣ. О свѣжемъ мясѣ, въ виду его страшной дороговизны (55 коп. фунтъ), и думать было нечего. Войскамъ выдавали гнилую солонину.

Но мнѣ представляется при этомъ недовѣрчивый взглядъ читателя, я боюсь быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніяхъ и поэтому предоставлю слово инспектору госпиталей, генералу Езерскому. Выпишу буквально описаніе солдатскаго питанія изъ офиціальнаго отчета о санитарномъ состояніи крѣпости Владивостокъ за 1905 годъ. Вотъ что говоритъ онъ въ VI отд.: „Главнѣйшія мѣры, принимаемыя по охраненію здоровья войскъ“.

„... Такъ какъ хлѣбъ въ войскахъ выпекался небрежно, т. е. сырой и съ большимъ количествомъ воды, то, по приказанію коменданта крѣпости, была образована особая комиссія..., которая произвела шесть выпечекъ хлѣба изъ муки различнаго качества. Опытъ показалъ, что, при сдабриваніи одного куля топлой муки съ двумя кулями хорошей муки, хлѣбъ получался вкусный, удобосъѣдобный и безъ затхлаго запаха“; поэтому комендантъ крѣп. отдалъ приказъ, чтобы войска принимали отъ интендантства $^1/_3$ топлой и $^2/_3$ хорошей муки и изъ этой смѣси пекли бы хлѣбъ, строго руководствуясь инструкціей по хлѣбопеченію“. Надо сказать, что „приказъ этотъ плохо исполнялся войсками, а особенно въ артиллеріи, потому что всѣ войсковыя части были заинтересованы въ большемъ припекѣ, а не въ выпечкѣ хорошаго хлѣба. Инспекторъ госпиталей и крѣпостной врачъ очень часто докладывали коменданту крѣпости о плохомъ хлѣбѣ въ войскахъ.—Комендантъ подтверждалъ свои требованія въ приказахъ, но все это оставалось безъ исполненія, потому что никто изъ строевыхъ начальниковъ не былъ подвергнутъ никакому взысканію. Строевые начальники сваливали всю вину на интендантство, а потому комендантъ крѣпости приказалъ инспектору госпиталей и крѣпостному врачу совмѣстно съ крѣпостнымъ интендантомъ освидѣтельствовать всѣ продукты, имѣвшіеся въ интендантскихъ магазинахъ крѣпости“. Комиссія эта, послѣ тщательнаго осмотра всѣхъ магазиновъ, донесла коменданту, что „особенно худыхъ продуктовъ нѣтъ“. Комендантъ объявилъ объ этомъ въ приказѣ по крѣпости, но и послѣ этого хлѣбъ въ войскахъ нисколько не улучшился благодаря погонѣ войсковыхъ частей за экономіей.

Въ такомъ же печальномъ положеніи находилось дѣло по продовольствію войскъ солониною и кетою, заготовленною въ прокъ самими войсками.—Вслѣдствіе плохой засолки и отсутствія ледниковъ, солонина и кета испортились, появились черви и отъ солонины и кеты страшно воняло. Хотя во всѣ полки и были прикомандированы врачи отъ неразвернувшихся госпиталей, съ цѣлью усилить надзоръ за качествомъ продуктовъ, клавшихся въ котелъ, но строевое начальство мало обращало вниманія на заявленія врачей и браковку ими солонины и кеты и своею властью приказывало класть въ котелъ испортившуюся солонину и кету.

Такъ описываетъ продовольствіе солдатъ самъ превосходительный

начальникъ санитарной части въ крѣпости. Если принять во вниманіе, что лица, занимающія подобное служебное положеніе, не склонны къ преувеличеніямъ,—если къ тому вспомнить, что самъ Езерскій былъ въ значительной степени интендантъ (по продовольствію госпиталей), то можно быть спокойнымъ, что если нарисованная имъ картина уклоняется отъ истины, то скорѣе въ сторону смягченія ужасающей дѣствительности.

Кто были виновники этого преступнаго отношенія къ все-выносящей „сѣрой святой скотинѣ",—въ этомъ могъ бы разобраться только безпристрастный судъ. Къ сожалѣнію, что-то не слыхать о нашихъ традиціонныхъ интендантскихъ процессахъ послѣ войны...

Итакъ, мы знаемъ теперь, какъ „питался" солдатъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что, при такомъ питаніи, люди жили въ землянкахъ, или палаткахъ, въ непрерывной страшной сырости, почти не просыхая (лѣто было удивительно дождливое), и при томъ вели тяжелую земляную работу по возведенію укрѣпленій.—Могли ли они быть здоровы? Конечно, нѣтъ. Появилась страшная гостья—цынга. Образовались цѣлые полки слабосильныхъ людей, преимущественно изъ пожилыхъ запасныхъ, кое-какъ подправленныхъ въ госпиталяхъ и грозившихъ въ случаѣ осады при ухудшенномъ режимѣ тяжелымъ балластомъ лечь на крѣпость. Военное начальство, по обыкновенію, закрывало глаза на это непріятное для него явленіе, угрожавшее боевой силѣ крѣпости. Зашевелилась частная иниціатива.—Въ „Обществѣ врачей" сдѣланъ былъ обстоятельный докладъ врачемъ „Кауфмановской общины Краснаго Креста".

На одномъ изъ засѣданій „Общества", посвященныхъ этому вопросу, присутствовалъ и главный санитарный инспекторъ дѣйствующей арміи, ген. Ивановъ. Врачи, не стѣсняясь, говорили генералу въ глаза правду—(впрочемъ, только изъ запасныхъ; состоящіе на постоянной дѣйствительной службѣ только сочувственно кряхтѣли, не осмѣливаясь разинуть ротъ), нападали на интендантство, требуя, чтобы при немъ была учреждена постоянная комиссія изъ спеціалистовъ по гигіенѣ, которая слѣдила бы за доброкачественностью хранимыхъ и отпускаемыхъ продуктовъ. Но безрезультатно...

„Интендантскіе склады сами по себѣ. Это совершенно независимое отъ насъ вѣдомство. Контролировать его никто не можетъ. А вы можете не принимать негодныхъ продуктовъ".

Легко сказать „не принимать"... Мы уже слышали отъ компетентнаго ген. Езерскаго, какъ поступало строевое начальство „со страшно вонявшей" солониной и кетой, забракованной врачами. Посмотримъ кстати теперь, какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ самъ ген. Езерскій.

Казалось бы, что авторъ цитированнаго отчета, говорящій о самомъ

себѣ, что „главная забота его состояла въ неусыпномъ наблюденіи за питаніемъ солдатъ“, сурово осуждающій строевыхъ начальниковъ, возвысившійся до неслыханнаго гражданскаго мужества открытаго неодобренія коменданта Казбека за то, что онъ не наказалъ ни одного строевого начальника,—самъ ген. Езерскій отнюдь не позволялъ себѣ итти по слѣдамъ этихъ начальниковъ...

Но... обратимся къ фактамъ.

Для снабженія госпиталей свѣжимъ мясомъ ген. Езерскій закупилъ 722 гол. рогат. скота по 200 руб. за штуку. Пасся этотъ скотъ, конечно, на божьей травкѣ, караулили его даровые пастухи—солдатики,—все честь честью. Но вотъ бѣда: солнышко не успѣвало сушить послѣ дождей, появились на скотѣ болѣзни. У гг. госпитальныхъ интендантовъ зачесались правыя ладони; помилуй Богъ, чистый убытокъ. И вышло распоряженіе: какъ заскучаетъ скотина, такъ ее сейчасъ же прирѣзать, да и поскорѣе въ какой-нибудь госпиталь. Въ концѣ іюля, въ 1-мъ крѣпостномъ госпиталѣ и выйди такой грѣхъ: поздно вечеромъ получаетъ смотритель госпиталя телефонограмму „немедленно отправить въ таборъ за мясомъ“. Привезли тушу, утромъ сварили. Поглядѣлъ дежурный ординаторъ: мясо—что уголь, совершенно черное. Доложилъ главному врачу. Наряжена была комиссія изъ врачей. Смотритель въ замѣшательствѣ проговорился, что въ таборѣ говорили, что скотина была „шибко больная“. Конечно, комиссія мясо забраковала. Наскоро состряпали больнымъ молочный обѣдъ. Вечеромъ приплылъ (госпиталь помѣщался тогда на Чуркинѣ) къ намъ офицеръ для разслѣдованія дѣла. Отправили кусочекъ мяса въ гигіеническую лабораторію, которая отвѣтила, что, вслѣдствіе микроскопичности присланнаго кусочка, всѣхъ пробъ произвести не было возможности и „посему опредѣленнаго отвѣта дать нельзя“. Тогда ген. Езерскій „своею властью приказалъ положить забракованное врачами мясо въ котелъ“. Больные и госпитальная команда наотрѣзъ отказались брать порціи.

II.

Солдатская масса, конечно, не могла разобраться въ вопросѣ, кто именно, выражаясь по Езерскому, „экономилъ“ на ея счетъ и морилъ людей на сыромъ протухшемъ маслѣ, червивой солонинѣ... Но естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка явилось глухое недовольство на начальство вообще.

Къ этому прибавились еще безчисленныя крупныя и мелкія стѣсненія и прижимки, которыми опутанъ бытъ нашего солдата, раздражающія и оскорбляющія его на каждомъ шагу. Всѣ подробности этого быта какъ

будто имѣютъ одну цѣль: низвести человѣка въ его собственныхъ глазахъ на степень безличнаго автомата, находящагося въ полномъ распоряженіи начальства. Солдату всѣ начальствующіе обязаны „ты"-кать. — Всякаго рода оскорбленія, самую скверную ругань, насилія надъ личностью, вплоть до рукоприкладства, онъ долженъ принимать отъ офицера, стоя передъ нимъ на вытяжку, не смѣя ни въ какомъ случаѣ даже поднять руку, закрыть свое лицо отъ удара, такъ какъ этотъ жестъ разсматривается, какъ поднятіе руки на начальника и составляетъ тяжелый проступокъ.

Что нѣкоторые „господа" офицеры въ обращеніи съ нижними чинами не находятъ нужнымъ тормазить „свою руку-владыку", это общеизвѣстно, но что и среди военныхъ врачей попадаются такіе же господа, это я впервые узналъ, попавши въ ихъ среду. Одного такого „интеллигента" я имѣлъ возможность близко наблюдать въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Питомецъ военно-медицинской академіи времени Добролюбова-Некрасова (о чемъ онъ вспоминаетъ съ гордостью), нынѣ почтенной внѣшности статскій совѣтникъ, докторъ А. представлялъ собою ту картину старческаго (плюсъ специфически-военнаго) перерожденія, о которомъ Гоголь когда-то воскликнулъ: „нынѣшній пламенный юноша въ ужасѣ отпрянулъ бы, если бы ему показать его портретъ въ старости".

Какъ-то на кухнѣ оказалась нехватка масла. Долго не разбирая, онъ расправился надъ первымъ, подвернувшимся ему подъ руку „сѣрымъ человѣкомъ". Оно бы ничего, дѣло самое обыкновенное, да подвернулся-то, оказалось, артельщикъ, „присоска" (смотри зоологію, классъ „Naematodes") смотрителя Безсонова, для рукъ котораго умывальникъ стоялъ въ канцеляріи инспектора госпиталей. Оплеуха влетѣла совсѣмъ не въ надлежащее мѣсто. А. получилъ выговоръ. Случай попалъ въ чернильницу фельетониста „Владивост. Листка". Вышелъ скандальчикъ.

Но А. не унывалъ и за обѣдомъ въ этотъ день былъ неестественно шумливъ, даже свистѣлъ. Видно было, что въ немъ клокочетъ.—Никто изъ сожителей не заговариваетъ о фельетонѣ. Наблюдаютъ. Не выдержалъ таки, самъ заговорилъ.

— Ну, да это, знаете, собака лаетъ—вѣтеръ носитъ. Какъ билъ я морды, такъ и буду бить.

— По нынѣшнимъ временамъ,—не вытерпѣлъ одинъ изъ коллегъ,— это не совсѣмъ безопасно. Посмотрите, какой нынче народъ пошелъ... Не ровенъ часъ, и сдачи перепадетъ.

А. побагровѣлъ... Разговоръ идетъ въ присутствіи одного изъ деньщиковъ, перемѣняющаго тарелки.

— Ну, не посмѣетъ...

— Какъ знать?.. Кто даетъ въ морду, тотъ долженъ расчитывать и на полученіе сдачи.

— Подъ судъ пойдетъ...

Тутъ оппонентъ не стерпѣлъ, вышелъ изъ себя и началъ громить военные порядки, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Это-то и возмутительно,—кричалъ онъ, что подобные „господа" бьютъ только связанныхъ людей... Почему рѣдки побои вольнонаемныхъ слугъ? Потому что тамъ легко нарваться на сдачу. Здѣсь же, имѣя передъ собою солдата, скованнаго дисциплиной по рукамъ и ногамъ, вы бьете беззащитнаго, безотвѣтнаго человѣка. Это низко, подло. Почему вы не находите смѣлости ударить равноправнаго вамъ человѣка, бросающаго вамъ въ лицо такія оскорбленія?..

— Эта рука била не только солдатъ... она била и коллегъ!..—хрипитъ А.

— А эта физіономія получала...—придвигается оппонентъ.

Вмѣсто отвѣта А. предпочелъ уткнуться носомъ въ жаркое.

Солдатъ не смѣетъ ѣздить на извозчикѣ.—Ему запрещено ходить по тротуару главной (Свѣтланской) улицы, проложенному мимо магазиновъ, потому что здѣсь ходятъ офицеры. Онъ не можетъ переступить порогъ городского собора,—предстоять предъ лицемъ Божіимъ составляло привилегію офицеровъ. Письма солдатъ получаетъ распечатанными. Узнавать раньше солдата, что пишетъ ему мать, невѣста, жена составляетъ тоже привилегію офицера.

И въ то же время ему неустанно твердятъ:

— Ты защитникъ отечества, ты долженъ гордиться почетнымъ званіемъ солдата.

— Да, но въ чемъ разница между моими правами и безправіемъ тѣхъ арестантовъ, которыхъ я караулю, какъ враговъ общества и отечества? можетъ спросить защитникъ.

Надъ этимъ вопросомъ крѣпко задумывалась уже не одна солдатская голова.

Недовольство, естественное у людей, обреченныхъ на голодъ и всякія физическія лишенія, подъ вліяніемъ этихъ мелкихъ, добавочныхъ раздраженій, переходило въ озлобленіе, глухо накипавшее подъ сѣрыми солдатскими шинелями, въ темной, забитой массѣ, воспитанной въ долготерпѣніи, скованной желѣзомъ дисциплины. Ненависть къ начальству росла и то здѣсь, то тамъ въ видѣ спорадическихъ вспышекъ, какъ паръ изъ подъ крышки закипающаго котла, прорывалась наружу.

Вотъ нѣсколько случаевъ за одинъ мѣсяцъ іюль.—Отдыхавшій въ 21-мъ госпиталѣ офицеръ Х. отпущенъ дежурнымъ д-ромъ Гуревичемъ на

нѣсколько часовъ въ городъ и, вопреки данному слову, загулялъ. Возвращается хмѣльной, встрѣчается съ такимъ же матросомъ. Вышелъ какой-то конфликтъ. Пошло въ ходъ оружіе. Я былъ въ то время въ городѣ, вижу везутъ на извозчикѣ смертельно блѣднаго офицера: вся голова забинтована, повязка пропитана кровью. Я бросился впередъ.

— Проходите, проходите Ваше В—іе своей дорогой, пока васъ не трогаютъ,—слышно изъ толпы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого солдатъ крѣпостной артиллеріи выстрѣлилъ въ начальника батареи, капитана В. Пуля прошла въ грудь на вылетъ. Около этого же времени унтеръ-офицеръ ударилъ палкой одного полковника.

Конфликты большею частью возникали на почвѣ отданія чести. Человѣку, избѣжавшему несчастья служить въ военной службѣ, этотъ вопросъ можетъ показаться мелочью. А между тѣмъ обязательное отданіе чести составляетъ одну изъ тягостныхъ повинностей солдата. Представьте себѣ, читатель, улицу военнаго города, какимъ былъ, напримѣръ, Владивостокъ въ описываемое время Большинство населенія мундирное. Офицеры, военные чиновники, интенданты, врачи на каждомъ шагу. Солдату, улучившему свободную минуту, чтобы пройтись по городу, нельзя ни думать о чемъ-нибудь, ни развлечься, ни отдохнуть отъ службы, ни отдаться внѣшнимъ впечатлѣніямъ... Онъ напряженно глядитъ все время въ оба, чтобы не прозѣвать какое-нибудь начальство...

Характерное сужденіе объ этой повинности я слышалъ разъ на улицѣ отъ одного матросика, подгулявшаго до монологовъ вслухъ...

— Всякому (непечатное имя существительное)... да честь отдавай... Много васъ тутъ шляется, каждому козырять—это что же?.. на гимнастику часы положены должны быть... а цѣлый день махай-махай, эдакъ и шкаликъ не расплескавши не удержишь... Вотъ набью соломой рукавъ и пришью къ шапкѣ, тогда и получайте, гаспада ахвицеры и гаспада клистирная команда... а иначе не желаю... не желаю, ну вотъ и вся... и больше ничего...

Симптомы озлобленія были разнообразны. Приходитъ въ мѣстный лазаретъ жандармъ съ Русскаго Острова посовѣтоваться на счетъ болѣзни.

— Ну что?—спрашиваетъ его старшій врачъ, д-ръ Ростковскій, не слыхать у васъ еще японцевъ?

— Японцевъ-то, благодаря Бога, пока нѣтъ, а есть такое, что... хуже, пожалуй, японцевъ будетъ.

— А что такое?

— Да солдатики очень недовольны. Говорятъ промеждy себя, какъ покажутся японцы, такъ все начальство прикончимъ.

— Что же ты представилъ смутьяновъ по начальству?

— Да какъ всѣхъ, в—іе, представишь. Всѣ злобствуютъ. Пробую усовѣщаю...

Особенное броженіе царило среди матросовъ уцѣлѣвшихъ судовъ. Для нихъ, видавшихъ виды на морѣ—на сушѣ самъ чортъ былъ не братъ. Обругать, нагрубить начальству—самое обыкновенное дѣло.

Въ началѣ августа недовольство еще болѣе сгустилось.

На базарѣ солдаты разгромили нѣсколько лавокъ съ съѣстными припасами. Чувствовалась общая нервозность. Тревожные слухи росли: говорили о заговорѣ на крейсерѣ „Россія“, о томъ, что на Русскомъ Островѣ солдаты отказались исполнить приговоръ военнаго суда, присудившаго солдата къ разстрѣлу. Слухами кипѣла крѣпость.

Крѣпостное начальство было озабочено, чтобы извѣстія о внутреннихъ событіяхъ, потрясавшихъ Россію, не проникли въ крѣпость, начиненную столь взрывчатымъ матеріаломъ, но дѣлало это крайне неудачно, смѣша всѣхъ своею неумѣлостью.

Однажды мы прочитали въ мѣстной газетѣ „Дальній Востокъ“ слѣдующую странную телеграмму: „Матросы броненосца „Георгій Побѣдоносецъ“ принесли чистосердечное раскаяніе, плакали, просили прощенія и вновь приведены къ присягѣ на вѣрность“... И больше ничего. По какой такой причинѣ они заплакали и въ чемъ повинились,—никто ничего не зналъ. На другой день пришелъ „Никольскъ-Уссурійскій Листокъ“ съ полной телеграммой о Потемкинской исторіи, и дѣло объяснилось...

Опасаясь возмущенія, начальство рѣшило занять бездѣльничавшихъ матросовъ дѣломъ. Но откуда же взять дѣло, разъ его нѣтъ. И вотъ, живя на Чуркинѣ, я вижу, какъ по утрамъ ежедневно мимо оконъ величественно выплываютъ другъ за дружкой „Россія“ и „Громобой“ („Богатырь“ послѣ одной partie de plaisire все лѣто безвыходно засѣлъ въ докѣ), за ними миноноски. Понятно, что эти суда не смѣютъ сунуться въ море дальше выстрѣла береговыхъ батарей; выйдутъ изъ Босфора, обойдутъ кругомъ Русскаго Острова, заглянутъ, что дѣлается на Амурскомъ Заливѣ, глядишь—солнышко стало клониться къ закату. День, слава Богу, прошелъ. И вотъ нашъ флотъ возвращается въ Рогъ спать.

Для поддержанія дисциплины приходилось, такимъ образомъ, жечь послѣдніе запасы угля.

Все сказанное объясняетъ происхожденіе недовольства. Въ виду упорнаго стремленія военнаго начальства найти корень недовольства въ „злонамѣренной агитаціи“, я долженъ категорически заявить, *что никакой организованной агитаціи въ то время во Владивостокѣ не было и быть не могло за неимѣніемъ способныхъ къ тому людей.* Говорю это

на основаніи близкаго знакомства со всѣми людьми, имѣвшими „образъ мыслей“ [1]). Какъ увидимъ дальше, ген. Езерскій точно указываетъ, что все движеніе организовано врачами-евреями. Это голый миѳъ. Среди врачей особенно призванныхъ изъ запаса, не было, конечно, недостатка въ, такъ наз., „неблагонадежныхъ людяхъ“; возможно, что у того или другого изъ нихъ, при случайныхъ встрѣчахъ съ солдатиками, какъ, напримѣръ, у меня въ лодочкѣ манзы, при переѣздѣ черезъ Золотой Рогъ и тому подобныхъ случаяхъ и срывалось иногда рѣзкое сужденіе по поводу мѣстныхъ или обще-русскихъ безобразій, но отсюда до систематической пропаганды, до устройства „тайныхъ митинговъ“ еще далеко. Для такой работы нужна была организація, возможная послѣ близкаго знакомства, а мы только что съѣхались сюда изъ разныхъ мѣстъ и дотолѣ совершенно не знали другъ друга.

Общерусское освободительное движеніе нашло себѣ здѣсь очень слабый откликъ. Вся гомеопатическая доза „политики“ въ это время сосредоточивалась въ трехъ обществахъ: „Обществѣ врачей“, „Обществѣ Изученія Амурскаго Края“, объединившемъ всю мѣстную интеллигенцію, и „Обществѣ Народныхъ Чтеній“. Но ни въ одномъ изъ нихъ политика не доходила до предѣловъ агитаціи.

Особенно сильно всколыхнули общественную мысль засѣданія „Об-ва Изуч. Амур. края“, собранныя на основаніи указа 18 февр. для обсужденія мѣстныхъ нуждъ. Первое засѣданіе состоялось 19-го іюня въ присутствіи коменданта крѣпости генер. Казбека, разрѣшившаго собраніе, какъ говорили, подъ однимъ условіемъ „ни единымъ словомъ не касаться вопроса о войнѣ и мирѣ“. Прослушано было около 10-ти докладовъ, посвященныхъ разнымъ сторонамъ русской жизни.—Другъ друга дополняя и усиливая, докладчики дали въ общемъ очень цѣльную и сильную картину результатовъ неумѣлаго, преступнаго хозяйничанія всякаго рода „начальства“. Ничего новаго, конечно, тутъ сказано не было для того, кто слѣдилъ за газетами, но въ живой, устной передачѣ у большинства ораторовъ въ горячей талантливо изложенной рѣчи, громко и открыто раздававшейся съ кафедры, въ крѣпости, со дня на день ожидающей осады, мысли о необходимости коренной реформы звучали какъ новыя, производили острое впечатлѣніе... Собраніе провожало ораторовъ горячими, долго не смолкавшими рукоплесканіями...

[1]) Достойно вниманія, что даже М. Н. Тригони, прожившій во Владивостокѣ около полутора мѣсяца (окт., ноябрь) въ своемъ очеркѣ „Послѣ Шлиссельбурга“ („Былое“, сент. 1906 г.) пишетъ: „по слухамъ среди матросовъ и солдатъ велась революціонная пропаганда“. Уже одно это „по слухамъ“ ясно говоритъ, что никакой агитаціи не было, потому что вести ее могли бы только тѣ люди, въ сферѣ которыхъ вращался самъ Тригони.

Постановленная Обществомъ резолюція, требовавшая Учредительнаго Собранія, была сообщена Совѣту Министровъ.

На засѣданіяхъ Об-ва врачей тоже много и горячо говорилось на политическія темы. Къ сожалѣнію, живя на Чуркинѣ, я очень рѣдко могъ посѣщать ихъ.

По той же причинѣ я не могъ принять участія и въ дѣятельности „О-ва Народныхъ чтеній", о которой носились очень отрадные слухи. Аудиторія Музея, гдѣ велись чтенія, всегда была переполнена. Въ городѣ постоянно смѣнялись афиши, возвѣщавшія о чтеніяхъ. Заглавія темъ звучали заманчиво и вполнѣ современно: о народномъ представительствѣ, о податяхъ, о выборахъ и т. д. Особенной энергіей отличался д-ръ Суровъ, удостоившійся чести полученія при отъѣздѣ благодарственнаго адреса отъ аудиторіи за свои просвѣтительные труды.

III.

Открытіе переговоровъ въ Портсмутѣ подѣйствовало различно на верхи и низы арміи.

На верху оно произвело дѣйствіе подкожнаго возбуждающаго впрыскиванія.

Внизу мирные переговоры подѣйствовали на всѣхъ совершенно обратно, какъ теплая ванна. Всѣ окончательно разомлѣли, распустили пояса.—Запасные предались сладкимъ мечтамъ о томъ, когда можно будетъ, наконецъ, сбросить съ себя казенную шкуру и уѣхать домой.

Меня очень интересовала психологія „пушечнаго мяса", и я при всякомъ удобномъ случаѣ заводилъ съ солдатами разговоръ на тему о войнѣ и мирѣ, стараясь поглубже заглянуть въ душу человѣка, узнать его подлинныя, собственныя мысли. Это дѣло не изъ простыхъ. Нашъ солдатъ вымуштрованъ такъ, что даже передъ всякимъ „подобіемъ начальства", какимъ въ его глазахъ являются врачи, особенно внѣ госпиталей,—онъ держится на предупредительномъ чеку съ готовымъ, висящимъ на кончикѣ языка, „такъ точно".

Если безъ всякихъ околичностей подойти къ солдату и прямо задать ему вопросъ:

— Ну, какъ ваши ребята думаютъ на счетъ японца: надѣются побить, или лучше мириться?

То можно быть увѣреннымъ, что послѣдуетъ отвѣтъ въ родѣ:

— Такъ точно, Ваше Б—іе, безпремѣнно надо отразить врага, не щадя живота.

И при этомъ по выпученнымъ глазамъ и барабанной интонаціи ясно видишь, что это не мысли, а „словесность“.

18-го августа по городу распространилось извѣстіе о заключеніи мира. Истомленная душа осталась столь же равнодушной, какъ и недѣлю назадъ, когда стала извѣстной огорошившая телеграмма о разрывѣ переговоровъ. Какъ-то отупѣли всѣ, потеряли способность волноваться. Глубоко въ душѣ копошится радость, но наружу не рвется. Странно радоваться по такому поводу, не будучи увѣреннымъ въ фактѣ. Нашему правительству, казалось мнѣ, я не повѣрилъ бы, потому что не могу никакъ представить себѣ, чтобы извѣстіе, озаглавленное подъ рубрикой—„правительственное сообщеніе“—было правдиво. Поддерживало надежду то, что лондонская депеша о мирѣ была разрѣшена комендантомъ для напечатанія въ газетѣ. Безъ достаточныхъ основаній онъ не позволилъ бы печатать такое извѣстіе, потрясавшее сердца всѣхъ измученныхъ подневольныхъ защитниковъ.

Вечеромъ сижу въ дежуркѣ, занимаюсь.—Открывается дверь, и голова д-ра Нейфаха произнесла въ щелку:

— Миръ! офиціальная телеграмма!

Дверь закрылась. Я бросился въ коридоръ.

— Стойте, гдѣ телеграмма? Разскажите толкомъ.

— Вотъ здѣсь!—Онъ показалъ зажатый кулакъ, въ которомъ что-то бѣлѣло.

— Читайте скорѣе, надо нести товарищамъ!

Я вырвалъ у него. Коротенькая депеша Витте изъ Портсмута. Сердце затрепетало. Сомнѣніе исчезло. Великое счастіе свалилось, какъ будто внезапно, хотя ожидалось давно, какъ манна небесная. Вспышка страшнаго возбужденія. Хотѣлось движенія, бѣжать, кричать...

— Подождите! я съ вами! Вы куда?

— Въ коммуну.

— Давайте прочитаемъ сперва больнымъ!

— Я уже былъ въ вашемъ отдѣленіи! Надо забѣжать къ себѣ въ ушное!..

Бѣжимъ. По дорогѣ идутъ солдаты—гребцы съ артиллерійской шлюпки.

— Слыхали?. миръ!

— Какъ же, вотъ у насъ телеграмма!—отвѣчаютъ радостные голоса.

— Миръ заключенъ! Телеграмма Государю Императору!—бросаемъ по пути въ раскрытыя окна столовой госпитальной команды.

— Слава Богу, наконецъ-то! Спасибо!—Слышится оттуда.

Въ коммунѣ цѣлое торжество. Въ столовой на всѣхъ трехъ сторо-

нахъ печки двухъ-аршинными буквами транспарантировано „ура!“... „миръ!“... Ужинъ съ коньякомъ и портвейномъ. Зашла одна изъ сестеръ, и посему всѣ ведутъ себя джентльменами: ни циничныхъ анекдотовъ, ни обычныхъ непристойностей. Кузьмѣ на этотъ разъ не приходится краснѣть за тѣхъ, кому онъ обязанъ прислуживать, какъ „господамъ“. Молчаливый Гриненко бесѣдуетъ съ собой на піанино, и артистическіе звуки его находятъ сегодня особый откликъ въ душѣ.

Послѣ ужина пошелъ въ дежурку. На сердцѣ такъ легко и радостно; чувствуешь себя, какъ когда-то во времена вѣры въ Пасхальную ночь. Слышишь, какъ радостно бьются сердца всѣхъ этихъ тысячъ людей и многихъ милліоновъ въ Россіи. Какая божественная ночь! Какъ славно жить на свѣтѣ!

Темно. Городъ сверкаетъ за Рогомъ тысячью огней. Яркіе снопы лучей прожекторовъ разрѣзываютъ тьму, освѣщая блестящими полосами зеркальную поверхность залива.

Заключеніе мира облегчило изстрадавшуюся солдатскую душу, подавши надежду на скорый конецъ насильственной разлуки съ родными, раззоренными, голодными семьями. Но время шло, а объ отпускѣ запасныхъ ни слуху. Казалось, что о нихъ совершенно забыли тѣ, кто долженъ былъ прежде всего рѣшить именно этотъ существеннѣйшій для десятковъ тысячъ людей вопросъ и прямо объявить, что такія-то категоріи запасныхъ будутъ отправлены тогда-то. Пусть бы это время было продлено еще на нѣсколько мѣсяцевъ, но, по крайней мѣрѣ, каждый опредѣленно зналъ бы, что его ожидаетъ. Не было бы этихъ, волнующихъ душу, слуховъ, этихъ колебаній отъ надежды къ отчаянію. Ничто такъ не издергиваетъ человѣка, какъ томительная неизвѣстность, какъ длительное, неопредѣленное ожиданіе.

Но, конечно, для начальства этихъ соображеній не существовало. Въ качествѣ воителей, выхода въ запасъ они не ждали. А гдѣ тянуть служебную лямку?—это былъ вопросъ второстепенный. При томъ у нихъ была своя горе-заботушка: дѣло въ томъ, что съ переходомъ арміи на мирное положеніе приходилось сказать „прощай“ всякаго рода щедрымъ видамъ военно-полевого довольствія. И первое, чѣмъ озаботились мѣстныя начальственныя сферы послѣ заключенія мира, было ходатайство о... сохраненіи окладовъ военнаго времени. Конечно, Петербургъ предупредительно отнесся къ этому ходатайству: всѣ виды щедротъ разрѣшено было сохранить пока до 1-го января. Итакъ, о японцѣ можно, наконецъ, забыть, денежки въ карманѣ идутъ, возможно, что усиленные оклады удастся заполучить и въ будущемъ году (объ этомъ уже шли разговоры)... ну, значитъ о чемъ же еще толковать въ этомъ лучшемъ изъ міровъ? А само

чувствіе солдата... ну, это сантименты. Вѣдь его дѣло не разсуждать, а слушать команду.

На верхахъ происходило что-то неладное, судя по шедшимъ оттуда распоряженіямъ. Началась удивительная неразбериха. До заключенія мира начальства совсѣмъ не было слышно; каждый тогда опасался брать на себя иниціативу, чтобы въ случаѣ неудачи не влетѣло. Теперь же вдругъ объявилась такая масса начальства, что не знали, кого и слушать. Всѣ сразу принялись командовать и другъ дружку отмѣнять.

Многіе врачи, взятые изъ запаса въ самомъ началѣ войны, сильно рвались домой. Ихъ ежедневно можно было видѣть въ передней канцеляріи инспектора госпиталей, жадно разспрашивающихъ о вновь полученныхъ распоряженіяхъ. Сегодня приказано отпустить 64 врача; на завтра уже отпускаютъ 110; тамъ третій вершитель велитъ всѣхъ оставить; четвертый—шлетъ ихъ въ Верхнеудинскъ; пятый—куда-то на холеру, шестой—въ Читу на чуму; седьмой... голова бывало идетъ кругомъ отъ этой кутерьмы. И всѣ волнуются. Выведенные изъ терпѣнія врачи начали собираться въ музеѣ и обсуждать мѣры, какъ побудить начальство отпустить ихъ домой?

Что творилось въ эту пору съ солдатской массой, это мы, врачи, близко наблюдали въ госпиталяхъ.

Бюрократъ, въ форму какого вѣдомства его ни одѣнь, всегда вѣренъ себѣ: канцелярская тайна, даже тамъ, гдѣ она очевидно не нужна, у него всегда на первомъ планѣ. Всякому было ясно, что держать такую массу людей, изъ которыхъ къ тому же многіе были не годны,—не къ чему. Часть неминуемо приходилось отпустить. Но какъ это сдѣлать?

Сдѣлали такъ.

Вышло негласное и неясное распоряженіе: эвакуировать изъ госпиталей „хрониковъ". Конечно, оно мигомъ облетѣло всѣ части. На дворѣ стояла осень, холода. Съ дальнихъ позицій потянулись въ госпитали толпы жалкаго люда, Христомъ-Богомъ умолявшаго дежурныхъ ординаторовъ, растерявшихся отъ такого наплыва, не гнать ихъ обратно на голодъ и холодъ, пріютить въ госпиталѣ. Всѣ койки были заняты, а народъ валитъ и валитъ. Вмѣсто того, однако, чтобы установить какія-нибудь опредѣленныя правила эвакуаціи, началась нелѣпая игра въ „можно-нельзя". Пріѣзжаетъ сегодня главный врачъ изъ Медицинскаго Управленія и торопитъ ординаторовъ: „Назначайте на эвакуацію какъ можно больше". Ну мы, конечно, рады стараться. Вмигъ госпиталь опустѣлъ и сейчасъ же сталъ наполняться свѣжими людьми... Но уже сверху дуетъ другой вѣтеръ: „врачи эвакуируютъ безъ достаточныхъ основаній. Относиться къ дѣлу со строгой разборчивостью, назначая въ отпускъ только дѣйствительно хронически

больныхъ". Ну, и застопорилась машина. А народъ на позиціяхъ не знаетъ, что начальство вчера встало съ лѣвой ноги, и, знай себѣ, напираетъ. Госпиталь полонъ, приходится отказывать. Люди съ ропотомъ бредутъ назадъ не понимая, почему товарищей отправили на родину, а ихъ гонятъ обратно на ненавистныя позиціи.

Иллюстрирую сказанное сценкой посѣщенія нашего госпиталя инспекторомъ госпиталей, но предварительно маленькое введеніе.—Мелочная борьба со смотрителемъ госпиталя надоѣла мнѣ своею безрезультатностью. Я рѣшилъ дѣйствовать круче и послѣ одного дежурства подалъ главному врачу рапортъ, въ которомъ, описавши безпорядки за день, заявилъ: „причину безпорядковъ вижу въ незаботливости и нераспорядительности смотрителя, который не только самъ не заботится о приведеніи госпиталя въ должный видъ, но препятствуетъ и другимъ... рапортъ прошу отправить по командѣ". На другой день является къ намъ въ казенную кануру на чердакѣ, гдѣ жилъ я съ тремя коллегами, главный врачъ и говоритъ, что „генералъ" приказалъ, чтобы мы немедленно очистили помѣщеніе. Стали мы искать квартиру въ городѣ; ни одной комнаты. Два дня прошло въ поискахъ. Слышимъ: генералъ пожаловалъ.

Обходитъ со всей свитой госпиталь.

— А тамъ, наверху... у васъ *что?*

— Наверху, ваше пр—ство, живутъ каптенармусъ, аптечные служителя и одну комнату занимаютъ врачи,—докладываетъ смотритель.

— Какъ? Еще не съѣхали?

— Такъ точно, ваше пр—ство, живутъ еще.

— Если завтра къ 8 час. утра не съѣдутъ, взять солдатъ и выбросить вещи вонъ на улицу.

Пошелъ по палатамъ. Выстроилъ въ шеренгу всѣхъ, назначенныхъ на эвакуацію, разспрашиваетъ:

— Ты чѣмъ боленъ?

— Грудь болитъ, задышка... ваше пр—во!

— Вздоръ! Притворщикъ! Оставить! У тебя что?

— Животомъ замаялся... весь ослабъ!

— Симулянтъ! Оставить!

Заходитъ въ мою палату.—Ты почему назначенъ?—обращается къ истощенному, слабосильному субъекту.

— Ноги не держутъ, ваше пр—во!

— Такъ изъ-за ногъ эвакуировать? Кто его лѣчитъ?

Выхожу.

— Почему вы его назначили?

— Изъ-за общаго истощенія! При томъ онъ страдаетъ ленточными глистами, а никакихъ глистогонныхъ въ нашихъ аптекахъ не имѣется.

— Какія же у него глисты, разъ онъ жалуется на ноги?

— Повторяю, что у него глисты!

— Глисты?.. Откуда глисты? Изъ ногъ что ли?

— Нѣтъ, не изъ ногъ, а изъ задняго прохода!

— Симулянтъ? Останешься!

Такъ командуютъ русскіе генералы во „ввѣренныхъ" имъ госпиталяхъ.

Впрочемъ, этотъ генералъ былъ изъ генераловъ особенный. Выслужившись изъ полицмейстеровъ, онъ позволялъ себѣ обращаться съ врачами, какъ со штрафованными солдатами [1]). За вышучиваніе моего діагноза я намѣревался было притянуть его къ отвѣту, но, пока я разузнавалъ, какъ это сдѣлать, меня отчислили отъ госпиталя, а черезъ нѣсколько дней разразились событія, заставившія забыть эту мелочь.

Какъ читатель убѣдился, всѣ дѣла вершило начальство у насъ такъ, словно задалось цѣлью узнать, есть ли граница долготерпѣнія русскаго солдатика и, если есть, то гдѣ она?

Ропотъ усиливался съ каждымъ днемъ. Ко всему этому прибавилась еще одна причина солдатскаго неудовольствія—невыдача денегъ за земляныя работы при возведеніи укрѣпленій. Война, какъ извѣстно, застала Владивостокъ совершенно неподготовленнымъ къ встрѣчѣ врага. Сооружать форты пришлось уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Трудъ этотъ выпалъ на долю солдатъ и былъ выполненъ гарнизономъ крѣпости. Возведеніе укрѣпленій относится къ числу служебныхъ обязанностей солдата и должно выполняться имъ безвозмездно, но въ виду особой спѣшности, чтобы побудить людей къ болѣе быстрому и продуктивному труду, начальство обѣщало уплатить имъ за эти работы. Солдаты знали, что казна отпустила не малыя суммы на приведеніе крѣпости въ боевую готовность. Выкопали гдѣ-то приказъ (№ 380), коимъ опредѣлена была въ точности и плата за этотъ трудъ (75 к. въ день), и толковали его вкривь и вкось. Каждый солдатъ считалъ за казной долгъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Между тѣмъ времени ушло много, а о расплатѣ—молчокъ. Кой-кто уѣхалъ домой, не получивши ни копейки. Люди мерзли, кормили ихъ прескверно, заработанныхъ денегъ не выдавали, „домой" не пускали и даже не объявляли, когда отпустятъ.

Неудовольствіе быстро росло. Слухи, одинъ невѣроятнѣе другого, носились въ зловѣщей, съ каждымъ днемъ становившейся все напряжен-

---

[1]) Особенно возмутительной была травля имъ д-ра Цукермана, человѣка больного, надъ которымъ онъ явно, безчеловѣчно глумился.

нѣе атмосферѣ. Говорили, что Витте „надулъ японца", только для „проформы" подписавши миръ; на самомъ же дѣлѣ правительство рѣшило подвезти свѣжія войска и съ новыми силами ударить на врага. Увѣряли что нынѣшній комплектъ арміи приказано на всякій случай сохранить до весны, или даже до осени... Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ передавали, что комендантъ ежедневно получаетъ письма, угрожающія бунтомъ въ случаѣ дальнѣйшей задержки запасныхъ. Туча надвигалась. Надо было ждать грозы. И она не замедлила разразиться.

IV.

22-го октября въ полдень я, вмѣстѣ съ товарищемъ, д-ромъ Цвѣтаевымъ, пріѣхавшимъ изъ манчжурской арміи поглядѣть на Владивостокъ, отправились на пароходикѣ „Уллисъ" на Русскій Островъ. Отъ пріѣзда туда до отхода парохода въ нашемъ распоряженіи было всего $1^1/_2$ часа. Довольно крутой подъемъ на Русскую Гору (около 2 верстъ при 138 саж. высотѣ) былъ взятъ нами въ 23 минуты. Командиръ форта оказался очень любезнымъ человѣкомъ, какіе встрѣчаются почти только среди ининтеллигентныхъ артиллеристовъ. Онъ показалъ намъ весь фортъ. Съ высоты горы открывается чудный ландшафтъ. День былъ ясный, морозный, вѣтряный. Полъ горизонта занимало море открытое, заманчивое. Пестрый архипелагъ многочисленныхъ острововъ, бухты, проливъ, далекія горы материка, городъ—все это стлалось внизу, какъ на ладони. Бывалые люди говорятъ, что этотъ видъ одинъ изъ величественнѣйшихъ и красивѣйшихъ въ мірѣ. Осмотрѣли орудія, станцію безпроволочнаго телеграфа, зашли въ квартиру коменданта форта. Затѣмъ, крѣпко пожавши ему руку, быстро ринулись внизъ, такъ какъ „Улиска" уже приближался. На обратномъ пути сильно качало; мы промерзли, проголодались и, выскочивши на берегъ, устремились въ „Сѣверный ресторанъ" обѣдать. Навстрѣчу намъ по Свѣтланкѣ бѣжитъ полу-знакомый интеллигентъ, съ которымъ на дняхъ мы перекинулись парой словъ въ книжномъ магазинѣ, какъ потомъ оказалось, Борисъ Дмитріевичъ Оржихъ, бывшій шлиссельбуржецъ. Завидя насъ съ противоположнаго тротуара, перебѣгаетъ улицу, поздравляетъ „съ конституціей".

— Что такое?

— А вотъ, на-те, читайте!

Досталъ изъ кипы, что несъ подъ мышкой изъ типографіи, два листка съ телеграммами манифеста и побѣжалъ дальше, крикнувши „приходите въ 7 часовъ въ музей! соберется народъ". Читаемъ... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... вотъ такъ счастье свалилось! Вытерли обмерзшіе усы и поцѣловались...

Залъ ресторана, по обыкновенію, былъ полонъ офицерства. Тщетно вглядывались мы въ физіономіи сосѣдей, стараясь подмѣтить признаки хоть какого-нибудь душевнаго движенія, возбужденія, все равно, положительнаго или отрицательнаго. Трудно себѣ представить, чтобы такое событіе могло совершенно не задѣть ихъ, чтобы они, люди молодые, грамотные, были къ нему совершенно индифферентны. А между тѣмъ было именно такъ. Листки съ телеграммой были разбросаны по столикамъ. Кой-кто читалъ ихъ молча, про себя. Лица у всѣхъ были самыя обыденныя, разговоры будничныя, какъ будто ровно ничего особеннаго не случилось.

Въ 7 часовъ мы были въ Музеѣ, гдѣ назначено было общее собраніе членовъ „Об-ва народныхъ чтеній" для обсужденія програмы систематическихъ чтеній по общественнымъ вопросамъ. Набралось человѣкъ 300. Конечно, о чтеніяхъ никто и не вспомнилъ. Первымъ говорилъ Оржихъ о значеніи настоящаго момента и необходимости возможно цѣлесообразнѣе использовать его, осуществивши на дѣлѣ и, такимъ образомъ, силою факта закрѣпивши взятыя права. Потомъ изложилъ я обуревавшія меня мысли и чувства. Съ тяжелымъ чувствомъ перечитываю я теперь свои замѣтки и самъ не вѣрю, что два года назадъ все это могло быть...

Духъ захватывало при мысли, что я свободный гражданинъ, что меня окружаютъ сейчасъ такіе же свободные граждане. Голова кружилась... я пьянѣлъ отъ этого чуднаго сознанія, какъ будто меня внезапно подняли на небывалую, казавшуюся еще вчера мечтой, высоту.

— Въ эту великую минуту невыразимой радости, говорилъ я, выпавшей на нашу долю—минуту, которую никто изъ насъ не забудетъ до конца жизни, о которой мы долго-долго будемъ разсказывать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, минуту, которую народу удается пережить только разъ въ его исторической жизни,—пусть первой мыслью нашей будетъ о тѣхъ, кто своею кровью и муками добыли намъ эту свободу, пусть первымъ чувствомъ у насъ, свободныхъ гражданъ, будетъ чувство глубокой признательности передъ героями долгой мучительной борьбы, плоды которой достались намъ, пусть первымъ дѣломъ нашимъ будетъ единодушное требованіе полной немедленной амнистіи всѣмъ, еще и нынѣ страдающимъ, за, такъ называемыя, „политическія преступленія".

Послѣ многочисленныхъ рѣчей было постановлено организовать широкую агитацію среди мѣстнаго населенія и для начала созвать черезъ 4 дня народный митингъ въ зданіи цирка.

Предложеніе мое о немедленной посылкѣ телеграммы объ амнистіи было провалено усиліями д-ра Борейши, убѣдившаго собраніе, что оно по, малочисленности своей, не можетъ принимать такого рѣшенія, которое

выйдетъ внушительнѣе, если его вотируетъ слѣдующій митингъ. Телеграмма осталась не посланной.

Возможность, какъ казалось тогда, открытой общественной работы создала для людей, стремившихся выступить на арену ея, потребность ближе познакомиться другъ съ другомъ, сорганизоваться, сговориться на счетъ плана предстоящей работы. Такое частное собраніе состоялось у М. Была выработана программа предстоящаго митинга, намѣченъ президіумъ (предсѣдатель д-ръ А. А. Цвѣтаевъ, товарищъ Б. Оржихъ, секретарь—я). Митингъ вышелъ вполнѣ удачный. Циркъ былъ полонъ. По требованію публики, присяжные повѣренные г.г. Звѣревъ и Фихманъ объяснили содержаніе манифеста. Оржихъ изложилъ послѣднія событія, результатомъ которыхъ явился манифестъ. Я сдѣлалъ бѣглый очеркъ революціонныхъ событій за послѣднее десятилѣтіе. Д-ръ Борейша говорилъ о роли сознательнаго пролетаріата. Блестящій, восторженный гимнъ свободѣ произнесъ мѣстный талантливый поэтъ-публицистъ г. Гарфильдъ. Было постановлено и впредь возможно чаще устраивать подобные митинги, на что было собрано 400 рублей. Слѣдующій митингъ для разсмотрѣнія вопроса о мѣстной городской думѣ, о смѣщеніи состава гласныхъ и выборѣ новыхъ на основаніи демократическихъ принциповъ, былъ назначенъ на 31 октября.

27-го октября собрались врачи. Залъ былъ полонъ публики. Заговорили о манифестѣ красно, многорѣчиво. Я предложилъ перейти отъ словъ къ дѣлу: объединить всю интеллигенцію приморской области въ Союзъ, задачей котораго было бы: 1) ознакомить населеніе со вновь пріобрѣтенными правами, 2) осуществить эти права, введя ихъ въ практику жизни, 3) выяснить экономическія потребности разныхъ группъ населенія для выработки соотвѣтствующей потребностямъ избирательной платформы. Составленная въ этомъ смыслѣ резолюція была принята. Было избрано бюро изъ 5 человѣкъ для разработки этого проекта.

Въ эти же дни „Об-вомъ нар. чтеній" былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ въ честь В. Г. Короленко, носившій характеръ демонстраціи. Театръ „Золотой Рогъ" былъ полонъ. Большинство публики составляли нижніе чины, заполнившіе не только галлерею, но и партеръ, гдѣ они съ полнымъ достоинствомъ сидѣли въ перемежку съ офицерствомъ. Весь вечеръ чувствовалась необыкновенная приподнятость, какое-то особенное общее напряженіе. Помню моментъ, когда посреди напряженной тишины, съ которой залъ слушалъ художественную декламацію д-ромъ Балабаномъ „Пѣсни о соколѣ", съ галлереи раздалось громовое „проклятье ужамъ!.."— весь залъ вздрогнулъ. Весь вечеръ мнѣ чудилось, что искры летаютъ надъ кучей пороха...

А тѣ, кто ближе всего долженъ былъ интересоваться настроеніемъ

солдатскихъ массъ и задумываться надъ вопросомъ: въ какое же положеніе ставитъ ихъ измѣнившійся порядокъ вещей?—оказались неспособными даже замѣтить то, что творилось вокругъ нихъ, и, одѣваясь въ вестибюлѣ, компанія морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ мило шутила: „ну, теперь отъ конституціи переѣдемъ къ... проституціи“.

Черезъ два дня порохъ взорвало.

V.

30-го откября (воскресенье) сижу дома, обдумываю рефератъ для назначеннаго на завтра митинга. Возникло недоумѣніе относительно объема дарованной амнистіи, иду къ сосѣду, прис. повѣр. Звѣреву, за разъясненіемъ. У него маленькое собраніе. Идетъ горячій споръ. Вдругъ является господинъ и говоритъ, что на базарѣ безпорядки: грабятъ лавченки, была пальба, есть раненые. Одѣваюсь. Бѣгу.

На улицахъ, около базара огромныя толпы китайцевъ. Нѣсколько отрядовъ солдатъ съ ружьями. Бѣгу на базаръ. Мѣсто, гдѣ стояли деревянныя лавченки, представляютъ груду досокъ, бревенъ. Толпа солдатъ (человѣкъ 40), разсыпавшись, набиваетъ карманы всякой мелкой дрянью: булками, яблоками, сѣмечками... Нѣкоторые тутъ же жадно пожираютъ похищенное... Налетаю на нихъ и кричу: „разбойники!.. развѣ хорошо это?“

Всю толпу какъ рукой смело. Ни души. Всѣ убѣжали. Поздравляю себя, не вѣря глазамъ. Вотъ—думаю—такъ успѣхъ! Не понимаю—чѣмъ объяснить...

Подходитъ пьяный оборванецъ, кричитъ: „чего его слушать! А, жирная морда! Самъ-то ты не грабишь? Сколько ты жалованья изъ народа сосешь!“ Вступаю съ нимъ въ дебаты. Подходитъ солдатъ, за нимъ другой, третій... всѣ выскакиваютъ изъ-за угловъ, и пошла опять работа... „Бросьте!“—кричу. Никакого вниманія. Одинъ грозитъ: „не путайтесь лучше! бѣды бы не вышло!..“ Еще тутъ одинъ д-ръ случился. Давай оба усовѣщевать. Никакого толку. Бросилъ. Сталъ наблюдать. Въ меня летятъ яблоки, палка упала неподалеку. Отошелъ на прилегающую площадь.

Кучка жигановъ и матросовъ переругиваются съ патрулемъ. Берутся за камни. Попали въ офицера. „Пли!..“ Хохотъ. Холостыми... Я къ матросамъ усовѣщевать. Какъ горохъ къ стѣнѣ. Опять берутся за камни. Солдаты заряжаютъ ружья. Подбѣгаю къ офицеру. Стоитъ блѣдный, трясется.

— Ради Бога, говорю, не стрѣляйте!.. Хуже будетъ, если кого раните.. Не раздражайте! Они озвѣрѣютъ...

— Ну, такъ уговорите ихъ, чтобы не нападали. Не могу же я переносить это безобразіе!.. Засыпаютъ камнями...

Опять къ матросамъ. Но—что говорить съ пьяными!.. Одинъ верзила-жиганъ чуть не хватаетъ меня за горло:

— Съ какимъ наслажденіемъ, говоритъ, я вырвалъ бы изъ тебя душу.

— А зачѣмъ тебѣ она?..

На Свѣтланкѣ толпа растетъ. Иду туда. Масса солдатъ и матросовъ запрудили всѣ тротуары. Стоятъ, молчатъ, ждутъ. Пошелъ вдоль улицы; думаю попасть на собраніе приказчиковъ, предложить выбрать депутата въ проектированный центральный комитетъ Союза-Союзовъ.

Около музея встрѣчаю коменданта: катитъ на тройкѣ навстрѣчу. Возвращаюсь: посмотрю, что онъ станетъ дѣлать. Нахожу его окруженнымъ огромной толпой матросовъ и солдатъ, которые безъ стѣсненій выкладываютъ ему, что у нихъ накипѣло на сердцѣ; требуютъ немедленнаго увольненія въ запасъ, улучшенія пищи и обращенія со стороны офицеровъ, выдачи денегъ, заработанныхъ при возведеніи укрѣпленій, разрѣшенія посѣщать митинги, объявленіе полностью манифеста («вы позволили напечатать только третью часть манифеста, а остальное скрыли: это намъ доподлинно извѣстно...»). Одинъ матросъ тычетъ ему въ глаза коробку консервовъ. «Это добро для насъ, солдатъ, пожертвовано; видите клеймо Краснаго Креста. А вѣдь взялъ-то я ее сейчасъ въ китайской лавченкѣ. Зачѣмъ же вы пожертвованные намъ запасы продаете китайцамъ, когда мы голодаемъ»...

Казбекъ сперва усовѣщевалъ ихъ, а потомъ скомандовалъ: «маршъ по домамъ». Никто не пошевельнулся.

— Тебѣ говорятъ, на лѣво кругомъ маршъ!

Не тутъ-то было. Хохотъ, свистъ, улю-лю!..

Противъ магазина Кунстъ-Альберсъ расположились верховые.

Комендантъ потихоньку удалился и подъ свистъ толпы двинулся дальше. Я пошелъ обѣдать въ сосѣдній ресторанъ Шуина. Было около часу. Во время обѣда вижу, мимо оконъ бѣжитъ по тротуару толпа (оттуда, гдѣ было сборище). Думаю—стрѣльба. Выскакиваю.

— Чего? Что такое?

— Не знаемъ! всѣ бѣгутъ!

Потомъ возвращаются немножко обратно; потомъ опять побѣжали... И ничего не понять, что дѣлается.

Дообѣдавъ, быстро пошелъ въ толпу. Возбужденіе на лицахъ страшное. Дѣйствій никакихъ. Всѣ стоятъ и какъ будто чего-то ждутъ.

Вдругъ на углу Свѣтланской и Суйфунской выскакиваетъ изъ толпы

высокій красивый брюнетъ съ энергичнымъ лицомъ, въ пиджакѣ, высокихъ сапогахъ и папахѣ и, энергично жестикулируя, кричитъ:

— Да чего съ ними разговаривать!.. Разговорами толку не добьешся! За работу! Ай-да въ полицію, выпустимъ арестованныхъ!.. Что за бабы!

А впереди его, въ ту сторону, куда онъ указывалъ, уже неслось на гору, бѣгомъ, вразсыпную нѣсколько десятковъ человѣкъ. Тутъ впервые раздался свистъ, тотъ зловѣщій, рѣзкій, набатный свистъ, что долго потомъ носился, какъ бѣшенный ураганъ, по городу и еще дольше стоялъ въ ушахъ потрясенныхъ жителей. Одинъ изъ жигановъ хватилъ камнемъ въ окно кунстовскаго дворца. Нѣсколько человѣкъ подбѣжало къ коноводу:

— Зачѣмъ трогаете частныхъ людей?

— Это такъ оселъ какой-то хватилъ сдуру!—Конечно, нельзя никого зря обижать... А тюрьму-то р-р-разнесемъ!.. За мной ребята!..

Двинулся съ толпой и я. Прошелъ нѣсколько шаговъ, слышу:

— Постой-ка, хвачу эту сволочь, чтобы не шлялся, гдѣ не слѣдъ!

— Чего ты, развѣ не видишь, это докторъ!

Оборачиваюсь. Одинъ пьяный матросъ подымаетъ камень, а другой его удерживаетъ.

— За что вы хотѣли меня ударить?..

— А чортъ тебя разберетъ: полицейскій ты или докторъ!

Пробѣгая мимо полиціи, нѣсколько человѣкъ запустили камнями въ окна. Раздался звонъ стеколъ, и изъ оконъ каталажной (надъ пожарнымъ сараемъ) стали махать руками и кричать: «братцы, ослобоните!..»

Но потокъ почему-то здѣсь не задержался, а ринулся вправо по Суйфунской, по направленію какъ бы къ тюрьмѣ. Добѣжали до конца улицы, гдѣ начинается пустырь. Чтобы дойти до тюрьмы, надо было итти въ гору, пустыми мѣстами. Вотъ почему толпа задержалась, какъ бы въ раздумьи: стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ такъ далеко бѣжать изъ города, когда и здѣсь есть гдѣ развернуться. Послѣднее зданьице было слѣва на углу—мелочная китайская лавченка. Два матроса, стоявшіе по близости, подошли и дернули за болтъ. Вдругъ деревянное окошечко раскрылось и оттуда грянулъ выстрѣлъ въ упоръ физіономіи матроса, едва успѣвшаго увернуться. Затѣмъ другой—«бацъ»!.. Толпа на секунду дрогнула, раздалась, затѣмъ, какъ съежившееся раздраженное животное, ринулась... и хибарка затряслась отъ усилій сотни рукъ. Стукъ, трескъ. Ломаютъ ворота, чтобы проникнуть во дворъ. Раскрываются боковыя двери (во дворъ), и два китайца съ мѣшками за спиной и съ револьверами въ рукахъ, какъ зайцы, пригнувшись къ землѣ, прыгъ-прыгъ саженными шагами, только пятки мелькаютъ въ уровень съ затылкомъ... Вслѣдъ имъ «ату! го-го!» и

градъ камней. Удрали. Перелѣзли заборъ, ворвались черезъ дверь въ лавочку. Окно настежь. Пошелъ грабежъ.

Я забылъ сказать, что въ первую минуту нападенія я еще разъ подскочилъ къ грабителямъ и, сколько было у меня аргументовъ и голосовыхъ средствъ, все пустилъ въ ходъ для того, чтобы урезонить ихъ. Кричу, надрываюсь. Напоминаю въ концѣ-концовъ о семьяхъ, о присягѣ, о крестѣ на шеѣ... Ни малѣйшаго признака воздѣйствія, ни секундной задержки. Когда же я загораживалъ кому дорогу, или хваталъ за рукавъ шинели, то встрѣчалъ такое дикое, слѣпое озлобленіе, видѣлъ передъ собою такое озвѣрѣвшее лицо, въ мутныхъ воспаленныхъ глазахъ отражалась такая сила ненависти, такая глубокая неутолимая жажда мести, что я со своими «*словами*» казался самому себѣ чѣмъ-то маленькимъ, безсильнымъ, жалкимъ. Я понялъ, что представляю собою ребенка, пытающагося дощечками и колышками преградить путь первому бѣгу ручья въ то время, когда въ горахъ гремитъ громъ, бушуетъ ливень, и въ долину катится уже мощь стихіи, безпощадная, всесокрушающая.

Въ этотъ моментъ здѣсь нуженъ былъ могучій человѣкъ яснаго ума, сильной воли и неукротимаго мужества. Такой смогъ бы если не остановить потокъ, то во всякомъ случаѣ направить въ другое русло. Вся эта толпа пошла бы за нимъ куда и на что угодно. Но такого человѣка во Владивостокѣ въ ту минуту не оказалось.

Сознаніе безсилія парализовало меня. И когда ко мнѣ подбѣжалъ чиновникъ Вильчинскій [1]) и сказалъ: «Что же вы молчите? Попробуйте ихъ уговорить. Они васъ послушаютъ»,—то я только рукой махнулъ. Оставалось наблюдать, какъ поступаетъ рабъ, сорвавшійся съ цѣпи.

Чего нельзя было унести или съѣсть, то истреблялось съ отвратительнымъ увлеченіемъ. Безусый паренекъ съ добродушной, круглой, рыжеватой физіономіей, въ солдатской шинели, схвативши желѣзную коробку съ гвоздями, ожесточенно мечетъ ее туда и сюда, разбрасывая гвозди кругомъ. Въ заключеніе высоко поднявши эту коробку, онъ съ такой силой ударилъ ее о земь, какъ будто именно въ этой-то коробкѣ и заключалось все мучившее его зло, какъ будто именно она-то и стояла поперекъ дороги. Сдѣлавъ это, онъ побѣдоносно взглянулъ вокругъ и, ободренный вниманіемъ зрителей, привлеченнымъ грохотомъ коробки, самодовольно ухмыльнулся и съ крикомъ «ура» набросился на мѣшокъ съ мукой и ну трепать его. Такъ поступали еще не пьяные люди.

---

[1]) Долго потомъ этотъ господинъ ходилъ съ подбитымъ глазомъ и раной на головѣ. Вспыльчивый, живой, какъ полякъ, онъ таки не выдержалъ. Гдѣ-то, въ другомъ мѣстѣ, усовѣщевая, далъ двѣ оплеухи грабителю. Его, конечно, смяли. Счастливо еще отдѣлался.

Но съ лавочкой, наконецъ, покончено. Раздался свистъ и крики «назадъ! въ полицію!..» Орава двинулась. Полиція тутъ же рядомъ. Передъ ней на площади стояла большая, шумная толпа, но вела себя выжидательно. Подошли «наши». Въ окна полетѣлъ градъ камней, зазвенѣли стекла, затрещали рамы. Ни одного полицейскаго, всѣ скрылись. Десятокъ человѣкъ бросаются черезъ калитку во дворъ. «Арестантовъ пошли выпущать»,—комментируетъ кто-то. За ними послѣдовали еще и еще. Черезъ нѣсколько минутъ толпа побѣдоносно повалила обратно. Стали выскакивать и освобожденные китайцы. Помню одного молодого. Выбѣжалъ на улицу и замеръ. То ли испугался толпы, то ли не вѣрилъ своему счастью, что онъ освобожденъ. Посмотрѣлъ направо, налѣво и шмыгъ за уголъ. Только его и видѣли.

Такимъ образомъ авангардъ толпы увеличился на нѣсколько десятковъ добрыхъ молодцевъ, еще утромъ арестованныхъ на базарѣ за выдающуюся активность. Покончивши съ полиціей, толпа стояла въ нерѣшительности, не зная, куда направить энергію. Въ заднихъ слояхъ толпы, среди пассивныхъ зрителей, возникла было идея вынести на площадь полицейскія бумаги и сжечь ихъ, но впередъ, въ активныя сферы, идея эта не проникла и посему осталась неосуществленной.

Кто-то крикнулъ: «Телефонъ рвать! Веревокъ!..» Откуда то взялась веревка. Стали забрасывать на проволоки, тянуть ихъ къ землѣ. Ничего не выходитъ. Нѣсколько матросовъ полѣзли на столбы. Другіе стали протестовать: «Плюньте! кому онъ нуженъ?..»

Неизвѣстно, куда бы теперь направилась толпа. Въ такихъ обстоятельствахъ многое зависитъ отъ случая. Вдругъ тамъ впереди загоготали, заулюлюкали. Ринулись бѣжать. Что такое? По улицѣ во весь опоръ бѣгутъ два офицера, вышедшіе изъ одного дома, вслѣдъ имъ камни и толпа. Преслѣдуемые убѣжали за уголъ въ Маркеловскій переулокъ. Толпа очутилась передъ рестораномъ «Одесса».

...Моментально были выбиты стекла и черезъ нихъ полетѣло на улицу все содержимое: мебель, посуда, напитки, съѣдобное. Вещи, конечно, въ дребезги. Немало труда задали новые вѣнскіе стулья, которые съ трудомъ разбивались ударами о тротуаръ. Въ рукахъ у солдатиковъ замелькали бутылки. Тутъ же на улицѣ отбивались горлышки, и потекли рѣкой въ жадныя глотки вина, коньякъ, водка. Безуміе лилось вмѣстѣ съ алкоголемъ изъ черныхъ пустыхъ оконъ кабака, безповоротно захватывая толпу въ свои роковыя, полныя неожиданностей адскія объятія.

Толпа стала неузнаваемой. Дикое, ожесточенное веселіе овладѣло ею. Разнесли въ куски органъ и, вооружившись дудками, трубами, свистѣлками, толпа издавала мелодію, соотвѣтствовавшую чудовищной дѣйстви-

тельности. Гремѣлъ барабанъ. Что-то пѣли. Каждый оралъ. Пустыя бутылки летѣли въ окна верхняго этажа. Звонъ, трескъ, грохотъ... Танцы... На головахъ у нѣкоторыхъ какіе-то колпаки на манеръ фригійскихъ шапокъ. Дикія выкрикиванья со свистомъ... И свистъ, этотъ ужасный свистъ, какъ набатъ, зовущій далѣе на дикую, безпощадную месть.

Болѣе часа продолжалась эта ужасная оргія двуногихъ. Ужъ темнѣло.

Въ разгаръ погрома, въ толпу въѣхалъ на извозчикѣ генералъ Флейшеръ. Но его не пропустили, и черезъ минуту, согнувшись и закрывши голову руками, сопровождаемый градомъ камней, онъ ускакалъ обратно.

— Ваше благородіе!.. — Передо мною стоитъ пьяный матросъ безъ шапки, — перевяжите, пожалуйста, рану. Вотъ тутъ черти хватили меня бутылкой.—Показываетъ на лобъ.—„Ну, ладно идемъ. Тутъ я недалеко живу“. Пришлось итти мимо самой „Одессы“, обогнуть ее. Въ моей квартирѣ стеколъ въ окнахъ нѣтъ,—къ счастію только наружныхъ,—внутреннія уцѣлѣли. Воды для промывки раны достать нельзя. Хозяева заперли квартиру и убѣжали. Вытеръ ранку ватой, перевязалъ чистымъ платкомъ.

— Вы, — говоритъ, — господина Пушкина (фамилія вымышлена) не бойтесь! Не такой человѣкъ господинъ Пушкинъ, чтобы кого здря обидѣлъ! Нѣтъ, меня всякій знаетъ... потому... прощайте, надо итти къ своимъ!—Ушелъ.

Посидѣлъ я нѣсколько минутъ въ квартирѣ. Чувствую, нужно сообразить что-то очень важное, существенное, но въ головѣ шумъ... Жутко въ четырехъ нѣмыхъ стѣнахъ. Тянетъ на улицу... Нечего дѣлать, надо опять итти. Темнѣетъ. Въ душѣ зарождается страхъ передъ чѣмъ-то огромнымъ, неизвѣстнымъ, что бушуетъ вотъ тутъ рядомъ вокругъ и можетъ сейчасъ задѣть и раздавить тебя. Лучше скинуть форму, чтобы во тьмѣ не приняли за офицера. Надѣлъ бурку, вынулъ изъ фуражки кокарду, пошелъ...

Уже успѣли разбить и разграбить сразу три винно-бакалейныхъ лавки! На площади передъ „Одессой“ и вблизи на Китайской улицѣ было тихо и безлюдно. Откуда-то справа доносится шумъ и гамъ. Пошелъ по этому направленію. Вижу: кварталомъ выше улица запружена народомъ. Огромная, въ нѣсколько тысячъ толпа заполнила перекрестокъ и прилегающія части улицъ. Идетъ штурмъ крѣпко запертой винно-бакалейной. Площадка передъ дверью, ступеньки лѣстницы биткомъ набиты людьми опьянѣвшими, безумными. Стоитъ сплошной дикій ревъ нетерпѣнья. Раскачиваютъ болты. Трясутъ ставни. Гремятъ удары. Трескъ... ставня поддалась, сорвана. Съ неистовымъ ревомъ торжества поддалась туда толпа, подсаживая руками впереди стоящихъ. Загремѣлъ засовъ, распахнулись настежь двери. Опять громовое „ура“. Началось пиршество.

— Разступись!

Надъ толпой заколыхались штыки. Впереди полъ-роты матросовъ, за ними столько же солдатъ.

— Рота, стой!—Остановились шагахъ въ двадцати отъ лавки. Сняли ружья съ плечъ. Стоятъ и смотрятъ. Толпа, сперва нѣсколько разжавшаяся, снова сомкнулась и поглотила охранителей порядка вмѣстѣ съ ихъ офицерами. Грабежъ продолжается. Бутылки дѣлаютъ свое дѣло. То и дѣло изъ пьянаго гама вырываются восклицанія: „Да здравствуетъ свобода!“ Скоро и охранители порядка, переложивши ружья въ лѣвыя руки, правыя протянули къ толпѣ, и то та, то другая голова запрокидывалась кверху вмѣстѣ съ дномъ бутылки. Разгулъ усиливался. Алкоголь и темнота дѣлали свое дѣло.

Раздалась команда „на плечо“, и патрули ушли. Зачѣмъ ихъ приводили? Выпить-закусить! Подразнить картиной разгула ихъ товарищей?

Саранча истребила все, что было возможно. Опять свистъ и крики: „Въ Яръ! идемъ въ Яръ!“ Толпа повалила къ Яру, горой. Я же направился болѣе близкимъ путемъ, но задержался въ китайской лавченкѣ (приткнувшейся у угла архіерейскаго дома), у которой нѣсколько матросовъ пытались сорвать ставню. Здѣсь я послѣдній разъ сдѣлалъ попытку испытать силу убѣжденія, напирая главнымъ образомъ на то, что „зачѣмъ же обижать мелкоту, которая трудится, не покладая рукъ“,—и послѣдній разъ убѣдился, что логикой здѣсь ничего нельзя было сдѣлать. Лавченку разграбили. Розлили, повидимому, нечаянно, керосинъ. Возникъ пожаръ, но сейчасъ же на моихъ глазахъ былъ потушенъ грабителями.

— Идемъ скорѣе, посмотримъ, что будетъ у Яра! — говоритъ знакомый чиновникъ. Сознаюсь, я даже сочувствовалъ идеѣ разгрома этого вертепа, гдѣ, говорили, происходилъ непрерывный бѣшенный разгулъ... Мы быстро двинулись ближайшими улицами. Не доходя до угла Алеутской—залпъ. Одинъ, другой, третій! Сперва остановились въ оцѣпенѣніи, затѣмъ бросились бѣжать. Темно. Нигдѣ ни огонька. Окна наглухо закрыты. Подбѣгаемъ къ самому Яру. Опять залпы, громкіе, раскатистые, безпощадные. Сердце замерло; душа куда-то спряталась; въ груди стало какъ-то пусто и словно безразлично... Пусть! Что будетъ?

— Не стрѣляйте, черти, дайте раненыхъ убрать! — послышалось справа изъ темноты Пологой улицы. Налѣво улица заперта шеренгой солдатъ съ ружьями. Подхожу къ нимъ, спрашиваю:

— Кто тутъ командуетъ?—молчаніе.

— Кто здѣсь старшій? Отвѣчай.

— Нѣтъ здѣсь старшаго! Я тутъ приставленъ!

Смотрю, простой городовой.

— Такъ слушайте. Я докторъ. Не стрѣлять, пока я не уберу раненыхъ.

Пошелъ быстро въ гору по Пологой. Нѣсколько людскихъ фигуръ бродитъ...

— Гдѣ раненые?

— А вотъ здѣся одинъ, а тамъ другой лежитъ.

Посреди улицы, раскинувшись словно спящій, неподвижно лежитъ человѣкъ. Зажегъ спичку, осмотрѣлъ. Пульса нѣтъ. Лицо залито кровью, на вискѣ рана. Возлѣ—шапка съ крестомъ ополченца. Отнесли къ сторонкѣ, положили на откосъ.

— Гдѣ другой?—Побѣжали выше. На тротуарѣ корчится солдатикъ, стонетъ. Оказался раненымъ въ бедро. Какъ его убрать? На чемъ унести?

Пока я тутъ метался, вижу фонарь извозчика. Подбѣгаю, схватилъ за возжу, остановилъ. Сидятъ два сѣдока.

— Вылѣзайте, надо раненаго увезти!

— У насъ у са-михъ ра-нен-ный есть, — заплетающимся языкомъ отвѣчаетъ одинъ. Вглядываюсь: рожа знакомая, пьяница фармацевтъ изъ полевой аптеки, другой—штатскій, неизвѣстный.

— Гдѣ? Кто раненъ?

— А вотъ е-го ра-ни-ли, мы и по-ѣ-ха-ли въ Яръ дѣ-лать пе-ре-вяз-ку.

Языкъ еле ворочается... Потрясеніе у меня было настолько сильно, что я не сообразилъ, что онъ просто несетъ съ пьяна околесину.

Неподалеку раздался грохотъ другого экипажа. Я бросилъ этихъ пьяницъ и съ крикомъ „стой! стой!“ помчался за другимъ экипажемъ. Нагоняю. Оказалось, кореецъ ѣдетъ на арбѣ. Остановилъ его, объясняю, въ чемъ дѣло на отечественномъ діалектѣ, а онъ мнѣ возражаетъ что-то по своему, по-корейски. Толку нѣтъ. Впрочемъ, я увидѣлъ, что везти раненнаго на такой трясучкѣ, по такой убійственной мостовой, — значитъ тянуть изъ него жилы. Я бросилъ корейца. Слышу въ темнотѣ:

— Франція въ первую революцію положила нѣсколько десятковъ тысячъ головъ. Что же особеннаго, если и у насъ ляжетъ сотня-другая, даже тысяча человѣкъ...

Любопытно, что такое?.. Подхожу. Собралась кучка людей. Кто-то ораторствуетъ о неизбѣжности кровавой революціи; приводитъ примѣры изъ исторіи новѣйшихъ движеній, доказывая, что нигдѣ безъ труповъ не обходилось. Поэтому,—убѣждалъ голосъ,—нечего смущаться, что кой-гдѣ пострѣливаютъ. Надо дружно продолжать, какъ начали...

Тутъ я ужъ не утерпѣлъ и перебилъ оратора. Я говорилъ имъ о сознательныхъ элементахъ народа, для которыхъ стало невыносимымъ иго

абсолютизма, говорилъ о безпощадной, кровавой борьбѣ, которую вели партіи во Франціи изъ-за своихъ политическихъ и экономическихъ идеаловъ. Тутъ было изъ-за чего жертвовать жизнью. У насъ же передъ глазами кучка презрѣнныхъ грабителей, выпущенныхъ изъ сахалинской каторги уголовныхъ отбросовъ, воспользовалась недовольствомъ солдатъ на военное начальство, увлекла невѣжественныхъ, слабохарактерныхъ людей, одурманила ихъ спиртомъ и теперь грабитъ и разоряетъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей.

— Развѣ это революція? Развѣ это герои? Я преклонюсь передъ убитымъ на баррикадѣ, но отъ трупа здѣшняго грабителя отвернусь, какъ отъ падали, собаки...

— Вѣрно, собакѣ собачья и смерть!..—поддержалъ кто-то.

— Если вы недовольны начальствомъ,—продолжалъ я,—если оно васъ мучило, идите къ штабу, къ квартирѣ Казбека, адмирала, но оставьте въ покоѣ бѣдняковъ, ни въ чемъ неповинныхъ тружениковъ китайцевъ.

Мимо по улицѣ ѣдутъ на извозчикѣ. Одинъ прыжокъ, хватаю за возжи. „Стой! вылазь!" Впрочемъ, „вылазь" можно было и не говорить,—сѣдоки моментально исчезли. Сажусь. „Заворачивайте!"

— Куда прикажете?

— Направо, къ Яру, живо.

Около Яра войскъ еще больше. Почему-то это мѣсто оберегали особенно усиленно, что совершенно непонятно: перекрестокъ этотъ лежитъ на окраинѣ города. Единственное объясненіе, что тотъ, кто распоряжался войсками, рѣшилъ не допустить разгрома офицерскаго эдема, а за одно охрана распространялась и на другіе, тутъ же сконцентрированные притоны.

Предупредивъ офицеровъ (теперь уже ихъ было здѣсь нѣсколько), что ѣду за раненымъ, отправился туда, гдѣ лежалъ подстрѣленный. Шагахъ въ пятидесяти отъ охраны громили магазинъ. Усадивши съ помощью матросовъ раненаго, поѣхалъ. Путь шелъ по улицѣ, загороженной солдатами.

— Пропустите, раненаго везу!..

— Нельзя!..

Напустилъ на себя начальническій тонъ, кричу:

— Разступись! Я—военный докторъ! раненаго солдата везу... Пропусти!.. Трогай!

Солдаты разступились, но подбѣжалъ одинъ изъ офицеровъ, схватилъ лошадь за уздечку и рванулъ ее въ сторону.

— Нельзя! говорятъ. Поѣзжай стороной! Стрѣлять буду.

Извозчикъ мой шарахнулся въ боковую улицу.

— Будьте вы прокляты! — крикнулъ я изо всѣхъ силъ.—Убійцы! Звѣри!

Самъ не помню, что кричалъ. Сердце разошлось. Такъ же, думается мнѣ, и офицеръ не понималъ, почему онъ, допуская у себя на глазахъ разгромъ и поджоги, не позволилъ мнѣ провезти раненаго по ближайшей удобной дорогѣ, а заставилъ ѣхать по оврагамъ. Всѣ растерялись, нервничали.

Отвезъ раненаго въ городскую больницу, сдалъ сестрѣ, которая сказала мнѣ, что уже принято нѣсколько тяжело раненыхъ.

Извозчикъ не хочетъ везти назадъ въ городъ (больница на окраинѣ). Пошелъ пѣшкомъ. Въ это время городъ горѣлъ уже мѣстахъ въ четырехъ. Шла непрерывная трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Прежнимъ путемъ возвратиться нельзя, всѣ улицы, прилегающія къ Яру, оказались занятыми пѣхотой и конницей. Недоставало только артиллеріи.

Пошелъ другимъ путемъ. Здѣсь горѣло нѣсколько домовъ подъ рядъ. Огромный деревянный домина ярко пылалъ, освѣщая все кругомъ. Улица заполнена хмѣльнымъ воинствомъ. Патрули перемѣшались съ грабителями. Каждый солдатъ держалъ въ рукахъ бутылку. Шелъ бѣшеный разгулъ. Тамъ дальше еще и еще пожары.

Вотъ моя улица. Зашелъ къ себѣ. Посидѣлъ, думалъ отдохнуть. Нѣтъ, не могу. Надо итти. На улицѣ страшно, а въ комнатѣ еще страшнѣй. Къ черту переодѣванье. Зачѣмъ переодѣваться. Все равно. Надѣлъ форменное пальто, прицѣпилъ кокарду, взялъ въ карманъ револьверъ и пошелъ на Свѣтланку. Здѣсь уже прошла лава. Изъ оконъ лучшаго магазина Кунстъ-Альберса валитъ клубами черно багровый дымъ. Направо горитъ огромное зданіе „Золотой Рогъ", въ которомъ помѣщаются театръ, общественное собраніе, гостиница, лучшіе магазины. Я пошелъ туда. Ужасъ и оцѣпенѣніе охватили меня, когда я увидѣлъ эти огромныя, пылающія громады. Никто не тушилъ. Алеутская улица (отъ Золот. Рога до желѣзной дороги) вся въ огнѣ. Снуютъ суетливыя кучки грабителей. Неподвижно стоитъ сѣрая цѣпь безмолвныхъ свидѣтелей,—вооруженныхъ патрулей, запирающихъ улицы, ведущія къ главному штабу, къ квартирѣ коменданта.

Долго смотрѣлъ я на эту ужасную картину человѣческаго безумства, пока не почувствовалъ, что неудержимо хочется пить. Но гдѣ же? Знакомыхъ нѣтъ. Рестораны всѣ разгромлены. Развѣ на вокзалъ сходить, тутъ рядомъ. Вѣрно: буфетъ открытъ. Усѣлся, выпилъ подъ рядъ нѣсколько стакановъ чаю. Входятъ-уходятъ офицеры. Дѣлятся впечатлѣніями, ругаютъ „слишкомъ рано дарованную свободу"... кто-то жалуется, что вотъ, молъ, только и осталось, въ чемъ выскочилъ. Тутъ же и пьяница фармацевтъ заливаетъ изъ бутылки свою неудачу сдѣлать перевязку въ „Яру".

Возвращаюсь. По Алеутской во 2-ой госпиталь несутъ на носилкахъ цѣлый транспортъ раненыхъ. Встрѣчаю д-ра Волкенштейна съ женой и М. Н. Тригони. Приглашаютъ зайти. До бесѣдъ ли тутъ? Да къ тому же черезъ цѣпь никого въ городъ не пропускаютъ. Что тутъ дѣлать? Идетъ санитарный отрядъ съ носилками за ранеными. Примкнулъ къ нему въ надеждѣ быть полезнымъ. Пошли по Алеутской къ Яру и далѣе по тѣмъ же улицамъ, гдѣ только что былъ. Ко всѣмъ встрѣчнымъ обращались съ вопросомъ о раненыхъ. Намъ указывали на валявшихся подъ заборами, у домовъ людей, фельдшеръ зажигалъ свѣчку, я осматривалъ мертвецки-пьяныхъ людей, переворачивалъ ихъ, заглядывалъ подъ рубашку, нѣтъ ли крови, а затѣмъ мы оставляли ихъ въ покоѣ.

Около Яра намъ сказали, что неподалеку надъ оврагомъ данъ былъ залпъ и двое остались на мѣстѣ, но неизвѣстно раненые, или убитые. Мы поспѣшили туда, и, при свѣтѣ зарева, дѣйствительно увидѣли лежащихъ на дорогѣ двухъ человѣкъ. У одного пуля прошла какъ разъ въ область сердца, другому въ голову. Снесли ихъ къ сторонкѣ и пошли назадъ. Остановились на углу, бесѣдуемъ съ офицеромъ, а тутъ рядомъ въ лавочкѣ, при мерцаніи свѣчки, идетъ работа: нѣсколько солдатъ набиваютъ мѣшки чѣмъ попало. Офицеръ подбѣжалъ и крикнулъ въ дверь: „что вы тутъ, мерзавцы, дѣлаете. Вонъ отсюда!“. Свѣчка потухла, притаились. „Вонъ, говорю!“ Одинъ за другимъ шмыгъ-шмыгъ. Послѣдній выскочилъ съ мѣшкомъ. „Брось, брось мѣшокъ!“ Не тутъ-то было: улепетываетъ, а мѣшокъ держитъ. „Стрѣляй его, с—а сына!“ Одинъ солдатъ вскинулъ уже ружье на прицѣлъ. Къ счастью, другой офицеръ постарше, схватилъ его за руку: „отставить!“

Пошли дальше въ пылавшій кварталъ. Ужасное зрѣлище... Ружья составлены въ козлы. Солдаты бродятъ, шатаются, сидятъ, но большая часть лежитъ, храпитъ. Дома пылаютъ, словно костры на бивуакѣ.

— Нѣтъ здѣсь раненыхъ?

— Нѣту... у насъ все рас-пья-нооо...

Подъ заборами, въ канавахъ, посреди улицы, словно послѣ сраженія, кучами валяются солдаты. Однихъ тошнитъ. Другіе храпятъ съ широко раскрытыми ртами.—Нѣкоторые держатъ винтовки на рукахъ. Омерзительно.

Мы спустились по Кутайской улицѣ на Свѣтланку. Влѣво въ сторону почты гремѣли залпы. Оттуда бѣгутъ солдаты.

— Что, тамъ есть раненые?

— Есть... много раненыхъ...

— Идемъ!— говорю санитарамъ.

— Такъ что, ваше благородіе, надо переждать... Генералъ Езерскій приказали намъ быть при нихъ.

— А чертъ съ вами!—Бросилъ ихъ и пошелъ одинъ. А пальба такая, что въ самомъ дѣлѣ жуть беретъ, какъ бы не влетѣло. Подхожу къ углу. Тутъ притаилось нѣсколько солдатъ.

— Что, страшно?

— Нѣтъ, они въ небо жарятъ.

— А чего же вы притаились здѣсь, не идете?

— А такъ что и изъ нашего брата не на всякаго положишься. Другой дуракъ, наибольше изъ молодыхъ солдатъ, что, значитъ, не раскусилъ еще кто имъ командуетъ,—такой тоже не посмотритъ, что изъ одного корыта бѣду хлебали...

— Нѣтъ, пулями стрѣляютъ только офицеры и полицейскіе. Свой на своего руки не подыметъ.

— Ну, тоже сказалъ, перебиваетъ третій, вышибая изъ бутылки пробку ударомъ о ладонь, во всякомъ стадѣ паршивая овечка найдется. Межъ нашимъ братомъ тоже не мало, что хуже собакъ будутъ.

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ я, видѣвшій все, не могъ не согласиться. Немного затихло. Иду. Вижу: десятка два матросовъ съ ружьями идутъ по Суйфунской внизъ, окруживши двухъ дамъ.

— Кого это ведете?—спрашиваю задняго.

— А это жена капитана 1-го ранга N.

— Куда же вы ее ведете?

— На судно. Тамъ,—кивнулъ онъ головой назадъ,—уже сгубили двухъ женщинъ...

Вотъ на углу магазинъ золотыхъ вещей Пономарева. Ставни пріотворены. Черезъ окна изнутри падаютъ наружу вещи, и ихъ принимаютъ стоящіе на тротуарѣ солдаты съ ружьями, т. е. патрули, приставленные охранять. Я стоялъ въ оцѣпенѣніи, глядя на эту бездну паденія человѣка и... солдата...

— Что? наблюдаете?—Смотрю, знакомый симпатичный приказчикъ съ жилкой общественнаго дѣятеля. Пошли вмѣстѣ. Вся Свѣтланская улица оказалась разграбленной. Всѣ лучшіе магазины, кондитерскія, всѣ эти вчера еще ярко освѣщенные, кипѣвшіе жизнью дома стояли озаренные заревомъ пожаровъ, чернѣя глубокими пустыми окнами, подобно впадинамъ голаго черепа.

Дальше, дальше! Что это? Сердце мое сжалось отъ боли. Морской библіотеки, этого лучшаго убѣжища въ городѣ,—роскошнаго уютнаго читальнаго зала, заваленнаго книгами и газетами, съ чудными стѣнными картами, съ роскошнымъ видомъ на Золотой Рогъ,—не существовало. Мой милый уголокъ, гдѣ я прожилъ столько лучшихъ минутъ, столько передумалъ, перечувствовалъ... гдѣ сердце горѣло то негодованіемъ, то

бурной радостью, гдѣ крѣпла вѣра въ скорое обновленіе и счастье родины... словомъ, гдѣ я жилъ жизнью ума, въ общеніи со всей мыслящей Россіей,—этотъ храмъ человѣческаго разума былъ уничтоженъ. Изъ груды раскаленныхъ угольевъ высились кверху красножелтыя трубы, словно костлявыя руки, вздымающіяся къ небу съ мольбой о прощеніи тѣхъ слѣпыхъ несчастныхъ безумцевъ, которые, во-истину не вѣдая, что творятъ, подняли руку на своего истиннаго друга, на этотъ лучшій въ краѣ источникъ знанія. Разсвирѣпѣвшій вѣтеръ, время отъ времени какъ бы пытаясь хоть что-нибудь спасти отъ безпощадной стихіи, выхватывалъ пылающій листокъ книги и торопился унести его повыше въ темную глубину неба.

Тяжелая картина. Въ душѣ копошилось нѣчто близкое къ полному отчаянію... таяла вѣра въ *человѣка.* Если бы нервы не были такъ утомлены, прибиты всѣмъ пережитымъ,—я бы расплакался.

— Ага! объявился таки одинъ с-ъ сынъ, не испугался (поминовеніе родителей), влѣпи-ка ему, чтобъ по вѣкъ помнилъ Владивостокское тридцатое число.

Передъ нами на тротуарѣ (дѣло происходило на углу около восточнаго института) остановилась кучка матросовъ. Одинъ съ искаженнымъ отъ пьяной злобы лицомъ протискивался съ сжатыми кулаками. Я спустился со второй ступеньки лѣстницы и сталъ рядомъ съ нимъ.

— За что меня бить собираетесь? развѣ вы меня знаете?

— И знать не хочу! Ишь подполковничьи погоны носитъ... пьявка шпанская, кровопійца!

— Будьте, говорю, увѣрены, что если бы я чувствовалъ себя виноватымъ передъ солдатами, то не пошелъ бы сюда, а сидѣлъ дома.

— Это справедливо (поддержали другіе), изъ дохтуровъ рѣдко которые подлецы бываютъ. Не за что его благородіе трогать. Пойдемъ!

— Нѣтъ, ты постойка, я его допытаюсь, почему онъ, не виноватый, такіе порціоны хапаетъ, когда меня голодомъ морятъ.

Я объяснилъ ему, что служу военнымъ не по своей волѣ, что меня, какъ и его, насильно здѣсь держатъ. Вмѣшался мой спутникъ приказчикъ и сталъ говорить ему о службѣ врачей въ земствахъ, какъ они всегда стоятъ за права народа.

— Да, замѣчаетъ тотъ, теперь всѣ вы, подлецы, стали друзьями народа, когда видите, что наша верхъ беретъ.

Въ концѣ концовъ архаровецъ, израсходовавъ свой „великій гнѣвъ", прокричалъ привѣтствіе свободѣ (въ сочетаніи съ пятиэтажнымъ ругательствомъ) и удалился съ товарищами. Остались бесѣдовать съ нами два матроса. Одинъ трезвый красивый блондинъ съ замѣчательно интеллигентнымъ лицомъ, между прочимъ, сказалъ:

— Сколько разъ этими днями ни прійдешь въ свою каморку, все одни и тѣ же письма находишь, чтобы собирался народъ въ воскресенье на Свѣтланку около базара, что будетъ вызвано начальство для объясненій, почему не отпускаетъ запасныхъ, что если не дадутъ правильнаго отвѣта, то разграбятъ и сожгутъ городъ. Даже было назначено, какіе дома жечь, вотъ они сейчасъ всѣ горятъ.

Въ это время впереди по направленію къ Слободкѣ опять загремѣли залпы. Пошла отчаянная пальба. Я двинулся было туда, но бѣгущіе навстрѣчу только-что разговаривавшіе съ нами матросы кричали:—„не ходите туда, тамъ переодѣтые въ солдатскія шинели офицера разстрѣливаютъ всѣхъ. Вотъ тутъ сейчасъ за угломъ пятеро легло“. Дѣйствительно, на другой день здѣсь на тротуарѣ видны были лужи крови и слѣды пуль на каменной оградѣ Порта.

Меня охватила нервная дрожь. Не хотѣлось больше ни говорить съ людьми, ни видѣть близко эти ужасы. Я не могъ подумать о возвращеніи той же дорогой. Хотѣлось бѣжать подальше отсюда, куда глаза глядятъ... Я рѣшилъ двинуться въ горы, что, насупившись чернымъ кольцомъ, смотрѣли на разрушеніе такъ заботливо оберегаемаго ими города.

Подпимаюсь по лѣстницѣ около Восточнаго Института. Быстро идетъ патруль. По срединѣ пьяненькій солдатикъ, молящимъ, слезливымъ голосомъ проситъ: „отпустите, ради Бога, я же ничего не дѣлалъ...“ Фельдфебель ругается скверными словами. Я тоже началъ просить. „Отпустите его ко всѣмъ чертямъ. Какой толкъ наказывать одного, если весь городъ кишитъ грабителями, если грабятъ сами патрули“. Фельдфебель колеблется: „А что я скажу командиру?“.

— Ну, скажите, что убегъ.

— Нѣтъ, этого никакъ невозможно,—въ это время подходитъ свирѣпый бурбонъ и, узнавши, что я прошу отпустить арестованнаго, грубо схватилъ за плечо, повернулъ и изо всей силы ударилъ въ спину, такъ что бѣдняга отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ.

— Отвести его мерзавца!

Патруль схватилъ его и потащилъ.

Я устремился наверхъ и скоро стоялъ уже высоко надъ городомъ, гдѣ въ эту ужасную ночь, казалось, всѣхъ поголовно охватили безуміе и ужасъ. На освѣщенныхъ отблескомъ пожаровъ склонахъ горъ стояли и бродили черныя фигуры. Кто это? Хищные шакалы, прячущіе въ скалахъ награбленное, или потерявшіе головы, обезумѣвшіе отъ ужаса жертвы погрома? Бездушные эстеты, нейроники, поднявшіеся полюбоваться свѣтовыми эффектами страшной картины всеобщаго разрушенія? или трусы, бѣгущіе, куда глаза глядятъ?

Я забрался на верхушку горы, выдавшейся впередъ, откуда была видна вся ужасная панорама. Огромный городъ пылалъ сразу во многихъ мѣстахъ. Рядъ зданій по Свѣтланской улицѣ, вся матросская слободка, нѣсколько зданій въ Порту, огромный участокъ около Амурскаго залива,— все это было въ огнѣ. Людская злоба нашла себѣ откликъ и по ту сторону Рога: на Чуркинѣ тоже что-то горѣло.

Какимъ образомъ могъ поступать такъ человѣкъ, существо *разумное*, какъ могъ онъ нарочно губить результатъ многолѣтняго упорнаго труда человѣческаго ума и рукъ. Терялась вѣра въ устроительную способность человѣческаго ума... Жизнь казалась безсмысленной, пропадала охота жить. Хотѣлось перестать существовать, чтобы не видѣть, не слышать, не чувствовать...

Центральная часть города, не тронутая пожаромъ, была погружена въ глубокій мракъ. Ни одного огонька. Мертвая тишина. Казалось, люди уснули крѣпкимъ сномъ или совсѣмъ покинули свои жилища. Я остановился и сталъ всматриваться. И вотъ мнѣ живо, какъ на яву, представилось, что переживаютъ сейчасъ люди въ этихъ темныхъ замершихъ домахъ. Въ комнатахъ темно и тихо. Разговариваютъ шепотомъ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ или повышеніи голоса... Съ расширенными отъ темноты и ужаса очами, они на цыпочкахъ переходятъ отъ окна къ окну съ застывшими блѣдными лицами, освѣщенными отблескомъ зарева, и прячутся за косяки, при видѣ человѣческой фигуры, одѣтыя по походному дрожащія матери, спящія нераздѣтыми дѣти... рядомъ, на готовѣ, сложенныя шубки, калошики, башлычки...

Дзень!.. раздалось вдругъ въ тишинѣ... хохотъ, ругань... и опять мертвая, зловѣщая тишина...

... Видно у разошедшагося солдатика рука чесалась. Чаша впечатлѣній переполнилась. Больше выносить я не могъ. Меня охватилъ животный страхъ. Я перестал владѣть собой и, встрѣчаясь съ людьми, вынималъ изъ кармана револьверъ. Крадучись подъ заборами и домами, озираясь и прислушиваясь, избѣгая встрѣчъ, я добрался до дому.

Въ Маркеловскомъ переулкѣ было тихо. Парадный ходъ запертъ. Стучусь въ ворота. „Кто тамъ?..“ Впустили. На дворѣ оказалось обширное общество. Страхъ выгналъ обитателей дома изъ квартиръ, и они собрались на общественномъ форумѣ-дворѣ, запуганные, потерявшіеся. Я подѣлился съ ними впечатлѣніями. Общеніе съ живыми людьми успокоило нервы. Потянуло ко сну. Было около 5 часовъ.

Постучали въ ворота. Всѣ тревожно насторожились; пошелъ я отпирать. Солдатикъ спрашиваетъ:

— Здѣсь живетъ присяжный повѣренный Звѣревъ?

— Да! А что?

— Его проситъ къ себѣ губернаторъ.

— А гдѣ губернаторъ?

— Въ штабѣ у коменданта.

У меня явилось желаніе пойти съ нимъ. Любопытно посмотрѣть, какъ чувствуютъ себя сейчасъ власть имущіе. Звѣрева приглашали, очевидно, какъ предсѣдателя „Общества народныхъ чтеній“, которому принадлежала инициатива устройства митинговъ. Онъ игралъ замѣтную роль на митингахъ. Его теперь звали. Я пошелъ съ нимъ.

М. Кудржинскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ всѣхъ насъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія перевезли въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я заболѣлъ тифомъ, и какъ разъ въ то время, когда врачъ Гарфинкель былъ у меня въ камерѣ и, измѣряя температуру, говорилъ, что онъ меня сейчасъ переведетъ въ больницу, вошелъ въ мою камеру жандармскій подполковникъ Домашневъ съ жандармами и попросилъ меня „потрудиться“ одѣться, чтобы увезти изъ Дома Предварительнаго Заключенія. На протестъ врача, что у меня тифъ, и что онъ переводитъ меня въ больничную камеру, Домашневъ не обратилъ вниманія и увезъ меня. О немедленномъ увозѣ всѣхъ изъ Дома Пр. Закл. хлопоталъ управляющій Домомъ, такъ какъ пребываніе наше въ Домѣ Предварительнаго Заключенія онъ считалъ для себя слишкомъ отвѣтственнымъ.

Перевезли насъ 15 февраля и въ Трубецкомъ бастіонѣ держали болѣе мѣсяца.

По процессу „20-ти“, какъ извѣстно, было десять смертныхъ приговоровъ. Суханова разстрѣляли, остальнымъ замѣнили смертную казнь пожизненной каторгой. На эту замѣну, какъ говорили, немалую долю вліянія оказало письмо Виктора Гюго къ Александру III-му. Но приговореннымъ къ смерти „помилованіе“ это объявили не ранѣе, какъ продержавъ съ мѣсяцъ, такъ сказать, подъ висѣлицей. Въ ночь на 28-ое марта я былъ разбуженъ шумомъ. Въ камеру мою вошелъ жандармскій штабъ-ротмистръ Соколовъ („Иродъ“) въ сопровожденіи смотрителя Трубецкого бастіона Лѣсника, толпы жандармскихъ унтеръ-офицеровъ и присяжныхъ. Подошедши къ моей постели, Соколовъ сказалъ: „нужно одѣться“. Одѣвъ сѣрую суконную арестантскую куртку и такіе же штаны, мнѣ подали шапку. (Спустя нѣсколько дней послѣ ареста насъ всѣхъ одѣли въ арестантское платье, въ которомъ мы ходили до суда. Только во время судебнаго процесса намъ выдали собственное платье.) „А въ шубѣ нѣтъ

надобности, здѣсь близко“, сообщилъ Соколовъ. Дѣйствительно, было близко.

Спустившись съ верхняго этажа и пройдя черезъ зданіе, гдѣ засѣдаютъ комиссіи и даютъ свиданья, мы вышли въ проулокъ монетнаго двора. Здѣсь два жандарма взяли меня подъ руки такъ, чтобы я чувствовалъ, и затѣмъ, окруживъ плотнымъ кольцомъ конвоя, этотъ картежъ, предшествуемый Соколовымъ двинулся впередъ.

Миновавъ монетный дворъ, Петропавловскій соборъ, прошли черезъ небольшую площадь, деревянный мостъ и свернули налѣво къ воротамъ, въ которыхъ предупредительно раскрылась калитка и, пропустивъ насъ, тотчасъ захлопнулась. Это былъ Алексѣевскій равелинъ. Мы вошли въ крытый, сдѣланный въ самомъ зданіи сводомъ проходъ, гдѣ стояли часовые, прошли шаговъ съ десять, повернули направо, поднялись по нѣсколькимъ ступенькамъ и вошли въ коридоръ, въ которомъ виднѣлся по правую руку рядъ дверей и ходилъ часовой. Когда мы завернули въ другой коридоръ, Соколовъ остановился, сказавъ „здѣсь“, и мы вошли въ камеру. Подвергнувъ меня тщательному обыску, подали бѣлье, халатъ и обувь.

Бѣлье прекрасное изъ тонкаго холста, черный, новый, удобный суконный халатъ, а обувь—полуботинки даже щегольская. Одежду, которая была раньше на мнѣ, унесли. „Все, что слѣдуетъ, получится въ свое время, звонковъ здѣсь не полагается, перестукиванье и всякій шумъ не допускается, лампа должна горѣть въ теченіе всей ночи, и тушить ее не разрѣшается“, сказалъ Соколовъ, и всѣ вышли. Дверь закрылась, и замокъ щелкнулъ. Тотчасъ по уходѣ Соколова послышался стукъ въ стѣну, и я узналъ, что сосѣдями моими были съ одной стороны Мартинъ Ланганcъ, а съ другой Николай Морозовъ. Далѣе Морозова сидѣлъ Фроленко, а по другую сторону Ланганса находился Клѣточниковъ.

Я оглядѣлъ свое новое жилище. Довольно высокая, почти квадратная аршинъ 9 длины и 8 ширины камера была окрашена въ желтый цвѣтъ. Какъ разъ противъ двери, на противуположной сторонѣ было окно, размѣрами своими напоминавшее обыкновенныя окна жилыхъ помѣщеній; съ внѣшней стороны окна была желѣзная рѣшетка. Стекла были чѣмъ-то покрыты, въ родѣ матовыхъ. Противъ окна стоялъ дубовый столъ, на которомъ горѣла маленькая керосиновая лампочка. Близъ стола стоялъ дубовый стулъ. Направо отъ стола деревянная кровать съ матрацомъ, подушкой, простыней и сильно потертымъ тонкимъ, шерстянымъ бѣлымъ одѣяломъ.

Было уже поздно, и мнѣ хотѣлось спать. Приподнявъ одѣяло и простыню, чтобы оправить постель, меня всего передернуло. Матрацъ представлялъ изъ себя наглядную лѣто-

пись человѣческихъ страданій. Ни одного живого мѣста! Ткань, покрытая пятнами всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, превратилась какъ бы въ пергаментъ.

Ровно въ 7 часовъ утра принесли воду для умыванья, (умывальники металическіе поставили впослѣдствіи), вынесли стульчакъ и дали чай. Здѣсь же, конечно, присутствовалъ Соколовъ. Безъ него никто никогда не входилъ въ камеру.

При дневномъ свѣтѣ стало видно, что нижняя часть стѣны приблизительно на 1 аршинъ высоты отъ сырости покрылась бѣлою плѣсенью. Въ верхнемъ стеклѣ былъ вставленъ маленькій жестяной вентиляторъ, но онъ бездѣйствовалъ. Подойдя къ окну, я замѣтилъ въ одномъ изъ стеколъ свѣтлую точку величиною съ булавочную головку. Я приникъ глазомъ къ этой точкѣ и увидѣлъ часоваго, ходившаго передъ окнами.

Немного поодаль, саженяхъ въ 4-хъ, виднѣлась казарма, гдѣ помѣщались жандармы, несущіе караульную службу. Болѣе ничего не было видно. На подоконникѣ стояла маленькая деревянная икона съ изображеніемъ Христа и надписью „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы". На стѣнахъ камеры на желтомъ фонѣ кое-гдѣ бѣлѣли пятна. Это тщательно выскобленныя мѣста надписей прежнихъ обитателей этого жилища. Благодаря сырости, горѣвшей въ теченіе всей ночи лампѣ и отсутствію вентиляціи, воздухъ былъ испорченъ. Въ камерѣ было холодно. Могильная тишина нарушалась звяканьемъ шпоръ ходившаго въ коридорѣ, по половику, часового. По временамъ приподнимался клапанъ. Клапаномъ прикрыто стеклышко для наблюденія. Оно величиною въ пятиалтынный, вдѣлано въ дверь въ уровень человѣческаго роста.

Дежурные унтеръ-офицеры должны наблюдать и днемъ и ночью. Людей съ разстроенными нервами, что бываетъ почти у всѣхъ, находящихся въ одиночномъ заключеніи, эти наблюденія доводятъ до послѣдней степени раздраженія. Вамъ удалось на минуту забыться. Въ это время подкрадывается къ двери неслышными шагами дежурный, для чего нѣкоторые надѣваютъ валенки даже лѣтомъ, и устремляетъ на васъ глазъ. Если вы сидите спиной къ двери, то иной не ограничится заглядываньемъ, а щелкнетъ клапаномъ. Это ударитъ васъ по больнымъ нервамъ, что хорошо знаетъ наблюдающій, и нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ это умышленно. Вплоть до обѣда я проходилъ изъ угла въ уголъ по камерѣ. Обычное времяпровожденіе въ одиночномъ заключеніи, когда не даютъ книгъ и когда здоровье позволяетъ ходить. Въ 12 часовъ послышалась изо дня въ день повторяющаяся, однообразная мелодія на курантахъ Петропавловскаго собора, и почти въ то же время принесли обѣдъ. Столъ былъ накрытъ бѣлою скатертью, положена салфетка и массивная серебряная ложка.

На столъ былъ поставленъ полный обѣдъ, состоящій изъ нѣсколькихъ блюдъ.

Благодаря раннему часу, ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я, обратившись къ Соколову, сказалъ: „Если ужина здѣсь не полагается, то я прошу не приносить мнѣ всего обѣда, а одно изъ блюдъ оставлять мнѣ на ужинъ и давать вечеромъ“. Соколовъ, не моргнувъ глазомъ, издалъ звукъ „псст“ (такъ онъ подзывалъ жандармовъ) и сказалъ: „номеру первому (подъ этимъ номеромъ я значился) не подавать полнаго обѣда, а оставлять одно блюдо на ужинъ“. Во время раздачи обѣда мы считали число камеръ, куда занесутъ обѣдъ, чтобы опредѣлить число находящихся въ равелинѣ. Но это намъ не вполнѣ удалось. Нѣсколько камеръ находились въ совершенно отдѣльномъ коридорѣ. По процессу 20-ти переведены были изъ Трубецкого бастіона въ Алексѣевскій равелинъ: Ланганcъ, Клѣточниковъ, Тетерка, Баранниковъ, Арончикъ, Исаевъ, Александръ Михайловъ, Колодкевичъ, Фроленко, Морозовъ и я. Кромѣ того, былъ тамъ Мирскій, и вскорѣ привезенъ былъ Поливановъ.

На прогулку насъ не вывели. Вечерній чай дали около 7-ми часовъ вечера. Такъ закончился первый день пребыванія нашего въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ воскресенье утромъ, т. е. въ день Пасхи, Соколовъ вошелъ въ камеру съ увеличеннымъ штатомъ жандармовъ, причемъ каждый изъ нихъ держалъ на рукахъ что-нибудь. Это мнѣ напомнило одѣваніе архіерея передъ богослуженіемъ. Я еще лежалъ въ постели. „Нужно встать, чтобы остричься и одѣться“, обратился ко мнѣ Соколовъ. Въ равелинѣ какъ на этотъ разъ, такъ и впослѣдствіи стрижка была самая примитивная. Первому дежурному унтеръ-офицеру приказывалъ Соколовъ брать ножницы и стричь, и онъ стригъ, водя ножницами прямо по кожѣ, безъ гребенки. Однажды кто-то замѣтилъ Соколову, что онъ долженъ стричь подъ гребенку. Соколовъ приказалъ жандарму взять гребенку. Тотъ дѣйствительно взялъ гребенку въ лѣвую руку и держалъ ее все время въ рукѣ, не касаясь головы, а правою рукою продолжалъ свое дѣло. Бороды и усовъ не стригли и не брили. Покончивъ со стрижкой, поднесли изъ какой-то дерюги ветхую рубашку и нижнее бѣлье, старыя штаны съ прорѣзами для кандаловъ, суконныя дырявыя портянки и старые коты (башмаки) несоотвѣтственныхъ размѣровъ съ веревочками, которыми нужно было привязывать башмакъ къ ногѣ. Несомнѣнно, всѣ эти вещи были изъяты изъ употребленія за негодностью въ какой-нибудь уголовной тюрьмѣ и доставлены по заказу въ равелинъ. Наконецъ, подали новенькую куртку изъ сѣраго сукна, рукава которой и тузъ на спинѣ были сдѣланы изъ черного сукна, и положили сѣрую арестантскую шапку, на которой во всю ширину дна былъ нашитъ изъ черныхъ суконныхъ полосъ

крестъ. Затѣмъ положили на столъ кусокъ чернаго хлѣба, немножко творогу, кусокъ бѣлаго хлѣба, долженствующій знаменовать собой куличъ, и поставили кружку квасу. Передъ выходомъ изъ камеры Соколовъ сказалъ: „здѣсь не полагается ни прогулокъ, ни чаю, ни книгъ". По уходѣ Соколова Лангансъ простучалъ мнѣ, что Соколовъ выговоръ Клѣточникову за перестукиванье закончилъ словами: „Ну, а съ тебя взысканія будутъ строгія". Съ этого дня обѣды и ужины начали намъ давать такіе, которые въ теченіе года съ мѣсяцами свели въ могилу половину сидящихъ, вслѣдствіе чего я сейчасъ опишу ихъ подробно. А теперь замѣчу, что остановился на описаніи одежды и пищи, данной намъ въ субботу, съ единственной цѣлью показать, какимъ глупымъ издѣвательствомъ была начата месть. Допустить случайную перемѣну режима трудно. Невольно думалось, какъ далеки всѣ эти „государственные люди" до пониманія психологіи революціонеровъ. Для этихъ мудрыхъ сановниковъ выше тонкаго бѣлья, красиваго сапога, жирнаго и сладкаго куска ничего нѣтъ. И вотъ они въ субботу наглядно хотѣли показать, что мы потеряли. Много и отъ души посмѣялись мы надъ этой затѣей. Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ ту пору былъ Игнатьевъ, а директоромъ департамента полиціи Плеве.

Въ теченіе года съ мѣсяцами обѣдъ нашъ состоялъ изъ оловянной миски мутной жидкости, въ которой плавали нѣсколько микроскопическихъ кусочковъ жилъ и зеленыхъ обрѣзковъ кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной въ видѣ жидкаго клейстера, на которомъ плавало нѣсколько капель сала, отъ котораго несло запахомъ сальной свѣчи. На ужинъ давали тѣ же щи съ тою лишь разницей, что въ нихъ отсутствовали кусочки жилъ. Это въ скоромные дни; въ постные же дни, т. е. среду и пятницу, давали гороховый супъ, или лучше сказать намекъ на гороховый супъ, такъ какъ это была зеленоватая вода съ очень незначительнымъ количествомъ шелухи гороховой, и кашу, въ которой только слышался запахъ постнаго масла. Нѣкоторые въ теченіе всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржанымъ хлѣбомъ и квасомъ, такъ какъ ѣсть пищу не было физической возможности. Но для тѣхъ, кто приневоливалъ себя ѣсть обѣды, такъ и для тѣхъ, кто не былъ въ силахъ дѣлать это, результаты подобнаго питанья на здоровьѣ, въ скоромъ времени отразились одинаково.

Дня черезъ три была принесена Соколовымъ инструкція для прочтенія, въ которой было сказано, что въ одиночномъ заключеніи полагается отбывать $^1/_4$ часть срока, а затѣмъ переводятъ въ вольную команду. Какимъ цинизмомъ звучитъ это для тѣхъ, кто отбылъ весь срокъ въ одиночномъ

заключенiи. Затѣмъ въ инструкцiи этой перечислялись проступки и преступленiя, которые влекутъ за собою наказанiя шпицрутенами, число шпицрутеновъ доходило, кажется, до 4-хъ тысячъ, и смертную казнь. Спустя нѣсколько дней принесли библiю. Почти всѣ по нашему процессу пробыли до суда не менѣе 1 года, а кто и болѣе въ одиночномъ заключенiи, а, слѣдовательно, оторваны были отъ жизни (свиданья съ близкими родственниками въ присутствiи жандармскихъ офицеровъ не могли, конечно, дать многаго). Бесѣды наши вращались въ узкой сферѣ впечатлѣнiй судебнаго процесса и тѣхъ немногочисленныхъ свѣдѣнiй, которыя донеслись до насъ съ воли во время процесса. Если прибавить къ этому отсутствiе занятiй, книгъ, прогулки (насъ перевели въ равелинъ 28 марта, а на прогулку начали выводить въ концѣ августа на $1/4$ часа; впослѣдствiи прогулка была увеличена), возможности видѣть даже клочекъ неба, то не трудно представить, съ какимъ однообразiемъ потянулись дни, похожiе одинъ на другой, какъ двѣ дождевыхъ капли.

Перестукиванье даетъ много для одиночнаго заключенiя. Кто можетъ сказать, сколькихъ оно спасло отъ сумашествiя. При большомъ навыкѣ разговоръ этимъ способомъ можно вести довольно быстро. Тѣмъ не менѣе вести теоретическiя бесѣды посредствомъ перестукиванья очень утомительно. Всѣ были еще сравнительно здоровы, и потому оставалось одно—движенiе. Среди тишины, ничѣмъ ненарушаемой, справа слышались шаги бѣгающаго, словно бѣлка въ колесѣ, Морозова.

Слѣва слышались тяжелые, медленные шаги Мартына Ланганса. Такъ прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Духомъ всѣ были бодры, но плоть немощна. Ланганс первый простучалъ, что чувствуетъ ревматическiя боли въ колѣняхъ и ниже. Черезъ короткое время у него уже была форменная цынга: рыхлость и кровоточивость десенъ и кровоизлiянiя въ видѣ темно-красныхъ пятенъ выше и ниже колѣнъ. Докторъ Вильямсъ, человѣкъ въ высшей степени грубый, осмотрѣлъ его и пробурчалъ: „скорбутъ". Затѣмъ, выслушавъ грудь, сказалъ: „здорова, какъ у быка", и вышелъ. Къ дiагнозу легкихъ Ланганса мы отнеслись скептически. Докторъ назначилъ Лангансу: желѣзо, полосканье настойкой танина, кружку молока и $1/2$ лимона.

Клѣточниковъ началъ болѣть цынгой и, кромѣ того, катарромъ кишекъ; докторъ поилъ его микстурами. Дурное питанiе и сырое помѣщенiе между тѣмъ дѣлали свое дѣло. Всѣ мы начали болѣть цынгой. У обладающихъ менѣе здоровымъ организмомъ цынга осложнилась другими болѣзнями. У Морозова началось кровохарканье. У Фроленко открылась рана на боку. Удостовѣрившись въ цынгѣ, докторъ назначалъ всѣмъ, кромѣ Клѣточникова, то же, что назначилъ

Лангансу. Кромѣ того, докторъ рекомендовалъ движеніе. Для нѣкоторыхъ движеніе по камерѣ при цынгѣ было возможно, но стоило остановиться на одномъ мѣстѣ, немедленно ноги затекали, и ощущалась сильная боль. Проходилъ мѣсяцъ, полтора и у тѣхъ, у кого былъ болѣе здоровый организмъ, темнокрасныя пятна начинали исчезать, десна и зубы укрѣплялись; тогда молоко тотчасъ же отбиралось; докторъ слѣдилъ за этимъ зорко.

Черезъ полтора-два мѣсяца снова начинается цынга. Снова назначается молоко, и лишь только больной начинаетъ поправляться, снова отбирается. У Морозова признаки цынги исчезли, но кровохарканье продолжалось; тогда вмѣсто кружки докторъ назначилъ ему 4 ложки молока.

У Ланганса цынга не проходила, открылось сильное кровохарканье, ходилъ онъ съ большимъ трудомъ. Все время лежалъ онъ и лишь изрѣдка добирался до стѣны, чтобы перемолвиться словомъ. Онъ не думалъ, что у него чахотка, и вѣрилъ въ свое выздоровленіе. Какъ часто вспоминалъ онъ жену и сына. Какъ мечталъ онъ ихъ увидѣть! Незадолго до того, какъ пересталъ вставать онъ совсѣмъ съ кровати, съ большимъ трудомъ добрался до стѣны, чтобы разсказать мнѣ эпизодъ при крещеніи его сына. Дѣло въ томъ, что сынъ его родился въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Само собой разумѣется, что кума не матери пришлось выбирать. Вызвался крестить какой-то генералъ, который обратился къ матери ребенка, Аннѣ Васильевнѣ Якимовой, съ вопросомъ, какое имя желала бы она дать сыну?

Анна Васильевна отвѣтила, что хотѣла бы назвать сына Мартыномъ.

„Такъ, понимаю", замѣтилъ глубокомысленно генералъ. „Вы значитъ хотите назвать его въ честь Мартина Лютера... реформація..." Несмотря на сильныя страданія, душевной бодрости Мартинъ Рудольфовичъ не терялъ. Впослѣдствіи вставать съ постели онъ уже не могъ и, если хотѣлъ сказать что-нибудь, то бралъ въ руку башмакъ и лежа, съ кровати, стоявшей вдали отъ стѣны, стучалъ по полу, а я отвѣчалъ ему стукомъ въ стѣну. Въ концѣ августа начали выводить на прогулку. Лангансъ обратился съ просьбой къ доктору дать ему костыли, чтобы имѣть возможность подышать свѣжимъ воздухомъ 1/4 часа. Докторъ отвѣтилъ, что безъ коменданта разрѣшить онъ не можетъ, но что доложитъ объ этомъ коменданту. Въ то время комендантомъ Петропавловской крѣпости былъ генералъ-адъютантъ Ганецкій.

На слѣдующій день докторъ зашелъ къ Лангансу и объявилъ ему, что комендантъ не разрѣшаетъ выдать костыли.

Когда начали выводить на прогулку, то явилась возможность познакомиться съ наружной стороной зданія. Алек-

сѣевскій равелинъ представляетъ собою одноэтажное зданіе, построенное въ видѣ треугольника. По тремъ сторонамъ этого треугольника расположено около 20 камеръ и комнаты для караула.

Двери изъ камеръ выходятъ въ коридоръ, который тянется по всѣмъ тремъ сторонамъ и обращенъ къ садику. Внутри треугольника разбитъ садикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ березъ, рябинъ, кустарниковъ смородины и одной древней яблони, но приносившей еще плоды. Въ садикѣ стояла чугунная скамейка. Впослѣдствіи близь скамейки была насыпана куча песку, около которой лежала деревянная лопата.

Желающіе могли упражнять свои мускулы пересыпая песокъ съ одного мѣста на другое. На прогулкѣ присутствовали два жандарма, а въ стеклышко, вставленное въ калитку, черезъ которую водили въ садикъ, виднѣлось вездѣсущее око Соколова.

Пора, однако, сообщить, хотя вкратцѣ, біографію штабъротмистра Соколова—„Ирода“, который игралъ далеко не второстепенную роль въ исторіи Алексѣевскаго равелина, а впослѣдствіи шлиссельбургской тюрмы. Лично мнѣ Соколовъ сталъ извѣстенъ съ 1881 г. Свѣдѣнія же о его прошломъ передаю такъ, какъ слышалъ. Происхожденіемъ изъ крестившихся евреевъ, изъ кантонистовъ, Соколовъ служилъ писаремъ во время Севастопольской кампаніи. Угодивъ кому-то изъ власть имущихъ, онъ былъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ и служилъ при 3-мъ Отдѣленіи, а затѣмъ при департаментѣ полиціи. Въ 1882 году назначенъ смотрителемъ Алексѣевскаго равелина, а въ 1884 году, когда всѣхъ перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость, Соколовъ былъ назначенъ смотрителемъ Шлиссельбургской тюрьмы.

Для выполненія той программы, которая была начертана для Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбурга, едва ли можно было сдѣлать выборъ болѣе удачный.

Соколовъ былъ идеальный типъ казенной души. Приказаніе начальства было для него—все. Что ему до того, что на его глазахъ умирали, сходили съ ума, кончали самоубійствомъ. Не его дѣло разсуждать. „Прикажутъ титуловать всѣхъ заключенныхъ „Ваше сіятельство,“ буду говорить всѣмъ „Ваше сіятельство“, жаловался онъ кому-то на то, что его бранятъ. Къ сказанному нужно прибавить, что Соколовъ былъ очень грубъ и мстителенъ къ тѣмъ, кто нарушалъ инструкцію, а нарушали ее почти всѣ, такъ какъ даже перестукиванье считалось нарушеньемъ.

Теперь, когда начали водить на прогулку въ теченіе дня слышался шумъ шаговъ въ коридорѣ. Иные буквально еле волочили ноги. Конечно, у кого цынга осложнялась другими болѣзнями, выходить не могли. У меня цынга не ослож-

нялась другими болѣзнями и не причиняла сильныхъ физическихъ страданій, когда я лежалъ.

Что касается до нравственнаго состоянія, то овладѣваетъ полная апатія. Утрачивается всякая потребность въ обществѣ.

Иногда проходило по нѣсколько дней, и мы не подходили къ стѣнѣ для перестукиванья.

Лежишь въ полузабытьи, и въ воображеніи носятся картины прошлаго. Порой выступаютъ свѣтлые образы и переживаешь хорошія минуты. Но вотъ ключъ въ замкѣ поворачивается, открываешь глаза, иллюзія исчезаетъ, и фигура Соколова, сопровождающая жандармовъ, вносящихъ пищу, возвращаетъ къ дѣйствительности.

Позднею ночью на 30-е августа меня увели изъ Алексѣевскаго равелина въ Трубецкой бастіонъ. Привели въ камеру, и Соколовъ, сказавъ: „можно раздѣваться и ложиться спать", вышелъ. Изъ Алексѣевскаго равелина такъ скоро не уводятъ.

Я недоумѣвалъ, что это значитъ. Порѣшивъ, что размышленія все равно ни къ чему не приведутъ, я раздѣлся и легъ спать. На другой день утромъ, въ 7 часовъ принесли черный хлѣбъ, кружку молока и $^1/_2$ лимона. У меня была цынга, и все я это получалъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ 12 часовъ дали тотъ же обѣдъ, какой давали въ равелинѣ.

Значитъ связь съ равелиномъ не утрачивается. Черезъ полъ часа послѣ обѣда входятъ въ камеру Соколовъ и смотритель Трубецкого бастіона Лѣсникъ, который сказалъ мнѣ: „Государь разрѣшилъ вашей матушкѣ свиданье съ Вами на $^1/_4$ часа, которое сейчасъ будетъ дано. При этомъ мы должны предупредить Васъ, что, если Вы скажете, гдѣ Васъ держатъ или какъ Васъ содержатъ, то свиданье въ ту же минуту будетъ прекращено".

Меня сейчасъ же повели на свиданье, которое было дано въ обычномъ мѣстѣ для свиданій, т. е. черезъ двѣ проволочныхъ сѣтки. Между проволочными сѣтками помѣстились Соколовъ и Лѣсникъ, а въ отдѣленіи, гдѣ была мать, находился комендантъ крѣпости Ганецкій.

Для такого-то свиданья мать пріѣхала изъ Севастополя въ Петербургъ. Но для нея важно было увидѣть меня. Дѣло въ томъ, что послѣ суда директоръ департамента полиціи Плеве увѣрилъ ее, что съ первой навигаціей я буду отправленъ на Сахалинъ.

Навигація близилась къ концу, а обо мнѣ ничего не было слышно. Послѣ окончанія свиданія меня отвели въ камеру Трубецкого бастіона, а ночью перевели въ Алексѣевскій равелинъ.

Въ концѣ сентября или началѣ октября, хорошо не помню,

въ равелинъ привезли закованнаго въ кандалы Михаила Попова изъ Сибири съ карійскихъ рудниковъ. Изъ Сибири было привезено 8 человѣкъ, но Щедринъ, Кобылянскій, Малавскій, Орловъ, Буцинскій, Волошенко и Геллисъ были помѣщены въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости. Исторія этой обратной высылки изъ Сибири подробно описана у Кенана. Немного времени спустя, изъ Сибири еще были привезены: Мышкинъ и Юрковскій. Мышкинъ былъ приведенъ въ Алексѣевскій равелинъ, а Юрковскій оставленъ въ Трубецкомъ бастіонѣ.

Первое время сношеній съ другимъ коридоромъ у насъ не было. Сношенія установились впослѣдствіи. Прошла осень, наступила зима. Все то же. Изрѣдка простучитъ сосѣдъ, что такой-то не можетъ встать съ постели, а такой-то не можетъ лежать. Тѣмъ не менѣе унынія не было. Зимой былъ приведенъ въ равелинъ Игнатъ Ивановъ, но просидѣлъ онъ недолго. Однажды ночью мы услышали странные крики. Что дѣлали съ Ивановымъ? Били ли его, вязали ли, надѣвали смирительную рубашку? Но эти крики и вообще крики, несущіеся изъ камеры заживо погребеннаго человѣка, когда туда вваливается для расправы ватага жандармовъ, не забудутся всю жизнь. Ужасъ въ томъ, что самъ сидишь подъ замкомъ и ничѣмъ помочь ему не можешь. Иванова увезли изъ Алексѣевскаго равелина; онъ сошелъ съ ума. Немного времени спустя, сошелъ съ ума Арончикъ, но его не увели изъ Алексѣевскаго равелина; его все время держали тамъ и въ такомъ состояніи перевезли впослѣдствіи вмѣстѣ съ нами въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ.

Здоровье у всѣхъ замѣтно ухудшалось. Такъ тянулось до весны. Въ концѣ мая Клѣточниковъ рѣшилъ отказаться отъ пищи и заморить себя голодомъ. Докторъ, не взирая на его страданія желудкомъ, болѣзнь легкихъ и на цынгу, не назначалъ ему ничего, кромѣ лекарствъ, въ то время, когда всѣ остальные болѣвшіе цынгой получали молоко. Докторъ прямо сказалъ Клѣточникову, что ему, Клѣточникову, онъ не можетъ улучшить пищи безъ спеціальнаго разрѣшенія коменданта. Такимъ образомъ Клѣточниковъ даже сравнительно съ нами былъ поставленъ въ исключительныя условія. Мстили всѣмъ, но Клѣточникову мстили особо. На судѣ никого такъ не оскорбляли, какъ оскорбляли Клѣточникова. Не успѣлъ онъ преступить порога тюрьмы послѣ суда, какъ Соколовъ объявилъ ему: „Ну, а съ тебя взысканія будутъ строгія“.

Какъ извѣстно, Клѣточниковъ, будучи членомъ партіи „Народной Воли“, находился въ то же время на службѣ въ департаментѣ полиціи съ цѣлью доставлять всѣ свѣдѣнія партіи и тѣмъ парализовать дѣятельность департамента полиціи. Клѣточниковъ очень искусно повелъ дѣло. Въ скоромъ времени

онъ уже пользовался полнымъ довѣріемъ главнаго начальства и былъ награжденъ орденомъ. Но не малыхъ трудовъ стоило это Клѣточникову. Для этого онъ долженъ былъ сойтись съ чиновниками департамента, бывать у нихъ въ домахъ, играть съ ними въ карты и проигрывать имъ. Нерѣдко бывалъ онъ въ домѣ Соколова, къ которому попалъ на расправу, и игралъ съ нимъ въ карты.

Когда Клѣточниковъ простучалъ о своемъ рѣшеніи заморить себя голодомъ, то его просили повременить, чтобы, снесясь съ другими коридорами, начать общую голодовку. Видя, что переговоры затягиваются, Клѣточниковъ черезъ нѣсколько дней простучалъ, что уже объявилъ Соколову о своемъ рѣшеніи, и что на это Соколовъ ему отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ будемъ кормить силой“.

И, дѣйствительно, когда Соколовъ увидѣлъ, что пища стоитъ нетронутой, то приказалъ жандармамъ кормить его, если онъ сейчасъ же не начнетъ ѣсть. Клѣточниковъ съѣлъ нѣсколько ложекъ. Жандармы вышли. Клѣточниковъ бросилъ ложку. Такъ продолжалось три дня. На 4-й день пріѣхалъ въ Алексѣевскій равелинъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Оржевскій и вмѣстѣ съ комендантомъ обошелъ всѣ камеры. До этого времени, т. е. въ теченіе 1 года и 3 мѣсяцевъ, въ камеры не входилъ никто изъ ревизующихъ. По всей вѣроятности, ревизоры бывали и ранѣе, заглядывали въ дверное стеклышко, но въ камеры не заходили.

Послѣ отъѣзда Оржевскаго Клѣточникову стали давать молоко и бѣлый хлѣбъ. А черезъ нѣсколько дней былъ измѣненъ пищевой режимъ для всѣхъ. Кормить начали удовлетворительно, и, кромѣ того, докторъ щедрой рукой назначалъ прибавки въ видѣ молока и бѣлаго хлѣба. Увидѣвъ собственными глазами заключенныхъ, Оржевскій хорошо понималъ, что дѣло клонится къ близкой развязкѣ и что необходимо принять мѣры, чтобы предупредить скандалъ повальнаго вымиранія тюрьмы въ теченіе одного года съ мѣсяцами. Объяснить измѣненіе пищевого режима чѣмъ-нибудь инымъ будетъ ошибкой.

Черезъ годъ, когда насъ перевели въ Шлиссельбургъ, то снова былъ установленъ такой режимъ, при которомъ начали заболѣвать цынгой; и уже много времени спустя въ Шлиссельбургѣ были сдѣланы измѣненія опять-таки въ силу усилившейся смертности. Но ожиданія Оржевскаго не совсѣмъ оправдались. Было уже поздно. Менѣе здоровые организмы были расшатаны настолько, что помочь было нельзя.

Приблизительно дней черезъ десять послѣ посѣщенія Оржевскаго умеръ Клѣточниковъ. Говорю приблизительно, потому что съ точностью опредѣлить день смерти было трудно. Соколовъ въ силу извѣстныхъ одному только ему

соображеній, имѣлъ обыкновеніе заходить во время раздачи пищи и въ ту камеру, откуда былъ уже вынесенъ умершій.

Дѣлалъ онъ это въ теченіе двухъ, трехъ дней, а иногда и болѣе. Недѣли двѣ спустя, въ освободившуюся послѣ смерти Клѣточникова камеру былъ переведенъ Исаевъ, который намъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о здоровьѣ товарищей, сидящихъ въ другомъ коридорѣ. Оказывалось, что тамъ положеніе дѣлъ не лучше. Здоровье Баранникова и Тетерки было уже очень плохо. Между тѣмъ состояніе здоровья Ланганса настолько ухудшилось, что онъ не могъ перестукиваться, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Съ коридоромъ, гдѣ сидѣлъ Александръ Михайловъ, сношеній не было. Можно сказать съ увѣренностью, что его изолировали за блестящія и рѣзкія рѣчи на судѣ. Относительно рода смерти Михайлова опредѣленнаго сказать ничего нельзя.

Что Михайловъ умеръ не „естественною“ смертью, можно заключить изъ слѣдующаго.

Уже въ бытность въ Шлиссельбургской крѣпости, когда въ сосѣдней съ моей камерой умиралъ Исаевъ, я пригласилъ доктора и просилъ обратить вниманіе на него, прибавивъ при этомъ, что изъ 11 человѣкъ, которые были въ равелинѣ по нашему процессу, они уже замучили тамъ въ короткое время 6 человѣкъ. Соколовъ, который здѣсь же присутствовалъ, вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „И совсѣмъ неправда, не 6. Во 1-хъ, у того, который со мной служилъ—Соколовъ фамиліи не назвалъ—(Клѣточниковъ) еще на волѣ была чахотка, а во 2-хъ, съ другимъ случилось совсѣмъ другое“. На мой вопросъ: что же другое? Соколовъ сказалъ: „Это оставимъ“. Соколову можно повѣрить, что „съ другимъ случилось совсѣмъ другое“, т. е. этотъ „другой“ не умеръ „естественною“ смертью. Его или за что-нибудь разстрѣляли, или же онъ кончилъ самоубійствомъ. Обо всѣхъ умершихъ въ равелинѣ намъ извѣстно, такъ какъ съ ними были сношенія. Съ однимъ Александромъ Михайловымъ не было сношеній. Значитъ Александръ Михайловъ и есть этотъ „другой“.

Знали мы еще о Михайловѣ, что онъ болѣлъ, такъ какъ во время прогулки слышали голосъ доктора изъ его камеры. А. Поливановъ, который временно сидѣлъ неподалеку отъ Михайлова, говорилъ, что слышалъ голосъ Михайлова.

Забылъ я упомянуть, что послѣ посѣщенія Оржевскаго намъ были предложены нѣсколько книгъ духовнаго содержанія: „Четьи-Минеи“, журналъ „Христіанское чтеніе“ и нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ могу припомнить: „Небесный Отецъ“, „Два пути“ и „Какъ попасть въ Рай“.

Черезъ короткіе промежутки умерли Колодкевичъ, Баранниковъ и Тетерка.

Зимой 1883 года были приведены изъ Трубецкого ба-

стіона въ Алексѣевскій равелинъ Юрій Богдановичъ и Савелій Златопольскій.

Златопольскій былъ помѣщенъ въ камерѣ умершаго Лангaнса. Съ его прибытіемъ пробуждалась жизнь въ нашемъ коридорѣ. Приведенъ онъ былъ въ Алексѣевскій равелинъ сейчасъ же послѣ процесса и могъ сообщить многое. Узнали мы отъ него о бывшихъ и предстоящихъ процессахъ, объ арестахъ: Вѣры Николаевны Фигнеръ, Анны Павловны Корба, Людмилы Александровны Волкенштейнъ и многихъ другихъ товарищей.

Немало свѣдѣній съ воли было сообщено имъ. Ежедневно стучалъ онъ мнѣ часа по два, а я въ свою очередь передавалъ эти свѣдѣнія дальше. Отъ Златопольскаго мы впервые узнали, что въ Шлиссельбургской крѣпости заканчиваютъ строить новую тюрьму, куда всѣхъ насъ въ скоромъ времени перевезутъ. Сообщилъ онъ намъ о свиданьи Юрковскаго съ матерью въ департаментѣ полиціи, гдѣ сказали матери Юрковскаго, что въ Шлиссельбургѣ условія жизни измѣнятся. Даны будутъ парныя прогулки, библіотека и другія льготы.

Эти льготы дѣйствительно даны были впослѣдствіи въ Шлиссельбургѣ, но слишкомъ дорогой цѣной куплены онѣ тамъ,—каждая льгота стоила человѣческой жизни. Съ наступленіемъ весны 1884 года прогулка въ Алекс. равелинѣ была увеличена. На каждаго приходилось по $^1/_2$ часа. Дни, недѣли, мѣсяцы проходили съ прежнимъ однообразіемъ.

Послѣ обѣда 3 августа 1884 года въ одной изъ отдаленныхъ камеръ послышались звуки кузнечнаго молота. Дверь захлопнулась, и тѣ же звуки послышались въ слѣдующей камерѣ.

По порядку камеры продолжали открываться и закрываться. Всѣхъ насъ заковали въ ножныя кандалы. Около 9 часовъ въ томъ же порядкѣ Соколовъ обошелъ всѣ камеры и надѣлъ на всѣхъ ручныя кандалы. „Можно прилечь и отдохнуть, но не раздѣваться“, говорилъ онъ, выходя изъ камеры. Послѣ полуночи начали перевозить насъ въ каретѣ къ пристани, гдѣ стояла особо приспособленная баржа. Въ трюмѣ этой баржи по обоимъ бортамъ были устроены изъ теса очень маленькія помѣщенія, между каждымъ помѣщеніемъ былъ сдѣланъ промежутокъ, съ цѣлью предупредить сношенія между нами. Около каждаго помѣщенія, у двери, въ которой было сдѣлано маленькое и единственное окошечко, стояли съ обнаженными шашками жандармы и не спускали съ заключенныхъ глазъ.

Въ 4 часа утра послышался свистокъ на буксировавшемъ нашу баржу пароходѣ. Баржа дрогнула и двинулась вверхъ по Невѣ—въ Шлиссельбургъ.

М. Тригони.

Къ исторіи исключенія Бакунина изъ Интернаціонала.

Письмо въ редакцію.

Парижъ, 18 марта 1908 г.

Многоуважаемый г. Редакторъ!

Въ первой книжкѣ (январь 1908 г.) «Минувшихъ Годовъ» были напечатаны письма Карла Маркса къ г. Николаю — ону, переведенныя на русскій языкъ Г. А. Лопатинымъ и снабженныя предисловіемъ г-на Николая—она.

Нѣкоторыя мѣста этихъ писемъ (вы были вполнѣ правы, не согласившись выпустить ихъ) касаются пресловутаго, но до сихъ поръ мало выясненнаго инцидента съ письмомъ, адресованнымъ въ 1870 году (притомъ написаннымъ не Бакунинымъ, а Нечаевымъ) Лю—ну по поводу предпринятаго въ то время Бакунинымъ перевода «Капитала». Письмо это было 7 сентября 1872 года предъявлено Карломъ Марксомъ на Гаагскомъ Конгрессѣ, въ засѣданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу Alliance'а, и именно оно побудило большинство этой комиссіи включить въ свой докладъ, въ число мотивовъ, на основаніи которыхъ должно было быть проведено исключеніе Бакунина, обвиненіе въ «пользованіи обманными пріемами для присвоенія чужого имущества, или части его, что составляетъ мошенничество» и, кромѣ того, въ томъ, что онъ «для уклоненія отъ принятыхъ на себя обязательствъ прибѣгалъ самъ, или черезъ посредство своихъ агентовъ, къ угрозамъ».

Письма Маркса, сообщенныя вашему журналу г-номъ Николаемъ—ономъ, а также и прибавленныя имъ поясненія, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ эпизодъ. Тѣмъ не менѣе, большинство вашихъ читателей несомнѣнно незнакомо съ нѣкоторыми обстоятельствами, знать которыя необходимо для правильнаго сужденія объ упомянутыхъ фактахъ. Обстоятельства эти изложены мною въ моей работѣ «L'Internationale, Documents et Souvenirs», выходящей теперь отдѣльными томами. Но эта книга почти не-

извѣстна въ Россіи; вотъ почему я посылаю вамъ двѣ выдержки изъ нея, касающіяся этого дѣла. Если бы вы пожелали напечатать ихъ, вы дополнили бы этимъ начатое вами выясненіе до сихъ поръ мало извѣстнаго историческаго факта—выясненіе, которое я, съ своей стороны, могу только привѣтствовать.

Выдержки изъ книги «L'Internationale, Documents et Souvenirs (1864—1878)». (Парижъ, т. I, 1905 г.; т. II, 1907 г.; т. III находится въ печати).

Выдержка первая (т. I, стр. 259—262).

«Оставивъ Женеву (въ октября 1869 г.), Бакунинъ отправился въ Лугано; но такъ какъ тамъ въ то время жилъ Мациини, то окружавшіе его итальянскіе эмигранты посовѣтовали Бакунину лучше поселиться въ Локарно; онъ послѣдовалъ этому совѣту и нанялъ за пятьдесятъ пять франковъ въ мѣсяцъ [1]) меблированную квартиру въ домѣ вдовы Терезы Педрадзини. Какъ видѣлъ читатель изъ письма ко мнѣ отъ 3 октября, онъ не хотѣлъ, чтобы мѣстопребываніе его было извѣстно, и сообщилъ поэтому свой адресъ лишь немногимъ друзьямъ. Со времени охлажденія его отношеній съ княгиней Оболенской, т. е. со времени распущенія стараго «Международнаго Братства» (въ январѣ 1869 г.), ему приходилось заботиться о средствахъ къ существованію; осенью 1869 г. онъ вступилъ, черезъ посредство одного русскаго молодого человѣка жившаго въ Германіи и котораго я назову Y. Z. [2]), въ сношенія съ петербургскимъ издателемъ Поляковымъ, который заказалъ ему русскій переводъ книги Карла Маркса «Капиталъ»; вознагражденіе за эту работу было назначено въ 900 рублей, изъ которыхъ треть Бакунинъ получилъ впередъ. [3])

Въ это время отношенія Бакунина съ Марксомъ еще считались хорошими. Марксъ, когда вышла въ 1867 году его книга, послалъ Бакунину экземпляръ, и Бакунинъ самъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующій маленькій эпизодъ:

«Во время Конгресса мира въ Женевѣ (въ 1867 году) старый коммунистъ Іоганъ-Филиппъ Беккеръ, какъ и Марксъ, одинъ изъ основателей Интернаціонала и другъ Маркса—на нѣмецкій ладъ, впрочемъ, т. е. готовый говорить про него все, что угодно, лишь бы самому не компрометироваться—передалъ мнѣ отъ имени Маркса первый,—единственный вышедшій до сихъ поръ—томъ труда, крайне важнаго, ученаго и глубокаго, хотя немного отвлеченнаго, подъ названіемъ «Капиталъ». Я сдѣлалъ при этомъ

---

[1]) См. письмо къ Огареву отъ 2 ноября 1869 г. (помѣченное по ошибкѣ 2 октября) въ „Перепискѣ" Бакунина, изданной Драгомановымъ.

[2]) Фамилію этого посредника я узналъ только въ 1904 году отъ одного изъ русскихъ друзей Бакунина, который просилъ меня не печатать ее, потому что это и теперь можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Это—то лицо, которое обозначается буквою Л. въ письмѣ Бакунина къ Огареву отъ 14 іюня 1870 г., письмѣ, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

[3]) Письмо къ Герцену отъ 4 января 1870 года (см. „Переписку" Бакунина).

непростительный промахъ: забылъ написать Марксу, чтобы поблагодарить его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ...» [1])

На этомъ, къ сожалѣнію, рукопись прерывается. Но мы узнаемъ конецъ изъ другой рукописи—изъ проэкта письма къ испанскому соціалисту Анседьмо Лоренцо, отъ 7 мая 1872 года, въ которомъ разсказывается та же самая маленькая исторія.

«... Въ это время я сдѣлалъ большую ошибку. Я не поспѣшилъ поблагодарить его и выразить свою похвалу этому дѣйствительно замѣчательному труду. Старикъ Беккеръ, который знаетъ его издавна, когда узналъ о моей забывчивости, сказалъ: «Какъ? ты до сихъ поръ не написалъ ему! Ну, Марксъ никогда тебѣ этого не проститъ». Я не думаю, однако, чтобы въ этомъ была причина возобновленія противъ меня войны со стороны Маркса и марксистовъ. Есть другая причина, чисто принципіальная, но въ соединеніи съ старыми личными причинами, она породила тѣ пылкія преслѣдованія, которымъ я теперь подвергаюсь со всѣхъ сторонъ». [2])

Бакунинъ возобновилъ къ тому времени переписку съ Жуковскимъ (письмо къ Жуковскому отъ 23 ноября), который только что поселился тогда въ Женевѣ и о которомъ онъ писалъ Огареву (письмо отъ 16 ноября въ «Перепискѣ»): «У этого человѣка сердце золотое, любящее, преданное... Характера нѣтъ... Привяжи его къ себѣ, сколько возможно. Свяжи его такъ, чтобы онъ совсѣмъ принадлежалъ намъ. Это будетъ полезно и это возможно. Для этого, отнюдь *не довѣряя ему никогда серьезныхъ секретовъ*, довѣрь ему съ самою большою тайною нѣсколько маленькихъ въ сущности, но, повидимому, весьма важныхъ, напр., что я въ *Луганѣ*, что я далъ тебѣ право сказать ему это съ просьбою, чтобъ онъ не говорилъ никому, исключая его женѣ Адѣ». [3]) Изъ этихъ писемъ Бакунина къ Жуковскому мы узнаемъ кое-какія подробности о переводѣ книги Маркса: начало было трудно; въ первое время Бакунинъ не могъ переводить больше трехъ страницъ въ день; затѣмъ онъ сталъ переводить пять и надѣялся дойти до десяти; вся работа, по его расчету, могла быть кончена въ четыре мѣсяца (письмо отъ 16 декабря). Сначала предполагалось, что Жуковская будетъ переписывать рукопись, но потомъ эта мысль была оставлена (письмо отъ 3 января 1870 года), и Бакунинъ сталъ стараться писать такъ, чтобы не приходилось переписывать, избѣгая помарокъ. «Я теперь перевожу много и быстро», писалъ онъ 7 января.

Причины таинственности, которой Бакунинъ окружалъ свое пребываніе въ Локарно, были чисто личнаго характера... Въ своемъ первомъ письмѣ къ Жуковскому (отъ 23 ноября) онъ пи-

---

[1]) Неизданная рукопись, озаглавленная „Личныя отношенія съ Марксомъ“ и приведенная въ біографіи Бакунина Максомъ Неттлау, стр. 358.

[2]) Неттлау, стр. 358.

[3]) Письма эти, написанныя по-русски, приведены у Неттлау въ переводѣ. Здѣсь приводится поэтому переводъ съ этого перевода.

шетъ: «Я просилъ Огарева передать тебѣ это письмо и сказать тебѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ величайшимъ секретомъ для всѣхъ, кромѣ Ади, а главное для утинскаго политическаго курятника, что я въ Локарно, гдѣ жду Антонію и гдѣ буду жить съ дѣтьми— съ тѣмъ, который родился въ прошломъ году, и съ тѣмъ, который долженъ родиться вскорѣ. Я пробуду въ Локарно, по крайней мѣрѣ, всю зиму».

Въ январѣ 1870 года въ Женеву вернулся изъ Россіи Нечаевъ, выдававшій себя за представителя русскаго Революціоннаго Комитета. Бакунинъ пригласилъ его въ Локарно (письмо отъ 12 января); онъ поѣхалъ туда и, заставъ Бакунина за переводомъ книги Маркса, сталъ уговаривать его бросить эту работу, чтобы цѣликомъ посвятить себя русской революціонной пропагандѣ; онъ обѣщалъ найти кого-нибудь, кто бы за остальную часть условленной платы взялся докончить переводъ вмѣсто Бакунина. Жуковскій, узнавъ о проектахъ Нечаева, предложилъ взяться вмѣстѣ съ нѣсколькими другими за окончаніе перевода, съ условіемъ, что Бакунинъ его просмотритъ, но предложеніе это не было принято [1]); полагаясь на обѣщаніе Нечаева устроить это дѣло, Бакунинъ занялся исключительно русской пропагандой и не хотѣлъ больше слышать о переводѣ. Между тѣмъ, Нечаевъ самымъ недостойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Бакунина: онъ написалъ, безъ его вѣдома, издателю Полякову [2]) письмо, въ которомъ извѣщалъ отъ имени Русскаго Революціоннаго Комитета, что услуги Бакунина понадобились этому Комитету, и что поэтому онъ не можетъ кончить начатаго перевода. Затѣмъ, какъ говорятъ, слѣдовала угроза на случай, если Поляковъ предъявитъ какія-либо требованія [3]). Этотъ, по истинѣ «революціонный», актъ дошелъ до свѣдѣнія Бакунина только въ маѣ или іюнѣ 1870 года: онъ узналъ о немъ изъ письма Y. Z. [4]), въ которомъ тотъ жаловался и называлъ поступокъ мошенническимъ. Бакунинъ тотчасъ же послалъ Нечаеву письмо съ протестомъ; онъ писалъ ему два раза, и оба эти письма видѣлъ послѣ ареста Нечаева въ Цюрихѣ Россъ, поѣхавшій изъ Парижа въ Цюрихъ

---

[1]) Кѣмъ? *Ред.*

[2]) Относительно этого пункта я ошибся. Изъ писемъ Маркса къ г-ну Николаю—ону я узналъ, что письмо Нечаева было адресовано не къ издателю, а къ посреднику Лю—ну (Примѣчаніе 1908 года).

[3]) П. А. Кропоткинъ *видѣлъ* впослѣдствіи письмо Нечаева. Онъ передавалъ мнѣ, что это, собственно, не угрожающее письмо, а скорѣе обращеніе къ здравому смыслу издателя, который, говорилось въ письмѣ, долженъ понять, что Бакунинъ можетъ употребить свое время съ большей пользой на что-нибудь другое, вмѣсто перевода. Возможно однако—П. А. Кропоткинъ въ точности не помнитъ этого,—что письмо заканчивалось какой-нибудь фразой, въ которой былъ намекъ на то, что если Поляковъ не окажется сговорчивымъ, то онъ можетъ впослѣдствіи въ этомъ раскаяться.

[4]) Какъ извѣстно, этими буквами обозначается Лю—нъ (Примѣчаніе 1908 года).

для того, чтобы сжечь бумаги, оставленныя тамъ Нечаевымъ въ сундукѣ [1])».

Вторая выдержка (т. II, стр. 335 и 343—346).

...«По предложенію Генеральнаго Совѣта, была выбрана (гаагскимъ конгрессомъ) въ среду вечеромъ (4 сентября 1872 г.) комиссія изъ пяти членовъ, чтобы изслѣдовать дѣло объ Alliance'ѣ и представить докладъ конгрессу. Въ ея составъ вошли: Куно—нѣмецъ; Люкенъ (псевдонимъ), Вишаръ и Вальтеръ (псевдонимъ Ванъ Геддегема)—французы, и Рохъ Силингардъ — бельгіецъ; послѣдній одинъ былъ представителемъ меньшинства. Предсѣдателемъ комиссіи былъ Куно. Куно былъ человѣкъ нѣсколько ненормальный; онъ прожилъ раньше нѣкоторое время въ Миланѣ, гдѣ былъ членомъ секціи Интернаціонала подъ фамиліей *Капестро*, затѣмъ въ февралѣ 1872 года, былъ высланъ оттуда итальянской полиціей; о его сообразительности можно судить по тому, что онъ въ четвергъ, на публичномъ засѣданіи Конгресса, придрался къ одному нѣмецкому чиновнику, передъ которымъ долженъ былъ на другой день публично извиняться.

...Слѣдственная комиссія засѣдала при закрытыхъ дверяхъ, въ помѣщеніи гаагской секціи и вызывала свидѣтелей и тѣхъ, кого она называла обвиняемыми. Она намѣревалась заняться изслѣдованіемъ существованія тайнаго общества, подъ названіемъ «Alliance de la démocratie socialiste» (Союзъ соціалистической демократіи), которое существовало якобы рядомъ съ открытымъ обществомъ, основаннымъ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1868 года, и носившимъ то же названіе; оба общества имѣли якобы одну и ту же программу, причемъ второе—Союзъ явный—служилъ будто бы лишь ширмой и прикрытіемъ для того, чтобы скрыть существованіе и дѣятельность перваго. Это тайное общество имѣло будто бы свой уставъ и свою программу, противуположную программѣ Интернаціонала, съ которымъ оно было въ соперничествѣ и во враждѣ.

Я, лично, отказался явиться на судъ комиссіи. Я никогда не былъ членомъ *Союза соціалистической демократіи*, основаннаго въ 1868 году въ Бернѣ Бакунинымъ, Элизэ Реклю и ихъ друзьями: я отказался въ свое время основать въ Локлѣ группу, которая принадлежала бы къ этому Союзу, какъ отказался и записаться членомъ въ женевскую секцію Союза, и все это я всегда говорилъ совершенно открыто. Что касается того, былъ ли я, или состою ли я теперь членомъ какого-нибудь тайнаго общества, то я не признавалъ ни за кѣмъ права ставить мнѣ такой вопросъ,—вопросъ, самая мысль о постановкѣ котораго кажется мнѣ странной, потому что долгъ всякаго члена какой-нибудь тайной организаціи—не отвѣчать на него. На конгрессѣ въ Шо-де-Фонъ, 4 апрѣля

[1]) Въ письмѣ къ Огареву отъ 14 іюня 1870 года (см. переписку) Бакунинъ пишетъ: „Всѣ переводныя предпріятія для меня сдѣлались невозможными вслѣдствіе несчастной исторіи съ Л. Другихъ русскихъ знакомыхъ у меня нѣтъ“.

1870 года, я сказалъ: «Всякій членъ Интернаціонала сохраняетъ за собою полную свободу принадлежать къ какимъ угодно тайнымъ обществамъ, хотя бы къ масонству; слѣдствіе по поводу тайнаго общества было бы простымъ доносомъ полиціи», и впослѣдствіи продолжалъ думать то же самое. Тѣмъ не менѣе, по настоянію испанскихъ делегатовъ, а также Жуковскаго и Швицгебеля, которые согласились на слѣдствіе и говорили мнѣ, что не слѣдуетъ давать повода думать, будто я отъ него уклоняюсь, я согласился поговорить въ субботу послѣ обѣда (7 сентября) съ членами комиссіи, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что нашъ разговоръ будетъ имѣть характеръ частной бесѣды, а не допроса.

Выписываю изъ „Bulletin de la Fédération jurassiene" разсказъ, относящійся къ слѣдствію по поводу Alliance'a.

«Слѣдственная комиссія по дѣлу Alliance'a употребила нѣсколько засѣданій (тайныхъ) на ознакомленіе съ документами, которые ей доставилъ Энгельсъ и на выслушиваніе разныхъ свидѣтелей. Комиссія эта, прежде всего, возымѣла странную претензію взять на себя роль слѣдователя: допросъ свидѣтелей долженъ былъ происходить тайно, а затѣмъ должны были быть очныя ставки, чтобы уличить свидѣтелей въ противорѣчіяхъ. Изъ тѣхъ, кто былъ вызванъ такимъ образомъ, одни отказались отвѣчать; другіе—обвинители,—наоборотъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ излагали комиссіи свои жалобы. Мы не можемъ сказать, что происходило въ этихъ засѣданіяхъ, мы не знаемъ дававшихся тамъ показаній и не видѣли предъявлявшихся тамъ документовъ, но для нашихъ читателей достаточно будетъ сообщить имъ мнѣніе двухъ членовъ комиссіи.

«Рохъ Силингардъ, присутствовавшій при всѣхъ этихъ таинственныхъ дебатахъ и слышавшій всѣ разоблаченія гг. Маркса и Энгельса, говорилъ направо и налѣво, что слѣдствіе не приведетъ ни къ чему, что обвинители не выставили ни одного серьезнаго документа, что все это дѣло—одна сплошная мистификація, и что, выбравъ его въ подобную комиссію, его заставили только потерять время. Ниже читатель найдетъ, впрочемъ, докладъ представленный имъ въ качествѣ представителя меньшинства въ комиссіи.

«Другому члену комиссіи, французу Вальтеру, принадлежащему къ большинству, такъ опротивѣло все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ комиссіи, что онъ послалъ въ нее, въ пятницу, письмо съ заявленіемъ, что отказывается впредь участвовать въ ея занятіяхъ и снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за тѣ рѣшенія, которыя она можетъ принять. Правда, въ субботу вечеромъ гражданинъ Вальтеръ перемѣнилъ мнѣніе—мы увидимъ ниже подъ какими вліяніями—и попытался взять свое письмо обратно; но эта перемѣна только еще яснѣе показала, какое давленіе производится съ извѣстной стороны на бѣдную комиссію.

«Другой знаменательный фактъ. Въ субботу, около четырехъ часовъ дня, граждане Куно, Люкенъ и Вишаръ, составлявшіе большинство комиссіи (Вальтеръ ушелъ, Силингардъ составлялъ меньшинство противъ нихъ), заявили Гильому, въ помѣщеніи гаагской секціи, что они не пришли ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, и что труды слѣдственной комиссіи, когда она вечеромъ того же дня представитъ свой докладъ Конгрессу, будутъ напоминать гору, родившую мышь. Затѣмъ, между Люкеномъ и Гильомомъ завязался дружескій разговоръ преобразованія французскихъ секцій, о томъ, что полезно бы создать Французскій Федеральный Совѣтъ и т. д. Люкенъ проявилъ большое довѣріе къ Гильому, предложилъ ему переписываться съ нимъ, сообщилъ свой адресъ и настоящую фамилію [1]). Затѣмъ они разстались, и комиссія вернулась въ засѣданіе, *чтобы выслушать Маркса*. Марксъ не предъявилъ никакихъ новыхъ документовъ: онъ все передалъ раньше черезъ Энгельса; что же могъ онъ сказать комиссіи? Мы не знаемъ этого [2]), но какъ бы то ни было, мнѣніе трехъ гражданъ, только что разговаривавшихъ съ Гильомомъ, рѣзко измѣнилось, и даже самъ Вальтеръ, раскаявшись въ своей независимости, собирался взять назадъ свое вчерашнее письмо.

«Послѣ этого-то разговора съ Марксомъ, комиссія, внезапно измѣнившая свое мнѣніе, и составила свои знаменитыя заключенія. Здѣсь нужно привести еще одинъ характерный фактъ: трое судей изъ большинства оказались неспособными грамматически правильно написать по-французски требуемыя нѣсколько фразъ и должны были прибѣгнуть къ помощи Силингардта, который, протестуя противъ сущности ихъ заключеній, тѣмъ не менѣе поправилъ слогъ, насколько это было возможно.

«И вотъ, послѣ всего этого, въ субботу 7 сентября въ административномъ засѣданіи конгресса за нѣсколько минутъ до его закрытія, докладчикъ комиссіи Люкенъ прочелъ слѣдующій докладъ:

«*Докладъ Слѣдственной Комиссіи по дѣлу общества «Alliance»*.

«Въ виду недостатка времени, не давшаго возможности комиссіи представить вамъ полный докладъ, она можетъ только высказать вамъ свое мотивированное мнѣніе, основанное на сообщенныхъ ей документахъ и выслушанныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

«Выслушавъ гражданъ Энгельса, Карла Маркса, Врублевскаго, Дюпона, Сералье и Сварма, со стороны Общества (т. е. за Международное Общество Рабочихъ),

«И гражданъ Гильома, Швицгебеля, Жуковскаго, Алерини,

---

[1]) Теперь, 34 года спустя, я не помню этой фамиліи.

[2]) Теперь, благодаря письмамъ, опубликованнымъ г-номъ Николаемъ—ономъ, я это знаю: Марксъ показалъ комиссіи тотъ документъ, о присылкѣ котораго онъ просилъ въ письмѣ отъ 15 августа 1872 года и который его петербургскій корреспондентъ ему послалъ (прим. 1908 года).

Мораго, Марселау и Фарга-Пелисера, обвинявшихся въ принадлежности къ тайному обществу *Alliance*,

«Нижеподписавшіеся заявляютъ:

«1-е. Что тайный Союзъ, основанный съ уставомъ, совершенно противоположнымъ Международному Обществу рабочихъ, существовалъ, но существуетъ ли онъ еще и теперь — это недостаточно доказано;

«2-е. Что проектомъ устава и письмами, подписанными «Бакунинъ» доказывается, что этотъ гражданинъ пытался основать и, можетъ быть, основалъ въ Европѣ общество подъ названіемъ Alliance [1]), съ уставомъ, совершенно отличнымъ въ соціальномъ и въ политическомъ отношеніи отъ устава Международнаго Общества Рабочихъ [2]);

«3-е. Что гражданинъ Бакунинъ пользовался обманными пріемами для присвоенія чужого имущества, или части его, что составляетъ мошенничество, и, кромѣ того, для уклоненія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, прибѣгалъ самъ или черезъ посредство своихъ агентовъ, къ угрозамъ [3]);

«Въ виду этого, граждане члены Комиссіи предлагаютъ конгрессу:

«1-е. Исключить гражданина Бакунина изъ Международнаго Общества Рабочихъ...»

Излишне было бы приводить здѣсь конецъ доклада комиссіи: онъ касается дѣлъ, не имѣющихъ отношенія къ тому частному вопросу, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь.

Прибавлю только, что представитель меньшинства въ комиссіи, Рохъ Силингардъ, слышавшій показанія Маркса и знавшій содержаніе письма, сообщеннаго имъ, нисколько не увидѣлъ въ этомъ письмѣ чего-нибудь, что позволяло бы обвинить Баку-

---

[1]) Въ этомъ параграфѣ комиссія не увѣрена, удалось ли Бакунину основать *Alliance*; въ предыдущемъ она говоритъ, что Alliance существовалъ, а, можетъ быть, существуетъ и теперь. Такія противорѣчія указываютъ на странное состояніе умовъ у членовъ комиссіи.

[2]) Уставъ *Alliance*'а, хотя и отличный отъ устава Интернаціонала, нисколько не былъ „противуположнымъ" ему. Въ немъ говорилось, что „Союзъ образуетъ отдѣлъ Международнаго Общества Рабочихъ, общіе статуты котораго онъ принимаетъ", а въ письмѣ лондонскаго Генеральнаго Совѣта, адресованномъ къ женевской секціи этого Союза 28 іюля 1869 года, сказано: „Ваши письма и заявленія, а также программа и уставъ получены и Генеральный Совѣтъ единогласно принялъ васъ, какъ секцію".

[3]) Рѣчь идетъ о русскомъ переводѣ „Капитала" и о письмѣ Нечаева (см. т. I, стр. 261). Въ томѣ III читатель найдетъ протестъ противъ этого обвиненія въ мошенничествѣ и шантажѣ, протестъ помѣченный 4 октября 1872 г. и подписанный Огаревымъ, Зайцевымъ, Озеровымъ, Россомъ, Гольстейномъ, Ралли, Эльсницемъ и Смирновымъ. Можно было думать, что тридцать четыре года спустя марксисты откажутся отъ этого безсмысленнаго оскорбленія. Оказывается, что нисколько: г. Зорге вновь повторяетъ его въ книгѣ, вышедшей въ 1906 году. „Рѣчь идетъ," говоритъ онъ въ примѣчаніи къ письму Энгельса отъ 14 іюля 1873 года, о мошенничествѣ, совершеннымъ Бакунинымъ и о которомъ, ради интересовъ частныхъ лицъ, въ Гаагѣ было только упомянуто, безъ всякаго изложенія подробностей".

нина въ мошенничествѣ. Онъ составилъ *докладъ меньшинства* и прочиталъ его конгрессу; въ этомъ докладѣ говорилось: «Я протестую противъ доклада слѣдственной комиссіи и оставляю за собою право мотивировать свой протестъ передъ конгрессомъ». Онъ мотивировалъ затѣмъ его въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ и отказался вотировать исключеніе Бакунина.

Въ протестѣ, созданномъ 4 октября 1872 года восемью русскими эмигрантами, фамиліи которыхъ были приведены выше, говорилось:

«Въ этомъ докладѣ (слѣдственной комиссіи), внушенномъ, очевидно, ненавистью и желаніемъ отдѣлаться во что бы то ни стало отъ неудобнаго противника, рѣшились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Бакунину обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни нужнымъ, ни умѣстнымъ оспаривать тѣ якобы факты, на которыхъ сочли возможнымъ обосновать странное обвиненіе, выдвинутое противъ нашего соотечественника и друга. Эти факты намъ хорошо извѣстны, извѣстны въ мельчайшихъ подробностяхъ, и мы сочтемъ своею обязанностью возстановить истину, какъ только намъ будетъ возможно это сдѣлать. Теперь намъ мѣшаетъ въ этомъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника, котораго мы не считаемъ своимъ другомъ [1]), но личность котораго дѣлають священной тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергается въ настоящую минуту со стороны русскаго правительства.

«Г. Марксъ, ловкость котораго мы, впрочемъ, не думаемъ оспаривать, въ данномъ случаѣ ошибся въ расчетѣ. Честныя сердца во всѣхъ странахъ несомнѣнно почувствуютъ только негодованіе и отвращеніе при видѣ такой грубой интриги и такого явнаго нарушенія самыхъ простыхъ требованій справедливости. Что касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г-на Маркса въ томъ, что всѣ его старанія будутъ тамъ напрасны: Бакунинъ тамъ слишкомъ уважаемъ и извѣстенъ, чтобы клевета могла достигнуть его».

Причинъ, которыя въ то время помѣшали друзьямъ Бакунина разсказать тогда факты, имъ «хорошо извѣстные, извѣстные въ мельчайшихъ подробностяхъ», не существуетъ. Вотъ почему я, съ своей стороны, разсказалъ все, что зналъ. Не хватаетъ еще одного: не хватаетъ также того письма, которое Марксъ сообщилъ въ 1872 году слѣдственной комиссіи. У г-на Николая—она несомнѣнно имѣется этотъ текстъ; необходимо, чтобы онъ опубликовалъ его, потому что мы имѣемъ право хотѣть знать все. Вы, вѣроятно, также присоединитесь ко мнѣ и посовѣтуете ему напечать его какъ можно скорѣе [2]).

---

[1]) Нечаевъ, арестованный въ Цюрихѣ 14 августа 1872 года и выданный 27 сентября русскому правительству.

[2]) Да, мы вполнѣ присоединяемся къ справедливому желанію г. Гильома, чтобы сыгравшій такую печальную роль въ дѣлѣ исключенія Бакунина изъ Интернаціонала документъ былъ опубликованъ. Но дѣло въ томъ, что этого доку-

Примите, г-нъ редакторъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Джемсъ Гильомъ.

мента *у г. Николая—она нѣтъ*. Увѣренность г. Гильома въ обратномъ основана исключительно на неясности выраженія Маркса въ его письмѣ къ Николаю—ону отъ 25 ноября 1872 года. Выраженіе это гласитъ: „пересланное мнѣ письмо пришло во время и *сдѣлало свое дѣло*“ (курсивъ подлинника. „Мин. Годы“, январь, стр. 54). Но изъ этой фразы не видно, *кѣмъ именно* переслано письмо. Г. Гильомъ полагаетъ, что Николаемъ—ономъ. На дѣлѣ это не такъ: *оно было переслано Марксу не Николаемъ—ономъ, а г. Лю—нымъ*. Это лицо еще живо и здравствуетъ. Мы дѣлаемъ попытку войти съ нимъ по настоящему поводу въ сношенія, и, если эта попытка увѣнчается успѣхомъ и мы получимъ подлинникъ или копію документа, о которомъ идетъ рѣчь, мы сочтемъ, конечно, своею обязанностью опубликовать его на страницахъ нашего журнала.

Редакція.

Изъ воспоминаній о „Рабочемъ Союзѣ" и священникѣ Гапонѣ.

(*Окончаніе* [1]).

IV.

Ожидались крупныя внутреннія осложненія.

Но та инерція, по которой дѣло двигалось отъ силы первоначальнаго толчка, даже въ моментъ сильнаго взаимнаго тренія, была такъ велика, движущееся тѣло было такъ огромно, что незначительный, казалось бы, самъ по себѣ казусъ съ увольненіемъ трехъ и заявленіемъ другимъ тремъ рабочимъ расчета на Путиловскомъ заводѣ, вдругъ привелъ къ извѣстнымъ колоссальнымъ послѣдствіямъ. И захваченныя чѣмъ-то невѣдомымъ, новымъ, вначалѣ совершенно инстинктивно, враждующія стороны забыли о враждѣ и подозрѣніяхъ, и сразу всѣ и каждый заняли свои мѣста на боевыхъ позиціяхъ, готовыя дорого продать свое право на сознательное существованіе.

Все дальнѣйшее движеніе, приведшее къ 9 января, получило толчекъ именно отъ конфликта съ администраціей Путиловскаго завода. Конечно вообще почва была подготовлена, напоръ волны возбужденія членовъ „Собранія" сдерживался съ большимъ трудомъ, и, хотя горючей матеріалъ и продолжали поддерживать, но открытаго рѣзкаго выступленія опасались,—его считали тогда еще несвоевременнымъ, такъ какъ еще не надѣялись на привлеченіе всей рабочей массы Петербурга.

Администраціи какъ частныхъ, такъ и казенныхъ заводовъ и фабрикъ сначала отнеслись къ открытію „Собранія" безразлично. Даже было вначалѣ, повидимому, сочувственное отношеніе. Но уже осенью 1904 г., послѣ перваго открытаго демонстрированія силъ „Собранія" на „общемъ собраніи", гг. директора и управляющіе стали прозрѣвать. Въ дальнѣйшемъ, когда въ

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Мартъ.

члены „Собранія“ стали вступать на каждомъ заводѣ десятками и сотнями, а на Путиловскомъ заводѣ даже тысячами, заправилы стали думать крѣпкую думу. Нѣкоторые заводы между прочимъ стали и у себя практиковать, считаясь съ успѣхомъ музыкальныхъ вечеровъ въ отдѣлахъ, такіе же музыкальные вечера. Но наша комиссія не зѣвала, и мы всѣми силами старались лучшія свободныя артистическія силы перетаскивать къ себѣ... Я самъ получалъ нѣсколько предложеній пѣть на такихъ устраиваемыхъ администраціями вечерахъ, но въ этихъ случаяхъ не я шелъ пѣть къ заводчикамъ, а приглашавшіе меня артисты оказывались участниками въ нашихъ вечерахъ. Эта „комбинація“ не удалась заводчикамъ. Да и публика къ нимъ шла неохотно: рабочіе предпочитали итти къ себѣ, въ свои собственныя помѣщенія, слушать своихъ артистовъ и т. д. Мало-по-малу стали распускать всякіе вздорные слухи про „Собраніе“, поносили Гапона на чемъ свѣтъ стоитъ, но это только приносило пользу, такъ какъ только увеличивало интересъ къ „Собранію“ у рабочей массы. Затѣмъ пошли насмѣшки надъ „гапонцами“, „поповичами“ и т. п. — И это не дѣйствовало. Тогда, очевидно, рѣшили итти на форменное противодѣйствіе. Что расчетъ трехъ рабочихъ и заявленіе къ расчету еще тремъ—членамъ „Собранія“, были пробнымъ шаромъ со стороны Путиловскаго завода, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Есть даже нѣкоторыя косвенныя указанія на то, что это было результатомъ общаго совѣщанія директоровъ нѣкоторыхъ заводовъ. Въ „Собраніи“ тогда говорили объ этомъ совершенно опредѣленно и считали, что такой образъ дѣйствій есть вызовъ „Собранію“, и оно такъ это и поняло.

Создавшееся положеніе признавалось въ высшей степени серьезнымъ, и признано было необходимымъ реагировать на вызовъ Путиловскаго завода самымъ энергичнымъ образомъ, но такъ, чтобы политика пока оставалась въ сторонѣ.

И дѣйствительно, „Собраніе“ не могло не реагировать, т. е. не принять вызова. Цѣль его возникновенія была въ томъ, чтобы защищать интересы рабочаго люда, и направленіе умовъ у вступившихъ въ „Собраніе“ членовъ было именно такое. Если бы „Собраніе“ сдѣлало хотя бы малѣйшую попытку увильнуть отъ своей задачи, престижъ его неминуемо долженъ былъ бы пасть. Въ этомъ отношеніи Гапонъ и его сотрудники были не только солидарны, но выказывали замѣчательное единодушіе, несмотря на внутренній разладъ. До сихъ поръ Гапонъ всѣ встрѣчающіяся тренія и недоразумѣнія съ полиціей и съ администраціями заводовъ обходилъ келейно, ему одному только извѣстнымъ путемъ. Но въ этомъ случаѣ онъ самъ, сколько мнѣ помнится, заявилъ, что наступилъ моментъ, когда „Собраніе“ можетъ сдѣлать открытое выступленіе на защиту своихъ интересовъ. На-

считывая около 8000 членовъ, объединенныхъ и прекрасно организованныхъ, способныхъ поднять всю рабочую массу Петербурга, можно было разсчитывать на экономическую побѣду.

Но все же Гапонъ сдѣлалъ попытку избѣгнуть остраго конфликта: онъ отправился къ заинтересованному въ конфликтѣ мастеру (кажется, г. Іогансону), и, разсчитывая на свои съ нимъ хорошія отношенія, просилъ его принятъ обратно уволенныхъ рабочихъ, а также отмѣнить заявленіе объ увольненіи по отношенію къ другимъ. Попытка эта потерпѣла фіаско. Какъ передавалъ мнѣ Гапонъ, г. Іогансонъ откровенно заявилъ, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ это дѣло главной администраціи, желающей пріостановить быстрый ростъ Нарвскаго отдѣла „Собранія"; мѣру эту г. Іогансонъ одобрялъ, полагая, что если не пріостановить роста отдѣла, то черезъ мѣсяцъ весь Путиловскій заводъ будетъ находиться въ числѣ членовъ „Собранія". Между ними произошелъ довольно крупный разговоръ, и разстались они уже не друзьями...

28 декабря 1904 г. депутація членовъ Нарвскаго отдѣла „Собранія" рабочихъ Путиловскаго завода, во главѣ съ Гапономъ, отправилась къ тогдашнему директору Путиловскаго завода Смирнову. Депутація заявила, что отъ имени „Собранія" она проситъ о неприменѣніи репрессій по отношенію къ членамъ „Собранія" вообще и въ частности о принятіи обратно уволенныхъ и подлежащихъ увольненію товарищей. Г. Смирновъ категорически отказалъ въ просьбѣ депутаціи. Тогда депутація заявила, что она считаетъ положеніе дѣла въ высшей степени серьезнымъ, могущимъ повлечь крупныя и совсѣмъ неожиданныя послѣдствія, отвѣтственность за которыя „Собраніе" возлагаетъ на г. Смирнова. Такъ какъ отъ имени депутаціи говорилъ Гапонъ, то Смирновъ, вмѣсто того, чтобы подыскать какіе-либо пути для соглашенія, перешелъ на личную почву. Онъ началъ укорять Гапона въ томъ, что онъ возбуждаетъ рабочихъ, увлекая ихъ на ложный путь, что вообще онъ вредный человѣкъ для рабочихъ и т. д. Одинъ изъ членовъ депутаціи тогда заявилъ, что дѣятельность Гапона не подлежитъ критикѣ г. Смирнова, и что рабочіе вполнѣ довѣряютъ своему руководителю, какъ истинному выразителю ихъ мнѣній, и что если у г. Смирнова больше ничего не остается сказать, то депутація считаетъ въ отношеніи его свою миссію законченною. Не помню хорошенько, эта ли самая или другая, но была отправлена въ тотъ же день депутація къ градоначальнику для освѣщенія конфликта съ точки зрѣнія „Собранія". Ему было также сообщено о серьезности положенія дѣла и просили его произвести давленіе на администрацію Путиловскаго завода, въ смыслѣ удовлетворенія требованія „Собранія". Генералъ Фулонъ принялъ депутацію очень хорошо, повидимому, соглашался съ ея взглядами и обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее.

Упорство администраціи Путиловскаго завода и грубый пріемъ Смирнова вызвалъ взрывъ негодованія во всѣхъ „Отдѣлахъ Собранія", и взрывъ этотъ громко раскатился по всѣмъ рабочимъ кругамъ Петербурга.

Тотчасъ же по всѣмъ Отдѣламъ пошли собранія рабочихъ для обсужденія конфликта, и вездѣ выносились замѣчательно единодушныя резолюціи. Движеніе стало принимать широкій общій характеръ, въ него стали втягиваться уже всѣ рабочіе, а не только члены „Собранія".

Съ 28 по 31 общее положеніе дѣла настолько выяснилось, что къ этому дню могли быть приняты уже совершенно опредѣленныя рѣшенія.

Наступилъ моментъ великаго движенія Петербургскаго пролетаріата.

Зналъ ли Гапонъ и его сотрудники о могущихъ получиться отъ этого движенія результатахъ?

Нѣтъ, они не знали и даже не предчувствовали ихъ. Никто рѣшительно не могъ предвидѣть такого конца.

На верхахъ спачала Гапону покровительствовалъ Плеве. Мнѣ Гапонъ говорилъ, что Плеве вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія доклада о рабочемъ дѣлѣ въ Россіи, представленнаго ему Гапономъ.

Въ чемъ собственно состоялъ докладъ Гапона, я не знаю. Говорили мнѣ рабочіе, читавшіе докладъ въ черновикѣ, что написанъ онъ былъ хорошо, искренно, безъ тѣни какой-либо задней мысли. Если Плеве нашелъ, что мысли Гапона могутъ быть проведены въ жизнь только самимъ Гапономъ, и если послѣдній взялся за это, то несомнѣнно у каждаго на этотъ счетъ были свои особые взгляды. Безъ сомнѣнія ряса Гапона играла здѣсь громадную роль, и Плеве могъ надѣяться, послѣ Зубатова, на второй болѣе удачный опытъ, именно благодаря рясѣ и ея вліянію на простыя народныя рабочія массы. Что касается Гапона, то онъ въ душѣ отлично понималъ свое положеніе у Плеве и, фанатически преданный своей идеѣ и въ то же время безцеремонный въ средствахъ, хотя и не будучи послѣдователемъ Игнатія Лойолы, онъ рѣшилъ воспользоваться опытомъ отцовъ іезуитовъ... Святополкъ-Мирскій, очевидно, ничего не понималъ въ рабочемъ вопросѣ; принявъ Гапона въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, какъ человѣкъ болѣе культурный и въ то же время безхарактерный, онъ оказался въ большомъ недоумѣніи, когда вдругъ на свѣтъ Божій появилось „Собраніе" въ полномъ боевомъ вооруженіи... Градоначальникъ Фулонъ по части пониманія рабочаго вопроса ушелъ также недалеко. Человѣкъ онъ былъ, какъ говорили, довольно добродушный, считалъ, что на свѣтѣ живется всѣмъ прекрасно, а если люди одинъ другого обижаютъ, то это по неразумію и стоитъ только доброй отеческой рукѣ одного оттаскать за вихоръ, другого погладить по головкѣ—все дѣло уладится само собою. Гапона ему и высшее начальство рекомендовало, какъ своего человѣка, и самъ онъ,

познакомившись съ батюшкой, нашелъ его прекраснымъ человѣкомъ—чего же лучше?

Каково же было всѣхъ ихъ общее изумленіе отъ появленія такого рабочаго „Собранія“, которое въ одинъ годъ привлекло 8000 членовъ, а въ теченіе нѣсколькихъ дней конфликта ежедневно втягивало въ себя болѣе чѣмъ по тысячѣ (къ 8-му января въ „Собраніи“ уже числилось свыше 20.000 членовъ, могло же быть неизмѣримо больше, но не успѣвали записывать и выдавать членскія квитанціи). У всѣхъ на верхахъ и у петербургскаго общества того времени отъ недоумѣнія были раскрыты рты, а событія надвигались все болѣе и болѣе странныя и непонятныя...

Партійныя организаціи, игнорировавшія „Собраніе“, также были застигнуты врасплохъ. На „Собраніе“ установился взглядъ, какъ на учрежденіе провокаторское, а оно принимало теперь самый опредѣленный революціонный характеръ, и партійные агитаторы, еще такъ недавно совершенно не допускавшіеся въ Отдѣлы, за эти дни не только стали допускаться туда, но ихъ даже усиленно приглашали и предоставляли имъ полную свободу слова...

Ошеломленіе было всеобщее, а событія не ждали и шли ускоренно-быстрымъ темпомъ. Ошеломленъ былъ и Гапонъ. Сужу потому, что, очевидно, не предвидя дальнѣйшаго развитія движенія, принимавшаго грандіозный характеръ, онъ 31 декабря пришелъ ко мнѣ по совсѣмъ пустому поводу мириться. Для того, чтобы лучше задобрить меня, онъ принесъ мнѣ малороссійскихъ колбасъ и малороссійскаго сала—Гапонъ зналъ, что я люблю и то и другое, а отъ отца, изъ Полтавской губ., онъ только что получилъ всего этого въ изрядномъ количествѣ.

Я отъ всей души расхохотался этому ловкому пріему, и, благодаря такому обстоятельству, мы сразу же заговорили съ нимъ по-старому, по-пріятельски.

— Ну, батя, что выйдетъ изъ всего этого?—задалъ я вопросъ.

— Что выйдетъ?—а, ей Богу, не знаю. Должно быть, что-нибудь здоровое (крупное), но что именно—не могу сказать. А, можетъ быть, и ничего не выйдетъ—кто это теперь разберетъ!..

„Теперь дѣло обстоитъ такъ. Мы заявили администраціи Путиловскаго завода, что „Собраніе“ проситъ принять уволенныхъ и снять заявленіе относительно подлежащихъ увольненію товарищей. Мы будемъ ждать отвѣта въ Нарвскомъ Отдѣлѣ до 6-ти часовъ вечера воскресенья 2-го января. Если мы не получимъ къ этому времени отвѣта, то 3-го января, въ понедѣльникъ, весь Путиловскій заводъ бастуетъ...

— Ой-ой!—неужели такъ здорово?!

— Послѣ этого—продолжалъ Гапонъ—мы предъявляемъ болѣе ши-

6*

рокія требованія и ждемъ еще два дня; если во вторникъ въ 6 часовъ вечера наши требованія не будутъ удовлетворены, то въ среду 5-го бастуютъ еще два большихъ завода: Семяниковскій и Франко-Русскаго Общества или какой-либо другой. Мы предъявляемъ ко всѣмъ петербургскимъ заводамъ широкія экономическія требованія и дѣлаемъ попытку перейти на путь политики, вносимъ нѣкоторыя требованія съ политическимъ оттѣнкомъ и даемъ еще два дня, а 7-го, въ случаѣ надобности, весь пролетаріатъ Петербурга, какъ одинъ человѣкъ, объявляетъ забастовку до полнаго удовлетворенія расширенныхъ экономическихъ и политическихъ требованій.

— Значитъ, раскрываете карты?

— Я уже раскрылъ карты и пустился на широкое морское пространство, но тамъ, наверху, до сихъ поръ никакъ не сообразятъ, въ чемъ дѣло...

— Что же дальше?

— А вотъ дальше-то ничего и не знаю. Мнѣ кажется, что наверху успѣютъ понять настоящее положеніе дѣла и не дадутъ развернуться событіямъ—пойдутъ на уступки, т. е. сдѣлаютъ путиловской администраціи внушеніе, и она удовлетворитъ наши пока мизерныя требованія. Святополкъ-Мирскій и Фулонъ мною извѣщены о нашемъ планѣ дѣйствій... Ну, а пока что, мы все же будемъ говорить о музыкѣ. Я сдаюсь и иду также на всѣ уступки. Забудемъ все, и пусть музыкальная комиссія не только вступаетъ въ свои права, но я прошу васъ поработать и организовать или совмѣстить и обязанности литературной комиссіи. Дѣлайте, какъ считаете нужнымъ, а я вашъ покорный слуга... Мой путь для меня теперь совершенно ясенъ—глухимъ голосомъ закончилъ Гапонъ,

— Что такъ, батя, запечалился?

— Да такъ... есть отъ чего... Представьте себѣ, что наши требованія не удовлетворятъ... Забастовка объявляется общая... Полиція до сихъ поръ къ намъ не вмѣшивалась: я ее успокаивалъ—иронически замѣтилъ Гапонъ,—но потомъ она, конечно, вмѣшается и крѣпко вмѣшается... Мы ей зададимъ такого жару, какого она отродясь не видывала: всю петербургскую полицію мы обезоружимъ въ теченіе десяти минутъ...

Ну, значитъ, появятся казаки, мы и съ тѣми справимся, оружіе раздобываемъ посредствомъ конфискаціи у полиціи и казаковъ, но его недостаточно... Страсти разгораются. Крикъ: „на баррикады!" и 400—500 тысячъ могли бы грозно двинуться... но гдѣ же взять оружіе?.. Противъ насъ солдаты съ магазинками... Это, впрочемъ, не такъ страшно... Извѣстное психологическое воздѣйствіе, и солдаты или часть ихъ могутъ оказаться на нашей сторонѣ... Но артиллерія!.. Вотъ гдѣ наша главная опасность!.. У насъ

тоже есть артиллерія—8 бомбъ, на всякій случай, я раздобуду... Мнѣ обѣщали... черезъ недѣлю будетъ штукъ 30... Да что съ вами-то?

Очевидно, видъ у меня былъ дѣйствительно необыкновенный, такъ какъ я, по мѣрѣ того, какъ онъ развертывалъ картину, все болѣе и болѣе изумлялся и не довѣрялъ себѣ, того ли самаго осторожнаго Гапона я вижу передъ своими глазами...

— Вы испугались бомбъ? Ну, ладно, я пошутилъ, никакихъ бомбъ нѣтъ... Или вы до сихъ поръ мнѣ не вѣрите?

— Пожалуй... да, батя, не вѣрю,—рѣшительно сказалъ я.

— Вотъ проклятіе-то! и тѣ, товарищи, тоже до сихъ поръ не вѣрятъ. Но помилосердствуйте же, господа! Поймите же, что меня это невыносимо мучитъ... Я вамъ нарисовалъ одну картину, а теперь смотрите, вотъ вамъ другая.

Правительство поняло истинное положеніе, перепугалось, дѣлаетъ давленіе, и Путиловскій заводъ, или, если это будетъ въ болѣе поздней стадіи развитія движенія, то и всѣ заводы сдаются. Мы выигрываемъ сраженіе. „Собраніе" окрѣпаетъ, и пролетаріатъ открыто объединяется... Но я-то какъ буду. Вы думаете, что меня по головкѣ за это погладятъ... Пока меня оставляютъ въ покоѣ, но вѣдь спустя нѣкоторое время, когда все войдетъ въ свою спокойную колею, меня непремѣнно уберутъ... Мой конецъ такъ или иначе неизбѣженъ: въ одномъ случаѣ на баррикадахъ, въ другомъ—отъ ножа, яда, револьвера или въ тюрьмѣ... Такъ вникните же въ суть дѣла,—куда мнѣ теперь хитрить!..

— Вы правы, батя, ваше положеніе дѣйствительно незавидное.

— Не завидное,—съ ироніей сказалъ онъ,—какой тамъ чортъ незавидное!—Мое дѣло, т. е. моя личность уже погибла, съ этимъ я уже вполнѣ согласился. Но меня это мало безпокоитъ: не все ли равно когда умереть—сегодня ли или завтра, или черезъ годъ... Меня терзаетъ, что я до сихъ поръ у товарищей на подозрѣніи, что ко мнѣ до сихъ поръ относятся съ недовѣріемъ. Теперь вотъ, напримѣръ, мы идемъ совершенно дружно, никакихъ разногласій у насъ нѣтъ, а между тѣмъ я вижу, что нѣтъ—нѣтъ и замѣтишь у кого-либо недовѣрчивый взглядъ... Вотъ, напримѣръ, я знаю, что у васъ на дняхъ былъ К—нъ, и знаю приблизительно, что онъ вамъ говорилъ.—Вѣдь былъ К—нъ?—Ну, скажите мнѣ откровенно?

Я былъ въ большомъ затрудненіи. Мы условились съ К—нымъ, что его посѣщеніе ни въ коемъ случаѣ не должно быть извѣстно Гапону. Какъ тутъ быть? Дѣйствительно ли Гапонъ узналъ? а, можетъ быть, онъ это наудачу говоритъ?

— Нѣтъ, не былъ—наконецъ, рѣшилъ я сдержать слово.

— Ну, ладно,—былъ или не былъ—все равно... Во всякомъ случаѣ я знаю, что васъ всѣ товарищи любятъ и относятся съ довѣріемъ. Въ этомъ я убѣжденъ... Такъ вотъ, я прошу васъ: скрасьте мои послѣдніе дни, помогите мнѣ, скажите имъ, что я не провокаторъ, что я... ну, да вы сами понимаете... Мнѣ очень тяжело... И онъ заплакалъ...

Я въ третій разъ видѣлъ слезы Гапона. Въ первый разъ при нашемъ съ нимъ знакомствѣ; во второй разъ: однажды на собраніи кто-то изъ рабочихъ бросилъ ему слово „провокаторъ",—тогда Гапонъ взошелъ на трибуну и сказалъ удивительно горячую и единственную свою хорошую рѣчь, и, не выдержавъ до конца, разрыдался... Тогда впечатлѣніе было потрясающее. И вотъ теперь онъ третій разъ плакалъ. Я былъ опять потрясенъ до глубины души, и мнѣ опять страшно жалко стало этого дѣйствительно глубоко страдающаго человѣка. На этотъ разъ я обнялъ его.

— Итакъ, о. Георгій, значитъ, начинаемъ музыканить. Что же! не хотите ли устроить музыкальный вечеръ въ Нарвскомъ Отдѣлѣ какъ разъ 2-го января? Мнѣ кажется, должно выйти интересно: или получится благопріятный отвѣтъ отъ Путиловскаго завода, и тогда мы—такъ сказать—отпразднуемъ побѣду музыкой и танцами; или съ музыкой же и танцами будемъ встрѣчать грядущія событія.

— Идея!—воскликнулъ Гапонъ—а вы думаете, что артистки и артисты не побоятся ѣхать къ намъ въ тотъ край? Вѣдь тамъ уже и теперь настроеніе приподнятое, а тогда будетъ и совсѣмъ горячее... Положимъ, порядокъ будетъ образцовый—это мы ужъ постараемся.

Мы разстались съ Гапономъ полными друзьями. Музыкальный вечеръ 2-го января въ Нарвскомъ Отдѣлѣ не состоялся, такъ какъ Гапонъ сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ свѣдѣнія о распоряженіи по сыскной и всякой другой полиціи слѣдить за всякимъ малѣйшимъ движеніемъ Гапона и его сотрудниковъ. На верхахъ начинали просыпаться, и Гапонъ съ товарищами рѣшили не подвергать никакой опасности ни въ чемъ неповинныхъ пѣвицъ, пѣвцовъ и музыкантовъ.

Ко 2-му января настроеніе въ Нарвскомъ Отдѣлѣ достигло высокой степени напряженія, и почти большая половина рабочихъ Путиловскаго завода уже числилась членами Нарвскаго Отдѣла „Собранія"; рабочіе другихъ заводовъ въ этой мѣстности также уже выражали желаніе вступать въ члены, и если формально еще не всѣ числились таковыми, то, какъ я уже говорилъ, по той простой причинѣ, что не успѣвали записывать и выдавать членскія квитанціи въ полученіи членскихъ взносовъ. Въ остальныхъ рабочихъ районахъ было тоже крайне возбужденное настроеніе, также выражавшееся приливомъ членовъ... Поэтому, назначенное на 2-е января делегатское собраніе въ Василеостровскомъ Отдѣлѣ ожидалось черезчуръ

многочисленнымъ. Въ остальныхъ Отдѣлахъ были также собранія и настолько многочисленныя, что въ помѣщеніе Отдѣла могла попасть самая незначительная часть пришедшихъ рабочихъ, а остальные располагались на дворѣ, на улицѣ, и имъ туда въ сжатомъ видѣ сообщались возбуждаемые вопросы и тѣ рѣшенія, которыя принимались рабочими, попавшими въ помѣщеніе. Главный вопросъ, что администрація Путиловскаго завода не дала никакого отвѣта на заявленіе „Собранія", былъ сообщенъ во всѣ Отдѣлы, и что поэтому на завтра делегатскимъ собраніемъ постановляется полная забастовка Путиловскаго завода. Вѣсть эта была принята съ удивительнымъ единодушіемъ всею массою рабочихъ. При этомъ было заявлено, чтобы рабочіе вели себя совершенно спокойно и корректно, чтобы ни единымъ словомъ не дать повода къ нареканіямъ на рабочихъ и чтобы никакихъ распоряженій, кромѣ исходящихъ изъ Отдѣловъ, для каждой данной мѣстности, рабочіе не слушали, а постановленія Отдѣловъ исполняли бы самымъ тщательнымъ образомъ.

Какъ извѣстно, администрація Путиловскаго завода и черезъ два дня не дала удовлетворительнаго для „Собранія" отвѣта, и въ дальнѣйшемъ расширяемыя требованія „Собранія" также не удовлетворились, на что „Собраніе", въ свою очередь, отвѣчало забастовками отдѣльныхъ заводовъ, совершенно такъ, какъ говорилъ Гапонъ, и, наконецъ, 7-го Января весь рабочій Петербургъ забастовалъ.

Такимъ образомъ предположеніе Гапона о возможномъ давленіи правительства на заводскія администраціи не оправдались. Наоборотъ, былъ такой моментъ, когда послѣднія уже готовы были пойти на уступки, какъ вдругъ круто повернули назадъ. Въ „Собраніи" такой оборотъ считали давленіемъ правительства, въ смыслѣ неудовлетворенія требованій рабочихъ. Были слухи, что въ правительственныхъ сферахъ начинали просыпаться, и, очевидно, имѣлось какое-то болѣе опредѣленное намѣреніе. Положеніе натягивалось, и въ воздухѣ чувствовалось что-то необычайное.

V.

Тѣмъ временемъ во всѣхъ Отдѣлахъ теперь уже нѣсколько дней шли безпрерывныя собранія рабочихъ, гдѣ ораторы всѣхъ партій имѣли возможность совершенно свободно высказывать свои партійныя убѣжденія и взгляды на современный моментъ. Это все дѣлалось совершенно открыто, и полиція пока не принимала рѣшительно никакихъ мѣръ. Но было еще одно обстоятельство, въ организаціонномъ смыслѣ имѣвшее не меньшее, если не большее, значеніе, чѣмъ открытыя выступленія ораторовъ въ Отдѣлахъ. Во всѣ эти дни у Гапона на квартирѣ по вечерамъ и днемъ шли собра-

нія, вѣрнѣе совѣщанія, самыхъ вліятельныхъ рабочихъ на заводахъ, отъ которыхъ шла иниціатива въ отдѣльныхъ заводскихъ районахъ. Здѣсь бросались опредѣленные лозунги, которые потомъ пропагандировались на собраніяхъ въ Отдѣлахъ, на квартирахъ рабочихъ, около заводовъ, и вся масса быстро проникалась получаемымъ отсюда направленіемъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія „Женское Отдѣленіе Собранія“, незадолго передъ этимъ начавшее свою дѣятельность при Отдѣлахъ, сразу же выступило въ эту всеобщую пролетарскую борьбу и показало себя вполнѣ созрѣвшимъ для этой борьбы. Ораторы-женщины также иногда выступали и шли рука объ руку съ своими товарищами-мужчинами.

Было уже сказано, что собранія въ Отдѣлахъ шли безпрерывно,— надобно еще сказать, что собранія эти всегда были страшно многочисленны, въ особенности съ 5-го января, когда почти весь рабочій людъ Петербурга проводилъ все свое время въ Отдѣлахъ и около нихъ: вокругъ каждаго Отдѣла были толпы рабочаго люда, и такъ какъ порядокъ нигдѣ не нарушался, а полиція, очевидно, еще не имѣла спеціальныхъ указаній или имѣла приказанія черезчуръ спеціальныя, то обсужденія животрепещущаго вопроса, происходившія въ помѣщеніяхъ, тотчасъ же становились общимъ достояніемъ и тутъ же все сообща рѣшалось и принималось.

4-го января на многолюдномъ собраніи, послѣ того какъ было высказано предположеніе, что заводчики, если бы пожелали пойти на уступки, то не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ правительство навѣрное не допуститъ и вмѣшается, для обузданія чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, требованій рабочихъ, Гапонъ бросилъ въ массы рабочихъ мысль итти къ самому царю искать правды въ русской землѣ. Мысль эта, какъ вихрь, облетѣла повсюду и была подхвачена десятками тысячъ голосовъ: „къ царю, къ царю! искать правды!“

Рѣчь Гапона была сильна, и въ измученной душѣ русскаго простолюдина, съ дѣтства пріученнаго видѣть въ своемъ царѣ-батюшкѣ идеалъ справедливости, высказанная Гапономъ мысль не только не вызвала никакихъ сомнѣній или опасеній, но, наоборотъ, по тогдашнему общему мирному и лойяльному настроенію рабочихъ, она показалась единственно цѣлесообразной, единственно могущей привести къ желанному разрѣшенію назрѣвшаго вопроса.

Мысль итти къ царю принадлежала самому Гапону. Отъ кого-то изъ штабныхъ задолго до 9-го января, можетъ быть, за годъ, я слыхалъ, что въ разговорѣ, при обсужденіи средствъ, которыми можно было бы достигнуть намѣчаемыхъ рабочими цѣлей, Гапонъ, между прочимъ, сказалъ, что, если бы обстоятельства могли сложиться такимъ образомъ, чтобы депутація отъ рабочихъ могла явиться непосредственно къ царю, то, при-

нимая во вниманіе психологію момента, такимъ шагомъ можно было бы достигнуть многаго. Тогда поговорили, поспорили о цѣлесообразности такого шага и оставили эту мысль. Но какъ разъ эта мысль кому-то вспомнилась теперь. У Гапона же съ тѣхъ поръ, очевидно, произошли измѣненія во взглядахъ на тактику. Теперь онъ отнесся къ этой мысли отрицательно, находя, что положеніе съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось, и такой шагъ въ настоящее время, по его мнѣнію, долженъ считаться безразсуднымъ. Но оказалось, что штабные, до сихъ поръ продолжавшіе еще не вполнѣ довѣрять ему, видя, какъ онъ рѣшительно возсталъ противъ мысли итти къ царю, и увлеченные общимъ массовымъ настроеніемъ, также высказались за эту мысль. Между штабными и Гапономъ произошелъ рѣзкій обмѣнъ мнѣній, ему сказали, что теперь именно наступилъ предсказанный имъ самимъ моментъ, когда пролетаріатъ долженъ выступить во всеоружіи своихъ требованій, хотя бы въ формѣ непосредственнаго обращенія къ царю, и что онъ долженъ совершиться или теперь или никогда. Страсти у руководителей „Собранія", съ одной стороны, и у Гапона, съ другой,—жестоко разгорѣлись, и Гапонъ сдался. Въ этомъ своемъ пораженіи, по моему мнѣнію, Гапонъ именно и показалъ себя геніальнымъ организаторомъ массъ. Несмотря на то, что онъ былъ противъ мысли итти теперь къ царю, онъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ въ себѣ столько высокаго мужества, что не только подчинился нежелательной ему мысли, но всѣмъ своимъ существомъ проникся ею. И въ дальнѣйшемъ мы видимъ его уже энергично развивающимъ и обосновывающимъ эту мысль. Онъ также хорошо понялъ, что такой актъ, какъ всенародное шествіе къ царю искать у него правды и защиты отъ произвола и насилія, есть актъ революціонный и глубоко народно-историческій, и что поэтому въ немъ должны принять участіе всѣ тѣ, кто болѣе страдаетъ отъ насилія, и всѣ тѣ, кто являлся выразителемъ этихъ народныхъ страданій. До сихъ поръ Гапонъ не только не имѣлъ общенія съ партіями, но даже былъ во враждебныхъ съ ними отношеніяхъ, и если партійные ораторы и выступали уже въ послѣдніе дни на собраніяхъ, то это было не то—чтобы помимо Гапона—онъ одобрялъ ихъ выступленія,—но не самъ онъ ихъ приглашалъ. Теперь же онъ прямо обратился къ представителямъ партій, приглашая ихъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Захваченныя общимъ рабочимъ движеніемъ, партіи не могли не реагировать на него, но онѣ всѣми силами старались придать движенію возможно болѣе опредѣленный пролетарскій характеръ. Къ этому стремились всѣ ораторы, выступавшіе въ Отдѣлахъ. Настроеніе же рабочихъ массъ шло такимъ быстрымъ темпомъ, что повернуть его не было никакой возможности, нужно было бѣжать за нимъ или хоть стараться итти рядомъ. Партійныя организаціи также были противъ шествія къ

Дворцу, могущаго, благодаря случайности, въ окончательномъ видѣ получить такой результатъ, который на долгое время задержалъ бы развитіе правильнаго историческаго хода вещей. Но бороться съ бурею общаго народнаго желанія не было никакой возможности. Сколько мнѣ помнится, ошеломленные партійные ораторы даже не пытались бороться съ этою мыслью до того борьба казалась нелѣпой. Но когда Гапонъ пригласилъ партійныхъ дѣятелей на совѣщаніе, послѣдніе тѣмъ не менѣе указали на опасность такого шага. Только что вынесшій борьбу за этотъ же взглядъ и побѣжденный своими сотрудниками, Гапонъ долженъ былъ теперь вновь выдерживать борьбу и проводить доказательства противъ своихъ взглядовъ.

Такъ или иначе, но никакіе споры въ этомъ отношеніи все равно не могли привести ни къ какому иному заключенію, кромѣ единственно тогда возможному: удержать массу было немыслимо и поэтому необходимо было подчиниться теченію, и всѣ силы направить къ тому, чтобы теченіе это было въ надлежащемъ руслѣ. Партіи это видѣли и онѣ лишь не могли сразу подчиниться стихійности. Тѣмъ не менѣе, желая придать движенію планомѣрность, партійные дѣятели приняли горячее участіе въ обсужденіи общаго положенія дѣла и формулировкѣ знаменитой петиціи 9-го января.

Въ своей книгѣ „Профессіональные союзы" г. Святловскій впервые указываетъ на источникъ появленія петиціи. Тамъ говорится въ такомъ духѣ, что петиція есть продуктъ творчества самого Гапона и приводится картина ея появленія. Дѣйствительно весною 1904 года, кажется, на Пасхѣ, на одномъ изъ штабныхъ собраній оказалось довольно острое разногласіе между Гапономъ и штабной оппозиціей. Было высказано нѣсколько рѣзкихъ взаимныхъ упрековъ. Возбужденіе было сильное. Одинъ изъ участниковъ, если не ошибаюсь К—нъ, рѣзко обратился къ Гапону: „Да, наконецъ, скажите намъ, о. Георгій, кто вы и что вы. Какая ваша программа и тактика, и куда и зачѣмъ вы насъ ведете?"

— Кто я и что я—возразилъ Гапонъ—я вамъ уже говорилъ, а куда и зачѣмъ я васъ веду... вотъ, смотрите.—И Гапонъ выбросилъ на столъ бумагу, въ которой были перечислены по пунктамъ нужды рабочаго люда; это было credo Гапона. Бывшіе сотрудники Гапона утверждаютъ, что петиція совершенно соотвѣтствовала этому ея прототипу; а Х—въ, впослѣдствіи уже въ октябрьскіе дни совершенно разошедшійся съ Гапономъ, затѣмъ партійный кандидатъ по рабочей куріи С.-Петербурга въ члены II-ой Государственной Думы слѣдовательно, не могущій быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ Гапону, недавно мнѣ совершенно опредѣленно заявилъ, что послѣдніе дни передъ 9 января онъ все время находился съ Гапономъ, знаетъ отлично, что петиція была составлена самимъ Гапономъ, и лишь 7-го января у него на квартирѣ Матюшенскій слегка сгладилъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ

по его мнѣнію, угловатыя выраженія. Все это совершенно правильно, и съ этимъ можно охотно согласиться, но содрудникамъ Гапона и въ томъ числѣ уважаемому И. М. Х—ву, очевидно, неизвѣстны нѣкоторыя другія подробности. Извѣстно, что Гапонъ старался вначалѣ не допускать партійнаго вліянія, въ особенности с.-д. Но когда событія приняли рѣшительный революціонный ходъ, онъ призналъ общія дѣйствія съ партіями и съ с.-д. партіей въ особенности необходимыми. 6-го января, на Гороховой, въ домѣ №..., въ 3 часа дня было назначено собраніе, на которое были приглашены представители партій. Гапонъ, нѣсколько запоздавъ, пришелъ въ высшей степени возбужденный и прямо обратился къ собравшимся:

„Господа, событія развертываются съ поразительной быстротой, шествіе къ Дворцу неизбѣжно, а у меня пока только всего и имѣется...“ Онъ выбросилъ на столъ три листка, вырванные изъ записной книжки и исписанные красными чернилами. Это былъ проектъ петиціи. По ознакомленіи съ содержаніемъ проекта, представитель с.-д. заявилъ, что въ такой редакціи петиція для соціалъ-демократіи непріемлема. Гапонъ предложилъ тогда сдѣлать исправленія или составить другую петицію. Представитель с.-д. тутъ же набросалъ проектъ, который былъ присутствовавшими и самимъ Гапономъ одобренъ, и въ этотъ же вечеръ впервые былъ прочитанъ извѣстнымъ газетнымъ содрудникомъ, близко тогда стоявшимъ къ Гапону, въ Невскомъ Отдѣлѣ, и тамъ былъ принятъ многочисленнымъ собраніемъ рабочихъ. На другой день, т. е. 7-го января, утромъ, было еще собраніе, на которое представитель с.-д. не могъ притти. На этомъ собраніи къ принятой уже петиціи были присоединены нѣкоторые пункты отъ народническихъ группъ и отъ группы, такъ называемой, „Безъ Заглавія“ [1]). Кромѣ

---

[1]) Послѣднее совершенно не вѣрно и передается авторомъ, очевидно, по меньшей мѣрѣ, изъ вторыхъ рукъ. Въ виду этого и въ интересахъ исторической истины, мы считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторые, *извѣстные намъ съ безусловною точностью*, факты, касающіеся отношеній въ описываемый г. Павловымъ моментъ Гапона къ группѣ „Безъ Заглавія“. Замѣтимъ прежде всего, что въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, никакой группы „Безъ Заглавія“ *вовсе не существовало*. Этимъ именемъ стали называть группу лицъ, принадлежащихъ къ Союзу Освобожденія, но не примкнувшихъ къ к.-д. партіи (возникшей, какъ извѣстно, лишь въ октябрѣ 1905 г.), по имени еженедѣльника „Безъ Заглавія“, первый номеръ котораго вышелъ 24 января 1906 г., *т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ* послѣ „кроваваго воскресенія“ 9 января. Но отношенія между Гапономъ и нѣкоторыми членами „Союза Освобожденія“, дѣйствительно, существовали еще съ ноября 1904 года, на что имѣются уже нѣкоторыя указанія въ исторической литературѣ. (См. „Историческій Сборникъ“, — разосланный подписчикамъ журнала „Былое“ взамѣнъ неполученныхъ ими, вслѣдствіе пріостановки журнала, ноябрьской и декабрьской книжекъ. Стр. 30). Надо полагать, что именно эти отношенія Гапона къ освобожденцамъ и имѣетъ въ виду г. Павловъ, когда неправильно говоритъ о группѣ „Безъ Заглавія“. Но онъ ошибается и *по существу дѣла*, которое въ дѣйствительности происходило такъ: 6 января, въ 7—8 часовъ вечера, одинъ изъ знакомыхъ съ Гапономъ освобожденцевъ (на-

того, къ составленнымъ пунктамъ петиціи самъ Гапонъ прибавилъ всеподданѣйшее обращеніе... Вѣроятно, въ силу этого послѣдняго обстоятельства, и пришлось Матюшенскому дѣлать нѣкоторыя поправки, о чемъ говоритъ X—въ. Благодаря тому, что къ петиціи прикладывались разныя руки, она и оказалась такою невыдержанною, пестрою... Гапоновскій черновикъ, написанный красными чернилами, остался, насколько мнѣ извѣстно, у того, кто собственно составлялъ историческую петицію, т. е. у представителя с.-д. Начисто переписывалась петиція 8-го января утромъ, причемъ Гапонъ ту квартиру, гдѣ петиція переписывалась, формальнымъ образомъ защищалъ и самолично стоялъ у дверей, никого въ квартиру не пуская. Подлинная петиція цѣла и находится, по мнѣнію ея хранителей, въ полной безопасности.

8-го января полиція, очевидно, получила уже нѣсколько болѣе опредѣленныя инструкціи въ отношеніи Гапона: были попытки схватить его, но попытки эти были въ высшей степени осторожныя: очевидно, опасались рѣзкаго сопротивленія со стороны рабочихъ. Гапона старались схватить или на улицѣ, или при выходѣ изъ Отдѣловъ, которые онъ посѣщалъ одинъ за другимъ, но онъ ловко изворачивался, прибѣгая иной разъ къ пере-

---

зовемъ его хоть NN), получивъ свѣдѣніе о томъ, что Гапонъ даетъ рабочимъ подписывать какую-то петицію, отправился въ отдѣлъ на Выборгской сторонѣ, гдѣ и встрѣтился съ Гапономъ. Послѣдній тотчасъ же далъ NN петицію, сообщилъ, что подъ нею уже собрано 7000 подписей (многіе рабочіе продолжали давать свои подписи въ присутствіи NN) и просилъ его проредактировать петицію и *внести въ нее тѣ измѣненія, которыя NN найдетъ нужнымъ.* Взявши петицію къ себѣ домой и проштудировавши ее внимательно, NN вполнѣ убѣдился,—на чемъ настаиваетъ и теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ,—что петиція эта представляла собою лишь развитіе тѣхъ тезисовъ, которые NN видѣлъ у Гапона въ писаномъ видѣ еще въ ноябрѣ 1904 года. Петиція дѣйствительно нуждалась въ измѣненіяхъ, но, въ виду того, что подъ нею *уже были собраны подписи рабочихъ,* NN и его товарищи не сочли себя въ правѣ вносить хотя бы и самыя малѣйшія въ нее измѣненія. Поэтому петиція была возвращена Гапону (на Церковную, 6) на слѣдующій день (7 января) къ 12 ч. дня *въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была получена отъ Гапона наканунѣ.* Отсюда ясно, что, вопреки свѣдѣніямъ г. Павлова, не только не существовавшая тогда группа „Безъ Заглавія", но и члены Союза Освобожденія къ гапоновской петиціи никакихъ „пунктовъ" *не присоединяли.* Что касается „пунктовъ", которые 7 января, внесли въ петицію „народническія группы", то объ этомъ обстоятельствѣ мы не можемъ ничего утверждать съ тою безусловностью, съ какою мы писали предыдущія строки, но полагаемъ, однако, что за представителей „народническихъ группъ" г. Павловъ и тутъ ошибочно считаетъ тѣхъ нѣсколькихъ лицъ (не принадлежавшихъ ни къ какимъ партіямъ), которые дѣйствительно редактировали петицію въ квартирѣ Гапона 7 января, именно тогда, когда она была доставлена туда отъ NN въ неизмѣненномъ, въ силу вышеобъясненной причины, видѣ. Вѣдь г. Павловъ говоритъ, что „пункты" эти были внесены „народническими группами" и группой „Безъ Заглавія" *утромъ 7 января,* а по нашимъ свѣдѣніямъ, когда петиція была доставлена на квартиру Гапона къ 12 ч. дня, тамъ никакихъ представителей „народническихъ группъ" не было, и редактированіемъ ея занялись совсѣмъ другія лица. Была ли петиція и послѣ этого передаваема Гапономъ кому-либо для внесенія въ нее новыхъ „пунктовъ",—мы не знаемъ.

Ред.

одѣваніямъ и пользовался хорошимъ извозчикомъ. Однако, надо признать, что вообще въ это время правительство еще не пришло къ окончательному рѣшенію даже относительно Гапона, такъ какъ 7-го и 8-го Гапонъ появлялся открыто у высшихъ представителей власти, напримѣръ, во главѣ депутаціи отъ рабочихъ у Святополкъ-Мирскаго съ просьбою передать Государю ходатайство рабочихъ выйти къ народу и выслушать его нужды.

А собраніе рабочихъ по Отдѣламъ продолжались безпрепятственно.

VI.

Наступилъ канунъ 9-го января. Настроеніе всего Петербурга было необычайно напряженно. Ждали чего-то необыкновеннаго, смутнаго, небывалаго. А что касается Отдѣловъ, то въ нихъ жизнь кипѣла, расплескиваясь черезъ края... Не только въ помѣщеніяхъ, но буквально всѣ улицы и примыкающіе къ нимъ ближайшіе переулки были полны народомъ—около каждаго Отдѣла были десятки тысячъ рабочаго люда. Жажда слышать ораторовъ, оцѣнивавшихъ данный моментъ, была такова, что приходилось выставлять зимнія рамы, и ораторы говорили свои рѣчи, стоя на подоконникахъ, рискуя жестоко простудиться; впрочемъ, о такихъ мелочахъ тогда никто не думалъ. Каждое слово оратора проникало въ глубины душъ десятковъ тысячъ людей, стоявшихъ на морозѣ и не чувствовавшихъ холода; болѣе сильныя и яснѣе выражающія пониманіе народа слова оратора народъ тутъ же одобрялъ громкими возгласами, гулко разносившимися какимъ-то особымъ могучимъ хоромъ... А ораторъ, какъ бы въ религіозномъ фанатическомъ экстазѣ, весь пылающій и съ энергичными движеніями, выкрикивалъ: „Товарищи! Пришла пора пролетаріату показать, что онъ не вьючное животное, что онъ не быкъ, не баранъ, на которыхъ ѣздятъ и шерсть которыхъ стригутъ... завтра пролетаріатъ идетъ узнать, дѣйствительно ли на его нужды обращаютъ вниманіе; мы все разскажемъ, и пусть насъ выслушаютъ и узнаютъ, чѣмъ мы болѣемъ...—„Идемъ, идемъ, все разскажемъ,“—говорилъ народъ.—„А если насъ слушать не станутъ, то, значитъ, наше горе, наши болѣзни никому не нужны, никто на насъ не обращаетъ вниманія, и мы должны тогда знать, что нигдѣ у насъ защиты нѣтъ, что только мы сами себѣ защитники... Мы идемъ просить, чтобы насъ только выслушали, а если въ отвѣтъ на нашу просьбу братья-солдаты станутъ въ насъ стрѣлять, то подставимъ наши груди, и пусть не дрогнетъ наше сердце, когда будутъ валиться вокругъ наши безоружные товарищи, но пролитая наша кровь да будетъ показателемъ того, что мы мирно хотѣли разрѣшить россійскій рабочій вопросъ, и не наша вина, что намъ это не удалось. Идемъ и будемъ спокойно и мирно умирать“...—„Идемъ, идемъ и умремъ мирно...“—поддерживалъ народъ.

И эти возгласы разносились по всѣмъ улицамъ Петербурга.—„Завтра въ полдень мы всѣ должны быть у своихъ Отдѣловъ и мы съ разныхъ сторонъ, изо всѣхъ Отдѣловъ пойдемъ искать русской правды“, продолжалъ ораторъ.—„Идемъ искать русской правды“—отвѣчалъ народъ. Были рѣчи и болѣе энергичныя, но общій ихъ тонъ былъ: мирная, но твердая рѣшимость итти къ дворцу, съ готовностью пролить свою кровь.

Атмосфера сгущалась,—надвигались грозныя событія. Настроеніе въ массахъ 8-го января вечеромъ было такое, что если бы въ эти минуты вздумали примѣнить насиліе, то событія могли бы измѣниться кореннымъ образомъ...

Замѣчательно вотъ что: во всѣхъ Отдѣлахъ собранія рабочихъ и рѣчи ораторовъ шли совершенно въ одинаковомъ направленіи: на этихъ послѣднихъ собраніяхъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, выдвинувшіеся сами собой, моментомъ, ораторы „Собранія“; партійные же, принципіально отрицавшіе цѣлесообразность шествія къ Дворцу, еще не всѣ успѣли получить директивъ по вопросу, примутъ ли партіи участіе въ шествіи или, не имѣя возможности ему противодѣйствовать, предоставятъ все естественному ходу вещей; поэтому партійные ораторы почти не выступали на этихъ собраніяхъ вечеромъ 8-го января.

На самомъ дѣлѣ, хотя въ партійныхъ организаціяхъ по этому предмету произошли разногласія, но партіи къ этому времени уже дали свой отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Кажется, въ этотъ же вечеръ Гапонъ сказалъ знаменательную фразу. При обсужденіи плана шествія однимъ изъ представителей партіи, противникомъ шествія, Гапону былъ заданъ слѣдующій вопросъ: „а вы вѣрите въ то, что вы будете приняты, а не разстрѣляны?“—„Нѣтъ, не вѣрю. Я убѣжденъ, что насъ разстрѣляютъ“.—„Такъ зачѣмъ же вы это дѣлаете, зачѣмъ подвергаете риску, можетъ быть, тысячи жизней?“—„Во-первыхъ, отступать уже нельзя, а во-вторыхъ, за одинъ завтрашній день, благодаря разстрѣлу, рабочій народъ революціонизируется такъ, какъ другимъ путемъ нѣтъ возможности это сдѣлать и въ десять лѣтъ и затративъ десятки тысячъ жизней“.

8-го января „штабъ“, состоявшій тогда человѣкъ изъ 12-ти, во главѣ съ Гапономъ, рѣшилъ сняться группой и оставить такимъ образомъ память одинъ для другого,—они уже тогда сознавали, что на завтра недосчитаются многихъ изъ своей среды... Такъ какъ теперь они уже не могли появиться вмѣстѣ, чтобы ихъ тотчасъ же не арестовали, то были приняты самыя конспиративныя мѣры. Въ Апраксиномъ рынкѣ было намѣчено лицо, которое по предъявленію пароля должно было дать адресъ фотографіи. Все это прошло благополучно, и группа была снята. Полиція

узнала объ этомъ, но не могла открыть фотографіи.—На бѣду случилось, что одинъ изъ ретушеровъ работалъ раньше въ другой фотографіи, въ которой Гапонъ когда-то снимался съ градоначальникомъ Фуллономъ.—Ретушеръ заявилъ объ этомъ полиціи, и группа была конфискована еще въ негативѣ. Гдѣ теперь этотъ негативъ—секретъ полиціи. А интересно было бы его розыскать и возстановить снимокъ. Вѣдь снимокъ этотъ принадлежитъ не полиціи, а русской исторіи.

Съ утра 9-го января улицы Петербурга представляли интересное зрѣлище. Движеніе было какъ бы обыкновенно, но уже съ 9-ти часовъ утра улицы стали наполняться куда-то спѣшащимъ народомъ. На окраинахъ отдѣльныя лица и группы направлялись къ Отдѣламъ. Въ центральныхъ же частяхъ города, въ особенности на Невскомъ, сплошныя массы торопливо двигались по направленію къ Зимнему Дворцу. Уже къ полудню Зимній Дворецъ былъ окруженъ сплошною стѣною живыхъ тѣлъ по всѣмъ направленіямъ: на Адмиралтейскомъ пр., на Невскомъ до Полицейскаго моста, на Морской отъ Невскаго и подъ арку Главнаго Штаба, на Мойкѣ у Пѣвческаго моста стояли сплошныя массы народа, чрезъ которыя невозможно было протискаться. Тутъ были многія тысячи, и все это были любопытные, не принимавшіе въ шествіи никакого участія,—просто пришедшіе поглазѣть.

Въ Отдѣлахъ тоже съ утра уже кипѣла жизнь. Готовились выйти въ 12 часовъ,—такое было отдано распоряженіе по всѣмъ Отдѣламъ. Массы рабочихъ собирались къ Отдѣламъ спокойно и невозбранно,—полиція никакихъ препятствій не дѣлала. Но на всѣхъ главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ рабочихъ пунктовъ къ центру города, еще ночью были расположены разъѣзды конныхъ городовыхъ, казаковъ и отряды пѣхоты. Въ торжественную, какъ бы радостную атмосферу рабочаго люда эти отряды вносили ощущеніе чего-то смутнаго и неизбѣжнаго. Но робости, боязни совсѣмъ не замѣчалось. Наоборотъ, скорѣе видна была рѣшимость до конца закончить начатое дѣло. Всѣ какъ бы предчувствовали, что сегодня рѣшаются великіе вопросы и провѣряются вѣковыя вѣрованія, и что съ сегодняшняго дня должна начаться новая эра въ жизни и вѣрованіяхъ россійскаго пролетаріата.

Въ этотъ день яркую роль сыграли также и женскія отдѣленія при Отдѣлахъ. Руководительница ихъ въ высшей степени ярко охарактеризовала роль женщины работницы въ пролетарскомъ движеніи и въ сегодняшнемъ днѣ въ особенности. Въ сжатой и сильной рѣчи она говорила, что женщина, кто бы она ни была, какъ жена, мать, сестра—должна раздѣлить сегодня участь своихъ мужей, сыновей, братьевъ; что если придется умирать мужьямъ, то сегодня также должны умирать вмѣстѣ съ ними и

жены. Кто слышалъ, тотъ никогда не забудетъ проникновенный, ласковый голосъ, которымъ эта замѣчательная женщина сказала, заканчивая свою рѣчь въ Василеостровскомъ Отдѣлѣ: „милыя, не надо бояться смерти! Что смерть? Развѣ наша жизнь не страшнѣе смерти. Дѣвушки, милыя, не бойтесь смерти“...

Менѣе чѣмъ черезъ два часа она съ поднятой головой шла въ первомъ ряду на поднятыя винтовки солдатъ. Около полудня массы народа двинулись изъ всѣхъ Отдѣловъ по направленію къ Зимнему Дворцу, при чемъ женщины часто шли въ первыхъ рядахъ. Гапонъ шелъ во главѣ главной массы рабочихъ самаго многолюднаго рабочаго района — Нарвскаго Отдѣла. Онъ былъ въ полномъ своемъ священическомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ (въ Отдѣлѣ былъ отслуженъ молебенъ); впереди несли портретъ государя... Изъ ближней часовни взяли хоругви. Говорятъ, что съ Гапономъ шло 200.000 человѣкъ только изъ Нарвскаго района; правда, эту цифру нѣкоторые считаютъ преувеличенной, но, во всякомъ случаѣ, менѣе 50.000 человѣкъ никто ея не опредѣлялъ. Огромныя массы шли изъ всѣхъ Отдѣловъ, т. е. съ 10 пунктовъ городскихъ и изъ II-го Колпинскаго Отдѣла.

Что потомъ произошло, всѣмъ извѣстно...

Общимъ ужасомъ и протестомъ возмущенія не прочь были воспользоваться нѣкоторые элементы... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и были сдѣланы попытки грабежа, но они сами собою прекратились. На Васильевскомъ островѣ, правда, были и попытки организовать сопротивленіе, были свалены на нѣкоторыхъ линіяхъ телефонные столбы, спутана проволока; въ одномъ домѣ даже забаррикадировались на случай возможнаго нападенія казаковъ и были даже пущены въ отряды прискакавшихъ войскъ нѣсколько камней изъ дома, но, конечно, все это ни въ малѣйшей степени не характерно для общаго мирнаго движенія рабочихъ. Странно было бы, если бы рѣшительно нигдѣ не было оказано никакого сопротивленія—это было бы совсѣмъ не въ человѣческой природѣ. Но въ общемъ безусловно надобно лишь удивляться той выдержкѣ, съ которой рабочіе шли умирать подъ стѣны Зимняго Дворца.

Бываютъ въ жизни человѣка такіе дни, которые стоятъ передъ умственнымъ взоромъ всю его жизнь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пережившіе 9-е января никогда не забудутъ этого дня.

VII.

Послѣ 9-го января направленіе русскаго общества, въ частности Петербурга, было безусловно въ пользу рабочихъ и противъ правительства. Тутъ правительство увидѣло, какую колоссальную ошибку оно сдѣлало.

Но поправить эту ошибку уже было невозможно. Та, хотя бы далекая связь, которая существуетъ у правительства съ народомъ, сразу порвалась безвозвратно. Пролетаріатъ сразу былъ отброшенъ на его собственную естественную позицію, съ которой возвратить его уже нѣтъ никакихъ силъ. Гапонъ оказался правъ: революціонизированіе пролетаріата совершилось полное...

Сейчасъ же по горячимъ слѣдамъ правительство сдѣлало попытку захватить въ свои руки всю организацію, создавшую 9-ое января. Но и это ему не удалось. Гапонъ, хотя еще и долго находился въ Петербургѣ послѣ этого знаменательнаго дня, но, подстриженный, переодѣтый и хорошо спрятанный, въ руки полиціи не попался. Его сотрудники почти всѣ были арестованы, но это ни къ чему не повело: письменные документы были всѣ уничтожены заблаговременно, а такъ какъ вся организація велась такимъ образомъ, что на виду бывалъ всегда Гапонъ, то о значеніи дѣятельности той или иной личности администрація не имѣла никакого представленія и такимъ образомъ въ руки полиціи попали какъ бы отдѣльныя лица, имѣвшія лишь чисто формально-дѣловое отношеніе—то секретарь, то казначей и т. д. Тутъ и сказала великолѣпная организація: рѣшительно никакихъ уликъ. Да и откуда онѣ могли быть? Штабные были слишкомъ умные люди, чтобы попасться на удочку слѣдователя, а забранные другіе, предполагаемые, вожаки ничего не могли дать, т. к. въ сущности вожаками они не были. Гапонъ, приглашая послѣдніе дни къ себѣ на домашнія засѣданія сотни более замѣтныхъ и вліятельныхъ рабочихъ, руководился указаніями штаба и дѣлалъ это такъ, что обыкновенно у него собирались по 30—40 человѣкъ съ разныхъ заводовъ—люди между собою совершенно незнакомые, въ первый разъ у него встрѣчавшіеся и въ дальнѣйшемъ даже не узнававшіе другъ друга. Такъ что и очные ставки ни къ чему не приводили...

Сразу же стало видно, что ни привлечь кого-либо къ отвѣту, ни вынести какую-либо картину организаціи движенія не было возможности. и забранныхъ людей скоро стали мало-по-малу выпускать. Виновнымъ оказался одинъ Гапонъ, который скрылся за границу.

Между тѣмъ 9-е января всколыхнуло все тогда дремавшее, и всюду, даже въ самыхъ благонамѣренныхъ кругахъ, стали говорить объ ошибкѣ правительства. Недовольство было общее и требовало какого нибудь выхода. Сдѣлана была попытка организовать депутацію отъ рабочихъ, но, какъ извѣстно, фальсифицированная депутація хотя и была принята, но кончилось тѣмъ, что лже-депутатовъ стали поколачивать...

Всѣ Отдѣлы „Собранія“ были закрыты, запечатаны. Все имущество, принадлежавшее „Собранію“, конфисковано. Но рабочіе въ скорости опра-

вились отъ погрома и, разсчитывая на нравственную поддержку тогда съ глубокой симпатіей относившагося къ нему петербургскаго общества, подняли вопросъ объ открытіи Отдѣловъ и возвратѣ „Собранію“ его имущества. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство готово было дать бывшему „Собранію“ маленькій реваншъ, но, конечно, по своему собственному рецепту. Мнѣ въ концѣ февраля или въ началѣ марта говорили рабочіе, что имъ обѣщаютъ открыть Отдѣлы съ тѣмъ, однако, чтобы въ руководители себѣ они избрали не безызвѣстнаго, состоявшаго тогда, кажется, старшимъ фабричнымъ инспекторомъ г. Л. Ф.—го. Рабочіе же хотѣли опять Гапона, но такъ какъ на это правительство не соглашалось, то въ концѣ концовъ рабочіе помирились на Л. Ф—омъ [1]), имѣя въ виду свою готовую организацію, при которой послѣдній не могъ имѣть на направленіе дѣла существеннаго вліянія. Правительство разузнало о направленіи умовъ рабочихъ и отказало въ открытіи и на обѣщанныхъ условіяхъ. Тогда у нѣкоторыхъ рабочихъ явилась мысль начать дѣло на почвѣ судебной, т. е. предъявить къ правительству искъ объ убыткахъ, причиненныхъ при разгромѣ Отдѣловъ и имущества. Процессъ, по тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія, обѣщалъ быть сенсаціоннымъ, такъ какъ онъ еще болѣе возбуждалъ общія симпатіи къ рабочему классу и ронялъ престижъ правительства... Между тѣмъ, въ интересахъ правительства было всѣми силами стараться предать 9-е января, а съ нимъ свою ошибку и симпатіи общества къ рабочимъ, скорѣйшему забвенію. Поэтому, желая замять новую исторію, правительство призвало нѣсколькихъ оставшихся предполагаемыхъ вожаковъ рабочихъ и запросило о стоимости убытковъ, понесенныхъ Отдѣлами. Стоимость эту рабочіе опредѣлили въ 30 тысячъ рублей, хотя на самомъ дѣлѣ едва ли она могла равняться этой суммѣ. Отсюда идетъ начало тѣмъ знаменитымъ 30 тысячамъ, которыя впослѣдствіи такъ ярко фигурировали въ печати.

Уже въ апрѣлѣ 1905 года мнѣ говорили объ этихъ злосчастныхъ 30.000 руб. въ окраскѣ только что изложенной. Въ то время ни Гапонъ, ни Витте о нихъ рѣшительно ничего не знали, и инціатива ихъ появленія не можетъ быть отнесена ни тому, ни другому, такъ какъ Гапонъ въ моментъ появленія на сцену 30 тысячъ былъ за границей, а Витте, сколько помнится, еще продолжалъ быть „не у дѣлъ“ [2]).

Съ апрѣля 1905 г. я уже не имѣлъ близкаго общенія съ главными дѣятелями „Собранія“. Изрѣдка встрѣчаясь съ ними, я получалъ отъ нихъ

---

[1]) Эту комбинацію бывшіе ближайшіе сотрудники Гапона отрицаютъ.

[2]) Я говорю о томъ „не у дѣлъ“, на которое ссылался графъ Витте (тогда еще просто Витте) при посѣщеніи его депутаціей, въ которой были М. Горькій, Анненскій и др., ночью подъ 9 января, просившей употребить все его вліяніе для предотвращенія кровопролитія.

кое-какія свѣдѣнія, но они были отрывочныя и добиться по нимъ причины, какимъ образомъ позднѣе къ 30.000 рублямъ привязались Витте, Гапонъ, Матюшенскій и др.—для меня совершенно не представлялось возможнымъ.

Г. Матюшенскій раньше не только не игралъ никакой роли въ „Собраніи", но о немъ даже ничего не было и слышно.

полагаю, что во всей этой исторіи Гапонъ довольно глупо попался на удочку и, продолжая политику хитрости, перехитрилъ самого себя и попался, какъ школьникъ...

Вообще же надо сказать, что Гапонъ до 9 января и Гапонъ послѣ этого дня—люди совершенно различные.

Отношеніе къ нему большинства его сотрудниковъ также рѣзко измѣнилось, но совсѣмъ въ другую сторону.

До 9 января главные его сотрудники безусловно ему не довѣряли, къ каждому его шагу, движенію относились не только критически, но и съ подозрѣніемъ. За нимъ все время слѣдили и въ смыслѣ тактики не только ставили ему препятствія, но часто категорически требовали итти совсѣмъ по другимъ путямъ и заставляли его подчиняться. Все это было основано на недовѣріи къ нему.

Послѣ же 9 января, послѣ того, какъ онъ отдался во власть созданнаго обстоятельствами теченія, послѣ того, какъ онъ шелъ самъ во главѣ Нарвскаго Отдѣла и рисковалъ своею жизнью, Гапонъ страшно выросъ въ глазахъ рабочихъ. Популярность его именно въ это время между рабочими была безгранична. Онъ былъ героемъ 9 января, и между рабочими теперь онъ встрѣчалъ одно преклоненіе.

Я помню часовъ около 4—6 вечера 9 января заѣхалъ я къ одному изъ самыхъ крупныхъ членовъ „Собранія" и вожаковъ всего движенія. Тамъ было маленькое собраніе штабныхъ, и я слышалъ горячія рѣчи: „бѣдный о. Георгій, какъ ему тяжело было наше недовѣріе... какъ мы-то понапрасну его прижимали... вѣдь, онъ несчастный все терпѣлъ... мы его считали провокаторомъ, а онъ и жизнь свою за насъ былъ готовъ отдать..."

Эти отдѣльныя фразы могутъ совершенно опредѣленно характеризовать дальнѣйшее отношеніе къ Гапону его бывшихъ сильныхъ противниковъ, теперь преклонившихся передъ нимъ.

Люди находились въ центрѣ самыхъ яркихъ событій и не могли сообразить того, что во всемъ движеніи не было ни одного изъ нихъ настолько самостоятельнаго, чтобы кто бы онъ ни былъ—хоть самъ Гапонъ—имѣлъ возможность вліять на ходъ событій; они забыли о томъ, что историческое движеніе вылилось въ такую форму своимъ естественнымъ ходомъ, что всѣ они нужны были каждый на своемъ мѣстѣ и что Гапонъ болѣе,

чѣмъ кто-либо, былъ лишь игрушкою въ этомъ общемъ движеніи. И онъ до тѣхъ поръ былъ правъ, пока плылъ по общему теченію, хотя бы и впереди его гнали волны и онъ долженъ былъ итти впередъ...

Временно поставленный впереди всего освободительнаго движенія Гапонъ волей-неволей долженъ былъ двигаться впередъ по извѣстному данному ему направленію или свалиться и быть раздавленнымъ шедшей за нимъ массой, двигавшейся въ это время съ головокружительной быстротой. Тѣ попытки, когда онъ хотѣлъ взять другое направленіе, только показывали ему его безсиліе,—онъ чувствовалъ боль отъ толчка и, наконецъ, скрѣпя сердце, безъ оглядки пошелъ къ 9-му января.

Но увѣнчанный лаврами герой, послѣ 9-го января, когда передъ нимъ, какъ передъ побѣдителемъ, все, прежде оказывавшее ему сопротивленіе стало преклоняться, Гапонъ не выдержалъ: у него на высотѣ закружилась голова, онъ зашатался...

Раньше оказывавшіе ему сопротивленіе поддерживали его именно такимъ сопротивленіемъ, находясь всегда около него, но теперь они сами возносили его на высоту, подняться на которую и стать рядомъ не считали себя достойными... Теперь они опасались противорѣчить ему и не только опасались, но въ своемъ преклоненіи передъ нимъ они уже считали Гапона непогрѣшимымъ...

Гапонъ поддерживалъ со своими сотрудниками оживленную переписку, и его письма принимались нѣкоторое время, какъ изреченія оракула—ихъ читали съ чувствомъ обожанія и горячей вѣрой въ Гапона.

Но это было до тѣхъ поръ, пока его посланія носили характеръ горячаго протеста, такъ какъ все тогдашнее русское общество вообще представляло собою протестъ создавшемуся положенію вещей. Когда же Гапонъ сталъ измѣнять характеръ своихъ писемъ, то обаяніе его въ массахъ стало уменьшаться—оракулъ пришелся не по времени.

Рабочее движеніе послѣ 9-го января стало выливаться и принимать совершенно опредѣленную форму—форму общаго пролетаріатскаго движенія, для котораго рамки, созданныя направленіемъ „Собранія", были слишкомъ узки... „Дипломатическій" методъ Гапона и его сотрудниковъ былъ исчерпанъ весь безъ остатка: обманывать не было возможности, да и не было уже въ томъ надобности.

Повидимому, и Гапонъ это отчасти понималъ. На это указываютъ его попытки завязать близкія сношенія съ партійными организаціями за границей. Но ему мѣшала правильно смотрѣть на положеніе вещей его теперешняя слава, его „геройство". Не обладая широкимъ объективнымъ умомъ и не имѣя надлежащей научной подготовки, Гапонъ не умѣлъ понять настоящаго своего положенія и отводилъ слишкомъ

большое мѣсто своей особѣ въ рабочемъ движеніи. Учитывая тѣ стѣсненія, которыя ему приходилось испытывать во время организаціи такъ неожиданно вылившагося движенія и теперь увидя, какіе результаты оно принесло, ему казалось, что, при свободѣ дѣйствій, онъ будетъ въ состояніи сдѣлать и еще болѣе. Ему хотѣлось уже болѣе самостоятельнаго положенія въ той или иной партіи, ему хотѣлось главенства. Мнѣ извѣстно, что въ эти первые мѣсяцы послѣ 9-го января въ партійныхъ организаціяхъ къ нему относились достаточно хорошо: дѣйствія его хотя и не были признаваемы правильными, но въ виду ихъ хотя бы случайнаго результата, путь къ вступленію въ какую-либо революціонную организацію для него не былъ закрытъ. Но, конечно, вступивъ туда, онъ долженъ былъ признать всѣ партійныя основанія такъ, какъ признавала ихъ та или иная партія. Съ этимъ, благодаря своей политической неопредѣленности, Гапонъ могъ бы помириться... но признать для себя партійную дисциплину, стать обыкновеннымъ, почти рядовымъ партійнымъ работникомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ демагогіи, онъ не могъ...

И вотъ Гапонъ начинаетъ кокетничать сначала съ с.-д., при чемъ обратилъ на себя вниманіе не только стараго Плеханова, но говорятъ, что даже и суровый, не идущій ни на какіе компромиссы Ленинъ нѣкоторое время склоненъ былъ считать Гапона с.-демократомъ. Но затѣмъ онъ былъ разобранъ, и Плехановъ, похлопывая по плечу Гапона, отечески ему внушалъ: „а не мѣшало бы, отче Гапоне, немного поучиться"... Почувствовавъ себя въ такой компаніи не вполнѣ на своемъ мѣстѣ и ясно видя, что здѣсь его демагогическимъ замашкамъ простора не будетъ, Гапонъ одновременно же начинаетъ кокетничать и съ с.-р-ми. Но этимъ маневромъ онъ лишь вызываетъ охлажденіе съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ передъ нимъ и совсѣмъ закрываются двери.

Самолюбіе Гапона было глубоко уязвлено. Но самомнѣніе беретъ верхъ. Онъ рѣшаетъ итти опять самостоятельно, дѣлаетъ попытки выработать нѣчто въ родѣ своей собственной программы, намѣчаетъ рискованную тактику, и тутъ, уже окончательно теряя политическое чутье, катится къ паденію.

Къ этому именно времени и относится его вмѣшательство въ исторію съ 30 тысячами рублей и новое завязываніе когда-то рѣзко порванныхъ связей съ правительствомъ.

Въ этой грязной исторіи Гапонъ вступилъ въ борьбу хитрости съ Витте (или съ кѣмъ другимъ) и былъ положенъ на обѣ лопатки... [1]).

---

[1]) Вообще за этотъ періодъ времени Гапонъ въ своей дѣятельности мечется изъ стороны въ сторону, нигдѣ не находя подходящаго для себя мѣста. Нѣкоторыми высказывалось мнѣніе, что Гапонъ не могъ сойтись съ революціон-

Объ этихъ 30 тысячахъ руб. я зналъ уже за 9 мѣсяцевъ до появленія о нихъ свѣдѣній въ печати, и мнѣ они тогда вовсе не казались такими грязными; наоборотъ, я считалъ полученіе ихъ отъ правительства въ то время и по тѣмъ обстоятельствамъ вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ. Но, когда къ этой исторіи приложили свои имена Гапонъ, Витте, Матюшенскій и др., то я никакъ не могъ помириться, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же,—до того эти 30 тысячъ вывалялись въ грязи... Тутъ мнѣ стало ясно, до какой степени паденія можетъ дойти человѣкъ, не брезгающій средствами. Между тѣмъ Гапонъ въ сущности былъ аскетъ, житейское благополучіе для него значенія не имѣло и продать себя за 30 тысячъ, да хотя бы и за 300 и за 3 милліона, въ ущербъ интересамъ народа, онъ не могъ, но для нуждъ народа онъ могъ ихъ взять, ошибочно учтя послѣдствія. Во всякомъ случаѣ у Гапона не было цѣли продать свою идею,— ему хотѣлось доказать, что идея освобожденія можетъ быть осуществлена именно имъ; онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя и надѣялся и на этотъ разъ вывернуться, перехитрить.

Въ такомъ положеніи было дѣло. Наступило лѣто и затѣмъ осень. За все это время администрація то разрѣшала или готова была разрѣшить открытіе „Собранія“, со всѣми его Отдѣлами, то дѣло опять тормозилось.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1905 г. вопросъ объ открытіи „Собранія“,

---

ными партіями изъ-за принципіальныхъ идейныхъ соображеній. Приводились и доказательства тому на первый взглядъ довольно вѣскія. Но я не могу согласиться съ ними, и не приводя здѣсь другихъ тоже вѣскихъ доказательствъ противуположнаго, такъ какъ моя задача лишь воспоминанія,—скажу только, что мнѣ даетъ право говорить такъ только то, что я слишкомъ хорошо знаю Гапона. Какія у него могли быть принципы? Никакихъ. У него, правда, была своя idée fixe—это всемѣрное способствованіе освобожденію русскаго народа. А такъ какъ русскій народъ еще только начиналъ просыпаться и лишь пролетаріатъ протиралъ уже глаза, то Гапонъ и бросился къ пролетаріату съ неутомимой жаждой служенія. Но у него не было рѣшительно никакихъ устоевъ и слишкомъ мало было знаній, вслѣдствіе чего мы и видимъ его балансирующимъ надъ пропастью. Для него была важна прежде всего цѣль, а какими средствами онъ достигнетъ этой цѣли—это не представляло затрудненій... Онъ, напримѣръ, говорилъ, что онъ склоненъ считать наиболѣе подходящей для рабочихъ программу с.-д., но цѣлесообразнѣе признавалъ тактику с.-р.-овъ. Уже одного этого достаточно, чтобы показать, какъ ничтоженъ былъ багажъ его политическаго пониманія, вслѣдствіе чего онъ даже не могъ разобраться въ сущности этихъ партій. Какъ политическій дѣятель, Гапонъ былъ флюгеромъ: откуда повѣетъ вѣтеркомъ освобожденія, онъ и готовъ былъ итти за нимъ, а если вѣтерокъ вѣетъ, отраженный отъ встрѣченнаго препятствія, то Гапонъ, идя за нимъ, могъ совершенно искренно пойти противъ настоящаго освободительнаго движенія. У него былъ слишкомъ узкій политическій кругозоръ. Принявъ же во вниманіе бѣшеное, но сдерживаемое годами его болѣзненное самолюбіе и удары, нанесенные этому самолюбію партіями, не признавшими въ немъ, какъ въ личности, особой величины, а также преклоненіе бывшихъ его сотрудниковъ-оппозиціонеровъ и всеобщее вниманіе къ его особѣ,—не трудно будетъ допустить въ умѣ Гапона такія психологическія комбинаціи, при наличности которыхъ онъ такъ рѣзко измѣнилъ фронтъ въ дѣлѣ своей борьбы за освобожденіе народа.

повидимому, склонялся къ положительную сторону, и по всей вѣроятности опять подъ руководствомъ Гапона.

Послѣ его частныхъ писемъ къ рабочимъ, послѣ извѣстнаго письма, помѣщеннаго въ мартовскомъ или апрѣльскомъ номерѣ „Искры“, такой поворотъ не могъ быть естественнымъ. Но странно вотъ что: его бывшіе сотрудники и ярые оппозиціонеры по дѣятельности въ „Собраніи“ до 9 января теперь не видѣли этой неестественности.

Въ октябрѣ Гапонъ находился въ Петербургѣ, и мнѣ сказали, что онъ хочетъ повидаться со мною для серьезныхъ переговоровъ. Свиданіе было назначено на одномъ изъ рабочихъ собраній въ Соляномъ Городкѣ, мнѣ были присланы билеты на это собраніе, но, къ сожалѣнію, я не получилъ ихъ своевременно, и свиданіе не состоялось. Тогда ко мнѣ было командировано одно изъ самыхъ довѣреннѣйшихъ лицъ теперешняго Гапона, до 9-го января бывшее въ самой сильной къ нему оппозиціи и пользовавшееся всегдашнимъ моимъ глубокимъ уваженіемъ. Была высказана увѣренность, что „Собраніе“ откроется на дняхъ на старыхъ основаніяхъ и что на меня разсчитываютъ также по старому.

Такъ какъ мнѣ казалось совершенно невозможнымъ вести дѣло по старому, я выразилъ сомнѣніе въ достиженіи желанныхъ для рабочихъ результатовъ и, не давая окончательнаго отвѣта, пожелалъ еще повидаться съ самимъ Гапономъ. При этомъ, мною былъ высказанъ мой собственный взглядъ на единственно, по-моему, возможную дальнѣйшую пригодность Гапона.

Въ это время русскій рабочій людъ объединился подъ однимъ общимъ знаменемъ, но уже не Гапоновскимъ, и въ Гапоновской демагогіи никто не нуждался, и даже правительство не нашло возможнымъ и нужнымъ войти въ настоящее соглашеніе съ Гапономъ, считая, очевидно, это безполезнымъ въ виду того, что Гапоновскія идеи этого времени не собирали вокругъ себя мало-мальски замѣтнаго количества сторонниковъ. Но самыя малосознательныя массы рабочихъ, не способныя къ организаціи сознательной, боготворили Гапона, и въ отношеніи ихъ Гапонъ, въ случаѣ надобности, въ рѣшительный моментъ могъ бы сыграть еще замѣтную роль. Это я и высказалъ посланному ко мнѣ лицу.

Когда Гапону передали мой отвѣтъ, онъ, очевидно, былъ далеко неудовлетворенъ имъ. „Обойдемся и безъ него“—сказалъ онъ.

Въ ноябрѣ мнѣ принесли знаменитое письмо Гапона „кровью спаянные товарищи“... Предполагалось его опубликовать, но такъ какъ въ то время общее положеніе было такое, что письмо это совсѣмъ не соотвѣтствовало ему и вообще указывало на удивительную неосвѣдомленность Гапона и его непониманіе политическаго момента даже съ точки зрѣнія его

поклонниковъ, то рѣшили его не опубликовывать. И вдругъ, въ самый разгаръ декабрьскихъ дней оно появилось въ печати,—моментъ былъ крайне неудаченъ и показывалъ, что и сотрудники Гапона также мало понимали его.

Къ этому времени Гапонъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія уже порядочно поблекъ, а что касается мнѣнія людей болѣе или менѣе причастныхъ къ рабочему движенію, то здѣсь пѣсня Гапона стояла уже на заключительномъ аккордѣ. Появившееся затѣмъ разоблаченіе Петрова о 30.000 руб. окончательно свалило Гапона, и послѣ этого ему уже нельзя было и думать подняться до той высоты, на которую онъ когда-то случайно залетѣлъ. Гапонъ палъ и продолжалъ еще падать все ниже и ниже, до тѣхъ поръ, пока безславно кончилъ свою жизнь, глупо попавшись въ петлю...

Лишь одинъ маленькій кружокъ, какимъ-то фуксомъ образовавшійся, объявилъ себя наслѣдникомъ идей Гапона... Но въ него не вошелъ почти никто даже изъ самыхъ преданныхъ Гапону бывшихъ его сотрудниковъ. Этотъ кружокъ зачахъ и тихо умеръ. Вся же масса бывшаго „Собранія“ признала для себя болѣе подходящими другіе лозунги.

VIII.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что для меня Гапонъ вовсе не представлялъ ничего загадочнаго или таинственнаго,—по-моему, онъ просто талантливый, пожалуй, геніальный организаторъ, но въ то же время такой же точно авантюристъ и во всякомъ случаѣ не провокаторъ. Значеніе его въ движеніи было далеко меньшее, чѣмъ обыкновенно принято думать. Въ этомъ движеніи были нѣкоторыя лица, оставшіяся безвѣстными, значеніе которыхъ было куда болѣе сильное и болѣе глубокое.

Гапонъ былъ нуженъ, какъ ширма, и ряса его этому способствовала. Но если бы не случилось Гапона, то движеніе все равно выдвинуло бы кого-либо другого, у котораго вмѣсто рясы нашлось бы что-либо другое. Въ этомъ движеніи участвовала сама рабочая масса, выдвинувшая впередъ, въ видѣ авангарда, отдѣльную группу, которая приняла, всосала въ себя Гапона, и все время подталкивая его въ желательномъ группѣ направленіи, заставила его сдѣлать то, что онъ долженъ былъ сдѣлать.

Это было совершенно точно до 9-го января.

Послѣ же этого, когда масса была разбита, а потомъ, оправившись, стала организоваться въ другомъ направленіи, Гапонъ, временно оторвавшись и не уловивъ характера движенія массы, — неминуемо долженъ былъ оторваться окончательно, а разъ это случилось, онъ долженъ былъ пасть, ибо ему не хватило политическаго чутья спокойно отойти и дать дорогу другимъ.

Но онъ любилъ эти рабочія массы, и его выраженіе: „кровью спаянные товарищи“ для извѣстнаго уже пережитаго времени имѣло всѣ права.

Но здѣсь я считаю необходимымъ повторить, что Гапонъ до 9-го января и Гапонъ въ октябрьскіе и послѣдующіе дни—люди, если не совсѣмъ противоположные, то значительно разные. Хотя я и не видался съ Гапономъ въ эти дни, но я имѣлъ о немъ свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ: отъ ближайшихъ его сотрудниковъ, отъ партійныхъ работниковъ и отъ частныхъ лицъ. Въ это время въ оцѣнкѣ личности Гапона всѣ сходились на одномъ пунктѣ—это было его усилившаяся до крайнихъ размѣровъ нервность, взвинченность, доходившая до странностей... Гапонъ въ это время совершенно, что называется, расхлябился, потерялъ душевное равновѣсіе... Подводя итогъ всему тому, что я зналъ о Гапонѣ лично и отъ другихъ, я съ полной увѣренностью скажу, что, начиная съ октябрьскихъ дней, Гапонъ былъ способенъ на все, что угодно. Онъ ни передъ чѣмъ не остановился бы для достиженія извѣстной цѣли. У него царила одна мысль служенія угнетенному люду, объ оцѣнкѣ же средствъ онъ не задумывается: тутъ для него ничего не было святаго, Гапонъ былъ искренно преданъ рабочимъ. Съ этой позиціи, его сбить не было возможности, но чтобы удержаться на этой позиціи, онъ могъ принести въ жертву что и кого угодно. Здѣсь для него не играла бы роли ни дружба, ни родство, ни понятія о нравственности и т. д. Онъ не постѣснялся бы подвести подъ отвѣтственность или вообще подъ бѣду и несчастіе самаго близкаго человѣка, если бы видѣлъ, что отъ этого его мысль подвинется впередъ хотя бы на миллиметръ. И въ этомъ отношеніи онъ могъ сдѣлать въ своихъ расчетахъ грубую ошибку. Но онъ и не замѣтилъ бы своей ошибки, вѣрнѣе не остановился бы, не взялъ бы на учетъ для дальнѣйшаго, а спокойно бы шелъ дальше по намѣченной дорогѣ. Послѣ того, какъ онъ долженъ былъ констатировать уже въ октябрьскіе дни всеобщее къ себѣ охлажденіе, вслѣдствіе неправильнаго взятаго имъ курса, когда его выступленія въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ не произвело никакого дѣйствія, и даже его бывшіе сотрудники, послѣ 9-го января вполнѣ ему подчинившіеся, уже не вполнѣ понимали его, Гапонъ, во что бы то ни стало хотѣлъ задержаться на поверхности и въ это время уже совершенно не разбиралъ средствъ. Когда же паденіе его шло все дальше и дальше, когда никакія принимаемыя имъ мѣры уже не помогали, пришелъ и онъ вплотную къ полному сознанію своего паденія, безъ возможности уже подняться, такъ какъ возвратъ къ революціоннымъ партіямъ былъ уже абсолютно невозможенъ,—я готовъ допустить въ Гапонѣ даже ту авантюру, о которой въ печати появились кое-какія указанія. Я допускаю, что для того, чтобы занять извѣстное положеніе, онъ могъ предать не только отдѣльную лич-

ность, но и цѣлую организацію и все же это было бы не съ умысломъ предать идею рабочаго освобожденія. Онъ навѣрное считалъ, что, предавая хотя бы нѣсколько десятковъ выдающихся дѣятелей революціонной организаціи, съ своей точки зрѣнія, онъ дѣлалъ именно то, что нужно для рабочаго освобожденія. По его выходило такъ, что революціонныя партіи дѣлали огромныя ошибки, а себя онъ считалъ призваннымъ эти ошибки исправлять, а потому не было смысла и нечего было считаться съ какими-то отдѣльными личностями... Я допускаю, что онъ готовъ былъ выдать тогдашнихъ своихъ враговъ партійныхъ дѣятелей, допускаю, что на этотъ предметъ онъ раздобылъ и рессурсы, войдя, конечно, въ извѣстныя соглашенія, но я не допущу, чтобы онъ все это продѣлывалъ, измѣнивъ свои убѣжденія въ основѣ ихъ. Ему хотѣлось по привычкѣ надуть и тѣхъ и другихъ, но въ основѣ у него было нѣчто свое, и въ этомъ отношеніи я считаю его совершенно искреннимъ. Здѣсь онъ уже пустилъ всего самого себя, что называется, во всю, безъ удержу. И, конечно, при такомъ положеніи дѣла исходъ могъ быть только одинъ: Гапонъ неминуемо долженъ былъ свернуть себѣ шею.

Къ несчастію для Гапона, его жизненная школа прошла при слишкомъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, выработавшихъ изъ него типъ тѣхъ людей, которые никогда не находятъ себѣ близкихъ сердечныхъ отзвуковъ. Съ ними можно имѣть дѣла, прекрасно вмѣстѣ работать, но дружеской близости они никогда не встрѣчаютъ. Между тѣмъ эти люди жаждутъ дружбы болѣе, чѣмъ другіе. Въ этомъ отношеніи Гапонъ былъ изъ самыхъ несчастныхъ.

Я, напримѣръ, всѣмъ своимъ пониманіемъ хотѣлъ раздѣлить предлагаемую мнѣ Гапономъ дружбу, но также всѣмъ своимъ чувствомъ совершенно не могъ этого сдѣлать.

К—на была предана Гапону, вѣрила ему безусловно—Гапонъ это цѣнилъ и платилъ ей глубокимъ уваженіемъ и благодарностью. Но К—на была слишкомъ скромна, и хотя была головой выше Гапона, она, въ завѣдомомъ уничиженіи, обыкновенно преклонялась передъ Гапономъ и въ тоже время, въ случаяхъ разногласій, всегда выходило такъ, что подчиняться приходилось Гапону. Получались такія психологическія положенія, которыя не давали возможности сблизиться этимъ двумъ яркимъ, выпуклымъ фигурамъ, и хотя Гапонъ и раскрывалъ свои душевныя скорби передъ К—ной, и она его понимала, но они всегда оставались чужими и далекими...

Вѣроятно, Гапонъ уже не разъ въ жизни и раньше наталкивался на такое же отношеніе къ себѣ, и это обстоятельство, при наличности огромнаго самолюбія, дѣлало его замкнутымъ. Далѣе, ему приходилось

быть часто неискреннимъ (уже самая ряса священника способствовала этому),—отсюда вытекали, вѣроятно, не разъ фальшивыя положенія, изъ которыхъ ему необходимо было такъ или иначе выкарабкиваться, и въ результатѣ получился всегда осторожный, выжидающій и хитрящій Гапонъ, не внушающій довѣрія окружающимъ. Несмотря на самые благородные, честные порывы его „я", онъ въ то же время не былъ вполнѣ искреннимъ, такъ какъ, опасаясь, что его самый чистый порывъ не будетъ понятъ надлежащимъ образомъ, онъ и къ этому порыву подходилъ осторожно, съ опаской... И такъ, вѣроятно, во всю свою жизнь Гапонъ не могъ обнаружиться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

И. Павловъ.

Одна изъ дорогихъ тѣней.

Тусклый полу-свѣтъ лѣниво ползъ въ комнату, и въ стекла единственнаго окна съ мятыми, грязноватыми гардинами уперлась густая, желто-сѣрая игла.

Меня разбудилъ нерѣшительный сперва, а потомъ точно безпокойный стукъ въ дверь. Я быстро сѣла на постель и старалась вспомнить, гдѣ я. Какъ очутилась въ этой чужой комнатѣ со страннымъ каминомъ, съ посѣрѣвшимъ отъ пыли зеленымъ ковромъ, со столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами... Опять стучатъ. „Come in", говорю я, вдругъ вспоминая, что я въ Лондонѣ.

Голосъ П. Л. Лаврова говоритъ за дверью:

— Здоровы ли вы? Я уже три раза къ вамъ стучался... Вставайте скорѣе. Очень поздно. Намъ далеко ѣхать, да еще раньше надо позавтракать.

Я быстро вскочила и уже окончательно вспомнила, что нахожусь въ комнатѣ Лаврова, которую онъ уступилъ мнѣ на время моего пребыванія въ Лондонѣ, что наканунѣ получилось письмо отъ Огарева, что въ этомъ письмѣ онъ назначаетъ намъ съ Петромъ Лавровичемъ свиданіе на сегодня, у себя въ Гринвичѣ.

Это было ранней весной 1877 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Бакунина. Я зимовала въ Парижѣ; въ Лондонъ пріѣхала повидаться съ Лавровымъ. Его я знала съ дѣтства, переписывалась съ нимъ пока была за границей, но не видѣла его много лѣтъ—со времени его ссылки.

Я сама просила у Огарева назначить мнѣ свиданіе. Никакого дѣла къ нему у меня не было, просто хотѣлось быть у него. Это желаніе не заключало въ себѣ всегда немного смѣшного влеченія посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка,—въ немъ было больше благочинія, чѣмъ любопытства. Бакунинъ такъ часто и такъ много говорилъ мнѣ объ Огаревѣ, выражалъ прямое желаніе, чтобы я съ нимъ увидѣлась, чтобы сказала ему, какъ Бакунинъ его любитъ, какъ его помнитъ. Самъ Михаилъ Але-

ксандровичъ былъ увѣренъ, что ему уже никогда не доведется свидѣться съ Огаревымъ. Судьба эту горькую увѣренность подтвердила, и у меня возникла прямая потребность теперь, послѣ кончины Мишеля, быть у его лучшаго друга, сообщить о послѣднихъ недѣляхъ жизни М. А., передать его завѣтъ вѣрности, его, теперь загробный, привѣтъ. Я готовилась къ этому свиданію съ волненіемъ. Послѣ кончины Бакунина не прошло и года, память о немъ была свѣжа, и говорить о предсмертныхъ дняхъ М. А. съ близкимъ ему человѣкомъ—значило какъ бы переживать вновь его смерть. Кромѣ того, и общеніе съ Николаемъ Платоновичемъ, съ этимъ послѣднимъ остаткомъ „Колокола", представлялось мнѣ дѣломъ не простымъ.

У нашего поколѣнія не было настоящаго пониманія, чѣмъ былъ „Колоколъ", и каково было его значеніе для Россіи. Мы были пропитаны той исторической неблагодарностью, которой отличаются русскіе люди. Всѣ мы были тогда болѣе или менѣе Иваны, не помнящіе родства, безъ традицій, безъ предшественниковъ. Кто могъ *тогда* познакомиться вполнѣ съ сочиненіями Герцена? Въ Россіи очень немногіе, да тѣ, что ѣздили за границу. Условія русской жизни создавали полное отсутствіе перспективы въ политическомъ міровоззрѣніи. Каждое десятилѣтіе начинало все сначала, точно раньше никто и не думалъ и не дѣйствовалъ...

Помимо этого, то время отличалось особливо страстной исключительностью. Все, что прямо и удобно не укладывалось въ рамки усвоенныхъ идеаловъ, казалось не только отсталымъ, но даже враждебнымъ. О декабристахъ знали по наслышкѣ и очень мало ими интересовались. Герценъ былъ безвозвратно похороненъ. Огаревъ какъ-то не жилъ въ представленіи, какъ нѣчто отдѣльное, всегда соединялся съ Герценомъ, хотя враждебнаго чувства не вызывалъ, чего нельзя сказать про Герцена. Одинъ Бакунинъ, котораго меньше всего можно было знать, окруженъ былъ ореоломъ. Лично у меня къ Огареву всегда было особое почитаніе, которое только утвердилось отношеніемъ къ нему Бакунина. Но я ждала, что при свиданіи съ нимъ разговоръ непремѣнно зайдетъ и о „Колоколѣ" и о Герценѣ, а я считала долгомъ высказать свое отрицательное отношеніе къ нимъ. Какъ это сдѣлать прямо, но не обидно для Николая Платоновича? Ожиданіе этого свиданія вызывало во мнѣ цѣлый рядъ весьма противорѣчивыхъ чувствъ: отъ души ѣхала на поклонъ къ другу Мишеля, къ поэту-революціонеру, а точно камень за пазухой держала. Боялась смолчать, боялась сказать черезъ край.

Петръ Лавровичъ предупреждалъ меня, что Огаревъ представляетъ собою развалину, что одна тѣнь осталась отъ поэта-революціонера, который жилъ въ моемъ воображеніи, но съ мечтой нельзя разстаться вдругъ, когда кто-нибудь скажетъ, что это простая мечта...

Изъ квартала Лаврова—кажется, онъ жилъ тогда на Tottenham road—до Гринвича разстояніе было огромное, и дорога, въ тѣ далекія времена, долгая.

Желтый туманъ, пропитанный запахомъ гари, сѣры, соленой рыбы, невообразимо удушливый и безпощадно холодный, плотно втиснулся въ широкія улицы, давилъ грудь, голову, нагонялъ страхъ. Петръ Лавровичъ, относившійся съ большой заботливостью къ моему здоровью, предложилъ, когда мы очутились на улицѣ, послать депешу Огареву и просить его назначить другой день. Но мнѣ не хотѣлось откладывать своего визита, я боялась, что такъ и не удастся съѣздить къ Огареву, потому что въ Лондонъ я пріѣхала на очень короткій срокъ. Темная мгла, насъ окружавшая, мнѣ не мѣшала, она находилась въ гармоніи съ моими грустными воспоминаніями и неоформленными опасеніями.

— Я все забываю—сказалъ П. Л. на мой рѣшительный отказъ отложить нашу поѣздку,—que c'est un pélerinage.

Сперва мы куда-то шли пѣшкомъ. Около насъ, точно изъ-подъ земли, сразу выдвигались черныя фигуры прохожихъ; невидимые омнибусы грохотали и тоже иногда внезапно проявлялись въ черно-желтой гущѣ воздуха, гигантскіе, фантастически облѣпленные черными, скорченными фигурами людей, низко наклонившимися точно подъ тяжестью вседавящаго тумана. Потомъ мы сѣли въ какой-то омнибусъ и ѣхали, долго ѣхали, прорѣзая туманъ. Иногда, какъ сквозь густой вуаль, просвѣчивали и точно текли мимо низкіе, темные дома, потомъ исчезали, какъ за спущенной занавѣсью, и снова мы рѣзали туманъ и ѣхали безъ дороги, безъ дали,—ни откуда и никуда... Жуткая тоска ныла въ груди, и голова болѣла.

Наконецъ, какими-то волшебными для меня путями мы прибыли въ Гринвичъ. Привѣтливаго въ обычную погоду городка, или квартала, гдѣ живутъ главнымъ образомъ отставные моряки, мы не увидѣли. Онъ еще глубже Лондона закутался въ непроглядный туманъ, хотя мнѣ казалось, что тутъ онъ не такой желтый, не такой удушливый. Петръ Лавровичъ, мой руководитель среди этого земного ада, оказался не твердъ въ пути, и мы только послѣ долгихъ скитаній по пустынѣ, тихимъ улицамъ и послѣ неумѣлыхъ разспросовъ доведены были какой-то женщиной, окутанной въ грязную рвань до дома Огарева. До этой конечной цѣли странствій мы добрались, когда почти совсѣмъ было темно.

Стукъ классическаго молотка англійской входной двери прозвучалъ четко и гулко, точно въ пустую бочку стучали. Дверь отворилась. Горничная въ бѣленькомъ фартучкѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ, чистая и припомаженная отворила дверь. Въ небольшой передней горѣлъ газъ. Сразу на меня пахнуло теплымъ, запахомъ каменно-угольнаго дыма, сразу охватила

особая атмосфера уютнаго, плотно запертаго отъ внѣшняго міра англійскаго дома, гдѣ тихо, удобно, тупо и уныло тянутся однообразныя, безцѣльныя жизни какихъ-нибудь зажиточныхъ старыхъ дѣвицъ, высокихъ, сухихъ, которыя рисуютъ акварелью, ѣздятъ въ Италію и въ опредѣленные дни посѣщаютъ бѣдныхъ своего прихода.

Въ гостиной, какъ бы подтверждая мое первое впечатлѣніе, насъ встрѣтила англичанка; но она была небольшого роста, темноволосая, менѣе угловатая и увѣренная въ манерахъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ англичанки [1]). Она упрекнула за поздній пріѣздъ, сказала, что Николай Платоновичъ насъ давно ждетъ, что онъ не особенно хорошо себя чувствуетъ, потому что былъ боленъ наканунѣ... Все это она выговорила сразу и, не давъ П. Л. времени меня представить ей, вышла въ другую комнату. Она имѣла видъ и не хозяйки дома и не служанки, а скорѣе человѣка исполняющаго какую-нибудь административную должность въ какомъ-нибудь учрежденіи.

Гостиная была по-англійски уютная, всюду на креслахъ лежали бѣлыя накидочки, все было чисто, скромно, обыкновенно, только со стѣнъ глядѣли какіе-то портреты, которыхъ въ ту минуту я не разсмотрѣла и не успѣла бы разсматривать: темноволосая англичанка почти немедленно вернулась и ввела насъ въ сосѣднюю, довольно большую комнату.

Навстрѣчу намъ шелъ нетвердыми шагами небольшой старичокъ въ синемъ, просторномъ пиджакѣ и протягивалъ Петру Лавровичу двѣ дрожащія руки. Лавровъ представилъ меня, какъ друга Бакунина.

— Очень радъ, очень радъ... говорилъ дрожащій глухой голосъ, и старичокъ безсильно и судорожно жалъ мою руку.

Мы всѣ сѣли около большого стола, который стоялъ посреди комнаты.

— Неужели это Огаревъ? подумала я, вглядываясь въ старческое лицо, съ тусклыми, точно не смотрящими глазами. Особенно меня поразили безсильныя, какъ бы уже умершія, руки, что лежали совсѣмъ близко около меня на столѣ.

Я начала говорить о Бакунинѣ, о томъ, что почти по его желанію я пріѣхала теперь сказать, какъ Мишель любилъ его до послѣднихъ дней жизни и какъ часто его вспоминалъ.

— Да. Бѣдный Мишель тоже умеръ, умеръ... заговорилъ Огаревъ и тутъ же замолчалъ. Я ясно видѣла, что онъ меня не слушалъ, и тоже замолчала.

Наступившее неловкое молчаніе прервалъ Петръ Лавровичъ заявленіемъ, что я недавно пріѣхала изъ Россіи.

---

[1]) Это была M-rs Southerland.

— Изъ Россіи? переспросилъ Огаревъ.

— А что тамъ все еще будочники? Много ихъ? Все съ алебардами? И будки трехцвѣтныя?

Я даже не сразу поняла, что онъ хочетъ сказать, а онъ переспрашивалъ:—Съ алебардами?

— Нѣтъ—отвѣчала я серьезно,—будокъ нѣтъ, и алебардъ у будочниковъ нѣтъ, да и будочниковъ нѣтъ теперь; есть городовые...

— Ну, все равно, дребезжалъ старческій тенорь,—все же они будочники... Ужасно, что въ Россіи дѣлается... Всѣхъ хватаютъ... Онъ какъ-то безсильно заволновался, потомъ успокоился и опять заговорилъ:—Да бѣдный Мишель тоже умеръ...

На меня этотъ разговоръ производилъ подавляющее впечатлѣніе. Мнѣ хотѣлось чуть не плакать, во всякомъ случаѣ говорить я не могла, словъ не находила... Что я могла ему сказать?

Опять выручилъ Петръ Лавровичъ, завелъ разговоръ о Россіи, о свѣжихъ революціонныхъ новостяхъ, которыя дошли до него. Огаревъ слушалъ, приговаривалъ изрѣдка: „да, да... Ужасъ, что дѣлается!“ А я думала: неужели это Огаревъ? Неужели это поэтъ, восклицавшій:

Чего хочу?.. Чего?.. О! Такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!

Прямо передо мною, на стѣнѣ, висѣлъ большой портретъ Бѣлинскаго, и его лицо острое и жесткое, какъ изъ гранита высѣченное, смотрѣло смѣло, въ немъ была мощь, вѣра... Какъ разъ за Огаревымъ, въ углу комнаты, на невысокой подставкѣ помѣщался портретъ Герцена въ гробу. Минутами изъ-за синяго плеча Огарева мнѣ видѣлся то только высокій лобъ, то все усопшее, но непримиренное лицо, съ ввалившимися висками... „И они умерли, умерли“, повторяла я въ головѣ тономъ Огарева; и то всматривалась въ гранитное лицо Бѣлинскаго, то ждала, когда изъ-за плеча Огарева выдвинется высокій лобъ надъ сомкнутыми глазами... Какое-то полугипнотическое состояніе меня охватывало. Что говорилъ Лавровъ, я не слышала. Мнѣ было холодно и жутко.

Вошла англичанка и, пытливо посмотрѣвъ на Огарева, стала что-то въ полъ-голоса говорить Петру Лавровичу авторитетно и озабоченно. Такъ въ комнатѣ тяжко больного доктора говорятъ съ сидѣлками или съ близкими его родственниками. Мнѣ стало неловко, я взглянула на Огарева. Онъ не обращалъ на насъ никакого вниманія,—вѣроятно, ничего не слышалъ,—еще болѣе осунулся, лицо стало еще безжизненнѣе, весь осѣлъ и,

казалось, что подъ толстымъ темно-синимъ пиджакомъ нѣтъ никакого тѣла, что онъ пустой держится на стулѣ. Совсѣмъ помертвѣвшія руки, какъ мраморныя, лежали около меня на столѣ, все въ томъ же положеніи.

Англичанка предложила намъ чаю. Огаревъ нѣсколько оживился и началъ говорить: „Чаю? Это хорошо. Велите подать чай“. Но онъ чаю не пилъ. Англичанка отворила дверь въ гостиную, пропустила насъ впередъ, а сама осталась нѣсколько секундъ съ Огаревымъ и потомъ вышла къ намъ, притворивъ за собою дверь. Она объяснила, какъ бы въ свое извиненіе, что Николай Платоновичъ очень ослабъ со вчерашняго дня и что ему чрезвычайно утомительно видѣть постороннихъ людей въ такія минуты. „Давайте теперь пить чай,—закончила она,—а потомъ можно будетъ опять войти къ нему“.

Послѣ чашки горячаго и по-англійски крѣпкаго чая, я согрѣлась и ожила, но гнетущаго состоянія духа такъ и не могла сбросить... Петръ Лавровичъ началъ показывать интересныя вещи, которыхъ было немало въ домѣ Огарева. Бюсты, портреты. Бюстъ Герцена, портретъ Грановскаго, портретъ Станкевича... Опять и опять портреты Герцена смотрятъ со стѣнъ. Миніатюры, дагеротипы женщинъ, въ старомодныхъ, уже мною не виданныхъ костюмахъ, ютятся по уголкамъ, улыбаются надъ керосиновыми лампами, надъ столиками съ узорными шерстяными салфеточками... И кажется мнѣ, что нѣтъ на этихъ стѣнахъ ни одной живущей души, пусть мнѣ незнакомой, но для меня живой. Только знакомыя мысли, воплотившіяся въ лики учителей, да неизвѣстные, навсегда исчезнувшіе, навсегда позабытые люди, которые когда-то дѣлили жизнь этихъ учителей. Наши учителя были просто людьми съ этими неизвѣстными людьми; всѣ они вмѣстѣ шутили, веселились, ссорились, волновались не только мыслями, но и ежедневной тревогой непрерывно текущей жизни. Какъ они жили? Что ихъ волновало, о чемъ они думали? Этого мы уже никогда не прочувствуемъ, даже если и узнаемъ... Опять въ головѣ зазвучалъ голосъ Огарева: „они тоже умерли, умерли“. Нѣтъ, не одна преграда смерти между ними и мною, но еще болѣе неодолимая преграда—время. Для меня эти портреты надгробные памятники, а не умершіе люди.

— Какой тяжелый конецъ жизни,—сказалъ Петръ Лавровичъ,—какъ ему должно быть тяжело жить такъ одному, среди своихъ мертвыхъ...

А вѣдь для Огарева это дѣйствительно мертвые, подумала я, а не памятники... А можетъ быть, и не мертвые, а въ немъ живущее его время. Онъ самъ умеръ съ ними и съ ними еще живетъ, въ томъ, своемъ времени...

Мы начали прощаться. Англичанка вошла къ Огареву посмотрѣть, можно ли намъ проститься и съ нимъ. Вскорѣ они вышли вмѣстѣ въ гостиную. Николай Платоновичъ сердечно прощался съ Лавровымъ, оче-

видно, помнилъ, что есть и еще гость, обратился ко мнѣ привѣтливо, много разъ жалъ руку, желалъ счастливаго и благополучнаго пути, очевидно увѣренный, что я уѣзжаю въ Россію. Онъ проводилъ насъ до передней. Еще и сейчасъ вижу его хрупкую фигуру, освѣщенную сверху газовымъ рожкомъ, его неувѣренный прощальный жестъ. Рядомъ съ нимъ стояла англичанка, такая безличная, въ сѣромъ платьѣ и чистыхъ, туго накрахмаленныхъ рукавчикахъ...

Захлопнулась за нами дверь, и скоро мы снова ѣхали по улицамъ и мостамъ. Струился туманъ, пахло гарью. Передъ усталыми глазами мелькали лица только что покинутыхъ людей, въ полу-мракѣ плыли портреты; вспоминались обрывки мыслей, завѣщанныхъ намъ дѣдами, а подъ ритмическій тонъ копытъ звучалъ голосъ Огарева: „всѣ они умерли, умерли"... Я поняла, что соприкоснулась на мгновеніе съ инымъ міромъ, такимъ далекимъ и близкимъ. Все это прошлое, безвозвратное и столь недавнее... Такъ недавно умеръ Бакунинъ. Послѣднее звено блестящей дѣдовской плеяды еще дышетъ тамъ, въ небольшомъ домикѣ, точно отдѣленномъ отъ живущаго мòрокомъ лондонскаго тумана...

Мы бодро вѣрили, въ надеждѣ благородной,
Что близокъ новый міръ, широкій и свободный,
И вотъ теперь разсѣялися мы...

Отчего они разсѣялись такъ быстро, такъ внезапно? Они вышли въ міръ во всеоружіи таланта, знаній, ума, съ твердой вѣрой въ себя. Что они сдѣлали? Чего достигли?

Часто молодые люди только тогда ясно понимаютъ существованіе смерти, когда въ первый разъ увидятъ, какъ умираетъ человѣкъ. Такъ и мнѣ тогда особенно ясно стало чудиться, что точно такъ же и наше поколѣніе сойдетъ со сцены жизни, спустится въ могилу исторіи, сдѣлавъ, пожалуй, еще меньше, чѣмъ они... Вѣдь ни ихъ талантовъ, ни ихъ умственныхъ силъ мы не насчитываемъ. Но гордыня молодости твердила, что *они* не понимали еще истинной задачи. Нашему поколѣнію суждено совершить сознательно то, что нѣкоторые изъ нихъ только предчувствовали.

Съ совершенной ясностью я вспомнила всѣ свои ощущенія и впечатлѣнія отъ этого почти мгновеннаго свиданія съ Огаревымъ, много лѣтъ спустя.

Въ Парижѣ, уже въ 1899 году, кажется, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, мнѣ пришлось встрѣтиться съ Д. А. К., по возвращеніи его изъ Сибири. Когда мы пересчитали всѣхъ *своихъ* покойниковъ, вспомнили *свою*

старину, на меня нашла такая же грусть, какъ въ гринвичскомъ домикѣ Огарева, только выразилось она въ иной формѣ.

— А возъ-то и нынѣ тамъ?—сказала я ему вопросительно.

— Тамъ!—отвѣчалъ онъ,—да еще какъ тамъ: всѣ четыре колеса въ грязи увязли.

А. Баулеръ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

(*Продоженіе* [1]).

VIII.

Повременная печать въ концѣ 50-хъ годовъ.—Отношеніе къ ней правительства —„Современникъ".—Разочарованіе Чернышевскаго.—Статьи Добролюбова.—„Русскій Вѣстникъ" Каткова.—Славянофильскіе журналы.—Настроеніе Ивана Аксакова.—Отношеніе консервативныхъ круговъ къ передовой журналистикѣ.

Пока шла созидательная работа въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, общественная мысль, проявленію которой въ печати была, наконецъ, предоставлена нѣкоторая свобода, развивалась съ неимовѣрной быстротой и стремительностью. Въ 1855—1857 годахъ въ старыхъ журналахъ и вновь возникавшихъ проповѣдывались, какъ мы видѣли, общіе просвѣтительные и гуманитарные взгляды. Само правительство, желавшее пробужденія общества, сочувствовало этому движенію и даже помогало ему, насколько могло и умѣло. Правительственные журналы: «Морской Сборникъ», «Журналъ министерства Нар. Просв.», «Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ», «Военный Сборникъ» и др. охотно печатали статьи прогрессивнаго направленія. Особенно «Морской Сборникъ» сознательно будилъ мысль и вызывалъ на обмѣнъ взглядовъ и даже подавалъ примѣръ обличенія различныхъ злоупотребленій и безобразій въ тогдашнемъ административномъ строѣ. «Современникъ» и другіе журналы въ Петербургѣ, «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда» въ Москвѣ спѣшили воспользоваться наступившей свободой, которая казалась вначалѣ гораздо шире, нежели была въ дѣйствительности. «Волнуясь и спѣша», «Современникъ» возстановлялъ забытые принципы 40-хъ годовъ и старался влить въ общество какъ можно больше просвѣтительныхъ и гуманныхъ воззрѣній и полезныхъ знаній...

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Февраль и Мартъ.

Между представителями различныхъ воззрѣній и литературныхъ партій преобладало вообще мирное и дружелюбное настроеніе, и даже полемика между славянофилами и западниками не обострялась и не касалась очередныхъ боевыхъ вопросовъ [1]). Первые споры, въ которыхъ послышалось отраженіе *злобы дня*, произошли по поводу статистическихъ изслѣдованій Я. А. Соловьева (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») и по вопросу объ общинномъ землевладѣніи между Ив. Вас. Вернадскимъ (редакторомъ „Экономическаго Указателя») и Ник. Гавр. Чернышевскимъ.

Однако правительство, несмотря на всю скромность и оптимизмъ тогдашней печати, не переставало относиться къ ней подозрительно. Самъ Александръ Николаевичъ никакъ не могъ стать съ полной искренностью на либеральную точку зрѣнія. Онъ охотно прислушивался уже и въ то время къ предостереженіямъ консерваторовъ, даже къ самымъ безсмысленнымъ, и легко приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ самыхъ невинныхъ статей [2]). Такъ статьи правовѣрнаго и православнаго славянофила Константина Аксакова вызвали закрытіе «Молвы» въ концѣ 1857 г. [3]).

---

[1]) Конечно, случаи столкновеній бывали и въ это время, но при этомъ подвергались дружному порицанію лишь статьи нѣкоторыхъ авторовъ, проявлявшихъ ретроградныя поползновенія, какъ В. Григорьевъ или Тертій Филипповъ.

[2]) Въ XVI т. біографіи Погодина, написанной *Н. Барсуковымъ*, помѣщено письмо къ Погодину одного западнаго консерватора, галицкаго историка Дениса *Зубрицкаго*. Письмо это само по себѣ ничего, кромѣ зловѣщихъ карканій, свойственныхъ ретроградамъ вообще и глубокимъ старцамъ въ особенности, не содержитъ; но оно замѣчательно тѣмъ, что Погодинъ представилъ черезъ Блудова копію съ него Государю, и Александръ, прочтя его со вниманіемъ, испещрилъ его своими замѣтками, подчеркнувъ въ немъ всѣ фразы, имѣвшія характеръ доноса на либераловъ и прогрессистовъ. Одно мѣсто, гдѣ описывалось одно собраніе 1848 года въ Львовѣ, и употреблено было слово *возстаніе*, Александръ подчеркнулъ дважды и написалъ на поляхъ: *„этого-то и у насъ желаютъ сдѣлать наши бездомные прогрессисты“*. Въ одномъ мѣстѣ Зубрицкій писалъ: „Еще разъ возвращаюсь къ возмутительнымъ писакамъ: у нихъ есть своя тактика. *Если они намѣреваются напасть на алтарь, то подтруниваютъ и издѣваются прежде всего надъ духовенствомъ; если же ихъ цѣль опровергнуть престолъ, то они прежде бросаются на чиновниковъ и возводятъ на нихъ всякаго рода злорѣчія.* Взятки вездѣ и всегда были, есть и будутъ. Спаситель избралъ только двѣнадцать апостоловъ—и одинъ изъ нихъ былъ взяточникъ. Я полагаю, что сего рода нападенія во время раздраженія умовъ неприличны и опасны...“ Всѣ эти слова особо отмѣчены Александромъ; а между тѣмъ все это писалось въ началѣ 1858 г., когда въ Россіи все еще было совершенно смирно и не было ни малѣйшаго повода выражать и выслушивать подобныя опасенія. Все это отлично подтверждаетъ ту характеристику, которую недавно далъ Александру въ своихъ мемуарахъ кн. Кропоткинъ. Александръ II—писалъ онъ—конечно, не былъ заурядной личностью; *но въ немъ жили два совершенно различныхъ человѣка съ рѣзко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися другъ съ другомъ.* И эта борьба становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе старился Александръ II... Передъ лицомъ настоящей опасности Александръ II проявлялъ полное самообладаніе и спокойное мужество, а между тѣмъ онъ постоянно жилъ въ страхѣ опасностей, существовавшихъ только въ его воображеніи...“ („Записки“, стр. 231).

[3]) По поводу невинной статьи *К. Аксакова* „Публика и народъ“ Александръ положилъ слѣдующую резолюцію на докладѣ Норова: „Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ тонѣ. Объявить редак-

Въ началѣ 1858 г. журналамъ было разрѣшено печатать статьи о крестьянской реформѣ, но какъ только они перешли отъ славословій по поводу рескриптовъ Назимову и Игнатьеву къ критикѣ и къ изложенію собственныхъ взглядовъ и соображеній, такъ правительство тотчасъ же показало когти [1]). Первая статья, вызвавшая репрессіи, была та самая статья Чернышевскаго, въ которой онъ такъ пылко прославлялъ Александра, сравнивая его съ Петромъ Великимъ [2]). На этотъ разъ царскій гнѣвъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во второй части этой статьи былъ напечатанъ проектъ Кавелина, ходившій по рукамъ и извѣстный правительству еще съ 1856 г. Кавелинъ былъ въ это время однимъ изъ преподавателей наслѣдника. Придворные интриганы, съ самаго начала недовольные его назначеніемъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы подкопаться подъ него и подъ главнаго воспитателя Титова, а кстати натравили правительство и на печать [3]). Отсюда произошла цѣлая буря въ цензурномъ вѣдомствѣ, кончившаяся выговоромъ петербургскому попечителю, кн. Щербатову, и отставкой Кавелина. Около того же времени возникло гоненіе противъ московскаго цензора Крузе, причисленнаго обскурантами — и не безъ основанія — къ сонму искреннихъ либераловъ. Крузе, послѣ цѣлаго ряда разныхъ служебныхъ непріятностей, былъ, наконецъ, отставленъ отъ должности, а московскіе литераторы съ Катковымъ и Кошелевымъ во главѣ устроили ему демонстративные проводы и собрали въ его пользу капиталъ по подпискѣ въ 50.000 рублей, несмотря на прямое запрещеніе правительствомъ этой подписки. Это былъ первый общественный протестъ противъ правительственныхъ распоряженій въ царствованіе Александра II [4]).

Петербургскіе литераторы пока воздерживались отъ явныхъ протестовъ и демонстрацій, но тѣмъ сильнѣе у нихъ накоплялось раздраженіе и недовѣріе къ правительству. Такъ исчезла понемногому та кратковременная entente cordiale между правительствомъ и литературой, которая водворилась было въ началѣ царствованія.

Подобные инциденты очень способствовали, конечно, и возникновенію оппозиціоннаго настроенія, и развитію въ литературѣ самостоятельной критической мысли. Но главнымъ источникомъ и двигателемъ этой послѣдней сдѣлались тѣ экономическіе во-

---

ціи „Молвы“, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнуться строгому взысканію“. (Барсуковъ, назв. соч., т. XVI, стр. 285).

[1]) Уже въ іюлѣ 1858 г. Кошелевъ писалъ Черкасскому: „Два №№ „Сельскаго Благоустройства“, 5 и 6, я издаю въ самомъ жалкомъ видѣ, а потомъ придется закрыть журналъ...“ („Матерьялы для біографіи Черкасскаго“, т. I, стр. 121).

[2]) „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, „Современникъ“ за 1858 годъ, №№ 2 и 4.

[3]) Ср. „Дневникъ и Записки А. В. Никитенка“, т. II, стр. 97 и „Воспоминанія“ Ѳ. Я. Оома, „Архивъ“ за 1896 г., № 6, стр. 248—250.

[4]) Разсказано у Барсукова, назв. соч., XVI, стр. 405—407.

просы, которые были выдвинуты на первый планъ крестьянской реформой. Первые признаки этого направленія мысли проявились, какъ мы уже указали, въ полемикѣ между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ» еще осенью 1857 г. Чернышевскаго въ этой полемикѣ увлекало не одно только отстаиваніе русской поземельной общины, но и критика фритредерской доктрины, выставлявшей фермерство идеаломъ сельскохозяйственнаго строя. Общину Чернышевскій отстаивалъ, видя въ ней возможный залогъ будущаго соціалистическаго устройства; однако, онъ, безъ сомнѣнія, не нападалъ бы на Вернадскаго съ такой яростью, если бы вопросъ касался только общины. Въ И. В. Вернадскомъ онъ видѣлъ защитника той системы, которая обезпечивала эксплоатацію народныхъ массъ командующими классами — и это послужило, конечно, главнымъ стимуломъ его безпощадной критики [1]).

Вскорѣ въ своекорыстныхъ и лукавыхъ поползновеніяхъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, затѣмъ въ отказѣ самого правительства отъ выкупа земель—онъ увидѣлъ проявленіе того же стремленія обезземелить народъ, чтобы тѣмъ удобнѣе его эксплоатировать. Вотъ почему при первомъ же прикосновеніи къ этому жизненному и злободневному вопросу съ Чернышевскаго такъ быстро слетѣли тѣ розовые очки, черезъ которые онъ смотрѣлъ на дѣйствія правительства Александра II, на готовящіяся реформы и на общественное пробужденіе до 1858 г.

Въ апрѣлѣ 1858 г. Чернышевскій еще расточаетъ похвалы правительству и пишетъ комплименты либеральнымъ помѣщикамъ [2]), а въ концѣ этого года онъ безповоротно становится уже непримиримымъ радикаломъ и озлобленнымъ врагомъ «лишнихъ людей». Въ апрѣлѣ 1858 г. — когда занятія губернскихъ комитетовъ почти еще не начинались—Чернышевскій въ «Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала» писалъ: «Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую статью,—къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами. безъ всякаго колебанія, отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои расчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу посе-

---

[1]) Въ „Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала", напечатанномъ въ № 4 „Совр." за 1858 г., Чернышевскій писалъ: „То, чтобы всѣ наши землевладѣльцы имѣли поземельную собственность—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина-хозяина въ званіи поземельнаго собственника". Стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

лянину? *Къ счастью Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много.* Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ» [1]). А въ концѣ 1858 г., когда Чернышевскій узналъ, можетъ быть, даже въ преувеличенныхъ краскахъ, какія суммы назначили нѣкоторые комитеты за уступку крестьянамъ усадьбъ, какъ многіе изъ нихъ отказывали крестьянамъ въ надѣлахъ и какіе опредѣлили оброки, то онъ съ отчаяніемъ и озлобленіемъ выразилъ свое впечатлѣніе въ слѣдующихъ аллегорическихъ строкахъ: «Представьте себѣ мои чувства, когда я, заботясь о приготовленіи хорошаго обѣда для васъ, вдругъ узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ, и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутъ съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, *но которыхъ вообще вы не можете платить безъ крайняго стѣсненія.* Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ странныхъ открытіяхъ? Человѣкъ самолюбивъ, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. «Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія! Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о *сохраненіи* собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность *достанется* въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?» Вторая моя мысль—о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго (т. е. будетъ ли то общинная или личная собственность) я такъ интересовался: «лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку, лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства» [1]).

Въ первой книжкѣ «Современника» за 1859 г. въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ земли?» Чернышевскій по поводу слуховъ о намѣреніи правительства отложить вопросъ о выкупѣ на будущее время писалъ: «По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ». Далѣе онъ, какъ будто нарочно дразня помѣщиковъ и уже бросивъ принципы кавелинскаго проекта, который требовалъ уплаты выкупа не только за землю, но и за личность крестьянина, выводитъ такія цифры выкупа, которыя были бы для помѣщиковъ явно разорительны. Опираясь на цифры Соловьевской статистики для Смоленской губерніи и на цифры Журавскаго для Кіевской,

---

[1]) Тамъ же, стр. 113.

[2]) „Современникъ“ за 1858 г., № 12, стр. 579. Позднѣе въ неоконченномъ романѣ „Прологъ Пролога“, весьма страннаго по содержанію, Чернышевскій устами Волгина прямо заявляетъ, что въ виду размѣровъ выкупа, принятыхъ правительствомъ, пожалуй безземельное освобожденіе крестьянъ было бы выгоднѣе для нихъ, нежели съ дорого стоющими надѣлами.

онъ доказываетъ, что было бы справедливо въ нечерноземныхъ губерніяхъ уплатить помѣщикамъ за полный душевой надѣлъ по 29 руб. серебромъ, а въ хлѣбородныхъ — по 49 руб.; но затѣмъ онъ предлагаетъ и иной, болѣе выгодный для помѣщиковъ, способъ оцѣнки надѣловъ для опредѣленія выкупной суммы. Онъ беретъ средній доходъ съ крѣпостной души, опредѣляя его довольно произвольно въ 12 рублей для всей Россіи, капитализируетъ его изъ $7^1/_2{}^0/_0$ и выводитъ среднюю стоимость имѣній въ 150 руб. на душу. «Изъ этого имущества — пишетъ онъ — *даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ*, какого мы желали бы, все-таки за помѣщикомъ останется и большая по пространству и лучшая по качеству часть крѣпостного имущества». Поэтому онъ выводитъ максимальную цифру для выкупа — 75 р. на душу, т. е. въ два раза меньше той, какая опредѣлена была по положенію 19 февраля за урѣзанные надѣлы [1]).

Въ сущности Чернышевскій не зналъ досконально русской дѣйствительности. Онъ никогда не изучалъ какъ слѣдуетъ сельскаго быта и русскихъ сельско хозяйственныхъ отношеній. Свои взгляды и аргументы онъ черпалъ изъ западныхъ арсеналовъ, но, конечно, не изъ манчестерскихъ, а изъ соціалистическихъ. По своему міросозерцанію онъ былъ фурьеристъ и это сообщало его построеніямъ нѣсколько отвлеченный характеръ, а положительные проекты его дѣлало весьма непрактичными при всей ихъ простотѣ и прямолинейности. За то весь строй его мыслей отличался необыкновенной послѣдовательностью, а критика его, особенно въ глазахъ читателей, не знавшихъ непосредственно русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, представлялась неизмѣнно побѣдоносной и неопровержимой. Но по той же причинѣ на ходъ работъ въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ непосредственнаго вліянія «Современникъ» имѣть не могъ. Въ помѣщичьей и правительственной средѣ онъ имѣлъ неизмѣримо меньше вліянія, нежели болѣе умѣренные московскіе журналы «Русскій Вѣстникъ» и, въ особенности, «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ», или спеціальный «Журналъ для землевладѣльцевъ», издававшійся «эмансипаторомъ» дворянскаго пошиба А. Д. Желтухинымъ. Послѣдніе два журнала издавались какъ бы съ прямой цѣлью влiять на членовъ губернскихъ комитетовъ и другихъ помѣщиковъ; «Современникъ» же вліялъ, главнымъ образомъ, на образованіе мнѣній въ широкой публикѣ. Цензурныя условія дѣйствовали гнетущимъ образомъ и на издателей «Сельскаго Благоустройства» и даже «Журнала землевладѣльцевъ», такъ что въ 1859 г. оба они вынуждены были прекратиться. Имѣя спеціальныя задачи, они не могли довольствоваться аллегоріями и разсчитывать, что ихъ читатели умѣютъ читать между строкъ, хотя они, разумѣется, по существу были чужды всякаго радикализма. Напротивъ, «Современникъ»

---

[1]) „Современникъ" за 1859 г. № 1, стр. 3—48.

обрушивался на помѣщиковъ и ихъ интересы безпощадно и въ то же время ловко обходилъ разныя цензурныя препятствія. Къ тому же, какъ общій политическій и литературный органъ, онъ могъ проводить свои взгляды въ самыхъ разнообразныхъ статьяхъ и даже въ беллетристической формѣ.

На помощь Чернышевскому, который вывозилъ на себѣ журналъ въ предыдущіе три года, въ это время явился даровитый, почти геніальный юноша, Добролюбовъ, одаренный въ высшей степени тонкимъ эстетическимъ вкусомъ—чего какъ разъ не доставало Чернышевскому — и обладавшій отъ природы пылкимъ боевымъ темпераментомъ. Верховный распорядитель журнала, Некрасовъ, съ свойственнымъ ему практическимъ чутьемъ оцѣнилъ силу и значеніе этого дуумвирата и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій.

Въ 1858 г., съ началомъ крестьянской реформы, Чернышевскій рѣшилъ сосредоточиться на крестьянскомъ вопросѣ и на статьяхъ и изслѣдованіяхъ экономическаго характера, а отдѣлъ критики и библіографіи передалъ всецѣло въ руки Добролюбова. Этотъ отдѣлъ въ журналахъ того времени являлся центральнымъ, и лицо, имъ завѣдывавшее, имѣло въ журналѣ то же значеніе, что запѣвало въ хорѣ или первая скрипка въ оркестрѣ. Но роль Добролюбова въ «Современникѣ» была еще значительнѣе и шире, какъ потому, что подъ критикой онъ разумѣлъ въ сущности не только критику литературныхъ произведеній, но и критику всей современной общественной жизни, всей русской дѣйствительности, такъ и по силѣ его вліянія на остальныхъ сотоварищей по редакціи—Чернышевскаго и Некрасова. Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще за 2 года передъ тѣмъ пылкимъ двадцатилѣтнимъ юношей какъ разъ въ самый разгаръ блестящихъ надеждъ и розовыхъ упованій, которыми ознаменовались 1855—1857 годы въ Россіи. Въ литературу онъ перешелъ прямо со школьной скамьи. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ новаго времени; ему не пришлось испытать на себѣ того тяжелаго цензурнаго и полицейскаго гнета, подъ дѣйствіемъ котораго такъ долго томились и изворачивались старшіе его товарищи по журналу—Некрасовъ и Чернышевскій. Поэтому всякое отступленіе отъ тѣхъ началъ прогресса и свободы, которыя были провозглашены, или, по крайней мѣрѣ, всѣми были признаны въ началѣ царствованія Александра II, казалось Добролюбову гораздо болѣе возмутительнымъ и невыносимымъ, нежели искушенному жизнью Некрасову и даже Чернышевскому. Кромѣ того, Добролюбовъ обладалъ въ высшей степени страстнымъ темпераментомъ и по натурѣ былъ необыкновенно прямолинеенъ и послѣдователенъ не только въ идеяхъ, но и въ примѣненіи ихъ къ жизни. Онъ требовалъ, чтобы слово непремѣнно претворялось въ дѣло и чтобы дѣло тотчасъ же непосредственно слѣдовало за словомъ. Ему была свойственна въ высшей степени та плебейская честность, которая не терпитъ никакихъ компромиссовъ,

не щадитъ никакихъ позолоченныхъ традицій и переживаній и знать ничего не хочетъ, кромѣ непреклоннаго стремленія къ разъ признаннымъ идеямъ.

Поэтому въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 годовъ его уже совершенно не удовлетворяютъ тотъ либерализмъ *на словахъ*, тѣ надежды и упованіе на свѣтлое *будущее*, тѣ обличанія *безъ указанія имени и мѣста дѣятельности обличаемыхъ лицъ*, а потому и безъ непосредственнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность, которыми полна была наша литература и журналистика конца 50-хъ годовъ. Ему это начинало казаться уже тогда какимъ-то безполезнымъ и дряблымъ топтаньемъ на одномъ мѣстѣ, а иногда и просто обманомъ. Это настроеніе ярко и искренне вылилось у него въ ненапечатанныхъ въ то время стихахъ на тостъ въ память Бѣлинскаго, которыми онъ больно задѣлъ оставшихся въ живыхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, считавшихъ себя хранителями его завѣтовъ [1]). Это разочарованіе въ силѣ и прочности нашего прогрессивнаго движенія и признаніе общественной дряблости было тогда же высказано Добролюбовымъ и во всеуслышаніе—въ статьѣ о «Губернскихъ очеркахъ» Щедрина, въ которой онъ рѣзко и смѣло выразилъ мысль, что все наше передовое общество подходитъ въ сущности подъ типъ щедринскихъ «талантливыхъ натуръ», причемъ онъ увѣрялъ, что «лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ далѣе *теоретическаго* пониманія

---

[1]) Ср. воспоминаніе А. Н. Пыпина („Вѣст. Евр." за 1903, № 11). Стихи эти сохранились у М. А. Антоновича („Русская Мысль" за 1898 г., № 12., ч. 2, стр. 10). Приведемъ здѣсь эти интересные стихи:

И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньѣ молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холоднымъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Онъ грозно шелъ на грозный бой
Съ самоотверженной душой,
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ Лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силы
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезею правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньѣ
Виднѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

И умирая, думалъ онъ,
Что путь его уже свершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.

того, что нужно, и громкаго крика, *когда онъ не слишкомъ опасенъ.* Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ убѣжденіямъ. Самые самоотверженные замолчатъ и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ» [1]). Съ этихъ поръ скорбная и гнѣвная нота звучитъ, постепенно усиливаясь, почти во всѣхъ статьяхъ Добролюбова и достигаетъ своего апогея въ статьѣ «Что такое Обломовщина?» (1859 г.). Пользуясь знаменитымъ романомъ Гончарова, Добролюбовъ представилъ здѣсь оригинальный генезисъ современнаго ему дворянскаго либерализма и въ яркихъ чертахъ изобразилъ дряблость и пустоту нашего передового сословія, даже въ наиболѣе передовыхъ его представителяхъ отъ Онѣгина, Печорина до Бельтова, Рудина и, наконецъ, Обломова. Въ прежнихъ своихъ представителяхъ оно являлось—по выраженію Добролюбова—прикрытымъ «разными мантіями» и украшеннымъ «разными прическами», а въ Обломовѣ явилось разоблаченнымъ. Въ этомъ Добролюбовъ и видѣлъ главное достоинство романа Гончарова, котораго онъ ставилъ гораздо выше Тургенева. «Вопросъ, *что онъ* (т. е. Обломовъ) *дѣлаетъ? Въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?*—поставленъ прямо и ясно и не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому — писалъ Добролюбовъ,—что теперь уже настало или настаетъ неотлагательно время *работы* общественной...» Поэтому въ романѣ Гончарова онъ видѣлъ *знаменіе времени* [2]). Но образованное дворянство являлось до отмѣны крѣпостного права представителемъ всего русскаго общества, и Добролюбову казалось, что все оно безплодно и трусливо топчется на одномъ мѣстѣ, и потому онъ на все это общество, на все либеральное движеніе того времени распространяетъ уже въ 1859 году изобрѣтенное имъ понятіе *обломовщина.*

«Если я—писалъ онъ—вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ—Обломовъ.

Но молодыя поколѣнья
Полны и страха и сомнѣнья,—
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ
Въ смущеньѣ робкомъ суетятся
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только... любоваться!

Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только, только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!..“

[1]) Сочиненіе Добролюбова, т. 1., стр. 410.
[2]) Сочиненіе, т. II, стр. 498.

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и тому подобное, я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые анекдоты (а иногда и новые) о взяточничествѣ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

«Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?»—они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство,—они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что обломовцы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжите разговоръ съ ними и спросите: «что же вы намѣрены дѣлать?» Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...» и проч. (см. Тургенева Пов., ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

«Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ!»—говоритъ онъ устами Штольца и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ—скорбно заключаетъ Добролюбовъ—Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и еще рано писать намъ надгробное слово...» [1]).

Развѣнчивая современныхъ ему либераловъ и безпощадно преслѣдуя постепеновцевъ и ихъ склонность къ компромиссамъ, ихъ способность легко удовлетворяться дешевыми обличеніями квартальныхъ и прочихъ мелкихъ злоупотребителей и оставлять въ сторонѣ сильныхъ міра сего, [2])—Добролюбовъ становился все

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 501—502.
[2]) Въ статьяхъ о Пироговѣ и проч. и въ особенности въ „Свисткѣ“.

непримиримѣе и, наконецъ, рѣзко выразилъ свои симпатіи къ дѣятельному радикализму въ статьѣ «Когда же придетъ настоящій день?» (по поводу «Наканунѣ» Тургенева) и еще прямѣе въ своихъ статьяхъ объ Италіи, гдѣ тогда происходило широкое народное революціонное движеніе. Эти статьи написаны были Добролюбовымъ за границей (гдѣ онъ лѣчился за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти) и напечатаны въ «Современникѣ» за 1861 г. Написанная имъ тогда біографія Кавура представляетъ собой страстный и краснорѣчивый памфлетъ, гдѣ онъ еще разъ подвергъ разбору и развѣнчанію способъ дѣйствія либеральныхъ вождей всѣхъ странъ и народовъ и противопоставилъ ему, насколько позволяла цензура, политическую честность, осмысленность и плодотворность образа дѣйствія радикальныхъ вождей демократіи, такихъ, какъ Мадзини и Гарибальди.

Крестьянскимъ вопросомъ спеціально Добролюбовъ не занимался; сельскохозяйственной жизни онъ совершенно не зналъ, но исходъ крестьянской реформы интересовалъ и волновалъ его чрезвычайно, и чѣмъ отвлеченнѣе смотрѣлъ онъ на это дѣло, тѣмъ строже примѣнялъ къ нему радикальную точку зрѣнія. Въ статьѣ «Литературныя мелочи прошлаго года» онъ сурово осуждаетъ всѣ современные журналы за ихъ пристрастіе къ помѣщичьимъ интересамъ и особенно рѣзко нападаетъ на статьи А. А. Головачева въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—за его попытку выяснить откровенно, что помѣщики въ нечерноземныхъ губерніяхъ не могутъ удовольствоваться при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній вознагражденіемъ за однѣ только земли, отводимыя крестьянамъ, а должны быть вознаграждаемы и за потерю дохода отъ крѣпостного крестьянскаго труда. Головачевъ доказывалъ въ этомъ случаѣ тѣ самыя положенія, на которыхъ былъ построенъ либеральный проектъ тверского комитета, и которыя въ началѣ 1858 г. были выставлены самимъ «Современникомъ» въ выдержкахъ изъ записки Кавелина. Но Добролюбовъ не принималъ въ расчетъ никакихъ фактическихъ данныхъ и цифръ и, принимая за чистую монету правительственныя распоряженія о томъ, что за личность крестьянъ не можетъ быть назначено никакого вознагражденія, съ азартомъ отстаивалъ это положеніе со всѣми логическими выводами изъ него. Поэтому проекты и соображенія Головачева, Унковскаго, Кошелева и др. казались ему не болѣе какъ плантаторскими уловками. Разумѣется, не менѣе сурово и презрительно отзывался онъ и о тѣхъ публицистахъ изъ помѣщиковъ, которые стремились удержать какую-либо часть вотчинной власти или сохранить розгу для освобожденныхъ крестьянъ. Разочарованіе въ искренности и послѣдовательности помѣщичьяго либерализма не мало содѣйствовало у Добролюбова тому взгляду на дворянство и на либерализмъ, который былъ имъ изложенъ съ такой безпощадностью въ статьѣ «Что такое Обломовщина?»

Разочарованіе въ образованной части нашего общества заставило Добролюбова возложить всѣ надежды на народъ. Свои

мысли объ этомъ онъ съ обычной энергіей выразилъ въ статьѣ «Народное Дѣло» по поводу проявившагося въ 1859 г. во многихъ губерніяхъ движенія среди крестьянъ противъ виннаго откупа. «Да, въ этомъ народѣ,—писалъ тогда Добролюбовъ,— есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ. Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишки, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой то способности—приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу—и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашей отвлеченной образованностью и прививной гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, *всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ»* [1]).

Такимъ образомъ, уже въ концѣ 1859 г. Чернышевскій и Добролюбовъ пришли къ полному разочарованію въ силѣ и искренности либерализма образованнаго общества и всю свою надежду возложили на народъ. По своимъ положительнымъ взглядамъ Чернышевскій былъ убѣжденный соціалистъ, о Добролюбовѣ нельзя этого сказать съ такою же опредѣленностью: онъ не изучалъ спеціально экономическихъ вопросовъ и не бралъ на себя выбора той или другой соціальной системы для будущаго. Но онъ былъ несомнѣнно глубокимъ и восторженнымъ демократомъ. Въ нашей литературѣ, обыкновенно, придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что и Чернышевскій, и Добролюбовъ оба были разночинцами. Однако, было бы въ высшей степени ошибочно объяснять ихъ радикализмъ и безпощадное отношеніе къ помѣщичьимъ интересамъ личной озлобленностью и нетерпимостью голодныхъ пролетаріевъ. Ни тотъ, ни другой не были въ этомъ положеніи: оба они стояли въ сторонѣ отъ помѣщичьяго быта, оба прекрасно видѣли кричащія злоупотребленія крѣпостного права и, не будучи связаны съ нимъ никакими матеріальными отношеніями, могли

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 87.

смотрѣть и смотрѣли на ликвидацію крѣпостныхъ отношеній съ совершенно отвлеченной радикальной точки зрѣнія. Многія подробности и условія помѣщичьяго хозяйства были имъ неизвѣстны, и это усиливало строгость и безпощадность, а отчасти и непрактичность ихъ взгляда. Но въ то же время они умѣли высоко и тонко цѣнить все истинно благородное, что было въ образованномъ классѣ тогдашней Россіи. Чтобы понять и ясно почувствовать это, достаточно напомнить превосходную статью Добролюбова о Станкевичѣ и умѣнье его сохранить полное уваженіе къ личности и заслугамъ Пирогова въ пылу самой ожесточенной полемики съ его защитниками [1])

Итакъ, направленіе «Современника", какъ органа русскаго демократическаго радикализма въ 1859 г., вполнѣ выяснилось. Публика явно одобрила новое направленіе «Современника»; вліяніе и распространеніе журнала росло весьма быстро, и до возникновенія Писаревскаго «Русскаго Слова» у него не было въ Петербургѣ серьезныхъ соперниковъ [2]). Безпринципныя «Отечественныя Записки» редакціи Дудышкина не могли съ нимъ тягаться. Изъ «Библіотеки для чтенія» Дружининъ пытался сдѣлать серьезный органъ консервативнаго направленія въ англійскомъ смыслѣ этого слова, но безъ большого успѣха.

Зато въ Москвѣ развивался и процвѣталъ въ это время «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Первоначально въ составъ его редакціи вмѣстѣ съ Катковымъ и Леонтьевымъ входили ближайшіе друзья Грановскаго—Кудрявцевъ и Евг. Коршъ, а въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ, на ряду съ такими западниками, какъ Чичеринъ и Соловьевъ, значились и славянофилы Аксаковы. Но направленіе журнала быстро опредѣлилось, и въ 1857 г. Аксаковы уже въ немъ не участвуютъ, а къ концу этого года по разногласіямъ чисто принципіальнаго характера отъ журнала отстали Чичеринъ и Коршъ, основавшіе съ 1858 г. свой журналъ «Атеней», придерживавшійся въ политическихъ вопросахъ болѣе консервативныхъ взглядовъ, нежели «Русскій Вѣстникъ».

«Русскій Вѣстникъ» становится съ того времени (и до конца 1861 г.) яркимъ выразителемъ политическаго либерализма и главнымъ проводникомъ въ обществѣ конституціонныхъ идей. Постоянными сотрудниками его становятся тѣ публицисты изъ дворянъ, которые по своимъ взглядамъ тѣсно примыкаютъ къ депутатамъ 1-го приглашенія. Среди нихъ часто попадаются имена: Головачева, Унковскаго, Салтыкова, В. П. Безобразова, Д. П. Хрущова, А. М. Жемчужникова (Арсенія Глѣбова) и др. Въ крестьянскомъ вопросѣ редакція обѣщала давать высказываться людямъ прогрессивнаго направленія разныхъ оттѣнковъ; но сама она довольно опредѣ-

[1]) Тѣ же черты можно указать въ статьѣ Чернышевскаго о Кавелинѣ. Нельзя этого, къ сожалѣнію, сказать только о странномъ романѣ Чернышевскаго „Прологъ Пролога", написанномъ имъ въ тюрьмѣ въ 1863 г.

[2]) „Русское Слово" въ 1859 г. до перехода подъ редакцію Благосвѣтлова было совершенно еще неустановившимся органомъ.

ленно высказала свой взглядъ въ первой же редакціонной статьѣ (въ № 5 за 1858 г.), указавъ, что конечною цѣлью реформы должна быть гражданская полноправность крестьянина, что онъ долженъ быть освобожденъ съ землей, приблизительно въ размѣрѣ существующаго надѣла, и что земля эта должна быть выкуплена при помощи кредитной операціи. На этой позиціи журналъ оставался до изданія положенія 19 февраля. Но главнымъ вопросомъ, по отношенію къ которому Катковъ держался особенно твердо и строго, былъ вопросъ достиженія политической свободы. Рельефнѣе всего настроеніе Каткова въ этомъ отношеніи выразилось въ любопытной перепискѣ съ Чичеринымъ, сохранившейся въ архивѣ послѣдняго и недавно опубликованной Барсуковымъ въ XVII т. біографіи Погодина. Между Катковымъ и Чичеринымъ возникло въ это время несогласіе изъ-за статьи Чичерина о Токвилѣ,— самомъ модномъ въ то время писателѣ,—въ которой Чичеринъ отнесся очень критически къ взглядамъ Токвиля на самоуправленіе и обнаружилъ нѣкоторую склонность къ политической централизаціи. Катковъ отказался напечатать эту статью и въ письмѣ къ Чичерину представилъ въ отвѣтъ на нее цѣлую диссертацію, въ высшей степени характерную для освѣщенія тогдашняго его образа мыслей.

«Истинное назначеніе централизаціи—писалъ тамъ, между прочимъ, Катковъ—собрать воедино, подъ замокъ и печать, всю *фактическую, внѣшнюю, принудительную силу*; подчинить *кесареви все кесарево*, но отнюдь не отдавать кесареви то, что никакъ принадлежать ему не можетъ; отнюдь не затѣмъ собрать эту силу, чтобы воспользоваться ею для порабощенія всѣхъ прочихъ началъ человѣческаго міра. Какъ скоро дѣло централизаціи приходитъ къ концу, такъ требуется возможно полное освобожденіе человѣческой жизни отъ государственной опеки. Но, къ сожалѣнію, не такъ бываетъ...»

Обрушиваясь далѣе на «практическихъ совершителей централизаціи», Катковъ писалъ: „имъ кажется, что собранной силой можно и должно пользоваться по личному благоусмотрѣнію диктатора, для подвиганія человѣчества по пути прогресса; имъ приходитъ въ голову убійственная мысль, что можно и должно осуществить идеи разума посредствомъ монаршаго скипетра или диктаторской булавы; имъ приходитъ странная мысль, что *депозитаріи* этой силы становятся какими то ангелами небесными, что стоитъ человѣку окунуться въ казну, какъ изъ него непремѣнно выйдетъ существо по образу и подобію божію, чиновникъ во всей формѣ, какого благодушно желаютъ для своихъ любезновѣрныхъ подданныхъ императоръ Іосифъ II и многіе другіе императоры...»

Послѣ блестящаго анализа революціонной централизаціи временъ Конвента и Наполеона и доказательства противорѣчій идей свободы и централизаціи, Катковъ переходитъ непосредственно къ злобѣ дня. «Говорятъ,—пишетъ онъ,—что диктатура

у насъ полезна и можетъ вести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Не спорю; но гдѣ и въ какихъ случаяхъ? Напримѣръ, говорятъ, какъ произвести освобожденіе крестьянъ безъ принужденія со стороны государства? Это мнѣніе основано на непонятномъ недоразумѣніи. Помѣщикъ у насъ есть чисто-на-чисто созданіе государства; онъ даже не то, что французскій gentilhomme, тщеславно ведущій себя отъ временъ феодальныхъ, когда онъ самъ былъ маленькимъ государемъ, а впослѣдствіи, уступивъ свое золото центральной власти, получилъ отъ нея взамѣнъ ассигнацію въ видѣ привилегіи; русскій помѣщикъ отъ начала созданъ централизаціей и поддерживается ею одной. Въ *сущности* онъ ничѣмъ не разнится отъ чиновника; у него есть даже свой мундиръ; онъ и былъ своего рода чиновникомъ; онъ—остатокъ старой системы администраціи; стало быть, онъ вполнѣ *кесаревъ*, а потому и слѣдуетъ *его* отдать *кесареви*. Отними государство хоть на минуту свою поддерживающую руку отъ помѣщика—и онъ исчезнетъ, какъ призракъ. Желательно однако, чтобы при этомъ имѣлась въ виду не просто смѣна династіи, а радикальное освобожденіе, не смѣна помѣщика становымъ, котораго уже и безъ того во многихъ мѣстностяхъ величаютъ не иначе, какъ бариномъ. Говорятъ еще о церкви у насъ, о томъ, слѣдуетъ ли давать ей свободу. Но церковь у насъ есть чисто государственный, почти полицейскій институтъ; безъ всякаго сомнѣнія, нельзя давать ей волю, какъ полицейскому институту. Совсѣмъ иное дѣло отпустить ее изъ государственной службы, отобрать у ней привилегіи, какъ прежде были отобраны имущества и самосудъ, предоставить религію не полицмейстеру, а совѣсти: въ этомъ смыслѣ требуется полнѣйшая свобода церкви, т. е. совѣсти и всего, что далѣе слѣдуетъ. Говорятъ также о нашихъ коллегіяхъ, о совѣщательныхъ и избирательныхъ собраніяхъ; но можно ли говорить серьезно объ этихъ жалкихъ комедіяхъ, объ этихъ каррикатурахъ общественныхъ льготъ въ мірѣ совершеннѣйшей централизаціи, гдѣ все чиновникъ или солдатъ, начиная съ будочника и ямщика и т. д. вверхъ?»

Мы сдѣлали эту длинную выписку потому, что она очень хорошо выясняетъ тогдашній образъ мыслей Каткова, который онъ проводилъ въ 1858—1861 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ большой послѣдовательностью и упорствомъ. При этомъ онъ постоянно расхваливалъ англійскіе порядки, но англоманство его тогда не имѣло ничего общаго съ тѣми англоманами-помѣщиками, которые мечтали объ образованіи въ Россіи аристократіи на манеръ англійскихъ лордовъ. Наоборотъ, «Русскій Вѣстникъ» отстаиваетъ въ то время безсословность самоуправленія, иначе въ немъ не могли бы и ужиться такіе писатели, какъ Головачевъ, Салтыковъ и др. Салтыковъ въ 1861 г. помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью по вопросу о сословности, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ обращаться въ члены тѣхъ сельскихъ обществъ и волостей, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такія

же проникнутыя демократическимъ духомъ статьи помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» А. М. Унковскій [1]). Вообще направленіе «Русскаго Вѣстника» конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ *политическомъ* отношеніи можно назвать либерально-демократическимъ; но въ соціальномъ отношеніи Катковъ всегда былъ охранителемъ, онъ никогда не раздѣлялъ соціалистическихъ идей и, стоя на почвѣ римскаго права, постоянно высказывался очень рѣзко противъ общиннаго землевладѣнія.

Совершенно особое положеніе занимали въ то время славянофильскія изданія: «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ», «Молва» и «Парусъ» Аксакова. Одни изъ нихъ были болѣе умѣренны и осторожны, другія болѣе радикальны въ способѣ изложенія своихъ взглядовъ, что зависѣло отъ темперамента ихъ руководителей, но направленіе у всѣхъ у нихъ было одно и то же. Съ одной стороны, это было направленіе въ высшей степени консервативное, старавшееся отыскать и очистить отъ всего наноснаго исконные устои русской жизни, чтобы на нихъ основать всѣ соціальные и политическіе свои взгляды и требованія. Въ этомъ именно смыслѣ Ю. Ф. Самаринъ писалъ въ 1859 году, что онъ считаетъ себя болѣе консерваторомъ, нежели Алексѣй Орловъ, Сергѣй Ланской и Яковъ Ростовцевъ. [2]) Но эта же точка зрѣнія не помѣшала тому же Самарину въ то же время быть лидеромъ extrême gauche въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ и пріобрѣсти въ помѣщичьемъ кругу репутацію злѣйшаго врага существующаго строя.

Въ отношеніи крѣпостного вопроса всѣ славянофилы были или казались въ то время рѣшительными эмансипаторами. Даже Добролюбовъ, не обинуясь, назвалъ «Сельское Благоустройство» «гуманнѣйшимъ и дѣльнѣйшимъ журналомъ по крестьянскому вопросу [3])». Извѣстно, что въ крестьянскомъ вопросѣ у славянофиловъ была еще спеціальная точка соприкосновенія съ радикалами «Современника», это—защита общиннаго землевладѣнія, хотя въ сущности между взглядами тѣхъ и другихъ на поземельную общину была цѣлая пропасть: Чернышевскій видѣлъ въ сельской общинѣ, какъ мы уже знаемъ, возможный залогъ будущаго соціалистическаго строя, тогда какъ славянофилы смотрѣли на общину, какъ на одинъ изъ старинныхъ устоевъ русскаго народнаго быта. Но разница въ основаніяхъ не мѣшала представителямъ обоихъ направленій многое прощать другъ другу изъ-за этой общей точки соприкосновенія.

Однако славянофилы, будучи консерваторами по основнымъ своимъ взглядамъ, считались—и не безъ основанія—врагами существующаго строя не въ одномъ только крестьянскомъ вопросѣ. Признавая самодержавіе также за одинъ изъ исконныхъ устоевъ

---

1) Ср. *Джаншіева* „А. М. Унковскій".
2) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", ч. I, стр. 315.
3) Сочиненія, т. II, стр. 397.

русской жизни, они были въ то же время отъявленными врагами бюрократіи и правительственнаго гнета. Теоретически предоставляя царю «силу власти», они требовали полнаго освобожденія общества, общины и личности отъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, отъ всякой регламентаціи. Характерно въ этомъ отношеніи поясненіе Константина Аксакова относительно русской одежды. Считая важнымъ вопросомъ добиться права носить русское платье, онъ поясняетъ, что отнюдь не желалъ бы *обязательнаго введенія* русскаго платья вмѣсто нѣмецкой одежды и заявляетъ, что такое принудительное введеніе русскаго платья онъ считалъ бы такимъ же нарушеніемъ исконныхъ и священныхъ для него правъ русскаго народа, какъ и насильственное введеніе нѣмецкаго платья, бритья бороды и проч. Очевидно, что для него вопросъ заключался не въ платьѣ того или иного покроя, а въ правѣ русскаго человѣка одѣваться и вообще устраивать свою жизнь такъ, какъ ему самому кажется удобнѣе и лучше.

Признавая точно также православіе однимъ изъ устоевъ русской жизни, славянофилы являлись въ же время отъявленными врагами того принудительнаго казеннаго православія, того полицейскаго устройства церкви, которое существуетъ у насъ, и требовали полнаго освобожденія ея отъ государства и отъ всякой службы государственнымъ цѣлямъ.

Исходя изъ абсолютныхъ началъ, славянофилы въ своихъ освободительныхъ требованіяхъ были чрезвычайно радикальны. Имъ нужно было не смягченіе цензурныхъ условій, не замѣна одной цензурной системы другой, болѣе либеральной, а полная неограниченная свобода слова. Столь же категоричны были ихъ требованія и въ отношеніи свободы совѣсти и вообще свободы общественной и частной жизни. Эти же взгляды клали они въ основаніе своихъ проектовъ общиннаго и общественнаго самоуправленія. Понятно, какіе конфликты съ представителями бюрократической власти могли вызывать подобные взгляды. Когда они проводились людьми болѣе или менѣе уклончивыми, какъ Кошелевъ, дѣло еще могло итти нѣкоторое время, при желаніи правительства избѣгать насильственныхъ дѣйствій. Но когда выразителями славянофильскихъ взглядовъ являлись люди болѣе независимые и пылкіе по своему характеру, какъ братья Аксаковы, то тутъ ужъ конфликты съ бюрократіей, притомъ самые обостренные, были неизбѣжны. Къ этому надо прибавить, что въ концѣ 50-хъ годовъ И. С. Аксаковъ, раздѣляя всѣ либеральные выводы славянофильскаго міровоззрѣнія, далеко не раздѣлялъ еще всѣхъ консервативныхъ основъ этого ученія. Между тѣмъ другіе славянофилы-публицисты, какъ Кошелевъ и Самаринъ, были отвлечены въ 1859 г. отъ писательской и редакціонной работы непосредственнымъ участіемъ въ крестьянской реформѣ, Константинъ же Аксаковъ устранился отъ журнальной дѣятельности послѣ запрещенія «Молвы», и потому фактически руково-

дителемъ всѣхъ славянофильскихъ изданій того времени приходилось быть именно Ивану Аксакову. Взгляды, которые исповѣдывалъ въ то время И. С. Аксаковъ отразились съ замѣчательной полнотой и яркостью не только въ его статьяхъ, но, пожалуй, съ еще большею силою въ его перепискѣ съ родными и съ нѣкоторыми другими лицами. Нѣкоторыя выписки изъ его письма мы привели уже выше, но для характеристики его редакторскихъ взглядовъ позволимъ себѣ выписать еще нѣсколько мѣстъ изъ любопытнѣйшаго письма его къ гр. Блудовой (его заступницѣ въ придворныхъ сферахъ). Это письмо было писано уже въ ноябрѣ 1861 года по поводу неблагопріятнаго впечатлѣнія. произведеннаго въ высшихъ сферахъ нападками Аксакова на Чичерина.

Вотъ что писалъ Аксаковъ своей высокопоставленной доброжелательницѣ: «Я иду своей дорогой: если вамъ и вашимъ приходится пройти со мной un bout de chemin по одной дорогѣ, я очень радъ, но я знаю и помню хорошо то, что вы не пойдете, не отважетесь итти туда, куда ведетъ меня моя дорога. Вашъ путь идетъ въ сторону, а я со своей дороги не сворачиваю и не сворочу...» «...Я вамъ всегда говорилъ, когда вы ручались за меня en haut lieu, что вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, что я не отступлю отъ своихъ убѣжденій ради деликатности; извольте меня знать и разумѣть, какимъ я есть, а сдѣлать изъ меня Hofpoët'a или Hofpublizist'a вамъ не удастся. Я пишу вовсе не для того, чтобы имъ нравилось,—а нравится имъ, что я пишу, тѣмъ лучше для нихъ. Что Евграфу Петровичу (Ковалевскому, м-ру народ. просв.) не нравится моя статья, это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно; а развѣ мнѣ его управленіе министерствомъ и все сочиненное имъ для университетовъ нравится? Нисколько. Это меня ни малѣйшимъ образомъ не смущаетъ. Что Делянову не нравится?—Въ порядкѣ вещей! Что Урусову не нравится? Я бы усумнился въ правдѣ своей статьи, если-бъ она ему понравилась. Что Долгорукову (шефу жандармовъ) не нравится? Слава Богу!...

По поводу намека въ письмѣ Блудовой, что Аксаковъ хотѣлъ будто бы своей статьей снискать благосклонность петербургской журналистики, Аксаковъ отвѣчалъ, что его газета, напротивъ, нападаетъ на матеріализмъ, «но она же при первомъ удобномъ случаѣ нападаетъ и на Св. Синодъ съ гр. Толстымъ, съ кн. Урусовымъ, съ Аскоченскими, Барковыми и т. д. Они хуже, они болѣе принесли зла, чѣмъ матеріалисты; матеріализмъ есть совершенно законное противодѣйствіе холопству и офиціальности, внесенной въ область вѣры и т. д... Нѣтъ! я ничьей благосклонности и сочувствія не заискивалъ и думать о томъ кому-либо, меня знающему — стыдно; но признаюсь вамъ, меня, напротивъ того, тяготитъ благосклонность и сочувствіе лицъ, которымъ не слѣдуетъ мнѣ сочувствовать. Если-бы Тимашевъ выразилъ мнѣ свое сочувствіе, оставаясь Тимашевымъ, я могъ

бы приписать это только недоразумѣнію и постарался бы вывести его изъ этого недоразумѣнія, хотя бы это было для меня невыгодно...»

«Поймите и помните, графиня, что если славянофильство имѣло и имѣетъ такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не дѣлая уступокъ ни обществу, ни правительству, не увлекаясь ни вашими дружескими зазывами, ни требованіями публики» [1]).

Правительство же фактами старалось доказать въ это время славянофиламъ, что самодержавіе неотдѣлимо отъ самовластной бюрократіи и что идеалъ славянофильскаго государственнаго устройства—чистая утопія: «Молва» была запрещена въ концѣ 1857 г., «Сельское Благоустройство» должно было прекратиться изъ-за постоянныхъ цензурныхъ урѣзываній и задержекъ въ началѣ 1859 г., а къ концу этого года прекратилась и сама «Русская Бесѣда». Въ томъ же году сталъ выходить еженедѣльный «Парусъ» Ивана Аксакова и былъ остановленъ на второмъ же номерѣ.

Въ «Парусѣ» Аксаковъ, горячо ратуя за свободу слова, писалъ въ первомъ же номерѣ, что если его газета сядетъ на мель, то «пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія...» Современный ему моментъ онъ характеризовалъ какъ «эпоху попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ: деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицаніе теоріи и науки во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску...» При этомъ онъ выражалъ опасеніе, что чиновники-доктринеры, склонные къ безтолковому заимствованію съ запада и презрительному отношенію къ народной жизни и ея устоямъ, губятъ дѣло реформъ, и что «новыя насажденія въ свою очередь *лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама...*» «Трудно же будетъ—восклицаетъ онъ—раскапывать всѣ эти слои, чтобы добраться, наконецъ, до материка, въ которомъ одномъ и заключается вся сила!..» [2]).

Никитенко разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ», что Тимашевъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ упрятать Аксакова въ Вятку. Но это ему не удалось; наоборотъ, Аксакову удалось имѣть съ нимъ слѣдующее любопытное объясненіе: «Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи», сказалъ Аксаковъ. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики».

«Какъ», спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ: «гдѣ они?»

«Въ третьемъ отдѣленіи», былъ отвѣтъ. «Третье отдѣленіе

[1]) *Барсуковъ*, т. XVIII, стр. 266—272.
[2]) *Барсуковъ*, т. XVI, стр. 312—314.

своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ» [1]).

Запретивъ «Парусъ», правительство само спохватилось, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на заграничныхъ славянъ и стало задабривать славянофиловъ, предлагая одному изъ нихъ— Чижову — открыть новый журналъ. Барсуковъ сообщаетъ объ этомъ курьезнѣйшую переписку между Егоромъ Ковалевскимъ и Чижовымъ. Когда славянофилы отказались отъ сдѣланнаго имъ предложенія, вслѣдствіе придирокъ варшавскаго намѣстника кн. М. Д. Горчакова, то арендатору «Петербургскихъ Вѣдомостей», А. А. Краевскому, было передано высочайшее повелѣніе открыть въ этой газетѣ отдѣлъ «Славянскія земли» [2]).

Новыя потребности жизни, развивавшіяся съ такой необыкновенной энергіей, находили себѣ отраженіе во всѣхъ передовыхъ органахъ нашей литературы. Они нашли себѣ признаніе даже въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности въ рѣчи предсѣдателя А. С. Хомякова, который сказалъ похвальное слово новой обличительной литературѣ, признавъ ее явленіемъ не только законнымъ, но необходимымъ и отраднымъ. Въ устахъ Хомякова этотъ отзывъ слѣдуетъ, вѣроятно, разсматривать, какъ своеобразный отпоръ идеямъ Добролюбова, но любопытно, что тогдашнимъ консерваторамъ кн. Вяземскому и Шевыреву почудилось въ этой рѣчи Хомякова какое-то трусливое заискиваніе передъ радикалами, при чемъ Шевыревъ съ ненавистью называетъ въ письмѣ къ Вяземскому Чернышевскаго «великимъ магистромъ ордена свистопляски, господствующей теперь въ нашей литературѣ». Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ гармонировало чрезвычайно характерное заключеніе въ отчетѣ о состояніи московской епархіи за 1859 г. митрополита Филарета, который, между прочимъ, писалъ: «Печальное зрѣлище представляетъ и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ порицательная и кощунственная литература, столько же, если не болѣе распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительной. Званія, должности, лица—все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи, до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы. Не нужно указывать многихъ примѣровъ: ими исполнены повременныя изданія... Господь да управитъ мудрость святѣйшаго Синода и православнаго правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ» [3]).

---

[1]) *Никитенко*, т. II, стр. 127.
[2]) *Барсуковъ*, т. XVI, стр. 423—429.
[3]) *Барсуковъ*, т. XVII, стр. 424—425.

IX.

„Колоколъ“ Герцена.—Его вліяніе.—Отношеніе къ нему современниковъ.—Нападеніе на „Колоколъ“ Б. Н. Чичерина.—Отношеніе Герцена къ „Современнику“.

Какъ ни быстро развивалась и прогрессировала наша печать въ началѣ царствованія Александра II, однако, потребности жизни развивались еще быстрѣе, и уже въ 1857 г. печать оказалась не въ состояніи удовлетворять имъ вполнѣ. Тогда на помощь ей своевременно выступилъ со своимъ «Колоколомъ» Герценъ, жившій въ то время въ Лондонѣ и основавшій тамъ при первыхъ же симптомахъ пробужденія русскаго общества «вольную русскую типографію». Публика съ жадностью хватала произведенія свободной русской мысли. «Работа—вспоминалъ потомъ Герценъ—не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. «Полярная Звѣзда» читалась на расхватъ». Въ іюлѣ 1857 г. Тургеневъ уже совѣтуетъ Герцену издать 1 и 2 книжки «Полярной Звѣзды» вторымъ изданіемъ. Видя успѣхъ своихъ изданій и справедливо полагая, что «безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой», Герценъ задумалъ издавать вмѣстѣ съ Огаревымъ журналъ. Онъ не ошибся: «Вліяніе «Колокола» въ одинъ годъ далеко переросло «Полярную Звѣзду». «Колоколъ» въ Россіи былъ принятъ—по выраженію самого Герцена—отвѣтомъ на потребность органа, неискаженнаго цензурными условіями». Первый № вышелъ 4 іюля 1857 г. До 1858 г. Герценъ выпускалъ номера ежемѣсячно, а съ начала 1858 г. сталъ выпускать ихъ разъ въ двѣ недѣли. Въ публикѣ нашей до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что «Колоколъ» былъ органъ революціонный, что онъ являлся будто бы представителемъ крайнихъ направленій. Еще недавно такое мнѣніе о немъ было высказано «ученымъ» историкомъ, біографомъ Александра II, Татищевымъ. Въ дѣйствительности «Колоколъ» съ перваго дня своего изданія и до пріѣзда въ Лондонъ Михаила Бакунина въ 1862 г. былъ органомъ либеральнаго движенія въ Россіи. Его программа, опубликованная въ первомъ же номерѣ, заключалась въ трехъ пунктахъ: освобожденіе слова—отъ цензуры; освобожденіе податныхъ состояній — отъ побоевъ; освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ. Въ то время Герценъ не требовалъ даже ограниченія самодержавія. Центральнымъ пунктомъ этой программы былъ крестьянскій вопросъ. Когда впослѣдствіи радикалы упрекали Герцена, что онъ не выставилъ никакой политической революціонной программы, Герценъ отвѣчалъ, что, увидѣвши на знамени новаго движенія въ Россіи не конституцію, не республику, не парламентъ, не муниципальную свободу, не войну съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобо-

жденіе крестьянъ съ землей, онъ бросилъ все и *прилѣпился* къ этому жизненному для Россіи вопросу... «Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него — писалъ онъ во 2 № «Колокола». Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство наткнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы». Разрѣшеніе этихъ вопросовъ онъ ожидалъ отъ правительства мирнымъ путемъ. «Имѣя власть въ рукахъ и опираясь, съ одной стороны, на народъ, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство —писалъ онъ—могло бы сдѣлать чудеса безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣлъ ни одинъ монархъ въ Европѣ». Мы уже видѣли, какъ привѣтствовалъ онъ Александра послѣ опубликованія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря. «Что касается до насъ — писалъ онъ тогда — нашъ путь впередъ назначенъ, *мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ;* въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ, живой голосъ и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ (въ первый разъ сказалъ это Огаревъ въ своей статьѣ), что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но ничего не прося,—прибавлялъ Герценъ—они желали бы, чтобы Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ дорого мнѣніе освободителя крестьянъ. Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Впослѣдствіи издатели «Колокола» не разъ мѣняли свое отношеніе къ Александру II по мѣрѣ полученія вѣчно мѣнявшихся слуховъ, а иногда и достовѣрныхъ извѣстій о совершенно непослѣдовательныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Своего апогея недовѣріе къ Александру II достигло у Герцена послѣ смерти Ростовцева и назначенія Панина на его мѣсто, когда Герцену, какъ и всѣмъ друзьямъ реформы, казалось, что все дѣло рухнетъ или совершенно исказится. Въ азартѣ Герценъ обвинилъ тогда Александра въ лицемѣріи. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣе успокоительныхъ извѣстій, довѣріе его къ Александру опять возстановилось, и послѣ обнародованія манифеста 19 февраля онъ опять привѣтствовалъ его именемъ Освободителя...

Во дворцѣ изданіе «Колокола» было замѣчено сразу и произвело довольно сильное впечатлѣніе. На основаніи его разоблаченій Александръ велѣлъ пересмотрѣть дѣло полтавскаго предводителя Кочубея, подстрѣлившаго своего управляющаго и успѣвшаго уклониться отъ правосудія. Министръ иностранныхъ дѣлъ,

князь Горчаковъ, «съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ «Колоколѣ» отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу...

«Кто же—говорилъ онъ—могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствующихъ» [1]).

Муравьевъ-Амурскій въ далекой Сибири прибѣгаетъ къ протекціи Бакунина, который жилъ въ то время въ Иркутскѣ, прося обѣлить его въ «Колоколѣ» отъ обвиненій, напечатанныхъ въ корреспонденціи, доставленной Герцену докторомъ Бѣлоголовымъ [2]). Ростовцевъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, считаетъ необходимымъ по пунктамъ оправдываться въ длиннѣйшемъ письмѣ передъ декабристомъ кн. Е. П. Оболенскимъ въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него «Колоколомъ» большей частью неосновательно [3]). Въ Москвѣ театральная дирекція вздумала прижать актеровъ, отнять у нихъ слѣдующія имъ деньги; актеры отправили старика Щепкина депутатомъ къ директору театровъ Гедеонову искать у него правды (молока отъ козла, по выраженію Тургенева). Тотъ наотрѣзъ отказалъ.

«Тогда—говоритъ Щепкинъ—остается пожаловаться «Колоколу».

«Гедеоновъ вспыхнулъ и деньги актерамъ возвратилъ. «Вотъ, братъ—писалъ Герцену Тургеневъ,—какія штуки выкидываетъ твой «Колоколъ».

«Колоколъ»—*власть*», говорилъ Герцену Катковъ въ Лондонѣ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу. «И прежде его — пишетъ Герценъ—повторяли то же Тургеневъ и Аксаковъ, и Самаринъ, и Кавелинъ, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. Боткинъ, — постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ,—умильно смотрѣлъ на «Колоколъ», какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями»...

Поэтъ Шевченко, когда увидѣлъ впервые «Колоколъ», благоговѣйно приложился къ нему, какъ къ евангелію. Молодое поколѣніе привѣтствовало Герцена письмами, «отъ которыхъ у него слезы навертывались на глаза»... Корреспонденціи изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества съ разныхъ сторонъ Россіи полетѣли къ Герцену массами. «На меня — вспоминалъ онъ

---

[1]) Изъ „Апогея и Перигея", приведено у *В. П. Батуринскаго* „Герценъ, его друзья и знакомые", стр. 80. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго собранія сочиненій Герцена. Заграничное десятитомное далеко неполно; въ русскомъ Павленковскомъ напечатано кое-что изъ статей, невошедшихъ въ заграничное изданіе и, между прочимъ, часть статей изъ „Колокола", но зато выпущено кое-что изъ напечатаннаго въ заграничномъ изданіи—по цензурнымъ условіямъ 1904 г. Теперь, казалось бы, нѣтъ никакихъ препятствій къ изданію сочиненій Герцена полностью.

[2]) „Воспоминанія", стр. 620 и слѣд.

[3]) „Русскій Архивъ" за 1873 г., № 1, стр. 509 и слѣд.

впослѣдствіи — обрушился ливень писемъ и корреспонденцій изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало, одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ... Но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличеніи ежедневныхъ мерзостей».

Герценъ считалъ обличеніе злоупотребленій правительства и его агентовъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Онъ не щадилъ времени и труда на чтеніе всякихъ корреспонденцій, на внимательное ознакомленіе съ доставлявшимися къ нему въ копіяхъ цѣлыми «дѣлами» и канцелярскими переписками и воспроизводилъ въ яркихъ краскахъ и съ свойственнымъ ему одному остроуміемъ, и различныя безобразныя происшествія, и портреты, и характеристики тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, министровъ, статсъ-секретарей, губернаторовъ и проч. Для этого онъ завелъ въ «Колоколѣ» особый отдѣлъ «Подъ судъ», и попасть въ этотъ отдѣлъ многіе боялись болѣе, нежели попасть подъ судъ, дѣйствующій именемъ его величества. Значеніе этой стороны дѣятельности «Колокола» признавали не только его многочисленные друзья и почитатели, но и враги, даже такіе строгіе его критики, какъ Чичеринъ, съ одной стороны, Тютчевъ—съ другой [1]). Читался «Колоколъ» въ это время всѣми въ Россіи, отъ сановниковъ и до гимназистовъ включительно, людьми всѣхъ партій и направленій, свободно передаваясь изъ рукъ въ руки, а въ числѣ его корреспондентовъ и лицъ, черезъ посредство которыхъ онъ получалъ свои свѣдѣнія, мы видимъ, на ряду съ ближайшими друзьями Герцена, какъ Тургеневъ и Кавелинъ, и Аксакова И. С., и Чичерина, и Чернышевскаго, и молодого кн. Орлова, будущаго посла въ Парижѣ, и будущаго министра народнаго просвѣщенія Головнина (послѣдніе двое сообщали свои свѣдѣнія черезъ И. С. Тургенева и черезъ сыновей Я. И. Ростовцева), и многихъ другихъ лицъ, впослѣдствіи относившихся къ Герцену отрицательно или даже враждебно. Многіе нарочно ѣздили въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ Герценомъ, выразить ему свое сочувствіе и почтеніе, имѣть возможность сказать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Герценомъ въ кругу своихъ знакомыхъ. Самъ Герценъ впослѣдствіи писалъ (въ «Апогеѣ и Перигеѣ»): «Ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда, ни постоянно запертыя двери по утрамъ — ничего не помогало. Мы были въ модѣ».

---

[1]) Ѳ. И. Тютчевъ — извѣстный поэтъ и царедворецъ (консерваторъ по убѣжденію) подалъ въ ноябрѣ 1857 г. одному изъ членовъ государственнаго совѣта записку, въ которой выразилъ двѣ замѣчательныхъ мысли: 1) что Россія — это корабль, сѣвшій на мель, который можетъ быть сдвинутъ съ мели только прилинающей волной народной жизни, и 2) что Герценъ, который въ это время ужъ очень безпокоилъ правительство, силенъ не своими соціальными „утопическими“ ученіями, а тѣмъ, что его газета („Колоколъ“) свободна отъ цензуры и есть единственная у насъ арена гласности. Отсюда Тютчевъ дѣлалъ тотъ выводъ, что необходимо уничтожить цензуру. („Русск. Арх.“ за 1873 г., № 4).

«Кого и кого мы не видали тогда! Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобы стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда, повторяю, *мы были въ модѣ*, и въ какомъ-то гидѣ туристовъ я былъ отмѣченъ между достопримѣчательностями Путнея...»

Однако, слава и значеніе, которыя пріобрѣлъ Герценъ въ то время, отнюдь не избавляли его отъ критики, иногда вдумчивой и дружеской, иногда рѣзкой, враждебной и раздражительной. Самымъ постояннымъ критикомъ-другомъ въ началѣ изданія «Колокола» былъ И. С. Тургеневъ. Мы не будемъ останавливаться на отношеніяхъ Тургенева къ Герцену въ это время, потому что они прекрасно выяснены въ книжкѣ М. П. Драгоманова, [1]) изъ которой теперь все наиболѣе существенное перепечатано въ Россіи В. П. Батуринскимъ въ книгѣ его: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые» (Спб. 1904); но считаемъ небезполезнымъ остановиться на гораздо менѣе извѣстномъ эпизодѣ столкновенія Герцена съ Б. Н. Чичеринымъ.

Чичеринъ посѣтилъ Герцена осенью 1858 г. уже послѣ своего выхода изъ «Русскаго Вѣстника» и основанія «Атенея», когда за нимъ начала утверждаться репутація консерватора-доктринера и сторонника государственной централизаціи. Тѣмъ не менѣе Герценъ принялъ его съ раскрытыми объятіями, какъ одного изъ любимѣйшихъ учениковъ Грановскаго, какъ друга Кавелина и Корша. Въ Лондонѣ они много спорили, но разстались мирно. Изъ Парижа Чичеринъ написалъ Герцену письмо, въ которомъ указывалъ на неточность и невѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ ему корреспондентами. По поводу словесныхъ споровъ съ Чичеринымъ и этого письма Герценъ помѣстилъ въ «Колоколѣ» замѣтку, въ которой писалъ: «насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

«Насъ упрекаютъ свирѣпо-красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

«Насъ упрекаютъ славянофилы въ западничествѣ.

«Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

«Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ,—на жару».

Послѣднія слова, развитыя въ остальной части статьи, Чичеринъ совершенно основательно принялъ на свой счетъ и отвѣтилъ на нихъ рѣзкимъ письмомъ, требуя, чтобы оно было напечатано въ «Колоколѣ». Герценъ исполнилъ это требованіе и назвалъ это письмо въ предисловіи къ нему *обвинительнымъ актомъ*. Это письмо замѣчательно по ясной формулировкѣ совер-

---

[1]) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену. Женева. Украинская типографія. 1892.

шенно опредѣленнаго взгляда на переживавшійся въ то время отечествомъ нашимъ моментъ и по суровой и безпощадной критикѣ «Колокола», въ которой многое было справедливо, хотя письмомъ этимъ Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ въ то время на руку врагамъ свободы и преобразованій.

«Заранѣе предупреждаю васъ—писалъ Чичеринъ,—что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить ихъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи. Послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собой. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ итти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ *одни* не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, *ни въ обществѣ* не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь, однако же, къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подчасъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны, народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лѣкарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя: правительство, ищущее опоры! народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличить злоупотребленіе, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ, вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы—сила, вы—власть въ русскомъ государствѣ.

«Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

«Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете его на показъ и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ.

«Вы человѣкъ, брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ, негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это

ваши собственныя слова. Но неужели это требуется отъ политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе; что впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ, прежде всего, требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и созидающій».

Далѣе онъ обрушивается на тѣ статьи, которыя Герценъ писалъ въ минуты разочарованія, въ минуты доходившихъ до него слуховъ о ретроградныхъ поворотахъ правительства, о побѣдѣ придворныхъ крѣпостниковъ, и съ особенной силой нападаетъ на одну корреспонденцію, въ которой крестьяне приглашались точить топоры на случай, если правительство предастъ ихъ интересы. Онъ сѣтуетъ, что Герценъ не попытался «умѣренностью, осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ вопросовъ» внушить правительству довѣріе къ себѣ, а вмѣсто этого только пугаетъ его. «Грустно сказать,—писалъ Чичеринъ,—что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства», и далѣе ставитъ вопросъ, что пришлось бы дѣлать правительству, если бы «въ нѣдрахъ нашего отечества (при свободѣ печати) завелось бы нѣсколько «Колоколовъ», которые всѣ въ разные голоса стали бы звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній...»

При всей вѣрности нѣкоторыхъ указаній и укоризнъ, заключающихся въ этомъ письмѣ, въ общемъ само оно представляло страстный и односторонній памфлетъ. Оно годилось бы при всей своей рѣзкости, какъ полезное для Герцена предостереженіе въ частномъ обмѣнѣ мыслей, но, потребовавъ напечатаніе его въ «Колоколѣ», Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ на руку его врагамъ. Онъ какъ будто задался цѣлью во что бы то ни стало доказать публикѣ, что это журналъ, таящій революціонныя цѣли и притомъ дѣйствующій весьма легкомысленно. Удивительно, какъ «обдуманный и точный» Чичеринъ могъ до такой степени увлечься желаніемъ дать Герцену сильную отповѣдь, что не сообразилъ, какой смыслъ можетъ имѣть его нападеніе на «Колоколъ», написанное какъ бы съ прямой и обдуманной цѣлью развѣнчать Герцена въ глазахъ читателей и подкрѣпить реакціонеровъ въ ихъ стремленіи доказать, что «Колоколъ» старается просто внести смуту въ русскую жизнь. Это хорошо понялъ и указалъ въ своемъ «Дневникѣ» даже такой умѣренный и ненавидѣвшій всякую смуту

человѣкъ, какъ Никитенко; онъ прямо высказалъ, что это письмо Чичерина еще вреднѣе самыхъ крайностей «Колокола», потому что можетъ быть прямо разсматриваемо, какъ поощреніе репрессивнымъ мѣрамъ правительства [1]). То же самое высказалъ въ своемъ письмѣ къ Чичерину его ближайшій другъ К. Д. Кавелинъ [2]).

«Вы говорите—писалъ, между прочимъ, Кавелинъ—что Герценъ равнодушенъ къ гражданскимъ реформамъ, что ему все равно, сдѣлается ли дѣло актомъ деспотизма или актомъ революціи. Вы фехтуете съ необыкновеннымъ искусствомъ противъ него его же собственными словами, чтобы доказать ему и убѣдить другихъ въ томъ, что реформа и революція для него все равно. А такъ какъ Герценъ давно уже пользуется у насъ репутаціей краснаго революціонера, и притомъ вы въ своемъ письмѣ ловко указываете на воззваніе къ топорамъ съ умолчаніемъ желаній мирной реформы, то и остается впечатлѣніе, что, собственно говоря, Герцену смертельно хочется революціи въ Россіи. Если вы хотѣли выразить эту мысль, то я могу поздравить васъ съ совершеннымъ успѣхомъ...»

Кавелинъ указываетъ, между прочимъ, на сочувствіе къ письму Чичерина крѣпостниковъ и реакціонеровъ, въ родѣ шефа жандармовъ кн. Долгорукова (который жалѣлъ только о томъ, что Чичеринъ не испросилъ разрѣшенія правительства на напечатаніе письма, которое непремѣнно послѣдовало бы), и министра юстиціи Панина, которому особенно долженъ былъ понравиться намекъ на то, что свободная литература будетъ раздувать пламя и разжигать страсти [3]).

Напечатавъ это письмо Кавелина, г. Барсуковъ увѣряетъ,

---

[1]) „Дневникъ и Записки“, т. II, стр. 124.

[2]) Необходимо отмѣтить здѣсь еще разъ ошибку М. П. Драгоманова, который въ своей книжкѣ „Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ“ по недоразумѣнію приписалъ Кавелину письмо, напечатанное въ „Колоколѣ“ въ отвѣтъ на Чичеринское, принадлежавшее, повидимому, перу Чернышевскаго. Подлинное письмо Кавелина, которому выразили свое сочувствіе проф. Бабстъ, Н. Н. Тютчевъ (пріятель Бѣлинскаго, а не поэтъ), П. В. Анненковъ, И. С. Тургеневъ и А. И. Скребницкій, не было напечатано въ „Колоколѣ“, хотя и было послано (въ копіи?) Герцену самимъ Чичеринымъ (по желанію Кавелина). Оно сохранилось въ архивѣ Чичерина и было передано имъ Н. П. Барсукову, который и напечаталъ его въ XV томѣ біографіи Погодина (стр. 261 и сл.). Тѣмъ не менѣе въ нашей литературѣ и до сихъ поръ ошибка эта остается незамѣченной; такъ ее повторилъ, напр., г. Ашешовъ въ „Образованіи“ за 1904 г. (№ 1, стр. 54—78).

[3]) „Я спрашиваю васъ—писалъ Кавелинъ,—думаете ли вы серьезно, положа руку на сердце, что Герценъ преднамѣренно раздуваетъ революцію въ Россіи и что въ Россіи есть революціонная партія? Если вы это думаете,—вы, можетъ быть, правы передъ своимъ убѣжденіемъ и своей совѣстью, что написали это письмо, но я съ вами не согласенъ и со скорбью долженъ удалиться отъ васъ, потому что считаю такое убѣжденіе не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ. Если же вы этого не думали, какъ же рѣшились написать? Какъ же вы могли доставить всей этой безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшаго круга, радость оправдывать свои отупѣлыя и злонамѣренныя инсинуаціи авторитетомъ вашего благороднаго имени? Вѣдь, это значитъ продать свое право первородства—и за что же? За блюдо чечевицы...“

что *большинство* друзей Чичерина было въ этомъ случаѣ за него, но утвержденіе это совершенно голословно, если друзьями Чичерина не считать кн. Долгорукова, гр. Панина и др.

Изъ письма Чичерина видно, что онъ не понялъ совершенно и истинныхъ задачъ «Колокола»; въ этомъ случаѣ онъ проявилъ себя дѣйствительно не только доктринеромъ, но и бюрократомъ, полагая, что редакторъ «Колокола» могъ изъ своего прекраснаго далека руководить и направлять по заранѣе обдуманному плану русское общественное движеніе и правительственныя мѣропріятія. На самомъ дѣлѣ задача «Колокола» была гораздо вѣрнѣе понята самимъ Герценомъ, который считалъ себя просто отголоскомъ русской свободной мысли и просто желалъ свободно выразить, со всей присущей ему энергіей, талантомъ и страстью, настроеніе и мнѣнія лучшей части проснувшагося русскаго общества, что онъ и дѣлалъ въ дѣйствительности. Задача его была какъ будто скромнѣе той, которую хотѣлъ ему навязать Б. Н. Чичеринъ, но огромное значеніе заслуги, оказанной имъ русскому обществу и народу, теперь очевидно каждому.

Въ просвѣщенной средѣ тогдашняго общества письмо Чичерина вызвало сильный отпоръ и долго не стихавшее противъ автора его негодованіе.

Между тѣмъ, Герценъ былъ въ это время чуждъ не только какихъ бы то ни было революціонныхъ замысловъ, онъ не одобрялъ даже и тѣхъ радикальныхъ тенденцій и взглядовъ, которыя развивались въ то время въ подцензурномъ «Современникѣ» Чернышевскимъ и, въ особенности, Добролюбовымъ. Онъ не только не присоединился къ нападкамъ «Современника» на либеральные круги нашего общества, но, какъ извѣстно, рѣзко призналъ эти нападки безтактными и несправедливыми. Защищая «лишнихъ людей» и либераловъ, жившихъ принципами 60-хъ годовъ, но плохо примѣнявшихъ ихъ къ дѣлу, Герценъ самъ написалъ много лишняго и по тому времени, пожалуй, болѣе безтактнаго, нежели нападки Добролюбова на либераловъ. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ эпизодѣ, потому что онъ уже извѣстенъ русской читающей публикѣ и по статьѣ г. Богучарскаго въ «Мірѣ Божьемъ» [1]) за 1901 г., и по книгѣ г. Батуринскаго о Герценѣ, изданной въ 1904 году въ Петербургѣ Мы упомянули объ этомъ только для того, чтобы отмѣтить, что «Колоколъ» Герцена, по своему взгляду на текущія задачи тогдашней русской дѣйствительности, былъ въ 1859—1860 гг. гораздо умѣреннѣе «Современника».

«Какой умница, какой умница!—восклицалъ послѣ свиданья съ Герценомъ Чернышевскій—и какъ отсталъ... Вѣдь онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ

[1]) „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли". „Міръ Божій" 1901 г., ноябрь. Перепечатана въ книгѣ того же автора „Изъ прошлаго русскаго общества".

салонахъ и препираться съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ со страшной быстротой, *одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ!* Присмотришься—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!»

«Удивительно умный человѣкъ—говорилъ въ то же время Герценъ о Чернышевскомъ—и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь, онъ увѣренъ, что «Современникъ» представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну только, кажется, ужъ очень они торопятся нашей отходной—мы еще поживемъ! [1]).

Статья «Лишніе люди и желчевики», написанная Герценомъ по поводу этого свиданія, вызвала благодарность Тургенева; предшествовавшая же ей статья «Very dangerous», по поводу Добролюбовской обломовщины, ужасно обрадовала Аполлона Григорьева, который писалъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодину [1]).

Прежде чѣмъ оставить на время Герцена и его «Колоколъ», мнѣ хочется напомнить то впечатлѣніе, которое Герценъ произвелъ въ это время на Н. В. Шелгунова. Характеризуя Герцена въ своихъ воспоминаніяхъ, Шелгуновъ писалъ: «Онъ видѣлъ въ каждой вещи всѣ ея стороны и сразу находилъ отношеніе этой вещи ко всѣмъ другимъ вещамъ... Это былъ умъ глубокій, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывавшій идеальную и практическую сущность каждаго предмета и каждаго понятія». Указывая на то, что Герценъ въ это время не вѣрилъ въ революцію и находилъ ее невозможной, что онъ отрицалъ логику ломки и грубую силу, Шелгуновъ свидѣтельствуетъ, что Герценъ находилъ тогда нужными проповѣдниковъ и апостоловъ, поучающихъ своихъ и не своихъ, а не саперовъ разрушенія [3]).

---

[1]) „Изъ пережитого" Павлова, приведено у *Батуринскаго*, стр. 103.

[2]) *Барсуковъ*, т. XVI.

[3]) *Шелгуновъ*, сочиненія, II, 701. Съ начала 1861 г. въ Парижѣ сталъ издаваться еще русскій заграничный журналъ „*Будущность*" кн. *Н. В. Долгорукимъ*, представителемъ русской дворянской фронды. Журналъ этотъ былъ довольно плохъ и не имѣлъ успѣха. И. С. Тургеневъ и Ю. Ф. Самаринъ отзывались о немъ съ пренебреженіемъ (ср. письмо перваго къ Чичерину отъ 12 февраля 1861 г. у Драгоманова и у Батуринскаго, а также письмо Самарина къ Герцену въ „Руси" за 1883 г. № 1). Свѣдѣнія о кн. Долгорукомъ (Bancal) въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", въ „Быломъ и думахъ" Герцена, въ „Воспоминаніяхъ" Н. А. Тучковой и у Барсукова (т. XV, стр. 111). Въ послѣднее время, въ февральской и мартовской книжкахъ „Былого" за 1907 г., появились статьи о кн. Н. В. Долгорукомъ, составленныя М. К. Лемке. Въ замѣткахъ ген. М. Л. Дубельта (сына извѣстнаго инквизитора) объ Александрѣ II („Русск. Стар." за 1891, г. № 6, стр. 725) помѣщенъ любопытный разговоръ въ 1862 г. между Дубельтомъ и Александромъ. Александръ спросилъ Дубельта, кого изъ двухъ онъ предпочитаетъ: Герцена или Долгорукова, и когда Дубельтъ отозвался отрицательно объ обоихъ, то Александръ возразилъ, что онъ предпочитаетъ Герцена, потому что Долгорукій только бранится, а Герценъ, хотя и бранится, но иногда предлагаетъ и дѣльное.

Еще ранѣе, нежели сталъ выходить „Колоколъ", а именно въ 1856 г., русскій нѣмецъ Поггенполь пріобрѣлъ въ Брюсселѣ французскую газету „Nord",

X.

Окончаніе работъ по крестьянской реформѣ.—Манифестъ 19 февраля.— Итоги перваго періода царствованія.—

10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты, выработавъ проекты положеній, которые поступили въ главный комитетъ. Крестьянское дѣло вступило въ послѣдній фазисъ своего развитія, и глухая борьба, сосредоточившаяся около этого дѣла, напряглась до послѣдней степени. Александръ, видимо, собралъ всѣ свои силы и выдержалъ съ большою стойкостью послѣдній напоръ придворныхъ и сановныхъ крѣпостниковъ, которые интриговали у него подъ носомъ, но безъ большого успѣха. Въ дневникѣ П. А. Валуева, въ запискахъ Я. А. Соловьева, въ «Освобожденіи крестьянъ» Н. П. Семенова (т. III) и въ заграничныхъ «Матеріалахъ» Д. П. Хрущева, использованныхъ г. Иванюковымъ, разсказаны всѣ шашни и подвохи, которые пытались устроить крѣпостники въ то время, чтобы провалить проекты редакціонныхъ комиссій. Имъ удалось достичь очень немногаго. Главнѣйшія уступки, сдѣланныя имъ, частью еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ, частью въ главномъ комитетѣ, сводились къ нѣкоторому уменьшенію надѣльныхъ нормъ въ части уѣздовъ, къ введенію дарового четвертного надѣла по соглашенію съ крестьянами и къ измѣненію въ порядкѣ замѣщенія должностей мировыхъ посредниковъ. Передъ самымъ вступленіемъ дѣла въ главный комитетъ весьма кстати заболѣлъ предсѣдатель его кн. Орловъ, главный оплотъ крѣпостнической партіи, что дало возможность императору Александру назначить вмѣсто него брата Константина, который повелъ дѣло съ большой энергіей и мужествомъ. Въ послѣднемъ засѣданіи комитета и въ государственномъ совѣтѣ самъ Александръ проявилъ большую твердость и знаніе дѣла. Энергія его достигла здѣсь своего апогея... Какъ бы при восхожденіи на огромную почти неприступную гору, онъ сдѣлалъ послѣднія героическія усилія, достигнулъ вершины, и здѣсь силы его временно оставили. Непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста 19 февраля началась реакція...

Первый, самый трудный и самый сложный этапъ его царствованія былъ конченъ. Манифестъ 19 февраля явился *гранью*, отдѣлившей первый періодъ царствованія, періодъ, въ которомъ были заложены сѣмена всего общественнаго движенія, развивавшагося въ ближайшее затѣмъ двадцатилѣтіе.

Подведемъ же итоги этому періоду.

Послѣ крымской кампаніи пробудившееся общество русское

которая стала съ тѣхъ поръ заниматься преимущественно русскими дѣлами. Въ ней печатались иногда интересные документы и факты, но идейнаго значенія она не имѣла. Самъ Поггенполь пользовался весьма плохой репутаціей (ср. рѣзкій отзывъ о немъ Тургенева въ Женевскомъ изданіи его переписки съ Герценомъ, стр. 94, и эпиграмму Огарева у Батуринскаго, стр. 65).

представляло, какъ мы видѣли, довольно аморфную массу, съ неопредѣленными, но дружными и живыми стремленіями къ свѣту, прогрессу и свободѣ. Между обществомъ и правительствомъ новаго императора, сознавшаго необходимость коренныхъ преобразованій, существовала въ то время полнѣйшая entente cordiale.

Первая, огромная по своему историческому значенію реформа, предпринятая правительствомъ—освобожденіе крестьянъ—коснулась самыхъ существенныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ народа и общества. Отсюда сильное броженіе въ послѣднемъ, въ результатѣ котораго изъ амфорной массы, стремящейся къ свободѣ и къ свѣту, выдѣляются опредѣленныя общественныя направленія, отражающія сознаніе тѣхъ или другихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны, рѣзко опредѣляются политическія стремленія дворянства, которое не желаетъ болѣе сносить бюрократической опеки и правительственнаго самовластія. Съ другой стороны, защитники народныхъ интересовъ рѣзко выдвигаютъ экономическія потребности народа и стараются добиться не только освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права, но и обезпечить ихъ отъ экономической эксплоатаціи высшихъ классовъ. Отсюда соціально-демократическій радикализмъ «Современника».

И то, и другое направленіе очень быстро пріобрѣло характеръ оппозиціи по отношенію къ правительству. Первое изъ нихъ проявило свою оппозицію сперва въ видѣ заявленій и адресовъ, представленныхъ депутатами дворянскихъ комитетовъ, затѣмъ въ видѣ протестовъ и заявленій дворянскихъ собраній. Либеральная отрасль этого направленія опиралась въ литературѣ частью на «Русскій Вѣстникъ» Каткова, частью и на заграничный «Колоколъ» Герцена. Другая крѣпостнически-олигархическая отрасль того же направленія пока не имѣла въ литературѣ своего органа и въ политическихъ своихъ заявленіяхъ во многомъ сливалась съ первой, компрометируя ее этимъ въ глазахъ радикаловъ.

Второе, радикально-соціалистическое, направленіе пока не выходило изъ сферы литературной критики и выражалось главнымъ образомъ въ «Современникѣ».

Независимо отъ этихъ двухъ направленій, аналогичныхъ западно-европейскимъ направленіямъ и политическимъ партіямъ, а потому и аргументы свои черпавшихъ изъ западно-европейскихъ арсеналовъ, въ это время выступило съ категорической формулировкой своихъ положеній и общественныхъ взглядовъ, сложившееся еще въ сороковыхъ годахъ славянофильское направленіе. Это направленіе старалось найти въ русской исторіи и современномъ народномъ бытѣ особыя исконныя русскія начала, противополагавшіяся имъ западно-европейскимъ. Базисъ этого направленія былъ вполнѣ консервативный, но такъ какъ «исконныя начала» оно не принимало въ томъ видѣ, какъ они являлись въ современной уродливой жизни, а идеализировало ихъ,

стараясь очистить отъ всякихъ чуждыхъ имъ (по мнѣнію славянофиловъ) примѣсей и напластованій, и требовало въ концѣ концовъ коренного измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, то фактически и это направленіе оказалось въ явной оппозиціи съ существующимъ полицейско-бюрократическимъ правительствомъ.

Самъ Александръ II, выступая эмансипаторомъ и желая вывести страну изъ того положенія, въ которое она была приведена прежнею системою управленія, окончательно сформировавшеюся при Николаѣ, въ то же время не сочувствовалъ ни одному изъ опредѣлившихся общественныхъ направленій. Его воображеніе слишкомъ было напугано кошмаромъ революцій и народныхъ возстаній. Поэтому, предпринявъ рядъ широкихъ, коренныхъ преобразованій, имѣвшихъ значеніе либеральнаго и даже радикальнаго переворота въ отношеніи къ прежнему общественному строю, онъ въ то же время крѣпко держался за обветшалый бюрократическій строй и не рѣшался довѣриться ни одному изъ общественныхъ теченій и направленій, имъ же самимъ пробужденныхъ и вызванныхъ къ жизни.

Отсюда шаткость и безпочвенность его положенія. Окруживъ себя замкнутымъ кругомъ царедворцевъ и бюрократовъ, онъ дѣйствительно не имѣлъ на кого опереться,—на что самъ неоднократно жаловался. Отсюда и та глухая борьба, которая наполнила все его царствованіе и привела его въ концѣ концовъ къ трагической развязкѣ.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Происшествіе 29 сентября (1857 г.) между студентами (Московскаго) Университета и полиціей“.

3 октября 1857 г. Мин. Нар. Пр. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ далъ *секретное* предложеніе своему товарищу, кн. Петру Андреевичу Вяземскому, слѣдующаго содержанія:

„М. Г. князь П. А.! Въ Москвѣ между студентами университета случилось происшествіе, на которое по обстоятельствамъ надо обратить вниманіе. Подробнѣйшія свѣдѣнія о происшествіи извѣстны сенатору Ковалевскому [1]). Пользуясь отъѣздомъ Вашего Сіятельства въ Москву, я нахожу нужнымъ покорнѣйше просить Васъ, М. Г., объясниться о дѣлѣ съ г. попечителемъ округа и, если окажется надобность, съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ и наблюсти какъ за ходомъ дѣла, по которому производится уже слѣдствіе, такъ и за правильнымъ окончаніемъ онаго. Дѣло по важности своей таково, что, мнѣ кажется, обратитъ на себя вниманіе Государя Императора, и потому я полагаю, что полезно было бы Вашему Сіятельству дождаться въ Москвѣ прибытія Его Императорскаго Величества для личнаго всеподданнѣйшаго объясненія обстоятельствъ и для полученія Высочайшаго наставленія.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и совершенной преданности. А. Норовъ“.

---

[1]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, онъ замѣнилъ ген. Назимова, переведеннаго въ Вильно ген.-губернаторомъ. Въ тѣ времена о попечительствѣ Назимова ходила масса анекдотовъ (напр., о гиперболѣ, съѣдающей сто пудовъ сѣна), свидѣтельствовавшихъ о совершенной неподготовленности и несоотвѣтствіи къ посту, который онъ занималъ. Но съ другой стороны, Назимову ставили въ заслугу (напр., Кавелинъ), что только благодаря ему московскій университетъ не былъ совсѣмъ закрытъ въ 1849 г.

Вотъ въ чемъ, согласно официальнымъ документамъ, заключалось „происшествіе 29 сентября" [1]).

Въ Москвѣ въ 1857 г. мѣщанка Соболева, проживавшая въ домѣ Кузнецовой (Мало-Сергіевскій переулокъ), держала у себя квартирантовъ студентовъ. 29 сентября по случаю именинъ одного изъ нихъ (кажется, Ганусевича) собралось нѣсколько товарищей. Уже поздно вечеромъ въ домъ Кузнецовой, подъ предлогомъ разысканія подозрительнаго человѣка (жулика), якобы въ немъ скрывшагося, явился квартальный поручикъ Симоновъ въ сопровожденіи лишь одного полицейскаго унтеръ-офицера. По приходѣ въ домъ Кузнецовой, Симоновъ вызвалъ Соболеву и осмотрѣлъ внизу всѣ мѣста, гдѣ могъ скрыться интересовавшій его субъектъ, но никого не нашелъ. Затѣмъ Симоновъ нѣсколько поднялся по лѣстницѣ; унтеръ-офицеръ съ Соболевой и здѣсь все осмотрѣли, но опять же никого не оказалось; потомъ всѣ остановились на площадкѣ у дверей квартиры, гдѣ жили студенты. Тутъ Симоновъ началъ „шумѣть" на Соболеву; это услышали студенты и, выйдя на площадку, узнали отъ Симонова, что онъ ищетъ скрывшагося въ ихъ квартирѣ подозрительнаго человѣка. Студенты отвѣчали, что между ними нѣтъ никого такого и быть не можетъ. Въ происшедшемъ при этомъ разговорѣ Симоновъ, обращаясь по адресу одного изъ нихъ, сказалъ: „такъ ты-то и есть мошенникъ, взять его и связать!" На это оскорбленіе студентъ Ганусевичъ отвѣтилъ ударомъ, а остальные студенты прогнали Симонова со двора. Скоро, однако, Симоновъ вернулся въ домъ Кузнецовой, на этотъ разъ уже въ сопровожденіи достаточной полицейской команды. Студенты заперлись; но Симоновъ взломалъ двери и ворвался въ квартиру студентовъ. Съ крикомъ: „бей и вяжи ляховъ бунтовщиковъ" (студенты были большею частью поляки), онъ самъ первый съ обнаженной шпагой кинулся на студентовъ, двоихъ изъ нихъ ранилъ и, не могши достать Ганусевича, „въ порывѣ мести" пустилъ въ него шпагу. Шпага была подхвачена на лету и осталась въ рукахъ студентовъ. Симонову однако

---

[1]) Съ неофиціальной стороны о „происшествіи 29 сентября" есть разсказъ въ воспоминаніяхъ московскаго студента того времени А. А. Ауэрбаха (Историч. Вѣст. 1905 г. № 8). Къ сожалѣнію, въ немъ встрѣчаются крупныя неточности, способныя вызвать недовѣріе къ многимъ очень интереснымъ подробностямъ. Событіе отнесено къ 11 сентября, квартальный поручикъ Симоновъ, главный герой, совсѣмъ не упоминается, вмѣсто него на первомъ планѣ квартальный надзиратель Морозовъ, говорится, что Морозовъ (т. е. Симоновъ), учинивъ избіеніе студентовъ, лишь буквально выполнилъ приказъ мѣстнаго пристава Цвиленева,—между тѣмъ послѣдній появляется въ дѣлѣ, когда студенты были уже забраны; не могъ Ковалевскій еще въ бытность Государя въ Москвѣ (т. е. въ октябрѣ) сообщить на собраніи профессоровъ и студентовъ, что Государь приказалъ разжаловать въ солдаты безъ выслуги Цвиленева и Морозова, такъ какъ Высочайшее повелѣніе о преданіи ихъ суду состоялось 16 декабря, а конфирмація 5 іюня 58 г.; самая участь того и другого, какъ будетъ видно ниже, была иная.

удалось лично захватить Ганусевича и сдать его командѣ, которая за ноги стащила Ганусевича по лѣстницѣ, причемъ голова его билась о ступеньки лѣстницы. На дворѣ Ганусевича связали по рукамъ и по ногамъ и бросили на землю.

Повремени Симоновъ спустился на дворъ и, хотя приказалъ развязать у Ганусевича ноги, но лишь для того, чтобы отправить его въ часть, „прежде, однако, и самъ надругался надъ нимъ и приказалъ дѣлать то же и другимъ“ [1]).

Чтобы захватить и прочихъ студентовъ, Симоновъ уѣхалъ въ часть за новымъ подкрѣпленіемъ. Тамъ, бывшему въ этотъ день за частнаго пристава, Морозову онъ все дѣло объяснилъ въ томъ смыслѣ, что студенты избили его, Симонова. Не только Морозовъ повѣрилъ разсказу Симонова, но и бывшій при этомъ брандмейстеръ былъ настолько тронутъ участью Симонова, что по его просьбѣ отрядилъ на мѣсто происшествія часть пожарной команды.

Сопровождаемый Морозовымъ, Симоновъ вновь заявился въ квартиру студентовъ и тамъ принялся не только лично избивать студентовъ, но и возбуждалъ къ тому команду, „называя ихъ, конечно, не безъ намѣренія ляхами-мятежниками“, хотя студенты уже не сопротивлялись и нѣкоторые изъ нихъ были связаны по распоряженію Морозова. Послѣдній пытался было нѣсколько сдержать Симонова, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія, а, напротивъ, возразилъ, что онъ такой же офицеръ и самъ будетъ отвѣчать за свои дѣйствія.

Въ концѣ концовъ студенты были перевязаны и доставлены въ полицейскую часть [2]); по дорогѣ Симоновъ „продолжалъ бить и поносить студентовъ до самаго частнаго дома“.

Но вотъ въ дѣлѣ выступаетъ новое лицо—частный приставъ Цвиленевъ; его не было въ части, когда доставили туда студентовъ. Когда онъ пріѣхалъ въ часть (свое отсутствіе изъ части въ ночное время Цвиленевъ отказался потомъ объяснить въ военно-слѣдственной комиссіи), студенты бросились къ нему со словами: „посмотрите, какъ мы избиты“. Цвиленевъ обнаружилъ къ нимъ свое сочувствіе лишь тѣмъ, что предложилъ имъ свои папиросы. Студенты же разсчитывали на большее; они, по собственнымъ словамъ Цвиленева, „любили его за умѣнье обращаться съ ними“. Но Цвиленевъ, по укоренившемуся въ московской полиціи порядку, ранѣе чѣмъ были составлены актъ осмотра и, такъ называемое, „мѣстное поста-

---

[1]) Слова въ ковычкахъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, взяты изъ оффиціальной „Выписки (изъ слѣдственнаго дѣла) о происшествіи 29 сентября“.

[2]) Нѣкоторымъ, однако, удалось этого избѣжать, и они на другой день оповѣстили весь университетъ о ночномъ происшествіи.

новленіе“, основываясь лишь на словахъ Симонова (письменный рапортъ былъ поданъ позже) и Морозова, сперва словесно, а потомъ письменно донесъ оберъ-полицейстеру (извѣстному Берингу), что студенты избили полицію. Берингъ въ свою очередь повѣрилъ Цвиленеву и, ни минуты не колеблясь, свое донесеніе военному ген.-губернатору озаглавилъ: „дѣло о буйствѣ студентовъ“, и тѣмъ „опредѣлилъ характеръ происшествія прежде, нежели произведено было слѣдствіе“. Тотъ же Цвиленевъ все первоначальное слѣдственное теченіе дѣла оставляетъ въ рукахъ Симонова и Морозова.

Къ счастью, благодаря настояніямъ попечителя округа ген.-губ. Закревскій отдалъ приказъ образовать особую слѣдственную комиссію при участіи депутата отъ университета (кажется, имъ былъ Баршевъ, проф. уголовнаго права). Ковалевскій 4 октября, сообщая о томъ мин. нар. просв., прибавлялъ: трое избитыхъ студентовъ, изъ коихъ Ганусевичъ и Демановскій находились въ довольно опасномъ положеніи, поправляются, и возникшее по означенному обстоятельству нѣкоторое волненіе между студентами прекратилось“.

Подъ вліяніемъ впервые сказавшагося давленія общественнаго мнѣнія,—въ офиціальной „выпискѣ“ изъ слѣдственнаго дѣла говорится: „во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ студенты пріобрѣли самаго краснорѣчиваго адвоката... общество требуетъ знаменательнаго удовлетворенія за это позорное дѣло“, слѣдственная комиссія отнеслась къ своей задачѣ крайне внимательно, однѣхъ очныхъ ставокъ она дала 60. И въ результатѣ кругомъ виноватыми оказались полицейскіе чины, вѣрнѣе сказать, царствовавшіе тогда полицейскіе порядки. Комиссія не только установила незакономѣрность дѣйствій полиціи, но и раскрыла цѣлый рядъ подлоговъ въ той фазѣ дѣла, когда оно находилось въ рукахъ Цвиленева и K°. Подлогъ по службѣ былъ констатированъ въ отношеніи Симонова, штабълекаря Лилѣева, Морозова и самого Цвиленева. „Симоновъ подалъ частному приставу фальшивый рапортъ о происшествіи, въ которомъ себя оправдывалъ, а студентовъ обвинялъ и подписалъ его заднимъ числомъ... Лилѣевъ сдѣлалъ осмотръ студентовъ и чиновъ полиціи лишь для вида и въ актѣ осмотра поврежденія первыхъ намѣренно уменьшилъ, а послѣднихъ увеличилъ [1])... Морозовъ внесъ въ свое мѣстное постановленіе рапортъ Симонова и актъ осмотра Лилѣева, зная, что они совершенно ложны и сверхъ того исказилъ и то, что не вошло въ нихъ, съ явнымъ намѣреніемъ свалить всю вину на студентовъ... Цвиленевъ виновенъ не только въ сокры-

[1]) Ложность акта медицинскаго осмотра, произведеннаго Лилѣевымъ, была установлена докторомъ Кетчеромъ, членомъ московской медицинской конторы отъ университета. За то Лилѣевъ засвидѣтельствовалъ, что студенты были пьяны, „чего никто не видѣлъ и не показывалъ“.

тіи истины, но и въ намѣреніи искаженія ея... всѣ акты (т. е. рапортъ Симонова и постановленіе Морозова) составлены ложно по приказанію Цвиленева, и онъ даже самъ многое диктовалъ, лично присутствуя при составленіи ихъ".

По окончаніи слѣдствія оно было препровождено Закревскимъ черезъ военнаго министра на Высочайшее усмотрѣніе. 16 декабря Сухозанетъ лично писалъ Норову:—Милостивый Государь, Абрамъ Сергѣевичъ. Офиціальное увѣдомленіе на счетъ студентовъ вѣроподобно ранѣе двухъ дней до Васъ не достигнетъ, чтобъ успокоить Ваше заботливое попеченіе о ихъ участи, поспѣшаю препроводить заключеніе доклада моего, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія.

Душевно Васъ уважающій и преданнѣйшій слуга

Николай Сухозанетъ.

А на другой день Норовъ получилъ отъ Сухозанета и офиціальное сообщеніе слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленную московскимъ генералъ-губернаторомъ записку изъ слѣдственнаго дѣла о происшествіи, случившемся 29 сентября нынѣшняго года между студентами московскаго университета и чинами тамошней полиціи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Квартальнаго поручика Симонова, квартальнаго надзирателя Морозова, частнаго пристава Цвиленева и частнаго врача Лилѣева предать военному суду при московскомъ Ордонансъ-гаузѣ.

2) Поступки субъ-инспектора Цызырева предоставить усмотрѣнію университетскаго начальства [1]).

3) Хотя студентъ Ганусевичъ за поступки свои и подлежалъ бы строгому исправительному взысканію, но какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отъ нанесенныхъ ему Симоновымъ оскорбленій и притомъ претерпѣлъ жестокія истязанія свыше мѣры взысканія, которой онъ могъ бы подлежать по закону, то Ганусевича никакому наказанію не подвергать.

---

[1]) Въ чемъ заключалась провинность Цызырева—изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно. На бумагѣ есть помѣтка: Г. М. (Нар. Пр.)—3 сентября 1858 г. объявилъ, что Цызыреву сдѣланъ выговоръ.

Подписано: Гаевскій (Дир. Деп. М. Н. П.).

А. А. Ауэрбахъ называетъ субъ-инспектора Соханскаго, якобы принявшаго на себя унизительное посредничество въ попыткѣ полиціи уплатой 5 т. р. пострадавшимъ тремъ студентамъ затушить дѣло. Не смѣшалъ ли онъ Соханскаго съ Цызыревымъ?

Въ № 5 „Колокола" отъ 1 ноября 1857 г. въ статьѣ „полицейскій разбой въ Москвѣ" говорится:—*увѣряютъ*, что полиція черезъ одного университетскаго инспектора предлагала студентамъ значительную сумму, чтобъ они бросили дѣло.

4) остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу студентовъ отъ всякой отвѣтственности освободить.

5) предоставить московскому генералъ-губернатору, войдя въ подробное разсмотрѣніе поступковъ каждаго изъ нижнихъ чиновъ, рабочихъ и другихъ людей прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергнуть болѣе виновныхъ исправительнымъ наказаніямъ или внушеніямъ, по своему назначенію.

Долгомъ считая объ этомъ увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, имѣю честь присовокупить, что о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія вмѣстѣ съ симъ сообщено московскому генералъ-губернатору.

Военный Министръ
Ген.-Ад. Сухозанетъ.
Ген.-Аудиторъ Философовъ.

Въ заключеніе всего дѣла 9 іюня 1858 г. состоялся Высочайшій приказъ, въ силу котораго: „московской полиціи квартальный поручикъ, коллежскій секретарь Климентъ Дмитріевъ Симоновъ, квартальный надзиратель, титулярный совѣтникъ Александръ Ильинъ Морозовъ, частный приставъ, надворный совѣтникъ Петръ Ивановъ Цвиленевъ и частный врачъ, надворный совѣтникъ Алексѣй Моисеевъ Лилѣевъ по военному суду оказались виновными: Симоновъ въ буйствѣ противъ студентовъ императорскаго московскаго университета, въ возбужденіи къ тому нижнихъ полицейскихъ чиновъ и другихъ лицъ и сверхъ того въ подложномъ донесеніи начальству, съ сокрытіемъ истинныхъ обстоятельствъ происшествія, Морозовъ въ бездѣйствіи власти и подложныхъ поступкахъ къ сокрытію противузаконныхъ дѣйствій квартальнаго поручика Симонова и своихъ, Цвиленевъ въ упущеніяхъ по службѣ, происшедшихъ вслѣдствіе безпечности и нераспорядительности по занимаемой имъ должности, а Лилѣевъ въ составленіи неправильнаго свидѣтельства о болѣзни студентовъ и полицейскаго чиновника, Высочайшею конфирмаціею, послѣдовавшею въ 5-й день сего іюня на докладѣ генералъ-аудіоторіата по сему дѣлу, повелѣно: Симонова, лишивъ чиновъ и правъ, принадлежащихъ ему по происхожденію, написать въ рядовые съ опредѣленіемъ на службу по назначенію инспекторскаго департамента; титулярнаго совѣтника Морозова исключить изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять; надворнаго совѣтника Цвиленева уволить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь къ полицейскимъ должностямъ не опредѣлять, и надворнаго совѣтника Лилѣева отрѣшить отъ должности“.

Съ этимъ окончательнымъ исходомъ „происшествія 29 сентября“ интересно сопоставить случай изъ жизни кіевскаго университета, имѣвшій мѣсто незадолго до „29 сентября“. Въ 1851 году государь, на возврат-

номъ пути изъ-за границы, былъ въ Кіевѣ. Тамъ 5 октября въ университетѣ, обращаясь къ студентамъ, онъ сказалъ: „частныя шалости и проступки могутъ быть прощаемы, но шалости и проступки въ массѣ и корпораціи не будутъ терпимы, понимаете ли?“ Эти слова были высказаны по поводу исторіи съ полковникомъ Бринкеномъ, котораго студенты почему-то сбросили съ лѣстницы. Однако, въ тотъ же день ген.-губ. Васильчиковъ отъ имени государя объявилъ студентамъ прощеніе за эту исторію. Студенты же при выѣздѣ государя изъ Кіева, 10 октября, массой вышли проводить его и при этомъ сдѣлали крайне сочувственную демонстрацію.

Слѣдственное дѣло констатировало, что московская полиція „всегда, какъ только вздумается ей, безъ всякаго законнаго повода входитъ въ обывательскіе дома для производства обыска и распоряжается въ нихъ вездѣ, гдѣ можетъ, на правахъ хозяина безъ церемоній. Если такая безцеремонность не нравится настоящему хозяину, и онъ протестуетъ противъ произвола, то полиція беретъ, вяжетъ его и представляетъ въ частный домъ; послѣ она сама пишетъ рапортъ, составляетъ постановленіе и подаетъ докладную записку начальнику, отъ котораго получаетъ приказаніе произвести слѣдствіе. Порядокъ совершенно домашній и крайне выгодный для полиціи, но, къ сожалѣнію, весьма невыгодный для обывателей; при этомъ порядкѣ полиція всегда должна быть права, а обыватели, особенно изъ простого класса, люди мелкіе и незначительные, но иногда весьма полезные для государства, всегда виноваты“.

По окончаніи слѣдствія, какъ только состоялось Высочайшее повелѣніе отъ 16 декабря, Берингу пришлось подать въ отставку, и она была принята.

„Происшествіе 29 сентября“ не только произвело громадное впечатлѣніе на московское студенчество, но и послужило толчкомъ къ крупнымъ измѣненіямъ въ направленіи его внутренней жизни. Всѣ, конечно, отдавали полную дань справедливости Ковалевскому, но главная роль отводилась самимъ студентамъ. При первомъ извѣстіи о ночномъ избіеніи студентовъ весь университетъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и энергическія настоянія попечителя передъ Закревскимъ и другими властями были внушены не только однимъ его личнымъ сочувственнымъ отношеніемъ къ жертвамъ полицейскаго произвола, но и сознаніемъ настоятельной необходимости дать нравственное удовлетвореніе всему студенчеству, громко заявившему требованіе полнаго и безпристрастнаго разслѣдованія дѣла. Катковъ писалъ тогда В. П. Безобразову: „не поступи студенты такъ энергически, какъ у насъ не привыкли поступать, дѣло было бы замято и оскорбленные же и были бы виноваты“.

Вотъ что говорится въ „Исторической запискѣ“, составленной Совѣтомъ московскаго университета по поводу безпорядковъ 1861 г.: „это событіе (т. е. 29 сентября 1857 г.) вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей... Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось, какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія и все грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по 2 депутата, которые могли бы постоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ и депутаціямъ“.

Л. Пантелѣевъ.

За полвѣка[1].

(Глава изъ воспоминаній).

I.

Передъ переселеніемъ въ столицу.—Неожиданное наслѣдство.—Мой планъ зимняго сезона въ Петербургѣ. — Первыя впечатлѣнія писателя.—Журналъ „Библіотека для чтенія". — П. А. Плетневъ. — П. И. Вейнбергъ. — М. Л. Михайловъ.—А. В. Дружининъ. — А. Ѳ. Писемскій. — Театральный міръ.—Судьба „Однодворца" и „Ребенка".—Цензура „III-го Отдѣленія".—Цензоръ и А. Нордштремъ.—Первый сюжетъ русской труппы.—А. Снѣткова. — И. И. Сосницкій. — Самойловъ. — Максимовъ.—П. Каратыгинъ и Григорьевъ.—Леонидовъ. — Павелъ Васильевъ. — Ѳ. Бурдинъ. — Дебюты Нильскаго.—Старые театральные порядки.—Мои сверстники: Н. Потѣхинъ и актеръ писатель Чернышовъ. —Русская опера. — Французскій театръ.—Балетъ.—Свѣтскія знакомства.—На острову. — Студенческій кружокъ.—Университетъ.—Н. Неклюдовъ.—Жизнь писателей.—Манифестъ 19-го Февраля. — Въ аудиторіяхъ.—Прерванный экзаменъ.— Отъѣздъ.—

Писательское настроеніе возобладало во мнѣ окончательно въ послѣдніе мѣсяцы житья въ Дерптѣ, особенно послѣ появленія въ печати „Однодворца", и мой планъ, съ осени 1860 года, былъ быстро составленъ.

На лекаря или прямо на доктора не держать, дожить до конца 1860 года въ Дерптѣ и написать нѣсколько беллетристическихъ вещей.

Тогда драматическая форма владѣла всецѣло мною. Я задумалъ и выполнилъ, въ какихъ-нибудь три мѣсяца, цѣлыхъ четыре пьесы: одну

---

[1]) Первыя главы этихъ жизненныхъ итоговъ писателя появлялись въ другомъ мѣстѣ, въ журналѣ „Русская Мысль". Онѣ обнимали собою годы: отъ ученія въ нижегородской гимназіи (1846—1853) до выхода моего изъ Дерптскаго университета, въ декабрѣ 1860 года послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Казани, гдѣ я учился въ 1853—1855 г.г. на камеральномъ разрядѣ юридическаго факультета. Въ Дерптѣ я отъ спеціальныхъ занятій химіей перешелъ на медицинскій факультетъ и прослушалъ весь его курсъ. Но въ эти же годы (съ 1858) интересъ къ литературѣ сталъ во мнѣ преобладать, и два первыхъ моихъ писательскихъ опыта: комедіи „Фразеры" и „Однодворецъ" (напечатанный уже въ октябрѣ 1860 г., въ „Библіотекѣ для чтенія") подсказали мнѣ рѣшеніе—посвятить себя всецѣло призванію писателя-беллетриста.

Вступленіемъ на это поприще и начинается предложенная глава, послѣ

юмористическую комедію, одну бытовую пьесу съ драматическимъ оттѣнкомъ и двѣ драмы.

Изъ легкой комедіи „Наши знакомцы“ только одинъ первый актъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣкъ“; другая вещь „Старое зло“ цѣликомъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, дана потомъ въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и подъ другимъ заглавіемъ: „Большіе хоромы“; одна драма такъ и осталась въ рукописи „Доѣзжачій“ а другую подъ псевдонимомъ я напечаталъ уже будучи редакторомъ „Библіотеки для чтенія“, подъ заглавіемъ „Мать“.

Такая производительность кажется мнѣ теперь просто фантастической. Молодость творитъ чудеса. Разумѣется, эти пьесы, написанныя въ какихъ-нибудь три мѣсяца, не были „перлами созданія“. Но для всѣхъ этихъ пьесъ у меня оказался все-таки *реальный* матерьялъ, накопившійся незамѣтно еще въ студенческіе годы.

Помню и болѣе житейскій мотивъ такой усиленной писательской работы. Я рѣшилъ безповоротно быть профессіональнымъ литераторомъ. О службѣ я не думалъ, а хотѣлъ пріобрѣсти въ Петербургѣ кандидатскую степень и устроить свою жизнь—на первыхъ же порахъ не надѣясь ни на что, кромѣ своихъ силъ. Это было довольно таки самонадѣянно; но я *вѣрилъ* въ то, что напечатаю и поставлю на сцену всѣ пьесы, какія напишу въ Дерптѣ, до переѣзда въ Петербургъ.

Собственныхъ обезпеченныхъ средствъ у меня тогда не было. То, что я получалъ отъ отца, не превышало сносной студенческой субсидіи. Первый гонораръ изъ „Библіотеки для чтенія“ за „Однодворца“ по 50 р. за листъ составлялъ весьма скромную цифру.

Но надежда окрыляла. „Однодворецъ“ былъ уже сразу одобренъ къ представленію на императорскихъ сценахъ и находился въ театральной цензурѣ. Также *могли* быть одобрены и тѣ четыре вещи, которыя я такъ стремительно написалъ.

Подо всѣмъ этимъ были еще и другія соображенія и мечты.

переселенія моего въ Петербургъ, къ январю 1861 года. Съ тѣхъ поръ я не переставалъ быть профессіональнымъ писателемъ—и только писателемъ.

Подспорьемъ въ пересказѣ моихъ ученическихъ и студенческихъ годовъ служитъ мнѣ мой первый романъ „Въ путь—дорогу“, гдѣ и содержится вся эта полоса моей жизни, съ начала 50-хъ годовъ до начала 60-хъ. Но я долженъ предупредить читателя, что личныя испытанія героя романа и мои—не тождественны въ томъ, что составляетъ романическую сторону разсказа. Сходны только бытовая обстановка, подробности ученія и нравовъ въ гимназіи и въ университетахъ.

П. Боборыкинъ.

Эта часть воспоминаній П. Д. Боборыкина, являясь законченнымъ цѣлымъ, имѣетъ и совершенно самостоятельное, независимое отъ помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ другихъ частей воспоминаній того же автора, значеніе. *Ред.*

Мое юношеское любовное увлеченіе оставалось въ неопредѣленномъ *status quo*. Ему сочувствовала мать той еще очень молодой дѣвушки; но отъ отца все скрывали. Семейство это уѣхало за границу. Мы нерѣдко переписывались съ согласія матери; но ничто еще не было выяснено. Два-три года мнѣ нужно было имѣть передъ собою, чтобы стать на ноги, найти заработокъ и какое-нибудь „положеніе“. Даже и тогда дѣло не обошлось бы безъ борьбы съ отцомъ этой дѣвушки, которой тогда шелъ всего еще шестнадцатый годъ.

Словомъ, я сжегъ свои корабли „бывшаго“ химика и студента медицины, не чувствуя призванія быть практическимъ врачемъ, или готовиться къ научной медицинской карьерѣ. И передъ самымъ новымъ 1861 годомъ я переѣхалъ въ Петербургъ, изготовивъ себѣ въ Дерптѣ и гардеробъ „штатскаго“ молодого человѣка. На все это у меня хватило средствъ. Жить я уже сладился съ однимъ пріятелемъ и выѣхалъ къ нему на квартиру, гдѣ мы и прожили весь зимній сезонъ.

И только что я водворился тамъ, какъ получилъ депешу изъ Нижняго: дядя мой по матери, П. Б. Григорьевъ, престарѣлый генералъ павловскихъ временъ, умеръ, оставивъ мнѣ, по завѣщанію, *прямо* (помимо того, что получала моя мать) два имѣнія въ черноземной полосѣ Нижегородской губерніи.

Я сразу дѣлался довольно состоятельнымъ землевладѣльцемъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, гдѣ значилось, по тогдашнему выраженію, сто съ чѣмъ-то „душъ“ вскорѣ уже „временно обязанныхъ“ крестьянъ.

Для меня это была совершенная неожиданность. Дѣдъ, когда я пріѣзжалъ въ Нижній на вакаціи, былъ ко мнѣ благосклоненъ; но ласковъ онъ не бывалъ ни съ кѣмъ, и не только въ разговорахъ со мною, но и съ взрослыми своими дѣтьми никогда не намекалъ даже на то: какъ онъ распорядится своимъ состояніемъ, сплошь благопріобрѣтеннымъ.

И вотъ я еще при жизни отца и матери—состоятельный человѣкъ. Выходило нѣчто прямо благопріятное не только въ томъ смыслѣ, что можно будетъ остаться навсегда свободнымъ писателемъ, но и для осуществленія мечты о бракѣ по любви.

Но эта, спавшая сверху благодать, не измѣнила ни на іоту моихъ ближайшихъ плановъ. Я не кинулся сейчасъ же въ Нижній получать наслѣдство, а оставилъ это до лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда сдамъ экзаменъ на кандидата.

И это ободрило меня больше всего, *какъ писателя*—прямое доказательство того, что для меня и тогда уже дороже всего была свободная профессія. Ни о какой другой карьерѣ я не мечталъ, уѣзжая изъ Дерпта,

не сталъ мечтать о ней и теперь, послѣ депеши о наслѣдствѣ. А могъ бы, по полученіи его, пріобрѣтя университетскій дипломъ, поступить на службу по какому угодно вѣдомству и, по всей вѣроятности, сдѣлать болѣе или менѣе блестящую карьеру.

Но я этимъ ни на минуту не прельстился и тотчасъ же попросилъ у матушки и тетки (какъ сонаслѣдницъ моихъ): освободить меня отъ хозяйственныхъ дѣлъ до іюня, когда я предполагалъ уже сдать экзаменъ.

Мнѣ предстояли въ Петербургѣ два ближайшихъ дѣла:

1) Сдать экзаменъ. 2) Сдѣлаться профессіональнымъ писателемъ.

Насчетъ экзамена я пріѣхалъ уже съ готовымъ планомъ.

Конечно, я могъ бы остаться и безъ всякаго диплома. Но мнѣ дѣлалось какъ-то жутко и какъ бы совѣстно передъ самимъ собою,—какъ же это я, послѣ семилѣтняго пребыванія въ двухъ университетахъ (Казани и Дерптѣ), послѣ того какъ, сравнительно съ своими сверстниками, отличался интересомъ къ серьезнымъ занятіямъ (для чего и перешелъ въ Дерптъ), послѣ того, какъ изучалъ спеціально химію, переводилъ научныя сочиненія и даже составлялъ *самъ* учебникъ, а на медицинскій факультетъ перешелъ изъ чистой любознательности и вдругъ останусь „не кончившимъ курса“, безъ всякаго званія и всякихъ „правъ“?

Сюда входилъ также и мотивъ моихъ брачныхъ плановъ. Слишкомъ уже я представлялъ бы изъ себя незначительную величину въ глазахъ отца дѣвушки, о которой продолжалъ мечтать.

Да и для *литератора* было бы въ собственныхъ же глазахъ неловко: не имѣть диплома высшаго учебнаго заведенія, хотя я и не разсчитывалъ ни на какія права и преимущества по службѣ.

И тутъ мнѣ пригодилось то, что я былъ въ Казани *камералистомъ*. Я зналъ, что въ тогдашнемъ петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ существуетъ, такъ называемый, „разрядъ административныхъ наукъ“, т. е. такое же камеральное отдѣленіе, только безъ естественныхъ наукъ и технологіи, которыя я слушалъ въ Казани.

Это былъ какъ бы *подъ-факультетъ политическихъ наукъ*, гдѣ слушались всѣ юридическіе предметы, кромѣ церковнаго и римскаго права, судебной медицины, уголовнаго и гражданскаго *судопроизводства*.

Наѣзжая въ Петербургъ еще дерптскимъ студентомъ, я завязалъ знакомство и съ тамошнимъ студенчествомъ, главнымъ образомъ черезъ братьевъ Бакстъ, у которыхъ, одинъ разъ, зимой, и гостилъ на Васильевскомъ Острову. И я былъ *au courant* многаго, что дѣлалось въ университетѣ, гдѣ тогда вѣяло уже новымъ духомъ, допущены были женщины, шло сильное *движеніе*, которое и разыгралось „событіемъ“ въ сентябрѣ 1861 года, когда университетъ былъ закрытъ на цѣлый годъ. Какъ разъ

въ эту полосу я и попалъ; но на сдачу экзамена я посмотрѣлъ только какъ на завершеніе моихъ студенческихъ экскурсій, въ теченіе многихъ лѣтъ, и пріобрѣтеніе диплома. Я рѣшилъ поступить въ вольно-слушатели на второе полугодіе 1860—1861 г. И надѣялся употребить эти мѣсяцы до мая включительно на усиленное чтеніе лекцій и учебниковъ; а экзаменъ сдать вмѣстѣ съ четверокурсниками отдѣленія „административныхъ наукъ". Изъ Дерпта я привезъ—кажется, единственное—рекомендательное письмо къ тогдашнему ректору, П. А. Плетневу, отъ профессора русской словесности Розберга. О Плетневѣ я, конечно, имѣлъ понятіе, какъ о другѣ Пушкина и когда-то издателѣ „Современника". Я явился къ нему, однако, не какъ будущій „вольный слушатель"—это для меня не составляло никакой важной статьи, а какъ начинающій *литераторъ*.

Случилось такъ, что вторая жена Петра Александровича была въ ближайшемъ родствѣ съ одной изъ моихъ тетокъ, свояченицей отца, А. Д. Боборыкиной. Тетка мнѣ часто говорила о ней, называя уменьшительнымъ именемъ: „Сашенька".

И когда я сидѣлъ у Плетнева въ его кабинетѣ—она вошла туда и, узнавъ, кто я, стала вспоминать о нашей общей родственницѣ, и потомъ сейчасъ же начала говорить мнѣ очень любезныя вещи по поводу моей драмы „Ребенокъ", только что напечатанной въ январьской книжкѣ „Библіотеки для чтенія" за 1861 годъ. Они съ мужемъ прочли наканунѣ „Ребенка", а послѣ жены и мужъ сталъ въ унисонъ съ женою хвалить мою драму. Выходило такъ, что рекомендательное письмо дерптскаго профессора пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Въ немъ говорилось о молодомъ *писатель*.

Плетневъ—тогда былъ уже пожилой человѣкъ, еще бодрый на видъ, хорошаго роста, съ просѣдью, съ выбритымъ лицомъ, держался довольно прямо, съ ласковымъ выраженіемъ глазъ; смотрѣлъ больше добрымъ пріятелемъ, чѣмъ университетскимъ сановникомъ—въ своемъ синемъ вицмундирѣ со звѣздою. Онъ только что пришелъ съ какого-то засѣданія и попросилъ позволенія снять вицмундиръ и надѣть домашній сюртучекъ. Все въ немъ отзывалось другой эпохой, вплоть до покроя короткихъ —только по щиколку—панталонъ и обуви на тонкихъ подошвахъ, какую носилъ и мой дѣдъ. Въ литературные кружки онъ меня не обращалъ и не разспрашивалъ, съ кѣмъ изъ петербургскихъ литераторовъ я уже знакомъ. Какъ и оказалось потомъ, онъ стоялъ тогда уже совсѣмъ въ сторонѣ отъ литературнаго движенія. Къ ректору у меня не было никакого дѣла, требующаго особой рекомендаціи. Я—по тогдашнимъ правиламъ—могъ свободно поступить въ вольные слушатели на второй семестръ, внеся плату—что-то въ родѣ двадцати пяти рублей. Эта цифра почему-то осталась у меня въ памяти.

Самый университетъ не настолько меня интересовалъ, чтобы я вошелъ, сразу же, въ его жизнь. Мнѣ было не до слушанія лекцій! Я смотрѣлъ уже на себя, какъ на литератора, которому надо—между прочимъ—выдержать на кандидата „административныхъ наукъ".

Тянули меня къ себѣ два міра: журналы и театръ.

Первое ощущеніе того, что я уже писатель, что меня печатаютъ и читаютъ въ Петербургѣ—испыталъ я въ конторѣ „Библіотеки для чтенія", помѣщавшейся въ книжномъ магазинѣ ея же издателя, В. П. Платкина, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, гдѣ теперь тоже какой-то, но не книжный магазинъ.

Я пришелъ получить гонораръ за „Ребенка". Уже то, что пьесу эту помѣстили на первомъ мѣстѣ и въ первой книжкѣ—показывало, что журналъ дорожитъ мною. И гонораръ мнѣ также прибавили за эту—по счету—вторую вещь, которую я печаталъ, стало быть всего въ какихъ-нибудь три мѣсяца, съ октября 1860 года.

Въ магазинѣ я нашелъ и хозяина, самого Платкина—личность, которая,—увы!—сыграла довольно таки печальную роль въ моихъ испытаніяхъ литературнаго дѣятеля—о чемъ разскажу дальше.

Это былъ одинъ изъ членовъ обширной семьи мѣстныхъ купцовъ. Отецъ его—кажется, еще державшійся старообрядчества—былъ въ дѣлахъ съ извѣстнымъ когда-то книгопродавцемъ и издателемъ Ольхинымъ, какъ бумажный фабрикантъ, а къ Ольхину—если не ошибаюсь—перешли дѣла Смирдина и собственность „Библіотеки для чтенія", основанной когда-то домомъ Смирдина, подъ редакціей Сенковскаго,—„барона Брамбеуса"

И вотъ одному изъ сыновей—Вячеславу—старикъ отдалъ книжное дѣло, вмѣстѣ съ журналомъ, а до того держалъ его по горной промышленности. Мнѣ объ этомъ разсказывалъ самъ издатель „Библіотеки для чтенія", когда мы вступили въ переговоры по покупкѣ у него журнала въ началѣ 1863 года. Тогда такіе издатели журналовъ были еще въ рѣдкость. Теперь ихъ сколько хотите, т. е. промышленники купеческаго званія, не имѣющіе ничего общаго съ литературой. Къ чести Платкина надо сказать, онъ самъ сознавалъ, что совсѣмъ не въ своей роли, которая была ему навязана волей его родителя. Онъ считалъ себя „горнымъ инженеромъ", хотя спеціальной подготовки не имѣлъ; но былъ грамотный человѣкъ, вѣроятно, учившійся въ какой-нибудь коммерческой школѣ. По типу онъ не отзывался купеческимъ бытомъ, смотрѣлъ петербургскимъ дѣловымъ человѣкомъ, очень старательно одѣвался, брилъ бороду, имѣлъ тонъ культурнаго человѣка, въ разговорѣ чуть-чуть заикался, держалъ себя солидно, чопорно, никакого запанибратства съ сотрудниками и съ кліентами магазина не позволялъ себѣ.

За то его главный приказчикъ въ магазинѣ, съ наружностью Щедринскаго „поручика Живновскаго"—какъ я его прозвалъ—былъ извѣстенъ въ литературномъ мірѣ, какъ самый неутомимый разсказчикъ и краснобай, одержимый страстью сообщенія всякихъ новостей, слуховъ и анекдотовъ.

Я знавалъ его не одинъ годъ; и никогда не былъ увѣренъ—какая у него фамилія. Даже и въ имени и отчествѣ его не былъ твердъ, но, кажется, его звали Николай Павловичъ. Извѣстно было, что онъ подверженъ „запою", но въ магазинѣ я не видалъ его въ скандальномъ образѣ; за то почти всегда очень возбужденнымъ и неистощимымъ на болтовню. Онъ ходилъ обыкновенно за прилавкомъ—отъ конторки до двери въ узкую комнатку магазина (гдѣ потомъ была, кажется, мѣняльная лавочка) и, размахивая руками, все говорилъ, представляя многое въ лицахъ. Зналъ онъ всю пишущую братію, начиная съ самыхъ крупныхъ писателей того времени. И, по своему роду занятій, имѣлъ постоянно дѣло съ персоналомъ нѣсколькихъ редакцій.

У магазина не было особенно бойкой розничной торговли; но кромѣ „Библіотеки для чтенія", тутъ была контора „Искры" и новаго еженедѣльника „Вѣкъ", только что пошедшаго въ ходъ, съ января 1861 г. и сразу очень бойко, подъ главнымъ редакторствомъ П. И. Вейнберга, передъ тѣмъ постояннаго сотрудника „Библіотеки", при Дружининѣ и Писемскомъ. О Вейнбергѣ я узналъ тогда же отъ этого приказчика, что называется, „всю подноготную". Онъ же мнѣ сообщилъ и его адресъ. А я уже слышалъ отъ своей родственницы, его знакомой по Тамбову, что П. И справлялся обо мнѣ у ней и очень желалъ бы пригласить меня въ сотрудники.

Съ этого литературнаго знакомства я и начну здѣсь мои воспоминанія о писательскомъ мірѣ Петербурга въ шестидесятыхъ годахъ, до моего редакторства и во время его, т. е. до 1865 года.

П. И. шелъ именно тогда—что называется—„полнымъ ходомъ". Затѣянный имъ еженедѣльникъ пошелъ также съ небывалымъ успѣхомъ; подписка—въ началѣ года—поднялась, кажется, до шести тысячъ, что—по тѣмъ временамъ—была цифра необычайная.

Я явился къ нему, предупрежденный—какъ сейчасъ сказалъ—о его желаніи имѣть меня въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Жилъ онъ и принималъ, какъ редакторъ, въ одномъ изъ переулковъ Стремянной, чуть ли не въ томъ же домѣ, гдѣ и Дружининъ, къ которому я являлся еще студентомъ. Помню, что квартира П. И. была въ верхнемъ этажѣ.

Встрѣтилъ онъ меня особенно любезно и повторилъ то, что я уже слышалъ отъ моей тетки—барыни, получившей тогда какъ разъ очень большое наслѣдство и переѣхавшей изъ Тамбова, гдѣ ея мужъ служилъ.

Кто знакомъ съ теперешней наружностью моего собрата—съ его обликомъ „Нестора“ петербургскаго писательскаго міра—врядъ ли могъ бы составить себѣ понятіе о тогдашнемъ его внѣшнемъ видѣ.

Онъ былъ рѣзкій брюнетъ, съ бородкой, уже съ рѣдѣющей шевелюрой на лбу и болѣе закругленными чертами лица, но съ тѣмъ же тономъ и манерами. Дома онъ носилъ длинный рабочій сюртукъ—родъ шлафрока, принималъ въ первой, довольно просторной, комнатѣ, служившей редакторскимъ кабинетомъ. Въ „Вѣкѣ“ появился разборъ моего „Ребенка“, написанный самимъ редакторомъ—очень для меня лестный. Оцѣнка эта исходила отъ такого серьезнаго любителя и знатока сценическаго дѣла. Онъ раньше—въ Петербургѣ же—игралъ Хлестакова въ томъ знаменитомъ спектаклѣ, когда былъ поставленъ „Ревизоръ“ въ пользу „Фонда“, и гдѣ Писемскій (также хорошій актеръ) исполнялъ городничаго, а всѣ литературныя „имена“ выступали въ нѣмыхъ лицахъ купцовъ, въ томъ числѣ и Тургеневъ.

Вейнберга я въ эту зиму 1860—61 года (или въ слѣдующую) видѣлъ актеромъ всего одинъ разъ, въ пьесѣ „Слово и дѣло“ на любительскомъ спектаклѣ, въ какой-то частной театральной залѣ.

Авторъ этой комедіи „съ направленіемъ“, имѣвшей большой успѣхъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, на казенныхъ театрахъ (другихъ тогда и не было)—приводился потомъ Вейнбергу свойкомъ, женатымъ на сестрѣ его жены. Это былъ сынъ историка Устрялова, впослѣдствіи издатель газеты, кончившій совершеннымъ разореніемъ и нищетой. П. И. игралъ въ его комедіи роль резонера пьесы. У него были на казенныхъ сценахъ такіе конкуренты, какъ Самойловъ и Шумскій. Мнѣ тогда показалось, что роль была не совсѣмъ въ темпераментѣ исполнителя. Онъ держался на сценѣ свободно, „читалъ“ умно и значительно; но типа не создалъ. Съ Вейнбергомъ у меня сразу установились хорошія отношенія. Я ему написалъ какія-то сцены; а раньше у него появился и первый актъ моихъ „Знакомцевъ“. На слѣдующую зиму положеніе „Вѣка“ значительно покачнулось, послѣ исторіи съ громовой газетной статьей М. Л. Михайлова „Безобразный поступокъ Вѣка“.

Самъ П. И. какъ-то, въ „Союзѣ Писателей“, уже въ началѣ XX вѣка, счелъ нелишнимъ сдѣлать—хоть и заднимъ числомъ—сообщеніе *pro domo sua*, гдѣ онъ старался показать, до какой степени была преувеличена его *вина* передъ тогдашнимъ освободительнымъ настроеніемъ литературныхъ сферъ. Нѣкоторые изъ нашихъ общихъ пріятелей находили, что П. И. напрасно потревожилъ эту старину. Не слѣдовало—на ихъ оцѣнку—оправдываться.

Я не хочу рѣшать — кто правъ, кто не правъ въ этомъ вопросѣ;

я постараюсь только возстановить здѣсь, „изъ запаса памяти“, то, какъ разыгралась, въ общихъ чертахъ, вся эта исторія *тогда*.

Она свелась, въ сущности, къ обличенію со стороны Михайлова и не вызвала никакой громкой *коллективной* манифестаціи. Я не помню, чтобы *вся* тогдашняя либеральная пресса (въ журналахъ и газетахъ) встала „какъ одинъ человѣкъ“ противъ фельетониста журнала „Вѣкъ“ съ его псевдонимомъ *Камень Виногоровъ* (русскій переводъ имени и фамиліи автора) и чтобы его личное положеніе сдѣлалось тогда невыносимымъ. Даже „Искра“, игравшая въ Петербургѣ какъ бы роль „Колокола“, ограничилась юмористическимъ стихотвореніемъ редактора В. Курочкина, написаннымъ въ размѣрѣ пушкинскихъ „Египетскихъ ночей“, которыя г-жа Толмачева и читала гдѣ-то въ Вяткѣ или въ Перми.

Помню, до сихъ поръ, начало этихъ куплетовъ:

„Чертогъ сіялъ, стихи звучали
И проза мѣрная лилась,
Всѣ восхищались, всѣ зѣвали...“

И въ той же „Искрѣ“ явился каррикатурный рисунокъ, гдѣ Вейнберга въ одеждѣ кающагося грѣшника ведетъ на веревкѣ Михайловъ.

О М. Л. Михайловѣ я долженъ забѣжать впередъ, еще къ годамъ моего отрочества въ Нижнемъ. Онъ жилъ тамъ — одно время — у своего дяди, начальника Солянаго правленія, и уже печатался; но я гимназистомъ видалъ его только издали, привлеченный его необычайно некрасивой наружностью. Кажется, я еще и не смотрѣлъ на него тогда, какъ на настоящаго писателя, и его беллетристическія вещи (начиная съ разсказа „Кружевница“ и продолжая романомъ „Перелетныя птицы“) читалъ уже въ студенческіе годы.

Въ первый разъ я съ нимъ говорилъ у Я. П. Полонскаго, когда являлся къ тому, еще дерптскимъ студентомъ, авторомъ первой моей комедіи „Фразеры“. Когда я сказалъ ему у Полонскаго, что видалъ его когда-то въ Нижнемъ, то Я. П. спросилъ съ юморомъ:

— Вѣроятно, въ какомъ-нибудь неприличномъ мѣстѣ?

И я вспомнилъ тогда, что Михайлова считали авторомъ скабрезныхъ куплетовъ на Нижегородскую ярмарку, гдѣ есть слобода Кунавино.

„Ахъ, гдѣ та слобода,
Гдѣ живутъ безъ труда?“ и т. д.

Про него же въ Нижнемъ и Казани распѣвали куплеты:

„Михайловъ-піита
Тянетъ все Клико,
Не терпитъ Лафита—
Ибо не крѣпко“.

Послѣ знакомства съ Вейнбергомъ я столкнулся съ Михайловымъ у Писемскаго, вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ. Онъ, уходя, жаловался Писемскому на то, что у него совсѣмъ нѣтъ охоты писать беллетристику.

— А вѣдь я былъ романистъ!—вскричалъ онъ.

— Заучились, батюшка, заучились... вотъ и растеряли талантъ!—пожурилъ его Писемскій.

Въ эти годы Михайловъ уже отдавался публицистикѣ, въ цѣломъ рядѣ статей на разныя „гражданскія“ темы въ „Современникѣ“, и изъ-за границы, гдѣ долго жилъ, вернулся очень „краснымъ“ (какъ говорили тогда), что и сказалось въ его дальнѣйшей судьбѣ.

Сколько я могъ тогда замѣтить—какъ новичекъ-писатель въ Петербургѣ—изъ-за „безобразнаго поступка „Вѣка“ не вышло, повторяю, никакого поднятія мыслей; „Вѣкъ“ продолжалъ выходить, и ни одинъ изъ соредакторовъ Вейнберга ни Дружининъ, ни Безобразовъ, ни Кавелинъ не покинули журнала, продолжали въ немъ участвовать.

Это сказалось только на подпискѣ слѣдующаго года, которая вдругъ сильнѣйшимъ образомъ упала. Но я не думаю, чтобы это вызвано было *только* исторіей съ госпожей Толмачевой. Вообще журналъ издавался неисправно, и самъ П. И. впослѣдствіи горько жаловался мнѣ на то, *какъ* вели дѣло его пайщики-соредакторы.

Вся зима и лѣто прошли для издателя „Вѣка“ пестро и шумно; онъ былъ уже женихомъ, когда я съ нимъ познакомился, и праздновалъ свою свадьбу лѣтомъ, на дачѣ. Мнѣ пришлось даже танцовать тамъ и съ его женой, и съ свояченицей.

Судьбѣ угодно было столкнуть меня и съ той провинціальной львицей, надъ которой подсмѣялся Вейнбергъ въ своемъ фельетонѣ, и прозой, и припѣвомъ:

„Какъ ваше слово
Живо, ново,
Мадамъ Толмачева!“

Я ѣхалъ съ ней на пароходѣ, по Волгѣ, и былъ заинтересованъ ея видомъ, туалетомъ и манерой держать себя. Эта дама, какъ нельзя больше, подходила къ той фигурѣ эмансипированной чтицы, какая явилась въ злополучномъ фельетонѣ *Камня Виногорова*, хотя, кажется, П. И. никогда и нигдѣ не видалъ ее въ лицо.

Съ П. И. мы одинаково—онъ раньше нѣсколькими годами—попали сразу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ сотрудники „Библіотеки для чтенія“. Тамъ онъ, при Дружининѣ и Писемскомъ, дѣйствовалъ по разнымъ

отдѣламъ, былъ переводчикомъ романовъ и составителемъ всякихъ статей, писалъ до десяти и больше печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ.

Съ дружининскаго кружка начались и его литературныя знакомства и связи. Онъ—до глубокой старости—любилъ возвращаться къ тому времени и разсказывать про „журфиксы" у Дружинина, гдѣ онъ познакомился со всѣмъ цвѣтомъ тогдашняго писательскаго міра: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ, Некрасовымъ, Боткинымъ и др.

Онъ—также провинціалъ, какъ и я—испытывалъ вполнѣ „благоговѣйное" чувство къ этому синклиту. И бесѣды за ужиномъ (гдѣ подавались неизмѣнно котлеты съ горошкомъ) были для него въ высшей степени интересными и развивающими.

Сколько разъ онъ повторялъ—до послѣднихъ годовъ,—что на *такіе* писательскіе ужины онъ уже потомъ не попадалъ, потому что ихъ и не бывало. Это были дѣйствительно *сливки* тогдашней литературы.

Но дружининскій кружокъ—за исключеніемъ Некрасова—уже и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оказался не въ томъ лагерѣ, къ которому принадлежали сотрудники „Современника" и позднѣе „Русскаго Слова". Мой старшій собратъ, и по этой части, очутился почти въ такомъ же положеніи, какъ и я. Мѣсто, гдѣ начинаешь писать, имѣетъ не малое значеніе, въ чемъ я, горькимъ опытомъ, и убѣдился впослѣдствіи.

Въ зиму 1860—61 г. дружининскіе „журфиксы"—сколько помню—уже прекратились. Когда я къ нему явился — кажется, за письмомъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника", куда повезъ одну изъ своихъ пьесъ—онъ велъ уже очень тихую и уединенную жизнь холостяка, жившаго съ матерью, кажется, все въ той же квартирѣ, гдѣ происходили и ужины.

Онъ умеръ еще совсѣмъ не старымъ человѣкомъ (сорока лѣтъ съ чѣмъ-то), но смотрѣлъ старше, съ утомленнымъ лицомъ. Онъ и дома прикрывалъ ноги пледомъ, „полулежа" въ своемъ обширномъ кабинетѣ, гдѣ читалъ почти исключительно англійскія книжки, о которыхъ писалъ этюды для Каткова, *тогдашняго* Каткова, либерала и англомана.

Но больнымъ Дружинина нельзя еще было назвать. Хорошаго роста, не худой въ корпусѣ, онъ и дома одѣвался очень старательно. Его портреты — изъ той эпохи — достаточно извѣстны. Несмотря на усики и эспаньолку (по тогдашней модѣ), онъ не смахивалъ на отставного военнаго, какимъ былъ въ дѣйствительности, какъ отставной гвардейскій офицеръ.

Говорилъ онъ довольно слабымъ голосомъ, шепеляво, медленно, съ характерными барскими интонаціями. Вообще же, всѣмъ своимъ *habitus*, похожъ былъ скорѣе на свѣтскаго, образованнаго петербургскаго чиновника изъ баръ, чѣмъ на профессіональнаго литератора.

Такихъ литераторовъ уже нѣтъ теперь—по тону и внѣшнему виду, какъ и вся та компанія, какая собиралась у автора „Полиньки Саксъ", „Записокъ Ивана Чернокнижникова" и „Писемъ иногороднаго подписчика".

Къ 1861 году Дружининъ — какъ и Тургеневъ — пересталъ быть сотрудникомъ „Современника". Не знаю, разошелся ли онъ лично съ Некрасовымъ къ тому времени (какъ вышло это у Тургенева), но, по *направленію*, онъ, сдѣлавшись редакторомъ „Библіотеки для чтенія" (которую онъ оживилъ, но матеріально не особенно поднялъ), сталъ однимъ изъ главарей *эстетической* школы, противникомъ того утилитаризма и тенденціозности, какіе онъ усматривалъ въ новомъ руководящемъ персоналѣ „Современника"—въ Чернышевскомъ и его школѣ, въ Добролюбовѣ съ его „Свисткомъ" и въ томъ обличительномъ тонѣ, которымъ эта школа пріобрѣла огромную популярность въ молодой публикѣ.

Если Тургеневу принадлежитъ фраза о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ: „одинъ—простая змѣя, а другой—змѣя очковая", то Дружининъ, по своему тогдашнему настроенію, могъ быть также ея авторомъ. Онъ и въ всемірной литературѣ не признавалъ, напримѣръ, Гейне, потому что поэтъ, по его убѣжденію, не долженъ такъ уходить въ „злобы дня" и пускать въ ходъ сарказмъ и издѣвательство. Какъ критикъ, онъ уже сказалъ тогда свое слово и до смерти почти что не писалъ статей по текущей русской литературѣ. Въ „Вѣкѣ" онъ продолжалъ тогда свои юмористическіе фельетоны, утратившіе и ту соль, какая значилась когда-то въ его „Запискахъ Чернокнижникова".

Студентомъ въ Дерптѣ, усердно читая всѣ журналы, я знакомъ былъ со всѣмъ, что Дружининъ написалъ выдающагося по литературной критикѣ. Онъ до сихъ поръ, по моему, не оцѣненъ еще, какъ слѣдуетъ. Въ эти годы, передъ самой эпохой реформъ, Дружининъ былъ самый выдающійся критикъ *художественной* беллетристики, съ опредѣленнымъ эстетическимъ *credo*. И всѣ его ближайшіе собраты—Тургеневъ, Григоровичъ, Боткинъ, Анненковъ—держались почти такого же *credo*. Этого отрицать нельзя.

Позднѣе, когда я ближе познакомился съ Григоровичемъ (въ 1861 г. я только изрѣдка видалъ его, но близко знакомъ не былъ), я отъ него слыхалъ безконечные разсказы о тѣхъ „аѳинскихъ вечерахъ", которые „заказывалъ" Дружининъ.

Затрудняюсь передать здѣсь—со словъ этого свидѣтеля и участника тѣхъ эротическихъ оргій—подробности, напримѣръ, *елки*, устроенной Дружининымъ подъ Новый годъ... въ „семейныхъ баняхъ".

Григоровичъ извѣстенъ былъ за краснобая, и кое-что изъ его свидѣтельскихъ показаній надо было подвергать „очистительной" критикѣ;

но не могъ же онъ все выдумывать?! И отъ П. И. В. (оставшагося до поздней старости цѣломудреннымъ въ разговорѣ) я зналъ, что Дружининъ былъ *эротоманъ* и продѣлывалъ даже у себя въ кабинетѣ разные „опыты" — такіе, что я затрудняюсь объяснить здѣсь, въ чемъ они состояли.

Я узналъ обо всемъ этомъ позднѣе; но когда являлся къ нему и студентомъ, и уже профессіональнымъ писателемъ — никакъ бы не могъ подумать, что этотъ высокоприличный русскій джентельменъ, съ такой чопорной манерой держать себя и холодноватымъ тономъ — могъ быть героемъ даже и не похожденій только, а разныхъ эротическихъ затѣй.

Вообще, надо сказать правду (и ничего обсахаривать и прикрашивать я не намѣренъ): та компанія, что собиралась у Дружинина, т. е. самые выдающіеся литераторы 50-хъ и 60-хъ годовъ, имѣли старинную барскую наклонность къ скабрезнымъ анекдотамъ, стихамъ, разсказамъ.

Этимъ страдалъ, прежде всего, и самъ откровенный разказчикъ всякихъ интимностей о своихъ собратахъ — Григоровичъ. Не чуждъ былъ этого—особенно въ тѣ годы— и Некрасовъ, авторъ цѣлой поэмы (написанной, кажется, въ сотрудничествѣ съ М. Лонгиновымъ) изъ нравовъ монастырской братіи. Отличался этимъ и Боткинъ. И Тургеневъ, до старости, не прочь былъ разсказать скабрезную исторію, и я прекрасно помню, какъ уже въ 1878 г., во время международнаго конгресса литераторовъ въ Парижѣ, онъ насъ, болѣе молодыхъ русскихъ (въ томъ числѣ и М. М. Ковалевскаго, бывшаго тутъ), удивилъ за завтракомъ въ ресторанѣ и по этой части. Я его — передъ тѣмъ — зналъ лично уже около пятнадцати лѣтъ (съ 1864 г.) и не предполагалъ, чтобы онъ былъ въ состояніи услаждать себя *такими* вещами.

Въ этомъ сказывается эпоха, извѣстная генерація, пережитокъ нравовъ.

Всѣ они могли имѣть честныя идеи, изящные вкусы, здравыя понятія, симпатичныя стремленія; но они всѣ были продукты стараго *быта*, съ привычкой мужчинъ ихъ эпохи—и помѣщиковъ, и военныхъ, и сановниковъ, и чиновниковъ, и артистовъ, и даже профессоровъ къ „скоромнымъ" рѣчамъ. У французскихъ писателей до сихъ поръ—какъ только дойдутъ до дессерта и ликеровъ—сейчасъ начнутся разговоры о женщинахъ и пойдутъ эротическія и прямо „похабныя" словца и анекдоты.

Все это могъ бы подтвердить, прежде всего, самъ П. И. Вейнбергъ. Онъ былъ уже человѣкъ другого поколѣнія и другого бытового склада, по лѣтамъ какъ бы мой старшій братъ (между нами всего шесть лѣтъ разницы), и онъ самъ служитъ рѣзкимъ контрастомъ съ такимъ барскимъ эротизмомъ и наклонностью къ скоромнымъ разговорамъ. А ему судьба какъ разъ и приготовила работу въ журналѣ, гдѣ сначала редакторомъ былъ такой

эротоманъ, какъ Дружининъ, а потомъ такой „Іона-Циникъ“, какъ его преемникъ Писемскій.

Къ нему я теперь и перейду. Онъ былъ вѣдь главнымъ объектомъ моихъ писательскихъ плановъ и соображеній. До переѣзда въ Петербургъ, я лично съ нимъ не сносился. „Однодворца“ снесъ къ нему мой товарищъ, музыкантъ М. Балакиревъ. Пьесу напечатали, мнѣ прислали гонораръ, еще въ Дерптъ, и я не помню, чтобы между мной и Писемскимъ установилась переписка. Я послалъ въ редакцію „Ребенка“, который тотчасъ же былъ принятъ. До того я—попадая въ Петербургъ—врядъ ли гдѣ видалъ Алексѣя Ѳеофилактовича (или *Филатовича*, какъ его иные звали, особенно москвичи); но какъ писательская личность, онъ былъ мнѣ уже хорошо извѣстенъ. Я съ гимназическихъ годовъ читалъ все, что онъ печаталъ, начиная съ „Москвитянина“. Особенно живо сохранились у меня въ памяти эпизоды его сатирической повѣсти изъ московской жизни 40-хъ годовъ „Бракъ по страсти“. И потомъ—вплоть до „Тысячи душъ“—я читалъ его очень усердно. Его пьеса „Горькая судьбина“, напечатанная уже въ „Библіотекѣ для чтенія“ (и получившая Уваровскую премію вмѣстѣ съ „Грозой“ Островскаго) захватила меня—въ своемъ родѣ такъ же сильно, какъ когда-то „Банерутъ“ Островскаго. И все, что онъ раньше печаталъ въ „Современникѣ“ и „Библіотекѣ“, вызывало не въ одномъ мнѣ изъ молодыхъ читателей живѣйшій интересъ. Тогда—до начала 60-хъ годовъ—Писемскій считался, несомнѣнно, *либеральнымъ* беллетристомъ, съ завѣтами Гоголя, изобразителемъ всѣхъ темныхъ сторонъ „николаевщины“. И по своимъ журнальнымъ связямъ онъ принадлежалъ къ либеральному кружку „Современника“. Некрасовъ дорожилъ его сотрудничествомъ, и работа въ его журналѣ, дававшая хорошій гонораръ, побудила всего сильнѣе Писемскаго оставить службу въ провинціи и переселиться въ Петербургъ, какъ профессіональному литератору, *до* редакторства въ „Библіотекѣ“. Та же самая тетушка, которая послужила trait d'union между мною и Вейнбергомъ, оказалась въ родствѣ съ женой Алексѣя Ѳеофилактовича, урожденной Свиньиной, дочерью того литератора 20-хъ годовъ, который впервые сталъ издавать „Отечественныя записки“. И тутъ у меня вышло дальнее „свойство“ съ женой, какъ и у П. А. Плетнева. Писемскій квартировалъ въ тѣ годы—до самаго своего переселенія въ Москву — въ томъ длинномъ трехъэтажномъ домѣ (тогда Куканова), что стоитъ на Садовой, противъ Юсупова сада, не доходя до Екатерингофскаго проспекта. Домъ этотъ по внѣшнему виду совсѣмъ не измѣнился, за цѣлыхъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, и я его видѣлъ, въ одинъ изъ послѣднихъ моихъ пріѣздовъ, въ октябрѣ 1906 года—такимъ же; только лавки и магазины нижняго жилья стали пофрантоватѣе.

Тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ, по сосѣдству съ нимъ, на углу Екатерингофскаго проспекта, помѣщалась *Управа Благочинія*, одно имя которой пахло еще николаевскими порядками. При ней значился и Адресный столъ.

Квартиру Писемскій нанималъ во второмъ этажѣ, по парадной лѣстницѣ, безъ швейцара—довольно обширную. Черезъ просторную залу вы проходили налѣво, въ его свѣтлый кабинетъ, съ двумя окнами на улицу. Отдѣлка этой комнаты стоитъ передо мной, какъ живая, точно я смотрю на ея изображеніе въ стереоскопъ. Прямо противъ двери у стѣны кресло передъ письменнымъ столомъ, гдѣ всегда принималъ хозяинъ. Направо и налѣво висятъ литографіи въ натуральную величину: Беранже и Жоржъ Зандъ—въ рамкахъ. Онѣ висѣли у него и въ Москвѣ, когда онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ домовъ, гдѣ я у него бывалъ. Слѣва—книжный шкафъ, и въ углу между шкафомъ и большимъ турецкимъ диваномъ висѣла шуба, а подъ шубой—ночной сосудъ. Эта житейская подробность какъ нельзя больше характерна для личности Писемскаго. „Жизнебоязненность“ и помѣщичьи привычки! Шубу онъ держалъ, боясь, что у него ее украдутъ изъ передней, а „фіалъ гнѣва“ (какъ называлъ одинъ мой пріятель въ Дерптѣ) потому, что лѣнь было удаляться изъ кабинета за естественной надобностью. Лѣвую отъ двери стѣну занималъ широкій клеенчатый диванъ.

Позднѣе я часто заставалъ Писемскаго совершенно по домашнему, т. е. въ халатѣ, въ ночной рубашкѣ и непремѣнно съ обнаженной, чуть не до пояса, жирной и мохнатой грудью. Въ такомъ видѣ онъ писалъ по цѣлымъ днямъ и вообще не имѣлъ привычки съ утра одѣваться. Но тутъ я его засталъ—это было уже не рано — одѣтымъ въ свѣтло-сѣрый костюмъ изъ мохнатой матеріи, хорошо сшитый. Наружность его была мнѣ уже знакома по литографированному портрету изъ коллекціи Мюнстера, появившемуся въ продажѣ незадолго до того. Позднѣйшіе портреты, (напр., знаменитый портретъ работы Перова въ Третьяковской галлереѣ) даютъ уже слишкомъ растрепаннаго и дикаго Писемскаго. Въ Москвѣ онъ сталъ бриться, когда поступилъ опять на службу, въ Губернское Правленіе. Превосходный портретъ Рѣпина—изъ послѣднихъ годовъ его московской жизни—изображаетъ уже человѣка обрюзгшаго, съ видомъ почти клиническаго субъекта и въ томъ „развращенномъ“ видѣ, въ какомъ онъ сидѣлъ дома и даже по вечерамъ принималъ гостей въ Москвѣ.

Тогда же, въ январѣ 1861 г., онъ былъ мужчина еще молодой, съ интересной некрасивостью, плотный, но не ожирѣлый. Темные глаза съ блескомъ, нѣсколько курчавые волосы, бородка. Пальцы толстые и тогда уже были выпачканы въ чернилахъ. Профессіональнымъ писателемъ онъ не смотрѣлъ, а скорѣе помѣщикомъ; но и чиновничьяго не было въ

немъ ничего, сразу бросавшагося въ глаза, ни въ наружности, ни въ манерахъ, ни въ тонѣ, хотя онъ до переѣзда въ Петербургъ—все время состоялъ на службѣ въ провинціи, въ Костромѣ. Костромского можно было въ немъ распознать сразу—по говору. По этой части, онъ былъ человѣкъ чисто „бытовой“, хотя и дворянскаго рода, помѣщикъ и сынъ помѣщиковъ. Но мѣстный говоръ удержался въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ костромскихъ изъ образованнаго класса, напр., его младшемъ сверстникѣ, покойномъ Максимовѣ, въ его ближайшемъ землякѣ Алексѣѣ Потѣхинѣ и его братьяхъ.

Какъ уроженецъ Нижняго, я съ дѣтства наслушался тамошняго народнаго говора на „онъ“, и въ городѣ, отъ дворовыхъ, мѣщанъ, купцовъ, и въ деревнѣ отъ мужиковъ. Но нижегородскій говоръ отличается отъ костромского. Когда къ намъ въ домъ лѣтомъ приходили работники костромскіе (плотники изъ Галичскаго уѣзда, почему народъ, въ томъ числѣ и наши дворовые, всегда звали ихъ „галки“), я прислушивался къ ихъ говору и любилъ болтать съ ними.

Писемскій былъ родомъ изъ Кинешемскаго уѣзда, но у него сохранился говоръ „галокъ“. Это звучитъ не особенно рѣзко на „онъ“, а сказывается больше въ извѣстнаго рода пѣвучести и въ растяженіи и усѣченіи гласныхъ. Окончанія глаголовъ: „глотаетъ“, „начинаетъ“ и т. д. онъ произноситъ, какъ *аатъ*: у фамилію Плещеева—*Плещэевъ* съ открытымъ „э“. Словомъ, никто уже въ писательскомъ мірѣ—и тогда, и позднѣе, за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ—не имѣлъ такого „акцента“, какъ Писемскій, и только въ послѣдніе годы Максимъ Горькій не освободился отъ своего говора на „онъ“, совершенно въ такомъ родѣ, какъ говорятъ у насъ въ Нижнемъ мастеровые, мѣщане, мелкіе лавочники, семинаристы.

Сопоставленіе этихъ писателей двухъ эпохъ, сохранившихъ народный говоръ—будетъ тутъ совершенно кстати, для характеристики Писемскаго. Въ авторѣ „На днѣ“ чувствуется нижегородскій обыватель простого званія, прямо изъ міра босяковъ и скитальцевъ попавшій въ всесвѣтные знаменитости, безъ той выправки, какую даетъ принадлежность къ высшему сословію, средняя школа, университетъ. И въ Писемскомъ вы видѣли нѣчто въ такомъ же родѣ на почвѣ личныхъ и отчасти бытовыхъ особенностей. Но онъ былъ провинціальное, помѣщичье чадо, хватившее потомъ и жизни *Москвы*, гдѣ онъ учился въ университетѣ, типичный представитель дворянско-чиновничьяго класса 50-хъ годовъ. *Разночинцемъ* въ особенномъ смыслѣ отъ него не пахло. Это былъ—при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чувственномъ характерѣ—человѣкъ „умственный“, природно *чрезвычайно умный* и острый, иногда съ циническимъ оттѣнкомъ. Но тутъ надо различать двѣ половины Писемскаго или лучше два его

состоянія: трезвое и возбужденное. Онъ былъ склоненъ къ возліяніямъ, хотя тогда еще вовсе не форменный алкоголикъ; по разсказамъ тѣхъ, кто зналъ его кутежи, бывалъ способенъ на самыя безпардонныя проявленія своего кутильно-эротическаго темперамента—и въ Россіи (въ особенности въ Петербургѣ, по водвореніи туда), и за границей, въ Парижѣ. П. И. Вейнбергъ сохранилъ въ своей памяти гомерическіе эпизоды, когда ему приходилось ѣздить за Писемскимъ въ такія мѣста, гдѣ онъ предавался вакханаліямъ не одни сутки, и увозить его оттуда. Но я его видѣлъ пьянымъ всего одинъ разъ—у него дома и по совершенно особому *случаю*, о чемъ разскажу дальше.

Обыкновенно, и днемъ въ редакціонные часы, и за обѣдомъ, и вечеромъ, когда я бывалъ у него—онъ не производилъ даже впечатлѣнія человѣка выпивающаго, а скорѣе слабаго насчетъ *желудочныхъ* страстей, какъ онъ самъ выражался. Поѣсть онъ былъ великій любитель и безпрестанно платился за это гастрическими схватками. Помню, кажется, на вторую зиму нашего знакомства, я нашелъ его лежащимъ на диванѣ, въ халатѣ. Ему подавалъ лакей какую-то минеральную воду, онъ охалъ, отдувался, пилъ.

— Что съ вами? спрашиваю я его.

— Охъ, батюшка!.. Уходилъ себя дикой козой! Увидалъ я ее въ лавкѣ у Каменнаго моста... Три дня приставалъ къ моей Катеринѣ Павловнѣ (имя жены его): „сдѣлай ты мнѣ изъ нея окорочекъ буженины и вели подать подъ сливочнымъ соусомъ". Вотъ и отдуваюсь теперь!

И вообще онъ былъ самый яркій ипохондрикъ (недаромъ онъ написалъ комедію подъ такимъ заглавіемъ), изъ всего своего литературнаго поколѣнія, присоединяя сюда и писателей постарше: Анненкова, Боткина, а въ особенности Тургенева, который тоже былъ мнителенъ, а холеры боялся до полнаго малодушія. Чуть что Писемскій валялся на диванѣ, охалъ, ставилъ горчишники, принималъ лѣкарство и съ своимъ костромскимъ акцентомъ взвывалъ:

— Понимаашь? Подпираатъ, братецъ, подпираатъ мнѣ всю нутренную!..

Но при всѣхъ этихъ курьезныхъ повадкахъ и слабостяхъ, онъ вообще велъ себя съ тактомъ, былъ скорѣе сдержанъ, я бы сказалъ даже, съ большимъ сознаніемъ того, *кто онъ*, но безъ напыщенности. Вы сейчасъ чувствовали, что это *крупный* писатель, и съ первыхъ словъ видѣли—какъ бойко и своеобразно игралъ въ немъ наблюдательный, часто насмѣшливый, умъ. Онъ могъ подаваться—особенно послѣ событій 1861—62 годовъ—въ сторону охранительныхъ идей, судить невѣрно, пристрастно обо многомъ въ тогдашнемъ общественномъ и чисто литературномъ движеніи;

наконецъ, у него не было широкаго всесторонняго образованія, начитанность, кажется, только по-русски (съ прибавкой, быть можетъ, кое-какихъ французскихъ книгъ), но въ предѣлахъ тогдашняго русскаго „просвѣщенія" онъ былъ совсѣмъ не игнорантъ, въ немъ всегда чувствовался московскій студентъ 40-хъ годовъ; онъ былъ искренно преданъ всѣмъ лучшимъ *завѣтамъ* нашей литературы, сердечно чтилъ Пушкина, напечаталъ когда-то критическій этюдъ о Гоголѣ, увлекался съ юныхъ лѣтъ театромъ, считался хорошимъ актеромъ и былъ прекраснѣйшій чтецъ „въ лицахъ". Въ немъ—если взять его *лучшее* время, до начала 60-хъ годовъ—сказывалось очень большое *соотвѣтствіе* между человѣкомъ и писателемъ. Онъ былъ чрезвычайно *похожъ* на свои произведенія — во всѣхъ смыслахъ—и въ положительную и въ отрицательную сторону. Сила, умъ, цѣпкая наблюдательность, своеобразная форма, безпощадный реализмъ всего міропониманія; а рядомъ съ этимъ: склонность къ *обличенію* того, что ему было не по душѣ въ новомъ строѣ общества и литературы, грубоватость пріемовъ, чувственность, чисто-русскіе слабости и пороки:—малодушіе, себѣ на умѣ, пріобрѣтательская жилка. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже на перепутьи: между общимъ либерализмомъ людей его эпохи и отчужденіемъ отъ того, что тогда представлялъ собою кружекъ Чернышевскаго, „Искры" и другихъ центровъ петербургскаго радикализма. Но реакціонера въ немъ еще тогда *не было*, ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ, ни въ чисто-литературномъ смыслѣ. Онъ—я помню—сталъ мнѣ говорить—въ одно изъ первыхъ моихъ посѣщеній—о Токвилѣ, книга котораго переводилась тогда въ „Библіотекѣ для чтенія", высказывался о всѣхъ нашихъ порядкахъ очень свободно, заинтересованъ былъ вопросомъ освобожденія крестьянъ, вовсе не какъ крѣпостникъ.

Не нужно забывать, что Писемскій—по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ (значитъ, во второй половинѣ 50-хъ годовъ)—сталъ близокъ къ Тургеневу, который, одно время, сдѣлалъ изъ него своего любимца, чрезвычайно высоко ставилъ его, какъ талантъ, водилъ съ нимъ *пріятельское* знакомство, кротко выносилъ его разносы и участвовалъ даже *volens-nolens* въ его кутежахъ. Тургенева, какъ художника, Писемскій понималъ очень тонко и опредѣлялъ образно и даже поэтично обаяніе его произведеній.

— Это — благоухающій садъ... и въ немъ бесѣдка. Вы сидите въ ней, и надъ вами витаютъ свѣтлыя тѣни... его женщинъ.

Но онъ, хоть и добродушно, не прощалъ Тургеневу слабость его характера и *неустойчивость* его въ отношеніяхъ къ людямъ и даже въ идеяхъ, симпатіяхъ и убѣжденіяхъ.

— Человѣкъ въ жизни своей не имѣлъ ни семьи, ни жены, ни открытой любовницы, ни закадычнаго друга.

Онъ и на многолѣтній романъ съ Віардо смотрѣлъ, какъ на доказательство „тряпичности“ натуры своего пріятеля.

Не прощалъ онъ ему тогда и его петербургскихъ великосвѣтскихъ связей, того, что тотъ водился съ разными высокопоставленными господами изъ высшаго „монда“. Могу довольно точно привести текстъ разсказа Писемскаго, за обѣдомъ у него, чрезвычайно характерный для нихъ обоихъ. Обѣдалъ я у Писемскаго запросто. Сидѣли только, кромѣ хозяина, жена его и два мальчика гимназиста. Тургеневъ приглашалъ его къ себѣ провести вечеръ. Пришелъ и Огаревъ (тогда только что отпущенный за границу), а хозяинъ вскорѣ скрылся. Онъ извинился передъ нами, что ему надо непремѣнно куда-то ѣхать въ „мондъ“ и обѣщалъ пробыть не больше какъ съ часъ, много полтора. Остались мы вдвоемъ съ Огаревымъ. Я его тогда въ первый разъ видѣлъ. Парень душевный... Человѣкъ подалъ намъ водки и закуски. Мы съ съ нимъ опорожнили графинчикъ и спросили второй. И оба мы распалились на Ивана Сергѣевича за такое его малодушіе: пригласилъ пріятелей, а самъ полетѣлъ къ какой-нибудь кислой фрейлинѣ читать разсказъ. Сидимъ часъ, другой, спросили и третій графинчикъ. Звонокъ. Но вмѣсто самого Тургенева является какой-то великосвѣтскій баринъ въ званіи камеръюнкера (кажется, это былъ Маркевичъ — тогда еще пріятель Тургенева) въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ. Мы его спрашиваемъ: *пьете водку?* Онъ отказался и стушевался минутъ черезъ пять, увидѣвъ, на какихъ ребятъ онъ наскочилъ. И только въ часъ ночи возвращается Тургеневъ и начинаетъ извиняться. Вотъ мы его тогда съ Огаревымъ и принялись валять въ два жгута. А онъ только проситъ прощенія... И меня сильно хмельного привезъ домой и довелъ до передней.

— Да, папа, остановилъ Писемскаго его старшій сынъ Паша (впослѣдствіи профессоръ московскаго университета), ты былъ сильно выпивши, *и Тургеневъ внесъ самъ въ рукахъ твои калоши.* Ты ихъ растерялъ на лѣстницѣ.

Тургеневу онъ не прощалъ и пріятельства съ такимъ „лодыремъ“ (такъ онъ называлъ его), какъ Болеславъ М—вичъ — тогда еще не романистъ, а камеръюнкеръ, свѣтскій декламаторъ и актеръ-любитель, стяжавшій себѣ громкую извѣстность за роль Чацкаго въ великосвѣтскомъ спектаклѣ, въ домѣ Бѣлосельскихъ, гдѣ онъ игралъ съ Вѣрой Самойловой, въ роли Софьи.

— Не водитесь вы съ нимъ! — упрашивалъ онъ и меня. Навѣрно вытянетъ у васъ сто рублей безъ отдачи... а то хоть и бѣленькую. Я его не принимаю, а ежели онъ нахально станетъ клянчить—я ему говорю: „для васъ нѣтъ у меня денегъ“.

И каждый разъ Писемскій прибавлялъ:

— А Иванъ Сергѣевичъ водитъ пріятельство съ такой дрянью!

Мое знакомство съ великолѣпнымъ „Болеславомъ“ вышло вотъ какимъ образомъ, въ первую же зиму. Онъ жилъ на одной квартирѣ съ нѣкіимъ Казначеевымъ, бывшимъ чиновникомъ при гр. Закревскомъ, въ Москвѣ, какъ и Маркевичъ. А Казначеева я зналъ черезъ семейство кн. Д—ыхъ. М—вичъ пожелалъ меня „шармировать“, сталъ разсказывать про свои свѣтскія связи и пріятельство съ „Иваномъ Сергѣевичемъ“, прохаживаясь на счетъ его безхарактерности и безпринципности. Между прочимъ, онъ мнѣ изобразилъ въ лицахъ (онъ былъ большой краснобай), какъ Тургеневъ во дворцѣ у Елены Павловны, на раутѣ, сначала ругательски ругалъ весь этотъ высшій мондъ; а когда одна вел. княгиня сказала ему нѣсколько любезностей, то „весь растаялъ“. Этимъ разсказомъ я воспользовался впослѣдствіи въ романѣ „Жертва вечерняя“, гдѣ у меня является нѣкій Балдевичъ, очень смахивающій на М—вича. Тогда Тургеневъ его уже отстранилъ отъ своей особы, и реакціонный романистъ мстилъ ему за это всю жизнь.

Водилъ онъ близкое пріятельство съ гр. В. Соллогубомъ, котораго я засталъ въ Петербургѣ одного, въ меблированной квартирѣ, въ домѣ Воронина, въ Фонарномъ переулкѣ, за чтеніемъ вслухъ моей драмы „Ребенокъ“. Сидѣлъ тутъ М—вичъ, и Соллогубъ заставилъ его докончить чтеніе. А когда мы шли отъ Соллогуба вдвоемъ, то М—вичъ всю дорогу сплетничалъ на него, возмущался: какую тотъ ведетъ безобразную жизнь, какъ онъ, на дняхъ, проигралъ ему у себя большую сумму въ палки и не могъ заплатить, и навязывалъ ему же какую то нѣмку, актрису Михайловскаго театра. Я самъ не могъ и тогда понять—какъ Ив. Серг. Тургеневъ водитъ пріятельство съ такимъ индивидомъ и позволяетъ ему играть въ великосвѣтскомъ обществѣ роль присяжнаго чтеца его произведеній? Писемскій былъ сто разъ правъ въ своихъ грубыхъ, но справедливыхъ разносахъ.

Своеобычный Алексѣй Ѳеофилактовичъ жилъ въ Петербургѣ такъ, какъ жилъ бы въ Костромѣ помѣщикъ или видный чиновникъ: просторная квартира съ приличной обстановкой, но безъ всякой оригинальности, какъ говорится, „общеармейскаго“ типа. Была прислуга, какъ въ каждомъ барскомъ домѣ средней руки: лакей, поваръ, горничная. Вопреки своимъ кутильнымъ эксцессамъ не только по части Бахуса, но и по части Афродиты— онъ былъ *очень* семейный человѣкъ. И судьба послала ему превосходную жену. Екатерина Павловна и тогда еще была красивая женщина, съ ясными и добрымъ выраженіемъ лица, всегда спокойная, съ прекраснымъ тономъ, съ полнымъ отсутствіемъ какой-нибудь рисовки или жеманства. Такія женщины были не рѣдкость въ дворянскомъ кругу, особенно въ

провинціи, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Водились онѣ и раньше. Къ мужу своему Е. П. относилась съ неизмѣнной кротостью, хотя совсѣмъ не принадлежала къ натурамъ пассивнымъ и сладковатымъ. Она была къ нему искренно и честно привязана и прощала ему всѣ уклоненія отъ супружескаго credo. Привыкла она смотрѣть сквозь пальцы и на его кутильныя наклонности. И онъ ее весьма уважалъ, цѣнилъ ее по достоинству, по своему любилъ, въ молодости, навѣрно, былъ сильно влюбленъ въ нее. Въ Писемскомъ семейный инстинктъ сказывался очень ярко. Онъ нѣжно любилъ своихъ дѣтей, любовался ими, дрожалъ за ихъ здоровье, обходился мягко, съ юморомъ, баловалъ въ мѣру, слѣдилъ за ихъ успѣхами въ гимназіи.

У него было всего два сына. Тогда оба уже учились въ гимназіи и шли, по успѣхамъ, прекрасно. И оба кончили такъ трагически. Меньшій, еще при жизни отца, самоубійствомъ—въ Петербургѣ, блестящимъ учителемъ въ разныхъ заведеніяхъ. Онъ мальчикомъ былъ очень красивый, съ тонкими чертами лица. Старшій, Паша—наружностью больше въ отца—веселый, добродушный, здоровый мальчикъ. Кто бы подумалъ тогда, глядя на этого бойкаго и крѣпкаго гимназиста, что онъ кончитъ душевной болѣзнью, послѣ смерти отца, и въ такой длительной формѣ полнаго распаденія личности? И мать долгіе годы была его пестуномъ. Кажется, онъ еще, до сихъ поръ, не умеръ. При мнѣ—не разъ—когда мальчики прибѣгали къ нему въ кабинетъ, вернувшись изъ гимназіи — Алексѣй Ѳеофилактовичъ цѣловалъ ихъ, гладилъ по головѣ, весело шутилъ съ ними. Я рѣдко видалъ впослѣдствіи въ писательскомъ кругу такую нѣжную любовь отца къ дѣтямъ—уже довольно большимъ мальчикамъ—и такое любованіе ими, не лишенное, однако, разныхъ юмористическихъ замѣчаній и забавныхъ прозвищъ, которыя онъ имъ давалъ.

Для меня, какъ начинающаго писателя, который долженъ былъ совершенно заново знакомиться съ литературной сферой—домъ Писемскихъ оказался не малымъ рессурсомъ. Они жили не открыто, но довольно гостепріимно. Съ А. Ѳ. у меня установились очень скоро простыя хорошія отношенія и какъ съ редакторомъ. Я бывалъ у него и не въ редакціонные дни и часы, а когда мнѣ понадобится.

Когда у него собирались—особенно во вторую зиму—онъ всегда приглашалъ меня. У него я впервые увидалъ многихъ писателей съ именами. Прежде другихъ—А. Майкова, родственника его жены, жившаго съ нимъ на одной лѣстницѣ. Его болѣе частыми гостями были: изъ сотрудниковъ „Библіотеки"—Карновичъ, изъ тогдашнихъ „Отечественныхъ Записокъ"—Дудышкинъ, изъ Тургеневскихъ пріятелей—Анненковъ, съ которымъ я познако-

мился еще раньше, въ одной изъ тогдашнихъ воскресныхъ школъ, гдѣ я преподавалъ. Она помѣщалась въ казармѣ „Гальванической роты".

Про Анненкова и Дудышкина Писемскій всегда говорилъ:

— Это мои присяжные критики. Я читаю имъ все, что напишу.

Тургеневъ въ тѣ двѣ зимы не наѣзжалъ въ Петербургъ, и я не могъ его видать у Писемскаго. Дружининъ что-то не бывалъ у него. Во вторую зиму, когда Писемскій сталъ приглашать на слушаніе первыхъ двухъ частей своего „Взбаломученнаго моря"—бывало больше народу. Тамъ я впервые видалъ и слышалъ Сѣрова, только что сдѣлавшагося музыкальнымъ критикомъ „Библіотеки". Помню, онъ сильно *разносилъ* Антона Рубинштейна и называлъ его „таперъ", съ очень злобной интонаціей. Главнаго критика журнала Еф. Зарина у Писемскаго я не встрѣчалъ и познакомился съ нимъ уже гораздо позднѣе.

Былъ ли Писемскій вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ редактора? Сравнительно съ тѣмъ, кто и теперь попадаетъ въ издатели-редакторы журналовъ и газетъ—скорѣе *да*. Онъ носилъ громкое тогда имя, любимое и публикой либеральнаго направленія. Не нужно забывать, какъ самъ Писаревъ даже и позднѣе высоко цѣнилъ его. Онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, любилъ литературу, какъ умный и наблюдательный человѣкъ, выработалъ себѣ довольно вѣрный вкусъ, преданъ былъ завѣтамъ художественнаго реализма, способенъ былъ оцѣнить все, что тогда выдѣлялось въ молодомъ поколѣніи. Я не стану напирать на то, что онъ оцѣнилъ автора „Однодворца" и „Ребенка". Но онъ изъ тогдашнихъ молодыхъ талантовъ „Современника" всегда хвалебно отзывался о Помяловскомъ и отчасти о Николаѣ Успенскомъ. Глѣбъ явился позднѣе, и *въ Петербургѣ* я въ 1863 году пустилъ его въ ходъ *впервые,* разсказомъ „Старьевщикъ". Я уже сказалъ выше, что до второй половины 50-хъ годовъ Писемскій состоялъ постояннымъ сотрудникомъ некрасовскаго „Современника", передъ тѣмъ, какъ направленію этого журнала начали давать болѣе рѣзкую окраску Чернышевскій, и позднѣе, Добролюбовъ. Даже осенью 1861 года, когда я вернулся изъ деревни и пріѣхалъ разъ днемъ къ Писемскому, онъ мнѣ сказалъ:

— Сейчасъ засылалъ ко мнѣ Некрасовъ Салтыкова приторговать мою новую вещь. Я ему и говорю: „Съ кого и взять, какъ не съ васъ? Къ вамъ деньжища валятъ".

А какая это была „новая вещь"? Романъ „Взбаломученное море", котораго онъ писалъ тогда, кажется, вторую часть.

Конечно, если-бъ Некрасовъ познакомился *предварительно* со *всѣмъ* содержаніемъ романа, врядъ ли бы онъ попросилъ Салтыкова поѣхать въ

Писемскому позондировать почву; но это прямо показываетъ, что тогда и для „Современника“ авторъ „Тысячи душъ“, „Горькой судьбины“, разсказовъ изъ крестьянскаго быта не былъ еще реакціонеромъ, котораго нельзя держать въ сотрудникахъ. Къ нему *заслали* и заслали кого? Самого Михаила Евграфовича, тогда уже временно — *между двумя вицегубернаторствами*—состоявшаго въ редакціи „Современника“.

Салтыкова я послѣ не видалъ никогда у Писемскаго и вообще не видалъ его нигдѣ, въ тѣ двѣ зимы и даже послѣ, во время моего редакторства. Какъ руководитель толстаго журнала, Писемскій *запоздалъ*, совершенно такъ, какъ я самъ, два года спустя, *слишкомъ рано* сдѣлался издателемъ-редакторомъ „Библіотеки“

Въ тѣ годы вѣтеръ сталъ дуть, какъ и теперь, въ сторону „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“: и государственно-общественныхъ устоевъ, и экономическихъ, и нравственныхъ идеаловъ, и мышленія, и литературно-художественныхъ идей, запросовъ и вкусовъ.

Десять лѣтъ раньше Писемскій былъ бы совершенно на мѣстѣ и даже представлялъ бы собою прогрессивную силу въ журнализмѣ, хотя бы и безъ особенной научной или литературной подготовки. Вѣдь и Краевскій въ свое время далеко не представлялъ собою кладезя учености, а Пушкинъ считалъ его выдающейся личностью, и его знаменитый промахъ въ энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара (Доепъ д'Агé) [1]) не помѣшалъ ему сдѣлать изъ „Отечественныхъ Записокъ“ передовой органъ 40-хъ годовъ и привлечь даровитѣйшихъ и свободомыслящихъ людей отъ Герцена и Бѣлинскаго до Тургенева и того же Писемскаго.

„Библіотека для чтенія“ ко второй половинѣ 50-хъ годовъ подъ редакціей Дружинина оживилась, она стала органомъ тургеневско-боткинскаго кружка, въ которомъ защищались пушкинскія традиціи и завѣты Бѣлинскаго; но не того только, что дѣйствовалъ въ „Современникѣ“, а прежняго эстета, гегельянца, восторженнаго цѣнителя Пушкина. Съ этой окраской перешелъ журналъ и къ Писемскому. Самъ онъ не могъ дѣйствовать, какъ критикъ, что дѣлалъ Дружининъ; но онъ сталъ, какъ юмористъ (въ фельетонахъ „Статскаго Совѣтника Салатушки“) подсмѣиваться—къ наступленію 60-хъ годовъ—надъ крайностями тогдашняго „нигилистическаго духа“. При всей грубоватости его натуры, онъ высоко ставилъ искусство и художественную литературу, и ему не могло быть по душѣ направленіе критики, шедшее отъ Чернышевскаго. Онъ не любилъ рѣзкой тенденціозности въ беллетристикѣ, пропитанной извѣстными, хотя бы и очень мод-

[1]) Такъ онъ перевелъ терминъ „*doyen d'age*“.

ными темами, и боялся (быть можетъ, не такъ сильно, какъ Дружининъ), что „свистопляска“ въ „Современникѣ“ и „Искрѣ“ понизитъ уровень литературныхъ идеаловъ. Помню разговоръ въ его кабинетѣ, когда я познакомился съ его московскимъ пріятелемъ Эдельсономъ (впослѣдствіи рекомендованнымъ мнѣ Писемскимъ же, какъ критикъ) о тогдашнемъ фурорномъ романѣ Авдѣева „Подводный камень“, который печатался въ „Современникѣ“. Оба они—Эдельсонъ такъ же, какъ и Писемскій—отзывались объ этой вещи, какъ о тенденціозной „композиціи“, гдѣ нѣтъ настоящей художественной *правды*, гдѣ все подведено къ мотиву во вкусѣ жоржъ-зандовскихъ романовъ, значитъ, въ сущности, къ чему-то новому только въ Россіи; а во Франціи эта „жоржъ-зандовщина“ процвѣтала еще въ 30-хъ годахъ.

Могу привести довольно отчетливо слова Писемскаго:

— Я Тургенева не мало дразню: „Авдѣевъ-то, молъ, вашъ выученикъ; только онъ подражаетъ вамъ въ исканіи интересныхъ темъ, а не въ настоящей творческой работѣ“.

И, вѣдь, это была безусловно вѣрная оцѣнка.

Тогдашнія статьи Чернышевскаго своей разрушительной подкладкой прямо смущали его и даже *возмущали* тономъ, манерой на все смотрѣть „съ кондачка“, все валить.

Разъ, при мнѣ, Писемскій все повторялъ, обращаясь къ Карновичу, который писалъ и въ „Современникѣ“.

— Вы мнѣ скажите, хорошій ли онъ человѣкъ? Коли человѣкъ онъ хорошій, то ему многое можно простить.

А вся эта разростающаяся рознь между двумя лагерями—тѣмъ, гдѣ стояли Дружининъ, Писемскій, Боткинъ и Тургеневъ, и кружкомъ Чернышевскаго поддерживалась тѣмъ, что они нигдѣ уже не сходились. Не существовало никакого общаго дѣла, ни клуба, ни союза писателей, а „Фондъ“ былъ только благотворительнымъ учрежденіемъ, да и то чернышевцы и добролюбовцы врядъ ли смотрѣли на него дружественно. Вѣдь его основали „генералы“—все тотъ же Дружининъ и Тургеневъ съ своими ближайшими сверстниками. Вотъ все это и начало всплывать въ грубоватыхъ шуткахъ и сарказмахъ моего предшественника (какъ фельетониста „Библіотеки“) *Статскаго Совѣтника Салатушки*, который уже дѣйствовалъ „во всю“, когда я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „Библіотеки“, т. е. въ сезонъ 1860—1861 гг. Къ началу 60-хъ годовъ и разрослось въ Писемскомъ то недоумѣвающее, а потомъ и отрицательное отношеніе къ тогдашнимъ „нигилистамъ“ русскаго журнализма. Точно такой же внутренній процессъ произошелъ не только въ Фетѣ, Боткинѣ или Дружининѣ, но и въ Тургеневѣ, еще до напечатанія „Отцовъ и дѣтей“, послѣ того, какъ

онъ „разорвалъ“ съ Некрасовымъ. То же чувство находили вы и въ Москвѣ, въ кружкѣ бывшихъ пріятелей Герцена, особенно въ Кетчерѣ. Я помню еще въ концѣ 50-хъ годовъ (когда съ нимъ познакомился) раскаты его смѣха и безпощадные возгласы, направленные противъ „Современника“, причемъ и Некрасову досталось очень сильно, больше, впрочемъ, какъ человѣку.

Журналомъ въ зиму 1860—61 гг. Писемскій занимался, какъ говорится, „съ прохладцей“, что не мѣшало ему кряхтѣть и жаловаться, находить, что редакціонная работа ужасно мѣшаетъ писательству. Онъ и въ ту зиму писалъ, но не такъ, какъ въ слѣдующій сезонъ, когда онъ приступилъ къ „Взбаломученному морю“, задуманному въ шести частяхъ. Тогда вообще въ журналахъ не боялись большихъ романовъ, и мелкими разсказами трудно было составить себѣ имя [1]). Какъ истинный русакъ, Писемскій, отдавшись работѣ надъ вещью крупныхъ размѣровъ, писалъ запоемъ, просиживалъ цѣлые дни въ халатѣ за письменнымъ столомъ, и тогда уже не жаловался на то, что редакторство заѣдаетъ его, какъ романиста. Процессъ его работы былъ очень похожъ на всю его личность. Онъ писалъ сперва черновой текстъ, жена сейчасъ же переписывала, и я былъ свидѣтелемъ того, какъ Екатерина Павловна приходила въ кабинетъ съ листкомъ въ рукѣ и просила прочесть какое-нибудь слово. Почеркъ у него былъ крупный и чрезвычайно безпорядочный—другого такого я ни у кого изъ писателей не видалъ. Это было больше мазанье, чѣмъ писанье. Жена вставляла ему и французскія фразы въ свѣтскихъ сценахъ. Писемскій не владѣлъ ни однимъ иностраннымъ языкомъ. По-французски, можетъ быть, читалъ, но ни по-нѣмецки, ни по-англійски. Черновой текстъ, переписанный женою, Писемскій исправлялъ и перемарывалъ и дѣлалъ это такъ необузданно, что пальцы правой руки были у него, по цѣлымъ недѣлямъ, измазаны ниже вторыхъ суставовъ. Объ этомъ многіе знали и приводили всегда, когда разговоръ о Писемскомъ принималъ анекдотическій характеръ.

Для меня, какъ беллетриста, работа въ „Библіотекѣ“ и частыя свиданія съ ея редакторомъ были выгодны во многихъ смыслахъ. Тогда, за отсутствіемъ Тургенева, кромѣ Достоевскаго, въ Петербургѣ не было болѣе крупнаго романиста и драматурга. И талантъ, и своеобразный умъ, и юморъ сказывались всегда въ его разговорахъ. Передо мною въ его лицѣ стояла цѣлая эпоха, и онъ былъ однимъ изъ ея типичнѣйшихъ представителей: настоящій самородокъ изъ провинціально-помѣщичьяго быта, безъ всякихъ заграничныхъ вліяній, полный всякихъ чисто-россійскихъ чертъ антикультурнаго свойства, но все-таки талантомъ, умомъ и преданностью литературѣ, какъ

[1]) Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать развѣ для Тургенева, какъ автора „Записокъ Охотника“.

высшему, что создала русская жизнь, поднявшійся до значительнаго уровня. И онъ же былъ жертвой своихъ чувственныхъ инстинктовъ, въ немъ же засѣли разные виды бытовой жизнебоязненности, грубоватый и черезчуръ развитой пессимизмъ, недостатокъ высшихъ гражданскихъ идѣаловъ, огромный недочетъ по части болѣе тонкихъ свойствъ души.

Но, повторяю, въ ту первую зиму въ Петербургѣ Писемскій оставался самымъ цѣннымъ для меня литературнымъ знакомствомъ.

П. Боборыкинъ.

(*Окончаніе этой главы въ слѣдующей книжкѣ*).

Одно изъ распоряженій Муравьева въ 1863 г.

(Изъ женевскаго архива „Бунда").

Дошло до свѣдѣнія генералъ-губернатора здѣшняго края, что въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ мѣстностяхъ, несмотря на сдѣланныя распоряженія строго наблюдать, чтобы ремесленники и мастеровые не производили никакихъ работъ для мятежниковъ,—оказывается, что евреи ремесленники, проживающіе въ мѣстностяхъ и деревняхъ, а иногда и городскіе мастера, вызываемые куда-либо на мызы, гдѣ полиція не можетъ имѣть за ними должнаго наблюденія, продолжаютъ производить таковыя работы и шьютъ для инсургентовъ полушубки, теплую одежду, обувь и другіе предметы обмундировки.

Г. генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ, признавая необходимымъ положить конецъ подобнаго рода промысламъ, предложилъ мнѣ, независимо отъ производства обысковъ въ открытыхъ мастерскихъ и складахъ одежды, гдѣ таковые имѣются, объявить цеховымъ управамъ въ городахъ, и депутатамъ еврейскихъ обществъ въ мѣстечкахъ, что въ случаѣ обнаруженія мастеровыхъ и промышленниковъ, заготовляющихъ для мятежниковъ одежду, кромѣ конфискаціи таковой и взысканій съ хозяина оной штрафа въ тройномъ размѣрѣ стоимости найденнаго товара, общество или цехъ, къ которому принадлежитъ виновный, будетъ въ свою очередь обложено штрафомъ отъ 100 до 500 рублей серебромъ, по ближайшему моему усмотрѣнію; въ такомъ же размѣрѣ будетъ наложенъ штрафъ и на помѣщиковъ и владѣльцевъ мызъ, въ имѣніи которыхъ производились эти работы независимо отъ личной каждаго изъ нихъ отвѣтственности.

Объявляя объ этомъ для всеобщаго свѣдѣнія, предваряю, что я съ своей стороны приму самыя строгія мѣры къ точному исполненію означеннаго распоряженія и къ поступленію съ виновными по всей строгости законовъ.

Минскій гражданскій губернаторъ **Кажевниковъ**.

Октября 24 дня 1863 года.

Геттингенскіе годы Николая Ивановича Тургенева.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы пытаемся прослѣдить благотворное вліяніе геттингенскаго университета на одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей России первой половины XIX вѣка. Занятія въ геттингенскомъ университетѣ и тѣсная связь съ западной наукой и ея представителями такъ сильно отразились на Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ и многихъ изъ его русскихъ университетскихъ товарищей, что трудно представить себѣ ясно политическіе взгляды Тургенева и его, къ сожалѣнію, краткую общественную дѣятельность, не изучивъ подробно всѣхъ многочисленныхъ его университетскихъ работъ и занятій. Мы пришли къ этому заключенію послѣ тщательнаго изслѣдованія, съ одной стороны, состоянія геттингенскаго университета въ описываемое время, а съ другой—занятій Тургенева, его братьевъ Александра и Сергѣя Ивановича и другихъ русскихъ молодыхъ людей въ Геттингенѣ, а также общественной ихъ дѣятельности въ Россіи. Результаты нашихъ изслѣдованій изложены въ книгѣ Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts. Названной книгой мы пользовались, какъ матеріаломъ и для настоящихъ очерковъ. Они являются, такимъ образомъ, переработкой и дополненіемъ первыхъ трехъ главъ нашей книги. Въ особенности мы пополнили главы объ университетскихъ занятіяхъ и впечатлѣніяхъ Н. И. Тургенева на основаніи тургеневскаго архива, поступившаго два года тому назадъ въ Императорскую Академію наукъ.

Первыя четыре главы нашего изслѣдованія касаются рускихъ студентовъ Геттингена конца XVIII и начала XIX вѣка, характера и вліянія на нихъ университета, а остальная посвящена изслѣдованію занятій самого Н. И. Тургенева, самой выдающейся и крупнѣйшей личности среди „геттинrенцевъ“.

I.

Вліяніе западно-европейскихъ, и въ особенности нѣмецкихъ, университетовъ на умственное развитіе Россіи, на пополитическія воззрѣнія и общественные идеалы русскихъ образованныхъ круговъ не изслѣдовано до сихъ поръ соотвѣтствующимъ и исчерпывающимъ образомъ [1]). Оно является однимъ изъ главныхъ путей, черезъ которые проникла въ Россію культура Западной Европы. Извѣстно, что въ 18 вѣкѣ французскій раціонализмъ сильно повліялъ на взгляды высшихъ слоевъ русскаго общества, но практическіе результаты этого вліянія были весьма ничтожны. Герценъ называетъ ихъ даже вредными. Вотъ его слова по этому поводу:

«En France, les encyclopédistes émancipant l'homme des vieux préjugés, lui inspiraient des instincts moraux plus élevés, les faisaient revolutionnaire. Chez nous, en brisant les derniérs liens qui retenaient une nature demi—sauvage, la philosophie voltairienne ne mettait rien à la place des vieilles croyances, des devoirs moraux, traditionnels. Elle armait le Russe de tous les instruments de dialectique et d'ironie propres à le disculper—à ses jeux de son état d'esclave par rapport au souverain et de son état de souverain par rapport à l'esclave. Les néophytes de la civilisation se jetèrent avec avidité dans les plaisirs du sensualisme. Ils comprirent très-bien l'appel à l'epicuréisme, mais le son du tocsin solennel qui appela les hommes à une grande resurrection n'allait pas dans leur âme». [2])

Подъ этими словами Герценъ подразумѣваетъ, конечно, крупныя преобразованія общественнаго и политическаго строя Россіи. Если русское общество XVIII вѣка не возмущалось крѣпостнымъ правомъ, господствовавшимъ въ народѣ невѣжествомъ и произволомъ абсолютистскаго режима, то иначе относилась къ этимъ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни и думала бороться съ ними та часть слѣдую-

---

[1]) Отчасти это сдѣлано Ал. Веселовскимъ „Западное вліяніе на русскую литературу", 3-ое изд., 1906.

[2]) „Французскіе энциклопедисты, эмансипируя человѣка отъ старыхъ предразсудковъ, но внушая ему въ то же время болѣе высокія нравственныя чувства, сдѣлали его революціоннымъ. У насъ же случилось наоборотъ: вольтеріанская философія освободила полудикую натуру отъ послѣднихъ связывающихъ ее традицій, но не внушила ей ничего вмѣсто прежнихъ вѣрованій и нравственныхъ обязанностей. Эта философія дала русскимъ могучее орудіе діалектики и ироніи, которое они употребили на то, чтобы оправдать въ ихъ собственныхъ глазахъ рабскія чувства по отношенію къ государю и рабовладѣльческіе инстинкты по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Эти неофиты, слѣдуя по пути европейской культуры, жадно бросились на всякаго рода чувственныя наслажденія. Они легко отозвались на призывъ къ эпикуреизму, но они остались глухи къ торжественнымъ звукамъ набата, призывающаго людей къ нравственному возрожденію". A. Iscander, Du dévelоppement des idées révolutionnaires en Russie Paris 1851, стр. 47—48.

щаго поколѣнія, которая пропиталась въ нѣмецкихъ университетахъ идеями Запада и жаждала распространить прогрессивныя идеи, положительныя знанія и истинное просвѣщеніе въ темной, невѣжественной и реакціонной Россіи начала XIX вѣка. Уже начиная съ первой половины XVIII вѣка мы встрѣчаемъ русскихъ студентовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, — въ Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Геттингенѣ, Гейдельбергѣ и Галле. Особое значеніе имѣлъ геттингенскій университетъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Выдающіеся ученые этого университета, привлекавшіе, по словамъ русскаго студента фонъ-Фрейганга, иностранцевъ такъ же сильно, какъ прелестный замокъ въ Версали [1]); обширный планъ занятій, богатый выборъ учебныхъ пособій, космополитическій и чуждый всякихъ узкихъ мѣстныхъ вліяній характеръ университета; забота куратора университета, барона фонъ-Мюнхгаузена, о томъ, чтобы привлекать возможно больше слушателей изъ всѣхъ странъ, и въ особенности изъ Россіи,— вотъ главные моменты, которые мы должны имѣть въ виду при выясненіи вопроса, почему мы встрѣчаемъ столько русскихъ именъ въ университетскихъ спискахъ конца XVIII и начала XIX вѣка [2]).

Первые годы самаго геттингенскаго университета (основанъ въ 1734 году) прошли весьма блѣдно, но начиная съ 50 годовъ развитіе университета идетъ гигантскими шагами и въ 70 и 80-хъ годахъ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Его преподаватели пользуются большой извѣстностью, и изъ всѣхъ странъ стремятся слушатели въ Геттингенъ. Мы назовемъ только нѣсколькихъ профессоровъ—анатома фонъ-Галлера, математика Кестнера, физика Лихтенберга и филолога Эрнести. Но особенно блестяще были поставлены юридическій и историко-политическій отдѣлы. Среди юристовъ выдѣляются Пюттеръ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкаго государственнаго права, пандектистъ Бемеръ и статистикъ Ахенваль [3]). Русскій студентъ Геттингенскаго университета А. Я. Полѣновъ даетъ по этому поводу слѣдующій отзывъ: „Геттингенскій университетъ можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими университетами и даже можетъ почесться первымъ относительно юридическихъ наукъ. Здѣсь всего десять профессоровъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ по три и по четыре предмета, которые проходятъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Юристы со всѣхъ странъ

[1]) См. его брошюру „Notice sur l'université de Geettingue", Gottingen 1804, стр. 2

[2]) За періодъ, о которомъ мы говоримъ, именно отъ 1780—1815 года, слушали лекціи въ Геттингенѣ 81 русскихъ.

[3]) См. Rössler, „Die Gründung der Universität Göttingen, 1855, u Pütter Versuch einer-akademischen Gelehrtengeschichte von der Georgia-Augusta-Universität zu Göttingen", 1765, I—II, passim.

пріѣзжаютъ сюда для своего образованія и усовершенствованія [1])". Историческій факультетъ представленъ былъ извѣстными въ свое время, а отчасти и понынѣ, историками Гаттереромъ, Шлецеромъ и Шпиттлеромъ [2]). Первый считается основателемъ современной исторической науки. Онъ первый выдвинулъ необходимость для историка заниматься вспомогательными науками (Hilfswissenschaften) и онъ первый учредилъ историческій семинарій для научной разработки историческихъ вопросовъ. Заслуги Шлецера на поприщѣ общей, и въ особенности русской исторіографіи слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ подробно останавливаться. Шпиттлеръ замѣчателенъ тѣмъ, что впервые изслѣдовалъ роль третьяго сословія въ историческомъ развитіи. Политическая борьба партій, насколько можно о таковыхъ говорить въ XVIII столѣтіи, особенно интересовала выдающагося историка Шпиттлера, учителя Іоганна фонъ-Миллера, Герена, а также и другихъ извѣстныхъ представителей исторической науки XIX столѣтія. Высшаго расцвѣта университетъ достигъ, какъ мы уже упомянули, въ 80-ые годы XVIII вѣка. Финляндскій профессоръ Портганъ, побывавшій въ 1779 году въ Геттингенѣ, написалъ своимъ друзьямъ въ Финляндіи обширное письмо о тогдашнемъ состояніи Геттингена. „Университетъ, говоритъ Портганъ, находится въ самомъ блестящемъ положеніи: онъ имѣетъ выдающихся ученыхъ и посѣщается 900 студентами, которые очень усердно занимаются. Ежедневно читаются лекціи отъ 7 часовъ утра до 8 часовъ вечера, кромѣ воскресенья и второй половины дня въ субботу, но даже и тогда нѣкоторые профессора продолжаютъ чтеніе лекцій. Когда слышенъ бой городскихъ часовъ, всѣ улицы переполнены студентами. Во время лекцій на улицахъ ихъ почти не видно, лѣнтяи играютъ и пьянствуютъ у себя на дому. Я слушалъ разныя лекціи, ибо разрѣшается посѣщать нѣсколько разъ отдѣльныя лекціи безплатно, что здѣсь называютъ „hospitieren" (посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушателей). Такимъ образомъ студенты должны выяснить себѣ, какія лекціи имъ по душѣ; и въ особенности пользуются этой льготой новопріѣзжающіе. Студенты ведутъ довольно нравственную и приличную жизнь, если не говорить о томъ, что по вечерамъ они иногда шумятъ и что они довольно часто дуэлируютъ [3]).

Въ Геттингенѣ мы встрѣчаемъ русскихъ студентовъ уже

---

[1]) Русскій Архивъ 1865, стр. 572.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія въ только что упомянутомъ трудѣ Пюттера т. III passim и у Wegele „Geschichte der deutschen Historiographie" 1885, passim.

[3]) Полное заглавіе письма: „Zirkularausschreiben an die finnländischen Freünde, datiert Göttingen 22 Iuli 1779". Оно было опубликовано Арнгеймомъ въ журналѣ „Finnländische Rundschau" Leipzig, 1902, стр. 15 и сл., съ краткими біографическими свѣдѣніями о профессорѣ Портганъ.

въ серединѣ 40-хъ годовъ XVIII вѣка. Г. Т. Ашъ, извѣстный впослѣдствіи главный врачъ первой арміи, занимался въ Геттингенѣ отъ 1748—1750 подъ руководствомъ знаменитаго фонъ-Галлера. Тѣсная связь между нимъ и Ашомъ продолжалась и послѣ университетскихъ годовъ послѣдняго [1]). Ашъ подарилъ университетской библіотекѣ много книгъ по русской исторіи и собраніе этнографическихъ достопримѣчательностей. Такимъ образомъ завязались первыя сношенія между Россіею и Геттингеномъ. Въ 50-хъ годахъ тамъ занимались русскіе медики и естественники. Галлеръ пишетъ Ашу: „Мы имѣемъ здѣсь трехъ симпатичныхъ русскихъ, сыновей Григорія Демидова изъ Соликамска“ [2]). Не умаляя значенія живого обмѣна мнѣній между русскими врачами и представителями медицинскаго факультета геттингенскаго университета и вліянія послѣднихъ на благотворное развитіе медицинскихъ наукъ въ Россіи, мы все-таки не думаемъ останавливаться на немъ подробнѣе. Насъ больше интересуетъ вліяніе политическихъ и общественныхъ взглядовъ геттингенскихъ профессоровъ на молодыхъ русскихъ и черезъ нихъ на русскую общественную жизнь. Послѣднее нужно принимать cum grano salis, потому что попытки „геттингенцевъ“ распространять здравыя и прогрессивныя идеи Запада въ ихъ отсталомъ отечествѣ встрѣтили сильный отпоръ правительства и крѣпостнически настроеннаго дворянства. И „геттингенцы“ часто напрасно пытались бороться съ неблагопріятными условіями русской жизни. Въ этомъ и состоитъ трагическая судьба храбрыхъ піонеровъ западной культуры, занимавшихся съ большимъ рвеніемъ въ Геттингенѣ и желавшихъ примѣнить свои знанія соотвѣтствующимъ образомъ.

Въ 1766 году въ Геттингенъ для завершенія юридическаго образованія послѣ окончанія имъ юридическаго факультета въ Страсбургѣ прибылъ А. Я. Полѣновъ. Онъ особенно интересовался леннымъ правомъ, которое слушалъ у профессора Рикціуса (Riccius), что указываетъ на существованіе у него уже въ то время интереса къ крестьянскому вопросу. Полѣновъ изучалъ въ то же время русскую исторію и законодательство, и по этому поводу онъ пишетъ академику Тауберту, между прочимъ, слѣдующее: „слѣдуя вашему совѣту, разбираю я указы и уложенія и, кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю и народу; однако, несмотря

[1]) См. Rössler, l. c. стр. 354; письма Галлера Ашу, стр. 534 и сл.
[2]) ib., стр. 356.

на все сіе, трудъ и благоразуміе все преодолѣть могутъ [1])". Въ маѣ 1767 Полѣновъ вернулся изъ Геттингена въ Петербургъ [2]), а въ февралѣ слѣдующаго года онъ представилъ изслѣдованіе Вольному Экономическому Обществу на заданную имъ тему: „Что полезнѣе для государства, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или только движимое имѣніе, и сколь далеко на то или другое его право простирается?"

Изъ семи русскихъ конкурсныхъ сочиненій самымъ лучшимъ оказалось сочиненіе Полѣнова, но онъ не получилъ первой награды, потому что рѣзко критиковалъ существующее крѣпостное право. Полѣновъ долженъ былъ передѣлать свою работу и вычеркнуть нападки на крѣпостное право. Но трудъ его и послѣ передѣлки не былъ оцѣненъ по достоинству и, что особенно характерно, онъ не былъ напечатанъ. Полѣновъ дослужился до чина статскаго совѣтника [3]), но ему не дали использовать прекрасную юридическую подготовку для блага народа, несмотря на то, что у него были связи съ академикомъ Таубертомъ и другими учеными. Въ царствованіе Екатерины II русскіе охотно посѣщали нѣмецкіе университеты, и въ особенности геттингенскій. Университетъ шелъ навстрѣчу этому желанію. Приглашеніе изъ Россіи Шлецера на кафедру исторіи было мотивировано желаніемъ имѣть побольше русскихъ слушателей [4]). У Шлецера были личныя связи съ ученымъ міромъ и съ русскимъ обществомъ [5]). Другой профессоръ геттингенскаго университета, извѣстный географъ Бюшингъ (Büsching), наоборотъ оставилъ Геттингенъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ состоялъ пасторомъ лютеранской церкви Св. Петра и директоромъ основаннаго имъ Петровскаго училища [6]). Одно время преподавалъ въ этомъ училищѣ Іоганъ Бекманъ, впослѣдствіи профессоръ политической экономіи въ Геттингенѣ, сохранившій навсегда теплыя чувства къ Россіи; по словамъ его ученика фонъ Фрейганга, онъ всегда радъ былъ выказать свое расположеніе къ русскимъ слушателямъ [7]).

---

[1]) Д. В. Полѣновъ, „А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка", Русскій Архивъ 1865, стр. 558 и сл. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX стол.", 1888. I, 81 и сл. О Рикціусѣ см. у Püttera'a l. c. I, 140; II, 36—37.

[2]) Храповицкій. Дневникъ 1782—1793, СПБ. 1874, стр. 331.

[3]) Семевскій, l. c., стр. 48, 51, 81 и сл.

[4]) Frensdorff, Schlözer, Allgemenie deutsche Biographie, т. XXXI, стр. 571.

[5]) См. интересное описаніе его пребыванія въ Россіи въ автобіографическомъ отрывкѣ, Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben, l. Fragment, Göttingen 1804.

[6]) Pütter, l. c. I, 105; Храповицкій, l. c. 268.

[7]) Freygang, Notice, l. c. стр. 31.

Такимъ образомъ, связей между Геттингеномъ и Россіею было довольно много. Екатерина II очень интересовалась университетомъ и думала одно время пригласить въ члены комиссіи для составленія Наказа геттингенскихъ юристовъ и историковъ Айрера, Мейстера, Ахенваля, Гаттерера и Пюттера [1]). Понятно, что геттингенскіе ученые относились съ большимъ уваженіемъ къ императрицѣ, и ея законодательная дѣятельность и литературные занятія встрѣтили ихъ полное одобреніе. Въ геттингенскихъ ученыхъ запискахъ (Göttinger Gelehrte Anzeigen) мы читаемъ слѣдующій отзывъ о Наказѣ императрицы: „съ глубокимъ уваженіемъ мы указываемъ въ этомъ журналѣ на сочиненіе, которое мы считали бы славою вѣка, если бы и не знали, что величайшая императрица является его авторомъ“ [2]). Екатерина зорко слѣдила за всѣмъ, что происходило въ Геттингенѣ, и отъ ея вниманія не ускользнула не очень лестная статья о Суворовѣ, появившаяся въ геттингенскомъ журналѣ, „Allgemeine politische Zeitung“. Журналъ редактировался приватъ-доцентомъ Канцлеромъ. Въ статьѣ было, между прочимъ, сказано, что Суворовъ происходитъ изъ мѣстечка Гронау епископства Гильдесгеймъ, гдѣ отецъ его, извѣстный подъ именемъ Северина, былъ мясникомъ; въ статьѣ также упоминалось про полную приключеній жизнь популярнаго полководца. Екатерина обратилась по этому поводу къ ганноверанскому лейбъ-медику Циммерману, съ которымъ она переписывалась, и потребовала, чтобы редакторъ изъялъ изъ обращенія компреметирующую статью. Началась переписка между кураторомъ университета и профессоромъ Гейне (Heyne), идейнымъ руководителемъ умственнаго движенія въ Геттингенѣ. Циммерманъ писалъ, между прочимъ, Шлецеру: „если требованіе императрицы не будетъ удовлетворено, она можетъ запретить своимъ подданнымъ посѣщеніе университета. Сдѣлайте изъ-за любви и преданности къ Геттингену все возможное, чтобы желаніе императрицы было удовлетворено“. Редакторъ журнала согласился взять обратно статью, и русскіе получили возможность и на будущее время посѣщать геттингенскій университетъ [3]).

Мы не знаемъ вполнѣ опредѣленно, кто изъ русскихъ, занимавшихся въ то время—послѣдніе годы царствованія Екатерины—въ Геттингенѣ, игралъ впослѣдствіи видную роль въ общественной жизни Россіи. Въ университетскихъ спискахъ мы встрѣчаемъ по большей части фамиліи медиковъ

---

[1]) Frensdorff, Katharina II. von Russland nud ein Göttingischer Zeitungsschreiber, Nachrichten der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse 1905, Heft 3, 315 и сл.; Pütter, Selbstbiographie 1798, II, 488.

[2]) Frensdorff, l. c. 31.

[3]) Frensdorff, l. c.

и естественниковъ [1]). Изъ ихъ среды сталъ въ свое время извѣстенъ своей дѣятельностью на общественномъ и литературномъ поприщахъ масонъ Максимъ Невзоровъ, впослѣдствіи врагъ прогрессивныхъ идей. Онъ былъ отправленъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Колокольниковымъ на средства московскихъ масоновъ въ лейденскій университетъ, гдѣ они занимались медициной и получили степень доктора.

Послѣ того Невзоровъ и Колокольниковъ путешествовали по Германіи. Въ Страсбургѣ нѣкоторые соотечественники и одинъ страсбургскій житель предложили имъ вступить въ „патріотическое“ общество, ставящее себя цѣлью распространеніе въ городѣ революціонныхъ идей. Невзоровъ и его товарищъ отклонили это предложеніе. Для завершенія образованія они пріѣхали на семестръ въ Геттингенъ [2]), гдѣ Невзоровъ былъ приглашенъ вступить въ масонскую ложу, но отказался.

Впослѣдствіи онъ былъ доволенъ своимъ рѣшеніемъ, когда узналъ, что поэтъ и профессоръ Бюргеръ, великій мастеръ геттингенской ложи, также сочувственно отзывался объ идеѣ равенства у французовъ. „Здѣсь, говоритъ Невзоровъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своей автобіографіи, мимоходомъ за нужное почитаю я сказать, что славные нѣмецкіе университеты, какъ напримѣръ: берлинскій, гальскій, лейпцигскій, вѣнскій, іенскій и всего болѣе геттингенскій, сіе молодое, но слишкомъ далѣе другихъ въ новомъ безуміи забѣжавшее дитя Германіи, были первѣйшими орудіями, разсадниками распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того послѣ столько покойнымъ, безсмертнымъ и... Штиллингомъ оплакивавшаго (емаго?) несчастія своего отечества [3])“!

Въ то время, когда Невзоровъ писалъ эти слова, онъ былъ приверженцемъ мрачнаго и ретрограднаго теченія русскаго масонства. Совсѣмъ иначе смотрѣли на университетскую науку запада масоны Новиковъ и И. П. Тургеневъ, пославшіе въ иностранные университеты Невзорова и его товарищей [4]).

---

[1]) Минералогъ академикъ Севергинъ, химикъ Сахаровъ, „первый русскій клиницистъ“ Базилевичъ, медикъ Рихтеръ и Г. А. Демидовъ. Біографическія свѣдѣнія въ словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) См. Буличъ, „Очерки по исторіи русской литературы“, Казань, 1902, I, 249 и сл., Русскій біогр. словарь, 1902, ст. о Невзоровѣ.

[3]) Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву, Библіографическія записки, 1858, № 24, стр. 650—57.

[4]) Жизнь Невзорова и Колокольникова сложилась очень печально. Когда Екатерина начала преслѣдовать новиковскій кружокъ, опасаясь распространенія французскихъ революціонныхъ идей въ Россіи, Невзорову и Колокольникову было приказано вернуться въ Россію. Въ Ригѣ ихъ арестовали и перевели затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость. Колокольниковъ умеръ въ крѣпости. Не-

Если правильно толковать приведенное нами выше мнѣніе Невзорова о геттингенскомъ университетѣ, то послѣдній именно явился самымъ яркимъ представителемъ прогресса, и въ этомъ отношеніи слова Невзорова не лишены интереса.

9 апрѣля 1798 г. послѣдовалъ указъ Павла I, запрещающій русскимъ посѣщать иностранные университеты. Указъ этотъ гласилъ: „Его Императорское Величество, по причинѣ возникшихъ нынѣ въ Иностранныхъ Училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ, Высочайше указать соизволилъ: отправленіе ихъ въ иностранныя воспиталища воспретить“ [2]).

На Геттингенѣ замѣтно отразились послѣдствія этого указа: сократилось количество посѣтителей университета [3]).

II.

Послѣ восшествія на престолъ Александра I указъ Павла былъ отмѣненъ. Извѣстно, что юный императоръ старался въ началѣ своего царствованія учреждать новые университеты и привлекать туда ученыя силы Запада. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что одновременно русскіе стали посѣщать нѣмецкіе университеты. Геттингенъ снова занялъ особое мѣсто. И недаромъ: учрежденія геттингенскаго университета, планъ занятій и содержаніе лекцій профессоровъ считались настолько цѣлесообразными, что московскій университетъ былъ реорганизованъ по образцу Геттингенскаго. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель Московскаго учебнаго округа, состоялъ въ перепискѣ съ асессоромъ геттингенскаго университета, профессоромъ Мейнерсомъ, близко знакомымъ съ организаціей нѣмецкихъ университетовъ вообще и геттингенскаго въ особенности. Муравьевъ охотно слѣдовалъ его указаніямъ и совѣтамъ и, кромѣ того, принималъ во вниманіе разсужденія Шлецера по этому вопросу, напечатанныя въ его автобіографическомъ очеркѣ [4]). Въ московскій университетъ были приглашены геттингенскіе профессора и привать-доценты: Буле (философія), Христіанъ фонъ Шлецеръ, сынъ историка (политическая экономія), Грельманъ (статистика), Иде (математика)

взоровъ сошелъ съ ума и выздоровѣлъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того, какъ Павелъ I освободилъ его вмѣстѣ съ остальными томившимися масонами [1]).

[1]) Tourgueneff, „La Russie et les Russes“ 1847, II, 376 и сл.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXV, № 18474.

[3]) Ernst Brandes, „Ueber den gegenwärtigen Zustand der Universität Göttingen.“ Göttingen 1802.

[4]) Ср. Сухомлиновъ. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ“, т. I. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи при Александрѣ I, passim.

и Рейсъ (химія) [1]). Изъ нихъ Буле, авторъ высоко цѣнимыхъ въ свое время книгъ по исторіи философіи, выдѣлялся живой и энергичной дѣятельностью въ качествѣ университетскаго лектора и издателя „Московскихъ ученыхъ вѣдомостей“ и „Журнала изящныхъ искусствъ“. Буле читалъ курсы по русской исторіи. Вліяніе этого дѣятельнаго геттингенца сильно отразилось на Грибоѣдовѣ и „едва не направило Грибоѣдова на путь спеціальнаго служенія наукѣ“ [2]). Христіанъ фонъ-Шлецеръ переписывался съ отцомъ, сообщая ему новости московской жизни [3]). Тогда же, въ 1804 году, появился трудъ Шлецера „Лѣтописецъ Несторъ“, важное событіе въ хроникѣ русской исторіографіи. Въ это время опять возстановилась живая идейная связь между Геттингеномъ и Россіею. Но не будемъ уклоняться отъ темы. Насъ интересуетъ здѣсь вліяніе геттингенскихъ профессоровъ на русскихъ студентовъ въ самомъ Геттингенѣ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Необходимо и умѣстно поэтому дать картину тогдашняго состоянія университета и познакомиться со взглядами наиболѣе видныхъ его преподавателей.

Университетскую жизнь въ Геттингенѣ въ 1810—1812 г. нужно назвать блѣдной сравнительно съ послѣдними десятилѣтіями XVIII вѣка, когда университетъ достигъ полнаго расцвѣта. Лучше другихъ поставленъ въ это время философскій факультетъ. Изъ старыхъ профессоровъ, читавшихъ въ концѣ XVIII вѣка, и теперь еще пользуются большимъ успѣхомъ филологъ Гейне и упомянутые нами Шлецеръ и Бекманъ. Среди преподавателей историческаго отдѣла выдѣляется Геренъ, одинъ изъ любимѣйшихъ геттингенскихъ профессоровъ, авторъ понынѣ еще замѣчательнаго труда «Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt» [4]). Геренъ читалъ по исторіи культуры и торговли и о новѣйшей политикѣ европейскихъ государствъ. Сильно стала увлекать его исторія торговли еще въ Бременѣ, гдѣ онъ провелъ гимназическіе годы. Постоянные разговоры объ открытіяхъ новыхъ земель, съѣзжавшіеся со всѣхъ странъ свѣта корабли глубоко повліяли на будущаго историка торговыхъ сношеній древняго міра. Геренъ читалъ, кромѣ того, лекціи по статистикѣ, гдѣ онъ разсматривалъ политическія, общественныя и административныя учрежденія Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи и Россіи. Интересно, что онъ не придавалъ особаго значенія статисти-

---

[1]) Pütter, III, 195, 120, 173, 247. Freygang, Notice 35, 38—39.

[2]) Веселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“, 3-е изд., Москва 1906, стр. 144.

[3]) Ch. von Schlözer, August L. von Schlözers Oeffentliches und Privatleben, Leipzig 1828, I, 409 и сл.

[4]) См. его автобіографію въ I т. Gesammelte Werke, 1821; Pütter II, 194—195; III, 342—48; Wegele, „Geschichte der deutschen Historiographie“, 683.

ческимъ вычисленіямъ [1]). Онъ пишетъ въ своей автобіографіи, что о числахъ почти что ничего не упомянуто въ его лекціяхъ по статистикѣ, а Н. И. Тургеневъ записываетъ въ своемъ геттингенскомъ дневникѣ, что Геренъ выразилъ однажды большое неудовольствіе по поводу какихъ-то статистическихъ таблицъ [2]). Въ упомянутой автобіографіи Геренъ предостерегаетъ историковъ, чтобы они не придавали слишкомъ большого значенія источникамъ. Они должны вносить индивидуальную точку зрѣнія въ освѣщеніе историческихъ явленій [3]). Научное значеніе Герена очень мѣтко охарактеризовалъ его слушатель А. И. Тургеневъ [4]).

Восточные языки и литературу Востока преподавалъ Эйхгорнъ. Онъ читалъ, кромѣ того, обширный курсъ по исторіи всемірной литературы отъ классическихъ временъ до новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ включительно. Эйхгорнъ былъ иниціаторомъ и въ первое время и главнымъ редакторомъ обширнаго коллективнаго труда „Allgemeine Geschichte der Künste und Wissenschaften bis zum Ende des 18 Jahrhunderts“ [5]). Интересно читалъ, по многократнымъ упоминаніямъ Н. И. Тургенева въ геттингенскомъ дневникѣ, профессоръ политической экономіи и исторіи, Людеръ; своимъ лекціямъ онъ далъ общее названіе: „Der Geist der Geschichte“ (Взглядъ на развитіе исторіи) [6]).

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія по этимъ сторонамъ научной его дѣятельности въ автобіографіи, l. c. LII и сл.

[2]) Дневники находятся въ Тургеневскомъ архивѣ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

[3]) Autobiographie l. c. LX—LXL.

[4]) Въ письмѣ къ брату Николаю изъ Лейпцига 3 сентября 1827: „Вчера ввечеру познакомился я съ Ваксмутомъ (знаменитый профессоръ исторіи Лейпцигскаго университета). Онъ въ родѣ Герена; но не дозрѣлъ до него, хотя и очень уважаетъ его. Онъ далъ мнѣ прочесть отвѣтъ Герена боннскому Шлегелю на его три печатныхъ письма о Иереновой книгѣ объ Индіи. Шлегель упрекаетъ ему, что онъ все заимствовалъ отъ Робертсона, даже не назвалъ его въ историческихъ своихъ изысканіяхъ объ Индіи. Геренъ, съ чувствомъ оскорбленной чести, но безъ оскорбительныхъ выраженій, доказалъ ему числами, что его комментаріи объ Индіи, въ коихъ тѣ же предметы, что̀ и у Робертсона, но подробнѣе объясняются, вышли за годъ до появленія книги Робертсона объ Индіи; что онъ первый въ Германіи отдалъ справедливость Робертсону, и именно за сію книгу и на все привелъ мѣста изъ комментарій и числа. Торжество его тѣмъ разительнѣе, что Шлегель хвастался, что все прочелъ и все знаетъ что̀ было написано объ Индіи, особливо въ Германіи. Я прочелъ брошюру Герена съ удовольствіемъ и въ ней опять увидѣлъ различіе антикварной учености Шлегеля отъ историческихъ замашекъ—grosse Manier—Герена. Тамъ много Wortklauberei, которая мнѣ никогда и въ Гейнѣ не нравилась; здѣсь Sachkenntniss; отъ того книги Герена о торговлѣ, о сношеніяхъ между народами, о колоніяхъ такъ практически полезны. Онъ, въ самомъ началѣ своего ученаго поприща, постигъ это и пересталъ комментировать древнихъ и принялся иначе учить и учиться исторіи.“

Письма А. И. Тургенева къ Ник. Ив. Тургеневу, Лейпцигъ 1872, 112—113.

[5]) Pütter II, 541—42; III, 332 и сл.

[6]) Дневникъ 1810 г. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ, кн. 205, стр. 3 и 4.

Философія представлена была Фридрихомъ Бутервекомъ. Первыя лекціи, которыя онъ читалъ о философіи Канта, когда былъ еще молодымъ приватъ-доцентомъ, имѣли громадный успѣхъ. Большая аудиторія всегда была переполнена слушателями. Бутервекъ послалъ конспектъ своихъ лекцій Канту, который очень радъ былъ этому вниманію [1]). Надо помнить, что въ Геттингенѣ вначалѣ относились отрицательно къ философіи Канта, и первые его труды подвергались строгой критикѣ въ „Göttinger Gelehrte Anzeigen". Лекціи Бутервека по разнымъ отдѣламъ философіи, а въ особенности по эстетикѣ, охотно посѣщались братьями Тургеневыми, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и другими „геттингенцами".

Кромѣ Бекмана, читавшаго курсъ камералистичныхъ наукъ, какъ въ XVIII в. принято было называть политическую экономію, выдвигается въ это время Сарторіусъ, приверженецъ новой тогда теоріи Адама Смита. Его лекціи были, собственно говоря, переработкой и изложеніемъ классическаго сочиненія „Богатство народовъ" [2]). Сарторіусъ читалъ, кромѣ того, лекціи о „политикѣ", въ которыхъ онъ говорилъ о политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ, камералистической и финансовой наукахъ и о Polizeiwissenschaft. Но, помимо всего, онъ отводилъ особое мѣсто теоретической политической экономіи, о чемъ у Шпиттлера и Шлецера въ соотвѣтствующихъ курсахъ трактовалось гораздо меньше. Основные принципы науки о политикѣ изложены Сарторіусомъ въ „Введеніи въ политику", читанномъ имъ впервые въ 1793 году. Политика есть, по его мнѣнію, эмпирическая наука, и она не можетъ поэтому извлекать пользы изъ естественнаго права и общаго государственнаго права, потому что въ политической реальности все зависитъ отъ времени, состоянія климата и тому подобныхъ условій [3]). Сарторіусъ руководилъ практическими занятіями по разнымъ вопросамъ политики и политической экономіи. Сохранились нѣкоторые рефераты, писанные однимъ изъ его самыхъ ревностныхъ учениковъ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, которые разбирались въ семинаріѣ Сарторіуса. Два реферата касаются налоговъ и арендной системы, а третій, болѣе обширный, разсматриваетъ новый австрійскій финансовый законъ 1810 г. („Was will Österreich mit dem Finanzedikt von 20 Februar 1810 J." [4]). О методѣ преподаванія Сарторіуса мы читаемъ лестные отзывы

---

[1]) См. его автобіографію въ „Kleine Schriften philosophischen, ästhetischen und literarischen Inhalts, I, 41 и сл.

[2]) Frensdorff, Sartorius, Allgemeine deutsche Biographie XXX; Roscher, Geschichte der Nationalökonomie 615 и сл; Wegele, l. c. 920; Schmoller, Grundriss der Volkswirtschaftslehre I, 113; Pütter III, 581.

[3]) Roscher l. c. 617, прим. 1.

[4]) Бумаги А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, тетрадь 39. Рукописно отд. Имп. Публ. библіотеки.

въ геттингенскомъ дневникѣ Н. И. Тургенева. И, дѣйствительно, какъ популяризаторъ теоріи Смита, Сарторіусъ несомнѣнно имѣетъ за собою неоцѣнимую заслугу.

Юридическій факультетъ университета въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, прекрасно поставленъ. Самымъ выдающимся профессоромъ является Гуго, одинъ изъ основателей исторической школы въ юридической наукѣ. Онъ не могъ однако вполнѣ отречься отъ естественнаго права, и въ этомъ отношеніи на него оказала большое вліяніе теорія Канта [1]). Государственное и международное право преподавалъ Георгъ Ф. фонъ-Мартенсъ, лекціи и практическія занятія котораго посѣщались особенно охотно иностранцами, желавшими посвятить себя дипломатической дѣятельности [2]). Среди младшихъ юристовъ выдѣляется на первомъ мѣстѣ „геніальный", по словамъ Николая Ивановича Тургенева, криминалистъ Геде (Göde) [3]), рано умершій и не оставившій поэтому труда съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на уголовное право, которые Н. И. Тургеневъ такъ высоко цѣнилъ. Въ „La Russie et les Russes" Тургеневъ, живя въ изгнаніи въ Парижѣ, помѣстилъ краткій эскизъ о любимомъ своемъ учителѣ Геде, пользуясь записками геттингенскаго періода. Общая характеристика Геде заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Goede, homme d'un esprit aussi profond qu'élégant, et savant hors ligne, est mort, encore jeune, sans avoir laissé aucun écrit sur le droit criminel, qu'il professait avec un talent admirable" [4]). Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ взглядовъ Геде на цѣли и рамки уголовнаго права. Цѣль наказанія, которому подвергается виновный въ совершеніи преступленія, по мнѣнію Геде, должна состоять въ возстановленіи общественнаго порядка, нарушеннаго преступленіемъ. Эту, такъ называемую, теорію моральнаго принципа (théorie du principe moral) разсматривающую каждое преступленіе по степени вреда, нанесеннаго имъ общественному строю, Геде энергично защищаетъ. Онъ считаетъ примѣненіе наказанія логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ противозаконнаго дѣйствія. Наставленіе, предостереженіе и исправленіе,—дѣйствія, которыя неизбѣжно влечетъ за собой система предостереженій (Théorie de la prévention), но всѣ онѣ не достигаютъ цѣли, преслѣдуемой уголовнымъ правомъ, какъ эту цѣль понимаетъ Геде [5]).

---

[1]) Pütter, III, 295 и сл.; см. краткое изложеніе его теорій и научной дѣятельности въ ст. Нечаева, въ энцикл. словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) Pütter II, 137; III, 184; Freygang, Notice l. c. 21.

[3]) Pütter, III, 71; Allgemeine Deutsche Biographie, Bd. IX.

[4]) „Геде, глубокій и ясный умъ, ученый въ истинномъ смыслѣ этого слова, умеръ очень молодымъ, не оставивъ никакого труда по уголовному праву, которое онъ читалъ такъ интересно".

[5]) La Russie et les Russes, 1847, I, 560—64.

Геде читалъ лекціи и по другимъ отраслямъ права. Курсъ церковнаго права сохранился въ бумагахъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Николай Тургеневъ восхищался, какъ видно изъ его дневника, лекціями Геде о краснорѣчіи. „Порядокъ, говоритъ онъ въ томъ же дневникѣ, лекцій у Геде всѣхъ лучше, и кажется и для него всего легче“ [1]).

Относительно общей характеристики университета въ разсматриваемый здѣсь періодъ слѣдуетъ сказать, что въ немъ господствовало то же направленіе, что и въ XVIII вѣкѣ. Юридическія и государственныя науки занимаютъ, какъ и прежде, самое обширное мѣсто въ обозрѣніи университетскаго преподаванія. Мы встрѣчаемъ тамъ не уступающіе юристамъ научныя силы и въ области историко-филологическихъ наукъ. О профессорѣ анатоміи и ботаники Блюменбахѣ и другихъ представителяхъ медицины мы не упомянемъ, такъ какъ это не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія, но и эти отрасли университетской науки стояли на высотѣ тогдашнихъ требованій. Методъ преподаванія не измѣнился замѣтно сравнительно съ принятымъ въ XVIII вѣкѣ, но духъ, сказывающійся въ лекціяхъ Гуго, Герена, Сарторіуса, Бутервека и другихъ—новый, юный и соотвѣтствующій современному имъ направленію въ европейской наукѣ. Философія Канта побѣдила, наконецъ, несмотря на долгія противодѣйствія со стороны старыхъ профессоровъ; она нашла, наконецъ, полное одобреніе, ею прониклись и юристы Гуго и Геде. Теорія Адама Смита пользовалась съ самаго начала полнѣйшимъ сочувствіемъ. Новый и свѣжій духъ повѣялъ въ аудиторіяхъ почтенной Georgia Augusta (названіе университета). Въ лекціяхъ молодыхъ профессоровъ мы не замѣчаемъ болѣе педантичности и строгой научности, которая была присуща профессорамъ XVIII вѣка, но за то молодымъ профессорамъ удается сильнѣе увлекать аудиторію. Они, быть можетъ, менѣе самостоятельны, но они искусно популяризируютъ теоріи великихъ мыслителей.

Геттингенскій университетъ никогда не былъ разсадникомъ ретроградныхъ и отсталыхъ идей. Теологическій факультетъ не игралъ такой роли, какъ въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Въ Геттингенѣ можно было свободно высказать свое мнѣніе, и Шлецеръ пользовался этимъ довольно часто. Отмѣтимъ, что въ Геттингенѣ учились выдающіеся прусскіе государственные дѣятели: баронъ Штейнъ, князь Гарденбергъ и министръ народнаго просвѣщенія Альтенштейнъ. Благотворное вліяніе университета на братьевъ Тургеневыхъ, Куницына и остальныхъ русскихъ, занимавшихся въ Геттингенѣ, нами еще будетъ указано.

---

[1]) Дневникъ 1810—11 года, № 205 Тургеневскаго архива въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

Характерная особенность геттингенскаго университета заключалась въ томъ, что ему съ самаго начала его существованія придали универсалистическія и космополитическія тенденціи. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ тѣсной связи ганноверанскаго курфиршерства съ Англіею (курфирстъ былъ англійскимъ королемъ) и въ желаніи попечителей поставить университетъ на должную высоту и привлечь слушателей изъ всѣхъ странъ. Если къ тому примемъ во вниманіе, что геттингенскіе профессора много путешествовали, что въ богатой университетской библіотекѣ охотно занимались пріѣзжіе ученые изъ другихъ университетовъ, и что составъ студентовъ по ихъ принадлежности къ разнымъ націямъ и государствамъ былъ дѣйствительно пестрый, то станетъ вполнѣ ясно, что здѣсь господствовало космополитическое настроеніе, рѣзко отличающееся отъ настроенія университетовъ, находящихся въ другихъ нѣмецкихъ городкахъ. Геттингенъ, дѣйствительно, сталъ всемірнымъ университетомъ. Наполеонъ выразился о немъ, что онъ не принадлежитъ особому государству, ни даже Германіи, а всей Европѣ [1]). Ганноверецъ Эрнестъ Брандесъ, воспитанникъ геттингенскаго университета, глубоко образованный человѣкъ и тонкій наблюдатель общественныхъ и литературныхъ явленій, состоявшій долгіе годы дѣятельнымъ членомъ совѣта университета, говоритъ въ интересной книгѣ „Über den gegenwärtigen Zustand der Universität Göttingen“ (1802), что нѣмецкіе университеты не должны быть и дѣйствительно не являются національными университетами. Они должны быть проникнуты общечеловѣческимъ духомъ. „Ходъ великихъ міровыхъ событій,—говоритъ Брандесъ, развивая свою мысль,—показываетъ намъ, что Европа, несмотря на событія послѣднихъ лѣтъ, выступаетъ всегда, какъ система союзныхъ государствъ, и поэтому очень важно и даже необходимо для большого класса студентовъ, которымъ придется въ ближайшемъ будущемъ занимать болѣе или менѣе отвѣтственныя должности въ разныхъ государствахъ,—познакомиться съ чужими нравами, образомъ мыслей и взглядами, для того, чтобы въ нихъ пробудился либеральный духъ, и чтобы они всюду видѣли проявленіе одного и того же всечеловѣческаго духа. Слѣдуетъ сглаживать рѣзко проявляющіяся націоналистическія тенденціи и привычки въ родномъ городѣ, а этому удачно способствуетъ смѣшеніе многихъ молодыхъ людей изъ разныхъ странъ [2]) Близкое участіе такого яркаго космополита, какъ Брандесъ, въ завѣдываніи университетскими дѣлами должно было глубоко отразиться на общемъ духѣ, го-

---

[1]) Цитировано у Pütter'a, III, 49.
[2]) Zustand der Universität Göttingen, l. c. 87 и сл.

сподствовавшемъ въ Геттингенѣ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что для матеріальнаго процвѣтанія университету выгодно было привлекать студентовъ-иностранцевъ въ возможно большемъ количествѣ.

Въ студенческихъ спискахъ 1801 года въ Геттингенѣ числилось 456 иностранцевъ на 701 слушателя, тогда какъ въ Галле почти въ то же время изъ 720 слушателей было только 76 иностранцевъ. [1]) Геттингенскіе студенты отличались большимъ рвеніемъ къ занятіямъ и хорошимъ поведеніемъ. Историкъ Фридрихъ фонъ-Раумеръ, слушавшій лекціи въ 1800 и 1801 годахъ въ Геттингенѣ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, чѣмъ отличались студенты Геттингена отъ слушателей университета въ Галле. „Профессора и студенты, говоритъ онъ, ведутъ себя лучше, благороднѣе и аристократичнѣе, чѣмъ въ Галле. Если въ Геттингенѣ менѣе замѣтна грубость студенческой жизни, и лекціи посѣщаются аккуратнѣе, то здѣсь нѣтъ того вдохновенія къ наукѣ. Въ Галле рѣзко отличаются нерадивые (Liederliche) отъ студентовъ способныхъ и съ благороднымъ образомъ мыслей; въ Геттингенѣ, наоборотъ, все смѣшалось въ однородную массу съ менѣе восторженнымъ и даже равнодушнымъ отношеніемъ къ лекціямъ“ [2]). Въ брошюрѣ анонимнаго автора Göttinger Student, появившейся въ 1813 году, мы читаемъ, что характерными чертами геттингенскаго студента являются „большое прилежаніе, хорошій тонъ и нравственное поведеніе“. А офиціальное лицо кураторіума университета, Эрнстъ Брандесъ, подчеркиваетъ, что „въ Геттингенѣ долженъ царить болѣе строгій и натянутый тонъ, если хотятъ, чтобы нравы не испортились“. „Извѣстно, говоритъ онъ, что многіе студенты неохотно разстаются съ геттингенскимъ университетомъ, вначалѣ имъ мало понравившимся. Большое скопленіе студентовъ и особенно наплывъ иностранцевъ не могутъ въ первое время пріятно дѣйствовать на всякаго болѣе тонко чувствующаго человѣка, и ему здѣсь неуютно. Но какъ дороги становятся ему послѣ нѣкотораго времени геттингенскіе годы, „полные — по дальнѣйшему описанію Брандеса—своеобразныхъ прелестей, оставляющіе пріятныя воспоминанія на всю жизнь“ [3]). Такіе восторженные отзывы, основанные, какъ у Брандеса, на личныхъ воспоминаніяхъ, мы найдемъ еще въ дневникахъ Тургенева и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

---

[1]) Ib., 86—87.

[2]) Lebenserinnerungen und Briefwechsel, Leipzig, 1861, I, 38.

[3]) Ernst Brandes, Ueber die gesellschaftlichen Vergnügungen in den vornehmsten Städten des Kurfürstentums Hannover, Annalen der Braunschweigisch—Lüneburgischen Kurlande Iahrgang 1789. 2, 795.

III.

За зимній семестръ 1802—1803 г. слушало лекціи въ геттингенскомъ университетѣ 10 русскихъ, а лѣтомъ 1804 даже 12. Если въ слѣдующіе семестры цифра эта сильно падаетъ и доходитъ до 2 въ лѣтній семестръ 1806 г., то въ зимнемъ семестрѣ того же года число русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ опять поднимается, и въ каждый изъ трехъ лѣтъ 1808—1811 ихъ можно насчитать отъ 8—11. [1]) Рѣзкая разница объясняется, быть можетъ, войнами 1805—1807 года.

Среди молодыхъ людей, прибывшихъ въ 1802 году въ Геттингенъ, нѣкоторые обращаютъ на себя вниманіе солидной работой на университетской скамьѣ; это тѣ, которые впослѣдствіи выдвинулись, какъ видные общественные дѣятели на поприщѣ русской литературы и общественности. На первомъ планѣ слѣдуетъ упомянуть Александра Ивановича Тургенева, сына масона и директора московскаго университета Ивана Петровича Тургенева. Кипучую и многостороннюю дѣятельность А. И. Тургенева, личныя его сношенія съ литературнымъ и научнымъ міромъ, все то, что онъ сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ европейской и въ особенности нѣмецкой культурой, трудно описать въ тѣсныхъ рамкахъ нашего изслѣдованія. А. И. Тургеневъ оставилъ обширную переписку, большей частью неизданную, дневники и записки, и на основаніи этого богатаго матеріала будущій его біографъ сумѣетъ изучить жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ „геттингенца". [2]) Нѣмецкая культура и годы, прожитые въ Геттингенѣ, оставили неизгладимыя впечатлѣнія въ душѣ А. И. Тургенева и оказали глубокое вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность. Еще въ дѣтствѣ Александра, въ родительскомъ домѣ, было много разговоровъ о достойнѣйшихъ представителяхъ нѣмецкой литературы. При мальчикѣ упоминали много славныхъ именъ, и онъ сумѣлъ проникнуться къ нимъ уваженіемъ.

Воспитателемъ его былъ швейцарецъ Тоблеръ. [3]) Въ письмѣ къ брату 1827 года изъ Цюриха Александръ вспоминаетъ своего воспитателя, друга Лафатера: „... я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владимировичъ, какъ въ Камбрѣ думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учите-

---

[1]) Этотъ подсчетъ сдѣланъ на основаніи списка русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка.

[2]) Ср. замѣчательно удачную характеристику кн. П. А. Вяземскаго, Русскій Архивъ, 1875, I, 57.

[3]) Ср. краткую біографію А. И. Тургенева, нап. Майковымъ въ его изданіи сочиненій Батюшкова, 1887, I, 355 и сл.

лемъ, сколько другомъ нашимъ, то-есть брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣну ему, но сохранилъ всѣ его письма къ брату, котораго онъ любилъ и разставшись съ нимъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ Александръ Тургеневъ говоритъ о вліяніи на него швейцарскаго поэта Геснера: „Ни одинъ изъ авторовъ не оставилъ во мнѣ такихъ благодѣтельныхъ, располагающихъ къ добру и къ сельской жизни впечатлѣній, какъ Геснеръ, коего читали мы въ Тургеневѣ съ незабвеннымъ Тоблеромъ. Вообще мы, Тургеневы, съ благодарностію воспоминаемъ о Цюрихѣ: это отчизна Тоблеровъ, Лафатера, съ коимъ отецъ мой былъ въ дружеской и религіозной перепискѣ, отчизна Геснера, воспитавшаго въ насъ любовь къ сельской природѣ, къ сельскимъ нравамъ въ грустное время ссылки нашего отца". [2]) Во время своего пребыванія въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ А. И. Тургеневъ занимался съ Кайсаровыми и Жуковскимъ переводами нѣмецкихъ поэтовъ. Но научную подготовку, послужившую исходной точкой его міровоззрѣнія, онъ получилъ въ Геттингенѣ, гдѣ занимался подъ руководствомъ Шлецера (исторія), Буле (философія), Эйхгорна (исторія словесности), Герена, Гейне и другихъ профессоровъ. Въ теченіе всей своей жизни Ал. Тургеневъ часто вспоминалъ объ этихъ годахъ и за четыре года до смерти писалъ: „Геттингенъ, Геттингенъ! Ты еще и теперь жизнь моего *отжившаго* сердца; ты еще и теперь раздѣляешь господство надъ нимъ съ Симбирскомъ и Волгою" [3]). А братъ его, Николай, пишетъ въ глубокой старости: „Братъ мой, какъ видно изъ его писемъ, много жилъ съ нѣмцами. Наиболѣе онъ зналъ этотъ народъ съ самой лучшей его стороны, со стороны ученой образованности" [4]).

Вмѣстѣ съ Тургеневымъ отправился въ Геттингенъ состоявшій уже въ чинѣ капитана Андрей Кайсаровъ, впослѣдствіи профессоръ русской словесности Юрьевскаго университета. [5]) Ихъ связывала любовь къ историческимъ занятіямъ. Впослѣдствіи они вмѣстѣ путешествовали по славянскимъ странамъ. [6]) Изъ геттингенцевъ менѣе интереса представляетъ фонъ-Фрейгангъ, занимавшійся, главнымъ образомъ,

---

[1]) Письма А. И. Тургенева къ брату Николаю, Лейпцигъ 1872, 152; цитир. у Майкова, тамъ же.

[2]) Письмо изъ Флоренціи въ Симбирскъ— въ Моск. Наблюдателѣ 1835, I, 302—303; цитировано Майковымъ въ I т. Сочин. Батюшкова, стр. 356.

[3]) Современникъ 1841, т. XXI, стр. 23, тамъ же.

[4]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу l. c, стр. VIII.

[5]) Сухомлиновъ, „Кайсаровъ и его литературные друзья въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, отдѣлъ русск. яз. и слов. 1897, I, 1—33; Иконниковъ", „Замѣтка о Кайсаровыхъ", Русскій Архивъ 1902, I, 366 и слѣд. Левицкій, Біографическій словарь Юрьевскаго университета 1902, II, 315 и сл.

[6]) Русская Старина 1882, т. 44, стр. 449—450. Путешествіе въ славянскія страны интересно, какъ первый признакъ славянофильскихъ тенденцій. Кайсаровъ былъ одно время въ Шотландіи.

международнымъ правомъ и избравшій послѣ окончанія университета дипломатическую карьеру. Фрейгангъ получилъ степень доктора геттингенскаго университета. [1]) Привязанность къ Геттингену выражена въ написанной имъ еще студентомъ брошюркѣ, «Notice sur l'université de Goettingue». Фрейгангъ рисуетъ въ общихъ чертахъ состояніе университета и прелести геттингенской жизни. Интересно указать ближе на А. М. Тургенева (онъ не былъ родственникомъ А. И. Тургенева), который послѣ 17 лѣтней военной службы,— онъ въ то время состоялъ ротмистромъ и адъютантомъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Салтыковѣ [2])—по совѣту княгини Салтыковой собрался въ Геттингенъ, чтобы заниматься философіей, юридическими и естественными науками.

А. М. Тургеневъ, кромѣ того, основательно изучалъ французскую и нѣмецкую литературу. На немъ удобно прослѣдить вліяніе геттингенскаго университета. А. М. Тургеневъ не былъ ни ученымъ, ни литераторомъ, ни государственнымъ дѣятелемъ, вслѣдствіе чего не могъ проявить себя въ общественной жизни. Но онъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ лучшими людьми изъ передовыхъ современниковъ, а въ его домѣ на Милліонной собирались въ 50 годахъ, когда почувствовались новыя вѣянія въ русской жизни, И. С. Тургеневъ, Л. Н. Толстой, Гончаровъ и другіе представители литературы пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь бывалъ часто Н. А. Милютинъ, и, вѣроятно, здѣсь шли горячія пренія по поводу крестьянской реформы. Какъ истинный „геттингенецъ" А. М. Тургеневъ ненавидѣлъ крѣпостное право, подобно Н. И. Тургеневу, Полѣнову, Кайсарову и многимъ другимъ геттингенцамъ. „Когда, говоритъ его біографъ, заговорили объ освобожденіи крестьянъ, Александръ Михайловичъ явился его защитникомъ. Явленіе было многознаменательное: 90-лѣтній старикъ, родовой дворянинъ, всѣмъ и каждому доказывалъ, что „нельзя продавать людей, какъ скотину, и что „освобожденіе крестьянъ не уничтожитъ дворянства, которое всегда останется опорою престола". А. М. Тургеневъ получилъ приглашеніе явиться къ шефу жандармовъ, кн. Вас. Анд. Долгорукову, для объясненій. Конечно, ничего преступнаго въ его рѣчахъ не было найдено. Долгоруковъ передъ нимъ извинился. Но, несмотря на то, что это объясненіе не навлекло на Тургенева никакихъ непріятныхъ послѣдствій, онъ съ горечью оставилъ родину.

---

[1]) Русскій біографическій словарь 1901. „Русская Старина" 1870, 2 т., стр. 94—95

[2]) См. его біографію въ Русской Старинѣ, 1885, т. 47, 365 и сл. и статью Пыпина, Новые мемуары", въ „Вѣстникѣ Европы" 1887, XII, 703 и сл. А. М. Тургеневъ оставилъ цѣнные мемуары, напечатанные съ 1885 года въ „Русской Старинѣ".

Приведемъ, наконецъ, отзывъ о немъ Пыпина, высказанный по поводу появившихся въ 1885 году интересныхъ записокъ А. М. Тургенева о царствованіи Екатерины II. „Записки Тургенева, говоритъ Пыпинъ, исполнены своеобразнаго интереса. Въ лицѣ ихъ автора дожилъ до нашихъ дней представитель екатерининскаго вѣка, сохранивъ лучшія черты тогдашнихъ общественныхъ инстинктовъ, укрѣпленныхъ въ немъ нѣмецкой университетской школой, и, являясь поучительнымъ примѣромъ того преемства идей, которое связываетъ конецъ прошлаго столѣтія съ нашимъ настоящимъ. Онъ не заявилъ себя въ литературѣ; въ своемъ служебномъ положеніи не имѣлъ случая и возможности дѣйствовать на складъ общественнаго мнѣнія,—между тѣмъ въ немъ олицетворилась нить преданія, соединившаго лучшія мысли прошлаго вѣка съ тѣмъ, что волновало новыя поколѣнія. Въ своемъ возбужденіи новое поколѣніе склонно было считать свои мысли какъ бы новымъ открытіемъ,—но исторія напоминала, что были и въ прошедшемъ зачатки тѣхъ же самыхъ стремленій, а, наконецъ, оказывалось, что были и живые представители этого стараго преданія. Таковъ былъ А. М. Тургеневъ, таковъ былъ, въ нѣсколько болѣе поздней эпохѣ, другой Тургеневъ, Н. И., и съ нимъ цѣлый рядъ дожившихъ до прошлаго царствованія и вернувшихся изъ ссылки декабристовъ“ [1]). Эти „зачатки“ были на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ, заложены Геттингеномъ, воспитавшимъ и А. М. и Н. И. Тургеневыхъ и косвенно черезъ нихъ всю передовую молодежь александровской эпохи.

Что касается остальныхъ русскихъ, занимавшихся въ самомъ началѣ XIX вѣка въ Геттингенѣ, то мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Но во время пребыванія въ Геттингенѣ имъ обща была одна черта: это—усердіе къ научнымъ занятіямъ и глубокое уваженіе, съ какимъ они относились къ геттингенскимъ профессорамъ. Въ особенности они полюбили Шлецера. Онъ ихъ вдохновлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ, несмотря на преклонность его возраста. „Они его любили, какъ отца родного, и онъ любилъ ихъ, какъ своихъ дѣтей“, заявляетъ вполнѣ справедливо его сынъ Христіанъ, профессоръ московскаго университета [2]).

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1887, XII, 704—705.

[2]) Ch. von Schlözer., Aug. L. von Schlözers Oeffentliches und Privatleben, Leipzig, 1828, I, 409. Небезынтересно слѣдующее мѣсто изъ письма князя фонъ-Гогенлоге-Кирхбергъ къ Шлецеру 20 февраля 1806 г.: „Мой придворный священникъ, пишетъ князь, навѣрно сообщилъ вамъ, что 13 мая прошлаго года пріѣхали туда (въ Кирхбергъ) четыре русскихъ господина, которые на слѣдующій день уѣхали. Послѣ обѣда они пошли на гору Софіи, осматривали изъ маленькаго бельведера окрестность и написали карандашемъ на одномъ столбѣ бельведера „Ici 4 braves Russes ont bû à la santé de Schlözer, qui est né à Kirchberg, il y a déjà 60 ans, et qui est fameux par ses annales historiques, surtout pour les Russes“. Вечеромъ они поѣхали въ Ягштадтъ (Jaggstadt) и ве-

Живая и смѣлая рѣчь историка глубоко западала въ души его слушателей. Фрейгангъ съ тонкимъ пониманіемъ характеризуетъ степень вліянія идей Шлецера въ слѣдующихъ словахъ: „Sa manière est originale; son débit si piquant, si prononcé et si juste, que soit à le lire soit à l'entendre on ne peut se defendre du sentiment de vénération qu'inspire le digne interprète de la vérité“ [1]).

Особенно интимными были отношенія между Шлецеромъ и А. И. Тургеневымъ, помогавшимъ ему при изданіи лѣтописи Нестора. Шлецеръ думалъ даже въ случаѣ, если бы понадобилось издавать Нестора въ Петербургѣ, рекомендовать для этой работы „своего Тургенева“. Въ 1804 г. Тургеневъ написалъ статью „Критическія примѣчанія, касающіяся до древней славяно-русской исторіи (напеч. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804 г.). Въ „Утренней Зарѣ“ за 1805—1806 г., кн. III и IV, появились въ переводѣ два отрывка изъ замѣчательнаго въ свое время введенія Шлецера во всеобщую исторію [2]).

Неразлучный товарищъ А. И. Тургенева, Андрей Кайсаровъ, усердно занимался подъ руководствомъ Шлецера историческими науками. Плодами этихъ занятій явились два интересныхъ въ свое время сочиненія „Опытъ славянской миѳологіи“, и докторская диссертація „Объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи“. Во время путешествія по славянскимъ странамъ Кайсаровъ познакомился съ бытомъ и съ литературой славянскихъ народовъ. Подъ этими впечатлѣніями у него созрѣла мысль изложить главныя миѳологическія преданія, сохранившіяся у славянъ. Книга появилась въ 1804 году на нѣмецкомъ языкѣ и была переведена 4 года спустя на русскій языкъ, безъ указанія автора. Сочиненіе Кайсарова обратило на себя вниманіе ученыхъ. Это объясняется тѣмъ, что славянская наука была еще въ зачаточномъ состояніи [3]). Кайсаровъ писалъ свою книгу съ сознаніемъ, что онъ обнаружилъ „зарытые клады“. Онъ надѣялся, что его книга послужитъ толчкомъ къ распространенію историческихъ свѣдѣній о славянахъ и въ особенности о Россіи. „Ибо, говоритъ онъ, Россія XIX столѣтія не

лѣли себѣ показать въ тамошней церковной книгѣ, когда вы родились...“ Слѣдуютъ имена: А. Кайсаровъ, капитанъ, Александръ Гуссіятниковъ, именитый гражданинъ города Москвы, А. Тургеневъ, ротмистръ, и Іоанъ Кассіусъ, докторъ юридическихъ наукъ изъ Бѣлоруссіи. II т., стр. 205.

[1]) „Онъ читаетъ оригинально; его изложеніе такъ ясно, мѣтко и привлекательно, что, когда читаешь или слушаешь его, невольно проникаешься чувствомъ уваженія къ этому достойному поборнику истины“.

Notice sur l'université de Goettingue, стр. 30—31.

[2]) Майковъ, сочиненія Батюшкова, l. c., стр. 357 и Schlözers Oeffentliches und Privatleben, l. c., I, 414.

[3]) См. указанную статью Сухомлинова.

имѣетъ еще своего историка" [1]). Кайсаровъ посвятилъ первое свое научное изслѣдованіе своему учителю Шлецеру, „другу русскаго народа" и „безсмертному возстановителю безсмертнаго Нестора".

Гораздо больше интереса представляетъ докторская диссертація Кайсарова объ освобожденіи крестьянъ [2]). Изъ нея можно сдѣлать заключеніе о вліяніи геттингенскаго университета на его русскихъ слушателей. На первыхъ страницахъ Кайсаровъ замѣчаетъ, что онъ намѣренъ разсуждать о вольности, къ которой онъ не относитъ, однако, вольность, проявившуюся въ эпоху французской революціи, въ видѣ необузданнаго фанатизма: подъ вольностью онъ подразумѣваетъ только ту, которая достойна носить это названіе, которая возвышаетъ душу, стоитъ на стражѣ справедливости и не допускаетъ жестокости. Только при осуществленіи такой вольности можетъ процвѣтать земледѣліе, промышленность и рости народное благосостояніе. Въ этихъ именно разсужденіяхъ мы видимъ отраженіе взглядовъ геттингенскихъ историковъ и юристовъ на задачи и средства культурной дѣятельности передовыхъ слоевъ общества. Она должна, по ихъ мнѣнію, происходить въ духѣ свободы, но свободы умѣренной. Такую свободу Кайсаровъ желалъ бы видѣть господствующей въ Россіи, точно такъ же, какъ ею пользуются жители другихъ европейскихъ странъ [3]).

На тему объ освобожденіи крестьянъ натолкнула Кайсарова появившаяся въ 1803 году записка лифляндскаго дворянина фонъ-Унгерна-Штернберга [4]), утверждающаго „наглымъ образомъ", что рабство коренится въ человѣческой природѣ, что оно соотвѣтствуетъ принципамъ разума и что рабство нужно поддерживать, даже если бы приходилось прибѣгать для этой цѣли къ вооруженной силѣ. Кайсаровъ весь возмущенъ этимъ разсужденіемъ и съ своей стороны высказываетъ убѣжденіе, что именно открытымъ насиліемъ или хитростью лишили людей естественной свободы. Какимъ образомъ въ Россіи, гдѣ, по словамъ Шлецера, въ царствованіе царя Ивана Васильевича жило нѣсколько милліоновъ свободныхъ крестьянъ, послѣдніе стали рабами, трудно опредѣлить, такъ какъ вопросъ о возникновеніи крѣпостного права, по мнѣнію, Кайсарова, еще не вполнѣ выясненъ. Но какъ бы то ни было, говоритъ онъ, въ данный моментъ, въ XIX вѣкѣ,

---

[1]) Versuch einer slavischen Mythologie, Göttingen, 1804, стр. 9—10.

[2]) Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis. День защиты диссертаціи: 3 мая 1806 г.

[3]) Dissertatio, стр. 1—2.

[4]) Ist die von einigen des Adels projektierte Einführung der Freiheit unter dem Bauernstande in Livland dem Staatsrecht Russlands Konform? Eine Abhandlung, den Landtag in Riga von 1803 betreffend. Ср. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ", I, 287 и сл.

рабство безусловно должно быть уничтожено. Нельзя допустить, чтобы одно сословіе обогащалось на счетъ другого. Предъ общимъ благомъ должны быть принесены въ жертву притязанія отдѣльныхъ личностей.

Во избѣжаніе недоразумѣній Кайсаровъ заявляетъ, что онъ будетъ говорить только о гражданской свободѣ, а политической свободы вовсе не намѣренъ касаться. Онъ указываетъ на то, что отсутствіе элементарныхъ гражданскихъ свободъ въ такихъ странахъ, гдѣ ничтожное меньшинство пользовалось широкими политическими правами, приводило всегда эти страны къ гибели. Поучительнымъ примѣромъ служитъ Польская Рѣчь Посполита. Нужна, главнымъ образомъ, полная личная свобода всѣхъ гражданъ страны, и именно въ монархическихъ государствахъ она лучше осуществляется и процвѣтаетъ. Эту мысль Кайсарова Николай Тургеневъ еще опредѣленнѣе выразилъ въ слѣдующей фразѣ: „Грѣшно помышлять о политической свободѣ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной“.

Переходя непосредственно къ своей темѣ, Кайсаровъ указываетъ на различіе между барщиннымъ и свободнымъ трудомъ. Послѣдній болѣе производителенъ, какъ доказываетъ опытъ. Кайсаровъ требуетъ для крестьянскаго сословія большей заботливости и поддержки со стороны государства, потому что это сословіе есть источникъ благосостоянія всего населенія. Но смѣшно объ этомъ думать при существующемъ въ Россіи крѣпостномъ правѣ, когда крестьянинъ даже не можетъ жениться по своей свободной волѣ, а лишь по указанію своего владѣльца-помѣщика. Крестьянскія дѣти выростаютъ въ жалкой обстановкѣ, никто о нихъ не заботится, они плохо питаются и никто ихъ не воспитываетъ, потому что родители должны обрабатывать господскія земли. Такимъ образомъ преждевременно гибнетъ много дѣтей. Кайсаровъ указываетъ дальше еще на одно ненормальное явленіе. Правительство привлекаетъ въ страну иностранныхъ колонистовъ, но гораздо раціональнѣе поощрять внутреннюю колонизацію, которую легко можно было бы проводить послѣ уничтоженія крѣпостного права, когда крестьяне сумѣютъ свободно переходить изъ одной мѣстности въ другую. Съ какой бы стороны ни разсматривать крѣпостное право, говоритъ Кайсаровъ, видно лишь, какое необычайное количество вреда приноситъ оно странѣ. Цвѣтущее состояніе промышленности, предполагающее населеніе съ болѣе или менѣе культурными требованіями, немыслимо въ странѣ, въ которой народная масса едва зарабатываетъ на насущный хлѣбъ. Торговля и денежное обращеніе также разростутся лишь послѣ упраздненія крѣпостного права, потому что крестьянинъ при теперешней обстановкѣ скорѣе зароетъ свои деньги въ землю, чѣмъ пуститъ ихъ въ оборотъ, чтобы онѣ только не попались въ

господскія руки. Нельзя, наконецъ, продолжаетъ Кайсаровъ, упускать изъ виду моральную сторону вопроса. Свободный русскій крестьянинъ будетъ нравственно выше жалкаго раба. Русскій солдатъ будетъ съ бо́льшимъ самопожертвованіемъ защищать свое отечество, если съ малыхъ лѣтъ будетъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости и сможетъ надѣяться, что по возвращеніи со службы въ родную деревню онъ устроитъ себѣ свободный домашній очагъ. Отвѣчая на возраженія, которыя онъ предвидитъ со стороны защитниковъ крѣпостного права, Кайсаровъ указываетъ на предпринятую правительствомъ крестьянскую реформу въ Лифляндіи въ 1804 году, которую онъ радостно привѣтствуетъ. Было бы, конечно, безуміемъ, даровать свободу сразу 20 милліонамъ населенія, но можно надѣяться, что Александръ I сумѣетъ современемъ и постепенно завершить это великое дѣло, если онъ будетъ долго царствовать [1]).

Въ заключеніе Кайсаровъ касается вопроса о томъ, въ какой степени занятія въ западно-европейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вліяютъ на взгляды молодыхъ русскихъ на крѣпостное право. Въ Россіи многіе даже рекомендовали молодымъ русскимъ посѣтить иностранные университеты, присмотрѣться къ правовому положенію и экономическому быту тамошнихъ крестьянъ и судить тогда, насколько ихъ положеніе лучше положенія крестьянъ въ Россіи. Кайсаровъ самъ зналъ нѣсколькихъ русскихъ товарищей по университету, которымъ свобода крестьянъ въ Западной Европѣ не очень нравилась [2]). Обоснованія этого мнѣнія Кайсаровъ не приводитъ, но мы можемъ догадаться, что отрицательное отношеніе неизвѣстныхъ молодыхъ русскихъ происходило изъ слѣдующаго соображенія. Въ то время, какъ русскаго крестьянина содержитъ въ неурожайное время помѣщикъ, въ Германіи крестьянинъ оставленъ на произволъ судьбы. Что касается извѣстныхъ намъ геттингенцевъ, то мы не можемъ указать ни на одного изъ нихъ, который предпочиталъ бы рабство русскихъ крестьянъ политической и экономической свободѣ послѣднихъ въ Германіи. Наоборотъ, они даже, быть можетъ, слишкомъ увлекались одной личной свободою, не требуя или не настаивая въ то же время на матеріальномъ обезпеченіи свободнаго крестьянина. Кайсаровъ самъ все время говоритъ о личной свободѣ, а болѣе талантливый и дѣятельный его современникъ Николай Тургеневъ долгое время проповѣдывалъ прежде всего необходимость личной свободы крестьянъ.

Кайсаровъ посвятилъ свою дисертацію Александру I., лелѣя въ душѣ надежду, подобно многимъ другимъ со-

---

[1]) Dissertatio, passim.
[2]) Dissertatio, стр. 31.

отечественникамъ, что молодой императоръ упразднитъ крѣпостное право. Эта надежда была всеобщей; всѣ ожидали также крупныхъ реформъ въ другихъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Кайсаровъ получилъ отъ Александра брилліантовый перстень, но диссертація не была переведена на русскій языкъ, несмотря на то, что она касалась такого жгучаго въ то время вопроса. Она и осталась неизвѣстной широкой публикѣ. Правда, диссертація довольно бѣдна по фактическому матеріалу, но все же рѣзкія нападки на существующее крѣпостное право и полемика съ его защитниками могли расшевелить и направить общественную мысль на обсужденіе злободневнаго вопроса [1]). Тотъ фактъ, что брошюра не была переведена, показываетъ намъ, что вліяніе геттингенскаго университета на общественную жизнь Россіи начала XIX столѣтія сказалось бы гораздо замѣтнѣе, если бы русскимъ питомцамъ этого знаменитаго университета была дана возможность высказать свободно и громко свое мнѣніе о необходимости крупныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, мнѣніе, повторяемъ, назрѣвшее и развившееся подъ впечатлѣніемъ живой рѣчи геттингенскихъ профессоровъ и основанное, кромѣ того, на солидной научной подготовкѣ.

Два года до выхода въ свѣтъ диссертаціи Кайсарова фонъ-Фрейгангъ напечаталъ краткое разсужденіе о крестьянскомъ вопросѣ, озаглавленное «Sur l'affranchissement des serfs [2])». Оно не претендуетъ на научныя достоинства, а прямо излагаетъ нѣсколько общихъ мыслей молодого автора, тогда еще студента, о томъ, насколько полезно было бы упразднить крѣпостное право. Главнымъ образомъ эта реформа должна отразиться благотворно на развитіе торговли и промышленности. Фонъ-Фрейгангъ также надѣялся на то, что Александръ I упразднитъ рабство и будетъ царствовать надъ свободными людьми.

IV.

Въ 1804 году Христіанъ фонъ-Шлецеръ писалъ своему отцу изъ Москвы: „Здѣсь все болѣе входитъ въ моду посѣщеніе геттингенскаго университета“ [3]). Эти слова онъ могъ съ еще большимъ правомъ высказать четыре года спустя. Въ 1808—1811 годахъ мы встрѣчаемъ самое большое количество русскихъ въ Геттингенѣ. Изъ московскаго университета пріѣхало двое студентовъ, занимавшихъ впослѣдствіи тамъ же кафедры: востоковѣдъ А. Болдыревъ и филологъ-классикъ Романъ Тим-

---

[1]) Семевскій l. c. 287.
[2]) Геттингенъ 1804, стр. 8.
[3]) Oeffentliches und Privatleben, l. c. I, 419.

ковскій. Они выѣхали изъ Россіи уже въ 1806 году и занимались раньше два года въ Галле и Лейпцигѣ. Въ Геттингенѣ они работали подъ руководствомъ такихъ опытныхъ руководителей какъ Гейне, Митшерлихъ, Эйхгорнъ и др. [1]). Въ особенности многимъ былъ обязанъ геттингенскому университету, рано умершій талантливый профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ классической словесности Тимковскій. Въ воспоминаніи о немъ его ученика, А. М. Кубарова, мы читаемъ слѣдующія интересныя строки о впечатлѣніяхъ Тимковскаго, вынесенныхъ имъ о геттингенскомъ періодѣ: „Когда онъ говорилъ о чужихъ краяхъ, то любилъ распространяться въ похвалахъ славнѣйшимъ нѣмецкимъ ученымъ, но въ особенности своему учителю, знаменитому Гейне, который былъ для него идеаломъ ученой и нравственной жизни. Съ удовольствіемъ особенно онъ говорилъ о его добросердечіи, ласковомъ и привѣтливомъ обращеніи, въ особенности съ иностранцами, слушавшими его лекціи; удивлялся его равнодушію къ несправедливостямъ, оказаннымъ ему Вольфомъ, и чрезвычайно жалѣлъ о невознаградимой потерѣ писемъ, которыя, будучи уже здѣсь въ Москвѣ и имѣя каѳедру, онъ получалъ еще отъ своего славнаго учителя, и которыя вмѣстѣ съ его прекрасной библіотекой были истреблены въ 1812 г. московскимъ пожаромъ“ [2]).

Педагогическій институтъ, который впослѣдствіи былъ переименованъ въ С.-Петербургскій университетъ, отправилъ лѣтомъ 1808 году 12 студентовъ I отдѣленія „отличныхъ дарованіями, знаніемъ наукъ и иностранныхъ языковъ“ въ иностранные университеты, чтобы они въ теченіе трехъ лѣтъ подготовились къ профессорской дѣятельности въ с.-петербургскомъ университетѣ: „1) Кайдановъ для исторіи, географіи и статистики, 2) Галичъ для философіи во всемъ ея пространствѣ, 3) Плисовъ для политической экономіи и коммерціи, 4) Куницынъ для дипломатики, 5) Бутырскій для словесности вообще и въ частности для эстетики, 6) Чижовъ для чистой математики 7) Воронковскій для практической астрономіи, 8) Карцовъ для физики и прикладной математики, 9) Соловьевъ для химіи, 10) Ржевскій для зоологіи, 11) Кастальскій для ботаники и минералогіи и 12) Подзорскій для технологіи и сельскаго домоводства“ [3]). Въ „начертаніи объ отправленіи студентовъ С.-Петербургскаго университета въ чужіе края“,

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, Москва, 1855, ч. I. 95 и сл., ч. II 486 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 495.

[3]) См. сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, СПБ. 1864, т. I., № 98 (23035). мая 23 Объ отправленіи студентовъ С.-Петербургскаго Педагогическаго института въ чужіе края, стр. 458—474.

между прочимъ, очень подробно изложено, въ какомъ объемѣ названные студенты должны проходить намѣченные курсы, и какой изъ иностранныхъ университетовъ рекомендуется для полнаго изученія отдѣльныхъ наукъ. Интересно, что геттингенскій университетъ въ этихъ указаніяхъ почти по всѣмъ наукамъ занимаетъ первое мѣсто, и вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что здѣсь занимались двѣ трети изъ числа отправленныхъ студентовъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ или большую часть этого времени. Что касается историческихъ наукъ, то, указывая на необходимость широкихъ знаній не только по исторіи и вспомогательнымъ для нея наукамъ, но и по философіи, правовѣдѣнію и политической экономіи, составители „начертанія“ приходятъ къ слѣдующему заключенію: „Геттингенскій университетъ давно уже отличился предъ прочими тѣмъ, что историческія науки и для дипломатическихъ знаній нужныя свѣдѣнія въ немъ процвѣтаютъ. Кому неизвѣстны въ семъ отношенія Шлецеръ, Эйхгорнъ, Планкъ, Геренъ, Гуго, Сарторіусъ и Мейнерсъ? Сверхъ того рѣдкая тамошняя библіотека послужитъ весьма важнымъ пособіемъ къ усовершенію наукъ историческихъ“. Философу слѣдуетъ заниматься въ Гельмштетѣ (университетъ недалеко отъ Геттингена) два года и годъ въ Геттингенѣ, „дабы тамъ особенно для природнаго права воспользоваться уроками Гуго, одного изъ извѣстнѣйшихъ учителей права“. Въ разныхъ областяхъ политической экономіи, „коммерціи и дипломатики“ (подразумѣвается юриспруденція) „въ Геттингенѣ можно получить полныя свѣдѣнія“. Здѣсь студентъ долженъ пробыть минимумъ одинъ годъ. Чтобы изучать словесность и въ частности эстетику, тоже необходимо быть два года въ Геттингенѣ, чтобы „выслушать для сихъ наукъ уроки геттингенскихъ учителей, между коими уже давно Гейне со славою отличился“. Для изученія „технологіи и сельскаго домоводства, которыя можно обѣ соединить вмѣстѣ“, „удобнѣе всего ѣхать въ Геттингенъ, дабы приготовиться у извѣстнаго Бекмана, имѣющаго тамъ для обѣихъ сихъ частей публичныя чтенія, и который равно даетъ особые уроки“. Но и для студентовъ, изучающихъ физико-математическія и естественныя науки, весьма полезно было бы заниматься подъ руководствомъ геттингенскихъ ученыхъ, астронома Гаусса и др. Всѣмъ студентамъ, и въ особенности „историкамъ и философу“, рекомендовалось прослушать лекціи по „энциклопедіи наукъ“ и педагогикѣ. Для каждаго изъ нихъ требовалось 1500 рублей ежегодно, а имъ было вмѣнено въ обязанность каждые четыре мѣсяца присылать въ Конференцію Педагогическаго Института подробные отчеты о своихъ занятіяхъ.

Въ августѣ 1808 года пріѣхали въ Геттингенъ 7 изъ названныхъ студентовъ, а въ слѣдующемъ году къ нимъ

присоединился еще восьмой, Карцовъ [1]). Въ спискахъ (матрикулахъ) нѣтъ Галича, Чижова, Ржевскаго и Соловьева. О жизни восьми студентовъ, занимавшихся въ Геттингенѣ, мы почти ничего не знаемъ. Сохранились только письма А. Куницина къ А. И. Тургеневу въ тургеневскомъ архивѣ. Одно изъ нихъ, написанное 17 іюля 1809 г., отчасти любопытно выраженіемъ со стороны Куницина и его товарищей недовольства наставленіями и указаніями Конференціи и нежеланіемъ ея пойти на встрѣчу просьбамъ ея „студентовъ". „На просьбу нашу, пишетъ Куницынъ, между прочимъ, о прибавкѣ жалованья изъ оставшихся 300 руб. Конференція сдѣлала удовлетвореніе съ горькими укоризнами. Она думаетъ, что наши донесенія несправедливы, и безпрестанно изъявляетъ неудовольствіе на излишніе расходы. Я началъ обучаться италіянскому языку, но такъ какъ оный не положенъ въ инструкціи, то Конференція приказала оставить и издержки на сей предметъ не хочетъ принять на свой счетъ. Какая странная угроза! Конференція знаетъ, что я не имѣю никакихъ постороннихъ доходовъ, а между тѣмъ съ учителемъ долженъ разставаться непремѣнно. И такъ въ семъ случаѣ я не могу иначе поступить, какъ разложить сіи издержки на другіе позволенные предметы и прислать ложное донесеніе. Конференція заставляетъ быть безсовѣстнымъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой нужды". Въ этомъ же письмѣ мы находимъ еще нѣсколько словъ о самомъ Куницынѣ, несомнѣнно одномъ изъ выдающихся въ этой группѣ молодыхъ людей. „Я живу здѣсь, пишетъ Куницынъ, другой семестръ, по окончаніи котораго намѣреваюсь отправиться въ Галле. Здѣсь нѣтъ профессора дипломатики, иначе я прожилъ бы въ Геттингенѣ еще годъ, ибо въ разсужденіи воспомогательныхъ наукъ нигдѣ по моей части кажется нельзя найти лучше профессоровъ". О томъ, былъ ли онъ въ Галле, мы не знаемъ, но въ апрѣлѣ 1811 онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Геттингенъ [2]), чтобы черезъ нѣсколько дней вернуться съ другими товарищами на родину. „Парижъ, записываетъ Н. И. Тургеневъ въ геттингенскомъ дневникѣ, не перемѣнилъ его въ одномъ отношеніи. Говоритъ о Беккаріи, о Бентамѣ все такъ же, какъ за три года и за годъ... Въ субботу онъ съ другими ѣдетъ въ Петербургъ. Postérité heureuse! Точно просвѣщеніе разольется по всей Россіи! Со стороны досадно, больно и жаль самихъ ихъ".

Возвратившись въ Россію, Куницынъ и его товарищи заняли каѳедры въ Педагогическомъ институтѣ, переименованномъ въ 1816 году въ Главный Педагогическій институтъ, а въ 1819 въ С.-Петербургскій университетъ [3]).

---

[1]) На основаніи университетскихъ матрикуловъ.

[2]) Поѣздка въ Парижъ и въ Англію была положена въ инструкціи Конференціи, см. Сборникъ I. с passim.

[3]) В Григорьевъ „Исторія С.-Петербургскаго университета 1870", стр. 4.

Куницынъ, Кайдановъ, и Карцовъ преподавали и въ Царскосельскомъ лицеѣ. Извѣстно вліяніе Куницына на Пушкина и декабриста Пущина. Вообще онъ не скрывалъ своихъ либеральныхъ взглядовъ. Онъ писалъ статьи въ конституціонномъ духѣ въ журналѣ „Духъ Журналовъ“ и выпустилъ въ 1818 году серьезный трудъ „Естественное право“, который скоро былъ конфискованъ, такъ какъ, по мнѣнію Гл. Правленія училищъ, книга была признана „противорѣчащею явно истинамъ Христіанства, и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“ [1]). Иначе отозвался объ этой книгѣ Градовскій: „Трудъ свидѣтельствуетъ о большомъ талантѣ автора, сильной логикѣ и замѣчательной для того времени научной самостоятельности, хотя школа, ученію которой онъ слѣдовалъ (Руссо и Кантъ) и тогда уже могла считаться отжившею вѣкъ, а другія позднѣйшія ученія оставались ему, повидимому, неизвѣстны“ [2]). Итакъ, видно, что Куницынъ много заимствовалъ у Канта. Въ Геттингенѣ о естественномъ правѣ читалъ Гуго, находившійся подъ вліяніемъ Канта. Черезъ него и Бутервека, непосредственнаго ученика Канта, Куницынъ познакомился съ кантовскимъ ученіемъ. Вскорѣ преподавательская дѣятельность Куницына была прервана. Началась мрачная эпоха дѣятельности Магницкаго и Рунича. Сначала былъ отставленъ Куницынъ въ мартѣ 1821 и вслѣдъ за нимъ другіе профессора университета: Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и извѣстные намъ Галичъ и Плисовъ [3]). Мы опять стоимъ передъ вопросомъ, какъ благотворно отразилось бы вліяніе геттингенскаго университета, если бы Куницыну и его друзьямъ не ставили такихъ препятствій, если бы они могли свободно продолжать свою научную дѣятельность. Удары, нанесенные реакціей Куницыну [4]) и его друзьямъ,—одинъ изъ печальнѣйшихъ фактовъ русской жизни начала XIX вѣка. Много представлялось тогда возможностей къ широкой и свободной культурной дѣятельности, и однимъ изъ главныхъ ея двигателей явился бы геттингенскій университетъ.

Особое мѣсто въ средѣ своихъ товарищей по геттингенскому университету занимаетъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій. Онъ оставилъ много бумагъ, касающихся его пребыванія въ Геттингенѣ, такъ что мы въ состояніи подробно слѣдить за его умственнымъ развитіемъ въ геттингенскій періодъ. Особенно много онъ слушалъ лекцій у Бутервека, Герена, Гуго, Геде и Сарторіуса.

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

[2]) Цитировано Григорьевымъ, тамъ же, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 39.

[4]) О Куницынѣ слѣдовало бы написать болѣе подробный очеркъ. Мы ограничились самыми общими указаніями на его дѣятельность, чтобы не выйти изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія.

Въ семинаріяхъ послѣдняго онъ читалъ рефераты по финансовому вопросу, о чемъ было уже упомянуто. Рефераты Михайловскаго-Данилевскаго свидѣтельствуютъ о его серьезныхъ занятіяхъ финансовой и политической науками. Авторъ весь проникнутъ взглядами Адама Смита. Михайловскій-Данилевскій задумалъ даже трудъ о государственномъ кредитѣ и написалъ нѣсколько главъ. Вообще онъ много читалъ и по другимъ отраслямъ знаній: по исторіи, праву, политическимъ теоріямъ и философіи. Сохранилось нѣсколько тетрадей съ выписками изъ многочисленнаго ряда книгъ, прочитанныхъ имъ за этотъ періодъ [1]). У Михайловскаго-Данилевскаго завязались тѣсныя связи съ профессорами Геде, Сарторіусомъ и Вундерлихомъ. Любопытные отзывы о бесѣдахъ съ Геде мы читаемъ въ дневникѣ Михайловскаго-Данилевскаго, Mélanges littéraires et sentimentales écrits pendant les moments de désoeuvrement à l'université de Goettingue. 18 апрѣля 1810 года онъ записываетъ, что Геде пришелъ къ нему въ 8 часовъ утра, чтобы вмѣстѣ отправиться въ лежащій неподалеку городокъ Нертенъ. Въ 5 часовъ дня они вернулись обратно въ Геттингенъ. „Я бы не записалъ этого дня, продолжаетъ Данилевскій, если бы не провелъ его столь пріятно. Безъ сомнѣнія въ моей жизни мало проводилъ я такихъ дней, но мало и людей подобныхъ Г... Монтескье, Буркъ, Θукидидъ, Полибій, Тацитъ, Цицеронъ, Махіавель, вы насъ занимали почти цѣлый день, и мысли ваши, объяснялся мнѣ Г..., не въ состояніи ли дѣлать на это время человѣка счастливымъ?“ А два дня спустя, 20 апрѣля, онъ записываетъ: „Вчера въ это время пошелъ я съ Геде за городъ. Завтракали... Потомъ пошли мы въ близъ находящійся лѣсъ, сѣли на камень и смотрѣли на развалины древняго замка Плессы, стоявшаго противъ насъ на высокой горѣ. Сколько пріятныхъ разговоровъ! сколько для меня нравоучительнаго; никогда не забуду это время!“ Въ другомъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „Горе тѣмъ государствамъ, сказалъ мнѣ вчера Геде, гдѣ все основано на римскомъ правѣ, и я почитаю съ этой стороны Россію счастливою, что она имѣетъ по сихъ поръ свое собственнве законоположеніе“ [2]). Интимныя сношенія съ молодымъ, но, по словамъ Тургенева, „геніальнымъ“ Геде дѣйствительно не могли не вызвать такихъ восторженныхъ отзывовъ у увлекающагося и любознательнаго Михайловскаго-Данилевскаго.

---

[1]) Большая часть бумагъ Данилевскаго находится въ рукописномъ отдѣленіи Импер. Публ. Библіотеки, см. списокъ бумагъ въ отчетахъ И. П. Б. за 1885, стр. 6—12, 1889, 95 и сл.; 1899, 150 и сл. Сохранились переписанными лекціи Сарторіуса (Политика), Гуго (Римское право) и Геде (Церковное право), ср. очеркъ Н. К. Шильдера, „А. И. Михайловскій-Данилевскій“, Русская Старина, т. 71, стр. 471 и сл.

[2]) Mélanges littéraires... Бумаги Данилевскаго, тетрадь 38.

Но онъ, кромѣ того, сблизился еще съ Сарторіусомъ, и они переписывались даже послѣ университетскихъ годовъ Данилевскаго [1]). Среди товарищей-нѣмцевъ онъ тоже пріобрѣлъ друзей, въ томъ числѣ одного очень интимнаго,—швейцарца I. Песталоцци (насколько намъ говорятъ объ этомъ оставшіяся послѣ него письма въ бумагахъ Михайловскаго-Данилевскаго). Въ письмѣ отъ 29 сентября 1811 года, черезъ четыре мѣсяца послѣ оставленія Данилевскимъ университета, Песталоцци пишетъ ему: „Я долженъ Вамъ признаться, что съ вашимъ отъѣздомъ образовалась какая-то пустота въ здѣшней моей жизни. Насъ всегда связывали дружескія узы, поэтому естественно, что вашъ отъѣздъ былъ для меня тяжелой утратой“. И спустя три года, когда Михайловскій - Данилевскій находился въ Базелѣ, въ главной квартирѣ союзныхъ армій, онъ получилъ отъ своего друга Песталоцци, тогда учителя въ Цюрихской гимназіи, очень трогательное письмо, въ которомъ тотъ говоритъ, что, несмотря на разстояніе, раздѣлившее ихъ въ послѣдніе годы, въ немъ очень живы воспоминанія о Данилевскомъ: „Я, говоритъ Петалоцци, тосковалъ за Вами, незабвенный другъ, и хотѣлось съ Вами бесѣдовать, какъ дѣлали мы въ Геттингенѣ, уединившись въ саду или при пылающемъ каминѣ; хотѣлось поговорить съ Вами о замѣчательныхъ событіяхъ нашихъ дней, наводящихъ на столь полезныя размышленія“ [2]). Неудивительно послѣ этого, что Михайловскому-Данилевскому тяжело было разстаться съ Геттингеномъ, гдѣ онъ послѣ двухгодичнаго пребыванія, по его собственному признанію въ дневникѣ, настолько измѣнился, что самъ себя не узнавалъ. И вполнѣ понятна глубокая скорбь, звучащая въ его записи послѣ отъѣзда изъ любимаго Геттингена. Вотъ подлинныя слова изъ его журнала за 1811 годъ: „10 іюня вечеромъ я выѣхалъ изъ Геттингена обратно въ Россію, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, три года неразлучнымъ товарищемъ моимъ въ университетѣ. Я не въ состояніи описать ужасной грусти, обладавшей мною при мысли, что я навсегда оставлялъ Геттингенъ, гдѣ я провелъ счастливо тотъ возрастъ моей жизни, который можно назвать цвѣтомъ нашего земного существованія, то-есть отъ семнадцати до двадцати лѣтъ, и въ которомъ я, такъ сказать, переродился. Нѣсколько соотечественниковъ нашихъ провожали насъ до трактира, называемаго das deutsche Haus, а когда мы съ ними простились и остались двое въ коляскѣ, мнѣ представилось все, чего я лишился, всѣ

---

[1]) Бумаги Данилевскаго, т. 16—„Путешествіе въ Ахенъ въ 1818 г.“ и т. 30, Письма къ А. И. Михайловскому-Данилевскому въ 1814 г.

[2]) Оба письма въ бумагахъ Данилевскаго,—письма къ нему за 1814 г. тетрадь 30.

удовольствія, которыхъ уже ввѣкъ не надѣялся вкушать съ такимъ наслажденіемъ, и которыя можетъ цѣнить только тотъ, кто живалъ въ нѣмецкихъ университетахъ и не употреблялъ времени своего во зло. Горькія слезы прерывали поминутно наши слова. Въ такомъ положеніи мы провели ночь" [1]).

Михайловскій-Данилевскій не пошелъ дальше словъ: онъ не пытался примѣнять свою прекрасную научную подготовку и проводить въ жизни идеи, внушенныя ему геттингенскими профессорами. Очутившись скоро въ качествѣ офицера въ придворномъ кругу во время Наполеоновскихъ войнъ, онъ быстро сдѣлалъ карьеру и постепенно оставилъ мысль о научной и просвѣтительной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы писать крупный трудъ по финансовому вопросу, онъ сталъ заниматься описаніемъ отечественной войны и посвятилъ себя всецѣло военной исторіи. Новые люди, придворная атмосфера вызвали у Михайловскаго-Данилевскаго постепенное охлажденіе юношескаго пыла геттингенскихъ годовъ [2]). Онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ тайныхъ обществъ. „Неразлучнаго" геттингенскаго товарища, Н. И. Тургенева, онъ называетъ въ своихъ воспоминаніяхъ „столь преступнымъ, находяся въ 1825 году въ числѣ заговорщиковъ". Самъ онъ въ свое время имѣлъ случай вступить въ Союзъ Спасенія. Александръ Муравьевъ пришелъ къ нему поговорить объ участіи въ Союзѣ, но Данилевскаго какъ разъ въ это время пригласили къ знакомой, и разговоръ ихъ не состоялся. „Я о семъ обстоятельствѣ, говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ воспоминаніяхъ за 1827 годъ, совсѣмъ позабылъ, но, читая донесеніе слѣдственной тайной комиссіи о заговорѣ, угрожавшемъ Россіи въ 1825 году, и видя изъ онаго, что полковникъ Ал. Муравьевъ былъ однимъ изъ учредителей первоначальныхъ тайныхъ обществъ въ 1816 году, именно тогда, когда онъ просилъ у меня свиданія, увѣрился, что онъ приходилъ ко мнѣ приглашать меня въ участники. Ручаюсь за себя, что я никогда не совратился бы съ пути истиннаго сына Россіи и вѣрноподаннаго моего государя, за котораго я имѣлъ счастіе пролить и кровь мою, но могу ли я исчислять всѣ погубныя послѣдствія и связи, въ которыя бы дальнѣйшее знакомство съ Муравьевымъ могло меня завлечь" [3]).

Такимъ образомъ, Михайловскій-Данилевскій не раздѣлилъ горькой участи Н. И. Тургенева и А. Куницына, потерпѣвшихъ за свои убѣжденія. Онъ отнѣкивался даже отъ

---

[1]) Бумаги Михайловскаго-Данилевскаго.
[2]) См. статью Шильдера, l. c.
[3]) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго, Русскій Вѣстникъ, 1890, IX, 147—150.

сочувствія стремленіямъ декабристовъ, хотя самъ чуть не попалъ въ члены перваго тайнаго общества—Союза Спасенія—и сильно повліялъ на умственное развитіе одного очень симпатичнаго декабриста, А. фонъ-Бриггена. Михайловскій-Данилевскій руководилъ его изученіемъ сочиненій Адама Смита и Монтескье, когда самъ находился еще подъ живымъ впечатлѣніемъ геттингенскихъ годовъ [1]). Сохранились письма фонъ Бриггена къ Михайловскому-Данилевскому, свидѣтельствующія наглядно о поворотѣ, происшедшемъ въ его міровоззрѣніи въ сторону радикализма.

Въ 1814 г. онъ ему пишетъ: „Vous m'écrivez si peu de Goettingue; ceci me fache, votre zéle serait il déjà refroidi?—le mien s'augmente chaque jour et j'ai le même désir de voir Goettingue comme les Israélites en avaient pour la terre sainte [2])“. Интетесныя выдержки изъ писемъ къ нему фонъ-Бриггена отъ 1816 по 1818 годъ приводитъ Михайловскій-Данилевскій въ воспоминаніяхъ:“... il part pour l'Italie et moi je reste encore ici, je ne vois pas les rives du Tibre, je ne vois pas le tombeau de Virgile!... Je respire l'air du despotisme, tandis que je suis né libre... Sachez qu'on peut mépriser le monde au milieu de l'hermitage de la cour... O que l'espèce humaine est vile, cette idée me dégoûte quelquesfois de l'étude de l'histoire, pour un Titus on voit cent Neron, partout le vice triomphe et la vertue est opprimée“ [3]).

Въ Геттингенѣ слушалъ также лекціи другъ Пушкина, Петръ Каверинъ, и младшій братъ Н. И. Тургенева, Сергѣй. Рано сойдя въ могилу, онъ не могъ проявить себя такъ ярко въ общественной и культурной жизни, какъ его старшіе братья [4]). Но у него были истинно либеральные взгляды, и онъ былъ близко знакомъ съ выдающимися современниками, какъ съ кн. Вяземскимъ и др. И его краткую дѣятельность слѣдовало бы изучить подробнѣе, тѣмъ болѣе, что въ тургеневскомъ архивѣ сохранилось много его писемъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 147; Русская Старина. т. 113, стр. 451—65. Біографическій очеркъ фонъ-Бриггена.

[2]) Бумаги М.-Данилевскаго, тетрадь 30.

„Вы пишете такъ мало о Геттингенѣ; это меня смущаетъ. Неужели Ваша любовь къ Геттингену уже охладѣла? Меня влечетъ къ нему все сильнѣе и сильнѣе, и я такъ мечтаю очутиться въ Геттингенѣ, какъ мечтали Израильтяне войти въ обѣтованную землю“.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1890, IX, 148.

„... Онъ ѣдетъ въ Италію, а я долженъ еще оставаться здѣсь, мнѣ не видѣть береговъ Тибра, я не увижу могилу Виргилія... Я задыхаюсь въ атмосферѣ деспотизма, тогда какъ я родился свободнымъ... Знайте же, что можно презирать міръ и въ придворной средѣ... О, сколько пошлости въ людяхъ! Когда вспомню объ этомъ, мнѣ дѣлается постылымъ изученіе исторіи. Вмѣсто одного Тита видимъ сотню Нероновъ. Всюду торжествуетъ порокъ и стоптана въ грязь добродѣтель“.

[4]) См. краткую о немъ біографическую замѣтку въ Остафьевскомъ архивѣ кн. Вяземскихъ, 1903, I, стр. 399.

записки о Германіи, Англіи и о положеніи дѣлъ въ Турціи во время Греческаго возстанія (С. Тургеневъ служилъ при разныхъ посольствахъ). По любви къ западной наукѣ и радикализму онъ не уступаетъ старшимъ братьямъ. Геттингенскія письма Сергѣя Тургенева говорятъ о неутомимыхъ его занятіяхъ по историческимъ и юридическимъ наукамъ. Перечисливъ въ письмѣ къ брату Александру отъ 24 апрѣля 1811 года цѣлый рядъ лекцій, которыя онъ началъ слушать у Герена, Гуго, Сарторіуса и другихъ, онъ продолжаетъ: „Это не помѣшаетъ мнѣ продолжать лечиться. Но если бъ и помѣшало, такъ я бы оставилъ лекарства до Россіи, потому что лечиться и тамъ можно, а учиться порядочно едва ли“. Послѣ окончанія университетскихъ занятій Сергѣй Тургеневъ оставался нѣсколько лѣтъ за границей и служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, главнокомандующаго русской арміи, оставшейся во Франціи до 1818 года. Когда онъ вернулся въ Россію, многое ему не понравилось. „Онъ все сѣтуетъ о нашемъ невѣжествѣ и о томъ, что мы въ Азіи“ [1]).

Н. И. Тургеневъ особенно выдѣляется въ средѣ своихъ университетскихъ товарищей, такъ что о немъ придется говорить отдѣльно и болѣе обстоятельно. Относительно остальныхъ „геттингенцевъ“ мы сдѣлаемъ тутъ же въ заключеніе первой статьи нѣсколько общихъ и краткихъ замѣчаній.

Атмосфера и все milieu въ Геттингенѣ должны были сильно и своеобразно подѣйствовать на попавшихъ туда русскихъ. Многіе изъ нихъ выросли подъ тяжелыми впечатлѣніями крѣпостныхъ нравовъ. Передъ ихъ умственнымъ взоромъ носились образы несчастныхъ, замученныхъ крестьянъ. Ихъ преслѣдовали стоны истязуемыхъ дворовыхъ. Нѣкоторые студенты были дѣтьми поповъ, а умственный уровень тогдашняго духовенства намъ извѣстенъ. Исключеніе изъ всѣхъ русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ, составляли братья Тургеневы, у которыхъ отецъ, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ своего времени. Но и у него были крѣпостные, и есть основаніе предполагать, что и имъ жилось не легче, чѣмъ всякимъ другимъ крестьянамъ, зависѣвшимъ отъ произвола помѣщика и его приказчика. Вѣроятно, и молодымъ Тургеневымъ приходилось быть свидѣтелями отвратительныхъ картинъ тѣлеснаго наказанія. Молодые русскіе, жаждавшіе послужить своей родинѣ на общественномъ поприщѣ, желавшіе видѣть въ Россіи свободныя и полезныя народу государственныя учрежденія, не могли не относиться съ отвращеніемъ къ крѣпостному праву. Тѣмъ сильнѣе должны были запасть имъ въ душу и

[1]) Слова Булгакова въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому 29 III, 1820, Историческій Вѣстникъ 1881, V, стр. 30.

произвести тамъ коренной переворотъ впечатлѣнія отъ геттингенскихъ лекцій и путешествій по западнымъ странамъ. Неудивительно, что молодые, воспріимчивые и легко увлекающіеся студенты восхищались всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ ими въ университетскіе годы.

Свободныя научныя занятія русскихъ „геттингенцевъ“, теоретическое познаніе европейскихъ и русскихъ государственныхъ учрежденій и ознакомленіе съ ходомъ и результатами европейскаго просвѣтительнаго движенія конца XVIII и начала XIX столѣтія, отношенія профессоровъ къ русскимъ студентамъ, иногда очень интимныя, общеніе съ студентами разныхъ странъ и тѣсная дружба съ нѣкоторыми изъ нихъ,— все это способствовало свободному и многостороннему умственному развитію. Мы должны это подчеркнуть, такъ какъ изъ записокъ, дневниковъ, писемъ и разныхъ изреченій геттингенцевъ ясно видно, что геттингенскіе годы были самыми лучшими и свѣтлыми годами ихъ жизни.

Послѣ 1812 года мы не встрѣчаемъ больше русскихъ въ „почтенной Георгіи Августѣ“. Наступили годы отечественныхъ войнъ, и трудно было заниматься въ университетахъ. Блестящіе успѣхи внѣшней политики смѣнились тремя годами непродолжительнаго общественнаго подъема, когда многіе ожидали, что императоръ Александръ I приступитъ къ проведенію коренныхъ реформъ. Мечтали о томъ, что наступятъ свѣтлые дни внутренняго расцвѣта государства. Но какъ горько разочаровалось скоро русское общество!

Наступающая реакція сильнѣе всего обрушилась на геттингенцевъ, не давая имъ, вкусившимъ плоды свободной западной науки и восторгавшимся либеральными идеями, работать въ своемъ отечествѣ для проведенія въ жизнь этихъ идей. Правительству всюду мерещилось революціонное настроеніе. Молодыхъ людей перестали посылать на казенный счетъ для образованія за границу, свободомыслящихъ профессоровъ лишили каѳедръ. Воцарился мрачный инквизиціонный духъ, приносившій все въ жертву догматамъ религіи; дошло до того, что въ преподаваніи естественныхъ наукъ было запрещено касаться всего, что противорѣчитъ библейскому описанію сотворенія міра [1]).

Съ этими печальными явленіями русской жизни послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I пытались бороться „геттингенцы“. Весьма дѣятельное участіе въ этой борьбѣ принялъ Н. И. Тургеневъ, самый видный русскій либералъ первой половины XIX столѣтія.

М. Вишницеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) La Russie et les Russes II, 361.

Изъ дальнихъ лѣтъ [1]).

(Отрывки изъ воспоминаній 1874—1877 гг.)

1.

Охватившій меня въ „каменномъ мѣшкѣ" свинцовый сонъ длился недолго. Хотя я не снималъ съ себя ни одежды, ни ботинокъ, ни даже пальто,—однако, холодъ весьма чувствительно меня пробралъ. Эти „каменные мѣшки", вѣроятно, или вовсе не отапливались, или отапливались очень плохо ради „экономіи". Такъ какъ пришлось лежать на каменномъ полу, на который постлана была лишь весьма тоненькая, изрядно-таки вывѣтрившаяся подстилка, то я черезъ нѣсколько времени почувствовалъ дрожь во всѣхъ членахъ. Я, какъ ошпаренный, вскочилъ и принялся усиленно шагать по камерѣ, чтобы какъ-нибудь согрѣть свои окоченѣвшіе члены.—Энергически шагая взадъ и впередъ и усиленно потирая руку объ руку, я кое-какъ съ трудомъ, хотя и въ самой слабой степени, согрѣлся, но уже ни прилечь, ни присѣсть не могъ, такъ какъ меня тогда немедленно насквозь пронизывалъ холодъ, и я серьезно боялся замерзнуть. Такъ я прошагалъ до ранняго утра, до „повѣрки", когда смотритель тюрьмы въ сопровожденіи надзирателей и конвоя обходитъ камеры для провѣрки наличности заключенныхъ.

„Повѣрка" эта, какъ общее правило, происходитъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, и производится въ самыхъ камерахъ, но по отношенію къ „одиночкамъ" и въ особенности къ „каменнымъ мѣшкамъ" дѣлается исключеніе—ограничиваются повѣркою черезъ дверное окошечко.

---

[1]) Печатаемые воспоминанія участника знаменитаго процесса 193-хъ С. Л. Чудновскаго раздѣлены имъ на очерки, изъ которыхъ каждый представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое. Въ настоящемъ очеркѣ авторъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Одесской тюрьмѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія и Петропавловской крѣпости. Кто пожелалъ бы ознакомиться съ предшествовавшей тюремному заключенію жизнью и дѣятельностью С. Л. Чудновскаго, тому мы рекомендуемъ его статьи, печатавшіяся въ журналѣ „Былое" и „Историческомъ Сборникѣ". *Ред.*

Такъ было и на этотъ разъ. Когда „повѣрка" удалилась, надзиратель моего коридора подалъ мнѣ черезъ окошечко „порцію" ржаного хлѣба (кажется, $2^1/_2$ фунта) и кружку кипятку, предложивъ мнѣ, буде я пожелаю, купить для меня на мой счетъ чаю и сахару—на деньги, отобранныя у меня при обыскѣ въ конторѣ.—Сильно проголодавшись, я съ жадностью набросился на хлѣбъ, который оказался довольно доброкачественнымъ и хорошо выпеченнымъ. Посыпанный крупной солью, онъ показался мнѣ весьма вкуснымъ, и я съ наслажденіемъ улепетывалъ его, съѣвъ заразъ около фунта и запивъ кружкой теплой воды.—Насытившись и немного согрѣвшись, я опять прилегъ на свою подстилку, поручивъ надзирателю передать отъ моего имени смотрителю, что я боленъ и прошу поставить въ мое подземелье какую-нибудь койку и выдать мнѣ мою постель.

При одной мысли, что мнѣ придется длинный божій день (а по всѣмъ вѣроятіямъ, и цѣлый рядъ такихъ дней) провести въ этомъ холодномъ, промозгломъ подземельѣ одинъ на одинъ, безъ книгъ, безъ всякихъ развлеченій, всецѣло во власти своихъ печальныхъ думъ и размышленій, я впадалъ въ крайне удрученное состояніе,—я вскакивалъ и принимался бѣгать по камерѣ, стараясь всячески отвлечься и сосредоточиться на какихъ-либо воспоминаніяхъ.

Но „на волѣ", очевидно, обо мнѣ заботились родные и друзья.—Часовъ около 11-ти послышались шаги въ коридорѣ,—шаги приближались къ моей камерѣ. Загромыхалъ замокъ, заскрипѣлъ засовъ,—дверь открылась, и я увидѣлъ въ своей „секретной" смотрителя тюремнаго замка въ сопровожденіи человѣка въ статскомъ платьѣ, который, отрекомендовавшись мнѣ тюремнымъ врачемъ, предложилъ мнѣ „показать языкъ", пощупалъ мой пульсъ, разспросилъ меня о моемъ самочувствіи и тутъ же при мнѣ заявилъ смотрителю, что я боленъ, что для моего здоровья сырое и темное помѣщеніе, въ которое меня заключили, очень опасно, и что необходимо перевести меня въ больницу. Смотритель отвѣтилъ, что онъ собственной властью этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ я „серьезный политическій" и заключенъ въ одиночную секретную по распоряженію прокурора судебной палаты, но если докторъ заключеніе свое изложитъ на бумагѣ, онъ его тотчасъ же и лично отвезетъ къ прокурору и разсчитываетъ, что въ такомъ случаѣ переведутъ въ больницу.

Этотъ тюремный врачъ былъ никто иной, какъ докторъ Григорій Розенъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь печальную извѣстность между „политическими". Но я долженъ констатировать, что относительно меня онъ въ теченіе всего времени пребыванія моего въ Одесскомъ тюремномъ замкѣ проявлялъ большую и, казалось мнѣ, безкорыстную заботливость.

Смотритель сдержалъ слово. Въ тотъ день, къ вечеру, я переведенъ

былъ по распоряженію прокурора судебной палаты въ верхній 2-й этажъ тюремнаго зданія, въ одной половинѣ котораго помѣщалась больница. Мнѣ предоставлена была отдѣльная, довольно уютная, чистенькая, веселая и свѣтлая комнатка въ одной изъ угловыхъ башень. Здѣсь я нашелъ кровать со всѣми постельными принадлежностями, столикъ и стулъ.—Переходъ изъ страшной подземной „секретной“ въ эту свѣтлую комнатку съ ея блестящимъ крашеннымъ поломъ, къ которой велъ большой свѣтлый съ крашеннымъ же поломъ коридоръ, былъ такъ рѣзокъ и неожиданъ, что я какъ бы воскресъ изъ мертвыхъ, почувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе и преисполнился признательности къ доктору. По праву больного я получилъ на ужинъ бѣлый хлѣбъ, прекрасную кашу па маслѣ и даже маленькую порцію вина. Я подкрѣпился, съѣвъ съ большимъ аппетитомъ весь свой ужинъ, съ наслажденіемъ раздѣлся, растянулся въ своей маленькой постели и заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, и мнѣ не приснилось даже мое подземелье.

На положеніи „больного“ я пробылъ въ своей башнѣ около четырехъ мѣсяцевъ. Мнѣ разрѣшили разъ (а то и два раза) въ недѣлю свиданія съ братомъ, снабжавшимъ меня книгами и обильной провизіей.

Ежедневно съ утра являлся регулярно въ тюрьму Розенъ. Прежде всего онъ заходилъ ко мнѣ на двѣ-три минуты, затѣмъ бралъ меня съ собой, какъ бы въ качествѣ ассистента, и отправлялся со мною по больничнымъ палатамъ. Обращеніе его съ больными-уголовными было довольно таки небрежное, чтобы не сказать больше. Весь „осмотръ“ ограничивался созерцаніемъ... языковъ больныхъ. Войдетъ онъ въ палату и монотонно повторяетъ: „покажи языкъ, покажи языкъ!“ Высунетъ больной языкъ, Розенъ мелькомъ *на разстояніи* взглянетъ на этотъ жалкій языкъ, обернется къ слѣдующему за нимъ по пятамъ фельдшеру, продиктуетъ ему рецептъ (довольно однообразный) и шагаетъ дальше. А между тѣмъ, въ этихъ палатахъ на койкахъ лежали обыкновенно довольно серьезные больные, такъ какъ въ Одесской тюрьмѣ рѣдко обращалось вниманіе на „пустыя“ болѣзни, при которыхъ—въ лучшемъ случаѣ—довольствовались амбулаторнымъ ихъ леченіемъ съ отпускомъ въ камеры больничныхъ порцій, которыми (особенно бѣлымъ хлѣбомъ) арестанты очень дорожили, такъ какъ общая пища бывала до нельзя плохая и скудная...

На что докторомъ обращалось особенное вниманіе,—это на чистоту больничныхъ палатъ.—Полы какъ въ нихъ, такъ и въ коридорахъ всегда блестѣли, какъ зеркало,—они составляли предметъ особой заботливости и сугубой гордости Розена; эти блестящіе полы создали ему въ глазахъ администраціи прекрасную репутацію очень ревностнаго врача. Поддерживать же полы, потолки и окна палатъ въ образцовой чистотѣ въ тюрем-

ной больницѣ не представляло особенной трудности при подневольномъ и безплатномъ трудѣ служителей-арестантовъ, крайне дорожившихъ улучшенной больничной пищей и той относительной свободой, которой они здѣсь пользовались, и сильно боявшихся, съ другой стороны, расправы смотрителя Зубачевскаго въ случаѣ жалобы на нихъ со стороны врача. Больничные служителя продавали обыкновенно за жалкіе гроши свои больничныя порціи болѣе имущимъ арестантамъ, довольствуясь взаимно скверной пищей послѣднихъ (классической „баландой" съ плавающими въ ней рѣдкими волокнами мяса) и употребляя вырученныя за свои „порціи" деньги на табакъ, а главнымъ образомъ—на игру въ карты, которая сильно распространена была въ тюрьмѣ, не взирая на строжайшій запретъ...

II.

Моя камера-башня днемъ совсѣмъ не запиралась. Я свободно расхаживалъ по всѣмъ палатамъ и по коридору, имѣлъ свободный доступъ въ камеры „дворянскаго коридора" и имѣлъ возможность гулять во всякое время. Ставилось мнѣ лишь въ обязательство, въ случаѣ прибытія въ тюрьму (о чемъ немедленно всякими путями давалось всюду знать) какихъ-либо властей административнаго или прокурорскаго персонала, заходить немедленно въ свою камеру и приказать надзирателю запирать меня на замокъ, пока власти не уѣдутъ.

На второй половинѣ верхняго (2-го) этажа находились „дворянскія камеры".—„Дворяне" пользовались здѣсь особыми привилегіями какъ по положенію, такъ и потому, что смотритель тюрьмы—Зубачевскій, отставной юнкеръ, лишенный всякаго образованія, даже мало-грамотный, свое „дворянское званіе" высоко цѣнилъ, и, будучи до жестокости свирѣпъ и взыскателенъ къ низшаго ранга (мѣщанскаго и крестьянскаго званія) уголовнымъ арестантамъ, къ которымъ онъ неизмѣнно относился съ глубочайшимъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, онъ въ то же время очень благоволилъ къ „дворянамъ", хотя бы и заключеннымъ за рѣшетку, всѣ они были въ его глазахъ „благородные люди", и самыя преступленія, за которыя большинство „дворянъ" попадалось подъ судъ (подлоги, поддѣлки, злоупотребленія по службѣ) въ глазахъ Зубачевскаго пользовались какъ бы нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ преступленія, присущія—преимущественно—„благороднымъ людямъ". Дворянскія камеры очень рѣдко посѣщались тюремной администраціей,—„повѣрка" для одной лишь формы проходила мимо этихъ камеръ. Здѣсь образъ жизни заключенныхъ никѣмъ и ничѣмъ не регулировался; изо дня въ день (правильнѣе, изъ ночи въ ночь) „дворяне" играли въ карты; спали они поздно, обѣдали, когда

угодно, безвозбранно получали пищу изъ дома и даже изъ ресторановъ. Всѣ они носили собственную одежду и собственное бѣлье, безвозбранно курили и безъ труда добывали во всякое время даже спиртные напитки.

Какъ только въ „дворянскихъ“ камерахъ узнали о появленіи въ башнѣ „политическаго“, болѣе „образованные“ дворяне стали наносить мнѣ „визиты“.—Почти всѣ они, по ихъ словамъ, являлись жертвами „недоразумѣній“, „интригъ“, „продажности чиновниковъ“, „подвоховъ“, „стеченія несчастныхъ обстоятельствъ“ и т. п. Я не намѣренъ останавливаться на характеристикахъ этихъ „дворянъ“, такъ какъ они ничѣмъ особеннымъ отъ общихъ типовъ уголовныхъ, заключенныхъ по многочисленнымъ нашимъ тюрьмамъ, не отличались,—а типы эти неоднократно уже изображали перья гораздо болѣе вѣскія и талантливыя, чѣмъ мое скромное, чисто-мемуарное перо. Но съ нѣкоторыми изъ нихъ я все-таки позволю себѣ познакомить читателей.

Однимъ изъ первыхъ посѣтилъ меня отставной поручикъ, панъ *Болеславъ Лепинскій*.—Это былъ длинный, худой, весь изсохшій полякъ-католикъ лѣтъ 50-ти, недавно еще передъ этимъ весьма состоятельный помѣщикъ Подольской губерніи (онъ былъ владѣльцемъ имѣнія стоимостью свыше 200000 рублей), окончательно раззорившійся и впавшій въ бѣдность, съ которой онъ никакъ не могъ свыкнуться и которая довела его до подложной подписи на векселѣ (въ 1300 р.), а затѣмъ и до тюрьмы, когда подлогъ обнаружился.

Это былъ чрезвычайно типичный шляхтичъ старыхъ временъ, не признававшій человѣка внѣ шляхетскаго званія и видѣвшій въ мѣщанинѣ и хлопѣ существо низшей породы, презрѣнное быдло, котораго благородный шляхтичъ не долженъ и не можетъ, не роняя своего достоинства, удостаивать даже пожатіемъ своей „благородной“ руки. Хотя я не имѣлъ чести принадлежать къ „дворянскому“ сословію и былъ даже не христіаниномъ, но я былъ „политическій“, а это въ глазахъ пана Лепинскаго приближало уже человѣка къ шляхтѣ, такъ какъ „политика“, какъ „благородное“ занятіе, приличествуетъ, по его мнѣнію, однимъ лишь привилегированнымъ классамъ, а если ею занимается кто-либо иной, въ жилахъ котораго не течетъ шляхетская кровь, то онъ уже *eo ipso* немного приближается къ этому „благородному“ сословію. Къ тому же пану Болеславу давно уже не приходилось бесѣдовать о „политикѣ“, и появленіе „политическаго“, казалось ему, должно значительно пополнить этотъ чувствительный для него пробѣлъ.

Панъ Болеславъ неоднократно путешествовалъ по Европѣ, побывалъ почти во всѣхъ столицахъ и другихъ крупныхъ европейскихъ городахъ и не одинъ разъ встрѣчался на всевозможныхъ торжествахъ и празднествахъ

съ императоромъ Наполеономъ III и императрицей Евгеніей и со многими другими знаменитостями политическаго міра. О путешествіяхъ своихъ онъ разсказывалъ часто и много, но удивительное дѣло! Панъ Лепинскій цѣлыми часами съ особеннымъ наслажденіемъ, смакуя повѣствовалъ о всевозможныхъ увеселительныхъ домахъ, о всякихъ спортахъ и развлеченіяхъ, объ игорныхъ домахъ и кафе-шантанахъ, о всѣхъ видахъ утонченнаго европейскаго разврата и пошлости, но ничего—рѣшительно ничего—ему неизвѣстно было ни о знаменитыхъ европейскихъ библіотекахъ и читальняхъ, ни объ ученыхъ, ни о выдающихся общественныхъ дѣятеляхъ,—ни даже о музеяхъ и выставкахъ художественныхъ произведеній. Его въ Европѣ всюду интересовали лишь кокотки и игроки, которыхъ онъ изучалъ—повидимому—довольно тщательно. Слушая повѣствованія пана Болеслава, можно бы было подумать, что, кромѣ широкаго разгула, разврата и самаго безшабашнаго прожиганія жизни, ничего иного въ Европѣ и не найдешь...

Панъ Лепинскій ниоткуда никакой денежной помощи не получалъ, а такъ какъ онъ былъ очень большой любитель „трубки", длиннаго чубука которой онъ почти никогда изо рта не выпускалъ, въ то же время страстно любилъ поиграть въ карты и считалъ необходимымъ для сохраненія своего престижа разъ или два раза въ недѣлю посылать за обѣдомъ въ ресторанъ, то естественно, что онъ отъ полученія казенной „дворянской" пищи отказывался, предпочиталъ получать на руки причитающіяся „дворянскія кормовыя" деньги (15 к. въ день), хотя благодаря этой операціи, ему приходилось дня три-четыре въ недѣлю голодать, изрѣдка присаживаясь къ кому-либо изъ сосѣдей, и какъ бы удостаивая ихъ „пробой" ихъ пищи. Правда, временами у него появлялись деньги,—это тогда, когда ему „везло" въ его благородномъ, дворянскомъ, времяпрепровожденіи—въ игрѣ въ преферансъ... Вотъ эпизодъ, ярко характеризующій типъ, который представлялъ собой панъ Лепинскій.

Хозяинъ ресторана, въ который привилегированные жильцы дворянскихъ камеръ время отъ времени посылали за обѣдомъ, узналъ какъ-то разъ отъ посланнаго тюремнаго служителя, что обѣдъ берется, между прочимъ, и для пана Лепинскаго. Оказалось, что этотъ рестораторъ во время-оно былъ крѣпостнымъ этого самаго Лепинскаго,—и вотъ онъ, по простотѣ сердечной, попросилъ служителя передать Лепинскому, что тотъ можетъ посылать въ его ресторанъ когда угодно за какими угодно кушаньями, которыя будутъ отпускаться ему безплатно. Панъ Лепинскій разсвирѣпѣлъ: какъ смѣлъ служитель передать ему такое унизительное для „благороднаго" человѣка предложеніе, исходившее къ тому же (о, ужасъ!) отъ бывшаго его холопа, котораго онъ и на конюшнѣ наказывалъ... Черезъ нѣ-

сколько дней послѣ этого вбѣгаетъ въ мою башню въ большой ажіотаціи панъ Болеславъ и убѣдительно проситъ ссудить ему 40 копѣекъ: оказалось, что этотъ самый ресторатор явился къ нему въ тюрьму на свиданіе, и онъ, панъ Лепинскій, считаетъ необходимымъ, когда бывшій его „хлопъ“ „поцѣлуетъ ему руку“, подарить ему 40 копеекъ!.. Всѣ мои резоны не подѣйствовали. Панъ въ своихъ „убѣжденіяхъ“ былъ непоколебимъ. Конечно, рестораторъ 40 коп. отъ него не принялъ и къ „пану“ своему больше не являлся...

Самой важной персоной въ „дворянскомъ“ отдѣленіи былъ бывшій секретарь одесскаго полицейскаго управленія Болотовъ, процессъ котораго надѣлалъ въ свое время большой шумъ по всей Россіи. Попалъ онъ на скамью подсудимыхъ и въ тюрьму изъ-за... публичныхъ домовъ и проститутокъ, изъ которыхъ онъ путемъ самыхъ возмутительныхъ и дикихъ мѣропріятій создалъ для себя чрезвычайно своеобразную и необыкновенно гнусную статью дохода обширныхъ размѣровъ, на много лѣтъ предвосхитивъ въ этомъ отношеніи „героевъ“ тыла въ манчжурскую войну. На судѣ передъ публикой и присяжными засѣдателями развернулась такая картина безграничной и безцеремонно-циничной эксплоатаціи несчастныхъ „жертвъ общественнаго темперамента“, что этому бывшему московскому частному ходатаю по бракоразводнымъ дѣламъ, при всей его беззастѣнчивой ловкости, никакъ нельзя было отдѣлаться отъ ссылки въ Сибирь.

Это былъ въ высшей степени изящный и представительный мужчина высокаго роста, прекрасно сложенный, даже красивой наружности, съ весьма гордой осанкой. „Шпанка“ при встрѣчѣ съ Болотовымъ невольно останавливалась и отвѣшивала ему низкіе поклоны, видя въ немъ важную особу высшаго полета. Ему протежировала вся одесская полиція, начиная съ полицмейстера и вплоть до околоточнаго надзирателя; оказывалъ ему особое почтеніе и сугубое покровительство и смотритель Зубачевскій, котораго въ высокой степени восхищали молодецкіе подвиги Болотова во время его секретарства. Зубачевскій видѣлъ въ Болотовѣ необыкновенно ловкаго, талантливаго и выдающагося дѣльца, виртуозно-искуснаго въ созиданіи „доходовъ“, страсть къ которымъ не чужда была и ему, и всячески афишировалъ свою благосклонность къ этому фавориту полицмейстера Антонова.

Болотовъ пользовался (конечно, въ районѣ тюрьмы) неограниченной и полной свободой. Ему одному разрѣшались во всякое время свиданія съ женой и знакомыми на квартирѣ смотрителя безъ всякихъ свидѣтелей и безъ всякаго надзора. Онъ брезгалъ „казеннымъ“ содержаніемъ и кормилъ себя очень обильно и вкусно на собственный счетъ (на сколоченныя, оче-

видно, денежки отъ „дѣвушекъ"). Держалъ онъ себя чрезвычайно важно и даже сановито, удостаивая своей бесѣдой лишь очень немногихъ и подчеркивая явно, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое превосходство надъ окружающими.

Вставалъ Болотовъ (какъ подобаетъ „барину") очень поздно, облачался въ бархатные сапоги и великолѣпный халатъ на шелковой подкладкѣ, торжественно распивалъ изъ собственной хрустальной посуды прекраснѣйшій чай, закусывая при этомъ прекрасныя печенія самымъ аппетитнымъ образомъ; затѣмъ съ часъ времени посвящалъ тщательному туалету и отправлялся на прогулку, послѣ которой его вызывали, обыкновенно, на свиданія къ женѣ, просиживавшей у него по 2—3 часа, а то и больше. Послѣ свиданія служитель камеры накрывалъ ему отдѣльный столикъ чистой скатертью снѣжной бѣлизны, и Болотовъ въ величественномъ одиночествѣ поглощалъ обѣдъ въ нѣсколько вкусно приготовленныхъ блюдъ. Послѣ обѣда этотъ „сановникъ" отдыхалъ часа два-три, почитывалъ переводные иностранные романы, усаживался за вечерній чай, послѣ котораго онъ съ „отборной" компаніей принимался за карты и лишь поздней уже ночью ложился спать въ свою мягкую постель съ пріятнымъ чувствомъ человѣка, исполнившаго посильно свой долгъ.

Этотъ Болотовъ, котораго вся тюрьма презирала и въ то же время очень боялась въ виду его близкихъ и интимныхъ отношеній къ Зубачевскому, былъ пошлякъ и циникъ 96-й пробы. Для него на свѣтѣ не существовало буквально ничего святого. Въ цинизмѣ своемъ онъ былъ до крайнихъ предѣловъ откровененъ и наглъ. Онъ съ апломбомъ изрекалъ такія великія истины, что на свѣтѣ (по его „глубокому убѣжденію") все можно покупать и продавать, что свѣтъ созданъ и существуетъ только для „умныхъ людей", а „дуракамъ" (къ нимъ онъ авторитетно причисляетъ всѣхъ тѣхъ, кто не сумѣлъ создать себѣ карьеру изъ-за разборчивости въ средствахъ) на этомъ свѣтѣ не должно быть мѣста, что никому ни до кого не должно быть никакого дѣла и т. д.

Естественно, что я избѣгалъ сближенія съ этимъ отборнымъ экземпляромъ homo sapiens, но отъ бесѣдъ съ нимъ оградить себя, конечно, не могъ. И онъ не стѣснялся и передо мною демонстративно развивать свою „философію", выработанную „большимъ житейскимъ опытомъ": для человѣка, по его „глубокому убѣжденію", существуетъ и можетъ существовать одинъ лишь интересъ—деньги, такъ какъ на нихъ и держится весь міръ; идеи, идеалы, долгъ, мораль, обязанность, этика—все это вздорныя и пустыя слова, сочиненныя для дураковъ и вовсе въ дѣйствительности не существующія конкретно. Всѣ эти фантастическія отвлеченности не больше, какъ удочки, на которыя „умные люди" улавливаютъ глупцовъ.

Единственная и неотъемлемая добродѣтель Болотова состояла въ полнѣйшей откровенности, граничившей съ наглостью и цинизмомъ. Онъ бравировалъ своей безнравственностью и своей пошлостью, демонстративно разоблачая ихъ передъ всѣмъ и каждымъ, всячески при этомъ иронизируя и даже издѣваясь надъ „добродѣтелью" и „праведниками," надъ „честью" и „честностью". Онъ не скрывалъ своего полнѣйшаго презрѣнія къ тѣмъ, кто интересуется „политикой" и изъ-за нея рискуетъ своимъ личнымъ благополучіемъ: это, по его „глубокому убѣжденію", легкомысленнѣйшіе фантазеры, напускающіе на себя блажь. „Помилуйте", — патетически восклицалъ онъ, — „какое мнѣ до другихъ дѣло! Чортъ съ ними со всѣми, пусть всѣ пропадаютъ, пусть всѣхъ перевѣшиваютъ и перестрѣляютъ, лишь бы мое благополучіе не страдало, лишь бы я благоденствовалъ!" Въ этихъ сентенціяхъ исчерпывалась вся житейская философія Болотова. При всемъ томъ этотъ морально-патологическій субъектъ (должно быть, въ силу притяженія контрастовъ) благоволялъ ко мнѣ и даже неоднократно предлагалъ устроить мнѣ (при помощи ежедневно посѣщавшей его супруги) побѣгъ изъ тюрьмы. Само собою разумѣется, что услуги его были отклонены мною по многимъ причинамъ.

Рѣзкимъ диссонансомъ въ обширной „дворянской" камерѣ являлся еще очень—сравнительно—молодой (28-лѣтній) губернскій секретарь Владимиръ Алексѣевичъ Марушевскій. Это былъ чрезвычайно кроткій, глубокорелигіозный и добродушный человѣкъ, въ высшей степени мягкій и предупредительный ко всѣмъ—не только „дворянамъ", но и „шпанкѣ", чѣмъ онъ очень выгодно отличался отъ прочихъ гг. „дворянъ".

Марушевскій держалъ себя особнякомъ, всегда на приличной дистанціи отъ своихъ сожителей, въ близкія отношенія ни съ кѣмъ изъ нихъ не вступалъ, въ карты не игралъ, а все свое время дѣлилъ между книгами, свиданіями съ женой и... голубями, которыхъ онъ какъ-то умудрился приручить: ежедневно они являлись къ окну его камеры, располагались на подоконникѣ, на которомъ всегда находили заботливо приготовленный для нихъ Марушевскимъ кормъ. Марушевскій въ общеніи съ этими голубями находилъ какое-то особенное наслажденіе, пестовалъ и лелѣялъ ихъ цѣлыми часами.—О своемъ „дѣлѣ" онъ говорить не любилъ; видимо, оно его мучило, и онъ чуть ли не единственный изъ „дворянъ" никогда не выставлялъ себя жертвой „несправедливости", онъ вполнѣ сознавалъ свою вину и кротко, со смиреніемъ ждалъ должнаго за нее возмездія.

Марушевскій, по профессіи, былъ частный адвокатъ и, какъ таковой, совершилъ нѣсколько подлоговъ, злоупотребивъ довѣріемъ своихъ кліен-

товъ.—Съ перваго же момента, какъ подлоги его обнаружились, онъ призналъ фактъ своей вины; на слѣдствіи, а затѣмъ и на судѣ онъ во всемъ чистосердечно сознался и даже отъ защитника отказался. На судѣ онъ искалъ лишь смягчающія обстоятельства въ крайне критическихъ обстоятельствахъ и, во имя своей семьи, просилъ у присяжныхъ не оправданія, а лишь снисхожденія. Чуткій судъ общественной совѣсти его совершенно оправдалъ...

Въ верхнемъ же этажѣ тюремнаго флигеля, по близости отъ „дворянскихъ" камеръ, находилась еще одна камера,—такъ сказать, полу-дворянская. Въ ней помѣщалось нѣсколько человѣкъ, обвинявшихся въ поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій. Запомнилась мнѣ смутно лишь фамилія *Мойсеева* и вполнѣ ярко фигура и обликъ *Наера*.

Какъ-то разъ, во время прогулки по тюремному двору, ко мнѣ робко подошелъ плотный, откормленный арестантъ средняго роста съ окладистой рыжей бородой, съ чрезвычайно типичной еврейской физіономіей и отрекомендовался мнѣ, какъ купецъ изъ Геническа, по фамиліи Наеръ. На мой вопросъ, по какому дѣлу онъ попалъ въ тюрьму, онъ, лукаво прищурившись, полу-таинственно отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ тюрьмѣ очутился „немножко по политическому, немножко по уголовному дѣлу", присовокупивъ шепотомъ, что его обвиняютъ въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ, которыя фабриковалъ сидящій въ одной съ нимъ камерѣ Мойсеевъ—его граверъ и техникъ... Черезъ нѣсколько дней Наеръ предложилъ мнѣ услуги его жены, которая ежедневно имѣла съ нимъ свиданія. И дѣйствительно, въ тотъ же день жена его отнесла мое письмо Желябову, съ которымъ у меня завязалась такимъ образомъ постоянная переписка, продолжавшаяся до самаго его ареста. И я долженъ сказать, что услуги Наера были совершенно безкорыстны, жена его наотрѣзъ отказалась отъ всякаго вознагражденія, хотя очень аккуратно и регулярно являлась на назначаемыя ей Желябовымъ свиданія, передавая ему мои письма и получая письма для меня. Наеръ въ своихъ услугахъ усматривалъ инстинктивно нѣчто его возвышающее и облагораживающее...

По профессіи часовой мастеръ и ювелиръ, Наеръ соблазнился перспективой легко и быстро обогатиться и занялся фабрикаціей и сбытомъ фальшивыхъ ассигнацій. Однако, онъ очень скоро попался съ поличнымъ и теперь собирался въ Сибирь въ каторжныя работы. Въ тюрьмѣ онъ занимался кое-какими мелкими гешефтами, ссужалъ арестантамъ небольшія суммы подъ умѣренные проценты, починялъ часы и т. п., зарабатывая такимъ образомъ маленькія деньги, на которыя онъ содержалъ себя и своего бывшаго „техника" Мойсеева. Какъ часовой мастеръ, онъ оказывалъ без-

возмездныя услуги смотрителю тюрьмы и за это пользовался льготами относительно свиданій и помѣщенія.

Чрезвычайно типичную фигуру представлялъ *О. М. Лернеръ* (нынѣ уже покойный), впослѣдствіи пріобрѣвшій столь печальную извѣстность на поприщѣ „публицистики", какъ ближайшій сотрудникъ Озмидова въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ" въ самый реакціонный періодъ его изданія, а затѣмъ и какъ наиболѣе видный сотрудникъ „Вѣдом. Одесскаго Градоначальства" при градоначальникахъ гр. Шуваловѣ и знаменитомъ Нейдгартѣ, когда „Вѣдомости" переполнялись всевозможными провокаціями...

Лернеръ попалъ въ тюрьму за подлогъ, а потому уже въ силу свойства его преступленія долженъ былъ очутиться въ благородномъ „дворянскомъ" отдѣленіи, но такъ какъ въ то время онъ въ христіанство еще не перешелъ (ради свободной пропаганды—разрѣшенія еврейскаго вопроса путемъ ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ, какъ онъ объяснялъ этотъ переходъ), а пребывалъ еще въ іудействѣ, то онъ былъ помѣщенъ въ ту камеру, въ которую водворяли привлекавшихся по преступленіямъ „немножко политическихъ и немножко уголовнымъ", т. е. въ камеру Наера и его К°.

Лернеру было тогда 24—25 лѣтъ. Это былъ еще очень молодой и юркій человѣчекъ. Профессія его была отчасти учительство, отчасти частная адвокатура; но уже и тогда этотъ невзрачный, маленькаго роста, всей своей внѣшностью мало располагавшій къ себѣ человѣкъ лелѣялъ грандіозныя мечты о выступленіи на журнальное поприще, и не какъ-нибудь, а съ трескомъ и эффектомъ. Уже и тогда, присоединяясь ко мнѣ во время моихъ прогулокъ по тюремному двору, онъ осторожно и интимно посвящалъ меня въ свой планъ, состоявшій ни больше и ни меньше какъ въ томъ, чтобы по выходѣ изъ тюрьмы издавать періодическій „дневникъ писателя" и явиться, нѣкоторымъ образомъ, продолжателемъ на литературномъ поприщѣ... Достоевскаго!!. При всей личинѣ наружной скромности, которую этотъ не лишенный дарованія журналистъ всячески силился принимать на себя въ бесѣдахъ со мною, я уже тогда чуялъ въ немъ неисчерпаемый запасъ тщеславной наглости и шарлатанскаго нахальства, который при крайней неразборчивости въ средствахъ долженъ далеко его завести; но все-таки я не думалъ, чтобы онъ дерзнулъ осуществить этотъ, по истинѣ, кощунственный планъ. Однако, г. Лернеръ дерзнулъ и въ самомъ скоромъ времени, какъ только онъ отбылъ свой срокъ заключенія за подлогъ и вышелъ „на волю", онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе, и мнѣ доставленъ былъ въ тюрьму первый номеръ его „Дневника писателя"...

Ограничиваюсь бѣглымъ наброскомъ этихъ нѣсколькихъ уголовныхъ фигуръ и возвращаюсь къ своему „дѣлу".

III.

Мѣсяца черезъ три или четыре послѣ моего переселенія въ тюремный замокъ прибылъ въ Одессу членъ московской судебной палаты *Крахтъ* для производства предварительнаго слѣдствія по моему дѣлу, такъ какъ въ то время по общеустановленному порядку производство предварительныхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ возлагалось на членовъ Петербургской и Московской Судебныхъ Палатъ по очереди. Послѣ двухъ-трехъ допросовъ въ присутствіи прокурора Одесской Судебной Палаты Г. А. Евреинова мнѣ дали очную ставку съ старымъ евреемъ *Зейликовичемъ*.

Когда я былъ предъявленъ послѣднему, онъ какъ бы послѣ нѣкоторыхъ колебаній заявилъ слѣдователю, что я совершенно не похожъ ни по росту, ни по внѣшнему облику, ни по голосу на то лицо, которое подъ именемъ Иванова являлось къ нему на его квартиру за справками о контрабандной посылкѣ изъ-за границы. Признаюсь, что когда составленъ былъ протоколъ объ этой очной ставкѣ, у меня какъ будто отлегло отъ сердца, такъ какъ послѣ этого противъ меня оставалась уже одна лишь улика,—появленіе въ засаду вмѣстѣ съ Симхой и въ гримѣ, что было, разумѣется, слишкомъ недостаточно для осужденія человѣка. Но на послѣднемъ допросѣ ловкій прокуроръ Евреиновъ меня крайне огорчилъ неожиданно поставленнымъ мнѣ вопросомъ: жилъ ли я въ Вѣнѣ въ Josephstadt'ѣ на Landsgasse? Я почуялъ въ этомъ вопросѣ что-то серьезно-угрожающее и ухватился инстинктивно за случайную ошибку и отвѣтилъ, что я, дѣйствительно, жилъ въ участкѣ Josephstadt, но не на Landsgasse, а Lammgasse. Впослѣдствіи разъяснилось, что послѣ моего отъѣзда изъ Вѣны туда доставлены были по моему адресу предварительной посылкой для распространенія нѣсколько экземпляровъ перваго номера „Впередъ". Посылка эта получена была въ Вѣнѣ уже послѣ моего отъѣзда оттуда, а лицо, которому, по указанію моему, посылочка эта была передана, переслало ее въ Подволочискъ на имя К—ского, который въ свою очередь не потрудился даже вынуть номера „Впереда" изъ холста, на которомъ написанъ былъ адресъ, и цѣликомъ присоединилъ посылочку къ общему доставленному для меня въ Подволочискъ транспорту, такъ что, когда прокуратура разобралась въ „дѣлѣ", она обратила вниманіе на это обстоятельство, являвшееся добавочной противъ меня уликой.

Послѣ очной ставки съ Симхой, слѣдователь, выдавъ мнѣ копіи моихъ показаній, заявилъ мнѣ, что слѣдствіе имъ закончено, и что меня, вѣроятно, „черезъ 3—4 недѣли" повезутъ въ Петербургъ, такъ какъ согласно существовавшаго тогда порядка я подлежу суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената.

такому-то, что прошеніе его оставлено безъ послѣдствій. И я продолжалъ сидѣть.

Нѣкоторое, самое короткое, время послѣ появленія въ одесской тюрьмѣ новыхъ „политическихъ" я еще продолжалъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ своимъ и оставался въ башнѣ подъ ближайшимъ попеченіемъ д-ра Розена. Положеніемъ этимъ я, разумѣется, не могъ не пользоваться, чтобы всячески облегчать и положеніе другихъ: тюремные надзиратели свободно допускали меня въ ихъ камеры, я доставлялъ имъ книги, передавалъ имъ и отъ нихъ письма, дѣлился съ ними пищею и т. д. Но въ одинъ непрекрасный день меня лишили, наконецъ, моихъ привилегій: по распоряженію посѣтившаго тюрьму прокурора одесскаго окружнаго суда Полторацкаго меня изгнали изъ владѣній д-ра Розена и перевели хотя и не въ „секретную", но въ одиночную камеру, и я очутился подъ замкомъ, какъ и другіе „политическіе". Однако, сношенія между нами отъ этого не прервались: сначала они велись черезъ посредство камерныхъ служителей, и въ скоромъ времени, когда въ видахъ болѣе тщательнаго и строгаго за ними присмотра, нашихъ надзирателей замѣнили жандармами, черезъ посредство послѣднихъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ жандармовъ намъ удалось настолько приручить и воспитать, что они всецѣло перешли на нашу сторону; они передавали „на волю" наши письма [1]) и приносили намъ отвѣты, не запирали нашихъ камеръ и свободно допускали насъ другъ къ другу. Какъ „жандармы", они считали себя независимыми отъ всякой иной власти и совершенно не подчиненными тюремной администраціи, которая въ свою очередь изъ традиціоннаго страха передъ чинами III-го Отдѣленія и въ виду нѣкоторыхъ своихъ грѣшковъ боялась жандармовъ и предпочитала въ ихъ дѣйствія вовсе не вмѣшиваться, смотря на нихъ сквозь пальцы. Разъ вышелъ пассажъ, отъ котораго сильно могъ бы пострадать отличавшійся особенной отвагой и безшабашностью жандармъ Ор—въ. Какъ-то въ одинъ изъ послѣ-праздничныхъ дней онъ явился къ намъ на дежурство совершенно соннымъ въ виду разгульно проведенной ночи; отперевъ наши камеры и задвинувъ лишь ихъ дверныя задвижки, чтобы мы могли свободно ходить другъ къ другу и оставивъ дверь моей камеры совершенно открытой, онъ самъ завалился на моей кровати спать. Вдругъ сигналъ, что пріѣхалъ въ тюрьму

[1]) Одинъ изъ этихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ Ор—въ, явившись къ пріятелю одного изъ заключенныхъ съ письмомъ отъ послѣдняго и замѣтивъ въ встрѣтившемъ его братѣ этого пріятеля нѣкоторое смущеніе, сурово напустился на него и поразилъ его слѣдующимъ демонстративнымъ заявленіемъ. „Вы что думаете, — я дуракъ, ничего не понимаю, я свое подлое начальство вотъ какъ понимаю, и какъ будетъ бунтъ, и начнутъ мерзавцевъ вѣшать, я первый ихъ повѣшу"!..

Пророчеству Крахта о „скоромъ судѣ“ не суждено было, однако, оправдаться такъ же, какъ не оправдалось прежнее пророчество товарища прокурора Аристова о „скоромъ освобожденіи“.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время шли уже усиленные аресты по всей Россіи. Въ средѣ „чайковцевъ“ таковые начались еще до моего ареста въ концѣ 1873-го года (однимъ изъ первыхъ чайковцевъ арестованъ былъ *Синегубъ*;) потомъ послѣдовали аресты въ Москвѣ, въ Саратовѣ, въ Самарѣ и во многихъ пунктахъ Поволжья. У насъ на Югѣ нѣкоторое время все обстояло благополучно, но лѣтомъ 1874 года произошли аресты въ Кіевѣ, а за ними (вслѣдствіе перехваченной въ Москвѣ какой-то переписки) былъ арестованъ и отвезенъ въ Москву *Ф. В. Волховскій*, а черезъ короткое послѣ этого время пошли аресты и въ Одессѣ: арестовали нѣкоего *Завадскаго*, который совершенно самостоятельно велъ соціальдемократическую пропаганду между наборщиками въ открытой имъ уже послѣ моего ареста типографіи и не примыкалъ ни къ одному изъ находившихся въ Одессѣ кружковъ, захвачены были бр. *Жебуневы*, заперли подъ замокъ *Щербину*, *Бутовскую* и нѣкоторыхъ другихъ, а въ концѣ концовъ (но уже значительно позже) арестовали и *Желябова*. Въ виду многочисленныхъ арестовъ на обширной территоріи Россіи, зародилась въ правящихъ сферахъ мысль о грандіозномъ политическомъ процессѣ. Въ сферахъ принято было рѣшеніе соорудить такое „сообщество“, которое охватило бы если уже не всю Россію, то весьма импозантную ея часть, этакъ 30—40 губерній. И вотъ для созданія того монстръ-процесса, который впослѣдствіи занесенъ былъ въ лѣтописи нашей юстиціи подъ названіемъ „процесса 193-хъ“, повелѣно было начальнику Московскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанту Слезкину подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева произвести дознаніе по дѣлу о преступной пропагандѣ по всей Имперіи... Хотя я привлекался по собственному „дѣлу“, по которому не обнаружена была прикосновенность какихъ-либо другихъ лицъ, и по которому не только „дознаніе“, но и „предварительное слѣдствіе“ уже совершенно закончено было, власти тѣмъ не менѣе признали и нужнымъ, и возможнымъ, и законнымъ пріостановиться съ моимъ судомъ, дабы такъ или иначе и меня пріобщить къ „Большому процессу“ и судить меня совмѣстно съ другими.

И вотъ, я продолжалъ сидѣть—сидѣть за рѣшеткой безъ конца. Регулярно въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца я вызывался, по моему требованію, въ тюремную контору, писалъ тамъ прошенія, протесты на имя министра юстиціи по поводу безконечнаго моего заключенія, не взирая на давно законченное предварительное слѣдствіе, при чемъ также регулярно получался на эти прошенія одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: объявить

прокуроръ. Бѣгу въ свою камеру, но Ор—въ спитъ мертвецкимъ сномъ. Принялся усиленно я его будить, и не малаго труда стоило мнѣ разбудить его, такъ что онъ еле-еле успѣлъ позапирать камеры къ моменту появленія въ нашей камерѣ прокурора...

Послѣ годичнаго почти пребыванія моего въ заключеніи въ Одессѣ совершилось „событіе“: ее удостоилъ своимъ посѣщеніемъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ (бывшій до того шефомъ жандармовъ) генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Сообщено было, что онъ побываетъ и въ тюремномъ замкѣ. Пошла, разумѣется, усиленная чистка и уборка. Полы больничныхъ палатъ и коридоровъ натирали съ остервенѣніемъ, они блестѣли, какъ зеркало [1]), всюду мыли, скребли, подмазывали, освѣжали, подновляли. Въ одинъ прекрасный день въ тюрьмѣ съ ранняго утра поднялась небывалая суета; по всѣмъ коридорамъ дано было знать, что сегодня „онъ“ непремѣнно будетъ; надзиратели принарядились, наши жандармы явились въ мундирахъ, въ артистически вычищенныхъ сапогахъ, тщательно причесанные и съ нафабренными усами. Наконецъ, свершилось: явился Тимашевъ и въ сопровожденіи чиновъ прокурорскаго надзора, полковника Кнопа, полицейскихъ и тюремныхъ властей принялся обходить тюремныя зданія и камеры... Щелкнулъ замокъ у дверей моей камеры, и въ камеру въ сопровожденіи Евреинова и Кнопа вошелъ въ полной парадной формѣ и во всемъ своемъ блескѣ генералъ Тимашевъ, который хотя и не болталъ о „полнотѣ власти“, но таковою дѣйствительно пользовался тогда въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣшніе министры, то и дѣло кичащіеся этой пресловутой „полнотой“.

Въ ожиданіи властей я стоялъ въ глубинѣ камеры у окна и, при ихъ входѣ, на ихъ поклонъ отвѣтилъ таковымъ же, не двинувшись съ мѣста. Тимашевъ, остановившись посреди камеры, обратился ко мнѣ съ сурово-грубо-повелительнымъ вопросомъ: по какому дѣлу и какъ давно я арестованъ? Я отвѣтилъ: „по подозрѣнію въ покушеніи на распространеніе въ Россіи книгъ запрещеннаго содержанія“.—„Только по подозрѣнію“, саркастически переспросилъ Тимашевъ,—„а въ дѣйствительности, вы, конечно, ни въ чемъ не виновны?“.—„Это выяснитъ судъ“, холодно отвѣтилъ я: „пока же дѣло идетъ лишь о подозрѣніи, такъ какъ уликъ противъ меня никакихъ нѣтъ“.—„Ваше Высокопревосходительство“, подскочилъ тогда къ Тимашеву полковникъ Кнопъ, „г. Чудновскій хотѣлъ перевезти черезъ границу восемь пудовъ запрещенныхъ книгъ, которыя мы перехватили“. „Что же такъ мало?“ иронически обратился ко мнѣ Тимашевъ. Я удивленно пожалъ плечами. Желая положить конецъ неловкому

[1]) Д-ръ Розенъ удостоился особенной благодарности за эти полы!

положенію, которое могло бы принять нежелательное направленіе, вмѣшался тактичный Евреиновъ и замѣтилъ: „В. В—во, предварительное слѣдствіе по дѣлу уже закончено и, вѣроятно, скоро состоится судъ надъ г. Чудновскимъ“. Тогда всесильный министръ, вновь обратившись ко мнѣ, язвительно замѣтилъ: „можете не безпокоиться, если уликъ противъ васъ нѣтъ, то мы ихъ найдемъ—найдемъ“, затѣмъ быстро повернулся и удалился.

Впослѣдствіи я узналъ отъ смотрителя Зубачевскаго, что по выходѣ изъ моей камеры Тимашевъ обозвалъ меня „невѣжей“ за то, что я въ бесѣдѣ съ нимъ ни разу не величалъ его по титулу, и при его входѣ не приблизился даже къ нему...

IV.

Время шло. Оно тянулось однообразно, тоскливо-долго, цѣлой безконечностью. Я продолжалъ сидѣть за рѣшеткой.

Прошло больше полутора лѣтъ, а я все еще томился за тюремной оградой, разнообразя свое томленіе... „пропагандой“ въ средѣ заключенныхъ. „Пропагандировали“ собственно вѣчно не унывающій Сергѣй Жебуневъ и нѣкоторые другіе наши соузники-политическіе. Я же отъ времени до времени набрасывалъ рефераты по разнымъ вопросамъ политическаго и соціально-экономическаго содержанія и передавалъ ихъ въ распоряженіе Жебунева и К°, какъ дополнительное, такъ сказать, пособіе для ихъ „пропаганды“. Сознаюсь, что я лично очень скептически относился къ плодотворности „пропаганды“ въ средѣ уголовныхъ,--преимущественно „шпанки“ [1]), но я не считалъ возможнымъ отказывать въ посильномъ своемъ содѣйствіи тѣмъ, которыхъ я любилъ и глубоко уважалъ, и которые смотрѣли на это иначе, чѣмъ я,—благо досужаго времени у меня было болѣе, чѣмъ достаточно...

Меня очень поддерживала постоянная переписка съ друзьями-товарищами по кружку, которая велась очень аккуратно и регулярно, благодаря вѣчно бодрому и энергическому Желябову, привыкшему исполнять всѣ принимаемыя на себя обязательства съ щепетильной добросовѣстностью и полнотой,—въ данномъ же случаѣ имъ руководило не въ малой степени и личное дружеское расположеніе... Онъ посылалъ мнѣ довольно часто длинныя письма, въ которыхъ посвящалъ меня (пользуясь шифромъ) во всѣ перипетіи жизни нашего кружка. Съ большимъ удовлетвореніемъ и съ радостью я узнавалъ, что—не взирая на всѣ невзгоды—нашъ кружокъ,

---

[1]) Были, конечно, исключенія, въ родѣ *Никиты*, о которомъ такъ правдиво и сердечно разсказано Жебуневымъ въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Быломъ“...

лишившись такихъ организаторскихъ силъ, какъ Волховскій,—все же безпрестанно развивался, расширялся и пускалъ глубокіе корни въ не совсѣмъ благопріятную почву. Меня очень радовало, когда я узнавалъ о присоединеніи къ нему новыхъ силъ: Попко, Ланганcы, Я—ко и другіе. Особенно я радъ былъ, когда узналъ, что къ кружку нашему примыкаютъ нѣкоторые изъ честнаго культурно-просвѣтительнаго кружка и въ томъ числѣ одинъ изъ наиболѣе идеально-нравственныхъ и весьма вліятельныхъ его членовъ Р—нъ...

Въ одинъ невеселый, чисто тюремный, день мы узнали, что къ намъ въ Одессу ѣдетъ самъ *Жихаревъ*, о которомъ у насъ уже заранѣе составилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе, какъ о суровомъ, сухомъ и черствомъ чиновникѣ-формалистѣ, который имѣетъ твердое намѣреніе изъ возложеннаго на него порученія сдѣлать фундаментъ и прочную ступень для своей служебной карьеры. Съ нетерпѣніемъ ждали мы своего гостя.

Давно жданный день насталъ. Въ коридоры заключенныхъ поданъ былъ сигналъ о прибытіи начальства: пріѣхалъ Жихаревъ и отправился по камерамъ политическихъ.

Вотъ загремѣлъ замокъ у моихъ дверей,—въ камеру властной поступью вошелъ плотный мужчина высокаго роста съ крупными и весьма энергическими чертами лица. Это и былъ прокуроръ Жихаревъ, котораго сопровождалъ довольно еще юный и весьма юркій товарищъ прокурора (кажется, саратовскаго же) окружнаго суда—*Шубинъ*, которому предшествовала слава „молодого, да изъ раннихъ", примостившагося къ тріумфальному шествію Жихарева, чтобы на судьбѣ сотенъ заключенныхъ за рѣшетку урвать малую толику и для своей только что начинающейся карьеры.

Поздоровавшись и отрекомендовавшись, Жихаревъ съ Шубинымъ грузно усѣлись на поданныхъ имъ стульяхъ, и Жихаревъ предложилъ мнѣ изложить ему обстоятельства „дѣла", приведшаго меня за рѣшетку. Я повторилъ всѣ тѣ же показанія, которыя приведены въ 4-ой главѣ, которыя даны были мною и на дознаніи, и на предварительномъ слѣдствіи,—и которыя врядъ ли могли быть неизвѣстны Жихареву, который выслушалъ меня до конца спокойно, ни разу не прерывая моего изложенія. Когда я кончилъ и умолкъ, Жихаревъ тономъ торжествующаго побѣдителя, абсолютно увѣреннаго въ своемъ всемогуществѣ, не безъ наглости сказалъ мнѣ: „неужели вы думаете, г. Чудновскій, что *мы* можемъ повѣрить правдивости вашихъ показаній? Нѣтъ же у васъ никакихъ основаній считать насъ глупѣе себя и видѣть въ насъ, представителей власти, наивныхъ простаковъ! Если бы еще вы попались *намъ* въ первый разъ, можетъ быть, мы и приняли бы ваши показанія за чистую монету. Но можете

мнѣ повѣрить на слово, что когда *мы* скажемъ суду, что вы *ре-ци-ди-вистъ*, что вы уже участвовали въ студенческихъ безпорядкахъ—и участвовали, какъ коноводъ и подстрекатель, такъ что понесли кару въ высшемъ размѣрѣ,—повѣрьте, что тогда судъ никогда не повѣритъ вашимъ измышленіямъ. Вы думаете, что *намъ* неизвѣстны всѣ ваши преступныя похожденія, что *мы* не знаемъ, что вы ѣздили въ Румынію, вели тамъ агитацію противъ русскаго правительства, всячески его злословя и дискредитируя. Вы глубоко заблуждаетесь. *Мы* все знаемъ, мы знаемъ всю вашу подноготную и мы все разскажемъ суду, который послѣ этого уже конечно не повѣритъ вашимъ неправдоподобнымъ объясненіямъ. Совѣтую вамъ, г. Чудновскій, хорошенько обдумать сказанное мною и въ собственныхъ же своихъ интересахъ перемѣнить свои показанія...“—„Но“, отвѣтилъ я Жихареву, „вѣдь, я здѣсь сижу уже больше полутора лѣтъ, для обдумыванія у меня было слишкомъ достаточно времени, и если я до сихъ поръ не перемѣнилъ своихъ показаній, то, очевидно, одно изъ двухъ: или мнѣ нечего въ нихъ мѣнять, или я не желаю ихъ мѣнять. Допустимъ даже, что показанія мои не правдивы, но законъ вѣдь къ правдивости меня не обязываетъ. Что же касается вашего заявленія относительно моей революціонной агитаціи въ Румыніи, то на этомъ заявленіи я могу только видѣть, какъ и насколько достовѣрны имѣющіяся у васъ обо мнѣ свѣдѣнія, ибо въ Румыніи я даже никогда не былъ“. И теперь, по прошествіи больше 30 лѣтъ, когда всему прошли всякія давности, и я пишу одну голую и строгую правду, я подчеркиваю, что это „достовѣрное свѣдѣніе“ г. Жихарева было абсолютно ложное, такъ какъ я *никогда*—ни раньше, ни даже позже—въ Румыніи не бывалъ, никакихъ знакомствъ и связей тамъ не имѣлъ и не имѣю, и никогда даже косвенно не пытался вести тамъ какую бы то ни было агитацію. „Освѣдомленныя“ власти, очевидно, перепутали Сербію съ Румыніей и гордо кичились своимъ всевѣдѣніемъ. Въ концѣ концовъ Жихаревъ всталъ, отвѣсилъ мнѣ небрежный поклонъ, и, направляясь съ своимъ адъютантомъ къ дверямъ, сурово-наставительно сказалъ мнѣ: „Вы пробыли въ тюрьмѣ полтора года. Это, конечно, не мало; но повѣрьте мнѣ, вы пробудете въ заключеніи до суда еще гораздо больше времени и будете имѣть еще много досуга, чтобы передумать и перемѣнить свои показанія“...

Съ этими словами всесильный въ тотъ моментъ Жихаревъ, съ высоко поднятой головой (въ сопровожденіи Шубина) удалился и скоро оставилъ тюрьму. Оказалось, что и съ другими „политическими“ онъ былъ также суровъ, какъ и со мною,—и лишь одинъ Желябовъ, который только за нѣсколько недѣль передъ этимъ былъ арестованъ безъ всякихъ уликъ, очень понравился Жихареву и сумѣлъ убѣдить этого самонадѣяннаго пред-

ставителя прокуратуры въ полнѣйшей своей невиновности и непричастности къ какой бы то ни было организаціи, такъ что тотъ пообѣщалъ ему, что онъ будетъ черезъ нѣсколько дней освобожденъ на поруки, что—дѣйствительно—и было исполнено. Такая, сравнительно, снисходительность къ Желябову, помимо отсутствія всякихъ осязательныхъ уликъ (съ этимъ и тогда уже не особенно считались) и умѣнія Желябова гипнотизировать своего собесѣдника (даже такихъ толстокожихъ, какъ Жихаревъ), можетъ быть до извѣстной степени объяснима и условіями его ареста, происшедшаго въ вечеръ того самого дня, когда состоялось его вѣнчаніе съ Ольгой Семеновной Яхненко...

До глубины души возмущенный и преисполненный негодованія, я вслѣдъ за отъѣздомъ Жихарева изъ тюрьмы вызвался въ контору и написалъ тамъ на имя министра юстиціи обширную жалобу по поводу сдѣланныхъ мнѣ Жихаревымъ возмутительныхъ угрозъ безконечнымъ заключеніемъ, пока я не перемѣню своихъ показаній. Я заявилъ министру, что я не могу не считать подобную угрозу замаскированной пыткой, между тѣмъ какъ таковая отмѣнена еще императрицей Екатериной II,—я требовалъ скорѣйшаго надъ собой суда и свою жалобу закончилъ обычнымъ замѣчаніемъ, что хотя и заранѣе знаю, что и настоящая моя жалоба, подобно всѣмъ предыдущимъ, оставлена будетъ министромъ „безъ послѣдствій", но я разсчитываю, что она послужитъ будущему историку матеріаломъ для сужденія о мѣрѣ „правосудности" нашего времени. Министерство оказалось, какъ всегда, чрезвычайно аккуратнымъ: въ самомъ непродолжительномъ времени мнѣ объявлено было по приказанію министра юстиціи, что моя „жалоба оставлена безъ послѣдствій".

V.

Прошло еще около года.

Уже перевалило за 2 $^1/_2$ года съ того момента, когда я былъ арестованъ.

Наступило лѣто 1876 г., а я все еще продолжалъ сидѣть за рѣшеткой одиночки одесскаго тюремнаго замка.

Давно уже закончился судъ надъ паномъ Лепинскимъ, который, благодаря его изможденному и крайне болѣзненному виду и краснорѣчивой защитѣ талантливаго присяжнаго повѣреннаго Я. И. Вейнберга, былъ оправданъ. Давно уже закончился судъ и надъ знаменитымъ Болотовымъ, который угодилъ на житье въ Тобольскъ и въ письмахъ оттуда ярко описывалъ свое благоденствіе въ странѣ Ермака Тимофѣевича. Найеръ съ К° направлялись уже „немножко за политическое и немножко за уголовное" по исторической „Владимиркѣ"—въ каторжныя работы. „Дворянскія"

камеры уже давно наполнились новыми постояльцами, а „политическіе“ и между ними и я—наистарѣйшій все—еще продолжали сидѣть и томиться.

Наконецъ, вспомнили и о насъ. Увезли изъ тюрьмы Жебунева, за нимъ Бутовскую и другихъ. Дошла очередь и до меня, и лѣтомъ 1876 г. я былъ препровожденъ подъ конвоемъ околодочнаго надзирателя на вокзалъ, посаженъ въ вагонъ и черезъ нѣсколько дней преблагополучно прибылъ въ Петербургъ, изъ котораго я отбылъ 7 лѣтъ тому назадъ въ такой же обстановкѣ—подъ конвоемъ полицейскихъ на свой югъ...

Немалое удовольствіе испытывалъ я отъ проѣзда по улицамъ Петрограда, въ который всего какихъ-нибудь 8 лѣтъ назадъ такъ жадно устремлялись всѣ мои помыслы и мечты,—въ особенности когда я очутился на Литейномъ проспектѣ и (хотя издали) увидѣлъ свою alma mater—Военно-Медицинскую Академію. Воспоминанія изъ прожитого овладѣли мною...

Вотъ и Шпалерная, и я очутился въ конторѣ незадолго еще передъ этимъ отстроеннаго и достаточно уже на всю Россію прославившагося „Дома предварительнаго заключенія“. Здѣсь меня самымъ тщательнымъ образомъ обыскали, хотя я и прибылъ не изъ „воли“, а изъ тюремнаго замка и въ сопровожденіи конвоира, записали мои примѣты и помѣстили въ одной крошечной каморкѣ во 2-мъ, кажется, этажѣ.

Единственное маленькое, но очень высокое окно съ покатымъ подоконникомъ, прикрѣпленная къ стѣнѣ желѣзная кровать, единственный желѣзный табуретъ, газовый рожокъ и тутъ же... ватерклозетъ,—вотъ, въ какой роскошной обстановкѣ я очутился. Хотя я очень усталъ отъ дороги, но заснуть въ эту первую ночь я никакъ не могъ: непонятный для меня ритмическій безпрерывный глухой гулъ, раздававшійся по всѣмъ направленіямъ крайне тягостно дѣйствовалъ на мои нервы. Мнѣ казалось, что стучатъ сами всѣ стѣны, весь потолокъ, весь подоконникъ, что все кругомъ превратилось въ сплошной терзающій меня стукъ. Этотъ безостановочный нервный гулъ чуть не свелъ меня съ ума въ эту первую ночь моего пребыванія въ „Предварилкѣ“, какъ заключенные прозвали это послѣднее слово „науки“. Лишь къ разсвѣту я, наконецъ, крѣпко заснулъ на нѣсколько часовъ.

Возобновившійся гулъ рано утромъ разбудилъ меня. Я освѣжилъ разболѣвшуюся голову холодной водой и принялся порывисто шагать по своей крошечной каморкѣ. Вдругъ въ дверяхъ неожиданно открылась форточка. Я моментально подскочилъ. Кто-то (вѣроятно, надзиратель) передалъ черезъ форточку хлѣбъ и тутъ же моментально кинулъ въ камеру свернутую бумажку и крошечный кусочекъ карандаша. Прошептавъ еле слышно: „друзья просятъ приготовить отвѣтъ“,—надзиратель захлопнулъ дверцу и побрелъ дальше.

Сомнѣваюсь, чтобы какой-нибудь (даже сибирскій) именинникъ чувствовалъ себя когда-либо такъ радостно и хорошо отъ подносимыхъ ему подарковъ, какъ я отъ полученной маленькой записочки и крошечнаго карандашика! Съ невыразимымъ чувствомъ признательности и благодарности къ невѣдомымъ „друзьямъ“ я развернулъ записочку, въ которой мнѣ сообщался ключъ къ перестукиванію съ сосѣдями и сообщалось неоднократно уже изображавшееся въ печати оригинальное устройство „клубовъ“ въ „Предварилкѣ“. Нужно ли объяснять, что я безотлагательно принялся за промывку своего ватерклозета, дабы поскорѣе пріобщиться черезъ его посредство къ своему районному „клубу“. Вмѣстѣ съ нимъ я быстро усвоилъ азбуку для перестукиваній и принялся за практику. Теперь стѣны, какъ и ночью, посылали по всѣмъ направленіямъ стуки, но теперь я уже не содрогался отъ этихъ стуковъ, а любовно прислушивался къ нимъ,—они для меня ожили и облеклись въ соотвѣтствующую плоть и кровь. Первые „разговоры“ мои по этой азбукѣ не отличались особенной плавностью и отчетливостью,—я неоднократно путалъ, недостаточно громко отбивалъ удары, соотвѣтствующіе даннымъ буквамъ и словамъ, но мало-по-малу и довольно скоро я пріобрѣлъ нужный навыкъ и уже на другой день могъ „разговаривать“ съ своими сосѣдями, не вызывая съ ихъ стороны раздраженія. Я узналъ отъ нихъ, что нѣкоторые изъ привлекавшихся по дѣлу объ обширномъ, якобы разбросанномъ по всей имперіи, сообществѣ находятся въ Петропавловской крѣпости, что по этому искусственно созданному монстръ-процессу еще даже дознаніе не закончено, а предварительное слѣдствіе по этому дѣлу, взятому въ цѣломъ, даже и не начиналось еще и возможно, что его и вовсе не будетъ, а дознаніе по Высочайшему повелѣнію превращено будетъ (какъ оно и случилось) въ слѣдствіе, что о времени судебнаго разбирательства еще ничего не слышно, и что суда, повидимому, можно ждать далеко еще не такъ скоро и т. д. Далѣе я узналъ, что изъ одесситовъ въ Домѣ предварительнаго заключенія еще продолжаетъ содержаться несчастный *Завадскій*: онъ былъ арестованъ въ Одессѣ еще въ 1874 году и, сильно нервно потрясенный, онъ вскорѣ послѣ ареста сошелъ съ ума. Во всѣхъ своихъ окружающихъ онъ видѣлъ шпіоновъ, такъ что когда я какъ-то послѣ перевода его въ одесскій тюремный замокъ подошелъ къ форточкѣ его камеры и отрекомендовался ему, онъ самымъ серьезнымъ тономъ, полнымъ горечи и укоризны, сказалъ мнѣ: „какъ же вы, Чудновскій, о которомъ я отъ всѣхъ слышалъ столько хорошаго, могли такъ низко пасть, что сдѣлались шпіономъ и теперь, подосланные жандармами, приходите ко мнѣ для предательства!..“ Уже въ Одессѣ всѣми обращено было вниманіе на его сумасшествіе, и тѣмъ не менѣе его отправили въ Петербургъ подъ усиленнымъ конвоемъ и заперли въ ужасную

одиночную камеру. И вотъ черезъ два года я узнаю, что этотъ несчастный, вся вина котораго состояла въ распространеніи ученія Карла Маркса между наборщиками открытой имъ (уже послѣ моего ареста) въ Одессѣ типографіи, все еще мучится въ заключеніи! Несмотря на черезчуръ явно обнаружившіеся признаки неизлечимой душевной болѣзни, принявшей въ знаменитомъ „Домѣ“ еще болѣе грозные размѣры, жестокая администрація не довѣряла заключеніямъ врачей,—она не довѣряла очевидности и продолжала держать подъ замкомъ въ строжайшемъ одиночествѣ несчастнаго больного, нуждавшагося въ сугубо-тщательномъ врачебномъ уходѣ и попеченіяхъ близкихъ людей. Завадскій упорно, не взирая на репрессіи, отказывался отъ прогулокъ, не позволялъ провѣтривать свою камеру, въ которой вѣчно стоялъ отчаянно-удушливый и спертый воздухъ, онъ отказывался отъ всякихъ свиданій, не соглашался даже выходить на свиданія съ женой, онъ не принималъ почти никакой пищи, а „правосудіе“ было неумолимо и ни за что не выпускало его изъ своихъ когтей. Жена Завадскаго обивала пороги всѣхъ властей—административныхъ и судебныхъ, она слезно умоляла и прокуроровъ, и департаментъ полиціи, и самого министра юстиціи Палена, но все было тщетно: ей не вѣрили, врачамъ не вѣрили, тюремной администраціи не вѣрили,—гр. Паленъ подозрѣвалъ во всемъ симуляцію, онъ почти издѣвался надъ несчастной женой Завадскаго,—безчеловѣчная администрація собиралась даже отправить его этапнымъ порядкомъ въ ссылку, въ Сибирь...

VI.

Я сталъ было уже совсѣмъ привыкать къ образцовому „Дому“, намѣреваясь прочно осѣсть въ немъ (время перешло для меня уже въ безконечность и я пересталъ его считать) и завести свой режимъ, какъ вдругъ въ одну прекрасную ночь, когда я ворочался въ своей постели, но еще не заснулъ, вошли въ мою камеру и предложили мнѣ одѣться и отправиться въ контору.

Сборы мои были, конечно, очень недолгіе и несложные. Минутъ черезъ десять я былъ уже въ конторѣ, гдѣ меня передали въ распоряженіе молодого жандармскаго офицера, который, приказавъ вынести мои вещи, не говоря мнѣ ни слова, вышелъ вмѣстѣ со мною на улицу, гдѣ насъ ждала закрытая карета.

По приглашенію офицера, я сѣлъ въ карету, въ которой находился уже нижній жандармскій чинъ. Вслѣдъ за мною, въ карету сѣлъ офицеръ. Захлопнули дверцы, и мы покатили. Я догадывался, что начинается новый актъ моего заключенія, и что меня отправляютъ въ ту самую Петропав-

ловскую крѣпость, про которую я наслышался уже немало „хорошаго“. Стражи мои хранили гробовое молчаніе. Ночь была темная, сторы на окна были спущены, и я лишь смутно чувствовалъ, когда мы проѣзжали черезъ мостъ.

Долго мы ѣхали. Наконецъ, карета остановилась. Отомкнули дверцы, вышелъ офицеръ, а за нимъ—по его приглашенію и я. Передо мною очутились какія-то ворота, которыя весьма гостепріимно раскрылись. Я вошелъ въ небольшой дворъ.

Опять обыскъ, и еще болѣе тщательный и усовершенствованный,—искали даже въ мѣстахъ неудобо-называемыхъ. Мнѣ предложили разоблачиться до-гола, забрали собственную мою одежду, взамѣнъ которой выдали „казенную“: нижнее бѣлье сравнительно недурного качества, обширныхъ размѣровъ халатъ и такихъ же размѣровъ туфли и длинные чулки.

Опять повели меня, раба божьяго, по полукруглому мрачному коридору. Возлѣ одной камеры сопровождавшіе меня смотритель и „присяжные“ остановились, отодвинули засовъ, любезно пропустили меня впередъ, и я очутился на новосельѣ, мгновенно возстановляя въ своей памяти все слышанное мною про „Петропавловку“.

Камера, отведенная въ мое распоряженіе, по размѣрамъ своимъ была значительно больше (и въ длину, и въ ширину) моихъ прежнихъ квартиръ-камеръ въ одесскомъ замкѣ и въ „Предварилкѣ“; но свѣта здѣсь было гораздо меньше: окно расположено было очень высоко и выходило, какъ и во всѣхъ камерахъ крѣпостной тюрьмы, къ окружавшей послѣднюю со всѣхъ сторонъ толстой стѣнѣ, такъ что въ камерахъ получался отраженный свѣтъ, падавшій сверху сквозь незначительное рѣшетчатое окно. Смежныя съ сосѣдними камеры были очень толсты, съ внутренними пустотами, наполненными чѣмъ-то мягкимъ (какой-либо, вѣроятно, мягкой матеріей), такъ что звуки отъ стука въ нихъ заглушались. Въ камерѣ стояла кровать съ матрацомъ, которая не прикрѣплена была къ стѣнѣ и оставалась такимъ образомъ въ распоряженіи заключенныхъ въ теченіе цѣлаго дня, находился небольшой крошечный столикъ, одинъ табуретъ, и какъ неизбѣжная принадлежность—клозетъ далеко не усовершенствованнаго типа, обусловливавшій почти неизмѣнный тяжелый спертый воздухъ. Постельное бѣлье отпускалось также казенное, довольно доброкачественное, смѣнявшееся разъ въ недѣлю: простыня, наволока для подушки, одѣяло и полотенце. Вообще, если бы не крайне чувствительная и неизбѣжная сырость и не отраженный, весьма вредный для зрѣнія свѣтъ, да рѣшетка, можно бы было считать обстановку крѣпостной тюрьмы довольно сносной. Хуже всего дѣйствовалъ „глазокъ“ въ дверяхъ, который мгновенно подымался каждыя три-четыре минуты, чтобы имѣть заключеннаго подъ безпрерывнымъ на-

блюденіемъ. Этотъ „глазокъ“, да монотонныя мелодіи, отбивавшіяся крѣпостными часами каждую четверть часа, до-нельзя тягостно дѣйствовали на нервную систему заключенныхъ, доводя нѣкоторыхъ изъ нихъ до полнаго изступленія и потери самообладанія.

Кормили въ то время въ крѣпостной тюрьмѣ [1]) очень недурно.— Тогда отпускалось отъ казны на содержаніе каждаго заключеннаго, кажется, 85 коп. въ день (вмѣсто 10 и 15 коп. отпускавшихся въ другихъ тюрьмахъ), и, хотя безъ всякаго сомнѣнія далеко не вся эта сумма расходовалась по назначенію, но все же пища отпускалась довольно доброкачественная, и въ сравненіи съ пищей въ другихъ тюрьмахъ даже роскошная. Утромъ и вечеромъ намъ давали по кружкѣ чаю и по три куска сахару и по двойной бѣлой булкѣ къ чаю. Въ 12 часовъ давали обѣдъ, состоявшій обыкновенно изъ трехъ блюдъ: 1) борщъ или супъ съ мясомъ, 2) жаркое, котлеты, бифштексъ, телятина,—вообще второе мясное разнообразилось, и 3) сладкое. Часовъ въ 8 вечера подавалось къ ужину что-либо мясное. Курящимъ отпускались даже казенныя папиросы (кажется, десятокъ въ день). Въ воскресные и праздничные дни къ чаю подавался даже свѣжій филипповскій калачъ, а обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ. Помимо этого, разрѣшалось передавать для заключенныхъ смотрителю деньги, и можно было выписывать хоть ежедневно за свой счетъ безвозбранно все, что угодно. Само собой разумѣется, не полагалось ни ножей, ни вилокъ: блюда подавались въ металлической (оловянной) посудѣ, и полагалась лишь деревянная ложка для жидкаго. Мясо подавалось разрѣзаннымъ на мелкіе кусочки.

Разъ въ мѣсяцъ водили насъ въ находившуюся во дворѣ очень недурную баню, гдѣ каждому отпускалось мыло и мочалка, и къ услугамъ находился даже казенный баньщикъ.

Словомъ, все было бы хорошо въ „Петропавловкѣ“, если бы не отсутствіе всякой жизни, если бы не эта гнетущая мертвечина, это полное строжайшее одиночество, въ которомъ я очутился въ крѣпостной тюрьмѣ на первыхъ порахъ. Первыя недѣли прошли въ абсолютнѣйшей, безусловнѣйшей изолированности, какъ бы разсчитанной на то, чтобы я имѣлъ возможность составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе объ этомъ геніальномъ продуктѣ „прогрессирующей“ мысли человѣчества въ сферѣ уголовнаго права и „государственнаго“ воспитанія. Выпадали минуты, когда положительно становилось страшно отъ кругомъ царящей во-истину могильной тишины. Въ такія минуты невольно охватывали отчаяніе и чув-

[1]) Впослѣдствіи все кореннымъ образомъ измѣнилось, пищевой режимъ не отличался отъ обще-тюремнаго отвратительнаго режима.

ство обиднѣйшей безпомощности и безысходности, безвозвратности жизни, содрогалось сердце, и мутился разсудокъ...

Насквозь пронизывающая сырость, противъ которой своеобразная и обязательная „казенная“ одежда представляла слишкомъ плохую защиту, вѣчный полумракъ, не дававшій возможности безъ опасности для зрѣнія долго предаваться чтенію, холодный асфальтовый полъ, безпрерывное подыманіе и опусканіе „глазка“ въ двери, монотонный бой каждую четверть часа крѣпостныхъ часовъ,—все это дѣйствовало крайне подавляюще на нервы, и безъ того уже сильно истрепавшіеся за слишкомъ 2½-годичное заключеніе въ тюрьмѣ.—„Присяжные“, какъ и служителя-солдаты, убиравшіе подъ ихъ наблюденіемъ камеры, строжайше хранили гробовое молчаніе, которое нарушалъ одинъ лишь смотритель подполковникъ Богородскій на 5—10 минутъ: ежедневно посѣщалъ онъ меня, усаживался на табуретъ или кровать и шепотомъ заводилъ бесѣду о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, по-отечески утѣшалъ заключенныхъ и успокаивалъ ихъ.

Прогулки черезъ день на четверть часа. Торжественно „присяжный“ вносилъ въ камеру изъ цейхгауза хранившуюся тамъ собственную одежду, заключенные сбрасывали ненавистную казенную одежду и облачались въ собственную, послѣ чего ихъ выпускали (разумѣется, подъ конвоемъ) въ круглый небольшой дворикъ, по которому они монотонно прохаживались по-одиночкѣ, дѣлая опредѣленное число круговъ, а въ камерѣ каждаго подневольнаго жильца производился, пока онъ оставался во дворѣ, тщательный обыскъ, о чемъ свидѣтельствовала обыкновенно помятая постель, сдвинутая съ обычнаго мѣста подушка, немного выдвинутый ящикъ стола и т. п.

Сердце сжималось отъ боли, когда выпущенные изъ камеры, мы проходили мимо ряда дверей съ тщательно опущенными на окошки „глазками“. Знаешь, что за этими дверями находятся близкіе тебѣ по духу люди,—знаешь, что они, какъ и ты, мечутся какъ травленные по своимъ камерамъ, не находя себѣ успокоенія,—но кто именно здѣсь находится, ты не знаешь, и ни у кого узнать не можешь—и ничѣмъ, абсолютно ничѣмъ ты имъ помочь не можешь: это—ужасное, мучительное сознаніе!..

И на прогулкахъ, и въ камерахъ приходилось волею-неволею жить однимъ прошлымъ и былымъ, — воспоминаніями о прошломъ и быломъ, анализомъ и рефлексіей. И благо тому, у кого въ его прошломъ и быломъ накопилось достаточно матеріаловъ для вторичнаго и третичнаго мысленнаго ихъ переживанія! Это спасало отъ многихъ тяжелыхъ и очень горькихъ минутъ, — это спасало не одного отъ отчаянія и безумія. Цѣлыми часами шагаешь себѣ по камерѣ, и въ памяти твоей воскресаютъ образъ за образомъ изъ далекаго и близкаго прошлаго, фантазія твоя ра-

зыгрывается, и ты дѣйствительность и реальность дополняешь желательнымъ и возможнымъ,—мысленно благословляешь однихъ и проклинаешь другихъ, комбинируешь минувшіе и безвозвратные факты и обстоятельства и соображаешь на всѣ лады; что и какъ было бы, если бы эти факты и обстоятельства сложились не такъ, а иначе— на одинъ, другой, третій ладъ,— и шагаешь—шагаешь—шагаешь взадъ и впередъ безъ конца!..

Прошло недѣли три - четыре, и у меня появились сосѣди: „заговорили“ подоконникъ и спинки желѣзной кровати. Оказалось, что надъ моей головой—въ верхнемъ этажѣ помѣщался *Мышкинъ*, и путемъ постукиванія въ желѣзную спинку кровати или въ подоконникъ, на который съ трудомъ вскарабкаешься, рискуя каждую минуту быть захваченнымъ надзирающимъ окомъ, мы скоро познакомились и „переговаривались“ по нѣсколько разъ въ день усвоеннымъ въ „Предварилкѣ“ способомъ. Такъ какъ моя камера являлась какъ бы центральной, то мнѣ пришлось принять на себя роль передаточнаго пункта изъ одного края тюрьмы въ другой: вызываетъ меня стукомъ никогда не унывавшій *Аверкіевъ*, помѣщавшійся въ лѣвомъ отъ меня краѣ, подѣлиться со мною (обыкновенно послѣ свиданій) разными „новостями“ и сообщеніями—я вызываю помѣщающагося въ крайней камерѣ праваго края и передаю ему полученныя „новости“,— и послѣдними, само собой разумѣется, пользуются и всѣ находившіеся въ промежуточныхъ между нами камерахъ...

Въ крѣпостой тюрьмѣ практиковался нами еще одинъ способъ для сношеній—путемъ книгъ и журналовъ, выдававшихся намъ изъ крѣпостной библіотеки, довольно богатой по части беллетристики и періодическихъ журналовъ за предыдущіе годы (за текущій годъ журналы вовсе не выдавались, какъ и газеты вообще). Книги можно было мѣнять ежедневно,—и стоило только, заранѣе условившись, опредѣленнымъ образомъ подчеркивать соотвѣтствующія буквы на опредѣленныхъ страницахъ, чтобы этимъ путемъ завести регулярную „корреспонденцію“. Но приходилось соблюдать при этомъ большую осторожность, такъ какъ смотритель всѣхъ насъ предупредилъ, что за подобную провинность насъ будутъ лишать права пользоваться библіотекой, что составляло, разумѣется, весьма чувствительное лишеніе [1]). „На ловца и звѣрь бѣжитъ“! Въ первыхъ же выданныхъ мнѣ изъ библіотеки книжкахъ какого-то журнала (кажется, „Дѣла“) я наткнулся на „письмо“ *Нечаева*: прослѣдивши и выбравъ подчеркнутыя ногтемъ на разныхъ страницахъ буквы, я получилъ скорбное повѣствованіе о чрезвычайно-суровомъ заключеніи въ ужасномъ Алексѣевскомъ раве-

---

[1]) Меня однажды лишили этого права на двѣ недѣли, такъ какъ въ возвращенной мною книгѣ нашли подчеркнутыя буквы, хотя на этотъ именно разъ подчеркивалъ не я...

линѣ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ этого желѣзнаго по волѣ и безпримѣрнаго по энергіи человѣка. Повѣствованіе это меня глубоко поразило и потрясло. Я какъ будто услышалъ голосъ съ того свѣта,—голосъ, отъ котораго я весь содрогнулся, сознавая, что помочь этому „заживо погребенному“ буквально ничѣмъ не могу. Все, что я могъ сдѣлать, это то, что я подѣлился этой скорбной повѣстью съ своими соузниками.

Помимо выдававшихся намъ изъ тюремной библіотеки книгъ, многимъ изъ насъ родственники и друзья доставляли книги „съ воли“, но при этомъ разрѣшалось имъ доставлять однѣ лишь новыя, не разрѣзанныя еще книги, которыя уже „на волю“ обратно не возвращались, а оставлялись въ тюремной библіотекѣ, какъ собственность, постепенно обогащая такимъ образомъ библіотеку [1]).

Свиданія разрѣшались только съ самими близкими родственниками, давались разъ въ двѣ недѣли въ особой комнатѣ въ присутствіи жандармскаго офицера Лѣсникова: посреди комнаты, во всю ея ширину, помѣщался длинный и широкій столъ; по одну сторону этого стола усаживались посѣтители, являвшіеся на свиданіе, по другую сторону vis-a-vis заключенный, къ которому явились на свиданіе, а около него располагался Лѣсниковъ, такъ что бесѣда фактически и обязательно происходила громко и черезъ столъ. Умудрялись, однако, несмотря на всѣ предосторожности, передавать иногда при свиданіи и записочки, но тогда приходилось хранить ихъ во рту, такъ какъ на свиданіе насъ выводили въ собственной одеждѣ, которая—по окончаніи свиданія—снималась въ присутствіи „присяжнаго“ и передавалась послѣднимъ обратно въ цейхгаузъ. Врядъ ли нужно прибавить, что каждый изъ насъ по возвращеніи со свиданія дѣлился обязательно съ другими своими „новостями“.

Наконецъ не могу не отмѣтить еще одного источника для „новостей“. Я уже замѣтилъ, что намъ строжайше запрещалось получать газеты, а между тѣмъ, находясь за рѣшеткой жажда знать, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, превращается просто въ страсть. И вотъ, бывало, когда по утрамъ доставляются въ камеру небольшіе лоскутки газетной бумаги для извѣстныхъ надобностей—по пословицѣ: „голь на выдумки хитра!“—принимаешься тщательно сортировать и прилаживать эти лоскутки и иногда удается такъ ихъ подобрать, что кое-какъ, при помощи догадокъ возстановляешь съ нѣкоторою приблизительностью кое-какія газетныя сообщенія, иногда даже очень интересныя—хотя бы за истекшую недѣлю или даже за истекшій мѣсяцъ. О, тогда полное торжество: безотлагательно

---

[1]) Мнѣ разъ принесли 4 тома психологіи Спенсера, которые, по прочтеніи мною, поступили въ собственность библіотеки.

взбираешься на подоконникъ и принимаешься телеграфировать направо и налѣво „послѣднія новости“... Бывало и такъ: принесутъ кому-либо „съ воли“ провизію (одно время это разрѣшалось), тщательно завороченную въ нѣсколько газетъ; при осмотрѣ верхнія газеты отбираютъ, нижняя же совершенно замасленная и въ жирныхъ пятнахъ все-таки до тебя доходитъ; она же оказывается наиболѣе интересной,—и опять дѣйствуетъ „телеграфъ“, опять разносятся стукомъ „послѣднія извѣстія“.

Такимъ образомъ, за отсутствіемъ реальной жизни, мы искусственно всяческими способами старались создавать для себя какой-либо суррогатъ этой жизни,—и хотя суррогатъ этотъ очень плохо замѣнялъ реальную жизнь, но онъ, тѣмъ не менѣе, былъ незамѣнимымъ кладомъ для запертыхъ въ „Петропавловку“ и цѣлые годы томившихся за тюремной оградой. — Нервы разстраивались, многіе доходили до галлюцинацій, до потери всякаго самообладанія, даже до безумія, — и не одинъ разъ сердце обливалось кровью, когда изъ той или другой камеры раздавались неистовые, искусственно заглушаемые стоны и крики больныхъ товарищей.

Изъ памяти моей никогда не изгладится слѣдующій эпизодъ. Какъ-то разъ надъ головой моей началась необычная возня, послышались отчаянные стуки, какіе-то неистовые, нечеловѣческіе крики, — до меня долетало даже отчаянное истерическое взвизгиваніе: „прокурора, прокурора, про-ку-ро-ра!“ Ясно было, что съ моимъ верхнимъ сосѣдомъ случилось что-то экстраординарное, что-то неладное. Разыгралась фантазія, разбушевалось воображеніе, больная память принялась возсоздавать разные легенды и разсказы о жестокихъ насиліяхъ и звѣрствахъ за крѣпостными стѣнами... И вотъ я чувствую, что достаточно уже истрепавшіеся нервы мои до нельзя напрягаются и натягиваются, что я какъ бы раздвоился на два субъекта, внутренній и внѣшній: послѣдній чувствуетъ, что въ первомъ все клокочетъ и трепещетъ, — но онъ, однако, собой еще владѣетъ и даже сознаетъ, что ему необходимо, что для него обязательно слѣдить за внѣшнимъ „я“, забрать его въ руки, не давать ему разойтись хотя бы ради спокойствія окружающихъ его сосѣдей-товарищей. Однако, внѣшній субъектъ моего „я“ мало-по-малу начинаетъ чувствовать, что не совладать ему съ внутреннимъ „я“, что онъ, наоборотъ, уже всецѣло захватывается послѣднимъ, онъ уже отчетливо сознаетъ, что назрѣваетъ скандалъ, котораго уже никакими силами не остановишь... И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я очутился около двери, принялся неистово топать и стучать ногами, отчаянно забарабанилъ въ дверь кулаками, книгой, всѣмъ своимъ корпусомъ. „Смотрителя, смо-т-ри-теля!“ кричалъ я неистово, какъ бы не своимъ голосомъ. „Прокурора, про-ку-ро-ра, прокурора требую, ско-рѣе прокурора!“ неистово ревѣлъ внутренній „я“ къ

ужасу внѣшняго „я"... Прибѣжалъ конвой, явились „присяжные", пришелъ смотритель. Онъ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ, заявивъ, что въ крѣпости не полагается требовать прокурора, да еще такимъ способомъ, а въ наказаніе „за буйство" перевелъ меня въ одну изъ дальнихъ камеръ, гдѣ по сосѣдству никого не было. Когда я немного успокоился, зашелъ ко мнѣ старикъ-смотритель; онъ усѣлся на мою кровать и ласково-отечески принялся урезонивать, разсказалъ, что съ Мышкинымъ случился нервный припадокъ: онъ мылся въ банѣ,—вдругъ онъ рванулся и выскочилъ оттуда совершенно голый и принялся въ этомъ видѣ бѣшено кружиться по двору. Съ величайшимъ трудомъ удалось увести его въ камеру, въ которой онъ произвелъ полный разгромъ и требовалъ во что бы то ни стало и немедленно прокурора для объясненій по поводу убійственнаго замедленія съ судомъ...

Да, много требовалось жизнерадостности, вѣры въ лучшее будущее и грядущее человѣчества,—требовалось очень много самообладанія, чтобы какъ-нибудь сжиться и мириться съ гнетущей обстановкой. Однажды я „разговорился" съ своимъ сосѣдомъ; изъ характера его „разговора" я почуялъ (чуткость въ одиночкѣ страшно развивается!) что-то неладное, я инстинктивно догадался, что съ сосѣдомъ плохо. Я завелъ съ нимъ длинную „бесѣду", неоднократно прерывавшуюся замѣчаніями „присяжныхъ", я принялся „разсказывать" ему всевозможные веселые анекдоты, разспрашивалъ его о разныхъ-разностяхъ,—мало-по-малу втянулъ его въ „разговоръ", который затянулся до глубокой ночи. На другой день сосѣдъ признался мнѣ, что онъ наканунѣ близокъ былъ къ самоубійству, и что только своими „разговорами" я отвлекъ его отъ мрачныхъ мыслей и поспособствовалъ успокоенію его нервовъ...

VII.

Боже мой, какъ тоскливо, какъ безконечно-грустно тянулось время, а мы все сидѣли за рѣшеткой и ждали!

Настала Св. Пасха 1877-го года. Въ 1-й день мой верхній сосѣдъ *Мышкинъ* стукомъ своимъ разбудилъ меня рано утромъ. Онъ поздравилъ меня съ праздникомъ, съ Воскресеньемъ Христовымъ, и выразилъ увѣренность, что скоро и нашъ Христосъ воскреснетъ, и мы всѣ возродимся къ новой жизни за одно съ нашей общей дорогой родиной. На эту тему мы долго „бесѣдовали" съ нимъ и съ другими товарищами.—Этотъ символическій праздникъ навѣвалъ на насъ во все время нашего заключенія (какъ впослѣдствіи и въ ссылкѣ) особое торжественное настроеніе,—онъ какъ бы возрождалъ нашу бодрость, нашу вѣру и наши надежды.

Да, мы вѣрили и надѣялись. Прошла, однако, весна, приближалось къ концу лѣто, а мы все еще томились за рѣшеткой и ждали. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день въ тюрьму нашу явился первоприсутствующій Особаго Присутствія Правительствующаго Сената—сенаторъ *Петерсъ*, обошелъ всѣ камеры, каждому изъ насъ вручилъ обвинительный актъ по историческому „процессу 193-хъ“, предлагая желающимъ избрать себѣ въ законный срокъ защитниковъ и заявляя каждому о его правѣ знакомиться со всѣмъ дѣлопроизводствомъ, которое въ опредѣленные часы будетъ доставляться въ крѣпость. Я отъ защитника отказался, заявивъ, что намѣренъ самъ себя защищать, и просилъ, чтобы мнѣ разрѣшено было пользоваться для этого письменными принадлежностями и вообще всѣмъ нужнымъ для подготовки къ защитѣ.

Заявленіе мое было уважено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ обвинительный актъ, согласно обѣщанію Жихарева, не преминулъ особенно подчеркнуть мое участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1869 г., какъ обстоятельство, какъ бы предрѣшавшее мою будущую политическую неблагонадежность, я испросилъ свидѣтельство отъ Особаго Присутствія П. С. на истребованіе изъ Медико-Хирургической Академіи справки о характерѣ этихъ безпорядковъ, а также свидѣтельство на истребованіе, черезъ посредство нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, справки отъ вѣнской полиціи о томъ, что въ Вѣнѣ въ Josephstadt'ѣ я проживалъ не въ Landsgasse, а Lammgasse,—и засѣлъ затѣмъ за составленіе защитительной рѣчи.

Мнѣ выданы были письменныя принадлежности и опредѣленное количество листовъ бумаги. Я усердно засѣлъ за работу. Планъ моей защиты былъ таковъ: открыто признать себя соціалистомъ и врагомъ существующаго неограниченно-самодержавнаго строя и въ то же время доказывать всю свою *юридическую* невиновность и отсутствіе всякихъ прямыхъ уликъ, кромѣ показаній завѣдомаго сыщика, какимъ оказался по обстоятельствамъ дѣла Симха, да нѣкоторыхъ жандармовъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ Симхой въ изловленіи Иванова. Защитительная рѣчь вышла довольно объемистая—около двадцати мелко-исписанныхъ листовъ бумаги. Мнѣ были доставлены въ крѣпость затребованныя мною справки, которыя также послужили для меня матеріаломъ. Довольно долго ходили мы въ особое помѣщеніе при крѣпостной тюрьмѣ, куда періодически доставлялось наше подлинное „дѣло“, съ которымъ мы и знакомились подъ наблюденіемъ одного изъ сенатскихъ чиновниковъ. Хотя и предлагали намъ знакомиться лишь съ тѣми отдѣлами, которые касались лично каждаго изъ насъ въ отдѣльности, но мы настаивали на своемъ правѣ знакомиться со всѣмъ дѣломъ, разъ уже прокуратура объединила насъ въ одно сообщество. Надо

правду сказать, что насъ при этомъ интересовали не столько подробности подлиннаго дѣла, сколько возможность сходиться съ живыми людьми—товарищами (водили насъ группами), изъ которыхъ я, напр., кромѣ одесситовъ, зналъ очень немногихъ...

Въ концѣ сентября или въ самыхъ первыхъ числахъ октября 1877 года всѣхъ привлекавшихся къ процессу 193-хъ, содержащихся въ Петропавловкѣ (около 40 чел.), въ томъ числѣ и меня, перевели изъ крѣпости въ „Домъ предварительнаго заключенія". Здѣсь я въ первый же вечеръ былъ пріятно удивленъ, услышавъ въ своемъ „клубѣ" голосъ *Желябова*: онъ все время находился на порукахъ, и лишь передъ самымъ судомъ былъ арестованъ и доставленъ изъ Одессы лишь за нѣсколько дней передъ переселеніемъ моимъ изъ крѣпости въ „Предварилку", а теперь мы очутились въ одномъ „клубѣ".—Желябовъ познакомилъ меня (конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ) съ своей жизнію за послѣдніе два года. Оказалось, что послѣ женитьбы онъ рѣшилъ окончательно опроститься и не только быть „народникомъ", но и слиться съ народомъ и жить одной общей съ нимъ жизнію, такъ что въ послѣднее время безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Желябовъ съ любовнымъ восторгомъ разсказывалъ о своемъ полуторагодовалом „сынишкѣ", который-де уже „какъ казакъ гарцовалъ на конѣ". Говорили мы очень долго, говорилъ собственно почти одинъ Желябовъ, а я давалъ лишь реплики. Уже изъ этой „бесѣды", какъ и изъ дальнѣйшихъ до суда и во время суда, я замѣтилъ, что хотя Желябовъ держитъ еще крѣпко въ своихъ рукахъ знамя „народничества", но что оно уже не вполнѣ его удовлетворяетъ,—что онъ въ немъ уже въ сильной степени разочаровался и находится на перепутьи къ новому направленію своей дѣятельности: онъ уже тогда высказалъ мнѣ, что онъ собирается разстаться съ деревней, опять переселиться въ городъ и приступить къ непосредственной активной борьбѣ съ правительствомъ, не принявшей еще, однако, опредѣленныхъ очертаній въ его планѣ... Съ душевной болью я только тогда узналъ отъ Желябова о незадолго передъ этимъ разыгравшейся въ „Предварилкѣ" трагической исторіи съ *Боголюбовымъ*, который былъ наказанъ розгами по распоряженію жестокаго временщика Трепова,—а также о томъ, какъ реагировали на эту исторію политическіе заключенные „Предварилки", которые (и въ ихъ числѣ и безъ того изможденный Волховскій) были при этомъ жестоко избиты и лишь теперь кое-какъ оправились отъ нанесенныхъ имъ безчеловѣчныхъ побоевъ и истязаній [1]),—и что послѣ этой варварской расправы прокуратура вмѣшалась и значительно смягчила режимъ „Дома".

---

[1]) Эта печальная трагедія подробно описана была въ „Быломъ".

Да, обстановка „Предварилки“ за это время совершенно измѣнилась. Прежняго строжайшаго изнуряющаго одиночнаго режима и намека не осталось. Громадная масса политическихъ заключенныхъ (по одному процессу 193-хъ свыше полутораста человѣкъ) вынудила администрацію пойти на большія уступки.—Окна во всѣхъ камерахъ выставлялись въ течсніе цѣлаго дня; узники забирались на подоконники, и общія бесѣды лились безъ перерыва, и прибѣгать къ перестукиванію не было уже надобности. Надзиратели, правда, для очистки совѣсти являлись отъ времени до времени въ наши камеры и требовали ухода съ подоконниковъ и прекращенія бесѣдъ подъ угрозой всевозможныхъ репрессій, но угрозы однѣми угрозами оставались, а „самовольно“ установленный заключенными новый режимъ сохранялся незыблемымъ. Послѣ того строгаго одиночнаго заключенія, съ которымъ я только-что разстался въ крѣпости, меня положительно, поразилъ „республиканскій“ строй „Предварилки“. Я чуть не свалился отъ хохота съ подоконника, когда на другое утро очутился передъ такой картиной: одинъ заключенный (если не измѣняетъ мнѣ память, *Никифоровъ*), перекинувъ къ сидѣвшему подъ нимъ—въ нижнемъ этажѣ—пріятелю длинную веревочку, торжественно переправлялъ послѣднему по этой веревочкѣ сапогъ для починки!..

Въ опредѣленный часъ неизмѣнно являлся на окошко бодрый, жизнерадостный и вѣчно улыбающійся *Ковадикъ*, вызывалъ своего пріятеля *Лазарева* и, въ качествѣ обще-признаннаго разъ-на-всегда предсѣдателя, предлагалъ ему, какъ исполнительному при немъ органу, созвать народъ „на сходку“, т. е. созвать всѣхъ на подоконники. Лазаревъ своимъ зычнымъ голосомъ оповѣщалъ предложеніе предсѣдателя,—публика „собиралась“, и „засѣданіе“ открывалось... На этихъ „засѣданіяхъ“ обсуждались всѣ вопросы дня, всѣ новѣйшія политическія событія и, главнымъ образомъ, все относившееся къ приближавшемуся, наконецъ, суду надъ нами!..

Уже на второй день послѣ моего перевода въ „Предварилку“ мнѣ сообщили, что группа подсудимыхъ по нашему дѣлу рѣшила бойкотировать судъ, отказаться отъ защиты и всякаго въ немъ участія, и спросили моего мнѣнія по этому поводу. Я заявилъ, что хотя это рѣшеніе является для меня полной неожиданностью, и я уже много времени потратилъ на свою защитительную рѣчь, которая уже почти готова, но идею о бойкотѣ я одобряю; думаю, однако, что для того, чтобы бойкотъ этотъ имѣлъ серьезное общественное значеніе, необходимо, чтобы въ немъ участвовала очень значительная часть подсудимыхъ и участіе свое—по возможности—мотивировали бы, и что лично я присоединюсь къ нему въ томъ лишь случаѣ, если за него выскажется не менѣе ста человѣкъ (включая и меня). Черезъ нѣсколько дней сообщено было, что „протестантовъ“ набра-

лось свыше ста человѣкъ, и что каждый обязуется мотивировать свой отказъ отъ суда и всѣми мѣрами добиваться удаленія изъ залы суда, если бы даже пришлось прибѣгать для этого къ оскробленіямъ по адресу суда. Я присоединился къ группѣ протестантовъ и защиту свою, столь тщательно подготовленную, похерилъ. Изъ членовъ одесскаго кружка къ бойкоту присоединились всѣ, кромѣ Желябова, который подчинился нашему общему требованію: не отказываться отъ суда и защиты въ виду отсутствія какихъ-либо противъ него уликъ и наличности слишкомъ многихъ шансовъ на оправдательный для него приговоръ...

Настало 18-е октября 1877 года, и открылся судъ надъ 193-мя подсудимыми.

С. Чудновскій.

Саратовскій семидесятникъ.

(*Окончаніе* [1]).

При недостаткѣ свѣжихъ впечатлѣній отъ окружающаго, при изнуряющемъ душу однообразіи жизни своего маленькаго мірка, ссыльный съ жаднымъ нетерпѣніемъ ждетъ почты и набрасывается на газету и на журналъ, какъ изголодавшійся волкъ на добычу. Пока онъ держитъ въ рукахъ этотъ листъ съ привычнымъ заголовкомъ „своей“ газеты, онъ чувствуетъ себя въ связи съ Россіей, съ человѣчествомъ, со всѣмъ ходомъ всемірной исторіи. Тамъ, „на волѣ“, все живетъ, борется, стремится къ побѣдѣ. Что ни день—то здѣсь то тамъ прорывается наружу таившееся въ душахъ недовольство: сегодня въ Самарѣ, завтра въ Псковѣ, послѣзавтра въ Черниговѣ; гдѣ въ какомъ-нибудь „смѣломъ“ (по тогдашнему времени) постановленіи земства, гдѣ въ горячей рѣчи либеральнаго дворянина на губернскомъ съѣздѣ (что же...— и Гэмпденъ былъ дворяниномъ! и Мирабо былъ дворяниномъ! да и самъ Сенъ-Жюстъ)... Тогда именно начали пріобрѣтать широкую извѣстность имена гласнаго Петрункевича, таврическаго земца Винберга и прочихъ представителей русскаго конституціонализма, ранѣе незамѣтно существовавшаго въ никому невѣдомыхъ губернскихъ кружкахъ чисто дворянскаго характера... Наряду съ этими, новыми для тогдашняго слуха, именами и съ новыми фактами легальнаго протеста противъ господствующаго произвола, газеты этого періода (79—80 годы), чуть не съ каждой почтой приносили извѣстія, еще болѣе волнующія ссыльнаго,—извѣстія о революціонныхъ фактахъ неслыханной раньше смѣлости и потрясающаго драматизма, который тогда воспринимался еще свѣжими, не обмозолившимися сердцами. Въ этихъ сообщеніяхъ иногда проскальзывали имена, хорошо знакомыя Поливанову, и легко понять, съ какой мучительной тревогой онъ спрашивалъ себя, отрываясь отъ газетнаго листа: „этотъ уже

[1]) См. Минувшіе Годы. Январь, Февраль и Мартъ.

погибъ... а не былъ ли съ ними Степа? или Евгеній?... кто былъ этотъ „Неизвѣстный", раненый въ голову?"... Какія дѣла! „Какой размахъ пріобрѣтаетъ движеніе!.. А мы тутъ"... Бѣжать ему, однако, не было смысла, т. к. всѣ данныя говорили за то, что его продержатъ недолго, и онъ ждалъ, но ждалъ нетерпѣливо, всей душой уносясь на волю, къ тѣмъ, которые съ такой героической энергіей идутъ на штурмъ мрачныхъ твердынь ветхой, но все еще грозной всероссійской Бастиліи...

А газеты, что дальше—то больше, доносили до засыпаннаго снѣгами Кадникова какія-то громовыя вѣсти: вотъ 2-го апрѣля, совершенно неожиданно для революціоннаго міра, грянулъ выстрѣлъ Соловьева... Соловьевъ?... Вѣдь онъ былъ въ Саратовѣ... Разъ-другой Поливановъ съ нимъ встрѣчался... „Гдѣ же у меня были глаза?.. какъ я не догадался, что этотъ человѣкъ рѣшилъ отдать свою жизнь... А я-то болталъ съ нимъ, какъ со всякимъ... А вотъ: съ нимъ оказался и Орестъ Веймаръ,—любимецъ Гофа... Что-то Старикъ теперь думаетъ?.."

Выступленіе Соловьева среди ссыльныхъ того времени еще вызывало сомнѣнія: не было ли это единичнымъ фактомъ? Быть можетъ, Соловьеву съ двумя-тремя друзьями стало невтерпежъ, но какъ отнесутся къ этому въ руководящихъ кружкахъ? въ организаціи „Земли и Воли"?.. Но вотъ, 19-го ноября того же года произошло событіе, показавшееся тогда прямо грандіознымъ: организаціей былъ пріобрѣтенъ домъ; оттуда велся подкопъ по всѣмъ правиламъ миннаго дѣла. Взрывъ поѣзда!.. Въ Москвѣ!..

Тутъ ужъ никакихъ сомнѣній оставаться не могло. Очевидно, на волѣ созрѣло новое теченіе, чисто боевое; создалась организація, мощная, обширная, таинственная... Для другихъ она еще долго оставалась таинственной, но Поливанову вскорѣ же стало извѣстно, что Степанъ Ширяевъ, уже давно съ англійскимъ паспортомъ вернувшійся изъ-за границы, принималъ въ московскомъ дѣлѣ самое близкое участіе... Гартмана онъ тоже зналъ по Саратову... „Наши!.. Вотъ какъ они теперь дѣйствуютъ!.. Это ужъ не разговоры въ „Утрѣ Венеціи" [1]) съ двумя-тремя мастеровыми, съ оглядкой: не подслушалъ бы сыщикъ"... Еще нѣсколько мѣсяцевъ,—и вновь ударъ, до того неожиданный для правительства, обставленный съ такимъ, превосходящимъ фантазію всякаго романиста, искусствомъ замысла, что все прежнее казалось рядомъ съ этимъ только шуткой: взрывъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ... въ моментъ пріема высокихъ посѣтителей... Какъ все обдумано!.. какія у нихъ тамъ связи!.. „Исполнительный

---

[1]) „Утро Венеціи"—трактирчикъ, существовавшій близъ Ильинскаго моста; тамъ часто пропагандисты устраивали свиданія съ рабочими.

Комитетъ",—это грозное имя облетѣло всю Россію. Неуловимый, неумолимый въ своихъ страшныхъ приговорахъ, неотвратимо наносящій свои удары!

Тогдашняя народная масса, оглушенная этимъ, невѣдомо для нея откуда налетѣвшимъ кровавымъ ураганомъ, еще ничего не могла понять: что это? кто это? исчадія ада или титаны, дерзнувшіе вступить въ борьбу съ Олимпомъ?,—но она смутно чувствовала, что наросло въ исторіи что-то новое и что это новое—сила, безпощадно-враждебная Олимпу.

До ссылки доносился лишь отдаленный громъ событій. Изрѣдка, съ появленіемъ какого-нибудь новичка, загадочный по газетамъ фактъ нѣсколько освѣщался, но полныхъ свѣдѣній, вскрывающихъ всю подноготную историческихъ актовъ и всю психологію дѣйствующихъ лицъ, въ тундры сѣвера не проникало. Многое оставалось непонятнымъ. Чувствовалось каждымъ ссыльнымъ, что за всѣмъ, что ему извѣстно, есть что-то еще, за отдѣльными фактами борьбы есть самый духъ момента, который можно прочувствовать только находясь въ рядахъ борцовъ. Это было тяжело. Душа рвалась на волю... Но воля, казалось, была близка.

За взрывомъ Зимняго Дворца почти тотчасъ же послѣдовало нѣчто еще болѣе невѣроятное, чѣмъ все предыдущее: изъ-за висѣлицъ, за которыми укрылась власть, взвился бѣлый флагъ. Власть растерянная, безпомощная, испытавшая, какъ тогда думали, уже всѣ средства устрашенія, вдругъ, безъ всякихъ переходныхъ полутоновъ, заговорила вдругъ инымъ тономъ—и объявила... „диктатуру сердца". Генералъ-губернаторы, казни, неистовства цензуры, массовыя ссылки, и... „диктатура сердца"!

Либеральныя колокольни внезапно народившихся прогрессивныхъ газетъ („Молва", „Страна", „Порядокъ" и пр.) залились малиновымъ звономъ, привѣтствуя Свѣтлое Христово Воскресенье. Наступилъ, по мѣткому словечку начинавшаго писателя Протопопова, „медовый мѣсяцъ либерализма"... Сами будочники, влача людей въ кутузку, стали дѣлать это со всей доступной имъ граціей и галантностью. При арестѣ одного моего пріятеля, именно въ это время бѣжавшаго изъ ссылки и пытавшагося сопротивляться, старшій жандармъ не схватилъ его грубо за кудри, а мягко и деликатно посовѣтовалъ своему товарищу „попридержите ихъ за волосы"...

Въ московской газетѣ „Русскій Курьеръ" (подъ редакціей беллетриста-народника Нефедова), открылся новый отдѣлъ, немыслимый въ легальной газетѣ раньше: извѣстія изъ ссылки. Тамъ умиленные россіяне ежедневно могли читать, что оттуда-то освобождено два человѣка, оттуда-то три, и это на языкѣ тогдашней либеральной печати называлось: уничтоженіе административной ссылки. Сколько и куда за тѣ же дни

сослано, объ этомъ россіянамъ властями не сообщалось, дабы не напоминать имъ о мрачномъ „прошломъ“, въ виду развертываемыхъ передъ ними „сердечно диктаторствующимъ“ начальствомъ радостныхъ перспективъ будущаго.

Ссыльныхъ, „освобождая“, не отпускали на всѣ четыре стороны, а отправляли обыкновенно на родину, подъ гласный надзоръ полиціи, и въ Саратовѣ начали все чаще поговаривать: „а скоро и нашего Поливанова должно быть пришлютъ къ намъ; пора бы ужъ!“

... И дѣйствительно. Въ одинъ хмурый осенній день сидѣлъ я у себя на квартирѣ, по обыкновенію читая книгу, когда дверь распахнулась и за своей стѣной я услышалъ знакомый, радостно возбужденный голосъ: „Ванichка! живъ? цѣлъ?.. А вотъ и я!“

Поливановъ стоялъ передо мной, сильно возмужавшій за тѣ два года, которые мы не видались, съ обвѣтрившимся въ дорогѣ лицомъ, одѣтый въ какой-то необыкновенный картузъ, въ столь же необыкновенномъ, забрызганномъ дорожною грязью пальто, въ высокихъ сапогахъ, которыхъ никогда не носилъ прежде. Онъ имѣлъ видъ дорожный, нѣсколько загрубѣвшій въ пути, но глаза его сіяли и во всѣхъ его движеніяхъ, въ поспѣшной, сбивчивой рѣчи, въ бодрыхъ, но срывающихся тонахъ голоса еще чувствовалась та стремительность, съ которой онъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ несся навстрѣчу жданной свободѣ.

Вотъ она, наконецъ,—свобода! Вотъ Саратовъ!.. „Ну, что же? какъ теперь?.. много ли здѣсь нашихъ?.. вѣдь всѣ разъѣхались!.. кому теперь дѣйствовать?.. ведется ли дѣло?.. какъ вы работаете?.. Вѣдь ты, надѣюсь, уже не лавристъ?.. а кто же?.. народоволецъ! уже! давно ли?.. А я право и самъ не знаю: что я такое сейчасъ?.. голова кругомъ идетъ...“

Новый міръ. Новые люди. Новыя отношенія. Все оказалось ново для Поливанова.

Гдѣ старые пріятели?—одинъ въ Москвѣ, медикъ второго курса, другой — тамъ же, техникъ, третій все еще не возвращенъ изъ ссылки. Въ Саратовѣ нашъ милѣйшій Иванъ Петровичъ Ювенальевъ. Онъ уже вернулся съ сѣвера и даже допущенъ учителемъ женской гимназіи. Съ нимъ попрежнему всегда пріятно поговорить и о политикѣ и о его любимой математикѣ. Онъ и теперь готовъ оказать всякую услугу, но въ постоянной работѣ участія не принимаетъ: черезчуръ ужъ философъ. Притомъ, онъ надѣется послужить революціи именно своей математикой: занятъ изобрѣтеніемъ управляемаго воздушнаго снаряда; вѣритъ въ свою идею—комбинація винтового паруса и подвижного груза; — пресерьезно говоритъ о томъ, какъ Исполнительный Комитетъ долженъ будетъ воспользоваться его изобрѣтеніемъ... Кто его знаетъ: можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ... Вѣдь въ Кіевѣ, передъ

ссылкой, ему профессора каѳедру сулили... Зато близкое участіе теперь принимаетъ его братъ—Алексѣй Петровичъ...

— Какъ? Этотъ „славный малый",—пѣвецъ, добрякъ, мечтатель... онъ теперь активный революціонеръ?!

— А вотъ ты бы посмотрѣлъ, что изъ этого добряка сдѣлали всѣ эти казни да расправы... Онъ теперь прямо говоритъ: „съ такимъ звѣрьемъ иначе нельзя.. Они, кажется, Россію въ Дагомейское королевство хотятъ превратить?!.. Если дождемся возстанія, то посмотри:—онъ впереди всѣхъ пойдетъ.

— А кто же у васъ еще?,—тутъ ужъ пришлось называть Поливанову, наряду съ кое-какими знакомыми, совершенно новыя для него имена и объяснять многое, что происходило въ Саратовѣ лѣтомъ и въ началѣ осени. Въ упоминавшемся раньше очеркѣ „о саратовскихъ кружкахъ" перечисленъ личный составъ образовавшагося въ этотъ періодъ „центральнаго кружка" (то именно, что теперь называется Комитетъ), и указано, въ чемъ состояла его дѣятельность. Поэтому здѣсь я не стану говорить обо всемъ этомъ вторично. Достаточно будетъ упомянуть, что въ кружокъ вошли лица, частью мало знакомыя, а частью вовсе незнакомыя раньше другъ съ другомъ, и что въ кружкѣ было два убѣжденныхъ народника фракціи „Чернаго Передѣла" и два члена съ опредѣлившимися народовольческими симпатіями, а остальные члены все еще нѣсколько колебались между программами „Народной Воли" и „Чернаго Передѣла". До пріѣзда Поливанова въ кружкѣ было постановлено войти въ сношенія съ редакціями и съ центральными учрежденіями обѣихъ группъ и распространять въ своемъ краѣ литературу обоихъ направленій. Оба народовольца разсчитывали, однако, что ихъ товарищи не долго останутся въ нерѣшимости и, подчиняясь духу времени, примкнутъ всѣ цѣликомъ къ „Народной Волѣ".

Поливанову все это показалось до-нельзя страннымъ. Онъ зналъ и любилъ эти прежніе кружки школьныхъ товарищей и добрыхъ пріятелей, связанныхъ не формальнымъ договоромъ, а крѣпкимъ товарищескимъ чувствомъ и общимъ энтузіазмомъ. Какъ тамъ жилось въ этихъ прежнихъ кружкахъ! какъ вольно дышалось!.. А неужели теперь: „я, какъ членъ кружка, обязуюсь дѣлать то-то и то-то, а вы (вы, а не ты) обязаны выполнить то-то"... И въ спорѣ: вмѣсто: „дичь ты, братецъ, мелешь!"—„позвольте съ вами не согласиться"... Неужели при такихъ отношеніяхъ можно все-таки дружно итти рука объ руку... и куда?—на смертный бой; вѣдь не въ шутку, а на самомъ же дѣлѣ—на смертный бой... Вѣдь мы же не чиновники!

Возникновеніе кружка изъ совершенно разнородныхъ элементовъ, зрѣлый возрастъ нѣкоторыхъ членовъ, большая культурность и меньшая задушевность во взаимныхъ отно-

шеніяхъ,—это все, какъ внѣшность, прежде всего бросалось въ глаза человѣку, только что прибывшему и все еще полному старыхъ, полунигилистическихъ традицій чисто народническаго періода. Но за новою внѣшностью скрывалось нѣчто гораздо болѣе глубокое, и такой чуткій и интеллигентный человѣкъ, какъ Поливановъ, конечно, сразу же это почувствовалъ. Въ ссылкѣ ему казалось, что всѣ факты послѣдняго времени: отчаянныя вооруженныя сопротивленія, безпрерывныя покушенія, наконецъ, терроръ, какъ система,—все это только проявленія возмущеннаго чувства. И это онъ понималъ. Его собственное сердце сжималось мучительной болью, когда онъ читалъ о казни совершенно неизвѣстнаго ему лично юноши Розовскаго, повѣшеннаго въ Кіевѣ такъ-таки рѣшительно ни за что: въ примѣръ другимъ. А дѣло Ефремова и Яцевича въ Харьковѣ? Въ революціонномъ мірѣ всѣ хорошо знали, что тамъ руководителемъ былъ Колодкевичъ, что онъ писалъ объ этомъ прокуратурѣ, что Лорисъ-Меликовъ лучше всякаго другогознaлъ, что Ефремовъ и Яцевичъ тутъ почти не причемъ, и... смертный приговоръ одному, вѣчная каторга другому... семнадцатилѣтнему! И сколько ихъ еще такихъ фактовъ!.. Штыки и висѣлицы... кровь и кровь... О! какъ онъ понималъ тогда Вильгельма Телля, Шарлотту Кордэ... Но тутъ,—теперь ему это очевидно,—что-то другое... Вотъ этотъ самый „Ваничка“, котораго онъ раньше зналъ вдоль и поперекъ, вотъ его новые товарищи: у нихъ явно звучатъ ноты изъ „Вильгельма Телля“, но лейтъ-мотивъ не оттуда. Тутъ не простая перемѣна тактики, а рѣзкій разрывъ съ прошлымъ,—какая-то новая идея... Въ чѣмъ же она состоитъ?.. Скорѣе выкладывай передъ нимъ ея теоретическія основы. Докажи, что эта новая идея, дѣйствительно, все та же идея соціализма, а не ересь.

Долго пришлось бесѣдовать съ Поливановымъ на эти темы. Такой убѣжденный народникъ, какъ онъ, съ его начитанностью, съ его благоговѣйнымъ отношеніемъ къ идейнымъ святынямъ, ковчегомъ которыхъ являлись „Историческія Письма“, отступалъ только шагъ за шагомъ, все время крѣпко прижимая къ груди свое знамя. Но въ чемъ не убѣждали слова, въ томъ убѣждали факты, и главный фактъ,—простое сравненіе того, что было два года тому назадъ, и того, что есть теперь. Какъ все это возникло? Чѣмъ все это вызвано?.. Ужъ не краснорѣчіемъ ли нашихъ словъ? не литературностью ли нашихъ прокламацій?.. Просто было бы дѣлать революціи, если бы стоило для этого не полѣниться—написать „горячую“ прокламацію!

Настали для Поливанова дни душевной ломки и тяжелыхъ вопросовъ. Что же изъ стараго, съ которымъ успѣлъ сродниться, приходится отринуть? что изъ новаго, хочешь-

не-хочешь, а принимай, потому что такъ жизнь велитъ?.. И дѣйствительно ли жизнь велитъ именно это?

Политическая свобода!?.. Какое это было священное слово во времена Демулена! „Liberté liberté chérie“... И что же?—не только для Демулена, и для Кавеньяка она оказалась священнымъ словомъ... И во французской „республикѣ“ наши идейные братья-коммунары очутились въ какой-то проклятой Кайэнѣ... А народъ? „Le Peuple-Souverain“?... въ какихъ мансардахъ онъ ютится? какимъ каторжнымъ трудомъ вырабатываетъ себѣ нѣсколько сантимовъ на хлѣбъ насущный?.. и съ какимъ презрѣніемъ смотритъ на этого „суверэна“ любой epicier, у котораго и состоянія-то всего двѣ-три африканскихъ акціи да билетъ какого-нибудь персидскаго займа!.. И стоитъ ли намъ, послѣ Герцена, Чернышевскаго, Прудона, Бакунина, класть головы за этотъ миражъ? создавать изъ своихъ тѣлъ ступеньки для возвышенія какого-нибудь россійскаго Тьера?... Одинъ добролюбовскій „Кавуръ“ чего стоитъ для оцѣнки этакой „свободы“...

Это была старая точка зрѣнія. На нее теперь возражали:

— А ты скажи, пожалуйста: за что ты пошелъ въ ссылку? за соціализмъ?.. Вѣдь ничуть! Ты пошелъ за студенческія столовыя. А Митька? А Викторъ?.. да и всѣ?.. Что они: вели вооруженныя массы на іюльскія баррикады? объявляли въ Москвѣ коммуну?.. Они только мечтали о соціализмѣ. Мечтали когда-нибудь, при неизвѣстно какъ наступившихъ обстоятельствахъ, повести народъ въ бой съ буржуазіей... А ты говоришь: „коммунары въ Кайэнѣ“!... Такъ они вѣдь сражались! у нихъ были пушки... они владѣли столицей, да какой?—Парижемъ!... А Мышкинъ? а Рогачевъ?,—одинъ печаталъ книжечки, а другой читалъ ихъ съ крестьянами... и обоимъ каторга, т. е. та же Кайэна... Подумай-ка въ самомъ дѣлѣ: что ты можешь сдѣлать въ Россіи собственно для соціализма? Газету издавать можешь?.. Публичную лекцію прочитать можешь?.. Какую-нибудь ассоціацію здѣсь, въ Саратовѣ, открыто, легально,—попробуй-ка!—основать можешь? Ну-ка, молъ, братцы,—столяры, сапожники!—довольно вамъ своимъ потомъ хозяевъ кормить! объединяйтесь! учитесь обходиться безъ капиталистовъ!.. Петръ-то Иванычъ Гусевъ что на это скажетъ?.. Да и съ какой это тумбы ты къ „народу“ въ Саратовѣ обратишься?!.. Трибуны-то вѣдь у насъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо не буржуазія, а начальство за этимъ бдитъ... Тьеръ коммунаровъ законопатилъ, а вся Франція теперь кричитъ: „вернуть коммунаровъ!“... и вѣдь вернутъ!.. А ты пойди-ка, крикни: вернуть намъ Мышкина!.. Долго ли покричишь?.. А затѣмъ: „мансарды“?.. Полетарій-то со своей мансарды куда идетъ?—

на митингъ... какого-нибудь Валлеса слушать. А тотъ, братъ, не по нашему „пропагандируетъ“: не шепоткомъ, не съ оглядкой... во все горло такъ и оретъ: „граждане! васъ околпачиваютъ! граждане, не будьте дураками! граждане, глядите за правительствомъ въ оба, а пуще всего—держите кулаки на готовѣ!“... Вотъ это я называю—пропаганда!... И если Франція не возстаетъ, то это потому, что въ ней большинство народа еще не понимаетъ соціализма. Тутъ ужъ не „обманчивость политической свободы“, а реальность невѣжества и глубина человѣческаго эгоизма виноваты.. А у насъ? ну, представь себѣ: всѣ россіяне сплошь только о коммунахъ и мечтаютъ,—а начальство „не хотитъ“... Ну, и что же? Какъ тогда будетъ съ коммуной-то?... Запретятъ употреблять это слово въ печати,—и только... Пока у насъ политической свободы нѣтъ, до тѣхъ поръ „пропаганда соціализма въ народныхъ массахъ“—иллюзія... самообманъ! Мы до сихъ поръ „промежъ себя революцію пущали“. Петинька Ваничкѣ, а Ваничка Санечкѣ, вотъ и вся наша пропаганда... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ здѣсь, въ Саратовѣ, мы бьемся, какъ рыба объ ледъ, а подсчитай-ка: много ли у насъ рабочихъ?—вѣдь, стыдъ одинъ! А развѣ можно сказать, чтобы они не были отзывчивы?... Тутъ причины совсѣмъ не тѣ, что во Франціи: тамъ многіе не хотятъ слушать, а тутъ—никому не даютъ говорить. Такъ добьемся же прежде всего, чтобы намъ можно было говорить... полной грудью, какъ Валлесъ... это съ нашими-то слушателями!.. подумай-ка: что будетъ?

— Ну такъ! Предположимъ, что у насъ, въ Россіи, гдѣ „всѣ народы на всѣхъ языкахъ молчатъ, бо... благоденствуютъ“, нужно прежде всего развязать языки... Но, вѣдь, вы, выдвигая требованіе политической свободы на первый планъ, добиваясь этой свободы въ капиталистическомъ государствѣ, тѣмъ самымъ признаете это государство? Политическая свобода въ современномъ,—какъ его ни мой, а все-таки принудительномъ, насильственномъ союзѣ,—тѣсно связана со всѣмъ строемъ этой ужасной машины: нуженъ парламентъ, парламентское министерство, а значитъ—нуженъ и конституціонный становой и конституціонный частный приставъ?... Гдѣ же наше „будущее общество“?... Вѣдь мы развѣ о частномъ приставѣ мечтали,—хотя бы и конституціонномъ?!

— „Будущее общество“, оно, братъ,—въ будущемъ. Но, чтобы это свѣтлое будущее когда-нибудь наступило, надо же сколько-нибудь думать и о настоящемъ. Иначе вѣдь: „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“, и отъ русскаго народа останется одно воспоминаніе. Передохнетъ мужикъ отъ голода, все мыслящее перевѣшаютъ, страна впадетъ въ прострацію... Тогда жди своего Седана, а то и хуже: про-

сто—придетъ нѣмецъ и слопаетъ всю эту выродившуюся, трусливую, до мозга костей проѣденную духомъ рабства массу... Ты развѣ потому революціонеръ, что ты соціалистъ? И въ Англіи есть соціалисты. Вѣдь вотъ,—Степанъ Ширяевъ писалъ намъ изъ Лондона: умные! книжки пишутъ, своихъ „галаховцевъ“ въ Истъ-Ендѣ просвѣщаютъ, стачки поддерживаютъ... ну, а Викторію что-то не трогаютъ... да и думаютъ-то о ней очень мало; она тамъ у нихъ гдѣ-то въ Виндзорѣ, а они—въ Истъ-Ендѣ; она чулки вяжетъ или посланниковъ принимаетъ, а они книжки пишутъ да съ рабочими бесѣдуютъ... и милое дѣло!... А ты чувствуешь, что ты задыхаешься. Сознаніе позора тебя душитъ. Позора быть русскимъ, то-есть быть рабомъ, быть вещью, которую всякій Угрюмъ-Бурчеевъ можетъ зашвырнуть куда ему угодно, растоптать, оплевать, сдѣлать съ ней все, что ему взбредетъ въ отуманенную властью голову... А имъ взбредаетъ! Ты видишь какія у нихъ фантазіи являются: истребить, искоренить, вырвать у цѣлой страны языкъ, выколоть у цѣлой страны глаза.... Вся страна подъ прессомъ. У насъ кости трещатъ... А ты объ идеалахъ говоришь!... Воздуху, намъ! Прежде всего: прекратить эти татарскія оргіи, дать намъ духъ перевести... А ты: идеалы! Вотъ какъ стряхнетъ съ себя русскій народъ это неслыханное иго, тогда онъ распрямится, взглянетъ на верхъ, увидитъ и небо и звѣзды... Тогда мы съ нимъ объ идеалахъ поговоримъ... А теперь исторія требуетъ отъ насъ не словъ, а дѣла; не пропаганды, а борьбы. Иди!—прошибай лбомъ стѣну. Пропадешь,—не бѣда!—а стѣна должна быть разрушена!

Въ этой сжатой и блѣдной схемѣ, конечно, не затронуто и сотой доли всего того, что соприкасалось съ центральнымъ вопросомъ момента: слѣдуетъ ли и допустимо ли для соціалистовъ предъявить правительству категорическое требованіе политической свободы и биться за нее, ставя на карту самое существованіе своей партіи, съ бѣшенымъ ожесточеніемъ людей, передъ которыми сама жизнь поставила ребромъ альтернативу: побѣда или смерть. По классическимъ образцамъ запада эту задачу должна была бы выполнить „либеральная буржуазія“, но, оглядываясь вокругъ, мы видѣли у себя буржуазію, которая вовсе не была либеральна, и либераловъ, которые не были буржуазны, но и тѣ и другіе, очевидно, были равно неспособны къ открытому бою съ правительствомъ. Тогдашняя саратовская буржуазія: Недошивины, Парусиновы Аносовы и т. п., какъ и воронежская, какъ и тамбовская, какъ и любая,—состояла изъ персонажей Островскаго, а тогдашніе либералы: Федоровскіе, Пятницкіе, Борщовы и т. д., это все были просвѣщенные дворяне, преимущественно земцы, и бойкіе на языкъ адвокаты, либерализмъ которыхъ, у огромнаго большинства, сводился къ нѣ-

которой нравственной чистоплотности и самому элементарному патріотизму. Не хочетъ человѣкъ, чтобы мужика пороли,—либералъ. Не хочетъ, чтобы чиновники грабили,—либералъ. Хочетъ и даже намекаетъ правительству, что не прочь былъ бы имѣть свой голосъ въ дѣлахъ страны, т. к. это же, наконецъ, его страна, не чужая,—о! это ужъ самый крайній либералъ! онъ не молчитъ, не шепчется съ друзьями, онъ—намекаетъ! Тогда и языкъ выработался „смѣлый",—т. е. прозрачно намекающій: „увѣнчаніе зданія", „завершеніе великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ", и, наконецъ, уже почти съ точкой надъ і,—„правовой порядокъ"... Отъ такихъ „либераловъ" можно было ожидать только платоническаго сочувствія и кое-какой косвенной поддержки, а въ физической борьбѣ приходилось надѣяться только на самихъ себя да на счастливую звѣзду русскаго народа: подъ татарами гибли—не сгинули; подъ батюшками—московскими царями со своими „Домостроями" да „Кормчей", съ дыбами да съ батогами, совсѣмъ было прокисли,—а глядишь: спохватились все-таки! Очухались!... Теперь подъ всякими „превосходительствами" да „высокопревосходительствами", подъ „фонами" и „баронами",—ужели погибнемъ?! А если со своими „фонами" русскому народу не погибать, то значитъ—добиться и ему свободы.

Альтернатива: свобода или смерть—въ этотъ моментъ не была красивой фразой.

Теперь, дѣйствительно, чуткій слухъ отовсюду уловлялъ эти призывные звуки, и сердца трепетали жуткимъ восторгомъ разгорающейся боевой удали. Молодыхъ энтузіастовъ охватывало берсеркерское чувство: броситься впередъ, врѣзаться въ самую гущу враговъ, и если умереть, то умереть смертью Винкельрида. Изъ полузабытой школьной латыни выплыла въ памяти заѣзженная, опошленная фраза, внезапно получившая новый смыслъ и новую красоту: dulce et decorum est pro patria mori... Объ эшафотѣ стали мечтать, какъ христіанскій мученикъ мечтаетъ о крестѣ.

Это настроеніе до такой степени соотвѣтствовало природѣ Поливанова, что его идейныя сомнѣнія не могли затянуться, и онъ вышелъ изъ кризиса, какъ иногда бываетъ послѣ тяжелой физической болѣзни, обновленнымъ, проникнутымъ какими-то новыми силами и новой энергіей. Дѣло! скорѣй давайте ему дѣло!

Въ центральномъ кружкѣ Поливанова давно уже ждали, и онъ былъ принятъ туда еще заочно, какъ только пошли слухи о его возвращеніи. Изъ своихъ ближайшихъ пріятелей по прежнимъ кружкамъ онъ встрѣтилъ тамъ только двоихъ; человѣкъ трехъ-четырехъ, возрастомъ постарше, онъ знавалъ раньше, но не былъ съ ними такъ близокъ; съ остальными ему пришлось только теперь познакомиться.

И люди эти, и обстановка, въ которой происходили ихъ собранія, ничѣмъ не напоминали шумныхъ сборищъ въ ямообразномъ подвальчикѣ на Армянской.

Кружокъ собирался у Елизаветы Христіановны Томиловой.

Елизавета Христіановна была дама лѣтъ триддати, вдова генералъ-майора. Квартира у нея была приличная; обстановка, соотвѣтствующая квартирѣ. Горничная Томиловой, нѣмка, ни слова не понимала по-русски. Такъ какъ съ противоположнаго тротуара, глядя вверхъ, можно было отчасти видѣть, что происходило внутри, то во время собраній по серединѣ комнаты развертывался ломберный столъ, и по нему раскидывались карты. Четверо собесѣдниковъ садились обыкновенно около этого столика, а остальные на диванѣ или на стульяхъ около столика съ самоваромъ; для любопытствующаго шпіонскаго ока компанія имѣла видъ вполнѣ мирный и обывательскій. Шума при бесѣдѣ никогда не бывало. „Сходка заговорщиковъ" по обстановкѣ и по внѣшнему характеру разговора ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго вечера въ семейномъ домѣ.

Однако генеральское званіе и буржуазная обстановка дома не мѣшали нашей гостепріимной хозяйкѣ быть не дилетанткой въ революціи, а дѣйствительно революціонеркой, да еще, по тогдашнимъ понятіямъ, „старой революціонеркой". Въ ранней молодости она была близко знакома съ Нечаевымъ и съ тѣхъ поръ не прерывала связи съ революціоннымъ міромъ. Теперь она служила дѣлу не только тѣмъ, что предоставила свою квартиру для кружковыхъ собраній: главнымъ образомъ на ея денежныя средства велась въ это время вся кружковая работа, а сама она аккуратно исполняла обязанности секретаря, т. е. не записывала, конечно, преній и постановленій, а вела переписку съ Петербургомъ, кропотливо шифруя и дешифруя всѣ эти „*б м ж с у щ к н*" съ ихъ неизбѣжными головоломными пропусками и ошибками.

Другимъ, новымъ для Поливанова лицомъ былъ Михаилъ Петровичъ Троицкій,—тоже старый революціонеръ. Ему было уже 36 лѣтъ, а первыя связи съ радикалами у него возникли еще во времена каракозовскихъ кружковъ. Затѣмъ, слушателемъ Петровской Академіи, онъ участвовалъ въ нечаевскихъ предпріятіяхъ. Послѣ того жилъ близъ австрійской границы, занимаясь транспортировкой эмиграціонной литературы. Послѣдніе годы онъ отдыхалъ: занялъ хорошее мѣсто на желѣзнодорожной службѣ и прожилъ года четыре, стоя внѣ организацій. Якобинская закваска была въ немъ довольно сильна, и чисто народническое движеніе не могло его увлечь и поглотить, какъ насъ, тогдашнихъ юношей. Но съ возникновеніемъ Народной Воли этотъ рѣши-

тельный и энергичный по характеру человѣкъ бросилъ безъ колебаній свое обезпеченное положеніе и почувствовалъ стремленіе вновь отдаться революціонному дѣлу. Теперь характеръ этого дѣла представлялся ему не расплывчатымъ и сентиментальнымъ,—какимъ было въ его глазахъ народническое движеніе,—а способнымъ уже въ близкомъ будущемъ дать реальный, осязательный результатъ. И Троицкій, еще не зная лично никого изъ народовольцевъ, ознакомившись съ ихъ взглядами только по ихъ дѣйствіямъ и по партійной литературѣ, сталъ народовольцемъ и склонялъ кружокъ вступить въ тѣсную связь съ Исполнительнымъ Комитетомъ. По его иниціативѣ и возникъ въ Саратовѣ „центральный кружокъ", самое названіе котораго раньше было бы невозможно, т. к. оно напоминало бы анархически настроенной прежней публикѣ о ненавистномъ для нея нечаевскомъ „централизмѣ".

Въ лицѣ Троицкаго и Томиловой объединились на общемъ дѣлѣ съ молодожью представители революціонныхъ поколѣній шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Въ лицѣ третьяго, совершенно новаго въ Саратовѣ человѣка, штабсъ-капитана Дудинскаго, кружокъ вступилъ въ связь съ чуждой для него раньше средой военной интеллигенціи, которая съ этого момента начала играть видную роль въ революціонномъ движеніи. Дудинскій, до перевода въ Саратовъ, служилъ въ Кронштадтѣ и тамъ принадлежалъ къ многочисленному офицерскому кружку, находившемуся подъ вліяніемъ петербургскихъ народовольцевъ. Въ Саратовѣ Дудинскій явился съ солидными рекомендаціями изъ Петербурга и составилъ для кружка очень цѣнное пріобрѣтеніе: видный офицеръ баттареи и библіотекарь офицерской библіотеки, въ мѣстной военной средѣ онъ былъ замѣтенъ, и мы разсчитывали, что онъ сумѣетъ оказать вліяніе на офицерскій составъ 40-й бригады.

Помимо этихъ лицъ въ кружкѣ состояли: два студента, одинъ помѣщикъ и нѣсколько представителей того общественнаго слоя, который теперь принято называть „третьимъ элементомъ". При такомъ составѣ кружку не трудно было пріобрѣсти широкія связи въ мѣстной интеллигенціи и частью даже въ мѣстной бюрократіи. Чего въ немъ не хватало, это людей, пригодныхъ для дѣятельности среди рабочихъ. Такихъ людей въ кружкѣ было всего двое: я и Ювенальевъ; но для меня эта работа съ каждымъ днемъ становилась все болѣе трудной; шпіонамъ моя фигура до такой степени примелькалась, полиціи и жандармеріи я былъ до того извѣстенъ и переизвѣстенъ, что, какъ ни переодѣвайся, какъ ни колеси по улицамъ, чтобы сбить ищеекъ со слѣда, но ясно было, что все это, можетъ быть, и выручитъ еще разъ-другой, но въ концѣ концовъ не спасетъ: влетишь и самъ и ра-

бочихъ съ собой всадишь. Поливановъ, конечно, узнавъ объ этомъ, прежде всего предложилъ себя для рабочаго дѣла. Оно было ему знакомо, онъ его любилъ, и теперь съ жаромъ принявшись за него опять, онъ уже не прерывалъ своихъ сношеній съ рабочими вплоть до своей гибели, т. е. почти цѣлые два года. При новыхъ обстоятельствахъ это дѣло, сохраняя все свое прежнее идейное значеніе, пріобрѣтало еще особый, чисто практическій интересъ: Исполнительный Комитетъ велъ дѣло къ возстанію въ самомъ близкомъ будущемъ; всѣ мы надѣялись, что еще годъ-два,—самое большое,—и настанетъ часъ открытаго боя; если рабочіе въ этотъ моментъ не будутъ съ нами, то кто же съ нами будетъ? Вѣдь съ одними гимназистами городомъ не овладѣешь... Значитъ необходимо съ усиленной энергіей подготовлять кадры будущихъ революціонныхъ дружинъ, для которыхъ дѣло можетъ представиться не нынче—завтра.

Практическіе интересы дня, совершенно заслонившіе все болѣе отвлеченное стремленіе сводить всѣ, даже принципіальные, вопросы на чисто практическую почву составляло характернѣйшую черту момента, особенно усилившуюся послѣ окончательнаго присоединенія кружка къ партіи Народной Воли.

Случилось это важное для насъ событіе такъ.

Въ одинъ прекрасный день прибылъ въ Саратовъ и остановился въ приличной гостиницѣ весьма приличный господинъ среднихъ лѣтъ и по всѣмъ признакамъ средняго круга. Пальто солидное, шляпа котелкомъ, очки золотые. Паспортъ въ порядкѣ. Шпіоны, имѣвшіе достаточно хлопотъ съ выслѣживаніемъ того, кто изъ мѣстныхъ поднадзорныхъ у кого бываетъ на крестинахъ и на именинахъ, или—о чемъ шушукаются гимназистки?.. — этого господина не удостоили своимъ вниманіемъ, онъ былъ для нихъ совершенно неинтересенъ, и приличный господинъ такимъ обстоятельствомъ ничуть не огорчился. Не спѣша вышелъ онъ разъ изъ своей гостиницы, свернулъ съ большой улицы на боковую; оттуда еще разъ на боковую, на углахъ онъ внимательно читалъ названія улицъ и при этомъ, съ понятнымъ для туриста любопытствомъ, всматривался и въ самыя улицы: шпіоновъ нигдѣ не было. Тогда онъ вошелъ въ квартиру одного мѣстнаго революціонера и отрекомендовался:

— N. N... Пріѣхалъ изъ Петербурга. Имѣю къ вамъ записочку отъ общей знакомой.

— Отъ кого же?

— Отъ Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Это имя говорило достаточно ясно о профессіи приличнаго господина и позволяло безъ труда догадаться о цѣли его пріѣзда.

Такъ оно и оказалось. Посланный на Волгу, агентъ Ис-

полнительнаго Комитета N. N. [1]) уже посѣтилъ Казань и Самару и теперь явился въ Саратовъ, чтобы прозондировать настроеніе мѣстныхъ радикаловъ и, если можно, ввести здѣсь народовольческую организацію. Узнавъ, что мѣстная организація въ Саратовѣ уже существуетъ и что она сама постановила войти въ сношенія съ И. К., пріѣзжій попросилъ разрѣшенія явиться на собраніе центральнаго кружка, чтобы побесѣдовать поподробнѣе о ближайшихъ задачахъ Народной Воли и выяснить основы соглашенія.

Провинціалы, отрѣзанные до этой поры отъ непосредственнаго общенія съ центромъ, встрѣтили такого гостя съ живѣйшимъ интересомъ. Потребовалось не одно, а цѣлый рядъ собраній. Вопросамъ не было конца. Теорій при этомъ касались мало, т. к. объ этомъ всѣ успѣли передумать достаточно еще лѣтомъ, когда велись споры о программахъ. Теперь прежде всего интересовало: на что собственно разсчитываетъ И. К.—исключительно на терроръ или на всенародное возстаніе? Если на терроръ, то на какой: только на центральный? или также на фабричный и на аграрный? Слѣдуетъ ли практиковать ихъ въ провинціи? Если, по мнѣнію И. К., терроръ является лишь однимъ изъ средствъ борьбы и его главное значеніе состоитъ въ томъ, чтобы колебать власть и волновать массу, и этимъ подготовлять ее къ возстанію, то какова должна быть при возстаніи роль самаго И. К. и провинціальныхъ народовольческихъ центровъ: должны ли они непремѣнно въ своихъ рукахъ сосредоточить всю власть и, какъ острилъ когда-то Герценъ надъ Ледрю-Ролленомъ, „въ двадцать четыре часа строжайше предписать свободу всему міру“, или ихъ роль чисто боевая и подготовительная, и въ первый же моментъ побѣды имъ предстоитъ организовать центральное и мѣстное временныя правительства на демократическихъ началахъ изъ лицъ, пользующихся авторитетомъ въ мѣстномъ населеніи, хотя бы эти лица и не были соціалистами?..

Въ этомъ родѣ были всѣ вопросы, и какъ отвѣчалъ на нихъ N. N., объ этомъ говорить не стоитъ, т. к. теперь народовольческіе взгляды достаточно извѣстны. Тогда же было не такъ, и для членовъ кружка категорическое утвержденіе непосредственно изъ устъ агента И. К., что ближайшая цѣль партіи—возстаніе, что партія видитъ свою задачу въ томъ, чтобы сбить съ народа цѣпи, и отнюдь не считаетъ себя въ правѣ что бы то ни было народу навязывать,—такое утвержденіе, клавшее конецъ всякимъ неясностямъ, имѣло огромное значеніе, т. к., кромѣ Троицкаго и Томиловой, всѣ осталь-

---

[1]) Народовольческая дѣятельность N. N. осталась для правительства неизвѣстной, и онъ отдѣлался впослѣдствіи административной ссылкой. Въ настоящее время N. N. лицо вполнѣ легальное.

ные саратовцы воспитались въ народническихъ понятіяхъ, и чисто-якобинское толкованіе ближайшихъ задачъ партіи могло бы ихъ оттолкнуть.

Убѣдившись окончательно въ томъ, что Народная Воля, дѣйствительно, лишь новая, могучая вѣтвь на томъ же деревѣ русскаго соціализма, листочкомъ котораго сознавалъ себя каждый, всѣ, колебавшіеся до той поры, товарищи безъ всякаго разногласія рѣшили формально присоединиться къ молодой партіи, и отнынѣ „саратовскій центральный кружокъ" превращался въ „саратовскій центральный кружокъ партіи Народной Воли". Такъ онъ долженъ былъ впредь именоваться при всѣхъ своихъ офиціальныхъ выступленіяхъ.

Эта перемѣна глубоко отразилась на психологіи членовъ кружка и на характерѣ ихъ послѣдующей дѣятельности.

Прежде всего: сознаніе своей обособленности, своей провинціальности и ничтожнаго значенія всей нашей дѣятельности sub specie aeternitatis смѣнилось живымъ чувствомъ принадлежности къ какому-то широкому и мощному цѣлому, отчетливымъ сознаніемъ своего непосредственнаго участія въ великомъ дѣлѣ, которое представлялось намъ однимъ изъ благороднѣйшихъ и обширнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ актовъ всемірной исторіи. Освободить Россію!—развѣ это не то же, что открыть новую часть свѣта? Вотъ уже сколько столѣтій сотни племенъ и великихъ народовъ подвергаются въ этомъ колоссальномъ тиглѣ высокому давленію, они смѣшиваются своей кровью, обмѣниваются своими идеями, сплачиваются несчастьемъ и одною у всѣхъ мечтой о свободѣ; соціализмъ даетъ имъ всѣмъ одинаковое пониманіе этой свободы;—какія же свойства долженъ получить этотъ удивительный сплавъ?.. А онъ уже готовъ... Разбить же скорѣе тигель, освободить храмъ изъ-подъ лѣсовъ, сорвать съ готовой статуи полотно. Пусть она явится передъ міромъ несокрушимая и прекрасная, какъ послѣднее произведеніе, созданное геніемъ человѣчества, достигшимъ именно теперь всей полноты его творческихъ силъ...

Это было восторженное чувство, которое побуждало напрягать всѣ свои способности, забывать все остальное, и ставить на карту свое „я", какъ мѣдный грошъ, до того оно казалось ничтожно сравнительно съ тѣмъ великимъ, чѣмъ полна душа.

Затѣмъ: пропаганда, агитація, распространеніе литературы,—это все такъ; но вѣдь надо же считаться съ вѣроятностью возстанія въ любой моментъ; надо къ нему готовиться и заранѣе опредѣлить: что же мы-то собственно должны предпринять у себя въ Саратовѣ, чтобы поддержать общее дѣло и оправдать въ собственныхъ глазахъ это, гордое и полное для насъ такого высокаго смысла, новое званіе „народоволецъ"? Мы читали, какъ происходили возстанія въ

Парижѣ, въ Баденѣ, въ Сициліи,—но какъ устроить возстаніе въ Саратовѣ? Тутъ ужъ прецедентовъ нѣтъ... Не къ пугачевскимъ же временамъ возвращаться?

На эти вопросы N. N. отвѣчалъ намъ подробно въ томъ духѣ, въ какомъ они трактовались въ неизвѣстной тогдашней публикѣ и лишь позже появившейся брошюрѣ „Подготовительная работа партіи". Многое въ его рѣчахъ звучало при этомъ чѣмъ-то совершенно новымъ.

„Куда вы удалились, златые сны весны моей"? Гдѣ музыка этихъ магическихъ формулъ, неясныхъ, но тѣмъ болѣе волнующихъ: „всеобщая конкуренція должна смѣниться всеобщей солидарностью", „Que faut-il un rerpublicain?—cest le bien—être du genre humain" и т. п.?... Практика... узкая практика! Неутомимая подземная работа, — мины и контръ-мины при свѣтѣ потайныхъ фонарей. Терпѣливое и настойчивое сплетеніе сѣти, которая опутаетъ врага, какъ сѣть ретіарія, и свергнетъ его, безсильнаго, къ нашимъ ногамъ.

— Вамъ недостаточно знать число и расположеніе войскъ,—поучалъ насъ N. N.,—этотъ корректный господинъ въ золотыхъ очкахъ, столь неинтересный для шпіоновъ,—вы должны имѣть ясное представленіе о всѣхъ командирахъ, объ ихъ характерѣ, объ ихъ привычкахъ. Кто изъ нихъ пьетъ и когда напивается: утромъ или вечеромъ? Кто въ своей ротѣ дерется? Какой въ ротѣ фельдфебель? Не можетъ ли онъ въ критическій моментъ замѣнить офицера и повести солдатъ противъ насъ? Вы должны знать всѣ привычки губернатора, жандармскаго полковника и т. д.; знать расположеніе комнатъ въ ихъ квартирахъ, нравы ихъ прислуги, капризы ихъ женъ. Когда вы поведете отряды, чтобы ихъ арестовать, вы должны итти навѣрняка, прямо въ спальню, не плутая по обоимъ этажамъ губернаторскаго дома, какъ въ лабиринтѣ. Всѣ мѣстныя силы должны быть у васъ на учетѣ: какія здѣсь общества? союзы? клубы? городскія партіи? земскіе кружки? Проникайте всюду. Оказывайте свое вліяніе вездѣ. Если среди поповъ есть неудовольствіе противъ своего архіерея, то идите и къ попамъ. Старообрядцы сѣтуютъ на стѣсненія,—идите къ старообрядцамъ. Побуждайте ихъ къ протесту... Всякій протестъ намъ на руку, всякое броженіе создаетъ почву для агитаціи, и наша обязанность—раздувать всякую искорку въ пламя, держать въ своихъ рукахъ камертонъ, чтобы весь этотъ разноголосый хоръ недовольныхъ россіянъ запѣлъ въ концѣ концовъ по нашимъ нотамъ...

Неаполь... Эпоха „возлюбленныхъ королей"... Громкіе молебны патеровъ и зловѣщій шепотъ карбонаровъ... Море нѣжится въ лучахъ солнца. Везувій дымится такъ лѣниво... А въ его глубинахъ уже наростаетъ лава, и въ беззаботной, изнѣженной странѣ уже точатся кинжалы, льются пули,

втайнѣ подбираются ряды для внезапнаго взрыва.. У насъ не море, а тихая Волга, не Везувій, а просто—Соколова гора, но вотъ и намъ силою вещей изъ „нигилистовъ“ приходится превращаться въ карбонаровъ, и этого, видно, не минуешь!..

Грустно о прошломъ—мечтательномъ и такомъ невинномъ. Но вѣдь это были только вздохи влюбленнаго, а не борьба. Борьба—вотъ она: суровая, жестокая, коварная, но... неизбѣжная. Значитъ: не вздыхай, а дѣлай, что надо!

Чтобы „проникать всюду“, молодымъ революціонерамъ прежде всего приходилось распроститься со своимъ прежнимъ „мундиромъ“, и всѣ эти красныя рубахи, высокіе сапоги, шиллеровскіе волосы съ этого момента были преданы посмѣянію и смѣнились крахмаленными сорочками и приличной внѣшностью, своего рода „покровительственной окраской“, которая не выдѣляла, а стушевывала заговорщика въ толпѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялся и кругъ сношеній. Раньше на всякаго не-соціалиста и не-рабочаго смотрѣли, какъ на язычника, которымъ добрый христіанинъ долженъ гнушаться. Теперь этими язычниками заинтересовались въ надеждѣ и ихъ такъ или иначе втянуть въ движеніе. Въ центральномъ кружкѣ работа распредѣлилась такъ: членъ кружка И—повъ служилъ въ земской управѣ, а невѣстой его была учительница; на него, естественно, возлагалась обязанность поддерживать связи среди земскихъ служащихъ и въ учительскомъ мірѣ; членъ кружка Л—вовъ состоялъ на частной службѣ: онъ долженъ былъ вступить въ общество приказчиковъ и прозондировать эту среду; и т. д.

Въ цѣляхъ выясненія самаго важнаго для насъ вопроса: возможно ли въ Саратовѣ возстаніе въ самомъ близкомъ будущемъ?—необходимо было развѣдать настроеніе городскихъ низовъ, а эти низы, собственно-то говоря, оставались для насъ до сихъ поръ terra incognita. „Распропагандированныхъ“ рабочихъ было все еще очень мало, и они, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ тѣснаго общенія съ пропагандистами, нерѣдко становились почти также чужды своей средѣ, какъ сами пропагандисты своей природной, т. е. помѣщичьей или буржуазной... Какъ же намъ проникнуть въ массу? Какимъ способомъ произвести эту своеобразную анкету: готовъ ли народъ къ возстанію?

Поводъ для такой развѣдки явился въ концѣ 80-го года. Желая показать обществу, что оно неравнодушно къ народнымъ нуждамъ, что оно готово снизойти со своихъ высотъ и преклонить слухъ къ мольбамъ страждущихъ, правительство назначило сенаторскія ревизіи. Это, конечно, вызвало взрывъ либеральныхъ упованій и даже ликованій. Тогдашніе либералы были чрезвычайно похожи на теперешнихъ: они

всегда уповали; когда ихъ манили пальцемъ,—уповали, что имъ дадутъ поцѣловать ручку и при этомъ милостиво выслушаютъ; когда имъ давали пинокъ ногой,—уповали, что это такъ себѣ, прискорбное недоразумѣніе, а вотъ сейчасъ ихъ вернутъ и протянутъ для поцѣлуя обѣ ручки, и вотъ тутъ-то... Эти политическіе Панглоссы въ сенаторскихъ ревизіяхъ тотчасъ же усмотрѣли „знаменательный симптомъ" и ожидали отъ нихъ серьезныхъ послѣдствій для обновленія страны. Революціонеры, тѣ, конечно, видѣли въ ревизіяхъ лишь одинъ изъ ходовъ въ шулерской игрѣ Лорисъ-Меликова; имъ было ясно, что начальство ликованія допуститъ, а упованія обманетъ, и это съ нашей точки зрѣнія представлялось даже не безполезнымъ для революціонизированія населенія: пусть только обманъ выяснится скорѣе!

Прибытіе въ Саратовъ сенатора Шамшина сопровождалось нѣкоторой помпой. Въ обществѣ на первыхъ порахъ жадно интересовались дѣйствіями его высокопревосходительства и высокопревосходительскихъ чиновниковъ, неутомимо перетряхивавшихъ залежавшійся хламъ мѣстныхъ канцелярій, дабы „узнать на мѣстѣ народныя нужды и выслушать голосъ страны". Слухи о прибытіи „сенатора отъ самого царя" проникли даже въ народныя массы и тамъ вызвали какія-то смутныя ожиданія, тѣмъ болѣе, что въ краѣ эту зиму былъ полный неурожай, городская голытьба бѣдствовала и глухо волновалась. А эта голытьба уже въ февралѣ 80-го года, совершенно неожиданно для насъ всѣхъ, вдругъ всколыхнулась и три дня бушевала по городскимъ улицамъ, осмѣлѣвъ при этомъ до нападенія на Митрофаньевскую часть и стычекъ съ войсками [1]).

Этими фактами въ центральномъ кружкѣ рѣшено было воспользоваться для попытки подбить весь бѣдствующій людъ двинуться въ опредѣленный день на Театральную площадь, къ гостиницѣ Вакурова, гдѣ остановился Шамшинъ, чтобы передать ему петицію о правительственной помощи безработнымъ и голодающимъ.

Началась усиленная агитація, которой Поливановъ отдался съ увлеченіемъ. Привлекли къ дѣлу молодежь, всѣхъ своихъ рабочихъ, сами переодѣвались и рыскали по кабакамъ и харчевнямъ, соприкасаясь на этотъ разъ съ такой средой и попадая подчасъ въ такіе вертепы, что припоминались романы Евгенія Сю, Cour des miracles и т. п. Что за

---

[1]) Уличные безпорядки 80-го года вспыхнули въ Саратовѣ въ дни 25-тилѣтняго юбилея императора Александра II-го. Первымъ поводомъ для нихъ послужило то, что въ балаганъ, выстроенный на Театральной площади, стали пускать не всѣхъ, а только чисто одѣтыхъ. Безпорядки носили чисто стихійный характеръ, но портной Карповъ (о которомъ я упоминалъ раньше) и еще кое-кто изъ рабочихъ proprio motu при случаѣ возглашали: „земля и воля!" и т. п. и администрація, какъ кажется, думала, что волненіе вызвано революціонерами.

фигуры! что за разговоры! что за жизнь въ босяцкомъ мірѣ! Какъ все это красиво и великолѣпно у Горькаго! Но Горькій, когда онъ впослѣдствіи живописалъ этотъ міръ, смотрѣлъ на него съ полу-ницшеанской, полу-анархической точки зрѣнія; онъ видѣлъ въ немъ противоположность буржуазной пошлости и нравственной трусости сытыхъ и респектабельныхъ съ виду сюртучниковъ. Мы же подходили къ саратовскимъ босякамъ съ опредѣленной цѣлью и со своей мѣркой: живетъ ли въ этихъ людяхъ духъ активнаго протеста? болитъ ли ихъ сердце за весь голодный и зябнущій людъ? могутъ ли они проникнуться общею мыслью и твердо пойти подъ однимъ знаменемъ?... Признаюсь: и мнѣ, и Поливанову (мы иногда ходили съ нимъ по этимъ трущобамъ вмѣстѣ) весь этотъ людъ внушилъ совсѣмъ не восторгъ: бездна нищеты, предѣлъ отчаянія и безнадежности, и главное—полное отсутствіе какихъ бы то ни было стремленій, кромѣ стремленія въ данный моментъ самому (только себѣ самому) быть сытымъ и согрѣться... Эти завсегдатаи Пѣшаго Базара показались намъ абсолютно непригодными для роли саратовскихъ санкюлотовъ. „Отъ нихъ можно ждать разгрома кабаковъ, но не взятія Бастиліи“,—резюмировалъ наше общее впечатлѣніе Поливановъ.

Lumpenproletariat—это, однако, не вся городская бѣднота; это только ея осколки, пыль, труха... Но что же настоящіе рабочіе? Ихъ вѣдь тоже въ городѣ не мало... Подальше отъ Пѣшаго Базара, въ рабочихъ трактирчикахъ, въ окрестностяхъ вокзала, заводовъ и масленокъ, наши дѣла шли нѣсколько лучше, но все-таки надежды на непосредственный успѣхъ было мало.

Нами въ толпу бросалась мысль:

— Дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ. Поглядите-ка вотъ: купцы! дворяне!..—чуть что, сейчасъ съ жалобой либо съ просьбой: у насъ-де барышей мало! у насъ, молъ, бѣдненькихъ, пособія отъ правительства мало!..—и, глядишь, даютъ имъ. Для купцовъ—пошлина на заграничный товаръ, для дворянъ—всякія права да льготы. А мы-то что же? На насъ все держится, отъ насъ всѣ сыты, а когда у насъ самихъ животы подведетъ, о насъ кто думаетъ?.. Коли сенаторъ отъ царя посланъ нашу нужду узнать, такъ пусть онъ отъ насъ ее и знаетъ; съ нашихъ словъ пусть про то царю и доложитъ... А то: кто же о насъ похлопочетъ?.. Недошивинъ [1]) что ли о твоей бѣдѣ заплачетъ?.. Ему-то что?.. Онъ самъ сытъ, ему и ладно!

На это изъ-за разныхъ столиковъ отзывались:

— Ужъ оно что и говорить! Купцу-аспиду отъ голодныхъ годовъ польза: цѣна дорогая! Помѣщику того лучше:

[1]) Тогдашній городской голова.

мужикъ дешевый. Бери его хоть задаромъ!.. О сѣромъ народѣ кому думать?!.. А только все-таки: прытокъ ты ужъ очень! Кровь-то въ тебѣ молодая, вотъ ты и норовишь: хоть силомъ да свое взять... А ты думаешь: всѣ такіе?.. Ну, скажемъ, я пойду, ты пойдешь... а чтобы всѣ какъ есть... не выйдетъ это дѣло! Народъ не тотъ... Испугаются!.. Полиція никакъ не допуститъ... Чтобы сѣрый народъ къ сенатору, такъ, всѣмъ гуртомъ, въ родѣ бунта... и ни-ни!.. Оно бы хорошо было!.. Да только не пустятъ насъ... намнутъ бока; солдатъ выгонятъ, а то и пушками стрѣлять будутъ... А чтобы къ сенатору,—это начальству не по шерсти. Осерчаетъ!

Никакой вѣры въ свои силы въ этой массѣ не было. Самое сознаніе того, что вѣдь она—страшная сила, было ей совершенно чуждо... Начальство, правда, ругали изрядно... Для насъ и то казалось хорошо. „Народъ еще не сознаетъ своей силы, но онъ недоволенъ... въ немъ что-то глухо бурлитъ и накипаетъ... Значитъ: когда-нибудь накипитъ“. Итакъ: не удается на этотъ разъ, — быть можетъ удастся вскорѣ.

Хотя никакихъ практическихъ результатовъ агитація не достигла, но все-таки, если смотрѣть на нее, какъ на анкету, впечатлѣніе у насъ получилось не обезкураживающее. Энергія въ пропагандѣ, энергія въ организаціи, а главное—энергія тамъ, въ центрѣ, откуда гремятъ громы и блещутъ молніи революціи... А въ силу этого центра мы вѣрили, какъ въ бога, и знали, что тамъ не спятъ и готовятъ новый ударъ.

Начало 81-го года было моментомъ наивысшаго подъема энергіи и самаго напряженнаго ожиданія событій. Провинціалы, конечно, не были посвящены въ тайны Исполнительнаго Комитета и не знали, кто тамъ и какъ собственно подготовляетъ ударъ, но имъ было дано знать, чтобы они были на чеку, что возстаніе въ центрѣ можетъ вспыхнуть со дня на день, и тогда провинція непремѣнно должна такъ или иначе себя проявить. Ложась спать, мы съ нетерпѣніемъ спрашивали себя: а не завтра ли настанетъ великій день? Жажда скорѣе принять участіе въ чисто-физической борьбѣ положительно сжигала Поливанова, и дѣятельность пропагандиста и агитатора не доставляла ему удовлетворенія.

Кружки въ городѣ росли. Они возникали и подъ нашимъ вліяніемъ и сами собой. Были группы молодыхъ людей, совмѣстно изучавшихъ рабочій вопросъ, литературу соціализма и т. п. Изъ ихъ среды уже намѣтилось нѣсколько лицъ, которыя вскорѣ были привлечены къ участію въ рабочемъ дѣлѣ. Заводились связи съ солдатами, съ уѣздными мірками, съ деревней. Литература теперь аккуратно получалась отъ И. К. изъ Петербурга, но ея становилось недостаточно для удовлетворенія все возраставшаго спроса. Притомъ народовольческія изданія были разсчитаны на город-

ское населеніе, для деревенскаго люда приходилось довольствоваться рѣдкими экземплярами прежнихъ брошюръ, изданія чайковцевъ, а ихъ содержаніе не соотвѣтствовало новымъ идеямъ и новому настроенію. Рѣшено было поставить свою типографію (разумѣется, тайную), и попытаться самимъ составлять книжечки по новому плану: отправляться отъ волнующихъ населеніе мѣстныхъ темъ, выяснять факты, недоступные оглашенію въ тогдашней легальной печати, восходить именно отъ этихъ частныхъ фактовъ къ общимъ началамъ русской жизни и такимъ образомъ на конкретныхъ примѣрахъ показывать совершенно неразвитымъ политически читателямъ связь ихъ горькихъ деревенскихъ бѣдъ съ великимъ горемъ всей Россіи, дѣлать осязательной для мужика полнѣйшую солидарность съ его ненавистнымъ урядникомъ и вдвойнѣ ненавистнымъ помѣщикомъ иныхъ персонъ... Поливановъ, конечно, съ увлеченіемъ отдался этому дѣлу; въ его головѣ роились планы нашихъ будущихъ изданій. Составить подробный очеркъ борьбы крестьянскаго міра въ Сухомъ Карбулакѣ [1]) съ княземъ Щербатовымъ: вѣдь это цѣлая эпопея!.. Да въ какомъ селѣ, въ какой деревнѣ не происходитъ того же?.. Гдѣ у насъ Аркадія?.. Стоитъ поговорить съ любымъ мужикомъ изъ любой деревни,—и вотъ тебѣ и тема, способная возбудить во всякомъ честномъ сердцѣ щемящую боль за наше безсиліе хоть чѣмъ-нибудь помочь, когда на нашихъ глазахъ происходитъ открытый грабежъ, какой-то систематическій изводъ, изморъ русскаго мужика!"

Чтобы ускорить дѣло, Поливановъ не лѣнился принимать на себя самую черную работу, и много вечеровъ, въ январѣ 81-го года, прошло у него въ томъ, что сидѣлъ онъ въ укромной комнаткѣ, въ квартирѣ одного семейнаго радикала, предоставившаго для этой цѣли свое помѣщеніе, и въ полной тишинѣ, съ двумя-тремя пріятелями, разбиралъ хаотическія груды пріобрѣтеннаго шрифта, раскладывая узенькіе, неразличимо сходные свинцовые столбики на отдѣльныя кучки для будущей типографской кассы. Работа одуряющая по своему однообразію, усыпительная и до-нельзя скучная. Туда... сюда; направо... налѣво; безшумно движутся надъ столомъ шесть-восемь рукъ; все вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы не смѣшать „ш" и „щ", не положить направо, когда нужно класть налѣво. Вѣки слипаются; голова тяжелѣетъ; а свинцовая горка еле убываетъ, и часы тянутся, какъ годы... Кончится урочный разборъ на этотъ вечеръ, и Поливановъ, расправляя онѣмѣвшую спину и посматривая на черные отъ свинца пальцы, тотчасъ же начинаетъ шутить и спрашиваетъ нашу терпѣливую сотрудницу, жену одного изъ членовъ кружка, П. А. Цвѣткову [2]):

---

[1]) Или Старый Карбулакъ, не помню навѣрно.
[2]) Умерла въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

— А что, Пелагея Афанасьевна, не правда ли: пріятно вы провели сегодняшній вечерокъ въ нашемъ миломъ и интересномъ обществѣ?.. Чувствуете большое оживленіе?

Однако, даже и надежда расширить вскорѣ сферу дѣятельности кружка и поставить передъ нимъ новую, серьезную задачу не исчерпывала энергіи Поливанова и не заглушала въ немъ стремленія къ непосредственному участію въ физической борьбѣ. Исполнительный Комитетъ зналъ, что въ Саратовѣ есть молодые люди, готовые по первому призыву отдать себя цѣликомъ въ распоряженіе Комитета, но такихъ же молодыхъ людей было тогда немало и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, поближе къ Петербургу. Для примѣненія мѣстнаго террора въ тогдашнемъ Саратовѣ не было никакой почвы. О жандармскомъ полковникѣ я уже говорилъ: онъ хоть и слѣдилъ за нами и по временамъ кое-кого арестовывалъ, но все-таки на „свирѣпаго опричника" совсѣмъ не походилъ и никакого личнаго озлобленія противъ него у насъ не было. Губернаторомъ былъ тогда нѣкто Тимирязевъ, заступившій мѣсто пошедшаго въ гору Галкина-Врасскаго, великолѣпнаго помпадура съ бакенбардами не хуже горемыкинскихъ. Этотъ Тимирязевъ былъ весьма корректный господинъ, вовсе не боевого и не помпадурскаго типа; скорѣе— „просвѣщенный бюрократъ" западно-европейской складки.

— Чертъ возьми! Вѣдь не пристава же Артаболевскаго намъ „пронзить кинжаломъ", какъ „врага народа"!—въ шутливой формѣ изливалъ Поливановъ свое огорченіе, соглашаясь съ тѣмъ, что на мѣстѣ намъ предстоитъ оставаться „террористами" чисто платоническими.

Но если въ Саратовѣ для боевыхъ свойствъ его натуры не представлялось никакого примѣненія, а въ центрѣ комплектъ исполнителей былъ уже намѣченъ и въ новыхъ добровольцахъ пока не нуждались, то, казалось, именно теперь могло бы передъ боевой молодежью открыться поприще, плодотворное для революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени заманчивое для участниковъ по разнообразію пріемовъ, по крупному риску и по рыцарскому характеру всего дѣла: это—дѣятельность освободительная. Къ ней Поливанова тянуло уже давно, а съ каждымъ днемъ потребность въ усиленіи этой формы революціонной борьбы выступала все очевиднѣй. Сколько крупныхъ силъ было уже вырвано изъ революціонныхъ рядовъ за послѣдніе годы! Какъ они были бы нужны теперь на волѣ!.. „А если бы удалось вырвать приговореннаго къ смерти наканунѣ казни?.. Какой эффектъ это произвело бы на правительство и на общество!.. Да и помимо того: правительство силой хватаетъ изъ среды молодежи самыхъ лучшихъ и отправляетъ ихъ на смерть,— почему бы и молодежи не организоваться и не начать партизанской борьбы... „не даемъ больше вѣшать! не даемъ

ссылать!“—такъ прямо и заявимъ правительству... А гдѣ нельзя будетъ отбить силой, тамъ станемъ устраивать побѣги... изъ тюремъ, изъ ссылки... систематически... Они ссылаютъ, а мы возвращаемъ... Для какого Танкреда или Орланда нашлась бы задача болѣе благородная?“

Мечта о такой организаціи бродила среди тогдашней молодежи не въ одномъ Саратовѣ, а у насъ охотниковъ принять участіе въ подобномъ дѣлѣ насчитывалось человѣкъ шесть. Рѣшено было, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ въ Петербургъ и въ Москву, перетолкуетъ тамъ съ членами И. К., и, когда организація возникнетъ, Поливановъ покинетъ Саратовъ и посвятитъ себя всецѣло освободительному дѣлу. По всему можно было думать, что ждать придется недолго. Отъ уѣхавшаго товарища Поливановъ получалъ ободряющія вѣсти: И. К. берется за дѣло; въ людяхъ недостатка не будетъ; денежныя средства найдутся; его, Поливанова, вскорѣ вызовутъ въ Москву для переговоровъ... При такихъ вѣстяхъ можно было ждать не томясь и бодро продолжать свое обычное дѣло, въ увѣренности, что тамъ, въ центрѣ, все идетъ, налаживается, подготовляется, и что въ нужный моментъ ты будешь на надлежащемъ мѣстѣ.

Не только это частное предпріятіе, но и все въ революціи шло своимъ ходомъ и, казалось, шло къ лучшему. Волна росла... Роковой моментъ приближался. Самымъ терпѣливымъ ждать дольше становилось не въ мочь.

...И вотъ громъ грянулъ... Ахнула толпа. Но въ дыму и трескѣ долго трудно было хорошенько разобраться... Что тамъ за фигуры?.. толпа?.. полиція?.. бьютъ кого-то?.. убѣгаютъ?.. собираются выкинуть бѣлый флагъ или устанавливаютъ новое орудіе?

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ туманъ колыхался надъ Россіей, то сгущаясь, то разсѣиваясь, то опять сгущаясь, и всякій, кто чего-нибудь страстно ждалъ или до безумія боялся, могъ, всматриваясь въ эту муть, видѣть то, чѣмъ была полна его мысль. Одни тогда страстно ждали революціи, другіе смертельно боялись ея же, и тѣмъ и другимъ въ неясныхъ тѣняхъ, выступавшихъ гдѣ-то, и въ глухомъ гулѣ, доносившемся откуда-то, мерещилась тѣнь Желябова и рокотъ прибоя...

Народъ волновался. Масса выступала въ городахъ на улицу,—правда, противъ евреевъ,—но тогда казалось, что это только первая, наивная и неумѣло направленная форма народнаго протеста противъ эксплуататоровъ вообще: „сегодня бьютъ „жида“, завтра начнутъ бить „пана“, но во власть уже не вѣрятъ; начинаютъ дѣйствовать „своимъ средствіемъ“... Въ обществѣ все время ходили тревожные слухи о новыхъ заговорахъ, о громадныхъ приготовленіяхъ революціонной партіи, о близости бунта... Наконецъ, и самое новое прави-

тельство, объявивъ въ апрѣлѣ о незыблемости самодержавія, въ то же время, устами Игнатьева, провозгласило какую-то „народную политику". Что за „народная политика"? Какъ ее понимать?

Благодаря всему этому, въ настроеніи Поливанова до начала 82-го года рѣзкаго перелома не наступало, тѣмъ болѣе, что въ провинціи, хотя и знали, что арестовъ масса, но о всемъ ихъ значеніи для партіи не имѣли никакого представленія. Однихъ берутъ—другіе примыкаютъ,—тамъ думали такъ, и продолжали ждать и надѣяться.

...Тутъ я долженъ на время прервать разсказъ для личнаго объясненія. Почти все то, о чемъ здѣсь говорилось, происходило на моихъ глазахъ: я видѣлъ Поливанова и на рабочихъ сходкахъ, въ лѣсочкахъ за городомъ, и въ собраніяхъ народовольцевъ, въ прилично обставленной гостиной, и въ кружкахъ молодежи, въ пылу бурныхъ дебатовъ. Мнѣ случалось ютиться съ нимъ вмѣстѣ по холостымъ квартирамъ въ беззаботной обстановкѣ тогдашней радикальской богемы, и вмѣстѣ, въ сюртучкахъ и при галстучкахъ, посѣщать нашихъ либеральныхъ знакомыхъ „изъ общества". Обо всемъ этомъ я могъ писать свободно, съ увѣренностью, что его дѣйствительныя чувства и глубочайшія настроенія мнѣ вполнѣ понятны. Но 81-й годъ я провелъ уже внѣ Саратова, поддерживая, однако, вплоть до своего ареста оживленную переписку съ Троицкимъ и съ Поливановымъ. Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и именно въ тотъ моментъ, когда революціонная волна, еще незамѣтно на глазъ, начала понижаться, ужъ не знаю, кѣмъ замышленная, шпіонская интрига внезапно опутала меня своей липкой сѣтью: за отсутствіемъ уликъ у администраціи нашлось противъ меня письмо ко мнѣ и яко бы отъ какого-то миѳическаго товарища; письмо глупое и въ высшей степени неправдоподобное; прокуроръ *** (сосѣдъ по имѣнію и знакомый одной моей столичной тетушки), заканчивая дознаніе, сказалъ ей въ утѣшеніе: „успокойтесь, сударыня: исторія съ письмомъ разъяснилась", но... тѣ, коимъ надлежало искоренять крамолу, вѣроятно, не безъ улыбки разсматривали это произведеніе шпіонскаго генія и только головой покачивали, но все-таки порѣшили: se non e vero e ben trovato, и... закатали меня, куда слѣдуетъ... Начало 82-го года застало меня съ искоренительной точки зрѣнія уже „готовымъ", а съ открытіемъ навигаціи пошелъ и я по слѣдамъ тысячъ, ранѣе меня проторившихъ этотъ путь. Пять мѣсяцевъ мы все шли и шли на востокъ, а за этимъ періодомъ послѣдовалъ другой, многолѣтній и почти фантастическій. Другая страна, чужое племя, чужой языкъ, какая-то другая планета съ иною смѣною временъ года, дня и ночи... Все ли прежнее былъ сонъ? все ли окружающее—кошмаръ?..—не разберешь. На эту дру-

гую планету вѣсти изъ Россіи доходили рѣдко и отрывочно. Только лѣтъ черезъ восемь, не раньше, встрѣтилъ я среди новыхъ ссыльныхъ саратовцевъ, знававшихъ Поливанова въ 82 году и видѣвшихъ его еще наканунѣ рокового для него дня, когда „тьмы половецкія“ одолѣли и этого „храбраго руссича“,—послѣдняго, уцѣлѣвшаго до той поры изъ тѣсной семьи его ближайшихъ товарищей по первымъ кружкамъ...

О томъ, что я знаю съ чужихъ словъ, я разскажу лишь очень кратко. Но раньше вернусь еще разъ къ Поливанову, какимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, въ январѣ 81-го года. Зная, что коса занесена надъ каждымъ изъ насъ и не нынче—завтра она опустится и подсѣчетъ тебя у самаго корня, мы съ нимъ надумали обмѣняться карточками. Тѣ портреты, которые извѣстны среди теперешней публики, составляютъ снимки именно съ тогдашней карточки. Нѣкоторые изъ распространенныхъ снимковъ изъ рукъ вонъ плохи, иные даже искажаютъ лицо до неузнаваемости, но подлинная карточка, сохранившаяся и теперь, удивительно похожа. Поливанову было тогда 23 года. Онъ былъ строенъ, недуренъ собой, лицо его дышало жизнью и энергіей. Въ чертахъ этого лица, въ быстрыхъ движеніяхъ, въ голосѣ, нѣсколько напоминавшемъ по тембру женское контральто, во всемъ у него ярко проступала порывистая и пламенная душа, чистая, какъ хрусталь, отважная и беззавѣтная.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ (поѣздъ отходилъ часовъ въ 12 ночи), пріѣхалъ ко мнѣ со своимъ студенческимъ чемоданчикомъ Лавровъ, съ которымъ мы отправлялись вмѣстѣ, и зашелъ Поливановъ. Безъ всякихъ мистическихъ предчувствій достаточно было поводовъ думать, что вѣдь, пожалуй, больше и не увидимся. Разговоръ сначала не клеился. Лавровъ, какъ „Гражданинъ Грантерръ“, былъ не дуракъ выпить, а я, не подражая его примѣру, все-таки въ обществѣ трезвости не состоялъ, и на этотъ разъ я рѣшилъ ознаменовать отъѣздъ маленькимъ пуншемъ en trois. Затушили лампу, при слабомъ свѣтѣ синяго огонька почувствовали себя какъ-то тѣснѣй, и мало по малу разговорились такъ, какъ говорятъ только въ очень молодой и очень дружной компаніи. О революціи, конечно; о нашихъ замыслахъ; о будущемъ величіи свободной Россіи... Лавровъ [1]), любившій не только выпить, но и пофилософствовать, и притомъ обладавшій недурнымъ голосомъ, прихлебывая горячій пуншъ, резонировалъ:

— Ну что же! Пока проклятая Парка не отыщетъ въ своемъ клубкѣ и моей нити, я предпочитаю объ этой госпожѣ вовсе не думать... А вотъ заявитъ Исполнительный

---

[1]) Послѣ разгрома народовольческой организаціи Лавровъ сильно затосковалъ, запилъ, и въ концѣ 84-го или въ началѣ 85-го года отравился.

Комитетъ: „Николай Евгеньевичъ Лавровъ! пожалуйте! вашъ выходъ!“...—ну, ужъ тогда не отвертишься: полѣзъ на историческую сцену, напялилъ на себя тогу—такъ ужъ тутъ, братъ, назадъ ходу нѣтъ... валяй свою роль до конца: выходи, становись въ позу: „patres conscripti!“ и... тарахъ!—„патрэсамъ“ по ихъ заслугамъ... чтобы имъ „впредь не повадно было“... А тамъ: всего нѣсколько дней довольно пакостнаго ожиданія... нѣсколько мгновеній еще болѣе пакостныхъ... и... шабашъ!.. Нирвана!.. А все-таки:

Пусть намъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и въ шахтахъ сырыхъ,—
Но дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.

Для слушателя съ холоднымъ сердцемъ это только слова и слова. Но для насъ это были тогда вовсе не слова, а прямое указаніе на наше неизбѣжное будущее, музыкальное напоминаніе о святомъ долгѣ. Всѣ пѣсни, которыя тогда пѣлись, имѣли торжественный и мрачный характеръ:

Среди поля погостъ,
На томъ полѣ помостъ,
Гладко тесаный,
Кровью крашеный... и т. п.

Даже въ старую и совсѣмъ не революціонную застольную пѣсню, очень любимую въ нашемъ кружкѣ, мы вкладывали мысленно свое содержаніе и пѣли ее со смѣшаннымъ чувствомъ грусти за себя и гордости своимъ жребіемъ:

Быстры, какъ волны, дни нашей жизни,
Что часъ, то уходятъ, не знаешь—зачѣмъ?
Налей же, товарищъ, заздравную чару!
Кто знаетъ: что будетъ съ нами впереди?

...Съ политическими интересами и стремленіями у насъ въ ту пору тѣснѣйшимъ образомъ переплетались интересы и стремленія литературныя. Почти каждый изъ насъ мечталъ впослѣдствіи попытать и себя: одинъ—въ критикѣ, другой—въ поэзіи, третій—въ публицистикѣ и т. д. По моему глубочайшему убѣжденію, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, изъ Поливанова непремѣнно долженъ былъ бы выработаться незаурядный памфлетистъ. Беллетристика едва ли составляла его призваніе. Но при страстности своего темперамента, при отзывчивости его сердца на всякую неправду, при живости эстетическаго чувства и при колоссальной памяти и начитанности, онъ едва ли прошелъ бы въ литературѣ незамѣченнымъ, какъ общественный дѣятель и борецъ, сражаю-

щійся не только мечемъ, но при случаѣ и перомъ... Въ литературныхъ вкусахъ мы съ нимъ не вполнѣ сходились и часто спорили, но въ нѣкоторыхъ основныхъ взглядахъ были оба одного мнѣнія. И на этотъ разъ, при нашей послѣдней встрѣчѣ, когда бесѣда незамѣтно свелась къ литературѣ и ея задачамъ, Поливановъ съ увлеченіемъ развивалъ такую тему, по которой у насъ не было разногласій:

— При господствѣ деспотизма люди вели замкнутую, семейную жизнь. Романъ былъ созданъ этой эпохой. Теперь на историческую сцену выходятъ массы, и отдѣльная личность сливается умомъ и сердцемъ со всѣмъ человѣчествомъ. Личности тѣсно въ узкомъ кругу: „она" и „онъ" съ ихъ любовными терзаніями становятся смѣшны. „Она" и „онъ" надоѣли! Новая эпоха должна создать новую литературу: широкую по захвату, въ которой „она" будетъ природа, а „онъ"—человѣкъ, который съ нею борется; „она"—свобода, а „онъ"—народъ, который къ ней стремится, и т. д. Это будетъ литература по существу эпическая, но какова будетъ ея форма?...

Объ этомъ мы горячо говорили на прощанье, перелетая мыслью черезъ рядъ десятилѣтій, въ увѣренности, что творческая эпоха, расцвѣтъ науки, искусства, поэзіи наступитъ для человѣчества тотчасъ же вслѣдъ за революціей въ Россіи, а революція въ Россіи наступитъ завтра...

Въ хмурую январьскую ночь со снѣжкомъ и морозцемъ расцѣловались мы съ нимъ въ послѣдній разъ на дебаркадерѣ саратовскаго вокзала, и поѣздъ умчалъ меня изъ Саратова... навсегда. Поливановъ стоялъ на платформѣ, махалъ своей шапочкой и кричалъ что-то, должно быть веселое и ободряющее... Съ тѣхъ поръ: Саратовъ... Поливановъ... молодость... революція,—слились для меня въ какое-то неразрывное цѣлое. Какъ будто бы Поливановъ былъ душой тогдашняго Саратова, и эта душа вся горѣла юношескимъ энтузіазмомъ къ революціи . . . . .

Дальше? — Дальше уклонъ. Сначала медленно, потомъ быстрѣй, быстрѣй, съ головокружительной быстротой — къ развязкѣ.., къ гибели.

Падали одинъ за другимъ испытанные бойцы, вожди своего поколѣнія, тѣ люди, имена которыхъ, совершенно неизвѣстныя народу, были дороги молодежи поливановскаго типа. Громили организацію въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи. Весной 82 года дошла очередь до Саратова. Въ предыдущемъ году изъ членовъ саратовскаго центральнаго кружка въ разныхъ городахъ и по различнымъ поводамъ было взято четверо, но всѣ эти аресты не имѣли для организаціи дальнѣйшихъ послѣдствій. Однако, существованіе въ Саратовѣ сѣти кружковъ и ихъ тѣсная связь съ Народной Волей стала извѣстна для мѣстныхъ властей еще

въ мартѣ 81-го года. Троицкій извѣщалъ меня тогда о содержаніи обширнаго доноса, съ которымъ онъ успѣлъ ознакомиться, благодаря своимъ связямъ въ чиновничьей средѣ. Въ качествѣ членовъ мѣстнаго центра въ доносѣ было указано человѣкъ пятнадцать и въ числѣ этихъ лицъ, наряду съ революціонерами, какъ это всегда бываетъ въ доносахъ, фигурировали имена нѣкоторыхъ невиннѣйшихъ либераловъ: адвоката Борщова, кажется, Лятошинскаго [1]) и т. п. Администрація, повидимому, понимала, что въ сообщенныхъ ей свѣдѣніяхъ много фантазіи, и не предприняла тотчасъ же арестовъ, но установила за всѣми оговоренными усиленный тайный надзоръ. Хотя радикалы, благодаря предупрежденію своихъ друзей изъ служебнаго міра, узнали объ этомъ своевременно, но все-таки сознаніе того, что за ними внимательно слѣдятъ, не могло не стѣснять ихъ дѣятельности. Такъ какъ самые активные изъ мѣстныхъ революціонеровъ съ этого времени были у властей на примѣтѣ, то приходилось особенно дорожить пріѣзжими, которыхъ присылалъ въ Саратовъ, въ подкрѣпленіе мѣстныхъ силъ, Исполнительный Комитетъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и прежній народникъ, примкнувшій къ Народной Волѣ, М. Новицкій, успѣвшій въ Саратовѣ добыть паспортъ безъ вѣсти пропавшаго мѣщанина Машихина и такимъ образомъ совсѣмъ было легализировавшійся. Въ февралѣ 82-го года Новицкій по партійнымъ дѣламъ выѣхалъ на время въ Москву и тамъ былъ арестованъ въ связи съ арестомъ Якова Стефановича. Какъ „саратовскаго мѣщанина Машихина", его вывезли въ саратовскую тюрьму для установленія личности. Вскорѣ послѣ этого нашелся какой-то предлогъ арестовать Троицкаго [2]). Затѣмъ дошла очередь до Дудинскаго [3])... Тамъ взяли такого-то, потомъ такого-то,—и пошло... Лѣтомъ 82-го года отъ всего кружка оставались на волѣ только Поливановъ и еще два-три человѣка, затравленныхъ, какъ волки, преслѣдуемыхъ сыщиками буквально по пятамъ, чувствовавшихъ, что дальнѣйшія попытки дѣятельности для нихъ совершенно невозможны. Раньше при подобныхъ обстоятельствахъ для людей былъ бы выходъ: уѣхать изъ своего города, въ крайнемъ случаѣ—перейти въ нелегальность. Но куда было ѣхать теперь? Зачѣмъ было переходить въ нелегальность, когда изъ тѣхъ революціонеровъ, которые раньше стали въ такое положеніе, многіе не знали: что съ собой дѣлать? куда себя дѣвать? Нелегальному, чтобы дѣйствовать, а не являться совершенно

---

[1]) Адвокатъ, впослѣдствіи—земскій дѣятель умѣреннаго направленія.

[2]) Долго просидѣвъ въ тюрьмѣ, Троицкій сошелъ съ ума и вскорѣ послѣ этого умеръ.

[3]) Дудинскій, по глухимъ вѣстямъ, доходившимъ до меня въ Сибири, послѣ нѣкотораго періода нелегальныхъ скитаній, уѣхалъ въ Америку и тамъ хорошо устроился.

безполезной и опасной ношей на спинѣ товарищей, необходима организація, которая могла бы поставить его на надлежащее мѣсто и использовать его силы. Иначе онъ неизбѣжно окажется въ положеніи того бѣглаго, трагедія котораго такъ ярко воспроизведена Золя въ его романѣ „Ventre de Paris“, — а романъ этотъ всѣ мы читали... Организаціи, способной укрыть своихъ преслѣдуемыхъ членовъ, объединить разсѣянныя силы, перестроить свои ряды и вновь повести ихъ въ бой съ надеждой на побѣду теперь, очевидно, уже не было... Если раньше могли оставаться на этотъ счетъ хоть какія-нибудь слабенькія надежды, то въ концѣ лѣта и тѣ исчезли:

Поливановъ за это время повидался съ Грачевскимъ и съ другими людьми изъ быстро таявшаго центра и узналъ истинное положеніе дѣлъ. Въ личной жизни обыкновенныхъ людей только внезапно открывшаяся измѣна горячо любимой женщины можетъ вызвать такое же потрясеніе, какое испыталъ тогда Поливановъ. Ему стало ясно, что передъ нимъ теперь только два исхода: погибнуть при какомъ-нибудь отчаянно смѣломъ дѣлѣ, достойномъ по замыслу тѣхъ неукротимыхъ борцовъ, примѣромъ которыхъ онъ всю жизнь вдохновлялся, или—съ заоблачныхъ высотъ, на которыхъ онъ виталъ душой въ своихъ мечтахъ, признавъ ихъ „несвоевременность“, спокойно спуститься въ тину обывательщины, зачислиться,—какъ это было принято среди мѣстной дворянской молодежи,—въ канцелярію губернатора, научиться играть въ винтъ, начать „веселиться“ на семейныхъ вечерахъ у предводителя, и, пожалуй, въ заключеніе, жениться на дочкѣ жандармскаго полковника... Вѣдь было еще не поздно!.. Непреодолимое отвращеніе охватывало его при такой мысли. Крѣпость... эшафотъ... Сибирь... все что угодно!—но только не это! „Примириться съ жизнью“?! Отвѣсить земной поклонъ „торжествующей свиньѣ“?!—на это онъ былъ органически неспособенъ. Разъ дѣло стояло такъ, то весь вопросъ сводился для него къ тому: какъ погибнуть? на чемъ? на какомъ предпріятіи? Ужъ если гибнутъ всѣ, кого онъ любилъ и уважалъ въ своемъ поколѣніи, если самое дѣло свободы, заря которой, казалось, такъ ярко разгорѣлась надъ Россіей, по неисповѣдимымъ законамъ нашей исторіи, еще разъ, въ судьбахъ уже второго боевого поколѣнія, заканчивается крушеніемъ надеждъ и торжествомъ какихъ-то мохнатыхъ, звѣриныхъ силъ, то онъ ли, внукъ декабриста, другъ Ширяева, другъ Бобохова, останется одинъ среди труповъ, безъ мысли о мести, безъ сознанія своего позора, въ станѣ ликующихъ враговъ, всю жизнь не переставая видѣть передъ собой ихъ ненавистныя лица, слышать ихъ побѣдныя завыванія?!

Смерть!... Одинъ исходъ: славная смерть въ бою, лицомъ къ врагу, „мечъ и сердце пополамъ“!

Съ такимъ чувствомъ бросился онъ, очертя голову, въ устройство побѣга Новицкаго.

Товарищъ ему нашелся: славный, милый, добрый товарищъ, честный работникъ въ мирные дни, храбрый воинъ въ битвѣ. Михаилъ Дмитріевичъ Райко,—негромкое имя въ русской революціи,—но и Райко отдалъ дѣлу то же, что отдаютъ и самые славные: всего себя, всѣ свои силы и свою кровь [1]).

... Райко былъ убитъ. Поливановъ съ Новицкимъ отлежались послѣ страшнаго избіенія, предстали передъ военнымъ судомъ и были приговорены къ смерти. Новицкому этотъ приговоръ замѣнили двѣнадцатилѣтней каторгой, Поливанову—вѣчной.

Настали для Россіи черные дни. Умолкли гордыя рѣчи, оборвались боевыя пѣсни... пѣть ихъ больше было некому...

Погасло солнце свѣтлое—и звѣзды
Скиталися безъ цѣли, безъ лучей,
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ,—
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди въ ужасѣ бѣды великой
Забыли страсти прежнія...
. . . . И міръ былъ пустъ,
Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
Былъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
Безъ жизни, времени, людей, движенья...
То хаосъ смерти былъ . . . .
. . . .
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ...
Исчезли тучи... Тьмѣ не нужно было
Ихъ помощи... она была повсюду.

... Пора эта тянулась безконечно долго. Увядали сердца, никли головы, немногіе все еще чего-то ждали...

... Но вотъ жизнь взяла свое, и новая заря вспыхнула,— ярче и несравненно пламеннѣй прежней.

Съ ея первымъ лучомъ Поливановъ сорвалъ съ себя ослабѣвшія цѣпи,—бѣжалъ изъ Сибири,—и вновь оказался въ первыхъ рядахъ борцовъ за свободу. Физически изнуренный въ холодныхъ стѣнахъ сѣвернаго Шильона, онъ весь

---

[1]) Если я лишь бѣгло упоминаю о Райко, то это не потому, чтобы на немъ не стоило остановиться дольше, но лишь въ виду общей сжатости этой части моего разсказа. Притомъ я лично знавалъ Райко не въ послѣдній періодъ его жизни, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

остатокъ силъ отдалъ борьбѣ и принялъ на себя работы техническія, необходимыя для его новыхъ товарищей—соціалистовъ-революціонеровъ. Эту работу онъ продолжалъ почти до послѣдняго часа своей жизни.

Такимъ образомъ вся его жизнь была цѣльной, какъ и его личность, и его юношескій восторгъ передъ благородными образами Бланки, Маццини, Орсини не былъ простымъ увлеченіемъ яркостью этихъ фигуръ. То, что именно они являлись героями его молодости, вытекало изъ существа его собственной природы, изъ родства съ ними по духу.

Саратовецъ.

Воспоминанія.

ГЛАВА III.

Жизнь въ деревнѣ (1848—1855 г.).

Отсутствіе семейной жизни въ нашемъ домѣ. — Отчаянная тоска сестры Саши и ея страстное стремленіе къ образованію. — Ея дневникъ. — Хозяйственныя реформы матушки. — Матеріальное положеніе старосты и его значеніе.

Въ то давно прошедшее время, т. е. въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ XIX-го ст., дворяне С—кой губерніи, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыхъ я знавала, не были избалованы комфортомъ: вели они совсѣмъ простой образъ жизни, и ихъ домашняя обстановка не отличалась ни роскошью, ни изяществомъ. Въ дѣтствѣ мнѣ не приходилось видѣть даже, какъ жили богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого мы, дѣти, съ величайшимъ интересомъ слушали разсказы старшихъ о томъ, съ какимъ царскимъ великолѣпіемъ жили тѣ или другіе помѣщики, какъ роскошно были обставлены ихъ громадные дома, походившіе на дворцы, какіе блестящіе пиры задавали они, какъ устраивали охоты съ громадными сворами собакъ, когда за ними двигались цѣлыя полчища псарей, доѣзжачихъ и т. п. Ничего подобнаго не было въ нашей мѣстности, по крайней мѣрѣ, верстъ на 200 кругомъ. Не говоря уже о мелкопомѣстныхъ дворянахъ, которыхъ было особенно много въ нашемъ сосѣдствѣ, но и помѣщики, владѣвшіе 75—100 душами, м. п., жили въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было элементарныхъ удобствъ и необходимыхъ приспособленій. Помѣщичій домъ обыкновенно раздѣлялся простыми перегородками на нѣсколько комнатъ, или, точнѣе сказать, клѣтушекъ, и въ такихъ четырехъ-пяти комнатюркахъ, съ прибавкою иногда флигеля въ одну-двѣ комнаты, ютилась громаднѣйшая семья, въ которой не только было шесть-семь человѣкъ

[1]) См. „Минувшіе Годы", февраль и мартъ.

дѣтей, но помѣщались нянюшки, кормилицы, горничныя, приживалки, гувернантка и разнаго рода родственницы: незамужнія сестры хозяина или хозяйки, тетушки, оставшіяся безъ куска хлѣба, вслѣдствіе разоренія ихъ мужьями. Пріѣдешь бывало въ гости, и какъ начнутъ выползать домочадцы, просто диву даешься, какъ и гдѣ могутъ всѣ они помѣщаться въ крошечныхъ комнаткахъ маленькаго дома.

Совсѣмъ не то было у насъ, въ нашемъ имѣніи Погорѣломъ: сравнительно съ сосѣдями у насъ былъ большой, высокій, свѣтлый и уютный домъ, съ двумя входами, съ передними, съ семью большими комнатами, съ боковушками, коридоромъ, съ дѣвичьей, людской и съ особымъ флигелемъ во дворѣ. Но и нашъ домъ поражалъ своими размѣрами только сравнительно съ очень скромными домами нашихъ сосѣдей. Онъ былъ построенъ моимъ отцомъ вскорѣ послѣ его женитьбы и, какъ все, что онъ устраивалъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ любилъ жить на болѣе широкую ногу, чѣмъ позволяли ему его средства.

Можно было удивляться тому, что изъ нашей громадной семьи умерло лишь четверо дѣтей въ первые годы своей жизни, и только холера сразу сократила число ея членовъ болѣе, чѣмъ на половину; въ другихъ же помѣщичьихъ семьяхъ множество дѣтей умирало и безъ холеры. И теперь существуетъ громадная смертность дѣтей въ первые годы ихъ жизни, но въ ту отдаленную эпоху ихъ умирало несравненно больше. Я знавала не мало многочисленныхъ семей среди дворянъ, и лишь незначительный процентъ дѣтей достигалъ совершеннолѣтія. Иначе и быть не могло: въ то время среди помѣщиковъ совершенно отсутствовали какія бы то ни было понятія о гигіенѣ и физическомъ уходѣ за дѣтьми. Форточекъ, даже въ зажиточныхъ помѣщичьихъ домахъ, не существовало, и спертый воздухъ комнатъ зимой очищался только топкою печей. Дѣтямъ приходилось дышать испорченнымъ воздухомъ большую часть года, такъ какъ въ то время никто не имѣлъ понятія о томъ, что ежедневное гулянье на чистомъ воздухѣ—необходимое условіе правильнаго ихъ физическаго развитія. Подъ спальни дѣтей даже богатые помѣщики назначали наиболѣе темныя и невзрачныя комнаты, въ которыхъ уже ничего нельзя было устроить для взрослыхъ членовъ семьи. Спали дѣти на высоко взбитыхъ перинахъ, никогда не провѣтриваемыхъ и не просушиваемыхъ: бокъ, на которомъ лежалъ ребенокъ, страшно нагрѣвался отъ пуха перины, а другой въ это время оставался холоднымъ, особенно, если сползало одѣяло. Духота въ дѣтскихъ была невыразимая: всѣхъ маленькихъ дѣтей старались помѣстить обыкновенно въ одной - двухъ комнатахъ, и тутъ же вмѣстѣ съ ними на лежанкѣ, сундукахъ или просто на полу, подкинувъ подъ себя, что попало изъ своего хлама, спали мамки, няньки, горничныя.

Предразсудки и суевѣрія шли рука объ руку съ недостаткомъ чистоплотности. Во многихъ семьяхъ, гдѣ были барышни-

невѣсты, существовало повѣрье, что черные тараканы предвѣщаютъ счастье и быстрое замужество, а потому очень многія помѣщицы нарочно разводили ихъ: за нижній плинтусъ внутренней обшивки стѣны онѣ клали куски сахара и чернаго хлѣба. И въ такихъ семьяхъ черные тараканы по ночамъ, какъ камешки, падали со стѣнъ и балокъ на спящихъ дѣтей. Что же касается другихъ паразитовъ, въ родѣ пруссаковъ, клоповъ и блохъ, то они такъ искусывали дѣтей, что лица очень многихъ изъ нихъ были всегда покрыты какою-то сыпью.

Питаніе также мало соотвѣтствовало требованіямъ дѣтскаго организма: младенцу давали грудь при первомъ крикѣ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ только что сосалъ. Если ребенокъ не унимался и самъ уже не бралъ груди, его до одурѣнія качали или въ люлькѣ, или походя на рукахъ. Качаніе еще болѣе мѣшало дѣтскому организму усвоить только что принятую пищу, и ребенокъ отрыгивалъ ее. Рвота и для взрослаго сопровождается недомоганіемъ, тѣмъ болѣе тяжела она для неокрѣпшаго организма ребенка. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ покойный сонъ маленькихъ дѣтей былъ рѣдкимъ явленіемъ въ помѣщичьихъ домахъ: обыкновенно всю ночь напролетъ раздавался ихъ плачъ подъ акомпаниментъ скрипа и визга люльки (зыбки) или колыбели.

Глубоко безнравственный помѣщичій обычай, при которомъ даже здоровая мать не сама кормила грудью своего ребенка, а поручала его кормилицѣ изъ крѣпостныхъ, тоже очень вредно отзывался на физическомъ развитіи. Еще болѣе своей барыни неаккуратная, грязная и невѣжественная мамка, чтобы спокойно спать, клала ребенка къ себѣ на всю ночь. Она прекрасно знала, что въ такое время ее не будутъ контролировать, къ тому же для ребенка спать на одной кровати съ мамкою, не выпуская груди, въ то время не считалось вреднымъ. Если младенецъ все же кричалъ, мамка давала ему соску изъ хлѣба, иногда размоченнаго въ водкѣ, или прибавляла къ нему тертый макъ. Дѣтей въ большинствѣ случаевъ кормили грудью по два, а то и по три года. Женщину выбирали въ кормилицы не потому, что она была молода, здорова и не страдала болѣзнями, опасными для дитяти, но вслѣдствіе различныхъ домашнихъ соображеній: ревнивыя помѣщицы избѣгали брать въ кормилицы молодыхъ и красивыхъ женщинъ, чтобы не давать своимъ мужьямъ повода къ соблазну.

Вредное вліяніе имѣлъ и общераспространенный обычай пеленать ребенка: крѣпко на крѣпко забинтованный свивальниками отъ шеи по самыя пятки, несчастный младенецъ неподвижно лежалъ по нѣскольку часовъ кряду, вытянутый въ струнку, лежалъ до онѣмѣнія всѣхъ членовъ. Такое положеніе мѣшало правильному кровообращенію и пищеваренію. Къ тому же постоянное треніе пеленокъ о нѣжную кожу дитяти производило обильную испарину, которая заставляла ребенка легко схватывать простуду, какъ только его распеленывали.

При такомъ же отсутствіи какихъ бы то ни было здравыхъ понятій, ребенокъ переходилъ въ послѣдующую стадію своего развитія. Подростая онъ болѣе всего стремился попасть въ людскую,—въ ней было веселѣе, чѣмъ въ дѣтской: тутъ горничныя, лакеи, кучера, кухонные мужики, обѣдая, сообщали другъ другу новости о только что слышанныхъ происшествіяхъ въ семьяхъ другихъ помѣщиковъ, о романическихъ приключеніяхъ его родителей. Притягивала ребенка къ себѣ людская и потому, что она въ то же время служила кухнею для господъ. Тутъ обыкновенно валялись остатки отъ брюквы, рѣпы, а осенью множество кочерыжекъ, такъ какъ въ это время года шинковали капусту, заготовляя ее на зиму въ громадномъ количествѣ. Этою сырою снѣдью помѣщичьи дѣти объѣдались даже и тогда, когда въ окрестныхъ деревняхъ свирѣпствовала дизентерія.

Главное педагогическое правило, которымъ руководились, какъ въ семьяхъ высшихъ классовъ общества, такъ и въ низшихъ дворянскихъ, состояло въ томъ, что на все лучшее въ домѣ,—на удобную комнату, на болѣе спокойное мѣсто въ экипажѣ, на болѣе вкусный кусокъ, могли претендовать лишь сильнѣйшіе, т. е. родители и старшіе. Дѣти были такими же безправными существами, какъ и крѣпостные. Отношенія родителей къ дѣтямъ были опредѣлены довольно точно: они подходили къ ручкѣ родителей поутру, когда тѣ здоровались съ ними, благодарили ихъ за обѣдъ и ужинъ и прощались съ ними передъ сномъ. Задача каждой гувернантки прежде всего заключалась въ такомъ присмотрѣ за дѣтьми, чтобы тѣ какъ можно менѣе докучали родителямъ. Во время общей трапезы дѣти въ порядочныхъ семействахъ не должны были вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, которые, не стѣсняясь, разсуждали при нихъ о вещахъ, совсѣмъ не подходящихъ для дѣтскихъ ушей: о необходимости «выдрать» тѣхъ или другихъ крѣпостныхъ, которыхъ они обзывали «мерзавцами», «негодяями» и еще похуже, разсказывали самые скабрезные анекдоты о своихъ сосѣдяхъ. Дѣтей, точно такъ же, какъ и крѣпостныхъ, наказывали за каждый проступокъ: давали подзатыльника, драли за волосы, за уши, толкали, колотили, стегали плеткой, сѣкли розгами, а въ очень многихъ семьяхъ сѣкли и драли безпощадно.

Благодаря моему покойному отцу, страстно любившему своихъ дѣтей, благодаря его природной мягкости, въ нашей семьѣ не были въ ходу ни розги, ни другія педагогическія воздѣйствія крѣпостническаго характера. Правда, матушка не прочь была дать подзатыльника, толкнуть въ спину и дернуть за волосенки, но даже и послѣ смерти отца прибѣгала къ этому довольно рѣдко. Во всякомъ случаѣ я могу сказать, что члены моей семьи почти не страдали отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда матушкѣ приходилось обучать кого-нибудь изъ насъ: тогда она уже совсѣмъ не могла обуздывать своего вспыльчиваго и нетерпѣливаго характера.

Какъ бы то ни было, но семья наша рѣзко выдѣлялась среди помѣщичьихъ семействъ нашей мѣстности, какъ своимъ бо́льшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, такъ и гуманнымъ отношеніемъ къ крѣпостнымъ и окружающимъ, къ близкимъ и дальнимъ. Даже и послѣ смерти отца до меня никогда не доносились стоны засѣкаемыхъ крестьянъ, и въ нашемъ домѣ не раздавались ни оплеухи, ни зуботычины горничнымъ, но я не хочу сказать этимъ, что крѣпостническая зараза совсѣмъ не коснулась моей матери. Напротивъ, какъ это ни странно, но, несмотря на 20-тилѣтнее супружеское сожительство съ человѣкомъ, котораго матушка горячо любила и глубоко уважала, ядъ крѣпостничества сильно отравилъ и ея кровь и отъ времени до времени давалъ себя чувствовать проявленіемъ крѣпостническаго произвола, въ особенности же произвола ея родительской власти.

Въ періодъ нашего полнаго обнищанія никто изъ дѣтей никогда не подумалъ попросить у матушки купить чего-либо сладкаго. Матушка такъ экономничала при покупкѣ даже самаго необходимаго, что подобная просьба съ нашей стороны могла бы возбудить въ ней лишь бурное негодованіе, но «сладкія воспоминанія» о прошломъ не давали намъ покоя. Вечеромъ «сумерничали», т. е. не зажигали огня, пока не наступала полная темнота. Хотя единственнымъ освѣщеніемъ у насъ были сальныя свѣчи, которыя приготовлялись въ нашемъ домѣ изъ сала собственныхъ животныхъ, но такъ какъ главнымъ принципомъ нашей жизни сдѣлалась теперь экономія рѣшительно во всемъ, то у насъ крайне бережливо относились даже и къ свѣчамъ: по вечерамъ во всемъ нашемъ деревенскомъ домѣ обыкновенно горѣли лишь двѣ свѣчи: одна на столѣ въ столовой, за которымъ должны были сидѣть всѣ мы съ матушкой и няней, а другая въ дѣвичьей. Все это намъ, дѣтямъ, привыкшимъ къ жизни на широкую ногу въ городѣ, очень не нравилось, но съ особеннымъ соболѣзнованіемъ разсуждали мы о сладкомъ (конечно, въ отсутствіе матушки), котораго теперь намъ совсѣмъ не давали. «Господинъ кадетъ» (такъ матушка въ сердцахъ называла брата Андрея), а за нимъ и остальные начинали забрасывать няню вопросами такого рода: «Отчего у насъ не дѣлаютъ теперь ни битыхъ сливокъ, ни бисквитовъ,—вѣдь, сливки и яйца у насъ свои, а не покупныя?» Получался отвѣтъ: «оттого, что намъ нужно съ сахаромъ и крупчаткой экономить, да и некогда намъ теперь съ этимъ хороводиться... И не докучайте вы этимъ мамашенькѣ... Ради Христа, не раздражайте ее...»

Однако мы не совсѣмъ лишены были сладкаго. Изъ меда и патоки у насъ заготовляли на зиму варенье изъ мѣстныхъ ягодъ, дѣлали маринады и сиропы, приготовляли немного и сахарнаго варенья, но часть заготовокъ, особенно изъ патоки, обыкновенно портилась. Каждый горшокъ испорченнаго варенья или маринада няня показывала матушкѣ, которая, отвѣдавъ принесенное ей, говорила что-нибудь въ такомъ родѣ: «Какое несчастіе!

Дѣйствительно, никуда не годится! Что же, давай дѣтямъ!» При этомъ она позволяла давать намъ испорченный маринадъ или варенье ежедневно, но не болѣе, какъ по маленькому блюдечку, однако не потому, что при бо́льшемъ количествѣ мы могли заболѣть, а чтобы растянуть наше удовольствіе на болѣе продолжительный срокъ. И вотъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ мы ежедневно послѣ обѣда ѣли паточное или медовое варенье, прокисшее до такой степени, что отъ него шелъ по комнатѣ запахъ кислятины. То же самое было и относительно всѣхъ другихъ домашнихъ заготовленій: все, что покрывалось уже плѣсенью, особенно, если это было съѣстное, его отдавали дворовымъ, менѣе испорченное и сладкое получали мы, дѣти. Мы съ аппетитомъ ѣли и порченное, благословляя неудачи въ хозяйствѣ, но все же были не прочь полакомиться и кой-чѣмъ получше, особенно тѣмъ, что намъ не только не давали, но что отъ насъ тщательно прятали.

Мы, дѣти, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали времени, когда у насъ вырѣзали соты изъ пчелиныхъ ульевъ. Это происходило въ жаркіе лѣтніе дни. Мы всѣ выбѣгали тогда на крыльцо; съ него видно было, какъ старый Миронъ шелъ къ пчелинымъ ульямъ, въ особомъ нарядѣ по этому случаю: на его головѣ одѣто было что-то въ родѣ маски изъ грубой домашней кожи, съ дырками, вырѣзанными для глазъ, рта и носа, а на его руки натянуты были длинныя, неуклюжія, доморощенныя перчатки; онъ держалъ чистенькій деревяный лотокъ, на которомъ лежали ложка, ножъ и лопаточка. Когда вырѣзанныя соты приносили въ залу, матушка вмѣстѣ съ нянею укладывали ихъ въ особые горшки, внизу которыхъ была просверлена дырочка, заткнутая деревянной втулкой. Положивъ соты въ такой горшокъ, его ставили на высокую табуретку; къ ней подставляли табуретку пониже и ставили на нее пустой горшокъ безъ дырки; затѣмъ втулку изъ верхняго горшка вынимали, и чистый медъ стекалъ внизъ, во второй горшокъ. Эта операція производилась по праздникамъ, т. е. въ такіе дни, когда матушка была дома, а на случай ея отлучки, комната, въ которой это происходило, замыкалась на ключъ. Если матушка въ такое время случайно куда-нибудь отлучалась, нашъ «кадетъ» изъ полисадника отворялъ въ зало окно, шпингалеты котораго были испорчены, и не только самъ влѣзалъ въ замкнутую комнату, но уговаривалъ и остальныхъ дѣтей сдѣлать то же; меня общими усиліями подымали на рукахъ. Очутившись въ залѣ, мы подбѣгали къ горшкамъ, подставляли подъ текущій медъ наши ладони, облизывали ихъ и снова совали руки въ сладкую струю. Няня тотчасъ догадывалась о нашей продѣлкѣ и, подбѣжавъ къ окну изъ полисадника, начинала выкрикивать: «Мамашенька идетъ... вотъ ужо все ей разскажу!..» Мы въ ужасѣ выскакивали изъ окна одинъ за другимъ. Няня вся тряслась отъ страха; если матушка сама и не увидитъ нашей продѣлки, то о ней ей можетъ сообщить кто-нибудь изъ при-

слуги. И вотъ няня начинала обыкновенно особенно бранить брата! «Экій ты безсовѣстный озорникъ, Андрюша! Перекрещусь, когда въ корпусъ уѣдешь! Хорошему сестеръ-братьевъ обучаешь!»

Насъ, дѣтей, было въ это время пять человѣкъ, но наше присутствіе въ лѣтнее время въ большихъ комнатахъ дома совсѣмъ было незамѣтно. Мой старшій братъ Андрюша, пріѣхавшій изъ корпуса только на каникулы, рѣдко сидѣлъ дома: онъ отправлялся въ гости то къ кому-нибудь изъ сосѣдей, то съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ шелъ на охоту, однимъ словомъ, никто не зналъ, куда онъ уходилъ, съ кѣмъ водилъ дружбу и, что всего удивительнѣе, никто въ домѣ этимъ и не интересовался. Если матушка не находила нужнымъ слѣдить за старшимъ сыномъ, которому въ то время было четырнадцать лѣтъ, то она такъ же мало обращала вниманія и на «Зарю» (Захаръ), которому исполнилось лишь девять лѣтъ. Когда наступало время обѣда или ужина, няня выбѣгала на крыльцо и громко звала отсутствующихъ или посылала людей разыскивать ихъ. Являлись они или не являлись, за столъ принято было садиться въ строго опредѣленный часъ. Если опоздавшій возвращался ко второму или третьему кушанью, онъ ѣлъ его съ другими, но ни перваго, ни второго ему уже не подавали. Матушка находила, что опоздавшій не могъ быть особенно голоденъ, если онъ самъ не думалъ о ѣдѣ, и не дозволяла предпринимать ради него лишнихъ хлопотъ. Это правило она объявила намъ скоро послѣ нашего переселенія въ деревню, и его съ тѣхъ поръ строго придерживались въ нашей семьѣ. Въ матушкиномъ характерѣ не было и тѣни злобы или мстительности, совсѣмъ не отличалась она и ворчливостью: правило о времени нашихъ обѣдовъ и ужиновъ она точно установила потому, что считала это необходимымъ для сбереженія своего времени, которое она очень цѣнила, и для порядка въ хозяйствѣ; но она никогда не упрекала опоздавшихъ, не ворчала на нихъ за опаздываніе. Ничуть не пугало и опоздавшихъ то, что они могутъ лишиться какого-нибудь кушанья или даже всего обѣда: на нянѣ лежала обязанность сохранять и распредѣлять остатки отъ общей трапезы, и она откладывала опоздавшему всего, чего тотъ не получилъ. Когда вставали изъ-за стола, она тихонько дергала опоздавшаго, и тотъ немедленно отправлялся за нею въ кладовеньку или боковушку, гдѣ нерѣдко послѣ ягодъ съ молокомъ онъ ѣлъ холодныя щи или борщъ. Но это не смущало моихъ братьевъ,—они находили такой порядокъ еще болѣе заманчивымъ, чѣмъ обычный: опоздавшій получалъ въ прибавку пару яицъ, кусокъ ветчины или что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ няня всегда боялась, чтобы кто-нибудь изъ насъ не остался голоднымъ. Подозрѣвала ли матушка, что ея инструкція относительно обѣдовъ выполнялась чисто формально, — неизвѣстно, скорѣе всего, что, кромѣ своего хозяйства, она въ то время рѣшительно ни о чемъ не думала. Она рѣдко, да и то совершенно разсѣянно, спрашивала у возвратившихся, гдѣ они были и что дѣлали; видимо, и эти во-

просы она задавала, чтобы что-нибудь сказать съ своими дѣтьми, которыхъ она такъ рѣдко и мало видѣла, съ которыми ей почти совсѣмъ не удавалось поболтать.

Матушка, кромѣ праздничныхъ дней, ежедневно съ разсвѣтомъ выходила изъ дому на поля, и мы въ первый разъ видѣли ее только передъ обѣдомъ, когда она возвращалась крайне утомленною. Другъ за другомъ подходили мы цѣловать ея руку, при этомъ она торопливо возвращала намъ наши поцѣлуи и задавала одни и тѣ же вопросы: «Ну что, здорова? Нагулялась?» На эти стереотипные вопросы мои сестры часто просто молчали, такъ какъ нерѣдко въ тотъ день онѣ не могли даже выходить со двора вслѣдствіе дурной погоды, но матушка не замѣчала или не придавала значенія ихъ молчанію. Она вся отдалась, вся ушла въ новое для нея дѣло—хозяйство, и у нея въ первые годы нашей деревенской жизни не оставалось свободной минуты, чтобы думать даже о родныхъ дѣтяхъ. Отсутствіе заботы о насъ отчасти, можетъ быть, происходило и оттого, что она прекрасно знала страстную любовь и преданность къ намъ нашей няни, и была покойна насчетъ того, что мы будемъ одѣты и накормлены. Какъ бы то ни было, но отсутствіе вниманія къ намъ со стороны матери быстро уничтожало семейный элементъ въ нашемъ домѣ, столь сильно дававшій себя чувствовать при покойномъ отцѣ, который всегда былъ окруженъ дѣтьми. Теперь каждый членъ нашей семьи мало-по-малу началъ жить своею особою жизнью; только горячая преданность къ намъ няни и наша общая любовь къ ней поддерживали связь между нами. Она одна въ домѣ знала, что занимаетъ въ данную минуту каждаго изъ насъ, наши характеры и желанія, наши достоинства и недостатки и отдавала намъ всю свою душу, всю себя.

Если мои братья никогда не сидѣли дома, то мои сестры почти не выходили изъ него. Что же касается меня, то я ни на шагъ не отпускала отъ себя няню: она шла въ амбаръ выдавать муку, крупу или зерно, и я, накинувъ большой платокъ, тащилась за ней. Моя старшая сестра Нюта постоянно вышивала гладью оборочки и воротнички (самая распространенная работа того времени), переснимала различные рисунки, составляла узоры для женскихъ рукодѣлій, забѣгала на кухню построяпать какое-нибудь кушанье или копалась въ саду и полисадникѣ, сажая цвѣты, окапывая кусты; сестра Саша, не поднимая головы, сидѣла за книгами.

Когда впослѣдствіи, уже будучи взрослой, я, послѣ долгой разлуки съ моимъ семействомъ, близко сошлась съ сестрою Сашей, а также когда послѣ ея трагической кончины я перечитала ея письма ко мнѣ и ея дневникъ, я была поражена ея обширными свѣдѣніями, ея феноменальною любознательностью, ея страстнымъ стремленіемъ къ знанію, ея привычкою думать и разсуждать о разнообразныхъ и сложныхъ нравственныхъ и умственныхъ вопросахъ и явленіяхъ. Въ то безпросвѣтное время, когда умствен-

ное развитіе русскаго общества было такъ слабо, когда женщины и дѣвушки не думали ни о чемъ, кромѣ замужества, тряпокъ и хозяйства, сестра Саша поразительно выдѣлялась между всѣми своимъ развитіемъ и образованіемъ. Очевидно, природа щедро одарила ее умственными способностями, но несомнѣнно и то, что покойный отецъ сумѣлъ дать сильный толчокъ ихъ развитію. И вотъ послѣ его смерти, Саша, какъ и остальные члены моей семьи, была брошена на произволъ судьбы. Нюту, хотя она была старшею изъ сестеръ, это не тревожило, только одна Саша вполнѣ сознательно почувствовала весь ужасъ остаться безъ дальнѣйшаго образованія. Послѣ смерти отца она начала перечитывать книги, оставшіяся послѣ него, но его библіотека была сильно растеряна при нашемъ переселеніи, да къ тому же большую часть его книгъ сестра не могла еще понимать въ то время. Вслѣдствіе этого она бросилась на изученіе корпусныхъ учебниковъ брата Андрея, но тутъ она еще чаще становилась втупикъ. Такъ какъ у Андрюши явился обычай незамѣтно исчезать изъ дому, Саша съ утра садилась въ комнату подлѣ окна, выходившаго во дворъ, чтобы задержать его, когда онъ будетъ уходить. Какъ только онъ показывался, она бѣжала къ нему, умоляя его объяснить ей то или другое непонятное для нея мѣсто. Но онъ рѣдко исполнялъ ея просьбу; чаще всего съ дѣланнымъ ужасомъ онъ вскрикивалъ: «Несчастная, тебя прозовутъ синимъ чулкомъ!» или: «Убирайся къ чорту,—я самъ ничего не знаю!»

Покойный отецъ всегда говорилъ матери, что Саша въ высшей степени талантливая дѣвочка, что она проявляетъ необыкновенную понятливость и дѣлаетъ блестящіе успѣхи въ ученіи и музыкѣ. Въ періодъ нашей городской жизни она училась, какъ у отца, такъ и у учительницъ, и, кромѣ родного языка, свободно читала, писала и порядочно говорила по-польски и по-французски; кромѣ того, у хорошей музыкантши брала уроки музыки, къ которой чувствовала сильное влеченіе. Послѣ нашего переселенія въ деревню, она не только не могла продолжать своего образованія, но ей не къ кому было обратиться и съ какимъ-нибудь вопросомъ: матушка была до невѣроятности завалена дѣлами по сельскому хозяйству, къ тому же Саша, по своему умственному развитію, въ то время, вѣроятно, далеко опередила ее. Подъ руководствомъ отца она уже прочла на трехъ языкахъ очень многія произведенія классиковъ и усердно упражнялась въ письменныхъ сочиненіяхъ на этихъ языкахъ. Матушка же получила поверхностное институтское образованіе и не могла много воспользоваться знаніями отца, такъ какъ у нея почти каждый годъ увеличивалась семья.

Потерявъ отца, котораго Саша страстно любила, и оставшись безъ руководителя въ занятіяхъ, къ которымъ она чувствовала такое влеченіе, она, еще недавно такая оживленная и веселая, сдѣлалась мрачной, нервной и раздражительной: отъ своихъ книгъ она то и дѣло бѣжала къ фортепьяно, долго и упорно

разбирала какую-нибудь пьеску, но вдругъ разражалась истерическими рыданіями и бросалась на постель. Матушки никогда не было дома, и если кто приходилъ утѣшать ее, то это была только няня.

— Дѣточка, дѣточка! что это ты такъ надрываешься? Вѣдь ты еще не очень большая,—всему ужо успѣешь научиться...

— Да... если бы папа былъ живъ!.. Мамаша и не думаетъ обо мнѣ,—тутъ рыданія снова начинали ее душить.

Въ этотъ періодъ нашей жизни, слѣдовательно, когда Сашѣ было лишь тринадцать лѣтъ, она начала вести дневникъ и не оставляла его почти до самой смерти; онъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 40 толстыхъ тетрадей въ четвертку, но она часто по мѣсяцамъ не дотрогивалась до него. Въ продолженіе всей ея жизни никто никогда не зналъ о томъ, что она ведетъ дневникъ. Всѣ привыкли видѣть ее за книгами, или съ перомъ въ рукѣ, и никто въ домѣ не интересовался тѣмъ, что она читаетъ и пишетъ. Обыкновенно говорятъ, что въ провинціи каждому извѣстно все о другомъ. Это совершенно вѣрно, но въ то же время человѣкъ не болтливый и желающій что-нибудь скрыть прекрасно могъ это сдѣлать. Вѣроятно, Саша никогда не скрывала того, что она ведетъ дневникъ, но и не болтала объ этомъ уже потому, что не придавала этому никакого значенія, занимаясь имъ исключительно для себя, по совѣту покойнаго отца, котораго она восторженно обожала, память котораго боготворила до послѣднихъ дней своей жизни. Какъ бы то ни было, но ея дневникъ нашли только послѣ ея смерти, да и то совершенно случайно.

Когда уже взрослой я на лѣто пріѣзжала въ деревню, матушка просила меня читать ей этотъ дневникъ по утрамъ, пока въ ея комнату никто не входилъ, и я читала его почти ежедневно, хотя по нѣскольку страницъ. Лѣтъ восемь сряду я пріѣзжала къ матушкѣ, и мы каждое лѣто успѣвали прочитать дневникъ Саши нѣсколько разъ отъ начала до конца. Читать приходилось одно и то же потому, что матушкѣ это доставляло безконечное удовольствіе и будило воспоминанія прошлаго: она то и дѣло прерывала чтеніе и начинала сообщать подробности или факты, пропущенные, по ея мнѣнію, сестрою. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что очень многіе факты моей давно прошедшей жизни я помню такъ живо. Мои братья, сестры и родственники своими разсказами о прошломъ также поддерживали въ продолженіе многихъ лѣтъ мои собственныя воспоминанія.

Хотя Саша въ первыхъ своихъ дневникахъ прибѣгала къ высокопарнымъ и искусственнымъ выраженіямъ, но онѣ постепенно исчезаютъ. Въ нихъ даже въ ранній періодъ ея жизни ясно отразилась ея душа. То въ наивномъ, то въ сентиментальномъ, а порою и въ глубоко трогательномъ лепетѣ этой дѣвочки—подростка рано начали сказываться незаурядныя способности, значительное, даже преждевременное для ея лѣтъ умственно

развитіе, необыкновенная пытливость ума и любознательность, страстное стремленіе къ знанію. Нужно помнить, что этотъ дневникъ она вела въ то отдаленное время, когда на серьезное образованіе женщины совсѣмъ не обращали вниманія. Въ дневникѣ со всею силою выступаетъ и ея любящая натура, ея глубокая тоска о потерѣ обожаемаго отца, но, вслѣдствіе невозможности найти удовлетвореніе высшимъ запросамъ ума и сердца, очень рано начинаетъ сказываться какая-то меланхолія. Съ годами пессимистическое настроеніе все усиливается. Она описываетъ нѣкоторыя событія нашей деревенской жизни: свое вступленіе въ пансіонъ, воспитаніе въ немъ, свои знакомства и разговоры съ различными людьми, изложены въ немъ и ея разсужденія по поводу прочитанныхъ ею книгъ и романовъ, посѣщеніе деревни во время каникулъ, окончаніе курса, ея мечты и надежды, гувернантство, затѣмъ вступленіе въ качествѣ учительницы въ только что основанную тогда гимназію въ городѣ С-кѣ, частные уроки, которые она давала въ громадномъ количествѣ.

Саша начала вести дневникъ приблизительно въ 13 лѣтъ; я говорю приблизительно потому, что многія изъ ея записей не имѣютъ ни числа, ни года, но о времени ихъ можно судить по изложенію тѣхъ или другихъ событій нашей семейной жизни въ деревнѣ.

Вотъ первый ея дневникъ:

«Почему я должна, непремѣнно должна писать дневникъ и буду это дѣлать до самой смерти, если я проживу сто лѣтъ и даже болѣе? А потому, что за недѣли полторы до кончины незабвеннаго моего родителя, онъ взялъ съ меня слово, что я буду это дѣлать. Все, что онъ говорилъ тогда, я сейчасъ же записала, показала ему, а онъ не только кое-что мнѣ поправилъ, но и добавилъ новыя мысли. Съ благоговѣніемъ наклеиваю эти странички съ собственноручными его поправками, дабы освѣтить мой дневникъ, дабы всегда носить въ моемъ печальномъ сердцѣ все, что онъ говорилъ, помнить и исполнять все, что онъ желалъ.

«Вотъ, что онъ сказалъ мнѣ тогда: «Шурокъ, начинай-ка ты вести свой дневникъ: писать въ такое время, когда ты притомишься отъ занятій,—нѣтъ резона; садись за него въ свободное время, записывай все, что съ тобой случилось, что ты дѣлала, что слышала, что думала, кого встрѣчала, съ кѣмъ разговаривала, однимъ словомъ, заноси въ свою тетрадь все, что тебя порадуетъ, удивитъ, опечалитъ или наведетъ на резиньяцію. Но если жизнь твоя за протекшіе дни не дастъ ничего ни для эмоцій, ни для резиньяціи, то ты кратко изложи все, что удалось тебѣ прочесть, а къ сему присовокупи свое собственное сужденіе. Все сіе, дорогое мое дитя, очень пользительно для тебя: самой любопытно будетъ узнать, что съ тобой было прежде, съ кѣмъ зналась, что видѣла, какое обо всемъ сужденіе имѣла, что читала. Оное на-

учитъ тебя излагать мысли, а къ сему у тебя натуральная склонность, всякое же дарованіе необходимо совершенствовать, а не зарывать въ землю. Сіе будетъ пріучать тебя, дитя мое драгоцѣнное, внимательнѣе къ людямъ приглядываться, къ разговорамъ ихъ прислушиваться, хорошему въ нихъ подражать, а за худое не осуждать, не пускать ходить по людямъ для злословія подмѣченное тобою, а крѣпко про себя держать. Писаніе дневника еще должно пріучать тебя все глубже погружаться въ нѣдра своей души, дабы отыскивать причины причинъ—не только дурныхъ поступковъ своихъ, но и недобропорядочныхъ побужденій. Познавъ безъ пристрастія самое себя и своего ближняго, ты будешь строга къ себѣ, незлобива и великодушна къ другимъ, и отринется сердце твое и помыслы твои отъ бабьей суетности, мелочности и пустяшнаго время препровожденія въ родѣ сплетенъ и злословія вообще, отъ всего того, къ чему столь приверженъ женскій полъ. Ты пристрастіе имѣешь къ серьезному мышленію, къ серьезной книгѣ; постарайся превратить сіе пристрастіе въ потребность твоей природы, въ родѣ какъ къ ѣдѣ и къ другимъ потребностямъ человѣческаго организма. Изложеніе прочитаннаго останется лучше въ памяти, но все сіе, однако, не должно служить поводомъ къ пренебреженію женскою прелестью, т. е. скромностью и душевною мягкостью, однимъ словомъ, тѣмъ, что называется женственностью, при утратѣ коей дѣвицѣ даютъ наименованіе «синяго чулка». Таковая особа воистину жалка: прочитавъ нѣсколько страницъ знаменитаго творенія и не углубившись въ его сущность, она съ легкостью сердца трактуетъ о немъ и даже мнитъ себя великою ученой, ставитъ себя превыше облаковъ ходячихъ, дерзновенно записываетъ себя на одну доску съ великими учеными и поэтами, а сердце ея остается каменнымъ, не трогается состраданіемъ къ людямъ, не имѣетъ привязанности, внѣшній же обликъ и манеры становятся рѣзкими, грубыми и возбуждаютъ во всѣхъ насмѣшку и отвращеніе».

«Родитель мой безцѣнный, свѣтъ очей моихъ! Твоя воля для меня священна, не забуду ея до конца живота моего! Но почему ты возложилъ на меня столь легкій завѣтъ, наклонный для одной моей пользы, веселію души и преуспѣянію? Я бы хотѣла, чтобы исполненіе твоего завѣта было для меня тяжко, чтобы я выполняла его съ стенаньемъ, съ тѣлесною болью и страданіями, какъ христіанскіе мученики и подвижники, бо я люблю отца моего больше жизни моей». (Сестра въ первыхъ своихъ дневникахъ вмѣсто слова «потому что» или «такъ какъ» нерѣдко употребляла «бо», вѣроятно потому, что она говорила и читала съ отцомъ какъ по-русски, такъ и по-польски, но постепенно это выраженіе исчезаетъ). «Обожаемый мой папашечка, фіалъ души моей, самый большой мой благодѣтель! Почто, почто нѣтъ больше тебя? Почто я столь несчастна въ жизни сей, и безъ онаго печальной? Почто я лишена тебя, моего руководителя? Ушелъ ты туда, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій, и моя жизнь, проле-

тавшая какъ сладкій сонъ, сдѣлалась однимъ несчастіемъ. Ты оставилъ насъ, дѣтей своихъ, сиротами злосчастными,—и увы, увы, я не буду болѣе наслаждаться сладостью твоихъ рѣчей! Ты все унесъ съ собою,—мое сердце, мои упованія, мои надежды, бо вмѣстѣ съ тобой исчезъ свѣтъ моихъ очей! Ты, какъ красное солнышко, согрѣвалъ, оживлялъ, освѣщалъ жизнь твоей семьи! Закатилось оно,—и на меня отовсюду вѣетъ смрадомъ и хладомъ сырой могилы... Но, хотя тебя и нѣтъ со мною, всѣмъ сердцемъ любимый отецъ, я вижу, слышу, чувствую тебя всегда и вездѣ со мной, въ каждомъ біеніи моего сердца, въ каждой мимолетной моей думкѣ: къ тебѣ летитъ мой первый вздохъ, когда я пробуждаюсь, на тебѣ останавливается мое помышленіе, когда я засыпаю... Какъ явственно порой раздается твой голосъ: «Шурокъ, почитай мнѣ Мицкевича!»—«Шурокъ, напиши на память сценку изъ «Тартюфа!»—«Шурокъ, подучи свою роль!» О, папашечка, съ твоей смертью все для меня погибло: и науки, и театръ, и музыка, и всякое ученіе!.. Злой рокъ на своихъ скрижаляхъ огненными буквами начерталъ для меня одно слово «погибни!» Да, мнѣ суждено погибнуть, и какъ жалко, безвѣстно погибну я,—погибну, какъ ничтожная придорожная былинка! Иначе и быть не можетъ! Кто безъ тебя въ этой глуши поможетъ мнѣ своимъ совѣтомъ, кто безъ тебя будетъ руководить моими занятіями? Мнѣ и въ городѣ помѣщики въ голосъ твердили: «зачѣмъ дѣвушкѣ учиться?» Но мой отецъ, который былъ самый образованный, самый умный, самый лучшій въ мірѣ человѣкъ, всегда говорилъ, что учиться необходимо всѣмъ безъ исключенія. Папашечка не разъ разсказывалъ мнѣ, что уже въ древности были ученѣйшія женщины, и всѣ ихъ уважали. Если бы онъ, мой обожаемый отецъ, былъ живъ, и я, можетъ быть, сдѣлалась бы ученой. Все знать, все понимать—какое счастье! Но что я буду дѣлать теперь одна? Папашечка объяснялъ мнѣ каждый день что-нибудь новое, и мои познанія умножались. А теперь? Кого буду вопрошать? Мысли мои безъ моего драгоцѣннаго руководителя, какъ песокъ при вѣтрѣ, производятъ въ моей головѣ неистовый ураганъ и приносятъ не усладу моему уму и несчастному сердцу, а горечь и боль мученическую... На дняхъ расчесываю волосы въ темнотѣ, и вдругъ какія-то искры сыпятся... Отчего онѣ происходятъ? Андрюша какъ-то показывалъ намъ фокусъ: взялъ бумажную коробку, налилъ въ нее воды, поставилъ на проволочную рѣшетку и сталъ согрѣвать воду въ бумажной коробкѣ надъ свѣчкой... Отчего не загорѣлась бумага? Но еще гораздо болѣе мучаетъ меня религія, я даже не знаю, не грѣшно ли имѣть о ней такія мысли, какія мнѣ приходятъ въ голову? О, Боже, если это грѣхъ, прости мое дерзновенное согрѣшеніе! Съ тѣхъ поръ, когда моя семья лишилась своего защитника и покровителя, обожаемаго отца, я постоянно вопрошаю себя: отчего, если Богъ Всеблагій, Всемилостивый, Всеправедный, Онъ наслалъ на насъ такое страшное горе, какъ смерть отца? Если Его благость, справедливость

и милосердіе на самомъ дѣлѣ велики, то какъ же онъ оставилъ насъ безъ отца? Няня твердитъ, что несчастія ниспосылаются намъ для испытанія, но развѣ можно испытывать такихъ дѣтей, какъ моя маленькая сестра и мой братъ? Они не будутъ роптать на это несчастье только потому, что разумомъ не постигли всего ужаса нашего несчастія, не понимаютъ, какое великое значеніе имѣетъ образованіе ума, не смыслятъ, сколь это сладостно и отрадно для сердца! Сей кощунственный, богохульный вопросъ, какъ отравленная стрѣла, порождаетъ въ моей головѣ множество другихъ ропотовъ сердца и дерзновенныхъ думъ. «Если Богъ Всемогущій», сказываю я самой себѣ, «зачѣмъ Онъ допустилъ ропотъ сердца моего, зачѣмъ Онъ вселяетъ въ меня невѣріе, зачѣмъ Онъ сдѣлалъ меня такой, что я до безумства желаю образованности, получить коей не могу, почему только въ книгахъ я почерпаю отраду, а сестра моя вполнѣ счастлива, когда можетъ рисовать цвѣты, вышивать, стряпать? Если такіе вопросы преступны, зачѣмъ милосердный, справедливый Богъ не заставитъ ихъ умолкнуть въ моемъ сердцѣ? О неужли я и за это буду наказана уже въ сей жизни?»

«Сегодня воскресенье», пишетъ сестра въ одномъ изъ послѣдующихъ дневниковъ. «Передъ обѣдомъ къ намъ пришелъ въ гости батюшка. Вдругъ слышу изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ говоритъ про папашечку: «Извѣстно, что покойный Николай Григорьевичъ въ церковь, почитай, совсѣмъ не хаживалъ, не выполнялъ онъ и нашихъ православныхъ обычаевъ. Это, можно сказать, преступная склонность покойнаго проистекала отъ того, что родная его матушка была не нашей, а католической вѣры, не могла она привлечь его сердце къ православію, а, можетъ, и злоумышленно отвращала его отъ усердія къ нему». А какъ мамашечка прелестно ему отвѣтила,—я такъ гордилась ею въ ту минуту: «Обрядовъ мой покойный мужъ не выполнялъ, но зато онъ по духу былъ настоящій христіанинъ и самыя христіанскія чувства внушалъ своей семьѣ даже къ рабамъ».

«Только что услыхала я мамашечкинъ отвѣтъ, какъ стала себя вопрошать, былъ ли папашечка мой религіознымъ, вѣрилъ ли онъ въ Бога? Вдругъ мнѣ вспомнилось, какъ въ послѣднюю Пасху онъ сказалъ мамашечкѣ: «Дай мнѣ того кулича, который не святили». Но тутъ мои родители увидали, что я вошла въ комнату и замяли разговоръ, вѣрно, помыслили про себя, что онъ не подходящій для моего младого возраста. Очень бы мнѣ хотѣлось знать, почему папашечка никогда не ходилъ въ церковь? Почему онъ училъ насъ всему, а только закону Божьему обучала матушка? Почему, когда священники служили у насъ молебенъ, онъ уходилъ изъ дому? Если ты, мой родитель, умнѣйшій человѣкъ во всемъ мірѣ, не вѣрилъ, значитъ, ты умомъ своимъ великимъ постигъ, что въ вѣрѣ нѣтъ премудрости, что она удѣлъ слабыхъ головъ, которыя безъ оной не знаютъ, что худо, что хорошо. Но можетъ статься, что на сіи вопросы ты далъ бы мнѣ совсѣмъ

иныя поясненія? Если я, по младости лѣтъ, глупое разсужденіе имѣю, если невѣріе охватываетъ мою душу по неразумію, Боже великій, Боже милосердый, сдѣлай мое мышленіе правильнымъ, не допускай меня до грѣха и богохульныхъ умствованій».

«У насъ сегодня знаменательное происшествіе: только что мы кончили обѣдать, какъ пріѣхалъ верховой отъ нашихъ сосѣдей Воиновыхъ и подалъ матушкѣ письмо отъ Натальи Александровны, въ которомъ она писала, что завтра уѣзжаетъ въ П., а такъ какъ въ ея тарантасѣ много свободнаго мѣста, то она приглашаетъ съ собою матушку или проситъ отпустить съ нею одну изъ ея дочерей. Матушка уже взяла бумагу, чтобы написать отказъ. Вдругъ я, не помня себя, бросилась къ ней, стала цѣловать ея руки и умолять ее отпустить меня въ городъ, чтобы посѣтить могилку папашечки, моего возлюбленнаго, убрать ее цвѣтами. Какъ только я проговорила это, у бѣдной мамашечки сразу потекли слезы ручьями, она ничего не могла отвѣтить, а быстро встала изъ-за стола и ушла въ свою комнату. Няня пошла за нею и, возвратившись, сказала, что мамашечка отпускаетъ меня съ Воиновой».

«Отецъ, почитаемый всею моею душою, всѣмъ моимъ помышленіемъ, каждымъ дыханіемъ моего сердца! Я припаду, наконецъ, къ твоей могилкѣ, которую освѣтилъ твой священный прахъ! Родной мой, кровный батюшка, молю тебя, исполни просьбу твоей несчастной сиротки: когда я паду ницъ на твоей священной могилѣ, дай мнѣ вѣсточку, пошли какую-нибудь примѣту, либо самое ничтожное знаменіе... Сіе оповѣщеніе пришли мнѣ либо черезъ птичку пѣвунью, либо черезъ свистъ вѣтра буйнаго, либо черезъ кукушечку-вѣщунью... Черезъ самое маленькое знаменіе я узнаю, что ты совѣтуешь мнѣ дѣлать съ собой. О, отецъ мой драгоцѣнный! шепни своими священными устами, хотя такъ тихо, какъ дуновеніе легкаго зефира,—я все услышу, я пойму, что ты хочешь мнѣ сказать, вѣдь, ты всегда хвалилъ и мой тонкій слухъ, и мое быстрое пониманіе! Только отъ тебя я жду отвѣта, остаться ли мнѣ навѣки въ Погорѣломъ и пропадать безъ всякаго образованія, или лучше ужъ заключиться мнѣ въ монастырь, чтобы въ стѣнахъ обители священной отмаливать мои прегрѣшенія и мои преступныя, богохульныя, дерзновенныя мысли, мой ропотъ, который въ нѣдрахъ сердца моего все усиливается на Господа Бога за то, что Онъ отнялъ тебя у насъ, сдѣлалъ насъ сиротами?»

Недѣли черезъ полторы послѣ отъѣзда Саши въ городъ, къ нашему крыльцу подъѣхалъ тарантасъ Воиновыхъ. Матушка, возвращавшаяся съ поля, первая подошла къ нему, но скоро и мы всѣ выбѣжали на крыльцо. Саша съ рыданіями бросилась къ матери и переходила изъ однихъ объятій въ другія, точно она передавала поклоны и переносила вѣсточку каждому изъ насъ отъ дорогого покойника,—всѣ плакали, плакала и я, потому что плакали другія. Наталья Александровна Воинова говорила ма-

тушкѣ, что она до сихъ поръ не видала, чтобы дѣвочка такихъ лѣтъ, какъ Саша, могла такъ убиваться о покойномъ отцѣ. По ея разсказамъ, сестру ничѣмъ нельзя было развлечь въ городѣ, и она съ утра бѣжала на кладбище, гдѣ и оставалась до тѣхъ поръ, пока силой не уводили ея оттуда. Ее каждый разъ заставали распростертою на землѣ или колѣнопреклоненною, и всю въ слезахъ.

Саша разсчитывала посѣщеніемъ могилы облегчить свое горе, а между тѣмъ ее то и дѣло заставали теперь въ слезахъ, она замѣтно худѣла и ходила какая-то растерянная.

Грусть Саши раздирала сердце няни: благоговѣйно сохраняя въ памяти просьбу отца быть намъ второю матерью и любя насъ, его дѣтей, какъ своихъ собственныхъ, она ломала голову, какъ и чѣмъ помочь сестрѣ. Хотя на образованіе она смотрѣла такъ же, какъ и помѣщицы того времени, что если «дѣвушка не приспособлена къ царской службѣ», то ей не зачѣмъ и учиться, но при этомъ нянѣ приходила въ голову мысль, что если этого желалъ покойникъ, значитъ, такъ и должно быть. «Вѣдь онъ хотя и обожалъ всѣхъ своихъ дѣтей, но Шурочку выдѣлялъ изо всѣхъ, значитъ находилъ, что она перстомъ Божіимъ для науки отмѣчена, такъ ее и слѣдуетъ по этой линіи вести. А какъ же быть-то? Вѣдь матушку Александру Степановну хозяйство задавило, вотъ о Сашенькѣ и подумать-то некому»...

Ничего не понимая въ дѣлѣ образованія, не зная даже, въ какихъ заведеніяхъ обучаютъ дворянокъ, няня старалась добиться этого отъ самой Саши. Затѣмъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, она, подъ какимъ-то предлогомъ, отправилась къ Воиновымъ, такъ какъ Наталья Александровна и моя матушка считались въ нашей мѣстности самыми образованными дамами, и къ тому же ей очень нравилась гувернантка Воиновыхъ. Чтобы набрать побольше свѣдѣній относительно образованія сестры, она не ограничивалась только разспросами Воиновыхъ, но обращалась ко всѣмъ, къ кому могла. Такъ какъ она прославилась своею трогательною преданностью къ нашей семьѣ и считалась послѣ матушки однимъ изъ главныхъ ея членовъ, и къ тому же сама по себѣ внушала всѣмъ довѣріе и знала, какъ къ кому подойти, съ нею разсуждали весьма охотно. Изъ этихъ разговоровъ она поняла, что плата въ существующіе пансіоны на столько велика, что не по карману матушкѣ, а попасть на казенный счетъ въ институтъ трудно, да и Саша, пожалуй, уже вышла изъ лѣтъ. Вотъ она и надумала написать прошеніе царю-батюшкѣ. Ей казалось, какъ она впослѣдствіи передавала намъ, если съ толкомъ расписать все, какъ слѣдуетъ, разсказать царю, сколько бѣдствій претерпѣла матушка, оставшись вдовой, указать ему на то, что она не имѣетъ никакихъ средствъ и выбивается изъ силъ, чтобы добыть кусокъ хлѣба для сиротъ изъ своего маленькаго хозяйства, умолять его взять Сашу на казенный счетъ или на свое иждивеніе въ учебное заведеніе и при этомъ указать ему на то, что самъ покойникъ

говаривалъ, что у нея на рѣдкость богатыя способности (а всему міру извѣстно, что покойникъ былъ ума-палата), то такая просьба непремѣнно будетъ уважена. На исполненіе этой просьбы она надѣялась и потому, что Саша—настоящая столбовая дворянка и къ тому же, какъ только царь-батюшка самъ увидитъ ее (она не понимала, что государь и безъ этого можетъ принять ее на свой счетъ), то такъ поразится ея умомъ, что приблизитъ ее еще къ своимъ дѣтямъ. Она долго никому не говорила о своемъ планѣ и не приступала къ его выполненію только потому, что не умѣла письменно изложить своихъ мыслей и писала каракулями. Наконецъ, она рѣшилась, какъ на духу, во всемъ признаться священнику нашего прихода и просить его написать такое прошеніе. Хотя няня считала его человѣкомъ обходительнымъ, но такъ какъ въ то время ни одна услуга не обходилась безъ приношенія, то и она считала невозможнымъ придти съ пустыми руками. Но что могла она предложить? Жалованья она не брала, кромѣ гривенниковъ на заздравныя и заупокойныя просфиры, а теперь она даже и этимъ не тревожила матушку, находя ея положеніе и безъ того крайне обременительнымъ. Ей, однако, удалось выйдти изъ этого затрудненія: одна изъ ея многочисленныхъ деревенскихъ кумушекъ какъ-то подарила ей вышитое полотенце, вотъ она и рѣшила отнести его батюшкѣ, но находила, что этого еще маловато для такого почтеннаго лица, и упросила насъ подарить ей по цыпленку, не разспрашивая ее о томъ, что она съ ними сдѣлаетъ.

Нужно замѣтить, что, когда въ хозяйствѣ появлялся жеребенокъ, теленокъ, цыплята и другія домашнія животныя, кто-нибудь изъ насъ дѣтей, очарованный новымъ пришельцемъ въ божій міръ, упрашивалъ матушку подарить ему его. Она охотно исполняла такую просьбу, такъ какъ знала, что этотъ подарокъ не только останется въ неприкосновенности въ ея хозяйствѣ, но получившій его въ даръ будетъ особенно заботиться о немъ. У насъ съ Сашей было по насѣдкѣ съ цыплятами. Когда послѣ обѣда принимали со стола кушанья, мы осторожно снимали скатерть, стряхивали съ нея крошки, подбирали въ кухнѣ шелуху отъ картофеля и яичную скорлупу и все это несли своимъ курамъ. Мы съ Сашею были въ восторгѣ, что могли что-нибудь подарить нянѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда священникъ сталъ доказывать ей, что такое прошеніе не будетъ имѣть никакого значенія, что нашъ покойный отецъ имѣлъ маленькій чинъ, и что царь не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго представленія. При этомъ онъ выразилъ крайнее удивленіе, что матушка не попроситъ своихъ братьевъ о томъ, чтобы они какъ-нибудь похлопотали устроить Сашу въ какое-нибудь учебное заведеніе. Какъ это ни странно, но такая простая мысль до тѣхъ поръ никому изъ домашнихъ не приходила въ голову, и совершенно посторонній человѣкъ первый подалъ ее.

Будучи уже взрослой и слушая разсказъ матушки о томъ, какъ няня придумывала всевозможные планы для того, чтобы избавить Сашу отъ отчаянной тоски изъ-за невозможности получить образованіе, мнѣ такъ и хотѣлось спросить ее: «Какъ это вы, женщина все же образованная, двадцать лѣтъ прожившая душа въ душу съ человѣкомъ, горячо любимымъ вами, который придавалъ огромное значеніе образованію, въ такой степени ушли въ свое хозяйство, что всю заботу о вашихъ дѣтяхъ свалили на плечи няни, правда идеально-честной и любящей, но совершенно необразованной?» Но если бы въ то время я такъ просто спросила ее объ этомъ, это могло бы ее уязвить. А потому мнѣ и пришлось задать тотъ же вопросъ, но приблизительно въ такой формѣ:

«Ахъ, бѣдная мамашечка, до чего вы должны были страдать изъ-за того, что хозяйство не оставляло вамъ времени даже подумать о Сашѣ»!

— Вотъ въ томъ-то и странность,—отвѣчала матушка, просто и легко сознававшаяся во всѣхъ своихъ недостаткахъ,—что я отъ этого даже и не страдала... Я такъ ушла въ хозяйство, что такъ-таки ни о чемъ другомъ и не думала. Когда няня пришла отъ священника и стала говорить мнѣ о томъ, что слѣдуетъ братьямъ написать о Сашѣ, что она худѣетъ и блѣднѣетъ отъ тоски,—она точно хлопнула меня по башкѣ!.. Взглянула я на Сашу и пришла въ ужасъ отъ того, какъ она измѣнилась!.. А вѣдь я каждый же день видѣла ее, да какъ-то не останавливалась на этомъ... Я и сама много разъ думала о томъ, чтобы написать братьямъ, да все какъ-то откладывала... Гордыни большой я была преисполнена. Ну, а ужъ тутъ думаю: «Что за спесь, когда нечего ѣсть!» Къ тому же я рѣшила не о вспомоществованіи ихъ просить, а только о томъ, чтобы они дали мнѣ совѣтъ насчетъ образованія Саши и, если можно, похлопотали бы устроить ее куда-нибудь на казенный счетъ.

Потерявъ всякую надежду на продолженіе своего образованія, Саша все болѣе становилась грустной и раздражительной. Однажды няня посовѣтовала обратиться ей со своими недоразумѣніями къ священнику, предлагая ей проводить ее къ нему. Саша оживилась, взяла съ собою нѣсколько книгъ, переложенныхъ закладками, и мы втроемъ отправились въ село.

Священникъ принялъ радушно, насъ усердно угощали, а затѣмъ попадья привела цѣлую ораву своихъ ребятъ, чтобы играть со мной. Но меня трудно было оторвать отъ няниной юбки, и я вышла на дворъ только тогда, когда она пошла туда со мной. Саша осталась вдвоемъ со священникомъ. Когда она затѣмъ вышла съ нимъ на крыльцо, она была мрачнѣе тучи. Няня стала торопливо прощаться съ хозяевами.

Мы долго шли молча: няня ни о чемъ не разспрашивала Сашу, вѣроятно, боясь вызвать ея слезы, но когда мы у дороги присѣли отдохнуть, и няня положила руку на ея голову, она

горько разрыдалась. Въ ту же минуту вблизи послышался стукъ колесъ и показалась карафашка (такъ называли у насъ простую тележку, нѣсколько приноровленную къ матушкиной ѣздѣ). Возвращаясь съ поля домой и замѣтивъ насъ, матушка приказала кучеру остановиться и взяла насъ съ собою. Несмотря на полное отсутствіе наблюдательности относительно своихъ дѣтей, матушка замѣтила, однако, заплаканные глаза сестры. Няня тотчасъ объяснила причину нашего посѣщенія священника. Саша на этотъ разъ была, должно быть, въ нервномъ состояніи, такъ какъ стала болѣе рѣзко, чѣмъ это было въ ея натурѣ, указывать на то, что со смертью отца никто не думаетъ объ ея ученіи, что вслѣдствіе этого она и обратилась къ священнику; онъ растолковалъ ей лишь нѣсколько ариѳметическихъ задачъ, которыя она не могла рѣшить самостоятельно, но когда она стала просить его объяснить ей кое-что другое, отмѣченное ею въ книгахъ, онъ отвѣчалъ ей, что дѣвочкѣ вовсе не требуется имѣть столько познаній, что она знаетъ больше, чѣмъ необходимо знать взрослой дѣвушкѣ, что надъ учеными женщинами всѣ смѣются. При этомъ она добавила, что Андрюша называетъ ее изъ-за этого «синимъ чулкомъ».

— Андрюша шалопай, а попъ дуракъ...—перебила ее матушка, наклонная къ краткимъ и сжатымъ характеристикамъ.— Чѣмъ больше будешь знать, тѣмъ больше будешь денегъ получать... Вѣдь тебѣ весь вѣкъ придется ходить по гувернанткамъ!

Въ то время матушка на все смотрѣла съ утилитарной точки зрѣнія: «Учись—больше денегъ заработаешь», и нотаціи въ родѣ слѣдующихъ раздавались у насъ то и дѣло: «вѣдь ты несчастнѣе деревенскаго пастуха: тотъ пасетъ свиней, и за это его кормятъ... а когда вы повыростите, у насъ и свиней не останется... Должны хорошо учиться, чтобы самимъ заработать себѣ на хлѣбъ». Если кто-нибудь изъ насъ высказывалъ за обѣдомъ, что ему не понравилось то или другое кушанье или просилъ о томъ, что матушка находила лишнимъ, ея гнѣву не было предѣла, и она рѣзко бросала намъ: «нищая», «нищіе», «нечего носъ задирать!»

Мы слишкомъ боялись матушки, чтобы когда-нибудь протестовать противъ ея эпитетовъ, которые насъ страшно раздражали въ дѣтствѣ. Андрюша, хотя и былъ ея любимцемъ, но, болѣе сестеръ проникнутый духомъ непокорности и задора, часто въ глаза говорилъ ей съ удареніемъ: «мы въ этомъ не виноваты!» А за ея спиной выкрикивалъ и болѣе рѣзко: «Чего это она насъ вѣчно нищенствомъ попрекаетъ? Вѣдь она же сама съ отцомъ наше состояніе профершпилила, а мы виновными оказываемся!..» Саша никогда не спускала ему этой дерзости и съ раздраженіемъ кричала на него: «не смѣй такъ говорить про отца! Нашъ отецъ былъ чудный человѣкъ, лучше всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ!» Но матушку и она не брала подъ свою защиту.

Будучи взрослыми, мы съ ироніей вспоминали при ней о многихъ ея педагогическихъ пріемахъ и, между прочимъ, спра-

шивали ее, почему она такъ часто бранила насъ нищими, говорили ей, что это насъ крайне оскорбляло. Но она и впослѣдствіи находила этотъ пріемъ цѣлесообразнымъ, объясняя, что дѣлала это для того, чтобы заставить насъ не стыдиться бѣдности, которую бѣдняки того времени скрывали, какъ позоръ и преступленіе, что такимъ напоминаніемъ она хотѣла насъ заставить учиться и работать, какъ можно прилежнѣе, чтобы выйти на самостоятельную дорогу. «И была права», прибавляла она. «Вотъ вы всѣ и вышли работящими и самостоятельными...» Но мы никогда не могли согласиться съ этимъ: ея упреки лишь безъ нужды раздражали насъ и, вмѣстѣ съ другими неблагопріятными условіями нашей жизни, дѣлали наши отношенія къ ней въ дѣтствѣ все болѣе холодными, все болѣе ослабляли семейный элементъ.

Матушка, какъ было уже сказано, не требовала отъ сыновей, чтобы они не опаздывали къ общей трапезѣ. И мои братья скоро стали злоупотреблять этимъ: они часто не шли на зовъ къ обѣду даже и тогда, когда слышали, что ихъ звали, и куда-нибудь прятались, чтобы ихъ нельзя было найти. Они признавались впослѣдствіи, что обѣдать и ужинать въ семьѣ въ первые годы послѣ смерти отца было для нихъ настоящей пыткой: матушка приходила съ поля усталая и сонная и выражала большое нетерпѣніе къ проявленію живости дѣтей за ѣдой. А если они начинали еще спорить между собой, дразнить другъ друга, ссориться, она гнѣвнымъ окрикомъ выгоняла изъ-за стола провинившагося.

Оправданіемъ матушки въ отсутствіи материнской нѣжности и отчасти даже заботы о дѣтяхъ могутъ служить ея чрезмѣрная работа по хозяйству и ежедневная крайняя усталость. Она, какъ и крестьяне, вставала съ разсвѣтомъ и отправлялась наблюдать за полевыми работами, переходила съ одного поля на другое, съ одного луга на другой, а осенью шла въ овинъ, гдѣ происходила молотьба, изъ овина переходила на скотный дворъ. Въ то же время она присматривала и за мельницею, и за постройкою, если она производилась, ходила даже въ лѣсъ, гдѣ рубили дрова. Она возвращалась домой обѣдать въ такое же время, какъ и крестьяне; какъ и они, она ложилась отдыхать послѣ обѣда, и ее должны были будить въ тотъ же часъ, когда рабочіе опять отправлялись на работы. И такъ она проводила свое время изо дня въ день, оставаясь дома только по праздникамъ, когда она занималась «канцелярскою работою». Наблюдая съ утра до вечера за всѣми сельско-хозяйственными работами, она, присѣвъ гдѣ-нибудь у поля, заносила въ свою тетрадку всевозможныя наблюденія: и о томъ, сколько возовъ сѣна свезено съ такого-то луга, сколько копенъ ржи сжато съ поля, кто и какъ работаетъ изъ крестьянъ, т. е. скоро или медленно, добросовѣстно или небрежно. Тутъ же, узнавъ отъ крестьянина о его семейномъ и матеріальномъ положеніи, она записывала и это свѣдѣніе, а за-

тѣмъ провѣряла показаніями другихъ крестьянъ и сама заходила въ избу. Собранныя за недѣлю свѣдѣнія она въ праздники разносила по рубрикамъ, и эту работу она называла «канцелярскою».

Въ высшей степени тщательное ежедневное наблюденіе надъ работою крестьянъ, знакомство съ каждымъ изъ нихъ, точныя записи хозяйственныхъ свѣдѣній и соображеній дали ей возможность основательно ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и хорошо узнать не только матеріальное положеніе своихъ подданныхъ, но отчасти ихъ характеръ или, точнѣе сказать, работоспособность каждаго, что для матушки важнѣе всего было въ человѣкѣ: работящему крестьянину она старалась помочь, внимательно и сочувственно относилась къ его тяжелому положенію, зато къ пьяницамъ и нерадивымъ она выказывала полное презрѣніе, какъ къ существамъ, только напрасно бременящимъ землю, приносящимъ вредъ ея хозяйству и лично оскорблявшимъ ее своимъ присутствіемъ.

Домашнимъ рѣдко приходилось разговаривать съ матушкой по буднямъ, и второстепенныя дѣла она откладывала до воскресенья: когда къ обѣду въ этотъ день она кончала свои «канцелярскія» занятія, она была вполнѣ свободна, и няня съ нетерпѣніемъ ждала этого времени, чтобы обсудить вмѣстѣ съ нею различные вопросы по домоводству. Чаепитіе, во время котораго въ другихъ семьяхъ домашніе болтаютъ между собой, у насъ, послѣ переселенія въ деревню, было уничтожено, за неимѣніемъ средствъ тратить деньги на покупку чаю. Вмѣсто него у насъ пили молоко, но для этого не собирались къ столу, а каждый садился, гдѣ попало, могъ пить его, сколько угодно и когда угодно. Что же касается обѣдовъ и ужиновъ, то они проходили у насъ очень быстро, и во время ихъ нянѣ немыслимо было разговаривать о дѣлахъ: ей часто приходилось вставать изъ-за стола, чтобы принести то одно, то другое изъ кладовой или погреба, а по окончаніи ѣды матушка торопилась отправиться спать.

Какъ только наступало свободное воскресное время, няня прежде всего докладывала матушкѣ о томъ, чего не хватаетъ въ хозяйствѣ, что подходитъ къ концу, или чего «маловато», что необходимо купить сейчасъ же и съ чѣмъ можно «обождать». Совмѣстное, всестороннее обсужденіе чуть не каждой статьи домашнихъ запасовъ всегда кончалось вопросомъ со стороны матушки, нельзя-ли упразднить изъ домашняго употребленіи, или, по крайней мѣрѣ, сократить то или это. Послѣ смерти отца наши расходы были доведены до minimum'а: чай, кофе, варенье, пирожное, сладкое—все это было изгнано съ нашего стола. Чай, кофе, варенье подавали только гостямъ, но матушка не скрывала своей бѣдности, не старалась показывать кому-бы то ни было, что мы-де всегда такъ пьемъ и ѣдимъ. Напротивъ, она напрямикъ заявляла: «я вѣдь теперь не большая помѣщица, не важная барыня: ежедневно не приходится распивать чаи и кофеи,—держу ихъ только для дорогихъ гостей».

Въ тѣ жестокія времена, когда бѣдныхъ такъ открыто презирали, когда каждый бѣднякъ старался казаться богатымъ или, по крайней мѣрѣ, не столь обездоленнымъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, когда каждый давалъ почувствовать другому и выставлялъ свое дворянство, когда трудъ для дворянина считался позорнымъ и былъ достояніемъ только рабовъ, матушка, будучи столбовой дворянкой по мужу и отцу, особа «съ языками и манерами», какъ говорили про нее, не только не конфузилась своей бѣдности, но всегда проводила мысль, всегда говорила своимъ дѣтямъ и постороннимъ, что каждый долженъ трудиться, выказывала презрѣніе къ шалымъ затѣямъ помѣщиковъ и къ ихъ ничегонедѣланію. Вотъ это-то качество, а также и то, что къ старости она становилась все болѣе гуманною и не на словахъ, а на дѣлѣ искренно полюбила простой народъ, рѣзко выдѣляли ее изъ той среды, среди которой она вращалась. Все это въ концѣ-концовъ снискало ей глубокое уваженіе ея дѣтей, которыя въ дѣтствѣ, лишенныя материнскихъ ласкъ и заботъ, нерѣдко испытывая на себѣ послѣдствія ея властнаго, вспыльчиваго характера, относились къ ней съ полнымъ индиферентизмомъ, а подчасъ съ обидой и раздраженіемъ. Тѣ же качества снискали ей впослѣдствіи любовь и уваженіе нашихъ молодыхъ друзей, которыхъ мы привозили гостить къ ней, и съ которыми она любила вести споры и разговоры. Когда она пріобрѣла опытность въ хозяйствѣ, и заботы о немъ уменьшились, она начала много читать. Это дало ей возможность поддерживать серьезный разговоръ, что крайне поражало нашихъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ въ такой захолустной деревнѣ, какъ наша, образованную женщину. Демократизацію ея идей не трудно объяснить: она была слишкомъ дѣловита по натурѣ, чтобы бросить на произволъ судьбы разстроенное хозяйство, оставшееся на ея плечахъ послѣ смерти горячо любимаго мужа. Одинъ только трудъ давалъ ей забвеніе въ годы тяжкихъ бѣдствій и лишеній, и потому она становилась все болѣе страстной его поклонницей. Но въ тотъ періодъ жизни, о которомъ я говорю, она исключительно думала о томъ, какъ бы что-нибудь выгодать изъ своего жалкаго и запущеннаго хозяйства, какъ бы уменьшить домашніе расходы.

— Ужъ какъ у насъ сахарнаго песочку маловато,—говорила няня, когда она, наконецъ, получала возможность переговорить съ матушкою о домашнихъ дѣлахъ.—Давно-ли изъ города пять фунтиковъ привезли, а вѣдь осталось не больше двухъ стакановъ...

— Такъ вѣрно сама же ты все на дѣтей скормила?

— Какъ же это, матушка!—обиженно восклицала няня.— Я и сѣренки (спички, которыя употреблялись въ то время) даромъ не растрачу, стараюсь съ уголька зажигать... И вдругъ сахарный песокъ...

— Да, ты все бережешь, ну, а сладкое ты то и дѣло суешь

дѣтямъ: ни пирожныхъ, ни конфектъ въ домѣ нѣтъ, вотъ ты и всыпаешь имъ въ кушанье больше, чѣмъ нужно сахарнаго песку. А я вотъ что тебѣ скажу: къ простоквашѣ, пожалуй, подавай его попрежнему, ну а къ ягодамъ больше ни-ни,—онѣ и безъ того сладкія.

— Барыня-матушка, ну хоть для праздничка позвольте оставить?... Вѣдь наши-то дѣти еще такія крошки!

— Да... трудно съ тобой что-нибудь сокращать въ хозяйствѣ,—съ сердцемъ возражала матушка.—Продолжай... много ли у насъ крупчатки?

— Только что перевѣсила: всего десять фунтовъ осталось...

— Десять фунтовъ! Но вѣдь это же ужасно! Въ прошлый мѣсяцъ два пуда вышло, и въ этотъ, значитъ, будетъ то же!

— Да вѣдь крупчатка-то она всюду: она и на булки, она и на пироги, и на клецки, и въ соусъ ее же подсыпешь...

— Ладно, ладно... такъ вотъ что: конецъ бѣлымъ булкамъ, да и все тутъ! Съ этихъ поръ мы всѣ будемъ ѣсть только черный хлѣбъ. И это пречудесно: у насъ хлѣбъ хорошо пекутъ!

— А какъ же!—только воскликнула няня, но уже остальныхъ словъ она не могла выговорить: крупныя слезы текли по ея щекамъ.

— Стыдно тебѣ, няня, очень стыдно! Почему ты думаешь, что нашихъ дѣтей необходимо нѣжить да къ барскимъ затѣямъ пріучать? Лучше благодари Бога, что богатство и баловство не сдѣлаютъ ихъ лоботрясами!...

Несмотря, однако, на изгнаніе съ нашего стола почти всего, что болѣе или менѣе зажиточные дворяне находили необходимымъ, мы, дѣти, вспоминали только объ отсутствіи у насъ сладкаго, котораго такъ много подавалось при отцѣ. Матушка не была скупа на домашнія сбереженія: у насъ всегда былъ сытный и хорошій столъ, но она строго придерживалась одного, чтобы все, что мы пьемъ и ѣдимъ, было по возможности добыто изъ собственнаго хозяйства: прежде чѣмъ что-либо купить для дома, хотя бы буквально на грошъ, это долго и серьезно обсуждалось, какъ матушкою, такъ и нянею.

— Ну, про какую корову ты хотѣла со мной поговорить?—спрашивала матушка, и разговоръ переходилъ на другую тему, болѣе для нея интересную, т. е. на сельское хозяйство, которому она придавала огромное значеніе, а домоводство было на рукахъ няни, и она вмѣшивалась въ ея дѣла въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Няня просила дать корову Игнату и излагала причины, почему это необходимо: его собственная корова пала отъ безкормицы прошлаго года, а въ семьѣ его нѣсколько молодухъ, и у каждой дѣти. Затѣмъ она просила дать лѣску Пахому для починки его хаты,—у него сгнила крыша и давно протекаетъ. Матушка знала всю основательность няниныхъ просьбъ и сама считала необходимымъ улучшать положеніе своихъ подданныхъ, такъ какъ она прекрасно понимала, что ея хозяйство

находится въ полной зависимости отъ благосостоянія крестьянъ, а потому почти всегда исполняла подобныя просьбы, справившись предварительно со своею записною книжкою. Она отказывала только тогда, если въ ея записяхъ значилось, что крестьянинъ не особенно ретивъ на работу и, Боже упаси, запиваетъ. Въ тотъ періодъ времени матушка еще не успѣла разобраться въ томъ, что лѣность, нерадивость и пьянство были результатомъ вѣковой, безпросвѣтной жизни крестьянъ, что, наказывая несчастнаго, она совершала большую несправедливость, особенно по отношенію къ членамъ его семьи.

Матушкино хозяйство приходило все въ большій порядокъ, и этому содѣйствовали не только ея неустанныя хлопоты, но и заботы няни. Ея сердечная доброта и искреняя жалостливость ко всѣмъ несчастнымъ уже давно снискали ей довѣріе и уваженіе крестьянъ. Зная, что матушка стремится къ улучшенію ихъ положенія, но не въ состояніи сразу помогать многимъ, она употребляла всѣ силы, чтобы указывать ей на болѣе несчастныхъ. Въ продолженіе всего времени, которое она прожила у насъ, она каждое лѣто пріѣзжала въ деревню съ нашимъ семействомъ, и каждое лѣто число ея крестниковъ среди крестьянъ, а слѣдовательно, кумовей и кумушекъ увеличивалось; не отказывалась она и отъ крестьянскихъ свадебъ, ходила къ больнымъ и носила имъ лекарства или гостинцы, въ родѣ куска бѣлой булки, а крестникамъ рубашенки, которыя она перешивала изъ нашего старья. При этомъ она повсюду таскала и меня съ собой: послѣ смерти Нины она не рѣшалась довѣрять меня кому бы то ни было, да я и сама бы ни за что не осталась безъ нея. Безъ няни матушкѣ, вѣроятно, не удалось бы узнать всей подноготной каждой крестьянской семьи: несмотря на ея простое отношеніе къ крестьянамъ, несмотря на то, что она сама нерѣдко заходила въ избы, несмотря на отсутствіе какой бы то ни было заносчивости и чванства, съ нею, какъ съ барынею, крестьяне все-таки стѣснялись. Совсѣмъ иначе относились они къ нянѣ: въ каждой крестьянской семьѣ она была своимъ человѣкомъ. Хотя крестьянамъ было извѣстно, что она бережетъ барское добро пуще своего глаза, тѣмъ не менѣе они были вполнѣ увѣрены въ томъ, что изъ-за нея никогда не выйдетъ никакой непріятности, что она первая усердно похлопочетъ за каждаго изъ нихъ. Но какъ бы няня ни была добра къ крестьянамъ, интересы моей семьи стояли у нея на первомъ планѣ.

— А что скажете,—спрашивала она входя въ избу,—если бы Степана на оброкъ пустить? Вѣдь на него, кажись, положиться можно? И господамъ въ аккуратности предоставилъ бы, что полагается, и свою копейку не растрясетъ... Или:—А какъ староста Тимофей не очень васъ обижаетъ? Сказываютъ, больно зашибать сталъ, да и на руку не чистъ? Правда это, али враки?— Или:—Ну, а кто же по вашему нынѣ самый работящій, самый справедливый крестьянинъ въ Погорѣломъ?—Вотъ съ какого

рода вопросами обращалась няня къ хозяевамъ избы. Не обходились они съ ея стороны и безъ наставленій въ такомъ родѣ:—Старайтесь, милые, Христа ради, старайтесь... Вѣдь у него-то, у покойника Николая Григорьевича, большая забота была о своихъ крѣпостныхъ... Даже передъ смертушкой думушку эту про васъ крѣпко держалъ. Да и барыня васъ не обидитъ, какъ передъ Господомъ говорю, свято будетъ блюсти завѣтъ покойника.

— Васильевна!—говорилъ однажды молодой крестьянинъ, напряженно прислушивавшійся къ ея словамъ. При этомъ онъ подошелъ къ ней вплотную, какъ будто желая показать и строгимъ взглядомъ своихъ глазъ, и наступательнымъ движеніемъ, что она должна говорить правду, только сущую правду.—Говори ты намъ, Васильевна, по всей чистой совѣсти, какъ, значитъ, онъ баринъ-то нашъ помиралъ... что онъ сказывалъ? Наши-то баютъ, что онъ женку-то свою, барыню нашу, дюже стращалъ: «Не забиждай, гритъ, своихъ христьянъ, чтобъ они, значитъ, не прокляли и осиновымъ коломъ твою могилу не проткнули».

— Насчетъ осиноваго кола не поминалъ... Вотъ вамъ Христосъ—эвтихъ словъ его не было! Мы съ барыней безъотходно при его кончинѣ у постели стояли. Всѣ словечки его предсмертныя, какъ молитву, затвердила... Про васъ онъ вотъ что сказывалъ барынѣ: «не позволяй, говоритъ, никому крестьянъ твоихъ обижать, чтобы, говоритъ, жестокостей съ ними не дѣлать, пусть, говоритъ, изъ-за тебя не раздаются ихъ стоны и проклятія!... Вотъ, какъ передъ Истиннымъ, правду вамъ сказываю»!... при этомъ она крестилась на образа.

— О, Господи!—со вздохомъ произнесъ крестьянинъ,—царствіе небесное покойнику... Пущай ему земля легка буде! Что жъ насчетъ нашей барыни можно сказать,—она не обиждаетъ... ну усё же тяготы большія несемъ... Бѣдность лютая насъ одолѣла! Почитай, кажинный годъ, отъ Страстной до Казанской хлѣбъ съ мякиной ѣдимъ, да окромя щей съ крапивой али щавеля до конца лѣта другого приварка не знаемъ... А таперича и его забѣлить нечѣмъ,—послѣдняя коровенка околѣла.

— Да что, Васильевна, ты такъ къ ейному семейству привержена, такъ все хочешь обѣлить!...—замѣтила хозяйка.—Хоть покойникъ наставлялъ, чтобъ мы слезъ не лили, а намъ-то супротивъ сусѣдскихъ христьянъ разѣ въ малостяхъ какихъ полегче буде... Усё та же жратва, что блевотина. Барыня-то наша получше другихъ тѣмъ, что не драчлива... Во только, почитай, ефто въ ей и есть, а свайво добра не упуститъ!... Охъ, не упуститъ!... Не таковска! Вѣдь она-то день-деньской торчитъ на косовицѣ, али на жнитвѣ, усё коло тебя топчется, да такъ во всѣ глазыньки глядитъ тебѣ, чтобы ты, значитъ, попусту трошку времени безъ работы не осталась! Вѣдь дохнуть она тебѣ не дастъ! Намедни, какъ зачнетъ меня кликать, да разъ за разомъ... Подхожу, а она мнѣ: «что, гритъ, Аннушка, куда ты усё бѣгаешь? Почто серпъ бросаешь?»—«Матушка-барыня, рабе-

нокъ тутотка, у кустовъ положонъ... кормить его бѣгаю».—«А сколько яму?»—«Пятый мѣсяцъ, матушка, только окромя груди ничего не примаетъ, какъ соску, али что ему суну, такъ усё и сблюетъ»...—«Что же, гритъ, надо кормить, такъ корми, а забавляться съ нимъ,—не забавляйся, мнѣ со своими тоже забавляться не приходится»...

— И правду, говоритъ, вотъ те Христосъ правду,—утверждаетъ няня.—Ей не до забавы! Чуть свѣтъ-то забрезжитъ, она ужъ на ногахъ!... Такъ насчетъ коровы не сумлевайтесь, православные,—говоритъ няня, раскланиваясь съ хозяевами,—выпрошу, какъ пить дать, выпрошу.

Няня обладала большимъ житейскимъ тактомъ; она прекрасно знала, что̀ она могла сообщить матушкѣ, и о чемъ не должна была заикаться. Послѣ одного изъ такихъ посѣщеній она заявила ей, что староста Тимофей начинаетъ запивать, а что самый работящій и надежный крестьянинъ—Лука. Въ первое же воскресенье его призвали къ матушкѣ: она долго съ нимъ бесѣдовала, а затѣмъ назначила его старостой, вмѣсто Тимофея.

Не знаю, каково было положеніе старосты въ другихъ помѣстьяхъ, но у насъ эта обязанность по количеству труда, по разнообразнымъ заботамъ и отвѣтственности была самая тяжелая сравнительно съ обязанностями остальныхъ крестьянъ. Староста долженъ былъ вставать раньше ихъ всѣхъ и быть первымъ въ полѣ и на всякой другой сельской работѣ; онъ долженъ былъ зорко наблюдать, чтобы рабочіе работали, не покладая рукъ, обязанъ былъ подавать примѣръ другимъ опытностью и усердіемъ въ работѣ. Когда рабочіе возвращались домой къ обѣду и затѣмъ ложились отдыхать, староста освобождался позже другихъ: онъ долженъ былъ осмотрѣть работы во дворѣ, исполненныя въ его отсутствіе стариками и подростками, которымъ онъ поручалъ въ это время рубить дрова, вывозить навозъ или кирпичъ, однимъ словомъ, за тѣми, кого онъ почему-либо не пустилъ на полевыя работы. Точно такъ и послѣ ужина онъ не могъ тотчасъ завалиться на печку или покалякать на заваленкѣ: почти каждый день въ это время его звали въ горницу, и у него съ полчаса проходило въ разговорахъ съ матушкою о томъ, что дѣлать на другой день, и въ отчетѣ, *гдѣ, что* и *сколько* было сработано; тотчасъ же при немъ всѣ эти свѣдѣнія матушка заносила въ свою тетрадь. Несмотря на обременительные труды старосты, эта должность среди крестьянъ считалась весьма почетной, и почти каждый изъ нихъ принималъ ее съ величайшею благодарностью. Матеріальное положеніе старосты, пока онъ занималъ эту должность, было несравненно болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ у остальныхъ крестьянъ. Въ то время у насъ почти всѣ крестьяне ходили въ лаптяхъ; хотя староста продолжалъ въ нихъ работать, но непремѣнно долженъ былъ имѣть сапоги, которые ему, при вступленіи его въ должность, немедленно заказывали сапожнику сшить изъ домашней кожи. Домаш-

нему же портному приказывали приготовить старостѣ на зиму овчинный тулупъ, а на лѣто нѣчто въ родѣ балахона, на который матушка выдавала холстину. Эту праздничную одежду онъ долженъ былъ одѣвать каждый разъ, когда его отправляли въ волость и въ городъ по какимъ-либо дѣламъ, или къ городскимъ и сельскимъ властямъ.

Въ виду того, что староста былъ на господской работѣ шесть, а часто и всѣ семь дней въ недѣлю, его земельный участокъ обрабатывали матушкины крѣпостные совершенно такъ же, какъ и ея собственные поля и луга; все полученное съ земли, отведенной старостѣ, шло исключительно въ его пользу. Кромѣ того, онъ ежемѣсячно получалъ извѣстное количество ржи, ячменя и гречихи; при вступленіи въ должность, староста приводилъ домой съ господскаго двора корову и нѣсколько овецъ. Когда его изба и хозяйственныя постройки требовали основательнаго ремонта, ихъ поправляли матушкины рабочіе, но смотрѣть за домашними животными, обрабатывать землю подъ огородъ, картофель и горохъ, сажать капусту и овощи, прясть ленъ и ткать одежду,—все это должна была дѣлать собственная семья старосты, по крайней мѣрѣ, такъ было съ Лукою, у котораго была жена и четыре дочери. Но зато его семья была избавлена не только отъ барщины, но и отъ какихъ бы то ни было помѣщичьихъ поборовъ. Нужно замѣтить, что въ деревняхъ, принадлежащихъ матушкѣ, кромѣ трехдневной барщины (три дня въ недѣлю крестьяне, какъ мужчины, такъ и женщины, занимались работами на свою госпожу), крестьянки несли еще разныя тяготы. Каждая крестьянская семья, смотря по числу въ ней женщинъ, обязана была доставлять лѣтомъ своей госпожѣ опредѣленное количество яицъ, ягодъ, орѣховъ, грибовъ, а зимою пряжу и холстъ. Отъ всѣхъ этихъ поборовъ избавлена была семья старосты. Крестьяне говорили про него, что хотя онъ дѣйствительно работаетъ на барыню больше другихъ, но за то и не боится голоднаго года, и что онъ со своею семьею единственные изъ крѣпостныхъ матушки, которые, какъ въ урожай, такъ и въ неурожай, могутъ круглый годъ ѣсть хлѣбъ безъ мякины и забѣлить свой приварокъ.

Лука оказался однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и расторопнѣйшихъ крестьянъ и обнаружилъ большія административныя способности.

Е. Н. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

По поводу „Воспоминаній и впечатлѣній“ г-жи В. Т—вой (Починковской).

На дняхъ я прочла въ январьской книжкѣ журнала „Минувшіе Годы“ воспоминанія В. Т—вой (Починковской) подъ заглавіемъ „Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе“.

Описывая прогулку большой компаніей изъ Петербурга въ Пулково, г-жа В. Т—ва, между прочимъ, пишетъ: „Помню также,—всѣ очень интересовались молоденькой дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, маленькой, кругленькой и румяной, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами, въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ ученицы на акушерскихъ курсахъ.“

— „Сестра Нечаева—шопотомъ называли ее другъ другу.—До сихъ поръ подъ надзоромъ“.

„Спутникъ ея былъ тоже маленькій, четыреугольный студентъ ветеринаръ, съ пухлымъ ртомъ, рѣзко-угловатыми движеніями и отрывисто-повелительнымъ голосомъ. Онъ все время командовалъ ею, а она только звонко и весело хохотала“...

Далѣе говорится:

„И какъ сейчасъ помню одну характерную сцену, невольно бросавшуюся въ глаза. На самомъ солнопекѣ, посреди луга съ стогами и копнами, барахтались въ сѣнѣ пухленькая Нечаева и студентъ ветеринаръ. Она совсѣмъ еще дѣвочка, въ слегка вздернутомъ спереди, платьѣ, уже замѣтно беременная, радостно взвизгивала, когда онъ зарывалъ ее съ ногами и головой,—и они перекатывались другъ черезъ друга, очевидно, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ.—И только слышались по временамъ восклицанія: „Ухъ, хорошо!“—„Хорошо? Ну, такъ вотъ вамъ еще... А теперь что вы скажете: хорошо?“—„Хорошо“,—радостно звенѣлъ ея серебристый смѣхъ“.

— „Совсѣмъ, какъ маленькія животныя“—съ улыбкой замѣтилъ мой спутникъ.—А вѣдь ее, бѣдняжку, чуть было, къ каторгѣ не приговорили. Если бы не Урусовъ,—приговорили бы непремѣнно. Онъ защищалъ ее, какъ несовершеннолѣтнюю, а она—уже мать“! (стр. 104).

Я знала сестру Нечаева, Анну Геннадіевну, въ теченіе почти трехъ

лѣтъ, съ конца 1870-го до половины 1873-го года, и могу съ увѣренностью сказать, что описываемая г-жей Т—вой дѣвушка,—„маленькая, кругленькая и румяная, какъ наливное яблоко, съ дѣтски-наивными карими глазами",—была не сестра Нечаева.

Въ описываемое время, лѣтомъ 1872-го года, Нечаевой было лѣтъ 19. Это была здоровая, но не полная, стройная, почти высокаго роста дѣвушка, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, благодаря выраженію глазъ и вообще серьезности не по лѣтамъ (взглядъ немножко исподлобья очень напоминалъ взглядъ ея брата—Сергѣя Нечаева).

Происходя изъ бѣдной семьи, зарабатывая средства шитьемъ, она въ то же время усердно училась, много читала, чтобы пополнить свое недостаточное образованіе. Такъ было до іюля 1873-го года, когда я уѣхала изъ Петербурга въ Сибирь, и уже послѣ слышала, что Нечаева, окончивъ на акушерскихъ курсахъ, вышла замужъ за врача С—на и уѣхала вмѣстѣ съ нимъ куда-то (помнится, въ Среднюю Азію). Ни я и никто изъ знавшихъ ее, съ кѣмъ мнѣ пришлось говорить по поводу воспоминаній г-жи Т—вой,—мы не можемъ представить себѣ серьезную, застѣнчивую Анну Нечаеву кувыркающейся на сѣнѣ и радостно взвизгивающей, „совсѣмъ, какъ маленькое животное". Беременной тоже никто изъ насъ ее не видѣлъ. Подъ надзоромъ она не была. По „Нечаевскому" процессу она не была арестована, не привлекалась ни въ качествѣ свидѣтельницы, ни въ качествѣ обвиняемой, такъ что Урусову не представлялось ни малѣйшей надобности защищать Нечаеву отъ яко бы грозившей ей каторги. Знаю это хорошо потому, что по „Нечаевскому" дѣлу судился мой мужъ, Петръ Гавриловичъ Успенскій, судилась по тому же дѣлу и я сама.

А. И. Успенская.

Библіографія.

А. Сорель. *Европа и французская революція.* Томъ седьмой. *Континентальная блокада и великая имперія.* Спб. 1908. Томъ восьмой. *Коалиція и трактаты 1815 года.* Спб. 1908. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

Съ выходомъ въ свѣтъ этихъ двухъ томовъ монументальный трудъ Сореля сталъ окончательно пріобрѣтеніемъ русской переводной литературы. Эти томы (7 и 8)—достойно закончили обширное научное предпріятіе покойнаго историка и еще при появленіи своемъ на французскомъ языкѣ были встрѣчены съ особымъ интересомъ и сочувствіемъ. Для интересующихся исторіей Россіи эти томы представляютъ самый живой интересъ вслѣдствіе глубокаго анализа и блестящаго изображенія всѣхъ дѣйствій руской дипломатіи вообще и Александра въ частности въ періодъ времени отъ Аустерлица до 1815-го года. Мы не будемъ въ этой небольшой библіографической замѣткѣ много останавливаться на достоинствахъ труда Сореля—они слишкомъ очевидны, слишкомъ многочисленны и, слишкомъ часто уже о нихъ писалось (мы также имѣли уже случай говорить о нихъ по поводу 5-го и 6-го томовъ— см. „Міръ Божій за 1906 г.). Отмѣтимъ лучше главное изъ тѣхъ немногихъ утвержденій, которыя не могутъ не показаться спорными и рискованными даже самымъ искреннимъ почитателямъ Сореля. Основная мысль всѣхъ этихъ восьми томовъ, составляющая душу всего труда, можетъ быть формулирована такъ: и Франція, и остальная Европа въ эпоху революціи и имперіи лишь продолжали старую свою историческую политику—при чемъ Франція стремилась къ своимъ „естественнымъ границамъ"—къ Рейну,—а Европа ей въ этомъ противодѣйствовала по мѣрѣ силъ, и безконечная война между Франціей и европейскими коалиціями прежде всего объясняется совершеннымъ нежеланіемъ Европы искренно примириться съ завоеваніемъ границъ, къ которому упорно стремились французы. Поэтому, полагаетъ Сорель, и были фатально осуждены на неудачу всякіе мирные договоры, временно прерывавшіе борьбу: „Европа не хотѣла, а Франція не могла соблюдать ихъ. Чтобы принудить къ исполненію ихъ, надо было занять Италію, Швейцарію, Германію, Голландію, а чтобы сохранить эти владѣнія, надо было господствовать надъ этими странами, иначе союзники вступили бы въ нихъ и оттуда повели бы свои параллели и аппроши противъ крѣпости, завоеванной въ 1801 и 1802 г.". Все изложеніе Сореля клонится къ доказательству той теоремы, что Франція защищалась, а Европа вѣчно стремилась къ возобновленію

и продолженію борьбы. Съ Сорелемъ случилось то, что въ исторіи научной мысли происходитъ весьма нерѣдко. Увидѣвши, что извѣстная односторонность и ошибки укоренились среди историковъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, писавшихъ о революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ, Сорель выдвинулъ въ противовѣсъ схему, которая также далеко не свободна отъ предвзятости. Онъ перегнулъ палку въ другую сторону— и перегнулъ круто. Конечно, теперь, послѣ Сореля, никому уже не придетъ въ голову считать иниціаторами *всѣхъ* войнъ 1792—1815 г.г. законодательное собраніе, или комитетъ общественнаго спасенія, или директорію, или Наполеона. Всѣ разсужденія о войнахъ для революціонной пропаганды или во имя единственно только ненасытнаго честолюбія Наполеона и т. п. могутъ считаться сданными безвозвратно въ архивъ (хотя, впрочемъ, уже задолго до Сореля эти вопросы перестали рѣшаться съ тою аляповатостью и наивностью, какъ рѣшались въ 20 — 40 г.г. XIX-го столѣтія). Точно также Сорель заставилъ признать, что въ области международныхъ отношеній революція не сказала никакого новаго слова. Но Сорель не удовольствовался тѣмъ, что освѣтилъ своеобразно и яркимъ свѣтомъ важнѣйшіе моменты дипломатической исторіи Европы въ періодъ революціи и Наполеона и оттѣнилъ, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ враги Франціи не только не хотѣли избѣгнуть войны, но, напротивъ, прямо ее желали: онъ пошелъ дальше и все многообразіе исторіи международныхъ отношеній этого періода постарался вложить въ слишкомъ узкую и искусственную схему,—изображая дѣло такъ, будто *причиною* этой агрессивности Европы былъ основной споръ изъ-за „естественныхъ границъ" Франціи. Къ счастью, Сорель слишкомъ добросовѣстный читатель документовъ и слишкомъ правдивый изслѣдователь фактовъ, и поэтому тамъ, гдѣ онъ не подводитъ итоговъ, не предается общимъ размышленіямъ,— онъ самъ многократно и убѣдительно противорѣчитъ (не желая того) своей схемѣ. Ограничимся, нарочно, лишь немногими примѣрами, взятыми только изъ послѣднихъ частей труда. „Голландія—вассальна, Пруссія—союзница, Австрія—сломлена, Германія—перестроена; оставалось поработить Португалію и подчинить Испанію",—такъ характеризуетъ Сорель (т. VII, стр. 176) положеніе вещей предъ завоеваніемъ пиринейскаго полуострова: это „*оставалось*", столь простодушно-ироническое, прямо относящееся къ завоевательному плану, намѣченному еще директоріей, очень мало гармонируетъ съ вышеуказанной общей схемой автора. „Вмѣстѣ съ болѣе точнымъ знаніемъ грозившей опасности въ Наполеонѣ росло желаніе мести, въ высшей степени живучее и въ высшей степени злобное, которое никогда не должно было уничтожиться",—повѣствуетъ (VII, стр. 7) Сорель, характеризуя отношеніе Наполеона къ Пруссіи послѣ Аустерлица и передъ Іеной. Вотъ каково, вообще, поведеніе Наполеона *предъ войной* съ Пруссіей. „Здѣсь (въ Германіи) онъ смотритъ на себя, какъ на всеобщаго государя, какъ на раздавателя высшихъ чиновъ и земель" (VII, стр. 27). Нельзя себѣ представить болѣе яркой и ясной картины совершенно невозможнаго положенія, до котораго Наполеонъ довелъ покоренные народы континентальною блокадою,—нежели та картина, которую рисуетъ Сорель въ отдѣльныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ черточкахъ и общихъ указаніяхъ. „Континентальная система была ни что иное, какъ

громаднѣйшій парадоксъ экономическій и политическій, установленный какимъ-то чудомъ и разрушающій себя самого своею продолжительностью", говоритъ онъ (VII, 334), и читателю, дѣйствительно, этотъ „парадоксъ" и тому подобные „парадоксы" наполеоновскаго владычества для цѣлаго ряда случаевъ кажутся болѣе существенными стимулами къ постоянной агрессивности Европы противъ Франціи,—нежели желаніе отбросить Францію къ ея старымъ границамъ, разсматриваемое само по себѣ. Братья и ставленники Наполеона въ завоеванныхъ странахъ ужъ, конечно, избавлены отъ подозрѣнія во враждѣ къ „естественнымъ границамъ" Франціи, и, однако, самъ Сорель прекрасно характеризуетъ ихъ поведеніе въ такихъ выраженіяхъ: „Будучи королями, братья желаютъ царствовать, и имъ надо считаться со своими народами. Они пытаются сдѣлать національными свои короны и свою власть популярною и они работаютъ противъ блокады, которая разоряетъ ихъ народы, которая дѣлаетъ невыносимымъ ихъ санъ". И они фатально становились враждебны наполеоновскому игу... Еще лучше резюмируетъ онъ наполеоновскую политику (стр. 421—422): „Онъ (Наполеонъ) вовсе не понялъ, что другія націи Европы желали, подобно французамъ, управляться ради самихъ себя, сообразно своимъ нравамъ, своимъ исконнымъ обычаямъ, своимъ собственнымъ выгодамъ"... „Она (война) изнурила, разорила, обезсилила, довела народы до отчаянія. Она подняла противъ Наполеона и противъ Франціи всѣ интересы, всѣ потребности и самыя благородныя страсти людей"... и т. д. Послѣ всего этого — разсужденія, помѣщенныя въ концѣ всего труда (т. VII, особенно стр. 407—408), покажутся внимательному читателю, даже если бы онъ, кромѣ самого Сореля, ничего никогда не читалъ о наполеоновскихъ войнахъ,—и противорѣчивыми, и искусственными. Замѣчательно живо обрисовываетъ онъ приготовленія Александра къ *наступательной* войнѣ противъ Наполеона наканунѣ 1812 года. Онъ приписываетъ Александру большой маккіавелизмъ въ этомъ случаѣ,—и вообще слѣдуетъ замѣтить, что Сорель самаго высокаго мнѣнія о дипломатическихъ талантахъ русскаго императора.

Но и тутъ онъ слишкомъ много говоритъ о желаніи Александра начать войну — и слишкомъ мало о томъ, какимъ образомъ Наполеонъ сдѣлалъ это желаніе вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ.

Повторяемъ, несмотря на этотъ недостатокъ, работа Сореля заняла прочное мѣсто въ исторіографіи данной эпохи. Необъятный матеріалъ, привлеченный къ изслѣдованію Сорелемъ, его поразительная способность иной разъ буквально день за днемъ возстановлять исторію сложнѣйшихъ событій, улавливать скрытые мотивы борющихся политиковъ, рисовать съ художественною яркостью историческія картины, быстро смѣняющія одна другую предъ читателемъ, все это дѣлаетъ трудъ покойнаго ученаго очень большимъ явленіемъ въ новѣйшей исторіографіи. Онъ не пытался анализировать подспудныя силы, обусловливающія историческій процессъ,—но онъ далъ огромный, блистательно разработанный и классифицированный матеріалъ,—образцовый трудъ по *описательной* исторіи, одну изъ тѣхъ книгъ, безъ которыхъ не сбойдется и съ которыми долженъ будетъ считаться всякій, серьезно интересующійся революціей и первой имперіей. Конечно, онъ даетъ лишь преимущественно исторію

международныхъ отношеній, но матеріалъ, сюда относящійся, такъ великъ и такъ разработанъ, какъ ни у единаго изъ предшественниковъ Сореля. Остается пожелать, чтобы соціально-экономическая сторона этого періода хоть когда-нибудь была освѣщена и разработана съ такою же любовью, тщательностью и полнотою: до сихъ поръ относительно революціи это едва начинаетъ дѣлаться, а относительно имперіи даже и намековъ въ исторіографіи—нѣтъ...

Переводъ въ общемъ хорошъ: отмѣтимъ нѣкоторыя изъ замѣченныхъ погрѣшностей. Въ фразѣ: „...si le ciel m'eût fait naître prince allemand" (t. VII, p. 506, Sorel, l'Europe et la rév. fr., Paris 1904), слѣдовало перевести слово „prince"—словомъ *государь*, а не „принцъ" (т. VII, 424). Слово „l'exécution" (t. VII, p. 261), которое обозначаетъ приведеніе въ исполненіе рѣшенія Наполеона занять Квириналъ и захватить папу, переведено почему-то словомъ „казнь" (т. VII, стр. 217). Выраженіе: „au temps des guerres de l'Ouest" (t. VII, p. 282) переведено „во время войнъ съ Западомъ" (т. VII, стр. 235), что совершенно мѣняетъ смыслъ, ибо рѣчь идетъ о возстаніи западныхъ департаментовъ въ эпоху революціи, когда англичане *помогали* этому „Западу", а вовсе не воевали съ нимъ (вся фраза относится къ англичанамъ).—На стр. 347 (VII-го тома) читаемъ: „Во всемъ его существѣ видно что-то остановившееся, почти какой-то *стигматъ* вырожденія". Подчеркнутаго нами слова въ подлинникѣ нѣтъ, а оно безъ нужды усиливаетъ мысль подлинника (t. VII, p. 415: il se trahit dans tout son être un je ne sais quoi d'arrêté, de dégénéré presque).— Слова: „онъ уже не диктаторъ, а ходатай союзовъ и союзниковъ" (т. VIII, стр. 32) вовсе не выражаютъ той мысли подлинника, что онъ ищетъ союзовъ (t. VIII, p. 41 : il n'est plus dictateur, il est solliciteur d'alliances et d'auxiliaires).—На стр. 345 (VIII-го тома) сказано: „съ точки зрѣнія законности",—тогда какъ рѣчь идетъ вовсе не о законности, но о легитимизмѣ (t. VIII, p. 422: ...au point de vue de la legitimité et selon l'ancien droit public européen etc). Есть и еще кое-какія неточности.

Но, въ общемъ, переводъ и правиленъ, и легко читается. Художественный, образный стиль Сореля и въ переводѣ не утрачиваетъ всей своей живости и силы.

Е. Тарле.

Мих. Лемке. *Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ"*. По неизданнымъ документамъ съ портретами. Изд. О. Н. Поповой, 1908, 510+II, ц. 3 руб.

Въ періодъ 1904 — 1907 г.г., когда нѣсколько пріоткрылись двери архивовъ, хранившихъ подъ спудомъ цѣнные матеріалы по исторіи освободительнаго движенія (точнѣе, по исторіи борьбы съ нимъ правительства), г. Лемке получилъ доступъ къ дѣламъ III-го Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи (*до 1855*) и къ дѣламъ, производившимся въ сенатѣ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Въ результатѣ работъ г. Лемке въ архивѣ сената появился, въ 1906—7 г.г., преимущественно, въ покойномъ журналѣ „Былое", рядъ статей, въ которыхъ г. Лемке изложилъ найденные имъ матеріалы по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Здѣсь были такіе громкіе процессы, какъ дѣло Чернышевскаго, дѣло поэта М. Ил. Ми-

хайлова, дѣло Писарева и др., волновавшіе общество въ 60-хъ годахъ и продолжавшіе быть предметомъ живого интереса въ теченіе десятилѣтій. Обнародованіе этихъ матеріаловъ мы считаемъ общественной заслугой г. Лемке. Не такъ давно появился въ свѣтъ сборникъ процессовъ Чернышевскаго, Писарева и Михайлова, а теперь, въ видѣ разсматриваемой нами книги, напечатанъ сборникъ остальныхъ, изслѣдованныхъ г. Лемке, процессовъ и административныхъ расправъ „эпохи великихъ реформъ". Большая часть матеріаловъ „Очерковъ" была уже напечатана въ „Быломъ", но появляется теперь съ дополненіями и поправками. Таковы: дѣло 32-хъ (процессъ лицъ, „обвинявшихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами" — Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ); дѣло кр. П. Мартьянова (пошедшаго въ каторгу за письмо къ имп. Александру II); „Молодость *отца Митрофана*" (начало революціонной карьеры виднаго революціонера 60—70-хъ годовъ, Митр. Муравскаго); „Къ біографіи А. А. Серно-Соловьевича" (участника первой „Земли и Воли" и русскаго члена Интернаціонала). Особенно интересенъ процессъ 32-хъ: въ немъ были замѣшаны Герценъ, Бакунинъ, И. С. Тургеневъ, Огаревъ, А. П. Щаповъ, Н. А. Серно-Соловьевичъ и др. Съ полнымъ основаніемъ посвятилъ г. Лемке наибольшее вниманіе личности Ник. Серно-Соловьевича, одного изъ наиболѣе оригинальныхъ шестидесятниковъ, загубленныхъ русской „дѣйствительностью". Нельзя не пожалѣть, что г. Лемке въ біографіи Александра Серно-Соловьевича посвятилъ слишкомъ много вниманія его юношескимъ (частомалозначительнымъ) письмамъ и не обработалъ заново чрезмѣрно сжатое описаніе столкновенія старой и молодой эмиграціи 60-хъ годовъ, а также не далъ матеріаловъ по исторіи русской секціи Интернаціонала. Для историка русскаго студенчества представитъ высокій интересъ біографія Муравскаго.

Заново написанъ процессъ „Великоруссцевъ", т. е. лицъ, обвинявшихся въ изданіи и распространеніи перваго подпольнаго листка „Великоруссъ". Совершенно новый очеркъ о „дѣлѣ пр. Пл. В. Павлова" (высланнаго за рѣчь 2 марта 1862 г. о „тысячелѣтіи Россіи"), впервые даетъ цѣльный разсказъ объ этомъ эпизодѣ; біографическія свѣдѣнія о Павловѣ и его дѣятельности среди студенчества и по устройству воскресныхъ школъ могли бы быть подробнѣе. Для исторіи внѣшкольнаго образованія высоко интересна ст. „Дѣло воскресниковъ", дающая представленіе о томъ, за что, собственно, правительство сочло возможнымъ уничтожить *всѣ* воскресныя школы. Въ текстѣ и приложеніяхъ г. Лемке напечаталъ рядъ матеріаловъ и документовъ, частью неизвѣстныхъ до сихъ поръ, частью же извѣстныхъ въ неисправномъ и неполномъ видѣ. Къ первымъ относятся: 1) статьи Н. Серно-Соловьевича—*а*) „Городскіе выборы", *б*) „Не требуетъ ли нынѣшнее состояніе знаній новой науки"; 2) прокламаціи „Русская Правда", 3) Письмо Бакунина къ Фрику и др.; ко вторымъ принадлежатъ: „Отвѣтъ Великоруссу", адресъ твер. дворянъ (1862 г.). записка Арцимовича (1858), критикующая учрежденіе генералъ-губернаторствъ и др.

Мы уже высказывали мнѣніе о г. Лемке. Это—не историкъ, но очень хорошо знающій эпоху и соотвѣтственную литературу собиратель историческаго матеріала; г. Лемке даетъ свои сборники матеріаловъ въ со-

нровожденіи большого количества указаній на печатную литературу по данному вопросу и тѣмъ значительно облегчаетъ работу и изслѣдователей, и читателей. Что касается его „философіи исторіи", поскольку она имѣется въ книгахъ г. Лемке, то сторонникъ діалектическаго матеріализма отнюдь не можетъ согласиться съ „объясненіемъ" историческихъ явленій, даваемымъ г. Лемке. Тѣмъ не менѣе, цѣнные матеріалы, собранные г. Лемке, будутъ прочтены съ большимъ интересомъ; книга его является необходимой для всякой, болѣе или менѣе полной, библіотеки по исторіи освободительнаго движенія. **С. Сватиковъ.**

Очеркъ забастовочнаго движенія рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района за 1903—1906 годы. Баку, 1907 г. (XII + 119 + 89 стр.), ц. 1 р. 50 к.

„Очеркъ" составленъ завѣдующимъ статистическимъ бюро совѣта съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ В. И. Фроловымъ и изданъ совѣтомъ. Матеріалъ собранъ путемъ опроса фирмъ. Поэтому „получить полный матеріалъ за прошедшіе годы было невозможно", такъ какъ „записки ведутся не всѣми фирмами, и, кромѣ того, у нѣкоторыхъ фирмъ во время августовскаго погрома сгорѣли всѣ документы". Можно бы возразить, что вообще для изслѣдованія забастовочнаго движенія „записки фирмъ" далеко не единственный источникъ; но, поскольку рѣчь идетъ о данной книгѣ, намъ остается только принять къ свѣдѣнію, что она написана на основаніи одностороннихъ хозяйскихъ показаній. Составитель книги отмѣчаетъ „съ благодарностью" отношеніе большинства фирмъ къ предпринятому опросу. Вызывающее „благодарность" отношеніе могло выражаться только въ готовности датъ свѣдѣнія; въ оцѣнку же качества показаній съ точки зрѣнія ихъ безпристрастія врядъ ли могъ вдаваться служащій у нефтепромышленниковъ авторъ изслѣдованія. На характеръ хозяйскихъ показаній проливаетъ свѣтъ выдержка изъ отвѣта одной фирмы на вопросъ о вмѣшательствѣ властей: „правительственная власть вообще всегда вмѣшивается въ забастовку. Точно также и здѣсь ея роль выразилась въ томъ, что она ловила агитаторовъ и лѣчила ихъ мордобитіемъ" (стр. 84).

Посмотримъ, въ какомъ видѣ представляется забастовочное движеніе по показаніямъ людей, которые съ очевиднымъ удовольствіемъ готовы присутствовать при „леченіи агитаторовъ мордобитіемъ". При этомъ нужно имѣть въ виду, что самъ составитель книги, очевидно, не является сторонникомъ леченія мордобитіемъ. Это видно изъ принятой имъ терминологіи. Напримѣръ, забастовки, окончившіяся побѣдой рабочихъ, онъ опредѣляетъ, какъ удачныя, и наоборотъ. Съ точки зрѣнія „фирмъ", слѣдовало бы ожидать терминологіи, какъ разъ обратной.

По сравненію съ забастовками въ остальной Россіи, бакинскія забастовки отличались значительно большей продолжительностью, возникали въ шесть разъ чаще и были въ общемъ удачнѣе (стр. 72—75). Эти обстоятельства придаютъ особый интересъ бакинскому рабочему движенію. Желательно, чтобы неизбѣжно односторонняя работа В. Фролова была пополнена матеріалами, почерпнутыми изъ показаній другой стороны и изъ сообщеній болѣе или менѣе объективныхъ.

В. И. Фроловъ пользовался сообщеніями 71 фирмы изъ 141,—очевидно, его „благодарность“ должна быть отнесена только къ половинѣ фирмъ [1]; эти промысловыя фирмы дали свѣдѣніе о 271 забастовкѣ. Сверхъ того отъ фирмъ подряднаго буренія, отъ механическихъ и другихъ мастерскихъ поступило свѣдѣній или „очень мало“, или „ничего“; отъ нефтеперегонныхъ заводовъ „ничтожное количество“. „Большинство“ хозяевъ, заслужившихъ благодарность, сводится въ концѣ концовъ къ довольно незначительному меньшинству.

Составитель очерка дѣлитъ забастовки на полныя и неполныя (по степени участія рабочихъ данной фирмы), на единичныя и групповыя (по числу фирмъ), на экономическія и политическія. Многія политическія забастовки (12) переходили въ экономическія и сосчитаны два раза: и какъ политическія, и какъ экономическія. Такимъ образомъ первыхъ насчитывается 63, вторыхъ 220. При чемъ относительно 1906 года констатируется, по сравненію съ 1905, пониженіе готовности къ политическимъ забастовкамъ.

Изъ 220 экономическихъ забастовокъ 176 охватывали болѣе чѣмъ одну фирму, и 44—единичныя. Съ теченіемъ времени групповыя забастовки становятся все рѣже, единичныя чаще, при чемъ единичныя забастовки все чаще становятся полными, то-есть съ участіемъ всѣхъ рабочихъ данной фирмы. Полныя забастовки вообще удачнѣе неполныхъ (совершенно неудачныя въ числѣ полныхъ 22%, въ числѣ неполныхъ 57%; при полныхъ забастовкахъ число случаевъ уплаты за забастовочное время 78%, при неполныхъ—около 21%). Чѣмъ крупнѣе фирма, тѣмъ рѣже забастовка бываетъ полной и тѣмъ чаще полная неудача. При болѣе продолжительныхъ единичныхъ забастовкахъ полная побѣда рабочихъ бываетъ рѣже.

Групповыя забастовки въ общемъ дружнѣе единичныхъ, продолжительнѣе (противъ единичныхъ—втрое); съ теченіемъ времени первое изъ этихъ качествъ падаетъ, второе—растетъ. Групповыя забастовки постепенно уменьшаются въ числѣ, несмотря на то, что въ общемъ онѣ успѣшнѣе единичныхъ. Составитель „Очерка“ объясняетъ это тѣмъ, что групповыя забастовки требуютъ больше жертвъ; онѣ рискованнѣе,—и переходя отъ групповыхъ забастовокъ къ единичнымъ, „забастовочное движеніе пошло по линіи наименьшаго сопротивленія“ (стр. 21). Чѣмъ крупнѣе фирма, тѣмъ чаще у нея забастовки, тѣмъ рѣже полный успѣхъ рабочихъ, тѣмъ больше жертвъ требуетъ побѣда. Порча хозяйскаго имущества во время забастовки съ теченіемъ времени становится все рѣже, вмѣшательство полиціи—чаще.

Вопросъ о рабочихъ требованіяхъ, предъявленныхъ во время экономическихъ забастовокъ, разработанъ въ „Очеркѣ“ довольно подробно. Требованія разбиты по группамъ (стр. 42—49) и сверхъ того въ приложеніи сопоставлены по годамъ (стр. 8—71, то-есть болѣе 60 страницъ). Въ общемъ забастовки имѣли наступательный характеръ (изъ 44 единичныхъ только 2 оборонительныхъ, въ защиту уволеннаго рабочаго).

---

[1]) Дали показанія болѣе крупныя фирмы, имѣвшія 24836 рабочихъ изъ общаго числа ихъ—30702 чел.

Требованія рабочихъ непрерывно росли. Увеличеніе заработной платы благодаря забастовкамъ опредѣляется среднимъ числомъ въ 50%, рабочій день сокращенъ на $2^1/_2$ часа; установлена или увеличена выдача квартирныхъ денегъ, безплатная доставка отопленія (мазута и нефти), выдача керосина, воды и т. п. Принимая во вниманіе эти дополнительныя выдачи, В. И. Фроловъ опредѣляетъ повышеніе заработной платы всѣхъ видовъ въ 100% (стр. 56). „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что съ 1903 по 1906 г. положеніе рабочихъ улучшилось; можно оспаривать тѣ попытки опредѣлить это улучшеніе въ цифрахъ, которыя дѣлаются въ настоящемъ трудѣ, но самый фактъ улучшенія не подлежитъ спору, и однако забастовочное движеніе не прекратилось, а развивается, рабочіе не успокоились“ (стр. VIII). На вопросъ, какія мѣры могли бы предупредить забастовки, отвѣтили немногія фирмы, но всѣ отвѣты сводятся къ тому, что „предупредить забастовки можетъ измѣненіе государственнаго строя и улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ“ (стр. IV).

Указаніе хозяевъ на „измѣненіе государственнаго строя“ приводитъ насъ къ вопросу о политическихъ забастовкахъ и о роли революціонныхъ организацій. Мы видѣли, что всего зарегистрировано въ „Очеркѣ“ 63 политическихъ забастовки, изъ нихъ 12 перешло въ экономическія (всѣ 1905 г.). Въ числѣ 63 было въ 1905 г. 12 первомайскихъ, въ 1906 — зарегистрирована только одна первомайская. Въ октябрѣ 1905 г. на промыслахъ было двѣ забастовки: одна въ теченіе дня, другая—въ теченіе двухъ дней. Слабое на видъ участіе бакинскихъ рабочихъ въ октябрьскомъ движеніи объясняется тѣмъ, что осенью того года „громадная часть нефтяныхъ промысловъ бездѣйствовала вслѣдствіе августовскаго погрома“ (стр. 2). Случаевъ уплаты заработной платы за время политическихъ забастовокъ было въ 1905 году больше, чѣмъ въ 1906 году. Во второй половинѣ 1906 года генералъ-губернаторомъ запрещено было выдавать плату за время забастовокъ, подъ угрозой штрафа до 3000 р. Но экономическая необходимость иногда оказывалась сильнѣе угрозы со стороны политической власти: вмѣсто заработной платы рабочимъ выдавалось „вознагражденіе за охрану промысловъ во время забастовки въ размѣрѣ ихъ заработной платы“ (стр. 19).

Роль политическихъ организацій въ бакинскомъ рабочемъ движеніи выяснены составителемъ „Очерка“ довольно слабо,—вслѣдствіе уже отмѣченнаго мною желанія пользоваться исключительно матеріалами, доставленными со стороны „фирмъ“. Неиспользованными оказываются даже свѣдѣнія, опубликованныя, надо полагать, въ мѣстныхъ газетахъ. Тѣмъ не менѣе объ участіи организацій говорится кое-что уже въ связи съ забастовками 1903 года. Одна „фирма“ сообщаетъ: „Революціонныя организаціи безусловно играли роль въ возникновеніи и ходѣ забастовки, а выразилась ихъ роль въ томъ, что онѣ агитировали среди рабочихъ, подняли уровень ихъ самосознанія, организовали ихъ и такимъ образомъ толкнули ихъ на путь забастовки; главную роль играла соціальдемократическая организація“ (стр. 79).

Послѣ 1903 года роль революціонныхъ организацій замѣтно усилилась (стр. 86): требованія рабочихъ предъявлялись уже отъ имени

Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи; отмѣчается даже, что забастовка „закончилась соглашеніемъ съ меньшевиками“ (стр. 86). Въ іюнѣ 1906 года у нѣсколькихъ фирмъ по разнымъ поводамъ возникли разрозненныя экономическія забастовки. Но забастовки эти „съ извѣстнаго момента“ превращаются въ одну общую, протекающую подъ руководствомъ преимущественно соціальдемократической организаціи: появились прокламаціи, начались собранія, произносились рѣчи и т. д.; рядомъ съ частными требованіями появились и общія, какъ 8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1 мая.

Надо полагать, что въ мѣстной печати, особенно послѣ 1905 г., разбросано много свѣдѣній, могущихъ дать матеріалъ для болѣе обстоятельной и цѣльной работы,—и желательно, чтобы этотъ матеріалъ былъ использованъ знающими людьми. Но улита ѣдетъ—когда-то будетъ; а пока что приходится привѣтствовать появленіе „Очерка“, какъ одну изъ первыхъ попытокъ дать суммарныя свѣдѣнія относительно столь важнаго явленія внутренней жизни Россіи начала XX вѣка.

М. Ольминскій.

Книги, поступившія въ редакцію.

Б. Б. Глинскій. Борьба за конституцію 1612—1861 г.г. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.

Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изданіе Т-ва „Общественная Польза" Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1908 г.

„Рукопись". Жизнь Спасителя въ изображеніи Густава Френсена. Изд. второе переработ. и дополненное съ портр. автора. Ц. 75 к. Спб. 1908 г.

Л. Ф. Пантельѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Лопатинъ. Чума.—Романъ. Изд. Н. Афанасьева. М. 1908 г. Ц. 85 к.

А. И. Богдановичъ. Годы перелома. 1895—1906 г.г. Сборникъ критическихъ статей. К-во „Міръ Божій". Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія Bielaruskije Piesniary.

W. Marcinkowieza. Hapon. 1908 г. 15 kop.

Pan Tadeuz перев. W. Marcinkowieza 25 kop.

Ѳ. И. Буслаевъ. Сочиненія т. I. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Изд. Отдѣленія русскаго языка и словесности. 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Отчетъ библіотеки Общества взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ евреевъ г. Одессы имени учредителя ея С. Л. Бернфельда за 1907 г.

Модернисты и ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Каталогъ библіотеки имени С. Л. Бернфельда.

Л. Снѣгъ. Пѣсни вечернія. Ц. 80 к. Спб. 1908 г.

Для политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ редакцію поступили:

Отъ жителя г. Керчи—90 р. Отъ врачей—16 р. Отъ Г. З.—17 р. 87 к. Всего 123 р. 87 к.

Деньги переданы по назначенію.

ЖУРНАЛЪ
ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ
въ память Н. И. ПИРОГОВА,
издаваемый Правленіемъ Общества,

въ 1908 году (XIV-й годъ изданія) **будетъ выходить** книжками—до 6-7 листовъ каждая—вмѣсто восьми разъ **девять разъ въ годъ**, т. е., ежемѣсячно за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня, іюля и августа).

Программа „Журнала" остается прежняя, при чемъ въ отдѣлѣ І-мъ будутъ помѣщаться: 1) статьи, замѣтки и корреспонденціи по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ—научнымъ, общественно-санитарнымъ и врачебно-бытовымъ; 2) Хроника и рецензіи; 3) Библіографическій листокъ, 4) Письма въ редакцію. Отдѣлъ II-й будетъ заключать въ себѣ: 1) Свѣдѣнія изъ текущей жизни Пироговскаго Общества; 2) Отчеты о дѣятельности Правленія Общества, Организац. Комитета XI-го Одесскаго съѣзда и состоящихъ при Правленіи комиссій, комитетовъ и совѣщаній; 3) Списокъ членовъ Об-ва и 4) Списокъ изданій, поступающихъ въ библіотеку Об-ва.

Члены Общества, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получаютъ „Журналъ" **безплатно**. Членскій взносъ на 1908 г. опредѣленъ въ **шес ь рублей**.

Подписная цѣна на «Журналъ» (для не-членовъ Общества) **семь рублей**, при чемъ допускается разсрочка, а именно: при подпискѣ **4** р. и къ 1 августу **3** р.

За перемѣну адреса просятъ высылать 50 коп. почтовыми марками.

Гонораръ за оригинальныя статьи 30 р. съ печатнаго листа. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Авторы имѣютъ право на 25 оттисковъ.

Объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1 страницу 20 руб., за $^1/_2$ стр. 10 руб. за одинъ разъ.

Адресъ Редакціи: *Москва, Арбатъ, Денежный пер., д. № 28 (Киселевой), кв. № 5. Телефонъ № 64.97.*